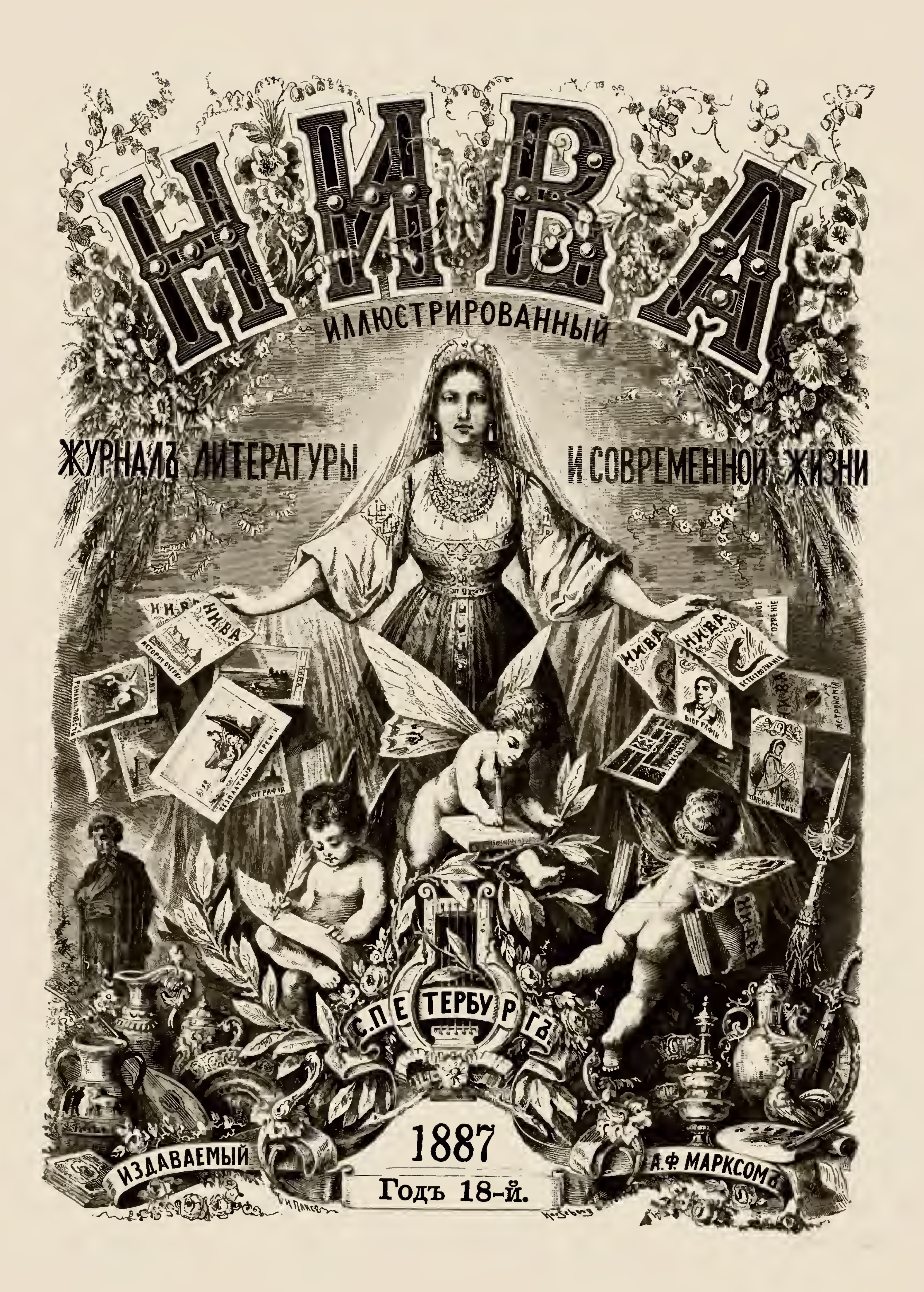

НИВА
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ
ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ
И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
1887
ИЗДАВАЕМЫЙ
А. Ф. МАРКСОМЪ
Годъ 18-й.

ОГЛАВЛЕНІЕ „НИВЫ“ ЗА 1887 ГОДЪ.

I. Романы, повѣсти, разсказы, стихотворенія, очерки и пр.

стран.

II. Біографіи и характеристики.

III. Историко-археологическіе очерки.

IV. Этнографическія картины и культурно историческіе очерки.

V. Естествознаніе.

VI. Новыя изобрѣтенія и технологія.

VII. Архитектура и скульптура.

VIII. Современность.

IX. Литературный альбомъ.

X. Популярно-медицинскіе очерки.

XI. Библіографія.

XII. Парижскія моды.

Ежемѣсячно отъ **Января** по **Декабрь** съ 370 модн. гравюрами, 378 черteж. выкроекъ въ натур. велич. и 255 рукодѣльн. работъ съ нѣскольк. сотн. вензелей и буквъ.

XIII. Тиражи выигрышей Госуд. Банка.

XIV. Живопись, рисунки и портреты.

XVIII г. | № 1 | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XVIII | 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 3 января 1887 г.

Цѣна этого № 25 к., съ перес. 30 к.

Открыта подписка на „НИВУ“ 1887 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургѣ . . . . 4 р.
Съ доставкою въ Петербургѣ . . . . 5 р. 50 к.
Безъ дост. въ Москвѣ чр. конт. объявл. Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. лин. 5 р.
Съ пересылкой въ Москву и другіе города Россіи . . . . 6 р.
За границу: съ перес. въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

На 1/4 года безъ дост. 1 р., съ дост. въ Петербургѣ 1 р. 50 к., съ перес. иногор. 1 р. 50 к.
На 1/2 года безъ дост. 2 р., съ дост. въ Петербургѣ 3 р., съ перес. иногороднымъ 3 р.

ПРИЛОЖЕНІЯ. Особыя приложенія при „НИВѢ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногородн. и городскихъ подписчиковъ по особому соглашенію.

При этомъ № прилагается для подписчиковъ „НИВЫ“ первая безплатная премія — стѣнной календарь на 1887 г., печатанный 2 красками.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Январь 1887 г. съ 30 рис. и отд. лист. съ 34 чертежами выкроекъ въ натуральную величину и 20 рис. печат. 2-мя красками двухъ малороссійскихъ костюмовъ, по оригин. рис. Бухгольца.

Первый урокъ танцевъ. Съ карт. А. Шредера, грав. Брендамуръ.

Первый урокъ танцевъ.

Костюмы дамы и дѣвочки, мебель комнаты, въ которой происходитъ эта милая сцена, переносятъ насъ въ средніе вѣка. Талантливый художникъ Шредеръ съумѣлъ изъ самаго простаго семейнаго мотива создать исполненный граціозности и жизни прелестный жанръ. Молодая дама, наигрывая на лютнѣ, учитъ свою маленькую дочку танцовать. Поза безсознательно-граціозная и наивно-милая, которую приняла малютка, пріятное улыбающееся на свою крошку лицо красивой молодой дамы—выполненіе костюма и всѣхъ подробностей, до комфортабельно развалившейся на подушкѣ кошки—все выполнено такъ просто и вмѣстѣ изящно, что невольно заставляетъ любоваться картинкой.

Ванзамія.

Святочный разсказъ

Н. Д. Ахшарумова.

I.

Назадъ тому нѣсколько лѣтъ, въ началѣ августа, я гостилъ у пріятеля моего, военнаго землемѣра Б**, въ ту пору работавшаго на Пулковской обсерваторіи. Это былъ одинъ изъ милѣйшихъ людей и большой хлѣбосолъ, но человѣкъ по горло занятый своимъ дѣломъ и неимѣвшій досуга, который онъ могъ бы со мной раздѣлить. Въ теченіе перваго дня, однако, онъ показалъ мнѣ все сколько нибудь замѣчательное въ этомъ святилищѣ недоступной профанамъ науки и съ большимъ терпѣніемъ объяснялъ мнѣ множество сложныхъ, въ послѣднее время высокоусовершенствованныхъ приспособленій. Но это видимо было съ его стороны неболѣе какъ вѣжливое вниманіе къ гостю: ибо онъ могъ понять, что самая цѣнная часть его объясненія потрачена даромъ вслѣдствіе почти полнаго моего незнакомства съ практикою астрономическихъ наблюденій и безчисленными ея затрудненіями. Къ утѣшенію моего пріятеля, нѣкоторые изъ видѣнныхъ мною предметовъ и помѣщеній все-таки интересовали, или, вѣрнѣе сказать, забавляли меня своею необычайностью. Такъ, напримѣръ, я помню и до сихъ поръ стеклянный куполъ одной изъ башенъ, діаметромъ сажени въ три, который весь, съ защищенными имъ инструментами и площадкой обсерваторіи, вращался очень легко, по волѣ занятаго въ немъ наблюдателя. Помню часы, занимающіе своимъ механизмомъ около четырехъ кубическихъ саженей и помѣщенные, во избѣжаніе колебаній температуры, въ глубокомъ подземномъ склепѣ, — часы съ электрическимъ проводомъ въ Петербургъ, регулирующимъ тамъ выстрѣлъ полуденной пушки. Помню оптическій инструментъ такого размѣра, что въ немъ, по нуждѣ, умѣстился бы рельсовый путь... И помню еще, какъ курьезъ, просторный столъ, покрытый ватнымъ, стеганымъ одѣяломъ, подъ которымъ явственно слышно было, не мало интриговавшее меня стрекотанье, словно тамъ квартировалъ цѣлый полкъ сверчковъ. Когда мой пріятель снялъ одѣяло, я увидалъ подъ нимъ штукъ 50 хронометровъ, большая часть которыхъ шла въ ногу, какъ рота пѣхотныхъ солдатъ на плацу.

Но въ результатѣ трехчасового осмотра и объясненія, я остался все-таки недоволенъ, ибо пріятель мой, по какому то странному, какъ казалось мнѣ, опущенію, не далъ себѣ труда показать мнѣ самое для меня интересное,—а я молчалъ изъ вѣжливости, воображая, что онъ бережетъ это самое интересное, какъ эффектъ, для конца; и только когда осмотръ былъ уже явно конченъ, я не безъ нѣкотораго укора рѣшился его спросить:

— А звѣзды-то, Александръ Иванычъ?

— Звѣзды? отвѣчалъ онъ, съ оскорбительнымъ равнодушіемъ. Да развѣ онѣ у насъ тутъ спрятаны? Звѣзды вы можете видѣть изъ оконъ вашей квартиры.

— Но въ ваши сильные телескопы?..

— Вы не увидите ничего любопытнаго. Свѣтъ, безъ сомнѣнія, концентрированъ и звѣзды, которыхъ вы простыми глазами совсѣмъ не увидите, или едва разглядите, видны въ нихъ явственно; но ни въ какой телескопъ, ни у одной звѣзды даже первой величины, вы не увидите диска, т. е. опредѣленнаго свѣтового кружка съ какимъ нибудь измѣримымъ діаметромъ. А увидите тѣ же, неуловимо малыя точки... Простыми глазами смотря, пожалуй даже эффектнѣе.

— Вотъ те и на!.. А я думалъ...

Б** засмѣялся:

— Что вы увидите морду Сиріуса?..

— Морду—не морду; а все же хоть что нибудь.

— Да я же васъ увѣряю, что положительно ничего. Пучекъ лучей исходящихъ изъ центра,—и только.

— Ну, а планеты съ ихъ спутниками и кольцами,—и Луна наконецъ,—Луна?

— Съ Луною вы опоздали, такъ какъ теперь новолуніе: а изъ планетъ, то немногое, что помимо научныхъ цѣлей имѣетъ какой нибудь интересъ, теперь недоступно для наблюденія. Низко надъ горизонтомъ и пасмурно, т. е. нѣтъ нужной прозрачности въ воздухѣ. Для этого надо сюда пріѣхать въ мартѣ, или въ ноябрѣ. А впрочемъ, когда я занятъ, вы можете быть при мнѣ и смотрѣть сколько угодно въ свободные инструменты. Сами удостовѣритесь.

Я конечно воспользовался предоставленной мнѣ свободой, но послѣ двухъ-трехъ вечеровъ былъ очень разочарованъ. „Стоило пріѣзжать за этимъ!“ думалъ я про себя; и бросивъ обсерваторію, шлялся по пулковскимъ высотамъ, довольствуясь свѣжимъ воздухомъ и красивымъ мѣстомъ. За обѣдомъ и чаемъ, однако, и изрѣдка, когда онъ имѣлъ возможность сопровождать меня на моихъ прогулкахъ, мы съ нимъ бесѣдовали о высшихъ вопросахъ міроустройства, затронутыхъ мимоходомъ астрономами; но всѣ попытки мои добиться отъ Б** какого нибудь опредѣленнаго утвержденія на ихъ счетъ, оставались напрасны.

— Да неужели же, говорилъ я, по обыкновенію, горячась:—васъ вовсе не интересуютъ такіе факты какъ напримѣръ громадное время, которое тратитъ свѣтъ, чтобы дойти до насъ отъ нѣкоторыхъ изъ самыхъ далекихъ звѣздъ? Вѣдь если вѣрно, что отъ иныхъ это время считается тысячелѣтіями, то вѣдь это въ сущности равносильно полному отрицанію времени.

— Какимъ образомъ?

— А вотъ какъ. Представьте себѣ напримѣръ какое нибудь міровое событіе, случившееся у насъ на землѣ двѣ тысячи лѣтъ назадъ, или около; и представьте себѣ, что тамъ, гдѣ нибудь на окраинахъ видимаго пространства, до которыхъ свѣтъ достигаетъ отъ насъ въ такой же періодъ времени, смотрятъ сюда какія нибудь живыя и мыслящія созданія съ гораздо болѣе могущественнымъ зрительнымъ аппаратомъ и съ соотвѣтственно болѣе сильными оптическими орудіями, чѣмъ наши; смотрятъ и видятъ, конечно не то, что здѣсь дѣлается теперь, а то что происходило двѣ тысячи лѣтъ назадъ.

— Ну-съ, представляю; что-жъ дальше?

— Но при такихъ условіяхъ они могутъ видѣть... ну скажемъ, примѣрно: Христа распятаго на крестѣ.

— Положимъ; такъ что-жъ?

— Какъ что! Да развѣ же это не изумительнѣе всего, что можетъ насъ изумлять? Вѣдь для нихъ, такимъ образомъ, это событіе будетъ событіемъ настоящаго времени.

— Да, если они. съ ихъ усовершенствованнымъ зрительнымъ аппаратомъ, такіе невѣжи, что не состоянии разсчитать отдаленіе и понять. что событіе представляющееся имъ въ настоящемъ, въ дѣйствительности давно прошло.

— Но если они его видятъ во всей его полнотѣ. если оно происходитъ на ихъ глазахъ, то почему же оно для нихъ, во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, не настоящее?.. И развѣ это не опрокидываетъ вверхъ дномъ всѣ наши понятія о времени, какъ о непреложномъ...

— Бросьте вы эту фантасмагорію! перебилъ съ досадой Б**, если хотите остаться въ границахъ здраваго смысла, и поймите, что астрономіи нѣтъ никакого дѣла до этого рода метафизическихъ кувырковъ на воздухѣ! Сколько бы разъ вы ни перекувырнулись сами вокругъ себя, вы все-таки кончите тѣмъ, что упадете ногами на землю. Да хорошо еще если ногами, а то, не дай Богъ, треснетесь какъ нибудь головой!.. Это не астрономія, а шутихи, брошенныя наукой, подъ пьяную руку, въ толпу.

— Зачѣмъ вы прячетесь за науку? возразилъ я запальчиво. Выйдите, сдѣлайте милость, хоть разъ изъза ея ретраншаментовъ! Я спрашиваю васъ наконецъ не какъ ученаго, а просто какъ человѣка съ душой... Оставимъ время: скажите просто и коротко: неужли вамъ все равно: есть ли гдѣ нибудь, кромѣ нашей планеты, живыя, мыслящія и любящія созданія,—или внѣ этого маленькаго мірка все пусто?

— Рѣшительно все равно. Я просто считаю вздоромъ эту возню съ вопросами, къ разрѣшенію которыхъ мы не имѣемъ данныхъ.

— Но мы имѣемъ однако же вѣроятія.

— Да, пожалуй, только они не приводятъ все-таки ни къ чему. Почемъ мы знаемъ въ какихъ условіяхъ тамъ, гдѣ нибудь, неизвѣстно гдѣ, существуютъ какіе нибудь такіе, или совсѣмъ не такіе,—ну скажемъ для краткости—люди? Если они и есть, то по всей вѣроятности они такъ непохожи на насъ, что я не могу составить себѣ о нихъ никакого понятія.

— Ну вотъ, я васъ и поймалъ! воскликнулъ я торжествуя. Если вы разъ допускаете вѣроятія, то я васъ спрошу: развѣ правдоподобно, чтобы условія человѣческаго существованія, вездѣ и всегда безъ изъятія, были вполнѣ несхожи? Насколько мы знаемъ, напротивъ, все говоритъ до сихъ поръ въ пользу сходства... Спектральный анализъ...

— Оставьте спектральный анализъ! гаркнулъ онъ топнувъ ногой. Терпѣть не могу этихъ заигрываній съ наукой! и прочее.

Споры у насъ доходили не разъ до того, что мы начинали въ вѣжливой формѣ ругаться. Но дѣло кончалось обыкновенно какой нибудь шуткой, отпущенной Б**, которая заставляла насъ покатиться со смѣху.

II.

Въ одну изъ моихъ уединенныхъ прогулокъ я былъ недалеко отъ зданія главной обсерваторіи, когда вниманіе мое остановилъ на себѣ какой-то рослый и изжелта-смуглый мужчина, лѣтъ подъ сорокъ, съ носохомъ и съ котомкой черезъ плечо. Онъ былъ очень скромно одѣтъ, но фигура его бросалась въ глаза чужеземнымъ костюмомъ и типомъ лица. „Гдѣ-то я видѣлъ такое лицо?“ думалъ я вглядываясь. Онъ тоже смотрѣлъ на меня повидимому не равнодушно и, поровнявшись, коснулся рукою своей широкополой шляпы.

— Не нужно ли, господинъ капитанъ, чего нибудь изъ моего товара? Лорнеты, очки, бинокли, монокли, лупы, подзорныя трубы,—заговорилъ онъ по-русски, съ какимъ-то совсѣмъ незнакомымъ, страннымъ акцентомъ.

— Трубы? переспросилъ я, нѣсколько удивленный такимъ предметомъ бродячей торговли.

— Хорошія, очень хорошія, рѣдкія трубы! Der gnädige Herr spricht Deutsch? и получивъ отвѣтъ, онъ бѣгло заговорилъ по-нѣмецки, но тоже съ какимъ-то своеобразнымъ произношеніемъ.

— Мои инструменты не велики, но вы увидите въ нихъ кое-что, чего вы навѣрное не видали здѣсь, даже въ самые сильные телескопы. Полюбопытствуйте, господинъ капитанъ, посмотрите.

— Не надо, отвѣчалъ я, махнувъ рукой, и прошелъ.

— Первый разъ въ жизни видѣлъ разносчика съ подзорными трубами, сказалъ я за завтракомъ Б**.— Неужели у него покупаетъ ихъ кто нибудь?

— Нѣтъ, отвѣчалъ равнодушно Б**.—Настоящій его товаръ очки.—понятно дешевыя. Покупаютъ въ нѣмецкихъ колоніяхъ, которыхъ тутъ, по большой дорогѣ, много. А трубы только для важности. Я ихъ видѣлъ. Старая дрянь, которая можетъ быть и годилась еще на что нибудь въ началѣ прошлаго вѣка, а въ настоящее время гроша не стоитъ... Надо однако сказать, чтобъ его турнули отсюда, потому что за этимъ народомъ некому тутъ смотрѣть. Пожалуй стянетъ что нибудь... У насъ тутъ бывали случаи...

— Вы не глядѣли однако въ его инструменты?

Онъ только пожалъ плечами.

Дня два послѣ этого, въ ясную, звѣздную ночь, я сидѣлъ, погруженный въ мысли, на краю довольно крутого спуска, и въ головѣ у меня бродилъ одинъ изъ тѣхъ интересныхъ вопросовъ, къ которымъ Б** относился съ такимъ высокомѣрнымъ пренебреженіемъ.— „Какъ все старо! думалъ я: и какъ незыблемо, вѣчно! Одинъ только я, если вѣрить ходячимъ воззрѣніямъ, тутъ пришелецъ и гость,—со вчерашняго дня! Но если правда, что я такъ новъ и что меня до моего рожденія вовсе не было: то отчего все существо мое такъ упорно отказывается повѣрить этому, кажется столь простому, факту? И отчего это начало жизни, если оно дѣйствительно было началомъ, не дало мнѣ ничего такого, что можно бы было назвать сознательно незнакомымъ? Весь умственный ростъ мой, всѣ первыя впечатлѣнія, все развитіе — были повидимому не больше какъ припоминаніе. А между тѣмъ есть все-таки нѣчто, что я не въ силахъ припомнить...“

Легкій шорохъ вывелъ меня изъ размышленія. Я оглянулся и вдругъ замѣтилъ, что я не одинъ. Въ трехъ шагахъ отъ меня, на поваленномъ пнѣ, сидѣлъ разносчикъ. Въ потемкахъ нельзя было хорошо разглядѣть лица, но, не взирая на то, я сразу его узналъ.

— Какъ это вамъ удалось подойти такъ неслышно? спросилъ я дивясь.

— Вы были углублены въ ваши мысли, Herr Capitain,—и не замѣтили, что я давно уже тутъ.

— Однако вѣдь вы не даромъ усѣлись возлѣ? Чего вамъ нужно?

— Очень немногаго. Давеча, когда я васъ встрѣтилъ, мнѣ показалось, что вы не здѣшній, и я желалъ бы прежде всего удостовѣриться: правъ ли я въ этой догадкѣ.

Я отвѣчалъ утвердительно.

— Естественно, стало быть, предположить, что васъ привела сюда любознательность?

— Да, мнѣ хотѣлось видѣть обсерваторію.

— И конечно еще что нибудь? Я разумѣю объектъ той науки, для цѣлей которой она существуетъ.

(„Что за чортъ! думалъ я:—онъ кажется не мужикъ?“)—Опять-таки да; но зачѣмъ вы все это спрашиваете?

— Такъ: я увѣренъ, что gnädiger Herr остался неудовлетворенъ тѣмъ, что онъ видѣлъ.

— Вѣрно, только вотъ видите ли, господинъ... какъ васъ зовутъ?

— Ширамъ.—или проще: Ширмъ.

— Господинъ Ширмъ, вы мнѣ не отвѣчали еще на мой вопросъ: Чего вамъ нужно?

Полчища Батыя подъ Кіевомъ (1240 г.). Ориг. рис. для „Нивы“ А. Земцова, грав. Ю. Барановскій

— А вотъ я именно и веду къ тому. Мнѣ хочется показать вамъ то, что для васъ существенно интересно, и чего вы не видѣли здѣсь, да можетъ быть и нигдѣ не увидите.

— А дальше?

— Дальше, я бы желалъ убѣдить васъ, господинъ капитанъ, что инструменты мои гораздо лучше всѣхъ здѣшнихъ.

Я усмѣхнулся.

— Почему же вы это думаете? Вы развѣ глядѣли въ здѣшніе?

— Нѣтъ, но глядѣлъ въ другіе, не хуже здѣшнихъ.

— Но вы не астрономъ. Что же васъ заставляетъ думать, что вы въ состояніи оцѣнить достоинство астрономическихъ инструментовъ?

— Долго вамъ объяснять:—а гораздо короче вотъ инструментъ (онъ вынулъ изъ сумки весьма небольшого размѣра, подержанную зрительную трубу и приладилъ ее): удостовѣрьтесь. Ночь, небо ясно и возлѣ нѣтъ ни души, никто намъ не помѣшаетъ.

— „Намъ“, говорите вы?

— Да, потому что безъ моего содѣйствія вы не много увидите. Нужна извѣстная подготовка глаза, чтобы пробудить изъ обычнаго оцѣпенѣнія его зрительную способность; но это очень простое, несложное дѣло, требующее отъ васъ только маленькаго терпѣнія. Впрочемъ, если вы опасаетесь...

— Нѣтъ; только я долженъ знать приблизительно, въ чемъ состоитъ ваше фокусничество. Потому что вѣдь это фокусничество?

— Gnädiger Herr! Вы меня обижаете.

— Ну да ужъ тамъ какъ угодно. Извольте объяснить, что вы желаете со мной дѣлать, или оставьте меня въ покоѣ.

— Да ничего же, совсѣмъ ничего особеннаго! увѣрялъ онъ вкрадчивымъ голосомъ. Просто вы сядете поспокойнѣе, такъ чтобы неудобство позы не развлекало вниманія и не заставляло васъ во время опыта перемѣнять положеніе; а я буду поддерживать инструментъ, чтобы руки ваши не уставали—вотъ такъ... (Онъ обнялъ меня за плеча и приставилъ къ глазамъ моимъ свою зрительную трубу).—Направьте сами куда угодно.

Я сталъ наводить инструментъ на одну изъ звѣздъ въ хвостѣ Большой Медвѣдицы; но прежде чѣмъ я успѣлъ это сдѣлать, Ширмъ вмѣшался.

— Позвольте мнѣ васъ поправить, сказалъ онъ съ какою-то странной усмѣшкой. То что вы выбрали, хотя и весьма любопытно, но слишкомъ для васъ незнакомо и потому не настолько понятно, чтобы представить живой интересъ. Смотрите сюда, правѣе,—еще немного,—еще... вотъ такъ. И теперь займитесь спокойно, безъ мысли о чемъ нибудь постороннемъ, тѣмъ что вы видите.

Я послѣдовалъ его приглашенію; но то что я увидалъ не имѣло въ себѣ ничего особеннаго. Эта была простая звѣзда, на взглядъ ничѣмъ не отличающаяся отъ тысячи ей подобныхъ, и такъ какъ думать о ней было нечего, то я ничего и не думалъ.

— Имѣйте терпѣніе, продолжалъ онъ:—и не волнуйтесь; старайтесь сидѣть спокойно, какъ можно спокойнѣе.

Прошло минутъ пять и въ продолженіе этого времени я дѣйствительно ни о чемъ не думалъ, не безпокоился, не желалъ даже ничего, приходя постепенно, какъ маятникъ, который перестаетъ качаться, въ инертное равновѣсіе. Нѣчто подобное мы испытываемъ, когда долго длившаяся и требующая усиленнаго вниманія работа мускуловъ кончена и все разомъ, нравственно и физически, въ насъ отдыхаетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ я сталъ чувствовать какую-то странную связь съ предметомъ моего наблюденія. Звѣзда какъ бы вглядывалась въ меня, и лучи ея, проникая глубоко внутрь, грѣли все существо мое. По нервамъ распространялось что-то ласкающее, словно любящая рука убаюкивала меня на сонъ грядущій.

— Звѣзда увеличивается въ объемѣ, не правда ли? услыхалъ я на ухо вкрадчивый шепотъ, и это дѣйствительно было такъ.

— Смотрите! растетъ, не правда ли? быстро растетъ?!.. Какое великолѣпіе!

— Да, отвѣчалъ я въ экстазѣ, любуясь очаровательнымъ зрѣлищемъ. И въ самомъ дѣлѣ, я видѣлъ уже кое-что, но размѣру и силѣ свѣта похожее на небольшого діаметра солнечный дискъ. Но видѣніе продолжало рости, и впечатлѣніе, производимое имъ на меня, скоро стало такъ сильно, что вся реальная обстановка этой минуты была для меня безслѣдно потеряна.

— Ну, капитанъ, сказалъ Ширмъ:—теперь держись! потому что мы ѣдемъ быстро! У-у! какъ быстро!

Едва онъ выговорилъ эти слова, какъ я потерялъ чувство тяжести, привязывавшее меня къ землѣ; но ничего похожаго на стремительное движеніе не замѣнило его... Ощущеніе было напротивъ совсѣмъ такое, какъ еслибы я оставался въ покоѣ, а быстро растущій въ діаметрѣ солнечный дискъ летѣлъ мнѣ навстрѣчу. Помню минуту, когда его по размѣру можно было принять за наше солнце:—потомъ онъ сталъ больше и свѣтъ его ослѣпительнѣе... потомъ перестала рости и одновременно я замѣтилъ, что онъ какъ будто бы уклоняется въ сторону. Вмѣсто него, навстрѣчу намъ приближался съ страшною быстротою блѣдный серпъ какой-то, ранѣе не замѣченной мною сферы, имѣвшей видъ мѣсяца на разсвѣтѣ. Судя по слабому свѣту и по тому какъ быстро онъ увеличивался въ размѣрѣ, можно ужъ было понять, что это планета, и что не солнце ея, а она сама—наша цѣль. Скоро она заняла полъ-неба и заслонила отъ насъ свое солнце;—потомъ заслонила все; но наступившая на ней ночь не позволяла мнѣ разглядѣть ничего на ея поверхности. Мы были ужъ въ сферѣ ея притяженія и, судя по всему, очень близко, когда я вдругъ услыхалъ: „Держись!..“ Толчокъ, и мы опустились во что-то мягкое, наполнявшее воздухъ кругомъ незнакомымъ, но упоительнымъ ароматомъ. То, въ чемъ мы очутились, похоже было на очень густую траву, но такого роста, что она скрыла насъ въ чащѣ своихъ стеблей какъ въ лѣсу. Едва оправясь отъ сотрясенія, я пытался встать, чтобъ взглянуть на растительность насъ окружавшую: но въ ней было такъ темно, что глаза мои не могли ничего различить. Къ тому же ея наркотическій запахъ былъ такъ силенъ, что голова у меня ослабла. Я пошатнулся, упалъ и, минуту спустя, потерялъ сознаніе.

III.

Когда я очнулся, былъ уже день и новое солнце сіяло на новомъ небѣ. Ширмъ былъ возлѣ меня. Потомъ я узналъ, что онъ вынесъ меня изъ травы: но въ ту пору мнѣ было не до него. Все окружавшее насъ казалось такъ ново, что мнѣ не вѣрилось, чтобы это могло происходить на яву... Мы были подъ сѣнью высокаго дерева, которое удивило меня своимъ ростомъ и незнакомою формою; но я не успѣлъ хорошо разсмотрѣть его, потому что толпа, окружавшая насъ, поглощала мое вниманіе. По наружности она близко напоминала людей, но какой то особенной и невиданной на землѣ породы, которая поражала ростомъ, здоровьемъ и красотой. Тутъ были мужчины и женщины,—дѣти и бодрые пожилые люди: и всѣ они были очень изящно, нарядно одѣты,—на лицахъ у всѣхъ, сквозь любопытство, которое мы возбуждали, свѣтилось ясное наслажденіе жизнью и довольство своей судьбой. Группы этихъ живыхъ существъ стояли однако поодаль, а непосредственно возлѣ насъ и въ живомъ объясненіи съ моимъ спутникомъ я замѣтилъ нѣсколько некрасивыхъ и какъ-то безвкусно одѣтыхъ фигуръ, очевидно

другого племени. Типъ его, вообще говоря, былъ непригляденъ, но онъ носилъ на себѣ печать энергіи и высокаго интеллектуальнаго превосходства. Сухія и мускулистыя формы, властный, самоувѣренный взоръ и оттѣнокъ чего-то хищнаго, что просвѣчивало сквозь царственное спокойствіе, съ которымъ они оглядывали порой окружавшую ихъ, на почтительномъ разстояніи, многочисленную толпу, все выдѣляло ихъ изъ ея среды.

Къ спутнику моему они относились очень внимательно, считая насъ—какъ оказалось потомъ—за пріѣзжихъ изъ чужихъ краевъ, и съ любопытствомъ разспрашивали его о чемъ-то на незнакомомъ мнѣ языкѣ.

— Какъ это вы объясняетесь такъ легко! спросилъ я, дивясь, и услышалъ въ отвѣтъ, что онъ тутъ ужъ не въ первый разъ.

Насъ приняли какъ почетныхъ гостей и дали намъ провожатыхъ въ городъ: по мнѣ было все равно куда, потому что я жилъ всѣмъ существомъ своимъ въ настоящемъ и былъ упоенъ его яркими впечатлѣніями... Темно-лиловое, съ тонкой прозрачной синевою, небо зіяло бездонною глубиной, и въ глубинѣ этой солнце катилось явственно обрисованнымъ матовымъ шаромъ такой ослѣпительной бѣлизны, о которой я до сихъ поръ и понятія не имѣлъ. Залитыя его лучами, съ одной стороны разстилались поля, съ другой—дорога вилась по скалистому гребню оврага и нѣсколько далѣе уходила въ лѣсъ. Внизу, по каменистому ложу, звучно гремѣлъ потокъ, мѣстами, гдѣ скалы тѣснили его,—одѣтый, какъ дымкою, облакомъ серебристой пыли, въ которой солнечные лучи играли радугою. На заворотѣ пути, изъ-за рощи пирамидальныхъ деревьевъ, мелькнули каменныя постройки богатаго хутора; и тутъ же, недалеко отъ него, мы встрѣтили небольшую толпу людей, идущихъ на полевыя работы. Двѣ смуглыя, рослыя, сильныя молодыя женщины очаровательной красоты шли впереди и пѣли, а хоръ мужчинъ имъ подтягивалъ. Пѣснь ихъ звучала безпечной, младенческой простотой и не было въ ней ни единой нотки той надрывающей душу тоски, которая отличаетъ нашу родную, русскую пѣснь... За ними бѣжалъ въ припрыжку какой-то косматый, страшнаго вида и роста звѣрь, который, увидѣвъ насъ, кинулся прямо ко мнѣ. Я отскочилъ въ испугѣ, но Ширмъ успокоилъ меня, объяснивъ что это простая собака, которая провожаетъ людей, и что онѣ здѣсь очень смирны. Звѣрь былъ однако такихъ размѣровъ, что мудрено было оставаться спокойнымъ пока онъ вертѣлся возлѣ, обнюхивая то одного, то другого въ упоръ, и совалъ свою страшную морду намъ прямо въ лицо. Поэтому, не взирая на все любопытство, которое онъ возбуждалъ во мнѣ, я, признаюсь, былъ радъ, когда одинъ изъ нашихъ проводниковъ, атлетъ, махнувъ на него хлыстомъ, отогналъ его. На хуторъ дано уже было знать, и навстрѣчу намъ вывели верховыхъ лошадей; но онѣ такъ непохожи были на нашихъ и выглядѣли такими дьяволами, что я не сразу рѣшился сѣсть.

До города было верстъ двадцать и мы проѣхали ихъ почти сплошь дремучимъ лѣсомъ, гдѣ подъ шатромъ высоко надъ головою переплетенныхъ вѣтвей, было темно и таинственно. Тысячелѣтніе великаны, въ кудрявыхъ, развѣсистыхъ шапкахъ, глядѣли на насъ съ недосягаемой высоты, вздымая, какъ бы съ удивленіемъ и укоромъ, къ небу свои могучія, сучковатыя руки. Ихъ листва переливала изъ мѣдно-краснаго въ бронзовый, и изъ темно-зеленаго съ яркими золотыми просвѣтами въ пепельно-сизый цвѣтъ. Москиты величиною съ осу и мухи ростомъ въ воложскій орѣхъ, жужжали вокругъ безчисленными роями. Большія птицы, невиданной формы, хлопая крыльями, поднимались изъ чащи и долго парили надъ головой. Лѣсъ полонъ былъ жизни, и множество самыхъ разнообразныхъ, звонкопѣвучихъ или крикливыхъ, стонущихъ, лающихъ, дико-хохочущихъ голосовъ, перекликались въ немъ издали; но особенно странное впечатлѣніе дѣлалъ хохотъ, который мы безпрестанно слышали прямо у насъ надъ головой. Это былъ бѣшеный, звѣрскій хохотъ, и часто, когда онъ звучалъ, въ вѣтвяхъ свѣтились зеленымъ огнемъ глаза, мелькали, оскаливъ зубы, какіе-то черти, которые словно какъ бы издѣвались надъ нами... Свистъ, гиканье; изрѣдка въ лошадей попадали шишки и сучья, брошенные съ невѣроятною силой. Дикіе звѣри перебѣгали дорогу, пугая коней, но большая часть, мелькнувъ далеко впереди, исчезали такъ быстро, что мы не успѣвали ихъ разглядѣть. Разъ только мнѣ это удалось, но впечатлѣніе было такого рода, что кровь у меня застыла. Изъ чащи, гдѣ-то высоко раздался пронзительный свистъ и слѣдомъ за нимъ тяжелое хлопанье. Я поднялъ голову и увидалъ что-то похожее издали на огромную хищную птицу, которая медленно опустилась и сѣла, съ невѣроятною дерзостью, прямо у насъ на пути. Но это была не птица, а что-то чудовищное, что наводило на душу суевѣрный страхъ. Туловище у этой твари было съ змѣннымъ хвостомъ и сверкало зеленовато-сѣрою чешуею: крылья въ размахѣ болѣе двухъ саженей, суставчатыя и перепончатыя какъ у летучей мыши; глаза горѣли зловѣщимъ краснымъ огнемъ; змѣиный, раздвоенный вилкою на концѣ языкъ, извиваясь какъ плеть, высовывался изъ темно-багровой пасти, вооруженной двумя рядами острыхъ зубовъ...

— Драконъ! шепнулъ я въ ужасѣ Ширму.

— Нѣтъ, Птеродактиль, отвѣчалъ онъ, бодрясь; но лицо его было блѣдно и губы тряслись.

Лошади остановились какъ вкопанныя, храпя и прядя ушами; проводники тоже струсили, какъ потомъ объяснилось, считая такую встрѣчу дурною примѣтою. Богъ знаетъ чѣмъ это могло бы кончиться, еслибъ на помощь намъ не подоспѣли невидимые союзники. Высоко вверху раздался дьявольскій хохотъ, сопровождаемый трескомъ ломающихся вѣтвей, и мгновенно чудовище было осыпано градомъ мѣткихъ швырковъ. Большіе орѣхи, палки, древесныя шишки и камни летѣли въ него со всѣхъ сторонъ. Въ ярости, о которой можно было судить по тому какъ крутился, щелкая по полу, его мощный хвостъ,—оно испустило змѣиный шипъ и, хлопая крыльями, поднялось. Немедленно вслѣдъ за тѣмъ, въ вѣтвяхъ началась какая-то адская кутерьма. До насъ долетали страшные крики и хлопанье крыльевъ, ревъ, трескъ ломающихся вѣтвей, вопли отчаянія и скрежетъ зубовъ... Тамъ, очевидно, происходила драка; но мы не дождались ея конца и черезъ часъ послѣ этого, на упаренныхъ, взмыленныхъ лошадяхъ, прискакали въ городъ.

Съ перваго взгляда онъ удивилъ меня варварской роскошью и причудливымъ стилемъ архитектуры. Кривыя улицы въ гору и подъ гору, перекинуты были на аркахъ черезъ другія улицы. Площади вымощенныя мозаикой, висячіе между зданіями сады; плоскія крыши домовъ, устланныя коврами и укрытыя подъ цвѣтными шелковыми навѣсами; стѣны, одѣтыя пестрыми изразцами; легкіе кружевные мостики, золотые верхи и шпили дворцовъ, куполы храмовъ, высокія башни, узорныя галлереи.—все словно разсказывало намъ о себѣ волшебныя сказки... Но стоило осмотрѣться внимательнѣе, чтобы замѣтить вездѣ слѣды высокой цивилизаціи... Книжные магазины, фабрики (за городомъ намъ указали пороховой заводъ), паръ, электричество, памятники, театры, музеи...

Я наконецъ былъ сытъ до одури яркими впечатлѣніями и желалъ отъ нихъ отдохнуть. Ширмъ тоже зѣвалъ. Послѣ короткой прогулки въ городѣ, насъ привели въ великолѣпное зданіе, которое можно было принять за дворецъ (это была гостиница), и сдали на руки многочисленныхъ слугъ. Послѣдніе были всѣ, безъ изъятія, изъ красивой и рослой, по видимо под-

чиненной расы, и ихъ услужливость, добродушіе, предупредительная внимательность, съ которой они угадывали нерѣдко по взгляду наши желанія, заставили меня сразу ихъ полюбить.

Послѣ обѣда, во время котораго насъ угощали вкусными, но для меня незнакомыми, блюдами, мы улеглись на кровлѣ, на мягкихъ коврахъ, и я глубоко задумался. Масса испытанныхъ впечатлѣній давила меня своимъ похожимъ на сонъ, хаотическимъ безпорядкомъ и я инстинктивно старался найти между ними какую нибудь руководящую нить,—старался припомнить съ чего это началось: но, страннымъ образомъ, дальше того момента, когда я проснулся въ полѣ подъ деревомъ и увидѣлъ вокругъ себя толпу неизвѣстныхъ людей, все было одѣто густымъ туманомъ. Чудилось, что я жилъ гдѣ-то раньше, смутно припоминались образы, формы, безсвязныя рѣчи, оборванные лоскутья мыслей,—идеи безъ почвы, понятія безъ реальнаго содержанія, заботы о чемъ-то, что ускользнуло изъ головы,—и только... Память похожа была на складочный магазинъ, въ которомъ вдругъ потушили огонь:—бродишь въ потемкахъ, ощупью, и не можешь найти ничего!..

— Да объясните же мнѣ наконецъ, сказалъ я Ширму:—какъ мы попали сюда?

— Herr Capitain, отвѣчалъ онъ спокойно:—вы увлекаетесь вашей фантазіей. Смѣю увѣрить васъ, что вы никуда не попали, куда человѣку не слѣдуетъ и нельзя попадать; а находитесь тамъ же гдѣ прежде и только усматриваете нѣчто такое, чего не имѣли случая раньше усмотрѣть. Вамъ любопытно было увидѣть другіе міры;—ну я и далъ вамъ возможность удовлетворить эту почтенную любознательность. Вы видите другой міръ, и если видѣніе это такъ ярко, что память ваша на время омрачена, то это уже не моя вина. Въ сущности вѣдь вся жизнь человѣческая, взятая въ цѣломъ, не болѣе какъ видѣніе, которое, въ силу своей особенности и яркости, заставляетъ насъ забывать другія, предшествовавшія, и истинный смыслъ котораго, именно вслѣдствіе этой оборванности, непостижимъ... Съ чего это все для насъ началось и что̀ было ранѣе?.. кто возьметъ на себя отвѣчать на такіе вопросы, если мы сами забыли наше прошедшее?..

Солнце садилось и въ воздухѣ вѣяло тихой вечерней прохладой. Зеленый шатеръ надо мной шелестѣлъ, струимый его дыханіемъ... Невдалекѣ горѣли узорные, золотые верхи какого-то зданія и изъ цвѣтниковъ висячаго сада гостиницы доносилось благоуханіе...

Я слушалъ его какъ во снѣ и значеніе рѣчи его для меня оставалось темно.

— Я васъ не понимаю, Ширмъ, сказалъ я. Оставимъ пожалуй этотъ мудреный вопросъ о началѣ, если онъ васъ затрудняетъ. Пусть будетъ видѣніе. Объясните по крайней мѣрѣ хоть смыслъ того, что я вижу и видѣлъ съ утра. Скажите мнѣ, напримѣръ, что̀ это были за люди, съ которыми вы объяснялись тамъ, въ полѣ, подъ деревомъ, и которые дали намъ провожатыхъ сюда?.. Я видѣлъ и здѣсь похожихъ; но здѣсь, какъ и тамъ, они не смѣшиваются съ толпой, а напротивъ, распоряжаются и командуютъ.!. Что̀ это: ужъ не полиція ли?

— Ой, нѣтъ! отвѣчалъ онъ смѣясь:—Какая полиція!.. Это Ванзы, могущественная и просвѣщенная раса, которая завладѣла давно планетой.

Вопросъ что̀ за планета и какимъ образомъ мы очутились на ней—не занималъ меня дольше... Я чувствовалъ себя какъ во снѣ...

— Но какимъ образомъ, спросилъ я: эта другая, гораздо болѣе благородная и красивая раса, съ такимъ прекрасно развитымъ, здоровымъ и рослымъ типомъ, могла очутиться подъ властью у столь бѣднаго и сравнительно плохо развитого племени?

— Бѣднаго? возразилъ онъ.—Подождите; вы не видали еще въ какомъ комфортѣ и какъ богато они тутъ живутъ! Вы судите по одеждѣ; но даже и самая ихъ одежда, при всемъ отсутствіи въ ней щегольства, гораздо удобнѣе и стоитъ вдесятеро дороже. А что до развитія, то весь хитрый строй ихъ жизни и всѣ безчисленныя ея удобства, достоинства, созданы исключительно Ванзами. Подвластное племя Леевъ обязано имъ не только глубокимъ миромъ и всѣмъ довольствомъ, въ которомъ оно живетъ, но и тѣмъ яснымъ, здоровымъ, облагороженнымъ типомъ, который васъ такъ подкупилъ... Слушайте, я объясню вамъ, какъ это все сложилось...

И онъ разсказалъ мнѣ слѣдующее:

Въ древнія времена планета эта, значительно превышающая объемомъ Землю (имя ея по здѣшнему „Ванзаме“, а по нашему будетъ „Ванзамія“)—населена была множествомъ разновидныхъ расъ, очень немногія изъ которыхъ имѣли свою полуварварскую культуру. Послѣдняя понемногу однако росла—или старилась, выдвигая впередъ то ту, то другую народность и въ вихрѣ кровавыхъ войнъ создавая или разрушая обширныя царства. Въ исторіи ихъ раса Ванзовъ выступила на сцену сравнительно уже въ позднія времена; но поставленная на первыхъ шагахъ своихъ въ чрезвычайно благопріятныя географическія и политическія условія, она быстро выросла и осилила понемногу всѣхъ своихъ конкурентовъ. Три тысячи лѣтъ назадъ, планета, съ ничтожными исключеніями, принадлежала ужъ въ сущности ей и съ тѣхъ поръ началось міровое ея господство. Первымъ его историческимъ результатомъ было исчезновеніе множества разновидныхъ и частью полудикихъ племенъ, которыя слились въ одну, безразличную массу подвластнаго племени, или стерты были съ лица планеты борьбою за существованіе. Но Ванзы былъ гордый народъ и съ раннихъ временъ своего возрастанія, вплоть до того знаменательнаго момента, когда, поглотивъ и переработавъ въ себѣ всѣ высокоразвитыя, родственныя имъ племена, они остались одни, лицомъ къ лицу съ Леями (т. е. какъ самое имя на то намекаетъ, съ „помѣсью“)—они тщательно избѣгали всякаго рода смѣшенія съ ними, считая ихъ низшею расою и питая къ нимъ самое искреннее презрѣніе.

Дальнѣйшій ихъ путь однако же былъ не гладокъ и много опасныхъ кризисовъ вытерпѣлъ этотъ народъ на поприщѣ внутренняго его, гражданскаго, политическаго и соціально-экономическаго устройства съ того отдаленнаго времени, когда онъ сталъ владыкою міра. Всѣ потрясенія были однакоже пережиты имъ счастливо, и неслыханныя дотолѣ: богатство, наука, промышленность, съ ихъ безчисленными открытіями и примѣненіями, дали имъ наконецъ возможность такъ далеко опередить все остальное, подвластное имъ населеніе, что три тысячи лѣтъ назадъ, между ними и Леями того времени, трудно было представить себѣ какое нибудь доисторическое родство, да они и сами въ принципѣ не признавали его.

Тогда, побуждаемые филантропическими и хозяйственными мотивами, Ванзы взялись за умственное развитіе и усовершенствованіе породы Леевъ. Съ первою цѣлью заведено было повсемѣстно множество профессіональныхъ школъ и промышленно-художественныхъ музеевъ. За дѣло взялись энергически и оно пошло такъ успѣшно, что черезъ десятокъ, другой поколѣній, на всей планетѣ не оставалось уже ни одного безграмотнаго и не обученнаго основательно какому нибудь искусству или ремеслу—существа. Другая задача была гораздо труднѣе и дѣло ея осуществленія длилось двѣ тысячи лѣтъ: но Ванзы одарены непреклонной настойчивостью и никакія препятствія не могли ихъ серьезно остановить.

(До слѣд. №).

Премированная гравюра. Молодая женщина изъ г. Галича (Костр. губ.).
Ориг. рис. К. Голембіовскаго, грав. Голевинскій.

Скиталецъ.

(Изъ сибирскихъ воспоминаній).

Разсказъ **А. Я. Максимова.**

I.

Многіе изъ товарищей, бывшихъ съ мною въ южныхъ частяхъ Восточной Сибири, вѣроятно, помнятъ таинственнаго сорокалѣтняго мужчину, блѣднаго, изнуреннаго, угрюмаго, который нигдѣ не могъ согрѣть угла и безцѣльно скитался по необъятной Сибири: то онъ жилъ въ деревнѣ, то въ городѣ, то блуждалъ среди безлюдныхъ степей Саянскихъ или въ таинственной тайгѣ Уссурійскаго края; его встрѣчали въ холодныхъ пустыняхъ Туруханска, на золотыхъ пріискахъ рѣки Зеи, наконецъ на китайской границѣ, за тысячи верстъ отъ родного города. Онъ бродилъ по Сибири, словно вѣчный жидъ, ища душевнаго покоя и не находя его, тщетно надѣясь сбросить съ сердца какую-то таинственную, гнетущую тяжесть. Вездѣ ему было скверно, тяжко и грустно. Нигдѣ онъ не могъ прожить болѣе недѣли. Какой-то невѣдомый призракъ преслѣдовалъ его и безпощадно гналъ съ мѣста на мѣсто, съ одной окраины обширной Сибири на другую. Характеръ у него былъ ласковый и тихій, но съ какимъ-то оттѣнкомъ таинственности и скрытности, черезъ что онъ и не возбуждалъ къ себѣ симпатіи окружающихъ. Не постигая подобнаго душевнаго состоянія, сочиняли разныя догадки, въ большинствѣ случаевъ далеко не въ его пользу. Что касается меня, то я старался стоять внѣ сплетенъ, живо сочувствуя горю вѣчнаго скитальца. Съ первой минуты нашего знакомства, я почувствовалъ къ нему искреннее расположеніе, инстинктивно отгадавъ, что въ тайникахъ его сердца скрывается какое-то неизлечимое, тяжкое страданіе...

Алексѣй Кузьмичъ Старцевъ (такъ звали скитальца) былъ единственнымъ сыномъ богатаго иркутскаго купца. Послѣ смерти отца и жены, онъ неожиданно прекратилъ прекрасно веденную торговлю, бросилъ дѣла и отправился путешествовать. Старцевъ посѣтилъ Францію, Германію, Италію, Алжиръ и Тунисъ. Желая въ своихъ разнообразныхъ странствованіяхъ позабыть прошлое и избавиться отъ гнетущей тоски, онъ побывалъ даже въ центральной Африкѣ: но зловѣщій призракъ минувшаго неотступно слѣдовалъ за нимъ, терзая и безпокоя его съ настойчивою безпощадностью. Старцевъ возвратился домой еще болѣе разочарованнымъ, болѣе печальнымъ, чѣмъ былъ. Очутившись опять въ родной Сибири, онъ сталъ блуждать по неизмѣримымъ сѣвернымъ тундрамъ, углублялся въ таинственную тайгу, былъ на берегахъ Ледовитаго океана, но, въ концѣ концовъ, все это опять ему надоѣло, опротивѣло. Прибывъ въ Таштынъ, на границу Монголіи, онъ рѣшился отдохнуть здѣсь немного дольше. Въ Таштынѣ мы и познакомились. Въ первое время, Старцевъ былъ скрытнымъ, подозрительнымъ, неразговорчивымъ, но, по прошествіи нѣсколькихъ дней, сдѣлался болѣе сообщительнымъ. Онъ уже не избѣгалъ моего общества и даже, хотя очень рѣдко, оживлялся въ разговорѣ. Говорилъ тогда много обо всемъ, исключая себя, вспоминалъ видѣнное, во время долгихъ своихъ странствованій, трактовалъ о политикѣ, торговлѣ, промышленности, выказывая при этомъ большую начитанность и солидное развитіе. Несмотря на все оживленіе, изрѣдка охватывавшее Старцева во время нашихъ бесѣдъ, улыбка не появлялась на его блѣдныхъ, сухихъ губахъ: исхудалое, страдальческое лицо его было постоянно омрачено какою-то затаенною грустью. Нѣкоторые изъ моихъ товарищей, видѣвшихъ у меня Алексѣя Кузьмича, пришли къ заключенію, что причина его постоянной грусти и тяжелаго душевнаго состоянія гнѣздилась въ смерти отца и любимой жены. Я, имѣя возможность короче познакомиться со Старцевымъ, не могъ согласиться съ предположеніями товарищей. Изъ нѣсколькихъ незначительныхъ словъ, неопредѣленныхъ выраженій, общихъ заключеній, я могъ сдѣлать выводъ, что умершая жена, память которой Старцевъ чтилъ и уважалъ, не могла возбудить въ его сердцѣ сладкаго чувства полной любви. Извѣстно, что самое тяжелое горе, вызванное потерей дорогихъ сердцу лицъ, постепенно затирается временемъ, оставляя послѣ себя только печальныя, но не лишенныя вѣры въ будущность, воспоминанія. Въ душѣ-же Старцева всѣ надежды на лучшую жизнь были уничтожены и разбиты: остались только грустное разочарованіе, полная апатія ко всему окружающему и неотразимое отчаяніе. Такое состояніе души могло происходить, по моему мнѣнію, или отъ несчастной любви, или... упрековъ совѣсти. Согласовались-ли мои предположенія съ истиной, покажетъ продолженіе моего разсказа.

II.

Тому, кто видѣлъ Старцева, не нужно было особенной проницательности, чтобы замѣтить, что этотъ, исковерканный жизнью, человѣкъ носилъ въ себѣ зародышъ неизлечимой болѣзни. Онъ угасалъ на нашихъ глазахъ медленно, но постоянно; съ каждымъ убѣгающимъ днемъ усиливался его внутренній недугъ. Однажды, когда я осторожно замѣтилъ ему о необходимости обратить вниманіе на свое здоровье, онъ только грустно улыбнулся и взглянулъ на небо. Улыбка эта и взглядъ показывали ясно, что, хорошо понимая свое состояніе, онъ радовался быстро приближавшемуся концу своихъ страданій. Не смотря на такое равнодушіе къ жизни, я считалъ себя обязаннымъ поискать помощи и совѣта у прибывшаго на короткое время въ Таштынъ окружного врача изъ Минусинска. Видя мою заботливость, Старцевъ поблагодарилъ меня пожатіемъ руки и грустно проговорилъ:

— Все это напрасно!.. Дни мои сочтены, и часъ моего освобожденія приближается...

Приглашенный мною къ Алексѣю Кузьмичу, почтенный докторъ Малининъ, осмотрѣвъ больного и прописавъ какое-то ничтожное лекарство, вышелъ со мною изъ комнаты и дружески объявилъ, что Старцевъ безнадеженъ и неизлечимъ.

— У Алексѣя Кузьмича не тѣло, но душа страдаетъ, а для такихъ болѣзней медицина не имѣетъ средствъ, проговорилъ Малининъ, прощаясь со мной.

Въ виду подобнаго положительнаго заключенія, не оставалось ничего больше, какъ только приложить всѣ старанія къ тому, чтобы облегчить послѣднія минуты быстро угасавшей жизни: я такъ и сдѣлалъ. Старцевъ, видя мои старанія, обнаружилъ ко мнѣ искреннюю благодарность. Я замѣчалъ нѣсколько разъ, что онъ желаетъ что-то передать мнѣ, но скрытность характера и застарѣлое недовѣріе къ людямъ удерживали его отъ прилива внезапной откровенности. Онъ словно совѣстился познакомить посторонняго съ источникомъ своихъ душевныхъ страданій и въ то же время страстно жаждалъ подѣлиться съ кѣмъ нибудь своимъ тяжкимъ, неотразимымъ горемъ. Наконецъ, эта нерѣшительность была побѣждена моею внимательностью и сердечнымъ расположеніемъ. Однажды, чувствуя себя нѣсколько лучше, Старцевъ сказалъ мнѣ:

— Можетъ быть, ты удивляешься, мой дорогой опекунъ и другъ, что до сихъ поръ, несмотря на безграничное твое ко мнѣ сочувствіе, я не могъ отблагодарить тебя довѣріемъ... Не удивляйся и вмѣстѣ съ тѣмъ не оскорбляйся моею скрытностью... Тебѣ, вѣроятно.

извѣстно, что тѣ, которые много страдали въ жизни, стараются прятать свои мученія въ самыхъ потаенныхъ уголкахъ сердца, не имѣя смѣлости обнажить ихъ передъ равнодушной толпой. Ты первый, къ которому, послѣ испытанныхъ ударовъ судьбы, я почувствовалъ истинную дружбу и привязанность. Ты выказалъ мнѣ такую безграничную симпатію, что я рѣшаюсь познакомить тебя съ моими страданіями.... Можетъ быть это облегчитъ меня. Сознаюсь, что факты моей печальной жизни не изобилуютъ необыкновенными случаями и происшествіями: они очень просты, естественны, даже почти прозаичны; но въ нихъ таится страшная житейская драма... Страданія, меня убивающія, исходятъ отъ безнадежной любви и отъ... неотразимыхъ угрызеній совѣсти...

Отецъ мой былъ богатѣйшимъ купцомъ въ Иркутскѣ; онъ имѣлъ огромные склады товаровъ въ разныхъ городахъ Сибири, велъ крупную транзитную торговлю чаемъ, имѣлъ своихъ агентовъ по всей Россіи. Его воспитаніе ограничивалось элементарной школой, но тѣмъ не менѣе онъ умѣлъ цѣнить образованіе въ другихъ и потому отдалъ меня въ гимназію, по окончаніи курса которой послалъ въ С.-Петербургскій университетъ. Я былъ еще очень юнымъ, когда вернулся домой со степенью кандидата. Мой отецъ, по принятому обычаю у купцовъ, уже нашелъ для меня подругу жизни, не считая нужнымъ спросить моего мнѣнія. Подобные браки до того обыкновенны въ нашемъ краѣ, что я, какъ и много другихъ, приступилъ къ вѣнцу равнодушно, не безъ желанія, но и безъ радости, уступая условіямъ нашей общественной жизни. Моя жена, дочь богатаго золотопромышленника, была юнымъ созданіемъ, полнымъ свѣжести и красоты, но безъ всякаго воспитанія и образованія. Какой имѣла характеръ и любила-ли меня—я не могъ узнать, потому что, черезъ два мѣсяца послѣ свадьбы, мой отецъ, опасаясь неустойки въ своихъ дѣлахъ, благодаря недобросовѣстности одного изъ петербургскихъ банкировъ, приказалъ мнѣ отправиться въ столицу, изслѣдовать суть дѣла и доглядѣть за его окончаніемъ. Какъ ни горько мнѣ было разставаться съ молодой, красивой женой,— я исполнилъ волю отца. Получивъ рекомендательное письмо къ нашему компаньону, я обнялъ обливающуюся слезами Ольгу и пустился въ далекій путь...

III.

Многіе изъ васъ знаютъ длинную, мучительную, однообразную дорогу изъ Иркутска въ Петербургъ, продолжалъ Старцевъ свой разсказъ, послѣ короткаго перерыва. Одна безконечная линія прорѣзываетъ степи, густыя тайги, лѣсныя трущобы и тянется все дальше и дальше... Тройка мчитъ васъ отъ станціи къ станціи; колокольчики издаютъ свой унылый звукъ; ямщики, крича, ободряютъ лошадей, которыя мчатся въ карьеръ, а путешественникъ, изнуренный, наполовину омертвѣлый, впадаетъ въ то странное состояніе, которое обладаетъ всѣми признаками полнаго безсилія... Въ первые дни моего путешествія я грустилъ, мечталъ о розовыхъ щечкахъ моей жены, предугадывалъ ея слезы, считалъ вздохи, проклиналъ въ душѣ обстоятельства, заставившія меня покинуть молодую красавицу-жену и мчаться по ухабистой сибирской дорогѣ. Но постепенно, незамѣтно, впечатлѣнія эти начали ослабѣвать, затираться и пропадать. Дѣйствительно, трудно мечтать, когда сорокаградусный морозъ сковываетъ мозгъ, постоянное бряцанье колокольчиковъ разстраиваетъ нервы, а усталость смеживаетъ отяжелѣвшія вѣки. Я не доѣхалъ еще до Томска, какъ апатичное состояніе обезсилило всякіе порывы сердца. По временамъ, иногда, мелькалъ въ воображеніи очаровательный образъ жены, но, затуманенный сыплющимся снѣгомъ, быстро исчезалъ. Въ Тобольскѣ, видѣнія эти окончательно оставили меня: далѣе, за Пермью, я уже не чувствовалъ ничего. Я перестал совсѣмъ думать, мечтать: я былъ существомъ соннымъ, апатичнымъ, лишеннымъ воли... Не помню даже, какъ я пріѣхалъ въ Петербургъ, какъ очутился въ удобномъ помѣщеніи одной изъ лучшихъ гостиницъ на Невскомъ проспектѣ, нанятомъ мнѣ моимъ Иваномъ. Когда благодатное тепло согрѣло мои окоченѣвшіе члены, когда движеніе столицы охватило меня водоворотомъ своей общественной жизни, я проснулся отъ этой летаргіи, почувствовалъ усиленное движеніе крови... Я сталъ опять добрымъ, веселымъ; подъ вліяніемъ новыхъ впечатлѣній, воспоминаніе о бѣлокурой Ольгѣ совсѣмъ исчезло: оно разсѣялось по частямъ, среди длинной снѣговой линіи, называемой Иркутскимъ трактомъ...

Въ первые дни моего пребыванія въ Петербургѣ, я пользовался, какъ ребенокъ, всѣми развлеченіями. Я вспомнилъ дорогое студенческое время, имѣющее всегда много очарованій для всякаго, кто уже оставилъ университетскую скамью. Я ревностно посѣщалъ театры, выставки, публичныя гулянья, народныя увеселенія, и все это было для меня источникомъ неописаннаго наслажденія и умственнаго очарованія. Иркутскъ такъ много разнится отъ Петербурга, что нельзя удивляться тому, что я испытывалъ въ столицѣ... Тамъ движеніе, шумъ, жизнь—здѣсь постоянная тишина и покой. Тамъ люди чувствуютъ, мыслятъ, работаютъ, роятся тысячами-тысячъ—здѣсь прозябаютъ, пропадаютъ, словно атомы среди пространства безъ границъ и конца...

По прошествіи двухъ недѣль какого-то лихорадочнаго оживленія, наступилъ моментъ обдуманности и размышленія. Хоть стыдно, но долженъ сознаться, что этотъ поворотъ мысли на практическій путь былъ вызванъ только письмомъ, полученнымъ изъ Иркутска отъ отца, очень интересовавшагося, какъ идутъ его дѣла, что я сдѣлалъ и что остается сдѣлать. Отъ Ольги не было приложено ни одной строчки: бѣдняжка не умѣла писать!.. Рѣшившись вознаградить потерянное время, я тотчасъже отправился на квартиру Егора Варламова, компаньона отца, съ цѣлью предъявить рекомендательное письмо. Это былъ одинъ изъ богатѣйшихъ коммерсантовъ столицы; онъ жилъ въ роскошномъ собственномъ домѣ, на Большой Морской. Миновавъ различныя конторы, я былъ введенъ въ кабинетъ коммерсанта. Послѣдній сидѣлъ за столомъ и, медленно попивая чай, отдавалъ какія-то приказанія своимъ агентамъ, стоящимъ въ почтительномъ отдаленіи. Я молча поклонился и подалъ ему отцовское письмо. Взглянувъ на подпись, коммерсантъ быстро всталъ, протянулъ мнѣ руки и сталъ душить меня въ своихъ здоровыхъ объятіяхъ...

— Ты будешь у меня другомъ, сыномъ, а не гостемъ, проговорилъ наконецъ Варламовъ, крѣпко цѣлуя меня въ обѣ щеки. Единственный наслѣдникъ моего благодѣтеля Кузьмы, которому я обязанъ состояніемъ, не долженъ быть чужимъ въ моемъ домѣ... Гдѣ ты остановился?..

Я сказалъ.

— Зачѣмъ ты остановился въ гостиницѣ!?.. Возможно-ли это!?.. закипятился почтенный коммерсантъ... Ну, другъ Алеша, я этого отъ тебя не ожидалъ... Эй, Осипъ, Иванъ, ступайте за вещами молодого барина и справляйтесь живо!.. отдалъ онъ приказаніе, не спросивъ даже меня, насколько будетъ мнѣ удобно остановиться въ его домѣ.

Затѣмъ онъ прибавилъ, обращаясь ко мнѣ:

— Поселишься у меня, мой другъ... Сейчасъ подадутъ обѣдъ...

— Не смѣю злоупотреблять... вздумалъ было я постоять за свою самостоятельность.

— Что, что такое!? перебилъ мою рѣчь добродушный Варламовъ. Твои нѣмецкія церемоніи мнѣ не нравятся... Мы не нѣмцы, а люди русскіе: что на сердцѣ, то и на языкѣ... Ѣшь, пей, приказывай и будь какъ у себя дома...

Поздравленіе съ Новымъ Годомъ. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Уменьшенная копія нашей главной преміи на 1887 годъ, картины проф. К. Е. Маковскаго „Бабушкина сказка“.
Рис. на деревѣ А. Земцовъ, грав. Ю. Барановскій.

Нечего разсуждать—дѣло устроено. Пока я покончу съ этими господами, ты познакомишься съ моею дочерью... Го, го, увидишь, какая она у меня умница... Саша, а, Саша, поди къ отцу!

Едва успѣлъ онъ кликнуть дочь, какъ въ дверяхъ кабинета показалась прелестная дѣвушка, лѣтъ семнадцати, стройная, очаровательная, веселая, съ игривой, задорной улыбкой на пунцовыхъ губкахъ.

— Ты меня звалъ, папаша? спросила она мягкимъ, груднымъ голосомъ.

— Да, милая!.. Отдаю тебѣ подъ опеку сына моего лучшаго друга и благодѣтеля... Постарайся, чтобы онъ не скучалъ, чтобы ему было хорошо... Впрочемъ, тебѣ напоминать лишнее, плутовка!..

Молодая дѣвушка посмотрѣла на меня и яркій румянецъ заигралъ на ея щекахъ. Она была поразительно хороша!.. Я былъ ошеломленъ, очарованъ, ослѣпленъ!.. Ея большіе, черные глаза, обрамленные пышными, темными рѣсницами, блестѣли магнетическимъ огнемъ... Волшебная сила ея божественнаго взора оказала на меня неотразимое впечатлѣніе... Я чувствовалъ что-то непонятное, странное. Меня влекла къ этой дѣвушкѣ какая-то непреодолимая сила... Я положительно не могъ оторвать своихъ затуманенныхъ глазъ отъ ея восхитительной головки, обрамленной густыми волнами черныхъ кудрей... О, это былъ ангелъ, мгновенно овладѣвшій моимъ сердцемъ, душой, волей и разумомъ!.. Боже, Боже мой, какъ она была поразительно хороша!..

Алексѣй Кузьмичъ замолкъ. Закрывъ лицо руками, онъ предался тягостнымъ воспоминаніямъ. Я не смѣлъ тревожить его и молчалъ, терпѣливо ожидая продолженія трогательной исповѣди...

IV.

Не знаю, какъ долго глядѣлъ я на дѣвушку восторженнымъ взоромъ, не находя словъ для привѣтствія, продолжалъ Старцевъ, послѣ продолжительнаго раздумья. Смущенный, безмолвный, я положительно не могъ дать себѣ яснаго отчета въ совершавшихся вокругъ меня обстоятельствахъ. Дочь Варламова, сжалившаяся наконецъ надъ моимъ положеніемъ, подошла ко мнѣ и, взявъ меня за руку, просто сказала:

— Пойдемъ въ гостиную... Отецъ скоро придетъ...

Эта искренняя, ни съ чѣмъ несравнимая, естественность дѣвушки, ея дѣтская наивность, произвели на меня неотразимое впечатлѣніе. Я былъ ошеломленъ, очарованъ, ослѣпленъ!.. Я очутился въ положеніи путника, долго блуждавшаго среди горячихъ песковъ пустыни и случайно наткнувшагося на роскошный оазисъ. Мнѣ не нужно было долгихъ наблюденій, чтобы замѣтить, что Саша получила старательное образованіе, которое, при наивной простотѣ дѣвушки, производило глубокое впечатлѣніе...

Часъ прошелъ, какъ одна минута. Увлекшись разговоромъ съ прелестной дѣвушкой, я и не замѣтилъ Варламова, стоявшаго позади насъ.

— Толкуйте, толкуйте, проговорилъ старикъ, поглаживая свою сѣдую бороду, а супъ стынетъ, пирожки пережариваются... Пойдемте къ столу, мои дѣти.

Не знаю почему, но послѣднее слово прозвучало для меня крайне пріятно.

— Говорю такъ, продолжалъ Варламовъ, указавъ мнѣ мѣсто возлѣ дочери и наливая себѣ объемистую рюмку анисовки,—потому что сына моего почтеннаго друга Старцева считаю своимъ сыномъ... Ты, Саша, помни объ этомъ: онъ твой нареченный братъ, и для скрѣпленія вашей братской дружбы поцѣлуйтесь.

Легкій румянецъ опять выступилъ на лицѣ моей сосѣдки. Привыкшая безпрекословно повиноваться своему отцу, она нагнула ко мнѣ свою головку, и я, дрожа отъ волненія, напечатлѣлъ на ея бѣлоснѣжномъ лбу горячій поцѣлуй. Я чувствовалъ, что этотъ случайный, неожиданный поцѣлуй не былъ залогомъ чистой, спокойной, братской привязанности, а заревомъ пылкаго, неотразимаго чувства первой любви...

Что могу сказать вамъ больше? Довольно того, что не кончился еще день, а уже мнѣ казалось, что я составляю частицу семейства, которое такъ сердечно приняло меня. Я чувствовалъ себя какъ дома; мнѣ было хорошо и спокойно...

Варламовъ на слѣдующій же день занялся со мною дѣлами моего отца, но они были такъ запутаны, что требовали спеціальной обработки и много времени.

— Знаешь что, сказалъ мнѣ Варламовъ, вернувшись отъ адвоката,—это дѣло не по тебѣ. Ты изнѣженный барчукъ, имѣешь умъ для книжныхъ мудрствованій. Я мужикъ и владѣю мужицкой хитростью и смекалкой, необходимыми при такихъ сложныхъ и запутанныхъ счетахъ. Эти ябедники съѣли бы тебя... Стараго же Варламова не съѣдятъ—за это ручаюсь... И такъ, сиди здѣсь, развлекайся, будь товарищемъ моей голубкѣ Сашѣ, а я за тебя поработаю.

— Но столько жертвъ, вздумалъ было я отклонить любезныя услуги старика.

— Какъ? Что? Опять тебѣ въ голову пришли жертвы?.. Я ничѣмъ не жертвую, даже временемъ, потому что у того же адвоката имѣю свои дѣла.

— Однако...

— Никакихъ „однако!..“ Варламовъ сказалъ, что сдѣлаетъ, и сдѣлаетъ, а ты сиди тихо, ежели не хочешь разсердить меня.

Долѣе сопротивляться было невозможно. Старикъ, благодаря упрямству, всегда умѣлъ поставить на своемъ. Откровенно признаться, въ душѣ я радовался услугамъ старика... Прошла недѣля, и почтенный мой опекунъ сообщилъ мнѣ, что дѣла поставлены на хорошую дорогу; но при этомъ прибавилъ, что торопливость можетъ испортить все, а потому совѣтовалъ мнѣ быть терпѣливымъ. Въ послѣднемъ совѣтѣ, признаться, я и не нуждался. Съ каждымъ днемъ я все больше и больше привязывался къ новой жизни, мирной, однообразной, но преисполненной неотразимымъ очарованіемъ и глубокой прелестью. Казалось, что до сихъ поръ мое существованіе было лишено сердечной теплоты; первый разъ въ жизни я почувствовалъ юношескій жаръ, восхищеніе красотой, влеченіе къ свѣту и людямъ. Первый разъ я избавился отъ холодной апатіи, бывшей до сихъ поръ единственнымъ признакомъ моего характера... Я не разставался съ Сашей ни на минуту. Время незамѣтно проходило въ безконечныхъ бесѣдахъ. Она любила слушать мои разсказы о непроходимыхъ тайгахъ, о безграничныхъ степяхъ, о чудномъ сѣверномъ сіяніи. Часто, при описаніи патріархальной жизни сыновъ пустыни, она нашептывала: „о, я чувствую, что тамъ лучше, чѣмъ у насъ!..“ Впечатлительность ея была громадная. Она увлекалась моими разсказами словно ребенокъ, приводя меня тѣмъ въ неописанный восторгъ...

Пребываніе мое въ домѣ Варламова было какъ бы однимъ долгимъ, пріятнымъ сномъ. О пробужденіи я не хотѣлъ и думать, предчувствуя и горечь, и страданія. Каждое извѣстіе о продолженіи срока окончанія отцовскихъ дѣлъ наполняло мое сердце радостью, хотя въ этомъ я не смѣлъ сознаться. Въ разговорахъ съ Сашей, мы касались всѣхъ предметовъ, за исключеніемъ одного... Нельзя допустить, чтобы Саша не знала, что я женатъ, такъ какъ это обстоятельство ни для кого не было тайной. Однако, она избѣгала даже намека на это... А я... я тяготился своими супружескими цѣпями, сковывавшими мою волю. Когда, изрѣдка, являлась въ моей памяти жена, ожидающая моего возвращенія, я старался отстранить это воспоминаніе, какъ разрушающее гармонію чудныхъ видѣній...

V.

Однажды, мы сидѣли въ оранжереѣ, среди магнолій и камелій, храня глубокое молчаніе. Саша держала въ рукахъ нѣсколько, только-что сорванныхъ, камелій и укладывала ихъ въ букетъ. Я всматривался въ ея лицо ангельской красоты, не смѣя нарушить тишины.

— О чемъ мечтаешь? вдругъ спросила Саша, не отрывая глазъ отъ букета.

Съ перваго дня знакомства, исполняя волю ея отца, мы говорили на „ты“, какъ братъ и сестра.

— Я размышляю о непрочности человѣческаго счастья, отвѣчалъ я, и думаю о будущемъ...

— Настроеніе очень философическое, но зачѣмъ заглядывать въ будущее, разъ существуетъ настоящее.

— Но вѣдь настоящее—только моментъ...

— Ты правъ, прошептала Саша, опустивъ голову. По ея ясному лицу пробѣжала тучка грусти... Нельзя ли продлить желанные моменты, не доискиваясь этого несноснаго завтра? проговорила она послѣ краткаго раздумья.

— Продлить можно, но рано или поздно придетъ же имъ конецъ.

Едва я выговорилъ эти слова, какъ на рѣсницахъ ея повисли слезы; тихо покатились онѣ по щекамъ и затерялись въ складкахъ платья.

— Я гадкая эгоистка, шепнула она, думаю только о себѣ, хорошо зная, что тамъ, далеко, витаютъ твои мысли... Тебя тянетъ въ Иркутскъ чувство, болѣе теплое, чѣмъ мое чувство дружбы...

— Тамъ мой отецъ...

— И кто-то еще...

Первый разъ, послѣ нашего знакомства, Саша напомнила мнѣ о моей женѣ. Страданіе, отразившееся на ея лицѣ, подсказало мнѣ ясно, что привязанность сестры, которою она старалась прикрыть свои чувства, была только игрой словъ. Я давно понялъ, что дѣлается въ моей душѣ, но молчалъ, боясь обнаружить мою преступную любовь... Теперь... я чувствовалъ взаимность, и эта страстно желанная взаимность привела меня вдругъ въ горестное смятеніе... Восторгъ взаимной любви былъ поглощенъ тяжкимъ сознаніемъ, что мое счастье должно быть разбито въ самомъ зародышѣ. Въ первый моментъ, я желалъ броситься къ ногамъ горячо любимой дѣвушки, но разсудокъ остановилъ мой порывъ... Имѣлъ ли я право, обвѣнчанный съ другой, рабъ добровольно принятой присяги, признаться въ своей преступной страсти!?.. Могъ ли я отплатить за гостепріимство подобнымъ низкимъ, коварнымъ поступкомъ!.. Положеніе мое было ужасное... Послѣ короткой душевной борьбы, повинуясь логикѣ влюбленныхъ, я рѣшился успокоить дѣвушку, не выходя изъ роли друга и брата.

— Ты ошибаешься, дорогая Саша, сказалъ я ей, стараясь придать своему голосу должную твердость. Ты напрасно думаешь, что какое нибудь другое чувство, кромѣ привязанности къ осиротѣвшему отцу, можетъ заставить меня вернуться на родину.

— Однако, возразила она несмѣло, тамъ есть еще лицо, которое, во всякомъ случаѣ, интересуетъ тебя.

— Жена! воскликнулъ я, собравъ для произнесенія этого жгучаго слова, всю силу духа. Дорогая, ты не знаешь моей печальной жизни, если такъ судишь... Правда, я думаю о женѣ, но только какъ о тяжеломъ камнѣ, привязанномъ рукой Провидѣнія къ моему существу.

Саша посмотрѣла на меня, и въ ея подернутыхъ слезами глазахъ блеснули удовольствіе и радость.

— Ты ее не любишь? спросила она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

— Любить ее!? произнесъ я едва слышно. И ты объ этомъ спрашиваешь?..

Я не смѣлъ докончить, но глаза мои досказали остальное, чего я не могъ произнести.

Этой одной короткой минуты было черезчуръ достаточно, чтобы указать намъ пропасть, на краю которой мы находились. Высказать все, что таилось въ нашихъ сердцахъ, было бы шагомъ, ведущимъ къ гибели. Саша, болѣе осторожная и осмотрительная, поспѣшила перемѣнить разговоръ, не удаляясь однако отъ прежней темы.

— Если ты чувствуешь себя несчастнымъ, подѣлись со мной своими страданіями: это облегчитъ тебя...

— Ты желаешь этого?..

— Да, если это можетъ успокоительно повліять на твое наболѣвшее сердце. Помни, что участіе друга всегда дѣйствуетъ благотворно.

— Ты права, сказалъ я, ты должна знать все... Когда тебѣ будутъ извѣстны всѣ факты моей жизни, ты не удивишься ни моему равнодушію къ той, съ которой соединила меня непреклонная воля моего отца, ни боязни, которая овладѣваетъ мною при одной мысли, что скоро будетъ необходимо вернуться въ Иркутскъ.

И я началъ ей разсказывать свою печальную исторію. Въ общихъ чертахъ она была вѣрна, но, подъ вліяніемъ овладѣвшаго моимъ сердцемъ чувства, я старался представить себя болѣе несчастнымъ, чѣмъ былъ въ дѣйствительности. Апатичное равнодушіе, съ какимъ я исполнилъ волю отца, вѣнчаясь на незнакомой дѣвушкѣ, возрасло до героизма: обыкновенная сыновняя покорность стала вдругъ въ моихъ устахъ безмѣрной жертвой. Больше скажу: даже то, что составляло красу въ моемъ бракѣ, это естественное влеченіе къ молодой, красивой женщинѣ, какое я испытывалъ къ моей женѣ, я утаилъ отъ Саши, утаилъ съ эгоистическою цѣлью казаться несчастнѣйшимъ въ мірѣ человѣкомъ.

Саша слушала меня молча: только на ея прелестномъ лицѣ отражалось глубокое участіе къ несчастному другу. Когда я кончилъ, она взяла мою руку и крѣпко пожала ее.

— Бѣдный другъ! прошептала она дрожащимъ отъ волненія голосомъ.

И невольно склонила свою голову на мое плечо. Почувствовавъ ея прикосновеніе, я вздрогнулъ: огонь пробѣжалъ по моимъ жиламъ и, не сознавая, что дѣлаю, я горячо поцѣловалъ въ ея полураскрытыя губы... Одна изъ камелій, бывшихъ въ рукѣ дѣвушки, упала на мои колѣни. Я схватилъ этотъ цвѣтокъ и, страстно прижимая его къ груди, воскликнулъ:

— Пусть этотъ цвѣтокъ будетъ залогомъ нашей...

Тутъ я замялся, не смѣя досказать... Послѣ короткой душевной борьбы, чувство долга пересилило страсть, и я шепотомъ прибавилъ:

— Дружбы...

— Да, дружбы вѣчной, неразрывной! воскликнула Саша. Я тебя люблю... какъ брата... Можетъ быть больше... едва слышно прибавила она.

Состояніе, въ какомъ мы находились, было однимъ изъ тѣхъ предѣловъ, за которыми часто разыгрывается драма жизни. Сердца наши шибко стучали; рука дѣвушки дрожала въ моей рукѣ; я наслаждался очарованіемъ, овладѣвшимъ всѣмъ моимъ существомъ... Вдругъ раздался громкій голосъ горничной Саши — Прасковьи:

— Алексѣй Кузьмичъ, Александра Егоровна, пожалуйте кушать: супъ на столѣ—папаша васъ ожидаетъ.

Мы встрепенулись отъ пріятнаго полусна и вернулись къ холодной, безцвѣтной дѣйствительности. Удаляясь, мы невольно взглянули назадъ. Эта бесѣдка, обвитая магноліями, была для насъ дорогимъ воспоминаніемъ: въ ней мы поняли всю силу нашей привязанности. Я оставлялъ бесѣдку съ необъяснимымъ сожа-

лѣніемъ: мнѣ хотѣлось бы не выходить изъ нея, умереть въ ней...

— Эхъ, дѣти, дѣти! добродушно встрѣтилъ насъ Варламовъ, сидѣвшій уже за столомъ. Нельзя забывать въ болтовнѣ, что уставшій старикъ ѣсть хочетъ... Да, шибко усталъ, и все бѣгавши по дѣлу моего почтеннаго друга Кузьмы. Ну, Алексѣй, такую я, братъ, фортель выкинулъ, что дѣло твое можно считать почти оконченнымъ...

(До слѣд. №).

Жизнь на днѣ моря.

Таинственны глубины морей, куда не проникаетъ свѣтъ и гдѣ все погружено во мракъ. Животныя высшей организаціи, вытащенныя оттуда сѣтью, или слѣпы, или обладаютъ большими глазами, и слѣдятъ ими за добычею при фосфорическомъ свѣтѣ, который издаютъ сами или который исходитъ отъ низшихъ животныхъ. Мы не можемъ составить себѣ понятія о подводномъ мракѣ и о жизни существъ тамъ живущихъ, такъ какъ вытащенныя на поверхность, они тотчасъ погибали отъ недостатка давленія. На глубинѣ свыше 6000 футовъ, на квадратный дюймъ давитъ 280 пудовъ, между тѣмъ какъ на поверхности земли на квадратный дюймъ атмосферное давленіе не превышаетъ 17 фунтовъ. Мѣдная труба, со вложенною въ нее стеклянною трубкою, опущенная на глубину до 6000 футовъ, оказалась, по вынутіи, совершенно сдавленною, а стекло — превращеннымъ въ порошокъ. Новѣйшія опусканія лота на глубину удостовѣрили, что въ илѣ, зачерпнутомъ съ глубины 7500 футовъ—глубины, которая соотвѣтствуетъ вышинѣ горы Попокатепетль (въ Мексикѣ)—находятся крошечныя существа, микроорганизмы, подобныя которымъ извѣстны у насъ на поверхности подъ именемъ бациллъ, нлѣсени, микрококъ, т. е. существъ обусловливающихъ броженіе и причиняющихъ болѣзни.

Для ознакомленія съ мельчайшими существами глубины, капля воды или немножко ила, при тщательномъ изолированіи отъ зародышей воздуха, вкладывалась въ отваръ изъ телятины, курицы, молоко, настой сѣна и другія такъ называемыя питательныя жидкости. съ цѣлью дать произрасти и развиться сѣмени. Такимъ образомъ удалось воспитать строго научнымъ путемъ маленькія существа, причемъ оказалось, что одинаковыя породы этихъ существъ были живѣе и меньше при полученіи ихъ изъ воды взятой на глубинѣ, и, напротивъ, были крупнѣе, если происходили изъ ила. Однако до сихъ поръ не опредѣлено еще, одинаковы ли съ извѣстными уже микроорганизмами найденныя на глубинѣ моря мелкія существа, которыя размножаются при благопріятныхъ условіяхъ, не смотря на страшное давленіе, которому подвергаются, возникаютъ ли они на поверхности и погружаются въ глубину и, наконецъ, могутъ ли они производить болѣзненное вліяніе на животный организмъ. Быть можетъ, подводныя бактеріи годятся для предохранительной прививки, въ виду того, что размножаются необыкновенно медленно, чѣмъ совершенно отличаются отъ извѣстныхъ уже бактерій.

Высокое давленіе, подъ которымъ онѣ живутъ, навело одного ученаго на мысль изучить дѣйствіе давленія на маленькія существа. При помощи машинъ онъ могъ доводить давленіе до 1000 атмосферъ, что соотвѣтствуетъ 15000 футовъ морской глубины, и получилъ замѣчательные результаты.

Пивныя дрожжи, подверженныя давленію 1000 атмосферъ въ теченіе часа, не умирали, но только ослабѣвали. По прошествіи часа онѣ, смѣшанныя съ сахарнымъ растворомъ, были въ состояніи вызвать броженіе. Въ другомъ случаѣ дрожжи, разбавленныя сахарною водою, подвергались въ теченіе семи часовъ давленію 600 атмосферъ. Въ это время броженія не было. Но по удаленіи давленія, броженіе наступало черезъ часъ. Стоячая вода, кишащая инфузоріями, въ теченіе получаса подвергалась такому же давленію. Животныя не выказывали движенія, но оправились довольно скоро. Они казались уснувшими. Моллюски были въ такомъ же состояніи, но рыбы умирали при давленіи въ 100 и 400 атмосферъ. Сѣмена садоваго кресса, подверженныя давленію 1000 атмосферъ въ теченіе десяти минутъ, произрастали только по прошествіи недѣли. Жизнь зародышей и здѣсь была въ состояніи оцѣпенѣнія, отъ котораго медленно пробуждалась. Удивительное явленіе кипучей жизни на такой глубинѣ невольно поражаетъ и возбуждаетъ вниманіе.

Ѳ. И. Тютчевъ. По фотогр. грав. А. Нейманъ.

Новый Годъ. Аллегорическій рисунокъ Р. Штейна, грав. Ю. Барановскій.

Къ рисункамъ.

Полчища Батыя подъ Кіевомъ. (Рис. на стр. 4 и 5).

Въ 1227 г. совершилось для татарскихъ полчищъ, заполонившихъ Русь, важное событіе—умеръ Чингизъ-Ханъ и владычество надъ всею страною между Яикомъ и Днѣпромъ перешло къ внуку его — Батыю. Отдохнувшая отъ татарскихъ погромовъ за послѣдніе десятилѣтія и начавшая поправляться, Русь вновь подверглась тяжкому испытанію. Въ 1236 году 300,000 татаръ подъ начальствомъ Батыя вошли въ землю Болгарскую, сожгли и разорили города, опустошили всю зёмлю и истребили жителей. Въ слѣдующемъ году лѣсными путями, съ Востока явились въ Рязанскихъ предѣлахъ татары; они свирѣпствовали въ Россіи до 1239 г.; развалины Москвы, Рязани, Владиміра, Козельска, Чернигова и многихъ другихъ городовъ дымились; а жители, отведенные татарами въ полонъ, стенали въ оковахъ и завидовали мертвымъ. Но князья южной Россіи были равнодушными зрителями этихъ бѣдствій и думали только о собственныхъ выгодахъ. Едва Ярославъ II Всеволодовичъ удалился изъ Кіева, чтобы сѣсть на престолъ брата своего Георгія, великаго князя Владимірскаго, павшаго въ сраженіи съ монголами на берегу рѣки Сити, какъ Михаилъ Черниговскій тотчасъ занялъ древнюю столицу, оставивъ въ Галичѣ сына Ростислава. Ему удалось княжить въ Кіевѣ недолго, такъ какъ Батый, давно уже слышавшій о нашей древней столицѣ Днѣпровской, о ея богатствахъ церковныхъ и обширной промышленности, задумалъ нанести Кіеву рѣшительный ударъ. Онъ послалъ внука Чингизъ-Хана, Мангу, осмотрѣть Кіевъ. Лѣтописцы говорятъ, что Мангу, увидѣвъ городъ съ лѣвой стороны Днѣпра, не могъ надивиться красотѣ города, живописно расположеннаго на высокомъ, крутомъ берегу величественной рѣки. Высокія зданія, блестящія главы многихъ храмовъ, возвышавшихся между зелеными рощами, исполинская бѣлая стѣна съ вратами и бѣлыми башнями, окружавшая верхній городъ и напоминавшая счастливые дни Ярослава Мудраго, произвели сильное впечатлѣніе на кочующихъ дикарей. Этотъ эпизодъ, когда Мангу съ своей свитой впервые видитъ Кіевъ, изображенъ на нашемъ рисункѣ. Мангу отправилъ пословъ къ жителямъ, думая, что слухи о побѣдахъ татаръ и разореніи знатнѣйшихъ городовъ устрашили кіевлянъ и заставятъ ихъ безропотно принять подданство; но кіевляне съ гордостью отвергли предложеніе, умертвили пословъ и клялись положить животъ свой за отечество. Такъ дѣйствовалъ народъ, а князь Михаилъ думалъ иначе; боясь мести татаръ, онъ бѣжалъ въ Венгрію. Ростиславъ Мстиславовичъ завладѣлъ столицею. Даніилъ I Галицкій, узнавъ объ этомъ, въѣхалъ въ Кіевъ и задержалъ Ростислава, какъ плѣнника. Даніилъ, видя страшное ополченіе монголовъ, не могъ надѣяться на свою, хотя и храбрую, но малочисленную дружину, рѣшился подобно Михаилу искать спасенія у короля венгерскаго, поручивъ защиту Кіева тысяцкому Дмитрію. Въ 1240 году явился Батый подъ Кіевомъ; его ужасное войско, какъ громовая туча, со всѣхъ сторонъ облегло древнюю столицу Руси. Доминиканскій монахъ Іакинфъ Одровонжъ, очевидецъ гибели Кіева, пишетъ, что свирѣпые крики враговъ, ревъ воловъ и верблюдовъ, скрипъ огромнѣйшаго обоза и ржаніе коней едва дозволяли жителямъ слышать другъ друга въ разговорахъ. Одинъ татаринъ, взятый въ плѣнъ, объявилъ, что самъ Батый стоитъ подъ стѣнами Кіева со всѣми воеводами татарскими. Нѣкоторые изъ нихъ были уже извѣстны своими побѣдами, какъ Бастырь, покоритель Казанской Болгаріи и княжества Суздальскаго и др. Но Кіевомъ начальствовалъ рѣдкій герой, тысяцкій Дмитрій, котораго никакая опасность не могла устрашить. Врата Лядскія, къ которымъ примыкали дебри, представляли врагамъ удобнѣйшее мѣсто для приступа. Батый поставилъ стѣнобитни подлѣ этихъ воротъ, они били безпрестанно день и ночь и, не смотря на отраженія со стороны кіевлянъ, пробили наконецъ стѣны. Жителямъ осталось грудью защищать городъ и свободу: началась ужасная борьба, стрѣлы омрачали воздухъ, копья трещали и ломались; но отчаянное сопротивленіе уступило силѣ, и къ вечеру татары овладѣли городскою стѣною и расположились на ея развалинахъ провести ночь. Дружина раненаго Дмитрія принуждена была отступить къ Десятинной церкви, вокругъ которой за ночь граждане выстроили новыя деревянныя стѣны и татарамъ на другой день пришлось брать ихъ опять съ боя. Здѣсь воины и граждане, искавшіе спасенія съ своимъ драгоцѣннѣйшимъ имуществомъ, ожидали дня и всѣхъ его ужасовъ. Это была уже слабая защита города, но никто не думалъ о переговорахъ. Дмитрій, исходя кровью, измышлялъ способы дорогою цѣною уступить побѣду врагамъ и своимъ примѣромъ воодушевлялъ соотечественниковъ. Наконецъ, настало 6-е декабря: монголы, отдохнувъ, возобновили сраженіе и разрушили послѣднюю ограду русскихъ: остервенѣніе кіевлянъ не могло уже удержать враговъ, которые достигли церкви Богородицы. Здѣсь схватили Дмитрія и привели къ Батыю. Предводитель татаръ, удивляясь необыкновенному мужеству Дмитрія, не велѣлъ убивать его. Татары окончательно овладѣли Кіевомъ, нѣсколько дней яростно истребляли они все огнемъ и мечемъ; такую же участь имѣла и Печерская обитель; многіе изъ жителей надѣялись укрыться въ стѣнахъ монастыря и геройски оборонялись, но все было тщетно. Татары, сокрушивъ стѣны монастыря, умертвили большую часть людей, похитили всѣ сокровища, сняли златокованный крестъ съ главнаго купола, а самую церковь разломали до оконъ, истребили до основанія кельи и монастырскую ограду. Древній Кіевъ погибъ. Великолѣпный храмъ Десятинный, первое зданіе греческаго зодчества въ Россіи, былъ разрушенъ до основанія; куполъ Софійскаго храма былъ поврежденъ, варвары искали сокровищъ не только въ кладовыхъ, но и въ стѣнахъ церквей. Весь городъ превратился въ одну кучу развалинъ. Батый не пощадилъ и самыхъ могилъ,—уцѣлѣлъ только надгробный памятникъ Ярославовъ. Кіевъ оставался безлюднымъ и въ развалинахъ въ теченіе десяти лѣтъ. Впослѣдствіи на развалинахъ города стали появляться бѣдныя хижины, жители которыхъ поставили отъ набѣговъ непріятеля деревянный городъ на мѣстѣ Стараго Кіева, а на Подолѣ оградились полисадомъ. Въ XIV и XV вѣкѣ знаменитая „матерь" русскихъ городовъ представляла бѣдную деревню. Разоривъ Кіевъ, Батый затѣмъ двинулся на Волынь и въ Венгрію.

Галичка (гор. Галича, Костр. губ.).

(Рис. на стр. 9).

Костромская губ. отличается многими сохранившимися особенностями старины въ обычаяхъ и костюмахъ, но ни въ одной ея мѣстности нѣтъ столько этихъ особенностей, какъ въ Галичѣ. Женщины галичскія имѣютъ на себѣ нѣкоторый особенный, мѣстный отпечатокъ красоты, особенно оттѣняемый ихъ оригинальнымъ костюмомъ. Нарядъ ихъ красивый и богатый и сохраняется въ семьѣ изъ поколѣнія въ поколѣніе. Головной уборъ, какъ видно на нашемъ рисункѣ, состоитъ изъ низанной жемчугомъ, бѣлой съ цвѣтными камнями повязки, называемой „вѣнцомъ", которая закрываетъ волоса. На лбу до бровей спускаются нити жемчуга въ видѣ гирлянды, называемой „поднизью". На сарафанъ, который дѣлается изъ толстой штофной матеріи, надѣвается короткая тѣлогрѣйка. Это былъ общепринятый нарядъ богатой крестьянской дѣвушки. Теперь, разумѣется, старые обычаи и костюмы все болѣе выводятся и замѣняются страннымъ и неудачнымъ подражаніемъ современнымъ модамъ. За артистическое исполненіе этой гравюры, граверъ г. Голевинскій удостоенъ первой преміи на Варшавской художественной выставкѣ.

Поздравленіе съ Новымъ Годомъ. (Рис. на стр. 12).

Въ деревнѣ, въ глуши, наступленіе Новаго Года—цѣлое событіе, нарушающее обычный мирный ходъ деревенской жизни чѣмъ то яснымъ, праздничнымъ, и особенно нетерпѣливо ждутъ его мальчуганы-школьники, которые пойдутъ поздравлять съ Новымъ Годомъ господъ, и учителя, и батюшку,—и имъ что нибудь да перепадетъ. На рисункѣ нашемъ видно какъ мальчуганы толпятся въ дверяхъ чисто прибранной горницы какого нибудь попечителя школы или земскаго дѣятеля, который заботится объ школѣ, посѣщаетъ ее и т. п. Хозяинъ вынимаетъ бумажникъ, чтобы дать дѣткамъ на пряники.

„Бабушкина сказка", копія карт. К. Е. Маковскаго.

(Рис. на стр. 13).

Чтобы познакомить тѣхъ изъ нашихъ читателей, которые, живя вдали отъ городскихъ центровъ, не могли видѣть подлинника и копіи превосходной картины профессора К. Е. Маковскаго „Бабушкина сказка", назначенной въ главную премію на 1887 г., мы здѣсь помѣщаемъ тщательно исполненную г. Земцовымъ копію съ этого художественнаго произведенія. Уже и здѣсь видны изящество, естественность и прелесть композиціи этой картины. Типично добродушное, одушевленное старческое лицо бабушки, очевидно сказочницы-мастерицы, ибо дѣти съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ слушаютъ ее. Тайна этого заключается, быть можетъ, также и въ томъ сердечномъ интересѣ, которымъ проникнута сама бабушка къ своей сказкѣ. Эту сказку, будучи еще сама дѣвочкой, старуха слышала отъ своей матери или дѣда; сказка эта пробуждаетъ въ ней самой тысячи старыхъ воспоминаній и уноситъ ее своими волшебными подробностями въ пестрый, фантастическій міръ Ивановъ-царевичей и Жаръ-птицъ. За приключеніями героя сказки слѣдитъ съ жаднымъ и пристальнымъ вниманіемъ группа дѣтей, самыхъ различныхъ типовъ, такъ превосходно и тонко переданныхъ художникомъ. Особенно прелестно по выраженію задумчивое, мечтательное личико мальчика, сидящаго ближе другихъ, слѣва, около разсказчицы, вслушиваясь въ ея голосъ и всматриваясь мысленно въ образы ея пестрой сказки...

Гравюра, хотя и прекрасно исполненная, не можетъ передать конечно всей живости и прелести красокъ оригинала. Считаемъ нужнымъ замѣтить для лицъ, желавшихъ получить въ премію пейзажъ, что эта прекрасная картина заключаетъ въ себѣ и пейзажъ, и жанръ, и оба они такъ хороши, что не знаешь, которому изъ нихъ отдать преимущество.

Ѳ. И. Тютчевъ. (Портр. на стр. 16).

Тютчевъ—поэтъ еще пушкинской плеяды, онъ былъ только четырьмя годами моложе Пушкина, и Пушкинъ самъ еще печаталъ его стихи въ своемъ „Современникѣ". Кромѣ того, Тютчевъ—политическій писатель, одинъ изъ людей, краснорѣчиво и громко проповѣдывающихъ свои мнѣнія среди общества. Одинъ изъ нашихъ замѣчательнѣйшихъ писателей,—поэтъ Ѳеодоръ Ивановичъ Тютчевъ родился 23 ноября 1803 г., въ родовомъ Тютчевскомъ имѣніи, селѣ Овстугъ, Орловской губерніи, Брянскаго уѣзда. Тютчевы принадлежали къ старинному русскому дворянству. Его отецъ, выйдя рано въ отставку, женился и зажилъ тамъ извѣстнымъ образомъ жизни, которымъ жило большинство зажиточнаго русскаго дворянства. Ѳеодоръ Ивановичъ и по внѣшнему виду (онъ былъ очень худъ и небольшого роста), и по нравственному развитію болѣе походилъ на мать, Екатерину Львовну (урожденная Толстая), женщину замѣчательнаго ума. Съ самыхъ раннихъ лѣтъ Ѳеодоръ Ивановичъ оказался въ семьѣ какимъ-то особнякомъ, съ признаками высшихъ дарованій, а потому тотчасъ же сдѣлался предметомъ вниманія и баловства бабушки Остерманъ, матери и всѣхъ окружающихъ. Это баловство впослѣдствіи сильно отразилось на его характерѣ: еще съ дѣтства онъ сталъ врагомъ всякаго напряженія воли, всякаго принужденія и тяжелой работы. Учился онъ, благодаря способностямъ, необыкновенно успѣшно. Желая дать ему возможно блестящее и серьезное образованіе, воспитателемъ къ нему пригласили С. Е. Раича. Это безспорно былъ одинъ изъ образованнѣйшихъ людей своего времени. Раичъ пробылъ въ домѣ Тютчевыхъ семь лѣтъ и имѣлъ большое вліяніе на умственное и нравственное сложеніе своего ученика и утвердилъ въ немъ литературное направленіе. Подъ его руководствомъ Тютчевъ превосходно изучилъ классиковъ и сохранилъ эти знанія на всю жизнь. Въ 1818 году Тютчевъ поступилъ въ Московскій университетъ, гдѣ близко познакомился съ Погодинымъ. Когда Ѳеодору Ивановичу не было еще и 18 лѣтъ, онъ отлично сдалъ экзамены и получилъ кандидатскую степень. Пробывъ недолго на службѣ въ Петербургѣ, онъ въ 1822 г. получилъ мѣсто при русской миссіи въ Мюнхенѣ. Большую часть своей жизни затѣмъ онъ провелъ заграницей, при русскихъ посольствахъ. Съ 1857 года былъ предсѣдателемъ комитета иностранной цензуры въ Петербургѣ. Тютчевъ былъ женатъ два раза и имѣлъ нѣсколькихъ дѣтей.

Ѳеодоръ Ивановичъ былъ не только своеобразный, истинный художникъ-поэтъ, но и одинъ изъ двигателей русскаго самосознанія. Извѣстность его, какъ поэта, начинается съ 1854 г., т. е. когда ему пошелъ уже шестой десятокъ лѣтъ, именно со времени перваго изданія его стихотвореній редакціею журн. „Современникъ" при участіи И. С. Тургенева. Какъ писатель политическій, онъ выступилъ гораздо ранѣе. По выходѣ его стихотвореній, на нихъ горячо отозвался Некрасовъ—имъ напечатана была восторженная статья: „Русскіе поэты". Многія изъ стихотвореній Тютчева замѣчательны чистотой стиха и глубиной мысли, и отзывъ Некрасова о его литературной дѣятельности вполнѣ справедливъ. Литературный послужной списокъ Ѳеодора Ивановича не объемистъ: небольшая книжка стихотвореній, нѣсколько статей по вопросамъ современной исторіи; стихотворенія, изъ коихъ нѣкоторымъ досталась на долю всеобщая извѣстность; статьи, которыя были писаны по-французски лѣтъ тридцать, сорокъ назадъ и только около 1874 г., вмѣстѣ съ переводомъ, стали появляться въ печати. А между тѣмъ, этимъ самымъ стихотвореніямъ русскою критикою, еще съ 50 годовъ, отводится мѣсто наряду съ Пушкинскими, и имя Тютчева, въ теченіе четверти вѣка, чтится во всѣхъ литературныхъ и свѣтскихъ кругахъ Петербурга и Москвы. Тютчевъ безспорно принадлежалъ къ такъ называемой Пушкинской плеядѣ поэтовъ, не потому, что онъ былъ ихъ сверстникомъ, но потому, что на его стихахъ лежитъ тотъ же отпечатокъ, которымъ отличается и опредѣляется поэзія этой эпохи. Что особенно плѣняетъ въ поэзіи Тютчева, это ея необыкновенная грація—почти всѣ стихотворенія полны поэтическаго вдохновенія, сердечной теплоты и любви. Ѳеодоръ Ивановичъ былъ разбитъ параличемъ и скончался 15 іюля 1873 г.

Новый Годъ. (Рис. на стр. 17).

Несется побѣдоносно и быстро юный Новый Годъ, открывая понемногу свое лицо и торжественными трубными звуками возвѣщая свое прибытіе. Его сопровождаетъ Сатурнъ со своей безпощадною косою, ниспровергая Старый, дряхлый Годъ и занимая его мѣсто. Яркая звѣзда горитъ надъ челомъ Новаго Года: геніи радости, надеждъ, мечтаній человѣческихъ несутся вслѣдъ за нимъ, — но многія ли изъ нихъ осуществятся? Сильная, во всемъ блескѣ красоты своей и мощи, съ своимъ завѣтнымъ стягомъ встрѣчаетъ его Русь, олицетворенная художникомъ въ этомъ образѣ. Да пошлетъ намъ Господь счастливый Новый Годъ!

Голуби разныхъ породъ. (Рис. на стр. 20).

Птицъ голубиной породы можно считать высоко-одаренными существами. Эти живыя и умныя животныя отличаются отъ другихъ породъ своею подвижностью и хорошо развитымъ инстинктомъ. Это одна изъ наиболѣе любимыхъ и прирученныхъ птицъ въ Европѣ и всѣмъ извѣстна, но эта порода имѣетъ видовъ болѣе трехсотъ, которые отличаются своимъ наружнымъ видомъ весьма существенно отъ своихъ европейскихъ представителей. На нашемъ рисункѣ представлены нѣкоторые наиболѣе красивые виды голубей. Хохлатый голубь (фиг. 1), одинъ изъ самыхъ красивыхъ голубей Австраліи, отличается стройнымъ тѣлосложеніемъ, длинными острыми крыльями, длиннымъ и клиновиднымъ хвостомъ, короткимъ и сильно загнутымъ на концѣ клювомъ и длиннымъ острымъ хохломъ, образуемымъ удлиненными перьями затылка. Голова и нижняя часть тѣла сѣрыя; затылочныя перья и хохолъ черные. Опереніе верхней стороны свѣтло-оливково-бурое, а по бокамъ шеи цвѣтъ этотъ переходитъ въ гвоздично-красный. Крылья блестящаго бронзово-зеленаго цвѣта, съ бѣлыми кончиками. Ноги также гвоздично-краснаго цвѣта. Онъ предпочитаетъ болотистыя мѣста, такъ что появленіе его составляетъ признакъ богатой водой мѣстности. Полетъ ихъ отличается чрезвычайной быстротой. Плащеносный или гривастый голубь (фиг. 2) до такой степени отличается отъ другихъ птицъ этого отряда, что его считаютъ представителемъ особаго семейства. Сложеніе его очень плотное; клювъ крѣпкій, украшенный мягкимъ шарообразнымъ наростомъ, у самаго лба; крылья длинныя, въ спокойномъ видѣ заходящія дальше хвоста, ноги куриныя, крѣпкія и хвостъ закругленный. Опереніе такъ длинно въ области шеи, что образуетъ ниспадающую гриву. Цвѣтъ великолѣпный. Голова, шея, вся нижняя сторона и маховыя перья черно-зеленыя, перья нижней стороны съ лазоревыми каемками; длинныя перья гривы, спина и кроющія перья крыла травянисто-зеленаго цвѣта съ металлическимъ переливомъ. Гривастый голубь встрѣчается на всѣхъ островахъ, начиная отъ Никобарскихъ до Филиппинскихъ острововъ, держится преимущественно на землѣ, бѣгаетъ быстро и отыскиваетъ разныя сѣмена. Гнѣздо онъ устраиваетъ, какъ рябчикъ, на землѣ.

Самые большіе изъ голубей живутъ въ Новой Гвинеѣ и на окружныхъ островахъ. Ихъ прозвали весьма мѣтко вѣнценосными или коронными голубями (фиг. 3). Они отличаются значительной величиной, болѣе нашихъ домашнихъ куръ, и превосходнымъ головнымъ уборомъ, состоящимъ изъ вѣера красивыхъ перьевъ, которыя могутъ подыматься и опускаться. Сложеніе ихъ довольно неуклюжее и крылья небольшой длины. Опереніе мягкое и густое, аспидно-голубого цвѣта; плечи каштаново-красныя. Къ этой же группѣ принадлежитъ и вѣероносный голубь (фиг. 4), у котораго также преобладаетъ аспидно-голубой цвѣтъ, только нижняя сторона его красновато-бураго цвѣта, а перья головного убора снабжены еще на концѣ маленькими бородками, въ родѣ продолговатыхъ треугольниковъ. Ноги тѣлеснаго цвѣта. Вѣнценосный голубь живетъ преимущественно по берегамъ Новой Гвинеи и по образу жизни очень напоминаетъ фазана.

Болѣе всѣхъ отличается отъ этого семейства зубастый голубь (фиг. 5): онъ отличается своеобразнымъ клювомъ, гораздо большимъ въ вышину, чѣмъ въ ширину, верхняя часть его подымается кверху, а далѣе загнута книзу, съ острымъ крючкомъ на концѣ; нижняя часть клюва спереди косо притуплена и представляетъ съ каждой стороны по три выемчатыхъ зубца. Онъ живетъ на островахъ Самоа, въ лѣсистыхъ горныхъ мѣстностяхъ, въ отдаленіи отъ моря. Большинство изъ описанныхъ породъ приручаются довольно трудно, не такъ какъ наши голуби европейскіе, которые приручаются очень легко и ихъ умомъ и инстинктомъ нынѣ весьма широко пользуются для устройства такъ наз. голубиныхъ почтъ. Они перелетаютъ огромныя пространства, постоянно вѣрно находя мѣсто своего жительства, пункты въ которыхъ ихъ приручили. Голубиная почта имѣетъ большое примѣненіе и въ военномъ дѣлѣ.

Православный храмъ въ г. Ханькоу (Китай).

(Рис. на стр. 21).

Центръ чайной торговли—г. *Ханькоу*, принадлежитъ къ Хубэйской провинціи и лежитъ въ сосѣдствѣ двухъ городовъ Хань-яна и Вучана, съ милліоннымъ населеніемъ. Въ силу трактатовъ 1860 года, около китайскаго города Ханькоу, съ 1861 г. постепенно возникла европейская слобода или поселеніе для болѣе удобнаго веденія чайной торговли. Во второй половинѣ 1861 г. сюда явились изъ Тяньцзиня двое русскихъ негоціантовъ, участниковъ перваго русскаго каравана въ Китай въ настоящемъ столѣтіи, И. А. Ивановъ и А. Н. Оборинъ. Вслѣдъ за ними съ того времени изъ Сибири и Европейской Россіи въ Ханькоу стали прибывать и селиться агенты русскихъ купеческихъ фирмъ, которые вступили въ непосредственныя сношенія съ китайскими фабрикантами и владѣльцами чайныхъ плантацій. Съ 70-хъ годовъ въ Ханькоу было уже четыре или пять русскихъ торговыхъ фирмъ. Эти дома устроили въ самомъ Ханькоу фабрики кирпичнаго и плиточнаго чая. Въ 1869 г. Ивановъ, исправлявшій нѣкоторое время должность русскаго консула въ Ханькоу, пріобрѣлъ для храма на аукціонѣ небольшой участокъ земли. Постройка церкви началась въ 1880 г., подъ наблюденіемъ архитектора В. Ѳ. Ватсона, и была закончена въ 1882 году. Съ этого времени на почвѣ Китая явился первый куполъ съ крестомъ на православномъ храмѣ, который до сихъ поръ

Разныя породы голубей. Ориг. рис. А. Земцова, грав. М. Рашевскій.

1) Голуби хохлатые. 2) Голуби гривастые. 3) Вѣнценосные голуби. 4) Голуби вѣероносные. 5) Голубь зубастый.

не удалось еще воздвигнуть католикамъ на своихъ многочисленныхъ зданіяхъ въ видѣ базиликъ. Въ 1883 году, чрезъ посредство П. П. Боткина, были присланы изъ Москвы дубовый иконостасъ (работы В. А. Астафьева), прекрасные образа на цинкѣ (М. П. Боткина и его школы) и богатая церковная утварь. Священные сосуды съ эмалью, работы П. А. Овчинникова, красовались на московской выставкѣ 1882 года. Ханькоускій храмъ былъ освященъ. Весь расходъ на храмъ, внутреннее украшеніе и церковный домъ обошелся въ 80 тысячъ рублей, собранныхъ изъ частныхъ пожертвованій чайныхъ торговцевъ въ Россіи и Сибири.

Православный храмъ въ Ханькоу, въ Китаѣ. По фотогр. рис. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

Ловля меча-рыбы.

(Рис. на стр. 24).

Отличительнымъ признакомъ этой громадной рыбы, достигающей семи съ половиною аршинъ длины, служитъ удлиненный ротъ, верхняя половина котораго имѣетъ видъ меча; нижняя челюсть гораздо короче. Мечъ равняется четвертой части длины рыбы. Цвѣта она голубоватаго, болѣе свѣтлаго снизу, и покрыта вмѣсто чешуи жесткою кожею. Замѣчательно, что плавники у старыхъ рыбъ имѣютъ другую форму, чѣмъ у молодыхъ, что заставляетъ предполагать, что они изнашиваются со временемъ, такъ какъ иногда встрѣчаются и старые экземпляры съ плавниками, форма которыхъ такая же какъ и у молодыхъ. Мечъ-рыба водится преимущественно въ Средиземномъ морѣ, ее можно въ теченіе цѣлаго года видѣть возлѣ Сициліи, Генуи и Ниццы; далѣе въ Атлантическомъ и Индійскомъ океанахъ и вдоль всего сѣверо-американскаго побережья. Рыба эта держится обыкновенно въ верхнихъ слояхъ воды, такъ что плавники ея выдаются надъ водою; она очень ловка и подвижна и легко овладѣваетъ меньшими рыбами, которыя, вмѣстѣ съ сепіею, составляютъ почти исключительную ея пищу. Читая древнія описанія рыбы-меча, можно причислить ихъ къ области сказокъ, между тѣмъ все сказанное подтверждается новѣйшими наблюденіями. Рыба-мечъ выказываетъ иногда припадки бѣшенства и нападаетъ безъ разбора на встрѣчающихся рыбъ, что, какъ предполагаютъ, вызывается мученіями, причиняемыми ей различнаго рода паразитами. Мясо молодыхъ рыбъ очень вкусно и нѣжно, а изъ кожи старыхъ приготовляется шагрень, почему ловлею этой рыбы занимаются около Генуи и Ниццы, а также на островѣ Родъ-Айлендъ на сѣверо-американскомъ берегу. Ловля эта изображена на рисункѣ. Послѣ того какъ караульный на мачтѣ (фиг. I) укажетъ на рыбу назначенной для ловли лодкѣ, опускается канатъ (фиг. II) и гарпунщикъ идетъ на „кафедру“ (родъ балкона съ перилами на бугшпритѣ) и закидываетъ гарпунъ (фиг. III). Наконечникъ гарпуна, снабженнаго зацѣпками и укрѣпленнаго на веревкѣ, имѣетъ желѣзную трубочку, въ которой помѣщается ручка, прикрѣпленная къ шкунѣ на особой короткой веревкѣ такимъ образомъ, что ручка отдѣляется отъ рыбы, послѣ того какъ гарпунъ попалъ въ нее и она старается уйти. Въ то же время, отъ напряженія каната, подпимаются зацѣпки и впиваются въ тѣло животнаго, которое не можетъ освободиться отъ нихъ. Раненая рыба въ большинствѣ случаевъ на первыхъ порахъ плыветъ съ такою стремительностью, что приходится поливать канатъ, чтобы онъ не воспламенился при разматываніи. Но отъ потери крови силы рыбы слабѣютъ, и тогда ее притягиваютъ къ лодкѣ и добиваютъ копьями (фиг. IV).

Политическое обозрѣніе.

Мирное настроеніе въ Европѣ.—Рѣчь кронпринца, сказанная императору Вильгельму.—Мирныя начинанія во Франціи.—Проектъ выдѣленія изъ парламентаризма министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ.—Миролюбіе въ Австро-Венгріи и Англіи.

Новый 1887 годъ встрѣчаетъ Европа хотя съ неоконченными политическими счетами, но въ крайне миролюбивомъ настроеніи и въ полной увѣренности въ ненарушимости европейскаго мира. Всѣ государства закончили недоразумѣнія прошлаго года убѣжденіемъ, что война, при настоящихъ условіяхъ организаціи боевой силы, является колоссальнымъ зломъ, одинаково разоряющимъ какъ побѣдителей, такъ и побѣжденныхъ, и приводящимъ и тѣхъ и другихъ къ нищетѣ. Воинственные и задорные возгласы смѣнились хладнокровными совѣтами объ уступкахъ и компромиссахъ, а представленія объ увеличеніи кредитовъ на военныя надобности останавливались трезвыми напоминаніями объ отсутствіи наличныхъ данныхъ, указывающихъ на необходимость усиливать боевую численность. Такое начало наступающаго года и то миролюбіе, которое сказалось въ политическомъ настроеніи иностранныхъ кабинетовъ, мо-

жетъ служить лучшимъ ручательствомъ, что 1887 годъ явится годомъ улаженія всѣхъ недоразумѣній, которыя такъ сильно тревожили Европу въ истекшемъ 1886 году.

На новый годъ маститый императоръ Германіи, по случаю восьмидесятилѣтней годовщины поступленія на службу, принималъ всѣхъ корпусныхъ командировъ германской арміи, съ кронпринцемъ во главѣ. Достойно серіознаго вниманія содержаніе рѣчи кронпринца, которой онъ привѣтствовалъ юбиляра императора. Указывая на шестнадцатилѣтнее мирное развитіе Имперіи, наслѣдникъ германскаго престола вслѣдъ за этимъ присовокупилъ, „что эта мирная работа могла преуспѣвать лишь потому, что подъ умѣлымъ и неутомимымъ руководствомъ императора боевая готовность германской арміи могла быть доведена до такого совершенства, которымъ гордится всякій германскій солдатъ, тѣмъ болѣе, что между народомъ и арміею разницы никакой не существуетъ и они образуютъ одно нераздѣльное цѣлое“. Далѣе кронпринцъ закончилъ свою рѣчь такими прекрасными словами: „Эта боевая готовность всего народа является важнымъ залогомъ мира. Нашъ боевой и объединенный народъ съ благодарною любовью и готовою на всякія жертвы вѣрностью преданъ императору—военному вождю, и съ радостною увѣренностью взираетъ на него, какъ на охранителя мира, единодушно желая, чтобы Господь и впредь ниспосылалъ ему Свое Благословеніе“.

Изъ приведенныхъ словъ наслѣдника германскаго престола легко усмотрѣть то высокое предназначеніе германской арміи, которое сознаютъ сами военные представители Имперіи. Не на побѣдныя торжества указываютъ они, не грозной боевой славы желаютъ они встрѣтить въ будущемъ, а стремятся твердо стоять на стражѣ охраняемаго ими мира. Центральная могущественная имперія, развивая свои боевыя силы, остается въ величественномъ покоѣ и открываетъ тѣмъ путь къ мирному преуспѣянію какъ у себя дома, такъ и въ прочихъ государствахъ Европы. Имперія оставляетъ за собою силу и право руководительства общеевропейскою политикою, направленною на мирныя цѣли, а не на рискованныя предпріятія. Привѣтственныя державному юбиляру слова, сказанныя въ день Новаго года кронпринцемъ отъ лица всего военнаго сословія Германской Имперіи, являются, такимъ образомъ, первымъ могущественнымъ звеномъ открывающейся новой цѣпи мирныхъ политическихъ отношеній, какія послѣдуютъ въ наступающемъ году.

Ставя въ послѣдовательную зависимость ко времени, можно признать, что рѣчь кронпринца служитъ лучшимъ отвѣтомъ на мирныя начинанія, предпринятыя во Франціи. По почину генерала Буланже, во Франціи были распущены кадры 3-го разряда, сокращены кредиты на военныя надобности и самъ военный министръ, какъ извѣстно, пріобрѣвшій значительную популярность въ странѣ, произнесъ уже нѣсколько рѣчей, направленныхъ къ самому мирному настроенію. О такихъ дѣйствіяхъ французскаго военнаго министерства былъ освѣдомленъ германскій императоръ черезъ французскаго посла въ Берлинѣ, чѣмъ миролюбивый вождь имперіи былъ очень доволенъ. Рѣчь кронпринца какъ нельзя кстати пришлась самымъ осязательнымъ отвѣтомъ на благодѣтельныя начинанія уменьшенія военныхъ расходовъ, предпринятыхъ во Франціи.

Не менѣе говоритъ за мирное настроеніе европейской политики, котораго слѣдуетъ ожидать въ наступающемъ году, еще то обстоятельство, что во Франціи появился проектъ, который приписываютъ Буланже, о выдѣленіи министерствъ военнаго и иностранныхъ дѣлъ отъ подчиненія ихъ палатѣ депутатовъ. Предполагается подчинить ихъ верховной волѣ главы республики при совѣщательномъ голосѣ сената. Такое государственное преобразованіе имѣло бы для Франціи громадное значеніе. Будучи поставлены внѣ всякихъ парламентскихъ колебаній, эти два министерства получили бы соотвѣтственную стойкость и крѣпость, а потому боевыя силы страны могли бы получить то высокое предназначеніе, какое имѣетъ германская армія, а внѣшняя политика Франціи могла бы ввести ее на то принадлежащее ей мѣсто въ Европѣ, которое она потеряла исключительно вслѣдствіе шаткости и измѣнчивости республиканскаго правительства.

Наконецъ, говоря о мирномъ настроеніи политическихъ дѣлъ въ Европѣ, слѣдуетъ отмѣтить, что всѣ новогоднія австро-венгерскія газеты, даже самаго оффиціознаго характера, другъ передъ другомъ торопятся заявить, что мудрости монарховъ удастся и въ 1887 году предохранить Европу отъ вооруженнаго столкновенія, что для монархіи Габсбурговъ безцѣльная война явится величайшимъ бѣдствіемъ, и что изъ-за Болгаріи Австрія не станетъ рисковать своими насущными интересами. Такое же направленіе сказалось и въ Англіи, не смотря на упрямство и неподатливость маркиза Салисбюри, что болѣе всего сказалось въ томъ обстоятельствѣ, что странствующіе софійскіе посланцы, какъ сообщаютъ изъ Лондона, остались недовольны пріемомъ британскихъ властей, не смотря на то, что министръ иностранныхъ дѣлъ лордъ Иддеслей принялъ ихъ въ своемъ загородномъ замкѣ.

Словомъ, что скажетъ будущее—неизвѣстно; но одно несомнѣнно, что новый годъ въ Европѣ встрѣченъ съ непремѣннымъ желаніемъ сохраненія мира и спокойствія среди всяческихъ невзгодъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Наслѣдникъ итальянскаго престола, какъ сообщаютъ римскія газеты, предпринимаетъ въ апрѣлѣ настоящаго года путешествіе по Россіи. Онъ посѣтитъ слѣдующіе города: Варшаву, Петербургъ, Москву и Одессу. Изъ Россіи итальянскій принцъ направится въ Константинополь.

Правительственныя извѣстія.

— Распространенъ общій уставъ гимназій на прибалтійскія губ., гдѣ будетъ введено преподаваніе на русскомъ языкѣ.

— Дѣйствіе крестьянскаго поземельнаго банка распространится на губерніи царства Польскаго, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ и въ остальныхъ мѣстностяхъ Имперіи.

— 8-го (20) декабря румынскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Ферекидомъ и русскимъ посланникомъ Хитрово подписанъ торговый трактатъ между Румыніею и Россіею.

— Департ. госуд. казначейства заказалъ монетному двору золотыхъ полуимперіаловъ на 25 милліоновъ рублей, серебряной монеты на 500.000 руб., серебряной размѣнной 48 пробы на милліонъ рублей и мѣдной на 100.000 рублей.

Военное и морское дѣло.

— Весною будетъ приступлено къ сооруженію Либавскаго порта.

Литература и наука.

— Нѣкоторые изъ австрійскихъ эрцгерцоговъ занимаются литературными и научными работами. Эрцгерцогъ Рудольфъ занятъ изданіемъ своихъ „Охотничьихъ наблюденій“, эрцгерцогъ Іоаннъ приготовилъ къ печати большое сочиненіе „О памятникахъ архитектуры въ Верхней Австріи“. Оба сочиненія выйдутъ въ свѣтъ подъ полною фамиліею эрцгерцоговъ.

— Профессору кіевскаго университета А. Я. Антоновичу разрѣшено издавать въ Кіевѣ ежедневную газету „Кіевское Слово“.

— Иркутская городская дума ходатайствуетъ о скорѣйшемъ открытіи Сибирскаго университета и о принятіи въ него студентовъ духовныхъ семинарій.

— Французскій книжный магазинъ Мелье въ Петербургѣ купленъ нѣсколькими парижскими издателями, составившими ассоціацію.

— Въ Парижѣ даютъ въ настоящее время комедію въ трехъ актахъ „Путешествіе на Кавказъ“, написанную Блакетомъ и Карре.

— Произведеніе графа Л. Н. Толстого, „Чѣмъ люди живы“, вышло на-дняхъ въ Москвѣ въ видѣ большого альбома. Альбомъ этотъ состоитъ изъ 12-ти рисунковъ художника Н. Н. Ге, исполненныхъ фототипіею М. Панова. Текстъ разсказа помѣщенъ на одной отдѣльной страницѣ.

Дѣла церкви.

— По указу св. синода первымъ каѳедральнымъ соборомъ въ Москвѣ долженъ считаться отнынѣ храмъ Христа Спасителя, а большой Успенскій соборъ становится поэтому вторымъ городскимъ соборомъ. Всѣ торжественныя служенія въ царскіе и праздничные дни будутъ впредь совершаться въ соборѣ Христа Спасителя.

Живопись и скульптура.

— Сокровища за сокровищами стекаются въ Петербургъ каждою осенью. Фрески Беато Анджелико, терракоты Гибурова, средне-вѣковой безцѣнный музей Базилевскаго, капитальные образцы итальянскаго, нидерландскаго и французскаго искусства Голицынской галлереи. По значенію собранныхъ старыми московскими вельможами предметовъ, Голицынскій музей является важнѣйшимъ художественнымъ вкладомъ въ Эрмитажъ. Онъ состоитъ изъ картинъ старо-итальянскихъ, нидерландскихъ и старо-французскихъ. Во главѣ всей коллекцій стоитъ Распятіе, Перуджино. Среди картинъ германскихъ школъ мы встрѣчаемъ имена Пенцера, Рубенса (эскизъ) и Брейгеля младшаго; среди венеціанцевъ, видимъ превосходные пейзажи Тьеполо, поясную фигуру быть можетъ Тиціана.. Драгоцѣнная библіотека Голицыныхъ также поступила въ Эрмитажъ. Богатъ музей также чудными произведеніями старой художественной промышленности. За черную яшмовую шкатулку съ инкрустаціей изъ стали и съ бронзовыми статуэтками давали 100,000 франковъ. Фарфоръ севрской и мейссенской фабрикъ, бронзы французской работы „Возрожденія“, Louis XV, Louis XVI и Empire—представлены въ лучшихъ образцахъ. Словомъ, Голицынскій музей одно изъ драгоцѣннѣйшихъ пріобрѣтеній нашего Эрмитажа.

— Въ Кіевѣ учреждается общество изящныхъ искусствъ; недавно вышелъ изъ печати проектъ устава общества. Общество имѣетъ въ виду открыть въ Кіевѣ научно-художественно-промышленный музей съ библіотекой и рисовальную школу съ художественно-ремесленнымъ отдѣломъ, съ иконописною и другими мастерскими.

Въ Харьковѣ, 14-го декабря, освящено помѣщеніе художественно-промышленнаго музея, въ которомъ открыта выставка картинъ Академіи художествъ.

— Академикъ декораціонной живописи М. И. Бочаровъ, по порученію нашей театральной дирекціи, ѣздилъ въ костромскую губернію для снятія съ натуры мѣстностей, которыя мы видимъ нынѣ въ декораціяхъ оперы „Жизнь за Царя“.

— Предпринято изданіе 12 офортовъ недавно умершаго академика-жанриста В. Е. Маковскаго.

— Нашъ даровитый жанристъ академикъ И. Е. Рѣпинъ, написавшій превосходный

портретъ Листа, оканчиваетъ портретъ другого геніальнаго композитора — Глинки, въ моментъ сочиненія имъ оперы „Русланъ и Людмила“.

— Въ залахъ учетнаго банка открылась выставка картинъ Макарта, Габріэля Макса и другихъ иностранныхъ художниковъ.

Театръ и музыка.

— Парижскія газеты сообщаютъ о смерти хорошо извѣстнаго петербургской публикѣ, бывшаго актера здѣшняго французскаго театра г. Невиля. Покойный началъ въ Россіи свою артистическую карьеру. Г. Невиль покинулъ Петербургъ въ семидесятыхъ годахъ, выслуживъ полный пенсіонъ.

— На сценѣ Александринскаго театра, въ концѣ января, данъ будетъ торжественный спектакль въ память А. Н. Островскаго, исключительно изъ произведеній покойнаго драматурга.

Торговля и промышленность.

— Итоги вывоза товара за границу, по свѣдѣніямъ одесскихъ газетъ, за нынѣшній годъ оказываются гораздо хуже прошлогоднихъ. Вывозъ уменьшился на 20 милліоновъ пудовъ. Вывозъ зерновыхъ продуктовъ сократился очень значительно.

Городскія извѣстія.

— Въ городской думѣ поднятъ вопросъ объ устройствѣ въ СПБ. морга, съ помѣщеніемъ для мнимоумершихъ.

Изъ губерній и областей.

— По поводу совершившагося въ минувшемъ году двухсотлѣтія города Иркутска, сообщаютъ слѣдующія любопытныя указанія о развитіи города. Основанный въ 1652 году, первоначально какъ зимовье, Иркутскъ только въ 1686 году сталъ городомъ и къ нему приписанъ округъ; но до половины прошлаго столѣтія онъ мало чѣмъ отличался отъ деревни. Первый толчокъ развитію города дали тѣ отважные люди, которые образовали россійско-американскую компанію; въ этотъ періодъ построено до десяти каменныхъ церквей и до двухъ десятковъ каменныхъ домовъ. Слѣдовалъ періодъ административной дѣятельности губернатора Трескина и преобразованія администраціи Сперанскимъ. Основаны гимназія и другія учебныя заведенія. Послѣдній періодъ составило господство золотопромышленности.

— Плаваніе и промыслы въ водахъ Сѣвернаго океана въ минувшемъ году закончились очень рано и были неблагопріятными для промышленниковъ. Китобои понесли большіе убытки: ихъ суда, стѣсненныя раннимъ льдомъ, принуждены были вернуться. Американскіе китобои также жалуются на упадокъ промысла. Цѣны на предметы китовой промышленности — усъ и жиръ, повысились.

— Въ Сыръ-Дарьинской области мало-помалу начинаютъ устраиваться русскія поселенія. Такъ, неподалеку отъ Биговата, близъ пороговъ рѣки Сыръ-Дарьи, уже возникъ поселокъ Надеждинскій, въ 11 дворовъ. Другой поселокъ, Срѣтенскій, уже устраивается у Далвершина. Устраивается русское поселеніе и въ Перовскомъ уѣздѣ.

— Въ Костромѣ губернское собраніе рѣшило закрыть земскую школу учительницъ.

Смѣсь.

О нашемъ знаменитомъ актерѣ Мочаловѣ въ „Revue d'art dramatique“ напечатаны воспоминанія нѣкоего Вольнея. Мочаловъ, какъ извѣстно, страдалъ той пагубной страстью, отъ которой безвременно угасло столько русскихъ даровитыхъ людей. Императоръ Николай Павловичъ, высоко цѣня талантъ Мочалова, рѣшилъ послать его, для усовершенствованія, въ Парижъ, къ Фредерику Леметру. Для этого Мочалову выдали на поѣздку довольно значительную сумму, и артистъ ликовалъ. До первой станціи Мочалова поѣхали провожать нѣкоторые друзья. На прощанье, какъ водится, выпили, затѣмъ повторили, еще и еще... Порѣшили отложить разставанье до слѣдующаго дня, потомъ еще до слѣдующаго, и такимъ образомъ и отъѣзжающій, и провожающіе прожили на какой-то дрянной станціи цѣлыхъ три недѣли, проводя время въ самой безобразнѣйшей попойкѣ. Выданныя на поѣздку въ Парижъ деньги издержались, и въ одинъ прекрасный день Мочаловъ, заглянувъ въ кошелекъ, сказалъ:

— У меня съ трудомъ хватитъ на то, чтобы добраться до Парижа; но на что я буду существовать, на какія средства возвращусь, Богъ знаетъ!

Съ горя пропили и все остальное, и затѣмъ Мочаловъ извѣстилъ театральное начальство слѣдующею лаконическою, но краснорѣчивою запискою о томъ, гдѣ онъ находится и въ какомъ положеніи:

„Сижу безъ копѣйки. Если я вамъ нуженъ, пришлите за мною“.

Думали, что императоръ разгнѣвается на бесшабашнаго артиста, но ошиблись: Николай Павловичъ только смѣялся, слушая разсказъ о томъ, какъ Мочаловъ съѣздилъ въ Парижъ. Что же касается до московской публики, то она говорила, посмотрѣвъ на Мочалова на сценѣ, по его возвращеніи:

— Съ тѣхъ поръ, какъ онъ видѣлъ Фредерика Леметра, — онъ сталъ еще лучше... (н.)

Каждую недѣлю, по воскресеньямъ, отъ десяти часовъ утра до четырехъ часовъ пополудни, въ Елисейскихъ поляхъ, въ Парижѣ, собирается настоящая „биржа“ — для торга почтовыми марками: юные „биржевики“ наживаютъ тутъ чуть не цѣлыя состоянія. „Операціи“ ведутся на солидную ногу, по точному образцу настоящей биржи. Марки продаются на наличныя и въ кредитъ, на срокъ и т. п. Въ настоящее время съ почтовыми марками очень „крѣпко“. До какой степени „подорожали“ марки, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Тосканская почтовая марка, выпущенная ранѣе 1860 г., продается за 120 франковъ; хорошо сохранившіеся экземпляры цѣнятся въ 300—400 франковъ. Французскія марки 1849 г. „котируются“ по 25 франковъ... Маркѣ острова св. Маврикія 1847 г. цѣна 2400 франковъ. Торговля марками составляетъ такое выгодное занятіе, что, не смотря на конкуренцію рынка на Елисейскихъ Поляхъ, въ Парижѣ процвѣтаетъ болѣе ста-пятидесяти „банкировъ“, дѣлающихъ обороты съ „цѣнностями“. Въ Парижѣ сила моды на марки такова, что рѣдко кто не занимается собираніемъ этихъ „изданій“ почтовыхъ вѣдомствъ. Самыми замѣчательными коллекціями владѣютъ президентъ французской республики, министръ почтъ и Фресине. По числу марокъ первенство принадлежитъ Филиппу де-Феррари-Ваpенъ, который имѣетъ ихъ милліонъ и держитъ двухъ секретарей для правильной классификаціи, и барону Ротшильду, имѣющему столько же марокъ, въ роскошно переплетенныхъ альбомахъ. (н.)

Въ Нью-Жерсеѣ, въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ, скончалась, 48-ми лѣтъ отъ роду, извѣстная ученая женщина, миссъ Эрминія Смитъ, прославившаяся своими работами по изученію нравовъ, обычаевъ и языка прокезовъ, между которыми покойница прожила долгое время въ качествѣ пріемной дочери одного изъ вождей этого племени. Она служила въ послѣднее время въ антропологическомъ бюро Соединенныхъ Штатовъ и была первой женщиной, избранной въ дѣйствительные члены нью-іоркской академіи. Незадолго до кончины, миссъ Смитъ занялась составленіемъ словаря прокезскаго языка. Смерть этой талантливой писательницы незамѣнима для науки, такъ какъ никто, кромѣ покойной, не изучилъ въ такомъ совершенствѣ краснокожихъ аборигеновъ Новаго Свѣта, съ необычайною быстротою вымирающихъ и вытѣсняемыхъ подъ напоромъ чуждой имъ цивилизаціи. (н.)

Крейсеръ съ динамитными орудіями. По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Филадельфіи, тамошніе кораблестроители Вилліямъ Крампъ и сыновья заключили съ американскимъ правительствомъ контрактъ на устройство динамитнаго крейсера, что составляетъ важное событіе въ дѣлѣ морской войны. Крейсеръ предполагается стальной, 230 футовъ въ длину, 26 въ ширину, сидящимъ въ $7^1/_2$ футовъ въ водѣ и въ 3,200 лошадиныхъ силъ; скорость его должна быть 20 узловъ въ часъ. Вооруженіе его будетъ состоять, главнымъ образомъ, изъ трехъ динамитныхъ пушекъ. Особенность этого чисто американскаго изобрѣтенія состоитъ въ томъ, что вмѣсто выпусканія ядра посредствомъ взрыва въ задней части орудія, происходитъ взрывъ въ моментъ соприкосновенія съ непріятельскимъ судномъ. Вмѣсто гранаты, динамитная пушка выбрасываетъ мѣдный сосудъ съ 200 фунтовъ динамита. Выстрѣлы производятся посредствомъ сжатаго воздуха, съ силою давленія 1000 фунтовъ на квадратный дюймъ. Динамитъ при ударѣ взрывается съ такою силой, что никакое сооруженіе не можетъ противостоять ему. Вмѣсто пробоины въ стѣнкѣ корабля, какъ это бываетъ отъ пушечнаго ядра, динамитъ раздробитъ стѣнку. Динамитная пушка, выдерживающая только давленіе сжатаго воздуха, много легче обыкновенной, но отличается необыкновенною длиной, необходимою для быстроты дѣйствія. Пушки новаго крейсера будутъ по 70 футовъ длиною, и дознано, что выстрѣлы ихъ на разстояніе трехъ миль превосходятъ дѣйствія самыхъ лучшихъ орудій, заряжаемыхъ порохомъ. (н.)

Температура морей. По поводу упоминанія президентомъ британскаго общества, въ послѣднемъ засѣданіи въ Бирмингамѣ, о физическомъ законѣ, въ силу котораго, по объясненію французскаго физика Фэ, земная кора охлаждается быстрѣе подъ моремъ, чѣмъ подъ твердой землей, Фэ разъяснилъ французской академіи наукъ, что его замѣчаніе относится спеціально къ морямъ, сообщающимся съ однимъ или другимъ полюсомъ, въ которыхъ температура нижнихъ, глубокихъ слоевъ близка къ нулю, и прибавилъ, что то же явленіе замѣчается и въ моряхъ, несообщающихся съ полюсами; отсюда онъ приходитъ къ заключенію, что температура понижается по мѣрѣ глубины, и разница между нижними морскими слоями и слоями твердой земли, при одинаковой глубинѣ, весьма значительна, именно около 15 градусовъ. (н.)

Утилизація морской травы. Одинъ англійскій химикъ нашелъ способъ употреблять въ дѣло морскую траву, выбрасываемую океаномъ въ такомъ несмѣтномъ количествѣ. Онъ кипятитъ ее съ углекислой содой, процѣживаетъ растворъ и прибавляетъ къ нему сѣрной кислоты — получается клейкое вещество, превосходящее клейкостью крахмалъ и даже гумми-арабикъ, которое можетъ быть съ пользою употреблено для сообщенія упругости разнымъ тканямъ. Оно пригодно также для сироповъ и для кухни. Вываренная такимъ образомъ трава, по отдѣленіи клейкаго вещества, можетъ идти на приготовленіе писчей бумаги. (н.)

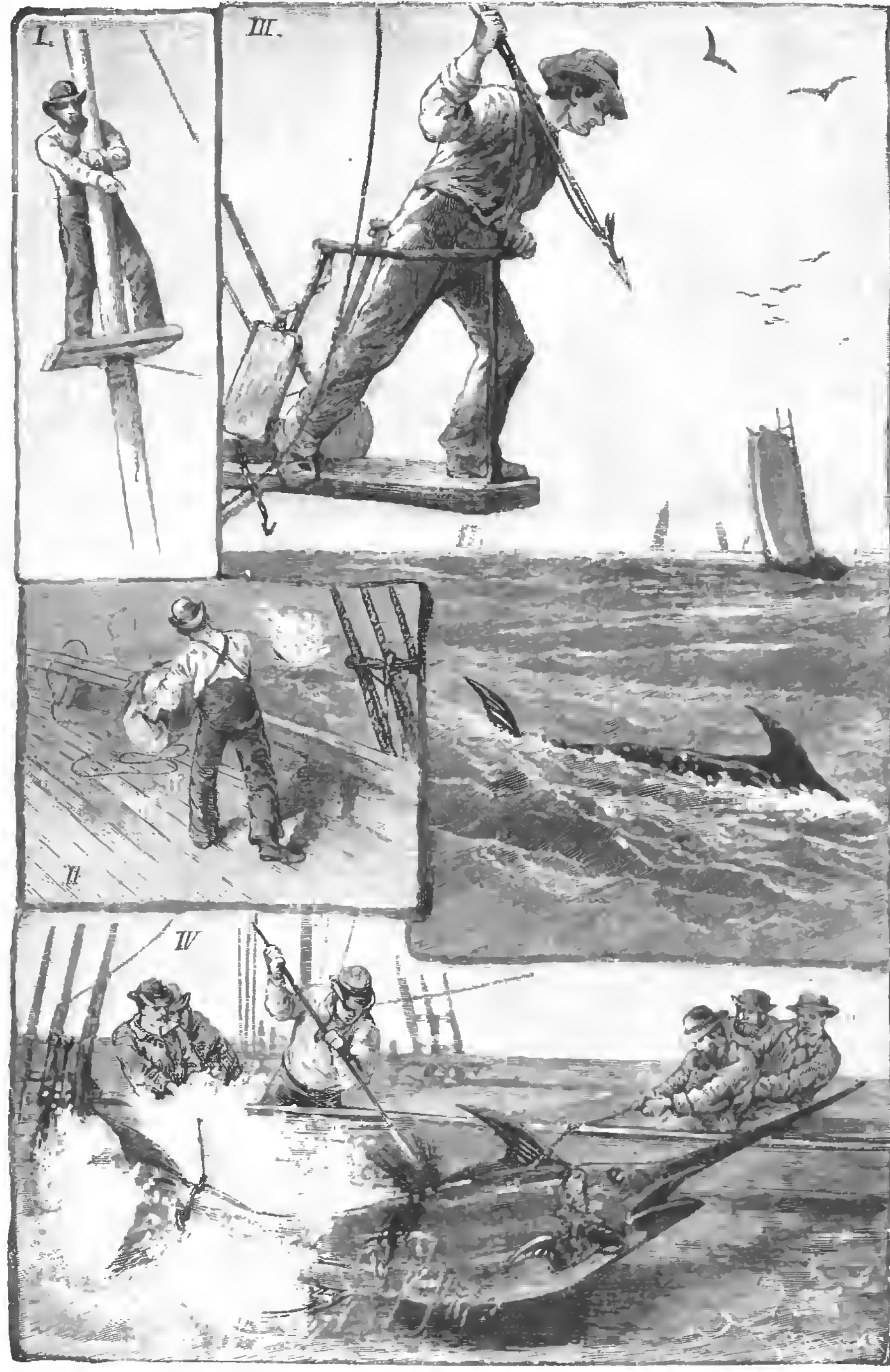
Средство для предохраненія винтовъ отъ ржавчины. „Moniteur industriel“ указываетъ, что смѣсь масла съ графитомъ предохраняетъ винты отъ ржавчины на долгое время: она облегчаетъ ввинчиваніе и вывинчиваніе ихъ, отлично полируетъ и уменьшаетъ треніе винтовъ въ гайкахъ. Для той же цѣли можно употреблять чистый жиръ съ графитомъ, или очищенное свиное сало. (н.)

Утилизація фотографическихъ снимковъ. Въ редакціи одной

изъ иллюстрированныхъ газетъ, выходящихъ въ Бостонѣ, съ необыкновенной быстротой употребляютъ въ дѣло фотографическіе снимки, сдѣланные состоящими при редакціи фотографами. Имѣется особый фотографъ, на обязанности котораго лежитъ развертываніе негативовъ, немедленно по полученіи ихъ. Еще мокрыми они помѣщаются въ волшебный фонарь: изображеніе отражается на листѣ бумаги, лежащей на столѣ, за которымъ сидитъ художникъ; онъ тутъ же набрасываетъ всѣ нужныя подробности и прибавляетъ разные аксессуары. Такой увеличенный рисунокъ снимается фотографіей въ надлежащемъ размѣрѣ и затѣмъ воспроизводится однимъ изъ обыкновенныхъ способовъ. (и.)

Въ Нью-Іоркѣ состоялся одинъ изъ самыхъ крупныхъ аукціоновъ, какіе когда-либо бывали на земномъ шарѣ. Наслѣдники американскаго милліонера Стюарта продали съ публичнаго торга богатѣйшую картинную галлерею, оставшуюся послѣ покойнаго. Коллекція, оцѣненная съ лишнимъ въ четыре милліона рублей, состоитъ, главнымъ образомъ, изъ произведеній новѣйшихъ европейскихъ школъ. Главная часть галлереи принадлежитъ кисти знаменитѣйшихъ французскихъ живописцевъ. Здѣсь же, между прочимъ, хранилась извѣстная картина Мессонье „1807“, оплаченная баснословнымъ гонораромъ. Курьезно, что французскіе художники съ большой тревогой ожидали этого аукціона, не безъ основанія полагая, что онъ по крайней мѣрѣ на нѣсколько мѣсяцевъ лишитъ ихъ американскихъ, наиболѣе щедрыхъ, покупателей. Стюартъ, оставившій огромное состояніе, разбогатѣлъ, благодаря счастливой идеѣ открыть крупный магазинъ модныхъ товаровъ, по образцу парижскаго Лувра.

Прожорливость крокодила. Въ желудкѣ крокодила, скелетъ котораго хранится въ музеѣ Агра, въ Индіи, были найдены слѣдующіе предметы: около двѣнадцати комковъ, повидимому состоящихъ изъ человѣческихъ волосъ, 68 круглыхъ кремней отъ 1—3 дюймовъ въ поперечникѣ; довольно большой металлическій наугольникъ, 24 большихъ обломка стекла, 5 бронзовыхъ колецъ, небольшое серебряное ожерелье, маленькая согнутая серебряная проткнутая монета, золотой шарикъ въ 1/3 дюйма въ поперечникѣ, большой черный камень и тридцать жемчужинъ. По найденнымъ предметамъ можно заключить, что животныя нерѣдко охотились на людей и особенно на прекрасный полъ. (г.)

Ловля меча-рыбы у береговъ Родъ-Айленда, въ Сѣв. Америкѣ. Рис. и грав. Ріу.

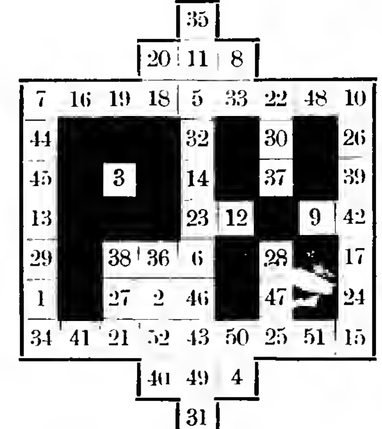
Рѣшеніе рождественской задачи № 89
(помѣщенной въ № 52 за 1886 г.).

5 с	46 ъ	15 и	56 о	25 в	66 ы	35 м	76 ъ	45 г
54 о	14 д	55 о	24 м	65 ъ	34 и	75 о	44 ч	4 т
13 е	63 и	23 н	64 ѣ	33 й	74 ш	43 і	3 е	53 ч
62 н	22 т	72 а	32 т	73 е	42 л	2 и	52 ж	12 е
21 л	71 а	31 е	81 м	41 ъ	1 с	51 и	11 о	61 в
70 а	30 в	80 с	40 т	9 р	50 л	10 т	60 и	20 т
29 ь	79 с	39 я	8 с	49 ъ	18 в	59 а	19 м	69 и
78 в	38 ъ	7 н	48 а	17 с	58 т	27 у	68 н	28 а
37 ю	6 щ	47 е	16 м	57 ъ	26 г	67 о	36 д	77 у

(Сумма чиселъ по всѣмъ направленіямъ = 369).

„Съ Новымъ Годомъ, почтеннѣйшіе читатели! Желаемъ снова встрѣтиться съ вами въ наступающемъ году!“

Рѣшеніе рождественской задачи № 88
(помѣщенной въ № 52 за 1886 г.).

1) Гусли.
2) Марсъ.
3) Пихта.
4) Зондъ.
5) Моржи.
6) До.
7) Ножи.
8) Ока.
9) Савва.
10) Тетерева.
11) Мечты.

„Съ праздникомъ Рождества Христова, многоуважаемые читатели!“.

Рѣшеніе задачи № 82 (помѣщенной въ № 48 1886 г.).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—В. Соловьева, Мосовой, И. Семенова; **Москва**—Зарембо Рацевичъ, Г. Степановой, **Радзивиллово**—Ф. Ужуиксъ, **Дерптъ**—М. А. Дерингъ, **Рязань**—Н. Постникова, С. и Н Солодовыхъ, **Б Коровнко**—В. К. Т[illegible]

Рѣшеніе шашечной задачи № 77 (помѣщ. въ № 46 1886 г.).

Бѣлыя.					Черныя.				
Съ	E 5	на	F 6		Съ	E 7	на	G 5
„	D 6	„	E 7		„	D 8	„	F 6
„	C 5	„	B 4		„	G 1	„	A 7
„	D 2	„	F 4		„	G 5	„	E 3
„	B 4	„	C 5		„	A 7	„	D 4
„	C 1	„	D 2		„	E 3	C 1	A 3
„	E 1	„	D 2		„	H 6	„	C 1
„	A 1	„	B 2		„	D 4	„	A 1
„	H 2	„	E 5		„	F 6	„	D 4
„	A 5	„	C 3		„	D 4	„	B 2
„	F 8	„	H 6		„	C 1	„	D 2
„	H 6	„	C 1					

Вѣрное рѣшеніе этой задачи прислано отъ И. П. Фалина въ **Гельсингфорсѣ.**

Рѣшеніе ребуса № 79 (помѣщ. въ № 48 1886 г.).

„Трудно тому, коли бѣда придетъ къ кому“.

Алгебраическая задача № 1.

Имя одного изъ героевъ Пушкинскаго романа состоитъ изъ семи буквъ; если эти буквы замѣнить числами, соотвѣтствующими мѣстамъ, занимаемымъ этими буквами въ алфавитѣ русской азбуки, то получатся слѣдующія соотношенія между ними:

1) Сумма перваго и второго числа равна квадрату второго числа.

2) Разность между пятымъ числомъ и четвертымъ равна квадрату второго числа.

3) Сумма четвертаго, шестого и седьмого равна кубу второго числа.

4) Сумма четвертаго и пятаго равна суммѣ шестого и седьмого чиселъ.

5) Разность перваго и четвертаго равна разности между суммой третьяго и четвертаго числа и шестымъ числомъ, а отношеніе ихъ равно абсолютному значенію выраженія:

$$\frac{1-mx}{1+mx}\sqrt{\frac{1+vx}{1-vx}}, \text{ когда } x=\frac{1}{m}\sqrt{\frac{2m}{v}-1}.$$

Узнать имя этого героя.

„БИБЛІОГРАФЪ“

1887 Г. (ТРЕТІЙ).

Годов. цѣна съ перес. 5 р.

Выходитъ ежемѣсячно.

Подписка прин. въ книжн. магаз.: „Новаго Времени“, „Посредникъ“ (СПБ., Невскій, 34); Гаршина (СПБ., Греческій, 14); Шибанова (Москва, Старая пл.) и др.; по почтѣ — въ редакціи (СПБ., Измайловскій полкъ, 1-я рота, д. 22, кв. 5). № 2265 2—2

Въ журналѣ помѣщаются: сообщенія и замѣтки историко-литературныя, библіографическія и библіофильскія; отзывы о новыхъ книгахъ; разныя мелкія замѣтки; каталоги новыхъ книгъ; указатели статей въ періодич. изданіяхъ; Rossica; правительств. распоряж. касающіяся литературы и т. п.
Редакторъ Н. М. Лисовскій.

БАНДАНІОНЫ призн. лучш. муз. инстр. **Гармоніи, аккордіоны** лучш. фабрик. Подробн. прейсъ-курантъ франко. Каталогъ въ 500 муз. композ. для Банданіона. Р. № 2207 5—3
ФАБРИКА ИНСТРУМЕНТОВЪ братьевъ ВОЛЬФЪ, Висбаденъ.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,
СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ, приводовъ, вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, сѣялокъ, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ**, механическихъ **зерносушилокъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика**, сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 1830 17

Иллюстрированные каталоги безплатно.

РУССКІЯ КНИЖНЫЯ РѢДКОСТИ.

V выпускъ каталога рѣдкихъ и замѣчательныхъ книгъ по всѣмъ отдѣламъ вышелъ на дняхъ и разсылается за одну 7-ми-коп. марку, изъ **Антикварной** книжной торговли **П. Шибанова** (Москва, Старая площ.).
Всѣ каталоги высылаются за 4 **семи-коп. марки.** П. № 2332

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ
ЕЖЕДНЕВНАЯ

ЗАПИСНАЯ КНИЖКА
НА 1887 ГОДЪ.

Изданіе **М. И. РУМША.**
Годъ 10-й.

Съ календаремъ на каждый день, особыми листками для адресовъ, расположенными въ алфавитномъ порядкѣ, многими необходимыми свѣдѣніями и отрывными листками.

Карманное изданіе на почтовой бумагѣ, въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ съ золотымъ тисненіемъ.

Цѣна въ 1 стран. на кажд. день 1 р. — к.
„ „ 1/2 „ „ „ „ — „ 85 „

Выписывающіе отъ издателя **М. И. Румша,** С.-Петербургъ, Невскій, 75—2, за пересылку не платятъ. № 2336

Продолжается подписка на 1887-г.

НА **ВѢСТНИКЪ**
ТИРАЖЕЙ

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блокъ, Невскій, 86.

На годъ, безъ доставки . . . . 4 р.
съ дост. въ С.-Петербургѣ. . . 5 р.
съ перес. во всѣ г. Имперіи . . 6 р.

„Вѣстникъ“ помѣщаетъ **тиражи** всѣхъ безъ исключенія процентныхъ бумагъ, доходы по всѣмъ цѣнностямъ, отчеты всякихъ банковыхъ, „промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій и пр. Пробный нумеръ высылается за одну почтовую марку.
№ 2252 10—5

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для укрѣпленія корней волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеоптаъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.

ПОДПИСКА НА ГАЗЕТУ

„СОВРЕМЕННЫЯ ИЗВѢСТІЯ“

на 1887 годъ

(ДВАДЦАТЫЙ СУЩЕСТВОВАНІЯ).

ВЪ МОСКВѢ:	р.	к.	НА ГОРОДА:	р.	к.
На 12 мѣс.	9	—	На 12 мѣс.	10	—
„ 11 „	8	40	„ 11 „	9	40
„ 10 „	7	80	„ 10 „	8	70
„ 9 „	7	20	„ 9 „	8	—
„ 8 „	6	60	„ 8 „	7	30
„ 7 „	6	—	„ 7 „	6	50
„ 6 „	5	40	„ 6 „	5	70
„ 5 „	4	60	„ 5 „	4	80
„ 4 „	3	70	„ 4 „	3	90
„ 3 „	2	80	„ 3 „	3	—
„ 2 „	1	90	„ 2 „	2	—
„ 1 „	1	—	„ 1 „	1	—

Пріемъ подписки въ *Москвѣ*: **Въ Конторѣ Современныхъ Извѣстій, Знаменка,** д. Павлодскаго, противъ Румянцевскаго музея. П. № 2295 2—2

1887 ГОДЪ. # „ОСКОЛКИ“ **ГОДЪ VII.**

водъ редакціей и при постоянномъ участіи Н. А. ЛЕЙКИНА.

„Осколки“, еженедѣльный (52 №№ въ годъ), **иллюстрированный юмористическій журналъ съ каррикатурами**, будетъ издаваться въ 1887 году подъ той же редакціей, по той же программѣ и при участіи тѣхъ же сотрудниковъ, какъ и въ 1886 г.
Всѣ **ГОДОВЫЕ** подписчики получатъ № 2215 3—3

безплатную премію,

состоящую изъ **ДВУХЪ** худ жественно-выполненныхъ, по заказу, въ Цюрихѣ, олеографическихъ картинъ, подъ названіемъ

„ГОРЕ-РЫБОЛОВЪ“.

ПЕРЕСЫЛКА ПРЕМІИ для иногородныхъ подписчиковъ **НА СЧЕТЪ РЕДАКЦІИ.**

Журналъ „Осколки“ издается въ форматѣ большихъ иллюстрацій, помѣщая въ теченіе года до **800** юмористическихъ и каррикатурныхъ рисунковъ, какъ въ красках, такъ и черныхъ, и до **1300** юмористическихъ статей, въ стихахъ и въ прозѣ.
Цѣна за журналъ: на годъ безъ пересылки (съ безплатной преміей) . . . **6** руб.
„ на годъ съ пересылкой и доставкой (съ безплатн. преміей) **7** „
„ на полгода съ пересылкой и доставкой (безъ преміи). . **4** „

☞ **Премія выдается городскимъ подписчикамъ въ теченіе января мѣсяца 1887 года, а гг. иногороднымъ подписчикамъ будетъ выслана въ мартѣ мѣсяцѣ.**

Подписка принимается: въ Главной Конторѣ журнала „Осколки“ въ С.-Петербургѣ, въ Троицкомъ пер., д. № 18—20. Редакторы-издатели: **Н. Лейкинъ** и **Р. Голике.**

ПОДПИСКА НА **1887** ГОДЪ

НА „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“

(ГОДЪ ВОСЬМОЙ).

Съ доставк. въ Москвѣ:	Съ перес. во всѣ города:	Заграницу:
На годъ . . 9 р. — к.	На годъ . 10 р. — к.	На годъ. . 20 р. — к.
„ 6 мѣс. . 5 р. — к.	„ 6 мѣс. . 6 р. — к.	„ 6 мѣс. . 12 р. — к.

ПРИМѢЧАНІЯ: 1-е. Въ „Русскомъ Курьерѣ“ помѣщаются ежедневно, не исключая дней послѣпраздничныхъ и табельныхъ: „политическое обозрѣніе“, фельетоны и передовыя статьи по текущимъ вопросамъ и по славянскому.

2-е. Съ 19-го ноября с. г., количество матеріала въ газетѣ увеличено, приблизительно, на четыреста строкъ.

3-е. Съ новаго года, кромѣ того, самый размѣръ газеты значительно увеличится и прибавится до 600 строкъ

Подписка принимается въ Москвѣ, въ конторѣ изданія газеты „РУССКІЙ КУРЬЕРЪ“, у Москворѣцкаго моста домъ Н. П. Ланина.

№ 2254 6—5 Редакторъ-Издатель Н. П. Ланинъ.

ИЗДАНА Ф. ПАВЛЕНКОВЫМЪ И ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА ДЛЯ ЮНОШЕСТВА:

ЧРЕЗЪ ДЕБРИ И ПУСТЫНИ

(СКИТАНЬЯ МОЛОДАГО БѢГЛЕЦА). Mt. № 2339 1—1

С. ВОРИСГОФЕРА,

Автора „Образовательнаго путешествія“. Перев. съ нѣмецк. **В. И. Писаревой.** Около 500 стран. Съ 16 отд. иллюстрац ми. **Цѣна 2 р.** Въ папкѣ **2 р. 25 к.,** въ перепл. **2 р. 75 к.**

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. коленк. 1886 г. съ зол. тисн по вышеозначенному образцу 1 р., съ пер 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1885 г. по той же цѣнѣ.

Докторомъ ВРЕДЕНЪ

НОВОИЗОБРѢТЕННЫЙ ПАТЕНТОВАННЫЙ

СЛУХОВОЙ-АППАРАТЪ

„ОТОФОНЪ“

для театровъ и концертовъ.
Цѣна **8** руб., съ пересылкою **9** руб
Главный агентъ для Россіи
Константинъ МАЛЬМЪ.
Складъ резиновыхъ товаровъ.
Большая Морская № 36. № 2314 5—

НОВОСТЬ.

Карты гаданія дѣвицы Ленорманъ, ц. 1 р. съ перес. 1 р. 20 к., а также **Новое Гаданіе** ц. 75 к., съ пер. 1 р.; выписывая по колодѣ каждой, высылаютъ только 2 р. Литейный пр. д. 31. Магазинъ бумагъ **Н. Попова.** № 232

ПАРОВАЯ ФАБРИКА

В. П. ФРАНКЕ,

М. № 2334 **МОСКВА.** 10—1
Контора: Маросейка, д. Кайсарова.
Краски / **Лаки** / **Олифы** } для маляровъ, художниковъ, типо-литографій.
АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ
ТОЛЬ И ЛАКЪ.

ОРШАДЪ

1 ведро 3 р. 50 к., 1/2 в. 1 р. 80 к., 1/4 в. 95 к

МОРСЪ

КЛЮКВЕННЫЙ и ЛИМОННЫЙ

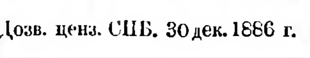
1 ведро 1 р. 50 к., 1/2 в. 80 к., 1/4 в. 45 коп
Для баловъ, вечеровъ и вообще для питья доставляетъ Троицкое заведеніе искусств минеральн. водъ **Г. А. ЭТИНГЕРА,** Троиц кій пер., д. **№ 38.** Р. № 233

10—6 **СКРИПКИ** К. №2163

получившія шесть разъ первыя награды, а также и всѣ струнные инструменты, **беззвучная скрипка** для ученія (патент.).
ЦИТРЫ всѣхъ сортовъ **ГИТАРЫ**
и духовые инструменты. Школы для всѣхъ инструментовъ. Мастерская починокъ. Дешевыя цѣны. Рекоменд. Вильгельми, Сарасате, Туа и др. Подробные прейсъ-куранты высыл. безплатно и франко.
БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ
фабрика инструментовъ въ Крейцнахѣ.

Дозв. ценз. СПБ. 30 дек. 1886 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.

Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая, д. № 1.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XVIII г. № 2 — г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 10 января 1887 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

И. А. Шестаковъ.

Въ 1882 г. Его Высочество Вел. Кн. Алексѣй Александровичъ назначенъ генералъ-адмираломъ и тогда же адмиралъ Шестаковъ, бывшій тогда комендантомъ Кронштадта, занялъ мѣсто управляющаго морскимъ министерствомъ. Иванъ Алексѣевичъ Шестаковъ родился 1820 года. Отецъ его, товарищъ и другъ извѣстнаго героя, адмирала Михаила Петровича Лазарева, съ дѣтскихъ лѣтъ готовилъ сына къ морской службѣ — и опредѣлилъ его въ морской кадетскій корпусъ. Въ корпусѣ И. А. горячо принялся за ученье и вскорѣ считался въ числѣ первыхъ учениковъ. Въ 1837 году И. А., въ званіи юнкера, участвовалъ въ высадкѣ и занятіи укрѣпленной позиціи у Адлера, на восточномъ берегу Кавказа, за что былъ награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена и произведенъ въ чинъ мичмана. Дальнѣйшая служба въ Черномъ морѣ, главнымъ образомъ у береговъ Кавказа, продолжалась подъ надзоромъ адмирала Лазарева, къ

Управл. Морск. Мин. адмиралъ И. А. Шестаковъ.
По фотогр. грав. Коннъ.

которому Ив. Ал., произведенный въ лейтенанты, назначенъ былъ адъютантомъ. Въ 1852 г. И. А. былъ командированъ въ Англію для заказа и постройки двухъ винтовыхъ корветовъ, „Витязь“ и „Воинъ“, для Черного моря. Разрывъ съ Англіей не дозволилъ окончить этотъ заказъ: корветы были перекуплены англійскимъ правительствомъ, а И. А. переведенъ въ Балтійскій флотъ и назначенъ адъютантомъ къ генералъ-адмиралу. Здѣсь онъ былъ занятъ постройкой винтовыхъ лодокъ. Вслѣдъ за постройкой лодокъ и вооруженіемъ двухъ отрядовъ корветовъ, Ив. Ал. былъ командированъ въ Америку для заказа и наблюденія за постройкой 70-пушечнаго винтового фрегата „Генералъ-Адмиралъ“. Въ 1859 году фрегатъ „Генералъ-Адмиралъ“ прибылъ въ Кронштадтъ, подъ командою Ив. Алекс., получившаго чинъ капитана 1-го ранга и назначеннаго флигель-адъютантомъ къ Государю Императору. Въ 1860 году И. А. Шестаковъ отправился въ Средиземное море, на томъ же фрегатѣ, въ званіи

начальника отряда, а въ 1861 г. И. А. произведенъ въ контръ-адмиралы и назначенъ въ свиту Его Величества. Въ 1863 г., по возвращеніи изъ плаванія, И. А. Шестаковъ назначенъ былъ помощникомъ, по морской части, главнаго командира Кронштадтскаго порта, ген.-адъют. Ѳ. Новосильскаго, и принялъ дѣятельное участіе по вооруженію Кронштадта и въ снаряженіи эскадры С. Лесовскаго, отправленной къ берегамъ Америки. Передъ энергичнымъ молодымъ адмираломъ развертывалась блестящая карьера. Но И. А. оставилъ свой постъ и послѣ непродолжительнаго бездѣйствія былъ назначенъ градоначальникомъ въ Таганрогѣ. Затѣмъ онъ былъ переведенъ въ Вильно, въ качествѣ Виленскаго военнаго генералъ-губернатора. Въ Вильно И. А. Шестаковъ пробылъ около двухъ лѣтъ, подалъ въ отставку и уѣхалъ за границу, гдѣ и проживалъ до 1872 года, когда снова былъ принятъ на службу и назначенъ военно-морскимъ агентомъ въ южныхъ государствахъ Европы. Здѣсь Ив. Алекс. имѣлъ возможность слѣдить за развитіемъ военно-морского дѣла. Въ 1880 г. былъ произведенъ въ вице-адмиралы, посѣтилъ порты Франціи и Англіи и вслѣдъ затѣмъ былъ вызванъ въ Петербургъ, гдѣ и былъ назначенъ предсѣдателемъ кораблестроительнаго отдѣленія, на мѣсто А. Попова. Въ 1882 г. заслуженный адмиралъ былъ назначенъ управляющимъ морскимъ министерствомъ, и въ томъ же году назначенъ генералъ-адъютантомъ. Иванъ Алексѣевичъ безспорно принадлежитъ къ числу самыхъ образованныхъ и энергичныхъ дѣятелей русскаго флота, хранящихъ до сихъ поръ славныя традиціи временъ Грейга, Нахимова, Лазарева и др. Въ 1883 году Ив. Алекс. пожалованъ орденъ Александра Невскаго.

Ванзамія.

Святочный разсказъ

Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

Ванзовъ было на всей планетѣ не больше двухсотъ милліоновъ, тогда какъ численность Леевъ въ ту пору считалась миллiардами и превосходила ихъ больше чѣмъ въ тридцать разъ. Но власть и нравственное вліяніе первыхъ не знали границъ и они ими воспользовались безъ колебаній.

Главныя мѣры для улучшенія племени были очень просты. Всѣ слабыя и больныя или безобразныя дѣти, благодаря попеченіямъ санитарнаго вѣдомства, не жили, и никто не видѣлъ тутъ ничего дурного. Мало того, даже сами родители, пожалѣвъ немного о неудачѣ, были въ итогѣ довольны, видя себя избавленными отъ самой горькой и обременительной изо всѣхъ житейскихъ заботъ. Но это не все. Чтобы избавиться отъ одной изъ самыхъ обыкновенныхъ помѣхъ къ улучшенію расы, то есть отъ примѣси къ ней слабосильнаго потомства старыхъ и истощенныхъ родителей,—не затрудняя себя и не оскорбляя послѣднихъ всегда ненавистнымъ въ подобнаго рода вещахъ полицейскимъ надзоромъ, введенъ былъ обычай, давно уже освященный религіей и въ настоящее время невозмущающій никого. Обычай этотъ обязывалъ всякаго, безъ различія пола, Лея, достигнувъ извѣстнаго, тщательно провѣряемаго жрецами возраста, явиться разъ въ годъ къ духовной особѣ, завѣдующей этого рода метрикой, выдержать медицинскій осмотръ и получить отсрочку по существу, а по формѣ свидѣтельство, что Богъ покуда еще не требуетъ своего раба къ себѣ. Если такой отсрочки не даютъ и онъ получилъ въ отвѣтъ, что высшая мудрость рѣшила иначе, то онъ уходитъ, понятно повѣсивъ голову, но безропотно: собираетъ свою семью и друзей на прощальный пиръ, и въ концѣ его пьетъ за здоровье имъ покидаемыхъ кубокъ вина *), поднесенный (ему или ей) предсѣдательствующимъ жрецомъ:—послѣ чего засыпаетъ спокойнымъ, но, разумѣется, непробуднымъ, сномъ.—и на другой день утромъ его хоронятъ... Отъ этого вы не увидите здѣсь, у Леевъ, ни дряхлаго, потерявшаго память и умъ старика, ни разрушающейся старухи. Хотя между ними не мало и пожилыхъ, но всѣ они бодры, и не утратили ничего изъ умственныхъ и физическихъ силъ.

— Ну, а у Ванзовъ? спросилъ я.

— У Ванзовъ нѣтъ ничего подобнаго и они сочли бы за оскорбленіе, еслибы кто нибудь предложилъ ввести между ними такіе порядки. Только они за это и платятся. Дряхлая старость, съ ея безчисленными недугами, и некрасивый, сравнительно малосильный и малорослый типъ, который за три тысячи лѣтъ очень немного выигралъ:—здоровье, съ дѣтства подточенное наслѣдственными болѣзнями, а позже всякаго рода излишествами и нервнымъ переутомленіемъ, все заставляетъ ихъ смотрѣть до извѣстной степени съ завистью на Леевъ, въ физическомъ отношеніи уже давно и далеко опередившихъ своихъ господъ. Но за послѣдними остается высокая степень энергіи, до которой во-вѣки вѣковъ не дойти ихъ подданнымъ, и всѣ тѣ интеллектуальныя преимущества, которыя достигаются самосозданнымъ, высшимъ образованіемъ. За ними же наконецъ и свобода личной инниціативы съ сознаніемъ собственнаго достоинства расы, которая всѣмъ обязана только себѣ самой... Экономическій бытъ своихъ подданныхъ они устроили мастерски: но дѣло это значительно было облегчено для нихъ тѣмъ, что прирость населенія между Леями могъ быть легко регулируемъ. Число послѣднихъ, съ тѣхъ поръ какъ въ ихъ семейной жизни введены всѣ эти санитарныя ограниченія, значительно убыло, сила же остающихся, т. е. рабочая сила, вслѣдствіе улучшенія расы и раціональной системы хозяйства, въ такой же прогрессіи выросла. Остальное легко себѣ объяснить прекраснымъ климатомъ этой планеты и плодородіемъ ея почвы. Давно уже Леи не знаютъ нужды и горькихъ заботъ, съ нею связанныхъ, а физическій трудъ ихъ неутомителенъ. О напряженіи мысли у расы, которая никогда не гонялась за высшимъ образованіемъ, не занята правительственными заботами и свободна отъ страха за будущее, не стоитъ и говорить. Понятно, что при такихъ условіяхъ изъ нихъ выработался счастливый, безпечный, веселый народъ. Они поютъ за работой, поютъ за столомъ; а какъ только солнце сѣло, вездѣ начинаются шумныя игры и пляска... Но есть конечно и темныя стороны. Женщины ихъ такъ прелестны, что между Ванзами, не взирая на всю неприступную племенную ихъ спѣсь, встрѣчаются очень нерѣдко Донъ-Жуаны, смущающіе семейный покой своихъ подданныхъ. Подобнаго рода грѣхи, правда строго преслѣдуются у нихъ общественнымъ мнѣніемъ и закономъ, неумолимымъ къ естественнымъ ихъ послѣдствіямъ, но пресѣчь ихъ вполнѣ нѣтъ никакой возможности, и это одна изъ немногихъ случайныхъ причинъ неудовольствія подданныхъ противъ ихъ прирожденныхъ господъ. Другая, не менѣе темная, но отнюдь уже не случайная сторона,—это страхъ смерти, который у Леевъ, въ извѣстную пору жизни, очень силенъ. Приближаясь къ предѣльному возрасту, послѣ котораго начинается для нихъ отпускъ на срокъ, они становятся озабочены, молчаливы и болѣе не поютъ...

Всякаго рода власть и всѣ выгоды съ нею связанныя, съ незапамятныхъ поръ въ рукахъ у Ванзовъ. Всѣ сколько нибудь вліятельныя, судебныя, полицейскія и другія гражданскія должности заняты ими, а войско, которое, впрочемъ, давно уже перестало быть постояннымъ, и одни только кадры котораго существуютъ изъ предосторожности, цѣликомъ состоитъ изъ нихъ.

*) Какъ въ этомъ, такъ и въ другихъ подобныхъ случаяхъ, я предпочитаю называть вещи, хотя и не въ точности выражающими ихъ, но за то знакомыми именами, вмѣсто того чтобы входить въ пространныя и все-таки не говорящія ничего воображенію, объясненія.

вознагражденіе за все это больше чѣмъ щедрое, а такъ какъ, съ другой стороны, вся поземельная собственность, оптовая торговля, дороги, фабрики, горные и другіе важнѣйшіе промысла, тоже въ рукахъ у Ванзовъ, то въ суммѣ это даетъ, даже самымъ бѣднымъ изъ нихъ, возможность вести по истинѣ царскую жизнь. Политическое устройство этихъ господъ между собою—чисто республиканское, и никакихъ значительныхъ потрясеній въ сферѣ его давно уже не запомнятъ. Войнъ, за исключеніемъ мелкихъ, сепаратистскихъ смутъ и столкновеній между самими Ванзами (очень ревниво отстаивающими свои земскія, провинціальныя и другія особенныя права отъ узурпацій центральной власти), не было уже что-то около двухъ тысячъ лѣтъ, и это счастливое, въ сущности, обстоятельство грозило бы нѣкоторымъ упадкомъ энергіи въ правящей расѣ, если бы Ванзы не были страстно преданы всякаго рода забавамъ и состязаніямъ, связаннымъ съ какою нибудь личной опасностью. У нихъ существуютъ цѣлыя области, величиной съ первоклассное европейское государство, незаселенныя и поддерживаемыя въ ихъ первобытномъ видѣ нарочно, чтобы сберечь въ нихъ породы хищныхъ звѣрей, и всякаго рода охота—ихъ племенная, барская привилегія. Леямъ запрещено не только употребленіе, но и храненіе на дому огнестрѣльнаго оружія и они участвуютъ въ большихъ охотахъ только въ роли загонщиковъ...

И посмотрѣвъ на меня значительно, онъ замолчалъ.

— Какой безнравственный міръ! сказалъ я въ негодованіи.

— Вы слишкомъ строги и поспѣшны въ вашихъ сужденіяхъ, капитанъ, отвѣчалъ онъ съ лукавой усмѣшкой.—Оставьте, прошу васъ, ваши земныя предубѣжденія и посмотрите на вещи просто. Что въ томъ безнравственнаго, что люди красивы, здоровы и сыты, не сходятъ съ ума отъ усиленной мозговой работы, не знаютъ войны, не носятъ оружія и умираютъ во-время? Все это вмѣстѣ—большое счастье, и если оно, какъ все человѣческое,—несовершенно, то надо же быть справедливымъ и согласиться, что въ суммѣ, Леи за него платятъ дешево.

— Не лицемѣрьте, Ширмъ! возразилъ я запальчиво. Вы сами, не хуже меня, понимаете, что этотъ ихъ отпускъ на срокъ, который кончается смертною казнію по усмотрѣнію санитарнаго вѣдомства, это—рабство, и самое возмутительное изъ всѣхъ. Это хуже чѣмъ умереть по прихоти варварскаго царька или быть затравленнымъ на потѣху развратной толпы, потому что то просто безчеловѣчно, а это безчеловѣчно съ притворствомъ и дѣлается подъ вывѣской филантропіи... Это такая мерзость!..

— Напрасно вы такъ горячитесь, перебилъ Ширмъ спокойно.—Вамъ это кажется такъ черно, потому что вы смотрите съ сентиментальной точки зрѣнія,—а вы посмотрите просто. Всѣ люди смертны и они этимъ не обижаются, потому что считаютъ это, какъ все неотвратимое, Божьей волей. Ну, Леи именно такъ и смотрятъ на это установленіе, отнюдь не допуская, чтобы оно могло быть дѣломъ простой, человѣческой, хотя и высоко-разумной предусмотримости. Обиды, стало быть, нѣтъ, а что касается до разумности, то вы, какъ человѣкъ просвѣщенный, надѣюсь, не будете противъ этого спорить. Скажите по совѣсти: развѣ не лучше умереть ранѣе, чѣмъ дойдешь до того состоянія, когда человѣкъ становится въ тягость себѣ и другимъ?

— Все это было бы ладно, Ширмъ,—сказалъ я, обезоруженный его хладнокровіемъ: если бы вы не вставили тутъ одного словца. Зачѣмъ вы сказали, что этого рода смерть для Леевъ неотвратима? Это неправда, и если они однажды это поймутъ, то я вамъ отвѣчаю, они не будутъ больше смотрѣть на это установленіе какъ на Божью волю. Они спросятъ у васъ: если дѣйствительно это лучше, то почему же вы не желаете этого для себя? И почему имъ самимъ не предоставлено судить когда имъ пора умирать?

Онъ посмотрѣлъ на меня тревожно и погрозилъ мнѣ пальцемъ.

— Тс-стъ! сказалъ онъ.—Не говорите здѣсь никому подобныхъ вещей; потому что иначе—васъ живо спровадятъ изъ этого міра въ лучшій,—и будутъ съ ихъ точки зрѣнія правы. Не нравится, молъ, тебѣ у насъ, такъ убирайся отъ насъ: а въ чужой монастырь съ своимъ уставомъ не суйся.

IV.

Мы прожили въ городѣ... я затрудняюсь сказать сколько именно, потому что ихъ годъ не совпадаетъ съ нашимъ, сутки—тоже... короче, въ моемъ исчисленіи времени оказалась потомъ ошибка. Собственно говоря, я не чувствовалъ времени, до того оно тамъ летѣло быстро; но позже, соображая разныя вещи, пришелъ къ убѣжденію, что оно должно было быть не малое... Только оно не совпадаетъ съ нашимъ... Какъ описать мои впечатлѣнія и все что я пережилъ, передумалъ, покуда оно летѣло?..

Помнится, я обжился въ Ванзаміи очень скоро... Начать съ наружности. И у насъ тамъ, дома, ее находили странною; здѣсь же, благодаря вліянію климата, пищи или другихъ неизвѣстныхъ причинъ, она, въ короткое время, такъ измѣнилась, что я едва узнавалъ себя. Я сталъ такъ похожъ на молодого Ванза, что въ городѣ, гдѣ на первыхъ порахъ, при встрѣчѣ со мной, останавливались и провожали меня глазами, теперь никто уже больше не обращалъ на меня вниманія.

Дальше—языкъ. Онъ дался мнѣ чрезвычайно легко. Въ невѣроятно короткое время, я могъ объясняться на немъ совершенно свободно: даже чужой акцентъ въ въ произношеніи скоро исчезъ. Легкость, съ которою я запоминалъ слова и привыкалъ къ грамматическимъ формамъ, была такъ поразительна, что мнѣ иногда приходили въ голову странныя мысли. Сдавалось, что это не новый языкъ, и что я его зналъ когда-то; многія характерныя выраженія и обороты рѣчи не было нужды и изучать: они какъ-то сами напрашивались, словно я ихъ когда-то отлично зналъ, а теперь стоило только припомнить. И это странное обстоятельство, въ связи съ не менѣе странною перемѣной наружности, счастливо устранило понятное затрудненіе человѣка, очутившагося, совсѣмъ неожиданно, въ незнакомомъ городѣ.

— Какъ же мы будемъ тутъ жить?.. безъ денегъ? спрашивалъ я, еще на первыхъ порахъ, у Ширма.—У меня есть съ собою кредитками шестьдесятъ три рубля, но здѣсь ихъ навряд-ли примутъ.

— Не думайте, я прошу васъ, объ этомъ, отвѣчалъ онъ спокойно: это само собою устроится.

И дѣйствительно, все обошлось очень гладко... Первыя двѣ недѣли насъ, какъ почетныхъ гостей, помѣщали и угощали даромъ. Потомъ, мой спутникъ какъ-то однажды вернулся съ веселымъ лицомъ и на вопросъ: „что новаго?"—отвѣчалъ потирая руки:

— Нашелъ-таки наконецъ!.. Милѣйшіе люди!.. Не дали слова выговорить... предложили сами.

Оказалось, что онъ нашелъ тутъ старыхъ знакомыхъ, которые предложили ему взаймы. Мнѣ это однако не очень нравилось.

— Да чѣмъ же мы имъ заплатимъ? сказалъ я.

— Не безпокойтесь: намъ обоимъ обѣщаны уже мѣста.

И дѣйствительно, въ самомъ непродолжительномъ времени, онъ получилъ мѣсто бухгалтера въ банкѣ, а я—экспедитора въ городскомъ почтамтѣ. Но то, что считалось, по здѣшнему, незначительно, привело бы у насъ въ восторгъ любого директора департамента. Мы имѣли казенное помѣщеніе, отличнаго повара, много-

Поздравленіе дѣдушки. Съ карт. французскаго художн. Александра Лелуара, рис. Ж. Лаве, грав. Беллингеръ.

численную прислугу и жалованье такого размѣра, что, съ нашими скромными требованіями, не знали на что его издержать, и естественно стали откладывать.

Міръ, въ которомъ насъ такъ гостепріимно приняли, въ общихъ чертахъ имѣлъ много сходства съ покинутымъ. Сначала, конечно, многое изъ того, что я видѣлъ здѣсь ежедневно: архитектура, обычаи и костюмы, нѣкоторыя, неизвѣстныя у насъ, изобрѣтенія и приспособленія, а больше всего образцы туземной флоры и фауны приводили меня въ безграничное изумленіе. Только и тутъ случилось тоже, что съ изученіемъ языка. По мѣрѣ того, какъ я замѣчалъ и разспрашивалъ, вглядывался и привыкалъ, первоначальное впечатлѣніе странности притуплялось и мнѣ начинало сдаваться, что все это, якобы новое, — въ дѣйствительности совсѣмъ не такъ ново, какъ показалось мнѣ сгоряча. Классы, семейства, роды и виды, при всемъ наружномъ отличіи ихъ отъ земныхъ, въ сущности были тѣ же. Лошадь ихъ, напримѣръ, такъ же мало похожа на нашу, какъ—скажемъ—лягавая собака на борзую: но, во всѣхъ существенныхъ отношеніяхъ, это однако же несомнѣнно лошадь, и мнѣ сдавалось даже, что я когда-то ѣзжалъ на такихъ. Но я напрасно ломалъ себѣ голову, силясь припомнить, гдѣ и въ какихъ обстоятельствахъ я видалъ всѣ эти формы раньше, — мысли мои терялись въ непроходимыхъ потемкахъ.

— Вы, помнится, говорили, что вы живали здѣсь раньше? спросилъ я однажды у Шрма.

— Да, отвѣчалъ онъ: — не стану таить грѣха: живалъ.

Вопросъ, какимъ образомъ онъ очутился у насъ на землѣ и оттуда вернулся со мною сюда, былъ кстати, но страннымъ образомъ онъ не приходилъ мнѣ на умъ. Вмѣсто того я спрашивалъ у себя, дивясь: неужели и я когда нибудь прежде существовалъ въ Ванзаміи? И, если да, то почему я не могу найти въ своемъ сердцѣ ни искры сочувствія ко всему, что тутъ дѣлается?.. Ограниченность и безпечность счастливыхъ рабовъ съ одной стороны, а съ другой, во имя высокихъ задачъ милосердія и подъ маской любви къ простому народу, наглое отрицаніе въ немъ человѣческаго достоинства! Но что всего болѣе возмущало меня среди Ванзовъ, это страшное ихъ ханжество и лицемѣріе. Они словно поставили себѣ цѣлью надуть не только безчисленный, имъ подвластный народъ, но и высшее существо, которому они поклоняются. Послушаешь ихъ: они свято чтутъ добродѣтель, и вѣра ихъ въ Бога, въ завѣты и заповѣди его непоколебима. Чистота нравственности снаружи такъ щекотлива, что даже малѣйшій намекъ въ разговорѣ на что-нибудь соблазнительное, возмущаетъ все общество. Но будь доволенъ наружностью и не заглядывай въ глубину души, потому что тамъ—спѣсь и жадность, грубая чувственность и притворство свили себѣ гнѣздо. Они утопаютъ въ роскоши и пользуются со стороны народа царскимъ почетомъ. Литература, искусства, науки, высокія государственныя заботы и тихое счастье семейнаго очага, по собственнымъ ихъ словамъ, наполняютъ ихъ жизнь... Но счастливы-ли они?.. Разъ какъ-то, изъ любопытства, я заглянулъ въ ихъ статистическіе отчеты. Двѣнадцать процентовъ изъ этихъ царей планеты кончаютъ жизнь сумасшествіемъ и девять—самоубійствомъ!.. Краснорѣчивый отвѣтъ!

Позже однако-же я нашелъ въ ихъ средѣ молодыхъ и дѣйствительно чистыхъ душой энтузіастовъ, которые тонкимъ сердечнымъ чутьемъ угадали во мнѣ нѣчто родственное. Мы сблизились и посѣщали вмѣстѣ театры, публичныя лекціи, клубы, законодательное собраніе... Театръ особенно...

Разъ мы сидѣли въ партерѣ... Это былъ памятный для меня день,—потомъ объясню почему, а теперь прибавлю только, что я обязанъ ему потрясающими открытіями...

Великолѣпная сцена и цѣлое море зрителей *)... Шла драма, пользующаяся большою популярностью. Сюжетъ историческій: паденіе конституціонной монархіи въ царствѣ Ванзовъ, совпавшее съ ихъ послѣднимъ шагомъ къ всемірному политическому господству. Эпоха была критическая. Опорою знатныхъ родовъ и узломъ ихъ связи между собою былъ до сихъ поръ король, и сила его, к къ вождя могущественнаго, олигархическаго союза, была еще велика: но, не смотря на все ея древнее обаяніе, дѣйствительныя бразды правленія были уже давно въ рукахъ представительнаго собранія, — органа племенной политики Ванзовъ. Во имя свободы, міра и просвѣщенія, это племя успѣло уже въ ту пору прибрать къ рукамъ все что лежало плохо, и властвовало безспорно почти на всемъ пространствѣ планеты... Оставался однако сравнительно небольшой уголокъ, гдѣ они не успѣли еще стать твердой ногой: это провинція Ларсъ съ ея 50-ти-милліоннымъ, сплошнымъ населеніемъ. Ванзы не разъ проходили ее изъ края въ край, но старая племенная вражда, тропическій климатъ, бѣдный, гористый край, и въ полудикомъ народѣ гордый духъ независимости — не позволяли считать это дѣло конченымъ. Формально, впрочемъ, право завоевателей было признано и король имѣлъ въ Ларсѣ намѣстника; но достаточно было малѣйшей вспышки, чтобъ пламя возстанія, какъ и случалось уже не разъ, охватило пожаромъ весь этотъ несчастный край, и тогда приходилось тушить его въ новыхъ потокахъ крови. Герой этой драмы—прославленный рядомъ побѣдъ, наслѣдный принцъ Упаянге сидитъ уже два года, въ Ларсѣ, намѣстникомъ своего отца, и не смотря на то, что народъ видалъ его столько разъ во главѣ своихъ заклятыхъ враговъ, успѣлъ, сердечнымъ участіемъ къ побѣжденнымъ, пріобрѣсти его довѣріе и любовь. Дома однако на это смотрятъ другими глазами. Народная партія далеко не желаетъ, чтобы будущій ихъ монархъ, и такъ уже обожаемый войскомъ, пустилъ еще сильные корни въ этой мятежной странѣ. Въ послѣднее время особенно ходятъ упорные слухи, что онъ, наслѣдникъ престола, неравнодушенъ къ дочери одного изъ туземныхъ вождей. Столица взволнована и первыя сцены рисуютъ происходящее въ ней броженіе.

...Бурная сходка. Рѣчи народныхъ ораторовъ выясняютъ характеръ наслѣднаго принца и опасность, которою онъ грозитъ ихъ планамъ. Лично они отдаютъ справедливость высокимъ качествамъ Упаянге; но именно это-то превосходство его и грозитъ замедлить на долго давно уже ставшій ихъ цѣлью, новый порядокъ вещей. Такой человѣкъ способенъ вдохнуть обманчивый призракъ жизни въ дряхлыя формы, которыя, такъ или иначе, все же должны наконецъ отойти на покой. Даже военныя дарованія принца, излишнія, такъ какъ періодъ войнъ приходитъ къ концу, могутъ легко обратиться во вредъ государству. Если онъ разъ породнится съ аристократіей мятежной провинціи, Ларсъ станетъ гнѣздомъ и оплотомъ для партизановъ единовластія. Поэтому принцъ Упаянге не долженъ царствовать, и удобный случай, который теперь посылаетъ судьба, не слѣдуетъ упускать, такъ какъ онъ можетъ не повториться... Когда собраніе разошлось, остаются нѣсколько коноводовъ. Изъ ихъ совѣщанія ясно, что у нихъ все обдумано и готово.

Послѣ такого пролога, дѣйствіе переходитъ въ Ларсъ... Ночь... Няня принцессы Кандамы вводитъ въ ея дѣвичій теремъ переодѣтаго Упаянге. Въ страстныхъ словахъ онъ говоритъ смуглолицей красавицѣ о своей любви и получаетъ въ отвѣтъ, что ея сердце отдано невозвратно ему: но жизнь принадлежитъ ея родинѣ, и она не вступитъ въ союзъ съ врагомъ своего народа. Тогда безумно-влюбленный принцъ, на колѣняхъ, даетъ ей

*) Ванзанки, какъ общее правило, некрасивы: но есть прелестныя исключенія.

клятву, что никогда рука его не поднимется болѣе противъ Ларса, который, съ тѣхъ поръ какъ онъ любитъ Кандаму, сталъ для него второю родиной... Принцесса въ его объятіяхъ. Бракъ ихъ рѣшенъ и гонецъ отправленъ въ столицу: но, вмѣсто благословенія, отъ стараго короля Супанды приходитъ извѣстіе, что умы въ народѣ настроены самымъ тревожнымъ образомъ, и что въ такую минуту союзъ наслѣднаго принца съ дѣвушкою враждебнаго племени станетъ навѣрно сигналомъ бунта.

„Брось все", пишетъ старый король: „и пріѣзжай немедленно, если хочешь предотвратить величайшія изъ несчастій, какія могутъ постигнуть нашъ домъ..." Но страстно влюбленный принцъ, хотя до извѣстной степени и покоренъ волѣ отца, отнюдь не намѣренъ бросить Кандаму... Онъ тайно обвѣнчанъ съ ней и увозитъ ее въ столицу.

Шпіоны народной партіи успѣли однако опередить его тамъ, и онъ застаетъ столицу въ полномъ разгарѣ вспыхнувшаго возстанія. Приверженцы королевской власти, послѣ упорной битвы, оттѣснены и Супанда заперся съ ними въ свой укрѣпленный замокъ.

Сумерки... Съ высоты, на которой стоитъ цитадель, видны зданія и огни многолюднаго города,—вдали слышны оклики часовыхъ... Упаянге, оставивъ жену на рукахъ у вѣрныхъ друзей,—подъ защитою темноты, прокрадывается къ своимъ. Съ его появленіемъ духъ осажденныхъ воскресъ и собранная при свѣтѣ факеловъ, вѣрная долгу часть королевской гвардіи—ликуетъ. Она видала принца не разъ на полѣ битвы, ведущаго ее къ вѣрной побѣдѣ,—и если онъ тутъ, то конечно все спасено... Глухою ночью, онъ дѣлаетъ вылазку... Ряды осаждающихъ смяты и опрокинуты, и небольшая дружина прокладываетъ себѣ кровавый путь. Она уже за городомъ: но старый король Супанда опасно раненъ и о судьбѣ Кандамы, бѣжавшей въ свитѣ одной изъ принцессъ королевскаго дома, пришла печальная вѣсть. Она захвачена на пути и содержится, какъ залогъ, въ столицѣ, въ тюрьмѣ...

* * *

Въ волненіи, я слѣдилъ за ходомъ событій на сценѣ и долго не могъ понять, отчего они дѣлаютъ на меня такое глубокое впечатлѣніе. „Что это?" спрашивалъ я себя: „и отчего это такъ хватаетъ за сердце?.." Я былъ похожъ на слѣпого, котораго, послѣ долгихъ скитаній въ чужихъ краяхъ, судьба привела, невѣдомо для него самого, къ родному дому. Ощупью онъ нашелъ его дверь и прислушивается. Знакомые голоса раздаются внутри и будятъ въ немъ тысячи старыхъ воспоминаній. Одно за другимъ—загораются въ сердцѣ его давно угасшія чувства и воскресаютъ милые образы, лица родныхъ и друзей. Но какимъ образомъ и когда все это было такъ близко?.. Жадно, съ мучительнымъ нетерпѣніемъ, прислушивался я къ рѣчамъ актеровъ, въ надеждѣ найти въ нихъ ключъ къ рѣшенію этой загадки, какъ вдругъ вопросъ повернулся ко мнѣ лицомъ и я понялъ, что онъ прежде всего идетъ обо мнѣ самомъ. Да кто же я наконецъ, и откуда? Съ такимъ вопросомъ я оглянулся назадъ, на пробѣлъ образовавшійся въ моей памяти (какъ бы нарочно, чтобы дать мѣсто отвѣту), и къ удивленію не нашелъ его... Прошлое оказалось занято тѣми событіями, которыя происходили на сценѣ, и не было болѣе никакого сомнѣнія, что я принималъ въ нихъ дѣятельное участіе, былъ даже центромъ и главнымъ узломъ ихъ связи. Понятно послѣ того, съ какимъ лихорадочнымъ увлеченіемъ я слѣдилъ за развитіемъ драмы. Простой и трогательный ея сюжетъ, какъ водится, усложненъ былъ хитро-сплетенной интригой: но я пропускаю ее, какъ драматическую прикрасу, не прибавляющую ни іоты къ сущности дѣла, и разскажу только эту послѣднюю.

* * *

Отецъ Упаянге умеръ въ походѣ и войско провозгласило его королемъ. Съ другой стороны, столица провозгласила республику, и провинціи почти сплошь послѣдовали ея примѣру. Образовался союзъ, который и до сихъ поръ тяготѣетъ еще надъ Ванзаміей. Но молодой король имѣлъ на своей сторонѣ могущественную аристократію и, какъ онъ думалъ въ ту пору, надежный оплотъ въ провинціи Ларсъ, съ ея полудикимъ, воинственнымъ населеніемъ. Увы! это была роковая ошибка, и понемногу она обнаруживается...

Бурныя сцены битвъ, пожаровъ и грабежей... Побѣда и снова побѣда... Республиканская армія терпитъ жестокія пораженія: и вотъ, наконецъ, послѣ длиннаго ряда военныхъ успѣховъ, король подъ стѣнами столицы. Но сердце его растерзано бѣдствіями войны, которая тянется безъ конца, и онъ понялъ уже давно, что положеніе его, не смотря ни на какія побѣды, въ сущности, безнадежно. Рессурсы республиканцевъ неистощимые, такъ какъ, за исключеніемъ непосредственнаго театра военныхъ дѣйствій и Ларса, съ его неприступною твердынею горъ,—весь свѣтъ въ ихъ рукахъ. За ними—моря, на которыхъ господствуетъ вѣрный имъ флотъ, несчетныя крѣпости, пристани, арсеналы, доки; безчисленные резервы подходятъ со всѣхъ сторонъ на смѣну разстроенныхъ силъ, и арміи ихъ, послѣ каждаго пораженія, воскресаютъ, въ короткое время, съ новою силой, всегда отлично вооруженныя, сытыя, хорошо обученныя. Но съ другой стороны не то. Число сторонниковъ короля начинаетъ рѣдѣть и ихъ средства истощены. Продовольствіе страшно затруднено, ибо весь край, пройденный ими, опустошенъ варварскимъ образомъ веденія войны со стороны ихъ полудикихъ союзниковъ, Ларсовъ. Цвѣтущіе города и села выжжены, имущество мирныхъ гражданъ истреблено или расхищено, ихъ поля не запаханы, люди обращены во вьючныхъ скотовъ или вырѣзаны, не разбирая пола и возраста,—женщины обезчещены;—и ни малѣйшей возможности вразумить этихъ варваровъ, что они сами себѣ готовятъ гибель. Не разъ Упаянге, теряя терпѣніе, готовъ былъ напасть на эту орду и истребить ее, но послѣ этого оставалось бы только идти въ республиканскій лагерь и сдаться на милость, не говоря о клятвѣ, данной въ ту пору, когда онъ стоялъ на колѣняхъ передъ Кандамой, что никогда рука его болѣе не поднимется противъ ея народа.

Оставался только одинъ исходъ: взять столицу, и съ этимъ залогомъ въ рукахъ, добиться отъ непріятеля какихъ нибудь сносныхъ условій мира. Въ чисто военномъ смыслѣ, дѣло было возможное, такъ какъ городъ, съ тремя милліонами жителей, мудрено защищать. Но онъ былъ самъ Ванзъ и сердце его содрогалось при мысли, какое море крови пришлось бы пролить, чтобы достигнуть силой подобной цѣли. Лучшая часть королевской арміи легла бы на приступѣ, а остальную, или, вѣрнѣе сказать, орду его дикихъ союзниковъ, нечего было и думать остановить, послѣ того такъ вооруженное сопротивленіе будетъ сломлено. Мало того, Кандама была во власти враговъ, и черезъ лазутчиковъ ему былъ уже сдѣланъ намекъ на то, что ее ожидаетъ въ случаѣ, если онъ вооруженной рукою проникнетъ въ городъ. Первое, что онъ тамъ увидитъ,—молъ, будетъ ея голова.

Но Упаянге молодъ и предпріимчивъ. Такъ или иначе, онъ рѣшился освободить королеву прежде чѣмъ предпринять что-нибудь рѣшительное, и въ короткое время планъ его былъ готовъ.

Въ окрестностяхъ города существуютъ развалины стараго монастыря. Древній старикъ живетъ въ нихъ отшельникомъ, и эта живая руина предана всею душою старымъ порядкамъ. Руководимый преданіями, которыя онъ слыхалъ еще въ дѣтствѣ, король разспра-

шиваетъ его и узнаетъ, что, дѣйствительно, изъ этого мѣста существовалъ когда-то подземный ходъ въ другой монастырь, находившійся въ древности на горѣ, въ цитадели, и много вѣковъ назадъ обращенный уже въ государственную тюрьму... Послѣ неоднократныхъ поисковъ, въ монастырскомъ погребѣ найдена полусгнившая, окованная желѣзомъ дверь, и за нею ступени, ведущія внизъ, въ глубокое подземелье. Саперы спускаются въ него съ фонаремъ, за ними король, а старикъ остается на-сторожѣ... Онъ упалъ на колѣна и молится...

Забытый тюремный подвалъ въ цитадели. Стѣны и своды осыпались; полъ заваленъ крупнымъ тесовымъ камнемъ и мусоромъ—сырость и плѣсень: ясно, что человѣческая нога не заходила сюда лѣтъ триста... Но вотъ, подъ грудою мусора слышенъ чуть внятный стукъ: онъ приближается: что-то осыпалось... между камней мелькнулъ багровый свѣтъ фонаря, и освѣщенная имъ, видна голова осторожно выглядывающаго сапера... Выходъ расчищенъ: одинъ за однимъ изъ-подъ земли вылѣзаютъ нѣсколько человѣкъ: въ числѣ ихъ король. Люди блѣдны и чуть держатся на ногахъ: они едва не задохлись отъ спертаго воздуха въ подземельѣ... Подвалъ освѣщенъ... въ глубинѣ его видны ступени,—это подъемъ наверхъ. Король и за нимъ, на разстояніи, трое, крадутся и исчезаютъ въ потемкахъ... Мертвая тишина и тревожное ожиданіе... Гдѣ-то, далеко вверху, слышенъ сдавленный возгласъ испуга, и снова все смолкло... Потомъ шаги, вверху на лѣстницѣ мелькнулъ свѣтъ... Саперы тащутъ кого-то связаннаго, съ заклепаннымъ ртомъ. Это тюремщикъ, схваченный въ ту минуту, когда онъ кончалъ свой ночной обходъ... Развязанный, онъ узналъ короля и падаетъ передъ нимъ на колѣна. Это бывшій дворцовый слуга, всею душою преданный королевскому дому... (Слѣдуетъ сцена свиданія съ заключенной: но о ней послѣ).

На другой день цитадель взята неизвѣстно откуда проникшимъ въ нее непріятелемъ, и городъ, поставленный между двухъ огней, объятъ паническимъ ужасомъ. Народъ мятется на площадяхъ, обвиняя въ измѣнѣ военнаго коменданта. Отъ думы отправлена депутація къ королю съ мольбою спасти трехмилліонное населеніе отъ тѣхъ ужасовъ, которые неизбѣжны въ случаѣ, если Ларсы ворвутся въ городъ. Король отвѣчаетъ, что противъ этого приняты уже мѣры, но что нельзя отвѣчать за успѣхъ, покуда въ городѣ двѣ враждебныхъ силы и двѣ команды. Вслѣдствіе этого вывѣшенъ бѣлый флагъ, и комендантъ является къ королю съ предложеніями о сдачѣ. Но въ то же время изъ арміи получены ужасающія извѣстія: въ лагерѣ Ларсовъ—бунтъ, лейтенантъ короля убитъ, и вся грозная сила варваровъ, раздраженныхъ тѣмъ, что у нихъ, судя по всему преднамѣренно, отнимаютъ заслуженную добычу,—рвется на приступъ...

Конца я не досмотрѣлъ: но онъ хорошо извѣстенъ въ исторіи Ванзовъ. Король былъ убитъ, защищая городъ въ главѣ своихъ и республиканскихъ силъ, и эта смерть, доставивъ конечное торжество республикѣ, положила конецъ войнѣ. Его похоронили съ царскими почестями и надъ могилой его были сказаны историческія слова:

„Сограждане! произнесъ извѣстный республиканскій ораторъ:—Мы хоронимъ сегодня послѣдняго нашего короля. Хотя онъ и билъ насъ, а все же, надо отдать ему справедливость, онъ былъ хорошій король. Но онъ былъ еще лучшій гражданинъ, что онъ и доказалъ, забывъ обиды, лично ему нанесенныя, и отдавъ свою жизнь за спасеніе этого города. Скажемъ же на его могилѣ единодушно: Вѣчная память послѣднему нашему королю и первому гражданину!“

Драма эта, хотя я и чувствовалъ до малѣйшей тонкости всѣ мѣста, гдѣ авторъ ея неумышленно отклонился отъ истины, чуть не свела меня подъ конецъ съ ума. Слово за словомъ, и сцена за сценой, я убѣждался, что знаю гораздо лучше, чѣмъ авторъ, событія, воспроизведенныя имъ въ главныхъ чертахъ довольно вѣрно. „Нѣтъ, подсказывало мнѣ безошибочное чутье:—это было немножко не такъ; а это хотя и такъ, но поставлено на ходули: тутъ пробѣлъ и вслѣдствіе пробѣла ложный эффектъ; а тутъ, вмѣсто красивыхъ, замысловатыхъ фразъ съ поэтическими сравненіями, сказаны были коротко простыя слова, но они хватали за сердце и заставляли всю кровь бросаться въ лицо. Зачѣмъ, напримѣръ, Кандама, въ отвѣтъ на мое признаніе, говоритъ такъ фразисто, что жизнь ея принадлежитъ ея родинѣ и т. д., тогда какъ въ дѣйствительности она была такъ смущена, что съ трудомъ могла говорить, и смотря на меня изподлобья, шепнула только дрожащимъ голосомъ: „Іонике! (т. е. „голубчикъ“) возьми меня, но не губи больше нашихъ!“ И только когда я обнялъ ее, прибавила уже храбро: „Если еще разъ, черезъ тебя, польется тутъ, въ Ларсѣ, кровь, то я буду знать, что ты лжешь,—не любишь меня“... Я говорю о себѣ, потому что я скоро не въ состояніи уже былъ отдѣлить себя отъ лица, которое дѣйствовало на сценѣ, хотя я и чувствовалъ, что актеръ, игравшій роль Упаянге, часто совсѣмъ не похожъ на него, такъ что образъ героя драмы все время двоился въ моихъ глазахъ. Но еще менѣе могъ я признать въ театральной, затянутой туго въ корсетъ, Кандамѣ, ту необузданную дикарку, которая очаровала меня,—я и самъ хорошенько не знаю чѣмъ. Должно быть тѣмъ, что въ ней не было ничего похожаго на другихъ. Усмѣшка, взглядъ, манера подергивать плечи, когда ей что нибудь не по нраву, и внезапная жаркая краска въ лицѣ, когда ей чѣмъ нибудь угодишь, все было особенное, свое. Она вела себя часто, какъ дикая кошка, способная выцарапать глаза въ минуту негодованія, но эта кошка готова была въ огонь и въ воду за милаго: и ласки ея были такъ бѣшены, поцѣлуи такъ жгучи, что даже теперь, двѣ тысячи лѣтъ спустя, голова у меня идетъ кругомъ отъ одного воспоминанія!.. Въ актрисѣ, игравшей ее, однако-же было нѣчто, какая-то искра естественнаго огня, минутами заставлявшая позабыть несходство ея съ дѣйствительною Кандамой и воскрешавшая въ моемъ сердцѣ образъ возлюбленной. Въ такія минуты я впрочемъ не видѣлъ актрисы: она исчезала куда-то и передо мною была совершенно другая женщина: легкая, гибкая, сильная какъ молодая пантера,—женщина, которая говорила, глядѣла, ходила иначе... Сцена, когда я вбѣжалъ въ ея келью и увидѣлъ ее, бѣднягу, свернувшуюся калачикомъ на дрянной тюремной постели, блѣдную, заморенную, жалкую, едва не ослѣпшую отъ горючихъ слезъ,—когда, заслоняя рукою глаза, она всматривалась, не узнавая,—и вдругъ, взвизгнувъ, кинулась мнѣ на грудь: и минута, когда, захлебываясь отъ нестерпимой обиды, она рвала свои спутанные на головѣ, какъ змѣи, черные волосы, проклиная враговъ, державшихъ ее взаперти цѣлый годъ,—сдѣлали то, что я выбѣжалъ, какъ помѣшанный, изъ театра и, заливаясь слезами, упалъ на скамью въ публичномъ саду. „Гдѣ она?.. Гдѣ?..“ слышалъ я собственный голосъ, не узнавая его: „и возможно ли, чтобы я былъ живъ, тогда какъ кости ея давно истлѣли въ сырой землѣ?..“ И сердце мое стучало больно, стучало такъ, что я удивлялся, какъ оно еще цѣло въ груди... Передъ глазами носились тысячи старыхъ, знакомыхъ сценъ: битвы, пожары, приступы...

V.

Народъ валилъ изъ театра толпой...

— Янге! Что ты тутъ дѣлаешь? услыхалъ я знакомый голосъ. Мы понять не могли куда ты исчезъ... Пойдемъ...

Смотрю: кто-то взялъ меня подъ руку. Это былъ

Этюдъ. Съ карт. проф. К. Е. Маковскаго, грав. Ю. Барановскій.

одинъ изъ тѣхъ молодыхъ энтузіастовъ, о которыхъ я раньше упоминалъ, и онъ увелъ меня къ себѣ ужинать.

Свѣжій воздухъ, прогулка, и бойкій, живой разговоръ понемногу вернули меня къ сознанію настоящаго: но я отвѣчалъ разсѣянно, или совсѣмъ невпопадъ, что заставляло его иногда останавливаться и хохотать.

— Упаянге! да что съ тобой? Ты точно еще не очнулся отъ катастрофы, постигшей тебя на приступѣ.

Только тогда я хватился, что имя, которымъ онъ называлъ меня, стало уже давно, въ кругу близкихъ людей, моей кличкой: но до сихъ поръ я на это не обращалъ вниманія, объясняя себѣ эту странность одною изъ тѣхъ ребяческихъ, чисто случайныхъ фантазій, которыя надѣляютъ насъ въ школѣ разными прозвищами.

— Эланге! сказалъ я, дивясь:—объясни мнѣ пожалуйста, отчего вы всѣ, словно на смѣхъ, дали мнѣ имя этого историческаго лица?

— Ахъ, Боже мой! отвѣчалъ онъ.—Да развѣ же ты не знаешь, что ты похожъ на него, какъ двѣ капли воды.

— Съ чего ты взялъ?

— Я-то? Да развѣ же я одинъ?... Вѣдь это не миѳъ... Портреты его и бюсты, и статуи существуютъ тысячами, во всѣхъ галлереяхъ. Въ столицѣ стоитъ даже памятникъ, отлитый изъ бронзы, работы безсмертнаго Гамбо... Кстати сказать, мы давно уже собираемся дать домашній спектакль и заставить тебя разыграть его роль въ этой самой драмѣ... Нѣсколько избранныхъ сценъ...

— Нѣтъ, сердце лопнетъ! отвѣчалъ я, не подумавъ, какъ страненъ долженъ ему показаться такой отвѣтъ.

— Это съ чего?

— Такъ... драма произвела тяжелое впечатлѣніе... А впрочемъ, можетъ быть, и не лопнетъ; но я, во-первыхъ, плохой актеръ, а, во-вторыхъ,—что толку если одинъ изъ десяти будетъ похожъ?.. Кандамы вы, напримѣръ, навѣрное уже не найдете.

Онъ промолчалъ.

— Ея достовѣрныхъ изображеній нѣтъ?

— Есть, отвѣчалъ онъ спокойно.—И если желаешь, я завтра тебѣ покажу. Зайдемъ въ музей. Тамъ, въ исторической галлереѣ есть бюстъ.

Я замолчалъ, едва скрывая свое волненіе.

За ужиномъ собрался небольшой, интимный кружокъ: все молодыя, горячія головы,—и разговоръ, слегка коснувшись разныхъ вещей, вернулся, какъ онъ возвращался обыкновенно, къ политикѣ. Всѣ были согласны въ нѣсколькихъ основныхъ и, какъ намъ казалось, безспорныхъ истинахъ. Положеніе, до котораго дошло всемірное государство, представлялось намъ чѣмъ-то чудовищнымъ и мы не находили словъ достаточно крѣпкихъ, чтобы его заклеймить.

— Еслибы Упаянге воскресъ, сказалъ одинъ изъ гостей: и полюбовался какихъ результатовъ достигла наслѣдница его традиціонныхъ правъ, республика,—любопытно знать, что онъ сказалъ бы?

Усмѣшка зарницею пробѣжала по молодымъ, открытымъ лицамъ и взоры всѣхъ остановились на мнѣ.

— Ну-ка! сказалъ хозяинъ,—теска! въ которомъ быть можетъ еще осталось нѣсколько капель его благородной крови,—отвѣчай за отсутствующаго.

— Сказалъ бы, отвѣчалъ я, что единственная надежда на Леевъ, но что имъ нуженъ вождь, способный ихъ разбудить отъ трехтысячелѣтняго сна и облеченный неограниченнымъ ихъ довѣріемъ.

— Браво! воскликнула вся компанія. За здравіе новаго Упаянге!

Тяжелые золотые кубки наполнены были искрометнымъ виномъ и всѣ, обращаясь полушутя, полусерьезно ко мнѣ,—осушили ихъ разомъ до дна.

— И дай Богъ скорѣе его найти! прибавилъ кто-то.

— И дай ему Богъ побольше надежныхъ друзей!

Тосты слѣдовали, заглушаемые рукоплесканіями. Кто-то запѣлъ старый, какъ міръ, монархическій гимнъ. Ему подхватили хоромъ. Всѣ были веселы и вино лилось до разсвѣта.

(До слѣд. №).

Скиталецъ.

(Изъ сибирскихъ воспоминаній).

Разсказъ **А. Я. Максимова.**

(Продолженіе).

При послѣднихъ словахъ Варламова, по моему тѣлу пробѣжала нервная дрожь. Я взглянулъ на Сашу и замѣтилъ, что ея прелестное личико покрылось вдругъ смертельною блѣдностью.

Старикъ, не замѣчая нашего смущенія, продолжалъ:

— Во всякомъ случаѣ, много осталось еще додѣлать, и я думаю, что Алексѣю придется прожить въ Петербургѣ еще недѣльки двѣ.

Это насъ немного успокоило. Впереди, насъ ожидало еще двѣ недѣли счастья, упоенья, а послѣ... Но лучше не думать о будущемъ!..

Время проходило, въ сладостномъ упоеніи взаимной любви, быстро, незамѣтно. Мы любили молча, безъ страстныхъ порывовъ, безъ сердечныхъ объясненій: наша любовь сдерживалась въ рамкахъ сознаніемъ долга, нарушить который никто изъ насъ не рѣшался...

Письма, получаемыя отъ отца, заставляли торопиться возвращеніемъ въ Иркутскъ. Въ каждомъ изъ нихъ старикъ спрашивалъ, какъ скоро окончится дѣло, не скрывая своего неудовольствія на мое долгое отсутствіе. О женѣ моей писалъ съ какими-то недомолвками, понять которыхъ я не могъ, да и не хотѣлъ. Кромѣ того въ его письмахъ просвѣчивалась какая-то затаенная печаль, странная, непонятная для меня. Я зналъ моего отца, какъ человѣка исключительно преданнаго своему торговому дѣлу и не поддающагося постороннимъ впечатлѣніямъ. Между тѣмъ, его, повидимому, мучила какая-то мысль, неимѣющая ничего общаго съ занятіями его обыденной жизни... Прикованный къ Петербургу силою любви, какъ Прометей къ скалѣ, я не спѣшилъ домой и не желалъ углубляться въ загадочные намеки отца. Я даже не говорилъ Сашѣ о получаемыхъ письмахъ, чтобы не напоминать ей о приближающейся разлукѣ...

VI.

Двѣ недѣли прошли, какъ одинъ день!.. Въ одно утро, когда мы сидѣли въ любимой нами бесѣдкѣ, среди тропическихъ растеній, къ намъ подошелъ Варламовъ, сіяющій и радостный.

— Ура! проговорилъ онъ, потирая руки. Побѣда за нами—дѣло выиграно и покончено. Пойдемъ, молодецъ, хватимъ по стаканчику шипучки!... Право стоитъ спрыснуть столь счастливый оборотъ дѣла...

Если-бы мой почтенный хозяинъ менѣе былъ занятъ этой новостью, то непремѣнно увидѣлъ, какъ она насъ поразила. Но онъ не обратилъ вниманія на наше смятеніе и весело продолжалъ:

— Это счастливое обстоятельство не должно, однако, вліять на твой скорый отъѣздъ. Крайности никакой нѣтъ, дома подождутъ, а для насъ было бы грустно такъ скоро разставаться.

Я ухватился за эти слова, какъ за доску спасенія.

— Да, тѣмъ болѣе, что мнѣ необходимо исполнить еще нѣсколько порученій и окончить свое небольшое дѣло, посиѣшилъ я отвѣтить.

— Совершенно вѣрно, согласился добродушный ста-

рикъ, погости еще немного, а затѣмъ съ Богомъ въ Иркутскъ... А теперь пойдемъ вспрыснуть окончаніе юридическихъ хлопотъ.

Нужно-ли вамъ прибавлять, что, рѣшившись остаться, я не разсчитывалъ времени. Дни, недѣли шли своей чередой, а я, забывъ обязанности сына и мужа, жилъ только настоящимъ...

Однако, это безумство должно было имѣть свой конецъ. Развязка наступила быстро и неожиданно. Это было утромъ. Въ мою комнату вошла Прасковья съ письмомъ въ рукѣ.

— Отъ кого!? спросилъ я порывисто и тревожно, какъ бы предчувствуя, что письмо приноситъ печальныя для меня вѣсти.

— Принесъ почтальонъ, а какъ никого изъ прислуги не было внизу...

Не слушая болтовни Прасковьи, я выхватилъ письмо изъ рукъ дѣвушки, крайне удивленной моею внезапной раздражительностью. На конвертѣ я разсмотрѣлъ штемпель Иркутска. Письмо было отъ отца, слѣдующаго содержанія:

„Алексѣй Кузьмичъ! Изъ газетъ, но не отъ тебя, я узналъ объ окончаніи моего дѣла. Предполагая, что сейчасъ вернешься, я не писалъ къ тебѣ; но, видя, что ты забылъ всѣ свои обязанности, я приказываю тебѣ, подъ страхомъ родительскаго проклятія, быть черезъ двадцать четыре часа, послѣ полученія этого письма, на обратномъ пути".

Прочитавъ это письмо, я, какъ сумасшедшій, сбѣжалъ внизъ. Я засталъ Сашу въ столовой съ отцомъ.

— Что такое случилось?.. Говори скорѣй, ради Бога! На тебѣ вѣдь лица нѣтъ!.. воскликнулъ старикъ, увидѣвъ меня.

Саша встала съ своего мѣста и съ ужасомъ смотрѣла на измѣнившіяся черты моего лица. Я машинально подалъ Варламову полученное отъ отца письмо.

— Да!.. Благословеніе родительское—вещь святая! грозно сказалъ старикъ, пробѣжавъ глазами письмо. Ты долженъ ѣхать немедля!..

— Ѣхать!?.. Куда?.. простонала дѣвушка.

— Въ Иркутскъ... Отецъ его желаетъ этого, приказываетъ!..

— Боже мой, Боже! крикнула съ отчаяніемъ Саша, страшно поблѣднѣвъ. Вдругъ она пошатнулась и упала въ обморокъ на диванъ. Я подбѣжалъ къ ней, желая оказать помощь.

— Не нужно, сказалъ спокойно Варламовъ, удерживая меня, я знаю что мнѣ нужно дѣлать... И взявъ дочь въ свои сильныя руки, унесъ ее изъ комнаты. Черезъ минуту онъ вернулся.

— Я отдалъ Сашу на попеченіе Прасковьи: въ такихъ случаяхъ женщины незамѣнимы. Что-же касается тебя, Алексѣй Кузьмичъ, скажу только: не ты виноватъ, а я самъ!.. Я старъ, занятъ дѣлами и не подумалъ, что можетъ выйти изъ вашего знакомства. Вы оба честные и благородные, но молоды, а молодость разсуждать не любитъ. Тебя я полюбилъ съ перваго нашего знакомства и сердечно люблю до сихъ поръ, но уѣхать ты долженъ немедля...

Растроганный этой необыкновенной добротой, я поцѣловалъ протянутую мнѣ руку старика.

— Поѣду, простоналъ я тихимъ голосомъ.

— Необходимо и немедленно!..

— Поѣду!.. повторилъ я... Удалюсь отсюда надолго... Можетъ быть навсегда... Позволь мнѣ попрощаться съ нею!..

— Нельзя, твердо проговорилъ Варламовъ. Уѣдешь—не простившись!..

Не видѣть обожаемую дѣвушку, не проститься съ нею, можетъ быть, передъ вѣчной разлукой—превышало мои силы, однако я сознавалъ, что рѣшеніе старика было справедливо... Я не выдержалъ и заплакалъ, какъ ребенокъ. Мое искреннее горе взволновало старика.

— Больше мужества! проговорилъ онъ съ участіемъ, сжимая мнѣ руку и отирая слезы, невольно катившіяся изъ его глазъ...

Какъ прошелъ остатокъ этого дня—не помню... Къ вечеру все было готово къ моему отъѣзду. Варламовъ благословилъ меня и крѣпко обнялъ. Въ послѣдній моментъ моего отъѣзда, меня окружили конторщики, прислуга, добрая Прасковья: всѣ были грустны, всѣ желали проститься со мной... Даже Нептунъ, любимая собака Саши, ласкался ко мнѣ и лизалъ руки, инстинктомъ предугадывая мой отъѣздъ... Не было только той, которую я тщетно искалъ заплаканными глазами!.. Наконецъ я сѣлъ въ сани. Лошади рванули съ мѣста и понеслись къ Николаевскому вокзалу. На прощанье, я взглянулъ въ окно Сашиной комнаты, въ надеждѣ увидѣть чудную дѣвушку. Дѣйствительно, она стояла у окна и жестами прощалась со мной, приложивъ одну руку къ сердцу и указывая другой на небо!..

Не нахожу словъ описать состояніе моей души во время длинной дороги до Иркутска. Всякія постороннія впечатлѣнія затирались, исчезали, и въ угнетенномъ мозгу крѣпко сидѣла тяжелая, неотвязчивая мысль: скоро-ли увижу ее я опять? Какъ осужденный на смерть считаетъ часы и минуты, приближающія его къ вѣчности, такъ я считалъ версты и станціи, отдѣляющія меня отъ горячо любимой дѣвушки. Трудно описать мои невыразимыя страданія. Я, какъ помѣшанный, то желалъ удержать быстрый бѣгъ лошадей, то часто вскакивалъ со своего сидѣнья, съ намѣреніемъ приказать ямщику повернуть обратно; но роковая необходимость мчаться дальше становилась передъ глазами, какъ несокрушимая стѣна, и я безсильно падалъ въ глубину кибитки. Всѣ чувства притупились во мнѣ: осталось только ужасное, давящее всякій признакъ сознательной жизни, чувство безграничнаго, глубокаго отчаянія!..

VII.

Наконецъ, повозка остановилась передъ крыльцомъ отцовскаго дома, въ Иркутскѣ... Ольга выбѣжала на лѣстницу и, рыдая, бросилась въ мои объятія. Я обнялъ жену машинально, даже хорошенько не взглянувъ на нее. Отецъ принялъ меня равнодушно, холодно, съ оттѣнкомъ непріязненности.

— Нужно было возвращаться раньше и не ждать моего приказанія, проговорилъ онъ строго. Теперь постарайся исправить прошлое, вознаградить Ольгу за долгое отсутствіе. Помни, я ее люблю, какъ дочь. Въ твоей женѣ ты владѣешь сокровищемъ, котораго мало достоинъ.

Тогда только я взглянулъ на жену. Она была попрежнему красива, но мнѣ показалось, что яркій румянецъ здоровья исчезъ и смѣнился какой-то матовой блѣдностью. Во всякомъ случаѣ, я не обратилъ особеннаго вниманія на это обстоятельство, объяснивъ себѣ блѣдность жены понятнымъ душевнымъ волненіемъ, вызваннымъ моимъ пріѣздомъ...

Наступилъ рядъ долгихъ, однообразныхъ дней. Ольга была для меня ангельски доброй женой, отгадывала каждое мое желаніе, предупреждала каждую прихоть. Съ своей стороны, я старался отплатить ей, за ея безграничную привязанность, ложнымъ чувствомъ любви. Часто дарилъ ее насильственной улыбкой, но чаще, печальный и приниженный, я впадалъ въ такую задумчивость, что не слышалъ даже ея словъ. Понимали она, что происходило въ моемъ сердцѣ—не знаю, но, во всякомъ случаѣ, ни словомъ, ни взглядомъ не показала, что отгадала гнетущую тайну моего сердца. Она окружила меня попеченіемъ любящей сестры и друга и съ рѣдкимъ тактомъ избѣгала изъявленій докучливой чувствительности. Но я не понималъ этого, я жилъ только воспоминаніемъ потеряннаго счастья...

Воспоминанія прошлаго. Съ карт. П. Колшюттера, грав. Герике.

Старый трубадуръ. Съ карт. итал. художн. Ф. Гелли грав. Герике

Дни шли за днями, дни мучительные и тревожные. Я продолжалъ томить себя своею преступною страстью, поглотившею все мое существо. Я не жилъ, но постоянно виталъ въ мірѣ воспоминаній. Я наслаждался этими воспоминаніями и вмѣстѣ съ тѣмъ терзался ими. Сердце говорило мнѣ, что прошлаго вернуть нѣтъ возможности. Постепенно, невольно, я сталъ обращать вниманіе на настоящее, и вдругъ моему нравственному оку раскрылась ужасная картина моего черстваго эгоизма. Совѣсть стала терзать меня безпощадно за мое. недостойное порядочнаго человѣка, отношеніе къ Ольгѣ. этой лучшей изъ лучшихъ женщинъ, умѣвшей любить беззавѣтно, безропотно, горячо и покорно несть тяжелый крестъ безотвѣтной любви. Въ моемъ растерзанномъ сердцѣ начало зарождаться къ Ольгѣ что-то похожее на любовь. Чувство это разгоралось все сильнѣй и сильнѣй и, самъ не сознаю какъ, зародилась во мнѣ надежда на возможное счастіе, помимо безвозвратно потеряннаго... О, Боже, Боже мой, какъ тяжки эти воспоминанія!.. Возвратъ мой оказался запоздалымъ... Ольга угасала въ злѣйшей чахоткѣ. Я и не подозрѣвалъ въ ней этой ужасной болѣзни, вызванной скрытыми душевными страданіями. Я ужаснулся. когда отецъ, замѣтивъ мое особенное ухаживаніе за женой, проговорилъ тихо и печально:

— Поздно!

Слово это поразило меня какъ громомъ.

„Неужели поздно!? терзала меня ужасная мысль. Неужели я сдѣлался невольнымъ убійцей той, которая отдала мнѣ всю свою любовь и преданность, отдала безкорыстно и можетъ быть безъ надежды на взаимность? О, я долженъ вознаградить ее за всѣ страданія, за зло, причиненное ей мною...“

И я дѣлалъ все, что только въ состояніи сдѣлать человѣкъ, чтобы облегчить душевныя и физическія страданія несчастной Ольги... Пригласилъ лучшихъ докторовъ... Все напрасно!.. Доктора посовѣтовали ей избѣгать всякихъ огорченій, пользоваться полнымъ спокойствіемъ и развлекаться... Развлекаться... какая горькая насмѣшка!.. Развлекаться той, которая съ большимъ трудомъ, и то опираясь на мое плечо, могла пройти по комнатѣ.

Силы Ольги видимо угасали. Съ каждымъ днемъ ухудшалось ея здоровье. Блѣдность уступила мѣсто какой-то алебастровой прозрачности. Она исхудала; сухой, обрывистый кашель терзалъ ея грудь. Говорила такъ тихо, что слова ея походили на отдаленный шепотъ... Только въ ея чудныхъ глазахъ блисталъ еще лучъ догорающей жизни. Глаза эти были постоянно устремлены на меня съ неизъяснимымъ, божественнымъ выраженіемъ. Казалось, взглядъ ихъ желалъ проникнуть въ глубь моей души, освѣтить своимъ лучемъ самые потаенные уголки моего сердца. Взглядъ этотъ покорялъ меня. Я падалъ къ ногамъ моей жены. скрывалъ въ ея исхудалыхъ колѣняхъ свое пылающее лицо, и плакалъ. плакалъ словно ребенокъ. Ольга никогда не мѣшала мнѣ выплакаться: она сознавала, что слезы эти очищаютъ мою душу и сердце. Она не сыпала словъ утѣшенія, а только слегка, словно ребенка, гладила исхудалой рукой по головѣ. Эта нѣжная ласка производила на меня неизъяснимое впечатлѣніе. Я успокаивался и смотрѣлъ на жизнь нѣсколько бодрѣй... Я не отходилъ отъ Ольги ни на минуту, стараясь вознаградить ее за всѣ испытанныя ею душевныя муки. По ея желанію, я обставилъ ея кровать прелестнѣйшими экземплярами тропическихъ растеній. Восхищаясь ихъ запахомъ и красотой, она постоянно составляла букеты, и были моменты, когда, занятая этой работой, она, казалось, забывала о своихъ страданіяхъ... Однажды, мы замѣтили въ Ольгѣ неожиданную, рѣзкую перемѣну. Щеки, постоянно блѣдныя, оживились свѣжимъ румянцемъ; потухающіе глаза загорѣлись глубокимъ огнемъ; слабый голосъ зазвучалъ силой здоровья... Увы!.. Это былъ послѣдній проблескъ угасающей жизни!.. Держа въ рукахъ букетъ свѣжихъ цвѣтовъ, она заговорила, какъ бы подъ впечатлѣніемъ пророческой мысли:

— Какъ мнѣ хорошо и отрадно!.. Какое неописанное блаженство охватываетъ мое существо!.. Неужели это начало смерти?... О, если такъ—благодарю Тебя, Боже, за этотъ моментъ!..

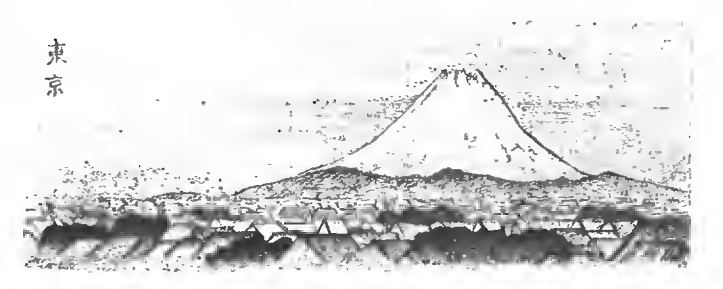
(Оконч. въ слѣд. №).

Ако-Чусинъ.

Вѣрная дружина Ако. *)

(Рис. на стр 42. 44. 46 и 47).

На юго-восточной сторонѣ о-ва Нипона, въ глубинѣ залива Едо, лежитъ столица Японіи—Токіо. Любопытно взглянуть на нее съ высоты, хотя бы съ холма Суругадай, почти въ серединѣ столицы. Это настоящее море темносѣрыхъ черепичныхъ крышъ, гладкое и однообразное, изъ котораго точно острова кое-гдѣ подымаются зеленыя массы тѣнистыхъ парковъ и рощъ, окружающихъ ясики **), монастыри и храмы. На югѣ это море почти сливается съ синевою настоящаго моря въ заливѣ, на востокѣ оно пропадаетъ за горизонтомъ. Обернувшись на сѣверо-западъ, трудно различить, гдѣ кончается городъ и гдѣ начинаются голубые холмы Ояма и Хаконэ, надъ которыми одиноко и величественно высится несравненная гора Фудзи, вѣчно бѣлая и вѣчно прекрасная (рис. 1).

1) Гора Фудзи и городъ Токіо.

Но ничто не можетъ сравниться съ пестротою и оживленіемъ внутри города, подъ однообразными черепичными крышами, въ длинныхъ, узкихъ и прямыхъ улицахъ столицы. Вездѣ движеніе, толкотня, суетня, шумъ и говоръ. Купцы въ толстыхъ шелковыхъ кириманахъ *), желтые монахи и пестрые бонзы съ блестящими бритыми головами, женщины съ грудными дѣтьми за спиною, нарядныя молодыя дѣвушки, почти голые дзиприкпи **) съ ихъ миніатюрными дрожками, веселыя толпы дѣтей, солдаты и матросы, нынче ужъ въ европейской формѣ, —

*) Изъ историческихъ событій недавняго прошлаго Японіи ни одно не послужило темою для такого множества произведеній японскихъ писателей, какъ знаменитый подвигъ дружины князя Ако. Среди многочисленныхъ сочиненій, посвященныхъ этому событію, наиболѣе видное мѣсто занимаетъ „Чушингура“—большая поэма въ стихахъ, принадлежащая перу Чикамацу, и не менѣе обширный романъ Тамснаги Шунсуй—„Ироха Бунко“, лучшій образецъ современной японской прозы. Оба эти сочиненія появились въ сороковыхъ годахъ нынѣшняго столѣтія и требованія цензуры заставляли тогда авторовъ ихъ не только измѣнить имена участвующихъ лицъ, но и самое событіе отнести къ XIII вѣку—ко времени знаменитой междоусобной борьбы князей Минамото и Тайра. Только въ 1880 году японское правительство разрѣшило обнародованіе истинныхъ именъ участниковъ событія и вслѣдъ за этимъ появилась новая небольшая книжка, подъ заглавіемъ „Ако-чу-синъ“, т. е. „Вѣрная дружина Ако“, гдѣ авторъ Окадай-Дзиро передаетъ уже съ историческою вѣрностью какъ самое событіе, такъ и имена вельможъ и знаменитыхъ воиновъ.

Мы изложили событіе, какъ оно передано въ „Ако-чу-синъ“ и сколько возможно точно придерживались японскаго текста. Рисунки представляютъ точныя копіи съ оригинальныхъ японскихъ иллюстрацій, приложенныхъ къ „Ако-чу-синъ“ и новому изданію „Ироха Бунко“.

**) Ясики—замокъ князя или дайміо.

*) Кириманъ—длинная верхняя одежда съ широкими рукавами.

**) Дзиприкша — люди съ маленькими двухколесными экипажами—замѣняютъ въ японскихъ городахъ извощиковъ.

все это движется взадъ и впередъ, мелькаетъ и толпится передъ непрерывными рядами пестрыхъ лавокъ. Дома, какъ во всякомъ японскомъ городѣ, маленькіе, точно игрушечные; обыкновенно въ два этажа, съ балкончикомъ наверху, и почти въ каждомъ есть лавка. Вся стѣна нижняго этажа со стороны улицы на день разбирается также и весь на виду красиво разложенный на полу и на полкахъ товаръ. Въ одной лавкѣ цѣлыя горы пестрой фарфоровой посуды, въ другой лакированные сундучки и бамбуковыя корзины, тамъ разноцвѣтныя матеріи, здѣсь съѣстные припасы, рыба, зелень, конфекты, фрукты, дальше разныя рѣдкости, оружіе, бездѣлушки, книги, бронза, письменныя принадлежности и пр. Вечеромъ все освѣщается тысячами разноцвѣтныхъ фонарей изъ промасленной бумаги и улицы становятся еще красивѣй и пестрѣй. Повсюду за бумажными окнами домовъ слышатся звуки самисена и кото *) и услаждающее слухъ вечернее пѣніе: въ сотнѣ театровъ начинаются представленія: комедія, балетъ или серіозная драма, и все и вездѣ снова полно пестрымъ, живымъ и шумливымъ народомъ.

Нѣтъ сомнѣнія, что Токіо самый большой, самый богатый и самый многолюдный городъ въ Японіи, и даже въ царицѣ торговли, Осакѣ, нѣтъ столько шума и веселья; но то ли еще было лѣтъ сто или двѣсти назадъ, когда Токіо не называли еще Токіо, а звали Едо, когда это была столица Шогуна и не смѣли еще бородатые европейцы свободно гулять по священной землѣ японцевъ.

Въ тѣ времена въ Японіи былъ крѣпокъ духъ рыцарской доблести и чести и многіе витязи прославили себя благородными подвигами; но всѣхъ больше славы досталось на долю вѣрныхъ воиновъ дружины Ако и отъ столицы до послѣдней деревушки нѣтъ человѣка, не слыхавшаго про нихъ.

Тогда Микадо или Тенси, которые теперь единодержавно правятъ Японской Имперіей, жили въ Кіото, скрытые отъ взоровъ людей за девятью стѣнами дворца, и не принимали участія въ управленіи государствомъ. Земля была раздѣлена на множество княжествъ и въ каждомъ свой князь или дайміо управлялъ по-своему: назначалъ налоги, творилъ судъ и держалъ большую дружину изъ потомственныхъ воиновъ—самураи. Сильнѣе всѣхъ дайміо были князья изъ рода Токугава, потомки знаменитыхъ въ древности князей Минамото; старшій изъ нихъ сидѣлъ въ Едо, окруженный пышнымъ дворомъ, носилъ древній титулъ „Сей-и-тай Шогунъ", что значитъ: „великій воевода—побѣдитель варваровъ", и всѣ другіе князья повиновались ему и его верховнымъ законамъ. Судъ Шогуна могъ приговорить самаго сильнаго изъ нихъ къ смерти и все имущество его отобрать въ казну. Если опасность угрожала „великому Ниппону", всѣ князья по первому кличу Шогуна должны были стекаться съ дружинами въ Едо. Въ мирное же время только нѣкоторые изъ нихъ, по очереди, покидали свои города и вмѣстѣ съ дружиной перебирались на годъ въ столицу, гдѣ находились при высокомъ дворѣ Шогуна и засѣдали въ верховномъ совѣтѣ. Одинъ разъ въ годъ Шогунъ совершалъ путешествіе въ священный городъ Кіото, чтобъ поклониться великому императору; а Микадо посылалъ въ Едо посла, и при дворѣ Шогуна императорскаго посла принимали съ царскими почестями: знатнѣйшихъ дайміо назначалъ Шогунъ состоять при его особѣ и служить ему.

Весною 14-го года періода Генроку **) на эту должность были назначены благородный дайміо Камей-Сама и князь Ако Асано-Такуми-но-Ками. Оба были въ первый разъ на такой почетной должности и были мало знакомы съ многосложными церемоніями и правилами придворнаго этикета. Поэтому, чтобы наставлять ихъ, былъ назначенъ важный чиновникъ Шогуна, большой знатокъ этикета, Кира Кадзукеноскэ. Камей-Сама и Асано-Такуми-но-Ками, прежде чѣмъ начать посѣщать дворецъ этого вельможи и учиться у него наукѣ этикета, по обычаю, послали ему дорогіе подарки; но Кира былъ скупой и жадный старикъ и подарки князей показались ему ничтожны. Вмѣсто того чтобъ учить дѣлу, онъ сталъ издѣваться надъ ними и оскорблялъ ихъ, заставляя дѣлать унизительныя для князя работы. Но, помня, что, находясь во дворцѣ Киры, они исполняютъ долгъ службы, и горя желаніемъ скорѣе узнать науку этикета, князья долго терпѣли обиды, хотя сердца ихъ давно были полны ненавистью къ вельможѣ. Наконецъ Камей-Сама, который былъ менѣе терпѣливъ чѣмъ Такуми-но-Ками, не могъ долѣе сдерживать себя и разъ, вернувшись домой изъ дворца Киры, сказалъ своему каро ***): „Сегодня безстыдство Киры Кадзукеноскэ перешло границы моего терпѣнія—я едва не обнажилъ меча, чтобы убить его. Но я вспомнилъ, что, убивъ врага въ стѣнахъ его дома, я обездолю свою семью, и на этотъ разъ удержался, рѣшивъ повидаться и посовѣтоваться съ тобою. Однако я знаю, что если и завтра Кира начнетъ издѣваться надо мною, я не сдержусь и убью его. Тогда ты позаботься о моей женѣ и дѣтяхъ и передай имъ всѣ деньги, которыя останутся послѣ меня".

Умный и опытный каро не спорилъ. Онъ зналъ какъ это безполезно—и на словахъ одобрилъ рѣшеніе князя. Но въ душѣ онъ глубоко опечалился и сильно встревожился и сталъ думать какъ отвратить бѣду. И вспомнилъ онъ, что Кира слыветъ жаднымъ скрягой, падкимъ на деньги, что взяткою можно получить его расположеніе и ласку. Каро не терялъ ни минуты и къ вечеру набралъ много денегъ и драгоцѣнныхъ вещей, которыя самъ повезъ во дворецъ вельможи. Тутъ обратился къ старшему чиновнику Киры и сказалъ ему: „Меня прислалъ мой князь Камей-Сама. Онъ благодаритъ Киру Кадзукеноскэ за успѣшное обученіе трудной наукѣ и проситъ сдѣлать ему великую честь и принять этотъ ничтожный подарокъ". Съ этими словами онъ разложилъ передъ чиновниками множество золота, серебра и драгоцѣнныхъ вещей, и чиновники, увидавъ это, вѣжливо просили его обождать и пошли доложить Кирѣ, который захотѣлъ принять совѣтника князя Камей-Сама въ своихъ собственныхъ покояхъ. Дорогой подарокъ и почтительное поведеніе каро очень понравились Кирѣ и онъ обѣщалъ съ этихъ поръ перемѣнить обращеніе съ княземъ и какъ надо учить его законамъ этикета.

Когда на другой день, рано утромъ, Камей-Сама, ничего не зная о поступкѣ своего каро, пришелъ во дворецъ съ твердымъ намѣреніемъ убить врага послѣ первой обиды, Кира Кадзукеноскэ встрѣтилъ его не насмѣшками, какъ бывало прежде, а изысканной любезностью и льстивыми рѣчами.

„Дорогой князь, я бывалъ съ вами грубъ и невѣжливъ; не взыщите за это: что подѣлаешь съ такимъ гадкимъ нравомъ какъ мой? Вы всегда такъ усердны на службѣ — я право не знаю какъ васъ хвалить. Съ ранняго утра уже вы у меня во дворцѣ; обратимъ же сегодня вниманіе на важнѣйшія правила этикета", такъ говорилъ Кира Кадзукеноскэ и гнѣвъ Камей-Сама мало-по-малу смягчался—онъ оставилъ мысль объ убійствѣ.

Такимъ образомъ предусмотрительность каро спасла князя отъ вѣрной смерти, а его семью отъ изгнанія и нищеты.

Вскорѣ послѣ того пришелъ во дворецъ и Асано-Такуми-но-Ками. Отъ его имени никто не прислалъ дорогого подарка и поэтому Кира встрѣтилъ его еще надменнѣй чѣмъ прежде. „Ей князь! грубо сказалъ онъ — у меня развязался башмакъ; будьте добры, завяжите тесемку". Такуми-но-Ками сгоралъ отъ гнѣва при этихъ словахъ, но, думая, что долгъ службы заставляетъ повиноваться, снесъ и эту обиду и завязалъ башмакъ. А Кадзукеноскэ съ презрѣніемъ отвернулся и говоритъ: „Какой мужикъ! не умѣетъ чисто завязать башмакъ. Деревенская свинья! а вздумалъ принимать императорскаго посла!"—и съ грубымъ смѣхомъ пошелъ во внутренніе покои.

Терпѣніе князя Ако истощилось... Послѣдняя обида была слишкомъ тяжела—онъ не могъ ее снести.

„Остановитесь, Кира!" громко закричалъ онъ, вскочивъ на ноги, и, когда Кира обернулся, онъ выхватилъ короткій мечъ и ударилъ имъ обидчика по головѣ (рис. 2). НоКадзукеноскэ былъ въ придворномъ одѣяніи и его голова была покрыта твердой лакированной шляпой. Поэтому мечъ сдѣлалъ только легкую рану на лбу. Кира бросился бѣжать, а Такуми-но-Ками за нимъ, стараясь нанести новый ударъ. Но онъ промахнулся, и мечъ глубоко врѣзался въ деревянный столбъ. Тѣмъ временемъ, услышавъ шумъ, подоспѣла дворцовая стража Киры и схватила Такуми-но-Ками.

Напавъ на врага въ предѣлахъ его жилища, Асано-Такуми совершилъ тяжкое преступленіе, за которое, по закону, его ожидала смерть. Его отдали подъ охрану князя Тамура Укіо-но-Дайбу и Шогунъ назначилъ надъ нимъ верховный судъ. Его приговорили къ „Хара-Кири", т. е. чтобы онъ самъ лишилъ себя жизни, распоровъ животъ мечемъ.

Въ томъ же мѣсяцѣ князь Ако совершилъ надъ собою страшную казнь. Его замокъ и земли отобрали въ казну и доходы съ нихъ раздѣлили между приближенными Шогуна. Его жену и дѣтей изгнали изъ княжества и довели до нищеты. А воины его дружины сдѣлались *ронинами*, т. е. бездомными, и лишившись средствъ къ жизни, разбрелись по свѣту. Кто сталъ купцомъ, кто ремесленникомъ, кто учителемъ, кто врачемъ; а иные пошли жить подаяніемъ.

Но не всѣ ронины бывшей дружины Такуми-но-Ками забыли своего князя. Былъ между ними благородный Оиси Кураноскэ, который, ставъ во главѣ сорока шести другихъ честныхъ и вѣрныхъ воиновъ Ако, поклялся отмстить за обиду и смерть своего господина и, выполнивъ это честное дѣло, покрылъ себя и своихъ соучастниковъ безсмертною славой.

Оиси Кураноскэ (рис. 3) происходилъ отъ древняго рода Фудзивара и уже нѣсколько поколѣній въ его семьѣ исполняли должности каро при дворѣ князей Ако.

Когда произошла несчастная ссора между княземъ Такуми и Кирой, Оиси не было въ Едо. Дѣла княжества требовали тогда его присутствія въ замкѣ Ако. Будь онъ при князѣ, несчастное происшествіе не могло бы случиться.

Какъ человѣкъ опытный и благоразумный, онъ съумѣлъ бы своевременнымъ и приличнымъ подаркомъ расположить Киру

*) *Самисенъ*—трехструнная гитара.

Кото—музыкальный инструментъ—ящикъ около 6 фут. длины, на которомъ натягивается до 50 струнъ.

**) 14 годъ Генроку=1702 г. отъ Р. Х.

***) *Каро*—домоправитель, начальникъ дружины и главный совѣтникъ дайміо. Эта должность была наслѣдственна и обыкновенно на нее назначались родственники князя.

къ своему господину и не сидѣлъ бы сложа руки, какъ тотъ недостойный совѣтникъ, который оставался въ Едо при князѣ.

Итакъ, Оиси Кураноскэ съ сорока шестью ронинами поклялись отметить и осторожно стали готовиться къ дѣлу. Но и Кадзукеноскэ хорошо понималъ, какая ему угрожаетъ опасность, и сталъ остороженъ. Отецъ его жены, могущественный дайміо Уссуги-Сама далъ ему свою многочисленную дружину для охраны дворца, и искусный шпіонъ былъ посланъ за Оиси, повсюду слѣдить за нимъ и доносить объ всякомъ его поступкѣ.

2) Кира и князь Ако.

Поэтому Кураноскэ и его сообщники прежде всего своимъ поведеніемъ должны были обмануть врага, чтобы онъ, убѣжденный въ своей мнимой безопасности, отпустилъ стражу. Оиси приказалъ ронинамъ поселиться въ разныхъ княжествахъ. Они перемѣнили имена, занялись частной работой и старались потеряться въ народѣ. Сношенія съ Кураноскэ велись такъ осторожно, что даже близкіе родственники и друзья ихъ не подозрѣвали о заговорѣ. Большинство поселилось въ Куапто, т. е. въ княжествахъ ближайшихъ къ Кіото; нѣкоторые же остались въ Едо и многимъ изъ нихъ удалось, подъ видомъ нищихъ, разнощиковъ или столяровъ и при помощи дружбы съ слугами дома, проникнуть во дворецъ врага и узнать слабыя стороны защиты. Самъ Кураноскэ поселился въ Кіото и купилъ себѣ домъ въ предмѣстьѣ Ямасина, гдѣ всего больше питейныхъ и игорныхъ домовъ, пользующихся самой дурной славой. Онъ зналъ, что шпіоны Киры слѣдятъ за каждымъ его шагомъ, и, чтобы обмануть ихъ, предался пьянству и дурной жизни. Но Кира, которому донесли объ этомъ, не могъ повѣрить, чтобъ бывшій каро такъ скоро забылъ свой долгъ. Поэтому онъ былъ увѣренъ, что Кураноскэ только притворно предался порокамъ, и не переставалъ его бояться.

3) Оиси Кураноскэ.

Между тѣмъ жена Оиси, видя, какъ недостойно ведетъ себя ея мужъ, глубоко скорбѣла и однажды, не выдержавъ, подошла къ нему и сказала: „до сихъ поръ я думала, другъ мой, что ты предаешься дурной жизни притворно, имѣя въ виду высокую цѣль; но, право, это длится ужъ слишкомъ долго и я, какъ жена твоя, не могу больше терпѣть. Умоляю тебя, оставь свою безпутную жизнь! Подумай хоть о дѣтяхъ, которыя уже начинаютъ терпѣть нужду и которыхъ ты позоришь своимъ поведеньемъ!“ Но слова несчастной женщины не тронули Кураноскэ. Напротивъ того, онъ пришелъ въ ярость и сталъ осыпать ее бранью.

„Давно ты мнѣ надоѣла, старая! кричалъ онъ,—весело, думаешь, жить мнѣ съ такою старухой? Убирайся-ка куда знаешь, а я сумѣю найти другую жену. Красавицъ довольно въ любомъ чайномъ домѣ. Чтобъ завтра же тебя не было въ моемъ домѣ!“

Тогда жена упала передъ нимъ на колѣни и рыдая умоляла о пощадѣ. Столько лѣтъ она была ему вѣрной женой, дѣлила съ нимъ радости и горе, ухаживала за нимъ въ болѣзняхъ и вскормила его дѣтей! Но сердце Кураноскэ не смягчилось и онъ слышать не хотѣлъ о пощадѣ. Жена не смѣла возражать больше, но тайно еще сохранила надежду, и на другой день утромъ послала къ нему старшаго сына, 16-лѣтняго Оиси Чькара. Она думала, что мольбы юноши, быть можетъ, пробудятъ жалость въ сердцѣ отца и не дадутъ ему совершить ужасный поступокъ—несчастіе и позоръ для всей семьи.

Но она ошиблась: Оиси остался при прежнемъ рѣшеніи и бѣдная жена должна была съ пятью младшими дѣтьми покинуть домъ мужа и искать пріюта у своихъ родителей. А Кураноскэ выкупилъ изъ чайнаго дома молодую, красивую но безпутную *гейко* *), женился на ней и продолжалъ проводить время въ азартной игрѣ и пьянствѣ.

Однако онъ оставилъ у себя старшаго сына Чькара. Онъ открылъ ему тайну заговора и присоединилъ и его имя къ списку 46 вѣрныхъ самураи.

Между тѣмъ шпіоны Киры Кадзукеноскэ донесли въ Едо, что Оиси развелся съ прежней женою и, женившись на гейко изъ чайнаго дома, еще безстыднѣй предается пороку. Тогда Кира немного успокоился. Почти не было сомнѣнія, что Кураноскэ дѣйствительно недостойный трусъ, забывшій свой честный долгъ. Такого человѣка не стоило бояться и, мало-по-малу, Кира сталъ уменьшать свою стражу, которая стоила ему много денегъ. Вскорѣ сообщники Оиси, бывшіе въ Едо, сообщили ему, что Кира отпустилъ почти всѣхъ своихъ солдатъ. Это было въ концѣ 15-го года Генроку, значитъ, уже больше полутора года прошло со времени ссоры князя Такуми съ вельможей.

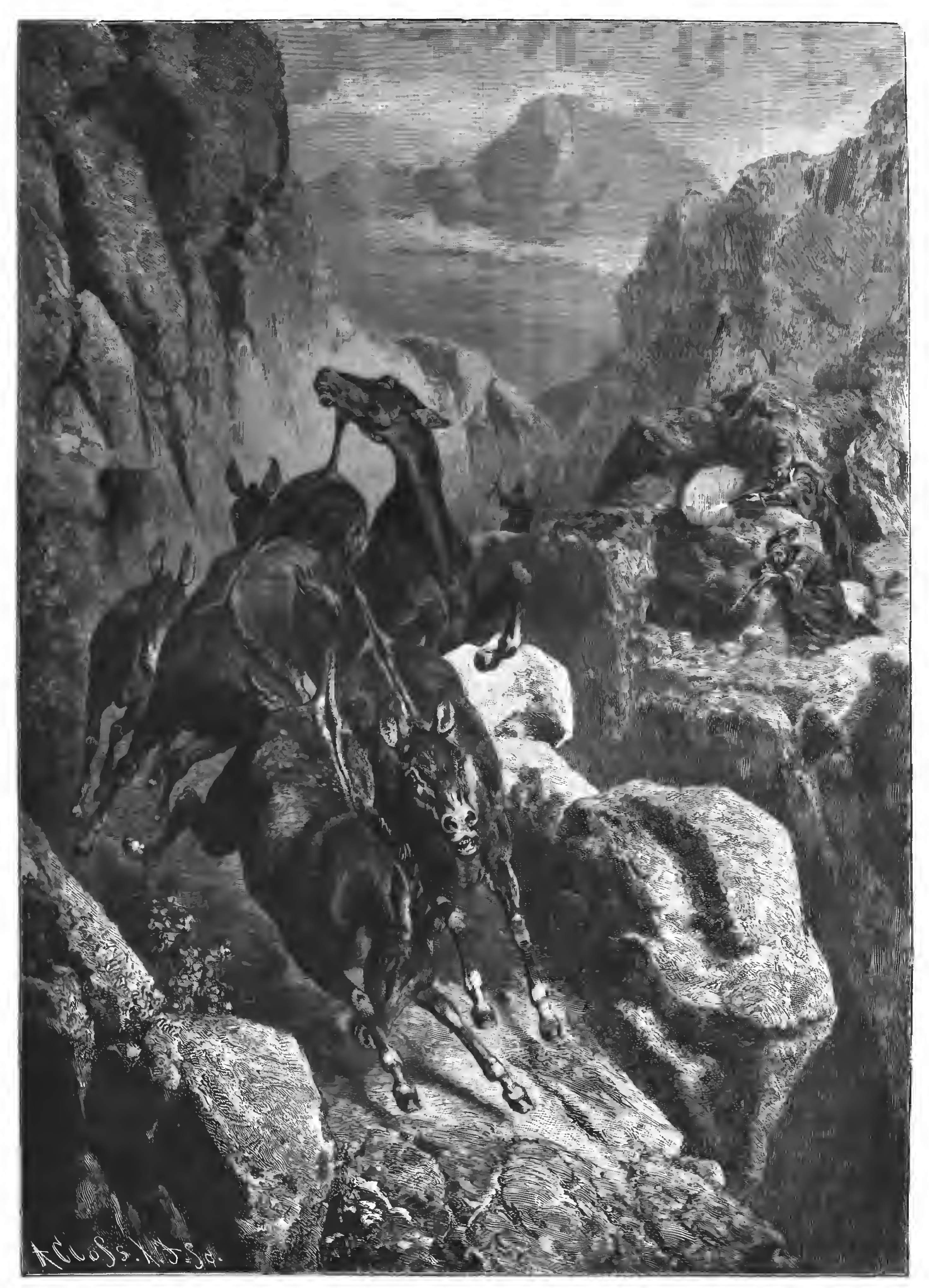
Теперь, наконецъ, для рониновъ наступило время исполнить завѣтную мечту. Кураноскэ назначилъ сообщникамъ мѣсто сходки въ Едо и самъ тайно бѣжалъ туда изъ Кіото.

Въ уединенномъ домѣ на краю столицы ронины собирались для обсужденія плана аттаки и приводили въ порядокъ вооруженіе, которое многимъ приходилось собственноручно чинить и даже дѣлать новое. Покупкою они могли бы привлечь вниманіе шпіоновъ Кадзукеноскэ.

Наступилъ уже 12-тый мѣсяцъ и въ Едо стояла холодная погода. Въ 15-ый день мѣсяца морозъ былъ необыкновенно жестокъ, а къ ночи пошелъ снѣгъ и поднялась мятель. Эту ночь Оиси выбралъ для мести. Онъ еще разъ собралъ товарищей въ обычномъ мѣстѣ ихъ сходокъ и объяснилъ имъ всѣ подробности плана. „Ровно въ полночь они соберутся въ улицѣ Айойчо близъ дворца Кадзукеноскэ. Здѣсь онъ раздѣлитъ ихъ на два отряда: одинъ, подъ начальствомъ самого Оиси, нападетъ со стороны главныхъ воротъ, другой обойдетъ дворецъ и войдетъ въ него сзади. Во главѣ этого отряда будетъ Чькара, но, такъ какъ онъ молодъ и неопытенъ, то руководить и наблюдать за нимъ будетъ Іосида, 70-тилѣтній старикъ, отчаянный и искусный воинъ. Громкій барабанный бой въ отрядѣ Кураноскэ послужитъ сигналомъ для общей аттаки“.

„Врагъ нашъ одинъ только Кира Кадзукеноскэ, говорилъ Оиси Кураноскэ, поэтому щадите беззащитныхъ, особенно же женщинъ и дѣтей. Бейте только тѣхъ, кто защищается съ оружіемъ въ рукахъ!“

*) *Гейко* — въ дословномъ переводѣ „дитя искусствъ“. Молодыя дѣвушки, съ малолѣтства учившіяся играть на самисенѣ, пѣть и танцовать. Въ чайныхъ домахъ онѣ развлекаютъ посѣтителей и отличаются кокетствомъ и легкомысліемъ.

Охота на гуровъ (дикихъ ословъ) въ Персіи Рис. Фигъ, грав. Клоссъ.

„Если кому удастся схватить или убить врага, онъ тотчасъ же оповѣститъ о томъ свисткомъ. (Маленькую флейту каждый самураи всегда имѣлъ съ собой въ бою). Тогда ронины, убѣдясь, что взятъ дѣйствительно Кира Кадзукеноскэ, отсѣкутъ его голову и, отнеся ее на могилу князя Такуми въ монастырѣ Сенгакудзи, пойдутъ объявиться властямъ. Конечно, судъ приговоритъ къ смертной казни, но пусть ронины помнятъ, что ихъ долгъ умереть за поруганную честь князя!“

Съ этими словами самураи одѣли кольчуги и шлемы и со слезами стали прощаться, потому что не знали придется ли свидѣться снова.

Ихъ видѣлъ маленькій мальчикъ, жившій у хозяина этого дома; онъ думалъ, что они собираются на ночной разбой и насмѣхался надъ ихъ слезами, говоря что они плачутъ какъ *Они* *). Глупый! еслибъ онъ зналъ, онъ бы самъ плакалъ отъ умиленія, видя благородное дѣло честной дружины.

Каждому ронину Оиси роздалъ по 300 ріо **), чтобы заплатить, если у кого были, долги и оказать помощь роднымъ.

Затѣмъ всѣ не надолго разстались, а ровно въ полночь оба отряда были готовы къ дѣлу возлѣ дворца Киры Кадзукеноскэ.

Стужа сдѣлалась еще сильнѣй: снѣгъ падалъ большими хлопьями. Ронины осторожно подвигались впередъ, освѣщая путь потайными фонарями.

Передъ воротами дворца отрядъ Кураноскэ остановился, чтобы дать время отряду Чькара и Іосиды зайти со стороны заднихъ воротъ. Въ то же время Кураноскэ послалъ нѣсколько человѣкъ оповѣстить сосѣдей о своемъ намѣреніи напасть на Киру и отмстить за обиду покойнаго князя Такуми. Онъ сдѣлалъ это для того, чтобы сосѣди не приняли его отряда за ночныхъ грабителей и, поднявъ тревогу, не помѣшали ему привести въ исполненіе свой планъ. Никто изъ горожанъ не любилъ Киру за его корыстолюбіе и несправедливость, и сосѣди не только не препятствовали ронинамъ, но сочувствовали имъ и, собравшись толпами въ ближайшихъ улицахъ, выказывали удивленіе и уваженіе къ подвигу вѣрныхъ и храбрыхъ самураи.

4) Ронины передъ дворцомъ Киры.

Четыре искуснѣйшихъ стрѣлка были поставлены съ луками и стрѣлами на крышахъ сосѣднихъ домовъ (рис. 4) наблюдать за тѣмъ, чтобы никто изъ слугъ Киры не могъ выбѣжать изъ дворца и увѣдомить его тестя Уссуги-Сама. Этотъ могущественный дайміо могъ бы тотчасъ послать сильную дружину, и тогда предпріятіе нѣсколькихъ храбрецовъ врядъ-ли кончилось бы удачей.

Предосторожности были приняты, и четыре самураи по веревочной лѣстницѣ перебрались черезъ высокую стѣну, окружавшую дворъ. Стражи нигдѣ не было видно: казалось, всѣ во дворцѣ были погружены въ глубокій сонъ. Прокравшись къ сторожевой будкѣ, они увидали, что и привратникъ крѣпко спитъ. Прежде чѣмъ онъ успѣлъ опомниться, они схватили его и связали. Перепуганный, онъ умолялъ о пощадѣ; но ронины и не нуждались въ его смерти. Имъ нужны были ключи отъ входныхъ воротъ и они требовали ихъ отъ привратника; но послѣдній не могъ имъ помочь, такъ какъ, вмѣстѣ съ другими ключами, ключи отъ воротъ были у начальника стражи внутри дворца.

Тогда самураи потеряли терпѣніе и молотомъ разбили засовъ.

Ворота широко распахнулись и, съ громкимъ барабаннымъ боемъ, отрядъ Кураноскэ ворвался во дворъ. Въ тоже время, слышна условный сигналъ, другой отрядъ вошелъ черезъ заднія двери. Этотъ шумъ разбудилъ десять тѣлохранителей Киры, которые спали внутри дворца. Вскочивъ, они бросились въ передній пріемный залъ, но въ то самое время отрядъ Кураноскэ врывался въ него черезъ главныя двери. Началась жестокая битва; но ронины были сильнѣе. Они быстро положили всѣхъ до единаго враговъ, не потерявъ даже никого изъ своихъ. Между тѣмъ отрядъ Чькара со стороны парка тоже проникъ во дворецъ и, соединившись, оба отряда направились къ внутреннимъ покоямъ, гдѣ жилъ самъ Кира и его семейство. Но здѣсь ихъ встрѣтили остальные тѣлохранители, подоспѣвшие изъ отдѣльной казармы, гдѣ проводили ночь. Оиси, стоя на высокомъ столѣ, руководилъ боемъ и громкимъ голосомъ отдавалъ приказанія. Ронины бились съ изумительной храбростью и ловкостью и скоро защитники Киры убѣдились, что врагъ не по силамъ. Тогда они пытались послать гонцовъ къ Уссуги-Сама просить подкрѣпленія; но искусные стрѣлки, которыхъ Оиси разставилъ на крышахъ сосѣднихъ домовъ, не дали ни одному изъ нихъ перейти за ограду дворца, поразивъ ихъ мѣткими стрѣлами. Такимъ образомъ ни откуда не было помощи, и остатки стражи легли всѣ въ отчаянной битвѣ. Кто былъ убитъ, а кто тяжело раненъ мечами рониновъ Ако.

И вотъ раздастся громкій голосъ Кураноскэ: „Рсчины! нашъ врагъ Кира Кадзукеноскэ. Поспѣшайте же, самураи; возьмите его живымъ или мертвымъ!“

Воодушевленные, ронины бросились впередъ. Но передъ самымъ входомъ въ покои Киры, обнаживъ мечи стояли лучшіе воины стражи: Кабаяси-Хебаци (рис. 5), Ваку Хандайю и Симидзу Иккаку. Ловкіе и сильные, они отразили натискъ враговъ. На минуту ронины остановились, на минуту заколебались, даже стали отступать.

Но блѣдный отъ гнѣва, скрежеща зубами, возопилъ Кураноскэ: „Трусы! не клялся ли каждый изъ васъ сложить голову, мстя за честь князя, а вотъ вы отступаете передъ тремя людьми. Или забыли вы, что благороднѣйшій долгъ самураи умереть въ битвѣ за князя! Спѣши, дитя мое, Чькара! Иди хоть ты и бейся съ врагами. Если они не по силѣ—умри!“

Слова отца воодушевили Чькара; онъ бѣшено бросился на Ваку Хандайю. Но гдѣ ему, юношѣ, устоять было противъ силы и ловкости лучшаго воина Киры. Шагъ за шагомъ онъ отступалъ, а врагъ сгонялъ его въ садъ и здѣсь, оступившись, Чькара упалъ въ прудъ. Взмахнулъ мечемъ Хандайю и наклонился надъ водою, однимъ ударомъ надѣясь покончить жизнь юнаго воина. Но въ это мгновеніе мечъ Чькара врѣзался въ ногу Хандайю ниже колѣна и онъ упалъ навзничь. Съ быстротою молніи Чькара вскочилъ на берегъ, со всей силы взмахнулъ мечемъ и нанесъ врагу послѣднюю, смертельную рану.

Между тѣмъ другіе ронины успѣли положить Кабаяси Хебаци и Симидзу Иккаку и такимъ образомъ у Киры не осталось ни одного защитника годнаго къ бою.

Чькара первый вбѣжалъ въ спальню Кадзукеноскэ, но въ ней уже не было ни его, ни жены, и только сынъ, молодой Кира Сапойе стоялъ у постели съ сѣкирой въ рукѣ. Онъ напалъ на Чькара, но, получивъ легкую рану, бросился въ бѣгство.

Между тѣмъ Оиси Кураноскэ ощупалъ постель. Она была еще тепла: было ясно, что Кира недавно покинулъ ее и не могъ быть далеко. Онъ долженъ былъ скрыться гдѣ нибудь тутъ же, во дворцѣ, въ потайномъ помѣщеніи. Кураноскэ раздѣлилъ рониновъ по два и по три, и они разбрелись по дворцу отыскивать Киру. Но, кромѣ рыдающихъ женщинъ и перепуганныхъ дѣтей, они никого не встрѣчали.

Случайно одинъ изъ рониновъ замѣтилъ, что въ спальнѣ на необычномъ мѣстѣ, надъ почетнымъ возвышеніемъ, виситъ большая картина. Этого ронина звали Хадзама Дзюдзиро. Картина почему-то показалась ему подозрительной; онъ снялъ ее со стѣны и дѣйствительно за ней оказалось большое темное отверстіе. Ощупавъ копьемъ, онъ убѣдился, что по ту сторону стѣны было широкое, пустое пространство. Тогда онъ пролѣзъ

*) *Они*—злой духъ, дьяволъ.

**) *Ріо*—монета около $2^1/_2$ рублей.

въ дыру и очутился въ маленькомъ дворикѣ; на другой сторонѣ былъ сарайчикъ, въ родѣ тѣхъ, въ какихъ держатъ уголь и щепки. Хадзама приблизился и заглянулъ въ сарайчикъ: въ одномъ углу, не смотря на темноту, онъ различилъ какой-то бѣлый предметъ, но... въ ту же минуту, откуда ни возьмись, на него набросились два человѣка съ обнаженными мечами. Хадзама едва поспѣлъ отразить ихъ удары и поневолѣ отступилъ, пока не подбѣжали два его товарища, которымъ и удалось убить одного и отвлечь другого изъ неожиданныхъ враговъ въ сторону.

Хадзама, между тѣмъ, снова подошелъ къ сарайчику и опять увидалъ тотъ же бѣлый предметъ въ темномъ углу. Онъ окликнулъ, но никто не отвѣтилъ. Тогда Хадзама ударилъ остріемъ копья по бѣлому предмету и жалобный стонъ отвѣтилъ изъ угла. Не было сомнѣнія, что тутъ былъ человѣкъ. Ронинъ бросился къ нему, но внезапно остановился; онъ чуть не наткнулся на обнаженный кинжалъ въ рукахъ человѣка. Однако кинжалъ безъ труда удалось вырвать и, схвативъ неизвѣстную жертву за воротъ, Хадзама вытащилъ ее на дворъ, гдѣ его ждалъ товарищъ и гдѣ было немного свѣтлѣе. Бѣлая фигура оказалась старикомъ лѣтъ шестидесяти, въ шелковомъ ночномъ халатѣ и, повидимому, знатнаго происхожденія. Ронины были убѣждены, что передъ ними самъ Кира Кадзукеноскэ, и Хадзама, вынувъ изъ-за пазухи флейту, далъ условный громкій свистокъ.

Всѣ въ минуту сбѣжались къ нему и Оиси Кураноскэ, взявъ фонарь, освѣтилъ имъ лицо старика. Не оставалось больше сомнѣнія въ томъ, что взятъ именно Кира: на лбу его еще ясно виднѣлся шрамъ отъ раны, нанесенной ему полтора года тому назадъ княземъ Такуми.

Тогда ронины опустились передъ вельможей на колѣни и Оиси Кураноскэ, низко ему поклонившись, произнесъ такую рѣчь: „Данна *) Кира! мы ронины изъ дружины князя Ако-Асано-Такуми-но-Ками-Наганори. Въ прошломъ году вы, данна Кира, и нашъ благородный князь, поспорили здѣсь въ этомъ самомъ дворцѣ. Нашъ князь ранилъ васъ и былъ присужденъ къ харакири. Нынѣ мы пришли отмстить за него. Сознайтесь, что наше намѣреніе честно и потому согласитесь на нашу почтительную просьбу—совершите надъ собой харакири. Я, какъ каро покойнаго князя, самъ буду имѣть честь присутствовать въ качествѣ свидѣтеля. Потомъ мы, съ полнымъ почтеніемъ къ вашей особѣ, снимемъ вашу почтенную голову и отнесемъ ее въ даръ нашему князю на его могилу".

Принимая во вниманіе высокій санъ и важную должность Киры Кадзукеноскэ, самураи считали долгомъ обращаться съ нимъ съ почетомъ и уваженіемъ и ожидали чтобъ онъ исполнилъ ихъ справедливую просьбу. Но Кира сидѣлъ передъ ними скорчившись и дрожа отъ страха и не произносилъ ни одного слова.

Снова ронины просили его вѣжливо и почтительно совершить надъ собою казнь, но все напрасно, и Кураноскэ убѣдился, что Кира трусъ и не хочетъ умерть смертью честнаго самураи. Онъ поднялся на ноги, вынулъ изъ ноженъ тотъ самый мечъ, которымъ благородный Ако совершилъ надъ собой харакири и, поваливъ Киру на землю, отсѣкъ ему голову.

*) Данна—титулъ, съ которымъ обращается слуга къ господину или дворянинъ къ князю—государь.

5) Воинъ Кабаяси Хебаци.

Эту голову тщательно завернули въ шелковыя ткани и положили въ ларецъ, чтобы нести на могилу князя Такуми. Но прежде ронины обошли весь дворецъ и загасили огни, чтобъ не случился пожаръ, отъ котораго могли-бы пострадать сосѣди. Затѣмъ, по древнему обычаю побѣдителей, они положили на полѣ битвы въ саду одно копье, восемь стрѣлъ, сѣкиру, пять ноженъ, флейту, мечъ и веревку и двинулись въ путь къ монастырю Сенгакудзи, гдѣ былъ погребенъ князь Ако-Такуми.

Когда ронины вышли на улицу, уже было почти свѣтло. Народъ сбѣгался толпами поглядѣть на героевъ и шелъ за ними до самаго предмѣстья Таканава, гдѣ находится монастырь. Одежда и оружіе рониновъ были покрыты кровью, но лица горѣли восторгомъ.

Люди смотрѣли на нихъ съ восхищеніемъ и громко прославляли ихъ мужество и вѣрность. Но ронины не были еще совсѣмъ покойны: каждую минуту они ожидали и готовились отразить дружину Уссуги-Сама, такъ какъ, безъ сомнѣнія, тесть Киры долженъ былъ приложить всѣ старанія, чтобы отбить голову родственника и не дать его врагамъ выполнить дѣло мести. Однако дружина Уссуги-Сама не нападала и ронины безъ приключеній достигли Сенгакудзи, потому что князь Муцудайра Аки-но-Ками, одинъ изъ могущественнѣйшихъ дайміо и близкихъ родственниковъ князя Такуми, былъ тронутъ геройскимъ поступкомъ рониновъ Ако и готовъ былъ съ своею дружиной явиться на помощь.

Случилось ронинамъ проходить мимо дворца другого родственника Такуми-но-Ками—князя Сендай Муцудайра-Муцуно-Ками. Онъ увидалъ ихъ, какъ они проходили неся голову убитаго Киры, и сказалъ своему каро:

„Дружина Такуми-но-Ками сегодня ночью убила врага своего князя. Вонъ они проходятъ мимо нашего дома. Нѣтъ словъ, чтобы достойно выразить уваженіе и удивленіе поступку этихъ самураи. Они вѣрно проголодались и устали послѣ труднаго дѣла: пройди поскорѣй, попроси ихъ въ мой домъ, пусть отдохнутъ и подкрѣпятся".

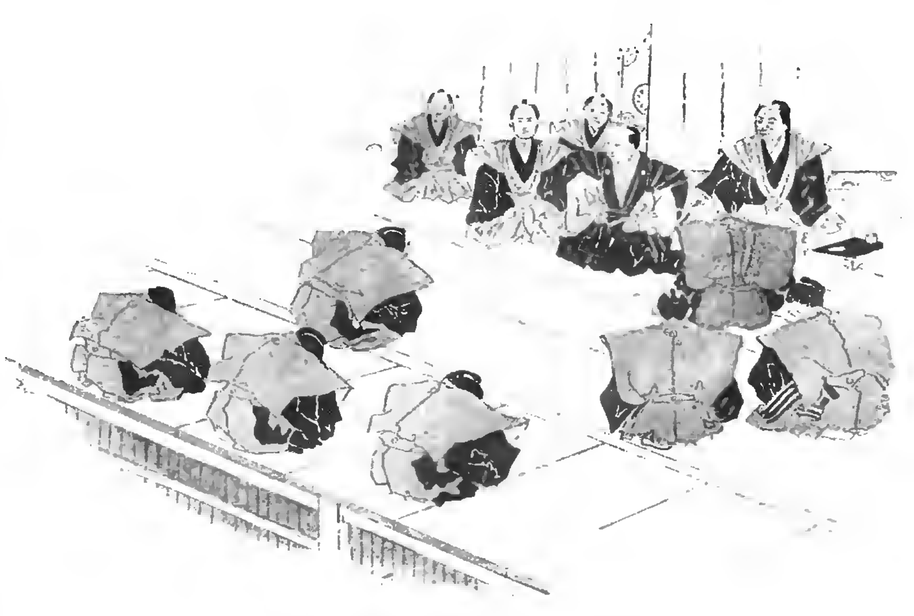
Совѣтникъ князя вышелъ на улицу и приблизясь къ Кураноскэ сказалъ: „Я каро князя Муцудайра Муцуно-Ками. Князь проситъ васъ принять его хлѣбъ соль и подкрѣпиться послѣ трудовъ".

Кураноскэ почтительно благодарилъ каро за приглашеніе и всѣ ронины вошли во дворецъ, ѣли кушанья, которыя имъ подносили слуги князя, а дружина собралась кругомъ съ участіемъ и удивленіемъ.

Затѣмъ Кураноскэ, обращаясь къ каро, сказалъ: „Мы очень обязаны князю за его гостепріимство и всѣмъ вамъ за участіе и расположеніе; но мы должны спѣшить въ Сенгакудзи, потому что не выполнили еще наше дѣло. Мы должны разстаться съ вами".

Съ этими словами ронины встали и продолжали путь къ монастырю. Передъ главными вратами ихъ встрѣтилъ самъ настоятель и провелъ въ садъ, къ мѣсту погребенія князя Такуми. Близь могилы, въ каменномъ бассейнѣ съ водою ронины обмыли голову Киры и положили ее на надгробной плитѣ, рядомъ съ мечемъ, которымъ Оиси отсѣкъ ее и которымъ лишилъ себя жизни покойный князь. Монахи и бонзы *) совершили надъ могилой молитвы, а ронины по-очереди, начиная съ Кураноскэ и его сына Чькара, сжигали благовонную смолу.

*) Буддистскій священникъ.

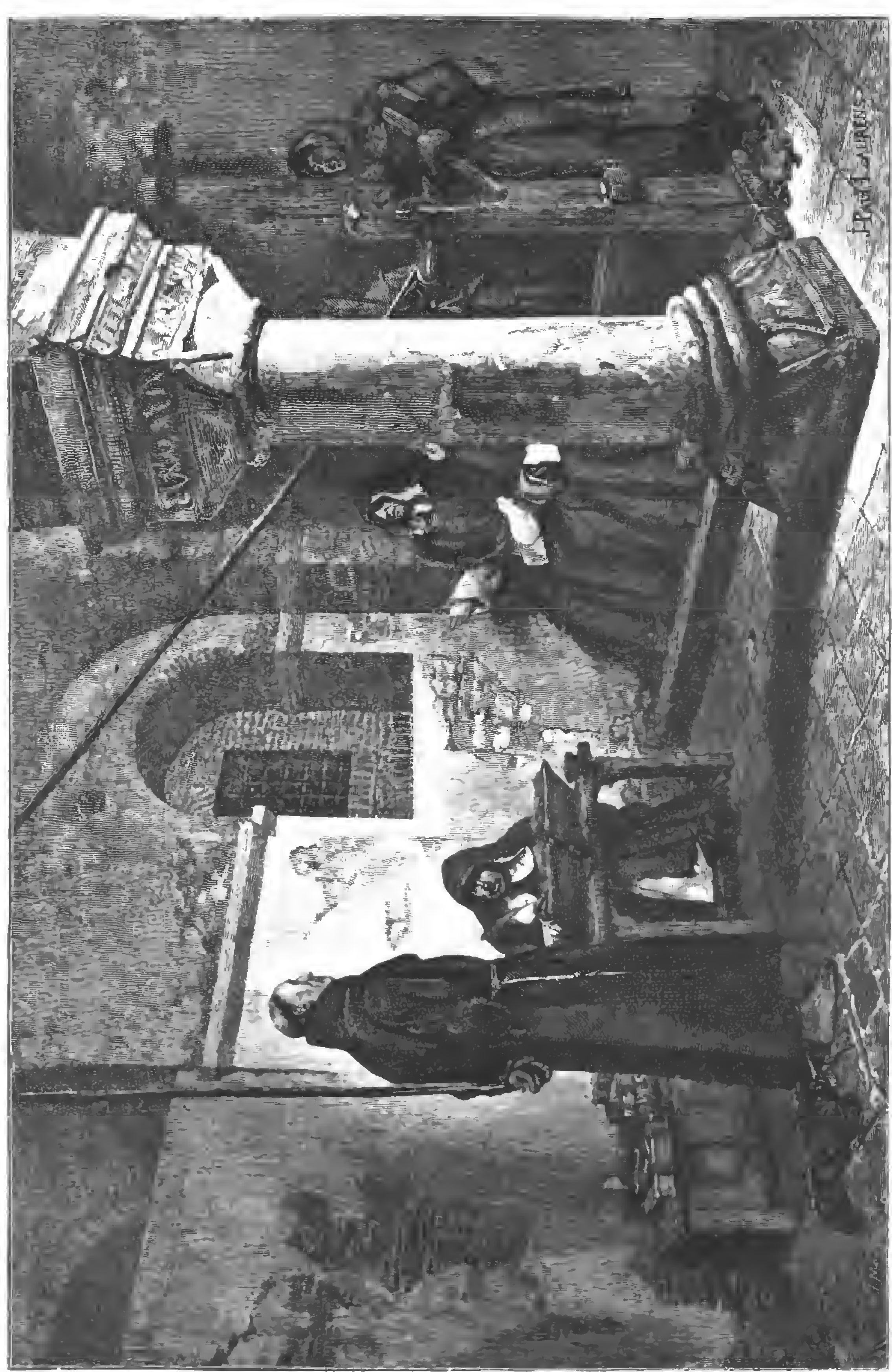

6) Ронины передъ верховнымъ судомъ.

Окончивъ обрядъ, Кураноскэ обратился къ настоятелю и, передавъ ему всѣ бывшія при немъ деньги, сказалъ: „вотъ все, что мы можемъ дать. Это не много, но прошу васъ принять, и когда мы совершимъ надъ собой харакири, похороните насъ по закону и помолитесь за насъ".

Въ 21 день перваго мѣсяца слѣдующаго года ронины были приведены передъ верховный судъ Городзу (рис. 6) и Кураноскэ предложили держать отвѣтъ на 19 вопросовъ.

Каждый изъ нихъ онъ почтительно принялъ и отвѣтилъ прямо и твердо. Сами судьи трепетали передъ доблестью и мужествомъ вѣрнаго каро. Но оправдать его было невозможно; послѣ недолгаго совѣщанія, они прочитали такой приговоръ:

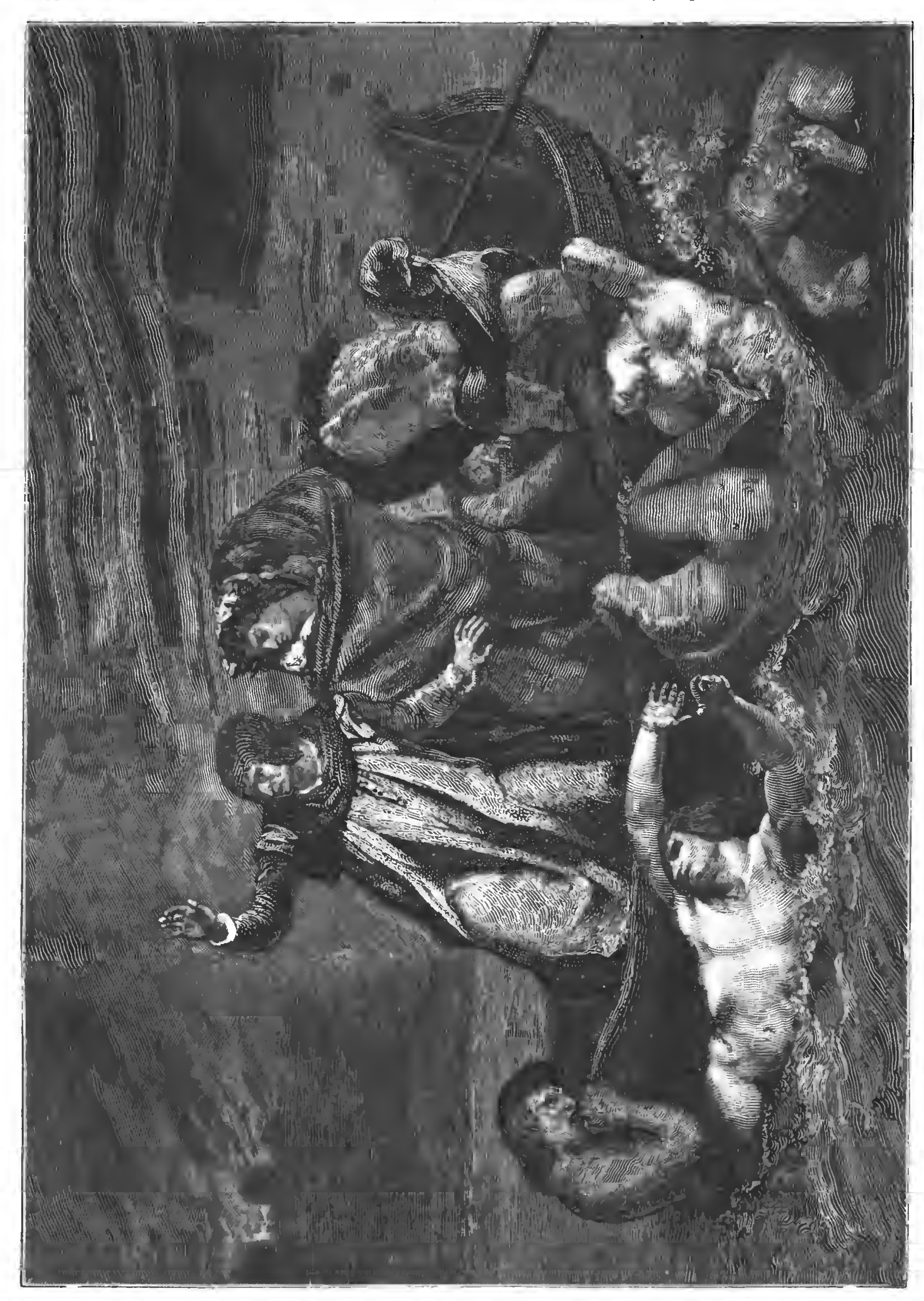
Изъ исторіи среднихъ вѣковъ. „Передъ инквизиторами. Съ карт. П. Лауренса, грав. Моссе.

Со слезами на глазахъ настоятель выслушалъ Кураноскэ и обѣщалъ исполнить его послѣднюю волю. А ронины простились съ монахами и пошли къ начальнику полиціи, чтобы самимъ заявить о своемъ дѣлѣ. Въ ожиданіи суда, четыремъ дайміо поручили содержать ихъ подъ стражей.

„Оиси Кураноскэ и его 46 товарищей отмстили врагу своего покойнаго князя. Ихъ поступокъ справедливъ и они не запятнали честь самураи. Но они совершили великое преступленіе

противъ верховныхъ законовъ, напавъ на врага внутри его дома. Судъ присуждаетъ ихъ къ харакири."

Приговоръ не поразилъ никого изъ благородныхъ товарищей Кураноскэ. Они приняли его мужественно и въ тотъ же день исполнили надъ собой страшную казнь, какъ подобаетъ честнымъ самураи. Тѣла ихъ отвезли въ монастырь Сенгакудзи

Литерат. альбомъ. „Адъ", Данта. Дантъ и Виргилій въ лодкѣ Харона. Съ карт. Делакруа, грав. Паннемакеръ.

и похоронили рядомъ съ могилой ихъ князя. И на ихъ могилы народъ стекался толпами и усердно молился великому Амида-Буддѣ о спасеніи душъ вѣрныхъ рониновъ Ако.

До сихъ поръ жители японской столицы, которая, со времени возстановленія единодержавной власти Микадо, зовется не Едо, а Токіо, любятъ посѣщать старинный монастырь Сенгакудзи, гдѣ, подъ тѣнистыми соснами сада, лежитъ 47 ровныхъ каменныхъ плитъ надъ могилами рониновъ Ако и между ними высокій и красивый памятникъ—могила князя Такуми. А немного поодаль сохранился и тотъ бассейнъ, въ которомъ ронины омывали голову Киры. Надпись на столбѣ возлѣ него напоминаетъ объ этомъ, чтобы никто не пилъ изъ него воду и не умывалъ въ немъ рукъ.

Разъ въ 60 лѣтъ въ Сенгакудзи торжественно чтятъ память вѣрныхъ слугъ князя Такуми. Тогда народъ сбирается въ столицу со всѣхъ концовъ государства. Цѣлые дни бонзы поютъ

гимны Амида-Буддѣ и на могилахъ курится благовонныя смолы, а въ богатыя сокровищницы храма перепадаютъ щедрыя жертвы, для того чтобъ никогда не замолкли молитвы за вѣрныхъ ронинов Ако.

Цвѣтутъ розы въ долинѣ.

Разсказъ **Е. Пихлеръ.**

Молодая пѣвица была единственною пассажиркою перваго класса, не страдавшею морскою болѣзнью. Въ то время какъ всѣ испытывали страшныя мученья—даже и интересный пьянистъ—пѣвица съ первой минуты, какъ только пароходъ тронулся въ путь, избрала себѣ мѣстечко на палубѣ, гдѣ проcиживала цѣлые часы, завернувшись въ теплый плащъ, по случаю дурной погоды, и задумчиво смотрѣла въ безконечную даль своими темными глазами. Капитану понравилась молодая цвѣтущая дѣвушка съ живымъ, выразительнымъ лицомъ. Она должна была ему понравиться, такъ какъ знаменитая пѣвица была также замѣчательною красавицею; но она понравилась ему вдвойнѣ, потому что, не смотря на невыносимую качку, не утратила своего свѣжаго, здороваго цвѣта лица—а что цвѣтъ этотъ былъ неподдѣльный, объ этомъ прекрасно зналъ опытный морякъ, изъѣздившій міръ. Пѣвица понравилась капитану втройнѣ, потому что умѣла выбрать такое мѣсто на палубѣ, что не мѣшала работающимъ матросамъ, и потому, что съ нѣмымъ удивленіемъ погрузилась въ разсматриваніе океана.

Кончался четвертый день пути. Была сдѣлана треть дороги. Постепенно на палубѣ стали появляться изъ каютъ пассажиры, свыкшіеся съ моремъ. Въ числѣ ихъ находилась изящная фигура, въ живописно накинутомъ плащѣ и фантастической шапкѣ на курчавой головѣ. Это былъ пьянистъ, знаменитый пьянистъ, послѣдовавшій, подобно пѣвицѣ, приглашенію изъ-за океана.

— Что за скука на пароходѣ, началъ артистъ разговоръ со своей спутницею,—не понимаю, что находите вы хорошаго въ этихъ однообразныхъ волнахъ?

Въ эту минуту судно получило сильный ударъ волны въ бокъ, пѣна брызнула на палубу и артистъ поневолѣ долженъ былъ сдѣлать далеко неграціозное движеніе руками и ногами, чтобы удержаться.

Вокругъ рта пѣвицы дрогнула улыбка.

— Посейдонъ не любитъ насмѣшекъ; не вызывайте его гнѣва. Если вамъ скучно на пароходѣ, почему не займетесь вы музыкою? Капитанъ говоритъ, что инструментъ въ залѣ превосходенъ. Въ томъ же, что вы найдете благодарную и отчасти понимающую публику, не можетъ быть сомнѣнія. Изъ уваженія къ вамъ, какъ къ звѣздѣ первой величины, никто не рѣшается приступить къ фортепьяно.

— Вы шутите, моя дорогая товарка!

Артистъ выпрямился во весь ростъ, но не рѣшился отнять рукъ отъ борта; доски ходили у него подъ ногами и мысли путались. Но онъ не хотѣлъ выказать это предъ пѣвицей съ улыбающимся личикомъ. Поэтому онъ продолжалъ:

— Вы знаете, сударыня, что я играю только на инструментѣ Эрара или Бехштейна. Надѣюсь по пріѣздѣ найти хорошее фортепіано. Но вы, уважаемая товарка по Аполлону, носите вашъ драгоцѣнный инструментъ всегда съ собою, а между тѣмъ я не слышалъ и звука вашего голоса. Я вполнѣ вамъ сочувствую: не мечите бисеръ... однако услышать вашъ чарующій голосъ въ этомъ громадномъ ничтожествѣ... Прошу васъ, спойте только „цвѣтутъ розы въ долинѣ“. Я создалъ это для васъ и не слышалъ еще въ вашемъ исполненіи.

Пѣвица сдѣлала отрицательное движеніе.

— Вы не понимаете меня. Я не сознаю себя слишкомъ великой нѣть въ этомъ уединеніи, въ этомъ ничтожествѣ, какъ вамъ нравится называть, но слишкомъ малой! Вы также малы. Да, да не смотрите на меня съ такимъ удивленіемъ: человѣкъ слишкомъ ничтоженъ по сравненію съ природою. Что означаютъ ваши самыя удачныя трели и пассажи? Что значатъ мои лучшія колоратуры? Четыре дня я не устала слушать величественный концертъ. Это мелодрама, предъ которой блѣднѣетъ Вагнеръ! Это безконечная гармонія звуковъ и переливовъ, то ласкающихъ и манящихъ, то гигантскихъ и страстныхъ до уничтоженія.

— Вы фантазируете, сударыня!

— Да, я фантазирую, если фантазіей можно назвать сознаніе, что все человѣческое искусство жалко по сравненію съ художницей-природой, что искусство наше, для того чтобы быть настоящимъ, должно брать начало въ самой природѣ. Простите мое увлеченіе. Вы услышите свою пѣснь быть можетъ раньше, чѣмъ вы думаете, но только не на океанѣ.

Съ очаровательной улыбкой она подала виртуозу руку, которую тотъ поднесъ къ губамъ. Когда пѣвица повернулась, она увидѣла большіе голубые глаза капитана, устремленные на нее. Онъ вѣроятно слышалъ ея рѣчь. Въ замѣшательствѣ она прошла мимо него.

Пароходъ пролагалъ милю за милей. Къ вечеру вѣтеръ усилился; однако, по словамъ перваго офицера, нельзя было опасаться дурной погоды.

Стали устраиваться; разговоры оживились. Въ виду того, что большинство пассажировъ свыклось съ моремъ, они были не прочь выдержать небольшую бурю, которая, быть можетъ, надвигалась съ сѣрыми облаками. Рѣчь пѣвицы разнеслась по пароходу и всѣ были недовольны, что она такъ дорожитъ собою. Между тѣмъ не хотѣли отставать отъ знаменитой женщины въ наслажденіи природой, и особенно прекрасный полъ, который имѣлъ въ виду, находясь впослѣдствіи въ безопасности на материкѣ, разсказывать о громадной бурѣ, принявшей почти размѣры оркана. Поэтому всѣ рѣшили оставаться на палубѣ, какъ можно дольше. Піанистъ, послѣ разговора объ искусствѣ и природѣ, разыгрывалъ роль оскорбленнаго. Онъ держался въ сторонѣ, съ улыбкой отвѣчалъ на вопросы и напѣвалъ, точно погруженный въ великія открытія, загадочную, величественную мелодію. Тихое наслажденіе пѣвицы прекратилось. Она присоединилась къ обществу и особенно радовалась играмъ дѣтей. Но на пароходѣ былъ замѣчательный магнитъ для прекрасныхъ глазъ дѣвушки; она невольно поворачивалась къ нему, какъ игла компаса къ полюсу. И магнитъ этотъ былъ изъ крупныхъ; онъ равнялся шести футамъ и носилъ темное платье. Онъ часто мѣнялъ мѣсто: то стоялъ въ высоко расположенной комнатѣ, надъ картами и чертежами, то съ мостика для команды всматривался въ бушующія волны, то сидѣлъ за обѣденнымъ столомъ. Однимъ словомъ, магнитомъ этимъ былъ капитанъ.

Глаза любви прозорливы.

И въ эту минуту они видѣли, что происходитъ нѣчто неожиданное, непредвидѣнное, нѣчто выходящее за предѣлы морскихъ разсчетовъ. Дѣвушка видѣла какъ офицеръ поспѣшно вскочилъ на мостикъ, какъ онъ возбужденно говорилъ, какъ капитанъ невольно пошатнулся и какъ затѣмъ онъ тотчасъ далъ въ рупоръ какое-то приказаніе. Она видѣла все это и сердце ея забилось. Она предчувствовала опасность, но не знала какова она. Небо и море, казалось, не измѣнились; облака наверху и волны внизу бѣжали попрежнему.

Теперь капитанъ сошелъ съ своего возвышеннаго мѣста. Молодая дама сказала еще нѣсколько привѣтливыхъ словъ обществу и обыкновеннымъ шагомъ пошла по палубѣ. У главной мачты она встрѣтилась съ капитаномъ.

— Что случилось? Вы ждете несчастья? спросила она быстро, но такъ тихо, что никто другой не могъ слышать ея словъ. Повелитель корабля нахмурилъ брови: кто сказалъ вамъ это?

— Я вижу, я чувствую это, сорвалось чуть слышно съ ея губъ и она прибавила: могу я помочь?

Мужественное лицо капитана просвѣтлѣло.

— Да, помогите! пойте!

— Пѣть?

— Ну да, пойте! чтобы пассажиры ничего не замѣтили и оставались спокойными. Въ трюмѣ пожаръ.

Пѣвица блаженно улыбнулась. Ей вдругъ открылась великая тайна. Она любила, любила искренно, на что не считала уже себя способной въ водоворотѣ артистической жизни большого города. Она снова присоединилась къ обществу.

— Капитанъ говоритъ, начала она, что будетъ сильный ливень. Я думаю, намъ лучше во время уйти въ залъ и къ музыкѣ бури присоединить свою музыку. Что думаете вы, уважаемый коллега, объ импровизированномъ концертѣ? Вы сыграете фантазію Рубинштейна, я спою „цвѣтутъ розы въ долинѣ“. Пойдемте, дайте мнѣ вашу руку.

— Вы сами прелестная фантазія, воскликнулъ виртуозъ и почтительно поклонился. Про себя же подумалъ: „разбери женщинъ, особенно если это артистка“.

Спустя четверть часа большой залъ сверкалъ огнями отражающимися въ зеркалахъ и богатой позолотѣ. Дамы удобно расположились на мягкихъ диванахъ и креслахъ и даже мужчины, рѣдко покидавшіе свою курильную комнату, присоединились къ обществу, чтобы послушать концертъ на морѣ.

Пѣвица поспѣшно надѣла прелестное голубое платье и накинула бѣлую кружевную косынку на темные волосы. Подобно морской сиренѣ, она появилась въ залѣ. Благодаря перемѣнѣ костюма, концертъ сдѣлался болѣе торжественнымъ; она надѣялась занять общество, по крайней мѣрѣ въ теченіе двухъ часовъ. На морѣ волны пѣли свою старую пѣсню и ночь одѣвала покровомъ одинокій корабль. Въ залѣ лампы освѣщали веселое общество; всѣ слушали съ затаеннымъ дыханіемъ. Изъ-подъ пальцевъ піаниста лились чудные звуки.

Артиста по окончаніи засыпали похвалами, но его ожидало еще большее торжество. Она споетъ его пѣснь, которую до сихъ поръ отказывалась пѣть. Онъ съ жаромъ обращалъ вниманіе пѣвицы на отдѣльныя красоты сочиненія: здѣсь слѣдовало возвысить голосъ, выражая блаженную надежду, проникавшую въ сердце, то мѣсто означало тоску, и наконецъ при дивномъ переходѣ изъ dur въ moll—блаженство перваго поцѣлуя. Въ этомъ мѣстѣ голосъ долженъ звучать теплотою и восторгомъ.

Пѣвица запѣла. Она пѣла одну пѣснь за другою и наконецъ „цвѣтутъ розы въ долинѣ“ и композиторъ не могъ не быть доволенъ ею. Она пѣла. Никогда море не пѣло лучше этой цвѣтущей молодой дѣвушки, предъ глазами которой въ то же время носились страшныя картины. „Въ долинѣ цвѣтутъ розы...“ и въ то же время ей слышится струя воды, заливающая изъ насоса красное пламя внизу. „Въ долинѣ цвѣтутъ розы“—вотъ она видитъ человѣка, который въ эту минуту кажется ей полубогомъ; онъ стоитъ на краю пропасти и съ закоптѣлымъ лицомъ и обугленнымъ платьемъ громко отдаетъ приказанія и борется съ всепожирающей стихіей. „Въ долинѣ цвѣтутъ розы“ — вотъ пламя прокладываетъ путь къ каютамъ, пробивается на палубу, обхватываетъ паруса и снасти. „Въ долинѣ цвѣтутъ розы“—съ отчаяніемъ вырывается изъ ея груди. Вотъ тонетъ корабль и густой столбъ дыма поднимается надъ водой. Но онъ, несравненный, заботится о ввѣренныхъ ему жизняхъ. Люди плаваютъ вокругъ корабля, принявъ всѣхъ пассажировъ и экипажъ. Только онъ не сходитъ со своего мостика, окруженный моремъ пламени; онъ не хочетъ покинуть своего корабля и исчезаетъ въ волнахъ... „Въ долинѣ цвѣтутъ розы“...

Вотъ открывается дверь залы и съ улыбающимся лицомъ входитъ капитанъ. Одинъ взглядъ на него и пѣвица съ крикомъ, безъ чувствъ падаетъ на полъ.

— Это мѣсто поцѣлуя; я зналъ, что оно слишкомъ сильно для ея нервовъ, сказалъ виртуозъ окружающимъ.

Въ одинъ прыжокъ капитанъ очутился возлѣ дѣвушки и, поднимая ее, шепнулъ:

— Опасность миновала, благодаря вашему мужеству.

Скоро послѣ того была отпразднована свадьба. Виртуозъ особенно сожалѣлъ бѣднаго капитана, получившаго въ жены такую капризную женщину. Конечно, у виртуоза много причинъ сердиться на пѣвицу, которая никогда не будетъ больше пѣть его пѣсни. Его искусство слишкомъ сильно для нея.

Но капитана нечего жалѣть. Онъ вполнѣ счастливъ. Вернувшись недавно изъ Нью Іорка, онъ услышалъ отъ своей прелестной жены, что теперь она разучиваетъ колыбельныя пѣсни.

Къ рисункамъ.

Поздравленіе дѣдушки. (Рис. на стр. 32 и 33).

Картина талантливаго французскаго художника Лелуара отличается большимъ изученіемъ эпохи, чрезвычайно вѣрнымъ воспроизведеніемъ всѣхъ подробностей и переноситъ насъ въ роскошный старинный французскій замокъ начала XVII вѣка. Широкіе, роскошные костюмы того времени даютъ богатый матеріалъ художнику показать его умѣнье передавать переливы красокъ и тоновъ матерій и отдѣлки комнатъ.

Картина изображаетъ богатый кабинетъ престарѣлаго владѣльца замка, къ которому собрались поздравить съ днемъ его ангела нѣсколько поколѣній, выросшихъ и воспитывавшихся въ замкѣ его дочерей, внуковъ и правнуковъ. Общее вниманіе обращено на прелестную дѣвочку, дѣдушкину любимицу, которая стоитъ въ наивно-милой позѣ, на скамеечкѣ, подставляя щечку дѣдушкѣ. Всѣ улыбаются глядя на нее; улыбается съ умиленіемъ и старый дворецкій, стоя за стуломъ своего господина. А справа, ведомый матерью и нѣсколько упираясь, сконфуженный, подходитъ подростокъ-внукъ его, съ какимъ-то сверткомъ въ рукахъ, быть можетъ съ поздравительными стихами, имъ переписанными, или съ рисункомъ, имъ сдѣланнымъ ко дню дѣдушкиныхъ именинъ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 37).

Эта красивая головка молодой женщины, водъ покрываломъ, копія съ картины, принадлежащей кисти проф. Конст. Е. Маковскаго, и именно одна изъ тѣхъ, которыя на выставкѣ его картинъ въ Соляномъ Городкѣ обращали на себя общее вниманіе художественностью исполненія.

Воспоминанія прошлаго. (Рис. на стр. 40).

Тихая улыбка на лицѣ почтенной старухи-матери: разсказъ ея идетъ ровно и ясно; передъ нею носятся тѣни дорогого ей, минувшаго времени. Тогда душа ея жила такою полною жизнью, сердце билось любовью и надеждою, и сама она была такъ же молода и прекрасна, какъ ея дочь, слушающая ее съ такимъ напряженнымъ вниманіемъ, что стала на колѣни, на подушку къ ногамъ матери, чтобы лучше слышать. Это конечно исторія любви, ея радостей и страданій, ея блаженства и мученія; все это быть можетъ скоро придется переживать и юной слушательницѣ.

Старый трубадуръ. (Рис. на стр. 41).

Онъ уже старъ, но сердце его еще пылко и молодо: звуки льются еще неизсякающимъ потокомъ, полные одушевленія и жизни; голосъ твердъ и звонокъ. И веселье кипитъ еще часто въ обращенныхъ къ красавицамъ пѣсняхъ его, въ которыхъ онъ прославляетъ юность и любовь, поэзію и увлеченіе страсти. И молодая дѣвушка, слушая распѣваемыя имъ пѣсни, невольно весело и лукаво улыбается на одушевленіе стараго трубадура.

Охота на гура (дикій оселъ). (Рис. на стр. 45).

Среди различныхъ породъ дикихъ лошадей, стадами бродящихъ по азіатскимъ степямъ и горамъ, самая замѣчательная это гуръ (дикій оселъ), какъ ее называютъ персы, или куланъ, по-киргизски или монгольски. Голова этого прекраснаго животнаго напоминаетъ ослиную; уши больше лошадиныхъ, но меньше чѣмъ у осла и красивѣе; ноги необыкновенно тонки и изящны, хвостъ короткій, покрытый пучкомъ густыхъ волосъ на концѣ, грива короткая, стоячая. Цвѣтъ шерсти свѣтло-коричневый, переходящій на животѣ и хордѣ въ бѣлый и на хребтѣ въ темный. Гуръ или куланъ тождественъ, безъ сомнѣнія, съ онагромъ древнихъ народовъ: онъ водится еще нынѣ въ Малой Азіи, Сиріи и Палестинѣ, Персіи и Аравіи, а также на западѣ Остъиндскаго полуострова. Это истинное дитя степи живетъ преимущественно вблизи озеръ и рѣкъ, но также встрѣчается въ пустынныхъ мѣстностяхъ и въ горахъ, почти лишенныхъ растительности. Куланы живутъ стадами около двадцати головъ; они проходятъ большія пространства, особенно осенью, очень пугливы и осторожны и при малѣйшей опасности скрываются въ горы. Туземные кочевые пастухи страстные охотники на этихъ дикихъ коней, хотя къ пасущемуся стаду подойти очень трудно, такъ какъ на разстояніи 50—75 саженъ отъ стада всегда стоитъ на стражѣ одно изъ животныхъ и извѣщаетъ остальныхъ объ опасности. Персидскіе охотники предпочитаютъ, поэтому, во время перехода животныхъ, занимать въ горахъ узкую тропинку (какъ показано на рисункѣ), по которой стадо неминуемо должно пройти. Охотникъ однако долженъ стрѣлять очень хорошо, чтобы положить кулана на мѣстѣ. Даже тяжело раненое, животное убѣгаетъ и прячется въ какомъ либо углубленіи земли, гдѣ околѣваетъ и становится добычею волковъ. Киргизы и монголы подстерегаютъ животныхъ у водопоя и ставятъ зимою для нихъ западни. Мясо гура цѣнится очень высоко; кожа идетъ отчасти на сафьянъ, отчасти на ремни.

Передъ инквизиціей. (Рис. на стр. 48).

Извѣстный англійскій художникъ Поль Лауренсъ въ своей картинѣ взялъ сюжетомъ мрачную сцену допроса и пытокъ передъ судомъ инквизиціи, наводившей такой ужасъ въ средневѣковой Европѣ и въ Испаніи, уничтоженной кортесами лишь въ 1820 году. Это было грозное учрежденіе, облеченное властію, могуществомъ, окруженное таинственностью и имѣвшее цѣлью розыскивать и наказывать еретиковъ, отступниковъ отъ истинной вѣры. Начало инквизиціи положено было папой Иннокентіемъ III, который въ 1204 г. послалъ въ Южную Францію нѣсколькихъ монаховъ, для уничтоженія ереси альбигойцевъ. Папа Григорій IX возвысилъ учрежденіе на степень трибунала, который имѣлъ свои тайныя засѣданія и многочисленныхъ агентовъ. Инквизиція наводила ужасъ повсюду. Достаточно было одного подозрѣнія въ ереси или колдовствѣ, чтобы подвергнуться аресту. Сознаніе вымогалось пытками, лишали гражданскихъ и политическихъ правъ и состоянія, подвергали пожизненному заключенію и наконецъ сжигали на кострѣ. То были такъ называемыя ауто-да-фе. Нигдѣ не достигала инквизиція такого развитія, могущества и власти, какъ въ Испаніи. Съ 1480 г. признанная королевскимъ указомъ, она развилась съ особенною силою и состояла подъ предсѣдательствомъ великихъ инквизиторовъ, изъ которыхъ жестокостью своею особенно извѣстенъ былъ генералъ-инквизиторъ Торквемада.

Картина Лауренса изображаетъ мрачное подземелье, гдѣ передъ двумя судьями-инквизиторами стоитъ, привязанный къ вороту канатомъ несчастный, обвиненный въ ереси монахъ, котораго показанія записываетъ секретарь, а сзади судей, у пыточнаго ворота, видны фигуры двухъ палачей, готовыхъ, по знаку судей, приступить къ своему ужасному дѣлу.

Лит. альбомъ. „Дантъ и Виргилій въ лодкѣ Харона“. (Рис. на стр. 49).

Здѣсь помѣщенная копія съ прекрасной картины знаменитаго французскаго художника Делакруа изображаетъ сцену изъ третьей пѣсни всемірно-извѣстнаго произведенія поэта Италіи XIII в. Данта „Божественная комедія“, именно первой части ея—„Ада“. Поэтъ разсказываетъ, какъ, заблудившись въ темномъ, дремучемъ лѣсу и взбираясь на крутую лѣсную гору, онъ встрѣчаетъ тѣнью поэта Виргилія (римскій поэтъ, ум. въ 19 г. до Р. Хр.). Поэтъ предлагаетъ Данте спуститься въ адъ, чтобы видѣть муки грѣшниковъ въ аду и чистилищѣ. Слѣдуя за Виргиліемъ, Данте достигаетъ вратъ ада, прочитавъ у входа страшную надпись: „оставь здѣсь надежду навсегда!“ Они приходятъ къ рѣкѣ Ахерону, гдѣ престарѣлый Харонъ перевозитъ души умершихъ на другой берегъ. Харонъ не принимаетъ въ свою лодку Данте, говоря, что „среди умершихъ живому нѣтъ мѣста“. Но послѣ увѣщанія Виргилія, берется ихъ перевезти, и этотъ моментъ пѣсни и изображенъ художникомъ. Призраки людей мучащихся на Ахеронѣ въ ожиданіи переправы, видя, что лод-

ка Харона отчаливаетъ, кидались въ воду, цѣплялись за лодку, умоляя перевезти ихъ, но Харонъ отталкиваетъ ихъ весломъ. Они спѣшатъ переплыть потокъ, чтобы скорѣе узнать что ихъ ожидаетъ и не мучиться въ напрасныхъ томленіяхъ. Здѣсь разражается страшная буря, Данте лишается чувствъ и, очнувшись, видитъ себя спускающимся со своимъ спутникомъ Виргиліемъ въ первый кругъ Ада. Мрачная поэма разрѣшается болѣе свѣтлыми картинами „Чистилища“ и наконецъ „Рая“, гдѣ описывается блаженство праведныхъ.

Французскій художникъ Делакруа сдѣлалъ переворотъ въ свое время въ искусствѣ и однимъ изъ первыхъ протестовалъ своими произведеніями противъ классицизма. Картина, копія съ которой здѣсь помѣщена, на выставкѣ 1822 г. въ Парижѣ привлекла на себя общее вниманіе и вызвала съ одной стороны восторженныя похвалы и удивленіе, съ другой—порицанія приверженцевъ классицизма. Послѣдовавшія затѣмъ его картины: „Марино Фальеро“, „Смерть Сарданапала“ и другія исполнены съ большою силою, огнемъ и эффектомъ. Онъ дѣлалъ иллюстраціи для перевода „Фауста“ и для „Гамлета“, которыя отличались большими достоинствами. Делакруа умеръ въ 1863 году.

Библіографія.

„Исторія города Рима въ средніе вѣка“. Фердинанда Грегоровіуса. Переводъ съ нѣмецкаго В. И. Савина. С.-Петербургъ, 1886 года. Изданіе въ русскомъ переводѣ прекраснаго, извѣстнаго въ Европѣ сочиненія Ф. Грегоровіуса началось съ послѣдняго, шестого тома, который вышелъ въ свѣтъ въ началѣ настоящаго года. Въ этой части труда представлено матеріальное и нравственное состояніе Рима въ XIV столѣтіи. На-дняхъ вышелъ предшествующій, пятый томъ перевода г. Савина, въ которомъ заключается исторія Рима отъ папы Иннокентія III до 1260 года—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ и тяжелыхъ эпохъ въ судьбахъ вѣчнаго города.

Иллюстр. каталогъ сѣмян. торг. Грачева на 1887 г. Каталоги Грачева съ каждымъ годомъ издаются все роскошнѣе и богаче рисунками. Въ настоящемъ изданіи предпосланъ каталогу родъ небольшого историческаго очерка торговли этой добросовѣстной и извѣстной фирмы.

Политическое обозрѣніе.

3 января.

Значеніе рѣчи князя Бисмарка.—Вліяніе ея въ Австро-Венгріи и Франціи.—Затруднительность положенія лондонскаго кабинета.

Князь Бисмаркъ, въ сказанной имъ рѣчи въ рейхстагѣ, по поводу военнаго законопроекта, довольно точно опредѣлилъ взаимныя отношенія европейскихъ государствъ и современное положеніе политическаго строя въ Европѣ. Съ свойственною имперскому канцлеру опредѣленностью и ясностью, онъ высказалъ прямо: „Германская имперія не станетъ тревожить себя изъ-за болгарскаго вопроса, и что если она озабочена поднятіемъ своихъ боевыхъ силъ, то единственно ради сохраненія своего могущества, не имѣя въ виду наступательной политики. Отношенія наши къ Россіи, сказалъ канцлеръ, трудностей не представляли. Наша дружба съ Россіей не прерывалась и въ настоящую минуту выше сомнѣній. Мы не ждемъ отъ Россіи нападенія. Выражаясь такъ откровенно, я, пожалуй, лишусь голосовъ польскихъ депутатовъ, которые непремѣнно вотировали бы за усиленіе германскаго могущества противъ русскихъ нападеній, такъ какъ въ случаѣ русской побѣды имъ ожидать нечего. Но я обязанъ говорить правду: всѣ мотивы къ законопроекту, выведенные изъ нашихъ отношеній къ Россіи, не имѣютъ прочныхъ основаній. Мы живемъ съ Россіей въ такихъ же дружественныхъ отношеніяхъ, какъ при въ Бозѣ почившемъ Императорѣ, и съ нашей стороны отношенія эти нарушены не будутъ. Какіе у насъ могутъ быть интересы завязывать ссору съ Россіей? Пусть кто нибудь укажетъ хоть на одинъ. Простое желаніе драться не можетъ побудить къ завязыванію ссоры съ сосѣдомъ, который насъ не трогаетъ. Такимъ варварскимъ инстинктамъ германскія правительства и германскіе взгляды на политику недоступны. Итакъ, съ нашей стороны миръ съ Россіей нарушенъ не будетъ, а что касается нападенія съ русской стороны, то я не думаю, что это случится. Я не думаю, что съ русской стороны происходили поиски за союзниками, чтобы напасть на насъ. Русскій Императоръ Александръ III-й имѣлъ всегда мужество высказывать свое мнѣніе и, если бы Онъ намѣревался войти съ Германіей въ непріязненныя отношенія, то Онъ первый заявилъ бы объ этомъ и показалъ бы на дѣлѣ. Къ Нему всякій можетъ питать довѣріе, кто имѣлъ честь находиться съ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Вотъ почему всѣ аргументы, будто на численности нашей арміи основана возможность франко-русскаго союза, я считаю неосновательными.“

Касаясь ближе политическаго настроенія минуты, князь Бисмаркъ удостовѣряетъ передъ цѣлымъ міромъ, что Германія сохраняла и будетъ сохранять свое дружественное расположеніе къ Россіи и Австро-Венгріи, и что она не ожидала и не ожидаетъ ничего непріязненнаго со стороны Россіи. Канцлеръ не скрылъ передъ депутатами, что положеніе германской дипломатіи, стоящей посредникомъ между Россіею и Австро-Венгріею становится тѣмъ болѣе затруднительнымъ, что на Балканскомъ полуостровѣ интересы этихъ двухъ Имперій разнородны и даже противурѣчивы, а потому въ ходѣ послѣднихъ событій ожидаемое германское медіаторство нерѣдко вызывало неудовольствіе то въ Вѣнѣ, то въ Петербургѣ. Министерству иностранныхъ дѣлъ въ Берлинѣ стоило не мало труда, какъ свидѣтельствуетъ имперскій канцлеръ, вызывающій тонъ одной стороны смягчать поддержкою другой и вообще склонять обѣ стороны къ поддержкѣ европейскаго мира; смотря же въ даль будущаго, князь Бисмаркъ прямо указалъ, что, въ случаѣ войны съ Франціей, и Германія не можетъ разсчитывать на поддержку Австріи, а въ случаѣ войны съ Россіей, Австро-Венгрія не должна ожидать поддержки Германіи. Словомъ, могущественная Германія остается сама для себя и увеличиваетъ свою боевую готовность для поддержки единственно своего могущества и вліятельнаго положенія въ Европѣ. Предложеніе объ утвержденіи на три года требованной правительствомъ численности арміи принято въ рейхстагѣ при поименномъ голосованіи большинствомъ 186 противъ 154. Консерваторы, члены имперской партіи и національ-либералы подали голоса противъ этого предложенія; соціалисты, большая часть эльзасскихъ депутатовъ и датскій депутатъ Іогансенъ воздержались отъ подачи голосовъ. Послѣ вотированія имперскій канцлеръ прочиталъ императорское посланіе, которымъ рейхстагъ распущенъ. Повелѣніемъ императора новые выборы въ рейхстагъ назначены на 9 (21) февраля.

Въ Вѣнѣ слова князя Бисмарка приняли съ подобающимъ почтеніемъ и въ самыхъ лестныхъ для канцлера выраженіяхъ превозносятъ его стремленія поддержать миръ. Вѣнскіе оффиціозы дѣйствительно и притворно, но высказываютъ расположеніе, что представитель германской политики низвелъ болгарскій вопросъ къ его надлежащему уровню, и здѣсь же по адресу софійскихъ правителей преподаютъ совѣтъ быть крайне осторожными, иначе Болгарія, по выраженію оффиціозовъ, можетъ потерять симпатіи Европы. Вѣнскіе дипломаты хорошо теперь поняли къ чему приведутъ Австро-Венгрію дальнѣйшія попытки придать болгарскимъ событіямъ оборотъ, несогласный съ желаніями Россіи: въ случаѣ, если бы дѣло дошло до войны—Германія останется въ сторонѣ и на другого союзника, кромѣ Англіи, Австро-Венгрія разсчитывать не можетъ. При такихъ обстоятельствахъ, разумѣется, приходится быть довольными откровенною рѣчью князя Бисмарка и прославлять всякія стремленія къ ненарушимости европейскаго мира.

Что касается Франціи, то она выслушала рѣчь германскаго канцлера съ достоинствомъ и отвѣтила только одно, что Франція никогда не принимала на себя вызывающую политику, и что, слѣдуя благоразумному указанію князя Бисмарка, и Франціи надлежитъ озаботится самосохраненіемъ, т. е. давно бы слѣдовало палатѣ депутатовъ утвердить проектъ усиленія французской арміи, составленный генераломъ Буланже. Во всякомъ случаѣ, парижскія газеты удостовѣрились, что въ Германіи нисколько не имѣютъ намѣренія нападать на Францію, а потому болѣе вліятельныя изъ нихъ, какъ напримѣръ „Temps“, высказываетъ мнѣніе, что рѣчь князя Бисмарка должна произвести въ Европѣ самое успокоительное впечатлѣніе.

Наконецъ наша офиціозная СПБ. французская газета въ самыхъ успокоительныхъ относительно мира выраженіяхъ указываетъ на рѣчь имперскаго канцлера.

Болѣе чѣмъ кому-бы то ни было раскрытіе картъ германской дипломатіи придется не по вкусу—это Англіи. Положеніе министерства Салисбюри становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ. Внезапная смерть министра иностранныхъ дѣлъ лорда Иддеслея увеличиваетъ число вакантныхъ мѣстъ въ кабинетѣ, который и безъ того приходитъ къ распаденію. Какъ слышно, портфель покойнаго лорда желаетъ взять самъ маркизъ Салисбюри, но подобный оборотъ дѣла не можетъ перемѣнить ходъ международныхъ отношеній Англіи, такъ какъ упрямство и настойчивость маркиза не раздѣляются многими его товарищами и приведутъ еще къ большему разладу въ самомъ кабинетѣ. Вѣрнѣе будетъ заключеніе, что кабинетскій кризисъ заставитъ Англію отойти нѣсколько въ сторону отъ теченія континентальной политики и предоставлять установленію новаго modus vivendi безъ англійскаго участія.

Отмѣтивъ настоящее положеніе европейской политики, не трудно видѣть, что въ рѣчи князя Бисмарка Россія нашла надлежащую себѣ поддержку и наши интересы на Балканскомъ полуостровѣ будутъ охранены самимъ ходомъ европейскихъ событій.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Высочайшимъ указомъ отъ 1-го января утвержденъ въ званіи предсѣд. Госуд. Сов. Е. И. В. В. Кн. Михаилъ Николаевичъ; назначены: т. сов. И. А. Вышнеградскій Управляющимъ Мин. Финансовъ, а д. т. сов. Н. Х. Бунге предсѣдателемъ Комитета Министровъ. Управл. Мин. Юст. т. сов. Манасеинъ назначенъ Министромъ Юстиціи, д. ст. сов. графъ Гейденъ начальникомъ канцеляріи по принятію прошеній, ген.-ад. Рихтеръ членомъ Госуд. Совѣта, т. сов. Николаевъ членомъ Госуд. Совѣта.

— Общая сумма налога съ недвижимыхъ имуществъ въ городахъ, посадахъ и мѣстечкахъ Европейской Россіи, опредѣлена въ 6.265,600 руб.

— Обнародована нота министра иностранныхъ дѣлъ, обмѣненная 1 декабря, съ Австро-Венгріею, о порядкѣ выдачи подданныхъ, возвращеніе которыхъ въ отечество будетъ признано необходимымъ юстиціею той или другой державы.

— Коммисія по опредѣленію государственной границы нашей съ Китаемъ въ предѣлахъ Южно-Уссурійскаго края, окончила свои работы; граница нанесена на планы, а въ натурѣ обозначена каменными столбами.

— Вмѣсто ген. Анненкова, пріѣхавшаго въ Петербургъ, строителемъ закаспійской желѣзной дороги назначенъ ген. Басовъ, который прибудетъ къ мѣсту назначенія ко времени начала работъ.

Военное и морское дѣло.

— Въ Николаевѣ возникло предпріятіе, обѣщающее городу существенныя выгоды. Хотятъ устроить частный кораблестроительный заводъ. Морское министерство отнеслось сочувственно къ этому предпріятію и отвело участокъ земли по р. Бугу, близь Варваровскаго моста. На этомъ участкѣ возведены уже обширныя мастерскія кораблестроительнаго завода и верфи.

Дѣла церкви.

— Въ камчатской епархіи открыто 6 новыхъ приходовъ и два походныхъ причта въ Южно-Уссурійскомъ краѣ, съ назначеніемъ по 845 руб. на каждый приходъ. Походнымъ причтамъ ассигновано по 1.900 руб. въ годъ.

— Государь Императоръ повелѣлъ отправить въ г. Митаву, въ Симеоновскую церковь, церковныя облаченія малиноваго бархата, шитыя золотомъ и серебромъ ризы, епитрахили, пояса и проч., всего 24 предмета. Кромѣ того, Государь Императоръ пожаловалъ церковныя облаченія ревельскому Преображенскому собору и молитвеннымъ домамъ на островѣ Даго и въ Леалѣ.

— Извѣстный протоіерей отецъ Іоаннъ Сергіевъ снова сдѣлалъ крупное пожертвованіе: на попечительство при Домѣ Трудолюбія—шесть тысячъ девяносто семь рублей и на церковь двѣсти рублей.

Народное просвѣщеніе.

— 7 (19) декабря въ Константинополѣ открылось первое русское училище. Оно помѣщается въ зданіи, занимаемомъ русскимъ консульствомъ. Записались въ школу тридцать учениковъ, половина русскіе и половина болгары.

— Нигдѣ народные учителя не получаютъ столь скуднаго содержанія, какъ на островѣ Эзелѣ: нѣкоторые учителя получаютъ не бо-

лѣе 20—40 рублей за зиму, а лѣтомъ они бываютъ вынуждены работать на материкѣ.

Торговля и промышленность.

— Количество перевезенной за границу дичи черезъ Вержболово, въ періодъ времени съ 1881 по 1885 г., съ января по апрѣль: въ 1881 году 4,624 пуда; 1882—5,207 п., 1883—24,266 п., 1884—16,360 п. и 1885—13,336 п.

— Въ Охотскомъ и Беринговомъ моряхъ предполагается новая промысловая компанія для охоты за китами. Представитель нюландскаго завода въ Христіаніи, г. Боннеми, заключилъ контрактъ съ Дыдымовымъ, на постройку для него морского китобойнаго парохода, длиною въ 85 футъ.

— Въ Баку ходитъ слухъ о состоявшейся распродажѣ Нобелемъ всего своего имущества Ротшильду за 28 милліоновъ руб.

— Безрыбье рыболовнаго сезона въ Тобольскѣ нанесло значительные убытки промышленникамъ. Цѣны небывалыя. Многіе изъ тобольскихъ обывателей предполагаютъ запастись рыбою на ирбитской ярмаркѣ, гдѣ тобольская рыба продается дешевле чѣмъ въ Тобольскѣ.

Почтовыя извѣстія.

— Главнымъ управленіемъ почтъ и телеграфовъ издана новая карта хода почтъ, для руководства при составленіи маршрута и указаній направленія корреспонденцій, которая будетъ разослана всѣмъ начальникамъ конторъ и почтово-телеграфныхъ учрежденій.

Наука и литература.

— 29 декабря, съ обычною торжественностью состоялось въ СПБ. ежегодное собраніе академіи наукъ. За лучшія сочиненія присуждены медали и денежныя преміи. Высшая награда дана нашему извѣстному путешественнику Н. М. Пржевальскому. Спеціально вычеканена громадная золотая медаль, вѣсомъ около фунта, на одной сторонѣ которой изображенъ портретъ нашего путешественника, а на другой надпись. „До Пржевальскаго—сказалъ секретарь академіи—не было научныхъ свѣдѣній о центральной Азіи; онъ оказалъ неоцѣнимую услугу наукѣ и Россіи“.

— Произведенія гр. Л. Н. Толстого и И. С. Тургенева проложили въ Европѣ широкую дорогу и другимъ нашимъ писателямъ. Въ парижскихъ газетахъ объявляется о скоромъ выходѣ въ свѣтъ французскихъ переводовъ слѣдующихъ сочиненій русскихъ писателей: Д. В. Григоровича „Гуттаперчевый мальчикъ“ и „Два генерала“; М. Е. Салтыкова „Господа Головлевы“ и „Сатирическія сцены“, С. Т. Аксакова „Семейная хроника“ (въ 2-хъ томахъ) и „Дѣтство Багрова внука“, Рѣшетникова „Подлиповцы“, Помяловскаго, Глѣба Успенскаго „Повѣсти“, и др.

Живопись и скульптура.

— 28 декабря, открыта въ СПБ. выставка ученическихъ работъ рисовальной школы императорскаго общества поощренія художествъ (Б. Морск. № 40). Въ настоящемъ году школу посѣщаютъ 900 учениковъ, въ томъ числѣ 350 ученицъ. Каждымъ ученикомъ и ученицею на выставку представлено 2—4 работы, такъ что общее число выставленныхъ предметовъ болѣе 3000. Открыта также выставка ученическихъ работъ въ школѣ рисованія бар. Штиглица (Сол. Город.).

Театръ и музыка.

— Графъ Л. Н. Толстой написалъ пьесу изъ народнаго быта, пока еще не имѣющую названія. Пьеса построена на сложномъ мотивѣ. Богатый крестьянинъ вторично женатъ на молодой щеголихѣ. У него работникъ тоже франтъ. Работникъ обираетъ увлеченную имъ хозяйку, сходится съ ея падчерицей и кончаетъ драму покаяніемъ передъ народомъ. Большие толки возбуждаетъ эта новая пьеса графа Л. Н. Толстого. Реализмъ новаго произведенія едва ли можетъ примириться съ требованіями цензурныхъ условій.

Городскія извѣстія.

— Въ день празднованія своего юбилея ген.-ад. Посьетъ получилъ отъ Фердинанда Лессепса изъ Парижа привѣтственную телеграмму съ пожеланіями продолжать долго полезное служеніе Россіи.

— Вновь выпущенная высокопробная серебряная монета, цѣнностью въ рубль, 50 и 25 копѣекъ, допускалась къ продажѣ публикѣ всего нѣсколько дней (по курсу 1 руб. 38 к. кредитныхъ за рубль серебряный). Затѣмъ продажа новой монеты прекращена, и пріобрѣсти ее теперь почти невозможно. Она оказывается лишь у немногихъ мѣнялъ, которые продаютъ рубли по 1 р. 50 к., а полтинники и четвертаки по двойной цѣнѣ противъ номинальной ихъ стоимости, т. е. по рублю и 50 коп.

Изъ губерній и областей.

— Въ Саратовѣ рабочему народу трудно приходится переживать нынѣшнюю зиму: работъ положительно нѣтъ никакихъ ни на Волгѣ, ни въ городѣ; ежедневно собирается множество чернорабочаго народа и мастеровъ, какъ напримѣръ, плотниковъ, маляровъ и пр.; ночлежные дома переполнены рабочимъ людомъ.

— Харьковъ ненастная осенняя погода не покидаетъ: на поляхъ все зеленѣетъ, луговая трава такъ высоко поднялась, что вотъ уже недѣли двѣ какъ мѣстами скотъ и овцы находятся на хорошемъ подножномъ корму; цвѣтутъ полевые цвѣты, въ садахъ—левкои, желтофіоли и пр., распускаются новыя почки деревьевъ,—словомъ, мы теперь переживаемъ раннюю весну. Воздухъ тепелъ и влаженъ, часто выпадаетъ дождь и бываютъ сильные туманы. Такого переворота въ погодѣ никто здѣсь не запомнитъ. Базары опустѣли совершенно, подвоза никакого, дороги въ уѣздѣ до того растворились, что стали непроѣзжими.

— Горнозаводскій кризисъ разростается на Уралѣ все шире и шире, захватывая цѣлые округа. Въ такихъ заводахъ, какъ сергинскіе или ревдинскіе, съ грѣхомъ пополамъ сводили концы съ концами. Дѣла плохи.

— Компанія англійскихъ капиталистовъ пріобрѣла близь Покутя, въ Кіевскомъ уѣздѣ, участки земли, на которыхъ отысканы слѣды горнаго воска. Компанія намѣрена употребить капиталъ въ полтора милліона рублей на эксплуатацію этого предпріятія.

Смѣсь.

Въ „Petermanns Mittheilungen“ приведенъ отчетъ объ экспедиціи покойнаго д-ра Фишера для отысканія доктора Юнкера (портретъ и біографія котораго были помѣщены въ „Нивѣ“ 1886 г. № 48). По просьбѣ его брата, банкира въ Спб., была предпринята экспедиція въ маѣ 1886 г. Докторъ Юнкеръ съ 1879 г. находился въ египетскихъ экваторіальныхъ провинціяхъ. Экспедиція Фишера не увѣнчалась успѣхомъ, но она интересна, какъ первая попытка европейца проникнуть въ неизвѣданныя до сихъ поръ области восточной Африки. Оттуда нѣмецкій путешественникъ вынесъ и зародышъ своей болѣзни, которая привела его къ преждевременной смерти. Фишеру было всего 38 лѣтъ. Его путешествія въ восточную Африку начались съ 1876 г. Въ 1878 г. онъ путешествовалъ съ братьями Денгардъ, а по распущеніи этой экспедиціи вернулся въ Занзибаръ, гдѣ посвятилъ себя врачебной практикѣ. Въ концѣ 1882 г. онъ, на счетъ гамбургскаго географическаго общества, предпринялъ новое, болѣе значительное путешествіе въ страну Массай. Ему удалось проникнуть только къ озеру Найваша, но его путешествіе было первымъ шагомъ къ открытію этой области, и онъ проложилъ дорогу своимъ послѣдователямъ—Томсону и Гаррингтону. Нынѣ докторъ Юнкеръ уже прибылъ въ Суэцъ въ добромъ здоровьи и оттуда направляется въ Россію. (н.)

Новоизобрѣтенная бумага. Типографія Поля Дюпона въ Парижѣ изобрѣла новый родъ бумаги для акцій, процентныхъ бумагъ, квитанцій и всякихъ актовъ, исключающій возможность какъ ея поддѣлки, такъ и всякихъ на ней подчистокъ. Ея секретъ заключается въ присутствіи въ ней особыхъ внутреннихъ знаковъ, буквъ, цифръ или геометрическихъ фигуръ, невидимыхъ для глаза, но выступающихъ наружу при малѣйшей попыткѣ вытравить или подчистить текстъ бумаги. Эти внутренніе знаки обнаруживаются и въ томъ случаѣ, если провести по ней смоченною водою кистью. Этимъ послѣднимъ способомъ и удостовѣряются, настоящая ли она, или фальшивая. Такъ какъ скрытые значки и цифры или буквы не могутъ быть извѣстны поддѣлывателямъ, какъ равно и размѣщеніе ихъ на бумагѣ, то на фальшивыхъ документахъ, акціяхъ, чекахъ, квитанціяхъ и т. д., они не могутъ и встрѣчаться, да и самая поддѣлка затрудняется еще и тѣмъ, что внутренніе знаки могутъ быть располагаемы по каждой серіи въ различномъ порядкѣ, извѣстномъ лишь одиимъ посвященнымъ въ секретъ лицамъ. (н.)

Въ европейскихъ государствахъ общая мобилизація поставила бы подъ ружье тринадцать милліоновъ человѣкъ. Въ отдѣльности Германія можетъ выставить 2½ милліона; Франція—2,450,000; Австрія—1,077,000; Италія—2,400,000; Турція—800,000 и Россія до 4 милліоновъ. (н.)

Въ Соединенныхъ Штатахъ установлена пошлина въ 30 процентовъ съ номинальной цѣны произведеній живописи, скульптуры, гравированія, получаемыхъ изъ-за границы. Это вызвало общее возбужденіе среди художниковъ. Со всѣхъ сторонъ посыпались петиціи. Въ настоящее время сдѣлана нѣкоторая уступка требованіямъ художниковъ. Разрѣшено безплатно получать картины раньше 1700 года. Коллекціонеръ, стало быть, можетъ получать Масаччо, Рубенса, ванъ-Дика, подъ этикетомъ: „древности“. Мотивировано это распоряженіе тѣмъ, что такія произведенія могутъ быть поучительны для молодыхъ художниковъ, хотя и въ современномъ искусствѣ есть произведенія, поучительныя для молодыхъ художниковъ. Нельзя не замѣтить также, что это открываетъ широкій сбытъ поддѣльныхъ древностей. (н.)

Проказа въ Остзейскомъ краѣ. Дерптскій докторъ Геллатъ, въ виду распространенія проказы въ нѣкоторыхъ округахъ Остзейскаго края, предпринялъ поѣздку по этой странѣ, съ цѣлью убѣдиться на мѣстѣ въ серьезности этой болѣзни. Вотъ результаты его изслѣдованій. Въ Лифляндіи проказа существовала вѣроятно въ доисторическія времена; но достовѣрныя извѣстія объ этомъ относятся только къ XIII столѣтію, когда въ Лифляндіи имѣлось нѣсколько больницъ для прокаженныхъ. Въ XV и XVI вѣкахъ, когда проказа совершенно исчезла въ Западной Европѣ, она уменьшилась также въ Лифляндіи, но не прекратилась тамъ окончательно. Однако до половины этого столѣтія она совершенно уходила отъ вниманія врачей. Появившись въ нѣкоторыхъ провинціальныхъ округахъ, проказа въ послѣднее время повидимому увеличивается. Это приходы Саара въ Перновскомъ, Тарвастъ въ Феллинскомъ, Руенъ въ Вольмарскомъ округахъ; далѣе область между приходами Марія-Дерптъ, Марія-Магдалина и Кoдaферъ, приходъ Вернель-Ганель въ Викѣ, мѣстность около Лемзаля и побережье при устьѣ Двины. Наконецъ прокаженные встрѣчаются въ Ригѣ, Дерптѣ, Нарвѣ и Перновѣ.

Болѣзнь поражаетъ несчастныхъ внезапно. Первые признаки ея почти не заслуживаютъ вниманія: въ большинствѣ случаевъ это красныя пятна на тѣлѣ. Но затѣмъ болѣзнь развивается, появляются по всему тѣлу желваки, гнойные вереда съ невыносимымъ запахомъ и нерѣдко въ концѣ наступаетъ потеря рукъ и ногъ. Такое печальное существованіе несчастные ведутъ въ теченіе 13 и 15 лѣтъ, неся

кромѣ физическихъ и нравственныя страданія. Они лишаются всякихъ заработковъ и средствъ къ жизни и кромѣ того отторгаются отъ общества. Къ счастію, находятся сострадательныя лица, заботящіяся объ этихъ несчастныхъ и по мѣрѣ возможности облегчающія ихъ печальную участь. Такъ напр., въ Тарвастѣ живетъ дѣвушка 30 лѣтъ, Эльза Кобинъ. Болѣзнь ея началась на 18 году жизни и съ этого времени она исключена изъ общества. Проживаетъ она постоянно въ лѣсу, въ хижинѣ, имѣющей не болѣе 5 кубическихъ футовъ. Что вынесла эта несчастная, не поддается описанію. За все время болѣзни она не видала родныхъ; у нея еще довольно силъ, но никто не даетъ ей работы; она бы охотно пошла въ церковь, но не смѣетъ выйти изъ лѣса. По всей вѣроятности, дѣвушка эта погибла бы голодною смертью, если бы не сострадательные люди. Но помощь ихъ все же недостаточна, что доказываетъ случай самоубійства прошлою зимою въ Тарвастскомъ приходѣ прокаженнаго, не находившаго себѣ нигдѣ пріюта.

Прокаженные во всѣ времена исключались изъ общества. 70-ти-лѣтняя старуха разсказывала доктору Геллату, что въ ея молодости такіе больные встрѣчались только въ лѣсахъ: они не смѣли приближаться къ здоровымъ людямъ, а къ приносившимъ имъ пищу въ лѣсъ могли подходить только противъ вѣтра. Подстилка изъ мха была ихъ ложемъ, на которомъ они и умирали.

При такомъ положеніи дѣлъ и предполагаемомъ распространеніи болѣзни является настоятельная потребность въ помощи. Для борьбы со зломъ необходимо знать число прокаженныхъ въ странѣ. Отъ этого зависитъ все. Понятно, что правительству не будетъ необходимо прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ, если въ странѣ окажется нѣсколько сотенъ больныхъ, неспособныхъ къ работѣ и общественное положеніе которыхъ нарушено; если же будетъ доказано, что вся страна подвергается опасности заразиться отъ такихъ больныхъ, то будетъ поводъ принять рѣшительныя мѣры. Опредѣленіе же опасности возможно только правильными статистическими данными, которыя въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ могутъ показать увеличивается ли болѣзнь или уменьшается. (г.)

Быстрый ростъ городовъ въ Америкѣ. Какъ быстро возникаютъ и растутъ новые города въ Америкѣ, показываетъ слѣдующій фактъ. Въ 1880 г. рѣшеніемъ конгресса Аргентинской республики было постановлено основать при устьяхъ рѣки Ла-Платы главный городъ провинціи Буэносъ-Айресъ. 22-го ноября 1882 года совершалась закладка новаго города, наименованнаго отъ названія рѣки также Ла-Платой. Къ марту 1884 года было готово уже 810 домовъ; къ ноябрю того же года—2,646 домовъ, а къ октябрю 1885 года—4,315 домовъ и кромѣ того строилось 724 дома. Населеніе города росло съ такою же быстротою, какъ и жилища. Въ мартѣ 1884 года въ городѣ считалось всего 10,407 жителей, изъ которыхъ только $^4/_5$ состояла изъ аргентинцевъ, а остальные изъ иностранцевъ. Черезъ полтора года, именно въ октябрѣ 1884 г. новая столица насчитывала уже 21,792 чел. Въ числѣ жителей находились 8,918 аргентинцевъ и 12,875 иностранцевъ, преимущественно итальянцевъ и испанцевъ. Къ концу августа 1885 года въ городѣ считалось 22 общественныхъ школы, посѣщавшихся 1,400 учащимися. Для пассажирскаго движенія въ предѣлахъ города Ла-Платы открыта конно-желѣзная дорога. Столь быстрый ростъ города объясняется выгоднымъ его положеніемъ при устьѣ громадной рѣки и быстрымъ развитіемъ промышленности и торговли въ странѣ. (и.)

Исчезновеніе Евфрата. Нѣкогда большой и могущественный Евфратъ близокъ къ совершенному исчезновенію съ лица земли. Нѣсколько лѣтъ назадъ, недалеко отъ Вавилона, берега обмелѣли, вода образовала болото и для проѣзда туземныхъ судовъ остался только узкій каналъ, по которому не могутъ ходить пароходы. Въ настоящее время мелѣетъ и каналъ и если не наступитъ перемѣны къ лучшему, то знаменитая нѣкогда рѣка испарится отъ жары и лежащіе по ней города опустѣютъ. (г.)

Новое изобрѣтеніе. Въ бассейнѣ Вестъиндскаго дока, въ присутствіи членовъ адмиралтейства и компетентныхъ лицъ, происходили недавно опыты съ подводной лодкой. Изобрѣтенная г. Кэмпбелемъ лодка принадлежитъ гг. Эдварду Вольслею и К. Ліону; она построена на верфи г. Флетчера въ Лимгаузѣ и названа Наутилусъ. Форма ея напоминаетъ сигару. 60-ти-футовой длины и 8-футовой ширины лодка сдѣлана изъ $^3/_8$ дюймовыхъ стальныхъ пластинъ; она идетъ со скоростью 10 узловъ въ часъ и снабжена приспособленіемъ для плаванія подъ водою. Въ послѣднемъ случаѣ она герметически закрывается подвижнымъ клапаномъ; притокъ же необходимаго для дыханія воздуха совершается изъ воздушной камеры, въ которой находится запасъ воздуха на сутки; испорченный воздухъ отводится особымъ приспособленіемъ. Надъ овальной крышей выдается небольшой четыреугольный, снабженный окнами ящикъ, въ которомъ помѣщается голова рулевого. Для произвольнаго подниманія и опусканія лодки имѣется по сторонамъ ея восемь подвижныхъ „прожекторовъ", которые помощью особаго приспособленія могутъ быть выдвигаемы и втягиваемы. Въ первомъ случаѣ лодка поднимается и въ послѣднемъ отъ тяжести прожекторовъ опускается. Кромѣ того, для этой же цѣли лодка снабжена резервуарами для воднаго балласта, который въ теченіе нѣсколькихъ минутъ можетъ быть набранъ и выпущенъ, а также подвижнымъ желѣзнымъ килемъ, который по усмотрѣнію можетъ быть прицѣпленъ и отцѣпленъ. Произведенные опыты дали вполнѣ удовлетворительные результаты. Изобрѣтатель, владѣльцы лодки и три машиниста вошли въ нее чрезъ люкъ, закрыли клапанъ и плавали прежде по водѣ, затѣмъ опустились, снова поднялись и наконецъ около трехъ четвертей часа пролежали на днѣ дока, на глубинѣ 17 футовъ, и затѣмъ лодка какъ мячъ мгновенно поднялась на поверхность. Въ настоящее время лодка находится въ Портсмутѣ, гдѣ будутъ продолжены опыты, въ случаѣ полной удачи которыхъ будетъ приступлено къ дальнѣйшему сооруженію такихъ же лодокъ. (г.)

Приводимая въ движеніе электричествомъ яхта Вольта сдѣлала 20 сентября 1886 г. первое путешествіе по каналу изъ Калэ въ Дувръ, въ 3 часа и 51 минуту. (г.)

Большіе телескопы и польза ихъ. Хотя глазъ нашъ съ поразительною цѣлесообразностью приспособленъ къ практическимъ потребностямъ жизни, именно имѣетъ возможность поворачиваться во всѣ стороны и быстро сообразоваться съ разстояніями, однако что касается ясности изображенія и избѣжанія разсѣянія свѣта, глазъ многому не удовлетворяетъ при научныхъ изслѣдованіяхъ, такъ что въ этомъ отношеніи его можно назвать очень посредственнымъ оптическимъ инструментомъ. Устройство глаза таково, что мы не можемъ видѣть предметъ, если зрительный уголъ, т. е. уголъ образуемый линіями, протянутыми отъ конечныхъ пунктовъ извѣстнаго предмета къ оптическому центру глаза, слишкомъ малъ. Это зависитъ отъ того, что при маломъ зрительномъ углѣ свѣтовые лучи падаютъ на слишкомъ небольшую плоскость сѣтчатой оболочки глаза, зрительные нервы мало возбуждаются и предметъ виденъ не ясно. Малый зрительный уголъ получается отъ двухъ причинъ. Или предметъ слишкомъ малъ самъ по себѣ, такъ что даже при приближеніи его къ глазу уголъ остается малымъ, или же громадный по величинѣ предметъ находится на слишкомъ далекомъ разстояніи отъ глаза. Соотвѣтственное увеличеніе угла достигается въ первомъ случаѣ помощью микроскопа и во второмъ помощью телескопа.

Вообще дѣйствіе телескопа состоитъ въ приближеніи къ глазу уменьшеннаго изображенія предмета, причемъ отношеніе приближенія больше, чѣмъ отношеніе одновременно получаемаго уменьшенія, или, другими словами дѣйствіе телескопа состоитъ въ увеличеніи зрительнаго угла. Для этой цѣли къ глазу, при помощи вогнутаго зеркала или линзы, приближается небольшое оптическое изображеніе предмета, и это небольшое изображеніе разсматривается затѣмъ въ микроскопъ. Смотря по тому, употреблено ли въ телескопѣ для полученія оптическаго изображенія вогнутое зеркало или линза, онъ называется рефлекторомъ или рефракторомъ. Для полученія возможно ясныхъ, т. е. возможно сильно увеличенныхъ и при этомъ достаточно свѣтлыхъ изображеній небольшихъ и слабо свѣтящихся небесныхъ предметовъ, объективъ (вогнутое зеркало или линза) долженъ имѣть большой поперечникъ и большое фокусное разстояніе, такъ какъ разстояніе фокуса почти всегда имѣетъ непосредственное отношеніе къ поперечнику. По заключенію знаменитаго англійскаго оптика Груббе, при употребленіи одного и того же окуляра, объективъ съ отверстіемъ для свѣта въ 1 англ. дюймъ и разстояніемъ фокуса въ 1 футъ даетъ стократное увеличеніе, изъ чего слѣдуетъ, что для увеличенія въ 2800 разъ, какое получается въ величайшихъ телескопахъ, объективъ долженъ имѣть 28 дюймовъ въ поперечникѣ и 28 футовъ разстоянія фокуса. Величайшій телескопъ въ мірѣ, который будетъ оконченъ только въ слѣдующемъ году, имѣетъ объективъ въ 0,97 метра въ поперечникѣ и 20 метровъ длины. Изготовленіе такихъ большихъ линзъ необыкновенно трудно какъ по отношенію отливки, такъ и по отношенію шлифовки. Упомянутый большой телескопъ будетъ поставленъ въ обсерваторіи Лика въ Калифорніи, на горѣ Гамильтонъ, въ 1480 метровъ вышины. На устройство его умершій богатый американецъ Джэмсъ Ликъ завѣщалъ 700,000 долларовъ.

При употребленіи такихъ большихъ инструментовъ зачастую является вопросъ о дѣйствіи ихъ при наблюденіи луны. Всѣ астрономы, наблюдавшіе небо и горы Гамильтона, поражены необыкновенной прозрачностью тамошней атмосферы, позволяющей пользоваться въ три и четыре раза большими увеличеніями, нежели на другихъ обсерваторіяхъ. При такихъ благопріятныхъ обстоятельствахъ нѣтъ сомнѣнія, что по крайней мѣрѣ нѣсколько ночей въ году будутъ примѣнять наибольшія увеличенія. Такимъ образомъ луна теоретически будетъ поставлена на разстояніи въ 100 километровъ; въ дѣйствительности же она будетъ казаться почти такою, какъ при разсматриваніи ея невооруженнымъ глазомъ на разстояніи 150 километровъ. На лунѣ можно будетъ видѣть предметы, равняющіеся по величинѣ большимъ сооруженіямъ на землѣ. (г.)

Кладъ на днѣ моря. Въ настоящее время въ Америкѣ слѣдятъ съ большимъ вниманіемъ за розысками, производящимися компаніей, организованной съ цѣлью открыть кладъ въ 16 милліоновъ долларовъ, потопленныхъ въ Делаварской бухтѣ англійскимъ фрегатомъ въ концѣ прошлаго столѣтія. Въ настоящее время удалось уже найти на днѣ моря пушку, которая, какъ предполагаютъ, принадлежала фрегату. Особенно затрудняетъ поиски то обстоятельство, что море у мыса Генлопена, гдѣ именно производятся изысканія, достигаетъ необычайной глубины. Впрочемъ, надо сознаться, что снаряды, съ помощью которыхъ совершаются поиски, значительно усовершенствованы за послѣднее время. Въ прежнія времена для измѣренія морской глубины употребляли обыкновенно прочную веревку, къ концу которой прикрѣплялся свинцовый грузъ, смазанный саломъ. Когда грузъ этотъ достигалъ дна, то покрывавшіе послѣднее песокъ, илъ и мелкіе камешки приставали къ салу. Веревка же была раздѣлена на сажени, дѣленія которыхъ обозначались цвѣтной матеріей. Такимъ образомъ, сосчитавъ количество дѣленій, можно было тотчасъ опредѣлить глубину моря. Затѣмъ стали при-

крѣплять къ веревкѣ нѣчто въ родѣ щипцовъ, оба конца которыхъ оканчивались въ видѣ чашечекъ. Половинки щипцовъ раздвигались пружиной, причемъ послѣдняя была приспособлена такимъ образомъ, что соскакивала и щипцы закрывались, какъ только ударялись о морское дно, загребая при этомъ песокъ, камешки или морскую грязь, смотря по тому, что въ данномъ мѣстѣ образовывало дно. Американскими моряками употреблялся также вмѣсто щипцовъ ковшъ съ крышкой, плотно захлопывавшейся при малѣйшемъ толчкѣ. Первыя, дѣйствительно, серьезныя, имѣющія научный характеръ, изысканія по измѣренію глубины моря произведены были въ 1860 году, въ виду попытокъ погрузить въ океанъ телеграфный кабель. который соединялъ бы Европу съ Америкой. Затѣмъ, въ 1880 году, производившимъ изслѣдованія въ Атлантическомъ океанѣ французскимъ фрегатомъ „Работникъ“ употреблялась трубка, снабженная двумя ложками, черпавшими то, что находилось на днѣ морскомъ. При меньшей глубинѣ пользовались желѣзной рамой, къ которой прикрѣплена была пеньковая сѣтка, а къ бокамъ придѣланы небольшія грабли. (м.)

Очистка воды. Во время разнаго рода эпидемій ранѣе всего заражается вода: въ виду этого крайне важно имѣть возможность пользоваться постоянно совершенно чистой водой, освобожденной отъ всякихъ вредныхъ, заражающихъ элементовъ. Крайне простое и дешевое средство для очистки воды рекомендуется, между прочимъ, профессоромъ Доброславинымъ. Въ ведро воды опускаютъ 50 сантиграммовъ хлористаго желѣза и 70 сантиграммовъ углекислой соды и черезъ три четверти часа получаютъ совершенно чистую воду, могущую выдержать самый строгій химическій анализъ. (м.)

Первое желѣзное судно. Въ нашъ вѣкъ желѣзо является весьма серьезнымъ конкурентомъ дереву. Между прочимъ, употребленіе желѣза получило огромное примѣненіе при постройкѣ судовъ. Въ прежнія времена между пловцомъ и морской пучиной была лишь преграда изъ довольно толстыхъ досокъ, въ настоящее же время преграда эта съ успѣхомъ замѣняется желѣзнымъ пластомъ въ нѣсколько милиметровъ толщины. Первый, кому пришла мысль построить судно изъ желѣза, былъ простой англійскій рабочій по имени Вилькинсонъ. Это было во второй половинѣ прошлаго столѣтія. Первоначально англичанинъ этотъ составилъ себѣ нѣкоторую извѣстность изобрѣтеннымъ имъ утюгомъ для глаженья бѣлья. Ему пришла въ голову счастливая мысль, что было бы крайне удобно во время глаженья класть горячій утюгъ въ металическій ящикъ подобной же формы, дабы такимъ образомъ не спалить бѣлья. Изобрѣтеніе это быстро распространилось и доставило Вилькинсону громадные барыши. (м.)

Подарокъ Гладстону. Проживающія въ г. Окландѣ въ Новой Зеландіи ирландскія уроженки рѣшили сдѣлать подарокъ бывшему англійскому премьеру Гладстону за его энергичное отстаиваніе интересовъ Ирландіи. Подарокъ этотъ состоитъ изъ 155 сортовъ высушеннаго папоротника и 14 сортовъ другихъ растеній, произрастающихъ на островѣ Зеландіи. Флора эта будетъ уложена въ изящную мозаичной работы шкатулку, сдѣланную болѣе чѣмъ изъ полутора тысячъ кусочковъ различныхъ деревъ, растущихъ на островѣ, и крышка которой украшена оправленными въ серебро звѣздами и ирландской арфой. (м.)

Королева-профессоръ. Румынская королева Елизавета, извѣстная своими литературными произведеніями, изданными подъ псевдонимомъ Карменъ Сильва, будетъ съ нынѣшняго 1887 года читать лекціи по всеобщей литературѣ въ женскомъ городскомъ училищѣ въ Бухарестѣ. Будучи сама хорошо знакома съ классическими литературами всѣхъ странъ, ея величество будетъ вѣроятно съ успѣхомъ выполнять взятую ею на себя задачу. Причиной, побудившей королеву заняться профессорской дѣятельностью, послужило главнымъ образомъ недовольство ея величества успѣхами, оказываемыми ученицами по литературѣ. (м).

Состязаніе пловцевъ. Въ Лондонскомъ королевскомъ акваріумѣ происходило недавно интересное состязаніе въ плаваніи, участниками котораго явились трое, неоднократно успѣвшихъ уже зарекомендовать себя, пловцевъ, а именно: гг. Колье, Гаджерти и Виліямъ Беквитъ. Состязаніе продолжалось, согласно условію, два дня сряду, по десяти часовъ въ день, и состояло въ томъ, чтобы проплыть въ теченіе этого времени большее число разъ вокругъ акваріума. Во время плаванія соперники могли выходить изъ воды, отдыхать и подкрѣплять себя пищею, сколько имъ было угодно. Въ первый день Беквитъ, плывшій все время впереди всѣхъ, успѣлъ сдѣлать 14 англійскихъ миль (44 круга=1 мили) и 3 круга вокругъ акваріума, т. е. около 20 верстъ, Колье 13 миль и 13 круговъ, а Гаджерти 12 миль. На второй день Беквитъ, оставшійся до конца побѣдителемъ, сдѣлалъ 24 мили и 29 круговъ, а Колье 22 мили и 39 круговъ. Что же касается третьяго участника, мистера Гаджерти, то онъ долженъ было отказаться отъ дальнѣйшаго состязанія на 19 кругу, окончательно выбившись изъ силъ. Замѣчательна при этомъ быстрота, которой достигали пловцы: въ первый день состязанія въ теченіе первыхъ двухъ часовъ Беквитъ успѣлъ проплыть около 30, а Колье около 25 верстъ. (м.)

Извѣстный историческій живописецъ профессоръ Гендлеръ, произведенія котораго украшаютъ алтари многихъ церквей, окончилъ недавно картонъ, изображающій усмиреніе бури Спасителемъ. Среди бушующихъ волнъ колышется во всѣ стороны лодка, въ которой сидятъ Божественный Учитель и Его ученики, причемъ художникомъ схваченъ именно тотъ моментъ, когда Спаситель, стоя въ лодкѣ, повелѣваетъ волнамъ успокоиться. На лицахъ учениковъ изображены страхъ и сомнѣніе, смѣшанные съ глубокой вѣрой въ Сына Божія. Вообще, все произведеніе отличается благородной простотою. (м.)

1-й заемъ 1864 года. 44-й тиражъ 2-го января 1887 года.

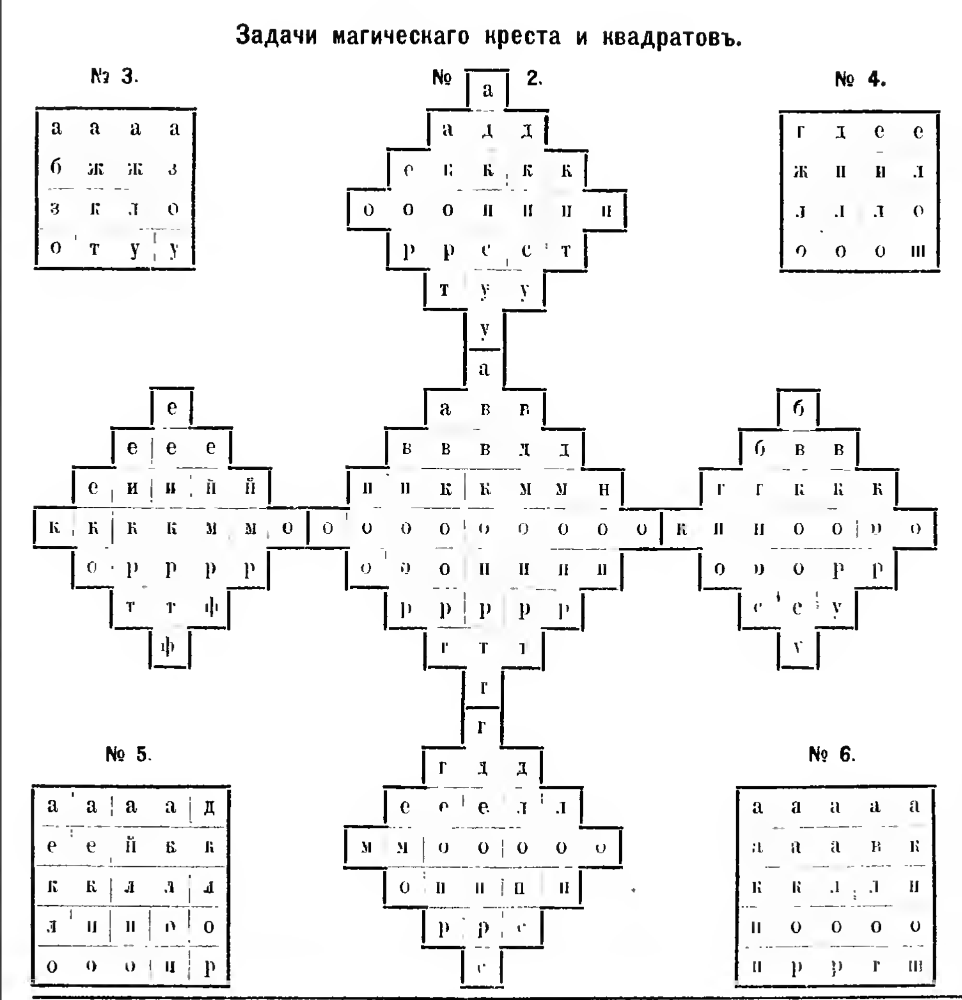
ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
123	45	500	2863	1	500	5004	5	500	7706	46	500	9672	33	500	12300	18	8000	14857	18	500	17388	40	500
264	34	500	2965	49	500	5018	49	500	7718	33	500	9713	5	500	12393	1	500	14860	12	1000	17439	35	500
264	37	500	3002	14	500	5120	29	500	7759	5	5000	9955	20	500	12448	27	500	14867	12	500	17477	31	500
302	27	500	3093	22	500	5221	40	500	7804	23	500	10330	9	40000	12539	1	500	14895	42	500	17574	15	500
316	29	500	3118	20	500	5304	20	5000	7832	21	1000	10640	43	500	12600	47	1000	14933	39	500	17680	21	500
338	17	500	3199	20	200000	5315	21	500	7855	33	500	10757	19	500	12639	2	500	15097	27	500	17803	39	500
343	8	500	3384	9	5000	5502	35	500	7898	29	500	10843	4	500	12703	41	500	15098	24	500	17811	41	500
493	41	10000	3434	1	500	5694	42	500	8011	3	500	10915	16	1000	12728	18	1000	15163	42	500	17862	26	500
571	8	500	3489	19	500	5746	37	500	8048	49	500	10949	26	500	12815	11	500	15222	8	500	17945	8	500
701	45	500	3517	44	1000	5791	21	500	8089	19	500	10963	49	500	12824	9	500	15304	14	500	17983	9	500
704	7	500	3540	32	500	5825	26	500	8283	45	500	10994	18	500	12866	28	500	15368	3	500	17992	14	500
1036	40	500	3558	10	500	5843	46	500	8382	6	500	11094	31	500	12886	2	500	15476	39	1000	18006	30	500
1154	10	500	3637	33	500	5851	50	500	8386	47	1000	11100	26	500	12938	3	500	15477	24	500	18173	45	500
1234	16	500	3725	49	500	5913	14	500	8431	35	500	11106	49	500	12958	27	500	15481	42	500	18215	38	500
1361	22	500	3850	17	500	5928	19	500	8559	28	500	11113	15	5000	13157	8	500	15553	1	1000	18230	27	500
1387	42	500	3956	3	500	5971	32	500	8584	36	500	11156	12	500	13189	22	1000	15583	20	500	18381	8	500
1394	43	506	3970	47	500	6124	34	500	8586	3	500	11222	22	500	13206	17	5000	15733	21	500	18414	25	500
1403	34	500	4058	5	500	6227	40	500	8699	12	500	11268	25	500	13224	26	500	15833	38	500	18432	13	500
1492	32	8000	4073	28	560	6335	9	500	8700	43	500	11277	34	500	13284	29	500	15861	41	1000	18504	32	8000
1740	22	500	4134	47	500	6343	44	500	8845	34	500	11317	46	500	13295	24	500	15985	27	500	18619	37	500
1839	33	500	4148	1	500	6411	24	500	8853	13	75000	11333	2	500	13440	3	500	15994	31	500	18629	26	500
1845	37	500	4193	45	500	6455	47	500	8881	35	500	11470	37	500	13711	33	1000	16141	42	500	18647	45	500
1845	44	25000	4271	29	500	6496	39	500	8988	42	500	11483	29	500	13748	44	500	16176	43	500	18752	50	500
1898	39	500	4379	17	1000	6575	39	500	8990	47	500	11493	40	500	13766	8	500	16234	2	500	18795	20	500
1918	22	500	4522	26	8000	6679	46	500	9015	13	1000	11576	3	500	13887	32	500	16405	10	500	18824	45	500
1940	25	500	4554	42	500	6700	39	500	9066	31	500	11612	18	500	13938	42	500	16418	1	500	18864	27	500
1948	39	500	4560	8	500	6720	38	500	9078	8	500	11616	43	500	14081	17	500	16468	4	500	19026	26	500
1953	28	500	4620	22	500	6771	50	500	9138	20	500	11654	14	1000	14169	22	500	16606	6	500	19076	40	1000
2054	3	500	4671	9	10000	6890	15	500	9333	6	1000	11671	44	500	14205	5	500	16683	39	500	19147	38	500
2079	18	500	4710	24	500	6905	41	500	9355	15	500	11725	21	500	14208	11	500	16709	35	500	19264	19	500
2138	46	500	4740	27	500	7146	1	500	9400	45	500	11734	38	500	14439	21	500	16812	36	500	19336	50	500
2225	9	500	4800	19	500	7225	48	500	9418	22	10000	11755	50	500	14533	45	500	16878	15	500	19388	12	500
2402	8	500	4800	48	500	7272	39	500	9431	2	500	11836	46	8000	14557	41	500	16949	38	500	19554	29	5000
2637	48	500	4814	33	1000	7298	1	500	9492	38	500	11904	4	500	14572	4	500	16991	40	1000	19653	4	500
2712	32	500	4836	49	500	7484	1	500	9524	28	5000	12045	36	500	14639	46	500	17010	22	500	19759	34	500
2756	27	500	4840	20	500	7550	2	500	9532	6	500	12070	48	500	14696	31	5000	17052	19	500	19854	31	500
2812	31	500	4872	43	500	7589	46	1000	9537	12	500	12107	7	500	14729	43	500	17287	31	500	19974	2	500
2831	10	500	4993	17	500	7694	32	500	9610	33	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

216, 714, 903, 945, 1083, 1239, 1570, 1659, 1662, 1808, 1821, 1892, 1933, 1985, 1988, 2190, 2217, 2478, 2499, 3036, 3347, 3505, 3718, 4290, 4617, 4627, 4719, 4996, 5233, 5468, 5938, 6710, 6877, 7277, 7690, 7773, 7964, 8035, 8418, 8564, 8601, 9089, 9317, 9554, 9885, 10292, 10400, 11380, 11617, 11780, 12176, 13092, 13205, 14036, 14383, 14444, 14600, 14773, 15087, 15475, 15586, 16658, 16808, 16881, 16926, 16954, 17324, 17347, 17390, 17483, 17741, 17880, 18317, 18327, 18776, 18836, 18891, 19148, 19346, 19468, 19539, 19568, 19783, 19813.

Задачи магическаго креста и квадратовъ.

Рѣшеніе ребуса № 83

(помѣщен. въ № 49 1886 года).

„У страха глаза велики".

Рѣшеніе задачи монограммъ № 84

(помѣщ. въ № 50 1886 года).

12	9	6	3
5	2	11	8
10	7	4	1

„Не смотри на лицо, а смотри на обычай!" (Нес-мот-рина-ли-цоа-см-от-ри-на-об-ыч-ай).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.** — Дудницкой, Васильевскаго, Мухина; **Москва** — Герхенъ; **Б Коровино** — В. К. Терскаго, **Вязники** — Сафонова, **Жуковка** А. Зиллеръ, **Калязинъ** — Малиновскаго, **Петропавловка** — Котешникова, **Полтава** — Шиманскаго, **Понемуинокъ** — Петрулисъ, **Псковъ** — Н. Королева, **Тула** Черепнягова, **Царское Село** — Бр. Аненковыхъ.

Рѣшеніе ребуса № 85

(помѣщеннаго въ № 50 1886 г.).

„Страшенъ сонъ, да милостивъ Богъ".

Рѣшеніе шашечной задачи № 86

(помѣщ. въ № 50 1886 г.).

Бѣлыя.	Черныя.
1) H 6 — G 7	1) F 8 — H 6
2) F 6 — G 7	2) H 6 — F 8
3) C 5 — B 6	3) A 7 — C 5
4) C 3 — D 4	4) C 5 — E 3
5) A 5 — B 6	5) D8—A5—C3—E1
6) H 8 — G 7	6) F 8 — H 6
7) A 3 — C 5	7) D 6 — B 4
8) B 2 — C 3	8) B 4 — D 2
9) A 1 — F 6	9) E 7 — D 6
10) F 6 — E 5	10) D 6 — C 5
11) E 5 — D 4	11) C 5 — B 4
12) D 4 — C 3	12) B 4 — A 3
13) C 3 — B 2	

Рѣшеніе ребуса № 87

(помѣщеннаго въ № 52 1886 г.).

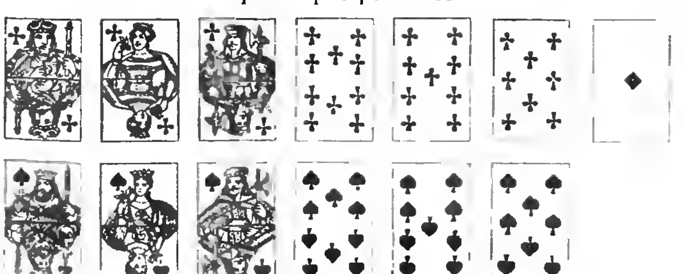
„Споръ до слезъ, а объ закладъ не бейся".

РЕБУСЪ. Задача № 7.

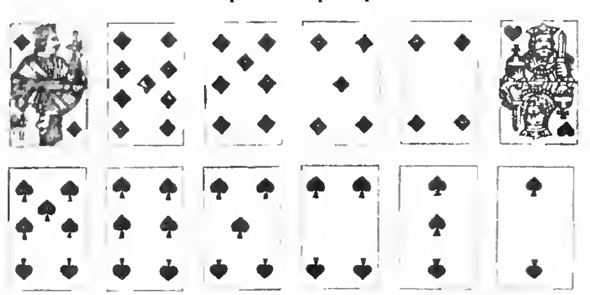

Задача игры въ винтъ № 8.

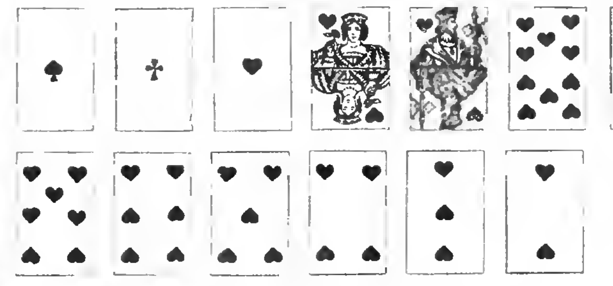
Второй партнеръ имѣетъ:

Третій партнеръ имѣетъ:

Четвертый партнеръ имѣетъ:

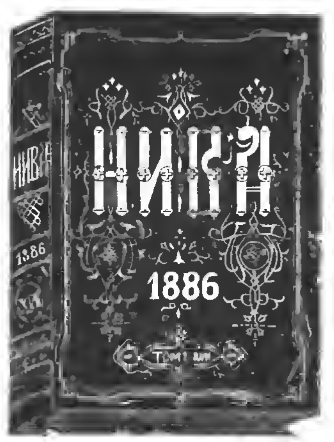

Первый партнеръ имѣетъ остальныя.

I-й — бубны, II-й — двѣ трефы, III-й — двѣ бубны, IV-й — два безъ козыря; I-й — три бубны, II-й — четыре пики, III-й — четыре бубны, IV-й — четыре черви; I-й — пять бубенъ, II-й — пять безъ козырей, III-й — пасъ, IV-й — малый шлемъ на червахъ; послѣ этого I-й и III-й запасовали окончательно.

Какую самую высокую игру могутъ назначить партнеры II-й и IV-й и какъ они должны ее разыграть? **Н. М**

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марксъ.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ" изъ лучшаго англійск. коленк. 1886 г. съ зол. тисн. по вышеозначенному образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „Ниву" въ такую коленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы" прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1885 г. по той же цѣнѣ.

Только подлинно съ этою фабрич. маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2058 36—16

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Стремянная, № 4.

Можно получить въ **Москвѣ**: у Карла Ив. Феррейнъ; Роб. Кёлеръ и К°.; И. Матейсенъ; Эмиль Керсганъ; А. Брунсъ; Л. Борхардтъ; Штокманъ и Леманъ; Оскаръ Геглингъ; Лютеръ и Гиршфельдъ; В. К. Бесбардисъ, Петръ Р. Эманъ въ К°; въ **Новочеркаскѣ**: въ аптек. маг. Ф. Фертига и А. Часовникова; въ **Вильнѣ**: въ аптек. маг. И. В. Сегаль; Ц. Хрощицкаго; И. Гружевскаго и Андржейковича; въ **Воронежѣ**: въ аптек. маг. Л. Мюфке; въ **Астрахани**: въ аптек. маг. А. Керна и въ апт. Насецкаго; въ **Керчѣ**: въ аптек. маг. К. Гана.

Продолжается подписка на 1887 г.

на **ВѢСТНИКЪ**

ТИРАЖЕЙ

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блоккъ. Невскій. 86.

На годъ, безъ доставки . . . . **4** р.
съ дост. въ С.-Петербургѣ. . . **5** р.
съ перес. во всѣ г. Имперіи . . **6** р.

„Вѣстникъ помѣщаетъ **тиражи** всѣхъ безъ исключенія процентныхъ бумагъ, доходы по всѣмъ цѣнностямъ, отчеты всякихъ банковыхъ, промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій и пр. Пробный нумеръ высылается за одну почтовую марку. № 2252 10—6

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" 1886 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1.300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. С. Тургенева**, разсказъ графа **Л. Н. Толстаго**, романы графа **Е. А. Саліаса, Вс. Соловьева** и **Н. К. Лебедева (Морскаго)**, поэму **А. Н. Майкова**, разсказы и повѣсти **Всев. В. Крестовскаго, Я. П. Полонскаго, К. Тхоржевскаго, П. П. Гнѣдича, А. Я. Максимова, П. Петрова, В. П. Желиховской, П. В. Успенскаго, Захеръ-Мазоха, К. Бороздина, Ар. Эвальда, Е. Кирилова** и разн. др., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч. кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго**:

„ГАДАНЬЕ".

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы" „Моды" прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

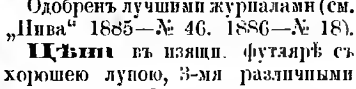
ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ каленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . .	**6** „	Съ пересылкою. .	**7** „ **50** „

При покупкѣ этого тома, желающіе имѣть картину „Гаданье" наклеенною на полотно и вставленною въ РАМУ—могутъ получить таковую за 3 руб. Гг. же иногороднымъ эта рама высылается чрезъ транспорт. контору прочно задѣланною въ ящикъ, за 4 руб. (Стоимость пересылки уплачивается на мѣстѣ при полученіи рамы).

КАРМАННЫЙ МИКРОСКОПЪ ВЕХТЕРА,

увеличивающій въ 2,500 разъ въ квадратѣ.

Одобренъ лучшими журналами (см. „Нива" 1885—№ 46. 1886—№ 18). **Цѣна** въ изящн. футлярѣ съ хорошею лупою, 3-мя различными препаратами, 3-мя предметными стеклышками, для наблюденія какъ жидкихъ, такъ и плотныхъ тѣлъ, и съ наставленіемъ, **3** р. **75** к., съ перес. во всѣ мѣста Россіи **4** руб.

Трихины въ свиномъ мясѣ—препаратъ для карманнаго микроскопа (если припакованъ при посылкѣ) **25** коп.

2 гарпунообразныя иглы для вырыванія изъ внутри куска мяса (ветчины) пробы для микроскопическаго изслѣдованія **1** р. **20** к., съ перес. **1** р. **50** к.

1 коллекція 50 микроскопическихъ препаратовъ изъ животнаго и растительнаго царства, въ изящн. ящикѣ, съ пояснительнымъ текстомъ и 14 предметными стеклышками **7** р. **50** к., съ пересылкою **8** руб. № 2346

Получить можно чрезъ представителя фирмы **Вехтера Ф. Шееръ—Москва, Больш. Никитская, д. Батюшкова.**

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для укрѣпленія корней волосъ. средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону. содержащему 120 граммовъ. 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона. пров. Кинуненъ.

ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО

О. ГОЛЛЕНДЕРЪ

Шведскій зубной элексиръ и Шведскій зубной порошокъ.

Для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта. 52—2 № 2337

Получить можно въ С.-Петербургѣ, Демидовъ пер., д. № 1, и во всѣхъ большихъ аптек. и космет. маг. въ столицахъ и въ провинціи. Цѣна флак. Элексиру 80 к., зубной порошокъ 50 к. За перес. 50 коп.

Докторомъ ВРЕДЕНЪ

новоизобрѣтенный патентованный

СЛУХОВОЙ-АППАРАТЪ

„ОТОФОНЪ"

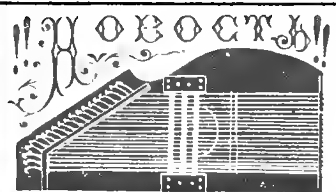
для театровъ и концертовъ. Цѣна **8** руб., съ пересылкою **9** руб

Главный агентъ для Россіи

Константинъ МАЛЬМЪ.

Складъ резиновыхъ товаровъ.

Большая Морская № 36. № 2314 5—

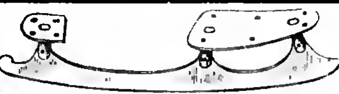
„НАРОДНАЯ ЦИТРА"

на которой въ теченіе одного часа вполнѣ можно выучиться играть. Цѣна отъ 4 до 10 руб. Упаковка и пересылка 1 р. 50 коп. Только что вышелъ изъ печати новый, второй альбомъ пьесъ, цѣна 50 коп.

МАГАЗИНЪ РОЯЛЕЙ И ПІАНИНО

I. Ф. МЮЛЛЕРЪ, (12

Москва, Петровка, д. Волкова. Р. №214

20 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ

КОНЬКОВЪ

отъ 2 руб.—15 руб. за пару.

Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.

Оптовымъ покупателямъ самыя выгодныя цѣны. Р. №2329 (3)

Ж. БЛОКЪ.

СПБ., Б. Морская, 21.
Москва, уг. Б. Луб. и Кузнецкаго моста.

СПЕЦІАЛЬН. ТОРГОВЫЙ ДОМЪ

КОРСЕТЪ И ТУРНЮРЪ.

Пассажъ, 2-я галлерея, № 20 — 22, С.-Петербургъ

Спеціально существуетъ съ 1864 г. Викторъ.

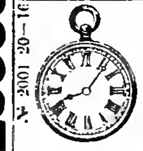
ВИКТОРЪ.

Громадный выборъ корсетъ, турнюръ и проч. Заказы и для иногородныхъ высылаю по мѣркѣ отъ 3 р. и дороже. № 2344

РОМЪ Стъ—ДЖЕМСЪ

привозится прямо съ плантацій С.-Джемсъ (Мартиникъ, Антильск. остр.), въ оригинальныхъ четыреугольныхъ бутылкахъ, въ 1, 3/4, 1/2 и 1/4 литра. Распространенъ по всему міру. Ежегодный вывозъ болѣе 6,000,000 бутыл.

Можно получить у значительныхъ виноторговцевъ. Р. № 2220 12—8

№ 2001 20—16

СПБургъ. Невскій пр. № 52. противъ Публич. Библіотеки

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ,

спеціалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.

Никел. часы и пр.
Прейсъ-куранты по востреб.

ЛИТЕРАТУРЫ
ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XVIII г. № 3 — г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 17 января 1887 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Маленькіе шалуны. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Олтшевскій.

Маленькіе шалуны.

Завидѣвъ свою Жучку, которая сладко и крѣпко спала въ сѣняхъ, особенно смѣшно раскидавшись, маленькій мальчуганъ беретъ соломенку и начинаетъ щекотать ея тонкій носъ. Сестренка шалуна, смѣясь, смотритъ на эту забаву, а Жучка во снѣ нетерпѣливо фыркаетъ и смахиваетъ соломенку лапой, думая, что это какая нибудь назойливая муха не даетъ ей покою и мѣшаетъ ея мирному сну. Но Жучка, проснувшись и увидѣвъ кто ее безпокоитъ, разсердится и поворчитъ на маленькаго шалуна.

Ванзамія.

Святочный разсказъ

Н. Д. Ахшарумова.

(Продолженіе).

Я возвращался одинъ по улицамъ соннаго города и на душѣ у меня, не смотря на здоровую выпивку, было невесело. „Боже мой! думалъ я, какихъ потоковъ крови потребовало бы осуществленіе нашего идеальнаго пожеланія, и какая жатва взойдетъ на увлаженной ею землѣ?..“

Бюстъ, показанный мнѣ пріятелемъ въ исторической галлереѣ, произвелъ на меня леденящее впечатлѣніе встрѣчи съ кѣмъ нибудь, въ комъ мы разсчитывали узнать дорогія черты и ошиблись. Лицо было впрочемъ весьма характерное, съ печатью какой-то нездѣшней расы, и молодое, красивое; но увы! чужое. Это открытіе сильно меня отрезвило и я ушелъ, стараясь увѣрить себя, что вчерашнее впечатлѣніе было плодомъ болѣзненно-раздраженной фантазіи: но, къ величайшему удивленію, я не въ силахъ былъ выгнать изъ головы этого образа. Весь вечеръ послѣ того и даже ночью, въ безсонницѣ, онъ не давалъ мнѣ покоя: память съ мучительнымъ напряженіемъ силилась уловить въ немъ что нибудь, хоть малѣйшую черточку, которая помогла бы ей отыскать потерянное. Реальное впечатлѣніе, какъ всегда, при этомъ утрировалось и передѣлывалось разъ двадцать, пока наконецъ дошло до того, что я не могъ уже отличить его отъ созданій собственнаго воображенія. Это длилось два дня и вывело меня наконецъ совсѣмъ изъ терпѣнія. Не довѣряя больше себѣ, я отправился еще разъ въ галлерею и съ чувствомъ невольной робости, словно меня ожидало какое нибудь таинственное открытіе, остановился передъ знакомымъ бюстомъ. Онъ былъ все тотъ же, т. е. совсѣмъ непохожъ на мои фантазіи, проще, реальнѣе, но черты его, попрежнему, оставались загадкой. Я простоялъ передъ нимъ цѣлый часъ и изучилъ его до малѣйшихъ деталей, не находя попрежнему ничего знакомаго, кромѣ того немногаго, что уцѣлѣло отъ перваго впечатлѣнія. Но едва я ушелъ, считая себя на этотъ разъ окончательно отрезвленнымъ, какъ на меня нашло какое-то странное просвѣтлѣніе: образъ, вынесенный въ душѣ, вдругъ ожилъ и озарился очаровательною усмѣшкой; блѣдныя щеки вспыхнули; длинные съ поволокой глаза обратились ко мнѣ съ сердечнымъ привѣтомъ и безъ дальнѣйшихъ усилій, просто, мгновенно, загадка была рѣшена. Мнѣ стало ясно, что я не узналъ Кандаму единственно потому, что она никогда не смотрѣла на меня такъ равнодушно, какъ смотритъ въ музеѣ—бюстъ. Бѣгомъ я вернулся къ нему и долго не могъ придти въ себя отъ изумленія: „Да вѣдь она же! Она! Какъ могъ я ослѣпнуть до такой степени, чтобы это лицо, когда нибудь, хоть на мигъ, показалось чужимъ?..“ Я былъ одинъ и упалъ на колѣна передъ мраморной Кандамой, въ сердцѣ своемъ прося у нея прощенія...

Долго ли я такъ стоялъ—не помню, но шумъ шаговъ, приближавшихся изъ сосѣдней залы, заставилъ меня наконецъ опомниться и вскочить. Это былъ Эллиге, какъ онъ самъ объяснилъ, искавшій меня по всѣмъ знакомымъ, чтобы пригласить на обѣдъ, гдѣ будутъ пріѣзжіе изъ какого-то отдаленнаго штата.

— Люди, которыхъ мы всѣ давно уже ждемъ... „изъ нашихъ“, сказалъ онъ, понизивъ голосъ;—и вдругъ, мѣняя предметъ:—а ты опять здѣсь? Не можешь разстаться съ своею красавицей?.. Брось! Я покажу тебѣ лучше живую Кандаму... Мы наконецъ нашли ее для спектакля и надо же такой случай,—какъ вылитая!

— Кто же это?

— Пріѣзжая, дочь одного изъ старыхъ моихъ друзей. Отецъ занимаетъ важный постъ въ мѣстномъ правительствѣ... Богатые люди, изъ лучшаго общества... Сію минуту отъ нихъ... Увидишь ихъ у меня за обѣдомъ.

Мы познакомились... Сходство бросалось въ глаза; но отъ драмы къ воспоминанію о живой Кандамѣ, а отъ нея къ изваянію, а отъ изваянія снова къ живому лицу,—путь былъ не легкій, и я, понятно, не могъ разобраться на немъ мгновенно въ своихъ впечатлѣніяхъ. Трудность на этотъ разъ усилена была еще тѣмъ, что живая женщина не статуя, которую можно разглядывать на досугѣ, сравнивая и изучая. Она дичилась, бросая украдкою въ мою сторону любопытные взоры; а меня, когда глаза наши мимоходомъ встрѣчались, бросало въ холодъ и въ жаръ. Ее звали Фей (сокращенное отъ Фанны), а ея отца—Солиме. Это былъ смуглый, какъ мѣдный пятакъ, мужчина, высокаго роста, съ просѣдью въ черныхъ какъ смоль волосахъ и съ строгимъ, сумрачнымъ взоромъ. Онъ былъ не чистокровный Ванзъ, но тѣмъ не менѣе полноправный гражданинъ республики,—случай, какъ мнѣ объяснили потомъ, не рѣдкій въ ихъ отдаленномъ штатѣ, гдѣ политическіе мотивы, во времена предшествовавшія завоеванію, заставляли Ванзовъ смотрѣть сквозь пальцы на этого рода помѣсь. Онъ былъ молчаливъ и сдержанъ; но видимо находился въ старыхъ, пріятельскихъ отношеніяхъ съ Эллиге и его друзьями, о чемъ, между прочимъ, свидѣтельствовало и присутствіе его дочери, единственнаго лица ея пола, въ нашей компаніи.

Послѣ обѣда рѣчь зашла о спектаклѣ, съ которымъ надо было спѣшить, такъ какъ пріѣзжіе были тутъ на короткій срокъ; и нашъ милый хозяинъ представилъ меня еще разъ молодой смуглянкѣ, какъ намѣченнаго уже давно исполнителя главной роли. Предполагалось дать нѣсколько избранныхъ сценъ, не требующихъ большой обстановки, и зрители ограничены были интимнымъ кружкомъ. Но Фей волновалась, краснѣла и почему-то казалась мнѣ въ нерѣшимости.

— Очень боюсь, что мы не успѣемъ, сказала она, сверкнувъ на меня изподлобья глазами.

— Начните завтра же; дѣло вѣдь въ сущности въ двухъ роляхъ и вы можете репетировать ихъ вдвоемъ.

Она затруднялась, ссылаясь, что съ ней будетъ много хлопотъ, потому что она плохая актриса.

— Неправда, сказалъ коротко отецъ.

Къ дикаркѣ однако пристали и послѣ короткаго колебанія она уступила, взглянувъ однако-же на меня еще разъ тревожнымъ и вопросительнымъ взоромъ.

— Откуда они? спросилъ я передъ уходомъ у Эллиге.

— Откуда же быть можетъ родомъ Кандама, какъ не изъ Ларса.

— Ты шутишь?

— Нѣтъ, серьезно, они оттуда. Теперь это штатъ въ союзѣ республики;—гнѣздо и оплотъ сепаратизма.

Я былъ приглашенъ отцомъ ея и явился къ нимъ по-утру. Фей знала роль наизусть;—я тоже. Отецъ дол-

женъ былъ присутствовать; но онъ былъ не ригористъ и, получивъ какія-то письма изъ дому, требовавшія немедленнаго отвѣта, ушелъ къ себѣ, прося меня не стѣсняться его отсутствіемъ.

Первою сценою шло мое ночное вторженіе въ теремъ Кандамы. Испугъ, послѣ того какъ она узнала меня, смѣняется гнѣвомъ.

— „Принцъ!“ начала Фаима дрожащимъ голосомъ:— „вы конечно надѣялись на вашъ санъ, позволивъ себѣ такую дерзость? Но онъ не спасетъ васъ. Мнѣ стоитъ позвать отца и, клянусь вамъ Богомъ, вы не уйдете отсюда живой!“

— „Кандама!“ отвѣчалъ я:—„я здѣсь не за тѣмъ, чтобы васъ оскорблять. Единственная моя вина передъ вами та, что я васъ люблю больше, чѣмъ мнѣ позволяетъ мой санъ,—люблю больше власти и славы! Если вы не хотите простить мнѣ этого, то зовите отца и пусть онъ разсудитъ: заслуживаю ли я умереть... Я къ вамъ вошелъ, какъ воръ; но мнѣ ничего не нужно отъ васъ, кромѣ того, что можетъ быть спрятано, какъ драгоцѣннѣйшее изъ всѣхъ сокровищъ, въ собственномъ вашемъ сердцѣ... Кандама! откройте! откройте мнѣ ваше сердце!..“

Дойдя до этого мѣста, я ждалъ реплики, но ея не было... Фей дрожала какъ листъ.

— Увольте меня, сказала она беззвучнымъ голосомъ. Я не могу продолжать... И на вопросъ отчего:—я должна вамъ признаться, что эта драма—я знаю ее къ несчастію слишкомъ близко—всегда производила на меня тяжелое впечатлѣніе... Вчера я не смѣла этого объяснить, но сегодня мнѣ нечего больше и объяснять. Вы видите: съ нѣсколькихъ словъ я совершенно разстроена.

— Линъ (то же что mademoiselle)—Линъ Солиме! отвѣчалъ я, теряя голову,—признаніе за признаніе. Назадъ тому нѣсколько дней, я не могъ досмотрѣть эту драму и выбѣжалъ изъ театра, какъ сумасшедшій. Ночью, въ публичномъ саду, на скамьѣ, я заливался слезами! Вчера, въ исторической галлереѣ, упавъ на колѣна передъ портретомъ Кандамы, я думалъ, что сердце мое разорвется на части!.. И вотъ, теперь, услышавъ ваше признаніе, я спрашиваю себя: какая тайна скрывается въ нашей, повидимому случайной, встрѣчѣ?.. Судьба привела васъ сюда изъ далекихъ краевъ;—меня—я не помню уже откуда, но если не ошибаюсь, путь мой сюда былъ еще гораздо длиннѣе вашего... Зачѣмъ?—скажите: зачѣмъ? Чтобъ послѣ короткихъ минутъ пожать другъ другу руки и разойтись? Линъ Солиме! Если для васъ это будетъ легко, то я предпочелъ бы, чтобы мнѣ голову сняли съ плечъ!

— Вы говорите страшныя вещи! сказала Фей, смотря на меня испуганными глазами... Кто вы?.. О! ради Бога, скажите правду!

— Не знаю, отвѣчалъ я,—но можетъ быть могъ бы узнать, еслибы мнѣ удалось разъяснить одинъ трудный вопросъ. Линъ Солиме! можете ли вы ручаться, что далѣе дня рожденія для насъ съ вами не было ничего? Что мы никогда не встрѣчались ранѣе... и не знали другъ друга близко? О! Боже мой, какъ близко!

— Нѣтъ, отвѣчала она, зардѣвшись; напротивъ, я вѣрю... Но у нея не хватило духу сказать, во что она вѣритъ. О! я съ ума сойду! прошептала она.

— Ну, а если я васъ назову другимъ вашимъ именемъ,—старымъ?.. Если я вамъ скажу — Кандама! я васъ люблю, какъ любилъ двѣ тысячи лѣтъ назадъ,—люблю такою любовью, которую не остудятъ: холодъ промежду звѣздныхъ пустынь и безбрежное море вѣковъ!

Она рванулась ко мнѣ съ безумной усмѣшкою на лицѣ:—но пошатнулась, схватилась руками за сердце и рухнула на полъ безъ чувствъ.

Отецъ, испуганный шумомъ ея паденія, вбѣжалъ въ комнату.—Что это?.. И мы оба кинулись къ ней, но я не знаю кто былъ больше испуганъ.

— Что это? Что это? твердилъ онъ, тономъ глубокой жалости.—Такая здоровая дѣвушка! Этого никогда съ ней не было!

— Впечатлѣніе этой несчастной драмы, сказалъ я. Вы видите, что она не можетъ играть...

Затѣя спектакля конечно была оставлена и отецъ ея сталъ торопиться отъѣздомъ; но мы съ Фаимой дали другъ другу слово, что это не разлучитъ насъ.

— Прощайте, друзья! сказалъ я Эллиге и собравшемуся у него, пріятельскому кружку. Я уѣзжаю съ Солиме въ Ларсъ.

Это нисколько не удивило ихъ, потому что привязанность моя къ Фей уже была замѣчена, и въ отвѣтъ я осыпанъ былъ поздравленіями.

За средствами не было остановки, такъ какъ мои сбереженія къ этому времени успѣли уже составить довольно солидный итогъ; но Ширмъ, когда я сказалъ ему о своемъ отъѣздѣ, нахмурился.

— Смотрите, сказалъ онъ,—не засидитесь тамъ долго.

— А что?

Онъ пожалъ плечами, съ какою-то грустной усмѣшкой.

— Меня не удивляетъ ваша разсѣянность, сказалъ онъ снисходительно. Вы молоды и кто видѣлъ Фаиму Солиме, тотъ пойметъ, что аттракція этого рода, въ ваши лѣта, всесильна. Но именно потому я и считаю не лишнимъ васъ остеречь. Вы забываете, кажется, что пребываніе наше здѣсь не вѣчно. Срокъ близокъ; имѣйте это въ виду и примите дружескій совѣтъ:—не затѣвайте плановъ, которые могутъ не сбыться за недостаткомъ времени для ихъ осуществленія.

На меня вдругъ пахнуло могильнымъ холодомъ того чувства, которое всѣмъ знакомо,—чувства, когда наканунѣ реализаціи самыхъ пылкихъ надеждъ, какой нибудь моралистъ, съ великопостною миною, напомнитъ намъ вдругъ о непрочности нашихъ земныхъ утѣхъ и о страшной минутѣ вѣчной разлуки со всѣмъ, что намъ мило и дорого. Придетъ, молъ, конецъ всему, можетъ быть ранѣе чѣмъ ты думаешь: и захватитъ тебя врасплохъ... Дѣйствительно, я не могъ отрицать, что-то такое было, тамъ, въ прошломъ, что придавало его словамъ какъ будто бы и серьезный смыслъ; но это—что-то мерцало въ такой безпредѣльной дали и очертанія его расплывались въ такомъ холодномъ туманѣ, что мысль искалѣчить ради другого міра пламенныя надежды на счастье въ этой жизни, отзывалась почти хлыстовщиной... Что же дѣлать, если уже человѣкъ такъ созданъ, что онъ не можетъ въ себѣ совмѣстить двухъ жизней. Реальная, окружающая меня, къ этому времени овладѣла всѣмъ моимъ существомъ: а та, другая, блѣднѣла и исчезала, какъ звѣзды въ лучахъ восходящаго солнца; и скоро отъ нея остался призракъ—не призракъ, а такъ что-то въ родѣ рамки, которая содержала въ себѣ когда-то подпись съ изображеніемъ; но и то, и другое потускло такъ, что нельзя уже ничего разобрать. Понятно, я иногда оглядывался туда, на эту рамку: и чувство, которое она возбуждала во мнѣ, было не изъ пріятныхъ. Оно похоже было на страхъ неоплатнаго должника, которому кредиторъ напоминаетъ о днѣ разсчета.

„Конечно, онъ неизбѣженъ, думалъ я,—этотъ день; но что пользы думать о немъ ежеминутно, если я разъ убѣжденъ, что я не могу ни ускорить его, ни отдалить? Не лучше ли жить, покуда живется, и умереть, когда Богу угодно, не терзая себя преждевременною мыслью о концѣ...“ Я говорю:—„умереть“, потому что разлука съ Фаимой, въ какой бы формѣ она ни пришла, была для меня равносильна смерти.

— Я не желаю портить вамъ лучшихъ минутъ пребыванія вашего на Ванзаміи, продолжалъ добродушно Ширмъ,—но я васъ прошу убѣдительно: не забывайте

Наканунѣ Варѳоломѣевской ночи. Съ карт. профессора К. Гуна, грав. Флюгель.

Исповѣдь. Карт. итальянск. художн. Андреотти, грав. Манкастропа.

того, что я вамъ сказалъ, потому что иначе развязка можетъ быть очень плачевна.

Навѣянное его словами, тяжелое чувство длилось однако не долго, и дня черезъ три, когда я къ нему зашелъ проститься, объ этомъ уже и помину не было.

Передъ отъѣздомъ Эллиге мнѣ сказалъ:

— Надѣюсь, скоро увидимся. Но серьезный смыслъ этихъ словъ сталъ мнѣ ясенъ только впослѣдствіи.

VI.

Лучшее счастье, конечно, то, о которомъ нечего говорить, потому что оно и безъ словъ понятно... Старикъ, конечно, догадывался отчего у Фей глаза такъ блестятъ и о чемъ она шепчется иногда по цѣлымъ часамъ со своимъ спутникомъ, но, какъ умный и опытный человѣкъ, не хотѣлъ отнимать у нашего счастья той пикантной приправы, которую придаетъ въ подобныхъ вещахъ секретъ, хотя бы и самый прозрачный. Украдкою данный и тѣмъ же путемъ возвращенный назадъ поцѣлуй,—оглядка назадъ: не смотритъ ли кто, и затѣмъ, мгновенно, рука обвитая вокругъ пояса, головка, прижавшаяся къ плечу;—и все это только задатки чего-то будущаго, но близкаго, о чемъ и подумать страшно, такая повидимому бездонная пропасть счастія тамъ, еще впереди!.. Могъ ли я помнить въ такія минуты, какъ требовалъ Ширмъ, что это не вѣчно?..

На нашемъ пути мы посѣтили столицу и осмотрѣли ее вдвоемъ. Какъ измѣнилось все и какъ много однако же уцѣлѣло изъ стараго!.. Келья, гдѣ содержалась болѣе года Кандама, и подземный ходъ, черезъ который король проникъ въ цитадель... Послѣдній расчищенъ и вентилированъ, и туристы изъ отдаленныхъ краевъ посѣщаютъ его каждый день, спускаясь изъ зданія старой тюрьмы, внизъ, на глубину 400 футовъ, и выходя, съ другого конца, въ погребъ загороднаго монастыря... Въ тюремной кельѣ мы выслали подъ какимъ-то предлогомъ стараго гида и плакали, вспоминая свиданіе, за которымъ послѣдовала такъ скоро разлука.. Она указала мнѣ мѣсто, гдѣ находилась ея постель.—Все точно вчера случилось, Іонике! говорила Фей,—и я точно вижу еще тебя, какъ ты вошелъ!.. Какъ коротко было счастье и какъ дорого я за него заплатила!..

Въ простыхъ и короткихъ словахъ, она разсказала мнѣ тутъ (предметъ о которомъ бѣдняжка до сихъ поръ упорно молчала)—что съ нею сталось, когда до нея долетѣла ужасная вѣсть, и свое отчаяніе, когда она увидала меня на носилкахъ, уже безъ признаковъ жизни. Но когда я спросилъ у нея, въ смущеніи, что съ нею было потомъ и какъ провела она долгіе годы разлуки, Фанма, съ горькой усмѣшкой, потупила взоръ.

— Забыла меня?.. и я шепнулъ ей на ухо еще нѣсколько словъ.

— Іонике! какъ ты золъ!.. отвѣчала она, украдкою отирая слезы! Вѣдь ты же знаешь что нѣтъ! Знаешь что тысячи лѣтъ разлуки не помѣшали мнѣ съ первой встрѣчи тебя узнать! Смотри на меня: я покорна судьбѣ и не мучу тебя ребяческими сомнѣніями. Я вѣрю что никакая другая... что никакія случайныя встрѣчи не въ состояніи были, даже и на минуту, отнять тебя у твоей Кандамы, что даже обманутый призракомъ мимолетной фантазіи, въ тайнѣ души, ты оставался всетаки неизмѣнно и неотъемлемо мой!..

— Я посмотрѣлъ ей въ глаза. Въ нихъ теплилась, какъ свѣча передъ образомъ, чистая женская вѣра и правда. Тогда я понялъ какъ я былъ глупъ и, упавъ передъ ней на колѣна, въ нѣжныхъ словахъ просилъ у нея прощенія...

Видѣлъ и памятникъ съ краснорѣчивою надписью: „Послѣднему королю и первому гражданину...“ Фей поставила меня возлѣ и отошла, любуясь, какъ увѣряла, сходствомъ. Мнѣ трудно было судить;—гидъ тоже смотрѣлъ на меня и на бронзовую статую въ недоумѣніи, словно дивясь, что можетъ быть между нами общаго?

Но все,—и хорошее, и дурное,—имѣетъ конецъ. Путешествіе пролетѣло какъ милый сонъ. Не доѣзжая до дому, мы открылись отцу и получили его благословеніе. Черезъ недѣлю по возвращеніи были обвѣнчаны (второй разъ!). Насталъ медовый мѣсяцъ;—и онъ пролетѣлъ какъ сонъ. Пошла тихая, ровная, обыденная жизнь, о которой нечего больше сказать, кромѣ того, что мы были счастливы.

Въ характерѣ Фей были, правда, неровности: нѣчто въ родѣ шиповъ у свѣжей, едва распустившейся розы; но независимо отъ пикантности, которую они сообщали нашимъ прикосновеніямъ, о нихъ не стоитъ упоминать; ибо вниманіе мое, къ этому времени, было поглощено надвигающимися великими политическими событіями.

Провинція Ларсъ, какъ я уже говорилъ, завоевана была позже другихъ и сохраняла вслѣдствіе этого коечто изъ старой своей особенности. Леи въ ней не успѣли еще погрузиться въ сонный покой невозмутимаго благоденствія, и обезличивающая, по отношенію къ нимъ, политика государственнаго режима встрѣчала въ народѣ нѣмой и пассивный, но тѣмъ не менѣе стойкій отпоръ. Съ другой стороны и Ванзы тутъ до извѣстной степени не похожи были на большинство своихъ соплеменниковъ. Всѣ элементы сепаратизма, какіе бродили въ республикѣ, чувствуя тутъ подъ ногами твердую почву, стекались какъ-то сами собою въ Ларсъ и столкновенія провинціальной власти съ союзнымъ правительствомъ вслѣдствіе этого были такъ многочисленны, что нашъ штатъ, можно сказать, не выходилъ изъ состоянія скрытой войны съ республикой. Понятно, что это сближало въ немъ Ванзовъ съ Леями узами общаго интереса, чему способствовали еще и другія узы, происходившія отъ слиянія, въ монархическій періодъ, знатныхъ семействъ изъ расы завоевателей съ вождями могущественной въ ту пору туземной аристократіи. Къ числу отдаленныхъ потомковъ этой послѣдней принадлежалъ, какъ было объяснено,—Солиме, и уже то, что такой человѣкъ былъ однимъ изъ вождей сепаратистской партіи штата, служило весьма знаменательнымъ фактомъ. Были однако же и другіе. Мой тесть, какъ я убѣдился еще до отъѣзда, имѣлъ обширныя связи въ кругу такихъ рьяныхъ поборниковъ коренного государственнаго переворота подъ монархическимъ знаменемъ, какъ Эллиге и его друзья, и массы подобныхъ имъ энтузіастовъ стекались отовсюду въ Ларсъ. Большая часть записывалась въ милицію штата, что, по совѣту Солиме, сдѣлалъ и я... Событія къ этому времени пошли быстро, но я не берусь разсказывать ихъ во всемъ объемѣ, а ограничусь лишь тѣми, въ которыхъ я принималъ непосредственное участіе.

У меня были нѣкоторыя понятія о военномъ дѣлѣ, пріобрѣтенныя не на парадахъ, и то, что я видѣлъ по этой части, во время моей поѣздки, въ столицѣ и въ провинціальныхъ сферахъ, внушило мнѣ невысокое мнѣніе о наличныхъ вооруженныхъ силахъ республики. Я говорилъ объ этомъ чистосердечно съ Солиме и мнѣ безъ труда удалось убѣдить его, что союзная армія, какъ бы она ни была хороша двѣ тысячи лѣтъ назадъ, теперь, за долгимъ отсутствіемъ боевого опыта, не годится въ дѣло, а можетъ служить только пугаломъ. Это передано было начальнику штаба, лицу на которое мы могли безусловно разсчитывать; мнѣ дали на пробу часть, и я, въ короткое время, привелъ ее въ такой видъ, что она была признана образцомъ военной выправки. Надежды сепаратистовъ выросли, и на тайномъ собраніи ихъ заправилъ предприпятъ былъ смѣлый шагъ. Рѣшили поставить на ноги сильную армію и дѣло ея организаціи поручено было мнѣ.

Штатъ взволновался, ибо, понятно, новыхъ вооруженій въ такомъ размѣрѣ нельзя было скрыть. Въ столицѣ забили тревогу и не было болѣе никакого сомнѣнія, что разрывъ на носу. Развязка затягивалась съ обѣихъ сторонъ, только чтобы поспѣть съ приготовленіями. Они еще не успѣли придти къ концу, какъ изъ столицы былъ полученъ давно ожидаемый ультиматумъ, и, слѣдомъ за нимъ, многочисленныя извѣстія, что союзная армія начала кампанію. Численностью она немного превосходила то, что мы имѣли возможность двинуть немедленно ей навстрѣчу, но у обоихъ противниковъ были резервы. Сильный корпусъ формировался у насъ въ тылу, а они ожидали своихъ контингентовъ изъ отдаленныхъ провинцій. Вопросъ казался весь въ томъ, кто раньше другихъ успѣетъ собрать свои силы; но у меня были другія соображенія, о которыхъ послѣ. Я получилъ дивизію, а инструкцію новобранцевъ сдалъ въ надежныя руки.

Исторія первой серьезной битвы послѣ двухъ тысячъ лѣтъ поучительна. Ванзы были всегда, отъ природы, воинственный, бравый народъ, какъ есть настоящіе пѣтухи; но съ обѣихъ сторонъ, ни въ рядахъ, ни въ персоналѣ командующихъ, не было ни единаго человѣка, знакомаго съ практикой боевого дѣла, и послѣдствія этого недостатка грозили быть очень плачевными. Дѣло происходило въ сосѣднемъ штатѣ, куда мы поспѣли раньше. Встрѣтились на волнистой, поросшей мелкимъ кустарникомъ, мѣстности, съ маленькой рѣчонкой, извивающейся на днѣ ложбины. Естественно, что отдѣльныя части, имѣя передъ собою врага на противоположномъ склонѣ, должны были иногда терять изъ виду своихъ, за неровностью почвы; но путаницы, которая вслѣдствіе этого произошла, никакое перо не въ силахъ изобразить. Едва открылся огонь, и дымъ отъ выстрѣловъ сталъ застилать по-очереди то ту, то другую изъ движущихся колоннъ, какъ нѣкоторыя изъ нихъ остановились въ недоумѣніи, не зная куда дѣвалась часть, стоявшая только что передъ тѣмъ впереди, и кого имѣютъ передъ собою: друга, или непріятеля? И это недоумѣніе видимо затрудняло прежде всего вождей. Посланные отъ нихъ ординарцы скакали по всѣмъ направленіямъ, передавая ежеминутно новыя приказанія: но послѣднія дѣлались очевидно безъ всякаго соображенія; гдѣ и въ какихъ обстоятельствахъ они застанутъ сбитую уже ими съ толку часть. По счастью, у непріятеля происходило то-же, если еще не хуже, и такимъ образомъ шансы были уравновѣшены. Моя дивизія занимала пологую высоту на оконечности нашего лѣваго фланга, и съ гребня я видѣлъ, какъ часть непріятельской арміи, прямо насупротивъ, которой слѣдовало, въ порядкѣ вещей, аттаковать насъ съ фронта, взяла почему-то мимо,—должно быть приказано было поддержать центръ, гдѣ къ этому времени начался уже кавардакъ,—но поспѣла на мѣсто въ такую минуту, когда этотъ центръ подался уже назадъ, и продолжала переть, не обращая на насъ никакого вниманія. Не видя вслѣдствіе этого передъ собой никого, я двинулъ свою дивизію въ интервалъ между отступающимъ центромъ и наступающимъ правымъ крыломъ непріятеля, но едва не попалъ черезъ это въ бѣду. такъ какъ свои же три баттареи, въ центрѣ у насъ. очевидно не отличая насъ издали отъ враговъ, жарили все время въ насъ такъ. что въ ушахъ звенѣло. Напрасно я посылалъ туда ординарца за ординарцемъ; прежде чѣмъ хоть одинъ успѣлъ доскакать, мы могли бы быть уничтожены, еслибы хоть десятый снарядъ попадалъ. Но, Божіею милостью, эта гроза пронеслась мимо. Въ какихъ нибудь десять минутъ мы опрокинули правый флангъ, и увлеченная имъ вся остальная линія непріятеля повернула тылъ... Кавалерія гнала, преслѣдуя, какъ барановъ, перемѣшавшіяся толпы. Двѣ баттареи, знамена, обозъ—остались въ нашихъ рукахъ. Въ одну недѣлю весь штатъ былъ очищенъ отъ непріятеля... Торжество, поздравленія!.. Отъ президента пришло письмо съ извѣстіемъ, что военный совѣтъ, по его предложенію, назначилъ меня главнокомандующимъ. Ждали, что я перейду немедленно въ наступленіе, и были очень разочарованы, убѣдясь изъ моихъ объясненій, что объ этомъ и думать нечего, такъ какъ армія на три четверти состоитъ изъ новобранцевъ. которые, не исключая и офицеровъ, незнакомы съ азбукою военнаго дѣла. Число вольноопредѣляющихся изъ цивилистовъ, дѣйствительно, послѣ побѣды, росло съ изумительной быстротой, и я не зналъ, что мнѣ дѣлать съ этимъ сырымъ матеріаломъ, который грозилъ затопить едва сложившіеся боевые кадры милиціи. Клубисты вносили въ лагерь партійный раздоръ, вмѣстѣ съ опасною для солдата привычкою политическихъ сходокъ и манифестацій. Мнѣ стоило величайшихъ трудовъ заставить этотъ народъ молчать и повиноваться, вмѣсто того, чтобы за стаканомъ вина рѣшать государственные вопросы... Явился и Эллиге, съ которымъ, при первомъ же посѣщеніи, я счелъ за лучшее объясниться на чистоту.

— Пойми, что мнѣ некогда заниматься здѣсь политическими дебатами, сказалъ я:—и сдѣлай дружбу, освободи меня отъ всѣхъ этихъ говоруновъ, которые не даютъ мнѣ покоя. Если бы я могъ не допускать ихъ на выстрѣлъ въ лагерь, я бы давно это сдѣлалъ, потому что они, какъ политики, мнѣ не нужны. Но ваша партія мнѣ нужна, какъ опора противъ сепаратистовъ. Слушай.—я объясню тебѣ мое положеніе и мои надежды. Сепаратисты—это все тѣ же Ванзы, и думать чтобы они когда нибудь согласились коснуться основъ своего государственнаго устройства, могутъ только совсѣмъ не имѣвшіе съ ними дѣла. Но я ихъ знаю.—вся ихъ задача: завоевать себѣ полную законодательную и административную автономію, такъ чтобы обратить союзное государство въ союзъ независимыхъ государствъ; но дѣйствительной силы реализировать эту задачу—нѣтъ, потому что ихъ слишкомъ мало. Двѣ тысячи лѣтъ назадъ у короля было болѣе средствъ, да и тѣхъ наконецъ не хватило, чтобы вести продолжительную войну противъ всей соединенной Ванзаміи. Сколько бы мы ни одерживали побѣдъ, онѣ только ускорятъ послѣднюю, неминуемую развязку. Но поставь тотъ же вопросъ, какъ я намѣренъ его поставить, иначе. Въ Ларсѣ почти 75 милліоновъ туземнаго населенія и все это рослый, здоровый народъ. Здѣсь, въ штатѣ, который мы занимаемъ послѣ побѣды,—100. Вооруживъ изъ нихъ хоть одинъ процентъ, мы могли бы имѣть въ рукахъ такую силу, которая далеко превышаетъ все что союзъ когда нибудь былъ въ состояніи выставить, потому что мы здѣсь сосредоточены, а они разсѣяны по лицу Ванзаміи, и одинъ уже трудъ сосредоточиться будетъ имъ стоить громадныхъ жертвъ. Что же касается до того, чтобы послѣдовать поданному примѣру, т. е. тоже вооружить своихъ Левъ, то ты ихъ знаешь: прежде чѣмъ крайность вынудитъ ихъ на такую мѣру, они пойдутъ на всякую сдѣлку. Мой планъ, стало быть,—не трогаться съ мѣста, по крайней мѣрѣ покуда мы не успѣемъ вооружить такую армію, которая превзойдетъ ихъ вчетверо. Но тогда намъ и незачѣмъ будетъ далеко идти, такъ какъ они пять разъ до этого сами придутъ сюда съ мирными предложеніями. Но ты понимаешь: прежде чѣмъ мнѣ позволятъ вооружить хоть сотню туземцевъ, я долженъ, такъ или иначе, сѣсть имъ на шею—сепаратистамъ то есть,—и вотъ почему вы мнѣ нужны. Только я признаюсь тебѣ, Эллиге, я иногда теряю надежду сдѣлать когда нибудь изъ молодыхъ энтузіастовъ и болтуновъ, собравшихся здѣсь,—хорошихъ солдатъ. Убѣди ихъ пожалуйста, что они должны забыть на время, покуда они тутъ служатъ, политику, и должны

научиться прежде всего молчать и исполнять приказанія, а потомъ ходить въ ногу, держать при аттакѣ и наступленіи строй, учиться прицѣльной стрѣльбѣ, фехтованію, гимнастикѣ и т. д.

— Ну, а твой тесть? спросилъ онъ.

— На тестя нельзя разсчитывать, отвѣчалъ я,—потому что онъ всею душою на ихъ сторонѣ, и если дѣло дойдетъ до столкновенія, вынужденъ будетъ, по меньшей мѣрѣ, стоять въ сторонѣ...

Прошло много времени, прежде чѣмъ мнѣ удалось осуществить хоть въ слабой степени этотъ планъ; но при новой встрѣчѣ съ врагомъ я имѣлъ уже подъ командой три сильныхъ корпуса:—одинъ изъ Леевъ, другой, въ составъ котораго вошла милиція изъ двухъ штатовъ, но въ которомъ преобладали сепаратисты,—и третій—сплошь изъ сторонниковъ Эллиге, т. е. изъ роялистовъ. Къ несчастію, въ лагерѣ уже шелъ разладъ. Сепаратисты, подкупленные желаніемъ положить предѣлъ опасному въ ихъ глазахъ усиленію принципіально враждебныхъ имъ элементовъ, допустили весьма неохотно временное, какъ они надѣялись, вооруженіе Леевъ. Но энтузіазмъ, съ которымъ, въ средѣ послѣднихъ, встрѣчена была эта мѣра, дѣлавшая изъ стада счастливыхъ рабовъ,—людей и гражданъ, открылъ имъ глаза. Мнѣ было предложено распустить новый корпусъ.—но уже поздно. Я отказался, ссылаясь на слабость арміи и на трудность, въ виду долголѣтней войны, пополнять ряды ея исключительно изъ привилегированнаго племени, и не взирая на озлобленіе, которое возбудилъ этотъ первый, самостоятельный шагъ главнокомандующаго, меня не посмѣли смѣнить, опасаясь возстанія въ арміи и въ народѣ. Нужно было сперва подорвать мою популярность и съ этою цѣлью пущенъ былъ слухъ, что я добиваюсь диктаторской власти. Это была ихъ вторая ошибка, и они сами скоро увидѣли, что они играютъ мнѣ въ руку. Вмѣсто того, чтобы повредить мнѣ, слухъ этотъ принятъ былъ въ партіи Эллиге и въ народѣ съ такимъ восторгомъ, который скоро зажалъ имъ ротъ.

VII.

Въ такомъ положеніи находились дѣла, когда, получая, одно за другимъ, извѣстія, что непріятель близокъ и ждетъ только сильныхъ резервовъ, чтобы возобновить борьбу, я рѣшился его предупредить. Армія перешла границу, быстро аттаковала неприготовленнаго врага и, послѣ упорнаго боя, въ которомъ Леи вели себя превосходно, вновь одержала блистательную побѣду. Это ускорило ходъ событій. Восторгъ былъ такой, что на смотру, послѣ побѣды, два корпуса, въ одинъ голосъ, провозгласили меня королемъ. Въ третьемъ происходило какое-то колебаніе, свидѣтельствовавшее, что эта часть арміи захвачена совершенно врасплохъ, но кончилось тѣмъ, что корпусъ (конечно это былъ корпусъ сепаратистовъ), хотя и не дружно, примкнулъ къ остальнымъ. Ясно было, что коноводы ихъ партіи струсили, хотя ничего умнѣе этого они не могли бы сдѣлать, если бы я и далъ имъ опомниться, ибо намѣреніе мое было немедленно принято. Если бы они не послѣдовали примѣру товарищей, я окружилъ бы ихъ превосходными силами и такъ или иначе вынудилъ положить оружіе.

Пронунціаменто арміи принято было съ восторгомъ въ народѣ, за исключеніемъ, разумѣется, привилегированной расы,—и вѣсти о немъ, съ непостижимою быстротой, распространились по всей территоріи отложившихся штатовъ. Вездѣ зажигались костры, слышны были дружные возгласы радости, поздравленія; ликующая толпа запружала улицы. Но я не терялъ ни минуты времени. Въ тотъ же день подписаны и обнародованы три королевскихъ декрета. Первымъ отмѣнены всѣ учрежденія, ограничивающія какимъ бы то ни было образомъ свободу Леевъ, и ихъ права безусловно уравнены съ правами доселѣ привилегированной расы. Вторымъ—распущены представительныя собранія въ занятыхъ нами штатахъ и единымъ источникомъ всякаго рода власти провозглашенъ король. Третьимъ—я приглашалъ народъ одобрить предшествовавшія распоряженія и выборъ арміи, путемъ поголовнаго голосованія, время и способъ котораго я предоставлялъ себѣ опредѣлить по усмотрѣнію.

Въ вихрѣ событій, за тысячами заботъ, среди приказовъ по арміи, депутацій, выходовъ, совѣщаній, я не забылъ однако-же и своей подруги, съ которою не видался уже два мѣсяца. Депеша отправлена была къ ней въ тотъ же вечеръ. Зная кое-какія слабости этой особы, я выражалъ въ ней надежду, что Фей, во всякомъ случаѣ, не будетъ очень огорчена извѣстіемъ, что она теперь королева, и разсказалъ ей подробно, какъ это такъ случилось. За симъ: „если тебя не очень это отяготитъ, дружочекъ, писалъ я,—то сдѣлай милость, не полѣнись, пріѣзжай сюда тотчасъ же, ибо ты понимаешь, какъ я горжусь своей королевой и какъ мнѣ не терпится показать ее арміи и народу...“ Но она была умная женщина и за эту депешу, при первомъ свиданіи, надрала мнѣ уши.

Никогда она не была такъ прелестна, какъ въ день ея перваго выхода по прибытіи. Въ бѣломъ атласномъ платьѣ, убранномъ кружевами; и въ небольшой, осыпанной дорогими камнями коронѣ (милая Фей! она не забыла ее заказать и привезти съ собой, въ саквояжѣ),—гордая, радостная, сіяющая молодостью, здоровьемъ и красотой, она встрѣчена была оглушительными привѣтствіями,—дома увѣшаны были флагами и коврами, путь усыпанъ цвѣтами,—народъ, офицерство, армія не могли довольно налюбоваться своей королевой. Вечеромъ, небольшой уѣздный городъ, гдѣ квартировалъ нашъ главный штабъ, сіялъ безчисленными огнями иллюминаціи и при дворѣ назначенъ былъ, въ честь пріѣзда, парадный балъ...

Но еще до пріѣзда Фаимы, утромъ, я получилъ письмо, которое нѣсколько меня озадачило.

Оно было отъ Ширма:

„Бросьте немедленно все, какъ бы оно ни казалось вамъ важно, и пріѣзжайте въ Оризе *). Вы найдете меня безъ труда въ единственной городской гостинницѣ... Срокъ истекаетъ сегодня ночью, въ 3 и 16 минутъ, по меридіану Пулковской обсерваторіи, а по здѣшнему въ 6, и нѣтъ никакой возможности его пропустить. Такъ или иначе, вы должны покинуть сегодня Ванзамію; но... я желалъ бы спасти васъ отъ непріятности, которая васъ ожидаетъ въ случаѣ, если вы это забудете.

Ширмъ“.

Это произвело на меня непріятное впечатлѣніе „Мартовскихъ идъ“. Но все что практически связано было съ обстановкой прибытія моего въ Ванзамію, равно какъ и все предъидущее, до такой степени улетучилось у меня изъ памяти, что на мѣстѣ, гдѣ это должно было быть, образовался какой-то бланкъ,—нѣчто напоминающее два зеркала, поставленныя другъ противъ друга, и взоръ созерцающій въ нихъ безконечную перспективу рамокъ безъ всякаго содержанія, короче,—нѣчто такое, о чемъ и думать нельзя, потому что оно само—ничто.

„Чего отъ меня добивается этотъ шутъ? ворчалъ я, смявъ и засовывая въ карманъ письмо.—Ужъ не шантажъ ли затѣялъ съ цѣлью выманить у меня что нибудь за молчаніе?.. Какое нибудь мѣстечко по интендантской части?.. Ну, да чортъ съ нимъ! пусть ждетъ...“ И минуту спустя это вылетѣло уже изъ головы.

*) Маленькій городокъ, недалеко отъ мѣста расположенія нашего авангарда, на границѣ штата.

(Оконч. въ слѣд. №).

Акуцена. Съ карт. Н. Зихеля, грав. Бонгъ.

Скиталецъ.

(Изъ сибирскихъ воспоминаній).

Разсказъ **А. Я. Максимова.**

(Окончаніе).

Взявъ затѣмъ руку моего отца, она продолжала:

— Ты меня любилъ и любишь, какъ родную дочь. Ради этой любви, я умоляю тебя, прости Алексѣю его заблужденія и возврати ему прежнюю привязанность...

Отецъ молча протянулъ мнѣ другую, свободную руку. Я схватилъ ее и упалъ на колѣни. Тогда онъ поцѣловалъ меня въ голову. Я почувствовалъ горячую слезу, скатившуюся съ его рѣсницъ мнѣ на щеку.

Ольга нагнулась ко мнѣ.

— Знаю все, шепотомъ проговорила она, обвивъ руками мою шею, и все прощаю... Я страдала много... теперь мнѣ легче... Будь счастливъ и хоть изрѣдка вспоминай свою Ольгу, которая любила и любитъ тебя больше жизни...

Вынувъ камелію изъ букета, она прибавила:

— Этотъ цвѣтокъ пусть напоминаетъ обо мнѣ.... Припрячь его, какъ послѣднюю память объ умирающей...

Едва она кончила, глаза ея широко раскрылись и голова склонилась на подушку... Послышался глубокій вздохъ, и Ольги не стало!..

Еслибы я хотѣлъ описать страданія, въ какія погрузила меня смерть жены, я принужденъ былъ бы вырвать изъ глубины ада одну изъ самыхъ страшныхъ тайнъ проклятыхъ. Отецъ мой, помня, вѣроятно, послѣднія слова умирающей, не только не упрекалъ меня за прошедшее, но даже старался пріохотить къ жизни, дѣлу, вдохнуть въ мою измученную душу вѣру въ будущность. Все было напрасно. Я чувствовалъ себя недостойнымъ этого состраданія; совѣсть возстала противъ меня во всеоружіи...

Поглощенный моимъ горемъ, я не обращалъ вниманія на перемѣну, происшедшую въ моемъ отцѣ послѣ смерти Ольги, которую онъ любилъ всѣмъ сердцемъ. Какъ во мнѣ онъ видѣлъ дополненіе своей жизни, такъ въ ней—продолженіе этой жизни. Потерявъ Ольгу, онъ потерялъ все, потерялъ надежду на будущее... Отецъ мой, удрученный горемъ тяжкой утраты, угасалъ тихо, незамѣтно, и я, погруженный въ свою печаль, не предвидѣлъ новаго, грозящаго мнѣ, несчастья. Я не замѣтилъ, какъ отецъ, прежде такой дѣятельный и энергичный, сдѣлался вдругъ равнодушнымъ и вялымъ. Голосъ его ослабъ. Голова склонилась на грудь. Полное, румяное лицо его похудѣло и осунулось, а быстрый взглядъ потерялъ свою живость... Вдругъ старикъ слегъ, чтобы больше уже не вставать. Эта смерть, нечаянная, почти скоропостижная, была дополненіемъ моихъ страданій, описать которыя не нахожу словъ...

VIII.

Вскорѣ послѣ похоронъ отца, я уѣхалъ изъ Иркутска; я бѣжалъ изъ него, въ надеждѣ разсѣяться путешествіемъ по бѣлому свѣту... Я посѣтилъ всѣ страны Европы, изъѣздилъ болѣе или менѣе извѣстные уголки Азіи и Африки, но всюду, по моимъ слѣдамъ, бѣжали за мной печаль и угрызеніе совѣсти... Если иногда и мелькалъ въ моей памяти образъ той, которая первая дала мнѣ узнать всю прелесть любви, то это воспоминаніе я старался удалить, какъ оскорбительное для святой памяти умершихъ. Мнѣ казалось, что свѣжія могилы легли между мною и Сашей непроходимой преградой. Между тѣмъ, я продолжалъ ее любить, не смотря на протестъ моей совѣсти. Мысль объ этомъ очаровательномъ существѣ очень часто поглощала воспоминанія о женѣ и отцѣ... Я чувствовалъ наступленіе момента борьбы печальнаго прошлаго съ приманчивымъ будущимъ. Я старался найти себѣ оправданіе въ постепенномъ забвеніи прошлаго, и наконецъ нашелъ. Я разсуждалъ: „имѣю ли я право, человѣкъ молодой, полный силы и здоровья, жить постоянно, какъ дряхлый старецъ, одними воспоминаніями объ умершихъ? Могу ли я жертвовать любящимъ меня существомъ для прошлаго, которое кануло въ вѣчность безвозвратно?.. Наконецъ, сама Ольга, добрая, ангельская душа, сказала, умирая: „будь счастливъ“... Зачѣмъ же я бѣгу отъ возможнаго счастья, когда оно мнѣ разрѣшено...“

Логика эта рѣшила исходъ борьбы въ пользу приманчиваго будущаго. Что два дня тому назадъ я считалъ преступленіемъ, то теперь казалось не только справедливымъ, но даже обязательнымъ. Я рѣшилъ, что каждая потерянная минута ляжетъ на моей совѣсти новымъ темнымъ пятномъ. Необходимо немедля мчаться на родной сѣверъ и отереть слезы съ прелестнаго лица любимой дѣвушки и горячими ласками заставить ее забыть горечь невольной разлуки... Черезъ часъ послѣ подобныхъ разсужденій, я уже сидѣлъ въ вагонѣ желѣзной дороги и мчался въ родной Петербургъ. Сила пара, которая меня уносила, казалась мнѣ слабой, остановки на станціяхъ—слишкомъ продолжительными... Я желалъ пролетѣть отдѣлявшее меня отъ Петербурга разстояніе съ быстротою электрическаго тока. Наконецъ, послѣ трехъ томительныхъ сутокъ, я въ столицѣ. Выскочивъ изъ вагона, я, какъ шальной, выбѣжалъ со станціи, сѣлъ въ первый попавшійся экипажъ и крикнулъ извощику:

— На Большую Морскую... Скачи!.. Рубль на водку...

Сани понеслись стрѣлой. Черезъ нѣсколько минутъ, онѣ остановились передъ изящнымъ подъѣздомъ знакомаго мнѣ дома. Первое лицо, кого я встрѣтилъ, вбѣжавъ въ переднюю, была Прасковья.

— Гдѣ она, гдѣ?.. Говори, ради Бога, прошепталъ я взволнованнымъ голосомъ.

— Сидятъ въ оранжереѣ, проговорила Прасковья, повидимому удивленная моимъ неожиданнымъ пріѣздомъ и въ особенности, вѣроятно, моимъ безумнымъ видомъ.

Черезъ минуту я уже стоялъ на порогѣ оранжереи, этого очаровательнаго уголка, въ которомъ три года тому назадъ, я провелъ столько блаженныхъ, счастливыхъ часовъ... Саша сидѣла подъ магноліей и, не замѣчая меня, составляла роскошный букетъ. О, какъ она была хороша! Я смотрѣлъ на нее, какъ очарованный. Въ три года она очень перемѣнилась и при томъ къ лучшему: изъ прелестной дѣвушки стала роскошнѣйшей, восхитительной женщиной... Я подбѣжалъ къ ней, готовый принять ее въ свои страстныя объятія. При неожиданномъ моемъ появленіи, она вскрикнула отъ испуга. Узнавъ меня, оправилась, привстала со скамейки и протянула мнѣ руку... Я ожидалъ другой встрѣчи. Я думалъ, что она съ восторгомъ бросится въ мои объятія.

— Какъ это хорошо съ твоей стороны, что ты не забываешь своихъ старыхъ знакомыхъ, проговорила она звучнымъ голосомъ, окидывая меня спокойнымъ взглядомъ.

Удивленный, пораженный этой холодной благосклонностью, я молчалъ.

— Я часто вспоминала о тебѣ, продолжала Саша тѣмъ же ровнымъ голосомъ. Мы не разъ говорили о тебѣ съ отцомъ. Онъ вѣдь любилъ тебя искренно. Онъ вспоминалъ о тебѣ даже за нѣсколько дней до смерти.

— Развѣ онъ умеръ? воскликнулъ я, пораженный неожиданнымъ извѣстіемъ о смерти симпатичнаго Варламова.

— Какъ! Ты развѣ не зналъ объ этомъ несчастіи,

посѣтившемъ меня полтора года назадъ?.. Я много горевала, но время сглаживаетъ все... Во всякомъ случаѣ, не сомнѣваюсь, что ты сохранилъ ко мнѣ расположеніе...

— Я! Ахъ, Саша, можешь ли ты спрашивать объ этомъ!? воскликнулъ я дрожащимъ отъ волненія голосомъ, крѣпко прижимая ея руку къ губамъ.

Она разсмѣялась:

— Какъ я вижу, ты нисколько не перемѣнился, мой добрый Алексѣй: такой же восторженный и порывистый...

— Я никогда не перемѣнюсь, прошепталъ я, продолжая цѣловать ея руки.

— Это дурно. Лѣта должны давать солидность и разсудительность. Что касается до меня, то я уже давно бросила экзальтацію. Теперь я сознаю, что это къ лучшему...

— Ты развѣ счастлива? съ трепетомъ спросилъ я.

— Да, въ полномъ значеніи этого слова. Если-бы не смерть отца, который меня такъ сильно любилъ, еслибы не твое отсутствіе, а ты знаешь, я всегда считала тебя лучшимъ другомъ, то дни мои текли-бы ясно и радостно.

Я рѣшительно ничего не понималъ и стоялъ передъ Сашей оцѣпенѣлый, стараясь собраться съ мыслями.

Она не замѣчала моей тревоги и, занятая своими чувствами, продолжала съ радостной, счастливой улыбкой:

— Ты его не знаешь, дорогой Алексѣй, ты не знаешь, какъ онъ добръ, какъ онъ горячо любитъ меня!

— Кто „онъ“!?. прошепталъ я полусознательно. Сердце мое застучало судорожно и больно.

— Странный вопросъ, удивленно проговорила Саша. „Онъ“—мой мужъ. Ты развѣ не получилъ письма, извѣщавшаго о моемъ бракѣ?.. Въ настоящее время онъ на биржѣ... Онъ очень усердно занимается дѣлами, но, предупреждаю тебя, ничего не предпринимаетъ, не посовѣтовавшись со мной. Поэтому, я хорошо знаю о движеніи капиталовъ, процентовъ, умѣю играть на повышеніи и пониженіи разныхъ бумагъ, словомъ, я стала изъ вѣтреной дѣвушки практической женщиной.

Долго говорила она о своей новой жизни, не замѣчая моей блѣдности и моего волненія. Какой-то туманъ застилалъ мои глаза. Мнѣ казалось, что все вокругъ меня кружится и мечется. Я едва стоялъ на ногахъ, придерживаясь за спинку скамейки.

— Но извини, продолжала Саша, я занялась собой, своимъ счастьемъ, говорю тебѣ безъ конца о моихъ дѣлахъ, забывъ, что ты, вѣроятно, измученъ продолжительной дорогой и навѣрное голоденъ. У меня теперь ужасный апетитъ, не такой, какъ прежде... Осипъ! крикнула она. Подавай завтракать, только живо!.. Я тебѣ представлю моего ребенка... Истинное сокровище!..

Быстро проговоривъ эти слова, она убѣжала въ залъ. Я обтеръ платкомъ холодный потъ, выступившій на моемъ лицѣ. Скоро Саша показалась на порогѣ, держа за руку крошечную дочку.

— Нравится?.. Что ты молчишь!?. обратилась она ко мнѣ. Ну, похвали, обними ее, поцѣлуй... Боже мой, какъ время мѣняетъ людей!.. Ты сталъ какой-то странный: только что былъ отъ меня въ восхищеніи, а теперь стоишь молчаливый, грустный, какъ будто-бы равнодушенъ къ моему счастью.

И не ожидая моего отвѣта, она прибавила:

— Сейчасъ пріѣдетъ Николай—онъ тебя расшевелитъ... Мой мужъ умѣетъ быть веселымъ, когда я захочу.

Боже мой, она травила меня, словно дикаго звѣря. Мнѣ казалось невозможнымъ, чтобы она забыла все прошлое.

— Слушай, помнишь-ли ты то время, когда мы сидѣли вдвоемъ здѣсь, на этой скамейкѣ? проговорилъ я черезъ силу, чувствуя, какъ грудь моя сдавливалась подъ тяжестью скопившихся въ ней мукъ.

— Какъ не помнить, отвѣтила Саша спокойно. Тогда завязалась наша дружба...

— Дружба! воскликнулъ я, почувствовавъ, какъ злая улыбка исказила мои губы. А это помнишь!?

И я вынулъ изъ бокового кармана остатки высохшей камеліи. Приложивъ къ глазамъ лорнетъ, она начала съ любопытствомъ всматриваться въ залогъ обоюдной привязанности, будто въ какой-то загадочный для нея предметъ.

— Что это такое? спросила она.

— Камелія, которую ты мнѣ дала и которую я съ благоговѣніемъ сохраняю, какъ дорогую память.

— Какое ребячество! воскликнула Саша, разсмѣявшись... Надо быть поэтомъ и фантазеромъ, чтобы носить столько лѣтъ эту горсточку сухихъ листьевъ.

Я схватилъ ея руку и невольно крѣпко сжалъ ее. Мнѣ казалось, что я начинаю сходить съ ума, что меня давитъ ужасный кошмаръ... Саша крикнула отъ боли:

— Будь осторожнѣй въ проявленіяхъ своей дружбы. Вѣрю, что меня любишь, но зачѣмъ такъ крѣпко жать мою руку: вѣдь больно...

Возвращаясь къ былымъ воспоминаніямъ, она прибавила серьезнымъ тономъ:

— Воспоминанія, которыя такъ крѣпко лежатъ на твоемъ сердцѣ, что ты даже забываешь мое положеніе замужней женщины, были вспышками молодости, маленькими грѣшками, которыхъ много на совѣсти почти у каждаго человѣка.... Совѣтую тебѣ, какъ искренній другъ, не вспоминать о нихъ при моемъ мужѣ, потому что Николай, хотя и добръ и преданъ моимъ друзьямъ, но прежде всего онъ купецъ и не любитъ поэзій...

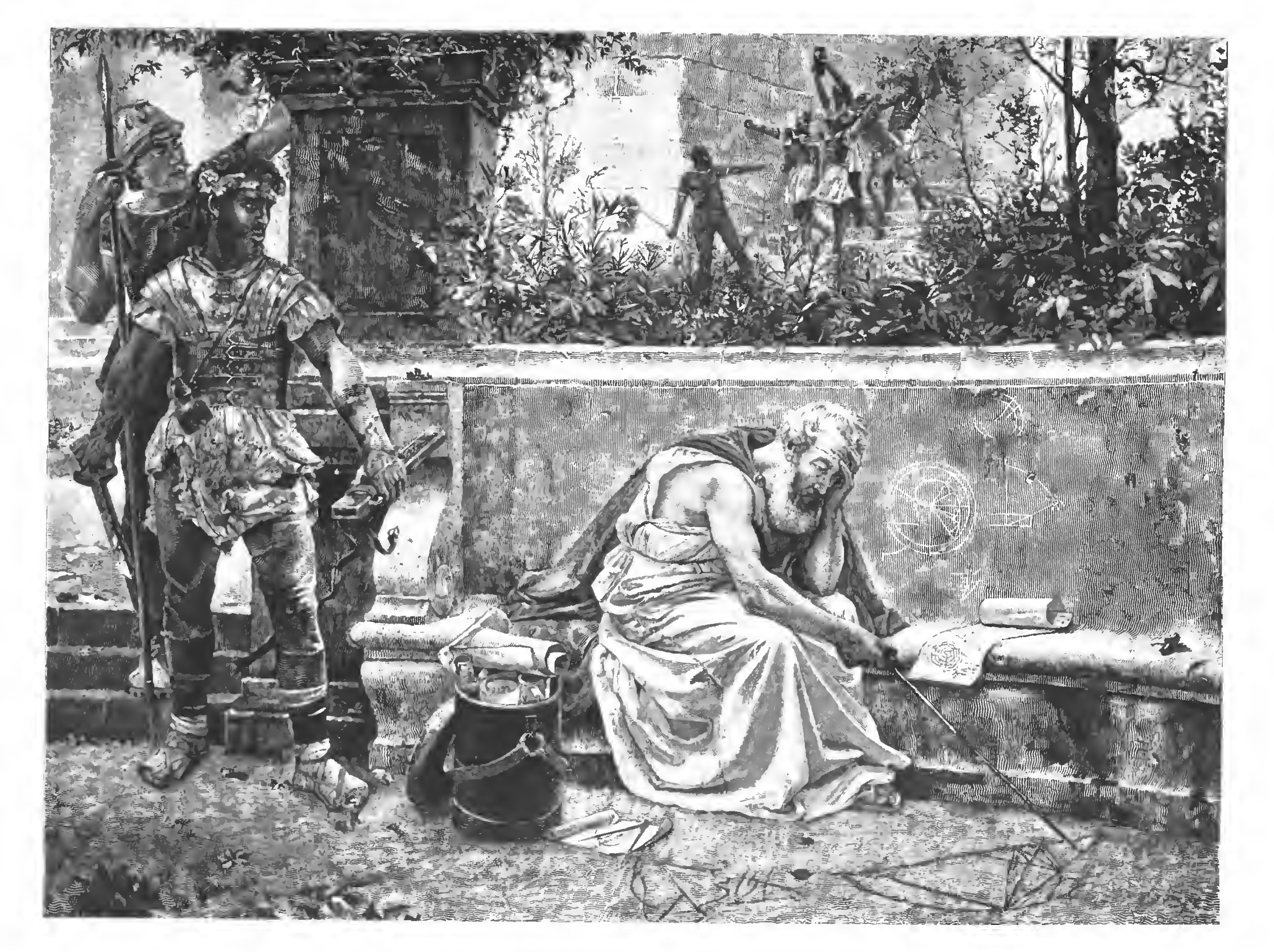
Каждое слово Саши било въ мое сердце, словно тяжелый молотъ. Она безжалостно разбивала мой кумиръ, топтала въ грязь дорогія воспоминанія, мою первую любовь... О, какъ я страдалъ!.. Бываютъ минуты, когда человѣкъ, пораженный ужаснымъ душевнымъ ударомъ, не въ состояніи мыслить, издать хоть какой нибудь звукъ, высказать испытываемую сердечную боль. Такая минута наступила для меня. Лишенный воли, силы, я чувствовалъ только одно, что долженъ немедленно оставить домъ, въ которомъ зародилась и согрѣлась моя первая любовь, въ которомъ я сталъ невольнымъ преступникомъ... Съ автоматическимъ спокойствіемъ, я направился къ дверямъ. Саша, занятая приготовленіями къ завтраку, не замѣтила этого.

Ровнымъ, мѣрнымъ шагомъ я вошелъ въ переднюю.

— Ахъ, какой вы блѣдный! крикнула Прасковья, несшая блюдо.

Молча я шелъ дальше... Любимая собака Саши „Нептунъ“, подбѣжала, ласкаясь, ко мнѣ—я сильно толкнулъ ее ногой... Бѣдное животное жалобно завыло... Я проклиналъ тотъ моментъ, въ который пришла мнѣ мысль пріѣхать къ этой женщинѣ. Если-бы я остался съ моими страданіями, я все-таки жилъ бы дорогими воспоминаніями моей первой взаимной любви... Теперь-же эти воспоминанія были разбиты, теперь только я узналъ, что взаимности не было, а была шалость, жестокая и безпощадная... Вдали отъ нея, если-бы даже я узналъ объ ея замужествѣ, я былъ-бы несчастливъ, но не испыталъ-бы только что испытанныхъ безграничныхъ душевныхъ мукъ... Да, быть около любимой женщины и слышать отъ нея гнусное глумленіе надъ былыми, божественно восхитительными моментами моей первой любви—страшная, адская мука, понять которую можетъ только испытавшій что-либо подобное. Ея равнодушіе было для меня несравненно больнѣй ненависти. Прошлаго для нея словно не существовало... А я!?. Я за нее такъ много выстрадалъ!.. Она-же была виновницей страданій моей Ольги...

Что было со мной послѣ, ты знаешь. Я воротился на родину, въ Иркутскъ; но тамъ все такъ живо напоми-

Смерть Архимеда. Рис. Куртуа, грав. Аде.

Общій видъ Сибирскаго университета, въ Томскѣ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій.

нало мнѣ жену и отца, что я вскорѣ оставилъ Иркутскъ съ тѣмъ, чтобы никогда въ него не возвращаться... Я бросился искать среди безлюдныхъ степей, непроходимыхъ лѣсовъ и въ сѣверныхъ тундрахъ если не забвенія, то хотя облегченія моихъ душевныхъ страданій. Но нигдѣ я не могъ найти его. Я странствовалъ по бѣлому свѣту подобно Вѣчному Жиду и подобно ему не могъ найти покоя и прощенія... Отъ прошлаго остались только эти два завядшихъ цвѣтка: одинъ говоритъ мнѣ о моей недостойной любви, другой—о возможномъ счастьѣ, растоптанномъ собственными ногами...

Говоря это, Старцевъ показалъ мнѣ двѣ завядшихъ камеліи и нѣсколько пожелтѣвшихъ листиковъ... Съ горькимъ чувствомъ взглянулъ я на несчастнаго скитальца. По его исхудалымъ щекамъ медленно текли двѣ слезы. Опустивъ голову на грудь, онъ, казалось, находился подъ гнетомъ тяжелыхъ воспоминаній и упрековъ совѣсти...

* * *

Черезъ нѣсколько недѣль скитальца не стало: онъ скончался почти на моихъ рукахъ отъ злѣйшей чахотки, умоляя положить въ гробъ лепестки завядшихъ камелій...

Исповѣдь *).

Разсказъ К. Шрейберъ.

Старый маркизъ Ст. Рошъ пережилъ время королевства во Франціи, причемъ его имѣнія остались цѣлы. Крестьяне щадили его не потому собственно, что онъ всегда былъ добрымъ господиномъ, но, видя его большое несчастіе, не хотѣли еще увеличивать его. Маркиза, которую онъ боготворилъ, умерла; маркизъ отвезъ ко двору въ Парижъ красавицу-дочь, которая не вернулась болѣе; она скоропостижно скончалась и была погребена въ Парижѣ. Единственный сынъ маркиза, образецъ рыцарства, женился на молодой дѣвушкѣ, на которую старикъ перенесъ всю свою привязанность.

Молодые люди жили часть года въ Парижѣ и крестьяне помнили еще радость въ старомъ господскомъ домѣ по случаю пріѣзда невѣстки съ прелестнымъ ребенкомъ.

Маркиза Бланшъ не покидала съ тѣхъ поръ Ст. Рошъ. Она посвятила себя ребенку и бѣднымъ. Счастливая сама, она хотѣла осчастливить всѣхъ.

Адріеннѣ было четыре года, когда маркиза родила мальчика; но спустя нѣсколько дней мать и наслѣдникъ покоились вѣчнымъ сномъ. Они были похоронены въ часовнѣ замка. Тутъ зачастую подолгу простаивалъ въ отчаяніи молодой маркизъ, а спустя годъ его принесли бездыханнымъ домой. Съ нимъ случилось несчастіе на охотѣ и онъ былъ похороненъ рядомъ съ женою.

Подъ гнетомъ тяжелыхъ ударовъ старый маркизъ много выстрадалъ; онъ разучился смѣяться, но все же страстно любилъ Адріенну, которая платила дѣдушкѣ не меньшею любовью.

Маркизъ училъ ребенка, читалъ съ нимъ первыя сказки, разсказывалъ затѣмъ расцвѣтавшей дѣвушкѣ исторію Франціи, передавалъ пѣсни трубадуровъ, Сида и Федру. Съ раскраснѣвшимися щечками, Адріенна слушала разсказы дѣда о подвигахъ дворянъ его времени, съ затаеннымъ дыханіемъ внимала воинственнымъ пѣснямъ, которыя распѣвали молодые люди, шедшіе подъ Наполеоновскія знамена, до нея доносились слухи о побѣдахъ, и аристократка въ душѣ, она тѣмъ не менѣе восторгалась первымъ консуломъ, прославившимъ Францію.

За этимъ человѣкомъ послѣдовалъ также Поль, сынъ покойной графини де-ля-Валь, владѣлецъ Ля-Шесне, лучшаго замка въ окрестности. Поль, восемнадцатилѣтній юноша, уѣзжая, шепнулъ десятилѣтней дѣвочкѣ: „Не забывай меня, Адріенна, я вернусь!“

И вотъ онъ вернулся, тому два года. Адріеннѣ было шестнадцать лѣтъ, но онъ сказалъ, что долженъ ѣхать къ своему полководцу, и что скоро будетъ обратно, чтобы увезти съ собою свою Адріенну. Обѣщаніе это онъ скрѣпилъ поцѣлуемъ въ свѣтловолосую головку Адріенны.

— Цвѣти, рости, не забывай меня, я напишу передъ пріѣздомъ, моя дорогая, милая дѣвочка!

Произошла битва подъ Маренго. Разсказывали, что Поль произведенъ въ маіоры за чудеса храбрости.

Маркизъ Ст. Рошъ былъ утонченнымъ кавалеромъ старыхъ временъ. Онъ никогда не дозволялъ себѣ небрежности въ костюмѣ и въ уединенномъ замкѣ всегда былъ одѣтъ точно для пріема гостей. Это былъ высокій мужчина, съ умными, энергическими чертами лица, непоколебимый въ своихъ убѣжденіяхъ, гордившійся своимъ дворянствомъ.

Прогуливаясь въ паркѣ, маркизъ замѣтилъ крестьянскаго мальчика, несшаго изящное письмецо.

— Куда ты идешь?

— Къ барышнѣ. Письмо это для мадемуазель Адріенны.

Кто бы могъ писать ей? Маркизъ разсердился въ душѣ, но, соблюдая вѣжливость къ окружающимъ, сказалъ:

— Барышня вотъ въ той залѣ, куда ты попадешь чрезъ террасу.

Мальчикъ побѣжалъ по указанію.

Маркизъ размышлялъ, что бы могло означать письмо.

Наверху, въ роскошно-убранной залѣ сидѣла Адріенна. Она мечтала и поджидала дѣда. На прекрасномъ столѣ лежали книги, которыя она хотѣла почитать сегодня. Но вотъ раздаются шаги. Однако это не шаги дѣда.

— Мадемуазель Адріенна. Вотъ письмо отъ молодого графа де-ля-Валь; онъ уже въ ля-Шесне.

Мальчикъ ушелъ, а Адріенна дрожащими пальчиками все еще держала письмо. Сердце ея стучало, она не въ состояніи была вскрыть конверта. Но вотъ и дѣдушка. Она занесла руку за спину, чтобы скрыть письмо.

Дѣдъ казался такимъ серьезнымъ. Онъ сѣлъ у стола, не снимая шляпы и не оставляя палки. Что съ нимъ?

Адріенна подбѣжала къ нему. Письмо жгло ей руки. Дѣдъ долженъ все знать, у нея не можетъ быть отъ него тайнъ.

— Дѣдушка, начала она несмѣло, я получила письмо. Тебѣ я должна все сказать, но не безпокойся, выслушай меня, а затѣмъ мы прочтемъ письмо вмѣстѣ.

Исторія ея молодой любви была проста и трогательна.

Дѣдъ выслушалъ и поцѣловалъ ее такъ сердечно, какъ никогда не цѣловалъ. Но онъ сильно задумался и оставался въ такомъ положеніи долго, послѣ того какъ Адріенна выбѣжала въ паркъ, чтобы еще разъ прочесть письмо: „Я буду у моей Адріенны. Твой Поль“. Оно такъ коротко, но такъ много сказано.

— Господинъ маркизъ, прошу у васъ руки вашей внучки Ст. Рошъ, сказалъ вскорѣ явившійся Поль.

— Поль де-ля-Валь, я долженъ вамъ отказать въ рукѣ Адріенны.

— Быть не можетъ, маркизъ. Что вы имѣете противъ меня?

— Противъ васъ, де-ля-Валь? Ничего! Вы богаты, древняго прекраснаго рода, вы служите Франціи, хотя это платье Франціи—старикъ окинулъ взглядомъ блестящій мундиръ маіора—теперь совершенно другое.

— Въ чемъ же препятствіе, господинъ маркизъ?

— Поль, Адріенна не моя внучка, она вовсе не Ст. Рошъ.

— Дѣйствительно такъ, маркизъ? Въ такомъ случаѣ жаль для Ст. Рошъ, для васъ, для Адріенны и меня, если въ будущемъ вы не станете насъ любить и не дозволите называть дѣдушкой. Впрочемъ, я дворянинъ по рожденію, солдатъ по призванію и служу Франціи изъ любви къ отечеству. Я люблю Адріенну, а не ея имя, и ей не нужно быть ничѣмъ болѣе какъ *моею* женою, женою Поля де-ля-Валь. Я хотѣлъ бы въ вашемъ присутствіи, маркизъ, получить согласіе Адріенны. Поищемъ мою дѣвочку!

— Подождите, Поль, не торопитесь. Я не знаю кто Адріенна, и не могу поэтому отдать вамъ ее. Когда умирала моя невѣстка Бланшъ де-Ст.-Рошъ, ея послѣднія слова были: „Отецъ, люби Адріенну,—она не мое дитя, не дитя Рене—спроси Цезини.“ Смерть прервала ея рѣчь. Рене ничего не хотѣлъ мнѣ говорить. „Бланшъ—ангелъ, люби Адріенну“, вотъ все что я отъ него узналъ.

— Цезини? Знали вы Цезини? спросилъ маіоръ.

— Я зналъ его нѣкогда; онъ былъ музыкантомъ и давалъ Рене уроки на скрипкѣ. Послѣ того какъ я прожилъ въ Парижѣ съ дѣтьми годъ, Цезини ушелъ отъ насъ. Съ тѣхъ поръ я ничего объ немъ не слышалъ, сколько объ немъ ни освѣдомлялся.

— Но я, господинъ маркизъ, закрылъ ему глаза. Цезини палъ подъ Маренго въ первыхъ рядахъ офицеровъ республики. „Товарищъ, простоналъ онъ, у меня ничего нѣтъ—вотъ сумка. Елена, Бланшъ!..“ и умеръ.

— Елена, онъ произнесъ Елена? Гдѣ сумка? вскричалъ маркизъ.

— У меня въ замкѣ. Я ее не вскрывалъ; на войнѣ забываешь любопытство. Но, господинъ маркизъ, пойдемте къ Адріеннѣ.

— Мой другъ, я ѣду въ ля-Шесне, не противорѣчьте, я долженъ все разъяснить! Почему Цезини назвалъ Елену?

Маркизъ находился въ лихорадочномъ возбужденіи.

— Поскорѣе подавайте экипажъ! распорядился онъ. Пойдемте, Поль!

Возбужденіе маркиза сообщилось и Полю. Лошади мчались, везя представителей стараго и новаго времени въ замокъ де-ля-Валь.

— Сумку, Поль, сумку поскорѣе, просилъ маркизъ по прибытіи.

— Вотъ она. Поль открылъ письменный столъ и вынулъ потертую сумку. Въ ней находилось метрическое свидѣтельство Цезини, сына скрипача изъ Корсики, и свидѣтельство о бракосочетаніи Цезини съ Еленой, маркизой де Ст. Рошъ.

*) Рисунокъ на стр. 65.

— Дальше, дальше! воскликнулъ маркизъ. Больше ничего нѣтъ?

— Вотъ письмо. „Я любилъ Елену, она—меня. Мы боялись гнѣва маркиза, гнѣва Рене; насъ обвѣнчалъ священникъ съ моей родины. Я могъ безпрепятственно входить къ Еленѣ и Рене, которыхъ училъ играть на скрипкѣ. Елена становилась все слабѣе. Въ одну ночь она захворала. Къ ней могла быть допущена только Бланшъ, жена Рене, подруга моей молодой жены. Я привезъ доктора, также корсиканца, которому я вполнѣ довѣрялъ. Родилась Адріенна. Елена умерла въ эту же ночь... Что за ночь! Со страха Бланшъ родила также преждевременно мертвое дитя. Это была героиня. Она шепнула мнѣ и Рене только нѣсколько словъ. Я похоронилъ ребенка и съ отчаянія поступилъ въ солдаты, ища смерти. Съ тѣхъ поръ я не видѣлъ никого изъ Ст. Рошъ, не имѣлъ покойнаго часа. Адріенна, дитя мое, дитя моей Елены, я никогда не обниму тебя".

Поль замолчалъ, сильно взволнованный.

— Дальше, дальше! говорилъ маркизъ.—Читайте, я хочу все знать.

„Новый геній правитъ Франціей. Маленькій корсиканецъ совершаетъ чудеса. Помоги мнѣ Боже! У меня является цѣль. Я хочу пріобрѣсть имя и славу, и французскимъ полковникомъ въ первый разъ прижму Адріенну къ своему сердцу".

— Бѣдный Цезини палъ капитаномъ подъ Маренго, проговорилъ Поль.

Маркизъ сидѣлъ точно окаменѣлый. И это могла сдѣлать его Елена, тайно обвѣнчаться съ музыкантомъ, слугою! Онъ такъ именно смотрѣлъ на Цезини. Маркизъ закрылъ лицо руками.

— Теперь вы все знаете, маркизъ, и мы можемъ ѣхать къ Адріеннѣ,—что подумаетъ она о нашемъ долгомъ отсутствіи?

— Вы все же хотите жениться на дочери Цезини? воскликнулъ Ст. Рошъ.

— Господинъ маркизъ, у меня одно честное слово и одна любовь. И то и другая принадлежатъ Адріеннѣ. Впрочемъ Цезини палъ въ битвѣ офицеромъ; онъ равенъ вамъ, Ст. Рошъ, по званію и выше меня, такъ какъ у меня остается еще моя жизнь для Франціи, сказалъ Поль съ одушевленіемъ.

— Дочь Цезини не можетъ быть моей внучкой.

— Но можетъ быть моей женою. И такъ ѣдемъ въ Ст. Рошъ! Адріенну я сегодня же увезу въ свой замокъ: своей невѣсты я не навязываю никому.

Маркизъ и Поль молча сѣли въ экипажъ и молча доѣхали до Ст. Рошъ. Когда экипажъ въѣзжалъ въ широкую аллею парка, они увидѣли на террасѣ Адріенну, съ нетерпѣніемъ поджидавшую ихъ.

— Поль, началъ маркизъ тяжело дыша, не говорите Адріеннѣ о Цезини и Еленѣ,—я тоже буду молчать.

— Маркизъ Ст. Рошъ, отвѣтилъ Поль, могила Елены въ Парижѣ жаждетъ слезъ дочери, а въ долинѣ Маренго ждетъ тѣнь Цезини. Я не могу лишить товарища привѣтствія своей жены.

— Поль, сдѣлайте мою внучку счастливой!—вотъ она идетъ.

— Адріенна, дорогая! и Поль обнялъ ее.

— Дѣдушка, благословите насъ!

Къ рисункамъ.

Канунъ Варѳоломеевской ночи. (Рис. на стр. 64).

Любители живописи всѣ помнятъ, конечно, превосходную небольшую картину талантливаго нашего художника К. Гуна, бывшую на академическихъ выставкахъ въ Петербургѣ, копію которой мы здѣсь помѣщаемъ. Она изображаетъ пожилого знатнаго воина въ комнатѣ своего замка, прикрѣпляющаго на шлемъ бѣлый крестъ, который долженъ служить отличительнымъ признакомъ католиковъ въ избіеніи гугенотовъ въ Парижѣ, въ ночь 24-го августа 1572 года. Страшная эта ночь, извѣстная въ исторіи подъ именемъ „Варѳоломеевской", относится къ исторіи отчаянной борьбы католиковъ и реформатовъ. Въ 1570 году, казалось, можно было ожидать примиренія сторонниковъ этой вѣковой религіозной распри. Въ это же время произошелъ поворотъ и въ внѣшней политикѣ Франціи. Начались переговоры о заключеніи брака между Елизаветою Англійскою и герцогомъ Алансонскимъ, братомъ короля Франціи Карла IX, сына Генриха II. Нидерланды получили подкрѣпленіе въ военныхъ дѣйствіяхъ противъ Альбы и лѣтомъ 1572 г. стали готовиться даже къ открытой войнѣ съ Испаніей. Кромѣ того состоялось примиреніе партій на свадьбѣ Генриха Беарнскаго, молодого вождя реформатовъ, съ Маргаритою, сестрою короля Карла. Для участія въ этомъ торжествѣ, въ Парижъ прибыли знатнѣйшіе гугеноты, адмиралъ Колиньи, зять его Телиньи, Ла-Рошфуко съ сыномъ и другіе, до 2,000 человѣкъ. Встрѣченные и принятые любезно вдовствующею королевою Екатериною Медичи и сыномъ ея, королемъ Карломъ IX, въ страшную ночь 24-го августа всѣ они погибли. Первымъ поводомъ къ вспыхнувшей враждѣ было покушеніе 22-го августа на жизнь адмирала Колиньи, сдѣланное по наущенію Екатерины Медичи и Гизовъ; Колиньи былъ только раненъ. Послѣ совѣщанія 23-го августа, въ которомъ принималъ участіе и король, рѣшено было воспользоваться случаемъ ихъ собранія въ Парижѣ и совершить избіеніе всѣхъ гугенотовъ (реформатовъ); католическому населенію Парижа до вечера раздавали оружіе. Въ 3 часа ночи, при колокольномъ звонѣ со всѣхъ церквей Парижа, католики бросились на мирно спавшихъ гугенотовъ, не подозрѣвавшихъ предательства. Жертвами разъяренной толпы пали прежде всего Колиньи и вся его свита, затѣмъ остальные. О спасеніи нельзя было и помышлять, всѣ ворота города были заперты. Народъ, граждане, ученые и знать соперничали въ неистовствахъ и убійствахъ; самъ король изъ окна стрѣлялъ по убѣгавшимъ гугенотамъ. Въ Парижѣ погибло тогда въ одну ночь болѣе 2,000 человѣкъ. Преслѣдованія возникли также въ провинціяхъ, гдѣ убито за 20,000 человѣкъ. Результатомъ этихъ избіеній была цѣлая кровавая гражданская война, вызвавшая новые потоки крови и кончившаяся лишь съ изданіемъ эдикта въ пользу гугенотовъ въ 1573 году.

Акуцена. (Рис. на стр. 69).

Эффектная и изящная манера Н. Зихеля уже извѣстна нашимъ читателямъ; нѣсколько замѣчательныхъ женскихъ типовъ этого современнаго художника уже были помѣщены у насъ. Не можемъ не напомнить превосходную картину „Дочь Фараона", картину, копія съ которой была недавно помѣщена у насъ; также и копія прелестной „Баядерки", его же, оригиналъ которой принадлежитъ издателю журнала „Нива".

Смерть Архимеда. (Рис. на стр. 72).

Архимедъ—это имя великаго генія въ области математики. Рожденіе его, въ Сиракузахъ, совпадаетъ съ 290 г. до Р. Х.; онъ былъ въ родствѣ съ царемъ Гіеро. Современники Архимеда сообщаютъ, что обыкновенно онъ до того погружался въ свои исчисленія, что забывалъ все окружавшее, и друзья должны были напоминать ему о пищѣ. Открытія его касаются, какъ мы сказали, математики и ея примѣненія къ естественнымъ наукамъ. Онъ впервые открылъ, что площадь круга равна треугольнику, основаніе котораго равно окружности, а высота радіусу. Онъ также открылъ способъ опредѣлять окружность извѣстнымъ теперь образомъ, при помощи правильныхъ полигоновъ. Далѣе онъ открылъ отношеніе между цилиндромъ и шаромъ и самъ придавалъ этому такое значеніе, что изображеніе ихъ приказалъ поставить на своей гробницѣ. Затѣмъ, онъ научилъ высчитывать и измѣрять пирамиды, конусы, коноиды и сфероиды. Принимая во вниманіе состояніе науки въ то время, его опредѣленіе плоскости образуемой дугой параболы и ея хордой, свидѣтельствуетъ о его необыкновенной геніальности. Какъ здѣсь, такъ и въ другомъ своемъ сочиненіи о спиральныхъ линіяхъ, онъ развиваетъ мысли, принявшія осязательную форму лишь спустя много столѣтій—при Лейбницѣ и Ньютонѣ.

Извѣстно его сочиненіе, опредѣляющее число песочныхъ зеренъ, которыя нужны для наполненія принятаго въ то время мірового пространства. Онъ рѣшился написать это сочиненіе, чтобы опровергнуть утвержденіе, что нѣтъ такого большого числа, которое могло бы опредѣлить количество песку въ морѣ.

Механика создана исключительно Архимедомъ. Его геній впервые позналъ знаменитые законы о рычагахъ и общеизвѣстныя теперь свойства центра тяжести въ тѣлахъ. Поднявъ рычагомъ при помощи машины большое судно, проникнутый открытымъ имъ закономъ природы, онъ воскликнулъ: „Дайте мнѣ точку опоры и я подниму міръ!"

Къ открытію закона о потерѣ вѣса тѣлъ плавающихъ въ водѣ ему подалъ царь Гіеро, который, отвѣсивъ мастеру кусокъ золота для короны, заподозрилъ обманъ и хотѣлъ тщательнаго изслѣдованія работы. Архимедъ долго объ этомъ думалъ и наконецъ постигъ разрѣшеніе задачи, купаясь и наблюдая какъ тѣло его вытѣсняло воду. Въ восторгѣ онъ выскочилъ изъ воды. Тотчасъ же начаты были изслѣдованія, которыя показали, что корона вытѣсняла больше воды чѣмъ кусокъ золота такого же вѣса, и обманъ былъ открытъ. При помощи открытыхъ имъ при этомъ случаѣ опредѣленій, извѣстныхъ теперь подъ именемъ *архимедова правила*, ему удалось произвести точное вычисленіе, подавшее царю Гіеро поводъ воскликнуть, что онъ не станетъ никогда сомнѣваться въ томъ, что скажетъ Архимедъ.

Архимедъ прославился среди своихъ современниковъ также механическими открытіями. Такъ напр., онъ изобрѣлъ водяной винтъ, далѣе сферу для изображенія движенія звѣздъ. Далѣе практическій геній его проявился при осадѣ Сиракузъ римлянами въ 212 г. Хотя онъ и не могъ отразить нападенія сильнаго войска, но его метательныя машины, посылавшія разрушительные снаряды, до того поразили римлянъ, что они прекратили приступъ и принуждены были осадить городъ. Овладѣніе городомъ было причиною также смерти Архимеда, которому, какъ разсказываютъ, удалось при помощи зеркалъ зажечь непріятельскіе корабли. На помѣщенномъ рисункѣ, Архимедъ изображенъ за нѣсколько минутъ до смерти. Онъ сидитъ въ глубокой задумчивости; необычайнымъ спокойствіемъ дышетъ благородная фигура его, безсознательно принявшая болѣе

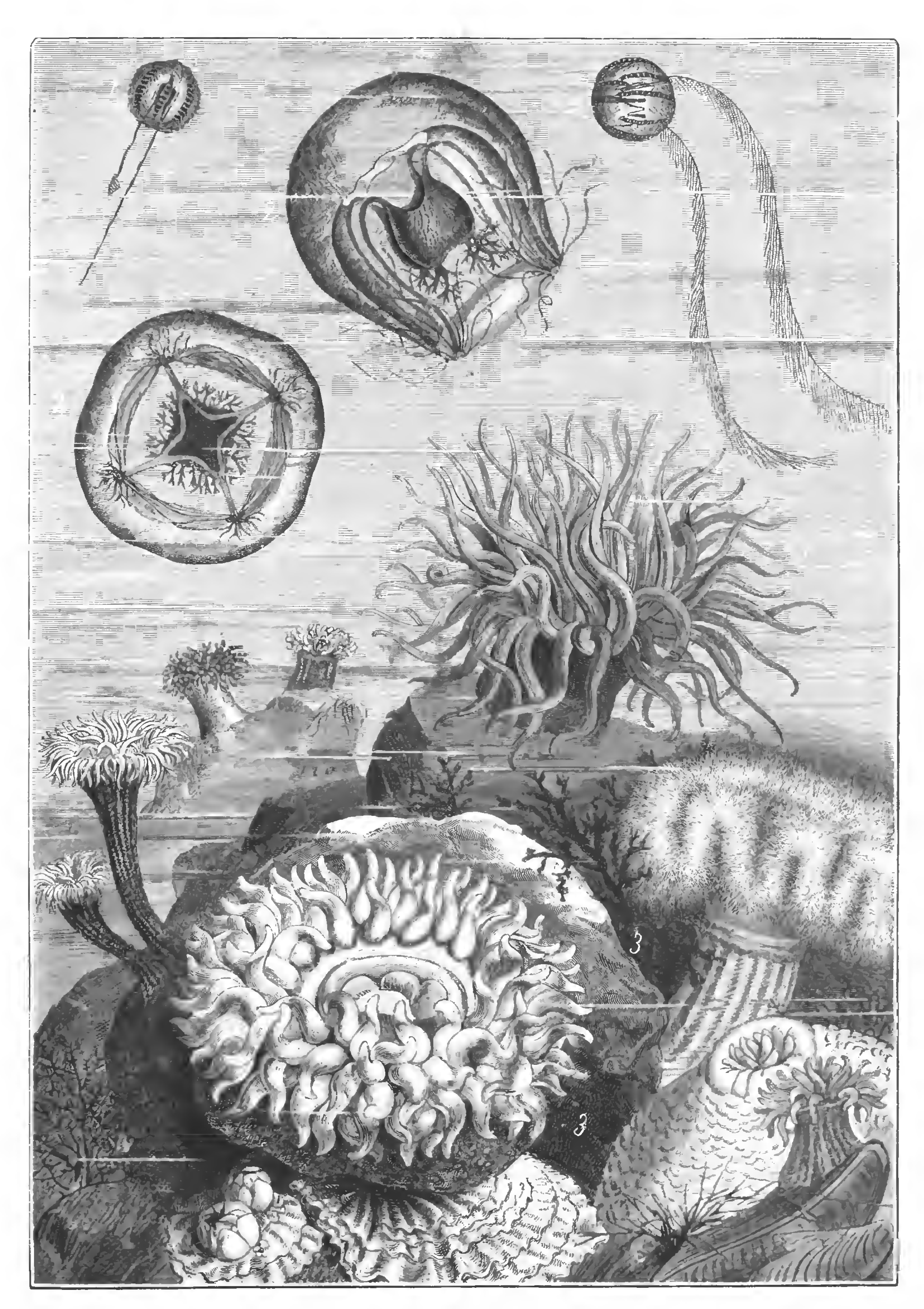

Маленькій итальянецъ. Карт. Е. Блааса, грав. Гейеръ и Кирмсе.

удобное положеніе. Въ такомъ положеніи онъ могъ бы просидѣть цѣлые часы, если бы изъ задумчивости его не вывели римскіе воины. Характеристично его обращеніе съ грубо подступившимъ къ нему воиномъ. Вмѣсто того, чтобы отвѣтить на вопросъ о своемъ имени, онъ, не замѣчая грозящей ему опасности, только боится за начертанныя имъ фигуры и восклицаетъ: „Не разрушай этихъ круговъ!..“ и разсерженный воинъ закалываетъ его. Римскій полководецъ Марцеллъ, отдавшій приказъ оставить Архимеда въ живыхъ, былъ очень огорченъ его смертью и велѣлъ, согласно его желанію, поставить на его памятникѣ цилиндръ и шаръ.

Сибирскій Университетъ. (Рис. на стр. 73).

Вопросъ о Сибирскомъ Университетѣ—вопросъ старый. Потребность высшаго образовательнаго учрежденія для Сибири сознавалась еще въ началѣ настоящаго столѣтія. Старѣйшая иркутская гимназія открыта была въ 1805 году и въ 1810 г. открыта гимназія тобольская. Но еще въ 1803 году Высочайше утвержденными правилами постановлялось, между прочимъ, что въ учебныхъ округахъ открываются университеты, которыхъ тогда назначалось 6, и въ числѣ другихъ городовъ былъ намѣченъ Тобольскъ съ учебнымъ округомъ. Это побудило извѣстнаго богача Демидова сдѣлать первое крупное пожертвованіе на Сибирскій университетъ. Заботы о развитіи образованія въ ближайшихъ учебныхъ округахъ заставили правительство отложить основаніе Сибирскаго университета и дѣло затянулось на многіе годы. Мысль о возникновеніи университета въ 1856 году вновь зарождается при министрѣ народнаго просвѣщенія Норовѣ и опять глохнетъ. Вступившій въ 1874 году въ управленіе Западной Сибирью Н. Г. Казнаковъ энергично принялся за возрожденіе Сибири; онъ хорошо понималъ, что здѣсь дѣйствительнѣе всего могли помочь новыя учрежденія, а главнымъ образомъ поднятіе образовательнаго уровня. Сибирскій университетъ былъ любимою идеей покойнаго Казнакова; онъ спѣшилъ составленіемъ проекта и въ 1876 г. сдѣлалъ о немъ представленіе въ Петербургъ. Министръ народнаго просвѣщенія графъ Дмитр. Андр. Толстой принялъ сочувственно проектъ и въ 1880 году происходила закладка университета въ Томскѣ. Городъ подарилъ одно изъ лучшихъ мѣстъ и весь городской садъ въ распоряженіе университета; мѣсто это занимаетъ цѣлую версту; роскошнѣйшій паркъ и оранжереи окружаютъ зданіе, по другую сторону парка находятся озера, въ которыхъ будутъ

На днѣ моря: 1) Плеробрамхеи въ натур. величину. 2) Пловучій морской кисель (Бугенвилля) съ боку и снизу. 3) Морскія анемоны. Рис. А. Земцовъ, грав. Флюгель.

разведены акварiи. Флора сада такъ богата, что ботаникъ найдетъ около сотни семействъ различныхъ растенiй. Обильна будетъ жатва натуралистовъ въ будущемъ университетѣ. Около Томска раскидывается алтайская флора, когда-то описанная европейскимъ ботаникомъ Ледебуромъ. Для будущаго минералога Алтай и Кузнецкiй хребетъ Томской губернiи дадутъ обширное поле для изслѣдованiя. Университетъ совершенно готовъ. Это величественное и красивое зданiе, расположенное на одной изъ террасъ надъ городомъ, царитъ надъ Томскомъ. Въ зданiи университета помѣщается квартира попечителя, библiотекаря и живетъ будущiй университетскiй штатъ. Громадная библiотека, до ста тысячъ книгъ, разобрана и составляются каталоги; она состоитъ изъ пожертвованiй и закупленныхъ отдѣльно обширныхъ библiотекъ частныхъ лицъ, между прочимъ Жуковскаго и другихъ. Такихъ отдѣльныхъ библiотекъ вошло сюда до 30; къ открытiю университета есть еще вклады частныхъ лицъ, и нѣкоторые писатели завѣщали свои библiотеки въ университетъ послѣ смерти. Библiотека эта нисколько не бѣднѣе, а, можетъ быть, даже богаче библiотеки казанскаго университета. Здѣсь масса библiографическихъ рѣдкостей и даже дублетовъ рѣдкихъ книгъ. Кабинеты и археологическiй музей университета наполняются, и уже теперь представляютъ весьма замѣчательное собранiе древностей. Сюда поступила археологическая коллекцiя М. Знаменскаго, съ раскопокъ близъ Искера, столицы Кучума, взятой Ермакомъ; сюда же поступилъ альбомъ находокъ того же М. Знаменскаго. Г. Пантусовъ сдѣлалъ вкладъ семирѣченскихъ древностей; прiобрѣтено много предметовъ алтайскихъ; собраны многiя вещи самимъ попечителемъ В. Флоринскимъ; въ томъ же музеѣ есть уже собранiе кольчугъ, бердышей и шлемовъ, найденныхъ въ Сибири. Музей этотъ современемъ сосредоточитъ богатый матерiалъ по исторiи древней культуры Сибири. Наконецъ, стекающiяся коллекцiи этнографическихъ предметовъ служатъ уже началомъ этнографическаго музея. Сибирь такъ разнообразна, такъ богата типами всевозможныхъ народностей, что дастъ современемъ неоцѣненный антропологическiй матерiалъ для европейской науки. Въ сибирскiй музей уже обѣщано нѣсколько замѣчательныхъ этнографическихъ коллекцiй. Также готовы аудиторiи, залы, университетская церковь съ богатымъ иконостасомъ, для аудиторiи готова мебель, столы и т. д. Нижнiй этажъ университета снабженъ калориферами. Во дворѣ университета и вокругъ его до 15 другихъ готовыхъ зданiй, начиная съ обсерваторiи, газоваго помѣщенiя, оранжерей, дома общежитiя для учащихся и множества другихъ службъ. Квартиры университета заняты отчасти, но большая часть помѣщенiя нежилая. Пожертвованiя на университетъ дѣлались и дѣлаются сибиряками въ широкихъ размѣрахъ; нѣкоторыми богачами, какъ напр. Сибиряковъ, жертвовались стотысячныя суммы. Остается желать, чтобы открытiе университета совершилось по возможности скорѣе.

Маленькiй итальянецъ. (Рис. на стр. 76).

Это милое, красивое личико мальчугана-итальянца, съ его мягкими, круглыми дѣтскими контурами и прекрасными темными глазами юга, какъ живое смотритъ въ рисункѣ талантливаго Блааса, котораго произведенiя читатели наши не разъ встрѣчали на страницахъ „Нивы“.

На днѣ моря. (Рис. на стр. 77).

Мы уже неоднократно помѣщали изображенiя представителей таинственной жизни на огромныхъ глубинахъ морей. Здѣсь также изображены нѣсколько интересныхъ видовъ изъ числа разнообразныхъ обитателей морей. Такъ называемые морскiе кисели и анемоны, изображенные на рисункѣ, видомъ своимъ напоминаютъ болѣе растенiя, нежели живыя существа. Вверху, въ натуральную величину изображены меньшаго размѣра животныя этого рода—плеробрамхiи—съ длинными прицѣпками (фиг. 1). Рядомъ съ ними вверху же на рисункѣ, одинъ изъ киселей—бугенвилья, имѣющая такой оригинальный видъ снизу и сбоку (фиг. 2). Морскiе кисели бываютъ въ большинствѣ случаевъ круглой формы, какъ изображенные на нашемъ рисункѣ вверху, плеробрамхiи и бугенвильи. Они прозрачны, безцвѣтны и иногда окрашены въ нѣжные и красивые цвѣта. Размѣры ихъ очень разнообразны—отъ песчинки величиною и до аршина въ поперечникѣ, не считая длинныхъ прицѣпокъ, служащихъ для захватыванiя небольшихъ животныхъ, которыми они питаются. Къ отряду киселей относится много разнообразныхъ видовъ.

Въ нижней части рисунка изображены красивыя морскiя анемоны (фиг. 3). Они представляютъ всегда одно изъ главныхъ украшенiй акварiевъ. Водятся во всѣхъ моряхъ, очень изящно окрашены и, за исключенiемъ нѣкоторыхъ видовъ, сидящихъ въ пескѣ, пользуются своей ножкой, какъ видно на рисункѣ, для прицѣпки ко дну, и на этой ножкѣ могутъ медленно съ мѣста на мѣсто передвигаться. На первомъ планѣ слѣва къ серединѣ находится толсторогая морская роза. Широко открытый ротъ ея принимаетъ пищу. Справа, другой экземпляръ ея свернулся, совершая пищеваренiе. Тѣло ея желтое или красное, короткiя щупальцы бѣлыя съ красными полосами. На раковинѣ, справа внизу, сидитъ сагарцiя паразитная. Она движется вмѣстѣ съ раковиною и пользуется щупальцами для ловли добычи. Къ роду сагарцiй принадлежитъ также пара высокихъ анемонъ, изображенная слѣва, надъ толсторогой морской розой. Эта анемона-вдова сѣраго или краснаго цвѣта, съ длинными бѣлыми полосами и короткими голубоватыми или бѣлыми щупальцами. Справа изображены двѣ, одна надъ другой, красивыя сагарцiи. Менѣе красива находящаяся влѣво наверху бородавчатая морская роза. На красивую горгону похожа зеленая морская роза,—вверху справа. Многочисленныя ея щупальцы, числомъ болѣе сотни, бываютъ зеленаго или оливковаго цвѣта съ лиловыми или розовыми концами. Такъ прелестно и разноцвѣтно окрашены малоизвѣстныя животныя, находящiяся на недоступныхъ глубинахъ моря.

Новый мостъ на заливѣ Тей. (Рис. на стран. 80).

Мостъ этотъ предназначенъ для замѣны металлическаго моста, обвалившагося въ декабрѣ 1879 г., когда случилась ужасная катастрофа, при которой погибло болѣе 200 человѣкъ; увлеченъ былъ въ Тей вмѣстѣ съ мостомъ проходившiй поѣздъ. Рисунокъ перваго моста и описанiе катастрофы были въ „Нивѣ“ 1880 года № 3. Новое сооруженiе, длиною въ 3300 метровъ (1 м.=1 арш. 6 в.), состоитъ изъ двухъ собственно мостовъ, одного на южной сторонѣ въ 27 пролетовъ и другого на сѣверной въ 45 пролетовъ. Между ними будетъ перекинутъ среднiй мостъ въ 13 широкихъ, въ 70 метр., пролетовъ, изъ которыхъ четыре будутъ пропускать самые большiе пароходы. Въ этомъ мѣстѣ рельсы будутъ идти на вышинѣ 24 метровъ (33 арш.) надъ уровнемъ самаго высокаго стоянiя водъ. На южной сторонѣ мостъ соединяется съ берегомъ четырьмя каменными арками, первая изъ которыхъ составляетъ устой; арки эти поддерживаютъ соединенiе путей главной линiи, идущей въ Эдинбургъ съ вѣтвью на Ньюпортъ. На сѣверѣ мостъ оканчивается на продолженiи эспланады Дунди. Здѣсь устой замѣненъ двумя желѣзными пролетами, поставленными на каменныхъ столбахъ. Затѣмъ весь мостъ поддерживается чугунными колоннами на гранитныхъ стульяхъ. Остальные столбы, числомъ 77, поддерживающiе сооруженiе, того же типа: они состоятъ изъ двухъ цилиндрическихъ, желѣзомъ окованныхъ, кессоновъ для южной части моста и изъ чугунныхъ для сѣверной. Закладка и постройка кессоновъ производится совершенно новымъ приспособленiемъ, показаннымъ на рисункѣ, способомъ, придуманнымъ г. Арро, который производитъ постройку. Это металлическая платформа, составленная изъ двухъ главныхъ кессоновъ изъ толя и третьяго, параллельнаго предъидущимъ. Все это соединено брусьями, покрытыми настиломъ, на которомъ находятся аппараты для выемки земли, насосы, гидравлическiя машины и пр. На четырехъ углахъ платформы помѣщены четыре колонны изъ толя; это не что иное какъ простые цилиндры, открытые снизу и снабженные поперечными перегородками, препятствующими имъ погружаться слишкомъ глубоко въ дно рѣки. Сверху платформы имѣются два большихъ четыреугольныхъ отверстiя, въ которыхъ можно строить и погружать цилиндрическiе кессоны столбовъ. Работы по постройкѣ были начаты въ iюнѣ 1882 г. и въ настоящее время арки окончены и установлены, и наполнены всѣ кессоны.

Сѣверныя сiянiя. (Рис. на стр. 81 и 84).

Когда въ 1752 г. Франклину удалось извлечь электрическую искру на нижнемъ концѣ веревки змѣя, пущеннаго въ грозовое облако, то не оставалось болѣе сомнѣнiя, что молнiя это громадное электрическое разряженiе двухъ тучъ, или же тучи и земли. Открытiе это имѣло важное значенiе; оно объясняло законами физики такiя явленiя, которыя до того времени считались чудесными, сверхъестественными и таинственными.

Сѣверное сiянiе, труднѣе поддающееся пониманiю и требующее болѣе обширныхъ научныхъ знанiй, оставалось дольше необъясненнымъ. Загадочный этотъ феноменъ поражалъ особенно древнiе народы: въ немъ видѣли предзнаменованiе несчастныхъ событiй, и историки, описывавшiе это явленiе, утверждали, что по красному небу нерѣдко видѣли проходящiя войска и слышали звонъ оружiя.

Нынѣ извѣстно, что сѣверное сiянiе происходитъ отъ тѣхъ же причинъ, какъ и молнiя; это видимое проявленiе атмосфернаго электричества: оно происходитъ отъ медленнаго движенiя токовъ, тогда какъ молнiя — результатъ быстраго движенiя. Дѣйствiе сѣвернаго сiянiя и грома совершенно различно, но между ними есть посредникъ, соединяющiй ихъ,—это именно зарница.

Эти начальныя понятiя принадлежатъ нынѣ наукѣ, но изученiе сѣвернаго сiянiя было до настоящаго времени едва намѣчено. Путешественники и физики неоднократно описывали это явленiе, однако причины, вызывающiя его, и его отношенiе къ другимъ метеорологическимъ феноменамъ еще не были изучены. Послѣднимъ уже нѣсколько лѣтъ занимается г. Лемстремъ, физикъ, изъ сочиненiя *) котораго мы дѣлаемъ извлеченiе.

Авторъ этого сочиненiя, занятый изученiемъ сѣверныхъ сiянiй, часто появляющихся на его родинѣ, участвовалъ въ полярной экспедицiи Норденшильда, совершенной въ 1868 г. Г.

*) Сѣверное сiянiе. Общее изученiе движенiй, производимыхъ электрическими токами атмосферы. М. С. Лемстрема.

Лемстремъ сдѣлалъ цѣлый рядъ важныхъ наблюденій; въ 1871 году онъ побывалъ въ финляндской Лапландіи и вслѣдствіе ряда изысканій ему удалось построить аппаратъ, помощью котораго онъ искусственно производилъ сіяніе и этимъ внесъ въ науку результатъ новыхъ и неопровержимыхъ фактовъ.

Г. Лемстремъ наблюдалъ много сѣверныхъ сіяній. Вотъ описаніе явленія, самаго полнаго по его мнѣнію. 18-го октября 1868 г. пароходъ София приближался къ берегамъ Норвегіи, пробывъ въ теченіе трехъ сутокъ на бурномъ морѣ. „На западѣ горизонта, говоритъ Лемстремъ, мы увидѣли два слоя облаковъ, которые ясно раздѣляла голубая полоса неба, перекрещивающаяся съ другою, блѣдно-желтою полосою: это было слабое начало сѣвернаго сіянія, которое по великолѣпію должно было превзойти всѣ явленія этого рода, видимыя нами прежде. Края верхняго слоя освѣщались мало-по-малу и вскорѣ мы увидѣли исходящими оттуда отдѣльные огни, доходившіе почти до зенита. Внезапно весь горизонтъ залило пламенемъ. Повсюду огни, повсюду струи яркаго свѣта, желтаго снизу, зеленаго посрединѣ и красно-фіолетоваго наверху. Въ минуту всѣ лучи соединились въ правильное и ослѣпительное сіяніе, появившееся на небѣ на югѣ зенита. Когда явленіе достигло максимума силы, оно производило впечатлѣніе громаднаго свода храма, посрединѣ котораго сверкала великолѣпная люстра. Феноменъ длился нѣсколько минутъ; но, исчезая, онъ оставилъ яркую полосу между слоями облаковъ. Съ верхняго слоя, чрезъ короткіе промежутки времени, продолжали исходить отдѣльные лучи, подымавшіеся до зенита и образующіе тамъ части сіянія. Края слоевъ облаковъ оставались свѣтлыми даже послѣ исчезновенія лучей."

Первый рисунокъ даетъ хотя вѣрное, но слабое понятіе объ описанномъ явленіи. На рисункѣ показана только половина горизонта, остальное приходится дополнить воображеніемъ. Лучи, выходящіе изъ центра, попеременно розовые и блѣдно-желтые; они покрываютъ громадную лиловатую полосу. Верхняя розетка краснаго цвѣта, она выдѣляется изъ зеленовато-голубого круга.

На фиг. 2-й показано лучистое сѣверное сіяніе, которое было видимо 19 ноября 1871 г. въ Лапландіи. Сначала, на 30 градусовъ надъ горизонтомъ, оно образовало дугу, откуда подымались полосы свѣта. Понемногу дуга поднялась. На рисункѣ она показана въ тотъ моментъ, когда достигла 60 градусовъ надъ горизонтомъ. Низъ сіянія былъ желтый, а боковые, очень свѣтлые лучи были розовые, фіолетовые и голубые. Обыкновенно лучи полярныхъ сіяній бываютъ очень ярки. но никогда они не достигали такого блеска.

На фигурѣ 3 показанъ особый видъ явленія, наблюдавшагося 16 ноября 1871 г. въ Энаре, въ Финляндіи. Сіяніе приняло форму краснаго шарфа со скрещенными концами желтоватаго и зеленоватаго цвѣта, раскинутыми на востокъ и западъ.

Въ сѣверныхъ странахъ появляется часто другой видъ полярнаго сіянія, образующагося надъ облаками и принимающаго форму драпировки съ волнистыми складками. Это, такъ сказать, классическая форма, многократно изображаемая. Упомянемъ о другомъ видѣ, менѣе извѣстномъ. Это именно сіяніе по краямъ облаковъ, или же сіянія, образующіяся около вершины Шпицбергена или въ гористыхъ частяхъ Лапландіи. По заключенію Лемстрема, трудно опредѣлить простымъ глазомъ откуда исходитъ этотъ свѣтъ, но при помощи спектроскопа оказывается, что онъ одного свойства съ сѣвернымъ сіяніемъ. По временамъ странный этотъ свѣтъ принимаетъ форму слабаго пламени, подымающагося надъ вершиною горы (фиг. 4) и мгновенно исчезающаго.

Феномены эти появляются иногда въ равнинахъ надъ самою землею, или же на крышахъ домовъ.

„Однажды, направляя спектроскопъ на мѣсто, выбранное нами для наблюденій, пишетъ Лемстремъ, мы замѣтили спектральную полосу сѣвернаго сіянія на крышѣ сосѣдняго дома, на снѣгу покрывавшемъ землю и на льду озера..."

Наконецъ Лемстремъ упоминаетъ объ отдѣльныхъ сіяніяхъ, наполняющихъ иногда атмосферу полярныхъ областей, что доказываетъ, что явленіе это происходитъ по временамъ вблизи земли.

Метеоры одинаковаго свойства съ сѣвернымъ сіяніемъ являются не только въ полярныхъ областяхъ, но, чему авторъ придаетъ особо важное значеніе, они наблюдаются также въ другихъ мѣстахъ земли. Въ Перу, Боливіи и Чили верхушки горъ часто бываютъ освѣщены яркимъ свѣтомъ. Ученые сравнивали этотъ свѣтъ, появляющійся преимущественно лѣтомъ, съ зарницею.

Подобныя же наблюденія дѣлали и въ швейцарскихъ Альпахъ. Де-Сосюръ видѣлъ какъ электричество выходило изъ-за всѣхъ выдававшихся предметовъ. Тоже явленіе наблюдалось и на Мексиканскомъ плоскогоріи. Прибавимъ еще, что Брюстеръ видѣлъ во время сѣвернаго сіянія свѣтъ на башнѣ церкви. Феномены, подобные сѣверному сіянію, могутъ появляться во всѣхъ странахъ.

Американскіе дома. (Рис. на стр. 85).

Извѣстно, что Нью-Іоркъ такой городъ, гдѣ практичность примѣненія техники особенно развита по отношенію къ постройкѣ домовъ. Земля въ самомъ городѣ очень дорога, поэтому домовладѣльцамъ приходится извлекать какъ можно болѣе пользы изъ своей земли. Въ виду этого въ Нью-Іоркѣ постоянно встрѣчаются дома въ 8—10 и болѣе этажей. Подобный домъ изображенъ на нашемъ рисункѣ. Зданіе это находится на сѣверозападномъ углу 57 Поперечной и 7 Продольной улицъ, въ непосредственной близости съ разными городскими желѣзнодорожными линіями. Внѣшняя архитектура очень проста, тѣмъ не менѣе зданіе поражаетъ своею колоссальностью. Домъ содержитъ десять надземныхъ этажей, этажъ мансардъ и два подземныхъ этажа. Все зданіе сдѣлано изъ камня и желѣза, почему обезпечено отъ пожара. Устройство его чрезвычайно удобно и роскошно. Отдѣлка состоитъ изъ мраморныхъ колоннъ, панелей, мозаики, цвѣтныхъ оконъ, бронзы, дуба и краснаго дерева. Въ каждомъ этажѣ находятся четыре квартиры, по 8—10 чистыхъ комнатъ; при каждой квартирѣ имѣются людскія, кухни, кладовыя и ледники. Въ каждой квартирѣ, кромѣ того, находится вдѣланный въ стѣну денежный шкафъ, приспособленія для газоваго и электрическаго освѣщенія, электрическіе звонки, телефоны и пр. Кромѣ лѣстницъ, четыре подъемныя машины дѣйствуютъ день и ночь. Всѣ квартиры и коридоры отапливаются зимою центральною печью. Далѣе, въ домѣ имѣется общая кухня, откуда, во всякое время дня, можно получать напитки и кушанья, прибавляя 10% къ рыночнымъ цѣнамъ. Каждая хозяйка, не желающая готовить дома, заказываетъ кушанье домовому повару. Топливо также имѣется въ домѣ и отпускается квартирантамъ за плату. Швейцаръ знаетъ когда можно видѣть каждаго изъ жильцовъ; онъ доставляетъ письма и исполняетъ нѣкоторыя порученія. Въ зданіи помѣщается до 40 семействъ и кромѣ того живутъ лица завѣдывающія домомъ. Этажи отъ 4-го до 6-го самые дорогіе. Квартира въ этихъ этажахъ, включая освѣщеніе, отопленіе, воду, телеграфъ и телефонъ, стоитъ 5000 р. Ежегодная плата, получаемая съ дома, составляетъ 150000 р., расходы по постройкѣ обошлись 2 милліона рублей. Изъ этого видно, что домовладѣлецъ не жалѣлъ затратъ, чтобы доставить удобства своимъ жильцамъ. Практическій геній американца дѣятельно проявляется въ блестящихъ формахъ, и европейцы должны признать, что за океаномъ въ этомъ отношеніи ихъ далеко опередили.

Политическое обозрѣніе.

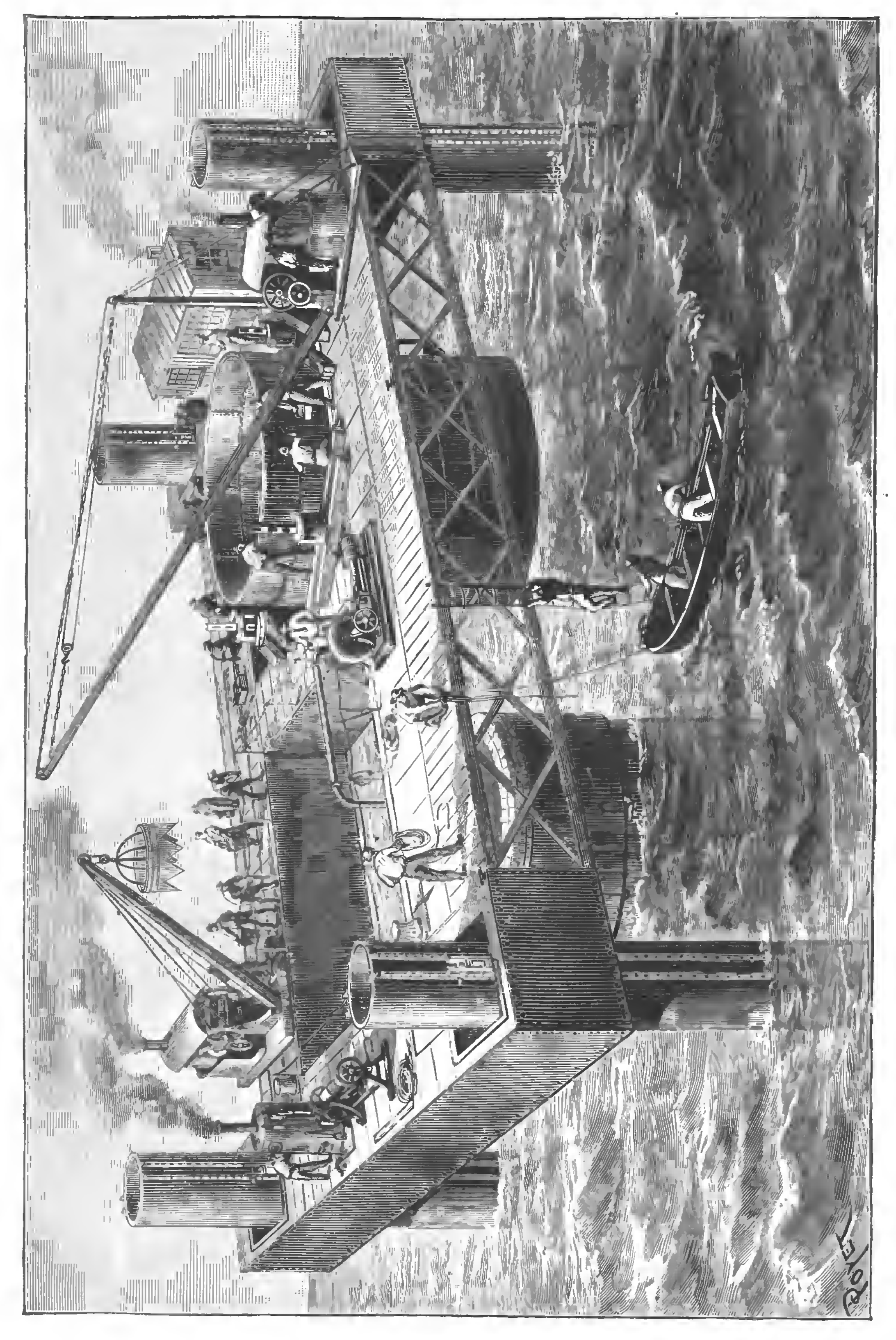
Открытіе прусскаго сейма и отвѣтный адресъ императору.—Болгарская депутація въ Римѣ.—Пониженіе тона въ Англіи.—Два кандидата на болгарскій княжескій престолъ.—Значеніе Константинополя въ разрѣшеніи болгарскаго вопроса.

Отклоненіе германскимъ рейхстагомъ военнаго законопроекта, вызвавшее собою распущеніе самаго рейхстага, ничуть не измѣнило ни политики германскаго правительства, ни тѣхъ взглядовъ на боевую готовность, которые сложились у германскихъ военныхъ авторитетовъ. Высказывая нѣсколько разъ въ послѣдовательныхъ рѣчахъ о стремленіи Германіи поддерживать европейскій миръ, князь Бисмаркъ не отходитъ отъ своихъ словъ и продолжаетъ оказывать свое вліяніе на Австро-Венгрію, касательно болгарскихъ недоразумѣній; вмѣстѣ съ тѣмъ, распуская парламентъ, императоръ Вильгельмъ не оставляетъ своего намѣренія установить новые порядки въ германской арміи, и при открытіи прусскаго сейма маститый императоръ сѣтовалъ на германскихъ представителей, что они не раздѣляютъ его предначертаній. Въ отвѣтномъ адресѣ къ императору, принятомъ палатою господъ прусскаго сейма единогласно, безъ преній, представители прусскаго народа высказали. что они глубоко опечалены ограниченіемъ со стороны рейхстага при утвержденіи средствъ, необходимыхъ для поддержанія боевой готовности арміи, принять которые правительству было невозможно. „Для прусскаго народа, было сказано въ адресѣ, никакія жертвы не будутъ тяжелы, лишь бы сохранить надолго боевую готовность арміи". Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что правительство найдетъ себѣ полную поддержку въ новомъ составѣ рейхстага послѣ выборовъ, которые назначены императоромъ въ февралѣ мѣсяцѣ.

Болгарскіе туристы прибыли на этой недѣлѣ въ Римъ и представлялись итальянскому министру иностранныхъ дѣлъ Робилану. И на этотъ разъ странствующіе депутаты встрѣтили недвусмысленные намеки на то, что не мѣшало бы имъ оставить свои несбыточныя мечты и постараться войти въ соглашеніе съ Россіею. Не смотря на то, что еще такъ недавно итальянское министерство рукоплескало всѣмъ заносчивымъ противъ Россіи выходкамъ софійскихъ правителей, что подтвердилось обнародованіемъ въ прошломъ октябрѣ Синей Книги, нынѣ министръ иностранныхъ дѣлъ Италіи, любезно расшаркиваясь передъ депутатами, объявилъ имъ прямо, что Италія рѣшительно не имѣетъ намѣренія принимать участія въ болгарскомъ вопросѣ за предѣлами тѣхъ опредѣленій, которыя санкціонированы берлинскимъ трактатомъ и константинопольскимъ протоколомъ. Иначе говоря, и въ Италіи болгарскимъ депутатамъ былъ преподанъ благой совѣтъ вернуться скорѣй въ Софію и

убѣдить своихъ упрямыхъ патроновъ, что умиротвореніе страны и водвореніе въ ней порядка зависитъ главнымъ образомъ отъ Порты и Россіи. Слышали они это въ Берлинѣ, въ Парижѣ, теперь услыхали тоже самое въ Римѣ,—кажется достаточно.

Что касается Англіи, то въ ней и маркизъ Салисбюри приходитъ, новидимому, къ сознанію, что вести восточную политику въ томъ направленіи, въ какомъ онъ велъ ее до настоящаго времени, нѣтъ болѣе возможности. Теперь уже стало извѣстно, что лордъ Чорчилль оставилъ министерство потому только, что онъ не сходился съ первымъ министромъ по вопросу о политикѣ на Балканскомъ полуостровѣ; по этой же причинѣ и маркизъ Гартингтонъ отклонилъ отъ себя предложенную ему честь вступить въ кабинетъ, предводительствуемый маркизомъ Салисбюри. Новый членъ министерства, Гошенъ, тоже не оправдываетъ ожиданія англійскаго премьера, такъ какъ, въ недавно сказанной имъ рѣчи ливерпульскимъ избирателямъ, онъ, оправдывая англійскую политику противъ нареканій, началъ доказывать, что Англія никогда не помышляла порождать въ Европѣ осложненія изъ-за какой нибудь династіи или личности; британское правительство никогда не вступалось за возстановленіе принца Баттенбергскаго на болгарскомъ княжескомъ престолѣ. Онъ утверждалъ, что въ вопросѣ объ избраніи князя основою правительственной политики служитъ берлинскій трактатъ, и что правительство охотно примыкаетъ къ общему стремленію сохраненія мира. Словомъ, новый членъ англійскаго министерства, оправдывая прошлое, намѣчаетъ бу-

Способъ постройки новаго моста чрезъ р. Тей, въ Англіи. Постановка столбовъ съ платформами по системѣ Аро.

Рис. Пуайе, грав. Барбанъ.

дущее далеко не въ тѣхъ формахъ, въ которыхъ сказывался планъ дѣйствій подъ руководствомъ маркиза Салисбюри, еще такъ недавно громившаго Россію на обѣдѣ у лорда мэра.

Относительно кандидатуры на болгарскій престолъ, послѣ массы ходившихъ на этотъ счетъ выдумокъ, оказывается теперь, что болѣе выдающимися кандидатами остаются князь Мингрельскій и герцогъ Георгій Максимиліановичъ Лейхтенбергскій. Говорятъ, что когда было предложено Россіи указать кандидата на болгарскій престолъ, она рекомендовала князя Мингрельскаго, какъ особу царственнаго происхожденія и православнаго вѣроисповѣданія, какъ особу, не связанную родствомъ съ Императорской Фамиліей и обладающую всѣми личными качествами, требуемыми отъ кандидата на болгарскій престолъ. Въ настоящее время, Россія не навязываетъ этой кандидатуры, но и не отказывается отъ нея. Если, по возстановленіи законнаго порядка вещей, болгарскій народъ, съ разрѣшенія султана и съ согласія великихъ державъ, будетъ просить себѣ въ князья герцога Лейхтенбергскаго, то русское правительство едва ли станетъ настаивать на кандидатурѣ князя Мингрельскаго. Приведенное мнѣніе по всей вѣроятности и послужило поводомъ къ распространившемуся за границею слуху о готовности Россіи идти на новыя уступки; между тѣмъ уступокъ въ данномъ случаѣ со стороны Россіи нѣтъ, такъ какъ оставлять для болгарскаго народа выборъ одного предложеннаго кандидата равномѣрно отказу ему въ избирательномъ правѣ. Въ этомъ отношеніи Россія не добивается для себя правъ, ей не принадлежащихъ, или какихъ либо привилегій, ей несвойственныхъ.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что въ разрѣшеніи болгарскихъ недоразумѣній въ послѣднее время получаетъ особое значеніе Константинополь. Въ Константинополь вызванъ Цанковъ, туда же получили разрѣшеніе прибыть болгарскіе депутаты. Цанковъ уже успѣлъ обнадежить болгарскихъ эмигрантовъ въ Константинополѣ, что дѣла Болгаріи въ скоромъ времени уладятся, съ соблюденіемъ интересовъ страны, а изъ того, что въ Стамбулѣ согласились принять депутатовъ, можно вывести заключеніе, что софійскіе правители въ значительной степени понизили свои притязанія.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Государственный совѣтъ разрѣшилъ на 1887 годъ кредитъ въ 4.244,800 р. на содержаніе русскихъ заграничныхъ посольствъ, миссій, консульствъ и агентствъ.

— Въ министерствѣ госуд. имущ. вырабатывается новый проектъ огражденія лѣсовъ отъ истребленія и поощрительныхъ мѣръ для введенія искусственнаго лѣсоразведенія. Выдачу премій (трехъ разрядовъ) для 24-хъ внутреннихъ губерній, распространятъ теперь и на привислянскія губерніи и Закавказье.

— Минист. Фин. безусловно воспрещено принимать для дисконтированія купоны тѣхъ государственныхъ и частныхъ процентныхъ бумагъ, которымъ срокъ еще не вышелъ.

Военное и морское дѣло.

— Опубликованъ приказъ военнаго министра, что чины военн. вѣдомства, офицеры и воспитанники военно-учебн. заведеній, состоятъ ли юнкерами, вольноопредѣляющимися или кадетами, ни въ какомъ случаѣ, безъ разрѣшенія начальства, не имѣютъ права участвовать въ чествованіяхъ, имѣющихъ публичный характеръ.

— Воспрещено военнымъ чинамъ въ строю и лицамъ на гражданской службѣ, носить пожалованные имъ болгарскіе ордена и медали.

— Въ кавказскомъ краѣ масса людей, жившая въ совершенно тождественныхъ условіяхъ съ нашимъ казачествомъ, утратила свой первобытный характеръ. Бывшіе нѣкогда казаки, удовлетворявшіе всѣмъ требованіямъ для созданія правильно организованной военной силы, съ теченіемъ времени превратились въ простыхъ поселянъ. Нынѣ въ Гос. Сов. разсматривается проектъ возстановленія этого казачества.

Торговля и промышленность.

— Спросъ на южно-русскія вина за послѣднее время постоянно возрастаетъ. Нѣкоторыя больницы, подъ вліяніемъ разоблаченій фальсификаціи иностр. винъ, стали замѣнять ихъ южно-русскими. Большинство врачей точно также начало прописывать больнымъ русскія вина.

— Минувшій 1886 годъ былъ благопріятенъ для развитія табаководства на Кавказѣ. Всѣхъ табачныхъ плантацій въ Закавказскомъ краѣ 12,000; земли подъ этими плантаціями находилось около 2,000 десятинъ. Сборъ табаку изъ турецкихъ сѣмянъ былъ слишкомъ 70 тысячъ пудовъ, изъ американскихъ—около 6 тысячъ пудовъ и изъ низшихъ сортовъ — около 50 тыс. пудовъ.

Пути сообщенія.

— Производится углубленіе и расширеніе Керчь-Еникальскаго канала. Работы по этому грандіозному предпріятію подходятъ къ концу. Глубина Керчь-Еникальскаго канала будетъ такова, что всѣ суда, направляющіяся изъ Чернаго моря въ Азовское и обратно, и имѣющія посадку въ водѣ до 19 футъ, могутъ свободно проходить каналомъ.

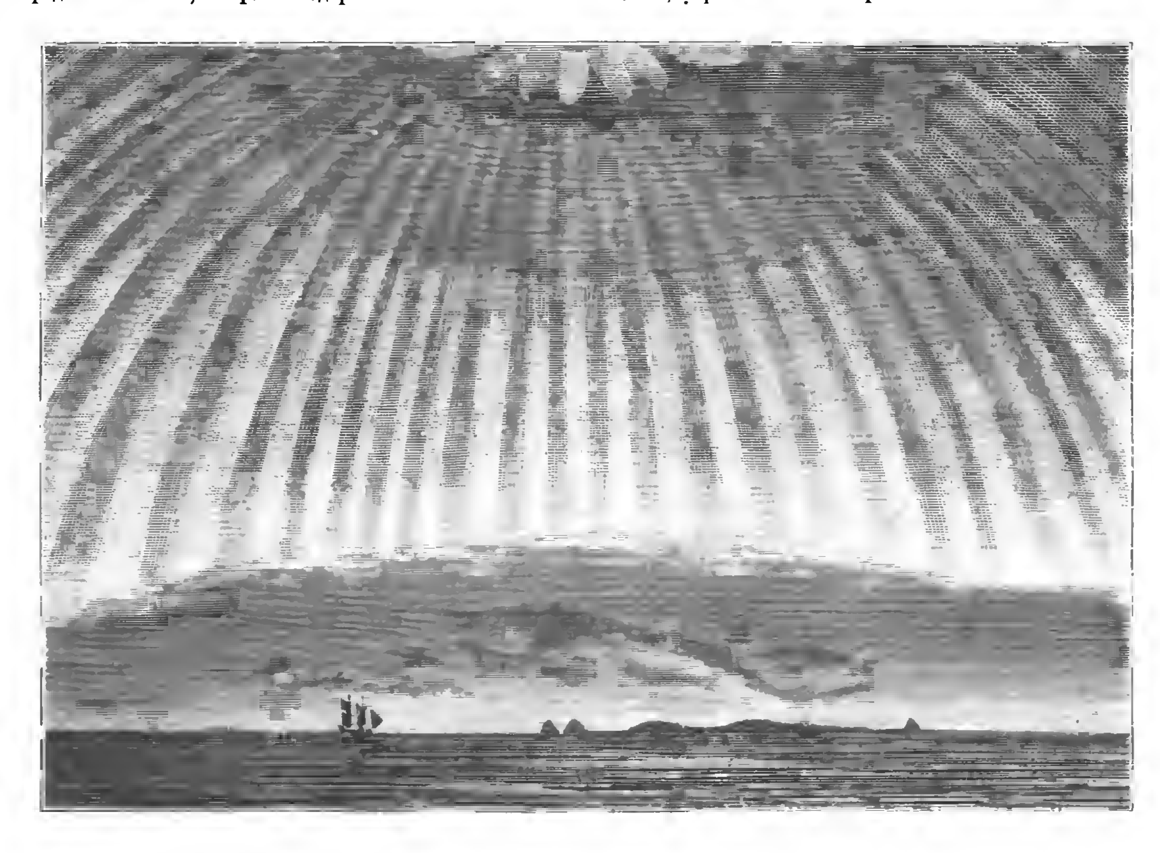
— Продолжается фабрично-лодзинская желѣзная дорога отъ Лодзи до Калиша. Проведеніе линіи предоставлено обществу фабрично-лодзинской желѣзной дороги.

— Ассигнована сумма на продолженіе работъ по устройству Оби-Енисейскаго воднаго сообщенія въ теченіе трехъ лѣтъ по 1.283,222 р.

— Содержаніе пароходства по Байкалу предоставлено товариществу кяхтинскаго купечества, срокомъ на два года, и ассигновано въ 1887—88 годахъ по 37.000 р. субсидіи товариществу.

Почтовыя извѣстія.

— Главн. управл. почтъ и телеграфовъ извѣщаетъ, что вѣсъ для посылокъ въ Финляндію увеличенъ до 24 фунтовъ, а въ мѣста, лежащія при линіи желѣзной дороги, до 48 фунтовъ.

Фиг. 1. Сѣверное сіяніе въ полномъ видѣ, наблюдавшееся Лемстремомъ 18 окт. 1868 г.

Судебныя извѣстія.

— Предоставлено губернаторамъ право воспрещать лицамъ неблагонадежнымъ хожденіе въ судахъ по дѣламъ крестьянскихъ обществъ и составленіе отъ имени ихъ прошеній и жалобъ.

Наука и литература.

— Соисканіе премій имени графа Д. А. Толстаго въ Имп. Акад. Наукъ будетъ въ 1887 году касаться чистой и прикладной математики, астрономіи, физики, химіи, технологіи, геологіи, зоологіи, сравнительной анатоміи. Эти преміи состоятъ: изъ почетныхъ медалей золотыхъ, цѣнностью: первая въ 300 р., вторая въ 250 р. и третья въ 150 р., и изъ денежной награды 800 рублей.

— Въ Имп. Русск. Географич. Общ. поступила замѣчательная древняя карта Сибири 1669 года (карта эта найдена барономъ Норденшильдомъ въ одномъ изъ шведскихъ архивовъ) и новыя свѣдѣнія объ Уссурійскомъ краѣ.

Живопись и скульптура.

— Извѣстный художникъ г. Зичи пишетъ рядъ иконъ изъ жизни св. Нины. Иконы эти предназначаются для храма св. Нины на Кавказѣ.

— Давно задуманная постановка въ Александровскомъ саду, небольшого памятника В. А. Жуковскому, наконецъ, осуществится. Весною будетъ приступлено къ сооруженію памятника.

— В. Д. Полѣновъ трудится въ Москвѣ надъ исполненіемъ большой картины „Грѣшница передъ Христомъ". Произведеніе это приготовляется къ XVII выставкѣ товарищества передвижныхъ выставокъ. Другой московскій художникъ, г. Прянишниковъ, пишетъ для той же выставки весьма интересную жанровую картину на тему: „Конскій праздникъ" (день св. Фрола и Лавра).

— Въ Варшавѣ будетъ „Передвижная выставка картинъ и скульптурныхъ произведеній". Выставка эта будетъ имѣть исключительно мѣстное значеніе и ограничится лишь городами Западнаго края.

Археологія и древности.

— Въ Варшавѣ выставлена съ благотворительною цѣлью историческая „реликвія", обручальное кольцо Мартина Лютера, составляющее около двухсотъ лѣтъ собственность фамиліи Маркевичей, родственной германскому реформатору. Кольцо довольно солидной толщины, украшено небольшимъ крестомъ; по сторонамъ его изображены символы страданій Спасителя. На внутренней сторонѣ кольца награвирована надпись: „D. Martino Luthero Catarina v. Bora 1525".

Театръ и музыка.

— Въ СПб. Имп. Консерваторію назначается директоромъ, на мѣсто уходящаго по болѣзни К. Ю Давыдова, знаменитый русскій композиторъ Ант. Рубинштейнъ.

— Въ Веймарѣ, какъ извѣстно, въ полной неприкосновенности сохраняются жилища Гете и Шиллера. Въ настоящее время въ томъ же городѣ устроятъ въ бывшемъ жилищѣ Франца Листа музей и библіотеку, которые будутъ названы именемъ покойнаго. Обратились къ публикѣ съ просьбой доставлять манускрипты знаменитаго музыкальнаго дѣятеля, у кого найдутся. Общество проситъ адресовать посылки въ Веймаръ, въ библіотеку Листа.

Изъ губерній и областей.

— Организуется акціонерное общество, имѣющее цѣлью проведеніе по полотну Крымскаго южнобережнаго шоссе горной желѣзной дороги зубчато-колесной системы, на подобіе существующихъ въ Швейцаріи рельсовыхъ путей по крутымъ подъемамъ на горы.

— 14-го декабря, на луговой сторонѣ Волги, близъ ст. Ветлянки, преданъ былъ сожженію при хурулѣ (храмъ буддистовъ) трупъ ламы калмыцкаго народа. Время сожженія опредѣлено было по священнымъ ихъ книгамъ. Трупъ ламы находился въ хурулѣ, въ сидячемъ положеніи, на особо приготовленномъ желѣзномъ креслѣ. Въ 12 часу дня лама былъ вынесенъ изъ хурула, два раза обнесенъ вокругъ и поставленъ на открытомъ мѣстѣ. Затѣмъ трупъ ламы, въ сидячемъ положеніи на креслѣ, былъ заложенъ въ четыреугольный каменный столбъ, имѣвшій форму печи, и сожженъ.

— 28-го декабря гор. Херсонъ праздновалъ освященіе и открытіе водопровода, устроеннаго Д. А. Пастуховымъ. Когда духовенство окропляло стѣны зданія,—былъ данъ ходъ машинѣ и громадная масса фильтрованной воды пошла въ сѣть трубъ по улицамъ города. Машина эта дастъ 15 тысячъ ведеръ воды въ одинъ часъ времени.

Смѣсь.

Новыя сооруженія въ Сѣверной Америкѣ. Количество лицъ, эмигрирующихъ въ Сѣверную Америку, какъ извѣстно, все болѣе и болѣе увеличивается за послѣдніе годы. Переселенцы эти, располагаясь преимущественно по берегамъ великихъ озеръ, предаются, къ сожалѣнію, хищническому уничтоженію растущихъ тамъ лѣсовъ, въ виду чего уровень воды въ нѣкоторыхъ озерахъ сталъ сильно измѣняться. Такъ, онъ значительно повысился въ озерѣ Мичиганѣ и въ Соленомъ озерѣ, гдѣ вода поднялась на 72 сантиметра. Обстоятельство это очевидно внушаетъ сильное опасеніе предпріимчивымъ янки, причемъ, къ довершенію бѣдствія, отъ выступившей изъ береговъ воды образовались во многихъ мѣстахъ, гдѣ росъ прежде лѣсъ, въ особенности же во Флоридѣ, болота. Предпріимчивые американцы, для предотвращенія грозящихъ бѣдствій, рѣшились приступить къ производству нѣсколькихъ колоссальныхъ сооруженій. Такъ полуостровъ Флориду предполагается прорѣзать каналомъ, который бы шелъ отъ океана къ Мексиканскому заливу и съ сооруженіемъ котораго 1.600,000 гектаровъ земли, покрытой въ настоящее время болотами, сдѣлаются съ помощью дренажа годными для земледѣлія. Подобный-же каналъ предполагается прорыть въ Калифорніи отъ озера Тулоне до рѣки св. Іоакима, отчего уровень воды въ озерѣ понизится на 4 метра 50 сант., а рѣка св. Іоакима сдѣлается настолько глубокой, что въ состояніи будетъ поднимать большія суда. Кромѣ того, отъ прорытія означеннаго канала 300 тысячъ гектаровъ земли сдѣлаются годными для обработки. (м.)

Милліардъ минутъ. Когда въ 1818 г. во Франціи возникла мысль предоставить французскимъ эмигрантамъ милліардъ франковъ, генералъ Фуа воскликнулъ въ засѣданіи, обсуждавшемъ этотъ вопросъ: „Милліардъ франковъ! Развѣ никому неизвѣстно, что со времени смерти Христа не прошло еще милліарда минутъ?" Хотя со времени этого восклицанія прошло уже болѣе половины столѣтія, все еще нѣтъ полнаго милліарда минутъ. Это произойдетъ только въ 1902 году. (р.)

Подъ заглавіемъ „Свадьба по векселю" антверпенскія газеты сообщаютъ о слѣдующемъ случаѣ: Богатый фландрскій купецъ, поселившійся на малыхъ Каролинскихъ островахъ, задумалъ жениться и написалъ письмо своему антверпенскому корреспонденту такого содержанія: „Со слѣдующимъ кораблемъ пришлите мнѣ дѣвушку 20—25 лѣтъ, красивой наружности, кроткаго характера, хорошаго поведенія и крѣпкаго здоровья, могущую вынести климатъ и избавить меня отъ выписки другой. Не забывайте при этомъ расходы по перевозкѣ. Приданаго не требуется. На случай прибытія сюда такой дѣвушки съ настоящимъ письмомъ въ видѣ векселя или же засвидѣтельствованной копіи съ него, я обязуюсь выкупить этотъ вексель спустя двѣ недѣли." Корреспондентъ приступилъ къ выполненію желанія своего кліента и послѣ долгихъ поисковъ дѣйствительно нашелъ подходящую дѣвушку, жившую въ услуженіи у своей тетки, а потому согласившуюся выйти такимъ образомъ замужъ. Былъ снаряженъ пароходъ съ товаромъ и дѣвушка отправилась. Въ фактурѣ корреспондентъ помѣтилъ: „Плюсъ, дѣвушка 24 лѣтъ, соотвѣтствующая условіямъ, обозначеннымъ въ векселѣ, что подтверждается при взглядѣ на нее, а также свидѣтельствами. При ней находятся метрическое свидѣтельство, удостовѣреніе о поведеніи, аттестатъ сосѣдей, видѣвшихъ дѣвушку у больной тетки въ теченіе трехъ лѣтъ и наконецъ свидѣтельство двухъ докторовъ о ея сложеніи". Дѣвушка и грузъ счастливо прибыли къ мѣсту назначенія и купецъ былъ въ восторгѣ при видѣ красивой дѣвушки.— „Сударь, сказала она, у меня есть на васъ вексель, согласны вы выкупить его?"—„О да, послѣдовалъ отвѣтъ, мои векселя еще никто не протестовалъ". Дѣйствительно, чрезъ двѣ недѣли состоялась свадьба. (г.)

Значеніе музыки у древнихъ грековъ. Музыка и пѣніе составляли и составляютъ, какъ извѣстно, одно изъ любимѣйшихъ наслажденій человѣка съ самыхъ отдаленныхъ временъ. Не только люди, но даже звѣри испытываютъ на себѣ вліяніе музыки, такъ напр., акулы, змѣи тропическихъ странъ, и многія другія животныя очень любятъ музыку. По миѳологическому преданію, несчастный Орфей укрощалъ своимъ пѣніемъ дикихъ звѣрей и даже двигалъ камни. Сколь великимъ значеніемъ пользовалась музыка у древнихъ грековъ, приписывавшихъ ей даже чудодѣйственную силу, можно судить, между прочимъ, изъ письма бывшаго духовника шведской королевы Христины, аббата Бурдело, написаннаго имъ въ 1652 г. по поводу устроеннаго при дворѣ музыкальнаго вечера. Древніе греки, пишетъ аббатъ, производили, съ помощью извѣстнаго мотива, возмущеніе толпы и когда послѣдняя начинала уже слишкомъ неистовствовать, то усмиряли ее переходомъ того-же мотива въ другіе тоны и замедленіемъ темпа. Съ помощью извѣстныхъ арій, можно было также возбуждать или заглушать въ сердцѣ человѣка любовь, ревность, зависть, злобу и другія хорошія и дурныя чувства. Напр., дорическій народный гимнъ имѣлъ будто бы свойство внушать цѣломудріе и супружескую вѣрность. Одинъ изъ героевъ Троянской войны, царь Агамемнонъ, хорошо знакомый съ чудодѣйственной силой названнаго гимна для своей супруги Клитемнестры, оставилъ, уѣзжая на войну, дорическаго музыканта. Узнавъ объ этомъ, одинъ изъ самыхъ страстныхъ поклонниковъ царицы, Эгистъ, желая устранить причину неприступности своего идеала, приказалъ отравить злополучнаго музыканта и нанялъ другого, которому поручилъ играть только лидійскую музыку, имѣвшую будто-бы свойство производить обратное дѣйствіе. (м.)

Оригинальный заказъ. Возвратившійся недавно въ Римъ изъ своей поѣздки по восточной Африкѣ извѣстный путешественникъ графъ Антонелли получилъ крайне оригинальное порученіе отъ повелителя племени Шоа, короля Менелика. Послѣдній далъ Антонелли мѣрку, по которой просилъ заказать въ Италіи нѣсколько дюжинъ перчатокъ, черныхъ чулокъ и башмаковъ для себя и своей супруги. Съ своей стороны, королева просила названнаго путешественника заказать для нея въ Римѣ двадцать пять образовъ различныхъ святыхъ и большой образъ Богоматери, а также вручила ему собственноручные наброски двухъ эѳіопскихъ святыхъ, по которымъ просила написать въ Римѣ два большихъ изображенія. Кромѣ того, графу Антонелли поручено заказать столовый сер-

визъ и нѣсколько дюжинъ стеклянной посуды съ вензелями короля и королевы. (м.)

Передача сообщеній водою въ запечатанной бутылкѣ. Французская миссія въ Бернѣ передала недавно, по порученію своего министерства иностранныхъ дѣлъ, федеральнымъ властямъ бутылку, въ которой помѣщена была бумага, покрытая подписями уроженцевъ различныхъ нѣмецкихъ кантоновъ Швейцаріи, покинувшихъ нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ Европу, чтобы переселиться въ болѣе мирныя страны, въ виду усиленно распространявшихся слуховъ объ общеевропейской войнѣ. Лица эти, сообщающія о своемъ благополучномъ путешествіи, бросили бутылку около береговъ Австраліи, и бутылка доплыла до береговъ Франціи. Найдена она была около порта Пальяка, у устьевъ рѣки Жиронды. (м.)

Гладстонъ и вѣнскій вальсъ. Недавно у Гладстона собрались гости. Послѣ ужина одинъ изъ присутствующихъ сѣлъ за рояль и началъ играть танцы. Къ нему подошелъ Гладстонъ, игравшій въ карты, и просилъ уступить мѣсто: „Все пустяки, господа, сказалъ онъ, танцовать можно только подъ звуки вальса вальсовъ". Послѣ этихъ словъ онъ заигралъ „An der schönen blauen Donau", и вскорѣ вся зала наполнилась танцующими парами. Гладстонъ обѣщалъ нѣкоторымъ дамамъ играть у нихъ на вечерахъ, такъ какъ у него, какъ у министра не у дѣлъ, какъ онъ весело замѣтилъ, „очень много времени для подобныхъ развлеченій". (р.)

Съ бременскимъ пароходомъ „Фульда" привезено недавно въ Нью-Іоркъ изъ Богеміи 2000 живыхъ фазановъ. Они предназначаются для разведенія. За этимъ первымъ привозомъ вскорѣ послѣдуютъ другіе, такъ какъ различные фермеры въ штатахъ Нью-Іоркъ и Нью-Жерсеѣ предполагаютъ заняться разведеніемъ фазановъ въ большихъ размѣрахъ. Воробей не пользуется хорошей славой въ Соединенныхъ Штатахъ. Орнитологъ сельскохозяйственнаго департамента въ Вашингтонѣ пишетъ: „Воробей, послѣ привоза его изъ Европы, занимаетъ ежегодно въ Соединенныхъ Штатахъ 130,000 квадратныхъ миль новой земли. Обыкновенно онъ строитъ гнѣзда на городскихъ зданіяхъ, но оттуда залетаетъ далеко въ окрестности и лакомится вишнями, виноградомъ и лучшими овощами. Это свойство воробья заставляетъ его уничтожать, но является вопросъ: какимъ образомъ? Воробей давно замѣтилъ, что къ нему относятся недружелюбно, почему сдѣлался хитрѣе. Послѣдніе годы онъ уже сталъ строить гнѣзда на деревьяхъ, вмѣсто зданій." (р.)

Бактеріи во льду. Профессоръ Френкль въ Берлинѣ сдѣлалъ чрезвычайно любопытное открытіе; благодаря тщательнымъ изслѣдованіямъ, онъ доказалъ присутствіе бактерій во льду. При томъ значеніи, какое имѣетъ ледъ въ хозяйствѣ, въ медицинѣ и для другихъ цѣлей, открытіе Френкля важно не только въ научномъ, но и въ практическомъ отношеніи. Изслѣдованія льда въ Сѣверогерманскихъ ледяныхъ заводахъ въ Берлинѣ дали въ кубическомъ сантиметрѣ растаявшей воды, въ февралѣ 1886 г.—218 до 6300 колоній микроорганизмовъ, въ мартѣ 210 до 8000 и въ апрѣлѣ—420 до 8400 колоній. Растаявшая вода должна быть немедленно подвергнута изслѣдованію, иначе число микроорганизмовъ значительно увеличивается. Извѣстное число зародышей бактерій воды не переживаетъ процесса замерзанія, и можетъ случиться, что обильная бактеріями вода даетъ достаточно чистый ледъ. Съ другой стороны это заставляетъ предполагать, что обильный бактеріями ледъ даетъ вполнѣ непригодную воду и что при употребленіи льда слѣдуетъ соблюдать извѣстную осторожность. Сѣверогерманскіе ледяные заводы приготовляютъ такъ называемый искусственный ледъ изъ дестиллированной и колодезной воды; ледъ этотъ даетъ въ таломъ видѣ 280 до 2360 колоній, на кубическій сантиметръ воды. Ледъ Кристальнаго ледяного общества, изготовляемый исключительно изъ дестиллированной воды, почти чистъ отъ бактерій. Наибольшее число на кубическій сантиметръ талой воды изъ этого льда составляло 14 колоній, между тѣмъ какъ ледъ этого же общества, изготовленный изъ колодезной воды, также обиленъ зародышами бактерій, какъ и ледъ Сѣверогерманскихъ заводовъ. На основаніи этого, Френкль приходитъ къ заключенію, что слѣдуетъ избѣгать употребленія въ пищу природнаго льда, въ виду обильнаго содержанія въ немъ способныхъ къ развитію бактерій. Далѣе онъ непригоденъ для ранъ. Повсюду, гдѣ ледъ непосредственно соприкасается съ пищей, измѣняемой впослѣдствіи при варкѣ, употребленіе естественнаго льда можетъ быть допущено, хотя слѣдуетъ предпочитать ледъ искусственный. Во всѣхъ же случаяхъ, гдѣ пища не непосредственно соприкасается со льдомъ, употребленіе натуральнаго льда совершенно безопасно. (р.)

Моментальная фотографія въ пользованіи полиціи. Моментальные снимки возбудили въ высшей степени вниманіе какъ публики, такъ людей науки и художниковъ. При помощи моментальныхъ снимковъ удалось прослѣдить не только видоизмѣненія движенія людей и животныхъ, но даже отдѣльныя части движеній. Полетъ птицы, приготовительное движеніе къ полету, маятникообразныя раскачиванія ноги человѣка и животныхъ при ходьбѣ, способъ отдѣленія ступни отъ земли, всѣ эти отдѣльныя части движеній сдѣлались видимы благодаря моментальнымъ снимкамъ. Далѣе, при помощи этихъ снимковъ сдѣлался видимымъ полетъ пистолетной пули и кромѣ того удалось точно высчитать скорость, съ которою пущенная свинцовая пуля пролетаетъ въ воздухѣ. Моментальные снимки пріобрѣли еще болѣе значенія, давъ возможность получить изображеніе электрической искры, т. е. летящей чрезъ облако молніи. Оказывается, что послѣдняя падаетъ на землю вовсе не въ видѣ зигзага. Они похожа скорѣе на сильно извивающуюся рѣку, отъ которой во всѣ направленія идутъ боковыя вѣтви, которыя, точно также извиваясь, падаютъ на землю. Каждый изъ этихъ пуковъ искръ состоитъ изъ четырехъ параллельныхъ лучей, между которыми находятся темныя полосовидныя пространства. Моментальная фотографія оказала большія услуги астрономіи, давъ возможность сдѣлать много снимковъ въ небольшой промежутокъ времени. Для полученія изображенія Сиріуса, потребовалось для освѣщенія пластинки $^{5}/_{1000}$ одной секунды времени.

Въ послѣднее время моментальные снимки получили новое примѣненіе; именно, ими стала пользоваться полиція для фотографированія подозрительныхъ личностей безъ ихъ вѣдома. Маленькими аппаратами снабжена большая часть лондонскихъ полицейскихъ. Одинъ изъ парижскихъ банковъ также пользуется этими аппаратами для незамѣтнаго фотографированія лицъ, приходящихъ для размѣна или продажи цѣнныхъ бумагъ и почему либо не внушающихъ довѣрія. (р.)

Высшее общество въ Парижѣ придумало новое зимнее развлеченіе. Въ извѣстные часы мужчины и дамы приказываютъ освѣщать бенгальскими огнями каналы Парижа, постройка которыхъ чрезвычайно любопытна, и осматриваютъ ихъ съ факелами въ рукахъ. Понятно, что осмотръ происходитъ съ проводниками. (р.)

На верфи въ Вильмингтонѣ, въ штатѣ Делявaръ, окончена яхта „Альфа", сдѣланная по заказу Вандербильта. Длина ея равняется 285 футамъ; она устроена чрезвычайно изящно и можетъ быть названа плавающимъ дворцомъ. „Альфа" обошлась въ 650,000 долларовъ (1 долл.=2 руб.). (р.)

Монгодіерскія пещеры. Французскій антропологъ Альбертъ Годри, посѣтившій недавно монгодіерскія пещеры, въ Шарантскомъ департаментѣ, въ которыхъ обитали люди въ позднѣйшіе періоды третичныхъ формацій, между прочимъ, сообщаетъ о нихъ слѣдующія свѣдѣнія. Пещеры находятся на живописныхъ берегахъ рѣчки Тардуары; онѣ чрезвычайно обширны и природа образовала надъ ними естественные своды. Надъ скалою, въ которой онѣ образовались, поднимается высокій курганъ, откуда открывается обширный кругозоръ. Въ этихъ же самыхъ пещерахъ Пеньонъ нашелъ древній жезлъ, украшенный изображеніями животныхъ, вырѣзанными на кости твердою и искусною рукою, что свидѣтельствуетъ, что въ тѣ отдаленныя времена обитатели пещеръ уже обладали нѣкоторыми познаніями и художественнымъ дарованіемъ. Въ грунтѣ пещеръ, въ слоѣ накопившагося ила, на одной глубинѣ съ мѣстомъ нахожденія жезла, былъ прорытъ длинный ровъ, въ которомъ были найдены скелеты медвѣдя, гіены, льва, большого бизона и носорога. Глубже, въ болѣе древнемъ пластѣ, найдено гораздо менѣе исчезнувшихъ животныхъ, но отрыты многочисленные остатки однокопытныхъ млекопитающихъ. (н.)

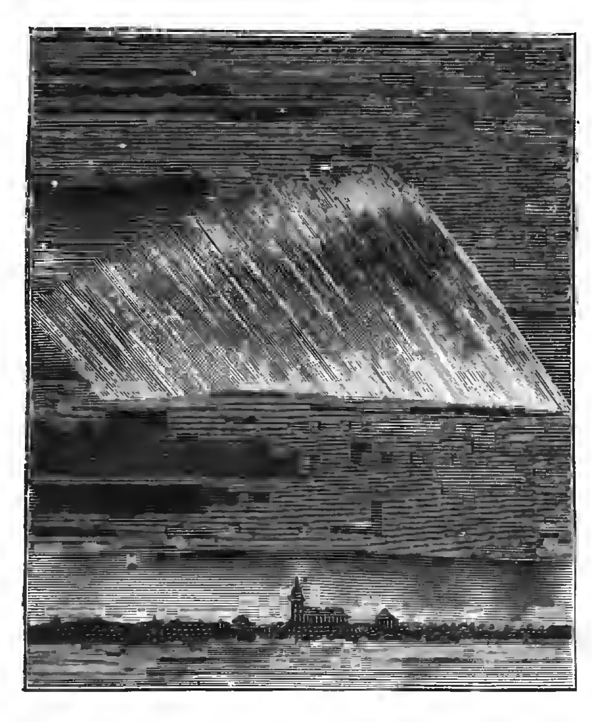
Нефтяной газъ. Въ американскихъ городахъ Питсбургѣ и Лимѣ (въ штатѣ Огіо) были произведены наблюденія надъ дѣйствіемъ нефтяного газа и его вліяніемъ на окраску домовъ. До послѣдняго времени, измѣненія въ окраскѣ были замѣчены въ Лимѣ только на домахъ, находящихся вблизи нефтяныхъ источниковъ, въ восточной и юго-восточной частяхъ города; въ настоящее же время отъ дѣйствія газа окраска домовъ во всемъ городѣ начинаетъ замѣтно измѣняться. Въ осеннія туманныя ночи дѣйствіе газа, какъ кажется, усиливается. Съ того времени какъ въ окрестностяхъ Лимы количество нефтяныхъ источниковъ увеличилось, воздухъ сталъ содержать въ себѣ значительную примѣсь газа. Вечеромъ, когда роса опускается на землю, присутствіе газа ясно ощущается обоняніемъ. Въ этомъ газѣ содержится много сѣры; эта послѣдняя, въ соединеніи съ росою, туманомъ и дождевыми каплями, образуетъ, какъ должно полагать, сѣрнистый водородъ, который, въ свою очередь, въ соединеніи со свинцомъ, находящимся въ краскѣ, образуетъ сѣрнистый свинецъ, имѣющій черный цвѣтъ, отчего стѣны строеній и пріобрѣтаютъ коричневый оттѣнокъ. (н.)

Начало игры „Домино" относится къ VI столѣтію. Два бенедиктинскіе монаха знаменитаго монастыря Монте-Казино были за какую-то вину посажены въ одну келью, гдѣ отъ скуки изобрѣли игру. Они брали бѣлые камешки (по всей вѣроятности кусочки мѣлу) и отмѣчали ихъ черными точками, затѣмъ складывали такимъ образомъ, что выходилъ извѣстный счетъ. Однако за ними наблюдалъ аббатъ, почему они сговорились, при малѣйшемъ подозрительномъ шумѣ, говорить первый стихъ вечерняго псалма: „Dixit Dominus Domino..." Далѣе они не знали наизусть стиха и останавливались на словѣ „Домино". Отъ этого часто повторявшагося слова и названа самая игра, получившая такое большое распространеніе. (р.)

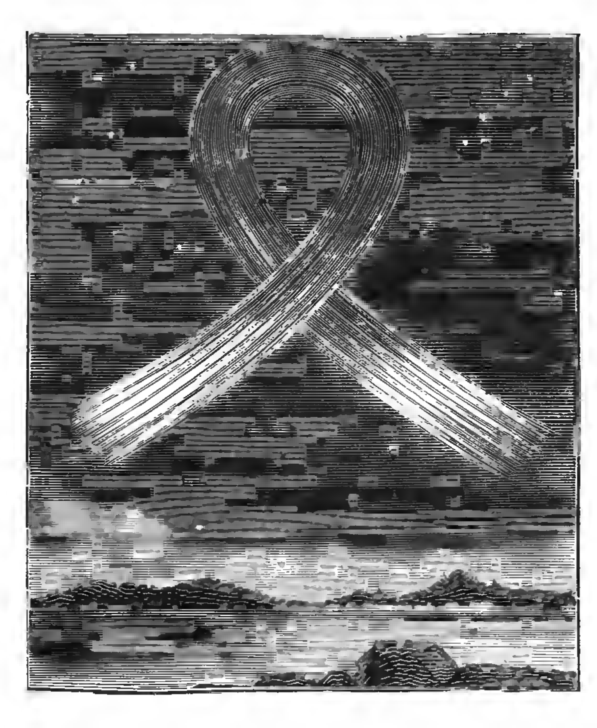
Въ Римѣ устроена будетъ, въ началѣ будущаго года, выставка кружевъ, главное мѣсто въ которой займутъ старинныя венеціанскія кружева, обезсмертенныя Тиціаномъ и Павломъ Веронезомъ въ ихъ портретахъ. (м.)

Новое медицинское сочиненіе герцога Карла Баварскаго. Пользовавшійся до сихъ поръ большою извѣстностью въ медицинскомъ мірѣ какъ окулистъ и операторъ, братъ императрицы австрійской, герцогъ Карлъ-Теодоръ Баварскій обогатилъ недавно науку медицины сочиненіемъ: „Патологическая анатомія глаза у лицъ, страдающихъ болѣзнями спиннаго мозга". Книга герцога Карла, представляющая изъ себя очень почтенный и серіозный трудъ, цѣнится очень высоко учеными медиками. (м.)

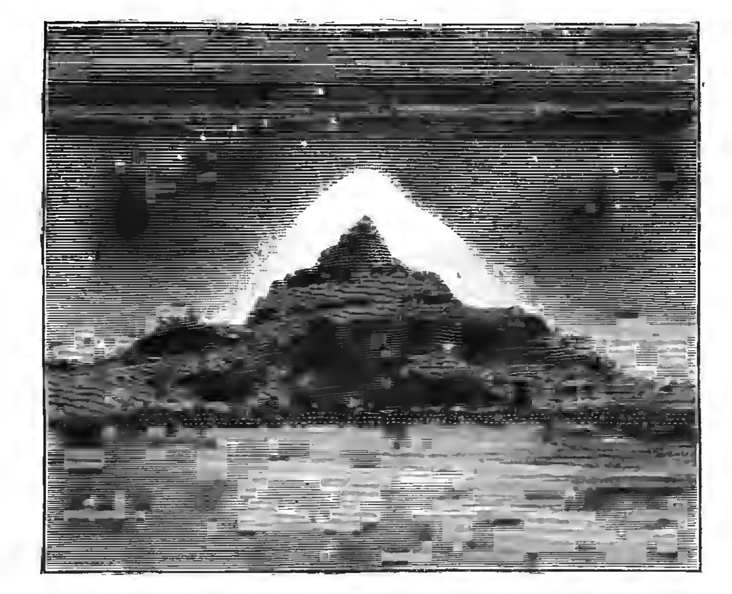
Донъ-Карлосъ, какимъ его изображаетъ исторія, составляетъ совершенную противоположность идеальной личности, представленной Шиллеромъ. Не смотря на прекрасное воспитаніе, данное Филиппомъ II своему единственному въ то время сыну, Донъ-Карлосъ былъ очень нелюбезенъ по природѣ, алченъ, питалъ отвращеніе къ умственнымъ и физическимъ занятіямъ и потому отличался невѣжествомъ и слабостью сложенія. Благодаря расточительности, онъ навлекъ на себя гнѣвъ отца и несогласіе увеличивалось еще болѣе, въ виду нежеланія Филиппа II поручить инфанту государственныя дѣла. Нельзя однако отрицать, что король вовсе не пытался подѣйствовать на сына добротою и лаской. Единственное лицо, къ которому инфантъ относился съ любовью, была его мачиха Елизавета Валуа. Испанская оппозиціонная партія воспользовалась принцемъ противъ нелюбимаго короля и внушила слабоумному юношѣ, что онъ въ качествѣ вице-короля долженъ отправиться въ Нидерланды и оттуда завладѣть королемъ. Когда же это мѣсто получилъ Альба, разсерженный Донъ-Карлосъ обнажилъ противъ него мечъ. Однако между отцомъ и сыномъ наступило примиреніе; король сдѣлалъ инфанта предсѣдателемъ въ государственномъ и военномъ совѣтѣ и увеличилъ его годовое содержаніе на 100,000 дукатовъ (около 100,000 руб.). Но это не исправило принца. Онъ снова предался излишествамъ, дѣлалъ громадные долги и сталъ помышлять объ отцеубійствѣ. Исповѣдникъ его предупредилъ объ этомъ короля, который увидѣлъ себя вынужденнымъ сдѣлать безвреднымъ неспособнаго наслѣдовать престолъ инфанта. Замѣчательно то спокойствіе, съ которымъ Филиппъ II лично арестовалъ сына, въ ночь съ 19 на 20 января 1568 г., и на ругань взбѣшеннаго отвѣтилъ: „Съ вами я стану поступать теперь не какъ отецъ, а какъ король“. Ранѣе, чѣмъ кончилось дознаніе, инфантъ привелъ въ исполненіе свое намѣреніе умереть. Прежде онъ пытался голодать, затѣмъ перешелъ къ излишеству въ пищѣ и наконецъ къ горячительнымъ напиткамъ. Послѣднее привело къ цѣли. Несчастный инфантъ скончался 24 іюля 1568 г. (р.)

Фиг. 2. Сѣверное сіяніе лучистое, видѣнное 19-го ноября 1871 г. въ Финляндской Лапландіи.

Фиг. 3. Сѣверное сіяніе необычайной формы, видѣнное изъ дома священника въ Энаре (Улеаборгской губ., въ Финляндіи).

Фиг. 4. Сіяніе, видѣнное вокругъ вершины горы на островѣ Шпицбергенѣ.

Генри Станлей, знаменитый изслѣдователь Африки, который въ настоящее время долженъ стать во главѣ большой африканской экспедиціи, снаряжаемой для освобожденія Эмина-Бея (д-ра Шницлера), находится теперь въ Брюсселѣ. Онъ прибылъ сюда съ цѣлью испросить у бельгійскаго короля, на службѣ котораго состоитъ, позволеніе принять на себя управленіе экспедиціей. Леопольдъ II не только далъ просимое разрѣшеніе, но одобрилъ смѣлый замыселъ. Станлей попрежнему бодръ и дѣятеленъ. Разговоръ съ королемъ продолжался болѣе двухъ часовъ; Леопольдъ II очень интересуется африканскими дѣлами и подробно разспрашивалъ о дорогахъ, ведущихъ въ Ваделай, къ Эмину-Бею и его сотоварищу, итальянцу Казати. Экспедиціи не предвидится никакого препятствія, такъ какъ необходимый капиталъ уже собранъ. Находятся только въ нерѣшительности относительно выбора пути. Въ Англіи предпочитаютъ путь на Занзибаръ, но послѣднія свѣдѣнія о наступленіи негритянскаго короля Муанго дѣлаютъ этотъ путь не безопаснымъ. Станлей стоитъ за путь чрезъ область Конго, въ виду того, что въ Лондонѣ онъ получилъ депешу отъ д-ра Юнкера, который изслѣдовалъ рѣку Уэлэ до 22 градуса долготы и нашелъ ее судоходной, что очень важно. Уэлэ, это притокъ Убанги, составляющей въ свою очередь притокъ Конго. Дорога къ Ваделаю по этому пути немного продолжительнѣе, за то не предвидится никакихъ схватокъ. Во время пребыванія въ Брюсселѣ, Станлей получилъ телеграмму отъ д-ра Юнкера, извѣстившаго, что 21 декабря нѣмецкій путешественникъ, отправляющійся чрезъ Аденъ въ Каиръ, сѣлъ на корабль въ Занзибарѣ и намѣренъ прибыть къ мѣсту назначенія 10 января 1887 г. Станлей возвращается въ Лондонъ распорядиться послѣдними приготовленіями къ экспедиціи. Однако до начала ея онъ свидится съ Юнкеромъ, который, вѣроятно, присоединится къ экспедиціи. Послѣдній, какъ единственный европеецъ, счастливо ушедшій изъ Ваделая, можетъ оказать экспедиціи неоцѣнимыя услуги. Если же Станлей выберетъ путь чрезъ Конго, то онъ разсчитываетъ на содѣйствіе дружественнаго ему арабскаго вождя Типпу-Тигъ, лагерь котораго находится вблизи большихъ озеръ. (р.).

Священный обрядъ омовенія наслѣдника сіамскаго престола. Въ концѣ января текущаго года въ г. Банкакѣ совершена будетъ торжественная церемонія омовенія наслѣдника сіамской короны. Обрядъ этотъ, имѣющій огромное значеніе въ королевствѣ, своею роскошью и пышностью долженъ превзойти на этотъ разъ всѣ подобныя, совершавшіяся со времени основанія Сіама, церемо-

ніи. Послѣ омовенія, молодой принцъ, имѣющій нынѣ восемь лѣтъ отъ роду, будетъ признанъ правительствомъ и народомъ какъ будущій король, причемъ актъ этотъ равносиленъ объявленію совершеннолѣтія европейскихъ наслѣдныхъ принцевъ. Обычай омовенія наслѣдниковъ престола ведетъ свое начало съ первыхъ лѣтъ основанія Сіамскаго королевства. Одно время онъ былъ совершенно оставленъ, именно послѣ разрушенія древней сіамской столицы Аинтіи, но затѣмъ снова возстановленъ царемъ Фаталесла для своего сына и наслѣдника, принца Параменда. О роскоши, съ которой совершена будетъ предстоящая церемонія, можно судить по сохранившемуся описанію церемоніи обряда омовенія принца Параменда. Выстроенъ былъ огромный пловучій дворецъ, убранный со всемъ блескомъ и роскошью востока, и спущенъ на рѣку противъ большого дворца. Пловучее зданіе это оберегало семь рядовъ часовыхъ, расположенныхъ вокругъ въ маленькихъ лодкахъ. Въ продолженіе первыхъ двухъ дней молодой принцъ, сопровождаемый блестящей свитой и тѣлохранителями, ходилъ въ большой дворецъ для совершенія молитвъ, а на третій день надъ нимъ произведенъ былъ въ пловучемъ дворцѣ обрядъ омовенія, при торжественныхъ моленіяхъ. (м.)

О чувствѣ обонянія сѣвероамериканскіе физіологи Никольсъ и Бэлей дѣлали въ послѣднее время любопытныя изслѣдованія, которыя привели къ неожиданнымъ результатамъ. Оба ученые наполняли бутылочки точно опредѣленными растворами сильно пахучихъ веществъ, гвоздичнымъ масломъ, экстрактомъ чесноку, синильною кислотою и пр. и заставляли извѣстное число лицъ назвать одинъ изъ запаховъ. При этомъ оказалось чрезвычайное различіе въ чувствѣ обонянія; такъ напр. одни слышали синильную кислоту въ растворѣ одного грамма въ 2.000 килограммахъ воды, другіе же не ощущали кислоты въ растворѣ въ сто разъ сильнѣйшемъ. Замѣчательные результаты дали сравненія чувствъ обонянія мужчинъ и женщинъ. Опыты были произведены надъ 44 мужчинами и 39 женщинами, причемъ оказалось, что мужчины обладаютъ болѣе тонкимъ обоняніемъ. Ни одна изъ женщинъ не могла опредѣлить присутствія синильной кислоты въ растворѣ одной ея части въ 20.000 частяхъ воды, тогда какъ много мужчинъ узнавали кислоту въ растворѣ ея въ 100.000 частей. Запахъ лимона мужчины узнавали въ 250.000 растворѣ, между тѣмъ какъ для женщинъ требовалась въ два раза сильнѣйшая смѣсь. Тоже самое повторилось при опытахъ съ чеснокомъ и другими запахами. Результаты эти вполнѣ противорѣчатъ существующему предположенію, что у женщинъ чувствительнѣе обоняніе, въ виду чего онѣ любятъ духи болѣе нежели мужчины. Это вѣроятно основывается на томъ, что нервы женщинъ менѣе раздражаются духами, нежели нервы мужчинъ, почему на первые и менѣе дѣйствуютъ сильные запахи. (г.)

Одиннадцати-этажный домъ въ Нью-Іоркѣ, по 7-й Продольной улицѣ.

Пивныя дрожжи какъ цѣлебное средство. Въ медицинскихъ кружкахъ въ Бреславлѣ возбудило общее вниманіе мнѣніе доктора Геера-Ратибора о примѣненіи чистыхъ пивныхъ дрожжей, какъ безвреднаго средства, при различныхъ заразныхъ болѣзняхъ. Названный докторъ выставляетъ слѣдующіе пять пунктовъ: 1) дрожжи дѣйствительное цѣлебное средство при заразныхъ болѣзняхъ, особенно при цынгѣ; 2) при многихъ случаяхъ сильно развитой туберкулезной чахотки отъ употребленія дрожжей исчезала лихорадка и прекращалось сгущеніе легочной ткани; 3) употребленіе дрожжей совершенно безопасно; дозы до двухъ литровъ въ день переносятся безъ всякихъ дурныхъ послѣдствій; 4) средство это охотно принимается всѣми больными и замѣняетъ имъ молоко; 5) въ виду того, что дрожжи легко усвоиваются организмомъ, онѣ становятся питательнымъ средствомъ. Докторъ Гееръ считаетъ дрожжевой гри-

бокъ врагомъ не только дифтеритнаго грибка, но также и холерной бациллы. (г.)

Новое средство противъ голевной боли послѣ пьянства. Англійскій врачъ Ватонъ Смитъ сообщаетъ крайне интересныя свѣдѣнія объ употребляемыхъ жителями центральной Америки и западной Африки, растущихъ въ означенныхъ странахъ, орѣхахъ, оказывающихъ истинное благодѣяніе человѣчеству. Орѣхи эти, извѣстные подъ названіемъ кола или гурунныхъ орѣховъ, имѣютъ, по словамъ доктора Смита, свойство не только дѣлать дурную и грязную воду годной для питья, а испорченную пищу годной для употребленія, но являются также превосходнымъ средствомъ противъ одного изъ величайшихъ страданій смертныхъ, извѣстнаго въ общежитіи подъ названіемъ „катценъяммера“. Приготовленная изъ означенныхъ орѣховъ паста совершенно освѣжаетъ голову въ теченіе какого нибудь получаса. Въ городахъ, гдѣ расположены гарнизоны, на дорогахъ, ведущихъ въ казармы, располагаются обыкновенно торговцы упомянутыхъ орѣховъ, продающіе ихъ возвращающимся изъ отпуска и часто бывающимъ на-веселѣ солдатамъ. Арабы, которые переносятъ гораздо большее количество спиртныхъ напитковъ, чѣмъ туземцы означенныхъ странъ, могутъ дѣлать это лишь оттого, что во время питья жуютъ постоянно пасту, приготовленную изъ названныхъ орѣховъ, чѣмъ предотвращаютъ вредное дѣйствіе алкоголя. Кромѣ того, при употребленіи означенной пасты, спиртные напитки дѣлаются на другой день совершенно противными, такъ что орѣхи эти имѣютъ и неоцѣненное морализующее значеніе. (м.)

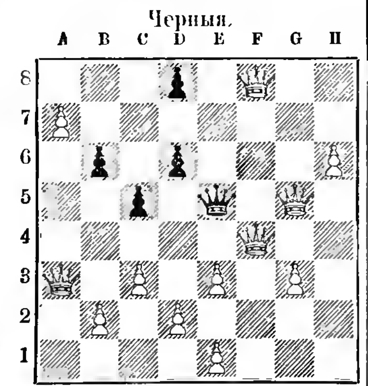
Ребусъ. Задача № 9.

Шашечная задача № 10.

П. Ржепишевскаго.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ 3 пѣшки и дамку черныхъ въ 14 ходовъ.

Шахматная задача № 11.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Редакторъ **Ф. Бергъ**. Издатель **А. Марксъ**.

ОГНЕУПОРНЫЙ И НЕПРОМОКАЕМЫЙ

СУПЕРАТОРЪ

для крышъ, потолковъ, стѣнъ и разн. примѣненій. **Э. ГОЛЬЦГАУЕРЪ**, Больш. Морская, 21. Р. № 2350

10—7 **СКРИПКИ** R. № 2163

получившія шесть разъ первыя награды, а также и всѣ струнные инструменты. **беззвучная скрипка** для ученія (патент.).

ЦИТРЫ всѣхъ сортовъ. **ГИТАРЫ**

и духовые инструменты. Школы для всѣхъ инструментовъ. Мастерская починокъ. Дешевыя цѣны. Рекоменд. Вильгельми, Саразате, Туа и др. Подробные прейсъ-куранты высыл. безплатно и франко.

БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ

фабрика инструментовъ въ Крейцнахѣ.

---

6 р. СЪ ПЕРЕС. ЖУРНАЛЪ

„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ“

на 1887 (второй) годъ,

К. Масленникова. 52 номера. Практическіе отвѣты на всѣ вопросы. **Много рисунковъ** въ текстѣ **и отдѣльно. Приложены** при №№ 1—10 **сѣмена новой ржи и сорго для силосовъ. Больш. хромолитогр. породы куръ и гусей, красками** СПБ. Знаменская, 43. № 2349

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

ДОМА И НА ВОЙНѢ. 2-е иллюстрир. изд. Воспомин. и разсказы **Александра Верещагина** 600 стр. текста. Цѣна **2 р. 50 к.**

АНЕКДОТЫ и черты изъ жизни гр. Милорадовича, героя отечественной войны, рыцаря безъ страха и упрека. Съ портретомъ и рисункомъ смерти графа 14-го декабря 1825 года. Цѣна **1 руб.**

ГЕНЕРАЛЪ БОКЛЮ. Біографическій очеркъ **В. Потто**, съ портретомъ и виньетками 2-е изданіе. Цѣна **1 р. 25 к.**

Книжный складъ **В. А. Березовскаго**, СПБ., Колокольная, 14. № 2348 3—1

№ 2001 20—17

СПБургъ, Невскій пр. № 52. противъ Публич. Библіотеки

ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ,

спеціалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ. **Золот. и сереб. часы и пр. Прейсъ-куранты по востреб**

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1885 года,

заключающій въ себѣ болѣе 1300 страницъ текста и 700 художественно выполненныхъ граворъ, большой романъ графа **Е. А. Саліаса**—„Милліонъ“, разсказъ **Вс. Соловьева**—„Кименисъ“, разсказъ **Я. П. Полонскаго**—„Искушеніе“, большую повѣсть **В. И. Немировича - Данченко** — „Кулисы“, большую повѣсть **Н. Н. Каразина**—„Голосъ крови“, разсказъ **А. Я. Максимова**—„За драгоцѣннымъ корнемъ“, два разсказа **П. П. Гнѣдича** — „Литературное чтеніе“ и „Тѣнь отца Гамлета“, разсказы **Н. В. Успенскаго** „Оригиналъ“ и „Ивановская ярмарка“, повѣсть **Н. Петрова** — „Радованская тайна“, разсказы **В. Желиховской, В. Веригина. Н. К. Лебедева (Морскаго), К. Н. Леонтьева** и др., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, астрономіи и проч. и проч. и кромѣ того большая олеографическая картина **В. И. Якобія**

„ВѢНКИ“.

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ:

Брошюрован.	**4** р.	Въ коленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою. . . .	**6** „	Съ пересылкою. .	**7** „ **50** „

Съ требованіями обращаться въ С.-Петербургъ, въ контору редакціи журнала „Нива“, Невскій, № 6; въ Москвѣ—въ Отдѣленіе Конторы „Нивы“ у Н. Печковской. д. Петровскихъ Торговыхъ линій.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. коленк. 1886 г. съ зол. тисн. по вышеозначенному образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку. Также имѣются крышки для „Нивы“ прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1885 г. по той же цѣнѣ.

КАПСЮЛИ ГЮЙО

CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. Pt. № 2341 (2)

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться

ПАСТОЙ РЕНЬО

PATE REGNAULD

приготовляемой

19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

E. Guyot

Во всѣхъ аптекахъ.

Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

Самые модные, превосходные препараты

САФО

Мыло 50 к. Духи 1 р. 25 к. Кремъ 1 р. 25 к. Туалетная вода 1 р. 30 к. Пудра 1 р.

СПБ. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ

(5) Р. № 2121

СПБ. Гостин. дворъ, по Б. Садовой 45. Москва, Никольск., д. Шереметьев. подв.

МАСТЕРСКАЯ ДАМСКИХЪ НАРЯДОВЪ

СТАФАНОВОЙ

СПБ., Вознесенскій пр., д. 47, кв. 22, принимаетъ заказы на дамскія платья отъ 5 руб. и дѣтскія отъ 2 рублей. **Уроки парижской кройки. Кройка** и сметка лифа. № 2355

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ

А. Н. МАЙКОВА.

Четвертое, исправленное и значительно дополненное изданіе. Съ портретомъ автора, гравированнымъ на стали и факсимиле. 3 тома въ 8-ю долю листа, каждый около 500 страницъ.

Утвержденнымъ г. Министромъ опредѣленіемъ Ученаго Комитета Министерства Народнаго Просвѣщенія постановлено: книгу „Полное собраніе сочиненій А. Н. Майкова“ рекомендовать для фундаментальныхъ и ученическихъ библіотекъ среднихъ учебныхъ заведеній, а также для выдачи, при выпускѣ. въ награду ученикамъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеній, оканчивающимъ въ оныхъ курсъ, о чемъ и напечатано въ журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія.

Цѣна за всѣ три тома 6 руб., съ пересылкою 6 руб. 50 коп., въ роскошномъ коленкоровомъ переплетѣ 8 руб., съ пересылкою 9 руб.

ДЛЯ ПОДПИСЧИКОВЪ „НИВЫ“ 5 руб. 50 коп., съ пересылкою 6 руб., въ переплетѣ 7 руб., съ пересылкою 8 руб.

☞ Настоящее изданіе дополнено многими новыми стихотвореніями, цѣлою новою лирическою драмою: **„ДВА МІРА“** и отдѣломъ въ прозѣ:

„РАЗСКАЗЫ ИЗЪ РУССКОЙ ИСТОРІИ“.

Первое единственное, **дѣйствительно полное собраніе сочинен. А. Н. Майкова.**

Книгу можно получать: въ С.-Петербургѣ: Въ конторѣ журнала „Нива“ (Невскій пр., № 6); **въ Москвѣ у Н. Н. Печковской** (Петровскія линіи) и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ.

Продолжается подписка на 1887 г.

на ВѢСТНИКЪ ТИРАЖЕЙ

помѣщающій **тиражи** всѣхъ безъ исключенія процентныхъ бумагъ, доходы по всѣмъ цѣнностямъ, отчеты всякихъ банковыхъ, промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій и пр. Пробный нумеръ высылается за одну почтовую марку.

№ 2252 10—7

На годъ, безъ доставки	**4** р.
съ дост. въ С.-Петербургѣ. . . .	**5** р.
съ перес. во всѣ г. Имперіи . .	**6** р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блоккъ, Невскій, 86.

Только подлинно съ этою фабрич. маркою

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ*)** № 2058 36—17

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ у В. Ауриха**, Стремянная, **№ 4.**

Можно получить **въ Ригѣ:** у Адольфа Веттериха; Альфреда Бушъ; А. и В. Беттериха; **въ Нижнемъ - Новгородѣ:** въ аптек. магаз. Ив. Ремлера, Г. Зуль, **въ Херсони:** въ аптек. магаз. А. Ф. Миллера и Гехтъ и Баумгольца; **въ Пензѣ:** въ магаз. К. Е. Вартмера и въ аптекѣ Гольца; **въ Варшавѣ:** въ аптек. магаз. Люд. Спiсъ и Сына; **въ Вяткѣ:** въ аптекѣ А. Майка; **въ Самарѣ:** въ сарепт. магаз. Христензена; **въ Елизаветградѣ:** въ апт. Гольденберга и въ маг. наслѣдн. Трестера

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ,

ЧЛЕНА МЕДИЦИНСКОЙ АКАДЕМІИ ВЪ ПАРИЖѢ.

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ для чистки зубовъ.

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ для полосканія рта.

Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФРЕРА,

19, Rue Jacob. Paris. А. 2354

У ВСѢХЪ АПТЕКАРЕЙ И ПРОДАВЦЕВЪ БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ.

DENTIFRICES PELLETIER Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

ПРАКТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ:

ВСЕСТОРОННІЙ ГИМНАСТИЧЕСКІЙ КОМНАТНЫЙ ПРИБОРЪ.

Этотъ приборъ практической гимнастики, предназначенный для полезныхъ и здоровыхъ упражненій, посредствомъ цѣлесообразнаго напряженія ручныхъ и грудныхъ мускуловъ, также называется:

„Укрѣпитель рукъ и груди"

и удостоенъ многихъ, весьма лестныхъ, отзывовъ выдающихся медицинскихъ и педагогическихъ авторитетовъ; укрѣпляя мускулы, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждаетъ усиленную дѣятельность дыхательныхъ органовъ, почему и смѣло можетъ быть названъ

„УКРѢПИТЕЛЕМЪ ЛЕГКИХЪ",

такимъ образомъ, по мнѣнію медиковъ, приборъ этотъ есть одно изъ наилучшихъ средствъ для укрѣпленія и возстановленія здоровья, а такъ какъ онъ снабженъ регулирующими гирями, то и можетъ быть употребляемъ всѣми членами семейства—соотвѣтственно силамъ каждаго.

Цѣна 5 р., съ пересылкою 6 р. 50 к.

ОТОФОНЪ Д-ра ВРЕДЕНА.

Новый патентованный слуховой аппаратъ для театровъ и концертовъ.

Цѣна 8 р., съ пересылкою 9 руб.

Патентованная вѣшалка,

раздвигающаяся сообразно ширинѣ плечъ.

Цѣна 50 к., съ перес. 1 р.

НЕЛОМАЮЩІЯСЯ ФЛЯГИ,

для охоты и дороги, удобны также для варки. Отъ огня не портятся.

Цѣна 4 р., съ пересылкою 5 р.

ЧУДО-СТУЛЪ,

дѣтскій; перевернувъ который, изъ него выходитъ дѣтская коляска на резиновыхъ колесахъ и съ большимъ столикомъ.

Цѣна 12 р., съ пересылкою 13 р. 50 к.

ПУЛЬВЕРИЗАТОРЪ,

съ практич. примѣненіями, предохраняющими его отъ порчи; необходимъ для орошенія цвѣтовъ, дезинфекціи и освѣженія комнатъ, воздуха и пр.

Цѣна 4 р., съ пересылкою 5 р. 50 к.

БИДЭ, СКЛАДНОЕ,

съ толстою фарфоров. чашкою—улучшеннаго фасона.

Цѣна 9 р., съ пересылкою 12 р.

ПОДТЯЖКИ-АРГОЗИ,

настоящія американскія.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Кромѣ того, множество предметовъ, имѣющихъ обширное практическое примѣненіе и значеніе, получилъ № 2352

КОНСТ. МАЛЬМЪ,

складъ резиновыхъ товаровъ.

СПБ., Бол. Морская, д. 36.

20 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ КОНЬКОВЪ

отъ 2 руб.—15 руб. за пару.

Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.

Оптовымъ покупателямъ самыя выгодныя цѣны. Р. №2329 (4)

Ж. БЛОКЪ.

СПБ., Б. Морская, 21.

Москва, уг. Б. Луб. и Кузнецкаго моста.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ" 1886 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1.300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. С. Тургенева**, разсказъ графа **Л. Н. Толстаго**, романы графа **Е. А. Саліаса, Вс. Соловьева** и **Н. К. Лебедева (Морскаго)**, поэму **А. Н. Майкова**, разсказы и повѣсти **Всев. В. Крестовскаго, Я. П. Полонскаго, К. Тхоржевскаго, Н. И. Гнѣдича, А. Я. Максимова, Н. Петрова, В. П. Желиховской, Н. В. Успенскаго, Захеръ-Мазоха, К. Бороздина, Ар. Эвальда, Е. Кириллова** и разн. др., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч. кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„ГАДАНЬЕ".

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и вышиловочн. работъ. Въ переплет. экз. „Нивы" „Моды" прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ каленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . .	**6** „	Съ пересылкою. .	**7** „ **50** „

При покупкѣ этого тома, желающіе имѣть картину „Гаданье" наклеенною на полотно и вставленною въ РАМУ—могутъ получить таковую за 3 руб. Гг. же иногороднымъ эта рама высылается чрезъ транспорт. контору прочно задѣланною въ ящикъ, за 4 руб. (Стоимость пересылки уплачивается на мѣстѣ при полученіи рамы).

Съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

„ФИЛАКТЕРІЙ, ТУТОРЪ И АКОЛИТЪ"

СРЕДСТВА ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ВОЛОСЪ

провизора **Н. СИНИЦЫНА.**

Продается во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Цѣна за коробку, содержащую три предмета, составляющіе при употребленіи одно цѣлое, 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к. При требованіи трехъ коробокъ пересылка на счетъ склада. Р. № 2035 12—12

Главные склады: С.-Петербургская Химическая лабораторія Ф. Линде, Невскій пр., д. № 23; въ магазинѣ на Вас. Остр., по 6 лин., д. № 25 и въ конторѣ **Ив. Фегеднигъ**, Чернышевъ пер., уг. Больш. Садовой ул. № 20; у **А. М. Рузанова**, Гост. Дворъ, 40; у **М. Ушакова**, Гост. Дворъ, 33; **СПБ. техно-химич. лабораторіи**, Гост. Дворъ; **В. П. Сердюкова**, Пассажъ; **Русск. Общ. Торг. аптек. товарами, Центр. Аптек. Депо**, Невскій, 27; магазинъ **А ла Реноме**, Невскій, № 3; **В. Березовскаго**, Алекс. линія, № 6. Описаніе способа употребленія и назначенія означенныхъ средствъ, отдѣльными брошюрами приложено при средствахъ. Брошюра, по желанію публики, выдается въ главныхъ складахъ безплатно.

МЕХАНИЧЕСКАЯ ОБУВЬ

Товарищества С.-Петербургскаго Механическаго Производства Обуви, рекомендуетъ свои издѣлія всевозможныхъ сортовъ

въ 110 разныхъ размѣровъ для мужчинъ
„ 88 „ „ „ дамъ
„ 44 „ „ „ дѣвицъ
„ 42 „ „ „ мальчиковъ
„ 30 „ „ „ дѣтей.

Получить можно во всѣхъ большихъ магазинахъ обуви, а также **въ собственныхъ магазинахъ** Товарищества по фабричнымъ цѣнамъ:

Въ С.-Петербургѣ: Невскій просп. № 54.
„ Невскій просп. № 5.
„ Невскій просп. № 110.

Въ Москвѣ: Петровка, домъ Хомяковыхъ, напротивъ Кузнечнаго моста. Прейсъ-куранты вмѣстѣ съ подробнымъ руководствомъ къ снятію мѣрки высылаются магазинами безплатно, по первому требованію. № 2353

СКРИПКИ

для учениковъ, музыкантовъ и артистовъ, **дешевыя** отъ 2 р. 50 к. до 5 р. **и лучшія** по 6 р., 8 р. 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р. 100 р. и дороже.

Смычки по 50 к., 1 р. 1 р. 50 к., 2 р., 3 р., 4 р., 5 р., 6 р., 10 р. и дороже.

Футляры по 4 р., 5 р., 7 р., 10 р. и дороже до 25 руб.

Школы для скрипки по 1 р., 2 р., 2 р. 50 к., 3 р., 4 руб.

Этюды и другія ноты.

Альты по 9 р., 15 р., 25 руб., 50 р. и дороже.

Віолончели по 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., 60 р., 75 р., 100 р. и дороже.

Контрабасы по 40 р., 50 р., 75 р., 100 р.

ГИТАРЫ

лучшей работы и съ весьма хорошимъ тономъ съ **винтами** для струнъ по 8 р., 10 р., 15 р., 20 р., 30 р., 40 р., 50 р., и дороже до 100 р.; школы по 1 р. 50 к., 2 р. и 3 р.

Хорошія итальянскія и нѣмецкія **струны**, канифоль, камертоны, метрономы и другія принадлежности, а также ноты для всѣхъ инструментовъ, оркестровъ, и пѣнія по дешевымъ цѣнамъ, рекомендуетъ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

СПБургъ, Больш. Морская ул., № 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Заказы изъ **провинціи** исполняются немедленно и аккуратно. За пересылку прошу присылать приблизительно.

Мастерская для изготовленія и починки инструментовъ. № 2351

ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО

О. ГОЛЛЕНДЕРЪ

Шведскій зубной элексиръ

и Шведскій зубной порошокъ.

Для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта. 52—3 № 2337

Получить можно въ С.-Петербургѣ, Демидовъ пер., д. № 1, и во всѣхъ большихъ аптек. и космет. маг. въ столицахъ и въ провинціи. Цѣна флак. Элексиру 80 к., зубной порошокъ 50 к. За перес. 50 коп.

РОЯЛИ И ПІАНИНО, НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ,

АРИСТОНЫ, ГЕРОФОНЫ и прочіе инструменты.

Итальянскія и нѣмецкія струны, фортепіанныя принадлежности и т. д. имѣются въ большомъ выборѣ и по сходнымъ цѣнамъ въ магазинѣ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

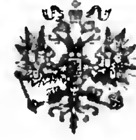
Москва, Петровка, д. Волкова.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. Р. № 2100 (9

РОМЪ Ст. ДЖЕМСЪ

привозится прямо съ плантацій С.-Джемсъ (Мартиникъ, Антильск. остр.), въ оригинальныхъ четыреугольныхъ бутылкахъ, въ 1, $3/4$, $1/2$ и $1/4$ литра. Распространенъ по всему міру. Ежегодный вывозъ болѣе 6,000,000 бутыл.

Можно получить у значительныхъ виноторговцевъ. Р. № 2220 12—9

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРА.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 52, собственный домъ.

ПОСТАВЩИКЪ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМІРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года, ЕДИНСТВЕННЫЯ ВЪ РОССІИ ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ОТДѢЛУ:

ЛОНДОНЪ—золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ**—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650 и 750 руб. Салонные рояли 900 руб. Концертные рояли 1,100, 1,400 до 2,000 рублей.

№ 2312 9—3

XVIII г. — г. XVIII

№ 4 — 1887

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 24 января 1887 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагается худож. прилож. „Молодая швейцарка“, карт. Дефрегера.

И. А. Вышнеградскій.

Новому назначенію на высокій постъ управляющаго Министерствомъ Финансовъ, тайнаго еовѣтника Ивана Алексѣевича Вышнеградскаго предшествовали уже давно оживленные толки и обеужденія. Назначеніе его встрѣчено всѣми, безъ различія партій, сочувствіемъ и большими надеждами на его опытность, познанія и энергію, съ коими онъ всегда достигалъ блестящихъ результатовъ въ дѣлахъ, за которыя брался.

По окончаніи съ отличнымъ успѣхомъ курса въ главномъ педагогическомъ институтѣ по физико-математическому отдѣленію въ 1851 году, И. А. опредѣленъ на службу преподавателемъ математики во 2-й СПБ. кадетскій корпусъ. По выдержаніи магистерскаго экзамена и по защитѣ диссертаціи въ университетѣ, удостоенъ ученой степени магистра математическихъ наукъ. Въ 1858 г. И. А. принялъ на себя преподаваніе механики въ артиллерійской академіи и посвятилъ себя спеціальному изученію этой науки. Его сочиненіе „Элементарная механика“ утверждено для руководства въ военно-учебныхъ заведеніяхъ. И. А. отправился за границу отъ артиллерійской академіи на $1^1/_2$ года, для спеціальнаго подготовленія себя къ званію профессора практической механики. Подъ руководствомъ знаменитаго Редтенбахера, бывшаго тогда директоромъ и профессоромъ въ Карлсруэ въ политехническомъ институтѣ, онъ занимался изученіемъ построенія машинъ.

Возвратившись въ С.-Петербургъ въ началѣ 1862 г., И. А. читалъ курсы практической механики въ артиллерійской академіи и утвержденъ въ званіи профессора практической механики. Съ этого времени до 1875 года учебная дѣятельность И. А. Вышнеградскаго въ равной мѣрѣ принадлежала и артиллерійской академіи, и технологическому институту.

Кто принадлежалъ къ

Управл. Минист. Финансовъ, тайн. сов. И. А. Вышнеградскій.
Съ фотогр. Гросмана, грав. Ю. Барановскій.

числу слушателей И. А. Вышнеградскаго, всѣ скажутъ, что это былъ замѣчательнѣйшій профессоръ, какъ по отчетливости, ясности и послѣдовательности изложенія предмета, такъ и по самостоятельности взглядовъ и сужденій въ вопросахъ, для правильнаго рѣшенія которыхъ необходимъ громадный запасъ наблюденій, опытовъ и выводовъ. Наступившія съ 1863 года преобразованія по артиллеріи на первыхъ же порахъ коснулись пороходѣлія и орудійныхъ мастерскихъ, и И. А., какъ члену временнаго артиллерійскаго комитета, поручено было устроить прессы для приготовленія призматическаго пороха. Исполненные подъ наблюденіемъ И. А., по его проекту, прессы начали работать призматическій порохъ на охтенскомъ заводѣ ранѣе, чѣмъ гдѣ либо въ Европѣ и Америкѣ. Прессы эти введены были потомъ на пороховыхъ заводахъ въ Пруссіи и Италіи. Переустройство охтенскаго порохового завода, по составленному И. А. проекту, особенность котораго заключалась въ невстрѣчавшемся еще до того въ Россіи примѣненіи проволочнокапатной передачи движенія отъ тюрбинъ на далекія разстоянія,—было имъ же приведено въ исполненіе во всемъ, что относилось къ механической части. Въ 1867 г. И. А. назначенъ инженеръ-механикомъ главнаго артиллерійскаго управленія и неоднократно удостоивался Высочайшаго благоволенія, за отличный порядокъ, устройство и за удовлетворительное состояніе всѣхъ сооруженій и установокъ, и награжденъ былъ орденомъ Св. Владиміра 3-й степени.

Съ назначеніемъ въ 1875 году директоромъ Технологическаго института, И. А. прекращаетъ свою учебную дѣятельность въ артиллерійской академіи, но остается профессоромъ при институтѣ и въ теченіе еще трехъ лѣтъ инженеръ-механикомъ главнаго артиллерійскаго управленія. Какъ директоръ. И. А. закончилъ работу организаціи учебныхъ занятій въ технологическомъ институтѣ, которая началась по его иниціативѣ. Въ 1877 году написано имъ „Изслѣдованіе о регуляторахъ прямаго дѣйствія“, затѣмъ „Изслѣдованіе о регуляторахъ не прямаго дѣйствія“. Оба эти замѣчательныя изслѣдованія въ французскомъ переводѣ представлены были парижской академіи наукъ и удостоились отъ нея почетнаго отзыва. Въ январѣ 1884 г. И. А. Вышнеградскій назначенъ былъ членомъ совѣта министерства народнаго просвѣщенія и имъ составленъ проектъ общаго нормальнаго плана промышленнаго образованія въ Россіи.

Назначенный членомъ коммиссіи по устройству промышленной выставки въ Москвѣ въ 1882 г. онъ своею энергіей и познаніями достигъ и по этому дѣлу отличныхъ результатовъ, также какъ и по преобразованію дѣятельности СПБ. общества водопроводовъ.

Особенно сильно сказалась дѣятельность И. А. по желѣзнодорожному дѣлу въ Россіи—его содѣйствіе и участіе вездѣ цѣнилось высоко акціонерами, но труды его по двумъ изъ этихъ обществъ были особенно выдающимися и замѣчательными. Это общество Рыбинско-бологовской и Юго-западныхъ дорогъ, въ особенности послѣдняя обширная сѣть, вторая по размѣрамъ послѣ дорогъ Главнаго общества, приведены были имъ въ блестящее положеніе. Расходы по этимъ дорогамъ онъ сократилъ на милліоны рублей и весьма значительно возвысилъ доходность.

Широкая практическая подготовка, близкое знакомство съ экономическими условіями различныхъ мѣстностей Россіи, знакомство изъ практики и живого дѣла — вотъ серьезныя отличительныя черты И. А., имѣющія такую понятную для каждаго важность при его настоящемъ высокомъ назначеніи.

Слѣдуетъ добавить, что, не обладая ни связями, ни протекціею, И. А. всѣмъ обязанъ своему энергическому труду, обширнымъ познаніямъ и далеко выдающимся изъ ряду способностямъ. Въ настоящее время И. А. 56 лѣтъ. Онъ имѣетъ многіе ордена и знаки отличія какъ: Бѣлаго Орла, Владиміра 1 ст., Станислава 1 ст. и иностранныхъ: прусскаго Краснаго Орла; австрійскаго, Командорскаго Креста, французскаго Почетнаго Легіона и друг.

Неожиданный случай.

Разсказъ **К. Тхоржевскаго.**

I.

Почти необозримая равнина, окруженная со всѣхъ сторонъ цѣпями высокихъ горъ, покрыта глубокими снѣгами. Нигдѣ не видно ни одного темнаго предмета—все бѣло... даже облака, затянувшія весь небосклонъ—бѣлы, какъ и снѣгъ, покрывающій толстой пеленой и горы, и долину. Только вдоль едва-едва замѣтной дороги, сѣрѣющей узкой полоской, кое-гдѣ чернѣютъ какіе-то темные предметы, похожіе издали на большіе камни: ихъ много разбросано вдоль дороги.—точно чья-то заботливая рука наставила ихъ для указанія пути странникамъ по этой дикой мѣстности. Предметы эти—трупы верблюдовъ, лошадей и вьючныхъ быковъ, павшихъ отъ безкормицы и отъ непосильной работы при перевозкѣ боевыхъ припасовъ. провіанта, больныхъ и раненыхъ Засаганлугскаго отряда русской арміи, блокирующаго Эрзерумъ.

Зимнее солнце, совершивъ свой краткій путь, уже скрылось за горнымъ хребтомъ. и только легкій розоватый отблескъ на самыхъ высокихъ вершинахъ да на ближайшихъ къ нимъ облачкахъ показываетъ, что оно еще довольно высоко и до сумерекъ далеко.

Вѣтеръ дуетъ не ровной волной, а налетаетъ порывами и, подхватывая сухой, какъ песокъ, снѣгъ, переноситъ его съ мѣста на мѣсто.—точно забавляется... Но это злая забава!.. Забава эта заноситъ дороги, дѣлая ихъ непроходимыми, а это приноситъ тысячамъ людей смерть, лишая ихъ теплаго платья, провіанта, медикаментовъ—всякой помощи.

Куда только глазъ хватаетъ — не видно ни единаго живого существа. Невольная тоска охватываетъ человѣка, одиноко путешествующаго по этой мертвой пустынѣ.

. . . .

Совсѣмъ уже смеркалось, когда на краю этой равнины показались двое всадниковъ: они выѣхали изъ какого-то бокового, едва примѣтнаго ущелья; лошади ихъ были сильно изнурены и, казалось, едва держались на ногахъ. Оба всадника были въ полушубкахъ, въ черкесскихъ маленькихъ папахахъ и въ теплыхъ чевякахъ, сдѣланныхъ изъ бурки; за плечами у обоихъ висѣли турецкія магазинки винчестера, а у передняго—сверхъ того была прицѣплена къ поясу кавказская шашка, а изъ азіатскаго кобура торчалъ револьверъ большого калибра.

Передній, выѣхавъ настолько, что могъ взглядомъ окинуть долину на большое пространство, остановилъ лошадь и вынулъ изъ-за пазухи топографическую карту Бросивъ поводья на шею лошади, онъ развернулъ ее и внимательно сталъ разсматривать, оглядывая въ то же время очертанія лежащей передъ нимъ мѣстности и какъ бы сравнивая ихъ и съ имѣющеюся у него въ рукахъ картой.

Минуты три занимался онъ этимъ дѣломъ и, казалось, остался очень доволенъ результатомъ своихъ наблюденій.

— Вѣрно! проговорилъ онъ про себя, теперь надо ѣхать влѣво, вдоль кряжа... Эхъ, кабы дорогу найти!.. Да вонъ это не дорога ли?!. продолжалъ говорить онъ самъ съ собой, вглядываясь въ трупы верблюдовъ и лошадей, казавшіеся ему отсюда небольшими темными пятнышками.

— Галей! окликнулъ онъ своего спутника.

Названный Галеемъ—татаринъ громаднаго роста—ударилъ лошадь плетью и подъѣхалъ къ нему.

— Чаво звольтэ, вашимъ благородіямъ? проговорилъ онъ съ сильнѣйшимъ акцентомъ, устремляя прямо на него свои проницательные черные глаза, блестѣвшіе какъ уголки, на его скуластомъ, широкомъ лицѣ.

— Поѣзжай туда, да посмотри не дорога ли это. указалъ ему первый на чернѣющіеся предметы.

— Слушаемъ, вашимъ благородіямъ! и татаринъ поѣхалъ впередъ. ударами плети подбодряя свою лошадь, тонувшую въ снѣгу чуть не по брюхо.

— Если это дорога, такъ замаши мнѣ папахой и жди меня тамъ!.. крикнулъ ему первый въ догонку.

— Слушаемъ!.. донеслось до него едва слышно, такъ какъ усилившійся вѣтеръ подхватывалъ звуки голоса прямо изо-рта и относилъ ихъ въ сторону.

Оставшись одинъ, первый всадникъ сложилъ карту, бережно спряталъ ее на груди и спрыгнулъ съ сѣдла.

Ноги его, несмотря на теплыя чевяки и на то, что стремена были обмотаны суконными тряпками, сильно озябли, да и самъ онъ продрогъ. Онъ началъ подпрыгивать около лошади и размахивать руками, чтобы нѣсколько согрѣться; потомъ онъ присѣлъ на корточки, вынулъ изъ кармана черешневый мундштучекъ, турецкій порт-табакъ изъ папье-маше и началъ крутить папироску. Озябшіе пальцы плохо повиновались: бумажка не закручивалась, табакъ разсыпался, но онъ настойчиво продолжалъ свое дѣло и свернулъ таки крученку, которую и закурилъ съ видимымъ наслажденіемъ.

Это былъ почти мальчикъ, съ румянымъ, красивымъ лицомъ, весело выглядывавшимъ изъ-подъ кокетливо надѣтой чеченской папахи. Голубые добрые глаза его были задумчиво устремлены впередъ, а молодое лицо, не носившее еще и признаковъ усовъ или бороды, какъ бы отуманилось тяжелой думой...

Передъ самой кампаніей былъ онъ выпущенъ изъ училища и произведенъ въ офицеры въ N-скій пѣхотный полкъ: дома ему почти не пришлось побыть—всего какихъ нибудь три, четыре мѣсяца; судьба прямо со школьной скамьи бросила его во всѣ ужасы безпощадной войны, сопровождавшейся со стороны непріятеля страшными звѣрствами.

Въ Россіи у него осталось только одно близкое и горячо имъ любимое существо—его мать, вдова капитана, умершаго на службѣ отъ чахотки. Мать была для него всѣмъ на свѣтѣ, онъ трепеталъ всегда отъ одной мысли, что она можетъ умереть прежде него. Получая отъ нея письма, онъ украдкой отъ товарищей цѣловалъ ихъ, а иногда и плакалъ, зная какую тяжелую, полную лишеній жизнь ведетъ она.

Для матери онъ былъ еще дороже. Бѣдная старушка въ цѣломъ свѣтѣ не имѣла больше никого кромѣ этого сына, ушедшаго на войну. Что она выстрадала за это время, что чувствовала, читая телеграммы съ театра военныхъ дѣйствій—пойметъ только женщина—мать, сама испытавшая что значитъ читать извѣстіе о новой побѣдѣ и не знать, благополучно ли обошлась она для сына или уже потускнѣли его веселые глаза, обезобразилось его доброе лицо судорогой смерти... для другихъ это будетъ непонятно да и не найдется словъ на человѣческомъ языкѣ выразить эту медленную нравственную пытку.

Мальчикъ-офицеръ участвовалъ съ полкомъ во всѣхъ сраженіяхъ, былъ одинъ разъ легко раненъ, получилъ нѣсколько боевыхъ наградъ и заслужилъ среди товарищей репутацію молодца-офицера; но солидности все это нисколько ему не прибавило: осталось то же доброе юношеское лицо, тотъ же заразительный веселый смѣхъ, тѣ же добрые глаза и свѣжій румянецъ крайней молодости; при встрѣчѣ съ нимъ хотѣлось обнять его и приласкать какъ одинокаго ребенка, брошеннаго на собственный произволъ въ тяжелыя условія боевой жизни. Одинъ полковой острякъ ему сказалъ однажды: „я думаю, туркамъ, которыхъ ты убивалъ, было ужасно смѣшно умирать отъ твоей руки!“

Докуривъ папиросу, подпоручикъ Зоринъ (такъ звали его) встряхнулся, какъ бы отгоняя какую-то тяжелую, неотвязную мысль и, поднявшись на ноги, внимательно сталъ слѣдить за своимъ денщикомъ, добиравшимся уже до темныхъ предметовъ, около которыхъ предполагалась дорога.

Вотъ уже тотъ близко, добрался, остановился, слѣзъ съ лошади, нагнулся къ землѣ и внимательно разглядываетъ; вотъ онъ опять сѣлъ на лошадь, снялъ папаху и, приподнявъ ее въ своей длинной обезьяньей рукѣ, замахалъ ею надъ головой.

— Слава Богу! Дорога! воскликнулъ вслухъ офицеръ, вскакивая на лошадь и направляясь по слѣдамъ своего денщика.

— Что? Дорога? спросилъ онъ машинально, когда его лошадь, выдувая изъ поздрей цѣлые клубы пара, вся мокрая, выбралась, наконецъ, изъ снѣга и стала на твердое полотно дороги, около Галея.

— Такъ точнимъ, вашимъ благородіямъ! отвѣчалъ тотъ весело.

— Ну и славу Богу!.. Значитъ скоро доберемся!.. и онъ тронулъ лошадь впередъ.

— Ты, я думаю, озябъ, Галей, прибавилъ онъ черезъ минуту, поворачивая къ нему свое улыбающееся лицо.

— Никакъ нэтъ, вашимъ благородіямъ!.. отвѣчалъ тотъ повидимому обыкновеннымъ тономъ, но сквозь который для опытнаго наблюдателя сквозила глубокая любовь и преданность этому мальчику-офицеру.

И дѣствительно, этотъ Галей былъ бы великимъ негодяемъ, еслибы не любилъ его.

Состоя при немъ въ качествѣ денщика, онъ неотступно слѣдовалъ за Зоринымъ и, участвуя съ нимъ въ охотничьихъ набѣгахъ, имѣлъ случай припасти для себя около шестисотъ рублей турецкими серебряными и золотыми монетами. Однажды, когда Галей, увлекшись, отсталъ отъ отступающей, окруженной непріятелемъ команды, когда каждая минута была дорога, Зоринъ, остановивъ людей, съ пятью человѣками отправился розыскивать его въ занятомъ уже башибузуками аулѣ. Это невозможно дерзкое предпріятіе сошло съ рукъ благополучно, только благодаря темной, непроглядной ночи; но какъ бы тамъ ни было, а Галей былъ выручепъ и только поэтому съ него съ живого не была содрана шкура.

Галей, родомъ кочующій татаринъ, разбойникъ въ душѣ, привязался послѣ этого случая, какъ самая преданная собака.

Съ часъ или больше ѣхали спутники, молча пробираясь по полузанесенной дорогѣ, а кромѣ снѣга, палыхъ верблюдовъ и опять снѣга—ничего не было видно.

Стало совсѣмъ темно.

Наконецъ, впереди нихъ блеснулъ огонекъ, другой, третій и зачернѣлась какая-то темная масса.

— Вотъ и Гассанъ-Кала!.. воскликнулъ Зоринъ радостно.

— Такъ точнимъ!.. подтвердилъ Галей.

Черезъ четверть часа они въѣхали подъ арку полуразвалившейся древней каменной стѣны турецкой крѣпости Гассанъ-Кала, въ которой теперь находилась главная квартира Засаганлугскаго отряда.

Сейчасъ же отъ самой арки начинался узкій кривой переулокъ съ безобразными турецкими постройками, невольно напоминавшими сказанія о жилищахъ триглотидовъ.

Невольно дѣлается веселѣе на душѣ, когда послѣ долгихъ скитаній нападешь, наконецъ, на человѣческое жилье; также веселѣе сдѣлалось и на душѣ Зорина, хотя радоваться то, собственно говоря, было нечему; но ужъ одно то, что онъ надѣялся найти въ штабѣ полка письма отъ матери, которыхъ не получалъ цѣлый мѣсяцъ, и повидаться кой съ кѣмъ изъ товарищей, если они еще были въ живыхъ,—наполняло его сердце такой радостью, что онъ готовъ былъ прыгать и скакать, какъ школьникъ.

Первый, кто имъ попался на дорогѣ, былъ какой-то пѣхотный солдатъ въ полушубкѣ и громадной форменной „кэпкѣ“.

— Гдѣ штабъ N-скаго полка? спросилъ Зоринъ останавливаясь около него.

— Штабъ?.. Не знаю!.. отвѣчалъ онъ „вольнымъ“ тономъ, не догадываясь, что говоритъ съ офицеромъ,—они, кажись, въ Дели-Бабу ушли...

— Что ты врешь!.. Я навѣрное знаю, что штабъ здѣсь!.. воскликнулъ Зоринъ въ невольной досадѣ.

На Кавказѣ. Въ горахъ, съ конвоемъ. Ориг. рис. П. Грузинскаго, грав. К. Ольшевскій.

Дѣти и котята. Съ карт. профессора К. Гупа, грав. Флюгель.

Солдатъ по тону голоса догадался, что стоитъ передъ офицеромъ и моментально вытянулся.

— Не могу знать, ваше б-діе, мы сами сегодня только пришли...

— А ты какого полка?

— Мингрельскаго гренадерскаго полка, ваше б-діе, отвѣчалъ онъ и неуловимая нотка гордости прозвучала въ его отвѣтѣ.

Зоринъ поѣхалъ дальше и вскорѣ наткнулся на другого солдата, который тоже не зналъ гдѣ помѣщается штабъ, но за то указалъ высокую саклю, въ которой, по его словамъ, жили N-скіе офицеры.

Зоринъ, чтобы нѣсколько согрѣться, слѣзъ съ лошади и пошелъ пѣшкомъ. Поворачивая по закоулкамъ направо и налѣво, то взбираясь на крыши, то спускаясь съ нихъ, Зоринъ вдругъ очутился передъ длинной каменной постройкой, похожей на сарай; запахъ около этого сарая былъ убійственный: онъ сразу по этому зловонію догадался, что находится передъ лазаретомъ тифозныхъ; Зоринъ зажалъ носъ и ускорилъ шаги, чтобы скорѣе выбраться на чистый воздухъ, но вниманіе его было привлечено группой солдатъ, столпившихся у входа и о чемъ-то оживленно разговаривавшихъ вполголоса: обрывокъ фразы, долетѣвшій до его слуха, заинтересовалъ его и онъ остановился, прислушиваясь.

— Чу-у-удакъ! донеслось до него изъ группы.

— Любитъ солдата, что говорить!.. Дай Богъ здоровья!

— А надысь пришелъ тоже и давай ругаться: „что вы, говоритъ, черти, дьяволы, такъ-то, растакъ-то васъ, болѣете!..“ и пошелъ, и пошелъ!.. Ну, а солдатамъ и любо—видятъ шутитъ съ ними... Знашь какъ народъ то приободрился!..

— Чаво говорить,—отецъ!..

— Вы чего здѣсь собрались, ребята? подошелъ вдругъ къ нимъ Зоринъ.

Солдаты опѣшили было, но, увидѣвъ полушубокъ, успокоились.

— Енарала дожидаемъ!.. отвѣчалъ одинъ.

— Какого генерала?

— А Еймана...

— Развѣ онъ здѣсь?..

— Сейчасъ въ оспиталь прошелъ...

Зорину, уже много разъ слышавшему разсказы про то, какъ Гейманъ ходитъ по госпиталямъ въ свободное время и шутитъ съ больными солдатами, стараясь ихъ ободрить, ужасно захотѣлось посмотрѣть на знаменитаго генерала, общаго любимца кавказской арміи, котораго онъ до сихъ поръ видѣлъ только разъ, да и то мелькомъ, въ сраженіи подъ Аладжой, когда генералъ проѣзжалъ шагомъ вдоль цѣпи, осыпаемый непріятельскими пулями.

Зоринъ хорошо запомнилъ спокойную фигуру генерала, съ рукою на перевязи, который держалъ себя здѣсь такъ же просто, какъ на обыкновенномъ парадѣ или ученьѣ. Съ этой незабвенной минуты образъ Геймана глубоко впечатлѣлся въ душѣ молодого офицера и съ тѣхъ поръ онъ не иначе произносилъ его имя, какъ съ глубокимъ, неподдѣльнымъ уваженіемъ.

Зоринъ протиснулся между солдатами и вошелъ въ дверь; запахъ разлагающагося мяса и всевозможныхъ испареній былъ здѣсь еще сильнѣе; въ темнотѣ онъ ощупалъ другую дверь и, растворивъ ее, очутился въ самомъ помѣщеніи больныхъ. Какъ ни былъ онъ приготовленъ къ тому, что увидитъ, но невольно остановился на порогѣ въ какомъ-то инстинктивномъ ужасѣ. Довольно большая комната съ низкимъ потолкомъ, земляннымъ поломъ, безъ оконъ, была сплошь завалена тифозными больными. Нѣкоторые изъ этихъ несчастныхъ лежали вдоль стѣнъ на какихъ-то подмосткахъ, напоминающихъ нары; другіе—валялись прямо на полу. Многіе изъ нихъ, разметавшись, съ блестящими глазами и всклокоченными волосами говорили какой-то вздоръ, кричали, хохотали, плакали; другіе, хотя были въ памяти, но до того ослабѣли, что не могли владѣть своими членами и лежали неподвижно, какъ мертвецы, съ зеленоватыми исхудалыми лицами, прикрытые своими шинелями: одинъ больной съ воспаленными глазами лѣзъ на стѣну, дикимъ голосомъ кричалъ „ура!..“ и топталъ рядомъ лежащихъ съ нимъ, которые не имѣли силъ отогнать его и тихо стонали. Вся комната освѣщалась всего двумя ночниками, отчего повсюду царилъ полумракъ; фигуры больныхъ и умирающихъ, копошившихся въ этомъ полумракѣ, были еще страшнѣе и напоминали картину Дантова ада. Отвратительный запахъ былъ здѣсь такъ силенъ, что Зорина стало тошнить.

Вдругъ, въ самомъ дальнемъ и темномъ углу помѣщенія раздался взрывъ такого веселаго хохота, что Зоринъ невольно вздрогнулъ. Осторожно, чтобы не наступить на какого нибудь больного, онъ началъ пробираться къ тому углу, гдѣ такъ весело смѣялись.

При слабомъ свѣтѣ ночника онъ увидѣлъ знаменитаго генерала, окруженнаго толпой блѣдныхъ, изнуренныхъ солдатъ. Генералъ сидѣлъ на краю наръ, около какого-то тщедушнаго бѣлокураго солдатика, который, собравъ послѣднія силы, держался въ полусидячемъ положеніи, опираясь на худую, какъ палка, руку.

Генералъ, повидимому, только что кончилъ говорить и закуривалъ папиросу; онъ сразу замѣтилъ подошедшаго Зорина.

— Ты кто такой? спросилъ онъ.

— Подпоручикъ N-скаго полка Зоринъ, ваше превосходительство, отвѣчалъ тотъ, вытянувшись.

— Какого баталіона?

— Третьяго, ваше пр-ство.

— Какъ же ты сюда попалъ, вѣдь онъ въ Кизиль-Килисѣ стоитъ?

— Командированъ за полученіемъ жалованья и приварочныхъ денегъ на баталіонъ, ваше прев-ство.

— Такъ!.. Ну что у васъ тамъ, какъ?

— Все благополучно, ваше превосходительство, болѣютъ меньше, чѣмъ здѣсь.

— Ну и слава Богу!.. Вотъ и мы болѣть скоро перестанемъ: возьмемъ Эрзерумъ, переберемся въ турецкія казармы—живо поправимся!..

— Такъ точно, ваше превосходительство, у турки казармы важныя!.. заговорили солдаты.

— Однако мнѣ пора!.. поднялся генералъ, а вы у меня поправляйтесь, обратился онъ къ солдатамъ громкимъ, звучнымъ голосомъ, а то разсержусь—велю розгами драть—кто болѣть будетъ!..

— Постараемся, ваше превосходительство!.. гаркнули солдаты хоромъ и всѣ, кто могъ стоять на ногахъ, пошли провожать генерала.

Когда Зоринъ пробрался сквозь толпу и вышелъ на свѣжій воздухъ, генерала уже не было; онъ сѣлъ верхомъ и сталъ пробираться къ указанной ему саклѣ.

Черезъ пять минутъ онъ остановился у двери и, бросивъ Галею поводья, побѣжалъ вверхъ по лѣстницѣ, откуда доносился смутный гулъ голосовъ. У него сильно билось сердце: кого-то онъ сейчасъ увидитъ? всѣ ли товарищи живы? Его охватило то же чувство, какое испытываетъ человѣкъ, возвратившійся изъ дальняго путешествія и подъѣзжающій къ родному дому, изъ котораго онъ уже давно, давно уѣхалъ.

Найдя дверь, онъ рванулъ ее и вошелъ въ небольшую, но чистенькую комнатку, тепло натопленную, въ которой стояли и сидѣли человѣкъ десять офицеровъ. Въ одномъ углу, вокругъ доски, положенной на боченокъ, играли въ штосъ; въ другомъ—на такой же доскѣ, стояло нѣсколько бутылокъ съ водкой, кахетинскимъ виномъ, портеромъ и вокругъ нихъ, прямо на доскѣ, безъ тарелокъ, валялся кусокъ колбасы, двѣ коробки сардинокъ и дымился на вертелѣ горячій шашлыкъ.

На шумъ отворившейся двери нѣкоторые повернули головы.

— Зоринъ!..

— Зоринъ!.. какими судьбами!.. раздались восклицанія и нѣсколько человѣкъ, подбѣжавъ къ нему, начали его обнимать и жать ему руки.

— Иди, выпей скорѣй!.. Замерзъ, я думаю!..

— Да ты одинъ, или весь батальонъ пришелъ?.. тормошили его окружившіе со всѣхъ сторонъ офицеры.

— Одинъ, господа, и на одинъ день!.. Прикажите, пожалуйста, моихъ лошадей куда нибудь поставить—онѣ тамъ внизу...

— Сейчасъ, голубчикъ, сейчасъ!.. Ты ужъ не безпокойся—все будетъ сдѣлано!.. Садись сюда, выпивай и закусывай!..

Его усадили за „столъ".

— Чего хочешь: водки или вина?

— Конечно водки—я ужасно озябъ!.. Зоринъ налилъ себѣ большой стаканъ отвратительной мѣстной фруктовой водки, которую безъ привычки и не проглотишь, и залпомъ, непоморщившись, выпилъ его. Со стороны было очень странно и смѣшно смотрѣть какъ такой молоденькій мальчикъ пьетъ водку, да еще въ такомъ большомъ количествѣ, но присутствующіе отнеслись къ этому дѣлу вполнѣ равнодушно, какъ къ дѣлу самому обыкновенному; впрочемъ, двое изъ нихъ были такіе же юнцы, какъ и Зоринъ; остальные были среднихъ лѣтъ, а одинъ ужъ и совсѣмъ сѣдой, но всѣ они обращались другъ съ другомъ, какъ равные—будто и не замѣчали страшной разницы въ лѣтахъ.

— Ну, говори—какъ ты сюда попалъ? заговорилъ сѣдой офицеръ—капитанъ Куткинъ.

— За жалованьемъ, за приварочными и за письмами...

— Какъ же ты сюда добрался? Одинъ?

— Нѣтъ, съ Галеемъ.

— Вдвоемъ?.. воскликнуло разомъ нѣсколько голосовъ.

— Вдвоемъ!..

— Ну, молодцы!.. Какъ это васъ Богъ пронесъ?..

— Говорятъ, баши-бузуки шляются въ горахъ?

— Да, мы два раза натыкались на нихъ... даже перестрѣлку заводили... Галей сшибъ одного!.. весело улыбаясь, говорилъ Зоринъ.

— А сколько дней ты въ дорогѣ?

— Седьмой — сегодня!.. Усталъ, братцы, страсть!.. Надо еще выпить!.. Кто со мной?

Желающими оказались всѣ, но такъ какъ стакановъ было только два, а рюмокъ не имѣлось ни одной, то и пришлось пить по-очереди.

— Васъ тутъ сколько стоитъ? спросилъ Зоринъ, осушивъ свой стаканъ.

— Двѣ роты и штабъ, остальные всѣ въ разбродѣ по ауламъ, а одна рота на позиціи.

— Что Арасовъ?

— Убитъ съ недѣлю тому назадъ...

— Неужели!?.. Ахъ, какъ жаль!.. Славный товарищъ былъ... А Бикбаевъ?

— Раненъ...

— Тяжело?..

— Нѣтъ, пустяки—въ руку... скоро поправится должно быть...

— Быковъ гдѣ?

— При смерти—въ тифѣ лежитъ...

— А Семеновъ что?.. спрашивали Зорина въ свою очередь.

— Померъ передъ самымъ моимъ отъѣздомъ...

И вдругъ какъ-то всѣмъ сразу сдѣлалось тяжело... Вспомнили о недавно еще живыхъ товарищахъ и поникли головами... затуманились взоры и юношей, и стариковъ; на мгновеніе воцарилось молчаніе, но только на мгновеніе, черезъ секунду опять началась бесѣда и такъ веселы были голоса, точно кругомъ не было ничего грустнаго.

Чѣмъ больше пустѣли бутылки, тѣмъ говоръ дѣлался оживленнѣе, голоса звучали громче. Одинъ изъ молодыхъ офицеровъ сильнымъ груднымъ теноромъ затянулъ кавказскую казачью пѣсню—

„Хазбулатъ удалой,
Бѣдна сакля твоя!
Золотою казной
Я осыплю тебя..."

„Разошью твой бешметъ" подхватили голоса и музыкальный, полный печали и удали мотивъ, то усиливаясь, то смолкая, какъ бы подъ бременемъ тоски, понесся по комнатѣ.

Пѣсня кончилась; Зоринъ всталъ, потянулся и началъ натягивать свой полушубокъ.

— Ты куда, сынокъ? воскликнулъ сѣдой Куткинъ.

— Въ штабъ за письмами надо сходить...

— Зачѣмъ же самому?.. Я сейчасъ денщика пошлю... Онъ и письма принесетъ, и нашимъ тамъ скажетъ, что ты пріѣхалъ—они сейчасъ сюда сами всѣ придутъ...

— Да все равно—командиру явиться надо, возразилъ Зоринъ.

— Командира нѣтъ—онъ въ Яганъ уѣхалъ, только завтра вернется.

— Ну, когда такъ, такъ ладно! Посылайте! Я въ самомъ дѣлѣ усталъ! и Зоринъ опять сбросилъ полушубокъ и сюртукъ кстати, такъ какъ въ комнатѣ было жарко, да и выпитое вино стало оказывать свое дѣйствіе.

(Оконч. въ слѣд. №).

Ванзамія.

Святочный разсказъ

Н. Д. Ахшарумова.

(Окончаніе).

VIII.

Съѣздъ только что начался, когда я былъ вызванъ дежурнымъ штабъ-офицеромъ изъ свиты... Что тамъ?.. Изъ авангарда курьеръ съ извѣстіями... Непріятельскіе разъѣзды видны и отъ лазутчиковъ свѣдѣнія: сильный кавалерійскій отрядъ на разстояніи часа ѣзды отъ лагеря... Дѣло безотлагательное и я не могъ его поручить никому, такъ какъ сильно не довѣрялъ авангарду. Корпусный командиръ и нѣсколько человѣкъ изъ штаба были приглашены на балъ, но при такихъ обстоятельствахъ ихъ нельзя было ожидать... Я приказалъ задержать до дальнѣйшихъ распоряженій курьера, а между тѣмъ немедленно осѣдлать лошадей и выставить шесть человѣкъ конвойныхъ.

— Фей, сказалъ я женѣ, въ свою очередь вызвавъ ее:—я вынужденъ отлучиться по важнымъ дѣламъ и можетъ быть не вернусь такъ скоро, какъ я бы желалъ; но нѣтъ никакой нужды разстраивать изъ-за этого балъ. Извинись за меня, не дѣлая виду, что я уѣхалъ. Скажи коротко, что я занятъ и скоро вернусь.

Она была очень встревожена и упрашивала меня сказать что́ такое; но я увѣрилъ ее, что ничего особеннаго и что мнѣ лично не предстоитъ никакой опасности... Мы обнялись,—увы! не предчувствуя вѣчной разлуки!.. Фей проводила меня на крыльцо. Оно находилось съ другой стороны, на дворѣ, и конвой сидѣлъ ужъ въ сѣдлѣ.

— Прощай!

— Прощай, Іонике!

Я ускакалъ...

Корпусъ сепаратистовъ стоялъ недалеко отъ границы, въ сильной позиціи, и я направился прямо туда. До-

рога лежала по пересѣченной, холмистой мѣстности... Ночь; на горизонтѣ облачно, но вверху. надъ головою. дуга одного изъ трехъ колецъ — спутниковъ, опоясывающихъ планету, свѣтила сквозь стаи перистыхъ облаковъ, своимъ матовымъ, серебристымъ свѣтомъ... Легкій туманъ лежалъ на окрестности,—даль завѣшена была имъ какъ дымкой...

Мы ѣхали на рысяхъ: я нѣсколько впереди другихъ, и мысли мои были заняты любопытнымъ вопросомъ: что привело союзный отрядъ такъ близко къ мѣсту расположенія нашего авангарда?

Топотъ сзади... Кто-то насъ догонялъ на быстромъ конѣ... Это былъ Эллиге, которому злая судьба внушила мысль раздѣлить со мною мою экскурсію. Когда онъ догналъ меня, мы ускорили нѣсколько шагъ, чтобы конвойные не могли насъ слышать: и я объяснилъ ему коротко, что заставило меня бросить, въ такую минуту, балъ.

— Я удивляюсь тебѣ, сказалъ онъ (мнѣ не правилось, что онъ говоритъ мнѣ попрежнему „ты“, но глазъ-на-глазъ не стоило дѣлать изъ этого важности)... Удивляюсь какъ можно было поставить корпусъ ихъ впереди, въ такое время, когда все заставляетъ думать, что они затѣваютъ измѣну?..

— А развѣ лучше съ такою догадкой оставить его въ тылу? Если бы я былъ увѣренъ въ томъ, что ты говоришь, я не могъ бы нигдѣ ихъ оставить, а долженъ бы былъ истребить, или обезоружить. Но дѣло еще не ясно.

— Зачѣмъ этотъ кавалерійскій отрядъ такъ близко?

— Если-бъ я зналъ зачѣмъ, то не стоило бы и ѣздить... Я могъ бы принять другія мѣры.

— Но ты отправился па развѣдку почти одинъ... Не безумство ли такъ рисковать?

(„Зачѣмъ онъ со мной говоритъ такимъ тономъ? подумалъ я.—„Безумство“—не принято говорить, когда дѣло идетъ о коронованныхъ лицахъ“).

— Опять-таки, отвѣчалъ я,—иначе было нельзя. Я не намѣренъ аттаковать ихъ; а для развѣдки, чѣмъ менѣе провожатыхъ, тѣмъ лучше.

— Вышли по крайней мѣрѣ хоть двухъ человѣкъ впередъ, чтобъ не наткнуться врасплохъ.

— Рано еще, отвѣчалъ я,—они не могли проникнуть такъ далеко... Ей, Еллиге, лучше вернись, ты не привыкъ къ подобнымъ вещамъ, да и помощь твоя мнѣ не нужна.

Но онъ не хотѣлъ и слышать.

Мы ѣхали уже съ часъ, не видѣвъ живой души... Въ туманѣ, недалеко впереди, лежалъ глубокій оврагъ... Я выслалъ впередъ пикетъ, а остальнымъ велѣлъ держаться на небольшомъ разстояніи сзади и не зѣвать... Спустились въ глубокомъ молчаніи, но едва начался подъемъ, какъ впереди, изъ чащи, сверкнуло. Это былъ выстрѣлъ, за нимъ другой; и испуганный конь промчался безъ сѣдока...

Мы повернули и поскакали назадъ, но было ужъ поздно. Навстрѣчу и сзади, изъ мрака и изъ тумана, выскочили спѣшенные кавалеристы, — другіе, конные, видны были съ обѣихъ сторонъ на гребнѣ оврага. Уйти было некуда,—оборона напрасна. Въ одно мгновеніе мы были окружены и наши лошади схвачены подъ уздцы,—оружіе отнято... Это была союзная конница. Къ намъ подскакалъ офицеръ и вѣжливо объяснилъ, что при малѣйшей попыткѣ сопротивленія или бѣгства, мы будемъ связаны, что весьма затруднитъ и сдѣлаетъ непріятной для насъ верховую ѣзду.

— Маршъ! раздалась команда; и мы поскакали, со всѣхъ сторонъ окруженные... Цѣлью, какъ оказалось, былъ маленькій городокъ, на границѣ штата. Дорогою мы проѣхали мимо лагеря нашего авангарда такъ близко, что можно было пересчитать сторожевые огни; но ничего похожаго на обычныя мѣры предосторожности я не замѣтилъ. Ясно, что между нашими и непріятелемъ произошла какая-то сдѣлка, но въ чемъ она состояла—мнѣ не суждено было никогда узнать, равно, какъ и то что сталось съ Эллиге, съ которымъ, немедленно по пріѣздѣ на мѣсто, меня разлучили.

Въ городѣ все обличало осадное положеніе. Двери замкнуты, огни потушены, на улицахъ ни души, кромѣ военныхъ,—вездѣ часовые, патрули.... Мы прискакали къ какому-то видному дому на площади: онъ былъ освѣщенъ и внутри замѣтно движеніе; у дверей—часовые... Меня ввели въ караульную и оставили подъ надзоромъ трехъ человѣкъ. Что такое готовилось, я не зналъ, но все вмѣстѣ имѣло зловѣщій видъ.

Мысли мои, какъ это случается, когда вынужденное бездѣйствіе застаетъ человѣка въ минуты опасности и тревоги, блуждали, хватаясь за все что попало и ни на чемъ не останавливаясь. Прошло такимъ образомъ уже не мало времени, когда, случайно засунувъ руку въ карманъ, я ощупалъ въ немъ скомканную бумажку. Стоило только взглянуть на нее, чтобы узнать письмо Ширма. Только теперь я вспомнилъ о немъ и отъ нечего дѣлать прочелъ еще разъ.

„...въ Оризе... въ единственной городской гостиницѣ... въ 3 и 16 минутъ по полуночи...“

— Что это за городъ? спросилъ я урядника, не спускавшаго съ меня глазъ.

— Оризе.

Меня, какъ палкою стукнуло по лбу. „Значитъ, онъ звалъ меня, чтобы выдать, и это другое извѣстіе было не болѣе, какъ добавочная ловушка на случай, еслибы они промахнулись, какъ то и случилось, съ первой!“

Все очевидно было въ связи или, по крайней мѣрѣ, въ ту пору это казалось мнѣ ясно какъ день,—но позже я понялъ свою ошибку... Одно только время казалось еще загадкой. Что такое:—отъѣздъ въ 3 и 16 минутъ по меридіану какой-то обсерваторіи, а по здѣшнему въ 6?

— Который часъ? спросилъ я опять урядника.

— Надо быть скоро три...

Не помню долго-ли я просидѣлъ въ караульной, но живо помню вторую сцену. Она происходила въ просторной комнатѣ, гдѣ, при свѣчахъ, за столомъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ въ мундирахъ союзной арміи.

Это былъ полевой военный судъ,—пустая обрядность, чисто во вкусѣ того лицемѣрія, которымъ полна исторія Ванзъ. Не вижу нужды разсказывать его процедуру, такъ какъ она была для меня безразлична. Поэтому я и не далъ себѣ труда отвѣчать на допросѣ: они не услыхали отъ меня буквально ни слова. Я былъ осужденъ на смерть за государственную измѣну, и казнь назначена въ 6 часовъ поутру—„по здѣшнему“.

Оставалось еще два часа, но они были неописанно тяжелы. Начать съ того, что мнѣ весьма мудрено было воздержаться отъ горькихъ упрековъ судьбѣ, оторвавшей меня, повидимому безъ всякой вины съ моей стороны, отъ дѣла, въ которое я вложилъ всю душу... Фаима, любовь, высокія цѣли, кипучій водоворотъ надеждъ и стремленій,—побѣды, исторія, слава... все это стояло съ одной стороны, какъ друзья, протягивающіе мнѣ руки,—съ другой чистый бланкъ, на которомъ мнѣ предоставлено выводить, въ утѣшеніе для себя, какіе угодно узоры, съ условіемъ, чтобы ихъ смыслъ въ итогѣ былъ равенъ нулю... Холодъ и пустота,—та жадная, ненасытная пустота, которой хватитъ, чтобы поглотить милліарды милліардовъ живыхъ сердецъ, со всѣмъ что когда нибудь въ нихъ трепетало чистаго или грязнаго, высокаго или низкаго, и надо всѣмъ гигантскій, древній, какъ міръ, вопросъ:—Зачѣмъ?.. Начто бездонной и безотвѣтной ямѣ все это горе разлуки и всѣ эти жертвы... слезы?...

Дверь отворилась и кто-то вошелъ ко мнѣ въ караульную. Это былъ духовникъ, котораго мнѣ прислали,

Забава. Съ карт. французскаго художника П. Дюпюи, грав. Кемпленъ.

чтобы приготовить меня къ разлукѣ съ Ванзаміей? Онъ началъ вкрадчивымъ голосомъ, обыкновенный вопросъ: подумалъ ли я серьезно о важномъ значеніи того шага, который мнѣ предстоитъ, и готовъ ли я совершить его, какъ подобаетъ грѣшному человѣку, съ смиреннымъ сердцемъ,—и прочая.

— Отецъ мой, я отвѣчалъ:—вы много бы меня обязали, если бы нашли возможнымъ сказать мнѣ прежде одно:—куда я иду?

Отвѣтъ его незачѣмъ приводить. Онъ былъ истинный Ванзъ, и какъ такой, не могъ дать мнѣ того, чего въ немъ не было,—правды.

Долго, тоскливо, звучалъ у меня въ ушахъ его голосъ, но смыслъ того что онъ говорилъ, былъ чуждъ и далекъ отъ меня. Вниманіе мое было поглощено чѣмъ-то незримымъ, что приближалось медленно, ровно;—но что такое подходитъ ко мнѣ,—я не зналъ. Это похоже было на длинную анфиладу рамокъ, безъ содержанія, въ концѣ которой меня ожидало что-то безцвѣтное и безформенное, неосязаемое и непонятное, къ чему, казалось, нельзя никогда придти;—а между тѣмъ оно уже было тутъ!..

Шаги... бряцаніе сабель... нѣтъ силъ продолжать разсказъ... Свѣтало; но солнце всходило не для меня, а для меня весь міръ словно сошелся клиномъ, тамъ, на подмосткахъ.

...Въ минуту, когда я ступилъ туда, дворъ, крыши, небо, люди, толпящіеся вокругъ,—все потеряло свой смыслъ... Что это передо мною—плаха, или порогъ, черезъ который я долженъ ступить?.. Иду!.. Прощай, Фаима!

— Прощай, Іонике! долетѣлъ едва внятно издали, хорошо знакомый голосъ...

Тррахъ!... Огни запрыгали у меня въ глазахъ и все завертѣлось волчкомъ...

* * *

Какъ описать мой ужасъ, когда, послѣ минуты безпамятства, я почувствовалъ себя на полу и услышалъ вокругъ голоса... Открываю глаза:—надъ головою ночное небо и звѣзды... Тѣло мое на сырой, росистой травѣ, а голова на чьихъ-то колѣняхъ... Вокругъ какіе-то люди о чемъ-то хлопочутъ, и между ними знакомое лицо рослаго офицера, который стоитъ, наклонясь, надо мною и держитъ въ рукѣ фонарь... Съ неописаннымъ удивленіемъ я узналъ Б**.

Первымъ и совершенно-невольнымъ моимъ движеніемъ было хватиться рукою за шею;—но шея цѣла.

— Что это съ вами? спросилъ сердито-встревоженнымъ голосомъ Б**.—Съ какихъ поръ вы тутъ лежите?

— Который часъ? спросилъ я, припоминая что-то.

Онъ посмотрѣлъ съ дѣловою миною на хронометръ.

— Три и 17 минутъ, по меридіану Пулковской обсерваторіи.

— А по здѣшнему шесть,—добавилъ я машинально и совершенно безсмысленно.

— Эхе! да вы кажется бредите?.. Что съ вами? Ужъ не падучая-ли?

Я озирался блуждающимъ взоромъ, въ суммѣ очень довольный чѣмъ-то, хотя и не зналъ еще чѣмъ. Мысли мои были въ такомъ разбродѣ, что я не могъ ничего взять въ толкъ.

— Вставайте! Пойдемте! Что за дурачество? („дурачество“ не принято говорить, когда дѣло касается коронованныхъ лицъ“, мелькнуло въ моей головѣ)... И съ чего? Если бы пили водку за ужиномъ, я бы право подумалъ... Но со стакана Марго?.. Да вы знаете-ли чѣмъ вы рисковали?.. крикнулъ онъ вдругъ сердито. Нянька за вами нужна,—вотъ что!

Я всталъ, опираясь на руку сторожа. Ноги и руки мои были, какъ не свои; но понемногу это прошло и я дошелъ до квартиры безъ помощи... Б** заставилъ меня почти насильно выпить стаканъ глентвейну.

IX.

Случай этотъ прошелъ безъ послѣдствій для моего здоровья; только я былъ съ недѣлю задумчивъ, угрюмъ, и на меня до сихъ поръ находятъ, днями, припадки неодолимой тоски. Видѣніе на другой день уже стало блѣднѣть и, опасаясь совсѣмъ забыть его, я старательно записалъ все что осталось въ памяти. Вышла эта тетрадь. Когда я прочелъ ее Б**, то онъ рѣшительно отказался вѣрить, чтобы тутъ было хоть слово правды.—Ну, полноте, говорилъ онъ, то приходя въ негодованіе, то катаясь со смѣху:—признайтесь ужъ лучше просто, что вы это сочинили? Это похоже на васъ.

Спорить съ невѣрющимъ, на сторонѣ котораго общее мнѣніе и рутина ученыхъ воззрѣній, весьма непріятно, такъ какъ это васъ обращаетъ въ мишень самыхъ плоскихъ насмѣшекъ. Пришлось отступать и чтобы сдѣлать это прилично, я предложилъ ему помириться на сонъ; но онъ вѣроятно нашелъ, что и это дешево.

— Ну, сонъ,—такъ сонъ, сказалъ онъ:—я вамъ не мѣшаю записывать сны, хотя это и неприлично для русскаго офицера, окончившаго курсъ въ академіи. Пусть будетъ сонъ: только какъ вы хотите меня увѣрить, чтобъ въ три часа,—вы спали не долѣе,—вы могли увидѣть такъ много? Вспомните, вы тамъ служили въ почтовомъ вѣдомствѣ и получали жалованье, изъ котораго успѣли сберечь достаточно на далекое путешествіе. Ну какъ, я васъ спрашиваю, повѣрить, чтобы въ такой короткій срокъ вы успѣли сберечь такъ много? Жалованье вѣдь вы получали помѣсячно? Сколько же мѣсяцевъ надо было служить экспедиторомъ, чтобы сберечь на вояжъ?.. И опять тамъ дальше, еще война:—вербовка и обученіе нѣсколькихъ корпусовъ,—кампанія, въ которой вы дослужились до главнокомандующаго! Скоро ужъ больно что-то! Чорта-ли вамъ когда нибудь дослужиться до главнокомандующаго! Вы вонъ отбыли цѣлый походъ и подъ Шипкою отличились, а все еще капитанъ. Королемъ—скорѣе, въ сказкахъ вѣдь всякій Иванъ, отъ нечего больше дѣлать, становится королемъ... и прочее.

Я молчалъ. Вопросъ о времени мнѣ самому казался неразрѣшимъ. Такъ это и брошено было... Тетрадь валялась гдѣ то въ шкапу—забытая... Изрѣдка видѣлъ еще во снѣ Фаиму,—всегда печальную. Смотритъ такъ жалко въ глаза и молчитъ.

Недавно, когда гипнотизмъ сталъ въ Петербургѣ предметомъ общаго интереса, мнѣ случилось разговориться объ этомъ съ докторомъ Z**, психіатромъ, и я между прочимъ просилъ его разрѣшить мнѣ одно недоумѣніе.

Вопросъ былъ поставленъ такъ:—можно ли пережить во снѣ, продолжавшемся три часа, впечатлѣнія нѣсколькихъ лѣтъ дѣйствительной жизни?

— Съ помощію нѣкоторой иллюзіи, отвѣчалъ онъ:—можно. Въ дѣйствительной жизни уходитъ пропасть времени на такія вещи, которыя въ общемъ эффектѣ пережитаго безслѣдно затеряны. Человѣкъ, занятый чѣмъ нибудь, что его поразило съ мѣсяцъ тому назадъ и съ тѣхъ поръ озабочиваетъ, можетъ забыть очень многое изъ того, что съ нимъ было за это время и знать только вообще что онъ ѣлъ, пилъ, спалъ, видѣлъ людей и разговаривалъ. Въ его представленіи о пережитомъ времени, такимъ образомъ должны оставаться бланки, т. е. нули испытанныхъ впечатлѣній, общій итогъ которыхъ будетъ все тотъ же нуль, или около. Вотъ эти то бланки, т. е. пустыя рамки времени и оставляютъ просторъ для иллюзіи. Возьмите разсказъ. Онъ можетъ изображать потрясающія историческія событія, съ такой, повидимому, реальною полнотой—что слушающему сдается, какъ будто онъ лично пережилъ все это бурное время, а между тѣмъ разсказъ можетъ занять, въ дѣйствительности, не болѣе трехъ часовъ... Сны впрочемъ рѣдко бываютъ послѣдовательны и связны; а

если намъ иногда и сдается противное, то это почти всегда продуктъ послѣдующей работы воображенія. Бываютъ случаи когда субъективное раздраженіе нервныхъ центровъ, источникъ всѣхъ сонныхъ галлюцинацій, переживаетъ сонъ. Тогда мы безсознательно связываемъ безсвязное и пополняемъ пробѣлы изъ запаса знакомыхъ намъ впечатлѣній: но это уже болѣзненное явленіе. Психически совершенно здоровые люди не помнятъ сновъ.

Онъ говорилъ еще, но меня не удовлетворили его ученыя объясненія.

Ширма я болѣе не встрѣчалъ; но если встрѣчу, отколочу. Эта скотина могъ бы избавить меня отъ большой непріятности, если бъ онъ объяснилъ мнѣ толкомъ въ чемъ дѣло. Къ тому же нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ былъ въ Оризе, когда меня привезли, и зналъ, что тамъ затѣвается. Мнѣ даже помнится, что я видѣлъ мелькомъ его лицо въ толпѣ, окружающей эшафотъ...

Вы, можетъ быть, скажете:—дичь! и я съ вами не спорю: съ здѣшней, земной точки зрѣнія.—разумѣется: дичь. Но вернись я въ Ванзамію, и разскажи тамъ кому-нибудь, что̀ дѣлается тутъ на Землѣ, какъ вы полагаете:—они такъ и повѣрятъ, что это не дичь?.. Нѣтъ-съ! Я ихъ знаю немножко. Они тамъ увѣрены, что ихъ Ванзамія—единственное мѣсто во всей вселенной, гдѣ радуются и страдаютъ, вѣрятъ и сомнѣваются; а все остальное—такъ, только декорація.

КОНЕЦЪ.

Фай.

Разсказъ **С. Бермейо**.

Переводъ съ испанскаго.

I.

Массы всякаго народа тѣснились на улицахъ г. Манилы, столицы Филиппинскихъ острововъ, пробираясь къ церкви св. Доминга. Это было въ страстную пятницу 1860 г. Постоянно увеличивавшаяся толпа переполнила наконецъ окончательно внутренность храма. Всѣ горѣли желаніемъ—услышать магическія слова недавно прибывшаго изъ Испаніи доминиканскаго проповѣдника.

И дѣйствительно! Тема его проповѣди была въ высшей степени интересна... Сотвореніе и происхожденіе человѣка, его отношеніе къ Богу и человѣчеству, борьба духа съ матеріей, свобода и равенство,—все это съ изумительной ясностью и простотой излагалось въ проповѣдяхъ даровитаго доминиканца. При этомъ онъ старался избѣгать злоупотребленій научными доказательствами, и пользовался ими только чтобы убѣдить слушателей, что все основаніе прогресса всецѣло исчерпывалось истинами ученія Іисуса Христа.

Магическій тонъ его голоса, изящныя манеры и крайне выразительныя, красивыя черты лица располагали къ себѣ слушателей и подчиняли ихъ его вліянію.

Кто же однако былъ этотъ молодой проповѣдникъ? Что могло побудить его облечься въ монашескія одежды ордена св. Доминика?

Братъ Луисъ де-Авила (имя монаха) былъ старшимъ потомкомъ знатнаго рода. Онъ появился на свѣтъ подъ именемъ герцога Истріи. Отецъ его былъ убитъ въ 1835 году на полѣ битвы, сражаясь за интересы королевы, причемъ послѣ смерти его остались двое дѣтей—Луисъ и Марія, воспитаніе которыхъ сдѣлалось съ тѣхъ поръ единственной задачей вдовы—герцогини. Ясно понимавшая требованія и условія свѣта, она старалась воспитать своихъ дѣтей такъ, чтобы они впослѣдствіи могли занять то общественное положеніе, на которое имѣли право по рожденію.

Луисъ изучалъ юридическія науки въ Мадридскомъ университетѣ. Лучшіе профессора читали ему лекціи и по другимъ отраслямъ знаній и сопровождали его во время путешествій по чужимъ странамъ, которыя онъ совершалъ обыкновенно въ продолженіе каникулъ.

Съ знатнымъ происхожденіемъ юный герцогъ соединялъ большія дарованія, въ особенности же непреодолимое стремленіе къ истинѣ, свойственное возвышеннымъ, благороднымъ натурамъ.

Какой-бы отрасли онъ ни предался, будь это дѣятельность художника, писателя или политическаго оратора, во всемъ являлся онъ выдающимся. Въ живописи, кромѣ легкости и правильности композиціи, рисунки его отличались яркостью и жизненностью колорита, рука его въ точности воспроизводила то, что диктовалъ проницательный умъ, движимый искреннимъ чувствомъ. Такою же правдивостью отличались и его литературныя произведенія, трактовавшія большей частью объ упадкѣ нравственности и образованности въ современномъ обществѣ.

Будучи по праву рожденія членомъ Сената, Луисъ принималъ дѣятельнѣйшее участіе въ преніяхъ этого высшаго государственнаго учрежденія. Его краснорѣчіе и интересъ, съ которымъ онъ относился ко всякому благородному и доброму дѣлу, быстро пріобрѣли ему вполнѣ заслуженную репутацію. Вскорѣ однако герцогъ, не будучи въ состояніи заставить себя подчиняться требованіямъ и дисциплинѣ своей политической партіи, началъ замѣчать, какъ всѣ его понемногу покидали. Наконецъ онъ увидалъ себя совершенно одинокимъ и обособленнымъ, что заставило его окончательно разочароваться въ парламентской дѣятельности.

Луисъ де-Авила сталъ искать любви, любви ради ея самой. Занимаемое имъ общественное положеніе не только очень мало прельщало, но даже начинало тяготить его. Во внутреннемъ мірѣ молодого герцога происходилъ какой-то разладъ. Онъ сталъ все болѣе и болѣе искать уединенія и просиживалъ цѣлыми часами у себя въ кабинетѣ, стараясь разрѣшить мучившіе его вопросы. И однажды съ нимъ произошло что-то необыкновенное, о чемъ онъ всегда избѣгалъ впослѣдствіи разсказывать, но съ тѣхъ поръ онъ почувствовалъ глубокое влеченіе къ религіозной жизни. Наконецъ онъ объявилъ, что рѣшилъ посвятить себя служенію Богу. Съ большимъ трудомъ удалось ему преодолѣть сопротивленіе матери, не хотѣвшей сперва и слышать о намѣреніяхъ сына. Удалившись въ Вальядолидъ, онъ замѣнилъ тамъ свѣтскую одежду монашескою рясою и затѣмъ отправился оттуда въ Манилу, столицу Филиппинскихъ острововъ.

Хотя молодой монахъ былъ средняго роста, стройная фигура его, въ живописныхъ падавшихъ складкахъ бѣлой одежды, казалось скорѣе высокой. Волосы у него были черные, равно какъ и красивые блестящіе глаза, съ ихъ кроткимъ, меланхоличнымъ взглядомъ. Блѣдныя черты лица, тонкій прямой носъ, красивый ротъ, обнаруживавшій при улыбкѣ рядъ бѣлыхъ, какъ жемчугъ, зубовъ, придавали его головѣ большое сходство съ греческой статуей.

Жизнь Луисъ де-Авила сталъ вести строгую. Свободные часы, предоставлявшіеся по правиламъ ордена для отдохновенія, онъ посвящалъ наукѣ или помощи страждущему человѣчеству. Гдѣ нужно было осушить слезы, облегчить страданіе, тамъ навѣрное можно было встрѣтить молодого доминиканца.

Но его громкое имя, таланты и изящное обращеніе лишали его почти возможности предаваться монашеской затворнической жизни. Знатнѣйшіе жители Манилы старались имѣть дѣло именно съ нимъ и, такимъ образомъ, несмотря на все его сопротивленіе, ему постоянно приходилось жить въ обществѣ. И онъ заявилъ настоятелю о своемъ желаніи быть посланнымъ въ качествѣ миссіонера въ Китай. Онъ этого и добился наконецъ, но не безъ значительныхъ усилій. Онъ покинулъ Манилу и отправился въ Хонгъ-Конгъ.

II.

Совершенно иная, новая жизнь представилась взорамъ Луиса де-Авила, когда онъ высадился на берегъ въ Хонгъ-Конгскомъ рейдѣ. Маленькій притонъ китайскихъ пиратовъ, уступленный по договору 1841 г. Англіи, превратился въ значительный городъ, гдѣ господствовала дѣятельная жизнь большого промышленнаго центра. Прекрасныя зданія тянулись вдоль самаго морского берега до склона горы. Европейцы, американцы, китайцы, малайцы, арабы, персы тѣснились на улицахъ, представляя весьма пеструю толпу. Здѣсь былъ центръ оживленной мѣновой торговли туземныхъ произведеній на китайскіе товары.

Среди этой кипучей торговой дѣятельности города, жадности и погони за золотомъ, организованныя тамъ религіозныя общества образуютъ единственныя свѣтлыя точки. Общества эти учреждены для обращенія язычниковъ въ христіанство и уже могутъ похвалиться значительными успѣхами. Общество доминиканскихъ миссіонеровъ, главный центръ котораго въ Хонгъ-Конгѣ, составляетъ нераздѣльную часть упомянутой организаціи.

Прибывъ сюда, братъ Луисъ де-Авила началъ готовиться къ исполненной всевозможныхъ жертвъ жизни миссіонера. Въ сопровожденіи брата Іакима совершилъ онъ первую миссіонерскую поѣздку въ провинцію Квангъ-Фунгъ, за которой послѣдовали затѣмъ нѣсколько другихъ, и сопровождались большимъ успѣхомъ.

Дѣйствовало сильно его краснорѣчіе необычайной убѣдительности, а также примѣръ строгости и воздержанія, отваги среди постоянныхъ опасностей, которыя онъ переносилъ съ непоколебимымъ мужествомъ.

Въ послѣднихъ числахъ апрѣля 1862 года предпринялъ онъ, въ сопровожденіи того же Іакима, пятую миссіонерскую поѣздку. Оба монаха, одѣтые въ китайскіе національные костюмы, сѣли въ борху (небольшая китайская парусная лодка) и

Десертъ. Съ карт. французск. художника Г. Шарлемона, гр

„Здравствуйте, барышня!“ Съ карт. итальянск. художника К. Ринальдо, грав. Э. Остъ.

отправились по направленію къ провинціи Чао-Ченъ. Маленькое судно распустило паруса и понеслось при попутномъ вѣтрѣ вверхъ по рѣкѣ Кантону. Путники благополучно миновали лежащіе при впаденіи рѣки въ море многочисленные острова и, достигнувъ узкаго устья Тигера, бросили якорь около развалинъ укрѣпленій, разрушенныхъ англичанами и французами. Проведя здѣсь ночь, миссіонеры продолжали путь сперва вдоль оживленныхъ, густо населенныхъ береговъ Кантона, а затѣмъ вдоль мѣстностей покрытыхъ лѣсомъ и, наконецъ, достигли мѣста своего назначенія. Было уже совершенно темно, когда они подъѣзжали къ Чао-Ченъ.

Осторожно причалили они къ берегу, какъ вдругъ показалась тѣнь человѣка, направлявшагося прямо къ лодкѣ. Приблизившись къ лодкѣ, человѣкъ далъ сигнальный свистокъ, тотчасъ повторенный сидѣвшими въ лодкѣ. Тогда неизвѣстный, оказавшійся торговцемъ шелка, по имени Кіангъ-Тингъ, вскочилъ въ лодку, всталъ на колѣни и принялъ благословеніе отъ одного изъ монаховъ. Черезъ нѣсколько минутъ они уже были на пути къ дому купца, гдѣ ихъ ожидала его жена.

Кіангъ-Тингъ, человѣкъ лѣтъ сорока-пяти, небольшого роста, съ совершенно обыкновенными и мало выражающими чертами лица. Зато Фай, его жена, рожденная отъ смѣшаннаго брака китайца съ европейской женщиной, отличалась необыкновенной красотой, рѣдко встрѣчаемой среди китаянокъ. Ей было всего двадцать два года. Стройная, съ удивительно пропорціональными формами, съ выразительными, красивыми чертами лица. Черные небольшіе живые глаза придавали ея головѣ какую-то своеобразную прелесть. Ноги ея, не подвергавшіяся никакимъ уродованіямъ и сохранившія обыкновенную форму, показывали принадлежность Фай къ простому классу населенія.

Миссіонеры расположились въ небольшой пристройкѣ, состоявшей изъ одной комнаты, съ кроватями, умывальникомъ, шкафомъ, столомъ посрединѣ и шестью стульями.

— Довольно трудно было однако подниматься вверхъ по рѣкѣ, началъ братъ Іакимъ, располагаясь въ новомъ помѣщеніи. Но за то послѣ четырехъ непріятныхъ ночей ляжемъ наконецъ отдохнуть... Ты не усталъ?

— Не особенно.

— Ну, ты еще молодъ, легко переносишь труды путешествія. Выпьемъ-ка однако по чашкѣ чаю, да ляжемъ спать!

— Какъ хочешь.

Къ чаю радушные хозяева подали нѣсколько мясныхъ блюдъ, и приняли сами участіе въ трапезѣ.

Проснувшись на слѣдующее утро, братъ Луисъ почувствовалъ себя несовсѣмъ здоровымъ и сообщилъ о томъ своему спутнику.

— Да у тебя лихорадка, заявилъ братъ Іакимъ, щупая пульсъ больного товарища. Полежи-ка въ постели; надѣюсь, это скоро пройдетъ.

— Ну, я не настолько боленъ, чтобы оставаться въ кровати, возразилъ Луисъ.

Совершивъ утреннюю молитву, миссіонеры поговорили между собою о порученномъ имъ дѣлѣ. Они проведутъ два дня въ Чао-Ченѣ и скажутъ тамъ нѣсколько проповѣдей, а затѣмъ отправятся въ Ліангъ.

Съ членами семьи Кіангъ-Тинга миссіонеры сходились лишь во время молитвъ и трапезъ, продолжавшихся при гостяхъ нѣсколько дольше обыкновеннаго.

Лихорадка брата Луиса, бывшая сначала довольно незначительной, на слѣдующій день усилилась, несмотря на домашнія медицинскія средства, и путешествіе монаховъ, не смотря на протесты больного, сдѣлалось положительно невозможнымъ.

— Мы подождемъ, такъ какъ ты еще слабъ и тебя ожидаютъ большіе труды, заявилъ братъ Іакимъ. Мы въ домѣ богатаго купца, и можемъ пользоваться всѣми удобствами; завтра же, или въ одинъ изъ слѣдующихъ дней, можетъ быть придется испытать большія лишенія, и было бы безразсудно пускаться въ трудное путешествіе при твоемъ нездоровьи.

— Я однако не хочу быть причиной какихъ либо замедленій, возразилъ братъ Луисъ.

Братъ Іакимъ ухаживалъ за больнымъ товарищемъ съ большимъ усердіемъ. Однако лихорадка не проходила и хотя Луисъ всталъ уже съ кровати, но все же не могъ выходить изъ дому.

Наконецъ миссіонерами овладѣло нетерпѣніе.

— Нужно на что нибудь рѣшиться, заявилъ братъ Іакимъ.

— Я хочу продолжать путешествіе, возразилъ больной.

— Этого я никакъ не могу одобрить, и было бы гораздо благоразумнѣе вернуться въ Хонгъ-Конгъ.

— Когда насъ ждутъ въ совершенно другомъ мѣстѣ?

— Конечно насъ съ нетерпѣніемъ ожидаютъ тѣ, которые желаютъ принять крещеніе и которымъ сообщено о нашемъ прибытіи этимъ купцомъ. Но что же намъ дѣлать?

— Выѣхать сегодня же ночью. Можетъ быть перемѣна воздуха окажется лучшимъ для меня лекарствомъ.

— Твоя жизнь слишкомъ драгоцѣнна, чтобы рисковать ею. Рѣшеніе мое сдѣлано. Сегодня ночью я выѣзжаю въ Ліангъ и буду ждать отъ тебя письма—увѣдомленія о твоемъ здоровьи. Если тебѣ сдѣлается лучше, то я буду тебя ожидать туда; въ противномъ же случаѣ вернусь обратно и поѣдемъ въ Хонгъ-Конгъ. Здѣсь тебѣ ни въ чемъ не будетъ недостатка. Въ случаѣ же если бы лихорадка значительно усилилась, ты можешь немедленно доѣхать въ нашей лодкѣ до Кантона, а оттуда пробраться на пароходѣ въ Хонгъ-Конгъ. И тогда уже тебѣ не надо будетъ ожидать моего возвращенія.

— Если ты рѣшилъ ѣхать, я впередъ заявляю, что поѣду съ тобою. Я мало забочусь о своей жизни, гдѣ дѣло идетъ о святомъ дѣлѣ.

— Вполнѣ сознаю, любезный братъ, силу вѣры, которая руководитъ тобою, но ты еще очень молодъ и тебѣ предстоитъ еще обработать большое поле и пожать обильные плоды. Наша разлука будетъ очень коротка, и я уповаю на Бога, что Онъ насъ скоро снова соединитъ въ Ліангѣ.

— Меня однако сильно огорчаетъ это приключеніе и я бы съ большимъ трудомъ разстался съ тобой.

— Да и мнѣ не весело! и съ этими словами братъ Іакимъ крѣпко пожалъ руку своему спутнику.

— И такъ уложимъ наши вещи и поговоримъ съ Кіангъ-Тингомъ.

Первымъ дѣломъ занялся братъ Луисъ, а братъ Іакимъ пошелъ сообщить о своихъ намѣреніяхъ хозяину. Уѣзжая, онъ еще разъ поручилъ Кіангъ-Тингу заботиться о больномъ собратѣ.

На слѣдующій день брату Луису стало нѣсколько лучше, хотя лихорадочное состояніе все еще продолжалось. Онъ снова началъ принимать участіе въ хозяйкихъ трапезахъ, причемъ каждый разъ завязывался очень интересный разговоръ, касавшійся по большей части религіозныхъ вопросовъ. Иногда впрочемъ заходила рѣчь и объ другихъ вещахъ; любимой темой были разсказы о нравахъ и обычаяхъ европейцевъ. Фай слушала съ большимъ вниманіемъ, дѣлая иногда весьма мѣткія замѣчанія.

Рѣчь ея отличалась какой-то своеобразной прелестью и поэзіей.

Тотчасъ по окончаніи обѣда братъ Луисъ удалялся въ свою комнату, гдѣ на кругломъ столѣ постоянно былъ поставленный заботливой рукою хозяйки букетъ изъ пунцовыхъ розъ.

III.

Придя въ свою комнату, съ которой мы уже знакомы по описанію, братъ Луисъ снималъ обыкновенно китайскій костюмъ и облекался въ монашескія одежды. Какъ всегда, онъ и сегодня сѣлъ къ столу и, подперши голову рукою, началъ читать требникъ. Слѣдующіе стихи псалма навели его на раздумье:

„Господи, на Тебя полагаю свои упованія, да отвратишь Ты меня отъ погибели. Умилосердись надо мной, Боже, по Твоей неизрѣченной милости! Услышь гласъ мой и спаси меня отъ опасности! Господи, буди мнѣ защитой и спасеньемъ! Ты моя сила и моя надежда, Ты меня вразумишь и спасешь славой Имени Твоего. Ты моя защита и спасешь меня изъ сѣтей жизненныхъ. Полагаю духъ мой въ руки Твои. Ты мой Господь, Богъ истинный.“

Онъ такъ погруженъ былъ въ свои мысли, что не слыхалъ шороха приближающихся шаговъ. Это была Фай. Простоявъ сперва нѣсколько минутъ въ полураскрытой двери и разглядывая красивыя, благородныя черты доминиканца, она приблизилась къ нему затѣмъ такъ, что почти коснулась его плеча. Онъ оглянулся и удивленно взглянулъ на нее. Взгляды ихъ встрѣтились, глаза обоихъ горѣли огнемъ. Молча простояли они въ такомъ положеніи нѣсколько мгновеній, не сознавая ясно что съ ними происходило. Наконецъ братъ Луисъ пришелъ въ себя и жестомъ руки указалъ Фай на дверь.

— Никогда!

— Я приказываю тебѣ!

— Никогда! повторила она, блѣднѣя.

Подумай, передъ кѣмъ ты стоишь и гдѣ мы находимся!

— Я это знаю—въ домѣ моего супруга и вашего хозяина, купца Кіангъ-Тинга. Но теперь мы одни: Луисъ де-Авила и Фай.

— Одни, говоришь ты?

— Да, одни: всѣ спятъ; и они накурились опіумомъ, летаргія ихъ продолжится долго.

— Чего же ты хочешь?

— Чтобы вы меня выслушали!

— Говори.

— Съ болью въ сердцѣ ждала я этой минуты, я ждала нѣсколько дней, чтобы случай представился. Я все устроила. Слушайте же! Я вела счастливую жизнь и никогда не выѣзжала никуда съ мѣста своей родины, покуда не вышла замужъ за Кіангъ-Тинга. Въ то время я лишь прозябала и была просто дѣвочкой, перемѣнившей свое мѣсто жительства; но, прибавляю, я была счастлива.

Года два тому назадъ Кіангъ-Тингъ уѣзжалъ куда-то на нѣсколько дней. Вернувшись домой, онъ былъ какой-то скучный и разстроенный. Съ тѣхъ поръ онъ сталъ часто отлучаться изъ дому и сильно перемѣнился. Все это было для меня непонятно—онъ очень сдержанъ и какъ только остается одинъ, то начинаетъ молиться или читать. Однажды я замѣтила даже, какъ онъ вынулъ изъ-подъ своей синей одежды какой-то неизвѣстный мнѣ въ то время предметъ. Теперь я знаю—это было Распятіе.

Также и въ другихъ отношеніяхъ произошла съ Кіангъ-Тингомъ рѣзкая перемѣна: онъ сдѣлался ласковѣе и любезнѣе и началъ говорить со мной о возвышенныхъ предметахъ, прежде онъ этого не дѣлалъ. Онъ указывалъ мнѣ на бренность земного существованія и разсказывалъ, что есть вѣчная жизнь, къ которой мы всѣ должны стремиться. Съ удовольствіемъ слушала я эти рѣчи; пріятно было мнѣ и его ласковое обращеніе со мной. Жизнь наша стала гораздо теплѣе и уютнѣе; рѣзкая черта, которая раздѣляетъ въ нашей странѣ мужчину и женщину, перестала существовать между нами. Однажды, какъ разъ наканунѣ Рождества, Кіангъ-Тингъ сообщилъ мнѣ, что онъ ожидаетъ двухъ друзей, но просилъ меня никому не говорить объ этомъ.

Ожидаемые гости дѣйствительно пріѣхали. Это были два варвара, одѣтые въ китайское національное платье. Если бы наружность ихъ даже не выдала, я бы узнала ихъ по выговору. Одинъ изъ нихъ былъ пожилой, другой...

— Другой былъ я, замѣтилъ братъ Луисъ.

— Это были вы. Разговоръ, сколько я могла разслышать, шелъ о религіозныхъ предметахъ. Съ восторгомъ слушала я, какъ вы разсказывали событія изъ жизни Христа; сердце мое сильно билось, жаръ пробѣгалъ по всѣмъ моимъ жиламъ, звукъ вашего голоса проникалъ мнѣ прямо въ душу. На слѣдующую ночь, когда вы насъ оставили, я не могла сомкнуть глазъ.

Тихо и однообразно стало потомъ проходить время. Я ждала терпѣливо. Вы вернулись, прерванныя рѣчи снова начались и я продолжала ихъ слушать съ тѣмъ же горячимъ сочувствіемъ. Сѣмя было уже брошено въ благодарную почву. Вы простились съ нами и когда уходили, то взглядъ мой, провожавшій васъ, какъ заколдованный, обращался въ ту сторону, гдѣ исчезли ваши тѣни въ ночной темнотѣ. Въ такомъ положеніи засталъ меня однажды Кіангъ-Тингъ и спросилъ:

— Фай, о чемъ ты думаешь?

— Вернутся-ли они?

— Нѣтъ.

— Нѣтъ! вскрикнула я съ отчаяніемъ.

Кіангъ-Тингъ посадилъ меня возлѣ себя и началъ объяснять мнѣ новую религію, сталъ уговаривать меня креститься. Онъ добавилъ, что оба миссіонера, съ которыми я уже знакома, могутъ объяснить мнѣ все это гораздо лучше, чѣмъ онъ.

— Твои друзья католики? спросила я.

— Да.

— Я сдѣлаюсь католичкой! заявила я рѣшительно, и Кіангъ-Тингъ обнялъ меня.

Съ слѣдующаго дня началось наставленіе меня въ правилахъ новой религіи. Мое тихое, спокойное счастіе казалось пришло къ концу; я чувствовала себя призванной къ новой жизни. Напрасно старалась я искать, что бы могло меня успокоить. Пріѣхали еще миссіонеры, но тотъ, кого я ждала, не возвращался. Я искала облегченія моимъ страданіямъ въ молитвѣ Господу Богу, но и во время молитвы видѣла я только васъ.

Наконецъ насталъ рѣшительный день. Я приняла крещеніе и имя Маріи. Вслѣдъ затѣмъ совершено было бракосочетаніе мое съ Кіангъ-Тингомъ по христіанскому обряду. Супругъ мой былъ въ восторгѣ, я также старалась быть веселою, чтобы скрыть страданія наболѣвшаго сердца.

Такъ шло долго. Каждое утро, пробуждаясь, обращала я свои взоры въ ту сторону, гдѣ васъ потеряла изъ виду. Улица была пуста.

Двѣ недѣли тому назадъ (никогда я этого не забуду!), Кіангъ-Тингъ сообщилъ мнѣ, что у насъ остановятся проѣздомъ два миссіонера.

— Кто такіе? спросила я.

— Братъ Іакимъ и братъ Луисъ.

Голосъ у меня замеръ и слезы покатились изъ глазъ.

— Что съ тобой, спросилъ Кіангъ-Тингъ.

— Плачу отъ радости увидѣть ожидаемыхъ гостей.

— И я радуюсь не менѣе тебя; только жаль—гости пробудутъ у насъ очень недолго.

— Какъ не долго?

— Да, они останутся всего два или три дня и затѣмъ отправятся дальше.

Съ нетерпѣніемъ ожидала я вашего пріѣзда. Кіангъ-Тингъ поѣхалъ вамъ на встрѣчу. Ночь наступила, когда я увидала на улицѣ три приближающіяся фигуры. Васъ я тотчасъ узнала, вы шли посрединѣ. Чтобы не упасть въ обморокъ отъ радости, я прислонилась къ стѣнѣ. Собравъ всѣ силы я вышла вамъ на встрѣчу. Отецъ Іакимъ благословилъ меня; я поцѣловала его руку, а затѣмъ и вашу.

Теперь вы были въ моей власти. Цѣлый годъ стремилась моя душа къ тому, что, казалось, наконецъ было достигнуто. Въ эту ночь я опять не могла сомкнуть глазъ, и обдумывала все время, какъ-бы поговорить съ вами безъ свидѣтелей? Моя душа должна была придти въ общеніе съ вашей.

На языкѣ человѣческомъ нѣтъ слова, нѣтъ ничего на свѣтѣ, что бы могло выразить степень моихъ страданій! Все мое существо въ сознаніи, что я люблю тебя!

— Замолчи, несчастная!

— Нѣтъ выслушай, имѣй состраданіе ко мнѣ. Я искусственнымъ образомъ вызвала твою болѣзнь: только этимъ могла я воспрепятствовать тебѣ уѣхать. Чтобы твой спутникъ уѣхалъ одинъ, объ этомъ позаботилась я, Фай, и эти розы, украшающія твою комнату, служатъ нѣмымъ, но краснорѣчивымъ выраженіемъ моей любви.

— Довольно, перестань! Я думалъ, ты всецѣло поглощена любовью къ Богу, но вижу, что ты ослѣплена преступною, земною любовью. Подумай, несчастная, о той пропасти, что насъ раздѣляетъ. Помни! Мы оба торжественно клялись передъ Всевышнимъ!

Въ страшной внутренней борьбѣ съ самимъ собою, едва удерживая выступившія слезы, братъ Луисъ опустился въ изнеможеніи на стулъ. Онъ поддерживалъ свою голову правою рукою, опертою локтемъ о столъ, лѣвая же безжизненно повисла внизъ.

Фай схватила эту руку и, прижимая ее къ груди, старалась правой обнять монаха.

Она тряслась какъ въ лихорадкѣ, еще сильнѣе ее волновало близко около нея дыханіе брата Луиса.

— О, говори-же, Луисъ, говори,—отвѣчай мнѣ. Предъ тобой не слуга, а рабыня! Никто насъ не видитъ. Пусть хоть на минуту заговоритъ твое чудное сердце, а не твои мысли о суровомъ долгѣ.

Онъ старался не касаться ея.

— Боже мой, Боже! Что за пытка! Скажи только одно слово, Луисъ, чтобы я знала, что ты меня понимаешь. Пожалѣй меня, я такъ искренно люблю тебя!

И она опустилась на колѣни. Продолжая держать руку монаха, она судорожно прижимала ее къ своему сердцу.

Онъ все молчалъ. Но внутри его бушевала цѣлая буря, хотя чувство, которое начинало овладѣвать имъ, было совершенно непорочное. Онъ чувствовалъ, что встрѣтилъ женщину, которая любила его, неизвѣстнаго, ради его самого, что нашелъ наконецъ то, къ чему такъ давно, такъ пламенно стремился.

— Встань, Фай, встань—и позволь мнѣ молчать. Молчаніе—нѣмой языкъ любви!

Онъ попробовалъ ее поднять.

— Нѣтъ, нѣтъ, еще разъ нѣтъ! Я буду лежать у твоихъ ногъ и слушать звукъ твоего голоса, я хочу прочесть въ твоихъ глазахъ то, чего ты не хочешь сказать. О Луисъ, Луисъ, сжалься надо мною!

Наконецъ Луисъ не могъ выдержать и вышелъ изъ своей неподвижности. Съ силой приподнялъ онъ взволнованную женщину и сжалъ ее въ своихъ объятіяхъ.

Въ это мгновеніе на улицѣ послышался шумъ приближающихся шаговъ и затѣмъ кто-то постучалъ въ наружную дверь.

Съ трудомъ вырвался монахъ изъ объятій Фай.

— Слышишь? началъ онъ.

— Слышу, дорогой мой, прошептала Фай.

Снова послышался стукъ въ дверь, а затѣмъ крикъ: „отоприте!“

— Отецъ Іакимъ, вскрикнулъ Луисъ.

— Твой товарищъ? спросила Фай.

— Да!

— Вотъ несчастіе!

— Надо скорѣй открыть.

— Это невозможно; ключи у Кіангъ-Тинга, а онъ лежитъ въ совершенномъ опьяненіи отъ опіума.

— Такъ уйди по крайней мѣрѣ скорѣй.

— Оставить тебя? Ни за что!

— Я тебя прошу. У брата Іакима съ собой веревочная лѣстница: онъ можетъ войти въ комнату черезъ окно.

Снова послышался крикъ:

— Открой-же, братъ Луисъ!

— Ну, до свиданія, до завтра, прошептала Фай, убѣгая изъ комнаты.

— До завтра! повторилъ Луисъ, крѣпко сжавъ ей руку.

Луисъ потушилъ свѣчу, открылъ окно и спустилъ веревочную лѣстницу.

— Это ты, братъ Іакимъ, вскрикнулъ онъ радостно, я тебя не ожидалъ такъ рано.

Спустя нѣсколько секундъ Іакимъ былъ въ комнатѣ.

Зажегши свѣчу, Луисъ де-Авила замѣтилъ, что товарищъ его, повалившійся въ изнеможеніи на кровать, былъ весь въ крови и платье на немъ было разорвано.

— Господи Боже мой, ты весь въ ранахъ!

— Да, братъ Луисъ.

— Какъ же это? спросилъ Луисъ взволнованнымъ голосомъ. Разсказывай скорѣй, что было съ тобою?

Онъ обнялъ своего товарища.

— Знаешь садъ богача Ланъ-Ко? Оттуда началось на меня нападеніе. Какъ только стало темнѣть, меня узнали. Я бѣжалъ, за мной гнались по пятамъ; я спасся лишь благодаря ночной темнотѣ. Въ меня бросали каменья, ранили меня.

Онъ вынулъ изъ-подъ полы большой камень.

— Успокойся, братъ, я залечу твои раны.

И дѣйствительно, братъ Луисъ сталъ усердно ухаживать за больнымъ товарищемъ. Сильно утомленный, братъ Іакимъ вскорѣ заснулъ глубокимъ успокоивающимъ сномъ, а Луисъ де-Авила, монахъ ордена св. Доминика, могъ снова предаться своимъ мечтамъ и погрузиться въ размышленіе о незадолго

передъ тѣмъ испытанныхъ имъ ощущеніяхъ. Въ немъ, отрекшемся отъ всего земного, вспыхнула вдругъ любовь къ женщинѣ. Имѣлъ онъ на это право? Вопросъ этотъ мучилъ его. Теперь онъ былъ одинъ, лицомъ къ лицу съ своей совѣстью, отъ которой ждалъ отвѣта на эти вопросы и приговора надъ собою. Въ немъ происходила тяжелая внутренняя борьба.

(До слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Съ конвоемъ въ горахъ. (Рис. на стр. 92).

Теперь уже вполнѣ покорившійся русской власти и слившійся съ Россіей, когда-то грозный и воинственный Кавказъ, подъ вліяніемъ новой жизни потерялъ прежній характеръ. Послѣ окончательнаго покоренія Кавказа при намѣстникѣ князѣ Барятинскомъ и взятія Шамиля, привезеннаго въ плѣнъ въ Россію въ 1859 году, обстоятельства измѣнились. Коренные обитатели, горцы, стали мирными гражданами и прежнія воинственныя нападенія замѣнились простыми разбойничьими, о которыхъ теперь еще изрѣдка слышно. Такимъ образомъ въ горахъ не вездѣ и досёлѣ безопасно, и проѣзжающимъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ назначается конный конвой для сопровожденія въ пути и защиты. Художникъ г. Грузинскій изобразилъ на своемъ рисункѣ путника на перекладной тройкѣ, ѣдущаго въ сопровожденіи казачьяго конвоя.

Дѣти и котята. (Рис. на стр. 93).

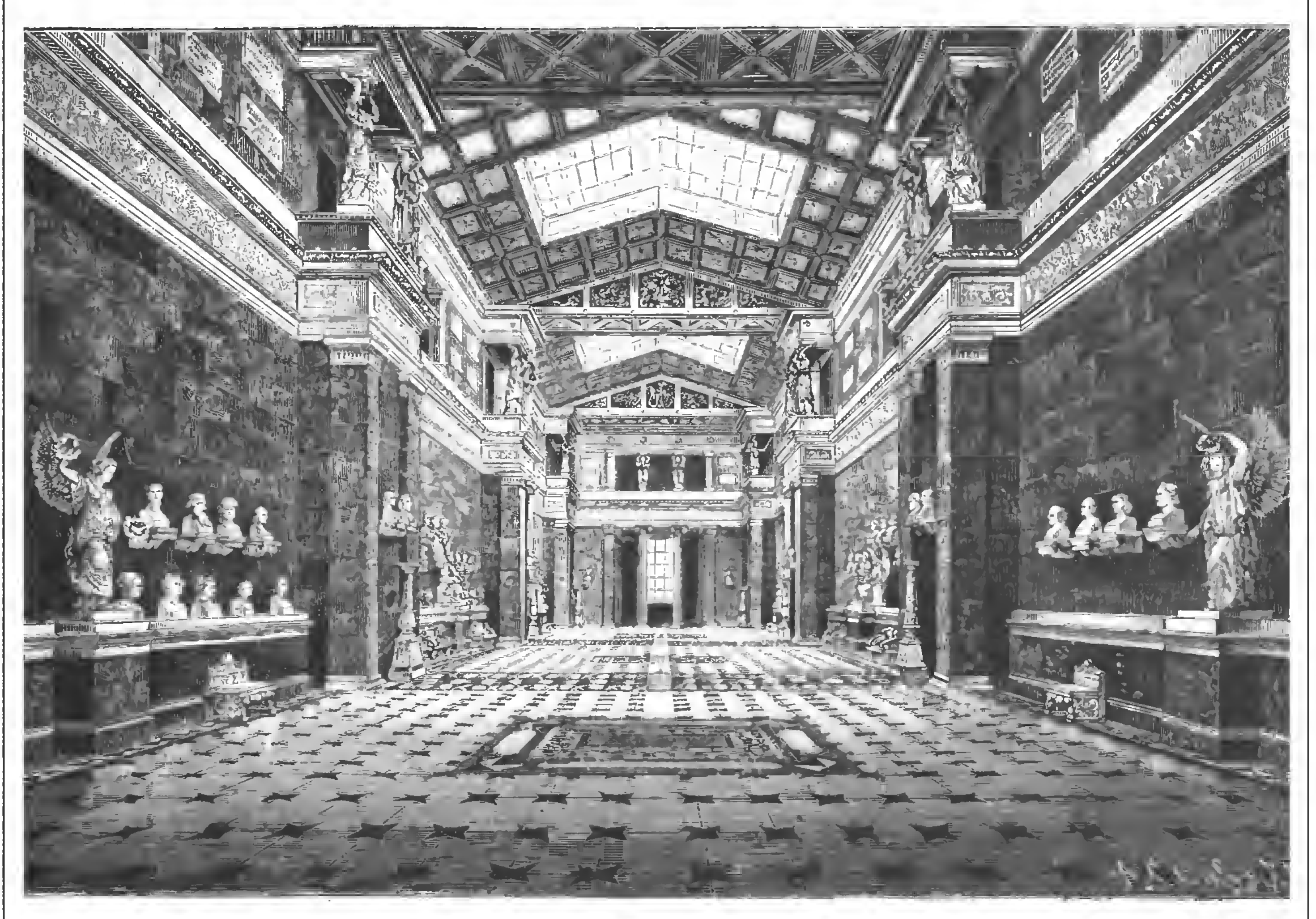
Прекрасною картинкою извѣстнаго покойнаго профессора СПБ. Акад. Худож. Гуна, копію съ которой мы здѣсь помѣщаемъ, любители живописи любовались нѣсколько лѣтъ назадъ на Академической выставкѣ въ СПБ. Милая домашняя сценка исполнена съ тѣмъ мастерствомъ и тщательностью, которыя составляютъ отличительную черту работъ этого художника. Дѣти такъ оживленно занялись своими маленькими товарищами по играмъ—котятами—такими же рѣзвыми и веселыми, какъ и они сами, что ничего кругомъ себя не замѣчаютъ. Обстановка обширной комнаты, съ ея большимъ каминомъ, и эффектъ тусклаго освѣщенія выполнены очень хорошо.

Забава. (Рис. на стр. 97).

Молодая женщина, любуясь на свою малютку-дѣвочку, свѣсила нить съ веретеномъ и играетъ съ дочкой, которая протягиваетъ ручонки и старается поймать веретено, звонко и весело смѣясь. Выраженіе лицъ и позы матери и дочки исполнены граціи и оживленія.

Десертъ. (Рис. на стр. 100).

Французскій художникъ Гуго Шарлемонъ, извѣстный своими изображеніями „Nature morte“, въ картинѣ названной имъ „Десертъ“, копія съ которой помѣщается здѣсь, достигъ совершенства въ этомъ родѣ. Но къ неодушевленнымъ предметамъ, цвѣтамъ и фруктамъ, онъ присоединилъ живое существо—прелестную дѣвушку, укладывающую плоды въ корзинку. Картина показываетъ въ художникѣ очень много вкуса.

Внутренній видъ Валгаллы. бл. Регенсбурга. въ Баваріи. Съ фотогр. грав. Клоссъ.

„Здравствуйте, барышня!“ (Рис. на стр. 101).

Сегодня день рожденія этой миловидной дѣвочки—ей прибавился еще одинъ годъ и она уже почти „большая“. Когда она вышла изъ дома, чтобы идти въ школу, старый почтенный садовникъ, молодая женщина изъ деревни—уже называютъ ее „барышней“. „Здравствуйте, барышня!“ говорятъ они. „Теперь вы уже большая!“ Ее это и радуетъ, и конфузитъ. На миломъ личикѣ дѣвочки распускается и довольная, и смущенная улыбка. Она и очень польщена, и ей еще странно это новое положеніе и названіе „барышни“.

Валгалла близь Регенсбурга. (Рис. на стр. 104).

Въ полуторачасовомъ разстояніи отъ Регенсбурга, въ Баваріи, на лѣвомъ берегу Дуная, возвышается на холмѣ чудный, греческаго стиля, храмъ „Валгалла“, величественный памятникъ, поставленный въ 1830—1842 г., по проекту Кленца, королемъ баварскимъ Людвигомъ I въ память и прославленіе германскихъ героевъ. Террасообразная лѣстница ведетъ въ сѣни храма, откуда богатая массивная входная дверь ведетъ внутрь, въ залъ, вышиною въ 16, длиною въ 49 и шириною въ 14 метровъ (1 метр.=1 арш. и 6 вершк.). Стѣны и полъ этого прекраснаго зала, изображеннаго на рисункѣ, выложены пестрымъ

Битва полипа мускуснаго съ омаромъ. Рис. К. Зимпрота, грав. М. Рашевскій.

мраморомъ, и стѣны, кромѣ того, украшены богатыми скульптурными орнаментами. Во всю длину залы выступаютъ три группы пилястровъ, образуя по три промежутка, въ которыхъ въ два ряда поставлены бюсты знаменитыхъ людей, между тѣмъ какъ посреди каждаго изъ промежутковъ стоятъ на пьедесталѣ шесть изображеній богини Побѣды, работы Рауха. Надъ бюстами идетъ мраморный фризъ работы Шванталера, а потолокъ поддерживается 14 колоссальными каріатидами, также Шванталера, изображающими Валькирій. Между группами пилястровъ помѣщены мраморныя доски съ именами знаменитостей. бюсты которыхъ не могли быть сдѣланы за неимѣніемъ ихъ портретовъ. Король Людвигъ самъ выбралъ для помѣщенія въ Валгаллѣ 76 князей и героевъ, 11 государственныхъ мужей, 8 борцовъ за религію, 29 ученыхъ, 20 художниковъ, 9 поэтовъ и 10 знаменитыхъ женщинъ. Бюсты ихъ—произведенія лучшихъ скульпторовъ первой трети нашего столѣтія, какъ Шадовъ, Тикъ. Раухъ, Даннекеръ, Ричель, и др. Въ общемъ все это производитъ величественное впечатлѣніе; прекрасенъ видъ и съ террасы предъ зданіемъ.

Борьба полипа и омара. (Рис. на стр. 105).

Повсюду въ животномъ царствѣ встрѣчаемся мы съ борьбою за существованіе. Помѣщенный здѣсь рисунокъ изображаетъ оригинальное сраженіе въ Берлинскомъ акваріумѣ. Оба противника—мускусный полипъ (Eledone moschata) и омаръ причисляются къ мало развитымъ умственно созданіямъ, по образъ ихъ жизни даетъ другія заключенія объ ихъ умѣ. Покрытый панцыремъ ракъ спокойно сидитъ въ углу бассейна; онъ только-что проглотилъ рыбку и поводитъ своими клешнями. Но его уже примѣтилъ врагъ—полипъ. Легкая вначалѣ стычка кончается смертельной борьбой. Эледонъ, красиво изгибая одну изъ своихъ оконечностей, приближаетъ ее къ непріятелю. Конецъ органа, служащаго для захвата добычи и на который ракъ повидимому не обращаетъ вниманія, дотрогивается до панцыря и до ножекъ непріятеля: за первой оконечностью слѣдуетъ другая, и полипъ подступаетъ все ближе. Приближается третья оконечность и раку становится неловко; онъ пытается скрыться за камнемъ и угрожающе выставляетъ клешни. Но число захватывающихъ оконечностей все возрастаетъ. какъ клубокъ змѣй вьются онѣ надъ ракомъ, съ быстротою молніи одна изъ нихъ окружила клешню, въ слѣдующее мгновеніе врагъ вытащенъ и обмотанъ полипомъ. Гибель рака неминуема. Замѣчательно, что мягкотѣлому животному не составляетъ никакого затрудненія высосать рака чрезъ панцырь: чрезъ часъ кожа рака оказывается совершенно пустою. Но борьба не всегда оканчивается такимъ образомъ. Съ поразительною быстротою ракъ умѣетъ ускользнуть отъ опасныхъ объятій, онъ смѣло нападаетъ на полипа, больно щиплетъ его, такъ что тотъ мѣняетъ цвѣтъ отъ злобы, обращается въ бѣгство и тащитъ врага за собою въ водѣ. Полипы нападаютъ на раковъ въ большинствѣ случаевъ ночью, и пустыя оболочки покрытыхъ панцыремъ животныхъ свидѣтельствуютъ по-утру, кто изъ враговъ остался побѣдителемъ.

Полипъ—мускусный эледонъ, получившій свое названіе отъ распространяемаго имъ мускуснаго запаха, мѣняетъ произвольно форму своего тѣла, дѣлая его мѣшкообразнымъ, продолговатымъ, яйцевиднымъ, заостреннымъ или закругленнымъ сзади, гладкимъ или бородавчатымъ. Эледоны имѣютъ маленькіе выдающіеся глазки, которые могутъ вполнѣ закрываться вѣками. Дальнѣйшимъ отличительнымъ признакомъ этой породы служатъ симметрически расположенныя черноватыя пятна. Эледонъ водится исключительно въ Средиземномъ морѣ, гдѣ обыкновенно сидитъ въ илистой почвѣ, на глубинѣ 35 до 350 футовъ; онъ также встрѣчается на грунтѣ песочномъ и очень рѣдко на скалахъ. Наблюдать ихъ въ морѣ нельзя и приходится довольствоваться наблюденіями въ акваріумахъ. Въ спокойномъ состояніи эледонъ держится за грунтъ своими присасывающими железками, цѣлые ряды которыхъ имѣетъ на оконечностяхъ. Въ такомъ положеніи животное проводитъ около трехъ четвертей жизни. Замѣчательно измѣненіе цвѣта эледона. При малѣйшемъ возбужденіи онъ весь темнѣетъ. Животное спитъ также въ вышеописанномъ положеніи, съ тою разницею, что оконечности ближе придвинуты къ тѣлу, за исключеніемъ одной, какъ-бы находящейся на стражѣ. Тѣло во снѣ покоится на оконечностяхъ, дыханіе, т. е. впусканіе и выпусканіе воды совершается медленно. Обыкновенная окраска при этомъ сѣро-желтая или желто-коричневая. Зрѣніе и слухъ становятся нечувствительными; къ нему можно приближаться, кричать или шумѣть, и животное не просыпается. При малѣйшемъ однако толчкѣ сосуда или прикосновеніи къ оконечности, животное мгновенно просыпается и во всемъ существѣ его происходитъ разительная перемѣна. Эледонъ почти вертикально подымаетъ голову, раздуваетъ ее немного и заостряетъ. Кожа становится желтою, появляются симметрическія пятна и конусообразныя бородавки; дыханіе становится неправильнымъ. По временамъ, особенно ночью, эледонъ выпрыгиваетъ изъ сосуда. быть можетъ потому. что вода не поддерживаетъ болѣе процесса дыханія, или же онъ ищетъ свободы. Животное можетъ оставаться по нѣсколько часовъ безъ воды и по десяти дней безъ пищи. Не смотря на мускусный запахъ, эледонъ во множествѣ продается на рынкахъ, хотя появляется только на столѣ бѣднѣйшихъ классовъ.

Миражъ. (Рис. на стр. 108).

На помѣщенномъ рисункѣ представленъ точный моментальный фотографическій снимокъ миража, который былъ виденъ около Мадраса 17 іюня 1886 г. Подобное замѣчательное оптическое явленіе удалось фотографировать впервые. Воздухъ былъ тихъ и прозраченъ, когда появился миражъ; въ пространствѣ отразилась плывшая лодка и стоявшіе пароходы. Все это ясно было видно на небѣ; когда же море отступило во время отлива, точно также отразился и обнаженный песокъ. Слѣдуетъ замѣтить, что тутъ отраженіе получилось прямое, тогда какъ, въ большинствѣ случаевъ, отраженія ближе къ зениту бываютъ въ опрокинутомъ видѣ. Такъ, 14 декабря 1869 г., между 3 и 4 ч. утра, парижане, проходившіе по набережной, увидѣли въ небѣ обратное отраженіе Лувра, Сены и мостовъ. Тогда свѣтила луна. которая, какъ и небо, была закрыта особеннаго вида облаками, какъ будто озаренными сѣвернымъ сіяніемъ. Во время подъема на шарѣ надъ сѣвернымъ моремъ, 16 августа 1868 г., наблюдался тоже миражъ. Море отражалось въ верхнихъ слояхъ воздуха и подъ шаромъ былъ виденъ плывшій пароходъ.

Моргъ въ Парижѣ. (Рис. на стр. 108).

Важность возможно долговременнаго сохраненія найденныхъ труповъ неизвѣстныхъ лицъ, съ цѣлями судебными, а также для узнанія труповъ родственниками умершаго—ясна для всякаго. Съ этою цѣлью недавно возникалъ и въ нашей столицѣ вопросъ объ устройствѣ трупохранилища, подобнаго знаменитому Парижскому Моргу, устройство котораго и администрація издавна считаются образцовыми.

О Парижскомъ Моргѣ писано было много и свѣдѣнія о его дѣйствіяхъ и устройствѣ достаточно распространены. Поэтому мы ограничимся здѣсь лишь краткими данными, касающимися вновь открытой въ Моргѣ залы выставки труповъ, видъ которой представленъ на нашемъ рисункѣ. Чтобы имѣть понятіе о количествѣ выставляемыхъ здѣсь труповъ, можно привести цифры, что въ 1876 г. было выставлено напр. 614 труповъ, въ 1878 (годъ парижск. выставки) 718, въ 1881—929 и съ тѣхъ поръ цифра нѣсколько еще увеличилась, такъ что среднимъ числомъ въ Моргѣ ежегодно выставляется теперь около 1000 труповъ. Способы сохраненія труповъ отъ порчи такъ усовершенствовались, что нынѣ трупъ, въ случаѣ надобности, можетъ быть сохраняемъ цѣлыхъ 6 недѣль, вслѣдствіе чего процентъ труповъ узнанныхъ постоянно возрасталъ. Такъ, прежде количество узнанныхъ труповъ едва достигало 66% на 100, нынѣ же, съ устройствомъ новыхъ охлаждающихъ аппаратовъ, получились замѣчательные результаты—92% узнанныхъ труповъ на 100 выставленныхъ.

Въ новой залѣ выставки труповъ, изображенной на рисункѣ, поставлены на передвижныхъ столахъ въ рядъ двѣнадцать плитъ чернаго мрамора, нѣсколько приподнятыхъ въ наклонное положеніе, и трупы обращены лицомъ къ публикѣ. Вся зала раздѣлена во все ея пространство вплотную рамами съ зеркальными стеклами, изъ-за которыхъ публика можетъ видѣть трупы, которые полиція свозитъ сюда не только со всего Парижа. но и изъ Севра, Сенъ-Клу и Медона. Тутъ же около трупа кладутъ и одежды, въ которыя по требованію публики трупъ одѣваютъ для лучшаго распознаванія и опредѣленія личности умершаго. Подъ залой выставки, въ подвальномъ этажѣ, расположенъ холодильный аппаратъ, для сохраненія труповъ посредствомъ холода. Этимъ аппаратомъ, во-первыхъ, поддерживается въ залѣ, въ отдѣленіи труповъ, температура ниже 0°, во-вторыхъ, четыре трупа приводятся въ температуру 15° холода, остальные, недавно поступившіе трупы—въ температурѣ 2° холода. Въ части залы, гдѣ стоятъ трупы, проведены змѣевики—трубы, по которымъ приходитъ къ трупамъ и въ самое помѣщеніе выработанный внизу аппаратомъ холодный воздухъ и удаляется нагрѣтый. Мы уже выше упоминали какихъ блестящихъ результатовъ въ узнаваніи личности умершихъ достигли, благодаря новому устройству залы выставки труповъ, въ Парижскомъ Моргѣ.

Семейная жизнь рыбъ. (Рис. на стр. 109).

Среди рыбъ, строющихъ гнѣзда и водящихся въ прѣсныхъ водахъ, самой занимательной можно назвать колюшку. Круглое свое гнѣздышко, на подобіе гнѣзда синицы, крошечная эта рыбка устраиваетъ между растеніями. Замѣчательно, что у колюшекъ высиживаетъ дѣтей не самка, а самецъ; послѣдній принимаетъ въ эту пору красивую пунцовую окраску. Постройка гнѣзда, которою также занимается самецъ, чрезвычайно любопытна; съ поражающимъ рвеніемъ и выносливостью маленькое созданіе приноситъ отовсюду матеріалъ для гнѣзда: плавающіе стебельки, волокна растеній, корешки и траву, тащитъ иногда куски. превосходящіе длиною его тѣла, отрываетъ съ большимъ трудомъ даже части живыхъ растеній, сплетаетъ все это, покрывая время отъ времени слоемъ песка. Прочность сообщается гнѣзду клеевымъ сокомъ, который строитель выпускаетъ на каждый новый слой, причемъ онъ трясетъ плавни-

ками и, выгибая тѣло, медленно двигается надъ гнѣздомъ, отдѣльныя части котораго склеиваются. Въ общемъ гнѣздо кажется песочнымъ холмикомъ съ примѣсью мусора, и его трудно найти. Во время работы рыба рѣдко ищетъ пищи, она не занимается тогда обыкновенными вещами; но за то съ ожесточеніемъ отгоняетъ соперниковъ, а также саламандръ, водяныхъ жуковъ и пр., приближающихся отчасти съ дурнымъ намѣреніемъ и отчасти нечаянно. Однажды видѣли, какъ маленькая колюшка до тридцати разъ въ полчаса относила во рту сѣраго скорпіона, подплывавшаго безъ дурного умысла, но съ необыкновеннымъ упрямствомъ къ гнѣзду. По выходѣ малютокъ, заботливый отецъ не оставляетъ о нихъ своихъ попеченій; онъ долгое время отгоняетъ днемъ и ночью всѣхъ подозрительныхъ существъ и продолжаетъ это до тѣхъ поръ, пока рыбешки не получатъ колючекъ. Слишкомъ смѣлыхъ дѣтокъ, далеко отплывающихъ отъ дома, онъ загоняетъ въ гнѣздо, а непослушныхъ не выпускаетъ изъ него. Дѣйствительно, семейная жизнь этихъ крошечныхъ созданій изобилуетъ трогательными чертами.

Наблюденіе надъ семейной жизнью рыбъ въ океанѣ и въ большихъ морскихъ бухтахъ гораздо труднѣе, нежели въ прѣсныхъ рѣкахъ, прудахъ и озерахъ, однако общими трудами изыскателей, рыбаковъ и мореходовъ удалось проникнуть въ глубь моря и получить свѣдѣнія о жизни рыбъ, показывающія ихъ въ иномъ свѣтѣ. Ранѣе онѣ считались нѣмыми, безучастными и неразумными существами, нынѣ же извѣстно, что по уму онѣ не многимъ уступаютъ созданіямъ, живущимъ на материкѣ. Тому явнымъ примѣромъ служитъ „Рыба-Насѣдка“ со своими дѣтенышами (фиг. 1). Cyclopterus lumpus, таково латинское названіе этой рыбы, которая отличается большой привязанностью къ своимъ дѣтямъ. Съ большою толпою малютокъ, которыхъ она заботливо оберегаетъ, ее часто встрѣчаютъ какъ у береговъ Англіи, такъ и у береговъ Американскаго штата Мэнъ. Насѣдка-рыба создана странно; тѣло ея покрыто пятнами и наростами, расположенными рядами. Съ приближеніемъ времени для метанія икры, она начинаетъ строить изъ растеній гнѣздо, съ цѣлью сохранить яички. Рыба-насѣдка совершенно безопасное созданіе, не приносящее своимъ товаркамъ вреда. Она беззащитна и добродушна, и при своей неуклюжести, можетъ двигаться сравнительно медленно. Дѣйствительнымъ и единственнымъ ея оружіемъ служитъ ея уродливость, ея нескладная фигура, зачастую пугающая и обращающая въ бѣгство непріятеля. Подобно стаду цыплятъ, рыбки слѣдуютъ за Рыбою-насѣдкою, играютъ и забавляются вокругъ ея. Съ приближеніемъ чего нибудь незнакомаго или непріятеля, вся масса, состоящая зачастую изъ сотни маленькихъ созданій, толпится вокругъ своей защитницы. Какъ выше было замѣчено, рыбы эти плохо плаваютъ, а потому легко могли бы быть выкидываемы волнами на берегъ, если бы защитить ихъ не позаботилась природа. Эти странныя обитательницы моря могутъ такъ плотно присасываться къ скаламъ, дереву или воднымъ растеніямъ, что ихъ не въ состояніи оторвать самое сильное волненіе; многочисленные клейкіе плавники рыбы служатъ присасывающими аппаратами. Рыбаки называютъ рыбу эту Морскимъ Зайцемъ или Морскимъ Быкомъ; она бываетъ около аршина длины (14 верш.), вѣситъ отъ $7^1/_2$ до 10, а иногда отъ 15 до 18 фунт. и имѣетъ мѣняющуюся желтую, сѣрую и черноватую окраску. Размноженіе ея поразительно громадно. Она проникаетъ также въ Балтійское море, но рѣдко ловится, въ виду ея своеобразной жизни. Тѣло ея такъ плотно пристаетъ къ предметамъ, что для оторванія Рыбы-Насѣдки, въ четверть аршина величины, требуется сила въ два пуда вѣса. Замѣчено также, что рыба эта по недѣлямъ лежитъ на одномъ и томъ же мѣстѣ, выжидая приближенія маленькихъ рыбокъ, которыми питается. „Рыба-насѣдка“, такъ же какъ и колюшка, бережетъ свои яйца, которыхъ насчитываются сотни тысячъ, и героически защищаетъ ихъ отъ непріятеля. Самецъ закрываетъ своимъ тѣломъ икру и остается въ такомъ положеніи до тѣхъ поръ, пока не выйдутъ малютки. Вообще рыбу эту ловятъ рѣдко; въ Гренландіи и Исландіи на нее закидываютъ сѣти или ловятъ вилкообразнымъ желѣзомъ, завидя ее лежащей между морскою травою. Злѣйшій ея врагъ—это тюлень; онъ охотно ѣстъ ее, хотя предварительно съ трудомъ долженъ ее очистить.

Другая рыба, живущая у береговъ Южной Америки, носитъ дѣтей не въ открытой пасти, но при помощи клейкаго вещества держитъ ихъ на тѣлѣ и на плавникахъ. Видъ такой рыбы очень страненъ, она кажется точно покрытою маленькими наростами. У береговъ Гвіаны встрѣчаются рыбы, строющія гнѣзда въ илѣ и выглядывающія оттуда какъ ласточки. Одинъ видъ вышеназваннаго Ophiocephalus'а, живущаго въ Индіи, также вьетъ гнѣзда въ земляныхъ ямкахъ, гдѣ можетъ пробыть долго даже безъ воды; во время отлива ихъ находятъ въ гнѣздахъ по парѣ. Когда земля высохнетъ, онѣ переползаютъ большія пространства. Простой народъ, видя ихъ во время переходовъ, полагаетъ, что онѣ падаютъ съ неба, а индійскіе фокусники, желая доставить горожанамъ необыкновенное зрѣлище, заставляютъ ихъ ползать по землѣ. Одна рыба, живущая въ Панамскомъ заливѣ, своимъ мѣшечкомъ, въ которомъ она хранитъ яички, напоминаетъ кенгуру. Однако, самой замѣчательной рыбой, какъ по образу жизни, такъ и по виду остается морской конекъ (фигура 2-я). Уже Геснеръ говорилъ о немъ: „величіе Бога и разнообразіе природы сказывается во многихъ чудесныхъ созданіяхъ и особенно въ этомъ морскомъ животномъ или рыбѣ, которая головою, шеей, мордой, грудью, гривой совершенно напоминаетъ земную лошадь, за исключеніемъ хвоста, имѣющаго другую форму. Многіе искатели приключеній показываютъ это животное вмѣсто василиска, по той причинѣ, что хвостъ его загибается во всѣ стороны“. Снабженное многочисленными прибавленіями и хвостомъ, животное это болѣе похоже на растеніе. При плаваніи оно держится вертикально, быстро захватываетъ хвостомъ траву и въ такомъ положеніи внимательно осматриваетъ воду, выглядывая добычу, за которой быстро устремляется. Иногда два морскихъ коня сплетаются хвостами и до тѣхъ поръ тащутъ другъ-друга, пока не разойдутся. Отъ наростанія кожицы у морскихъ коней образуется настоящій карманъ, въ которомъ изъ яичекъ развиваются рыбки. Видоизмѣненіе морского коня — рыба-тряпка (см. „Нива“ 1886 г. № 50), имѣетъ еще болѣе странную форму; цвѣтомъ и видомъ она до поразительности напоминаетъ морскую траву. Въ этомъ животное находитъ лучшую защиту. Такъ рыба-трубка или морская игла напоминаетъ нитеобразныя морскія растенія, а перемѣнные цвѣта ея—сѣрый, коричневый, зеленоватый и голубоватый, дополняютъ обманъ.

Изъ жизни вида Плоскихъ рыбъ (Ophiocephalus) извѣстны любопытныя черты. Одинъ видъ этихъ Плоскихъ рыбъ водится въ Галилейскомъ морѣ, въ Палестинѣ; при началѣ метанія икры онѣ уходятъ въ прѣсную воду. У стараго корня дерева или у скалы, родители прикрѣпляютъ кусочки травы, листьевъ, морскихъ растеній, частички раковинъ и дерева и устраиваютъ изъ этого овальное гнѣздо: при этомъ изъ стебельковъ травы они дѣлаютъ сѣтчатую стѣнку и наполняютъ промежутки грязью, оставляя нѣсколько отверстій. Наконецъ у конца гнѣзда оставляется висящею грушевидная масса, которая движется отъ напора волнъ и замѣняетъ колыбель. Икра кладется въ средину гнѣзда и прилипаетъ къ травѣ и боковымъ стѣнкамъ. Вскорѣ все жилище наполняется крошечными существами, которыя оберегаются отцомъ и матерью до тѣхъ поръ, пока настолько не выростутъ, чтобы самостоятельно бороться съ опасностями жизни. Семейный духъ особенно развитъ у этихъ рыбъ; нерѣдко видѣли какъ онѣ прятали своихъ малютокъ во рту при приближеніи опасности (фиг. 3-я). Большія рыбы, живущія въ океанѣ, также защищаютъ своихъ малютокъ такимъ образомъ. Такъ называемая китайцами рыба Лапъ-лапъ, длиною въ 13 футовъ и вѣсомъ въ $3^1/_2$ пуда, прячетъ также малютокъ въ открытомъ рту; у рыбъ, водящихся въ южно-американскихъ лагунахъ, замѣчалось тоже самое. Рыбешки такъ къ этому пріучены, что, при малѣйшемъ подозрительномъ движеніи воды, онѣ толпою стремятся въ ротъ матери.

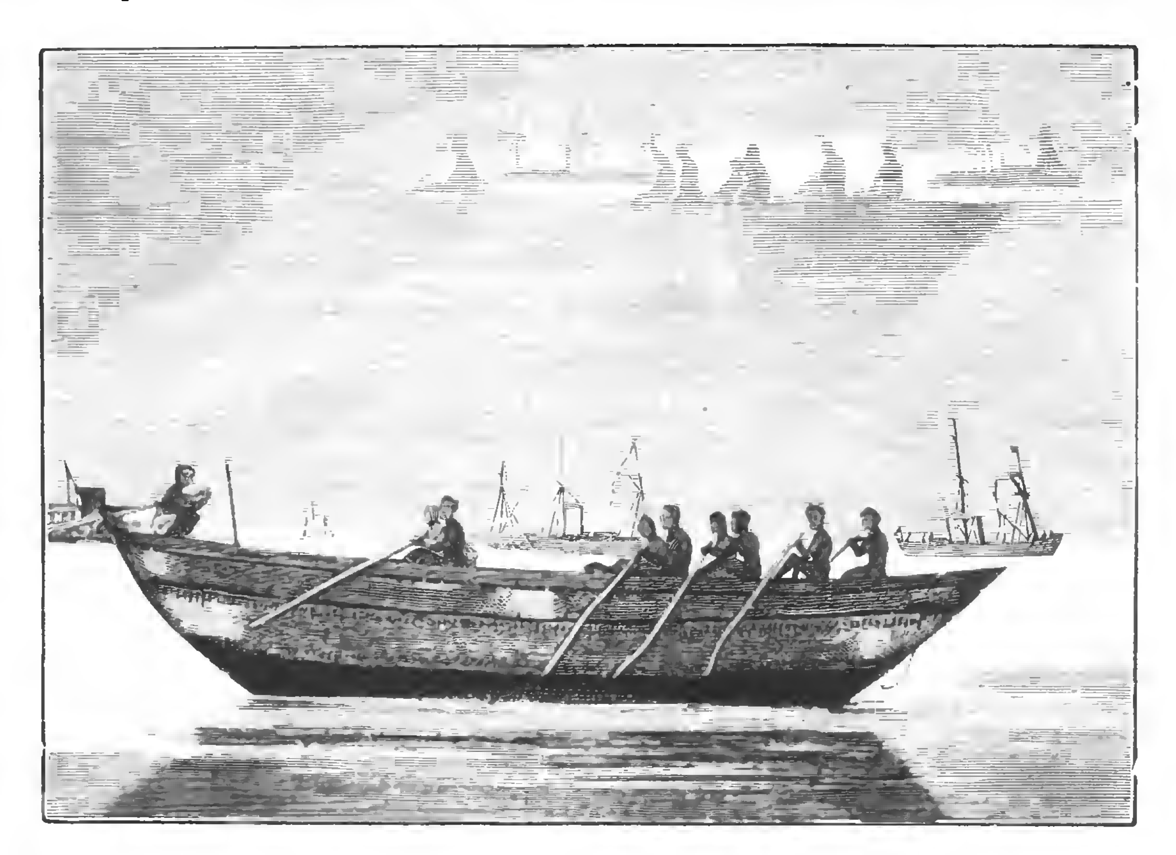
Спускъ лошади въ шахту. (Рис. на стр. 112).

Копи и жизнь въ нихъ—совершенно особое царство. Нужно особую выносливость и силу привычки, чтобы выдерживать жизнь и работу въ рудникахъ. Попробуйте спуститься въ шахту и вы почувствуете какъ трудно дышать и какъ стѣснитъ грудь. Тяжелый рудничный углекислый газъ, не смотря на воздухоотводныя шахты, чрезъ которыя въ рудникъ вступаетъ свѣжій воздухъ, крайне непріятенъ. Трудно описать впечатлѣніе, производимое этой подземной областью. Глубокое безмолвіе прерывается только шумомъ машинъ. Дѣятельная жизнь кипитъ на каждомъ шагу, встрѣчается множество полунагихъ работниковъ и мальчиковъ съ повозками и тачками. Гдѣ возможно, въ рудникахъ устроена конно-желѣзная дорога. Видъ у этихъ лошадей сытый, шерсть лоснится, и ихъ тамъ холятъ и берегутъ; но прежде чѣмъ попасть туда, бѣднымъ животнымъ приходится переживать ужасныя минуты, это—спускъ въ рудникъ. Чтобы спустить лошадь въ отверстіе шахты, ее крѣпко привязываютъ къ канату посредствомъ ремней, такъ что она не можетъ пошевелить ни одной ногой, или же укладываютъ въ сѣтку, прикрѣпленную къ этому канату. Когда лошадь повиснетъ надъ шахтой, она цѣпенѣетъ отъ ужаса и даже не бьется. Достигнувъ дна шахты, лошадь нѣсколько времени не можетъ придти въ себя и лежитъ какъ мертвая. Такая ужасная минута переживается четвероногой работницею только разъ въ жизни, потому что, опущенная въ рудникъ, она никогда не возвращается на поверхность земли. Уходъ за ними самый лучшій: конюшни устраиваются просторныя и хорошо вентилирусмыя, овса даютъ вволю и чрезмѣрной работой не обременяютъ. Однако постоянное пребываніе въ рудникѣ прежде всего дѣйствуетъ на зрѣніе лошадей: большая часть изъ нихъ слѣпнетъ отъ недостатка свѣта; но въ вознагражденіе утраченнаго зрѣнія лошадь пріобрѣтаетъ поразительную опытность и сноровку, такъ что погонщику почти не приходится управлять ею; умныя животныя отлично помнятъ, въ какихъ именно мѣстахъ нужно наклонять голову, чтобы не стукнуться о низкій сводъ галлереи, и гдѣ слѣдуетъ временно остановиться. Сравнительно, однако, лошади въ рудникахъ выживаютъ не долго—жизнь безъ свѣта дѣйствуетъ губительно.

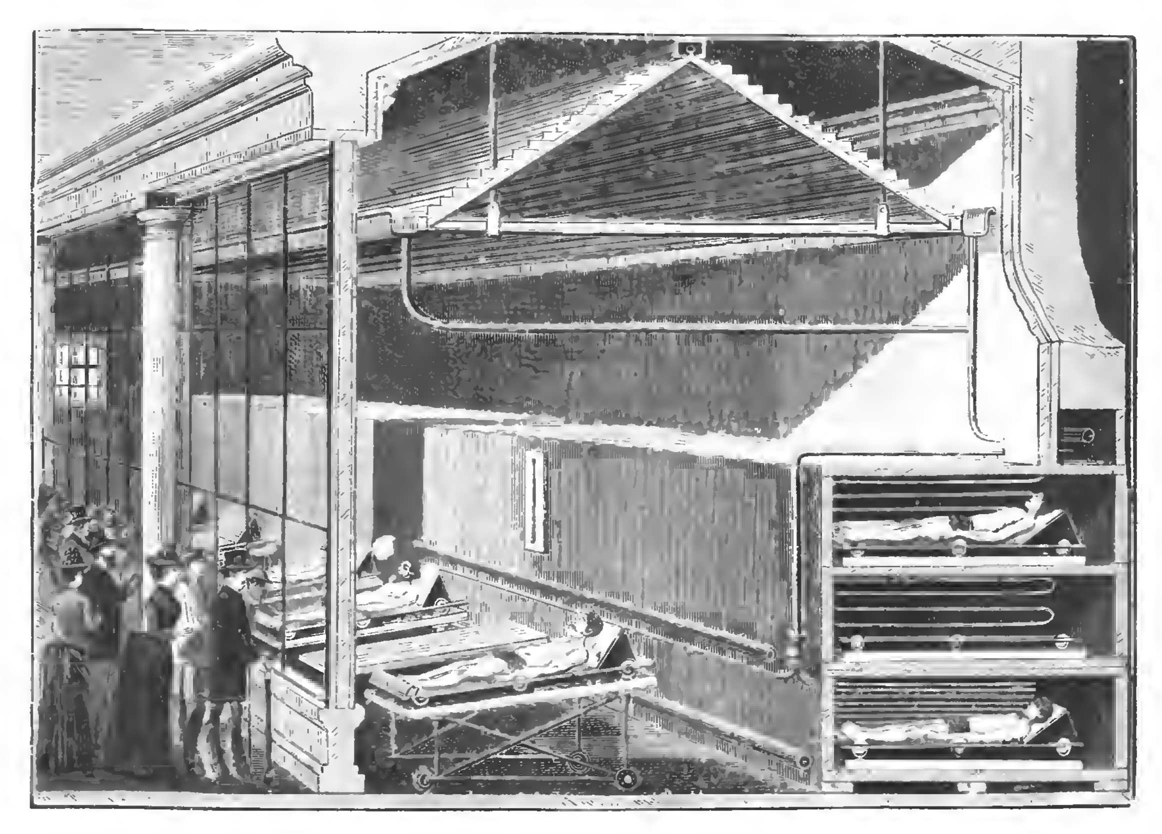
Молодая швейцарка.

(Отдѣльное приложеніе къ № 4 „Нивы").

Продолжая давать отъ времени до времени отдѣльныя приложенія при „Нивѣ", печатанныя на тоновой

Миражъ 17 Іюня 1886 г. въ Мадрасѣ. Съ фотогр. снимка, рис. Тиссо, грав. М. Рашевскій.

Новый залъ выставки труповъ въ Моргѣ, въ Парижѣ.

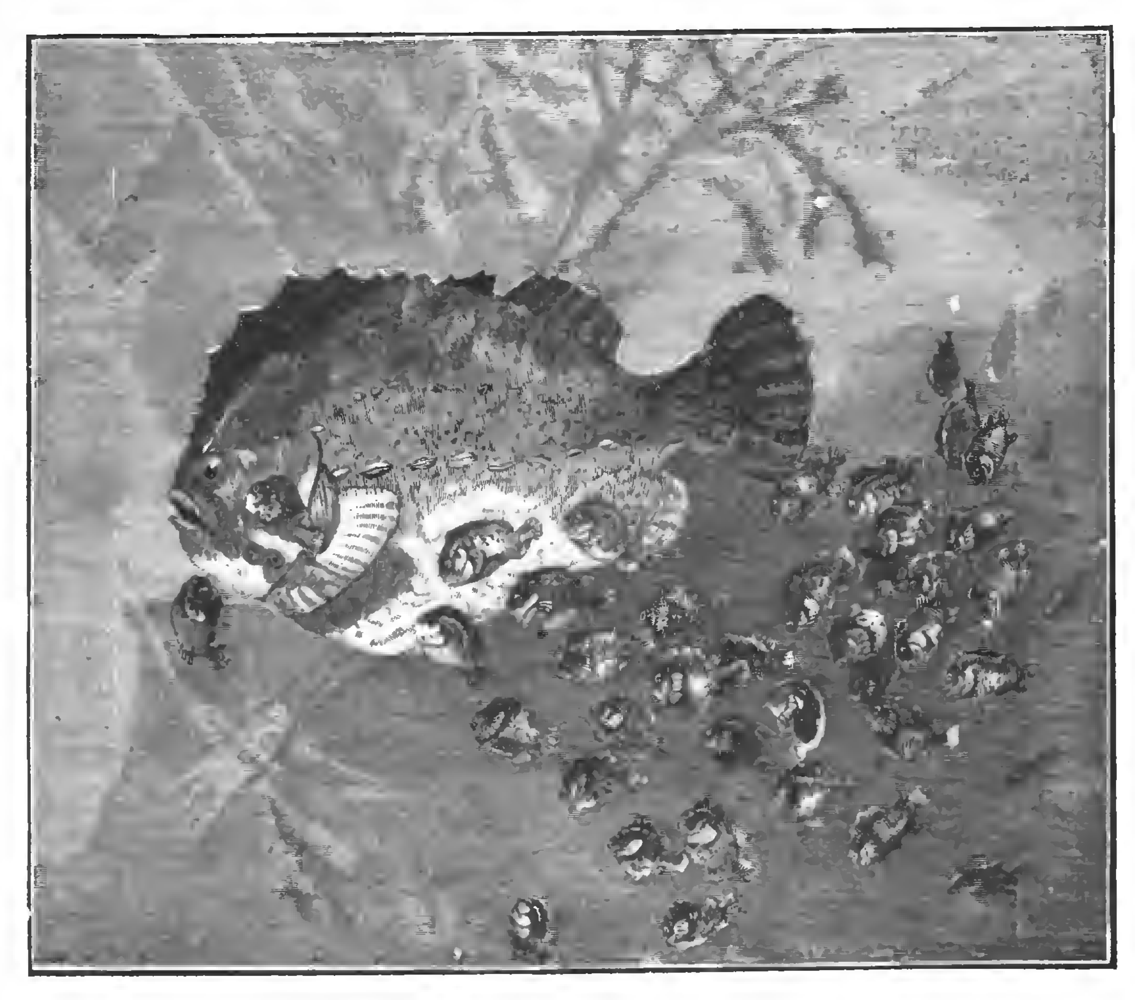
бумагѣ, на сей разъ мы избрали превосходную картину знаменитаго Франца Дефрегера „Молодая швейцарка". Прекрасная гравюра передаетъ нѣжно и свѣжо очертанія молодого, прелестнаго лица, полнаго ясности и скромности выраженія. Типъ этой уроженки Альпъ, разцвѣтшей чудно и пышно на свѣжемъ горномъ воздухѣ, переданъ этимъ превосходнымъ художникомъ съ полнымъ совершенствомъ. Лицо глядитъ въ картинѣ какъ живое.

Политическое обозрѣніе.

17-го Января.

Новыя попытки касательно конференціи.—Преднамѣренная оговорка Англіи.—Шаткость кабинета маркиза Салисбюри.—Благопріятное отношеніе прусскаго сейма къ военному законопроекту въ Германіи.—Ложность слуховъ, касательно тревожныхъ отношеній между Германіею и Франціею.

Болгарская путаница все еще продолжаетъ волновать поли-

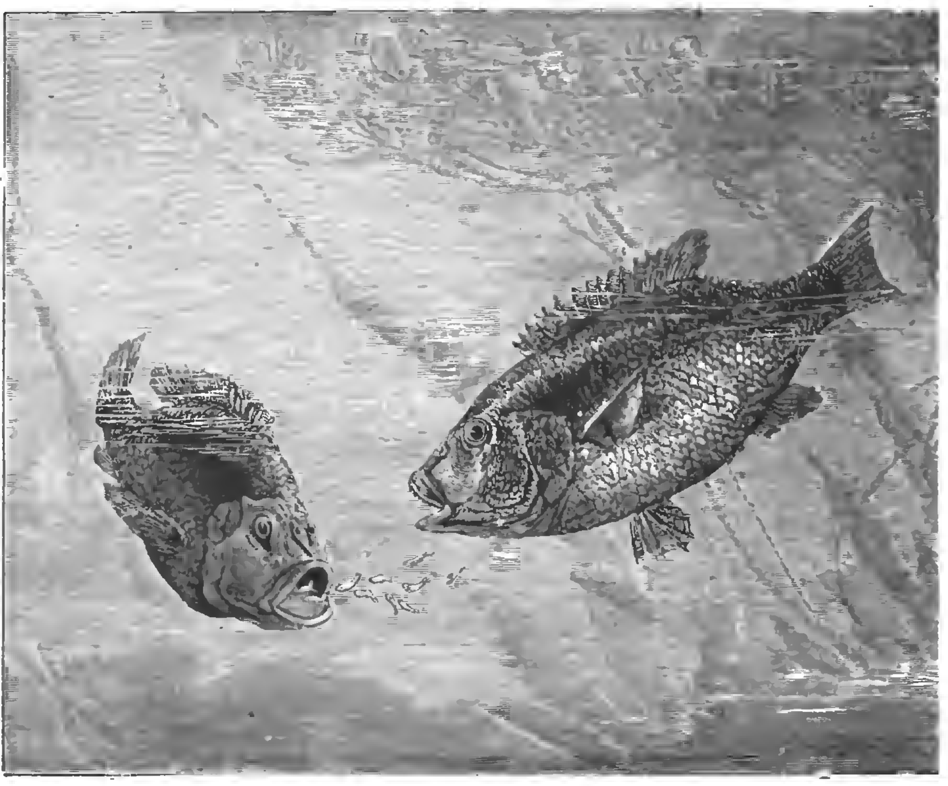

Семейная жизнь рыбъ. Фиг. 1. Насѣдка-рыба съ дѣтенышами.

тическіе кружки Европы. Дипломаты иностранныхъ державъ пока со-шлись только на одномъ пунктѣ, что изъ-за Болгаріи поднимать войну рѣшительно не стоитъ; но какъ приступить къ разрѣшенію болгарскихъ недоразумѣній, съ какого конца взяться—объ этомъ всѣ кабинеты стараются высказать свое мнѣніе вскользь или ограничиваются глубокомысленнымъ мол-

Семейная жизнь рыбъ. Фиг. 2. Конекъ-рыба съ дѣтенышами.

Семейная жизнь рыбъ. Фиг. 3. Плоская рыба (Ophiocephalus), собирающяя въ ротъ дѣтенышей.

чаніемъ. Сопоставляя рядъ фактовъ, получившихъ за послѣднее время болѣе или менѣе опредѣленное значеніе, можно придти къ заключенію, что Германія, поддерживая виды Россіи, а также Франція, стоятъ за перенос разрѣшенія болгарскаго вопроса въ Константинополь, съ охраненіемъ со стороны Европы вассальныхъ отношеній Болгаріи къ Портѣ и съ тѣмъ, чтобы Порта приняла ближайшія мѣры къ возстановленію въ странѣ законнаго порядка. Но противъ такого теченія уже успѣли высказаться Австро-Венгрія и Англія. Пештскія газеты, а за ними и въ дипломатическихъ сферахъ Вѣны начали проводить мысль, что слѣдуетъ принципіально разрѣшить болгарскій вопросъ обмѣномъ мыслей кабинетовъ, а затѣмъ ближайшее выполненіе предначертаннаго плана предоставить соглашенію пословъ, акредитованныхъ въ Константинополѣ. Иначе говоря, австро-венгерскіе посланники и дипломаты имѣютъ въ виду вернуться къ конференціи, заранѣе предвидя безрезультатность ея совѣщаній, такъ какъ въ принципѣ болгарскій вопросъ уже разрѣшенъ, а вся суть остается въ выполненіи мѣръ, возстановляющихъ законный порядокъ въ странѣ, которую снова хотятъ обернуть на путь безконечныхъ дипломатическихъ споровъ и несогласій.

Если Австро-Венгрія, въ ожиданіи болѣе благопріятнаго для нея политическаго положенія Европы, стремится оттянуть разрѣшеніе болгарскаго вопроса, конференціею или чѣмъ-либо подобнымъ ей, то Англія добивается того же результата инымъ путемъ, и въ недавнемъ приглашеніи Россіи обмѣняться мнѣніями по болгарскому вопросу, дѣлаетъ оговорку о необходимости предустановить порядокъ разрѣшенія вопросовъ, указывая, что первымъ изъ нихъ долженъ быть поставленъ — вопросъ объ избраніи болгарскаго князя. Намѣреніе британскаго правительства клонится къ тому, чтобы въ самомъ избраніи кандидата затѣять новыя недоразумѣнія, поддерживаемыя нынѣшнимъ софійскимъ правительствомъ. Примѣръ съ кандидатурою князя Николая Мингрельскаго весьма легко можетъ повториться и съ кандидатурою герцога Лейхтенбергскаго, а потому всѣ представленія по этому поводу Россіи для назначенія своего кандидата есть не болѣе, какъ дипломатическая увертка со стороны лондонскихъ и вѣнскихъ дипломатовъ. Въ этомъ отношеніи, предъявленное Россіею требованіе на сдѣланную Англіею оговорку, чтобы до избранія князя, болгарское регентство вышло въ отставку, есть требованіе, подсказанное нашимъ дипломатамъ примѣрами недавняго прошлаго.

Нельзя сказать, чтобы британское правительство стояло на твердой почвѣ по отношенію къ болгарскому вопросу. Неожиданная смерть министра иностранныхъ дѣлъ лорда Иддеслея еще болѣе пошатнула популярность кабинета маркиза Салисбюри. Маркизъ Гартингтонъ и его друзья, при всемъ желаніи поддерживать министерство, были настолько осмотрительны, что не рѣшились вступить въ разрушающійся кабинетъ, а новый лордъ канцлеръ казначейства Гошенъ весьма недвусмысленно намекнулъ въ своей рѣчи, сказанной передъ избирателями, что онъ нисколько не намѣренъ безусловно слѣдовать бывшей до настоящаго времени внѣшней политикѣ Англіи. Сопоставляя все это съ ирландскими затрудненіями, съ возстановленіемъ вопроса объ ирландскомъ парламентѣ, предпринятымъ гладстоновцами, не трудно видѣть, что на твердую внѣшнюю политику Англіи разсчитывать нельзя, что отчасти и сказалось въ недавнемъ письмѣ изъ Лондона, помѣщенномъ въ „Вѣнской политической корреспонденціи“, въ которомъ высокоофиціозный корреспондентъ заявляетъ по адресу Австріи, что Англія изъ-за Болгаріи воевать не станетъ, и что Австрія можетъ разсчитывать только на нравственную и дипломатическую поддержку со стороны британскаго правительства.

Въ прусскомъ сеймѣ князь Бисмаркъ снова возвратился къ вопросу о военномъ законопроектѣ и прямо заявилъ, что союзный совѣтъ не можетъ сдѣлать армію предметомъ обычныхъ бюджетныхъ преній, такъ какъ это поставило бы имперію въ опасное положеніе. Прусскій сеймъ остается за законопроектъ правительства; одинаково и въ Ганноверѣ, на сходкѣ національ-либераловъ, вліятельный депутатъ Беннигсенъ весьма краснорѣчиво доказывалъ о необходимости установленія семилѣтняго срока для дѣйствія военнаго закона, утверждая, что въ немъ единственная, быть можетъ, надежда избѣгнуть войны. Въ итогѣ можно предвидѣть, что германское правительство одержитъ побѣду, такъ сказать, по частямъ, въ сеймахъ, и всѣ опасенія, что будто бы въ новомъ составѣ рейхстага правительство встрѣтитъ оппозицію—едва ли основательны.

Что касается Франціи, то сосредоточіе войскъ на восточной границѣ и постройка въ этихъ раіонахъ бараковъ, предпринятыя энергическимъ военнымъ министромъ Буланже, напугали болѣе праздныхъ политикановъ Лондона и Вѣны, а также биржевой міръ, чѣмъ боевыхъ германскихъ генераловъ и стойкую германскую политику. Бездна выдумокъ о запрещеніи вывоза изъ Германіи лѣса, о сдѣланномъ будто бы со стороны Германіи запросѣ Франціи лучше всего указываютъ на напряженность политическаго настроенія въ Европѣ. Пока вѣрно одно, что запрещенъ выводъ лошадей изъ Германіи на всѣхъ границахъ Германской имперіи.

БИБЛІОГРАФІЯ.

Списокъ сортамъ растеній въ саду Э. Л. Регеля и Кессельринга. 1887 г. Спб. Извѣстный ученый директоръ Имп. Ботаническаго Сада въ Спб. д-ръ Э. Л. Регель издалъ любопытный каталогъ плодовыхъ и многолѣтнихъ растеній, имѣющихся въ его прекрасномъ помологическомъ саду и питомникѣ въ Спб., на Выборгск. Сторонѣ. Всѣмъ, занимающимся садо- и лѣсоводствомъ, этотъ каталогъ представляетъ чрезвычайно полное и интересное пособіе при выпискѣ растеній. Къ каталогу приложены прекрасныя гравюры растеній и рисунки цвѣтниковъ, съ посадкою въ нихъ растеній. Конечно, каждый любитель воспользуется такимъ каталогомъ, который *Д-ръ Э. Регель* по требованію высылаетъ безплатно. См. Объявленія.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 15-го января состоялся въ Зимнемъ Дворцѣ въ Спб. блестящій придворный балъ, отличавшійся пышностью и многолюдствомъ.

Правительственныя извѣстія.

— Въ экспедиціи загот. госуд. бумагъ производятся дѣятельныя работы по выдѣлкѣ бумажно-шелковой ткани, изъ которой будутъ приготовлять государственныя кредитныя ассигнаціи.

— Коммиссія, засѣдавшая при министерствѣ внутреннихъ дѣлъ, закончила уже свои занятія по вопросу о мѣстномъ управленіи. Проектъ реформъ уже составленъ и предложенъ въ государственный совѣтъ.

— Министръ финансовъ, т. сов. Вышнеградскій, высказался за выкупъ всѣхъ желѣзныхъ дорогъ въ имперіи и выработалъ уже проектъ, который будетъ вскорѣ обсуждаться въ государств. совѣтѣ.

Военное и морское дѣло.

— Кавказское начальство возобновило ходатайство о назначеніи на всѣ гражданскія должности на Кавказѣ и въ Закаспійской области военныхъ чиновъ съ оставленіемъ послѣднихъ по роду оружія.

— Въ нынѣшнемъ году рѣшено приступить къ улучшенію таганрогскаго порта; казна принимаетъ на себя расходы въ размѣрѣ 850,000 рублей, а таганрогское городское управленіе 200,000 рублей.

— Нашъ добровольный флотъ имѣетъ такую массу грузовъ, что въ пріемѣ ихъ приходится отказывать. Перевозя нижнихъ чиновъ, семейства переселенцевъ, ссыльно-каторжныхъ, для своихъ обязательныхъ семи рейсовъ онъ имѣетъ казеннаго груза такое количество, которое едва въ состояніи принять.

Наука и литература.

— Чествованіе памяти А. С. Пушкина, въ день 50-лѣтія его смерти, предполагается и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, столичныхъ и провинціальныхъ.

— 12-го января, московскій университетъ праздновалъ 132 годовщину своего существованія. Засѣданіе открылось рѣчью профессора Янжула. Затѣмъ былъ прочитанъ отчетъ о состояніи университета, за 1886 г., изъ котораго видно, что всѣхъ преподавателей къ концу 1886 г. было 136, командированныхъ съ ученою цѣлью за границу и внутрь Россіи—8; кандидатовъ и лекарей, оставленныхъ при университетѣ для усовершенствованія въ наукахъ въ теченіи минувшаго года 29. Къ 1-му января 1887 г. студентовъ, вмѣстѣ съ вольнослушателями и фармацевтами, состоитъ 3541, болѣе противъ прошлаго года на 201.

— Недавно окончилась экспедиція въ Китай Г. Н. Потанина. Экспедиція прошла путь отъ Пекина до провинціи Ганьсу, въ 1885 г.— по Ганьсу и Сычуану. Она направилась черезъ высшую въ сѣверномъ Китаѣ горную систему къ городу Кукухото, и весной 1886 г. на югъ къ городамъ Синану и Сунпану. На экспедицію было отпущено 29,000 р. на три года Имп. рус. геогр. общ. и частными лицами.

— Число русскихъ студентовъ и студентокъ цюрихской политехники достигло цифры 62, изъ нихъ 59 мужчинъ и 3 женщины.

— Министерствомъ народнаго просвѣщенія исчислено на содержаніе проектируемой инспекціи надъ занятіями студентовъ 93,940 р.

— 11-го января торжественное собраніе СПб. физико-химическаго общества, состоявшееся въ актовой залѣ университета, было посвящено чествованію памяти скончавшагося своего бывшаго почетнаго члена и предсѣдателя А. М. Бутлерова.

Живопись и скульптура.

— На передвижной академической выставкѣ, находящейся нынѣ въ Харьковѣ, появилась картина проф. Клевера: „Рыбацкая деревня у Чудскаго озера“, которая находилась въ Берлинѣ на берлинской выставкѣ. Съ 6-го января сборъ съ академической выставки поступаетъ въ пользу харьковскаго художественно-промышленнаго музея. Желая доставить музею больше сбора, академія продолжитъ выставку до 15-го февраля.

— Въ одесскихъ мастерскихъ общества юго-западн. жел. дор. производится отливка чугуннаго памятника въ память перехода русскихъ войскъ черезъ Дунай въ 1827 году. Памятникъ будетъ представлять колонну, украшенную турецкими пушками. На памятникѣ будетъ надпись: „Императоръ Николай I въ 1827 году переправилъ свои войска черезъ Дунай и указалъ путь къ славѣ и побѣдамъ“.

— Извѣстный скульпторъ, проф. академіи художествъ Бродскій удостоенъ въ Римѣ, за модель статуи въ честь 50-лѣтняго юбилея папы Льва XIII, особой почетной преміи и получилъ уже заказъ на исполненіе этой статуи изъ каррарскаго мрамора.

Археологія и древности.

— Въ Саратовѣ найдено при раскопкѣ множество жетоновъ, вычеканенныхъ въ память великаго князя Всеволода Ярославича. На одной сторонѣ изображенъ портретъ князя, съ надписью вокругъ него: „Великій князь Всеволодъ Ярославичъ“: на другой сверху корона и надпись: „По смерти брата своего Изяслава сѣлъ на престолъ великаго княженія кіевскаго 1078 года. Владѣлъ 15 лѣтъ, жилъ 64 года.“ Жетоны величиною съ старую 5 коп. монету, сдѣланы изъ олова.

— Перевозка бывшаго царскосельскаго арсенала въ Петербургъ окончена, и производится размѣщеніе предметовъ музея въ эрмитажныхъ залахъ, которыя прежде занималъ государственный совѣтъ.

— Въ Тобольскѣ, на колокольнѣ Богородской церкви, построенной въ 1692 г., находится колоколъ амстердамской работы съ надписью латинскими литерами. Былъ онъ пріобрѣтенъ Петромъ Великимъ въ бытность его въ Голландіи, и потомъ пожертвованъ въ Тобольскъ.

Пути сообщенія.

— Окончена желѣзнодорожная Тквибульская вѣтвь отъ Закавказской желѣзной дороги къ угольнымъ копямъ въ Кутаисской губерніи, длиною 30 верстъ.

— Въ возвратъ расходовъ по углубленію устьевъ Двины, предполагается установить особый сборъ со всѣхъ судовъ, приходящихъ къ архангельскому порту, а также съ товаровъ, привозимыхъ въ архангельскій портъ, и вывозимыхъ изъ него.

Торговля и промышленность.

— Сбытъ русскаго керосина на азіатскихъ рынкахъ увеличивается. Въ 1886 г. въ порты Владивостока и Николаевска было доставлено на судахъ добровольнаго флота значительное количество, часть на Уссурійскій край, часть въ Китай и Японію, гдѣ сильный спросъ на русскій керосинъ.

— Учредилось „акціонерное общ. Кѣлецкихъ мраморовъ“, для развитія существующей съ 1876 года въ губернскомъ городѣ Кѣльцы фабрики, на которой обрабатываются мѣстные мраморы изъ залежей кѣлецкаго, андреевскаго и олькушскаго уѣздовъ, Кѣлецкой губерніи.

Театръ и музыка.

— Въ юбилей Пушкина драматическою труппою поставлено будетъ: „Скупой рыцарь“, „Моцартъ и Сальери“, „Фаустъ“ и „Цыгане“.

Этнографія.

— Въ Петербургъ привезена замѣчательная коллекція оружія среднеазіатскихъ народовъ, конская сбруя и домашняя утварь персовъ, афганцевъ и разныхъ малоизвѣстныхъ народовъ Центральной Азіи. Эту рѣдкую коллекцію выставятъ въ одномъ изъ частныхъ домовъ на Невскомъ просп. для публики. Большая часть вещей назначена восточному музею. Въ числѣ рѣдкостей есть собраніе различныхъ музык. инструментовъ, до 188.

Городскія извѣстія.

— Крестьянинъ Кононовъ изготовилъ изъ дерева чрезвычайно точную модель Московскаго Кремля. Работа эта заняла шесть лѣтъ. Модель будетъ выставлена въ Петербургѣ.

— Работы по углубленію Мойки въ СПБ. по всей длинѣ, для болѣе удобнаго прохожденія судовъ, будутъ начаты весною текущаго года.

— 7 января происходило освященіе новаго помѣщенія канцеляріи министерства двора въ Аничковскомъ дворцѣ въ Спб.

Изъ губерній и областей.

— 3 декабря, послѣ богослуженія и водосвятія, были спущены на Аму-Дарьѣ (въ 9 верстахъ отъ Чарджуя) два паровыхъ барказа „Александръ“ и „Петръ“ и приведенная изъ Усунъ-Ады шлюпка. Бэкъ и назначенный эмиромъ церемоніймейстеръ находились въ числѣ лицъ совершившихъ первую поѣздку. Въ ночь всѣ поѣзда вернулись въ Мервъ съ гостями. Во все время торжества толпы туземцевъ окружали поѣзды, возившіе безплатно. Туземцы видѣли, что представители эмира были встрѣчены съ любезностью и почтеніемъ. Съ прибытіемъ инженеровъ, бухарцы, особенно духовенство, предполагали, что русскіе размѣряютъ страну, желая завладѣть ею. Съ прибытіемъ же перваго поѣзда, 30 ноября, всѣ слухи улеглись и первое русское праздненство на берегахъ Окса прошло съ большимъ успѣхомъ.

— Въ Асхабадѣ, 12 января, въ годовщину взятія Геокъ-Тепе, торжественно открытъ на Скобелевской площади памятникъ павшимъ при штурмѣ воинамъ Ставропольскаго полка. На открытіи присутствовали генералъ Комаровъ и генералъ Козелковъ, по почину котораго воздвигнутъ памятникъ.

— Послѣ удачныхъ опытовъ, въ 1887 г. приложена при промывкѣ золота на кабинетскихъ золотыхъ промыслахъ, Нерчинскаго округа, американская система, извлекающая золото даже когда содержаніе его въ пескѣ понижается до 10 долей. Машины уже доставлены на пріиски. Обновляется и производство серебра. Предпринимается постройка новаго сереброплавильнаго завода.

— Состоялось распоряженіе персидскаго шаха: въ таможняхъ взимать пошлину съ приходящихъ товаровъ въ предѣлы Персіи не серебромъ, какъ это было до сихъ поръ, а золотомъ или серебромъ по курсу

Смѣсь.

Сынъ министра внутреннихъ дѣлъ, гр. Д. А. Толстого, въ нынѣшнемъ году кончившій курсъ въ петербургскомъ университетѣ, предпринялъ научно-образовательное путешествіе въ Египетъ, подъ руководствомъ профессора А. В. Прахова. Недавно, во время пребыванія въ Римѣ, А. В. Праховъ и графъ Толстой были приняты папою, который далъ имъ особую, спеціальную аудіенцію и выказалъ при этомъ такую любезность, что она невольно обратила на себя вниманіе. (н.)

Мясные сухари для войскъ на время походовъ. Портъ предлагаетъ изготовленіе мясныхъ консервовъ слѣдующимъ образомъ. Сырое мясо рубятъ, смѣшиваютъ съ мукой, прибавляютъ соли; полученное такимъ образомъ тѣсто сажаютъ въ печь и держатъ до тѣхъ поръ, пока оно совершенно высохнетъ. Часа черезъ два или три получается родъ мясного сухаря, который отлично сохраняется и очень питателенъ, не требуя при этомъ особой наковки. Массу раздробляютъ на денныя порціи. На 100 частей говядины достаточно взять 70 частей муки безъ воды. (н.)

Къ вопросу объ открытіи сибирскаго университета. При концѣ текущаго учебнаго года въ сибирскомъ учебномъ округѣ сдадутъ экзаменъ до 50 молодыхъ людей, изъ которыхъ 30—35 намѣреваются поступить въ новый университетъ, остальные же не поступятъ, такъ какъ среднія учебныя заведенія въ Сибири даютъ тѣ же права какъ и университетъ. Для рѣшенія вопроса о времени открытія сибирскаго университета, министерство народнаго просвѣщенія вызвало изъ Томска куратора сибирскаго учебнаго округа В. М. Флоринскаго въ Петербургъ. Тутъ послѣдній доложитъ министерству о необходимости предоставить семинаристамъ право посѣщать вновооткрываемый университетъ, подобно тому какъ имъ открытъ доступъ въ варшавскій университетъ. Въ случаѣ предоставленія этого права семинаристамъ, въ томъ числѣ изъ Самары, университетъ можетъ быть открытъ слѣдующею осенью. (г.)

Въ СПб. графиня А. получила изъ Ріо-Жанейро отъ одного знакомаго янки букетъ изъ свѣжихъ цвѣтовъ, бывшій въ дорогѣ 28 дней. Букетъ былъ закупоренъ герметически въ цинковый ящикъ, задѣланный въ гуттаперчу. (н.)

Въ биржевыхъ кружкахъ сильную сенсацію произвела вѣсть о предстоящей продажѣ знаменитаго имѣнія и всѣхъ заводовъ графа Гарраха. О причинѣ, побудившей владѣльцевъ ликвидировать свои дѣла, толкуютъ разно, но большинство утверждаетъ, что въ теченіе послѣднихъ лѣтъ хрустальные и стеклянные заводы графа мало работали, вслѣдствіе сильнаго сокращенія требованій. Имѣніе графа Гарраха будетъ пріобрѣтено компаніею варшавскихъ капиталистовъ, съ графомъ Красинскимъ во главѣ. (н.)

Загадочный случай. Господинъ Н., проживающій въ Петербургѣ, читалъ передъ сномъ и наконецъ затушилъ свѣчу. Чрезъ минуту онъ поднялся въ испугѣ, такъ какъ услышалъ голосъ своего отца, который говорилъ: „Вася, вставай!“ Зажегши свѣчу г. Н. никого не увидѣлъ въ комнатѣ. Было 2 ч. 35 минутъ ночи. На другой же день онъ получилъ депешу съ извѣстіемъ о кончинѣ его отца именно въ этотъ часъ. (г.)

Археологическія находки въ Туркестанѣ. Въ настоящее время въ такъ называемой Чиназо-Джизакской Голодной степи производятся весьма важныя гидротехническія работы: возобновляется заброшенный большой Урумбай-мирза-арыкъ и, кромѣ того, энергически ведутся работы по возобновленію въ той же степи другого, еще болѣе грандіознаго водовмѣстилища, именно Бухаръ — или Шааръ-арыка. Изслѣдованія показали, что этотъ арыкъ легко можетъ быть выведенъ въ старое, теперь уже сухое русло рѣки Сыръ-Дарьи, носящее и понынѣ древнее арабское названіе—Сейхунъ. По этому руслу арыкъ безъ большого труда можетъ быть продолженъ далеко на юго-западъ, смотря по степени потребности въ годныхъ для земледѣлія мѣстахъ. При работахъ по возобновленію Бухаръ-арыка были найдены несомнѣнные слѣды существовавшихъ здѣсь, въ отдаленныя времена, поселеній. Изъ всѣхъ археологическихъ находокъ, сдѣланныхъ здѣсь, обращаетъ на себя особенное вниманіе бронзовый прямой, обоюдоострый мечъ греческой формы. Кромѣ того, найдено много черепковъ глиняной посуды съ весьма своеобразными украшеніями, похожими на узоры, встрѣчаемые на черепкахъ изъ развалинъ Куня-Ургенча, осколки стеклянной посуды, и т. п. Мѣстныя мусульманскія сказанія также говорятъ о существованіи въ древности въ нынѣшной Голодной степи богатыхъ поселеній. (н.)

Ж. Вернъ и его романы. Изъ всѣхъ популярно-научныхъ книгъ, издаваемыхъ для подарка къ Новому году, наибольшаго вниманія публики удостоиваются романы Жюля Верна. Въ своемъ послѣднемъ произведеніи, озаглавленномъ „Робюръ-завоеватель“, Ж. Вернъ разсматриваетъ вопросъ объ управленіи воздушными шарами, съ точки зрѣнія его настоящаго и даже будущаго положенія. Ж. Вернъ описываетъ особый аэростатъ, которымъ можно съ точностію управлять и который движется при помощи динамо-электрическаго прибора, со скоростью отъ 9 до 10 саженъ въ секунду. Но авторъ отдаетъ предпочтеніе другому изобрѣтенію, а именно аэронефу „Альбатросъ“, построенному на основаніи принципа бумажнаго змѣя: этотъ воздухоплавательный снарядъ поднимается посредствомъ большого числа горизонтальныхъ винтовъ, приводимыхъ въ движеніе электричествомъ, и управляется при помощи вертикальныхъ винтовъ. (н.)

Статуя этрусской женщины изъ терракоты. Во время раскопокъ, произведенныхъ недавно на о. Хіосѣ, найдена была терракотовая фигура, изображающая этрусскую женщину, въ натуральную величину. Статуя эта невольно приводитъ въ удивленіе по изяществу и тонкости работы въ самыхъ мелкихъ деталяхъ и напоминаетъ греческую статую богини Діаны. Она изображена въ лежачемъ положеніи, опершись на лѣвую руку, правая же, вытянутая на половину, отстраняетъ отъ лица падающій на плечи въ видѣ испанской мантильи вуаль. Голова красавицы украшена діадемой, но безъ полумѣсяца, какъ у богини охоты. Лѣвая рука держитъ небольшое зеркало, причемъ на лицѣ женщины, только что любовавшейся своей красотой, отражается лукаво самодовольная улыбка. Почти что вся обнаженная правая рука, полная и круглая, украшена двумя широкими браслетами, одинъ около кисти, а другой выше локтя, а на пальцахъ лѣвой руки надѣто пять колецъ: два на большомъ пальцѣ, два на указательномъ и одно на среднемъ. На шеѣ ожерелье въ этрусскомъ стилѣ. Волосы завязаны на затылкѣ въ узелъ, не сдерживаемый ни шпильками, ни гребнемъ. Простая одежда, подобная тѣмъ, какія носили древнія этрусскія женщины, совершенно закрыта. Кромѣ глазъ и волосъ, которые сдѣланы черными, драгоцѣнныя вещи также выкрашены въ соотвѣтствующіе цвѣта, все же остальное обыкновеннаго цвѣта терракоты. Статую эту, оцѣненную въ 8 тысячъ марокъ, намѣревается пріобрѣсти германскій археологическій институтъ въ Римѣ для Берлинскаго королевскаго музея. (м.)

Опыты, производимые съ помощью магнита надъ истерическими больными. Завѣдующій клиникой извѣстнаго французскаго психіатра Шарко, докторъ Балинскій занялся недавно производствомъ опытовъ съ помощью магнита надъ истерическими больными, причемъ убѣдился, что при содѣйствіи упомянутаго металла можно различныя истерическія проявленія, свойственныя одному больному, сообщать другому лицу, удаленному даже на нѣсколько метровъ отъ перваго. Первоначальный опытъ былъ произведенъ надъ двумя загипнотизированными истерическо-эпилептическими больными женщинами, причемъ полубезчувственное состояніе одной и связанныя съ нимъ проявленія вполнѣ удалось передать другой паціенткѣ. Такимъ же образомъ былъ произведенъ опытъ надъ двумя усыпленными истерическими субъектами, одинъ изъ которыхъ потерялъ способность говорить нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Съ помощью магнита докторъ Балинскій заставилъ заговорить нѣмого, отвѣчавшаго на всѣ предлагавшіеся ему вопросы, между тѣмъ какъ другой паціентъ лишенъ былъ въ это время всякой способности говорить и издавалъ лишь какіе-то неопредѣленные звуки. Но какъ только дѣйствіе магнита было прекращено, оба испытуемые вернулись къ прежнему состоянію. Г-нъ Балинскій намѣренъ продолжать свои опыты, результаты которыхъ составятъ затѣмъ матеріалъ для будущихъ рефератовъ названнаго ученаго парижскому „Обществу біологіи“. (м.)

О парижскомъ скульпторѣ Бріанѣ, Анатоль Франсъ разсказываетъ нѣсколько анекдотовъ. Вотъ одинъ, свидѣтельствующій о любви художника къ искусству. „При посѣщеніи школы изящныхъ искусствъ, говоритъ Франсъ, вы увидите бронзоваго Меркурія, вытаскивающаго изъ пяты занозу, у котораго недостаетъ правой руки. Вамъ кажется, что это произведеніе греческой скульптуры, между тѣмъ это послѣдняя работа Бріана. Не смотря на свой талантъ, онъ постоянно былъ безъ средствъ. Художникъ жилъ на чердакѣ и тутъ зимою лѣпилъ своего Меркурія, и топилъ только ко времени прихода натурщика. Въ одну ночь было настолько холодно, что Бріанъ покрылся всѣмъ, что только у него было, чтобы согрѣться. Но вотъ онъ вспоминаетъ о своемъ только что оконченномъ произведеніи, о томъ, что глина замерзнетъ и Меркурій погибнетъ. Не размышляя долго, онъ покрываетъ статую одѣялами и платьемъ. Другъ его, Кавалье, не встрѣчая его на другой день, поднялся къ нему и увидѣлъ его окоченѣвшимъ на постели. Но и статуя, для которой Бріанъ пожертвовалъ собою, также замерзла. Когда дотронулись до нея, отпала правая ея рука, которую друзья не позволили придѣлать. Въ такомъ видѣ статуя была отлита и въ назиданіе молодымъ скульпторамъ поставлена въ школѣ изящныхъ искусствъ“. (р.)

Въ каменно-угольныхъ копяхъ. Спускъ лошади на блокѣ въ шахту.

Добываніе ртути въ Бахмутскомъ округѣ. Въ Екатеринославской губерніи, въ Бахмутскомъ округѣ составилось общество съ цѣлью разработки мѣстныхъ залежей киновари. Ртуть, добываемая изъ киноварныхъ шахтъ, оказалась рѣдкой чистоты и ни въ чемъ не уступаетъ испанской, добываемой въ Сіерра-Моренѣ. Залежи киновари находятся въ центрѣ бахмутскаго округа, вблизи станціи Никитовки курско-харьково-азовской желѣзной дороги, въ 26 верстахъ отъ Бахмута, на водораздѣльномъ пунктѣ рѣченокъ Кривой Торцы и Бахмутки. Общество уже начало разработку шахтъ для добыванія киновари, устроило заводы для производства ртути, а также жилища для рабочихъ и пр. Ежегодное производство шахтъ и заводовъ разсчитано на 10,000 пуд. ртути и на милліонъ руды. До настоящаго времени драгоцѣнный этотъ металлъ привозился въ Россію въ количествѣ около 3000 пуд. ежегодно и шелъ преимущественно на изготовленіе физическихъ инструментовъ, и въ незначительной степени употреблялся въ медикаменты и для амальгамъ. Добываніе ртути въ Россіи не только понизитъ цѣну этого металла, но произведетъ важныя перемѣны въ способѣ добыванія золота путемъ амальгамированія. Указанное измѣненіе способа добыванія золота сопряжено со сбереженіемъ работы и денегъ и кромѣ того даетъ возможность эксплоатировать гораздо больше золотоносныя шахты. (р.)

Въ Александрію (Египетъ) 11 янв. прибылъ, на пути въ Каиръ, вмѣстѣ съ англійскимъ маіоромъ Барглеттомъ, нашъ извѣстный путешественникъ, д-ръ Юнкеръ, который условливается съ Нубаръ-пашею относительно отправляемой, подъ командою Станлея, экспедиціи для освобожденія Эминъ-бея. Извѣстно, что эта освободительная экспедиція, которую поведетъ знаменитый основатель „Конгскихъ Штатовъ“, сформировалась, благодаря хлопотамъ нашего почтеннаго соотечественника д-ра Юнкера, который черезъ посредство д-ра Швейнфурта, будучи самъ еще въ весьма незавидномъ положеніи въ центрѣ Африки, энергично агитировалъ въ Германіи и Англіи для оказанія помощи храброму представителю цивилизаціи, которому грозила участь Гордона. (н.)

Величина морскихъ волнъ. Гидрографическая контора Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ опубликовала результаты многочисленныхъ опытовъ для опредѣленія длины, высоты и продолжительности морскихъ волнъ. Самая длинная, наблюдавшаяся до настоящаго времени волна, имѣла полъ англійской мили и для прохожденія чрезъ плотную точку требовала 25 секундъ. Во время сильныхъ бурь на сѣверѣ Атлантическаго океана, волны достигаютъ 160 и 200 метровъ длины (1 метръ=1 арш. 6 вершк.) и длятся отъ 10 до 11 секундъ. Самыя точныя измѣренія опредѣлили высоту волнъ въ 13,41 и 14,63 метра. Измѣренія эти относятся только къ волнамъ, происходящимъ отъ обыкновенныхъ бурь, но не къ волнамъ, образующимся при землетрясеніяхъ на материкѣ или на морѣ. (р.)

Пасторы на велосипедахъ — новѣйшее явленіе времени. Въ Соединенныхъ Штатахъ Сѣверной Америки насчитывается около 300 духовныхъ лицъ велосипедистовъ, въ томъ числѣ болѣе 20 профессоровъ и докторовъ богословія и много извѣстныхъ пасторовъ. Въ Англіи, въ Ливерпулѣ, можно также видѣть пасторовъ, разъѣзжающихъ на велосипедахъ для совершенія требъ, посѣщенія засѣданій комитетовъ и пр. (р.)

Ветеранка „великой арміи“. 4 января, въ Ротердамѣ, вдова Шопп справляла свою столѣтнюю годовщину. Въ началѣ этого столѣтія она послѣдовала маркитанткой въ лагерь за мужемъ, участвовала во многихъ битвахъ и сраженіяхъ, попала въ плѣнъ къ испанцамъ и въ 1812 г. къ русскимъ, оба раза бѣжала изъ плѣна и снова попала къ русскимъ, на службу которыхъ вступила, и въ 1813 г. побывала съ ними въ Германіи и Франціи. Императоръ Александръ I наградилъ ее орденомъ за счастливое доставленіе двухъ важныхъ депешъ, при чемъ изъ двухъ французскихъ уланъ, пытавшихся захватить ее, она убила одного и обратила другого въ бѣгство. Въ битвѣ подъ Ватерлоо она была тяжело ранена. (р.)

Умъ собаки. Вотъ новый случай, свидѣтельствующій объ умѣ собакъ. Докторъ Троска разсказываетъ въ журналѣ „Природа“: „У меня была собака, любившая лѣтомъ лежать на окошкѣ. Въ виду ея преклонныхъ лѣтъ, ей положили шитую диванную подушку, которой она съ удовольствіемъ пользовалась. Однажды, во время моего послѣобѣденнаго сна, ко мнѣ подошла собака въ сильномъ возбужденіи, чего обыкновенно не осмѣливалась дѣлать, стала лизать мнѣ руки, побѣжала съ лаемъ къ окошку и снова съ визгомъ вернулась ко мнѣ. Когда я всталъ и подошелъ къ окошку, я увидѣлъ, что подушка упала внизъ на тротуаръ. Я тотчасъ послалъ за нею дѣвушку, за которою точно безумная бросилась Полли— такъ звали собаку. Когда подушка была принесена, собака смотрѣла на меня вначалѣ съ поджатымъ хвостомъ, боясь наказанія, когда же я сталъ ее гладить и хвалить и положилъ снова подушку на окно, она радостно стала лаять и прыгать. Однако нѣсколько дней она не осмѣливалась лечь на подушку, хотя умильно на нее посматривала. Только когда я самъ положилъ собаку на нее, она снова стала ложиться на прежнее мѣсто, однако остерегалась дѣлать быстрыя движенія.“ (р.)

Англійскій велосипедистъ Томасъ Стевенсъ прибылъ 18-го ноября въ Шангай, сдѣлавъ на своемъ двухколесномъ велосипедѣ около 12,000 англійскихъ миль. Какъ извѣстно, онъ намѣревался объѣхать міръ или по крайней мѣрѣ материки Америки, Европы и Азіи, и хотя не выполнилъ своей задачи, тѣмъ не менѣе сдѣлалъ замѣчательное путешествіе. Онъ выѣхалъ въ апрѣлѣ 1884 г. и проѣхалъ на велосипедѣ слѣдующія разстоянія: чрезъ Америку 3700 миль, чрезъ Европу 2500, въ Тегеранъ 1600, изъ Тегерана въ Мешхедъ 1000, изъ Мешхеда въ Астрабадъ 400, изъ Лагоро въ Калькуту 1600, въ Китаѣ 300, всего 11,700 миль. Въ концѣ октября Стевенсъ прибылъ въ Кантонъ; тутъ началась самая опасная часть его задачи, такъ какъ китайцы не хотятъ пускать иностранцевъ внутрь страны. На него напали въ Канъ-тего-фоо и ему только случайно удалось спастись въ зданіи, гдѣ жилъ важный чиновникъ. Чернь собралась вокругъ дома и осаждала его цѣлый день, при наступленіи же ночи Че-зинъ или президентъ, велѣлъ проводить его за городъ подъ прикрытіемъ солдатъ. На пути народъ порывался напасть на него, такъ что ему приходилось угрожать пистолетомъ. Солдаты объяснили народу дѣйствіе этого оружія, и толпа тогда только отстала. (р.)

Новое дезинфецирующее средство, кави-гумми открыто недавно докторомъ Гаммондомъ въ Бурнемоутѣ. При сжиганіи оно распространяетъ пріятный запахъ и особенно обладаетъ свойствомъ уничтожать непріятные запахи. Оно дѣйствуетъ точно также распущенное въ спиртѣ при сжиганіи послѣдняго. Всыпанное порошкомъ въ воду и набрызганное въ комнатѣ, оно насыщаетъ воздухъ озономъ. Средство это можетъ быть легко примѣшано къ мазямъ, прибавлено къ мылу и въ соединеніи съ іодомъ можетъ служить дезинфецирующимъ средствомъ. Гумми добывается изъ сосны Кави, растущей въ Новозеландіи и называемой Dammara australis. (р.)

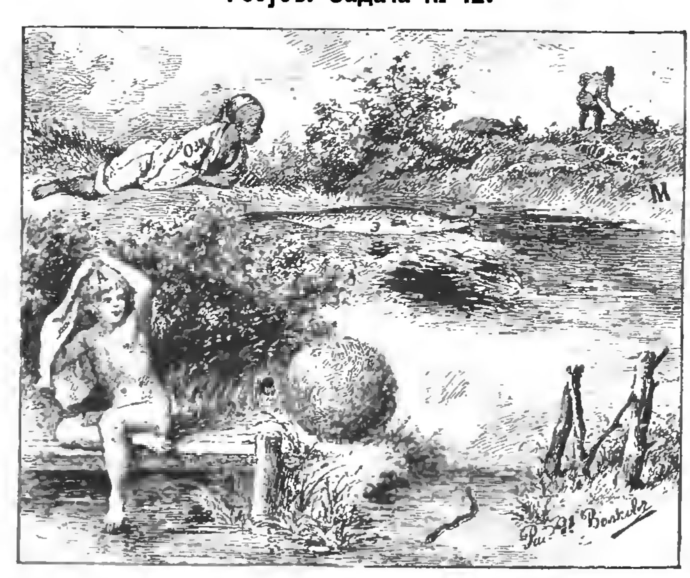
Эмиль Зола намѣренъ написать послѣдній томъ исторіи Ругонъ Макаръ. Томъ этотъ будетъ озаглавленъ „Земля“ и изобразитъ жизнь французскихъ крестьянъ. Романъ не появится въ газетѣ, а выйдетъ отдѣльною книгою. (р.)

Механизмъ сердца. Д-ръ Ричардсонъ въ своемъ сочиненіи о механизмѣ животныхъ и человѣческаго сердца, описываетъ удары сердца у различныхъ животныхъ. Сердце лошади дѣлаетъ въ минуту только 40 ударовъ. Подвергались изслѣдованію также удары сердца человѣка въ различные возрасты и на различной высотѣ надъ уровнемъ моря, кончая 4000 футовъ. Работа сердца здороваго человѣка опредѣляется въ часъ 5 тоннъ и 4 центнера (около 72 пуд.) или въ сутки въ 125 футотоннъ. Около 8 унцій алкоголя увеличивали дѣятельность на 24 футотонны. Предполагая, что кровь, выталкиваясь изъ сердца, дѣлаетъ въ минуту 69 ударовъ и что для этого требуется сила въ 9 футовъ, т. е. что кровь гонится по тѣлу со скоростью 9 футовъ, въ минуту она проходитъ 207 ярдовъ, въ часъ 7 англійскихъ миль, въ день 168 миль, въ годъ 61,320 или 5,150,880 миль въ жизнь человѣка, считая ее въ 48 лѣтъ. Въ общемъ число ударовъ составитъ тогда 2.869.776,000. (р.)

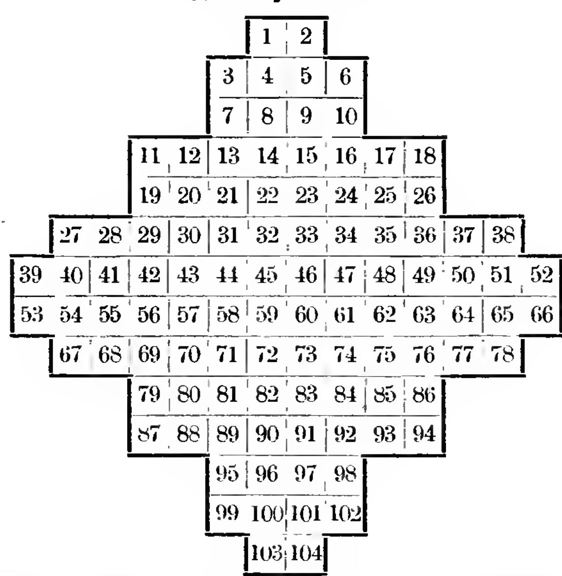
На международную выставку жизненныхъ продуктовъ, открывающуюся 15 января въ Лейпцигѣ, по распоряженію военнаго министра, будутъ командированы два офицера отъ главнаго интендантства и гвардейскихъ войскъ съ цѣлью убѣдиться, не найдутъ-ли они чего либо заслуживающаго введенія въ войскахъ. Выставка продолжится до 19 января. (р.)

Впечатлительный читатель. Изъ Парижа сообщаютъ, что тамъ нашли трупъ двадцатилѣтняго молодого человѣка, раздавленнаго локомотивомъ желѣзной дороги. Въ карманѣ изящнаго зимняго сюртюка у него была записка: „Дорогая мать, я только что окончилъ послѣдній томъ сочиненій Зола. Если міръ дѣйствительно такъ дуренъ, какъ его изображаютъ, то въ немъ постыдно жить, и поэтому я предпочитаю смерть. Шарль Валонъ“. Въ правой рукѣ, отрѣзанной отъ тѣла, несчастный держалъ томъ „Жерминаля“. (р.)

Ребусъ. Задача № 12.

Задача буквъ № 13.

Найти 21 слово; буквы найденныхъ словъ размѣстить по квадратамъ, на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ, такъ чтобы получилось произведеніе извѣстнаго русскаго писателя.

1) 92, 47, 61, 78, 12, 99, 85, 25, 40 — персидскій мудрецъ и реформаторъ, жившій за 600 лѣтъ до Р. X.
2) 82, 62, 33, 102, 27, 70, 10, 19, 20—источникъ на горѣ Геликонѣ.
3) 83, 35, 67, 76, 30—металлъ.
4) 64, 36, 43, 63—то, что всегда можно встрѣтить на днѣ загрязненныхъ прудовъ.
5) 2, 51, 39, 57, 18—родственникъ.
6) 81, 42, 5, 68, 100—титулъ потомковъ Магомета.
7) 103, 60, 8, 55—пирожное.
8) 89, 98, 58, 32, 22—неустройство, безпорядокъ.
9) 101, 69, 48, 50, 6, 95, 28 — нарушеніе общественной тишины.
10) 56, 16, 41, 90—птица.
11) 45, 9, 31, 11, 94—одна изъ буквъ русской азбуки.
12) 29, 87, 44, 7—сила.
13) 59, 14, 13, 38—глупость, нелѣпость.
14) 74, 91, 72, 65—тишина.
15) 49, 75, 54, 4, 96—предводитель.
16) 46, 34, 15, 3—музыкальные знаки.
17) 17, 104, 93, 73, 37, 77—мѣсяцъ по гражданскому календарю у евреевъ.
18) 21, 71, 66, 26—созвѣздіе.
19) 52, 53, 97, 80—музыкальный терминъ.
20) 1, 88—музыкальная нота.
21) 79, 86, 24, 23, 84—то, чего не любятъ лѣнивые.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: **И. А. Вышнеградскій** (съ рис.). — **Неожиданный случай.** Разсказъ **Н. Тхоржевскаго.** — **Ванзамія.** Святочный разсказъ **Н. Д. Ахшарумова.** (Окончаніе). — **Фай.** Разсказъ **С. Бермейо.** — Къ рисункамъ: **Съ конвоемъ въ горахъ** (съ рис.) — **Дѣти и котята** (съ рис.). — **Забава** (съ рис.). — **Десертъ** (съ рис.). — **„Здравствуйте, барышня!"** (съ рис.). — **Валгалла близь Регенсбурга** (съ рис.). — **Борьба полипа и омара** (съ рис.). — **Миражъ** (съ рис.). — **Моргъ въ Парижѣ** (съ рис.). — **Семейная жизнь рыбъ** (съ рис.). — **Спускъ лошади въ шахту** (съ рис.). — **Молодая швейцарка.** — Политическое обозрѣніе. — Библіографія. — Разныя извѣстія. — Смѣсь. — Задачи. — О подпискѣ на „Ниву" 1887 г. — О перемѣнѣ адреса. — Объявленія. —

При этомъ № прилагается худож. приложеніе „МОЛОДАЯ ШВЕЙЦАРКА", карт. Дефрегера.

Редакторъ **Ф Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

ПРАКТИЧЕСКІЯ НОВОСТИ:

ВСЕСТОРОННІЙ ГИМНАСТИЧЕСКІЙ КОМНАТНЫЙ ПРИБОРЪ.

Этотъ приборъ практической гимнастики, предназначенный для полезныхъ и здоровыхъ упражненій, посредствомъ цѣлесообразнаго напряженія ручныхъ и грудныхъ мускуловъ, также называется

„Укрѣпитель рукъ и груди“

и удостоенъ многихъ, весьма лестныхъ, отзывовъ выдающихся медицинскихъ и педагогическихъ авторитетовъ; укрѣпляя мускулы, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, возбуждаетъ усиленную дѣятельность дыхательныхъ органовъ, почему и смѣло можетъ быть названъ

„УКРѢПИТЕЛЕМЪ ЛЕГКИХЪ“,

такимъ образомъ, по мнѣнію медиковъ, приборъ этотъ есть одно изъ наилучшихъ средствъ для укрѣпленія и возстановленія здоровья, а такъ какъ онъ снабженъ регулирующими гирями, то и можетъ быть употребляемъ всѣми членами семейства — соотвѣтственно силамъ каждаго.

Цѣна 5 р., съ пересылкою 6 р. 50 к.

ОТОФОНЪ Д-РА ВРЕДЕНА.

Новый патентованный слуховой аппаратъ для театровъ и концертовъ.

Цѣна 8 р., съ пересылкою 9 руб.

Патентованная вѣшалка,

раздвигающаяся сообразно ширинѣ плечъ.

Цѣна 50 к., съ перес. 1 р.

НЕЛОМАЮЩІЯСЯ ФЛЯГИ,

для охоты и дороги, удобны также для варки. Отъ огня не портятся.

Цѣна 4 р., съ пересылкою 5 р.

ЧУДО-СТУЛЪ,

дѣтскій; перевернувъ который, изъ него выходитъ дѣтская коляска на резиновыхъ колесахъ и съ большимъ столикомъ.

Цѣна 12 р., съ пересылкою 13 р. 50 к.

ПУЛЬВЕРИЗАТОРЪ,

съ практич. примѣненіями, предохраняющими его отъ порчи; необходимъ для орошенія цвѣтовъ, дезинфекціи и освѣженія комнатн. воздуха и пр.

Цѣна 4 р., съ пересылкою 5 р. 50 к.

БИДЭ, СКЛАДНОЕ,

съ толстою фарфоров. чашкою — улучшеннаго фасона.

Цѣна 9 р., съ пересылкою 12 р.

ПОДТЯЖКИ-АРГОЗИ,

настоящія американскія.

Цѣна 2 р., съ пересылкою 2 р. 50 к.

Кромѣ того, множество предметовъ, имѣющихъ обширное практическое примѣненіе и значеніе, получилъ № 2352

КОНСТ. МАЛЬМЪ,

складъ резиновыхъ товаровъ.

СПБ., Бол. Морская, д. 36.

КАПСЮЛИ ГЮЙО

CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. Pt. № 2341 (3)

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо**.

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться

ПАСТОЙ РЕНЬО

PATE REGNAULD

приготовляемой

19. rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

Во всѣхъ аптекахъ.

Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

О-де-колонъ № 4 (экстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода спеціальная по 90 коп.	Туалетный уксусъ гигіеническій и освѣжительный по 60 коп.
Туалетная вода Шипръ 1 руб.	Уксусъ Віолетъ де-Пармъ по 75 коп.

Туалетныя воды высшаго качества по 80 к. и 1 р. 60 к.

Иксора Бреони	Жокей Клубъ.	Віолетъ де-Пармъ.
Буке императрисъ	Кадзура.	Бѣлая Роза.
Шампака	Опопокансъ.	

Лѣсная вода для куренія по 50 коп.

приготовленная съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.

Духи самаго высшаго качества по 1 руб.

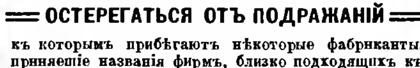
Бѣлый Геліотропъ. — Ландышъ. — Лила Бланъ. — Эссъ Буке. — Эссъ Віолетъ. Незамѣняемый букетъ по 2 руб.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской улицы, домъ Шредера, № 18—54.

Въ семъ послѣднемъ магазинѣ производится и **оптовая продажа.**

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

Pt. № 2359

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

произведенія

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. А. № 2150 16—7

2 золотыя медали:

Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ **ПЬЕРРЪ БУРСО**

Домъ основанный въ 1807 г. **Сегенъ,** въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Находится во всѣхъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ, аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россіи.

ВЪ КАМЫШАХЪ, пов. **Н. Каразина.** *Второе изданіе,* съ 39 рис. автора, большой томъ in 8 — всего 304 стр. Цѣна 2 р., съ пер. 2 р. 30 к.

САРПИНКА

РУЧНАГО ТКАЧЕСТВА,

выработанная по заказу кустарными промышленниками Саратовской губерніи.

Рисунки послѣдняго сезона.

Поступитъ въ продажу съ 15-го января.

Продажа цѣлыми штуками и аршинами.

Перес. во всѣ города Россійской Имперіи.

Полная коллекція образцовъ, съ цѣнами и условіями по пересылкѣ, высылается въ двухъ видахъ: № 2275 5—4

Въ книжкѣ иллюстрированной образцами, 42 коп.
Въ конвертѣ, тѣ же образцы переплетен. въ пачкахъ, 21 к.
} почтовыми марками.

Разсылка образцовъ начнется съ 15 января.

Торговый домъ „ИВАНЪ КУЗНЕЦОВЪ и Сынъ“ въ Саратовѣ.

20 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ

КОНЬКОВЪ

отъ 2 руб.—15 руб. за пару.

Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.

Оптовымъ покупателямъ самыя выгодныя цѣны. Р. № 2329 (5)

Ж. БЛОКЪ.

СПБ., Б. Морская, 21.

Москва, уг. Б. Луб. и Кузнецкаго моста.

22-й ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ

сортамъ плодовыхъ, декоративныхъ и красивоцвѣтущихъ, древесныхъ, кустарныхъ и многолѣтнихъ растеній помологическаго сада **Регеля и Кессельринга,** отправляется безплатно. Съ требованіемъ обращаться къ

д-ру Э. РЕГЕЛЮ,

въ Императорскій С.-Петербургскій Ботаническій садъ.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:

ДОМА И НА ВОЙНѢ. 2-е иллюстрир. изд. Воспомин. и разсказы **Александра Верещагина.** 600 стр. текста. Цѣна **2 р. 50 к.**

АНЕКДОТЫ и черты изъ жизни гр. Милорадовича, героя отечественной войны, рыцаря безъ страха и упрека. Съ портретомъ и рисункомъ смерти графа 14-го декабря 1825 года. Цѣна **1 руб.**

ГЕНЕРАЛЪ БОКЛЮ. Біографическій очеркъ **В. Потто,** съ портретомъ и виньетками 2-е изданіе. Цѣна **1 р. 25 к.**

Книжный складъ **В. А. Березовскаго,** СПБ., Колокольная, 14. № 2348 3—2

ДЕПО ЧАСОВЪ

В. ФРЕЙМУТЪ, Москва, Мясницкая, 13.

Поставщикъ Высоч. Двора и Придворн. часов. дѣлъ маст.

КАРМАННЫЕ И СТѢННЫЕ ЧАСЫ,

цѣпи, ключи и будильники постоянно въ М. № 2365 больш. выборѣ. 3—1

Серебряные мужск. глух. часы на 12, 13, 15, 16 до 60 руб.

Золотые дамск. глухіе часы 27, 30, 35 до 100 руб.

Тоже мужск. глух. часы отъ 45 до 350 р.

Всѣ карманные часы отпускаются **съ ручательствомъ на 2 года.**

ЩЕТКИ

СПБ. магазинъ щетокъ рекомендуетъ желающимъ имѣть въ домашнемъ обиходѣ хорош. щетки всѣхъ сортовъ, прочной работы. Заказы исполняетъ аккуратно. Уголъ Невскаго и Владимірск. просп., д. 47—2. **И. Орѣховъ.** № 2360

ДЕПО ЧАСОВЪ

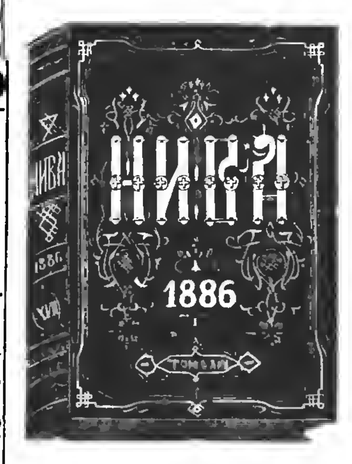

Ю. ЭРГАРДТЪ

СПБ. Офицерская ул., № 18. № 2137 10—8

Рекомендуетъ **золотые часы отъ 45 р.**

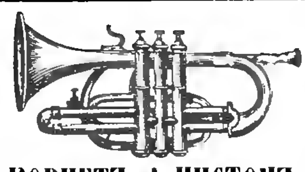
Спеціалистъ для поправокъ хронометровъ и сложныхъ часовъ.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. коленк. 1886 г. съ зол. тисн. по вышеозначенному образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку. Также имѣются крышки для **„Нивы“** прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1885 г. по той же цѣнѣ.

ИМѢНІЕ

небольшое, но вполнѣ устроенное, желаютъ пріобрѣсти, не далѣе 6 часовъ ѣзды отъ С.-Петербурга и 6 верстъ отъ станціи желѣзной дороги. Свѣдѣнія письменно: Д-ру **О. Когану,** Сергіевская улица, домъ № 77. № 2368

КОРНЕТЪ-А-ПИСТОНЪ

въ 18, 25, 30, 35, 40, 50, 60, 100 р. и дор.
Школы для корнетъ-а-пистонъ по 1½ и 3 р.

Альтгорны, теноргорны, баритоны, басы, трубы, тромбоны, вальторны.

Сигнальные рожки и трубы.

Охотничьи рожки отъ 3 до 15 р.

Флейты въ 3, 5, 8, 10, 20, 30, 40, 50, 60 и дороже, до 150 руб.

Школы для флейты по 1½ и 3 руб.

Пинноло-флейты отъ 2 до 20 руб.

Кларнеты отъ 6 до 60 р.

Гобои, фаготы, сансофоны, флажолеты, чананы, мюзеты, барабаны, литавры, тарелки, треугольники, кастаньеты.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

Юлій Генрихъ Циммерманъ

ГЛАВНОЕ ДЕПО
музыкальныхъ инструментовъ и нотъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

Иллюстрированный прейсъ-курантъ **безплатно.** Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. Пересылка на счетъ покупателя. Р. № 2367

☛ Продажу музыкальныхъ инструментовъ и нотъ я произвожу только исключительно въ вышесказанныхъ магазинахъ. Другихъ магазиновъ не имѣю. ☚

№ 4711
О-де-Колонъ

зеленый съ золотомъ ярлыкъ, самое лучшее производство этого рода.

№ 4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ

превосходное средство для очищенія комнатнаго воздуха; необходимо для комнатъ больныхъ.

Р. № 2056 3—1

№ 4711
ХРУСТАЛЬНОЕ МЫЛО

съ запахомъ: розы, ландыша, резеды и О-де-колони, съ ручательствомъ за богатое содержаніе глицерина; превосходитъ всѣ товары конкурренціи. Постоянно возрастающій спросъ на эти издѣлія служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ превосходнаго качества.

Гл. складъ: Ал. Тисъ и К°, Пушкинская, 4, СПБ. Продажа въ большинствѣ значит. парфюм. и аптекарск. магаз. въ Россіи.

Только подлинно съ этою фабрич. маркою

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2088 36—1

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Стремянная, № 4.

Можно получить **въ Ригѣ:** у Адольфа Веттериха; Альфреда Бушъ; А. и В. Веттериха; **въ Нижнемъ - Новгородѣ:** въ аптек. магаз. Ив. Ремлера, Г. Зуль, **въ Херсонѣ:** въ аптек. магаз. А. Ф. Миллера и Гехтъ и Баумгольца; **въ Пензѣ:** въ магаз. К. Е. Бартмера и въ аптекѣ Гольца; **въ Варшавѣ:** въ аптек. магаз. Люд. Спіесъ и Сына; **въ Вяткѣ:** въ аптекѣ А. Майка; **въ Самарѣ:** въ сарепт. магаз. Христензена; **въ Елизаветградѣ:** въ апт. Гольденберга и въ маг. наслѣдн. Тростера.

РОМЪ С^{ТЪ}-ДЖЕМСЪ

привозится прямо съ плантацій С.-Джемсъ (Мартиникъ, Антильск. остр.), въ оригинальныхъ четыреугольныхъ бутылкахъ, въ 1, ¾, ½ и ¼ литра. Распространенъ по всему міру. Ежегодный вывозъ болѣе 6,000,000 бутыл.

Можно получить у значительныхъ виноторговцевъ. Р. № 2220 12—10

SCHMIDT'S
SAMEN-UND PFLANZEN-CATALOG für 1887 ist in bekannter umfangreicher Ausstattung erschienen und wird **FRANCO** und **GRATIS** auf Verlangen versandt.

SCHMIDT'S
Catalog ist eine SCHATZGRUBE für jeden **Blumen-** und **Gartenfreund** **200 Seiten, 500 Illustrat.** mit **Buntdruck** **FRANCO** und **GRATIS.**

12—1 **J. C. SCHMIDT, ERFURT, DEUTSCHLAND.** № 2363

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ" 1886 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. С. Тургенева,** разсказъ графа **Л. Н. Толстаго,** романы графа **Е. А. Саліаса, Вс. Соловьева** и **Н. К. Лебедева (Морскаго),** поэму **А. Н. Майкова,** разсказы и повѣсти **Всев. В. Крестовскаго, Я. П. Полонскаго, К. Тхоржевскаго, П. П. Гнѣдича, А. Я. Максимова, П. Петрова, В. П. Желиховской, Н. В. Успенскаго, Захеръ-Мазоха, К. Бороздина, Ар. Эвальда, Е. Кириллова** и разн. др., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч. кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„ГАДАНЬЕ".

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы" „Моды" прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ коленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . .	**6** „	Съ пересылкою. .	**7** „ **50** „

При покупкѣ этого тома, желающіе имѣть картину „Гаданье" наклеенною на полотно и вставленною въ РАМУ— могутъ получить таковую за 3 руб. Гг. же иногороднымъ эта рама высылается чрезъ транспорт. контору прочно задѣланною въ ящикъ, за 4 руб. (Стоимость пересылки уплачивается на мѣстѣ при полученіи рамы).

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ
С.-ПЕТЕРБУРГСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО

МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ

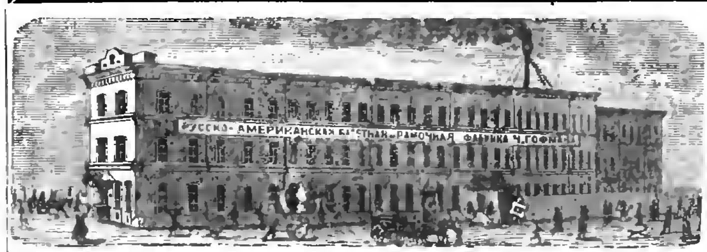
симъ имѣетъ честь объявить во всеобщее свѣдѣніе почтеннѣйшей публики, что во всѣхъ магазинахъ постоянно находится большой выборъ всевозможныхъ сортовъ

МУЖСКОЙ, ДАМСКОЙ И ДѢТСКОЙ ОБУВИ.

Продажа по **фабричнымъ цѣнамъ** въ собственныхъ магазинахъ Товарищества:

въ С.-Петербургѣ: Невскій просп. № 54, уголъ Мал. Садовой ул.
„ Невскій просп. № 5, близь Адмиралт. пл.
„ Невскій просп. № 110, прот. Николаевск. ул.
въ Москвѣ: Петровка, противъ Кузнечнаго моста.

Прейсъ-куранты, вмѣстѣ съ подробнымъ руководствомъ къ снятію мѣрки, высылаются магазинами по востребованію— безплатно. № 2361

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ **БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА**
Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 1820 12

ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО

ГОЛЛЕНДЕРЪ

Шведскій зубной элексиръ и Шведскій зубной порошокъ.

Для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта. 52—4 № 2337

Получить можно въ С.-Петербургѣ, Демидовъ пер., д. № 1, и во всѣхъ большихъ аптек. и космет. маг. въ столицахъ и въ провинціи. Цѣна флак. Элексиру 80 к., зубной порошокъ 50 к. За перес. 50 коп.

№ 2001 20—18

СПБургъ, Невскій пр. № 52.
противъ Публич. Библіотеки
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ

Г. ВАЛЬТЕРЪ.

спеціалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.
Золотые часы и пр.
Прейсъ-куранты по востреб

Продолжается подписка на 1887 г.

на ВѢСТНИКЪ

ТИРАЖЕЙ

помѣщающій **тиражи** всѣхъ безъ исключенія процентныхъ бумагъ, доходы по всѣмъ цѣнностямъ, отчеты всякихъ банковыхъ, промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій и пр. Пробный нумеръ высылается за одну почтовую марку. № 2252 10—8

На годъ, безъ доставки	**4** р.
съ дост. въ С.-Петербургѣ. . .	**5** р.
съ перес. во всѣ г. Имперіи . .	**6** р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блоккъ, Невскій, 86.

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ
П. ЛУКОВНИКОВА:

РУССКІЯ ПРОПИСИ. Учебное пособіе для учениковъ народныхъ и др. низшихъ училищъ и для домашняго обученія, состоящее изъ 48 таблицъ (въ форматѣ обыкнов. ученической тетради) прописей крупнаго, средняго и мелкаго письма. Сост. Ѳ. Пуцыковичъ. Цѣна 25 коп.

НАША РОДИНА. Книга для чтенія въ старшемъ отдѣленіи городскихъ и сельскихъ одноклассныхъ народныхъ училищъ, распадающаяся на слѣдующіе отдѣлы: общелитературный, изъ природы, изъ сельскаго хозяйства, изъ отечествовѣдѣнія, изъ русской исторіи, изъ всеобщ. церковной исторіи. Въ книгѣ 85 рисунковъ, карта и темы для письменныхъ работъ. Сост. Ѳ. Пуцыковичъ. Цѣна 50 коп.

Складъ изданій въ книжн. магаз. **П. Луковникова:** СПБ., Лештуковъ пер., 2. За пересылку взим. по разстоянію. **Каталогъ** магазина высылается безплатно. № 2358

ТОРГОВЫЙ ДОМЪ
бывш. **ФРЕЙБЕРГЪ**
СПБ., Невскій, № 49.

Предлагаетъ люстры, лампы, бронзу, хруст., фарф., серввзы, кухон. и пр. хозяйств. вещи въ громадн. выборѣ, на 20% дешевле всѣхъ.

Полная кухня отъ . . . . 50 р.
Полное хозяйство отъ. . . 150 „

Упаковка и доставка въ чертѣ города.

Заказы гг. иногородн., по полученіи денегъ, исполняются точно и аккуратно.

Р. № 2357 **Н. Ф. Петровъ.**

Дозвол. цензур., СПБ. 21 января 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч. д. 1.

XVIII г. | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XVIII

№ 5 | | 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 31 января 1887 г. | Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ФЕВРАЛЬ 1887 г. съ 31 рис. и отд. лист. съ 33 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 28 рисунковъ для вышиванія.

Людвигъ Кнаусъ.

Къ числу популярнѣйшихъ жанровыхъ художниковъ Германіи принадлежитъ Людвигъ Кнаусъ, берущій преимущественно темы своихъ картинъ изъ жизни крестьянъ. Живя въ Парижѣ въ 1853 году, онъ пользовался общею любовью всѣхъ бывшихъ тамъ германскихъ художниковъ и въ Парижѣ [illegible] въ 1854 г. за свои произведенія орденъ Почетнаго Легіона. Кнаусъ превосходный колористъ, прекрасно и характерно пишетъ свои фигуры и неподражаемъ въ изображеніи дѣтей. Первая оконченная Кнаусомъ картина въ Дюссельдорфѣ была „Вечеръ св. Мартина въ Дюссельдорфѣ“, веселая и живая сцена. Затѣмъ появилась его „Гессенская пляска подъ липою въ день церковнаго годового праздника“. Далѣе онъ нарисовалъ: „Философы“, „Деревенскій кузнецъ“, „Сельское леченіе“, „Залъ суда“, послѣдняя картина осмѣивала медленность

Проф. живописи Людвигъ Кнаусъ. Съ фотогр. грав. Л. Ивановъ.

старыхъ чиновниковъ. „Сельское похоронное шествіе въ лѣсу“—послѣдняя большая картина предъ отъѣздомъ Кнауса изъ Дюссельдорфа, возбудила общее вниманіе. Спокойно и серьезно двигается печальное шествіе. На перепутьи оно встрѣтилось съ преступникомъ, подъ охраною двухъ жандармовъ, что производитъ сильный контрастъ; всѣ отдѣльныя фигуры: идущая впереди и поющая деревенская молодежь, носильщики, слѣдующіе за гробомъ старики прямо выхвачены изъ жизни.

Позднѣе Кнаусъ нарисовалъ: „Ярмарка въ мѣстечкѣ“, „Лагерь цыганъ вблизи деревни“, „Утро послѣ освященія церкви“, „Разбойники, дѣлящіе добычу“, „Золотая свадьба въ деревнѣ“. „Похороны въ Вогезахъ“, „Фокусники въ трактирѣ“. „Сходка Гауэнштейнскихъ крестьянъ“, „На выборахъ“, „Маленькая рисовальщица“ и др. Слѣдуетъ упомянуть еще два превосходныхъ жанра: „Домъ

лѣсника“ и „Я могу ждать“, бывшіе на юбилейной выставкѣ въ Берлинѣ.

Во всѣхъ своихъ произведеніяхъ Кнаусъ стоитъ на высотѣ своего таланта; все, что онъ рисуетъ — драматично, или же дышетъ юморомъ и комизмомъ. Такъ, напримѣръ, его картина „На выборахъ“ прекрасна по комизму. Крестьянинъ, исполинская фигура, разогналъ кругомъ всѣхъ, свалилъ своего противника и стоитъ побѣдителемъ, хотя и сильно пораненный. За нимъ стоитъ женщина, напрасно старающаяся усмирить его. Въ углу музыканты — необыкновенно комическая группа.

Картины Кнауса цѣнятся очень высоко и дорого оплачиваются. Такъ, на американскомъ аукціонѣ его „Отдыхъ охотника“ былъ купленъ за 32,800 р. Извѣстный художественный критикъ, Максъ Іорданъ, ставилъ Людвига Кнауса на одну линію съ Адольфомъ Менцелемъ: „Всякая похвала, отъ кого бы она ни исходила, не можетъ уже прибавить имъ славы, которою они пользуются. Людвигъ Кнаусъ — это великій знатокъ души, это тонкій наблюдатель своеобразныхъ и живописныхъ чертъ человѣческой жизни. Поэтому онъ и сталъ великимъ жанровымъ художникомъ, поэтому его отдѣльныя фигуры и группы такъ совершенно передаютъ жизнь крестьянъ и бюргеровъ. На его картинахъ мы видимъ живыхъ людей, родственныхъ намъ по характеру, дышащихъ одною правдою.“

Людвигъ Кнаусъ родился въ Висбаденѣ 1829 года, и учился въ Дюссельдорфѣ.

Неожиданный случай.

Разсказъ **К. Тхоржевскаго.**

(Окончаніе).

Черезъ четверть часа возвратился посланный денщикъ, подалъ Зорину письмо и доложилъ, что вслѣдъ за нимъ идутъ „господа“... И дѣйствительно, не успѣлъ онъ выйти, какъ въ комнату ввалились еще четыре человѣка въ самыхъ разнообразныхъ костюмахъ: кто въ тулупѣ, кто въ бекешѣ, кто въ чухѣ. Зимняя кампанія застала офицеровъ врасплохъ и всѣ они щеголяли въ томъ, кто что могъ достать потеплѣе.

Вошедшіе были: казначей, квартермистръ, командиръ нестроевой роты и дѣлопроизводитель по хозяйственной части.

Зоринъ обнялся со всѣми и долженъ былъ во второй разъ разсказать всѣ батальонныя новости. Письмо онъ, не распечатывая, сунулъ въ карманъ, такъ какъ ему хотѣлось прочесть его наединѣ.

Принесли свѣжія бутылки и вскорѣ одинъ изъ собесѣдниковъ, самый молодой—князь Болконскій, свалившись тутъ же на лавку, заснулъ самымъ покойнымъ сномъ (бѣдняжка не предчувствовалъ, что черезъ четыре дня турецкая пуля уложитъ его на вѣчный сонъ): остальные, не обращая на него вниманія, продолжали разговаривать, пить и пѣть.

Зоринъ, не смотря на свою кажущуюся нѣжность, не слабѣлъ, хотя выпилъ очень много: онъ только раскраснѣлся и глаза его блестѣли какъ-то ярче.

— Господа, давайте „въ стуколку“, предложилъ кто-то, когда и вторая партія бутылокъ была опорожнена.

Всѣ согласились; отказался только Зоринъ, сказавъ, что онъ усталъ и хочетъ спать. Онъ разостлалъ на свободной скамейкѣ полушубокъ, вмѣсто подушки приказалъ подать себѣ сѣдло и, очень довольный, улегся на этомъ импровизированномъ ложѣ.

Замѣтивъ, что товарищи увлеклись игрой и не обращаютъ на него вниманія, онъ досталъ письмо матери, бережно распечаталъ, точно обращался съ какой нибудь хрупкой вещью, и началъ читать.

„Милый, дорогой, ненаглядный мой Саша,—читалъ онъ—получила я твое послѣднее письмо и заплакала надъ нимъ отъ радости. Могла ли я думать, что мой мальчикъ заслужитъ столько наградъ!.. Твой отецъ получилъ первый орденъ, когда ему было 35 лѣтъ; тебѣ—восемнадцать, а ты имѣешь уже три и представленъ къ четвертому!.. Вотъ порадовался бы твой отецъ, еслибы онъ былъ живъ! Не знаю чѣмъ я заслужила передъ Господомъ, что онъ послалъ мнѣ такое утѣшеніе. Но, милый мой, береги себя!.. Помни, что ты у меня одинъ!.. Если тебя убьютъ или ты умрешь отъ тифа, который развился у васъ въ такой степени,—кто меня будетъ кормить и беречь подъ старость?!.. Не для себя, а для меня береги себя!..

„Получу я отъ тебя письмо, обрадуюсь, да тутъ же и опять испугаюсь, что обрадовалась: мнѣ сейчасъ думается: вѣдь это письмо онъ дней 10—15 писалъ тому назадъ, а теперь ужъ онъ, можетъ быть, давно убитъ!.. И опять мое сердце наполняется тоской и грустью!.. Боже мой, когда-то все это кончится?!.. Знаю я, что грѣшно роптать—и не ропщу, удерживаю себя, а ужъ очень мнѣ тяжело.

„Я здорова, но, кажется, сильно постарѣла... Да это ничего—опять помолодѣю, когда ты пріѣдешь; жаль только, что по всей вѣроятности ты не застанешь нашего домика нашимъ: ты знаешь, что онъ заложенъ Степанову въ двухъ тысячахъ рубляхъ; срокъ уплаты приближается, а денегъ у меня нѣтъ; я просила Степанова отсрочить на годъ, но онъ и слышать ничего не хочетъ, такъ что по всей вѣроятности наша хижинка будетъ продана съ аукціона. Еслибы ты былъ здѣсь, то, вѣроятно, устроилъ бы какъ нибудь это дѣло, а безъ тебя похлопотать некому. Но какъ ни жалко мнѣ нашего гнѣзда, гдѣ ты родился, а все-таки я спокойно разстанусь съ нимъ, и ты поэтому не волнуйся.

„У меня прибавился еще одинъ урокъ, такъ что всего я имѣю теперь три урока и получаю за нихъ въ общей сложности двадцать шесть рублей, что для меня—старухи, вполнѣ достаточно, и я всѣ деньги, какія ты присылаешь—прячу къ твоему пріѣзду. Онѣ еще тебѣ пригодятся.

„Ну, до свиданія, дорогой мой, ненаглядный мальчикъ. Цѣлую тебя и благословляю отъ всего горячо любящаго тебя материнскаго сердца.

Твоя мать О. Зорина.“

Письмо это вызвало слезы на глаза Саши: онъ зналъ—какъ мать любила свой маленькій домикъ; онъ и самъ любилъ его по воспоминаніямъ объ отцѣ и своемъ счастливомъ дѣтствѣ. Этотъ домикъ былъ для него старымъ другомъ. Онъ готовъ былъ бы пожертвовать многимъ, чтобы достать эти злополучныя 2,000 руб., но это было такъ же трудно, какъ сдѣлаться китайскимъ императоромъ.

Долго думалъ онъ на эту тревожную тему, но въ концѣ концовъ усталость взяла свое и онъ уснулъ крѣпкимъ сномъ.

II.

Черезъ день, окончивъ всѣ порученія и получивъ около восьми тысячъ казенныхъ денегъ, Зоринъ всталъ вмѣстѣ съ разсвѣтомъ и началъ собираться въ путь. Товарищи упрашивали его остаться еще на день, но онъ категорически отказался отъ этого, зная съ какимъ нетерпѣніемъ ждутъ его въ Кизиль-Килисѣ.

Черезъ часъ, плотно позавтракавъ, онъ уже выѣзжалъ изъ Гассанъ-Кала. Казенныя деньги лежали у него въ небольшой кожаной сумкѣ, висѣвшей черезъ плечо.

На несчастіе нашихъ путниковъ, погода была отвратительная: въ самой крѣпости она казалась еще сносной, но едва они выѣхали въ поле, какъ ихъ стало засыпать снѣгомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова. Вѣтеръ „рвалъ“ и, подхватывая цѣлыя горы снѣга, крутилъ его въ воздухѣ и пересыпалъ съ мѣста на мѣсто. Въ пяти шагахъ трудно было что нибудь различать.

Всякій болѣе или менѣе благоразумный человѣкъ

возвратился бы обратно, но Зоринъ не могъ похвалиться этимъ качествомъ и онъ преспокойно продолжалъ ѣхать впередъ полнымъ „проѣздомъ“ *). Дороги и признаковъ не было: узнавалась она только по тому, что на ней лежалъ мягкій снѣгъ, который не хрустѣлъ подъ копытами, тогда какъ когда лошадь сбивалась съ тропы, то твердый пастъ трескался съ извѣстнымъ шумомъ. Впрочемъ, привычныя, умныя животныя почти не сбивались, а если это и случалось, то они сами торопились попасть на дорогу.

Зоринъ ѣхалъ впереди, закутавшись въ бурку. Галей, подвигаясь за нимъ, зорко оглядывалъ мѣстность: казалось, его рысьи глаза проникали сквозь эту снѣжную пелену и видѣли такъ же хорошо, какъ и въ ясную погоду.

Такъ прошло около двухъ часовъ, когда Галей вдругъ заволновался и началъ особенно пристально всматриваться въ валявшіеся по дорогѣ трупы верблюдовъ, торчавшіе изъ-подъ снѣга въ безобразныхъ позахъ; около одного изъ нихъ онъ остановился, внимательно оглядѣлъ его и затѣмъ подскакалъ къ Зорину.

— Вашимъ благородіямъ, заговорилъ онъ, мотри, къ горкамъ сворачивать надыть...

— А что?.. очнулся тотъ и остановилъ лошадь.

— Я тады верблюдъ замѣчалъ... ми самый этимъ мѣстъ отъ горкамъ выѣзжалъ...

— Ну, поѣдемъ!.. согласился тотъ и круто поворотилъ лошадь прямо цѣлиной.

Черезъ четверть часа, передъ ними зачернѣлась какая-то масса, загораживая дорогу. Это былъ горный кряжъ. Своротивъ вдоль него влѣво, они скоро нашли ущелье, по которому лежалъ ихъ путь. Они въѣхали въ него и стали пробираться между остроконечными камнями, оторванными отъ нависшихъ со всѣхъ сторонъ каменныхъ громадъ.

Хоть вѣтеръ дулъ здѣсь еще сильнѣе, но за то не было опасности сбиться съ дороги. Лошади пошли бодрѣе и, гдѣ снѣгу было меньше, безъ всякаго понуканья сами пускались рысью.

Зоринъ, понуривъ голову, бросивъ поводья, ѣхалъ въ какой-то мечтательной задумчивости; онъ не замѣчалъ ни страшнаго вѣтра, ни тучъ снѣга, заметавшаго его, ни опасныхъ скользкихъ тропинокъ, вившихся иногда по карнизу скалы, надъ пропастью въ нѣсколько саженъ глубиною: онъ унесся въ своихъ мысляхъ въ далекое дѣтство, когда жилось такъ весело, такъ беззаботно... Ему представлялся глубокій прудъ, съ прозрачною, холодной водой, обросшій вѣковыми березами съ свѣсившимися въ воду зелеными густыми вѣтвями... Какъ хорошо бывало на этомъ пруду раннимъ утромъ, на восходѣ солнца!.. Какъ ясно ему все это представляется—точно вчера еще только было и точно онъ не подпоручикъ Зоринъ, а маленькій шалунъ Саша, то бѣгающій съ утра до ночи по рощѣ, окружающей ихъ дачу, собирая насѣкомыхъ, то удящій рыбу на берегу этого прелестнаго пруда... Какъ живо онъ помнитъ свои рыболовныя похожденія... Сидитъ онъ подъ развѣсистой, задумчивой березой и съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдитъ за поплавкомъ; вдругъ сзади него раздаются шаги. „Саша, ты здѣсь?“ слышитъ онъ веселый голосъ матери. „Здѣсь, мама!..“ отвѣчаетъ онъ, не оглядываясь, такъ какъ поплавокъ въ эту минуту дрогнулъ и медленно пошелъ въ сторону... Клюнетъ!.. „Пойдемъ скорѣе домой — папа пріѣхалъ!..“ говоритъ мать. „Папа!“ восклицаетъ онъ радостнымъ голосомъ и вскакиваетъ на ноги. Удочка и поплавокъ забыты: онъ не видѣлъ отца цѣлую недѣлю—тотъ уѣзжалъ по дѣламъ. Съ разлета, обнявъ мать, онъ во весь духъ бѣжитъ къ дому, чтобы поскорѣй расцѣловать отца...

— Вашимъ благородіямъ! Вашимъ благородіямъ!.. повторяетъ уже въ пятый разъ Галей, догнавъ его, и голосъ его какой-то странный... встревоженный, не такой, какъ обыкновенно...

— Вашимъ благородіямъ!..

— Ахъ!.. вздохнулъ Зоринъ невольно, возвращаясь къ дѣйствительности. Такъ хороши были воспоминанія и такъ не привлекательно окружающее. Что тебѣ? спросилъ онъ съ досадой.

— Вашимъ благородіямъ, гдѣ у тебя сумкамъ?

Зоринъ взглянулъ на себя—сумки не было!.. Черезъ плечо висѣлъ одинъ ремешокъ, а самая сумка, съ восемью тысячами казенныхъ денегъ, исчезла... Онъ хотѣлъ что-то сказать, но не могъ, голосъ не повиновался ему и изо-рта вылетѣлъ только какой-то хрипъ... У Галея волосы зашевелились на головѣ отъ дикаго, растеряннаго взгляда Зорина, устремленнаго на него.

— Ничаво, вашимъ благородіямъ!.. Терпи маленько... ми яво найдонъ сичасъ... Ты молчи, знай!.. заговорилъ Галей съ оживленіемъ и, повернувъ лошадь назадъ, поскакалъ по ущелью.

— Боже мой, какое несчастіе! воскликнулъ Зоринъ вслухъ, въ отчаяніи схватывая себя за голову, и въ ту же минуту почувствовалъ какъ что-то холодное сдавило ему грудь, а въ головѣ — зашумѣло, зазвенѣло и въ глазахъ запрыгали огненныя точки и заходили зеленые круги... Онъ едва не упалъ съ лошади, но, сдѣлавъ усиліе, овладѣлъ собой; онъ снялъ папаху и машинально провелъ рукой по волосамъ — они были мокры, точно на нихъ вылили ведро воды.

Окончательно оправившись, онъ поворотилъ лошадь и поскакалъ вслѣдъ за Галеемъ, внимательно всматриваясь въ то мѣсто, гдѣ должна была быть тропинка. Но надежды найти сумку было очень мало: снѣгъ моментально засыпалъ все и даже слѣды только что прошедшей лошади черезъ минуту заравнивались подъ лицо съ общимъ снѣговымъ покровомъ.

Онъ скоро догналъ Галея; тотъ шелъ пѣшкомъ и, поминутно останавливаясь, разрывалъ снѣгъ руками то тамъ, то здѣсь. Зоринъ, поровнявшись съ нимъ, тоже спѣшился и пошелъ рядомъ, останавливаясь и раскапывая каждый мало-мальски выдающійся снѣжный бугорокъ.

— Какой бѣда балшой!.. Ахъ балшой бѣда!.. шепталъ Галей.

Между тѣмъ вѣтеръ все усиливался и вскорѣ достигъ такой силы, что трудно было держаться на ногахъ.

Зоринъ съ Галеемъ дошли до выхода изъ ущелья и не нашли сумки.

Ноги и руки начали у нихъ коченѣть.

— Все пропало!.. воскликнулъ Зоринъ съ такимъ глубокимъ отчаяніемъ, что у Галея слезы выступили на глазахъ.

— Зачимъ пропалъ, вашимъ благородіямъ!.. Нипада пропалъ!.. Онъ здѣся... Я самъ видалъ онъ у тебя висѣлъ, когда ми въ щель ѣзжалъ... Ми найдонъ.

— Нечего и искать—теперь не найдешь, только сами замерзнемъ!.. Ѣдемъ!..

— Ты ѣзжалъ, вашимъ благородіямъ, а я тутъ остался!.. Гайда!..

— Незачѣмъ тебѣ здѣсь оставаться... Поѣзжай за мной!.. Зоринъ вскочилъ въ сѣдло и выѣхалъ на равнину.

Первые порывы отчаянія прошли и онъ немного успѣлъ свыкнуться съ мыслію о своемъ несчастіи; теперь на него напало какое-то оцѣпенѣніе и почти полное равнодушіе къ своей личности. Все, что было до момента потери сумки, казалось случившимся страшно давно, и самъ онъ себѣ казался совсѣмъ другимъ человѣкомъ. Онъ ѣхалъ, отдавшись на волю лошади, и не замѣчалъ страшнаго холода, коченившаго всѣ его члены, благодаря разстегнувшемуся полушубку.

„Господи!.. за что, за что такое несчастіе?!. мель-

*) Проѣздъ или проходъ—особый видъ аллюра, средній между шагомъ и рысью.

Залъ французской школы въ картинной галлереѣ Лувра въ Парижѣ. Рис. Е. Тилли, грав. Арманъ.

кало у него въ головѣ. Давно-ли я былъ еще такъ счастливъ и, дуракъ, не чувствовалъ этого... Но я все-таки былъ тогда спокоенъ, у меня было такъ много надеждъ!.. И все это погибло въ одну минуту! Все это ушло куда то далеко и никогда не вернется!.. Никогда!.. Это-то и ужасно, что—ни-ког-да!.. Вся жизнь погублена, а я молодъ, проживу долго... Хорошо еще будетъ, если мнѣ повѣрятъ, что я ихъ потерялъ—тогда хоть и разжалуютъ меня, и сошлютъ—но все-таки имя-то мое останется незапятнаннымъ!.. Пусть называютъ дуракомъ, но подлецомъ назвать никто не посмѣетъ!.. А если не повѣрятъ, если подумаютъ, что я ихъ проигралъ, растратилъ—тогда что?.. Позоръ!.. Вѣчный позоръ!.. Нѣтъ, я не допущу до этого!.. Тогда я скажу: „я не воръ, я потерялъ деньги, а не укралъ ихъ!.. Вы мнѣ не смѣете не вѣрить, ибо передъ смертью не лгутъ, а я сейчасъ буду мертвъ!.. Такъ слушайте: я деньги потерялъ!..“ и съ этимъ словомъ я пущу себѣ пулю въ лобъ при всѣхъ... Всѣ бросятся ко мнѣ и станутъ меня жалѣть... А мать?!. Мама!.. Бѣдная мама, что съ тобой будетъ!.. Боже мой, за что, за что все это?!.“ Онъ сложилъ съ мольбой руки, какъ дѣлаютъ это дѣти, и поднялъ глаза къ небу; но ничего не прочелъ онъ тамъ въ вышинѣ... неба и видать не было: оно скрылось за тучами снѣга, крутившагося въ воздухѣ.

Дальше мысли Саши дѣлались все безсвязнѣе и отрывочнѣе. То онъ вспоминалъ о матери; то ему представлялось какъ онъ явится къ полковому командиру, какъ тотъ выслушаетъ его докладъ, недовѣрчиво посмотритъ на него и, не сказавъ ему ни слова, потребуетъ адъютанта и прикажетъ его арестовать.

„Что же мнѣ дѣлать?!. Что дѣлать?!. Боже, научи меня!..“ повторялъ онъ безпрестанно на разные тоны, и вдругъ ему пришла въ голову мысль выпросить разрѣшеніе ѣхать къ великому князю Михаилу Николаевичу и просить у него помилованія. „Великій князь добрый—онъ навѣрно меня проститъ!.. думалъ Саша. Только пустятъ-ли меня къ нему?.. Пожалуй—не пустятъ! Нѣтъ, пустятъ: я буду Геймана просить... онъ добрый: онъ не только пуститъ, а еще и самъ попроситъ!..“ И вдругъ разомъ на душѣ у мальчика сдѣлалось легче и свѣтлѣе: нашлась соломенка, за которую онъ и схватился.

Онъ началъ представлять въ своемъ воображеніи какъ онъ явится къ великому князю и откровенно разскажетъ о своемъ несчастіи; главнокомандующій проститъ его, обласкаетъ и скажетъ, что изъ своихъ денегъ заплатитъ за него потерянную имъ сумму. Но онъ, Саша, не согласится съ этимъ: онъ опять, какъ о милости, будетъ просить, чтобы великій князь позволилъ ему уплачивать изъ жалованья этотъ долгъ. Великій князь пойметъ его чувства и скажетъ: „хорошо, я согласенъ!..“

„А сколько лѣтъ придется мнѣ платить? начиналъ вслѣдъ за этимъ соображать Саша. Въ мирное время я буду получать 700 руб. въ годъ: значитъ, въ одиннадцать лѣтъ я пополню всю сумму. Что-жъ, это не очень долго!.. А чѣмъ я все это время буду жить съ матерью?.. Пустяки!.. Буду давать уроки, работать... какъ нибудь и проживемъ!..“

Погруженный въ эти мысли, онъ очнулся только тогда, когда передъ нимъ зачернѣлись стѣны крѣпости. Умное животное само привезло его къ мѣсту, ни разу не сбившись съ дороги.

Саша приободрился на сѣдлѣ, принялъ „приличный солдату видъ“ и въѣхалъ подъ арку.

Подъѣзжая къ квартирѣ своихъ однополчанъ, онъ заранѣе представлялъ себѣ какъ будетъ принято товарищами его несчастіе; какъ они начнутъ сожалѣть о немъ, разспрашивать, и какъ все это будетъ тяжело.

— Галей! крикнулъ онъ,—никто не отвѣчалъ; онъ оглянулся назадъ и только тутъ замѣтилъ, что Галея не было. Боже мой, онъ остался въ ущельѣ!.. Онъ замерзнетъ тамъ—скоро ночь!.. воскликнулъ невольно Зоринъ и внутренно упрекнулъ себя, что во-время не замѣтилъ его отсутствія.

Къ своему удовольствію, Зоринъ не засталъ никого изъ товарищей дома; денщикъ сказалъ ему, что они всѣ куда-то ушли вслѣдъ за его отъѣздомъ. Зоринъ приказалъ убрать свою лошадь, а самъ отправился въ гостиницу пообѣдать, такъ какъ, несмотря на свое страшное горе, чувствовалъ волчій аппетитъ. Молодость брала свое.

Накануне, бѣгая по дѣламъ, онъ успѣлъ ознакомиться съ городкомъ, который былъ не больше нашей средней величины деревни, и зналъ гдѣ находится гостиница. Гостиница помѣщалась въ просторной двухъэтажной саклѣ, надъ входной дверью которой красовалась большая полотняная вывѣска:

„Ресторанъ
M-ieur Жана“.

Саша быстро поднялся по лѣстницѣ, отворилъ дверь и очутился въ большой комнатѣ съ грязнымъ поломъ, съ закопченымъ потолкомъ, сплошь заставленной столами и стульями. Вдоль задней стѣны былъ пристроенъ прилавокъ, замѣнявшій буфетъ. Прилавокъ этотъ, покрытый не первой свѣжести скатертью, былъ весь заставленъ бутылками всевозможныхъ сортовъ: здѣсь были различныя водки, ликеры, французскія и кавказскія вина, абсентъ и т. п. Распоряжалась всѣмъ этимъ набѣленая и нарумяненая женщина съ восточнымъ типомъ лица, повидимому успѣвшая пожить порядочно. Вообще, вся обстановка ресторана была до невозможности грязна и убога; она напоминала собой наши самые низменные вертепы; но выбирать въ Гассанъ-Кала было не изъ чего, поэтому набивалось сюда обыкновенно офицеровъ, какъ говорится, биткомъ. Здѣсь велась крупная игра и выпивалось громадное количество вина, за которое платились еще болѣе громадныя деньги.

Когда Саша вошелъ въ ресторанъ, то засталъ въ немъ человѣкъ пятнадцать офицеровъ всевозможныхъ частей: драгуны, казаки, артиллеристы, саперы, пѣхотные разныхъ полковъ, но N-цевъ онъ, къ своему удовольствію, никого не замѣтилъ.

Большинство присутствующихъ столпилось по срединѣ комнаты, откуда слышались возгласы: „Король!.. Семерка—на пэ! Четверка—транспортъ съ кушемъ“, доказывавшіе, что тамъ шелъ штоссъ; другіе сидѣли за столиками, пили вино и ѣли шашлыкъ; одинъ пьяный милиціонеръ строилъ недвусмысленныя куры раскрашенной особѣ. На появленіе Саши никто не обратилъ никакого вниманія. Онъ подошелъ къ буфету, одну за другой выпилъ три большихъ рюмки водки, вслѣдствіе чего „особа“ разомъ почувствовала къ нему уваженіе, и спросилъ дать ему чего нибудь поѣсть.

— А вамъ что угодно кушать? прохрипѣла красавица съ кокетливо-вызывающей улыбкой.

— Да что у васъ есть?

— У насъ есть итальянскія макароны съ сыромъ...

— А еще что?..

— Свѣжій шашликъ...

— Еще что?

— Теперь больше ничего нѣтъ: ужасно трудно доставать провизію!.. Ви сами знаете... и красавица подкатила глаза къ потолку.

— Ну такъ дайте мнѣ и макаронъ, и шашлыка, да прибавьте къ этому бутылку кахетинскаго.

— Краснаго или бѣлаго?

— Краснаго. Зоринъ отошелъ къ свободному столику, терпѣливо дождался пока ему грязный мальчишка-армянинъ подалъ все требуемое, и принялся съ аппетитомъ уничтожать скверныя макароны. Съѣвъ все до послѣдняго кусочка, онъ запилъ свой обѣдъ двумя ста-

капами вина и закурилъ папиросу. Онъ совсѣмъ согрѣлся и въ тоже время испытывалъ во всемъ тѣлѣ какую-то необыкновенно пріятную истому: на душѣ тоже какъ будто полегчало; поѣздка къ великому князю казалась теперь такой простой и сбыточной.

Докуривъ папиросу, онъ машинально подошелъ къ столу. за которымъ играли. Нѣкоторые изъ непринимавшихъ участія въ игрѣ, предполагая, что онъ хочетъ играть, посторонились и Саша очутился около самаго стола. Интендантскій чиновникъ, широкоплечій мужчина съ густой черной бородой, въ разстегнутомъ сюртукѣ и смятой фуражкѣ — металъ банкъ. Передъ нимъ лежала куча сторублевыхъ и двадцатипяти-рублевыхъ бумажекъ, пяти- и десятирублевыхъ было мало. Гнулись не менѣе, какъ отъ десяти рублей.

Зоринъ сначала безучастно смотрѣлъ какъ бились и давались карты. потомъ началъ присматриваться къ меткѣ и легко замѣтилъ, что пятерка и четверка рутируютъ почти съ математической точностью. „А что? вдругъ мелькнуло у него въ головѣ,—не попробовать-ли счастья? Кто знаетъ—вдругъ и выиграю!.. Такіе случаи бывали!.. Все равно, хуже не будетъ!..“

Въ карманѣ у него было слишкомъ 200 рублей полученнаго за два мѣсяца жалованья.

Онъ взялъ одну изъ валявшихся на столѣ колодъ, отыскалъ четверку и поставилъ на нее двѣсти рублей.

Четверка была дана въ сонникахъ. Онъ нашелъ пятерку и загнулъ уголъ. Пятерка тоже была дана.

— Вы. кажется, имѣете шестьсотъ рублей? вѣжливо спросилъ банкометъ, готовя талію.

— Да! отвѣчалъ Саша, и такъ просто и спокойно, что даже самъ себѣ удивился.

— Не угодно-ли получить?!. и интендантъ потянулся было къ банку.

— Нѣтъ, не безпокойтесь!.. остановилъ его Саша, я ставлю на пэ. Талія готова?

— Готова.

Онъ опять выбралъ четверку: банкометъ съ трескомъ открылъ талію и далъ четверку по третьему абцугу. Кругомъ послышался шепотъ удивленія.

— Вамъ замѣчательно везетъ!.. все съ улыбкой, но уже менѣе любезной, замѣтилъ банкометъ, собирая карты.

— Всего еще третья карта—чего-жъ тутъ необыкновеннаго! По восьми, по двѣнадцати картъ отдаютъ, батюшка! пробурчалъ сѣдой капитанъ, которому не везло.

Саша ничего не отвѣчалъ, а вытащилъ опять пятерку и поставилъ ее на пере-пэ. Первыя три карты онъ ставилъ спокойно, съ полнымъ равнодушіемъ: на крупный выигрышъ разсчитывать онъ, разумѣется, не могъ, а лишніе 200 или 500 руб. въ его обстоятельствахъ ни на волосъ не улучшали положенія; но теперь, когда дѣло шло уже о 2400 руб., онъ почувствовалъ какъ руки его стали дрожать.

„Дай онъ мнѣ еще двѣ карты и я буду счастливъ!.. думалъ онъ. Господи! сдѣлай такъ, чтобы эти двѣ карты были даны!.. Ну что Тебѣ это стоитъ!.. Пусть такъ случится, и я больше никогда не буду играть въ карты...“ твердилъ онъ въ умѣ, пока шла талія.

Пятерка легла налѣво.

— Съ вами играть нельзя! воскликнулъ интендантъ и швырнулъ карты на полъ. Онъ взялъ свѣжую колоду, распечаталъ ее и нервно началъ тасовать.—Готово! отрывисто проговорилъ онъ.

Новая колода совсѣмъ сбила Сашу съ толку: въ прежней ему удалось подмѣтить рутерку, въ этой же онъ не зналъ какую карту ставить; онъ хотѣлъ было забастовать, но какое-то внутреннее чувство шептало ему, что слѣдуетъ рискнуть еще разъ. Нечего и говорить, что въ обыкновенныхъ обстоятельствахъ онъ никогда не позволилъ-бы себѣ рисковать даже и ста рублями; двѣ же тысячи съ лишнимъ казались-бы ему такимъ огромнымъ капиталомъ, на который и посмотрѣть страшно; но теперь было совсѣмъ другое дѣло—теперь эти 2400 руб. были просто ни къ чему ненужными, не имѣющими никакой стоимости бумажками.

Онъ нервно выдернулъ карту, оказавшуюся королемъ червей (онъ потомъ всю жизнь помнилъ ее) и твердо выговорилъ:

— На пере-пэ-пэ!

— Въ банкѣ не хватитъ!.. недовольнымъ тономъ проговорилъ тотъ-же сѣдой капитанъ.

— Все равно—по разсчету получитъ!.. отвѣчалъ банкометъ и поспѣшно открылъ талію.

Черезъ нѣсколько абцуговъ король былъ данъ.

Интендантъ швырнулъ карты и всталъ изъ-за стола. Вокругъ зашумѣли: одни удивлялись счастью Зорина, другіе—его рѣшительности, третьи—хладнокровію.

Саша собралъ свой выигрышъ, равнявшійся 4500 руб. и въ какомъ-то чаду вышелъ изъ ресторана.

Онъ чувствовалъ себя почти спасеннымъ: теперь не хватало всего какихъ нибудь 3000 руб., а эти деньги какъ нибудь можно будетъ достать: товарищи сложатся, изъ полковыхъ суммъ дадутъ... Однимъ словомъ—спасенъ!.. Все существо его трепетало отъ наплыва чувствъ, а сердце наполнено благодарностью къ Тому, Кто послалъ ему такое чудное избавленіе отъ несчастія цѣлой жизни.

Онъ бѣжалъ домой бѣгомъ, не слыша подъ собою ногъ, и, вбѣжавъ наконецъ въ саклю, прямо наткнулся на Галея.

— Вашимъ благородіямъ, сумкамъ на!.. и онъ сунулъ прямо въ носъ Зорину сумку съ казенными деньгами...

Саша бросился къ нему на шею и крѣпко обнялъ его; потомъ вытащилъ пять сторублевыхъ бумажекъ и подалъ ему... Галей совсѣмъ ошалѣлъ: онъ началъ прыгать. смѣяться и безсвязно разсказывать какъ онъ нашелъ сумку.

— Я идонъ—нѣтъ и нѣтъ!.. Я рилъ, я рилъ и нарилъ...

Но Саша не дослушалъ его и побѣжалъ наверхъ; влетѣвъ въ комнату, онъ, къ великому изумленію возвратившихся уже товарищей, какъ сумасшедшій, завертѣлся по комнатѣ.

Весь вечеръ и всю ночь на пролетъ кутили N-цы, а на другой день. отправивъ матери 3500 рублей. Зоринъ, счастливый и довольный какъ никогда, выѣхалъ въ Кизиль-Килиса.

Фай.

Разсказъ **С. Бермейо.**

Переводъ съ испанскаго.

(Окончаніе).

IV

Солнце довольно высоко стояло надъ Чао-Ченъ, когда братъ Іакимъ проснулся. Братъ Луисъ, сидѣвшій у его изголовья, спросилъ съ участіемъ о его здоровьи.

— Не особенно хорошо, отвѣчалъ Іакимъ и попросилъ напиться.

Братъ Луисъ подалъ ему стаканъ съ сахарной водой, въ которую онъ прибавилъ нѣсколько капель настоя, знакомаго ему по опыту своей цѣлительной силой.

— Кажется время вернуться въ Хонгъ-Конгъ, началъ вдругъ Луисъ.

Братъ Іакимъ кивнулъ въ знакъ согласія головой.

— Но такъ скоро этого все-таки сдѣлать нельзя, прибавилъ Луисъ, сперва надо тебѣ отдохнуть.

— Какой отдыхъ! возразилъ Іакимъ. Вчера отъ усталости я не могъ разсказать тебѣ подробнѣе, что со мною случилось. Въ сумерки меня узнали въ домѣ садовника Лапъ-Ко. Какъ дикіе звѣри, бросилась толпа язычниковъ на домъ. Они сломали дверь. Я выскочилъ изъ окна и пустился бѣжать, преслѣдуемый толпой, бросавшей въ меня каменьями. Я бѣжалъ по полямъ, перескакивалъ черезъ канавы, чтобы уйти отъ погони, но изъ ихъ варварскихъ криковъ и ругательствъ я понялъ,

что они хотятъ отрѣзать мнѣ всѣ пути къ отступленію, и пустился бѣжать еще сильнѣе.

Ночь была почти на исходѣ, когда я достигъ маисоваго поля, около котораго протекаетъ каналъ. Здѣсь я на минутку остановился, напиться воды и обмыть свои раны, какъ вдругъ снова услыхалъ за собой крики погони. Долго пришлось мнѣ опять бѣжать, пока враги мои, вѣроятно утомленные преслѣдованіемъ, не оставили наконецъ меня. Благодарю Господа за свое спасеніе!! Когда я началъ оглядывать себя, то замѣтилъ, что платье мое было изорвано и изъ ранъ текла кровь. Ночь была такъ темна, что трудно было сообразить, гдѣ я находился. Вдругъ увидѣлъ я вдали огонекъ. Изнемогая отъ усталости, всталъ я и поплелся по направленію къ свѣту. Подходя къ дому, въ окнѣ котораго виднѣлся огонь, я увидѣлъ, что попалъ домой. Остальное тебѣ извѣстно.

Братъ Луисъ сидѣлъ съ поникшей головой, скрестивъ руки на груди, и молча слушалъ товарища.

— Теперь я спасенъ и снова возлѣ тебя, продолжалъ Іакимъ. Но лучше бы намъ никогда не разставаться. Однако, я и не спросилъ, какъ твое здоровье?

— Мнѣ теперь гораздо лучше, отвѣчалъ Луисъ.

— Слава Богу! Будемъ готовиться въ путь.

— Въ путь? спросилъ Луисъ протяжно.

— Да, въ Хонгъ-Конгъ. Сегодня станетъ всѣмъ извѣстно о нашемъ пребываніи здѣсь. Только самая крайняя необходимость можетъ насъ заставлять отклоняться, и то лишь на короткое время, отъ нашихъ обязанностей. Развѣ ты не такъ думаешь?

— Жизнь наша намъ не принадлежитъ, а посвящена служенію Богу, и я былъ бы счастливъ, если бы обрѣлъ нынѣ же смерть для прославленія имени Божія. Счастливъ тотъ, кто положитъ жизнь свою за Христа, исполняя долгъ свой, а не тотъ, кто радъ отдѣлаться отъ жизни, какъ отъ какой-то обузы. Мы не въ такомъ положеніи.

— Если бы насъ здѣсь теперь узнали, мы бы навѣрное были убиты, а вслѣдъ за нами и многіе другіе увѣровавшіе, и души многихъ колеблющихся, видя наше пораженіе, снова пропали бы для истинной вѣры. Мы не должны подвергать риску результаты такой долголѣтней великой работы. Долгъ нашъ опять приведетъ насъ въ эту страну, обагренную уже кровью стольких мучениковъ, и мы доведемъ до конца начатое нами святое дѣло. Если-же мы встрѣтимъ врага один, гдѣ нибудь въ открытомъ полѣ, то я первый благословлю руки, которыя доставятъ мнѣ возможность положить свою жизнь за Господа нашего Іисуса Христа!

Братъ Луисъ задрожалъ, когда услыхалъ исполненныя глубокаго убѣжденія и пламенной вѣры рѣчи своего товарища. То были слова, исходившія изъ чистой души, не помраченной никакой земной страстью.

— Намъ еще надо хорошенько подумать, какъ выѣхать отсюда, чтобы не быть замѣченными. Поговоримъ объ этомъ съ Кіангъ-Тингомъ. Онъ сейчасъ будетъ здѣсь, такъ какъ, передъ уходомъ въ лавку, всегда заходитъ сюда за благословеніемъ.

Между тѣмъ миссіонеры начали снимать съ себя китайскія одежды и собирать свои вещи. За дверьми послышался голосъ Кіангъ-Тинга, который спросилъ, можно ли войти.

Братъ Луисъ открылъ дверь и указалъ входившему на отца Іакима.

Купецъ былъ страшно удивленъ, однако подошелъ подъ обычное благословленіе и поцѣловалъ монаху руку.

— Добро пожаловать, высокоуважаемый служитель Господа! Но какъ вы попали сюда, какъ вошли въ домъ? Я вижу, вы ранены?

— Сейчасъ разскажу. Я вернулся сегодня, когда вы всѣ спали, и вошелъ черезъ окно, которое открылъ мнѣ братъ Луисъ.

— Я дѣйствительно крѣпко спалъ и мнѣ снились такіе чудные сны!

Разсказавъ, что съ нимъ было, отецъ Іакимъ прибавилъ:

— Ты видишь, Кіангъ-Тингъ, что намъ нужно немедленно уѣзжать отсюда; но мы не станемъ пользоваться для этого твоей помощью, такъ какъ лодка наша стоитъ на-готовѣ. Черезъ часъ мы уѣзжаемъ.

— Подумайте однако, мои милые, о томъ, что вѣдь теперь, днемъ, васъ могутъ узнать. Впрочемъ, мнѣ пришла въ голову отличная мысль. Я прикажу уложить двѣ корзинки разными съѣстными припасами. Вы понесете ихъ на головахъ, и лица ваши будутъ скрыты.

— Въ самомъ дѣлѣ, это будетъ отлично! воскликнули разомъ оба доминиканца

— Однако нельзя терять время.

Кіангъ-Тингъ поспѣшилъ изъ комнаты, сдѣлать все какъ было условлено, и заявилъ, что предупредитъ жену объ отъѣздѣ монаховъ, чтобы они могли въ послѣдній разъ вмѣстѣ позавтракать.

Оба доминиканца стали приготовляться къ отъѣзду, причемъ отецъ Іакимъ принялся за какое-то писаніе, а Луисъ занялся укладкой вещей.

Окончивъ, отецъ Іакимъ показалъ написанное товарищу. Это было наставленіе для Кіангъ-Тинга, и онъ просилъ Луиса прочесть и измѣнить или исправить гдѣ ему покажется нужнымъ.

Но Луисъ, пробѣжавъ бумагу, нашелъ повидимому, что все было прекрасно, и въ знакъ одобренія кивнулъ только головой.

Между тѣмъ о. Іакимъ также успѣлъ убрать всѣ свои вещи, и нѣсколько минутъ спустя оба монаха стояли уже на колѣняхъ, вознося молитвы къ Богу.

. . . .

Это былъ часъ, когда Кіангъ-Тингъ открывалъ обыкновенно свою лавочку. Предварительно онъ зашелъ къ женѣ

— Скажи, дорогая моя, не слыхала ты никакого шума сегодня ночью? обратился онъ къ ней.

— Нѣтъ, я ничего не слышала.

— Это, однако, странно. Отецъ Іакимъ вернулся ночью и увѣряетъ, что стучалъ и звалъ нѣсколько разъ, но никто не отперъ ему, такъ что ему пришлось взобраться въ домъ по веревочной лѣстницѣ, которую спустилъ ему изъ окна братъ Луисъ. Впрочемъ, теперь не время болтать. Уложи поскорѣй двѣ корзины рисомъ и плодами. Наши миссіонеры сейчасъ уѣзжаютъ.

— Какъ, сейчасъ уѣзжаютъ? повторила въ ужасѣ Фай.

— Да, сейчасъ, но мы еще всѣ вмѣстѣ въ послѣдній разъ напьемся чаю.

И съ этими словами Кіангъ-Тингъ ушелъ внизъ, открывать лавку, не давъ больше ничего сказать пораженной женщинѣ. Фай опустилась въ изнеможеніи на коверъ и дала волю своимъ слезамъ.

V.

Въ Луисѣ де-Авила происходила страшная борьба, борьба между долгомъ и возгорѣвшейся страстью.

Онъ сильно боялся послѣдней встрѣчи съ Фай, которая могла произойти только въ присутствіи ея мужа и отца Іакима.

Но вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ же онъ могъ покинуть Фай, не повидавшись съ ней еще разъ наединѣ, чтобы поблагодарить ее за любовь и поцѣловать въ знакъ благодарности въ ея розовыя губки. Обдумывая все это, онъ ясно себѣ представилъ молодую женщину, съ ея темными, прелестными глазами, въ тотъ моментъ, когда она, страстно глядя него, шептала: „люблю тебя!..“

„Да, люблю тебя,—и я тебя люблю,“ звучитъ голосъ въ его душѣ. Братъ Луисъ долженъ былъ употреблять страшныя усилія, чтобы побороть въ себѣ это чувство.

Между тѣмъ Кіангъ-Тингъ вернулся изъ лавки и позвалъ гостей завтракать. Луисъ, подъ предлогомъ утомленія отъ безсонной ночи и слабости, остался въ своей комнатѣ и поручилъ отцу Іакиму извиниться за него и попросить прислать ему завтракъ наверхъ.

Увидя отца Іакима одного, хозяева тотчасъ же освѣдомились о причинѣ отсутствія брата Луиса, а Фай, съ своимъ тонкимъ женскимъ инстинктомъ, сразу сообразила въ чемъ дѣло и рѣшила этимъ воспользоваться, чтобы еще разъ повидаться наединѣ съ любимымъ человѣкомъ.

„Теперь или никогда!“ сказала она себѣ и отправилась наверхъ, въ то время, какъ ея мужъ и отецъ Іакимъ были увлечены разговоромъ.

— Куда ты? спросилъ ее Кіангъ-Тингъ.

— Я хочу снести чай брату Луису, отвѣтила Фай и скрылась изъ комнаты, захвативъ съ собой чашку чаю.

Луисъ де-Авила обернулся, когда Фай вошла въ комнату.

— Ты уѣзжаешь, дорогой мой, сказала она, ставя чашку на столъ. Глаза ея были полны слезъ.

— Да, милая Фай, я долженъ ѣхать; этого требуетъ долгъ мой.

— Неужели мнѣ такъ скоро разстаться съ тобой,—нѣтъ, этого не будетъ, вѣдь ты не бросишь меня, твою Фай, которая тебя такъ любитъ?

Сказавъ это, она обвила своими нѣжными руками шею монаха, такъ что послѣдній невольно вздрогнулъ.

— Нѣтъ, вѣдь ты не оставишь меня, ты остаешься?

Въ словахъ этихъ слышалось столько горя и мольбы, что у Луиса защемило сердце.

— Дорогая Фай, началъ онъ, я бы съ удовольствіемъ остался, но къ чему это поведетъ? Прольются потоки крови и прежде всего моей крови..

— Какъ, твоя жизнь здѣсь въ опасности? Почему?

— Язычники ищутъ насъ и въ прошлую ночь былъ уже раненъ отецъ Іакимъ. Его преслѣдовали до Чао-Чена и если теперь насъ найдутъ, намъ придется навѣрное погибнуть.

— Я спрячу тебя, я буду защищать, даже еслибы мнѣ это стоило жизни...

— Ты заблуждаешься, дитя мое. Если насъ найдутъ, пострадаю не только я и отецъ Іакимъ, но и тѣ, въ чьемъ домѣ мы окажемся.

— И я ничего не могу сдѣлать чтобы ты остался?.. Когда же ты вернешься?

— Кто знаетъ, что меня ждетъ впереди? Въ одномъ только, дорогая моя, ты можешь быть увѣрена: гдѣ бы я ни былъ, всюду сердце мое будетъ биться только для тебя одной.

Но тутъ Кіангъ-Тингъ позвалъ жену, и влюбленные должны были разстаться.

— Все ли готово? сп[illegible]дъ.

— Все, отвѣчала Фа[illegible]

— И такъ, если желаете, вы теперь можете уѣхать, сказалъ

Молитва. Съ карт. Ю. Шрадера, грав. Брендамуръ.

Кіангъ-Тингъ, обращаясь къ отцу Іакиму. Миссіонеры начали прощаться съ хозяевами, а Фай поцѣловала руки отцу Іакиму и Луису, причемъ едва сдерживала выступившія у нея на глазахъ слезы.

Медленно, въ глубокомъ внутреннемъ волненіи, спустился братъ Луисъ съ лѣстницы. Когда оба монаха дошли до наружныхъ дверей, то повязали себѣ головы платками и поставили на головы приготовленныя для нихъ корзины. Затѣмъ, по заранѣе условленному знаку, направились къ ожидавшей ихъ лодкѣ.

Вѣтеръ былъ, къ счастію, попутный и они быстро понеслись на парусахъ внизъ по рѣкѣ.

Стоявшая въ это время за занавѣской окна Фай съ грустью смотрѣла какъ удалялось отъ нея ея счастье.

Вотъ лодка сдѣлала еще поворотъ и скрылась изъ виду...

Братъ Іакимъ, утомленный недавно перенесенными страданіями, прилегъ въ лодкѣ, Луисъ же занялся разсматриваніемъ даннаго имъ на дорогу провіанта. Роясь въ своей корзинѣ, онъ нашелъ, между прочимъ, небольшой ящичекъ, перевязанный пунцовой лентой, за которую заткнута была роза. Въ ящикѣ этомъ, кромѣ печенья—произведенія самой хозяйки, оказалась небольшая бумажка, на которой было написано по-китайски: „счастливый путь, до свиданія“.

— Какая чудная! прошепталъ Луисъ, прочитавъ эти слова, и затѣмъ предался тихимъ мечтамъ.

VI.

Переѣздъ совершился безъ всякихъ приключеній и черезъ три дня миссіонеры были уже въ Хонгъ-Конгѣ.

Высаживаясь изъ лодки, братъ Луисъ подозвалъ къ себѣ одного изъ гребцовъ и, сунувъ ему въ руку нѣсколько золотыхъ монетъ, поручилъ ему, по возвращеніи въ Чао-Ченъ, передать Кіангъ-Тингу о ихъ благополучномъ пріѣздѣ и поклониться обоимъ супругамъ.

Оба монаха отправились въ помѣщеніе, занимаемое миссіонерами, гдѣ провели нѣсколько дней, отдыхая отъ перенесенныхъ ими усталости и непріятностей. Отецъ Іакимъ успѣлъ совершенно оправиться и окрѣпнуть, но здоровье брата Луиса замѣтно ухудшалось съ каждымъ днемъ. Къ этому присоединялось еще овладѣвшее имъ мрачное состояніе, лихорадка все болѣе усиливалась. Окружающіе старались его развлечь и развеселить. Въ отвѣтъ на это онъ только грустно улыбался.

Видя, что хлопоты ихъ напрасны, настоятель рѣшилъ отправить Луиса обратно на островъ Манилху, въ надеждѣ, что перемѣна воздуха окажетъ благотворное вліяніе на здоровье ихъ страждущаго брата.

Наканунѣ дня, назначеннаго для отъѣзда, настоятель позвалъ къ себѣ Луиса и сообщилъ ему о своемъ намѣреніи отправить его въ Манилху.

Услышавъ это, братъ Луисъ сталъ просить позволенія остаться, увѣряя, что поѣздка эта ни къ чему не приведетъ и что онъ скоро настолько поправится, что будетъ въ состояніи продолжать свою дѣятельность.

— Это одни мечтанія, братъ Луисъ, возразилъ настоятель; тебѣ необходимо на время совершенно перемѣнить образъ жизни, только тогда ты можешь совершенно поправиться.

— Увѣряю васъ, отецъ настоятель, что это вовсе не мечтанія. Умоляю васъ оставить меня здѣсь, только здѣсь могутъ исполняться всѣ мои желанія и надежды. Я всегда любилъ уединеніе—теперь все мое стремленіе—спасать заблудшія души и выводить ихъ на путь истинный.

— Рѣшеніе мое однако неизмѣнно, ты завтра же уѣзжаешь, и вернешься сюда лишь когда совершенно поправишься; а теперь до свиданія; да славится имя Господа Іисуса Христа. И съ этими словами настоятель отпустилъ брата Луиса.

Послѣдній молча поцѣловалъ протянутую ему правую руку настоятеля и удалился съ поникшей головой.

На слѣдующій день отецъ Іакимъ и настоятель проводили Луиса до парохода, гдѣ его почтительно встрѣтилъ капитанъ. Въ 6 часовъ вечера пароходъ снялся съ якоря и отчалилъ, увозя съ собой больного. Луису очень трудно было разстаться съ товарищами и онъ до тѣхъ поръ стоялъ на палубѣ быстро удалявшагося въ открытое море парохода, пока виднѣлся берегъ. Въ особенности устремлялъ онъ свой взоръ въ сторону рѣки Кантона и лежащей у устьевъ ея группы острововъ.

Море бушевало... дулъ сильный вѣтеръ...

На слѣдующее утро по отъѣздѣ Луиса изъ Хонгъ-Конга, настоятель и братъ Іакимъ, исполнивъ свои монашескія обязанности, сошлись въ пріемной помѣщенія миссіонеровъ.

— Нашему брату придется однако испытать довольно непріятное путешествіе, началъ первый.

— Навѣрное, отвѣчалъ братъ Іакимъ, стоя у окна, тѣмъ болѣе что погода очень бурная и на морѣ должно быть страшное волненіе.

При этихъ словахъ онъ вдругъ остановился, услыхавъ звукъ колокольчика, и, подозвавъ къ себѣ настоятеля, сталъ указывать ему въ окно.

— Не китаянка-ли это подъѣзжаетъ къ дому? спросилъ онъ послѣдняго.

— Это Фай, супруга купца Кіангъ-Тинга.

— Не можетъ быть! воскликнулъ братъ Іакимъ.

Между тѣмъ Фай успѣла уже подъѣхать къ самому дому и братъ Іакимъ могъ вполнѣ узнать ее.

Войдя въ комнату и увидѣвъ настоятеля, она упала передъ нимъ на колѣни и начала покрывать его руки поцѣлуями.

— Какимъ образомъ попала ты сюда? спросилъ онъ удивленно молодую китаянку.

— Гдѣ братъ Луисъ? обратилась она съ нескрываемой поспѣшностью къ монахамъ.

— Онъ боленъ и уѣхалъ вчера въ Манилху, отвѣчалъ Іакимъ. Ты-же теперь иди за мной, мнѣ надо съ тобой переговорить кое о чемъ, присовокупилъ онъ и отправился въ сосѣднюю комнату.

Фай медленно послѣдовала за монахомъ. Это было свыше ея силъ! Она едва держалась на ногахъ отъ горя.

— И такъ онъ уѣхалъ, проговорила она какимъ-то глухимъ голосомъ, безсознательно подвигаясь впередъ.

— Я однако не ошибся и узналъ тебя еще издали, сказалъ монахъ, когда они очутились вдвоемъ. А гдѣ твой супругъ?

— Умеръ, отвѣчала, рыдая, бѣдная молодая женщина.

— Умеръ? произнесъ Іакимъ протяжно.

— Да, умеръ! Онъ скончался въ ночь по отъѣздѣ миссіонеровъ.

— Господи Боже мой, но какъ же это случилось?

— Толпа язычниковъ, думая, что монахи все еще у насъ, подожгла нашъ домъ, Кіангъ-Тингъ хотѣлъ спасти какъ можно болѣе товаровъ и погибъ среди пламени и упавшихъ на него развалинъ.

— Какимъ-же образомъ узнали, что у васъ останавливались миссіонеры?

— По кровянымъ слѣдамъ, сдѣланнымъ вами на стѣнѣ дома, когда вы, раненый, влѣзали въ окно.

— Бѣдный Кіангъ-Тингъ! Видно суждено уже было тебѣ погибнуть! И монахъ перекрестился, а затѣмъ спросилъ:

— Больше никакихъ несчастій не случилось?

— Нѣтъ, онъ одинъ поплатился жизнью.

— А какъ же ты спаслась отъ дикой толпы? спросилъ настоятель.

— Одно христіанское семейство въ Чао-Ченъ спрятало меня, и благодаря нѣкоторымъ уцѣлѣвшимъ золотымъ вещамъ, которыя я продала, я могла добраться сюда; теперь-же умоляю васъ принять меня подъ ваше покровительство.

— Все будетъ сдѣлано, дитя мое! Разсказывай дальше.

Фай сообщила подробно обстоятельства отысканія мѣстопребыванія монаховъ, а также гибели ея мужа и разграбленія ихъ дома.

— Бѣдные люди, Богъ вознаградитъ васъ за ваше самоотверженіе! воскликнулъ монахъ. Но что же ты теперь думаешь дѣлать?

— Не знаю, вѣдь я осталась совсѣмъ одна, сказала Фай и горько заплакала.

— Не безпокойся, дитя мое, побудь пока у насъ, мы о тебѣ подумаемъ.

Сказавъ это, отецъ Іакимъ отправился къ настоятелю, посовѣтоваться, что дѣлать съ бѣдной женщиной. Оба монаха соглашались, что нельзя бросать на произволъ судьбы молодую, красивую женщину, состояніе которой погибло изъ-за святого дѣла. Они рѣшили пристроить ее въ семействѣ одного богатаго китайскаго купца, пользовавшагося особымъ довѣріемъ и уваженіемъ миссіонеровъ и имѣвшаго постоянныя сношенія съ Манилхою.

Отецъ Іакимъ, который взялся переговорить съ Фай, сдѣлалъ это съ свойственнымъ ему тактомъ. Бѣдная женщина не хотѣла однако объ этомъ даже и слышать. Она желала непремѣнно поселиться въ христіанской странѣ.

— Куда же ты-бы хотѣла?

— Въ Манилху!

— Но вѣдь ты не знаешь ни нашего языка, ни обычаевъ.

— Языкъ я скоро изучу.

— Это однако вовсе не такъ легко. Семья же, въ которую мы думаемъ тебя помѣстить, говоритъ немного по-испански, нѣкоторые члены ея жили въ Манилхѣ.

Разговоръ былъ прерванъ приходомъ китайца.

— Жуанъ, сказалъ вошедшему отецъ Іакимъ, возьми эту вдову въ свой домъ и смотри на нее какъ на члена твоей семьи. Оказывай ей пожалуйста всякую помощь и приди сегодня вечеромъ къ отцу настоятелю — ты получишь дальнѣйшія инструкціи.

— Все будетъ сдѣлано какъ вы приказываете, высокоуважаемый отецъ, отвѣчалъ китаецъ, низко поклонившись и поцѣловавъ руку монаха.

— До благословитъ Господь тебя и твое новое чадо!

Сказавъ это, онъ жестомъ отпустилъ китайца. Фай отправилась вмѣстѣ съ Жуаномъ и поселилась у него въ домѣ, гдѣ сдѣлалась предметомъ всеобщихъ заботъ и попеченій.

Отецъ Іакимъ долго думалъ, почему это Фай такъ стремилась въ Манилху, и наконецъ ему пришло въ голову, что между ней и братомъ Луисомъ не существовало-ли какого тайнаго соглашенія.

„Неужели, однако, говорилъ онъ себѣ, Луисъ, урожденный герцогъ д'Истрія и которому все такъ прискучило въ жизни, станетъ обращать вниманіе на простую китайскую женщину?..“

VII.

Между тѣмъ братъ Луисъ, посланный по совѣту врачей въ одинъ изъ монастырей, находившихся въ центрѣ острова, вернулся обратно въ городъ Манилу нисколько не поправившись. Овладѣвшее имъ чувство меланхоліи ни на минуту не оставляло его. Раньше всѣхъ приходилъ онъ въ церковь и съ благоговѣніемъ слушалъ обѣдню, которую служили попеременно его собратья. Послѣ службы онъ отправлялся со всѣми къ трапезѣ и проводилъ день, неуклонно придерживаясь правилъ, предписываемыхъ строгимъ чиномъ монашескаго ордена. Съ наступленіемъ сумерокъ Луисъ начиналъ обходить бѣдныхъ и больныхъ, живущихъ въ окрестностяхъ монастыря. Облегчая чужія страданія, онъ искалъ въ этомъ утѣшенія и забвенія собственныхъ терзаній.

Спать онъ уходилъ очень поздно, обойдя предварительно весь монастырь. Во время одной изъ такихъ прогулокъ Луисъ встрѣтился какъ-то съ настоятелемъ.

— Отчего ты не спишь? спросилъ съ участіемъ настоятель. Ночной воздухъ вреденъ, особенно для тебя.

— Напротивъ, отецъ настоятель, онъ освѣжаетъ меня, а сіяющій мѣсяцъ располагаетъ меня къ пріятному раздумью.

— Это-то и вредно тебѣ, ты слишкомъ много думаешь! Не жалѣешь-ли ты объ оставленномъ мірѣ, не мучитъ-ли тебя какая-либо другая мысль?

— Вы угадали отецъ, воскликнулъ онъ, схвативъ руку настоятеля. Я великій грѣшникъ, простите меня.

— Что же тебя мучитъ? Скажи, можетъ быть я могу избавить тебя отъ твоихъ угрызеній. Открой мнѣ свое сердце!

Прошло нѣсколько минутъ въ молчаніи, но Луисъ началъ наконецъ:

— Женскій образъ завладѣлъ всѣмъ моимъ существомъ; мысль объ обладаніи ею мучитъ и терзаетъ меня повсюду, гдѣ бы я ни находился. Всюду преслѣдуетъ меня соблазнительный образъ, голосъ ея вѣчно звучитъ въ моихъ ушахъ.

— Тебя мучитъ чувство земной любви,—вотъ причина твоихъ ранъ, произнесъ съ серьезной торжественностью настоятель. Приди-же ко мнѣ и облегчи твои страданія на моей отеческой груди, дай волю твоимъ слезамъ,—это облегчитъ тебя!

Въ эту минуту мѣсяцъ вышелъ изъ-за тучъ и освѣтилъ державшихъ другъ друга въ объятіяхъ монаховъ,—картина, достойная кисти лучшаго художника. Наконецъ настоятель прервалъ молчаніе.

— Гдѣ-же она, здѣсь въ Манилѣ или гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ? спросилъ онъ.

— Ея здѣсь нѣтъ и я съ нею не встрѣчаюсь.

— Что-же ты думаешь теперь дѣлать? Вѣдь такъ оставаться нельзя.

— Я это понимаю; могутъ быть только два исхода: умереть или побѣдить! Я хочу побороть страсть. Хочу попробовать забыть существо, которое люблю, чтобы со временемъ, когда я предстану предъ Господомъ, душа моя была чиста и безупречна.

— Этимъ ты докажешь величіе души твоей, и я постараюсь помочь тебѣ. Черезъ нѣсколько дней одно изъ нашихъ военныхъ судовъ отправляется въ Сингапуръ. Не хочешь-ли вернуться въ Испанію? Мы дадимъ тебѣ туда особое порученіе. Воздухъ родной страны исцѣлитъ тебя.

— Благодарю тебя, отецъ мой, за участіе, которое ты во мнѣ принимаешь.

— Конечно, одинъ ты не можешь сдѣлать этого путешествія; кого-же ты хочешь, чтобъ тебѣ дали въ провожатые?

— Если можно, то моего прежняго спутника, брата Іакима.

— Хорошо, мы его вызовемъ изъ Хонгъ-Конга.

Порѣшивъ такимъ образомъ, настоятель проводилъ Луиса до его кельи и монахи разстались.

Съ тѣхъ поръ можно было часто видѣть настоятеля и Луиса де-Авила бесѣдующими вмѣстѣ.

Замѣтно было, что настоятель принималъ большое участіе въ своемъ подчиненномъ.

Между тѣмъ братъ Іакимъ успѣлъ вернуться изъ Хонгъ-Конга. Онъ тотчасъ-же явился къ настоятелю, который ознакомилъ его съ цѣлью его миссіи и далъ необходимыя инструкціи.

— Мы должны постараться спасти нашего брата, сказалъ онъ.

— Вполнѣ согласенъ съ вами, отецъ настоятель,—никто ближе меня не знакомъ съ духовными силами и глубиною вѣры нашего погибающаго брата.

— Врачи рѣшили, что для исцѣленія его надо отправить обратно въ Испанію;—ты будешь его сопровождать. Завтра мы еще объ этомъ поговоримъ, а теперь иди съ Богомъ, отдохни.

На слѣдующій день вечеромъ оба доминиканца отплыли изъ Манилы.

Во время пути Іакимъ разсказалъ Луису о смерти Кіангъ-Тинга, пріѣздѣ въ Хонгъ-Конгъ Фай и дальнѣйшихъ обстоятельствахъ.

Все это снова подняло цѣлую бурю страсти въ сердцѣ монаха; несмотря на всѣ его старанія, братъ его не могъ не замѣтить страшной внутренней борьбы, которая происходила въ немъ.

VIII.

Фай, только и мечтавшая какъ-бы добраться до Манилы, часто заходила въ миссіонерскій домъ. Желаніе усилилось съ тѣхъ поръ, какъ одинъ изъ сыновей купца, въ семьѣ котораго она нашла пріютъ, предложилъ ей жениться на ней, желая вернуть ей ея прежнее общественное положеніе.

Она однако отказала ему, заявивъ, что желаетъ оставаться вдовой.

Между тѣмъ про себя Фай думала совершенно иначе: любовь ея къ Луису становилась все сильнѣе. Но лишь черезъ три мѣсяца по ея пріѣзда въ Хонгъ-Конгъ нашла она возможность осуществить свое желаніе. Она нанялась въ услуженіе къ одному чиновнику, занимавшему довольно высокое положеніе въ Манилѣ. Прибывъ однако въ городъ, она узнала, что Луисъ де-Авила уѣхалъ въ Испанію.

Горько стало на душѣ Фай при этомъ извѣстіи, но любовь ея къ доминиканцу была все-таки такъ сильна, что она во что бы ни стало рѣшила добиться желанной цѣли.

Недолго оставалась Фай въ Манилѣ. Поступивъ на мѣсто въ семейство, отправлявшееся въ Испанію, она добралась до Мадрита, гдѣ должна была увидѣть наконецъ того, къ кому такъ пламенно стремилось ея сердце.

Въ семьѣ, гдѣ служила Фай, было двѣ дочери, Терезія и Марія, которыя такъ полюбили крещеную китаянку, что не выходили никуда безъ нея. Фай между тѣмъ успѣла выучиться говорить по-испански.

Всѣ желанія ея, со времени пріѣзда въ Мадритъ, сосредоточились на томъ, чтобы узнать, гдѣ находился Луисъ де-Авила. Но какъ могла она это сдѣлать, кого спросить, кто могъ знать это?

Луисъ, находившійся между тѣмъ по близости ея, въ своемъ палаццо, доживалъ свои послѣдніе дни.

Случайно узнала она наконецъ о его мѣстопребываніи. Одѣвая какъ-то свою госпожу, она услыхала отъ нея о живущей рядомъ съ ними въ собственномъ палаццо вдовѣ герцога д'Истрія, единственный сынъ которой былъ монахомъ ордена доминиканцевъ.

— Доминиканецъ? спросила Фай встрепенувшись.

— Тебя это какъ-будто очень удивляетъ. Его зовутъ братомъ Луисъ де-Авила.

— Луисъ де-Авила? Вы увѣрены въ этомъ, сеньора? воскликнула Фай.

— Да, но что съ тобой, дитя, ты никакъ плачешь?

Фай сдѣлала страшное усиліе чтобъ скрыть свое волненіе и отвѣчала какъ могла спокойнѣе.

— Нѣтъ это такъ, я обрадовалась, услыхавъ знакомое мнѣ имя, которое напомнило мнѣ мою родину. У насъ былъ миссіонеръ, котораго такъ звали, но который, конечно, не былъ герцогомъ.

— Братъ Луисъ де-Авила сложилъ съ себя свой герцогскій титулъ, когда поступилъ въ монахи.

— Въ самомъ дѣлѣ?

Фай охотно-бы разспросила еще кое о чемъ свою госпожу, но та, окончивъ свой туалетъ, поспѣшила изъ комнаты и спустилась внизъ, чтобы сѣсть въ ожидавшій ее у подъѣзда экипажъ.

Проводивъ свою госпожу, Фай, просто не помнившая что было вокругъ нея, снова вбѣжала въ комнату сеньоры и опустилась тамъ на бархатное кресло.

Она дала волю своимъ чувствамъ и залилась слезами; она была близка къ помѣшательству. Тяжелыя, непріятныя сомнѣнія возникли въ ея душѣ; она ясно понимала неизмѣримую разницу ихъ общественныхъ положеній, разницу, которая явится непреодолимымъ препятствіемъ къ ихъ соединенію. Но что было ей дѣлать, бѣдняжкѣ? Наконецъ, чувство самоувѣренности и тщеславія, свойственное почти всѣмъ женщинамъ, временно ее успокоило.

Она стала передъ зеркаломъ и начала поправлять прическу, любуясь своей наружностью. Сознавая силу собственной красоты, Фай слегка даже улыбнулась, причемъ подумала про себя: „я бѣдная китаянка, но право могла бы быть герцогиней“.

Приходъ другой горничной прервалъ ея мечтанія.

Все еще не вполнѣ ясно сознавая что съ нею дѣлается, Фай прибрала будуаръ своей госпожи и затѣмъ отправилась въ свою комнату.

Долго еще сидѣла она и обдумывала все случившееся съ ней, пока наконецъ благодѣтельный богъ Морфей не сомкнулъ ея глазъ.

„Клянусь, никогда не забуду тебя“, припоминала она слова, сказанныя Луисомъ при прощаніи съ нею.

Взявъ раздушенную бумажку, она написала нѣсколько словъ и спрятала въ столъ, чтобы идти на слѣдующій день. Затѣмъ, усталая Фай бросилась на постель и заснула.

IX.

Луисъ де-Авила лежалъ на роскошной турецкой тахтѣ, въ великолѣпной комнатѣ своего палаццо, окнами въ садъ. Его черные волосы, падавшіе локонами на плечи, красиво обрамляли блѣдное его лицо, рельефно выдѣляясь на бѣломъ монашескомъ одѣяніи. Блуждающій взоръ больного безучастно скользилъ по находившимся въ комнатѣ предметамъ. Ни раз-

Маленькая хозяйка. Ориг. рис. Казановскаго, грав. Шюблеръ.

Типы русскихъ инородцевъ. Татаринъ. Изъ альб. проф. К. Гуна, грав. Шюблеръ.

ставленныя кругомъ драгоцѣнности, ни висѣвшіе по стѣнамъ портреты предковъ, казалось, не останавливали на себѣ вниманіе Луиса. Его влажные, черные глаза поднимались къ потолку. Мысли его оставались тайной для окружающихъ. Выходившіе по временамъ изъ груди больного легкіе стоны и лихорадочный блескъ глазъ доказывали какъ онъ постепенно угасалъ.

— Знаешь, дорогая матушка, обратился онъ къ сидѣвшей возлѣ него почтенной сѣдой старухѣ, которая время отъ времени читала ему вслухъ молитвы,—проси Господа Бога да ниспошлетъ онъ милость мнѣ, бѣдному грѣшнику! И взглядъ его остановился на серебряномъ Распятіи, вокругъ котораго зажжены были восковыя свѣчи.

Герцогиня провела рукой по горячимъ щекамъ больного и проговорила ласково:

— Луисъ, оставь эти праздныя мысли, ты не совершилъ никакихъ грѣховъ. Поправься сначала и мы вмѣстѣ будемъ благодарить Бога!

И она склонилась къ больному, который возразилъ:

— Ты очень добра, матушка. Но это правда: я запятналъ свою бѣлую одежду. Если бы я могъ разсказать какъ я боролся и страдалъ и все-таки не устоялъ отъ соблазна, ты бы поняла отчаяніе, съ которымъ я обращаюсь къ Богу.

— Говори, дитя мое, открой мнѣ свою душу!

— Не смѣю, я связанъ обѣщаніемъ, позволь мнѣ молчать!

— Ну, полно!

— Нѣтъ, не проси! Благодарю тебя, матушка, тысячу разъ благодарю! Знай одно, что Луисъ умираетъ какъ достойный сынъ своего отца, умираетъ такимъ же чистымъ какъ и ты, матушка,—самая благородная изъ всѣхъ женщинъ въ мірѣ!

Мать и сынъ обняли другъ друга и зарыдали. Скоро однако Луисъ откинулся на подушкахъ и, какъ-бы заснувъ, тихо и безъ борьбы перешелъ въ лучшій міръ...

Это было ночью 10-го февраля. Снѣгъ, какъ саванъ, покрывалъ улицы Мадрита.

— Матушка, дорогая матушка—сжалься надо мной! были послѣднія слова умирающаго. . . . .

. . . .

Тѣло Луиса было перенесено и поставлено въ часовнѣ палаццо.

Часа черезъ два послѣ его смерти, въ комнату покойнаго вошелъ братъ Іакимъ и вынулъ осторожно изъ кармана одежды послѣдняго, стараясь не быть замѣченнымъ другими, небольшой золотой ключъ.

— Пойду и исполню послѣднюю волю усопшаго, сказалъ онъ про себя и съ этими словами подошелъ къ письменному столу Луиса.

Открывъ одинъ изъ боковыхъ ящиковъ стола, онъ, среди разнаго рода бездѣлушекъ, отыскалъ крошечную шкатулочку съ инкрустаціей, въ которой находилась засушенная роза, перевязанная красной ленточкой, и бумажка съ надписью: „6 мая 1862 года“.

„Шкатулку эту надо сжечь, кажется такъ говорилъ онъ мнѣ при послѣднемъ свиданіи. Что же это однако означаетъ— „6 мая 1862 года“. Это тотъ несчастный день, когда меня преслѣдовали и ранили каменьями и когда я влѣзъ черезъ окно, чтобы попасть въ домъ Кіангъ-Тинга. И то, что я считалъ невозможнымъ, оказывается правдой—женщина, которую такъ сильно любилъ Луисъ де-Авила, герцогъ д'Истрія, и изъ-за которой онъ сошелъ въ преждевременную могилу, была Фай“

Долго еще однако раздумывалъ Іакимъ, все еще не зная— вѣрить или не вѣрить этому.

Вдругъ онъ увидалъ среди лежащихъ на письменномъ столѣ полученныхъ за послѣдній день на имя покойнаго и не распечатанныхъ писемъ, записку, написанную женскою рукою. Открывъ ее, онъ прочелъ:

„Наконецъ, черезъ 9 мѣсяцевъ тщетныхъ ожиданій, и 9 февраля ужасныхъ терзаній, достигла я исполненія моихъ самыхъ пылкихъ желаній. Чего я только не испытала за это время—трудно разсказать! Только сегодня узнала я случайно, гдѣ ты, и завтра, въ часъ ночи, жду тебя въ саду. Съ страстнымъ нетерпѣніемъ ожидаю я минуты, когда я тебя увижу и обниму. Фай“.

„Ночь эта еще не прошла, подумалъ про себя братъ Іакимъ. И такъ, Луисъ умеръ и не узналъ о пребываніи Фай въ Мадритѣ“.

Онъ спряталъ письмо и взглянулъ на стоявшіе на каминѣ часы.

„Скоро часъ и мнѣ некогда терять время“.

Онъ плотно закутался въ свой монашескій плащъ, надѣлъ на голову капуцинъ и спустился въ садъ.

Между тѣмъ Фай уже давно ждала съ нетерпѣніемъ въ назначенномъ мѣстѣ свиданія. Сердце ея сильно билось. Ежеминутно оглядывалась она кругомъ. Наконецъ на башнѣ сосѣдняго собора пробило часъ и вслѣдъ затѣмъ увидала она какъ съ крыльца замка, выходившаго въ садъ, спустилась какая-то мужская фигура въ монашескомъ платьѣ и стала къ ней приближаться.

Фай, будучи увѣрена, что это ея возлюбленный, сдѣлала нѣсколько шаговъ впередъ и распростерла свои руки, чтобы поскорѣй обнять дорогое существо.

Въ эту минуту монахъ сбросилъ съ головы свой капуцинъ.

— Отецъ Іакимъ! воскликнула въ ужасѣ Фай и отшатнулась въ сторону и руки ея безжизненно опустились.

Второй разъ уже монахъ этотъ становился ей поперегъ пути.

— Я ждалъ тебя, сказалъ онъ ей дружественнымъ тономъ.

Совсѣмъ оторопѣвшая Фай ничего не отвѣчала.

Братъ Іакимъ рѣшилъ ни за что не допускать китаянки къ тѣлу усопшаго собрата.

— Кто открылъ тебѣ дверь сюда? спросилъ онъ.

— Я перелѣзла черезъ стѣну по той самой веревочной лѣстницѣ, по которой вы попали тогда въ нашъ домъ. Лѣстницу эту вы забыли у насъ, когда уѣзжали.

— Господь послалъ меня въ ту минуту для спасенія моего брата.

— И меня привелъ Онъ теперь сюда.

Въ это время они вошли въ домъ.

— Несчастная, заблудшая женщина, не знаешь ты развѣ, что Господь отвергаетъ всякую нечистую, позорную любовь. Ты забыла супружескія обязанности и остановила свои взоры на комъ же?—на служителѣ Бога!

— Не я была тому виною!

— Такъ кто же?

— Виновны тѣ, которые лишали меня моего душевнаго спокойствія. Развѣ я виновата, что Господь внушилъ мнѣ это блаженное чувство любви? Любовь моя чиста и лишена всякаго своекорыстія. Не герцога люблю я, о немъ я ничего не знала,—я люблю Луиса де-Авила, простого монаха, люблю его ради его самого! Я знаю, что онъ любитъ меня—бѣдную китаянку, и ни одинъ смертный не можетъ лишить меня этой любви!

Слыша такія рѣшительныя рѣчи, братъ Іакимъ сталъ еще больше опасаться за послѣдствія.

— Довольно! сказалъ онъ, пойми наконецъ, что ты любила нѣчто недосягаемое; забудь навсегда свою слѣпую страсть. Если ты и видѣла что твое чувство раздѣляется и тебѣ даже удалось бы вырвать клятву любви, знай, что ты стремилась къ человѣку, котораго можно было любить только духовной любовью. Луисъ де-Авила долженъ жить въ строгомъ исполненіи своего монашескаго обѣта и забыть тебя навсегда.

— Онъ! Онъ меня никогда не забудетъ! Душа его правдива и открыта и не знаетъ притворства. Доказательство его вѣрности вотъ эта роза! сказала она, указывая на сотлъ.

— Это однако единственное доказательство предполагаемаго взаимнаго сочувствія, имѣвшаго ужасныя послѣдствія. Прошу тебя, уйди изъ этого дома, я тебя провожу!

— Ни за что!

— Чего же ты желаешь?

— Видѣть Луиса де-Авила.

— Изволь, я покажу его тебѣ. Какое-то горькое чувство слышалось въ этихъ словахъ и на лицѣ монаха появилась печальная улыбка.

— Посмотри, сказалъ онъ, открывая дверь одной изъ залъ, когда они прошли длинный рядъ комнатъ.

Увидѣвъ трупъ Луиса на катафалкѣ и кругомъ зажженныя свѣчи, Фай въ ужасѣ и отчаяніи вскрикнула и упала на мѣстѣ.

— Луисъ умеръ! глухо простонала она и послѣ нѣсколькихъ содроганій также успокоилась, простившись навсегда съ земнымъ существованіемъ. Ударъ, нанесенный ея сердцу, разомъ прекратилъ ея жизнь.

Братъ Іакимъ не могъ придти въ себя отъ ужаса. Никогда не представлялъ онъ себѣ проявленій такой сильной любви. Подойдя наконецъ къ тѣлу бѣдной женщины, онъ покрылъ его своимъ плащемъ и произнесъ молитву о спасеніи души ея и позвонилъ.

— Передайте ея свѣтлости, что я ее здѣсь ожидаю, сказалъ онъ вошедшему лакею.

Черезъ нѣсколько минутъ вдова-герцогиня входила уже, въ сопровожденіи свиты, въ часовню палаццо.

— Крайне сожалѣю, сеньора, но обязанность моя заставитъ меня, не смотря на ваше горе, сдѣлать вамъ сообщеніе, которое можетъ еще сильнѣе огорчить васъ, началъ отецъ Іакимъ.

— Пожалуйста, я слушаю васъ...

— Въ ночь на 6-е мая 1862 года, продолжалъ онъ, одному пожилому человѣку пришлось неожиданно взобраться въ одинъ домъ, чтобы спастись отъ преслѣдовавшей его толпы. Человѣкъ этотъ потревожилъ свиданіе двухъ молодыхъ людей, которые клялись другъ другу во взаимной любви, нарушая этимъ каждый свой священный долгъ. Утромъ пожилой человѣкъ и молодой влюбленный выѣхали изъ этого дома, сгорѣвшаго до тла въ слѣдующую же ночь.

Терзаемый сильными угрызеніями совѣсти, возлюбленный юноша велъ несчастную жизнь. Женщина же начала кидаться во всѣ стороны и между прочимъ обратилась за помощью къ монахамъ доминиканскаго ордена, которые, ничего не зная о ея преступной страсти, взяли несчастную влюбленную подъ свое покровительство. Она старалась во что бы то ни стало открыть мѣстопребываніе своего возлюбленнаго и наконецъ попала въ его домъ. Господь разлучилъ однако сегодня ночью оба эти существа, которыя умерли вполнѣ покаявшись. Я самъ благословилъ ихъ обоихъ.

— Старикъ, который взобрался въ домъ,—былъ я, юноша—это безжизненный трупъ, который лежитъ въ часовнѣ...

— А женщина? спросила съ отчаяніемъ герцогиня.

— Вотъ она! При этихъ словахъ онъ откинулъ плащъ и свѣтъ восковыхъ свѣчей ударилъ прямо въ лицо трупа.—Ее зовутъ Фай, она вдова китайскаго купца.

Увидѣвъ женщину, сдѣлавшуюся причиной смерти ея сына, герцогиня нахмурилась, но вскорѣ лицо ея, при видѣ необыкновенной красоты только что отошедшей въ вѣчность молодой женщины, просвѣтлѣло. Упавъ на колѣни передъ трупомъ, она начала цѣловать похолодѣвшія уже руки мертвой красавицы. Наконецъ, видѣла она предъ собой женщину, такъ горячо и беззавѣтно любившую ея сына, и поцѣлуями своими хотѣла какъ бы отблагодарить ее за это. Трудно было себѣ представить болѣе трогательную и умиротворяющую картину.

Нѣсколько дней спустя, въ Мадритѣ совершилось двое похоронъ: однѣ со всею роскошью, подобающею лицу высокаго происхожденія, другія же отличались бѣдностью и простотой, съ которыми хоронятъ обыкновенно никому неизвѣстныхъ людей. Но все же обѣ печальныя процессіи имѣли какую-то связь между собой.

Около большого фамильнаго склепа герцоговъ д'Истрія высится, образуя рѣзкій контрастъ, простой надгробный камень съ лаконической надписью:

„Фай!"

Стѣна, отдѣляющая богатую могилу отъ бѣдной, образуетъ какъ бы эмблему двухъ разлученныхъ на землѣ жизней. Но они лежатъ все же рядомъ и соединились по смерти, чего не могли достигнуть при жизни...

Къ рисункамъ.

Новый залъ французской школы живописи въ Луврѣ. (Рис. на стр. 120 и 121).

Знаменитый старый парижскій дворецъ Лувръ, построенный въ 1204 г., нынѣ занятъ художественными и научными музеями. Извѣстная Луврская галлерея обладаетъ многими драгоцѣнными произведеніями искусства и нынѣ въ ней прибавилось новое отдѣленіе французской школы живописи. Недавно открытъ здѣсь этотъ новый залъ. Изображенный на рисункѣ, роскошно декорированный залъ этотъ перестроенъ изъ прежняго „Зала Сословій", заканчивавшагося сводомъ наверху и снабженнаго въ длину стѣнъ балюстрадами, которыя теперь сняты. Точно также на мѣсто свода устроено полное освѣщеніе сверху. Стрѣльчатыя боковыя ниши стѣнъ украшены медальонами знаменитыхъ французскихъ художниковъ; на лѣвой сторонѣ видны: Пуссэнъ, Миньяръ, Лебрэнъ, Ватто, Жозефъ Верне, Грезъ; на правой: Клодъ Лоррэнъ, Лесюэръ, Риго, Буше, Фландренъ и др. На боковой стѣнѣ медальоны Ингра и Делакруа, а въ срединѣ—аллегорическое изображеніе новой Франціи, работы недавно умершаго скульптора Гіолля. На другой сторонѣ находится фигура старой Франціи, окруженная портретами Жана Кузена и Франсуа Клуэ. Зала наполнена цѣлымъ рядомъ выдающихся произведеній французскаго искусства. Тутъ встрѣчаются извѣстнѣйшія имена: назовемъ „Апоѳеозъ Гомера" Ингра, „Взятіе Константинополя" и „Избіеніе въ Сціо" Делакруа, „Борьба оленей" Курбе, „Пейзажъ" Коро, „Ликторы приносятъ Бруту трупы его сыновей" Давида, „Рожденіе Генриха IV" Деверіи, „Наводненіе" Шнеца, „Сулютскія женщины" Шеффера, „Вечеръ" Глерсона, „Генералъ Примъ" Генри Реньо и пр. Размѣщеніемъ картинъ занимался смотритель виконтъ де Тоціа, а архитектурныя передѣлки и декоративная часть сдѣланы по проектамъ нынѣшняго архитектора музея, Гильома.

Молитва. (Рис. на стр. 125).

Изображеніе сильныхъ ощущеній, отражающихся на лицѣ человѣческомъ, одна изъ самыхъ главныхъ и трудныхъ задачъ искусства, разрѣшаемая геніемъ художниковъ. Выраженіе страстей любви, мольбы, ярости, ужаса болѣе доступны, чѣмъ спокойныя, глубокія и сосредоточенныя настроенія, какъ молитва, и выразить такое благоговѣйное, глубокое настроеніе вполнѣ удалось автору этой картины, извѣстному художнику Шрадеру.

Маленькая хозяйка. (Рис. на стр. 128).

Водворившись въ кухнѣ и окруживъ себя атрибутами хозяйства и кучею припасовъ, маленькая хозяйка повидимому очень довольна своимъ положеніемъ и занятіемъ и гордится, что ей поручили такую важную часть. Лицо дѣвочки и всѣ аксессуары выработаны художникомъ, г. Казановскимъ, весьма тщательно.

Татаринъ. (Рис. на стр. 129).

Путешествовавшій по Россіи и много ѣздившій по Казанской губерніи, покойный талантливый профессоръ К. Гунъ, въ своемъ превосходномъ альбомѣ оставилъ довольно типовъ татарскихъ, и эскизовъ и акварелей изъ жизни казанскихъ татаръ. Копія одного изъ нихъ, „Татарская деревня", уже была помѣщена недавно въ „Нивѣ". Настоящій рисунокъ очень вѣрно изображаетъ типъ пожилого татарина. Живущіе въ полномъ ладу съ русскими, татары отличаются многими хорошими качествами, они честны, работящи и отличаются трезвостью, хотя послѣднее качество, къ сожалѣнію, начинаетъ уже утрачиваться. Мирные потомки когда-то грозныхъ покорителей Руси теперь довольно многочисленны и очень упорно сохраняютъ свой типъ, не мѣшаясь съ русскимъ народомъ. Теперь они преимущественно заселяютъ Казанскую и Оренбургскую губерніи. Общее же число ихъ у насъ въ Россіи можно считать болѣе 2 милліоновъ. Казанскимъ татарамъ принадлежитъ первенство среди другихъ колѣнъ этого племени, какъ по происхожденію, такъ и по развитію и грамотности.

Любопытство. (Рис. на стр. 132).

Двѣ прехорошенькія кошечки очень удивлены видомъ какого-то звѣрка въ клѣткѣ, весьма юркаго, бѣлаго и, что для нихъ особенно интересно, похожаго по наружному виду на крысу. Кошечки, очевидно, въ первый разъ видятъ морскую свинку, и если бы клѣтка не защищала этого звѣрка, онѣ, конечно, не замедлили бы попробовать сдѣлать себѣ изъ него сытный завтракъ.

Загородная прогулка. (Рис. на стр. 133).

Широкія и красивыя средневѣковыя одежды, такъ благодарныя для живописцевъ, вызываютъ ихъ часто брать темы изъ жизни тѣхъ вѣковъ. Есть художники, спеціально занимающіеся разработкой такихъ историческихъ жанровъ, въ томъ числѣ и талантливый Робертъ Бейшлагъ, изобразившій эту красивую группу—двухъ молодыхъ женщинъ въ живописныхъ костюмахъ, прогуливающихся по лугу за крѣпостными стѣнами стараго города.

Библіотека британскаго музея въ Лондонѣ. (Рис. на стр. 135 и 136).

Почти всѣ общественныя учрежденія Англіи обязаны своимъ возникновеніемъ частнымъ пожертвованіямъ. Такъ частныя лица положили основаніе національной галлереѣ и университету Викторіи; Королевское ученое общество, ранѣе, чѣмъ было признано королевскимъ, существовало въ видѣ клуба; даже великолѣпныя учрежденія: Итонская школа, Коллегія Троицы и Кембриджскій университетъ были основаны на частныя средства Генриха VI и Генриха VIII. Точно также возникъ и знаменитый Британскій музей.

Гансъ Слоонъ, по завѣщанію котораго возникъ музей въ 1753 г., былъ ученый физикъ и натуралистъ. Вскорѣ послѣ выполненія завѣщанія Ганса Слоона, правительство, по ходатайству президента палаты общинъ Артура Онслоу, придало этому учрежденію характеръ государственнаго. Георгъ II присоединилъ къ нему королевскую библіотеку, собранную его предшественниками отъ Генриха VII до Карла II, и содержащую много рѣдкихъ книгъ и рукописей, въ великолѣпныхъ старинныхъ переплетахъ. Спустя нѣсколько лѣтъ, Георгъ III еще болѣе увеличилъ ее, сдѣлавъ хранилищемъ рѣдкихъ сочиненій о междоусобныхъ войнахъ, сочиненій собранныхъ при Карлѣ I и во время республики книгопродавцемъ Томазономъ. Въ 1846 г. къ музею была присоединена, согласно завѣщанію Грэнвиля, его библіотека.

Войдя въ подъѣздъ знаменитой во всемъ мірѣ библіотеки британскаго музея, по правую руку будетъ именно библіотека Грэнвиля, изъ 25,000 томовъ, между коими есть рѣдчайшія и драгоцѣннѣйшія изданія въ мірѣ. Слѣдующій залъ отведенъ для рукописей, значительная часть ихъ въ разное время доставлены публикою, частными лицами. Входя затѣмъ въ залъ королевской библіотеки, изображенный на нашемъ рисункѣ (стр. 136, рис. 2), посѣтитель находится среди великолѣпнѣйшаго собранія. Драгоцѣннѣйшая коллекція памфлетовъ и старинныхъ книгъ, числомъ томовъ доходитъ до 84,000. Въ витринахъ, разставленныхъ вдоль залы, находятся образцы различнаго печатанія, начиная отъ Гуттенберга, до новѣйшей японской печати. Лѣстница направо ведетъ въ античное отдѣленіе, а высокая дверь изъ залы въ старую читальню. Въ ней прежде помѣщалось до 150 человѣкъ, но неудобно. Но комната эта очень красива и извѣстна подъ именемъ комнаты каталоговъ. Здѣсь копіи каталоговъ всѣхъ читальныхъ комнатъ. Въ слѣдующей, музыкальной залѣ, помѣщается коллекція нотъ; галлерея отведена подъ сочиненія о французской революціи. Затѣмъ слѣдуетъ большой залъ, хорошо извѣстный читающимъ, приходящимъ сюда наводить справки по книгамъ, которыя не отпускаются въ читальню въ виду ихъ высокой цѣнности. Затѣмъ слѣдуютъ двѣ дополнительныя залы и рядъ залъ заканчивается замѣчательною по постройкѣ сводчатою залою. Громадное пространство ея раздѣлено сводами, поддерживающими поперечныя галлереи, наполненныя книжными полками. Тутъ можетъ помѣститься такое же количество книгъ, какое находится во всей королевской библіотекѣ. Прекрасная обширная читальная зала изображена на нашемъ рисункѣ стр. 136, рис. 1). Здѣсь сдѣланы въ послѣднее время различныя приспособленія и усовершенствованія для занятій. Важнѣйшимъ изъ этихъ усовершенствованій слѣдуетъ считать введеніе

электрическаго освѣщенія, благодаря которому прибавилось зимою четыре рабочихъ часа. Печатаніе каталоговъ продолжается безостановочно, по мѣрѣ полученія книгъ. Уже нѣсколько лѣтъ готовились къ этому, такъ какъ писанные каталоги книгъ составляли 3000 томовъ, а каталоги картъ и нотъ 1000 томовъ. Ежегодный расходъ на печатаніе каталоговъ составляетъ 30,000 руб.; ежегодно появляется 30 печатныхъ томовъ, въ которыхъ помѣщается 120 томовъ писанныхъ. По разсчету печатаніе каталоговъ окончится въ двадцатомъ столѣтіи. Благодаря печатанію каталоговъ, сберегается столько мѣста, что его будетъ достаточно для 18 милліоновъ названій, при накопленіи книгъ въ теченіе трехъ столѣтій. Напечатанъ также каталогъ картъ и затѣмъ приступятъ къ музыкальному каталогу. Съ самаго основанія библіотеки, при ней было справочное отдѣленіе, состоявшее изъ 20,000 томовъ; въ настоящее время отдѣленіе это увеличено прибавкою болѣе 20,000 новыхъ томовъ. Кромѣ того въ библіотекѣ находится большая коллекція спеціальныхъ библіографій, содержащихъ указанія книгъ въ каждомъ отдѣленіи библіотеки. Напечатанъ также подробный указатель книгъ, поступившихъ за послѣдніе пять лѣтъ въ музей.

Читальное зало составляетъ для публики самую важную и интересную часть музея. Выдача книгъ представляетъ двойную работу: книги привозятся на телѣжкахъ съ одной стороны и ставятся по другую. Эта установка совершается каждое утро; размѣщаются по мѣстамъ книги, вытребованныя наканунѣ для чтенія. Затѣмъ распредѣляются возвращенныя книги и развозятся по отдѣленіямъ. На рисункахъ 3 и 4-мъ (стр. 136 и 137) изображена именно эта работа. Среднимъ числомъ поступаетъ въ день до 500 требованій на книги и почти столько же возвратовъ, поэтому работа по установкѣ книгъ очень велика.

Здѣсь обозрѣли мы только часть библіотеки; читальная зала составляетъ центральную, самую обширную часть ея, вмѣщающую большинство книгъ, пріобрѣтенныхъ съ 1845 года, число которыхъ простирается до милліона. Механизмъ устройства библіотеки станетъ понятенъ, если мы представимъ себѣ читальню кругомъ, помѣщеннымъ въ центрѣ четыреугольнаго двора музея. Остающіеся затѣмъ около 50,000 квадратныхъ футовъ заняты: круговой галлереей, идущей вокругъ читальни, четырьмя корридорами и пятью огромными треугольными отдѣленіями, занимающими углы четыреугольника. Крыша сдѣлана изъ толстаго стекла.

На проценты изъ 50.000 фунтовъ стерлинговъ, завѣщанныхъ музею въ 1823 г. Г. Уайтомъ, въ 1880 г. былъ построенъ на восточной сторонѣ музея флигель Уайта. Въ немъ помѣщены теперь печатное и рисовальное отдѣленія, новая читальная зала и залы для отдѣленія рукописей, залы для выставки шрифтовъ и живописи на стеклѣ, и для коллекціи газетъ, съ комнатою для справокъ. Справочныя и читальныя залы также освѣщены электрическими лампами Свана.

Любопытство. Съ карт. англійск. художн. Кольдери, грав. М. Рашевскій.

А. С. Пушкинъ. (Рис. на стр. 137).

(50-лѣтіе со дня его смерти).

29-е января знаменательный день для Россіи. Въ этотъ день скончался, 50 лѣтъ назадъ, величайшій изъ русскихъ поэтовъ, слава Россіи, поэтъ стоящій въ ряду геніальныхъ писателей всѣхъ странъ и народовъ. Россія лишилась въ немъ своего любимаго національнаго поэта. Жизнь его кончилась именно въ ту эпоху, когда талантъ его вступилъ въ періодъ полной силы и зрѣлости, когда произведенія дивной красоты и достоинства уже вылились изъ-подъ пера его и подавали высокія надежды въ будущемъ. „У кого изъ русскихъ со смертью его не оторвалось что-то родное отъ сердца!" говорилъ В. А. Жуковскій. Слава могучаго царствованія утратила въ немъ своего поэта. Изъ писателей своихъ и чужихъ, русскій человѣкъ не можетъ никого любить такъ, какъ Пушкина. Въ этомъ заслуга его сердечности, заслуга несравненная, самая дорогая, самая лучшая слава нашего поэта. Это тайна его геніальной простоты отношенія къ поэзіи. На первый взглядъ даже языкъ Пушкина ничего особеннаго не представляетъ. Только изучивъ его и вдумавшись, можно оцѣнить его несравненную простоту, свободу и безконечно-гибкую силу. Онъ заставлялъ звучать въ душахъ читателей наилучшія струны, какія въ нихъ только могли отзываться.

Промежутокъ времени между 1815—1830 гг. былъ эпохою счастливою для поэтовъ. Послѣ великой войны, Европа, уставшая отъ битвъ и конгрессовъ, казалось отвернувшись отъ грустной дѣйствительности, съ особымъ вниманіемъ обращалась къ тому, что называютъ міромъ идеальнымъ. Появился Байронъ и сталъ новымъ „властителемъ думъ", какъ называетъ его нашъ поэтъ, и слава его далеко гремѣла за предѣлами отечества.

Въ эту самую пору юноша Пушкинъ довершалъ свое образованіе въ царскосельскомъ лицеѣ, гдѣ занятія литературой были очень развиты. Къ этому надо прибавить еще вліяніе семьи нашего знаменитаго историографа Карамзина, котораго Пуш-

Загородная прогулка. Съ карт. Р. Бейшлага, грав. Кнезингъ.

книгъ тогда посѣщалъ часто. У насъ были уже и свои поэты, такіе какъ В. А. Жуковскій, котораго превосходными произведеніями впервые воспитался геній Пушкина.

То, что сдѣлано нашимъ великимъ поэтомъ, не можетъ быть предметомъ нашей замѣтки по обширности предмета. Нынѣ, въ скорбный день смерти его, совершатся по всей Россіи панихиды и поминовенія въ память поэта, и чествованіе дорогого каждому русскому имени его, станетъ дѣломъ всей страны, дѣломъ всенароднымъ. Въ 29 день сего мѣсяца оканчивается 50-ти-лѣтній срокъ права собственности наслѣдниковъ Пушкина на его сочиненія и они станоятся общимъ достояніемъ. Нѣсколько издателей въ огромномъ количествѣ экземпляровъ распространятъ эти сочиненія по всей Россіи. Доступность по цѣнѣ и изящество нѣкоторыхъ изъ этихъ изданій замѣчательны. На первомъ мѣстѣ по доступности стоитъ изданіе А. С. Суворина въ 10 томахъ, которому назначена поразительно малая цѣна—1 р. 50 к. Затѣмъ идетъ изданіе В. В. Комарова, подъ ред. Ефремова, стоющее всего 3 р. Изящному изданію Литературнаго Фонда назначена цѣна въ 6 р. Кромѣ того прекрасное иллюстрированное изданіе Ф. Павленкова въ 2 р. 50 к. и т. д. Такимъ образомъ теперь каждый можетъ легко пополнить свою библіотеку однимъ изъ новыхъ изданій поэта.

За время своего изданія „Нива“ много обращалась какъ къ произведеніямъ нашего поэта, такъ и къ его жизни, и въ Лит. альбомѣ нашего журнала можно найти массу сценъ нашихъ художниковъ на темы изъ Пушкина. Поименуемъ главнѣйшіе: Прекрасный большой портретъ поэта былъ помѣщенъ въ 1877 г. (№ 18), Портретъ дочери Пушкина 1881 г. (№ 5), Домъ Пушкина въ с. Михайловскомъ 1878 г. (№ 20), Дуэль Пушкина, съ картины Наумова 1885 (№ 5), Домъ гдѣ жилъ Пушкинъ въ с. Михайловскомъ 1878 г. (№ 20), Памятникъ Пушкину 1880 г. (№ 31), Домъ Инзова, гдѣ онъ жилъ 1880 г. (№ 46), Домъ въ Одессѣ, гдѣ онъ жилъ 1880 г. (№ 36). Затѣмъ взяты темы рисунковъ изъ слѣдующихъ произведеній: „Евгеній Онѣгинъ“ (1883), „Русалка“ (1877), „Бѣсы“ (1874), „Братья разбойники“ (1874), „Мѣдный всадникъ“ (1882), „Каменный гость“ (1882), „Русланъ и Людмила“ (1880), „Скупой рыцарь“ (1882), „Бахчисарайскій фонтанъ“ (1882), „Полтава“ (1882), „Борисъ Годуновъ“ (1883), „Утопленникъ“ (1882) и многія другія.

На нашемъ рисункѣ изображенъ видъ Святогорскаго Успенскаго монастыря, Опочецк. уѣзда, Псковск. губ.—мѣсто послѣдняго успокоенія нашего поэта. Возвышенная мѣстность, на которой расположенъ этотъ древній монастырь, весьма живописна и холмиста. Съ Святыхъ горъ, покрытыхъ рощами и пашнями, открывается далекій видъ на холмистый Новоржевскій уѣздъ; хорошъ особенно видъ на село Тригорское, прославленное стихами покойнаго поэта. Поэтъ похороненъ близь церкви, на сторонѣ, гдѣ алтарь главной церкви, возлѣ самой монастырской ограды, мимо которой идетъ почтовая дорога. Памятникъ, изображенный на рисункѣ справа, пирамида бѣлаго мрамора, на которой съ одной стороны вызолоченный крестъ и высѣчена изъ мрамора звѣздочка. Въ маленькой сквозной нишѣ подъ пирамидою стоитъ урна. Желѣзная рѣшетка ограждаетъ памятникъ: отъ нея четыре шага до церкви и столько же до ограды. Надпись на памятникѣ: „Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ. Родился въ Москвѣ 26 мая 1799 г. Скончался въ СПБ. 29 января 1837 г. Надпись на нашемъ рисункѣ, для разборчивости, по малой величинѣ рисунка, сдѣлана крупнѣе. Памятникъ хорошо сохранился, вѣковыя липы осѣняютъ его. Отъ церковной стѣны, прямо противъ памятника, справа и слѣва, сквозь вѣтви липъ, открывается очаровательная панорама горъ, засѣянныхъ хлѣбомъ. Согласно съ желаніемъ безсмертнаго поэта, прахъ его отвезенъ былъ въ Святогорскій монастырь, гдѣ похоронена его мать. Въ пяти верстахъ отъ монастыря лежитъ знаменитое сельцо Пушкина—Михайловское. Въ двухъ верстахъ отъ него село Тригорское. Петербуржцу посѣтить могилу Пушкина не представляетъ особыхъ затрудненій. Выѣзжая вечеромъ по Варшавской жел. дорогѣ, пріѣзжаешь чрезъ 9 часовъ въ Островъ. Отсюда 34 версты, по шоссе, до станціи Новгородка. Съ этой станціи къ монастырю 22 версты.

Политическое обозрѣніе.

24-го января.

Тревожное настроеніе Европы.—Натянутыя отношенія между Франціею и Германіею.—Вооруженіе Австріи; вѣроятное предназначеніе его.—Положеніе болгарскаго вопроса.—Ожидаемыя послѣдствія настоящаго положенія.

Нынѣшнее политическое наше обозрѣніе совпадаетъ съ весьма тревожнымъ настроеніемъ всей Европы. Всеобщія вооруженія, повсемѣстныя бряцанія оружіемъ, взаимныя препирательства правительствъ и весьма осязательныя подготовленія къ близкому и какъ бы неминуемому бою, взволновали общественное настроеніе Европы и отразились повальнымъ пониженіемъ всѣхъ цѣнностей на биржахъ. Политическія отношенія между государствами перепутались и изъ-за ничтожныхъ причинъ стали выглядывать неоконченные счета, вѣчно волнующіе политическій строй Европы и дѣлающіе его крайне неустойчивымъ. Въ настоящую минуту даже трудно сказать, съ какой стороны можетъ раздаться первый пушечный выстрѣлъ—съ востока или съ запада?..

Что привело къ такому положенію?—вотъ вопросъ, на который во всякомъ случаѣ не легко отвѣтить. Французскіе генералы, съ военнымъ министромъ генераломъ Буланже во главѣ, строятъ на восточной границѣ бараки и энергически реорганизируютъ французскую армію по проекту, составленному года три тому назадъ. Германскіе стратеги пришли къ убѣжденію о необходимости увеличить наличный составъ боевой силы имперіи и послѣдовательно добиваются этого отъ рейхстага, а затѣмъ нашли необходимымъ созвать 72,000 резервистовъ, для обученія стрѣльбѣ изъ магазинныхъ ружей. Фактическая сторона дѣла пока этимъ и ограничивается, если не добавлять къ этому поднятаго газетнаго шума о вывозѣ изъ Германіи лѣсного матеріала, о закупкѣ французами лошадей и проч. Между тѣмъ, такіе, повидимому ничтожные факты, появившіеся съ той и другой стороны, дали поводъ почти категорически заявлять о неминуемости франко-германскаго конфликта. Ясно, что возможность подобнаго конфликта лежитъ въ совершенно иныхъ основаніяхъ, чѣмъ тѣ, которыя служатъ нынѣ предметомъ самаго тревожнаго обсужденія со стороны европейской печати. Въ этомъ отношеніи позволимъ себѣ замѣтить, что ближайшими причинами поднятаго опасенія слѣдуетъ прежде всего признать желаніе германскаго правительства тревожнымъ настроеніемъ повліять на текущіе выборы депутатовъ въ новый рейхстагъ, а также стремленія германскихъ дипломатовъ изолировать Францію въ разрѣшеніи европейскихъ политическихъ вопросовъ вообще и въ восточномъ вопросѣ въ частности. Ни Германія, ни Франція не желаютъ войны и вполнѣ понимаютъ всю тягость и разрушительность ея при настоящей организаціи боевыхъ силъ; но Германіи необходимо сохранить свое преобладающее политическое положеніе въ Европѣ, а Франціи еще болѣе необходимо выступить самостоятельно на политической аренѣ въ роли противовѣса германской гегемоніи для водворенія европейскаго равновѣсія. Въ этомъ, на нашъ взглядъ, заключается весь роковой вопросъ настоящей минуты, въ этомъ лежитъ и вся причина текущихъ военныхъ демонстрацій.

Но, съ другой стороны—восточной, идутъ также не менѣе энергическія военныя подготовленія. На-дняхъ, подъ предсѣдательствомъ австрійскаго императора, состоялось совѣщаніе министровъ, на которомъ обсуждались мѣры къ ближайшему созыву ландштурма, и затѣмъ рѣшено обнародовать манифестъ о созывѣ делегаціи, причемъ императорское правительство рѣшило потребовать отъ нихъ ассигнованія въ общей сложности 60 милліоновъ гульденовъ на усиленіе государственной обороны. Кредитъ слишкомъ значительный, мѣра слишкомъ энергическая, чтобы можно было другимъ державамъ хладнокровно смотрѣть на боевыя подготовленія Австро-Венгріи. Правда, государственные люди Вѣны и Пешта, а въ томъ числѣ и Коломанъ Тисса объясняютъ всѣ эти подготовленія не болѣе какъ предупрежденіемъ на всякаго рода случайности, даже стремленіемъ, подобно тому какъ это высказывали боевые генералы въ Берлинѣ, обезопасить имперію и сохранить для нея столь желанный императорскому правительству миръ; но не слѣдуетъ забывать, что всѣ эти подготовленія идутъ съ лихорадочною поспѣшностью и при экстраординарной обстановкѣ. Здѣсь дѣло идетъ не о предупрежденіи, а о томъ, чтобы быть готовымъ вовремя, какъ будто-бы врагъ уже вблизи границъ имперіи. Здѣсь военныя демонстраціи принимаютъ еще болѣе острый характеръ.

Повидимому, или, лучше сказать, съ точки зрѣнія дипломатическихъ канцелярій, дѣла на Востокѣ умиротворяются: въ Константинополѣ послѣдуетъ совѣщаніе аккредитованныхъ тамъ пословъ по поводу улаженія болгарскихъ недоразумѣній, въ Болгаріи регентство заявило склонность приступить къ уступкамъ на требованія, предъявленныя Россіей, Портѣ предоставлены сюзеренныя права для активнаго вліянія на болгарскихъ правителей. Казалось-бы, чего-же лучше? Однако всѣ эти дипломатическія декораціи мало закрываютъ настоящую суть дѣла, такъ какъ отъ совѣщанія пословъ, которое получаетъ значеніе конференціи, ожидать соглашенія довольно трудно, а уступчивость со стороны регентовъ проявилась въ такой формѣ, которая въ отношеніи русскихъ требованій низводится къ нулю. По всему видно, что болгарское дѣло пока сдано на канцелярскую оттяжку европейской дипломатіи съ тѣмъ, чтобы разрѣшеніе его послѣдовало не ранѣе разрѣшенія болѣе крупныхъ событій, предвѣщаемыхъ всеобщимъ вооруженіемъ.

Къ сказанному добавимъ, что въ обнародованномъ письмѣ бывшаго лорда казначейства Англіи Рандольфа Черчилля къ маркизу Салисбюри, молодой лордъ, предупреждая Англію не кидаться въ активную политику континента съ отточенною саблею въ рукахъ, между прочимъ прямо указываетъ на весьма вѣроятную войну въ Европѣ въ текущемъ году; добавимъ, что въ Македоніи подготовляется возстаніе, что въ Италіи озабочены теперь дѣлами на берегахъ Краснаго моря, гдѣ итальянскія войска около Массовы были разбиты туземцами; добавимъ наконецъ, что всѣ даже мелкія государства вооружаются и вооружаются, а потому неудивительно, что, быть можетъ, въ слѣдующемъ политическомъ обозрѣніи придется отмѣтить еще болѣе тревожное настроеніе Европы.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— 19 января, Высочайше повелѣно воспретить выводъ лошадей изъ Россіи, по европейской и закавказской ея границамъ.

— Въ виду частыхъ злоупотребленій справочно-коммиссіонерскихъ конторъ, рѣшено допускать открытіе ихъ не иначе какъ съ залогомъ въ 15,000 руб.

— Обложены акціи желѣзно-дорожныхъ обществъ сборомъ въ пользу казны.

— Сдѣлано распоряженіе, чтобы лица, отправляющіяся за границу и взявшія заграничные паспорты, не оставались въ СПБ. долѣе сроковъ паспортовъ.

— Пересмотръ всего таможеннаго тарифа начатъ въ Мин. Финан.

— Сліяніе общества взаимнаго поземельнаго кредита съ государственнымъ дворянскимъ земельнымъ банкомъ окончательно не состоится.

Военное и морское дѣло.

— Результаты конкурса на составленіе проектовъ броненосцевъ для Чернаго моря выяснились. Преміи достались шт.-кап. Ратнику и кап. Леонтьеву.

Наука и литература.

— Богатая этнографическая коллекція Миклухо-Маклая принесена въ даръ въ музей Имп. Академіи Наукъ. Выражена ему отъ имени академіи признательность за одно изъ самыхъ крупныхъ и замѣчательнѣйшихъ обогащеній, какихъ этнографическое отдѣленіе академ. музея не получало съ тѣхъ поръ, какъ д-ръ Юнкеръ представилъ ему свою коллекцію, привезенную имъ изъ Африки.

— Исполнилось 25 лѣтъ редактированія „Московскихъ Вѣдомостей" М. Н. Катковымъ.

— 17 января археологическій институтъ праздновалъ девятую годовщину своего основанія торжественнымъ собраніемъ, въ которомъ присутствовали, кромѣ членовъ, и посторонніе лица въ большомъ числѣ.

— Скончался въ Ялтѣ 19 янв. стихотворецъ С. Я. Надсонъ.

— Истор. хроника Н. И. Костомарова „Кудеяръ" переведена на датскій языкъ и выйдетъ въ Копенгагенѣ.

— Принцъ прусскій Георгъ написалъ новую драму, подъ заглавіемъ „Конрадинъ", которая идетъ первоначально на домашней сценѣ дворца наслѣднаго принца. Это не первое произведеніе принца; слѣдуя примѣру короля шведскаго, принцъ Георгъ досугъ отъ своихъ занятій посвящаетъ драматической литературѣ.

Живопись и скульптура.

— Одну изъ достопримѣчательностей Императорской публичной библіотеки, статую Вольтера, переводятъ въ Эрмитажъ, а на мѣсто ея дѣлаютъ вкладъ изъ девяти тысячъ томовъ голицынской библіотеки.

— Съ воскресенья, 25 января, въ залахъ Академіи художествъ открылась выставка картинъ профессора И. К. Айвазовскаго, съ 22 новыми произведеніями.

— Въ февралѣ будетъ выставка картинъ и рисунковъ проф. Н. А. Кошелева.

— Выставка въ Академіи художествъ откроется 22 февраля.

Астрономія.

— Новая комета.—Изъ Мельбурна телеграфируютъ отъ 10 (22) января, что хвостъ видимой здѣсь новой кометы первой величины простирается на тридцать градусовъ за предѣлы юго-западнаго горизонта и наблюдался въ ночь на 7 (19) января. Ядро кометы ниже горизонта. Комету можно видѣть невооруженнымъ глазомъ.

Театръ и музыка.

— Въ Москвѣ, въ бенефисъ артистки г-жи Өедотовой, ей будутъ поднесены: купчая на домъ и рояль стоимостью въ пять тысячъ рублей.

— Въ Лондонѣ, на сценѣ итальянской оперы пойдетъ лѣтомъ „Жизнь за Царя". Роль Сабинина будетъ пѣть знаменитый теноръ Гаярръ.

— Скончалась 19 янв. артистка Имп. театр. П. К. Громова.

Техника.

— Въ виду распоряженія о снятіи „часовыхъ карауловъ" отъ денежныхъ кладовыхъ и другихъ кредитныхъ учрежденій, Тифлисск. отд. госуд. банка устраиваетъ электрическую охрану своей кладовой, которая соединится съ полицейскимъ управл. телефонными звонками. Въ Острогожскѣ (Воронеж. губ.) денежная кладовая уѣзднаго казначейства также съ электрической охраной.

— Бельгійское общество по устройству электрическихъ желѣзныхъ дорогъ ходатайствуетъ о разрѣшеніи ему устроить между Варшавой и ея мѣстами загородныхъ гуляній: Мокотовомъ и Виляновымъ, сѣти электрической желѣзной дороги.

Медицина.

— Весною въ военно-медиц. академіи состоится торжественное собраніе конференціи по случаю 40-лѣтняго юбилея профессорской дѣятельности В. Л. Грубера.

— Проф. харьк. унив. Кремянскій изобрѣлъ вдыхательный пульверизаторъ, при лѣченіи дифтерита, крупа и даже чахотки. Было уже нѣсколько поразительно-удачныхъ случаевъ лѣченія чахотки, при помощи новаго средства, и этому изобрѣтенію можно предсказать большое распространеніе.

Археологія и древности.

— Небольшіе курганы въ окрестностяхъ Пскова и Новгорода рѣшено подвергнуть нынѣшнею весною археологическому изслѣдованію; въ нихъ должны храниться вещи великихъ князей Новгорода и Пскова.

Торговля и промышленность.

— Нарва, какъ отпускной портъ по лѣсной торговлѣ, за послѣдніе года, быстро пріобрѣтаетъ значеніе, и вывозимыя изъ этого порта доски уже заняли въ Лондонѣ видное мѣсто, по чистотѣ отдѣлки и по высокимъ качествамъ лѣса.

Судебныя извѣстія.

— Въ минист. юстиціи начато полное переформированіе отношеній слѣдственной части къ прокурорскому надзору.

Спортъ.

— Общество велосипедистовъ устроитъ нѣсколько состязаній любителей, на которыхъ впервые явятся паровые велосипеды. На нихъ безъ труда можно пробѣжать до 20 в. въ часъ.

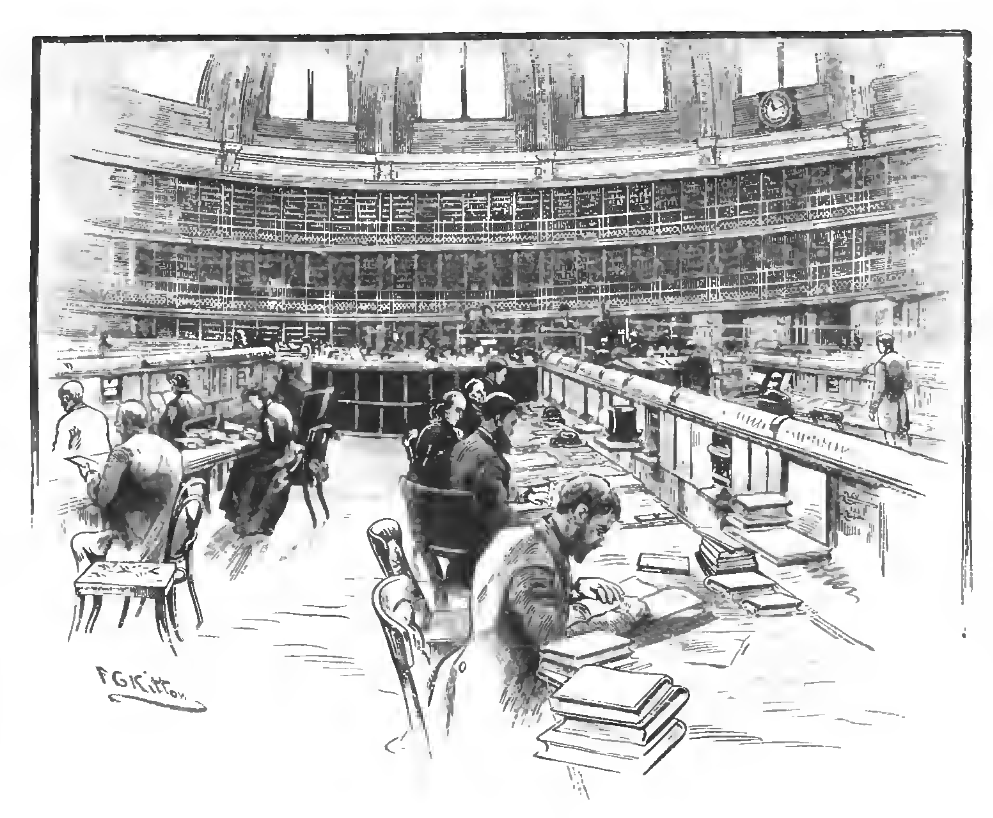
— Къ нынѣшнему лѣту организуется дамскій „спортъ-клубъ". Въ программу его войдутъ: скачки, парусныя и гребныя гонки, ѣзда на велосипедахъ, танцы и даже драматическіе спектакли. Клубъ возникнетъ на Каменномъ островѣ.

Изъ губерній и областей.

— Въ Екатеринославѣ, недалеко отъ города, устраивается цѣлый рядъ сталелитейныхъ, чугуноплавильныхъ и рельсопрокатныхъ заводовъ. Причина возникновенія заводовъ — возрожденіе русскаго черноморскаго флота. Для постройки заводовъ акціонерное общество исходатайствовало дозволеніе выпустить акцій на два милліона рублей.

Городскія извѣстія.

— Весною въ СПб. будетъ приступлено къ разбивкѣ бульвара на Невскомъ проспектѣ, вдоль Гостинаго двора. Бульваръ будетъ названъ бульваромъ императрицы Екатерины II.

Библіотека Британскаго музея въ Лондонѣ. 1) Общій читальный залъ.

Смѣсь.

Въ Каирѣ, въ честь доктора Юнкера устраиваются самыя горячія оваціи. Обѣдъ, данный ему египетскимъ геогр. обществомъ, отличался большимъ блескомъ. Тостъ за Эминъ-пашу, провозглашенный докторомъ Юнкеромъ, вызвалъ восторгъ. Ораторъ началъ араб-

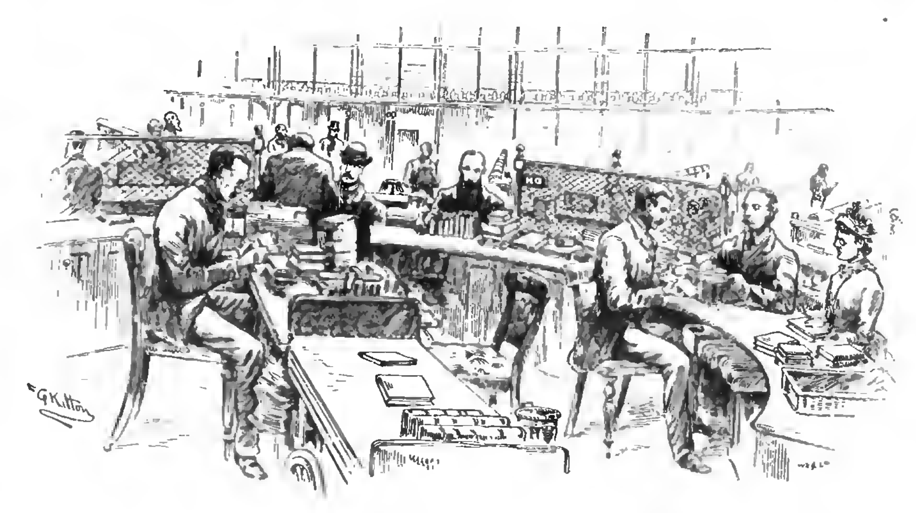
скою пословицею: „Отъѣздъ вѣренъ, но возвращеніе не вѣрно“, а затѣмъ выразилъ надежду, что мужественный Эминъ продержится до прибытія Стэнлея. Хедивъ, которому докторъ Юнкеръ былъ представленъ русскимъ дипломатическимъ агентомъ, обѣщалъ сдѣлать все отъ него зависящее для облегченія успѣха экспедиціи. Сверхъ того, послѣ разговора русскаго путешественника съ сэромъ Эвелиномъ Берингомъ, послѣдній телеграфировалъ въ Лондонъ о томъ, чтобы отъѣздъ экспедиціи былъ ускоренъ. Докторъ Юнкеръ всячески опровергаетъ ошибочное мнѣніе, будто Эминъ-паша желаетъ остаться въ той области, гдѣ находится. Напротивъ, онъ хочетъ выбраться оттуда, но не иначе, какъ съ войсками, состоящими подъ его начальствомъ, и всѣми лицами, поставившими себя подъ его покровительство. Число такихъ лицъ простирается до тысячи, и необходимы перевозочныя средства, для доставленія на берегъ женщинъ и дѣтей. Пароходъ „Manora“ уже прошелъ на прошедшей недѣлѣ по Суэцкому каналу съ предметами экипировки для экспедиціи Стэнлея, и значительное количество боевыхъ снарядовъ послано изъ Египта въ Занзибаръ. (н.)

Русскія рабыни. Въ „Кіевскихъ Университетскихъ Изв.“ напечатана интересная статья о „русскихъ рабахъ и рабствѣ въ Руссильонѣ (Франція) въ XIV и XV вѣкахъ“. Оказывается, что русскіе рабы и въ особенности рабыни были самымъ цѣннымъ товаромъ этого рода въ Руссильонѣ, который служилъ центромъ работорговли. Большое вліяніе на цѣны оказывала покупка рабовъ въ качествѣ домашней прислуги, для надобностей дома. Здѣсь спросъ на рабовъ и главнымъ образомъ на рабынь былъ особенно сильнымъ, и здѣсь-то качества рабыни играли первенствующую роль. Русскія рабыни и въ Руссильонѣ, какъ и во Флоренціи, покупались охотнѣе всего, ихъ искали особенно усердно на рынкѣ и цѣны на нихъ достигали максимума. Покупали, обыкновенно, русскихъ рабынь въ возрастѣ отъ 18 до 30 лѣтъ; чаще всего такихъ, которыя не перешли возраста въ 23—25 лѣтъ. Рѣдко случалось, чтобы покупщикъ пріобрѣталъ рабыню въ видахъ брака. Приходится всего одинъ такой случай, но и онъ представляетъ собою нѣчто весьма оригинальное. Нѣкто Корріонъ изъ Перпиньяна продаетъ Беллоку срокомъ на 3 года, 5 мѣсяцевъ и 26 дней рабыню, „которую вы обѣщали“, сказано въ нотаріальной сдѣлкѣ, „взять себѣ въ жены“. Какъ видно изъ акта, Беллокъ обязуется торжественно и публично вступить въ бракъ съ русскою рабынею Катериной. Рабыню русскую покупали безусловно и она уступалась во временное пользованіе, въ качествѣ кормилицы. Въ нотаріальныхъ актахъ XV вѣка всего чаще и чаще, по мѣрѣ прилива русскихъ рабынь, попадаются выраженія „cum lacte“ и т. п., т. е., что данная рабыня можетъ служить кормилицей. Это было дѣломъ крайне выгоднымъ для рабовладѣльца. Покупая за весьма высокую плату русскую рабыню, рабовладѣлецъ легко выручалъ свои затраты путемъ найма ея на время. Особенно улучшились въ этомъ отношеніи его шансы, когда въ Перпиньянѣ вошло съ половины XV вѣка во всеобщую моду держать русскихъ кормилицъ. При цѣнѣ рабыни даже въ 100 ливровъ, наемная плата за нее, какъ за кормилицу, составляла болѣе 25%. Наши соотечественницы славились своей красотой какъ въ Руссильонѣ, такъ и во Флоренціи. (н.)

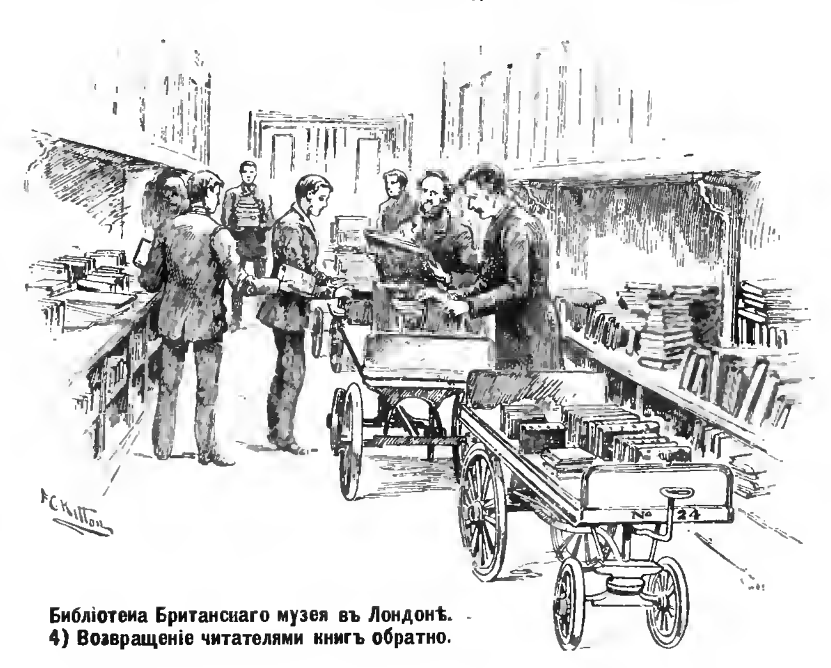
Американскіе врачи. Предсѣдатель медицинскаго общества въ Чикаго, докторъ Дерингъ, въ одномъ изъ засѣданій названнаго общества, представилъ статистическія свѣдѣнія о врачахъ и медицинскихъ учрежденіяхъ какъ въ Сѣверной Америкѣ, такъ и въ другихъ государствахъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ, съ ихъ пятидесятимилліоннымъ населеніемъ, насчитываютъ до 116 медицинскихъ школъ, вдвое

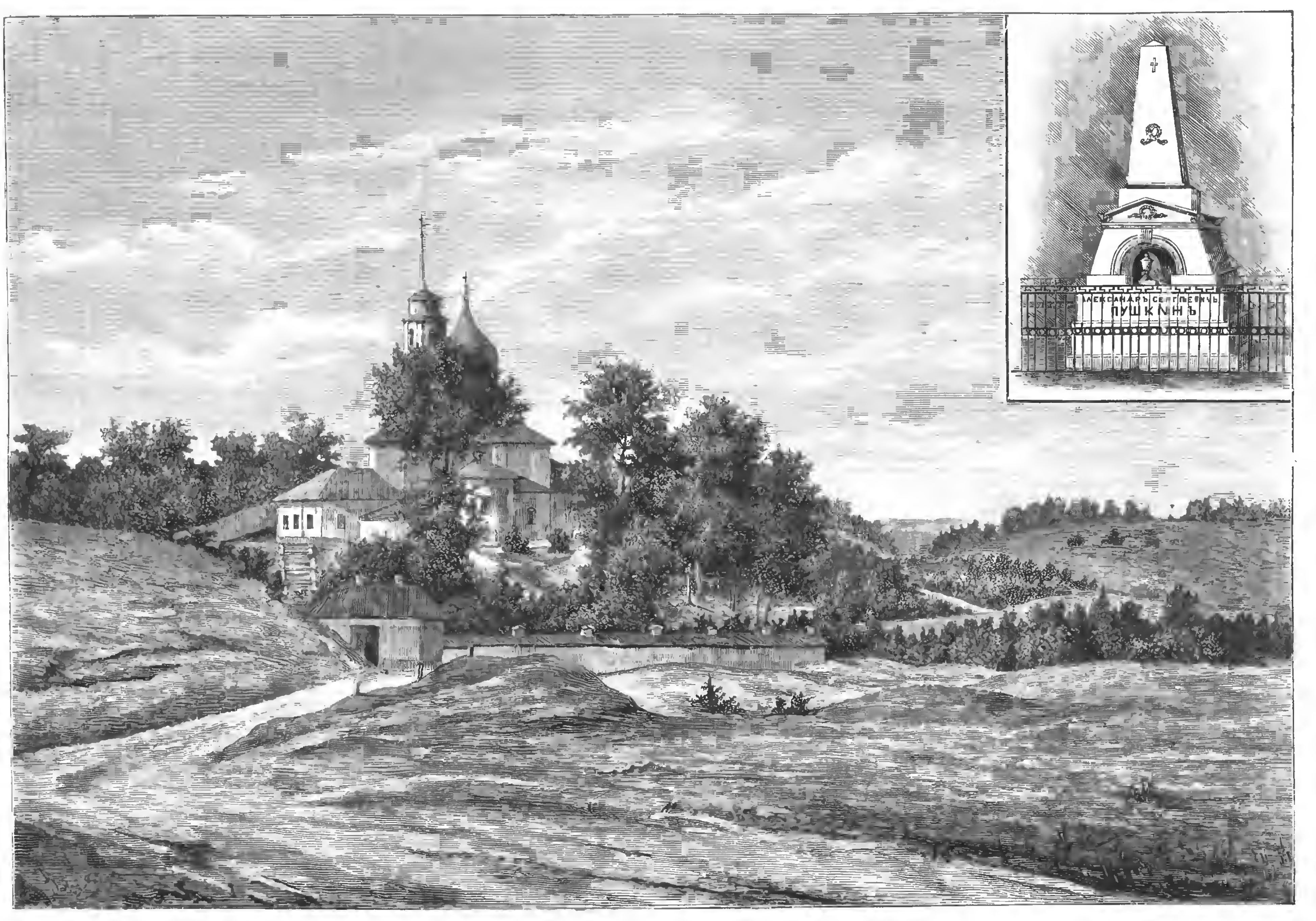
Библіотека Британскаго музея въ Лондонѣ. 2) Залъ королевской библіотеки.

Библіотека Британскаго музея въ Лондонѣ. 3) Сортировка и отправка возвращенныхъ книгъ по отдѣламъ.

Библіотека Британскаго музея въ Лондонѣ. 4) Возвращеніе читателями книгъ обратно.

Памятникъ на могилѣ А. С. Пушкина.

Святогорскій монастырь, гдѣ похороненъ А. С. Пушкинъ (Псковск. губ.). Ориг. рис. Вязьмитинова, грав. М. Рашевскій.

болѣе, чѣмъ въ пяти западно-европейскихъ державахъ и Скандинавіи, съ общимъ населеніемъ въ триста милліоновъ чел. Въ одномъ только Чикаго число практикующихъ, часто плохихъ, врачей превышаетъ почти вдвое число всѣхъ германскихъ медиковъ, и въ томъ же городѣ гораздо болѣе медицинскихъ школъ, чѣмъ во всей Австрійской имперіи. Въ настоящее время въ Чикаго однихъ профессоровъ и лекторовъ по медицинѣ до 150 человѣкъ. Въ Соединенныхъ Штатахъ за 18 марокъ (9 рублей по курсу) можно безъ всякихъ сложныхъ формальностей получить разрѣшеніе посѣщать курсы медицинскихъ школъ, выпускающихъ своихъ слушателей съ правами уже черезъ два семестра. Тогда какъ въ Англіи одинъ врачъ приходится на 1.350 жителей, во Франціи одинъ на 1.400, въ Австріи—на 2.500, въ Германіи—на 3.000, въ Италіи—на 3.500, въ Швеціи—на 7.500, въ Америкѣ одинъ врачъ приходится на 585 человѣкъ. Многіе протестуютъ противъ этого излишка и предлагаютъ прекратить на время пріемы въ медицинскія академіи, дабы избѣгнуть нарожденія „медицинскаго пролетаріата“. (н.)

Туземный египетскій танецъ. Самый любимый и всего болѣе распространенный въ Египтѣ танецъ, называемый „пчела“, какъ и всѣ остальные національные танцы страны—отличается болѣе своеобразностью, чѣмъ красотою. Онъ исполняется только одною танцовщицею, которая взглядами и тѣлодвиженіями выражаетъ боль отъ укушенія ея пчелою. Съ выраженіемъ гнѣва и жажды мести она дѣлаетъ видъ, что гонится за укусившею ее пчелою, причемъ вся ея наружность и мимика лица выражаютъ злобу. Блуждающимъ взоромъ, скрежетомъ зубовъ и всевозможными жестами она старается передать зрителямъ, какія муки ожидаютъ пчелу, если послѣдняя попадется къ ней въ руки. При звукахъ музыки этотъ танецъ принимаетъ все болѣе и болѣе дикій характеръ, и когда весь запасъ мимическаго искусства танцовщицы истощенъ—она падаетъ въ изнеможеніи на землю. (н.)

Японскія газеты. Въ 1871 г. вышелъ въ Іокагамѣ нумеръ первой ежедневной газеты „Майнихи Шимбунъ“. Газета хорошо пошла. Она имѣетъ до 15,000 подписчиковъ. Въ ней работаетъ до семидесяти сотрудниковъ, изъ которыхъ десять входятъ въ составъ редакціи. Въ розничной продажѣ нумеръ стоитъ около четырехъ копѣекъ; форматъ его почти равенъ листу нашихъ газетъ. По воскресеньямъ газета не выходитъ. Изъ числа другихъ японскихъ газетъ, каждая имѣетъ среднимъ числомъ по 15,000 подписчиковъ.

Японское „Время“ издается Фукусавой. Газета уже имѣетъ до 20,000 подписчиковъ. „Время“ особенно интересуется европейскими дѣлами. Здѣсь помѣщаются корреспонденціи изъ Лондона, Парижа, Берлина, С.-Петербурга и другихъ городовъ Европы.

Большая часть перечисленныхъ газетъ выходитъ по утрамъ въ Токіо. Въ Іокагамѣ издается также не мало крупныхъ газетъ и, вообще, каждый японскій городъ имѣетъ, по крайней мѣрѣ, одинъ ежедневный органъ. Кромѣ ежедневныхъ газетъ въ Токіо издаются два ежемѣсячныхъ „толстыхъ“ журнала и около десятка періодическихъ изданій. (н.)

Статистика несчастій на желѣзныхъ дорогахъ въ Англіи. Изъ опубликованнаго въ Лондонѣ оффиціальнаго отчета о несчастныхъ случаяхъ на англійскихъ желѣзныхъ дорогахъ видно, что въ теченіе первыхъ шести мѣсяцевъ 1886 года, на всѣхъ желѣзнодорожныхъ линіяхъ въ Англіи, погибло до 450 человѣкъ; число же лицъ, получившихъ увѣчья простиралось, за тотъ же періодъ времени, до 1.686. Изъ служащихъ на желѣзныхъ дорогахъ убито 202 и ранено 958 человѣкъ. Въ 1885 году число несчастій было гораздо менѣе. (н.)

Около Ніагары произошелъ обвалъ. Вблизи водопадовъ Подковы, на Канадскомъ берегу, съ ужаснымъ шумомъ рухнула въ рѣку скала, покрытая около 223,000 кубическихъ метровъ льда. Оторвавшаяся масса имѣла въ длину 150 (американскихъ) футовъ, 60 футовъ въ ширину и 170 въ вышину. Причиною паденія считаютъ морозъ и тяжесть массы льда, давившей на скалу. (р.)

Рѣшеніе алгебраической задачи № 1.

(помѣщенной въ № 1 „Нивы“).

Пусть первое число равно a; 2-e=b; 3-e= c; 4-e=d; 5-e=t; 6 e=y; 7-e=z.

По соотношеніямъ чиселъ составляемъ уравненія:

$a+b=b^2$ . . . . (1); $t-d=b^2$ . . . . (2); $d+y+z=b^3$ . . . . (3); $d+t=y+z$ . . . . (4); $a-d=(c+d)-y$ . . . . (5)

$$\text{и}\quad \frac{a}{d}=\frac{1-mx}{1+mx}\sqrt{\frac{1+vx}{1-vx}}$$

Опредѣляемъ сначала соотношеніе между четвертымъ и первымъ числами. Вставляя въ данное выраженіе величину x, получимъ:

$$\frac{1-\sqrt{\frac{2m}{v}-1}}{1+\sqrt{\frac{2m}{v}-1}}\sqrt{\frac{1+\frac{v}{m}\sqrt{\frac{2m}{v}-1}}{1-\frac{v}{m}\sqrt{\frac{2m}{v}-1}}}=$$

$$\sqrt{\frac{\left(1+\frac{v}{m}\sqrt{\frac{2m}{v}-1}\right)\left(1-\sqrt{\frac{2m}{v}-1}\right)^2}{\left(1-\frac{v}{m}\sqrt{\frac{2m}{v}-1}\right)\left(1+\sqrt{\frac{2m}{v}-1}\right)^2}}\sqrt{\frac{\frac{2(m-v)^2}{mv}}{\frac{2(m-v)^2}{mv}}}=$$

$$\sqrt{1}=1.$$

И такъ, $\frac{a}{d}=1$, т. е. $a=d$. Изъ уравненій 2, 3 и 4-го найдемъ, что $d=\frac{b^2(b-1)}{3}$, а на основаніи найденнаго выраженія и уравненія (1) получимъ, что $d=\frac{ab}{3}$ или $b=3$; изъ 2-го уравненія $t=15$; изъ 3-го и 4-го $y=10$; $z=11$; изъ 5-го $c=4$; и изъ (1) $a=d=6$. Отсюда составляемъ такую таблицу:

Е	в	г	е	н	і	й
6	3	4	6	15	10	11
a	b	c	d	t	y	z

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—Ѳ. Смирнова, Н. Вольфсонъ; **Астрахань**—П. Ларина; **Бологое**—С. Малининкова; **Бѣлгородъ**—Ѳ. Мазуръ; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Воронежъ**—В. Захарова, И. Маслова; **Винница**—С. Рабиновича; **Гродно**—М. Сырейщикова; **Динабургъ**—Кандаурова; **Калуга**—С. Розенбергъ; **Кіевъ**—К. Главацкаго, Л. Шилохвастова; **Курскъ**—Рязанцева; **Лебединъ**—В. Чурилина; **Медвѣдь**—Доляи; **Одесса**—М. Джурковича, **Переяславъ**—А. Лебедева, **Полтава**—М. Шпманскаго; **Рославль**—Томаль; **Родники**—В. К—ъ; **Тула**—П. Оболенскаго; **Тамбовъ**—В. Сахарова; **Харьковъ**—М. Радина.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

20 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ КОНЬКОВЪ
отъ 2 руб.—15 руб. за пару.
Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.
Оптовымъ покупателямъ самыя выгодныя цѣны. Р. № 2329 (6)
Ж. БЛОКЪ.
СПБ., Б. Морская, 21.
Москва, уг. Б. Луб. и Кузнецкаго моста.

ДЕПО ЧАСОВЪ
В. ФРЕЙМУГЪ, Москва, Мясницкая, 13.
Поствещикъ Высоч. Двора и Придворн. часов. дѣлъ маст.
КАРМАННЫЕ И СТѢННЫЕ ЧАСЫ,
цѣпи, ключи и будильники постоянно въ
М. № 2365 больш. выборѣ. 3—2
Серебрякые мужск. глух. часы на 12, 13, 15, 16 до 60 руб.
Золотые дамск. глухіе часы 27, 30, 35 до 100 руб.
Тоже мужск. глух. часы отъ 45 до 350 р.
Всѣ карманные часы отпускаются съ **ручательствомъ на 2 года.**

---

6 р. СЪ ПЕРЕС. ЖУРНАЛЪ
„СЕЛЬСКІЙ ХОЗЯИНЪ"
на 1887 (второй) годъ,
К. Маслянникова. 52 номера. Практическіе отвѣты на всѣ вопросы. **Много рисукковъ** въ текстѣ **и отдѣлько. Приложены** при №№ 1—14 **сѣмена: новыхъ ржи, овса и сорго для силосовъ. Больш. хромолитогр. породы куръ и гусей, красками. Фельетонъ, Агриколы, передовыя статьи. Будутъ еще сѣмека.** СПБ. Знаменская, 43. № 2372

РОМЪ Съ-ДЖЕМСЪ
привозится прямо съ плантацій С.-Джемсъ (Мартиникъ, Антильск. остр.), въ оригинальныхъ четыреугольныхъ бутылкахъ, въ 1, 3/4, 1/2 и 1/4 литра. Распространенъ по всему міру. Ежегодный вывозъ болѣе 6,000,000 бутыл.
Можно получить у значительныхъ виноторговцевъ. Р. № 2220 12—11

Продолжается подписка на 1887 г.
на **ВѢСТНИКЪ**
ТИРАЖЕЙ
помѣщающій **тиражи** всѣхъ безъ исключенія процентныхъ бумагъ, доходы по всѣмъ цѣнностямъ, отчеты всякихъ банковыхъ, промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій и пр. Пробный нумеръ высылается за одну почтовую
№ 2252 марку. 10—9
На годъ, безъ доставки . . . . **4** р.
съ дост. въ С.-Петербургѣ. . . **5** р.
съ перес. во всѣ г. Имперіи . . **6** р.
Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блокъ, Невскій, 86.

Только подлинно съ этою фабрич. маркою
Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt
„НЕ КАШЛЯЙ".
Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп.** въ Бреславлѣ*). № 2088 36—19

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. **Главный складъ для Россіи въ С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Стремянная, № 4.
Можно получить въ **Москвѣ:** у Карла Ив. Феррейнъ; Роб. Кёлеръ и К°.; Н. Маттейсенъ; Эмиль Керстанъ; А. Брунсъ; Л. Борхардтъ; Штокманъ и Леманъ; Оскаръ Геглингъ; Лютеръ и Гиршфельдъ; В. К. Бесбардисъ, Петръ Р. Эмаяъ и К°; въ **Новочеркаскѣ:** въ аптек. маг. Ф. Фертига и А. Часовникова; въ **Вильнѣ:** въ аптек. маг. П. В. Сегаль; Ц. Хрощицкаго; П. Гружевскаго и Анджейковича; въ **Воронежѣ:** въ аптек. маг. Л. Мюфке; въ **Астрахани:** въ аптек. маг. А. Керна и въ апт. Пвсецкаго; въ **Керчѣ:** въ аптек. маг. К. Гана.

РЕМЕСЛЕННАЯ ГАЗЕТА
годъ 3-й. годъ 3-й.
1000 статей по **всѣмъ** ремесламъ, промысламъ и техническому образованію.
1000 рисунковъ мебели, деревянныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ, золотыхъ издѣлій, драпировокъ, экипажей, мужскихъ и дамскихъ **модъ,** обуви и пр.—Изданіе необходимое во всякомъ семействѣ, въ мастерской и въ школѣ.
Подписная цѣна: на годъ съ дост. и перес. **5** р., на полгода **3** руб. Контора изданія: Москва, Малая Дмитровка, д. Алексѣева. № 2374
Рем. Газ. одобр. Учен. Ком. М. Н. П.

ПАРОВАЯ ФАБРИКА
В. П. ФРАНКЕ,
М. № 2334 **МОСКВА.** 10—2
Контора: Маросейка, д. Кайсарова.
Краски, **Лаки**, **Олифы** — для маляровъ, художниковъ, типо-литографій.
АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ **ТОЛЬ И ЛАКЪ.**

НОВАЯ КНИГА:
КАВАЛЕРИСТЪ-ДѢВИЦА
АЛЕКСАНДРОВЪ-ДУРОВА.
Жизнь и военныя приключенія дѣвицы Дуровой, служившей въ гусарахъ и уланахъ, дѣлавшей кампаніи съ 1807 года по 1815 и вышедшей въ отставку съ чиномъ штабъ-ротмистра. № 2380
СЪ ПОРТРЕТОМЪ.
Цѣна 1 рубль. съ перес. 1 р. 20 к.
Главный складъ при редакціи журнала „Досугъ и Дѣло", у Египетскаго моста, набережная Фонтанки, домъ № 123.
Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ.

29-го января поступятъ въ продажу изданныя **Ф. Павленковымъ,** подъ редакціей **А. Скабичевскаго,**
СОЧИНЕНІЯ А. ПУШКИНА:
1) Полное собраніе всѣхъ сочиненій **въ одномъ томѣ,** съ портретомъ Пушкина, гравированнымъ Б. Матэ, и съ біогр. очеркомъ, составленнымъ А. Скабичевскимъ . . . . . 1 р. 50 к.
2) Тоже однотомное изданіе, но **иллюстрированное** 44 гравюрами. . . 2 р. 50 к.
3) Полное собраніе въ **8 книжкахъ** (съ портретомъ и біографіей) . . . 1 р. 50 к.
Каждая книжка отдѣльно по . . . . . — „ 25 к.
4) Полное собраніе стихотвореній и беллетристическихъ произведеній Пушкина въ прозѣ, съ портретомъ и біографіей (въ одномъ томѣ) . . . . 1 р. 25 к.
5) **Стихотворенія Пушкина.** Полное собраніе съ портр. и біографіей (въ одномъ томѣ) . . . . . 1 р. — к.
6) Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина" (портретъ и 44 иллюстраціи съ подписями, на эстампной бумагѣ). Въ красивой папкѣ . . . . 1 р. 50 к.
Желающіе имѣть „Сочиненія Пушкина" на лучшей глазированной бумагѣ, прибавляютъ къ цѣнамъ изданій № 1 и 2-й по 50 к. За переплеты однотомнаго изданія (кто желаетъ) прибавляется: за покрытый шагреневой бумагой—**40 коп.**; за покрытый франц. каленкоромъ съ золотымъ тисненіемъ—**1 руб.**; за 4 шагреневыхъ переплета 8-томнаго изданія—75 к.
Вотъ планъ 8-томнаго изданія „Сочиненій Пушкина", выпускаемаго Ф. Павленковымъ. Первые четыре тома посвящены стихотвореніямъ, вторые—прозѣ, при слѣдующемъ содержаніи книжекъ:
Томъ I. Поэмы и сказки.—**Томъ II.** Баллады и легенды. Романъ: „Евгеній Онѣгинъ".—**Томъ III.** Повѣсти. Драматич. произведенія. Лирич. стихотворенія (оды, элегіи, сатиры и эпиграммы). **Томъ IV.** Лирич. стихотворенія (антологіи, описанія, идиліи, пѣсни, думы, альбомныя стихотворенія и посланія).—**Томъ V.** Романы и повѣсти.—**Томъ VI.** Романы и повѣсти. Отрывки неоконченныхъ повѣстей. Драматическіе этюды.—**Томъ VII.** Историческіе очерки (Исторія Пугачевскаго бунта и пр.). Автобіографическіе матеріалы и воспоминанія. Путешествіе въ Эрзерумъ.—**Томъ VIII.** Журнальныя статьи. Мелочи. Біографія Пушкина. Алфавитный указатель ко всѣмъ 8 томамъ.
Порядокъ произведеній Пушкина въ однотомномъ изданіи Ф. Павленкова тотъ же, за исключеніемъ біографич. очерка, помѣщеннаго тамъ не въ концѣ, а въ началѣ.
Объ остальныхъ 40 изданіяхъ Ф. Павленкова изъ сочиненій Пушкина будетъ особое объявленіе. № 2378

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, 21.
Реномендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:
Помады высшаго качества и укрѣпительныя воды для волосъ
ХИННАЯ и ТОНИЧЕСКАЯ
приготовленныя съ разрѣш. СПБ. Врачебн. Управленія.
Экстрактъ Вежеталь Віолетъ де-Пармъ по 90 коп. | **Шампуйнь для мытья головы** по 40 коп.
Бриліантинъ Эссъ-Буке по 90 коп.
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:
Въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской улицы, домъ Шредера, № 18—54.
Въ семъ послѣднемъ магазинѣ производится и **оптовая продажа.**
Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.
Кромѣ означенныхъ магазиновъ, всѣ прочіе, имѣющіе вывѣски, сходныя съ вывѣскою С.-Петербургской Химической Лабораторіи, ей не принадлежатъ.
ХИМИЧЕСКАЯ
С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ЛАБОРАТОРІЯ
ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.
При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:
„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
Р. № 2370

22-й ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ
сортамъ плодовыхъ, декоративныхъ и красивоцвѣтущихъ, древесныхъ, кустарныхъ и многолѣтнихъ растеній помологическаго сада **Регеля и Кессельринга,** отправляется безплатно. Съ требованіемъ обращаться къ
д-ру Э. РЕГЕЛЮ,
въ Императорскій С.-Петербургскій Ботаническій садъ.

БАНДАНІОНЫ призн. лучш. муз. инстр. **Гармоніи, аккордіоны** лучш. фабрик. Подробн. прейсъ-курантъ франко. Каталогъ въ 500 муз. композ. для Банданіона. Р. № 2207 5—4
ФАБРИКА ИНСТРУМЕНТОВЪ
братьевъ ВОЛЬФЪ, Висбаденъ.

Поступила въ продажу новая книга:
ЗНАНІЕ ВРЕМЕНИ
Опредѣленіе тѣхъ или другихъ дней в прошедшемъ, настоящемъ и будущемъ, с приложеніемъ „вѣчнаго календаря", отпечатаннаго въ нѣсколько красокъ.
№ 2381 Сост. **В. И. Обреимовъ.** 2—
СПБ. 1886 г. Ц. **40** к., съ пересылк. **55** к
Складъ изданія: **Въ Казани,** книжный магазинъ **А. А. Дубровина** (Гост. дв.).

НОВЫЯ ИЗДАНІЯ:
ДОМА И НА ВОЙНѢ. 2-е иллюстрир. изд. Воспомин. и разсказы **Александра Верещагина.** 600 стр. текста. Цѣна **2 р. 50 к.**
АНЕКДОТЫ и черты изъ жизни гр. Милорадовича, героя отечественной войны, рыцаря безъ страха и упрека. Съ портретом и рисункомъ смерти графа 14-го декабр 1825 года. Цѣна **1 руб.**
ГЕНЕРАЛЪ БОКЛЮ. Біографическій очерк **В. Потто.** съ портретомъ и виньетками. 2-изданіе. Цѣна **1 р. 25 к.**
Книжный складъ **В. А. Березовскаго,** СПБ Колокольная, 14. № 2348 3—

Вышли 4 №№ журнала
„РЕБУСЪ".
Содержаніе: Медіумическія явленія—покойнаго академика **Бутлерова.** Мое свиданіе с Рише—**А. Н. Аксакова.** Раздвоеніе личност въ сомнамбулизмѣ. Медіумическіе сеансы Ясновидѣніе въ бодрственномъ состояніи Самопроизвольныя медіумическія явленія Преворстская ясновидящая. Передача истеріи съ помощью магнита. Медіумическа фотографія. Между двумя мірами. Непосредственное писаніе. Характеристика ясновидящей. Психическая сила. Предсказаніе. Медіумъ цвѣточныхъ явленій.—Беллетристика „Тайна", „Матеріалистъ" (разсказы). Премированный ребусъ.
Журналъ выходитъ по воскресеньямъ. Цѣна: за годъ 5 р., за полгода 3 р., допускается разсрочка. Подписка въ С.-Пбургѣ въ кн. маг. Мартынова (Невскій, 46). Черезъ почту въ редакціи (Ивановская, 2) Можно получить журналъ за всѣ прежні года. Отдѣльный № по 15 к. у Кузьмина в Пассажѣ. Р. № 237

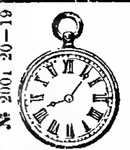
СѢМЕННОЕ ХОЗЯЙСТВО ТОРГОВАГО ДОМА
Э. ИММЕРЪ и СЫНЪ.
ПОСТАВЩИКИ ДВОРА
ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Коммис. Минист. Государств. Имущ.
Сѣмена полевыя, огородныя, цвѣточныя и древесныя превосходнаго качества, испытанной всхожести, собственнаго сѣменнаго хозяйства и лучшихъ заграничныхъ производителей.
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ СѢМЕНАМЪ высылается за 35 коп. марками или деньгами, которыя возвращаются по полученіи заказа на 2 р.
ОГОРОДНЫЯ и ЦВѢТОЧНЫЯ СѢМЕНА отпускаются въ пакетахъ, на которыхъ отпечатаны подробныя правила посѣва и ухода, съ указаніемъ на почву.
Складъ и Контора
въ Москвѣ, по Мясницкой ул., д. Обидиной.
№ 2373 2—1

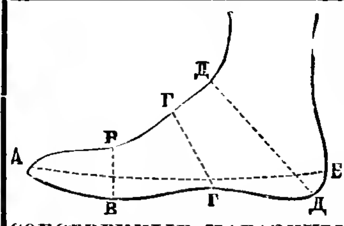
ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

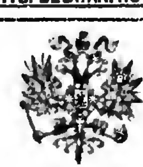

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ статья объ американскихъ обществахъ страхованія жизни.

Дозвол. цензур., СПБ. 28 января 1887 г. — Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. — Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. — № 6 — г. XVIII — 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 7 февраля 1887 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Масляница. Катанье въ чухонскихъ санкахъ. Ориг. рис. баронессы Врангель, грав. Шюблеръ.

Яун-Кундзе *).

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

I.

Былъ май мѣсяцъ, 1722 года.

Въ одномъ шведскомъ приморскомъ городѣ господствовало особенное оживленіе на улицахъ. Повсюду, и въ городѣ, и въ окрестностяхъ его, на нѣсколько верстъ кругомъ, стояли лагеремъ русскіе полки.

Улицы и дома были переполнены военачальниками, офицерами и солдатами. Весь край переживалъ еще смутные дни послѣ упорной борьбы и долго чередовавшихся походовъ и сраженій.

Городъ этотъ, не разъ видавшій въ стѣнахъ своихъ московскихъ ратниковъ, еще со временъ могущества Великаго Новгорода, былъ теперь завоеванъ русскими у шведовъ. Это былъ богатый, цвѣтущій портъ—Рига.

Но теперь оживляло городъ не одно присутствіе наступавшихъ сюда русскихъ полковъ, а, главнымъ образомъ, личное присутствіе самого русскаго Императора, о которомъ гремѣла уже слава во всѣхъ предѣлахъ земныхъ.

Давно-ли въ этой полудикой странѣ — Московіи хозяйничали какъ хотѣли и татары, и нѣмцы, и поляки... Кто только не побѣждалъ этихъ московцевъ! Давно-ли царствовалъ въ Москвѣ скромный и боязливый царь Алексѣй, по прозвищу „тишайшій“, котораго почти и знать не хотѣли другіе повелители другихъ странъ. Нынѣ народился иной царь московскій, который своими дѣяніями и побѣдами какъ-бы завоевалъ себѣ новое званіе—Императора.

Страннымъ и даже смѣшнымъ казалось сначала и курфюрсту, польскому королю, и шведскому, и нѣмецкимъ королямъ слышать, что эта восточная варварская земля хочетъ именоваться Имперіей, на подобіе священной Римской Имперіи. Но затѣмъ, вскорѣ, грохотъ и блескъ оружія этихъ варваровъ поневолѣ заставилъ ближайшихъ и дальнѣйшихъ монарховъ, сознаться, что царь московскій достоинъ именоваться—Императоромъ Всероссійскимъ.

Великій преобразователь, фельдмаршалъ и плотникъ, грозный деспотъ и веселый собесѣдникъ, проводилъ время въ Ригѣ, такъ-же, какъ всегда, занятый съ восхода солнца и до вечера, всякаго рода дѣлами и заботами. Вмѣстѣ съ нимъ сюда же прибыла и его жена, уже считаемая первой русской Императрицей, а между тѣмъ женщина простого и загадочнаго происхожденія, о которой не мало толковали въ Европѣ.

Государь проводилъ весь день внѣ дома, или уѣзжая въ портъ, подолгу оставался на корабляхъ, стоявшихъ въ заливѣ, или бывалъ въ окрестностяхъ, среди своихъ дружинъ. Государыня сидѣла почти безвыѣздно у себя, въ небольшомъ, но красивомъ домикѣ, который предложилъ русскому императору одинъ изъ богатыхъ рижанъ.

Однажды, около полудня, къ этому дому подъѣхалъ верхомъ, въ сопровожденіи двухъ офицеровъ, военачальникъ, губернаторъ Риги, князь Репнинъ и послалъ доложить о себѣ государынѣ.

Принятый ею, князь чрезъ четверть часа уже вышелъ обратно и приказалъ одному изъ сопровождавшихъ его офицеровъ:

— Ступай въ острогъ, спроси тамъ оную персону. Кого, ты знаешь! И захватя съ собой двухъ конвоировъ, веди сюда... Да веди, братецъ, строжайше и крѣпчайше. Ее допустятъ къ государынѣ, а ты стань здѣсь, и когда она выйдетъ, обратно отведи ее въ замокъ. Промахнешься въ чемъ—смотри! Плохо будетъ!

Офицеръ двинулся исполнять приказаніе, а князь Репнинъ, въ сопровожденіи другого офицера, направился въ противоположную сторону, чтобы присоединиться, въ числѣ прочихъ, къ свитѣ самого государя, осматривавшаго предмѣстье города и выбиравшаго мѣсто для постройки цитадели.

Чрезъ часъ послѣ этого, къ резиденціи императорской, двое конвойныхъ солдатъ, съ ружьями на плечахъ, подъ командой офицера, привели изъ замка высокую, худощавую женщину лѣтъ сорока на видъ. Это была простая крестьянка, свѣтло-бѣлокурая, такъ что сѣдина въ головѣ едва отличалась отъ свѣтло-бѣлыхъ волосъ. Худое желтоватое лицо ея обличало изнуреніе, въ немъ ясно сказывалась болѣзненность, вѣроятно послѣдствіе тюремнаго житья. Свѣтло-сѣрые глаза безпокойно блуждали, и было замѣтно и въ лицѣ ея, и во всѣхъ движеніяхъ, что она сильно взволнована и смущена. При малѣйшемъ словѣ конвойныхъ, при встрѣчѣ съ кѣмъ либо и, наконецъ, въ минуту приближенія къ императорской резиденціи, откуда къ нимъ вышли двое гайдуковъ въ кафтанахъ съ позументами, — женщина пугалась. Она боязливо взглядывала исподлобья, даже слегка вздрагивала, какъ-бы въ постоянномъ ожиданіи чего либо для нея погибельнаго.

— Ты не робѣй! Чего робѣешь? раза три сказалъ ей офицеръ, видя ея тревогу.

Женщина не отвѣчала ничего и только разъ мотнула головой и пробурчала какія-то слова, но не по-русски.

Конвой остановился у главнаго крыльца. Гайдуки, вышедшіе навстрѣчу, приняли женщину отъ ея стражи и повели въ горницы. Была минута—и она, испуганно глядя на всѣхъ, остановилась, какъ-бы не рѣшаясь двигаться далѣе, и задрожавъ всѣмъ тѣломъ, собиралась, повидимому, оказать сопротивленіе.

— Не бойсь, не бойсь! Ничего тебѣ не будетъ! ласково и тихо сказалъ ей офицеръ.

Женщина украдкой перекрестилась по-католически и, подавивъ тяжелый вздохъ, перешагнула порогъ дома. Ее ввели въ небольшую горницу, красиво убранную, съ деревянными рѣзными стѣнами и рѣзнымъ потолкомъ. Это была столовая въ стилѣ среднихъ вѣковъ.

Гайдуки тотчасъ прошли далѣе и оставили ее одну. Женщина, дико озираясь, ничего однако не замѣчала. Она была слишкомъ встревожена и, казалось, сознательно взглядывала только на двѣ двери, которыя были передъ ней.

Что думала она и чего ждала?—Богъ вѣсть!

Въ ея головѣ мелькали всякіе ужасы. мерещился ей даже палачъ съ топоромъ, который вотъ сейчасъ выйдетъ изъ дверей и отрубитъ ей голову.

Чрезъ нѣсколько мгновеній появился старикъ, по одеждѣ и оружію—военный, а по длиннымъ, сѣдымъ усамъ его, которые повисли съ лица до самаго воротника кафтана, можно было узнать уроженца Украйны. Это былъ типичный малороссъ, потомокъ удалыхъ запорожцевъ. Сѣрые глаза его, подъ мохнатыми сѣдыми бровями, ярко горѣли и вспыхивали, какъ у двадцатилѣтняго юноши. Онъ кивнулъ головой женщинѣ и, подходя, выговорилъ добродушно:

— Ты вѣдь по-русски ни слова не знаешь?

Женщина молча замотала головой.

— Что-жъ, по-латышски что-ли?

— Могу... вымолвила только женщина.

— Ну, такъ по-польски говоришь? перемѣнилъ онъ языкъ. Твой языкъ польскій?

*) Въ нѣкоторыхъ изъ нашихъ объявленій романъ этотъ обѣщанъ подъ названіемъ *„Сковоронскіе“*.

По-польски женщина отвѣтила тотчасъ и зачастила словами, завѣряя прежде всего „пана ясновельможнаго,“ что она ни въ чемъ неповинна, что она взята въ плѣнъ русскими войсками, разорена и томится въ острогѣ, не зная, что приключилось со всей ея семьей.

— Добже, добже, махнулъ рукой старикъ. Это не мое дѣло. Ты отвѣчай мнѣ на вопросы. Ты Христина?

— Я Христина Енрихова, а по отцу Сковорощанка. Такъ зовутъ люди. А отецъ звался иначе. Звался онъ Самуиломъ Сковоротскимъ. Все это правда, ясновельможный панъ, я не лгу... Но я не виновата. Я просила только облегчить свое заключенiе, просила, хоть ради моихъ дѣтей, помиловать меня и на волю выпустить. Я ничего не прошу другого... А что я говорила въ супликѣ своей, то все правда... Да и она, Марта, сама вспомнитъ, коли захочетъ.

— Марта? вымолвилъ встрепенувшись старикъ.

— Да, Марта.

— Ну, милая моя... Ты хоть и простая крестьянка, а все-таки, видать, женщина не совсѣмъ глупая. Поэтому пойми, что я тебѣ скажу: ты этакъ не называй ея величество ни въ глаза, ни заглазно. Она для тебя, какъ и для всего мiра—государыня Екатерина Алексѣевна.

— Но вѣдь ея имя отъ рожденiя—Марта, отозвалась Христина. Я такъ и называю ее!..

— Вѣрю, знаю... Но пойми, что ты должна называть государыню—государыней, а не Мартой. И въ бесѣдѣ съ нею, хоть и не прямо, а при моей помощи, все-таки имени этого—Марты, не упоминай! Поняла?

— Поняла, ясновельможный панъ.

— Ну вотъ сейчасъ я тебя предъ государыней поставлю и что будетъ она тебя чрезъ меня спрашивать, то ты по сущей правдѣ и говори. Если чего, избави Боже, налжешь, то тебѣ еще хуже будетъ.

— Зачѣмъ мнѣ лгать, я одну сущую правду скажу, что и въ супликѣ говорила.

— Ну, хорошо. Обожди тутъ минуту, да успокойся немного. Чего дрожишь? Ничего худого тебѣ не сдѣлаютъ. Присядь-ко вотъ тутъ, да вздохни. Чувства свои постарайся успокоить. А то въ этомъ видѣ ты ни говорить, ни объясняться не будешь въ состоянiи. Ну, присядь!

Малороссъ ласково положилъ руку на плечо женщины и почти силкомъ усадилъ ее на деревянный стулъ.

Двинувшись въ другiя горницы, старикъ-воинъ едва замѣтно помоталъ головой и пробурчалъ себѣ подъ носъ, на своемъ родномъ хохлацкомъ нарѣчiи:

— Дѣла, дѣла... Вонъ онѣ, какiя дѣла. Какая диковина на свѣтѣ бываетъ!.. А сходствiя совсѣмъ никакого... Это совсѣмъ латышка или голландка, что ли... Совсѣмъ бѣлобрысая. Съ нашей чернобровой царицей ни чуточки сходствiя нѣтъ.

Проходя чрезъ пустую горницу, онъ остановился вдругъ:

„А знаетъ ли государь про то, что оную женщину сюда представили и допустили къ государынѣ. Если онъ не знаетъ, да вдругъ, оборотя домой не въ урочный часъ, найдетъ ее тутъ... Тогда и мнѣ не сдобровать!“

Постоявъ мгновенье, старикъ вздохнулъ и двинулся далѣе, бурча себѣ подъ носъ:

— Что-жъ тутъ раздумывать? Хоть и невиноватъ, а дубинки отвѣдаешь! Да и всѣ отвѣдаютъ ее. Начать съ князя Репнина. А на мiру и дубинка легка, какъ смерть красна!..

II.

Военный, вышедшiй къ Христинѣ и отправившiйся доложить государынѣ о приводѣ женщины изъ замка по ея указу—былъ уже 75-лѣтнiй старикъ, которому можно бы было дать 50 лѣтъ, еслибъ не бѣлые какъ снѣгъ усы и не блестящая, серебряная щетка волосъ на головѣ, коротко остриженныхъ, кромѣ маковки, гдѣ виднѣлся маленькiй чубъ вершка въ два.

Эта гладко выстриженная голова съ чубомъ отличала старика отъ всей свиты царя и царицы. Онъ одинъ былъ всегда безъ парика, какъ въ обыденное время, такъ и въ парадные дни. Это была льгота, дарованная старику-хохлу самимъ царемъ, за особыя услуги, оказанныя предъ Полтавскимъ боемъ. Послѣ этого памятнаго дня старикъ сталъ полковникомъ, приближеннымъ лицомъ, въ особенности государыни, и уже ни на минуту не покидалъ ее.

Когда царь отлучался надолго, въ походъ, то всегда неизмѣнно говорилъ любимцу-хохлу:

— Ну, „гребешокъ“, береги Катрю.

Этимъ именемъ на малороссiйскiй ладъ царь называлъ жену только одному старику-хохлу. Его же собственное прозвище, данное царемъ, произошло отъ его фамилiи. Хохолъ носилъ старинное имя его родной земли: Гребенка.

Полковникъ по чину, никакимъ полкомъ не командовалъ, а былъ нѣчто въ родѣ адъютанта или на порученiяхъ у царицы. Екатерина хотя настолько научилась русскому языку, что уже могла вполнѣ свободно владѣть имъ, но все-таки предпочитала, даже въ бесѣдѣ съ царемъ, свой полуродной языкъ, т. е. нѣмецкiй. Полковникъ Гребенка хорошо говорилъ по-русски, по-польски, по-нѣмецки, по-шведски и даже немного мароковалъ по-латыни, обучавшись когда-то въ юности разнымъ наукамъ въ iезуитскомъ коллегiумѣ въ Галицкой Руси.

Между тѣмъ, женщина, назвавшая себя Христиной, глубоко задумалась, усаженная почти насильно на стулъ добрымъ паномъ. Было отчего ей тревожиться, робѣть и волноваться.

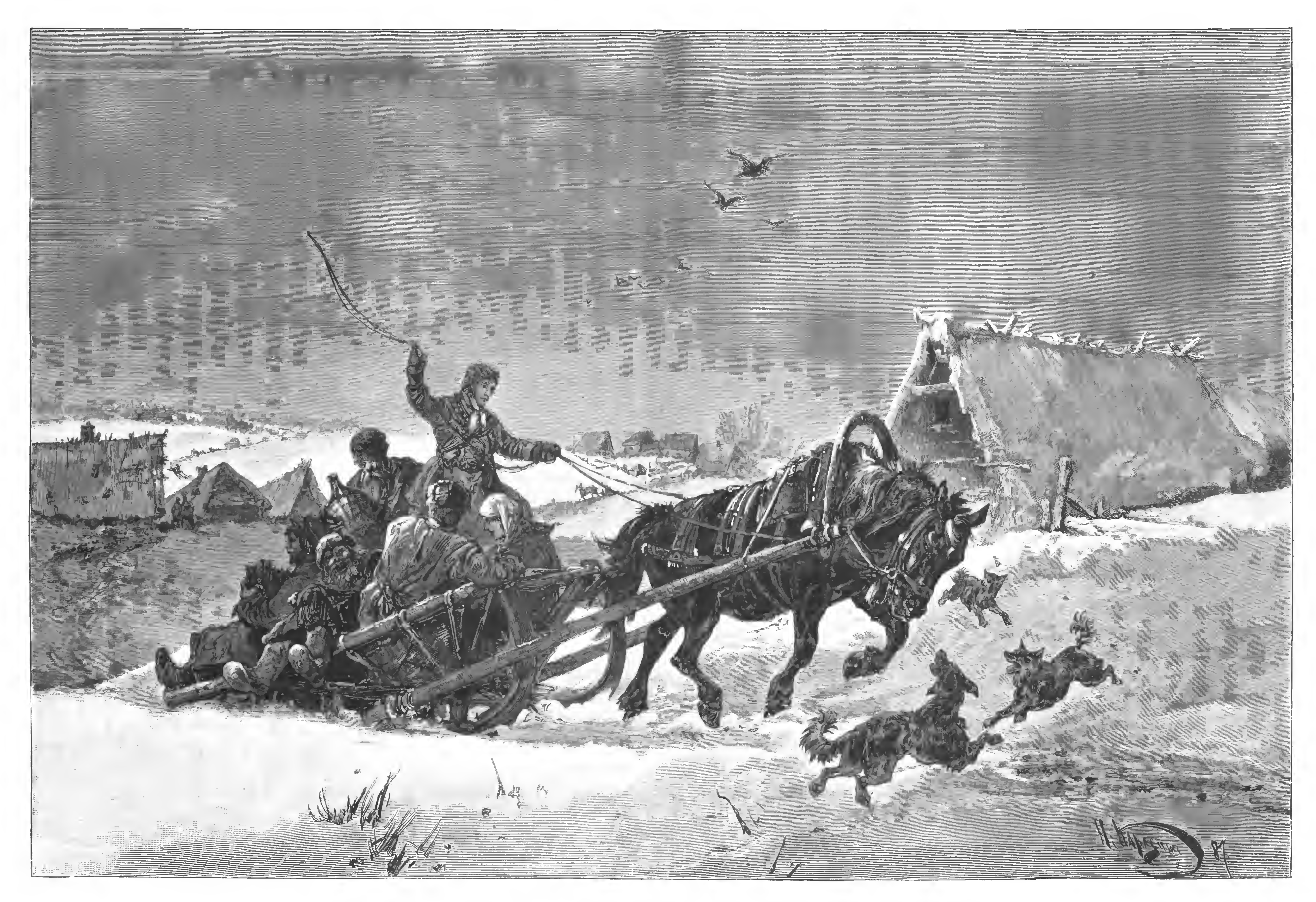
За послѣднiе мѣсяцы она прошла чрезъ всякаго рода мытарства. Внезапно оторванная отъ родного гнѣзда, разлученная съ мужемъ и съ дѣтьми, она уже давно не видалась съ ними и не знала какая судьба постигла ихъ. Она была взята въ плѣнъ русскими войсками, прошедшими грозой чрезъ ея родныя мѣста, и въ числѣ другихъ десятковъ плѣнныхъ, она кой-какъ добралась до Риги, пѣшкомъ, впроголодь. Плѣнныхъ гнали за армiей, какъ стадо барановъ. По пути въ Ригу исподволь изъ десятковъ образовались сотни этихъ военноплѣнныхъ. Зачѣмъ ихъ отрывали отъ очаговъ и родныхъ—было неизвѣстно и непонятно. Многихъ парней и пожилыхъ поселянъ не брали или вскорѣ отпускали. Другихъ, а въ томъ числѣ нѣкоторыхъ женщинъ и дѣтей, гнали вплоть до Риги и здѣсь размѣстили по тюрьмамъ, ямамъ, подваламъ, и даже просто на улицѣ таборомъ, подъ карауломъ. Женщину эту можетъ быть и не погнали бы сюда съ родины, а отпустили бы, но, взятая въ плѣнъ, она тотчасъ, съ перепугу, вздумала облегчить свою участь или даже совсѣмъ освободиться отъ плѣненiя. Она заявила, что желаетъ видѣть самого командира войска русскаго, чтобы сказать ему нѣчто очень важное о себѣ.

Князь Репнинъ допустилъ къ себѣ женщину-поселянку—полу-польку, полу-латышку. И она сказала ему это нѣчто о себѣ...

И, вмѣсто свободы, она, подъ строжайшимъ карауломъ и подъ самымъ бдительнымъ надзоромъ особо приставленнаго къ ней офицера, была доставлена пѣшкомъ въ Ригу, а здѣсь заперта въ самую строгую камеру городского тюремнаго замка. И въ томительномъ одиночномъ заключенiи, ничего не вѣдая о судьбѣ семьи своей, высидѣла она почти два мѣсяца.

Наконецъ, сегодня ее потребовали внезапно сюда, въ этотъ домъ, чтобы поставить предъ лицо самой русской царицы.

Что будетъ послѣ этого свиданiя? Тюрьма опять? Или кнутъ? Казнь? Ссылка за тридевять земель? Все

Широкая масляница. Кому масляница, кому великій постъ. Ориг. рис. для „Нивы“ Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

можетъ быть. Но что будетъ—она окончательно не можетъ предвидѣть... И бѣдныя дѣти осиротѣютъ! Да и живы ли они теперь...

Этотъ командиръ русскихъ войскъ, зная гдѣ семья женщины, могъ уже давно распорядиться и объ нихъ, могъ указать ихъ плѣненье и заточенье или угонъ куда либо.

— Можетъ быть дѣти съ мужемъ давно въ Россіяхъ! сотни разъ въ день вздыхаетъ и бормочетъ это женщина. И ея разуму представляется, что въ этихъ „Россіяхъ“ жизнь дѣтей ея не что иное, какъ рядъ самыхъ страшныхъ мытарствъ, мукъ и истязаній.

— Однако, ты, любезная, будто омертвѣла. Вотъ ушла то въ свои мысли. Очнись! Эй!

Вотъ что услыхала наконецъ женщина надъ собой и, очнувшись, почувствовала на плечѣ руку, которая ее тормошила. Предъ ней стоялъ тотъ же сѣдой панъ.

— Очнися, Христина. Вставай! Иди за мной... говорилъ онъ ей по-польски, ухмыляясь ласково и добродушно.

Женщина почти безсознательно повиновалась. Она встала, двинулась вслѣдъ за паномъ, прошла двери, потомъ богатую, но мрачную темно-красную съ золотомъ горницу, затѣмъ другія двери и вошла наконецъ въ маленькую угольную горницу съ двумя окнами на площадь...

Тутъ было ярко свѣтло, какъ-то радостно, весело...

Въ углу, у открытаго окна, на высокомъ креслѣ, съ золотой скамеечкой подъ ногами, сидѣла моложавая на видъ женщина. Маленькія ножки въ голубыхъ сапожкахъ высунулись изъ-подъ короткой атласной юбки, тоже голубой. Бѣлый шелковистый платокъ окуталъ ее отъ полной шеи и до таліи.

— Ахъ, какая красавица! А какіе сапожки! какое платье!.. невольно ахнула мысленно Христина.

Женщина эта, бѣлая и румяная, съ пухлыми щеками и яркимъ румянцемъ во всю щеку, чернобровая и черноокая, глядѣла на нее широко раскрывъ свои блестящіе глаза подъ черными и тонкими бровями. Она улыбнулась... Лицо ея такъ и засвѣтилось вдругъ, будто всё оно засмѣялось. И губы, и глаза, и вздернутый носикъ, и черныя ниточки-брови—все смѣется въ разъ.

Вошедшая смутилась и стала тяжело дышать, но вдругъ что-то будто толкнуло ее, будто кто-то приказалъ... Можетъ быть это панъ приказалъ ей... Она двинулась еще на шагъ, опустилась на колѣни и бросилась вдругъ въ ноги красавицѣ. Голова ея повалилась около этой самой золотой скамеечки, гдѣ стоятъ рядомъ маленькія ножки въ голубыхъ сапожкахъ.

Это была сама царица. Христина поняла это тотчасъ. Кто же можетъ быть эта красавица, коли не царица. Не только она сама, ея сапожки, золотая скамеечка подъ ногами, но вся горница эта,—воздухъ и свѣтъ въ этой горницѣ—все, какое-то особенное! Отъ всего повѣяло на упавшую въ ноги женщину, тѣмъ-то, чего она никогда еще не видала и никогда не ощущала.

Не сразу пришла крестьянка въ себя и не сразу встала на ноги, хотя панъ-воинъ давно ее поднималъ и что-то говорилъ ей громко по-польски.

Царица протянула ей руку. Она бережно поцѣловала бѣленькую и хорошо пахнущую ручку.

Затѣмъ женщина уставилась дико глазами въ лицо сидящей, глядѣла, все глядѣла, не сморгнувъ, и наконецъ заплакала и стала утирать лицо руками.

Почему она плакала—она сама не сознавала. Но это было хорошее чувство, которое вдругъ въ ней сказалось.

III.

Царица заговорила на полупонятномъ Христинѣ языкѣ, обращаясь къ военному пану. Онъ обернулся къ крестьянкѣ и, заговоривъ снова по-польски, сталъ ей дѣлать вопросы, а затѣмъ, тотчасъ же обращаясь къ царицѣ, очевидно повторялъ ей тоже.

Онъ выспросилъ Христину о мѣстѣ ея жительства, объ ея положеніи, о томъ какъ она попала въ Ригу.

Государыня по-нѣмецки приказала полковнику заставить женщину подробно и толково разсказать все, что она знаетъ объ родныхъ своихъ и судьбѣ всѣхъ членовъ семьи.

— Отца твоего зовутъ Самуиломъ Сковоротскимъ? началъ полковникъ.

— Да. Самойло Сковорóтскій или Сковорощáнекъ. Звали и Скаврóнкомъ.

— Это уже не фамилія, а прозвище... замѣтилъ полковникъ.

Передавъ отвѣтъ Христины государынѣ, Гребенка прибавилъ отъ себя, что Скаврóнекъ значитъ по-польски: жаворонокъ.

Затѣмъ онъ снова началъ свой допросъ. Женщина отвѣчала.

— Отецъ—Самуилъ или Самойло, а мать—Доротэя, по дѣвичеству Ганъ, давно умерли, когда я была еще очень маленькая. Была у насъ въ краѣ какая то особая болѣзнь, отъ которой много народу умерло въ одно лѣто. Говорили, что это болѣзнь турецкая... Здоровый совсѣмъ человѣкъ заболѣвалъ вдругъ и въ два-три дня чернѣлъ весь и умиралъ. Сначала умерла мать. Отецъ очень горевалъ и не давалъ ее хоронить, съ ней, съ мертвой, сидѣлъ. Но тутъ же самъ заболѣлъ и въ день померъ. Такъ что ихъ вмѣстѣ и хоронили.

— Сколько васъ дѣтей осталось?

— Пятеро. Три дѣвочки и два мальчика. Я, какъ старшая, занялась хозяйствомъ.

— Спросите у нея всѣ имена ихъ! выговорила государыня, когда Гребенка передалъ ей слова женщины.

— Я, старшая, Крестиной или Христиной зовусь; братья именемъ: старшій Карлусъ, младшій Дирихъ, а сестра средняя, что замужемъ нынѣ за хлопомъ Якимовичемъ—Анна.

— А третья? Имя третьей? нетерпѣливо и съ легкимъ волненіемъ вымолвила государыня.

— Третья, самая младшая, совсѣмъ малюткой оставшаяся послѣ родителей, звалась... Христина запнулась вдругъ и глаза ея забѣгали испуганно. Она не знала какъ ей быть, какъ поступить.

— Ну, какъ же звали третью дѣвочку? вымолвила государыня, а затѣмъ повторилъ уже два раза и панъ-воинъ.

— Я не знаю... глухо и робко промолвила Христина.

— Какъ не знаешь? воскликнула царица, очевидно взволнованная до-нельзя.

— Ты же сейчасъ мнѣ тамъ въ столовой говорила имя, сказалъ Гребенка, а теперь говоришь не знаю.

— Да вѣдь вы приказывали не называть... вотъ ихъ... забормотала растерянно Христина.

— Отвѣчай прямо на вопросъ, строго произнесъ полковникъ. Какъ звали твою младшую сестру?.. Ну?

— Мартой, чуть слышно вымолвила женщина, но продолжала храбрѣе: Я ее очень любила, когда она осталась сироткой у меня на рукахъ... Но тутъ пріѣхала тетка наша родная, жившая въ Крейцбургѣ... Она была богатая барыня. Она взяла у меня ее и увезла. И съ тѣхъ поръ мы ее не видали никто.

— Какъ звали эту тетку твою? спросилъ полковникъ, повторяя вопросъ государыни.

— Плохо помню. Погодите... Нѣтъ, не могу...

— Василевская? произнесла государыня, обращаясь прямо къ Христинѣ.

— Такъ. Такъ... Нѣтъ вспомнила... Веселовская... Она не долго прожила, лѣтъ не больше—восемь или десять...

— Куда-же дѣвалась дѣвочка, твоя сестра? спросилъ полковникъ.

— Ее взялъ къ себѣ на воспитаніе лютеранскій пасторъ по фамиліи Глюкъ и обратилъ въ свою вѣру.

Государыня при этомъ имени двинулась на своемъ креслѣ, глаза ея глянули пристально на Христину и слезы блеснули на рѣсницахъ.

— Правда. Все правда! выговорила она тихо Гребенкѣ. Нечего болѣе спрашивать...

— Мы часто справлялись объ нашей сестрицѣ, продолжала Христина разсказъ уже сама. И мы все знали что съ ней дѣлается... Такъ узнали мы, что однажды, въ Маріенбургѣ, одинъ солдатъ, именемъ Іоганъ...

— Полковникъ! Довольно. Велите ей замолчать. Больше ничего не надо! вымолвила государыня быстро.

Христина на половину поняла приказаніе и, прежде чѣмъ Гребенка перевелъ ей слова царицы, она замолчала сама и потупилась.

Но чрезъ нѣсколько мгновеній, государыня снова заговорила, обращаясь къ полковнику, а старикъ снова началъ свой допросъ.

— Гдѣ же ты теперь живешь?

— Я жила въ деревнѣ Кегема, у моего пана-шляхтича Вульфеншильда. Мужъ и родился его холопомъ, и когда я за Янко замужъ вышла, то и сама стала крѣпостной пана.

— А другіе твои гдѣ и что дѣлаютъ? Братья и сестры?

— Братъ Карлусъ былъ на большомъ трактѣ Псковскомъ въ постояломъ дворѣ или по нашему въ „ябраукшанѣ“ главнымъ прикащикомъ. Хозяинъ „віасибасъ намсъ“, или трактира, очень его любитъ, довѣряетъ ему, и Карлусъ большое жалованье имѣетъ: двадцать злотыхъ получаетъ и половина ему отъ оброка остается.

— Польскихъ злотыхъ? Въ мѣсяцъ? Или же двадцать русскихъ золотыхъ, т. е. червонцевъ, въ годъ?

— Охъ. Какъ можно! воскликнула Христина. Двадцать злотыхъ въ мѣсяцъ.

— Десять рублей русскихъ, стало быть.

— Мы, ясновельможный панъ, ничего объ Россіяхъ не знаемъ и денегъ москаленыхъ никогда не видимъ. Мы отъ москалей только разоренье терпѣли и терпимъ. Они у насъ наши деньги отнимаютъ, а не свои намъ даютъ...

— Карлусъ и Анна тоже крѣпостные? перебилъ полковникъ наивную болтовню.

— Да. Разныхъ господъ.

— Семейные?

— Карлусъ семейный. А сестра Анна совсѣмъ особо... Въ другихъ краяхъ. Была въ польскихъ Лифляндахъ, а нынѣ и не вѣдаю гдѣ. Ея панна злючая и богатая. Она все Михайлу Якимовичева съ женой и дѣтьми изъ одной экономіи своей въ другую переводитъ и замучиваетъ работой. Аннѣ хуже чѣмъ намъ всѣмъ. Не знаю, жива-ли она нынѣ?

— Какъ зовутъ эту барыню?

— Ростовская... Вдова. По мужу старостиха... Это староство было большое, людное, богатое. Онъ важный былъ панъ. Панна и его уходила, въ гробъ свела.

Полковникъ все подробно передалъ государынѣ.

Екатерина все внимательно выслушала, вздохнула и, потупившись, задумалась глубоко.

Затѣмъ, перемолвившись тихо съ старикомъ и помянувъ раза два имя князя Репнина, государыня встала съ своего кресла, достала ларецъ изъ комода и, вынувъ оттуда кошелекъ съ червонцами, отсчитала двадцать штукъ...

Она подошла къ Христинѣ, ласково но грустно глядя ей въ лицо, и сунула ей горсть червонцевъ въ руки.

Христина, отъ роду не имѣвшая золотыхъ монетъ въ рукахъ и лишь раза три или четыре въ жизни видѣвшая червонецъ издали, обомлѣла, а затѣмъ, судорожно сжавъ монеты въ рукѣ, повалилась въ ноги царицѣ.

— Отпусти меня на свободу! по-польски воскликнула она. Деньги мнѣ не нужны. Мнѣ найти-бы мужа и дѣтей... Дѣтей повидать!

— Успокойся! вымолвилъ старикъ. Это само собой будетъ. Завтра же ты будешь выпущена изъ зàмка на свободу и можешь отправляться домой. Ну, а теперь, встань и слушай. Государыня велитъ тебѣ сказать, чтобы ты сама и всѣ вы, братья и сестры, ждали и надѣялись на перемѣну въ своемъ состояніи. Будете вы освобождены отъ тяжелой работы... Когда—сказать мудрено. Потерпите покуда... Но теперь ты повидай братьевъ и, если можно, повидай и Якимовичевыхъ и всѣмъ крѣпко накажи одно: не болтать о себѣ. Не пускать въ народъ соблазнъ. Никогда объ царицѣ не говорить даже промежъ себя и даже имени ея не поминать. О тѣхъ всѣхъ обстоятельствахъ, кои вы можете знать, ничего никому не сообщать... Марта Сковорощàнка, а тамъ Василевская, была на свѣтѣ, но нынѣ ея нѣтъ. А Государыня Екатерина Алексѣевна обѣщаетъ вамъ, что если вы будете всѣ вести себя тихо, безъ разглашенья о себѣ въ народъ всякаго вранья— то ничего лихого вамъ не будетъ. и въ будущемъ ваше житье устроится лучше. А будете неспокойно себя вести, то приключится вамъ всѣмъ конечно—очень худо. Поняла ты?

Христина поклонилась въ ноги царицѣ, поцѣловала снова ея душистую ручку и, смущенная, красная, въ слезахъ отъ избытка волненія, неуклюже ступая босыми ногами, вышла изъ горницы.

Полковникъ довелъ ее до крыльца. И снова подъ конвоемъ офицера и солдатъ двинулась Христина по улицамъ Риги.

Когда они вышли на большой пустырь, съ котораго открывался свободно видъ на портъ, Христина увидѣла вдали, на самомъ берегу рѣки, высокую насыпь въ родѣ кургана. Вокругъ этого кургана двигалось болѣе сотни рабочихъ съ тачками и лопатами. Тутъ очевидно были недавно начаты земляныя работы.

На самомъ курганѣ стояла кучка лицъ въ кафтанахъ съ позументами, блестѣвшими въ лучахъ солнца.

Среди кучки, но немного выдвинувшись впередъ, стоялъ одинъ человѣкъ, въ темномъ короткомъ кафтанѣ, въ ботфортахъ и въ плоской шляпѣ о трехъ углахъ, надѣтой на бекрень... Онъ поднималъ руку надъ рѣкой, переводилъ ее на городъ и, указывая, что-то разъяснялъ... Во всей осанкѣ этого человѣка и въ движеніяхъ этой руки, смѣтливая Христина тотчасъ же увидѣла или почуяла что-то особенное...

— Кто энто стоитъ? робко спросила она у конвойныхъ, указывая на курганъ.

— А ты какъ думаешь? шепнулъ улыбаясь одинъ изъ солдатъ. Это Госуд...

— Молчать! строго крикнулъ офицеръ.

Христина невольно вздрогнула и обернулась на крикъ. Молодой офицеръ сурово глянулъ на нее и на солдата, а затѣмъ перевелъ глаза на тотъ же курганъ.

И въ этомъ взглядѣ его сказалось тоже что-то особенное... тревожная робость, или восторженное почтеніе, или иное что... Онъ глядѣлъ въ сторону кургана, гдѣ отчетливо рисовалась на синевѣ неба статная фигура, съ мощно и властно поднятой рукой, какъ сталъ бы онъ глядѣть на какое либо знаменіе въ небесахъ, видѣнное имъ не разъ, но все же чудесно таинственное и трепетъ внушающее...

IV.

Дѣвушка простого, темнаго происхожденія, сирота Марта Сковорощанка, или Василевская, или Глюкъ, которую добрые люди, тетка и пасторъ, призрѣваютъ изъ жалости по-очереди, дѣлается вдругъ подругой титана въ исторіи народовъ, а затѣмъ и императрицей!? Какое простое, по вмѣстѣ и странное сочетаніе обстоятельствъ! Простой случай, если скрытый мотивъ его— обыденная прихоть или капризъ царя, нежданно встрѣтившаго и полюбившаго красивую сиротку? Но развѣ онъ мало встрѣчалъ такихъ дѣвушекъ, мало было во-

кругъ него красивыхъ женщинъ, которыхъ онъ могъ бы полюбить и приблизить къ себѣ, а затѣмъ, въ силу простой привычки, и жениться.

Нѣтъ. Геніальный „чудотворецъ-исполинъ" ничего не дѣлалъ зря, по прихоти... Руководя необъятнымъ титаническимъ дѣломъ, кладя въ него всю свою могучую душу, онъ „владѣлъ" всѣмъ и всѣми, а равно „владѣлъ" и собой. Второе много мудренѣе перваго.

Когда-то онъ любилъ искренно дѣвицу Монсъ, но едва лишь оказалось, что она за свои тайныя, неблаговидныя дѣла достойна наказанія, онъ, скрѣпя сердце, но не колеблясь,—передалъ ее въ руки палача.

Выбрать и взять въ жены русскую, родовитую боярышню, какъ дѣлывали его отецъ, дѣды и прадѣды—было не трудно. Онъ еще отцомъ былъ обвѣнчанъ съ боярышней изъ рода Лопухиныхъ, у него была мать изъ рода Нарышкиныхъ, были сводные братья и сестры—по матери своей—Милославскіе.

И что же явилось послѣдствіемъ этихъ трехъ браковъ. Смута государственная, стрѣлецкіе бунты, междоусобица даже на самыхъ улицахъ Москвы и среди Кремлевскихъ соборовъ. Пороги Святыхъ храмовъ Божіихъ, ступени заповѣднаго Краснаго крыльца, наперть усыпальницы царей—даже амвонъ чтимой народомъ обители иноковъ—все обагрилось кровью отъ братоубійственной борьбы за власть!.. Чью? Родичей царевыхъ, а не самого царя... Все это видѣлъ своими проницательными глазами отрока, а затѣмъ понялъ сердцемъ и оцѣнилъ разумомъ мужа, Тотъ, которому предопредѣлено было стяжать себѣ наименованіе „Великаго" еще отъ современниковъ, не только потомства. Онъ казнилъ люто бунтарей-стрѣльцовъ, на устрашенье крамолы. Онъ постригъ и заточилъ въ дальній монастырь жену изъ рода Лопухиныхъ, и вся ея родня, напуганная пыткой и судомъ Преображенскаго Приказа—притихла. Онъ постригъ и заточилъ въ другой монастырь смѣлую и властолюбивую сестру, боровшуюся съ нимъ за корону и за престолъ, при пособничествѣ цѣлой стаи родичей Милославскихъ... И этотъ буйный лагерь главарей всѣхъ стрѣлецкихъ мятежей—тоже смирился.

Его родня по матери частію погибла въ борьбѣ, частію была при немъ, но, уже боясь играть огнемъ, не увлекалась погоней за властью и за первенствующимъ значеньемъ около особы царственнаго родича.

Неужели же можно ему опять искать жену въ средѣ родовитыхъ и властолюбивыхъ боярскихъ семействъ? Такъ было до сихъ поръ, но больше никогда такъ не будетъ! За московскихъ царей выходили замужъ русскія боярышни, но съ императорами всероссійскими онѣ уже вѣнчаться не будутъ!..

И вотъ царь-императоръ даже и не помышляетъ объ второй женитьбѣ. Работа кипитъ кругомъ отъ зари до зари, повседневно и повсемѣстно. Работникъ Петръ Михайловъ, то фейерверкеръ или рулевой, то плотникъ или землекопъ, то законодатель, то веселый собесѣдникъ, но и грозный исправитель пороковъ своихъ помощниковъ—не находитъ и мгновенія свободнаго, чтобы подумать объ новой царицѣ, о подругѣ жизни, объ женѣ, объ помощницѣ... съ которой бы, въ краткія минуты отдыха, отводить свою душу въ дружеской исповѣди всѣхъ думъ и надеждъ, предпріятій и начинаній..

Но вѣдь она уже есть! Она давно около него. Онъ подстерегъ нежданно въ себѣ уже окрѣпшее чувство! Съ какихъ поръ внѣдрилось оно и овладѣло имъ—Богъ вѣсть!

Она круглая сирота и обожаетъ его. У нихъ уже двое дѣтей. Но она не коротаетъ въ сонливой праздности день-деньской у окна терема. Она всюду съ нимъ, не разставаясь ни на мигъ: и товарищемъ въ бурю на утлой шлюпкѣ, и подругой въ лагерной палаткѣ, подъ огнемъ непріятеля, и хозяйкой за столомъ въ веселой пирушкѣ, гдѣ изъ шутокъ-прибаутокъ хозяина и друзей нерѣдко родятся новые великіе подвиги. Она—его тѣнь... Сирота, красавица, умница, со смѣлой душой и нѣжнымъ сердцемъ, участвующая во всѣхъ его дѣяніяхъ, и даже мечтахъ о будущихъ дѣлахъ—послана судьбой... Она и не знала терема, ея разумъ не омраченъ суевѣрными сказаніями и обученіемъ мамушекъ и сѣнныхъ дѣвушекъ. Она все понимаетъ, что онъ хочетъ и къ чему стремится своей мощной душой. Она любитъ все, что онъ любитъ... Такъ, какъ же онъ этой сиротѣ не отдастъ всего себя?!..

(До слѣд. №).

Четыре темперамента.

Повѣсть **Захеръ-Мазоха.**

Почтовая станція въ восточной Галиціи, маленькій городъ съ грязными улицами и страннымъ смѣшеніемъ запаха—цвѣтовъ, сала и чесноку. Предъ почтовой станціей два грязно-желтыхъ экипажа, только что прибывшіе, двое почтальоновъ, ругающійся почтмейстеръ, пара евреевъ въ однѣхъ сорочкахъ и съ пейсами, нѣсколько еврeекъ въ парикахъ и двѣ кричащихъ толпы: воробьи на заборѣ и маленькіе, курчавые, грязные жиденята вокругъ почтовыхъ экипажей.

Вотъ появляются четыре помѣщичьихъ повозки. На козлахъ одной сидитъ кракусъ (крестьянинъ-полякъ), въ синемъ сюртукѣ съ краснымъ воротникомъ, въ красной шапкѣ, украшенной павлиньими перьями, и щелкаетъ бичемъ. Въ окнѣ почтоваго экипажа появляются четыре личика дѣвушекъ, молодыя и прелестныя.

Это четыре подруги, окончившія въ столичномъ институтѣ свое образованіе и теперь возвращающіяся къ родителямъ. Онѣ нѣжно простились другъ съ другомъ и долго и оживленно говорили на прощанье.

Уже экипажи трогались, когда младшая изъ подругъ, повидимому самая рѣшительная, Валеска, привстала и крикнула остальнымъ:

— Завтра, послѣ обѣда, у Собѣславы, не забудьте!

Три маленькія головки кивнули въ знакъ согласія и экипажи направились въ разныя стороны.

На слѣдующій день Собѣслава готовилась къ пріему своихъ гостей. Усадьба ея отца, г. Дубланскаго, на Королевской улицѣ; но господскій домъ главнымъ фасадомъ выходилъ въ садъ, и тутъ, въ маленькой бесѣдкѣ, Собѣслава сама сервировала столъ. Она начала укладывать печенье, когда послышались быстрые шаги, подъ которыми бѣлый песокъ дорожки, казалось, жалобно скрипѣлъ и стоналъ, шаги, изобличавшіе деспотическія ножки. Это была Валеска, пришедшая пѣшкомъ, такъ какъ ея родители жили по сосѣдству. Увидѣвъ подругу въ передникѣ, она засмѣялась:

— Сейчасъ видно хорошую хозяйку и домосѣдку, пошутила она.

— Я сама дѣлала это печенье, отвѣтила Собѣслава, я горжусь этимъ.

Вскорѣ прибыли двѣ другія подруги, всѣ усѣлись въ бесѣдкѣ, пили кофе и болтали.

— Знаете, мы какъ апостолы въ пустынѣ, заговорила Валеска Романкапъ.—Что мы будемъ дѣлать среди этихъ мужиковъ, которые моются только по воскресеньямъ, среди этихъ старыхъ дядей и тетокъ; единственное занятіе ихъ—карты!

— Тутъ есть и молодые люди, замѣтила Зоя Папроцкая, поводя кругомъ своими живыми черными глазками.

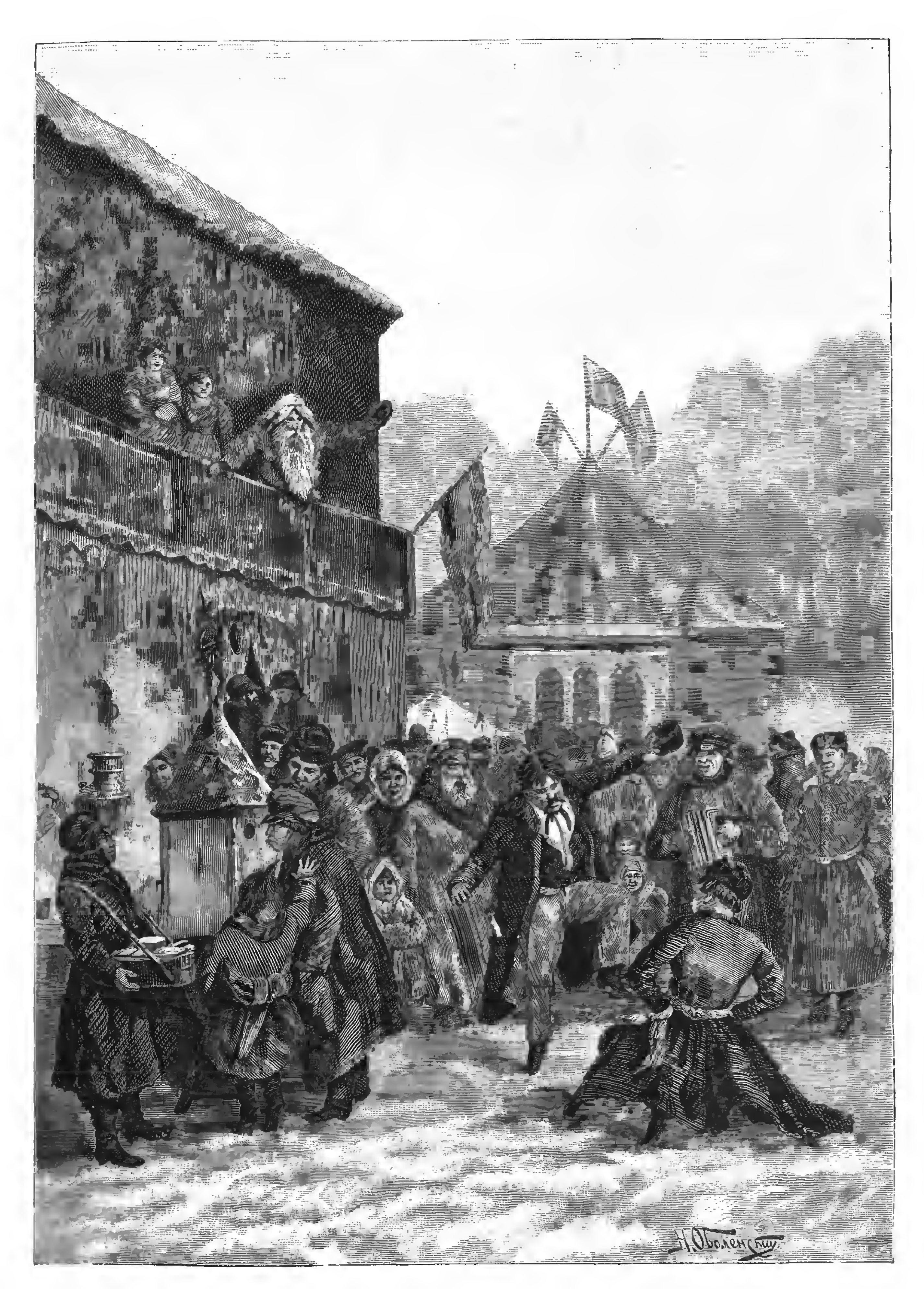
— Эскимосы! воскликнула Валеска.

— Съ этимъ приходится примириться, сказала Исидора Ласповичъ, поднимая большіе, голубые задумчивые глаза, если насъ никто не понимаетъ. Здѣсь отстали на сто лѣтъ. Что волнуетъ современныхъ женщинъ, здѣсь не имѣютъ ни малѣйшаго понятія! Но зачѣмъ они намъ? Чего намъ ждать отъ нихъ? Здѣсь именно настоящая почва для моихъ стремленій: тутъ нѣтъ врача. Я буду ходить за больными, подавать имъ совѣты, бывать въ школѣ...

— Возиться съ такими босоногими, нечесанными дѣтьми? прервала ее Валеска презрительно.

— Да, съ ними, продолжала Исидора. Ея нѣжное, доброе личико покраснѣло и оживилось. Мы должны привязать къ себѣ народъ; это *нашъ* народъ, а ты такъ презрительно о немъ говоришь, Валеска; если онъ бѣденъ и невѣжественъ, это вина нашихъ предковъ и это намъ нужно исправить.

— Прекрасно, сказала Валеска, закуривая папиросу, но что это за кругъ дѣятельности! Намъ приходится или покоряться, или повелѣвать. Если мы не хотимъ удовольствоваться вязаніемъ

Широкая масляница. На балаганахъ. Ориг. рис. Н Оболенскаго, грав. Ю Барановскiй.

чулковъ, разсматриваніемъ модныхъ журналовъ, и если хотимъ служить человѣчеству,—достигнуть этого можно только подчинивъ себѣ мужчинъ. Я чувствую въ себѣ силы наложить на каждаго изъ нихъ ярмо; но стоитъ ли труда править деревней съ глиняными хижинами, крытыми соломой? Свободный духъ, желѣзная воля—со всѣмъ этимъ можно вліять на судьбы цѣлаго народа, править цѣлымъ государствомъ!!

Она встала, и видя какъ гордо поднята ея прелестная головка, можно было повѣрить, что она дѣйствительно способна на то, о чемъ говоритъ. Валеска же вовсе не походила на повелительницу; она была небольшого роста, худенькая и граціозная; но физіономистъ, взглянувъ въ ея глаза, цвѣта морской воды, сразу бы увидѣлъ, что она обладаетъ громадной силой духа и воли. Сколько характерности около тонкаго орлинаго носика, вокругъ своевольнаго ротика, въ золотисто-красныхъ косахъ, и въ каждомъ ея движеніи! Да, она была создана повелѣвать, царствовать и ей можно было въ этомъ повѣрить на слово!

— Я не хочу быть ни рабою, ни тираномъ, отвѣтила Зоя, я хочу быть свободной, а свободу даетъ только искусство.

— Можетъ быть, замѣтила Исидора, но искусство, съ одной стороны, слишкомъ фантастично, и со другой—слишкомъ барское занятіе; я люблю видѣть вещи ясно и работать серьезно.

Она встала, откинула мягкіе, каштановые волосы съ бѣлаго лба и обняла маленькую Зою, которая своею полнотою, свѣжимъ, слегка загорѣвшимъ личикомъ и вздернутымъ носикомъ напоминала типъ субретки.

— Ты, вѣроятно, поступишь на сцену? сказала она грустно улыбаясь.

— Никогда, какъ можешь ты думать это, душечка! вскричала Зоя съ комическимъ негодованіемъ; если я говорю объ искусствѣ, то о какомъ нибудь высшемъ, благороднѣйшемъ, какъ музыка, живопись, скульптура, поэзія. Именно женщина, болѣе нѣжно, изящно созданная чѣмъ мужчина, должна быть жрицей музъ.

— А ты, Собѣслава? спросила вдругъ Валеска,—о чемъ думаешь ты? Ты не сказала еще ни слова.

Собѣслава покойно сидѣла въ креслахъ, сложивъ красивыя руки на колѣняхъ. Ея прекрасное, свѣжее личико, обрамленное густыми, свѣтлыми волосами, весело улыбалось.

— Что мнѣ говорить? начала она мягкимъ, мелодическимъ голосомъ,—вы все разобрали себѣ; я просто счастлива своимъ спокойствіемъ.

Всѣ громко расхохотались.

— Но, дорогая моя, сказала Зоя, цѣлуя ее, можно ли быть такой апатичной?

— Я не апатична.

— Ну, такъ флегматична.

— Можетъ быть; но мнѣ такъ хорошо.

— Неужели тебя ничто не занимаетъ? спросила Исидора.

— Ты же знаешь, что меня все занимаетъ.

— Ну, не очень.

— Неужели нужно приходить въ восторгъ отъ всякой книги, отъ всякой картины, чтобы понимать ее? отвѣтила Собѣслава. Я полагаю: спокойно думая, соображаешь лучше и яснѣе.

— Да, сказала Валеска, но тебѣ недостаетъ силы дѣятельности. Расшевелись немного, ѣзди верхомъ, плавай, фехтуй!

— Терпѣніе часто приносило больше пользы, чѣмъ энергія, отвѣтила Собѣслава, и кто жертвуетъ собою, тотъ, быть можетъ, выше того, кто стремится лишь къ достиженію высшаго.

— Не будемъ ссориться, замѣтила Зоя, не должно забывать, мы окружены врагами и должны крѣпко сплотиться.

— Конечно, сказала Исидора.

— Надѣюсь, что среди насъ нѣтъ предательницъ, сказала Валеска и зеленые глазки ея засверкали гнѣвомъ при одной этой мысли.

— Говорятъ, что дѣвичья дружба легко превращается въ ненависть, замѣтила Собѣслава, какъ только появится мужчина.

— Мы докажемъ, что это клевета, сказала Исидора.

— Что такое мужчина? вскричала Валеска, вздергивая презрительно губки. Орудіе, скамейка, на которую я ставлю ногу.

— Прошло время, когда мужчины тиранили насъ и ссорили, подтвердила прелестная Зоя. И она отбросила за спину свои длинныя, черныя косы и показала бѣлые зубки.

— И такъ, вѣрность до гроба! сказала торжественно Исидора.

— Гдѣ мечъ? спросила Зоя съ театральнымъ жестомъ. Клятва должна быть произнесена на мечѣ, какъ въ „Гугенотахъ“ или „Гамлетѣ“.

Собѣслава улыбнулась и встала.

— Куда ты? Что съ тобою? Она идетъ за мечемъ! раздавались голоса.

— Я иду за кухонной ложкой, отвѣтила спокойно красавица-блондинка,—вотъ нашъ мечъ!

* * *

Въ окрестности всѣ сильно хотѣли познакомиться съ молодыми дѣвушками; общее любопытство было еще больше возбуждено ихъ поведеніемъ. Казалось удивительнымъ, что такая молодая дѣвушка, какъ Валеска, ѣздила верхомъ одна, смѣло перескакивала рвы и заборы и ходила съ ружьемъ по лѣсу; казалось страннымъ видѣть Зою рисующею подъ зонтикомъ, среди деревни или въ полѣ; неслыханнымъ, чтобы дворянка ходила въ сельскую школу и, подобно Исидорѣ, учила крестьянскихъ дѣтей, и совершенно непонятнымъ и невѣроятнымъ, что Собѣслава, тотчасъ по возвращеніи, приняла въ домѣ на себя все хозяйство.

Четырехъ подругъ закидывали приглашеніями и устраивали въ честь ихъ всякія сельскія празднества. Самымъ великолѣпнымъ былъ праздникъ жатвы въ имѣніи графа Мицевскаго.

Гости собрались въ замкѣ Стоба, пили кофе и угощались фруктами, мороженымъ и конфектами въ прекрасной столовой, украшенной картинами знаменитыхъ художниковъ и старымъ оружіемъ—выходящей окнами въ садъ. Прекрасная Валеска сразу покорила сердце молодого графа Мицевскаго, но съ нимъ она обращалась однако очень холодно.

Когда звуки музыки возвѣстили приближеніе жатвеннаго шествія, все общество вышло на террасу. Уже толпа входила въ садъ и жнецы виднѣлись издали. Впереди шли сельскіе музыканты, украшенные лентами, и играли „коломійку“. За ними мальчики, окутанные соломой, изображая собою живые снопы; далѣе мужчины съ косами и цѣпами; дѣвушки танцовали какъ вакханки, потрясая въ тактъ серпами; женщины несли грабли, украшенныя пестрыми лентами и бѣлыми платками. Позади шли двѣ красивыя дѣвушки, которыя вели на цѣпяхъ двухъ обшитыхъ въ медвѣжьи кожи шутниковъ и подгоняли ихъ нагайками; затѣмъ слѣдовала на маленькой колесницѣ, запряженной четырьмя лошадьми и украшенной колосьями, цвѣтами и зеленью, королева жатвы, красивѣйшая дѣвушка деревни, одѣтая по праздничному. Свиту ея составляли маленькія дѣвочки, которыя несли громадный вѣнокъ, снопы, плоды, цвѣты и елки, увѣшанныя лентами и позолоченными яблоками и орѣхами, и вели бѣлыхъ барашковъ.

Вотъ появился тяжелый возъ, запряженный четырьмя венгерскими волами съ выгнутыми, въ видѣ лиры, рогами. Заключали процессію судьи и присяжные и празднично одѣтые крестьяне и крестьянки. При звукахъ музыки и пѣніи графъ привѣтствовалъ прибывшихъ, столпившихся у террасы, затѣмъ все стихло. Старикъ судья выступилъ впередъ, поздравилъ графа и осушилъ стаканъ за здоровье его и всего графскаго дома.

— Многая лѣта! Многая лѣта! раздались сотни голосовъ; затѣмъ королева жатвы сложила у ногъ графини свой вѣнокъ, между тѣмъ люди графа выкатывали уже большую бочку, а музыка заиграла танецъ.

Старый судья прошелся съ графинею, а графъ съ королевою жатвы, затѣмъ, при радостныхъ крикахъ, началось собственно празднество.

Въ то время какъ Исидора смѣшалась съ толпою и танцовала съ красивыми парнями „Коломійку“, Зоя набрасывала въ свой альбомъ эту оригинальную сцену, Валеска курила и болтала съ графомъ, Собѣслава сидѣла на террасѣ и смотрѣла на пеструю веселящуюся толпу. Вскорѣ подруги подошли къ ней.

— Не люблю я этихъ народныхъ увеселеній, замѣтила Валеска, одинъ уже запахъ отъ этихъ людей мнѣ противенъ.

— Но въ общемъ это своеобразное и живописное зрѣлище, отвѣтила Зоя.

— И какъ лихо танцуютъ парни, сказала Исидора, улыбаясь и обмахивая раскраснѣвшееся личико платкомъ.

— Мнѣ кажется, сказалъ старый весельчакъ, полковникъ Непалевскій, что вы потѣшаетесь надъ всѣми нами. Вы изучаете насъ, какъ Сальваторъ Роза въ пустынѣ, и втайнѣ смѣетесь надъ нами.

— Вы человѣкъ свѣтскій, отвѣтила Валеска, и съ вами мы можемъ говорить откровенно. Дѣйствительно, мы находимъ все здѣшнее общество чрезвычайно скучнымъ, особенно мужчинъ. Молодые люди такъ пусты, безъ всякаго темперамента, а старые точно окаменѣли.

— Вамъ слѣдовало бы познакомиться съ Коломіевскимъ, сказалъ полковникъ, это человѣкъ въ вашемъ вкусѣ.

— Коломіевскій? Я объ немъ слышала! вскричала Зоя; это чудакъ, не такъ ли?

— Человѣкъ новой школы, сказалъ молодой графъ, онъ самъ управляетъ своимъ имѣніемъ мастерски и кромѣ того онъ и докторъ, и адвокатъ, и учитель, и философъ, все что хотите; онъ лечитъ крестьянъ, ведетъ ихъ дѣла и учитъ ихъ дѣтей.

— Это замѣчательный человѣкъ, замѣтила Исидора. Почему его нѣтъ здѣсь?

— Онъ избѣгаетъ нашего общества, отвѣтилъ графъ.

— Это говоритъ въ пользу его характера и вкуса, сказала Валеска насмѣшливо.

— Этотъ Коломіевскій, однако, занимаетъ меня, вскричала Зоя.

— Я также охотно бы съ нимъ познакомилась, прибавила Валеска.

— Какъ прекрасно было бы работать и дѣйствовать съ нимъ вмѣстѣ, сказала Исидора.— Какъ ты думаешь, Собѣслава?

— Я не люблю людей, которые уединяются и идутъ одни своею дорогою, отвѣтила бѣлокурая красавица,—это обыкновенно эгоисты.

— Но ты слышала, онъ любитъ народъ и работаетъ на его пользу, прервала ее Исидора.

— Для этого вовсе нѣтъ нужды дичиться и бѣгать общества.

— И такъ, опять ты одна не хочешь съ нимъ знакомиться.

— Напротивъ, это по крайней мѣрѣ человѣкъ, который знаетъ чего хочетъ, отвѣтила Собѣслава.

— Обѣщаю вамъ, сказалъ полковникъ, что вы увидите у меня Коломіевскаго. Онъ навѣщаетъ меня и кажется расположенъ ко мнѣ.

— Прелестно! вскричала Зоя, хлопая въ ладоши,—я бы васъ расцѣловала, полковникъ.

— Ничего не имѣю противъ этого, отвѣтилъ веселый воинъ.

* * *

Два дня спустя слуга полковника пришелъ съ приглашеніемъ, а на слѣдующій день всѣ четыре подруги, одинаково заинтересованныя дикаремъ, ѣхали въ имѣніе Пенялевскаго. Тутъ они нашли избранное общество, прекрасное угощеніе и въ первый разъ вполнѣ непринужденный по ихъ вкусу разговоръ,—но не того, кого желали видѣть.

Коломіевскій извинялся: у него былъ въ деревнѣ больной тифомъ и онъ не могъ придти.

Дѣвушкамъ было очень досадно.

— Какъ этотъ господинъ избѣгаетъ общества! Тутъ есть что-то преувеличенное, замѣтила Зоя.

— Держу пари, онъ дуренъ собою какъ смертный грѣхъ! сказала Валеска.

— Можетъ быть онъ и интересенъ, но не умѣетъ держать себя въ дамскомъ обществѣ, замѣтила Исидора.

— Стоитъ ломать себѣ голову, сказала Собѣслава; видно не суждено намъ увидѣть это чудо свѣта; что до меня, я съумѣю утѣшиться.

Первымъ послѣдствіемъ отсутствія Коломіевскаго было то, что Валеска дружественнѣе прежняго посматривала на графа, не отходившаго отъ нея, и вторымъ то, что четыре подруги сѣли на обратномъ пути въ одинъ экипажъ и всѣ ополчились противъ пустынника.

— Я не прощу этому дикарю его поведенія, начала Валеска.

— Ты права, подтвердила Зоя, мы должны отомстить.

— Но какъ? Мы вовсе его не увидимъ! спросила Собѣслава.

— Дѣти, ваши руки! сказала Валеска, обѣщаемся дружно дѣйствовать сообща противъ Коломіевскаго.

Всѣ обѣщались.

— Каждая изъ насъ во что бы ни стало постарается съ нимъ познакомиться, продолжала Валеска.

— И затѣмъ пустить въ ходъ всѣ подкопы, завладѣть имъ, вмѣшалась Зоя. Мы молоды, красивы, каждая въ своемъ родѣ, одна изъ насъ должна ему понравиться.

— Конечно, сказала Исидора, обѣщаемъ всѣ посмѣяться надъ нимъ.

— Да! да! вскричала Зоя.

— Ты менѣе всѣхъ способна на это, сказала Собѣслава. Его нужно наказать, и по моему, это предоставимъ Валескѣ; она можетъ быть жестокой.

Валеска гордо улыбнулась.—Конечно, да.

— И такъ, клянитесь! сказала Зоя.

— Я не клянусь, отвѣтила Собѣслава. Нечего и говорить, я меньше всѣхъ буду стараться покорить его; но кто знаетъ, не влюблюсь ли я сама. Не нужно никогда играть напрасно ни съ чужимъ, ни со своимъ сердцемъ.

— Тутъ нѣтъ и рѣчи о сердцахъ, отвѣтила презрительно Валеска. Кто нынче любитъ? Это устарѣло. Ему вскружатъ немного голову и дадутъ отставку. Voilà tout!

Въ эту минуту экипажъ въ темнотѣ въѣхалъ въ ровъ и перевернулся. Валеска, героически выпрыгнувшая, ушибла колѣно; Зоя закричала, поднялась и стерла себѣ руку. Исидора отчаянно схватилась за сидѣніе кучера и ушибла голову. Только Собѣслава оставалась спокойной, поднялась невредимая съ земли и подала помощь подругамъ.

— Вотъ вы снова оплошали, сказала она тономъ матери. Къ чему пригодилась тутъ ваша живость, ваша горячая кровь? я больше довольна своей флегмой.

* * *

На слѣдующее утро живая Зоя составила планъ. Она одѣлась крестьянкой и пѣшкомъ направилась въ Мостки, имѣніе Коломіевскаго. Она въ первый разъ уходила такъ далеко изъ дому и притомъ одна. Ужс это было цѣлымъ событіемъ. Какъ весело идти по узкой тропинкѣ, между полей. Вотъ лугъ съ пасущимися лошадьми, вотъ берегъ ручья, поросшій тростникомъ. Вдали виднѣются хижины, башня, журавли колодцевъ, а на горизонтѣ цѣпи горъ. Крестьяне, встрѣчавшіе ее, удивленно на нее смотрѣли; нѣкоторые улыбались, останавливались, но не осмѣливались заговорить. Каждый привѣтствовалъ ее только словами: „Слава Іисусу Христу!“ и она радостно отвѣчала: „Во вѣки, аминь!“

Да, Зоя была прехорошенькою крестьянкой. Красные сафьяновые сапожки красиво облегали ея маленькія ножки, вся ея фигурка казалась очень изящной въ пестрой юбкѣ, голубомъ спенсерѣ и бѣлой пышной рубашкѣ; какъ прелестно выглядѣла ея головка со вздернутымъ носикомъ и красными губками, надъ овчиннымъ пестро-расшитымъ тулупчикомъ, на который падали ея тяжелыя косы, украшенныя красными лентами.

Когда она вошла въ Мосткахъ въ комнату, гдѣ Коломіевскій принималъ обыкновенно крестьянъ, дикарь этотъ также посмотрѣлъ на нее съ удивленіемъ.

Въ комнатѣ было нѣсколько человѣкъ, пришедшихъ раньше ея, поэтому она сѣла на скамью и на досугѣ стала разсматривать Коломіевскаго, сидящаго за столомъ, покрытымъ книгами и бумагами.

Красивымъ его назвать нельзя было, но сразу замѣчалось выраженіе необыкновенной доброты и энергіи.

— Вотъ наконецъ хоть человѣкъ, подумала Зоя, и въ душѣ похвалила Собѣславу, не давшую неразумной клятвы.

Послѣдній изъ крестьянъ ушелъ и Коломіевскій вопросительно обратился къ ней. Зоя поднялась и немного смущенно подошла къ столу.

— Что вамъ угодно? спросилъ дикарь вѣжливо, но не поднимаясь.

— Я пришла къ вамъ за совѣтомъ, г. Коломіевскій.

Тотъ снова посмотрѣлъ на нее удивленно.

— По какому дѣлу? спросилъ онъ.

— Я хочу выбрать занятіе, на которое родители мои никогда не согласятся, занятіе, къ которому я стремлюсь всѣмъ существомъ, сказала Зоя. Могутъ ли родители мои помѣшать мнѣ въ этомъ?

Коломіевскій посмотрѣлъ на нее и засмѣялся; затѣмъ онъ всталъ и принесъ ей стулъ.—Садитесь, прежде всего.

— Благодарю васъ.

— А теперь къ дѣлу. Коломіевскій взялъ книгу, раскрылъ ее и, показывая подходящій параграфъ закона, сказалъ:

— Вы хотите поступить на сцену?

— О, нѣтъ.

— Нѣтъ, вы объ этомъ думаете. И такъ, пока вы не совершеннолѣтняя,—а вамъ не болѣе шестнадцати лѣтъ—родители могутъ запретить вамъ это. Приходится вооружиться терпѣніемъ до совершеннолѣтія, а до тѣхъ поръ вы выйдете замужъ и будете думать иначе.

— Вы такого мнѣнія...

— И если вы позволите мнѣ дать вамъ совѣтъ...

— Прошу васъ.

— Въ такомъ случаѣ: не играйте комедій въ жизни.

Зоя покраснѣла до корня волосъ и пораженная опустилась на стулъ.

— Вы сердитесь? спросилъ онъ ласково.

— Нѣтъ—напротивъ.

— Кромѣ того, не ходите однѣ, продолжалъ Коломіевскій, особенно въ такомъ кокетливомъ нарядѣ; вы для этого и слишкомъ молоды, и слишкомъ красивы. Крестьянъ вамъ нечего бояться, но вы можете встрѣтить какого нибудь мастерового или бродягу и натолкнуться на непріятную исторію.

— Благодарю васъ, сказала Зоя и подала ему руку. Въ тоже время у нея явилась шаловливая мысль. Дикарь долженъ быть наказанъ.

Коломіевскій честно пожалъ ей руку, но плутовка закричала.

— Что съ вами?

— Мнѣ больно; я вчера упала изъ экипажа и ссадила руку.

— Приложите арники.

— Но у меня нѣтъ ея дома.

Коломіевскій всталъ, направился къ шкапу и вынулъ оттуда пузырекъ.

— Вотъ; вы знаете, какъ ее нужно употреблять.

— Будьте добры, покажите! При этомъ она отодвинула рукавъ кафтана и шитой рубашки и показала прелестнѣйшую руку. Но маленькая комедіантка ошиблась и на этотъ разъ. Коломіевскій снова направился къ шкапу, вынулъ оттуда полотняную тряпку, смѣшалъ арнику съ водою, наложилъ компрессъ и осторожно надвинулъ рукавъ,—и все это съ равнодушіемъ стараго доктора, точно предъ нимъ была не черноглазая юная красавица, а сморщенная старушка.

— Прикажете еще что нибудь?

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Тогда позвольте мнѣ проводить васъ, сказалъ Коломіевскій; вамъ, повторяю, не слѣдуетъ ходить одной.

— Очень вамъ обязана, проговорила Зоя въ смущеніи, но я живу такъ далеко!

— Въ Сѣдлиско?

— Да.

— И такъ, я имѣю удовольствіе видѣть госпожу Панроцкую?

Зоя кивнула головкой. Она не находилась. Дикарь взялъ шапку и палку, позвалъ собаку, и они вышли.

* * *

Между тѣмъ Исидора также растянула первыя петли своей сѣти.

Въ ея деревнѣ, Малиновкѣ, одна крестьянка страдала перемежающейся лихорадкою. И хотя припадки были сильные, но Исидора въ другое время полечила бы ее. Теперь однако она нашла нужнымъ пригласить Коломіевскаго.

Былъ посланъ крестьянскій мальчикъ, вернувшійся съ отвѣтомъ, что господинъ пріидетъ около вечера. Когда Коломіевскій пришелъ, было совершенно темно; больная лежала на скамьѣ, покрытая овчиной, въ комнатѣ, которая освѣщалась только красноватымъ пламенемъ очага. Онъ видѣлъ, что тутъ находится еще кто-то, но могъ только различить, что это была женщина. Не обращая однако на нее вниманія, онъ посмотрѣлъ у больной пульсъ, спросилъ о признакахъ болѣзни и

Широкая масляница. Набѣгъ блиновъ. Ориг. рис. для „Нивы“ Н. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскій.

далъ ей самъ первый порошокъ хины. Посовѣтовавъ больной воздержаться отъ пищи, онъ открылъ окно и снялъ съ нея овчину.

— Вы задохнетесь, сказалъ онъ,—васъ, крестьянъ, нельзя вразумить, что лекарства значатъ мало и что больше помогаетъ свѣжій воздухъ и воздержаніе. Я увѣренъ, что завтра, когда пройдетъ лихорадка, вы снова будете ѣсть огурцы и кислое молоко.

— Да, съ этими большими дѣтьми трудно справляться, раздался глубокій, красивый голосъ.

Коломіевскій заинтересовался.

— Простите, что я не поздоровался съ вами, сказалъ онъ, тутъ такъ темно, и я не знаю, кто передо мною.

Исидора приказала мальчику зажечь огонь.

— Я также, какъ и вы, посвящаю себя народу, продолжала она, и стараюсь научить его побороть предразсудки, особенно у постели больныхъ, но, къ сожалѣнію, не обладаю вашими серьезными познаніями и могу оказывать только услуги, какъ сидѣлка.

— Вамъ дѣлаетъ честь, что вы понимаете потребности и страданія народа. Это главное. Мои познанія также не велики, но у меня есть опытъ и желаніе помогать.

Мальчикъ принесъ небольшую лампу и поставилъ на печку. Сильный свѣтъ падалъ сверху на Исидору, которая сидѣла на сундукѣ крестьянки, поддерживая рукою свою головку съ большими синими задумчивыми глазами.

Съ минуту оба молчали. Коломіевскій съ удивленіемъ смотрѣлъ на красивую дѣвушку.

— Вы еще молоды, началъ онъ, и у васъ много времени учиться; но чему нельзя научиться, то у васъ уже есть: ваши глаза приносятъ утѣшеніе, въ нихъ свѣтится состраданіе.

— Вы очень добры, отвѣтила Исидора и спокойно посмотрѣла ему въ лицо. Коломіевскій произвелъ впечатлѣніе и на нее: прежде всего своимъ спокойнымъ голосомъ, своимъ взглядомъ, и теперь, когда она его вполнѣ разсмотрѣла, своей необыкновенно мужественной головою.

— Какъ попали вы въ эту страну? продолжалъ онъ, вы здѣсь посторонняя.

— Не совсѣмъ. У меня тутъ родители.

— Въ Малиновкѣ? Простите, что я такъ допрашиваю, но это можно извинить необычайностью нашей встрѣчи.

— Я Исидора Ласновичъ.

— Вы недавно пріѣхали, сударыня?

— Да, изъ института.

— Въ какомъ институтѣ учатъ такимъ полезнымъ вещамъ и такъ серьезно развиваютъ.

— Я сама много читала и изучала, отвѣтила Исидора.

— Тѣмъ лучше, отвѣтилъ Коломіевскій, стремленія ваши, такимъ образомъ, неподдѣльны. Вы рѣдкая дѣвушка, я доволенъ что познакомился съ вами. Это не комплиментъ. Онъ подалъ Исидорѣ руку, которую та пожала.

— Надѣюсь, что мы часто будемъ встрѣчаться, сказалъ онъ. Дѣйствуя сообща, можно большаго достигнуть. Я вовсе не ожидалъ встрѣтить такого милаго товарища.

— Я разсчитываю на васъ, Коломіевскій. Вы будете мною руководить, учить меня и бранить, если я что сдѣлаю дурно.

Коломіевскій почтительно поклонился.

— Вы останетесь у больной? спросилъ онъ.

— Если вы находите нужнымъ, я проведу у нея ночь.

— Такая жертва вовсе не нужна,—достаточно, если вы останетесь еще часъ и дадите ей эти порошки.

— Не малы ли промежутки?

— Я вижу, что вы знаете дѣйствіе лекарства. Нѣтъ, съ этими сильными натурами нужно поступать иначе, нежели съ нашими, нѣжными, впечатлительными.

— А завтра? спросила Исидора.

— Я пріиду послѣ-завтра, передъ пароксизмомъ. Вы будете здѣсь?

— Конечно.

— И такъ, спокойной ночи. Онъ поклонился и ушелъ, оставивъ Исидору въ странномъ возбужденіи. Она гордилась тѣмъ, что возбудила его вниманіе съ первой же встрѣчи и стыдилась своей маленькой интриги. Сидя возлѣ больной и подавая ей отъ времени до времени прохладительное, она невольно думала о томъ, кого хотѣла поймать въ свои сѣти и кто теперь вполнѣ овладѣлъ ея воображеніемъ.

* * *

Валеска не могла ограничиться подобными маленькими уловками; она рѣшила ворваться въ сердце Коломіевскаго верхомъ на конѣ, какъ приличествуетъ сарматской амазонкѣ. Ей сказали, что онъ каждыя сумерки имѣлъ обыкновеніе поджидать дикихъ утокъ за высокимъ заборомъ, между своею деревнею Мостки и Любіенъ, имѣніемъ Ромашкана. Въ эту пору утки показывались на прудѣ.

На этомъ Валеска построила планъ, который, противъ ея ожиданія, послужилъ ей во вредъ. По обыкновенію, Коломіевскій сидѣлъ на травѣ, прислонясь къ дереву, какъ вдругъ прискакала красивая амазонка въ синемъ платьѣ, съ развѣвающеюся вуалью. Онъ съ искреннимъ удивленіемъ смотрѣлъ, какъ она смѣло перепрыгнула ровъ и затѣмъ небольшой ручеекъ. Вотъ она приближается къ забору, у котораго онъ сидитъ, и хлыстомъ, и возгласами понукаетъ своего коня; но препятствіе оказалось слишкомъ высокимъ и бѣдное животное могло занести только переднія ноги. Въ эту минуту, Валеска, вынувшая еще прежде ногу изъ луки сѣдла, скатилась на землю. Пока все шло превосходно и Коломіевскій уже спѣшилъ на помощь, какъ она и ожидала. Но при усиліи подняться, она запуталась въ длинный шлейфъ, упала еще разъ и теперь серьезно вывихнула ногу.

Комедія кончилась. Маленькій деспотъ дѣйствительно нуждался въ помощи. Пока Коломіевскій поднималъ ее, подоспѣли пастухи, которые высвободили лошадь изъ непріятнаго положенія.

— Вы ушиблись? спросилъ Коломіевскій.

— Немного, отвѣтила Валеска, но я не могу ступить правою ногою.

— Позвольте, я осмотрю ее.

— Вы врачъ?

Въ то время какъ Коломіевскій сталъ передъ нею на одно колѣно, прекрасная амазонка прислонилась къ забору и, не долго размышляя, поставила правую ногу ему на колѣно. При изслѣдованіи она крѣпко сжала зубы.

— Больно? спросилъ Коломіевскій.

— Да.

— Уже появилась опухоль, продолжалъ онъ, нужно тотчасъ наложить компрессъ. Вы очень неосторожны, сударыня.

Валеска улыбнулась.

— Вдобавокъ, вы меня еще браните.

Съ его помощью она опустилась на траву, а онъ направился къ ручью, принесъ воды и наложилъ повязку.

— Благодарю васъ, вы очень добры. Кому обязана я такой быстрой помощью?

Коломіевскій представился.

— Я Валеска Ромашканъ, сказала она, ваша сосѣдка. Но какъ попаду я теперь домой? Лучше всего послать этихъ людей съ лошадью въ Любіенъ за экипажемъ.

— Къ чему? отвѣтилъ Коломіевскій. Любіенъ не очень далеко, притомъ же ѣзда по плохой дорогѣ могла бы вамъ повредить. Позвольте, я снесу васъ домой?

— Охотно, но какимъ образомъ?

— На рукахъ.

— Хорошо, но не буду ли я тяжела?

Валеска считала себя уже побѣдительницею. Въ то время какъ онъ поднималъ ее и она обняла его за шею, она полагала, что накладываетъ на него неразрушимыя цѣпи. Коломіевскій послалъ впередъ пастуховъ съ лошадью и послѣдовалъ медленно за ними со своею прекрасною ношею. Только одинъ разъ онъ остановился отдохнуть у Распятія на опушкѣ лѣса. Тутъ онъ опустилъ на зеленый мохъ амазонку, которая привѣтливо улыбалась ему своими загадочными глазами.

— Мнѣ описывали васъ какъ человѣка, котораго нужно бояться, а я нахожу, что вы очень добры.

— Вы придаете слишкомъ большое значеніе небольшой услугѣ, отвѣтилъ Коломіевскій серьезно. Я исполняю только долгъ человѣка.

— Зачѣмъ отнимаете вы у меня иллюзію, что ваши попеченія относятся лично ко мнѣ?

— Долгъ по отношенію васъ становится пріятнымъ, отвѣтилъ Коломіевскій съ улыбкою. Затѣмъ онъ снова взялъ Валеску на руки и безъ остановокъ уже донесъ до Любіенъ. У воротъ навстрѣчу вышла госпожа Ромашканъ и маленькіе братья Валески. Отецъ встрѣтилъ ихъ во дворѣ. Всѣ благодарили Коломіевскаго, и слабые выговоры, дѣлаемые Валескѣ, показали ему, что весь домъ у нея въ подчиненіи. Принесли стулъ, на который усадили маленькую тиранку. Коломіевскій сталъ давать матери необходимыя докторскія наставленія.

— Вы какъ будто хотите предоставить меня моей участи, вскричала Валеска.—Хорошо-ли это?

— Простите, но у меня есть свои больные.

— Но вы останетесь здѣсь.

Валеска приказывала, но приказывала такъ мило, что Коломіевскій охотно повиновался. Онъ поклонился и остался. По приказанію Валески, на террасу была внесена низкая оттоманка, на которую она и легла, переодѣвшись въ домашній костюмъ, и пригласила сѣсть возлѣ себя Коломіевскаго. Въ голубомъ бархатѣ, отороченномъ горностаемъ, лежа на тигровой кожѣ, постланной на оттоманкѣ, Валеска дѣйствительно походила на деспотку. Она весело и непринужденно болтала со своимъ докторомъ, пока подавали чай.

— Дѣйствительно, она очень эмансипирована, сказалъ господинъ Ромашканъ своей женѣ, въ мое время такое tête-à-tête молодой дѣвушки съ мужчиною было невозможно.

— Оставь ее, отвѣтила мать; пусть какъ хочетъ ловитъ мужа. Обычаи и нравы подлежатъ модѣ, какъ и платья, но суть дѣла та же, одерживаютъ ли побѣду съ чулкомъ въ рукахъ, или съ вѣеромъ, съ книгой или хлыстомъ. Цѣль та, чтобы сплести паутину, въ которой бы какой нибудь господинъ бился какъ рыбка.

— Я все же довольна непріятнымъ случаемъ, говорила между тѣмъ Валеска. Вотъ вы и у меня. Иначе это случилось бы не скоро, вы вѣдь избѣгаете людей.

— Только такихъ, кто ничего не дѣлаетъ, отвѣтилъ Коломіевскій, потому что такіе люди очень изобрѣтательно умѣютъ отнимать у другихъ время.
— Долго ли протянется исторія съ моей ногою?
— Недѣли двѣ, если вы будете осторожны.
— Не больше? Въ эти двѣ недѣли я все же надѣюсь видѣть васъ у себя.
— Всегда, когда прикажете.
— О, не вызывайте меня на это, сказала Валеска, у меня талантъ приказывать. Она приподнялась и при этомъ быстромъ движеніи распустилась ея коса, которая красиво оттѣнилась на голубомъ бархатѣ и бѣломъ горностаѣ.—Но прежде всего свѣжій компрессъ, мой другъ. Вы небрежны, какъ настоящая сидѣлка.
— Простите.
Коломіевскій поторопился возобновить повязку. Не успѣлъ онъ ее окончить, какъ Валеска сдѣлала ему новое порученіе, налить себѣ чаю. Вотъ чашка наполнена; она то желаетъ немного рому, то кусочекъ паштета, то ломтикъ торта. Коломіевскій не замѣчалъ, какъ его мало-по-малу запрягали. Но такъ какъ онъ любилъ все прямое и рѣшительное, то энергическій образъ дѣйствій молодой дѣвушки и ея своеобразная красота производили на него вліяніе. Когда стемнѣло и сдѣлалось свѣжо, Валеска захотѣла, чтобы ее перенесли въ комнату. Снова Коломіевскій взялъ ее на руки и на этотъ разъ былъ награжденъ теплымъ рукопожатіемъ. При прощаніи Валеска спросила его, когда онъ будетъ.
— Завтра.
— Въ какое время?
— Послѣ обѣда.
— И вы останетесь у меня?
Коломіевскій молча наклонился надъ ея рукою и поцѣловалъ.
„Чрезъ двѣ недѣли я снова буду на конѣ! было ея первою мыслью послѣ его ухода. Какъ я рада, я буду съ нимъ вмѣстѣ ѣздить и охотиться.“

(До слѣд. №).

Человѣческій и змѣиный ядъ.

Очеркъ **А. Штельцнера.**

Сопоставленіе это покажется страннымъ только тѣмъ, кто незнакомъ съ новѣйшими изслѣдованіями ядовитости нѣкоторыхъ человѣческихъ выдѣленій. Изслѣдованія эти доказали, что слюна человѣка содержитъ ядъ, дѣйствующій при нѣкоторыхъ обстоятельствахъ смертельно въ ранахъ, и вообще почти также, и немногимъ слабѣе, нежели ядъ змѣй. Если еще не рѣшено каково дѣйствіе этого замѣчательнаго яда, химическое или органическое, или другими словами, является ли вызванное имъ отравленіе слѣдствіемъ химическаго разложенія крови, или вслѣдствіе развитія зародышей живыхъ существъ (бактерій), тѣмъ не менѣе, подвергавшійся насмѣшкамъ римлянинъ Эльянъ, за причисленіе имъ людей къ ядовитымъ животнымъ, оказался правымъ, спустя полторы тысячи лѣтъ.

По сообщенію физіологовъ, слюна не только превращаетъ сухую, разжеванную зубами пищу, въ скользкое вещество, но что главнѣе, способствуетъ пищеваренію. Нѣкоторые изъ продуктовъ питанія, какъ напр. сахаръ, кислоты, бульонъ, жидкіе жиры и масла принимаются нами въ такомъ видѣ, что могутъ сразу поступить въ кровь и слѣдовательно питать наше тѣло. Но большинство питательныхъ продуктовъ—вещества составныя и должны быть растворяемы въ вещества удобоваримыя или пептоны, ранѣе чѣмъ они могутъ поступить въ кровь.

Пищевареніе однако состоитъ собственно въ химическомъ разложеніи и раствореніи питательныхъ продуктовъ такъ называемыми пищеварительными соками, которые дѣйствуютъ частью во рту, частью въ желудкѣ и частью въ кишкахъ. Изъ этихъ пищеварительныхъ соковъ, выдѣляемыхъ особыми железами—поджелудочный или панкреатическій сокъ поджелудочною железою, слюна тремя парами слюнныхъ железъ и пр.—слюна, содержа въ себѣ особый ферментъ или бродильное вещество, обладаетъ способностью переработывать крахмалъ и сахаръ, т. е. химически растворять вещества, которыми мы преимущественно питаемся, въ хлѣбѣ и въ другой растительной пищѣ; повидимому, бродильное вещество слюны, птіалинъ, можетъ даже растворять, какъ и желудочный сокъ, находящійся во всякой пищѣ бѣлокъ или протеинъ, и кромѣ того смѣшивать жиры съ водою.

Въ Ріо-Жанейро естествоиспытатель де-Ляцерда, извѣстный своими изслѣдованіями о дѣйствіи змѣиныхъ ядовъ, нашелъ, что ядъ этотъ дѣйствуетъ такъ же, какъ и выдѣленія человѣческихъ слюнныхъ железъ, именно растворяетъ крахмалъ и бѣлокъ.

Ядовитость человѣческой слюны, подвергавшаяся сомнѣнію цѣлыя столѣтія и о которой знали только по страшнымъ разсказамъ въ средніе вѣка о приготовленіи сильнаго яда изъ слюны людей замучиваемыхъ на пыткѣ, была уже извѣстна въ классической древности, какъ это доказываетъ Эльянъ, хотя онъ не зналъ способа приготовленія этого яда, и описаніе имъ этого явленія болѣе похоже на вымыселъ, чѣмъ на правду.

Уже знаменитый Аристотель, жившій въ IV вѣкѣ, греческій философъ и воспитатель Александра Великаго, справедливо считающійся отцомъ естественной исторіи, первый написавшій сочиненіе о животныхъ, сообщаетъ, что слюна человѣка дѣйствуетъ какъ ядъ на большинство ядовитыхъ животныхъ. Болѣе подробныя свѣдѣнія даютъ: Плиній, ученый римлянинъ, жившій во время Нерона и Веспасіана, въ I столѣтіи послѣ Р. Х., а также Эльянъ (180 г. послѣ Р. Х.), котораго 17 томовъ „Исторіи о животныхъ“, съ сочиненіями Плинія и Аристотеля, служили до XVII столѣтія настольною книгою для всѣхъ.

Плиній и Эльянъ сообщаютъ, подобно Аристотелю, „что въ человѣкѣ находится скрытый ядъ“, который узнается слѣдующимъ образомъ: „Если осторожно, но съ силою схватить ужа за шею и плюнуть ему въ открытую пасть, то слюна, проникая ему въ желудокъ, причиняетъ смерть. Поэтому укушеніе человѣка вредно другому человѣку и не менѣе опасно, чѣмъ укушеніе другихъ ядовитыхъ животныхъ“. Оба автора сообщаютъ далѣе, что змѣи, на которыхъ попадала человѣческая слюна, убѣгали точно ошпаренныя кипяткомъ, что на нихъ дѣйствовала смертельно особенно слюна людей ничего еще не ѣвшихъ съ утра, и что укушеніе такихъ людей вообще опасно для жизни и трудно поддается леченію.

Точно также выражался извѣстный римскій врачъ Авлій Корнелій Цельсій. „Во всякомъ случаѣ—говоритъ онъ въ своемъ сочиненіи о ранахъ отъ укушенія—происходитъ ли укушеніе отъ человѣка, обезьяны, собаки, змѣи или другихъ дикихъ животныхъ, почти каждое укушеніе не лишено ядовитости“. Какъ Плиній и Эльянъ, онъ также считаетъ укушеніе голодныхъ змѣй самымъ опаснымъ и особенно для людей также голодныхъ. Уже Цельсій совѣтовалъ, зная почти полную безвредность животныхъ ядовъ въ желудкѣ, высасывать раны отъ укушенія, причемъ конечно ротъ долженъ быть совершенно здоровымъ и безъ ранъ. Современникъ Эльяна, знаменитый врачъ изъ Пергама Клавдій Галенъ (131—200 послѣ Р. Х.) утверждаетъ, что онъ неоднократно наблюдалъ замѣчательное явленіе, именно смерть скорпіоновъ отъ слюны голодныхъ людей.

До времени развитія зоологіи, многочисленные врачи и ученые писали сочиненія о свойствахъ яда человѣческаго и змѣинаго, но ни одинъ не вздумалъ провѣрить на опытѣ странныя сообщенія древнихъ грековъ и римлянъ. Многіе объясняли смертельное дѣйствіе человѣческой слюны на скорпіоновъ врожденной антипатіей между человѣкомъ и змѣями, въ которыхъ видѣли олицетвореніе дурного начала. Насколько же несовершенны были опыты—если они и производились въ видѣ исключенія—даже въ XVIII вѣкѣ, сообщаетъ Вольтеръ въ своемъ разсказѣ. Французскій хирургъ Фигье пытался нѣсколько разъ убить змѣю камнемъ, смоченнымъ своею слюною. Вольтеръ, не отвергавшій ядовитаго свойства человѣческой слюны, замѣчаетъ насмѣшливо, что хорошимъ ударомъ можно убить змѣю и безъ слюны.

Первый изслѣдовавшій на опытѣ сообщенія почтенныхъ авторитетовъ древности, былъ Франческо Реди, придворный врачъ великаго герцога Тосканскаго, жившій во Флоренціи въ XVII столѣтіи. Работы этого ученаго относятся преимущественно до змѣй и ихъ яда. Реди держалъ шесть здоровыхъ змѣй и въ теченіе двухъ недѣль вводилъ въ нихъ слюну голодныхъ людей, между тѣмъ змѣи остались живы, точно также какъ и скорпіоны, которыхъ Реди смачивалъ человѣческою слюною. Поэтому, принимая во вниманіе сообщеніе Галлена, Реди говоритъ, что „если скорпіонъ и умеръ, то смерть, вѣроятно, послѣдовала не отъ слюны, а совершенно случайно.“

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ о ядовитости человѣческой слюны, ошибка въ опытѣ Галена могла заключаться въ томъ лишь, что скорпіоны, которыхъ онъ видѣлъ умиравшими отъ человѣческой слюны, были поранены. Теперь доказано, что человѣческая слюна, какъ и ядъ змѣй, дѣйствуютъ только въ ранахъ и совершенно безвредны въ желудкѣ.

Въ послѣднее время Пастеръ подтвердилъ своими опытами, что слюна какъ человѣка, такъ и собакъ, кроликовъ и вообще всѣхъ животныхъ, введенная въ кровь небольшихъ животныхъ, дѣйствуетъ точно также какъ ядъ змѣй и что—о чемъ знали уже древніе народы—ядовитость слюны сильнѣе утромъ, натощакъ, чѣмъ въ теченіе дня, когда слюнныя железы нѣсколько разъ выдѣляли соки. Съ этимъ согласуется также извѣстный фактъ, что укушеніе собакъ и кошекъ, смотря по составу слюны, излечивается иногда легче, иногда же очень трудно.

Въ прошломъ году физіологъ парижской медицинской академіи, Готье, произвелъ опыты, подтвердившіе мнѣніе Эльяна о ядовитости людей. Онъ производилъ опыты съ человѣческой слюною, которую разогрѣвалъ, очищалъ фильтрованіемъ отъ примѣсей, затѣмъ кипятилъ и получалъ такой сильный ядъ, что маленькія птички, которымъ онъ былъ впрыснутъ подъ кожу, умирали въ теченіе получаса или часа, съ тѣми же признаками, какъ отъ отравленія ядомъ змѣи. Птички начинали дрожать, качались изъ стороны въ сторону и,

Этюдъ. Рис. Банцера, грав. Бонгъ и Генеманъ.

наконецъ, въ оцѣпенѣніи падали на полъ и оставались въ этомъ состояніи до наступленія смерти. Въ виду того, что изслѣдователь разогрѣвалъ, фильтровалъ и кипятилъ ядъ гремучей змѣи, причемъ ядовитость его не уменьшалась, подтверждалось предположеніе, что ядъ человѣческій и змѣиный дѣйствуетъ не вслѣдствіе зараженія, т. е. тутъ нѣтъ органическихъ зародышей живыхъ существъ или бактерій, причиняющихъ болѣзнь развитіемъ и размноженіемъ въ постороннемъ тѣлѣ, но что яды эти дѣйствуютъ химически.

Замѣчательно, что послѣдніе опыты упомянутаго выше д-ра Ляцерда въ Ріо-Жанейро, привели къ совершенно противоположнымъ заключеніямъ. Для опытовъ онъ бралъ ядъ гремучей змѣи, причемъ оказалось, что въ слюнныхъ и ядовитыхъ железахъ этой змѣи содержатся живыя существа, раздвающіеся грибки или волосатики, сходные съ бактеріями другихъ заразительныхъ ядовъ. Усыпляя гремучую змѣю хлороформомъ, онъ бралъ у нея каплю яда, клалъ на химически-чистое стекло, и тотчасъ разсматривалъ подъ микроскопомъ, гдѣ замѣчалъ нитевидныя образованія. Утолщенная нить выпускала споры, затѣмъ растворялась и исчезала, между тѣмъ какъ освобожденныя споры разбухали, увеличивались и каждая изъ нихъ давала крошечную трубочку, быстро увеличивавшуюся. Вскорѣ трубочка эта отдѣлялась отъ споры и давала новое ядро.

При тщательномъ микроскопическомъ изслѣдованіи крови животныхъ, умершихъ отъ укушенія гремучей змѣи, д-ръ Ляцерда нашелъ, что въ кровяныхъ шарикахъ важнѣйшей составной части крови началось измѣненіе; на поверхности ихъ оказывались небольшія блестящія точки, распространявшіяся съ быстротою, при чемъ шарики сливались одинъ съ другимъ и образовывали родъ тѣста, которое не могло проходить по ве-

Масляница за-границей. Карнавальное шествіе въ Брюсселѣ. Рис. Элліотъ, грав. Клоссъ.

намъ. Другія животныя, которымъ непослѣдовательно послѣ смерти первыхъ впрыскивалась ихъ кровь, умирали съ такими же признаками, какъ отъ укушенія гремучей змѣи, и въ крови ихъ замѣчалось тоже разложеніе и измѣненіе. Далѣе, на основаніи многихъ опытовъ, изслѣдователь сообщилъ, что вѣрнымъ противоядіемъ при укушеніи змѣй служатъ подкожныя впрыскиванія алкоголя пострадавшимъ, или же спаиваніе ихъ алкоголемъ.

Оставалось только доказать, что человѣческая слюна дѣйствуетъ подобно яду змѣй, и установить ихъ сродство. Это удалось американскому врачу Штернбергу въ біологической лабораторіи въ Бальтиморѣ.

По сообщенію его, полтора кубическихъ сантиметра человѣческой слюны не только въ состояніи умертвить кролика, но что кровь умершихъ такимъ образомъ животныхъ ядовита для другихъ кроликовъ. Онъ нашелъ свою, вполнѣ здоровую, слюну ядовитою для кроликовъ, которымъ онъ впрыскивалъ ее подъ кожу и открылъ, въ противоположность мнѣнію Готье, что слюна эта теряла ядовитыя свойства отъ фильтрованія или кипяченія, и что при ранахъ человѣческая слюна дѣйствуетъ чрезъ зараженіе. Органическіе ферменты или зародыши маленькихъ живыхъ существъ удаляются фильтрованіемъ и уничтожаются, какъ и всѣ организмы, отъ жары при кипяченіи.

Такимъ образомъ изслѣдованія человѣческой слюны еще не окончательны; доказано только, что въ человѣческой слюнѣ дѣйствительно содержится ядъ, дѣйствующій въ ранахъ не слабѣе яда змѣй.

Быть можетъ одинъ извѣстный философъ и правъ, говоря: „ядъ — это концентрированная, сдѣлавшаяся осязательною злость. Укушенія каждаго озлобленнаго животнаго и человѣка ядовиты, такъ какъ злоба ядовита“. Безъ сомнѣнія, характеръ и страсти играютъ важную роль при ядовитости слюны. Вотъ почему мирная и добродушная мѣдяница и полезная кольчатая змѣя не ядовиты, въ то время какъ постоянно сердитая крестовая змѣя, напротивъ, очень ядовита. Такая же разница можетъ наблюдаться и у людей различныхъ темпераментовъ.

Къ рисункамъ.

Широкая масляница.

(Рис. на стр. 141, 144, 145, 149, 152, 153, 157 и 160).

Наша широкая, веселая, разгульная масляница—несомнѣнный остатокъ временъ давно минувшихъ, языческихъ. Обычаи масляницы мало измѣнились и въ нихъ видна та же древняя, до-Петровская Русь, гдѣ часто самый аскетическій постъ смѣнялся разгуломъ. Какъ и теперь, масляница въ старину справлялась осьмидневнымъ праздднествомъ, послѣ великой субботы, когда обыкновенно поминали умершихъ. Послѣ этого печальнаго обряда измѣнялось настроеніе и предавались всѣмъ масляничнымъ потѣхамъ: катались съ пѣснями съ горъ на салазкахъ и на саняхъ по улицамъ, дрались на кулачныхъ бояхъ и объѣдались блинами. Художники наши, талантливый Н. Н. Каразинъ, г. Оболенскій и другіе, изобразили и на сей разъ это русское широкое праздднество въ своихъ рисункахъ.

На первой страницѣ, баронесса Врангель, членъ извѣстнаго Дамскаго худож. кружка въ СПБ., изобразила катанье на „вейкѣ“, т. е. катанье на чухонскихъ санкахъ,—удовольствіе, столь распространенное и столь любимое въ нашей сѣверной столицѣ. Передъ днями масляницы тысячами наѣзжаютъ чухонцы, въ своихъ низенькихъ санкахъ, на маленькихъ, горячихъ чухонскихъ конькахъ, и позванивая своими бубенчиками, катаютъ невзыскательную публику по улицамъ. Косматая лошадка работаетъ усердно и весело несется въ санкахъ семья какого нибудь департаментскаго сторожа или ремесленника, среди толпы катающихся. Затѣмъ, на большомъ рисункѣ, Н. Н. Каразинъ (стр. 144 и 145) изобразилъ, съ свойственною ему мѣткостью и умѣньемъ схватывать русскіе типы и русскую природу, масляничную сцену, названную имъ „Кому масляница, кому Великій постъ!“ Веселые и уже сильно выпившіе гости, справили масляницу, поѣли блиновъ и теперь всѣ, завалившись въ сани, съ гармониками и пѣніемъ, да еще захвативъ съ собой ведерко водки, катятъ домой. Изъ нихъ едва ли кто можетъ править, и эту обязанность принимаетъ на себя одна изъ молодыхъ бабъ, ѣдущихъ въ саняхъ. Для этихъ загулявшихъ гостей веселье, но истинный великій постъ бѣдной лошади, которая изъ силъ выбивается, тащитъ веселую компанію, а тутъ еще ей надоѣдаютъ деревенскія собаки, съ дружнымъ лаемъ снующія около нея.

Такое же веселье кипитъ вездѣ и подъ масляничными балаганами, гдѣ изощряетъ свое остроуміе масляничный дѣдъ, въ сценѣ, изображенной художникомъ Оболенскимъ (стр. 149). Но тутъ и масляничный дѣдъ не обращаетъ на себя должнаго вниманія и смотрятъ вмѣстѣ съ другими, какую лихую пляску затѣяли двое—молодой мастеровой и загулявшій купчикъ, при общемъ удовольствіи и одобреніи окружающей публики. Какой то парень бойко подыгрываетъ имъ на гармоникѣ; остановился, ухмыляясь, поглядѣть и молодой солдатикъ, и старикъ-купецъ, и мальчикъ - продавецъ спичекъ и папиросъ, и только двое мальчугановъ не обращаютъ на пляску вниманія, увлеченные рѣчью раешника и картинками, которыя онъ показываетъ—а самый маленькій мальчикъ въ башлыкѣ, и поднявшись на цыпочки, не достанетъ до стеклышка райка.

Затѣмъ идетъ оригинальная и веселая, прекрасная фантастическая картинка Н. Н. Каразина (стр. 152 и 153), гдѣ шествіе Широкой Масляницы изображается въ чертахъ, доселѣ еще невиданныхъ. Большой блинный горшокъ, изъ коего выглядываетъ сама Масляница, среди вихря и снѣжной метели, везутъ блины, на которыхъ скачутъ и пляцы, и козлы, и пѣтухи, и медвѣди масляничные, и самъ масляничный дѣдко лихо несется на блинѣ, весело подъигрывая на балалайкѣ и подгоняя кота, который впереди всѣхъ старается унестись на бубнѣ. Это истинный „набѣгъ блиновъ“ и все это съ грохотомъ, шумомъ, крикомъ и взвизгиваніями гармоникъ и звономъ балалаечныхъ струнъ надвигается на русскій людъ православный и пророчитъ ему развеселую, пеструю и лихую масляницу.

Во многихъ мѣстахъ за границей есть оригинальные масляничные обычаи. Вотъ, напр., какъ изображенное на стр. 157.

Ни одинъ народъ въ Европѣ не любитъ такъ торжественныя шествія и публичныя представленія, какъ нидерландцы и бельгійцы, которые, особенно во время процвѣтанія городской жизни, пользовались всякимъ мѣстнымъ и религіознымъ праздднествомъ для устройства такихъ процессій и представленій. Множество такихъ торжествъ, устраиваемыхъ прежде различными ремесленными цехами и пр., сохранилось и понынѣ, къ нимъ прибавились даже другія праздднества. Къ числу особенно любимыхъ праздднествъ принадлежитъ величественное шествіе школьной молодежи въ посту, такъ называемое „Карнавальное шествіе въ Брюсселѣ“, составляющее вполнѣ дѣтскій праздникъ. Цѣль этого шествія — сборъ добровольныхъ пожертвованій, идущихъ частью на вспоможеніе бывшихъ учителей, лишенныхъ средствъ, и частью на экипировку бѣдныхъ учениковъ. Въ иные годы шествіе доставляетъ до 20,000 франковъ въ кассу дѣтей. Карнавальное шествіе поднимаетъ на ноги весь городъ, устраивается всегда со вкусомъ и разнообразится новыми зрѣлищами, какъ корабли, слоны, киты и другія произведенія изобрѣтательныхъ художественныхъ ремесленниковъ. Первое мѣсто, однако, занимаютъ гиганты изъ папки, съ незапамятныхъ временъ составляющіе въ Бельгіи, и особенно въ Брюсселѣ, необходимую принадлежность подобныхъ шествій. Съ этими гигантами связано извѣстное мѣстное преданіе, по которому Брюссель былъ нѣкогда заселенъ гигантами; именно, въ высочайшей части нынѣшняго города, въ каменной крѣпости жилъ гигантъ Оммеганкъ, который поэтому и долженъ появляться въ каждомъ шествіи. Впослѣдствіи къ нему прибавили гиганта Голіафа и его жену, которые появляются въ Антверпенѣ и Мехельнѣ при освященіи церквей и составляютъ существенную часть народныхъ увеселеній. Фламандская исторія культуры повѣствуетъ, что появленіе двухъ послѣднихъ гигантовъ составляетъ остатки того средневѣковаго времени, когда духовенство шествіями и духовными комедіями объясняло народу наглядно всю библейскую исторію, и гигантъ Голіафъ и маленькій Давидъ, а также пророкъ Іона во чревѣ кита—составляли выдающіяся лица, которыя сохранились донынѣ въ памяти народа и съ теченіемъ времени ихъ окружили новыми преданіями.

Отъ заграничныхъ увеселеній мы перейдемъ къ русскимъ масляничнымъ забавамъ прежняго времени, полстолѣтія назадъ.

Маскарады на масляницу въ Петербургѣ въ 40-хъ годахъ не были похожи на нынѣшніе, смѣшанные, съ значительно понизившимся составомъ публики. Тогда они были блестящи и часто наполнены лучшимъ обществомъ. Здѣсь помѣщенъ (стр. 160) факсимиле, рисунокъ извѣстнаго въ то время художника Помме, изобразившаго въ каррикатурномъ видѣ маскарадъ того времени, придавъ ему видъ маскарада литературнаго, „Маскарада Аполлона“. Къ этой каррикатурѣ появилась статья талантливаго водевилиста Ѳ. Кони, подъ названіемъ „Переписка боговъ“, гдѣ содержится много остроумныхъ намековъ на тогдашнія театральныя и литературныя дѣла. Діана, въ письмѣ къ Вулкану, описываетъ маскарадъ, данный Аполлономъ, который самъ, въ костюмѣ танцмейстера (7), думаетъ, что поэзія въ ногахъ—намекъ на пристрастіе къ балету. Мельпомена, въ видѣ вооруженнаго разбойника (14), вопіетъ гласомъ веліимъ—насмѣшка надъ кровавыми и неистовыми драмами. Момусъ спрашиваетъ Талію, что сдѣлать, чтобы пьеса имѣла успѣхъ. „Насажать въ партеръ друзей, побольше фарсовъ и двусмысленностей“, отвѣчаетъ та. „А смыслъ и дарованье!“ прибавляетъ Аполлонъ. Тутъ всѣ померли со смѣху, при такомъ странномъ требованіи. Изображеніе Фигаро, подавившагося нотой, причемъ ему пускаютъ кровь критическимъ ланцетомъ; Францъ Мооръ въ костюмѣ московскаго трактирщика—все это насмѣшки надъ игрою тогдашнихъ артистовъ, нынѣ для насъ иногда мало понятныя. Но рисунокъ очень бойко и комически изображаетъ разныхъ боговъ и героевъ сцены и литературы, въ несоотвѣтственныхъ имъ костюмахъ и положеніяхъ.

Этюдъ. (Рис. на стр. 156).

Художественно сдѣланный рисунокъ Банцера представляетъ весьма милое и пикантное личико молодой особы, съ прелестными, большими глазами, смотрящими какъ-то задорно-наивно. Исполненъ рисунокъ извѣстнымъ граверомъ Бонгомъ очень удачно.

75-лѣтіе Императ. Публичной библіотеки въ СПб.

(Рис. на стр. 161 и 164).

Въ самомъ центрѣ сѣверной столицы, на углу Большой Садовой и Невскаго просп., возвышается зданіе Императорской Публичной Библіотеки. Помѣщеніе Библіотеки у площади, посреди которой возвышается памятникъ Екатерины II, противъ Аничковскаго дворца, указано было мудрою императрицею. Та часть зданія, которая образуетъ собою уголъ Невскаго и Садовой ул., въ 1801 году была построена по проекту Людовика Руско. Но количество книгъ быстро возростало и должно было увеличиваться и помѣщеніе. Въ 1828 году императоръ Николай повелѣлъ пристроить къ прежнему зданію новое. Эта пристройка, вдоль театральной площади, произведена по плану архитектора Росси и окончена въ 1834 году. Все зданіе занимаетъ въ настоящее время поверхность болѣе 20.000 квадратныхъ футъ и замѣчательно по своей архитектурѣ, въ особенности изященъ фасъ, обращенный на Александрийскую площадь (изображенный на нашемъ рисункѣ) строго-классическаго, римскаго іоническаго стиля, съ удачными пропорціями частей; главнѣйшее и почти единственное его украшеніе состоитъ въ граціозной колоннадѣ, съ десятью статуями, нѣсколькихъ барельефахъ и колоссальной, на фронтонѣ, статуѣ Минервы. Отъ гранитнаго основанія, до вѣнца зданія, нѣтъ ни одного лишняго орнамента. Трудно опредѣлить съ точностью время, когда именно возникло книгохранилище, изъ котораго впослѣдствіи образовалась нынѣшняя Импер. Публичн. библіотека. Начало его обыкновенно относятъ ко второй четверти прошедшаго столѣтія, когда въ Польшѣ получила извѣстность библіотека, составленная двумя братьями, Іосифомъ и Андреемъ Залускими. Іосифъ Залускій всю жизнь посвятилъ на собираніе книгъ и успѣлъ составить громадную библіотеку изъ 300,000 книгъ и около 10,000 рукописей. Въ 1773 г. библіотека перешла во владѣніе города и въ продолженіе 20 лѣтъ управлялась эдукаціонною коммисіею. Послѣ взятія Варшавы Суворовымъ, она досталась Россіи какъ одинъ изъ трофеевъ войны. Въ 1795 г. она перевезена въ С.-Петербургъ и сдѣлалась основаніемъ нынѣшней Публичной библіотеки. Перевозка библіотеки въ СПб. была произведена въ осеннюю распутицу, довольно небрежно, и значительная часть книгъ пострадала отъ сырости, кромѣ того, много было расхищено и въ Петербургъ привезено не болѣе 262,000 томовъ. Привезенныя книги поступили въ вѣдѣніе Императорскаго Кабинета. Первое литературное приращеніе, сдѣланное въ Петербургѣ, было собраніе рукописей, составленное извѣстнымъ Дубровскимъ. Этотъ собиратель рѣдкостей, служа въ теченіе 25 лѣтъ при нашихъ посольствахъ и миссіяхъ въ Парижѣ, Римѣ и друг. городахъ Европы, неутомимо собиралъ памятники европейской письменности до изобрѣтенія книгопечатанія. Французская революція особенно благопріятствовала Дубровскому. Онъ былъ свидѣтелемъ штурма Бастиліи, разграбленія Сенъ-Жерменскаго аббатства и при этомъ нашелъ случай пріобрѣсти изъ архивовъ и библіотекъ, которыя были отчасти выброшены на улицу, за дешевую цѣну, множество важныхъ документовъ и драгоцѣнныхъ рукописей и спасти ихъ отъ уничтоженія. Собраніе это онъ поднесъ въ даръ императору Александру I, который въ 1805 г. пожаловалъ все собраніе Публичной Библіотекѣ. Въ 1810 г. утвержденъ штатъ и положеніе библіотеки, которымъ между прочимъ постановлено доставлять въ библіотеку безмездно по два экземпляра всего и на всѣхъ языкахъ печатаемаго въ Россіи. Въ слѣдующемъ году директоромъ библіотеки былъ назначенъ Алексѣй Николаевичъ Оленинъ. Благодаря его усердной дѣятельности, библіотека была приведена въ порядокъ и приготовлена къ открытію ко 2 января 1812 г. Но политическая гроза, разразившаяся надъ Россіею, направила всѣ стремленія къ другимъ цѣлямъ. Послѣ вторженія французовъ думали только о спасеніи ея сокровищъ. Всѣ рукописи и рѣдкія или болѣе цѣнныя книги, числомъ до 150,000, были укупорены въ 180 огромныхъ ящиковъ и отправлены водою съ извѣстнымъ библіографомъ Сотковымъ въ Олонецкую губернію, гдѣ и оставались около 3 мѣсяцевъ. По возвращеніи ихъ, разборъ и новая установка потребовали не мало времени и дозволили приступить къ открытію не ранѣе 2 января 1814 г. Открытіе это совершилось съ особенною торжественностью, въ собраніи присутствовало все высшее общество столицы. Съ тѣхъ поръ библіотека постоянно оставалась открытою для публики, впрочемъ посѣтители допускались тогда къ чтенію только по три раза въ недѣлю. Въ 1830 г. поступила сюда весьма важная коллекція церковнославянскихъ и русскихъ рукописей съ XI по XVIII вѣкъ и старопечатныхъ книгъ, купленная за 150,000 р. у графа Ѳ. Толстаго. Въ 1836 г. въ нее поступила часть библіотеки графа Сухтелена, бывшаго посланникомъ въ Стокгольмѣ. Перечислить вообще всѣ поступленія въ библіотеку заняло-бы слишкомъ много мѣста; въ настоящее время въ библіотекѣ насчитываютъ около 1.500,000 томовъ книгъ, 50,000 рукописей и до 100,000 эстамповъ. Въ библіотеку книги ежегодно поступаютъ все въ большемъ размѣрѣ. Въ настоящее время Библіотека, по числу томовъ и по количеству рѣдкостей, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди библіотекъ всего міра. Всѣ печатныя произведенія распредѣлены въ залѣ по наукамъ, но кромѣ научныхъ отдѣленій, въ библіотекѣ образованы отдѣльныя собранія, которыя въ научномъ отношеніи могутъ быть названы особыми библіотеками; изъ нихъ особенно обращаютъ вниманіе: отдѣленіе рукописей, отдѣленіе Rossica, т. е. сочиненій на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, относящихся до Россіи, и зало гдѣ собраны инкунабулы, т. е. старопечатныя книги на всѣхъ иностранныхъ языкахъ, вышедшія до 1501 г. (изображено на рисункѣ стр. 164). Залъ инкунабуловъ составляетъ самый своеобразный уголокъ библіотеки. Эта зала отдѣлана въ 1857 году въ стилѣ средневѣковой готической архитектуры. Пестро расписанные крестообразные своды плафона опираются на массивный серединный столбъ, составленный изъ четырехъ соединенныхъ въ одно колоннъ. Двѣ стрѣльчатыя окошницы съ своими розетками и трилиственниками изъ цвѣтного стекла; громадные шкафы, тяжелый столъ грубой формы, съ пюпитромъ, конторка съ часами, изъ которыхъ одни песочные, а другіе съ кукушкою для боя; книги прикрѣпленныя заржавленными цѣпями къ полкамъ, и арабскій зеленый глобусъ съ астролябіею, а сверху, на невидимой нити, парящій вампиръ, все, до широкихъ, массивныхъ желѣзныхъ петель и запоровъ на боковыхъ дверцахъ, напоминаетъ монашескую библіотеку пятнадцатаго, „типографскаго“, столѣтія. Въ этой залѣ собрано до 7000 инкунабуловъ, большею частью въ ихъ первобытныхъ переплетахъ. Перечисленіе сокровищъ библіотеки положительно невозможно для нашей небольшой статьи. Число читателей увеличивается ежегодно: въ 1883 году выдано билетовъ было 12,337, а число читателей въ общей залѣ достигло почтенной цифры 121,896 чел. Общее число взятыхъ книгъ за этотъ годъ также весьма велико: 406,852 томовъ.

Библіографія.

Полное собраніе сочиненій Г. П. Данилевскаго. СПб. 1887. Отпечатано пятое, дополненное въ шести томахъ изданіе сочиненій Г. П. Данилевскаго. Помѣщенные въ этомъ изданіи переводы въ стихахъ двухъ драмъ Шекспира—„Ричардъ III“ и „Цимбелинъ“, вновь просмотрѣны и исправлены авторомъ. Здѣсь же помѣщены отрывки изъ изданія „Украинская старина“, удостоеннаго въ 1878 году отъ Императорской академіи наукъ преміи графа С. С. Уварова, и не бывшіе въ четвертомъ изданіи сочиненій автора: романъ „Сожженная Москва“, „Поѣздка въ Ясную Поляну“, „Воспоминанія о Гоголѣ“, разсказъ „Христосъ-сѣятель“ и др. Къ первому тому приложенъ портретъ Г. П. Данилевскаго, гравированный въ Лейпцигѣ. Цѣна за шесть прекрасно отпечатанныхъ томовъ 8 рублей.

„Въ гостяхъ у эмира Бухарскаго“, В. В. Крестовскаго. СПб. 1886 г. Авторъ этого сочиненія, нашъ сотрудникъ, извѣстный романистъ, былъ однимъ изъ членовъ посольства, отправленнаго въ концѣ 1882 г. въ Бухару съ привѣтствіемъ и подарками къ эмиру. Подробныя записки объ этомъ путешествіи вышли теперь отдѣльною книгою, въ изданіи А. С. Суворина. При томъ интересѣ, какой возбуждаютъ въ русскомъ обществѣ наши владѣнія въ Средней Азіи, разсказъ человѣка наблюдательнаго, хорошо знакомаго съ военнымъ дѣломъ и столь талантливаго, составляетъ цѣнное пріобрѣтеніе для современной русской литературы.

Политическое обозрѣніе.

30 января.

Неустойчивое положеніе Европы.—Значеніе Берлина и противорѣчивость сообщеній оттуда.—Послѣднія болѣе тревожныя достовѣрныя свѣдѣнія. Военная и мирная партіи въ Германіи.—Положеніе дѣлъ въ Италіи.

Въ истекшей недѣлѣ политическій горизонтъ Европы нисколько не прояснился: та же путаница въ разнообразныхъ сообщеніяхъ, одно другому противорѣчащихъ, одно другое опровергающихъ, какую отмѣтили мы въ прошлой недѣлѣ. Слова коронованныхъ особъ, переговоры уполномоченныхъ пословъ и министровъ, объясненія представителей биржъ, запросы депутатовъ, правительственныя удостовѣренія съ министерскихъ трибунъ—все сливается въ пестрый калейдоскопъ политическихъ событій, попеременно говорящихъ то за мирное, то за тревожное настроеніе. Неоспоримымъ фактомъ остается только то, что вся Европа вооружается, а отъ такого факта, тревожнаго самого по себѣ, всѣ увѣренія въ миролюбіи и всѣ удостовѣренія въ принятіи только „предохранительныхъ мѣръ“ являются вообще сомнительными, такъ что и въ этотъ разъ намъ приходится занести въ свою хронику о крайне неустойчивомъ поло-

Масляница въ СПб. въ 40-хъ годахъ. Факсимиле каррикатуры на маскарады, исполненной художникомъ Помме. Факсимиле грав. Флюгель.

1) Клio. 2) Талія. 3) Драматическій писатель. 4) Амуръ. 5) Францъ Мооръ. 6) Медея. 7) Аполлонъ. 8) Эрато. 9 и 10) Ромео и Юлія. 11) Робертъ. 12) Гамлетъ. 13) Полковникъ старыхъ временъ 14) Мельпомена. 15) Эвтерпа. 16) Уранія. 17) Терпсихора. 18) Король Лиръ. 20) Слава. 19, 22 и 23) Музыкальные геніи. 21) Орфей. 24) Полигимнія. 25) Фигаро Моцарта. 26) Калліопа.

75-лѣтіе Императорской Публичной библіотеки въ СПб. Видъ зданія съ Александр. площади. Съ фотогр. грав. Квигинъ.

женіи Европы и о томъ, что всѣ государства стоятъ на-стороже другъ противъ друга.

Центръ всей политической завязки, волнующей въ настоящую минуту Европу, перешелъ съ болгарскаго вопроса прямо въ Берлинъ. Что дѣлается и что говорятъ въ Берлинѣ—вотъ что даетъ тонъ европейскому настроенію. Между тѣмъ сообщенія изъ Берлина никогда не были настолько противорѣчивы, какъ именно теперь, когда всякое берлинское сообщеніе или успокоиваетъ, или тревожитъ дипломатовъ и финансистовъ. Сегодня передается, что императоръ Вильгельмъ будто бы высказалъ, что войны ожидать нельзя, а на завтра это свѣдѣніе опровергается; сегодня съ полною достовѣрностью сообщаютъ, что кронъ-принцъ, при представленіи ему банкира Мендельсона, выразилъ будто бы удивленіе чего биржи волнуются, такъ какъ ни Франція противъ Германіи, ни Германія противъ Франціи наступательныхъ дѣйствій не предпринимаютъ. Пріѣхали въ Берлинъ два прусскихъ генерала изъ Эльзаса, чтобы поблагодарить императора за пожалованные имъ ордена, и съ быстротою молніи передается по всей Европѣ, что будто бы изъ Эльзаса вызваны всѣ генералы на военный совѣтъ. Уже давно рѣшенный прусскій заемъ въ 28½ милліоновъ для покрытія дефицита, въ устахъ бьющихъ на эффектъ вѣстовщиковъ, является уже германскимъ займомъ, и не въ 28½ милліоновъ, а въ 300 милліоновъ, и не для покрытія дефицита, а прямо на военныя надобности.

Всѣ эти ложныя и, во всякомъ случаѣ, тревожныя сообщенія перерываются въ свою очередь свѣдѣніями болѣе положительными и достовѣрными, которыя не только не успокоиваютъ общественное настроеніе, но еще болѣе тревожатъ его. Сопоставимъ хотя два послѣднія телеграфныя сообщенія: графъ Мольтке заявилъ консервативной избирательной депутаціи, что настоящее положеніе крайне серьезно и въ то же время онъ уполномочилъ его заявленіе предать гласности, а во Франціи, какъ бы въ отвѣтъ на это, палата депутатовъ приняла безъ преній, и даже безъ возраженій роялистовъ, требованіе кредита въ 86 милліоновъ по военному и въ 30 милліоновъ по морскому вѣдомствамъ. Положеніе, такимъ образомъ, является, дѣйствительно, серьезнымъ.

Недѣли двѣ тому назадъ въ восточной германской газетѣ былъ подробно разобранъ боевой составъ французской арміи и послѣ того убѣдительно доказывалось, что въ настоящую минуту, когда военная реформа доведена генераломъ Буланже только наполовину, еще возможна борьба съ Франціей, но что черезъ годъ, черезъ два, эта борьба представитъ для Германіи большой рискъ. Подобные выводы и взгляды военной германской газеты, какъ извѣстно, шли не отъ спеціалистовъ, праздно толкующихъ о безопасности имперіи, а отъ весьма вліятельныхъ и компетентныхъ въ этомъ дѣлѣ лицъ.

Говорили, что военное возбужденіе, поднятое въ Берлинѣ, имѣетъ значеніе избирательнаго маневра для предстоящихъ выборовъ въ рейхстагъ, чтобы обезпечить утвержденіе септената. Но мы знаемъ, что еще ранѣе, прусскій и другіе сеймы высказались за правительственный законопроектъ, касательно увеличенія наличныхъ силъ германской арміи, съ опредѣленіемъ кредита на этотъ предметъ не на три года (какъ рѣшилъ стараго состава рейхстагъ), а на семь лѣтъ. Кромѣ того, въ послѣднее время обнародовано письмо кардинала Якобини къ мюнхенскому архіепископу, въ которомъ прямо указывается, что его святѣйшество желаетъ, чтобы католическіе избиратели шли рука объ руку съ правительствомъ, а потому строптивый центръ, съ Виндгорстомъ во главѣ, волею-неволею долженъ будетъ уступить силѣ, обнаружившейся изъ Ватикана.

Если однако Ватиканъ предложилъ свои пастырскія услуги могущественному германскому канцлеру, то взамѣнъ того Квиринатъ строго держитъ за собою независимость и не поддается ни на какія льстивыя предложенія. Что значитъ уступать во имя интересовъ другой державы—Италія видитъ теперь на самой себѣ. Кинувшись въ угоду Англіи въ африканскія предпріятія и занявъ Массову, итальянскія войска на этой недѣлѣ были страшно разбиты абиссинскимъ предводителемъ, войсками котораго, какъ можно догадываться, руководили наши русскіе выходцы-удальцы, атаманъ которыхъ, казакъ Ашиновъ, нынѣ въ Петербургѣ. Италіи теперь не до союзовъ на страхъ будущаго, а какъ-бы развязаться съ настоящимъ запутаннымъ положеніемъ на берегахъ Краснаго моря. Кредитъ открылся, но съ такими непріятностями, что министерство Депретиса-Робилана подало въ отставку и только ожидаетъ рѣшенія короля. Италія, словомъ, въ своей собственной заботливости, какъ бы остается внѣ общеевропейскихъ интересовъ и треволненій.

Англійскія предложенія относительно Египта, кромѣ нейтрализаціи и автономіи Египта и свободы плаванія по каналу, заключаются въ томъ, чтобы Англіи было предоставлено право вновь занять Египетъ въ случаѣ смутъ, чтобы войска ся имѣли право проходить по египетской территоріи и быть перевозимы по каналу и чтобы большинство офицеровъ въ египетской арміи были англичане.

Въ нынѣшній разъ мы тоже должны закончить наше обозрѣніе напоминаніемъ о тревожномъ настроеніи политическаго мира Европы и въ полной невозможности сказать, что можетъ дать намъ матеріалъ для будущаго обозрѣнія.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Департ. торговли и мануфактуръ министерства финансовъ занятъ изысканіемъ мѣръ къ преслѣдованію подделокъ виноградныхъ винъ.

— Главнымъ тюремнымъ управленіемъ сдѣлано распоряженіе, чтобы высылаемый въ 1887 г. на Сахалинъ контингентъ каторжныхъ состоялъ преимущественно изъ семейныхъ преступниковъ и женщинъ.

Военное и морское дѣло.

— Велосипеды вводятъ во всѣхъ европейскихъ арміяхъ. Въ итальянскихъ войскахъ онъ существуетъ съ 1876 г., въ австрійскихъ съ 1885 г., и уже введенъ въ трехъ германскихъ корпусахъ. Во Франціи примѣненія велосипедовъ къ военнымъ цѣлямъ были во время послѣднихъ маневровъ.

— На извѣстномъ шведскомъ сталелитейномъ заводѣ въ Мотале русскій инженеръ слѣдитъ за работами по устройству машины большого парохода „Михаилъ Архангелъ", строющагося по заказу Соловецкаго монастыря.

Пути сообщенія.

— Въ министерствѣ путей сообщенія будутъ измѣненія въ принятомъ казенномъ способѣ постройки желѣзныхъ дорогъ. Предполагается совсѣмъ устранить подрядчиковъ и вести постройки хозяйственнымъ способомъ, т. е. каждый инженеръ будетъ получать извѣстный участокъ, стоимость котораго будетъ опредѣляться спеціальною комиссіею.

Судебныя извѣстія.

— Во всѣхъ случаяхъ, когда министерство юстиціи признаетъ нужнымъ извѣстныя дѣла не предавать гласности, оно будетъ входить съ особымъ представленіемъ въ соединенное присутствіе перваго и кассаціоннаго департаментовъ, которое будетъ дѣлать о томъ постановленія.

— Главн. тюремн. управл. уже составило проектъ устройства тюремъ, согласно лѣстницѣ наказаній, по новому уложенію о наказаніяхъ. Будетъ представлено въ государств. совѣтъ объ обязательномъ занятіи арестантовъ работою во всѣхъ тюрьмахъ.

— Съѣздъ мировыхъ судей въ Петроковѣ воспретилъ частнымъ повѣреннымъ именоваться „адвокатами" и выставлять вывѣски съ этимъ титуломъ.

Народное просвѣщеніе.

— Кромѣ существующихъ уже въ Ургѣ и Кульджѣ школы переводчиковъ, предполагается учредить еще двѣ подобныя школы. Одну на границѣ Персіи, другую въ Ташкентѣ.

Дѣла церкви.

— Рѣшено увеличить въ настоящемъ году число духовныхъ миссій для распространенія православія среди киргизовъ въ Семипалатинской области.

— Работы по постройкѣ русской православной церкви въ городѣ Токіо, Японской имперіи, приходятъ къ концу. Церковь однокупольная, разсчитана на семьсотъ человѣкъ.

— Состоялось ограниченіе программы церковныхъ проповѣдей и ихъ будутъ подвергать предварительной цензурѣ.

— Пожертвованія на постройку православнаго храма въ Батумѣ съ каждымъ мѣсяцемъ увеличиваются. Всѣхъ суммъ по 1-е января сего года 136,766 р.

— Изъ Москвы отправляются въ Іерусалимъ два колокола, отлитые на заводѣ Самгина. Одинъ, имѣющій 350 пудовъ вѣса, назначенъ въ храмъ св. Гроба Господня, а другой, въ 150 пудовъ, въ храмъ Рождества Христова въ Виѳлеемѣ. Колокола направлены черезъ Одессу и Яффу. Перевозка ихъ обойдется почти въ 2,500 руб.

Наука и литература.

— 27-го января, въ день годовщины смерти Ивана Сергѣевича Аксакова, въ Троице-Сергіевской лаврѣ, гдѣ погребенъ покойный, была заупокойная литургія и панихида.

— Появился въ печати нѣмецкій переводъ „Бориса Годунова", сдѣланный талантливымъ переводчикомъ Фидлеромъ. Молодой поэтъ-переводчикъ передалъ въ „Борисѣ Годуновѣ" очень вѣрно красоты оригинала.

— Н. Н. Миклухо-Маклай сильно занемогъ. Опытъ провести у насъ зиму, послѣ почти 23-лѣтняго препровожденія этого времени года въ разныхъ тропическихъ странахъ, очень тяжело отразился на его здоровьѣ.

Живопись и скульптура.

— Художникъ Клодтъ работаетъ теперь надъ двумя большими картинами, изъ которыхъ одна изображаетъ Гоголя, читающаго „Мертвыя души" Пушкину, а другая Гоголя, сжигающаго свои рукописи.

— Очередная XV выставка товарищества передвижныхъ выставокъ будетъ помѣщаться на Сергіевской, домъ Боткиной (прежнее помѣщеніе высшихъ женскихъ курсовъ). Выставка будетъ открыта 25 февраля; послѣдній срокъ пріема картинъ экспонентовъ—12 февраля.

— Къ 1-му марта въ Академію Художествъ будутъ доставлены матеріалы по исторіи русскаго зодчества, собранные губернскими статистическими комитетами и духовенствомъ.

— Императорскій Эрмитажъ продолжаетъ получать, одно за другимъ, цѣнныя приращенія. Послѣдовало Высочайшее соизволеніе на пріобрѣтеніе для него пяти шпалерныхъ ковровъ старинныго фламандскаго производства. Три изъ этихъ ковровъ по картонамъ

Рафаэля Санціо, одинъ — по картону Гвидо Рени.

— Въ теченіе декабря минувшаго года въ Императорскомъ Эрмитажѣ перебывало 6.020 посѣтителей: копированіемъ картинъ занималось въ немъ за это время 244 лица.

— Выставка нашего знаменитаго Айвазовскаго привлекаетъ постоянно многочисленную публику. Очень интересуютъ сюжеты миѳологическіе, историческіе и пр. Сборъ съ выставки предназначается въ пользу кассы академистовъ.

Театръ и музыка.

— Бывшій директоръ С.-Петербургской консерваторіи К. Ю. Давыдовъ даетъ теперь концерты въ Лейпцигскомъ гевандгаузѣ.

— 26 января, въ московскомъ Большомъ театрѣ состоялся юбилейный бенефисъ артистки Г. Н. Ѳедотовой въ драмѣ Шекспира „Антоній и Клеопатра“. Высокоталантливую бенефиціантку встрѣтили оваціей. При выходѣ было подано девять вѣнковъ и корзина съ цвѣтами. Были депутаціи всѣхъ столичныхъ театровъ и провинціальныхъ.

— 26 января, въ Александр. театрѣ М. Г. Савина также удостоилась овацій. Она была очень тронута проявленіемъ симпатіи къ ней публики. Артисткѣ подали вѣнокъ лавровый, большую корзину цвѣтовъ, вѣеръ изъ цвѣтовъ.

— Новая опера Верди „Отелло“ въ Миланѣ имѣла громадный успѣхъ, особенно 1-е и 4-е дѣйствія. Престарѣлому маэстро были сдѣланы шумныя оваціи.

— Артистъ Поссартъ приглашенъ въ Москву, на гастроли, и ознаменовалъ свой пріѣздъ тѣмъ, что пожертвовалъ за первый спектакль всю сумму въ пользу московскаго воспитательнаго дома.

Торговля и промышленность.

— Каменная соль брянской и деконской копей сбывается въ Привислянскій край, въ западныя губерніи, черноморскіе порты и на Кавказъ. Для сбыта этой соли въ Варшавѣ существуетъ особое общество.

— Нѣсколько крупныхъ московскихъ фабрикантовъ мануфактурныхъ товаровъ открываютъ въ СПБ., въ разныхъ частяхъ города, десять магазиновъ, гдѣ товары будутъ распродаваться по фабричнымъ цѣнамъ.

— Цѣны на медъ и воскъ въ Варшавѣ значительно поднялись. Причиной этому служитъ значительный вывозъ меда и воска за границу. Въ настоящее время почти всѣ оптовые склады воска и меда пусты.

Спортъ.

— Состоялось общее собраніе царскосельскаго скаковаго общества. Обсуждался вопросъ о перенесеніи ипподрома изъ Царскаго Села въ Петербургъ. Мѣстность намѣчена очень удобная: по Ланскому шоссе, близъ финляндской желѣзной дороги.

Городскія извѣстія.

— Представители польской колоніи въ Петербургѣ намѣрены испросить разрѣшеніе на устройство постояннаго театра, на что жертвуютъ по 25,000 руб. ежегодно.

— Въ ознаменованіе 50-лѣтняго юбилея министра путей сообщенія К. Н. Посьета, главн. общ. росс. ж. д. учредитъ пріютъ для престарѣлыхъ служащихъ на линіяхъ общества.

— Главныя ворота Зимняго дворца, деревянныя, недавно замѣнены новыми, изъ кованаго желѣза. Работа превосходная, обошлась свыше 35 тысячъ рублей. Заказъ этотъ исполненъ заводомъ Санъ-Галли.

Изъ губерній и областей.

— Въ Добленскомъ уѣздѣ въ Курляндіи, число конокрадствъ значительно уменьшилось съ тѣхъ поръ, какъ появился альбомъ курляндскихъ конокрадовъ, составленный по распоряженію мѣстныхъ властей и розданный между чинами сельской полиціи и мѣстными чиновниками. Этотъ альбомъ заключаетъ въ себѣ фотографическія карточки, имена и фамиліи лицъ обличенныхъ въ какой либо связи съ конокрадствами, и подробныя данныя о возрастѣ, мѣстѣ рожденія, жительствѣ, о нахожденіи подъ судомъ и слѣдствіемъ каждаго.

— Недавно прибылъ въ Варшаву бывшій русскій военный фельдшеръ, уроженецъ Сѣдлеца, пробывшій въ плѣну въ Бухарѣ болѣе 30 лѣтъ. Онъ попалъ въ руки бухарцевъ въ 1854 году и съ того времени несъ тяжелую участь невольника. Въ началѣ прошлаго года эмиръ уничтожилъ рабство въ Бухарѣ и онъ былъ выпущенъ на свободу.

— Въ теченіе всего декабря не прекращались работы по возобновленію Бухаръ-арыка (въ Голодной степи). Съ 7 декабря ежедневно и непрерывно работало болѣе 700 человѣкъ.

— Къ веснѣ китайцы откроютъ пароходные рейсы по Амуру и Уссури и съ этою цѣлью уже заказали особые мелкосидящіе пароходы въ Бельгіи, на заводѣ Кокериль и комп. Въ рѣчномъ и каботажномъ плаваніяхъ китайцы весьма опытны и, при дешевизнѣ ихъ труда, явятся для русскихъ судовладѣльцевъ опасными конкуррентами.

— Ген.-маіоръ Басовъ, назначенный управляющимъ закаспійской желѣзной дороги, прибылъ 14 января въ Тифлисъ и выѣхалъ въ Баку, на мѣсто своего назначенія.

Смѣсь.

По вопросу о человѣческомъ ростѣ. Происходившія въ послѣднее время въ европейскихъ государствахъ парламентскія пренія по вопросу о комплектованіи армій, вызвали въ нѣкоторыхъ ученыхъ обществахъ, преимущественно медицинскихъ и антропологическихъ, небезъинтересныя научныя сообщенія о человѣческомъ ростѣ и тѣлосложеніи. На ряду съ этимъ, появленіе въ Парижѣ австрійскаго великана, двадцатилѣтняго крестьянскаго сына Франца Винкельмеллера, ростомъ въ три аршина двѣнадцать вершковъ, показывающагося въ настоящее время публикѣ, возбудило въ ученыхъ журналахъ оживленные толки о человѣческомъ ростѣ вообще и его вліяніи на умственное и физическое развитіе людей. Вырождается ли постепенно родъ человѣческій или нѣтъ? Отличались ли люди въ доисторическія и въ послѣдующія эпохи болѣе высокимъ ростомъ и сильнымъ тѣлосложеніемъ, сравнительно съ позднѣйшими и въ особенности современными поколѣніями? Существовали ли когда либо народы, состоящіе изъ однихъ карликовъ, и наоборотъ—изъ однихъ великановъ? Какія причины непосредственно вліяютъ на ростъ людей и ихъ развитіе въ дѣтскомъ возрастѣ? Въ прошломъ столѣтіи существовало довольно распространенное мнѣніе, будто въ древнія времена люди были гиганты. Уже въ эпоху троянской войны Гомеръ жаловался на малый ростъ современныхъ ему греческихъ и троянскихъ воиновъ. Сохранившіеся до настоящаго времени историческіе памятники не свидѣтельствуютъ о высокомъ ростѣ древнихъ народовъ. Открываемые, время отъ времени, человѣческіе скелеты далеко не поражаютъ своими размѣрами. Арматуры древнихъ, рыцарскіе доспѣхи, кирасы и каски воиновъ среднихъ вѣковъ приходятся по мѣркѣ большей части солдатъ нынѣшняго поколѣнія. Египетскія муміи, за весьма рѣдкими исключеніями, представляютъ людей средняго роста; то же самое слѣдуетъ сказать и о муміяхъ и скелетахъ, найденныхъ въ древнихъ памятникахъ Индіи, Персіи, Мексики и Перу; наконецъ, скелеты троглодитовъ, жившихъ въ пещерахъ за нѣсколько тысячелѣтій до народовъ, оставившихъ по себѣ слѣды въ исторіи, по своимъ размѣрамъ не представляютъ рѣзкаго контраста съ современными людьми. Физіологъ Гюйо-Добезъ доказываетъ, что человѣческій ростъ не подвергался замѣтнымъ перемѣнамъ и что во всѣ времена существовали люди высокаго и малаго роста. То же явленіе имѣетъ мѣсто и въ настоящее время, чему и должно приписать создавшуюся много лѣтъ тому назадъ легенду о „народахъ-карликахъ“ и „народахъ-великанахъ“. „Противоположности—говоритъ Добезъ—постепенно сглаживаются въ среднихъ типахъ, карлики же, ростомъ менѣе аршина съ четвертью, и великаны, достигающіе сажени и болѣе, составляютъ исключенія, существовавшія во всѣ времена“. Ни климатъ, ни почва, по мнѣнію Добеза, не имѣютъ безусловнаго вліянія на ростъ людей. Обитатели полярныхъ странъ, эскимосы и лапландцы очень малы ростомъ, въ среднемъ не выше двухъ аршинъ, но и африканское племя аккасовъ, живущее подъ палящими лучами экваторіальнаго солнца и описанное Швейнфуртомъ, не выше эскимосовъ. Негритосы, живущіе на Филиппинскихъ и Адаманскихъ островахъ, а также и на полуостровѣ Малаккѣ, чрезвычайно приземисты; наибольшій процентъ негритосскихъ мужчинъ еще ниже эскимосовъ. На островѣ Мадагаскарѣ существуетъ цѣлое племя, прозванное „карликами“; но всѣхъ меньше ростомъ „бушмены“ въ Южной Африкѣ, рѣдко достигающіе полутора-аршинной высоты. Къ высокорослымъ расамъ принадлежатъ норвежцы, канадцы, дикари Сѣверной Америки, кафры въ Южной Африкѣ, патагонцы въ Южной Америкѣ и полинезійцы. Кафры, патагонцы и полинезійцы, въ сравненіи съ бушменами и эскимосами, настоящіе великаны, такъ какъ большинство мужчинъ этихъ трехъ расъ нерѣдко достигаетъ почти саженнаго роста. Въ животномъ царствѣ эти крайности выступаютъ еще рѣзче, и противоположности, представляемыя животными одного и того же вида, какъ напримѣръ: миніатюрною обезьянкою уистити и колоссальною гориллою, бретонскою коровою и громадною коровою дургэмской породы, исландскимъ пони и мекленбургскою лошадью—не могутъ даже идти въ сравненіе съ контрастами, существующими между патагонцами и бушменами, норвежцами и лапландцами. (н.)

Докторъ Луи Жоберъ издалъ книгу о лѣвшахъ, т. е. людяхъ прибѣгающихъ чаще къ помощи лѣвой руки. Отдѣльной расы лѣвшей не встрѣчается нигдѣ, однако нѣкоторыя племена склонны къ употребленію лѣвой руки. Такъ напр. 70% жителей Пенджаба преимущественно работаютъ лѣвою рукою, а также большая часть готтентотовъ и бушменовъ чаще употребляютъ лѣвую руку. Д-ръ Марро въ результатахъ своихъ изслѣдованій надъ преступниками, нашелъ, что изъ числа осужденныхъ отъ 14 до 22% были лѣвши, тогда какъ между людьми изъ разныхъ классовъ населенія, только 9% составляютъ это исключеніе. (г.)

Въ Говелѣ, въ Сѣверной Америкѣ, умерла недавно, въ престарѣлыхъ лѣтахъ, негритянка, по имени Эльдриджъ, возбуждавшая при жизни вниманіе многихъ докторовъ. До пятидесятилѣтняго возраста кожа ея была совершенно черна, затѣмъ стали показываться на ногахъ бѣлыя пятна, величиною въ серебряный долларъ. Вскорѣ такими пятнами покрылось все тѣло и наконецъ кожа сдѣлалась такою же бѣлою, какъ у человѣка кавказскаго племени. Перемѣна цвѣта кожи не имѣла никакого вліянія на здоровье женщины. Врачи, слѣдившіе за негритянкой, не могутъ объяснить причины этой перемѣны, но предполагаютъ, что она вызвана не накожною болѣзнью. (г.)

Халдейскія древности. Французскій ученый Бертело, занимавшійся изслѣдованіемъ образцовъ металловъ и минераловъ древне-халдейскаго происхожденія, сообщилъ академіи наукъ, что въ 1854 году археологъ Пласъ открылъ въ Корсабадѣ, подъ однимъ изъ камней саргонскаго дворца въ бывшей Халдеѣ, каменный ящикъ съ семью табличками, покрытыми клинообразными надписями, о времени закладки зданія (706 годъ до Р. Х.). Четыре изъ этихъ табличекъ хранятся въ луврскомъ музеѣ. Изслѣдованія Бертело по-

казали, что одна изъ нихъ золотая, другая серебряная, третья бронзовая (10 частей олова, 85—мѣди). Четвертая состоитъ изъ рѣдкаго металла—чистаго магнія, который, какъ полагали до сихъ поръ, не былъ извѣстенъ древнимъ. Металлъ, называемый въ настоящее время магніемъ, былъ впервые изслѣдованъ только въ концѣ XVIII вѣка. При раскопкахъ въ Телло были открыты самые древнѣйшіе памятники Месопотаміи. Кромѣ того, въ Телло была найдена металлическая статуэтка, на которой вырѣзаны имена Гондеало и Думги; изображеніе относится къ самой глубокой древности. Статуэтка сдѣлана изъ чистой мѣди, безъ примѣси олова. (п.)

Упадокъ часового производства въ Англіи. Славившееся нѣкогда въ Англіи часовое производство находится теперь въ упадкѣ. Въ настоящее время уже болѣе не раскупаются въ прежнемъ количествѣ англійскіе хронометры и морскіе часы, и въ самой Англіи часовщики жалуются на конкурренцію швейцарцевъ и американцевъ, отбивающихъ у нихъ покупателей. Англійскія часовыя фабрики болѣе не выдерживаютъ конкурренціи, и дѣла ихъ настолько разстроились, что лондонскіе часовые подмастерья бросили свое ремесло и поступили на механическіе и инструментальные заводы. Причина упадка часового дѣла въ Англіи во многомъ зависѣла отъ самихъ англійскихъ мастеровъ, которые не довольно чутко относились къ интересамъ своей профессіи, такъ что въ короткое время иностранные часовщики превзошли ихъ въ техническомъ отношеніи. (п.)

Оффиціальный журналъ въ Парижѣ опубликовалъ 11 января законъ о продажѣ бриллiантовъ принадлежащихъ французскому правительству. Вырученныя деньги будутъ зачислены въ государственный доходъ. Не подвергнутся продажѣ только нѣкоторые предметы, замѣчательные по своей художественности или старинѣ, какъ напр. часы дея алжирскаго, большой рубинъ, драконъ изъ жемчуга и эмали и маленькій датскій слонъ. Для минералогическаго музея сохранены: 3 алмаза, 3 рубина, 12 аметистовъ, 20 опаловъ, 13 жемчужинъ и еще нѣсколько собраній камней. Для плавки между прочимъ предназначены: императорская корона, шпаги дофина и Людовика XVIII. Все остальное будетъ продаваться съ аукціона въ отелѣ Друо. (р.)

Настоящій владѣтель Персіи, какъ нѣкогда ахемениды, страстный охотникъ, особенно на хищнаго звѣря. Всѣ горныя мѣстности провинцій Тегерана и Масадерана предоставлены для охоты исключительно шаху, который лично даетъ разрѣшеніе другимъ лицамъ охотиться тамъ. Любимымъ мѣстомъ шаха считается Джерджерудъ, вблизи дворца Тошанъ-Тепе, котораго онъ можетъ достигнуть изъ столицы въ два часа. Тамъ встрѣчаются нерѣдко тигры и пантеры. Недавно шахомъ былъ снова убитъ тигръ. Получивъ увѣдомленіе о появленіи тигра въ участкѣ Тошанъ-Тепе, шахъ на другой же день отправился на охоту. Тигръ запрятался въ одну изъ многочисленныхъ пещеръ, служащихъ убѣжищемъ стадамъ овецъ. Когда шахъ подошелъ къ пещерѣ, два человѣка изъ болѣе смѣлыхъ охотниковъ вошли въ пещеру, чтобы выгнать звѣря. Тигръ вскорѣ появился и шахъ, стоявшій въ 60 шагахъ отъ пещеры, положилъ его на мѣстѣ. Недавно шахъ убилъ также двухъ медвѣдей. Одного онъ положилъ на мѣстѣ удачнымъ выстрѣломъ, а другого подпустилъ къ себѣ на 10 шаговъ и тогда уже выстрѣлилъ. (р.)

Новое оптическое стекло изобрѣтено въ Іенѣ профессоромъ Аббеей и д-ромъ Шоттомъ. Оно обладаетъ большою преломляющею силою и должно оказать сильное вліяніе въ практической оптикѣ, такъ какъ дозволяетъ приготовлять линзы съ такимъ короткимъ фокусомъ, чего нельзя достигнуть съ другими стеклами. Стекло это будетъ имѣть также важное значеніе при микроскопической фотографіи. Употреблявшееся до сихъ поръ стекло состояло изъ смѣси шести веществъ, новое же изобрѣтеніе состоитъ изъ четырнадцати веществъ и содержитъ преимущественно фосфоръ и боръ. (г.)

Открытіе новой планеты. Наблюденіями, производившимися Петерсомъ, директоромъ Клинтонской обсерваторіи (въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ) открыта была въ ночь на 23 декабря прошлаго года новая планета. Она не особенно большихъ размѣровъ и равняется по величинѣ своей приблизительно звѣздамъ двѣнадцатой величины. Восхожденіе ея совершенно вертикальное, съ сильно замѣтнымъ склоненіемъ къ сѣверу. Кромѣ того въ началѣ прошлаго года Петерсомъ открыты были еще двѣ новыя планеты: „Алетейя" и „Примно", которыя почему-то въ теченіе долгихъ лѣтъ оставались незамѣченными учеными. (м.)

Сѣрный островъ. Уайтъ Айлэндъ (Бѣлый островъ), почти не упоминающійся въ географіяхъ, составляетъ замѣчательное явленіе. Онъ принадлежитъ къ Ново-Зеландской колоніи и находится подъ 37 градусомъ 29 минутами южной широты и на 177 градусовъ 10 минутъ восточнѣе Гринвича, почти въ центрѣ залива Пленти, на восточной сторонѣ Сѣвернаго острова. Отъ берега онъ удаленъ на 45 километровъ (1 килом. составляетъ около версты). Онъ состав-

Залъ инкунабуловъ въ Императ. Публич. библіотекѣ. Рис. Шарлери, грав. Паннемакеръ.

ляетъ восточную границу длиннаго вулканическаго пояса, который тянется отъ угасшаго вулкана Эгмонтъ подъ 39 градусомъ 18 мин. южной широты, на 174 град. 5 мин. восточнѣе Гринвича, чрезъ озера Тонгариро, Таупо и Ротомагаиа къ Валь-Айлэнду подъ 37 град. 50 мин. южной широты и на 176 град. 59 мин. восточнѣе Гринвича и до окрестныхъ скалистыхъ рифовъ. Островъ подинмается на 265 метровъ (1 метр. около 1½ арш.) надъ уровнемъ моря и имѣетъ въ окружности 5 километровъ. Уайтъ Айлэндъ еще дѣйствующій вулканъ. Основаніе кратера находится почти на одномъ уровнѣ съ моремъ и имѣетъ въ окружности до 3 километровъ. Въ центрѣ кратера имѣется въ 90 метровъ ширины горячій источникъ, пары котораго поднимаются на 600 метровъ вверхъ. По краю острова идутъ небольшіе гейзеры, свистящіе точно машины отъ дѣйствія высокаго давленія и выкидывающіе пары съ такою быстротою, что брошенный внизъ камень тотчасъ выносится на воздухъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ видиѣются маленькія озера съ сѣрною водою, но въ спокойномъ состояніи. Весь островъ такъ нагрѣтъ, что по немъ можно ходить только съ трудомъ. Тутъ не живутъ ни звѣри, ни насѣкомыя. Съ края кратера островъ кажется лугомъ съ прекрасною зеленью и извивающимися ручейками, которые при приближеніи оказываются кристаллизованною сѣрою. Анализъ мѣстной желтой сѣры далъ 99,9 процента чистой сѣры и анализъ зеленой — 62,5 процента. Примѣсь состоитъ преимущественно изъ сѣрнокислой извести и гипса. Уайтъ Айлэндъ частная собственность; въ настоящее время образовывается общество для разработки сѣрныхъ залежей. (г.)

Отравленіе отъ избытка употребленія чая. Вопросъ этотъ былъ предметомъ оживленныхъ преній между докторами Сѣверной Америки и Англіи. Для успокоенія любителей чая можемъ сообщить, что болѣе точныя изслѣдованія доказали его полнѣйшую безвредность для людей здоровыхъ. Въ небольшомъ количествѣ, въ какомъ обыкновенно употребляется чай, существенная составная часть его, теинъ, не можетъ оказывать вреднаго дѣйствія. Самъ по себѣ, въ сильныхъ пріемахъ, онъ такъ же вреденъ, какъ и кофеинъ, составная часть кофе. Долгое время оба вещества считали одинаковыми по составу и дѣйствію. Однако теперь дознано, что физіологическое дѣйствіе ихъ совершенно различно. Кофеинъ въ сильныхъ пріемахъ скорѣе вызываетъ смерть, почему можно заключить, что избыточное потребленіе кофе скорѣе вызываетъ дурныя послѣдствія, нежели излишнее потребленіе чая. (г.)

Кокосовое масло повидимому скоро будетъ въ состояніи замѣнить масло коровье. Въ настоящее время удалось добывать кокосовый жиръ совершенно чистымъ на видъ и пріятнымъ на вкусъ; до сихъ же поръ онъ получался только прогорклымъ и шелъ на изготовленіе мыла. Нѣмецкая фирма Кольмаръ въ Безиггеймѣ, занимающаяся выдѣлкою кокосоваго жира, предполагаетъ ввести его въ употребленіе въ Европѣ. Онъ очень пригоденъ для печеній, и газета пекарей и кондитеровъ отзывается объ немъ съ большой похвалою. (г.)

Къ исторіи стального пера. Англичанинъ Генри Боре въ маленькомъ сочиненіи собралъ всѣ свѣдѣнія, касающіяся стального пера. Повидимому, перо не есть продуктъ нашего желѣзнаго вѣка. Напротивъ, начало этого неоцѣненнаго для насъ инструмента относится до среднихъ вѣковъ (XIII и XIV столѣтія) и даже до древнихъ. Такъ, о рукописи Роберта д'Артуа говорится, что писецъ, съ цѣлью лучше поддѣлать руку, употребилъ бронзовое перо. Римское стальное перо, на подобіе нынѣшнихъ, сдѣланное изъ бронзы, было найдено въ Аостѣ. Имѣются данныя, свидѣтельствующія объ употребленіи пера, или трубки изъ бронзы въ XV столѣтіи, т. е. во время изобрѣтенія книгопечатанія. Двѣсти лѣтъ назадъ стальныя перья изготовлялись Гаррисономъ въ Бирмингамѣ для доктора Пристлея; нѣкоторыя изъ нихъ попали къ сэру Іосіа Мэзону, но всѣ они, кажется, затерялись. Первое стальное перо, съ извѣстнымъ опредѣленіемъ времени, упоминается въ 1717 г. въ голландской патентной книгѣ. На этотъ случай указываетъ вѣроятно поэтъ Попэ въ своей одѣ, говоря о стальныхъ и золотыхъ перьяхъ. Но вѣроятно это были предметы роскоши, не вошедшіе въ употребленіе. Только спустя 100 лѣтъ, въ 1816 или 1817 г., какъ сообщаетъ бирмингамская газета, металлическими перьями стали пользоваться всѣ. Съ изобрѣтеніемъ же въ 1823 или 1824 году ручного пресса для выдѣлки металлическихъ перьевъ, послѣднія совершенно вытѣснили гусиныя. Слава изобрѣтенія выдѣлки перьевъ прессомъ вмѣсто ручного производства принадлежитъ Джону Митчелю, Жозефу Гилло и Іосіа Мэзону. По новѣйшимъ однако изслѣдованіямъ, Джонъ Митчель первый примѣнилъ на практикѣ новое изобрѣтеніе. Ранѣе мистеръ Скиннеръ въ Шефильдѣ старался уже удешевить производство перьевъ, но усилія его не увѣнчались успѣхомъ, такъ какъ онъ не могъ бороться съ новымъ способомъ выдѣлки. (г.)

Стеклянная гора. Профессоръ геологическаго общества Соединенныхъ Штатовъ Иддингсъ опубликовалъ свѣдѣнія о стеклянной горѣ Іеловстоунъ-парка, извѣстной подъ именемъ Обсидіановской скалы. Гора или скала эта, какъ она названа Иддингомъ, образуетъ длинное возвышеніе въ 150 и 200 футовъ вышины. Она состоитъ изъ стекла, такого-же свойства какъ и стекло искусственное. Скала произошла по всей вѣроятности отъ вулканическаго изверженія. Стеклянный слой доходитъ въ нижней части до 75 и 100 футовъ толщины, пористая, невзовидная поверхность отчасти разрушена. Замѣчательны призматическія образованія на южной выпуклости возвышенія. Цвѣтъ стекла отчасти черный, свѣтлокоричневый, свѣтлокрасный, пурпурный и оливковозеленый. При солнечномъ освѣщеніи скала имѣетъ чудный видъ. (г.)

Задача буквъ № 14.

Найти слѣдующія 17 словъ:

1) Ветхозавѣтный патріархъ 78. 49. 16.
2) Внутренніе покои 60. 77. 23. 53. 5. 48. 73.
3) Принадлежность билліардной игры 74. 69. 33.
4) Древнѣйшее божество римлянъ 22. 34. 8. 1. 27.
5) Военный музыкальный инструментъ 57. 55. 51. 25. 64. 3. 9. 47.
6) Ложь 2. 30. 43. 6. 15. 56. 50. 62.
7) Названіе карты 24. 66. 63. 12.
8) Шерстяная ткань 4. 58. 70. 68. 52.
9) Произведеніе Гоголя 11. 40. 41.
10) Часть судна 67. 10. 14. 54. 29.
11) Кормъ домашняго скота 46. 36. 39. 44.
12) Кушанье 28. 45. 75. 35. 3.
13) Одна изъ партій въ Англіи 31. 7. 76. 61.
14) Названіе птицы 37. 32. 19. 42. 65. 21.
15) Сыновняя жена 17. 26. 72. 59. 18.
16) Нота 71. 20.
17) Союзъ 38.

					1					
					2					
			3	4	5	6	7			
			8	9	10	11	12			
13	14	15	16	17	18	19	20	21	22	23
24	25	26	27	28	29	30	31	32	33	34
35	36	37	38	39	40	41	42	43	44	45
46	47	48	49	50	51	52	53	54	55	56
57	58	59	60	61	62	63	64	65	66	67
68	69	70	71	72	73	74	75	76	77	78

Буквы найденныхъ словъ помѣстить въ предлагаемой фигурѣ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ, данную фигуру, наполненную буквами, разрѣзать на 9 частей, которыя должны быть соединены вмѣстѣ, но такъ, чтобы получилась *заглавная буква* фамиліи извѣстнаго русскаго поэта; а *въ буквѣ* — названія шести произведеній подразумѣваемаго поэта.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

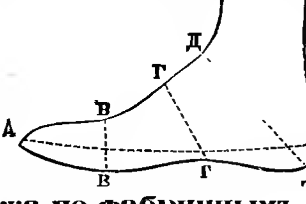
РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА

Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Пмѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Силадъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Силадъ и пріемъ частиыхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 1820 13

Собственные магазины Высочайше утвержденнаго С.-Петербургскаго Товарищества Механическаго Производства Обуви

высылаютъ … **прейсъ-ку-**
ранты вмѣ- … **стѣ съ по-**
дробнымъ … **руковод-**
ствомъ къ … **сниманію**
мѣрки по … **первому вос-**
требованію … **—безплатно.**

Продажа по фабричнымъ цѣнамъ.

Въ С.-Петербургѣ: Невскій пр., 54.
Невскій пр., 5. № 2390
Невскій пр., 110.

Въ Москвѣ: Петровка, напротивъ Кузнецкаго моста.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

СОСТАВЫ ИЗЪ ВАЗЕЛИНА.

ВАЗЕЛИНЪ чрезвычайно маслянистъ, мягчитъ кожу. Такъ какъ **Вазелинъ** не портится и не горькнетъ, то онъ съ большимъ удобствомъ замѣняетъ Кольдъ-Кремъ.

Вазелинъ душистый по 40 коп.

Помада ВАЗЕЛИНЪ по 40 коп. | **Кольдъ-Кремъ ВАЗЕЛИНЪ** по 45 к.

Мыло Вазелинъ по 45 коп.

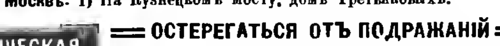
приготовленное съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.

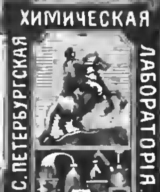
ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ. у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской улицы, домъ Шредера, № 18--54.

Въ семъ послѣднемъ магазинѣ производится **и оптовая продажа.**

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".

№ 2383

Въ КАМЫШАХЪ, нов. **Н. Каразина.** *Второе изданіе*, съ 39 рис. автора, большой томъ in 8—всего 304 стр. Цѣна **2 р.**, съ пер. **2 р. 30 к.**

SCHMIDT'S

SAMEN-UND PFLANZEN-CATALOG

für 1887

ist in bekannter umfangreicher Ausstattung erschienen und wird

FRANCO

und

GRATIS

auf Verlangen versandt.

SCHMIDT'S

Catalog ist eine SCHATZGRUBE

für jeden **Blumen-** und **Gartenfreund**

200 Seiten, 500 Illustrat. mit **Buntdruck**

FRANCO und **GRATIS.**

12—3 **J. C. SCHMIDT, ERFURT, DEUTSCHLAND.** № 2363

ЦѢНА 35 коп.

СЪ БЕЗПЛАТНЫМИ ПРИЛОЖЕНІЯМИ.

ЖИВОПИСНЫЙ

ОБИХОДНЫЙ КАЛЕНДАРЬ

НА **1887** Г. СЪ БЕЗПЛАТН. ПРИЛОЖЕНІЯМИ:

1) Картина **„Ночь на Ивана Купала"** (акварель Н. А. Богатова). 2) **Стѣнной календарь.** 3) **Карманный календарь.**

РЕБУСЫ СЪ ПРЕМІЯМИ НА 100 РУБ. СЕР.

Вышелъ въ свѣтъ и продается **во всѣхъ** извѣстныхъ книжныхъ и бумажныхъ магазинахъ Россійской Имперіи. Изящное изданіе. Отличается своими художественно-исполненными **рисунками** и богатствомъ **свѣдѣній. Желѣзно-дорожная карта. Разсказы, анекдоты, портреты, каррикатуры и проч. Новость: солнечные часы.**

Цѣна 35 коп.

за перес. 10 коп.

Во избѣжаніе потери на дорогѣ, желающіе благоволятъ прибавить 7 коп. марку на заказъ.

Главный складъ въ **Москвѣ,** при книжномъ магазинѣ **Бр. Салаевыхъ.** П. № 2004 10—10

ЗИМНЕЕ И ЛѢТНЕЕ ЛЕЧЕНІЕ

для

ЧАХОТОЧНЫХЪ

въ лечебницѣ д-ра Рёмплера,

ГЕРБЕРСДОРФЪ, ВЪ СИЛЕЗІИ.

Программы безплатно и франко. Р. № 2376 2—2

Подр. въ „Deutsche Illustrirte Zeitung" III Jahrgang № 23.

УДОСТОЕННЫЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ ВЫСШИМИ ОТЛИЧІЯМИ

ПРЕМИРОВАННЫЕ EXTRAITS QUADRUPLES:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

ЛОЗЕ GOLD-LILIE

ЛОЗЕ BOUQUET MESSALINA

служатъ и для этого зимняго сезона лучшими духами для платковъ, платьевъ и проч. Такъ какъ эти и мои другіе **Extraits quadruples** подвергаются подражанію, то прошу покорнѣйше при покупкѣ обращать вниманіе на мою полную фирму St. № 2382 12—2

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,

43 Егерстрассе, БЕРЛИНЪ.

Парфюмеръ Е. В. К. Германской, придворный поставщикъ Е. К. И. В. Наслѣдной Принцессы Германск. и Прусской.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

„НОВОСТИ ДНЯ"

(ГОДЪ ПЯТЫЙ)

ЕЖЕДНЕВНАЯ, ОБЩЕСТВЕННАЯ, ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ВЪ 1887 ГОДУ

будетъ отражать всѣ выдающіяся явленія политической и общественной жизни, давая читателямъ точныя свѣдѣнія о правительственныхъ распоряженіяхъ и дѣйствіяхъ городскихъ и земскихъ общественныхъ учрежденій, рисуя передъ ними современный **политическій горизонтъ,** передавая всѣ **злобы дня,** отражая всѣ движенія мысли, являясь, однимъ словомъ, калейдоскопомъ, въ которомъ будутъ проходить картины общественной и политической жизни. П. № 2387

Въ ежедневномъ **фельетонѣ** будутъ помѣщаться романы, повѣсти, разсказы, а въ юмористическомъ отдѣлѣ газеты — **„Смѣхъ и Горе"** — любители легкаго чтенія найдутъ массу мелочей юмористическаго характера: анекдотовъ, шутокъ и курьезовъ, въ которыхъ юморъ будетъ идти рука-объ-руку съ задорнымъ, беззлобнымъ смѣхомъ.

Независимо отъ всего этого, въ „Новостяхъ Дня" помѣщаются портреты лицъ, составляющихъ интересъ дня.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

	На 12 м. р.	к.	На 11 м. р.	к.	На 10 м. р.	к.	На 9 м. р.	к.	На 8 м. р.	к.	На 7 м. р.	к.	На 6 м. р.	к.	На 5 м. р.	к.	На 4 м. р.	к.	На 3 м. р.	к.	На 2 м. р.	к.	На 1 м. р.	к.
Съ пересылкой въ города . . .	9	—	8	50	8	—	7	—	6	50	6	—	5	50	5	—	4	—	3	—	2	—	1	—
Съ пересылкой за границу . . .	13	—	12	90	12	—	10	90	9	70	8	80	7	90	6	70	5	60	4	70	3	—	1	60

Адресъ: **Москва, „Новости Дня".** Редакторъ-издатель **А. Я. Липскеровъ.**

САРПИНКА

РУЧНАГО ТКАЧЕСТВА,

выработанная по заказу кустарными промышленниками Саратовской губерніи.

Рисунки послѣдняго сезона.

Поступила въ продажу съ 15-го января.

Продажа цѣлыми штуками и аршинами.

Перес. во всѣ города Россійской Имперіи.

Полная коллекція образцовъ, съ цѣнами и условіями по пересылкѣ, высылается въ двухъ видахъ: № 2275 5—5

Въ книжкѣ иллюстрированной образцами, 42 коп.
Въ конвертѣ, тѣ же образцы непереплетен. въ пачкахъ, 21 к.. } почтовыми марками.

Разсылка образцовъ начнется съ 15 января.

Торговый домъ „ИВАНЪ КУЗНЕЦОВЪ и Сынъ" въ Саратовѣ.

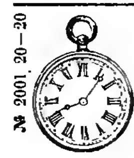
ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО

ГОЛЛЕНДЕРЪ

Шведскій зубной элексиръ
и Шведскій зубной порошокъ.

Для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта.
52—6 № 2337

Получить можно въ С.-Петербургѣ, Демидовъ пер., д. № 1, и во всѣхъ больших аптек. и космет. маг. въ столицахъ и въ провинціи. Цѣна флак. Элексиру 80 к., зубной порошокъ 50 к. За перес. 50 коп.

№ 2001. 20—20

СПБургъ, Невскій пр. № 52, противъ Публич. Библіотеки.
ГЛАВНОЕ ДЕПО ЧАСОВЪ
Г. ВАЛЬТЕРЪ,
спеціалистъ хронометровъ и сложн. час. механизмовъ.
Зол. и серебр. хрон ом. и пр.
Прейсъ-куранты по востреб.

КРЫШКИ для переплета „НИВЫ“ изъ лучшаго англійск. коленк. 1886 г. съ зол. тисн. по вышеозначенному образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую коленкоровую крышку. Также имѣются крышки для **„Нивы“** прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1885 г. по той же цѣнѣ.

Продолжается подписка на 1887 г.

на ВѢСТНИКЪ

ТИРАЖЕЙ

помѣщающій **тиражи** всѣхъ безъ исключенія процентныхъ бумагъ, доходы по всѣмъ цѣнностямъ, отчеты всякихъ банковыхъ, промышленныхъ и желѣзнодорожныхъ предпріятій и пр. Пробный нумеръ высылается за одну почтовую марку.
№ 2252 10—10

На годъ, безъ доставки	**4** р.
съ дост. въ С.-Петербургѣ. . .	**5** р.
съ перес. во всѣ г. Имперіи . .	**6** р.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ, въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блокъ, Невскій, 86.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1886 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. С. Тургенева**, разсказъ графа **Л. Н. Толстаго**, романы графа **Е. А. Саліаса, Вс. Соловьева** и **Н. К. Лебедева (Морскаго)**, поэму **А. Н. Майкова**, разсказы и повѣсти **Всев. В. Крестовскаго, Я. П. Полонскаго, К. Тхоржевскаго, П. П. Гнѣдича, А. Я. Максимова, П. Петрова, В. П. Желиховской, Н. В. Успенскаго, Захеръ-Мазоха, К. Бороздина, Ар. Эвальда, Е. Кириллова** и разн. др., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч. кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„ГАДАНЬЕ“.

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы“ „Моды“ прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ коленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . .	**6** „	Съ пересылкою. .	**7** „ **50** „

При покупкѣ этого тома, желающіе имѣть картину „Гаданье“ наклеенною на полотно и вставленною въ РАМУ— могутъ получить таковую за 3 руб. Гг. же иногороднымъ эта рама высылается чрезъ транспорт. контору прочно задѣланною въ ящикъ, за 4 руб. (Стоимость пересылки уплачивается на мѣстѣ при полученіи рамы).

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для укрѣпленія корней волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

произведенія

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. А. № 2150 16—8

2 золотыя медали:
Брюссель 1880 Лондонъ 1884 г.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ **ПЬЕРРЪ БУРСО**

Домъ основанный въ 1807 г. **Сегенъ,** въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Находится во всѣхъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ, аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россіи.

Э. ИММЕРЪ и СЫНЪ.

ПОСТАВЩИКИ ДВОРА ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА
Коммис. Минист. Государств. Имущ.

Сѣмена полевыя, огородныя, цвѣточныя и древесныя превосходнаго качества, испытанной всхожести, собственнаго сѣменнаго хозяйства и лучшихъ заграничныхъ производителей.

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ КАТАЛОГЪ СѢМЕНАМЪ высылается за 35 коп. марками или деньгами, которыя возвращаются по полученіи заказа на 2 р.

ОГОРОДНЫЯ и ЦВѢТОЧНЫЯ СѢМЕНА отпускаются въ пакетахъ, на которыхъ отпечатаны подробныя правила посѣва и ухода, съ указаніемъ на почву.

Складъ и Контора

въ Москвѣ, по Мясницкой ул., д. Обидиной.
№ 2373 2—2

Главн. депо **Олеографическ. картинъ,** Иконы, портреты, пейзажи, сцены и пр. Портреты Е. И. В. **Государя Александра III** 18×15 верш. 8 р., съ перес. 9 руб. Аппараты, дерево, краски, предметы для брызгальн., выжигат. и др. худож. работъ. **Терракоты** отъ 30 к. до 25 р. Базы, фигуры, медальоны, кронштейны. **РАМЫ и БАГЕТЫ** № 2386 золоч., черн., бронз., плюш., дерев. и пр. отъ 10 к. до 20 р. аршинъ. Каталогъ—10 коп. почтов. марк. ☛ Ищу агент. во всѣхъ больш. городахъ.

Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ,

угловой магазинъ Гороховой и Мойки.

ФОТОГР. АППАРАТЪ 30 Р.

полн. приборъ къ нему, т. е. объективъ, пласт., чашки, альб. бум. хим. продук. и пр. **20 Р.** Этимъ аппар. можно скоро изучить фотографированіе. Вѣсъ аппарата съ приб. 20 фунт. Mt. № 2384 10—1

САДОВОЕ ЗАВЕДЕНІЕ

П. И. ДАУГУЛЯ

въ г. Дерптѣ, Лифляндской губ.

высылаетъ безплатно и франко КАТАЛОГЪ СѢМЯНАМЪ огороднымъ, цвѣточнымъ и экономическимъ, **500 сорт. РОЗАНАМЪ, грунтовымъ** и оранжерейнымъ, **Георгинамъ, Гвоздикамъ,** цвѣточн. луковицамъ, воздушн. и тепличн. растеніямъ, фруктовымъ и украсительнымъ № 2391 **ДЕРЕВАМЪ И КУСТАРНИКАМЪ, клубникамъ, спаржѣ, шампиньон. гнѣздамъ,** растительн. **гигрометрамъ** (предсказыв. перемѣну погоды въ точности за 24 ч. впередъ, ц. 2 р.) и пр., съ обозначеніемъ крайн. цѣнъ.

Слабительная минеральная вода. Имѣется вездѣ. Дирекція въ Будапештѣ. Ф. № 2236 3—3

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ объявленіе Банкирской Конторы Ф. А. Клима въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ. 4 февраля 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. | № 7 — г. XVIII | 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 14 февраля 1887 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Послѣдній лордъ Иддеслей.

Внезапная смерть лорда Иддеслея, тридцать лѣтъ занимавшаго выдающійся политическій постъ, вызвала искреннее соболѣзнованіе людей даже противоположной партіи и глубоко тронула народъ. Для насъ смерть его имѣетъ значеніе, такъ какъ онъ былъ рѣшительный противникъ враждебной Россіи политики Салисбюри, и самая смерть его, по слухамъ, произошла отъ сильнаго волненія, вслѣдствіе спора съ лордомъ Салисбюри. Лордъ Иддеслей происходилъ изъ семьи баронетовъ Нортскотовъ, родовыя помѣстья которыхъ находятся въ долинѣ Экса, въ часовомъ пути отъ города Эксетеръ. Стаффордъ Генри Нортскотъ, позднѣе лордъ Иддеслей, родился въ 1818 году и воспитывался въ Итонѣ. Въ 1843 году онъ началъ свою политическую карьеру въ качествѣ частнаго секретаря Гладстона, бывшаго тогда президентомъ департамента торговли, во время вторичнаго управленія сэра Роберта Пиля. Во время управленія лорда Росселя онъ много способствовалъ подготовкѣ свободнаго торговаго тарифа и содѣйствовалъ отмѣнѣ закона о судоходствѣ. Послѣ смерти отца и затѣмъ дѣда въ 1851 году, Стаффордъ Генри Нортскотъ наслѣдовалъ титулъ баронета. Въ этомъ же году онъ занималъ должность секретаря выставочной коммисіи, работалъ съ сэромъ Чарльзомъ Травельяномъ надъ преобразованіемъ городского управленія. На 37 году жизни сэръ Стаффордъ Нортскотъ вступилъ въ Палату Общинъ. Въ 1871 году правительство Гладстона должно было покончить Алабамское дѣло. Всѣ попытки устроить это обыкновеннымъ дипломатическимъ путемъ не привели къ результату и была назначена соединенная коммисія для засѣданій въ Вашингтонѣ. Въ члены этой коммисіи былъ избранъ также сэръ Стаффордъ Нортскотъ. Во время управленія Дизраэли, сэръ Стаффордъ Нортскотъ былъ канцлеромъ казначейства и пользовался извѣст-

Лордъ Норскотъ-Иддеслей. † 31-го декабря 1886 (12-го января 1887 г. н. с.).
Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

ностью какъ человѣкъ съ познаніями и вѣрнымъ взглядомъ. Съ возведеніемъ Дизраэли въ званіе лорда Биконсфильда въ 1876 г., онъ оставилъ сэра Стаффорда главою палаты общинъ; въ 1880 г., съ паденіемъ министерства Биконсфильда, предводительство оппозиціонною партіею противъ правительства Гладстона осталось также за сэромъ Нортскотомъ. Поведеніе его было вообще разумно и умѣренно. Затѣмъ произошло оставленіе сэромъ Нортскотомъ своего поста въ Палатѣ Общинъ, пожалованіе его титуломъ графа Иддеслея и наконецъ выходъ въ отставку.

Лордъ Иддеслей прибылъ 30-го декабря 1886 г. (11-го января н. с.), въ Лондонъ для окончанія своихъ занятій въ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ и для свиданія съ маркизомъ Салисбюри. Онъ провелъ ночь у графа Фортескью и здоровье его было вполнѣ удовлетворительно. На другое утро, побывавъ въ министерствѣ, онъ около трехъ часовъ отправился въ домъ перваго министра, гдѣ въ пріемной ожидалъ выхода Салисбюри. Вскорѣ онъ почувствовалъ дурноту и боль въ сердцѣ и спустя минутъ двадцать скончался. Доктора Вестминстерскаго госпиталя не могли привести его въ чувство. Лордъ Салисбюри вошелъ тотчасъ послѣ его кончины, точно также немедленно прибылъ изъ военнаго министерства Генри Нортскотъ, второй сынъ лорда Иддеслея, не заставшій уже отца въ живыхъ. Лордъ Иддеслей похороненъ въ своемъ родовомъ помѣстьѣ, въ Унтонъ Пайнѣ.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

V.

Черезъ три дня послѣ свиданія съ царицей, Христина Енрихова была уже за нѣсколько десятковъ верстъ отъ Риги.

Медленно, шагомъ, съ остановками, тащилась она по большой дорогѣ на Псковъ, въ маленькой телѣжкѣ, запряженной въ одну лошадь, которая отъ худобы и старости едва двигалась.

Христина ѣхала не одна. Изъ боязни нападенія и потери сестринаго подарка, она выискала себѣ попутчика, пожилого крестьянина, возвращавшагося на родину, родомъ латыша. Чрезвычайно грубоватый на видъ, здоровенный и сильный мужикъ былъ самымъ подходящимъ спутникомъ для Христины, тѣмъ болѣе, что молчалъ всю дорогу, какъ убитый. Хотя Христина и знала порядочно по-латышски, но теперь ей было не до бесѣдъ и разговоровъ. Она сидѣла въ телѣжкѣ около своего попутчика почти такая же задумчивая, какъ и во дни заключенія.

Въ первыя минуты послѣ посѣщенія московской царицы, съ кучкой червонцевъ въ рукахъ, съ радостной надеждой повидаться вскорѣ съ семьей, если всѣ цѣлы и невредимы, Христина чувствовала себя совершенно счастливой. Но затѣмъ, послѣ двухъ сутокъ тихой ѣзды по безконечной столбовой дорогѣ, передумавъ все, вспомнивъ и перебравъ до мельчайшихъ подробностей свое свиданіе съ царицей, смѣтливая женщина сообразила, что ея смутныя надежды и мечтанія теперь почти разрушены. Правда, ее немедленно выпустили на свободу изъ тюрьмы. Царица была съ ней ласкова, подарила ей цѣлую горсть червонцевъ—но и только. Она снова возвращалась въ то же крѣпостное состояніе, къ своему барину-шляхтичу. Панъ полковникъ сказалъ ей, чтобы она надѣялась со временемъ на улучшеніе ихъ судьбы. Но покуда нѣтъ ничего, кромѣ этихъ червонцевъ, которые скоро и уйдутъ на возстановленіе разореннаго москалями хозяйства.

Иногда Христина думала и даже бормотала вслухъ на своемъ родномъ языкѣ, котораго не понималъ латышъ.

— Слава Маткѣ Божьей, благодареніе пану Богу, что и на свободу выпустили, да денегъ дали. Могла я умереть въ заключеніи и никогда дѣтей не увидать.

Но въ другія мгновенія, та же Христина точно также бормотала:

— А вѣдь царица, еслибы захотѣла, могла бы насъ выкупить изъ неволи, сдѣлать вольными, освободить изъ рабскаго состоянія и крѣпости. Ей это ничего бы не стоило. Одно слово царю сказать.

И Христина глубоко вздыхала.

Женщина рѣшила теперь прежде всего заѣхать по дорогѣ къ старшему брату, чтобы повидаться съ нимъ и разузнать о судьбѣ своей семьи. Быть можетъ, узнаетъ она и худое!—Все не такъ страшно услыхать дурныя вѣсти, чѣмъ сразу пріѣхать на пустое мѣсто, гдѣ нѣтъ и слѣда ни дома, ни семьи.

До мѣстечка Вишки, гдѣ жилъ братъ ея Карлусъ, было отъ Риги довольно далеко и Христина только дней черезъ десять пути въѣхала въ большое селеніе, гдѣ жилъ братъ, служа главнымъ лакеемъ въ „віасибасъ намсъ“, или въ трактирѣ.

Сестра съ братомъ такъ давно не видались, что въ первую минуту даже не признали другъ друга и, только присмотрѣвшись обоюдно, расцѣловались по родственному.

— Слышалъ ли ты, Карлусъ, что нибудь объ Янко и моихъ дѣтяхъ? былъ первый вопросъ Христины, и сердце замерло въ ней отъ боязни услыхать что нибудь худое.

Вѣсти Карлусъ, по счастію, имѣлъ, хотя и не свѣжія, но относительно хорошія. Онъ слышалъ, что она, Христина, была взята въ плѣнъ и угнана русскими войсками, но что ея мужъ и дѣти живутъ невредимы на мѣстѣ, хотя на пепелищѣ, такъ какъ все было разорено московскими войсками.

— Живы?.. Цѣлы?.. воскликнула Христина.

— Невредимы, отвѣчалъ Карлусъ. Затѣмъ онъ тотчасъ же предложилъ послать за однимъ землякомъ Христины, который за недѣлю передъ тѣмъ явился въ Вишкахъ съ родины и могъ сообщить ей что либо новое объ ея семьѣ.

Землякъ оказался въ отсутствіи. Онъ случайно выѣхалъ именно въ сосѣдство Дохабена, деревушки гдѣ жила семья Карлуса. Поэтому братъ съ сестрой тотчасъ же собрались туда же, такъ какъ деревня была въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вишекъ.

Населеніе деревушки Дохабенъ, принадлежавшее поляку Лауренцкому, было почти сплошь латышское, за исключеніемъ только десятка литвиновъ и поляковъ. Марья Сковорощанка была литвянка, но ея пятеро дѣтей стали латышами отъ окружающей среды. Старшему сыну, Антону, было уже болѣе пятнадцати лѣтъ, среднему, Мартыну—пять, младшему, Ивану—три года, а дочери Софьѣ—четырнадцать, и всѣ они говорили только по-латышски, кромѣ крошки-дѣвочки Анны, еще лепетавшей.

Въ то самое утро, когда Карлусъ съ сестрой выѣхали изъ Вишекъ, въ ея телѣжкѣ, и приближались къ Дохабену, верстахъ въ двухъ отъ деревни, шелъ покосъ.

Утро было ясное, еще прохладное, и кучка косцовъ бодро шагала въ рядъ по лугу, размашисто снося съ корня и кладя въ грядки высокую душистую траву.

Невдалекѣ отъ косцовъ, по опушкѣ небольшого лѣса, который клиномъ вдавался въ лугъ, шумѣла и рѣзвилась кучка дѣвушекъ и подростковъ, принесшихъ сюда изъ деревни обѣдъ для работниковъ. Съ десятокъ этихъ крестьянокъ разнаго возраста, но не моложе десяти и не старше 17 лѣтъ, въ ожиданіи перерыва ра-

боты и обѣда ихъ отцовъ и братьевъ, занялись своимъ дѣломъ или затѣей...

Всѣ они, набѣгавшись до-сыта по гладкому, будто выбритому лугу, принялись выбирать изъ грядокъ скошенной травы полевые цвѣты... Скоро у всякой изъ нихъ появился въ рукахъ цѣлый пучекъ цвѣтовъ. Всѣ сѣли въ кругъ и начали плести вѣнки. Работа прекратилась на время, когда работники собрались обѣдать. Но затѣмъ косцы разбрелись по опушкѣ лѣса, каждый выбралъ себѣ потѣнистѣе мѣсто, гдѣ отдохнуть часокъ времени,—а дѣвушки снова взялись за вѣнки и быстро окончили ихъ.

— Ну, кто-жь будетъ „Яункундзе“? заговорила по-латышски одна изъ старшихъ дѣвушекъ, очень некрасивая, по имени Хевуска

— Кто? Все равно Выбирать надо! отозвались звонкіе голоса. А то вонъ—Сковорощанку.

— Опять Софью! Что-жь все она?. Ее ужъ и такъ часто выбираемъ.

— Она лучше всѣхъ дѣлаетъ „Яункундзе“ Съ ней веселѣе! отозвалось нѣсколько голосовъ

— Я не хуже Софьи дѣлаю! важно сказала неуклюжая Хевуска

Послѣ недолгаго спора, большинствомъ голосовъ рѣшено было все-таки избрать Сковорощанку, и всѣ обратились къ 14-ти-лѣтней дѣвочкѣ, но уже настолько развитой, что по внѣшности она казалась дѣвушкой.

— Ну, ты будь опять „Яункундзе“. Смотри. Выдумывай похитрѣе, выговорила, завистливо косясь на дѣвочку, крайне неказистая, рябоватая Хевуска.

— Хорошо. Ужъ не учи! бойко отозвалась избранница.

И дочь Карлуса, Софья, чернобровая дѣвушка-подростокъ, съ огненными черными глазами, изящная и красивая лицомъ и станомъ, выступила впередъ...

Тотчасъ гурьба перемѣстилась въ лѣсъ, ближе къ дорогѣ, гдѣ былъ большой „акменсъ“, камень. Софья усѣлась на этотъ камень какъ на тронъ, его обвили цвѣтами и травой, а на нее надѣли самый красивый изъ вѣнковъ, сдѣланный рябоватой Хевуской. Остальные вѣнки сложили у ея ногъ. Всѣ дѣвушки и дѣвочки стали поочереди подходить къ Софьѣ, кланяясь низко, величая ее словомъ „Яункундзе!“ и прибавляя „что твоя ясновельможность укажетъ?“

Игра эта была занесена изъ Польши съ нѣкоторыми измѣненіями. Польская „краля“ стала здѣсь Яункундзе, т. е. просто боярышня, дворянка. Для этихъ дѣвушекъ изъ полудикаго населенія и это было уже громкимъ титуломъ.

Дѣвочка задавала вопросы, послѣ которыхъ раздавался часто оглушительный смѣхъ Но посторонній, конечно, никогда бы не понялъ въ чемъ заключалась соль или остроуміе этой игры и этихъ вопросовъ Весь смыслъ вертѣлся на мѣстныхъ деревенскихъ интересахъ, намекахъ, сплетняхъ и пересудахъ.

На каждую, послѣ ея отвѣта, Софья надѣвала вѣнокъ, смотря по достоинству отвѣтовъ, лучше или хуже; нѣкоторымъ достались вѣнки, сдѣланные почти изъ одной травы.

Чрезъ нѣсколько мгновеній кучка играющихъ уже распредѣлилась по сословіямъ. Тутъ была Яункундзе Софья, были панны, барыни и были крестьянки, батрачки...

Всѣ обращались къ Софьѣ за приказаніями, и дѣвочка бойко, затѣйливо и умно придумывала для каждой какое нибудь занятіе, но отдавала приказаніе свое на ухо... Прясть, шить, копать, кушанье готовить, дрова рубить, картофель чистить и т. д.

Разумѣется, каждая должна была исполнить приказаніе Яункундзе такъ искусно, чтобы всѣ догадались тотчасъ что она дѣлаетъ...

Въ самый разгаръ игры появилась вблизи на дорогѣ фура, запряженная парой бодрыхъ коней самого кана, помѣщика Дохабена. Фура. отвозившая сѣно по сосѣдству, возвращалась шагомъ и пустая въ Дохабенъ. Пропустить такой рѣдкій случай было невозможно. Дѣвушки бросились со всѣхъ ногъ на дорогу, аттаковали съ двухъ сторонъ возницу и, не смотря на уговоры старика-латыша не лѣзть къ нему, всѣ лѣзли. Старикъ погналъ было съ мѣста рысью, но дѣвушки бросились въ догонку, хватали лошадей подъ уздцы, а здоровенная Хевуска даже повисла на дышлѣ, за которое уцѣпилась.

— Увидитъ панъ—всѣхъ васъ велитъ перепороть, а меня, послѣ розогъ, засадитъ еще въ чуланъ. Голодомъ сморитъ! тщетно протестовалъ возница

— Не увидитъ! Небось! Не увидитъ!... гудѣло вокругъ старика, и съ хохотомъ, визгомъ, все полѣзло въ фуру на ходу, рискуя попасть подъ тяжелыя колеса На дорогѣ осталась одна Софья

— Ты чего же! Лѣзь! кричали ей всѣ

— Полѣзай ужъ! сказалъ и старикъ. Одной больше—все равно.

— Я такъ не могу, отозвалась дѣвочка серьезно. Останови. На ходу я не полѣзу...

— Вишь какая! Яункундзе и впрямь! раздались голоса и хохотъ уже сидѣвшихъ товарокъ. Милости просимъ, осчастливьте насъ, Яункундзе.

Софья влѣзла, ее усадили посрединѣ, и тотчасъ же раздалась визгливая, но веселая хоровая пѣсня... Старикъ не утерпѣлъ и тоже началъ дрябло подтягивать молодымъ голосамъ...

Чрезъ нѣсколько мгновеній въ Дохабенъ въѣзжала фура, переполненная веселой гурьбой. Юныя лица дѣвушекъ казались еще веселѣе, оживленнѣе и красивѣе изъ-подъ цвѣтистыхъ, пестрыхъ вѣнковъ. Даже на стараго возницу, взятаго приступомъ, шаловливый непріятель напялилъ громадный вѣнокъ. Латышъ сидѣлъ покорно, добродушно и глупо ухмыляясь изъ-подъ нависшихъ на его лицо травы и цвѣтовъ, но повторялъ все свое:

— Вотъ всѣхъ панъ перепоретъ.

Но едва только фура въѣхала въ усадьбу, вся гурьба выскочила изъ нея немедленно и разсыпалась по домамъ.

— Карлусъ! Отецъ пріѣхалъ! крикнулъ кто-то Софьѣ.

Дѣвушка стремглавъ бросилась домой. Дѣйствительно, въ избѣ ихъ еще издали замѣчалось что-то особенное.

VI

Вѣсть объ неожиданныхъ гостяхъ скоро обѣжала всю деревушку и весь вечеръ обыватели толпились около избы Карлуса.

Пріѣздъ Христины конечно сталъ событіемъ и даже Лауренцкій освѣдомился о прибытіи Енриховой, и зашелъ ввечеру поглядѣть на гостью.

Отъ радости неожиданнаго свиданія съ Христиной, или случайно, но на другое же утро семья Карлуса прибавилась новорожденной дѣвочкой.

Въ постоянныхъ разсказахъ отъ зари до зари о приключеніяхъ въ Ригѣ и свиданіи съ Императрицей москалей, Енрихова предложила назвать новорожденную именемъ ея царицы.

Чрезъ два дня назначили „кристибасъ“, крестины, и назвали дѣвочку Екатериной. Для населенія же Дохабена эта „Яундзимусе“ новорожденная, была по ихнему Тринэ.

Христина была конечно крестной матерью, и вся семья весело отпировала появленіе на свѣтъ Божій „Яундзимусе“.

Вмѣстѣ съ тѣмъ разысканный землякъ Енриховой сообщилъ ей добрую вѣсть, что мужъ ея Янъ и всѣ дѣти, слава Богу, живы и здоровы.

На крестинахъ, во время пированія, рѣчь шла конечно все о томъ же—о свиданіи Енриховой съ сестрой.

Праздничный день въ деревнѣ. Катанье на шестахъ. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Шюблеръ.

Послѣ мятели. Ориг. рис. Аѳанасьева, грав. Шюблеръ.

Дохабенскій ксендзъ, или по-латышски—„Мацитайсъ“, интересовался разумѣется узнать подробности этого свиданія. Онъ уже зналъ, конечно, объ родствѣ Карлуса съ русской царицей, такъ какъ это было извѣстно нѣкоторымъ лицамъ околотка, не только въ Дохабенѣ, но, конечно, и въ Вишкахъ. Въ гостиницѣ, гдѣ служилъ Карлусъ въ должности буфетчика, и хозяинъ, и прислуга. и ямщики—всѣ знали объ исключительномъ положеніи и родствѣ Карлуса Скворощанка или какъ звали его чаще—Сковоротскаго. Но всѣмъ плохо вѣрилось въ правдивость этого обстоятельства.

Мацитайсъ теперь подробно выспрашивалъ Христину обо всемъ и невольно тоже дивился.

— Какъ же она ничего не спросила у васъ о вашемъ состояніи! удивлялся онъ. Тутъ очень мудрено понять... Еслибы она гнушалась вами, затруднялась вашимъ крестьянскимъ состояніемъ, то васъ бы, по моему мнѣнію, всѣхъ засадили бы въ тюрьму, или, еще того вѣрнѣе, выслали бы куда въ глубь Россіи, чтобы не было смутительныхъ разговоровъ объ вашемъ родствѣ Но если она тебя вызвала, объяснялась, даже денегъ дала, то почему же она не пожелала освободить васъ отъ панской крѣпости и холопства.

И священникъ, уже пожилой человѣкъ, умный и начитанный, соображалъ про себя въ то же время, что это его предположеніе о заключеніи въ тюрьму и о ссылкѣ еще можетъ быть станетъ дѣйствительностью въ недалекомъ будущемъ.

„Она не знала, что всѣ эти родственники существуютъ и объ себѣ явно все сказываютъ, думалъ онъ. Теперь она узнала гдѣ кто живетъ, и вотъ надо ждать для всѣхъ нихъ чего нибудь особеннаго. И по всей вѣроятности не чего либо хорошаго.“

Такъ какъ мацитайсъ или ксендзъ любилъ семью Сковоротскаго, всегда покровительствовалъ ей, помогалъ совѣтами и деньгами, то теперь рѣшился и предупредить Карлуса о томъ, чего онъ опасается.

— Вамъ бы, мой любезный Карлусъ, собрать всю семью и перемѣнить мѣсто жительства, вымолвилъ онъ. Какъ мнѣ ни грустно разставаться съ вами, а я бы вамъ это совѣтовалъ. Попросите вашего пана Лауренцкаго продать васъ кому нибудь и уѣзжайте.

— Это невозможно! замахала руками Марья. Панъ Лауренцкій никогда не продастъ насъ. Карлусъ платитъ ему слишкомъ выгодный оброкъ. Гдѣ онъ найдетъ такого хлопа, который бы имѣлъ мѣсто буфетчика въ гостиницѣ.

— Да и зачѣмъ намъ мѣнять мѣсто? вступился Карлусъ.

— А затѣмъ, мой сынъ, что меня беретъ сомнѣнье.

Ксендзъ обратился къ Енриховой, задалъ ей еще нѣсколько вопросовъ о свиданіи съ царицей, потомъ покачалъ головой и подробно разъяснилъ имъ всѣ свои опасенія.

— Не можно отнестись къ вамъ такъ просто, оставить васъ въ томъ же состояніи. Или бы она обѣщала Христинѣ всѣхъ васъ вскорѣ освободить отъ вашихъ пановъ и дать вамъ средства къ безбѣдному существованію, или же ей надо будетъ просить царя всѣхъ васъ перебрать и сослать въ глубь лѣсовъ или степей Хохландіи, а то и Туркменіи. Вы для ея царскаго состоянія видимый въ народѣ соблазнъ. Такъ дѣло, повѣрьте мнѣ, оставаться не можетъ.

— Она обѣщала мнѣ чрезъ пана полковника, заговорила Христина, что со временемъ наша судьба перемѣнится къ лучшему.

— Ну, можетъ быть. Давай Богъ! рѣшилъ ксендзъ.

На другой день, подаривъ для новорожденной Екатерины червонецъ, Христина собралась домой, съ радостнымъ замираніемъ сердца, увидѣть послѣ долгой разлуки мужа и малютокъ-дѣтей. При прощаніи съ Карлусомъ и его семьей, Христина долго смотрѣла на вострушку Софью, дивилась ея красотѣ и наконецъ замѣтила:

— А что я тебѣ скажу, Карлусъ. Вѣдь Софья твоя обѣщаетъ походить на Марту. Если она будетъ хоть немножко похожа на свою тетку, то будетъ писаная красавица. Вѣдь Марта совсѣмъ не такая, какъ я. Всѣ мы пятеро уродились на два лица: трое совсѣмъ черные и двое совѣмъ бѣловолосые. Ты, Марта и Анна уродились въ отца—чернобровые, а я и Дирихъ въ мать—совсѣмъ бѣловолосые. Софья твоя похожа на тебя, а еще больше похожа на царицу. Да вѣдь какъ похожа-то! Диковинно! Вылитая уже и теперь маленькая Марта.

— Это Дохабенская любимица, отозвался Карлусъ. Да и зовутъ ее всѣ здѣсь не иначе какъ „Яупкундзе“—барышней.

— Что-жъ. И я скажу. Правда это. Она совсѣмъ на крестьянку не похожа. Совсѣмъ барышня изъ шляхты. Можетъ твою Софью изъ-за этого сходства царица больше полюбила бы, еслибъ увидала. И стала бы она воистинну Яупкундзе.

— Что-жъ. Давай Богъ! отозвалась Марья. Конечно ея сходство съ Мартой, можетъ, когда нибудь ей счастье принесетъ.

VII.

Изъ всѣхъ дѣтей Самуила Сковрбнека, Карлусъ еще ребенкомъ казался всѣхъ умнѣе. Въ дѣйствительности же онъ былъ только прилежнѣе во всемъ, находчивѣе и дѣятельнѣе. Христина была не глупа, но слишкомъ спокойна нравомъ и какъ-бы равнодушна ко всему. Анна была гораздо живѣе и дѣятельнѣе сестры, но за то жестка сердцемъ и почти злонравна. Ее никто не любилъ ни въ семьѣ, ни въ сосѣдствѣ.

Братъ ихъ, Дирихъ, былъ добрый и тихій мальчикъ, но совсѣмъ простоватъ. Какими были всѣ четверо въ дѣтствѣ, таковыми остались и на всю жизнь.

Карлусъ, какъ въ дѣтствѣ, такъ и теперь, былъ всѣми любимъ за веселый, добродушный нравъ и готовность всякому услужить по мѣрѣ силъ. Прилежаніе и усердіе въ томъ дѣлѣ, которое онъ бралъ на себя, дѣлало его дорогимъ работникомъ для всякаго хозяина.

Будучи крестьяниномъ, онъ вслѣдствіе большого круга знакомыхъ по сосѣдству и множества пріятелей — попалъ въ Вишки, въ маленькій постоялый дворъ, въ должность конюха. Вскорѣ однако, изъ конюшни, онъ перешелъ въ горницы прислуживать семьѣ хозяина. А затѣмъ, чрезъ годъ, перешелъ уже въ большую гостиницу въ качествѣ лакея, и хозяинъ „віасибасъ намсъ“ сдѣлалъ его буфетчикомъ и своимъ довѣреннымъ лицомъ.

Покуда братъ и двѣ сестры добывали себѣ средства къ жизни тяжелой крестьянской работой и жили холопами у разныхъ помѣщиковъ, Карлусъ заработывалъ больше денегъ, болѣе легкимъ трудомъ. Конечно жена его, старшій сынъ юноша Антонъ и даже мальчуганъ Мартынъ уже прилежно работали на пахотяхъ и сѣнокосахъ пана Лауренцкаго, но имѣя въ Карлусѣ Сковоротскомъ исправнаго плательщика большого оброка—шляхтичъ, строгій и взыскательный къ другимъ своимъ крѣпостнымъ, обращался мягче съ его семьей.— „Сковоротскіе—не примѣръ другимъ! говорилъ панъ. Они у меня на особомъ счету“.

Иногда Карлусу чудилось однако, что причина извѣстной мягкости или любезности пожилого и порочнаго пана—другая.

Карлусу, лишь изрѣдка являвшемуся въ Дохабенъ повидаться съ семьей, казалось, что на подроставшей и съ каждымъ днемъ хорошѣвшей Софьѣ, прозванной на деревнѣ „барышней“, остановилось вниманіе пана.

И эти мысли изрѣдка волновали и смущали Карлуса. Не суждено-ли въ будущемъ завязаться роковой борьбѣ съ паномъ?

Положеніе усугублялось тѣмъ, что его Яункундзе уже

теперь была бѣдовой дѣвчонкой, красивой, вострой, но своевольной. Такъ, съ ранняго дѣтства подружившись съ бобылемъ-мальчуганомъ, она теперь вела изъ-за него войну съ родителями. Когда этотъ бобыль, родомъ латышъ, по имени Давыдъ или Дауцъ Цуберка, былъ уже парень взрослый, то, какъ вольный, служилъ по найму въ Дохабенѣ пастухомъ у того-же пана. Софья настойчиво и упрямо, не смотря на выговоры и взысканія, продолжала дружить съ этимъ пастухомъ Цуберкой, уходила за нимъ въ поле и помогала сгонять и пригонять стадо. Иногда, въ наказаніе, дѣвушку запирали на цѣлыя сутки въ чуланѣ или въ овинѣ—но чрезъ нѣсколько дней она снова пасла стадо съ Дауцемъ Цуберкой... Софья ревѣла каждый разъ, конечно винилась, искренно просила прощеніе, но тотчасъ снова принималась за старое... Цуберка былъ для нея все...

Справиться съ Софьей было невозможно потому, что она вдругъ стала умственно выше своихъ родныхъ, своихъ сверстницъ и друзей...

Здѣсь, въ Дохабенѣ, въ полной глуши, на краю оврага, гдѣ протекала маленькая рѣчка и торчалъ гнилой мостъ безъ перилъ, въ бѣдной деревушкѣ, окруженной пустынной равниной и мелколѣсьемъ, появился на свѣтъ самородокъ-дѣвочка, которая подростала теперь и становилась красавицей-дѣвушкой, ловкой, рѣчистой, бойкой въ обращеніи со всѣми, даже съ чужими, которыхъ всѣ дохабенцы дичились.

Софья не видѣла ничего кромѣ Вишекъ и трактира на заѣзжемъ дворѣ, гдѣ отецъ жилъ въ услуженьи и гдѣ, будучи его любимицей, она часто подолгу гостила. Но въ этихъ Вишкахъ, на этомъ дворѣ, часто останавливались важные проѣзжіе въ кафтанахъ съ позументами и золотыми пуговицами. Экипажи ихъ, совсѣмъ не похожіе на телѣги и фуры мѣстныхъ жителей, ихъ лакеи и гайдуки, ихъ вещи, которыя выносились изъ экипажей въ горницы, ихъ рѣчи, манера говорить, двигаться, приказывать, даже взглядывать на обывателей Вишекъ — ничто не ускользало и не ускользнуло отъ зоркаго глаза и пытливой смекалки этой дѣвочки.

Смѣлая, хорошенькая, съ черной какъ смоль головкой, въ природныхъ кудряхъ и завитушкахъ, съ огненными черными глазками, съ носикомъ дерзко и граціозно вздернутымъ вверхъ, съ звонкимъ, заразительнымъ смѣхомъ, который звенѣлъ какъ серебряный колокольчикъ — эта Дохабенская „Яункундзе“ скоро стала любимицей всѣхъ. Такъ рекомендовали ее и проѣзжимъ. Такъ называли ее и сановники. Дѣвочка безъ церемоніи ходила по всѣмъ горницамъ, когда домъ бывалъ занятъ гостями.

Каждый проѣзжій, хотя бы и важный вельможа, невольно обращалъ на нее вниманіе. Опросивъ ее, онъ получалъ смѣлый отвѣтъ, соблазнительно веселую улыбку, лучемъ сверкающій взглядъ... И кончалось тѣмъ, что проѣзжій ласкалъ Яункундзе, угощалъ тѣмъ, что самъ ѣлъ, всякими сластями, что имѣлъ съ собой въ дорогѣ. Иногда дѣвочка получала ленточку, платокъ или злотый въ подарокъ.

— Славная у тебя дѣвчонка! говорили Карлусу всѣ безъ исключенія проѣзжіе. Бѣдовая будетъ! Совсѣмъ барышня, а не крестьянка.

И вотъ это общеніе съ людомъ, отъ котораго вѣяло на дѣвочку инымъ міромъ, ей невѣдомымъ, но ею угадываемымъ, привело къ тому, что Софья скоро поняла и сказала себѣ:

— Не *все* здѣсь, въ Дохабенѣ и въ Вишкахъ! Здѣсь даже ничего нѣтъ... *Все* тамъ... Вонъ тамъ, за лѣсомъ, за полями и оврагами, далеко за ними, очень далеко... Но все-таки туда доѣхать можно! Оттуда ѣдутъ и пріѣзжаютъ всякій день. Тамъ живутъ другіе люди, которые поважнѣе и побогаче пана мацитайса и пана Лауренцкаго... Вотъ если-бы туда добраться когда нибудь!..

И дичокъ-самородокъ, воспитанный не матерью и отцомъ, а тысячей проѣхавшихъ и промелькнувшихъ путешественниковъ, сталъ конечно головой выше многихъ Дохабенскихъ обитателей.

Не только Марья, но даже Карлусъ, обожавшій дочь, не понимали однако гдѣ Софья набралась и смѣлости, и ума, и ухватокъ не крестьянскихъ, а барскихъ.

Панъ Лауренцкій изумлялся тоже откуда бралось въ Софьѣ все то, что онъ, знатокъ въ женщинахъ,—видѣлъ въ ней. Они не догадывались, что во многомъ Софья подражала именно тѣмъ проѣзжимъ барынямъ и барышнямъ, которыхъ видала въ Вишкахъ. Разумѣется, если-бъ не было въ дѣвочкѣ природной искры, которая разгорѣлась отъ случайностей обстановки, то и прозвище „Яункундзе“ не дали бы ей Дохабенскіе обитатели, и пребываніе на заѣзжемъ дворѣ, встрѣчи съ сотнями проѣзжихъ не принесли бы ей никакой пользы.

Но кромѣ того было еще одно обстоятельство, котораго не зналъ никто: ни мать, ни отецъ, ни родные, ни знакомые. Тò, что Софья была живымъ портретомъ, живымъ повтореніемъ или двойникомъ какъ внѣшностью, такъ и нравомъ—другой женщины, той самой, которая съумѣла плѣнить и покорить себѣ исполина Императора!

Про сходство это никто въ семьѣ знать не могъ, ибо никто Марту давно уже не видалъ.

Сорокалѣтній Карлусъ былъ старшій въ родѣ, но смутно помнилъ черномазую сестренку, которую, послѣ смерти отца съ матерью, увезла къ себѣ тетка. Затѣмъ эта дѣвочка пропала, такъ сказать, безъ вѣсти, и уже спустя лѣтъ пятнадцать всѣ Сковорощанки, ревностные католики, узнали, что пасторъ этотъ совратилъ дѣвушку изъ лона истинной вѣры въ свою секту Лютерова ученія. Карлусъ собирался было въ городъ Маріенбургъ, отнять у пастора сестру и привезти домой, но средствъ на путешествіе не было. Вдобавокъ, по слухамъ, Марта, воспитавшись въ домѣ богатой тетки Василевской, стала совсѣмъ барышней, они же были попрежнему крестьянами.

Какова стала собою нынѣ эта Марта—Карлусъ знать не могъ. И только Христина, недавно видѣвшая ее, тотчасъ замѣтила теперь сходство между Императрицей и Софьей—Яункундзе.

Уѣзжая и прощаясь, Христина снова полюбовалась на племянницу. Дорогой изъ Дохабена въ Вишки она снова заговорила съ братомъ объ дѣвушкѣ:

— Это подобіе твоей дочки съ ней, царицей—удивительно. И погляди, выйдетъ изъ этого что либо хорошее для Софьи.

— Давай Богъ... Только... Когда? Можетъ, когда Софьи будетъ за сорокъ лѣтъ, а я буду на томъ свѣтѣ...

VIII.

Братъ съ сестрой, доѣхавъ тихонько до Вишекъ, разстались и разъѣхались въ разныя стороны. Христина направилась къ себѣ домой, съ замираніемъ сердца, но уже не отъ невѣдѣнія судьбы семьи и не отъ боязни узнать что либо худое, а отъ радостнаго, нетерпѣливаго ожиданія обнять и расцѣловать мужа и троихъ дѣтей, малъ-мала-меньше.

Енриховы были крѣпостными или хлопами человѣка не злого, но строгаго и взыскательнаго хозяина.

Панъ Вульфеншильдъ, нѣмецъ аккуратный и немного алчный на деньги, былъ самъ хорошій работникъ, дѣятельный и трудолюбивый, и потому былъ требователенъ относительно своихъ крѣпостныхъ во всемъ, что касалось труда.

Онъ заставлялъ трудиться и работать своихъ рабовъ больше, чѣмъ другіе помѣщики по сосѣдству. А между тѣмъ многіе крестьяне околотка охотно бы перешли въ крѣпость къ пану Вульфеншильду отъ своихъ господъ. Причина была простая...

Панъ нѣмецъ былъ справедливъ относительно трудолюбивыхъ хлоповъ и никогда никого изъ нихъ не обижалъ. Онъ наказывалъ строго—по исключительно лѣнивыхъ или пьяныхъ.

Вульфеншильдъ былъ заклятый врагъ кабаковъ и гроза пьяницъ. Это понимали всѣ дѣльные крестьяне. Другое же, на что роптали рабы пана,—была его ненависть къ праздникамъ. Будучи самъ протестантомъ, панъ не признавалъ никакихъ праздниковъ, ни католическихъ, ни православныхъ. Поэтому, когда во всемъ околоткѣ былъ пиръ горой отъ Миколы или отъ Ивана-Купалы, отъ Введенія или отъ Покрова—въ деревушкѣ Кегема было тихо и все населеніе работало или по избамъ, или на полѣ.

Черезъ три дня послѣ отъѣзда изъ Дохабена, Христина была уже дома и увидѣла со слезами радости ту хибарку, сколоченную изъ досокъ, въ которой жила разоренная семья, кое-какъ устроившаяся на пепелищѣ послѣ прохода русскихъ войскъ.

Она оглядѣлась съ радостнымъ чувствомъ. У нея на шеѣ были зашиты въ мѣшечкѣ царицыны червонцы, на которые можно было выстроить избу и завести еще лучшее хозяйство. Узнавъ, что мужъ работаетъ не смотря на праздникъ, по приказанію требовательнаго и суроваго пана Вульфеншильда, Христина, даже не поздоровавшись и не объяснившись съ окружавшими ее крестьянами, побѣжала въ поле.

Еще издалека узнала она фигуру Янко, признала и мысленно назвала дѣтей. Шаговъ за пятьсотъ не только Янко, но даже ея маленькая дѣвочка ахнули и замерли, боясь, обмануться, боясь, что исчезнетъ дорогой призракъ, потухнетъ сразу тотъ лучъ радостной надежды, который сверкнулъ сейчасъ у нихъ на душѣ.

— Мама! мама! закричалъ, наконецъ, отчаяннымъ голосомъ старшій восьмилѣтній сынъ, и со всѣхъ ногъ стрѣлою бросился по пашнѣ на встрѣчу къ бѣгущей женщинѣ. Но по дорогѣ его обогналъ отецъ и первый бросился обнимать жену, какъ бы воскресшую изъ мертвыхъ.

И скоро всѣ пятеро сидѣли середи пашни, усмѣхались и плакали, а маленькая дѣвочка, обхвативъ мать руками, при малѣйшемъ движеніи ея, сильнѣе льнула къ ней, боясь что „мама“ опять пропадетъ надолго.

Мгновенія, которыя переживала эта семья, остаются памятны на всю жизнь.

Разумѣется, тотчасъ же Христина была потребована къ пану. Вульфеншильдъ, конечно, разспросилъ обо всемъ Христину и порадовался за нее, узнавъ объ подаркѣ царицы.

— Увидимъ, сказалъ онъ. Можетъ быть она васъ у меня и выкупитъ на волю. Стыдно ей будетъ, что вы простые хлопы, когда я самъ передъ ней ничто, червякъ. А теперь—стройтесь на славу!.. Я вамъ тоже помогу лѣсомъ, за полъ-цѣны дамъ.

Но Янко, обожавшій жену, не радовался деньгамъ и будущей стройкѣ, не мечталъ объ будущихъ благахъ, а думалъ лишь объ настоящемъ, о возвращеніи жены въ семью.

— Мнѣ хоть во-вѣки подъ кустомъ жить и зиму и лѣто, лишь бы съ Христиной! восклицалъ онъ радостно.

Путь Карлуса былъ много короче пути Христины, по буфетчику изъ гостиницы, никогда не отлучавшемуся изъ Вишекъ, помимо поѣздокъ въ родное гнѣздо, т. е. Дохабенъ, путь показался особенно долгъ и скученъ. Къ тому же дорога шла по безлюднымъ мѣстамъ, гдѣ все было мертво, тихо...

Наконецъ, на крутомъ и высокомъ берегу небольшой рѣчки показалась маленькая деревушка въ нѣсколько хижинъ, окруженныхъ маленькимъ лѣскомъ. За то на противоположномъ берегу начинался высокій и густой лѣсъ, разроставшійся во всѣ стороны и уходившій на нѣсколько десятковъ верстъ.

Среди хижинъ стоялъ одинъ домикъ получше другихъ, съ большимъ дворомъ, обнесеннымъ тыномъ. Это былъ заѣзжій дворъ и станція, гдѣ проѣзжіе по тракту мѣняли лошадей.

До существованія двора и наемныхъ лошадей, мѣсто это было совершенно безлюдно и глухо.

На краю этой недавно выстроившейся деревушки была изба, въ которой жилъ Дирихъ Сковоротскій не съ своей, а съ чужой семьей, которую онъ любилъ какъ родную.

Дирихъ не былъ женатъ, но уже нѣсколько лѣтъ жилъ съ латышкою по имени Трина, у которой были свои двѣ дочери. Отецъ ихъ пропадалъ безъ вѣсти. Можетъ быть, былъ давно на томъ свѣтѣ, но могъ легко оказаться въ живыхъ и явиться невзначай. Поэтому Дирихъ и не могъ жениться на Тринѣ.

Занятіе, которое избралъ себѣ Дирихъ, т. е. ямъ, и должность ямщика не была ни особенно выгодна, ни пріятна.

Лошадей содержатель не жалѣлъ и каждый годъ загнанныхъ отъ тяжелой работы замѣнялъ свѣжими, по ямщики, которые тоже были въ нѣкоторомъ смыслѣ загнаны, сильно терпѣли отъ такихъ порядковъ. Долго никто здѣсь въ ямщикахъ не хотѣлъ оставаться, одинъ Дирихъ былъ старожилъ, т. е. уже лѣтъ шесть ѣздилъ взадъ и впередъ въ обѣ стороны.

Рѣдко приходилось ему, и то только въ самую глухую пору зимы, на сутки оставаться дома. Обыкновенно же онъ почти не сходилъ съ облучка или съ козелъ и являлся домой, чтобы только поѣсть или отоспаться.

Разумѣется, и Дирихъ давно бы ушелъ изъ этой глуши, но, не смотря на свои 35 лѣтъ, былъ глуповатъ какъ ребенокъ, тяжелъ на подъемъ, крайне несообразителенъ и ничего не умѣлъ сдѣлать, ни чему не могъ научиться. Единственно, что у него въ рукахъ ладилось—были возжи отъ двухъ-трехъ загнанныхъ клячъ.

Много разъ, конечно, Дирихъ собирался бросить невыгодную работу, но Трина, женщина умная, всячески отговаривала своего сожителя отъ рокового шага, понимая, что Дирихъ никакого иного мѣста не достанетъ. А если и посчастливится ему, то никакой хозяинъ его болѣе мѣсяца держать не станетъ, потому что Дирихъ любилъ выпить.

Къ несчастію, слабый во всякой работѣ, онъ былъ слабъ и для чарки водки. Онъ падалъ мертво пьянъ отъ того количества вина, которое другого мужика только чуть-чуть въ жаръ броситъ.

Простоватостью Дириха объяснялось и сожительство съ латышкою и его обожаніе къ ней.

Трина была женщина уже за пятьдесятъ лѣтъ и замѣчательно некрасива собой. Даже въ этомъ поселкѣ душъ въ тридцать, безобразіе Трины было предметомъ шутокъ и прибаутокъ сосѣдей и сосѣдокъ. Но будучи крайне дурна лицомъ, она была женщина крайне смышленая и умѣла даже въ своей трущобѣ зашибать копѣйку. Поэтому Трина со своими дочерьми и съ другомъ жила лучше, чѣмъ другія семьи.

(До слѣд. №).

Четыре темперамента.

Повѣсть Захеръ-Мазоха.

(Окончаніе).

Когда Коломіевскій пришелъ на слѣдующій день въ Любіенъ, Валеска лежала снова на отоманкѣ и поджидала его. Уже издали она протянула ему руку, привѣтливо улыбаясь. Изслѣдовавъ ногу, Коломіевскій нашелъ, что опухоль спала и что

Миранда. Съ карт. Ж. Б. Грёза, грав. Вильямсъ.

можно наложить сухую повязку. Для этого онъ принесъ все необходимое и исполнилъ все съ опытностью и ловкостью настоящаго врача. Валеска чувствовала, что человѣкъ этотъ не былъ диллетантомъ, и что онъ не дѣлалъ ничего, не будучи увѣреннымъ въ себѣ. Его увѣренность внушала ей уваженіе, а открытый, прямой характеръ все болѣе нравился. Поэтому она была непріятно поражена, когда, просидѣвъ около часу, онъ началъ прощаться.

— Я думала, что вы останетесь со мною и будете меня развлекать, сказала она, сдвигая бровки.

— Къ сожалѣнію, невозможно, отвѣтилъ онъ, у меня въ Малиновкѣ есть больная лихорадкой, у нея будетъ сегодня припадокъ.

— Обѣщайте мнѣ вернуться.

— Если меня не позовутъ къ другимъ больнымъ.

Валеска отвернулась отъ него.

— Вы сердитесь?

— На это у меня довольно причинъ.

— Вы сердитесь, потому что я жертвую удовольствіемъ обязанности. Это несправедливо.

— Еслибы вамъ было пріятно здѣсь—вы бы не ушли. Я тоже больна.

— Я вернусь.

— Дайте слово, что вы вернетесь какъ бы ни было поздно. Я васъ буду ждать.

— Хорошо. И вы не сердитесь болѣе.

Она повернула къ нему прелестное, немного поблѣднѣвшее, лицо и улыбнулась.

— До свиданія, сказалъ онъ, цѣлуя руку.

Смеркалось, когда Коломіевскій пришелъ въ Малиновку. Больная крестьянка сидѣла передъ своею, крытою соломою, крышею, рядомъ съ Исидорою, одѣтою въ сѣрое платье и повязанною бѣлымъ платкомъ. Исидора болѣе походила на сестру милосердія, нежели на галиційскую дворянку. Она поднялась на встрѣчу Коломіевскому и, пожавъ ему руку, разсказала о ходѣ болѣзни.

— Есть признаки новаго припадка? спросилъ онъ.

— Да, слабость, легкая дрожь.

— Тогда нужно уложить ее въ постель и дать хины.

Пока Исидора укладывала больную въ постель и давала лекарство, Коломіевскій сидѣлъ передъ домомъ и разговаривалъ съ дѣтьми.

Вскорѣ вышла Исидора и сѣла рядомъ съ нимъ.

— Надѣюсь, что тутъ опасность миновала, началъ онъ, между тѣмъ ваша подруга Валеска еще не скоро будетъ въ состояніи ѣздить верхомъ.

— Вы лечите также ее?

— Да.

— Интересная дѣвушка, не правда ли?

— Да, отвѣтилъ Коломіевскій. Въ этомъ, повидимому нѣжномъ, тѣлѣ очень много силы и счастливыхъ задатковъ. Но боюсь, что она не нападетъ на подходящій кругъ дѣйствій и такая натура принесетъ ей больше вреда, чѣмъ пользы. Если Валеска не будетъ создавать, то она будетъ разрушать, и если ей не представится возможности перемѣнить свои способности властвовать, она будетъ порабощать и дурно обращаться.

— У нея доброе сердце.

— Очень возможно, но темпераментъ опасный.

— Я вижу, васъ нужно бояться и вправду, сказала Исидора, у васъ много проницательности. Хотѣла бы я знать что вы думаете обо мнѣ?

— Самое лучшее, но боюсь.

— Видите, вы уже открыли во мнѣ темныя стороны.

— У васъ наклонность къ меланхоліи и это можетъ причинить вамъ горе.

— Я знаю, но лучше смотрѣть на жизнь серьезно, чѣмъ беззаботно. Отъ беззаботности скоро переходишь къ легкомыслію.

Въ эту минуту послышался топотъ коня, а затѣмъ передъ заборомъ остановился работникъ и закричалъ:

— Тутъ ли господинъ Коломіевскій?

— Да. Что случилось?

— У насъ лошадь укусила парня; господинъ Дубланскій проситъ васъ осмотрѣть его.

— Сейчасъ буду.

— Не хотите ли взять мою лошадь?

— Хорошо.

Коломіевскій открылъ ворота и вскочилъ на коня. Исидора провожала его и, подавая ему руку, спросила:

— Когда я васъ увижу?

— Приходите ко мнѣ въ школу, сударыня.

— Охотно.

— Но не откладывайте этого посѣщенія.

— Хорошо. Покойной ночи.

Коломіевскій погналъ коня и вскорѣ прибылъ въ Карочаровъ, гдѣ его ждалъ на дворѣ Дубланскій. Красивый старикъ, прохаживавшійся по двору съ длинною трубкою, самъ открылъ ворота рѣдкому гостю и, подозвавъ кучера чтобы принять лошадь, взялъ Коломіевскаго подъ руку и повелъ къ тяжело раненому. Тутъ дѣйствительно требовалась быстрая помощь, и Коломіевскій, наложивъ первую повязку и давъ лекарство, сказалъ, что останется немного, чтобы узнать какое дѣйствіе оно произведетъ на больного.

— Мои дамы разсчитывали, что вы у насъ поужинаете, сказалъ Дубланскій.

— Очень обязанъ, отвѣтилъ Коломіевскій, но я плохой гость и привыкъ жить такъ скромно, что боюсь...

— Безъ извиненій, прервалъ его старикъ, взявши снова подъ руку, мы знаемъ васъ, дорогой Діогенъ и Катонъ. Будьте у насъ какъ дома и не стѣсняйтесь.

Они шли по двору; въ то же время Собѣслава показалась изъ сада. Коломіевскій остановился въ удивленіи. Такой дѣвушки ему не приходилось еще встрѣчать въ жизни. Была ли то Гретхенъ Гете, Пушкинская Татьяна или Лермонтовская Княжна? Принадлежала ли эта улыбка красавицѣ Тиціана или Мадоннѣ Рафаэля?

Собѣслава привѣтствовала его легкимъ наклоненіемъ головы. Ея изящная фигурка была прелестна въ сѣромъ платьѣ и удобной пунцовой кофтѣ, подбитой и отороченной соболемъ. Цвѣта эти прекрасно шли къ ея свѣжему личику, съ свѣтлыми волосами, слегка вьющимися на лбу и заплетенными въ двѣ тяжелыя косы.

— Моя дочь Собѣслава, недавно изъ института, представилъ ее Дубланскій.

Коломіевскій поклонился и пожалъ протянутую ему ручку.

— Вы остаетесь у насъ? спросила Собѣслава съ улыбкою.

— Воспользуюсь вашимъ приглашеніемъ.

— Ну что, похожъ онъ на дикаря? спросилъ старикъ.—Вы должны знать, дорогой мой, что нашимъ четыремъ дѣвушкамъ наговорили про васъ самыя страшныя вещи.

— Подруги мои дѣйствительно хотѣли узнать васъ, сказала Собѣслава, взявъ Коломіевскаго подъ руку, которую онъ предложилъ ей.

— Да онѣ натворили чудесъ, чтобы только увидѣть васъ, сказалъ Дубланскій, остановившись, и указывая глазами на дочь, прибавилъ: за исключеніемъ этой олицетворенной флегмы.

— Вы вовсе не любопытны? сказалъ Коломіевскій.

— Мало, отвѣтила Собѣслава.

— Но вы были настолько умны, что не придумывали ни скачки съ препятствіями, ни водевиля съ переодѣваніемъ.

— Умна? переспросила Собѣслава съ улыбкой,—скорѣе лѣнива.

— Однако вы хорошо сдѣлали, что не безпокоились.

— Конечно, бѣгать ни за кѣмъ я не буду, отвѣтила Собѣслава, смотря на него своими ласковыми, голубыми глазами, но разъ вы у насъ, я сердечно рада познакомиться съ вами; мнѣ разсказывали про васъ такъ много необыкновеннаго и много хорошаго.

Они вошли въ столовую и пока старикъ Дубланскій смотрѣлъ вино въ погребѣ, а Собѣслава пошла распорядиться объ ужинѣ, Коломіевскій отошелъ къ окну и не могъ отдать себѣ отчета въ странномъ обаяніи, какое произвела на него съ первой же минуты Собѣслава.

Его привлекала не только красота, но спокойствіе и доброта, свѣтящаяся въ ея глазахъ. Онъ сравнивалъ ее съ подругами: Зоя овладѣла его фантазіей, Исидора интересовала и трогала его, Валеска очаровывала и влекла, съ Собѣславою же ему было очень пріятно и кромѣ того она его не искала. Это было также ея преимущество, въ которомъ онъ впрочемъ не давалъ себѣ отчета.

Появилась сама Дубланская съ дѣтьми и сѣли за столъ. Собѣслава безъ жеманства сѣла рядомъ съ Коломіевскимъ. Онъ услуживалъ ей и повидимому его занимали веселыя мысли, ибо, глядя на нее, онъ улыбался.

— О чемъ вы думаете? спросила она.

— Ваши подруги произвели между собою дѣлежъ, сказалъ онъ,—одна взяла искусства, другая—науки, третья—наклонности амазонки, и я спрашиваю себя—какая часть досталась вамъ для примѣненія своихъ способностей?

— Хозяйство.

— Вотъ объ чемъ я не подумалъ, сказалъ Коломіевскій, глядя на нее съ удивленіемъ. Наши дамы теперь становятся наѣздницами, кокетками, художницами, писательницами, учеными, всѣмъ чѣмъ хотите, только не хозяйками.

— Развѣ этого нельзя соединить? сказала Собѣслава. Мнѣ кажется, только мужчинѣ слѣдуетъ избирать искусство или науку; женщина должна въ себѣ соединять все, чтобы быть достойной подругою занятаго мужа и хорошею воспитательницею и матерью новаго поколѣнія. Если мужчина легко становится одностороннимъ въ своемъ строго опредѣленномъ призваніи, то назначеніе женщины интересоваться цѣлымъ; если на его сторонѣ творческая сила, то на ея—гармонія.

Дубланскіе съ удивленіемъ смотрѣли на свою дочь.

— Какъ это ты додумалась до этого? спросилъ отецъ.

— Вы первая дѣвушка, сказалъ пораженный Коломіевскій, которая не повторяетъ фразъ, вычитанныхъ изъ романовъ и журналовъ. Какъ составили вы себѣ такія твердыя воззрѣнія въ такіе молодые годы?

Собѣслава опустила глаза и улыбалась; ея розовые пальчики перебирали крошки хлѣба.

— Быть можетъ потому, что я не все читаю и читаю, но иногда—даже часто—думаю.

— Вы правы, отвѣтилъ Коломіевскій. Прежде учили мало, зато теперь—новая метода: стараются какъ можно болѣе набивать голову, пока бѣдный умъ, припертый къ стѣнѣ, лишится свободнаго движенія. Еслибы вы пришли въ нашу школу и увидѣли какъ я учу. Я стараюсь какъ можно больше заставлять дѣтей думать.

Собѣслава засмѣялась.

— Странная педагогика, но тутъ много хорошаго. Но вы не увидите меня ни въ школѣ, ни у больныхъ. У меня довольно дѣла дома. Если другимъ нужно для счастія возбужденіе, борьба, тріумфъ, то я чувствую себя лучше всего въ своемъ тихомъ уголкѣ.

— И такъ вы не придете?

Собѣслава посмотрѣла на него съ улыбкою и покачала головою.

— Нѣтъ, сказала она, да и къ чему? Вы вѣдь придете ко мнѣ.

— Только загляните разъ.

— Зачѣмъ вступать на дорогу, по которой не хочешь идти. Не настаивайте, мнѣ непріятно отказывать; мнѣ хотѣлось бы ближе узнать васъ, вотъ почему сразу лучше начать говорить правду.

— Хорошо, тогда скажите откровенно, что вы имѣете противъ моей школы?

— Ничего, сказала красавица, откидываясь на спинку стула и пряча руки въ кармашки мѣховой кофточки,—также какъ и противъ вашей методы; но я просто неохотно ухожу изъ дому, потому что нужна здѣсь, и въ то время какъ вы будете говорить о кометахъ и вулканахъ, я буду думать—не пригорѣло ли у меня жаркое.

— Я побѣжденъ, воскликнулъ Коломіевскій, смѣясь. Рѣшено: вы не будете въ моей школѣ, но за то я приду къ вамъ въ кухню, смотрѣть какъ вы стряпаете.

— Здѣсь и смотрѣть нечего.

При прощаніи Собѣслава проводила его до воротъ. Дублянскій стоялъ на крыльцѣ съ чубукомъ и съ удовольствіемъ смотрѣлъ на молодыхъ людей.

— Знаете ли что, вы можете гордиться, закричалъ онъ удаляющемуся гостю.

— Почему?

— Вы первый, кого провожаетъ такъ далеко эта юная дама, любящая спокойствіе.

— Правда ли это?

Собѣслава наклонила голову въ знакъ согласія.

— Но вы первый, кто мнѣ здѣсь понравился, сказала она спокойно.

— Дѣйствительно, это заставляетъ меня гордиться и дѣлаетъ счастливымъ.

— Что я лишнее сказала? проговорила Собѣслава краснѣя.

— Нѣтъ, ничего, въ чемъ бы вы могли бы раскаиваться, отвѣтилъ Коломіевскій. А теперь дайте мнѣ вашу руку.

Собѣслава протянула руку.

Онъ поднесъ ее къ губамъ, поклонился и ушелъ. Хотя онъ менѣе всего былъ расположенъ теперь предстать предъ властную Валеску, но не хотѣлъ нарушить даннаго слова и пошелъ въ Любіенъ. Тутъ онъ нашелъ домъ вымершимъ. Отворивъ ворота и приблизившись къ террасѣ, онъ встрѣтилъ горничную.

— Барышня извиняется, сказала та, она легла спать.

„Тѣмъ лучше", подумалъ Коломіевскій. Но выйдя на дорогу и оглянувшись, онъ при свѣтѣ луны увидѣлъ въ окнѣ за занавѣской дѣвушку въ горностаѣ.

— Она сердится и хочетъ наказать меня, проговорилъ онъ. Неразумно поступаютъ женщины, когда хотятъ быть умными.

* * *

На слѣдующій день госпожа Дублянская напомнила Собѣславѣ, что та забываетъ Валеску.

— Я велю запречь и ты можешь оставаться тамъ недолго.

Собѣслава повиновалась. Она застала Валеску на отоманкѣ, въ обществѣ Зои и Исидоры.

Поздоровавшись, Валеска, играя своею золотистою косою, спросила, повидимому равнодушно:

— Вчера былъ у васъ Коломіевскій?

— Да.

— Какъ онъ тебѣ нравится?

— Онъ мнѣ нравится.

— Какая она равнодушная! замѣтила Зоя.

— Неужели нужно говорить всегда въ превосходной степени, отвѣтила Собѣслава.

— Я въ восторгѣ отъ него! воскликнула Зоя.

— Это необыкновенный человѣкъ, сказала тихо Исидора, человѣкъ съ большими достоинствами.

— Да, онъ интересенъ, замѣтила Валеска, но не странно ли и не смѣшно ли, что вы уже увлекаетесь.

— Онъ мнѣ очень нравится, сказала съ живостью Зоя, къ чему мнѣ скрывать это. Я была бы счастлива, еслибы завладѣла имъ.

— Коломіевскій не для тебя, замѣтила Исидора, онъ слишкомъ серьезенъ.

— Но ты также не завлечешь его, какъ и Зоя, сказала холодно Валеска.

— Конечно, съ тобою я не могу соперничать, сказала Исидора грустно, природа создала тебя побѣдительницею,—я не такъ хороша какъ ты.

— Что съ тобою? сказала Валеска, быстро къ ней оборачиваясь. Чтобы очаровать мужчину, достаточно только твоихъ глазъ. Но съ мужчинами нужно поступать дурно.

— Если ты вбила себѣ въ голову видѣть его у своихъ ногъ, сказала Зоя, прелестно надувъ губки, то конечно тебѣ это удастся. Противъ тебя мы не устоимъ.

— А ты, Собѣслава, что скажешь?

— Ничего, отвѣтила она весело.

Когда Коломіевскій пришелъ, онъ засталъ Валеску уже одну. Онъ не упоминалъ о вчерашнемъ приходѣ, а она притворилась равнодушной.

— Если у васъ другіе больные, сказала она, играя горностаевой кисточкой кофточки, то прошу васъ—не обращайте на меня вниманія.

— У меня дѣйствительно есть раненый въ Карочаровѣ, которому нуженъ хорошій уходъ, отвѣтилъ Коломіевскій.

— Тогда уходите, воскликнула Валеска подавленнымъ голосомъ,—я вижу что вы сидите какъ на горячихъ угольяхъ!

Кровь предательски окрасила ея щеки, въ то время какъ, оторвавъ кисточку, она съ сердцемъ отшвырнула ее.

— Покойной ночи!

— Прощайте!

Когда онъ ушелъ, она заплакала съ досады.

Проходя полемъ между Карочаровымъ и Сѣдлиско онъ встрѣтилъ Зою, убранную цвѣтами и съ виноградною гирляндою на платьѣ.

— Вы все воображаете себя на сценѣ, сказалъ ей Коломіевскій съ оттѣнкомъ насмѣшливости.

— Вы невѣжливы, отвѣтила она, но какъ я выгляжу?

— Какъ вакханка.

— Тогда берегитесь, вакханки могутъ укрощать даже львовъ и пантеръ! Она бросила ему въ лицо цвѣтокъ и убѣжала, напѣвая веселую пѣсенку.

Въ деревнѣ у дверей одной избы онъ увидѣлъ Исидору.

„Случайно ли это? подумалъ Коломіевскій. Эти дѣвочки могутъ заставить меня загордиться; хорошо что у меня мало задатковъ для тщеславія." Онъ снялъ шапку и подошелъ къ Исидорѣ.

— У васъ тутъ больной?

— Да, дѣвушка укушенная змѣею.

— Быть можетъ вамъ нужна моя помощь?

— Нѣтъ, благодарю васъ. Куда вы идете, къ Собѣславѣ?

— Къ больному рабочему. Но не знаю увижу ли Собѣславу. Вы хотите что нибудь передать?

— Поклонъ, хотя мы видѣлись недавно.

Коломіевскій простился. Исидора проводила его легкимъ вздохомъ.

Въ Карочаровѣ Коломіевскій прошелъ прямо къ больному, перемѣнилъ повязку и далъ приставленной сидѣлкою дѣвушкѣ новое лекарство. Уходя онъ услышалъ какъ его окликали и увидѣлъ Собѣславу на порогѣ кухни въ бѣломъ передникѣ, съ большою ложкою въ рукѣ.

— Вы не зайдете къ намъ? спросила она.

— Я хотѣлъ идти домой, отвѣтилъ Коломіевскій, мнѣ было бы непріятно помѣшать вамъ.

— Но мы же дали слово быть откровенными, сказала Собѣслава сердечно. Если бы я была занята, я такъ бы и сказала. Теперь это зависитъ отъ васъ. Нужно вамъ уходить,—уходите, я не разсержусь; если же останетесь, мнѣ будетъ это пріятно.

— Конечно, я останусь, если можно.

— Вотъ и прекрасно, мнѣ нужно вамъ кое-что разсказать и кое-о-чемъ разспросить. Она положила ложку, скинула передникъ и взяла со стула свою мѣховую кофточку. Помогите мнѣ надѣть.

Коломіевскій поторопился оказать услугу и пока она продѣвала руки, онъ—такой разсудительный—съ восторгомъ глядѣлъ на прелестное созданіе.

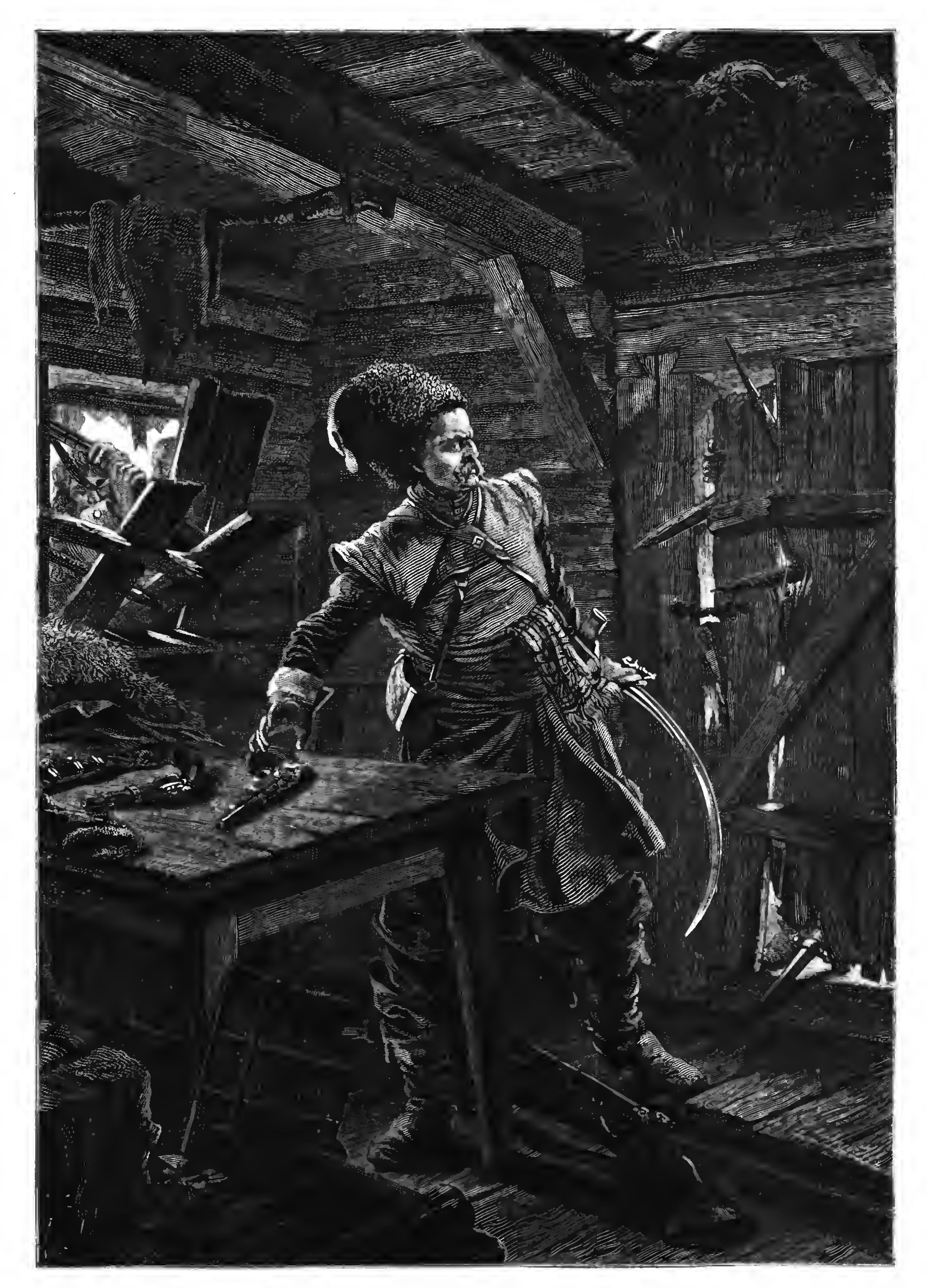
* * *

Такимъ образомъ проходило время, необходимое амазонкѣ для ея полнаго выздоровленія. Коломіевскій приходилъ каждый день, вѣжливо ухаживалъ за нею, но не засиживался. Она же продолжала выказывать равнодушіе. На пути онъ всегда встрѣчалъ Зою или Исидору, обмѣнивался съ ними парою словъ и затѣмъ шелъ въ Карочаровъ, гдѣ находилъ отдыхъ, не имѣя надобности подвергаться капризамъ или пускаться въ фантастическія приключенія.

Пока Валеска окончательно не поправилась, наступила осень. Придя однажды послѣ обѣда въ Карочаровъ для перевязки больного, Коломіевскій увидѣлъ всѣхъ четырехъ дѣвушекъ, играющихъ въ саду въ „серсо". Онъ старался незамѣтно ускользнуть, но его увидѣли, и Зоя побѣжала привести его.

— Нѣтъ, нѣтъ, такъ легко вы не отдѣлаетесь, говорила она, можно ли быть такимъ невѣжливымъ, убѣгать отъ насъ! Пойдемте играть съ нами.

Коломіевскій согласился не сразу; только когда подъѣхалъ верхомъ графъ Мицевскій и присоединился съ просьбою, онъ уступилъ. Мужчины послѣдовали за Зоей въ садъ, гдѣ ихъ любезно встрѣтили дѣвушки. Даже Валеска улыбалась и забыла

Смерть атамана донскихъ казаковъ Булавина (бунтъ 1708 г.) подъ Азовомъ.
Ориг. рис. Р. Штейна, грав. Ю. Барановскій.

Привѣтъ. Съ карт. Менцлера, грав. Пенъ.

свой повелительный характеръ до того, что подала палку Коломіевскому.

Игра снова началась. Когда обручъ падалъ возлѣ Валески, она всякій разъ обращалась къ Коломіевскому:

— Поднимите, скорѣе! И когда у нея развязался башмакъ, она потребовала, чтобы онъ сталъ на колѣни и завязалъ его.

Зоя шалила и дразнила Коломіевскаго. Она то бросала ему заразъ три обруча, или неожиданно подбѣгала и схватывала обручъ, который онъ уже подцѣпилъ. Исидора кидала на него задумчивые взгляды. Только Собѣслава оставалась спокойной и не сходила съ своего мѣста.

Вдругъ, обручъ залетѣлъ на сливу.

— Кто сниметъ его? спросила Валеска.

— Я, вскричала Зоя, и въ слѣдующую минуту, какъ кошка, вскарабкалась на дерево. Сбросивъ обручъ, она начала кушать сливы.

— О, какъ вкусно! сказала она. Подите сюда, Коломіевскій.

Слѣдуя веселому настроенію, онъ присоединился къ ней и оба сидѣли въ зеленыхъ вѣтвяхъ, бросая внизъ сливы. Всѣ окружили дерево и ѣли, только Собѣслава лѣниво растянулась на травѣ и посматривала на нихъ съ улыбкою. Между тѣмъ казакъ накрылъ въ бесѣдкѣ столъ и подалъ кофе, печенье и фрукты.

Коломіевскій спрыгнулъ съ дерева и поймалъ Зою на руки. Всѣ ушли въ бесѣдку.

Солнце, окруженное маленькими бѣлыми облачками, медленно клонилось къ закату. Вдругъ загорѣлся весь западъ и свѣжій осенній вѣтеръ всколыхнулъ листья и траву. Исидора встала и, облокотившись о стволъ березы, походила въ своемъ бѣломъ платьѣ на мраморную статую. Она до того задумалась, что испугалась когда Коломіевскій подошелъ къ ней.

— Что съ вами? спросилъ онъ,—почему вы такъ печальны?

— Я почти всегда такая, отвѣтила Исидора; если я бываю весела,—это исключеніе. Если человѣкъ не слѣпъ и видитъ жизнь какъ она есть, если онъ сочувствуетъ мукамъ, которыя его окружаютъ, вѣчной нуждѣ, непоправимому бѣдствію, то даже невинный смѣхъ замираетъ на устахъ.

— Жизнь—не игра, отвѣтилъ Коломіевскій, это серьезная борьба, но тѣмъ не менѣе есть и хорошія минуты.

— Да, если находишь сочувствующую душу, отвѣтила Исидора, и не стоишь одиноко въ жизни, какъ я.

Въ это время Собѣслава встала.

— Вамъ нужно что нибудь? спросилъ предупредительно Коломіевскій.

— Благодарю, отвѣтила она,—посвѣжѣло, и я думаю лучше пройти въ комнаты,—мы такъ легко одѣты.

Валеска, курившая, по обыкновенію, папиросу, взяла подъ руку графа, бросивъ предварительно насмѣшливый взглядъ на Коломіевскаго, который пошелъ рядомъ съ Зоей.

— Знаете, мнѣ хочется срисовать васъ.

— Я всегда къ вашимъ услугамъ, отвѣтилъ онъ.

— Когда же мы начнемъ?

— Когда прикажете.

— Тогда завтра.

— И такъ, завтра до обѣда я прійду для перваго сеанса.

— Прекрасно! воскликнула Зоя, хлопая въ ладоши.

Посидѣвъ еще немного, Валеска велѣла привести свою лошадь и, переодѣвшись въ амазонку, съ помощью графа вскочила въ сѣдло. Всѣ удивлялись ея граціи. Графъ Мицевскій также сѣлъ на коня сопровождать ее. Открыли ворота, но лошадь Валески испугалась и, не смотря на хлопанье по шеѣ и удары хлыста, не хотѣла тронуться со двора. Взбѣшенная Валеска потребовала нагайку, которую ей подалъ казакъ. И вотъ она начала бить лошадь. Напрасно она металась, желая сбросить свою тиранку, удары сыпались одинъ другого сильнѣе. Наконецъ, Валеска побѣдила. Дрожа и покрывшись пѣною, лошадь галопомъ вынесла ее за ворота. Собѣслава посмотрѣла на Коломіевскаго. Онъ недовольно покачалъ головою.

— Васъ, кажется, не очень восторгаетъ эта отвага амазонки? сказала она смѣясь.

— Нѣтъ, въ женщинѣ я люблю женственность, отвѣтилъ онъ; но идемте, вы простудитесь.

Они вернулись въ комнату. Зоя сѣла къ роялю и заиграла; Исидора взяла книгу; Собѣслава удобно помѣстилась въ креслѣ и съ улыбкой посмотрѣла на Коломіевскаго.

— Вамъ нужно что нибудь? спросилъ тотъ.

— Если вы хотите сдѣлать меня очень счастливой, принесите мнѣ мою мѣховую кофту.

Коломіевскій исполнилъ просьбу, помогъ ей надѣть и сѣлъ рядомъ съ нею. Оба слушали молча музыку. По временамъ дѣвушка взглядывала на него и улыбалась. И каждый разъ онъ чувствовалъ себя счастливымъ.

* * *

Когда Коломіевскій пришелъ для сеанса, Зоя ожидала его въ саду, гдѣ играла съ охотничьими собаками отца. Англійскаго водолаза, Блэка, она нарядила въ бѣлый бумажный воротникъ, Флору, прекрасную борзую собаку, въ вѣнокъ изъ астръ, а ноги маленькой таксы украсила пестрыми бантиками. Отведя въ комнаты интереснаго сосѣда и представивъ его родителямъ, она чрезъ нѣсколько минутъ пригласила его въ свой будуаръ, который одновременно былъ и мастерской, и музыкальнымъ заломъ, и библіотекою, и музеемъ, и уборною. Все здѣсь было перемѣшано. У окна стоялъ мольбертъ съ эскизомъ головы, затѣмъ піанино, покрытое нотами и журналами, далѣе шкафъ съ книгами. Въ одномъ углу чучело медвѣдя поддерживало лампу, на головѣ у него красовалась соломенная шляпа, а чрезъ плечо повѣшена была гитара; въ другомъ углу, на гипсовой, во весь ростъ, Венерѣ Милосской была накинута мѣховая кофта; у ногъ ея стояло чучело совы, валялись книги изъ библіотеки и неоконченный портретъ Валески. Далѣе виднѣлись шлемы, панцыри, турецкіе щиты, индійскіе стрѣлы и луки, гипсовыя фигуры, шкуры животныхъ, рамы для картинъ, пара вышитыхъ золотомъ туфель, скрипка и шахматная доска.

Среди этого живописнаго безпорядка Коломіевскій сидѣлъ теперь на соломенномъ стулѣ, а Зоя, одѣтая въ бѣлое платье и опоясанная красною лентою, набрасывала углемъ его голову на полотно.

— Вы прекрасная модель для живописца, замѣтила она при этомъ, для скульптора черты ваши мало пластичны. Все интересное въ вашемъ лицѣ, это—выраженіе, которое можно передать тѣнями и красками. Смотрите серьезно, не улыбаясь, думайте о Валескѣ.

— Вы ошибаетесь, если предполагаете, что Валеска серьезно меня занимаетъ.

— Такъ по крайней мѣрѣ кажется.

— Вашей деспотической подругѣ нравится обращаться со мною дурно, и вамъ, повидимому, кажется, что на это даетъ ей право моя страсть.

— Вы болѣе предпочитаете Исидору?

— Я симпатизирую ей болѣе, но она слишкомъ мечтательна. Такія загадочныя существа не могутъ мнѣ нравиться.

— Я же слишкомъ весела, слишкомъ подвижна, не правда ли? воскликнула Зоя со смѣхомъ. Итакъ, остается Собѣслава.

— Вы непремѣнно хотите, чтобы я былъ влюбленъ, сказалъ Коломіевскій. У меня мало для этого способностей; обыкновенно я отношусь къ людямъ спокойно и равнодушно.

— Поэтому то вамъ и нравится Собѣслава?

— Да, она мнѣ нравится.

— Я это знала. Она похожа на музыку Гайдна или Моцарта, отъ которой становится хорошо. Держу пари, что вы не любите Шопена, такъ какъ находите Исидору сантиментальной; въ виду же того, что я слишкомъ жива, вамъ не нравится также Россини и Оберъ. Не правда ли? Вагнера же вы не выносите совсѣмъ: онъ возбуждаетъ ваши нервы и терзаетъ какъ Валеска.

Она подбѣжала къ фортепіано и заиграла адажіо Моцарта.

— Вотъ вамъ Собѣслава, сказала она со смѣхомъ. Красива, весела, здорова, но притомъ всегда спокойна и всегда одинакова!

Затѣмъ, она снова вернулась къ мольберту. Итакъ шло постоянно. Всякій разъ когда приходилъ Коломіевскій, ему казалось, что съ нимъ играетъ веселая, забавная кошечка. Но портретъ двигался, поражалъ сходствомъ, а краски и освѣщеніе показывали хорошую школу. Зоя каждый разъ одѣвалась фантастически. Казалось, что у нея въ запасѣ былъ цѣлый сценическій гардеробъ. Она являлась то цыганкой, то испанкой, то турчанкой.

— Я вижу, что вы неисправимы, сказалъ ей однажды Коломіевскій,—и рано или поздно вы поступите на сцену.

* * *

Собѣслава жаловалась, что лисица крадетъ у нея куръ; уже шесть штукъ унесла эта воровка и отецъ не разъ подстерегалъ ее съ ружьемъ, но напрасно. Коломіевскій исходилъ окрестность и вскорѣ открылъ логовище опасной сосѣдки. Онъ видѣлъ ее играющею съ дѣтьми на опушкѣ лѣса.

Въ полнолуніе Коломіевскій залегъ противъ вѣтра подстерегать лисицу. Передъ нимъ былъ лѣсъ съ его могучими дубами и высокими березами, позади небольшая рѣченка съ ивами на берегу.

Лисица, по всей вѣроятности, отправилась на прогулку въ ближайшую деревню; она не показывалась, но за то послышались равномѣрные удары веселъ. Вскорѣ показалась лодка съ неподвижно сидѣвшей женской фигурой. Коломіевскій всталъ и подошелъ къ берегу. При блескѣ луны онъ узналъ Исидору. Она также увидѣла его и кивнула ему головкой съ печальной улыбкой.

— Куда вы ѣдете?

— Не знаю, отвѣтила она. Луна вызвала меня и теперь я отдалась на волю рѣки и мечтаю. А вы что дѣлаете тутъ?

— Поджидаю здѣсь лису.

— Можно ли въ такую чудную ночь думать объ убійствѣ!

— Вы правы.

— Подите сюда, помечтайте немного со мною, хотя разъ оставьте эту вашу разсудительность. Вы гораздо лучше чѣмъ хотите казаться. Она причалила къ берегу и Коломіевскій вошелъ въ лодку. Рука, которую Исидора подала ему, была холодна какъ ледъ, хотя на ней была накинута бархатная кофта, подбитая мѣхомъ.

Коломіевскій взялъ весла и лодка тихо поплыла мимо ивъ и высокаго тростника.

Исидора склонила головку; ея голубые глаза печально смотрѣли на воду.

— Собственно говоря, я не люблю такихъ ночей и такой картины, началъ Коломіевскій,—я предпочитаю день съ блескомъ солнца, яснымъ небомъ и пѣніемъ птицъ.

— Да, вы счастливый.

— А вы развѣ несчастливы?

Исидора грустно покачала головою.

— Чего вамъ недостаетъ?

— Не знаю. Грусть какая-то давитъ мнѣ сердце. Я хотѣла-бы плакать и спрашиваю себя: отчего?

— Вы недовольны потому, что не нашли себѣ настоящей дѣятельности, цѣли, которая-бы васъ занимала.

— Напротивъ! Развѣ это мало—успокоивать страданія людей, просвѣщать живущихъ въ заблужденіи?

— Женщинѣ для счастія нужно другое.

— Очень возможно; быть можетъ я хочу и любви, но гдѣ найду я сердце, которое-бы меня понимало? Люди кажутся мнѣ или равнодушными, или ограниченными эгоистами. Я не понимаю ихъ радостей и печалей.

— Міръ великъ; и почему вамъ не найти человѣка съ такими-же благородными побужденіями какъ ваши.

— Если-бы я даже и нашла его, сказала она печально,—онъ не полюбитъ меня. Я не изъ тѣхъ счастливицъ, которыя ослѣпляютъ и покоряютъ, какъ Валеска.

— Валеска менѣе всего способна сдѣлать мужа счастливымъ.

— И я также; но она и не думаетъ объ этомъ, ей нужно быть только счастливой самой и она будетъ, она умѣетъ заставить служить себѣ, я же никогда не найду того чего желаю и вѣчно буду недовольна.

— Это вы воображаете только.

— Нѣтъ, я себя знаю, отвѣтила Исидора съ горькою усмѣшкою. Что восхищаетъ другихъ, на меня не производитъ впечатлѣнія и не привлекаетъ меня. Я—бѣдное, безполезное, лишнее существо.

Она повернула прелестное личико къ лунѣ; крупныя слезы катились по ея щекамъ.

* * *

Валеска не такъ скоро оставила Коломіевскаго, какъ онъ воображалъ. Въ одно утро она появилась у него на дворѣ, отдала лошадь подоспѣвшему работнику, и сама пошла отыскивать его на гумнѣ, гдѣ онъ присматривалъ за молотильщиками. Когда она появилась въ зеленомъ охотничьемъ костюмѣ, мужскихъ сапогахъ и четыреугольной шапочкѣ на золотистыхъ волосахъ, Коломіевскій невольно улыбнулся.

— Не смѣйтесь, воскликнула Валеска.

— Я пришла не для того чтобы сложить оружіе, какъ вы вѣроятно думаете; напротивъ, я хочу васъ похитить какъ плѣнника. День прекрасный для охоты, мнѣ хочется въ лѣсъ,—вы будете-же на столько любезны, что пойдете со мною.

— Когда вы смѣетесь, вы неотразимы, отвѣтилъ Коломіевскій; счастье для меня, что вы смѣетесь рѣдко. Онъ отвернулъ ея перчатку и поцѣловалъ руку.

— И такъ вы боитесь стать моимъ рабомъ?

— Конечно.

Валеска пожала плечами и засмѣялась.

— Пойдемте.

Послѣ того какъ онъ переодѣлся и позвалъ собаку, Валеска перекинула чрезъ плечо ружье и отослала свой экипажъ домой. Они вышли за ворота и чрезъ невспаханное поле направились къ лѣсу.

— Я бы предпочла ѣхать съ вами верхомъ, сказала Валеска, и гнаться за лисою или зайцемъ.

— А я не люблю этого рода охоты.

— Почему? А я въ восторгѣ когда гонюсь за дичью, преслѣдую ее чрезъ поля и рвы, когда вижу какъ она ослабѣваетъ, ее настигаютъ собаки и хватаютъ. Она засмѣялась и зеленые ея глаза сверкнули удовольствіемъ.

— Вы жестоки, сказалъ Коломіевскій, а я нѣтъ.

— Жестока? А прекрасная хозяйка, рѣжущая своими руками курицу, развѣ менѣе жестока?

— Я вообще не люблю, когда женщина проливаетъ кровь.

— Вы сантиментальны!

Они приблизились къ полю кукурузы. Коломіевскій остановился.

— Возможно, сказалъ онъ, что мы найдемъ тутъ куропатокъ, хотя теперь и холодно.

Оба зарядили ружья и медленно подходили къ кукурузѣ, которую собака осторожно обыскивала. Однако они не встрѣтили куропатокъ, имъ не попадалось въ лѣсу и зайца.

— Тутъ слишкомъ много хищныхъ звѣрей и птицъ, сказалъ Коломіевскій; единственная охота въ Галиціи это охота на водѣ. Но если вы хотите, мы можемъ убить коршуна.

— Хорошо.

Коломіевскій повелъ Валеску въ сосновый лѣсъ, гдѣ они сѣли на сухой, усѣянной иглами, землѣ.

— Смотрите, вонъ тамъ, позади камней, вчера зарыта собака и навѣрное она привлечетъ хищныхъ птицъ.

Нѣсколько воронъ дѣйствительно сидѣли по близости и по временамъ оглашали воздухъ пронзительными криками.

— Вотъ, сказала Валеска и быстро встала.

Дѣйствительно, высоко виднѣлась большая птица, плавно несшаяся по воздуху.

— Это коршунъ и очень большой, отвѣтилъ Коломіевскій. Теперь только побольше хладнокровія; если будетъ промахъ—птица не появится больше.

Валеска опустилась на одно колѣно и приготовилась.

— Разстояніе шестьдесятъ шаговъ, сказалъ Коломіевскій тихо.

Коршунъ парилъ теперь надъ камнями, и вороны, казалось, привѣтствовали его радостнымъ крикомъ. Раздался выстрѣлъ. Вороны разлетѣлись во всѣ стороны. Коршунъ на мгновеніе поднялся въ вышину и затѣмъ какъ камень упалъ внизъ. Валеска поднялась и побѣжала. Когда подошелъ Коломіевскій, птица съ распростертыми крыльями и потухающимъ взглядомъ лежала у ногъ прекрасной амазонки, въ глазахъ которой виднѣлась наивная жажда убійства.

Послѣ того они пошли на ближайшее болото, гдѣ Коломіевскій убилъ двухъ вальдшнеповъ. Затѣмъ они вернулись въ Любіенъ, куда пришли уже въ сумерки. Валеска пригласила Коломіевскаго на чай.

Перемѣнивъ охотничій костюмъ на восхитительное домашнее платье, она приняла его въ своемъ убранномъ съ азіатскою роскошью будуарѣ, лежа на оттоманкѣ. Стѣны и полъ комнаты были обиты дорогими коврами. Въ экзотическихъ растеніяхъ скрывался маленькій фонтанъ. Разбросанныя шкуры звѣрей и мягкія подушки дополняли своеобразное убранство. Валеска по обыкновенію курила папироску.

Когда выпитъ былъ чай, Коломіевскій сталъ покашливать. Вся комната наполнилась табачнымъ дымомъ, что затрудняло дыханіе.

— Мои папиросы безпокоятъ васъ! воскликнула Валеска насмѣшливо. Это потому, что вы не курите сами. Мы живемъ въ извращенномъ вѣкѣ.

— Это правда, замѣтилъ Коломіевскій иронически.

— Откройте-же окно, сказала деспотка, плотнѣе запахиваясь въ свою кофту.

Въ эту минуту Коломіевскій поклялся себѣ, что если ему уже нужно жениться, то онъ готовъ взять женщину ѣздящую верхомъ какъ сатана, убивающую до полусмерти своихъ лошадей, наслаждающуюся видомъ убитой жертвы, капризничающую какъ султанша, но никогда такую, которая куритъ папиросы.

Когда Коломіевскій возвращался домой съ полковникомъ Нешалевскимъ, игравшимъ съ отцомъ Валески въ шахматы, старый весельчакъ сталъ дразнить его Валескою.

— Нѣтъ, полковникъ, на этотъ разъ вы ошибаетесь, Валеска не для меня.

— Тогда васъ очаровала веселая Зоя?

— Также нѣтъ.

— Тогда сердце ваше покорено задумчивыми глазами Исидоры?

— Отчего вы не говорите мнѣ про Собѣславу?

Полковникъ посмотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Объ этой я вовсе не думалъ, сказалъ онъ. Быть можетъ она самая красивая изъ всѣхъ подругъ, но до невозможности спокойна; я думаю, что ради удобства она готова не говорить и не думать.

Коломіевскій засмѣялся.

— Быть можетъ, но именно съ этимъ счастливымъ характеромъ у нея болѣе всего задатковъ быть хорошею женою. Въ бракѣ вѣдь не ищутъ бурь, безпокойствъ и драматическихъ сценъ. Сознаюсь, что Валеска прелестнѣе, Исидора интереснѣе, Зоя милѣе, но около Собѣславы находишь покой,—а отъ него недалеко до счастья.

* * *

На слѣдующій день Коломіевскій проснулся рано. Было прелестное утро. Ему захотѣлось погулять и пройти къ Собѣславѣ. Почему къ ней? „Она только что встала, подумалъ онъ, а женщину, которую начинаешь любить, нужно-же видѣть хотя разъ въ утреннемъ костюмѣ“.

Но онъ ошибся. Войдя въ Карочаровѣ въ садъ и приблизившись къ дому, глазамъ его представилась прелестная картина, достойная кисти художника.

Въ стрѣльчатомъ окнѣ, обвитомъ дикимъ виноградомъ, сидѣла Собѣслава въ своей мѣховой кофточкѣ и прилежно шила.

— Добраго утра, проговорилъ Коломіевскій.

Дѣвушка повернула голову и улыбнулась.

— Такъ рано, продолжалъ онъ, и вы уже одѣты?

— Я всегда одѣта въ это время.

— Что вы шьете такъ прилежно?

— Платьице для бѣднаго ребенка.

— Вы, кажется, скрываете ваши благодѣянія.

— Мнѣ пріятнѣе, если объ этомъ не говорятъ, отвѣтила она. Объ этомъ не знаютъ даже родители,—это мои сбереженія отъ туалетовъ.

— Что это за книга? спросилъ Коломіевскій, увидя томъ на подоконникѣ.

— Это мое утреннее чтеніе.

— „Фаустъ“ Гете? воскликнулъ Коломіевскій, разсматривая книгу. Какое-же мѣсто вы читали?

Собѣслава открыла книгу и прочла своимъ мелодичнымъ голосомъ:

„Свѣжо и живо бьются пульсы жизни, привѣтствуя грядущую денницу. Ты, земля, и послѣ этой ночи дышешь съ обновленными силами; ты поселяешь во мнѣ бодрость, воздвигаешь мощную рѣшительность стремиться впередъ, къ высшему существованію. Сумракъ рѣдѣетъ, лѣсъ звучитъ тысячегласною жизнью, туманами одѣты долы; но и къ нимъ нисходитъ свѣтъ,—въ благоухающей ихъ глубинѣ возникаютъ, явственно рисуются вѣтви и листья, пробужденные, блестящіе жемчужною росою: прекрасна какъ рай, возстаетъ изъ мрака жизнь“.

Коломіевскій съ удивленіемъ смотрѣлъ на Собѣславу.

— О чемъ вы думаете теперь? спросила она шаловливо.

— О томъ, что вы такъ похожи на природу; каждый день открываешь въ васъ новыя прелести.

— О, не ухаживайте за мною, отвѣтила Собѣслава и встала. Впрочемъ, пора идти на кухню.

— Можно мнѣ посмотрѣть какъ вы стряпаете?

— Конечно можно, но вы должны также помогать.

— Охотно.

Она посмотрѣла на него со страхомъ.

— Къ чему такъ много словъ, проговорила она. Вы говорите что я вамъ нравлюсь, я же къ вамъ дѣйствительно расположена, и если вы также серьезно относитесь ко мнѣ, какъ я къ вамъ, женитесь на мнѣ,—это такъ просто!

— Вы согласны на это, моя дорогая?

Ступка упала на полъ и сахаръ просыпался.

— Вы знаете, что я васъ люблю, продолжалъ Коломіевскій съ возрастающею теплотою, люблю искренно и горячо? А вы меня?

— Не знаю, сказала она,—говорятъ, что любовь это счастье при безпокойствѣ,—я же такъ счастлива, когда вы со мною, но вмѣстѣ съ тѣмъ и спокойна.

Коломіевскій обнялъ ее и поцѣловалъ въ полныя, красивыя губки. Она отстранилась смѣясь, съ руками полными тѣста.

— Вы думаете, что я вамъ прощу это? Сейчасъ-же просите моей руки!

— Къ чему такъ торопиться, шутилъ онъ вы всегда такъ спокойны.

— Потому что я хочу возвратить тебѣ поцѣлуй, злой человѣкъ! воскликнула она и, наклонившись къ нему, поцѣловала его.

Контрабандистъ въ опасности. Рис. Давида, грав. Клинкайтъ.

Она вышла, направилась прежде въ кладовую, а затѣмъ въ кухню.

— Сегодня я буду дѣлать булки и пока приготовлю тѣсто, вы истолчете сахаръ.

Подъ звуки ступки, Собѣслава отвернула рукава и стала мѣсить тѣсто своими прекрасными бѣлыми руками. Коломіевскій чувствовалъ себя при этомъ гораздо лучше, нежели въ будуарѣ Валески и мастерской Зои. Неужели онъ влюбился? До сихъ поръ онъ постоянно былъ спокоенъ.

— Какъ вы прелестны, проговорилъ онъ.

— Вы не должны ухаживать за мною, прервала его Собѣслава, объ этомъ я вамъ говорила.

— Я серьезно и искренно восхищаюсь вами.

— Господинъ Коломіевскій, сказала Собѣслава, прерывая свою работу,—прошу васъ не говорите мнѣ подобныхъ вещей ради себя и ради меня. Вы нарушаете мой покой, поселяете сомнѣніе и безпокойство въ моей душѣ, а я люблю покой, а также покой сердца.

— Вы не понимаете меня, Собѣслава.

— Нѣтъ, продолжала она, понимаю. Вы мнѣ нравитесь, присутствіе ваше сдѣлалось для меня необходимостью. Уже теперь мнѣ больно при мысли, что это не можетъ такъ продолжаться, а вы начинаете...

— Развѣ я не могу говорить то что чувствую? воскликнулъ Коломіевскій. Мое сердце полно вами!

* * *

Свадьбу не откладывали долго. Вскорѣ затѣмъ разъѣхались и подруги новобрачной Валеска провела зиму въ Парижѣ, Зоя и Исидора уѣхали въ Львовъ Весною пришло извѣстіе, что Валеска вышла замужъ за графа Мицевскаго. Лѣтомъ пришло письмо отъ Исидоры, которая извѣщала, что поступаетъ на медицинскіе курсы въ Цюрихѣ

Осень была на исходѣ, когда вечеромъ зашелъ съ газетою полковникъ Непалевскій Зоя сдѣлалась пѣвицей и съ большимъ успѣхомъ дебютировала въ Варшавѣ. Собѣслава, укачивавшая своего перваго ребенка, сказала, обращаясь къ мужу:

— Видишь, на какихъ блестящихъ женщинахъ ты могъ жениться, между тѣмъ выбралъ себѣ созданіе безъ ума и темперамента.

Коломіевскій взялъ со стола небольшую книжечку и сталъ читать:

„Свѣжо и живо бьются пульсы жизни...“

Собѣслава захлопнула книгу. Однако онъ продолжалъ наизусть:

„Прекрасна какъ рай, возстаетъ жизнь“.

Она начала смѣяться и со смѣхомъ подставила губы для поцѣлуя.

Къ рисункамъ.

Катанье на шестахъ. (Рис. на стр. 172).

Вотъ зимнее развлеченіе, весьма распространенное во многихъ деревняхъ. Съ горы въ видѣ рельсъ укладываются круглые шесты по снѣгу и обливаются водою, становясь на морозѣ скользкими. Въ праздничные дни деревенская молодежь, парни и дѣвушки, взявшись за руки, скатываются внизъ, стоя, какъ показано на рисункѣ. Тутъ, не удерживая равновѣсія, иногда падаютъ въ снѣгъ, и сколько хохоту, веселья и криковъ дѣвушекъ, раскраснѣвшихся на морозѣ и осыпанныхъ снѣгомъ въ случаѣ паденія.

Послѣ мятели. (Рис. на стр. 173).

Очень удачно изображено здѣсь тихое утро послѣ мятели, занесшей пушистымъ снѣгомъ все кругомъ. Мятель выла и гудѣла и, какъ говоритъ нашъ поэтъ:

Вечоръ, ты помнишь: вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась,
Луна, какъ желтое пятно,
Сквозь тучи мрачныя желтѣла...
А нынче—погляди въ окно...

Залѣпилъ хлопьями маленькія оконца избы пушистый снѣгъ,

Марія Стюартъ. 300-лѣтіе со дня ея смерти. Съ портр. находящагося въ СПб. Имп. Эрмитажѣ, грав. Шюблеръ.

обложилъ сугробами всю избушку. Вышелъ утромъ мужикъ и видитъ, что тяжело будетъ нынче его пѣгашкѣ по такому глубокому снѣгу везти дрова изъ лѣсу.

Миранда. (Рис. на стр. 177).

Жанъ Баптистъ Грёзъ (р. 1725, † 1805), кисти котораго принадлежитъ прекрасная женская головка, помѣщенная въ этомъ нумерѣ, былъ единственнымъ своеобразнымъ живописцемъ своего времени, середины XVIII вѣка. Въ Италіи искусство въ его время исчезло съ Карломъ Марати; Каррено и Тобаръ въ Испаніи довольствовались писаніемъ копій съ Веласкеца и Мурильо; Ватто во Франціи, художникъ временъ Регентства, довелъ свои произведенія до высшей степени искусственности. Грёзъ одно время, казалось, намѣренъ былъ также слѣдовать общему теченію и подчиниться вкусу Версаля и Тріанона. Но онъ увлекся ученіемъ Руссо, обратился къ школѣ природы и своими произведеніями указалъ на преимущества простоты и безъискусственной красоты. Живя во время полной распущенности, когда чистота мысли и дѣйствій считалась жеманствомъ, Грёзъ никогда не потворствовалъ общему вкусу. Всѣ картины его ясны и скромны по замыслу и прелестны по исполненію. Особенно хороши его головки молодыхъ дѣвушекъ, „счастливыхъ своею молодостью, сознающихъ свою красоту".

Одинъ изъ лучшихъ французскихъ художниковъ XVIII вѣка, Грёзъ родился въ Турнѣ, близь Макона. Отецъ предполагалъ сдѣлать изъ сына купца, но молодой Грёзъ не соглашался съ желаніями отца и требовалъ, чтобы его учили живописи, такъ что родители принуждены были отдать его учиться къ портретному живописцу Громдону. Послѣ нѣсколькихъ лѣтъ ученія, Грёзъ сразу получаетъ извѣстность своею первою, прекрасною картиной: „Отецъ семейства, объясняющій Библію своимъ дѣтямъ". Эта картина, выставленная въ Парижѣ при Людовикѣ XV, произвела небывалое впечатлѣніе и сдѣлала полнѣйшій переворотъ въ искусствѣ. Оригинальный и строгій въ выборѣ сюжетовъ, Грёзъ писалъ съ нравственною цѣлью и отличался превосходною композиціею. У него всѣ произведенія проникнуты чувствомъ и мыслію, все взято прямо изъ природы, все чисто и натурально. Столѣтіе, отдѣляющее насъ отъ времени созданія этихъ этюдовъ, нисколько не уменьшаетъ ихъ достоинства и громаднаго значенія. Вообще же Грёзъ не пользовался при жизни особеннымъ успѣхомъ у соотечественниковъ и впервые въ Россіи былъ оцѣненъ по достоинству. Грёзъ умеръ въ 1805 году въ Парижѣ (въ Луврѣ), оставивъ огромную коллекцію образцовыхъ картинъ; лучшія изъ нихъ: „Деревенская невѣста", „Любимая мать", „Старикъ въ параличѣ" (картина, находящаяся въ Императорскомъ Эрмитажѣ въ СПБ.) и др. Художникъ рѣдко подписывалъ свои произведенія и потому нѣкоторыя изъ его картинъ съ трудомъ признаются за произведенія его кисти.

Смерть атамана Булавина. (Рис. на стр. 180).

Въ концѣ семнадцатаго и началѣ восемнадцатаго вѣка на Дону произошли между казаками волненія, вызванныя нѣсколькими лицами изъ буйной донской вольницы, между коими наибольшую извѣстность имѣетъ атаманъ Булавинъ. Дѣйствіями его недовольны были и сами казаки и рѣшили схватить и передать его въ руки правительства. Подъ Азовомъ 7-го іюля 1709 г. казаки окружили избу, гдѣ былъ Булавинъ съ нѣсколькими злодѣями изъ своей шайки. Онъ заперся и сталъ отстрѣливаться и защищаться отчаянно (эту защиту и изображаетъ нашъ рисунокъ). Но когда стали стрѣлять по избѣ изъ пушки и обложили избу камышомъ, чтобы поджечь, то, не видя себѣ спасенія, буйный атаманъ, не желая сдаться, застрѣлился изъ пистолета.

Привѣтъ. (Рис. на стр. 181).

Граціозная картинка Менцлера изображаетъ молодую женщину, бросившую кому-то розу съ балкона и наблюдающую съ живымъ любопытствомъ, какъ это принято тѣмъ, для кого назначена эта роза. Полныя оживленнаго ожиданія глаза и выраженіе лица молодой женщины схвачены очень удачно.

Сигналъ опасности. (Рис. на стр. 184).

Таможенная стража давно уже его подстерегаетъ, катеръ стоитъ на-готовѣ и лодкѣ контрабандиста не долго остается плавать на свободѣ. Холодный рѣзкій вѣтеръ нагоняетъ волны на берегъ. Вотъ изъ скрытаго мѣста, изъ-за скалы, появляется старикъ-контрабандистъ и гребетъ осторожно, съ тайной тревогою. Огибая скалу, темный парусъ его ускользаетъ отъ вниманія стражи, и выстрѣлъ его и сильный окрикъ извѣщаютъ товарищей о полной неудачѣ въ эту ночь.

Марія Стюартъ.

300-лѣтняя годовщина со дня ея казни.
(Портр. на стр. 185).

8-го февраля предполагаютъ устроить въ Лондонѣ историческое торжественное шествіе изъ дворца Фортерингэй въ соборъ Петербору съ цѣлью почтить 300-лѣтнюю годовщину смерти несчастной королевы Франціи и Шотландіи. Въ Фортерингэй стоялъ ея эшафотъ, въ Петербору ея гробъ, пока сынъ ея, съ странною безтактностью, не распорядился перевезти ея останки въ Вестминстерскій соборъ и положить вблизи ея непримиримаго врага, Елизаветы. Шествіе приметъ поэтому это направленіе. Но всѣ, какъ участвующіе въ немъ, такъ и зрители, навѣрно зададутъ себѣ вопросъ: была ли казненная справедливо казнена? Вопросъ о виновности Маріи стоитъ еще открытымъ, но вообще результаты тщательныхъ изслѣдованій послѣднихъ лѣтъ складываются въ ея пользу. По уму Марія была болѣе развита чѣмъ по характеру; она была склонна къ поверхностному взгляду на вещи и страстность была основною ея чертою. Одинаково пламенная въ ненависти и въ любви, она быстрыми шагами приближалась къ несчастію. Несдержанность въ дѣйствіяхъ, поспѣшность въ рѣшеніяхъ помрачали ея взглядъ правительницы; невоздержная и безпокойная, она каждую минуту была готова на новые политическіе опыты и прикрывала свою страсть къ приключеніямъ пурпурной мантіей. Хотя и воодушевленная сильнымъ монархическимъ чувствомъ, она, подобно Маріи Антуанетѣ, довѣряла зачастую свои дѣла лицамъ недостойнымъ въ виду того, что вовсе не обладала знаніемъ людей и политическою прозорливостью. Этотъ недостатокъ она доказала болѣе всего выходя замужъ за Дэрнлея и грубаго Ботвеля и довѣряясь Елизаветѣ и Муррею. Благодаря гибкости ума, она не падала духомъ въ тяжелыхъ обстоятельствахъ. Какъ бы ни были тяжелы удары, она не унывала и изыскивала новыя средства и пути для достиженія своихъ цѣлей, и какъ ученица Гизовъ не была щепетильна въ выборѣ. Мастерица, какъ и ея учителя, въ притворствѣ, она всю жизнь занималась этимъ далеко не королевскимъ искусствомъ; свои мысли она умѣла всегда передать самыми убѣдительными словами. Міръ зналъ объ ней самое дурное, но она была лучше, чѣмъ сложившееся объ ней мнѣніе.

Быть можетъ самымъ сильнымъ обвиненіемъ Маріи были бумаги, извѣстныя подъ названіемъ „писемъ изъ шкатулки". Объ нихъ въ первый разъ услышали въ декабрѣ 1567 г., когда приверженецъ графа Муррея, сводная брата королевы, заговорилъ объ нихъ. Въ шкатулкѣ нашли будто бы тайныя письма государыни къ Ботвелю, въ которыхъ она является убійцею своего мужа Дэрнлея и нарушительницею супружеской вѣрности; говорилось, что Ботвель оставилъ эти письма предъ своимъ бѣгствомъ въ Эдинбургъ, и что графъ Мортонъ задержалъ слугу посланнаго за ними. Приверженцы Маріи оспаривали подлинность писемъ, никто, однако, не думалъ разсмотрѣть ихъ; не было также обвиненія и слѣдствія надъ Маріей, котораго слѣдовало бы ожидать; сама же она не являлась, когда 35 шотландскихъ дворянъ и духовныхъ лицъ высказались въ пользу ея невиновности, въ Думбартонѣ, въ сентябрѣ 1568 г. Марія бѣжала въ Англію, обратилась къ Елизаветѣ и попала въ заточеніе. Угрозы Елизаветы побудили Муррея обвинить сестру и въ октябрѣ 1568 г., на конференціи въ Іоркѣ, онъ передалъ англійскимъ уполномоченнымъ письма изъ шкатулки, т. е. пять изъ нихъ, переведенныя съ французскаго языка на шотландскій, что было во всякомъ случаѣ странно. Засѣданія продолжались въ Вестминстерѣ съ конца ноября и, послѣ отъѣзда защитниковъ Маріи, Муррей въ засѣданіи 7 и 8 декабря представилъ мнимые французскіе оригиналы восьми писемъ и другіе компрометирующія Марію документы. Оригиналы затеряны; оба самыхъ важныхъ письма, такъ называемое короткое и длинное глазговское письмо, сохранились только въ англійскомъ оффиціально свѣренномъ переводѣ. Всѣ восемь писемъ, которыя, какъ утверждаютъ, были собственноручно писаны Маріей къ Ботвелю, не имѣютъ ни числа, ни адреса, ни подписи. По соглашенію съ Елизаветою и ея министромъ Сесиль, Муррей устроилъ такъ, что комиссары Маріи не видѣли самыхъ писемъ, но за то ихъ видѣли Елизавета, Сесиль и англійскіе комиссары; Марія же не видѣла ни оригиналовъ, ни копій. Въ декабрѣ 1568 г. мнимые оригиналы показывались и прочитывались снова въ Гамптонъ-Куртѣ. Впервые ихъ подвергли разсмотрѣнію, не призывая, однако, экспертовъ, для сличенія ихъ съ другими письмами Маріи, и окончили важное дѣло съ такою поспѣшностью, что вся экспертиза казалась простою комедіею. Муррей и его товарищи удостовѣрили письменно подлинность писемъ Маріи, которой однако ихъ не показывали.

Нужно предположить, что Муррей огласилъ бы письма Маріи, еслибы въ подлинности ихъ не было сомнѣнія; нельзя было бы пріискать болѣе дѣйствительнаго способа для политическаго и нравственнаго уничтоженія Маріи. Елизавета сама не придавала значенія письмамъ и Сесиль 10 января 1569 г. объявилъ отъ ея имени оффиціально регенту Муррею, что не произошло ничего подающаго Елизаветѣ поводъ быть дурного мнѣнія объ ея доброй сестрѣ. Такимъ образомъ весь запасъ писемъ оказался непригоденъ для доказательства участія Маріи въ убійствѣ короля и въ нарушеніи супружеской вѣрности. Елизавета считала Марію невинной, однако желала чтобы на той тяготѣло подозрѣніе, почему и велѣла, чрезъ Сесилія, Буханану изготовить „Detectio Mariae Reginae", что распространялось повсюду съ явнымъ намѣреніемъ обезчестить Марію и откуда произошли документы, составлявшіе вначалѣ переводъ тайныхъ писемъ. Только послѣ полнаго запятнанія славы своей непріятельницы, королева Англіи могла рѣшиться предъ

міромъ заключить ее въ темницу и подготовить ей путь къ эшафоту. Но ни Елизавета, ни Сесиль не рискнули воспользоваться оффиціально письмами изъ шкатулки.

Муррей и его сообщники—Мортонъ, Леннорь и проч. подделали эти письма, причемъ пользовались самыми утонченными способами. Они измѣняли нѣкоторыя фразы, дѣлали пропуски и прибавленія, и письма Дэрнлея къ Маріи, Маріи къ Дэрнлею и къ Муррею превращали въ любовныя посланія Маріи къ Ботвелю. Взвѣсивъ результаты безпристрастныхъ изслѣдованій, можно повторить за Маріей, говорившей своей торжествующей противницѣ: „Еслибы царствовало право, ты лежала бы предо мною въ прахѣ!“ Обезглавленіе Маріи было юридическимъ убійствомъ, но не должнымъ наказаніемъ. Она много грѣшила, но нѣтъ повода презирать ее какъ убійцу и нарушительницу супружеской вѣрности. Помѣщаемый портретъ Маріи Стюартъ, находящійся въ Имп. Эрмитажѣ въ СПБ., по заключенію знатоковъ, лучшій изъ ея портретовъ.

Урзонъ. (Рис. на стр. 188).

Къ разряду грызуновъ принадлежатъ вообще добродушныя животныя, какъ бѣлки, бобры, мыши, зайцы и пр. Они не обладаютъ особымъ оборонительнымъ или наступательнымъ оружіемъ; исключеніе составляютъ только дикобразы, имѣющіе длинныя или короткія, всегда острыя иглы, представляющія важное значеніе для этихъ животныхъ. Къ этимъ, вооруженнымъ иглами грызунамъ принадлежитъ Урзонъ или ползающій дикобразъ (Erethizon dorsatum). Животное это достигаетъ 80 сантиметровъ (свыше аршина) длины; тѣло покрыто грубою темно-коричневою шерстью, изъ которой торчатъ длинныя, въ 8—9 сантиметровъ (2 вершка), иглы. Характеристичны толстая голова и тупая морда. Необходимую принадлежность Урзона составляютъ длинные, сильные когти (четыре спереди и пять сзади); они напоминаютъ соотвѣтствующіе органы лѣнивцевъ, но оказываются гораздо пригоднѣе при лазаньи по деревьямъ. Страшное оружіе Урзона составляетъ плоскій хвостъ, длиною въ 19 сантиметровъ (свыше ¼ арш.), покрытый внизу щетиною и сверху иглами. Бѣда подойти близко къ этому оружію. Животное быстро ударяетъ имъ направо, налѣво, даже вверхъ, и попадаетъ въ мнимаго или дѣйствительнаго врага. Въ виду того что иглы врастаютъ не крѣпко, онѣ попадаютъ въ кожу, проникаютъ сквозь самое толстое платье и даже вязнутъ въ деревѣ. Если же Урзонъ не можетъ надлежаще дѣйствовать хвостомъ, онъ свертывается, на подобіе ежа, подставляя непріятелю колючія иглы. Повидимому, животное непобѣдимо; собаки, нападающія на него, отскакиваютъ со страшнымъ воемъ; у нихъ остаются въ мордѣ иглы. Одинъ естествоиспытатель поймалъ рысь, раненую въ схваткѣ съ дикобразомъ; голова ея была сильно воспалена и морда усѣяна иглами; животное было близко къ смерти. Тому же натуралисту сообщали, что въ подобномъ состояніи, и даже мертвыми, находили собакъ, волковъ, кугуаровъ. Охота на Урзоновъ возможна только съ огнестрѣльнымъ оружіемъ. Животныя эти водятся въ лѣсахъ Сѣверной Америки и питаются корою и молодыми шишками хвойныхъ деревьевъ. Большую часть жизни Урзонъ проводитъ на деревьяхъ и лазитъ съ поразительною ловкостью. Пойманный, онъ довольно легко приручается и привыкаетъ къ своему сторожу.

Кувшинчики. (Рис. на стр. 189).

Въ 1886 г. сообщалось о находкѣ на болотистыхъ мѣстахъ Тюрингенскаго лѣса сѣверо-американскаго цвѣтка—кувшинчика (Sarracenia purpurea). Ботаникъ, нашедшій его во время своей энтомологической экскурсіи, считалъ его цвѣткомъ мѣстнымъ; однако оказалось, что оригинальный цвѣтокъ этотъ начали встрѣчать здѣсь лишь нѣсколько лѣтъ назадъ.

Растеніе принадлежитъ къ небольшой семьѣ Кувшинчиковъ (Sarraceniaceae) и отличается своеобразнымъ стебелькомъ. Какъ показано на рисункѣ, стебельки растутъ въ видѣ трубки и собственно листъ на концѣ ея кажется прибавленіемъ на подобіе ушка. Трубка значительно загибается, расширяется надъ землею, выстилаетъ свою клѣтчатую ткань сѣтью жилокъ и выдѣляетъ внутри, изъ нѣжныхъ железокъ, большое количество чистой воды, которая привлекаетъ насѣкомыхъ различныхъ породъ. Большинство изъ нихъ погибаетъ, и это дало поводъ причислять это растеніе къ такъ называемымъ насѣкомояднымъ растеніямъ. Во всякомъ случаѣ, строеніе цвѣтка чрезвычайно своеобразно, хотя и не составляетъ единичнаго явленія. Уже Линней зналъ это растеніе и назвалъ его, въ честь квебекскаго доктора Саррацина, измѣненнымъ латинскимъ именемъ. Всѣ виды этого растенія принадлежатъ Сѣверо-Американскимъ Соединеннымъ Штатамъ, гдѣ преимущественно растутъ на югѣ, именно въ Каролинѣ, Луизіанѣ, Алабамѣ и пр., и извѣстны тамъ подъ именемъ Мухоловокъ. Ихъ насчитывается до шести видовъ. Эти оригинальныя растенія существенно разнятся отъ другихъ строеніемъ своихъ трубкообразныхъ стебельковъ и листочковъ. Всѣ сорта его растутъ на болотахъ вмѣстѣ съ разными видами водяныхъ цвѣтовъ, плауновъ и болотистыхъ мховъ. Болотистыя мѣста эти рѣзко выдѣляются; они состоятъ изъ покрытыхъ травою саваннъ, съ небольшими парками кустовъ и деревьевъ, или же изъ лишенныхъ растительности углубленій, гдѣ отъ дѣйствія стоячей воды образуется болото. Остается только пожелать, чтобы его не уничтожали, и тогда, быть можетъ, оно со временемъ размножится.

О магазинномъ ружьѣ, введенномъ въ войскахъ германской арміи. (Рис. на стр. 192).

Чѣмъ большее, при извѣстномъ прицѣлѣ, число пуль будетъ выпущено въ данную цѣль въ короткій промежутокъ времени, тѣмъ большаго пораженія непріятеля можно ожидать—это давно уже побуждало изобрѣтателей предлагать, для вооруженія арміи, ружья, допускающія возможность производить быструю стрѣльбу.

Въ послѣднее время во многихъ государствахъ военныя министерства принялись за серьезныя испытанія магазинныхъ ружей лучшихъ образцовъ. Въ Австріи, послѣ испытаній, на вооруженіе пограничной стражи и нѣкоторыхъ войсковыхъ частей, расположенныхъ въ Босніи и Герцеговинѣ, было введено магазинное ружье Фрувирта; затѣмъ появилось, въ Австріи же, магазинное ружье Кропачека, которое затѣмъ было принято также на вооруженіе морской пѣхоты во Франціи. Пользуясь 60.000 запасомъ магазинныхъ ружей сист. Кропачека, французы вооружили ими свои войска въ Тонкинѣ, гдѣ, во время военныхъ дѣйствій, ружье этой системы показало себя какъ хорошее боевое оружіе. Швейцарская армія давно уже имѣетъ на вооруженіи магазинныя ружья системы Веттерли и въ минувшемъ 1886 году сдѣлала новый шагъ къ улучшенію этихъ магазинныхъ ружей.

Года два тому назадъ, высказывалось мнѣніе, что стоитъ только одной державѣ принять для своей арміи магазинныя ружья, какъ всѣ другія государства должны будутъ придти также къ такому новому оружію. Оставаться при однозарядномъ ружьѣ, изъ котораго можно давать въ минуту, въ среднемъ, не болѣе 6 или 8 однозарядныхъ выстрѣловъ, при условіи вынманія каждаго патрона изъ сумы, тогда какъ другія государства вооружатъ свои арміи лучшими магазинными ружьями, считалось невозможнымъ. Примѣру Германіи и Франціи послѣдовали Австрія, Италія, Бельгія и Англія. Остановимся на описаніи магазиннаго ружья, нынѣ принятаго въ германской арміи. Еще въ 1884 г. германское правительство оцѣнило всѣ выгоды магазиннаго оружія и рѣшило его принять. Совмѣстными усиліями Шпандаускаго ружейнаго завода, стрѣлковой школы и войскъ, въ томъ же году былъ выработанъ образецъ ружья съ магазиномъ, расположеннымъ подъ стволомъ, въ цѣвьѣ ложи. Калибръ ружья былъ оставленъ прежній, т. е. 11 милим. (4,33 линіи) и оказалось возможнымъ воспользоваться всѣми уже готовыми патронами, стволомъ и нѣкоторыми частями однозаряднаго ружья Маузера. Это облегчило фабрикацію новыхъ ружей, машины были заблаговременно заготовлены и, неожиданно для всѣхъ, въ 1886 году, весною, стало вдругъ извѣстнымъ, что въ одномъ только Шпандаускомъ оружейномъ заводѣ къ этому времени было изготовлено 100,000 магазинныхъ ружей. Такихъ же оружейныхъ заводовъ въ Германіи еще два: въ Данцигѣ и Эрфуртѣ, кромѣ частныхъ оружейныхъ заводовъ. Германское правительство за послѣдніе два года подготовило все, чтобы сразу перевооружить свою армію магазинными ружьями, и достигло этого такъ, что никто объ этомъ не зналъ и государство не затратило напрасно лишнихъ денежныхъ средствъ. Въ настоящее время, въ Германіи уже около 400,000 магазинныхъ ружей. Такими ружьями уже вооружены: гвардія и части армейскихъ корпусовъ, стоящихъ какъ по границѣ Германіи съ Франціею, такъ и съ Россіею. Къ лѣту текущаго года большая часть войскъ Пруссіи, Саксоніи, Баваріи и Вюртемберга будутъ имѣть новыя ружья. Заботясь, чтобъ и люди резерва, призванные въ случаѣ войны подъ знамена, знали какъ пользоваться магазинными ружьями, германское военное министерство призвало недавно первыя 73.000 человѣкъ резервистовъ, спеціально для обученія ихъ стрѣльбѣ изъ новыхъ ружей. Затѣмъ будутъ собраны еще другія 73 тысячи человѣкъ, для той же цѣли.

Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ въ оффиціальной инструкціи *), видно, что вновь введенное ружье называется образцомъ ружья 1871 и 1884 годовъ, ибо въ сущности ружье осталось почти тоже, но обращено въ магазинное по модели, принятой въ 1884 году. Изъ этого новаго ружья конечно можно стрѣлять и однозарядно, когда требуется рѣдкая стрѣльба съ наилучшимъ прицѣливаніемъ; помощью же извѣстнаго простого передвиженія разобщителя ружье это обращается тотчасъ въ магазинное и изъ него можно сдѣлать подъ рядъ 10 выстрѣловъ въ теченіе 20—30 секундъ, т. е. употребляя на каждый выстрѣлъ, съ достаточно внимательнымъ прицѣливаніемъ, лишь 2 или 3 секунды. При стрѣльбѣ однозарядной, т. е. когда приходится вынимать изъ сумы каждый патронъ отдѣльно и вкладывать его въ ружье, приходится тратить на одинъ выстрѣлъ 6 или 7 секундъ.

Магазинная трубка изъ тонкой стали помѣщается подъ стволомъ ружья, въ цѣвьѣ деревянной ложи. Въ этой магазинной трубкѣ вложена длинная спиральная пружина съ пробкою на концѣ, побуждающая вложенные въ трубку патроны передвигаться къ сторонѣ затвора. Въ трубку эту можно вложить 8 боевыхъ патроновъ, затѣмъ девятый помѣщается наклонно въ передавателѣ и десятый влагается въ патронникъ ствола. Означенный передаватель имѣетъ видъ ложки, которая, въ зависи-

*) Instruktion für das Infanterie Gewehr Mod. 71-84. Mittler & Sohn. Berlin.

мости отъ передвиженій затвора, то опускается своимъ переднимъ концомъ на уровень задняго обрѣза магазинной трубки (изъ которой на эту ложку и переходитъ ближайшій патронъ изъ магазина), то поднимается переднимъ концомъ къ обрѣзу ствола и подноситъ патронъ къ затвору, которымъ этотъ патронъ и вдвигается въ ствольный патронникъ. При каждомъ такомъ опусканіи передавателя въ его ложку можетъ перейти изъ магазина только одинъ патронъ. Въ такомъ порядкѣ, всѣ 8 патроновъ изъ магазина переходятъ въ стволъ сами, требуя отъ солдата только открыванія и запиранія затвора, а также газина германскаго ружья 8 патронами и вложенія девятаго патрона въ передаватель а десятаго въ стволъ, требуется отъ 30 до 40 секундъ, которыя солдатъ конечно найдетъ въ теченіе сраженія и такимъ образомъ получаетъ возможность пользоваться быстрою стрѣльбою но много разъ, въ бою, въ тѣхъ случаяхъ, когда появившіяся цѣли требуютъ такой быстрой стрѣльбы. Во все время боя, когда требуется рѣдкая, мѣткая стрѣльба, солдатъ долженъ стрѣлять пользуясь ружьемъ, какъ однозаряднымъ, а магазинный запасъ патроновъ сберегать къ рѣшающему моменту боя, когда непріятель уже близко и до окончательнаго сближенія съ

Урзонъ (Erethizon dorsatum). По рис. Мютцеля, грав. М. Рашевскій.

нажатія на спускъ, для выстрѣла. Чтобъ замкнуть магазинъ на все то время, когда требуется стрѣлять рѣдко, однозарядно, требуется передвинуть разобщитель впередъ—и ни одинъ патронъ изъ магазина не перейдетъ въ ложку передавателя, который остается во все время такой стрѣльбы поднятымъ и образуетъ дно ствольной коробки.

Для обращенія ружья въ магазинное, слѣдуетъ, при открытомъ затворѣ, передвинуть разобщитель назадъ и тогда, при каждомъ движеніи затвора, передаватель будетъ опускаться, въ него изъ магазина будетъ переходить одинъ патронъ, который и будетъ поднятъ передавателемъ и подведенъ передъ затворъ. Для наполненія магазина патронами, требуется открыть затворъ и, при опущенномъ передавателѣ, по одному патрону вдвигать въ магазинную трубку 8 патроновъ, причемъ спиральная пружина конечно будетъ сжиматься и сосредоточится въ передней, дуловой части магазинной трубки. Для наполненія магазина германскаго... нимъ остается метровъ 200—300 дистанціи. Послѣ того наступаетъ работа штыкомъ. Магазинная, быстрая стрѣльба особенно выгодна при оборонѣ, для отраженія атаки, для пораженія кавалерійскихъ сомкнутыхъ частей, для стрѣльбы по батареѣ, снимающейся съ передковъ и устанавливающейся на позиціи; быстрая стрѣльба изъ магазинокъ можетъ принести большую выгоду, если ею воспользоваться съ среднихъ и дальнихъ дистанцій для пораженія большихъ массъ пѣхоты, появляющейся на полѣ сраженія, и вообще большее число пуль, выпущенныхъ въ короткій промежутокъ времени, хорошо направленныхъ, можетъ всегда нанести непріятелю серіозное пораженіе. Въ цѣпи, въ патруляхъ на часахъ, каждый одиночный солдатъ будетъ чувствовать себя болѣе сильнымъ въ вооруженіи, если у него въ рукахъ будетъ ружье, изъ котораго онъ въ 20 секундъ можетъ сдѣлать 10 выстрѣловъ, а не 2, 3 или 4, если онъ долженъ доставать изъ сумы каждый патронъ.

Изъ инструкціи видно, что магазинное ружье образца 71—81 годовъ, при пустомъ магазинѣ и безъ штыка-тесака, вѣситъ 4, 6 килограмма или 11 ф. 22 золотн.; а со штыкомъ-тесакомъ вѣситъ 5, 4 килогр., или 13 фунт. 17 золотниковъ. Въ томъ-же случаѣ, если въ ружье вложить еще 10 патроновъ, вѣсъ ружья при первомъ условіи доходитъ до 12 фунтовъ, а со штыкомъ-тесакомъ до 14 фунтовъ 15 золотниковъ. Конечно такое тяжелое ружье представляется не вполнѣ удобнымъ и германцы принимаютъ, взамѣнъ тяжелаго штыка-тесака, новый образецъ короткаго штыка-кинжала, весьма легкаго и удобнаго, и тѣмъ уменьшаютъ вѣсъ своего ружья почти на цѣлый фунтъ. Длина магазиннаго ружья съ нынѣ существующимъ штыкомъ-тесакомъ достигаетъ 5, 9 футъ.

Вѣсъ заряда въ патронѣ равенъ 5 грам. (1,17 золотн.), а вѣсъ пули 25 грам. (5,8 золотн.). Вѣсъ готоваго патрона равенъ 43 грам. (10 золотн.). Гильза прежняя, латунная.

По послѣднимъ свѣдѣніямъ, въ Германіи утверждены новыя инструкціи стрѣльбы, въ которыхъ указаны правила боевого употребленія магазинныхъ ружей, опредѣлено по какимъ цѣлямъ и съ какихъ дистанцій можно стрѣлять очень быстро изъ магазинныхъ ружей.

Такимъ образомъ та Германія, которая и въ шестидесятыхъ годахъ первая приняла ружья, заряжаемыя съ казенной части, и такъ побѣдоносно употребила ихъ въ 1866 году,—въ 1887 г. является первая, вооружившая свою армію лучшимъ, магазиннымъ оружіемъ. Принятый Германіею образецъ имѣетъ нѣкоторые недостатки (сравнительно большой вѣсъ, медленность наполненія магазина и т. п.); но неудобства эти устранимы; важно-же то, что цѣлая армія сразу и неожиданно для всѣхъ перевооружилась магазинными ружьями.

По приведеннымъ рисункамъ запирающаго и магазиннаго механизма новаго германскаго ружья и по нашему описанію можно, въ общихъ чертахъ, составить себѣ понятіе о ихъ устройствѣ.

Политическое обозрѣніе.

6 февраля.

Слова князя Бисмарка въ отвѣтъ на вопросъ—будетъ-ли война или миръ?—Пагубность настоящаго тревожнаго положенія.—Усиленныя вооруженія Австріи и ихъ цѣль.—Замѣшательство въ константинопольскихъ совѣщаніяхъ между Портою и болгарскими депутатами.

Политическое положеніе въ Европѣ остается въ той-же неопредѣленности, въ какой оно находилось на прошлой недѣлѣ. Даже тотъ, которому болѣе чѣмъ кому-бы то ни было должны быть извѣстны всѣ дипломатическія хитросплетенія—князь Бисмаркъ,—и тотъ, на запросъ депутата Эйнерта, чего слѣдуетъ ожидать—войны или мира, отвѣтилъ, что ему объ этомъ столько-же извѣстно, сколько извѣстно самому депутату. Правда, имперскій канцлеръ указалъ на причины волнующія Европу, и при этомъ прямо обвинилъ въ этомъ дѣлѣ Францію, какъ страну настойчиво продолжающую вооружаться, какъ страну, въ которой военнымъ министромъ генералъ Буланже, а представителемъ патріотическаго общества Делеркс, всячески поддерживающій въ французахъ мысль о реваншѣ. Но понятно, что такія завѣренія канцлера имѣютъ чисто эпизодическій характеръ и способны повліять только на ходъ предстоящихъ выборовъ депутатовъ въ новый составъ рейхстага, а не характеръ политическаго свойства, чтобы можно было, основываясь на нихъ, открыть будущіе политическіе горизонты. Ни Франція не остановитъ преобразованіе своихъ боевыхъ силъ, не отставитъ своего энергическаго министра, не станетъ подавлять проявленія патріотизма въ народѣ, ни тѣмъ болѣе Германія не прекратитъ принимать мѣры къ сохраненію своего преобладающаго положенія въ Европѣ, котораго она достигла силою оружія и которое желаетъ сохранить тою-же силою. Въ этомъ отношеніи взаимонареканія являются болѣе пригоднымъ средствомъ для своихъ внутреннихъ дѣлъ, чѣмъ для внѣшней политики, а потому изъ приведеннаго канцлерскаго откровенія Европа не можетъ получить отвѣта на волнующій ее вопросъ.

Кувшинчики (Sarracenia purpurea), найденные въ Тюрингенвальдѣ.

Между тѣмъ такое натянутое положеніе становится для Европы тягостнымъ и даже невыносимымъ. Тревожные слухи разоряютъ многихъ, вызываютъ застой въ дѣлахъ, содѣйствуютъ обостренію экономическаго кризиса и главнѣе всего — усиливаютъ и безъ того громадный пролетаріатъ, который, можно сказать, просто давитъ европейскія государства.

Всѣ вооружаются и болѣе рѣшительно приступила теперь къ этому дѣлу Австро-Венгрія. По послѣднимъ извѣстіямъ, въ обоихъ парламентахъ Австріи и Венгріи правительство потребовало разрѣшенія военныхъ кредитовъ, спеціально для снаряженія ландвера и ландштурма (ополченія). Какъ въ Австріи, такъ и въ Венгріи, предложеніе правительства, подобно какъ во Франціи, прошло безъ преній. Но кромѣ этихъ суммъ правительство рѣшило потребовать у делегацій (которыя будутъ созваны 1-го марта н. с.) еще военный кредитъ въ 25 милліоновъ гульденовъ, на первоначальныя приготовленія по усиленію боевой готовности арміи, и ко всему этому еще особую сумму, которую военное вѣдомство могло бы расходовать по мѣрѣ надобности и по своему усмотрѣнію, когда оно признаетъ нужнымъ предпринять мѣры предосторожности въ видахъ огражденія безопасности и спокойствія имперіи. Цѣль послѣдняго кредита—имѣть готовыя денежныя средства на мобилизацію арміи—очевидна, хотя кредитъ испрашивается условно.

Въ представленныхъ парламенту мотивахъ, между прочимъ, говорится, что первоначально предполагалось пріобрѣсти постепенно предметы снаряженія для ландвера и ландштурма, но что-де неопредѣленность общаго положенія политическихъ дѣлъ въ Европѣ побудила правительство ускорить развитіе боевыхъ силъ имперіи и главнымъ образомъ для того, чтобы отстоять свои жизненные интересы на Востокѣ. Въ этомъ отношеніи правительство Австро-Венгріи пошло далѣе германскаго правительства и еще откровеннѣе высказалось куда будутъ направляемы заготовленныя боевыя силы имперіи,—именно для поддержки своего вліянія на Балканскомъ полуостровѣ, для ратоборства въ этомъ направленіи съ Россіей.

Однако такія откровенныя со стороны Австріи боевыя заготовленія кладутъ весьма сомнительный отпечатокъ на происходящія въ настоящее время совѣщанія Порты съ болгарскими депутатами, и о результатахъ которыхъ послѣдніе телеграфныя извѣстія передаютъ болѣе или менѣе успокоительныя свѣдѣнія. Оказывается, что на послѣднемъ совѣщаніи уже установлены формы реорганизаціи регентства и даже предназначены лица для новаго состава регентства. Указывается пока на двухъ будущихъ регентовъ—Стамбулова и Цанкова, но имя третьяго еще не обозначено, но только опредѣлено, что онъ долженъ быть нейтральнымъ въ отношеніи первыхъ двухъ. Пока Стамбуловъ остается во главѣ правленія, достигнуть того, чтобы болгарскій народъ могъ свободно проявлять свою волю—немыслимо, и самое поступленіе Цанкова въ составъ регентства будетъ означать только, что Цанковъ протянулъ руку Стамбулову для того, чтобы формальною уступкою обезоружить Россію и обойти ея законныя требованія.

Имѣя въ виду, что Австро-Венгрія усиленно вооружается, что изъ Софіи постоянно передаются въ Константинополь приказанія делегатамъ, чтобы они слушались указаній англійскаго посла, что въ палатѣ общинъ было заявлено отъ британскаго правительства о преждевременности обнародованія дипломатическихъ документовъ при нынѣшней стадіи переговоровъ по болгарскому вопросу,—слѣдуетъ придти къ заключенію, что этотъ вопросъ еще не скоро будетъ сданъ въ государственные архивы великихъ державъ...

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Разрѣшенъ отпускъ 158,108 р. на устройство въ Варшавѣ новыхъ водопроводныхъ фильтровъ, чтобы сумма эта была уплачена въ теченіе 5-ти лѣтъ.

— Государственный совѣтъ разрѣшилъ отпустить изъ средствъ государственнаго казначейства 50,000 р. на образованіе переселенческихъ участковъ въ западной Сибири.

— Минист. государств. имущ. въ окрестностяхъ Тифлиса будетъ разводить хинное дерево. Опыты уже производились на Кавказѣ и дали хорошіе результаты. Посаженныя нѣсколько лѣтъ тому назадъ деревья достигли теперь значительныхъ размѣровъ.

— Внесенъ въ государственный совѣтъ проектъ инженера Поклевскаго объ орошеніи Мервскаго оазиса; работы по орошенію начнутся раннею весной.

Военное и морское дѣло.

— Учреждена должность командующаго войсками Самаркандской области, съ подчиненіемъ ему войскъ области.

— 4 февраля, на дворцовой и разводной площадяхъ, состоялся смотръ войскамъ всѣхъ родовъ оружія. Въ парадѣ участвовали 26½ батальоновъ, 25 эскадроновъ, 36 пѣшихъ и 24 конныхъ орудій.

— Русскій черноморскій флотъ получилъ приказаніе отправиться въ японскія воды, гдѣ должны собраться 30 военныхъ судовъ, въ томъ числѣ два большихъ броненосца.

Пути сообщенія.

— Постройка Уфимско-Златоустовской желѣзной дороги начнется весною. Подготовительныя работы уже окончены. Въ февралѣ начнется уже подвозъ матеріаловъ.

— Расходы на объѣздъ Сурамскаго перевала опредѣлены въ 8.491,000 рублей. Къ началу 1890 г., будетъ оконченъ туннель и остальныя работы.

— Министерствомъ финансовъ вырабатывается проектъ условій пріобрѣтенія въ казну оренбургской желѣзной дороги.

— Министерствомъ путей сообщеній рѣшено приступить къ работамъ по устройству втораго пути московско-брестской желѣзной дороги между Смоленскомъ и Вязьмою.

Литература и наука.

— Издатель „Universal Bibliothek“, Ф. Рекламъ въ Лейпцигѣ, выпустилъ въ свѣтъ нѣмецкіе переводы „Кавказскаго плѣнника“, „Капитанской дочки“, „Евгенія Онѣгина“ и стихотвореній Пушкина, въ новыхъ изданіяхъ, въ изящныхъ переплетахъ.

— Въ Императорскомъ Александровскомъ лицеѣ, въ пушкинской библіотекѣ, собраны всѣ произведенія Пушкина и напечатанныя о немъ сочиненія и статьи.

— „Анна Каренина“ графа Л. Н. Толстого переведена на сербскій языкъ.

— „Гайдамаки“ Шевченко переведены на чешскій языкъ въ чешской газетѣ „Славянскій Сборникъ“.

— Въ зданіи академіи наукъ открыта выставка зоологической коллекціи, собранной нашимъ знаменитымъ путешественникомъ Н. М. Пржевальскимъ въ Центральной Азіи. О богатствѣ коллекціи можно судить по количеству экземпляровъ, имѣющихся въ ней: однѣхъ птицъ—5010, млекопитающихъ—702, пресмыкающихся и земноводныхъ—1190, рыбъ—643. Чучела препарированы съ замѣчательнымъ искусствомъ: они стоятъ точно живыя, въ правильной симетріи и порядкѣ. Вниманіе обращаютъ на себя: „дикій якъ“, группа антилопъ и аргали-тянь-шанскій, высоко вздымающій свои вѣтвистые рога.

— Миклуха-Маклай заявилъ въ Геогр. Общ., что онъ по семейнымъ обстоятельствамъ уѣзжаетъ въ Австралію и вернется въ іюнѣ мѣсяцѣ.

Живопись и скульптура.

— Картина И. К. Айвазовскаго: „Буря на Азовскомъ морѣ“ пріобрѣтена за 12 тыс. франковъ румынскимъ королемъ Карломъ I.

— Въ Общ. поощр. худож. открылась выставка картины Ю. Ю. Клевера „Лѣсной царь“.

— Скульпторомъ Л. Бернштамомъ оконченъ въ Парижѣ бюстъ Пушкина. Бюстъ этотъ предназначается для фойэ Александринскаго театра, гдѣ уже стоитъ бронзовый бюстъ фонъ-Визина, работы того же художника.

— Годичная выставка Императ. Академіи Художествъ откроется 22-го февраля. Члены комитета по устройству выставки, профессора К. Б. Веннгъ и В. Д. Орловскій и академикъ М. П. Боткинъ. Для выставки издается каталогъ иллюстрированный.

Городскія извѣстія.

— По мысли Г. П. Данилевскаго предполагается пріобрѣсть въ собственность города домъ, въ которомъ умеръ Пушкинъ. По такъ какъ этотъ домъ, принадлежащій князю Волконскому, составляетъ маіоратъ, и въ продажу поступить не можетъ иначе, какъ по Высочайшему повелѣнію, то ходатайствуютъ объ отчужденіи его. Настоящій владѣлецъ его соглашается продать домъ за 350,000 р.

Промышленность и торговля.

— Спросъ на заграничныхъ рынкахъ, на екатеринбургскія каменныя издѣлія и на небольшія темной художественной бронзы группы, по сюжетамъ изъ русской жизни, до того возросъ, что петербургская граняльная и художественно-бронзо-литейная фирма г. Вержель, ведущая прямую торговлю съ Парижемъ, Лондономъ и Нью-Іоркомъ, принуждена была значительно расширить свою фабрику.

— Въ Финляндіи устраивается первая фабрика для приготовленія древесной шерсти изъ мягкаго хвойнаго лѣса.

Театръ и музыка.

— 24-го февраля, въ залѣ городского кредитнаго общества состоится концертъ В. В. Тимановой, піанистки саксенъ-веймарскаго двора.

— Г. Хохловъ, баритонъ московской оперы, имѣвшій блестящій успѣхъ въ „Евгеніи Онѣгинѣ“, пріѣхалъ въ Петербургъ, по приглашенію дирекціи, для участія въ оперѣ „Месть“ („Корделія“) Соловьева и выступилъ въ ней въ партіи Орсо.

— Полина Лукка въ вѣнской оперѣ приняла дѣятельное участіе въ подпискѣ на мѣстныя благотворительныя заведенія, рѣшившись даже, для успѣха дѣла, лично обойти жертвователей. Собрано болѣе трехъ тысячъ флориновъ.

— Г. Лаго, импрессаріо ковентъ-гарденскаго театра въ Лондонѣ, снимаетъ для итальянской оперы театръ Панаева, бл. Адмиралтейства.

— Въ бенефисъ Сазонова, г-жѣ Савиной сдѣлана была овація и поднесенъ серебряный ларецъ съ 3000 золотомъ и серебряный кубокъ.

— На слѣдующій балетный сезонъ въ СПб. Имп. театр. кромѣ Цукки приглашены еще балерины Лимидо и Бессонс.

— 9-го февраля, по новому стилю, на жизнь Аделины Патти, въ С. Франциско, произведено было загадочное покушеніе. Одинъ изъ сидѣвшихъ, въ мѣстахъ балкона, зрителей вздумалъ бросить на сцену, какъ разъ въ тотъ моментъ, когда артистка раскланивалась, сосудъ, наполненный взрывчатымъ составомъ. Взрывъ произошелъ, однако, пока еще злоумышленникъ собирался только бросить снарядъ, причинивъ послѣднему нѣсколько ранъ. Преступникъ, Ходжъ, имѣетъ уже 70 лѣтъ отъ роду и страдаетъ, повидимому, разстройствомъ умственныхъ способностей.

Изъ губерній и областей.

— Весною въ Крыму предполагаютъ начать разводить, въ видѣ опыта, кофе.

— Въ Москвѣ представлены планы для новаго зданія думы. Въ виду историческаго значенія всѣхъ зданій, окружающихъ площадь вблизи Кремля, избранную для постройки новой думы, московскій голова рѣшилъ спросить заключенія московскаго археологическаго общества относительно этихъ плановъ. Общество назначило для этой цѣли спеціальную комиссію.

— Въ Екатерининскомъ залѣ дворянскаго собранія въ Москвѣ, выставленъ образъ, пожертвованный московскимъ дворянствомъ для церкви въ СПб., на мѣстѣ покушенія на жизнь покойнаго Императора. Это образъ Св. Алексія, богато украшенный золотомъ и каменьями на фабрикѣ Овчинникова.

— Жители села Русскіе-Гергеры на Кавказѣ (Борчалинскаго уѣзда), обратились съ просьбой безденежно отпустить имъ негодныя артиллерійскія орудія для колоколовъ мѣстной православной церкви. Военный совѣтъ разрѣшилъ отпустить для отливки трехъ колоколовъ одну мѣдную пушку старой конструкціи, вѣсомъ около 25 пуд., изъ числа хранящихся въ тифлисской артиллерійской мастерской.

— О состояніи хлѣбной торговли въ Подольской губерніи сообщаютъ утѣшительныя свѣдѣнія. Наиболѣе крупные подольскіе рынки, вслѣдствіе благопріятныхъ извѣстій изъ Одессы, замѣтно оживились, что выражается количествомъ сдѣлокъ, значительно увеличившихся теперь. Преимущественно продажи

имѣютъ мѣсто съ зерновыми хлѣбами: пшеницей, кукурузой и рожью

— Въ Одессѣ началась очень быстрая и усиленная нагрузка судовъ, преимущественно зерномъ. Наибольшее количество грузовъ приходится на англійскія суда.

— 2-го февраля, въ память пятидесятилѣтія дня смерти А. С. Пушкина, въ Одессѣ была закладка фонтана Пушкина на Николаевскомъ бульварѣ. Иниціатива сооруженія этого памятника принадлежитъ Славянскому благотворительному обществу.

Смѣсь.

Интересная выставка. Въ Общ. поощр. худож. (Б. Морская) выставлены издѣлія изъ городищенскаго лабродора. Залежи его находятся въ Кіевской губерніи, въ Черкасскомъ уѣздѣ, при рѣчкѣ Ольшанкѣ, въ мѣстечкѣ Городище, имѣніи покойнаго князя Воронцова. Залежь эта открыта во время постройки Фастовской желѣзной дороги и лабродоръ былъ употребляемъ какъ обыкновенный гранитъ для постройки желѣзнодорожныхъ мостовъ и до сего времени онъ употреблялся какъ бутовой камень для фундаментовъ, шоссе и тому подобныхъ работъ, а въ маломъ количествѣ для надгробныхъ памятниковъ. Въ настоящее время образовалось товарищество для правильной разработки этого чуднаго камня и примѣненія его по достоинству. Городищенскій лабродоръ своей красотой, крѣпостью и изяществомъ отдѣлки безусловно превосходитъ всѣ до сихъ поръ видѣнные образцы лабродора, не исключая и американскаго, и пригоденъ для всевозможныхъ издѣлій, начиная съ самыхъ серьезныхъ строительныхъ работъ и кончая ювелирными вещами. Очень красивы надгробная плита и другіе памятники изъ этого камня, и по весьма невысокой цѣнѣ, начиная съ 150 р. (н.)

Возвращеніе доктора Юнкера. Докторъ Юнкеръ счастливо достигъ Каира 11 января и былъ встрѣченъ тамъ своими друзьями, русскимъ генеральнымъ консуломъ и предсѣдателемъ географическаго общества. Не смотря на семилѣтнее пребываніе вдали отъ всякой цивилизаціи, страшныя лишенія, не смотря на вліяніе убійственнаго климата центральной Африки, предполагавшійся погибшимъ, путешественникъ имѣетъ очень бодрый видъ. Злѣйшій врагъ европейцевъ въ Африкѣ, лихорадка, и та не очень измучила его во время переѣзда изъ Занзибара въ Суэцъ. Избѣжавъ чудеснымъ образомъ всѣ опасности, докторъ Юнкеръ чуть не погибъ въ пути; пароходъ британско-индійской компаніи, на которомъ онъ ѣхалъ изъ Занзибара, набѣжалъ около Ламу на рифъ и только съ трудомъ его удалось освободить. Въ честь доктора Юнкера давали въ Каирѣ большой обѣдъ, на которомъ участвовали члены географическаго общества и всѣ генеральные консулы, за исключеніемъ сэра Эвелина Бэринга, которому помѣшала быть на обѣдѣ внезапная смерть лорда Иддеслея.

Изъ сообщеній д-ра Юнкера очевидно, что Макуа Уэлле впадаетъ не въ Шари, а въ Убанги, или вѣрнѣе, что послѣдняя рѣка какъ притокъ Конго тождественна съ Уэлле. Конечно, чтобы убѣдиться въ этомъ, нужно подняться вверхъ по Убанги до области, изслѣдованной докторомъ Юнкеромъ.

По словамъ д-ра Юнкера, положеніе Эмина-паши не такъ хорошо, какъ это можно заключить по его послѣднимъ письмамъ. Его черныя войска, вѣрно служившія ему въ теченіе многихъ лѣтъ и смѣло встрѣчавшія всѣ опасности, начинаютъ терять терпѣніе, въ виду того, что почти годъ находятся безъ жалованья, не всегда получаютъ пищу, къ которой привыкли, и не имѣютъ платья: большинство солдатъ прикрыты только звѣриными шкурами. Часть войска хочетъ быть отправлена въ Хартумъ, часть же предпочитаетъ остаться. Люди, считающіе Хартумъ неприступнымъ, полагаютъ, что паденіе его простая выдумка, внушаемая имъ Эминомъ-пашею, съ цѣлью удержать ихъ на мѣстѣ. Никто не хочетъ идти на югъ, боясь быть проданнымъ тамъ въ рабство. Поэтому скорая помощь крайне необходима теперь Эмину-пашѣ. Что касается дороги, по которой должна отправиться экспедиція, то, по мнѣнію д-ра Юнкера, самый лучшій путь это на югъ озера Викторія-Ніанца и затѣмъ оттуда на Уганду, если только король Мванга дастъ нужныхъ проводниковъ. Если же послѣдній выкажетъ недружелюбіе, чего слѣдуетъ опасаться, то экспедиція должна направиться на сѣверъ озера и оттуда къ Уніоро, король котораго, Кабрега, находится въ дружескихъ отношеніяхъ къ Эмину-пашѣ. Распространенное недавно извѣстіе о пораженіи королемъ Уганда Кабреги, д-ръ Юнкеръ считаетъ выдумкою. Достойно вниманія мнѣніе д-ра Юнкера, что арабъ Тибу-Тибъ, другъ Висмана, располагающій 3.000 ружей, самое подходящее лицо для освобожденія Эмина-паши. Тибу-Тибъ не можетъ бояться противниковъ внутри Африки, поэтому нѣтъ сомнѣнія въ счастливомъ исходѣ предпріятія; благонадежность же свою онъ доказалъ Висману и другимъ путешественникамъ. Имѣющіеся у Эмина-паши склады слоновой кости будутъ щедрымъ вознагражденіемъ Тибу-Тиба. Во время переѣзда въ Занзибаръ, д-ръ Юнкеръ также отдалъ себя подъ защиту Тибу-Тиба, которому заплатилъ 1500 таллеровъ.

По послѣднимъ извѣстіямъ объ Эминѣ-пашѣ (портретъ котораго мы дадимъ въ одномъ изъ слѣдующ. №№), отъ іюля, онъ владѣетъ еще Ваделаемъ и 90 укрѣпленными постами по Нилу до Ладо и Фатико. Онъ можетъ свободно плавать еще со своими двумя пароходами по этому протяженію рѣки, а также по озеру Альбертъ-Ніанца. На службѣ у него находится 1500 солдатъ негровъ, съ 25 офицерами, большая часть которыхъ должна быть доставлена на берегъ, такъ какъ много людей не покинутъ страны. Кромѣ того нужно будетъ отправить 20 коптскихъ писцовъ, а также солдатскихъ женъ и дѣтей. Все это представитъ не малыя трудности, такъ какъ не всѣ будутъ въ состояніи идти пѣшкомъ. (г.)

Снимки безъ объектива. Французскому инженеру капитану Кольсону удалось получить фотографическіе снимки безъ объектива, т. е. безъ линзы, съ помощью только камеръ-обскуры. Объ этомъ онъ издалъ любопытную брошюру. Заимствуемъ изъ нея слѣдующее: „Какъ извѣстно, камеръ-обскура была исходною точкою фотографіи и если впослѣдствіи не довольствовались болѣе простымъ отверстіемъ въ стѣнкѣ и прибѣгли къ линзѣ, т. е. къ искусственному усиленію свѣта, то это въ виду недостаточной чувствительности пластинокъ. Теперь же имѣются такъ называемыя бромисто-желатиновыя пластинки, превосходящія чувствительностью сѣтчатую оболочку глаза, поэтому ничего не препятствуетъ къ возвращенію къ камеръ-обскурѣ. Дѣйствительно, способъ этотъ представляетъ много преимуществъ. Во первыхъ, уменьшаются расходы на пріобрѣтеніе аппарата, затѣмъ уничтоженіе линзы устраняетъ сопряженный съ нею недостатокъ, именно поглощеніе ею части снимаемаго предмета значительной величины, почему рѣдко удаются панорамные виды, виды большихъ зданій и пр. Такимъ образомъ, способомъ Кольсона можно будетъ снимать отдаленные виды, а также машины, залы, особенно же при замѣнѣ стеклянныхъ пластинокъ новыми бумажными пластинками, которыми обкладывается задняя стѣнка камеры на подобіе цилиндрическаго сегмента. Впрочемъ, снимки безъ объектива имѣютъ то неудобство, что требуютъ гораздо больше времени (съ бромисто-желатиновыми пластинками 30—40 секундъ въ пасмурную погоду и 10 секундъ при солнцѣ), однако, при фотографированіи предметовъ неодушевленныхъ, это не имѣетъ значенія. Виды для стереоскоповъ получаются тѣмъ же способомъ, устраивая два отверстія въ передней стѣнкѣ камеры.“ (г.)

Общій приростъ населенія Европы, согласно статистическимъ даннымъ, считается по 0,87% (87 душъ на 10.000 человѣкъ) въ годъ, что при настоящемъ населеніи Европы въ 320 милліоновъ даетъ ежегодный приростъ въ 2¾ милліона. При этомъ не принимается въ разсчетъ около милліона людей, выселяющихся ежегодно. Другими словами, ежегодный приростъ населенія въ европейскихъ государствахъ такъ значителенъ, что изъ годового прироста этого могло бы образоваться отдѣльное государство съ населеніемъ, равняющимся населенію Швейцаріи и Саксоніи. (г.)

Король Гумбертъ недавно неожиданно отправился въ театръ „Аполлона“ и намѣревался войти въ ложу, когда ему доложили о присутствіи въ театрѣ принцессы Луизы англійской, живущей въ настоящее время въ Римѣ. Какъ извѣстно, король не любитъ никакой торжественности и оффиціальное платье ему очень не по душѣ. Солдатъ по натурѣ, страстный охотникъ, простой въ привычкахъ, онъ не любитъ стѣснять себя. Въ этотъ вечеръ онъ былъ въ сюртукѣ и черномъ галстукѣ. Узнавъ о присутствіи принцессы, король сразу сообразилъ какъ помочь себѣ. Онъ послалъ къ директору театра, прося его одолжить бѣлый галстухъ и фракъ, и не смотря на то, что послѣдній былъ узокъ и коротокъ, спокойно надѣлъ его и появился въ ложѣ принцессы. Публика, привѣтствовавшая его громкими криками, вовсе не подозрѣвала, что на королѣ надѣтъ чужой фракъ. (г.)

Почта на собакахъ въ Калифорніи. Калико считается теперь величайшимъ рудникомъ въ Калифорніи и лежитъ на югѣ Санъ-Бернардино. Это мѣстечко съ нѣсколькими сотнями жителей, обязанное своимъ возникновеніемъ единственно минеральному богатству, открытому здѣсь нѣсколько лѣтъ назадъ. Находясь между дикихъ, разсѣченныхъ скалъ, оно на нѣсколько миль окружено множествомъ большихъ и малыхъ рудниковъ, почему постоянно бываетъ оживлено. Мѣстная почтовая контора посылаетъ ежедневно запряженный четверкою экипажъ въ ближайшій, отстоящій въ шести миляхъ, городокъ Даггэтъ, находящійся возлѣ желѣзной дороги. Для доставленія же привозимыхъ писемъ въ рудники, на что человѣкъ потребовалъ бы нѣсколько дней, почтмейстеръ Калико придумалъ очень остроумный способъ. Онъ пріучилъ къ этому свою большую собаку Пма. По прибытіи почтоваго экипажа, Пмъ, въ сознаніи своего достоинства, важно появляется въ конторѣ. Хозяинъ навѣшиваетъ ему сумочку съ письмами и Пмъ пускается въ путь прямо чрезъ горы и обходитъ весь округъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ. На каждой изъ станцій ему даютъ пить и вынимаютъ письма. Если же собака встрѣчается на пути съ лицомъ ждущимъ письма, а потому пробующимъ задержать ее, она оскаляетъ зубы и принимаетъ угрожающій видъ. Только на станціяхъ, она позволяетъ вынимать письма. Такимъ образомъ рудокопы, приходящіе въ городъ только по воскресеніямъ, получаютъ свои письма всегда во-время. (г.)

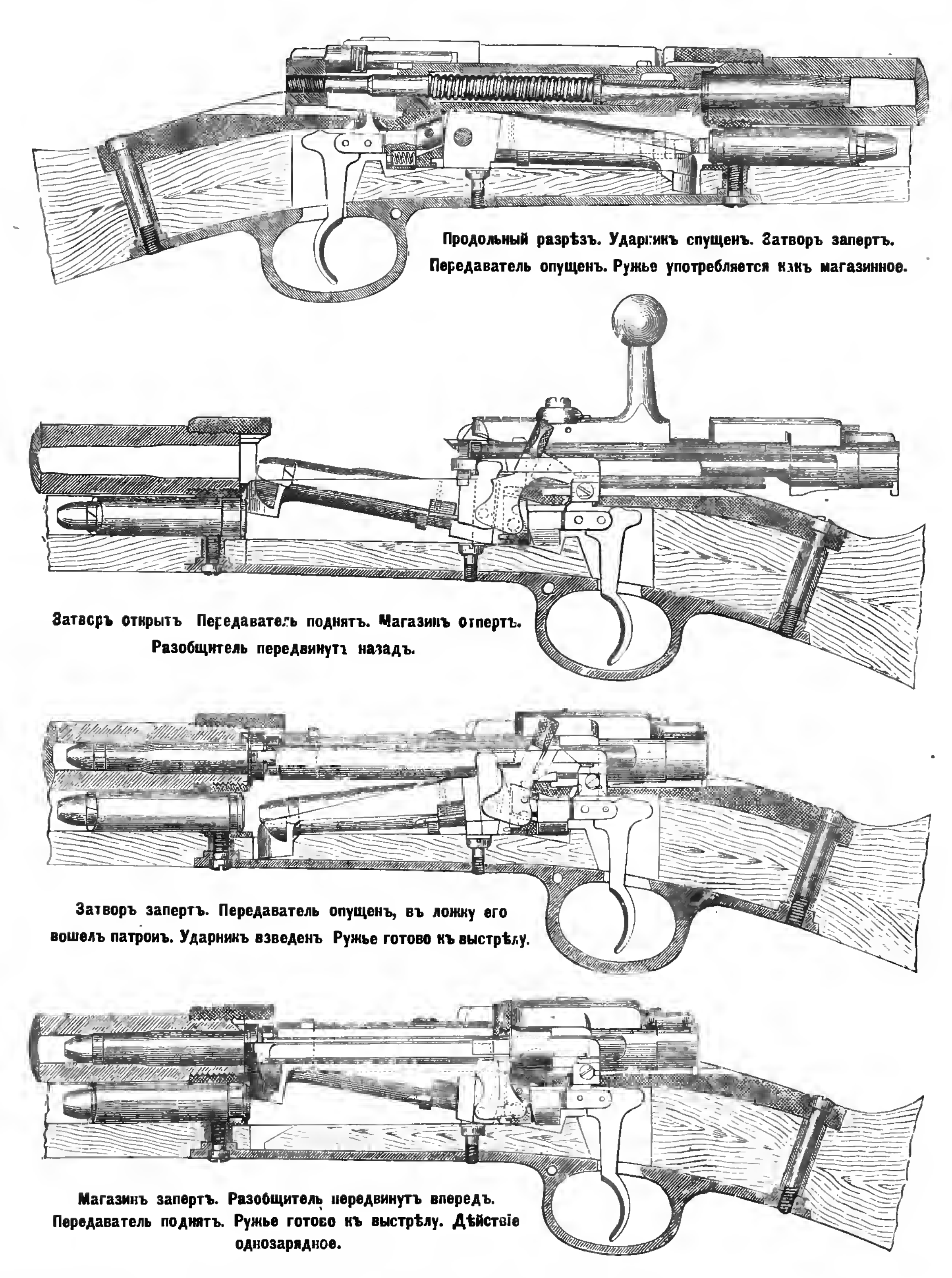
Принцы Орлеанскіе одинъ за другимъ продаютъ свои имѣнія во Франціи. Герцогъ Монморанси продаетъ Рандонскій лѣсъ, а герцогъ Немуръ продалъ банкиру Эфрусси свой дворецъ въ аллеѣ Булонскаго лѣса за 3.400,000 франковъ; самъ же онъ заплатилъ за него 2.600,000 франковъ. (г.)

Новая звѣзда въ Оріонѣ, открытая годъ тому назадъ, по заключенію астрономовъ, наблюдавшихъ ее, оказывается одною изъ многихъ измѣняющихся звѣздъ, періодъ измѣненія которыхъ обнимаетъ 370—380 дней. (г.)

Отравленіе молокомъ, нѣсколько случаевъ котораго было въ Лонгбраншъ, одной изъ много посѣщаемыхъ побережныхъ мѣстностей Соединенныхъ Штатовъ, заслуживаетъ полнаго вниманія. Во многихъ гостиницахъ послѣ обѣда и ужина оказывались больные; болѣзнь проявлялась сухостью въ горлѣ, позывомъ къ рвотѣ, головокруженіемъ, обмороками и въ нѣкоторыхъ случаяхъ разстройствомъ желудка. Состояніе это проходило однако чрезъ сутки, оставляя въ страдавшихъ только слабость. Нью-Іоркская гигіеническая контора распорядилась точнымъ изслѣдованіемъ, при чемъ оказалось, что всѣ заболѣвавшія лица пили передъ тѣмъ молоко, привезенное изъ отстоящей въ нѣсколькихъ миляхъ фермы. Молоко доставлялось хорошимъ и чистымъ и коровы были также здоровы. Вредныя свойства молока произошли отъ наливанія его еще теплымъ въ сосуды для перевозки и отъ перевозки его въ жару безъ охлажденія. Отъ дѣйствія теплоты молоко разложилось, въ немъ образовался сильный ядъ, алкалоидъ, находимый ранѣе въ сырѣ и названный химиками тиротоксиконъ. По всей вѣроятности, ядъ этотъ бываетъ причиною большой смертности лѣтомъ среди дѣтей, вскармливаемыхъ коровьимъ молокомъ. Небольшая доза этого яда конечно дѣйствуетъ смертельно на нѣжный организмъ ребенка. (р).

Брюссельская королевская академія наукъ избрала въ свои члены вмѣсто Пилоти—Адольфа Менцеля и вмѣсто Листа—Антона Рубинштейна. (р.)

Король итальянскій Гумбертъ пожертвовалъ 5000 лиръ на памятникъ, который предположено поставить „въ честь и въ память творца Севильскаго Цирюльника“, во Флоренціи, на площади Санта-Кроче. (р.)

Продольный разрѣзъ. Ударникъ спущенъ. Затворъ запертъ. Передаватель опущенъ. Ружье употребляется какъ магазинное.

Затворъ открытъ. Передаватель поднятъ. Магазинъ отпертъ. Разобщитель передвинутъ назадъ.

Затворъ запертъ. Передаватель опущенъ, въ ложку его вошелъ патронъ. Ударникъ взведенъ. Ружье готово къ выстрѣлу.

Магазинъ запертъ. Разобщитель передвинутъ впередъ. Передаватель поднятъ. Ружье готово къ выстрѣлу. Дѣйствіе однозарядное.

Новое изобрѣтеніе. Въ Вашингтонѣ получило патентъ новое приспособленіе, не позволяющее служащимъ банка, имѣющимъ даже ключи и знающимъ тайну механизма замка, открыть кассу ранѣе прихода въ банкъ всѣхъ служащихъ. Приспособленіе это соединено съ часами, которые ранѣе закрытія кассы устанавливаются внутри ея на тотъ именно часъ, когда начинается работа въ банкѣ. Такимъ образомъ ранѣе назначеннаго времени касса не можетъ быть открыта. (р.)

Въ гротѣ Монгандье, въ департаментѣ Шаранты, сдалана на-

ходка, обратившая на себя вниманіе научныхъ кружковъ Франціи. Найденъ родъ маршальскаго жезла изъ періода четвертой формаціи; жезлъ сдѣланъ изъ роговъ оленя и покрытъ чрезвычайно тонкою рѣзною работою. Такая прекрасная художественная работа, относящаяся до того времени, не была еще извѣстна. (р.)

Дерево дающее искры принадлежитъ къ породѣ бамбуковъ, растущихъ на островахъ южнаго океана. Островитяне пользуются имъ такъ же, какъ мы спичками. Ничего нѣтъ проще, какъ добываніе этого естественнаго огня. Островитянинъ беретъ кусокъ этого драгоцѣннаго бамбука, длиною около трехъ футовъ, и раскалываетъ на двѣ части. Въ срединѣ первой части онъ дѣлаетъ сквозную выемку, а другую обрубаетъ въ видѣ клина. Затѣмъ первую половину кладетъ горизонтально на опилки этого же дерева, а вторую вкладываетъ въ выемку и двигаетъ взадъ и впередъ, на подобіе пилы. Чрезъ нѣсколько мгновеній показываются искры и опилки воспламеняются. Воспламеняющійся бамбукъ это каримара Филиппинскихъ островов, т. е., дерево дающее искры. Вблизи каримары растутъ другія деревья, дополняющія ея роль. Одно изъ нихъ, дамарра, служитъ островитянамъ факеломъ. Факелы эти горятъ около четырехъ часовъ и такъ такъ матеріалъ этотъ имѣется въ избыткѣ, то цѣна его равняется нулю. Растительный факелъ имѣетъ цилиндрическую форму, длина его 20 дюймовъ и толщина равняется толщинѣ нашихъ факеловъ. Въ цилиндръ накладываютъ пахучую смолу дамарра, которая до нѣкоторой степени замѣняетъ свѣтъ или восковыя свѣчи. Самъ цилиндръ приготовляется изъ листьевъ пальмы саиго, свертываемыхъ спиралью. Въ виду того что растительная оболочка эта, сгорая, превращается въ уголь, ее нужно удалять какъ нагаръ на свѣчахъ. Это дѣлается при помощи двухъ твердыхъ бамбуковыхъ палочекъ, ніакъ, скрещенныхъ какъ ножницы и служащихъ щипцами. (р.)

Бельгійская почтовая марка будетъ иначе штемпелеваться, что заслуживаетъ подражанія въ другихъ государствахъ. Штемпель будетъ накладываться не черною краскою, но пробиваться точками. Это имѣетъ три преимущества: правительство будетъ увѣрено въ погашеніи марки, торговый міръ будетъ имѣть достаточное доказательство о помѣткѣ числомъ и днѣ отправки (новый штемпель будетъ пробивать и первую страницу письма) и наконецъ письма не такъ легко будутъ вскрываться. (р.)

Англичанинъ Мэкиннонъ пожертвовалъ на экспедицію Станлея 250,000 франковъ (около 110.000 р.). (р.)

Станлей уже уѣхалъ изъ Англіи въ Египетъ для освобожденія Эмина-бея, запертаго въ Ваделаѣ на Нилѣ. Станлей выѣдетъ изъ Занзибара въ сопровожденіи 1000 занзибарцевъ и 8 англичанъ. Онъ ѣдетъ на кораблѣ „Паварни“ и везетъ замѣчательную пушку, сдѣланную исключительно для его цѣлей. Новое это орудіе можетъ давать 600 выстрѣловъ въ минуту; до настоящаго же времени получалось не болѣе 150—200 выстрѣловъ. Пушка имѣетъ только одинъ стволъ и сила отдачи оружія въ моментъ выстрѣла употреблена для заряда и выстрѣла слѣдующей пули. Такимъ образомъ отдача исполняетъ все необходимое для того, чтобы поставить слѣдующій патронъ въ позицію, ввести его въ стволъ, забить молоткомъ, подвинуть нажимъ, вытащить пустой патронъ и выбросить его изъ пушки. Въ моментъ выстрѣла отдача орудія толкаетъ стволъ пушки на $^3/_4$ дюйма назадъ, и это движеніе приводитъ въ дѣйствіе весь механизмъ и даетъ возможность выпустить 600 зарядовъ въ минуту. Для предупрежденія нагрѣванія ствола, онъ окруженъ „водянымъ мѣшкомъ“. Пушка вѣситъ 40 фунтовъ, а подставка 66 фунтовъ. Стволъ обыкновеннаго калибра въ 0,45 дюйма и лафетъ устроенъ такъ, что орудіе каждую минуту можетъ быть поднято, опущено и направлено въ сторону. Пушка управляется однимъ человѣкомъ, который по желанію можетъ сдѣлать одинъ выстрѣлъ или выпустить цѣлый зарядъ. Разстояніе выстрѣла равняется 525 саженямъ. Во время опыта примѣняли различные способы заряжать пушку. Въ заключеніе она была раздѣлена на двѣ части, которыя понесли двое людей. Послѣ прицѣпки мѣшка съ патронами, выстрѣлы могли быть снова начаты, спустя десять секундъ по установкѣ лафета. (р).

Жажда въ пустынѣ. Умершій недавно путешественникъ Нахтигаль претерпѣвалъ зачастую во время своихъ африканскихъ странствованій величайшія неудобства и подвергался страшнымъ опасностямъ. Все это изложено имъ въ вышедшей недавно книгѣ: „Путешествія Нахтигаля по Сахарѣ и Судану“. Идя отъ Триполиса въ Борну, онъ вступилъ въ страну Тимбукту, по которой рѣдко проходили путешественники; провожатый его, Коломики, ошибся вычисленіемъ разстоянія до рѣчной долины, гдѣ было предположено возобновить запасъ воды. Вода въ мѣшкахъ убывала и какъ путешественники ни торопились, они нигдѣ не встрѣчали воды. Солнце, безжалостный врагъ жаждущихъ, поднималось высоко и посылало лучи на темныя побережныя скалы и свѣтлый песокъ между ними; такимъ образомъ отъ взаимнаго лучеиспусканія образовалось море жары, въ которой обезсилѣвало всякое проявленіе дѣятельности. Жажда была нестерпима. Ротъ, носъ и горло потеряли послѣдній остатокъ влаги; вокругъ лба и висковъ, казалось, все уже стягивалось желѣзное кольцо; глаза горѣли отъ боли, ослабленіе было безгранично. Къ довершенію несчастія, кое-гдѣ въ пескѣ появлялись отдѣльные кусты акацій, на которые верблюды стали любовно посматривать; наконецъ животныя легли въ колючихъ вѣтвяхъ и никакая сила не могла ихъ поднять. Проводникъ Коломики отправился впередъ на поиски воды.

Нахтигаль изображаетъ положеніе свое и своихъ спутниковъ во время длиннаго ожиданія. У двухъ негровъ появился вскорѣ бредъ и особенно Саадъ жаловался на путешествіе въ такомъ страшномъ краѣ. Итальянецъ Джіузеппе, выйдя изъ оцѣпенѣнія, поднялся съ заряженнымъ револьверомъ и началъ кричать, что онъ не хочетъ ожидать въ бездѣйствіи и найдетъ воду или посчитается съ Коломики. Только старый Магометъ оставался покоенъ, придерживаясь своего фаталистическаго воззрѣнія на жизнь. Когда вода не была доставлена и послѣ полудня, въ Нахтигалѣ также исчезла всякая надежда, поддерживавшая его до сихъ поръ. Кругомъ было все тихо и ни малѣйшій шумъ не нарушалъ гробового молчанія природы; никакое проявленіе жизни не скрашивало неподвижной мертвенности скалъ. Какъ долго ни противился онъ мысли закончить такъ печально свое поприще путешественника, тѣмъ не менѣе онъ совершенно ослабѣлъ и сталъ бредить на яву.

Но вотъ, въ своемъ лихорадочномъ состояніи, онъ ясно видитъ громадную козу, прыгающую на акацію, а на животномъ человѣческую фигуру. Дѣйствительно, это былъ человѣкъ и ожидаемый съ нетерпѣніемъ. Вернулся провожатый съ двумя мѣшками воды, одинъ видъ которой вызвалъ слезы у жаждавшихъ. Точно по мановенію волшебнаго жезла, всѣ оживились и стали пить лучшій изъ напитковъ, который на этотъ разъ былъ такимъ грязнымъ, что на другой день никто не хотѣлъ его тронуть. (р.)

Зимніе заносы въ Сѣверной Америкѣ. Опали послѣдніе красные листья кустарника Сумы; свѣтлые дни тянутся недѣлями; воздухъ чистъ и сухъ, небо ясно. Въ преріяхъ царствуетъ своеобразный покой и ничто не предвѣщаетъ конца „индійскаго лѣта“, лучшаго времени года въ Сѣверной Америкѣ, и появленія непріятной гостьи, которой боится даже закаленный житель Дакоты. Еще нѣсколько тихихъ дней; но вотъ на востокѣ до восхода солнца появляется легкое зарево и горизонтъ постепенно заволакивается большими сѣрыми тучами, надвигающимися все ближе. Къ полудню надъ холмами нависаетъ легкій бѣлый туманъ, медленно спускается онъ въ долины рѣкъ; все кругомъ тихо и неподвижно—природа готовится къ смерти. По временамъ тихо падаютъ бѣлые хлопья. Опытные индійцы хорошо знаютъ эти признаки: они торопятся уйти съ открытыхъ прерій и отыскиваютъ защищенное поселеніе, ущелье или высохшее ложе рѣки, съ цѣлью провести тамъ время *блицардовъ*, убійственныхъ снѣжныхъ заносовъ. Послѣдніе наступаютъ быстро. Хлопья становятся чаще, полетъ ихъ, по мѣрѣ превращенія вѣтра въ бурю, принимаетъ все болѣе косое направленіе. Наконецъ, они гонятся съ такою силою, что дѣйствіе ихъ на лицо уподобляется уколамъ тысячи иглъ. Открыть глаза становится невозможнымъ и вслѣдствіе постояннаго обстрѣливанія теряется всякое сознаніе. Бывали примѣры, что фермеръ, вышедшій изъ дома съ цѣлью дойти до конюшни, терялъ дорогу, попадалъ на прерію и замерзалъ въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дома.

Не столько опасенъ холодъ, сопровождающій блицарды, сколько необыкновенно рѣзкій вѣтеръ, изгоняющій изъ тѣла всякій атомъ теплоты. Самое толстое зимнее пальто вовсе не защищаетъ во время снѣжныхъ бурь, идущихъ съ ледяныхъ областей Аляски и сѣверныхъ британскихъ поселеній и обыкновенно дующихъ въ теченіе трехъ дней съ сѣвера, затѣмъ мгновенно мѣняющихъ направленіе и съ неослабною силою продолжающихъ дуть съ юга. Къ счастью, блицарды эти наступаютъ въ теченіе зимы не болѣе 5 или 6 разъ, а въ 1882 г. сѣверная Дакота испытала снѣговую бурю только одинъ разъ, въ мартѣ. Зато зима 1880—1881 года навсегда останется памятна въ лѣтописяхъ американскаго сѣверозапада своими 60 сильными бурями. Первый снѣгъ выпалъ въ октябрѣ и съ этой поры до апрѣля зима была очень сурова. Снѣгъ повсюду лежалъ слоями въ 6 и до 20 футовъ; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ намело даже до 50 футовъ снѣга. Все было погребено подъ этимъ покровомъ, люди сильно страдали и животныя околѣвали тысячами. Всякое сообщеніе было уничтожено. Желѣзнодорожные пассажиры нерѣдко были осуждены на длинную стоянку въ пустынныхъ преріяхъ. и когда наступало освобожденіе, они бывали близки къ голодной смерти.

Одинъ землевладѣлецъ въ Дакотѣ, принявшій къ себѣ двѣ семьи, не имѣвшія довольно надежныхъ и прочныхъ домовъ, принужденъ былъ употребить всю свою мебель на отопленіе. Въ другомъ мѣстѣ населеніе всей деревни покинуло изъ экономическихъ цѣлей свои дома и собралось въ обширномъ помѣщеніи, гдѣ постоянно поддерживался огонь. То же самое происходило и во время чрезвычайно холодной зимы 1885—1886 года. На желѣзныхъ дорогахъ было необыкновенно много дѣла, и работы, предпринятыя для очистки пути, были поистинѣ изумительны. „Сѣверо-западное общество“ израсходовало въ 1881 г. свыше 625 тысячъ рублей на очистку рельсовъ. Общество это располагало 34 громадными снѣгоочистителями и не было въ состояніи справиться съ массою снѣга. Насколько громадна была эта масса, видно изъ того, что снѣгоочиститель въ 1200 пудовъ, нагруженный притомъ желѣзомъ въ 2000 пудовъ, приводимый въ дѣйствіе шестью локомотивами, прицѣпленными одинъ за другимъ, не былъ въ состояніи пробить снѣговую стѣну. Когда послѣ сильной атаки люди осмотрѣли очиститель, они нашли его отброшеннымъ въ сторону, гдѣ онъ долженъ былъ пролежать до самой весны. Снѣжный наносъ былъ толщиною въ 52 фута. Нѣкоторыя желѣзнодорожныя общества нанимали тысячи рабочихъ, которые разбивали снѣгъ въ большія глыбы, шириною въ полотно дороги и длиною въ 12 футовъ. Глыбы эти связывались затѣмъ досками и веревками и сдвигались локомотивомъ на болѣе свободныя мѣста, гдѣ и разбрасывались. Но работа не всегда бывала успѣшна. Такъ, на одномъ мѣстѣ послѣ усиленныхъ трудовъ удалось вы-

везти 324,000 кубическихъ ярдовъ снѣга; мгновенно поднявшійся вѣтеръ занесъ въ теченіе восьми часовъ цѣлую выемку. Борьба со стихіей продолжалась до весны, когда солнечный жаръ скоро очистилъ всю массу снѣга. Вслѣдствіе этого, рѣки переполнились водою, и Миссури, Огіо и Миссисипи вышли изъ береговъ, лишивъ тысячи людей ихъ убѣжищъ. (р.)

Рѣшеніе задачъ магическаго креста и квадратовъ (помѣщ. въ № 2 „Нивы").

№ 3.

л	у	ж	а
у	к	а	з
ж	а	б	о
а	з	о	т

№ 2.

р
суп
судак
рудокоп
пакет
кот
п
в
к пол г
ток радом сок
терем паровик совок
корифей водоворот говорун
кефир поворот короб
мер мирон куб
й кот н
т
п
пес
порог
перелом
солод
год
м

№ 4.

ш	и	л	о
и	д	о	л
л	о	ж	е
о	л	е	г

№ 5

п	о	л	к	а
о	р	е	о	л
л	е	й	к	а
к	о	к	о	н
а	л	а	н	д

№ 6.

в	о	л	а	н
о	п	о	р	а
л	о	ш	а	к
а	р	а	к	а
н	а	к	а	т

Вѣрныя рѣшенія этихъ задачъ присланы отъ гг.: С. Вейцъ въ **Бѣжецкѣ**, С. П. Соколова въ **Калугѣ** и Л. Е. Шилохвастова въ **Кіевѣ**.

Рѣшеніе задачи игры въ винтъ № 8

(помѣщен. въ № 2 „Нивы").

Партнеры II-й и IV-й, предполагая, по разговорамъ, выходъ противниковъ въ бубны, могутъ назначить б. безкозырный шлемъ. Въ этомъ случаѣ IV-му партнеру на бубну обязательно снести одного изъ двухъ черныхъ тузовъ, а II-му игроку, заручившемуся на туза бубенъ, начать отхаживать ту масть, туза которой снесъ его партнеръ; послѣдній опять успѣетъ снести второго чернаго туза, черезъ что у II-го игрока отыграются шесть картъ и второй масти, а, слѣдовательно, всѣхъ взятокъ онъ возьметъ тринадцать.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—Н. Зимайлова, М. Солодягина, А. Н. Б., А. Б., А. Макарова, Е. Д. Романовича, Н. Досужкова, Окпевскаго, І. Оранисъ, Лури, Б. Гымша, П. Рязанцева, С. Н. Няелова, **Москва** — Е. П. Т., К. Тихомирова, Д. А. Попова, Роть-Гантъ, В. Паялова, П. Н. Федорова; **Брейтова**—Кожевникова, **Варшава**—Н. Г., **Вильна**—Р. Галецкаго, **Красная яруга—NN**, **Ковель**—Н. Д. Г—ъ, **К. Подольскъ**—Nemo, **Кутно**—Р. К. Ш., **Митава**—В. П. Карпова, **Н. Новгородъ**—П. Плавова, **Одесса**—Стефановича, **Орелъ**—В. Булгаковой, **Ольгополь**—А. Гаращеневскаго, **Охринча**—Д. А. Врагій, **Романово-Борисоглѣбскъ** — Лбова, Лобяка, **Тула** — В. Карпова, **Херсонъ**—Е. Ф. Пукалова.

Рѣшеніе ребуса № 7

(помѣщенн. въ № 2).

Безъ Бога свѣтъ не стоитъ, безъ Царя земля не правится.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

Страхованіе вдовьихъ пенсій.

Примѣръ: Мужъ 35-ти лѣтъ, желая, на случай своей преждевременной смерти, обезпечить будущность своей жены, имѣющей 28 лѣтъ отъ роду, заключаетъ страхованіе съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти жена получала **ежегодный доходъ въ 600 рублей**, уплачиваемый въ продолженіе всей ея жизни. За такое страхованіе слѣдуетъ платить **Страховому Обществу „РОССІЯ"** чрезъ каждые три мѣсяца 44 руб. 93 коп.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія", выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, безплатно Правленіемъ въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и **агентствами** въъ городахъ Имперіи. № 2397 6—1

ПОЛНЫЙ ТОМЪ
„НИВЫ" 1886 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. С. Тургенева**, разсказъ графа **Л. Н. Толстаго**, романы графа **Е. А. Саліаса, Вс. Соловьева** и **Н. К. Лебедева (Морскаго)**, поэму **А. Н. Майкова**, разсказы и повѣсти **Всев. В. Крестовскаго, Я. П. Полонскаго, К. Тхоржевскаго, П. П. Гнѣдича, А. Я. Максимова, П. Петрова, В. П. Желиховской, Н. В. Успенскаго, Захеръ-Мазоха, К. Бороздина, Ар. Эвальда, Е. Кириллова** и разн. др., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч. кромѣ того нѣсколько художественныхъ, напечатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„ГАДАНЬЕ".

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы" „Моды" прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ калеик. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . .	**6** „	Съ пересылкою. .	**7** „ **50** „

При покупкѣ этого тома, желающіе имѣть картину „Гаданье" наклеенною на полотно и вставленною въ РАМУ— могутъ получить таковую за 3 руб. Гг. же иногороднымъ эта рама высылается чрезъ транспорт. контору прочно задѣланною въ ящикъ, за 4 руб. (Стоимость пересылки уплачивается на мѣстѣ при полученіи рамы).

При этомъ № прилаг.: 1) для гг. иногородныхъ подписчиковъ (за исключ. московскихъ) прейсъ-курантъ отъ чайнаго магазина Ольги Корещенко въ Москвѣ; 2) для гг. городскихъ подписч. объявленіе отъ Бевкирской конторы Генрихъ Блокъ въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ. 11 февраля 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

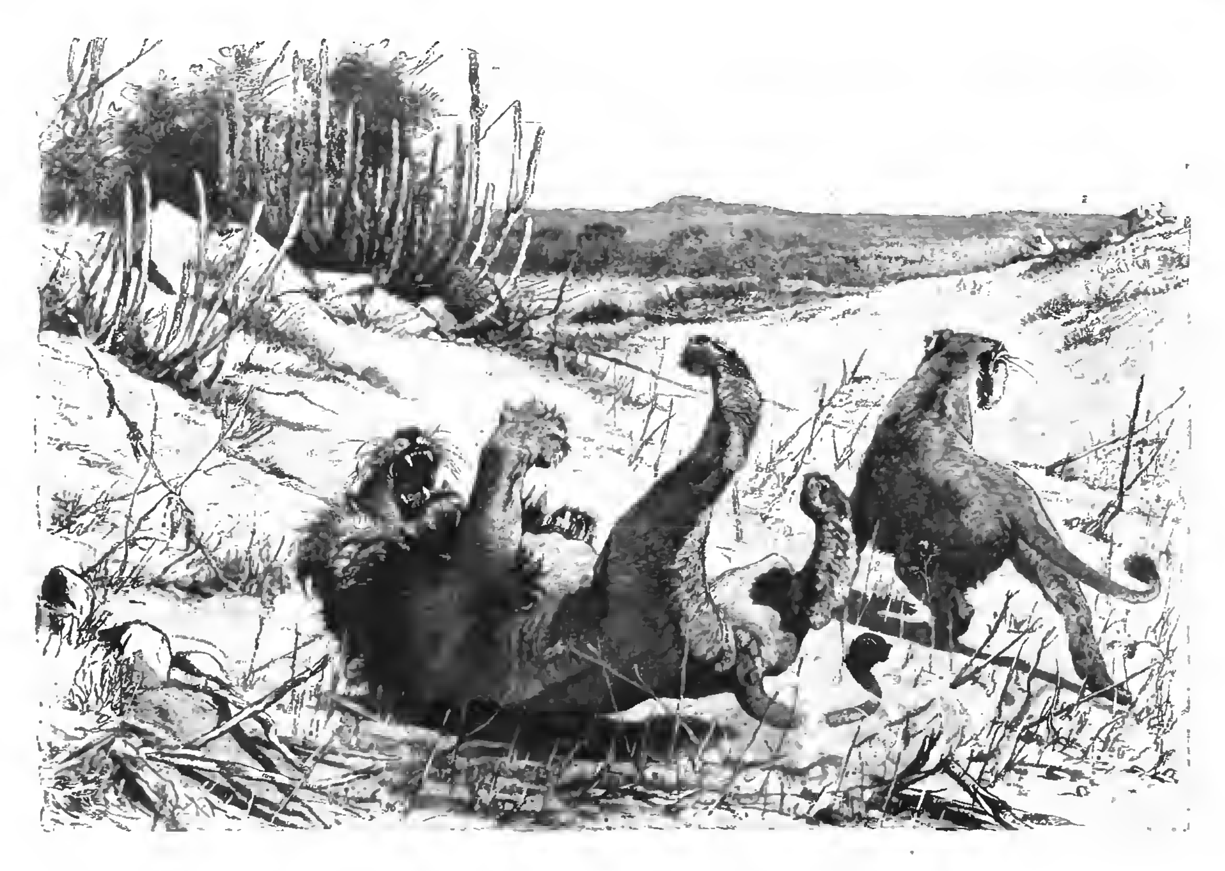

XVIII г. | ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. | г. XVIII

№ 8 | 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 21 февраля 1887 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Львы подъ огнемъ. Рис. Фризе, грав. Гейеръ.

Львы подъ огнемъ.

Художникъ Фризе считается однимъ изъ лучшихъ живописцевъ животныхъ. „Львы подъ огнемъ“—одна изъ его удачнѣйшихъ картинъ. Подъ палящими лучами солнца пустыни расположилась пара царственныхъ звѣрей. Кругомъ не слышно звука, не слышно пѣнія птицъ. Повсюду тишина, безконечная тишина пустыни. Громадныя желтыя тѣла звѣрей кажутся безжизненными; только едва замѣтное вздрагиваніе пушистой кисти на концѣ хвоста показываетъ, что дремлющее око царя пустыни раскроется широко при наступленіи опасности. Вотъ тѣла потянулись, зѣвая открывается громадная пасть со страшными зубами. Мгновенно звѣри вскакиваютъ и глубоко запускаютъ въ землю когти. Сверкающій глазъ направляется въ безконечное пространство, къ тому мѣсту, гдѣ песчаная дюна, поросшая тощею растительностью, скрываетъ еще пока врага, приближеніе котораго звѣрь почуялъ ухомъ, приложеннымъ къ землѣ. Злобное рычаніе вырывается у звѣрей. Надъ вершиною возвышенности появляются бѣлыя точки; это плащи бедуиновъ. Загорѣлые сыны оазиса увидѣли своего врага, они снимаютъ съ плечъ длинныя ружья, и звуки выстрѣловъ смѣшиваются съ ревомъ смертельно раненаго царя пустыни.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

IX.

Дирихъ собирался на станціонномъ дворѣ закладывать въ дышловую телѣгу пару пѣгихъ лошадокъ и не спѣша мазалъ колеса, когда къ нему прибѣжала изъ дому старшая дѣвочка, по имени Маддэ, и еще издали кричала ему по-латышски:

— Дядя, дядя... У насъ важный купецъ въ избѣ... Важный... Пріѣхалъ сейчасъ.

Дирихъ не сразу понялъ. Онъ бросилъ мазанье, вздѣлъ колесо на ось и, вынувъ подпорку изъ-подъ телѣги, спросилъ у дѣвочки:

— Что ты болтаешь?

— Купецъ. У насъ. На своей лошади. Хорошая лошадь.

— Ты, Маддэ, во снѣ видѣла?

— Не во снѣ, дядя. Иди скорѣе... Мама зоветъ.

Маддэ была настолько встревожена и даже перепугана, что Дирихъ поневолѣ долженъ былъ вѣрить, если не словамъ, то лицу дѣвочки. Она попросилъ другого ямщика отправиться съ проѣзжимъ вмѣсто себя, а самъ быстро пошелъ домой.

— Да кто же такой этотъ пріѣзжій? спрашивалъ онъ у дѣвочки.

Но Маддэ сама не знала ничего.

Когда Дирихъ вошелъ въ горницу низенькой и темной избенки, то увидѣлъ хорошо одѣтаго человѣка, съ виду купца, а его сожительница Трина вскрикнула съ веселымъ лицомъ:

— Ну, отгадай, Дирихъ! Отгадай кто этотъ человѣкъ? Кто нашъ гость?

Дирихъ сталъ какъ вкопанный, а купецъ подошелъ и вымолвилъ, смѣясь добродушно:

— Не мудрено тебѣ меня не узнать. И я бы тебя теперь не узналъ, еслибы встрѣтилъ гдѣ на дорогѣ. Прежде всего поцѣлуемся... Вотъ такъ... Ну, погляди теперь мнѣ въ лицо хорошенько. Не узнаешь?

— Нѣтъ. Виноватъ... пробурчалъ Дирихъ смущаясь.

— Есть у тебя братъ?

— Есть.

— Какъ его зовутъ?

— Карлусъ..

— Ну вотъ... Догадываешься теперь...

Но Дирихъ стоялъ истуканомъ. Онъ былъ слишкомъ простоватъ, чтобы догадаться.

— Да я... Я Карлусъ. Твой братъ Карлусъ, воскликнулъ пріѣзжій.

Дирихъ ахнулъ и снова бросился обнимать брата.

Оглядѣвъ другъ-друга внимательно, братья обоюдно подивились перемѣнѣ, которая въ нихъ произошла.

Сходства между братьями не было никакого: Карлусъ былъ совершенно черноволосый, слегка курносъ, съ большими, живыми черными глазами, довольно высокаго роста, плотный и широкоплечій. Дирихъ, напротивъ, былъ худъ, блѣденъ, такой же бѣловолосый, какъ Христина, и съ совершенно свѣтлыми, даже бѣловатыми и будто сонными глазами. У Карлуса волосы завивались круто въ кудри, у Дириха, напротивъ, волосы желто-сѣраго цвѣта висли съ головы плоскими прядями, точно правильно нарѣзанныя мочалки.

Карлусъ тотчасъ передалъ брату подарокъ отъ Христины—два червонца и подробно разсказалъ о свиданіи ея съ царицей. Но видя, что братъ все тотъ же простякъ, неспособный даже понять вполнѣ все то, что онъ считалъ необходимымъ ему передать, Карлусъ, невольно и незамѣтно для самого себя, пересталъ въ бесѣдѣ обращаться къ брату, а предпочелъ все подробно объяснять умной Тринѣ и ея старшей дочери.

Главное заключалось, конечно, въ томъ, чтобы Дирихъ велъ себя осторожнѣе и не разглашалъ ничего о себѣ, даже въ такой трущобѣ, какъ его деревушка.

Трина очень обрадовалась большимъ деньгамъ, но вѣсть Карлуса о могущей произойти перемѣнѣ въ судьбѣ Дириха не только не обрадовала женщину, но даже испугала. Карлусъ замѣтилъ ея тревожный взглядъ и набѣжавшую на лицо тѣнь. Умная латышка поняла тотчасъ, что, въ случаѣ какой-либо перемѣны, ея сожительство съ Дирихомъ будетъ невозможно.

— Ты что же пригорюнилась? спросилъ Карлусъ.

— Я ничего... Все это диковинно... И отъ всего этого, что ты разсказываешь, надо всякихъ напастей ждать, отвѣтила Трина.

— Это почему?

— Васъ всѣхъ: тебя, Дириха, Христину и Анну съ вашими дѣтьми, только погубитъ это свиданіе Христины съ царицей. Я тебѣ говорю вѣрно. Счастія отъ этого не будетъ никакого, а бѣды будутъ...

Въ голосѣ умной женщины звучала такая увѣренность, что Карлусъ задумчиво взглянулъ на латышку, какъ бы взвѣшивая ея слова...

Цѣлый день проспорилъ съ ней Карлусъ, но кончилось тѣмъ, что умная женщина не убѣдилась доводами Карлуса, а убѣдила его быть на-сторожѣ и на-готовѣ спасаться отъ козней русскаго царя.

Карлусъ выѣхалъ отъ брата менѣе довольный и веселый. Онъ рѣшился быть какъ можно осторожнѣе и не только ничего не разглашать о себѣ, но даже никому не разсказывать объ свиданіи сестры съ русской царицей.

По возвращеніи Карлуса въ Вишки, онъ вскорѣ однако замѣтилъ, что его положеніе измѣнилось. Хозяинъ сталъ ласковѣе, знакомые доброжелательнѣе.

Его поѣздка для свиданія съ братомъ по дѣлу, которую онъ конечно не скрылъ, затѣмъ извѣстное теперь всѣмъ посѣщеніе Христины, а равно имя Екатерины, данное новорожденной дѣвочкѣ, наконецъ розсказни и нескромность мѣстнаго ксендза—все привело къ тому, что въ деревушкѣ Дохабенъ, и въ самыхъ Вишкахъ стали уже чаще поминать и болтать.

Вскорѣ въ шутку стали называть Карлуса „Цара бралисъ“, т. е. царскимъ шуриномъ или братомъ, и совершенно незамѣтно, въ какихъ нибудь нѣсколько недѣль, эти два слова стали уже прозвищемъ. „Цара бралисъ“ говорили всѣ и всѣ ждали для Карлуса—событія!..

Такъ прошло цѣлыхъ два года, которые однако не принесли ничего новаго, ни хорошаго, ни худого...

Прозвище, данное Карлусу серьезно, а не ради насмѣшки, за это время понемногу перешло уже въ шутливую кличку. Обыватели околотка извѣрились...

X.

Однажды, лѣтомъ, въ Вишкахъ появился цѣлый поѣздъ, три экипажа и большой фургонъ съ поклажей. Проѣзжалъ важный сановникъ, по имени, хорошо извѣстному въ Литвѣ, знатный и богатый магнатъ, а по мундиру—русскій генералъ. И дѣйствительно, это оказался полякъ графъ Сапѣга, фельдмаршалъ русской службы, отправлявшійся изъ Россіи на побывку въ Варшаву. Съ нимъ ѣхалъ его сынъ, красивый и статный молодой человѣкъ.

Магнатъ, вѣроятно съ усталости отъ дальняго пути, или отъ того, что на дворѣ стояла отвратительная погода и лилъ безъ конца какъ бы осенній дождь, остановился въ Вишкахъ на нѣсколько часовъ. Затѣмъ, найдя въ гостиницѣ сравнительную съ другими станціями опрятность, хорошую кухню и порядочную обстановку, графъ рѣшилъ остаться ночевать. На утро была та же скверная погода и старику нездоровилось; онъ опять рѣшилъ остаться еще на сутки.

— Тамъ дальше, по пути, опять пойдутъ, пожалуй, курныя избы, такъ ужъ лучше вамъ здѣсь побыть и отдохнуть, совѣтовалъ и молодой Сапѣга отцу.

Вечеромъ чрезъ многочисленную свиту, состоявшую, помимо лакеевъ, изъ адъютанта, двухъ секретарей, капеллана и трехъ егерей, до свѣдѣнія магнатовъ достигъ удивительный слухъ, которому они, конечно, сразу не повѣрили. Въ этой трущобѣ, будто бы, оказался,—прислуживающій ихъ лакеямъ, не появляясь въ ту горницу, гдѣ они сидѣли,—простой крестьянинъ, котораго считаютъ здѣсь всѣ близкимъ родственникомъ...

— Что за глупое вранье! строго сказалъ фельдмаршалъ. Принявъ извѣстіе за дерзкую выдумку, Сапѣга сначала не обратилъ на это никакого вниманія. Но затѣмъ его секретарь, повидавшій по собственной охотѣ лакея Карлуса, явился къ сановнику и объяснилъ ему ради курьеза, да и ради неимѣнія чѣмъ заняться на отдыхѣ, что лакей самъ серьезно заявилъ ему о своемъ родствѣ.

Конечно, графъ велѣлъ тотчасъ позвать къ себѣ лакея, и Карлусъ, немножко оправившись, причесавшись и оглядѣвши, все ли на немъ въ порядкѣ, предсталъ предъ именитымъ проѣзжимъ. Молодой Сапѣга сталъ его подробно разспрашивать, съ оттѣнкомъ насмѣшки въ голосѣ и даже презрѣнія; фельдмаршалъ молча слушалъ, но глядѣлъ, строго хмуря брови.

Карлусъ отвѣчалъ робко, но естественно и просто объяснилъ все. И все, что услышали Сапѣги, поразило ихъ своимъ правдоподобіемъ.

Кончилось тѣмъ, что фельдмаршалъ самъ заступилъ мѣсто своего сына, въ качествѣ допросчика по пунктамъ.

— Какъ-же тебя звать? спросилъ Сапѣга.

— Карлусъ.

— Слышалъ!.. Фамилія твоя какъ — я спрашиваю. Семейное прозвище?

— Зовутъ разно... Меня зовутъ Сковоротскій, а сестру старшую до замужества всегда звали Сковорощанкой... Отецъ назывался Самуиломъ, а прозвище его было Скавронскъ.

— А мать... Ея имя какъ было?..

— Мать звалась Доротеей, по дѣвичеству или по имени отца своего Ганъ.

— Это нѣмецкое имя: Доротея Ганъ.

— Она и была нѣмкой, а сестра ея меньшая, Маріанна, вышла за русскаго шляхтича Веселевскаго, а средняя за Гейденберга. Эту звали Софьей... Да еще братъ былъ Вильгельмъ... Да еще сестра была и тоже была за Веселевскимъ.

— Такъ двѣ сестры были Веселевскими по фамиліи мужей? спросилъ вельможа.

— Да. Одна за отцомъ, а другая, меньшая, за сыномъ его, Яномъ.

— У которой-же воспитывалась твоя сестра, которую ты называешь Мартой?

— У меньшой, Маріанны... Старшая, Катерина, уѣхала въ Курляндію и вышла вторично замужъ за Дукласа.

— И ты всю эту родню свою знавалъ и помнишь хорошо? спросилъ подозрительно Сапѣга.

— Еще бы... Вѣдь я ихъ всѣхъ зналъ когда мнѣ было уже лѣтъ съ двадцать, ухмыляясь отозвался Карлусъ. Въ честь тетки Софьи Гейденбергъ, я свою дочь назвалъ также.

— Ну, а Марта отъ тетки Веселевской перешла, говоришь ты, къ пастору лютеранскому?

— Да. Къ пастору Глюку въ Маріенбургъ, а отъ него попала въ плѣнъ къ русскимъ драгунамъ.

— Почему же однако, любезный, ты знаешь что это твоя сестра Марта? лукаво замѣтилъ молодой Сапѣга.

— Этого я не знаю...

— Ну, вотъ видишь-ли, голубчикъ, строго заговорилъ фельдмаршалъ,—все это выдумки и опасныя выдумки. Напрасно ты такой вздоръ объ себѣ болтаешь. У тебя пропала взятая русскими въ плѣнъ сестра и—на этомъ одномъ случаѣ ты основываешь цѣлую глупую исторію. Мало-ли женщинъ въ Лифляндахъ во время войны были взяты въ плѣнъ московскими войсками. Такъ всѣмъ родственникамъ ихъ, всякую изъ нихъ и почитать теперь русской императрицей?

— Въ Крейцбургѣ и въ Маріенбургѣ всѣ такъ говорятъ, оправдывался Карлусъ, что именно наша Марта и есть царица Екатерина.

— Все это одно вранье. И ты за такое разглашеніе о себѣ можешь дорого поплатиться. Прекрати это вранье. Худо будетъ. Вотъ тебѣ мой добрый совѣтъ! строго сказалъ Сапѣга, отпуская лакея.

Однако магнатъ польскій и фельдмаршалъ русской арміи, много жившій въ Россіи и знавшій все, что знали обѣ столицы, да и вся Имперія объ загадочномъ происхожденіи русской императрицы, не могъ равнодушно отнестись къ разсказу буфетчика постоялаго двора.

Карлусъ, рѣшившій быть по совѣту сестры осторожнымъ, умышленно не все передалъ магнату, очевидно допрашивавшему его ради праздности и пустого любопытства.

Карлусъ предпочелъ лучше прослыть въ глазахъ графа Сапѣги за болтуна, нежели упомянуть о свиданіи въ Ригѣ. Онъ не проронилъ поэтому ни слова о бесѣдѣ Христины съ государыней.

Но на этотъ разъ осторожность Карлуса ему только повредила. Если-бы Сапѣга узналъ отъ него, что недавно сама русская императрица видѣлась съ Христиной, подарила ей денегъ, разспрашивала объ судьбѣ всѣхъ другихъ членовъ семьи, то онъ навѣрно не сдѣлалъ-бы того, что онъ теперь счелъ долгомъ сдѣлать немедленно.

Здѣсь-же, черезъ часъ послѣ бесѣды съ буфетчикомъ, магнатъ написалъ подробно о своей встрѣчѣ въ гостиницѣ мѣстечка Вишки. Онъ передалъ все человѣку придворному и вліятельному, генералу Девьеру, женатому на родной сестрѣ князя Меншикова.

Между тѣмъ, покуда вельможа писалъ письмо, сынъ его былъ въ сосѣдней горницѣ, куда одинъ изъ секретарей привелъ красивую молоденькую дѣвушку, пой-

Венеціанка у колодца. Съ карт. итальянск. художн. Л. Пассини, грав. Пааръ.

Пажъ. Съ карт. Ф. Румплера, грав. Пааръ

манную имъ случайно въ коридорѣ. Молодой Санѣга осматривалъ чернобровую и востроглазую фигурку какъ любопытнаго звѣрка. Дичокъ-самородокъ забавлялъ его своей манерой держаться и своими бойкими отвѣтами.

Молодая дѣвушка отзывалась тихо, но рѣзко, едва шевеля губами, гордо закидывая красивую кудрявую головку и какъ-бы неприязненно мѣряя взглядомъ обоихъ собесѣдниковъ съ головы до ногъ.

— Правду говоритъ онъ, сказалъ Санѣга, показывая на секретаря, что ты себя называешь: Яункундзе?

— Неправда!

— Какъ неправда! воскликнулъ секретарь. Ты сейчасъ въ коридорѣ мнѣ сказала, что это твое прозвище.

— Ну, да.

— А теперь ты говоришь: неправда.

— Вы что спросили? Какъ я себя зову? Я себя зову Софьей. А другіе меня зовутъ Яункундзе. Не я же себѣ это прозвище дала.

— Есть у тебя женихъ? Собираешься ты замужъ? спросилъ Санѣга.

— А у васъ есть невѣста? Собираетесь вы жениться?.. отозвалась Софья.

— Да тебѣ это не любопытно, я полагаю.

— Ну и вамъ тоже про меня знать это не любопытно.

— Вишь какая сердитая. А красивая... Ты очень красива, Яункундзе.

— Да.

— Что да?

— Красива.

— Сама знаешь это...

— Конечно. Кому же это и знать какъ не мнѣ!

Санѣга разсмѣялся, секретарь тоже.

Около получасу проболталъ такъ молодой графъ съ молоденькой крестьянской и, давъ ей коробку сластей, отпустилъ со словами:

— Будь ты моя крѣпостная, я бы тебя ни за кого замужъ не выдалъ, а взялъ бы себѣ.

— Насильно? отозвалась тихо Софья, презрительно усмѣхаясь и идя къ дверямъ.

— Нѣтъ... Можетъ быть ты... Я думаю, что ты бы сама... Вѣроятно, ты бы меня...

Санѣга запутался и смолкъ, удивляясь внутренно самому себѣ, т. е. своему легкому смущенію.

— Панъ ужъ очень много объ себѣ воображаетъ! вымолвила Софья на порогѣ. Я знаю одного пастуха, который много красивѣе пана графа.

Санѣга разсмѣялся громко и весело. Софья искоса глянула на него своими угольными глазами изъ-подъ опущенныхъ на половину рѣсницъ и взглядъ ея выразилъ одно гордое презрѣнье.

— Даже не вѣритъ, воркнула она и исчезла за дверью.

На утро рано одинъ изъ егерей графа Санѣги выѣхалъ изъ Вишекъ съ письмомъ, въ обратный путь, въ Россію. Около полудня всѣ экипажи были заложены и поданы. Именитые проѣзжіе отправлялись далѣе.

Когда графъ фельдмаршалъ вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи сына и всей свиты, густая толпа поселянъ съ обнаженными головами окружила постоялый дворъ и экипажи.

— Вонъ она, батюшка! тихо сказалъ по-нѣмецки молодой Санѣга, указывая отцу глазами на красивую дѣвушку, стоявшую близь крыльца, впереди другихъ крестьянокъ. Фельдмаршалъ пристально приглядѣлся и вымолвилъ на томъ же языкѣ:

— Странно. Очень странно!

— Что? спросилъ сынъ.

— Сходство.

— Съ кѣмъ, батюшка?..

Но старый графъ не отвѣтилъ и пошелъ садиться въ экипажъ.

Молодой человѣкъ сѣлъ вслѣдъ за отцомъ, затѣмъ выглянулъ изъ окна кареты на Софью и ласково кивнулъ ей головой.

Яункундзе не шевельнулась и даже бровью не двинула въ отвѣтъ. Экипажи тронулись шибкой рысью и скоро исчезли за домами и околицей. Софья задумчиво смотрѣла во слѣдъ. На сердцѣ ея что-то происходило. Она въ одинъ мигъ вчера возненавидѣла молодого вельможу. Ну, такъ что-жъ? Вѣдь онъ уѣхалъ! Она никогда болѣе за всю жизнь не встрѣтитъ его и не увидитъ. Да, кажется... Вѣроятно...

Въ это же мгновенье молодой графъ Санѣга, глядя изъ экипажа на унылую дорогу, думалъ объ этой Яункундзе Вишекъ... И удивлялся, что онъ думаетъ объ ней. Красивая крестьянка полудикаго поселка! Мало-ли ихъ было по дорогѣ. Отчего же объ этой думается ему какъ-бы противъ воли? Онъ и не увидитъ вѣдь ее болѣе никогда. Да, кажется... Вѣроятно...

XI.

Однажды появился въ Вишкахъ молодой человѣкъ, красивый, ловкій, говорившій одинаково хорошо по-польски и по-русски, вскорѣ доказавшій, что онъ былъ молодецъ на всѣ руки. Новый житель Вишекъ, по имени Яковъ, вскорѣ сталъ всеобщимъ любимцемъ, но въ особенности сошелся онъ быстро съ Карлусомъ и всячески доказывалъ ему свою дружбу. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проговаривался пріятелю, что у него есть средства и что онъ богатый женихъ и не прочь-бы найти себѣ невѣсту... Вотъ въ родѣ Софьи...

Вскорѣ Карлусъ любилъ своего новаго друга также, какъ если-бы зналъ его уже нѣсколько лѣтъ, а между тѣмъ Яковъ былъ въ гостинницѣ не болѣе мѣсяца. Объ бракѣ съ Яковомъ шестнадцатилѣтней Софьи онъ тоже мечталъ уже часто и подолгу.

Наконецъ, однажды Яковъ объяснилъ Карлусу, что тотъ долженъ ему доказать на дѣлѣ свою дружбу и помочь въ одномъ очень простомъ, хотя и важномъ обстоятельствѣ.

— Дѣло самое глупое и простое, объяснилъ Яковъ, но я могу просить помощи только у человѣка, которому я вполнѣ вѣрю, который меня не обманетъ и не погубитъ, который, пожалуй, и моимъ родственникомъ стать можетъ.

И въ откровенной бесѣдѣ Яковъ сообщилъ Карлусу, что у него есть деньги и большія, на которыя онъ можетъ не только купить себѣ въ Вишкахъ домъ, но даже взять весь постоялый дворъ и віасибасъ намсъ за себя, уплативши содержателю необходимую сумму.

Карлусъ повѣрилъ пріятелю и убѣдилъ его, что онъ можетъ вполнѣ положиться на него. Тогда Яковъ признался откровенно, что деньги зарыты имъ въ лѣсу, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Вишекъ.

— Деньги эти надо отправиться вырыть и такъ какъ мѣшокъ съ золотыми червонцами и съ серебряными рублями очень тяжелъ, то одинъ человѣкъ никакъ не можетъ изъ лѣса дотащить его, хотя-бы черезъ нѣсколько саженей, до телѣги. Слѣдовательно, надо ѣхать вдвоемъ, разумѣется вечеромъ, и такимъ образомъ ночью все сработать и привезти мѣшокъ съ деньгами домой.

Карлусъ объяснилъ, что нѣтъ ничего проще дѣла и что, конечно, онъ исполнитъ свято главное условіе, т. е. никому ничего не скажетъ объ деньгахъ.

— Больше мнѣ ничего и не нужно. А за эту услугу, сказалъ Яковъ, — я тебѣ сдѣлаю подарокъ, который можетъ перемѣнить твою обстановку.

Друзья тотчасъ уговорились добыть въ Вишкахъ небольшую телѣжку, съ парой хорошихъ „зирксовъ“ или лошадей, сильныхъ и бойкихъ, чтобы съѣздить за деньгами.

Послѣ этого уговора, Яковъ медлилъ однако цѣлую недѣлю. Карлусъ сообразилъ, что другъ просто боится и подозрѣваетъ его, быть можетъ даже раскаивается, что сообщилъ о своей тайнѣ.

Но однажды вечеромъ Яковъ объяснилъ другу, что на другой день вечеромъ они должны выѣзжать. Такъ какъ телѣжка и пара отличныхъ лошадей были уже давно найдены, уговоръ съ хозяиномъ былъ сдѣланъ подъ предлогомъ поѣздки въ Дохабенъ, то Карлусъ отвѣчалъ что онъ готовъ и очень радъ.

— Я ужъ думалъ, что ты меня подозрѣваешь и опасаешься, сказалъ онъ. И мнѣ это было обидно.

— По правдѣ сказать—да... отвѣчалъ Яковъ. Но теперь я рѣшился. Доставай лошадей... да получше. Скакуновъ!

— Это ужъ готово. Лучшіе „зирксы" всѣхъ Вишекъ! пошутилъ Карлусъ.

Поселянинъ, у котораго надо было взять лошадей, конечно очень удивился, что двумъ здоровымъ молодцамъ понадобилась пара бойкихъ коней для простой поѣздки въ Дохабенъ. Однако, подумавъ побольше, онъ рѣшилъ, что по всей вѣроятности этотъ Яковъ ѣдетъ въ деревню, гдѣ семья Карлуса—въ качествѣ жениха. Разумѣется, ради такого случая хочется ему и пофрантить.

Въ сумерки яснаго дня два пріятеля выѣхали изъ Вишекъ по большой дорогѣ. На другое утро вернулся домой одинъ изъ старожиловъ Вишекъ и, встрѣтясь съ хозяиномъ панятыхъ лошадей, спросилъ у него съ удивленіемъ:

— Это вѣдь твоихъ коней я видѣлъ съ Карлусомъ?

— Да. Мои кони, отвѣчалъ тотъ.

— Охота давать гонять...

— Я за деньги далъ.

— Все равно. Это портитъ коня—сорокъ верстъ не кормя гонять.

— Какъ сорокъ верстъ?

— Да такъ. Я ихъ встрѣтилъ за большимъ Янковымъ боромъ... Видно вѣдь, что кони бѣгутъ безъ роздыха, заморенные.

— Они въ Дохабенъ наняли! воскликнулъ поселянинъ.

— Хорошъ Дохабенъ за Янковымъ боромъ!

Между тѣмъ Карлусъ и Яковъ дѣйствительно были въ это время очень далеко отъ Вишекъ...

Отъѣхавъ отъ мѣстечка верстъ за десять, Яковъ пріостановилъ лошадей и, пустивъ ихъ шагомъ, обернулся къ пріятелю:

— Слушай, Карлусъ... Я вѣдь тебя обманулъ.

— Какъ? Въ чемъ? отозвался этотъ.

— Я тебя обманулъ, но ты не гнѣвися. Я тебѣ сказалъ, что мой кладъ зарытъ тутъ неподалеку. Это неправда.

— А гдѣ же онъ?..

— До него отъ Вишекъ верстъ сто...

— Какъ сто! воскликнулъ Карлусъ.

— Такъ. Онъ у меня на родной сторонѣ. Около деревни, гдѣ я родился. Да ты чего же такъ оторопѣлъ? Не все ли равно? Лошади у насъ хорошія, доѣдемъ мы исправно, хозяину заплатимъ вдвое, хоть даже вчетверо. Онъ пѣнять не будетъ. Я же тебя потому обманулъ, что боялся твоей лѣни. Скажи я тебѣ ѣхать за сто верстъ, ты бы пожалуй и отказался.

— Пожалуй что такъ! отозвался Карлусъ, смѣясь. Даже и теперь страшно. Сто верстъ! Шутка!

— Ну, а теперь дѣло сдѣлано. Ужъ ѣдемъ, весело сказалъ Яковъ. Чрезъ сутки все будетъ кончено, даже деньги въ телѣжкѣ будутъ лежать. Что-жъ, жалѣешь что-ли, что взялся мнѣ услужить?

— Нѣтъ. Что-жъ! И то правда... Кони хорошіе. Живо съѣздимъ. А коли ты хозяину заплатишь вдвое, то все равно никто въ обидѣ не будетъ.

— Такъ ты не сердишься на меня за обманъ?

— За что-же? Стоитъ-ли...

Пріятели припустили лошадей... Добрые кони пролетѣли бодро верстъ тридцать, но затѣмъ начали приставать... Карлусъ предложилъ другу отдохнуть въ знакомой деревушкѣ, но Яковъ не согласился, говоря, что заранѣе рѣшилъ отдохнуть и покормить лошадей въ одномъ мѣстечкѣ, гдѣ у него есть родственникъ.

Дѣйствительно, проскакавъ не кормя около пятидесяти верстъ и достигнувъ мѣстечка, Яковъ завернулъ во дворъ и вызвалъ хозяина.

— А? Здорово... воскликнулъ этотъ. Твои тебя поджидаютъ здѣсь уже двое сутокъ.

— Доброе дѣло, отозвался Яковъ, вылѣзая.

— Кто такіе тебя поджидаютъ? удивился Карлусъ.

— Входи. Увидишь.... Народъ веселый... Мои земляки, смѣясь сказалъ Яковъ.

— Твои земляки... странно проговорилъ Карлусъ, будто робѣя.

— Ну да... Подумаешь, диковину я сказалъ...

— Зачѣмъ они тутъ? Почему же ты мнѣ ничего объ нихъ не говорилъ? Не сказалъ, что тебя тутъ будутъ ждать эти земляки?

— Зачѣмъ говорить? Вотъ теперь все узнаешь. Слѣзай!

Карлусъ, самъ не зная почему, въ сомнѣньи сидѣлъ на телѣжкѣ и медлилъ слѣзать и входить въ домъ. Какое-то тревожное чувство внезапно сказалось въ немъ. Странный-ли голосъ Якова или странный, будто насмѣшливый взглядъ хозяина двора—неизвѣстно что подѣйствовало на Карлуса, но онъ оторопѣлъ и не двигался.

— Чего же ты? весело и небрежно спросилъ Яковъ.

— Зачѣмъ ты таилъ все это... началъ было Карлусъ. Но Яковъ громко расхохотался.

— Ты вѣдь робѣешь. Ей Богу робѣешь... Чего только—самъ не знаешь. Что-жъ мы здѣсь тебя зарѣжемъ, что-ли? Зачѣмъ? Ограбить? Что грабить? Платье твое или нѣсколько гривенъ въ карманѣ?

— Нѣтъ. А вотъ этихъ чужихъ коней вы угоните! рѣзко, сердито вымолвилъ Карлусъ. А меня бросите здѣсь. Я ворочайся въ Вишки и расплачивайся за тебя. А кони и телѣга — дорогіе. Я ихъ въ три года не уплачу...

— Полно. Стыдно, Карлусъ. Ей Богу стыдно! А еще пріятель! Вылѣзай-ко. Вотъ тебѣ Господь на небеси, что я лучше тебя самого украду, чѣмъ твоихъ коней.

Карлусъ неохотно и нерѣшительно вылѣзъ изъ телѣжки. Хозяинъ двора принялъ лошадей и пріятели вошли въ горницу.

Тутъ на полу крѣпко спали и храпѣли двое дюжихъ молодцовъ...

— Ну и мы такъ-то ляжемъ. А выспавшись, всѣ двинемся за моимъ кладомъ! сказалъ Яковъ. До него отсюда еще верстъ сорокъ. А ты, Карлусъ, не тревожься... Не все то дурно, что удивительно...

— Когда же мы проснемся? Къ вечеру?

— Да, конечно, къ вечеру. Ночью и поѣдемъ. Мое дѣло нельзя днемъ дѣлать. Кони отдохнутъ и мы тоже. Ночью проѣдемъ, на зарѣ все дѣло обдѣлаемъ вчетверомъ. Лихо обдѣлаемъ.

— Зачѣмъ ты таилъ отъ меня, что будетъ еще двое помощниковъ? продолжалъ сомнѣваться Карлусъ.

— Э-эхъ право... нетерпѣливо отозвался Яковъ. Ложись. Спи!

Сказавъ это, Яковъ разостлалъ свой кафтанъ на полъ и легъ. Карлусъ постоялъ минуту и сдѣлалъ тоже самое.

„Что-жъ въ самомъ дѣлѣ я оробѣлъ. Чего-же? думалъ онъ. Рѣзать имъ меня не за что. Лошадей-бы не угнали они. Такъ я не дамъ, подыму деревню... Тутъ у меня знакомый живетъ. Догонимъ верхами и отобьемъ".

Карлусъ успокоился нѣсколько, но чрезъ нѣсколько минутъ, когда Яковъ уже храпѣлъ, онъ снова думалъ:

„Если я съ ними поѣду, то они меня середи дороги выбросятъ, а сами лошадей угонятъ. Я лучше предложу Якову здѣсь другихъ коней нанять. А на этихъ вернемся въ Вишки. Этакъ вѣрнѣе".

Карлусъ тревожился все болѣе и болѣе, самъ не понимая и не отдавая себѣ отчета, почему онъ подозрѣ-

ваетъ пріятеля и сомнѣвается въ его исторіи на счетъ зарытыхъ денегъ. Сомнѣніе не только не уменьшалось, но все сильнѣе росло и западало въ душу. Карлусъ рѣшилъ окончательно не ѣхать далѣе на тѣхъ же лошадяхъ, а предложить Якову нанять другихъ.

„Этакъ вѣрнѣе".

Карлусъ все-таки заснулъ... Долго-ли и крѣпко-ли онъ спалъ — онъ не зналъ. Но когда онъ очнулся, то на дворѣ была уже ночь, а въ горницѣ былъ мерцающій свѣтъ отъ мѣсяца, смотрѣвшаго въ окно. Карлусъ, прійдя окончательно въ себя, хотѣлъ привстать и вдругъ почувствовалъ что-то особенное, чего онъ сразу даже и понять не могъ. Онъ былъ скрученъ бичевой по ногамъ и по рукамъ, и хотя слабо, но тѣмъ не менѣе достаточно, чтобы не имѣть возможности двинуться, встать и пойти. Въ горницѣ никого не было.

— Охъ, злодѣи... воскликнулъ онъ. Да и я то хорошъ... Украли! Угнали! А я теперь расплачивайся за коней изъ жалованья своего....

Карлусъ попробовалъ порвать бичеву, дернулъ руками и ногами, но путы только пуще впились ему въ тѣло. Онъ сталъ кричать отчаяннымъ голосомъ.

— Эй, не ори! послышался за дверью голосъ хозяина двора и плотный мужикъ вошелъ въ горницу. Чего орешь? Зарѣзали что-ли тебя...

— Разбойники!.. Угнали коней?.. Ты думаешь, что я оставлю тебя. Врешь. И ты у меня въ отвѣтѣ будешь... Развязывай путы... Живо.

— Развязывать? хладнокровно сказалъ мужикъ. Дурень! Нешто затѣмъ тебя связали, чтобы по твоему указу развязывать. Обожди.

— Чего ждать? Того, чтобы они за сто верстъ коней угнали! крикнулъ Карлусъ. Да вѣдь ты то здѣсь. Тебя то я притяну за конокрадство.

— Ничуть не угнали и не ограбили. Полно врать то. Лежи смирно.

— Гдѣ-жъ Яковъ?

— Ушелъ и сейчасъ придетъ. И молодцы его тоже съ нимъ придутъ.

— А кони съ телѣгой?

— Здѣсь на дворѣ. Гдѣ были тамъ и стоятъ.

— Зачѣмъ же я связанъ?

— Почемъ я знаю. Говорятъ, что такъ нужно. Мое дѣло сторона.

Хозяинъ двора сѣлъ спокойно на скамью. Карлусъ, лежа на полу въ путахъ, сталъ снова повторять тѣ же вопросы въ десятый разъ, но мужикъ зѣвнулъ нѣсколько разъ сладко и продолжительно и не отвѣтилъ ни слова.

— Будешь ты говорить, чортова морда! крикнулъ Карлусъ нетерпѣливо.

— Нѣтъ, не буду, дуракъ, тихо отвѣтилъ мужикъ зѣвнувъ еще разъ... Лежи, сейчасъ придутъ.

Не успѣлъ онъ выговорить эти слова, какъ около избы раздались голоса и шаги. Чрезъ мгновенье въ горницу вошелъ Яковъ.

— А, пріятель. Проснулся? вымолвилъ онъ весело. Но голосъ его былъ точно другой и странно поразилъ Карлуса. Это былъ такой пренебрежительный голосъ, какъ еслибы Яковъ былъ начальникомъ или бариномъ Карлуса.

— Что ты со мной дѣлаешь! Какъ ты смѣешь, прохожимецъ, меня вязать! крикнулъ онъ внѣ себя.

— Лежи смирно. Сейчасъ запрягутъ коней. Мы тебя посадимъ и повеземъ, вымолвилъ Яковъ холодно.

— Куда?..

— Если ты будешь сидѣть смирно—ничего тебѣ худого не будетъ. Понимаешь? Если ты будешь орать или биться, то я тебя выпорю. И буду я тебя пороть до тѣхъ поръ, покуда ты не смиришься.

— Какъ ты смѣешь... заоралъ Карлусъ и, сдѣлавъ тщетное усиліе подняться—онъ сталъ злобно и во все горло кричать по-русски и по-латышски:

— Помогите... Разбой... Помогите... Палидзіатъ!

Голосъ его среди ночи раздавался на всю деревню.

— Замолчи. Слушай меня. Я не разбойникъ, заговорилъ Яковъ. Чрезъ часъ придетъ грамотный человѣкъ, которому ты повѣришь больше чѣмъ мнѣ. Ну, вотъ я ему покажу, какая у меня есть бумага. Онъ прочтетъ ее тебѣ, переведетъ по-польски. И ты поймешь, что я тебя имѣю власть увезти съ собой куда нужно, куда мнѣ указано. Понялъ?

Карлусъ замолчалъ и тяжело вздохнулъ. „Что же это такое, Господи?" думалось ему.

XII.

Прошла недѣля, прошелъ мѣсяцъ, два, и никто болѣе не видѣлъ, никто даже не слыхалъ ничего ни объ Карлусѣ, ни объ Яковѣ. Они исчезли безслѣдно. Только одинъ слѣдъ былъ... Слѣдъ коней...

Въ ста верстахъ отъ Вишекъ, на большой станціи тракта, видѣли отдыхавшихъ четырехъ путниковъ, и изъ нихъ одинъ показался мѣстнымъ жителямъ—похожимъ на буфетчика гостиницы въ Вишкахъ, котораго всѣ хорошо знали въ округѣ. Остальные трое были совершенно неизвѣстны и повидимому всѣ трое москали. Но если бы даже на счетъ Карлуса и ошиблись, то, по описанію телѣжки и пары дорогихъ зирксовъ, въ Вишкахъ не сомнѣвались, что это именно были угнанные кони.

Разумѣется, исчезновеніе Карлуса было такимъ событіемъ въ Вишкахъ, о которомъ всѣ отъ мала до велика долго толковали, теряясь въ догадкахъ. Никто не могъ думать, что Карлусъ бѣжалъ ради конокрадства, бросивъ жену и дѣтей въ Дохабенѣ. Слѣдовательно, главный мошенникъ былъ неизвѣстный никому москвовецъ Яковъ. Но какимъ образомъ уѣхалъ съ нимъ Карлусъ? Очевидно противъ воли, увезенный силкомъ.

Видѣвшіе Карлуса добавляли, что онъ одинъ изъ всѣхъ четырехъ былъ какъ бы боленъ или на смерть перепуганъ. Трое незнакомцевъ какъ бы сторожили его на станціи и близко никого къ нему не подпускали.

— Но куда же его повезли? Зачѣмъ его увезли? говорилось повсюду со страхомъ.

Въ семьѣ Карлуса его исчезновеніе разразилось конечно какъ громовой ударъ. Несчастная Марья свалилась при извѣстіи съ ногъ, лежала долго безъ сознанія и движенія, затѣмъ начала бредить и кончилось тѣмъ, что заболѣла горячкой. Дѣти нѣсколько дней проходили перепуганныя, выли, ревѣли, дико озираясь на всѣхъ. Одна молоденькая Софья была спокойнѣе, но много плакала по отцѣ. Мацитайсъ, узнавши объ исчезновеніи Карлуса, прямо тотчасъ же объяснилъ обитателямъ Дохабена, что Карлусъ схваченъ москалями и увезенъ въ Россію. По всей вѣроятности, его или сошлютъ въ Сибирь, или засадятъ въ крѣпость, а быть можетъ просто голову отрубятъ.

— И этого слѣдовало ожидать, сказалъ онъ. Я это предсказывалъ. Москали его вѣрно давно разыскивали.

Священникъ совѣтовалъ тайкомъ дать знать о приключеніи всей роднѣ, ради того, чтобы они были осторожнѣе.

Покуда Марья была больна, сдѣлать это было невозможно. Женщина поправлялась медленно, но наконецъ снова была на ногахъ. Не имѣя возможности примириться съ тѣмъ, что Карлусъ навсегда исчезъ и что она никогда не увидитъ его, Марья дѣятельно принялась за розыски. Она была увѣрена, что мужъ попалъ къ разбойникамъ.

Содержатель віасибасъ-намса поддерживалъ въ ней эту вѣру. Онъ сомнѣвался, чтобы русскій императоръ сталъ посылать изъ Москвы ряженыхъ солдатъ или какихъ-то повѣренныхъ для того, чтобы тайкомъ или обманомъ похитить Карлуса.

(До слѣд. №).

Румынская цыганка. Съ карт. Н. Зихеля, грав. Герике

2

Секретное предписаніе.

Картинка лагерной жизни, въ одномъ дѣйствіи.

Виктора Крылова (Александрова).

Представлена въ первый разъ, съ участіемъ поименованныхъ здѣсь артистовъ, въ Гатчинскомъ Императорскомъ дворцѣ, 22-го декабря 1886 г.

Дѣйствующія лица.

Никифоръ Петровичъ Леонтьевъ — полковникъ, командиръ стрѣлковаго батальона	**К. А. Варламовъ.**
Анна Ивановна — его жена	**М. Г. Савина.**
Константинъ Звягинъ — подпоручикъ въ батальонѣ Леонтьева	**А. Н. Абаринова 2.**
Звягина — мать его . . .	**А. И. Абаринова I.**
Щуракъ — старый деньщикъ Леонтьева. . . .	**Н. Ѳ. Сазоновъ.**

Дѣйствіе происходитъ въ провинціи, вблизи лагерной стоянки, въ наши дни.

Комната на дачѣ Леонтьевыхъ, вблизи отъ лагеря. Дверь посрединѣ и дверь слѣва; справа окно, передъ нимъ маленькій столикъ съ графиномъ воды. Письменный столъ (на авансценѣ слѣва) и проч.

Входитъ Щуракъ и Звягинъ, съ картиной подъ мышкой. Онъ ставитъ картину въ сторонку. Щуракъ зоветъ въ дверь.

I.

Щуракъ, Звягинъ и Анна Ивановна.

Щуракъ. Вашеское благородіе, пожалуйте! Привелъ.

Анна Ивановна *(входитъ).* Звягинъ, что вы со мной дѣлаете? Вѣдь завтра именины моего мужа.

Звягинъ. Знаю-съ.

Анна Ивановна. Что же нашъ сюрпризъ?.. Я на васъ положилась, какъ на настоящаго художника, живописца, а вы пропали!?

Звягинъ. Лагерное время, Анна Ивановна,—то ученье, то стрѣльба... караулъ, дежурство... а съ нашимъ полковникомъ, знаете?—не шути! Мигомъ такой приказъ по батальону отдастъ...

Анна Ивановна. Какой приказъ?.. Вы должны помнить приказы вашей полковницы, а не полковника.

Звягинъ. Анна Ивановна, я очень помню. Ваше секретное предписаніе всегда при мнѣ. *(Вынимаетъ листокъ почтовой бумаги).* Прикажете прочитать?

Анна Ивановна. Читайте.

Звягинъ *(читаетъ).* 1886 года, 20-го мая, подпоручику Звягину, конфиденціально Въ виду того, что ваше благородіе изволили учиться живописи, предписывается вамъ написать портретъ вашего полковника въ геройскомъ видѣ, масляными красками, передъ сраженіемъ при Карсѣ, тайнымъ образомъ, какъ подарокъ къ его именинамъ. Анна Леонтьева.

Анна Ивановна. Ну? Что же?

Звягинъ. Ну-съ?.. Я старался урвать каждую свободную минутку и... *(Указывая на Щурака).* Анна Ивановна, что это онъ все слушаетъ!?

Анна Ивановна *(Щураку).* Тебѣ что нужно? Чего ты тутъ дожидаешься?

Щуракъ. Это вы, вашеское благородіе, не изволите знать, а я тамъ былъ, при Карсѣ-то,—рядомъ съ вашимъ супругомъ стоялъ.

Анна Ивановна. Ступай вонъ!

Щуракъ. Кабы я тамъ рядомъ-то не былъ, можетъ пулей-то его бы пришибло... а она, окаянная, мнѣ мимо уха проскочила; вотъ я глухой на это ухо, она меня контузила.

Анна Ивановна. Ну да, ты своимъ ухомъ полковнику жизнь спасъ... Знаютъ, знаютъ, сто разъ слышали.

Щуракъ. Какъ вѣдь оно было то: пришли, этто, мы къ вечеру, разложили костры, и вижу я: Захарка, 2-го взвода ефрейторъ, гдѣ-то курицу раздобылъ... и курица важная, на турецкихъ харчахъ выроіцена!..

Анна Ивановна. Ступай, ступай... или нѣтъ, вотъ что лучше... *(Звягину).* Вы принесли?

Звягинъ. Да-съ.

Анна Ивановна *(Щураку).* Стань тутъ къ окну... полковникъ теперь въ канцеляріи,—какъ только онъ пойдетъ вонъ по той аллеѣ, сейчасъ закричи... Слышишь?

Щуракъ. Слушаю-съ, вашеское благородіе *(идетъ къ окну)*... А ужъ курица какая была, вотъ такъ ужъ курица!

Анна Ивановна *(Звягину).* Покажите.

Щуракъ. Въ тѣ поры, значитъ, коли замѣчу полковника, тревогу бить?

Анна Ивановна. Ну да, конечно.

Звягинъ *(раскрывъ картину).* Я только, Анна Ивановна, не совсѣмъ кончилъ... надо кое-что тронуть. *(Показываетъ картину).*

Анна Ивановна *(смотритъ).* Вотъ вы какимъ его изобразили... Что же это онъ, въ рощѣ и одинъ... Гдѣ же его солдаты?

Звягинъ. Ихъ надо предполагать, Анна Ивановна, что они за рощей, тамъ гдѣ нибудь...

Анна Ивановна. Какой-же это геройскій видъ?.. Это онъ словно въ рощу за грибами ходилъ и отдохнуть сѣлъ... Развѣ герои такіе? Герой руками машетъ, кричитъ: „впередъ! впередъ!"... вотъ такъ...

Звягинъ. Это, Анна Ивановна, можетъ быть прежде было такъ: какой-нибудь Юлій Цезарь или тамъ Карлъ Великій, а теперь герои очень даже просто себя ведутъ.

Анна Ивановна. Все таки, помилуйте, хоть бы экстазъ какой-нибудь выразили или руки скрещенныя на груди... что нибудь этакое...

Звягинъ. Анна Ивановна, я справлялся... я документально справлялся отъ очевидцевъ... Да вотъ, позвольте... Щуракъ, поди сюда... *(Щуракъ подходитъ).* Разскажи, какъ это было... тамъ, подъ Карсомъ?

Щуракъ. Ну вотъ: вижу я у Захарки курица...

Звягинъ. Да не про курицу спрашиваютъ... ты, скажи, какъ полковникъ?

Щуракъ. У полковника козырекъ отпоровши былъ.

Звягинъ. Это все равно... что онъ говорилъ?

Щуракъ. А говорилъ онъ: трубку набей!

Звягинъ. Нѣтъ, про непріятеля что онъ говорилъ?

Щуракъ. Про непріятеля? Что молъ они шалавые, зря стрѣляютъ.

Анна Ивановна. Ахъ, что его слушать: онъ все пустяки болтаетъ... Нѣтъ, Звягинъ, совсѣмъ вы меня не поняли... и лицо совсѣмъ не его... Носъ не его; вы ему на носъ шишку посадили.

Звягинъ. Анна Ивановна, это не шишка, это тѣнь.

Анна Ивановна. Не онъ, совсѣмъ не онъ. *(Щураку).* Ну, что ты глядишь?.. Узналъ?..

Щуракъ. Какъ не узнать? Живой стоитъ... Вотъ такъ же пыжился, какъ его къ намъ привели... Все бормоталъ: Алла! Алла!

Анна Ивановна. Да ты думаешь, кто это такой?

Щуракъ. Махмутка толстоносый, въ Батумѣ намъ попался... Пріятелемъ моимъ былъ.

Звягинъ. Ступай ты прочь! Ничего ты не понимаешь... *(Отталкиваетъ его).* Позвольте, Анна Ивановна, мнѣ кончить... Мнѣ бы только два-три часа времени спокойно посидѣть за работой, тогда все это я сглажу.

Анна Ивановна. Два часа! Да у васъ цѣлый день до завтра.

Звягинъ. То-то нѣтъ, Анна Ивановна: я изъ-за этого портрета вчера какъ проштрафился!.. Меня полковникъ нарядилъ смотрѣть, когда хлѣбы станутъ печь на батальонъ; а я совсѣмъ забылъ и ушелъ въ лѣсъ рисовать... меня искали и не нашли; такъ безъ меня и квашню замѣсили... теперь хлѣбъ оказался дурного качества и припека нѣтъ. Если сегодня узнаетъ полковникъ, — бѣда! я ужъ боюсь съ нимъ встрѣтиться: онъ меня сейчасъ подъ арестъ посадитъ. Какъ тогда писать?

Анна Ивановна. А вы... вотъ что: погодите... У васъ краски съ собой?

Звягинъ. Съ собой-съ.

Анна Ивановна *(показывая на первую дверь).* Подите сюда... тутъ у меня маленькій будуаръ и свѣтлый; сюда мужъ никогда не заходитъ... здѣсь васъ никто не найдетъ, и дописывайте спокойно портретъ.

Звягинъ. Но, какъ же если какой нибудь нарядъ...

Анна Ивановна. Если! если... если вы станете противорѣчить, то я по 35-й статьѣ дисциплинарнаго устава подвергну васъ ограниченію права на полученіе моей благосклонности и другихъ знаковъ отличія за безпорочное прохожденіе службы при моей особѣ... Отправляйтесь!

Звягинъ. Слушаюсь. *(Уходитъ).*

Анна Ивановна *(Щураку).* А ты смотри... теперь можешь не сторожить полковника; но если онъ сюда придетъ, ни гу-гу ему про то, что подпоручикъ здѣсь, и что мы тутъ затѣваемъ... это секретъ для него... Эта картина подарокъ ему, къ завтрашнему дню; такъ онъ пока не долженъ знать... понимаешь?.. Слушай команду: языкъ подъ узцы! глазомъ не моргать! ухо востро держать... Помни! *(Уходитъ за Звягинымъ).*

II.

Щуракъ одинъ; потомъ Леонтьевъ.

Щуракъ. И что выдумаютъ, Господи! подарокъ къ именинамъ... невидаль какая! Еще говоритъ: Не понимаешь!—чего понимать-то? Махмутка, такъ Махмутка и есть,—онъ самый. Можетъ ты то его не видывалъ, а я съ нимъ пріятелемъ былъ... Сколько разъ разговаривали: онъ мнѣ по-турецки, а я ему по-русски; онъ мнѣ свою жизнь разсказываетъ, а я ему свою жизнь... Какъ мнѣ его не знать!?

Входитъ полковникъ Леонтьевъ.

Леонтьевъ. Фу! Боже мой, жара какая... *(Переходитъ къ окну).* Дай зельтерской воды.

Щуракъ. Никакъ нѣтъ, вашеское благородіе!

Леонтьевъ. Что?

Щуракъ. Ушли и не приказали сказывать.

Леонтьевъ. Кто?

Щуракъ. Полковница, вашеское благородіе.

Леонтьевъ. Я тебѣ говорю, зельтерской воды дай.

Щуракъ. Не приказали сказывать.

Леонтьевъ *(встаетъ).* Ну тебя!.. все забываю, что онъ на это ухо глухъ и съ того фланга съ нимъ разговаривать надо... *(Переходитъ влѣво и останавливается).* Зельтерской воды принеси.

Щуракъ. Всѣ лопнувши! три бутылки были; всѣ лопнувши.

Леонтьевъ. Да гдѣ ты ихъ держалъ?

Щуракъ. На чердакѣ.

Леонтьевъ. Такъ вѣдь тамъ жарко.

Щуракъ. Жарко, вашеское благородіе.

Леонтьевъ. Отчего-жъ ты на погребъ не поставилъ? вѣдь я тебѣ приказывалъ на погребъ.

Щуракъ. Запертъ, вашеское благородіе.

Леонтьевъ. А кухарка гдѣ? на Черномъ морѣ что-ли? Не могъ у нея ключъ спросить... *(Опять переходитъ къ окну и пьетъ воду).* Что ты за слуга мнѣ достался?.. чучело ты взводное, больше ничего...

Щуракъ. Точно такъ, вашеское благородіе.

Леонтьевъ. И зачѣмъ я тебя держу?.. *(Переходитъ налѣво).* Мнѣ вѣдь хорошій деньщикъ полагается, любого взять могу... а я вотъ тебя держу, со второй службы взялъ, глухую тетерю... и за какія достоинства? *(Пожимаетъ плечами и переходитъ направо).*

Щуракъ. За усердіе, вашеское благородіе!

Леонтьевъ. Какое твое усердіе?—посуду бить, да приказанья перевирать?

Щуракъ. Радъ стараться, вашеское благородіе!

(Леонтьевъ снова переходитъ налѣво).

Леонтьевъ. Нѣтъ, ты подумай, подумай хорошенько: зачѣмъ я тебя держу?

Щуракъ. Сапоги чистить.

Леонтьевъ. Ну, ну, еще что? еще?

Щуракъ. Самоваръ.

Леонтьевъ. Ты что нибудь поважнѣе скажи... ну на что ты мнѣ нуженъ?

Щуракъ. Не могу знать, вашеское благородіе.

Леонтьевъ. И я не могу знать. Другой бы тебя давно въ фурштадтъ отправилъ, а я вотъ мучаюсь съ тобой... Привычка вѣдь, вотъ поди! Накажетъ же Богъ такой привычкой. Подожди тутъ, я сейчасъ командировку напишу—снесешь. *(Садится къ столу).*

Щуракъ. Слушаю, вашеское благородіе. *(Анна Ивановна входитъ изъ первой двери и, увидавъ полковника, останавливается испуганная).*

III.

Анна Ивановна, Леонтьевъ и Щуракъ.

Анна Ивановна. А! ты вернулся.

Леонтьевъ. Что съ тобой? матушка! Что ты присѣла, какъ слабосильная команда?

Анна Ивановна. Ники, ты знаешь, что я этого жаргона не люблю.

Леонтьевъ. Что-жъ ты испугалась, словно на непріятельскій форпостъ наскочила?

Анна Ивановна. Я не знала, что ты дома.

Леонтьевъ. А ты откуда взялась? онъ мнѣ говорилъ, что ты ушла куда-то.

Щуракъ. Мнѣ барыня приказали не сказывать.

Анна Ивановна. Какъ будто ты не знаешь, что онъ вѣчно все перепутаетъ... *(Щураку).* Ступай отсюда!

Леонтьевъ. Нѣтъ... пусть подождетъ... я вотъ бумагу напишу, съ нимъ пошлю.

Анна Ивановна. Куда?

Леонтьевъ. Отъ окружного начальника циркуляръ полученъ, чтобъ начать саперныя занятія въ батальонѣ,—такъ надо въ городъ командировать какого нибудь субалтернъ-офицера, чтобъ онъ принялъ шанцевый инструментъ,—кирки и лопаты.

Анна Ивановна. Кого же ты хочешь послать?

Леонтьевъ. Да Звягина.

Анна Ивановна *(быстро).* Зачѣмъ?

Леонтьевъ. Да что у тебя, матушка, сегодня все поджилки трясутся?

Анна Ивановна. Ники, я не выношу твоего жаргона.

Леонтьевъ. Ну, ну, ну, ну... не сердись, моя командирша, я только не могу объяснить...

Анна Ивановна. Когда же Звягинъ долженъ ѣхать,—завтра?

Леонтьевъ. Какой завтра?—сейчасъ... онъ къ ночи ужъ долженъ вернуться съ инструментами; завтра занятія начнутся.

Анна Ивановна *(про себя).* Вотъ такъ штука! стало быть портретъ не будетъ конченъ?.. ну нѣтъ... извините, надо этой командировкѣ помѣшать... *(Ему).* Почему ты хочешь послать именно Звягина?

Леонтьевъ. Да такъ! онъ молодой офицеръ,—пускай привыкаетъ къ службѣ... А развѣ ты что противъ?

Анна Ивановна. Что я могу противъ?.. ты знаешь, я въ твои служебныя дѣла никогда не вмѣшиваюсь. *(Про себя).* Только Звягина ты не пошлешь! *(Громко).* Пиши свою бумагу, я тебѣ не мѣшаю.

Леонтьевъ *(пробуя перья).* Что это за перья у меня?—одно хуже другого... *(Пишетъ).* Предлагаю вашему благородію...

Анна Ивановна *(опираясь на его плечо).* Перья у тебя нехороши?

Леонтьевъ. Ахъ, Анеточка, что-же это ты меня толкаешь?.. вонъ у меня какое „о" вышло, съ хвостомъ.

Анна Ивановна. Извини пожалуйста, я ненарочно. *(Разрываетъ бумагу).*

Леонтьевъ. Зачѣмъ ты рвешь? зачѣмъ?

Анна Ивановна. Ты лучше напиши другое... на, вотъ тебѣ бумага... пиши другое... я не хочу, чтобъ рукопись моего полковника была съ хвостами.

Леонтьевъ *(пишетъ).* Предлагаю вашему благородію съ полученіемъ сего... *(говоритъ).* Я вѣдь этимъ Звягина хочу немножко отличить, показать ему, что я въ немъ вижу дѣльнаго офицера, а не какого нибудь фюфяя... бурмозея.

Анна Ивановна. Ахъ, Ники!

Леонтьевъ. Что?

Анна Ивановна. Вотъ что значитъ, что женился ты старымъ холостякомъ, — никакъ не могу отучить тебя отъ этихъ словъ... ну что такое бурмозей?.. какое глупое слово: бурмозей!

Леонтьевъ. Виноватъ, Анеточка... виноватъ.

Щуракъ. Бурмозей, вашеское благородіе, это у насъ подпоручиковъ называютъ, которые помолокососнѣе.

Леонтьевъ. Тебя кто спрашиваетъ, кисельная порція!? Перестанешь ты у меня въ овесъ соваться?

Анна Ивановна. Опять! Ники! о Господи!

Леонтьевъ. Забылъ, забылъ... не буду! не буду!

Анна Ивановна. Вѣдь ты у меня первый полковникъ по всему округу и вдругъ такой разговоръ! Бравый! служака, красавецъ... *(схватываетъ его за голову).* Вотъ какой красавецъ! *(Цѣлуетъ его).*

Леонтьевъ. Ну, ужъ если я такой красавецъ... еще разъ... *(Она цѣлуетъ его).* А теперь... *(Встаетъ).* По всѣмъ правиламъ реваншъ, Анеточка реваншъ... нѣтъ, нѣтъ, ре... *(Хочетъ поцѣловать ее и видитъ Щурака).* Чего ты тутъ торчишь? *(Отходитъ къ столу и садится).*

Щуракъ. Я на счетъ словъ, вашеское благородіе... еще есть: коли у насъ офицеръ съ карахтеромъ, горячій, такъ онъ значитъ у насъ скипидаръ, а коли съ развальцемъ, такъ неглижа.

Леонтьевъ. Ступай въ прихожую и тамъ жди; позовутъ, когда надо.

Щуракъ. Слушаю, вашеское благородіе... *(Идетъ и у самой двери оборачивается).* А если кто къ вину причастенъ, такъ это у насъ мухобой.

Леонтьевъ топаетъ ногой; Щуракъ скрывается.

IV.

Леонтьевъ и Анна Ивановна.

Леонтьевъ. И что ты меня матушка отъ дѣла отвлекаешь?!. Красавецъ тамъ и все... И зачѣмъ это батальонные командиры женятся? только отъ этого одно упущеніе по службѣ.

Анна Ивановна. Какое упущеніе?

Леонтьевъ. Какъ-же! тутъ каждая минута дорога, завтра чуть свѣтъ занятья должны начаться, а ты меня вонъ какими штатскими предметами отвлекаешь. *(Садится и пишетъ).*

Анна Ивановна. Я отвлекаю?.. да Христосъ съ тобой! я-бы себѣ этого въ жизнь не простила... и не такой ты человѣкъ, чтобъ жена могла тебя отвлекать отъ службы.

Леонтьевъ. Да, да, да... пой, пой, пой... слыхалъ я эти пѣсни.

Анна Ивановна *(укоризненно).* Ники! какая несправедливость! Какъ будто ты не знаешь, что твоя служба для меня святыня? А помнишь, что ты говорилъ, когда на инспекторскомъ смотру нашъ батальонъ заслужилъ первую атестацію?—что ты говорилъ?

Леонтьевъ *(пишетъ).* Съ полученіемъ сего немедленно отправиться въ городъ.

Анна Ивановна. Ты говорилъ, что я тебѣ очень помогла... что я тебѣ указала много маленькихъ упущеній...

Леонтьевъ. Ну да... тамъ... указала...

Анна Ивановна. Ай, ай, какъ нехорошо забывать услугу... я прекрасно помню все, что я тебѣ указала. Если хочешь, я тебѣ сейчасъ цѣлый списокъ составлю всего, что я замѣтила,—хочешь? *(Беретъ перо).*

Леонтьевъ. Не надо... не надо...

Анна Ивановна. Нѣтъ, ты долженъ помнить...

Леонтьевъ. Не надо...

Анна Ивановна *(пишетъ).* У лазаретной фуры двухъ скобъ недоставало—разъ... Во второй ротѣ у третьяго солдата съ праваго фланга ранецъ былъ разорванъ—два...

Леонтьевъ. Анна Ивановна... Анеточка.

Анна Ивановна. Сбруя у водовоза была... что?

Леонтьевъ *(съ отчаяніемъ).* Ты на моемъ предписаніи пишешь!

Анна Ивановна. Ахъ Боже мой, какая я разсѣянная!.. Прости... Но ты меня задѣлъ за живое. Ты долженъ видѣть, что относительно твоей службы...

Леонтьевъ. Все вижу... все вижу... что ты хочешь, то и буду видѣть; только оставь ты меня на пять минутъ въ покоѣ, чтобъ мнѣ бумагу написать.

Анна Ивановна. Пиши, сдѣлай милость... *(Про себя).* Господи Боже мой! хоть-бы кто нибудь пришелъ, помѣшалъ ему. *(Ему).* Ничѣмъ ты не можешь такъ меня обидѣть, какъ сказать, что я тебѣ въ чемъ нибудь мѣшаю.

Леонтьевъ. Я не слушаю, я ничего не слушаю.

Анна Ивановна *(про себя).* Ну погоди, ты у меня будешь слушать. *(Громко).* Вѣдь ты знаешь, какъ я дорожу твоими успѣхами, твоей доброй славой. Для меня былъ истинный праздникъ, когда ты въ прошломъ году на маневрахъ уличилъ дивизіоннаго генерала.

Леонтьевъ. Я не уличилъ, я только доказалъ ему...

Анна Ивановна. Нѣтъ, ты уличилъ, что онъ хотѣлъ разорвать свой фронтъ... и непріятель могъ-бы его разбить по частямъ... Не возражай пожалуйста, я все очень хорошо помню: я тебѣ сейчасъ разскажу всю диспозицію вашей арміи.

Леонтьевъ. Потомъ... погоди немножко.

Анна Ивановна. Вотъ какъ это было: Два полка пѣхоты при четырехъ батареяхъ и двухъ стрѣлковыхъ батальонахъ подвигались по Крутогорской дорогѣ паралельно рѣчкѣ Забираловкѣ.

Леонтьевъ. Кавалерію забыла.

Анна Ивановна. Pardon!—еще три эскадрона драгунъ. У Крапивнаго оврага рѣшено было расположиться въ оборонительную позицію... Такъ стоялъ первый батальонъ тридцать седьмого полка. *(Ставитъ стулъ).* Вторая батарея поставлена была здѣсь... Дай-ка мнѣ кресло.

Леонтьевъ *(встаетъ).* Матушка, какъ я не люблю, когда ты путаешь... первый батальонъ стоялъ здѣсь. *(Ставитъ кресло).* А такъ отъ него была кавалерія... батарея была тамъ... *(Перестанавливаетъ мебель).*

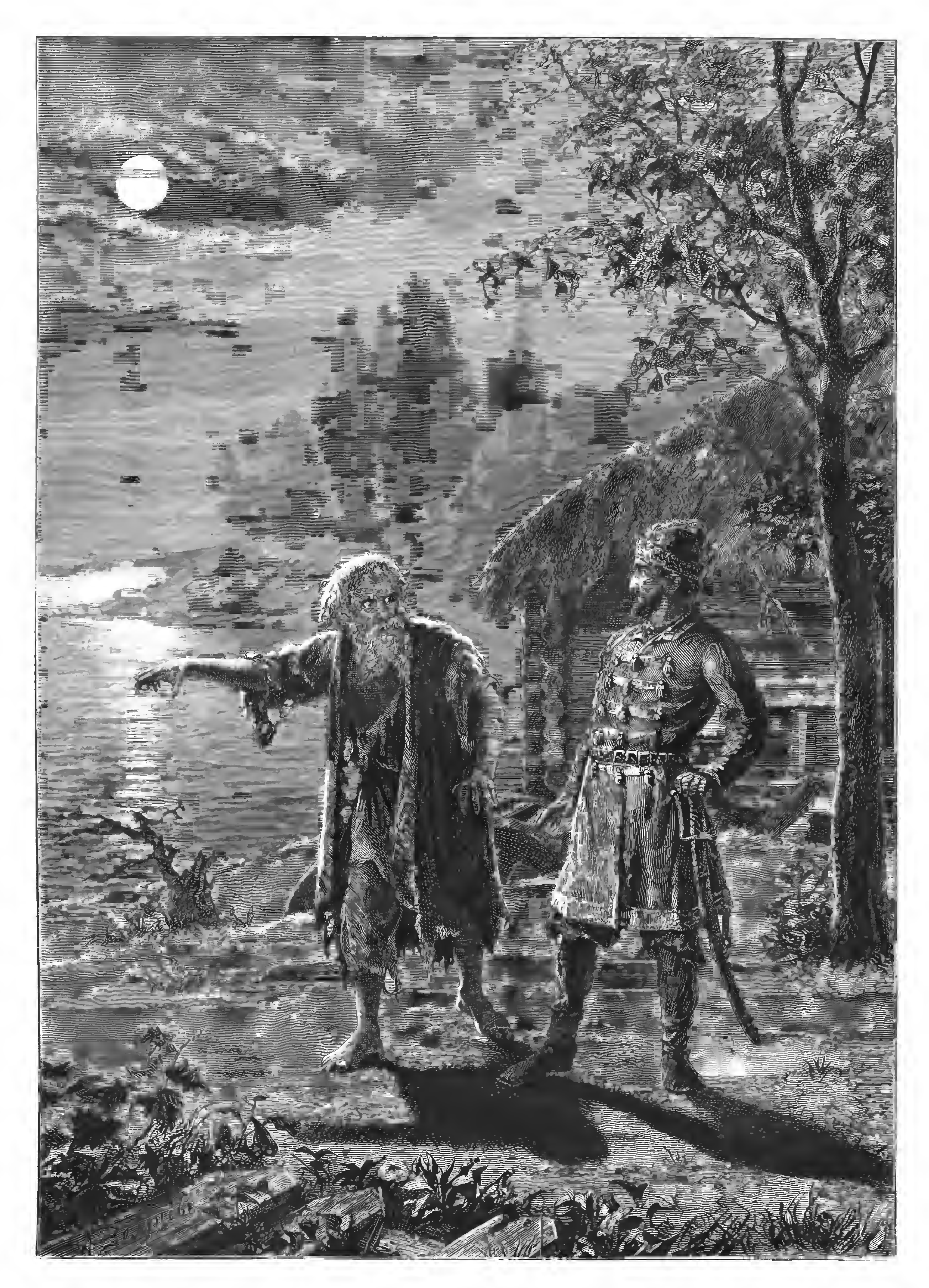
Анна Ивановна. Совершенно справедливо... Твой стрѣлковый батальонъ съ эскадрономъ конницы слѣдовалъ по теченію рѣчки Забираловки и ты остановился на холмѣ вблизи отъ мельницы. *(Переставляетъ столикъ отъ окна).* Вотъ это будетъ мельница.

Леонтьевъ. Ты графинъ опрокинешь.

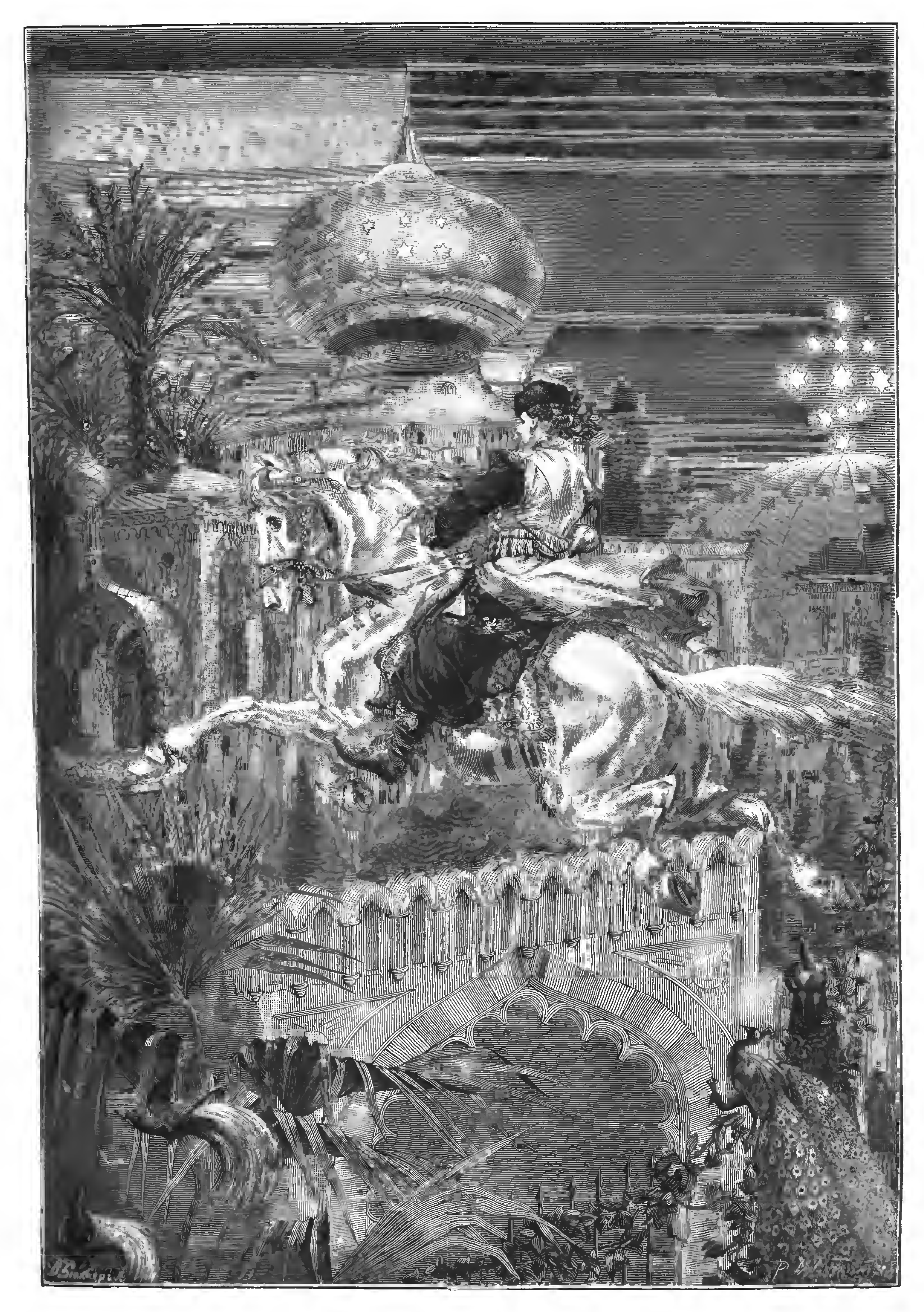
Анна Ивановна. Широкій оврагъ и рѣчка были отъ тебя влѣво, а за оврагомъ тамъ на небольшой возвышенности была расположена деревенька въ три двора... Развозиловка...

Леонтьевъ. Развозиловка дѣйствительно была тамъ.

Анна Ивановна. Вотъ видишь, я все пом-

Литературный альбомъ. „Русалка". Драматич. сцены А. С. Пушкина. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Барановск

Народныя сказки. „Конекъ-Горбунокъ“. Ориг. рис. Р. Штейна, грав. В. Бюхнеръ.

ню... Дивизіонный упрекалъ тебя за то, что ты не занялъ Развозиловку, такъ какъ передъ тѣмъ за три версты былъ мостъ и ты могъ переправиться на другую сторону рѣчки.

Леонтьевъ. Вѣрно.

Анна Ивановна. Но ты ему возразилъ, что по строгимъ правиламъ тактики нельзя допускать, чтобы войска, занявшія позицію для обороны, были разъединены какимъ нибудь неудобопроходимымъ препятствіемъ; и такъ какъ главныя силы находились со стороны мельницы, а не со стороны деревни, то и ты долженъ былъ остановиться у мельницы, а не у деревни.

Леонтьевъ. Вотъ это такъ.

Анна Ивановна. И все это ты подтвердилъ историческимъ фактомъ, сраженіемъ при Лейпцигѣ.

Леонтьевъ. Матушка, при Дрезденѣ!

Анна Ивановна. Да, да, pardon... при Дрезденѣ; но вѣдь это такъ близко Дрезденъ и Лейпцигъ, полтора часа ѣзды по желѣзной дороги. Да, да, ты разсказалъ, какъ въ Дрезденскомъ сраженіи девизія Мечко и бригада Макъ-Магона.

Леонтьевъ. Матушка, откуда ты Макъ-Магона взяла, его тогда еще на свѣтѣ не было?

Анна Ивановна. Что я говорю? что я говорю? какой Макъ-Магонъ?..

Леонтьевъ. Бригада Мумба.

Анна Ивановна. Мумба... да, да, да... Дивизія Мечко и бригада Мумба были отдѣлены отъ арміи австрійскаго главнокомандующаго, графа Шварценберга... оврагомъ... какъ его?—да, да, да, Плаунскимъ оврагомъ, по которому протекала рѣчка... рѣчка...

Леонтьевъ. Вессерицъ.

Анна Ивановна. Именно... Вессерицъ... Наполеонъ это замѣтилъ, атаковалъ девизію Мечко превосходными силами и заставилъ ее положить оружіе. Французамъ досталось безчисленное количество плѣнныхъ, орудій, всякаго добра.

Леонтьевъ. Десять тысячъ плѣнныхъ, 26 орудій и 30 зарядныхъ ящиковъ.

Анна Ивановна. И какъ графъ Шварценбергъ спасовалъ передъ Наполеономъ, такъ твой дивизіонный спасовалъ передъ тобой и великодушно признали, что ты былъ правъ, мой великій полководецъ!

Леонтьевъ. Поцѣлуй меня, радость дней моихъ... немножко подъучиться тебѣ и выдержишь экзаменъ на первый офицерскій чинъ.

Анна Ивановна (*про себя*). Неужели никто не придетъ меня выручить?! (*Громко*). На первый чинъ!—но моимъ знаніямъ ты бы смѣло могъ меня сдѣлать ротнымъ командиромъ.

Леонтьевъ. Ну, матушка, слишкомъ скоро шагаешь,—это надо еще заслужить.

Анна Ивановна. Тебѣ-то ужъ я-бы съумѣла заслужить... (*Цѣлуетъ его; потомъ отходя*). Что-бы еще придумать?.. Боже мой, что-бы придумать?.. (*Входитъ Звягина*). А! вотъ кстати! какая-то дама... (*Мужу тихо*). Къ тебѣ какая-то дама.

V.

Тѣ-же и Звягина.

Звягина. Извините, полковникъ.

Анна Ивановна. Войдите, ничего... мой мужъ теперь не занятъ.

Звягина. У васъ, кажется, уборка идетъ въ комнатѣ, я помѣшала.

Леонтьевъ. Нѣтъ, это ничего... такъ стулья ненарочно передвинули.

Леонтьевъ и Анна Ивановна устанавливаютъ стулья на прежнія мѣста.

Звягина. Ахъ, что вы безпокоитесь; позвольте я... (*Хочетъ имъ помочь*).

Анна Ивановна. Ничего, ничего, вотъ все и готово.

Леонтьевъ. Вамъ меня угодно?

Звягина. Васъ, полковникъ, и вашу супругу... Это ваша супруга?—позвольте познакомиться?.. извините, что до сихъ поръ я вамъ еще не представилась... я душой стремлюсь къ вамъ, но знаете, въ деревнѣ хозяйство, яровыя поля...

Анна Ивановна. Садитесь пожалуйста. (*Садятся*).

Леонтьевъ. Что же вамъ угодно-съ?

Звягина. Полковникъ, я наслышана, что вы для вашихъ подчиненныхъ не начальникъ, а отецъ... и потому я такъ рѣшительно прихожу прямо къ вамъ ходатаемъ за моего сына... О! madame... Vous avez un coeur de femme... вы меня поймете... онъ у меня одинъ...

Анна Ивановна. Про кого вы говорите?

Звягина. Про моего сына... онъ хоть и офицеръ, но онъ еще совершенное дитя. Полковникъ, вы не повѣрите какіе пустяки еще могутъ его занимать... я ему говорю: Constantin, ты будешь служить не у начальника, ты будешь служить у отца.

Леонтьевъ. Позвольте прежде всего: съ кѣмъ я имѣю удовольствіе?..

Звягина. Вдова капитана Звягина... мой сынъ подпоручикъ Звягинъ.

Анна Ивановна (*про себя*). Звягинъ!—она ему напомнитъ!..

Леонтьевъ. Батюшки! что-жъ это я съ вами бесѣдую! мнѣ какъ разъ надо послать за нимъ... извините, минутку...

Звягина. Полковникъ, погодите; я знаю въ чемъ дѣло, я знаю чего вы отъ него хотите... но ради Бога остановитесь... не будьте слишкомъ строги къ ребенку.

Леонтьевъ. Какая тутъ строгость? онъ благодарить долженъ за это.

Звягина. Вѣрю, полковникъ, я его такъ и воспитала... Когда я его въ дѣтствѣ въ уголъ ставила, онъ долженъ былъ потомъ благодарить меня за наказаніе и поцѣловать ручку.

Анна Ивановна (*про себя*). Зачѣмъ ее принесло?

Леонтьевъ. Я васъ не понимаю.

Звягина. Я вамъ все скажу... Я сейчасъ пріѣхала изъ деревни и прямо къ нему, въ баракъ; но его тамъ нѣтъ... спрашиваю, гдѣ онъ?—никто не знаетъ; хожу по всему лагерю; въ канцелярію... въ роту... въ мастерскую... даже маленькимъ непріятностямъ подверглась; но нигдѣ его не нашла... и тутъ только мнѣ его одинъ товарищъ сказалъ, что вы вчера нарядили его слѣдить за хлѣбопекомъ, а онъ ушелъ въ лѣсъ, и что хлѣбъ спекли нехорошій.

Леонтьевъ. Что?!

Звягина. Конечно онъ виноватъ, онъ не исполнилъ приказанья... забылъ... но онъ дитя, полковникъ... нельзя къ нему строго...

Анна Ивановна (*про себя*). Ахъ, какая дура! она сама его подводитъ.

Леонтьевъ (*съ негодованіемъ*). Хлѣбъ испортили? а мнѣ ничего не говорятъ?.. Постой-же...

Звягина (*про себя*). Неужели онъ не зналъ?

Леонтьевъ. Постой-же, я имъ задамъ... (*Зоветъ*). Щуракъ!

Звягина. Полковникъ, погодите дѣлать распоряженія; вы моего Constantin не найдете... мнѣ его товарищъ сказалъ, что вы ему сдѣлаете une „взбучка" и онъ навѣрно испугался и прячется... его надо беречь, полковникъ, онъ такой пугливый, онъ всего боится... онъ таракановъ боится, полковникъ, какъ же ему не бояться вашего гнѣва?!..

Леонтьевъ. Тарраканов!! какой же онъ офицеръ? зачѣмъ же вы его въ военную службу отдавали?

Звягина. Я не хотѣла, но это его страсть... что дѣлать? онъ у меня одинъ, я не могла не уступить... онъ такой деликатный... у него эстетическая натура: онъ рисуетъ, онъ на фортеньянахъ играетъ... онъ даже по канвѣ вышиваетъ, полковникъ.

Леонтьевъ. Такъ вы бы изъ него гувернантку сдѣлали, а не стрѣлка.

Звягина. Боже мой, полковникъ, я вижу вы сердитесь, вы все больше сердитесь... если ужъ нужна жертва, пусть этой жертвой буду я... накажите меня... какое хотите наказанье придумайте... я все снесу, но не троньте его... вы видите, какъ онъ испугался: его нигдѣ въ лагерѣ нѣтъ... онъ въ кусты прячется гдѣ нибудь...

Леонтьевъ. Въ кусты прячется!? а я то еще его отличить хотѣлъ... командировку ему...

Анна Ивановна (*тихо Звягиной*). Замолчите вы ради Бога, какъ же вы не понимаете, что вы ему вредите?

Звягина. О! madame!.. я на васъ именно и разсчитывала... vous avez un coeur de femme: будьте ему заступницей... я такъ хотѣла съ вами познакомиться... я вамъ варенья привезла изъ деревни...

Леонтьевъ. Не ожидалъ, не ожидалъ!

Анна Ивановна. Уйдите вы лучше... безъ васъ я все устрою... уйдите поскорѣй...

Звягина. Хорошо... хорошо... я вамъ его поручаю... (*Леонтьеву*). Полковникъ... вѣдь до сихъ поръ мой Constantin ни въ чемъ не провинился, всѣ имъ были довольны... всѣ были довольны: я всѣхъ, всѣхъ спрашивала и всѣ его хвалятъ... и ротный командиръ, и поручикъ Святскій, и даже фельдфебель такъ хорошо объ немъ отзывается...

Анна Ивановна. Уйдите.

Звягина. Да, да, да... я ухожу... я вамъ его поручаю. Вы какое варенье больше любите?.. Ну, ну, хорошо, виновата... мы еще увидимся... Полковникъ, я на васъ надѣюсь... (*Уходитъ*).

VI.

Тѣ-же, безъ Звягиной.

Анна Ивановна (*про себя*). Это ужасно, что за дура!.. (*Громко*). И зачѣмъ ты ихъ къ себѣ пускаешь?.. приходили бы въ канцелярію.

Леонтьевъ. Нѣтъ каковы!? безпардонная команда!—ничего мнѣ не сказали... и каптенармусъ то этотъ... ахъ онъ патронъ безъ пороха... погоди. (*Переходитъ къ окну*).

Анна Ивановна. Ники, развѣ нельзя безъ этого?

Леонтьевъ. Мнѣ теперь, матушка, не до выраженій... коли проступки субалтернъ-офицеровъ скрывать отъ меня станутъ, какой порядокъ будетъ въ батальонѣ?

Анна Ивановна. Ну ужъ не такое важное дѣло, чтобъ выходить изъ себя.

Леонтьевъ. Какъ не важное дѣло? какъ не важное?

Анна Ивановна. Что-жъ такое, что одинъ разъ хлѣбъ немножко похуже вышелъ.

Леонтьевъ. Ни единаго, ни полъ-единаго, ни четверть-единаго раза не должно этого быть!.. у меня батальонъ—что? образцовый батальонъ... у меня каждый кусокъ хлѣба долженъ быть—что?—пряникъ... пряникъ долженъ быть... Мальчишка дрянной! я на него надѣюсь, а онъ въ лѣсъ гулять...

Анна Ивановна. Я Звягина не оправдываю, но если правду говорить, маменька его совершенно права; онъ до сихъ поръ былъ примѣрнымъ офицеромъ и нельзя строго взыскивать съ него за маленькое упущеніе... да еще неизвѣстно, отчего оно случилось? Можетъ быть по хорошей причинѣ.

Леонтьевъ. Какъ? ты заступаешься за него?

Анна Ивановна. Конечно!.. я знаю, какой онъ рачительный и даже прямо прошу тебя не взыскивать съ него. Мнѣ будетъ очень непріятно, если ты его...

Леонтьевъ. Благодарю!.. одолжила, матушка... но только если тебѣ все равно какой хлѣбъ ѣдятъ люди въ моемъ батальонѣ, такъ мнѣ не все равно.

Анна Ивановна (*вспыливъ*). Не оттого, что мнѣ все равно... а оттого что...

Леонтьевъ. Нѣтъ, все равно... тебѣ все равно...

Анна Ивановна. А! ты меня рѣшительно хочешь обижать сегодня?

Леонтьевъ. Ты сама себя обижаешь.

Анна Ивановна. Мнѣ все равно?.. и повернулся языкъ у тебя сказать... это слишкомъ!.. не признавай моей помощи, Богъ съ тобой... но упрекать меня, что я равнодушна къ моему батальону, этого я ни тебѣ, никому не позволю.

Леонтьевъ. Зачѣмъ же ты...

Анна Ивановна. Я можетъ быть объ моемъ батальонѣ забочусь не меньше, чѣмъ ты... развѣ нѣтъ? скажи самъ... развѣ нѣтъ?.. Ты мнѣ невзначай наведешь пять, шесть офицеровъ къ обѣду, развѣ я жалуюсь когда нибудь на это?.. Вонъ бригадная генеральша Сыроѣжкина, одинъ разъ съ ней это случилось, такъ она въ супъ два чайника кипятку вылила, чтобы супу на всѣхъ хватило... Развѣ я это дѣлаю? у меня бульонъ всегда крѣпкій и для всѣхъ его довольно... У насъ за столомъ меньше двухъ офицеровъ никогда не бываетъ; развѣ я жалуюсь?.. а ты можешь говорить, что я не забочусь о батальонѣ?

Леонтьевъ. Я этого не говорю.

Анна Ивановна. Я знаю, что молодой офицеръ, онъ не богатъ: его надо пригрѣть, приласкать... Вонъ Сыроѣжкина-то все на чашку чаю своихъ офицеровъ зоветъ, а они послѣ ея чаю-то въ трактиръ идутъ ужинать... Развѣ я это допущу, чтобъ отъ меня мой офицеръ голодный ушелъ, въ трактиръ?.. Третьяго дня какой я вамъ форшмакъ подала? всю сковородку выскоблили.

Леонтьевъ. Форшмакъ былъ прекрасный, никто не споритъ.

Анна Ивановна (*со слезами*). А ты говоришь... я не забочусь о моемъ батальонѣ?. Я горжусь моимъ батальономъ.. и это обидно слышать... что еще ты... я горжусь.. и если ты... Оставь меня пожалуйста.. я не могу этого слышать, я не могу.. (*Уходитъ въ слезахъ, въ первую дверь слѣва*).

VII.

Леонтьевъ—одинъ.

Леонтьевъ (*ей вслѣдъ*). Мамочка, мамочка... командирша моя... полно. полно... я вѣдь совсѣмъ не то... Фу-ты! что это у меня за день выдался такой?.. Развалъ по всему фронту... Мамочка... нѣтъ... не надо потакать... это я знаю что такое: мальчишка этотъ услужливый, на всякія фигли-мигли способенъ, такъ они себѣ изъ него шаркуна въ гостиной сдѣлать хотятъ... Избалуютъ, изнѣжатъ... нѣтъ... не имѣю права дозволить... не имѣю права маменькиныхъ сынковъ разводить въ батальонѣ... (*Кличетъ*). Щуракъ!..

Щуракъ появляется.

VIII.

Леонтьевъ и Щуракъ.

Щуракъ. Чаго извольте, вашеское благородіе.

Леонтьевъ. Поди сейчасъ сыщи мнѣ подпоручика Звягина... Чтобъ сію минуту сюда явился.

Щуракъ. Никакъ нельзя, вашеское благородіе.

Леонтьевъ. Что, нельзя?

Щуракъ. Сыскать, вашеское благородіе... Хошь ты ищи его, хошь не ищи, все одно будетъ... Теперича подпоручику Звягину никакъ отыскаться невозможно.

Леонтьевъ. Что-жъ онъ, сквозь землю что ли провалился?

Щуракъ. Не провалился, вашеское благородіе, а только, теперича, нигдѣ ихъ нѣтъ... потому что они тамъ, гдѣ они сидятъ... и больше ихъ нигдѣ нѣтъ...,

Леонтьевъ. Ахъ ты орудіе стараго образца... Что ты городишь?.. Самъ ты съ послѣдняго ума спятилъ, или околдовалъ тебя кто?

Щуракъ. Никакъ нѣтъ, вашеское благородіе: она конечно тоже и ко мнѣ набивалась... только я, вашеское благородіе, ей сказалъ прямо: какъ служу я моему Государю и полковнику Левонтьеву... а на табакъ взялъ... На табакъ отчего не взять? Грѣха нѣтъ.

Леонтьевъ. Отъ кого взялъ?

Щуракъ. Отъ маменьки ихней... вотъ что сюда-то приходила.. Звягина подпоручика... Ты, говоритъ, мнѣ скажи, какъ ты про моего сына думаешь?.. А я говорю: мнѣ что думать?—много ихъ, офицеровъ, сюда ходятъ.

Леонтьевъ. Этого недоставало! къ деньщику подъѣхала.

Щуракъ. Подъѣхала, вашеское благородіе, истинно что подъѣхала... проситъ, говоритъ, пожалуйста пусти меня къ нему я въ окно увидала, что онъ тамъ пишетъ... Какъ-же не пустить, коли видѣла? этого вѣдь не скроешь... вонъ трубка, велика-ли, такъ и ее не спрячешь, все изъ-за обшлага хвостомъ торчитъ... а подпоручика, какъ его спрятать?

Леонтьевъ. Гдѣ-же онъ сидитъ?

Щуракъ. Не приказано сказывать.

Леонтьевъ. Кто не приказалъ?

Щуракъ. Командирша, вашеское благородіе.

Леонтьевъ. Такъ она ужъ его прятать стала?.. онъ вѣрно ей покаялся, а она взялась его выгораживать?.. то-то я вижу она сегодня, какъ вторая рота, все лѣвымъ плечомъ заваливаетъ... Что-же это такое?.. (*У двери*). Анна Ивановна! Анна Ивановна, пустите.

Щуракъ. Вашеское-благородіе, не извольте туда ходить,—нельзя... они всѣ трое тамъ...

Леонтьевъ. Кто всѣ трое?

Щуракъ. То бишь, вашеское-благородіе, маменька... Вашеское-благородіе, вы гнѣваться не извольте... это дѣло пустое...

Леонтьевъ. Анна Ивановна!!

Щуракъ. Оно точно, что имъ бы не надъ Махмуткой стараться, а службу служить... все-жъ-таки дѣло пустое... важнаго нѣтъ...

Леонтьевъ Да это цѣлый заговоръ!!. каптенармусъ ничего мнѣ о хлѣбѣ не говоритъ, жена прячетъ мальчишку и проситъ за него.. маменька... вареньемъ весь лагерь обсахариваетъ... даже этого глухаря прикармливать стала.

Щуракъ. Завтра утромъ, вашеское благородіе.

Леонтьевъ. Что такое?

Щуракъ. Завтра утромъ все доложатъ.

Леонтьевъ. Скройся ты съ глазъ моихъ... Анна Ивановна!.. я покорнѣйше прошу пустить меня! (*Дверь отворяется; онъ быстро входитъ въ будуаръ; почти въ то-же мгновенье выглядываетъ Звягина изъ второй двери и, увидавъ, что полковникъ ушелъ, входитъ; за ней Звягинъ съ портретомъ*).

IX.

Звягинъ, Звягина и Щуракъ.

Звягина. Скорѣй, скорѣй, Constantin... уходи... я стану у двери и не пущу его.

Звягинъ. Сейчасъ, сейчасъ иду... Гдѣ-же моя шапка? гдѣ моя шапка?

Звягина (*у двери*). Уходи-же! онъ кажется идетъ сюда.

Звягинъ. Гдѣ моя шапка?.. ахъ, Боже мой, я мою шапку оставилъ тамъ, въ будуарѣ.

Звягина. Уходи... я слышу споръ... кажется сюда идутъ...

Звягинъ. Какъ-же безъ шапки по улицѣ?..

Щуракъ. Да не угодно-ли, ваше благородіе, возьмите мою.

Звягина. Идутъ! идутъ!..

Звягинъ (*Щураку*). Спрячь картину!.. постой... держи такъ за спиной картину.

Голосъ Леонтьева (*за дверью*). Кто тамъ не пускаетъ?!

Звягина. Все пропало!!.

Отходитъ отъ двери, дверь отворяется: оттуда стремительно выходитъ Леонтьевъ, за нимъ Анна Ивановна.

X.

Тѣ-же, Леонтьевъ и Анна Ивановна.

Леонтьевъ. А!.. вотъ вы!.. вотъ вы наконецъ, князь невидимка, котораго никто сыскать не можетъ... Гдѣ это вы изволили быть?

Звягинъ. Я, полковникъ?.. я... вы приказали явиться...

Леонтьевъ. Гдѣ вы были?

Звягинъ. Я... въ пекарнѣ... полковникъ.

Леонтьевъ (*показываетъ шапку*). А это что?.. это изъ пекарни вы вашу шапку сюда въ будуаръ положили?

Звягина. Полковникъ, ради Бога,—казните меня... но ради Бога...

Анна Ивановна (*ей тихо*). Оставьте его, пускай онъ гнѣвъ сорветъ.

Леонтьевъ. Что вы за офицеръ? что вы за офицеръ?—я васъ спрашиваю!

Звягинъ. Стрѣлковаго батальона.

Леонтьевъ. Я васъ не по роду оружія спрашиваю, а по внутреннему содержанію души... пфа!!.

Звягинъ. Ну, будетъ головомойка!

Леонтьевъ. Пфа!.. Вы какъ думаете: для чего войско существуетъ? Чтобъ мундиръ носить,—а? Да чтобы передъ хорошенькими барышнями, фу-ты, ну-ты, пѣтухомъ разгуливать?!.

Звягинъ. Нѣтъ, полковникъ.

Леонтьевъ. Войско существуетъ, чтобы отечество защищать; ему офицеры нужны, а не маменькины сынки... пфа!.. На фортепьянахъ играетъ!.. небось какъ встрѣтите непріятеля носъ къ носу, забудете до, ре, ми, фа, соль... Таракановъ боится!—сидѣли-бы у своей маменьки на печи, да кормила-бы она васъ молочной кашей... съ сахаромъ... пфа!! (*Переходитъ къ окну*).

Звягинъ (*тихо матери*). Видите, мамаша, до чего вы меня довели...

Леонтьевъ. Чего вы прячетесь?.. ну, провинился, ну имѣй храбрость нести наказаніе... чего прячетесь?!. пфа! (*Переходитъ на лѣвую сторону сцены, гдѣ стоитъ Анна Ивановна*).

Анна Ивановна. Довольно... первый гнѣвъ сорвалъ, дай мнѣ говорить.

Леонтьевъ. И вамъ, Анна Ивановна, стыдно баловать юношу... да еще сговариваться съ его маменькой... пфа!

Звягина. Я ничего не знала, полковникъ.

Анна Ивановна. Что это такое? пфа!!. только и слышишь: пфа!.. дай-же другимъ говорить.

Леонтьевъ. Извольте-съ; говорите. (*Садится*)

Анна Ивановна Всю эту дизлокацію сдѣлала я.. Я отвела подпоручику временное помѣщеніе въ моемъ будуарѣ и нарочно мѣшала тебѣ писать... Все это была только большая демонстрація съ цѣлью отвлечь непріятеля.

Леонтьевъ. Это я непріятель?

Анна Ивановна. Да, и ты напрасно такъ стремительно сдѣлалъ усиленную рекогносцировку... Ахъ! я хотѣла подготовить тебѣ сюрпризъ къ завтрашнему дню твоего ангела. .

Леонтьевъ. Что?

Анна Ивановна. Не удалось... приходится подарокъ нашъ отдать сегодня...

Леонтьевъ. Подарокъ? такъ вы это вдвоемъ для меня что нибудь такое... (*Встаетъ*). Анна Ивановна!—только зачѣмъ-же сюрпризомъ?.. терпѣть я не могу этихъ сюрпризовъ... вѣдь ты меня въ какое положеніе ставишь? вѣдь этакъ пожалуй я окажусь виноватымъ.

Звягинъ. О, полковникъ, если вы только не сèрдитесь?..

Леонтьевъ. Дѣлать нечего, Богъ съ вами... (*Цѣлуетъ его*) А подъ арестъ я васъ все-таки посажу; чтобъ вы въ лѣсъ не ходили.

Анна Ивановна (*мужу*). А командировка въ городъ за инструментами?

Леонтьевъ. Батюшки! въ самомъ дѣлѣ опять забылъ... скорѣй надо... Впрочемъ... я еще не спросилъ, какой-же это вы сюрпризъ для меня?..

Звягина. Онъ написалъ вашъ портретъ, полковникъ, сходства поразительнаго!

Анна Ивановна. Въ геройскомъ видѣ и масляными красками, передъ атакой на Карсъ.

Леонтьевъ. Въ самомъ дѣлѣ? да это преинтересно.. покажите.

Звягинъ (*Щураку*). Дай сюда... (*Беретъ портретъ и подаетъ*). Вотъ...

Леонтьевъ (*смотритъ*). Какой-же это портретъ? это мазня какая-то...

Анна Ивановна. Какъ такъ?.. да это онъ... краски были только что наложены... поди, поди сюда... (*Поворачиваетъ Щурака спиной; у него на спинѣ отпечатокъ картины*), это онъ спиной смазалъ!

Звягина (*съ отчаяніемъ*). Le chef d'oeuvre de Constantin!

Анна Ивановна. А какъ былъ похожъ! какъ удаченъ.

Леонтьевъ (*Щураку*). То есть. что только ему въ руки попадетъ, все испортитъ... Скажи ты на милость: когда меня Богъ съ тобой развяжетъ?!.

Щуракъ. Никакъ нѣтъ, вашеское благородіе!

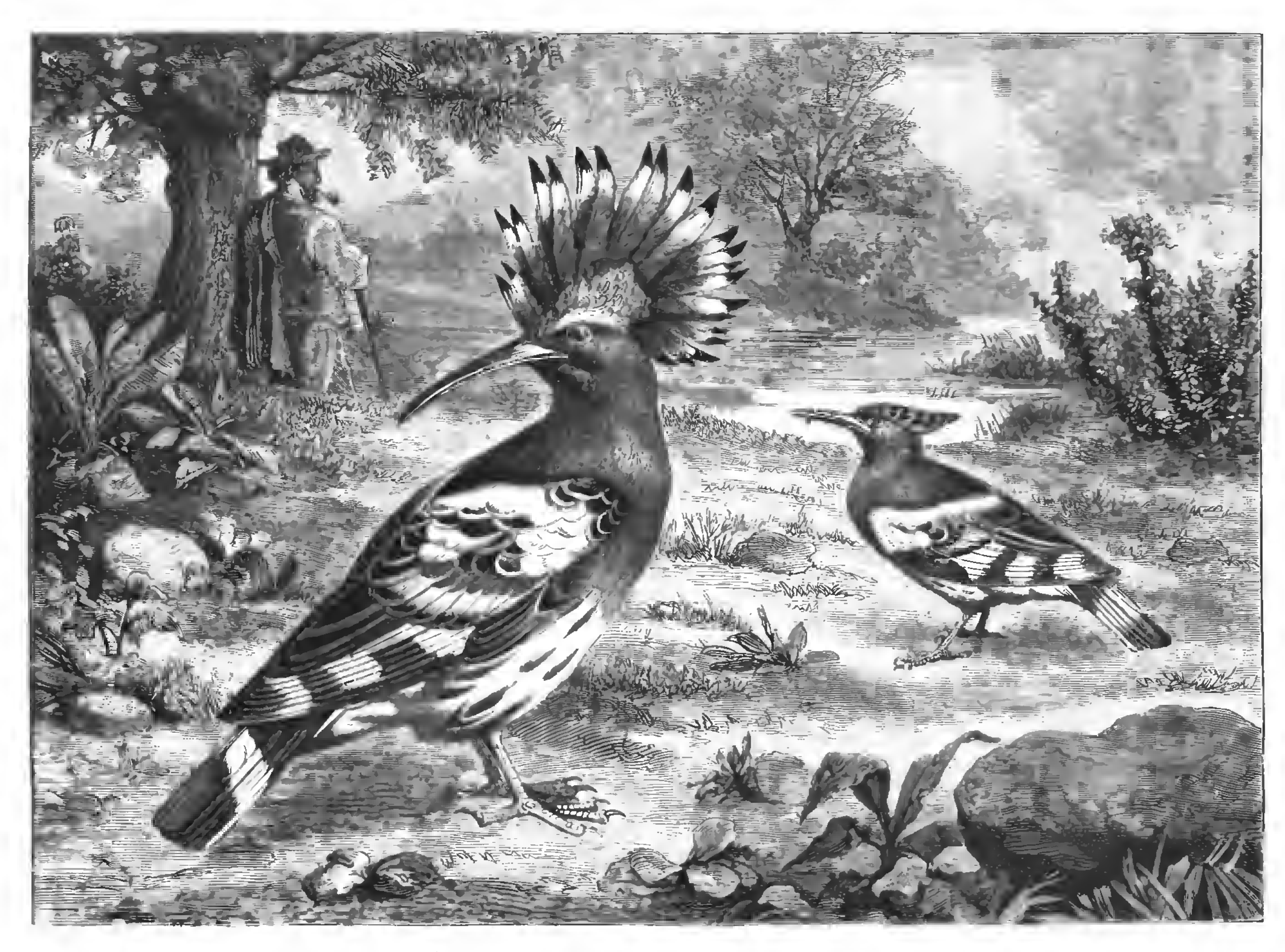
Къ рисункамъ.

У колодца. (Рис. на стр. 200).

Каждый уголокъ прекрасной Венеціи талантливый итальянскій художникъ Пассини знаетъ въ совершенствѣ и прекрасно умѣетъ передавать типы ея населенія. Выбираетъ-ли онъ пункты на оживленныхъ площадяхъ или въ тихихъ уголкахъ, картины его всегда правдивы и отличаются прекрасною техникою и колоритомъ. Этими достоинствами отличается также его картина: „У колодца", копія которой здѣсь помѣщается. Необыкновенно живо схвачены черты лица черпающей воду дѣвушки. Сцена происходитъ на венеціанской улицѣ; здѣсь воркуютъ два голубя, эти крылатые обитатели города св. Марка—Венеціи, въ такомъ количествѣ его наполняющіе.

„Русалка". А. С. Пушкина. (Рис. на стр. 208).

Одно изъ лучшихъ поэтическихъ произведеній нашего великаго поэта, память котораго такъ торжественно и повсемѣстно

Удодъ (Upupa epops). Рис. А. Земцова, грав. М. Рашевскій.

была почтена во всей Россіи въ день его смерти—это недоконченныя драматическія сцены „Русалка". Эти превосходныя сцены настолько извѣстны всѣмъ, и въ подлинномъ изложеніи, и по прекрасной оперѣ Даргомыжскаго, въ значительной степени воспользовавшагося текстомъ Пушкина, что пересказывать содержаніе ихъ было бы излишнимъ. Нашъ рисунокъ изображаетъ сильную, полную драматизма сцену, когда въ лунную полночь старикъ-мельникъ, уже безумный, встрѣчаетъ князя около своей разоренной мельницы. „Здорово, здорово зять!" говоритъ онъ.—Кто ты?—„Я здѣшній воронъ. Я продалъ мельницу бѣсамъ запечнымъ, а денежки отдалъ на сохраненье Русалкѣ. вѣщей дочери моей. Онѣ въ песку Днѣпра-рѣки зарыты, ихъ рыбка-одноглазка сторожитъ". Дикія, безумныя рѣчи поражаютъ князя, онъ отшатывается въ горѣ и испугѣ.

Пажъ. (Рис. на стр. 201).

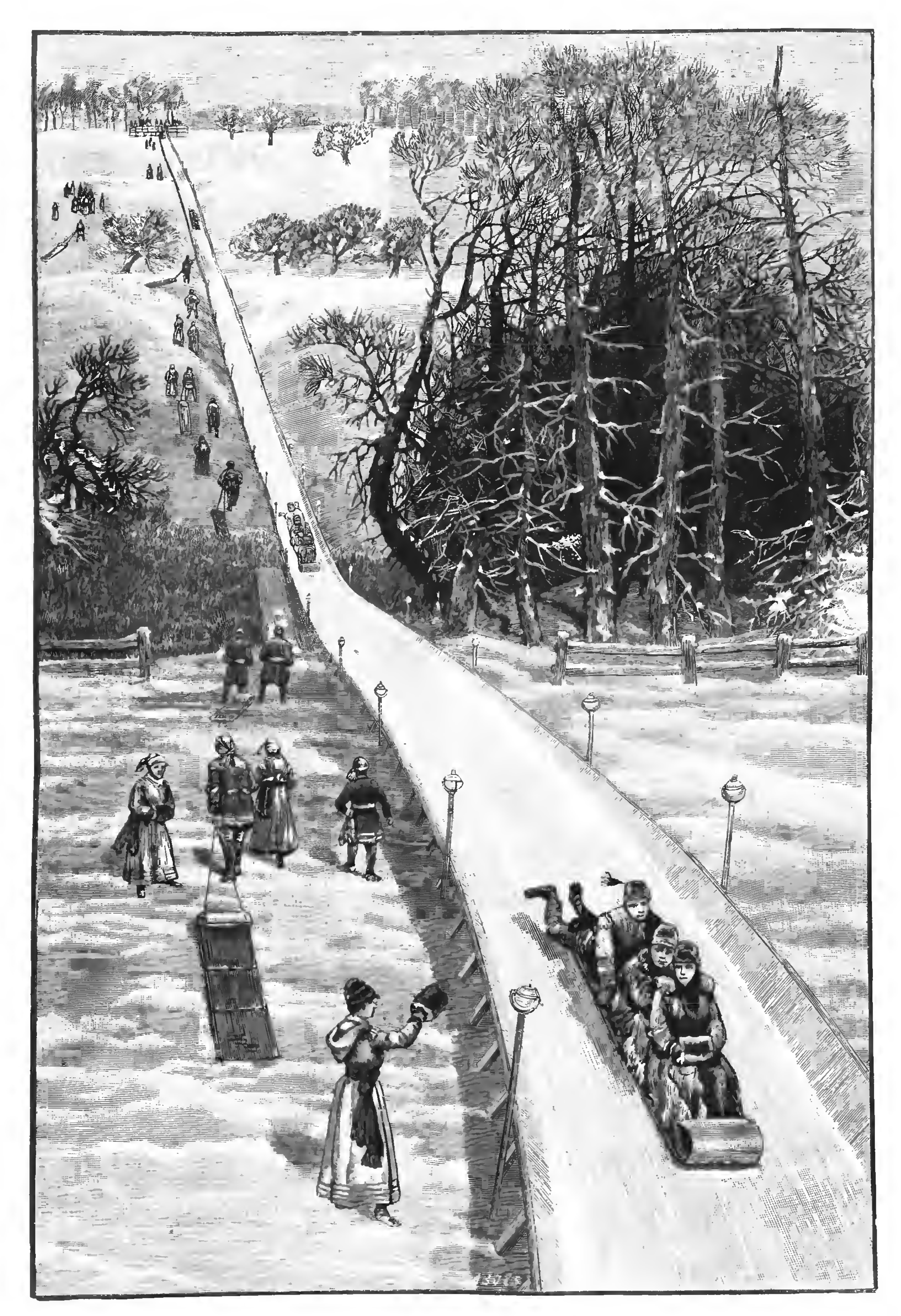
Эта картина молодого художника Румлера, профессора Вѣнской Академіи Художествъ. Юный пажъ погруженъ въ созерцаніе цвѣтка. Даръ ли это возлюбленной его сердца, или цвѣтокъ отданъ ему для передачи другому лицу, или онъ самъ взялъ его какъ воспоминаніе о тайно обожаемой имъ дамѣ? Пажъ еще очень юнъ, но сердце его быть можетъ уже затронуто красотою какой нибудь фрейлины замка.

Румынская цыганка. (Рис. на стр. 205).

Она увидѣла міръ подъ соломенной кровлей хижины въ Венгріи; это дитя румынскихъ цыганъ. Отецъ точилъ топоры, мать гадала и воровала куръ. Мариска росла въ степи, ее обвѣвали вѣтеръ и непогода. Познанія ея въ двѣнадцать лѣтъ ограничивались знаніемъ своего имени. Однако мужчины стали уже заглядываться на Мариску, и это очень хорошо подмѣчала красавица-дѣвушка съ огненнымъ взглядомъ. Она стала причесываться, мыться, чинить свое платье и граціозно кутаться въ овчину, служившую ей постелью. На дѣвушку обращали вниманіе не одни пастухи, но и господа, и графы. Мариска поняла, какъ она нравится всѣмъ, но сердце ея не заговорило, она попрежнему безпечно бродитъ по полю, избѣгая работы и питаясь подаяніемъ. Добродушныя женщины въ степныхъ хатахъ давали ей хлѣбъ и вино. Но вдругъ участіе и расположеніе къ ней прекратилось, когда у Мариски появилась шелковая лента въ косѣ и въ маленькихъ ушахъ большія серьги. Всѣ знали теперь, что Мариска замѣчена и что она становится для другихъ женщинъ опасной. Стали ненавидѣть и бояться дѣвочки, ставшей красавицею. Но Мариска не понимаетъ вполнѣ этой перемѣны; у нея любящее, отзывчивое сердце. Ласка почтенныхъ женщинъ была лучемъ солнца въ ея, полной лишеній, жизни. Мужчины, дѣлающіе ей подарки, не могли замѣнить для нея это полуматеринское участіе, и опечаленная, боясь и отчасти догадываясь о причинѣ этой перемѣны, стоитъ она, погруженная въ думы.

Конекъ-Горбунокъ. (Рис. на стр. 209).

Народная сказка „Конекъ-Горбунокъ" или „Жаръ-Птица" принадлежитъ къ наиболѣе пестрымъ и красивымъ произведеніямъ народной фантазіи. Она распространена чрезвычайно. Кто съ самыхъ юныхъ лѣтъ не знакомъ уже съ нею. Приключеніе Ивана Царевича, его бойкаго Конька-Горбунка, заставляли часто биться дѣтскія сердца малютокъ. Сказку эту передѣлалъ весьма талантливо Ершовъ и его передѣлка также чрезвычайно популярна. Въ основѣ сказки лежитъ нравственная идея. Простодушное терпѣніе получаетъ награду, а необузданныя желанія губятъ человѣка. Нашъ рисунокъ изображаетъ Иванушку

Зимнія удовольствія въ Сѣв. Америкѣ. Рис. Давидъ, грав. Пейне

летящимъ на бѣломъ конѣ надъ городомъ. Иванушка отправился на Конькѣ-Горбункѣ отыскивать перстень царевны. Между прочимъ Иванъ и съ землей простился

И на небѣ очутился.

Вдали они съ конькомъ увидали Теремъ Царь-дѣвицы.

Подъѣзжаютъ; у воротъ
Изъ столбовъ хрустальныхъ сводъ,
Всѣ столбы тѣ завитые,
Хитро въ змѣйки золотыя...
А вѣдь теремъ съ теремами
Будто городъ съ деревнями,
А на теремѣ изъ звѣздъ—
Православный русскій крестъ.

Сказка эта написана талантливымъ П. П. Ершовымъ въ дни молодости. Онъ родился въ 1815 году въ Сибири, въ Ишимскомъ округѣ, Тобольской губерніи. 16 лѣтъ онъ уже былъ въ Петербургскомъ университетѣ и, будучи студентомъ, написалъ „Конька-Горбунка“.

Удодъ. (Рис. на стр. 212).

Удодъ принадлежитъ съ семьѣ воробьиныхъ; отличается продолговатымъ тѣломъ, длиннымъ, слегка загнутымъ клювомъ, короткими сильными ногами и хохолкомъ на головѣ. Опереніе сверху цвѣта глины, средина спины, плечи и крылья черныя съ поперечными желто-бѣлыми полосками, хохолокъ темнаго ржаво-глинянаго цвѣта. У самокъ перья бываютъ болѣе грязнаго цвѣта, у птенцовъ хохолокъ короче. Удодъ водится въ средней и южной Европѣ, въ Сибири и Китаѣ, западной Азіи и сѣверной Африкѣ, рѣдко встрѣчается въ Англіи, но иногда заходитъ на сѣверъ Скандинавскаго полуострова до Шпицбергена. Водящійся въ Европѣ удодъ на зиму улетаетъ въ теплыя страны; живущій же въ Африкѣ проводитъ тамъ круглый годъ. Европейскій удодъ предпочитаетъ долины заросшія деревьями. Мѣстности, гдѣ поля и луга чередуются съ лѣсами, особенно любимы удодами. Въ южной Европѣ они живутъ преимущественно около виноградниковъ, въ Африкѣ же встрѣчаются въ каждой деревнѣ и даже въ городахъ. Удодъ отличается своеобразнымъ характеромъ. Въ средней Европѣ онъ пугливъ и остороженъ, избѣгаетъ людей и довѣряетъ только пастухамъ, стада которыхъ доставляютъ ему пищу; на югѣ же онъ вовсе не боится людей, хотя отличительною чертою характера этой птицы слѣдуетъ признать страхъ. Онъ вполнѣ спокоенъ, видя человѣка или домашнее животное, хотя собаки и кошки заставляютъ его быть уже на-сторожѣ; вороны и другія хищныя птицы возбуждаютъ въ немъ ужасъ. Завидя ихъ, онъ устремляется на землю, распускаетъ хвостъ и крылья, отгибаетъ голову назадъ, вытягиваетъ клювъ и въ такомъ положеніи остается до минованія опасности. Обыкновенно онъ носитъ хохолокъ сложеннымъ и расправляетъ его сидя только на деревѣ и помахиваетъ въ минуты озлобленія. Опускаясь на мѣсто, онъ также расправляетъ хохолокъ. Отдѣльныя семьи удодовъ, живущія рядомъ, хотя и не дерутся, но постоянно гоняютъ другъ друга. Съ другими породами птицъ удодъ не вступаетъ въ дружбу. Но за то его легко приручить. Если съ нимъ ласково обращаются, онъ выказываетъ необыкновенную привязанность къ своему хозяину, беретъ кормъ изъ рукъ, слѣдуетъ повсюду какъ собака и даже привыкаетъ къ различнымъ шуткамъ, не нравящимся ему вначалѣ. При хорошемъ уходѣ онъ размножается въ клѣткѣ. Разнаго рода жуки, и особенно навозные, составляютъ его любимую пищу. Клювъ хорошо приспособленъ для схватыванія пищи, но чтобы проглотить ее, необходимо подбросить кверху и затѣмъ поймать. Птенцовъ необходимо кормить вталкивая имъ пищу, такъ какъ они бываютъ не въ состояніи проглотить схваченное клювомъ, чему научаются только со временемъ. Въ Европѣ удодъ выбираетъ для гнѣзда дупла деревьевъ, но пользуется также отверстіями въ стѣнахъ и щелями въ скалахъ. Въ Египтѣ онъ исключительно строитъ гнѣзда въ стѣнахъ и въ подходящихъ отверстіяхъ обитаемыхъ домовъ. Самка высиживаетъ отъ четырехъ до семи дѣтенышей, за которыми оба родителя ухаживаютъ съ любовью и кормятъ жуками и личинками. Мясо удодовъ жирно и вкусно.

Зимнія развлеченія въ Сѣверной Америкѣ.

(Рис. на стр. 213).

Къ числу любимыхъ зимнихъ развлеченій американцевъ принадлежитъ катанье съ горъ, напоминающихъ наши горы, но отличающихся отъ послѣднихъ своими грандіозными размѣрами. Въ то время какъ у насъ довольствуются горами самой умѣренной вышины, въ Америкѣ ихъ дѣлаютъ необыкновенно длинными и высокими. Такъ въ Нью-Джерсеѣ, южнѣе штата Нью-Іоркъ, тянется цѣпь холмовъ, которая одѣвается снѣгомъ въ теченіе 4—5 зимнихъ мѣсяцевъ. Тутъ, на такъ называемой Апельсинной горѣ, Эссекскій клубъ устроилъ свою гору для катанья, на которой, благодаря поставленнымъ по длинѣ ея фонарямъ, до поздняго вечера царствуетъ оживленіе. Катаются преимущественно взрослые, садясь по 3—4 человѣка на сани и спускаясь съ быстротою молніи внизъ, причемъ личики нѣжныхъ миссъ краснѣютъ отъ вѣтра и удовольствія. Наверху, на площадкѣ находится лицо, слѣдящее по часамъ за спускомъ саней, съ цѣлью предупредить столкновеніе. Ловкій ѣздокъ можетъ, однако, всегда пріѣхать ранѣе на 1—2 пятыхъ секунды. Только въ виду возможности проѣхать пространство немного ранѣе чѣмъ другіе, благодаря собственнымъ усиліямъ, удовольствіе это можетъ быть причислено къ числу спорта. Спустившись внизъ, приходится съ санями подниматься наверхъ, и усиленное это движеніе на чистомъ воздухѣ благотворно дѣйствуетъ на здоровье. Нѣтъ также сомнѣнія, что для любителей сильныхъ ощущеній быстрая ѣзда внизъ представляетъ много прелести.

Туркмены-Юмуды. (Рис. на стр. 216).

Туркменская степь тянется между Персіей и Афганскими владѣніями и по берегу Каспійскаго моря. Отсюда русскія владѣнія врѣзываются въ Туркменію Красноводской Областью (приставствомъ). Все населеніе Туркменіи считается до 1 милліона. Главныя племена—Юмуды, Текинцы, Сарыки. Кочевья Юмудовъ находятся къ сѣверу отъ р. Атрека, кочевья Теке занимаютъ часть восточной Туркменіи. На нашемъ рисункѣ, исполненномъ художникомъ, который самъ родомъ изъ Туркменъ-Юмудовъ, изображены типы и виды этой степной страны. Вверху рисунка типъ Туркменъ-Юмуда. Костюмъ его состоитъ изъ шапки бараньей, черной, изъ нѣсколькихъ халатовъ, надѣтыхъ одинъ на другой; нижній халатъ опоясанъ большимъ и широкомъ шелковымъ поясомъ, аршина въ 3—4 длиною. Многіе туркмены носятъ, кромѣ халата, поверхъ рубахи, бешметъ, похожій на черкесскій. Широкія шаровары, шерстяные чулки и башмаки съ острыми носками.

Рядомъ съ нимъ видъ пустыни, въ которой онъ обитаетъ. Этотъ пустынный характеръ степи, гдѣ можетъ жить и питаться только привычный верблюдъ, перемежается только изрѣдка, между Асхабадомъ и Мервомъ, болѣе оживленнымъ.

Затѣмъ влѣво изображенъ молодой Текинецъ—они небрежнѣе Юмудовъ въ одеждѣ и образѣ жизни. Справа, посрединѣ рисунка—туркменскія женщины въ своей кибиткѣ, въ обыкновенномъ будничномъ костюмѣ: шелковая рубаха и шаровары, накидка съ разрѣзными рукавами и платки на головѣ. Костюмъ этотъ неизмѣненъ во всей Туркменіи, гдѣ женщина не закрываетъ лица отъ мужчинъ. Интересенъ головной уборъ туркменской богатой дѣвушки, изъ шелковыхъ матерій, родъ высокаго кокошника, украшеннаго монетами, подвѣсками и цѣпочками, на груди большая серебряная бляха съ ожерельемъ. Уборъ этотъ крайне оригиналенъ и тяжелъ. Внизу, въ углу—степные воины—конный туркменъ въ бешметѣ, безъ верхняго халата, и пѣшій въ халатѣ, со своимъ оригинальнаго вида ружьемъ въ рукѣ, съ двойнымъ изогнутымъ штыкомъ—родъ какой-то рогатины.

Выпуклости солнца. (Рис. на стр. 217).

Въ виду зависимости нашей земли отъ великой центральной планеты, вокругъ которой она движется, не удивительно, что какія нибудь необычныя явленія на солнцѣ тотчасъ отражаются на жизни нашей земли. Такъ, продолжительная, необычайная теплота въ августѣ и сентябрѣ прошлаго года считалась слѣдствіемъ, происходившихъ въ августѣ, выпуклостей на солнцѣ, достигшихъ громадной вышины. Любопытно поближе ознакомиться съ этими образованіями на солнцѣ.

По новѣйшимъ изслѣдованіямъ о составѣ солнца, собственно надъ ядромъ послѣдняго находится слой раскаленныхъ облаковъ, фотосфера, представляющая, повидимому, верхнюю оболочку солнца и служащая главнымъ источникомъ его свѣта и теплоты. Надъ этимъ слоемъ раскаленныхъ облаковъ есть, однако, газообразная оболочка неправильной и измѣняющейся формы: атмосфера. Оболочка эта состоитъ изъ пламени, лучей и газовъ и распадается на двѣ части, изъ которыхъ, наружная образуетъ корону, сіяніе; внутренняя часть, въ видѣ тонкаго, розовато-краснаго слоя лежитъ надъ фотосферою и производитъ такое впечатлѣніе, точно изъ многочисленныхъ отверстій поверхности вырываются лучи раскаленныхъ газовъ, которые, какъ пламенемъ, окружаютъ весь шаръ солнца. Мѣстами массы этого газа поднимаются до громадной вышины и глубоко вдаются въ сіяніе, гдѣ носятся какъ облака, или же подхватываются другими теченіями. Эти вырвавшіяся наружу массы и называются выпуклостями солнца. Названіе это дано такимъ образованіямъ солнца въ 1842 г.; но происхожденіе ихъ не было еще извѣстно и не могли еще опредѣлить, составляютъ ли онѣ принадлежность солнца, луны или земной атмосферы, или же не что иное какъ оптическій обманъ.

Наблюдая при полномъ солнечномъ затмѣніи постепенно уменьшающійся серпъ солнца, не видно ничего особеннаго почти до момента его совершеннаго исчезновенія. Съ исчезновеніемъ же послѣдняго луча солнечнаго свѣта появляется темный дискъ луны, окруженный вѣнцомъ лучей, на подобіе сіянія у головы святыхъ на древнихъ образахъ, и въ этой коронѣ выдаются языки и облака розоваго пламени различной формы, изъ-за края чернаго диска въ разныхъ его пунктахъ (фиг. I, a до g).

Первыя вѣрныя свѣдѣнія о наблюденіяхъ надъ выпуклостями солнца относятся къ 1733 году, когда во время полнаго солнечнаго затмѣнія увидѣли три или четыре маленькія розоватыя облачка, казавшіяся совершенно отдѣленными отъ края

луны и, по мнѣнію наблюдателя, носившіяся въ лунной атмосферѣ. Съ этого времени, повидимому, мало обращали вниманія на выпуклости солнца, такъ какъ до 1842 г. имѣется очень немного свѣдѣній о наблюденіяхъ надъ этими образованіями. Прежнія наблюденія до того были забыты, что явившіяся во время полнаго солнечнаго затмѣнія въ 1842 г. выпуклости привлекли на себя особое вниманіе наблюдателей. При затмѣніи 1860 г. въ первый разъ съ полнымъ успѣхомъ была примѣнена фотографія. При этомъ Секки и Варренъ де-ля-Рю вывели заключеніе, что выпуклости дѣйствительно принадлежность солнца; фотографическіе снимки показывали ясно, что по мѣрѣ движенія луны, выпуклости постепенно закрывались на одной сторонѣ солнца, и все болѣе появлялись на другой. Въ виду малаго развитія въ то время свѣдѣній о спектральномъ анализѣ, никто и не подумалъ примѣнить его къ коронѣ и къ выпуклостямъ солнца; такимъ образомъ прошло не мало времени, пока могли объяснить себѣ происхожденіе этихъ явленій и только въ 1868 г. устройство спектроскопа дошло до такого совершенства, что имъ можно было воспользоваться съ успѣхомъ. Первый сдѣлалъ это французскій физикъ Жансенъ, наблюдавшій полное солнечное затмѣніе 1868 г. въ Индіи. Направивъ инструментъ на выпуклость солнца, далеко выдававшуюся изъ-за края луны, онъ тотчасъ узналъ, что спектръ ея состоитъ изъ свѣтлыхъ линій раскаленнаго водороднаго газа. При этомъ ему пришло на мысль, что линіи эти настолько ярки, что могутъ быть видимы и послѣ затмѣнія, и дѣйствительно, благодаря довольно сильному спектроскопу и при достаточно свѣтломъ небѣ, ему удавалось правильно наблюдать линіи выпуклостей солнца. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Цельнеръ и Гуггинсъ, путемъ спектроскопическихъ наблюденій, опредѣлили не только линіи выпуклостей, но и ихъ контуры и наружный видъ.

Англичанинъ Лойкеръ, особенно занимавшійся спектроскопіею, пришелъ, въ теченіе своихъ наблюденій, къ заключенію, что выпуклости солнца, разнообразныя формы которыхъ показаны на фиг. II, выходятъ изъ сравнительно тонкой, окружающей поверхность солнца, оболочки и составляютъ только особенно выдающіяся ея части. Онъ говоритъ, что солнце окружено атмосферою, состоящею главнымъ образомъ изъ водорода, части котораго время отъ времени вырываются въ видѣ огненныхъ облаковъ и языковъ. Свѣтящуюся атмосферу эту Лойкеръ назвалъ хромосферою; она видна только въ спектроскопъ или при полномъ солнечномъ затмѣніи. При такихъ затмѣніяхъ хромосферу эту видѣли и прежніе наблюдатели, но не могли однако объяснить ея происхожденія.

Въ большинствѣ случаевъ выпуклости раздѣляются на два класса: на облакоподобныя (фиг. III) и извергаемыя (фиг. IV). Первыя имѣютъ подобіе розоватыхъ облаковъ, которыя кажутся какъ бы плавающими въ атмосферѣ. Части, вырывающіяся изъ хромосферы, состоятъ изъ паровъ водорода и магнезіи, которые выбрасываются изъ солнца или изъ нижайшихъ слоевъ хромосферы съ ужасающею скоростью до 250 километровъ (1 килом.=почти верстѣ) въ секунду. Изверженія эти длятся по нѣскольку даже дней; пары распространяются на тысячи миль кругомъ, затѣмъ постепенно успокоиваются и вновь погружаются на дно хромосферы.

Разсматривая солнце въ обыкновенный телескопъ, видна только его свѣтящаяся поверхность. Сіяніе же и хромосфера вмѣстѣ съ выпуклостями замѣтна въ эти аппараты только при полномъ солнечномъ затмѣніи. При наблюденіи выпуклостей солнца, телескопъ долженъ быть снабженъ спектроскопомъ и приведенъ въ такое положеніе, чтобы часть наблюдаемаго края солнца пришлась бы противъ отверстія спектроскопа. Если на этомъ мѣстѣ солнечнаго края имѣется выпуклость, то глазамъ наблюдателя она представится въ такомъ видѣ, какъ показана на фиг. V. Красная часть спектра тянется въ формѣ ярко-пунцовой ленты поперекъ поля зрѣнія и сама въ свою очередь прорѣзана болѣе темною полосою. Въ этой темной полосѣ выпуклости кажутся ярко-красными облаками, которыя по виду можно сравнить съ облаками земной атмосферы. Лучше всего ихъ можно сравнить съ вечернимъ багровымъ небомъ, видимымъ въ полуоткрытую дверь, съ тою только разницею, что въ выпуклостяхъ нѣтъ цвѣтовыхъ контрастовъ нашего вечерняго неба и всѣ онѣ кажутся ярко-багровыми. На краю щели спектроскопа видна хромосфера, состоящая изъ небольшихъ языковидныхъ или нитевидныхъ образованій и блестящая ярче, нежели поднимающіяся изъ нея облака.

Выпуклости эти появляются не въ опредѣленныхъ частяхъ солнца, но въ нихъ замѣчается нѣкоторая связь съ пятнами; въ болѣе тѣсной связи онѣ находятся съ такъ называемыми „факелами". Эти „факелы", которые удавалось прослѣдить до края солнца, бывали окружены также выпуклостями, что бываетъ по всей вѣроятности всегда.

Вышина выпуклости громадна. Большинство ихъ достигаетъ 30 и 40 тысячъ километровъ; нѣкоторыя же 150—250 и 400 тысячъ километровъ. Жителю земли не составить себѣ даже приблизительнаго понятія объ этихъ явленіяхъ. Самыя сильныя изверженія нашихъ огнедышащихъ горъ не болѣе какъ точки, въ сравненіи съ самою малою изъ выпуклостей солнца, вышина которой почти въ десять разъ превосходитъ поперечникъ земли.

Самыя тщательныя изслѣдованія не могли пока опредѣлить дѣйствіе выпуклостей солнца на температуру нашей планеты, и предположеніе о причинѣ теплоты въ августѣ и въ сентябрѣ до тѣхъ поръ не будетъ подтверждено, пока многолѣтній рядъ наблюденій не докажетъ возможность подобнаго дѣйствія.

Приготовленіе омаровъ въ Бостонѣ.

(Рис. на стр. 220).

Омары въ банкахъ, какъ и мясные американскіе консервы, находятъ у насъ большой сбытъ. Въ Сѣверной Америкѣ омары ловятся въ громадномъ количествѣ и составляютъ предметъ вывозной торговли. На рисункѣ показана варка омаровъ немедленно по прибытіи ихъ въ бостонскую верфь. Бочки съ живыми омарами вскрываются и перекладываются въ большіе рѣшетчатые ящики, которые на нѣсколько минутъ погружаются въ кипятокъ. Такимъ образомъ въ теченіе одного часа можетъ быть сварено нѣсколько тысячъ омаровъ. Затѣмъ срываютъ клешни и хвостъ, вынимаютъ нѣжное мясо и складываютъ его въ жестянки, хорошо намъ извѣстныя. Жестянки запаиваются также въ кипяткѣ, причемъ омары подвергаются вторичной варкѣ и изъ жестянокъ удаляется атмосферный воздухъ. Приготовленные такимъ образомъ раки могутъ продержаться отъ двухъ до трехъ лѣтъ, хотя они бываютъ нѣжнѣе всего свѣжими. Милліоны американскихъ омаровъ прибываютъ на европейскіе рынки.

Политическое обозрѣніе.

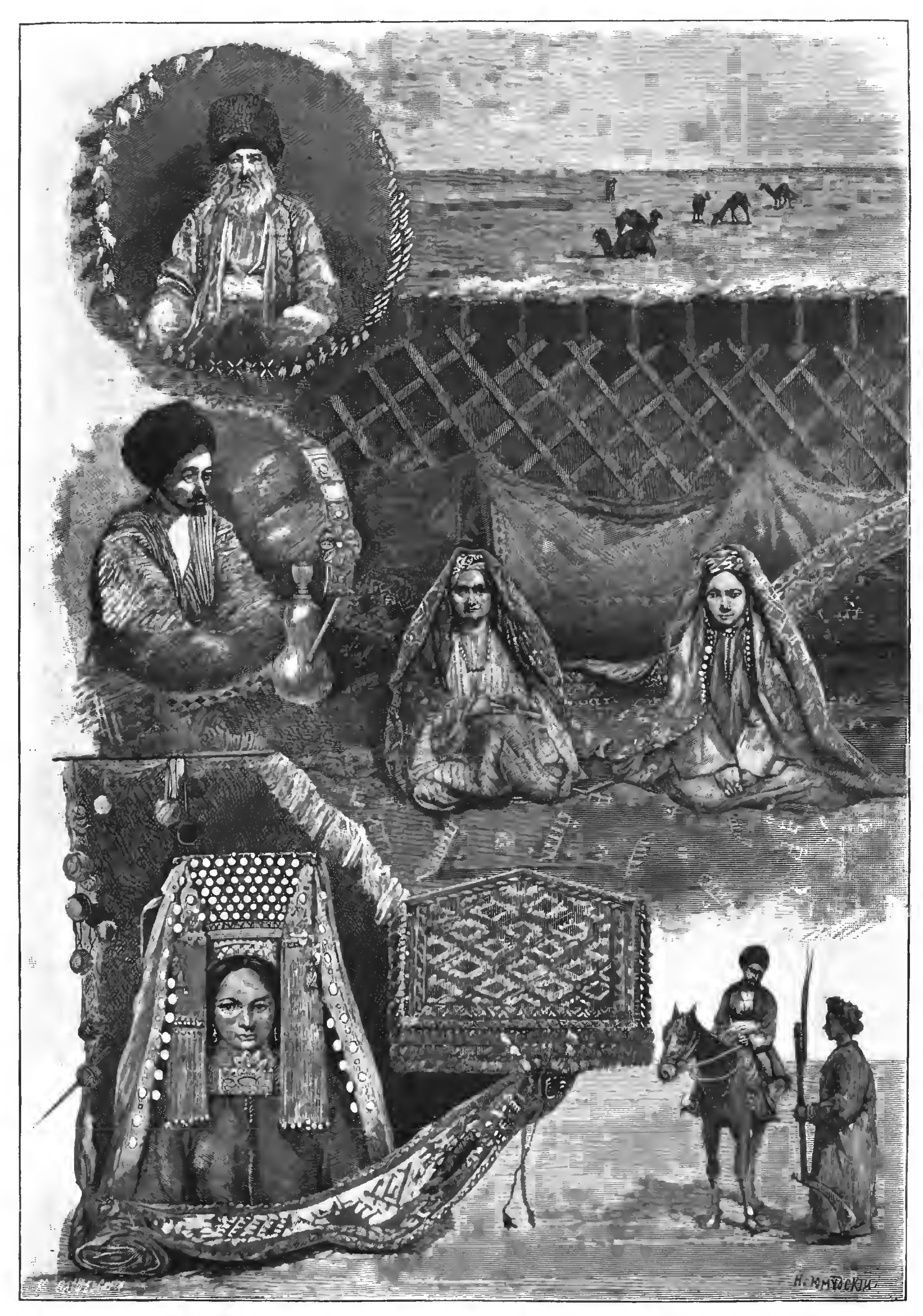
СПБ. 13-го февраля.

Правительственная побѣда въ выборахъ въ германскомъ рейхстагѣ.—Значеніе германскихъ вооруженій.—Обозначившаяся общая политика Россіи.—Источникъ европейскихъ треволненій.—Въ чемъ искать гарантій обезпеченности европейскаго міра.

Послѣдовавшіе на этихъ дняхъ выборы въ германскій рейхстагъ уже обозначились полною побѣдою правительства и этимъ указали, что создавшаяся было оппозиція не пустила далеко корни въ германскомъ народѣ и что усиленіе военнаго могущества имперіи не идетъ въ разрѣзъ съ патріотическими чувствами нѣмцевъ. Въ настоящее время германскіе политики могутъ смѣло опираться на германскихъ стратеговъ и увѣрено могутъ направить политическій строй Европы къ болѣе устойчивому положенію, чѣмъ онъ находится въ настоящую минуту.

Было бы не совсѣмъ основательно видѣть въ боевомъ усиленіи Германіи иныя цѣли, кромѣ стремленій охранить и обезпечить настоящее свое положеніе, достигнутое цѣною громадныхъ жертвъ и усилій. Желать большаго для Германской имперіи нечего: она сплочена внутри, могущественна извнѣ. Завоевательные замыслы не могутъ волновать престарѣлаго монарха, а князь Бисмаркъ сдѣлалъ для родины гораздо болѣе обыкновенныхъ силъ и разумѣнія человѣка,—изъ-за чего же, спрашивается, такъ сказать, сыръ-боръ загорѣлся въ Европѣ? Мечты о всемірныхъ монархіяхъ, о руководительствѣ судьбами европейскаго материка, уже давно оставлены и погребены подъ напоромъ самыхъ трезвыхъ и практическихъ взглядовъ на государство, а передѣлывать карту Европы по нынѣ установившимся способамъ веденія войны—разорительно, опасно, да и невыгодно для Германіи. Теперь всякъ за себя, а Богъ за всѣхъ. Каждое государство заботится только о своихъ интересахъ и касается интересовъ другихъ государствъ только въ той мѣрѣ, насколько они имѣютъ соотношеніе къ первымъ—и Германія въ этомъ отношеніи не дѣлаетъ исключенія, за что говоритъ практическій умъ и практическая политика имперскаго канцлера. И такъ, мы думаемъ, что источникомъ всѣхъ европейскихъ треволненій являются не германскія вооруженія, а нѣчто иное, выходящее за предѣлы политическаго положенія одного государства, хотя-бы и такого могущественнаго, какъ Германская имперія.

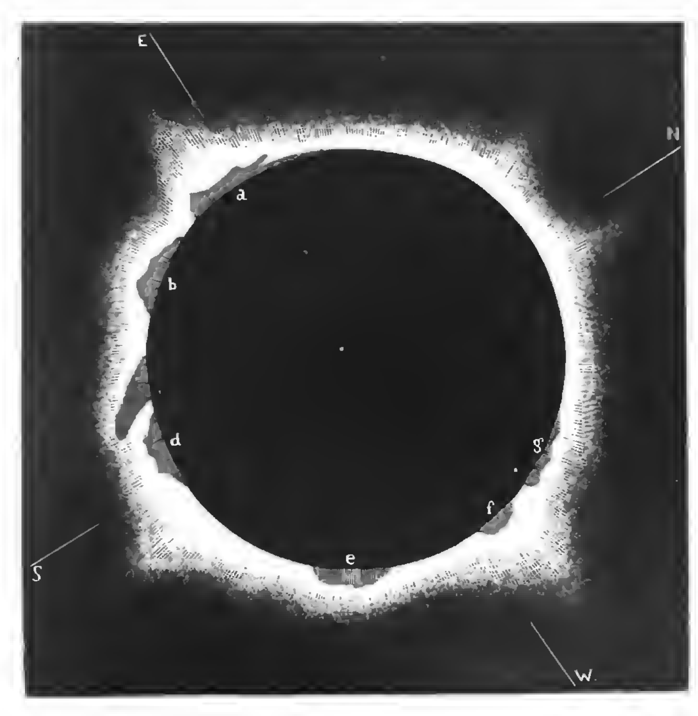
Въ послѣдніе дни появилась статья въ „Nord", уясняющая направленіе, которому держится наша дипломатія, а нѣсколько ранѣе было помѣщено въ „Politische Correspondenz" письмо изъ С.-Петербурга, рисующее настроеніе нашихъ дипломатическихъ сферъ и почти тождественно указывающее на то же направленіе. Сопоставляя эти два откровенія, появившіяся во всѣхъ вліятельныхъ органахъ европейской печати, оказывается, что Россія спокойно выжидаетъ событій и не связываетъ себя никакими обязательствами. Въ возникшихъ недоразумѣніяхъ между Франціей и Германіею она не склоняется ни на ту, ни на другую сторону. По болгарскому вопросу Россія уже достаточно ясно высказала свои взгляды и намѣренія, отъ которыхъ она не отступится, а потому и на этомъ полѣ европейскихъ недоразумѣній ей остается ничего болѣе, какъ только ожидать результатовъ, рѣшающихъ вопросъ, съ которыми она можетъ согласиться или противъ которыхъ она предъявитъ свое безповоротное veto.

Въ Средне-азіатскихъ русскихъ владѣніяхъ. Ориг. рис. Н. Юмудскаго, грав. Ольшевскій.

Туркменъ Юмудъ.
Молодой текинецъ.
Головной уборъ туркменской дѣвушки
Въ степи.
Туркменскія женщины въ кибиткѣ.
Конный туркменъ и пѣшій съ ружьемъ.

Недавно въ одной изъ обширныхъ политическихъ статей одинъ изъ нашихъ выдающихся дипломатовъ, разбирая дипломатическія сношенія во время крымской войны, въ концѣ всего пришелъ къ такому заключенію, что ни Россія безъ Евро-

Фиг. I. Солнечное затмѣніе 17-го августа 1879 года.

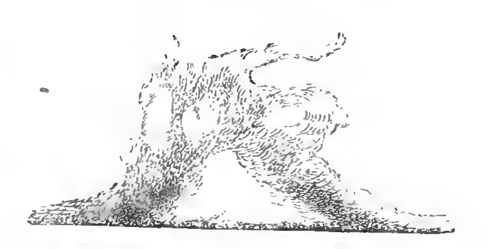
Фиг. II. Выпуклости солнца.

пы, ни Европа безъ Россіи существовать не могутъ. Настоящій моментъ блистательно подтверждаетъ такую политическую истину. Россія отказалась отъ активнаго участія въ разрѣшеніи возникшихъ въ Европѣ недоразумѣній—и вотъ вся Европа не можетъ до сихъ поръ успокоиться и не можетъ привести свои дѣла въ порядокъ. Но дѣло только въ томъ, что Европѣ нужна Россія въ безкорыстномъ своемъ служеніи европейскимъ интересамъ, какъ это продолжалось за время нынѣшняго столѣтія, а теперь Россія стала на пользу служенія своимъ интересамъ и хочетъ дѣйствовать за свой счетъ, какъ это было въ прошломъ столѣтіи. Европѣ это не нравится, она не привыкла къ такого рода русской политикѣ и не знаетъ поэтому какъ обосновать и какъ справиться съ такимъ европейскимъ нововведеніемъ. Австрія, привыкшая за счетъ русскихъ усилій и громадныхъ жертвъ пріобрѣтать за Дунаемъ цѣлыя провинціи и распространять тамъ безпрепятственно свое вліяніе, приходитъ въ ожесточеніе, что Россія твердо и безповоротно заявила свои права на Балканскомъ полуостровѣ, освященныя временемъ, традиціями.

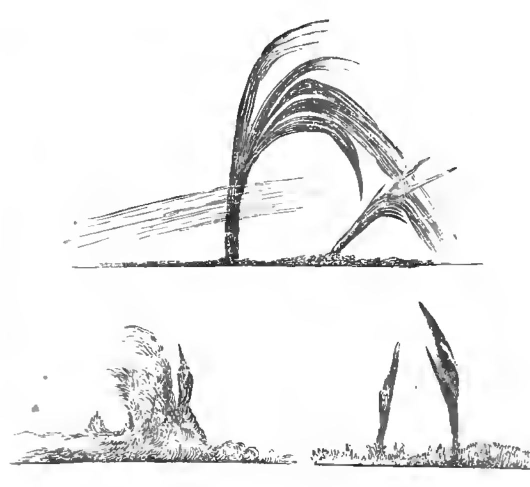
Не трудно видѣть теперь, гдѣ нужно искать гарантій европейскаго мира и большей обезпеченности въ спокойномъ существованіи европейскихъ государствъ: въ скрѣпленіи дружественныхъ отношеній между Франціею и Германіей, но не при посредствѣ все увеличивающихся боевыхъ снаряженій, а напротивъ, при обоюдномъ разоруженіи, и затѣмъ въ строгомъ

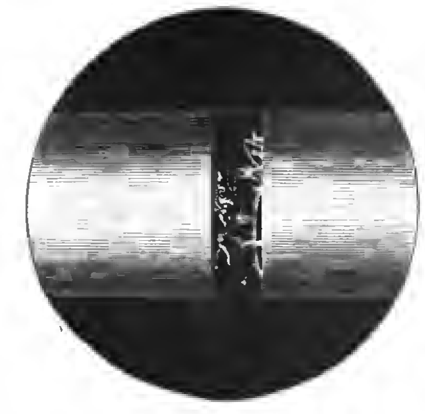
Фиг. III. а. Облаковидныя выпуклости солнца.

Фиг. III. б. Облаковидныя выпуклости солнца.

Фиг. IV. Вулканическія выпуклости.

Фиг. V. Видъ хромосферы и выпуклостей чрезъ спектроскопъ.

разграничении сферъ вліяній на Балканскомъ полуостровѣ между Австріею и Россіей безъ всякаго посредничества, которое, какъ показалъ опытъ, подчиняетъ дѣла Балканскаго полуострова совершенно инымъ соображеніямъ и ставитъ ихъ въ зависимость отъ общеевропейскихъ недоразумѣній.

Порта оффиціально прервала переговоры съ Цанковымъ вслѣдствіе его непомѣрныхъ требованій и намѣрена продолжать переговоры съ делегатами Болгаріи безъ его участія.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Въ государственномъ совѣтѣ разсматривался проектъ министра народнаго просвѣщенія о преобразованіи реальныхъ училищъ.

— Проектъ министра внутреннихъ дѣлъ о земскихъ начальникахъ внесенъ въ государственный совѣтъ и будетъ разсмотрѣнъ въ нынѣшнюю сессію.

— При министерствѣ финансовъ открывается особое желѣзнодорожное тарифное отдѣленіе, при желѣзнодорожномъ совѣтѣ.

— Съ наступленіемъ навигаціи, министерствомъ путей сообщенія будутъ командированы коммиссіи изъ инженеровъ для производства работъ по урегулированію и расчисткѣ Волги, Дона и Днѣпра. Средства уже ассигнованы.

Военное и морское дѣло.

— 7 февраля, 12 час. дня, на Дворцовой и Разводной площадяхъ состоялся Высочайшій смотръ второй половинѣ войскъ, расположенныхъ въ Петербургѣ и ближайшихъ окрестностяхъ.

— Въ Петербургъ прибылъ 7 февраля японскій морской министръ, графъ Сембо.

Скульптура.

— Въ Берлинѣ предполагается поставить громадныхъ размѣровъ памятникъ доктору Мартину Лютеру. На памятникъ этотъ императоръ Вильгельмъ пожертвовалъ 50,000 герм. марокъ; такую-же сумму ассигновало берлинское городское управленіе. Частная подписка дала 40,000 марокъ. Общая стоимость памятника опредѣлена въ 200,000 герм. марокъ.

Наука и литература.

— 8 февраля въ петербургскомъ университетѣ происходилъ торжественный годичный актъ. Профессоръ Дювернуа читалъ отчетъ. Студентовъ и постороннихъ слушателей къ 1-му января 1887 году было 2,627; составъ профессоровъ, лекторовъ и приватъ-доцентовъ—150. По прочтеніи отчета читались рѣчи: ординарнаго профессора Позднеева и доцента Морозова; золотыхъ медалей присуждено три, серебряныхъ 11, почетныхъ отзывовъ 4.

— Въ Лейпцигѣ вышелъ въ свѣтъ большой и подробный трудъ о Кавказѣ „Der Kaukasus und seine Völker“. Авторъ Р. фонъ-Эркертъ долго жилъ на Кавказѣ. Къ книгѣ приложена этнографическая карта края.

— Изготовляется подробная карта всѣхъ кавказскихъ нефтяныхъ мѣсторожденій. Въ такой картѣ, какъ извѣстно, уже ощущалась настоятельная потребность.

— Напечатана въ Москвѣ новая драма въ пяти дѣйствіяхъ графа Л. Н. Толстого „Власть тьмы“.

— Въ Петербургъ ѣдетъ извѣстный шведскій мореплаватель Норденшильдъ.

8 февраля въ Пулковской Обсерваторіи праздновался двойной юбилей директора ея О. В. Струве,—пятьдесятъ лѣтъ его государственной ученой службы и 25 лѣтъ директорства въ Пулковской Обсерваторіи: портретъ и біографія его помѣщены будутъ въ „Нивѣ“ въ одномъ изъ ближайшихъ №№. Государь Императоръ въ уваженіе ученыхъ заслугъ и долговременной службы О. В. Струве, пожаловалъ ему чинъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника. Привѣтствовала своего члена Императорская Академія Наукъ. Секретарь обсерваторіи Линдеманъ прочиталъ массу телеграммъ: отъ Ихъ Имп. Высоч. в. к. Алексѣя Александровича и великой княгини Екатерины Михаиловны, отъ президента академіи наукъ, министра иностр. дѣлъ, мин. пут. сообщ. и другихъ высокопоставленныхъ лицъ и обществъ СПБ. университетъ привѣтствовалъ юбиляра какъ знаменитаго астронома настоящаго времени. Депутатъ отъ дерптскаго унив. представилъ юбиляру дипломъ на званіе доктора астрономіи дерптскаго университета.

Народное образованіе.

— Енисейская Дума ходатайствуетъ о скорѣйшемъ открытіи сибирскаго университета въ виду настоятельной необходимости, ощущаемой въ краѣ, въ высшемъ образованіи.

Медицина.

— Во многихъ иностранныхъ газетахъ появились рекламы о леченіи проживающаго въ Генуѣ арабскаго врача Кадера, будто бы обладающаго средствами возвращать зрѣніе слѣпымъ и врачевать самыя застарѣлыя и признанныя неизлечимыми глазныя болѣзни. По донесеніямъ управляющаго генеральнымъ консульствомъ въ Генуѣ, многія лица живущія въ Россіи обращаются къ нему съ запросами о томъ, дѣйствительно ли Кадеръ находится въ Генуѣ и совершаетъ чудеса, возвращая зрѣніе. Управляющій консульствомъ собралъ точныя о Кадерѣ свѣдѣнія, и не возможно было найти ни одного случая, гдѣ бы онъ возвратилъ слѣпому зрѣніе. Сдѣланный обыскъ въ его квартирѣ и анализъ порошковъ, которыми онъ лечилъ, побудили полицію Генуи запретить ему дальнѣйшую медицинскую практику и дѣло его передать суду.

— Военно-медицинскій ученый комитетъ подтвердилъ военнымъ врачамъ, чтобы они въ свѣжихъ случаяхъ укуса людей бѣшеными животными придерживались прижиганія.

Археологія.

— Французское правительство получило разрѣшеніе произвести археологическія раскопки въ древнихъ Дельфахъ. Условія почти тѣже, которыми нѣмцы пользовались при знаменитыхъ раскопкахъ въ Олимпіи.

Торговля и промышленность.

— Производство соды въ Россіи начинаетъ развиваться съ каждымъ годомъ. Недавно еще сода добывалась только на Уралѣ; въ настоящее время обширное производство соды начинаетъ сосредоточиваться въ г. Вязникахъ и близъ Тифлиса. Насколько велика потребность въ содѣ, можно видѣть изъ того, что въ послѣдніе года ее привозилось къ намъ изъ-за границы свыше 2.000,000 пуд. въ годъ.

— Единственный русскій торговый домъ Коншина въ Персіи расширяетъ кругъ своей дѣятельности. Представитель дома Коншина везетъ первый караванъ русскихъ товаровъ въ Испаганъ.

Судебныя извѣстія.

— Ломжинскому окружному суду предстоитъ разсмотрѣніе грандіознаго процесса шайки конокрадовъ. Подсудимыхъ—99 человѣкъ; свидѣтелей вызывается около 500, и разбирательство этого дѣла, вѣроятно, продлится нѣсколько недѣль. Большинство подсудимыхъ—евреи.

— Возбужденъ въ министерствѣ юстиціи вопросъ о лишеніи права повседневныхъ изданій входить въ какія-либо обсужденія судебныхъ процессовъ по существу.

Театръ и музыка.

— Въ парижскомъ театрѣ „Odéon“ состоялось первое представленіе комедіи „Numa Roumestan“, передѣланной для сцены изъ романа подъ тѣмъ же названіемъ Альфонса Доде.

— 6 февраля состоялось въ СПб. открытіе перваго театра для рабочихъ. Театръ построенъ въ Гавани; всѣхъ мѣстъ 700; кресла замѣняютъ простыя деревянныя скамейки; освѣщеніе керосиновое; фойе нѣтъ; театръ деревянный. Для перваго представленія дана была драма Островскаго „Не такъ живи какъ хочется“; всѣ мѣста были заняты.

— Гамбургскій театръ устраиваетъ рядъ образцовыхъ шиллеровскихъ спектаклей, имѣющихъ цѣлью ознакомить публику, въ послѣдовательномъ порядкѣ, со всѣми его выдающимися драматическими произведеніями.

— На сценѣ императорскаго вѣнскаго драматическаго театра готовится къ постановкѣ гоголевскій „Ревизоръ“, въ нѣмецкомъ переводѣ, съ извѣстнымъ комикомъ Гуго Тимигомъ въ главной роли.

Изъ губерній и областей.

— Въ Игнашинѣ на китайской границѣ въ одномъ 1884 году добыто было до 700 пуд. золота. Усиленная добыча нашими промышленниками золота въ Игнашинѣ на нѣсколько лѣтъ измѣнила наши расчеты въ Китаѣ: прежде китайцы требовали серебряныхъ слитковъ и всѣ счеты производились по вѣсу серебрянаго рубля. Усиленная добыча золота вызвала требованіе на наши кредитные билеты, на которые китайцы и скупали въ Игнашинѣ золото.

— Въ нынѣшнемъ году изъ Одессы будетъ отправлено на Сахалинъ двѣ партіи ссыльно-каторжныхъ мужчинъ, по 525 чел. каждая; одна пойдетъ 20 марта, другая на пароходѣ, отходящемъ 25 іюня. Кромѣ того, на пароходѣ „Россія“, который отойдетъ вторымъ рейсомъ въ августѣ, будетъ отправлено около 300 ссыльно-каторжныхъ женщинъ.

— Средне-азіатское товарищество, кромѣ плантацій въ ташкентскомъ районѣ, рѣшило заняться разведеніемъ хлопка въ Мервскомъ оазисѣ. Мѣстныя условія лучше даже, чѣмъ въ Бухарѣ, Хивѣ и Ташкентѣ.

Смѣсь.

Вслѣдствіе землетрясенія въ Верхней Италіи обрушились во многихъ мѣстахъ дома и сводчатыя постройки, причемъ въ Кунео, Савонѣ, Ноли, Альбиссолѣ, Онельи и Порто-Мауриціо много людей было убито и ранено. Въ Діано-Марино обрушилась третья часть домовъ. Убитыхъ и раненыхъ тамъ очень много. (н.)

Медицинская академія въ Парижѣ продолжаетъ пренія о методѣ Пастера. Пофессоръ Петеръ привелъ четыре случая, когда смерть послѣдовала не отъ бѣшенства, но отъ прививокъ Пастера. (г.)

По свѣдѣніямъ изъ Мельбурна тамъ замѣчена новая комета необыкновенной величины. (г.)

Смерть Поля Бэра произвела впечатлѣніе въ ученыхъ кружкахъ Франціи. Поль Бэръ былъ выдающимся ученымъ. Впервые онъ сталъ извѣстенъ въ 1862 г., когда былъ ассистентомъ Клода Бернара. Изслѣдованія его физіологіи чернильной рыбы, дѣйствія свѣта на живыхъ существъ и пр. отступаютъ назадъ предъ его знаменитыми изслѣдованіями надъ вліяніемъ уменьшенія и увеличенія давленія воздуха, угольной кислоты и кислорода на людей и животныхъ, растенія и ферменты, что изложено имъ въ книгѣ озаглавленной: *Барометрическое давленіе*. Онъ пришелъ къ слѣдующимъ результатамъ: уменьшеніе барометрическаго давленія производитъ у живыхъ существъ уменьшеніе напряженія кислорода въ воздухѣ и въ крови; если это увеличеніе давленія не превышаетъ трехъ атмосферъ, оно производитъ болѣе сильное окисленіе въ организмѣ; свыше же трехъ атмосферъ окисленіе уменьшается и при большемъ давленіи совершенно прекращается. Вслѣдствіе этого всѣ живыя существа умираютъ въ сжатомъ воздухѣ. Аэронавты, поднявшись въ марѣ предъ-

идущаго года на высоту 7400 метровъ, убѣдились въ прекрасномъ дѣйствіи смѣси изъ 40 частей кислорода и 30 частей азота, а также другой, состоявшей изъ 70 частей кислорода и 30 частей азота. Приготовляясь къ полету въ апрѣлѣ 1875 г., они взяли три шара, изъ которыхъ каждый заключалъ въ себѣ по 65 метровъ кислорода и по 35 метровъ азота. Бэръ былъ въ отсутствіи и Синнелли письменно сообщилъ ему о количествѣ кислорода, какое они предположили взять. Бэръ отвѣтилъ, что количества этого недостаточно въ виду того, что слѣдуетъ разсчитывать на потребленіе 20 литровъ въ минуту. Воздухоплаватели, получившіе отвѣтъ незадолго до полета, заключили изъ него, что они должны прибѣгать къ смѣси газа только въ крайнемъ случаѣ. На высотѣ 7650 метровъ они мгновенно такъ ослабѣли, что не были въ силахъ открыть мѣшокъ съ кислородомъ. Шаръ поднялся выше и достигъ 8500 метровъ. Когда Тиссандье очнулся при паденіи шара, оба его спутника были мертвы. Шары съ кислородомъ оказались нетронутыми. Поэтому Поль Бэръ вовсе неповиненъ въ смерти обоихъ воздухоплавателей, которые, напротивъ, во время перваго полета получили большое облегченіе отъ смѣси газовъ и этимъ доказали, что опыты въ лабораторіи вполнѣ оказались пригодны на практикѣ. (р.)

Къ исторіи перчатокъ. Замѣтка въ „Одиссеѣ“, что Лаэртъ употреблялъ перчатки для предохраненія своихъ рукъ отъ колючихъ кустарниковъ, повидимому указываетъ на самое древнее примѣненіе этой принадлежности одѣянія. И такъ, ранѣе чѣмъ перчатки стали предметомъ роскоши, онѣ служили вспомогательнымъ средствомъ при тяжелой работѣ. Вообще же изобрѣтеніе ихъ и причисленіе къ существеннымъ предметамъ одѣянія относится до новѣйшаго времени, о чемъ свидѣтельствуетъ и то обстоятельство, что перчатка даже въ самой первобытной формѣ неизвѣстна до настоящаго времени дикимъ африканскимъ племенамъ.

Одинъ африканскій путешественникъ описываетъ удивленіе негровъ, увидѣвшихъ какъ онъ снималъ свои перчатки, которыя они сочли его кожей, произвольно имъ сбрасываемой. Древніе мексиканцы думали тоже самое о Кортецѣ и его всадникахъ, сходящихъ съ лошадей и вскакивавшихъ на нихъ. Они воображали, что человѣкъ и животное составляютъ одно существо, которое, смотря по желанію, можетъ раздваиваться и снова соединяться въ одно. Въ то время мексиканцамъ лошадь была еще неизвѣстна.

Что касается первоначальнаго изготовленія перчатокъ, то, по всей вѣроятности, онѣ состояли изъ повязокъ различныхъ матерій, преимущественно изъ кожи, и по формѣ походили на настоящія рукавицы. Вначалѣ это былъ родъ мѣшка безъ всякихъ подраздѣленій, за исключеніемъ одного для большого пальца. Сельскіе хозяева и виноградари, а также люди работающіе зимою на открытомъ воздухѣ, постоянно употребляютъ рукавицы. Впослѣдствіи перчатки достигали только до основанія пальцевъ, покрывая всю руку и оставляя пальцы открытыми. Въ VI столѣтіи появились кожаныя перчатки, неизящныя по формѣ и совершенно для другого назначенія чѣмъ нынѣшнія. Въ виду того, что перчатки были снабжены на верхней сторонѣ стальными пластинками, онѣ такимъ образомъ были перчатками-панцыремъ и составляли существенную часть вооруженія рыцарей того времени. Для этой цѣли онѣ введены въ употребленіе около 1300 года въ средніе вѣка. Вызывая врага на поединокъ, рыцарь бросалъ ему свою перчатку. Поднять ее, значило—принять вызовъ, почему еще и теперь говорятъ: „бросить перчатку“, „поднять перчатку“.

Предметомъ одѣянія перчатка стала при королѣ французскомъ Генрихѣ III. Въ то время женщины ввели ее при дворѣ. Оттуда перчатки, вязанныя изъ шелка, перешли въ аристократическіе круги и вскорѣ онѣ стали употребляться всѣми дамами.

Въ началѣ царствованія Людовика XIV изготовленіе кожаныхъ перчатокъ очень усовершенствовалось и вошло въ моду въ Версалѣ. Но до революціи роскошь эту могли себѣ позволить только привилегированные классы. Нынѣ же перчатки носятся всѣмъ цивилизованнымъ міромъ. Безъ перчатокъ ни одинъ туалетъ не считается полнымъ. Выдѣлка перчатокъ достигла необычайнаго совершенства во Франціи, гдѣ онѣ дѣлаются почти съ математическою точностью. Съ XVII столѣтія выдѣлка перчатокъ процвѣтала въ Греноблѣ; въ началѣ этого вѣка она была пріостановлена войною, въ виду того что главнымъ мѣстомъ сбыта была въ то время Англія. Въ послѣднее же время фабрикація перчатокъ снова тамъ поднялась, особенно Жувеномъ, который ввелъ новыя машины. Теперь въ Греноблѣ и около него работаетъ до 15,000 женщинъ, часть которыхъ занимается дубленіемъ кожи, часть окрашиваніемъ и часть кройкою и шитьемъ. (р.)

Памятникъ въ опасности. Поставленный недавно въ Генуѣ, памятникъ Виктору Эммануилу грозитъ рухнуть. На послѣдней ступенькѣ, вѣроятно вслѣдствіе давленія, образовалась щель, шириною въ руку; трещина постоянно увеличивается и обвалъ памятника составляетъ только вопросъ времени. Памятникъ повидимому не имѣетъ подъ собою твердой почвы; по увѣренію компетентныхъ лицъ, онъ движется съ запада на востокъ. Молодая Италія не строитъ на вѣчныя времена, какъ древніе римляне, Колизей которыхъ стоитъ и понынѣ. (р.)

Прохожденіе свѣта въ морской водѣ. Въ послѣднее время въ заливѣ около Ниццы дѣлались опыты, доказавшіе, что свѣтъ при хорошей погодѣ проникаетъ въ полдень на 400 метровъ подъ воду и пока солнце находится надъ горизонтомъ достигаетъ въ водѣ глубины 300 и 350 метровъ въ теченіе восьми часовъ дня. При этихъ опытахъ погружаютъ при помощи лота на глубину чувствительныя фотографическія пластинки, которыя лакируютъ для предохраненія отъ дѣйствія морской воды. (р.)

Древній великанъ. Въ Парижѣ показываютъ теперь гигантскій дубовый стволъ, найденный въ Ронѣ. Онъ помѣщенъ на желѣзный корабль, нарочно устроенный для этой цѣли. На немъ замѣтны еще слѣды вѣтвей; длина его 31,60 метра, объемъ 9 метровъ и вѣсъ 55.000 килогр. (3440 пудовъ). Согласно научнымъ изслѣдованіямъ, гиганту этому свыше 5000 лѣтъ; онъ росъ отъ 700 до 800 лѣтъ. Въ виду того что корабль сидитъ мелко въ водѣ, это чудо растительнаго міра будутъ возить по всѣмъ судоходнымъ каналамъ Франціи. (р.)

Раздѣлъ Патагоніи. Патагоніи болѣе не существуетъ, ее раздѣлили между собою Чили и Аргентинская республика. Весь западный склонъ Кордильеровъ до южной оконечности Америки со всѣми побережными островами, принадлежитъ Чили. Восточный склонъ съ громадными пампасами, тянущимися до океана, составляетъ собственность Аргентинской республики. Магеллановъ проливъ нейтраленъ и открытъ для всѣхъ народовъ. (р.)

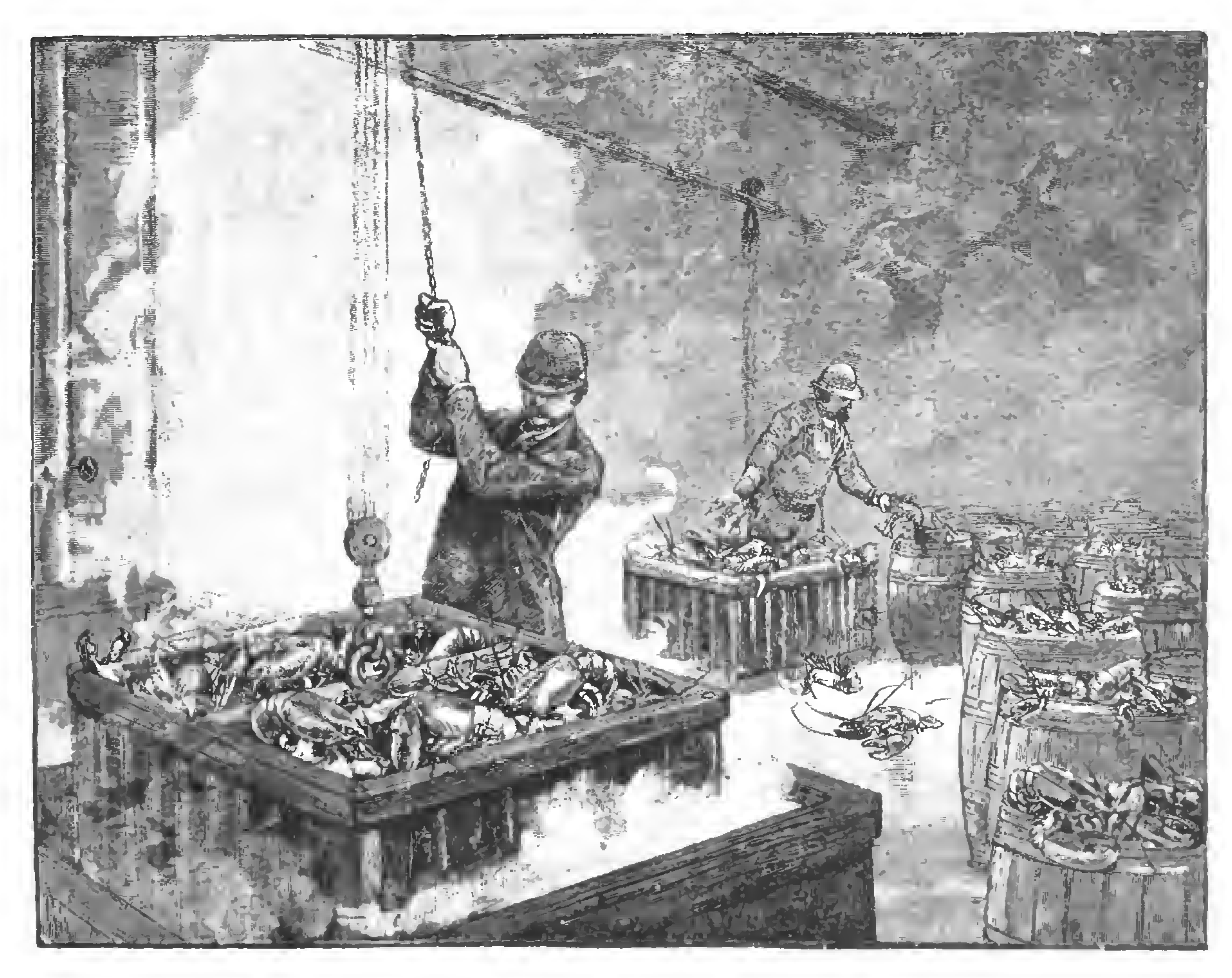
Туннель подъ Мессинскимъ проливомъ. Проектъ проведенія туннеля подъ Мессинскимъ проливомъ близокъ къ осуществленію. Послѣ возбужденія его инженеромъ Габелли и указанія на техническую возможность его выполненія, оставили прежній планъ соединенія Калабріи и Сициліи мостомъ и приготовительныя работы для проведенія туннеля, на что итальянское правительство дало уже разрѣшеніе инженеру Карлосу Навону прошлою осенью, находятся теперь въ полномъ ходу. Прежде сомнѣвались въ возможности устройства подводнаго прохода между материкомъ у Сциллы и островомъ Сициліей у предгорія. Еще въ 1882 г., англійскій гидрографъ объявилъ, что даже лучшимъ лотомъ нельзя попасть на дно Мессинскаго пролива, такъ какъ глубина тамъ неизмѣрима, въ полномъ значеніи этого слова. Новѣйшія измѣренія нечувствительными къ морскимъ теченіямъ инструментами показали, что на глубинѣ 160 метровъ идетъ подводный гребень горы отъ Реджіо къ Сициліи. Гребень этотъ, состоящій изъ гранита и слюдяного сланца, будетъ пробитъ и длина всего туннеля составитъ 4300 метровъ. Расходы предположены въ 71 милліонъ, т. е. почти наравнѣ съ тою суммою, какая потребовалась для прорытія туннеля въ Монъ-Сени. По геологическимъ предположеніямъ, въ помянутомъ гребнѣ, при погруженіи горы и отдѣленіи Сициліи отъ материка, вѣроятно образовались большія трещины. Однако инженеры утверждаютъ, что если даже это дѣйствительно произошло, то трещины съ теченіемъ времени засыпались и слились съ остальною массою, такъ что буравленіе этихъ мѣстъ также не представляетъ опасности. По истеченіи $4^1/_2$, и въ крайнемъ случаѣ $6^1/_2$ лѣтъ, воды Средиземнаго моря будутъ катить свои волны надъ первымъ желѣзнодорожнымъ поѣздомъ, который соединитъ подъ водою классическіе берега. (р.)

Поющая мышь поймана недавно на стеклянной фабрикѣ въ Лейтерсдорфѣ. Владѣлецъ рѣдкаго этого животнаго сообщаетъ слѣдующее: „Въ декабрѣ прошлаго года мы были разбужены ночью странными звуками, выходившими изъ комнаты, прилегавшей къ нашему кабинету. Предполагая, что нарушитель покоя какой нибудь запоздавшій прохожій, мы не обратили на это вниманія. Но тоже самое повторилось и въ слѣдующія ночи; звуки напоминали пѣніе канарейки, иногда же походили на крикъ древесной лягушки. Не зная причины пѣнія, мѣшавшаго намъ спать, приходилось заняться тщательнымъ изслѣдованіемъ или перемѣнить комнату. Въ крайнемъ случаѣ было рѣшено сорвать полъ. Но до этого дѣло не дошло. Спустя недѣлю нарушитель покоя былъ открытъ. Это оказалась мышь, избравшая въ эту ночь шляпную коробку мѣстомъ своихъ музыкальныхъ упражненій. Поющая эта мышь рѣдкое явленіе. Она довольно ручная и неутомимо поетъ, при чемъ ее не пугаетъ ни шумъ, ни приближеніе къ клѣткѣ наблюдающихъ. Пѣнье ея ночью бываетъ самое своеобразное. Владѣлецъ мыши сообщаетъ, что именно ночью она издаетъ самые высокіе и самые глубокіе тоны. Замѣчательно также, что мышь отличается необыкновенною чистоплотностью. Въ лексиконѣ Мейера говорится также о поющихъ мышахъ, которыя въ Китаѣ содержатся въ клѣткахъ.“ (р.)

Спасающая армія снова заставляетъ говорить о себѣ. Генералъ ея Боотъ вернулся изъ своей американской поѣздки къ Лондонъ и возвращеніе это торжественно отпраздновано въ Эксетерѣ. Процессія въ 4000 или 5000 человѣкъ встрѣтила генерала на станціи и прошла по улицамъ Лондона. Въ Эксетерѣ пѣлись гимны и генералъ сообщилъ о своей американской поѣздкѣ: онъ прошелъ 15,000 миль и говорилъ въ 200 собраніяхъ. Спасающая армія принадлежитъ къ замѣчательнѣйшимъ порожденіямъ англійскаго сектантства. Первое мѣсто въ ея программѣ занимаетъ громогласныя моленія, и этими криками на улицахъ и оповѣщеніями въ журналахъ она старается привлечь новыхъ послѣдователей. Основана армія Вильямомъ Боотомъ, нынѣшнимъ ея генераломъ, бывшимъ методистскимъ проповѣдникомъ. Въ 1865 г. въ восточномъ кварталѣ бѣдныхъ Лондона онъ читалъ рядъ проповѣдей съ цѣлью спасенія душъ бѣдныхъ, печальное положеніе которыхъ увеличивалось отъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Онъ образовалъ восточное лондонское общество возрожденія, получившее впослѣдствіи названіе *христіанской миссіи;* сильныя разсужденія и споры, возникавшіе на первоначальныхъ засѣданіяхъ, навели Боота на мысль ввести военную дисциплину. Миссію эту онъ превратилъ въ армію, главнокомандующимъ которой сдѣлался самъ. Все въ этой арміи устроено и названо по военному: въ ней есть генералъ, главный

штабъ, главная квартира, казармы, знамена, солдаты, канонады, тяжелое оружіе, бомбардировки, упражненія. Лозунгомъ служитъ: „*Кровь и огонь*", т. е. кровь искупленія и огонь священной борьбы съ дьяволомъ. Форма состоитъ изъ темносиней, чрезвычайно простой, отороченной краснымъ шнуромъ куртки, на воротникѣ которой съ каждой стороны вышита буква S (Salvation — Спасеніе); подъ курткою многіе носятъ еще красную рубашку Гарибальди. Женская форма состоитъ изъ очень простыхъ шляпъ и платьевъ. Армія обладаетъ учебной казармой, откуда выходятъ кадеты въ качествѣ пробныхъ поручиковъ. Поручики и капитаны ведутъ процессіи и собранія; есть также офицеры-женщины. Жена генерала пользуется большимъ уваженіемъ въ арміи, и одна изъ его дочерей руководила дѣломъ въ Парижѣ и Швейцаріи. Офицеры обязаны присылать въ главную квартиру въ Лондонъ недѣльные доклады, которые печатаются въ главномъ журналѣ общества: „Военный возгласъ". Въ докладахъ сообщается о *покоренныхъ городахъ* и сообщенія эти облекаются въ форму военныхъ докладовъ.

нимъ формамъ каррикатуру религіозной жизни, былъ бы совершенно непонятенъ, если бы дѣйствительно въ основаніи она не имѣла прекрасной цѣли: борьбу съ алкоголизмомъ. Преимущественно армія дѣйствуетъ въ такихъ кварталахъ, которые пользуются самою дурною славою, до жителей которыхъ никогда не достигаетъ лучъ духовнаго или религіознаго свѣта. Образъ жизни обращенныхъ, которыхъ насчитывается сотни тысячъ, совершенно противоположенъ ихъ прежней жизни. Одежда ихъ должна быть проста, имъ строго воспрещается куреніе и употребленіе спиртныхъ напитковъ, азартныя игры, ложь, обманъ и вообще всякое нечистое дѣяніе и помыслы. Этимъ именно объясняется громадное ежегодное увеличеніе спасающей арміи. По послѣднему годовому отчету въ ней насчитывается теперь 1786 корпусовъ съ 4192 офицерами, въ то время какъ въ прошломъ году было только 1322 корпуса и 3076 офицеровъ. Въ первую недѣлю 1886 г. происходило 25,496 собраній, въ послѣднюю недѣлю — 29,733; въ теченіе же всего года было 1.435,980 собраній. Въ общемъ доходъ составилъ 73,430 фунтовъ стерлинговъ (734,300 руб.). Спасающая

Въ Америкѣ. Варка омаровъ въ кипяткѣ.

Куда вступаетъ спасающая армія, тамъ происходитъ настоящее столпотвореніе: чѣмъ болѣе шума, тѣмъ болѣе успѣха. Жена генерала Боотъ выразилась по этому поводу, что все это составляетъ необходимую рекламу, безъ которой доброе дѣло не можетъ также обойтись какъ и дурное. Поэтому введены кровавыя знамена и афиши, громкая музыка во время маршевъ, пѣніе набожныхъ пѣсней, странно составленныхъ и распѣваемыхъ на мелодіи изъ оперетокъ. Идущіе во главѣ капитаны зачастую кривляются какъ сумасшедшіе. Шествія эти вызываютъ насмѣшки уличныхъ мальчугановъ, нерѣдко забрасывающихъ святыхъ грязью; иногда же обращенные подвергаются побоямъ на улицѣ. Образовалась даже такъ называемая „*Армія скелетовъ*", помѣщающая на своихъ знаменахъ скелеты, далеко недружелюбно обращающаяся съ послѣдователями спасающей арміи и производящая мѣдными трубами, разбитыми барабанами и желѣзными горшками невообразимый шумъ. Армія эта во всѣхъ отношеніяхъ старается превзойти армію спасающую и, не руководствуясь христіанскою кротостью, въ стычкахъ всегда выходитъ побѣдительницею.

Въ собраніяхъ также поютъ и играютъ на духовыхъ инструментахъ съ участіемъ барабановъ и акомпаниментомъ тамбуриновъ, въ которые бьютъ дѣвочки, собирающія затѣмъ пожертвованія. Далѣе говорятся проповѣди; обращенные разсказываютъ о чудесахъ вѣры. Въ промежуткахъ разговариваютъ. Кромѣ того происходятъ засѣданія самихъ святыхъ, не имѣющія ничего театральнаго, напротивъ, носящія серьезный характеръ.

Необыкновенный успѣхъ спасающей арміи, составляющей по внѣшармія старается распространить свои дѣйствія повсемѣстно. Въ послѣднее время генералъ Боотъ сдѣлалъ большія *завоеванія* въ Америкѣ. Однако въ Германіи и Швейцаріи онъ встрѣчаетъ непреодолимыя препятствія. (р.)

Цвѣтной фонтанъ, освѣщенный электричествомъ, устроенъ въ штатѣ Исландъ вблизи Нью-Іорка. Освѣтительная камера подъ этимъ фонтаномъ имѣетъ 12 квадратныхъ метровъ; въ ея потолкѣ находится 15 круглыхъ отверстій, въ 60 сантиметровъ въ поперечникѣ каждое, чрезъ стекла которыхъ свѣтъ въ 8000 свѣчей падаетъ прямо на струю воды. Цвѣтныя стекла движутся на колесахъ и устроены такимъ образомъ, что извѣстное число лучей производитъ новый цвѣтъ. Кромѣ того сверху фонтана имѣются тысячи лампъ съ накаливаніемъ и особенно сильная лампа бросаетъ свѣтъ съ башни. Освѣтительная камера, куда входятъ чрезъ два туннеля, показывается публикѣ. У фонтана находится 25 человѣкъ рабочихъ; свѣтъ доставляютъ четыре паровыя машины въ 250 лошадиныхъ силъ и семь динамомашинъ. (р.)

Новая машина изобрѣтена часовыхъ дѣлъ мастеромъ Хмѣлевскимъ въ Лодзи, для изготовленія цѣпочекъ для стѣнныхъ часовъ. Машина устроена такъ остроумно, что съ одной стороны вкладывается проволока, а съ другой вынимается совершенно готовая цѣпочка. (р.)

Часы для шаха персидскаго выписаны изъ-за границы въ количествѣ 200 штукъ. Часы эти украшены въ персидскомъ вкусѣ брильянтами, эмалью и персидскимъ гербомъ съ изображеніемъ льва и солнца. Всѣ часы предназначены для подарковъ. (р.)

Знамя временъ Генриха III, короля Франціи. Археологическое общество въ Нанси получило изъ Генуи въ даръ очень любопытное знамя. Три сотни лѣтъ назадъ знамена были гораздо больше и богаче покрыты гербами и эмблемами. Пѣхотное знамя Генриха III сдѣлано изъ шелка, какъ всѣ знамена и штандарты того времени. Фонъ образуютъ шесть полосъ, три желтыхъ и три зеленыхъ; на немъ имѣется гербъ полковника, командовавшаго полкомъ. По срединѣ полосъ идетъ большой бѣлый крестъ, на немъ находятся гербы Франціи и Польши, надъ обоими помѣщена корона Франціи, обвитая орденскою цѣпью св. Михаила. Изъ этого слѣдуетъ, что знамя это носилось ранѣе установленія Генрихомъ III ордена св. Духа. Кромѣ того, на знамени вышиты еще три зеленыхъ лавровыхъ вѣнка. Первый для Франціи, второй для Польши и третій „pro coelo“. Въ этомъ послѣднемъ помѣщенъ еще вѣнокъ изъ облаковъ съ семью золотыми звѣздами. Вокругъ всѣхъ лавровыхъ вѣнковъ идетъ девизъ короля. (р.)

Велосипедистъ, упражняющійся нѣкоторое время, можетъ дѣлать въ день по меньшей мѣрѣ 15 миль, не ощущая усталости. Члены клуба дѣлаютъ въ день 110 и болѣе верстъ, что вовсе неутомительно при хорошей погодѣ (при отсутствіи вѣтра и дождя). Хорошіе ѣздоки, упражняющіеся годами, проходятъ отъ 22 до 26 миль, дѣлая въ часъ по двѣ мили. Такимъ образомъ, употребляя на ѣзду 15 часовъ въ день, велосипедистъ можетъ проѣхать 30 миль, чему примѣры не рѣдки. (р.)

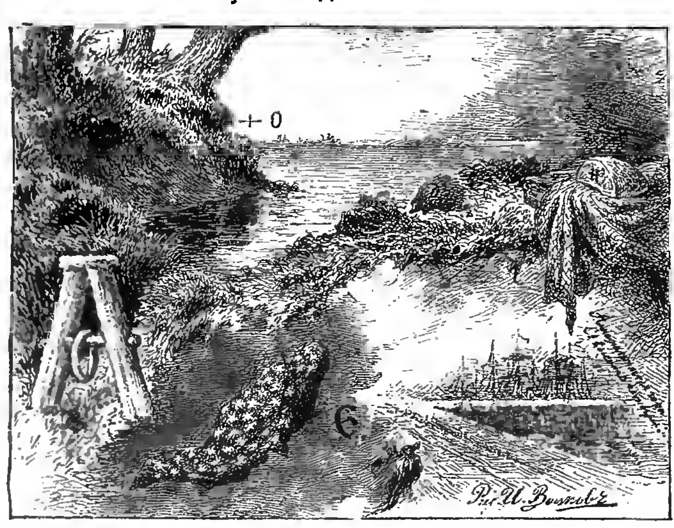
Химическій составъ человѣка. Человѣкъ состоитъ изъ 13 основныхъ веществъ, изъ которыхъ пять газообразныхъ и восемь плотныхъ. Главная составная часть это кислородъ въ чрезвычайно сжатомъ состояніи. Нормальный человѣкъ, вѣсящій 70 килограммовъ (1 килогр.=$2^1/_2$ фунт.) содержитъ 44 килограмма кислорода, который при обыкновенныхъ условіяхъ занялъ-бы 28 кубическихъ метровъ пространства. Далѣе въ человѣкѣ содержится 7 килогр. водорода, который въ свободномъ состояніи наполнилъ-бы 80 кубическихъ метровъ пространства. Остальные газы, заключающіеся въ человѣкѣ — это азотъ (1,72 килогр.), хлоръ (0,8 килогр.) и флуоръ (0,1 килогр.). Плотныхъ веществъ въ нормальномъ человѣкѣ содержится: 22 килограмма угля, 800 граммъ фосфора, 100 граммъ сѣры, 1750 гр. извести, 80 гр. кали, 70 гр. натра, 50 гр. магнезіи и 45 гр. желѣза. (р.)

Докторъ Шлиманъ уже нѣсколько недѣль путешествуетъ по Нилу и намѣренъ доѣхать до Вади-Гальфа. Онъ ѣдетъ одинъ, а не съ женою и зятемъ, какъ сообщали раньше, и единственно для отдохновенія, такъ что о раскопкахъ и т. п. не можетъ быть рѣчи. Побывавъ въ Каиро, д-ръ Шлиманъ высказался, что муміи великаго египетскаго короля, вскрытыя Масперо въ іюлѣ прошлаго года, содержатся очень небрежно, причемъ не приняты никакія предосторожности для сохраненія ихъ въ будущемъ. Онѣ стоятъ въ Булакскомъ музеѣ подъ стекломъ въ открытыхъ гробахъ. Шлиманъ обѣщалъ выхлопотать по возвращеніи въ Европу устройство достойнаго способа храненія мумій величайшаго короля египетскаго. (р.)

Рѣдкій случай. Недавно въ Италіи, въ Имолѣ, играли въ театрѣ пьесу Улисса Барбьери „Капрера“, въ которой героемъ взятъ въ первый разъ Джіузеппе Гарибальди. Публика такъ воодушевилась патріотическою тенденціею и пламенными рѣчами піесы, что потребовала ея немедленнаго повторенія. Когда крики „Da capo“ не унимались, поднятъ былъ занавѣсъ и одноактная піеса (длящаяся болѣе часу) была повторена цѣликомъ. Итальянскія газеты замѣчаютъ по этому поводу, что подобный случай имѣлъ мѣсто въ лѣтописяхъ новѣйшаго театра только разъ, въ началѣ этого столѣтія. Когда Чимароза поставилъ свой „Тайный бракъ“ на сценѣ вѣнскаго придворнаго опернаго театра, опера настолько понравилась, что, послѣ краткаго отдыха, въ присутствіи императорскаго двора, была снова повторена. (р.)

Замѣчательная работа почтовыхъ голубей. 9 октября прошлаго года г. Генри Вагнеръ, въ Бостонѣ, отправилъ на пароходѣ въ Лондонъ девять почтовыхъ голубей. По прибытіи ихъ туда въ концѣ октября, ихъ выпустили и они полетѣли въ обратный путь чрезъ океанъ. Въ настоящее время къ г. Вагнеру вернулось три голубя. Одинъ изъ нихъ прилетѣлъ прямо въ Бостонъ, второй былъ пойманъ вблизи Нью-Іорка и третій, совершенно обезсиленный, найденъ на Алеганскихъ горахъ въ Пенсильваніи. Такъ какъ на голубяхъ были привѣшены адресы, то они возвращены владѣльцу. Остальные шесть голубей вѣроятно погибли во время длиннаго перелета. (р.)

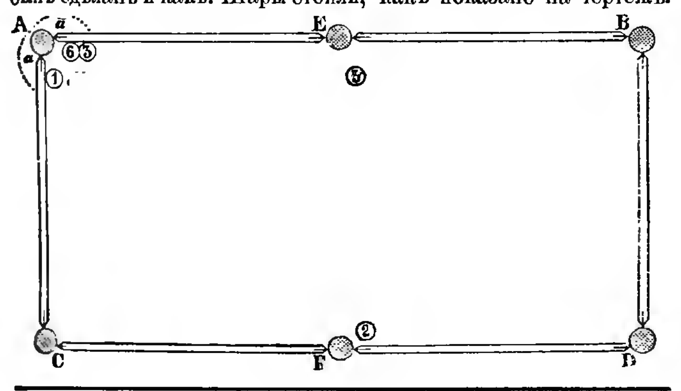
Ребусъ. Задача № 15.

Бильярдная задача № 16.

Въ одинъ ударъ.

Двое играли партію въ 5 шаровъ въ 60 очковъ. У № 1 было 51 очко. Онъ сдѣлалъ ударъ и выигралъ партію. Какой ударъ былъ сдѣланъ и какъ? Шары стояли, какъ показано на чертежѣ.

Алгебраическая задача № 17.

Извѣстная русская пословица состоитъ изъ 18 буквъ. Если буквы эти замѣнить цифрами, согласно порядку первыхъ въ русскомъ алфавитѣ, то между числами будутъ слѣдующія соотношенія:

1) Квадратный корень изъ суммы перваго и третьяго равенъ 5.

2) Сумма второго, пятаго и шестого равна тринадцатому въ квадратѣ.

3) Разность четвертаго и четырнадцатаго равна разности между суммою седьмого, шестнадцатаго и половины тринадцатаго и восемнадцатымъ.

4) Разность между суммою восьмого и девятаго и десятымъ равна суммѣ двѣнадцатаго и второго.

5) Восемнадцатое равно разности между одиннадцатымъ и четырнадцатымъ.

6) Седьмое такъ относится къ восемнадцатому, какъ пятое къ седьмому.

7) Среднее ариѳметическое четырнадцатаго и шестнадцатаго равно тринадцатому.

8) Одиннадцатое равно: $\sqrt[5]{28,629,151}$.

9) Разность между восьмымъ и семнадцатымъ равна $\sqrt[11]{2048}$.

10) Сумма перваго и второго равна единицѣ и $^2/_3$ одиннадцатаго безъ единицы.

11) Шестое и шестнадцатое равны третьему и четырнадцатому.

12) Пятое равно суммѣ восемнадцатаго и корня третьей степени изъ суммы семнадцатаго и единицы безъ девятаго.

13) Сумма перваго и второго равна суммѣ двѣнадцатаго и тринадцатаго.

14) Корень четвертой степени изъ пятнадцатаго равенъ восьмому безъ четвертаго.

15) Учетверенное тринадцатое равно значенію x изъ урав.:
$$\sqrt{x} = 2 + \sqrt{3 - 4\sqrt{x} + \sqrt{49 + x^2}}.$$

16) Семнадцатое безъ тринадцатаго равно значенію x изъ урав.:
$$\frac{\sqrt{x} - 2}{\sqrt{x} + 3} = \frac{\sqrt{x} + 1}{\sqrt{x} + 21}.$$

17) Половина тринадцатаго равна корню квадратному изъ третьяго.

18) Разность между восемнадцатымъ и суммою четырнадцатаго, пятнадцатаго и шестнадцатаго равна нулю.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

ПОЛНЫЙ ТОМЪ

„НИВЫ“ 1886 г.

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. С. Тургенева**, разсказъ графа **Л. Н. Толстаго**, романы графа **Е. А. Саліаса, Вс. Соловьева** и **Н. К. Лебедева (Морскаго)**, поэму **А. Н. Майкова**, разсказы и повѣсти **Всев. В. Крестовскаго, Я. П. Полонскаго, К. Тхоржевскаго, П. П. Гнѣдича, А. Я. Максимова, П. Петрова, В. П. Желиховской, Н. В. Успенскаго, Захеръ-Мазоха, К. Бороздина, Ар. Эвальда, Е. Кириллова** и разн. др., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч. кромѣ того нѣсколько художественныхъ, напечатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„ГАДАНЬЕ“.

(**Парижскія Моды** со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы“ „Моды“ прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован. . . . . **4** р. Въ каленк. перепл. **5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . . **6** „ Съ пересылкою. . **7** „ **50** „

При покупкѣ этого тома, желающіе имѣть картину „Гаданье“ наклеенною на полотно и вставленною въ РАМУ— могутъ получить таковую за 3 руб. Гг. же иногороднымъ эта рама высылается чрезъ транспорт. контору прочно задѣланною въ ящикъ, за 4 руб. (Стоимость пересылки уплачивается на мѣстѣ при полученіи рамы).

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, Невскій просп., № 6:

Шесть комедій

П. П. ГНѢДИЧА

для театра, для любительскихъ и домашнихъ спектаклей.

1) **Горящія письма.** Ком. въ 1 дѣйст.
2) **На хуторѣ.** Ком. въ 3 дѣйств.
3) **Женя.** Ком. въ 1 дѣйств.
4) **На южномъ берегу Крыма.** Комед. въ 2 дѣйств.
5) **Въ цвѣтахъ.** Ком. въ 3 дѣйств.
6) **Старая сказка.** Ком. въ 4 дѣйст.

Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленевой бумагѣ и украшенной виньетками. Цѣна этому изящному изданію 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к.

SCHMIDT'S
SAMEN-UND PFLANZEN-CATALOG
für 1887
ist in bekannter umfangreicher Ausstattung erschienen und wird
FRANCO
und
GRATIS
auf Verlangen versandt.

SCHMIDT'S
Catalog ist eine
SCHATZGRUBE
für jeden
Blumen-
und
Gartenfreund
200 Seiten,
500 Illustrat.
mit
Buntdruck
FRANCO
und
GRATIS.

12—5 **J. C. SCHMIDT, ERFURT, DEUTSCHLAND.** № 2363

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для укрѣпленія корней волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.

Въ Россійскомъ центральномъ книжномъ магазинѣ у книгопродавца Земскаго, въ Москвѣ, на Никольской улицѣ, въ Славянскомъ Базарѣ, самое дешевое народное изданіе

НА ДНЯХЪ ПОСТУПИТЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

ВСѢХЪ СОЧИНЕНІЙ

А. С. ПУШКИНА.

Всѣ **8** книгъ въ одномъ громадномъ томѣ, съ великолѣпнымъ его портретомъ въ ростъ и поясным портретомъ его жены, Натальи Николаевны, урожденной Гончаровой, первой красавицы того времени. Восьмая книга заключаетъ въ себѣ біографію.

Цѣна съ пересылкой во всѣ города **1 р. 50 к.**, въ роскошн. корешкѣ, съ золотымъ тисненіемъ **2 р.** тоже съ пересылкой.

Въ виду громаднаго требованія на соч. Пушкина гг. иногородныхъ, желающихъ имѣть это сочиненіе, прошу соблаговолить высылать деньги заранѣе.

№ 2420 **Книгопродавецъ ЗЕМСКІЙ.**

СПЕЦІАЛЬНЫЙ МАГАЗИНЪ БѢЛЬЯ

Ф. ТРАХТЕНБЕРГЪ.

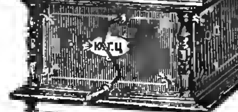
ОСНОВАНЪ ВЪ 1863 ГОДУ.

Рекомендуетъ свой богатый выборъ новостей сезона; заказы, какъ и всегда, исполняются по усвоенному фирмою принципу тщательно, аккуратно и добросовѣстно.

По требованію гг. иногородныхъ высылается новый иллюстрированный прейсъ-курантъ **БЕЗПЛАТНО.** № 2412 2—1

Большая Морская, д. № 25, въ С.-Петербургѣ.

Удобная и общедоступная музыка для танцевъ—

ПАТЕНТОВАННЫЙ АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ.

Инструментъ, на которомъ, посредствомъ верченія ручкой, можно играть весьма много различныхъ пьесъ и танцевъ. Есть много русскихъ пѣсенъ, любимые вальсы, польки, мазурки, польки-мазурки, полныя кадрили, галопы, марши, аріи и пьесы изъ оперъ и оперетокъ, и много другихъ. Цѣна аристонъ-органу съ **10-ю пьесами** по выбору **26 р.**; отдѣльныя добавочныя пьесы по **60 коп.** Аристонъ-органъ отличается мелодичнымъ тономъ (строй его ниже другихъ аристоновъ) и красивой отдѣлкой. Каталогъ нотъ для аристона—**безплатно.** Заказы изъ провинціи исполняются немедленно и аккуратно. За пересылку аристонъ-органа прошу приложить за 45 фунтовъ.

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬН. ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ: Б. Морская, № 36 и 42. № 2422
Москва: Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

Продажу музыкальныхъ инструментовъ и нотъ я произвожу исключительно только въ вышеуказанныхъ магазинахъ.

ДРУГИХЪ МАГАЗИНОВЪ НЕ ИМѢЮ.

Изданіе **А. Ф. Маркса** въ СПб., Невскій, № 6.

КАПИТАНЪ ГРЕНАДЕРСКОЙ РОТЫ.

Вс. С. Соловьева.

Романъ-хроника XVIII в. Время паденія Бирона и воцаренія Елисаветы. **Изд. 3-е.** СПб. 1886 г. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. **75** к., съ перес. **3** р. **25** к.

Изд. А. Ф. МАРКСА, СПБ., Невскій, № 6.

КАСИМОВСКАЯ НЕВѢСТА.

Вс. Соловьева.

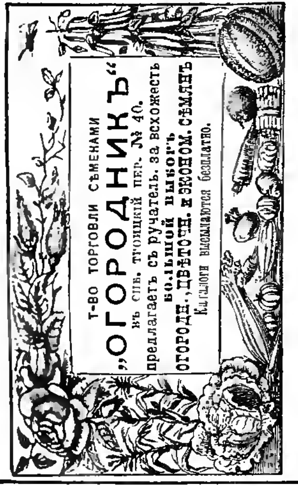
Историческій романъ въ трехъ частяхъ. Дѣйствіе романа въ XVII вѣкѣ, во время царствованія Алексѣя Михайловича. СПБ. 1886. **Изд. 2-е.** Цѣна **2** р., съ перес. **2** р. **50** к., въ коленкор. переплетѣ **2** р. **75** к., съ перес. **3** р. **25** к.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ ГЕНРИХЪ БЛОККЪ

УДЕШЕВЛЕННЫЯ ССУДЫ. № 2413 1—1

КРЫШКИ для переплета „Нивы“ изъ лучшаго англійск. коленк. 1886 г. съ зол. тисн. по вышеозначенному образцу 1 р., съ пер. 1 р. 50 к. Каждый простой переплетчикъ легко можетъ переплесть „Ниву“ въ такую великолепную крышку. Также имѣются крышки для **„Нивы“** прежнихъ лѣтъ, т. е. отъ 1870—1885 г. по той же цѣнѣ.

Mt. № 2402 2—2

80 коп. Высылаю 8 разныхъ красокъ для лицъ. Mt. № 2423
СПБ. Николаевская, 16.
МАКСЪ МАРКУЗЕ.

10—9 **СКРИПКИ** R. №2163
получавшія шесть разъ первыя награды, а также и всѣ струнные инструменты, **беззвучная скрипка** для ученія (патент.).
ЦИТРЫ всѣхъ сортовъ. **ГИТАРЫ**
а духовые инструменты. Школы для всѣхъ инструментовъ. Мастерская починокъ. Дешевыя цѣны. Рекоменд. Вильгельми, Сарасате, Туа и др. Подробные прейсъ-куранты высыл. безплатно и франко.
БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ
фабрика инструментовъ въ Крейцнахѣ.

1 руб **НОВОСТЬ.**
За 1 руб. высылаю патентованный приборъ, имѣющій въ себѣ 4 аппарата для дамъ и одну булавку для галстука съ малыми брилліантами (Imitation). Mt. № 2424
М Маркузе. Николаевская 16.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р 25 к

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ **БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА**
Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.
Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 1820 14

Съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ
„ФИЛАКТЕРІЙ, ТУТОРЪ И АКОЛИТЪ“
СРЕДСТВА ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ВОЛОСЪ
провизора **Н. СИПИЦЫНА.**
Продается во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
Цѣна за коробку, содержащую три предмета, составляющіе при употребленіи одно цѣлое, 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к. При требованіи трехъ коробокъ пересылка на счетъ склада. Р. № 2419 10—1
Главные склады: С.-Петербургская Химическая лабораторія Ф. Ликде, Невскій пр., д. № 23; въ магазинѣ на Вас. Остр., по 6 лин., д. № 25 и въ конторѣ **Ив. Фегедикгъ,** Чернышевъ пер., уг. Больш. Садовой ул. № 20; у **А. М. Рузанова,** Гост. Дворъ, 40; у **М. Ушакова,** Гост. Дворъ, 33; **СПБ. техно-химич. лабораторіи,** Гост. Дворъ; **В. П. Сердюкова,** Пассажъ; **Русск. Общ. Торг. аптек. товарами, Центр. Аптек. Депо,** Невскій, 27; магазинъ **А ла Рекоме,** Невскій, № 3; **В. Березовскаго,** Алекс. линія, № 6. Описаніе способа употребленія и назначенія означенныхъ средствъ, отдѣльными брошюрами приложено при средствахъ. Брошюра, по желанію публики, выдается въ главныхъ складахъ безплатно.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ
ПРОИЗВЕДЕНІЯ
БЕНЕДИКТИНОВЪ
Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).
НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.
С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. А. № 2150 16—9
2 золотыя медали:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.
Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ **ПЬЕРРЪ БУРСО**
Домъ основанный въ 1807 г. **Сегенъ,** въ Бордо, ул. Гюгери, 3.
ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.
Находится во всѣхъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ, аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россіи.

УДОСТОЕННЫЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ ВЫСШИМИ ОТЛИЧІЯМИ
ПРЕМИРОВАННЫЕ EXTRAITS QUADRUPLES:
ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ GOLD-LILIE
ЛОЗЕ BOUQUET MESSALINA
служатъ и для этого зимняго сезона лучшими духами для платковъ, платьевъ и проч. Такъ какъ эти и мои другіе **Extraits quadruples** подвергаются подражанію, то прошу покорнѣйше при покупкѣ обращать вниманіе на мою полную фирму St. № 2382 12—3
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,
46 Егерстрассе, БЕРЛИНЪ.
Парфюмеръ Е. В. К. Германской, придворный поставщикъ Е. К. И. В. Наслѣдной Принцессы Германск. и Прусской.
Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ИЗДАНІЕ
„Филологическихъ Записокъ“
въ настоящемъ году вступаетъ въ 26-й годъ своего существованія.
Подписка продолжается въ Редакціи и принимается во всякое время года.
Воронежъ. Годовая цѣна 6 р. 50 к.
№ 2418 3—1 Редакторъ **А. Хованскій.**

10 шт. 6 коп.
Оригинальна, привлекательна,
Нова, вкусна и занимательна,
Обращаетъ вниманіе всѣхъ
Папироса крученая
Mt. №2401 2—2 **„СМѢХЪ“.**
Бр. К. и П. Петровы

КРЕМЪ СИМОНЪ
LA CRÈME SIMON.

Кремъ Симонъ душитъ кожу, придавая ей бѣлизну.
LA POUDRE SIMON
и
МЫЛО
à la Crème Simon имѣютъ такой же запахъ, какъ и Кремъ.
J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.
Въ розницу продается у аптекарей, парфюмеровъ и парикмахеровъ, № 2421

ФОТОГР. АППАРАТЪ 30 Р.
полн. приборъ къ нему, т. е. объективъ, пласт., чашки, альб. бум. хим. продук. и пр. **20 Р.** Этимъ аппар. можно скоро изучить фотографированіе. Вѣсъ аппарата съ приб. 20 фунт. Mt. № 2384 10—3

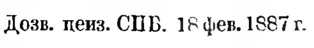
КРАТКОЕ РУКОВОДСТВО КЪ ФОТОГРАФІИ ДЛЯ Г.г. ЛЮБИТЕЛЕЙ
ЦѢНА: 1 РУБ. съ перес.
СТЕФФЕНЪ и ФРЕЛАНДТЪ.
С.-ПЕТЕРБУРГЪ НЕВСКІЙ ПР. 16/30
у Казанск. моста
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЪ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО

Только подлинно съ этою фабрич. маркою

„НЕ КАШЛЯЙ“.
Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ*).** № 2088 36—22

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха Стремянная, № 4.
Можно получить въ **С.-Петербургѣ:** въ Русск. Общест. Торг. аптек. тов.; въ аптекарск. складахъ: 1) Невскій 27; 2) Невскій 47; 3) уголъ Литейн. и Мал. Итальянской; Рульковіусъ и Гольмъ; Г. Клосъ и К°, В. Линие и А. Энглундъ; **въ Харьковѣ:** въ Русскомъ Общ. Торг. аптекарскими товарами; **въ Таганрогѣ:** въ аптек. маг. Штриммера и П. Поллакъ; **въ Баку:** въ Кавказск. Общ. Торг. апт. тов.; **въ Казани:** въ аптекѣ Ф. Грахе; **въ Николаевѣ:** въ апт. маг. Б. Вимутъ, Д. Лоевскаго и К°, и Зеленгеръ и К°.

Дозв. ценз. СПБ. 18 фев. 1887 г.

Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.

Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяческая, д. № 1.

XVIII г. | № 9 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XVIII | 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 28 февраля 1887 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При этомъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за Мартъ 1887 г. съ 31 грав. и отд. листъ съ 34-мя чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 11 рис., представляющими спальню и будуаръ въ русскомъ стилѣ.

Вильямъ Теккерей.

Среди иностранныхъ писателей, произведенія которыхъ наиболѣе нравятся нашей публикѣ и наиболѣе читаются и переводятся, одно изъ первыхъ мѣстъ принадлежитъ несомнѣнно знаменитому англійскому романисту, со дня смерти котораго скоро исполнится уже 25-тилѣтіе. Это Вильямъ Теккерей. Его превосходная „Ярмарка тщеславія“ и затѣмъ три романа, служатъ какъ бы продолженіемъ одинъ другого, ибо въ нихъ являются или тѣ же лица, или ихъ дѣти. „Пенденнисъ“ вводитъ въ кругъ лондонскаго литературнаго и высшаго общества — это разсказъ о карьерѣ молодого, талантливаго писателя, выступающаго съ успѣхомъ; затѣмъ идетъ романъ „Ньюкомы“, гдѣ Пенденнисъ является разсказчикомъ о приключеніяхъ своего пріятеля, молодого художника Ньюкома и его благороднаго отца полковника Ньюкома. Типъ этотъ превосходенъ, равно какъ и изображеніе жизни художниковъ въ Лондонѣ.

Вильямъ Теккерей. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Вильямъ Теккерей родился въ 1811 г. Пристрастясь къ живописи, онъ поѣхалъ путешествовать для изученія этого искусства. Въ Римѣ, Веймарѣ, Парижѣ онъ былъ въ дружескихъ отношеніяхъ съ разными художественными знаменитостями и въ „Ньюкомахъ“ есть превосходныя страницы, касающіяся искусства и показывающія въ Теккереѣ тонкаго цѣнителя и знатока живописи. Возвратясь въ Лондонъ и живя сверхъ состоянія, онъ прожилъ свое имѣніе и началъ писать для средствъ жизни. Первые его опыты были не изъ удачныхъ. Онъ былъ сотрудникомъ сатирическаго журнала „Пончъ“, гдѣ появлялись его статьи и рисунки, не особенно выдающіеся. Но въ 1848 г. появившаяся „Ярмарка тщеславія“ выдвинула его сразу въ ряды первыхъ писателей Англіи. Онъ вошелъ въ большую моду и „Пенденнисъ“, гдѣ онъ отчасти разсказываетъ свою жизнь, имѣлъ уже громкій успѣхъ. Затѣмъ появился его романъ историческій, изъ временъ англо-американской борь-

бы „Генрихъ Эсмондъ“, гдѣ выставлена личность Вашингтона, отличающійся чрезвычайною типичностью и живостью изображенія, а въ 1854 г. романъ „Ньюкомы“, о коемъ мы выше упоминали, окончательно упрочилъ славу Теккерея, какъ первокласснаго писателя. Въ 1855 г. онъ читалъ, съ огромнымъ успѣхомъ, лекціи объ англійскихъ юмористахъ и въ то же время началъ издавать прекрасный журналъ „Cornhill Magazine“, существующій и понынѣ. Всѣ произведенія Теккерея производятъ впечатлѣніе тщательно и старательно выработанныхъ, но писалъ онъ, однако, очень легко и съ незначительными помарками. Жизненность, естественность и мѣткій юморъ составляютъ отличительныя черты его произведеній. Теккерей умеръ въ Лондонѣ въ 1863 году. Всѣ его сочиненія неоднократно переведены на русскій языкъ; особенно популярны у насъ: „Приключенія Барри Линтона“, „Ньюкомы“ и „Сатирическіе очерки“. Теккерей писалъ также и историческія монографіи, изъ которыхъ лучшая „Исторія четырехъ Георговъ англійскихъ“. Посмертный романъ его „Денисъ Дюваль“ также переведенъ дважды на русскій языкъ.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Вскорѣ Вишки и Дохабенъ раздѣлились поровну на два лагеря: одни были мнѣнія содержателя гостиницы, другіе мнѣнія дохабенскаго мацитайса. Много было толковъ, много споровъ и горячихъ преній въ продолженіе долгаго времени о томъ, какъ и куда безслѣдно сгинулъ „Цара бралисъ“.

Прежде всего Марья рѣшила обратиться за совѣтомъ къ Христинѣ и попросить у нея немного денегъ, чтобы назначить награду тому, кто разыщетъ пропавшаго Карлуса.

Чрезъ недѣлю женщина была уже въ деревушкѣ Кегема.

Мужъ и жена Енриховы были поражены вѣстью, но оба подтвердили въ Марьѣ увѣренность въ томъ, что Карлусъ сдѣлался жертвою какихъ нибудь конокрадовъ или разбойниковъ. Христинѣ казалось нелѣпымъ, что русская царица станетъ такимъ способомъ похищать Карлуса! Еслибы за кого и пожелали москали приняться, то конечно прежде всего за нее, Христину, какъ за главную виновницу, открывшую все о себѣ и о своихъ братьяхъ.

Конечно Вульфеншильдъ, узнавъ о прибытіи Марьи, вызвалъ ее къ себѣ въ домъ и тоже разспросилъ обо всемъ.

Съ тѣхъ поръ, что Христина повидалась въ Ригѣ съ своею царицей, Вульфеншильдъ обращался съ семьей Енриховыхъ нѣсколько мягче и теперь особенно интересовался ихъ судьбою, ибо надѣялся, что это родство въ будущемъ принесетъ ему какую нибудь выгоду. Онъ точно также отнесся къ дѣлу. Ему показалось тоже нелѣпымъ, чтобы Карлуса похитили москали, какъ бы какую красную дѣвушку, или какъ цыгане воруютъ дѣтей. Шляхтичъ буквально повторилъ то же, что говорилъ содержатель гостиницы въ Вишкахъ.

— Захотѣли бы взять, сказалъ онъ, чтобы увезти въ Москву, такъ прислали бы двухъ или трехъ солдатъ.

Къ удивленію, не только Марьи, но и семьи Енриховыхъ, панъ Вульфеншильдъ далъ тоже немного денегъ, чтобы облегчить розыски Карлуса.

Хитрый шляхтичъ конечно разсудилъ про себя, что если когда либо судьба всѣхъ этихъ крестьянъ измѣнится къ лучшему, то онъ черезъ нихъ возвратитъ свои деньги сторицею.

Христина дала своей невѣсткѣ одинъ червонецъ на дорогу. Вмѣстѣ съ этимъ она посовѣтовала Марьѣ поручить розыски Дириху. Онъ. по ея мнѣнію, какъ ямщикъ, постоянно разъѣзжающій, можетъ черезъ своихъ товарищей-ямщиковъ распространить на цѣлую округу извѣстіе о пропажѣ Карлуса и обѣщаніе о наградѣ за его нахожденіе.

— Хлопочи, прибавила Христина. Я думаю также какъ и нашъ панъ, что не москали увезли Карлуса. Воры угнали дорогихъ коней, а Карлуса, такъ какъ онъ можетъ донести кто конокрады, они убили, или держатъ у себя въ неволѣ, запертымъ въ подвалѣ или гдѣ въ лѣсной сторожкѣ, покуда не переберутся воровать въ другую округу. Такіе примѣры бывали.

Марья пустилась снова въ путь и черезъ недѣлю была на станціи, гдѣ жилъ Дирихъ.

Онъ оказался конечно въ отсутствіи, только-что выѣхавъ съ какимъ-то проѣзжимъ. Но вернувшись черезъ нѣсколько часовъ, онъ былъ точно также перепуганъ извѣстіемъ. Конечно онъ тотчасъ же согласился разыскивать всячески брата; но однако сомнѣвался, чтобы Карлуса похитили какіе либо разбойники.

— Прежде бывали здѣсь шайки, говорилъ онъ. Постоянно грабили проѣзжихъ. Бывало, мѣсяца не проѣздишь, чтобы кого нибудь не ограбили. Только насъ не трогали и даже просили всегда побольше возить народа, да потише, чтобы легче было ловить! добродушно пояснилъ онъ.

Марья подробно выспросила у Дириха какъ пробраться къ золовкѣ Якимовичевой. Путь былъ не малый, такъ какъ Анна жила въ польскихъ Лифляндахъ. Марья однако рѣшилась побывать непремѣнно и у умной Анны.

Никогда еще не видавши семьи Якимовичевыхъ, Марья знала отъ мужа, что его сестра—женщина особеннаго ума и рѣшительности. Вообще Марья была объ ней самаго высокаго мнѣнія.

— Вѣдь она почти приказчицей у своей панны! часто говорилъ ей мужъ.

Дирихъ подробно разсказалъ Марьѣ какъ проѣхать черезъ границу и даже пообѣщался проводить ее верстъ хоть за сто.

Однако за одну ночь, что пробыла Марья въ домѣ Дириха, все измѣнилось.

За эту ночь латышка убѣдила своего мужа, слѣпо повиновавшагося ей, что нужно поступить совершенно иначе. Для нея не было ни малѣйшаго сомнѣнія, что Карлусъ взятъ москалями и что онъ, Дирихъ, будетъ тоже точно такъ же взятъ въ скоромъ времени.

— Все это виновата Христина, сказала Трина своему сожителю. Она разъяснила царицѣ гдѣ мы всѣ живемъ. И вотъ бабъ: Христину, Анну, Марью или меня не тронутъ, а мужиковъ, Карлуса и тебя, москали непремѣнно рѣшили не оставлять на свободѣ. Стало быть, надо ожидать въ скоромъ времени, что такимъ же или инымъ способомъ возьмутъ и тебя.

Дирихъ былъ пораженъ и повѣрилъ сразу.

— Что же намъ дѣлать, Трина?

— Да ты не согласишься. Я знаю что дѣлать. Да ты, оселъ, упрешься, сказала Трина.

Дѣйствительно, когда латышка объяснила своему сожителю, что, по ея мнѣнію, слѣдуетъ предпринять, то Дирихъ растерялся, смутился и сталъ отказываться.

Однако, черезъ два часа переговоровъ среди ночи и конечно шепотомъ, чтобы не могла ничего слышать Марья, спавшая въ сосѣдней горницѣ, Трина убѣдила своего сожителя:

„Поскорѣе, не теряя ни дня, сбыть Марью съ рукъ и заняться не Карлусовой, а своей собственной судьбой“.

Хитрая и умная латышка быстро подготовила почву для соглашенія. Все утро она охала на всѣ лады, дивясь какъ Марья могла отлучиться изъ дому послѣ такого казуса съ мужемъ.

Если и вправь, говорила она, не разбойники а москали выкрали Карлуса, то могутъ точно такимъ же образомъ явиться и покрасть дѣтей. И кто же защититъ ихъ? Ужъ конечно не панъ Лауренцкій, который отъ московскихъ солдатъ, или простыхъ сыщиковъ, спрячется самъ въ подвалѣ или въ стогѣ сѣна.

— Да вѣдь и я бы не могла защитить ихъ, отозвалась нѣсколько встревоженная Марья.

— Вѣстимо. Но за то тебя бы взяли вмѣстѣ съ ними. По крайней мѣрѣ не разлучили бы. А вѣдь теперь ты можешь вернуться изъ своего путешествія къ Якимовичамъ и найти домъ пустымъ. Хорошо если ты послѣ, тоже взятая, увидишься съ мужемъ и дѣтьми.

— Что же мнѣ дѣлать? говорила уже совершенно смущенная женщина.

Дирихъ предложилъ сестрѣ возвращаться немедленно домой, а самъ вызвался ѣхать къ Аннѣ Якимовичевой, чтобы вмѣстѣ обсудить дѣло и начать розыски, но, разумѣется, на деньги Марьи.

Женщина съ радостью дала брату два червонца, а сама, въ сумерки, встревоженная всѣмъ, что краснорѣчиво наболтала ей хитрая латышка, пустилась домой, прося Бога найти лишь дѣтей цѣлыми и невредимыми въ Дохабенѣ.

А черезъ нѣсколько часовъ послѣ ея отъѣзда въ избѣ Дириха шла спѣшная укладка и сборы. Ямщикъ уже получилъ разсчетъ отъ хозяина.

Не мало удивился содержатель станціи и другіе ямщики и ихъ жены, узнавъ, что Дирихъ съ латышкою покидаютъ хорошую избу, за наймъ которой впередъ уплачено и бросаютъ цѣлую десятину, засѣянную хлѣбомъ.

Разумѣется, Дирихъ не объяснилъ никому ничего, а сказалъ, что одинъ изъ проѣзжихъ нанялъ его въ кучера, верстъ за сто отъ мѣста. Должно быть Дирихъ лгать не умѣлъ, потому что на его лицѣ и въ его глазахъ всѣ прочли, что есть нѣчто другое, побуждающее его, быстро и безъ оглядки, бѣжать со станціи.

Въ тотъ же вечеръ на телѣгѣ было свалено все небольшое имущество Дириха и Трины. На возъ была посажена младшая дѣвочка, а старшая, вмѣстѣ съ матерью и Дирихомъ, пошла пѣшкомъ.

Къ утру путники были уже верстъ за двадцать отъ деревушки и остановились въ полѣ отдохнуть. Путь ихъ былъ дѣйствительно къ польской Лифляндіи, но, добравшись черезъ недѣлю до мѣстечка Губно, Дирихъ оставилъ семью, пристроивъ на заѣзжемъ дворѣ, а самъ пошелъ искать себѣ мѣсто въ батраки.

Не болѣе какъ черезъ сутки и Дирихъ, и латышка, уже нанялись къ купцу, у котораго были большіе огороды. Однако нанялся къ огороднику не Дирихъ Сковорощанекъ, не полякъ и католикъ, не 35-ти-лѣтній мужикъ, а нанялся Юррэ Чамарый, латышъ, 50-ти лѣтъ и по вѣроисповѣданію уніатъ. Иначе говоря, по наущенію Трины, передъ отбытіемъ со станціи, Дирихъ напоилъ одного изъ товарищей ямщиковъ до-пьяна и просто-на-просто укралъ у него изъ кармана его билетъ.

— Ну, теперь здѣсь, шутила Трина, довольная и счастливая, никакіе москали, буде станутъ разыскивать Дириха Сковорощанка, не найдутъ насъ, ни за что. Сто разъ пройдутъ и проѣдутъ они мимо Юррэ Чамараго и не догадаются—кто этотъ Чамарый.

Поселившись здѣсь, Дирихъ и Трина не могли конечно узнать, что латышка оказалась еще умнѣе и хитрѣе, нежели всѣ думали.

Не далѣе какъ черезъ мѣсяцъ послѣ того, что Дирихъ получилъ свой разсчетъ у содержателя станціи, въ Вишкахъ и Дохабенѣ появились какія-то двѣ личности и, разспросивъ подробно о томъ, гдѣ живетъ и что дѣлаетъ братъ Карлуса Сковорощанка, направились на ямскую станцію. Здѣсь они узнали, что Дириха давно нѣтъ, а куда онъ отправился—неизвѣстно.

Обѣ таинственныя личности въ продолженіе еще почти мѣсяца сновали по всей округѣ, разыскивая Дириха, чуть не обшаривая каждую деревушку и каждый поселокъ. Онѣ прямо говорили, что Дирихъ разыскивается за убійство проѣзжаго. И не смотря на то, что въ этомъ объясненіи не было ничего особеннаго, никто этому не повѣрилъ. Сами эти личности, плохо говорившія по-польски и вовсе не говорившія по-латышски, были подозрительны для всѣхъ.

XIII.

Однажды въ Дохабенѣ, на огородѣ, среди высокой конопли, сидѣли на землѣ двѣ фигуры, чернобровая красавица-крестьянка, очень молоденькая, живая и вертлявая, а около нея, полулежа у гряды, бѣлокурый, рослый малый, лѣтъ двадцати, съ простовато-добрымъ лицомъ.

Это были дохабенскіе обитатели, друзья съ дѣтства: „гансъ", т. е. пастухъ Дауцъ Цуберка и Софья Сковорощанка.

Прежде они не только видались просто, не скрываясь и не таясь ни отъ кого, но даже проводили иногда цѣлые дни вмѣстѣ. Софья выходила всегда въ поле, гдѣ паслось дохабенское стадо, иногда же Цуберка, передавъ свою обязанность на время кому либо изъ молодыхъ парней, забѣгалъ на дворъ Сковорощанковъ—повидаться съ милой.

Затѣмъ ихъ дружба, перешедшая въ иное чувство, стала предметомъ какъ насмѣшекъ дохабенцевъ, такъ и гоненія со стороны родныхъ Софьи. Нищій бобыль и простой деревенскій „гансъ" не могъ быть парой для дѣвушки, отецъ которой былъ не простой крестьянинъ, а лакей, платящій большой оброкъ своему пану и живущій богато.

Теперь же Марья тщетно приказывала сыновьямъ—Антону, уже 18-ти-лѣтнему парню, и даже мальчугану Мартыну, слѣдить за сестрой, чтобы она не водилась съ Цуберкой. Еслибъ латышъ былъ поменьше ростомъ и послабѣе, то Марья приказала бы даже старшему сыну бить возлюбленнаго сестры, но Цуберка былъ такой дюжій парень, что съ нимъ и мужику въ драку вступить было бы опасно.

Пользуясь горемъ и убитостью матери, Софья стала чаще и подолгу видаться съ возлюбленнымъ, скрываясь однако отъ приставленныхъ къ ней надзирателей-братьевъ.

Бесѣда влюбленной парочки на этотъ разъ была особенная. Софья тихо увѣряла Цуберку, что, благодаря внезапно придуманному ею плану, хитро обдуманному, больше вѣроятія, что она выйдетъ за него замужъ. Цуберка только косматой головой встряхивалъ и глуповато взглядывалъ на Софью.

Переговоривъ, они молча сидѣли, глядя другъ на друга, когда внезапно Софья услыхала шаги въ коноплянникѣ.

— Антонъ крадется! шепнула она. Увидитъ, мы его обругаемъ. Чего бояться?

Шаги приближались и вдругъ, среди высокой конопли, показалась такая фигура, что Софья дико взвизгнула и бросилась съ мѣста въ сторону... Цуберка шаркнулъ тоже зайцемъ въ другую сторону. Такого гостя и онъ оробѣлъ пуще самого чорта.

Фигура, очевидно нечаянно наткнувшаяся на влюбленную парочку, былъ баринъ-москаль, изъ тѣхъ что уже побывали разъ въ Дохабенѣ, разыскивая Дириха.

И Софья, и Цуберка хорошо узнали москаля, ибо когда-то не мало глядѣли на него съ трепетомъ на сердцѣ.

Ванъ-Дейкъ пишетъ портреты дѣтей короля Англіи Карла I. Съ карт. итальянск. художн. проф. Б. Джуліано, грав. Карминн

Разумѣется, дѣвушка бросилась бѣжать домой и всполошила семью извѣстіемъ о появленіи страшнаго гостя.

— Не ошиблась ли ты? спрашивалъ Антонъ.

— Москаль! Москаль! Вотъ какъ видѣла. И Цуберка видѣлъ. Москаль! повторяла Софья.

Дѣйствительно, въ Дохабенѣ появились снова тѣ же двѣ странныя личности. Въ тотъ же день вся деревня была на ногахъ, а гости явились въ домъ къ Сковорощанкѣ и, уже не скрывая своего происхожденія и званія, объяснили Марьѣ, что они присланы изъ Москвы, чтобы предлагать Дириху, а равно и Марьѣ съ дѣтьми ѣхать въ Россію.

— Тамъ вы увидитесь и съ Карлусомъ Самойловичемъ, заявили они.

Марья, ея сыновья и дочь, конечно перепугавшись на смерть, тотчасъ дали знать объ ужасныхъ гостяхъ, являвшихся уже второй разъ, какъ пану, гостившему у сосѣда, такъ и священнику.

Тотъ и другой немедленно явились и нашли у Марьи двухъ чисто одѣтыхъ молодцовъ. изъ которыхъ одинъ казался простымъ солдатомъ, а другой скорѣе смахивалъ на офицера. Но одѣты они были одинаково, въ простыхъ кафтанахъ и шароварахъ, съ высокими сапогами и въ шапкахъ въ родѣ гречневиковъ.

Появленіе мацитайса и отсутствовавшаго изъ имѣнія пана шляхтича какъ будто сначала нѣсколько озадачило обоихъ. Но затѣмъ тотъ, который казался скорѣе бариномъ и офицеромъ, чѣмъ простымъ солдатомъ, отрекомендовался письмоводителемъ московской бергъ-коллегіи и объяснилъ, что ему дано порученіе отъ одного именитаго боярина пригласить какъ Дириха, если онъ найдется, такъ и Марью съ ея дѣтьми ѣхать въ Москву и получить выгодное занятіе.

— Можетъ быть тамъ они и разбогатѣютъ, повторялъ чиновникъ.

Панъ Лауренцкій заявилъ, что господинъ секретарь бергъ-коллегіи можетъ увезти съ собою Марью съ дѣтьми, но предварительно купивъ ихъ у него, такъ какъ они его крѣпостные и онъ ихъ даромъ никому не отдастъ.

Панъ Лауренцкій думалъ, что на этомъ прекратится весь разговоръ. Но, къ его удивленію, москаль сталъ торговаться и предлагалъ сумму, которая смутила небогатаго шляхтича.

Москаль предлагалъ сто рублей за женщину съ шестью дѣтьми, изъ которыхъ только одинъ старшій сынъ могъ считаться уже хорошимъ работникомъ. Это была огромная цѣна.

Панъ Лауренцкій оторопѣлъ, не согласился тотчасъ, а попросилъ себѣ сутки на размышленіе. Вернувшись домой, онъ уже боялся только одного, что какъ бы москаль не раздумалъ и не уѣхалъ, или не предложилъ бы вдругъ 25 рублей.

Лауренцкій отдалъ бы всю семью и за 15 рублей, что было хорошею цѣною за женщину съ дѣтьми, еще малыми и неспособными къ работѣ, но ему жаль было разстаться съ красавицей Софьей, на которую онъ имѣлъ уже свои виды. Впрочемъ, за сто рублей московскихъ, Лауренцкій съ радостью соглашался пожертвовать чернобровой Софьей.

Панъ уже собрался въ тотъ же вечеръ снова объясниться съ чиновникомъ бергъ-коллегіи, но къ нему неожиданно явился священникъ и, послѣ короткаго объясненія, панъ Лауренцкій уже совершенно перемѣнилъ свои намѣренія.

Мацитайсъ, не ради того чтобы услужить пану, котораго онъ презиралъ за его безобразный образъ жизни, но чтобы спасти Марью съ семьей, убѣдилъ пана не соглашаться, хотя бы и на крупную плату.

— Поймите, панъ, сказалъ онъ. въ чемъ дѣло. Карлуса похитили москали хитростью. Взять его силою они не хотѣли, чтобы не нашумѣть во всей нашей округѣ. Они заманили его на большую дорогу, или въ лѣсъ, а тамъ украли, какъ малаго ребенка. Теперь точно такимъ же образомъ... замѣтьте это панъ,—тѣмъ же самымъ маперомъ, ничего о себѣ не объясняя, разыскивали они Дириха Сковоротскаго, и нигдѣ не найдя, явились и предложили вамъ уступить семью Карлуса. Если бы можно было украсть женщину и шестерыхъ дѣтей безъ шуму, заманя ихъ куда нибудь, то повѣрьте, что ни Марьи, ни дѣтей ея не было бы теперь уже въ Дохабенѣ. Но какъ такъ выкрасть цѣлое семейство мудренѣе, чѣмъ одного человѣка, то вотъ они поневолѣ и явились торговаться съ вами. По чьему указу они такъ дѣлаютъ? Кому интересъ и выгода получить семью Карлуса?—Конечно русскому царю! А какъ вы полагаете, что можетъ дать за свою прихоть или за какую нибудь крайнюю нужду русскій царь? Представьте себѣ, что царю или царицѣ русскимъ по зарѣзъ хочется, или даже необходимо заполучить къ себѣ въ Москву Дириха и семью Карлуса. Что русскій царь за эту необходимость или хоть за эту прихоть можетъ предложить владѣльцу, пану Лауренцкому? Неужели сто рублей? Нѣтъ, любезный панъ, ужъ если вамъ продавать такимъ покупателямъ, то продавайте такъ, чтобы, благодаря такому случаю, единственному въ гисторіи, какой вамъ судьба и фортуна ваша посылаютъ, вы могли бы на эти деньги купить себѣ еще цѣлую другую вотчину. Поймите, панъ, что вы переговариваетесь теперь не съ письмоводителемъ бергъ-коллегіи. Онъ наемный посланецъ. Вы ведете теперь торгъ съ инымъ лицомъ!

И на утро Лауренцкій, убѣжденный мацитайсомъ, рѣшилъ просить за семью Сковорощанковъ пятьсотъ рублей.

„Разумѣется, думалъ панъ, эти пріѣзжіе такой большой суммы не дадутъ и уѣдутъ обратно просить дальнѣйшихъ приказаній. И когда-то еще москали доѣдутъ до Москвы и объявятъ объ своей неудачѣ, да когда-то еще снова пошлютъ ихъ сюда съ новымъ предложеніемъ. А между тѣмъ, покуда, онъ успѣетъ обдѣлать свои дѣла, близкія его сердцу. До тѣхъ поръ Софья Сковорощанка перейдетъ въ полное его владѣніе, уже не какъ къ пану помѣщику, а какъ къ влюбленному въ нее. А затѣмъ, черезъ какихъ нибудь полгода, когда явятся снова москали за Сковорощанками, онъ получитъ крупную сумму и съ удовольствіемъ отдастъ имъ всю семью, съ Софьей включительно. Такимъ образомъ, двѣ его цѣли будутъ достигнуты.“

Въ полдень панъ Лауренцкій повидался съ загадочными гостями, ночевавшими въ Дохабенѣ, въ ожиданіи его отвѣта.

Секретарь бергъ-коллегіи былъ искренно и неподдѣльно изумленъ отвѣтомъ пана шляхтича, т. е. той крупной суммою, которую желалъ получить панъ за женщину съ малолѣтними дѣтьми.

— Помилуйте, господинъ Лауренцкій. За эти деньги въ Россіи можно купить цѣлыхъ три имѣнія, цѣлую округу, цѣлый городокъ! возразилъ москаль.

— Да и у насъ также большую вотчину можно купить,—хоть бы вотъ одну изъ Радзивиловыхъ, смѣясь отозвался шляхтичъ. Но я полагаю, панъ секретарь, семейство Сковорощанковъ стоитъ этого. Я полагаю, что вы, побывавши въ столицѣ Московскаго государства, вернетесь ко мнѣ снова и привезете эту сумму сполна. У вашего хозяина денегъ много... Привезете!

— Не думаю, уже загадочно смѣясь отозвался москаль.

Черезъ нѣсколько часовъ гости уже выѣхали изъ Дохабена.

Марья съ семьею вздохнула свободнѣе. Избѣгнувъ опасности, ей оставалось только снова горевать объ мужѣ. Однако, черезъ двое сутокъ, около полуно-

чи, въ домѣ Марьи произошла сумятица. Маленькія дѣти завыли, а старшіе, Антонъ и Софья, мертво блѣдные, дрожали, какъ въ лихорадкѣ, поднятые вдругъ со сна.

Марья, еще болѣе перепуганная, едва могла отвѣчать на вопросы того, кто произвелъ всю эту сумятицу. Въ ея домѣ, пробравшись какъ воръ, появился тотъ же секретарь бергъ-коллегіи.

Напрасно онъ успокоивалъ женщину и дѣтей, клялся, что никакого худа онъ имъ не сдѣлаетъ, что онъ пришелъ мирно уговорить ихъ ѣхать, чтобы свидѣться съ отцомъ.

— Поймите, глупая женщина, что я васъ отвезу туда, гдѣ теперь Карлусъ, который томится объ васъ въ разлукѣ. Чтобы вы вѣрили мнѣ, вотъ доказательство самое лучшее. Возьмите это себѣ.

И ночной гость выложилъ на столъ двѣ горсти денегъ, гдѣ было серебро и нѣсколько червонцевъ.

— Вотъ вамъ для того, чтобы вы купили себѣ все нужное и собирались въ дорогу. А затѣмъ тайкомъ, какъ нибудь ночью, въ заранѣе условленный часъ, выходите на большую дорогу, гдѣ я буду ждать васъ съ двумя телѣгами.

Долго уговаривалъ и усовѣщевалъ москаль и женщину, и старшихъ дѣтей, согласиться тайно бѣжать изъ Дохабена и ѣхать въ Россію, чтобы свидѣться съ Карлусомъ. Старшія дѣти только мотали головами, пугливо озираясь и ожидая каждую минуту появленія вооруженныхъ людей въ помощь этому ночному посѣтителю.

Марья, нѣсколько успокоившись, колебалась глядя на деньги, высыпанныя москалемъ на столъ. Наконецъ, будто осѣненная лучемъ находчивости и присутствія духа, она выговорила:

— Никогда, ни за что не двинусь я съ дѣтьми отсюда. Если вы говорите, что должны свезти] меня туда, гдѣ Карлусъ, и что онъ въ вашихъ рукахъ, а не въ рукахъ какихъ нибудь разбойниковъ—то пускай онъ самъ явится съ вами и возьметъ насъ. Пускай онъ также явится тайкомъ, ночью, мы будемъ готовы и въ нѣсколько минутъ выйдемъ за вами. Съ Карлусомъ и съ дѣтьми хоть на край свѣта. А такъ, панъ москаль, я не двинусь. Если вы что нибудь злое предпримете, я въ одну минуту всполошу всю деревню. Мы, съ благословенія папа священника и съ разрѣшенія папа Лауренцкаго, убьемъ васъ, зароемъ въ землю и къ разсвѣту объ васъ и помину не будетъ. Благо вы потихоньку и невидимо пришли. Уходите тотчасъ или я сейчасъ же крикну въ окошко одно слово, отъ котораго сразу встанетъ на ноги весь Дохабенъ. Стоитъ мнѣ крикнуть: „москали!..“ и черезъ минуту всѣ мои сосѣди окружатъ эту избу.

Секретарь бергъ-коллегіи будто смутился, вѣроятно понимая, что женщина не зря угрожаетъ ему, что все ею сказанное можетъ легко, сейчасъ перейти въ дѣйствительность. Онъ собралъ деньги со стола...

— Очень сожалѣю. Прощайте, выговорилъ онъ и быстро направился къ выходу.

Когда онъ исчезъ изъ избы, вся семья, сбившись въ кучу, какъ бараны отъ вихря или ливня, продолжали смущенно ахать и озираться. Это ночное появленіе начинало казаться имъ какимъ-то сномъ. Они готовы были спрашивать другъ у друга: не приснился ли каждому изъ нихъ страшный сонъ?

— Обойти мнѣ дворъ и задворки, произнесъ Антонъ.

— Нѣтъ, ни за что на свѣтѣ не пущу! воскликнула Марья. Они тебя могутъ украсть. Ты послабѣе Карлуса. Теперь я васъ ночью выпускать не буду. А изъ деревни и днемъ не смѣйте отлучаться одни.

XIV.

Наняться въ батраки къ кому нибудь въ Губнѣ—Дириху пришло уже на умъ въ пути. Сначала онъ хотѣлъ добраться до сестры и найти себѣ мѣсто при ея помощи у „старостихи Ростовской“, какъ звали во всемъ околоткѣ барыню Анны Якимовичевой.

Если-бъ барыня не взяла Дириха ради его соблазнительнаго сожительства съ чужой женой—то Дирихъ, по совѣту Трины, рѣшался—въ качествѣ вольнаго человѣка,—оставаться все-таки въ польскихъ Лифляндахъ, чтобы быть за границею Московскаго государства и внѣ власти москалей.

Когда-то Дирихъ былъ тоже крѣпостнымъ хлопомъ Лауренцкаго, но былъ имъ подаренъ дальнему родственнику. На подарокъ этотъ разсчетливый панъ рѣшился потому, что глуповатый и неспособный Дирихъ, по мнѣнію своего пана: „умѣлъ добже зробить или хорошо работать только зубами и желудкомъ“. По пословицѣ, вдвойнѣ тутъ приложимой, что даровому коню въ зубы не смотрятъ, родственникъ поблагодарилъ за подарокъ, но вскорѣ, убѣдясь, что дареный хлопъ дѣйствительно ни на что не годенъ по глупости, отпустилъ „дарового коня“ на волю, не положивъ даже опредѣлительно никакого выкупа.

— Что нибудь присылай. Что можешь! сказалъ онъ хлопу въ напутствіе. А нельзя—Богъ съ тобой...

Честный Дирихъ аккуратно посылалъ своему пану „съ оказіей“ злотыхъ десять, иногда и болѣе, въ годъ. Но эти злоты не всегда достигали кармана помѣщика, а оставались въ рукахъ хитроумной Трины.

И помѣщикъ, и Дирихъ этого конечно не знали.

На счастье вольной семьи — все теперь уладилось гораздо лучше, чѣмъ можно было надѣяться. А главное было то удачно, что можно было въ Губнѣ зажить подъ именемъ Юррэ Чамараго, тогда какъ у панны Ростовской пришлось бы Дириху быть попрежнему Дирихомъ и Сковоротскимъ.

Нанявшись у купца-огородника, Чамарый упросился на недѣлю въ отлучку, прежде чѣмъ вступать окончательно въ услуженіе.

Трина и старшая дочь тотчасъ же принялись за работу и удивили купца своимъ усердіемъ, а Дирихъ отправился къ сестрѣ добросовѣстно исполнять порученіе невѣстки.

Безъ труда разыскалъ онъ деревню, гдѣ жила старостиха Ростовская. Барыню эту знали на сто верстъ кругомъ... Даже болѣе того. На сто верстъ кругомъ была извѣстна плеть старостихи, ременная, „трехъхвостка“ съ красной сафьянной ручкой и съ серебрянымъ свисткомъ. Съ этой трехъ-хвосткой было знакомо все старосто и не легко было бы выискать ту спину, на которой эта плеть хотя бы разъ за сорокъ лѣтъ не свистнула.

Старостиха была извѣстна въ округѣ какъ людоѣдъ-баба, и ее побаивались не только ея собственные хлопы, не только подданные другихъ пановъ сосѣдей, но и сами нѣкоторые паны шляхта.

Къ этой-то барынѣ, которой принадлежала теперь Анна Сковорощанка, выйдя замужъ за ея крѣпостного хлопа Михайлу Якимовичева, направился Дирихъ.

Когда простоватый съ лица мужикъ своимъ шепелявымъ и даже глупымъ, по звуку, голосомъ опрашивалъ прохожихъ и проѣзжихъ, какъ пробраться ему въ экономію старостихи Ростовской—то многіе ухмылялись указывая путь, а нѣкоторые и шутили:

— Аль ученья ея отвѣдать захотѣлось... Смотри, у нея, братъ, если провинишься — вытянутъ ременной плетью. А если ужъ, на свое счастье, ни въ чемъ не провинишься, ну тогда только розгами.

Вслѣдствіе этихъ частыхъ одинаковыхъ предсказаній, Дириха въ пути сталъ уже разбирать страхъ и брало сомнѣніе продолжать ли путь? Но поколебавшись немного, Дирихъ рѣшилъ, что онъ ни въ чемъ не виноватъ противъ старостихи и конечно ни въ чемъ не

провинится за одинъ день пребыванія у сестры и у зятя, а слѣдовательно можетъ смѣло надѣяться только на розги. А подобное съ нимъ уже раза три въ жизни было, и хотя давно, но онъ помнилъ хорошо, что это вещь нестоющая вниманія.

„Розги одно баловничество, думалъ Дирихъ. Послѣ нихъ, лѣтомъ бываетъ хлопотливо на счетъ сидѣнія, а зимой послѣ розогъ дня съ два даже какъ-то теплѣе на дворѣ кажетъ.“

Въ семьѣ Якимовичевыхъ, конечно, чрезвычайно обрадовались прибытію близкаго родного.

Сколько лѣтъ Дирихъ не видѣлся съ сестрой—они даже и сосчитать не могли.

Сначала, однако, никто пришельца не призналъ. Смуглая и черноволосая Анна, очень похожая съ лица на брата Карлуса, не могла узнать сразу, хотя и родного, но бѣловолосаго и бѣлоглазаго брата. Когда онъ назвался, конечно Анна тотчасъ вспомнила младшаго брата, котораго когда-то забижала и колотила чаще и больше, чѣмъ другого брата и сестру.

Михайло Якимовичевъ призналъ тоже не сразу своего шурина, котораго видѣлъ разъ или два въ жизни. Онъ удивлялся не мало: какой Дирихъ бѣлый.

— Что онъ, сѣдой иль всегда таковъ былъ? спросилъ Михайло жену.

— Онъ и Христина вѣкъ были таковы, отвѣчала Анна. А она—въ насъ съ Карлусомъ.

— Кто?

— Она... Ну... Марта.

Послѣ нѣсколькихъ минутъ радостныхъ опросовъ, угощенья и всякой ласки, наступило грустное молчаніе, изумленіе и вздохи.

Дирихъ, начавъ съ вѣсти объ очевидной погибели старшаго брата, ни слова еще не сказалъ объ главномъ, т. е. объ свиданіи въ Ригѣ.

— Ахъ! вспомнилъ онъ... Мы вѣдь полагаемъ такъ, что Карлуса не разбойники угнали и убили, а все это дѣло подстроили москàли... царскіе хлопы!

— Москàли... Царскіе хлопы?!.. изумилась Анна.

„Какое дѣло москалямъ до Карлуса“, подумалъ и Михайло, глядя на шурина и соображая, что вѣроятно Дирихъ и впрямь совсѣмъ оголтѣлый дуракъ, какъ часто говаривала ему про брата Анна.

Дирихъ разсказалъ, насколько съумѣлъ, объ плѣненіи Христины русскими войсками и объ бесѣдѣ ея съ царицей въ Ригѣ.

Якимовичевы были изумлены и недовѣрчиво глядѣли на Дириха. Они конечно знали давно объ удивительной судьбѣ ихъ Марты. А тутъ вдругъ оказывается, что сестра Христина бесѣдовала съ ней.

„Не вретъ ли Дирихъ? Онъ всегда былъ какой-то помѣшанный!“ подумала Анна.

Однако разсказъ Дириха слишкомъ отзывался правдой. Да и подробности передалъ онъ такія, которыя придумать было трудно, въ особенности ему, съ его простотой.

И сразу страхъ и боязнь закрались въ сердце мужа и жены Якимовичевыхъ.

Если москàли сграбили и угнали въ Россію Карлуса за его родство съ Мартой, то и остальнымъ всѣмъ не сдобровать. Скоро перехватаютъ ихъ всѣхъ.

— Однако, вѣдь Христину въ Ригѣ не задержали, замѣтила Анна, а выпустили ее, напротивъ, изъ тюрьмы и дали ей еще много денегъ. Вѣрно это?

— Вѣрно. Вѣрно... Она и мнѣ червонецъ прислала изъ этихъ денегъ, заявилъ Дирихъ.

„Какъ же тутъ понять, соображала умная Анна. Христину сами москàли отпустили на волю, когда она была уже у нихъ въ заключеніи. А Карлуса разыскали и насильно увезли. Диковинно!“

— А сказала ли Христина, гдѣ мы живемъ? Чьи мы?.. спросилъ Михайло.

— Про всѣхъ, все у нея выспросили и она все разсказала, отвѣтилъ Дирихъ.

— Стало быть прежде всѣхъ за тебя, братъ, примутся! сказалъ Михайло. А покуда ты на свободѣ гуляешь, то намъ нечего опасаться.

Дирихъ нѣсколькими словами окончательно смутилъ и зятя, и сестру, объяснивъ, что онъ совсѣмъ бросилъ свое мѣстожительство, именно ради опасенія быть тоже угнаннымъ въ одну изъ Россій, а то и въ далекую Сибирь.

— Я и прозвище перемѣнилъ, прибавилъ Дирихъ. Меня теперь, ни царь русскій, ни круль польскій никакими жолнёрами не разыщутъ.

Анна была смущена болѣе мужа. Михайло отнесся какъ-то легче къ извѣстію и даже заявилъ, что врядъ ли съ Карлусомъ приключилось что худое, если только его взяли москали.

— Я такъ думаю, рѣшилъ онъ уже вечеромъ, когда всѣ, поужинавъ, сидѣли вмѣстѣ и калякали при свѣтѣ лучины... Я думаю, что Карлусъ просто померъ гдѣ либо. Волки съѣли, либо медвѣдь задралъ въ лѣсу, либо грабители убили. Онъ вѣдь любилъ хорошо одѣваться, какъ мнѣ сказывали проѣзжіе купцы изъ Вишекъ тому года два. Помнишь, Анна? Купцы, что съ товаромъ проѣзжали. Панна еще себѣ чулки купила и только половину денегъ заплатила, а другую половину обѣщала отдать или на томъ свѣтѣ угольками, или же на этомъ,—плетьми. Помнишь?

— Помню, отозвалась женщина, улыбаясь.

— Они намъ сказывали, что заѣзжали и въ Вишки, знаютъ Карлуса. Они говорили: вы совсѣмъ мужики, а Карлусъ одѣтъ чисто, ухватками ловкій... Будто какой княжій лакей или конюхъ. Ну, вотъ изъза этакого платья его грабители и убили! рѣшилъ Михайло.

— Полно брехать-то! нетерпѣливо отозвалась жена его.

Анна заставила мужа замолчать, какъ это часто бывало у нихъ, сама же думала думу и пришла про себя къ совершенно иному заключенію.

— Что думаетъ обо всемъ этомъ сама Марья? спросила она Дириха.

— Она ничего не думаетъ. Въ Вишкахъ всѣ одно говорятъ, а въ Дохабенѣ другое.

И Дирихъ передалъ, какъ съумѣлъ, оба мнѣнія о судьбѣ Карлуса.

Анна примкнула къ мнѣнію дохабенскаго мацитайса. Продумавъ въ безсонницѣ всю ночь объ братѣ и объ подробностяхъ его исчезновенія—она была убѣждена, что Карлусъ въ „Россіяхъ“.

XV.

На другой день, около полудня, рослый гайдукъ зашелъ въ избу Якимовичей и спросилъ:

— У васъ есть гость?.. Родственникъ...

— Есть. Братъ мой, отвѣчала Анна.

— Къ паннѣ его. Панна требуетъ.

Дирихъ, услыхавшій голосъ и приглашеніе идти къ паннѣ съ трехъ-хвосткой, немного смутился, но Анна его успокоила:

— Чего ты робѣешь...

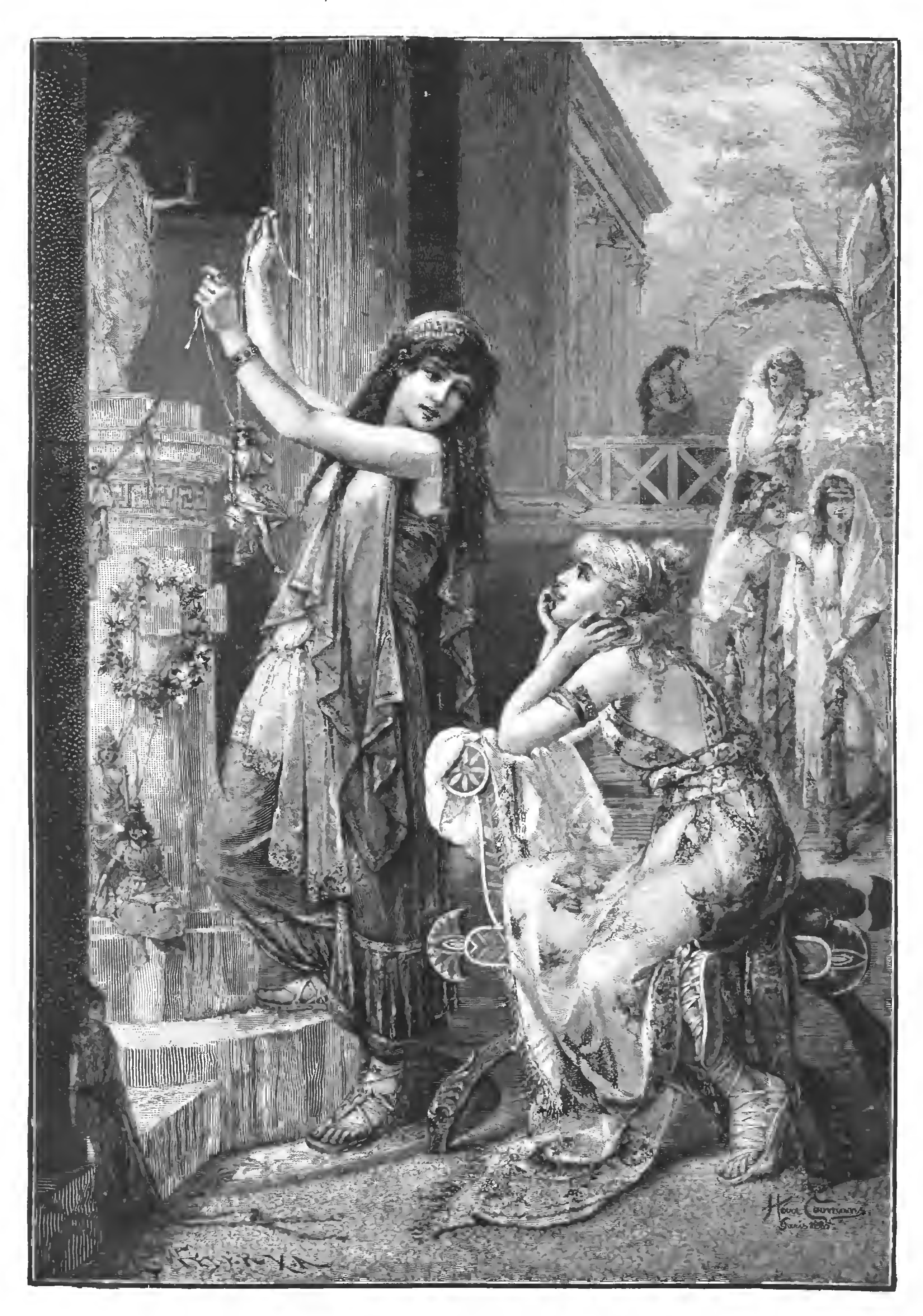
— А какъ же не робѣть. Я вѣдь не камень какой...

— Она же тебя не тронетъ. За что же? Она гнѣвна на провинности, а зря рѣдко злобится.

Дирихъ, въ сопровожденіи гайдука, направился въ усадьбу панны-старостихи.

Его ввели въ прихожую и велѣли дожидаться покуда не позовутъ.

Долго просидѣлъ Дирихъ... Мимо него шныряли люди, дворовые слуги и простые хлопы, но что болѣе всего удивляло Дириха—это было безчисленное количество

Жертвоприношенія римскихъ дѣвушекъ. Съ карт. Г. Команса, грав. Веберъ.

конекъ и котятъ, которые перебывали въ прихожей. Они входили, уходили, иные проходили только мимо, другіе, оглядѣвъ его, прыгали къ нему на колѣни или ложились около него, но, полежавъ, опять уходили. Какое-то безпокойство замѣтилъ Дирихъ во всѣхъ этихъ котахъ, кошкахъ и котятахъ.

— И-и-и! Панъ Богъ! Какое многое множество! восклицалъ Дирихъ шепотомъ.

Приходили и проходили звѣри эти: сѣрые, желтые, черные, бѣлые, ярко-красные, пестрые... Но во всѣхъ было одно и тоже... Какое-то безпокойство! Они странно оглядывали и обнюхивали Дириха, будто соображая и примѣриваясь: нельзя ли его съѣсть какъ крысу. Одинъ высокій и худой котъ, ярко-красный, въ черныхъ яблокахъ, съ чернымъ хвостомъ—такъ мяукнулъ около Дириха и такъ разинулъ на него огромную пасть съ острыми зубами, что ямщикъ, видавшій на своемъ вѣку не мало волковъ и медвѣдей, все-таки отодвинулся и почуялъ морозъ по кожѣ...

„Голодные что ли они всѣ?“ подумалъ онъ.

И простоватый Дирихъ угадалъ вѣрно. Старостиха, не любя котовъ, развела ихъ у себя кучу, но кормить не позволяла, ради того чтобъ они уничтожали въ домѣ и въ поляхъ крысъ и мышей, которыхъ она боялась до страсти.

Наконецъ, Дириха позвала къ паннѣ молодая горничная. Мужикъ вышелъ въ большую горницу съ накрытымъ обѣденнымъ столомъ посрединѣ. Въ противоположныя двери вышла къ нему навстрѣчу низенькая женщина, съ руками за спиной, скромно одѣтая, въ родѣ домоправительницы, зато очень полная и объемистая въ обхватѣ, съ сѣдиной въ темныхъ волосахъ, на которыхъ торчалъ большой чепецъ съ висячими на грудь черными лентами. Маленькіе круглые глазки этой женщины блестѣли тоже какъ кошачьи, да и походкой, тихой, мягкой и ровной, смахивала она на кошку.

„Только усовъ и хвоста нѣтъ!“ подумалъ простодушно Дирихъ, не ради остроумія, а чтобы убѣдить самого себя, что предъ нимъ женщина, а не огромнаго размѣра кошка.

Дирихъ ожидалъ, что эта кошка-домоправительница поведетъ его далѣе, къ лютой и знаменитой паннѣ-старостихѣ.

— Ну, дурень... Слушай внимательно и отвѣчай толкомъ, выговорила женщина и стала передъ нимъ, держа руки за спиной.

Густой басъ ея раздался въ горницѣ, какъ если бы вдругъ волторна загудѣла.

— Не заставляй повторять вопроса два раза и не повторяй его самъ! продолжала волторна. Я этого не люблю. Понялъ вопросъ — отвѣчай. Не понялъ, то прямо скажи: не понялъ. Ну, отвѣчай! Ты откуда?

— Изъ Губно, проговорилъ Дирихъ запинаясь и думая: „да кто же это такая—эта кошка?“

— Врешь... Будешь врать — сейчасъ велю выпороть плетьми. Откуда ты?.. Гдѣ ты жилъ до сихъ поръ?

„Это она сама!“ сразу догадался Дирихъ и подивился: „Неужели эта кошка и есть знаменитая панна-старостиха?“

Дирихъ объяснилъ, что жилъ на Псковскомъ трактѣ въ ямщикахъ, и на новые вопросы старался уже отвѣчать опредѣленно, такъ какъ на плети онъ совсѣмъ не разсчитывалъ, думая не провиниться ни въ чемъ и обойтись одними розгами.

— Когда пропалъ твой братъ Карлусъ?

Дирихъ выпучилъ глаза.

„Да откуда же она это знаетъ?..“ думалъ онъ и молчалъ.

— Ну! Чего таращишься, дурень? Ну! Отвѣчай! Ну?!.

Старостиха шагнула ближе на одинъ шагъ, махнула рукой и вдругъ что-то такое свистнуло, а затѣмъ что-то жиганули Дириха по плечу, такъ что онъ ахнулъ на весь домъ.

„Трехъ-хвостка!“ увидѣлъ и почувствовалъ Дирихъ.

— Еще хочешь. А?

— Нѣтъ... Не извольте безпоко... Простите...

— Когда, говори, пропалъ твой братъ?

— Съ мѣсяцъ назадъ! наобумъ выговорилъ Дирихъ.

— Разскажи, какимъ образомъ. Подробно, съ толкомъ. Да не врать! Не врать!

Дирихъ оживился и даже замѣтно поумнѣлъ сразу отъ близости трехъ-хвостки, которая, просвиставъ, снова теперь скрылась съ руками панны, заложенными за спину.

Это была любимая поза старостихи, когда она, стоя, разговаривала съ кѣмъ нибудь или ходила изъ угла въ уголъ по всему дому, даже когда она гуляла пѣшкомъ по своимъ владѣніямъ. Разумѣется, трехъхвостка не всегда бывала у нея въ рукахъ. Но всякій хлопъ, встрѣчавшій панну съ руками за спиной, конечно не могъ знать святымъ духомъ: „тутъ трехъхвостка, или нѣтъ“. Иногда, при приближеніи панны на деревнѣ или на работахъ въ полѣ, крестьяне, издалече завидѣвъ ее, засылали кого нибудь забѣжать сзади и поглядѣть... И лазутчикъ знаками увѣдомлялъ заинтересованныхъ о результатѣ своей развѣдки.

Почти всегда сигналы развѣдчика говорили:

„Тутъ!“

(До слѣд. №).

Ожерелье.

Разсказъ **Гюи-де-Мопассана.**

Она была изъ тѣхъ прелестныхъ дѣвушекъ, которыя точно по ошибкѣ судьбы родятся въ низменной средѣ. У нея не было приданаго, не было надежды быть замѣченною богатымъ, знатнымъ человѣкомъ, понятой, любимой имъ, не было надежды выйти за него замужъ и потому она взяла въ мужья маленькаго чиновника министерства народнаго просвѣщенія. Она была всегда просто одѣта, не имѣя возможности украшать себя, но отъ этого она чувствовала себя только несчастнѣе, точно отверженная. У женщинъ нѣтъ ни кастъ, ни рода: ихъ красота и грація замѣняютъ имъ и рожденіе, и происхожденіе; врожденное изящество, инстинктъ красоты, гибкость ума—составляютъ все ихъ чиноначаліе и уподобляютъ дочерей народа знатнымъ дамамъ.

Она чувствовала себя созданной для роскоши и для удовольствій и поэтому страдала отъ своего положенія. Она страдала отъ тѣсноты своего помѣщенія, при видѣ неукрашенныхъ стѣнъ, поношенныхъ креселъ, гадкой обивки мебели. Вещи, на которыя другая женщина въ ея положеніи почти не обратила бы вниманія, мучили и возмущали ее. Видъ маленькой бретонки, справлявшей все ея скромное хозяйство, пробуждалъ въ ней мечты полныя тоски и боли. Она думала о тихихъ, убранныхъ восточными матеріями и освѣщенныхъ бронзовыми лампами пріемныхъ и о составляющихъ необходимую принадлежность большихъ домовъ двухъ внушительныхъ ливрейныхъ лакеяхъ, которые, убаюканные теплотою комнаты, растянулись въ широкихъ креслахъ. Она думала о большихъ залахъ съ старинными шелковыми обоями, красивою мебелью, разставленными на ней драгоцѣнными бездѣлушками; о маленькихъ раздушенныхъ гостиныхъ, въ которыхъ такъ пріятно болтать послѣ обѣда съ хорошими друзьями, со знаменитостями, которыхъ знаетъ весь свѣтъ и за которыми ухаживаютъ женщины.

Она садилась обѣдать. На кругломъ столѣ уже третій день лежитъ скатерть. Мужъ сидитъ напротивъ ея, снимаетъ крышку съ супа и съ радостнымъ лицомъ произноситъ: „прекрасный супъ“. Она же въ это время думаетъ о тонкомъ обѣдѣ, блестящемъ серебрѣ, о гобеленахъ съ древними на нихъ фигурами и рѣдкими птицами посреди чуднаго лѣса, о рѣдкихъ кушаньяхъ, вносимыхъ на дорогихъ блюдахъ, о нашептываемыхъ любезностяхъ, которыя выслушиваешь съ улыбкою сфинкса, пока кушаешь розовое мясо форели или кусочекъ рябчика.

У нея не было нарядовъ, никакихъ украшеній, ничего. Кромѣ же ихъ она ничего не любила и считала себя созданною только для нихъ. Ее наполняло желаніе нравиться, увлекать, возбуждать зависть.

У нея была богатая подруга, съ которою она воспитывалась въ монастырѣ; мало-по-малу она прекратила навѣщать ее, такъ тяжело ей бывало всякій разъ возвращаться домой. Цѣлые дни она плакала отъ горя, сожалѣнія, отчаянія и нищеты!

Однажды вечеромъ мужъ ея возвратился радостно возбужденный, съ большимъ конвертомъ въ рукахъ.

— Вотъ, сказалъ онъ, это для тебя!

Она вскрыла конвертъ и вынула пригласительную карточку такого содержанія: „Министръ народнаго просвѣщенія и госпожа Жоржъ Рамповно просятъ господина и госпожу Лоазель оказать имъ честь провести вечеръ 18 января во дворцѣ министерства“.

Вмѣсто восхищенія приглашеніемъ, какъ ожидалъ ея мужъ, она недовольно бросила его на столъ и замѣтила:

— Ну и что же?

— Но, милая моя, я думалъ что ты обрадуешься. Ты никуда не выходишь и вотъ представляется прекрасный случай! Мнѣ не мало стоило труда получить приглашеніе. Каждый хочетъ воспользоваться имъ, а чиновникамъ даютъ меньше всего. Ты увидишь тамъ весь оффиціальный міръ.

Она бросила на него сердитый взглядъ и спросила:

— И что же я надѣну чтобы отправиться туда?

Объ этомъ онъ не подумалъ.

— Платье, проговорилъ онъ не смѣло, въ которомъ ты ходишь въ театръ. Я полагаю, оно красиво...

Онъ замолчалъ, смущенный, видя жену плачущею. Двѣ крупныя тяжелыя слезы скатились по ея щекамъ.

— Что съ тобою? спросилъ онъ въ испугѣ. Что съ тобою?

Съ трудомъ она успокоилась и, осушая глаза, отвѣтила дрожащимъ голосомъ:

— У меня нѣтъ платья и я не могу быть на этомъ вечерѣ. Отдай твою карточку товарищу, у жены котораго бо̀льшій запасъ платьевъ.

Онъ былъ въ отчаяніи.

— Скажи, Матильда, началъ онъ, что̀ стоилъ-бы приличный нарядъ, которымъ ты могла-бы воспользоваться и при другихъ случаяхъ, но конечно нарядъ простой?

Она подумала немного, разсчла сколько она можетъ потребовать, не получивъ прямого отказа, не возбудивъ страха въ бережливомъ чиновникѣ, затѣмъ сказала несмѣло:

— Съ точностью я этого не знаю, но думаю, что мнѣ хватило-бы четырехсотъ франковъ. Онъ поблѣднѣлъ немного. Четыреста франковъ были именно той суммой, которую онъ скопилъ для покупки ружья, съ которымъ предполагалъ ходить съ нѣсколькими пріятелями на охоту въ долинѣ Нантеръ, по воскреснымъ днямъ лѣтомъ.

— Хорошо, отвѣтилъ онъ тѣмъ не менѣе, ты получишь четыреста франковъ, но сдѣлай себѣ хорошенькое платье.

Праздникъ наступилъ и госпожа Лоазель была печальна, безпокойна, испугана. Нарядъ ея былъ готовъ.

— Что съ тобою? спросилъ мужъ, ты такая странная нѣсколько дней.

— Мнѣ непріятно, что у меня нѣтъ никакого украшенія, никакого камня, ничего, ничего! Видъ у меня будетъ ужасный. Я охотно осталась-бы дома.

— Возьми живые цвѣты, это теперь въ модѣ. За десять франковъ ты получишь двѣ или три прекрасныя розы.

Но ее нельзя было убѣдить.

— Нѣтъ; ничего нѣтъ болѣе унизительнаго какъ быть бѣдно одѣтою среди богато наряженныхъ дамъ. На этомъ она настаивала.

Но вотъ ея мужъ воскликнулъ:—Можно-ли быть такимъ глупымъ, чтобы не подумать объ этомъ! Сходи къ твоей подругѣ, госпожѣ Форестье, и попроси одолжить тебѣ что нибудь изъ ея драгоцѣнностей. Ты такъ хорошо съ нею знакома, что можешь сдѣлать это.

Она радостно вскрикнула.

— Это правда, объ этомъ я не подумала.

На слѣдующій день она пошла къ своей подругѣ и разсказала ей о своемъ несчастіи.

Госпожа Форестье вынула изъ зеркальнаго шкафа шкатулку и, открывая ее, пригласила госпожу Лоазель выбрать что ей понравится. Послѣдняя увидѣла браслеты, колье изъ жемчуга, великолѣпной работы, обсыпанный камнями венеціанскій крестъ. Все это она примѣряла предъ зеркаломъ, была въ нерѣшительности, не хотѣла ничего брать и ничего отдавать и все спрашивала:

— Нѣтъ-ли у тебя чего нибудь другого?

— О да, выбирай. Я не знаю что тебѣ нравится.

Но вотъ госпожа Лоазель увидѣла въ футлярѣ, выложенномъ чернымъ шелкомъ, прекрасное брильянтовое ожерелье. Сердце ея усиленно забилось. Руки ея дрожали, когда она брала ящичекъ. Она надѣла ожерелье и пришла въ совершенный восторгъ.

Нерѣшительно, въ страхѣ спросила она тогда:

— Одолжишь ли ты мнѣ это?

— Съ удовольствіемъ.

Она обняла подругу, горячо ее поцѣловала и ушла съ своимъ сокровищемъ.

На вечерѣ госпожа Лоазель имѣла полный успѣхъ. Она была красивѣе другихъ, изящна, граціозна и восхитительно улыбалась отъ восторга. Всѣ мужчины замѣтили ее, спрашивали объ ея имени, желали быть ей представленными. Всѣ чиновники министерства хотѣли танцовать съ нею. Даже министръ обратилъ на нее вниманіе.

Она танцовала съ увлеченіемъ, со страстью, опьяненная удовольствіемъ; въ торжествѣ своей красоты, въ блескѣ своего успѣха, она не думала ни о чемъ; она парила въ облакѣ счастья, доставленнаго ей восхищеніемъ и удивленіемъ, полнымъ торжествомъ, такъ пріятнымъ сердцу женщины.

Въ четыре часа ночи она начала собираться домой. Мужъ ея съ двѣнадцати часовъ дремалъ въ сосѣдней залѣ съ тремя другими господами, жены которыхъ очень веселились. Она разбудила его. Онъ набросилъ ей на плечи очень простой плащъ, составлявшій рѣзкій контрастъ съ изяществомъ бальнаго наряда. Она сообразила это и торопилась уйти, чтобы не быть замѣченною женщинами, надѣвавшими прекрасныя шубы.

Лоазель старался удержать ее.

— Подожди, замѣтилъ онъ, ты можешь простудиться. Я позову извозчика.

Она не слушала и торопливо сходила съ лѣстницы. Достигнувъ улицы, они не нашли экипажа; приходилось искать его и окликать проѣзжавшихъ извозчиковъ.

Озябшие и недовольные, они направились къ Сенѣ. Наконецъ, на набережной они встрѣтили старый экипажъ, какіе выѣзжаютъ въ Парижѣ только ночью, точно стыдясь показывать свою нищету днемъ.

Экипажъ этотъ отвезъ обоихъ домой, въ улицу Мартиръ. Они вышли молча. Для Матильды окончилось все; мужъ ея думалъ о томъ, что завтра ему нужно быть въ 10 часовъ на службѣ. Она сбросила плащъ и стала передъ зеркаломъ, чтобы еще разъ посмотрѣть на себя въ полномъ блескѣ. Вдругъ она отчаянно вскрикнула... На ней не было брильянтоваго ожерелья.

Лоазель, на половину одѣтый, спросилъ:

— Что случилось?

Она повернулась къ нему какъ полоумная:

— Я потеряла ожерелье.

— Что! вскричалъ онъ, пораженный. Это невозможно!

Они начали обыскивать складки платья, плаща, карманы, но не находили ничего.

— Увѣрена ли ты, спросилъ онъ, что ожерелье было на тебѣ при выходѣ съ бала?

— Да, въ передней я поправила его еще рукою.

— Если-бы ты потеряла на улицѣ, мы слышали-бы стукъ отъ паденія. Вѣроятно оно осталось въ экипажѣ.

— Очень возможно. Ты помнишь его нумеръ?

— Нѣтъ! Ты также не взглянула на него?

— Нѣтъ.

Они съ ужасомъ поглядѣли другъ на друга. Лоазель сталъ снова одѣваться.

— Я пройду по тѣмъ мѣстамъ, гдѣ мы шли съ тобою, сказалъ онъ, и быть можетъ найду ожерелье.

Онъ ушелъ. Она осталась въ бальномъ платьѣ, у нея не хватило духа раздѣться, лечь. Убитая, сидѣла она на стулѣ въ нетопленной комнатѣ. Къ семи часамъ вернулся Лоазель. Онъ не нашелъ ничего.

Онъ пошелъ затѣмъ въ префектуру, въ редакціи газетъ, предлагалъ нашедшему вознагражденіе, заявилъ у содержателей фіакровъ, однимъ словомъ пробовалъ счастье повсюду, гдѣ оставался хотя лучъ надежды.

Внѣ себя отъ ужаснаго несчастія, она весь день ожидала результата всѣхъ этихъ хлопотъ.

Лоазель вернулся вечеромъ блѣдный, со впалыми глазами. Онъ ничего не открылъ.

— Ты должна, сказалъ онъ, написать своей подругѣ, что ты сломала замокъ ожерелья и отдала его въ починку. Такимъ образомъ мы выигрываемъ время.

Онъ продиктовалъ, она написала.

По прошествіи недѣли, у нихъ исчезла всякая надежда. Лоазель, видимо состарившійся въ этотъ короткій промежутокъ времени, заявилъ:

— Мы должны подумать о томъ, чтобы замѣнить ожерелье.

На слѣдующій день они отправились съ футляромъ къ ювелиру, имя котораго было на немъ выставлено. Тотъ открылъ свои книги.

— Ожерелье это я не продавалъ, сказалъ онъ, вѣроятно только футляръ взятъ у меня.

Они ходили отъ ювелира къ ювелиру, подыскивали подходящее ожерелье и, изнемогая отъ горя и страха, напрягали всю свою память.

Наконецъ, въ одномъ магазинѣ въ Пале-Рояль они нашли подходящую вещь. За нее спросили сорокъ тысячъ франковъ и уступили за тридцать шесть.

Они просили ювелира не продавать вещи въ теченіе слѣдующихъ трехъ дней и кромѣ того поставили условіемъ, что тотъ приметъ ожерелье за тридцать четыре тысячи, если потерянное найдется къ концу февраля.

Литературн. альбомъ. „Конрадъ Валленродъ". Поэма А. Мицкевича. Ориг. рис. Н. Акатова, грав. Голевинскій.

Въ камышахъ. Съ карт. г-жи Н. Н. Куріаръ, грав. М. Рашевскій.

Лоазель наслѣдовалъ отъ своего отца восемнадцать тысячъ франковъ, остальныя деньги онъ хотѣлъ занять.

И вотъ онъ началъ занимать. Тутъ тысячу, тамъ пятьсотъ франковъ, у одного пять у другого три луидора. Онъ подписывалъ векселя, давалъ обязательства, которыя должны были разорить его, входилъ въ сдѣлку съ ростовщиками. Онъ жертвовалъ остаткомъ жизни, подписывалъ, не зная выполнитъ ли свои обязательства. Въ страхѣ за будущее, предъ грозящею нищетою, ужасаясь предстоящихъ нравственныхъ страданій и матеріальныхъ лишеній, онъ отправился къ ювелиру и отсчиталъ тридцать шесть тысячъ франковъ.

Когда госпожа Лоазель отнесла ожерелье своей подругѣ, та сказала съ удареніемъ:

— Однако ты могла бы принести его раньше, мнѣ самой могло оно понадобиться.

Она не открывала футляра. Госпожа Лоазель вздохнула съ облегченіемъ, такъ какъ задавала себѣ вопросъ: „что подумаетъ госпожа Форестье, замѣтивъ перемѣну? Что скажетъ она на это?“

Госпожа Лоазель геройски подчинилась своей участи. Она начала думать о погашеніи страшнаго долга. Прислуга была отпущена. Вмѣсто квартиры поселились въ мансардѣ. Госпожа Лоазель справляла самую грубую работу, стряпала, мыла тарелки; при чисткѣ горшковъ и кострюль испортились ея розовые ногти. Она стирала бѣлье и развѣшивала его для просушки на веревкахъ. Каждое утро она выносила мусоръ на улицу и приносила воду, останавливаясь на каждомъ поворотѣ лѣстницы, чтобы отдышаться. Одѣтая какъ простая женщина, она ходила съ корзиною на рынокъ, торгуясь изъ-за каждаго су.

Каждый мѣсяцъ истекалъ срокъ векселямъ, которые приходилось переписывать.

Лоазель вечеромъ велъ счетныя книги у купца, ночью переписывалъ бумаги по пяти су за страницу.

Жизнь эта длилась десять лѣтъ.

По истеченіи десяти лѣтъ они уплатили все съ процентами на проценты.

Оба Лоазели состарились. Она производила впечатлѣніе сильной, грубой, привыкшей къ работѣ женщины, заправлявшей бѣднымъ хозяйствомъ. Небрежно причесанная, съ криво надѣтою юбкою, красными руками, громкимъ голосомъ, такъ зачастую она стояла на колѣняхъ, моя полъ. Иногда же, когда мужъ ея бывалъ на службѣ, она садилась у окна и думала о томъ вечерѣ, о томъ балѣ, на которомъ она была красива. „Что могло бы быть, если бы она не потеряла ожерелья? Кто знаетъ, кто знаетъ...“

Какъ странна жизнь! Какъ мало нужно, чтобы погубить или спасти человѣка!

Въ одно воскресенье госпожа Лоазель отправилась погулять въ Елисейскія поля, чтобы тамъ отдохнуть отъ тяжелыхъ трудовъ. Вотъ она видитъ даму съ ребенкомъ. Это госпожа Форестье, все еще молодая, прекрасная, все еще обольстительная.

Госпожа Лоазель была потрясена. Не заговорить ли съ подругою? Конечно: да. И теперь, искупивъ вину, она все ей разскажетъ.

Она подошла къ ней.

— Доброе утро, Жанна.

Та не узнала ея и удивилась, что незнакомая говоритъ съ ней такимъ образомъ.

— Сударыня, отвѣтила она нерѣшительно. Я право не знаю... Вы ошибаетесь...

— Нѣтъ, я Матильда Лоазель.

Подруга въ ужасѣ воскликнула:

— Бѣдная Матильда! Какъ ты измѣнилась!

— Я пережила тяжелое время, съ тѣхъ поръ какъ тебя не видала, пережила много горя... и все ради тебя.

— Ради меня? Какимъ образомъ?

— Ты помнишь, вѣроятно, бриліантовое ожерелье, которое ты мнѣ одолжила на вечеръ въ министерствѣ?

— Помню.

— Я его потеряла.

— Ты же принесла мнѣ его обратно?

— Не то самое, но похожее. Десять лѣтъ мы платимъ за него. Ты поймешь, что для насъ это не было легко... Теперь все кончено и я довольна.

Госпожа Форестье остановилась.

— Ты говоришь, что купила бриліантовое ожерелье, чтобы замѣнить мое?

— Да. Ты не замѣтила этого? Оба ожерелья правда были очень похожи одно на другое.

Госпожа Форестье, не въ силахъ подавить своего волненія, схватила за руки подругу:

— Бѣдная Матильда! сказала она. Мое ожерелье было поддѣльное: оно не стоило болѣе пятисотъ франковъ!

Оноре Бальзакъ.

Извлеч. изъ статьи Е. Цабеля.
(Портр. на стр. 240).

Развитіе литературы каждаго народа постепенно бы остановилось, если бы отъ времени до времени въ нее не вносили новую и своеобразную жизнь могучіе и оригинальные дѣятели. Такимъ дѣятелемъ въ исторіи новѣйшей литературы является Бальзакъ, неистощимый и разнообразный авторъ, который съ безпримѣрною силою и неутомимостью работалъ надъ отдѣлкою.

Онъ родился въ Турѣ въ 1799 г. Мальчикъ былъ лѣнивъ и разсѣянъ въ школѣ; вмѣсто того, чтобы учиться, онъ читалъ такъ много, что даже серьезно заболѣлъ. Переселился онъ въ 1814 г. со своими родителями въ Парижъ, на почву, изъ которой онъ съумѣлъ извлечь такіе неподражаемые образы и картины. Геній его еще не просыпался. Занятія у нотаріуса и у адвоката шли неудачно и Бальзакъ попытался обратиться къ литературѣ. Родители его, которымъ это занятіе не нравилось, дали ему годъ на испытаніе, увѣренные въ неуспѣхѣ, и принудили его скрывать свое новое призваніе. Онъ началъ поприще пятиактной трагедіей „Кромвель“, которая, по мнѣнію его родственниковъ и друзей, была нехороша, но это его не устрашило и онъ продолжалъ заниматься. Всякій другой вполнѣ довольствовался бы написаніемъ одного тома въ годъ; Бальзакъ, желая достигнуть независимости, написалъ въ пять лѣтъ не менѣе сорока плохихъ романовъ, которые онъ не хотѣлъ даже признать своими впослѣдствіи, но которые тѣмъ не менѣе обличаютъ въ немъ поразительную умственную силу. Когда же это не доставило ему средствъ, онъ купилъ типографію и сталъ выпускать дешевыя изданія Лафонтена и Мольера, то есть осуществилъ идею, выполненіе которой сдѣлало другихъ людей милліонерами. Но и это предпріятіе его не удалось, онъ прекратилъ его, сдѣлавъ значительные долги, и въ 29 лѣтъ принужденъ былъ начинать снова, съ тою разницею, что теперь онъ имѣлъ менѣе, чѣмъ ничего, такъ какъ кредиторы требовали уплаты долга и эти долги составляли его горе, отъ котораго онъ не могъ освободиться почти всю жизнь. Мысль о долгахъ, возраставшихъ отъ сдѣлки съ ростовщиками, преслѣдовала его постоянно и принуждала къ неслыханной, напряженной работѣ, она отравляла ему всѣ удовольствія и сдѣлала его мученикомъ. Онъ только и думалъ о „творчествѣ“ и доказалъ, что у него не только было желаніе, но и сила сдѣлать невозможное. Средняго роста, коренастая фигура, выразительное, обрамленное черными волосами лицо, съ проницательными, полными жизни глазами, это былъ сильный духомъ человѣкъ, который не дожилъ однако до старости. Работа Бальзака граничила съ невозможнымъ. Онъ вставалъ въ полночь, пилъ кофе и работалъ безъ перерыва по двѣнадцати часовъ; онъ любилъ уединяться и по недѣлямъ не читалъ газетъ, чтобы не прерывать своей идеи. Кто видѣлъ какъ онъ, со спущенными шторами, при свѣтѣ четырехъ свѣчей, въ доминиканскомъ бѣломъ костюмѣ, съ неустанною энергіею набрасывалъ на бумагу образы своей фантазіи, тотъ могъ принять его за демона, случайно попавшаго въ общество людей и стоявшаго слишкомъ высоко, чтобы принадлежать къ нему. При этомъ онъ работалъ медленно и съ трудомъ, долго подыскивая выраженія для передачи своихъ чувствъ. Обыкновенно онъ держалъ восемь, десять корректуръ; первая была только наброскомъ, къ которому постоянно прибавлялись дополненія и поправки. Наборщики ужасались, издатели брали за эти корректуры у автора не малую часть гонорара, но Бальзакъ не могъ поступать иначе: фантазія его была такая живая, что ослабляла его способность выражать свои возрѣнія. Можно сказать, что каждую изъ своихъ книгъ онъ писалъ по нѣскольку разъ и при массѣ его произведеній это была работа гигантская. До конца жизни онъ былъ прикованъ къ труду.

Лишенія и бѣдствія пробуждаютъ въ человѣкѣ высшія умственныя силы, они вызвали также тотъ огонь, который придастъ такую завлекательность его произведеніямъ. Но не слишкомъ ли тяжело уже преслѣдовала его судьба, чтобы это могло хорошо отразиться на немъ какъ на художникѣ. Отъ природы онъ обладалъ такою богатою фантазіею, что и при болѣе счастливыхъ условіяхъ она не могла не проявляться. Въ силу дурныхъ обстоятельствъ, въ головѣ его бродили мысли, выходившія за литературные предѣлы и принимавшія иногда странное направленіе. Онъ отправился въ Сардинію,—и съ какою цѣлью? Начать разработку серебряныхъ рудниковъ, которыми, какъ онъ полагалъ, римляне не воспользовались; затѣмъ вообразилъ, что изобрѣлъ составъ для изготовленія бумаги. Иногда въ основанія его идеи заключалось много практическаго, но онъ былъ не въ состояніи извлечь изъ этого какую либо для себя пользу. Искусственный міръ такихъ идей зачастую замѣчается и въ его произведеніяхъ. Его безконечныя картины и сравненія, наивныя преувеличенія прямо зависятъ отъ этого. Нуждаясь постоянно въ деньгахъ, онъ тѣмъ щедрѣе надѣляетъ ими своихъ героевъ. Понятія о наживѣ и потерѣ играютъ главную роль въ его произведеніяхъ, съ горячностью онъ говоритъ о прибыльности дѣлъ, о средствахъ для наживы. Оправленныя въ серебро и золото фантазіи поэта почти гра-

ничатъ съ мономаніей. Съ одной стороны ему постоянно чудились звонки его кредиторовъ. съ другой—онъ надѣялся на внезапный счастливый поворотъ въ судьбѣ, который освободитъ его изъ печальнаго положенія. Въ 1848 году онъ сказалъ своему другу, который посѣтилъ его въ его богатомъ домѣ: „Все это не мое, я живу у добрыхъ знакомыхъ и считаюсь ихъ привратникомъ". Всѣ его чувства проникнуты затруднительностью денежныхъ дѣлъ. При иныхъ обстоятельствахъ, многое созданное имъ было бы лучше, не страдало бы растянутостью. Но его нужно брать такимъ, какъ онъ есть, съ сильнымъ свѣтомъ и глубокими тѣнями.

Кто занятъ одною мыслью, тотъ руководится ею во всѣхъ положеніяхъ жизни. Бальзакъ, какъ бы задавшійся цѣлью исчерпать образы и типы своего времени, видѣлъ такъ ясно картины своей фантазіи, что не могъ уже повелѣвать выводимыми имъ лицами, а они сами поступали согласно своему характеру. Предъ міромъ, который проносился въ его мозгу, отступалъ, во время лихорадочнаго его творчества, міръ дѣйствительный, ежедневный. О своихъ герояхъ онъ говорилъ также, какъ говоримъ мы о великихъ людяхъ исторіи и политики: онъ радовался ихъ счастью, онъ страдалъ ихъ горемъ. Родные получали извѣстія о здоровьѣ и судьбѣ его героевъ, съ которыми онъ постоянно жилъ мысленно, и когда Сандъ разсказывалъ ему объ его больной сестрѣ, Бальзакъ вдругъ прервалъ его: „Такъ, такъ! но вернемся къ дѣйствительности, поговоримъ объ Евгеніи Гранде." Это ли не выраженіе высшей степени поэтической созерцательности? Онъ началъ считать вымышленные образы реальнѣе дѣйствительности! При такомъ полномъ поглощеніи искусствомъ, не удивительно, что Бальзакъ считалъ себя чрезвычайно способнымъ и вдавался иногда въ крайности. Онъ не довольствовался славою поэта, но хотѣлъ быть и философомъ. По временамъ, когда онъ приходилъ въ отчаяніе отъ тщеславія или неспособности своихъ сотоварищей по искусству, онъ могъ назвать себя маршаломъ новѣйшей литературы, докторомъ соціальныхъ наукъ. Въ его кабинетѣ стояла статуэтка Наполеона и на ножнахъ шпаги написаны были слова: „Чего онъ достигъ мечемъ, то я завоюю перомъ". Какъ ни странно звучитъ эта фраза, но съ содержаніемъ ея нужно согласиться. Дѣйствительно, Бальзакъ съ напряженіемъ всѣхъ своихъ умственныхъ силъ боролся, чтобы овладѣть чрезвычайными трудностями своего матеріала и обезоружить нападки своихъ противниковъ. Въ этомъ отношеніи его можно сравнить съ полководцемъ, заплатившимъ жизнью за одержанную побѣду.

Бальзакъ—это вѣрное изображеніе неусыпной, помрачающей умъ жизни въ такомъ городѣ, какъ Парижъ. Напряженность работы, излишества удовольствій, голодающая и мерзнущая нищета, роскошь богачей, страсти и волненія семьи, соціальной жизни, политики, искусства и религіи—все служило ему матеріаломъ для его произведеній. Ни одинъ сюжетъ не казался ему такъ низокъ, чтобы онъ не открылъ въ немъ черты трогательной человѣчности, ни одинъ сюжетъ настолько высокъ, чтобы онъ не возвысился до него своимъ знаніемъ людей и способностью изложенія. Бальзакъ отличается необыкновеннымъ пониманіемъ людной жизни большого города, онъ не страшится никакой испорченности, ищетъ только правды и находитъ ее, такъ что его романы даютъ точное изображеніе парижской жизни во время дѣятельности поэта. Но Парижъ для полноты требуетъ постояннаго притока свѣжей крови изъ провинціи, поэтому Бальзакъ сдѣлалъ почти всю Францію предметомъ своихъ разсказовъ. Онъ побывалъ всюду для изученія мѣстнаго колорита, которымъ хотѣлъ окружить своихъ героевъ. Онъ посѣтилъ Корсику и Сардинію, Германію, Италію и Россію, чѣмъ давалъ своей фантазіи постоянно новую пищу.

Первый романъ, подписанный Бальзакомъ, былъ „Шуаны". Это эпизодъ изъ войнъ революціи. Тридцатилѣтній въ то время поэтъ взиралъ на Вальтеръ Скотта какъ на свѣтило, которому хотѣлъ подражать. Но неподражаемому таланту Бальзака было суждено развиться не на исторической почвѣ, а на почвѣ анализа и изображенія современной жизни. Своей „Психологіей брака" онъ попалъ въ настоящую среду. Въ сочиненіи этомъ онъ избираетъ трудный предметъ, именно условія, при которыхъ возможна брачная жизнь. Въ томъ же 1831 г. является его философская повѣсть „Peau de Chagrin", которую Гете читалъ въ послѣдніе годы своей жизни и назвалъ ее произведеніемъ высокаго ума. Основная мысль повѣсти также своеобразна, какъ ея изложеніе, и напоминаетъ чудесную лампу Аладина. Молодой несчастный человѣкъ, по имени Рафаилъ, намѣренъ лишить себя жизни; но вотъ онъ находитъ у старьевщика, которому болѣе ста лѣтъ и который видѣлъ весь свѣтъ, замѣчательную кожу, которую покупаетъ. Кожа обладаетъ свойствомъ исполнять всякое желаніе владѣльца, но въ то же время уменьшаться; съ исчезновеніемъ ея прекращается и жизнь ея обладателя. Снабдивъ своего героя такимъ чудеснымъ средствомъ, Бальзакъ даетъ ему возможность насладиться всѣми благами жизни; въ то же время онъ, съ необыкновенною жизненностью, изображаетъ игроковъ, литераторовъ, знатныхъ и другихъ дамъ и достигаетъ такого богатства красокъ, что воображеніе читателя живо заинтересовано. Въ чаду наслажденій, Рафаилъ вдругъ вспоминаетъ о постоянномъ уменьшеніи кожи, онъ старается ограничить свои желанія, чтобы дольше пользоваться чудеснымъ средствомъ, но умираетъ, обуреваемый сильными страстями и желаніями.

„Шуточные разсказы", которые начали появляться также въ 1831 г., выказываютъ въ Бальзакѣ способность къ той формѣ повѣстей, какая была въ ходу въ средніе вѣка. Въ своемъ романѣ „Женщина въ 30 лѣтъ", онъ изобразилъ страсть, внушаемую зрѣлой женщиной молодому человѣку.

Въ 1836 г. Бальзакъ задумалъ соединить всѣ свои сочиненія въ одно цѣлое и озаглавить: „Человѣческая комедія". Онъ былъ восхищенъ этою мыслью и писалъ своимъ сестрамъ: „Поздравьте меня, дѣти, я намѣренъ стать геніемъ". Дѣйствительно, мысль была геніальная; онъ хотѣлъ изобразить всѣ состоянія и классы, и лица одной повѣсти вводить въ слѣдующую повѣсть. Всѣ разсказы должны были составлять одно цѣлое и изображать все французское общество временъ Возрожденія. Это былъ гигантскій замыселъ, на выполненіе котораго не хватило бы человѣческихъ силъ. Своимъ предисловіемъ къ „Человѣческой комедіи" Бальзакъ могъ оправдаться противъ обвиненія въ матеріализмѣ и безнравственности. Предисловіе замѣчательно тѣмъ, что Бальзакъ разсказываетъ, какъ онъ напалъ на мысль объ этомъ гигантскомъ созданіи. Онъ изложилъ обзоръ отдѣльныхъ частей, точно онѣ всѣ уже были написаны. Бальзакъ писалъ также для театра; такъ въ 1840 г. появилась его первая драма „Вотренъ", затѣмъ, спустя два года,—комедія „Мечты Гвинолы". Слѣдующія затѣмъ драмы были: „Памела Жиро" и имѣвшая большой успѣхъ драма „Мачиха", появившаяся въ 1849 г. Затѣмъ прекрасная драма „Дѣльцы" была исполнена на сценѣ уже послѣ смерти Бальзака, послѣдовавшей въ 1851 году.

Онъ умеръ, когда въ жизни его наступилъ счастливый поворотъ. Толпа его противниковъ все уменьшалась и ему, человѣку занятому умственною работою, предстояло величайшее счастье—бракъ съ прекрасной женщиной, высоко оцѣнившей его. Въ тридцать лѣтъ онъ познакомился съ польской графиней Ганской. Удовлетворивъ своихъ кредиторовъ и достигнувъ признанія своей славы, онъ повѣнчался съ графиней Ганской въ 1850 г., въ Малороссіи. Но онъ уже страдалъ болѣзнью сердца, унесшей его въ могилу. Только три мѣсяца наслаждался онъ супружескимъ счастіемъ и палъ жертвою непомѣрныхъ усилій въ работѣ. Кто хочетъ узнать внутреннее настроеніе Бальзака во все время его литературной дѣятельности, тотъ долженъ обратиться къ изданной въ 1877 г. его перепискѣ, которую онъ велъ съ семьею и друзьями. Переписка эта глубоко захватываетъ сердце читателя. Тутъ мы видимъ Бальзака то исполненнаго гордости и надеждъ, то предающагося горю, слышимъ то его громкій смѣхъ, то тяжелый вздохъ, когда непріятности становились слишкомъ уже тяжелы. Въ письмахъ этихъ нѣтъ ничего отдѣланнаго, ничего, что бы заставляло предполагать, что онъ думалъ объ ихъ опубликованіи. Это простыя сообщенія труженика, оставившаго на минуту свои занятія, чтобы подѣлиться мыслями съ друзьями. По произведеніямъ Бальзака мы удивляемся его уму, его же письма показываютъ, что сердце его было не менѣе велико и прекрасно, чѣмъ его произведенія.

Къ рисункамъ.

Ванъ-Дейкъ пишетъ портреты дѣтей Карла I.

(Рис. на стр. 228 и 229).

Въ Туринскомъ Музеѣ находится картина Ванъ-Дейка, принадлежащая къ его лучшимъ произведеніямъ и озаглавленная: „Дѣти Карла I, короля англійскаго". Не много художниковъ вели такую роскошную, аристократическую жизнь, какую велъ Ванъ-Дейкъ при дворѣ Карла I, предоставившаго ему въ распоряженіе два замка: Блэкфрайаръ на зиму и Этамъ для лѣта. Кромѣ гонорара за картины, художникъ получалъ значительную ежегодную сумму. Король часто посѣщалъ своего любимца и разговаривалъ съ нимъ объ искусствѣ и новостяхъ Двора. Уважаемый королемъ, художникъ пользовался также величайшимъ вниманіемъ придворныхъ. Не было почти ни одного выдающагося лица при англійскомъ дворѣ, которое бы не увѣковѣчила его кисть. Карлъ I нарисованъ имъ во многихъ видахъ, и нѣтъ сомнѣнія, что изъ сотни портретовъ, принадлежащихъ кисти Ванъ-Дейка, портреты Карла I самые выдающіеся. Лучшими считаются также портреты семьи Карла I и это навело туринскаго профессора Джуліано на мысль изобразить художника въ его мастерской, придерживаясь образцовъ, оставшихся послѣ Ванъ-Дейка на его картинахъ. Рядомъ съ группою, помѣщенною посрединѣ, вниманіе привлекаютъ три дамы, разсматривающія картину знаменитаго нидерландца. Дитя, ласкающее собаку,—сынъ Карла I, игравшій впослѣдствіи такую роль подъ именемъ Карла II. Дитя на рукахъ гувернант-

ки — Іаковъ II, король англійскій, умершій въ ссылкѣ во Франціи. Дѣвочка—Генріетта англійская, принцесса орлеанская, умершая на 26 году жизни.

Жертвоприношенія въ Римѣ. (Рис. на стр. 233).

Греки и римляне, передъ выходомъ на войну, приносили богамъ жертву, прося о благополучномъ исходѣ битвы. Возвращаясь послѣ побѣды, они также благодарили боговъ жертвами. Каждое торжество въ государствѣ или въ тѣсномъ семейномъ кругу, каждое выдающееся событіе—сопровождались жертвоприношеніями. Насколько были многочисленны божества, настолько были разнообразны приносимыя жертвы, и одну изъ самыхъ своеобразныхъ Команcъ избралъ сюжетомъ для своей картины. Дѣвушки, перешедшія отроческій возрастъ, подходятъ къ богинямъ и подносятъ имъ, ставшихъ самимъ уже не нужными, куколъ, мячики и пр. и испрашиваютъ себѣ счастья въ будущемъ, въ любви и въ семьѣ.

Конрадъ Валленродъ.

(Рис. на стр. 236).

Одна изъ лучшихъ поэмъ Адама Мицкевича, „Конрадъ Валленродъ“, принадлежитъ къ первымъ произведеніямъ польскаго писателя. Напомнимъ читателямъ, что поэма эта построена, главнымъ образомъ, на извѣстной „Пѣсни Вайделота“, которая первоначально явилась какъ самостоятельное произведеніе. „Валленродъ“ былъ написанъ Мицкевичемъ въ Москвѣ, но напечатать поэму ему удалось только въ Петербургѣ, куда онъ переселился въ концѣ 1827 года. Дѣйствіе поэмы происходитъ въ XIV вѣкѣ. Валленродъ, литвинъ по рожденію, выросшій въ чужихъ краяхъ, попадаетъ на родину, узнаетъ о своемъ литовскомъ происхожденіи и свое настоящее имя, Альфъ, и задумавъ мстить Тевтонскимъ рыцарямъ за разореніе родины, тайно оставляетъ свою супругу и вступаетъ въ орденъ Крестоносцевъ, а Альдона съ горя удаляется въ монастырь. Валленродъ, сдѣлавшись магистромъ, постепенно подготовляетъ гибель ордена, но его замыслы раскрываются тайнымъ доносомъ и его въ судилищѣ рыцари приговариваютъ къ смерти. Нашъ рисунокъ изображаетъ послѣднія минуты жизни Валленрода. Услыхавъ приближеніе рыцарей, взявшихъ на себя исполненіе приговора, Конрадъ обнажаетъ мечъ и, наливъ кубокъ отравы, осушаетъ его и ждетъ смерти; ворвавшіеся рыцари укоряютъ его въ измѣнѣ и грозятъ ему смертью. Преданный ему Гальбанъ уходитъ—спасаясь, а онъ, поблѣднѣвъ и еле удерживаясь на ногахъ:

Презрительно и гордо озирался;
И мантію онъ съ плечъ своихъ сорвалъ,
И знакъ магистра сталъ топтать ногами:
„Вотъ всѣ мои грѣхи! онъ воскликалъ,
„Я попираю здѣсь ихъ передъ вами“.

Далѣе онъ высказываетъ, за что онъ мстилъ Ордену, укоряетъ рыцарей въ разореніи и грабежахъ.

Сказалъ, взглянулъ въ окно, и рухнулъ вдругъ,
И сброшенная имъ съ окна лампада,
Три раза очертивъ блестящій кругъ
По воздуху, упала близъ Конрада,
Передъ его закинутымъ челомъ...

Въ камышахъ. (Рис. на стр. 237).

Нынѣ предсѣдательница извѣстнаго СПБ. дамскаго художественнаго кружка, извѣстнаго своею художественною и благотворительною дѣятельностью, г-жа П. П. Куріаръ получила почетную репутацію весьма талантливой и выдающейся артистки. Произведенія различныхъ членовъ Дамскаго кружка помѣщались неоднократно въ „Нивѣ“. На сей разъ мы представляемъ поэтическую картинку—уединенный затонъ озера или рѣки, озаренный яркими лучами заката, и въ затишьи густыхъ высокихъ камышей задумчиво сидитъ, вырисовываясь своей тонкой фигурой на фонѣ зари, неподвижный журавль. Впечатлѣніе такого рѣчного уголка передано прекрасно.

Аулъ Кубачи въ южн. Дагестанѣ. (Рис. на стр. 241).

Аулъ Кубачи, красиво раскинутый террасами на горахъ, находится въ Южномъ Дагестанѣ въ Кайтаго—Дабарасскомъ округѣ. Онъ довольно великъ и имѣетъ общій видъ обширныхъ горныхъ ауловъ. Улицы устроены, по восточному обычаю, кривыя и узкія, такъ что по нимъ едва могутъ проѣхать маленькія арбы. Небезъинтересно устройство домовъ: въ каждомъ имѣется небольшой дворъ, обнесенный крѣпкою каменною стѣною съ бойницами; къ этой стѣнѣ пристроены конюшни и другія хозяйственныя службы; дома большею частью двухъэтажные: въ нижнемъ этажѣ расположены конюшни, а въ верхнемъ, куда ведетъ каменная лѣстница, непремѣнно двѣ жилыя комнаты (а у богатыхъ и больше), изъ нихъ одна комната кунацкая или гостиная, а другая въ родѣ кладовой. Въ первой комнатѣ устроенъ каминъ съ прямою, безъ оборотовъ, но со вьюшками, трубою. На печи устроено углубленіе въ родѣ горшка: въ этомъ углубленіи пекутъ хлѣбы.

Въ стѣнахъ окна, состоящія только изъ косяковъ и ставень, которыя растворяются въ теплое время года; двери просто сбиты изъ досокъ, преимущественно дубовыхъ; въ стѣнахъ, кое-гдѣ, устроены маленькія, глухія амбразуры для укладки вещей. Вокругъ стѣнъ сдѣланы изъ глины сплошныя сѣдалища въ $^1/_2$ арш. вышиною, а вмѣсто стульевъ употребляются низенькіе треножники. Въ другой комнатѣ, кладовой, кромѣ большихъ, широкихъ нишъ съ полками для склада разной посуды и продуктовъ, и безъ полокъ—для постели, платья и т. п. вещей. Кромѣ этого къ стѣнѣ прикрѣплены досчатыя полки, на которыхъ разставляются бутылки, деревянныя и мѣдныя чашки, кухонная посуда, фрукты, тыквы и т. п. Здѣсь также въ стѣны вдѣланы палочки, на которыхъ вѣшаютъ на зиму вѣтки съ фруктами. Надъ поломъ до половины комнаты бываютъ досчатыя нары, на которыхъ складываются фрукты и овощи. Крыши земляныя и плоскія, и такъ крѣпко утрамбованныя, что вполнѣ защищаютъ отъ непогоды.

Изъ мѣстныхъ издѣлій замѣчательно производство кожаной обуви и другихъ кожаныхъ вещей для мѣстныхъ потребностей.

Оноре Бальзакъ. Съ портр. грав. Шюблеръ.

Видъ съ луны. (Рис. на стр. 244).

Астрономы по отношенію луны находятся въ довольно благопріятномъ положеніи. Это ближайшее къ намъ небесное тѣло, и пятьдесятъ тысячъ миль, отдѣляющихъ его отъ земли—пространство сравнительно совершенно ничтожное при нынѣшнихъ телескопахъ. Въ лучшіе изъ телескоповъ, при благопріятной погодѣ, можно видѣть предметы вышиною въ 25 саженъ, поэтому легко можно было бы различить города, правильно воздѣланныя поля, монументальныя постройки и даже движенія значительной массы животныхъ или людей при большихъ передвиженіяхъ. Но на лунѣ не замѣчается ни малѣйшаго проявленія жизни—все мертво и неподвижно. Луна давно исполнила свою задачу. Жизненная теплота и сила дѣятельности ранѣе прекратились на этой планетѣ, нежели на землѣ. Необходимыя условія для поддержанія жизни—воздухъ и вода, совершенно отсутствуютъ на лунѣ. Прежнія моря, кажущіяся теперь громадными плоскими пространствами, давно уже высохли и перерѣзаны въ нѣкоторыхъ мѣстахъ глубокими трещинами, образовавшимися въ окаменѣломъ морскомъ илѣ отъ дѣйствія раскаленныхъ лучей солнца. На помѣщенномъ рисункѣ показана именно такая трещина. Надъ нею, немного далѣе, на заднемъ планѣ, возвышается своеобразная, кольцевидная гора, обыкновенный типъ горъ на лунѣ, не имѣющій ничего подобнаго себѣ на землѣ. На первый взглядъ гора эта можетъ быть уподоблена кратеру огнедышащей горы, почему дѣйствительно и названа луннымъ кратеромъ. Но каждый изъ зубцовъ возвышенія по краю образуетъ по величинѣ гору, равную нашимъ величайшимъ вулканамъ, и каждое отверстіе кратера равняется десяти и болѣе географическимъ милямъ. Вся поверхность

Южный Дагестанъ. Кайтаро-Дабарасанскаго округа, Аулъ Кубачи. Съ фотогр грав М. Гашевскій.

луны представляетъ изъ себя безпорядочное скопленіе камней, подверженныхъ въ теченіе четырнадцати дней безпрерывному дѣйствію солнечныхъ лучей, и затѣмъ, въ теченіе также четырнадцати дней, погруженныхъ въ мракъ и подверженныхъ дѣйствію холода міроваго пространства, холода достигающаго, какъ извѣстно, нѣсколькихъ сотъ градусовъ ниже нуля. На лунѣ нѣтъ постепеннаго перехода отъ мрака къ свѣту, нѣтъ также ни утренней, ни вечерней зари, съ ихъ дивными окрасками, зависящими отъ преломленія свѣта и отраженія въ обильной парами атмосферѣ земли. На лунѣ, послѣ восхода солнца, на томъ же пунктѣ, гдѣ была непроницаемая тьма, тотчасъ же начинается яркій свѣтъ, какой бываетъ когда солнце находится на высшей точкѣ. На нашемъ рисункѣ художникъ изобразилъ моментъ, когда солнце затемнено нашимъ земнымъ шаромъ. Съ воображаемой точки зрѣнія, взятой художникомъ на лунѣ, царитъ полное солнечное затмѣніе, но не достигшее еще середины. Дискъ солнца, разсматриваемый съ луны, долженъ казаться въ $4^1/_2$ раза меньше земли и пока находится за нижнимъ краемъ земли. Поэтому еще видно яркое освѣщеніе, но между тѣмъ тѣнь земли все больше и больше надвигается, пока не покроетъ всей поверхности луны.

Опыты надъ воздушными вихрями и вращающимися шарами. (Рис. на стр. 245).

Вейеръ, одинъ изъ директоровъ механическаго заведенія въ Пантэнѣ (Pantin), произвелъ цѣлую серію замѣчательныхъ синтетическихъ опытовъ надъ воздушными вихрями и надъ притяженіемъ при помощи вертящихся шаровъ. На опытахъ присутствовали гг. Маскаръ и Альфредъ Корню изъ академіи наукъ и сочли эти опыты достойными привлечь вниманіе ученыхъ. Первый докладъ по этому предмету былъ сдѣланъ Маскаръ въ засѣданіи Академіи наукъ 7 февраля.

Вотъ описаніе опытовъ г. Вейера:

1. *Смерчъ въ воздухѣ.* Тамбуръ въ одинъ метръ въ поперечникѣ насаженъ на вертикальную ось, приводимую во вращеніе при помощи блока и ремня (фиг. 1). Въ тамбурѣ имѣется отъ восьми до десяти лопатокъ и онъ открытъ снизу; число его оборотовъ соотвѣтствуетъ скорости 30—40 метровъ въ секунду по его окружности. Аппаратъ этотъ поставленъ на высотѣ почти 3 метровъ надъ большимъ резервуаромъ съ водою.

Послѣ того, какъ тамбуръ-вентиляторъ пущенъ въ ходъ, на поверхности воды начинаютъ появляться спирали и сходиться къ одному центру. На центрѣ этомъ вода образуетъ первый конусъ, діаметромъ около 0,20 метра у основанія и отъ 0,10 до 0,12 метра вышины.

На конусѣ этомъ появляется другой опрокинутый конусъ, составленный изъ многочисленныхъ капель, которыя поднимаются на высоту 1—$1^1/_2$ метровъ и затѣмъ падаютъ вокругъ на разстояніи отъ 1 до 3 метровъ. Самыя мелкія капли и водяная пыль поднимаются даже внутрь вертящагося тамбура.

Если положить на воду солому, она подхватывается воздушнымъ вихремъ и тогда образуется настоящій кусокъ веревки, который въ видѣ пробочника поднимается вверхъ.

Если положить на воду влажную доску, вихрь образуетъ на ней столбикъ отъ 1 до 2 сантиметровъ въ поперечникѣ, бѣловатый на видъ и издающій особый свистъ, точно доска имѣетъ отверстіе, сквозь которое снизу съ силой врывается воздухъ смѣшанный съ водою.

Замѣчательно, что вихрь концентрируется и сжимается на доскѣ до 1 или 2 сантиметровъ въ діаметрѣ, въ то время какъ лопатки вентилятора оставляютъ въ центрѣ тамбура свободный кругъ въ 40 сантиметровъ въ діаметрѣ.

Легко доказать, что искусственный вихрь, произведенный тамбуромъ-вентиляторомъ, имѣетъ тотъ же характеръ, какъ основаніе или низъ атмосферическаго вихря, сошедшаго съ высшихъ областей до поверхности воды.

Въ виду того, что опытъ происходитъ на открытомъ воздухѣ, столбикъ воды легко перемѣщается отъ дѣйствія самаго легкаго вѣтра или отъ вліянія сосѣднихъ стѣнъ и тогда его трудно наблюдать. Опытъ поэтому можно производить въ меньшемъ размѣрѣ въ закрытомъ сосудѣ; однако, опытъ на открытомъ воздухѣ доказываетъ, что закрытый сосудъ не служитъ причиною образованія столбика; закрытый сосудъ способствуетъ только установленію оси вихря почти на одной и той же точкѣ.

2. *Вихри воздушные.* Стеклянный цилиндръ около 0,40 метра въ поперечникѣ и 0,70 метра вышины (фиг. 2) закрывается крышкою съ отверстіемъ, въ которое проходитъ ось рогатки, а рогатка состоитъ изъ одной или двухъ картонныхъ лопатокъ, насаженныхъ крестообразно на вертикальную ось.

Въ цилиндръ насыпаютъ опилки или лучше крупу. Если расположить крупу въ видѣ конуса или холмика и завертѣть рогатку, то наверху холмика образуется маленькій смерчь. Мало-по-малу крупа вдавливается и образуетъ полушаріе.

Крупинки постоянно сбѣгаютъ *отъ окружности къ центру*, образуютъ тутъ конусъ нижній, затѣмъ опрокинутый верхній; крупинки послѣдняго описываютъ спирали, идущія *отъ центра къ окружности*.

Цѣлое расположеніе образуетъ *первый кругъ* общій, болѣе или менѣе безформенный, столбикъ воды котораго (или встрѣча двухъ конусовъ) также болѣе или менѣе разноцентренно отъ вліянія земного тяготѣнія. Если смотрѣть сверху, то на оси видна воронка: въ этомъ мѣстѣ воздухъ болѣе всего разжиженъ вращеніемъ и сюда именно доходятъ самыя мелкія частицы.

Замѣняя въ аппаратѣ крупу маленькими легкими шариками, наполненными воздухомъ, можно прослѣдить за общимъ движеніемъ: когда шарики находятся на внѣшней окружности, они спускаются слабою спиралью; достигая окружности ближайшей къ оси вращенія, они быстро поднимаются винтомъ. Вообще опытъ показываетъ, что данная масса воздуха, которой сообщили вращеніе вокругъ вертикальной оси, спускается по окружностямъ наружнымъ и поднимается по внутреннимъ, и что *весь* объемъ воздуха проходитъ постоянно чрезъ средоточіе вихря, увлекая въ своемъ движеніи тѣла и пыль, которыя будутъ тамъ встрѣчаться.

3. Стеклянный или другой какой нибудь кругъ помѣщается подъ рогаткой съ лопатками; по приведеніи послѣдней въ движеніе, немедленно помѣщаютъ на кругъ монету, которой пальцами сообщаютъ первое вращательное движеніе вокругъ одного изъ своихъ діаметровъ (фиг. 3). Послѣ отнятія руки воздушный вихрь продолжаетъ вертѣть монетою точно волчкомъ и не выпускаетъ ее изъ области своего дѣйствія.

Монета, вертясь на одномъ изъ своихъ діаметровъ, образуетъ шаръ; вертящійся же шаръ, какъ доказали опыты, составляетъ центръ притяженія.

4. *Равновѣсіе вертящихся шаровъ.* Свободный шаръ находится въ равновѣсіи и вертится вокругъ другого шара, которому сообщено быстрое вращательное движеніе (фиг. 4).

Аппаратъ состоитъ изъ прута A, который можетъ вращаться въ подставкѣ и который снабженъ блокомъ, назначеннымъ для пріема передаточнаго движенія. На прутѣ A насаженъ шаръ S, состоящій изъ 8 или 10 кругообразныхъ лопатокъ (цѣлыхъ или вырѣзанныхъ въ видѣ полулуній). Прутъ можетъ занимать любое положеніе по отношенію къ горизонту; при настоящемъ опытѣ онъ наклоненъ подъ угломъ въ 45°, но онъ можетъ быть поставленъ вертикально или горизонтально. Наклонъ въ 45° избранъ какъ самое трудное положеніе при опытѣ. Вращая быстро шаръ S, рука чувствуетъ сильный вѣтеръ вокругъ экватора. Поднесенные кусочки бумаги отбрасываются далеко. Тѣмъ не менѣе поднесенный шаръ притягивается вертящимся шаромъ и описываетъ вокругъ него орбиты въ чертѣ экватора. Въ виду того что опыты производятся въ залѣ, гдѣ находятся предметы способствующіе перемѣщенію, а также въ виду притяженія отъ близости земли, трудно получить правильный ходъ. Свободный шаръ очень часто сталкивается съ вертящимся шаромъ и поэтому отбрасывается такъ далеко, что не можетъ быть подхваченъ. Для устраненія этого неудобства, вокругъ шара S помѣщаютъ кольцо изъ желѣзной проволоки F, въ одинъ миллиметръ въ діаметрѣ. Кольцо это подобными же тремя проволоками прикрѣпляется къ подставкѣ. Тогда шаръ вертится безконечно вокругъ вращающагося шара. Изучая вращательныя движенія, производимыя шаромъ въ томъ мѣстѣ гдѣ онъ находится, можно легко объяснить то притяженіе, которое онъ производитъ на другой шаръ.

5. Снимаютъ кольцо съ вертящагося шара и параллельно экватору насаживаютъ бумажное кольцо съ большимъ внутреннимъ діаметромъ, чѣмъ внѣшній діаметръ шара. Кольцо подхватывается вращательнымъ движеніемъ и крѣпко держится на уровнѣ экватора (фиг. 5).

Политическое обозрѣніе.

20 февраля.

Загадочность будущей политики Германіи.—Участіе ея въ дѣлахъ болгарскихъ недоразумѣній. — Тревожное положеніе дѣлъ и усобица въ Болгаріи. — Запугиваніе насъ Англіею и нерѣшительность Италіи.

Септеннатъ—это миръ, высказался князь Бисмаркъ, и тѣмъ не менѣе, еслибы европейскій миръ былъ настолько-же обезпеченъ насколько германскій септеннатъ (7-ми-лѣтній утвержденный военный бюджетъ), то всѣ опасенія войны должны былибы сразу исчезнуть, а этого на самомъ дѣлѣ не оказывается. Одержанная княземъ Бисмаркомъ на избирательномъ турнирѣ побѣда признается пока весьма слабою гарантіею мира. Общая тревога не только не исчезаетъ, но скорѣе усиливается, и въ политикѣ каждаго государства еще съ большею неопредѣленностью становится вопросъ—съ чего начать, чѣмъ кончить? Главное—никто не можетъ предугадать къ какому рѣшительному дѣйствію приступитъ князь Бисмаркъ, заручившись послушнымъ парламентомъ. Предприметъ-ли онъ вызывающую политику противъ Франціи и положитъ конецъ возникшимъ недоразумѣніямъ на берегахъ Рейна; пожелаетъ-ли онъ болѣе рѣшительнымъ вліяніемъ въ дѣлахъ Востока обнаружить на чью сторону слѣдуетъ перенести симпатіи Германіи, или-же нако-

нецъ онъ захочетъ загадочнымъ молчаніемъ подготовлять съ одной стороны союзъ, съ другой распри и вражду между державами, оставляя для Германіи рѣшающее слово и укрѣпляя для нея преобладающее положеніе въ Европѣ.

Судя по тому, что германская печать въ послѣднее время нѣсколько ослабила свои враждебныя выходки противъ Франціи, нужно думать, что разсчетъ съ нею князь Бисмаркъ оставилъ до болѣе благопріятнаго времени.

Не нужно быть и дипломатомъ, чтобы видѣть насколько выгодно и желательно для Германіи втянуть Россію, по поводу болгарскихъ недоразумѣній, въ войну съ Австро-Венгріею. Снова явиться посредникомъ, снова создавать выгодные для себя, но чуть не подневольные союзы и всячески заставлять другихъ слѣдовать за собою—прямой разсчетъ для князя Бисмарка. Онъ этого только и желаетъ, къ этому только и стремится, а потому, увѣряя, что Германія не принимаетъ никакого участія въ дѣлахъ Востока, онъ въ то же время всѣми зависящими средствами поддерживаетъ нынѣ натянутое тамъ положеніе. Конечная его цѣль—заставить всѣхъ стоять на сторонѣ своего желанія еще разъ обезсилить Францію. На сдѣланное откровеніе газетою „Nord“ касательно русской политики по отношенію къ Франціи и къ Германіи, имперскій канцлеръ отвѣчалъ не менѣе стойкими и не менѣе дальновидными ходами. Онъ втравливаетъ Россію въ войну съ Австріей, комбинируетъ союзъ Германіи, Австріи, Англіи и Италіи, онъ косвенно обнадеживаетъ болгарскихъ правителей и въ то же время пугаетъ дипломатовъ Оттоманской Порты. Словомъ, имперскій канцлеръ не остается въ долгу.

И дѣйствительно, картина болгарскихъ дѣлъ, какъ бы по мановенію жезла, быстро перемѣнилась. Неудачная имитація ни къ какому результату никогда не приходившихъ конференцій—константинопольское совѣщаніе пословъ—окончилось ничѣмъ, вмѣстѣ съ тѣмъ получаются свѣдѣнія, что софійскіе правители отказываются отъ дальнѣйшихъ уступокъ, что въ серединѣ марта соберется народное собраніе и продолжитъ уполномочіе регентству. Но это еще не все. Нѣсколько дней тому назадъ въ одной изъ австрійскихъ газетъ появилось замѣчаніе, что, въ виду выжидательной политики Россіи и для прекращенія болгарскихъ недоразумѣній, остается одно только средство — оккупировать австрійскими войсками Болгарію. Нынѣ получены изъ Болгаріи самыя тревожныя свѣдѣнія о разыгравшейся тамъ усобицѣ. Въ Силистріи, въ Систовѣ и вообще въ придунайскихъ округахъ, вспыхнула революція; къ инсургентамъ, пишутъ, присоединяются гарнизоны Виддина, даже Шумлы и Варны. И вотъ болгарскій вопросъ, по-видимому, поставленъ теперь ребромъ и въ рѣшеніи—кому будетъ принадлежать честь водворить въ странѣ порядокъ—Россіи, Австріи или Турціи—лежитъ загадка предстоящаго тревожнаго будущаго...

Съ другой стороны, въ одно время съ поднявшеюся въ Болгаріи сумятицею, поднимаетъ голову Англія и недвусмысленно начинаетъ запугивать Россію средне-азіатскими дѣлами. Приводимъ двѣ послѣднія лондонскія телеграммы: „Подготовленія къ организаціи интендантской службы и желѣзно-дорожнаго движенія для сосредоточенія войскъ на сѣверо-западной границѣ (Индіи) уже закончены. Если обстоятельства потребуютъ, индійское правительство можетъ въ самомъ непродолжительномъ времени снарядить экспедиціонный корпусъ для заграничной службы или для службы въ Афганистанѣ.“ Вотъ другая телеграмма: „По слухамъ, пекинское правительство рѣшило усилить численность войскъ въ китайскомъ Туркестанѣ. Въ виду этого, вскорѣ туда будутъ посланы многочисленныя войска“. Ясно, что и Англія, по заданному тону, желаетъ отвлечь вниманіе Россіи отъ европейскаго востока и усиленно демонстрируетъ въ Средней Азіи, заготовляя противъ насъ китайско-афганскую облаву, съ резервомъ экспедиціоннаго корпуса изъ войскъ индійской королевы.

Что касается Италіи, то министерскій кризисъ тамъ совпалъ съ противорѣчивыми теченіями относительно союза съ Германіей и Австріей. Политическая партія, съ Робиланомъ во главѣ, за союзъ, но большинство политическихъ кружковъ идетъ противъ этого союза. Излишнее тяготѣніе Ватикана къ Берлину возстановило многихъ политическихъ дѣятелей Италіи противъ австро-германскаго союза.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Фабричную инспекцію перенесли въ вѣдомство министерства внутреннихъ дѣлъ по департаменту полиціи.

— Проектъ объ ограниченіи гласности на судѣ въ Государств. Совѣтѣ прошелъ. Утверждено мнѣніе меньшинства, согласное съ министромъ юстиціи.

— Проектъ нефтепровода, между Каспійскимъ и Чернымъ морями, разсматривается въ комитетѣ министровъ.

— Министръ юстиціи внесъ въ государственный совѣтъ объ отмѣнѣ несмѣняемости нотаріусовъ, подчиненіи дѣлъ о банковскихъ злоупотребленіяхъ и преступленіяхъ по должности—суду сословныхъ представителей, а не суду присяжныхъ.

— Представители московской фирмы „Василій Перловъ съ сыновьями“, во вниманіе къ столѣтней торговой дѣятельности ихъ рода, пожалованы въ потомственное дворянское достоинство.

Дѣла церкви.

— Назначено на 1887 г. полтораста тысячъ на устройство православныхъ церквей въ губерніяхъ Привислянскаго края.

Торговля и промышленность.

— Въ Москвѣ и въ многихъ городахъ внутри Россіи, стали хорошо торговать мануфактурными товарами. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ обороты были отличные. Крещенскою ярмаркою въ Харьковѣ и Арбатскою мануфактуристы остались довольны. Шерстяные мануфактурные товары вздорожали, также ситцы и бумажные товары. Большая часть фабрикъ въ Моск., Владим., Костромск. и Ярославск. губ. работаютъ полнымъ ходомъ.

— На судостроительномъ заводѣ въ Христіаніи строится китобойный пароходъ, заказанный русскимъ морякомъ Давыдовымъ для китоловнаго промысла въ Охотскомъ морѣ.

Наука и литература.

— Двухклассному училищу въ Святыхъ Горахъ, гдѣ могила А. С. Пушкина, присвоятъ названіе „Пушкинскаго“; при училищѣ будетъ устроенъ интернатъ.

— Чествованіе памяти А. С. Пушкина возбуждаетъ и въ польскомъ обществѣ желаніе ближайшаго ознакомленія съ его сочиненіями. Скоро появятся въ печати нѣкоторыя произведенія поэта, до сихъ поръ не переведенныя еще на польскій языкъ.

— Въ Петербургѣ получено французское изданіе повѣстей графа Л. Н. Толстаго „Поликушка“ и „Метель“.

— Предстоитъ 50-ти-лѣтній юбилей дѣятельности поэта Я. П. Полонскаго, въ мартѣ мѣсяцѣ.

— Издателемъ „Моск. Вѣд.“, Катковымъ будутъ основаны въ Одессѣ: ежедневная большая политическая и литературная газета и типографія.

— Существуетъ предположеніе перенести въ Императорскую публичную библіотеку всѣ рѣдкія изданія и рукописи, находящіяся въ архивахъ различныхъ учрежденій.

Живопись и скульптура.

— Въ теченіе минувшаго января въ Эрмитажѣ было 8,156 посѣтителей; копированіемъ картинъ занимались въ немъ 288 лицъ.

— Императ. акад. худож. въ приготов. отд. архитект. класса избраны адъюнктъ-профессорами архитекторы Чагинъ и Преображенскій.

— Проф. Ѳ. Ѳ. Петрушевскимъ со 2 недѣли великаго поста будетъ прочитанъ рядъ лекцій о техникѣ красокъ въ живописи.

— Въ курсъ наукъ, преподаваемыхъ въ академіи художествъ, введена эстетика. Чтеніе лекцій поручено Л. А. Саккети.

— Бельгійскій художникъ г. Бодуэнъ, пріѣхавшій сюда на короткое время, выставилъ (Большая Морская, № 20) нѣсколько привезенныхъ имъ своихъ картинъ. Все это большею частію женскія головки. Изъ восемнадцати выставленныхъ номеровъ—пятнадцать портретовъ, два довольно большихъ пейзажа и „античный этюдъ“.

— За пятнадцать лѣтъ третьей республики во Франціи сооружено 120 статуй. Кромѣ того, назначены къ открытію статуи Марселя, Клода Лоррена, Виктора Массэ, Бальзака, Альфреда де-Мюссе, генерала Шевера, сержанта Бландана, Милле, сержанта Робильо, генерала Ласалля, Делакруа, Гарибальди, Брока, де-Пениля, Колиньи, Дюплейкса, Жанъ-Жака Руссо и Карапонъ-Лагура.

Театръ и музыка.

— Въ виду постановки пьесы гр. Л. Н. Толстого „Власть тьмы или коготокъ увязъ, всей птичкѣ пропасть“, дирекція имп. театровъ командировала въ Тульск. губ. извѣстнаго декоратора г. Шишкова для снятія видовъ, мѣстностей, деревень, и пр. Согласно наброскамъ г. Шишкова, будутъ выполнены декораціи. Главныя роли въ драмѣ распредѣлены между г-жами Савиной, Стрепетовой и гг. Сазоновымъ, Свободинымъ, Варламовымъ и др. Репетиціи этой пьесы начнутся со второй недѣли Великаго поста.

— А. Г. Рубинштейнъ обратилъ въ консерваторіи особенное вниманіе на классы пѣнія, которымъ предстоитъ серьезное преобразованіе къ будущему сезону. Директоръ рѣшилъ, что весь репертуаръ вокальныхъ пьесъ долженъ исполняться на русскомъ языкѣ.

— П. И. Чайковскій окончилъ свою оперу „Чародѣйка“; отрывки изъ нея будутъ исполняться 22-го февр. въ московскомъ благородномъ собраніи, въ концертѣ въ пользу учащихся консерваторіи.

Изъ губерній и областей.

— Въ Житомірѣ 20 января, послѣ заката солнца, были очевидцами замѣчательнаго атмосферическаго явленія. Весь западный небосклонъ зардѣлся отъ лучей давно закатившагося солнца: погода была тихая, безъ облаковъ. Вдругъ метеоръ съ быстротою молніи спустился стрѣлою на западномъ небосклонѣ прямою линіею и оставилъ послѣ себя яркій фосфорическій слѣдъ, который сталъ расширяться и принимать правильныя очертанія зигзага.

— При гибели близь Спры парохода „Царица“, принадлежавшаго Русск. Об. Парох. и Торг., пассажиры спасены, но лишились всего своего багажа. Въ числѣ нихъ 60 русскихъ богомольцевъ ѣхали въ Іерусалимъ. Правосл. Палест. Общ. ассигновало тысячу рублей въ распоряженіе русскаго консула въ Спрѣ для выдачи пособія пострадавшимъ; такую же сумму выдаетъ и палестинская комиссія.

— Въ окрестностяхъ мѣстечка Красника, Янов. уѣзда, Любл. губ. недавно жители его наблюдали полетъ воздушнаго шара на незначительной высотѣ отъ земли. Судя по направленію шара, онъ былъ спущенъ въ Га-

лиціи и въ столь холодное и неудобное для воздушныхъ путешествій время.

Городскія извѣстія.

— 19 февраля послѣдовало въ биржевомъ залѣ въ СПБ. торжественное открытіе памятника и бюста въ Бозѣ почившаго императора Александра II.

Некрологъ.

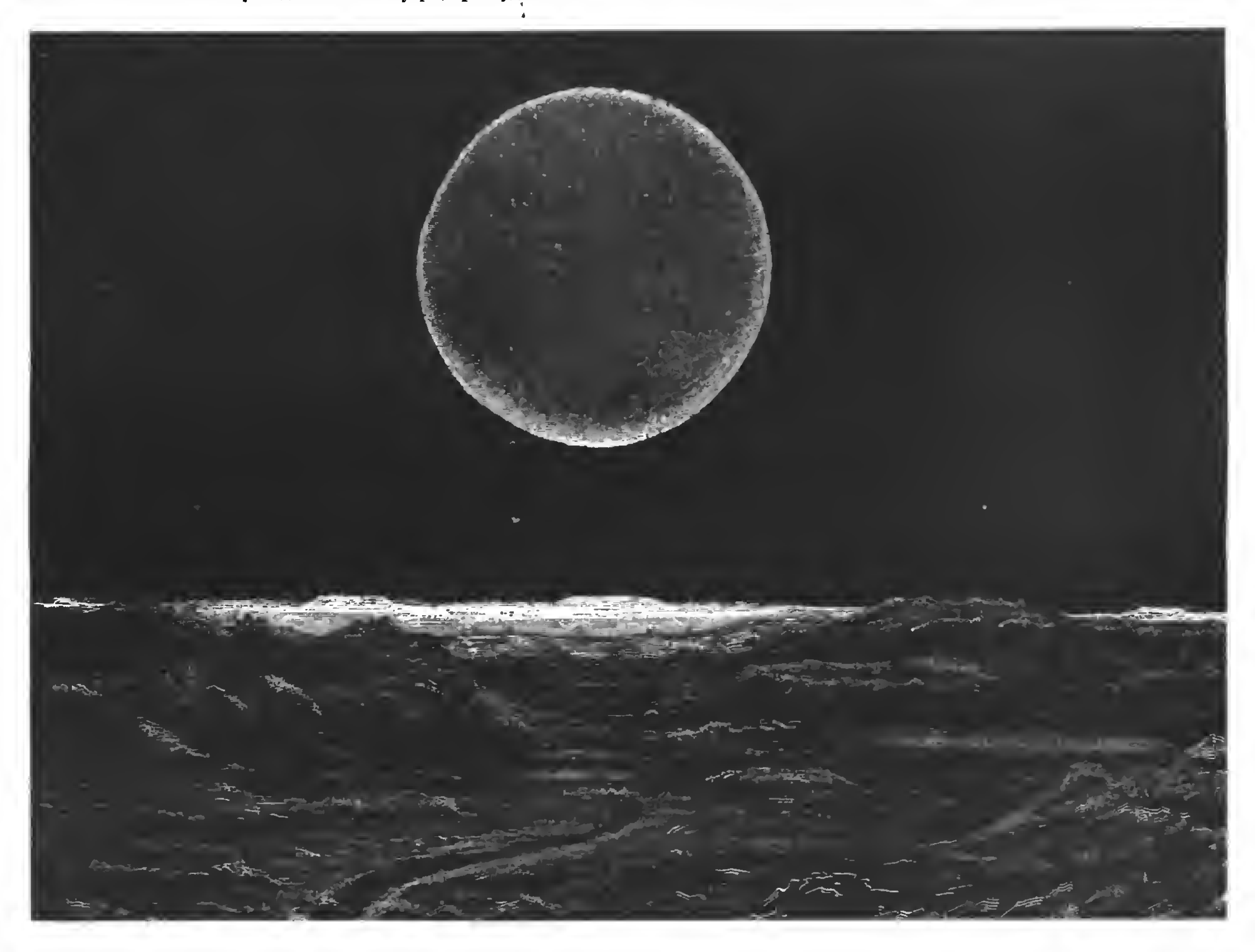
— Военно-медиц. акад. лишилась одного изъ лучшихъ своихъ дѣятелей—профессора А. П. Бородина. Профессоръ страстно любилъ музыку и пользовался извѣстностью виднаго дѣятеля въ числѣ композиторовъ. Одно время А. П. состоялъ директоромъ русскаго музыкальнаго общества.

— 16 февраля послѣ тяжкой болѣзни скончался И. А. Арсеньевъ, основатель „Петерб. Газеты“. Покойный былъ сотрудникомъ во многихъ повременныхъ изданіяхъ и считался однимъ изъ видныхъ публицистовъ „Сѣверной Почты“. И. А. Арсеньевъ былъ человѣкъ добрый и готовый на услугу и имѣлъ обширный кругъ знакомыхъ.

Землетрясеніе въ Ривьерѣ.

Въ виду того что происшедшее ¹¹/₂₃ февраля землетрясеніе на югѣ съ наибольшею силою отразилось въ Ментонѣ, любопытно познакомиться съ сообщеніемъ очевидца этого страшнаго явленія природы, пережившаго всѣ печальныя его послѣдствія.

„Первый, самый сильный и продолжительный ударъ послѣдовалъ за нѣсколько минутъ до 6 часовъ утра, разбудивъ всѣхъ

Солнечное затмѣніе, какъ оно должно представляться съ луны. Рис. В. Кранцъ, грав. Домини.

жителей Ментоны. Это былъ стонъ, шипѣніе и свистъ въ воздухѣ и землѣ; трескъ, раскалываніе и колебаніе гостиницы, въ которой я находился съ женою, заставили предположить, что во время удара этого, длившагося почти минуту, мы будемъ погребены подъ развалинами зданія. Крыша провалилась, трубы пробили потолокъ верхняго этажа, засыпавъ камнями одну даму. Камины и зеркала въ комнатахъ разлетѣлись въ вдребезги; стѣны трескались, лѣстница въ домѣ повисла, давъ глубокую трещину При этомъ доносились крики и бѣготня по коридорамъ и въ эту показавшуюся намъ вѣчностью минуту не переставали раздаваться подземные раскаты. Все что могло разбиться въ комнатахъ, лежало въ осколкахъ; тяжелый шкафъ былъ далеко сдвинутъ съ мѣста; въ одной изъ комнатъ съ трескомъ провалился потолокъ; массивный брандмауеръ раскололся на-двое, давъ зубчатую трещину. Надъ городомъ носились облака пыли и на улицахъ раздавались крики людей, въ ужасѣ выбѣгавшихъ изъ домовъ. Наконецъ, страшная минута миновала и землетрясеніе прекратилось, замирая вдали подобно раскатамъ грома.

„Мы только что поспѣшно одѣлись и хотѣли убѣжать изъ дома, какъ вдругъ раздался второй ударъ, приковавъ насъ на мѣстѣ. Ударъ этотъ, сильный, но короткій, былъ гораздо слабѣе предъидущаго; однако во многихъ зданіяхъ онъ окончилъ дѣло разрушенія, начатое предшествующимъ. Мы поторопились выйти теперь изъ дрожавшаго дома на улицу, гдѣ уже появилось много пріѣзжихъ, одѣтыхъ въ одномъ бѣльѣ и закутанныхъ въ одѣяла. Всѣ точно лишились сознанія, многіе въ полномъ смыслѣ слова окаменѣли отъ ужаса. По минованіи испуга всѣ бѣжавшіе изъ нашей гостиницы и изъ сосѣднихъ сильно пострадавшихъ виллъ поднялись по покрытому оливками склону горы Св. Анунціаты, съ цѣлью избѣгнуть близости могущихъ рушиться домовъ. Въ землѣ слегка еще грохотало и она едва замѣтно колебалась; вотъ на востокѣ, изъ-за Бордигеры, показалось надъ моремъ солнце въ ослѣпительномъ великолѣпіи и освѣтило картину разрушенія, еще за нѣсколько минутъ уподоблявшагося раю, побережья.

„Опустошенія, представившіяся нашимъ глазамъ, когда мы спустя нѣкоторое время вошли въ городъ, превзошли всѣ наши ожиданія. Не уцѣлѣлъ почти ни одинъ домъ, отъ многихъ виллъ и домовъ остались только наружныя стѣны, а нѣкоторыя зданія, казавшіяся на первый взглядъ нетронутыми, при ближайшемъ осмотрѣ оказывались совершенно поврежденными внутри. Отчаяніе жителей, ломавшихъ руки предъ своими разрушенными домами, не имѣло предѣловъ. Жалобныя: „O, Santa Maria,—O, Maria Vergine!“ раздавались постоянно изъ устъ плачущихъ ментонокъ. На улицахъ толпились выгнанные изъ разрушенныхъ домовъ жители, какъ мѣстные, такъ и пріѣзжіе, и странные костюмы многихъ возбуждали бы смѣхъ, если бы причиною ихъ не были такія печальныя обстоятельства.

„Не стану упоминать о всѣхъ подробностяхъ: о рядѣ экипа-

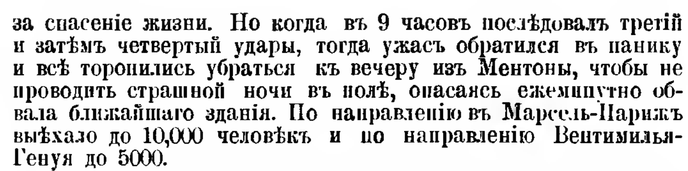
жей по берегу, куда спасались пріѣзжіе, съ цѣлью провести въ нихъ ночь или уѣхать изъ Ментоны; объ одѣтыхъ еще въ костюмы и маски, вернувшихся въ ночь несчастія съ карнавала въ Ниц-

Фиг. I. Столбикъ морскаго смерча, искусственно вызванный вращеніемъ вентилятора.

цѣ и теперь бродившихъ въ смущеніи; о расположившихся на улицахъ, въ садахъ, на склонахъ горъ, толпахъ перепуганнаго народа; но чтобы дать вѣрное понятіе о Ментонѣ въ это время, скажу только, что она походила на городъ, разрушенный непріятельскими гранатами.

„Не смотря на все, къ 9 часамъ утра у всѣхъ замѣчалось извѣстное спокойствіе, вытекавшее изъ чувства благодарности

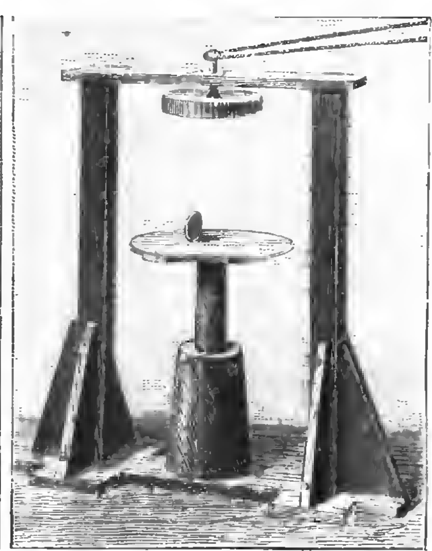
за спасеніе жизни. Но когда въ 9 часовъ послѣдовалъ третій и затѣмъ четвертый удары, тогда ужасъ обратился въ панику и всѣ торопились убраться къ вечеру изъ Ментоны, чтобы не проводить страшной ночи въ полѣ, опасаясь ежеминутно обвала ближайшаго зданія. По направленію въ Марсель-Парижъ выѣхало до 10,000 человѣкъ и по направленію Вентимилья-Генуя до 5000.

„Страшное это явленіе природы разорило тысячи семействъ; притягательная сила чуднаго берега, съ его весеннею природою среди зимы, уничтожена на многіе годы, у больныхъ отнята надежда на исцѣленіе на Лигурійскомъ побережьи, а у здоровыхъ возможность наслажденія неописуемыми чудесами природы Ривьеры-ди-Поненте.

„Ничто въ жизни не потрясало меня такъ глубоко, какъ пережитое мною землетрясеніе. И подъ вліяніемъ этого чувства высказываю горячее пожеланіе, чтобы жители Ривьеры и мѣст-

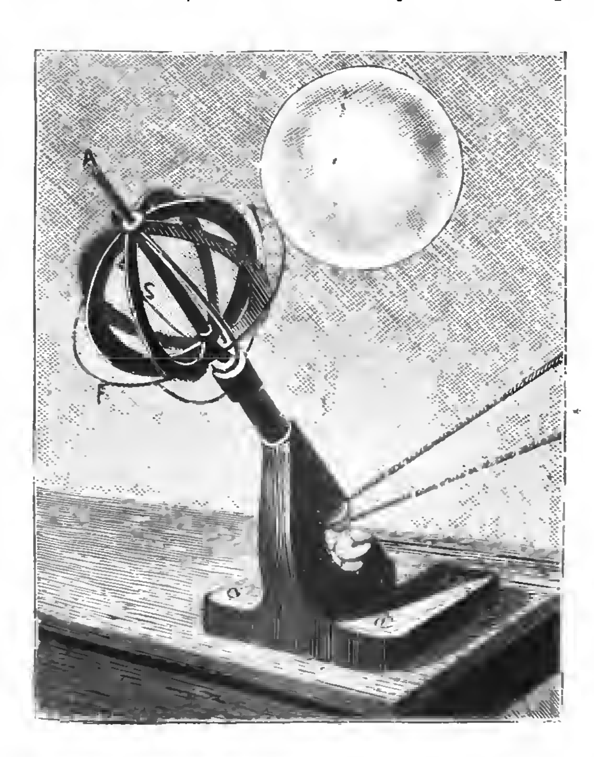
Фиг. II. Столбикъ смерча въ закрытомъ сосудѣ.

Фиг. III. Монета, иатящаяся въ области дѣйствія вихря.

ностей Италіи и юга Франціи, посѣщаемыхъ землетрясеніемъ, были возможно дольше пощажены отъ этого бѣдствія."

Въ „Вѣнской Всеобщей Газетѣ" пишутъ: Если вѣрить предсказаніямъ профессора Фальба,—считать же его хорошимъ діагностомъ больной лихорадкою земли, есть много основаній—то въ этомъ году предстоитъ еще 27 дней, когда солнце соединится съ луною съ цѣлью всколыхнуть нашу планету. Списокъ дней

Фиг. IV. Каучуковый шаръ, иадутый воздухомъ, вращающійся свободно около шара, приведеннаго въ быстрое вращательное движеніе.

Фиг. V. Бумажный кругъ, поддерживаемый въ равновѣсіи и вертящійся кругомъ шара, приведеннаго въ быстрое вращательное движеніе.

Фальба слѣдующіе: 22 и 23 марта, 7 и 8 апрѣля, 5, 6 и 7 мая, 3, 4, 5, 21 и 28 іюня, 20, 24 и 25 іюля, 3, 19 и 20 августа, 17 и 18 сентября, 16 октября, 6, 14 и 15 ноября и 12. 13 и 14 декабря. Особенное вниманіе въ своихъ предсказаніяхъ Фальбъ обращаетъ на помянутые дни въ сентябрѣ и октябрѣ, такъ какъ въ это время, но его наблюденіямъ, небесныя явленія имѣютъ особое вліяніе на землю.

Въ одинъ день 24-го февраля отправлено изъ Ниццы одиннадцать экстренныхъ поѣздовъ и желѣзнодорожная касса выручила 100,000 франковъ, въ томъ числѣ 20,000 франковъ за багажъ. Въ два дня изъ города уѣхало 15,000 пріѣзжихъ. Сотрясенія повторяются каждую ночь, но замѣтно слабѣютъ. Удары слышатся каждое утро, около шести часовъ, т. е. въ то время когда произошелъ первый ударъ. Жители ѣдятъ и спятъ на открытомъ воздухѣ. Это продолжится до тѣхъ поръ, пока городскія власти, инженеры и архитекторы не освидѣтельствуютъ поврежденныхъ домовъ и квартиръ.

Король Виртембергскій въ Ниццѣ подаетъ примѣръ спокойствія и хладнокровія. Онъ показался на гуляньѣ въ открытомъ экипажѣ и появленіе его произвело прекрасное дѣйствіе.

Вотъ забавный случай среди общей печали: молодая женщина, прибывшая наканунѣ въ гостиницу, приказала разбудить себя въ шесть часовъ утра. За пять минутъ до шести послѣдовалъ первый ударъ. Когда спросили даму, что она почувствовала, она отвѣчала: „я вовсе не испугалась", предполагая, что полученное сотрясеніе это—усовершенствованный, новый способъ будить пріѣзжающихъ.

Между тѣмъ положеніе Ментоны очень серьезно. Городъ совершенно опустѣлъ, лавки закрыты, жители ушли въ горы и живутъ подъ оливковыми деревьями. Очень кстати прибыли вагоны съ 300 килограммовъ (около 19 пудовъ) хлѣба, такъ какъ пекарни не работаютъ, а также казенный корабль, привезшій изъ Тулона палатки, которыя тотчасъ были разбиты матросами на площадяхъ, вдали отъ домовъ. Число желающихъ помѣститься въ нихъ очень значительно.

По свѣдѣніямъ отъ 26 февраля изъ Италіи, число убитыхъ землетрясеніемъ на Ривьерѣ простирается до 2000 человѣкъ.

Смѣсь.

Большой глетчеръ Аляски. Высчитано, что знаменитый глетчеръ Аляски въ Сѣверной Америкѣ подвигается ежегодно къ морю на 1400 футовъ. Передняя часть его имѣетъ свыше 500 футовъ толщины, отъ 3/4 до 2 1/2 миль въ ширину и около 150 миль въ длину. Почти каждые четверть часа сотни пудовъ льду падаютъ въ море, причиняя сильное волненіе, такъ что величайшіе корабли, приближающіеся къ глетчеру, опрокидываются волнами точно маленькія лодки. (р.)

Женщины-врачи въ Америкѣ. Двадцать лѣтъ тому назадъ въ Соединенныхъ Штатахъ, было только двѣнадцать женщинъ врачей, теперь же тамъ практикуетъ болѣе 800 женщинъ. (р.)

Дорогія марки. Гардуэнъ, торговецъ марками въ Парижѣ, предложилъ недавно 120 франковъ за тосканскую почтовую марку 1860 года; за марку же чистую, безъ штемпеля, онъ давалъ 400 франковъ. Французскія марки 1849 г. стоятъ по 25 франковъ штука. Марки острова Св. Маврикія 1847 г. стоятъ 2000 франковъ, британской Гвіаны 1836 г.—отъ 500 до 1000 франковъ. Въ Парижѣ находится 150 торговцевъ марками и пять спеціальныхъ газетъ, занимающихся положеніемъ дѣлъ и торговли марками. Число собирающихъ марки чрезвычайно велико. Многіе очень увлекаются своимъ дѣломъ и расходуютъ на это громадныя суммы. Филиппъ Феррари въ Вареннѣ имѣетъ свыше 1 1/2 милліона марокъ, для содержанія въ порядкѣ которыхъ держитъ двухъ служащихъ. Ротшильдъ въ Парижѣ имѣетъ около 100,000 марокъ, которыя хранятся въ прекрасныхъ переплетахъ. (р.)

О зубахъ. Какая щетка лучше? Лучше мягкая, нежели жесткая, особенно при слабыхъ деснахъ. Чистить зубы нужно водя щеткой снизу вверхъ и сверху внизъ. Въ такомъ направленіи образуются зубныя клѣточки. Слѣдуя строго этому правилу, винный камень счищается скоро, безъ всякихъ вспомогательныхъ средствъ. (р.)

Величайшій залъ въ мірѣ не поддерживаемый колоннами находится въ Чикаго. Онъ имѣетъ 1000 футовъ длины, при 225 футахъ ширины, и вмѣщаетъ 50,000 человѣкъ. (р.)

Главное конно-желѣзно-дорожное общество въ Берлинѣ, во время послѣднихъ снѣжныхъ заносовъ, употребило 10,200 пудовъ соли для очистки рельсовъ отъ снѣга. (р.)

Рѣшеніе шашечной задачи № 10 (помѣщ. въ № 3).

Бѣлыя.	Черныя.
1) g 5 — e 7	1) d 8 — f 6
2) h 6 — g 7	2) f 6 — h 8
3) f 4 — g 5	3) e 5 — h 2
4) e 3 — f 4	4) h 2 — e 5
5) c 3 — b 4	5) e 5 — a 1
6) a 3 — c 1	6) c 5 — a 3
7) f 8 — c 5	7) b 6 — d 4
8) d 2 — c 3	8) d 4 — b 2
9) a 7 — b 8	9) h 8 — g 7
10) g 5 — h 6	10) g 7 — f 6
11) h 6 — g 5	11) f 6 — h 4
12) b 8 — a 7	12) h 4 — g 3
13) a 7 — f 2	13) g 3 — h 2
14) f 2 — g 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—А. Савельева, С. Грибова; **Москва**—С. Романычева, Воронкова, С. Ракова; **Бендеры** — Семендяева; **Кронштадтъ**—К. Пшіемскаго, **Калуга**—С. Соколова; **Кузнецкъ**—Д. Э. Кочетова; **Молога**—М. Неустроева; **Раненбургъ**—Ѳ. Никитина; **Самара**—Н. Старостина; **Харьковъ**—Н. Билибина.

Рѣшеніе шахматной задачи № 11 (помѣщ. въ № 3).

Бѣлые.	Черные.
1) b 4 — c 2	1) e 6 — d 5 A. B. как угодно.
2) f 4 — f 5	
3) c 2 — d 4 или A 3 ++	
A	
1)	1) b 3 — c 4 или d 5
2) c 2 — d 4 +	2) e 6 — d 5
3) f 4 — f 5 ++	
B	
1)	1) b 3 — c 2 какъ угодно.
2) f 4 — f 5	
1) d 5 — e 5 ++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—А. Борисова, А. Бѣлавова, Н. Бабкина; **Москва**—А. М. Смирнова, О. Шапиро, М. Лунцъ; **Бендеры** М. В. Сементяева; **Б. Лепетиха**—А. Корецкаго; **Казань**—Некрашъ; **К.-Подольскъ**—Б. Маргулисъ; **Кременчугъ**—Х. Мейеръ; **Кронштадтъ**—Л. Шилохвостова; **Тверь**—А. Бетулина; **Тифлисъ** Н. Бродскаго, Н. Мильбергъ; **Царицынъ**—В. Суханова; **Черниговъ**—Д. Ласкарева.

Рѣшеніе ребуса № 9 (помѣщ. въ № 3).

„Дитя не плачетъ — мать не разумѣетъ".

Шашечная задача № 18.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку и пѣшку черныхъ въ 7 ходовъ.

Шахматная задача № 19.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ мат въ 3 хода.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

БАНДАНІОНЫ призн. лучш. муз. инстр. Гармоніи, аккордіоны лучш. фабрик. Подробн. прейсъ-курантъ франко. Каталогъ въ 500 муз. композ. для Банданіона. Р. № 2207 5—5
ФАБРИКА ИНСТРУМЕНТОВЪ братьевъ ВОЛЬФЪ, Висбаденъ.

ДЕШЕВЫЯ БРОШЮРЫ

к. Маслянникова, по сельскому хозяйству: **„Барометръ“** (6 рис.) 40 к., **„Таранъ“** („самокачка“, 5 рис.) 35 к., **„Типы амбаровъ“** (съ хромолитогр. и бумажн. моделью) 90 к. Изъ **ред. „Сельск. Хозяина“** даров. перес. заказч. **СПБ., Знаменская, 43.** № 2426

20 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ
КОНЬКОВЪ
отъ 2 руб.—15 руб. за пару.
Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.
Оптовымъ покупателямъ самыя выгодныя цѣны. Р. №2329 (10)
Ж. БЛОКЪ.
СПБ., Б. Морская, 21.
Москва, уг. Б. Луб. и Кузнецкаго моста.

Только подлинно съ этою фабрич. маркою

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Малцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2088 36—23

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Аурика Стремянная, № 4.
Можно получить **въ С.-Петербургѣ:** въ Русск. Общест. Торг. аптек. тов.; въ аптекарск. складахъ: 1) Невскій 27; 2) Невскій 47; 3) уголъ Литейн. и Мал. Итальянской; Рулькові усъ и Гольмъ; Г. Клосъ и К°, В. Липпе и А. Энглундъ; **въ Харьковѣ:** въ Русскомъ Общ. Торг. аптекарскими товарами; **въ Таганрогѣ:** въ антек. маг. Штриммера и П. Поллакъ; **въ Баку:** въ Кавказск. Общ. Торг. апт. тов.: **въ Казани:** въ аптекѣ Ф. Грахе; **въ Николаевѣ:** въ апт. маг. Б. Вимутъ, Д. Лоенскаго и К°, и Зеленгеръ и К°.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

СѢМЕННОЕ ДЕПО
Коммиссіонера разныхъ Императорскихъ обществъ сельскаго хозяйства
Н. В. ЛИСИЦЫНА.
Въ Москвѣ, На Петровкѣ, д. Пенскаго.

Продажа сѣмянъ экономическихъ, огородныхъ, цвѣточныхъ, древесныхъ и проч. Полный иллюстрированный прейсъ-курантъ, желающимъ по требованію высылается безплатно, съ приложеніемъ на пересылку 7 коп. почт. марками.
Здѣсь же принимается подписка на газету **„Русское Садоводство“;** подписная цѣна за 52 №№ съ пересылкой и доставкой **4 р.** № 2434
Справочный садовый календарь, цѣна 1 р. **Н. Лисицынъ.**

КАПСЮЛИ ГЮЙО
CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. А. № 2429 5—1
На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться
ПАСТОЙ РЕНЬО
PATE REGNAULD
приготовляемой
19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:
Guyot
Во всѣхъ аптекахъ.
Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

Въ книжномъ складѣ иллюстрир. газеты „РОДИНА“, СПБ., Невскій пр., № 80, и у всѣхъ извѣстныхъ книгопродавцевъ поступили въ продажу **НОВЫЯ КНИГИ:**

ЛОРДЪ ЧЕСТЕРФИЛЬДЪ,
Извлеченія изъ его писемъ къ сыну д-ра Карла Мюндинга.
ХОРОШІЙ ТОНЪ.
или
ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ И ЗНАНІЕ СВѢТА.

Сборникъ правилъ и совѣтовъ въ общественной жизни, какъ для высшаго, такъ и для средняго и торговаго классовъ. СПБ. 87 г. Ц. 1 р. 25 к., въ красин. перен. 1 р. 60 к.
Краткое содержаніе. Книга I. **Духовно-нравственное развитіе человѣка.**—Гл. I. Умственное развитіе.—Гл. II. Ученость и свѣтское образованіе.—Гл. III. Слогъ и рѣчь.—Гл. IV. Трудъ и его основы.—Гл. V. Образованіе нравственной личности.—Книга II. **Человѣкъ въ обществѣ.**—Гл. I. Хорошее и дурное общество.—Гл. II. Умѣнье держать себя въ обществѣ.—Гл. III. Главныя общественныя добродѣтели.—Гл. IV. Искусство нравиться.—Гл. V. Высшее общество.—Книга III. **Знаніе свѣта и людей.**—Гл. I. Естественная исторія человѣка.—Гл. II. Женщины и ихъ вліяніе.—Гл. III. Связи и дружескія отношенія.—Гл. IV. Объ удовольствіяхъ.—Гл. V. Афоризмы государственной мудрости.—Гл. VI. Мѣры предосторожности и совѣты, и пр.

ВТОРОЕ ИЗДАНІЕ.
НАШЪ НЕРВНЫЙ ВѢКЪ.
Соч. профессора **фонъ Крафтъ-Эбинга.** СПБ. Ц. **1** рубль.
☞ Выписывающіе вышеозначенныя книги изъ книжнаго склада иллюстриров. газеты „РОДИНА“ **за пересылку не платятъ.** ☜ Р. № 2439

Двуногій волкъ. Ром. изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. Каразина. Изд. 2-е, доп. 8-ю нов. ориг. рис. **автора.** Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ треб. обращ. въ контору журнала „Нива“.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

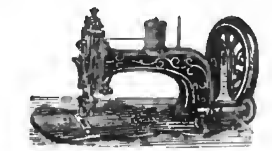
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** съ которой печатается иллюстрированный журналъ **„Нива“.** № 2405

МАССАЖЪ и **ВРАЧЕБНАЯ ГИМНАСТИКА** подъ руководствомъ врачей. Невскій, 116, кв. 2. **А. Й. Демчинская,** отъ 2 до 7 ч. веч. № 2438

„Послѣдняя Весна“ вальсъ (ц. 75 к.), **„Шутна“** полька (ц. 35 к.) для фортепіано, соч. П. І. Холева,—за 1 р доставляются выписывающимъ отъ автора (СПБ., Троицкій пер., д. 3, кв. 8). № 2427 3—1

Новооткрытый
ФРАНЦУЗСКІЙ САДЪ
для русскихъ дѣтей обоего пола. **5 р. въ мѣс.** Знаменская ул., д. 33, кв. 22. (Програмы у швейцара). № 2395

Золотыя яйца. брелоки для браслетъ и часовъ, большой выборъ, весьма дешево бриліант., рубин., сафир. отъ 80 к. до 75 р. Серебрян. отъ 40 к. Демидовъ пер., д. 4, маг. Дорфъ.

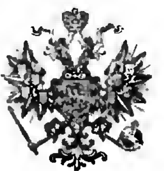
Прейсъ-курантъ и пробныя работы высылаетъ безплатно Р. № 2437 3—1
А. ШТЕЙНЪ.
Большая Морская, д. № 26, С.-Петербургъ.
Складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

КРЕМЪ СИМОНЪ
LA CRÈME SIMON.

Кремъ Симонъ душитъ кожу, придавая ей бѣлизну.
LA POUDRE SIMON
и
МЫЛО
à la Crème Simon
имѣютъ такой же запахъ, какъ и Кремъ.
J. Simon, 36, rue de Provence 36, Paris.
Въ розницу продается у аптекарей, парфюмеровъ и парикмахеровъ. № 2421

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ
О. РИХТЕРЪ
Адмиралтейская площадь, № 4,
въ С.-Петербургѣ,
рекомендуетъ озогенныя лампочки для очищенія комнатнаго воздуха, для уничтоженія тяжелаго запаха, накуреннаго дыма и проч., особенно пригодны въ помѣщеніяхъ больныхъ.
Цѣна лампочки **2 р. 50 к., 1** флаконъ озогена **1 р. 25 к.** Упаковка **50 к.** Пересылка за 5 фунтовъ. Способъ употребленія безплатно при заказѣ. Р. № 2436 6—1

EAU DE LYS DE LOHSE

Она очищаетъ лицо; бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ. **Флаконъ 1 р. 50 к.—большой 3 р.**

ЛОЗЕ мыло изъ лилейнаго молока,
вслѣдствіе своей чистоты есть безспорно нѣжнѣйшее туалетное мыло. Кусокъ въ бѣлой обертке **65 коп.,** съ запахомъ турецкой розы **1 р. 50 к.** лучшаго качества.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 46 Гегерстрассе, БЕРЛИНЪ.

Поставщикъ Е. И. В. Императрицы Германской придворный поставщикъ Е. К. И. В. Наслѣдной Принцессы Германской Госуд. Пруссіи.
МОЖНО ИМѢТЬ ВО ВСѢХЪ ПАРФЮМЕРН. МАГАЗИНАХЪ И У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ РОССІИ.

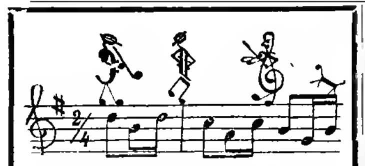
ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для укрѣпленія корней волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона.—пров. Кинуненъ.

Вышелъ изъ печати (2-е изданіе)

МАЛЕНЬКІЙ РУБИНШТЕЙНЪ.

Собраніе **63** любимѣйшихъ и новыхъ салонныхъ и народн. пьесъ, арій, мелодій изъ оперъ и оперетокъ, танцевъ, маршей **въ легкой и очень удобной аранжировкѣ** Л. ПЕТРОВА, съ прибавленіемъ первоначальныхъ этюдовъ (Луи Келера) и пьесъ въ 4 руки. Цѣна **1 р. 50 к.**

Первое изданіе распродано въ теченіе двухъ недѣль. № 2125

Продается у издателя

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.

Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго и во всѣхъ музыкальныхъ магазинахъ.

РОЯЛИ И ПІАНИНО, НАРОДНЫЯ ЦИТРЫ,

АРИСТОНЫ, ГЕРОФОНЫ и прочіе инструменты.

Итальянскія и нѣмецкія струны, фортепіанныя принадлежности и т. д. имѣются въ большомъ выборѣ и по сходнымъ цѣнамъ въ магазинѣ

І. Ф. МЮЛЛЕРЪ

Москва, Петровка, д. Волкова.

Прейсъ-куранты высылаются по требованію безплатно. Р. № 2100 (12)

ФОТОГР. АППАРАТЪ 30 Р.

полн. приборъ къ нему, т. е. объективъ, пласт., чашки, альб. бум. хим. продук. и пр. **20 Р.** Этимъ аппар. можно скоро изучить фотографированіе. Вѣсъ аппарата съ приб. 20 фунт. Mt. № 2384 10—4

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ПРЕЙСЬ-КУРАНТЪ БЕЗПЛАТНО

SCHMIDT'S SAMEN-UND PFLANZEN-CATALOG für 1887

ist in bekannter umfangreicher Ausstattung erschienen und wird

FRANCO und **GRATIS**

auf Verlangen versandt.

SCHMIDT'S Catalog ist eine SCHATZGRUBE für jeden **Blumen-** und **Gartenfreund**

200 Seiten, 500 Illustrat. mit **Buntdruck**

FRANCO und **GRATIS.**

12—6 **J. C. SCHMIDT, ERFURT, DEUTSCHLAND.** № 2363

Страхованіе вдовьихъ пенсій.

Примѣръ: Мужъ 35-ти лѣтъ, желая, на случай своей преждевременной смерти, обезпечить будущность своей жены, имѣющей 28 лѣтъ отъ роду, заключаетъ страхованіе съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти жена получала **ежегодный доходъ въ 600 рублей**, уплачиваемый въ продолженіе всей ея жизни. За такое страхованіе слѣдуетъ платить **Страховому Обществу „РОССІЯ“** чрезъ каждые три мѣсяца 44 руб. 93 коп.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, безплатно Правленіемъ **въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и **агентствами** въ городахъ Имперіи. № 2397 6—2

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

ЗУБНЫЕ ЭЛЕКСИРЫ И ПОРОШКИ

приготовленные съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Зубная Глицериновая паста по 75 к.

Порошокъ Корайль и съ хиною по 75 к.

ГИГІЕНИЧЕСКІЯ САЛИЦИЛОВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской улицы, домъ Шредера, № 18—54.

(Розмичная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“. Pt. № 2428

ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО ГОЛЛЕНДЕРЪ

Шведскій зубной элексиръ и Шведскій зубной порошокъ.

Для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта. 52—9 № 2337

Получить можно во всѣхъ больш. аптек. и космет. маг. въ стол. и въ пров. Ц. флак. Элексиру 80 к., зубн. порош. 50 к. За перес. 50 к. Письма по слѣдующ. адресу: въ С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Черкесское сѣдло, роскошно тисненое, съ красивымъ томпаковымъ или бѣлымъ набором и съ пересылкою по жел. дор. 40 руб., по почтѣ въ Европ. Рос. 43 р., на Кавказъ и Сибирь прилагать за 40 ф. Саратовъ, фабрика **М. и И. Малышевыхъ.** См. № 7 „Нивы“ № 2433

ВСѢ БЕЗЪ ИСКЛЮЧЕНІЯ

разнообразныя вещи, которые вырабатываются изъ резины, имѣются въ огромномъ выборѣ самаго лучшаго качества и продаются оптомъ и въ розницу по фабричной цѣнѣ, въ главномъ складѣ резиновыхъ издѣлій К. Лоевскаго въ Москвѣ, на Никольской улицѣ въ домѣ Бостанджогло, пересылка во всѣ мѣста Россіи; Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Въ специальномъ отдѣленіи склада продаются электрическіе предметы.

Р. № 2432 3 1

СОБСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННАГО

С.-Петербургскаго Товарищества Механическаго Производства

ОБУВИ

высылаютъ прейсъ-куранты вмѣстѣ съ подробнымъ руководствомъ къ снимавію мѣрки безплатно, по первому востребованію.

Продажа по фабричнымъ цѣнамъ

въ С.-Петербургѣ:
Невскій проспектъ, № 54
Невскій проспектъ, № 5 № 2435
Невскій проспектъ, № 110.
въ Москвѣ:
Петровка, противъ Кузнецкаго моста.

ПАРОВАЯ ФАБРИКА

В. П. ФРАНКЕ,

М. № 2334 **МОСКВА.** 10—3

Контора: Маросейка, д. Кайсарова.

Краски, Лаки, Олифы — для маляровъ, художниковъ, типо-литографій.

АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ И ЛАКЪ.

Касимовская невѣста. Ист. ром. въ 3 част., соч. **Вс. Соловьева.** Изд. 2-е. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к., въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Дозвол. цензур., СПБ. 25 февраля 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. — г. XVIII

№ 10 — 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.)

Выданъ 7 марта 1887 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Н. Ѳ. Соловьевъ, композиторъ.

Въ послѣднее время на нашихъ столичныхъ сценахъ и за границей опера талантливаго композитора нашего Н. Ѳ. Соловьева „Месть“ (Корделія) идетъ съ неизмѣннымъ и все возрастающимъ успѣхомъ. Имя г. Соловьева, нынѣ профессора СПБ. консерваторіи, уже имѣвшаго почетную извѣстность, теперь принадлежитъ къ выдающимся въ музыкальномъ мірѣ. Николай Ѳеопемтовичъ Соловьевъ родился въ Петрозаводскѣ въ 1846 г. Воспитаніе получилъ во 2 СПБ. гимназіи, а затѣмъ поступилъ въ медико-хирургическую академію. Пробывъ въ ней два года, онъ рѣшился перемѣнить спеціальность, перейдя въ С.-Петербургскую консерваторію. Въ 1870 году онъ удостоился званія свободнаго художника и медали за вокально-инструментальное сочиненіе „Смерть Самсона“.

А. Н. Сѣровъ передъ смертью выразилъ желаніе, чтобы Н. Ѳ. инструментовалъ 5-е дѣйствіе его послѣдней оперы „Вражья сила“. Желаніе покойнаго было исполнено и въ 1871 г. „Вражья сила“ дана въ Петербургѣ съ инструментовкой 5-го дѣйствія Соловьева. Кромѣ того, имъ доркестрованы прелюдія и арія Петра изъ 1-го дѣйствія той же оперы. Въ 1874 году Н. Ѳ. получилъ профессуру въ С.-Петербургской консерваторіи, гдѣ преподавалъ исторію музыки. Въ настоящее время онъ состоитъ профессоромъ первой степени по спеціальнымъ классамъ теоріи композиціи. Въ 1878 году онъ былъ посланъ делегатомъ отъ Императорскаго русскаго музыкальнаго общества на всемірную выставку въ Парижѣ. Изъ произведеній Н. Ѳ. укажемъ на музыкальную картину для оркестра „Русь и Монголы“ (1870 годъ), оперу „Кузнецъ Вакула (1875), данную въ музык.-драмат. кружкѣ въ 1880 году, и, вслѣдствіе большого успѣха, возобно-

Композиторъ Н. Ѳ. Соловьевъ. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

вленную въ 1882 году. Въ томъ же году, П. Ѳ. написалъ для концертовъ всероссійской выставки въ Москвѣ фантазію для оркестра „Эй ухнемъ“, которая была исполнена въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Въ 1885 году, 12 ноября, на сценѣ Большого театра въ Петербургѣ поставлена опера Н. Ѳ. въ четырехъ дѣйствіяхъ „Месть“, („Корделія“), о которой уже упомянуто. Огромный успѣхъ встрѣтилъ ее. Въ 1886 году она была дана въ Кіевѣ, затѣмъ—въ Москвѣ и въ Казани. Изъ мелкихъ вещей П. Ѳ. извѣстны его двѣнадцать романсовъ. Кромѣ композиторской и педагогической дѣятельности, П. Ѳ. Соловьевъ съ 1869 года занимается критической дѣятельностью. Его статьи помѣщаются: въ „Музыкальномъ Сезонѣ“, „Музыкальномъ Листкѣ“, „Новомъ Времени“, „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, „Нивѣ“, „Музыкальномъ Мірѣ“ и др.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Допросъ продолжался.

Дирихъ подробно все передалъ паннѣ. Но при этомъ старостиха не столько интересовалась свиданіемъ въ Ригѣ, сколько подробностями похищенія Карлуса. Къ несчастію, въ этомъ отношеніи Дирихъ не могъ вполнѣ удовлетворить любознательность панны, такъ какъ самъ мало зналъ.

Трехъ-хвостка еще разъ мелькнула въ воздухѣ ради разъясненія обстоятельства пропажи Карлуса, но Дирихъ слезно поклялся „Маткой Божьей“, что во всѣхъ Вишкахъ и въ Дохабенѣ никто подробностей не знаетъ.

— Но вѣдь этотъ москáль Яковъ пропалъ въ одно время съ Карлусомъ? спросила панна.

— Да. Вмѣстѣ уѣхали. Всѣ ихъ видѣли,

— И съ тѣхъ поръ оба пропали?

— Оба.

— А семья Карлуса не разорёная? продолжала панна свой допросъ. Живетъ хорошо? Имущество есть у семьи? Карлусъ семью свою любилъ? Панъ былъ имъ доволенъ?

На всѣ эти вопросы Дирихъ отвѣчалъ утвердительно. Панна видимо была довольна собранными свѣдѣніями и даже улыбнулась. А про себя панна подумала: „Ну, я буду поумнѣе пана Лауренцкаго“.

Паннѣ нужно было узнать похищенъ Карлусъ московскими властями или самъ бѣжалъ ради бродяжничества. Убѣдившись, что Карлусъ выкраденъ, панна поняла, что дѣло можетъ дойти и до его родни.

Когда Дирихъ, счастливо отдѣлавшись отъ панны и только познакомившись близко съ ея трехъ-хвосткой, мирно вышелъ изъ усадьбы и пришелъ къ сестрѣ, то здѣсь, наоборотъ, нашелъ шумъ и услыхалъ плачъ и крикъ.

За его отсутствіе Анна разсердилась на мужа и, какъ бывало не разъ въ году, жестоко его избила палкой... Михайло плакалъ навзрыдъ, сидя за печкой, и не столько отъ боли конечно, сколько съ горя. Онъ очень любилъ жену и чрезвычайно ея боялся. Гнѣвъ Анны нравственно потрясалъ все его существо страхомъ и трепетомъ. Если-бы Михайлѣ Якимовичеву сказали, что жена убьетъ его, онъ испугался-бы не самой смерти, а того что при этомъ скажетъ, накричитъ и сдѣлаетъ, безпокоя себя, его дорогая Аннушка. Сыновья Якимовичевыхъ, молчаливые свидѣтели этихъ бурныхъ минутъ, спокойно и безъ страха оставались около. Они не боялись матери, ибо она обожала ихъ, баловала донельзя и никогда ни одного изъ нихъ пальцемъ не тронула. За то-же мальчуганы были большіе шалуны и не предвѣщали ничего хорошаго.

Дирихъ сталъ было успокоивать сестру, но Анна расходилась настолько, что пообѣщала поучить и гостя брата, „бѣлобрысаго дурня“.

Впрочемъ къ вечеру гроза прошла, и мужъ съ женой, не мирясь, спокойно заговорили, какъ если-бы утромъ не произошло между ними ничего особеннаго. Михайло только былъ особенно ласковъ къ женѣ и заискивалъ... Анна немного сумрачнѣе обыкновеннаго..

XVI.

Прошелъ наконецъ годъ съ исчезновенія Карлуса.

Въ Дохабенѣ жилось тихо и мирно послѣ страшнаго посѣщенія москаля.

Въ семьѣ-же пропавшаго Карлуса была лишь одна новость, особаго рода.

Панъ Лауренцкій сталъ все чаще посѣщать избу Сковоротскихъ и часто ласково бесѣдовалъ съ Марьей и съ ея дѣтьми.

Марья, женщина не очень дальновидная въ житейскихъ дѣлахъ, даже немного наивная и довѣрчивая, но обладающая женскимъ чутьемъ въ бабьихъ дѣлахъ, тотчасъ почуяла, что ласковость и частыя посѣщенія холостяка и сердцеѣда Лауренцкаго дѣло не простое.

„Его притягиваетъ Софья“.

И мать, какъ-бы не замѣтившая что изъ шаловливой дѣвчонки понемногу, потихоньку, изъ года въ годъ, выросла красавица - дѣвушка, теперь въ первый разъ поглядѣла на дочь иными глазами.

„Да, Софья и впрямь красавица писаная! подумала мать удивляясь. Какъ это я раньше не видала, не замѣтила ничего... Вѣдь она уже невѣста. Ее пора-бы просватать...“

И Марья кончила тѣмъ, чѣмъ постоянно кончала теперь—вздохами и слезами.

— Эхъ, кабы былъ теперь Карлусъ съ нами!

Да, будь Карлусъ, онъ врядъ-ли допустилъ-бы теперь, какъ Марья—хитрыя козни пана.

Впрочемъ Софья, которой минуло уже давно шестнадцать лѣтъ, но которой казались на видъ и всѣ 18, была настолько развита, избалована всѣми и поэтому бойка, что могла сама безъ помощи матери потягаться съ ухаживателемъ-паномъ. Софья давно видѣла и поняла то, что мать замѣтила теперь. Она была убѣждена, что они оттого и спаслись отъ москалей, что панъ съ ней не хотѣлъ разстаться. Иначе конечно онъ продалъ-бы семью за такую крупную сумму, какую ему москаль предлагалъ.

Софья рѣшила хитрить и вести себя такъ, чтобы панъ былъ доволенъ малымъ. Она всегда была ласкова съ нимъ, но избѣгала встрѣчъ наединѣ, а встрѣтясь, ловко отдѣлывалась отъ назойливаго пана такъ, чтобъ его не разсердить.

Въ концѣ концовъ, за это лѣто панъ Лауренцкій такъ влюбился въ Софью, какъ давно съ нимъ еще не случалось, но сталъ вести себя съ ней скромнѣе, боясь ее обидѣть...

Однажды, насильно удержавъ дѣвушку и безъ конца цѣлуя ее, онъ довелъ Софью до обильныхъ, горькихъ слезъ оскорбленія и досады... И ему стало жаль ее. Онъ сталъ искренно просить прощенія, обѣщаясь болѣе не сердить ее никогда.

По счастью для дѣвушки, Лауренцкій былъ уже 50-тилѣтній, потертый жизнью холостякъ, который, не будучи красивъ смолоду, теперь былъ особенно дуренъ. Цуберка, возлюбленный Софьи, конечно волновался не мало, давно замѣтивъ, но не понявъ отношеній пана и дѣвушки. Софья была съ бобылемъ все та-же, нѣжна и ласкова, но Цуберка ревновалъ ее къ пану Лауренцкому... въ будущемъ!..

Однажды въ сумерки, когда пастухъ пригналъ въ деревню все стадо, Софья встрѣтила его и позвала придти за овины... Пастухъ конечно тотчасъ-же, какъ управился, такъ и явился.

— Теперь намъ и прятаться нечего, заговорилъ Цуберка. Антона я не боюсь. Я его могу, если ты позволишь, отколотить на славу, если онъ сунется выговаривать...

— Нѣтъ, зачѣмъ. Да братъ теперь тебя и не тронетъ.

— А сунется... Я могу...

— Ты слушай вотъ меня! отозвалась Софья строго. Я все дѣло наше надумала гораздо лучше устроить... Ты не ходи въ Вишки завтра... Понялъ? Я надумала все иначе повершить...

— Да какъ, дорогая? Какъ?

— Это ужъ не твоя забота... Я вотъ завтра опять повидаю пана и ему...

— Все пана... Я бы пана твоего избилъ-бы до смерти! угрюмо вымолвилъ Цуберка и простовато-доброе лицо его омрачилось.

— Какой ты право! Бѣда съ тобой. Вѣдь правду всѣ говорятъ, что ты глупый.

— Я знаю что я глупъ. Да я люблю тебя и не могу терпѣть когда ты съ кѣмъ нибудь сладко разговариваешь. А съ паномъ Лауренцкимъ у тебя всегда такія рѣчи, что у меня все нутро переворачивается.

— А ты слышалъ мои рѣчи пану? усмѣхнулась Софья.

— Не слыхалъ. Но издали видно... Издали все видно...

— Что?

— Все!

— Ахъ, глупый. Неужто ты въ самомъ дѣлѣ думаешь, что панъ мнѣ милъ? Старый, скверный...

— Теперь нѣтъ... А будешь часто съ нимъ такъ егозить, и понемножку...

— Полюблю его...

— Нѣтъ... Онъ тебя полюбитъ. Онъ влюбчивый. А если онъ въ тебя влюбится, все пропало... Особенно безъ отца. Карлуса онъ побаивался. А теперь онъ прямо тебя силой возьметъ съ деревни къ себѣ въ домъ.

— Никогда этого не будетъ! мотнула дѣвушка головой.

— Развѣ онъ не можетъ со временемъ въ тебя влюбиться?

— Не можетъ, усмѣхнулась Софья лукаво.

— Почему?

— Потому что онъ уже давнымъ-давно влюбленъ въ меня безъ ума...

Цуберка широко раскрылъ глаза и ротъ разинулъ.

— Какъ? вымолвилъ онъ упавшимъ голосомъ.

— Да, конечно, давно влюбленъ. Вѣдь всѣ это знаютъ даже. Только ты одинъ не знаешь.

— Софья, вымолвилъ пастухъ, и слезы навернулись на его глазахъ. Софья, повторилъ онъ жалобно...

— Ну вотъ тебѣ и разъ. Опять заплакалъ. Ахъ ты дурной, дурной. Да и какой-же ты глупый!

Софья бросилась къ милому на шею.

— Что я тебѣ сказала? Развѣ я тебѣ сказала, что я пана люблю. А какое намъ дѣло, что онъ въ меня влюбленъ. Тѣмъ хуже для него и тѣмъ лучше для насъ.

— Да не понимаю я этого, отчаянно воскликнулъ Цуберка. Не понимаю!

— Да и не надо тебѣ понимать. Я все обдѣлаю. Посмотри, въ концѣ лѣта будемъ мы обвѣнчаны.

— Не вѣрю. Ей Богу, не вѣрю!

— Ну и не вѣрь!

Софья нѣжно обняла молодого малаго и поцѣловала. Потомъ она усмѣхнулась и потрясла своей черной кудрявой головкой.

— Чему ты?

— Ничему... Я такъ думаю, какъ всѣ люди глупы. Какъ легко обманывать людей. И тоже какъ трудно заставить вѣрить. Я вотъ съ паномъ Лауренцкимъ притворяюсь и лгу—а онъ вѣритъ всему. Тебя я никогда еще не обманула, тебѣ я говорю всегда, что я тебя люблю больше всѣхъ и хочу быть твоей женой. А ты вотъ не вѣришь.

— А можетъ быть ты и меня обманываешь?

— Зачѣмъ? Какой прокъ мнѣ тебя обманывать?

— А пана зачѣмъ?

— Ахъ. Панъ—нашъ владѣлецъ, хозяинъ. Захочетъ, онъ завтра можетъ насъ всѣхъ продать, да еще разнымъ панамъ. Захочетъ, можетъ тоже меня, какъ ты говоришь, силой взять къ себѣ въ усадьбу... Вотъ я его и надуваю и обману какъ дурня... Ну, а съ тобой что-жъ мнѣ?.. Ты бобыль, пастухъ. Если-бы я тебя не любила, зачѣмъ-бы я стала тебя увѣрять что люблю? Зачѣмъ?.. Ну-ка, сообрази...

— Такъ, ради потѣхи... Молодыя дѣвки часто ради одной потѣхи лгутъ и обманываютъ.

— Ну, съ тобой вѣдь не сговоришь. Не въ первый разъ... Ты упрямецъ! Вотъ женимся—я тебя бить буду.

— Бей и теперь, если охота... Твои побои я снесу и пальцемъ тебя не трону! произнесъ важно Цуберка.

— О, дурень! А то бы драться! Со мной? Да ты меня разъ своимъ кулакомъ ударишь, такъ изъ меня душа выскочитъ!

— Я и говорю что не буду...

Софья закачала головой... Поглядѣвъ нѣсколько мгновеній въ лицо молодого пастуха, Софья опустила глаза, задумалась, потомъ вздохнула и вымолвила:

— А вѣдь правда. Да. Ты очень, очень глупый...

XVII.

Новыя и подозрительныя отношенія пана Лауренцкаго и общей любимицы Янкупдзе замѣтилъ не одинъ ея возлюбленный, а все латышское населеніе какъ Дохабена, такъ и всего околотка.

Вскорѣ явились доброжелатели и друзья, которые стали... нашептывать совѣты и предупрежденія самой полувдовѣ, Марьѣ Сковорощанкѣ.

— Берегися пана! рѣшилась наконецъ встревоженная Марья сказать дочери. Онъ вѣдь бѣдовый... Какъ-бы чего не вышло... Лучше удаляйся отъ него всячески. Скорѣе убережешься.

— Зачѣмъ мнѣ беречься? Меня отъ него. его собственная отвратительная фигура убережетъ! отозвалась, какъ отрѣзала, Софья.

— Знаю, что онъ старый да противный и конечно никого не соблазнитъ. Но вѣдь онъ нашъ панъ. Придетъ ему какая прихоть... Что мы сдѣлаемъ безъ отца? А вѣдь тебя потомъ никто замужъ за себя не возьметъ. Пойми и помни это, дочь.

— Я это, мама, давно поняла, знаю и берегуся, отвѣтила Софья. Думала я обо всемъ этомъ не мало и додумалась, что мнѣ спасенія отъ пана нѣтъ. Будь отецъ съ нами, конечно, иное дѣло. Но безъ него—я пропала.

— Какъ пропала?!. Что ты... Покуда еще...

— Покуда еще ничего нѣтъ, хотите вы сказать? Нѣтъ, мама. Ужъ довольно! Больше мнѣ не нужно. Онъ мнѣ и такъ ужъ надоѣлъ до того, что я бы убѣжала изъ Дохабена. Надо это кончить...

— Кончить... Какъ?..

— Выдайте меня замужъ! твердо произнесла дѣвушка.

— Пожалуй. Я готова съ радостью, но за кого?..

— За того, кого я люблю и кто меня любитъ.

И Софья стала цѣловать мать и всячески ластиться къ ней.

— Кто-жъ это?

— Цуберка.

— Богъ съ тобой! Да онъ бобыль! Онъ нищій. У

Сокольничій. Съ карт. Литовченко, грав. Ю. Барановскій.

Пріятный сюрпризъ. Съ карт. А. Шрёдера, грав. Кремеръ.

него даже избы нѣтъ! У него всего имущества одна рубаха да штаны.

— Въ нашей избѣ жить будетъ. А одежду можно ему нашить... Хуже будетъ, мама, если я пропаду отъ пана и ни за кого не выйду. Отецъ Цуберку любилъ. всегда хвалилъ за усердіе, за силу, за кротость.

— Правда. замѣтила Марья. Но замужъ тебя за него онъ никогда-бы не выдалъ. Ему хотѣлось всегда найти тебѣ жениха получше, кого либо съ постоялаго двора, изъ слугъ или изъ конюховъ.

— Кромѣ Цуберки, мнѣ нельзя ни за кого выходить. Онъ одинъ меня защититъ отъ пана. И его одного панъ побоится.

— Отчего?

— Не могу сказать, мама, Согласитесь на нашъ бракъ, и я вамъ все разскажу.

Марья подумала, сообразила всѣ обстоятельства, свое безпомощное состояніе полувдовы и выговорила:

— Хорошо. Пожалуй. Я люблю Цуберку. Но видишь-ли... Панъ захочетъ выкупа, коли ты выйдешь за Цуберку. Вѣдь онъ не панскій, а вольный, приписной...

— Да. Оттого-то я за него и хочу. Оттого-то онъ меня и защититъ отъ пана, что онъ вольный.

— А выкупъ? Гдѣ-же Цуберка его возьметъ? Панъ на смѣхъ потребуетъ злотыхъ двадцать-тридцать, а то и больше. Ты дѣвка сильная и работница хорошая.

— Цуберка ни одного злота не имѣетъ!

— Ну... И я тоже говорю... Какъ-же быть?

Софья молчала и стояла потупясь... Но затѣмъ тихо выговорила:

— Вы согласны, чтобъ я за Цуберку шла?

— Да, пожалуй, говорю, но пойми...

— Больше, мама, ничего мнѣ не нужно. Все устроится. Только вы насъ благословите, а все остальное мы съ Цуберкой сами наладимъ.

Марья согласилась, но съ оговорками...

Разумѣется, на другой-же день, здоровенный латышъ, веселый и счастливый, появился въ домѣ Сковоротскихъ, чтобы, ради соблюденія приличія, объясниться съ Марьей наединѣ.

Объясненіе было простое. Цуберка явился свататься и клялся, что изъ любви къ Софьѣ будетъ такъ работать, что непремѣнно подъ старость разбогатѣетъ.

— Да покуда-то... Покуда! возразила Марья. Теперь то у тебя вѣдь ничего нѣтъ.

— Нѣтъ... Какъ есть, ничего нѣтъ! такимъ голосомъ отозвался Цуберка, какъ еслибъ объяснялъ, что у него цѣлый подвалъ золота и серебра.

Марья, не смотря на свое простодушіе, все-таки удивилась и покачала головой.

„Инь вѣдь... Будто хвалится что нѣтъ ничего!“ подумала она.

Разумѣется, Софья, Цуберка и добродушно присоединившійся къ нимъ Антонъ — живо уговорили мать. Она дала согласіе.

— Какъ-же вы съ паномъ-то?.. спросила она.

— Это наше дѣло! весело отозвалась Софья.

— Объ этомъ не безпокойтесь! сказалъ и Цуберка.

Съ этого дня началась никѣмъ не подозрѣваемая хитрая игра... Кошками были Софья и Цуберка, отчасти и Антонъ, а мышкой—панъ Лауренцкій. Разумѣется, онъ воображалъ себя котомъ, который выслѣживаетъ мышку Софью, чтобы проглотить ее простѣйшимъ образомъ.

Все было придумано самой Софьей и придумано хотя дерзко, но просто.

Цуберка былъ вольный. Сдѣлавшись женой свободнаго человѣка, Софья уже не принадлежала пану и становилась тоже вольной. Нужно было только письменное разрѣшеніе пана на ея бракъ безъ выкупа.

Панъ далъ сначала словесное разрѣшеніе, а затѣмъ самъ справилъ все законнымъ порядкомъ и выдалъ бумагу, въ которой не требовалъ ни съ Марьи, ни съ Цуберки никакой уплаты за дѣвушку. Онъ терялъ работницу даромъ.

Марья только дивилась. Мацитайсъ тоже дивился какое добросердіе появилось у пана Лауренцкаго.

Тайна заключалась въ томъ. что Софья убѣдила пана, что она этого огромнаго дурака Цуберку не только не любитъ, но и видѣть спокойно не можетъ. Она любитъ давно, его, пана... Но такъ просто принадлежать пану, на виду у всѣхъ срамиться,—она не можетъ и никогда не согласится.—Лучше утопиться! Замужняя, иное дѣло... Прямо послѣ вѣнца она будетъ у пана, а затѣмъ, чрезъ нѣкоторое время, они спровадятъ бобыля куда нибудь. Отъ него, вольнаго человѣка, пану легче было отдѣлаться, чѣмъ отъ своего хлопа. Приказать ему уйти изъ предѣловъ вотчины шляхтича—и конецъ!

Такъ уговорилась Софья съ паномъ Лауренцкимъ и онъ, въ силу пословицы, что на всякаго мудреца довольно простоты, ослѣпленный своей самонадѣянностью, съ восторгомъ согласился на все. Для него тоже было выгоднѣе достигнуть своей цѣли безъ огласки.

Обвѣнчаться съ разрѣшенія самого пана, не уплатя выкупа, и, сдѣлавшись свободной, насмѣяться пану въ его скверную и старую физіономію, а затѣмъ уйти изъ Дохабена и наняться въ Вищкахъ, на постояломъ дворѣ,—содержатель котораго предупрежденъ — вотъ въ чемъ тайно уговорилась Софья съ Цуберкой.

„Но можетъ ли все уладиться такъ, какъ они затѣяли, разсуждали молодые люди. Если панъ Лауренцкій, обманутый и озлобленный, захочетъ силой отнять Софью у мужа... Тогда всѣ на него подымутся... И панъ мацитайсъ прежде другихъ. Это будетъ соблазнъ. на который онъ не пойдетъ. Да къ тому же Цуберка, силачъ страшный, пообѣщаетъ пану повстрѣчать его гдѣ нибудь въ полѣ или въ лѣсу наединѣ!.. И онъ такъ можетъ съ паномъ наединѣ побесѣдовать, что Дохабенъ тотчасъ перейдетъ затѣмъ къ одному дальнему родственнику пана по наслѣдству...“

XVIII.

Среди деревни Кегема. невдалекѣ отъ господскаго дома самого пана Вульфеншильда, виднѣлся и ярко блестѣлъ на солнцѣ свѣжимъ лѣсомъ бревенъ и досокъ домикъ семьи Енриховыхъ.

Съ тѣхъ поръ, что Христина побывала въ Ригѣ, прошло безъ малаго три года.

За это время на деньги, полученныя въ подарокъ отъ царицы, Енриховы выстроились вновь и завели хозяйство шире и богаче, чѣмъ прежде. А на все обзаведеніе ушла всего дюжина червонцевъ, хотя въ томъ числѣ были куплены корова и пара лошадей.

Мужъ Христины, дѣятельный, усердный рабочій и хозяинъ, мастеръ на всѣ руки, выстроился самъ.

Часть денегъ Христина, не менѣе прилежная въ работѣ, но разсчетливая, съумѣла обратить съ пользой и барышомъ. Она накупила съ осени много льна и цѣлую зиму, при помощи двухъ нанятыхъ работницъ, наткала столько полотна и такъ искусно продала его въ сосѣдній городъ, что къ концу зимы Енриховы стали почти богатые люди.

Христина давно и думать забыла о томъ, что обѣщалъ ей сѣдой панъ-полковникъ со словъ царицы, т. е.. она бросила всякую мысль о перемѣнѣ своей участи милостью государыни.

— Спасибо и за эти деньги, думала и говорила она. При помощи ихъ мы разбогатѣемъ скоро такъ, что сами откупимся на волю у пана Вульфеншильда!

На свой барышъ, полученный съ продажи полотна. Христина собиралась предпринять еще два торговыхъ оборота. Усиливъ производство въ слѣдующую зиму и холста. и полотна. она уже надѣялась, черезъ годъ или два, имѣть очень крупную сумму. Дѣятельная женщина мечтала о томъ, чтобы завести кабакъ около деревни, на большомъ трактѣ.

Панъ Вульфенпильдъ, самъ скопившій себѣ свое состояніе трудомъ и разсчетомъ, смотрѣлъ на Христину Енрихову и ея дѣятельность съ удовольствіемъ.

Онъ заранѣе соглашался отпустить всю семью на волю за сравнительно малый выкупъ, а затѣмъ соглашался въ будущемъ дать имъ разрѣшеніе держать кабакъ на его землѣ.

Хотя у Енриховыхъ изъ троихъ дѣтей было два мальчика, т. е., двое будущихъ рабочихъ для помѣщика. Вульфенпильдъ не бралъ это въ разсчетъ, потому что мальчики были еще малы, и даже старшій могъ сдѣлаться рабочимъ не ближе какъ лѣтъ черезъ пять, шесть. Отношенія пана съ рабами стали дружественныя.

Часто, при встрѣчѣ пана съ Енриховой, между ними затѣвался разговоръ объ родствѣ Христины. Панъ, полушутя, спрашивалъ у крестьянки, не получала ли она какого извѣстія, письма изъ Москвы или изъ Петербурга отъ своего зятя: не знаетъ ли она чего объ какой новой россійской войнѣ, со шведомъ или съ султаномъ. Христина усмѣхалась, добродушно отвѣчая, что она бы и рада списаться съ сестрой и съ зятемъ, да боится, чтобы изъ-за этихъ писуль не попасть въ Сибирь

Часто панъ Вульфенпильдъ, когда заходила рѣчь о будущемъ выкупѣ на свободу всей семьи, говорилъ Христинѣ, тоже полушутя

— А вѣдь не слѣдовало бы мнѣ отпускать васъ на волю, въ особенности тебя Захочетъ вдругъ твоя сестра откупить васъ у меня, такъ она побольше дастъ выкупа, чѣмъ вы сами съ Янкой.

— Ну, панъ, отшучивалась Христина, плохой разсчетъ. Наши деньги съ Янкой, какія ни на есть, а вѣрнѣе тѣхъ, что заплатитъ вамъ сестра.

И въ концѣ бесѣды панъ Вульфенпильдъ тоже соглашался, посмѣиваясь, что онъ предпочтетъ нѣсколько десятковъ злотыхъ за семью Енриховыхъ тѣмъ сотнямъ, которыхъ надо дожидаться сто лѣтъ отъ русской царицы.

Панъ Вульфенпильдъ самъ не разъ серьезно говорилъ Енриховымъ, что имъ нечего мечтать и разсчитывать на перемѣну своего крестьянскаго состоянія по милости русской Императрицы.

— Еслибы русская царица хотѣла это сдѣлать, то сдѣлала бы уже давно, говорилъ онъ. Будьте благодарны и за то, что васъ до сихъ поръ не перехватали, не увезли въ Москву и не засадили въ острогъ... А то и хуже того. Въ Москвѣ казнятъ, обезглавливаютъ нынѣ не однихъ преступниковъ, а и тѣхъ, которые царю не по нраву...

Послѣдній разъ, что Христина бесѣдовала съ паномъ о Москвѣ и царицѣ, было передъ масляницей. Панъ ничего особеннаго не сказалъ, какъ вдругъ, на другой день, вызвалъ Христину къ себѣ въ усадьбу, и когда женщина вошла, панъ Вульфенпильдъ съ важнымъ лицомъ повелъ женщину къ себѣ въ кабинетъ. Притворивъ двери, онъ прислушался и, убѣдившись, что никто изъ хлоповъ не можетъ подслушать ихъ бесѣду, онъ передалъ Христинѣ диковинную вѣсть.

То, что передалъ подробно панъ Вульфенпильдъ, было молвой народной, которая бѣгала теперь по всей Россіи. Это былъ всякій вздоръ по поводу событія великой важности.

— Скончался въ Петербургѣ первый русскій императоръ—Петръ! Скончался вдругъ!..

Привыкъ ли народъ взирать на монарха-исполина какъ на полубога, какъ на миѳическое существо, какъ на царя настолько великаго, что и безсмертнаго? Или было что нибудь, какіе нибудь темные слухи, украдкой выскользнувшіе изъ Петербурга въ Москву и далѣе, во всѣ края, во всю ширь православнаго царства? Но смерть перваго императора, Великаго Петра, поразила равно и русскій народъ, и всѣхъ подвластныхъ иновѣрцевъ. Какъ панъ Вульфенпильдъ шептался теперь съ Христиной, точно также шептались и въ другихъ, далекихъ русскихъ окраинахъ. У Бѣлаго моря, у Каспійскаго, у Азова и у Балтійскаго порта, и на границахъ Нѣмецкихъ, и на границахъ Азіятскихъ.

Великій Петръ—мертвецъ. Эти два понятія были почти несовмѣстимы для современниковъ!

Прославленное имя геніальнаго царя, богатыря и чудотворца, произносилось теперь повсюду со страхомъ и трепетомъ, но уже не ради страха передъ его могучей личностью, а вслѣдствіе поразительнаго извѣстія, которое бѣгало тайкомъ по всему міру.

Говорили, что великій императоръ умеръ не своей естественной смертью. И этотъ народный вымыселъ возникъ исключительно потому, что великій царь для всѣхъ современниковъ своихъ еще при жизни сталъ легендарнымъ героемъ и безсмертнымъ витяземъ.

Онъ не могъ умереть, а если и умеръ, то въ силу какихъ либо коварныхъ волшебныхъ чаръ.

Енрихова узнала отъ Вульфенпильда тайкомъ, въ его кабинетѣ, о смерти русскаго императора, но для нея лично было еще и другое извѣстіе, имѣвшее большее значеніе. Безразличное для всѣхъ россіянъ, это событіе имѣло огромную важность для Енриховыхъ.

Марта была уже не супругою русскаго Императора и не вдовою его, а Императрицей Самодержицей, Монархомъ всея Россіи.

— Вотъ бы теперь царицѣ на васъ можно свою милость и благодѣянія обратить, кончилъ Вульфенпильдъ. Я бы на твоемъ мѣстѣ не сидѣлъ бы въ Кегемѣ сложа руки.

XIX.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этой бесѣды, панъ Вульфенпильдъ прямо сталъ совѣтовать женщинѣ отправляться снова въ Ригу, какъ въ ближайшій большой городъ, и ей уже знакомый, чтобы сдѣлать заявленіе и подать просьбу главноначальствующему князю Репнину, прося его напомнить объ ней съ семьею Великой Государынѣ Самодержицѣ.

— Не выйдетъ изъ этого ничего, сказалъ Вульфенпильдъ, ну, и не надо... А можетъ быть что нибудь и выйдетъ!.. На поѣздку деньги у тебя есть.

Христина колебалась и возразила, что не видитъ никакой разницы между прежнимъ положеніемъ дѣла и теперешнимъ.

Женщина, вернувшись домой, продумала нѣсколько дней и затѣмъ объяснила мужу, что она ѣдетъ въ Ригу.

Енриховъ ахнулъ и всячески отговаривалъ жену.

— Отъ добра добра не ищутъ! былъ смыслъ его рѣчей. И такъ хорошо: и новый домъ, и скотъ, и полное хозяйство, и денегъ много. Чрезъ года два будутъ они вольные и начнутъ еще больше богатѣть... Зачѣмъ стремиться къ чему-то неизвѣстному, темному. Какъ разъ въ бѣду попадешь.

Но Христина, разъ рѣшившаяся, стояла на своемъ и черезъ день уже двигалась въ тележкѣ по большой дорогѣ.

Въ пути Христина была спокойна, но когда она очутилась въ Ригѣ, то, при видѣ того же острога, гдѣ она когда-то сидѣла, ею овладѣлъ трепетъ и даже сказалось на сердцѣ какое-то дурное предчувствіе. Она готова была, не предпринимая ничего, скорѣе возвращаться домой. Однако тотчасъ же умной женщинѣ показалось это настолько безсмысленнымъ, что она рѣшила не предаваться безцѣльному страху.

Панъ Вульфенпильдъ конечно самъ написалъ и вручилъ ей краткое прошеніе, или, какъ называлось, „суплику“ на имя военачальника.

Въ этой супликѣ Христина объясняла, что она проситъ облегчить ея положеніе крѣпостной и выкупить ее съ семьей у господина Вульфенпильда.

Разумѣется, панъ ожидалъ, что если Репнинъ дастъ

ходъ этой бумагѣ, то русская императрица неминуемо выкупитъ изъ неволи Христину и дастъ ему, помѣщику, хорошія деньги.

Христина, съ бумагой въ рукахъ, легко добралась до мѣстнаго начальника всего края.

Князь Репнинъ сразу узналъ Христину и весело воскликнулъ:

— И хорошее дѣло!.. Вотъ удача! Мы тебя разыскивать хотѣли, а ты сама явилась.

Важный сановникъ тотчасъ же распорядился, чтобы женщину взяли и отвели въ помѣщеніе около того же замка.

Съ ужасомъ поняла Христина, что она снова заарестована.

Домъ, въ которомъ ее посадили въ отдѣльной горницѣ, запирался днемъ и ночью, а подъ окошками ходили безсмѣнно двое часовыхъ. Не тотъ же ли это острогъ?

Никогда, во всю свою жизнь, Христина не была въ такомъ отчаяніи. Погубилъ ее панъ Вульфеншильдъ! Правду говорилъ мужъ: „отъ добра добра не ищутъ“. Когда она теперь увидитъ свою семью... Да и увидитъ ли!.. Нѣтъ, второй разъ уже не спастись ей.

Отчаяніе Христины было такъ велико, что она готова была наложить на себя руки, готова была, за неимѣніемъ какого либо орудія, размозжить себѣ голову объ стѣну. Теперь отъ зари до зари сидѣла она недвижно, опустивъ голову на руки, какъ бы помертвѣвъ, и даже не замѣчала какъ день смѣнялся ночью.

Такимъ образомъ нѣсколько ночей просидѣла она и продремала сидя. Сколько прошло дней, она не помнила; но однажды все существо ея встрепенулось. Она вскочила какъ ужаленная, при звукѣ голосовъ въ коридорѣ, выпрямилась и бросилась къ двери. И такъ какъ запертая дверь не отпиралась, она стала тащить ее за скобу, готовая въ кровь разодрать себѣ руки, лишь бы только отворить. Но дверь подалась сама и женщина, какъ полупомѣшанная, бросилась обнимать дѣтей и мужа. Въ это мгновеніе она не думала о томъ, что они тоже арестованы и будутъ здѣсь заключены, какъ преступники! Она была счастлива, хотя бы и тѣмъ, что разлука прекратилась.

Когда Христина совершенно пришла въ себя, то мужъ разсказалъ ей, что они были всѣ взяты посланными изъ Риги солдатами по приказанію начальства за какое-то ея важное преступленіе.

— Что ты сдѣлала? спросилъ Енриховъ. Что могла ты сдѣлать за такое короткое время?..

Христина была изумлена.

— Намъ сказали и пану Вульфеншильду объяснили при мнѣ, что ты здѣсь въ Ригѣ сдѣлала какое-то чрезвычайное преступленіе... Убила ты что ли кого, или ограбила кого? За это тебя посадили въ острогъ? А насъ стало быть взяли тоже изъ-за тебя.

Разумѣется, Христина ничего понять не могла. Объяснившись съ мужемъ, она пришла къ убѣжденію, что ихъ хотятъ погубить оговоромъ и клеветой.

Въ тотъ же вечеръ, когда главный смотритель дома зашелъ въ горницу, гдѣ были Енриховы, съ цѣлью посмотрѣть какъ ихъ всѣхъ устроить, Христина заговорила съ нимъ и попросила разъяснить—какое преступленіе на нее взваливаютъ.

Смотритель-нѣмецъ, говорившій по-польски, выслушалъ все и, едва замѣтно усмѣхнувшись, выговорилъ:

— Сколько тебѣ лѣтъ?

— Сорокъ съ небольшимъ, а то и меньше... Я не знаю...

— Ну, вотъ, милая моя, сорокъ лѣтъ съ небольшимъ тому назадъ ты совершила великое преступленіе тѣмъ, что родилась отъ отца Самуила Сковоротскаго. Но ты не тревожься, я чаю, ничего особенно худого вамъ не будетъ.

— Казнять, выговорилъ однозвучно Енриховъ.

— Пустое! Не казнятъ... Потому что не за что... Это было бы безчеловѣчно... Это все враки. По всей вѣроятности, вы здѣсь просидите нѣсколько мѣсяцевъ, а затѣмъ васъ сошлютъ куда нибудь на окраину русскую. Тамъ будутъ содержать васъ всю жизнь вашу.

— Въ острогѣ? воскликнула Христина.

— Ужъ не знаю... Чаю, что нѣтъ. Будете просто жить, какъ поселенные, не особенно хорошо, но и не дурно.—все такъ же, какъ теперь жили.

— Да вѣдь теперь... невольно заговорилъ Енриховъ съ гнѣвомъ, у насъ цѣлое достояніе брошено.. Мы было разжились совсѣмъ.

— Ну, что же дѣлать! отозвался смотритель. Бываетъ и хуже.

Къ вечеру въ горницу, гдѣ сидѣли Енриховы, принесли еще двѣ деревянныя кровати, столъ и три стула. При этомъ одинъ солдатъ, приставленный къ нимъ главнымъ надсмотрщикомъ, такъ какъ онъ говорилъ по-польски, объяснилъ арестованнымъ порученіе отъ начальства. Заключеннымъ предлагалось, если они того пожелаютъ, послать человѣка въ Кегему и привезти кое-что изъ ихъ рухляди и пожитковъ.

И Христина, и мужъ ея одинаково отказались отъ этого предложенія. Оба, не сговариваясь, равно подумали въ эту минуту: „Хотятъ ограбить! Пускай лучше достается все пану Вульфеншильду. Если они когда нибудь будутъ на свободѣ, то онъ возвратитъ имъ все, а что попадетъ въ руки москалей — то все пропадетъ.“

Черезъ нѣсколько дней, Енриховыхъ, мужа и жену, вызвали къ начальству и подъ конвоемъ двухъ вооруженныхъ солдатъ привели въ канцелярію военачальника. Тамъ, при помощи переводчика, говорившаго по-польски и по-русски, съ нихъ сняли подробный допросъ. Въ то же время у нихъ выспросили подробно мѣста жительства Дириха Сковоротскаго и семьи Якимовичевыхъ.

Когда Енриховъ, изъ-за какого-то внезапнаго и дурного чувства, прибавилъ самъ къ допросу, что у Христины есть еще братъ, по имени Карлусъ, съ семьей, живущей на большомъ Псковскомъ трактѣ, то одинъ изъ чиновниковъ, очевидно главный судья, странно ухмыльнулся и велѣлъ перевести Енрихову:

— Гдѣ Карлусъ и гдѣ его семейство—мы лучше тебя знаемъ.

XX.

Въ Дохабенѣ всѣ ждали „полтрабендъ“, т. е. шумнаго вечера. Дѣвичникъ и пиръ горой или „брутесъ ваккарсъ“ и „дзершана“ были у всѣхъ на языкѣ.

Оставалось только нѣсколько дней до свадьбы Дауца Цуберки съ Софьей Сковорощанкой.

Въ избѣ Марьи было всякій день весело и людно. Постоянно сновалъ народъ, являлись гости.

Никто не попрекнулъ Марью, не пошутилъ и не посмѣялся надъ нею, что она выдаетъ дочь за ганца и бобыля безъ алтына въ карманѣ. Любили всѣ Цуберку за его добрый нравъ и услужливость, и радовались что ему выпадало такое счастье: жениться на красавицѣ Яункундзе.

Сковоронскіе прибирались въ домѣ, готовя полтръабендъ и вообще ради будущихъ празднествъ, чтобы справить по обычаю брутесъ ваккарсъ или дѣвичникъ и другіе свадебные пиры. Они потѣснились. Надо было цѣлую горницу отдать будущимъ молодымъ супругамъ. На этотъ разъ не молодая жена должна была послѣдовать въ домъ мужа, а наоборотъ. У Цуберки не только не было избы, но, именно, по его увѣренію, всего имущества было у него только рубаха, поясъ и штаны. Зимніе кафтанъ и шапку онъ бралъ внаймы.

(До слѣд. №).

Этюдъ. Съ карт. Н. Веле, грав. Пааръ.

Кавалерiйская аттака.

Разсказъ **Е. Валова.**

— Тише! Спокойнѣе! Держите равненiе! Не заскакивать: эй, тамъ, во второмъ взводѣ!

Такъ покрикивалъ довольно полный генералъ, ѣхавшiй впереди кавалерiйскаго полка. Онъ безпрестанно оборачивался назадъ, и опершись правою рукою о луку сѣдла и приподнимаясь на стременахъ, оглядывалъ свой полкъ. По правую руку его ѣхалъ пожилой полковникъ, по лѣвую—молодой поручикъ-адъютантъ, а за ними горнистъ.

— Вѣдь мы не на ученьи, Федоръ Ивановичъ, замѣтилъ полковникъ улыбнувшись. Гдѣ ужъ тутъ соблюдать всѣ правила, когда насъ торопятъ для аттаки.

— Не на ученьи! съ упрекомъ въ голосѣ повторилъ генералъ. А для чего же мы и учились столько лѣтъ, если сегодня не покажемъ себя какъ слѣдуетъ? Для аттаки надо какъ можно болѣе сохранить силы лошадей и людей, а будемъ заранѣе горячиться, то и аттака не удастся. А послѣ нея можетъ быть придется еще преслѣдовать непрiятеля. Ровнѣе! крикнулъ онъ опять, обернувшись назадъ.

— Намъ приказано спѣшить какъ можно скорѣе, снова замѣтилъ полковникъ.

— Поспѣшишь—людей насмѣшишь, возразилъ ему генералъ. Знаю я эти спѣшки; слава Богу, не первый разъ буду нюхать порохъ. Я не поведу полкъ въ аттаку, если онъ у меня не будетъ въ порядкѣ. Продолжайте идти, а я осмотрю полкъ. Горнистъ! за мной!

Съ этими словами генералъ подняль лошадь въ галопъ и, отскакавъ въ сторону, остановился, чтобы пропустить весь полкъ мимо себя.

— Зачѣмъ горячите лошадей? Зачѣмъ даете въ галопъ подыматься? Равненiе держите! покрикивалъ онъ на мимо проходившихъ своихъ кавалеристовъ. Ротмистръ Иващенко, у васъ почти весь эскадронъ идетъ въ галопъ! Рысью! Поручикъ Галунинъ, равненiе держите! Кто тамъ пикой болтаетъ какъ корова хвостомъ?

Взводы проходили за взводами, громыхая оружiемъ и топотомъ лошадиныхъ подковъ, и чѣмъ ближе слышался громъ пушечныхъ выстрѣловъ и трескотня ружейныхъ, тѣмъ болѣе горячились не только люди, но и лошади, какъ будто понимавшiя что сегодня онѣ должны показать себя. Но эта-то общая горячность всего болѣе и раздражала стараго вояку-генерала. Ни одного эскадрона, ни одного взвода онъ не пропустилъ безъ замѣчанiй, и такъ какъ, повидимому, его замѣчанiя не произвели никакого впечатлѣнiя, то онъ приказалъ горнисту протрубить остановку.

Весь полкъ, не мало удивленный этимъ приказанiемъ, остановился. Нахмуренный генералъ легкой рысцой поѣхалъ къ головѣ полка и поровнявшись со средними эскадронами, остановился и приказалъ:

— Господа офицеры, ко мнѣ!

Офицеры быстро окружили его.

— Это ни на что не похоже, господа! началъ онъ говорить, сильно жестикулируя. Вы должны показывать примѣръ солдатамъ, а между тѣмъ я вижу что вы сами горячитесь еще больше ихъ! Такъ нельзя идти для аттаки. Вы должны беречь силы и людей, и лошадей, а главное въ людяхъ поддерживать спокойствiе и хладнокровiе. Они ужъ сами разгорячатся въ минуту аттаки.

— Что-же дѣлать, ваше превосходительство, замѣтилъ одинъ изъ ротмистровъ; всѣ знаютъ что намъ приказано спѣшить, оттого невольно и горячатся...

— Вы-ли это мнѣ говорите? почти закричалъ генералъ. Вы—самый старшiй изъ эскадронныхъ командировъ! Да на что-же вы тутъ, если не для того чтобы смотрѣть и командовать? Я, господа, обратился онъ уже ко всѣмъ, объявляю вамъ совершенно серьозно, что если мы не придемъ въ полномъ порядкѣ, то я не поведу полкъ въ дѣло! Хоть бы меня въ солдаты за это разжаловали! прибавилъ онъ. Станьте по мѣстамъ и я прошу васъ честью, господа, въ точности исполнять мои приказанiя. Отъ этого зависитъ весь успѣхъ аттаки. Чѣмъ спокойнѣе будутъ люди, чѣмъ стройнѣе мы бросимся въ аттаку—тѣмъ вѣрнѣе будетъ побѣда!

Въ эту минуту къ группѣ офицеровъ подскакалъ въ карьеръ запыленный казачiй офицеръ и, замѣтивъ генерала, подъѣхалъ къ нему.

— Ваше превосходительство, сказалъ онъ. Командиръ корпуса приказалъ передать, чтобы вы поспѣшили на правый флангъ.

— Что тамъ, опасно, развѣ? спросилъ генералъ.

— Немного тѣснятъ нашихъ...

— Хорошо, скажите, что мы идемъ.

Казакъ повернулъ лошадь и быстро исчезъ за пригоркомъ.

— Помните-же, господа, что я вамъ говорилъ, обратился генералъ снова къ своимъ офицерамъ. Дѣйствуйте какъ на ученьяхъ, спокойно, хладнокровно и больше думайте о равненiи, чѣмъ о пуляхъ и ядрахъ, тогда и побѣда будетъ въ нашихъ рукахъ. По мѣстамъ!

Офицеры разъѣхались, а генералъ, какъ-бы забывъ о приказанiи торопиться, шагомъ поѣхалъ къ головѣ полка и, проѣзжая мимо взводовъ, осматривалъ ихъ равненiе и нѣкоторыхъ благодарилъ.

— Хорошо, ребята!

— Рады стараться, ваше—ство! громко и радушно отвѣчали солдаты.

Ставъ въ головѣ полка, генералъ спокойнымъ голосомъ скомандовалъ:

— Рысью, маррршъ!

Полкъ двинулся снова впередъ. На этотъ разъ совѣты и приказанiя генерала видимо подѣйствовали на всѣхъ; спокойствiе, съ которымъ онъ распоряжался, дѣйствительно какъ на ученьи, отразилось и на всемъ полку. Легкой рысью уланы приближались къ мѣсту битвы, откуда все громче и громче доносились залпы артиллерiйскихъ баттарей.

Дорога шла немного въ гору, такъ что хотя мѣстность была и ровная, но за ея возвышенностью не было видно мѣста сраженiя. Только когда первый эскадронъ поднялся на самую вершину отлогаго холма, предъ нимъ открылась широкая панорама битвы. Генералъ приказалъ горнисту протрубить остановку и самъ остановился, вглядываясь въ расположенiе сражавшихся войскъ.

— На правый флангъ, говорилъ онъ какъ-бы про себя. Гдѣ-же тутъ этотъ флангъ? За дымомъ трудно что нибудь разобрать.

— Не туда-ли? сказалъ полковникъ, протянувъ руку по направленiю къ небольшой горѣвшей деревушкѣ, дымъ отъ пожара которой высоко поднимался кверху.

— Едва-ли, отвѣтилъ генералъ, около деревень всегда много изгородей. Но, чортъ возьми! Я рѣшительно ничего понять не могу! Какъ можно такъ давать приказанiя? На правый флангъ! Легко сказать! Правый флангъ великъ! Какъ было не прислать проводника?.. Вотъ что, поручикъ Евдокимовъ! обратился онъ къ своему адъютанту; поѣзжайте къ командиру и узнайте точнѣе куда онъ желаетъ насъ послать.

Поручикъ молча приложился рукою къ шапкѣ и поскакалъ въ карьеръ.

— Не теряемъ-ли мы время? снова замѣтилъ полковникъ.

— Время! Лучше потерять нѣсколько минутъ, чѣмъ сунуться не туда, куда надо. Но мы и этого времени не потеряемъ даромъ.

Затѣмъ, отъѣхавъ немного въ сторону, такъ чтобы его видѣлъ весь полкъ, густой колонной стоявшiй по скату холма, генералъ скомандовалъ, отчеканивая каждое слово:

— По первому... взводу! Направо... стройся!

Эскадронные командиры, какъ эхо, отдали соотвѣтствующiя команды, и взводы одинъ за другимъ начали въѣзжать на вершину длиннаго холма, пристраиваясь къ первому. Когда весь полкъ вытянулся длинной лентой, фронтомъ къ непрiятелю, генералъ снова скомандовалъ:

— Равненiе налѣво! Вольно!

Полкъ выровнялся и по командѣ: „вольно", всѣ начали оправляться и по рядамъ пошелъ оживленный говоръ. Генералъ обратился къ полковнику.

— Вы поняли для чего я это сдѣлалъ?

Тотъ отрицательно покачалъ головой. Генералъ самодовольно улыбнулся.

— Вамъ еще первый разъ придется быть въ дѣлѣ, а я уже обстрѣленная штучка, сказалъ онъ. Вотъ видите въ чемъ дѣло: еслибъ я оставилъ весь полкъ стоять колонной, внизу, то ни офицеры, ни солдаты ничего-бы не видѣли и при движенiи впередъ, для нихъ была-бы новостью эта картина (онъ показалъ рукою въ сторону битвы). А теперь всѣ немного приглядятся, освоятся съ мѣстностью, съ самою картиною сраженiя и потому пойдутъ въ дѣло спокойнѣе и сознательнѣе. Затѣмъ, съ другой стороны, насъ вѣроятно замѣтитъ и непрiятель, а видъ такого полка, вполнѣ свѣжаго, готоваго ринуться въ аттаку, произведетъ на него не совсѣмъ-то прiятное впечатлѣнiе и нравственно подготовитъ намъ часть успѣха. Понимаете? Выстроивъ здѣсь полкъ фронтомъ, я, такъ сказать, разомъ убиваю двухъ зайцевъ и этимъ наверстаю при аттакѣ то, что мы потеряли во времени. Главное надо быть всегда спокойнымъ и дѣйствовать съ разсчетомъ, а не бросаться очертя голову! Это моя тактика.

Генералъ добродушно засмѣялся и весело прибавилъ:

— Проѣдемте, пока, по фронту.

Они поѣхали шагомъ. Генералъ ко всѣмъ обращался то съ легкими замѣчанiями, то съ шутками, довольный и веселый, точно онъ вывелъ свой полкъ на царскiй смотръ.

— Ты еще не нюхалъ пороху? спросилъ онъ одного молодого солдата.

— Нюхалъ, ваше превосходительство! отвѣтилъ тотъ увѣренно.

— Что ты врешь! Гдѣ?

— На ученьяхъ, ваше превосходительство.

— Ну, братъ, этого еще мало. А чѣмъ порохъ пахнетъ?

— Гнилымъ яйцомъ, ваше превосходительство!
— А! ха-ха-ха! засмѣялся генералъ. Я вижу—ты молодецъ. Постарайся заслужить сегодня Георгія. Видишь, канальи, у тебя лошадь вся въ мылѣ, обратился онъ къ другому солдату.
— Горячая лошадь, ваше—ство, отвѣтилъ онъ; ничего не подѣлаешь.
— Нынѣшняго ремонта?
— Точно такъ, ваше превосходительство!
— Хорошо ли отпущены у васъ сабли, ребята? спрашивалъ онъ далѣе.
— Какъ бритвы, ваше превосходительство!

Такимъ образомъ онъ проѣзжалъ по фронту всего полка, кого спрашивая, кому дѣлая замѣчаніе, надъ кѣмъ подшучивая и совершенно не обращая вниманія на то, что происходило далѣе, тамъ, куда готовился идти его полкъ и откуда доносился несмолкаемый грохотъ орудій. Многіе молодые солдаты, видя такое спокойствіе начальника, заботившагося больше о всѣхъ мелочахъ фронтовой службы, чѣмъ о грозной аттакѣ, которую готовился совершить, дѣйствительно ободрились и сами начали смотрѣть на предстоявшую битву какъ на обыкновенный учебный маневръ.

Проѣхавъ до послѣдняго взвода, генералъ посмотрѣлъ въ сторону сраженія и спросилъ:
— Что? Еще не видать Евдокимова?

Полковникъ вглядѣлся туда же, по всему пространству разстилавшагося передъ нимъ поля.
— Нѣтъ, не видать.
— Можно спѣшиться людямъ. Прикажите, полковникъ. Пусть лошади отдохнутъ, а я проѣду немного впередъ.

Уланы спѣшились и еще оживленнѣе начали болтать. Офицеры, держа своихъ лошадей за поводья, сошлись группами передъ каждымъ эскадрономъ.
— Ну что, юноша, какъ вы себя чувствуете? спросилъ одинъ старый ротмистръ молодого корнета, очевидно недавно еще произведеннаго.
— Чувствую правымъ локтемъ своего товарища, отвѣтилъ тотъ шутя.
— Это очень хорошо. А сердце не ёкаетъ?
— Пока еще не ёкаетъ, а что съ нимъ будетъ часа черезъ два—не знаю. Можетъ быть и совсѣмъ перестанетъ ёкать.
— Ну-ну! Богъ милуетъ, всѣ вернемся цѣлы...
— Этого не бываетъ, серьезно замѣтилъ поручикъ Галунинъ.
— Отчего?
— Да оттого что это не маневры. Кто нибудь изъ насъ да ляжетъ, и однимъ изъ первыхъ буду—я.
— Вотъ вздоръ какой! Для васъ еще и мѣсто не уготовано на небесѣхъ, пошутилъ ротмистръ. Вы знаете совѣтъ: прежде отца въ петлю не суйся.
— А если мнѣ предсказано?
— Что?
— Да то, что я сегодня умру.
— Экій вздоръ! Развѣ въ наше время можно вѣрить гаданьямъ и предсказаньямъ?
— А вотъ вамъ будетъ случай убѣдиться Господа, я прошу васъ быть свидѣтелями, обратился Галунинъ къ другимъ офицерамъ, вынимая изъ бокового кармана листокъ почтовой бумаги. Вотъ письмо, которое мнѣ сегодня только было передано. Это не болѣе какъ отъ моей невѣсты.
— Ба! Мы этого и не знали что вы женихъ! Поздравляю.
— Рано еще, господа, говорилъ Галунинъ. Какъ вы объясните эти строчки, прочтите вотъ тутъ.

Онъ отыскалъ нужное мѣсто, сложилъ письмо такъ, чтобы дальше не было видно, и передалъ ротмистру. Тотъ прочиталъ:

„Когда я писала къ тебѣ это письмо, вошла тетя Анна Ивановна и начала разсказывать страшный сонъ, который видѣла про тебя. Она просила даже не посылать этого письма, увѣряя что въ день полученія его съ тобою случится если не несчастье, то большая непріятность. Но ты вѣдь знаешь что я не изъ суевѣрныхъ, а потому отвѣтила ей, что если случится непріятность, то тѣмъ важнѣе тебѣ будетъ получить мое письмо, чтобы въ этотъ день имѣть хоть что нибудь утѣшительное. Напиши мнѣ какъ ты проведешь тотъ день, когда получишь это письмо, чтобъ я могла успокоить старуху“.
— Ну, что вы скажете? спросилъ Галунинъ, пряча письмо обратно.
— Скажу что ваша тетушка или тетушка вашей невѣсты очень ошиблась и вмѣсто непріятности вы имѣете сегодня случай отличиться.
— А если я останусь тамъ? сказалъ Галунинъ, показавъ рукою къ сторонѣ битвы.
— Да полно, Галунинъ, предчувствовать, сказалъ поручикъ Павленковъ; напустилъ на себя мрачности. Богъ знаетъ изъ-за чего и насъ-то всѣхъ мутишь. Что будетъ -то будетъ, а чему быть—того не миновать! Ого!

Это послѣднее восклицаніе относилось къ снаряду, который вдругъ пронесся по воздуху, съ характеристическимъ шумомъ или свистомъ. Нѣкоторые солдаты невольно присѣли, другіе вздрогнули, а вообще всѣ встрепенулись и шумный говоръ мгновенно утихъ.

— Какія у нихъ орудія, замѣтилъ кто-то; до насъ хватаютъ, а вѣдь тутъ, поди-ко, версты три будетъ.
— Значитъ замѣтили насъ, сказалъ ротмистръ. Вонъ и Федоръ Ивановичъ повернулъ назадъ.

Дѣйствительно, генералъ возвращался крупной рысью.

Пролетѣлъ другой снарядъ, по, какъ и первый, высоко надъ полкомъ. За нимъ третій, четвертый... Генералъ подъѣхалъ.
— Господа, обратился онъ къ офицерамъ, отведите людей немного назадъ, чтобы скрыть за вершиною холма. Только безъ суматохи, пожалуйста.

Офицеры разошлись по мѣстамъ и приказали солдатамъ отойти назадъ, спустившись немного съ холма. Только-что полкъ перемѣнилъ позицію, какъ новый снарядъ врѣзался въ землю, почти въ томъ мѣстѣ, гдѣ стояли уланы за минуту передъ тѣмъ.
— Опоздали, голубчики, засмѣялся генералъ, обращаясь къ полковнику. Хотѣли было пристрѣляться, да не выгорѣло. Однако что же тамъ дѣлается, что Евдокимовъ такъ долго не ѣдетъ?
— Я вамъ говорю, Федоръ Ивановичъ, что намъ надо двинуться вонъ туда, къ правому флангу...
— Ну, и что же дальше?
— А тамъ увидимъ, какъ будемъ ближе.
— А какъ ничего не увидимъ и даромъ будемъ стоять подъ самымъ огнемъ?

Полковникъ пожалъ плечами и закурилъ папиросу. Оба стали пристальнѣе всматриваться вдаль и, наконецъ, замѣтили скачущаго къ нимъ кавалериста.
— Должно быть Евдокимовъ, сказалъ генералъ.
— Больше некому.

Снаряды, между тѣмъ, продолжали жужжать и свистѣть; одни перелетали черезъ холмъ и ложились далеко за строемъ уланъ, а другіе врѣзывались въ землю, по сю сторону холма. Но генералъ и полковникъ спокойно разговаривали, болѣе занятые завидѣннымъ всадникомъ, чѣмъ опасностью, въ которой находились. Чрезъ нѣсколько минутъ они уже разглядѣли полкового адъютанта, который, наконецъ, поровнялся съ ними и осадилъ своего коня.
— Ну что, голубчикъ, что хорошаго? спросилъ генералъ. Да слѣзайте съ коня, переведите духъ.

Поручикъ Евдокимовъ соскочилъ и, приподнявъ шапку, отеръ платкомъ вспотѣлый лобъ.
— Вотъ въ чемъ дѣло, ваше превосходительство, началъ онъ. Командующій самъ мнѣ показалъ куда вести полкъ. Велѣлъ благодарить васъ что во время прибыли...
— Ну что? перебилъ его Федоръ Ивановичъ, самодовольно взглянувъ на полковника.
— ... и приказалъ, продолжалъ Евдокимовъ, немного обождать теперь...
— Чего? чортъ возьми! воскликнулъ генералъ, нетерпѣливо тряхнувъ плечами.
— ... онъ пришлетъ казака, когда надо будетъ... Надѣется окончить пока безъ насъ...
— Эхъ! крякнулъ досадливо генералъ. Нѣтъ ничего хуже когда даромъ потревожатъ. Ну, да нечего дѣлать. Пойдемте къ полку.

Всѣ трое, ведя лошадей подъ уздцы, направились чрезъ вершину холма, провожаемые непріятельскими снарядами, и скоро присоединились къ товарищамъ. Всѣ фронтовые офицеры и солдаты съ жаднымъ любопытствомъ ожидали узнать какія вѣсти привезъ адъютантъ.
— Отдохните, ребята! крикнулъ генералъ. Еще наше время не наступило.

И, какъ бы желая показать примѣръ, онъ отыскалъ небольшую кочку и сѣлъ на нее. То же сдѣлали многіе офицеры и солдаты: кто сѣлъ, кто легъ, держа лошадей за уздцы. Одни закурили, другіе стали жевать походные сухари, третьи оправлять аммуницію или лошадей. Непріятельскіе снаряды стали пролетать рѣже и, наконецъ, совсѣмъ затихли: очевидно, турки, потерявъ цѣль, сочли за лучшее не терять даромъ пороху. Немного погодя генералъ пригласилъ всѣхъ офицеровъ къ себѣ.
— Когда мы получимъ приказъ двинуться, говорилъ онъ, то стрѣльба по насъ, вѣроятно, возобновится. А потому, чтобы дорогою меньше потерять, мы двинемся развернутымъ фронтомъ и съ широкими дистанціями между взводами. Затѣмъ сомкнемся уже въ виду непріятеля, почти передъ самой аттакой. Поручикъ Евдокимовъ! Какъ выглядитъ то мѣсто, куда мы назначены? Ровное, какъ здѣсь, или пересѣченное?
— Да тамъ я замѣтилъ, ваше превосходительство, маленькую рѣчку...
— Ее придется переходить?
— Необходимо; но она неглубокая и не широкая. Я видѣлъ въ ней людей по плечи.
— А какъ шириною тамъ мѣсто? То есть я хочу спросить: можно-ли будетъ аттаковать фронтомъ?
— Кажется нѣтъ.
— Да оно, впрочемъ, все равно. Во всякомъ случаѣ мы произведемъ аттаку эскадронною или дивизіонною колонной... смотря по мѣсту и по тому, что надо будетъ сдѣлать. Такъ я вотъ, все это говорю вамъ, господа, заранѣе, чтобы вы лучше знали

Встрѣча съ волками. Съ карт. А. Ковальскаго, грав. Герике.

Городъ Дербентъ, на берегу Каспійскаго моря. Сн. фотогр. Ермакова, грав. М. Рашевскій.

что и какъ дѣлать, на тотъ случай, въ особенности, если я буду убитъ въ первый же моментъ...

— Этого не будетъ, Федоръ Ивановичъ, сказалъ одинъ изъ ротмистровъ.

— Напротивъ, это очень легко можетъ случиться, такъ какъ я представляю изъ себя довольно хорошую цѣль, засмѣялся генералъ, погладивъ свой круглый животъ. Не надо быть хорошимъ стрѣлкомъ, чтобы подстрѣлить такого гуся, ха-ха-ха! А за̀ то съ какимъ аппетитомъ мы пообѣдаемъ, если останемся цѣлы. Лучше нѣтъ моціона, какъ ворвавшись въ какое нибудь каре или при взятіи баттареи. Что, какъ наши солдатики, господа? Бодрятся?

— Солдаты ужасно огорчились когда ихъ повели назадъ...

— Ну, это хорошо, хорошо... Богъ дастъ, пойдемъ и впередъ. Вотъ со мной былъ случай на Кавказѣ... Это еще при Шамилѣ...

Генералъ разсказалъ эпизодъ изъ кавказской войны. За этимъ разсказомъ пошли другіе. Каждый изъ офицеровъ, уже бывавшихъ въ дѣлахъ, припоминалъ что нибудь изъ своего прошлаго. Бесѣда шла такъ весело и оживленно, какъ будто всѣ эти люди сидѣли дома, у камина, за стаканомъ вина. Прошло такимъ образомъ добрыхъ полчаса, какъ вдругъ, на вершинѣ холма показался казакъ, давно ожидаемый и желанный.

— Казакъ, ваше превосходительство! крикнулъ молодой корнетъ, первый завидѣвшій его.

Всѣ быстро поднялись.

— Ага, голубчикъ, наконецъ-то! сказалъ генералъ, повертывая голову. Сюда, сюда! Ну что?

Казакъ подъѣхалъ.

— Вашему превосходительству приказано немедля двинуться по указанію господина адъютанта, отрапортовалъ казакъ.

— Ладно, спасибо голубчикъ! По мѣстамъ, господа, обратился онъ къ офицерамъ.

Генералъ съ помощью казака сѣлъ на лошадь, оправился въ сѣдлѣ и оглянулъ полкъ.

— Са-дись! скомандовалъ онъ.

Произошло обычное безпорядочное движеніе и чрезъ минуту всѣ уланы были на коняхъ, оправляя аммуницію и подтягивая лошадей.

— Равняйсь! Равненіе налѣво!

Весь полкъ вытянулся въ струнку, только лошади, фыркая, мотая головами и нетерпѣливо топая копытами, нарушали правильность строя.

— Рысью, маррршъ!

Стройно, какъ на парадѣ, полкъ двинулся впередъ, въѣхалъ на вершину холма, и оттуда началъ спускаться по ровному, отлогому скату, тянувшемуся версты на двѣ впереди. Какъ только уланы показались по сю сторону холма, надъ нимъ снова пролетѣлъ снарядъ, другой, третій...

Генералъ отдалъ приказъ разомкнуться, и въ такомъ порядкѣ, спокойно, не увеличивая аллюра, а напротивъ удерживая его, повелъ своихъ уланъ въ бой. Съ этого момента всѣ какъ будто преобразились: сдѣлались серьезны, сосредоточенны, многіе солдаты тихонько крестились, можетъ быть послѣдній разъ въ жизни.

„Гдѣ онъ, этотъ непріятель? Какой онъ? Страшно ли драться? Какъ это—врубиться въ каре? А если лошадь будетъ ранена—что тогда дѣлать?“ Такіе и многіе другіе подобные вопросы роились въ головахъ многихъ, не бывавшихъ еще въ дѣлѣ.

Чѣмъ ближе подходили къ мѣсту битвы, тѣмъ чаще артиллерійскіе снаряды пролетали надъ головами, но пока еще безвредно. Вдругъ одно шальное ядро врѣзалось во фронтъ и скосило двухъ солдатъ. Это была первая потеря полка.

— Сомкнись! скомандовалъ эскадронный командиръ.

— Ну, гдѣ-же дорога? спросилъ генералъ своего адъютанта.

— Вотъ сюда, ваше превосходительство.

— Ага! Тутъ уже недалеко.

Онъ приподнялся на сѣдлѣ и, повернувъ свою лошадь, скомандовалъ:

— По третьему и четвертому эскадронамъ, въ дивизіонную колонну стройся!

Когда построеніе было совершено и, къ его удовольствію, въ полномъ порядкѣ, онъ скомандовалъ:

— Въ галопъ, маррршъ!

Уланы пошли галопомъ.

— Пики въ руки, сабли вонъ!

У стараго боевого генерала, казалось, всѣ жилки налились кровью. Онъ такъ давно уже не бывалъ въ дѣлѣ! Воспоминанія молодости, природное удальство, любовь къ военному дѣлу, желаніе не ударить лицомъ въ грязь и однимъ рѣшительнымъ ударомъ сломить непріятеля, все это вмѣстѣ закипѣло въ немъ, и когда, скомандовавъ аттаку, онъ ринулся въ карьеръ впереди своего полка, грозно махая саблею, то можно было думать что это летитъ самъ демонъ-истребитель!

Какъ неудержимая буря, какъ страшный ураганъ понеслись уланы плотною массою, съ наклоненными пиками и поднятыми саблями и, казалось, нѣтъ такой твердыни на землѣ, которая не могла бы быть сокрушена этимъ живымъ потокомъ людей и лошадей.

Рѣчка, о которой говорилъ адъютантъ, была пройдена почти незамѣченной. Въ нѣсколькихъ саженяхъ за нею стояла та баттарея, на которую направлена была аттака уланъ. Артиллеристы вѣроятно не ожидали такого стремительнаго натиска или разсчитывали, что рѣчка задержитъ кавалерію, но только не успѣли сдѣлать послѣдняго залпа, котораго можно было ожидать. Не прошло и пяти минутъ, какъ вся баттарея была уже въ рукахъ уланъ. Но на помощь артиллеристамъ подоспѣлъ батальонъ пѣхоты, бросившійся на уланъ въ штыки. Началась та отчаянная свалка людей и лошадей, которую еще никто не могъ ни описать, ни нарисовать на полотнѣ... Сабли, пики, штыки, тесаки—все это стучало, то другъ о друга, то врѣзываясь въ человѣческое или лошадиное мясо; изрѣдка раздавались то ружейные, то пистолетные выстрѣлы: крики отчаянія, или боли, или торжества, или команды—носились въ воздухѣ, перекрещиваясь и заглушая другъ-друга. Кровь брызгала со всѣхъ сторонъ. Искаженныя отчаяніемъ или болью лица враговъ, до того времени никогда не видавшихъ другъ-друга, глухіе крики, ржаніе лошадей, бряцанье и лязгъ оружія, дымъ отъ выстрѣловъ, пыль поднимаемая лошадьми, груды тѣлъ людскихъ и конскихъ, проклятія раненыхъ—все это представляло такую ужасную во всѣхъ отношеніяхъ картину, что, казалось, самый адъ со всѣми его темными силами вышелъ изъ нѣдръ земли, чтобы посмѣяться надъ человѣчествомъ...

Генералъ Федоръ Ивановичъ уже давно лежалъ на землѣ: подъ нимъ была убита лошадь, какъ только онъ врѣзался на баттарею впереди своего полка. Лошадь придавила ему ноги и онъ не имѣлъ возможности освободиться изъ-подъ нея. Помочь было некому, такъ какъ эскадронъ за эскадрономъ проскакали надъ нимъ и онъ каждую секунду ожидалъ быть растоптаннымъ копытами собственныхъ лошадей. Скоро около генерала упало нѣсколько убитыхъ и раненыхъ, къ его счастью, такъ какъ они своими тѣлами нѣсколько заслонили его отъ опасности быть раздавленнымъ.

Полковникъ, высокій и сильный мужчина, рубился какъ сказочный богатырь, и каждый взмахъ его сабли—стоилъ жизни кому нибудь изъ враговъ.

Адъютантъ, поручикъ Евдокимовъ, былъ убитъ, еще не доскакавъ до баттареи.

Уланы работали лихо, не смотря на то, что три четверти полка состояло изъ молодыхъ солдатъ. Самые робкіе потеряли сознаніе опасности и, увлеченные общимъ пыломъ, разгоряченные сильнымъ движеніемъ, шумомъ и громомъ битвы—дрались какъ настоящіе львы и скоро оттѣснили непріятеля. Восемь крупповскихъ орудій и знамя пѣхотнаго батальона достались трофеями побѣды уланамъ. Правый флангъ сдѣлалъ свое дѣло: позиція была занята и этимъ рѣшена участь всего сраженія. По всей линіи непріятеля послышался сигналъ отступленія.

Въ этотъ торжественный моментъ, генералъ Федоръ Ивановичъ, съ помощью одного солдатика, оставшагося цѣлымъ, но также потерявшаго свою лошадь, успѣлъ освободиться изъ-подъ трупа своего коня. Онъ поднялся, ощупался, оправился и оглянулъ кругомъ себя. Пѣхота непріятельская хотя и отступала, но довольно стройно, сильно отстрѣливаясь.

— Коня! Достать мнѣ коня! крикнулъ генералъ солдатику.

Тотъ осмотрѣлся вокругъ и на радость генерала замѣтилъ недалеко коня, котораго держалъ за узду лежавшій на землѣ раненый солдатикъ.

— Помоги! взмолился тотъ.

— Сейчасъ я къ тебѣ приду, а теперь дай свою лошадь генералу.

Не ожидая отвѣта, онъ вырвалъ изъ руки раненаго уздечку, подвелъ коня генералу, помогъ ему сѣсть, и потомъ вернулся къ товарищу.

Генералъ, сѣвъ на лошадь, догналъ свой полкъ и съ громкимъ крикомъ: „ура! руби его, ребята!“ снова скакалъ впереди своихъ уланъ. Появленіе Федора Ивановича еще болѣе одушевило уланъ: натискъ ихъ сдѣлался сильнѣе и непріятельская пѣхота уже не защищаясь побѣжала, бросая оружіе.

Побѣда была полная! Преслѣдованіе продолжалось еще версты три, послѣ чего послышался сигналъ отбоя. Уланы остановились и начали собираться группами, сортируясь по эскадронамъ.

Многихъ уже не было тутъ. Блистательная аттака, увѣнчавшая сраженіе и доставившая новую славную побѣду русскимъ войскамъ, дорого обошлась молодецкому полку Федора Ивановича. Эскадроны не насчитывали и двухъ третей своего состава. Когда, по сигналу горниста, весь полкъ собрался и выстроился по эскадронамъ, Федоръ Ивановичъ проѣхалъ по рядамъ, чтобы на глазъ провѣрить понесенныя потери.

Да, многихъ уже не было...

— Благодарю, господа! говорилъ Федоръ Ивановичъ офицерамъ. Спасибо, ребята, молодцами работали! говорилъ онъ солдатамъ.

Радостное: „рады стараться, ваше—ство!“ громко разносилось гуломъ изъ каждаго эскадрона. Генералъ повернулъ остатки своего полка и шагомъ повелъ его обратно, къ мѣсту сраженія. Офицеры группою окружили его и быстро, перебивая другъ друга, сообщали каждый о своихъ впечатлѣніяхъ.

— А гдѣ Галуновъ? вспомнилъ кто-то.

Переглянулись между собою. Галунова не было.

— Неужели убитъ?

— Спросите въ его эскадронѣ, не знаетъ ли кто? приказалъ Федоръ Ивановичъ.

Одинъ изъ офицеровъ подъѣхалъ къ эскадрону, въ которомъ служилъ Галуновъ, но никто изъ солдатъ ничего о немъ не зналъ.

Вернувшись на мѣсто битвы, уланы спѣшились. Одни солдаты остались при лошадяхъ, другіе пошли разыскивать убитыхъ и раненыхъ товарищей, помогая служителямъ „Краснаго Креста“. Скоро нашли и Галунова: онъ лежалъ между колесъ одного изъ взятыхъ орудій, раненый штыкомъ въ грудь, но былъ еще живъ. Подоспѣвшій докторъ наскоро осмотрѣлъ его рану и объявилъ, что хотя она и очень опасна, но надежды нельзя терять. Когда его привели въ чувство, то первыми словами его было:

— А вѣдь тетушка Анна Ивановна напророчила вѣрно.

Затѣмъ онъ снова впалъ въ забытье и былъ унесенъ на носилкахъ на оперативный пунктъ.

— Вотъ видите, полковникъ, говорилъ Федоръ Ивановичъ, что значитъ тактика, которой я держусь: никогда не горячиться, никогда не торопиться, беречь силы до послѣдней возможности, а когда наступитъ моментъ дѣйствія—то ужъ тутъ ничего не жалѣть и ни о чемъ болѣе не думать, какъ только о доведеніи натиска до высшей степени силы и быстроты. А вѣдь это мы рѣшили сраженіе, ха-ха-ха! Однако, чортъ возьми, у меня ноги начинаютъ болѣть: сгоряча-то я ничего не чувствовалъ, а теперь пошевельнуть ими не могу, такъ отдавлены.

— Какъ это еще не растоптали васъ? замѣтилъ полковникъ.

— Да, ужъ по истинѣ Богъ спасъ.

Генералъ благоговѣйно перекрестился.

— Ну, сказалъ онъ весело, теперь надо намъ поѣсть и людей накормить, да составить списки потерямъ и отличившимся. Бѣдняжка Евдокимовъ... Кого еще нѣтъ изъ офицеровъ? Ой! просто не могу шевельнуться, вотъ исторія-то! Кто это сюда ѣдетъ, командиръ корпуса?.. Ура! закричалъ Федоръ Ивановичъ, замахавъ бѣлымъ платкомъ.

Уланы подхватили его крикъ...

Къ рисункамъ.

Сокольничій. (Рис. на стр. 252).

Соколиная охота была однимъ изъ любимѣйшихъ развлеченій нашихъ царей, и многочисленный штатъ сокольниковъ, особые придворные чины для этой охоты и цѣлыя партіи соколовъ были всегда при московскомъ дворѣ и о составѣ такой охоты государи наши весьма заботились. Въ степяхъ Средней Азіи эта охота и прежде и доселѣ также одна изъ любимѣйшихъ охотъ. Въ Золотой Ордѣ, также какъ и у нашихъ древнихъ князей, для этой охоты были цѣлые особые штаты при ханахъ. На картинѣ талантливаго художника Литовченко изображенъ молодой бояринъ-сокольничій при московскомъ дворѣ XVII в. Сокольничій, придворный бояринъ, одинъ изъ начальниковъ надъ сокольниками, входящими въ составъ охоты. „Соколиный поддатень“ назывался помощникъ сокольничаго. На рукавицѣ боярина сидитъ великолѣпный кречетъ. Положеніе вытянутой руки и поза сокольничьяго очень эффектны.

Пріятный сюрпризъ. (Рис. на стр. 253).

Изображенная на прекрасной картинѣ Шредера молодая дама въ костюмѣ временъ Возрожденія, быть можетъ не знала, что было въ душистомъ букетѣ, который она находитъ у себя въ комнатѣ, хотя и знаетъ кѣмъ онъ присланъ. Она разсматриваетъ букетъ и вдругъ тамъ оказывается пріятный сюрпризъ въ видѣ маленькаго письма знакомаго почерка.

Этюдъ. (Рис. на стр. 257).

Прекрасный этюдъ этотъ принадлежитъ къ коллекціи женскихъ типовъ художника Веле, изъ которой помѣщены были уже нѣсколько рисунковъ, показывающихъ мастерство и талантъ этого художника въ своей спеціальности женскихъ типовъ.

Встрѣча съ волками. (Рис. на стр. 260).

Волки, водящіеся въ нашихъ сѣверныхъ лѣсахъ, почти безопасны лѣтомъ—они въ изобиліи находятъ здѣсь пищу. По зимою, въ отчаяніи голода, иногда они соединяются цѣлыми стаями, появляются вблизи жилищъ и становятся злыми и дерзкими. Они подкапываются въ овчарни, производя тамъ опустошенія, заѣдаютъ скотъ и даже, хотя рѣдко, нападаютъ на людей. На картинѣ талантливаго польскаго художника Ковальскаго изображены охотники, возвращающіеся домой и преслѣдуемые волками. Лошадьми овладѣваетъ страшное безпокойство, онѣ рвутся впередъ и не слушаются возжей. Слышенъ со всѣхъ сторонъ протяжный вой; два волка несутся взъ лѣса сильными скачками. Охотникъ стрѣляетъ и одинъ изъ волковъ валится въ снѣгъ, и послужитъ пищею своимъ остервенѣлымъ товарищамъ. Со всѣхъ сторонъ начинаютъ сбѣгаться волки. Лошади несутся какъ бѣшеныя. Наконецъ. вдали показываются огоньки деревни, и дерзкіе преслѣдователи отстаютъ понемногу.

Городъ Дербентъ. (Рис. на стр. 261).

Исторія Дербента, прикрашенная многочисленными баснями, запутана и съ большимъ трудомъ можно опредѣлить эпоху его основанія. Дербентъ, по своему мѣстоположенію въ промежуткѣ между Каспійскимъ моремъ и цѣпью утесистыхъ горъ, пролегающихъ съ востока на западъ и сливающихся съ однимъ изъ главнѣйшихъ отроговъ Кавказа, отдѣляющимъ Лезгистанъ отъ Дагестана, конечно во всякое время служилъ важною точкою, охраняя узкій проходъ, остающійся между концомъ Табасаранской цѣпи и моремъ. Легенда гласитъ, что Дербентъ построенъ Александромъ Македонскимъ, но кажется только потому, что за Кавказомъ всѣ заслуживающіе вниманіе памятники зодчества всегда приписываютъ или Александру Македонскому, или Помпею. По онъ вовсе не принадлежитъ къ такой далекой древности, такъ какъ вѣроятно возникъ въ концѣ V или началѣ VI вѣка и построенъ персидскимъ шахомъ Кабадомъ, изъ династіи Сассанидовъ; сынъ же его Пуширванъ Справедливый докончилъ постройку стѣнъ и цитадели. Городъ долженъ былъ служить для огражденія персидскихъ владѣній отъ набѣговъ хозаръ. Самое названіе Дербентъ означаетъ по-персидски заставу. У арабовъ городъ былъ извѣстенъ подъ именемъ Баб-эль-абвабъ—главныя ворота. Во все время своего существованія Дербентъ находился преимущественно во власти персидскихъ шаховъ, но иногда былъ занимаемъ хозарами, аравитянами и др. При царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ шахъ Эмиръ-Гамзе обѣщалъ уступить Россіи Дербентъ за союзъ противъ турокъ, но обѣщанія не исполнилъ. Въ 1722 г. Петръ Великій, пользуясь смутами въ Персіи, овладѣлъ Дербентомъ и оставилъ здѣсь гарнизонъ. Послѣ этого городъ переходилъ неоднократно изъ рукъ въ руки, пока не былъ окончательно присоединенъ къ Россіи въ 1813 г., по Гюлистанскому договору. Дербентъ расположенъ длинной и узкой полосой по скату горы, круто упирающейся въ море. Необыкновенное расположеніе города объясняется тѣмъ, что строители его желали загородить проходъ, для чего и растянули городъ. Самымъ положеніемъ своимъ Дербентъ дѣлится на три части: верхнюю или крѣпость, среднюю или городъ собственно, и нижнюю или приморскую. Весь городъ обведенъ съ 3-хъ сторонъ каменною стѣною, гигантскаго вида, съ четвертой же вдается въ море. Зубчатыя стѣны украшены крытыми башнями и надгробными плитами. Всѣ путешественники среднихъ вѣковъ говорятъ, что стѣна выходила далеко въ море; теперь не видно даже и слѣдивъ этой подводной стѣны. На западной сторонѣ города находится цитадель Нарынъ-Кале, расположенная на высотѣ, командующей надъ всѣмъ городомъ. На западъ отъ крѣпости стѣны защищены также башнями и идутъ вдоль по горному хребту, спускаясь въ рвы и поднимаясь на горные склоны. Если вѣрить преданіямъ, эта стѣна тянулась когда то черезъ весь Кавказскій хребетъ, отъ одного моря до другого. Во всякомъ случаѣ стѣны Дербента принадлежатъ къ замѣчательнѣйшимъ сооруженіямъ Закавказья. Дербентскія стѣны имѣютъ нѣсколько воротъ и надъ нѣкоторыми сохранились арабскія надписи. Вся длина герода отъ стѣнъ цитадели до моря 2½ версты, при весьма небольшой ширинѣ до 250 саж.; дома и базаръ, расположенные въ этомъ наклонномъ параллелограмѣ, образуютъ собственно одну длинную улицу. Подъѣзжая къ Дербенту на пароходѣ въ тихую и ясную погоду, нельзя не восхищаться роскошной растительностью и панорамой города, расположеннаго амфитеатромъ. Вдоль низменнаго берега раскинулись роскошные сады, цвѣтущіе зеленью. изъ-за которой проглядываютъ красивые лѣтніе домики. Панорама эта упирается въ горы, мѣстами покрытыя зеленью, и изъ нихъ самыя отдаленныя теряются въ облакахъ или сливаются съ синевою неба. Но, войдя въ городъ, получается совершенно иное впечатлѣніе. Узкія, дурно мощеныя улицы безтолково перепутываются между высокими домами восточнаго характера, иногда вовсе не имѣющими наружныхъ оконъ; кой-гдѣ, на площадкахъ, попадаются фонтаны и возвышаются мечети, не всегда отличающіяся наружностью отъ домовъ. Дома построены изъ камня и изъ земли, покрыты плоскими кровлями, возвышающимися одна надъ другой. Древностями, кромѣ многочисленныхъ надгробныхъ плитъ, городъ не обладаетъ. Торговля города постепенно приходитъ въ упадокъ, чему много способствуетъ открытый и неудобный рейдъ: главныя отрасли торговли: виноградъ, хлопокъ, табакъ и марена, которой прежде вывозили болѣе чѣмъ на мильонъ рублей. Климатъ Дербента одинъ изъ нездоровыхъ; главнымъ занятіемъ жителей является садоводство и разведеніе марены. Ремеслами занято весьма небольшое число жителей.

Докторъ Эминъ-Паша. (Портр. на стр. 264).

Докторъ Эминъ-паша, экспедиціи для его избавленія, его затруднительное положеніе среди волнующихся войскъ провинціи, которую онъ управлялъ, все это обратило общественное вниманіе Европы на этого замѣчательнаго человѣка.

Двѣнадцать лѣтъ назадъ, докторъ Эминъ, въ то время Эффен-

ди, былъ посланъ изъ Каира, чтобы присоединиться къ Гордону-пашѣ, тогдашнему губернатору египетскихъ экваторіальныхъ провинцій. Уроженецъ австрійской Силезіи, докторъ Эминъ (Шнитцлеръ) былъ врачемъ въ турецкой арміи, но получилъ медицинское образованіе въ Парижѣ, Берлинѣ и Вѣнѣ. Гордонъ-паша назначилъ его главнымъ врачемъ въ провинціи и должность эту онъ занималъ четыре года. Однако, причиною его дальнѣйшаго повышенія были не исключительно его медицинскія познанія. Гордонъ-паша, замѣтивъ его необыкновенное умѣніе обращаться съ туземцами, поручилъ ему три дипломатическія важныя миссіи: двѣ въ Угандѣ и одну въ Уніорѣ. Порученіе въ Угандѣ было очень трудно и опасно. Задачу эту онъ выполнилъ съ полнымъ успѣхомъ, не давъ ни одного выстрѣла. Для Гордона-паши было чрезвычайно важно войти въ дружественныя отношенія съ Кабарегою, владѣтелемъ Уніоро. Отношенія, заключенныя въ то время, дали возможность д-ру Эмину добиться отъ Кабареги нѣкоторыхъ уступокъ и посылать чрезъ него письма въ общество миссіонеровъ въ Угандѣ, что, такимъ образомъ, способствовало нашему путешественнику д-ру Юнкеру уйти чрезъ Уніоро и Уганду въ Занзибаръ.

Въ 1878 г. Гордонъ-паша, въ качествѣ генералъ-губернатора цѣлаго Судана, произвелъ д-ра Эмина въ беи и назначилъ его губернаторомъ египетскихъ экваторіальныхъ провинцій, и должность эту онъ занимаетъ до настоящаго времени. Служба его не была простою синекурою; трудность его положенія едва ли можетъ быть понята, и ее въ состояніи оцѣнить только немногіе европейцы, лично побывавшіе въ громадномъ округѣ, находящемся подъ его управленіемъ. Теперь въ этой провинціи волненіе въ войскахъ и Эминъ-бей въ большой опасности и ему можетъ грозить участь Гордона. Мы въ свое время сообщали подробно объ экспедиціи, снаряженной для его избавленія. Д-ръ Юнкеръ, нашъ соотечественникъ, будучи еще и самъ въ весьма незавидномъ положеніи въ центрѣ Африки, хлопоталъ черезъ д-ра Швейнфурта объ экспедиціи для оказанія помощи храброму Эмину-бею. Экспедиція отправляется Нубаръ-пашей, подъ командой извѣстнаго Генриха Станлея. Станлей, состоящій нынѣ на службѣ у короля Бельгіи, испросилъ у него разрѣшеніе и получилъ его. Необходимый капиталъ собранъ. До начала экспедиціи Станлей свидѣлся въ Каирѣ съ Юнкеромъ, который знаетъ дороги и былъ въ Ваделаѣ, гдѣ пребывалъ теперь Эминъ-бей. Станлей уже заключилъ въ Лондонѣ контрактъ съ одной книжной фирмой, которая будетъ печатать его описаніе экспедиціи. Гонораръ за это сочиненіе условленъ въ 10,000 ф. ст. (100,000 р.). Кромѣ этой экспедиціи снаряжена еще одна съ тою-же цѣлью. На эту новую экспедицію одинъ англичанинъ пожертвовалъ 10,000 фунт. стерл. и она пойдетъ подъ начальствомъ маіора Камерона. По послѣднимъ извѣстіямъ, Эминъ-паша находится въ пути, а Станлей уже прибылъ въ Занзибаръ.

Эминъ-паша (Шнитцлеръ). Съ фотогр. грав. Флюгель.

Помѣщаемъ портретъ д-ра Эмина-бея. Это высокаго роста худощавый человѣкъ; лицо его обрамлено черною бородою; глаза проницательны. Д-ръ Эминъ-паша лингвистъ; онъ знаетъ большинство европейскихъ языковъ и нѣсколько азіатскихъ и африканскихъ нарѣчій.

Жертва революціи. (Рис. на стр. 265).

Ужасные годы революціи 1789—1792 были временемъ страшнаго смятенія во Франціи. Парижъ въ эти дни представлялъ страшную картину. Тысячи голосовъ выкрикивали на улицахъ названія безчисленныхъ журналовъ и памфлетовъ, появлявшихся въ роялистской и революціонной прессѣ. Безпрестанно появлялись памфлеты. Лѣтомъ 1789 г. всѣ, даже прислуга у воротъ гостиницъ, были вѣчно заняты чтеніемъ этихъ памфлетовъ. Теченіе событій можетъ быть прослѣжено по времени ихъ появленія. По крики газетъ и памфлетовъ были только частью того смѣшенія языковъ, которое, постоянно увеличиваясь, свидѣтельствовало о печальномъ, ненормальномъ состояніи общества. На перекресткахъ, съ камней, со скамей, говорились рѣчи; кто нибудь трубитъ въ рогъ, въ три или четыре рога ему отвѣчали. Наклеивались сотни тысячъ разноцвѣтныхъ афишъ и толпа, возбужденная и сбитая съ толку, рѣшалась на страшныя дѣйствія. Началось съ нападенія на дома и лавки. Бастилія—тюрьма—была разрушена. Власти бездѣйствовали. Начиналось буйство толпы, огонь и мечъ производили ужасныя опустошенія. Ни въ одномъ городѣ въ мірѣ, торговля не была въ такой зависимости отъ роскоши какъ въ Парижѣ—революція была народнымъ разореніемъ. Съ изданіемъ декрета объ уничтоженіи мундировъ, оставались безъ дѣла 20,000 рабочихъ. Съ секвестраціей церковныхъ имѣній очутились безъ крова и безъ занятій масса прислуги. Кромѣ того такого суроваго времени, какъ зима 1788—89 года не знали въ теченіе семидесяти лѣтъ; Сена покрылась льдомъ отъ Парижа до Гавра, въ Парижѣ почти не дѣйствовали фонтаны—все замерзло.

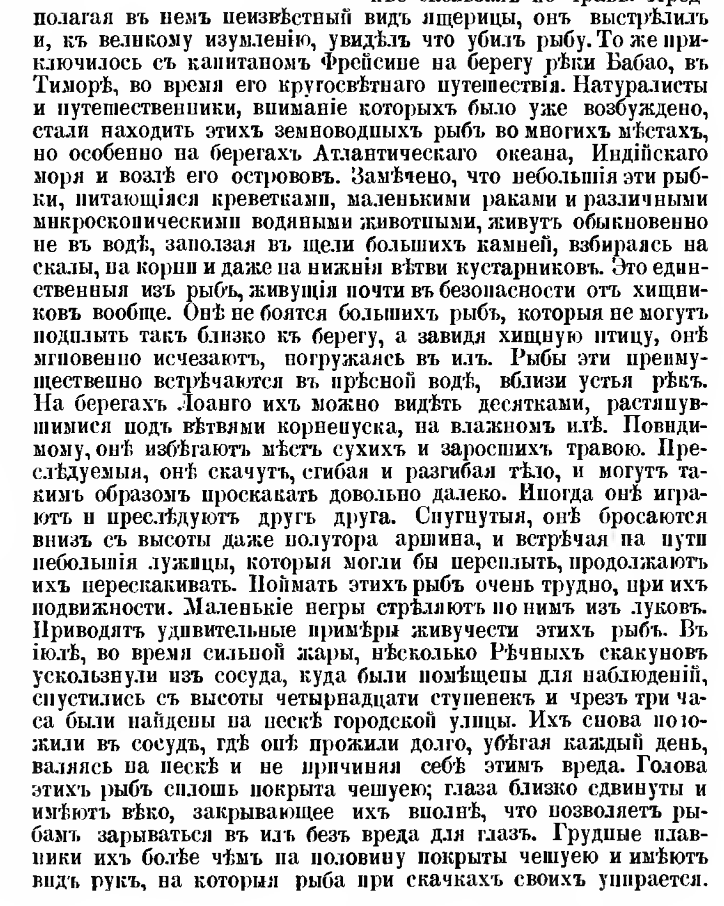
Это печальное время вызвало конечно много неповинныхъ человѣческихъ жертвъ. Всѣ бѣдствія народа приписывались людямъ состоятельнымъ, и набрасывались на нихъ. Тюрьмы были переполнены заключенными. Каждый день совершались казни, происходили потрясающія сцены. На помѣщенной копіи съ картины нашего талантливаго художника П. Свѣдомскаго изображена одна изъ такихъ сценъ. Знатная дама въ отчаяніи заломила руки, прося солдата національной гвардіи дозволить ей видѣться съ мужемъ, заключеннымъ въ тюрьмѣ. Малютка-дочь въ ужасѣ жмется къ матери. Но лица грубыхъ солдатъ-горожанъ невозмутимы: они нисколько не тронуты отчаяніемъ этой дамы и считаютъ ей это должнымъ будто-бы за что-то наказаніемъ.

Поразительно, что не извѣстно случая малодушія со стороны несчастныхъ изъ высшаго общества. Всѣ жертвы, осужденныя буйной толпой на казнь, презрительно къ этому буйствующему сброду и спокойно шли на казнь.

Рѣчной скакунъ.

(Рис. на стр. 268).

Путешественникъ Декамбръ, охотясь на берегу Сенегала, увидѣлъ однажды небольшого звѣрка, длиною въ 6 дюймовъ, который быстро бѣжалъ или вѣрнѣе скользилъ по травѣ. Предполагая въ немъ неизвѣстный видъ ящерицы, онъ выстрѣлилъ и, къ великому изумленію, увидѣлъ что убилъ рыбу. То же приключилось съ капитаномъ Фрейсине на берегу рѣки Бабао, въ Тиморѣ, во время его кругосвѣтнаго путешествія. Натуралисты и путешественники, вниманіе которыхъ было уже возбуждено, стали находить этихъ земноводныхъ рыбъ во многихъ мѣстахъ, но особенно на берегахъ Атлантическаго океана, Индійскаго моря и возлѣ его острововъ. Замѣчено, что небольшія эти рыбки, питающіяся креветками, маленькими раками и различными микроскопическими водяными животными, живутъ обыкновенно не въ водѣ, заползая въ щели большихъ камней, взбираясь на скалы, на корни и даже на нижнія вѣтви кустарниковъ. Это единственныя изъ рыбъ, живущія почти въ безопасности отъ хищниковъ вообще. Онѣ не боятся большихъ рыбъ, которыя не могутъ подплыть такъ близко къ берегу, а завидя хищную птицу, онѣ мгновенно исчезаютъ, погружаясь въ илъ. Рыбы эти преимущественно встрѣчаются въ прѣсной водѣ, вблизи устья рѣкъ. На берегахъ Лоанго ихъ можно видѣть десятками, растянувшимися подъ вѣтвями корнеплуска, на влажномъ илѣ. Повидимому, онѣ избѣгаютъ мѣстъ сухихъ и заросшихъ травою. Преслѣдуемыя, онѣ скачутъ, сгибая и разгибая тѣло, и могутъ такимъ образомъ проскакать довольно далеко. Иногда онѣ играютъ и преслѣдуютъ другъ друга. Спугнутыя, онѣ бросаются внизъ съ высоты даже полутора аршина, и встрѣчая на пути небольшія лужицы, которыя могли бы переплыть, продолжаютъ ихъ перескакивать. Поймать этихъ рыбъ очень трудно, при ихъ подвижности. Маленькіе негры стрѣляютъ по нимъ изъ луковъ. Приводятъ удивительные примѣры живучести этихъ рыбъ. Въ іюлѣ, во время сильной жары, нѣсколько Рѣчныхъ скакуновъ ускользнули изъ сосуда, куда были помѣщены для наблюденій, спустились съ высоты четырнадцати ступенекъ и чрезъ три часа были найдены на пескѣ городской улицы. Ихъ снова положили въ сосудъ, гдѣ онѣ прожили долго, убѣгая каждый день, валяясь на пескѣ и не причиняя себѣ этимъ вреда. Голова этихъ рыбъ сплошь покрыта чешуею; глаза близко сдвинуты и имѣютъ вѣко, закрывающее ихъ вполнѣ, что позволяетъ рыбамъ зарываться въ илъ безъ вреда для глазъ. Грудные плавники ихъ болѣе чѣмъ на половину покрыты чешуею и имѣютъ видъ рукъ, на которыя рыба при скачкахъ своихъ упирается.

Политическое обозрѣніе.

27 февраля.

Кровавыя событія въ Болгаріи.—Возстаніе въ Рущукѣ и Силистріи.—Звѣрскія расправы лжерегентовъ.—Отзывъ о нихъ „Journal de St. Pétersbourg" и его значеніе.

Въ нынѣшній разъ мы поставлены въ печальную необходимость занести въ нашу еженедѣльную хронику политической жизни Европы кровавыя сцены и ужасы самаго звѣрскаго безчеловѣчія, послѣдовавшія въ несчастной Болгаріи, уже давно терзаемой анархіей и терроромъ. 18-го февраля, въ четыре часа утра, пять ротъ піонернаго полка, подъ командой маіора Узунова, объявили себя въ Рущукѣ противъ регентства, произвели нѣсколько арестовъ, заявивъ, что они не хотятъ кровопролитія, и пригласили пѣхотный дунайскій полкъ, а также и гражданъ побрататься съ ними. Пѣхотный полкъ, запершись въ своихъ казармахъ, встрѣтилъ саперовъ ружейными выстрѣлами; улицы опустѣли, но нѣсколько кучекъ гражданъ присоединились къ піонерамъ, которые произвели открытую атаку на казармы, но были отбиты и затѣмъ преслѣдуемы пѣхотой

Жертва революціи. Съ карт. Павла Сведомскаго, грав. Ивановъ.

по городской площади и улицамъ города. Въ то же время изъ Разграда прибыли войска и милиція, которыя, вооружившись въ арсеналѣ, напали на піонеровъ съ тыла, которые, такимъ образомъ, оказались между двухъ огней. Послѣ полудня, видя неуспѣхъ, піонеры отступили къ Дунаю, разсчитывая на поддержку парохода „Голубчикъ“, командиръ котораго сочувствовалъ инсургентамъ. Здѣсь только обнаружилась измѣна: пароходъ находился въ рукахъ сторонниковъ регентства и стоялъ посрединѣ рѣки. Побѣжденные, желая достигнуть румынскаго берега, сѣли на лодки и начали переправляться, съ трудомъ пробиваясь сквозь шедшій по Дунаю ледъ. Здѣсь произошла ужасная картина: барки опрокидываются, несчастные падаютъ въ воду, и все это подъ убійственнымъ огнемъ. Депутатъ Корджіевъ и бывшій маіоръ Пановъ, не принимавшіе никакого участія въ движеніи, вслѣдствіе невѣрнаго слуха о побѣдѣ піонеровъ, взяли лодку и направились къ Рущуку; ихъ окликнули съ парохода и они, ничего не подозрѣвая, пристали къ нему. Тутъ ихъ измѣннически схватили, арестовали и препроводили въ рущукскую тюрьму. Послѣдовали аресты, раненыхъ тащили по улицамъ прямо въ полевой судъ; въ судѣ раздается брань и прокуроръ съ остервенѣніемъ объясняетъ, что всѣ раненые по выздоровленіи будутъ казнены. Судъ произноситъ 12 смертныхъ приговоровъ и многихъ приговариваетъ къ пятнадцатилѣтнимъ каторжнымъ работамъ; консулы просятъ пріостановить исполненіе смертныхъ казней; германскій дипломатическій агентъ, которому поручена охрана русскихъ подданныхъ, протестуетъ противъ приговора надъ капитаномъ Больманомъ, какъ надъ русскимъ, но къ этому времени прибываетъ въ Рущукъ высланный регентствомъ изъ Софіи маіоръ Петровъ, который 22 числа, въ 5 часовъ утра, приговоры привелъ въ исполненіе, разстрѣливая безразлично приговоренныхъ къ казни и къ каторжнымъ работамъ... Весь городъ былъ погруженъ въ трауръ и отчаяніе...

Въ Силистріи поднято было возстаніе капитаномъ Христовымъ, который объявилъ войскамъ мѣстнаго гарнизона, что регенты сложили съ себя полномочія и бѣжали, а потому онъ предлагаетъ провозгласить регентомъ Цанкова. Около 200 солдатъ послѣдовало за Христовымъ, городъ былъ занятъ инсургентами, но крѣпость измѣннически попала въ руки сторонниковъ регентства, и когда Христовъ вернулся изъ города, то его встрѣтили съ крѣпостныхъ валовъ выстрѣлами, вслѣдствіе чего онъ вернулся на рыночную площадь, гдѣ и расположился со своими приверженцами бивуакомъ. Въ это время подошли правительственныя войска изъ Шумлы, между ними и инсургентами открылась пальба, при которой Христовъ былъ пораженъ нѣсколькими пулями на смерть, а его приверженцы разбѣжались. Начался судъ, два офицера и 16 нижнихъ чиновъ были разстрѣляны тотчасъ же, а остальныхъ офицеровъ бросили въ тюрьму.

Но это еще не все. Въ самой Софіи начались безконечные аресты, начали хватать и бросать въ тюрьму всѣхъ болѣе выдающихся гражданъ, въ томъ числѣ Каравелова, Луцканова (зять Цанкова), бывшихъ министровъ Никифорова и Захарова и пр. Ожесточеніе регентовъ дошло до звѣроподобія: заточенныхъ начали подвергать пыткамъ и истязаніямъ, улицы полны возмутительными насиліями, городъ охваченъ былъ бѣлымъ терроромъ. Никифоровъ жалуется французскому консулу на то, что его подвергаютъ въ тюрьмѣ истязаніямъ, жена Каравелова умоляетъ того же консула, чтобы онъ остановилъ звѣрскія пытки, которыя совершаютъ надъ ея мужемъ, который отъ этихъ истязаній чуть живъ...

Вотъ тѣ кровавыя картины, которыми полна несчастная страна. Нашъ дипломатическій органъ „Journal de St.-Pétersbourg“ высказался, что подробности о звѣрствахъ, учиненныхъ болгарскими диктаторами, возмутительны. Не только девять офицеровъ, попавшихся въ ихъ руки, были разстрѣляны безъ соблюденія формъ, но многія лица, виновныя въ томъ, что возбудили подозрѣніе регентства, подверглись разнообразнымъ пыткамъ. Эти поступки, возмутительные по своей лютости, совершенные правительствомъ, не облеченнымъ законною и признанною властью, по увѣренію нашей дипломатической газеты, расшевелили, наконецъ, общественную совѣсть (гдѣ?) и выставили въ должномъ свѣтѣ (передъ кѣмъ?) значеніе этихъ мнимыхъ защитниковъ порядка и свободы. „Journal de St. Pétersbourg“, въ заключеніе надѣется, что болгарскія злодѣйства вызовутъ (въ комъ?) наконецъ, убѣжденіе въ необходимости положить конецъ (чѣмъ?) мученичеству злополучнаго народа, оставленнаго теперь, вслѣдствіе чрезмѣрной терпимости Европы, безъ всякой защиты, на произволъ анархіи. „Терпѣніе (чье?) имѣетъ свои предѣлы и предѣлы эти теперь уже перейдены!“ съ паѳосомъ восклицаетъ нашъ французскій органъ.

Мы привели отзывъ нашей дипломатической газеты, написанный какъ-бы безъ именъ существительныхъ, чтобы показать насколько еще не установились взгляды дипломатіи на то, что-же остается теперь дѣлать? Поражаться звѣрствами и скорбѣть о нихъ можно и безъ указанія дипломатіи; но видѣть панацеею отъ всѣхъ бѣдъ въ Болгаріи посылку туда оттоманскаго уполномоченнаго Риза-бея, какъ это дѣлаетъ „Journal de St. Pétersbourg“, едва-ли возможно, тѣмъ болѣе что англійскій министерскій органъ держится взгляда на эти звѣрства совсѣмъ инаго и съ неподражаемою безцеремонностью заявляетъ прямо, что Европа не позволитъ Россіи прикрывать своимъ щитомъ болгарскихъ бунтовщиковъ, возставшихъ противъ законнаго своего правительства...

Туча, нависшая было надъ Европою около береговъ Рейна, перешла къ берегамъ Дуная и барометръ мирнаго настроенія все понижается и понижается...

10-го марта вся Германія будетъ праздновать 90-ти-лѣтнюю годовщину маститаго своего императора Вильгельма. По нынѣшнимъ смутнымъ временамъ такое торжество престарѣлаго владыки германскаго народа является свѣтлымъ знаменіемъ, тѣмъ болѣе, что императоръ другъ мира и другъ Россіи, съ которой у него связаны самыя свѣтлыя воспоминанія почина возрожденія государственной жизни объединеннаго германскаго народа, когда онъ офицеромъ русской службы воевалъ за освобожденіе Европы отъ гнета Наполеона I. Русскій народъ не менѣе сочувственно встрѣтитъ торжество 90-ти-лѣтней годовщины императора.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Обществу взаимнаго поземельнаго кредита разрѣшено выпустить 5-процентныхъ облигацій на 3.800,000 рублей для облегченія заемщикамъ уплаты срочныхъ платежей по ссудамъ, выданнымъ въ металлической валютѣ.

— Въ совѣщаніяхъ, бывшихъ у управляющаго министерствомъ финансовъ по табачному вопросу, намѣчены уже главныя основанія устройства табачной монополіи.

— Флигель-адъютантъ Его Императорскаго Величества, полковникъ Его Императорское Высочество Великій Князь Сергѣй Александровичъ произведенъ, за отличіе по службѣ, въ генералъ маіоры, съ назначеніемъ командиромъ лейбъ-гвардіи преображенскаго полка.

Военное и морское дѣло.

— Двоюродный братъ афганскаго эмира, Абдуррахманъ-хана, принцъ Искандеръ-ханъ, поступилъ въ русскую военную службу въ чинѣ кавалерійскаго подполковника. Искандеръ-ханъ служилъ до сихъ поръ въ персидской гвардіи, въ которой имѣлъ чинъ генерала.

Пути сообщенія.

— Предполагается произвести очистку каналовъ, устроенныхъ въ разное время для обхода днѣпровскихъ пороговъ, между Екатеринославомъ и Александровскомъ. На работы по очисткѣ потребуется до 200,000 руб.

Торговля и промышленность.

— Не смотря на низкія цѣны на сахаръ и на значительность платежей въ казну, большое число заводчиковъ оказалось вполнѣ исправнымъ передъ казной и къ 1 января поступило въ казну всего 14.660,049 р. акциза и 881,165 р. преміи, причемъ 111 заводовъ изъ 241 очистили всѣ свои счеты съ казною.

— Въ Поти громадныя закупки хлѣба, экспортируемаго за границу. Крупными хлѣботорговцами являются мѣстные греки. Хлѣбъ преимущественно направляется въ Марсель.

— Нѣсколько варшавскихъ табачныхъ фабрикъ получили значительные заказы на папиросы для Германіи. Недавно въ Гамбургъ выслано около 3 мил. папиросъ, по 7 руб. за тысячу.

Наука и литература.

— 21-го февраля минуло 35-лѣтіе со дня кончины Н. В. Гоголя. Была отслужена панихида по инициативѣ поруч. Ю. В. Быкова, родственника Н. В. Гоголя, который былъ роднымъ братомъ матери г. Быкова. Этою панихидой, отслуженной по инициативѣ частнаго лица, и ограничилось чествованіе памяти Гоголя въ Петербургѣ.

— Въ настоящемъ 1887 году исполняется ровно тридцать лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ ужасная, мученическая смерть похитила знаменитаго путешественника, одного изъ выдающихся изслѣдователей Индіи — Адольфа Шлагинтвейта, который въ 1857 году, во время смутъ и возстанія въ Кашгарѣ, былъ казненъ рукою палача. Императорское Русское Географическое Общество съ большимъ сочувствіемъ отнеслось къ мысли о постановкѣ памятника этому ученому на мѣстѣ его гибели.

— Начальникъ полярной экспедиціи А. А. Бунге прибылъ 30 января въ Томскъ и 2 февраля выѣхалъ въ Петербургъ. Бунге везетъ съ собою богатую коллекцію и матеріалы по изслѣдованію посѣщенныхъ имъ мѣстностей.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ появится въ свѣтъ объемистый трудъ А. С. Гацинскаго: „Люди нижегородскаго поволжья“. Трудъ этотъ будетъ заключать въ себѣ біографіи всѣхъ уроженцевъ нижегородскаго края, прославившихся на поприщѣ литературы, науки, искусства, государственной и общественной жизни.

— „Гамлетъ“ переведенъ чуть не на всѣ языки. На грузинскомъ языкѣ существуетъ нѣсколько переводовъ, которые считаются неудачными, и недавно сдѣлалъ новый переводъ съ англійскаго кн. Мачабели. Въ новомъ переводѣ „Гамлетъ“ шелъ въ Тифлисѣ 12-го февраля.

— Появились еще неизданныя до сихъ поръ стихотворенія Мицкевича, озаглавленныя „Mazur“.

— Въ „Нов. Вр.“ напечатано рѣшеніе третейскаго суда по дѣлу общества литературнаго фонда съ г. Суворинымъ, перепечатавшимъ сочиненія А. С. Пушкина, редактированныя фондомъ. Г. Суворинъ обязался упла-

тить фонду всю стоимость изданія „сочиненій Пушкина“, 27,925 р. 20 к. Комитетъ литературнаго фонда сохраняетъ за собою право на слѣдующія изданія.

Живопись и скульптура.

— 24 февр. открылась выставка картинъ въ Имп. Акад. Художествъ.

— 25 февр. открылась XV выставокъ картинъ Товарищ. передвижн. выставокъ (Сергіевская, д. Боткина).

— Монументъ въ память пребыванія въ Тульской губерніи императора Петра I воздвигнутъ въ селѣ Иваньковѣ (Епифанскаго уѣзда). Памятникъ представляетъ собою пирамиду, вышиною въ 13 аршинъ; внизу надпись: „Въ 1699 году императоръ Петръ Великій, бывъ на канальной работѣ на Иванъ-озерѣ и проѣзжая оттуда къ Лефорту въ село Хитровщину—на семъ мѣстѣ останавливался, просилъ пить и кушалъ квасъ, поднесенный ему, и похвалилъ населеніе деревни. Въ знакъ сей памяти сей обелискъ и сооруженъ 2 іюня 1807 г.“

— 22 февраля въ академіи художествъ было закрытіе благотворительной выставки профессора И. К. Айвазовскаго, при чемъ торжественно чествовали маститаго художника, поднесли ему адресъ, на что И. К. отвѣтилъ прочувствованною рѣчью. Выставка дала вполнѣ удачные результаты. Комитетъ кассы для вспомоществованія недостаточнымъ ученикамъ академіи получилъ отъ входной платы на эту выставку тысячу пятьсотъ рублей.

— 22 февраля въ Большой Морской, домъ № 109, открылась выставка картинъ въ пользу александровской общины. Въ коллекціи картинъ собраны многія художественныя произведенія, какъ русскихъ, такъ и иностранныхъ художниковъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ частнымъ лицамъ.

Театръ и музыка.

— На сценѣ частной итальянской оперы, въ будущемъ сезонѣ, въ Петербургѣ будетъ поставлена опера „Жизнь за Царя“ въ итальянскомъ переводѣ.

— М. Г. Савина подала прошеніе объ отставкѣ. Слухи о томъ, что недоразумѣнія съ дирекціей уладились, не оправдались. М. Г. покидаетъ сцену Александринскаго театра послѣ 12-ти-лѣтней службы.

— Въ Лейпцигѣ изобрѣтенъ новый инструментъ, совмѣщающій въ себѣ органъ и фортепіано; играя на немъ, можно извлекать звуки двухъ тембровъ отдѣльно или одновременно, по желанію. Новый „оргельпіано“ выставленъ въ отелѣ de Pologne, въ Лейпцигѣ.

Городскія извѣстія.

— „Нов.“ сообщаютъ, что съ перваго числа будущаго мѣсяца мая откроется продольное пароходное сообщеніе по Фонтанкѣ отъ Лѣтняго сада до Калинкина моста. Управа заключила уже контрактъ съ финляндскимъ легкимъ пароходствомъ.

— 14 февраля въ торжественномъ собраніи славянскаго общества избраны въ почетные члены общества А. Ѳ. Аксакова и В. Ф. Гильфердингъ.

Изъ губерній и областей.

— Близь Ковеля предполагается учредить колонію для желѣзнодорожныхъ инвалидовъ; подъ колонію будетъ занято 150 дес. земли. Проектъ учрежденія колоніи находится уже въ Петербургѣ.

Некрологъ.

— Въ Москвѣ скончался извѣстный артистъ Императорскихъ театровъ Ѳ. А. Бурдинъ, который, послѣ свыше сороколѣтней службы при театрѣ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ былъ уволенъ на пенсію. Покойный Ѳ. А. Бурдинъ всегда считался полезнѣйшимъ дѣятелемъ въ составѣ нашей драматической труппы въ эпоху ея процвѣтанія. Онъ находился въ тѣсной дружбѣ съ А. Н. Островскимъ, который и отдавалъ ему для бенефиса почти всѣ свои новыя пьесы.

— 24 февр. скончался одинъ изъ выдающихся драматическихъ писателей—Михаилъ Николаевичъ Владыкинъ. Покойный написалъ четыре пьесы, изъ которыхъ двѣ: „Купецъ-лабазникъ“ и „Омутъ“ составили ему довольно крупное имя среди русскихъ драматурговъ.

Смѣсь.

Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. Въ одесскихъ газетахъ помѣщено описаніе проекта памятника-фонтана А. С. Пушкину въ Одессѣ, на Николаевскомъ бульварѣ. Фонтанъ проектированъ высотою въ 3 сажени. Общей фигурѣ фонтана приданъ видъ обелиска; въ то же время онъ напоминаетъ собою и лиру, на которой установленъ бюстъ поэта. Основаніе фонтана до верхней ступеньки съ боковыми водоемами предполагается сдѣлать изъ камня-песчанника. Верхняя ступень и общій, вокругъ постамента расположенный резервуаръ съ вазами предполагается изъ чисто тесанаго сѣраго или краснаго гранита. Затѣмъ четырехгранную колонку съ канелюрами (ложками) нужно сдѣлать изъ крымскаго южно-бережскаго зеленоватаго діорита (порода гранита). Колонка эта должна быть отшлифована. Бронзовыя украшенія, какъ-то: угловые дельфины надъ вазами, вѣнокъ вокругъ пьедестала, капитель колонны, доски съ надписями и самый бюстъ предполагается сдѣлать изъ темной (коричневой) бронзы. Струй въ фонтанѣ проектировано 22. Онѣ расположены слѣдующимъ образомъ: 16 находятся въ четырехгранной колоннѣ, ниже капители, по 4 съ каждой стороны, 4 въ углахъ постамента надъ вазами, и по одной надъ двумя боковыми водоемами. Для большаго удобства проведенія водоемныхъ трубъ внутрь колонны—эту послѣднюю предполагается составить изъ двухъ кусковъ гранита, соединивъ внутренними вертикальными плоскостями по діагонали. Швы этого соединенія въ углахъ прикроются дельфинами. Въ капители колонки помѣщена пятиконечная звѣздочка—необходимая принадлежность лиры. Въ звѣздочку эту предполагается провести электрическій свѣтъ для освѣщенія фонтана, а также и средней аллеи Николаевскаго бульвара. Въ звѣздочку будутъ вставлены матовыя призматическія стекла, за которыми помѣстится электрическая горѣлка со щиткомъ, которымъ, смотря по желанію, можно будетъ заслонить свѣтъ спереди и направлять его въ концы звѣзды лучеобразно—на подобіе извѣстнаго американскаго маяка. Струи воды, будучи освѣщены электрическимъ свѣтомъ, имѣютъ видъ весьма фантастичный, что можетъ усилить эффектъ всего фонтана. (н.)

Странный обычай существуетъ у румыновъ западныхъ Карпатъ. Ежегодно, въ день Петра и Павла, на вершинѣ горы Гаина, на высотѣ 5—6000 футовъ надъ уровнемъ моря, происходитъ ярмарка, на которой появляются со своими родителями всѣ дѣвушки, желающія выйти замужъ. Вся семья и родственники складываются на приданое для дѣвушки. Когда оно окончено, тогда его отвозятъ, на лучшихъ лошадяхъ, на ярмарку на Гаину. Пчелы, домашнія животныя и другія домашнія сокровища дополняютъ богатство. На Гаинѣ каждая семья занимаетъ отдѣльный шатеръ, въ которомъ выставляется приданое и гдѣ ожидаютъ прихода жениховъ. Послѣдніе ходятъ смотрѣть дѣвушекъ также въ сопровожденіи родителей и родственниковъ. Молодые люди одѣваются въ лучшія платья и надѣваютъ золотые и серебряные поясы. По выборѣ невѣсты происходитъ публичное обрученіе, въ присутствіи священника. При обрученіи обмѣниваются не кольцами, а расшитыми платками. Зачастую выборъ уже сдѣланъ ранѣе, тѣмъ не менѣе вся церемонія должна быть совершена. (г.)

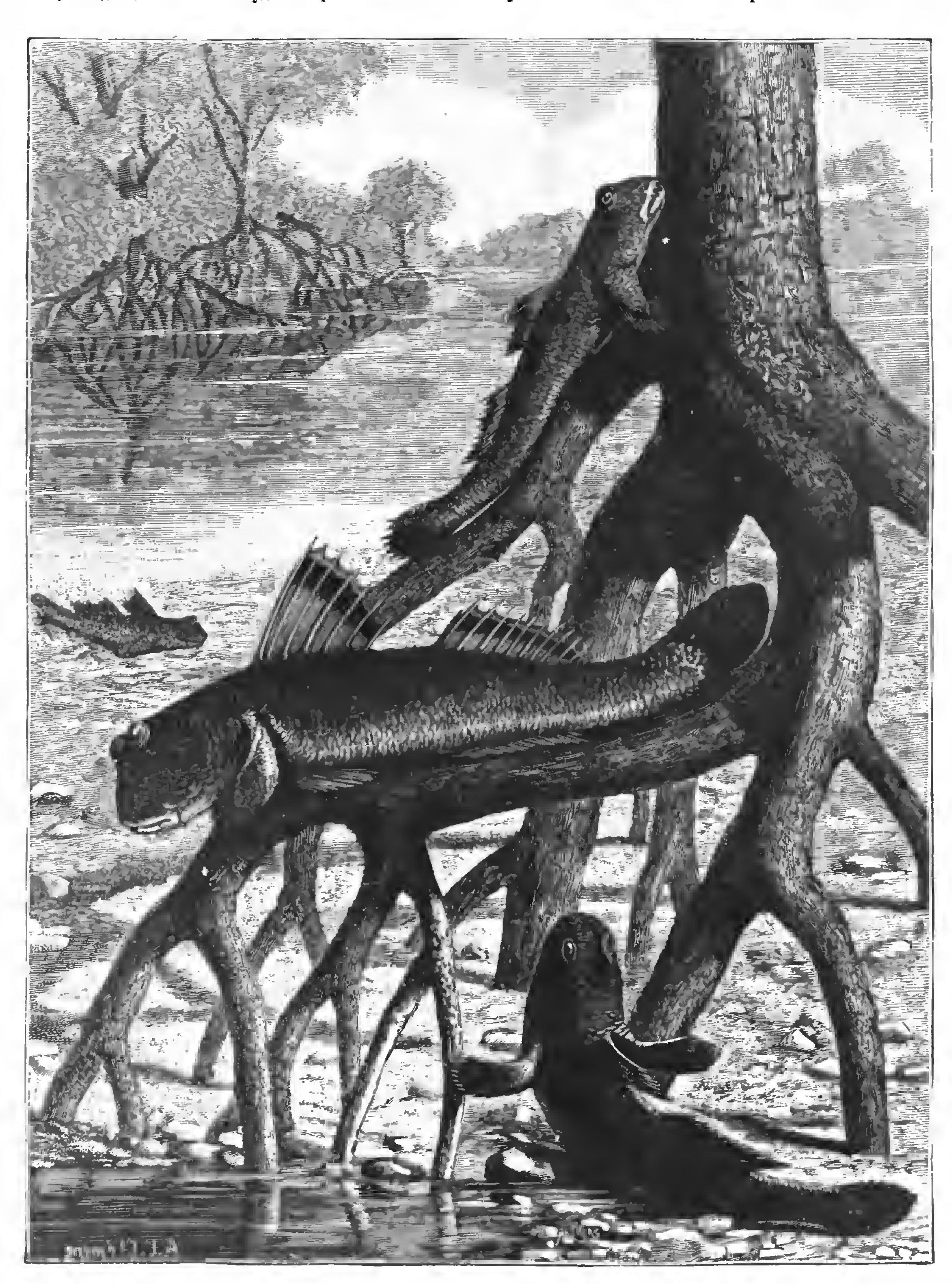
Лондонъ по отношенію отвода грязной воды можетъ считаться самымъ образцовымъ городомъ. Его сточныя трубы, длиною въ 132 километра, устроены такимъ образомъ, что въ теченіе сутокъ могутъ удалять изъ города 1800 милліоновъ кубическихъ метровъ воды и нечистотъ. Этою водою орошается въ 70 километрахъ отъ города 60,000 гектаровъ земли, на которой растетъ достаточное количество травы для прокормленія 100,000 коровъ, т. е. болѣе чѣмъ ихъ нужно для снабженія города молокомъ и масломъ. (г.)

Саладеро въ Монтевидео, т. е. бойни, представляютъ особенный интересъ: съ ними связано возникновеніе Либиховскаго экстракта. Послѣдній былъ сдѣланъ въ Фрей-Бентосъ, на бойняхъ вблизи Монтевидео. Общество Фрей-Бентосъ располагало вначалѣ двумя квадратными милями земли; въ настоящее же время оно владѣетъ за городомъ болѣе чѣмъ 25 квадр. милями. Въ время главной работы на бойняхъ, длящейся съ середины декабря до начала іюля, въ громадномъ этомъ учрежденіи работаетъ болѣе 1000 человѣкъ и въ это же время убивается среднимъ числомъ 200,000 головъ скота. Въ первое время послѣ открытія фабрики въ день убивали до 200 головъ, теперь же число убиваемаго скота достигаетъ 1200—2000 и болѣе головъ въ день. Хотя главное производство фабрики состоитъ въ приготовленіи мясного экстракта, тѣмъ не менѣе добываются еще другіе продукты и большое количество удобренія, напр. костей и мясной муки. Шкуры животныхъ, какъ и во всѣхъ Саладеро, составляютъ здѣсь цѣнный продуктъ. Ихъ не подвергаютъ дубленію, а солятъ какъ сельди и посылаютъ въ бочкахъ. Для этого въ бочку кладутъ шкуру шерстью внизъ, насыпаютъ затѣмъ на нее слой соли, кладутъ затѣмъ другую шкуру такимъ же образомъ и т. д., пока бочка не наполнится. Другія произведенія Саладеро это сало, солонина, приготовляемая такъ же какъ въ Австраліи, вареные языки и пр. (г.)

Становимся ли мы богачѣ или бѣднѣе? Объ этомъ лордъ Дерби говорилъ недавно въ Ливерпулѣ рѣчь, въ которой привелъ, что хотя въ послѣднія десять лѣтъ положеніе отдѣльныхъ личностей оказывается труднымъ отъ застоя въ дѣлахъ, тѣмъ не менѣе общее положеніе всѣхъ не пострадало. Это доказывается напр. потребленіемъ чая и сахара. Въ 1880 г. оно составило 158.000,000 фунтовъ стерлинговъ (1 ф. ст.=10 р.), въ 1885 г. 182.000,000 ф. ст. Въ 1880 г. въ Великобританіи и Ирландіи потреблено 19.500,000 центнеровъ сахара (1 центнер.=3 пуд.), въ 1885 г. 24.000,000 центн. Другимъ доказательствомъ служатъ вклады въ банки, составлявшіе въ 1880 г. 78.000,000 ф. ст. и въ 1885 г. 94.000,000 ф. ст. Доходы отъ налоговъ составили въ 1880 г. 577.000,000 ф. ст. и въ 1885 631.000,000 ф. ст. Переходя къ причинамъ упадка торговли, лордъ Дерби находитъ, что это не есть послѣдствіе не существовавшей ранѣе конкуренціи другихъ государствъ, а зависитъ отъ быстраго прироста населенія, возрастающаго ежедневно на 1000 человѣкъ. Рѣчь свою лордъ Дерби заключилъ предположеніемъ, что настоящій кризисъ будетъ устраненъ не далѣе какъ по истеченіи года. (г.)

Изъ Абиссиніи. Несчастіе, постигшее итальянскую экспедицію въ Массовѣ, обратило общее вниманіе на эту страну Африки и особенно на торговыя ея отношенія. Преданіе сообщаетъ, что кофейные бобы завезены въ Массову мусульманами изъ государства Каффа. Въ настоящее время Массова состоитъ главнымъ складочнымъ мѣстомъ кофе, которое отсюда доставляется въ г. Мокку, лежащій на западномъ берегу Краснаго моря. Тамъ оно смѣшивается съ аравійскимъ кофе и подъ именемъ мокккаго отправляется въ Европу. Торговля кофе и другими абиссинскими продуктами находится исключительно въ рукахъ индійской касты, такъ называемыхъ

баніановъ. Благодаря ихъ стараніямъ, образовались караваны изъ Абиссиніи въ Массову; имъ также принадлежитъ заслуга введенія денегъ въ одной части страны. Деньги эти чеканятся исключительно для этой области. Это давно исчезнувшіе въ Европѣ талеры Маріи-Терезіи, завезенные на востокъ венеціанскими купцами. Абиссинецъ чрезвычайно остороженъ. Талеръ этотъ только тогда принимается имъ, когда цѣнность его удостовѣрена извѣстными знаками. Корона королевы должна быть украшена извѣстнымъ числомъ жемчуга и годъ долженъ быть всегда одинъ и тотъ же. Даже при такихъ условіяхъ талеръ принимается въ видѣ платы только въ странахъ, имѣющихъ сообщеніе съ побережными областями. Торговцы изъ дальнихъ мѣстъ вмѣсто монеты принимаютъ правильно нарѣзанныя пластинки соли. (г.)

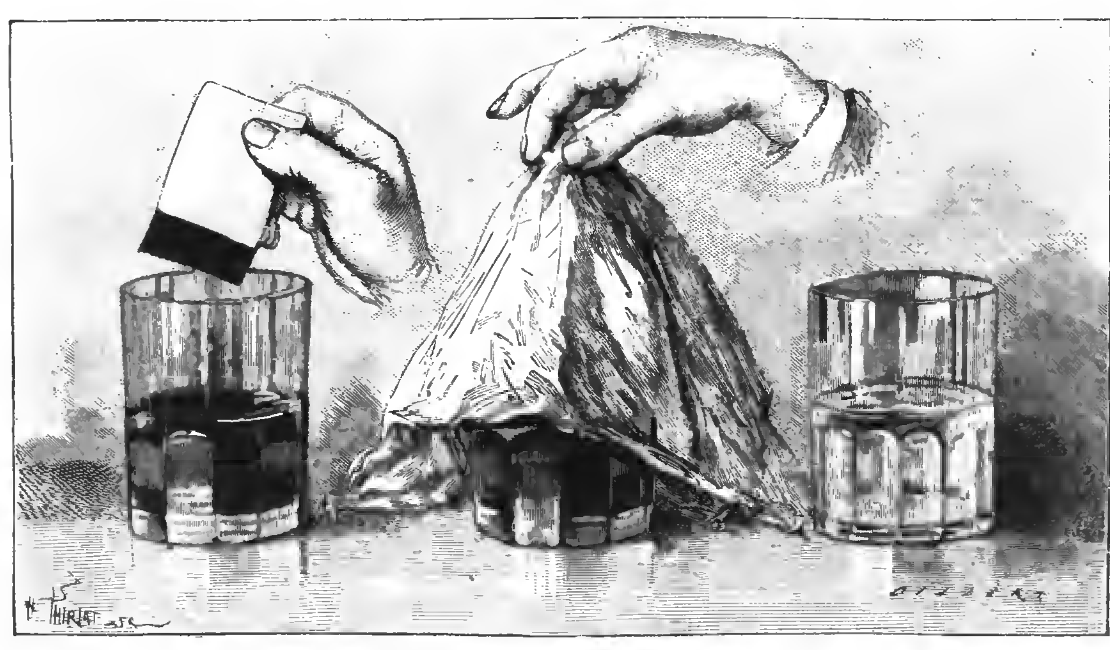
Земноводныя рыбы. Рѣчной прыгунъ (Periophtalmos). Рис. Клеманъ, грав. Артига.

Драгоцѣнности всегда интересуютъ. На послѣднемъ придворномъ балу въ Римѣ королю Гумберту было представлено нѣсколько журналистовъ-корреспондентовъ. Одного изъ нихъ, Менусти, король спросилъ, въ чемъ состоитъ трудность его сегодняшней задачи? „Въ описаніи туалетовъ“, отвѣтилъ журналистъ. „У меня есть вамъ помощница“, отвѣтилъ смѣясь король, взялъ журналиста подъ руку, подвелъ къ королевѣ Маргаритѣ и сказалъ: „ты можешь оказать сегодня услугу прессѣ, опиши нѣкоторые изъ выдающихся туалетовъ“. Королева любезно согласилась на эту шутку и дѣйствительно продиктовала журналисту замѣтку, причемъ спрашивала у дамъ о названіи матеріи и цвѣта, если не могла сама опредѣлить этого. Наконецъ королева описала свое платье и прибавила: „не забудьте упомянуть о девяти рядахъ моего жемчуга; драгоцѣнности всегда интересуютъ читательницъ“. (г.)

Итальянская королева выразила желаніе подарить что нибудь на память всѣмъ солдатамъ, уѣзжающимъ въ Африку. Она заказала извѣстное число большихъ портсигаровъ съ надписью: „Королева помнитъ о васъ!“ Недавно король засталъ свою супругу и придворныхъ дамъ, занятыхъ наполненіемъ портсигаровъ сигарами, и со словами: „я хочу сдѣлать маленькій сюрпризъ нѣкоторымъ изъ храбрыхъ молодцовъ“, всунулъ между сигарами по нѣскольку денегъ. Королева сама раздавала портсигары въ казармахъ Пьедигротта, гдѣ будетъ происходить послѣдній смотръ. (г.)

Фокусъ.

Превратить чернило въ воду кажется неразрѣшимой задачей, между тѣмъ это достигается легко при извѣстной ловкости. Для этого стаканъ наполняютъ до половины водою, затѣмъ вырѣзываютъ изъ чернаго шелка или кашемира полоску, соотвѣтствующую вышинѣ воды въ стаканѣ, кладутъ ее по стѣнкѣ внутрь стакана, отчего послѣдній на извѣстномъ разстояніи кажется наполненнымъ чернилами. Кромѣ того, нужно приготовить полоску изъ карты и, какъ показано на рисункѣ, зачернить ее съ одного конца и съ одной стороны. Бумажную полоску показываютъ обществу бѣлою стороною, затѣмъ опускаютъ этотъ конецъ въ стаканъ и, вытаскивая, показываютъ теперь черную его сторону, что служитъ доказательствомъ, что въ стаканѣ находятся чернила. Затѣмъ, для превращенія его въ воду, накрываютъ стаканъ платкомъ и осторожно стараются вынуть черную тряпочку, послѣ чего снимаютъ платокъ и спрятанную въ него тряпочку (средняя фиг. рисунка) и жидкость въ стаканѣ оказывается тѣмъ, чѣмъ она была—водою. Простой этотъ фокусъ, сдѣланный ловко, всегда вызываетъ удивленіе.

Фокусъ съ обращеніемъ чернилъ въ воду.

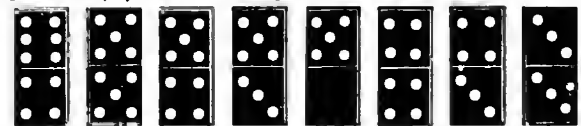

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марксъ.

Задача домино № 20.

Играютъ партію трое безъ прикупа. Каждый изъ играющихъ беретъ 8 камней и въ прикупѣ остаются 4 камня.

Играющій (А) имѣетъ слѣдующіе камни:

Онъ выставляетъ и выигрываетъ игру 25-ю очками, т. е. отъ В 5, отъ С 20.

Ходъ игры слѣдующій: А выставляетъ, В и С приставляютъ; А ставитъ, затѣмъ В и С; А ставитъ, затѣмъ В и С; А ставитъ, В и С пасуютъ: А ставитъ, В и С пасуютъ; А ставитъ, В и С пасуютъ; А ставитъ, затѣмъ В и С; А кончаетъ съ [камень]

Какъ расположены камни и какой ходъ игры?

2-й заемъ 1866 года. 42-й тиражъ 3-го марта 1887 года.

ТИРАЖЪ ВЫИГРЫШЕЙ ГОСУДАРСТВЕННАГО БАНКА.

№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.	№ сер.	№ бил.	Сумма.
19	1	500	2924	5	500	5502	32	1000	8093	11	1000	11170	42	500	13335	28	500	15451	41	500	17479	13	500
28	43	10000	2955	18	500	5534	40	500	8166	4	500	11218	36	500	13382	29	500	15568	36	500	17493	40	500
97	4	40000	2985	27	500	5633	17	500	8378	23	500	11219	8	500	13420	39	500	15805	34	500	17537	28	500
98	24	500	3022	30	500	5672	18	500	8401	37	500	11281	18	500	13463	5	500	15822	25	500	17545	34	500
208	23	8000	3210	49	500	5690	23	500	8602	7	500	11383	35	500	13506	33	500	15955	7	500	17582	48	8000
340	26	500	3445	27	500	5713	47	500	8674	26	500	11459	2	500	13536	43	500	16046	4	500	17625	34	500
346	1	500	3493	1	500	5784	33	500	8782	4	500	11475	8	500	13798	4	500	16061	45	500	17626	2	500
413	26	500	3501	5	1000	5788	21	500	8787	31	500	11591	31	500	13833	40	500	16063	50	1000	17729	20	500
549	45	500	3507	42	500	5841	33	500	8826	16	500	11774	46	500	13884	2	500	16076	14	5000	17778	49	500
695	13	500	3608	13	500	5986	30	500	8842	31	500	11804	8	1000	13957	17	500	16087	39	500	17792	5	500
701	31	500	3641	27	500	6013	31	500	8921	18	500	11809	27	500	13981	37	10000	16256	7	500	17913	46	500
715	49	500	3765	23	500	6105	31	500	8954	22	500	11851	41	500	14033	12	500	16278	28	500	17947	23	500
849	37	500	3861	23	500	6214	6	500	9047	35	500	11867	44	500	14063	17	500	16280	4	500	18076	42	500
874	8	8000	3916	50	500	6304	34	500	9187	25	500	11879	39	1000	14143	34	5000	16292	30	500	18232	20	500
976	2	500	4038	47	500	6403	49	1000	9386	25	500	11917	29	500	14165	33	500	16331	42	500	18264	46	500
1243	13	500	4045	43	500	6437	47	500	9490	46	75000	11970	1	1000	14168	14	500	16369	41	500	18303	3	500
1284	11	500	4164	50	500	6449	26	500	9517	30	500	12120	1	500	14182	8	500	16509	24	500	18345	28	1000
1311	41	500	4166	34	500	6649	17	500	9569	35	500	12148	16	500	14208	3	500	16549	41	500	18433	23	500
1380	19	500	4187	18	500	6812	49	500	9717	5	500	12197	8	500	14413	21	500	16553	37	500	18433	26	500
1420	4	500	4271	49	500	6939	14	500	9756	25	500	12204	16	500	14420	48	500	16585	34	5000	18498	42	500
1438	41	1000	4317	26	500	7007	49	500	9792	19	500	12268	26	500	14467	8	500	16589	22	500	18579	6	500
1786	18	500	4408	49	500	7012	43	1000	9821	42	5000	12343	43	500	14491	30	500	16601	30	500	18618	7	5000
1857	19	500	4418	16	500	7032	23	500	9911	27	1000	12444	45	500	14513	17	500	16612	12	500	18633	44	500
1903	32	1000	4449	39	500	7034	50	500	9971	45	500	12459	12	500	14518	39	500	16690	4	200000	18685	5	500
1955	46	1000	4632	37	1000	7052	15	500	10029	20	500	12463	47	500	14521	38	500	16705	38	500	18838	39	500
1968	16	500	4774	3	500	7170	10	1000	10043	43	500	12569	1	500	14703	38	500	16730	38	1000	19074	4	500
2042	5	500	4778	22	500	7390	38	500	10170	20	500	12615	35	500	14908	23	25000	16771	45	500	19164	37	500
2046	30	500	4780	17	500	7424	3	500	10249	25	500	12643	16	500	14913	18	500	16842	46	500	19196	12	500
2067	31	500	4791	20	1000	7430	23	500	10353	18	500	12712	33	500	14950	33	500	17031	41	500	19444	50	500
2122	36	500	4893	43	500	7486	23	500	10372	8	500	12828	39	500	15005	20	500	17061	5	500	19461	28	500
2212	38	500	4899	8	500	7569	25	1000	10375	11	500	12921	43	1000	15007	45	500	17152	9	500	19570	14	500
2287	28	500	4948	22	500	7698	39	500	10405	41	8000	12967	24	500	15067	18	500	17221	35	500	19708	48	500
2328	14	500	5025	23	500	7812	25	500	10568	27	500	13064	43	500	15093	27	500	17343	30	8000	19744	12	500
2333	45	500	5088	49	500	7819	47	500	10690	24	500	13138	14	500	15155	34	500	17344	21	500	19749	17	500
2533	6	500	5149	34	5000	7829	36	5000	10716	25	500	13147	18	500	15187	16	500	17408	48	500	19796	36	500
2598	44	5000	5275	11	500	7977	36	500	10811	28	500	13230	34	500	15299	26	500	17467	7	500	19817	25	500
2856	6	500	5284	40	500	7987	32	10000	10873	42	500	13291	14	500	15361	6	500	17471	7	500	19999	23	500
2919	39	500	5319	46	500	8045	43	500	10941	21	500												

№№ серій, вышедшихъ въ тиражъ погашенія.

9, 199, 255, 838, 1182, 1212, 1317, 1562, 1640, 1830, 2051, 2125, 2215, 2890, 3063, 3156, 3278, 3347, 3432, 3519, 3557, 3824, 3880, 4239, 4550, 4866, 5496, 5877, 5994, 6236, 6298, 7152, 7159, 7160, 7473, 7502, 7558, 7989, 8814, 8995, 9131, 9566, 10235, 10307, 10320, 10418, 10574, 10724, 10744, 10783, 11194, 12286, 12353, 12473, 12636, 12879, 13157, 13310, 13313, 13424, 14103, 14125, 14144, 14185, 14706, 14794, 15294, 15509, 15654, 16496, 16544, 16854, 17673, 17697, 17865, 17987, 18081, 18657, 18739, 19447, 19763, 19804.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, съ которой печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

„Послѣдняя Весна“ вальсъ (ц. 75 к.), „Шутка“ полька (ц. 35 к.) для фортепіано, соч. Н. І. Холева,—ва 1 р. доставляются выписывающимъ отъ автора (СПБ., Троицкій пер., д. 3, кв. 8). № 2427 3—2

ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО

ГОЛЛЕНДЕРЪ

Шведскій зубной злексиръ

и Шведскій зубной порошокъ.

Для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта. № 2337 52—10

Получить можно во всѣхъ больш. аптек. и космет. маг. въ стол. и въ пров. Ц. флак. Элексиру 80 к., зубн. порош. 50 к. За перес. 50 к. Письма по слѣдующ. адресу: въ С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Только подлинно съ этою фабрич. маркою

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2088 36—24

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Стремянная, № 4.

Можно получить въ **С.-Петербургѣ:** въ Русск. Общест. Торг. аптек. тов.; въ аптекарск. складахъ: 1) Невскій 27; 2) Невскій 47; 3) уголъ Литейн. и Мал. Итальянской; Рульковіусъ и Гольмъ; Г. Клосъ и К°, В. Линне и А. Энглундъ; **въ Харьковѣ:** въ Русскомъ Общ. Торг. аптекарскими товарами; **въ Таганрогѣ:** въ аптек. маг. Штриммера и Н. Поллакъ; **въ Баку:** въ Кавказск. Общ. Торг. апт. тов.; **въ Казани:** въ аптекѣ Ф. Грахе; **въ Николаевѣ:** въ апт. маг. Б. Вимутъ, Д. Левскаго и К°, и Зеленгеръ и К°.

Двуногій волкъ. Ром. изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. Каразина. Изд. 2-е, доп. 8-ю нов. ориг. рис. автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ треб. обращ. въ контору журнала „Нива“.

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для укрѣпленія корней волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Удешевленіе пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ

съ 1-го марта 1887 года.

І. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . 45 р.
„ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . 32 р.
„ Одессы въ III классѣ . . . . 22 р.

II. До Яффы и обратно:	I классъ.		II классъ.		Смѣшанные: III кл. жел. дор. и II кл. парох.		III классъ
	Съ продовольствіемъ.	Безъ продовольствія.	Съ продовольствіемъ.	Безъ продовольствія.	Съ продовольствіемъ.	Безъ продовольствія.	Безъ продовольствія.
Отъ СПБурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	183 р.	126 р.	62 р. 50 к.
„ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу . . .	305 р.	230 р.	215 р.	160 р.	172 р.	115 р.	46 р. 50 к.
„ Кіева чрезъ Одессу . .	250 р.	170 р.	175 р.	120 р.	158 р.	101 р.	33 р. — к.
„ Воронежа чр. Таганрогъ	270 р.	180 р.	200 р.	130 р.	186 р.	118 р.	38 р. — к.
„ „ „ Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47 р. — к.

Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея Михайловскаго, Екатерининскій каналъ, д. Вознесенской церкви; у В. Н. Хитрово, Мойка, 93; у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7; въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, у о. Агапита, въ Новой Гостиницѣ; **въ Москвѣ:** у свящ. Срѣтенскаго, В. Никитская, д. ц. Вознесенія; **въ Кіевѣ:** у епископа чигиринскаго Іеронима, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея Н. Г. Лебединцева, д. Софійскаго собора; у іеромонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостиницѣ; въ Воронежѣ, у іеромонаха Платона, Митрофаніевъ мон.; **въ Перми**—у А. В. Маллѣева; **въ Казани**—у В. Н. Заусайлова; **въ Одессѣ**—у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаренскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ, какъ при проѣздѣ въ Яффу и на Аѳонъ, такъ и обратно.

Для желающихъ взять билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, Русское Общество Пароходства и Торговли, по предъявленіи заграничнаго паспорта, взимаетъ до **Яффы и обратно:** отъ Одессы или Севастополя 24 руб., отъ Таганрога 29 руб. и отъ Батума 28 руб. № 2457 3—1

Въ Одессѣ за свѣдѣніями и объясненіями можно обращаться къ протоіерею Кудрявцеву, въ Университетъ.

PILULES DE VALLET

ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ

НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЯНЫ

Онѣ бѣлыя и имя Валлэ находится на каждой пилюлѣ.

Не брать флаконы, на которыхъ на этикетѣ не находится мое имя и мой адресъ: **19, RUE JACOB.** Продается во всѣхъ аптек. *Vallet*

А. № 2444 3—1

КАПСЮЛИ ГЮЙО

CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. А. № 2429 5 2

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться

ПАСТОЙ РЕНЬО

PATE REGNAULD

при отовляемой

19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ: *Guyot*

Во всѣхъ аптекахъ.

Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

Съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

„ФИЛАКТЕРІЙ, ТУТОРЪ И АКОЛИТЪ“

СРЕДСТВА ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ВОЛОСЪ

провизора **Н. СИНИЦЫНА.**

Продается во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Цѣна за коробку, содержащую три предмета, составляющіе при употребленіи одно цѣлое, 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к. При требованіи трехъ коробокъ пересылка на счетъ склада. Р. № 2419 10—2

Главные склады: С.-Петербургская Химическая лабораторія Ф. Ликде, Невскій пр., д. № 23; въ магазинѣ на Вас. Остр., по 6 лин., д. № 25 и въ конторѣ **Ив. Федкингъ**, Чернышевъ пер., уг. Больш. Садовой ул. № 20; у **А. М. Рузанова**, Гост. Дворъ, 40; у **М. Ушакова**, Гост. Дворъ, 33; **СПБ. техно-химич. лабораторіи**, Гост. Дворъ; **В. П. Сердюкова**, Пассажъ; **Русск. Общ. Торг. аптек. товарами, Центр. Аптек. Депо**, Невскій, 27; магазинъ **А ла Рекоме**, Невскій, № 8; **В. Березовскаго**, Алекс. линія, № 6. Описаніе способа употребленія и назначенія означенныхъ средствъ, отдѣльными брошюрами приложено при средствахъ. Брошюра, по желанію публики, выдается въ главныхъ складахъ безплатно.

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

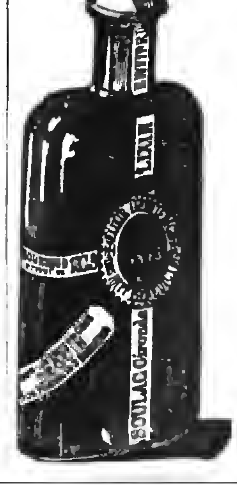
ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. А. № 2150 16—10

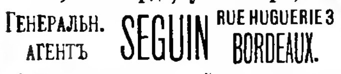
2 золотыя медали:

Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ **ПЬЕРРЪ БУРСО**

Домъ основанный въ 1807 г. **Сегенъ**, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

Находится во всѣхъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ, аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россіи.

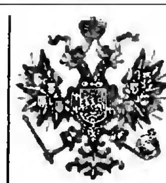

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,
СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премироааниыхъ конныхъ молотилокъ**, приводовъ, **аѣялокъ**, сортировокъ, **плугонъ**, боронъ, **сѣилонъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессоаъ**, механическихъ **зериосушилонъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ звграничныхъ ваводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика**, сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Раидвля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части ко всѣмъ машинамъ**.

Фабрика и Главная контора **аъ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Вр. Бутенопъ. Отдѣленіе **аъ Харьковѣ**, Рыбвая улица. № 1330 18

Иллюстрированные каталоги безплатно.

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ
О. РИХТЕРЪ

Адмиралтейская площадь, № 4,

въ С.-Петербургѣ,

рекомендуетъ оцогеновыя лампочки для очищенія комнатнаго воздуха, для уничтоженія тяжелаго запаха, накуреннвго дыма и проч., особенно пригодны въ помѣщеніяхъ больныхъ.

Цѣна лампочки **2 р. 50 к.**, **1** флаковъ оцогена **1 р. 25 к.** Упвконка **50 н.** Пересылка за 5 фунтовъ. Способъ употребленія безплатно при заказѣ. Р. № 2436 6—2

200 развыхъ **иностранныхъ почтоныхъ марокъ** для коллекціи, между которыми находятся: Аргентина, Баденъ, Барбадосъ, Бермуда, Бразилія, Восточ. и Западн. Индія, Канада, Каплындъ, Чили, Австралія и проч. и проч., только за **2 р. с.**

Кромѣ того большой выборъ рѣдкихъ марокъ. **Б. Гостонскій**, г. Кіевъ, Нижне-Владимірсквя, **№ 7.** № 2446

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ, весьма прочный и легкій, для портретовъ, группъ и видовъ, въ кабинетную величину, цѣна **30 рублей.**

Этотъ аппаратъ состоитъ изъ складной камеры съ коленкоровымъ мѣхомъ, одной двойной кассеты для днухъ свѣточувствительныхъ пластинокъ и треножника. **Объектиаъ къ нему 5 рублей.** Можво съ нимъ скоро изучить фотографированіе, безъ предварительнаго поэнвнія. Печатныя наставленія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ высылаются безплатно. Вѣсъ полнаго аппарата съ ящикомъ 16 фунтовъ. За упаковку взимвется 1 р. 50 к. **Богатѣйшій аыборъ самыхъ лучшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ намеръ и всѣхъ новѣйшихъ предметоаъ, касающихся фотографіи.** 1 № 2455

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°
С.ПЕТЕРБУРГЪ МАЛ КОНЮШЕННАЯ 8

ВСѢ БЕЗЪ ИСКЛЮЧЕНІЯ

разнообразаыя вещи, которые вырабатываются изъ резины, имѣются въ огромномъ выборѣ самаго лучшаго качества и продаются оптомъ и въ розницу по фабричной цѣнѣ, въ главномъ складѣ резиновыхъ издѣлій **К. Лоеаскаго** въ Москвѣ, на Никольской улицѣ въ домѣ Бостанджогло, пересылка во всѣ мѣста Россіи; Прейсъ-куранты высылаются безплатно. Въ спеціальном отдѣленіи склада продаются электрическіе предметы.

Р. № 2432 3 2

ФОТОГР. АППАРАТЪ 30 Р.

полн. приборъ къ нему, т. е. объективъ, плвст., чашки, алъб. бум. хим. продук. и пр. **20 Р.** Этимъ аппар. можно скоро изучить фотографированіе. Вѣсъ апирата съ приб. 20 фунт. Mt. № 2384 10—5

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ И ОРУДІЙ
ВЪ ТУЛѢ.

Строитъ всѣ машины, необходимыя въ сельскомъ хозяйствѣ: бороны, плуги, сѣялки рядовыя и разбросныя, косилки и жатвенныя машины; молотилки, вѣялки-сортировки и конные приводы. Цѣны крайне дешевыя, до 30% дешевле заграничныхъ, по качеству же машины не уступаютъ иностраннымъ. Запасныя части ко всѣмъ машинамъ имѣются въ готовности по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. № 2445 10—1

Иллюстрированные прейсъ-куранты-каталоги высылаются по требованію безплатно.

ПСАЛМЫ И СВЯЩЕННЫЯ ПѢСНОПѢНІЯ,
ПОЛОЖЕННЫЯ НА 4 ГОЛОСА И ФОРТЕПІАНО
П. ГРИГОРЬЕВЫМЪ.

„Блаженъ мужъ“. Парт. и голоса по 60 к.
„Хвали душе моя Госп.“ Причаст. Парт. и гол. по 60 к.
„На рѣкахъ Вав.“ Парт. и гол. по 75 к.
„Благослови душе моя Госп.“ (Донскаго росп.). Парт. 60 к.
„17-я Каенэма (Непороч.) и эктен. Парт. и гол. по 1 р. 50 к.
„Волною морскою.“ Парт. и гол. по 1 р.
„Канонъ молебный, ко Пресвятѣй Богородицѣ“, въ коемъ заключается: Богъ Господь, къ Богородицѣ прилежно, Неумолчимъ, Пресвятая Богородице (припѣвъ) 27 тропарей, Спаси отъ бѣдъ, Призри благосердіемъ, моленіе теплое, Предстательство христіанъ, Слава, молитвами Богородицы, И нынѣ, тоже, Помилуй мя Боже, Не ввѣри мя человѣческому предстательству, Достойно есть и Высшую небесъ. Парт. и гол. по 3 р. 50 к.
„Покаянія отверзи ми двери и проч. стихи“. Парт. и гол. по 1 р.
„Всемірную славу“ (Догматикъ). Парт. и гол. по 60 к.
„Днесь Христосъ“ 50 к.
„О Всепѣтая Мати“. (13-й кондакъ Покрову Пресв. Богор. 45 к.
„Іисусе Сыне Божій, Радуйся Невѣсто, Радуйся Николае Вел. чудот. (припѣвы на Акафист.) 25 к.
„Единородный Сыне“ 50 коп.
„Отца и Сына № 1 и 2-й, каждый № по 25 к.
„Вѣрую“ 50 к.
„Тебѣ поемъ“ № 1 и 2-й, каждый № по 35 к.
„Отче нашъ“ № 1 и 2-й, каждый № по 35 к.
„Единъ Святъ“ 20 к.
„Да исполнятся уста“ 40 к.
„Не имамы иныя помощи“ 35 к.
„Свыше Пророцы“ 35 к.
„Взбранной воеводѣ“. (Древнѣйшаго роспѣва) 50 к.
„Днесь спасеніе міру бысть“ 50 к.
„Нынѣ отпущаеши“ 35 к.
„Самъ единъ еси безсмертный“ 45 к.
„Часы въ Св. Недѣлю Пасхи“. (Донскаго роспѣва). Парт. и гол. по 1 р. 25 к.
„Буди имя Господне“ 20 к.
„Семь словъ Спасителя на крестѣ“ (1-я часть Ораторіи Гайдна), съ русскимъ текстомъ, аранж. для хора съ акомпаниментомъ фортепіано въ 4 руки, и фисгармоніи. *). 5 р.

Желающіе пріобрѣсти ноты, благоволятъ обращаться съ требованіями въ **Москву**, во всѣ музыкальные магазины и къ издателю **Григорьеау** (въ Оренбургъ, 2 часть, д. Ватькина). Пересылку издатель принимаетъ на свой **счетъ**. № 2403

*) Ораторія предназначается для концертовъ.

БЕРЕЗОВЫЙ КРЕМЪ
Косметика А. Энглундъ.

Освѣжаетъ и придаетъ кожѣ свѣжесть. Цѣна каждой банки **1 р.**, **съ** перес. **2** руб., 2 банки съ перес. **3** р. Для предупрежденія поддѣлокъ, прошу требовать на каждомъ этикетѣ: **подпись А. Энглундъ**, красными чернилами, в марку С.-Петербургской Косметической Лабораторіи. Получать можно: въ Русск. Общ. Торг. аптек. товар., у А. Рузанова. Въ Москвѣ, у К. Феррейнъ, В. Безбардисъ, Р. Келлеръ и К°, О. Гетлингъ и во всѣхъ извѣстныхъ аптек. и парфюм. торг. Россійской имперіи. — Главный складъ для всей Россіи: С.-Петербургъ, С.-Петербургская Косметическая Лабораторія **А. ЭНГЛУНДЪ.** Литейная, № 38. № 2453

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

О-де-колонъ № 4 (экстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода спеціальная по 90 коп.	**Туалетный уксусъ гигіеническій и освѣжительный по 60 коп.**
Туалетная вода Шипръ по 1 руб.	**Уксусъ Віолетъ де-Парижъ по 75 коп.**

Туалетныя воды высшаго качества по 80 к. и 1 р. 60 к.

Иксора Бреони	**Жокей Клубъ.**	**Віолетъ де-Пармъ.**
Буке Императрисъ	**Кадзура.**	**Бѣлая Роза.**
Шампака	**Опопонаксъ.**	

Лѣсная вода для куренія по 50 коп.

приготовленная съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.

Духи самаго высшаго качества по 1 руб.

Бѣлый Геліотропъ.—Ландышъ.—Лила бланъ.—Эссъ Буке.—Эссъ Віолетъ. Незамѣняемый букетъ по 2 руб.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской улицы, домъ Шредера, № 18—54.

(Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ С. ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“. Pt. № 2442

20 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ
КОНЬКОВЪ
отъ 2 руб.—15 руб. за пару.
Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.
Оптовымъ покупателямъ самыя выгодныя цѣны. Р. № 2329 (11)
Ж. БЛОКЪ.
СПБ., Б. Морская, 21.
Москва, уг. Б. Луб. и Кузнецкаго моста.

ПЕРЛЫ
СКИПИДАРНОЙ ЭССЕНЦІИ
Д-ра КЛЕРТАНА. А. № 2430 3—1

Каждый флаконъ заключаетъ въ себѣ 30 перловъ.

УВѢДОМЛЕНІЕ.
Могутъ быть замѣнены углемъ **Д-ра БЕЛЛОКА.**
Требовать на этикетѣ подпись Dr Belloc

Скипидарная эссенція, заключающаяся въ перлахъ **Д-ра КЛЕРТАНА**, химически чиста.
Требовать на каждомъ флаконѣ подпись Clertan D[r]

ОПТОВОЕ ПРОИЗВОДСТВО,
19, RUE JACOB, ПАРИЖЪ.
НАХОДЯТСЯ ВО ВСѢХЪ АПТЕКАХЪ.

SCHMIDT'S
SAMEN-UND PFLANZEN-CATALOG
für 1887
ist in bekannter umfangreicher Ausstattung erschienen und wird
FRANCO
und
GRATIS
auf Verlangen versandt.

SCHMIDT'S
Catalog ist eine SCHATZGRUBE für jeden **Blumen-** und **Gartenfreund**
200 Seiten, 500 Illustrat. mit **Buntdruck**
FRANCO und **GRATIS.**

12—7 **J. C. SCHMIDT, ERFURT, DEUTSCHLAND.** № 2363

ДЛЯ ПОЛКОВЪ:

ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ПѢСЕННИКОВЪ:

Бунчуки въ 25, 35, 50 р.
Тарелки въ 4, 5, 10 р.
Треугольники въ 1, 2, 3 р.
Бубны въ 4, 7, 10 р.
Ложки въ 3, 4, 10 р.
Кастаньеты въ 2 р.
Кларнеты въ тонѣ Ц въ въ 6, 8, 10 р. и дор.
Мюлеты въ 3, 8, 10 р.
Солдатскіе форменные барабаны въ 15 р.
Барабанныя флейты въ 5 р.
Сигнальные рожки въ тонѣ Ц или Д въ 5 руб.
Сигнальныя трубы въ тонѣ Дес или Эс въ 7 руб.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

Юлій Генрихъ

ЦИММЕРМАНЪ.

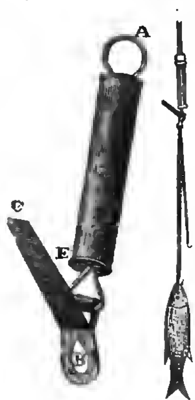
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, 36—42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Продажу музыкальныхъ инструментовъ и нотъ я произвожу только въ вышесказанныхъ магазинахъ. **Другихъ магазиновъ не имѣю.** № 2452

Золотыя яйца, брелоки для браслетъ и часовъ, большой выборъ, весьма дешево бриллiант., рубин., сафир. отъ 80 к. до 75 р. Серебрян. отъ 40 к. Демидовъ пер., д. 4, маг. Дорфъ.

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ ПОДСѢКАТЕЛЬ ДЛЯ РЫБНОЙ ЛОВЛИ,

одобренный всѣми любителями рыбной ловли. Съ успѣхомъ примѣнимъ во всякое время года и для всякой рыбы; замѣняетъ грузъ, карабинъ и блесну. Устроенъ такъ, что когда рыба хватаетъ наживку, то крючекъ механически задѣвается за щеку. Способъ употребленія при каждомъ экземплярѣ. Ц. 60 к. На пересылку отъ 1 до 6 прибавляется 40 к. **П. Ф. Караваевъ,** Невскій пр., Милютинъ рядъ, № 18, въ С.-Петербургѣ.

Полный иллюстриров. въ краскахъ прейсъ-курантъ рыболовныхъ принадлежностей высылается за 1 семи-копѣечную марку.

Микроскопъ 20 к., съ пересылкою 45 к., выписывающіе подсѣкатель прибавляютъ за микроскопъ только 20 к. № 2449

М. № 2450 5—1

Вышли въ свѣтъ и продаются единственно въ **Отдѣленіи Русско-Американской багетной и рамочной фабрики**

Ч. ГОФМАНА,

Невскій проспектъ, № 11, бель-этажъ, № 2441 3—1

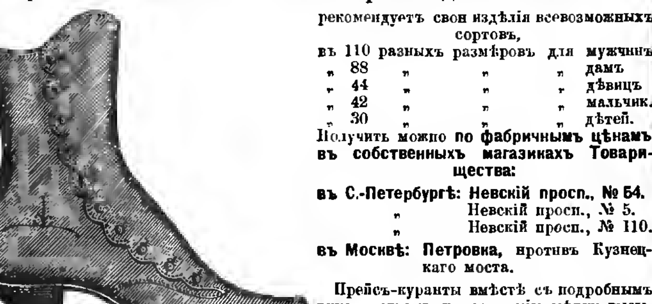
ПОРТРЕТЫ

ОТЦА ІОАННА Сергіева Кронштадтскаго

ПО 50 КОП.

[Въ рамахъ отъ **2-хъ руб.** и дороже. Торговцамъ уступка.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ С.-Петербургское Товарищество Механическаго Производства **ОБУВИ**

рекомендуетъ свои издѣлія всевозможныхъ сортовъ,
въ 110 разныхъ размѣровъ для мужчинъ
„ 88 „ „ „ дамъ
„ 44 „ „ „ дѣвицъ
„ 42 „ „ „ мальчик.
„ 30 „ „ „ дѣтей.

Получить можно **по фабричнымъ цѣнамъ въ собственныхъ магазинахъ Товарищества:**

въ С.-Петербургѣ: Невскій просп., № 54.
„ Невскій просп., № 5.
„ Невскій просп., № 110.
въ Москвѣ: Петровка, противъ Кузнецкаго моста.

Прейсъ-куранты вмѣстѣ съ подробнымъ руководствомъ къ сниманію мѣрки высылаются магазинами **безплатно** по первому требованію. № 2448

УДОСТОЕННЫЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ ВЫСШИМИ ОТЛИЧІЯМИ

ПРЕМИРОВАННЫЕ EXTRAITS QUADRUPLES:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ GOLD-LILIE
ЛОЗЕ BOUQUET MESSALINA

служатъ и для этого зимняго сезона лучшими духами для платковъ, платьевъ и проч. Такъ какъ эти и мои другіе **Extraits quadruples** подвергаются подражанію, то прошу покорнѣйше при покупкѣ обращать вниманіе на мою полную фирму St. № 2382 12—4

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,

46 Егерстрассе, БЕРЛИНЪ.

Парфюмеръ Е. В. К. Германской, придворный поставщикъ Е. К. И. В. Наслѣдной Принцессы Германск. и Прусской.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ВЫШЕЛЪ 9-й ВЫПУСКЪ САМОУЧИТЕЛЯ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ

МЕТОДА ТУССЕНА и ЛАНГЕНШЕЙДТА

у **В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,**

С.П.Б. Колокольная, 14

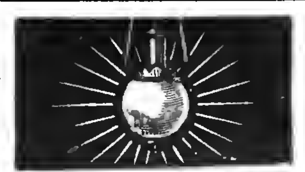
и Мастер. учебн. пособій, СПБ. Троицкій 11. № 2454

Имѣю честь увѣдомить С.-Петербургскую публику, что во всѣ магазины **ЧЕРЕПЕННИКОВА** будутъ получены къ Пасхѣ

ТАМБОВСКІЕ
ОКОРОКА

приготовленія Петра Степановича **Мокроусова** въ Тамбовѣ. 2—1 № 244

ЭЛЕКТРИЧЕСКОЕ

комнатное и садовое освѣщеніе безъ примѣненія машинъ, съ новыми весьма сильными батареями. Электрическія новости съ сухими элементами: электрическій удобоносимый фонарь, ц. 15 руб. съ перес. Электрическія булавки съ лампою Эдисона (замѣняющею карманный фонарь). Электрическія огневицы съ лампою. Электрич. **карманное** огниво съ лампою, ц. 7 р., съ доставк. во всѣ мѣста Россіи.

ДИНАМО-ЭЛЕКТРИЧЕСКІЯ

машины для школьныхъ надобностей, для гальванизаціи и устройства освѣщенія посредствомъ ручнаго и машиннаго производства (начиная отъ 50 руб. съ перес., для поддержанія 2 или 3 электрическихъ лампъ) Электрическіе „Simplex"-звонки, телефоны, электромоторы (динамомаш.) для швейныхъ машинъ и пр. отъ 15 руб. съ перес. Электрическіе газо-зажигатели, индукціонные аппараты. Далѣе модельныя паровыя машины, зрительныя трубы. **Фотографическіе аппараты** для диллетантовъ и пр.

ФАБРИКА ЭЛЕКТРИЧЕСКИХЪ АППАРАТОВЪ ВЪ БЕРЛИНѢ

Иллюстриров. прейсъ-курантъ и описаніе всѣхъ электрическихъ новостей посылается по полученіи 2-хъ почт. марокъ по 7 коп.

Просятъ адресоваться къ представителю для Россіи Р. № 245,

М. Кутнеръ, въ г. Варшавѣ,

Школьна, 13.

Торговый домъ признанъ достойнымъ своего названія за высокое качество и дѣйствительно дешевую цѣну всѣхъ товаровъ.

Большіе магазины „ЛУВРЪ"

НАИБОЛЬШІЕ ВО ВСЕЙ РОССІИ.

С.-Петербургъ, 63, Мойка, домъ Кононова, 63, С.-Петербургъ.

Система продавать лучшій товаръ съ наименьшимъ барышомъ безусловно соблюдается въ Большихъ магазинахъ „ЛУВРЪ".

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПОСЛѢДНІЯ ПАРИЖСКІЯ НОВОСТИ.

Торговый домъ „ЛУВРЪ" получилъ модели всѣхъ послѣднихъ новостей для весенняго сезона, какъ-то: **конфексіоны, костюмы, капоты, матинэ, ватерпруфы, мантильи,** также большое количество тканей: шелковыхъ и шерстяныхъ, кружевъ, бѣлья для приданаго, чепчиковъ, цвѣтовъ, перьевъ.

ОТДѢЛЪ костюмовъ и конфексіонъ представляетъ несравненный выборъ новѣйшихъ моделей по цѣнамъ, недопускающимъ никакой конкуренціи.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ,

имѣющій всѣ принадлежности дамскаго туалета послѣдней моды.

БОЛЬШАЯ ФАБРИКА ШЛЯПЪ. ОТПРАВКА ВЪ ПРОВИНЦІЮ ПО ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ. № 241

Дозвол. цензур., СПБ. 4 марта 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса. Ср. Подъяч., д. 1.

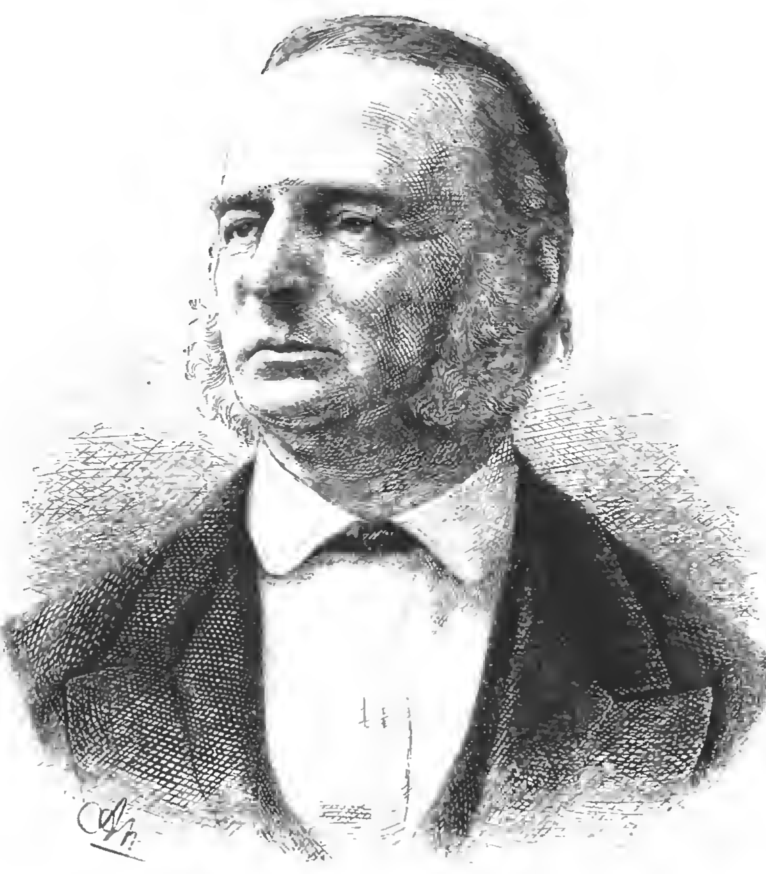
XVIII г. | г. XVIII
№ 11 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 14 марта 1887 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

О. В. Струве.

8-го февраля, въ Пулковской обсерваторіи, близъ Петербурга, праздновался двойной юбилей директора ея, Оттона Васильевича Струве—пятидесятилѣтіе его государственной ученой службы и двадцатипятилѣтіе директорства его въ Пулковской обсерваторіи. Много чествователей собралось поздравить ученаго юбиляра, не смотря на затрудненія переѣзда изъ столицы въ деревню Пулково, отстоящую, какъ извѣстно, на 17 в. отъ Петербурга. Государь Императоръ, въ уваженіе ученыхъ заслугъ и долговременной службы О. В. Струве, пожаловалъ ему чинъ дѣйств. тайн. совѣтника. Академія наукъ привѣтствовала его какъ своего члена. Получена была масса телеграммъ отъ ученыхъ обществъ и лицъ, какъ изъ разныхъ мѣстъ Россіи, такъ и изъ-за границы. Телеграммы были и отъ Ихъ Имп. Выс. В. К. Алексія Александровича и Вел. Кн. Екатерины Михаиловны, отъ президента Академіи Наукъ, отъ министра иностранныхъ дѣлъ, министра путей сообщенія и друг. высокопоставленныхъ лицъ. СПБ. университетъ привѣтствовалъ юбиляра какъ одного изъ знаменитѣйшихъ астрономовъ нашего времени. Дерптскій университетъ почтилъ юбиляра званіемъ доктора астрономіи.

50-ти-лѣтній юбилей. Астрономъ О. В. Струве. Рис. и грав. Нейманъ.

Заслужившій такое широкое признаніе, почтенный юбиляръ сталъ директоромъ Обсерваторіи лишь съ 1862 г., а до этого былъ отецъ его, В. Я. Струве, который въ 1852 г. опасно заболѣлъ. Обсерваторіей временно сталъ управлять сынъ его, О. В. Струве, и затѣмъ Академія наукъ утвердила его въ 1862 г. въ званіи директора учрежденія.

О. В. Струве родился въ 1819 году въ Дерптѣ. Первоначальное воспитаніе получилъ онъ въ мѣстной гимназіи, а затѣмъ окончилъ курсъ въ Дерптскомъ университетѣ. Пробывъ сначала три года помощникомъ директора тамошней обсерваторіи, О. В. назначенъ былъ при основаніи Пулковской обсерваторіи въ 1839 году вице-директоромъ послѣдней. Въ 1840 году онъ

сдалъ въ СПБ. университетѣ экзаменъ и защищалъ извѣстную диссертацію свою „О движеніи солнечной системы“ (удостоенную впослѣдствіи золотой медали Лондонскаго Королевскаго астрономическаго общества) и получилъ отъ СПБ. университета степень магистра астрономіи и геодезіи. Затѣмъ О. В. назначенъ былъ совѣщательнымъ астрономомъ военно-топографическаго депо, а черезъ 6 лѣтъ на ту же должность въ гидрографическій департаментъ. Обѣ эти обязанности онъ исполнялъ до 1862 г., когда, какъ мы сказали, онъ былъ утвержденъ директоромъ Пулковской обсерваторіи. Международное астрономическое общество предложило въ 1868 году Струве быть его президентомъ и съ тѣхъ поръ онъ постоянно избирался въ это званіе. Изъ многочисленныхъ и разнообразныхъ ученыхъ трудовъ его упомянемъ „О хронометрическихъ экспедиціяхъ внутри Имперіи“, „О системѣ Сатурна“, „О массахъ спутниковъ Урана и Нептуна“, „О вычисленіяхъ паралаксовъ звѣздъ“, и мн. др. Главный же и долголѣтній трудъ О. В., начатый имъ еще въ Дерптѣ и нынѣ лишь оконченный „Наблюденія двойныхъ звѣздъ“, изъ которыхъ болѣе пятисотъ открыты имъ самимъ, чрезъ посредство большого пулковскаго рефрактора. Такая разнообразная и полезная дѣятельность доставила О. В. Струве почетное и громкое имя какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и во всемъ ученомъ мірѣ. Всѣ академіи наукъ и ученыя общества по физико-математическимъ наукамъ, считаютъ его въ числѣ своихъ членовъ и въ день его юбилея отозвались на празднованіе его поздравительными телеграммами и привѣтами.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Панъ Лауренцкій уже давно предложилъ Цуберкѣ двѣ отличныя, свѣтлыя горницы въ надворномъ строеніи, около его усадьбы. Цуберка несказанно обрадовался и тотчасъ согласился, но Софья внѣ себя возстала противъ этого. Въ первый разъ отъ роду страшно разругала она своего жениха, назвала его простофилей и куликомъ.

Дѣвушка объявила что ни за что не согласится поселиться въ усадьбѣ пана. Послѣ объясненія жениха съ невѣстой, онъ и самъ наконецъ сообразилъ свою наивность.

— И впрямь я простофиля! сознался ганцъ.

Веселье было всеобщее и на всѣ лады. Надъ Цуберкой всѣ шутили изъ-за игры словъ, случившейся въ виду его теперешняго званія жениха, такъ какъ полатышски: пастухъ—ганцъ, невѣста—бруте, а женихъ—брутганцъ!

— Былъ ты Цуберка ганцъ, теперь ты брутганцъ, а чрезъ день будешь опять ганцъ дохабенскій.

Всѣ дѣти, отъ старшаго Антона до маленькой уже трехъ-лѣтней Екатерины, глядѣли весело, забывъ, какъ истыя дѣти и истые себялюбцы, что отецъ пропадаетъ безъ вѣсти и почти для нихъ покойникъ. Одна Марья поминала мужа, постоянно охала и вздыхала, а раза два принималась плакать. Вмѣстѣ съ тѣмъ Марья чуяла, что дочь затѣваетъ что-то особенное.

Панъ Лауренцкій сталъ являться еще чаще, сдѣлалъ два богатыхъ подарка невѣстѣ: подарилъ кафтанъ и сапоги съ шапкой жениху. Все это поразило не одну Марью, а всѣхъ дохабенскихъ обитателей.

Но все это было подозрительно... Однимъ совершенно непонятно: другимъ ясно какъ день. Но эти послѣдніе качали головою, укоризненно поглядывали на Софью и ворчали про себя: „Будь отецъ здѣсь, не пропади Карлусъ, — тогда бы ничего этакого не случилось.“

Наконецъ Марья рѣшилась замѣтить дочери:

— Бѣдокуришь ты, дочка, чую я... Не наживи себѣ бѣды, не наживи сраму...

— Не бойся мама... весело отвѣчала Софья.

— Не могу не бояться... Чую я, что ты обманываешь..

— Правда, мама, обманываю... Ты угадала. Но только кого, мама?.. Вотъ что! Кого?

— Вѣстимо меня, да и Цуберку. А онъ малый честный и добрый... Это грѣхъ. Знай я такое, не дала бы я тебѣ моего согласія на бракъ съ нимъ.

— Нѣтъ, мама, не догадалась... Но больше я тебѣ ничего не скажу. Не бойся. Не даромъ я для всѣхъ Яункундзе.

— Коли не меня и Цуберку, то кого же ты обманываешь? воскликнула мать.

— Ахъ, мама! Кто же будетъ въ дуракахъ, коли не „велсъ“ (чортъ), т. е господинъ Лауренцкій, которому полста лѣтъ, а умишко, что у новорожденнаго младенца.

Наконецъ, въ тотъ день когда былъ назначенъ полтрѣабендъ, для всѣхъ знакомыхъ, а „брутесъ ваккарсъ“ для невѣсты, Софья ожидала нетерпѣливо подругъ и пріятельницъ не только изъ Дохабена, но и изъ сосѣднихъ деревушекъ, а двухъ очень богатыхъ крестьянокъ изъ Вишекъ Въ избѣ Сковоротскихъ было уже шумно и людно чуть не съ зари.

Въ полдень на дорогѣ изъ Вишекъ показался столбъ пыли. Шибко ѣхали три телѣги. Такая пыль поднимается только отъ праздничной веселой ѣзды или развѣ отъ бѣды какой. О пожарѣ такъ скачутъ извѣстить сосѣдей и просить рабочихъ рукъ, или бочку воды.

— Гости, гости! раздалось повсюду, и въ избѣ Сковоротскихъ, и на улицѣ.

Телѣги крупной рысью приблизились къ околицѣ Дохабена, и весь народъ сразу, какъ по мановенію волшебника, остолбенѣлъ. Кто ахнулъ, а кто замеръ на мѣстѣ безъ звука. Въ трехъ телѣгахъ сидѣли не гости, а сидѣли солдаты-жолнёры.

Передняя телѣга, не останавливаясь, прямо поскакала во дворъ усадьбы пана Лауренцкаго, а двѣ другія поѣхали въ деревушку и остановились посрединѣ улицы.

Москали повыскакали и стали прохаживаться, будто разминая члены, будто давно и издалека пріѣхали и засидѣлись въ телѣгахъ. Ихъ было пять человѣкъ.

Въ телѣгѣ, въѣхавшей во дворъ пана, было еще двое, изъ которыхъ одинъ, съ позументами на кафтанѣ, повидимому офицеръ.

Не прошло получаса, какъ офицеръ со своими солдатами, но въ сопровожденіи самого пана, пѣшкомъ явился на деревню. Панъ Лауренцкій былъ блѣденъ какъ снѣгъ и что-то такое объяснялъ москалю, какъ бы извиняясь или оправдываясь. Москаль-офицеръ отвѣчалъ ему спокойно, вѣжливо, но холодно и сухо.

Придя на деревню, офицеръ крикнулъ остальныхъ солдатъ, и всѣ они, двинувшись, явились на крыльце избы Сковоротскихъ.

Черезъ нѣсколько минутъ въ этой избѣ шелъ отчаянный вой. Слышались рыданія Марьи и Софьи, безсмысленный ревъ маленькихъ дѣтей, а около избы ревѣли и подвывали разныя крестьянки, молодыя и старыя.

Мужчины толпились на улицѣ, но близко къ избѣ не подходили, изъ боязни попасть въ бѣду. Всѣ поголовно были перепуганы, отъ пана до послѣдняго парнишки. Никто не понималъ за что и почему стряслась бѣда, но всѣ конечно понимали нѣчто общее между этими гостями и исчезновеніемъ Карлуса, а равно съ появленіемъ годъ назадъ сыщиковъ, которые уговаривали Марью ѣхать къ мужу со всѣми дѣтьми.

На этотъ разъ уже не чиновникъ бергъ-коллегіи въ простомъ кафтанѣ, а настоящій офицеръ, съ настоящими солдатами, вооруженными саблями и огнестрѣльнымъ оружіемъ, уже не разсуждали съ Марьей. Они явились арестовать всю семью Сковоротскихъ „за продерзостныя рѣчи и противное законамъ поведеніе“.

Напрасно панъ Лауренцкій выбивался изъ силъ, объясняя офицеру, что Сковоротскіе ни въ чемъ не виноваты, ни въ какихъ преступленіяхъ не замѣчены. Напрасно Марья валялась въ ногахъ офицера, умоляя не губить ее. Москали остались непреклонны.

Наконецъ офицеръ, уставшій съ пути, потерялъ терпѣніе и, возвысивъ голосъ, выговорилъ пану Лауренцкому:

— Послушайте, панъ, вы дворянинъ, человѣкъ болѣе по своему состоянію толковый и понятливый. Они, мужики и бабы—люди темные, ничего не поймутъ!.. А вы то можете понять!. Такъ поймите же, что у меня указъ государскій! Пріѣхалъ я не за двѣ версты, а можетъ и за двѣсти верстъ, затѣмъ чтобы арестовать всю семью Карлуса Сковоротскаго: жену и дѣтей его... Неужели же вы думаете, что я теперь указъ начальства могу изорвать и, послѣ вашихъ увѣреній, выѣду отсюда опять одинъ со своими солдатами... Стало быть нечего разговаривать и нечего ревѣть на всю округу. Вы, панъ, ступайте къ себѣ въ усадьбу. Мнѣ нужно было только предупредить васъ, а теперь вы мнѣ ни на что не нужны... Ты же со своими дѣтьми скорѣе собирайся! Бери кое-какіе пожитки, а остальное конечно все брось.

Панъ Лауренцкій, совершенно растерянный, какъ бы растерзанный на части своими собственными различными ощущеніями, былъ самъ не свой и, казалось, ничего ясно не понималъ. У него въ головѣ прыгали сто рублей, которые ему когда-то предлагалъ чиновникъ бергъ-коллегіи, прыгали и 500 руб., о которыхъ говорилъ ксендзъ, прыгала красивая Софья и полтрабендъ, и свадебный поѣздъ, и вѣнчанье, и всякія мечты, соединенныя съ этой свадьбой. И только могло вполнѣ разбудить его довольно грозное восклицаніе офицера: „Ступай панъ отъ бѣды домой!.. Нечего тебѣ тутъ дѣлать!“

Тогда панъ выкатился изъ избы Сковоротскихъ и пустился домой.

XXI.

Между тѣмъ, на противоположномъ концѣ Дохабена собралась толпа крестьянъ и среди нихъ, головою выше всѣхъ, громко говорилъ и отчаянно махалъ руками богатырь Цуберка. Онъ умолялъ односельцевъ не выдавать Сковоротскихъ, не выдавать его невѣсту офицеру, схватить каждому что попало въ руки, хоть кочергу, хоть простое дубье и прогнать москалей.

Нѣкоторые поддавались уже на это наущеніе, большинство же стояло молча, угрюмо потупившись въ землю, и не только не двигалось, но прислушивалось къ рѣчамъ Цуберки, какъ прислушиваются къ журчанью ручья.

„Пускай себѣ надрывается, думали они. Дѣло понятное: парню горько такое приключеніе“.

— Вотъ тебѣ и полтрабендъ! думала и горевала молодежь.

Видя что ничего подѣлать нельзя, Цуберка отчаянно махнулъ рукою, горько заплакалъ и, утирая большущими кулаками свое румяное и полнощекое лицо, быстро двинулся къ избѣ Сковоротскихъ.

Разыскавъ офицера, который сидѣлъ въ отдѣльной горницѣ, въ ожиданіи сборовъ, латышъ бросился ему въ ноги и сталъ просить захватить и его вмѣстѣ со Сковоротскими.

— Это почему!? изумился офицеръ.

— Я женихъ...

— Чей?

— Ея... Софьи.

— Красавицы-то этой?

— Да. Черезъ нѣсколько дней наша свадьба должна бы быть.

Офицеръ покачалъ головой.

— Ну и хорошее дѣло, братецъ, что свадьба не состоялась. Нѣшто можно, чтобы такая удивительная красавица сдѣлалась женою такого пучеглазаго филина, какъ ты.

И офицеръ началъ смѣяться и шутить.

Цуберка стоялъ на колѣняхъ и усердно кланялся, повторяя: „возьмите меня“.

— Глупый! Думаешь ты, что я могу этакъ кого захочу, того и арестовывать... Я беру кого мнѣ указано!.. Ты мнѣ не указанъ и въ бумагѣ не прописанъ.

— Такъ я самъ за вами поѣду.

— Это твое дѣло... Только, братъ, далеко ѣхать.

— А какъ далеко?

— Поѣдешь, увидишь... А сказать я не могу. Но полагаю, что не доѣдешь.

— А почему же это?

— Да потому, что у тебя и денегъ не хватитъ доѣхать.

— Сто верстъ будетъ, панъ?

— Можетъ и триста, можетъ и больше... А если захочешь ты вѣки вѣчныя за Софьей ѣздить, то, пожалуй, двѣ, три тысячи верстъ наѣздишь... Ей, я чаю, еще много путешествовать придется.

— Что-жъ!.. Я поѣду. Столько проѣду, сколько Богъ положитъ... снова заливаясь слезами, выговорилъ богатырь.

— Верстъ тридцать проѣдешь, вѣстимо...

Офицеръ невольно снова разсмѣялся. Потѣшенъ былъ этотъ богатырь, плачущій какъ младенецъ.

— Какъ тебя зовутъ?

— Цуберка.

— Цуберка? Цуберка... И имя-то словно собачья кличка. Ну что-жъ, поѣзжай за нами. Этого я запретить тебѣ не могу. Только говорю тебѣ: отстанешь. На весь нашъ путь и алтынъ у тебя не хватитъ... Ну, а покуда уходи: мнѣ отдохнуть надо.

Офицеръ собрался укладываться спать на той же лавкѣ, гдѣ и сидѣлъ, но предварительно велѣлъ солдатамъ смѣняться въ дверяхъ, въ качествѣ часовыхъ. „Чего добраго, думалъ онъ, соннаго-то и убьютъ... Это вѣдь дикари“.

Цуберка хотѣлъ пройти въ горницу, гдѣ, плача и охая, собирали кое-какіе пожитки Марья и ея дѣти, но солдаты не пустили его.

Пастухъ вышелъ на улицу и остановился невдалекѣ отъ дома Сковоротскихъ, разведя руками и не зная что дѣлать: ѣхать онъ собрался всей душой, но на чемъ? Гдѣ достать лошадь и телѣгу?.. Даже хоть бы и одну лошадь... Кто же дастъ ему коня, чтобы скакать неизвѣстно куда за московскими солдатами?.. Нанять не на что было.

Въ это самое мгновеніе, когда Цуберка уже рѣшилъ что ему остается только одно: повѣситься на первомъ же попавшемся суку какого нибудь дерева, къ нему опрометью подбѣжалъ мальчуганъ, казачекъ Лауренцкаго.

— Панъ тебя зоветъ... Живо... Къ себѣ! крикнулъ казачекъ. Я тебя вездѣ разыскивалъ... Живо, скорѣе!.. Панъ требуетъ.

Цуберка грустно побрелъ въ усадьбу.

— Живо, живо!.. понукалъ его казачекъ. Дѣло важнѣющее... Объ Сковоротскихъ.

Эти слова заставили Цуберку прибавить шагу, и, наконецъ, пуститься даже рысью.

Дѣйствительно, панъ разыскивалъ Цуберку, чтобы дать порученіе, отъ котораго сразу засіяло лицо бобыля, засверкали добрые, голубые глаза.

Панъ предлагалъ Цуберкѣ тайкомъ ѣхать, чтобы прослѣдить куда повезутъ Сковоротскихъ, а главнымъ

Всемірный книжный рынокъ. Видъ города Лейпцига.

1) Іоанновскій пріютъ. 2) Памятн. Лейбница. 3) Панорама. 4) Лебединый прудъ и Новый театръ. 5) Памятн. реформаціи. 6) Зданіе Главн. почтамта. 7) Зданіе Верхн. Палаты. 8) Музей. 9) Церковь св. Николая. 10) Католич. церковь. 11) Плейсенская башня. 12) Ратуша. 13) Церковь Лютера. 14) Биржа. 15) Новый конц. залъ. 16) Церковь св. Петра. 17) Площадь Августа. 18) Фонтанъ Менде.

образомъ Софью. Панъ предлагалъ денегъ ему въ награду, а объ коняхъ съ телѣгой и говорить нечего—они были уже на-готовѣ.

— Если ты мнѣ узнаешь куда отвезли Софью и вернешься съ докладомъ—я тебя озолочу! сказалъ Лауренцкій.

Цуберка ошалѣлъ отъ радости. И какъ не былъ простоватъ малый, однако промолчалъ о томъ, что самъ собирался скакать за невѣстой, промолчалъ и о томъ, что таиться ему отъ офицера не придется, не нужно, такъ какъ онъ имѣетъ его согласіе и дозволеніе.

Между тѣмъ, молодежь: крестьянки и парни, съѣзжавшіеся изъ разныхъ деревушекъ на брутесъ ваккарсъ и полтрабендъ, подъѣзжали къ избѣ Сковоротскихъ и тотчасъ отъѣзжали, почти шарахались прочь, какъ галки и вороны отъ огороднаго пугала, или какъ пташки, завидя ястреба.

Разумѣется, большая часть гостей поворачивала оглобли тотчасъ же и мчалась вонъ изъ Дохабена домой. Нѣкоторые заѣзжали къ другимъ крестьянамъ, узнать въ чемъ дѣло. Сумятица была во всѣхъ домахъ, во всѣхъ семьяхъ. Теперь уже всѣ поняли что Марью съ дѣтьми увезутъ туда же, куда увезли Карлуса. Хорошо если они свидятся съ нимъ, а можетъ быть его уже и на свѣтѣ нѣтъ.

Въ то же время Марья, переставъ плакать, усердно увязывала узелки и наполняла два ящика всякой рухлядью. Одинъ изъ солдатъ, говорившій по-польски, объяснилъ ей и поклялся, что никакой бѣды ей и дѣтямъ ея у нихъ не будетъ. На вопросъ Марьи: увидится ли она съ мужемъ, солдатъ, даже не знавшій, что есть у этой женщины мужъ, отвѣчалъ наугадъ:

— Разумѣется. Какъ пріѣдешь, такъ и увидишься. Онъ васъ ждетъ.

Этой ложью солдатъ сдѣлалъ то, что не могъ бы сдѣлать никакой приказъ офицера.

Марья и старшія дѣти начали живо собираться, перестали охать и выть и черезъ два часа были совершенно готовы въ путь.

Изъ одной телѣги были вынесены и брошены въ сѣняхъ три пары тяжелыхъ кандаловъ. Не мало народа перепугали эти кандалы. Антонъ Сковоротскій, завидя ихъ въ сѣняхъ, тоже помертвѣлъ отъ страха.

Когда все было готово, телѣги снова запряжены, офицеръ, выспавшись, вышелъ на крыльцо.

— Прикажете надѣвать на нихъ? спросилъ одинъ изъ солдатъ, указывая на цѣпи.

— Кой чортъ!.. Зачѣмъ... Убирай!.. отозвался офицеръ. Зачѣмъ вытащилъ... Только народъ перепугалъ. На нихъ и бичева не нужна, не только кандалы.

Черезъ полчаса всѣ солдаты, офицеръ, Марья, красавица-дѣвушка, дѣти, взрослыя и маленькія—всѣ размѣстились на трехъ телѣгахъ и тронулись въ путь.

Панъ Лауренцкій стоялъ на балконѣ своего дома неподвиженъ, какъ истуканъ, и злобно глядѣлъ на выѣзжавшихъ.

Телѣги шагомъ выѣхали изъ деревушки, провожаемыя всѣми обывателями, но молча, безъ единаго слова напутствія. Когда солдаты съ арестованными скрылись среди мелколѣсья и кустарника, со двора усадьбы выѣхала маленькая телѣжка съ парой сильныхъ, сытыхъ коней. Въ телѣжкѣ сидѣлъ Цуберка, веселый, счастливый и радостный. Онъ весело раскланивался направо и налѣво, какъ еслибы ѣхалъ въ храмъ—вѣнчаться съ возлюбленной.

— Дурень! Куда собрался! восклицали многіе. Тебѣ тамъ москали голову отрубятъ.

XXII.

Почти одновременно съ пріѣздомъ семьи Енриховыхъ въ Ригу, въ вотчинѣ старостихи Ростовской появился нечаянный гость, саксонскій офицеръ съ денщикомъ.

Нѣмецъ, пріѣзжій, какъ говорилъ онъ, почти прямо изъ Дрездена, искалъ купить имѣніе.

Сначала панна была очень удивлена, узнавъ отъ гостя, что ему гдѣ-то будто бы сказали, что она продаетъ свою вотчину. Дѣлать это она не собиралась никогда за всю свою жизнь. Не смотря на это недоразумѣніе, на положительный отказъ Ростовской старостихи и на то, что по близости, въ сосѣдствѣ не было никакого продающагося имѣнія, саксонскій офицеръ попросилъ позволенія, жалуясь на боль въ ногѣ, остаться у помѣщицы дня на два.

Онъ былъ чрезвычайно любезенъ и говорливъ, разсказывалъ всякія исторіи и вообще съумѣлъ такъ подладиться подъ крутой правъ панны, что она нехотя согласилась на его пребываніе.

Но панна была женщина дальновидная и хитрая. Со времени своей бесѣды съ Дирихомъ и извѣстія, принесеннаго имъ о пропажѣ внезапной и загадочной Карлуса Сковоротскаго, панна ожидала точно такой же пропажи семьи Якимовичевыхъ. Поэтому на всякую личность, являвшуюся не только въ ея вотчинѣ, но и въ околоткѣ, панна смотрѣла подозрительно.

„Меня не проведешь, какъ Лауренцкаго!“ думала она.

Неожиданное прибытіе саксонскаго офицера съ денщикомъ, предлогъ посѣщенія крайне неудачно выбранный, разумѣется заставили панну зорко приглядываться къ гостю и къ его денщику.

Черезъ сутки оказалось, что офицеръ, говорившій съ акцентомъ по-польски, еще того хуже говоритъ по-нѣмецки.

— О-го-го! произнесла панна, узнавъ, что нѣмецъ не знаетъ собственнаго своего языка.

Къ вечеру денщикъ офицера былъ угощенъ однимъ изъ дворовыхъ панны и, выпивъ не малое количество вина, сознался, что онъ и офицеръ такіе же нѣмцы, какъ и турки. Баринъ его русскій офицеръ изъ Риги, а онъ солдатъ, родомъ костромичъ.

Старостиха, конечно, рѣшительно и властно, тотчасъ потребовала объясненія отъ своего гостя. Она попросила офицера прямо и просто сказать зачѣмъ онъ пріѣхалъ и зачѣмъ, будучи москалемъ, рядится въ саксонцы.

Офицеръ, взятый врасплохъ, конечно, поневолѣ сознался и объяснилъ паннѣ цѣль своего посѣщенія. Онъ явился узнать навѣрное, кто такіе Якимовичевы, находящіеся у панны въ крѣпостной зависимости.

— Тутъ никакой тайны нѣтъ, отвѣтствовала на это старостиха важно и спокойно.

Офицеръ попросилъ разузнать кой-какія подробности и старостиха охотно предложила ему позвать Анну и самому все у ней выспросить.

Такъ и было сдѣлано.

Явившаяся на вызовъ барыни, Анна подробно передала офицеру слово въ слово то же самое, что когда-то Христина передавала самой императрицѣ.

Она разсказала все о своемъ происхожденіи, о покойныхъ родныхъ, объ судьбѣ младшей сестры Марты, взятой на воспитаніе теткой въ Крейцбургъ.

Выспросивъ все, московскій гость объяснилъ, что онъ офицеръ Пасынковъ, посланъ рижскимъ военнымъ губернаторомъ для того, чтобы предложить паннѣ-старостихѣ продать всю семью Якимовичевыхъ.

— Съ большимъ удовольствіемъ, отозвалась панна, сіяя лицомъ, и объявила, что если господинъ Пасынковъ уплатитъ ей тысячу рублей—то можетъ тотчасъ взять съ собою все семейство.

Пасынковъ хотѣлъ вскрикнуть эти два слова: „тысячу рублей“—но у него даже на восклицаніе это не хватило силы. Настолько онъ былъ пораженъ.

— Можетъ быть панна хочетъ сказать: тысячу злотыхъ польскихъ?.. вымолвилъ Пасынковъ. Но эта сумма огромная...

— Нѣтъ, господинъ офицеръ, не тысячу злотыхъ, а тысячу русскихъ новыхъ серебряныхъ рублей... А въ каждомъ такомъ рублѣ два злотыхъ.

— Но вѣдь это страшная цѣна!.. воскликнулъ Пасынковъ.

— Цѣна, согласна я, особенная, изрядная... смѣясь, созналась панна-старостиха. Но вѣдь и крестьянка моя тоже особенная... Я думаю, стоялъ свѣтъ и будетъ стоять, а такая крестьянка крѣпостная продаваться не будетъ... Весь свѣтъ обойди, не найдешь такой холопки.

При этомъ панна весело улыбалась и, какъ показалось Пасынкову, немножко насмѣшливо.

Офицеръ не нашелся ничего отвѣчать. Онъ помолчалъ, опустивъ голову, и затѣмъ выговорилъ:

— Такой суммы рижскій губернаторъ дать не можетъ... Даже половины этой суммы онъ дать не можетъ.

— Ну, что-жъ... Какъ ему будетъ угодно!.. отозвалась старостиха. Мое добро при мнѣ и останется.

Пасынковъ началъ было уговаривать и усовѣщевать старостиху, но она отмахнулась рукой и объяснила:

— Не люблю я, панъ офицеръ, изъ пустого въ порожнее переливать. Ты пріѣхалъ ко мнѣ покупать—я продавать согласна, цѣну назначила, ты ее дать не можешь... Ну стало быть и разговору конецъ.. Велю я закладывать твоихъ лошадей, и милости просимъ со двора долой.

Офицеръ поднялся нѣсколько разсерженный и невольно пригрозился:

— Вѣдь ты, панна, можешь Якимовичевыхъ зря, даромъ лишиться. Такъ лучше бы брала благоразумную цѣну.

— Какъ же это такъ, зря? вымолвила старостиха и при этомъ уперла руки въ боки.

—Пришлютъ сюда команду солдатъ и велятъ у тебя просто отобрать всю семью даромъ.

— Вотъ какъ! воскликнула насмѣшливо панна. Страсти какія... Панъ офицеръ забылъ видно, что онъ не Россіяхъ и что я подданная короля польскаго. Онъ самъ знаетъ, что силой взять у меня моихъ крѣпостныхъ онъ не можетъ.. А если бы могъ, то и торговаться бы не сталъ: прямо бы захватилъ всѣхъ и увезъ.

Пасынковъ тотчасъ собрался и выѣхалъ отъ старостихи, но однако успѣлъ черезъ денщика своего дать знать Аннѣ, что въ ту же ночь онъ будетъ ждать ее для переговоровъ въ сосѣднемъ оврагѣ, верстахъ въ пяти отъ поселка старостихи.

Остановившись въ одной деревушкѣ, въ назначенное время Пасынковъ отправился одинъ въ этотъ оврагъ и среди ясной ночи увидѣлъ фигуру крестьянки.

— Ну, вотъ и слава Богу! вымолвилъ офицеръ. Теперь сядемъ и потолкуемъ.

Пасынковъ объяснилъ крестьянкѣ, что ей предстоитъ перемѣна ея участи, конечно къ лучшему, что ея сестра и братъ съ семьями уже находятся въ Ригѣ, а другого брата разыскиваютъ вездѣ—но тщетно. При этомъ Пасынковъ разъяснилъ Аннѣ, что дѣло, по отношенію къ ней, особенно мудрено.

Купить семейство крестьянъ у панны за такую безумную цѣну, рижскій губернаторъ не имѣетъ возможности, а взять всю семью насильно, явившись съ командой солдатъ, русское начальство не можетъ ради огласки и ради государственныхъ замѣшательствъ. Слѣдовательно, Якимовичевымъ остается только одно—бѣжать.

На счастье офицера, Анна оказалась женщиною умная и рѣшительная. Она сразу все сообразила и на все согласилась. Бояться русскаго правительства Аннѣ казалось смѣшнымъ и безсмысленнымъ. Вѣдь не для казни же завлекаетъ ихъ русская царица.

Гонецъ Репнина и крѣпостная старостихи сговорились. День бѣгства и мѣсто свиданія было условлено: чрезъ пять дней, въ лѣсу, недалеко отъ усадьбы Ростовской.

Но панна была барыня продувная. Съ минуты отъѣзда русскаго офицера она ни на одно мгновеніе не оставила Якимовичевыхъ безъ надзора, а вмѣстѣ съ тѣмъ и виду не подавала имъ. Такимъ образомъ панна знала отъ своихъ домашнихъ соглядатаевъ, что Анна, въ первую же ночь по отъѣздѣ москаля, отлучалась изъ дому и вернулась только на зарѣ.

Этого было достаточно, и старостиха поняла, что затѣвается нѣчто... А это нѣчто могло быть лишь одно: бѣгство или похищеніе.

— Ладно... сказала старостиха. Дорого ты, москаль, заплатишь за свою дерзость. Шкуру въ моей берлогѣ оставишь!

Затѣмъ въ продолженіе послѣдующихъ дней за Якимовичевыми тщательно наблюдали приставленные люди.

Не трудно было замѣтить особенное, какъ бы загадочное выраженіе лица крестьянки; нѣсколько тревожное, смущенное лицо Михайлы и особенно оживленное, веселое и радостное лицо ихъ старшаго, уже пятнадцатилѣтняго сына. Вдобавокъ, балованный малый, къ несчастію посвященный матерью въ тайну всего дѣла, сказалъ нѣсколько словъ одному изъ своихъ пріятелей. А эти слова побѣжали по деревнѣ и добѣжали до слуха панны.

Юный Якимовичъ сказалъ, что онъ съ тятей и съ мамой черезъ нѣсколько дней уже не будетъ мужикомъ, а будетъ богатымъ городскимъ жителемъ.

Въ то самое время, когда, пользуясь темнотою вечера, семья Якимовичевыхъ двинулась съ маленькими узелками черезъ огороды, по направленію къ сосѣднему лѣсу, шесть человѣкъ батраковъ панны, съ дубьемъ и даже съ топорами, двинулись на двухъ телѣгахъ по другой дорогѣ въ объѣздъ, но въ тотъ же лѣсъ.

Панна дала приказаніе своимъ крѣпостнымъ не выдавать ее, просила послужить ей вѣрой и правдой, и въ то же время дала разрѣшеніе „всячески“ напасть на москаля какъ на разбойника.

XXIII.

Въ густомъ лѣсу, верстъ за семь отъ всякаго жилья, и среди ночи, какъ московскій офицеръ, такъ и семья Якимовичевыхъ одинаково попали въ устроенную старостихой западню.

Офицеръ имѣлъ наивность явиться лишь вдвоемъ со своимъ денщикомъ и лишь совершенно случайно, въ качествѣ кучера на другой телѣгѣ, взялъ съ собою подростка-парня, латыша.

Пасынковъ явился первый на мѣсто,—небольшую лужайку около столбовой дороги, и сталъ ждать.

Среди тишины ночи, ему послышался невдалекѣ какой-то шумъ, трещалъ хворостъ въ чащѣ, даже послышался будто чей-то голосъ. На замѣчаніе Пасынкова, парень-латышъ объяснилъ, что тутъ такая глушь, что и днемъ никого не бываетъ, не то что вечеромъ или ночью. Большая дорога пуста, а въ чащѣ что же можетъ быть... Медвѣдь развѣ, такъ онъ на нихъ не полѣзетъ...

Черезъ полчаса времени, среди той же чащи, на тропинкѣ показались крестьяне—мужикъ, за нимъ женщина и трое мальчишекъ.

— А!.. Вотъ они... Слава Богу! невольно воскликнулъ Пасынковъ.

Встрѣтившись и поздоровавшись съ крестьянами, офицеръ тотчасъ вспомнилъ объ старостихѣ и пошутилъ:

— Вотъ тебѣ и тысяча рублей!.. Брала бы дура сто злотыхъ. А теперь останется съ шишемъ.

Всѣ пошли къ телѣгамъ, чтобы разсаживаться, но въ тоже мгновеніе, съ того самаго мѣста, гдѣ слышался офицеру трескъ хвороста, выскочило шесть дюжихъ вооруженныхъ крестьянъ. Пасынковъ успѣлъ обнажить саблю и крикнулъ своимъ: „не выдавай!“ Но оба спут-

ника его: безоружный солдатъ-денщикъ, молодой латышъ, и вся семья Якимовичевыхъ—всѣ отскочили въ сторону и разсыпались.

Двое крестьянъ кинулись догонять прежде всего Михайлу и вскорѣ повалили его на землю, третій схватился за Анну, а остальные трое съ яростью бросились на офицера.

Латышъ исчезъ совсѣмъ, а солдатъ появился снова съ корягой въ рукахъ, на помощь къ барину-офицеру. Но только раза три или четыре удалось денщику замахнуться своей корягой. Одинъ изъ крестьянъ, словившихъ Михайлу, явился на подмогу товарищамъ и однимъ ударомъ ножа въ спину повалилъ денщика на землю. Ударъ былъ такъ силенъ, что ножъ пронзилъ солдата насквозь.

Въ нѣсколько мгновеній бой окончился. Двое крестьянъ были ранены саблей офицера; но затѣмъ самъ онъ, получивъ нѣсколько ударовъ дубиной въ голову и два страшные удара какимъ-то оружіемъ, повалился безъ сознанія на траву, обливаясь кровью.

Крестьяне, осмотрѣвъ побѣжденнаго врага, рѣшили, что онъ готовъ, не дышетъ, и стали разсуждать о томъ, зарыть ли его въ землю или оставить такъ. На это никакого указа панны не было, поэтому старшій изъ мужиковъ рѣшилъ, что надо отправиться домой, спросить приказанія панны и если она прикажетъ, то на другой день пріѣхать и зарыть москаля.

Между тѣмъ, Михайло и Анна были уже давно скручены веревками по рукамъ и по ногамъ.

Телѣги Насыпкова стояли невдалекѣ: но крестьяне, расправившись съ москалемъ, не обратили на нихъ вниманія.

Вся семья Якимовичевыхъ была посажена въ телѣги, на которыхъ пріѣхали крестьяне, и черезъ нѣсколько минутъ поѣздъ побѣдителей и плѣнныхъ уже катилъ по большой дорогѣ, по направленію къ вотчинѣ старостихи Ростовской.

Часа черезъ полтора послѣ отъѣзда ихъ, на томъ мѣстѣ, гдѣ происходила битва, появился въ кустахъ латышъ, но видя на лужайкѣ двухъ недвижно лежащихъ москалей, побоялся даже подойти къ мертвецамъ, и сѣвъ на одну изъ телѣгъ, которая принадлежала ему, вскачь пустилъ коня въ свою деревню. Здѣсь, конечно, разсказалъ онъ все происшествіе и поднялъ на ноги весь народъ.

Поутру на лужайкѣ было уже много народа и мѣстный полицейскій стражникъ. Москаль-солдатъ оказался мертвымъ, холоднымъ, а москаль-офицеръ съ признаками жизни. Ихъ подняли, перенесли въ телѣги и повезли въ деревню.

Въ то же время въ усадьбѣ старостихи Ростовской шла расправа: Михайлу и Анну пороли розгами за побѣгъ. Наказаніе, конечно, было жестокое, но панна строжайше приказала конюху-палачу быть осторожнымъ. Будучи въ духѣ, вслѣдствіе удачнаго окончанія кампаніи, старостиха улыбаясь объяснила, отдавая указъ наказывать Якимовичевыхъ:

— Поучи хорошенько, но осмотрительно—они дорогіе... Я на нихъ выкупъ цѣлую вотчину себѣ куплю... Избави Боже, запорешь на смерть—я тебя самого тотчасъ же запорю.

Это дипломатическое порученіе палачу, чтобы наказаніе было и жесточайшее, и не смертельное, было исполнено имъ въ точности. Михайлу въ самомъ жалкомъ видѣ, а Анну совершенно безъ сознанія, отнесли на рукахъ въ ихъ избу.

Черезъ нѣсколько дней, когда наказанные нѣсколько оправились, ихъ, по приказанію старостихи, вмѣстѣ съ тремя сыновьями, перевели въ подвалъ подъ усадебнымъ домомъ. Въ единственномъ окнѣ подвала была уже сдѣлана желѣзная рѣшетка, дверь была окована тоже желѣзомъ и на ней навѣшенъ огромный замокъ.

Старостиха, прежде чѣмъ сажать Якимовичевыхъ, сама осмотрѣла мѣсто ихъ заключенія. Она осталась довольна и вымолвила:

— Ну вотъ здѣсь и посидятъ, покуда мнѣ за нихъ не заплатятъ то, что я желаю взять.

Анна стала было умолять помѣщицу не запирать съ нею и мужемъ ихъ троихъ сыновей и оставить ихъ на волѣ, но „рагане“ (вѣдьма) не согласилась.

— Не обманешь, милая. Ихъ тоже могутъ москали увезти, а безъ нихъ за васъ той же цѣны не получишь. Посидятъ твои „лиелы кунги“ (важные господа) и съ тобой.

— Они заболѣютъ въ подвалѣ. Бога ради, панни... молила Анна. Они помрутъ!

Но „рагане“ старостиха только сказала Аннѣ, что когда сыновья начнутъ умирать, чтобы она велѣла ей, паннѣ, доложить.

— Полѣчу, вылѣчу и опять засажу!..

И все лѣто Якимовичевы просидѣли въ подвалѣ въ качествѣ заключенныхъ. Однажды ихъ выпустили, но не ради человѣколюбія, а ради необходимости въ рабочихъ рукахъ. Двухъ младшихъ мальчишекъ, правда, выпускали просто на воздухъ побѣгать; но Михайлу съ Анной и старшимъ сыномъ выпускали только на работу и то въ теченіе не болѣе трехъ недѣль, въ самый разгаръ уборки хлѣба. Затѣмъ ихъ снова заперли.

Подошла осень, а объ московскомъ начальствѣ и вообще объ москаляхъ не было ни слуху, ни духу. Старостихѣ надоѣло имѣть въ домѣ заключенныхъ. Къ тому-же время начиналось сырое и холодное, приходилось или переводить семью въ другое помѣщеніе усадебнаго дома, или отапливать подвалъ. И то, и другое, паннѣ было не на-руку.

Сообразивъ всѣ обстоятельства, старостиха приказала дозволить Якимовичевымъ снова перейти въ ихъ избу.

Между тѣмъ Анна рѣшила, что въ день ихъ освобожденія они должны бѣжать прямо въ Губно, остановиться у брата Дириха, а затѣмъ двинуться далѣе, прямо въ Ригу.

Какъ было ею предположено—такъ было и исполнено; при этомъ очень быстро и ловко.

Когда поутру пришли объявить паннѣ, что Якимовичевы исчезли, панна разослала во всѣ концы верховыхъ искать и ловить бѣглецовъ, но ни въ этотъ день, ни на другой, ни на третій—никто Якимовичевыхъ не настигъ и не видалъ. Даже изъ опросовъ по селамъ и деревнямъ верстъ за пятьдесятъ ничего не выяснилось.

Анна, отъ природы умная и хитрая, озлобленная теперь и наученная опытомъ, перехитрила хитрую старостиху.

Гонцы барыни скакали за сорокъ и болѣе верстъ по околотку, спрашивая вездѣ и разыскивая бѣглецовъ, а семья Якимовичевыхъ скрывалась, не смотря на стужу, въ трехъ верстахъ отъ усадьбы, въ густомъ лѣсу.

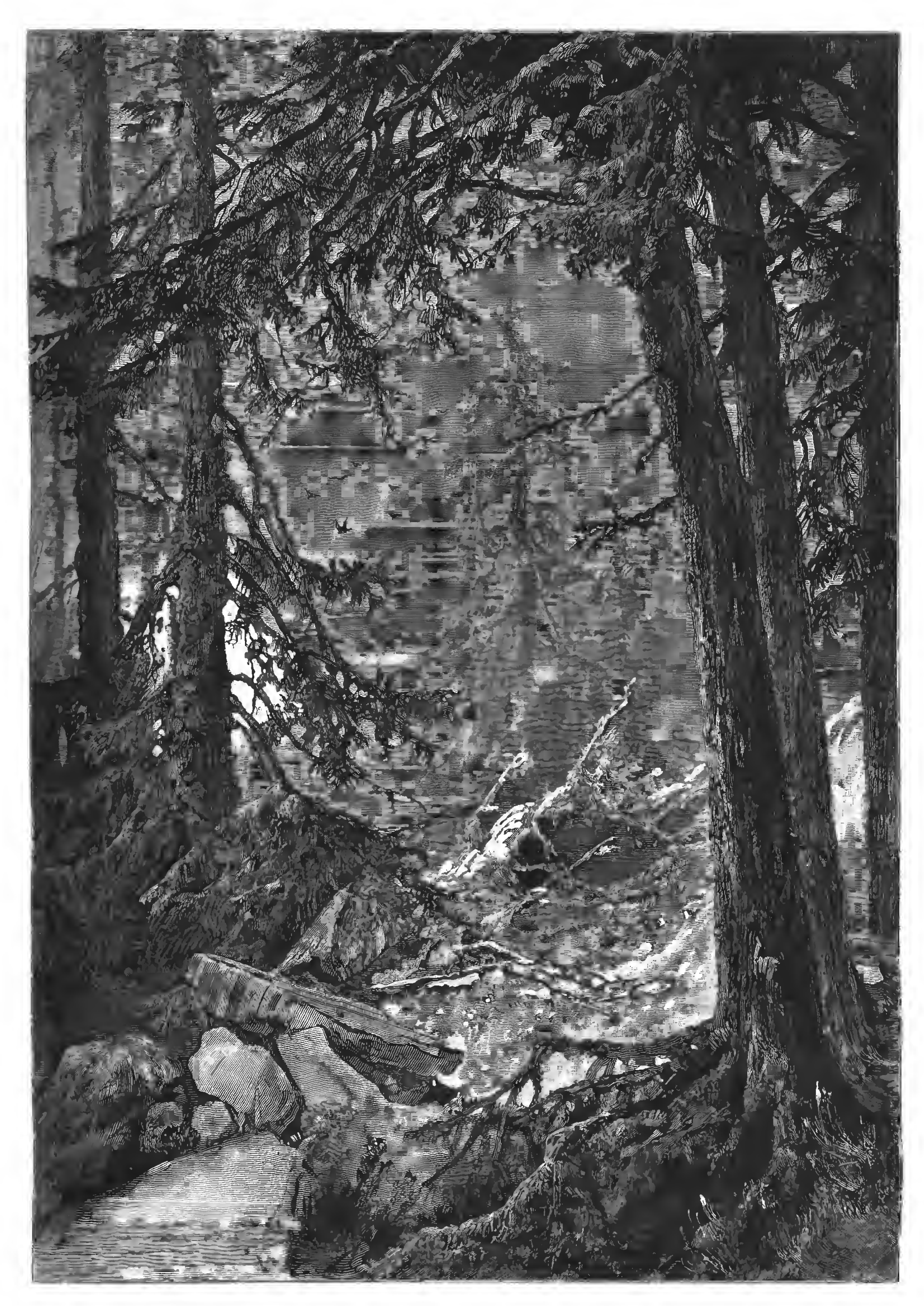
Провизіи, т. е. хлѣба, Якимовичевы захватили достаточно, чтобы недѣлю прожить въ лѣсу, и по близости того мѣста, которое они выбрали, былъ родникъ съ хорошей ключевой водою.

Анна, выходившая въ сумерки на опушку лѣса недалеко отъ большой дороги, два раза видѣла гонцовъ барыни, скакавшихъ и возвращавшихся домой послѣ тщетныхъ поисковъ.

Чрезъ недѣлю, разсчитавъ, что барыня уже бросила поиски, они двинулись въ Губно. Но здѣсь, къ удивленію Анны, никого не оказалось на лицо.

Купецъ хозяинъ объяснилъ, что вся семья Чамараго отлучилась на одинъ день въ гости и пригласилъ Якимовичевыхъ занять помѣщеніе ихъ родственника.

Но черезъ нѣсколько часовъ послѣ прибытія ихъ, явилось мѣстное начальство и объявило ихъ арестованными.

Лѣсная глушь. Рис. Н. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій. 2

Въ первыя минуты конечно вся семья перепугалась на смерть, воображая, что ихъ арестуютъ чтобы отвести обратно къ старостихѣ! Но когда выяснилось, что ихъ повезутъ въ Ригу, куда уже отвезенъ Чамарый, оказавшійся Сковоротскимъ, то Анна обрадовалась. Она объяснила начальнику, что бѣжала отъ старостихи съ семьей именно съ цѣлью отдаться въ руки русскаго начальства.

— И хорошее дѣло, отозвался тотъ. Въ Ригѣ вамъ хорошо будетъ... Я доставлялъ туда съ мѣсяцъ назадъ Дириха, и могу сообщить тебѣ, что вашихъ тамъ много.

— Что-же они дѣлаютъ? спросила Анна.

— Живутъ себѣ въ большомъ каменномъ домѣ на казенномъ содержаніи и не тужатъ.

— Въ каменномъ! изумился Михайло.

— Да.

— Да не въ острогѣ же? догадалась Анна.

— Н-нѣтъ, нерѣшительно выговорилъ начальникъ. Но живутъ всѣ въ довольствѣ. Тепло, сытно... И все даровое... Ты не бойся...

Анна промолчала... Ее брало сомнѣніе...

„Въ „каменномъ“ домѣ живутъ... мысленно повторяла она. Ну какъ это „ціатумсъ“ (острогъ)!“

(До слѣд. №).

Мое знакомство съ декабристомъ барономъ Черкасовымъ.

Разсказъ **А. К. Бороздина.**

I.

Годы студенчества моего прошли въ Москвѣ, въ семьѣ внучатной моей сестры Е. Н. Козаковой. По годамъ своимъ она годилась мнѣ въ матери, да и на самомъ дѣлѣ любила меня, какъ родная мать; она и ея мужъ, бездѣтные, видѣли во мнѣ свое дѣтище и спѣшили предупреждать не только мои желанія, но и прихоти.

Въ началѣ пятидесятыхъ годовъ Елизавета Николаевна овдовѣла и вскорѣ навсегда переселилась въ орловскую свою деревню, село Критово, малоархангельскаго уѣзда.

Усадьба у ней была барская, при ней конскій заводъ, славившійся хорошею породою рысистыхъ лошадей; старинный садъ прилегалъ къ дому, выстроенному съ полнымъ комфортомъ, за садомъ былъ громадный прудъ съ мельницей, скорѣе похожій на озеро; все это, при восьмистахъ душахъ крестьянъ и значительной дворнѣ, содержалось въ порядкѣ и болѣе всего скрашивалось самою хозяйкою.

Любезная, гостепріимная, радушная, прекрасная музыкантша и когда-то замѣчательная пѣвица, хорошо владѣющая и кистью, поверхъ всего, Елизавета Николаевна была простая, добрая, умная женщина. Крестьянамъ ея жилось, какъ у Христа за пазухой, и имъ завидовали окольные крестьяне; въ уѣздѣ, среди дворянъ, считалось за особую честь быть съ нею знакомымъ.

Понятно поэтому, что гостить мнѣ въ такомъ родномъ уголкѣ было особеннымъ удовольствіемъ, я навѣщалъ его почти каждое лѣто, знакомъ былъ со многими изъ сосѣдей моей кузины, находилъ между ними людей интересныхъ и высокообразованныхъ и раза два встрѣчался даже у тогдашняго малоархангельскаго уѣзднаго предводителя дворянства, Минха, съ Иваномъ Сергѣевичемъ Тургеневымъ, сосланнымъ въ то время на житье въ свою деревню, за извѣстную статью на смерть Гоголя. Но помимо всего сказаннаго, меня интересовалъ этотъ уголокъ больше всего другою своею стороною, стороной этнографической, народнической: я былъ тогда однимъ изъ немногихъ собирателей народныхъ сказаній. Деревенскіе праздники, свадьбы, посидѣлки, хороводы, сѣнокосы, страды, кабаки, приходскіе праздники сдѣлались излюбленными моими мѣстами экскурсій, въ нихъ я записывалъ пѣсни, причитанья, поговорки, пословицы, прислушивался къ богатой и своеобразной рѣчи народа, затаскивалъ къ себѣ, въ Критово, слѣпцовъ съ поводниками и въ то время когда они пѣли мнѣ свои былины и я ихъ заносилъ въ сборникъ, пріятель мой, живописецъ Н. Н. Кореневъ, гостившій тоже у Елизаветы Николаевны, да и она сама, снимали съ нихъ портреты. Нѣкоторыя изъ этихъ былинъ, въ качествѣ варіантовъ, занесены были впослѣдствіи П. А. Безсоновымъ въ сборникъ, изданный имъ подъ заглавіемъ „Калики перехожіе“, а туда-же попали и портреты моихъ слѣпцовъ, работы Коренева.

Словомъ, я занимался тогда хожденіемъ въ народъ, по мысли и программѣ Петра Васильевича Кирѣевскаго, толкнувшаго въ это дѣло и товарища моего по университету, Павла Ивановича Якушкина, сдѣлавшагося черезъ десятокъ лѣтъ извѣстнымъ собирателемъ сказаній. Занятіе это было въ тѣ времена новинкою и многіе смотрѣли на него не безъ удивленія и сарказма. Нѣкоторые изъ помѣщиковъ, узнавъ о моихъ экскурсіяхъ, хохотали до слезъ: „вотъ что выдумалъ, тѣшится слѣпцами, поющими Лазаря; говорятъ, запрудилъ ими Критово... на мужичьихъ свадьбахъ, свахи смазываютъ ему голову коровьимъ масломъ. N'est ce pas que tout cela est charmant; дворянинъ не находитъ лучшаго занятія! Вотъ вамъ новѣйшее то поколѣніе“. Крестьяне, и въ особенности прекрасный ихъ полъ, больше всего интересовавшій меня своими пѣснями, иногда искоса глядѣли на меня и подозрѣвали въ заднихъ мысляхъ. Чудесная одна запѣвальщица въ хорѣ, хороводница и плясунья, баба лѣтъ тридцати, солдатка Макрина, видя мое ухаживаніе за нею, выражавшееся въ подаркахъ ей бусъ, платка и подобныхъ бездѣлицъ, конечно ради ея пѣсенъ, истолковала его до того превратно, что однажды, спѣвъ мнѣ что-то развеселое, хватила меня въ бокъ кулакомъ и залилась смѣхомъ, при чемъ показала всѣ свои какъ снѣгъ бѣлые зубы, что на языкѣ ея означало признаніе, котораго я вовсе не добивался. Становой тоже, при встрѣчѣ со мной, не упустилъ случая сострить: „изволите пѣсенки записывать,—вы бы пожаловали въ Успенское, тамъ куда какъ хороши дѣвки“ и при этомъ значительно подмигнулъ мнѣ глазомъ. Но всѣ эти экивоки и недоразумѣнія бывали скорѣе исключеніемъ; большинство же относилось къ моимъ занятіямъ сочувственно, образованные люди поняли въ чемъ дѣло, а народъ, цѣня и любя свои сказанія и пѣсни, нисколько не дивился тому, что они мнѣ нравятся и охотно ими со мною дѣлился. Нашлось у меня не мало и помощниковъ и помощницъ— сосѣди Ѳ. В. Б*., барышни Ч* и М*, сама Елизавета Николаевна, всѣ они стали тоже записывать и присылать мнѣ записанное, такъ что сборникъ мой видимо выросталъ.

Въ 1852 году, проведя лѣто въ Критовѣ, я зажился тамъ до глубокой осени. Въ половинѣ октября погода стала портиться, пошли дожди, рамы были уже вставлены, и мы большую часть дня сидѣли въ комнатахъ: Елизавета Николаевна за мольбертомъ, на которомъ писала масляными красками мѣстный образъ Спасителя въ свою сельскую церковь, рядомъ съ нею, на другомъ мольбертѣ, Кореневъ работалъ надъ жанровой картиной, а я классифицировалъ свой сборникъ. По вечерамъ общество наше увеличивалось двумя, тремя сосѣдями, чаще всѣхъ навѣщала насъ одна очень симпатичная и умненькая барынька М*; шла бесѣда, споры, иногда читались журналы, которыхъ выписывалось нѣсколько, иногда переходили и къ музыкѣ. И вотъ въ одинъ изъ такихъ вечеровъ послышался вдругъ колокольчикъ, сталъ приближаться къ дому и черезъ нѣсколько минутъ, послѣ того какъ онъ смолкъ у подъѣзда, дворецкій доложилъ о пріѣздѣ барона Черкасова.

Хозяйка приказала просить и обратилась ко мнѣ: „а ты вѣдь съ нимъ еще незнакомъ, вотъ и прекрасно, тебѣ будетъ сюрпризъ... очень интересный...“

И не успѣла она докончить своей рѣчи, какъ въ комнату влетѣлъ шарообразый, маленькій человѣчекъ лѣтъ пятидесяти, отмѣченный широкою лысиной. Поцѣловать руку у хозяйки, сказать ей нѣсколько привѣтствій на прекрасномъ французскомъ языкѣ, со всѣми нами перезнакомиться, пожать намъ руки и затѣмъ усѣсться въ кресло,—все это было дѣломъ одной, много двухъ минутъ. Я сидѣлъ на диванѣ, противъ него, и потому могъ прекрасно его видѣть и изучать; мнѣ извѣстно было, что онъ декабристъ, въ прошломъ году получившій полное помилованье и вернувшійся въ свое имѣніе; такой человѣкъ не могъ не интересовать меня, и я прежде всего разглядѣлъ его маленькіе, черные глаза, блестящіе, быстрые и вдумчивые; такіе глаза я видѣлъ въ годы юности своей у Лермонтова, котораго тоже зналъ лично.

Разговоръ начался, какъ то бываетъ стереотипно въ деревнѣ,— съ хозяйства. Черкасовъ не жаловался ни на урожай, ни на умолотъ, перешелъ затѣмъ къ разсказу о начатой имъ ремонтировкѣ церкви, жаловался на своего священника, какъ плохого въ этомъ ему помощника, по этимъ работамъ пришлось ему ѣздить въ Орелъ, завела рѣчь о тамошнемъ обществѣ, губернаторѣ и т. д. Его прервалъ дворецкій докладомъ о поданномъ чаѣ; мы перешли въ столовую и тутъ, очутившись за столомъ моимъ сосѣдомъ, онъ заговорилъ со мною:

— А я слышалъ уже о васъ и вашихъ занятіяхъ отъ одной изъ вашихъ помощницъ, милой барышни Софьи Николаевны Ч*. Сочувствую вамъ и желаю успѣха. Давно-бы слѣдовало приняться за это дѣло, народъ нашъ заслуживаетъ изученія. Въ моей скитальческой жизни я видѣлъ его во многихъ мѣстахъ и въ особенности въ Сибири, которую мнѣ привелось исходить и изъѣздить; онъ тамъ почти вездѣ піонеръ и тѣмъ болѣе интересенъ своею смѣтливостью, находчивостью и несокрушимымъ упорствомъ. А богатство его рѣчи изумительно.

Черкасовъ разсказалъ нѣсколько случаевъ и характеристикъ изъ сибирскаго народнаго быта, объяснилъ какое значеніе играетъ въ немъ артель и тайга, рисовалъ самую тамошнюю природу, въ одно и тоже время благодатную и обставленную всѣми возможными естественными преградами къ своей эксплуатаціи. Разсказывалъ онъ такъ мастерски и живо, что мы за-

слушались и не замѣтили, какъ прошло время до ужина, а послѣ ужина, простившись съ хозяйкой, я повелъ гостя къ себѣ на половину, гдѣ все уже было готово къ его ночлегу.

II.

А вы еще не спите, услышалъ я голосъ Алексѣя Ивановича (такъ звали барона Черкасова), въ то время какъ я уже лежалъ въ постели.

— Нѣтъ не сплю, пожалуйте, я очень радъ!

Черкасовъ вошелъ въ халатѣ и усѣлся возлѣ меня въ кресло.

— Отвратительная у меня привычка: не могу засыпать рано; и она завелась у меня на Кавказѣ; состоялъ я тамъ при одномъ генералѣ-полуночникѣ. ложился онъ не раньше трехъ часовъ и вставалъ только въ двѣнадцать.

— Значитъ, дѣла не любилъ.

— О, напротивъ, былъ дѣлецъ, боевой, кипучій. Это было на береговой линіи, тамъ нельзя было спускать рукава, да ужъ такой былъ особенный человѣкъ. Набѣги Д* на горскіе поселки отличались необыкновенной стремительностью и вѣрнымъ расчетомъ, лазутчикамъ платилъ щедро и, при малѣйшемъ обманѣ ихъ, вѣшалъ. Они боялись его какъ огня и служили ему вѣрно, а промежутки военнаго бездѣйствія наполнялись имъ самыми разнообразными занятіями. То мы дулись въ карты, въ преферансъ по полконѣйкѣ, то замѣняли его шахматами, то все это [illegible] кидалось и мы бросались въ чтеніе. Одно время принялись за классиковъ. Тацита онъ читалъ свободно, поэтому [illegible]али и Авла Гелія: по-гречески онъ былъ слабѣе меня и [illegible]лъ меня Анабазисомъ Ксенофонта; читали мы его обло[illegible]лись всевозможными картами, для того чтобы какъ можно [illegible]нѣе понять движенія Кира по Арменіи, краю намъ сосѣднему. Отъ классиковъ перескакивалъ онъ къ Адаму Смиту, отъ того къ Жанъ-Поль Рихтеру, потомъ зачитывались мы и Бальзакомъ. И во всемъ этомъ я ему былъ нуженъ, онъ не могъ безъ меня обходиться и тиранилъ меня неимовѣрно, а все-таки былъ симпатичнѣйшимъ человѣкомъ. Вотъ этотъ-то чудакъ и сдѣлалъ меня самого полуночникомъ.

— А былъ онъ женатый человѣкъ?

— Вотъ въ томъ-то и бѣда, что старый холостякъ. Женщинъ онъ боялся, былъ къ нимъ чрезвычайно почтителенъ, даже застѣнчивъ, подъ-часъ-же крайне любезенъ, сыпалъ комплиментами, смѣшилъ остроумными разсказами и все это дѣлалось у него какъ-то порывисто и въ концѣ концовъ ничего изъ того не выходило.

— Да женщинамъ нравился-ли онъ?

— Еще-бы. Былъ красавецъ

— Такъ чѣмъ-же можно было объяснить такое его чудачество?

— Очень просто. Пуще всего боялся онъ не женщины, а бабы,— а какъ ихъ разъединить одну отъ другой. Свяжись съ женщиной, тотчасъ-же обабишься—и это было для него ножемъ вострымъ.

— И такъ и не обабился.

— Покуда нѣтъ; онъ и теперь постоянно ко мнѣ пишетъ, собирается пріѣхать ко мнѣ въ деревню.

— Скажите, Алексѣй Ивановичъ, а вы долго пробыли на Кавказѣ?

— Слишкомъ четыре года, покуда не заслужилъ солдатскаго Георгія, потомъ прапорщичьяго чина, а тамъ послѣдовало и полное помилованіе.

— И не были ранены?

— Богъ миловалъ.

— Экспедиціи бывали часто?

— Съ генераломъ Д. нельзя было засиживаться безъ дѣла, онъ не дремалъ. Да что, кавказская моя служба была самая пріятная полоса въ моей жизни и я всегда буду вспоминать ее съ особеннымъ удовольствіемъ. Тяжело было то, что ей предшествовало.

Черкасовъ при этомъ какъ-то насупился, опустился въ кресло и смолкъ. Я не смѣлъ его больше разспрашивать.

— Пора-же вамъ наконецъ и на боковую, сказалъ онъ, быстро вставая.

— Помилуйте, да я и не думаю объ этомъ. Бога ради за меня не безпокойтесь, я самъ полуночникъ, въ особенности при такомъ собесѣдникѣ какъ вы.

— Много вамъ благодаренъ.

— Нѣтъ, ей-ей, я и не думаю о снѣ и когда вы пріостановились своимъ разсказомъ, я не смѣлъ просить васъ о его продолженіи; но очень-бы его желалъ.

Черкасовъ взглянулъ на меня въ упоръ, улыбнулся и опустился опять въ кресло.

— Да, порядочно пришлось мнѣ помыкаться: цѣлыхъ четверть вѣка; эпопея не маленькая. Разсказывать ее всю слишкомъ длинно. Въ ссылкѣ моей тяжеле всего были первые годы.—Ухъ! какъ они были тяжелы. Впрочемъ, слушайте.

III.

Учился я въ школѣ колоновожатыхъ Н. Н. Муравьева, получивъ прекрасную подготовку дома. Тогда изученіе древнихъ языковъ входило въ кругъ домашняго курса, по крайней мѣрѣ такъ учились и многіе изъ моихъ товарищей и сверстниковъ, и всѣ мы читали свободно классиковъ. За древними языками шли, кромѣ родного, три новыхъ: французскій, нѣмецкій, англійскій, а за ними математика. Въ школѣ я не выходилъ изъ перваго десятка и выпущенъ двадцати одного года въ свиту. Когда меня арестовали, я былъ уже поручикомъ и служилъ въ южной арміи.

Насъ было двое братьевъ: я и братъ Петръ Ивановичъ. Онъ состоялъ адъютантомъ при отцѣ нашей настоящей хозяйки, и вашемъ дядѣ, Николаѣ Михайловичѣ Бороздинѣ, Бородинскомъ героѣ; брата тоже арестовали, но онъ выкрутился, а я не былъ такъ находчивъ и попалъ въ ссылку.

Когда дѣло было кончено, и на парапетѣ Петропавловской крѣпости свершилась казнь главныхъ виновниковъ, насъ значительною партіей повезли всѣхъ вмѣстѣ въ Сибирь. Чѣмъ дальше удалялись мы отъ Петербурга, тѣмъ яснѣе становилось намъ, что бунтъ на Сенатской площади былъ фактомъ очень мало извѣстнымъ. Россія страшно велика, сообщенія по ней во много разъ хуже были теперешнихъ, глушь была такая, въ особенности въ сѣверныхъ палестинахъ, что только при провозѣ нашей партіи, въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ ее провозили, узнавали впервые о случившемся въ Петербургѣ. Когда-же мы перевалили за Уралъ, въ одномъ изъ небольшихъ городковъ, лежащихъ на нашемъ трактѣ, вышла курьезная и не совсѣмъ-то пріятная исторія.

Городничимъ состоялъ тутъ выслужившійся изъ рядовыхъ, увѣшанный за бывшіе походы орденами, отставной офицеръ, и оказалось, что онъ когда-то былъ фельдфебелемъ преображенскаго полка, въ той самой ротѣ, которою командовалъ тогда князь Трубецкой; городничій узналъ его въ осужденномъ и закованномъ въ кандалы арестантѣ, привезенномъ въ его городъ, не выдержалъ и бросился къ нему съ вопросомъ:

— Вы ли это, ваше сіятельство?

Тотъ, смущенный, кивнулъ ему головой.

Городничій взглянулъ тогда на другихъ арестантовъ, и узнавъ среди нихъ еще два, три лица знакомыхъ, тоже служившихъ при немъ въ преображенскомъ полку, понялъ дѣло совсѣмъ на выворотъ и съ запальчивостью набросился на конвоирующаго насъ офицера.

— Что это значитъ, кого вы ко мнѣ привезли въ кандалахъ? Я этихъ всѣхъ особъ близко знаю; это наши набольшіе князья и бояре. Это какое-то нечистое дѣло. Не попущу его. Унтеръ-офицеръ, обратился онъ къ своему подчиненному, ступай, приведи сюда кузнецовъ, я ихъ всѣхъ раскую.

Можно себѣ представить какой ужасъ навелъ на насъ этотъ старикъ-рыцарь, не понимающій что онъ творитъ. Не малаго труда стоило Трубецкому и другимъ знавшимъ его когда-то, вывести его изъ заблужденія, въ которомъ онъ находился, а когда онъ понялъ въ чемъ дѣло, то горько, горько заплакалъ.

Говорятъ, когда все это было донесено государю, онъ былъ тронутъ такимъ глубокимъ чувствомъ преданности стараго солдата къ своимъ прежнимъ командирамъ и не только не приказалъ взыскивать съ него за сдѣланную имъ ошибку, а назначилъ ему денежную награду изъ своей шкатулки.

Въ Тобольскѣ насъ распредѣлили по мѣстамъ нашего назначенія и тутъ мы простились другъ съ другомъ, нѣкоторые съ тѣмъ, чтобы никогда уже потомъ не встрѣчаться. Грабе-Горскаго, меня и третьяго (съ сожалѣнію, память мнѣ измѣняетъ, кто этотъ былъ третій, названный барономъ Черкасовымъ, и потому назову его NN)—повезли насъ въ Березовъ.

Наши русскіе города большею частію создавались не сами собою, а строились администраціей, въ видахъ стратегическихъ и правительственныхъ. Построится, прежде всего, острожекъ, т. е. нѣсколько избъ обнесенныхъ частоколомъ, въ нихъ помѣстится весь аппаратъ мѣстнаго управленія, чаще всего въ одномъ лицѣ, вѣдающемъ и судомъ, и расправой, и воинской командой, при немъ состоящей, и аппаратъ этотъ начинаетъ дѣйствовать въ чертѣ, а иногда и за чертой, ему указанной. Эта первая клѣточка правительственной власти увеличивается и разростается по мѣрѣ того, какъ ростъ ея вызывается бытовыми условіями мѣстнаго населенія. Если оно густое и осѣдлое, то быстро облѣпляется острожекъ, селится вокругъ него, получаетъ за то даровой земельный надѣлъ и образуется на немъ поселокъ. Эти мѣстные жители или мѣщане несутъ извѣстныя, опредѣленныя за то повинности острожку и освобождаются отъ другихъ, которыми обложено остальное населеніе, почему поселки ихъ и получаютъ названіе слободъ, т. е. освобожденныхъ. Изъ острожка образуется городъ, и ростетъ внутри и внѣ, подъ воздѣйствіемъ совокупности множества внѣшнихъ условій. Такъ было вездѣ съ нашими городами въ ихъ длинной исторіи, тамъ гдѣ населеніе густое и осѣдлое, а гдѣ оно кочевое и рѣдкое— острожекъ хотя и переименовывался въ городъ, но въ сущности оставался на первоначальной своей ступени, ничтожной по своему населенію, административной клѣточки.

Все это считалъ я за необходимое объяснить вамъ, чтобы вы лучше поняли что такое Березовъ, построенный на крайнемъ сѣверѣ, среди кочевого населенія инородцевъ—остяковъ и самоѣдовъ—поставленныхъ въ бытовомъ отношеніи въ физіологическую зависимость отъ звѣринаго, рыбнаго промысловъ и главнымъ образомъ отъ сѣвернаго оленя, насущагося на необъятныхъ тундрахъ этого края. Городъ весь, снабженный полнымъ уѣзднымъ штатомъ чиновниковъ, состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ бревенчатыхъ домовъ, каменнаго острога, такого же казначейства и двухъ церквей: соборной и кладбищенской; постоянное населеніе его съ инвалидною командою не превышаетъ двухсотъ душъ мужского пола. Въ извѣстную же пору года, когда прикочевываютъ сюда инородцы, для

Рыбачья идиллія. Съ карт. Фалькенберга, грав. Пейве.

Мать больна. Съ карт. франц. худ. Н. Бординьона, грав. Брендамуръ

уплаты ясака. Березовъ дѣлается многолюднымъ и пустѣетъ затѣмъ опять за уходомъ ихъ въ тундры. Вотъ вамъ и Березовъ. Вы поймете послѣ того, что въ этомъ, знаменитомъ по ссылкамъ сюда въ старину нѣсколькихъ крупныхъ временщиковъ, городѣ, власть городничаго de jure ничтожная, является въ нѣкоторыхъ случаяхъ. de facto, самодержавною. Подите проконтролируйте его здѣсь, да и кто проконтролируетъ: много ли съ основанія города заѣзжало сюда губернаторовъ. Городничій тутъ богъ и въ дискреціонное распоряженіе такого бога привезенные трое закованныхъ въ желѣзо ссыльныхъ, мы сданы были ему при широкой инструкціи имѣть за нами строжайшій надзоръ.

Мы увидѣли передъ собою колоссальнаго роста, тучнаго старика, тоже отставного офицера изъ рядовыхъ, съ красносизымъ носомъ, признакомъ извѣстной наклонности, съ оловянными какими-то глазами, съ сиплымъ голосомъ. Онъ приказалъ насъ расковать и повелительно объявилъ намъ: „Смотрите у меня, ухо держать востро, а то опять закую и сгною въ острогѣ!—Трифоновъ! обратился онъ къ своему помощнику, инвалидному унтеру,—глядѣть за ними зорко; тебѣ поручается; а теперь ступайте, ищите себѣ дѣла; да повторяю, если что, такъ мигомъ въ острогъ и въ кандалы". Рѣчь была ясна и коротка и съ этого дня началось наше страдальческое прозябаніе въ Березовѣ, понять сущность котораго возможно лишь при характеристикѣ нашей собственной, насъ троихъ сосланныхъ.

Изъ насъ двое, NN и я, мы были люди одинаковаго воспитанія, одного почти круга, одного возраста, между нами была полная солидарность чувствъ и понятій; но третій изъ насъ, графъ Грабе-Горскій, рѣзко отъ насъ отличался. Прежде всего онъ былъ значительно старше насъ, лѣтъ сорока, слѣдовательно совсѣмъ уже сложившійся характеръ; онъ служилъ по администраціи и былъ вице-губернаторомъ въ одной изъ западныхъ губерній. Во время исторіи на Сенатской площади, его видѣли въ числѣ бунтовщиковъ съ пистолетомъ въ рукахъ и чуть ли не перепоясаннаго саблей; но въ минуту критическую онъ исчезъ. Когда его взяли и нашли въ комнатѣ его это оружіе, онъ упорно сталъ отпѣкиваться, давалъ объясненія сбивчивыя, смутныя, тѣмъ еще болѣе навлекая на себя подозрѣніе; бумаги его и переписка подбавили ко всему этому новаго туману и хотя судъ произнесъ надъ нимъ карательный приговоръ, но онъ самъ продолжалъ утверждать, что надъ нимъ совершилась роковая ошибка правосудія, введеннаго въ заблужденіе кажущимися, но не дѣйствительными уликами. Такую роль невинно осужденнаго игралъ онъ и между нами, товарищами по несчастію. Мы его до того вовсе не знали и послѣ, много лѣтъ спустя, когда декабристы собрались въ одинъ кружокъ въ Читѣ, они объяснили себѣ участіе этого поляка въ дѣлѣ на Сенатской площади, самыми мелкими, честолюбивыми его побужденіями. Вице-губернаторское мѣсто, на которомъ онъ сидѣлъ очень долго, не соотвѣтствовало его честолюбію, и онъ, разсчитывая на переворотъ, думалъ при этомъ, какъ видный дѣятель на площади, воспользоваться благопріятной минутой и занять болѣе выдающееся, чѣмъ вице-губернаторское, мѣсто при новомъ составѣ правительства. Цѣли его были самыя невозвышенныя, чисто личнаго свойства, и если опростоволоситься такому человѣку было въ высшей степени тяжело, то еще тяжелѣе становилось ему сознаться въ своихъ затаенныхъ побужденіяхъ; онъ разыгрывалъ роль невинной жертвы, разсказывая всѣмъ заученную имъ какъ „Отче нашъ", свою исторію, и увѣренный самъ, что ему въ ней никто не вѣритъ, находился постоянно въ печальномъ положеніи актера, взявшагося за роль самую неблагодарную, превышающую его силы и въ которой онъ никогда не могъ разсчитывать не только на аплодисменты, но даже и на малѣйшее сочувствіе настоящихъ цѣнителей въ публикѣ. Когда же горестная судьба свела NN и меня съ такимъ человѣкомъ, сближеніе наше съ нимъ оказалось, конечно, немыслимымъ: онъ читалъ въ глазахъ нашихъ полное недовѣріе къ его подогрѣтымъ, патетическимъ разсказамъ и это съ первыхъ же разовъ внесло въ наши отношенія холодность, перешедшую у Грабе-Горскаго въ рѣшительную къ намъ ненависть. Онъ обозлился на насъ за то, прежде всего, что, понеся тяжелую кару за свою преступную дѣятельность, мы въ душѣ своей обрѣли миръ страдальцевъ за извѣстныя возвышенныя идеи, не казавшіяся намъ тогда заблужденіями; мы вѣрили въ искупленіе нашей преступности нашими страданіями, мы знали, что есть благородныя сердца сочувствующія нашему несчастію; надежды на перемѣны къ лучшему насъ не оставляли. И всего этого смягчающаго въ нашемъ положеніи былъ лишенъ человѣкъ, попавшій, вслѣдствіе совсѣмъ иныхъ побужденій, въ одну съ нами категорію; образъ мыслей и понятія о вещахъ ничего не имѣли у насъ съ нимъ общаго, тѣмъ болѣе, что настоящій свой образъ мыслей и понятій онъ маскировалъ напускною благонамѣренностью, при которой долженъ былъ показывать видъ, что относится съ отвращеніемъ къ дѣлу задуманному декабристами. И за все это, повторяю, онъ на насъ обозлился и въ душѣ своей ничего такъ не желалъ, какъ намъ вредить. Въ Березовѣ представилась ему полная къ тому возможность, которою онъ мастерски воспользовался.

Городничій, произведшій на насъ угнетающее впечатлѣніе, при первомъ нашемъ съ нимъ свиданіи, не замедлилъ дать намъ почувствовать свою медвѣжью лапу. Мы устроились съ NN на одной квартирѣ, обзавелись самой скудной обстановкой, въ которой величайшей роскошью былъ самоваръ; изъ книгъ у насъ ничего не имѣлось, кромѣ Евангелія и Ѳомы Кемпійскаго; въ городѣ мы познакомились съ священникомъ и двумя, тремя лицами, съ которыми онъ насъ познакомилъ: ежедневно, утромъ и вечеромъ до 9 часовъ, являлись къ городничему, при чемъ достаточно было запоздать одною минутою, чтобы наслушаться самой площадной брани. Насъ вскорѣ узнали обыватели, и большая ихъ часть глядѣли на насъ косо, въ особенности простой людъ. Разсказываютъ, что ссыльнымъ въ Сибири живется хорошо, но это чистѣйшая басня: народъ въ понятіяхъ своихъ не отдѣляетъ варнака (каторжнаго) отъ поднадзорнаго и сторонится отъ нихъ, какъ отъ прокаженныхъ; а представится случай дать почувствовать поднадзорному всю его безправность и ничтожество, пользуется имъ немилосердно.

IV.

Прошло полгода, что мы были въ Березовѣ. Въ это время позволено было нашимъ роднымъ и близкимъ писать и посылать къ намъ вещи и деньги. Насъ съ NN не позабыли наши: мы получали отъ нихъ посылки и письма и намъ разрѣшено было писать черезъ наше начальство,—отрада великая. Мы знали, что отнынѣ, тамъ, на далекой родинѣ, знаютъ гдѣ мы, и будутъ слѣдить за нами.

Съ Грабе-Горскимъ встрѣчались мы не часто, жилъ онъ особнякомъ; мы обмѣнялись визитами и затѣмъ другъ у друга не бывали. Слышали мы, что онъ что-то все пишетъ, безпрестанно бываетъ у городничаго, съ нимъ видали его ходящаго по улицамъ, что онъ со всѣми чиновниками въ городѣ перезнакомился, бывалъ у нихъ и они у него бывали. Насъ съ NN больше всего томила тоска полнаго бездѣйствія и мы съ жадностью искали всякаго дѣла. Товарищъ мой умѣлъ точить и работать напилкомъ, онъ добылъ себѣ кое-какіе инструменты и сталъ этимъ заниматься; у него появились заказы разныхъ починокъ и вскорѣ уголокъ его принялъ видъ мастерской. Я ничего этого не умѣлъ дѣлать и принялся за обученіе дѣтей грамотѣ; явились желанные ученики и ученицы, конечно, безплатные, до десяти дѣтей, и съ ними короталось мое время. Въ этомъ совершенно тихомъ и замкнутомъ образѣ жизни мы не замѣчали того, что творилось въ самомъ городѣ Березовѣ, а въ немъ творилось, какъ мы вскорѣ узнали, кое-что весьма неблагопріятное для насъ. Грабе-Горскій, промахнувшійся въ удовлетвореніи своего честолюбія, на Сенатской площади, не промахнулся тутъ: съ первыхъ же дней своего сюда прибытія онъ повелъ искусную и терпѣливую осаду городничаго-бога, пустилъ въ ходъ лесть, униженіе, низкопоклонничество, словомъ, весь арсеналъ польскаго іезуитизма и, наконецъ, взялъ его приступомъ. Полуграмотнаго и полупьянаго солдата было не мудрено обойти разными баснями. Онъ ему разсказалъ объ явномъ съ нимъ недоразумѣніи суда, въ исправленіи котораго онъ не сомнѣвался, и началъ строчить черезъ него же, городничаго, пространнѣйшія объясненія на Высочайшее имя, прося пересмотрѣть дѣло его, какъ невинно осужденнаго. Уѣзднаго стряпчаго онъ тоже увлекъ своими сладкими рѣчами и добился тѣмъ, что березовское чиновничество взглянуло на него совсѣмъ съ другой точки зрѣнія: оно увидѣло въ немъ генерала, самаго благонамѣреннаго, случайно, независимо отъ своей воли, попавшаго въ бѣду и не лишеннаго самыхъ вѣрныхъ шансовъ къ своему полному возстановленію. Сегодня въ бѣдѣ, а завтра можетъ быть опять генераломъ, разсуждали городничій съ чиновниками,—съ такимъ ссыльнымъ надо быть помягче и поосторожнѣе, пожалуй, его и губернаторомъ пришлютъ въ Тобольскъ, мало ли чего не бывало на свѣтѣ: Сперанскій тоже былъ въ ссылкѣ, а потомъ сдѣлали его генералъ-губернаторомъ Западной Сибири. Да и что-то дѣйствительно совсѣмъ невѣроятно, чтобы онъ былъ одного поля ягода съ присланными съ нимъ сюда политическими преступниками: онъ съ ними и не думаетъ якшаться, не бываетъ у нихъ, они къ нему не ходятъ; тѣ какія-то буки, глядятъ волками, что-то про себя замышляютъ, а онъ человѣкъ открытый, любезный, услужливый, благонамѣренный. Къ тому же, получилось на имя его отъ кого то и письмо изъ Петербурга, прошедшее черезъ цензуру городничаго, въ которомъ говорилось въ смыслѣ благопріятномъ о ходатайствѣ его о пересмотрѣ его дѣла. Все это, вмѣстѣ взятое, могущественно подѣйствовало на общественное мнѣніе березовскаго чиновничества въ пользу Грабе-Горскаго и дало ему возможность вскорѣ совсѣмъ осѣдлать городничаго и начать, что называется, вить изъ него мочалки. Вліяніемъ своимъ онъ не упустилъ воспользоваться ко вреду нашему; какъ человѣкъ несомнѣнно благонамѣренный, онъ обратилъ вниманіе прежде всего на подозрительный нашъ родъ жизни и занятій. Одинъ занимается безплатнымъ обученіемъ дѣтей, другой слесарничаетъ и тоже не за деньги; когда прикочевывали сюда зимой инородцы, они оба съ ними знакомились, писали имъ какія-то бумаги, ничего за то не брали. Господь ихъ знаетъ чему они тамъ учатъ и что замышляютъ; но только тутъ что-то не чисто. Городничему надо быть очень осторожнымъ съ этими людьми: замышляли они крупное дѣло,—какъ бы и тутъ съ ними не наплакаться. И всего этого оказалось достаточнымъ, чтобы начать на насъ систематическое и безпощадное гоненіе.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Городъ Лейпцигъ. (Рис. на стр. 276 и 277).

Ни одинъ германскій городъ не измѣнился и не выросъ такъ въ теченіе послѣднихъ двадцати пяти лѣтъ, какъ Лейпцигъ. Въ настоящее время это знаменитое средоточіе книжной торговли находится въ періодѣ новаго развитія; предполагаютъ перестроить слишкомъ густо населенныя окраины, закрывающія доступъ воздуха и свѣта къ центру города. Помѣщаемъ рядъ картинъ, дающихъ понятіе о характерѣ новаго Лейпцига, сложившемся въ послѣднія двадцать пять лѣтъ.

Посрединѣ рисунка видна извѣстная площадь Августа (№ 17), красивѣйшая въ архитектурномъ отношеніи площадь города. Тутъ на сѣверѣ высится прекрасный, выстроенный по плану Лангганса и открытый въ 1868 году, новый городской театръ, монументальная задняя сторона котораго обращена къ парку, гдѣ находится Лебяжій прудъ (№ 4) съ великолѣпнымъ фонтаномъ. Къ большимъ частнымъ зданіямъ примыкаетъ на восточной сторонѣ, выстроенное Гейтебрюкомъ и превращенное въ настоящую монументальную постройку, зданіе Главной Почтовой дирекціи и Главнаго Почтамта (№ 6), фронтонъ котораго украшенъ шестью громадными статуями, олицетворяющими торговлю и пути сообщенія. Тутъ послѣ Берлинской почты производится второе по величинѣ, но, по сравненію съ числомъ жителей Лейпцига, гораздо сильнѣйшее почтовое сношеніе со всею Германскою имперіею. Южная сторона четвероугольника площади оканчивается музеемъ, выстроеннымъ по плану Лангеса. Основаніе картинной коллекціи положено торговцемъ шелкомъ Шлеттеромъ, пожертвовавшимъ также капиталъ на постройку музея. Первоначальные расходы составили 600,000 марокъ, перестройка же музея (№ 8) превысила милліонъ марокъ. Восемь женскихъ фигуръ, олицетворяющихъ страны наибольшаго развитія искусствъ, вѣнчаютъ передній край углового павильона, а въ четырехъ нишахъ боковыхъ сторонъ стоятъ статуи выдающихся нѣмецкихъ художниковъ и скульпторовъ. Предъ музеемъ находится величественный фонтанъ Менде (№ 18), названный по имени жертвовательницы капитала на постройку его.

Западная часть площади Августа, введенная въ восточную черту внутренняго города, считается самою старѣйшею. Рядомъ съ остробашенною, выстроенною въ 1240 г., обновленною въ 1544 церковью университетскою или Паулины (съ гробницею маркграфа Дицмана Мейсенскаго, убитаго въ 1307 г.), высится длинный фасадъ Августеума, основного новаго зданія большого университета. Послѣдній выстроенъ по плану Шинкеля и, кромѣ многочисленныхъ, прекрасныхъ аудиторій, имѣетъ дѣйствительно великолѣпный актовый залъ.

Подвигаясь по направленію солнца, упомянемъ вкратцѣ остальныя подробности рисунка. Сѣвернѣе внутренней части города находится прекрасная биржа (№ 14), стоющая свыше милліона марокъ. Она открыта только съ октября 1886 г. Верхній этажъ содержитъ собственно биржу, въ нижнемъ устроена гостиница, занимающая 1000 квадратныхъ метровъ. Сѣвернѣе площади Августа лежитъ не менѣе роскошное зданіе—Имперскій судъ (№ 7).

Восточная часть города хотя не такъ красива по внѣшнему виду, но за то лучше въ санитарномъ отношеніи. Въ настоящее время тутъ строится величественнѣйшая въ мірѣ биржа книготорговцевъ. Пока въ ней отстроено содержащее 400 комнатъ Іоанновское заведеніе (№ 1), въ которомъ престарѣлыя лица, сдѣлавшія одновременный незначительный взносъ, находятъ пожизненный пріютъ и содержаніе. Учрежденіе это очень богато и выстроило на собственныя средства вышеупомянутое зданіе. Предъ церковью Св. Іоанна, имѣющею красивую башню, стоитъ двойной памятникъ Лютера и Меланхтона (№ 5), открытый въ 1883 году.

Южнѣе Августовской площади прежде всего мы встрѣчаемъ зданіе Панорамы (№ 3); тутъ показывается битва при Марсъ-ля-Турѣ, нарисованная профессоромъ Брауномъ. Въ южной части зданія помѣщается прекраснѣйшій залъ. Къ нижней части города принадлежитъ также новая великолѣпная церковь Св. Петра (№ 16). Башня ея достигаетъ 89 метровъ вышины и украшена богатою лѣпною работою; вся постройка обошлась около милліона марокъ.

Самая богатая замѣчательными и монументальными сооруженіями часть города лежитъ на западъ отъ исходной нашей точки и заключаетъ въ себѣ весь внутренній Лейпцигъ. Тутъ первое мѣсто по внутренней красотѣ занимаетъ церковь Св. Николая (№ 9), имѣющая одинъ изъ величайшихъ органовъ. Громадныя колонны средняго пространства церкви образуютъ стволы пальмъ, листья которыхъ покрываютъ потолокъ. Далѣе, на западъ, на старомъ рынкѣ находится несоотвѣтствующая теперь потребностямъ Ратуша (№ 12); она богата воспоминаніями о старомъ времени. Настоящее размѣщеніе городскихъ властей по разнымъ частямъ города было причиною смертнаго приговора для ратуши; въ будущемъ на мѣстѣ ея будетъ воздвигнуто монументальное зданіе. На кладбищѣ церкви Св. Ѳомы, т. е. напротивъ предполагаемаго мѣста своего рожденія, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, воздвигнутъ памятникъ великому Лейбницу (№ 2), котораго Лейпцигъ съ гордостью называетъ своимъ сыномъ. На юго-западномъ углу внутренняго города высится башня Плейсенбургъ (№ 11), стѣны которой устояли противъ многочисленныхъ пуль. Вблизи ея католическая церковь (№ 10).

Далѣе на юго-западъ, нѣсколько лѣтъ назадъ воздвигнуто монументальное сооруженіе—Новый Гевандгаузъ (концертное зданіе, № 15), построенное по плану Гропіуса и Шмидена; оно содержитъ одинъ изъ величайшихъ концертныхъ залъ. Маленькій залъ его для квартетныхъ собраній вмѣщаетъ 600 человѣкъ. Совершенно на западъ, на половину скрытая въ зелени Іоанновскаго парка, лежитъ красивая, выстроенная на добровольныя пожертвованія, церковь Лютера (№ 13).

Если прибавить ко всему этому, что въ Лейпцигѣ будетъ поставленъ памятникъ Побѣды, который по великолѣпію сравнится съ Берлинскою колонною Побѣды, что вскорѣ окончится монументальное зданіе Королевской Консерваторіи, что въ ближайшемъ будущемъ начнется постройка Имперскаго суда у колоссальнаго центральнаго вокзала сходящихся здѣсь шести желѣзныхъ дорогъ—то наша замѣтка о быстромъ ростѣ города будетъ совершенно справедлива. Дѣйствительно, ни одинъ нѣмецкій городъ не выросъ такъ быстро, какъ Лейпцигъ.

Лѣсная глушь. (Рис. на стр. 281).

Достаточно извѣстно мастерство нашего художника И. И. Каразина въ изображеніи лѣса, деревьевъ и эффектовъ освѣщеній, о его прекрасныхъ аквареляхъ, часто появляющихся на выставкахъ. Но и въ рисункѣ, гдѣ у него въ распоряженіи только черный и бѣлый цвѣта, это мастерство выказывается также. На нашемъ рисункѣ глушь дремучаго лѣса, съ эффектомъ зоревого освѣщенія, выражена со всею ея мощью и таинственностью, съ ея поэтическою уединенностью.

Рыбачья идиллія. (Рис. на стр. 284).

Какое радостное событіе для семьи рыбака—возвращеніе его послѣ долгихъ дней отсутствія и скитанія по морю. Издали уже глаза жены слѣдятъ за парусомъ, кажущимся вначалѣ маленькою чайкою, увеличивающимся постепенно и наконецъ приближающимся настолько, что можно различить уже людей. Сколько тихой радости ждетъ возвратившагося дома. Прижавшись къ мужу, молодая жена несетъ часть добычи, остальная часть которой остается на берегу подъ наблюденіемъ братьевъ рыбака всю ночь и на утро отнесется на рынокъ. Въ открытую дверь хижины блеснетъ рыбаку привѣтливый огонекъ, а на порогѣ отца съ радостнымъ крикомъ встрѣтятъ дѣти.

Мать больна. (Рис. на стр. 285).

Бѣдный мальчикъ одинъ остался хозяиномъ убогой хижины и глубоко грустно его личико. Мать его лежитъ больная въ безпамятствѣ и безпомощности, и онъ рано задумался о тяжелой жизни, ему предстоящей. Крошка сестренка, которую онъ держитъ на рукахъ, поглядываетъ, ничего не понимая въ этой тяжелой драмѣ.

Каррикатуристъ. (Рис. на стр. 288).

Какое веселое и острое выраженіе лица у этого талантливаго рисовальщика! Онъ смѣло, умѣлою рукою, набрасываетъ свою каррикатуру, которая, судя по оживленнымъ лицамъ наблюдающихъ за его работою зрителей, отличается замѣчательною мѣткостью и остроуміемъ.

Чемодановъ въ мастерской художника. (Рис. на стр. 289).

Извѣстно, что въ XVII в. начали появляться послы Московскаго государства въ Италіи, послѣ того какъ Венеціанская республика въ 1655 году послала въ Москву агента для начатія дипломатическихъ сношеній. Какъ мало знали въ Москвѣ о Западной Европѣ видно изъ того, что венеціанскаго посла спрашивали, кто царствуетъ въ Венеціи, что это за страна и т. п. Теперь изъ Москвы въ Венецію можно проѣхать въ четверо сутокъ. Въ XVII в. для этого требовалось четыре мѣсяца. Самое замѣчательное изъ посольствъ этого времени было извѣстное посольство стольниковъ Чемоданова и Посникова, со свитой изъ 30 лицъ. Объ этомъ посольствѣ сохранились любопытныя свѣдѣнія, сообщенныя между прочимъ и въ „Нивѣ“ 1885 г. (№№ 1, 2, 3), въ статьѣ извѣстнаго ученаго Брикнера.

Наши послы возбудили большое любопытство въ Италіи и о нихъ губернаторъ Ливорно, Саристорп, сообщаетъ подробное описаніе въ своемъ отчетѣ. Чемоданову было тогда около 60, а Посникову около 40 лѣтъ; они говорили только по-русски, хвалили итальянскую кухню, пили и ѣли умѣренно, но дома употребляли много водки за обѣдомъ. Держали себя гордо и надменно. Во Флоренціи купцы, имѣвшіе торговыя сношенія съ Россіей, заинтересовались русскимъ посольствомъ. Купецъ Лонглинъ помѣстилъ ихъ въ своемъ домѣ, угощалъ, и они жили у него нѣсколько недѣль, при чемъ посѣщали общественныя

учрежденія и собранія, а также мастерскія художниковъ. Итальянская культура произвела на нихъ сильное впечатлѣніе и они выказывали ко всему вниманіе и любопытство. Они внимательно осматривали храмы, укрѣпленія городовъ, мосты, сады, при чемъ ихъ естественно поражало, что деревья всѣ въ плодахъ, въ такое время, въ январѣ, когда на ихъ родинѣ царила глубокая зима.

На прекрасной картинѣ художника Степанова, копія съ которой здѣсь помѣщается, изображена сцена посѣщенія нашимъ посломъ мастерской флорентинскаго художника. Въ своемъ богатомъ, широкомъ и красивомъ одѣяніи, представлявшемъ тогда такія особенности сравнительно съ одеждами итальянцевъ того времени, сидитъ нашъ посолъ, разсматривая картину, и держитъ въ рукѣ вѣроятно первоначальный эскизъ ея или описаніе Фигура его полна достоинства и сановитости; онъ выслушиваетъ внимательно слова художника, передаваемыя ему, конечно, переводчикомъ, и умные глаза его съ любопытствомъ устремлены на картину и видно что для него открывается совершенно новый міръ, доселѣ ему невѣдомый. Выраженіе лицъ, освѣщеніе картины, эффекты свѣта въ прорѣзахъ рамы и украшеніяхъ одеждъ—все это выполнено художникомъ весьма тщательно и искусно.

Клавдій Петровичъ Степановъ получилъ воспитаніе въ Московскомъ Лицеѣ Цесаревича Николая (Катковскій). По переѣздѣ семьи въ СПБ., перешелъ въ Императорскій Университетъ, который окончилъ (историко-филологическ. факультетъ) въ 1877 году. При мобилизаціи гвардіи въ томъ же году, поступилъ охотникомъ въ л.-гв. преображенскій полкъ За отличіе при взятіи г. Этрополя награжденъ знакомъ отличія военнаго ордена 4 ст., затѣмъ за боевыя отличія произведенъ въ офицеры. По возвращеніи съ полкомъ на родину, К. П. вышелъ въ запасъ и поступилъ въ Имп. Акад. Худ., которую посѣщалъ и будучи въ университетѣ. Изъ натурнаго класса онъ отправился за границу, въ Италію. гдѣ и работаетъ теперь.

Каррикатуристъ Съ карт. Х. Гейдена, грав. Флюгель.

Панцырный сомъ и химера. (Рис. на стр. 292).

Среди многочисленной семьи сомовъ, панцырный сомъ (Loricaria cataphracta) представляетъ весьма любопытный видъ. Ротъ его находится на нижней сторонѣ морды и снабженъ маленькими наростами въ родѣ губъ. Рыба эта достигаетъ отъ 4½ до 6 вершковъ длины; спина ея коричневаго цвѣта, брюшко немного свѣтлѣе. Первое перо хвостового плавника по длинѣ равняется величинѣ тѣла. Панцырный сомъ встрѣчается въ горныхъ ручьяхъ и рѣкахъ Южной Америки. Иногда его на-

Выставка въ Имп. Академіи Художествъ. Русскіе послы XVII вѣка. Чемодановъ въ мастерской художника во Флоренціи. Съ карт. худ. Степанова, грав. Ю. Барановскій.

ходили на песчаныхъ косахъ, отстоящихъ на нѣсколько аршинъ отъ воды, почему предполагаютъ, что онъ выходитъ по временамъ изъ воды и бродитъ по землѣ.

Въ сѣверныхъ моряхъ водится странная рыба, во многихъ отношеніяхъ напоминающая акулъ, но обладающая такими своеобразными признаками, что ее причислили не только къ отдѣльному виду, но отвели даже особый классъ. Это такъ называемые морскіе драконы. Родственныя имъ рыбы живутъ на югѣ Атлантическаго и Тихаго океановъ. Всѣ виды отличаются цилиндрическимъ тѣломъ, имѣютъ тонкій, длинный хвостъ, конусообразную голову, необыкновенно большіе грудные плавники, очень большія глазныя впадины, а также глаза; вѣки отсутствуютъ. Большая носовая полость имѣетъ нѣсколько поворотовъ. Внутреннее расположеніе органовъ во многомъ сходно съ органами акулы. Въ первобытное время морскіе драконы, повидимому, имѣли нѣсколько разновидностей; объ этомъ свидѣтельствуютъ окаменѣлые зубы ихъ, найденные въ Юрѣ. На стр. 292 помѣщена представительница морскихъ драконовъ, химера, извѣстная подъ именемъ морской кошки, морской крысы и королевской рыбы. Достигающая до 2-хъ аршинъ длины, она отличается своеобразною красотою. Длинное тѣло ея оканчивается нитеобразно вытянутымъ хвостомъ, подавшимъ поводъ назвать ее морскою крысою. Морда имѣетъ видъ конуса; задній спинной плавникъ очень длиненъ. У самцовъ между глазами имѣется тонкій, костистый наростъ, почему норвежцы и назвали эту рыбу „королевскою“. Цвѣтъ гладкой кожи имѣетъ нѣсколько оттѣнковъ: желтозолотистый, коричневый и бѣлый. Геснеръ былъ первый естествоиспытатель, открывшій химеру и нарисовавшій ее. Линней далъ ей научное названіе. Она живетъ въ Средиземномъ морѣ, а также на сѣверѣ Нѣмецкаго моря и въ Ледовитомъ океанѣ, гдѣ преимущественно держится между плавающими ледяными островами и рѣдко покидаетъ глубину; однако иногда поднимается съ сельдями и тогда ее ловятъ. Пища ея состоитъ изъ раковинъ, раковъ и маленькихъ рыбъ, водящихся на глубинѣ. Мясо самой химеры жестко и несъѣдобно, но яички, которыя по достиженіи полнаго развитія окружены роговою скорлупою, считаются лакомствомъ. Въ Норвегіи высоко цѣнится печенка химеры. „Поставленная, говоритъ Понтопиданъ, въ стаканѣ, въ тепломъ мѣстѣ, она расплывается и образуетъ масло, хорошо дѣйствующее при различныхъ ранахъ и ссадинахъ; опытный аптекарь говорилъ мнѣ, что онъ всегда прибѣгаетъ къ этой мази при наружныхъ поврежденіяхъ“.

Политическое обозрѣніе.

6 марта.

Миссія графа Лессепса въ Берлинѣ.—Улучшеніе отношеній между Франціей и Германіей.—Пожалованіе ордена Бѣлаго Орла графу Герберту Бисмарку.—Прибытіе князя Лобанова-Ростовскаго въ Петербургъ.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи.—Египетскій вопросъ.

Въ Берлинъ изъ Парижа былъ посланъ славный инженеръ, строитель Суэзскаго канала, графъ Лессепсъ, съ порученіемъ отъ президента республики Греви вручить французскому послу Гербетту знакъ большаго креста Почетнаго Легіона. Порученіе было сдѣлано не дипломату, но инженеру, хотя пріобрѣвшему всесвѣтную славу; порученіе носитъ характеръ частнаго выполненія служебныхъ обязанностей и, не имѣя значенія миссіи, въ то же время заключаетъ въ себѣ тотъ смыслъ, что правительство республики оцѣниваетъ заслуги своего посла на дипломатическомъ поприщѣ, послѣдствіемъ которыхъ было прекращеніе натянутыхъ отношеній, вызванныхъ скорѣе стратегическими, чѣмъ дипломатическими соображеніями. Короче сказать, Франція пожелала въ частной формѣ оказать Германіи свое миролюбивое къ ней отношеніе. Понятно, что французскаго уполномоченнаго, если можно такъ назвать графа Лессепса, встрѣтили въ Берлинѣ съ распростертыми объятіями, осыпали его самымъ предупредительнымъ вниманіемъ, оказываемымъ не только княземъ Бисмаркомъ, но даже и наслѣднымъ принцемъ. Можно объяснять это вниманіе справедливою данью великому таланту и энергіи французскаго инженера, но не менѣе слѣдуетъ признать, что въ Берлинѣ встрѣтили мирный призывъ отъ Франціи съ радушіемъ могущественнаго сосѣда, укрѣпившаго свои боевыя силы не для распри, а для утвержденія болѣе прочныхъ сосѣдскихъ отношеній.

Однако недавно, въ засѣданіяхъ областной комиссіи въ Страсбургѣ, министръ внутреннихъ дѣлъ Путкамеръ высказался прямо, что чиновники являются слугами императора и что они и впредь будутъ пользоваться правительственною поддержкой при выполненіи своей задачи въ дѣлѣ возсоединенія Эльзаса-Лотарингіи съ Германіей. „Правительство, продолжалъ Путкамеръ, сознаетъ, что теперь наступилъ моментъ, когда необходимы мѣры болѣе строгія, чѣмъ оно этого желало, и мѣры эти должны клониться къ упроченію болѣе тѣснаго сплоченія Эльзаса-Лотарингіи съ остальной Германіей“. Безспорно одно, что отношенія между Франціею и Германіей во всякомъ случаѣ улучшились и уже не возбуждаютъ болѣе тревожнаго настроенія въ Европѣ. Новый знакъ для укрѣпленія дружескихъ отношеній между Россіей и Германіей составляетъ тотъ фактъ, но которому утвержденный вновь рейхстагомъ добавочный составъ германской арміи получилъ назначеніе мѣста своего пребыванія на германско-французской границѣ, а изъ всѣхъ 70 тысячъ новыхъ войскъ только 3 батальона получили мѣсто своего назначенія на восточной германской границѣ.

Въ день рожденія Государя Императора, Его Императорское Величество изволилъ пожаловать статсъ-секретарю иностранныхъ дѣлъ Германіи, графу Герберту Бисмарку, орденъ Бѣлаго Орла. Такое милостивое вниманіе русскаго Монарха произвело въ берлинскихъ политическихъ кружкахъ весьма благопріятное впечатлѣніе и послужило новымъ доказательствомъ самыхъ дружественныхъ отношеній между сосѣдними имперіями на весьма шаткомъ полѣ дипломатическихъ отношеній. Стратегическія соображенія „о войнѣ на два фронта“ сданы въ архивъ генеральнаго штаба и взамѣнъ этого потянули съ этихъ фронтовъ одни мирныя теченія, къ общему благополучію и мирному настроенію въ Европѣ.

На этой недѣлѣ нашъ вѣнскій посолъ князь Лобановъ-Ростовскій отбылъ въ Петербургъ, а это дало поводъ къ всевозможнымъ предположеніямъ и догадкамъ, но не тревожнаго, а успокоительнаго характера. Французскія газеты оповѣщаютъ, что нашъ дипломатъ, по соглашенію съ графомъ Кальноки, выработалъ координальную форму отношеній между Австро-Венгріей и Россіей, при которыхъ взаимные интересы на Балканскомъ полуостровѣ будутъ настолько нейтрализованы, что прекратятъ всякія на будущее время недоразумѣнія и затѣмъ отстранятъ для обѣихъ имперій опредѣленный районъ свободнаго дѣйствія, при которомъ явятся наилучшія гарантіи для умиротворенія дѣлъ европейскаго Востока. Если бы что либо подобное случилось, то это повело бы къ самымъ благимъ результатамъ въ отношеніи обезпеченія мира въ Европѣ. Прямое, непосредственное, безъ участія посредниковъ, сближеніе Австро-Венгріи съ Россіей ближе всего можетъ привести къ намѣченной цѣли, или, по крайней мѣрѣ, австро-русскія отношенія на почвѣ болгарскихъ интересовъ перестанутъ быть игрушкою въ рукахъ хитрозадуманныхъ политическихъ интригъ. Быть можетъ, австрійскіе дипломаты, судя по прошлому, и въ самомъ дѣлѣ пришли къ такому убѣжденію. По крайней мѣрѣ австрійская печать, исключая нѣкоторыхъ венгерскихъ органовъ, въ значительной степени понизила за послѣднее время пылъ противъ Россіи.

Въ Болгаріи, послѣ тѣхъ звѣрствъ, объ которыхъ мы говорили въ прошломъ обозрѣніи, наступилъ настоящій терроръ. Появился декретъ, по которому всякій, кто только окажетъ неудовольствіе на регентство, будетъ разстрѣлянъ; аресты и истязанія продолжаются; Филовъ, какъ сказываютъ, былъ отравленъ въ тюрьмѣ. О воздѣйствіи европейскихъ державъ на обезумѣвшихъ регентовъ еще не состоялось общаго соглашенія, хотя по поводу этого идетъ оживленный обмѣнъ мыслей. Единственная дѣйствительная мѣра для этого случая есть оккупація, но, къ сожалѣнію, отъ этой чести отказываются всѣ государства и несчастную страну предоставляютъ собственными силами выбраться изъ той кровавой анархіи, въ которой она находится въ настоящее время.

Египетскій вопросъ, столь озабочивающій лондонскихъ дипломатовъ и коммерсантовъ, не смотря на всю изворотливость англійскаго уполномоченнаго Друммонда Вольфа, не приходитъ къ вожделѣнному разрѣшенію. Еще недавно лондонскія газеты удостовѣряли о полномъ успѣхѣ переговоровъ, но на-дняхъ оффиціальная константинопольская газета „Торанъ“ высказалась прямо противъ нейтрализаціи Суэзскаго канала и затѣмъ добавляетъ, что Англія должна принять предложенія Мухтара-паши относительно устройства военныхъ и гражданскихъ дѣлъ въ Египтѣ, а также должна опредѣлить срокъ выступленія англійскихъ войскъ изъ страны Фараоновъ. Если Англія не приметъ такихъ условій, говоритъ газета, то переговоры не приведутъ ни къ чему и соглашенія, во всякомъ случаѣ, не послѣдуетъ.

Разныя извѣстія.

Правительственное сообщеніе.

— 1-го сего марта, на Невскомъ проспектѣ, около 11-ти часовъ утра, задержано трое студентовъ СПБ. университета, при коихъ, по обыску, найдены разрывные снаряды. Задержанные заявили, что они принадлежатъ къ тайному преступному сообществу, а отобранные снаряды, по осмотрѣ ихъ экспертомъ, оказались заряженными динамитомъ и свинцовыми пулями, начиненными стрихниномъ.

Придворныя извѣстія.

— 1-го марта, въ два часа пополудни, Ихъ Императорскія Величества, съ Членами Императорской Фамиліи, присутствовали въ Петропавловскомъ соборѣ на панихидѣ по въ

Бозѣ почивающемъ Императорѣ Александрѣ II. Въ тотъ же день, Ихъ Величества съ Августѣйшими Дѣтьми переѣхали изъ С.-Петербурга въ Гатчину.

Правительственныя извѣстія.

— Минист. госуд. имущ. предпринятъ цѣлый рядъ лѣсоустроительныхъ работъ. Лѣснымъ департаментомъ составленъ планъ новыхъ работъ.

— Государственный совѣтъ разрѣшилъ специальный кредитъ на усиленіе частныхъ желѣзныхъ дорогъ съ коммерческою цѣлью. Изъ общей суммы 4.019.980 р., 3.225.900 р. употребить на увеличеніе провозной способности закавказской желѣзной дороги, пріобрѣтя для нея 1.296 товарныхъ вагоновъ и 18 паровозовъ; остальные же 794.000 рублей предполагается употребить для орловско-грязской и николаевской желѣзныхъ дорогъ.

— Министромъ путей сообщенія назначены 1.400 000 р. на уплату кредиторамъ муромской желѣзной дороги, пріобрѣтенной въ собственность казны.

— Опубликовано Высочайшее повелѣніе о дозволеніи погребать умершихъ во время сильныхъ жаровъ по истеченіи однѣхъ сутокъ со времени смерти.

Наука и литература.

— 4 марта Имп. Русск. Геогр. Общ. въ торжественномъ собраніи привѣтствовало недавно пріѣхавшаго въ Петербургъ путешественника и члена-сотрудника Общества А. В. Елисеева, успѣшно окончившаго свою экспедицію въ Малую Азію.

— Въ послѣднемъ засѣданіи Имп. Русск. Географ. Общ. д-ръ Юнкеръ былъ выбранъ единогласно *почетнымъ членомъ* этого общества.

— Въ виду прибытія въ Петербургъ извѣстнаго путешественника по Африкѣ д-ра Юнкера, въ средѣ членовъ Русск. Геогр. Общ. возбужденъ вопросъ о назначеніи особаго торжественнаго собранія для его чествованія и о поднесеніи ему нарочно выбитой для того медали.

— Напечатаны главы неизданной редакціи изъ „Тараса Бульбы“ Н. В. Гоголя, сообщенныя проф. Тихонравовымъ, и біографія матери писателя, Маріи Ивановны Гоголь.

— По почину и на средства Его Императорскаго Высочества великаго князя Георгія Михаиловича, владѣющаго, какъ извѣстно, одною изъ богатѣйшихъ въ Россіи нумизматическихъ коллекцій, изданъ „Сборникъ по монетному и медальному дѣлу въ Россіи съ 1649 по 1881 годъ“.

— Въ Томскѣ находился, проѣздомъ въ Петербургъ, начальникъ полярной экспедиціи, снаряженной Имп. акад. наукъ, докторъ Бунге. Послѣдніе два года, начиная съ 1885 г., онъ находился на Новосибирскихъ островахъ. Онъ везетъ съ собою коллекцію разныхъ предметовъ. Долговременное пребываніе на пустынныхъ островахъ, вдали отъ всего цивилизованнаго міра, нисколько не повліяло на его организмъ: онъ чувствуетъ себя совершенно здоровымъ и говоритъ, что привыкъ къ жизни при угрюмой обстановкѣ и вѣчныхъ холодахъ. Съ острова Котельнаго—одного изъ группы Новосибирскихъ острововъ, въ ясную погоду, какъ разсказываетъ Бунге, отчетливо видна земля около сѣвернаго полюса. Отъ Котельнаго она должна быть, приблизительно, на разстояніи 120 верстъ. Море въ этомъ мѣстѣ никогда не замерзаетъ, не смотря на постоянные суровые холода отъ 55 град. и выше по Цельзію. Виднѣющаяся земля та, которую видѣлъ извѣстный мореплаватель адмиралъ Анжу. Съ открытіемъ ея, разрѣшатся задача обитаемости сѣвернаго полюса или, по крайней мѣрѣ, возможности существованія около него земли, годной для населенія.

Живопись и скульптура.

— Открылась 7-я акварельная выставка (Б. Морская, № 40), заключающая въ себѣ болѣе 200 нумеровъ. Изъ нихъ наиболѣе выдаются акварели Н. Н. Каразина, А. Н. Бенуа, Л. О. Премацци, Валліе, Александровскаго, Морозова, Соколова.

Театръ и музыка.

— Въ Москвѣ, великимъ постомъ состоится въ манежѣ концертъ-монстръ, подъ управленіемъ А. Г. Рубинштейна. Всѣхъ участвующихъ будетъ 1,000 человѣкъ.

— Проѣхала черезъ Варшаву на Москву, направляясь въ Персію, балетная труппа изъ 18 балеринъ, француженокъ и итальянокъ, приглашенныхъ директоромъ театровъ въ Теганѣ, въ составъ балетной труппы шаха.

— 9-го марта, въ Нью-Іоркѣ состоялось первое представленіе оперы „Неронъ“ А. Г. Рубинштейна, переведенной на англійскій языкъ.

— Открыта выставка всѣхъ подношеній и подарковъ, полученныхъ А. Г. Рубинштейномъ во время его артистической дѣятельности, ежедневно. Невскій, 52. Плата за входъ въ пользу общ. для вспоc. нужд. сценич. дѣятелямъ.

Судебныя извѣстія.

— Послѣдняя сессія симферопольскаго окружнаго суда въ г. Мелитополѣ ознаменовалась необыкновеннымъ происшествіемъ: одинъ изъ присяжныхъ засѣдателей, Чернышевъ, сошелъ съ ума во время засѣданія и отвезенъ былъ въ домъ умалишенныхъ. По двумъ дѣламъ, въ которыхъ онъ участвовалъ, защитниками поданы кассаціонныя жалобы.

— Судебная реформа вводится въ Прибалтійскомъ краѣ съ 1-го іюня настоящаго года. Переводы судебныхъ уставовъ на эстонскій и латышскій языки окончены.

Медицина.

— Военно-медицинскій ученый комитетъ призналъ необходимымъ, чтобы въ мѣстныхъ лазаретахъ были производимы особыя совѣщанія по медицинской части съ составленіемъ протоколовъ совѣщаній.

— Проф. С. П. Боткинъ, 17-го апрѣля, празднуетъ тридцатилѣтній юбилей своей медицинской дѣятельности.

Дѣла церкви.

— Въ Саратовѣ, дворянинъ Веденяпинъ, получившій образованіе на юридическомъ факультетѣ университета, служившій въ послѣднее время чиновникомъ государственнаго контроля, посвященъ въ санъ діакона и на дняхъ принялъ санъ священника. Священствовать онъ будетъ въ одномъ изъ селъ Балашовскаго уѣзда.

— Паломничество въ Іерусалимъ въ нынѣшнемъ году изъ Россіи, по слухамъ, приметъ особенно значительные размѣры. Среди петербургскаго и московскаго купечества, какъ говорятъ, идетъ дѣятельный сборъ пожертвованій на украшеніе гроба Господня.

Археологія.

— Археологическая коммиссія на Кавказѣ обогатилась новыми находками по церковной древности. Близъ Драпскаго монастыря, въ сталактитовой пещерѣ открыты барельефы съ изображеніемъ Спасителя.

Изъ губерній и областей.

— Отъ одесск. градонач. объявлено для свѣдѣнія отправляющихся въ Іерусалимъ поклонниковъ, что турецкое правительство воспретило обращеніе и ввозъ въ Турцію чужеземныхъ серебряныхъ монетъ и кредитныхъ билетовъ, а потому поклонники не могутъ разсчитывать пріобрѣтать въ Іерусалимѣ все на русскія деньги и должны запасаться золотомъ или турецкими деньгами.

— Отъѣздъ хивинскаго хана въ путешествіе по Европѣ состоится въ началѣ мая. Ханъ выѣдетъ въ сопровожденіи переводчика, секретаря и двухъ слугъ.

— Новая судебная реформа, упразднившая городовые суды и ратуши въ Сибири, съ передачею дѣлъ ихъ въ окружные суды, находящіеся не во всѣхъ городахъ, фактически лишила нѣкоторые города почти всякаго правосудія. Въ такомъ положеніи Нерчинскъ и Троицкосавскъ съ Кяхтою. Жители этихъ мѣстъ съ искомъ должны теперь ѣхать почти за 1000 верстъ, въ Читу.

Смѣсь.

В. В. Юнкеръ. Состоявшееся 4-го марта общее собраніе Имп. Русск. Геогр. Общ. происходило при торжественной обстановкѣ и привлекло много посторонней публики. Торжественно избранъ былъ въ почетные члены извѣстный путешественникъ по Африкѣ, проникавшій въ глубь ея, В. В. Юнкеръ, прибывшій въ нашу столицу послѣ своихъ семилѣтнихъ странствованій, обставленныхъ большими опасностями и трудностями. В. В. Юнкера, много поработавшаго на пользу науки, въ этотъ день чествовали всѣ ученыя общества Берлина, откуда онъ и поѣхалъ въ Петербургъ, оставленный имъ еще въ 1879 году. Второе путешествіе В. В. Юнкера дополнило изслѣдованія, сдѣланныя имъ еще до 1879 года. Путешественникъ претерпѣвалъ всевозможныя лишенія, жилъ въ шалашѣ, обнесенномъ оградами изъ терній, питался муравьями, курами на муравьиномъ маслѣ и проч. Его нерѣдко окружало повальное людоѣдство и дикіе звѣрскіе обычаи. Онъ долженъ былъ бросить собранныя коллекціи и спасъ только дневникъ и съемки—самую драгоцѣнную часть своихъ изслѣдованій. Находившійся нѣсколько лѣтъ между жизнью и смертью, подвергавшійся опасности быть убитымъ, В. В. Юнкеръ лишь въ 1886 г. могъ считать себя внѣ опасности. Въ 1882 году было получено послѣднее достовѣрное и точное извѣстіе объ его трудахъ и приключеніяхъ. Крайнимъ пунктомъ изслѣдованій д-ра Юнкера была рѣка Непоко, принадлежащая къ системѣ Конго. Д-ръ Юнкеръ пріѣхалъ въ СПБ. 7 марта вечеромъ. (н.)

Въ Педагогическомъ Музеѣ (Соляной городокъ, въ СПб.) открываются постоянные курсы обученія пріемамъ подачи помощи въ несчастныхъ случаяхъ, до прибытія врача. Каждый курсъ будетъ состоять изъ шести уроковъ, читаемыхъ по одному въ недѣлю. Слушателей на курсъ допускается около 40, съ платою съ каждаго за весь курсъ по 3 р. Записываться слѣдуетъ въ Педагогическомъ Музеѣ ежедневно между часомъ и тремя пополудни. (н.)

Надъ имуществомъ директоровъ театра Ла-Скала въ Миланѣ учрежденъ конкурсъ непосредственно за торжественнымъ представленіемъ „Отелло“ Верди. Дефицитъ превышаетъ 120,000 франковъ. Плохое положеніе дѣлъ вызвано или ускорено болѣзнью перваго тенора, вслѣдствіе чего откладывалось первое повтореніе оперы. Городская коммисія приняла на себя управленіе театромъ до окончанія сезона. (г.)

Итальянецъ Чіарини, предпринявшій съ прекрасно дрессированными лошадьми поѣздку по Азіи и Австраліи, уже нѣсколько мѣсяцевъ находится въ Токіо, столицѣ Японіи, гдѣ возбуждаетъ общее вниманіе. Недавно Чіарини былъ приглашенъ дать отдѣльное представленіе предъ цѣлымъ придворнымъ штатомъ. Императорская чета была очень довольна представленіемъ, продолжавшимся три часа. На другой день императоръ послалъ Чіарини 25,000 фр. золотомъ въ награду за представленіе. (г.)

Настоящее положеніе морской торговли міра состоитъ въ 9,546 пароходахъ, съ провозною способностью въ 5.992,292 тонны (1 тонна=62 пуд.) и 49,241 парусныхъ судахъ, съ провозною способностью въ 12.834,027 тоннъ. Въ это число включены только суда, поднимающія свыше 50 тоннъ груза. (г.)

Синдикатъ Милана поднесъ Верди адресъ отъ гражданъ города; композитору предложено почетное гражданство города Милана. (г.)

Американскій сенаторъ Станфордъ пожертвовалъ 20 мил-

ліоновъ долларовъ (40 милл. руб.) на устройство высшей школы (университета съ технической школою). Школа будетъ сооружена вблизи С. Франциско, въ паркѣ Менло, отличающемся живописнымъ мѣстоположеніемъ и мягкимъ климатомъ. Обширныя сооруженія начнутся уже весною. Точно также въ Менло-паркѣ будутъ помѣщаться подготовительныя мужскія и женскія школы; высшая школа предназначается для обоихъ половъ. Подготовительныя школы основатель предназначаетъ преимущественно для дѣтей С. Франциско; городъ будетъ соединенъ съ паркомъ желѣзною дорогою. Лучшіе профессора Стараго и Новаго Свѣта будутъ преподавать въ высшей школѣ. (р.)

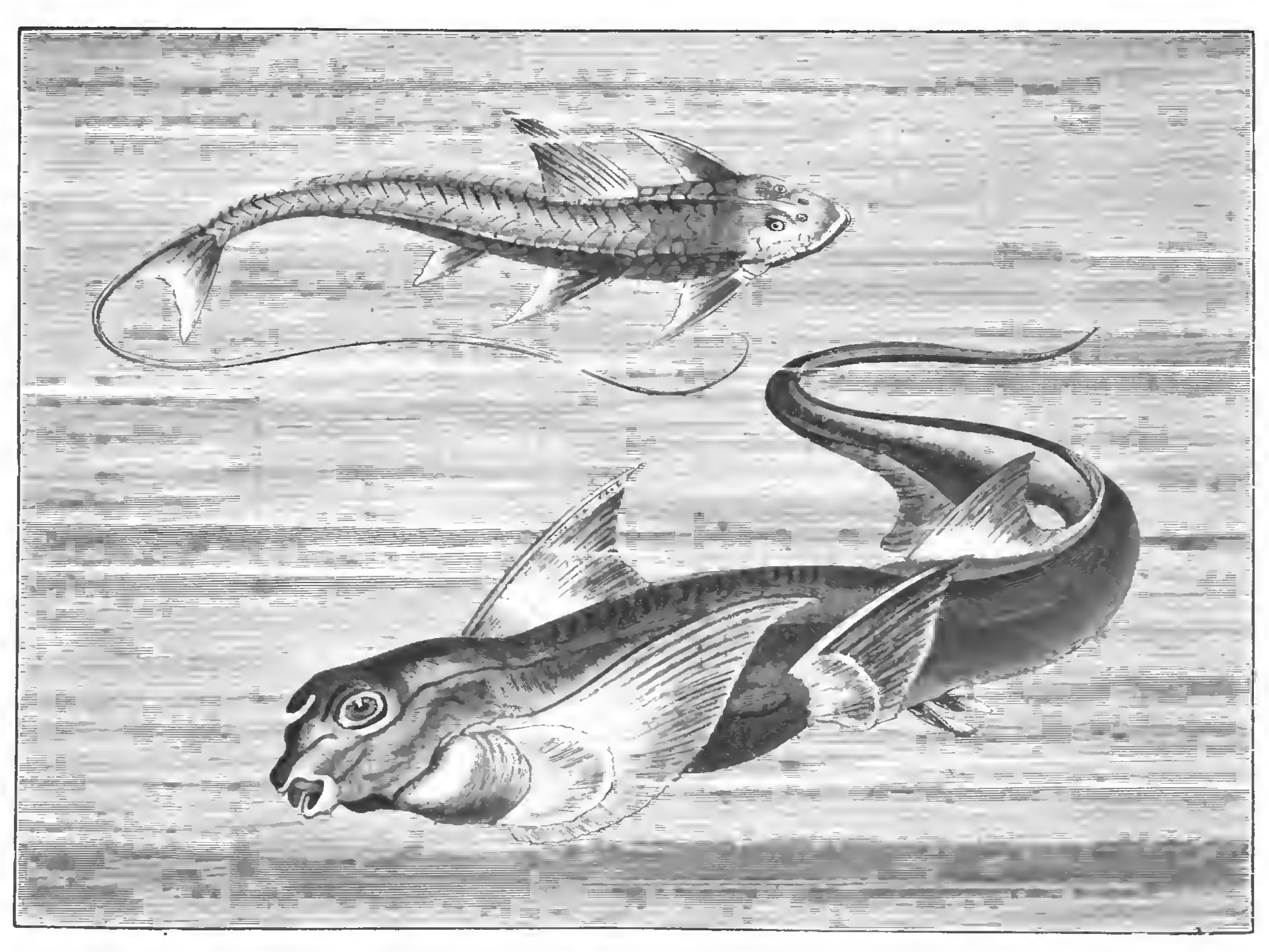
Сара Бернаръ, игра которой чрезвычайно понравилась въ Бразиліи и Ла-Платѣ и принесла ей свыше 500,000 франковъ, находится въ настоящее время въ Перу. Здѣсь ее чествуютъ необыкновенно. Граждане Лимы, получивъ извѣстіе о прибытіи артистки, выслали депутацію въ портовый городъ Калао съ цѣлью привѣтствовать ее при высадкѣ „отъ республики Перу и столицы Лимы". Изъ Калао Сара Бернаръ отправилась въ Лиму въ экстренномъ поѣздѣ, украшенномъ вѣнками и флагами. Ее сопровождала депутація. Великолѣпная карета, запряженная четверкою лошадей, отвезла артистку съ вокзала въ Лимѣ въ гостинницу. Толпа народа по обѣ стороны пути привѣтствовала прибывшую съ восторгомъ, а власти и почетнѣйшіе граждане ѣхали за нею въ экипажахъ. Во время перваго появленія Сары въ роли Ѳеодоры, театръ былъ переполненъ, ее закидали цвѣтами и устроили такой восторженный пріемъ, что она долго не могла выговорить ни слова. Ежедневно появляются бюллетени о ея здоровьѣ и о томъ какъ она проводитъ день. Около афишъ этихъ постоянно толпится масса народу. Одинъ богатый перуанецъ подарилъ артисткѣ цѣлый островъ гуано. Она сама выражается, что оказываемый ей пріемъ почти пугаетъ ее, такъ какъ это что-то необычное. (р.)

Приготовленіе искусственныхъ яицъ. Каждый день приноситъ новыя открытія въ химіи, клонящіяся къ замѣнѣ естественныхъ жизненныхъ продуктовъ искусственными. Американцы, достигшіе въ этомъ отношеніи совершенства, стали изготовлять искусственныя яица. Въ журналѣ „Сельское обозрѣніе" помѣщено описаніе Нью-Іоркской фабрики яицъ и машинъ для ихъ изготовленія. Машины сплошь сдѣланы изъ дерева, въ виду того что примѣсь какого либо металла портитъ вкусъ яицъ. Приготовленіе состоитъ изъ четырехъ пріемовъ: изготовленія желтка, бѣлка, кожицы и скорлупы. Желтокъ состоитъ изъ смѣси маисовой муки, пшеничнаго крахмала, масла и различныхъ другихъ приправъ; смѣсь эту въ видѣ густого тѣста наливаютъ въ отверстіе машины, гдѣ она застываетъ и принимаетъ круглую форму. Затѣмъ желтокъ переходитъ въ другое отдѣленіе, гдѣ его окружаютъ бѣлкомъ, который, какъ и естественный, составляется изъ бѣлковины. Новая жидкость застываетъ и вслѣдствіе вращательнаго движенія принимаетъ овальную форму. Затѣмъ яйцо переходитъ въ сосѣдній отдѣлъ, гдѣ его окружаютъ кожицею. Наконецъ оно переходитъ въ скорлупный аппаратъ, въ которомъ скорлупа дѣлается изъ гипса и бываетъ немного толще натуральной. Затѣмъ яйцо кладется на сушильню, гдѣ скорлупа засыхаетъ, а содержимое ея постепенно превращается въ жидкость. Сфабрикованное такимъ образомъ яйцо имѣетъ вполнѣ видъ натуральнаго.

Фабрика не въ состояніи удовлетворить всѣхъ требованій; два большихъ торговыхъ дома Нью-Іорка закупили весь товаръ. Искусственныя яица также питательны и здоровы какъ и натуральныя, они не портятся и удобны для перевозки вслѣдствіе толстой скорлупы. (р.)

Обычай цѣловать руку, служащій признакомъ вѣжливости въ обыкновенной жизни, ведетъ начало съ давнихъ временъ. „Льстецы, говоритъ Соломонъ, не устаютъ цѣловать руку своимъ покровителямъ". Желая въ древнія времена привѣтствовать звѣзды, цѣловали у самихъ себя руку. При поклоненіи солнцу, индійцы держали руку у рта и цѣловали ее. Богатые греки приносили жертвы богамъ, бѣдные же люди замѣняли ихъ цѣлованіемъ руки у идоловъ и посыланіемъ поцѣлуевъ къ горизонту. Такой же обычай установился у римлянъ. Цѣлованіе руки у статуй было у послѣднихъ родъ закона. Проходившій возлѣ статуи и не исполнившій этого постановленія преслѣдовался за непризнаваніе божества. Вообще въ Римѣ цѣлованіе руки было очень распространено, именно по отношенію подчиненныхъ къ начальникамъ. При низложеніи Катономъ званія полководца, всѣ солдаты цѣловали у него руку. Императоры придавали большое значеніе цѣлованію у нихъ руки знатными лицами. Это было главнымъ основаніемъ этикета. Люди низшаго званія не могли цѣловать руку непосредственно; стоя на колѣняхъ, они дотрогивались правою рукою до края платья императора и затѣмъ цѣловали свою руку. Другія лица изъ свиты императора посылали ему поцѣлуи издали, точно божеству. Съ введеніемъ христіанства епископы и другое высшее духовенство считали поцѣлуй руки оказаніемъ почести. Помогавшимъ имъ при богослуженіи они протягивали руку для поцѣлуя. (р.)

Странное оружіе хранится въ Стокгольмскомъ арсеналѣ. Это длинное ружье съ такимъ узкимъ стволомъ, что можетъ быть заряжено только мелкою дробью вмѣсто пули. Ружье это служило игрушкою королевѣ Христинѣ Испанской, стрѣлявшей въ мухъ на стѣнахъ, и какъ сообщаетъ историкъ, не дѣлавшей никогда промаха. (р.)

Панцырный сомъ (Loricaria cataphracta) и Химера, Драконъ-рыба (Chimera monstrosa). Рис. А. Земцовъ, грав. Флюгель.

Пароходъ „Этрурія“, прибывшій 21 февраля въ Нью-Іоркъ, прошелъ самымъ кратчайшимъ путемъ по океану. Судно потребовало 6 дней 4 часа и 45 минутъ на путь изъ Фастнета въ Сандибукъ, проходя по 19 узловъ въ часъ и сдѣлавъ 2018 морскихъ миль. Настоящее путешествіе „Этруріи“ было на три часа короче самой скорой поѣздки этого судна. (г)

Американская оцѣнка искусства. По сообщенію газеты „Санъ-Франциско-Постъ“, мѣстный богатый владѣлецъ рудниковъ выписалъ изъ Флоренціи статую Венеры Милосской. По прибытіи на мѣсто назначенія она оказалась поврежденною и вслѣдствіе жалобы владѣльца ея на общество центральной Тихоокеанской желѣзной дороги, коммисія экспертовъ присудила ему значительную сумму въ вознагражденіе. (р.)

Физика безъ аппаратовъ.

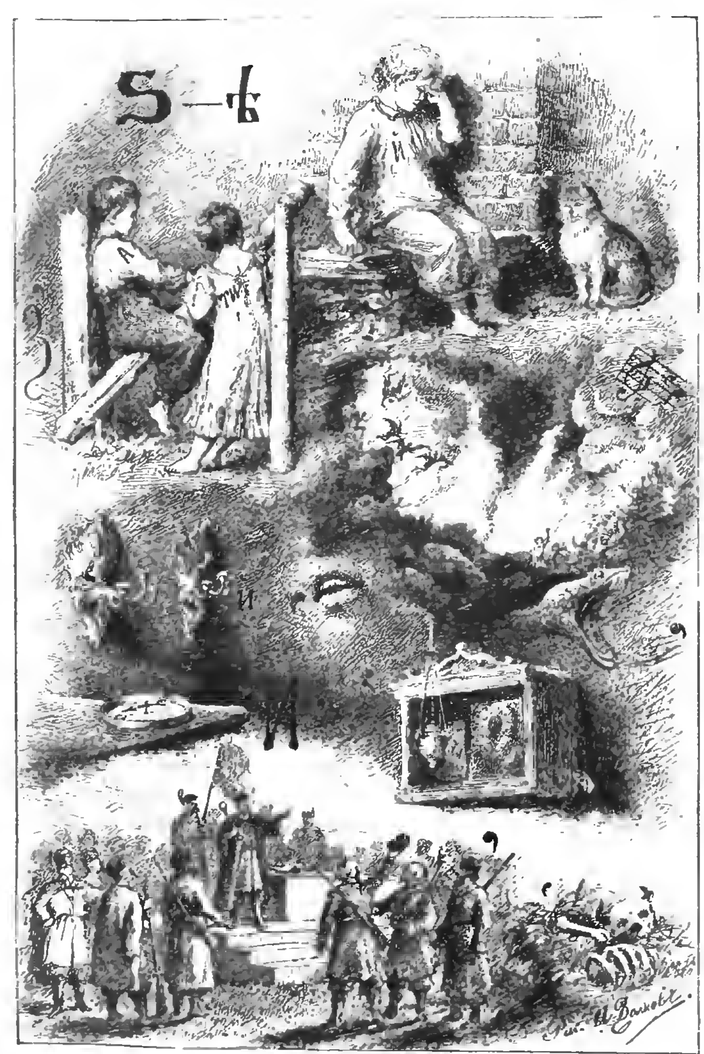
Настоящій опытъ—опытъ капилярности или волосности жидкостей, т. е. степени взаимодѣйствія между отдѣльными частицами жидкостей. Надо взять стальную иголку и положить на вилку или изогнутую мѣдную проволоку, которую осторожно опустить въ рюмку, наполненную водою. Опуская иголку медленно на поверхность воды, можно достигнуть того, что она будетъ плавать по верху какъ соломинка. Это происходитъ оттого, что сталь не смачивается водою и на контурѣ ея образуется выпуклость и вогнутость, объемъ которой весьма значителенъ по отношенію плавающаго тѣла. Такимъ образомъ количество жидкости, вытѣсненной тѣломъ, или отъ дѣйствія капилярности жидкости, можетъ имѣть тотъ же вѣсъ, какъ и плавающее тѣло, почему тѣло это въ воду не погружается. Для облегченія опыта можно немного насалить иголку, для чего достаточно провести ее между пальцами.

На помѣщенномъ рисункѣ показанъ другой способъ опыта. На поверхность воды кладутъ папиросную бумагу, и затѣмъ на нее осторожно кладутъ иголку. Бумага скоро промокаетъ и тонетъ, иголка же держится на водѣ. Такимъ образомъ удавалось удерживать на водѣ мѣдную проволоку и даже пятифранковую золотую монету. Тотъ же опытъ можно сдѣлать съ металлическимъ перомъ, прекрасно плавающимъ на водѣ; если намагнитить предварительно перо, то получается настоящій компасъ.

Опытъ капилярности жидкостей. Нетонущая въ водѣ иголка.

Ребусъ. Задача № 21.

Рѣшеніе задачи буквъ № 13 (помѣщ. въ № 4).

						с	т						
					ы	д	п	т					
					ь	л	ж	е					
			ц	а	ш	у	т	и	т	ь			
			п	а	д	ъ	д	у	р	а			
	к	о	м	ъ	н	с	п	о	р	и	т	ь	
с	ъ	ж	е	н	щ	и	н	о	й	в	с	е	т
о	ж	е	ч	т	о	ч	е	р	п	а	т	ь	в
	о	д	у	р	ѣ	ш	е	т	о	м	ъ	о	
			т	ъ	с	и	х	ъ	т	р			
			о	п	х	ъ	п	з	б	а			
					в	ь	н	а					
					с	ъ	б	о					
						ж	е						

1) Зороастръ.
2) Иппокрена.
3) Хромъ.
4) Тина.
5) Тесть.
6) Сейдъ.
7) Желе.
8) Хаосъ.
9) Буйство.
10) Чижъ.
11) Ижица.
12) Мощь.
13) Чушь.
14) Тишь.
15) Вождь.
16) Ноты.
17) Тебетъ.
18) Дѣва.
19) Тонъ.
20) Си.
21) Трудъ.

„Стыдить лжеца, шутить надъ дуракомъ, и спорить съ женщиной все тоже, что черпать воду рѣшетомъ; отъ сихъ троихъ избавь насъ, Боже!“

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—П. Букшина, Ф. А. Боронина, Дяди Володи; **Москва**—Л. Шибанова. **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Вологда**—Б. Исполатова, **Калуга**—С. П. Соколова, **Кіевъ**—Л. Шилохвастова, **Курскъ**—О. П., **Кѣльцы**—П. Изместьева, С. Малевановой, **Николаевъ**—К. Прокофьева, **Саратовъ**—М. Тумазова, **Тверь**—А. Пилякова.

Рѣшеніе ребуса № 12 (помѣщеннаго въ № 4).

„Не грози щукѣ моремъ, а нагому горемъ“.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

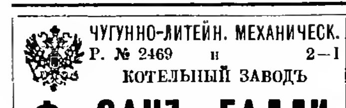
Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы**. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Редакторъ **Ф. Бергъ**. Издатель **А. Марксъ**.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗПНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** съ которой печатается иллюстрированный журналъ **„Нива“.** № 2405

ЧУГУННО-ЛИТЕЙН. МЕХАНИЧЕСК.
Р. № 2469 и 2—1
КОТЕЛЬНЫЙ ЗАВОДЪ

Ф. САНЪ-ГАЛЛИ

С.-Петербургъ, Лиговка, № 46.
ПАМЯТНИКИ. ОГРАДЫ.
Паровыя машины.

„Послѣдняя Весна“ вальсъ (ц. 75 к.), **„Шутка“** полька (ц. 35 к.) для фортеніано, соч. Н. І. Холева,—за 1 р. доставляются выписывающимъ отъ автора (СПБ., Троицкій пер., д. 3, кв. 8). № 2427 3 3

ОСНОВАТЕЛЬНОЕ ОБУЧЕНІЕ

БУХГАЛТЕРІИ

ИНОГОРОДНИХЪ И МОСКОВСКИХЪ,

ПОСРЕДСТВОМЪ **ЛЕКЦІЙ И ПЕРЕПИСКИ,** СОВЕРШЕННО ЗАМѢНЯЮЩЕЙ УСТКОЕ ПРЕПОДАВАНІЕ. **ПОЛНѢЙШЕЕ РУЧАТЕЛЬСТВО ЗА УСПѢХЪ.** ПЛАТА УМѢРЕННАЯ. ПОДРОБНЫЯ УСЛОВІЯ И ПРОБНЫЯ ПИСЬМА ВЫСЫЛАЮТСЯ **БЕЗПЛАТНО.**
ПРЕПОДАВАТЕЛЬ КОММЕРЧЕСКИХЪ НАУКЪ

С. Я. ЛИЛІЭНТАЛЬ, ВЪ МОСКВѢ.

адресъ:
Арбатъ, ц. Спасъ-Пески, д. № 5. № 2464

Изданіе А. Ф. МАРКСА, въ СПБ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ.

Романъ въ 2-хъ частяхъ,
Н. Н. Каразина.

съ 20 рис. автора. Изд. 2-е. Печатанъ на лучшей веленевой бумагѣ. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к.; въ каленк. пер. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 коп.

Страхованіе вдовьихъ пенсій.

Примѣръ: Мужъ 35-ти лѣтъ, желая, на случай своей преждевременной смерти, обезпечить будущность своей жены, имѣющей 28 лѣтъ отъ роду, заключаетъ страхованіе съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти жена получала **ежегодный доходъ въ 600 рублей,** уплачиваемый въ продолженіе всей ея жизни. За такое страхованіе слѣдуетъ платить **Страховому Обществу „РОССІЯ“** чрезъ каждые три мѣсяца 44 руб. 93 коп.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, безплатно Правленіемъ въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и агентствами въ городахъ Имперіи. № 2397 6—3

PILULES
DE
VALLET

ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ

НАСТОЯЩІЯ ПИЛЮЛИ ВАЛЛЭ НЕ ПОСЕРЕБРЯНЫ

Онѣ бѣлыя и имя Валлэ находится на каждой пилюлѣ.

Не брать флаконы, на которыхъ на этикетѣ не находится мое имя и мой адресъ: **19, RUE JACOB.**
Продается во всѣхъ аптек. Vallet

А. № 2444 3—

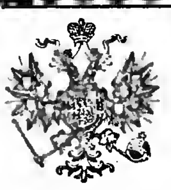
ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для укрѣпленія корней волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.

ОПТИКЪ И МЕХАНИКЪ

О. РИХТЕРЪ

Адмиралтейская площадь, № 4,
въ С.-Петербургѣ,

рекомендуетъ оцогеновыя лампочки для очищенія комнатнаго воздуха, для уничтоженія тяжелаго запаха, накуреннаго дыма и проч., особенно пригодны въ помѣщеніяхъ больныхъ.

Цѣна лампочки **2 р. 50 к., 1** флаконъ оцогена **1 р. 25 к.** Упаковка **50 к.** Пересылка за 5 фунтовъ. Способъ употребленія безплатно при заказѣ. Р. № 2436 6—3

SCHMIDT'S
SAMEN-UND PFLANZEN-CATALOG
für **1887**
ist in bekannter umfangreicher Ausstattung erschienen und wird
FRANCO
und
GRATIS
auf Verlangen versandt.

SCHMIDT'S
Catalog ist eine SCHATZGRUBE
für jeden
Blumen-
und
Gartenfreund
200 Seiten,
500 Illustrat.
mit
Buntdruck
FRANCO
und
GRATIS.

12—8 **J. C. SCHMIDT, ERFURT, DEUTSCHLAND.** № 2363

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ

ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, №. 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

Помады высшаго качества и укрѣпительныя воды для волосъ

ХИННАЯ И ТОНИЧЕСКАЯ

приготовленныя съ разрѣш. СПБ. Врачебн. Управленія.

Экстрактъ Вежеталь Віолетъ де-Пармъ по 90 коп.	**Шампуйнь для мытья головы по 40 коп.**

Бриліантинъ Эссъ-Буке по 90 коп.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Вознесенскій просп., уголъ Казанской улицы, домъ Шредера, № 18—54.

(Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

Pt. № 2460

20 СОРТОВЪ МЕТАЛЛИЧЕСКИХЪ
КОНЬКОВЪ
отъ 2 руб.—15 руб. за пару.
Иллюстр. прейсъ-куранты безплатно.
Оптовымъ покупателямъ самыя выгодныя цѣны. Р. №2329 (12)
Ж. БЛОКЪ.
СПБ., Б. Морская, 21.
Москва, уг. Б. Луб. и Кузнецкаго моста.

Главн. депо **Олеографическ. картинъ,**
Иконы, портреты, пейзажи, сцены и пр.
Портреты Е. И. В. **Государя Александра III** 18×15 верш. 8 р., съ перес. 9 руб.
Аппараты, дерево, краски. предметы для брызгальн., выжигат. и др. худож. работъ.
Терракоты отъ 30 к. до 25 р.
Вазы, фигуры, медальоны, кронштейны.
РАМЫ и БАГЕТЫ № 2461
золоч., черн., бронз., плюш., дерев. и пр. отъ 10 к. до 20 р. аршинъ.
Каталогъ—10 коп. почтов. марк.
☛ Ищу агент. во всѣхъ больш. город.
Э. Г. ДЕЗЛЕРЪ,
угловой магазинъ Гороховой и Мойки.

ЧОКРАКСКОЕ
ГРЯЗЕ-ЛЕЧЕБНОЕ ЗАВЕДЕНІЕ
въ Крыму,

Ѳеодосійскаго уѣзда, при соляномъ озерѣ Чокракъ, въ 12-ти верстахъ отъ г. Керчи, въ сезонъ 1887 года будетъ открыто съ 20-го мая по 1-е сентября. Благодаря цѣлебнымъ свойствамъ грязей и рапы (воды) озера, а также сѣрнымъ и щелочнымъ источникамъ Чокрака, лечатся ими: ревматизмъ, золотуха, опухоли суставовъ, сведенія членовъ, воспаленіи надкостной плевы и сѣдалищнаго нерва (ишіасъ), невральгіи, опухоли железъ и матки, хроническія сыпи, желудочно-кишечные катарры, геморрой, меркуріализмъ. Курсъ леченія 3-хъ недѣльный. Заведеніе заново отдѣлано и снабжено всѣми удобствами жизни. Больные живутъ въ самомъ заведеніи на полномъ содержаніи; имѣются также частныя квартиры и даже отдѣльные дома. За справками обращаться въ г. Керчь, д-ру Добровольскому, домъ Томазини. На отвѣтъ 2 марки. № 2466

ПО 5 р. ВЕЩЬ.

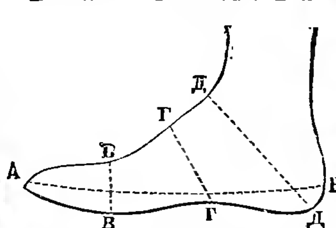
1) Электрическое огниво. 2) Барометръ металл. усоверш. констр. 3) Зрительная труба приближ. до 5 вер. 4) Волшебный фонарь съ 30 рисун. на стекл. 5) Микроскопъ увеличивающ. до 1000 р. 6) Приборъ для рыбной ловли. 7) Приборъ для выпиловки. 8) Камеръ-обскура. 9) Часы карманные солнеч. съ компасомъ. 10) Изящный дамскій нессесеръ. № 2465

Цѣна съ пересылкою.

Высылаетъ съ первою почтою Контора **„Сельской библіотеки", К. В. Николаева,** Москва, Уланскій пер. д. Ефимова.

№ 4711
О-де-Колонь
зеленый съ золотомъ ярлыкъ, самое лучшее производство этого рода.
№ 4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ
превосходное средство для очищенія комнатнаго воздуха; необходимо для комнатъ больныхъ.
Р. № 2470 **№ 4711** 2—1
ХРУСТАЛЬНОЕ МЫЛО
съ запахомъ: розы, ландыша, резеды и О-де-колони, съ ручательствомъ за богатое содержаніе глицерина; превосходитъ всѣ товары конкурренціи. Постоянно возрастающій спросъ на эти издѣлія служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ превосходнаго качества.
Гл. складъ: Ал. Тисъ и К°, Пушкинская, 4, СПБ. Продажа въ большинствѣ значит. парфюм. и аптекарск. магаз. въ Россіи.

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ
ТОВАРИЩЕСТВО

С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ

симъ имѣетъ честь объявить во всеобщее свѣдѣніе почтеннѣйшей публики, что во всѣхъ магазинахъ постоянно находится большой выборъ всевозможныхъ сортовъ мужской, дамской и дѣтской обуви.

ПРОДАЖА ПО ФАБРИЧНЫМЪ ЦѢНАМЪ
въ собственныхъ магазинахъ Товарищества:

Въ С.-Петербургѣ: Невскій проспектъ, № 54.
Невскій проспектъ, № 5.
Невскій проспектъ, № 110.

Въ Москвѣ: Петровка, противъ Кузнецкаго моста.
№ 2458 3—1

Прейсъ-куранты вмѣстѣ съ подробнымъ руководствомъ къ снятію мѣрки высылаются магазинами по востребованію—безплатно.

Какъ не содержащая въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ, разрѣшена С.-Петербургскимъ Столичнымъ Врачебнымъ Присутствіемъ на общихъ основ. торговли.
ПРОТИВЪ СѢДИНЫ. № 2456
ПОМАДА. Флаконъ 3 р., пересылка 1 р. Гороховая ул., д. 57. Магазинъ-парикмахерская **Иваковой**. СПБ.

КАПСЮЛИ ГЮЙО
CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. А. № 2429 5—3

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться
ПАСТОЙ РЕНЬО
PATE REGNAULD
приготовляемой
19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

Guyot

Во всѣхъ аптекахъ.
Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

ПРАВОСЛАВНОЕ
ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Удешевленіе пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ
съ 1-го марта 1887 года.

I. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . 45 р.
„ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . 32 р.
„ Одессы въ III классѣ . . . . 22 р.

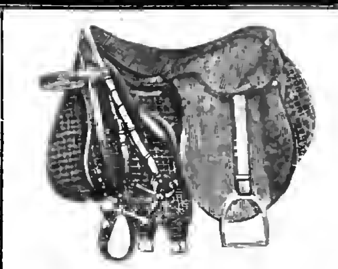
II. До Яффы и обратно:	I классъ. Съ продовольствіемъ.	I классъ. Безъ продовольствія.	II классъ. Съ продовольствіемъ.	II классъ. Безъ продовольствія.	Смѣшанные: III кл. жел. дор. и II кл. парох. Съ продовольствіемъ.	Смѣшанные: III кл. жел. дор. и II кл. парох. Безъ продовольствія.	III классъ. Безъ продовольствія.
Отъ СПБурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	183 р.	126 р.	62 р. 50 к.
„ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу . . .	305 р.	230 р.	215 р.	160 р.	172 р.	115 р.	46 р. 50 к.
„ Кіева чрезъ Одессу . .	250 р.	170 р.	175 р.	120 р.	158 р.	101 р.	33 р. — к.
„ Воронежа чр. Таганрогъ	270 р.	180 р.	200 р.	130 р.	186 р.	118 р.	38 р. — к.
„ „ „ Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47 р. — к.

Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея Михайловскаго, Екатерининскій каналъ, д. Вознесенской церкви; у Б. П. Хитрово, Мойка, 93; у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7; въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, у о. Агапита, въ Новой Гостиницѣ; **въ Москвѣ**: у свящ. Срѣтенскаго, Б. Никитская, д. ц. Вознесенія; **въ Кіевѣ:** у епископа чигиринскаго Іеронима, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, д. Софійскаго собора; у іеромонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостиницѣ; въ Воронежѣ, у іеромонаха Платона, Митрофаніевъ мон.; **въ Перми**—у А. В. Маллѣева; **въ Казани**—у В. И. Заусайлова; **въ Одессѣ**—у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ, какъ при проѣздѣ въ Яффу и на Аѳонъ, такъ и обратно.

Для желающихъ взять билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, Русское Общество Пароходства и Торговли, по предъявленіи заграничнаго паспорта, взимаетъ до **Яффы и обратно**: отъ Одессы или Севастополя 24 руб., отъ Таганрога 29 руб. и отъ Батума 28 руб. № 2457 3—2

Въ Одессѣ за свѣдѣніями и объясненіями можно обращаться къ протоіерею Кудрявцеву, въ Университетъ.

Англійское сѣдло съ уздечкою и остальнымъ полн. приборомъ 25 и 30 р. Перес. въ Европ. Россіи 3 р., на Кавказъ и Сибирь прил. за 25 ф. Фабрика **М. и И. Малышевыхъ**, Саратовъ. См. №№ 7 и 9 „Нивы". № 2459

Только подлинно съ этою фабрич. маркою

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты отъ **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2058 36—25

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи **въ С.-Петербургѣ** у Б. Ауриха, Стремянная, № 4.

Можно получить въ **Нарвѣ**: въ аптек. маг. Эд. Отто; въ **Лодзи**: въ аптек. маг. А. Липинскаго и М. Лизіека; въ **Ельцѣ**: въ аптекѣ А. де-Пизо; въ **Твери**: въ аптекарскомъ маг. С. П. Фальковскаго; въ **Везенбергѣ**: у Кансбергъ; въ **Кишиневѣ**: въ апт. маг. Бр. Каушанскихъ и Ѳ. Б. Лизянскаго; въ **Орлѣ**: въ аптек. магаз. Эд. К. Гермута; въ аптекахъ Б. Гана и Д. Гордона.

Самые модные, превосходные препараты
САФО
Мыло 50 к. Духи 1 р. 25 к. Кремъ 1 р. 25 к. Туалетная вода 1 р. 30 к. Пудра 1 р.
СПБ. ТЕХНО-ХИМИЧЕСКОЙ ЛАБОРАТОРІИ Р. № 2121 (7)
СПБ. Гостин. дворъ, по Б. Садовой 45. Москва, Никольск., д. Шереметьев. подв.

10—10 **СКРИПКИ** R. № 2163
получившія шесть разъ первыя награды, а также и всѣ струнные инструменты, **беззвучная скрипка** для ученія (патент.).
ЦИТРЫ всѣхъ сортовъ. **ГИТАРЫ**
и духовые инструменты. Школы для всѣхъ инструментовъ. Мастерская починокъ. Дешевыя цѣны. Рекоменд. Вильгельми, Сарасате, Туа и др. Подробные прейсъ-куранты высыл. безплатно и франко.
БРАТЬЯ ВОЛЬФЪ
фабрика инструментовъ въ Крейцнахѣ.

НАВОЖДЕНІЕ. Ром. изъ современн. жизни **Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.**

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ (за исключеніемъ московскихъ) объявленіе отъ книгопродавца А. М. Земскаго въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ. 11 марта 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. № 12 ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 21 марта 1887 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Я. П. Полонскій.

Въ концѣ текущаго мѣсяца марта празднуется юбилей пятидесятилѣтней литературной дѣятельности одного изъ лучшихъ и симпатичнѣйшихъ нашихъ поэтовъ, Я. П. Полонскаго, дарованія истиннаго и самобытнаго, имя котораго съ первыхъ же появившихся въ печати произведеній заняло опредѣленное и почетное мѣсто въ литературѣ.

Яковъ Петровичъ Полонскій родился въ 1820 году, въ Рязани. Поэтъ помѣщенъ былъ сперва въ Рязанскую гимназію, гдѣ уже началъ проявлять признаки поэтическаго дарованія. Когда онъ былъ въ IV классѣ, черезъ Рязань проѣзжалъ Государь Наслѣдникъ Александръ Николаевичъ и на этотъ случай юноша написалъ стихи, за которые Августѣйшій Путешественникъ удостоилъ поэта подаркомъ (золотые часы). Вступивъ въ Московскій университетъ на юридическій факультетъ, Я. П. не имѣлъ къ этой отрасли наукъ никакого призванія. Пребываніе Я. П. въ университетѣ, къ сожалѣнію, совпало съ разстройствомъ дѣлъ и здоровья его отца и поставило его въ затруднительное положеніе. Въ 1844 г. Я. П. окончилъ курсъ въ университетѣ и въ концѣ того же года издалъ книжку своихъ стиховъ, подъ названіемъ „Гаммы“, встрѣченную въ литературѣ весьма хорошо, между прочимъ Бѣлинскимъ, отозвавшимся о нихъ съ похвалою. Отправившись въ Одессу, гдѣ, не имѣя ни средствъ къ жизни, ни служебныхъ занятій, очутился также въ стѣсненномъ положеніи, Я. П. получилъ мѣсто въ Закавказьи. Издавъ новую книгу стихотвореній, подъ заглавіемъ „Стихотворенія 1845 г.“, онъ переѣхалъ въ Тифлисъ, гдѣ, въ качествѣ товарища ре-

50-лѣтній юбилей. Я. П. Полонскій. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

дактора „Закавказскаго Вѣстника“, писалъ въ немъ, затѣмъ издалъ третье собраніе своихъ стиховъ, подъ названіемъ „Сазандаръ“ („пѣвецъ“ по-грузински). Въ 1853 г. Я. П. пріѣхалъ въ Петербургъ, въ отпускъ, искать мѣста въ столицѣ, гдѣ въ 1855 г. вышло новое изданіе его стихотвореній, столь извѣстныхъ любителямъ поэзіи. Въ слѣдующемъ году Я. П. поѣхалъ за границу и въ Парижѣ въ одномъ русскомъ семействѣ встрѣтился съ дочерью причетника русской церкви въ Парижѣ, которая и стала вскорѣ его женой, которой онъ, къ своему горю, вскорѣ лишился—она скончалась во всемъ цвѣтѣ молодости и красоты.

Гр. Кушелевымъ-Безбородко было ему предложено редактированіе журнала „Русское Слово“, гдѣ онъ помѣстилъ цѣлый рядъ своихъ стихотвореній, а въ 1860 г. поступилъ на службу въ Комитетъ Иностранной Цензуры, гдѣ находится и по настоящее время.

Лучшее произведеніе Я. П., изъ большихъ по размѣру, несомнѣнно „Кузнечикъ-музыкантъ“. Какъ на болѣе выдающіяся произведенія Я. П., за послѣдніе годы слѣдуетъ указать на поэмы „Мими“ и „Келіотъ“, „Казиміръ Великій“, поэма „Разладъ“ и множество прелестныхъ стихотвореній, какъ перваго періода его дѣятельности, такъ и послѣдняго. Кто не знаетъ его „Колокольчика“, „Ночи въ Крыму“, „Лунной ночью“, „Пчела“, „Пришли и стали тѣни ночи“, „У Аспазіи“, „Наяды“, „Агарь“, отличающихся такою прелестью и задушевностью стиха, тонкостью и граціозною изящностью образовъ. Упомянемъ между прочимъ о прелестныхъ стихотвореніяхъ „На каланчѣ“, „Въ альбомъ“ и др., помѣщенныя въ „Нивѣ“. „Талантъ Полонскаго, пишетъ И. С. Тургеневъ, представляетъ особенную, ему лишь одному свойственную, смѣсь простодушной граціи, свободной образности языка и какой-то любезной правдивости впечатлѣній“. Я. П. много писалъ и въ прозѣ. Его „Признанія Чалыгина“ и повѣсти изъ дѣтскихъ воспоминаній,—лучшія изъ его прозаическихъ произведеній.

Въ „Нивѣ“ помѣщенъ былъ цѣлый рядъ прекрасныхъ разсказовъ Я. П. Романы его и повѣсти, при всей талантливости и интересѣ, однако уступаютъ его прекраснымъ поэтическимъ произведеніямъ.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

XXIV.

Между тѣмъ въ городѣ Ригѣ была новость.

На одной изъ лучшихъ улицъ города довольно большой двухъ-этажный домъ имѣлъ самый странный видъ, возбуждалъ крайнее любопытство всѣхъ обывателей и служилъ предметомъ разнообразнѣйшихъ толковъ.

Въ этомъ домѣ помѣщались пріѣзжіе, или, лучше сказать, привезенные изъ разныхъ мѣстъ семьи, имена которыхъ были неизвѣстны въ городѣ.

Всѣ знали, что въ домѣ живетъ нѣсколько семействъ, много дѣтей, что всѣ они содержатся на казенный счетъ, всѣ родня между собой и находятся подъ строжайшимъ присмотромъ князя Репнина.

Ворота во дворѣ дома всегда бывали заперты. Въ небольшомъ флигелѣ помѣщалась команда солдатъ, два офицера и, кромѣ того, при домѣ былъ главный надзиратель, родомъ нѣмецъ, уже старикъ, офицеръ въ отставкѣ, завѣдывавшій когда-то главнымъ тюремнымъ замкомъ Риги.

Нѣмецъ этотъ, Адамъ Ивановичъ Кропъ, былъ очень суровый на видъ, но въ сущности крайне мягкій и добрый человѣкъ. Онъ пользовался особымъ расположеніемъ и довѣріемъ князя Репнина и если теперь былъ назначенъ главнымъ надзирателемъ въ таинственный домъ, съ загадочными обитателями, то самое это назначеніе свидѣтельствовало объ особой важности всего касающагося до незнакомцевъ.

Обывателей дома поневолѣ всѣ называли просто: „оная фамилія“, ибо отъ Адама Иваныча узнать ничего было нельзя. Онъ былъ могилой для всякой тайны.

Семьи эти появились въ домѣ не сразу. Сначала тутъ помѣстили одну женщину, но вскорѣ же привезли мужчину съ дѣтьми, затѣмъ появилась еще одна женщина съ взрослой красавицей-дочерью и съ тремя сыновьями и двумя маленькими дѣвочками; за ними послѣдовали, но не ближе какъ черезъ мѣсяцъ, двѣ другія личности съ двумя дочерьми и, наконецъ, въ концѣ сентября мѣсяца явилась еще цѣлая семья. Въ домѣ такимъ образомъ набралось болѣе 20 человѣкъ мужчинъ, женщинъ и ихъ дѣтей, отъ 16 до 3-хъ-лѣтняго возраста.

Эти незнакомцы и загадочныя для рижанъ личности были конечно четыре семьи: Енриховы, Сковоротскіе, Дирихъ со своей латышкой Триной и ея дочерьми, и наконецъ Якимовичевы.

Каждая семья по пріѣздѣ своемъ представлялась князю Репнину и каждой объявлялся одинъ и тотъ-же приказъ, сидѣть смирно и тихо въ домѣ и ожидать своей участи!

Разумѣется, всѣ обитатели дома вскорѣ сжились вмѣстѣ, перестали радоваться тому, что у нихъ не было никакой работы, никакихъ занятій—и вскорѣ-же начали скучать и томиться. Пуще всего томила ихъ неизвѣстность своей судьбы. Одна семья Сковоротскихъ была еще сравнительно бодрѣе и веселѣе: Марья и дѣти надѣялись, со словъ князя Репнина, увидаться съ Карлусомъ.

Отчасти была довольна и Анна съ Михайлой, избавившись отъ злой пани-старостихи. Что касается до Енриховыхъ, то они тосковали болѣе всѣхъ, оставивъ тамъ у себя на родинѣ хорошее хозяйство и достатокъ. Не менѣе скучали и были недовольны Дирихъ и Трина, тѣмъ болѣе, что однажды латышку съ дочерьми хотѣли было, по приказанію князя Репнина, исключить изъ числа содержащихся и отпустить на волю.

Случилось это послѣ того, что было дознано, что Трина не жена, а простая сожительница Дириха Сковоротскаго, что дѣвушки эти—дочери не Дириха, а ея безъ вѣсти пропавшаго мужа. И только отчаяніе и просьбы Дириха побудили начальство отсрочить изгнаніе.

Всѣ заключенные знали хорошо, что ихъ повезутъ въ Петербургъ или Москву. Но зачѣмъ ихъ повезутъ, что съ ними будетъ, что намѣрена московская царица сдѣлать съ ними—было совершенно неизвѣстно. На этотъ счетъ князь Репнинъ не проронилъ ни слова.

Сотни разъ приставали заключенные къ суровому, но доброму Адаму Ивановичу—сказать имъ хоть что-нибудь насчетъ ихъ судьбы. Нѣмецъ только успокоивалъ своихъ заключенныхъ въ минуты ихъ отчаянія.

Онъ клялся даже, что ничего дурного имъ не предстоитъ, что положеніе ихъ въ Россіи никакъ не можетъ быть хуже того, въ которомъ они были. Кропъ божился, что ихъ не казнятъ, не накажутъ, не засадятъ въ острогъ,—но, что, по всей вѣроятности, ихъ отвезутъ очень далеко и поселятъ гдѣ нибудь въ маленькомъ русскомъ городкѣ, а можетъ быть гдѣ и въ деревнѣ. За то избы, и скотину, и землю—все дадутъ. Только прикажутъ строжайше держать языкъ за зубами и ничего о себѣ непристойнаго не разглашать.

Такимъ образомъ изо-дня-въ-день, изъ недѣли въ недѣлю, существовала огромная семья родственниковъ нѣсколько мѣсяцевъ. Иногда на нѣкоторыхъ изъ нихъ нападало страшное уныніе.

Отъ праздности-ли, или дѣйствительно отъ неизвѣстности своей судьбы, нѣкоторые изъ заключенныхъ иногда впадали въ полное отчаяніе и черезъ своего главнаго смотрителя Адама Ивановича начинали просить начальство отпустить ихъ домой.

Но на эти просьбы, разумѣется, не обращали никакого вниманія.

Только разъ узнали заключенные, что князь Репнинъ постоянно, почти каждую недѣлю ожидаетъ вѣстей изъ столицы россійской о томъ, чтобы снаряжать всѣхъ въ дорогу.

Въ началѣ зимы имъ было объявлено, что они скоро поѣдутъ, но затѣмъ все снова пошло по старому и никакихъ сборовъ и приготовленій не было.

Въ концѣ ноября мѣсяца случилось наконецъ въ домѣ, гдѣ содержалась „оная фамилія“, нѣкотораго рода событіе, которое взволновало не только начальство, не только самихъ заключенныхъ, но и почти половину всего города.

Въ числѣ содержавшихся таинственныхъ для Риги незнакомцевъ было одно лицо, томившееся болѣе другихъ и неимѣвшее возможности примириться какъ съ своимъ положеніемъ, такъ и съ предстоящей судьбой, т. е. путешествіемъ въ Россію. Это была юная и предпріимчивая Софья.

Красавица-дѣвушка была какъ-бы на особомъ положеніи, благодаря своему горячему нраву, а отчасти своей привлекательности. Ее одну три раза вызывали къ князю Репнину, и начальникъ края бесѣдовалъ попольски съ красавицей, шутилъ, разсказывалъ ей про Россію, ласкалъ ее, успокаивалъ и говорилъ, что она въ Москвѣ, по всей вѣроятности, найдетъ себѣ хорошаго жениха. При этомъ князь Репнинъ каждый разъ говорилъ по-русски своему адъютанту одно и тоже, что Софья могла понять, такъ какъ уже изрядно выучилась мараковать по-русски.

Репнинъ удивлялся насколько Софья была похожа на государыню.

Вслѣдствіе этого вниманія Репнина, и самъ надзиратель дома Адамъ Ивановичъ обращался съ Софьей ласковѣе. По крайней мѣрѣ, раза четыре въ недѣлю, Софья бывала въ гостяхъ у него, просиживала до сумерекъ съ его женой и съ его дочерью, хотя сначала объясняться съ ними ей было мудрено. Она не говорила ни слова по-нѣмецки, а жена Крона лишь съ усиліемъ могла объясняться по-латышски. Оставался одинъ польскій языкъ, на которомъ онѣ, хотя и съ большимъ трудомъ, объяснялись. Но вскорѣ Софья поразила всѣхъ своими успѣхами въ изученіи новыхъ для нея языковъ.

Проводя почти ежедневно по нѣскольку часовъ, какъ въ семьѣ Крона, такъ и въ бесѣдахъ съ другими нѣмцами, Софья быстро освоилась съ ихъ языкомъ и начала довольно изрядно объясняться. Русскій языкъ давался ей почему то съ большимъ трудомъ, но и на немъ могла она вскорѣ говорить. Въ дѣвушкѣ, очевидно, оказалась врожденная способность къ ученію и легкая переимчивость.

Вслѣдъ за Сковоротскими пріѣхалъ въ Ригу и молодой латышъ. Панъ Лауренцкій далъ ганцу достаточно денегъ для того, чтобы онъ могъ не только доѣхать до Риги, но и поселиться въ ней.

Черезъ нѣсколько дней послѣ помѣщенія Марьи съ семьей въ домѣ, гдѣ были уже Еприховы, Цуберка съумѣлъ повидаться съ своей возлюбленной и, затѣмъ, они стали свободно видаться очень часто, но всегда вечеромъ и ночью.

Заключенныхъ не пускали на улицу, но внутри двора и въ саду, гдѣ расчищались дорожки, они были совершенно свободны. Поэтому Софья могла всегда по вечерамъ долго гулять по саду, и осенью, и зимой, а Цуберка просто перелѣзалъ къ ней черезъ заборъ изъ переулка. Эти частыя свиданія конечно облегчали горькую участь и заключеніе для Софьи.

Разумѣется, влюбленные только и толковали объ своей разстроившейся внезапно свадьбѣ и о томъ какъ имъ быть и что предпринять... И конечно они долго ничего придумать не могли и рѣшили покуда ждать что будетъ. У пастуха было достаточно денегъ, чтобы предпринять путешествіе даже въ Москву, вслѣдъ за Софьей. Было рѣшено, что Цуберка поѣдетъ за Сковоротскими, хотя-бы на край свѣта, и тамъ, гдѣ они поселятся, будетъ сыграна ихъ свадьба.

Адамъ Ивановичъ былъ слишкомъ искусный и опытный тюремщикъ, чтобы не знать ничего о свиданіяхъ Софьи съ какимъ-то богатыремъ-латышомъ, но, не зная что это бывшій объявленный женихъ ея, смотрѣлъ на это добродушно. Крону и въ умъ не могло придти, чтобы красавица-дѣвушка, похожая на барышню, а не на крестьянку, могла быть влюблена въ нелѣпаго косолапаго парня, грязно одѣтаго и крайне глупаго на видъ.

„Просто отъ тоски болтаетъ она съ мужикомъ въ саду“, думалъ Кронъ.

Но тюремщикъ далъ маху и затѣмъ, вскорѣ, ему пришлось перемѣнить свое мнѣніе на счетъ невинной привязанности Софьи.

Побывавъ однажды, уже въ ноябрѣ мѣсяцѣ, съ докладомъ у начальника, Адамъ Ивановичъ въ разговорѣ съ Репнинымъ коснулся чудной дружбы Софьи съ молодымъ латышемъ. Осторожный Репнинъ взглянулъ на это иначе. Вернувшись домой и вызвавъ къ себѣ дѣвушку, Кронъ объяснилъ Софьѣ, что она должна перестать видаться со своимъ пріятелемъ и что если его снова поймаютъ какъ нибудь въ саду, то засадятъ въ острогъ.

Это конечно страшно поразило Софью...

На ея заявленіе, что она современемъ надѣется выдти за него замужъ, такъ какъ онъ поѣдетъ за ней вслѣдъ въ Россію и куда бы то ни было, Кронъ изумился, испугался и заявилъ дѣвушкѣ, что она ошибается, что этого не позволятъ, что молодого малаго не пустятъ ѣхать вслѣдъ за ними, а въ случаѣ неповиновенія, арестуютъ.

Нѣмецъ объяснилъ Софьѣ, что какова будетъ ея судьба въ Россіи—никому неизвѣстно, что можетъ быть ее выдадутъ тамъ замужъ по распоряженію начальства, и что во всякомъ случаѣ врядъ-ли ей позволятъ выдти за простого латыша-пастуха.

Предполагая, что привязанность Софьи все-таки самая дѣтская, нѣмецъ не поцеремонился, и на другой же день, увидя возлюбленныхъ снова вмѣстѣ въ саду, онъ пригрозился немедленно арестовать Цуберку и засадить его въ острогъ. Этого было конечно достаточно для предпріимчивой и горячей нравомъ Софьи.

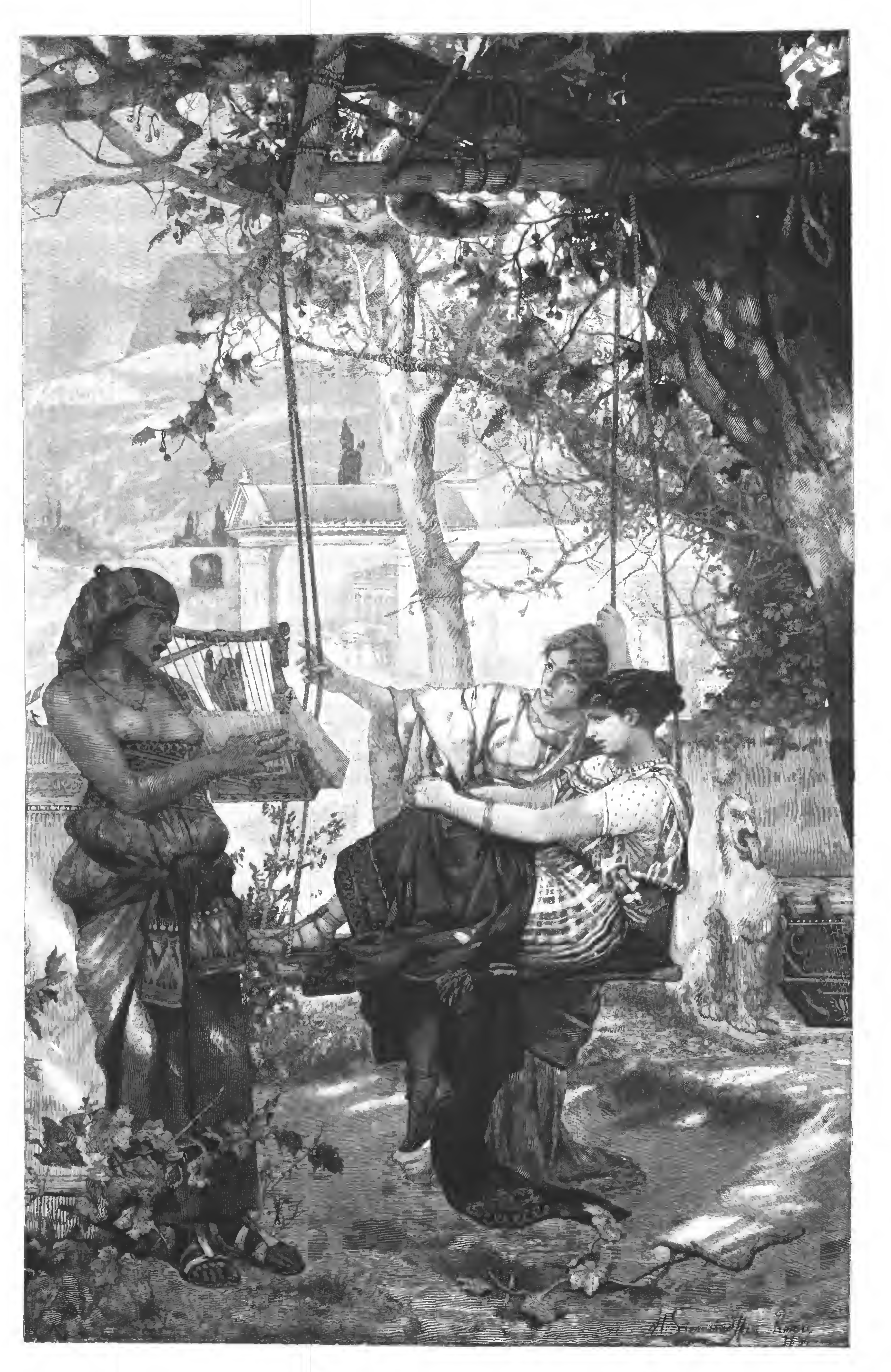
Черезъ два дня она повидалась снова съ возлюбленнымъ и такъ какъ онъ боялся перелѣзть черезъ заборъ, то влюбленные бесѣдовали черезъ скважину въ заборѣ. И здѣсь они рѣшили, что на другой-же день, въ полночь, Цуберка подъѣдетъ съ лошадьми, а Софья выйдетъ, и къ утру они будутъ уже верстъ за пятьдесятъ отъ Риги.

XXV.

Искреннее и серьезное чувство Софьи къ дохабенскому богатырю, доброму, но глуповатому, можно было объяснить только постоянствомъ характера. Еще тамъ, прежде, въ Дохабенѣ и въ Вишкахъ, мало-ли кто ласково и предупредительно обращался съ Яункундзе. Иные молодцы, сыновья богатыхъ семей въ Вишкахъ, красивые и ловкіе, совсѣмъ панычи на видъ, прямо ухаживали за ней. Помимо пана Лауренцкаго, уже пожилаго и некрасиваго, одно время другой сосѣдъ панъ, не молодой, но пригожій на видъ, былъ тоже влюбленъ немного въ Софью. Наконецъ, здѣсь въ Ригѣ одинъ изъ офицеровъ, состоявшихъ въ стражѣ „оной фамиліи“, молодой, красивый малый, успѣлъ тоже серьезно влюбиться въ красавицу.

Но Яункундзе только и отводила душу въ бесѣдахъ съ другомъ дѣтства.

Въ домѣ Адама Ивановича часто Софья встрѣчала кое-кого изъ нѣмцевъ рижанъ. Одинъ юный остзеецъ, сынъ богатаго землевладѣльца, узналъ тайно отъ Крона всю правду про „оную фамилію“ и узналъ, что ихъ всѣхъ, вѣроятно, повезутъ въ Петербургъ или въ Москву къ царицѣ. Затѣмъ онъ узналъ, что Софья, по сказанію всѣхъ и самого князя Репнина, удивительно

Пѣснь невольницы. Съ карт. Генриха Семирадскаго. грав. для „Нивы“ Голевинскій.

похожа на императрицу. Юный нѣмецъ и его отецъ сообразили и взвѣсили оба эти обстоятельства.

„Царица хочетъ всѣхъ приблизить къ себѣ. Что изъ этого можетъ произойти? Это дѣло не простое, и всякій умный человѣкъ долженъ въ этомъ совпаденіи заранѣе увидѣть серьезныя послѣдствія. Пожалуй, что эта нынѣ заключенная крестьянка можетъ сдѣлаться выгодной невѣстой."

Отецъ посовѣтовалъ сыну бывать чаще у Адама Ивановича и, встрѣчаясь съ Софьей, ухаживать за ней.

Но всѣхъ этихъ вздыхателей Софья, какъ въ Вишкахъ и въ Дохабенѣ, такъ и теперь, въ домѣ Адама Ивановича, всегда встрѣчала одинаково хладнокровно и иногда даже презрительно.

Ей дорогъ былъ одинъ богатырь-пастухъ, одинъ глуповатый Цуберка: его она любила и предпочитала всѣмъ. Въ Дохабенѣ, когда ей было всего только 12 лѣтъ, она часто цѣловала его, предварительно умывши, такъ какъ Цуберка былъ всегда чумазый. Теперь, въ Ригѣ, дѣвушка-красавица, положеніе которой измѣнилось здѣсь и должно еще болѣе измѣниться со временемъ, точно также требовала, чтобы ганцъ умывался всякій день, и оставалась вѣрна своему дѣтскому чувству. Мысль о разлукѣ съ Цуберкой камнемъ лежала у нея на сердцѣ.

Съ первыхъ дней прибытія въ Ригу и заключенія, она смутно обдумала свой будущій побѣгъ... И теперь она рѣшилась. Что ей московская столица!.. Что ей государыня и все, что сулятъ ей тамъ! Все это не стоитъ ласки дохабенскаго пастуха.

Въ условленный часъ, конечно ночью, Софья, заранѣе расцѣловавъ мать, братьевъ, маленькую сестренку, которую за послѣднее время привыкла нянчить, тихонько вышла въ садъ. Перелѣзть черезъ заборъ, сѣсть въ маленькія санки Цуберки—было для Яун-кундзе конечно дѣломъ одной минуты.

Дорогіе, сытые кони пана Лауренцкаго, которыхъ Цуберка въ Ригѣ берегъ и кормилъ въ волю, такъ подхватили сани и такъ помчали по столбовой дорогѣ влюбленныхъ бѣглецовъ, что у обоихъ духъ захватывало.

Дохабенскій ганцъ любилъ кататься всегда и часто проѣзжалъ коней пана Лауренцкаго, когда онъ ему это поручалъ. Поэтому Цуберка выучился лихо править и теперь онъ боялся только одного, какъ бы не разлетѣлись вдребезги его санки отъ лихой ѣзды...

Въ семь часовъ утра, Марья первая хватилась дочери и обратилась съ вопросомъ ко всѣмъ остальнымъ родственникамъ; всѣ стали ее искать по горницамъ и въ саду, спрашивать другъ у друга: „гдѣ Софья" Вѣсть объ розыскахъ дошла до команды, до самого Адама Ивановича, и въ домѣ заключенныхъ все поднялось на ноги, съ именемъ Софьи на устахъ. Но сама бѣглянка была уже теперь далеко отъ Риги.

Къ несчастью для влюбленныхъ, Цуберка былъ глупъ, а Софья была по юности своей недостаточно хитра и разсчетлива.

Бѣглецамъ слѣдовало бы конечно своротить куда нибудь на проселокъ, завернуть въ какую нибудь деревушку и оставаться тамъ до тѣхъ поръ, покуда тревога не уляжется вполнѣ. Слѣдовало бы, однимъ словомъ, поступить такъ, какъ когда-то поступили Якимовичевы. Вдобавокъ, на бѣду бѣглецовъ, рижское начальство обладало бо́льшими средствами, чѣмъ старостиха Ростовская.

Когда князь Репнинъ узналъ, что единственная взрослая дѣвушка всей фамиліи бѣжала, вдобавокъ старшая дочь и любимица Карлуса Сковоротскаго, который былъ давно уже въ Россіи, начальникъ невольно смутился самъ и разгнѣвался на подчиненныхъ.

Репнинъ имѣлъ свои собственныя свѣдѣнія объ Карлусѣ, онъ зналъ какая судьба постигла его въ Россіи, поэтому онъ могъ предвидѣть, какъ посмотритъ императрица на исчезновеніе взрослой дочери Карлуса, которой, быть можетъ, самодержица готовитъ особенную участь.

Въ перепискѣ съ Петербургомъ, раза два или три были запросы, касавшіеся исключительно этой Карлусовой дочери.

Разумѣется, князь Репнинъ тотчасъ поднялъ на ноги все, что могло только быть въ его распоряженіи.

Команды солдатъ, съ офицерами, верхомъ и въ саняхъ, разсыпались по всѣмъ дорогамъ и полетѣли такъ же быстро, какъ летѣлъ Цуберка съ возлюбленной. За поимку бѣглянки, князь Репнинъ обѣщалъ большое вознагражденіе.

За то Кронъ немедленно за недосмотръ потерялъ свою должность, былъ арестованъ и посаженъ въ тотъ самый острогъ, которымъ управлялъ тридцать лѣтъ въ качествѣ начальника.

Разумѣется, весь городъ при такомъ извѣстіи ахнулъ и толки объ Кронѣ, о бѣгствѣ дѣвушки, и вообще говоръ, разсужденья и пересуды объ „оной фамиліи", всполошили всю Ригу. Говорили, что Крона будутъ судить. Дошли до того, что говорили, будто бы Софью выкралъ посланецъ отъ самого польскаго короля.

Всѣ эти слухи и вся эта болтовня, доходившая иногда до князя Репнина, наконецъ до такой степени взбѣсили его, что, по его приказанію, было арестовано съ десятокъ человѣкъ въ городѣ, какъ въ частныхъ домахъ, такъ равно въ гербергахъ и полпивныхъ. Разумѣется, съ болтунами ничего не сдѣлали, предполагалось только продержать ихъ подъ арестомъ нѣсколько дней и выпустить. Нужна была только острастка, чтобы прекратить всякое „всенародное вранье, статскихъ дѣлъ касающееся".

Въ числѣ офицеровъ, добровольно вызвавшихся искать бѣглецовъ, былъ одинъ, недавно выздоровѣвшій и снова способный къ исполненію своихъ служебныхъ обязанностей. Это былъ офицеръ Пасынковъ, котораго такъ жестоко проучила старостиха Ростовская.

Пасынковъ былъ почти при смерти. Цѣлый мѣсяцъ пролежалъ онъ въ деревушкѣ, затѣмъ еле живой доставленъ въ Ригу и здѣсь, кое-какъ, поднялся на ноги. На его счастье, у него было шесть ранъ, но ни одна изъ нихъ не оказалась опасной. Пасынковъ былъ самый удалой офицеръ въ распоряженіи Репнина. Разумѣется, начальникъ принялъ его предложеніе и даже былъ увѣренъ, что именно Пасынковъ и розыщетъ бѣглецовъ.

Офицеръ имѣлъ то преимущество передъ другими гонцами военачальника, что зналъ хорошо въ лицо не только Софью, которую видалъ у Крона, но и самого Цуберку. Онъ могъ при розыскахъ по дорогѣ и въ деревняхъ давать подробное описаніе личностей.

Получивъ въ команду шесть человѣкъ солдатъ на отличныхъ коняхъ, Пасынковъ лихо выскакалъ изъ городской заставы. Выборъ дороги зависѣлъ отъ него и, конечно, Пасынковъ взялъ ту, направленіе которой, по его мнѣнію, долженъ былъ взять глупый Цуберка.

Проскакавъ нѣсколько верстъ по большому тракту, Пасынковъ свернулъ на другой трактъ, который шелъ къ мѣстечку Виддава. Цуберка однажды описывалъ Пасынкову въ бесѣдѣ: „какое это хорошее мѣсто эта Виддава, какъ тамъ дешевъ хлѣбъ и какіе добрые люди живутъ." И теперь Пасынковъ рѣшилъ, что Цуберка навѣрно поскакалъ въ свою Аркадію.

Разсчетъ офицера оказался совершенно вѣренъ...

Начавъ разспросы въ деревняхъ по дорогѣ, Пасынковъ скоро напалъ на слѣдъ бѣглецовъ. Примѣты двухъ лицъ, которыхъ онъ искалъ, было давать легко. Отличные кони, одинъ сѣрый, другой гнѣдой, маленькія санки, молодой, бѣлобрысый латышъ, богатырски сложенный, а съ нимъ молодая, красивая крестьянка, черная, какъ смоль, съ огненными глазами, съ румян-

цемъ во всю щеку и съ такими бровями, какихъ, быть можетъ, не было во всей окрестности. При такихъ примѣтахъ, во второй же деревушкѣ по пути Пасынкова, нѣсколько поселянъ заахали и закричали:

— Вотъ, вотъ!.. Они и есть!.. Они были, проѣзжали... Останавливались и молоко пили... Превеселые...

— А какъ кони... спросилъ Пасынковъ. Пріустали?..

— Да, пристали, былъ отвѣтъ. Видно что загналъ... Должно сразу шибко гналъ... Кони хорошіе, а ужъ почти еле бѣгутъ.

„Ну вотъ и слава Богу!" рѣшилъ Пасынковъ и двинулся далѣе.

Разумѣется, разстояніе между бѣглецами и погоней сокращалось все болѣе. Команда Пасынкова летѣла верхомъ, бѣглецы ѣхали на лошадяхъ, которыхъ успѣли покормить только одинъ разъ за цѣлыя сутки. Команда скакала ровно, бѣглецы ѣхали все тише и наконецъ рѣшили что надо отдохнуть цѣлую ночь и подумать куда ѣхать далѣе.

Такимъ образомъ черезъ сутки послѣ того, что въ Ригѣ все поднялось на ноги отъ бѣгства самаго виднаго члена „оной фамиліи", молодецъ Пасынковъ могъ накрыть глуповатаго настуха и красавицу Яункундзе.

Въ одной изъ деревушекъ, на разсвѣтѣ, поселяне на разспросы Пасынкова прямо указали на избу, гдѣ остановились проѣзжіе.

— Мы такъ и думали, такъ и почуяли, отозвались они, что это должны быть не простые проѣзжіе, а конокрады.

И тутъ же Цуберка и Софья, въ качествѣ конокрадовъ, были арестованы, посажены въ ихъ же собственныя сани и подъ конвоемъ команды двинулись обратно въ Ригу. Разумѣется, обратный путь совершался тише и благоразумнѣе.

Пасынковъ накрылъ бѣглецовъ почти за сто верстъ отъ Риги и поэтому пришлось сдѣлать четыре остановки для измученныхъ лошадей. Но черезъ сутки послѣ ареста бѣглецы были доставлены во дворъ дома князя Репнина.

Князь только-что поднялся и кушалъ кофе. Вѣсть несказанно обрадовала его. Онъ настолько былъ радъ успѣху, что даже обнялъ Пасынкова и сказалъ два слова: „не забуду!"

Затѣмъ, вызвавъ молодую дѣвушку къ себѣ въ кабинетъ, князь Репнинъ долго бесѣдовалъ съ ней наединѣ. Объ чемъ была эта бесѣда—осталось всѣмъ совершенно неизвѣстно. Софья вышла отъ военачальника вся въ слезахъ, но болѣе или менѣе спокойная. Тревога, въ которой она была всю дорогу послѣ ареста, у нея прошла; озлобленіе на неудачу тоже исчезло.

По приказанію князя, Софью, въ его собственномъ экипажѣ, отвезли обратно въ домъ, занимаемый „оной фамиліей". Что касается до похитителя Цуберки, то онъ былъ препровожденъ въ городской острогъ, и здѣсь, въ тотъ же день, латышу объяснили, что въ этомъ ціатумсѣ (острогѣ) онъ познакомится съ московскими „жаггари" (розгами), такъ какъ его указало начальство наказать „крѣпчайше и нещадно", для примѣра прочимъ.

Такое взысканіе „нещадное" могъ выдержать только такой богатырь, какимъ былъ настухъ Дохабена.

Когда Софья плакала горько, сидя съ матерью, но не винясь въ своемъ побѣгѣ и обманѣ, въ то же время изъ острога до прохожихъ и проѣзжихъ долетали дикіе вопли. Казалось, завывала благимъ матомъ какая нибудь огромная бѣлуга или ревѣлъ какой-то звѣрь.

Послѣ наказанія, Цуберку выпустили на свободу, но заявили, что его будутъ брать и пороть каждый разъ, что его встрѣтитъ кто либо изъ начальства на улицѣ города Риги.

— Такъ я лучше уѣду! воскликнулъ Цуберка догадавшись.

— Лучше, дуракъ, лучше...

— А какъ же Софья-то?.. спросилъ подумавъ ганцъ.

На это нѣсколько человѣкъ отвѣчали глупому латышу только хохотомъ.

Ганцъ Цуберка двинулся и пошелъ...

Съ тѣхъ поръ никто въ Ригѣ богатыря-ганца не встрѣчалъ, а дохабенскій бобыль всю жизнь помнилъ рижскій „ціатумсъ" и московскія „жаггари".

XXVI.

Зима проходила. Новаго не было ничего. Всѣ заключенные уныло и праздно проводили время. Одна Софья отъ горя и скуки со страстью училась по-нѣмецки и по-русски и уже владѣла обоими языками настолько хорошо, что могла легко вести всякую бесѣду. Кронъ, прощенный Репнинымъ и вновь занявшій свою должность, былъ главнымъ учителемъ Софьи. Болѣе всѣхъ однако волновался князь Репнинъ.

— Ахъ, чортъ бы ихъ побралъ! Перемерли бы они что ли, всѣ до единаго! Когда меня отъ этихъ дикообразовъ избавятъ!

Вотъ что думалъ и говорилъ наединѣ секретарю, своему главный начальникъ края, каждый разъ что дѣло касалось „оной фамиліи", содержащейся подъ его охраной и покровительствомъ. Князь Репнинъ, какъ царедворецъ, совершенно не зналъ, что ему дѣлать съ „фамиліей", какъ себя вести, что позволять, и что запрещать. Въ своихъ отношеніяхъ къ заключеннымъ онъ боялся и въ ласкѣ, и въ строгости недосолить или пересолить. Того и гляди возбудишь недовольство какъ за чрезмѣрную строгость въ надзорѣ, такъ и за неумѣстную ласку или попеченіе о нуждахъ всѣхъ этихъ хлоповъ. Главное обстоятельство, затруднявшее и смущавшее Репнина, заключалось въ томъ, что онъ окончательно не зналъ—какъ намѣрена поступить царица.

Постоянно переписываясь съ близкимъ къ царицѣ лицомъ—Макаровымъ—князь Репнинъ получалъ отъ него, конечно по личному указанію самой царицы, самые противурѣчивые указанія и совѣты. Иногда Макаровъ совѣтовалъ ничего не жалѣть для удобствъ, спокойствія „оныхъ персонъ", входить въ ихъ нужды, всячески „покоить" и „обласкивать". И вдругъ, послѣ того, получалъ онъ отъ того же Макарова приказаніе имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы оныя персоны „не плодили толковъ, не пускали соблазнительныхъ о себѣ рѣчей" и по сему имѣть за всѣми „неукоснительный, строгій надзоръ и бдительное око", а въ случаѣ же какого ослушанія прибѣгнуть и къ примѣрному взысканію.

Примѣрное взысканіе! Кромѣ розогъ не было ничего для поданія примѣра...

Вмѣстѣ съ тѣмъ Макаровъ въ продолженіи шести мѣсяцевъ обнадеживалъ Репнина, что вскорѣ будетъ присланъ къ нему въ Ригу довѣренный человѣкъ, который, принявъ отъ него всю фамилію, повезетъ всѣхъ въ Петербургъ.

— Господи! Когда я ихъ съ своей шеи сбуду! восклицалъ поэтому Репнинъ все чаще и отчаяннѣе.

Наконецъ, подъ новый 1726 годъ князь получилъ извѣстіе отъ Макарова, что курьеръ Левъ Микулинъ ѣдетъ изъ Петербурга за всѣми персонами, въ Ригѣ содержащимися.

Дѣйствительно, въ концѣ января явился офицеръ Микулинъ и привезъ приказъ отпустить Христину Енрихову со всей ея фамиліей, мужемъ, дѣтьми и сродственниками. При этомъ наказывалось князю не жалѣть денегъ на все имъ „въ дорогу потребное, какъ въ одеждѣ, такъ и въ прочемъ..."

Такъ какъ всѣ двадцать человѣкъ все еще ходили въ своемъ крестьянскомъ платьѣ, къ тому же поношенномъ, то пришлось всѣмъ, отъ мала до велика, шить одежду—камчатную женщинамъ и суконную мужчинамъ.

Князь Репнинъ хлопоталъ отъ зари до зари и спѣшилъ всячески. Онъ какъ бы боялся, чтобы тамъ, въ Питерѣ, не раздумали, не отложили опять перевоза „оной фамиліи“.

— И опять вся эта орава останется у меня на плечахъ! говорилъ онъ. Помилуй Богъ!

За двѣ недѣли все было готово...

Сковоротскіе, Енриховы и Якимовичевы одѣлись съ головы до пятъ хотя въ простое, но чистое платье. А Софья была даже особенно принаряжена, благодаря женѣ Крона. На ней было такое ситцевое розовенькое платьице и нѣмецкій передникъ на помочахъ и съ кармашками, что дѣвушку совсѣмъ узнать было нельзя. Красавица Софья стала совсѣмъ „hochgeborene Fräulein“, т. е. тѣмъ, чѣмъ ее уже давно прозвали латыши Дохабена.

Всѣ, вновь одѣтые, перемѣнились и лицомъ. Мужчинъ и мальчиковъ остригли по-русски, уничтоживъ у однихъ латышскую прическу, у другихъ „натуральную“, дѣлаемую лишь при помощи десяти пальцевъ. А именно эта прическа и была у всѣхъ мальчишекъ Енриховыхъ и Сковоротскихъ.

Всѣ были нѣсколько тревожны, но довольны. . Если предстоящее путешествіе въ „дальнія Россіи“—думалось имъ всѣмъ—началось съ шитья новаго платья и уплаты кой-какихъ долговъ, то очевидно не затѣмъ, чтобы, по привозѣ въ столицу москалей, отрубить всѣмъ головы. Можетъ быть затѣмъ увезутъ далеко отъ столицы, поселятъ на краю Татаріи, но все-таки дадутъ избы, земли, скотъ, рухлядь и всякую всячину.

Но въ средѣ бодро собиравшихся въ путь членовъ „оной фамиліи“ были два члена съ грустными лицами—Софья и Дирихъ. Яун-кундзе горевала, плакала, вздыхала по своему Цуберкѣ, котораго уже давнымъ-давно не видала, но все надѣялась какъ нибудь увидѣть. Теперь, покидая Ригу, она должна была конечно бросить всякую мысль не только о своемъ замужествѣ, но и надежду повидаться съ милымъ.

Софья знала, что послѣ „примѣрнаго взысканія“, которое примѣрилъ князь Репнинъ на дохабенскомъ ганцѣ, ея Цуберка, по собственной волѣ, немедленно покинулъ Ригу. Попросту сказать, ганцъ бѣжалъ безъ оглядки отъ возлюбленной, которую ревниво охраняли теперь горячія московскія „жаггари“ Это обстоятельство нѣсколько ожесточало горе самолюбивой Яункундзе.

„Какое бы наказаніе ни было, думалось ей, какъ можно было такъ быстро поддаться, струсить и бѣжать. Если любишь—то и розги не великая бѣда. Трусъ ты—Цуберка. Да. Или мало любилъ меня.“

Софьѣ, нѣсколько оскорбленной въ своемъ чувствѣ этимъ слабодушіемъ возлюбленнаго и его измѣной, казалось, что сама она, напротивъ, не уступила бы никакимъ угрозамъ и никакимъ пыткамъ.

Но это, разумѣется, только казалось наивной дѣвушкѣ, балованной до сихъ поръ всѣми: отцомъ, родней, паномъ, подругами, затѣмъ москалями-начальниками и наконецъ самой судьбой, которая всѣхъ заставляла ласково обращаться съ Софьей. Суровый Адамъ Ивановичъ и тотъ не устоялъ и всей душой полюбилъ дѣвушку А теперь новый начальникъ въ предстоящемъ путешествіи, офицеръ Микулинъ, тоже какъ-то особенно сладко и милостиво, масляными глазками, поглядывалъ на Софью.

Другой горюющій членъ „оной фамиліи“. но горюющій страшно, искренно и глубоко—былъ Дирихъ.

Его разлучили съ Триной.

Князь Репнинъ, а равно и Микулинъ, разобравъ дѣло, рѣшили, что слѣдуетъ везти одного Дириха или. какъ стали называть его москали—Фридриха. Что касается до его сожительницы-латышки и ея двухъ дочерей, то ихъ брать съ собой для представленья въ столицу было не только не нужно, но даже и неблагопристойно.

Въ виду страшнаго отчаянія Дириха при вѣсти объ разлукѣ съ Триной—князь Репнинъ, испугавшись что „бѣлоглазый дуракъ“ наложитъ на себя руки съ горя, рѣшился было обвѣнчать Дириха съ Триной, заручившись ихъ обоюдной, формальной объ этомъ просьбой. Но оказалось, къ несчастью, что Трина не вдова, а жена въ „бѣгахъ обрѣтающагося“ холопа. Мало того, послѣ тщательнаго разслѣдованія оказалось, что законный мужъ Трины извѣстный въ краѣ „заглисъ“ или воръ, сидящій въ острогѣ. Едва не рѣшился сановникъ притвориться ничего не знающимъ объ незаконномъ сожительствѣ Дириха съ Триной и отправить ихъ какъ „якобы вѣнчанныхъ мужа съ женой“, но при условіи не брать двухъ ея дочерей.

— Ступай одна, предложилъ ей Микулинъ. А дѣтей оставь здѣсь. Если позволятъ,—мы ихъ послѣ выпишемъ въ столицу.

Трина заявила. что она съ своими дочерьми ни за что не согласна разстаться и предпочитаетъ разлуку съ Дирихомъ.

Хитрая латышка перехитрила, думая, что москали, изъ попечительности объ Дирихѣ, согласятся захватить и ея дочерей.

Кончилось тѣмъ, что Тринѣ было заявлено, чтобы она немедленно, получивъ десять рублей на дорогу, покинула Ригу и уходила на всѣ четыре стороны.

Бѣдный Дирихъ былъ почти убитъ...

XXVII.

Наконецъ, столь желанный и счастливый день, для именитаго начальника князя Репнина, насталъ.

— Слава тебѣ Господи!.. крестился онъ на образа у себя въ кабинетѣ,—сбылъ я эту треклятую фамилію!.. Замерзни она въ дорогѣ, провалися подъ ледъ при переправѣ, или разбѣгись въ пути—все мнѣ едино и до меня не касается.. Сбылъ съ рукъ!.. Слава Создателю! .

Изъ Риги выѣзжалъ цѣлый поѣздъ въ 17 подводъ. Помимо двадцати безъ малаго лицъ, изъ которыхъ состояла „оная фамилія“, ѣхала команда въ 12 человѣкъ вооруженныхъ солдатъ при двухъ офицерахъ, подъ главнымъ начальствомъ петербургскаго курьера Микулина.

Въ числѣ этихъ двухъ офицеровъ былъ и Пасынковъ, вызвавшись снова самъ провожать путниковъ.

Нѣсколько подводъ. не простыхъ розвальней, а полугородскихъ саней вновь состроенныхъ, занимали три семьи. Впереди всю дорогу ѣхали Сковоротскіе, за ними Енриховы и затѣмъ Якимовичевы. Во главѣ поѣзда и въ хвостѣ двигались команды съ офицерами. Микулинъ ѣхалъ въ отдѣльныхъ саняхъ, позади всѣхъ. Онъ хорошо помнилъ совѣтъ князя Репнина:

— Смотри въ оба: ѣдутъ многіе неохотливо... Какъ бы кто у тебя не утекъ!

Разумѣется, пуще всѣхъ отрекомендовалъ князь въ этомъ отношеніи Софью и Фридриха. По отношенію къ послѣднему, князь былъ правъ; что касается до Софьи, то она слишкомъ была оскорблена малодушіемъ своего возлюбленнаго, у котораго „жаггари“ выстегали долголѣтнюю любовь.

Софья не знала какое искреннее убѣжденіе вынесъ Цуберка, что отъ москалевскихъ „жаггари“ никакая любовь не устоитъ.

По отношенію къ Дириху, Репнинъ оказался правъ. Не проѣхали путники сотни верстъ отъ Риги, какъ Дирихъ, хотя глупо и неловко, но уже два раза пытался бѣжать.

Однажды, при проѣздѣ черезъ густой лѣсъ, Дирихъ просто выскочилъ изъ саней, бросился въ чащу и исчезъ въ рыхломъ снѣгу. Цѣлый часъ ловили его сол-

Вечеромъ. Съ карт. Германа Каульбаха, грав. Кнезингъ.

даты по сугробамъ, какъ какого звѣря и, разумѣется, въ концѣ концовъ все-таки загнали къ санямъ. Разумѣется, всѣ они были недовольны и жаловались.

— Проклятый заяцъ... ворчали солдаты. Только перемочились и перемерзли всѣ изъ-за него.

Въ другой разъ Дирихъ на привалѣ тоже пропалъ и забился въ сосѣднемъ сѣновалѣ подъ сѣно. Опять нѣсколько часовъ искали его по всей деревушкѣ и только Пасынкову пришло на умъ искать на сѣновалахъ.

При этомъ, конечно, пришлось перетрясти все сѣно всей деревни и въ одномъ изъ сараевъ накрыли почти ужъ задохнувшагося бѣглеца.

На этотъ разъ Микулинъ сталъ подумывать, хотя и съ боязнію, но беря ужъ на собственную отвѣтственность: не связать ли Дириха по ногамъ.

„Можетъ быть за это зададутъ мнѣ трезвону въ столицѣ... думалъ онъ—да что же дѣлать! Если этакъ на каждомъ привалѣ или по пути ловить этого дурака, то вдвое долѣе проѣдешь, да и народъ замучаешь...“

(До слѣд. №).

Мое знакомство съ декабристомъ барономъ Черкасовымъ.

Разсказъ **А. К. Бороздина.**

(Окончаніе).

Въ одно утро, когда мы являлись по ежедневному обыкновенію къ начальству, оно вышло къ намъ въ свирѣпомъ видѣ.

— Съ чего ты это взялъ, обратилось оно ко мнѣ, что ты можешь обучать дѣтей, кто тебѣ далъ на то позволеніе?!

Въ первое мгновеніе у меня, что называется, закатилось сердце, и какъ я не бросился на этого негодяя и не вцѣпился въ него, я не понимаю.

— Прошу васъ не забывать кто я, отвѣтилъ я ему, весь похолодѣвъ и трясясь какъ листъ, и говорить мнѣ „вы“, а не „ты“.

— Что-о! бунтовать!! Трифоновъ, веди его въ острогъ! Я тебѣ покажу... Держать на хлѣбѣ и на водѣ.

Трифоновъ взялъ меня за рукавъ, я не сопротивляяся, и мы вышли вмѣстѣ.

Старикъ-унтеръ, Трифоновъ, былъ не злой человѣкъ; видя меня блѣднаго какъ полотно и шатающагося, онъ остановилъ меня въ сѣняхъ и приказалъ вѣстовому подать мнѣ кружку воды.

— Выпейте, ваше благородіе, васъ это освѣжитъ, сказалъ онъ мнѣ.

Я послѣдовалъ его совѣту, присѣлъ на лавку и послѣ нѣсколькихъ глотковъ сталъ чувствовать себя лучше. Въ глазахъ моихъ перестали мелькать зеленые круги.

Въ острогѣ просидѣлъ я въ одиночномъ заключеніи цѣлую недѣлю, меня посѣтилъ здѣсь, по приглашенію моему, священникъ, истинно по-христіански наставлялъ меня и утѣшалъ; онъ былъ простой, не мудреный священникъ, но понималъ высокое свое призваніе. По моей просьбѣ онъ пошелъ къ стряпчему, тоже не злому человѣку, смягчилъ его, тотъ ходилъ къ городничему и меня выпустили.

Когда я пришелъ домой, то узналъ, что NN сидитъ тоже въ острогѣ за какую-то бумагу, писанную имъ инородцамъ, посадили его дня три послѣ меня и выпустили тоже черезъ недѣлю. По вещамъ нашимъ мы увидѣли, что въ квартирѣ нашей былъ сдѣланъ самый тщательный обыскъ, въ платьѣ нашемъ распарывали подкладку и такъ и оставили неподшитою.

Мы пошли послѣ того къ стряпчему и подали ему письменное заявленіе обо всемъ случившемся и просили довести его до свѣдѣнія губернскаго прокурора; онъ намъ совѣтовалъ этого не дѣлать:

— Иванъ Семеновичъ (такъ звали городничаго) человѣкъ запальчивый, но не злой; вамъ съ нимъ не одинъ день придется жить, ссориться съ нимъ изъ-за пустяковъ (хороши пустяки) не слѣдуетъ. Погнѣвался и помилуетъ, а вы незаконно поступили, что начали учить дѣтей, не испросивъ на то надлежащаго разрѣшенія. Опять же писать условія и договоры инородцамъ тоже не имѣете вы права, какъ лишенные правъ состоянія. Очень мнѣ васъ жаль; но обязанъ вамъ объяснить, что вамъ слѣдуетъ быть очень осмотрительными.

— А обыскъ, сдѣланный въ нашей квартирѣ?

— И на это имѣется-съ статья въ инструкціи объ васъ. Вы находитесь подъ строжайшимъ надзоромъ-съ.

— Если все это такъ, то по всему вѣроятію господину городничему не позволено все-таки наносить намъ оскорбленія, ругать насъ неприличными словами и говорить намъ „ты“.

— Оскорблять никого не дозволяется-съ; но его слова не оскорбленіе-съ, а внушеніе; онъ человѣкъ военный-съ, держится-съ своего артикула, а въ военной службѣ старшему дозволяется говорить „ты“ младшему-съ.

— Поймите же, Флегонтъ Сысоевичъ (такъ звали стряпчаго), сказали мы ему, что если мы лишены всѣхъ правъ состоянія, то все это не лишило насъ человѣческаго достоинства. Беззащитные при наносимыхъ намъ оскорбленіяхъ, не вызванныхъ никакимъ нашимъ дѣйствіемъ, мы ставимся въ необходимость отвѣчать на оскорбленіе оскорбленіемъ; въ нашемъ положеніи доведетъ насъ до того отчаяніе...

— Все понимаю-съ, господа, и буду стараться оказать вамъ посильное содѣйствіе, только совѣтъ мой вамъ-съ быть самимъ поосторожнѣе-съ. Затѣмъ-съ, свидѣтельствую вамъ свое почтеніе,—меня ждутъ въ острогѣ, закончилъ онъ рѣчь свою и вынулъ изъ кармана луковицу.

Въ тотъ же вечеръ, когда мы пришли являться къ городничему, онъ кивнулъ намъ только головой и пробурчалъ: „хорошо, ступайте“.

Такъ покончилась первая наша пытка, подстроенная Грабе-Горскимъ, и затѣмъ пошелъ рядъ имъ же пускаемыхъ на насъ пакостей.—Разсказать ихъ всѣ нѣтъ возможности. Мы жили у вдовы чиновника и занимали въ ея домикѣ двѣ комнаты. Старшій сынъ ея, лѣтъ двадцати пяти, служившій писаремъ въ полиціи, былъ горькій пьяница, и въ свѣтлые промежутки свои вздумалъ насъ посѣщать и вести съ нами разговоры. Малый былъ неглупый и учился когда-то въ семинаріи, откуда его выгнали за безпутство; понять и оцѣнить его было не мудрено, и потому мы всячески старались отъ него отдѣлываться, за что онъ крѣпко насъ не взлюбилъ; его-то и настроили писать на насъ доносы. Онъ обвинялъ насъ въ безбожіи и вольнодумствѣ. „Лба-то мы никогда не перекрестимъ, скоромное ѣдимъ въ великій постъ, городничаго ругаемъ, запираемся на замокъ, о чемъ-то шепчемся, что-то замышляемъ, говоримъ постоянно между собой на какомъ-то непонятномъ языкѣ, пишемъ что-то и потомъ рвемъ и сжигаемъ“. И все въ подобномъ же родѣ. Среди всей этой белиберды обращено было вниманіе на одно обстоятельство: „на какомъ основаніи мы говорили при хозяйскомъ сынѣ, что долго здѣсь не останемся; не слѣдовало ли было видѣть въ этомъ намѣренія нашего къ побѣгу?“ Унтеру приказано было слѣдить за нами строже и каждый день внезапно насылать къ намъ кого нибудь изъ своей команды, чтобы глядѣли что мы дѣлаемъ.

Мы перебрались на другую квартиру, къ мѣщанину, когда-то торговавшему мѣхами, но проторговавшемуся. Первое время у него пошло какъ бы получше, да самъ онъ крѣпко зашибалъ, въ эти минуты обращался въ звѣря, колотилъ всѣхъ домашнихъ, ревѣлъ на весь домъ, доходилъ до бѣлой горячки и тогда его связывали веревками. Семья голодала, побиралась; изъ дѣтей, одна дѣвочка, лѣтъ двѣнадцати, была отчаянная воровка и никакіе ключи наши не могли насъ уберечь отъ нея. Пришлось опять искать квартиры.

Городничій, узнавъ объ этомъ, приказалъ намъ разойтись по разнымъ домамъ и запретилъ жить вмѣстѣ. Когда мы попробовали возражать, затопалъ, загорланилъ и пригрозилъ снова острогомъ.

— Я вамъ покажу бунтоваться, не допущу никакихъ тамъ вашихъ замысловъ и заговоровъ. Извольте разъѣзжаться, да чтобы и свиданій у васъ не было.

Эта жестокость чуть меня не сломила. Разлука съ NN была слишкомъ тяжкимъ испытаніемъ. Поселился я въ избѣ одного инвалиднаго солдата и сталъ искать спасенія отъ отчаянія въ физическомъ трудѣ. Началъ рубить дрова, таскать воду, кули, руки свои довелъ до мозолей.

И ко всѣмъ этимъ бѣдствіямъ присоединились угнетающія здоровье климатическія условія. Зимой морозы переходили за сорокъ градусовъ, держались цѣлый мѣсяцъ не спадая, кровь стыла отъ нихъ и приходилось пить рыбій жиръ и оленью кровь: они одни спасаютъ отъ скорбута; водка же согрѣваетъ только на минуту, опьяняетъ и дѣйствуетъ на организмъ разрушительно. Втянуться въ нее тутъ не почемъ и потому пьянство, въ особенности среди инородцевъ, почти поголовное. Лѣто коротенькое и крайне мучительное отъ неимовѣрнаго количества слѣпней, мухъ, комаровъ и москитовъ; отъ нихъ нѣтъ покою ни днемъ, ни ночью и они производятъ своимъ укушеніемъ накожныя болѣзни, обращающіяся въ раны.

Три года привелось мнѣ провести въ этомъ ужасномъ уголкѣ, въ которомъ чуть ни полгода не бываетъ видно совсѣмъ солнца, и провести ихъ въ условіяхъ самыхъ тягостныхъ, политическаго поднадзорнаго, котораго травили, какъ звѣря. Но это испытаніе принесло мнѣ и много пользы, оно было суровой для меня школой и научило цѣнить добрыхъ людей, которыхъ я и тамъ нашелъ: соборный священникъ и учитель приходскаго училища, были мнѣ моими истинными благодѣтелями и друзьями; у нихъ я часто видался и съ NN, со мною разлученнымъ. А потомъ, я не посовѣщусь вамъ признаться, что тутъ я впервые увѣровалъ въ Бога; французскіе энциклопедисты, на которыхъ выросло все наше поколѣніе, въ корнѣ парализовали въ насъ всякое религіозное чувство и его могло только вызвать къ жизни тяжелое испытаніе. Скажутъ, пожалуй, что это было малодушіемъ, но скажутъ только тѣ, кото-

рые не сознаютъ высокаго назначенія нашей жизни: прекратить жизнь самоубійствомъ въ минуту отчаянія не мудрено, но спастись отъ отчаянія возможно только взывая къ Богу. Я испыталъ это самъ на себѣ и съ какимъ сладостнымъ чувствомъ читаю я послѣ того всякій разъ чудную молитву Ефрема Сирина.

На третій годъ моей ссылки въ Березовѣ, перевели меня въ Читу и тутъ условія меня окружающія совсѣмъ измѣнились къ лучшему и утѣшительнѣе всего было для меня то, что я сошелся съ людьми, несшими одинъ и тотъ же крестъ со мною и несшими его съ недосягаемою для меня твердостію и вѣрою въ Промыслъ.

При послѣднихъ словахъ Алексѣя Ивановича на колокольнѣ сельской церкви раздался благовѣстъ къ заутрени.

— Ну, батюшка, заморилъ же я васъ своимъ разсказомъ, дотянулъ его до 4 часовъ, да и свѣчи ужъ почти догорѣли. Прощайте, прощайте, а я пойду къ заутрени.

V.

Не скоро однако же могъ я заснуть подъ сильнымъ впечатлѣніемъ слышаннаго мною, все это было ново для меня и наводило на размышленіе. Забылся я, когда уже стало совсѣмъ свѣтать.

Утренній чай подавался у Елизаветы Николаевны въ десять часовъ и мы собирались всѣ въ столовую. На этотъ разъ меня съ трудомъ растолкали и когда я явился къ чаю, всѣ были уже въ сборѣ, а Черкасовъ, совсѣмъ встрепанный, какъ будто и не проводилъ безсонной ночи, успѣвшій отслушать заутреню и раннюю обѣдню, побывавшій затѣмъ у нашего священника, отца Александра, разсказывалъ теперь хозяйкѣ, какъ онъ лечитъ коровью болѣзнь, называемую чеберомъ. Та его слушала, очень благодарила за совѣты и просила, послѣ чаю, пойти на ферму, гдѣ у нея было до ста штукъ дойныхъ коровъ, а оттуда на конскій заводъ и вездѣ произвести строжайшую ревизію, чтобы дать свое заключеніе объ этихъ статьяхъ ея хозяйства. Управителю данъ былъ приказъ его сопровождать и все показывать.

Обѣдали мы въ три часа. Алексѣй Ивановичъ до тѣхъ поръ успѣлъ все обѣгать, все осмотрѣть, придти къ хозяйкѣ и дать ей подробный отчетъ своей ревизіи. За обѣдомъ онъ видимо былъ утомленъ и какъ только мы встали изъ-за стола, отправился ко мнѣ, на боковую.

Въ эти времена впервые стали появляться въ нашихъ газетахъ свѣдѣнія о спиритизмѣ и столоверченіи въ Америкѣ. Способъ верченія былъ такъ подробно описанъ, что въ Критово мы сдѣлали опытъ и къ нашему изумленію достигли неожиданныхъ результатовъ: столы всѣхъ форматовъ, и маленькіе, и большіе, бѣгали, а главное и тогда, когда за нихъ сажали людей самыхъ простыхъ, ни мало не подозрѣвающихъ, что ихъ ожидаетъ. Фактъ присутствія въ этомъ явленіи какой-то неизслѣдованной еще силы былъ несомнѣненъ и мы относились къ нему съ большимъ любопытствомъ; но намъ и въ голову не приходило, что изъ этого могутъ выйти маленькіе столики съ карандашами, пишущіе на бумагѣ отвѣты духовъ, а за ними и все дальнѣйшее, совершившееся въ мірѣ сношеній съ этими невидимыми духами.

Объ этомъ завелъ я рѣчь съ Черкасовымъ вечеромъ, за чайнымъ столомъ, и, къ удивленію, увидѣлъ, что попалъ въ его больное мѣсто. Маленькіе глаза его заблестѣли какъ угли и онъ прочелъ мнѣ цѣлую лекцію о своей системѣ демонологіи... Началось съ разсказа о сибирскихъ шаманахъ, несомнѣнно, по мнѣнію его, владѣющихъ никому еще неизвѣстными тайнами природы: онъ передалъ массу фактовъ, поражающихъ своею чудесностію, непостижимостью; отъ шамановъ перешелъ къ Сведенборгу, Месмеру, Экарцгаузену и закончилъ теоріей спиритизма. Повторять всего этого не интересно, въ особенности теперь, когда по этому предмету образовалась уже громадная литература, никого не убѣдившая въ своей теоріи и ничего не разъяснившая, и тѣмъ не менѣе, когда я слушалъ его, на этотъ разъ онъ мнѣ представился совсѣмъ другимъ человѣкомъ, чѣмъ вчера. Вчера я слушалъ человѣка сильнаго духомъ, закалившаго эту силу страданіями, среди которыхъ подпорою явилась ему самая теплая и смѣлая вѣра въ Промыслъ Божій, и онъ, разсказывая свои воспоминанія, былъ прекрасенъ; а теперь сидѣлъ передо мною не вѣрующій человѣкъ, а мистикъ, желающій все необъяснимое и непостижимое объяснять пріемами эмпиризма, и этотъ сегодняшній человѣкъ куда какъ ниже показался мнѣ вчерашняго. И невольно подумалось мнѣ при этомъ: „какія же потёмки однако-жъ душа-то человѣческая, когда въ ней, рядомъ съ безграничною вѣрою, можетъ уживаться самое острое невѣріе, замаскированное мистицизмомъ.“

Въ эту же ночь Алексѣй Ивановичъ уѣхалъ изъ Критова, взявъ съ меня обѣщаніе быть у него въ деревнѣ; но, къ сожалѣнію, послѣ того мы никогда уже съ нимъ не встрѣчались.

Я слышалъ послѣ, что онъ женился, былъ очень счастливъ въ супружествѣ и дожилъ до освобожденія крестьянъ, котораго съ юности своей жаждалъ, какъ всѣ декабристы.

А между тѣмъ, не могу скрыть, что эти самые крѣпостные его крестьяне относились къ нему совершенно иначе, чѣмъ онъ къ нимъ. Когда онъ былъ сосланъ и потерялъ всѣ права, населенное его имѣніе перешло къ брату его, Петру Ивановичу, который черезъ двадцать пять лѣтъ, послѣ полнаго помилованія брата, возвратилъ ему въ цѣлости всю его часть. И что же? Крестьяне въ этомъ имѣніи заволновались и не хотѣли признавать за барина каторжника. Не малаго стоило труда мѣстному предводителю дворянства и исправнику, чтобы ихъ успокоить. Черкасовъ ихъ не тѣснилъ, не разорялъ, обращался съ ними какъ съ братьями, а не съ своими подвластными, и все-таки ничѣмъ не могъ ихъ подкупить: они молчали, но въ душѣ никогда не помирились съ тою мыслью, что они принадлежатъ каторжнику. Такъ уже цѣлостны бываютъ во всемъ понятія народа о всѣхъ вещахъ.

Пожаръ вѣчнаго города.

Очеркъ **Шванфельдера.** (Перев. съ нѣмецкаго).

Знаменитѣйшій древній городъ Римъ, во время своей цвѣтущей эпохи, а также и во время Имперіи, былъ красивѣйшимъ городомъ въ Европѣ. Не смотря на неправильную постройку старыхъ частей, кривизну узкихъ улицъ и не вполнѣ изящные фасады высокихъ домовъ съ неправильно расположенными окнами, общій видъ Рима, съ его моремъ домовъ и множествомъ храмовъ, дворцовъ, театровъ, арокъ, воротъ и колоннъ, тѣмъ не менѣе представлялся величественнымъ съ Капитолія или съ одного изъ Семи Холмовъ.

Извѣстно, что во время Августа населеніе, безъ всадниковъ и сенаторовъ, женщинъ и дѣвушекъ, составляло 320,000 душъ; поэтому можно предположить, что общее число всѣхъ свободныхъ жителей было не менѣе 650,000. Если же принять во вниманіе рабовъ, которыхъ во всякомъ случаѣ было больше чѣмъ людей свободныхъ, то число жителей было немногимъ менѣе двухъ милліоновъ. Со времени же Августа населеніе Рима постоянно увеличивалось до Траяна (98—117 послѣ Р. Х.), при которомъ достигло повидимому наивысшей цифры. Писатель той эпохи, въ виду многоэтажныхъ домовъ Рима, говоритъ: „Какъ сильный человѣкъ поднимаетъ и носитъ другихъ, такъ Римъ несетъ города надъ городами, которые онъ поднялъ на высоту; если-бы ихъ разставить по землѣ, то ими покрылась бы, какъ однимъ городомъ, вся Италія до Адріатическаго моря“.

Такимъ былъ Римъ во время царствованія Нерона, излишества и жестокости котораго вошли въ пословицу. Достигнувъ престола помощью интриги, онъ предался невоздержной жизни, приказалъ умертвить свою мать Агриппину и жену Октавію, выказывалъ самыя странныя прихоти, самыя низкія страсти и любилъ выставляться своимъ недостойнымъ поведеніемъ. Неудивительно поэтому, что преданіе приписывало ему сожженіе прекраснаго Семихолмнаго города въ 64 г. послѣ Р. Х. 17 іюля того же года (въ десятый годъ царствованія Нерона), въ день когда нѣсколько столѣтій назадъ Римъ былъ подожженъ галлами, ночью, на южной сторонѣ цирка Максима вдругъ вспыхнулъ пожаръ, быстро распространившійся. Вокругъ стѣнъ цирка были построены лавки съ воспламеняющимися веществами и такимъ образомъ пламя, гонимое восточнымъ вѣтромъ, нашло обильную пищу и пошло по двумъ направленіямъ, нигдѣ не встрѣчая массивныхъ стѣнъ, которыя могли бы остановить его. Циркъ, съ одного конца до другого, былъ окруженъ деревянными галлереями, по которымъ пламя шло съ необычайною быстротою.

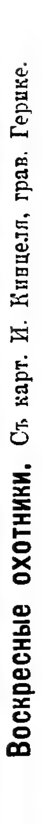
Съ возрастающею силою огонь охватилъ вначалѣ болѣе низменныя части, перешелъ затѣмъ на части города лежавшія выше, а затѣмъ снова спустился; скорость его, благодаря узкимъ и неправильно расположеннымъ улицамъ, а также высокимъ домамъ, не поддавалась никакимъ усиліямъ пріостановить его. Пламя неудержимо пробивало себѣ путь, наконецъ достигло такой силы, что кирпичи и камни свертывались отъ жара точно бумага.

Пламя, такъ описываетъ историкъ это ужасное бѣдствіе, нашло обильную пищу въ сплоченной массѣ домовъ, въ деревѣ и балкахъ верхнихъ этажей и чрезъ узкія улицы легко перескакивало съ дома на домъ. Съ крикомъ и стономъ, съ проклятіями и ужасомъ, старцы и мужи, дѣти и женщины выбѣгали изъ домовъ, заломивъ руки, бѣжали густою толпою по улицамъ, встрѣчая всюду смерть и разрушеніе. Многіе были застигнуты въ домахъ и не находили выхода; въ отчаяніи они взывали о помощи съ крышъ и изъ оконъ, пока дымъ не удушалъ ихъ и огонь не поглощалъ. Тутъ рушатся стѣны, тамъ съ трескомъ падаетъ многоэтажный домъ, засыпая камнями и горящими балками волнующуюся, кричащую толпу. Кипящій паръ, пепелъ и искры носились по улицамъ, такъ что убѣгавшіе не знали куда направить свои шаги.

Замѣшательство громадно и всеобще. Одни стоятъ въ оцѣпенѣніи и молча смотрятъ какъ пламя пожираетъ ихъ жилище и имущество, пока горящая балка не убиваетъ ихъ; другіе убѣгаютъ изъ горящаго дома въ другой, представляющій болѣе защиты; но и сюда проникаетъ огонь и бѣгство продолжается далѣе. Одни падаютъ на другихъ, многихъ сшибаютъ съ ногъ и они

Татарская деревня. Изъ альбома проф. К. Гуна, грав. М. Рашевскій.

Воскресные охотники. Съ карт. И. Кинцеля, грав. Герике.

болѣе не встаютъ. Большинство довольно, что спасаетъ хоть свою жизнь. Нѣкоторые связываютъ все болѣе дорогое и убѣгаютъ съ узломъ; ноша становится ихъ погибелью: они или падаютъ отъ истощенія, или рука грабителя кладетъ ихъ на мѣстѣ.

Тысячи погибли подъ развалинами, отъ давки или руки убійцы; многіе въ отчаяніи сами бросались въ пламя. Наконецъ всѣ обратились въ бѣгство: городъ не представлялъ болѣе защиты, по многимъ путь преграждали развалины.

На дорогахъ, за городомъ и на поляхъ располагались спасшіеся, изъ которыхъ многіе умирали тутъ отъ голода.

Среди всѣхъ ужасовъ, какъ разсказываютъ, видѣли не только солдатъ и стражу, мѣшавшихъ всякимъ попыткамъ остановить огонь, но также разныхъ людей, бросавшихъ головни въ уцѣлѣвшіе дома. Пойманные, они говорили на допросѣ, что дѣлаютъ это по высшему приказу.

На этомъ основано предположеніе многихъ историковъ, что Неронъ приказалъ своимъ слугамъ поджечь Римъ. И этому, въ виду его жестокаго характера, преданіе придавало вѣру. Существуетъ еще мнѣніе, что сожженіе Рима произошло не отъ одной жестокости, но изъ желанія отстроить его лучше и назвать своимъ именемъ. Но какъ ни былъ испорченъ этотъ правитель, его напрасно обвиняютъ. Почти всѣ новѣйшіе историки того мнѣнія, что Нерону едва-ли можно приписать пожаръ Рима, въ доказательство чего приводятъ многіе вѣскіе доводы. Однако вопросъ этотъ не рѣшенъ еще окончательно.

Во время начала пожара, Неронъ былъ не въ Римѣ, а въ своей виллѣ Анціумъ, въ 68 верстахъ отъ города. Прибывъ въ столицу, онъ нашелъ свой дворецъ объятымъ пламенемъ. Въ эту же ночь, безъ стражи, онъ побывалъ во всѣхъ мѣстахъ, которымъ грозила опасность, съ цѣлью распорядиться средствами спасенія, и въ слѣдующіе дни открылъ для безпріютной толпы рядъ пустыхъ построекъ, а также принадлежавшіе ему сады. Онъ распорядился немедленнымъ сооруженіемъ большихъ бараковъ и доставленіемъ изъ Остіи и другихъ мѣстъ необходимыхъ матеріаловъ.

Далѣе сообщаютъ, что во время полнаго отчаянія всего Рима, когда многіе съ горя бросались въ пламя, Неронъ вошелъ на самый высокій фронтонъ Палатіума, откуда можно было видѣть всю горѣвшую часть города, и въ костюмѣ арфиста декламировалъ стихи, сочиненные имъ на разрушеніе Иліума. Подобные фантастическіе поступки были въ характерѣ императора, который не считалъ ниже своего достоинства выступать публично какъ пѣвецъ и актеръ.

Послѣ шестидневнаго свирѣпствованія, огонь, наконецъ, прекратился; безпріютная толпа вздохнула свободнѣе и начала отыскивать уцѣлѣвшее имущество подъ развалинами домовъ. Но вотъ вспыхнулъ другой пожаръ, въ новой части города. Мѣстность эта была не такъ густо застроена, притомъ же вѣтеръ повернулся такъ, что на этотъ разъ можно было скоро остановить огонь. Чрезъ три дня пожаръ былъ прекращенъ; теперь погибло меньше людей и испепелилось меньше домовъ чѣмъ въ первый разъ, но за то было уничтожено больше дорогихъ построекъ, какъ напр. храмовъ, театровъ, галлерей и проч.

Дѣйствіе двойного пожара было ужасно. Изъ четырнадцати кварталовъ, на которые былъ раздѣленъ городъ, три разрушены окончательно, а семь другихъ болѣе или менѣе тяжело повреждены; только четыре остались невредимыми. По новѣйшимъ вычисленіямъ, поле пожара было въ три раза больше, нежели поле знаменитаго лондонскаго пожара въ 1666 г., разрушившаго 13,000 зданій. Число сгорѣвшихъ домовъ, дворцовъ и храмовъ въ Римѣ—говоритъ Тацитъ, подробно повѣствующій объ этой катастрофѣ—трудно опредѣлить съ точностью, однако въ числѣ ихъ находились древнѣйшія святыни, храмъ Луны, храмъ Діаны, часовня и алтарь Геркулеса, храмъ построенный Ромуломъ въ честь Юпитера Статора, святилище Весты съ Палладіумомъ и неугасаемымъ очагомъ римскаго народа и пр. Безчисленныя художественныя сокровища, произведенія греческой живописи и ваянія, драгоцѣнные трофеи геройской эпохи, важныя бумаги и документы—все сдѣлалось жертвою пламени.

Подозрѣніе, что императоръ—причина несчастія, начало все болѣе укореняться въ народѣ и вытекающее отсюда недовольство проявилось скоро, что и было замѣчено Нерономъ. Желая успокоить возбужденный народъ и дать злобѣ его другое направленіе, онъ указалъ на христіанъ, жившихъ тогда въ Римѣ, какъ на виновниковъ пожара. И вотъ началось жестокое преслѣдованіе несчастныхъ жертвъ. При этомъ выказался весь отвратительный характеръ Нерона. Онъ пользовался всякимъ случаемъ, чтобы дать народу зрѣлище особаго рода. Кровавыя представленія, распинанія на крестахъ, обезглавленія, сжиганія на кострахъ и другіе ужасы были долго обыкновеннымъ явленіемъ. Когда же Неронъ особенно хотѣлъ потѣшить варварскую толпу, онъ приказывалъ зашивать несчастныхъ въ звѣриныя шкуры и отдавать ихъ на растерзаніе собакамъ; иные смазывались дегтемъ и смолою, привязывались на столбы и съ наступленіемъ темноты зажигались: *живые эти факелы* освѣщали оргіи. Для этихъ страшныхъ зрѣлищъ Неронъ уступилъ свои собственные сады.

Это было первое жестокое преслѣдованіе христіанъ, о которомъ сообщаетъ исторія и которое нельзя основать на религіозныхъ причинахъ, такъ какъ религіозная нетерпимость вообще была чужда древнимъ народамъ. Хотя прежде этого императоръ Клавдій и относился къ христіанамъ недружелюбно, но онъ довольствовался только изгнаніемъ ихъ изъ Рима.

Едва былъ потушенъ огонь и едва охладѣлъ пепелъ, какъ, по приказанію Нерона, были созваны тысячи рабочихъ для очистки мѣстности и для новыхъ построекъ. Императоръ самъ съ многими архитекторами начертилъ планъ. Улицы были теперь выведены прямо, дома построены исключительно изъ камня и не особенно высокими, и снабжены на переднемъ фасадѣ дававшими тѣнь галлереями. Для поданія помощи при пожарахъ были устроены многочисленные бассейны. Тѣ владѣльцы земли, которые не были въ состояніи построить дома на собственныя средства, получали деньги изъ государственной кассы, другимъ назначалось вознагражденіе за окончаніе постройки къ извѣстному сроку.

Большую часть погорѣлаго мѣста Неронъ занялъ подъ собственныя сооруженія. Тутъ онъ воздвигъ величественный дворецъ съ большимъ паркомъ, въ которомъ находились даже хлѣбныя поля, луга, большіе пруды, рощи и искусственно устроенныя дорожки съ прелестными видами. Громадное это сооруженіе, равнявшееся площадью цѣлому городу, было устроено съ такою роскошью, что получило въ народѣ названіе „Золотого дома". Дворъ на длинѣ тысячи шаговъ былъ окруженъ тройною галлереею; тутъ же находилась громадная, въ 120 футовъ вышины, бронзовая статуя императора. Внутри дворецъ былъ обшитъ золотомъ; потолки состояли изъ подвижныхъ слоновой кости пластинокъ, сквозь которыя испарялись духи, наполнявшіе залы. Одна изъ залъ двигалась вокругъ оси, подражая движенію вселенной.

„Наконецъ—замѣтилъ Неронъ послѣ окончанія всѣхъ сооруженій—я буду жить по-человѣчески!"

Богатые римляне и даже богатые вольноотпущенники подражали императору въ возведеніи роскошныхъ построекъ, и такимъ образомъ, изъ пепла возникъ Римъ гораздо красивѣе прежняго. Можно даже сказать, что прежній дурно построенный городъ только послѣ пожара достигъ той красоты и величія, которыя до его паденія служили удивленіемъ всего міра.

Люди-феномены.

Очеркъ.

На послѣднемъ собраніи естествоиспытателей и врачей въ Берлинѣ, бреславльскій профессоръ Фердинандъ Конъ, одинъ изъ выдающихся изслѣдователей растительнаго міра, указалъ, что химія, не смотря на громадные успѣхи этой науки, не въ состояніи совершить того, что можетъ даже самая простая водоросль, самый крошечный грибъ. Именно, не въ состояніи сдѣлать изъ угольной кислоты и воды крахмалъ. „До тѣхъ поръ, говоритъ Конъ, пока органическая химія не постигнетъ этой тайны растеній и пока намъ для питанія будутъ служить лишь хлѣбныя травы, всегда будетъ существовать грозный хлѣбный вопросъ, такъ какъ земля въ состояніи дать только опредѣленное количество питательныхъ растеній. Но если химики будутъ въ состояніи приготовлять крахмалъ изъ угольной кислоты и воды, имѣющихся повсюду во множествѣ, тогда прибавленіемъ азота можно будетъ получать бѣлковыя вещества, хлѣба было бы въ изобиліи и соціальный вопросъ былъ бы разрѣшенъ."

Но пока наступитъ этотъ золотой вѣкъ, не безъинтересно ознакомиться съ другимъ способомъ разрѣшенія хлѣбнаго вопроса. Итальянецъ Сукки изобрѣлъ напитокъ, употребленіе котораго дастъ возможность просуществовать долгое время безъ всякой пищи, что онъ и подтвердилъ наглядно, подвергнувъ себя въ Миланѣ голоду, въ теченіе тридцати дней и десяти часовъ.

Люди, могущіе существовать долгое время безъ пищи, бывали всегда. Двѣсти лѣтъ тому назадъ, нѣкто Исаакъ Генрихъ Стифонъ, въ Гарлемѣ, въ порывѣ религіознаго экстаза, не принималъ ни пищи, ни питья съ 6 декабря 1684 г. по 15 января 1685 г. Подобные случаи извѣстны и въ послѣднее время. Добровольный постъ американскаго доктора Таннера, длившійся цѣлыхъ шесть недѣль, возбудилъ общее вниманіе.

Послѣдователемъ его былъ упомянутый выше итальянецъ Сукки, выдержавшій свой постъ съ 18 августа по 18 сентября, въ помѣщеніи, предоставленномъ въ его распоряженіе Миланскимъ городскимъ управленіемъ.

Этому человѣку теперь 33 года; онъ родился въ городкѣ Форти, между Болоньей и Анконою. Въ 1874 г. онъ отправился путешествовать въ Африку. Во время этого путешествія онъ и открылъ свой чудесный напитокъ, уничтожающій голодъ. Получивъ болотную лихорадку и страдая въ то же время болѣзнью почекъ и печени, онъ былъ близокъ къ смерти; негры принесли ему въ это время сокъ какихъ-то имъ извѣстныхъ

травъ, отъ коего онъ выздоровѣлъ, и въ то же время убѣдился, что употребленіе этого сока даетъ возможность оставаться долгое время безъ пищи, не ослабляя организма.

Позднѣе, онъ энергически продолжалъ въ этомъ направленіи рядъ опытовъ, изъ которыхъ послѣдній опытъ былъ по числу двадцать первымъ. Вначалѣ, слыша его разсказы о сдѣланномъ имъ открытіи, его считали помѣшаннымъ, и дѣйствительно—онъ два раза побывалъ въ сумасшедшемъ домѣ. И вотъ доктора удивляются теперь этому человѣку, котораго прежде считали опаснымъ глупцомъ.

Комитетъ, наблюдавшій опытъ Сукки въ Миланѣ, состоялъ изъ 53 лицъ, въ числѣ которыхъ было много докторовъ, такъ какъ Сукки выказалъ готовность подвергнуться всякимъ опытамъ, нужнымъ для цѣлей науки. Два члена комитета днемъ, и трое ночью, не оставляли Сукки одного ни на секунду. Платье его осматривалось утромъ и вечеромъ, все что онъ получалъ подвергалось также осмотру и письма передавались ему только вскрытыми. Исключалась всякая даже мысль объ обманѣ.

Каждый вечеръ доктора комитета собирались и сообщали о здоровьѣ голодавшаго и затѣмъ отчетъ публиковался. Кромѣ докторовъ, Сукки навѣщали и другіе люди науки и присутствовали также при опытахъ.

Обыкновенно Сукки спалъ отъ восьми до девяти часовъ. Вставая, онъ натиралъ все тѣло камфарнымъ масломъ и начиналъ заниматься гимнастикою и фехтованіемъ, что зачастую продолжалось часа два, послѣ чего слѣдовала длинная прогулка или катанье верхомъ. Члены комитета, бывшіе на очереди, слѣдовали за нимъ повсюду; кромѣ того, его провожала всегда масса любопытныхъ. Когда убѣдились, что Сукки хорошо выноситъ свой постъ, онъ сдѣлался просто героемъ дня, и масса любопытныхъ стекалась посмотрѣть на него по два франка за входъ.

Сукки, во время своего добровольнаго голоданія, не выказалъ ни малѣйшаго признака усталости или нездоровья. Какъ показалъ химическій анализъ, онъ, выпивъ въ ночь съ 18 на 19 августа флаконъ имъ изобрѣтенной жидкости, пилъ только чистую воду, Виши и горькую воду Гуніяди-Яносъ, и именно: 5400 граммъ и 7255 граммъ грѣтой воды, 1310 граммъ горькой воды, 5470 граммъ Виши, итого 19,895 граммъ жидкости; выдѣлились 17,986 граммъ, а 1909 остались въ организмѣ.

Во время поста онъ сильно похудѣлъ и, вѣсивши вначалѣ 61 килограммъ и 300 граммъ, потерялъ въ общемъ 13 килограммъ и 100 граммъ. Лицо похудѣло сильнѣе всего и приняло зеленоватый оттѣнокъ. Въ остальномъ же состояніе его было нормально, а мускульная сила даже увеличилась. Вначалѣ на динамометрѣ онъ поднималъ 50, а на 12-й день поста 70 килограммъ.

Умственныя его способности оставались все время вполнѣ ясны и онъ съ утра до вечера любезно разговаривалъ съ многочисленными посѣтителями. Доктора нашли къ концу поста его пищеводы въ нормальномъ состояніи, только желудокъ былъ очень стянутъ.

Утромъ 31 дня Сукки съѣлъ сразу четыре сардины съ хлѣбомъ, жаренаго бекаса, жареный мозгъ, кусокъ телятины, фруктовъ и выпилъ кофе съ молокомъ и бордо, а затѣмъ, позднѣе, съ аппетитомъ съѣлъ обѣдъ изъ десяти перемѣнъ.

Что касается чудеснаго напитка, имъ изобрѣтеннаго, то мнѣнія объ немъ расходятся. Докторъ Шиверни, членъ комитета, не признаетъ, напр., его и того мнѣнія, что удача подобныхъ опытовъ голоданія зависитъ отъ большой силы воли и полнаго отсутствія боязни послѣдствій.

Докторъ Буфалини, предсѣдатель комитета, говоритъ иное. Не находя данныхъ, чтобы высказаться опредѣлительно о дѣйствіи и пользѣ чудеснаго напитка, онъ упоминаетъ объ орѣхѣ Гуру, очень цѣнимомъ за свое дѣйствіе племенами центральной Африки и дѣйствительно дающемъ возможность путешественникамъ идти долго подъ палящими лучами солнца безъ пищи и безъ утомленія. Подобное же дѣйствіе производитъ часто упоминаемый въ послѣднее время кокаинъ, успокаивающій боли, употребляемый какъ питье. Разсказываютъ о велосипедистѣ, проѣхавшемъ въ первый день 172 и во второй 180 километровъ безъ пищи, глотавшемъ лишь отъ времени до времени по нѣскольку капель кокаина. Кромѣ того, если вспомнить, что больные, пробывъ почти безъ пищи иногда до трехъ недѣль, все же выздоравливаютъ, то не покажется удивительнымъ, что кокаинъ можетъ успокоить нервы желудка.

Весьма возможно, что травы, изъ которыхъ приготовленъ напитокъ Сукки, обладаютъ подобными свойствами. Африканская флора весьма недостаточно вообще извѣстна и растенія тамъ могутъ заключать въ себѣ много свойствъ, для насъ поразительныхъ. Дѣйствіе чудеснаго напитка подтвердится вполнѣ, если Сукки рѣшится испытать его на другихъ лицахъ. Самъ Сукки вполнѣ убѣжденъ въ чудесномъ дѣйствіи своего напитка и полагаетъ, что секретъ его купятъ различныя правительства. Конечно, соціальный вопросъ былъ бы этимъ разрѣшенъ довольно просто. Отсутствіе надобности въ пищѣ уничтожило бы большинство преступленій. Подобное открытіе въ мірѣ произвело бы большой переворотъ.

Между тѣмъ, въ ожиданіи такой будущности, почтальоны Милана поднесли Сукки адресъ, прося его продать имъ секретъ своего напитка поскорѣе и по сходной цѣнѣ, за что ему, какъ благодѣтелю человѣчества, будетъ ими поставлена конная статуя.

Для полнаго возстановленія силъ послѣ своего опыта, Сукки предполагаетъ побывать на озерѣ Комо. Затѣмъ слѣдующій опытъ воздержанія отъ всякой пищи онъ думаетъ предпринять въ Парижѣ, гдѣ въ его распоряженіе отведутъ обширное помѣщеніе.

Другой феноменъ нашего времени—провансалецъ-пекарь Симонъ Эгье, обладающій, при нормальномъ сложеніи, такою мускульною и нервною системою, которая поражаетъ всѣхъ физіологовъ и позволяетъ ему дѣлать невѣроятные опыты.

Недавно онъ былъ представленъ докторомъ Тревъ знаменитому естествоиспытателю, профессору Катрфажу, и тщательно имъ изслѣдованъ. Симону Эгье около 30 лѣтъ: онъ средняго роста, худощавъ, но обладаетъ весьма сильными и развитыми мускулами.

Сжимая внезапно и незамѣтно для наблюдающаго мускулы, Эгье придавалъ себѣ окаменѣлость статуи; животъ его, когда по нему ударяли, издавалъ звукъ, какой издаетъ доска. Затѣмъ, по желанію, статуя оживлялась и Эгье дѣлалъ замѣчательныя вещи съ своими пищепроводами и животомъ. Онъ выдвигалъ пищепроводы на подобіе тыквы и двигалъ ими произвольно сверху внизъ, справа налѣво. Онъ придавалъ себѣ видъ необыкновенно толстаго человѣка, затѣмъ мгновенно втягивалъ выступившій животъ, подвигалъ ихъ наверхъ, въ грудную клѣтку и принималъ видъ скелета, такъ что спереди, сквозь кожу живота, можно было нащупать позвонки. Далѣе Эгье изображалъ колесованнаго, повѣшеннаго, и съ такою поразительною вѣрностью, что становилось страшно.

Въ заключеніе этотъ странный человѣкъ произвольно задерживалъ кровообращеніе на правой или на лѣвой сторонѣ тѣла простымъ сжиманіемъ мускуловъ. Это считалось до сихъ поръ невозможнымъ.

По мнѣнію Катрфажа, Эгье обладаетъ рѣдкими свойствами тѣла, далеко превосходящими свойства тѣла такъ называемыхъ людей-скелетовъ и каучуковъ. Свойство это отчасти природное, отчасти же развитое и усовершенствованное упражненіемъ.

Къ рисункамъ.

Пѣсня невольницы. (Рис. на стр. 300 и 301).

Получившій почетную извѣстность какъ въ Россіи, такъ и въ Европѣ, блестящe талантливый художникъ Генрихъ Семирадскій особенно занимается изученіемъ и изображеніемъ древне-римской жизни. Знаменитая огромная картина его, нѣсколько лѣтъ тому назадъ выставленная въ Петербургѣ, въ Академіи Художествъ, произвела сильное впечатлѣніе силою выраженія и красотою группировки множества фигуръ, заполняющихъ сцену, на которой происходитъ ужасная казнь—сожженіе распятыхъ и осмоленныхъ христіанъ въ присутствіи Нерона. Картина дѣйствовала потрясающе. Кромѣ этой большой исторической картины, Семирадскій писалъ прелестныя сцены изъ домашней и общественной жизни древнихъ римлянъ и въ „Нивѣ" неоднократно помѣщались съ нихъ копіи, какъ „Идиллія", „Сила власти" и друг. Здѣсь помѣщается копія съ поэтической, прелестной картины этого художника „Пѣснь невольницы". Двѣ знатныя дѣвушки въ паркѣ своего роскошнаго дома, покачиваясь на качеляхъ, задумчиво слушаютъ пѣснь молодой рабыни. О чемъ эта пѣснь? Пѣснь ли это горя, воспоминаніе ли о невозвратно минувшемъ, миломъ дѣтствѣ и потерянной несчастною дѣвушкой родинѣ, тамъ, далеко, гдѣ домъ ея отца, подъ тѣнью пальмъ и кипарисовъ, на берегу шумящаго моря? Пѣснь ея льется, струны звенятъ и лицо молодой пѣвицы дышетъ увлеченіемъ.

Вечеромъ. (Рис. на стр. 305).

Германъ Каульбахъ, сынъ знаменитаго Вильгельма Каульбаха, превосходный жанристъ, особенно любитъ и умѣетъ изображать дѣтей. Крошка спитъ, сладко обнявши свою куклу, и около нея, заботливо поглядывая на нее, сидитъ маленькая сестренка, любящими глазами взглядывая на свою любимую крошку. И невидимо склонясь надъ изголовьемъ, осѣняетъ крылами эту милую сцену дѣтской любви и чистоты Ангелъ-Хранитель, посылая крошкѣ радужные, свѣтлые сны.

Татарская деревня. (Рис. на стр. 308).

У насъ неоднократно помѣщались прекрасные рисунки талантливаго покойнаго профессора К. Гуна, между прочимъ изъ жизни татаръ Казанской губерніи, которую художникъ внимательно изучалъ и изображалъ. Татарское населеніе въ тѣхъ краяхъ мирно уживается съ русскимъ, даже избы походятъ по постройкѣ на избы русскія; веденіе дѣла, хозяйство—все это совершенно крестьянское, русское, что видно и на прилагае-

момъ рисункѣ профессора Гуна. Оживленная картина работы и трудового дня на дворикѣ избы такая знакомая. Хозяинъ дома рубитъ дрова, жена его доитъ корову, и тутъ же и куры, и цыплята, и вся эта мирная хлопотливая жизнь деревенскаго хозяина нисколько не напоминаетъ, что передъ нами потомокъ когда-то грозныхъ завоевателей Руси.

Воскресные охотники. (Рис. на стр. 309).

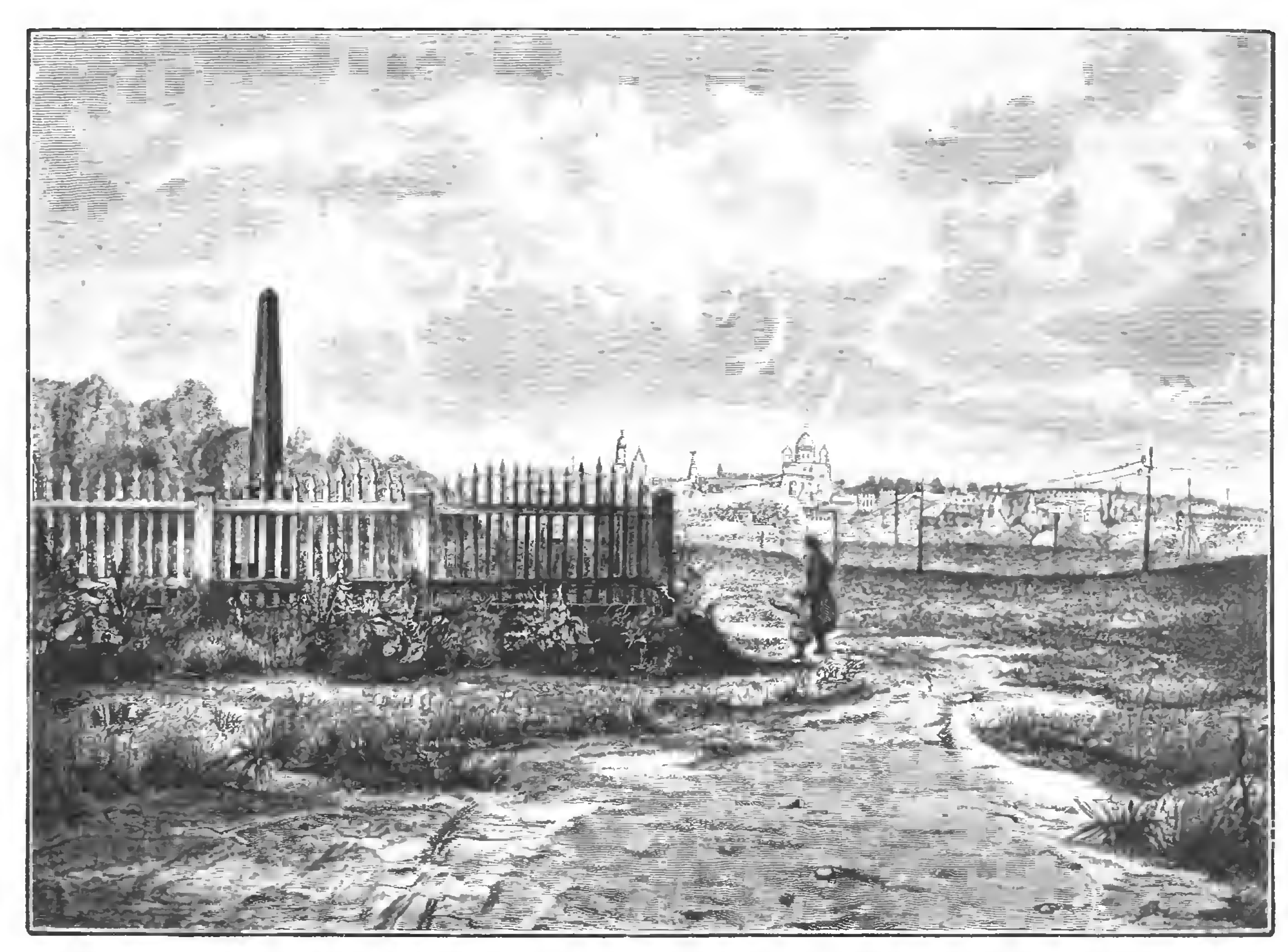
Оба они, по ихъ словамъ, прекрасные охотники, но только сегодня, именно сегодня, они не видятъ ни одной серны, ни одного зайца. „Что за неудача, восклицаетъ одинъ, я всегда такъ неимовѣрно счастливъ".—„И я также, увѣряетъ другой. но только сегодня неудача". Въ прекрасномъ расположеніи духа идутъ они среди густой зелени, вполнѣ примирившись съ тѣмъ, что серны и зайцы ихъ избѣгаютъ. Для большаго улучшенія настроенія среди деревьевъ показываются крыши маленькой лѣсной деревеньки. Въ тѣни большого дерева сидятъ миловидныя дѣвушки въ праздничномъ нарядѣ. Вопросъ о дорогѣ служитъ началомъ разговора и вскорѣ оба охотника начинаютъ весело болтать. Собака, такъ же мало умѣющая поднять бекаса, какъ господа ея попасть въ него, съ наслажденіемъ засыпаетъ около нихъ. А завтра въ клубѣ оба товарища будутъ разсказывать, что хотя они принесли и *не много дичи*, но за то ранили сердца двухъ премиленькихъ дѣвушекъ.

Знакъ на мѣстѣ „избы Кутузова" бл. Москвы.

(Рис. на этой стр.).

Извѣстная въ исторіи такъ называемая „изба Кутузова", принадлежавшая къ подмосковной деревнѣ Фили, въ которой состоялся 1-го сентября 1812 года военный совѣтъ, подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала князя Кутузова, сгорѣла въ 1868 году. На этомъ мѣстѣ ничего не оставалось, кромѣ небольшой площадки всхолмленной земли, съ канавкой и валикомъ, которымъ была обнесена изба. Самому мѣсту грозило исчезновеніе. Общество офицеровъ гренадерскаго корпуса, участвовавшее на полевой военной поѣздкѣ 1883 года, желая сохранить слѣды этого историческаго мѣста, 10-го сентября, при окончаніи поѣздки, рѣшило положить на этомъ мѣстѣ хотя бы только камень съ надписью, а мѣсто огородить. Для осуществленія этого, тогда же была собрана сумма. Вслѣдъ затѣмъ стали поступать отъ разныхъ частей и лицъ пожертвованія. Матеріалы были доставлены безвозмездно моск. губ. земск. управой. Ограда была окончена къ ноябрю, а въ первыхъ числахъ этого мѣсяца былъ окончательно готовъ и камень. Какъ ограда, такъ и камень были перевезены на мѣсто „избы Кутузова" и установлены 8-го ноября. На прилагаемомъ рисункѣ изображенъ этотъ камень съ оградой.

Камень имѣетъ видъ обелиска, вышиной до 7 аршинъ, съ двумя надписями на мраморныхъ доскахъ. Ограда поставлена на вершинѣ валика. На лицевой сторонѣ камня-обелиска, обращенной къ Смоленскому шоссе, слѣдующая надпись: „На мѣстѣ этомъ находилась изба, принадлежавшая крестьянину деревни Фили, Фролову, гдѣ 1-го сентября 1812 года былъ созванъ военный совѣтъ подъ предсѣдательствомъ фельдмаршала князя Кутузова, рѣшившій участь Москвы и спасшій Россію. Изба сгорѣла въ 1868 году. Офицеры гренадерскаго корпуса, бывшіе на полевой военной поѣздкѣ въ 1883 году въ окрестностяхъ Москвы, и проникнутые чувствомъ благоговѣнія къ историческому мѣсту, возымѣли желаніе увѣковѣчить это мѣсто

Памятникъ на мѣстѣ избы въ Филяхъ, подъ Москвою, гдѣ жилъ Кутузовъ въ 1812 г Рис. Коршуновъ, грав. Флюгель.

камнемъ и обнести оградой, что и исполнено заботами и усердіемъ чиновъ гренадерскаго корпуса. 1883 года, ноября 8 дня."

На обратной сторонѣ камня надпись состоитъ изъ собственныхъ словъ фельдмаршала Кутузова, сказанныхъ имъ на совѣтѣ и которыми онъ закончилъ совѣтъ: „Съ потерей Москвы еще не потеряна Россія; поставляю первою обязанностью сберечь армію, сблизиться съ подкрѣпленіями и самымъ уступленіемъ Москвы приготовить непріятелю неизбѣжную гибель, и потому намѣренъ, пройдя Москву, отступить по рязанской дорогѣ". Закончилъ онъ совѣтъ такъ: „Я вижу, что мнѣ придется поплатиться за все, но жертвую собою для блага отечества. Приказываю отступать"

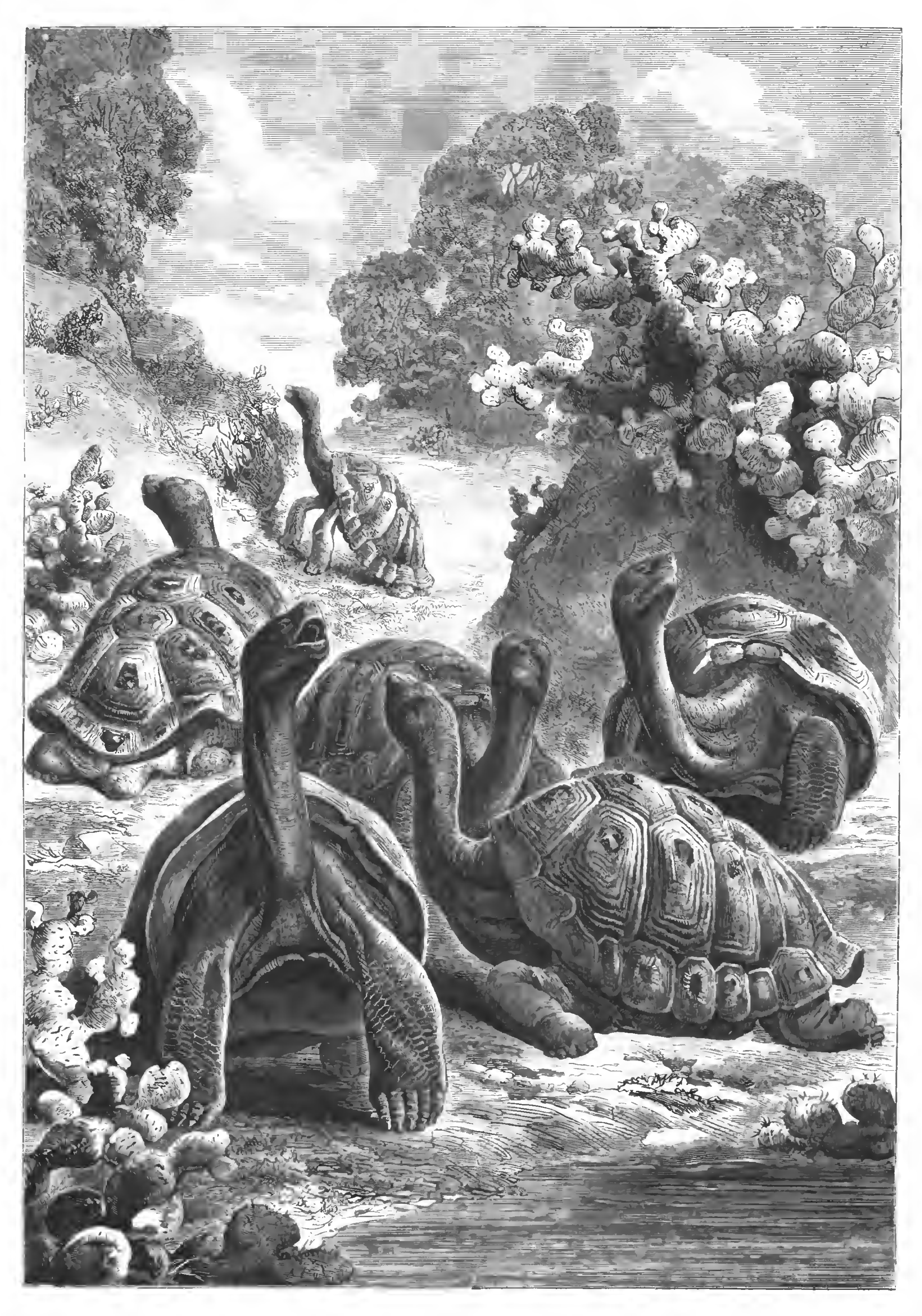
Не лишены интереса нѣкоторыя подробности о судьбѣ „избы Кутузова".

Въ 1877 году Дума постановила построить на мѣстѣ избы Кутузова памятникъ. Москва вообще не богата памятниками. Нельзя не желать возведенія такого памятника, которому сама исторія указала мѣсто и который долженъ быть естественнымъ дополненіемъ уже воздвигнутаго въ Москвѣ величественнаго памятника—Храма Христа Спасителя.

Мы наканунѣ 75-ти-лѣтняго юбилея отечественной войны и всѣхъ событій ея, такъ близкихъ каждому русскому человѣку.

Гигантская черепаха. (Рис. на стр. 313).

Помѣщаемая гигантская или слоновая черепаха, по величинѣ, превосходитъ всѣ остальные виды черепахъ, но, не смотря на то что достигаетъ отъ 4 до 5 футовъ длины и вѣситъ по де-

Гигантскія черепахи. Ориг. рис. А. Земцова, грав. М. Рашевскій.

сяти и болѣе пудовъ, все же кажется карлицею въ сравненіи съ ископаемою черепахою этой породы, экземпляры которой находили въ третичныхъ отложеніяхъ Нижнихъ Гималаевъ, между костями допотопныхъ животныхъ. Судя по остаткамъ этой поистинѣ громадной черепахи, она достигала 18 футовъ длины и восьми футовъ вышины. Гигантская или слоновая черепаха принадлежитъ къ черепахамъ сухопутнымъ; она живетъ на островахъ юговосточной Африки. Дарвинъ нашелъ много этихъ черепахъ на Галапагосскихъ островахъ (республика Экуадоръ въ Южной Америкѣ), гдѣ видѣлъ цѣлыя тропинки, протоптанныя этими животными изъ низменностей острова на высоты къ ключамъ, куда черепахи приходили на водопой. Дарвинъ говоритъ, что онѣ вовсе не страшились присутствія человѣка и, погружая голову выше глазъ, медленно глотали воду. Туземцы увѣряютъ, что черепахи остаются у воды по нѣскольку дней и затѣмъ уходятъ въ низменности. Долго послѣ посѣщенія водопоя желудокъ у животныхъ бываетъ расширенъ водою, но затѣмъ постепенно опадаетъ. Гигантскія черепахи, отправляясь на водопой, идутъ безостановочно день и ночь, хотя дѣлаютъ въ минуту не больше 2½ саженъ. По нравамъ и обычаямъ черепахи эти не отличаются отъ другихъ родовъ. Это чрезвычайно равнодушныя, лѣнивыя и безучастныя животныя, могущія голодать очень долго, но также и ѣсть очень много. На Галапагосскихъ островахъ онѣ питаются разнаго рода кактусами, а на другихъ островахъ ѣдятъ траву. Дарвинъ говоритъ, что черепахи эти вовсе не заботятся о внѣшнемъ мірѣ и кажутся совершенно глухими. Такъ онѣ не замѣчаютъ преслѣдующаго ихъ человѣка до тѣхъ поръ, пока онъ не станетъ рядомъ съ ними, и тогда втягиваютъ подъ скорлупу голову и оконечности. Однако страхъ ихъ скоро проходитъ, онѣ снова пускаются въ путь, не заботясь о томъ, оставляютъ-ли ихъ въ покоѣ. Самка кладетъ яйца въ ямы въ пескѣ или же въ пещерахъ и старается прикрыть ихъ чѣмъ нибудь. Маленькія черепахи во множествѣ поѣдаются хищными птицами, у взрослыхъ же есть одинъ только врагъ—это человѣкъ, преслѣдующій ихъ ради мяса и жира. Мясо употребляется свѣжимъ и соленымъ, а изъ жира приготовляется прекрасное масло. Туземцы употребляютъ жестокій способъ, чтобы узнать достаточно-ли жирна черепаха; они прорѣзаютъ кожу около хвоста и смотрятъ, достаточно-ли накопилось жира на спинѣ. Если черепаха еще худа, ее отпускаютъ на волю, рана скоро заживаетъ, не причиняя, повидимому, животному сильной боли. Бывшій губернаторъ Галапагосскихъ островов Лаусонъ разсказываетъ, что случалось ловить черепахъ, у которыхъ было мяса до 5 пудовъ. Говорятъ также, что есть черепахи вѣсомъ въ 12½ пудовъ. Черепахъ этихъ находили на востокѣ Африки, въ густыхъ кустарникахъ. Гигантскія черепахи встрѣчаются въ Европѣ въ звѣринцахъ и зоологическихъ садахъ. Уходъ за ними очень не труденъ; онѣ питаются всякою растительною пищею, но не выносятъ холода и умираютъ даже въ топленыхъ комнатахъ, если полъ не достаточно тепелъ.

Пожаръ въ преріяхъ. (Рис. на стр. 316).

Въ большихъ, поросшихъ травою, равнинахъ центральной Америки, въ преріяхъ, нерѣдко появляется врагъ, наводящій ужасъ на все живое.—это пожаръ. Высохшая отъ солнца трава, достигающая вышины человѣческаго роста, иногда случайно загорается и тогда пламя съ быстротою вѣтра, подобно огненной волнѣ, устремляется впередъ, разрушая все встрѣчающееся. Дикія и домашнія животныя убѣгаютъ отъ огня, а люди стараются остановить его, какъ показано на рисункѣ. Съ лихорадочною поспѣшностью запрягаютъ лошадей въ плуги и проводятъ по преріи глубокія борозды, сжигая въ то же время въ этомъ мѣстѣ траву. Все это производится съ чрезвычайною быстротою. Трава горитъ подъ ногами людей и лошадей и побуждаетъ послѣднихъ къ неимовѣрнымъ усиліямъ, что подвигаетъ дѣло. Иногда предосторожность эта бываетъ напрасна, огонь настигаетъ работающихъ, и тогда они платятся имуществомъ и жизнью. Но если вскапываніе начато во-время и удается взрыть довольно широкую полосу земли, то пламя, достигая этого мѣста и не находя себѣ болѣе пищи, гаснетъ, если только вѣтеръ не настолько силенъ, чтобы перекинуть его черезъ этотъ поясъ. Отчаянная борьба человѣка съ ужасною стихіею прекрасно изображена на рисункѣ.

А. П. Бородинъ. (Портр. на стр. 317).

15 февраля скончался скоропостижно отъ удара композиторъ Александръ Порфирьевичъ Бородинъ. Смерть похитила покойнаго при самыхъ неожиданныхъ обстоятельствахъ, ибо въ этотъ день происходила у него на квартирѣ интимная вечеринка. Покойному было 52 года. Получилъ свое образованіе въ медико-хирургической академіи, гдѣ онъ впослѣдствіи занялъ мѣсто профессора химіи, оставаясь тамъ до послѣдняго времени. Своимъ музыкальнымъ образованіемъ онъ обязанъ исключительно самому себѣ, что не помѣшало ему однако стать въ ряду талантливѣйшихъ представителей новой русской школы. Его произведенія не многочисленны, но всѣ онѣ весьма оригинальны и художественно-музыкальны. Главнымъ поприщемъ этого симпатичнаго композитора была симфоническая и камерная музыка; изъ произведеній этого рода замѣчательны: двѣ симфоніи, два квартета, симфоническая картина „въ Средней Азіи" и романсы: „Спящая царевна", „Море", „Пѣсня темнаго лѣса", а также пѣсня съ оркестромъ „У людей-то въ ходу". Всѣ эти произведенія были исполнены не разъ въ обществѣ концертной музыки, въ квартетныхъ и симфоническихъ собраніяхъ русскаго музыкальнаго общества. Покойный написалъ еще оперу „князь Игорь" (сюжетъ изъ „Слова о полку Игоревѣ"), но, къ сожалѣнію, ее не окончилъ. Точно предвидя свою судьбу, незадолго до смерти поручилъ онъ окончаніе своего труда молодому композитору Глазунову и Римскому-Корсакову. Публика уже знакома съ нѣкоторыми отрывками изъ этой оперы. Смерть А. П. есть утрата для русскаго общества и утрата очень чувствительная.

Политическое обозрѣніе.

13 марта.

90-лѣтняя годовщина императора Вильгельма.—Слова императора эрцгерцогу Рудольфу.—Оваціи учащейся молодежи и обращенныя къ ней слова императора.—Правительственное сообщеніе.—Союзъ Австріи, Германіи и Италіи.

Выдающимся явленіемъ за истекшую недѣлю, безъ сомнѣнія, было торжественное празднованіе 90-лѣтней годовщины маститаго императора Германіи Вильгельма. Болѣе восьмидесяти особъ царской крови съѣхалось въ столицу Германской имперіи, чтобы привѣтствовать престарѣлаго монарха съ днемъ его рожденія. Всеобщая любовь и уваженіе, которыми пользуется императоръ Вильгельмъ во всѣхъ кабинетахъ европейскихъ державъ, не оставляютъ сомнѣнія въ томъ, что всѣ выраженныя ему въ день рожденія поздравленія и привѣтствія истекали изъ самыхъ искреннихъ чувствъ и побужденій. Рыцарскій характеръ императора, счастливое, полное неувядаемой славы, прошлое его царствованіе, доставившее возможность скрѣпить подъ своимъ скипетромъ могущественную имперію, невольно заставляютъ всѣхъ отдать дань глубочайшаго уваженія германскому вѣнценосцу и присоединиться къ чувствамъ германскаго народа съ своимъ сердечнымъ поздравленіемъ.

На бывшихъ празднествахъ императоръ Вильгельмъ сказалъ австрійскому наслѣдному эрцгерцогу Рудольфу: „Благодарю Бога за все достигнутое и надѣюсь, что Всевышній ниспошлетъ мнѣ великое счастіе довести до конца мою миссію, заключающуюся въ охранѣ европейскаго мира". Никто не усумнится въ искренности чувствъ и пожеланій престарѣлаго монарха. Симпатичная личность императора Вильгельма стоитъ неизмѣримо выше текущей политики и всѣ встрѣчающіяся въ ней недоразумѣнія, всѣ вызывающіе и даже непріязненные отзывы, направленные по адресу Германіи, тщательно отстраняются отъ личности самого императора, котораго, напротивъ, всѣ ставятъ символомъ миролюбія, правдивости и гуманности. Извѣстно, какъ популяренъ въ Россіи, даже въ народѣ, имп. Вильгельмъ и какъ его зовутъ у насъ просто Василій Ѳедоровичъ. Императоръ любитъ Россію и Царствующій нашъ Домъ и связанъ съ нимъ родственными узами уже въ третьемъ поколѣніи. Сложилась какъ бы политическая формула: „пока императоръ Вильгельмъ будетъ живъ—до тѣхъ поръ европейскій миръ не можетъ быть нарушенъ" и формула эта сложилась сколько изъ-за того, что престарѣлому монарху, имѣющему за собою такое славное царствованіе, нѣтъ основанія и повода стремиться къ увеличенію и безъ того значительнаго могущества своей имперіи, сколько, если еще не болѣе, изъ-за самой личности Вильгельма, съ которою невольно какъ-то связывается и рыцарская честность, и царственная правдивость, недопускающія политической неправды. Вотъ почему мы думаемъ, что сказанныя императоромъ слова эрцгерцогу Рудольфу, есть слова искренняго чувства и самыхъ завѣтныхъ пожеланій великаго монарха.

Наканунѣ дня рожденія императора учащаяся молодежь устроила въ Берлинѣ процессію съ факелами, въ которой участвовало до четырехъ тысячъ. Передъ императорскимъ дворцомъ устроена была грандіозная овація. Его величество, германскій императоръ, изволилъ пригласить нѣсколькихъ участниковъ оваціи, выразилъ имъ свою благодарность и при этомъ сказалъ: „Меня очень радуетъ духъ, которымъ проникнута нынѣшняя учащаяся молодежь. Возлагаю большія надежды на студенчество, такъ какъ переживаемыя теперь обстоятельства серіозны..."

Такое сердечное единеніе между германскимъ юношествомъ и ея престарѣлымъ монархомъ есть самое отрадное явленіе происходившихъ въ Берлинѣ торжествъ. Подростающее поколѣніе со всѣмъ пыломъ молодости высказываетъ беззавѣтную любовь и преданность своему державному вѣнценосцу на закатѣ дней его. Это доказываетъ только то, что нѣмецкая школа создаетъ юношество, воспитанное въ высокихъ правилахъ честности, религіозности, патріотизма и вѣрноподданничества. Нѣмецкая школа даетъ знанія, развиваетъ способности и вкореняетъ въ молодежи патріотическія чувства не путемъ ближайшаго знакомства и вѣчно мѣняющимися теченіями политической мысли, а путемъ ближайшаго наставленія о непоколебимости монархическаго начала, на которомъ зиждется крѣ-

ность и слава родины. Нѣмецкое юношество удалено отъ политики и не имѣетъ ничего общаго съ нею. Укрѣпляясь въ положительныхъ знаніяхъ, а не въ мечтаніяхъ и гипотезахъ, нѣмецкое юношество, вмѣстѣ съ основами религіи, впитываетъ въ себя и основы государственнаго устройства, которыя почитаетъ настолько же непоколебимыми, насколько непоколебимы христіанскія истины...

Накануне празднованія дня рожденія германскаго императора, какъ нельзя болѣе кстати, появилось правительственное сообщеніе, еще разъ удостовѣряющее о крѣпости и неразрывности дружественныхъ отношеній Россіи къ Германіи. Правительственнымъ органомъ самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаются несправедливо направленные противъ Германіи упреки и подозрѣнія по поводу послѣднихъ кровавыхъ событій въ Болгаріи. „За отсутствіемъ въ этомъ случаѣ доказательствъ, говорится въ правительственномъ сообщеніи, не представляется возможности провести границу между обвиненіемъ и *празднымъ злословіемъ*, которое столь-же несовмѣстно съ достоинствомъ уважающаго себя органа печати, сколько и съ достоинствомъ частнаго лица“. Послѣ такой сильной правительственной защиты дѣйствій агентовъ германскаго правительства въ Болгаріи, не можетъ быть и рѣчи о какихъ либо недоразумѣніяхъ между обоими правительствами, по отношенію къ происходившей въ Болгаріи кровавой расправѣ.

За послѣдніе дни стало подтверждаться изъ самыхъ различныхъ источниковъ послѣдовавшее возстановленіе австро-германско-итальянскаго соглашенія. Какія основанія бывшаго союза и нынѣ подкрѣпленнаго новымъ соглашеніемъ—неизвѣстно, но образъ дѣйствій Италіи и сосредоточе значительнаго числа войскъ къ французской границѣ заставляютъ серіозно обратить на это вниманіе правительства республики и пожалуй начать новый рядъ построекъ казармъ на юговосточной границѣ Франціи. Слухъ объ этомъ соглашеніи двухъ имперій съ итальянскимъ королевствомъ породилъ новыя опасенія и оптимистическія теченія начали сами собой падать. Вѣнскіе оффиціозы остаются, однако, въ томъ убѣжденіи, что коалиція Австріи, Германіи и Италіи не уничтожаетъ возможности побочнаго соглашенія между Австріею, Германіею и Россіею. Этимъ, повидимому, хотятъ дать знать, что коалиція направлена не на Востокъ, а на Западъ. Какъ-бы то ни было, но Россія, за истеченіемъ въ текущемъ мѣсяцѣ срока тройственнаго союза, если бы даже и не пришлось возобновить его, сохранитъ одинаково дружественныя отношенія къ сосѣднимъ имперіямъ, не связывая въ этомъ случаѣ себя никакими съ своей стороны обязательствами.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Переносится въ началѣ будущаго года администрація Туркестанской области изъ Ташкента въ гор. Самаркандъ.

— Отъ министерства финансовъ объявлено, что слухи о введеніи нынѣ же въ Россіи табачной монополіи преждевременны. На текущій и на будущій годъ предположено сохранить существующую систему взиманія табачнаго налога.

— Въ мин. фин. вырабатываются измѣненія и дополненія къ положенію о госуд. дворянскомъ позем. банкѣ. Указаны опытомъ неудобства нѣкоторыхъ статей по оцѣнкѣ имѣній и исчисленіи платежей, причитающихся съ заемщиковъ.

Военное и морское дѣло.

— Объявленъ приказъ по военному вѣдомству объ увеличеніи содержанія ротныхъ, эскадронныхъ и сотенныхъ командировъ, а также содержаніе командировъ баталіоновъ, командировъ полковъ и младшихъ штабъ-офицеровъ.

— Морское министерство предлагаетъ произвести весною опыты употребленія масла для успокоенія волнъ. Средство это было извѣстно уже давно мореплавателямъ, какъ русскимъ, такъ и заграничнымъ, но не имѣло еще практическаго примѣненія на нашихъ военныхъ судахъ и пароходахъ.

Пути сообщенія.

— Изъ Петербурга выѣхала на Волгу коммисія для изслѣдованія отъ Чернаго-Яра на разстояніи 230 верстъ и около 6,000 квадратныхъ верстъ ея дельты.

— А. М. Сибиряковымъ, въ Сибири, учреждается пароходство по рѣкѣ Ангарѣ и исходатайствована особая привиллегія на пять лѣтъ.

Техника.

— На гигіенической выставкѣ въ Варшавѣ, должна появиться электрическая желѣзная дорога, которая будетъ опоясывать все занимаемое выставкою пространство.

— Въ теченіе лѣта предполагается произвести опыты надъ новымъ переноснымъ телеграфомъ системы англійскаго подполк. Макъ-Дональда. Этотъ телеграфъ удобенъ тѣмъ, что весь аппаратъ его не тяжелѣе 50—75 фунт., и для своей перевозки не требуетъ увеличенія числа повозокъ и вьючныхъ лошадей въ транспортѣ.

Живопись и скульптура.

— Новая картина К. Е. Маковскаго написана имъ по заказу американца, который купилъ у него „Свадебный пиръ“ на амстердамской выставкѣ за 30 т. рублей. Картина эта въ Америкѣ дала нашему художнику значительную извѣстность: выставленная владѣльцемъ, она собрала 15,000 долларовъ въ пользу бѣдныхъ. Новая картина изображаетъ смотръ невѣстъ царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Молодой царь стоитъ на тронѣ; возлѣ него бояринъ Морозовъ держитъ блюдо съ платкомъ; справа два боярина; съ лѣвой стороны бояринъ, который представляетъ невѣстъ.

— 15-го марта во дворцѣ его высочества Николая Николаевича Старшаго открылась выставка произведеній перваго дамскаго художественнаго кружка.

— Въ Академіи Художествъ недавно состоялся конкурсъ для учащихся на соисканіе золотыхъ медалей по живописи и скульптурѣ.

— Въ обществѣ поощр. худож. состоится рядъ конкурсовъ для поощренія спеціально русскихъ и по преимуществу молодыхъ художниковъ. Къ соревнованію не будутъ допущены лица, достигшія званія академиковъ и профессора.

— На академической выставкѣ будетъ въ скоромъ времени выставленъ портретъ извѣстнаго о. Іоанна Сергіева, писанный академикомъ Журавлевымъ.

Археологія и древности.

— Въ верховьяхъ Адлера, въ мѣстности Красная Поляна, открытъ недавно большой курганъ съ каменною постройкою, обложенный внутри кирпичемъ. По мнѣнію археологовъ, этотъ курганъ имѣетъ цѣнное значеніе.

Театръ и музыка.

— Наша знаменитая пѣвица, Е. А. Лавровская, поступаетъ съ будущаго года въ составъ профессоровъ московской консерваторіи.

— Уѣхалъ въ Миланъ главный режиссеръ русской оперы, Г. П. Кондратьевъ, командированный туда дирекціей Имп. театровъ въ виду постановки на нашей сценѣ „Отелло“ Верди.

Городскія извѣстія.

— Въ Спб. и Москвѣ германскія колоніи 10-го марта торжественно праздновали день рожденія своего маститаго императора.

— Калужскій полкъ праздновалъ день рожденія своего шефа, императора германскаго. Послѣ торжественнаго молебствія раздавались награды изъ капитала, пожертвованнаго въ полкъ императоромъ Вильгельмомъ. За обѣдомъ провозглашены тосты за здоровье Государя Императора и за августѣйшаго шефа полка. Отправили императору поздравительную телеграмму.

— Постройка „Панаевскаго“ театра въ СПБ. на Ново-Адмиралтейской набережной почти окончена и весною будетъ приступлено къ внутренней отдѣлкѣ.

— Нѣсколько крупныхъ извозопромышленниковъ обратились съ ходатайствомъ о разрѣшеніи имъ соединить съ занятіемъ извоза обязанности посыльныхъ; ихъ извозчики будутъ носить особую форму и принимать порученія по доставкѣ писемъ, пакетовъ, посылокъ и проч.

— 7-го марта ректоръ Спб. университета, г. Андреевскій, произнесъ собравшимся студентамъ, которыхъ съ трудомъ вмѣстила громадная зала, рѣчь, въ которой сказалъ, что по странному извѣстію о динамитчикахъ, въ „Правит. Вѣстн.“ напечатанному, могутъ дѣлать общія заключенія о студентахъ и Спб. университетѣ. Въ этомъ значительная доля тяжести пятна и позора. Онъ знаетъ, что студенты петербургскаго университета всею силою протестуютъ противъ совершившагося гнуснаго поступка; они знаютъ, что университетъ, давая имъ истину и указанія труда, тѣмъ самымъ ведетъ къ уваженію права и порядка, и предложилъ подать адресъ на Высочайшее Имя.

Литература и наука.

— Сибирскій университетъ будетъ открытъ въ текущемъ 1887 году въ составѣ двухъ факультетовъ—медицинскаго и физикоматематическаго.

— 7 марта, прибылъ въ Петербургъ изъ семилѣтняго путешествія по экваторіальной Африкѣ извѣстный путешественникъ В. В. Юнкеръ и былъ на станціи желѣзной дороги встрѣченъ многими членами русскаго географическаго общества, родственниками и знакомыми. Это уже второе путешествіе отважнаго изслѣдователя. Не мало пришлось ему пережить трудностей и опасностей среди дикихъ людоѣдовъ центральной Африки.

— Комитетъ, по вопросу о женскихъ курсахъ, окончилъ свои занятія и вноситъ въ медицинскій совѣтъ проектъ устройства женскаго медицинскаго института.

— Путешественникъ А. В. Елисеевъ принесъ въ даръ геологическому кабинету с.-петербургскаго университета минералогическую коллекцію, собранную имъ по дорогѣ отъ Бейлана до Алеппо и на дальнѣйшемъ пути отъ Алеппо. Коллекція довольно обширна.

— Въ Краковѣ состоялась публичная лекція В. Д. Спасовича о Пушкинѣ и Мицкевичѣ. Всѣ билеты были распроданы, и самая большая въ городѣ зала, гдѣ состоялась лекція, была биткомъ набита избранною публикою.

— Въ Москвѣ засѣданія психологич. общества были нынѣ интересны. Предметомъ ихъ было обсужденіе реферата проф. Н. Я. Грота, „О свободѣ воли“. Между членами особенное вниманіе обращалъ на себя гр. Л. Н. Толстой, который принималъ дѣятельное участіе въ обсужденіи реферата, а затѣмъ ожидается и его собственный рефератъ по тому же вопросу.

— С. А. Юрьевъ въ настоящее время оканчиваетъ переводъ шекспировской „Бури“. Пьеса эта пойдетъ на сценѣ Малаго театра въ Москвѣ.

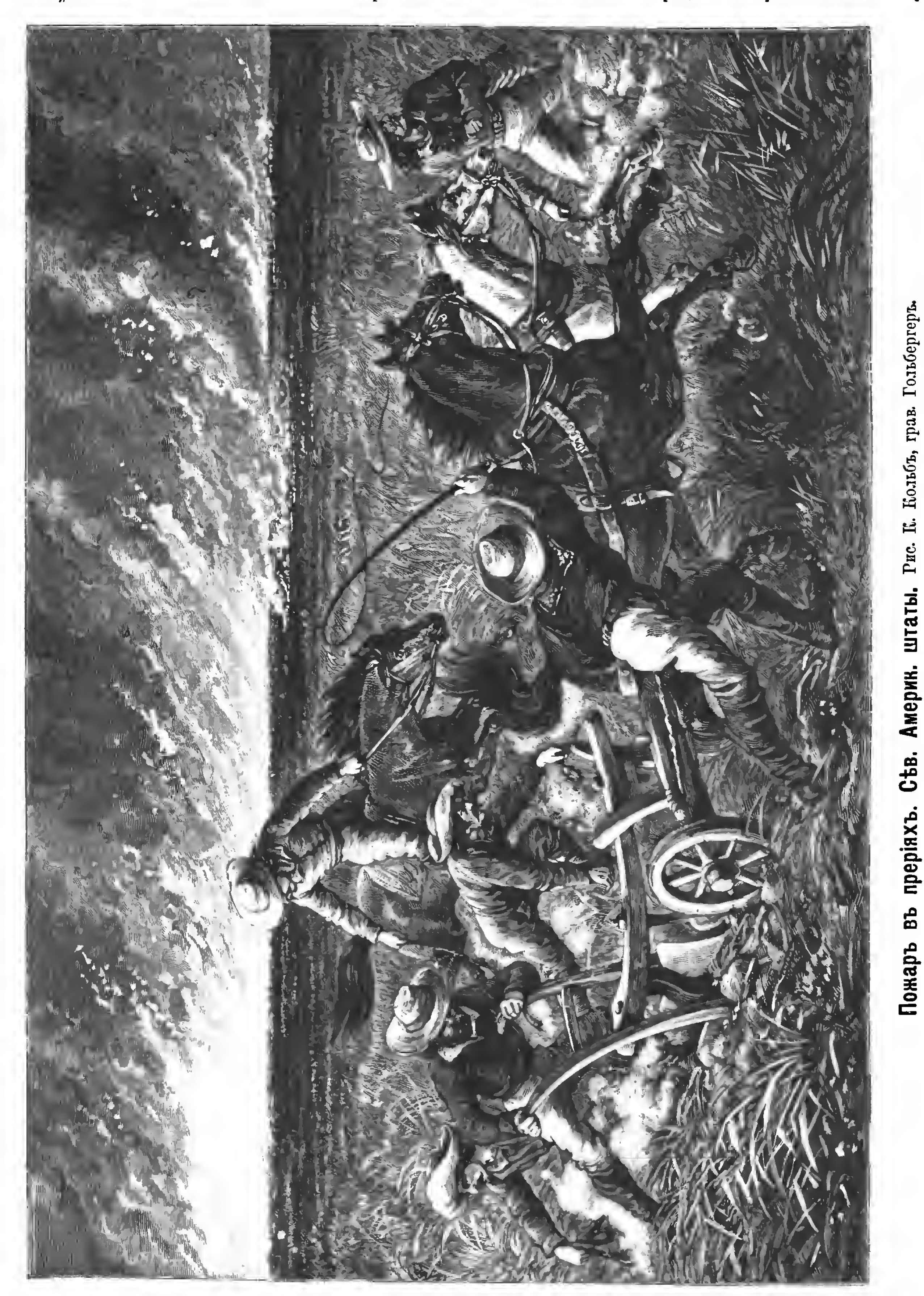
Изъ губерній и областей.

— Въ Астрах. губ. Номвровской, калмыцкой, деревнѣ, строится большой новый хурулъ (храмъ) деревянный. Была торжественная встрѣча присланныхъ изъ Тибета буддійскихъ священныхъ книгъ. Доставлены онѣ по почтѣ. Книгъ получено 38. Содержаніе этихъ книгъ философскаго направленія. Это первый случай доставки священныхъ книгъ по почтѣ, тогда какъ прежде отправлялись за ними богомольцы.

Некрологи.

— 7 марта скоропостижно скончался ге-

нералъ-маіоръ Михаилъ Павловичъ Розенгеймъ, членъ с.-петербургскаго военно-окружнаго суда и хорошо извѣстный въ свое время сатирическій поэтъ. Портретъ и біографія его появятся въ „Нивѣ“ въ ближайшихъ №№.

Пожаръ въ преріяхъ. Сѣв. Америк. штаты. Рис. К. Кольбъ, грав. Гольбергеръ.

— 8 марта скончался извѣстный писатель Павелъ Васильевичъ Анненковъ. Въ 50-хъ годахъ онъ посвятилъ себя капитальному труду, полному изданію сочиненій Пушкина. Въ то же время онъ сотрудничалъ въ „Современникѣ“, „Русскомъ Вѣстникѣ“ и „Вѣстникѣ Европы“.

— 8 марта скончался въ Женевѣ маститый польскій писатель беллетристъ Іосифъ Игнатій Крашевскій. Живя въ волынскомъ помѣстьи своемъ „Омельно“, онъ посвящалъ себя исключительно литературѣ. Послѣ возстанія Польши въ 1863 году онъ уѣхалъ въ Дрезденъ и принялъ саксонское подданство. Плодовитый писатель оставилъ 450 томовъ своихъ сочиненій по всѣмъ почти отраслямъ литературы.

— 9 марта, въ Берлинѣ, послѣ неудачной операціи, скончался бывшій министръ финанс., генер.-адъют. Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ. Управленіе минист. фин. С. А. отмѣчено особою заботливостью о поднятіи торговли и промышленности. За это время возникла мысль объ учрежденіи министерства торговли. Портреты всѣхъ этихъ лицъ будутъ помѣщены въ „Нивѣ“.

Смѣсь.

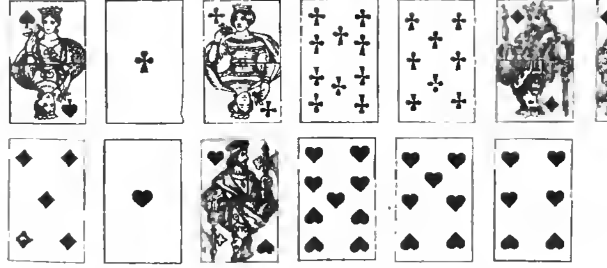
Въ среду 11-го марта состоялось собраніе перваго дамскаго художественнаго кружка во дворцѣ Вел. Кн. Екатерины Михайловны и предсѣдательницею этого кружка г-жею Куріаръ, былъ переданъ адресъ и альбомъ въ роскошномъ переплетѣ съ 20 оригинальными акварелями нашему знаменитому маринисту И. К. Айвазовскому. Текстъ адреса слѣдующій: „Иванъ Константиновичъ! Весь русскій художественный міръ готовится въ этомъ году чествовать Вашу полувѣковую славную дѣятельность. Желая лично принести Вамъ нашъ сердечный привѣтъ и глубокую благодарность за то теплое и радушное сочувствіе, съ которымъ Вы всегда встрѣчали всѣ начинанія на художественномъ поприщѣ, мы просимъ Васъ принять этотъ альбомъ на память отъ перваго дамскаго художкружка.“ Слѣдуютъ подписи. Акварели альбома принадлежатъ г-жѣ Куріаръ, бар. Врангель, А. Вохиной, бар. Розенъ, г-жамъ Гаугеръ, Константиновой, де-Виттъ, бар. Паленъ, Назимовой, Стефанъ, Макаровой, Жоховой, Эбепорсъ, Хиссъ, Беггровой, Соколовской, Судковской. И. К. отвѣтилъ, что онъ глубоко тронутъ выраженіемъ ему такихъ чувствъ и очень радъ видѣть въ членахъ кружка столько любви къ искусству. Своими работами кружокъ развиваетъ любовь къ искусству и его пониманіе въ обществѣ. (б.)

Проф. А. П. Бородинъ. † 15-го февраля. Съ фотогр. Шапиро, грав. Барановскій.

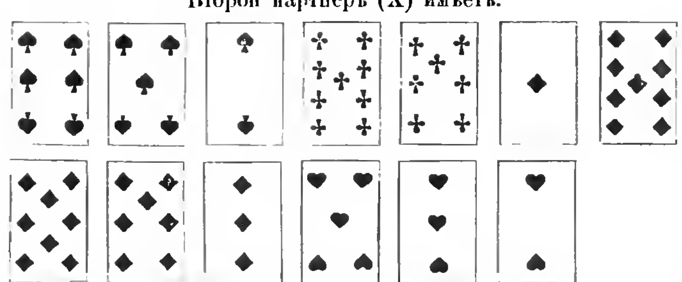
Въ Темиръ-ханъ-Шурѣ поставленъ памятникъ бомбардиру Агаѳону Микитину, звѣрски замученному текинцами при взятіи Геокъ-Тепе. Находясь въ плѣну у текинцевъ, Микитинъ былъ принуждаемъ непріятелемъ стрѣлять по нашимъ войскамъ, но ни угрозы, ни насилія не могли его принудить къ этому; тогда текинцы привели свои угрозы въ исполненіе: у него были отрублены пальцы и содрана со спины кожа, и онъ скончался въ страшныхъ мученіяхъ, не измѣнивъ долгу. Такой геройскій самоотверженный подвигъ Агаѳона Микитина не могъ оставаться безъ вознагражденія: кромѣ памятника ему въ Темиръ-ханъ-Шурѣ, подвигъ его увѣковѣченъ и на родинѣ героя-мученика. Сувалкской губерніи, въ небольшомъ городѣ Кальваріи, среди сплошнаго латинскаго и еврейскаго населенія, находится маленькій кружокъ русскихъ служащихъ людей. Въ этомъ городѣ, родинѣ Агаѳона Микитина, не было православной церкви. Земляки героя испросили у городскихъ властей даровое помѣщеніе въ небольшомъ отдѣльномъ домикѣ и на свои скудныя средства устроили въ немъ православную церковь во имя святого преподобнаго Агаѳона, которая 18-го декабря 1884 г. была освящена. Государь Императоръ препроводилъ три тысячи рублей на украшеніе церкви во имя св. Агаѳона, которая отнынѣ получаетъ значеніе живого христіанскаго памятника русскому патріоту. (н.)

Задача игры въ винтъ № 22.

Первый партнеръ (А) имѣетъ:

Второй партнеръ (X) имѣетъ:

Третій партнеръ (В) имѣетъ:

Четвертый партнеръ (Y) имѣетъ остальныя.

А—трефы, X, В, и Y—пасъ; А—черви, В—пасъ (X и Y запасовали окончательно); А—пасъ; В—двѣ трефы (А пасъ), двѣ черви; А—два безъ козыря; В—три трефы, А—три черви!—Пасъ!—Пасъ!

Сколько А и В возьмутъ взятокъ при правильномъ ходѣ розыгрыша?

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

ЭЛЕОПАТЪ пров. КИНУНЕНЪ

для укрѣпленія корней волосъ, средство противъ перхоти на головѣ. Элеопатъ Кинунена находится для продажи во всѣхъ большихъ Аптек. и Космет. магазинахъ. Цѣна флакону, содержащему 120 граммовъ, 1 р. 50 коп. но безъ пересылки.

Пров. КИНУНЕНЪ.

Жители въ провинціи выписываютъ Элеопатъ Кинунена изъ ближайшихъ отъ нихъ городовъ, гдѣ только имѣется Аптек. или Космет. магазинъ, но не менѣе двухъ флаконовъ.

Просятъ непремѣнно обращать вниманіе на клеймо въ самомъ стеклѣ каждаго флакона,—пров. Кинуненъ.

SCHMIDT'S SAMEN-UND PFLANZEN-CATALOG für 1887 ist in bekannter umfangreicher Ausstattung erschienen und wird FRANCO und GRATIS auf Verlangen versandt.

SCHMIDT'S Catalog ist eine SCHATZGRUBE für jeden Blumen- und Gartenfreund 200 Seiten, 500 Illustrat. mit Buntdruck FRANCO und GRATIS.

12—9 **J. C. SCHMIDT, ERFURT, DEUTSCHLAND.** № 2363

ПОДГОТОВЛЕНІЕ НА МѢСТА

счетоводовъ (бухгалтеровъ), конторщиковъ, агентовъ, подотчетныхъ приказчиковъ путемъ практическихъ упражненій, въ конторѣ „Фирмы Счетоводъ". Подробности сообщаются въ **С.-Петербургѣ:** Невскій просп., № 66; въ **Москвѣ:** Тверская ул., у Старыхъ Тріумфальныхъ воротъ, домъ Грачева. № 2475

Поступилъ въ продажу во всѣхъ книжныхъ и эстампныхъ магазинахъ

БОЛЬШОЙ АЛЬБОМЪ КЪ СОЧИНЕНІЯМЪ ПУШКИНА

(Изданіе Ф. Павленкова).

44 иллюстраціи, составленныя по рисункамъ художниковъ: В. Васнецова, А. Земцова, Загорскаго, Н. Каразина, В. Крюкова, Каменева, М. Малышева, И. Панова и Р. Штейна. Къ альбому приложенъ портретъ Пушкина и снимокъ съ его почерка.

Цѣна въ красивой папкѣ —1 р. 50 коп.

Пересылка за 2 фунта. Складъ въ книжномъ магазинѣ Луковникова (СПБ., Лештуковъ пер., 2). Mt. № 2474

УКАЗАТЕЛЬ ФАБРИКЪ И ЗАВОДОВЪ

ИЗД. 1887 Г., СОСТ. ПО ОФФИЦ. СВѢД. ДЕПАРТАМЕНТА ТОРГОВЛИ И МАНУФАКТУРЪ.

Подробн. адресы и мног. др. свѣдѣнія о 17.500 фабр. и завод. въ Европ. Россіи и Ц. Польскомъ. Полезная справочн. книга для **Правленій, Конторъ, Агентствъ, Коммиссіонерствъ** и проч. торгов. учрежд. Цѣна 5 руб., перес. за 3 ф. Прод. у составит. Н. А. Орлова, въ С.-Петербургѣ, Пески, Конногвард. ул., № 52 и у всѣхъ болѣе извѣстн. книгопродавцевъ. № 2477

ФАБРИКА О-ДЕ-КОЛОНА И БЛАГОВОННЫХЪ ТОВАРОВЪ,

ГЛОКЕНГАССЕ № 4711.

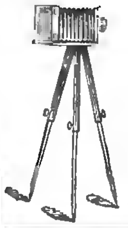
Ферд. Мюльгенсъ, въ Кельнѣ на Рейнѣ

рекомендуетъ свои издѣлія, удостоенныя наградъ на выставкахъ:

№ 4711 **О-де-колонъ**, самый лучшій.
„ 4711 **Вода флорида** для ваннъ.
„ 4711 **Eau de Quinine** } для очищенія кожи на головѣ и укрѣпленія волосъ.
„ 4711 **Lotion végétale** }
„ 4711 **Туалетный уксусъ.**
„ 4711 **Сосновые духи** необходимые въ комнатахъ больныхъ.
„ 4711 **Quadruples Extraits** } тончайшіе духи изъ разныхъ цвѣтовъ въ большомъ выборѣ.
„ 4711 **Triples Extraits** }
„ 4711 **Духи цвѣтовъ Германіи** }
„ 4711 **Рейнскій букетъ** }
„ 4711 **Цвѣточныя масла** } съ чист. зап. разн. цвѣт.
„ 4711 **Цвѣточныя помады** }
„ 4711 **Жирная пудра.**
„ 4711 **Рисовая пудра.**
„ 4711 **Зубная вода.**
„ 4711 **Зубная паста.**

№ 4711 **Зубной порошокъ.**
„ 4711 **Туалетныя мыла** высокаго качества, въ изящной оболочкѣ, не уступающія въ достоинствѣ лучшимъ мыламъ.
„ 4711 **Хрустальныя мыла** съ запахомъ розы, резеды, ландыша, О-деколона съ ручательствомъ богатаго содержанія глицерина.
„ 4711 **Медицинскія глицериновыя мыла.**
„ 4711 **Глицериновое мыло Ихтіоль.**
„ 4711 **Мыльная пудра для бритья.**
„ 4711 **Бриллянтинъ.**
„ 4711 **Венгерская вакса для усовъ.**
„ 4711 **Помада въ плитк. (фиксатуаръ).**
„ 4711 **Кольдъ-Кремъ.**
„ 4711 **Препараты изъ вазелина**, какъ-то:
Вазелиновое мыло.
Вазелиновая помада.
Вазелиновый Кольдъ Кремъ.
Вазелиновый кремъ.
Вазелиновая губная помада.

Цѣна дешевле какой либо другой иностранной конкурренціи. Каждое издѣліе носитъ знакъ неподдѣльности: **№ 4711**. Продажа въ большинствѣ значительныхъ парфюмерныхъ и аптекарскихъ магазиновъ Россіи. Главное депо: у Алекс. **Тисъ и К°**, Пушкинская, 4. Р. № 2479

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ АППАРАТЪ, весьма прочный и легкій, для портретовъ, группъ и видовъ, въ кабинетную величину, цѣна **30 рублей.**

Этотъ аппаратъ состоитъ изъ складной камеры съ коленкоровымъ мѣхомъ, одной двойной кассеты для двухъ свѣточувствительныхъ пластинокъ и треножника. **Объективъ къ нему 5 рублей.** Можно съ нимъ скоро изучить фотографированіе, безъ предварительнаго познанія. Печатныя наставленія на русскомъ и нѣмецкомъ языкахъ высылаются безплатно. Вѣсъ полнаго аппарата съ ящикомъ 16 фунтовъ. За упаковку взимается 1 р. 50 к. **Богатѣйшій выборъ самыхъ лучшихъ англійскихъ, французскихъ и нѣмецкихъ камеръ и всѣхъ новѣйшихъ предметовъ, касающихся фотографіи.** 2 № 2455

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°
С.ПЕТЕРБУРГЪ МАЛ. КОНЮШЕННАЯ 8

КАПСЮЛИ ГЮЙО

CAPSULES GUYOT.

Прежде капсюли эти были черныя и непріятны для пріема; теперь же онѣ **бѣлыя** и похожи на конфекту. А. № 2429 5—4

На каждой капсюлѣ выдавлена подпись **Гюйо.**

Примѣчаніе. Дѣти и особы, которыя не могутъ проглатывать эти капсюли, могутъ пользоваться

ПАСТОЙ РЕНЬО
PATE REGNAULD
приготовляемой
19, rue Jacob.

Требовать на этикетахъ слѣдующую подпись трехъ цвѣтовъ:

Guyot

Во всѣхъ аптекахъ.

Оптовая фабрикація: 19, rue Jacob, Paris.

Съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

„ФИЛАКТЕРІЙ, ТУТОРЪ И АКОЛИТЪ"

СРЕДСТВА ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ВОЛОСЪ

провизора Н. СИНИЦЫНА.

Продается во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Цѣна за коробку, содержащую три предмета, составляющіе при употребленіи одно цѣлое, 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к. При требованіи трехъ коробокъ пересылка на счетъ склада. Р. № 2419 10—3

Главные склады: С.-Петербургская Химическая лабораторія Ф. Линде, Невскій пр., д. № 23; въ магазинѣ на Вас. Остр., по 6 лин., д. № 25 и въ конторѣ **Ив. Федингъ**, Чернышевъ пер., уг. Больш. Садовой ул. № 20; у **А. М. Рузанова**, Гост. Дворъ, 40; у **М. Ушакова**, Гост. Дворъ, 33; **СПБ. техно-химич. лабораторіи**, Гост. Дворъ; **В. П. Сердюкова**, Пассажъ; **Русск. Общ. Торг. аптек. товарами, Центр. Аптек. Депо**, Невскій, 27; магазинъ **A la Renommée**, Невскій, № 3; **В. Березовскаго**, Алекс. линія, № 6. Описаніе способа употребленія и назначенія означенныхъ средствъ, отдѣльными брошюрами приложено при средствахъ. Брошюра, по желанію публики, выдается въ главныхъ складахъ безплатно.

УДОСТОЕННЫЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ ВЫСШИМИ ОТЛИЧІЯМИ

ПРЕМИРОВАННЫЕ EXTRAITS QUADRUPLES:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ GOLD-LILIE
ЛОЗЕ BOUQUET MESSALINA

служатъ и для этого зимняго сезона лучшими духами для платковъ, платьевъ и проч. Такъ какъ эти и мои другіе **Extraits quadruples** подвергаются подражанію, то прошу покорнѣйше при покупкѣ обращать вниманіе на мою полную фирму St. № 2382 12—5

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,

46 Егерстрассе, БЕРЛИНЪ.

Парфюмеръ Е. В. К. Германской, придворный поставщикъ Е. К. И. В. Наслѣдной Принцессы Германск. и Прусской.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ. Ром. изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. Каразина. Изд. 2-е, доп. 8-ю нов. ориг. рис. автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ треб. обращ. въ контору журнала „Нива".

Торговый домъ признанъ достойнымъ своего названія за высокое качество и дѣйствительно дешевую цѣну всѣхъ товаровъ.

Большіе магазины „ЛУВРЪ“

НАИБОЛЬШІЕ ВО ВСЕЙ РОССІИ.

С.-Петербургъ, 63, Мойка, домъ Кононова, 63, С.-Петербургъ.

Система продавать лучшій товаръ съ наименьшимъ барышомъ безусловно соблюдается въ Большихъ магазинахъ „ЛУВРЪ“.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ ПОСЛѢДНІЯ ПАРИЖСКІЯ НОВОСТИ.

Торговый домъ „ЛУВРЪ“ получилъ модели всѣхъ послѣднихъ новостей для весенняго сезона, какъ-то: **конфексіоны, костюмы, капоты, матинэ, ватерпруфы, мантильи,** также большое количество тканей: шелковыхъ и шерстяныхъ, кружевъ, бѣлья для приданаго, чепчиковъ, цвѣтовъ, перьевъ.

ОТДѢЛЪ костюмовъ и конфексіонъ представляетъ несравненный выборъ новѣйшихъ моделей по цѣнамъ, недопускающимъ никакой конкуренціи.

ЕДИНСТВЕННЫЙ ТОРГОВЫЙ ДОМЪ,

имѣющій всѣ принадлежности дамскаго туалета послѣдней моды.

БОЛЬШАЯ ФАБРИКА ШЛЯПЪ. ОТПРАВКА ВЪ ПРОВИНЦІЮ ПО ПОЛУЧЕНІИ ДЕНЕГЪ. № 2443 (3)

ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО

ГОЛЛЕНДЕРЪ

Шведскій зубной элексиръ

и Шведскій зубной порошокъ.

Для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта.
52—12 № 2337

Получить можно во всѣхъ больш. аптек. и космет. маг. въ стол. и въ пров. Ц. флак. Элексиру 80 к., зубн. порош. 50 к. За перес. 50 к. Письма по слѣдующ. адресу: въ С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

РАЗСКАЖИТЕ, МНѢ, ЧТО НИБУДЬ И ПОКАЖИТЕ КАРТИНКИ.

Вотъ просьба, съ которою каждый ребенокъ обращается къ окружающимъ. Новая дѣтская книга, подъ такимъ же заглавіемъ, можетъ какъ нельзя лучше удовлетворить подобную просьбу. Книга эта наполнена живыми и интересными иллюстрированными разсказами въ прозѣ и стихахъ, разнообразными играми, забавами и т. п.; она содержитъ въ себѣ около **200 рисунковъ**, изъ которыхъ половина юмористическихъ, способныхъ разсмѣшить каждаго. Продается во всѣхъ книжныхъ магазинахъ. Цѣна книги, напечатанной на прекрасной бумагѣ, въ роскошномъ, тисненномъ золотомъ переплетѣ **2 руб.**, съ пересылкою **2 руб. 50 коп.** Гг. иногородные могутъ выписывать книгу изъ главнаго склада. (С.-Петербургъ, Чернышевъ пер., зданіе Коммерческаго Училища, редакція журнала **„Юная Россія“**), за **2 руб. 25 коп.** № 2478

ЖЕМЧУГИ

оріентальскій, первоклассный, рѣдкіе по своимъ достоинствамъ; серебряные кубки, кружки и бокалы; золотыя эмалированныя табакерки и вообще всякаго рода древности изъ золота и серебра, покупаю по любительской цѣнѣ. **ЛЮДВИГЪ БЕКЪ.** Москва, Тверская, д. князя Мещерскаго, ходъ изъ Дехтярнаго переулка; лица, которыя мнѣ рекомендуютъ подобныя вещи, получаютъ 10% отъ сдѣланной покупки. Р. № 2483

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

АЛЬБОМЪ РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ (АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

состоящій изъ **25-ти большихъ,** прекрасно отлитографированныхъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **болѣе 300** разнообразныхъ рисунковъ для выпиливанія изъ дерева.

Цѣна въ изящной оберткѣ **1 р.**, съ пересылкой **1 р. 30 к.** Съ требованіями обращаться въ Главн. Контору журнала **„Нива“**, СПБ., Невскій пр., д. 6.

Выпуская въ свѣтъ настоящій „Альбомъ“, издатель имѣлъ въ виду удовлетворить желанія весьма многихъ своихъ подписчиковъ, неоднократно заявлявшихъ о желаніи имѣть хорошіе рисунки для выпиливанія, тѣмъ болѣе что до настоящаго времени ничего подобнаго, за такую дешевую цѣну, издано не было.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ Л. ШАНДОРА.

Привиллегированныя керосиновыя свѣчи 85 к., 1 р. 25 к., 1 р. 75 к.

Невзрывчатыя столовыя, стѣнныя и висячія лампы.

Всѣ существующія лампы могутъ быть передѣланы по системѣ **Л. Шандора.**

Главный складъ свѣчей: Почтамтская, д. № 6, а также продаются въ магазинахъ:

Келеръ, Пантелеймонская, д. 12.
Петровъ, Невскій пр., 46.
Езеровъ, Невскій, Милютинъ рядъ.
Депо аптек. тов., Милютинъ рядъ.
Магазинъ новыхъ изобр. Невскій, 4.
Меммлеръ, Гороховая, 16.
Безопасный свѣтъ, Гороховая, 46.
Ивановъ, Большая Садовая, 57.
Пыляевъ, Гостиный дворъ, 60.
Шиоръ, Вознесенскій пр., 13—2.
Фестъ, Вознесенскій пр., 31—2.
Кохъ, Казанская, д. 22.
Финляндск. складъ, Литейный, 48.
Семеновъ, Литейный пр., д. Антонова.
Клосъ. В. О., 5-я лин., д. 12.
Гершъ, В. О., 1 лин. д. 20.

Торговцамъ дѣлается скидка. Р. № 2481 2—1

ПРАВОСЛАВНОЕ ПАЛЕСТИНСКОЕ ОБЩЕСТВО.

Удешевленіе пути въ Іерусалимъ и на Аѳонъ

съ 1-го марта 1887 года.

I. До Аѳона и обратно:

Отъ Москвы чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу въ III классѣ . . 45 р.
„ Кіева чрезъ Одессу въ III классѣ . . . . 32 р.
„ Одессы въ III классѣ . . . . 22 р.

II. До Яффы и обратно:	I классъ. Съ продовольствіемъ.	I классъ. Безъ продовольствія.	II классъ. Съ продовольствіемъ.	II классъ. Безъ продовольствія.	Смѣшанные: III кл. жел. дор. и II кл. парох. Съ продовольствіемъ.	Смѣшанные: III кл. жел. дор. и II кл. парох. Безъ продовольствія.	III классъ. Безъ продовольствія.
Отъ СПБурга, чрезъ Москву, Курскъ, Кіевъ и Одессу.	—	—	—	—	183 р.	126 р.	62 р. 50 к.
„ Москвы, чрезъ Курскъ, Кіевъ и Одессу . . .	305 р.	230 р.	215 р.	160 р.	172 р.	115 р.	46 р. 50 к.
„ Кіева чрезъ Одессу . .	250 р.	170 р.	175 р.	120 р.	158 р.	101 р.	33 р. — к.
„ Воронежа чр. Таганрогъ	270 р.	180 р.	200 р.	130 р.	186 р.	118 р.	38 р. — к.
„ „ „ Орелъ, Кіевъ и Одессу	—	—	—	—	—	—	47 р. — к.

Въ С.-Петербургѣ: у о. протоіерея Михайловскаго, Екатерининскій каналъ, д. Вознесенской церкви; у В. Н. Хитрово, Мойка, 93: у С. Д. Лермонтова, Манежный пер., 7; въ Троице-Сергіевой Лаврѣ, у о. Агапита, въ Новой Гостиницѣ; **въ Москвѣ:** у свящ. Срѣтенскаго, Б. Никитская, д. ц. Вознесенія; **въ Кіевѣ:** у епископа чигиринскаго Іеронима, въ Златоверхо-Михайловскомъ монастырѣ; у о. протоіерея П. Г. Лебединцева, д. Софійскаго собора; у іеромонаха Аѳанасія, въ Лаврской гостиницѣ; въ Воронежѣ, у іеромонаха Платона, Митрофаніевъ мон.; **въ Перми**—у А. В. Маляѣева; **въ Казани**—у В. И. Заусайлова; **въ Одессѣ**—у М. И. Осипова, Воронцовскій пер., д. Бодаревскаго.

Паломническія книжки дѣйствительны на годъ со дня ихъ выдачи; купившіе оныя могутъ останавливаться въ Москвѣ, Курскѣ, Кіевѣ, Одессѣ, Ростовѣ на Дону, Таганрогѣ и Константинополѣ, какъ при проѣздѣ въ Яффу и на Аѳонъ, такъ и обратно.

Для желающихъ взять билетъ 3-го класса только на переѣздъ моремъ, Русское Общество Пароходства и Торговли, по предъявленіи заграничнаго паспорта, взимаетъ до **Яффы и обратно:** отъ Одессы или Севастополя 24 руб., отъ Таганрога 29 руб. и отъ Батума 28 руб. № 2457 3—3

Въ Одессѣ за свѣдѣніями и объясненіями можно обращаться къ протоіерею Кудрявцеву, въ Университетъ.

Фонтаны, статуи, вазы, орлы, медали, буквы, вывѣски, памятники.

ЦИНКО-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ

Г. ПОЛЬ и Кº.

въ Москвѣ, Петровскія торговыя линіи. Прейсъ-куранты высыл. за 2 7-ми к. марк. Р. №2482 2—1

МОДЫ и ПЛАТЬЯ А. ФРОЛОВОЙ,

Гороховая улица, д. № 13, уголъ Б. Морской (въ бель-этажѣ).

Готовыя платья. Парижскія новости. Джерсе и корсеты. Пріемъ заказовъ и конфексіонъ. № 2472

ФОТОГР. АППАРАТЪ 30 Р.

поли. приборъ къ нему, т. е. объективъ, пласт., чашки, альб. бум. хим. продук. и пр. **20 Р.** Этимъ аппар. можно скоро изучить фотографированіе. Вѣсъ аппарата съ приб. 20 фунт. Mt. № 2384 10—7

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и Кº, СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ,** приводовъ, **вѣялокъ,** сортировокъ, **плуговъ,** боронъ, **сѣялокъ,** непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ,** механическихъ **зерносушилокъ,** предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика,** сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ,** Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеноль. Отдѣленіе **въ Харьковѣ,** Рыбная улица. № 1830 19

Иллюстрированные каталоги безплатно.

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ статья отъ Страховаго общества Нью-Іоркъ.

Дозвол. цензур., СПБ. 18 марта 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. № 13 — г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 28 марта 1887 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Іерусалимъ во время земной жизни Христа Спасителя. Рисов. Жюстинъ, грав. Пейне.

Іерусалимъ при Христѣ.

Хотя объ Іерусалимѣ упоминается мимоходомъ въ книгахъ Іисуса Навина и Судей Ветхаго завѣта, но собственно впервые появляется онъ въ исторіи во времена царя Давида. Долго онъ служилъ причиною раздора различныхъ династій, пока не отстояли его независимости за 150 лѣтъ до Рождества Христова. Въ 64 г. до Р. Х. городъ былъ завоеванъ Помпеемъ и перешелъ во владѣніе римлянъ. Спустя сто лѣтъ, Іерусалимъ съ напряженіемъ и силою старался свергнуть иго, но былъ завоеванъ Титомъ въ 70 г. послѣ Р. Х. и разрушенъ. Съ этого времени уже сохранились болѣе подробныя свѣдѣнія о положеніи, чудныхъ сооруженіяхъ и укрѣпленіяхъ города. Іерусалимъ состоялъ тогда изъ Верхняго города, называемаго ветхозавѣтными писателями Сіономъ (влѣво на рисункѣ), далѣе примыкающаго сѣверною частью къ первому Нижняго города, получившаго названіе Акра, отъ высящагося надъ нимъ укрѣпленія въ видѣ Акрополя. Дворецъ, возвышающійся надъ городомъ, съ лѣвой стороны рисунка, это древній дворецъ Соломона. Въ центрѣ города, въ темномъ зданіи съ тремя башнями, видномъ на рисункѣ, находится дворецъ Антонія, судилище и дворецъ римскихъ намѣстниковъ. Величественная, длинная постройка, на первомъ планѣ города, это прекрасный храмъ Ирода, съ террасами и дворами. Въ галлереѣ, высящейся надъ всею мѣстностью, окруженною стѣною, находилась Святая Святыхъ; затѣмъ пониже этого дворъ священнослужителей, куда вели прекрасныя ворота съ богатою колоннадою. Предъ нею виденъ внутренній дворъ съ жертвенникомъ и, подвигаясь ближе къ выходу—дворъ женщинъ, и наконецъ у наружной стѣны—дворъ язычниковъ. Налѣво отъ этой святыни виденъ мостъ, соединяющій храмъ съ верхнимъ городомъ. Ни одинъ городъ не испыталъ столько войнъ и осадъ, какъ Іерусалимъ. Его захватывали и грабили тридцать четыре раза; милліоны людей поплатились жизнью при его завоеваніяхъ. Нынѣ, бывшая великолѣпная столица іудейскихъ царей, возникла на развалинахъ, но въ бѣдномъ и скудномъ видѣ. Это турецкій городъ съ 20,000 жителей, въ томъ числѣ 3,500 христіанъ и 8,000 евреевъ. Общій видъ улицъ мрачный, но издали, особенно съ Масличной горы, городъ, съ его многочисленными мечетями и башнями, кажется красивымъ и величественнымъ. Іерусалимъ богатъ историческими зданіями и мѣстами; великія эпохи, пронесшіяся надъ нимъ, оставили на немъ свои глубокіе слѣды.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

(Продолженіе).

Члены „оной фамиліи“, двигавшіеся по большому тракту на Псковъ, съ поклажей и съ провизіей, съ конвоемъ солдатъ, вѣжливо обращавшихся съ ними, и даже съ дѣтьми, выглядывали теперь совершенно иначе.

Всѣ были чище одѣты, чѣмъ прежде, даже, будто казалось, всѣ были чище лицомъ. Недаромъ ихъ три раза кряду передъ отъѣздомъ водили всѣхъ въ баню, недаромъ было отпущено изрядное количество казеннаго мыла. Наконецъ, всѣмъ было роздано на дорогу приличное теплое платье и теплыя шапки съ наушниками.

Путники двигались по подорожной, выданной курьеру Льву Микулину изъ московской канцеляріи на его собственное имя „съ будущими“, состоящими изъ 18-ти человѣкъ. Путники не были названы поименно, а продолжали называться „персонами оной фамиліи“.

Въ личныхъ сношеніяхъ, какъ солдаты, такъ и офицеры, уже называли путниковъ совершенно иначе. Тутъ ѣхали Марья Ивановна и Софья Карлусовна Сковоротскія, Христина и Анна Самойловны и, наконецъ, еще разъ пробовавшій на привалѣ бѣгать, въ надеждѣ улизнуть отъ москалей, Фридрихъ Самойловичъ Сковоротскій. Этого послѣдняго Микулинъ и Пасынковъ заглазно называли съ досадой: „Чортъ Самойловичъ“.

Путь „оной фамиліи“ въ столицу продолжался мирно и тихо, безъ особенныхъ событій, такъ какъ послѣ третьяго побѣга „чорта Самойловича“, ему наконецъ рѣшились надѣть путы и ужъ не снимали вплоть до Ижоры.

Только одна новость была среди поѣзжанъ, но новость эта была пустая, всѣ поѣзжане знали это, подшучивали и посмѣивались. За неимѣніемъ другихъ разговоровъ, это было единственное, что занимало всѣхъ на привалахъ.

Новость заключалась въ томъ, что господинъ офицеръ Пасынковъ сильно ухаживалъ за Софьей Карлусовной, ѣхалъ съ ней уже въ однѣхъ саняхъ и былъ дѣйствительно влюбленъ въ Дохабенскую Янкундзе, безъ памяти. Но что было всего удивительнѣе, что Софья за этотъ долгій путь, немного утомительный и хотя однообразный, но для нея все-таки полный впечатлѣній, много измѣнилась нравомъ, стала веселѣе, снова громче смѣялась милымъ серебрянымъ смѣхомъ и на ухаживаніе молодца-офицера отвѣчала снисходительно, т. е. кокетничала съ нимъ.

Когда же поѣздъ приближался къ столицѣ и былъ всего въ нѣсколькихъ десяткахъ верстъ, то на одномъ изъ приваловъ, украдкой отъ всѣхъ, Пасынковъ горячо объяснился красавицѣ въ любви.

Но Янкундзе отвѣчала лукаво: „Это мнѣ большая честь! Но вы офицеръ, а я крестьянка и потому не смѣю любить васъ.“

Какимъ образомъ все случилось, Пасынковъ самъ не понималъ и даже смущался нѣсколько. Съ этой обворожительной и ласковой дѣвушкой шутить ему, простому офицеру, не приходилось.

Софья основала свою ласковость, т. е. кокетство съ Пасынковымъ на оскорбленіи и на ненависти, которую питала теперь къ Цуберкѣ. Ей казалось, что во всемъ мірѣ не было и не будетъ такого человѣка, котораго бы она такъ искренно и глубоко ненавидѣла, какъ ганца Цуберку, измѣнившаго ей изъ-за нѣсколькихъ розогъ.

Въ теплый, почти весенній, мартовскій день, при яркомъ солнцѣ, по тающему желтому снѣгу, длинный поѣздъ „оной фамиліи“ прибылъ въ Стрѣльну, маленькую мызу въ нѣсколько домиковъ, и здѣсь временный, на сутки или на двое, привалъ, оказался не приваломъ, а прибытіемъ. Здѣсь, по распоряженію, полученному изъ Петербурга Микулинымъ, „оная фамилія“ остановилась надолго.

Прошелъ одинъ мѣсяцъ, потомъ другой, потомъ третій, было уже лѣто жаркое, а всѣ „персоны“, привезенныя изъ Риги, продолжали пребывать въ Стрѣльнѣ, размѣщенныя въ просторномъ домѣ. Всего у нихъ было вдоволь и всѣ они были довольны и веселы. Мѣстопребываніе ихъ была та же деревня, но получше Дохабена или Кегемы.

Постоянный гость и общій ихъ любимецъ, офицеръ Пасынковъ, часто привозилъ въ Стрѣльну изъ Питера хорошія и все лучшія извѣстія. Наконецъ, однажды, явился Пасынковъ и, подъ величайшимъ секретомъ, сообщилъ Софьѣ наединѣ, что утромъ въ Стрѣльну будетъ самъ Карлусъ Самойловичъ, ея отецъ.

— Какъ? Отецъ? ахнула Софья и чуть не бросилась на шею къ офицеру.

— Да, сама государыня его принимала и посылаетъ сюда.

Разумѣется, Софья не утерпѣла и передала извѣстіе матери. Марья Сковоротская, мечтавшая объ свиданіи

съ мужемъ всю дорогу и за все время пребыванія въ Стрѣльнѣ—чуть не упала безъ памяти на полъ. Черезъ часъ вся „фамилія“ знала секретъ офицера. Когда къ дому подъѣхалъ на утро возокъ и вышелъ изъ него „баринъ“, то всѣ бросились къ нему на встрѣчу, узнавъ Карлуса.

XXVIII.

Разумѣется, свиданіе Карлуса съ женой и дѣтьми стало въ Стрѣльнѣ праздникомъ. Но сумятица и веселье продолжались недолго, такъ какъ чрезъ два дня всѣ обитатели Стрѣльны несказанно перепугались. Они были оповѣщены прибывшимъ изъ Петербурга Микулинымъ, чтобы готовились къ посѣщенію самой государыни, которая желаетъ лично ихъ всѣхъ повидать.

Всѣ персоны „оной фамиліи“ сразу притихли и смутились. Заглазно они очень храбро разсуждали объ Мартѣ, теперь же, ожидая прибытія русской царицы, совершенно растерялись. Одинъ Карлусъ Самойловичъ успокоивалъ сестеръ и жену, увѣряя, что государыня настолько ласкова и добра, что бояться ея совсѣмъ не приходится.

Впрочемъ, Христина была сравнительно спокойна. Она помнила хорошо свое рижское свиданіе. Фридрихъ Самойловичъ былъ совершенно спокоенъ, но потому только, что за послѣднее время какъ-то совсѣмъ опустился умственно, и глядѣлъ на все и всѣхъ не то разсѣянно, не то безсмысленно. Его разсудокъ, казалось, отсутствовалъ и былъ теперь тамъ же, гдѣ неизмѣнно пребывало и сердце, т. е. съ Триной. Дѣйствительно, Дирихъ отъ зари до зари думалъ и говорилъ только объ Тринѣ, горевалъ объ прежней своей житейской долѣ, объ утраченномъ на-вѣки счастьѣ. Насильственная разлука съ единственнымъ въ мірѣ существомъ которое онъ любилъ, его какъ бы пришибла.

Болѣе всѣхъ волновалась Софья. Ей не хотѣлось показаться царицѣ таковой же, каковы всѣ они были, по словамъ отца.

— Ты, ничего, не бойся, успокоивалъ дочь Карлусъ. Ты вѣдь и тамъ, въ Вишкахъ, была—Яун-Кундзе!.. А вотъ вы всѣ—совсѣмъ мужики неотесанные, прибавлялъ Карлусъ, весь день оглядывая родню свою. Не знаю ужъ, какъ съ вами быть. Никуда васъ выпустить нельзя. Срамъ одинъ отъ васъ будетъ въ столицѣ.

Дочь свою Карлусъ искренно и самоувѣренно успокоивалъ и обнадеживалъ. Любимица дочь дѣйствительно казалась ему „отметнымъ соболемъ“ около матери и тетокъ. Карлусъ съ удовольствіемъ замѣтилъ, что дѣвушка за время ихъ разлуки какъ-то выправилась, стала и красивѣе, и бойчѣе, и рѣчистѣе, да вдобавокъ и держала себя не какъ простая крестьянка. Софья не голосила крикливо въ разговорѣ какъ Анна и не махала при этомъ руками какъ Христина. Она была степеннѣе, сдержаннѣе и на видъ благовоспитаннѣе.

Разумѣется, родительскому сердцу Карла Самойловича это было чрезвычайно лестно и пріятно.

— Гдѣ ты это навострилась? спрашивалъ онъ дочь, готовя ее къ встрѣчѣ съ царицей и обучая какъ ей отвѣчать, кланяться, стоять или сидѣть во время предстоящаго свиданія.

Софья быстро все усвоивала, что отецъ говорилъ, а иногда даже перечила отцу, находя иные его совѣты не совсѣмъ дѣльными и умѣстными.

— Скажи на милость, восклицалъ самодовольно Карлусъ. Сама знаетъ! Вѣдь это ты вѣроятно въ Ригѣ у вашего надзирателя Адама Иваныча такой важности нахваталась.

— Да, сознавалась Софья. Его жена меня часто журила и обучала. Да тамъ бывали тоже барыни разныя и офицеры. Я все приглядывалась какъ они промежь себя обращаются. Бывало всякій день что нибудь новое увидишь и узнаешь.

— Молодецъ дочка! Ей Богу... радовался Карлусъ... Тебя прежде въ шутку прозвали барышней, а теперь ты и взаправду барышня.

— Да я вѣдь, тятя, еще у тебя въ гостинницѣ въ Вишкахъ ко всякимъ проѣзжимъ этакъ присматривалась, объясняла Софья.

— Лункундзе! восклицалъ Карлусъ съ восторгомъ. Лункундзе!

Наконецъ, всего болѣе удивило Карлуса то диковинное обстоятельство, что дочь за полгода пребыванія въ Ригѣ выучилась изрядно понимать и совсѣмъ свободно объясняться какъ по-русски, такъ и по-нѣмецки. Когда онъ насильственно разстался съ семьей, Софья знала только одинъ польскій языкъ.

Самому Карлусу, благодаря пребыванію въ гостинницѣ, русскій языкъ былъ конечно не чуждъ, теперь-же онъ началъ говорить по-русски очень порядочно. За то же онъ по себѣ зналъ, что выучиться новому языку очень мудрено. А тутъ вдругъ дочь, которой еще только 17-ть лѣтъ, въ полгода заговорила почти свободно на языкахъ, изъ которыхъ знала прежде только десятка два-три словъ.

— А по-нѣмецки ты какъ-же болтаешь? Лучше или хуже: чѣмъ по-русски? допытывался отецъ съ нѣкоторымъ волненьемъ.

— Не знаю. Кажется одинаково, усмѣхалась Софья. По-русски я со многими въ Ригѣ говорила. А по-нѣмецки только съ Крономъ, да съ однимъ нѣмцемъ, который хотѣлъ на мнѣ даже жениться...

— Все можешь стало быть понять? А сама то, сама какъ изъясняешься? Путаешься... Свои слова сочиняешь...

— Нѣтъ. Зачѣмъ? весело смѣялась дѣвушка. Свои слова никто не пойметъ...

— А по-латышски не забыла? Нашлось съ кѣмъ говорить? Съ тѣмъ, съ кѣмъ бѣгала? подшучивалъ отецъ, знавшій теперь отъ жены исторію побѣга Софьи изъ Риги.

— По-латышски я забыла! иносказательно, но не улыбаясь отзывалась дѣвушка. Я зла на латышскій языкъ. Онъ предатель... Не стоитъ его помнить.

Наконецъ, однажды въ полдень, въ Стрѣльну въѣхалъ одинъ крытый блестящій рыдванъ четверней и остановился около дома, гдѣ жили пріѣзжіе изъ Риги личности.

На козлахъ былъ офицеръ Микулинъ и помимо его—ни конвоя, ни свиты. Соскочивъ съ козелъ и отворивъ дверцу экипажа, офицеръ помогъ выдти изъ него невысокой и полной женщинѣ въ темномъ платьѣ. Не румяное, а красноватое и пухлое лицо, немного заплывшіе глаза, высокая грудь, вообще дородность всего тѣла—изобличали сразу пожилую и полнокровную женщину, ведущую сидячій образъ жизни... Это была государыня Екатерина Алексѣевна, пріѣхавшая съ величайшими предосторожностями и подъ строгимъ инкогнито.

Даже могущественный и всесильный временщикъ Меншиковъ не зналъ теперь, что царица поѣхала на свиданіе въ Стрѣльну.

Весь домъ зашумѣлъ конечно сразу и переполошился, принимая пріѣзжую. Всѣ обитатели, отъ мала до велика, за исключеніемъ исчезнувшей Софьи, собрались въ одну горницу и стояли кучей, неловко переминаясь съ ноги на ногу передъ сидящей въ креслѣ государыней. Всѣ уже подошли къ ручкѣ, всѣ поочереди назвались или были названы Микулинымъ, и каждаго оглядѣла царица со вниманіемъ.

Долѣе всѣхъ оглядывала она Фридриха Самойловича и послѣ двухъ-трехъ вопросовъ, на которые бѣлоголовый и бѣлоглазый ямщикъ отвѣчалъ трусливо совсѣмъ не то что его спрашивали, государыня едва замѣтно вздохнула. Будто мысленно порѣшила она что-то грустное. За то еще ласковѣе взглянула она на Карла Самойловича. Съ Христиной царица переглянулась какъ со старой знакомой, просто и добродушно, и замѣтила, что

Чистый Четвергъ въ Испаніи. Братство св. Лаврентія, несущее въ процессіи изображеніе Христа по улицамъ Севильи. Съ заграничн. наброска рис. А. Земцовъ, грав. М. Рашевскій.

Вербное Воскресенье въ сѣверной Италіи. Продажа пальмовыхъ вѣтвей при церквахъ.
Съ заграничн. наброска рис. А. Земцовъ, грав. Шюблеръ.

Енрихова помолодѣла со времени ихъ свиданія въ Ригѣ.

Наконецъ, Карлъ Самойловичъ, послѣ представленія трехъ сыновъ, Антона, Мартына и Ивана, и двухъ крошекъ-дѣвочекъ, разыскалъ въ другой горницѣ сильно смущенную дочь и подвелъ Софью къ царицѣ. Государыня широко раскрыла глаза, двинулась и вдругъ радостно воскликнула, протягивая Софьѣ руку:

— Вотъ хорошо... Lieber Gott! Какъ я рада! Ахъ, какъ я рада. Какъ это хорошо!

Софья поцѣловала второй разъ протянутую ей руку и зарумянилась отъ радости.

Что означало это восклицаніе, вырвавшееся какъ-бы невольно у царицы, никто конечно знать не могъ. Но Карлусъ и Софья сердцемъ почуяли, что это восклицаніе много значитъ. Долго царица глядѣла на смущенную Софью и молчала.

— Да вѣдь она на меня похожа?.. выговорила она наконецъ, обращаясь къ Карлусу. Очень похожа на меня... Какъ я этому рада... Поцѣлуй меня.

И государыня съ чувствомъ обняла и поцѣловала нѣсколько разъ въ лицо совершенно потерявшуюся отъ волненія дѣвушку.

— Да, совсѣмъ похожа!.. шептала государыня и голосъ ея упалъ, тоже отъ волненія и прилива чувства.

У Софьи появились на глазахъ слезы отъ восторга и трепета. Она сама теперь увидѣла, что она какъ родная дочь похожа на русскую царицу.

— Она у меня красавица... промолвилъ съ гордостью Карлъ Самойловичъ. Ее у насъ въ деревнѣ прозвали давно Яун-кундзе, что значитъ...

— По-латышски? Знаю! улыбнулась государыня. Меня такъ звала прислуга. Да, красавица ты, Софья. И я была такая!.. Я на тебя гляжу какъ въ зеркало! Это я... Я—какая была въ то время... Я хороша была!..

Но вдругъ Екатерина смолкла, подняла руку къ лицу и провела ею по глазамъ, гдѣ блеснули тоже крупныя слезы.

Софья плакала отъ того, что смутно рисовалось ей въ недалекомъ будущемъ, благодаря ласкѣ царицы...

Она, царица, заплакала отъ того, что промелькнуло вдругъ въ ея воспоминаніяхъ о далекомъ прошломъ, давно пережитомъ, но вѣчно миломъ... Сразу возстали въ ея памяти тѣ свѣтлые и дорогіе дни, когда она была военноплѣнной, рабой русскихъ войскъ, звалась Мартой Василевской и впервые встрѣтила молодого и статнаго офицера московскаго войска, именовавшагося Петромъ Михайловымъ... Она полюбила его, не зная кто и что́ онъ...

Государыня, вполнѣ овладѣвъ собой, подавила въ себѣ невольную грусть и снова, пытливо и ласково вмѣстѣ, заговорила съ Софьей.

Карлъ Самойловичъ тотчасъ вставилъ свое словечко, возымѣвшее въ одинъ мигъ огромное значеніе и повліявшее быть можетъ на всю судьбу его дочери.

— Она недавно обучилась русскому языку, сказалъ Карлусъ. А то прежде знала только нѣсколько словъ. Въ Ригѣ и здѣсь обучилась. Да и заразъ двумъ языкамъ обучилась. И по-нѣмецки тоже болтаетъ...

— По-нѣмецки? Ты говоришь по-нѣмецки? сразу оживившись, воскликнула государыня и, взявъ Софью за руку, потянула къ себѣ ближе.

— Да, немного... пролепетала Софья.

— Но понимаешь все хорошо?..

— Да, понимаю...

— Ты можешь все говорить и все понимаешь? быстро произнесла государыня уже по-нѣмецки.

— Да. И по-нѣмецки мнѣ какъ-то легче говорить, чѣмъ по-русски! отозвалась Софья на томъ-же языкѣ.

И нѣмецкая бесѣда съ царицей продлилась нѣсколько минутъ.

Государыня, оживляясь и съ видимымъ удовольствіемъ, стала разспрашивать дѣвушку объ Ригѣ, объ ихъ долгомъ путешествіи. Софья отвѣчала подробно, два раза разсмѣшила царицу своими остроумными замѣчаніями.

Чрезъ полчаса императрица простилась со всѣми и вышла изъ дому, но вслѣдъ за ней вышла и сѣла вмѣстѣ съ ней въ тотъ-же рыдванъ на́-скоро собранная въ путь—Софья Карлусовна.

— Ты будешь жить со мной, около меня и называться фрейлиной... сказала государыня, увозя свой двойникъ. Фрейлиной ты будешь для всѣхъ! А я тебя стану звать Яун-кундзе. Это слово будетъ напоминать мнѣ Крейцбургъ и мое дѣтство.

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Въ Петербургѣ, которому еще не было 25 лѣтъ существованія, были уже хорошіе каменные дома. Неподалеку отъ дворца, гдѣ жила императрица и который помѣщался между густымъ садомъ и лугомъ, въ противоположномъ концѣ этого обширнаго луга стоялъ другой большой домъ, уже выходя на берегъ Невы.

Домъ этотъ принадлежалъ иностранцу, офицеру русской службы, адмиралу фонъ-Крюйсу.

Большое зданіе неправильной формы отличалось отъ сосѣднихъ домовъ своими размѣрами, и въ особенности высокой угловой башней или каланчой со шпицемъ, на которомъ развѣвался адмиральскій флагъ. Въ этомъ же домѣ была единственная церковь, въ которую могли придти помолиться многочисленные иностранцы, уже переполнявшіе новую столицу-портъ.

Осенью 1726 года, когда „оная фамилія“ была уже давно, мѣсяцевъ съ девять, на Стрѣльнинской мызѣ—домъ этотъ былъ купленъ казной у Крюйса и въ немъ началась перестройка, а затѣмъ дѣятельная работа внутри, по всѣмъ горницамъ двухъ этажей. Домъ отдѣлывался на казенный счетъ, богато и роскошно. Нѣсколько „голландокъ“, т. е. печей фигурныхъ и блестящихъ пуще бѣлаго мрамора, пріѣхали для этого дома на корабляхъ изъ Амстердама. Маленькія печурки и камельки пріѣхали цѣльными, а большія, конечно, въ изразцахъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, съ кораблей же появилась и будущая обстановка дома, мебель, зеркала и всякая утварь.

Все, въ эти времена заводясь въ Петербургѣ, приходило изъ-за моря и получалось въ это, только что прорубленное „окно“ прямо изъ Европы... Попасть самому, благополучно съѣздить, или послать купить было гораздо легче „по морю“, чѣмъ „по суху“. Достигнуть до береговъ Нѣмеціи, Даніи, Швеціи, было гораздо удобнѣе, вѣрнѣе, спокойнѣе, и дешевле, чѣмъ по непроходимымъ топямъ, трясинамъ и болотамъ добраться до столицы Русской Имперіи. Да тамъ, въ Москвѣ, и не найдешь въ продажѣ ничего такого, что нужно для обстановки богатаго дома.

У тамошнихъ бáръ и сановниковъ есть конечно все, но все это руками ихъ крѣпостныхъ дѣлается и вахляется ловко и искусно, но для себя, а не на продажу.

Къ концу 1726 года, домъ, за которымъ надолго осталось въ народѣ имя его перваго владѣльца: „Крюйсовъ домъ“ былъ готовъ, стоялъ и сіялъ, являясь взорамъ обывателей „съ иголочки“.

Сюда-то вотъ, подъ самое Рождество, и пріѣхалъ поѣздъ, состоящій изъ нѣсколькихъ возковъ и саней... Онъ привезъ цѣлыхъ три семейства, которыя размѣстились въ богатомъ домѣ.

Но настоящій хозяинъ этого дома былъ собственно одинъ изъ пріѣзжихъ—господинъ Карлъ Самойловичъ Сковоротскій. Ему подарены были на словахъ эти палаты—самой государыней.

Когда всѣ пріѣзжіе вошли въ домъ и вступили въ длинную амфиладу гостиныхъ, гдѣ повсюду блестѣла позолота, гдѣ на встрѣчу къ нимъ вышли вереницы

лакеевъ и гайдуковъ, съ низкими поклонами—всѣ члены „оной фамиліи“ оторопѣли. Они молчаливо двигались, останавливались, молча толклись на одномъ мѣстѣ гурьбой и опять, не проронивъ ни слова, двигались далѣе...

По всѣмъ комнатамъ, навстрѣчу къ нимъ или рядомъ, тоже появлялись и двигались какія-то кучки людей, мужчинъ и женщинъ, съ дѣтьми, и всѣ въ темномъ дорожномъ платьѣ, съ угрюмыми или сильно смущенными лицами. Эти кучки скользящихъ людей казались привидѣніями...

И не всѣ члены „оной фамиліи“, а только Анна и Марья Сковоротская тотчасъ сообразили кто это или чтó это ходитъ въ домѣ около нихъ такой же кучей какъ и они сами.

Дирихъ робѣлъ болѣе всѣхъ, даже болѣе дѣтей, встрѣчая по всѣмъ горницамъ этихъ странныхъ обитателей дома, потому что онъ видѣлъ и понималъ что это не живые люди, да кромѣ того, не смотря на полусумракъ вечера, онъ хорошо разглядѣлъ въ этой скользящей кучкѣ одну страшную фигуру... Такого же Дириха, какъ и онъ самъ. И однажды тотъ Дирихъ, близко подойдя къ нему, такъ глянулъ на него, что этотъ пугливо отскочилъ въ сторону... Но и тотъ мгновенно тоже спрятался въ кучку своихъ...

Достигнувъ горницы, гдѣ были кровати, на которыхъ висѣли съ потолка занавѣси, „оная фамилія“ размѣстилась какъ пришлось... „Гдѣ ужъ тутъ разсуждать. кому куда идти... Завтра видно будетъ. Утро вечера мудренѣе!“

Одинъ Карлъ Самойловичъ весело и даже важно оглядывалъ всѣ горницы. Ему, уже побывавшему во дворцѣ у царицы и дочери, были не диковиной ни золотыя кресла, ни стѣнныя зеркала, изъ которыхъ глядѣлъ на него гордо и самодовольно „Цара-бралисъ“, т. е. царскій братъ. Впрочемъ господинъ Карлъ Самойловичъ Сковоротскій, въ качествѣ трактирнаго служителя, видалъ уже подобное зеркало, хотя сравнительно и маленькое, въ „віасибасъ-намсъ“ мѣстечка Вишки.

Плохо проспавъ ночь на новомъ мѣстѣ, сугубо и стократъ „новомъ“ для всѣхъ трехъ семействъ—всѣ члены „оной фамиліи“ уже болѣе бодро и смѣло обошли на утро весь Крюйсовъ домъ сверху до-низу.

Покуда „оная фамилія“ содержалась въ Стрѣльнѣ, въ столицѣ конечно знали объ ея пріѣздѣ и мѣстопребываніи. Но такъ какъ всѣ они содержались въ сокровенности и такъ какъ царица была въ Стрѣльнѣ только одинъ разъ, при соблюденіи строжайшаго инкогнито, то въ Петербургѣ толковали о пріѣзжихъ съ осторожностью, боясь, что бесѣды объ нихъ будутъ сочтены „государственнымъ враньемъ“.

— „Оная фамилія“ пребываетъ въ Стрѣльнѣ! говорили всѣ, но никто еще не смѣлъ иначе называть пріѣзжихъ изъ Риги. „Оная фамилія“ состоитъ изъ многихъ персонъ, говорили городскіе всезнайки.

Наконецъ, однажды въ городѣ узнали, что одна персона изъ „оной фамиліи“ уже появилась во дворцѣ.

Оказалось, что это былъ Карлъ Самойловичъ, человѣкъ уже не молодой. Оказалось, что Карлъ Самойловичъ проживалъ гдѣ-то около Москвы, что онъ былъ уже давно, проѣздомъ, въ Петербургѣ, повидался съ государыней и опять уѣхалъ, а теперь снова появился въ Питерѣ.

Наконецъ, однажды Петербургъ, отъ царедворца до послѣдняго обывателя, зашумѣлъ отъ неожиданной новости: другая персона изъ „оной фамиліи“ появилась во дворцѣ. Она жила въ аппартаментахъ рядомъ съ государыней, пользовалась всякими льготами и вообще была на правахъ члена царской фамиліи. Къ тому же эта персона была молодая дѣвушка, очень красивая собою. а къ довершенію всего было одно удивительное обстоятельство. Тѣ, кто помнили царицу въ молодости, удивлялись и ахали тому, что родная дочь не могла бы такъ походить на мать, какъ появившаяся персона изъ Стрѣльны походила на царицу.

Вскорѣ послѣ этого произошелъ и переѣздъ стрѣльнинскихъ обывателей въ столицу. Въ Петербургѣ были теперь три семейства: братья Скавронскіе, ихъ сестра Генрихова съ семьей, и другая сестра Ефимовская съ семьей.

Послѣ многихъ совѣщаній съ людьми учеными, государыня сама, оффиціально, дала эти три фамиліи. Какъ старый знакомый Карла Самойловича и почти главный виновникъ его похищенья и привоза въ столицу, магнатъ графъ Сапѣга былъ тоже спрошенъ государыней относительно того, какую фамилію дать.

Сапѣга объяснилъ, что эти прозвища Сковорощанковъ, Сковоротскихъ и Сковоронскихъ, неправильны. Все это вѣроятно извращеніе настоящей фамиліи, и надо думать, что фамилія отца была: Скавронскій, происходя отъ польскаго слова „skawrónek“, что значитъ „жаворонокъ“. Что касается до фамилій двухъ сестеръ, то онѣ очевидно происходятъ отъ двухъ мужскихъ именъ: Генриха и Якима, или въ просторѣчіи Ефима, слѣдовательно правильнѣе называться имъ: Генриховыми и Ефимовскими.

Всѣ эти три семьи зажили такъ смирно въ своемъ домѣ, что объ нихъ скоро перестали говорить, перестали интересоваться ими. Одного Карла Самойловича видали изрѣдка на улицахъ катающимся съ дѣтьми въ великолѣпной каретѣ, на кровныхъ красивыхъ лошадяхъ, подаренныхъ ему царицей.

Видѣвшіе его прежде, замѣчали только, что господинъ Скавронскій не по днямъ, а по часамъ толстѣетъ и даже тучнѣетъ. Его роздало съ привольнаго житья и въ щекахъ, и въ плечахъ. Другихъ обывателей Крюйсова дома почти не видали. Дѣтей, когда и встрѣчали, то не всегда признавали, не зная ихъ въ лицо.

Сыновья Ефимовскихъ, вмѣстѣ съ сыновьями Карла Самойловича, шесть красивыхъ мальчугановъ отъ 18 до 7-лѣтняго возраста, часто выѣзжали кататься и въ экипажахъ, и верхомъ; но не скоро всѣ узнали кто таковые эти красивые юноши и мальчуганы.

За то одна личность изъ всѣхъ привлекала къ себѣ общее вниманіе и, не смотря на склонность къ злословію всего придворнаго люда, почти никто не находилъ возможности отнестись къ этой личности непріязненно, насмѣшливо или оскорбительно. Это была красавица-дѣвушка, именуемая теперь въ Петербургѣ особеннымъ именемъ. Для всѣхъ она была „польская фрейлина“. Почему ее такъ прозвали—сказать было трудно. Хотя родной языкъ Софьи Карловны былъ польскій, но она настолько изрядно объяснялась и по-нѣмецки, и по-русски, что могла и не заслуживать этого прозвища.

Фрейлина съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе становилась любимицей государыни. У нея были свои двѣ горницы, переполненныя всякимъ добромъ, подарками царицы, юнаго государя Петра Алексѣевича, цесаревны Елизаветы, а равно и приношенія разныхъ льстивыхъ царедворцевъ. Всѣ ухаживали за Софьей „Карлусовной“, всѣ старались заслужить ея ласку и вниманіе.

Вскорѣ красавица-фрейлина стала послѣ царевенъ—первымъ лицомъ въ Петербургѣ.

Надо было дѣйствительно быть самородкомъ и самородкомъ исключительнымъ, диковиннымъ, чтобы удержаться на той высотѣ, куда сразу вознесла Дохабенскую поселянку сумасшедшая и безумная въ своихъ дѣяніяхъ фортуна.

Въ первый разъ что Дохабенская Яун-кундзе очутилась на большомъ пріемѣ во дворцѣ и увидала себя среди золота, серебра, всякаго ярко бьющаго въ глаза блеска—она нѣсколько оробѣла и смутилась.

Сама государыня, явившаяся когда-то въ Стрѣльну, не смутила ее такъ, какъ эта вся придворная толпа.

Въ ней, царицѣ, она видѣла женщину, ласково разговаривающую съ ней о простыхъ вещахъ... Здѣсь же было какое-то море людское, холодное, гордое, завистливое и злоязычное, враждебно къ ней настроенное, хотя безъ всякаго повода съ ея стороны...

Все это она замѣтила, почувствовала, не смотря на притворно-ласковую рѣчь и лживо-сладкіе взгляды окружающихъ.

„Какіе они всѣ должно быть злые!“ невольно думала она.

Вмѣстѣ съ тѣмъ взгляды этихъ людей для нея были не новостью. Ей казалось, что всѣ они смотрятъ такъ, какъ смотрѣлъ на нее еще въ Вишкахъ молодой графъ Сапѣга.

Иногда Софьѣ казалось, что всѣ они чего-то отъ нея какъ будто ждутъ, пристально и непріязненно мѣряя ее взглядомъ... Но чего же? Чего они ждутъ? Глупаго и смѣшного! Она держитъ себя, ходитъ и говоритъ такъ же, какъ и они всѣ. Да и нисколько не мудрено быть такою же, какъ они всѣ. Они всѣ такіе же, какихъ она, въ лицѣ проѣзжихъ, часто видала въ гостиницѣ Вишекъ.

Не долго Дохабенская панна присматривалась боязливо къ этому окружающему люду... Скоро чувство робости прошло и замѣнилось чувствомъ или ощущеніемъ равенства съ ними, а затѣмъ, еще черезъ нѣсколько времени, Софья Карловна, говорившая на трехъ языкахъ, перемолвившись кой о чемъ съ русскими сановниками, съ польскими и нѣмецкими выходцами и резидентами—увидѣла и сказала себѣ:

— Да. Это все то же... Такъ же вотъ, какъ въ Вишкахъ и Дохабенѣ... Панъ Лауренцкій и панъ ксендзъ—такіе же... А съ ними я не робѣла, всегда себя ровней считала.

Еще одинъ шагъ—и Софья Карловна, фрейлина и любимица царицы, проходя въ этой толпѣ, уже немного выше подняла свою красивую головку.

Очевидно, что на этотъ разъ фортуна не ошиблась въ выборѣ. Невѣста латыша ганца и дочь буфетчика постоялаго двора, если и была игралищемъ судьбы, то была и своего рода чудомъ природы.

Вскорѣ, скорѣе чѣмъ другая дѣвушка, Софья Карловна, получившая еще тамъ, въ глуши, титулъ Яункундзе, очутившись во дворцѣ императрицы, уже не чувствовала себя сказочно перенесенной на волшебномъ коврѣ-самолетѣ изъ одного міра въ другой. Напротивъ! Она быстро ощутила себя совершенно въ своей колеѣ, какъ еслибы родилась въ этомъ дворцѣ и вѣкъ жила въ этой средѣ, блестящей только снаружи.

II.

Всѣ три семьи размѣстились въ Крюйсовомъ домѣ такъ, что у каждаго было свое отдѣльное помѣщеніе. Самую лучшую часть дома занималъ Карлъ Самойловичъ, но вмѣстѣ съ нимъ жилъ и его братъ, одинокій, невольный холостякъ Дирихъ, котораго назвали было сначала Фридрихомъ, а послѣ переѣзда изъ Стрѣльны въ Петербургъ указано было именовать Ѳеодоромъ Самойловичемъ.

У всѣхъ трехъ семействъ была своя многочисленная прислуга и свое особое хозяйство, но за столъ садились всѣ вмѣстѣ. Поэтому обѣды и ужины бывали многолюдны, при чемъ главное предсѣдательское мѣсто принадлежало старшему брату.

Вообще Карлъ Самойловичъ былъ главнымъ лицомъ и какъ бы признаннымъ патріархомъ всѣхъ трехъ семей. Все способствовало къ тому, чтобъ онъ игралъ первую роль. Его болѣе раннее прибытіе въ Россію, его знаніе русскаго языка, его сравнительная близость съ царицей, его большая „людскость“ и умѣнье изрядно держать себя въ обществѣ, т. е. степенно и добропорядочно. Наконецъ, самое главное обстоятельство, дававшее ему главенство въ семьѣ, были деньги, которыя государыня приказала выдавать на всѣхъ въ его полное распоряженіе. Кромѣ того, изрѣдка пріѣзжавшіе къ нимъ знакомиться дворяне, исключительно спрашивали всегда Карла Самойловича, какъ бы признавая его за хозяина дома. Даже прислуга относилась къ нему со всякимъ дѣломъ, касавшимся всѣхъ господъ и дома. Люди сообразили, что если у него всѣ деньги, то стало быть онъ и настоящій главный баринъ.

Разумѣется, положеніе прежняго Карлуса становилось исключительнымъ и вслѣдствіе возвышенія его дочери, какъ фрейлины государыни и признанной любимицы.

Софья Карловна становилась совсѣмъ важной особой при дворѣ. Между незамужней цесаревной Елизаветой и ею уже не было почти никакой разницы. Обѣ одинаково близки были къ монархинѣ: одна—какъ любимица-дочь, другая—какъ любимица.

Многіе изъ царедворцевъ, у которыхъ придворный нюхъ бываетъ до сверхъестественности чутокъ, тонокъ и проницателенъ, уже забѣгали къ „польской фрейлинѣ“ съ задняго крыльца, съ поклономъ подносили подарки и одолѣвали „просьбицами“ о милостяхъ, о покровительствѣ или заступничествѣ. Понемножку выяснилось, что фрейлина была дѣйствительно властна и слово ея сильно предъ царицей.

Между тѣмъ сама Яункундзе, измѣнившаяся, какъ въ сказкѣ, и своей внѣшностью, такъ какъ носила платья съ богатыми украшеніями, и своей „обыкностью“, т. е. поведеніемъ, манерами и привычками—сама въ глубинѣ души оставалась какъ будто той же Дохабенской поселянкой... Она какъ будто разыгрывала комедію и ждала терпѣливо когда окончится это лицедѣйство, и явится возможность снять съ себя все то, во что она вырядилась...

Многіе молодые люди, сыновья именитыхъ людей, заглядывались на красавицу. Было двое, которые казались серьезно влюбленными въ нее. Тотъ же молодой графъ Сапѣга, знакомецъ Вишекъ, часто особенно любезно заговаривалъ съ фрейлиной. Но Софья одинаково холодно относилась ко всѣмъ молодымъ людямъ, была даже высокомѣрна съ ними.

По вечерамъ, оставаясь одна въ своей спальнѣ, Яункундзе, случалось, подолгу сидѣла недвижно, погруженная въ тяжелыя думы. Отъ нихъ же иногда не спала она до зари. Въ головѣ польской фрейлины роились и проходили чередой иныя свѣтлыя картины, совершенно чуждыя всему окружающему ее теперь. Дохабенъ и Цуберка—вотъ что властвовало надъ ней въ эти мгновенья! Она возвращалась мысленно въ это свое прошлое и иногда сердце ея вдругъ такъ больно сжималось, что слезы выступали на глаза.

Являлся самъ-собой на сердцѣ удивительный вопросъ—странный, глупый!.. И Софья не знала что отвѣчать на этотъ вопросъ! Сомнѣвалась, колебалась и дивилась! Но уже это одно сомнѣнье или колебанье было яснымъ отвѣтомъ!

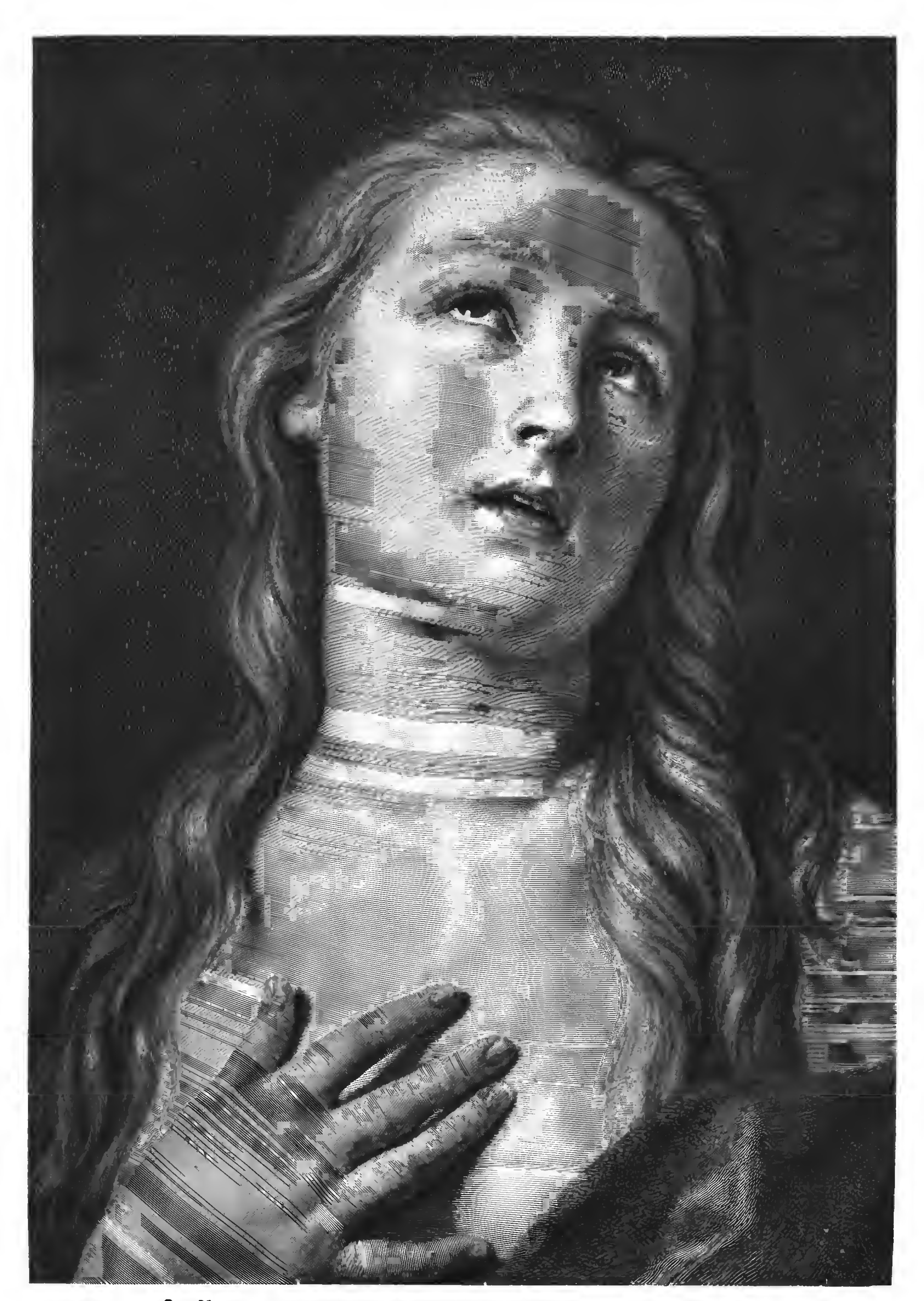
Фрейлина спрашивала себя: не лучше ли было бы, и не была ли бы она счастливѣе, еслибъ осталась Дохабенской Софьей Сковорощанкой, чтобы сдѣлаться Софьей Цуберкой?

Не зная что отвѣчать на это, дѣвушка тѣмъ самымъ безсознательно, но искренно сознавалась, что предпочла бы остаться крестьянкой и быть женой нищаго, придурковатаго бобыля, но добраго, красиваго и любящаго...

Часто вспоминала Софья, что команда русскихъ солдатъ явилась въ тотъ день, когда былъ уже назначенъ дѣвичникъ. Опоздай московскій офицеръ на день или два. Что было бы? Теперь она была бы здѣсь съ мужемъ. Цуберку признала бы и приблизила къ себѣ царица, также какъ мужей Христины и Анны. А чѣмъ ея милый Цуберка хуже Михайлы Якимовичева или Янко Енрихова.

„Странная судьба! Грустная судьба!“ если не говорила, то чувствовала красавица-дѣвушка, въ которой первая искра первой любви такъ глубоко запала въ сердце, что уже очевидно не могла потухнуть въ немъ.

(До слѣд. №).

Св. Магдалина. Съ картины Пiетри ди-Ротари. По эстампу Брауна, грав. Веберъ.

Бумажная тайна.

Быль изъ прошлаго. **Е. Кирилова.**

I.

Ардаліонъ Егоровичъ былъ человѣкъ кроткій, снисходительный и до чрезвычайности добрый. Высокаго роста, худой съ военною выправкою, но медлительный и неповоротливый, онъ апатиченъ былъ ко всему, и только въ рѣдкихъ случаяхъ пара его добрыхъ голубыхъ глазъ загоралась блескомъ, указывавшимъ, что и онъ имѣлъ когда-то энергію, силу воли и способенъ былъ на увлеченія. Ардаліонъ Егоровичъ носилъ стриженные усы и короткія бакенбарды, а одѣвался въ отставной мундиръ архангелогородскаго пѣхотнаго полка, съ которымъ совершилъ отечественную кампанію. Тяжелые походы и кровавыя сцены великой борьбы надорвали его физическія и нравственныя силы. Отъ природы не лѣнивый, но теперь вѣчно усталый, молчаливый, какъ-бы недовольный, онъ невольно возбуждалъ къ себѣ состраданіе, тѣмъ болѣе, что еще съ малолѣтства отличительною чертою его характера были скромность и застѣнчивость. Возвратясь въ свое родное пепелище—село Контево, Болховскаго уѣзда, половина котораго досталась ему по раздѣлу съ братомъ, и вошедши, послѣ бурной, боевой, въ тихую и спокойную деревенскую жизнь, Ардаліонъ Егоровичъ еще болѣе ушелъ въ себя, никуда не выѣзжалъ, ни съ кѣмъ не знакомился, сдѣлался еще болѣе молчаливъ и задумчивъ.

Совершенно случайно Ардаліонъ Егоровичъ женился на сиротѣ, дочери бывшей ключницы его отца, Еленѣ Ивановнѣ. Какъ это случилось, онъ самъ не могъ себѣ дать отчета. Одиночество, сердечныя заботы объ немъ со стороны скромной, миловидной молодой дѣвушки, наконецъ собственная застѣнчивость были ближайшія причины. Ардаліонъ Егоровичъ предпочелъ жениться на крѣпостной, чѣмъ искать себѣ невѣсту по сосѣднимъ помѣщикамъ. Тѣмъ не менѣе онъ былъ счастливъ, счастлива была Елена Ивановна, рады были этому дворовые и крестьяне, которымъ и безъ того хорошо жилось у добраго барина. Любовь, спокойствіе и довольство воцарились въ домѣ. Черезъ пять лѣтъ у нихъ было двое сыновей, крѣпкихъ мальчугановъ, на которыхъ Елена Ивановна сосредоточила всю свою любовь и привязанность, а Ардаліонъ Егоровичъ не могъ насмотрѣться на нихъ, по цѣлымъ днямъ сидя въ дѣтской и съ любовью наблюдая, какъ хлопотала Елена Ивановна, купая, укладывая, одѣвая и раздѣвая ихъ.

Наступила осень 1823 года. Мелкій дождикъ моросилъ уже цѣлую недѣлю и на дворѣ стояла невылазная грязь. Уютный и веселый домикъ Ардаліона Егоровича почернѣлъ отъ сырости, казался мрачнымъ и непривѣтливымъ. Былъ уже полдень. По двору босикомъ, выбирая гдѣ посуше, пробѣжала на кухню съ тарелкою въ рукахъ горничная-дѣвчонка; какъ разъ передъ окнами, по серединѣ двора, вытянувъ шею, неподвижно стоялъ теленокъ и неистово мычалъ, а десятка два куръ, забравшись подъ навѣсъ амбара, чинно сидѣли рядкомъ, изрѣдка отряхивая свои намокшія крылья. Къ столбу того-же амбара привязанъ былъ запряженный въ одноколку гнѣдой конекъ, то и дѣло оглядывавшійся по сторонамъ, какъ-бы дожидая, что вотъ-вотъ принесутъ ему корму. Конекъ и одноколка принадлежали отцу Никитѣ, только что отслужившему обѣдню и заѣхавшему поздравить съ праздникомъ Покрова Ардаліона Егоровича и Елену Ивановну.

— Пожалуйте, батюшка, травничку, сама настаивала, угощала Елена Ивановна отца Никиту, когда усѣлись за столъ, уставленный деревенскимъ снадобьемъ, въ небольшой низенькой комнаткѣ, называемой столовой.

— Покорно благодарю, родная. Знаемъ ваше домоводство, по цѣлой округѣ извѣстно, отвѣтилъ кланяясь отецъ Никита, наливая себѣ рюмку травнику и поддерживая другой рукой рукава своей рясы.

— Э, батюшка, какое наше хозяйство, скромно возразила Елена Ивановна. Вотъ у Дормидонта Егоровича настоящее хозяйство: дворни одной пятнадцать человѣкъ.

— Имъ нельзя-съ, Елена Ивановна, потому они, можно сказать, глава уѣзда, предводитель, къ нимъ съѣзжаются всякаго чина люди. При томъ-же, долженъ чистосердечно сказать, искательно замѣтилъ отецъ Никита, у Дормидонта Егоровича никогда такого ласковаго угощенія не встрѣтишь, какъ у васъ, Елена Ивановна.

— Ну, полно, отецъ, перебилъ его до того времени сидѣвшій молча Ардальонъ Егоровичъ, что Бога гнѣвить, ты и у брата встрѣчаешь радушный пріемъ, не даромъ-же сиднемъ сидишь у него.

— Нарочно изволите это говорить, Ардаліонъ Егоровичъ, началъ скороговоркою оправдываться отецъ Никита; сиднемъ у Дормидонта Егоровича я не сижу, а если бываю въ ихъ домѣ, то по обязанности моей пастырской, по долгу навѣщать насомыхъ.

— Ну да и грѣха въ томъ нѣтъ никакого, замѣтилъ Ардаліонъ Егоровичъ, грустно улыбаясь.

Ардаліонъ Егоровичъ былъ въ ссорѣ съ братомъ, а послѣ свадьбы съ Еленой Ивановной, они совсѣмъ прекратили свиданія, хотя жили рядомъ, всего только черезъ рѣчку. Для мягкой и впечатлительной натуры Ардаліона Егоровича эта ссора приносила большое горе. Онъ вообще не любилъ никакихъ распрей, всячески избѣгалъ ихъ, а здѣсь ссора съ роднымъ братомъ! Это до того его мучило, что разъ онъ послалъ отца Никиту попытаться помирить ихъ между собой; но Дормидонтъ Егоровичъ не похожъ былъ на брата,—онъ былъ человѣкъ крутой, упрямый, а потому, когда началъ говорить о примиреніи отецъ Никита, онъ слышать не хотѣлъ. „Скажи брату, крикнулъ онъ на него, что если братъ прогонитъ Аленку, то пусть пріѣзжаетъ, а то я его и на порогъ къ себѣ не пущу“. Такой отвѣтъ и Ардаліона Егоровича озлобилъ. Съ тѣхъ поръ онъ не вспоминалъ о примиреніи, да и вообще не любилъ, когда начинался разговоръ о братѣ.

— Ардаліонъ Егоровичъ, что-же ты не выпьешь своей листовки, да закусилъ-бы чего нибудь, обратилась къ нему Елена Ивановна, желая замять начатый разговоръ.

— Да не хочется что-то, Леночка, нынче я спалъ какъ-то дурно.

— Что съ тобой, мой милый? спросила Елена Ивановна, озабоченно смотря на мужа.

— Повечеряли, видно, хорошо, замѣтилъ простодушно отецъ Никита.

— Нѣтъ не то. отецъ, задумчиво и слегка вздохнувъ отвѣтилъ Ардаліонъ Егоровичъ. Помѣшалъ мнѣ спать сонъ, который я видѣлъ сегодня. Страшный сонъ. Вижу это я, что будто иду по лѣсу и чѣмъ дальше иду, тѣмъ лѣсъ все гуще и гуще. Дороги уже больше нѣтъ, приходилось перелѣзать черезъ колоды, а нависшіе сучья дерутъ мнѣ лицо, руки, я весь въ крови—и думаю: „Господи, Боже мой, да куда-же это я зашелъ!“ Вдругъ чаща разсѣялась, стало такъ свѣтло, пріятно и впереди я вижу тебя, Леночка, а мальчики наши будто остались вдали и горько. горько плачутъ. Я хотѣлъ было подойти къ тебѣ, но поперегъ дороги стоитъ братъ и нехорошо такъ улыбается. У меня отнялись руки и ноги, но кой-какъ я собрался съ силами, кинулся къ тебѣ и будто мы схватились руками и полетѣли высоко, высоко... Здѣсь я проснулся, и такъ на меня этотъ сонъ подѣйствовалъ, что до сихъ поръ не могу придти въ себя.

У Елены Ивановны во время разсказа навертывались слезы, она тихонько крестилась, но, не желая еще болѣе тревожить мужа, пересиливъ себя, спокойно проговорила:

— Ничего, голубчикъ, сны разные бываютъ и не всякіе-же сны во вредъ идутъ, иные и къ добру. Правда, батюшка?

— Житейское значеніе сны могутъ-ли имѣть? отвѣтилъ отецъ Никита. Это просто безпорядокъ въ мысляхъ, при забвеніи чувствъ. При крѣпкой вѣрѣ въ Промыселъ Господній, всѣ эти знаменія не имѣютъ силы, добавилъ онъ внушительно.

Ардаліонъ Егоровичъ молчалъ, задумчиво смотря въ отпотѣвшія окна. Онъ не слышалъ словъ отца Никиты и не замѣчалъ. что Елена Ивановна заботливо смотрѣла на него своими большими, задумчивыми глазами.

— Я знаю, что означаетъ этотъ сонъ, проговорилъ онъ, тихо, полушопотомъ. Таиться нечего: предчувствую приближеніе своей кончины.

— Что ты, что ты, милый, дорогой мой, почти вскрикнула Елена Ивановна, услыхавъ послѣднія слова мужа. Не говори этихъ словъ, не разрывай моего сердца! И она кинулась къ мужу.

— Постой Леночка, подожди дружокъ, отвѣтилъ Ардаліонъ Егоровичъ. Да будетъ святая воля Господня, а намъ все таки слѣдуетъ подумать и толкомъ поговорить, какъ и что, если я умру.

— Нѣтъ, нѣтъ, не говори этого, со слезами на глазахъ проговорила Елена Ивановна. Не хочу я слышать этого, ты будешь жить долго, долго...

— Ну, хорошо, хорошо, Леночка, успокойся. Я хотѣлъ было поговорить о твоихъ документахъ, чтобы они всѣ были въ исправности.

— Все, все, милый, въ исправности, не тревожь себя этимъ.

— Нѣтъ не все, Леночка, а выпись изъ обыскной книги? Ты принесъ ее? спросилъ онъ отца Никиту.

— Какъ-же, принесъ, принесъ, Ардаліонъ Егоровичъ, не забылъ.

Отецъ Никита передалъ Ардаліону Егоровичу документъ. тотъ внимательно прочелъ его, осмотрѣлъ церковную печать, бережно сложилъ и отдалъ Еленѣ Ивановнѣ.

— Береги-же, Леночка, этотъ документъ, пуще глаза береги: онъ для тебя и для дѣтей нуженъ будетъ.

— Хорошо, голубчикъ, я его въ горку запрячу. гдѣ метрики Коли и Васи, отвѣтила она разсѣянно, думая совсѣмъ о другомъ.

Елена Ивановна вышла въ другую комнату, спрятала переданный ей документъ, потомъ тихонько зашла въ спальню и кинулась на колѣни передъ образомъ Божіей Матери. Она долго молилась и молитва ея прерывалась горькими слезами. Бѣдная женщина видѣла, что мужъ изо-дня-въ-день таялъ, ослабѣвалъ; она предчувствовала для себя великое горе. Въ послѣд-

все время Ардаліонъ Егоровичъ почти не выходилъ изъ дому, а разсказываемый имъ сонъ окончательно убѣдилъ Елену Ивановну, что быть бѣдѣ, что потери мужа ей не миновать.

Отецъ Никита послѣ обѣда уѣхалъ, а Ардаліонъ Егоровичъ возвратился въ свою комнату и, лежа въ кровати, тихо стоналъ.

— Что съ тобой, мой касатикъ? спросила Елена Ивановна, тихо, на цыпочкахъ подойдя къ его постели.

— Плохо, Леночка, что-то около сердца худо. Приведи, милая, дѣтей, дай я поцѣлую ихъ.

Елена Ивановна подвела къ больному мужу Васю и Колю. Васѣ уже было восемь лѣтъ, онъ сознавалъ предстоящее горе, а потому, цѣлуясь съ отцомъ, тихо плакалъ; Колѣ было всего только четыре года, онъ ничего не понималъ, а потому весело цѣловалъ отца, только морщась отъ укола его обстриженныхъ усовъ.

Предчувствіе Елены Ивановны оправдалось. Въ ту-же ночь Ардаліонъ Егоровичъ отдалъ Богу душу, а черезъ три дня вся деревня провожала добраго барина на кладбище, отъ души сожалѣя несчастную Елену Ивановну и оставшихся сиротъ.

— Ничего, матушка, Богъ милостивъ, какъ нибудь вызволимъ тебя съ дѣтками, а тамъ Васичка подростетъ, начнетъ какъ слѣдуетъ хозяйствовать, говорилъ въ утѣшеніе староста Семенъ Кирилловичъ, здоровый, съ осанистой бородой мужикъ.

— Не печалься, матушка, сказано вызволимъ, обижать тебя никто не станетъ, грѣхъ вдову обижать, подхватили стоявшіе на паперти мужики, послѣ того какъ опустили покойника въ могилу, когда совсѣмъ убитую горемъ Елену Ивановну сажали въ широкую желтую бричку, сохранившуюся еще съ походовъ двѣнадцатаго года.

Въ домѣ стало и тихо, и грустно. Уложитъ Елена Ивановна дѣтей, а сама сядетъ въ угольной комнатѣ на диванчикъ и сидитъ почти до полуночи неподвижно. Мысли ея перебѣгаютъ съ одного предмета на другой и ни на чемъ не могутъ остановиться. Только однообразный звукъ сверчка, да шумъ ударяющаго въ ставни осенняго дождя нарушали могильную тишину еще такъ недавно столь счастливаго дома.

II.

На углу площади, въ одноэтажномъ деревянномъ домикѣ, помѣщался единственный въ городѣ Волховѣ трактиръ, подъ названіемъ „Капитолій“, куда собиралось по вечерамъ городское чиновничество, приказщики и вообще мелкій людъ городского населенія. Съ незапамятныхъ временъ, еще со времени площадныхъ писцовъ, завелся у насъ на Руси обычай вершать всякаго рода дѣла коммерческія и приказныя, исковыя и тяжебныя въ интимной бесѣдѣ, за угощеніемъ, а не при оффиціальной обстановкѣ приказныхъ избъ, или позднѣйшихъ присутствій. Согласно такого стариннаго обычая, и въ этотъ разъ, въ одной изъ комнатъ трактира, за столомъ, покрытомъ грязной, желтой скатертью, сидѣло двое приказныхъ, угощаясь двумя парами чая и бутылкою ратафіи.

— Трудноватое, весьма трудноватое дѣло, Петръ Семеновичъ, замѣтилъ одинъ изъ собесѣдниковъ, небольшого роста, въ нанковомъ рваномъ сюртукѣ, доливая чайникъ кипяткомъ.

— Понятно не легкое, отозвался другой собесѣдникъ, рябой, неуклюжій, съ бѣгающими глазами, въ истасканномъ синяго цвѣта фракѣ, продолжая дуть на горячій чай, налитый въ блюдечко.

— Несомнѣнныхъ доказательствъ этого, да при томъ все документально...

— Это и намъ понятно и вѣдомо, перебилъ нахмурясь рябой, понявъ намекъ своего собесѣдника... Нѣтъ, мы вотъ какъ начнемъ съ тобою разговоръ, Кондратъ Семеновичъ, продолжалъ онъ немного подождавъ, рѣшительнымъ голосомъ. Вокругъ да около намъ ходить не приходится, а ты скажи прямо—да или нѣтъ?

— Не знаю, Петръ Семеновичъ, право не знаю, какъ судъ.

— Нѣтъ, ты не виляй, а говори толкомъ, отводить глаза нечего.

— Да вѣдь сами знаете—судья, два засѣдатели, какъ они посмотрятъ.

— Они-то пускай смотрятъ, какъ имъ угодно, а ты-то какъ посмотришь? продолжалъ настаивать рябой собесѣдникъ.

— Что-же, можно, только опасно, Петръ Семеновичъ, сокрытіе документовъ... Маленькій приказный замялся, потомъ значительно улыбнулся.

— Тебѣ да судьѣ по круглой, да засѣдателямъ съ братіей круглую—будетъ что-ли?

— Три тысячи маловато, совсѣмъ маловато, Петръ Семеновичъ, не стоитъ руки марать...

— Ну, такъ сказывай: сколько?

— Меньше восьми тысячъ убраться нельзя. Такъ еще есть изъ чего хлопотать. Сами знаете—дѣло продолжительное, отвѣтственное и при томъ стоющее: какъ ни говорите, пятьсотъ душъ, да еще въ общей межѣ къ своему помѣстью...

— Ты чужіе-то барыши не считай, о своихъ думай, нахально прервалъ его рябой. Ты, вотъ, говоришь: вамъ отдай восемь, смотри сколько заломитъ причтъ, да консисторія; ихъ дѣло сложнѣе, такъ чего добраго и путаться не стоитъ. Говори, что-ли, по настоящему, сколько суду за все, т. е. до вводнаго?

— Да ужъ какъ хотите, меньше пятитысячника нельзя, Петръ Семеновичъ, настаивалъ маленькій секретарь суда, наливая рюмки ратафіи.

Торгъ продолжался долго, пока собесѣдники, подъ вліяніемъ выпитаго, не сдѣлались податливѣе и не успѣли высказать своей дружбы и привязанности. Уже поздно, когда совсѣмъ стемнѣло, они разошлись по домамъ, при чемъ рябой письмоводитель предводителя дворянства не преминулъ замѣтить судейскому:

— Смотри-же, чтобы все на чистоту.

— Какъ быть слѣдуетъ, по законамъ, отвѣтилъ послѣдній.

Затѣяно было дѣло большое, одно изъ тѣхъ безбожныхъ, скверныхъ дѣлъ, которыя нерѣдко имѣли мѣсто при прежнихъ судахъ, да и при нынѣшнемъ адвокатскомъ крючкодѣйствѣ. Душою всей подготовленной махинаціи стоялъ Петръ Семеновичъ,—правая рука предводителя дворянства, Дормидонта Егоровича, въ пользу котораго онъ и хлопоталъ. Рябого его письмоводителя зналъ не одинъ Волховъ, но и вся губернія. Къ нему обращались за совѣтами дворяне, купцы и вообще всѣ, имѣющіе какія-либо дѣла въ присутственныхъ мѣстахъ. При изворотливости ума, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, обладалъ нахальствомъ, подымалъ и проводилъ такія дѣла, за которыя не посмѣлъ бы взяться самъ секретарь Орловской уголовной палаты, дѣлецъ, о которомъ извѣстно было въ Московскомъ сенатѣ и съ которымъ не могъ совладать даже такой спорщикъ и законникъ, какимъ былъ сенаторъ Иванъ Владиміровичъ Лопухинъ. При томъ же, если секретарь Орловской уголовной палаты умѣлъ проводить дѣла обходя законъ, то болховскій письмоводитель обладалъ другимъ качествомъ: онъ не стѣснялся средствами и сталъ прибѣгать къ подкупу, подлогу, къ уничтоженію документовъ и подчисткамъ.

На другой день послѣ разговора съ секретаремъ суда, Петръ Семеновичъ чуть свѣтъ уже былъ у Дормидонта Егоровича съ докладомъ. Предводитель только что всталъ, былъ еще въ халатѣ, и прихлебывая чай, затягивался изъ длиннаго чубука съ богатымъ янтаремъ, пуская одно за другимъ колечки дыма. Дормидонтъ Егоровичъ совсѣмъ непохожъ былъ на своего покойнаго брата Ардаліона. Небольшого роста, коренастый, съ довольно солиднымъ брюшкомъ, онъ выглядывалъ человѣкомъ, которого ничто не волновало и для котораго всѣ житейскіе вопросы разрѣшались самыми простыми выкладками и разсчетами лишь о возможности ихъ выполненія. Смотри на его широкій лобъ, на черные, выглядывавшіе исподлобья живые глаза, нельзя было не признать въ немъ достаточнаго закала здраваго смысла, а тонкія губы, складывавшіяся постоянно въ презрительную улыбку, сами за себя говорили, что владѣлецъ ихъ далеко не изъ простаковъ.

— Ну что, какъ дѣла? спросилъ онъ равнодушно вошедшаго Петра Семеновича, пустивъ цѣлую струю дыма.

— Слава Богу, Дормидонтъ Егоровичъ, все какъ слѣдуетъ, отвѣтилъ рябой письмоводитель, садясь противъ своего патрона.

— То есть какъ это все какъ слѣдуетъ? переспросилъ предводитель, окинувъ письмоводителя быстрымъ взглядомъ.

— Судъ на нашей сторонѣ, Дормидонтъ Егоровичъ.

— Этого мало.

— Отецъ Никита былъ у васъ?

— Былъ. Муракъ и слышать ничего не хочетъ, говоритъ, что за это въ Сибирь придется идти.

— Ахъ онъ неразумный, совсѣмъ неразумный, проговорилъ письмоводитель, качая головой. Получилъ бы обезпеченіе, а теперь совсѣмъ ничего не получитъ. Да и лучше. Дормидонтъ Егоровичъ, продолжалъ онъ дѣловымъ языкомъ. Нужно начать прямо съ источника, съ консисторіи: тамъ скорѣе все дѣло можно будетъ обдѣлать.

— А у тебя развѣ есть тамъ знакомые?

— Какъ-же, помилуйте: у меня во всѣхъ присутственныхъ мѣстахъ есть доброжелатели. Секретарь Сергѣй Алексѣевичъ Поповъ мой задушевный пріятель, мы съ нимъ крестили у Мордовина, онъ мнѣ кумъ приходится. Разумѣется, приходится дать консисторскимъ, и хорошо дать, но за то уже дѣло будетъ сдѣлано крѣпко: Коптевку закрѣпимъ за вами, Дормидонтъ Егоровичъ, такъ, что и Сенату ничего не сдѣлать.

— Давать и все давать, нахмурясь проговорилъ предводитель.

— Нельзя, Дормидонтъ Егоровичъ, дѣло сложное, множество документовъ подлежитъ уничтоженію.

— Какъ бы еще не попасться съ тобой, сказалъ предводитель, безучастно смотря въ окно.

— Помилуйте, что вы, Дормидонтъ Егоровичъ, не такія дѣла дѣлывали, а это чистый пустякъ, ну, разумѣется, съ хорошею подмазкою.

Дормидонтъ Егоровичъ при послѣднихъ словахъ крякнулъ, такъ какъ на выдачу денегъ былъ скупъ и вообще денежные вопросы приводили его въ непріятное расположеніе духа.

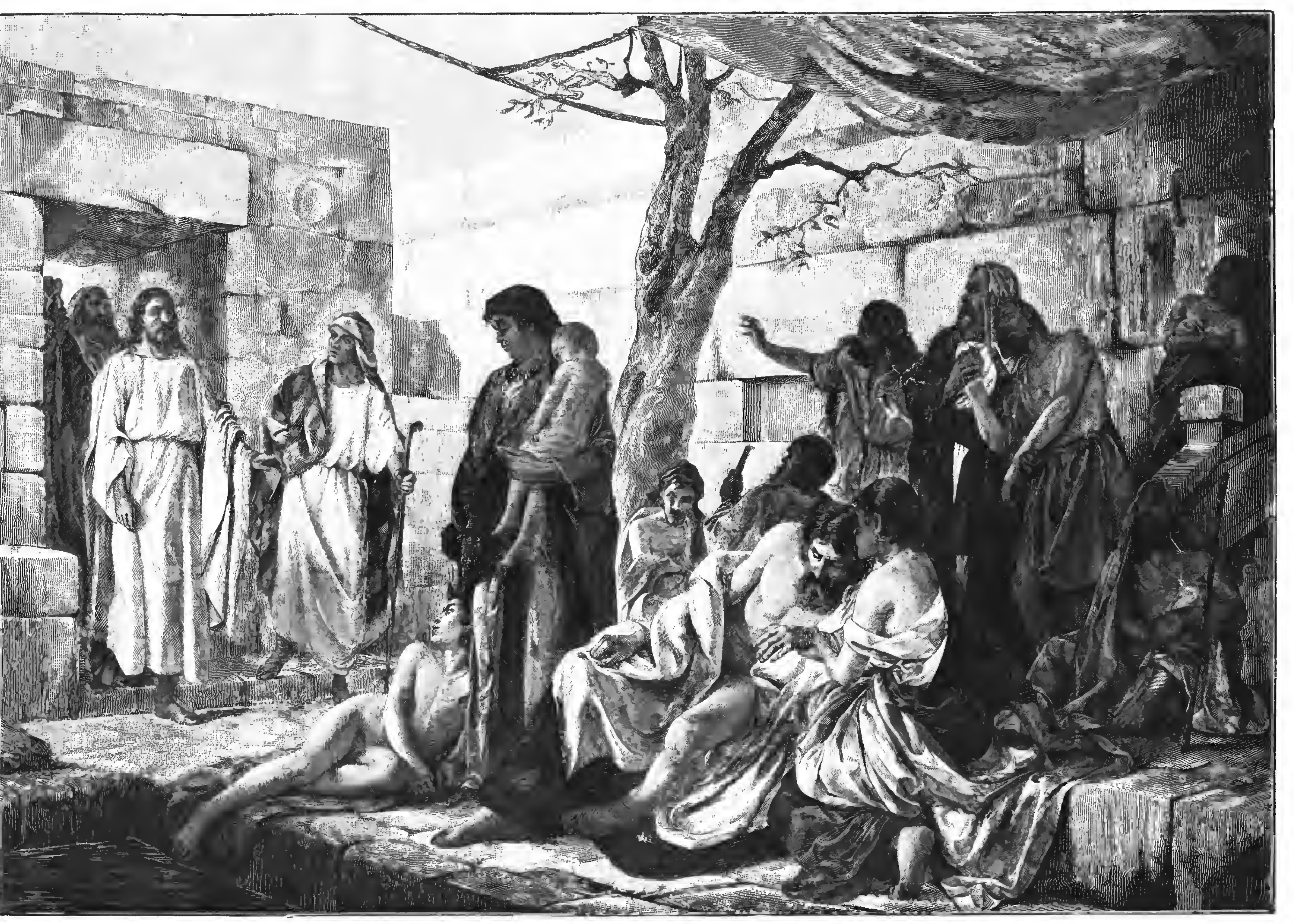
— Суду сколько? спросилъ онъ.

— Восемь, не краснѣя лгалъ рябой письмоводитель.

— Много, проговорилъ съ сердцемъ Дормидонтъ Егоровичъ. Этой шушерѣ и трехъ тысячъ довольно было бы.

— Никакъ нельзя меньше: есть документъ, подписанный вами, а этотъ народъ тоже все понимаетъ, отвѣтилъ Петръ Семеновичъ.

— А сколько, думаешь, въ консисторіи возьмутъ?

Купель Силоамская. Съ карт. ученика Имп. Акад. Худож. Ціонглинскаго, грав. Флюгель.

Великій Четвергъ въ Римской Базиликѣ. Съ карт. Гагена, грав. Кнезингъ.

— Двѣ десятки, меньше не возьмутъ, Дормидонтъ Егоровичъ.

— Да что-же ты, разорить меня хочешь, что-ли?! почти вскрикнулъ раскраснѣвшійся предводитель.

— Ничего сдѣлать нельзя, Дормидонтъ Егоровичъ, хладнокровно возразилъ письмоводитель. Говорятъ, дѣло крупное: 500 душъ и въ одной межѣ...

Дормидонтъ Егоровичъ задумался. Жалко ему было денегъ, да и не хотѣлось дѣло выгодное упустить изъ рукъ. Онъ началъ дѣлать раскладку, сколько и кому слѣдуетъ дать, но какъ ни вертѣлъ, а все-таки выходило не только не менѣе, а еще болѣе двадцати тысячъ. Дѣлать было нечего, нужно было согласиться, хотя онъ не вѣрилъ своему рябому письмоводителю и отлично зналъ, что этотъ плутъ, изъ всѣхъ предназначенныхъ денегъ, не рискуя отвѣтственностью, оставитъ у себя порядочную долю.

— Какъ-же ты все это устроишь? машинально спросилъ онъ у письмоводителя.

— Дѣло простое, Дормидонтъ Егоровичъ: документовъ нѣтъ и брака не было, а брака нѣтъ, слѣдовательно и прямыхъ наслѣдниковъ не имѣется, и имѣніе должно перейти къ вамъ по закону.

Дормидонтъ Егоровичъ пристально посмотрѣлъ на письмоводителя, какъ бы желая узнать, что не надуваешь ли ты, подлецъ? Затѣмъ прошелся два раза по кабинету и, подумавъ, сказалъ:

— Ну, дѣйствуй, дѣйствуй, только осторожно. Ты понимаешь-ли, приказная крыса, что все-таки это дѣти брата, вѣдь не оставлю же я семью въ нуждѣ!

— Эхъ, Дормидонтъ Егоровичъ, объ чемъ вы изволите сомнѣваться. Вѣдь покойный Ардаліонъ Егоровичъ обвѣнчался съ Аленкою на зло вамъ, а что ребятишки остались, то вѣдь они все равно мужицкой крови...

— Ну толкуй, толкуй тамъ, промычалъ Дормидонтъ Егоровичъ, желая прекратить непріятный для него разговоръ.

Въ этотъ же день рябой письмоводитель былъ на пути въ Орелъ, а черезъ недѣлю вызвали отца Никиту вмѣстѣ съ приходскими книгами въ духовную консисторію.

(До слѣд. №).

Открытіе Америки китайцами.

Очеркъ.

Объ открытіи Новаго Свѣта написано столько книгъ, что изъ нихъ можно составить цѣлыя библіотеки; съ исторіей его открытія знакомъ каждый ученикъ. между тѣмъ исторія эта изобилуетъ многими неточностями. Извѣстно, напримѣръ, что Колумбъ до самой смерти не подозрѣвалъ объ открытіи имъ цѣлой новой части свѣта; упоминается также, что ранѣе Колумба въ Америкѣ бывали сѣверные германцы, между тѣмъ тотъ фактъ, что честь перваго открытія Америки принадлежитъ китайцамъ, не смотря на всю свою важность, извѣстенъ только ученымъ между тѣмъ онъ заслуживаетъ того, чтобы стать общимъ достояніемъ.

Бросимъ вначалѣ бѣглый взглядъ на открытія норманновъ. Въ 980 г. въ Эйрекстэдѣ, возлѣ Ватегорни, въ южной Исландіи, жилъ Эрикъ Рауди (Эрикъ рыжій), который послѣ убійства, совершеннаго его отцомъ, принужденъ былъ покинуть съ нимъ норвежскую родину. Эрикъ былъ также запальчивый человѣкъ и совершенное имъ вскорѣ двойное убійство навлекло на него неудовольствіе народа. Народный судъ объявилъ его безпокойнымъ, т. е. лишеннымъ покровительства законовъ. Въ ожиданіи этого приговора, онъ снарядилъ корабль и уѣхалъ изъ Исландіи, обѣщавъ своимъ приверженцамъ вернуться, отыскавъ страну, которую сто лѣтъ назадъ видѣлъ Грунбьэрнъ, занесенный въ море бурею. Эрикъ открылъ не только эти острова (шхеры Грунбьэрна), но дальше ихъ цѣлую страну, названную имъ Гренландія, т. е. зеленая страна, предполагая, что названіе это привлечетъ поселенцевъ. На третій годъ Эрикъ вернулся въ Исландію и помирился со своими противниками. На четвертый годъ послѣ своего изгнанія, спустя 15 лѣтъ послѣ введенія христіанства въ Исландіи, т. е. въ 985 г., онъ снова отправился въ Гренландію и основалъ тамъ поселеніе Брантагильдъ. Не смотря на суровость края, берега Гренландіи стали заселяться исландскими поселенцами. Спустя 150 лѣтъ послѣ перваго поселенія, въ Гардарѣ было основано епископство. Колонія существовала до XV столѣтія и была уничтожена нападеніями эскимосовъ и болѣзнями.

Въ числѣ поселенцевъ, уѣхавшихъ съ Эрикомъ Рыжимъ въ Гренландію, находился Герьюльфъ, сынъ котораго, Бьярни, любившій далекія путешествія, не могъ сопровождать отца, такъ какъ самъ былъ въ отъѣздѣ по торговымъ дѣламъ. Вернувшись въ Исландію, онъ рѣшилъ поѣхать къ отцу, въ Гренландію, на что согласились и его люди. На третій день послѣ выѣзда разыгралась буря, которая загнала мореходовъ къ берегамъ холмистой, покрытой лѣсами, страны. Спустя два дня экипажъ снова увидѣлъ лѣсистую, но ровную мѣстность и хотѣлъ пристать къ берегу, чему воспротивился Бьярни. Они плыли съ юго-западнымъ вѣтромъ и въ третій разъ увидѣли страну—гористый, покрытый льдами, островъ. Спустя три дня они достигли Гренландіи. Тутъ Бьярни подвергся насмѣшкамъ за нежеланіе изслѣдовать встрѣчавшіяся страны, которыя возбудили много толковъ среди поселенцевъ. Лейфъ Эриксонъ, старшій сынъ Эрика Рыжаго, рѣшился отправиться для открытія этихъ странъ, и (въ 1000 году) нашелъ островъ, который Бьярни видѣлъ на пути. На островѣ не оказалось и признака растительности; далѣе, въ глубь острова, они увидѣли много высокихъ ледяныхъ горъ, мѣстность же между ними и берегомъ была покрыта множествомъ плоскихъ камней, почему берегъ этотъ Лейфъ назвалъ Геллуландъ, т. е. каменная страна. Это былъ полуостровъ Лабрадоръ на сѣверо-западѣ Сѣверной Америки.

Изъ Геллуланда они достигли другой страны, ровной и лѣсистой. Берегъ былъ покрытъ пескомъ. Страну эту они назвали Маркландъ, лѣсною страною (Новая Шотландія). Послѣ двухдневнаго путешествія на юго-западъ, они достигли озера, откуда вытекала рѣка. Тутъ они рѣшили провести зиму. Пришельцы были поражены прекрасною страною. Имъ не приходилось собирать травы на запасъ; морозовъ тутъ не было и трава увядала весьма мало. Въ озерѣ и рѣкѣ ловились лососи невиданной ими величины. День былъ болѣе равенъ ночи, нежели въ Исландіи и Гренландіи; въ самые короткіе дни солнце всходило въ 7½ часовъ и заходило въ 4½. Это согласуется съ протяженіемъ дня въ Сѣверо-Американскихъ штатахъ Нью-Іоркѣ и Массачузетѣ. Для изслѣдованія страны пришельцы раздѣлились на два отряда и попеременно ходили для открытій. Въ виду находки винограда, они назвали эту страну Винландъ, страною вина. Запасшись строительнымъ деревомъ и виноградомъ, они вернулись въ Гренландію. Найденное ими озеро могло быть только озеро Онтаріо, и вытекавшая изъ него рѣка—рѣка св. Лаврентія.

Во вторую поѣздку, совершенную Торвальдсомъ Эрикомъ, норманны встрѣтились съ туземцами, что повело къ кровавому столкновенію. На берегу Массачузетской бухты норманны увидѣли три кожаныя лодки и въ каждой изъ нихъ по три скрелинга (такъ они называли туземцевъ). Хладнокровно убили они всѣхъ, за исключеніемъ одного убѣжавшаго. Но въ слѣдующую же ночь скрелинги напали на спящихъ норманновъ, и хотя тѣ взяли перевѣсъ надъ непріятелемъ, благодаря своему вооруженію, однако Торвальдсъ былъ убитъ. Его похоронили на мысѣ Кодъ, обозначили мѣсто двумя крестами и назвали его Кроссанъ, т. е. мысъ крестовъ.

Слѣдующая удачная поѣздка въ Винландъ была предпринята изъ Гренландіи богатымъ норвежцемъ Торфиномъ Карльсэфни, отправившимся съ цѣлью основанія тамъ поселенія съ 5 женщинами и 60 мужчинами. Онъ везъ съ собою различный скотъ, который выпустили на свободу и который вскорѣ одичалъ. Весною изъ лѣса, предъ которымъ паслось стадо, вышли скрелинги. Туземцы приблизились къ поселенію и завязали мѣновую торговлю мѣхами, за которые получили сыръ и пр. Не смотря на миролюбіе туземцевъ, Торфинъ приказалъ укрѣпить поселеніе. Въ это время жена Торфина, Гудрина, родила сына, котораго назвали Снорри. Это было первое дитя, родившееся отъ европейцевъ въ Америкѣ. На вторую зиму появились снова туземцы для обмѣна, но вслѣдствіе недоразумѣнія произошла схватка, окончившаяся избіеніемъ туземцевъ. Въ виду постоянныхъ опасностей, Торфинъ отказался отъ намѣренія оставаться въ этой странѣ и лѣтомъ вернулся въ Гренландію съ богатымъ запасомъ мѣховъ, вина и дерева. Отсюда Торфинъ уѣхалъ въ Норвегію для продажи этихъ запасовъ.

О пребываніи норманновъ на сѣверо-востокѣ Америки свидѣтельствуетъ скала на берегу Ассоне (рѣки Тауптонъ), въ штатѣ Массачузетъ. Скала эта сохранилась и по-нынѣ, въ двухъ миляхъ разстоянія отъ впаденія рѣки въ заливъ Моунтъ-Гопъ. На скалѣ грубо высѣчены двѣ группы въ непріязненныхъ позахъ одна относительно другой. Передъ одной изъ группъ виденъ быкъ. Тутъ же латинскими буквами сохранилась надпись: nam Thorfins. Нѣтъ сомнѣнія, что потомки норманновъ, открывшихъ Америку, неоднократно предпринимали туда поѣздки. Послѣднія о нихъ извѣстія совпадаютъ съ 1317 г., когда небольшое гренландское судно, предпринявшее поѣздку въ Маркландъ, было прибито волнами къ Исландіи.

Итакъ честь открытія Сѣверной Америки принадлежитъ изъ европейскихъ народовъ норманнамъ, но, какъ сказано выше, раньше ихъ тамъ уже были китайцы. Въ лѣтописяхъ Китая, въ такъ называемыхъ „22 историческихъ писателяхъ“, содержатся указанія, относящіяся къ VII столѣтію. Вотъ возможно вѣрная передача оригинала:

„Во время царствованія династіи Тси, въ первый годъ эры „Вѣчнаго начала“ (т. е. въ 499 г. послѣ Р. Х.), буддистскій монахъ, по имени Гвуи Шанъ, вернулся изъ страны Фузанга въ Китай и разсказалъ слѣдующее: „Фузангъ лежитъ на 20,000 ли (китайскихъ миль) восточнѣе великой страны Ганъ, которая въ свою очередь находится на западѣ государства. Тамъ растетъ много деревьевъ Фузангъ, отъ которыхъ страна ведетъ свое названіе. Листья этого дерева похожи на дерево тунгъ; первые ростки имѣютъ видъ бамбука; народъ ѣстъ ихъ, а так-

же и плодъ, который похожъ на красноватую грушу. Изъ коры прядутъ нитки, изъ нихъ приготовляютъ полотна, въ которыя одѣваются. Для постройки домовъ употребляютъ деревянныя балки. Тамъ нѣтъ ни крѣпостей, ни обнесенныхъ стѣнами площадей. Народъ имѣетъ письменные знаки и дѣлаетъ бумагу изъ коры фузанга. Въ этой странѣ не знаютъ оружія и войны. Тюремъ двѣ, одна въ сѣверной и другая въ южной части страны; большіе преступники заключаются въ первой и малые во второй. Заключенные на всю жизнь мужчины и женщины могутъ вступать въ браки; дѣти ихъ становятся рабами. Надъ совершившимъ преступленіе народъ произноситъ приговоръ, для чего собирается въ подземелья. Тутъ даютъ торжественный пиръ, прощаются съ преступникомъ какъ съ умирающимъ и посыпаютъ его пепломъ. При тяжелыхъ преступленіяхъ наказаніе постигаетъ дѣтей и внуковъ; при самыхъ тяжкихъ наказаніе простирается до седьмого поколѣнія.

„Король называется Ики. Когда онъ выходитъ, его сопровождаютъ барабанщики и трубачи. Цвѣтъ его платья бываетъ различенъ въ разныя эпохи царствованія: прежде голубой, затѣмъ красный, желтый, бѣлый и наконецъ черный.

„Быки обладаютъ такими большими рогами, что въ нихъ помѣщается до десяти мѣръ; въ рогахъ этихъ прячутъ различные предметы. Лошади, быки и олени запрягаются въ экипажи. Оленей разводятъ точно рогатый скотъ въ Китаѣ и изъ молока приготовляютъ масло. Красныя груши дерева фузангъ сохраняются весь годъ. Въ странѣ растутъ также яблоки и тростникъ, изъ котораго плетутъ маты. Желѣза нѣтъ, но имѣется мѣдь; золото и серебро не имѣетъ цѣны и не служитъ средствомъ обмѣна на рынкахъ.

„Браки заключаются слѣдующимъ образомъ: мужчина строитъ предъ дверьми своей избранной хижину, и утромъ и вечеромъ поливаетъ и чиститъ землю. По прошествіи года, если дѣвушка согласна, она становится его женою, въ противномъ случаѣ онъ уходитъ отъ нея. Свадебные обряды похожи на китайскіе. Послѣ смерти родителей постятся семь дней; послѣ смерти другихъ родственниковъ—болѣе короткое время. Люди сидятъ тогда съ утра до вечера предъ изображеніемъ духа, погруженные въ размышленіе. Траурныхъ платьевъ не имѣютъ.

„Ученіе Будды прежде было неизвѣстно въ странѣ Фузангъ. Но во время династіи Сунгъ, на второй годъ эры „Великій свѣтъ" (въ 458 г. послѣ Р. Х.), пять буддистскихъ монаховъ попали въ эту страну. Они познакомили ее съ ученіемъ и жизнью Будды, основали общину буддистскихъ монаховъ и смягчили грубые нравы народа".

Это сообщаетъ Гвуи Шанъ. Чтобы попасть на слѣдъ страны Фузангъ, обратимся къ дальнѣйшимъ китайскимъ свѣдѣніямъ, дающимъ понятіе о разстояніяхъ. Тамъ говорится: „Изъ страны „Разрисованныхъ людей"—подъ этимъ подразумѣвали рядъ Алеутскихъ острововъ, составляющихъ переходъ отъ сѣверо-востока Азіи къ сѣверо-западу Америки—до „Великой страны" 5000 ли". 5000 ли соотвѣтствуютъ 1600 англійскимъ милямъ и это заставляетъ искать „Великую страну" въ Аляскѣ. Дѣйствительно, названіе Аляска на языкѣ туземцевъ обозначаетъ: Великая страна. Такимъ образомъ эта часть Американскаго материка была извѣстна китайцамъ ранѣе, нежели норманнамъ и Колумбу.

Гдѣ однако находится страна Фузангъ? Въ другомъ мѣстѣ Гвуи Шанъ говоритъ, что Фузангъ отстоитъ отъ Великой страны на 20,000 ли и лежитъ восточнѣе Китая. Разстояніе это соотвѣтствуетъ Мексикѣ, точно также какъ и всѣ сообщенія Гвуи Шана. Онъ говоритъ, что Фузангъ названъ отъ растущаго въ странѣ дерева. Дѣйствительно, слово *Мексико* на языкѣ туземцевъ обозначаетъ „Мѣсто агавы". Это такъ называемая мексиканская агава (Me) и пользованіе ея продуктами въ настоящее время вполнѣ согласуется съ разсказами буддистскаго монаха объ этомъ деревѣ. Изъ волоконъ ея листьевъ приготовляютъ ткань для платьевъ, молодые же ростки, похожіе на бамбукъ, идутъ въ пищу. Гвуи Шанъ ошибся только, говоря о красноватыхъ грушевидныхъ плодахъ: онъ смѣшалъ эту агаву съ попальскимъ кактусомъ.

Объ обычаяхъ и нравахъ страны Фузангъ, а также о подземельяхъ, находятся сообщенія у путешественниковъ. Такъ многіе изъ нихъ, между прочимъ Дэвисъ, сообщаютъ, что въ городахъ, заселенныхъ индійцами, находятся подземныя купальни, служащія вмѣстѣ съ тѣмъ залами для собраній и совѣщаній. Такіе своды имѣютъ до 160 футовъ въ окружности и встрѣчаются очень часто на сѣверѣ Мексики. Позднѣйшіе и древніе мексиканскіе путешественники сообщаютъ, что большіе преступники подвергаются удушенію въ пеплѣ.

Что касается религіи и искусствъ, то въ Мексикѣ находятся многочисленные слѣды буддизма; замѣчательно сходство между знаменитымъ буддистскимъ храмомъ въ Боро-Будорѣ, на островѣ Ява, и храмомъ Паленкве, въ мексиканской провинціи Шіапасъ. Азіатскій символъ Будды—слонъ, встрѣчается также на мексиканскихъ изваяніяхъ, хотя слоны не водятся въ Америкѣ. Наконецъ въ мексиканскихъ преданіяхъ упоминается о великомъ древнемъ учителѣ Квецалькоатлѣ, не имѣвшемъ жены. Быть можетъ образцомъ для этой легендарной личности служилъ одинъ изъ буддистскихъ монаховъ, проповѣдывавшихъ свое ученіе въ странѣ. Или, быть можетъ, благодарный народъ, въ виду благодѣяній Гвуи Шана, избралъ его героемъ преданія, такъ какъ имя его обозначаетъ: „Почтенный гость".

Дальнія путешествія миссіонеровъ не рѣдкость въ исторіи буддизма. Еще за 600 лѣтъ до Р. Х. Будда сказалъ ученикамъ своимъ: „Идите въ міръ и распространяйте спасительное ученіе, изъ сострадаʜія къ міру, на радость, счастіе и спасеніе людей".

Никто не отниметъ отъ Колумба заслугъ введенія Америки въ кругъ міровыхъ интересовъ, но не подлежитъ болѣе сомнѣнію, что первый открылъ эту часть свѣта буддистскій монахъ Гвуи Шанъ изъ Китая.

Къ рисункамъ.

Процессія въ Севильѣ въ Чистый Четвергъ.

(Рис. на стр. 324).

На интересномъ рисункѣ г. Земцова, сдѣланномъ по наброску иностраннаго художника, представлена процессія братства св. Лаврентія, называемаго также „Братствомъ молчанія", ибо члены его не произносятъ ни одного слова во время этой процессіи. Въ два часа утра процессія выходитъ изъ церкви св. Лаврентія, останавливается нѣкоторое время у собора и до наступленія дня возвращается къ своему храму. При этомъ выносятъ изображенія, сдѣланныя знаменитымъ скульптуромъ Монтанесъ: изображеніе Іисуса Христа, Божіей Матери и Св. Іоанна. За процессіей идетъ густая толпа народа, члены же братства—одного изъ самыхъ богатыхъ и аристократическихъ въ Севильѣ—скрываютъ свои лица подъ монашескими капюшонами, какъ видно на рисункѣ.

Вербное воскресенье въ Италіи. (Рис. на стр. 325).

Рисунокъ нашего художника г. Земцова, сдѣланный по наброску иностраннаго рисовальщика, изображаетъ преддверіе собора въ Италіи въ Вербное воскресенье. Вербы въ этой благодатной странѣ замѣняются пальмовыми вѣтвями, собранными въ Бордигерѣ и Ст.-Рафаэлѣ, продажею которыхъ занимается множество женщинъ, живописно расположившихся толпою около собора. Покупателями пальмъ является самое разнообразное общество, такъ какъ въ это время въ Италіи всегда масса пріѣзжихъ.

Св. Магдалина. (Рис. на стр. 329).

Съ упадкомъ итальянскаго искусства, въ концѣ XVII столѣтія, стала преобладать живопись декоративная, и многочисленныхъ художниковъ того времени можно по справедливости назвать „декоративными" живописцами. Большая часть ихъ не заботились о внутреннемъ содержаніи, но старались нарисовать какъ можно больше бьющихъ на внѣшній эффектъ большихъ картинъ. Такое отношеніе художниковъ должно было несомнѣнно привести къ упадку цвѣтущее прежде итальянское искусство. Только немногіе противостояли общему стремленію, и къ этимъ немногимъ принадлежалъ Пьетри-ди-Ротари. Онъ родился въ 1707 году въ Веронѣ и умеръ въ Петербургѣ въ 1762 г. Ученикъ Антоніо Балестра, онъ прибылъ въ нашу столицу, гдѣ императрица Екатерина II купила у него много картинъ, преимущественно женскихъ головокъ. Онъ большею частью писалъ фигуры и портреты, и не безъ нѣкоторой вычурности. Главнымъ произведеніемъ Ротари считается „св. Магдалина", нынѣ находящаяся въ Дрезденской галлереѣ. Копія съ нея помѣщена въ этомъ №. Ротари находился подъ вліяніемъ испанской школы, особенно Мурильо. Тотъ экстазъ святой Магдалины, который выдается въ этой картинѣ, свойственъ многимъ Мадоннамъ великаго испанскаго художника. Восторженное лицо приподнято нѣсколько, волнистые волосы ниспадаютъ на грудь и плечи, бюстъ прекрасной формы и рука прекрасно выписана. Вся фигура дышетъ прелестью и чистотою.

У Силоамской купели. (Рис. на стр. 332).

Купель Силоамская въ древнемъ Іерусалимѣ пользовалась великою славою — въ пяти крытыхъ ходахъ ея всегда было много больныхъ и разслабленныхъ. Было повѣрье, что Ангелъ Господень по временамъ возмущалъ воду и первый кто входилъ въ купель послѣ этого, исцѣлялся. На картинѣ молодого художника представленъ моментъ, когда въ одну изъ дверей купели входитъ Христосъ и спрашиваетъ одного несчастнаго разслабленнаго: „Хочешь ли быть здоровъ?" Больной отвѣчаетъ ему: „Господи! Я не имѣю человѣка, который бы опустилъ меня въ воду и не могу исцѣлиться!" Господь простеръ къ нему руку и сказалъ: „Встань, возьми одръ твой и поди!" Когда же онъ поднялъ одръ свой, ему говорили іудеи что это нельзя, что теперь Суббота. Этотъ вопросъ о Субботѣ іудеями выставлялся не разъ на видъ при собесѣдованіяхъ и преніяхъ во время проповѣдей Христа Спасителя.

Великій Четвергъ въ римской Базиликѣ.

(Рис. на стр. 333).

Передъ чьимъ мысленнымъ взоромъ въ эти важные дни не проносится великая драма, которою закончилась земная жизнь Христа Спасителя. Прошли столѣтія, но ежегодно событіе это переживаютъ сердца милліоновъ вѣрующихъ—они страдаютъ съ Пострадавшимъ за весь міръ и съ глубокимъ, умиленнымъ чувствомъ присутствуютъ при богослуженіяхъ, которыми церковь напоминаетъ объ этомъ событіи и символизируетъ страданія Спасителя, будь это въ небольшой ли часовнѣ глухой деревни, въ величественномъ ли соборѣ Св. Петра на Ватиканскихъ холмахъ, или въ небольшой базиликѣ уединеннаго римскаго монастыря. Здѣсь католическое богослуженіе. На рисункѣ изображено какъ кардиналъ отслужилъ обѣдню и совершилъ обрядъ причащенія. Затѣмъ даропосица въ торжественной процессіи обнесена подъ балдахиномъ по церкви, послѣ чего ее полагаютъ подъ освѣщенный свѣчами алтарь, какъ нѣкогда было положено тѣло Христа Спасителя въ пещерѣ. Раздается торжественное пѣніе, вѣрующіе съ молитвою преклоняютъ колѣна. Взоръ ихъ направляется къ далекой странѣ Востока, гдѣ страдалъ Спаситель, и видятъ они Христа вступающимъ въ Іерусалимъ, видятъ какъ Онъ изгоняетъ изъ храма торжниковъ, видятъ Его за тайною вечерью, видятъ во всѣхъ событіяхъ Его земной жизни...

Аѳины во времена апостола Павла. (Рис. на этой стр.).

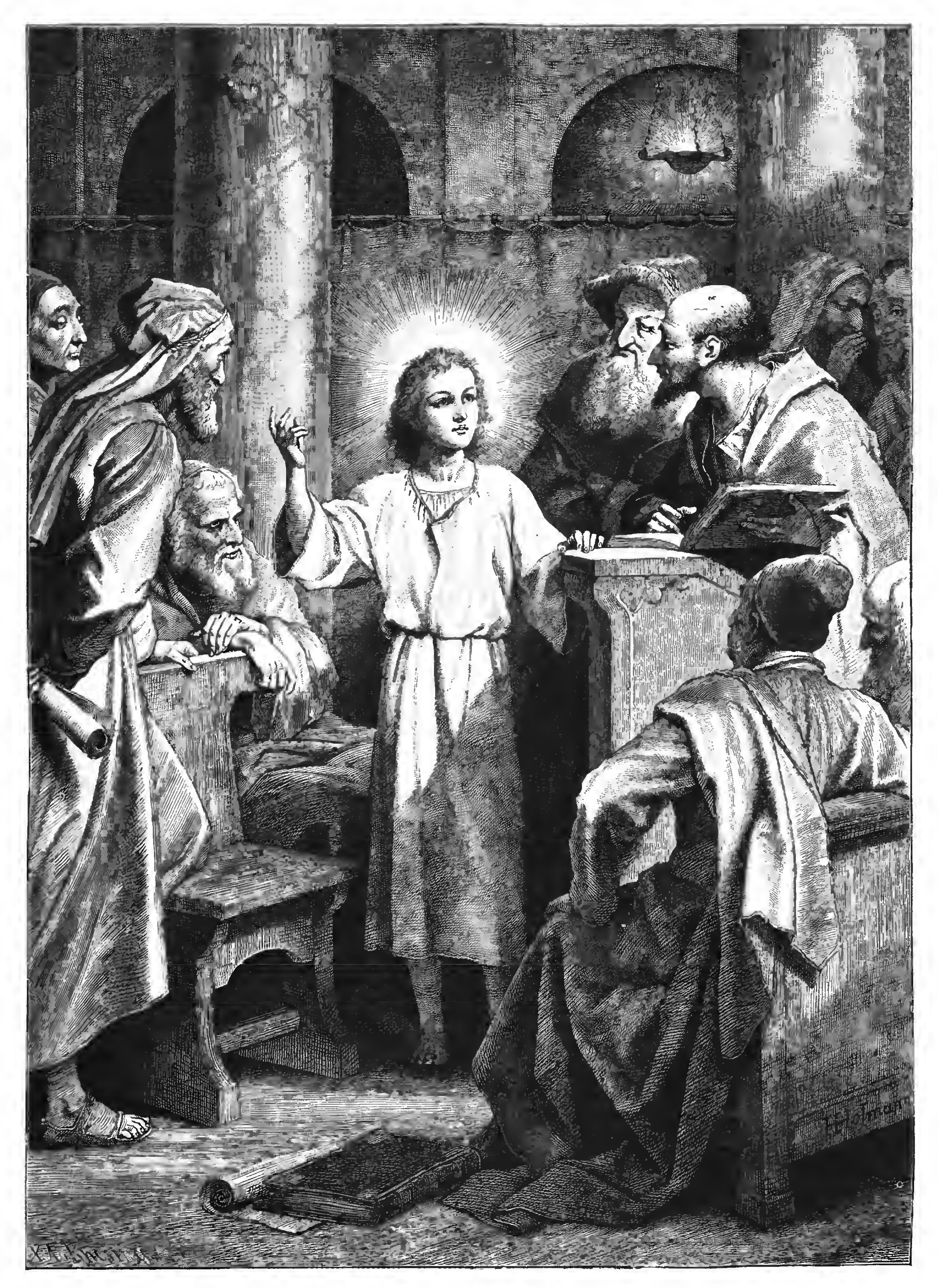
„Око Эллады", какъ говорили древніе поэты, средоточіе древне-эллинской классической жизни, Аѳины, дивный греческій городъ, былъ расположенъ на холмахъ, въ обширной равнинѣ Аттики, между рѣками Илиссомъ и Кефисомъ, вблизи моря. Начало города теряется во мракѣ баснословныхъ сказаній. Родоначальникомъ Аѳинъ, основателемъ этого прекраснаго города, считаютъ царя Кекропса. Съ теченіемъ времени тутъ возникла столица древней культуры, міровой городъ, средоточіе наукъ и искусствъ, вліяніе которыхъ отразилось на произведеніяхъ всѣхъ народовъ. Не станемъ перечислять разнообразныя перемѣны, испытанныя этимъ городомъ, но пояснимъ только рисунокъ, изображающій Аѳины во время пришествія сюда апостола Павла проповѣдывать идолопоклонникамъ христіанскую вѣру. Зданіе, высящееся на темномъ заднемъ фонѣ горъ—это Акрополь, крѣпость Аѳинъ, стоящая на отдѣльной известковой скалѣ. На томъ же конусѣ скалы, рядомъ съ Акрополемъ, виднѣется Парѳенонъ, храмъ Аѳины (Минервы), съ храмами Эрехтея и Кекропса, Пандрозіемъ и колоссальной, въ 60 футовъ вышины, статуей Аѳины Паллады. Въ крѣпость входили чрезъ Пропилеи, выстроенныя, подобно другимъ зданіямъ, изъ бѣлаго мрамора. Направо, ниже Акрополя, находится знаменитый храмъ Юпитера Олимпійскаго, и рядомъ съ нимъ, правѣе, возвышается холмъ музея съ памятникомъ Филопаппа. Задній фонъ этихъ зданій составляетъ гора Пентеликонъ, въ 3420 футовъ вышины; изъ ея мрамора выстроенъ весь городъ. Налѣво, на заднемъ планѣ—Парнасъ, направо къ прежнему плану—гора Гиметъ, въ 3000 футовъ вышиною, славившаяся въ древности своимъ медомъ. Налѣво отъ Акрополя высится конусъ горы Анхезмъ и Пниксъ. У подножія этихъ горъ лежитъ Ареопагъ, открытая площадь, гдѣ происходили засѣданія верховнаго суда страны и гдѣ позднѣе апостолъ Павелъ обращался къ аѳинянамъ съ своими проповѣдями. Въ долинѣ, налѣво отъ Анхезма, находится Тезеіонъ, храмъ Тезея, выстроенный Перикломъ въ дорійскомъ стилѣ. Около этого храма и расположены собственно Аѳины. Длинныя параллельныя линіи, нисходящія отъ Акрополиса налѣво, къ Пирейской гавани, обозначаютъ массивныя, въ 10 саженъ вышины, стѣны, изъ каменныхъ плитъ. По ту сторону Пирея, на рѣкѣ Кефисѣ, виднѣется Некрополь Аѳинянъ, мѣсто погребенія усопшихъ. Пирейская гавань, въ которой могло помѣститься 400 военныхъ кораблей, окружена доками и магазинами и входы въ нее были заграждены цѣпями. Направо отъ этого мѣста лежитъ портовый городъ Пирей, пониже—торговая площадь Агора, обнесенная каменными стѣнами съ галлереями. Далѣе, на переднемъ планѣ, возвышаются укрѣпленія Мунихія съ башнями и съ каменными стѣнами и съ гаванью того же имени. Полукругъ у берега моря—это театръ, а направо виденъ храмъ Посейдона, со ступенями, сходящими къ морю. На правой сторонѣ города Фалернскій заливъ омываетъ берега, отъ которыхъ на востокѣ стѣны идутъ до подножія Акрополя. Изъ древнихъ сооруженій сохранилось еще нѣсколько, какъ напр., храмъ Тезея, 13 колоннъ храма Зевса Олимпійскаго, Пропилеи, остатки Парѳенона, Эрехтеіонъ и пр.

Видъ гор. Аѳинъ во времена Апостола Павла. Рис. Жюстинъ, грав. Пейне.

Отрокъ Христосъ во храмѣ. (Рис. на стр. 337).

Въ Евангеліи Луки (гл. II, 48) наиболѣе подробно описанъ одинъ эпизодъ изъ жизни Спасителя—эпизодъ этотъ художникъ взялъ

Отрокъ Христосъ во храмѣ. Съ карт. Г. Гофмана, грав. Кнезингъ.

темою для картины, копія съ которой здѣсь помѣщается. Однажды, въ Іерусалимѣ, Іосифъ и Марія, не найдя около себя Отрока Христа и отыскивая Его, увидѣли Его въ храмѣ посреди учителей, слушающаго и спрашивающаго ихъ — и всѣ дивились разуму и отвѣтамъ Его. И когда Матерь Божія кротко упрекнула Его, Христосъ отвѣтилъ: „Мнѣ должно быть тамъ, гдѣ Отецъ мой!“ Ликъ Отрока-Христа полонъ одушевленія и жизни, глубокая дума уже лежитъ на чистомъ челѣ Спасителя міра.

М. П. Розенгеймъ. (Портр. на стр. 340).

Въ шестидесятыхъ годахъ имѣли большой успѣхъ и читались съ большимъ эффектомъ на сценахъ и вечерахъ стихи талантливаго поэта, одного изъ старѣйшихъ русскихъ поэтовъ — Михаила Павловича Розенгейма. Всѣмъ извѣстны его стихотворенія: „Пустая церковь“, „Могильщикъ“ и мн. друг. Онъ участвовалъ въ „Отеч. Зап.“, ведя тамъ цѣлый отдѣлъ и былъ затѣмъ редакторомъ одного сатирическаго журнала. М. П.—въ послѣдніе годы членъ военно-окружнаго суда, генералъ-маіоръ — былъ вполнѣ русскій, добрый и сердечный человѣкъ. 7 марта, присутствуя на вечерѣ у одного изъ своихъ знакомыхъ, во время бесѣды, будучи повидимому совершенно здоровъ, М. П. неожиданно склонился на столъ и умеръ. Жизнь прервалась безъ стона и вздоха. Разрывъ сердца прекратилъ моментально жизнь маститаго поэта. Не смотря на свои 67 лѣтъ, М. П. имѣлъ бодрый и веселый видъ. На панихиду, въ квартиру скончавшагося, собрались всѣ члены военнаго суда, славянское благотворительное общество, коего онъ былъ членомъ, и знакомые; кромѣ того, въ погребальномъ шествіи участвовала депутація отъ ночлежныхъ домовъ, ибо покойный очень заботился объ нихъ, будучи человѣкомъ добрымъ и благотворительнымъ. Похороненъ онъ на кладбищѣ Александро-Невской Лавры.

П. В. Анненковъ. (Портр. на стр. 340).

8-го марта въ Дрезденѣ скончался извѣстный писатель-критикъ Павелъ Васильевичъ Анненковъ. Онъ родился въ Москвѣ въ 1813 г. Началъ образованіе свое въ Горномъ корпусѣ, откуда затѣмъ вышелъ и вступилъ на историко-филологическій факультетъ СПб. Университета. Въ 1833 г. онъ поступилъ на службу въ Мин. Финансовъ и съ этого же времени начинается его участіе въ литературѣ. Онъ печаталъ статьи свои во всѣхъ главныхъ тогдашнихъ журналахъ. Статьи эти были впослѣдствіи собраны въ одну книгу „Воспоминанія и критич. очерки“. Книга его: „Н. В. Станкевичъ и его переписка“ (1877) имѣла серьезный и заслуженный успѣхъ. Это былъ первый и прекрасный его опытъ литературной біографіи, въ которой впослѣдствіи онъ высказалъ себя такимъ мастеромъ.

Самый капитальный трудъ его—изданіе сочиненій Пушкина, предпринятое имъ въ 1854—57 гг. Право на это изданіе онъ купилъ у наслѣдниковъ Пушкина и впервые текстъ посмертнаго изданія провѣрилъ по рукописямъ, которыя всѣ были у него въ рукахъ. Изданіе это сохраняетъ свою цѣну и донынѣ. Независимо отъ провѣрки текстовъ и важныхъ примѣчаній, П. В. написалъ цѣлый томъ „Матеріаловъ“ для біографіи поэта, который вышелъ отдѣльно. Этотъ трудъ составляетъ существенную заслугу покойнаго передъ русской литературой. П. В. отличался большимъ трудолюбіемъ и широкимъ энциклопедическимъ образованіемъ. Кромѣ указанныхъ трудовъ, едва ли есть лучшія воспоминанія о Гоголѣ, чѣмъ обнародованныя Анненковымъ. Связи П. В. съ Тургеневымъ, Огаревымъ, Бѣлинскимъ и проч. дали ему возможность написать замѣчательные „Очерки литературы 40-хъ годовъ“, и среди изслѣдователей нашей новѣйшей литературы покойный занимаетъ вообще весьма выдающееся мѣсто.

И. Т. Осининъ. (Портр. на стр. 341).

Въ ночь 23 февр. въ СПБ. скоропостижно скончался Иванъ Терентьевичъ Осининъ, бывшій болѣе двѣнадцати лѣтъ начальникомъ женскихъ гимназій въ СПБ., а затѣмъ ихъ попечителемъ, одновременно съ назначеніемъ на должность почетнаго опекуна.

И. Т. былъ сынъ псаломщика посольской церкви въ Копенгагенѣ, гдѣ и получилъ первоначальное образованіе. Въ 1857 г. онъ окончилъ, со степенью магистра, курсъ СПб. духовной академіи и, какъ лучшій представитель выпуска, былъ оставленъ при академіи баккалавромъ по каѳедрѣ богословія и болѣе двадцати пяти лѣтъ прослужилъ въ ней, сначала баккалавромъ, а потомъ профессоромъ. Сверхъ того, онъ въ академіи преподавалъ и нѣмецкій языкъ. Благодаря его прекраснымъ запискамъ, отодвинуты были въ сторону сухія и схоластическія прежнія руководства по богословію. Не одна сотня учениковъ его по академіи вспомнитъ его добромъ, какъ даровитаго, краснорѣчиваго профессора и добраго, честнаго человѣка. Его научные богословскіе труды печатались въ академическомъ журналѣ „Христіанское чтеніе“. Въ началѣ 1870 г. онъ былъ командированъ отъ св. Сѵнода за границу на одинъ изъ церковныхъ конгрессовъ.

И. Т. умеръ въ цвѣтѣ годовъ и силъ, 52 лѣтъ. Онъ легъ въ постель 23 февраля, повидимому совершенно здоровый, принялся, по своему обыкновенію, читать на ночь, но вдругъ захрипѣлъ, и когда его престарѣлая мать, услышавъ это, въ испугѣ вошла въ комнату, она нашла сына уже бездыханнымъ.

Похороны были 27 февраля. Отпѣваніе совершено экзархомъ Грузіи и тѣло усопшаго погребено на Ново-Никольскомъ кладбищѣ.

Маіоры Узуновъ и Пановъ. (Портр. на стр. 341).

Грустныя дѣла вершатся въ Болгаріи, вступившей нынѣ въ фазисъ тяжелой междоусобицы, о чемъ мы въ свое время говорили въ „Полит. обозр.“.

Недавно телеграфъ принесъ тяжелую вѣсть объ ужасномъ истребленіи сыновъ Болгаріи, беззавѣтно преданныхъ Россіи—главные изъ нихъ маіоры Узуновъ и Пановъ, портреты коихъ мы здѣсь помѣщаемъ.

Афонасій Мариновичъ Узуновъ родился въ г. Рущукѣ въ 1855 г. Родители его были не богатые, но достаточные люди, доставившіе сыну возможность окончить въ родномъ городѣ реальное училище. Нѣкоторое время А. М. Узуновъ былъ учителемъ въ одной изъ начальныхъ школъ. Возстаніе въ Босніи и Герцоговинѣ, а затѣмъ борьба Сербіи съ Турціей увлекаютъ А. Узунова. Онъ такъ же храбро сражался въ рядахъ сербовъ за ихъ независимость, какъ впослѣдствіи отстаивалъ отъ ихъ покушеній ввѣренную ему крѣпость и честь своей родины.

По окончаніи сербско-турецкой войны, А. М. Узуновъ отправился въ Россію, и въ Одессѣ поступилъ въ юнкерское училище. Но ему не суждено было окончить курса. Война 1877 г. увлекаетъ его снова въ Болгарію, гдѣ въ рядахъ русскихъ онъ борется за освобожденіе своей страны.

Храбрость и самоотверженность унтеръ-офицера А. Узунова были достойно оцѣнены русскимъ военнымъ начальствомъ. За участіе въ дѣлахъ на Шипкѣ Узуновъ былъ награжденъ знакомъ Военнаго Ордена и затѣмъ произведенъ въ прапорщики русской арміи (въ 60-й Замосцкій полкъ). По окончаніи военныхъ дѣйствій А. Узуновъ перешелъ на службу во вновь сформированныя болгарскія войска, числясь сначала въ пѣхотѣ, а засимъ въ инженерной дружинѣ. Желая восполнить свое образованіе, А. М. Узуновъ (уже поручикъ) въ числѣ другихъ молодыхъ болгарскихъ офицеровъ былъ отправленъ въ Петербургъ и поступилъ по собственному желанію сначала въ Инженерное училище, а черезъ два года, т. е. въ 1881 г. выдержалъ вступительный экзаменъ въ Николаевскую Инженерную Академію. Жизнь въ Петербургѣ онъ велъ крайне скромную. По природѣ человѣкъ бережливый и аккуратный, А. М. Узуновъ отличался весьма добрымъ и участливымъ сердцемъ, охотно дѣлясь своимъ скуднымъ содержаніемъ со многими нуждающимися соотчичами-студентами. Умѣніе выслушать терпѣливо чужое мнѣніе, большая выдержка и снисходительность къ слабостямъ другихъ, при простотѣ въ обращеніи, дѣлали Узунова крайне симпатичнымъ для всѣхъ, кто его зналъ. Особенно охотно собирались къ нему его земляки.

Однако здоровье быстро подтачивалъ непосильный умственный трудъ и тяжелый климатъ. А. М. не разъ высказывалъ близкимъ товарищамъ опасенія, что онъ не окончитъ академіи, и эта мысль его сильно угнетала.

На выпускныхъ экзаменахъ онъ окончательно выбился изъ силъ и принужденъ былъ, не окончивъ академіи, уѣхать на время въ Болгарію для поправленія здоровья.

Возстановивъ здоровье, капитанъ Узуновъ снова ѣдетъ въ Петербургъ въ инженерную академію, начать занятія опять съ перваго курса. Нужно было удивляться поразительной настойчивости этого человѣка.

Едва прошелъ годъ, какъ разразился Филиппопольскій переворотъ, вслѣдъ за которымъ произошелъ извѣстный инцидентъ съ русскими офицерами и отъѣздъ ихъ изъ Болгаріи, на которую готовилась напасть Сербія. Всѣ болгары получили отъ своего правительства приказаніе немедленно вернуться въ отечество.

Возгорѣлась братоубійственная война. Отсутствіе высшихъ офицеровъ въ болгарской арміи быстро подвинуло производство и капитанъ Узуновъ былъ назначенъ комендантомъ крѣпости Виддинъ. Нельзя не отдать полной справедливости Узунову, геройски отстоявшему ввѣренную ему крѣпость отъ превосходныхъ силъ нападающихъ сербовъ. Виддинъ удержался, благодаря энергіи своего новаго коменданта.

Узунову былъ данъ болгарскій Георгій 3-й ст. и чинъ маіора.

Съ заключеніемъ мира, немилость князя и его клевретовъ сказалась очень рѣзко: Узунова подчинили вновь назначенному коменданту, а за симъ и совсѣмъ перевели въ Рущукъ, гдѣ онъ получилъ въ командованіе піонерныя роты. Ему не довѣряли и за нимъ слѣдили, подозрѣвая въ немъ человѣка слишкомъ преданнаго Россіи.

Совершился извѣстный софійскій переворотъ: князь былъ низложенъ и выѣхалъ изъ Болгаріи. Лишь только контръ-революціонеры объявили высылку князя изъ Болгаріи незаконною и именемъ его захватили власть—Узуновъ примкнулъ къ партіи регентовъ. Однако онъ скоро убѣдился въ своей ошибкѣ. Регенты очень мало довѣряли Узунову и въ его непосредственномъ распоряженіи былъ только всецѣло преданный ему піонерный полкъ.

19 февраля, собравъ свои піонерныя роты, Узуновъ произнесъ

горячую рѣчь, въ которой указалъ на всѣ благодѣянія Россіи, на незаконное поведеніе регентовъ, такъ безумно ее оскорбляющихъ, и ту пропасть, которую создавали самозванные деспоты между молодымъ княжествомъ и его единственной покровительницей—Россіей. Видя нерѣшительность и колебаніе молодыхъ офицеровъ, Узуновъ отпустилъ тѣхъ изъ нихъ, кто не желалъ принимать участія въ переворотѣ, взявъ лишь слово не разглашать тайну. Съ остальными же офицерами и преданными ему піонерами онъ немедленно овладѣлъ телеграфомъ и всѣми правительственными зданіями, арестовалъ префекта и другихъ чиновниковъ. Затѣмъ со своими саперами онъ двинулся къ казармѣ пѣхотныхъ ротъ, съ цѣлью привлечь ихъ на свою сторону, но, встрѣченный сильнымъ ружейнымъ огнемъ, принужденъ былъ штурмовать казарму, пытаясь обстрѣлять ее изъ двухъ захваченныхъ гдѣ-то пушекъ. Видя дѣло окончательно погибшимъ, Узуновъ съ товарищами бросились къ Дунаю, пытаясь въ лодкѣ и просто вплавь уйти на румынскій берегъ. Пѣхота открыла жестокую пальбу по бѣглецамъ: многіе были переранены, другіе утонули. Въ это время подошелъ военный пароходъ „Голубчикъ", подаренный болгарамъ покойнымъ императоромъ. Капитанъ парохода своевременно былъ арестованъ. а новый командиръ, приверженецъ регентовъ, овладѣлъ лодкой и арестовалъ всѣхъ бѣглецовъ, въ числѣ которыхъ находились Узуновъ и Пановъ. Надъ захваченными въ плѣнъ былъ немедленно нарядженъ судъ, состоявшій изъ капитановъ, преданныхъ регентамъ. Прежде всего судили офицеровъ. Всѣхъ захваченныхъ было 16 человѣкъ. Нѣсколько человѣкъ было убито или утонуло. На судъ израненыхъ офицеровъ притащили подъ сильнымъ конвоемъ; принесли на носилкахъ и сильно раненаго Узунова. Судъ вынесъ для всѣхъ смертный приговоръ. Маіоръ Петровъ, облеченный регентами неограниченною властью на время суда, утвердилъ приговоръ, приказавъ разстрѣлять и тѣхъ прикосновенныхъ къ заговору лицъ, которыя были присуждены къ тюремному заключенію. Боязнь, чтобы видъ казни стольких офицеровъ не вызвалъ взрыва народнаго неудовольствія, заставила палачей торопиться. Въ ту же ночь, послѣ суда (21-го февраля), приговоренныхъ, подъ сильной стражей, повлекли за городъ, на большую дорогу. Обращеніе съ этими несчастными было самое ужасное. Имъ не дали даже проститься съ родными и близкими. Подъ страхомъ жестокаго наказанія, жителямъ воспрещалось приближаться къ мѣсту казни. Всюду были разставлены войска. Осужденныхъ прикрутили къ деревьямъ вдоль большой дороги, надъ вырытыми ямами... Повязали всѣмъ глаза. Когда стрѣльба смолкла, обошли трупы казненныхъ. Узуновъ еще дышалъ. Маіоръ Петровъ собственноручно, пятью выстрѣлами изъ револьвера, погасилъ послѣднюю искру жизни въ своемъ недавнемъ товарищѣ...

Что касается другого его товарища, также погибшаго жертвою событій, бывшаго начальника болгарской артиллеріи, маіора Олимпія Спиридоновича Панова, то онъ родился въ 1852 г., въ Бессарабіи. Первоначальное образованіе получилъ въ Бѣлградской гимназіи, затѣмъ поступилъ въ инженерное училище въ Бухарестѣ и кончивъ курсъ выѣхалъ въ Бельгію доканчивать свое образованіе. Но съ объявленіемъ войны 1877 г. онъ прибылъ на родину и, переправившись черезъ Дунай, засталъ болгарское ополченіе въ Тырновѣ, гдѣ и опредѣлился добровольцемъ, участвуя во всѣхъ дѣлахъ, въ сраженіяхъ подъ Эски-Загрой и Шипкой. Онъ былъ вездѣ образцомъ храбрости и самоотверженія. За отличіе произведенный въ офицеры, онъ получилъ кромѣ того Георгія. Въ 1878 г. онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ выдержалъ экзаменъ въ Константиновскомъ военномъ училищѣ и поступилъ въ Академію Генеральнаго Штаба. Въ Болгаріи 6 сент., по удаленіи нашихъ офицеровъ, при князѣ Александрѣ Пановъ сдѣланъ начальникомъ артиллеріи, но по окончаніи войны отъ этой должности отставленъ. Во время послѣднихъ февральскихъ событій, 19 числа, когда въ Рущукѣ происходила стрѣльба, онъ переправился черезъ Дунай и былъ арестованъ. Надъ нимъ состоялся полевой судъ, который приговорилъ было его къ 15 л. каторжной работѣ, но маіоръ Петровъ распорядился его разстрѣлять вмѣстѣ съ другими.

Политическое обозрѣніе.

Окончаніе культурной борьбы въ Германіи.—Вооруженное охраненіе мира.—Баттенберговская кандидатура.—Среднеазіатскій захватъ Англіи.—Наши отношенія къ Портѣ.

Князь Бисмаркъ заключилъ окончательный миръ съ главою католической церкви и въ произнесенной на-дняхъ въ прусской палатѣ господъ рѣчи, объяснилъ свою церковную политику тѣмъ, что для обезпеченія союза и дружбы съ католическими государствами необходимо было потушить въ Германіи всякіе внутренніе религіозные споры. Канцлеръ указывалъ, что прекращеніе культурной борьбы наиболѣе помогло улучшить отношенія къ Австріи и во всякомъ случаѣ оно ослабитъ нерасположеніе Франціи къ Германіи, которое за послѣднее время возрастаетъ, по причинѣ болѣе рѣшительныхъ мѣръ объединенія, примѣняемыхъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Войдя въ полное согласіе съ Папою, князь Бисмаркъ въ то же время привлекъ къ союзу Германіи и Австріи также Италію. Этотъ новый тройственный союзъ является въ настоящую минуту весьма солиднымъ оплотомъ для поддержанія мира въ Европѣ, которое прежде прочаго сказывается въ томъ, что вслѣдъ за увеличеніемъ контингента наличнаго состава арміи въ Германіи, усиленія кадровъ въ Австріи и въ Италіи послѣдовало изданіе декрета о созывѣ территоріальной милиціи. Обезпеченіе мира, такимъ образомъ, совершается полною готовностью къ войнѣ. заставя и Францію позаботиться о болѣе усиленной защитѣ своихъ юговосточныхъ границъ.

Снова заговорили о баттенберговской кандидатурѣ, причемъ выставляется на видъ необходимость положить конецъ нынѣшнему анархическому состоянію Болгарскаго княжества, а также въ виду предотвращенія турецкой или русской оккупаціи. Регенты употребляютъ всѣ усилія, чтобы сохранить въ народѣ вѣрность къ Баттенбергу; для этого посылаются во всѣ концы княжества телеграммы и, наконецъ, нѣкоторые изъ правителей разъѣзжаютъ по странѣ, давая знать о возможности провозгласить княжество королевствомъ и выборѣ на королевскій престолъ бывшаго князя. Между тѣмъ, для отвода глазъ, выдвинули на сцену еще двухъ кандидатовъ: герцога Фердинанда Кобургскаго, находящагося въ близкомъ родствѣ съ габсбургскою монархіею, и принца Оскара, второго сына короля Швеціи и Норвегіи. Обѣ эти кандидатуры не имѣютъ основанія разсчитывать на успѣхъ и предъявляются только для того, чтобы имѣть предлогъ пригласить опять Баттенберга.

Въ Англіи приступлено къ слушанію въ парламентѣ о новыхъ уголовныхъ законахъ для Ирландіи. Проектъ закона составленъ съ бездною оговорокъ и отступленій отъ главной цѣли, въ виду того, что маркизу Салисбюри не хотѣлось раздражать противъ себя гладстоновцевъ. Въ то же время въ палатѣ лордовъ было сдѣлано сообщеніе объ оставленіи англичанами порта Гамильтона, которое послѣдовало, благодаря сильнымъ настояніямъ Россіи въ Пекинѣ. Взамѣнъ этого, какъ бы для того, чтобы ослабить непріятное впечатлѣніе, произведенное на лордовъ спускомъ англійскаго флага на далекомъ Востокѣ, маркизъ Салисбюри приступилъ къ захватамъ въ Средней Азіи, распорядившись о занятіи Кандагара, уже бывшаго разъ въ рукахъ англичанъ, при кабинетѣ Дизраэли, и очищеннаго потомъ при министерствѣ Гладстона. Пока неизвѣстно, что сдѣлано ли это съ согласія кабульскаго эмира, или безъ его вѣдома, но во всякомъ случаѣ такой захватъ со стороны англичанъ, указываетъ, что среднеазіатскія дѣла снова привлекаютъ вниманіе министерства Салисбюри.

Въ Константинополѣ англійскій посолъ Уайтъ, повидимому, добился своей цѣли и разстроилъ болѣе дружественныя отношенія между Россіею и Портою. Въ послѣднее время нашъ константинопольскій посолъ г. Нелидовъ обратился къ Портѣ съ нотою, напоминая объ уплатѣ слѣдуемой контрибуціи, причемъ г. Нелидовъ заявляетъ, что недочетъ въ платежахъ за 1886 г. тѣмъ болѣе заслуживаетъ сожалѣнія, что урожай въ азіатскихъ провинціяхъ Турціи былъ вполнѣ удовлетворительный и что правительство султана не перестаетъ производить заказы разныхъ предметовъ для военнаго и морского вѣдомствъ, а въ послѣдніе два мѣсяца наличныя суммы, заплаченныя по этимъ заказамъ, превышаютъ суммы, причитающіяся русскому правительству. Если вспомнить, что пока сохраняются между Портою и Россіею дружественныя отношенія, требованія контрибуціи обыкновенно откладывались, то настоящая нота нашего посла иначе не можетъ быть понята, какъ въ смыслѣ охлажденія этихъ отношеній. И дѣйствительно, политика турецкихъ министровъ по отношенію Болгаріи, и всѣ эти посылки уполномоченныхъ въ княжество, являются крайне двуличными и не отвѣчающими существу дѣла. Порта состоитъ теперь въ зависимости отъ внушеній, явно идущихъ противъ интересовъ Россіи, а потому напоминаніе ей о долгѣ, пожалуй, въ данномъ случаѣ, является средствомъ подходящимъ и необходимымъ.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія всеподданнѣйшаго адреса Императорскаго С.-Петербургскаго университета, Высочайше соизволилъ удостоить оный слѣдующей резолюціи:

„Благодарю С.-Петербургскій университетъ и надѣюсь, что *на дѣлѣ*, а не на бумагѣ только, онъ докажетъ свою преданность и постарается загладить тяжелое впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ участіемъ студентовъ въ преступномъ замыслѣ. Да благословитъ его Господь на все доброе.

Адресъ Имп. СПб. университета.

Ваше Императорское Величество,

Государь Всемилостивѣйшій!

Три злоумышленника, недавно сдѣлавшіеся, къ великому несчастію для С.-Петербургскаго университета, его студентами, своимъ участіемъ въ адскомъ замыслѣ и преступномъ

сообществѣ нанесли университету невыносимый позоръ. Тяжко, скорбно, безвыходно! И въ эти горестные дни С.-Петербургскій университетъ, въ цѣломъ его составѣ, всѣ его профессора и студенты—ищутъ для себя единственнаго утѣшенія въ милостивомъ, Государь, дозволеніи повергнуть къ священнымъ стопамъ Вашего Величества чувства вѣрноподданнической преданности и горячей любви.

(На подлинномъ слѣдуютъ подписи ректора, профессоровъ и преподавателей).

— Разграничительная коммиссія на афганской границѣ разъѣхалась, не окончивъ занятій, члены ея не могли прійти къ соглашенію насчетъ конечнаго пункта границы на Аму-Дарьѣ. Петербургскій и лондонскій кабинеты рѣшили перенести окончаніе работъ коммисіи въ Петербургъ.

— Представленъ на утвержденіе проектъ герба для Закаспійской области.

Военное и морское дѣло.

— Было сдѣлано чрезъ минист. иностр. дѣлъ сношеніе съ посломъ въ Берлинѣ о доставленіи подробныхъ свѣдѣній объ испытанныхъ образцахъ снаряженія прусскаго пѣхотнаго солдата и о пріобрѣтеніи нѣкоторыхъ изъ этихъ предметовъ. На просьбу русскаго посла прусскій военный министръ заявилъ, что онъ съ удовольствіемъ готовъ исполнить это желаніе. Между тѣмъ, императоръ Германскій, узнавъ объ этомъ, приказалъ послать военную депутацію со всѣми предметами новаго снаряженія. Вслѣдствіе сего была командирована въ Петербургъ депутація, принятая весьма радушно въ Гатчинскомъ дворнѣ. Офицеры и солдаты депутаціи были награждены Государемъ Императоромъ: офицеры—орденами, унтеръ-офицеры — золотыми часами. Депутація эта уже выѣхала изъ Петербурга.

— Морское министерство учредило должность командира владивостокскаго порта, съ окладомъ въ 9,000 рублей, и упразднило должность главнаго командира портовъ Восточнаго океана.

— Правленіе императ. общества содѣйствія русскому торговому мореходству будетъ переведено изъ Москвы въ Петербургъ.

Литература и наука.

— Никогда не собиралось въ Петербургѣ такъ много извѣстныхъ путешественниковъ, какъ въ настоящее время, со всѣхъ концовъ свѣта, изъ Азіи, Африки и Новой Гвинеи: Миклухо-Маклай, генералъ-маіоръ Пржевальскій, докторъ Елисѣевъ, докторъ Потанинъ, докторъ Бунге, докторъ Юнкеръ, Поклевскій-Козелло, Грумъ-Гржимайло, Мушкетовъ, Красновъ и Ивановъ.

— Извѣстный шведскій мореплаватель Норденшильдъ предпринимаетъ въ скоромъ будущемъ экспедицію въ южныя полярныя страны.

— Въ Москвѣ обратилъ на себя вниманіе рефератъ Л. Н. Толстого „Понятіе жизни“, прочтенный имъ въ засѣданіи „Психолог. Общества“. Содержаніе его напоминаетъ собою „Исповѣдь“ того же автора. Часть реферата появится въ „Запискахъ“ общества.

Медицина.

— Число всѣхъ врачей въ Россіи въ 1886 г. было: 17.459 чел.; врачей по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ 550 ч.; лицъ, имѣвшихъ право на производство ветеринарной практики — 2.229 чел. и дантистовъ—601 чел.

— 5-го сентября въ Вашингтонѣ состоится международный медицинскій конгрессъ. Изъ Россіи изъявилъ желаніе принять участіе на конгрессѣ извѣстный кіевскій врачъ д-ръ Рейманъ.

Живопись и скульптура.

— Въ академіи художествъ состоялся конкурсъ на соисканіе золотыхъ медалей и званія класснаго первой и второй степени художника по архитектурѣ.

— На выставкѣ художественнаго общества въ Римѣ обращаетъ на себя особенное вниманіе публики новая картина нашего профес. истор. живописи Семирадскаго „Искушеніе св. Антонія“.

— Въ Имп. акад. худ. находятся въ настоящее время иконостасъ и прочая церковная утварь, приготовленные для православной церкви во имя св. Маріи Магдалины близъ Іерусалима. Церковь сооружается на средства Ихъ Имп. Велич. и Членовъ Августѣйшей Фамиліи, въ память въ Бозѣ почивающей Императрицы Маріи Александровны. Для постройки храма въ Святой Землѣ купленъ участокъ на склонѣ Елеонской горы.

— Извѣстный польскій художникъ Янъ Матейко окончилъ свою новую картину: „Смерть послѣдняго Ягеллона, Сигизмунда-Августа“.

— Въ Одессѣ открылась выставка произведеній пейзажиста Гороновича. Этотъ художникъ, бывшій ученикъ Имп. акад. худож. За одну изъ своихъ картинъ: „Хуторъ послѣ дождя“, онъ получилъ медаль отъ академіи, за другую: „Берега рѣки Лысогора“—премію отъ Имп. общ. поощр. худож. Болѣе прочихъ заслуживаютъ вниманія картины: „Рѣка Десна“, „Хуторъ“, „Сакля въ Крыму“ и друг.

— 17 марта, на Б. Морской въ СПБ., состоялось открытіе выставки пейза-

М. П. Розенгеймъ. † 7 марта. Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

П. В. Анненковъ. † 8 марта. Съ фотогр. Левицкаго, грав. Ю. Барановскій.

жа изъ пробки г. Изеиберга. Произведеніе это, по своей величинѣ и по вполнѣ художественной отдѣлкѣ, является еще первымъ въ Петербургѣ.

Театръ и музыка.

— 19 марта, въ Казанскомъ соборѣ, по инииціативѣ хора русской оперы была отслужена заупокойная обѣдня и панихида по почившимъ дѣятелямъ русской оперы.

— М. Г. Савина возобновила контрактъ съ дирекціею императорскихъ театровъ. По новому контракту, артистка пользуется отпускомъ, въ теченіи котораго можетъ участвовать на провинціальныхъ сценахъ.

— Въ Боровичахъ, учитель Я. Л—скій пріобрѣлъ недавно вполнѣ сохранившуюся скрипку, съ надписью на нижней декѣ: „Antonius Stradivarius Cremontis faciebat. 1725“.

Астрономія.

— За послѣднее время замѣчается обиліе кометъ, приближающихся къ землѣ настолько, что ихъ можно наблюдать въ телескопы. Въ одну недѣлю съ 18 по 24 января было открыто четыре новыхъ кометы. Первая изъ нихъ была замѣчена въ Кордовѣ 18-го января. Она видна только въ южномъ полушаріи; вечеромъ ее можно наблюдать простымъ глазомъ. Въ настоящее время она движется къ югу со скоростью 1° въ сутки. Двѣ другія кометы открыты въ Сѣверной Америкѣ и принадлежатъ къ сѣверному полушарію, но въ настоящее время онѣ еще недоступны для наблюденія простымъ глазомъ. Послѣдняя, четвертая комета была открыта въ Ріо-Жанейро 27-го января. Хвостъ этой кометы достигаетъ 50° въ длину.

Городскія извѣстія.

— 14-го марта, на Пескахъ произошелъ страшный пожаръ, стоившій многихъ человѣческихъ жертвъ и происшедшій отъ поджога. Виновникъ его, владѣлецъ мелочной лавки, изъ кладовой котораго пламя распространилось на весь домъ. Найдены задохшимися отъ дыма 11 человѣкъ. Виновникъ арестованъ.

И. Т. Осининъ. † 23 февраля. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

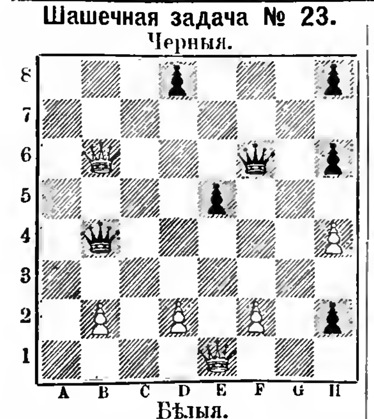
Маіоръ А. М. Узуновъ. † 22 февраля. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Маіоръ О. С. Пановъ. † 22 февраля. Съ фот. грав. Шюблеръ.

Шашечная задача № 23.

Черныя.

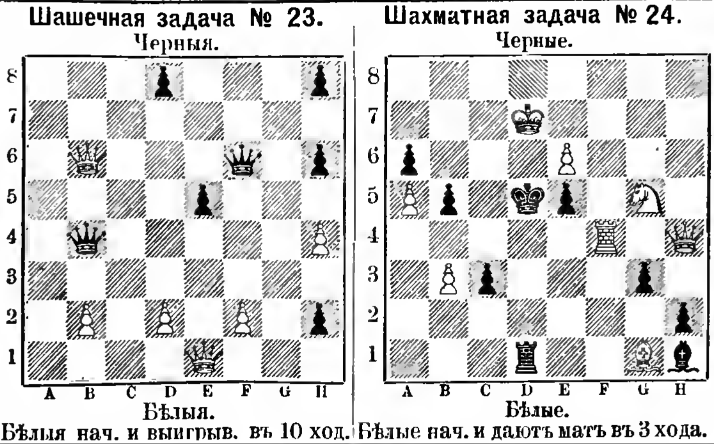

Бѣлыя.

Бѣлыя нач. и выигрыв. въ 10 ход.

Шахматная задача № 24.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые нач. и даютъ матъ въ 3 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

ВЫШЕЛЪ 10-й ВЫПУСКЪ

САМОУЧИТЕЛЯ

ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ

МЕТОДА

ТУССЕНА и ЛАНГЕНШЕЙДТА

у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,

С.П.Б Колоноль -я. 14

и Мастер. учебн. п -бій, СПБ.

Троицкій .1. № 2454

ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО

ГОЛЛЕНДЕРЪ

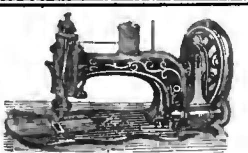
Шведскій зубной элексиръ

и Шведскій зубной порошокъ.

Для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта. 52-13 № 2337

Получить можно во всѣхъ больш. аптек. и космет. маг. въ стол. и въ пров. Ц. флак. Элексиру 80 к., зубн. порош. 50 к. За перес. 50 к. Письма по слѣдующ. адресу: въ С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Прейсъ-курантъ и пробныя работы высылаетъ безплатно 3—2 Р. № 2437

А. ШТЕЙНЪ

Большая Морская, д. № 26, С.-Петербургъ.
Складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

ФОТОГР. АППАРАТЪ 30 Р.

полн. приборъ къ нему, т. е. объективъ, пласт., чашки, альб. бум. хим. продук. и пр. **20 Р.** Этимъ аппар. можно скоро изучить фотографированіе. Вѣсъ аппарата съ приб. 20 фунт. Mt. № 2384 10—8

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ!

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

АЛЬБОМЪ

РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ

(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

состоящій изъ **25-ти большихъ**, прекрасно отлитографированныхъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **болѣе 300** разнообразныхъ рисунковъ для выпиливанія изъ дерева.

Цѣна въ изящной обертке **1 р.**, съ пересылкой **1 р. 30 к.** Съ требованіями обращаться въ Главн. Контору журнала „Нива“, СПБ., Невскій пр., д. 6.

Выпуская въ свѣтъ настоящій „Альбомъ“, издатель имѣлъ въ виду удовлетворить желанія весьма многихъ своихъ подписчиковъ, неоднократно заявлявшихъ о желаніи имѣть хорошіе рисунки для выпиливанія. тѣмъ болѣе что до настоящаго времени ничего подобнаго, за такую дешевую цѣну, издано не было.

Страхованіе вдовьихъ пенсій.

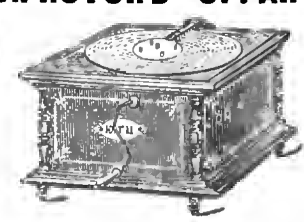
Примѣръ: Мужъ 35-ти лѣтъ, желая, на случай своей преждевременной смерти, обезпечить будущность своей жены, имѣющей 28 лѣтъ отъ роду, заключаетъ страхованіе съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти жена получала **ежегодный доходъ въ 600 рублей**, уплачиваемый въ продолженіе всей ея жизни. За такое страхованіе слѣдуетъ платить **Страховому Обществу „РОССІЯ“** чрезъ каждые три мѣсяца 44 руб. 93 коп.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія“, выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, безплатно Правленіемъ въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и **агентствами** въ городахъ Имперіи. № 2397 6—4

Прекрасный подарокъ для предстоящихъ праздниковъ: очень практичный, доставляющій много удовольствія и удобный для танцевъ музыкальный инструментъ

Усовершенствованный, патентованный

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

На немъ можно играть посредствомъ верченія ручкой, какъ на шарманкѣ, весьма много различныхъ пьесъ. Аристонъ-Органъ отличается отъ другихъ аристоновъ болѣе пріятнымъ тономъ (строй его ниже) и изящной отдѣлкой.

Цѣна Аристона-Органъ съ **10-ю** пьесами **28 руб.**, добавочныя пьесы по **60 коп.** за каждую. При иногородныхъ заказахъ на пересылку Аристона-Органъ прошу приложить за 45 фунтовъ.

Каталогъ пьесъ безплатно.

На всѣхъ Аристонахъ-Органъ имѣется клеймо съ моей фирмой. № 2490

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО

МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, д. 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Другихъ магазиновъ не имѣю

№ 4711
О-де-Колонъ

зеленый съ золотомъ ярлыкъ, самое лучшее производство этого рода.

№ 4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ

превосходное средство для очищенія комнатнаго воздуха; необходимо для комнатъ больныхъ.

Р. № 2470 2—2

№ 4711
ХРУСТАЛЬНОЕ МЫЛО

съ запахомъ: розы, ландыша, резеды и О-де-колонъ, съ ручательствомъ за богатое содержаніе глицерина; превосходитъ всѣ товары конкурренціи. Постоянно возрастающій спросъ на эти издѣлія служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ превосходнаго качества.

Гл. складъ: Ал. Тисъ и К°, Пушкинская, 4, СПБ. Продажа въ большинствѣ значит. парфюм. и аптекарск. магаз. въ Россіи.

НОВОЕ ИЗОБРѢТЕНІЕ
Л. ШАНДОРА.

Привиллегированныя неросиновыя свѣчи 85 к., 1 р. 25 к., 1 р. 75 к.

Невзрывчатыя столовыя, стѣнныя и висячія лампы.

Всѣ существующія лампы могутъ быть передѣланы по системѣ **Л. Шандора.**

Главный складъ свѣчей: Почтамтская, д. № 6, а также продаются въ магазинахъ:

Келеръ, Пантелеймонская, д. 12.
Петровъ, Невскій пр., 46.
Езеровъ, Невскій, Милютинъ рядъ.
Депо аптек. тов., Милютинъ рядъ.
Магазинъ новыхъ изобр. Невскій, 4.
Меммлеръ, Гороховая, 16.
Безопасный свѣтъ, Гороховая, 46.
Иввиовъ, Большая Садовая, 57.
Пыляевъ, Гостиный дворъ, 60.
Шноръ, Вознесенскій пр., 13—2.
Фестъ, Вознесенскій пр., 31—2.
Кохъ, Казанская, д. 22.
Финляндск. складъ, Литейный, 48.
Семеновъ, Литейный пр., д. Антонова.
Клосъ, В. О., 5-я лин., д. 12.
Гершъ, В. О., 1 лин. д. 20.

Торговцамъ дѣлается скидка. Р. № 2481 2—2

РОЯЛИ К. М. ШРЕДЕРА.

С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, 52, собственный домъ.

ПОСТАВЩИКЪ ИХЪ ВЕЛИЧЕСТВЪ:

ИМПЕРАТОРА ВСЕРОССІЙСКАГО, ИМПЕРАТОРА ГЕРМАНСКАГО, ИМПЕРАТОРА АВСТРІЙСКАГО И КОРОЛЯ БАВАРСКАГО.

ВЫСШІЯ НАГРАДЫ НА ВСЕМІРНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ 1885 года, ЕДИНСТВЕННЫЯ ВЪ РОССІИ ПО МУЗЫКАЛЬНОМУ ОТДѢЛУ:

ЛОНДОНЪ—золотая медаль, **АНТВЕРПЕНЪ**—почетный дипломъ и орденъ Леопольда.

Піанино 425, 500 и 550 руб. Кабинетные рояли 550, 650 и 750 руб. Салонные рояли 900 руб. Концертные рояли 1,100, 1,400 до 2,000 рублей.

№ 2312 9 8

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ подписчиковъ объявленіе отъ Л. Фреландтъ въ СПб.

Дозвол. цензур., СПБ. 24 марта 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. № 14

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 4 апрѣля 1887 г. Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за АПРѢЛЬ 1887 г., съ 27 рис. и отд. листъ съ 32 чертеж. выкроекъ въ натуральн. величину и 15 рисунками рукод. работъ.

Св. Пасха. Деревенскія дѣвушки раннимъ утромъ въ Свѣтлое Воскресенье. черпаютъ воду. Рис. Герке, грав. Ост.

Пасхальная вода.

Въ Пасхальную ночь деревенскія дѣвушки въ Германіи спѣшатъ за водою къ ручьямъ и рѣкамъ. Наполнивъ кувшинъ, онѣ торопятся домой, но при этомъ съ устъ ихъ не должно срываться ни единаго звука. Молча черпаютъ воду и также молча относятъ ее домой, такъ какъ, по народному повѣрью, въ эту ночь водѣ сообщается особая цѣлебная и укрѣпляющая сила, но свойство это теряется, если при черпаніи воды произносится хотя бы одно слово. Этимъ повѣрьемъ пользуются молодые парни. Они дразнятъ и преслѣдуютъ дѣвушекъ, идущихъ за водою, и иныя изъ нихъ принуждены защищаться и поневолѣ сказать хоть одно слово. Счастливой себя почитаетъ та дѣвушка, которой удается донести молча воду домой.

Обычай набирать воду въ Пасхальную ночь и народное повѣрье, приписывающее водѣ этой особую силу, извѣстны уже въ числѣ древнѣйшихъ индо-германскихъ народныхъ повѣрій. Въ Индіи и донынѣ, во время весеннихъ празднествъ, окропляютъ себя водою изъ священныхъ рѣкъ, которой, какъ и нынѣ въ Германіи, приписываютъ чудодѣйственныя свойства. Въ культѣ древнегерманской Богини Весны Остары, весенняя вода играетъ важную роль. Въ ночь предъ праздникомъ Остары, соотвѣтствующую у христіанъ Пасхальной ночи, германскія дѣвушки омывали себѣ лицо изъ ручьевъ Остары, чтобы дольше сохранить красоту и молодость. Но умываніе это, какъ всякое таинственное дѣйствіе, должно было совершаться молча, иначе утрачивалось чудесное дѣйствіе воды. Не кланяясь встрѣчающимся и не отвѣчая на привѣтствія, дѣвушки должны были нести воду домой. Народное повѣрье это сохранилось и въ христіанское время, но получило христіанскій оттѣнокъ. Священники освящали воду въ Пасхальную Ночь и крестили ею. Эта же вода особенно цѣнилась крестьянами, окроплявшими ею свои дома и амбары Вѣрили также, что въ Пасхальную какъ и въ Рождественскую ночь вода превращалась въ вино. Дѣвушки же вѣрили, что въ эту ночь могутъ видѣть въ водѣ своего суженаго.

Ни одно однако повѣрье не складывается безъ причинъ. Очень возможно, что народное преданіе о пасхальной водѣ возникло изъ наблюденія явленій природы. Извѣстно, что въ мартѣ, когда земля сильно испаряется, вода имѣетъ свойство противостоять порчѣ. Извѣстно также, что чернила, приготовленныя изъ мартовскаго снѣга, не плѣснѣютъ, и вода, собранная изъ этого снѣга, остается свѣжею. Вода же, набранная до восхода солнца, то есть ранѣе времени, когда согрѣвающіе лучи произведутъ перемѣну въ водѣ и воздухѣ, сохраняется свѣжею еще дольше.

Яун-Кундзе

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

Однажды, послѣ цѣлаго вечера думанья и нѣкотораго волненья, Софья, плохо проспавъ ночь, на утро поѣхала къ отцу.

Карлъ Самойловичъ былъ всегда особенно радъ посѣщенію дочери, на которую уже взиралъ теперь не только съ восхищеньемъ, но и съ извѣстной долей подобострастья.

Впрочемъ, всѣ обитатели Крюйсова дома всегда встрѣчали Софью радостно, шумно, но относились къ ней уже съ какимъ-то особеннымъ почтеніемъ и удивленіемъ.

— Тутъ дѣло не чисто! говорили обѣ тетки относительно возвышенія Софьи. Но, разумѣется, вполнѣ высказаться онѣ не могли, потому что сами не находили объясненія... за исключеніемъ развѣ колдовства!

На этотъ разъ Софья явилась нѣсколько взволнованная, съ особымъ выраженіемъ въ лицѣ. Она собралась объясниться съ отцемъ на счетъ очень важнаго дѣла.

И не сразу рѣшилась дѣвушка заговорить.

— Ты не сердись, отецъ, не пугайся... А пуще всего не кричи на меня .. объясняла она.

— Ладно. Ладно... Говори. Начудила, бѣдъ какихъ натворила что-ли? недоумѣвалъ Карлъ Самойловичъ

— Нѣтъ... Я съ просьбой... Съ важной просьбой. И не чаешь, какая она важная.

— Ну, ну... Какія могутъ у тебя быть до меня просьбы! Мнѣ у тебя, а не тебѣ у меня просить надо въ нуждахъ.

— Я хочу замужъ... Выдай меня замужъ! сразу выговорила какъ выпалила Софья.

— Любое дѣло, дочка.

— Такъ ты мнѣ перечить не станешь?

— Зачѣмъ. Любое дѣло. Но оно отъ меня нынѣ не зависитъ. Все теперь зависитъ отъ государыни. Какъ она соизволитъ. Ее проси.

— Боюсь. Ты попроси..

— Что-жь. Изволь... Это дѣло простое... Жениха ей тебѣ выбрать въ столицѣ не мудрено. Всякій тебя возьметъ.

— Нѣтъ. Женихъ есть... Только согласіе нужно.

— Есть?!.. Какъ есть? Кто такой?!

— Да все тотъ же, батюшка...

— Тотъ же? Какой такой—тотъ же?

— Тотъ, котораго я и прежде хотѣла въ мужья. Еще въ Дохабенѣ, нерѣшительно проговорила Софья.

— Въ Дохабенѣ? изумился Карлъ Самойловичъ. Что ты? Я ничего не пойму.

— Былъ же у меня женихъ въ Дохабенѣ.

— Цуберка тамъ былъ у тебя... А другого я...

— Да, Цуберка.

Карлъ Самойловичъ вытаращилъ глаза на дочь и изумленно молчалъ. Онъ ничего не понималъ.

— Что ты... Ума рѣшилась... или я не понялъ тебя... Или ты балуешься... выговорилъ онъ. Цуберка? Нынѣ за Цуберку замужъ собралась... Да что ты, рехнулась совсѣмъ, что-ли?

— Я его, отецъ, люблю... Какъ прежде, такъ и теперь... отозвалась Софья грустно.

Карлъ Самойловичъ развелъ руками.

— Ну, Софья, я отъ тебя этакого не чаялъ услыхать, вымолвилъ онъ наконецъ гнѣвно. Съ виду ты стала совсѣмъ другая. Всѣ даже дивятся, глядя на тебя. А ты вдругъ выходитъ—совсѣмъ дура глупая.

Софья вдругъ оживилась и стала горячо доказывать отцу, что еслибъ команда, арестовавшая всю ихъ семью, запоздала на два дня, то она была бы теперь здѣсь, въ Петербургѣ, уже съ мужемъ, такъ же какъ и ея двѣ тетки—Христина и Анна.

— И слава тебѣ Господи, что не успѣли свадьбу сыграть, воскликнулъ отецъ. Что бы тогда было. Ты бы сидѣла теперь здѣсь съ нами, какъ твои тетки. Царица допустила бы тебя къ себѣ только разъ или два. А теперь ты живешь у нея во дворцѣ.

— Что-жь изъ того. Я была бы замужемъ и счастливая. А теперь я—одна.

— Да тебя выдадутъ замужъ. Я буду просить государыню. Она найдетъ тебѣ мужа изъ дворянъ здѣшнихъ, изъ вельможныхъ... А не ганца-свинопаса.

— Цуберка свиней не пасъ никогда! ребяческимъ голосомъ произнесла Софья, слегка обидѣвшись.

— Въ стадѣ всякомъ и свиньи есть... Да не въ томъ дѣло. Онъ простой мужикъ! сердился Карлъ Самойловичъ.

— А мы?

— Мы? Какъ мы... Что ты?

— Мы-то кто же? Тѣ же мужики!

— Мы!

— Да изъ мужиковъ же...

— Теперь уже дворяне русскіе.

— Были мужики, да еще крѣпостные, а не вольные.

— Были. Ну такъ что же?

— Цуберка могъ бы также сдѣлаться дворяниномъ милостью царицы.

— Пастухъ. Дуракъ... Хорошъ бы онъ былъ дворяниномъ. Срамъ и соблазнъ одинъ. Вѣдь этотъ Цуберка—дурень совсѣмъ, оголтѣлый дурень.

— Не простѣе дяди Дириха, или Ѳедора что-ли, отозвалась Софья рѣзко.

Карлъ Самойловичъ замолчалъ и не зналъ что отвѣтить, хотя понималъ и чувствовалъ всѣмъ сердцемъ что его Софья съ одной стороны просто „ума рѣшилась“, а съ другой—совершенно права. Братъ Дирихъ, или Ѳедоръ—тотъ же Цуберка. А Цуберка пастухъ, бобыль—и только... И латышъ, и нищій, и дуракъ. Да чего же еще хуже-то?!

Карлъ Самойловичъ сталъ доказывать теперь дочери, что еслибы онъ былъ теперь въ Дохабенѣ съ семьей, то все таки никогда бы дочь свою не выдалъ за нищаго ганца. Объ его согласіи на такой бракъ смѣшно бы было и думать! Но главное, что поразило Скавронскаго—какимъ образомъ дохабенская Янкундзе и нынѣшняя фрейлина, столь быстро сжившаяся съ новой обстановкой своей, какимъ образомъ эта прирожденная дворянка и барышня—могла любить и помнить попрежнему дурака ганца.

— Вѣдь это чистое колдовство! Цуберка опоилъ тебя какимъ нибудь зельемъ, приворотомъ любовнымъ... воскликнулъ наконецъ Карлъ Самойловичъ.

— Что-жъ. Можетъ быть! отозвалась Софья. Оно и похоже на это, потому что я вижу, что мнѣ безъ него жизнь не въ жизнь.

Карлусъ не ожидалъ такого признанья и только руками развелъ безпомощно.

— Диковинно! прошепталъ онъ наконецъ какъ бы самъ себѣ. И умница чудесная, и дура пѣтая...

III.

Въ первыхъ числахъ января новаго 1726 года весь Петербургъ, забывшій на время про „оную фамилію“, снова загудѣлъ, толкуя и шумя по поводу новости, до нея касающейся.

Въ Крещеніе за обѣдней, на Іорданѣ и затѣмъ на пріемѣ во дворцѣ—присутствовала красавица-фрейлина, а малолѣтняго великаго князя Петра и цесаревны Елизаветы—не было на торжествѣ.

Всѣ терялись въ догадкахъ—какое значеніе надо приписать такому событію. Многіе однако знали, что это была чистая случайность и что Петръ былъ нездоровъ и его побоялись выпустить изъ-за сильнаго мороза, а цесаревна заупрямилась почему-то и сказалась больной.

Но отсутствіе двухъ ближайшихъ къ царицѣ личностей было еще не такъ важно и любопытно, какъ другая новость...

Карлъ Самойловичъ со всей семьей и его братъ были пожалованы въ графы Россійской Имперіи.

При этомъ говорили, что чрезъ нѣсколько дней старшій графъ Скавронскій—получитъ кавалерію, т. е. новый и единственный россійскій орденъ Андрея Первозваннаго.

15-го числа января гофъ-маршалъ Шепелевъ, магнатъ графъ Сапѣга и многіе придворные вельможи и сановники, съ всемогущимъ княземъ Александромъ Даниловичемъ Меншиковымъ во главѣ, а вслѣдъ за ними и разные резиденты и представители иностранныхъ государей—явились въ Крюйсовъ домъ поздравить графовъ Скавронскихъ съ царской милостью.

Принималъ всѣхъ и бесѣдовалъ, немного смущаясь и робѣя, графъ Карлъ Самойловичъ, но при этомъ присутствовали равно графъ Ѳеодоръ Самойловичъ и графиня Марья Ивановна. Они не проронили, ни тотъ, ни другая, ни единаго звука—такъ какъ по-русски все еще не знали почти ни слова.

Графиню Софью Карловну поздравили тоже, но у нея въ апартаментахъ, гдѣ присутствовала, явившись какъ бы въ гости, и сама государыня.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ этого графы Скавронскіе получили на словахъ въ подарокъ отъ царицы нѣсколько подмосковныхъ вотчинъ, богатыхъ угодьями и густо населенныхъ крестьянами. Оба брата сразу сравнялись состояніемъ съ самыми богатыми царедворцами.

Одновременно съ этимъ старшій сынъ графа Карла Самойловича былъ отданъ въ „Школу Математическихъ и Навигацкихъ Наукъ“, но получилъ сразу званіе „гардемарина“ съ обѣщаніемъ чрезъ полгода быть произведеннымъ въ унтеръ-лейтенанты, минуя чинъ мичмана. Антонъ надѣлъ мундиръ. Что касается до красавицы Софьи, то государыня стала выбирать подходящаго жениха для своей фрейлины.

Новая графиня Софья Карлусовна съ своей стороны стала нѣсколько грустнѣе и задумчивѣе... Она попрежнему часто навѣщала родныхъ, но разговаривала съ матерью и тетками только объ одномъ: объ Дохабенѣ и Вишкахъ.

Иногда приходилось юной родственницѣ, ставшей выше всѣхъ, являться и въ качествѣ судьи и примирителя. Дѣло въ томъ, что въ Крюйсовомъ домѣ уже копчто не ладилось. Появилось разногласіе въ семьѣ, среди членовъ „оной фамиліи“, все росло и скоро перешло въ постоянныя ссоры. Дѣти дрались между собой, родители вступались и часто драка дѣтей кончалась шумомъ между большими.

Въ особенности буянили и дрались съ двоюродными братьями и сестрами сыновья Анны. Всѣ три мальчика были странно избалованы матерью и еще прежде, въ вотчинѣ старостихи, часто попадали подъ розги помѣщицы, такъ какъ были дерзки со всѣми, даже съ отцомъ, благодаря его добродушію и слабости характера.

Теперь-же они окончательно отбились отъ рукъ, буянили страшно и боялись только одного дяди Карла Самойловича, такъ какъ чуяли что сама мать передъ нимъ уступаетъ.

Что касается до дяди Ѳедора Самойловича, то, разумѣется, Ефимовскіе его ни въ грошъ не ставили. Анна всегда называла брата при дѣтяхъ и даже при лакеяхъ: „Этотъ дурень“.

Праздность и незнаніе какъ убить время—заѣдало равно всѣхъ членовъ трехъ семействъ. Они слонялись по дому изъ горницы въ горницу и часто ссора и брань возникали изъ-за такихъ пустяковъ, что даже Карлъ Самойловичъ догадывался о причинѣ.

— Вѣдь это вы отъ бездѣлья да съ жиру бѣситесь! говорилъ онъ.

Самый неугомонный и неуживчивый членъ семьи была Анна. Женщина умная, но черствая сердцемъ, крутая нравомъ, отъ природы властолюбивая, не терпящая противорѣчія, она обращалась со всѣми свысока. Насколько она была рабой своихъ избалованныхъ мальчугановъ, настолько желала быть повелительницей всей родни и главнымъ лицомъ въ домѣ.

— Пускай Карлусъ, заявляла она, будетъ у насъ набольшимъ во всѣхъ дѣлахъ по нашему новому званію. А по хозяйству—я буду набольшая.

Марья Скавронская, отъ природы тихая и немного лѣнивая, охотно уступала Аннѣ первое мѣсто во всемъ. Но Христина поддавалась съ трудомъ, спорила и между сестрами часто бывали крупныя ссоры и стычки, едва не доходившія до драки.

За то мужья двухъ воевавшихъ сестеръ жили дружно и только жаловались другъ дружкѣ на своихъ женъ. Янко хотя былъ далеко не глупый человѣкъ, но во всемъ всегда повиновался женѣ и обожалъ ее, считая много умнѣе себя и искуснѣе во всякомъ дѣлѣ. Михайло-же не столько любилъ, сколько просто бо-

Св. Пасха. Возвращенie отъ заутрени на лодкѣ, во время ледохода. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскiй.

ялся жены. Онъ еще прежде, не могъ никогда разрѣшить одного вопроса. Кого онъ боится больше: жены или старостихи? Помѣщицы своей онъ собственно боялся за ея трехъ-хвостку и ея священное право наказать его розгами когда вздумается. Жены-же своей Михайло боялся и тѣломъ, и душой. Достаточно было Аннѣ строго взглянуть на мужа, чтобы Михайло уже оторопѣлъ.

Если-бы не борьба Анны и Христины изъ-за первенства, въ хозяйствѣ—въ Крюйсовомъ домѣ могло-бы быть всегда тихо. А главное, еслибы у всѣхъ было занятіе, работа...

Скавронскіе съ дѣтьми жили мирно. Марьи было положительно не слыхать въ домѣ, а Карлусъ часто выходилъ и выѣзжалъ. Впрочемъ, онъ даже не допускалъ Анну до противорѣчія себѣ въ чемъ-либо.

— Ну... Анна Самойловна... Я, голубушка, тебѣ не Михайло твой! говорилъ онъ строго сестрѣ. Да къ тому же и деньги-то на прожитокъ нашъ государыня велитъ мнѣ на руки выдавать.

И Анна смолкала тотчасъ-же.

Однажды, когда дѣти Ефимовскія черезчуръ отколотили за что-то третьяго сына Скавронскаго Ивана, а Мартынъ, постарше, отомстилъ съ лихвою за братишку—то Анна ворвалась къ Карлусу на половину и стала кричать, что она всѣхъ его сыновей сама отколотитъ до смерти за своихъ.

— Я твоихъ чертенятъ всѣхъ передушу! вскрикнула она въ пылу гнѣва.

— А! вотъ, какъ! Ладно! выговорилъ Карлъ Самойловичъ холодно, но гнѣвно. Ладно, сестра... Посмотримъ! Марья, давай мнѣ мой новый кафтанъ. Поѣду во дворецъ просить государыню, чтобы она сейчасъ указала Анну съ семьей изъ этого дома перевести въ другое помѣщеніе...

Анна смутилась, тотчасъ-же стала просить прощеніе у брата и съ тѣхъ поръ смирилась передъ нимъ. За то война между взрослыми и юными Ефимовскими и Генриховыми продолжалась еще пуще.

Одинъ Ѳедоръ Самойловичъ былъ всторонѣ, ходилъ угрюмый и только изрѣдка выговаривалъ:

— Эхъ, какъ-бы я васъ—будь я властенъ—успокоилъ... Плачутъ по васъ палка да кнутъ.

Графъ Ѳедоръ Самойловичъ сталъ еще тише, чѣмъ былъ прежде, но вмѣстѣ съ тѣмъ становился какъ будто умнѣе и злѣе. Добродушіе его замѣнилось какой-то ядовитостью по отношенію ко всему и ко всѣмъ.

Съ Дирихомъ случилось тоже что съ инымъ безобиднымъ звѣремъ, котораго человѣкъ беретъ съ воли полей и лѣсовъ и запираетъ въ клѣть, желая прикормить себѣ на потѣху. И лисица, и барсукъ, и даже иной матерый заяцъ, не трогая человѣка на волѣ, разъ въ неволѣ, въ рабствѣ—огрызаются и кусаются...

Дирихъ бывало никогда ни на кого не огрызался, ни надъ кѣмъ не издѣвался, теперь же онъ вполголоса или совсѣмъ себѣ подъ носъ ворчалъ на всѣхъ, въ особенности на двухъ сестеръ, и часто находилъ въ себѣ умѣніе остроумно и ядовито пошутить надъ ними.

Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ сталъ все чаще выпивать и бродилъ если не пьяный, то отуманенный виномъ.

Ворчаньемъ и виномъ Дирихъ срывалъ или тушилъ свое собственное горе. Разлука съ Триной—камнемъ лежала у него на сердцѣ, съ такимъ же гнетомъ какъ и въ первые дни, во время пути изъ Риги въ Петербургъ.

Въ Стрѣльнѣ Дириху жилось еще какъ-то легче, но послѣ переѣзда въ Крюйсовъ домъ—онъ началъ тосковать.

Вдобавокъ были въ этомъ домѣ двѣ вещи, которыя его дѣлали несчастнымъ. Во-первыхъ у него была большая кровать съ бѣльемъ и одѣяломъ, въ которую братъ его Карлусъ приказывалъ ему ложиться на ночь и строго слѣдилъ за исполненіемъ приказанія.

— Это царица указала, строго говорилъ Карлусъ. И мнѣ она велѣла нарочито блюсти за этимъ.

Дирихъ окончательно не могъ спать въ этой кровати раздѣтый и „голымъ тѣломъ“, какъ онъ выражался, жалуясь брату. Ему было и не ловко, и холодно, а главное—какъ-то совѣстно предъ самимъ собой, предъ своей прямой и чистой душей, не допускавшей комедіи и обмана.

Разумѣется, Дирихъ, когда могъ, обманывалъ брата и въ недѣлю раза три и четыре спалъ одѣтый на полу, подославъ кафтанъ. И сладко спалъ онъ въ эти ночи, слаще чѣмъ на матрасѣ, подъ одѣяломъ, но „голымъ тѣломъ“.

Другое обстоятельство, выводившее Дириха изъ себя, преслѣдовавшее его въ этомъ домѣ какъ-бы нечистая сила—были многочисленныя большія, стоячія или развѣшанныя повсюду зеркала. Отъ этихъ проклятыхъ „дыръ“, какъ называлъ ихъ Дирихъ, никуда дѣваться было нельзя.

Всюду были эти огромныя, свѣтлыя, блестящія какъ окна—„дыры“, а въ нихъ—добро-бы видно было лѣсъ, рѣчку, поселокъ!—а то самъ и самъ! Видѣть самого себя, со всѣхъ сторонъ—было Дириху нестерпимо. Никогда отъ роду прежде онъ не видывалъ самого себя, проживя почти сорокъ лѣтъ на свѣтѣ.

Случалось прежде видѣть разъ съ десятокъ въ кусочекъ зеркала свой носъ или глазъ, и то ради баловства. А тутъ, въ эти большущія дыры, видишь и руки, и ноги, видишь какъ идешь, какъ говоришь... Даже какъ-то страшно.

— Чистое навожденіе! бурчалъ сначала Дирихъ. Дьявольщина! Хотя вскорѣ страхъ прошелъ, но осталось худшее... Ему будто „больно“ было глядѣться въ зеркало. Увидишь себя и всего какъ-то начнетъ крючить и съеживать, даже тошнитъ.

А этихъ большихъ зеркалъ было въ домѣ десятка съ два!

IV.

Другая личность, тоже измѣнившаяся въ новой обстановкѣ на особый, необычный и неожиданный конечно, ладъ—была графиня Марья Ивановна Скавронская. Она все молчала, иногда призадумывалась, иногда тяжело вздыхала, но никому не говорила, что у нея на умѣ бродитъ.

Она окончательно не знала и не могла по совѣсти сказать: рада-ли она перемѣнѣ, происшедшей со всей семьей.

Она была безмѣрно счастлива въ тотъ мигъ, когда свидѣлась съ мужемъ послѣ разлуки и узнала что онъ живъ и невредимъ. Но затѣмъ, все, что произошло послѣ этого, заставляло ее сомнѣваться.

Однажды, оставшись одна съ дочерью, слушая ея разсказы объ царицѣ и объ придворныхъ порядкахъ—Марья Ивановна не выдержала, вздохнула и вымолвила:

— Да, все это такъ... Но, ей Богу, лучше было-бы еслибъ мы остались въ Дохабенѣ. Я, глупая, такъ думаю.

— Какъ? удивилась Софья.

— Да... Лучше-бы было, еслибъ царица дала намъ денегъ, купить землю, обстроиться и жить просто какъ богатые поселяне живутъ. Мы бы отлично зажили, на тотъ-же нашъ старый ладъ, но безъ нужды, и безъ утомительной работы на пана. А теперь, чую я, только худое будетъ съ нами.

— Царица ничего вамъ худого не сдѣлаетъ, за это ужъ даже я могу поручиться! воскликнула Софья, не понявшая матери.

— Не царица... Мы сами себѣ худое всякое причинимъ, объяснилась Скавронская. Посмотри какіе мы всѣ становимся. Мы ужъ не тѣ, а хуже, много хуже... Дирихъ...

ну Өедоръ что-ли... сталъ много пить. Этакъ онъ скоро совсѣмъ горькій пьяница сдѣлается. Твой отецъ сталъ такъ много кушать, что все болѣетъ, а прежде никогда не болѣлъ. Онъ сталъ скучать, а прежде никогда не скучалъ. Антонъ мой болтается по столицѣ и не вѣсть что творитъ, меня разлюбилъ, все огрызается, даже разъ мужичкой назвалъ. Христина все спитъ и теперь стала совсѣмъ какая-то другая, лѣнивая и точно какой деревянный истуканъ. Анна стала злая и жадная. Что ни увидитъ, хотѣла-бы все себѣ у насъ оттягать... Нѣтъ, дочка, мы худо кончимъ въ этакой жизни. Мнѣ то что... А вотъ сыновья, три сына... Подростутъ Мартынъ и Иванъ, тоже начнутъ творить что теперь вотъ Антонъ творитъ.

Слова графини Скавронской, относительно старшаго сына подтвердились тотчасъ-же, хотя и совершенно неожиданно.

Покуда мать съ дочерью бесѣдовали, въ сосѣднихъ комнатахъ послышался шумъ и крики, а затѣмъ появился Антонъ Скавронскій, красный и шатающійся на ногахъ...

— Опять... воскликнула Марья Ивановна, вставая на встрѣчу къ сыну. Да что жъ это такое, Софья, полюбуйся... Что я тебѣ сейчасъ сказывала?

— Молчать! закричалъ Антонъ покачиваясь. Молчать! Ты мнѣ не указъ. Я гардемаринъ флота... Понимаешь. Нѣтъ, ты, мужичка, этого... Не можешь этого понять. Не можешь...

— Какъ ты смѣешь такъ матушку обзывать! воскликнула Софья, наступая на брата.

— Вы обѣ бабы дуры! заоралъ Антонъ. Говори, что есть арихметика-логистика? А? Не знаешь... А я фендрикъ! Я знаю... А ты дура. Арихметика есть сугуба. Первая арихметика, политика, сирѣчь, гражданская! заговорилъ Антонъ нараспѣвъ, твердо но безсмысленно зазубренныя слова...

— Ну вотъ... Все знай одно повторяетъ, сказала мать.

— Молчи! заоралъ Антонъ.. Первая арихметика политика сирѣчь гражданская, а вторая арихметика логистика, хрипливо запѣлъ онъ снова, не ко гражданству токмо, но и къ движенію небесныхъ круговъ. . Дурамъ вамъ не по рылу... Подите къ чорту...

— Если ты будешь пить и грубіянствовать съ матушкой, вспыльчиво произнесла Софья, то я все доложу государынѣ. Тебя разжалуютъ въ солдаты, поставятъ къ ружью.

— У насъ нѣтъ солдатъ... У насъ навигаторы...

— Поди. Выспись... Антонъ... мягко сказала Марья Ивановна, взявъ сына за руку.

— Не смѣй трогать, мужичка! закричалъ снова Антонъ. Самъ пойду, самъ лягу и самъ высплюсь.

И малый, шатаясь, прошелъ въ свою горницу.

Марья Ивановна начала плакать.

Софья не произнесла ни слова, не стала успокоивать мать и молча уѣхала отъ нея.

Она чувствовала, что мать права, что, кромѣ худого, нечего ждать въ будущемъ для Антона, а пожалуй и для другихъ братьевъ.

„Да. Это правда, думалось ей уже у себя въ горницѣ во дворцѣ. Дали-бы денегъ, купить усадьбу и землю. А не возили-бы сюда. Да, правда...“

И Софьѣ вдругъ представилась усадьба, красивая, просторная, съ садомъ, съ прудомъ... А вокругъ земли много, деревня со своими крѣпостными хлопами. А она живетъ богато въ этой усадьбѣ съ мужемъ. Съ нимъ конечно. Съ Цуберкой!..

— Господи! А вѣдь это могло бы быть! Это не чудо! прошептала Софья сама себѣ.

Вскорѣ, по особой и безсознательной потребности сердца, Софья чаще и больше сидѣла и бесѣдовала съ своимъ простоватымъ дядей графомъ Өедоромъ Самойловичемъ.

Случалось, что фрейлина просиживала у дяди по три часа, и о чемъ они бесѣдовали наединѣ—было никому неизвѣстно, а графу Карлу Самойловичу даже и непонятно, удивительно. О чемъ можетъ его умница-дочь бесѣдовать съ простакомъ братомъ—было загадкой для него. А между тѣмъ дѣло было самое простое.

Графъ Өедоръ говорилъ племянницѣ безъ конца объ своей милой, дорогой, неоцѣненной и незамѣнимой Тринѣ.

Графиня Софья говорила дядѣ о своемъ миломъ, золотомъ и несравненномъ Цуберкѣ.

И оба слушали другъ друга, вмѣстѣ вздыхали, горевали или мечтали, обманывая себя несбыточными надеждами... Но оба за то отводили душу. Дядя не называлъ Цуберку—свинопасомъ, а племянница не называла Трину—дурнорожей латышкой.

Въ сущности и дядя, и племянница искренно сочувствовали другъ дружкѣ и взаимно находили сердечный откликъ въ своихъ одинаковыхъ печаляхъ. Софья жаловалась, что ей ищутъ и скоро найдутъ постылаго человѣка въ мужья, а Өедоръ жаловался, что его задумываютъ тоже женить на какой-то дворянкѣ.

Однажды, когда Софья пріѣхала въ Крюйсовъ домъ и прошла прямо не къ отцу, а въ горницы дяди Өедора Самойловича, она нашла его въ какомъ-то странномъ состояніи. Не сразу могла дѣвушка понять, при видѣ того, что ей представилось. Графъ Өедоръ Самойловичъ сидѣлъ у стола предъ двумя опорожненными скляницами и былъ совершенно пьянъ.

Увидя племянницу, онъ дико повелъ глазами и заоралъ какъ звѣрь:

— Врешь! Я Дирихъ, а не Өедоръ. Не хочу я... Врете вы, черти. Не графъ! Врете... И не голый...

Софья конечно не разъ въ своей жизни на деревнѣ видала пьяныхъ и поэтому не смутилась нисколько. Но видя что бесѣдовать на этотъ разъ съ дядей нельзя, повернулась и хотѣла уходить.

— Стой! Софья. Это ты... Родная! Стой... Не бойся! Иди сюда! выговорилъ Өедоръ Самойловичъ совершенно другимъ голосомъ.

Софья остановилась.

— Иди. Иди. Сядь... Ты одна... Одна ты, родная, все понимаешь...

Өедоръ Самойловичъ началъ всхлипывать и затѣмъ, нѣсколько разъ ударивъ себя въ грудь, зарыдалъ такъ отчаянно, что огласилъ всѣ сосѣднія горницы.

— Губители! Злодѣи! Что я имъ сдѣлалъ? За что они меня всего лишили? Зачѣмъ они мнѣ, проклятые москали, не отрубятъ голову на площади? Одинъ-бы конецъ... Гдѣ Трина? А? Гдѣ она? Спроси у нихъ, у злодѣевъ.. Спроси, родная...

Софья стала успокоивать дядю, онъ пересталъ кричать, но продолжалъ горько плакать навзрыдъ какъ малый ребенокъ и причитать по-бабьи... И все перебралъ онъ, всѣ свои горести... И разлуку съ Триной, и спанье „голымъ тѣломъ“, и зеркала, и обиды отъ Анны и ея дѣтей...

Эти горючія слезы какъ будто постепенно отрезвляли графа Өедора Самойловича. Онъ сталъ смотрѣть разумнѣе и только покачивался на стулѣ безпомощно, какъ бы хилый и разслабленный старикъ.

— Не могу я тутъ жить взаперти... да въ „дыры“ смотрѣться! Что мнѣ ихъ золотыя стѣны, да золотые стулья. Провалися все это. Я уйду. Убѣгу. Пѣшкомъ дойду до Литвы... Разыщу Трину. Я не хочу жить безъ Трины. Ты забыла... Продала своего жениха Цуберку за ихъ золотые стулья. А я нѣтъ. Я не таковъ... У меня здѣсь... Вотъ гдѣ у меня Трина.

И графъ Өедоръ Самойловичъ сталъ жестоко, съ озлобленіемъ стучать себѣ въ грудь.

— А ты продала Цуберку. Ты такая же, какъ всѣ они... А гдѣ онъ, бѣдный, теперь... Онъ то, поди, тебя любитъ, помнитъ, изнываетъ теперь по тебѣ... А ты на золотыхъ стульяхъ сидишь...

Но полупьяный Өедоръ Самойловичъ вдругъ замол-

чалъ и сталъ, удивленно вытаращивъ глаза, глядѣть на племянницу. Софья рыдала въ свой чередъ, закрывая лицо руками.

— Что ты... Что... Объ чемъ? глупымъ голосомъ спрашивалъ дядя, но не получалъ отвѣта отъ дѣвушки, страстно и судорожно рыдавшей противъ него.

V.

Почти одновременно съ переѣздомъ „оной фамиліи“ изъ Стрѣльны въ Крюйсовъ домъ, въ Петербургъ прибыла издалека и остановилась въ небольшомъ гербергѣ, подешевле и поскромнѣе прочихъ, одна польская панна.

Не говоря ни слова по-русски, она въ первые дни не выходила никуда, но разсылала за то повсюду привезеннаго съ собой молодаго хлопа, смѣтливаго и прыткаго, который исполнялъ всѣ ея порученія. На этотъ разъ порученіе панны состояло въ томъ, чтобы разыскать въ столицѣ Московской имперіи какого нибудь ходатая по дѣламъ, дьяка или писаря.

Эта панна была—старостиха Ростовская, пріѣхавшая въ столицу хлопотать и жаловаться на кровную обиду.

Лихая нравомъ помѣщица почти ночей не спала, со злости, съ того дня, что Анна съ семьей исчезла изъ ея имѣнія. Разумѣется, при этомъ, старостиха не сидѣла сложа руки.. Вскорѣ послѣ бѣгства рабовъ ея, она тотчасъ же послала въ Петербургъ повѣреннаго: но онъ вернулся, объявивъ, что въ столицѣ слыхомъ не слыхали о лицахъ, коихъ она разыскивала.

Старостиха послала своего повѣреннаго слишкомъ рано, семья Ефимовскихъ была тогда еще въ Ригѣ.

Захвативъ съ собой денегъ для ходатайства и всѣхъ хлопотъ, не столько изъ жадности и желанія получить выкупъ за своихъ крестьянъ, сколько изъ-за обиды— старостиха рѣшила ѣхать сама

Появленіе ея въ Петербургѣ какъ разъ совпало съ переѣздомъ семьи въ Крюйсовъ домъ

Черезъ нѣсколько дней молодой малый уже разыскалъ для панны дьяка, который, если самъ не говорилъ по-польски, то былъ женатъ на женщинѣ, родомъ еврейкѣ, говорившей на нѣсколькихъ языкахъ, И вотъ, при помощи переводчицы, панна толково передала дьяку все свое дѣло и цѣль своего прибытія.

Подьячій, конечно, объяснилъ старостихѣ, что дѣло это крайне мудреное... Заявлять свои помѣщичьи права на семью было даже нѣсколько опасно. Но старостиха была не изъ тѣхъ женщинъ, которыя могли бы струсить.

— Мнѣ какое дѣло... Кто она ни будь, эта Анна.— она моя холопка. И никто ее у меня отобрать не можетъ насильно. Пускай купятъ!.. Да и второе, я не русская, а подданная короля польскаго.

Подьячій, не смотря на свое обѣщаніе, въ продолженіе цѣлыхъ двухъ недѣль не сдѣлалъ, разумѣется, ничего. Онъ только разузналъ черезъ людей Крюйсова дома, живетъ ли тамъ дѣйствительно семья, состоящая изъ пяти человѣкъ, по имени Якимовичевы или Ефимовскіе. Вмѣстѣ съ этимъ онъ узналъ, что въ семьѣ часто поминаютъ вотчину панны и ее самое, старостиху. При этомъ большею частью Анна, ея мужъ и дѣти равно ругаютъ прежнюю свою помѣщицу, не на животъ а на смерть.

Покуда ходатай не предпринималъ еще ничего серьезнаго, старостиха не дремала и продолжала сама свои попытки и розыски.

Кто-то изъ поляковъ, шляхтичъ, съ которымъ она познакомилась случайно, на какомъ-то гуляньѣ, далъ ей добрый совѣтъ... И старостиха тотчасъ же воспользовалась имъ. Шляхтичъ объяснилъ паннѣ-старостихѣ, что есть одна личность въ Петербургѣ, которая можетъ взять ее подъ свое покровительство и похлопотать объ дѣлѣ.

— Онъ важный, богатѣющій польскій магнатъ графъ Сапѣга. Къ тому же онъ и съ императрицей состоитъ въ пріязни... Если онъ не обдѣлаетъ это дѣло—ну тогда нечего и пробовать.

И старостиха однажды добилась аудіенціи у стараго магната.

Графъ Сапѣга, привыкшій къ тому, что къ нему часто обращались его соотечественники, большею частью ради помощи, принялъ старостиху въ числѣ прочихъ.

Въ залѣ, гдѣ происходилъ пріемъ, было нѣсколько постороннихъ лицъ.

— Я не могу, ясновельможный панъ, объясняться при другихъ лицахъ, объяснила Ростовская. Дѣло мое государственной важности.

На подобнаго рода заявленіе, которое не мало удивило Сапѣгу, онъ предложилъ паннѣ пройти въ свой кабинетъ. Здѣсь панна разсказала графу все и, прося его заступничества и покровительства, заявила, что удовольствуется выкупомъ.

— Пускай русское правительство заплатитъ мнѣ за семью Анны хотя бы только тысячу рублей.

— Помилуй, пани!.. воскликнулъ Сапѣга... Такой цѣны за семью холоповъ, весь свѣтъ обойди, не услышишь... Ты сама знаешь, какая холопу съ женой и съ малолѣтними дѣтьми красная цѣна, какъ у насъ въ Литвѣ, такъ и здѣсь. А здѣсь даже, почитай, много дешевле... А за тысячу рублей можно купить вотчину съ двумя стами душъ.

— Все это вѣрно, ясновельможный панъ, да моя холопка не простого происхожденья.

— Ну, это ты, пани, врешь... отозвался смѣясь магнатъ. Однако Сапѣга обѣщалъ старостихѣ похлопотать объ ея дѣлѣ и назначилъ паннѣ явиться черезъ недѣлю за отвѣтомъ.

Панна рѣшила, что сидѣть цѣлую недѣлю безъ дѣла и скучно, да и глупо.. Ей пришло на умъ воспользоваться этимъ временемъ, чтобы побывать въ гостяхъ у своихъ холоповъ.

На третій же день послѣ свиданія съ Сапѣгой, старостиха Ростовская, нанявъ извозчика, велѣла себя везти въ Крюйсовъ домъ.

Подъѣхавъ къ большому дому, который былъ много выше и красивѣе сосѣднихъ, старостиха, быть можетъ въ первый разъ въ жизни, призадумалась.

„Или все вранье, подумала она, что они живутъ въ этомъ домѣ.. Вѣроятно въ какомъ нибудь другомъ ихъ помѣстили. Или же стали они совсѣмъ будто паны важные...“

Разспросивъ какого-то сѣденькаго старичка, сидѣвшаго на ступеняхъ крыльца, старостиха узнала, что въ этомъ домѣ, который дѣйствительно Крюйсовъ домъ, живетъ господинъ графъ Карлусъ Самойловичъ Скавронскій, а съ нимъ вмѣстѣ помѣщается его семья, да еще двѣ его сестрицы: панна Ефимовская съ семействомъ и панна Генрихова съ семействомъ.

— Ну, вотъ, ихъ-то мнѣ и нужно!.. сказала старостиха, войдя въ швейцарскую, гдѣ сидѣло нѣсколько человѣкъ лакеевъ.

Не скоро Анна, бывшая въ углу дома, узнала о томъ, что ее спрашиваетъ какая-то барыня. Такъ какъ Ефимовскіе опасались гостей, иногда заѣзжавшихъ въ Крюйсовъ домъ, то всякій разъ отправлялись совѣтоваться съ братомъ Карломъ Самойловичемъ. На этотъ разъ Анна послала своего мужа къ брату.

— Какая-то барыня насъ спрашиваетъ, сказалъ онъ Карлусу.

— Ну, такъ что же?..

— Да какъ намъ тутъ поступить... Боимся мы съ женой, можетъ какая важная барыня... Ты лучше бы ее къ себѣ пустилъ.

Карлъ Самойловичъ прежде всего отправилъ человѣка узнать, кто такая барыня. Вернувшійся назадъ лакей объяснилъ, что спрашиваютъ не его, Скавронскаго, а госпожу Анну Самойловну, и спрашиваетъ старостиха Ростовская.

(До слѣд. №)

Передъ Пасхой. Спѣшная работа. Ориг. рис. Н. Н. Каразина, грав. Шюблеръ

Бумажная тайна.

Быль изъ прошлаго. **Е. Кирилова.**

(Продолженіе).

III.

Начиналась уже оттепель. Солнце стало пригрѣвать сильнѣе, снѣжныя равнины уже не блестѣли болѣе ослѣпительнымъ блескомъ, какъ это было недавно, въ ясные морозные дни, по утоптаннымъ снѣжнымъ дорогамъ начали показываться промоины. Кругомъ все оживлялось. Стаи галокъ то и дѣло перелетали съ одного мѣста на другое, оглашая воздухъ однозвучнымъ пронзительнымъ крикомъ. Выпущенный изъ закутъ деревенскій скотъ жадно вдыхаетъ весенній воздухъ, предчувствуя скорое приближеніе свѣжей паствы. Домашняя птица начала искать по задворкамъ мѣстъ для насѣста...

Въ Контевскомъ домѣ, послѣ скучной и однообразной зимы, мало-по-малу также начала проявляться жизнь. Елена Ивановна, нѣсколько оправившись отъ смерти мужа, стала входить въ хозяйство, начала чаще совѣтоваться съ старостою Семеномъ Кирилловичемъ, даже подумывала выписать изъ Орла учителя для дѣтей.

Сама неопытная, малограмотная, незнавшая людей и невидавшая далѣе Контева никого и ничего на свѣтѣ, ей дѣйствительно было трудно остаться безъ совѣтника и безъ руководителя. Семенъ Кирилловичъ былъ мужикъ стойкій, толковый, но еще болѣе темный и еще менѣе понимавшій про дѣла барскаго обихода. А здѣсь нужно было подавать явки, прошенія объ утвержденіи малолѣтнихъ въ наслѣдствѣ, о назначеніи опекуновъ, предстояли также не малые расходы.

— Ничего, матушка, Елена Ивановна, не тревожься обо всемъ этомъ, еще зимою успокоивалъ ее Семенъ Кирилловичъ. Я все это дѣло оборудую. Хлѣбъ обмолотимъ, свеземъ въ Орелъ и деньги будутъ. Въ Орлѣ-же живетъ Силантій Петровичъ, заѣду къ нему, разскажу, что-де такъ и такъ, Ардаліонъ Егоровичъ приказали долго жить, а что нужно всякія выправки сдѣлать, онъ и подыщетъ намъ приказнаго.

Такъ было и сдѣлано. Еще до Новаго года привезли изъ Орла приказнаго, который за двадцать цѣлковыхъ написалъ прошеніе въ Болховскую дворянскую опеку и затѣмъ представилъ туда при прошеніи всѣ имѣвшіеся у Елены Ивановны документы. Отвезли приказнаго только послѣ праздниковъ, причемъ Елена Ивановна просила его подыскать въ Орлѣ учителя изъ семинаристовъ, который зналъ-бы счетоводство и могъ-бы вести съ опекою переписку. Объ томъ-же Елена Ивановна просила Силантія Петровича, бывшаго двороваго человѣка, пославъ ему всякаго рода деревенскихъ гостинцевъ и обѣщавъ напередъ не оставлять своимъ вниманіемъ. Но желаніе Елены Ивановны исполнено не было. Приказный, заработавъ двадцать цѣлковыхъ, по пріѣздѣ въ Орелъ загулялъ, такъ что кучеръ ждалъ, ждалъ обѣщаннаго учителя да ни съ чѣмъ и уѣхалъ, а Силантій Петровичъ черезъ двѣ недѣли отписалъ, что теперь у него нѣтъ на примѣтѣ знакомаго учителя, но что къ лѣту будутъ исключенія изъ семинаріи, тогда какого нибудь при оказіи и пришлетъ.

День былъ праздничный—Алексѣя человѣка Божія, 17-го марта. На небѣ ни облачка, солнце свѣтило и грѣло сильно, такъ что снѣгъ въ иныхъ мѣстахъ пожелтѣлъ, а въ иныхъ почернѣлъ. Таяло сильно—вотъ-вотъ ожидалось половодье. Вася и Коля играли на дворѣ, дѣлая дорожки для стока воды, отъ таявшаго снѣга, а Елена Ивановна сидѣла подъ окномъ съ работою, изрѣдка посматривая на нѣжно любимыхъ малолѣтокъ. Съ самаго утра щемило у нея сердце предчувствіемъ какого-либо горя или несчастія. „Для чего, думалось ей, вытребовали отца Никиту въ консисторію и вотъ уже болѣе мѣсяца тамъ держатъ; отчего такъ долго изъ опеки на поданныя прошенія отписки нѣтъ; что не ѣдетъ опекунъ?“ Все это смущало, волновало и тревожило Елену Ивановну. Въ это самое время, какъ на грѣхъ вбѣгаетъ въ комнату горничная дѣвчонка и запыхавшись едва проговорила:

— Барыня, барыня, изъ-подъ горы двѣ тройки ѣдутъ, съ колокольчиками, съ какими-то господами, видно къ намъ.

У Елены Ивановны екнуло сердце, она поблѣднѣла, руки опустились и, не зная въ чемъ дѣло, она почувствовала, что не съ добромъ ѣдутъ гости. „Не быть холопкѣ барыней“, говорилъ ей внутренній голосъ. „А дѣти, дѣти!“ подумала она и безсознательно стала передъ образомъ и начала тихо креститься.

Догадка дѣвочки оправдалась. Временное отдѣленіе на двухъ тройкахъ съ шумомъ въѣхало въ околицу. Вася и Коля отъ испугу запрятались въ сѣни и тихонько выглядывали изъ-за дверей. Изъ людской прибѣжали въ горницы старуха экономка и скотница. Исправникъ и письмоводитель, засѣдатель уѣзднаго суда и Петръ Семеновичъ ввалились въ переднюю и пока снимали шубы, оправлялись, изъ деревни прибѣжали староста и сотскій.

— Ты что-ли староста? грозно спросилъ исправникъ, когда отдѣленіе расположилось въ залѣ и письмоводитель положилъ на столъ большой свертокъ бумагъ, вынулъ чернильницу и приготовилъ перья.

— Такъ точно, ваше высокородіе, отвѣтилъ Семенъ Кирилловичъ, низко кланяясь и выступивъ нѣсколько впередъ.

— Созывай понятыхъ, да мигомъ, слышишь что-ли!

— Слушаю ваше высокородіе, торопливо отвѣтилъ староста и полетѣлъ на деревню.

Письмоводитель началъ разбирать бумаги, исправникъ закурилъ трубку и молча ходилъ по залу, а изъ сосѣдней комнаты тихонько изъ-за дверей выглядывали дѣти и женская домашняя прислуга.

— Не мѣшало-бы закусить что нибудь, замѣтилъ засѣдатель, обращаясь къ Петру Семеновичу.

— Подождите, дайте прежде дѣло кончить, возразилъ нѣсколько строго исправникъ. Окончится вводъ, тогда и хозяйствуйте здѣсь какъ знаете.

Старики собрались и введены были сотскимъ въ залъ. Впереди ихъ стоялъ Семенъ Кирилловичъ.

— Здѣсь проживаетъ вольноотпущенная дѣвка Елена Иванова съ дѣтьми Василіемъ и Николаемъ? спросилъ его строго, нахмуривъ брови, исправникъ.

— То-ись, барыня Елена Ивановна...

— Болванъ! крикнулъ перебивая его исправникъ. Какая барыня! Вольноотпущенная дѣвка Елена.

— Значитъ онѣ самыя-съ, точно-съ, вольноотпущенныя, началъ безсвязно бормотать староста.

— Да ты, собачій сынъ, говори толкомъ: здѣсь что-ли проживаетъ эта дѣвка?

— Такъ точно-съ, здѣсь, ваше высокородіе.

— Позови ее.

Староста метнулся къ двери, отъ которой отскочили дѣти и женская прислуга, потомъ вошелъ въ комнату къ Еленѣ Ивановнѣ и тихо проговорилъ: „пожалуйте, зовутъ“. Блѣдная, какъ полотно, едва двигая ноги, вошла Елена Ивановна въ залъ.

— Прочтите указъ, приказалъ исправникъ письмоводителю.

Началось чтеніе указа. Мужики стояли, понуря голову, ничего не понимая изъ однообразнаго чтенія длиннаго, приказнымъ языкомъ написаннаго, указа Болховскаго уѣзднаго суда. Елена Ивановна едва стояла на ногахъ и слегка придерживалась одной рукой за стоявшій подлѣ нея стулъ. Когда письмоводитель прочиталъ деревяннымъ голосомъ: „на основаніи рѣшенія консисторіи о несобытіи брака маіора Падымова съ дѣвкою Еленою Ивановою, на которую за прелюбодѣйство повелѣно возложить публичную церковную эпитимію, движимое и недвижимое имѣніе Падымова передать родному его брату, подполковнику Падымову“, произошла потрясающая сцена. Елена Ивановна сначала посмотрѣла на всѣхъ блуждающими глазами, какъ-бы ища въ комъ нибудь защиты, потомъ, оглянувшись кругомъ, начала тихо падать на колѣни, наконецъ вскрикнувъ: „Боже! что они со мною дѣлаютъ! Дѣти! дѣти!..“ безъ чувствъ упала на полъ. Стоявшіе за дверью Вася и Коля выскочили и опрометью съ плачемъ бросились къ матери, крича: „Мама, мама, не оставляй насъ, ты къ Боженькѣ уходишь, мама!“ Женская прислуга кинулась за ними къ своей барынѣ, приговаривая: „матушка-барыня, что съ вами, родная“, и затѣмъ засуетились, чтобы подать помощь; нѣкоторые изъ понятыхъ прослезились, а исправникъ, еще болѣе надвинувъ брови, пыхтѣлъ и усиленно затягивался изъ трубки.

— Не хорошее дѣло, совсѣмъ не хорошее, еще въ судѣ говорили, что здѣсь что-то не ладно, вполголоса проговорилъ засѣдатель уѣзднаго суда отъ купечества.

— Это ничего-съ, Никандръ Петровичъ, возразилъ ему Петръ Семеновичъ. Баба обойдется, это сначала ей трудно, а потомъ свыкнется.

— Чего вы вертитесь здѣсь! крикнулъ на суетившихся бабъ принужденно строго исправникъ. Чего смотрѣть, отнесите ее на кровать, видите: съ нею недугъ приключился.

Елену Ивановну отнесли въ ея комнату; дѣти все время не отходили отъ нея, заливаясь слезами. Собралась вся женская половина дворни, начали тереть уксусомъ виски, принимать всевозможныя деревенскія средства, но только къ вечеру Елена Ивановна открыла глаза и въ горячечномъ бреду вспоминала мужа, дѣтей...

Временное отдѣленіе составило опись, вводный листъ и передало эти документы Петру Семеновичу, какъ довѣренному Дормидонта Егоровича. Подъ вечеръ члены временного отдѣленія вернулись въ Болховъ, а въ Контевкѣ остался только Петръ Семеновичъ для распоряженія по хозяйству.

— Вотъ и съ новымъ бариномъ поздравляю, сказалъ онъ Семену Кирилловичу, когда тотъ пришелъ за приказаніями.

— Слушаю, безучастно отвѣтилъ староста.

— Да голубчикъ, будешь слушать и исполнять, что приказывать станутъ, ехидно замѣтилъ Петръ Семеновичъ.

— Наше дѣло подневольное, Петръ Семеновичъ, что прикажутъ, то и будемъ дѣлать.

— То-то, служить новому барину слѣдуетъ хорошо... Да, какъ-бы вспомнивъ, спросилъ Петръ Семеновичъ: Аленка еще въ домѣ?

— Куда-же ей дѣваться, Петръ Семеновичъ? отвѣтилъ ста-

роста. Къ тому-же, сами знаете, у ней теперь чѣмъ только и душа держится.

— Ну, ужъ это не мое дѣло, рѣшительно возразилъ Петръ Семеновичъ. Дормидонтъ Петровичъ приказалъ тотчасъ-же очистить домъ, запереть и запечатать его, а ключи привезти къ нему. Какъ знаешь, а завтра утромъ наряди подводу и чтобы духу Аленки здѣсь не было. Да смотри, чтобы ничего не было увезено изъ господскаго.

— Да сйнаго, что-же здѣсь, Петръ Семеновичъ? Все барское. Два сундука съ одеждою, да образа, замѣтилъ староста.

— Ну, носильнаго платья нельзя-же отымать по закону, вразумительно замѣтилъ рябой письмоводитель.

Староста ушелъ. Петръ Семеновичъ долго ходилъ по залу и все прошлое раскинулось предъ его глазами какъ на яву. Вспомнилъ онъ какъ его, неокончившаго курсъ въ семинаріи, пригласили къ сосѣднему помѣщику въ домашніе учителя, потомъ какъ онъ занялъ должность конторщика и писца у старика Падымова, Егора Никитыча; вспомнилъ онъ маленькую дѣвченку Лёнку, подававшую ему въ контору съ господскаго стола чай, потомъ какъ эта Лёнка подросла и, въ качествѣ помощницы своей матери-ключницы, сдѣлалась уже Леночка. Онъ полюбилъ ее тогда, онъ уговаривалъ ее выдти за него замужъ, а она въ отвѣтъ обругала его рябой харей. „Что-же, не захотѣла быть письмоводительшей, захотѣлось барыней быть, такъ вотъ-же, побудь мужичкой, да еще подъ церковнымъ началомъ покайся, авось фанаберія-то изъ головы выпадетъ!“ думалъ Петръ Семеновичъ, злобно улыбаясь и потирая руки.

На другой день рано утромъ къ черному подъѣзду господскаго дома подъѣхали крестьянскія розвальни. Дворня съ плачемъ вынесла на рукахъ совсѣмъ разбитую и больную барыню свою госпожу. Уложили больную въ сани, посадили подлѣ нея двухъ дѣтокъ, уложили небольшое ея имущество и проводили несчастную на деревню, гдѣ ей далъ пріютъ крестьянинъ Меркуловъ, у котораго оказалась свободная изба. Но не долго пришлось за больною ухаживать старухѣ Меркулихѣ: ни травки, ни другія деревенскія снадобья не помогли несчастной. Еще недѣлю металась она въ страшномъ горячечномъ бреду, затѣмъ жаръ спалъ и первый ударъ прекратилъ существованіе убитой людскою несправедливостью женщины. Старики сложились и похоронили свою госпожу рядомъ съ Ардаліономъ Егоровичемъ, а послѣ похоронъ, сидя на завалинкѣ Меркуловской избы, еще долго толковали о случившемся и о томъ какъ сиротъ пристроить.

— Что ни говори, старики, началъ Меркуловъ, а чудно что-то, какъ это законная жена, вѣнчаная въ церкви, вдругъ, поди ты—стала незаконная и ребята незаконные.

— Братъ! царскій указъ на то нужно было, а его не было: господамъ, видишь ты, отозвался одинъ старикъ, не приказано вѣнчаться съ нашими дѣвками.

— Нѣтъ, видно приказный, прахъ его возьми, не такъ явку далъ, замѣтилъ староста Семенъ Кирилловичъ.

Долго старики толковали на эту тему, пока не рѣшили Васютку отправить къ Силантію Петровичу, чтобы отъ него въ школу ходилъ, а Николая Меркулиха оставила у себя. Черезъ недѣлю Васю повезли въ Орелъ на обученіе, а быстроглазый Коля попалъ въ семью Меркулова.

IV.

Крестьянскій дворъ Меркуловыхъ былъ одинъ изъ самыхъ богатѣйшихъ дворовъ села Коптева. Самъ Меркулъ долгое время состоялъ бурмистромъ у старика Егора Никитыча Падымова, т. е. въ то время когда еще не было раздѣла между сыновьями Ардаліономъ и Дормидонтомъ и когда Коптево составляло одно изъ богатѣйшихъ помѣстій Болховскаго уѣзда. Получивъ отъ стараго барина за долголѣтнюю службу лучшій косякъ пахоти и сѣнокосу, Меркулъ послѣ его смерти оставилъ должность и жилъ „на почетѣ“ въ средѣ общества крестьянъ, перешедшихъ на половину къ Ардаліону Егоровичу. И молодой баринъ, и общество любили и уважали старика Меркула за его правдивость, честность и за умѣнье всякому дѣлу дать толкъ. Семья Меркула была небольшая. Старуха-жена, сноха съ двумя малолѣтками, да сынъ Петръ, проживавшій большею частью въ Болховѣ, на кожевенномъ заводѣ, гдѣ онъ былъ старшимъ мастеромъ. Сноха Катерина, какъ повсюду бываетъ въ крестьянскихъ семьяхъ, состояла въ полномъ подчиненіи у свекрови, а потому ей хотя и непріятно было, что во дворъ взяли барченка, но явно высказывать своего недовольства она не могла, хотя и не безъ того было, что и лучшій кусокъ пищи, и лучшее мѣсто на полатяхъ для сна доставались ея дѣтямъ, а не Колѣ. Но это скрытое предпочтеніе, отдаваемое Катериною своимъ ребятамъ, нисколько не отражалось на Колиной судьбѣ, такъ какъ Катерина сама по себѣ была женщина очень добрая, да и старики зорко слѣдили, чтобы сирота ничѣмъ не былъ обиженъ.

Колѣ пошелъ седьмой годъ. Красивый, съ большими материнскими голубыми глазами, отъ рожденія крѣпкій, онъ на вольномъ деревенскомъ раздольѣ еще болѣе окрѣпъ и еще болѣе сталъ здоровѣе и шаловливѣй. Съ Петей, первымъ внукомъ стариковъ Меркуловыхъ, который только годомъ былъ старше его, онъ сошелся съ первыхъ дней знакомства съ нимъ. Не вполнѣ сознавая постигшее его горе, рѣзвый ребенокъ уже на третій день послѣ похоронъ матери, съ раскраснѣвшимися щеками и съ сіяющимъ отъ удовольствія лицомъ, летѣлъ вмѣстѣ съ Петей подъ гору, отъ души радуясь полной свободѣ, какая предоставляется деревенскимъ ребятишкамъ. Съ наступленіемъ весны, нашимъ юнымъ пріятелямъ открылся еще большій просторъ для шалостей. Они зорко начали слѣдить за галчьими гнѣздами и чуть оперившійся галченокъ не миновалъ ихъ рукъ, съ которымъ они возились, кормили его, пока домашній котъ Васька не подмѣтитъ его существованія и не приготовитъ изъ него для себя хорошаго завтрака. Съ началомъ посѣвовъ и уборки огородовъ, для Коли и Пети открылись нѣкоторыя обязанности: то они должны были помогать Катеринѣ носить въ поле обѣдъ для батраковъ, то заставятъ ихъ на грядахъ дѣлать лунки для разсады, то крикнутъ кому нибудь изъ нихъ загнать борова въ закуту. Но всѣ эти немногосложныя обязанности были не только въ тягость мальчуганамъ, но даже доставляли имъ неисчислимыя удовольствія, такъ какъ они чувствовали въ это время нѣкоторое свое значеніе и обыкновенно съ напускною серіозностію исполняли возложенное на нихъ порученіе.

Старуха Меркулиха въ скоромъ времени до того привязалась къ бойкому и разбитному Колѣ, что начала его баловать даже болѣе своихъ внучатъ. „Ты у меня бѣдненькій; обидѣли злые люди покойницу, обездомили васъ, сиротушекъ“, говаривала часто добрая старуха, цѣлуя Колю въ голову и давая ему втихомолку отъ Катерины пряникъ. Сломаетъ Коля ухватъ, выгоняя изъ избы забившуюся подъ лавку Жучку. Катерина въ сердцахъ и скажетъ иногда: „У! пострѣлъ тебя возьми!“ Но за то и доставалось ей отъ свекрови.

— Чего лаешься, пачнетъ пилить старуха, иль не видишь—младенецъ, да сирота еще, вѣдь за него некому заступиться.

— Да вѣдь ухватъ-то новый сломалъ, матушка, возразитъ Катерина, какъ же не бранить за это, я и своимъ за такія дѣла потачки не даю.

— Своихъ-то ты приласкаешь, неразумная, а его кто приласкаетъ? Ихъ вотъ, поди, люди обидѣли, а намъ обижать нечего, ворчала старуха, ограждая своего любимца.

Старикъ Меркулъ смотрѣлъ на дѣло болѣе серьезно. Съ свойственной простымъ людямъ практической сообразительностью, онъ разсудилъ, что пока еще малъ Николка, пусть растетъ съ нашими ребятами, а подростетъ, можно будетъ отдать его на заводъ, или обучить какому либо ремеслу.

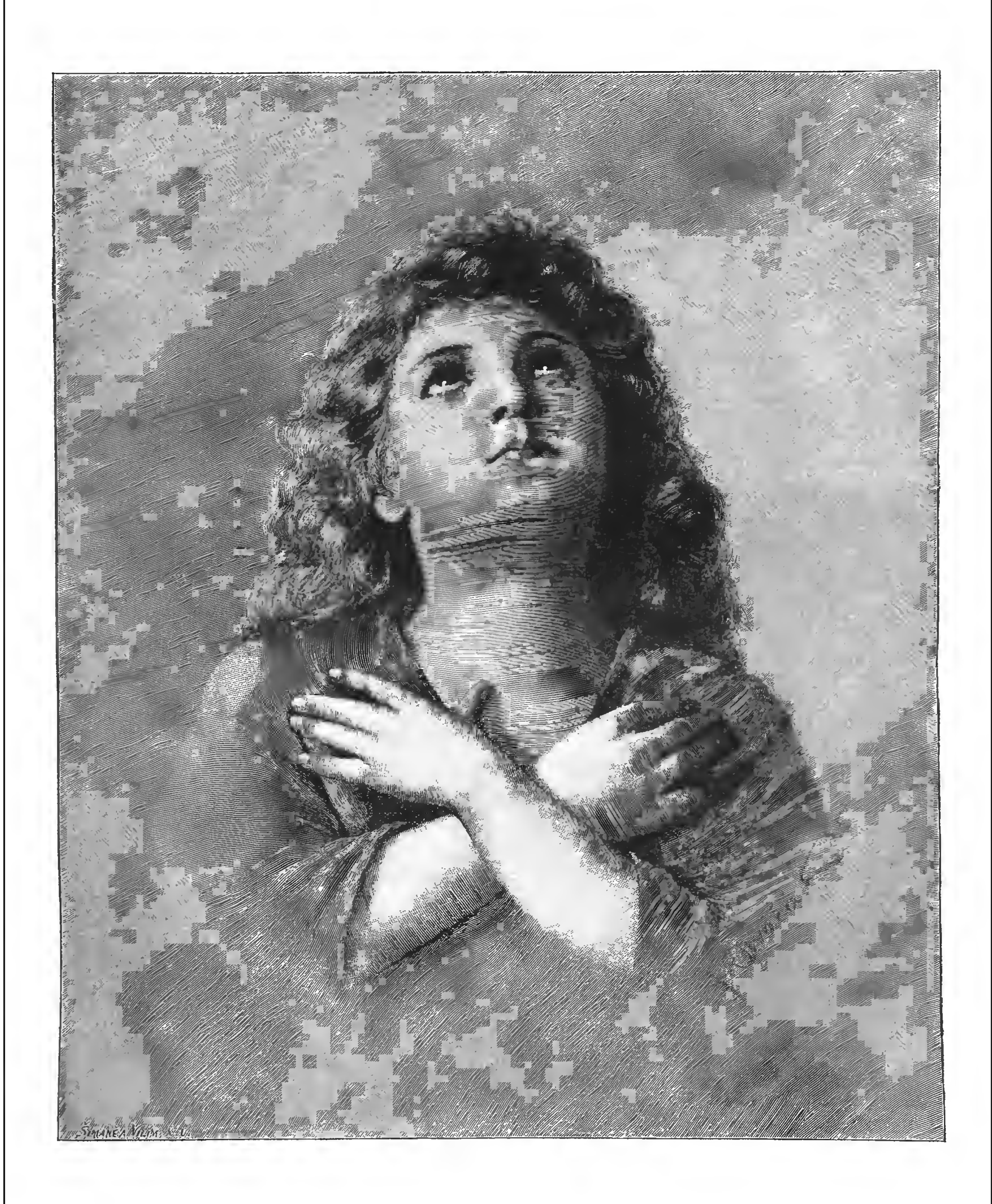
— Обучится ремеслу, говорилъ онъ своей старухѣ, нашей-же семьѣ будетъ въ подмогу, а пока пусть растетъ себѣ, не объѣстъ небось.

Положеніе Васи было нѣсколько иное. Онъ попалъ на воспитаніе къ Силантію Петровичу, человѣку твердыхъ правилъ, стойкому, отчасти черствому и даже строгому, хотя человѣку честному и глубоко чтившему память Ардаліона Егоровича. Еще съ малолѣтства онъ взятъ былъ на дворню и съ перваго же года своего вступленія въ господскій домъ, онъ назначенъ былъ камердинеромъ къ еще бывшему въ то время ребенкомъ Ардаліону Егоровичу. Съ барчукомъ онъ раздѣлилъ дѣтство, потомъ сопутствовалъ молодого барина при поступленіи его въ полкъ, совершалъ съ нимъ походы двѣнадцатаго года и былъ одинъ изъ тѣхъ преданныхъ слугъ своего господина, которые могли создаваться только при прежнихъ патріархальныхъ отношеніяхъ. Бережливость, и даже скупость, въ теченіе многихъ лѣтъ дали ему возможность собрать небольшой капиталъ, и когда, вернувшись съ походовъ, Ардаліонъ Егоровичъ далъ ему отпускную, онъ могъ сразу завести свое хозяйство и начать дѣло не съ пустыми руками. Прежде всего онъ купилъ въ Орлѣ небольшой домикъ и открылъ въ немъ молочную лавку, а потомъ, черезъ годъ, женился на дочери своего пріятеля, мценскаго мѣщанина, торговавшаго овчинами, Федосьѣ. Въ жены себѣ онъ взялъ женщину простоватую, забитую, но добрую и работящую. Она безпрекословно слушалась Силантія Петровича и ставила его неизмѣримо выше себя, такъ что слово его, всякое приказаніе считала закономъ. Въ четыре года супружеской жизни, Богъ послалъ имъ двухъ малютокъ, а точность и акуратность, заведенные Силантіемъ Петровичемъ въ своей небольшой торговлѣ, и въ сравнительно короткое время успѣли ему принести довольно хорошіе барыши. Но видимое счастье и довольство его дома стало омрачаться годъ отъ году все болѣе развивавшимся недугомъ въ самомъ Силантіи Петровичѣ. Незамѣтно, мало-по-малу, стала проникать въ его душу жажда наживы, стяжанія и просто скупость. Онъ сталъ требовательнѣе къ Федосьѣ, началъ перѣдко поругивать ее за нехозяйство и излишніе расходы, и въ концѣ концовъ довелъ домашнюю жизнь до скаредности, объ которой начали даже говорить сосѣди. Стоило большихъ трудовъ для Федосьи выпросить у Силантія Петровича кусокъ ситцу или холста на рубашенки дѣтямъ, или лишній кусокъ свѣжениы къ празднику, или кой-какихъ гостинцевъ изъ лавки. Въ домѣ каждый ломоть хлѣба, каждая ложка щей и каши были въ счету, а съ тѣмъ вмѣстѣ число „крестовиковъ“, екатерининскихъ рублевиковъ, все увеличивалось въ синемъ, окованномъ желѣзомъ, сундукѣ Силантія Петровича. И чѣмъ болѣе являлось этихъ рублевиковъ, тѣмъ все скупѣе и скупѣе становился хозяинъ сундука.

Худенькій, довольно рослый по своимъ лѣтамъ, Вася во многомъ походилъ на своего отца. Онъ такъ же былъ скроменъ,

Вѣра. Рис. Дворакъ грав. Симанб

Надежда. Рис. Дворакъ, грав Симанб.

молчаливъ, застѣнчивъ, имѣлъ такіе же задушевные черные глаза, съ большими рѣсницами. Ему пошелъ одиннадцатый годъ и онъ хорошо понималъ все горе, постигшее его и брата, съ потерею отца и матери. Для него уже нѣтъ и не будетъ болѣе тѣхъ нѣжныхъ материнскихъ ласкъ, которыми осыпала его покойница, какъ первенца; онъ чувствовалъ, что поперегъ его будущей жизни стоятъ одни враги, погубившіе родителей и выгнавшіе его съ братомъ изъ дома. Кто они, гдѣ они?—онъ не зналъ; но все ужасное, печальное, только-что имъ пережитое, сложило въ его дѣтскомъ сознаніи убѣжденіе, что на свѣтѣ болѣе злыхъ людей, чѣмъ добрыхъ. Тяжелое горе положило свой отпечатокъ на всю его внѣшность: онъ сдѣлался сосредоточенъ, молчаливъ и скрытенъ.

Когда привезли къ Силантію Петровичу Васю и онъ узналъ о случившемся въ ихъ домѣ несчастіи, то ему пришлось призадуматься—брать ли на свое попеченіе Васю, или нѣтъ? „Прокормить ребенка тоже—что взрослаго человѣка", кинулось ему въ голову, но въ то же время и голосъ совѣсти заговорилъ въ немъ, что нельзя же бросить сиротку и при томъ бывшаго своего господина, который сдѣлалъ ему такъ много добра. Прежнія добрыя чувства заглушили въ немъ развившуюся страсть скаредничества и онъ рѣшилъ оставить у себя Васю.

— Ну, Васютка, дѣлать нечего, говорилъ онъ ему на другой день по его пріѣздѣ. Обидѣли васъ люди—что же дѣлать? Теперь потеряннаго не воротишь, а нужно привыкать, примѣчать какъ, что, гдѣ слѣдуетъ быть. Сперва по лавкѣ мнѣ помогать можешь, чтобъ даромъ хлѣбъ не ѣсть, да баклуши не бить, а съ осени Богъ дастъ въ школу начнешь ходить. Скучно небось, по деревнѣ, Вася, а? спрашивалъ Силантій Петровичъ совсѣмъ запуганнаго, забитаго мальчика.

Васѣ дѣйствительно было о чемъ пожалѣть родительскій домъ и родное село Контево. Тамъ была у него съ Колей уютная комнатка, осталась любившая его безъ ума старушка-няня, разсказывавшая ему по вечерамъ чудныя сказки, тамъ окружала его материнская заботливость, ласки и нѣжность. Вспоминалась Васѣ и подаренная ему лошадка, Гнѣдко, которой онъ самъ носилъ сѣно и задавалъ овса, и любимая его яблоня въ саду, и уютное мѣстечко въ кустахъ, надъ прудомъ, гдѣ по цѣлымъ часамъ, притаившись, онъ слушалъ перекаты соловья. Все это быстро воскресло въ памяти бѣднаго мальчика и, на вопросъ Силантія Петровича, онъ зарыдалъ, и зарыдалъ самыми горькими слезами убитаго горемъ ребенка.

И тяжело было жить Васѣ у Силантія Петровича. Вся семья занимала всего только двѣ маленькія горенки, а Васѣ пришлось помѣститься въ углу, на досчатникѣ, около печки; и для своей семьи не было лишняго куска хлѣба, а для Васи и того, что слѣдовало, недоставало. Съ шести часовъ утра разбивалъ дѣтскій сонъ Силантій Петровичъ и бралъ съ собою Васю въ лавку на цѣлый день, гдѣ для него была постоянная суета и побѣгушки.

Измучается въ цѣлый день ребенокъ, а на ночь ложится спать впроголодь. Не съ кѣмъ было Васѣ раздѣлить свое горе, не было кому передать и кой-какія свои радости. Дѣти Силантія Петровича были еще малы, мать ихъ его почти не видала, а сверстниковъ кругомъ никого не было. Кромѣ приказаній, попуканій, а иногда и тычковъ, ничего не видалъ Вася, сидя по цѣлымъ днямъ въ лавкѣ Силантія Петровича. Не мудрено, что ребенокъ сдѣлался еще болѣе сосредоточеннѣе и еще болѣе молчаливъ.

Осенью Силантій Петровичъ помѣстилъ Васю въ приходское училище.

— Смотри, Вася, напутствовалъ онъ его, отводя въ школу, учись хорошо и помни, что у тебя ни предъ собой, ни за собой ничего нѣтъ. Выучишься какъ слѣдуетъ—можешь въ люди выйти, писцомъ въ волость поступить или конторщикомъ куда нибудь.

— Слушаю, дядя Силантій, отвѣчалъ скромный, впечатлительный мальчикъ.

Жизнь Васи стала еще тяжелѣе: утромъ онъ въ школѣ, вечеромъ въ лавкѣ; однако судьбѣ пришлось распорядиться совершенно иначе участью оставленныхъ на ея попеченіе сиротъ: ни Васѣ не довелось быть писцомъ волостнаго правленія, ни Колѣ—мастеровымъ.

V.

Большинство нашихъ губернскихъ и уѣздныхъ городовъ имѣетъ по нѣскольку площадей, носящихъ обыкновенно названія „сѣнной", „полѣсской", „конной" или по имени находящихся вблизи церквей—„Никольская" и т. п. Площади эти являлись мѣстомъ торжища, привоза въ городъ изъ деревень сельскихъ продуктовъ, лѣса, привода скота и лошадей на продажу. До проведенія желѣзныхъ дорогъ эти площади являлись прямою необходимостью для сельскихъ жителей; но теперь онѣ потеряли всякое значеніе, ибо въ деревенскую жизнь влѣзъ посредникъ, кулакъ, который изъ первыхъ рукъ закупаетъ все отъ крестьянъ и продаетъ имъ все для нихъ необходимое. Многія изъ такихъ площадей передѣлали въ послѣднее время въ городскіе скверы, многія застроены и только въ весьма рѣдкихъ городахъ можно еще встрѣтить старинныя площади, съ высокимъ шестомъ посерединѣ, на которомъ въ базарные дни, послѣ ранней обѣдни, подымался флагъ для указанія жителямъ о началѣ базара.

На одной изъ такихъ площадей города Орла, именно на „Полѣсской", въ чистенькомъ, окрашенномъ въ дикій цвѣтъ, деревянномъ домикѣ проживалъ въ 1827 году жандармскій полковникъ, впослѣдствіи сенаторъ Михаилъ Ивановичъ Жемчужниковъ. Михаила Ивановича знавали прежде и теперь многіе обыватели, какъ человѣка чрезвычайно добраго, честнаго и старавшагося сколь возможно болѣе дѣлать добра ближнему и сколь возможно сильнѣе противудѣйствовать злу и произволу, имѣвшимъ въ глухой провинціальной жизни того времени широкое мѣсто.

Невдалекѣ отъ занимаемаго Михаиломъ Ивановичемъ дома находилось приходское училище, изъ котораго каждое утро мимо его оконъ, съ шумомъ и шалостями, проходили ученики, возвращавшіеся домой съ уроковъ. Однажды Михаилу Ивановичу пришла мысль бросить изъ окна горсть леденцовъ, которые школяры вмигъ расхватали.

Такое неожиданное угощеніе понравилось мальчуганамъ и надежда на повтореніе собирала ихъ подъ окнами Михаила Ивановича. Михаилъ Ивановичъ по временамъ не отказывалъ имъ въ этомъ, но при этомъ кинулся ему въ глаза одинъ изъ учениковъ, никогда не бросавшійся ловить кидаемыя лакомства и державшій себя въ сторонѣ отъ своихъ товарищей. Такъ какъ вслѣдствіе этого ему ничего не доставалось, то Михаилу Ивановичу приходилось подзывать его къ себѣ и надѣлять особо.

Это былъ Вася Падымовъ. Вся фигура его возбуждала участіе. Одѣтъ онъ былъ бѣднѣе и хуже другихъ, вѣчно молчаливый, съ грустнымъ и запуганнымъ выраженіемъ лица, онъ казался совершенно чужимъ среди шумной и веселой толпы остальныхъ дѣтей.

— Отчего это вашъ товарищъ такой скучный и дичится васъ? спросилъ разъ Михаилъ Ивановичъ одного бойкаго мальчишку.

— Вася-то, отвѣтилъ шустрый школяръ, да оттого баринъ, что онъ не изъ нашихъ; мы, вѣдь, простые, а онъ дворянчикъ, помѣщичій сынъ.

Такой отвѣтъ заинтересовалъ Михаила Ивановича.

— Мальчикъ, мальчикъ! крикнулъ онъ уходившему Васѣ.

Мальчикъ тихо подошелъ къ растворенному окну и, опустивъ голову, началъ перебирать листы бывшей въ его рукахъ книги.

— Тебя какъ зовутъ, милый? спросилъ съ участіемъ Михаилъ Ивановичъ.

— Вася.

— А родители твои гдѣ?

— Померли, едва проговорилъ грустнымъ голосомъ Вася.

— Кто же они были? продолжалъ разспрашивать Михаилъ Ивановичъ.

— Болховскіе.

— Дворяне, помѣщики?

— Да.

— Ты прежде съ ними жилъ?

— Прежде жилъ въ деревнѣ, а какъ мама умерла, живу у дяди Силантія.

(Оконч. въ слѣд. №).

Міровая загадка.

Очеркъ **Н. Шебеста.**

Магометанское преданіе гласитъ: „Нѣкогда люди были добры и богобоязненны; тогда Господь ходилъ по землѣ со своими ангелами и дозволялъ людямъ созерцать и наслаждаться радостями въ небѣ; но когда ядовитое сѣмя злого духа взошло въ сердцахъ людей и въ мірѣ появились ложь и ненависть, Господь удалился съ земли и распростеръ надъ нею голубую мантію, которую прикрѣпилъ къ небесному своду золотыми гвоздями. Такимъ образомъ царствіе небесное было сокрыто отъ людей." Это сказаніе о небесномъ сводѣ и виднѣющихся въ немъ звѣздахъ.

Подобно магометанамъ, и другіе народы складывали о звѣздномъ небѣ прекрасные фантастическіе мифы. Нынѣ уже умъ человѣка проникъ въ эту тайну природы и сообщенія астрономовъ все болѣе и болѣе знакомятъ съ дѣйствіемъ необъятныхъ силъ міра.

Солнце, говорятъ они, это царица, вокругъ которой, подобно придворнымъ, ходятъ девять планетъ, астероидовъ и пр. Солнце съ его планетами они называютъ міровымъ островомъ или членомъ міровой демократіи. Но солнце также не остается на мѣстѣ, оно со своимъ придворнымъ штатомъ движется вокругъ другой неподвижной звѣзды (вокругъ одной точки въ созвѣздіи Геркулеса), и послѣдняя, окруженная блестящею толпою спутниковъ, путешествуетъ вокругъ третьей неподвижной звѣзды, которая, въ свою очередь, есть спутникъ четвертой, во время ея движенія вокругъ пятой и т. д.

Такимъ образомъ все звѣздное небо находится въ постоян-

номъ странствованіи и міры двигаются вокругъ общаго центра, который Медлеръ называетъ *центральнымъ солнцемъ*. Всѣ видимыя намъ звѣзды (около 1283 милліоновъ) образуютъ одну группу, одну систему, звѣздную или міровую систему, имѣющую линзообразную форму, края которой составляетъ серебристая полоса Млечнаго пути. По мнѣнію Гершеля, солнце наше находится въ южной части линзы, вблизи ея внутренняго края, посрединѣ многихъ другихъ звѣздъ.

И вся эта міровая система, при всей ея безконечности, есть не болѣе какъ атомъ въ неизмѣримой вселенной. Надъ нашею звѣздною системою вращается другая, надъ нею третья и т. д.

Съ усовершенствованіемъ въ теченіе послѣдняго столѣтія телескоповъ и съ открытіемъ при помощи ихъ новыхъ невѣдомыхъ областей, астрономы предполагали, что могутъ проникнуть взоромъ до конца міра; однако, чѣмъ глубже проникалъ телескопъ, тѣмъ неизмѣримѣе, недосягаемѣе разстилались новые міры и нигдѣ не видѣлось границъ творенія. Легкіе бѣлые туманы, видимые при ясномъ небѣ простымъ глазомъ на сводѣ, являются въ телескопѣ миріадами звѣздъ, міровъ, солнцъ и планетныхъ системъ. Разстоянія, опредѣленныя астрономами для тѣлъ, помрачаютъ разсудокъ. Протяженіе нашей планетной системы такъ велико, что, напримѣръ, самая быстрѣйшая скаковая лошадь, начавшая пробѣгать пространство это по прямой линіи еще во время рожденія Моисея, сдѣлала бы теперь только половину этого пути. Свѣтъ отъ звѣзды, находящейся въ созвѣздіи Центавра, въ ближайшей къ солнцу двойной неподвижной звѣздѣ, доходитъ до насъ въ 4 года 38 дней; при этомъ нужно помнить, что свѣтъ въ секунду проходитъ 42,000 миль, т. е. въ годъ дѣлаетъ $1^1/_3$ билліона миль.

Нѣкоторыя звѣзды отстоятъ такъ далеко, что свѣтъ ихъ проникаетъ къ намъ чрезъ тысячи лѣтъ. Такъ прошло 2000 лѣтъ, пока первый лучъ Млечнаго пути коснулся нашихъ глазъ, между тѣмъ какъ свѣтъ ближайшаго къ намъ туманнаго пятна доходитъ въ $4^1/_2$ милліона лѣтъ. Сообщенія лорда Россе, сдѣлавшаго грандіозныя открытія помощью своего гигантскаго телескопа, кажутся почти сказками.

Гдѣ существуютъ такія протяженія, тамъ пространство, время и матерія должны быть „безконечны, безграничны“. Справедливы слова Тутле: „На часахъ природы тысячелѣтія составляютъ только одинъ взмахъ маятника“, т. е. составляютъ то же, что для насъ одно мгновеніе или вздохъ, прибавимъ отъ себя.

„Древніе мифы исчезаютъ и перечисленіе отдѣльныхъ явленій природы невозможно въ виду того, что нѣсколько великихъ законовъ природы соединяютъ всю разнородность вселенной и управляютъ ею“, сказалъ Жираръ. Все на землѣ составляетъ болѣе или менѣе сложное соединеніе двухъ или нѣсколькихъ такъ называемыхъ элементовъ. Земля наша состоитъ изъ 63 элементовъ. Спектральный анализъ доказалъ, что всѣ извѣстныя намъ вещества находятся на всѣхъ прочихъ звѣздахъ, что нигдѣ во вселенной нѣтъ новаго вещества, которое не находилось бы уже на землѣ. Изъ единства веществъ вытекло единство силъ и законовъ природы, такъ какъ силы, по общему мнѣнію, не что иное какъ свойство вещества. Законы природы, управляющіе нашею землею, это законы всѣхъ прочихъ міровъ. Вся вселенная управляется силою тяготѣнія; отдѣльныя планеты, по тѣмъ же законамъ, дѣйствіе которыхъ мы видимъ ежедневно, получили свою форму и положеніе относительно солнца. Такъ земля образуетъ шаръ по тѣмъ же причинамъ, которыя принуждаютъ каплю росы принимать форму шара; земля сплющена по тѣмъ же причинамъ, по какимъ приведенная въ быстрое вращеніе въ водѣ капля масла принимаетъ эту форму („Опыты профессора Плато“). „Солнце и луна притягиваютъ другъ друга, говоритъ Фогтъ, пропорціонально своимъ массамъ и въ обратномъ отношеніи квадратовъ разстоянія; законъ этотъ съ неменьшею вѣрностью управляетъ двумя лепестками розы, упавшими въ лужу и плывущими по ней“. Законы свѣта, теплоты, химическихъ образованій—одинаковы во всемъ пространствѣ; всѣ небесныя тѣла недѣлимы, непроницаемы. Справедливо говоритъ Бюхнеръ: „Окружающій насъ міръ это безконечное цѣлое, составленное изъ однихъ и тѣхъ же веществъ, поддерживаемое одними и тѣми же силами“.

Матерія безконечна по величинѣ, но также по микроскопичности. Та же творческая сила, называется ли она эфиромъ, или иначе, та же сила, которая кидаетъ въ пространствѣ солнце и луну точно мячики, создала цѣлый міръ живыхъ существъ въ сотой части капли воды. Снабженныя органами, животныя эти живутъ и двигаются какъ большія: но и тутъ нѣтъ еще конца: болѣе сильные микроскопы открываютъ все новыхъ животныхъ. Котта спрашиваетъ: „Не станутъ ли при улучшенныхъ инструментахъ считать монадовъ великанами среди еще меньшихъ организмовъ?“

Быстрая монада составляетъ двухсотую часть линіи; въ каплѣ воды содержатся милліоны этихъ существъ; вибріоны, тоже микроскопическія животныя, въ сильно увеличительное стекло кажутся сверкающими точками, которыхъ содержится 4 милліона въ одной кубической линіи. Сѣмена водящагося въ Италіи винограднаго грибка такъ крошечны, что, по сравненіи съ ними, тѣльце человѣческой крови кажется подъ микроскопомъ гигантомъ, между тѣмъ капля крови содержитъ 5 милліоновъ такихъ тѣлецъ. Можно бы привести еще много примѣровъ, но и этихъ достаточно, чтобы показать, что творческія силы не имѣютъ предѣловъ и, переходя съ одной стороны въ гигантское, неизмѣримо громадное, съ другой стороны создаютъ въ маленькихъ пространствахъ цѣлые міры живыхъ существъ. Подобно тому какъ на все распространяется одна матерія, точно также всѣ разнообразныя явленія природы стараются приписать немногимъ силамъ, которыя пытаются разложить на немногіе элементы и, быть можетъ, привести даже къ одному. Теплота, свѣтъ, звукъ—это послѣдствія одной причины: движенія молекулъ. Доу доказываетъ это любопытнымъ опытомъ: онъ клалъ посреди большой темной комнаты на столъ желѣзную палку, которая приводилась въ колебаніе. Вмѣстѣ съ тѣмъ устраивалось приспособленіе для увеличенія скорости колебаній. Затѣмъ кто либо входилъ въ комнату въ ту минуту, когда палка сдѣлала четыре колебанія. Ни глазъ, ни ухо не могутъ уловить присутствія палки, только рука, натыкаясь на нес, узнавала бы ея движеніе. Но вотъ колебанія ускоряются, достигаютъ 32 разъ въ секунду и ухо слышитъ глубокій басовой звукъ; звукъ подымается, проходитъ всѣ среднія ноты, достигаетъ верхняго рѣзкаго тона, затѣмъ все погружается въ могильную тишину. Не оправившись еще отъ изумленія, съ того мѣста гдѣ находится палка, стоящій въ комнатѣ чувствуетъ распространеніе пріятной теплоты. Но пока все еще погружено въ мракъ. Колебанія однако ускоряются, появляется блѣдный красноватый свѣтъ, онъ усиливается, палка накаливается до-красна, становится желтою, переходитъ всѣ цвѣта до фіолетоваго, затѣмъ все снова погружается въ мракъ. „Такъ говоритъ природа различными голосами, вначалѣ тихое, слышное вблизи слово, затѣмъ зоветъ громче, издали, наконецъ отъ колебанія ея свѣта доносится до насъ голосъ изъ неизмѣримой дали“. (Изъ „Дѣйствій издали“ Доу).

Какъ выше замѣчено, упомянутый опытъ доказываетъ, что теплота, свѣтъ и звукъ происходятъ отъ дѣйствія одной причины или собственно зависятъ отъ движенія молекулъ тѣла, что приписываютъ электричеству и магнетизму.

Упомянемъ еще объ одномъ свойствѣ матеріи. Матерія и сила неразрушимы. Уже Эмпедоклъ, мудрецъ древности, говоритъ: „Тѣ уподобляются дѣтямъ, или людямъ съ узкимъ кругозоромъ, кто воображаетъ объ образованіи чего либо не существовавшаго уже ранѣе, или о возможности исчезновенія или вымиранія чего либо“.

Существованіе и исчезновеніе, рожденіе и смерть, доказываютъ это непреложно. Химія ничто иное какъ постоянное преобразованіе тѣхъ же основныхъ веществъ, количество и качество которыхъ само по себѣ во всѣ времена остается неизмѣннымъ. „При помощи вѣсовъ, говоритъ Бюхнеръ, прослѣдили за матеріей по всѣмъ ея извилистымъ путямъ и повсюду видѣли ее выходящею изъ какого либо соединенія въ томъ же количествѣ, въ какомъ она туда вошла“. „Такимъ образомъ матерія вѣчна, говоритъ Росмсслеръ, измѣняются только ея формы“. Вѣчныя превращенія зовутъ кругообращеніемъ матеріи; ранѣе чѣмъ была доказана научно неразрушимость матеріи, это ея свойство предполагалось многими учеными; между прочимъ Джіордано Бруно († въ 1600 г. въ Римѣ на кострѣ) говоритъ: „Что было сѣменемъ, становится травою, затѣмъ колосомъ, хлѣбомъ, питательнымъ сокомъ, кровью, животнымъ сѣменемъ, зародышемъ, человѣкомъ, трупомъ, затѣмъ снова землею, камнемъ или другою массою и т. д. Тутъ мы познаемъ нѣчто, превращающееся во всякія вещи и само по себѣ остающееся все однимъ и тѣмъ же. Тамъ, гдѣ мы говоримъ что нѣчто умираетъ, оно переходитъ только къ новому существованію—это выходъ изъ одного соединенія и переходъ къ другому“.

Сила, какъ и матерія, также неразрушима. Какъ невозможно ввести въ міръ новое вещество, матерію, такъ какъ каждое новое вещество это соединеніе уже бывшаго, точно также невозможно произвесть силу или уничтожить уже существующую.

„Каждый порывъ вѣтерка, каждый прибой волны къ берегу, говоритъ Тутле, отзывается въ міровомъ пространствѣ“. Это законъ сохраненія силы, заслуга объясненія котораго принадлежитъ безсмертному Роберту Майеру, врачу въ Гейльброннѣ.

„Въ природѣ ничто не пропадаетъ, говоритъ Секки, и все находится во взаимномъ соотношеніи. Волна въ морѣ подымается вѣтромъ, происшедшимъ въ свою очередь отъ неровнаго распредѣленія теплоты“. Брошенный въ стѣну камень падаетъ на землю, но сила бросанія не потерялась, она превратилась въ теплоту. Если нагрѣть воду до 100 градусовъ, когда начинаютъ образовываться пары, и затѣмъ продолжать нагрѣвать воду, подкладывая подъ сосудъ больше огня, термометръ тѣмъ не менѣе останется на ста градусахъ. Куда же дѣвается остальная теплота? Она идетъ на образованіе паровъ. Если убавить у пара теплоту, то молекулы ея падаютъ одна на другую съ извѣстною силою, совершенно равною той, которая требовалась ранѣе для ихъ разъединенія. Примѣры силы многочисленны и любопытны въ каждомъ изъ отдѣловъ физики.

И такъ вселенная „одна и та же для всѣхъ“, какъ говоритъ Гераклитъ Эфесскій, наполнена одинаковой матеріей и оживлена одинаковыми силами. Все сплочено такъ крѣпко, какъ звенья одной цѣпи, и еслибы намъ удалось заставить сойти съ ея пути хотя малѣйшую изъ звѣздъ, это, безъ сомнѣнія, нарушило бы весь общій небесный порядокъ, міръ вступилъ бы на новый путь и все въ пространствѣ заняло бы новыя мѣста.

Къ рисункамъ.

Отъ заутрени въ ледоходъ. (Рис. на стр. 348 и 349).

Широко разлилась и вздулась рѣчка въ половодье и несетъ цѣлые караваны льдинъ. Изъ-за рѣки съ трудомъ можно попасть въ церковку на ту сторону на лодкахъ, чтобы посѣтъ къ свѣтлой заутрени. Но вотъ и заутреня отошла, радостный возгласъ „Христосъ Воскресе“ огласилъ сводъ деревенской церкви и съ освященными куличами и пасхами возвращаются домой поселяне, пробираясь темною ночью и отталкивая шестами льдины.

Спѣшная работа.

(Рис. на стр. 353).

Оригинальный фантастическій рисунокъ талантливаго Н. Н. Каразина изображаетъ очень хлопотливую сцену. Маленькіе гномы торопятся докончить къ празднику раскраску пасхальнаго яйца. Вверху, разставивъ ноги, одинъ гномикъ торопливо выводитъ кистью полосы, другой, на висячемъ креслѣ, расписываетъ узоры, третій золотитъ оттѣнки, а снизу гномикъ-надсмотрщикъ торопитъ прилежныхъ работниковъ, чтобы поспѣли къ утру Свѣтлаго праздника.

Вѣра и Надежда.

(Рис. на стр. 356 и 357).

Прекрасные рисунки эти, символически изображающіе глубочайшія чувства сердца человѣческаго, чувства подкрѣпляющія и дающія ему твердость и утѣшеніе въ горѣ и бѣдствіяхъ жизненныхъ, чрезвычайно выразительно представляютъ въ этихъ двухъ прекрасныхъ лицахъ ихъ силу и стремленіе. Выполненіе рисунковъ должно признать вполнѣ мастерскимъ.

В. Л. Груберъ. (Портр. на этой стр.).

Въ началѣ апрѣля празднуется 40-лѣтній юбилей одного изъ замѣчательнѣйшихъ анатомовъ-хирурговъ нашего времени, Венцеслава Леопольдовича Грубера. Онъ, по своему происхожденію, принадлежитъ къ нѣмецкому семейству изъ Чехіи. Родился В. Л. въ 1814 году въ замкѣ Круканицъ, гдѣ его отецъ былъ тогда бочарнымъ мастеромъ. Первоначальное образованіе молодой Груберъ получилъ у почтеннаго монашествующаго духовенства въ Премонстратензерскомъ монастырѣ Тепль, около Маріенбада, въ Богеміи, одномъ изъ самыхъ большихъ монастырей Австріи. Для дальнѣйшаго образованія родители отправили его въ Прагу. Въ этомъ городѣ онъ кончилъ курсъ первоначально въ гимназіи, а потомъ въ университетѣ, гдѣ получилъ свое философское и медицинское образованіе. Въ 1842 г. Венц. Леопольд. удостоился степени д-ра хирургіи и въ томъ же году былъ назначенъ прозекторомъ, а въ 1844 году онъ получилъ степень д-ра медицины. Вскорѣ онъ получилъ мѣсто помощника Гиртля, профессора анатоміи въ Вѣнѣ. Тамъ у него вышли непріятности и потому онъ съ удовольствіемъ согласился на предложеніе Пирогова, въ 1846 г., поступить въ Медико-Хирургическую Академію въ С.-Петербургѣ. 4-го апрѣля 1847 г. Венц. Леопольд. вступилъ въ должность перваго ученаго прозектора, во вновь основанномъ Пироговымъ анатомическомъ институтѣ. Съ этого года начинается почтенная дѣятельность Грубера на пользу русскаго общества и созданный имъ институтъ въ настоящее время пользуется хорошею славою не только здѣсь, но и за границею. Мы не будемъ распространяться о томъ, сколько нужно доброй воли, труда и самопожертвованія для выполненія тяжелыхъ обязанностей, взятыхъ на себя проф. Груберомъ. За исключеніемъ праздничныхъ дней, студенты препарируютъ ежедневно 4 часа въ теченіе 6—7 мѣсяцевъ. Студенты, если только у нихъ нѣтъ лекцій по другимъ предметамъ, препарируютъ цѣлый день, и Венцесл. Леопольд. отъ души радуется работамъ и успѣхамъ по анатоміи студентовъ. Но преподавательская дѣятельность проф. Грубера не ограничивается только одними занятіями со студентами. У него каждый годъ экзаменуется, среднимъ числомъ, отъ 150 до 250 челов. врачей, держащихъ экзаменъ на полученіе степени д-ра медицины. Они сдаютъ практическій экзаменъ и приготовляютъ препараты. И все это только одна сторона его ученой дѣятельности. Другая — это непрерывные, самостоятельные труды его по анатоміи, давно давшіе ему огромную извѣстность и поставившіе проф. Грубера во главѣ извѣстныхъ анатомовъ Европы. До сихъ поръ имъ напечатано болѣе 500 сочиненій, причисляя сюда монографіи и статьи. Отдѣльныя его сочиненія появлялись въ С.-Петербургѣ, Прагѣ, Лейпцигѣ и Берлинѣ, въ разныхъ повременныхъ изданіяхъ. Всѣ его работы отличаются точностью, строгою научностью, большимъ знаніемъ спеціальной литературы и опытностью.

40-лѣтній-юбилей. Профессоръ В. Л. Груберъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Ко дню юбилея В. Л. Грубера, ему готовится цѣлый рядъ овацій, адресовъ, альбомовъ и пр. Между прочимъ мы имѣли случай видѣть альбомъ большаго формата in folio, который ему будетъ поднесенъ въ день его юбилея отъ 8000 русскихъ врачей, проходившихъ анатомію на курсахъ Грубера. Альбомъ этотъ содержитъ до 40 листовъ бристольской бумаги, съ цѣлымъ рядомъ прекрасныхъ, оригинальныхъ акварелей лучшихъ русскихъ художниковъ: Айвазовскаго, Зичи, Лагоріо, Каразина, Боброва, Сверчкова, Рѣпина и др. Между рисунками будутъ каллиграфированные и украшенные большими иниціалами, текстъ адреса и полныя названія всѣхъ 500 ученыхъ монографій и сочиненій проф. Грубера.

Весна. (Рис. на стр. 361).

Повѣетъ майскимъ тепломъ, луга покроются травою, деревья зеленью, а въ кустахъ раздадутся пѣсни соловья, и сердце человѣка наполняется радостью и даже самые мрачные люди веселѣютъ. Но болѣе всего радуются веснѣ дѣти—недаромъ возрастъ ихъ поэты называютъ весною человѣческой жизни. И малютка на рукахъ матери, на картинѣ Эппа, радуется также веснѣ и тянется рученками къ свѣтлой зелени. Мать глядитъ задумчиво, быть можетъ вспоминая то время, когда и ее радовала даже зеленая вѣтка и пестрый цвѣточекъ. Для полноты картины, художникъ помѣстилъ и козленка, бѣгающаго какъ собачка за крестьянкой и своими прыжками выражающаго радость оживляющей веснѣ.

Закавказскія древности. (Рис. на стр. 364 и 365).

Археологія Кавказа возводится къ самымъ отдаленнѣйшимъ временамъ, къ такъ называемому каменному вѣку. Въ особенности много сохранилось памятниковъ первыхъ вѣковъ введенія христіанства на Кавказѣ и мусульманскихъ древностей. Главное богатство послѣднихъ заключается въ надписяхъ, сохранившихся на старинныхъ мечетяхъ, башняхъ и караванъ-сараяхъ, а также надгробныхъ камняхъ. Христіанскія древности разсыпаны преимущественно по стариннымъ церквамъ и монастырямъ, главнымъ образомъ въ Арменіи и Грузіи. Памятники христіанства армянъ и грузинъ начинаютъ появляться съ IV вѣка по Р. Х. Большинство храмовъ сохранило свою своеобразную архитектуру, другіе-же дошли до насъ только въ развалинахъ. Храмы и монастыри Кавказа издревле пользова-

Весна пришла. Съ карт. Р. Эппа, грав. Швейгель.

лись особымъ вниманіемъ правителей и народа: важнѣйшимъ изъ нихъ жертвовались богатыя помѣстья; имъ приносились въ даръ нетлѣнныя сокровища, остатки которыхъ, пережив вѣка, дошли до насъ и удивляютъ своею цѣнностью и тонкою работою. Однимъ изъ замѣчательныхъ по сохранившимся сокровищамъ, является Эчміадзинскій монастырь. Онъ былъ извѣстенъ еще въ глубокой древности и основаніе его приписывается армянскому царю Эрованду I, жившему около VI в. до Р. Х. Въ послѣднемъ столѣтіи передъ Рожд. Хр. царь Тигранъ II поселилъ здѣсь іудейскую колонію и оттого онъ сдѣлался торговымъ пунктомъ. Въ настоящее время здѣсь имѣетъ пребываніе католикосъ, главный патріархъ всѣхъ армяно-грегоріанъ. Эчміадзинскій монастырь славился прежде большимъ богатствомъ. Въ ризницѣ монастыря, кромѣ утвари, уцѣлѣвшей отъ персіанъ, и драгоцѣнныхъ предметовъ облаченія католикосовъ, хранятся многія сокровища христіанства: св. копье, которымъ было прободено ребро Спасителя, части мощей и посохъ патріарха Петра II, изображенный на рисункѣ. Другой сокровищницей Кавказа является Гелатскій монастырь, одинъ изъ знаменитыхъ во всей Грузіи. Монастырь расположенъ весьма живописно близъ Кутаиса и болѣе другихъ сохранилъ древности грузинской церкви. Онъ основанъ въ VIII столѣтіи царемъ Давидомъ. Съ самаго начала онъ служилъ просто обителью иноковъ, но затѣмъ въ XVIII вѣкѣ католикосы Абхазіи перенесли свою каѳедру изъ Пицунды въ Гелатъ, который и сдѣлался ихъ постояннымъ мѣстопребываніемъ. Между новѣйшими сокровищами особенно замѣчательны золотые дискосы и чаша, осыпанные бирюзою, католикоса Виссаріона и туфли, изображенныя на рисункѣ. Неоцѣненнымъ сокровищемъ является перстень царя Давида III Возобновителя, съ мощами св. Георгія внутри и прекрасно вырѣзаннымъ ликомъ Великомученика сверху для печати; онъ имѣетъ $1^{1}/_{2}$ дюйма въ діаметрѣ (изображенъ на рисункѣ нашемъ).

Н. Н. Семеновъ. (Портр. на стр. 364).

20 октября 1886 года скончался въ Парижѣ писатель, русскій по рожденію, извѣстный во Франціи своими беллетристическими произведеніями, Николай Николаевичъ Семеновъ. Отецъ его, служившій сначала въ гвардіи (въ Измайловскомъ полку), былъ потомъ директоромъ училищъ въ Рязанской губерніи, а впослѣдствіи Вятскимъ губернаторомъ. Онъ приходился роднымъ племянникомъ писательницѣ Аннѣ Петровнѣ Буниной и роднымъ братомъ сподвижнику отечественной войны 1812 г. Петру Николаевичу Семенову, извѣстному своими комедіями и о сценическомъ талантѣ котораго отзывается съ похвалою Аксаковъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

Николай Николаевичъ Семеновъ родился 17 февраля 1833 г. и, получивъ образованіе въ училищѣ правовѣдѣнія, началъ службу свою въ Сенатѣ. Но слабое здоровье его не позволило ему оставаться въ Петербургѣ и когда доктора отправили его на югъ, то онъ поселился во Франціи, купивъ себѣ виллу близъ Авиньона, и только на лѣто могъ пріѣзжать въ Россію. Усвоивъ себѣ въ совершенствѣ французскій языкъ, Н. Н. Семеновъ сдѣлался сотрудникомъ нѣсколькихъ журналовъ („Moniteur universel“, „Le monde illustré“ и др.), въ которыхъ онъ помѣщалъ свои романы и стихотворныя произведенія.

Его главныя повѣсти: „Подъ зелеными дубами“, „Дневникъ поэта“ и „Сантиментальный милліонеръ“ были не только замѣчены французской критикой, но и признаны безукоризненными по языку и замѣчательными по оригинальности, изяществу слога, по свѣжести и теплотѣ чувства.

Романы его: „Дурной мужъ“ и „Подъ дубами“ выдержали уже нѣсколько изданій, а послѣдній изъ нихъ переводится на русскій языкъ. Его трехактная комедія: „Наши кандидаты“ мѣтко осмѣиваетъ всю ложь и фальшь выборныхъ порядковъ современной республиканской Франціи. Посмертное его сочиненіе „Agathine“, только что вышедшее въ Парижѣ, содержитъ серію маленькихъ разсказовъ, изъ которыхъ два посвящены русской жизни: одинъ изъ нихъ есть переводъ сказки Пушкина „О мертвой царевнѣ и семи богатыряхъ“, а второй изображаетъ Пасху въ Малороссіи.

Нельзя не пожалѣть, что смерть такъ рано похитила писателя, столь хорошо подготовленнаго къ тому, чтобы еще болѣе ознакомить европейское общество съ нашей литературой.

А. И. Штукенбергъ. (Портр. на стр. 364).

7-го марта скончался въ СПб. инженеръ, тайный совѣтникъ Антонъ Ивановичъ Штукенбергъ, принадлежавшій къ числу тѣхъ людей, которые въ царствованіе Императора Николая I положили прочное основаніе развитію инженернаго дѣла въ Россіи. А. И. родился въ Вышнемъ-Волочкѣ въ 1816 г. Воспитывался въ институтѣ корпуса инженеровъ путей сообщенія, по окончаніи курса былъ командированъ въ Восточную Сибирь и пробылъ тамъ около 4 лѣтъ, производя изысканія Круго-Байкальской дороги. По возвращеніи изъ Сибири, А. И. участвовалъ въ исправленіи Вишерскаго канала Вышневолоцкой системы, производилъ изысканія для Николаевской желѣзной дороги и завѣдывалъ постройкою части этой дороги. Прослуживъ здѣсь, т. е. на Николаевской желѣзной дорогѣ 13 лѣтъ, онъ поступилъ для особыхъ порученій при главно-управляющихъ пут. сообщ., сперва графѣ Клейнмихелѣ, а потомъ Чевкинѣ. Со времени окончанія крымской войны и до самой смерти А. И. завѣдывалъ городскими работами въ СПб., сперва какъ начальникъ 1-го отд. 1-го округа путей сообщ., а затѣмъ какъ старшій техникъ при СПб. городской управѣ. За это время А. И. между прочимъ построилъ мосты Каменноостровскій и Крестовскій. Съ 1864 г. А. И. состоялъ членомъ строительнаго комитета мин. внутр. дѣлъ и принималъ дѣятельное участіе въ устройствѣ постояннаго моста Александровскаго черезъ Неву. А. И. занимался также и литературой и оставилъ много сочиненій. Рядъ статей его печатался въ журналахъ „Минист. пут. сообщ.“, „Хозяйств. Строителѣ“ и „Инж. журналѣ“. Кромѣ спеціальныхъ сочиненій, А. И. издалъ три тома стихотвореній и помѣщалъ статьи въ журналахъ литературныхъ.

Гибель парохода „Царица“. (Рис. на стр. 365).

Одинъ изъ лучшихъ пароходовъ Русскаго общества пароходства и торговли, „Царица“, вышедшій изъ Одессы александрийскимъ рейсомъ, потерпѣлъ 5 февраля ужасное крушеніе въ Архипелагѣ, въ 6 миляхъ отъ Сиры. Въ 3 часа дня „Царица“ встрѣтила у береговъ Сиры весьма густой туманъ. Пароходъ шелъ умѣреннымъ ходомъ и наскочилъ на рифъ. Отъ сильнаго толчка пароходъ пробилъ свой трюмъ; два отдѣленія парохода моментально наполнились водою и онъ засѣлъ между двухъ большихъ скалъ. Всѣ находившіеся на пароходѣ пассажиры и команда, съ командиромъ Сафоновымъ, были спасены и благополучно доставлены на ближайшій берегъ. Успѣли также спасти почту и багажъ пассажировъ. По полученной телеграммѣ, на мѣсто крушенія были отправлены для поданія помощи два иностранныхъ парохода: австрійскаго „Ллойда“ и греческій. Кромѣ того были посланы еще два парохода русск. общ. — „Чихачевъ“ и „Александръ“, изъ которыхъ „Александру“ приказано было взять пассажировъ и идти прямымъ рейсомъ въ Александрію. Команда же вся была доставлена изъ Сиры въ Одессу. „Царица“ имѣла изъ Одессы слѣдующій грузъ: 220 быковъ, 800 мѣшковъ муки, 22 вагона строевого лѣса, 78 бочекъ спирта и около 200 мѣстъ разнаго груза, вся цѣнность груза опредѣляется въ 50,000 руб. На мѣстѣ катастрофы собралась цѣлая флотилія: 4 парохода русскаго общества, 2 австрійскаго „Ллойда“, четыре греческихъ парохода, военный клиперъ „Стрѣлокъ“ и канонерская лодка „Бобръ“. Вообще, для спасенія парохода были приняты самыя энергическія мѣры. Прибывшіе на мѣсто катастрофы изъ Дарданеллъ иностранные пароходы съ помпами, не могли начать работъ, вслѣдствіе крайне неблагопріятной погоды и неудобства мѣстности. По осмотрѣ оказалось, что „Царица“ получила серьезныя поврежденія: вдоль киля, начиная отъ носа, нѣсколько листовъ въ подводной части парохода прорваны, а нѣсколько вдавлены. Вслѣдствіе этого трюмы наполнились водою. Спасеніе груза изъ трюмовъ „Царицы“ крайне затруднялось тѣмъ обстоятельствомъ, что погибшій пароходъ въ послѣдніе дни имѣлъ наклонность въ 45 градусовъ, такъ что по палубѣ приходилось лазить на четверенькахъ. Затѣмъ, постоянно державшаяся зыбь и прибой волнъ со стороны кормы, все толкали пароходъ внизъ по скалѣ и, такимъ образомъ, корпусъ „Царицы“ все приближался къ вертикальной линіи. Общ. парох. и торг. предложило французскому инженеру Бельс поднять пароходъ изъ моря. Дѣло съ нимъ не состоялось и Общество обратилось къ фирмѣ Дюссо и Ко изъ Смирны. Теперь констатировано, что пароходъ во время шторма отнесло дальше и онъ лежитъ на глубинѣ 26 саж.

С. А. Грейгъ. (Портр. на стр. 368).

Въ Берлинѣ 9-го марта скончался генералъ-адъютантъ Самуилъ Алексѣевичъ Грейгъ, бывшій государственный контролеръ, а затѣмъ министръ финансовъ. Генералъ отличался вообще хорошимъ здоровьемъ и ничто не давало повода предвидѣть такого исхода болѣзни, вслѣдствіе которой онъ поѣхалъ въ Берлинъ, куда ему рекомендовали ѣхать для произведенія весьма болѣзненной хирургической надъ нимъ операціи. Послѣ вполнѣ удачной операціи, у больнаго оказался упадокъ силъ, за которымъ послѣдовалъ параличъ сердца и кончина. С. А. Грейгъ родился въ 1827 г. и былъ сыномъ и внукомъ знаменитыхъ адмираловъ Грейгъ. Изъ Пажескаго корпуса вышелъ онъ въ конногвардейскій полкъ. Состоя адъютантомъ при кн. Меньшиковѣ, С. А. былъ раненъ подъ Севастополемъ. Затѣмъ онъ состоялъ адъютантомъ при Его Имп. Выс. Вел. Кн. Константинѣ Николаевичѣ, а послѣ того былъ назначенъ директоромъ канцеляріи морскаго министерства. Въ 1866 г. онъ былъ назначенъ на должность товарища министра финансовъ. Благодаря энергическому труду и твердой рѣшимости, С. А. оказался на высотѣ своего положенія. Тогдашній министръ финансовъ нашелъ въ немъ прекраснаго сотрудника и замѣстителя. Заслуги С. А. были оцѣнены по достоинству и онъ былъ въ 1871 г. назначенъ государственнымъ контролеромъ, послѣ смерти извѣстнаго Татаринова. Семь лѣтъ спустя, когда въ 1878 г. Рейтернъ оставилъ министерство финансовъ, С. А. заступилъ его мѣсто, но пробылъ министромъ только два года. Послѣ этого генералъ Грейгъ засѣдалъ въ Государственномъ Совѣтѣ, гдѣ его дѣятельность и

участіе, которое онъ принималъ въ преніяхъ, и его ровный характеръ, высоко цѣнились его товарищами. С. А., кромѣ того, былъ почетнымъ членомъ Имп. Академіи Наукъ. Тѣло покойнаго перевезено въ СПБ., гдѣ и предано землѣ на Смоленскомъ кладбищѣ.

Собраніе Импер. Общ. Садоводства, 21-го марта, было посвящено памяти своего бывшаго президента С. А. Грейга. Первую рѣчь произнесъ вице-президентъ общества Э. Л. Регель, который отъ слезъ нѣсколько разъ долженъ былъ прерывать свою рѣчь. Очертивъ характеръ покойнаго и любовь его къ садоводству, г. Регель сообщилъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о покойномъ. С. А. былъ президентомъ общества 22 года, съ самаго начала и до конца его энергія не ослабѣвала; онъ вводилъ постоянно новыя мѣропріятія, стремился поднять общество; при немъ сооруженъ въ 1874 г. Александровскій садъ, лучшій въ столицѣ; при немъ общество устроило двѣ всемірныя выставки садоводства, получило титулъ „Императорскаго общества"; въ провинціи возникло 12 отдѣловъ. Г. Регель предложилъ почтить память покойнаго вставаніемъ. Всѣ поднялись со своихъ мѣстъ.

Затѣмъ близкое покойному лицо, г. Мицкевичъ, описалъ послѣднія минуты жизни С. А.; онъ захворалъ еще лѣтомъ, но не подозрѣвалъ развивавшагося тяжкаго недуга. Осенью ему стало плохо, а въ февралѣ профессора Боткинъ и Рейеръ констатировали у него вполнѣ развившійся ракъ; надо было сдѣлать операцію, но Рейеръ не рѣшался и посовѣтовалъ ѣхать въ Берлинъ къ знаменитому профессору Бергману; больной поѣхалъ съ семействомъ; операція была сдѣлана удачно, но оказалось, что у С. А. было два большихъ рака; на третій день операціи больной чувствовалъ сильную слабость, упадокъ силъ и, заснувъ къ вечеру, онъ скончался отъ паралича сердца. Императоръ Вильгельмъ, узнавъ о кончинѣ С. А., приказалъ отдать ему воинскія почести и при выносѣ участвовалъ баталіонъ солдатъ съ музыкой и знаменемъ.

Рѣшено было въ память С. А. не производить до осени выборовъ новаго президента Имп. Общ. Садоводства, поставить въ залѣ портретъ покойнаго, учредить премію — большую золотую медаль имени С. А. за культуру по плодоводству и цвѣтоводству.

Камиллъ Сенъ-Сансъ. (Портр. на стр. 368).

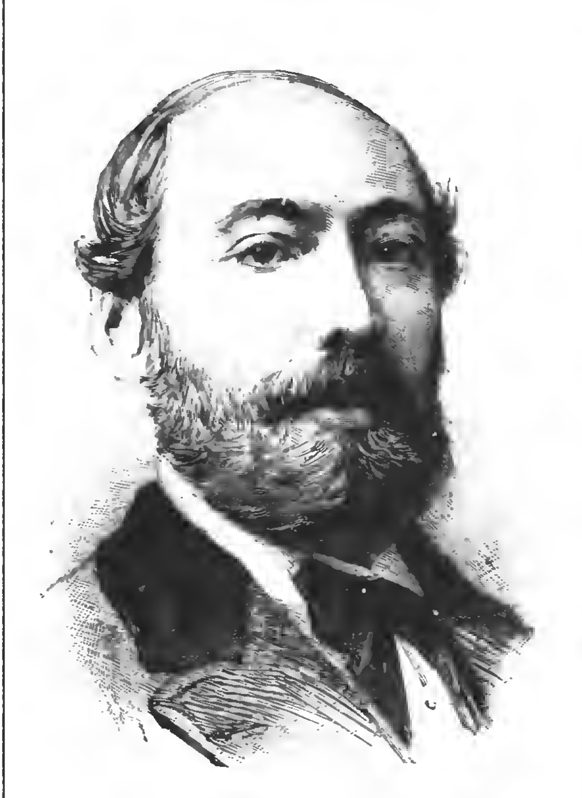
Въ Петербургъ пріѣхалъ Камиллъ Сенъ-Сансъ, одинъ изъ первоклассныхъ піанистовъ и композиторъ весьма своеобразный. Какъ піанистъ, онъ главнымъ образомъ поражаетъ своей техникой, доведенной до совершенства. Въ семидесятыхъ годахъ этотъ виртуозъ посѣтилъ нашу столицу. Тогда крупный успѣхъ встрѣтилъ его. Какъ композиторъ, Сенъ-Сансъ извѣстенъ во всей Европѣ, благодаря только очень немногимъ своимъ произведеніямъ, изъ нихъ „Danse macabre" (Пляска мертвецовъ) для оркестра вездѣ и сразу завоевало симпатіи публики. Популярность Сенъ-Санса тѣсно связана съ этой вещью, а между тѣмъ этотъ композиторъ крайне плодовитъ. Въ длинномъ каталогѣ его произведеній, состоящихъ изъ оперъ, мессъ, ораторій, квинтетовъ, симфоній, концертовъ, органныхъ, фортепіанныхъ, вокальныхъ вещей, насчитывается до 70 нумеровъ. Оперъ имъ написано пять: „La princesse jaune" (Желтая принцесса), „Le timbre d'argent" (Серебряный колоколъ), „Samson et Dalila" (Самсонъ и Далила), „Etienne Marcel" (Этьенъ Марсель) и „Henri VIII" (Генрихъ VIII), изъ которыхъ послѣдняя, поставленная на сценѣ Большой Парижской Оперы, заставила о себѣ говорить. Чаще другихъ произведеній исполняются повсемѣстно его фортепіанные концерты. Композиторская дѣятельность Сенъ-Санса весьма разнообразна, въ его композиціяхъ можно встрѣтить вещи въ стилѣ Баха, Генделя, именно въ стилѣ старыхъ мастеровъ, легкія фортепіанныя вещи въ чисто салонномъ жанрѣ, композиціи въ восточномъ стилѣ, однимъ словомъ, этотъ композиторъ старался охватить своей дѣятельностью всѣ жанры музыки. Начало артистической карьеры Сенъ-Санса было тяжелое, онъ два раза пытался получить первый призъ консерваторіи, но безуспѣшно. Наконецъ только въ 1867 году его кантата „Les noces de Prométhée" (Свадебный пиръ Прометея), получила на конкурсѣ всемірной выставки всеобщее одобреніе. Вслѣдствіе этой кантаты авторъ ея удостоился ордена почетнаго легіона. Въ настоящее время Сенъ-Сансъ пользуется крупнымъ именемъ: членъ академіи изящныхъ искусствъ во Франціи. Его музыка полна самобытности, прекраснаго оркестроваго колорита, хорошаго стиля, изящества и между новѣйшими французскими композиторами-симфонистами, онъ можетъ считаться наиболѣе солиднымъ, воспитаннымъ на чисто классической германской почвѣ. Сенъ-Сансъ долгое время былъ органистомъ въ церкви Мадленъ. Его грандіозныя прелюдіи, полныя гармоническихъ красотъ, обращали на себя всеобщее вниманіе. Въ области критики, дѣятельность Сенъ-Санса была необширна, онъ писалъ только нѣкоторое время въ „Le Bon Sens". Первое произведеніе, возбудившее интересъ и исполненное въ обществѣ св. Сесиліи въ Парижѣ, въ 1852 году, была симфонія, написанная Сенъ-Сансомъ семнадцати лѣтъ. Сенъ-Сансъ пріѣхалъ въ Петербургъ, съ цѣлью дирижировать и играть въ шести концертахъ въ пользу „Краснаго Креста". Артистъ согласился безвозмездно принять участіе въ этихъ концертахъ.

Флаги Россійскаго и другихъ государствъ.

(Безплатное приложеніе къ „Нивѣ" № 14).

Флагомъ называется обыкновенно цвѣтной четыреугольный кусокъ шерстяной матеріи, насаженный на древко, служащій отличіемъ корабля и употребляющійся еще для особыхъ цѣлей. Національный флагъ бываетъ на одну треть длиннѣе своей высоты и помѣщается на верху задней мачты, или на заднемъ концѣ корабля, надъ рулемъ. Многія государства имѣютъ различные національные флаги, торговые и военные. Такъ русскій торговый флагъ состоитъ изъ трехъ продольныхъ полосъ, бѣлой сверху, синей въ срединѣ и красной внизу, а военный изъ бѣлаго поля съ нашитымъ на немъ синимъ андреевскимъ крестомъ, концы котораго совпадаютъ съ углами флага. Торговый и военный флагъ Нидерландовъ состоитъ изъ трехъ продольныхъ полосъ того же цвѣта что и русскій торговый флагъ, но иначе расположенныхъ, именно: красная полоса идетъ сверху, затѣмъ слѣдуютъ бѣлая и синяя. Торговый и военный флагъ Франціи состоитъ изъ полосъ того же цвѣта, но расположенныхъ горизонтально. Италія имѣетъ также полосатый флагъ зеленый, бѣлый и красный, съ гербомъ Савойскаго дома посрединѣ. Торговый флагъ Германіи состоитъ изъ трехъ продольныхъ полосъ: черной сверху, бѣлой и красной, а военный—изъ бѣлаго поля раздѣленнаго чернымъ крестомъ съ императорскимъ орломъ и только верхняя часть поля, находящаяся у древка, состоитъ изъ трехъ полосокъ, черной, бѣлой и красной, съ желѣзнымъ крестомъ по срединѣ. Датскій торговый флагъ состоитъ изъ краснаго поля, раздѣленнаго бѣлымъ крестомъ, а военный отличается только треугольною вырѣзкою на концѣ. Находящіеся на службѣ военные корабли вывѣшиваютъ свой національный флагъ лѣтомъ съ 8 часовъ и зимою съ 9 ч. утра до солнечнаго заката, что возвѣщается выстрѣломъ; торговые корабли вывѣшиваютъ флаги только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, во время привѣтствія военныхъ кораблей въ морѣ, при прохожденіи мимо побережныхъ батарей или при входѣ въ гавань. Во время празднествъ вывѣшиваются всѣ имѣющіеся на кораблѣ флаги. Русскій и французскій флотъ вывѣшиваетъ флаги такимъ образомъ, что отъ борта къ каждой мачтѣ, чрезъ концы рей поднимается особая флаговая веревка и въ такомъ же порядкѣ спускается сверху къ другому концу борта съ другой стороны. На каждомъ военномъ кораблѣ находятся флаги различныхъ національностей для привѣтствія и другихъ цѣлей; при поднятіи флаговъ, флагъ того народа, которому оказываются почести, ставится выше всѣхъ на стенгѣ. Кромѣ національныхъ флаговъ, на каждомъ кораблѣ имѣются еще меньшіе сигнальные флаги для подачи команды, обозначенія чиселъ, буквъ и пр. Затѣмъ имѣются еще такъ называемые лоцманскіе флаги, квадратный флагъ, окруженный рубцомъ другого цвѣта, вывѣшиваніе которыхъ обозначаетъ, что корабль требуетъ лоцмана: путевой флагъ (голубой съ бѣлымъ квадратомъ посрединѣ), вывѣшиваніе котораго на форъ-марсѣ обозначаетъ близкій отходъ корабля; далѣе флагъ команды, штандартъ,—большой флагъ, вывѣшиваемый на большой мачтѣ и свидѣтельствующій о присутствіи на кораблѣ монарха. Бѣлый флагъ служитъ признакомъ дружественныхъ намѣреній и во время войны обозначаетъ желаніе выслать парламентера. Квадратный желтый флагъ на форъ-марсѣ считается признакомъ карантиннаго корабля, который не долженъ сообщаться ни съ берегомъ, ни съ другими кораблями. Траурнымъ флагомъ служитъ флагъ національный, спущенный до половины древка. Во время бѣдствія и требованія помощи флагъ свертывается, на него надѣвается петля и въ этомъ положеніи его поднимаютъ наверхъ, затѣмъ спускаютъ петлю, послѣ чего онъ тотчасъ развертывается. Однако флаги не служатъ единственно для обозначенія національности корабля, но, какъ сказано, и для другихъ цѣлей, напр. подачія сигнала, требованія лоцмана, или для соглашенія съ другими кораблями, почтовыми станціями и побережными пунктами. На военныхъ корабляхъ флагъ служитъ для обозначенія чина командующаго кораблемъ. Такъ адмиралъ имѣетъ четыреугольный флагъ на верху большой мачты, вице-адмиралъ—такой же флагъ на фокъ-мачтѣ, контръ-адмиралъ—на бизань-мачтѣ и капитанъ-командоръ—треугольный флагъ на большой мачтѣ. Особенно важенъ относительно своихъ правъ парламентерскій флагъ во время войны. Плавающіе подъ этимъ флагомъ корабли избѣгаютъ нападеній. Но злоупотребившій этимъ флагомъ корабль и вывѣсившій его съ цѣлью узнать подъ его прикрытіемъ положеніе непріятеля, считается шпіономъ и подвергается наказанію. Флагъ, вывѣшенный вер-

хомъ внизъ, считается высшимъ оскорбленіемъ. Парижскимъ договоромъ 1856 г. установлено международное право, которымъ непріятельское имущество, за исключеніемъ военной контрабанды, идущее подъ нейтральнымъ флагомъ, считается обезпеченнымъ отъ захвата. По этому же договору на нейтральный грузъ, идущій подъ непріятельскимъ флагомъ, не можетъ быть наложено запрещеніе. Къ договору этому примкнули всѣ европейскія морскія державы; Соединенные же штаты выразили согласіе принять эти правила подъ условіемъ уничтоженія на морѣ каперства.

Н. Н. Семеновъ. † 20 окт. 1886 г.

А. И. Штукенбергъ. † 7 марта. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Закавказскія древности. Посохъ Патріарха Петра II (XVII в.) въ Эчміадзинѣ. Съ акварели проф. Премацци, грав. Флюгель.

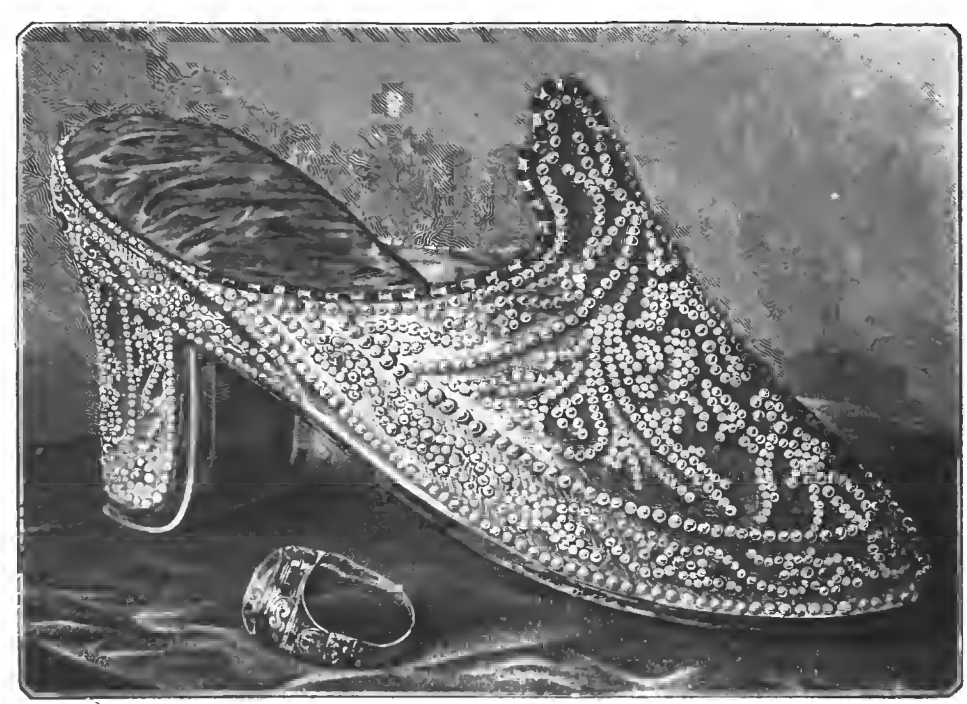
На приложенной къ этому № прекрасно исполненной красками таблицѣ, изображены флаги русскіе и другихъ государствъ.

Каждое судно, по международному праву, должно доказать свою національность. Такими доказательствами у коммерческихъ кораблей служатъ судовыя бумаги и *флагъ*, который относится къ видимому знаку принадлежности извѣстнаго судна къ какой нибудь національности. Флагъ коммерческаго судна, кромѣ видимаго знака его принадлежности къ извѣстной національности, служитъ иногда для выраженія извѣстнаго намѣренія; къ нему прибѣгаютъ въ торжественныхъ и печальныхъ случаяхъ, при кораблекрушеніяхъ и т. д. Такъ напримѣръ, связанный національный флагъ означаетъ бѣдствіе; приспущенный до половины — печаль (трауръ); постепенное опусканіе и подниманіе флага—привѣтъ (салютъ); спускъ флага во время боя—намѣреніе сдаться въ плѣнъ.

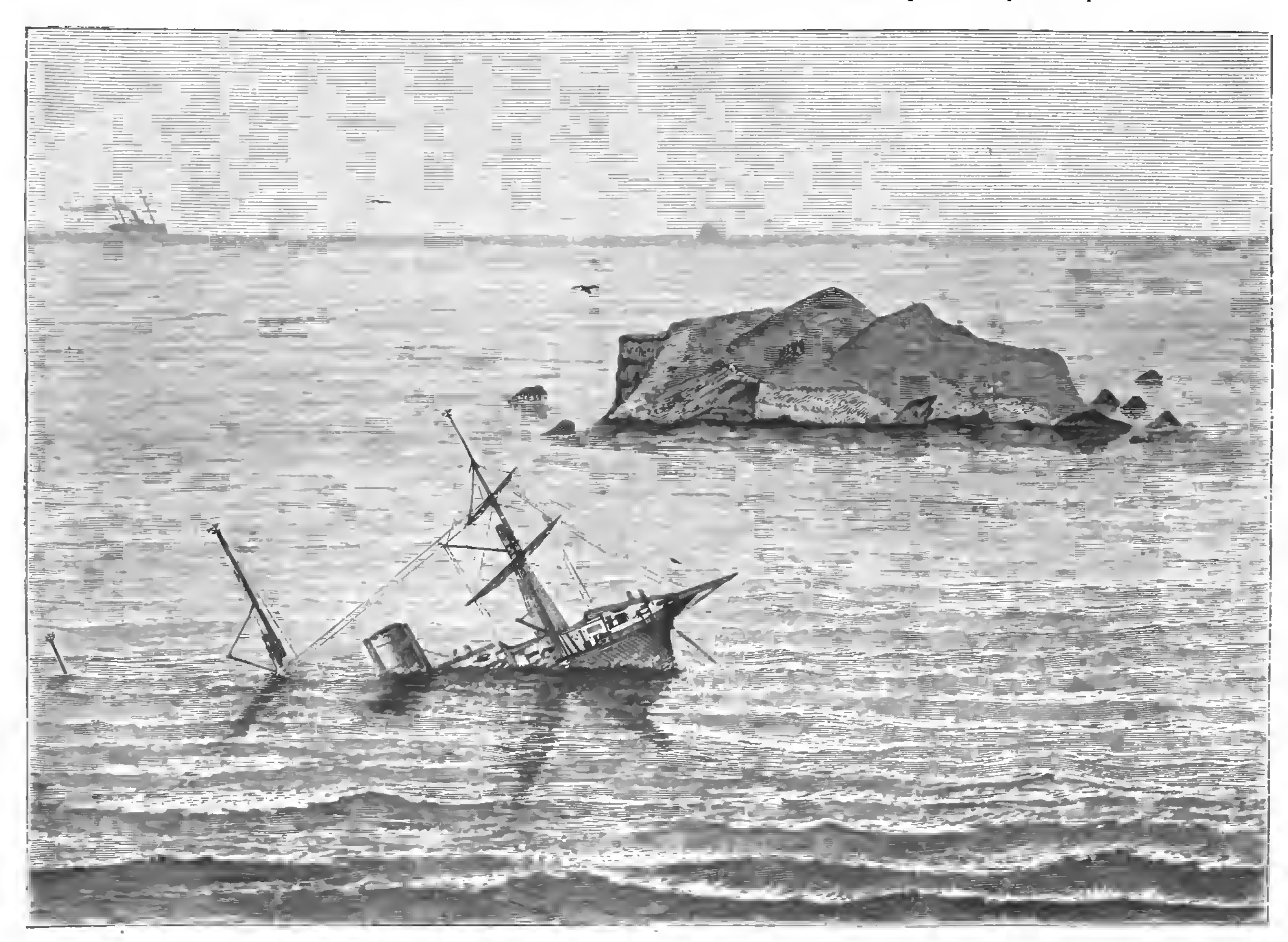
Во многихъ государствахъ военный флагъ существенно отличается отъ торговаго. Выборъ того или другого вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія каждаго государства и подвергается только тому правилу, чтобы разъ существующій и утвержденный международными соглашеніями флагъ не былъ избираемъ вновь. Военный флагъ пользуется громадными преимуществами пе-

редъ торговымъ. Каждое военное судно представляетъ собою заграницею часть вооруженной силы того государства, которое его отправило; командиръ судна есть представитель этого государства и пользуется, со всѣмъ личнымъ составомъ судна, полною независимостью. На основаніи вышеизложеннаго, каждое военное судно пользуется правами и преимуществами внѣземельности (экстерриторіальности). Ни одна иностранная власть не имѣетъ права вмѣшаться во все то, что происходитъ на бортѣ военнаго корабля. Кромѣ того, послѣдній имѣетъ права на оказаніе ему особыхъ почестей со стороны коммерческихъ судовъ. Такъ напримѣръ, каждое торговое судно обязано поднимать, при встрѣчѣ съ военнымъ кораблемъ, свой національный флагъ. Для исполненія этого древняго обычая, основаннаго на старыхъ принципахъ международнаго права, иногда допускается даже прибѣгнуть къ открытой силѣ.

Штандартъ Его Императорскаго Величества—желтый флагъ съ государственнымъ гербомъ по серединѣ его, но безъ малыхъ гербовъ на крыльяхъ. Въ обоихъ лапахъ и клювахъ орла четыре карты, изображающія четыре русскихъ моря: Балтійское, Бѣлое, Каспійское и Черное. Штандартъ означаетъ присутствіе Государя Императора; онъ поднимается и спускается только по личному Его Императорскаго Величества приказанію. Мѣсто его на кораблѣ— на гротъ-брамъ-стеньгѣ, на катерахъ — на носовомъ флагштокѣ, а на крѣпостяхъ— на томъ флагштокѣ, на которомъ поднимается крѣпостной флагъ. Штандартъ въ одно и то-же время никогда не долженъ быть поднятъ въ разныхъ мѣстахъ. Ему присвоивается императорскій салютъ, т. е. 31 выстрѣлъ. Штандартъ Государыни Императрицы отличается отъ только что описаннаго тѣмъ, что изъ желтаго поля вырѣзанъ уголъ для образованія косицъ. Подъемъ его означаетъ присутствіе Ея Императорскаго Величества; ему присвоивается тотъ-же императорскій салютъ. Флагъ Государя Наслѣдника Цесаревича состоитъ изъ гюйса *), съ четыреуголь-

Древности Закавказья. Перстень царя Давида III (1082—1098 г.) и туфля патріарха Имеретіи въ Гелатскомъ монастырѣ. Съ акварели проф. Премацци, грав. Флюгель.

*) Гюйсъ—красный флагъ съ синимъ андреевскимъ крестомъ, окаймленнымъ бѣлыми полосами, и съ бѣлымъ прямымъ поперечнымъ крестомъ.

Гибель парохода „Царица“ въ Архипелагѣ (5 февраля). По наброску И. Васильева, грав. М. Рашевскій.

нымъ штандартомъ въ серединѣ. Флагъ Государыни Цесаревны подобенъ флагу Государя Наслѣдника Цесаревича, но изъ него вырѣзанъ уголъ для образованія косицъ. Оба флага поднимаются только по личному приказанію Ихъ Высочествъ; имъ присвоенъ салютъ въ двадцать пять выстрѣловъ. Флаги Великихъ Князей и Великихъ Княгинь—гюйсы, со штандартомъ въ серединѣ, въ видѣ правильнаго круга: первый — четыреугольный, второй — съ косицами. Обоимъ флагамъ присвоенъ салютъ въ двадцать одинъ выстрѣлъ. Изъ другихъ государственныхъ флаговъ, укажемъ на общій флагъ военныхъ судовъ—бѣлый съ синимъ андреевскимъ крестомъ. Онъ почитается на кораблѣ, какъ знамя въ полку, и всѣ служащіе должны охранять этотъ флагъ до послѣдней капли крови, какъ бы хоругвь Русскаго Государя. Георгіевскій флагъ, жалуемый русскимъ военнымъ кораблямъ за оказанные въ сраженіи подвиги, бѣлый съ синимъ андреевскимъ крестомъ и съ изображеніемъ, посреди его, св. Георгія на красномъ щитѣ. Георгіевскій флагъ былъ пожалованъ только двумъ судамъ: кораблю „Азовъ“ за подвиги, оказанные въ Наваринскомъ сраженіи, подъ начальствомъ капитана Лазарева, и бригу „Меркурій“—за бой, подъ начальствомъ капитана Казарскаго, съ двумя турецкими кораблями. Въ Высочайше утвержденномъ церемоніалѣ, 23 января 1825 года, освященія и поднятія на кораблѣ „Азовъ“ Георгіевскаго флага сказано: *„флагъ на кораблѣ, какъ знамя въ полку, подобаетъ защищать до послѣдняго часу жизни и свято охранять, яко хоругвь сраженія; безчестенъ бо есть спустившій флагъ предъ непріятелемъ, не оборонявшій оный до послѣдней капли крови отъ рукъ вражіихъ“*. Пожалованные Георгіевскіе флаги разрѣшено носить всѣмъ судамъ, построеннымъ въ память геройскихъ подвиговъ корабля „Азовъ“ и брига „Меркурій“. Въ настоящее время одинъ изъ этихъ флаговъ развѣвается на одномъ изъ судовъ Черноморскаго флота — крейсерѣ „Память Меркурія“ (прежній крейсеръ „Ярославль“ — добровольнаго флота, рисунокъ котораго былъ помѣщенъ въ „Нивѣ“ въ 1881 г.). Другой Георгіевскій флагъ будетъ поднятъ на строющемся въ Петербургѣ броненосномъ крейсерѣ „Память Азова“, о торжественной закладкѣ котораго дано описаніе въ нашемъ журналѣ, въ прошломъ году.

Библіографія.

Альбомъ рисунковъ выпиливанія. *Изд. журн. „Нива“ 1887 г.* Мы получили болѣе 500 писемъ, гдѣ тѣ изъ нашихъ подписчиковъ, которые интересуются ажурными работами (выпиловкой), спрашиваютъ насъ гдѣ бы они могли получить альбомъ рисунковъ для такихъ работъ. Въ виду этой потребности, желая ей удовлетворить, мы издаемъ альбомъ такихъ рисунковъ, цѣлыхъ 25 большихъ листовъ прекрасно отлитографированныхъ. Здѣсь богатѣйшій выборъ около 300 разнообразныхъ образцовъ выпиливанія изъ дерева. Цѣна этого альбома всего 1 руб. (съ перес. 1 р. 30 к.) и за такую дешевую цѣну подобнаго изданія еще не было никогда. Надѣемся, что вполнѣ отвѣтили желанію нашихъ читателей. Рисунки работъ для нѣкоторыхъ рамокъ, плато и шкатулокъ особенно изящны.

Соч. А. С. Пушкина. (Полн. собр. 10 т.). Изд. Павленкова. Эти десять довольно изящно отпечатанныхъ томиковъ заключаютъ въ себѣ всѣ сочиненія нашего знаменитаго поэта, изд. подъ редакціей г. Скабичевскаго. Редакторъ не придерживался хронологическаго порядка пьесъ, но собиралъ ихъ по данымъ родамъ вмѣстѣ, что облегчаетъ отысканіе. Цѣна 1 р. 50 к., въ переплетѣ 2 р. 50 коп., дѣлаетъ это изданіе доступнымъ всѣмъ, а карманный форматъ удобнымъ для пользованія.

Соч. А. С. Пушкина (въ одномъ томѣ). Изд. Павленкова. Это другое изданіе,—въ два столбца,—сочиненій Пушкина, съ прекраснымъ портретомъ поэта, и большимъ альбомомъ рисунковъ, имѣетъ большое достоинство нераздробленности и удобства для чтенія. Рисунки альбома принадлежатъ художникамъ Штейну, Земцову, Малышеву и друг. и частью заимствованы изъ Лит. Альб. „Нивы“. Изданіе весьма опрятное. Цѣна: на обыкнов. бумагѣ 1 р. 50 к., на лучшей глазир. 2 р., съ 44 иллюстраціями 2 р. 50 к., на лучшей глазиров. бум. 3 руб.

Труды Комиссіи по технич. образованію. СПб. 1887. Это подробный отчетъ о школахъ для рабочихъ и ихъ дѣтей, учрежденныхъ Русск. Технич. Общ. Здѣсь можно видѣть постепенный ростъ и успѣшность хода дѣлъ этихъ полезныхъ учрежденій изъ журналовъ засѣданія Комиссіи по технич. образованію. Здѣсь же напечатано прекрасное научное сообщеніе Н. Г. Дебольскаго „Объ учебномъ планѣ общественной школы“, возбудившее такой живой интересъ въ обществѣ, въ концѣ минувшаго года. Цѣна 1 руб. (продается въ помѣщ. Импер. Технич. Общ. въ СПБ.).

Политическое обозрѣніе.

27 марта.

Болгарскія дѣла.—Графъ Кальноки и Стоиловъ.—Петербургская комиссія по афганскому разграниченію.—Вооруженія афганскаго эмира.—Окончаніе министерскаго кризиса въ Италіи.

Болгарскій вопросъ остается какъ бы въ заколдованномъ кругу и никоимъ образомъ не можетъ придти къ благополучному своему разрѣшенію. Повторяются все тѣ же сцены и траги-комедія какъ бы окаменѣла въ своей неподвижности. Вмѣсто прежнихъ трехъ странствующихъ по Европѣ делегатовъ отъ болгарскаго княжества, нынѣ предпринялъ путешествіе представитель законности въ княжествѣ министръ юстиціи Стоиловъ. Онъ уже посѣтилъ Вѣну и имѣлъ тамъ свиданіе съ австрійскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, графомъ Кальноки, затѣмъ намѣревается ѣхать въ Берлинъ и въ Дармштадтъ къ принцу Александру Баттенбергу. Телеграммы то и дѣло освѣдомляютъ европейскую публику о прибытіи, отбытіи, разговорахъ г-на Стоилова, дѣлая его такимъ образомъ какъ бы вершителемъ судебъ и политически возвышая его на ступень великаго дѣятеля.

Какъ бы то ни было, но этому новому болгарскому посланцу графъ Кальноки между прочимъ заявилъ, что сдва ли согласится принцъ Баттенбергъ принять снова корону болгарскаго княжества, но что, во всякомъ случаѣ, вѣнскій кабинетъ ничего не будетъ имѣть противъ продленія полномочій настоящему регентству великимъ народнымъ собраніемъ на три года. Делегату софійскихъ правителей, разумѣется, чрезвычайно понравилось такое заявленіе министра габсбургской монархіи, а въ самой Софіи тотчасъ же приняли его къ свѣдѣнію и съ особою торжественностью отпраздновали день рожденія принца Баттенберга.

Такъ какъ графъ Кальноки на свидѣтельство г. Стоилова о томъ, что движеніе въ пользу принца Баттенберга въ Болгаріи со дня на день усиливается и что въ настоящую минуту на него смотрятъ какъ на единственнаго человѣка, который можетъ вывести страну изъ анархіи, не отклонилъ этой кандидатуры, а только выразилъ сомнѣніе, что самъ не захочетъ вернуться въ княжество, то Баттенбергу были тотчасъ же посланы изъ Софіи сочувственныя телеграммы, на которыя принцъ отвѣтилъ, что онъ душою всегда остается въ Болгаріи.

На этихъ дняхъ въ Петербургѣ открыла свои засѣданія комиссія для возобновленія переговоровъ объ окончательномъ установленіи пограничной черты между русскими и афганскими владѣніями. Полковникъ Ридсвэй и капитанъ Баррау уже пріѣхали для этой цѣли въ С.-Петербургъ. Какъ извѣстно, разграниченіе было недокончено, вслѣдствіе несовершенства картъ мѣстности, по которой должна была пройти пограничная линія, а также вслѣдствіе спора между англійскими и русскими уполномоченными, обнаружившагося въ комиссіи, работавшей на мѣстѣ, относительно выбора на Аму-Дарьѣ пункта, въ который должна упираться проектированная граница. Въ концѣ прошлаго мѣсяца всѣ топографскія работы были окончены и капитанъ Кондратенко можетъ представить теперь петербургской комиссіи самые подробные планы мѣстности, начиная съ верховьевъ Мургаба и до самой линіи теченія Аму-Дарьи. Дѣло, слѣдовательно, будетъ заключаться только въ выборѣ пункта на Аму и въ проведеніи остальной незначительной части разграничительной линіи.

Однако, не смотря на незначительность поставленной для петербургской комиссіи задачи, можно предвидѣть, что англійскіе уполномоченные явятся на ней еще болѣе несговорчивыми, чѣмъ были прежде. Скажемъ болѣе: британское правительство, судя по многимъ фактамъ, стремится возбудить осложненія въ среднеазіатскихъ дѣлахъ. Недѣли три тому назадъ изъ Бомбеи была пущена довольно странная и съ перваго раза мало объяснимая телеграмма, что будто бы туркестанскій генералъ-губернаторъ подбиваетъ Искандеръ-хана произвести нападеніе на Гератъ. Понятное дѣло, что это сообщеніе есть чистѣйшая выдумка; но она съ умысломъ была направлена индійскимъ правительствомъ королевы Викторіи по адресу афганскаго эмира Абдурахмана. И выдумка эта произвела свое дѣйствіе: по свѣдѣніямъ, доставленнымъ изъ Персіи, оказывается, что Абдурахманъ сосредоточилъ значительную часть войскъ около Герата и въ мѣстностяхъ, прилегающихъ къ русскимъ владѣніямъ, затѣмъ, кромѣ того, всѣ мѣстные жители приграничной области (джемшиды), какъ сочувствующіе русскимъ, переселены эмиромъ во внутрь страны, а вмѣсто нихъ водворены гильзаи. Сопоставляя все это, не трудно предугадать, что засѣданія петербургской комиссіи не разъ будутъ сопровождаться тревожными извѣстіями, касательно намѣреній эмира или даже сообщеніями о болѣе настойчивыхъ съ его стороны дѣйствіяхъ. Можетъ случиться и такъ, что генералу Комарову придется повторить кушкинскій погромъ, а затѣмъ снова будетъ поднята дипломатическая переписка съ Лондо-

номъ со всевозможными запосчивыми представленіями и невозможными для исполненія требованіями. По крайней мѣрѣ британское правительство подготавливаетъ все для такого исхода дѣла.

Итальянскій министерскій кризисъ окончился, но вмѣсто министра иностранныхъ дѣлъ Робилана пришлось взять портфель престарѣлому Депретису и затѣмъ принять въ кабинетъ вмѣстѣ съ Криспи радикала Цинарделли и трехъ представителей правой стороны. Новое министерство по своему составу существенно не сходится съ тою политикою, которую вело министерство Депретиса-Робилана.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Опубликованъ текстъ договора о выдачѣ преступниковъ, заключеннаго между русскимъ и великобританскимъ правительствами.

— Министерство финансовъ возвысило гербовый сборъ на одну треть и установило, вмѣсто нынѣшнихъ 60 к. марокъ, въ восемьдесятъ коп.

— Министерство финансовъ внесло въ государственный совѣтъ проектъ обложенія высокою пошлиною заграничныхъ паспортовъ. Наименьшая плата за паспортъ (на 3 мѣсяца) будетъ 30 руб. золотомъ, затѣмъ до года будетъ взиматься по 15 руб. золотомъ въ мѣсяцъ, а свыше года по 1 руб. золотомъ въ день или 360 золот. руб. въ годъ.

— Въ виду появленія въ Пештѣ холеры, въ Одессѣ установленъ карантинъ для судовъ, приходящихъ изъ всѣхъ дунайскихъ портовъ.

Военное и морское дѣло.

— Съ весны будетъ приступлено къ устройству мола и пристани въ г. Ялтѣ. Доныпѣ пароходы русск. Общ. парох. и торг. не приставали къ берегу, а становились на якорь. На устройство пристани и мола потребуется до 1.150,000 рублей.

Промышленность и торговля.

— Псковскіе льноводы обратились съ ходатайствомъ о содѣйствіи имъ для поддержанія льняной промышленности въ Псковск. губ., кот. производитъ льна болѣе 30.000,000 пудовъ въ годъ, что идетъ заграницу.

Наука и литература.

— Для чествованія Я. П. Полонскаго по случаю 50-лѣтія его литературной дѣятельности, въ СПБ., въ залѣ Благороднаго Собранія, состоится апрѣля 10 обѣдъ и артистическій вечеръ въ честь юбиляра.

— Открытіе медицинскаго факультета Сибирскаго университета предполагается лишь съ начала 1888—89 учебнаго года.

— Находящійся въ настоящее время въ Петербургѣ путешественникъ по центральной Африкѣ докторъ В. В. Юнкеръ сдѣлаетъ на Святой Недѣлѣ подробное сообщеніе о своемъ путешествіи въ Имп. русск. геогр. обществѣ въ особомъ торжественномъ засѣданіи во дворцѣ Е. И. В. Великой Княгини Екатерины Михаиловны.

— Въ СПБ. прибылъ литературный историкъ и критикъ Георгъ Брандесъ, авторъ „Исторіи современныхъ литературъ". Брандесъ—датчанинъ; онъ свободно говоритъ по-французски и по-нѣмецки. Онъ пріѣхалъ изъ Варшавы, гдѣ съ большимъ успѣхомъ читалъ публичныя лекціи.

Живопись и скульптура.

— Пріемъ и установка въ актовой залѣ морск. училища картины маститаго профессора мариниста И. К. Айвазовскаго „Чесменскій бой", которая принесена имъ въ даръ училищу, будутъ обставлены извѣстною торжественностью. Теперь эта картина пока на академической выставкѣ.

— Е. И. В. В. К. Владиміръ Александровичъ удостоилъ посѣтить мастерскую г. Шапиро, гдѣ съ Его Высочества для галлереи академіи художествъ сняты портреты немного менѣе натуральной величины.

— Профессоръ исторической живописи Н. А. Кошелевъ окончилъ порученную ему въ Исаакіевскомъ соборѣ реставрацію попортившейся живописи Ѳ. А. Бруни.

— Въ числѣ экспонентовъ академической выставки состоитъ семилѣтняя дѣвочка Т. В. Манасеина. Она выставила акварель: „По дорогѣ изъ Готебурга въ Моритцкидъ, въ Швеціи" (по кат. № 58). И на очередной выставкѣ есть три ея работы.

Археологія и древности.

— Въ Кіяновскомъ проулкѣ, въ Кіевѣ, близъ Вознесенскаго спуска, при земляныхъ работахъ открыта стѣна древней кладки, такой же какъ кладка „Золотыхъ воротъ". Полагаютъ, что стѣна эта составляетъ остатокъ древняго храма или какого нибудь общественнаго зданія XI—XII вѣка.

— Въ тифлисскомъ музеѣ устраивается особый такъ называемый туркестанскій отдѣлъ, открытіе котораго предполагается въ непродолжительномъ времени.

Техника.

— Въ Таганрогѣ предположено устроить телефонную сѣть: одна изъ петербургскихъ техническихъ конторъ получила предложеніе принять на себя производство работъ. Въ Ростовѣ-на-Дону устройство телефонной сѣти окончено.

Астрономія.

— 15-го марта, около 8-ми часовъ вечера, надъ Тифлисомъ, въ моментъ полнаго безвѣтрія, въ сѣверо-западной части неба, пролетѣлъ метеоръ, который описалъ крутую дугу полета въ видѣ ослѣпительно бѣлаго хвоста, видимаго на небѣ продолжительное время.

Воздухоплаваніе.

— Лѣтомъ СПб. долженъ посѣтить американскій воздухоплаватель Джонсонъ, которому удалось до нѣкоторой степени разрѣшить вопросъ объ управленіи аэростатами. Имъ будетъ совершено нѣсколько полетовъ на аэростатѣ изобрѣтенной имъ конструкціи.

Театръ и музыка.

— Послѣдовало распоряженіе о прекращеніи репетицій пьесы гр. Толстого „Власть тьмы". Пьеса эта совсѣмъ не пойдетъ на сценахъ.

— 22-го марта, въ залѣ консерваторіи, состоялось чрезвычайное собраніе членовъ русск. музык. общ. и была прочитана „записка" А. Г. Рубинштейна о частной русской оперѣ. Изложенные въ запискѣ оба вопроса были единогласно приняты собраніемъ, и тутъ же было заявлено о пожертвованіи обществомъ единовременнаго капитала въ 50,000 руб. для основанія оборотнаго, такъ сказать, капитала, для будущей частной русской оперы. Такимъ образомъ, мысль г. Рубинштейна, рѣшенная собраніемъ въ принципѣ утвердительно, является отнынѣ уже совершившимся фактомъ.

— СПб. музык. драматич. кружокъ разучиваетъ оперу „Король Манфредъ" К. Рейнеке. На Ѳоминой недѣлѣ назначено первое представленіе этой оперы, которая будетъ дана только четыре раза. Обстановка будетъ блестящая.

Городскія извѣстія.

— Дѣло о покушеніи на о. Іоанна прекращено, такъ какъ о. Іоаннъ сдѣлалъ заявленіе, что онъ отказывается отъ обвиненія Теканова.

Изъ губерній и областей.

— Въ г. Баку изъ скважины группы казенныхъ нефтяныхъ источниковъ открылся новый сильный нефтяной фонтанъ. Фонтанъ, ударившій 10-го марта, выносилъ нефть, песокъ и камни болѣе полупуда вѣсомъ и дѣйствовалъ безостановочно. Большая часть нефти разливается въ заготовленные земляные резервуары.

— Представители мусульманъ осетинскаго племени выражаютъ желаніе отбывать воинскую повинность натурою, наравнѣ съ осетинами-христіанами.

— Въ Западной Сибири, въ области, влѣво отъ рѣки Ишима, совершенно исчезли многочисленныя озера, показанныя на картахъ 1835 года. Прежде въ этой мѣстности инородцы занимались рыбною ловлею въ обширныхъ размѣрахъ, а теперь, съ исчезновеніемъ озеръ, принуждены обратиться къ изысканію иныхъ промысловъ. Причина высыханія озеръ произошла отъ общаго поднятія суши.

— Въ Рославльскомъ уѣздѣ крестьяне занимаются добываніемъ фосфоритовъ, нерѣдко за самую ничтожную плату. Работа эта въ морозы, въ подземныхъ лабиринтахъ, не безопасна. Недавно тамъ, въ Артюховкѣ, обрушилась подкопанная гора. Одинъ изъ рабочихъ былъ заживо погребенъ.

Смѣсь.

Общество попечительства объ учительницахъ. Недавно появился отчетъ о дѣятельности состоящаго подъ Ея Имп. Велич. Государыни покровительствомъ, весьма полезнаго общества попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи за 1886 годъ. Въ 1886 году исполнилось 20 лѣтъ существованія общества попечительства о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи. Въ 1866 году утвердили уставъ въ первоначальной его редакціи. Общество называлось тогда „Филантропическимъ обществомъ попечительства гувернантокъ". Дѣятельность общества сперва ограничивалась лишь указаніемъ мѣстъ воспитательницамъ и учительницамъ, но затѣмъ начала расширяться; открыты дешевыя квартиры для временнаго помѣщенія членовъ общества, ищущихъ себѣ мѣстъ, и положено основаніе библіотекѣ изъ книгъ педагогическаго содержанія. Въ 1870 году общество стало называться „Попечительствомъ о воспитательницахъ и учительницахъ въ Россіи". Стали читать членамъ общества лекціи русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, ариѳметики и географіи, положено основаніе пенсіонному капиталу, а въ 1885 году Ея Имп. Велич. Государыня приняла общество подъ свое Августѣйшее покровительство. 5-го октября 1886 г. въ помѣщеніи правленія, былъ отслуженъ благодарственный молебенъ по случаю двадцатилѣтія существованія общества. Помѣщеніе правленія украсилось портретомъ Августѣйшей Покровительницы общества. Помимо своего главнаго назначенія,—доставлять мѣста и уроки воспитательницамъ и учительницамъ,—это полезное общество предоставляетъ своимъ дѣйствительнымъ членамъ возможность пользоваться дешевыми квартирами, библіотекою, денежными ссудами и пособіями, разсрочкою членскихъ взносовъ, сберегательною кассою и медицинскою помощью. Изъ всего этого видно насколько цѣли общества заслуживаютъ общественнаго сочувствія. (н.)

Общество для вспомоществ. сиротамъ и семейств. художниковъ. По примѣру прошлыхъ лѣтъ, Общество для вспомоществованія сиротамъ и семействамъ художниковъ имѣетъ въ виду и въ нынѣшнемъ 1887 году, въ теченіе предстоящей св. Пасхи, устроить выставку работъ его членовъ, а потому Совѣтъ Общества проситъ лицъ, коимъ угодно принять участіе въ этомъ благомъ дѣлѣ принесеніемъ въ даръ художественныхъ предметовъ личнаго труда, присылать приготовленныя ими работы, въ теченіе марта

мѣсяца сего 1887 года, по слѣдующему адресу: С.-Петербургъ, Музей прикладныхъ знаній (въ Соляномъ городкѣ, противъ Лѣтняго сада) Александру Михайловичу Воронецкому.

Будущность Альпійской области. Продолжительность землетрясеній бываетъ различна: иногда земля потрясается на одну секунду или на двѣ и этимъ все кончается; въ другихъ же случаяхъ почва подвергается цѣлому ряду сотрясеній, слѣдующихъ одно за другимъ и продолжающихся мѣсяцы и даже годы съ небольшими перерывами. Испытываемые землею толчки распространяются и на бассейны морей. Перѣдко, въ подобныхъ случаяхъ, волны вздымаются очень высоко и стремительно обрушиваются на берега, смывая все, что попадается на ихъ пути. Въ послѣднее землетрясеніе въ сѣверной Италіи и южной Франціи, капитаны, матросы и пассажиры кораблей, находившихся въ то время на морѣ, чувствовали сильные толчки, какъ бы при ударахъ о подводный рифъ, причемъ посуда и стекла въ каютахъ звенѣли и трескались. Альпы, образовавшіяся въ періодъ первичныхъ геологическихъ формацій, были покрыты лагунами въ каменно-угольную эпоху, затѣмъ опустились, а съ половины третичнаго періода господствовали надъ водою, такъ какъ въ ихъ геологическомъ строеніи, относящемся къ этой эпохѣ, не встрѣчается слѣдовъ морскихъ осадковъ. Продолжающійся съ того времени постепенный подъемъ Альповъ вызываетъ рядомъ съ ними противоположное явленіе, выражающееся въ соотвѣтственномъ осѣданіи почвы, сопровождающемся уменьшеніемъ ея толщины, а съ тѣмъ вмѣстѣ и силы сопротивленія вулканическимъ переворотамъ; а такъ какъ, съ другой стороны, образованіе складокъ или горъ на земной поверхности, а рядомъ съ ними соотвѣтственныхъ углубленій является прямымъ послѣдствіемъ постепеннаго охлажденія земной коры, то всѣ эти соображенія приводятъ къ заключенію, что подвергшаяся послѣднему землетрясенію область представляетъ, съ точки зрѣнія безопасности отъ подземныхъ сотрясеній, наименѣе благонадежную часть европейскаго материка. (н.)

Въ ночь съ 5-го на 6-е января было вулканическое извержение на ст. Пута. Въ полуверстномъ разстояніи отъ ст. Пута, по направленію къ Каспійскому морю, между небольшими холмами, образовался вулканъ, сильно перепугавшій мирныхъ обывателей Путы и даже Сангачалъ. Изверженіе сопровождалось сильнымъ землетрясеніемъ, продолжавшимся довольно долго. Изъ жерла валилъ густой дымъ, смѣняемый по временамъ чрезвычайно сильнымъ пламенемъ, освѣщавшимъ всю мѣстность до Сангачалъ; вмѣстѣ съ огнемъ вырывались массы камней и грязи, забрасывавшія на далекое разстояніе окружающую мѣстность; шумъ былъ настолько силенъ, что заглушалъ свистки паровозовъ проходившихъ въ то время поѣздовъ, а отъ огня даже въ Путахъ, хотя это, какъ выше сказано, въ полуверстѣ, стояла жара невыносимая. 8-го января, на третій день, огонь все еще по временамъ вспыхивалъ яркимъ, далеко видимымъ пламенемъ, хотя вулканъ замѣтно уже ослабѣлъ, такъ какъ ни камней, ни грязи больше не выбрасывалъ. Отъ бывшаго въ первую ночь изверженія вся мѣстность кругомъ вулкана, на разстояніи нѣсколькихъ саженей, почернѣла, а около самаго кратера по обѣимъ сторонамъ образовались двѣ небольшія конусообразныя горки. (н.)

С. А. Грейгъ. † 9-го марта. Съ фотогр. Карелина, грав. Ю. Барановскій.

Медленно убивающая любовь. Въ 1798 году, семнадцатилѣтняя въ то время миссъ Матильда Джонсонъ, племянница знаменитаго лексикографа, обручилась съ поручикомъ гвардіи Гугомъ. Незадолго до свадьбы женихъ умеръ; невѣста уѣхала въ свое имѣніе Бальтинглась, стала жить тамъ въ уединеніи и въ томъ же году составила завѣщаніе, которымъ все свое состояніе въ 15,000 фунтовъ стерлинговъ (150,000 руб.), жертвовала военному госпиталю, и выразила желаніе, чтобы на гробѣ ея, рядомъ съ обозначеніемъ имени и возраста, стояла надпись: „скончалась отъ тоски по любимому человѣку“. Миссъ Матильда Джонсонъ умерла 18-го декабря минувшаго года на 106 году жизни. (г.)

Въ прудѣ Серпентинъ въ Лондонскомъ Гайдъ-паркѣ, не смотря на снѣгъ и холодъ, ежедневно въ восемь часовъ утра собираются любители купанья. Они велятъ проламывать ледъ на разстояніи нѣсколькихъ метровъ, раздѣваются на принесенныхъ съ собой коврахъ и прыгаютъ въ воду. Представитель газеты „Daily News“, присутствовавшій нѣсколько времени назадъ при купаніи при 3° морозѣ и рѣзкомъ сѣверо-западномъ вѣтрѣ, нашелъ, что лица дрожавшія отъ холода, были только одѣтые зрители, съ любопытствомъ смотрѣвшіе на купавшихся. Въ числѣ любителей купанія есть 70-лѣтніе старики. (г.)

Камиллъ Сенъ-Сансъ. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Пасхальная задача № 25.

Найти 10 слѣд. словъ:
1) Хлѣбн. растеніе 1. 2. 3. 4.
2) Землѣдѣльч. орудія 5. 6. 7. 8.
3) Фейерверочная штука 9. 10. 11. 12. 13. 14.
4) Часть кадрили 15. 16. 17. 18.
5) Водное пространство 19. 20. 21. 22.
6) Сельско-хозяйств. постройка 23. 24. 25. 26. 27.
7) Принадлежность лодки 28. 29. 30. 31. 32.
8) Буква русск. азбуки 33.
9) Канцелярск. принадлежность 34. 35. 36. 37. 38.
10) Часть стройки 39. 40. 41. 42.

14	4			29	37	30	40	
12		36	1	38	42	26	33	28
		31			3		25	
19	35	8	10		41		17	
	23		7	18	5	13		16
	20		21		11	6		34
15	24	32	2		9	39	27	22

Буквы найденныхъ словъ размѣстить на мѣстахъ соотвѣтствующихъ цифръ въ данныхъ 9 прямоугольникахъ, которые затѣмъ сложить въ одинъ большой прямоугольникъ, такъ чтобы въ немъ можно было прочитать фразу.

Ребусъ. Задача № 26.

Редакторъ Ф. Бергъ. Издатель А. Марксъ.

ЗУБОЧИСТНОЕ СРЕДСТВО
ГОЛЛЕНДЕРЪ
Шведскій зубной элексиръ
и Шведскій зубной порошокъ.

Для чистки и бѣлизны зубовъ и освѣженія полости рта.
52—14 № 2337

Получить можно во всѣхъ больш. антек. и космет. маг. въ стол. и въ пров. Ц. флак. Элексиру 80 к., зубн. порош. 50 к. За перес. 50 к. Письма по слѣдующ. адресу: въ С.-Петербургъ, Демидовъ пер., д. № 1.

Продолжается подписка на
ВѢСТНИКЪ
ТИРАЖЕЙ
журналъ необходимый каждому капиталисту, казначейству, общественному Банку, общественному учрежденію, обладающему какими бы то ни было цѣнностями, какъ помѣщающій тиражи всѣхъ % бумвгъ.—Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера.

Цѣна за годъ . . **5 р.**
для иногородныхъ 6 р., съ доставкою и пересылкою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блоккъ, Невскій, 86, С.-Петербургъ.
№ 2504 6—1

НОВАЯ КНИГА: № 2505
ЧЕТЫРЕ ВРЕМЕНИ ГОДА.
Стихотв. А. Н. Замыслова.

1. Весна. II. Исторія. Евр. мелодіи. Дары океана. Интермеццо. Подр. древнимъ. Крестьянское царство. III. Смерть Іисуса. Богатырь Ерема. Баварская опека. Ревнивъ. Баттенбергіада. Казбичъ и его конь. Разгромъ и проч. IV. Гудокъ. Цѣна 2 рубля. Получ. во всѣхъ кн. маг. Москвы. Выпис. отъ автора, Москва, Садовая, бл. Красн воротъ, д. Петрова, за перес. не платятъ.

ПРЕКРАСНЫЙ ПОДАРОКЪ НА ПАСХУ!

Только что вышло въ свѣтъ и поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

состоящій изъ **25-ти большихъ**, прекрасно отлитографированныхъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **около 300** разнообразныхъ рисунковъ для выпиливанія изъ дерева.

Цѣна въ изящной оберткѣ **1 р.**, съ пересылкой **1 р. 30 к.** Съ требованіями обращаться въ Главн. Контору журнала „**Нива**", СПБ., Невскій пр., д. 6.

Выпуская въ свѣтъ настоящій „Альбомъ", издатель имѣлъ въ виду удовлетворить желанія весьма многихъ своихъ подписчиковъ, неоднократно заявлявшихъ о желаніи имѣть хорошіе рисунки для выпиливанія. тѣмъ болѣе что до настоящаго времени ничего подобнаго, за такую дешевую цѣну, издано не было.

Іодисто-разсольныя воды BAD-HALL въ Верхней Австріи.

Самое сильное содержаніе Іодистаго разсола въ Европѣ. Для леченія при золотухѣ и болѣзняхъ половыхъ органовъ и противъ ихъ послѣдствій. Превосходное устройство леченія (ванны и внутреннее употребленіе минеральныхъ водъ, завертываніе, вдыханіе, массажъ, кефиръ). Весьма выгодныя климатическія условія; станція ж. д. Путь черезъ Линцъ на Дунаѣ.
Сезонъ отъ 15-го мая до 30-го сентября.
Подробныя программы на разныхъ языкахъ высылаетъ
Дирекція водъ въ BAD-HALL. Р. № 2492 4—2

SCHMIDT'S
SAMEN-UND PFLANZEN-CATALOG
für 1887
ist in bekannter umfangreicher Ausstattung erschienen und wird
FRANCO und **GRATIS**
auf Verlangen versandt.

SCHMIDT'S
Catalog ist eine SCHATZGRUBE
für jeden **Blumen-** und **Gartenfreund**
200 Seiten, 500 Illustrat. mit **Buntdruck**
FRANCO und **GRATIS.**

12—11 **J. C. SCHMIDT, ERFURT, DEUTSCHLAND.** № 2363

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

О-де-колонъ № 4 (экстрактъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода спеціальная по 90 коп.	Туалетный уксусъ гигіеническій и освѣжительный по 60 коп.
Туалетная вода Шипръ по 1 руб.	Уксусъ Віолетъ де-Пармъ по 75 коп.

Туалетныя воды высшаго качества по 80 к. и 1 р. 60 к.

Искора Бреоки	Жокей Клубъ.	Віолетъ де-Пармъ.
Букe Императрисъ	Кадзура.	Бѣлая Роза.
Шампака	Опопонаксъ.	

Лѣсная вода для куренія по 50 коп.
приготовленная съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.
Духи самаго высшаго качества по 1 руб.
Бѣлый Геліотропъ.—Ландышъ.—Лила блапъ.—Эссъ Буке.—Эссъ Віолетъ.
НЕЗАМѢНЯЕМЫЙ БУКЕТЪ по **2 р.**

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, **№ 82.**
2) Невскій проспектъ, у Аничкова мостъ, **№ 66.**
3) Уг. Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, **№ 18—54.**
(Розничная и оптовая продажа).
Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ
къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
Pt. № 2499

МУЗЫКАЛЬНЫЕ ЯЩИКИ
лучшихъ фабрикъ.

Ручные въ 1 пьесу по $1\frac{1}{2}$, $1\frac{3}{4}$ и 2 р.
" 2 " " 3 р. 50 к.
Малые заводные въ 2 пьесы по 6 р.
" " " 4 " по 10 р.
" " " 6 " по 14 и 16 р.
Большіе " " 4 " по 22 и 25 р.
" " " 6 " по 30 и 35 р.
" " " 8 " по 40 и 50 р.
" " " 8 " съ цитрою по 60, 65 и 150 р.
" " " 12 пьесъ по 60 р.
" " " 12 " съ цитрою по 75 и 120 р.
" " съ колокольчиками и барабаномъ въ 100, 150 и 250 р.

РЕКОМЕНДУЕТЪ
Юлій Генрихъ Циммерманъ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО № 2506
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Больш. Морская, 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Другихъ магазиновъ не имѣю.

2-хъ и 3-хъ КОЛЕСНЫЕ
ВЕЛОСИПЕДЫ

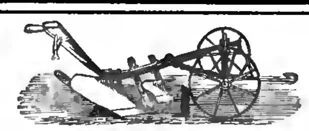

и принадлежности къ нимъ по умѣреннымъ цѣнамъ. — Высылается прейсъ-курантъ и принимается починка.
Г. ЖЕМЛИЧКА, Москва, у Покровскихъ воротъ, д. Молчанова. № 2518

ПАРОВАЯ ФАБРИКА
В. П. ФРАНКЕ,
М. № 2334 **МОСКВА.** 10—4
Контора: Маросейка, д. Квѣсарова.

Краски Лаки Олифы	для маляровъ, художниковъ, типо-литографій.

АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ
ТОЛЬ И ЛАКЪ.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,
СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ**, приводовъ, **вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, **сѣялокъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ**, механическихъ **зерносушилокъ**, представители отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Ман-Кормина**, сѣнокосилки, жнеи, и снопавязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.
Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеноп. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 1830 20
Иллюстрированные каталоги безплатно.

ФОТОГР. АППАРАТЪ 30 Р.
полн. приборъ къ нему, т. е. объективъ, пласт., чашки, альб. бум. хим. продук. и пр. **20 Р.** Этимъ аппар. можно скоро изучить фотографированіе. Вѣсъ аппарата съ приб. 20 фунт. Mt. № 2384 10—9

Фонтаны, статуи, вазы, орлы, медали, буквы, вывѣски, памятники.
ЦИНКО-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. ПОЛЬ и К°.
въ Москвѣ,
Петровскія торговыя линіи.
Прейсъ-куранты высыл. за 2 7-ми к. марк. Р. № 2592—1

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ приложеніе отъ Банкирскаго Дома Генрихъ Блокъ въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ. 1 апрѣля 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XVIII г. № 15 | г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 11 апрѣля 1887 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Преслѣдуемые волками. Картина В. Ковальскаго, грав. Геданъ.

Преслѣдуемые волками.

Мятель, тяжелый зимній путь. Снѣжными вихрями засыпаетъ почью лѣса и равнины далекаго Полѣсья. Дѣло, очевидно, тамъ, ибо только въ Польшѣ практикуется эта оригинальная и красивая упряжка. Въ тревогѣ высунулся изъ кибитки сѣдоусый бравый панъ и только что далъ, очевидно, мѣткій выстрѣлъ, и пораженный пулею волкъ уже катается по снѣгу и его сейчасъ растерзаютъ голодные, свирѣпые собратья. Испуганные кони храпятъ и бьются, пріостановленные кучеромъ, чтобы пану было ловчѣе стрѣлять. Вдали черной полоской виденъ лѣсъ, угрюмый, таинственный пріютъ ночныхъ хищниковъ. Вся картина польскаго художника полна выразительности и движенія.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе)

Имя это имѣло такое значеніе для Михайлы Ефимовскаго, что онъ и теперь, забывъ всю перемѣну съ семьей происшедшую, измѣнился въ лицѣ.

— Что ты... Ошалѣлъ что-ли! вымолвилъ Карлъ Самойловичъ. Что же она тебѣ здѣсь сдѣлать можетъ... Выпоретъ что ли!..

Но Михайло Ефимовскій, ничего не отвѣчая, пустился бѣгомъ на половину жены.

— Панна Ростовская!.. Панна Ростовская!.. прокричалъ онъ такимъ голосомъ, какъ если бы его собирались казнить.

Анна тоже смутилась. Не смотря на то, что она была женщина умная, но, въ силу долголѣтней привычки дрожать передъ этимъ именемъ, она и теперь чуть-чуть струсила, оторопѣла и стояла какъ столбъ, не говоря ни слова.

— Ну, что же... произнесла она, наконецъ, разводя руками. Вѣдь не можетъ же она, панна, насъ взять силкомъ да и увезти... Да пустое!.. Чего ты, глупый, растерялся... да и я то тоже глупѣе тебя... Что она намъ можетъ сдѣлать? Теперь конецъ... Мы вольные люди. Теперь ужъ я покажу ей себя!..

И Анна, нѣсколько ехидно улыбаясь, крикнула людямъ въ ближайшую комнату.

— Ступайте и ведите сюда эту барыню!

Черезъ нѣсколько минутъ появилась панна Ростовская. Она шла медленно, оглядываясь по сторонамъ, по стѣнамъ, по мебели. Лицо ея выражало одно изумленіе.

Обѣ женщины встрѣтились. Панна улыбнулась благосклонно и ласково, а Анна нѣсколько ехидно. Онѣ стали другъ передъ другомъ, не зная что сдѣлать и что сказать. Михайло съ невольнымъ чувствомъ, котораго онъ не могъ пересилить, стоялъ за женой, будто бы хотѣлъ за нее спрятаться. Въ дверяхъ появились трое ихъ сыновей и съ неподдѣльнымъ ужасомъ взирали на страшную старостиху... Они лучше и больше всѣхъ мальчишекъ въ вотчинѣ панны были знакомы съ ея барскими ручками, не гнушавшимися давать затрещины и надирать вихры. Старшаго сына даже поразило теперь то обстоятельство, что панна-старостиха стояла посреди горницы съ пустыми руками, безъ своей трехъ-хвостки.

— Ну, что же... Поцѣлуемся теперь, выговорила старостиха... Вишь какъ вы живете!..

Женщины сухо поцѣловались, только для примѣра. Старостиха не желала цѣловаться какъ слѣдуетъ, а Анна все-таки какъ-то не посмѣла. Затѣмъ панна безъ приглашенія сѣла на диванъ и вымолвила:

— Ну, садись... Побесѣдуемъ. Я пріѣхала изъ-за васъ... Ловко ты, моя голубушка, меня обдѣлала. Вѣкъ буду жить, не забуду какую дуру изъ меня сотворила... Вѣдь ты меня ограбила.

— Какъ ограбила!?.. произнесла Анна.

— Да такъ ограбила. Если бы ты не убѣжала,—то я бы тебя за хорошую цѣну могла продать... А теперь пріѣзжай да хлопочи... А все-таки я тебѣ скажу, что я это дѣло такъ не оставлю. Мнѣ что же... Я польская подданная, что-жъ мнѣ бояться!.. Пускай она всю семью вашу у меня выкупитъ.

Анна сидѣла, ухмыляясь ехидно, но тѣмъ не менѣе какой-то трепетъ все-таки западалъ ей въ душу.

Ей представлялось нѣчто возможное, но ея мнѣнію, а, между тѣмъ, это нѣчто было ужасно. Вдругъ царица скажетъ: „не хочу я тебя выкупать, Анна, а поѣзжай ты обратно въ крѣпость и въ кабалу къ своей паннѣ...“ И что тогда эта панна, теперь цѣлующаяся съ ней, сдѣлаетъ?.. И чувство увѣренности въ своей судьбѣ смѣнялось ежеминутно чувствомъ страха и сомнѣній.

Панна что-то говорила шибко и громко, но Анна не слушала и понемножку старалась овладѣть собой. Она поглядѣла на своего мужа, увидѣла его несчастную, все еще перепуганную фигуру, его трусливую, подобострастную позу около кресла старостихи... И вдругъ Аннѣ стало смѣшно, вдругъ почему то смѣлость вернулась къ ней.

— Это дѣло, пани, до насъ, можно сказать, не касается, сказала Анна. Отправляйтесь и просите царицу... Захочетъ она вамъ что заплатить—тѣмъ лучше для васъ. А не заплатитъ, то вы...

— А не заплатитъ,—такъ я васъ повезу къ себѣ домой! выговорила старостиха, слегка вспыливъ.

— То-нсь, какъ же?.. Какъ же, пани? Силою возьмешь всѣхъ?

— Вѣстимо силою. Найму молодцовъ, свяжу и повезу.

— А здѣшніе солдаты позволятъ тебѣ это? вымолвила Анна.

— А какъ же не позволятъ. Я польская подданная.

Анна ничего не отвѣтила. Въ ней опять не было увѣренности, что она права, а панна не права... Царица должна ихъ выкупить, а если не захочетъ—то должна ихъ отпустить въ кабалу... И вдругъ Анна надумалась и, обернувшись къ мужу, вымолвила.

— Позови брата Карлуса.

— Отлично, подхватила старостиха, позови сюда Карлуса вашего Я съ нимъ побесѣдую. Онъ пойметъ все. Онъ, сказываютъ, всѣхъ васъ умнѣе.

VI.

Карлъ Самойловичъ явился тотчасъ-же и панна Ростовская увидала сразу, что братъ далеко не похожъ на сестру.

Карлусъ, прежде чѣмъ придти, успѣлъ надѣть новый кафтанъ, съ позументомъ. Войдя въ комнату, онъ сталъ передъ старостихой руки въ боки, оглядѣлъ ее съ головы до пятъ, покачалъ головою и усмѣхнувшись выговорилъ:

— Вишь какая молодецъ баба!.. Вижу я теперь, что правду мнѣ Анна про тебя сказывала, что ты свирѣпа съ людьми... По лицу видно, что ты людоѣдъ... Ну, а гдѣ-же кнутъ твой?.. Али оставила дома?.. Напрасно!.. Ты бы и кнутъ съ собой взяла...

— Зачѣмъ онъ мнѣ здѣсь... вымолвила старостиха, нѣсколько опѣшивъ сразу отъ дерзкихъ словъ Скавронскаго.

— Ладнѣе-бы было съ кнутомъ. Къ лицу! Вотъ что солдатъ съ ружьемъ...

— Онъ мнѣ здѣсь не нуженъ. Сѣчь некого ради науки.

— Какъ, некого. . Мы бы можетъ быть его у тебя отобрали да тебя же бы и отстегали.

Панна вспыхнула...

— Видно ты и впрямь дворянинъ со вчерашняго дня... Мужикъ былъ, мужикомъ и остался.

— Нѣтъ, я не мужикъ, пани... Да и не былъ имъ никогда. Анна, Христина, да братъ Дирихъ—были мужиками; а я никогда имъ и не былъ. Да и хорошее дѣло!.. Будь я твоимъ, къ примѣру, крѣпостнымъ, я бы былъ теперь въ каторгѣ, потому что я тебѣ непремѣнно-бы голову свертѣлъ.

.. — Ну, ты браниться съ панной брось, выговорила Анна... Давай поговоримъ лучше объ дѣлѣ.

Анна заговорила уже совершенно другимъ голосомъ. Обращеніе брата Карлуса съ этой когда-то страшной старостихой, и, вдобавокъ, ея легкое смущеніе, которое не ускользнуло отъ зоркаго глаза Анны—все это сильно подѣйствовало на умную женщину. Она стала смѣлѣе и сама увѣрила себя мысленно, что никакой бѣды отъ прибытія старостихи—быть не можетъ.

Ростовская разъяснила все Карлу Самойловичу. Онъ выслушалъ и разсмѣялся.

— Такъ ты пріѣхала тратиться, пани?.. Видно у тебя денегъ много!.. Во что-же тебѣ обойдется твое путешествіе сюда и обратно... Пожалуй, поди, рублей пятьдесятъ...

— Больше, больше!.. воскликнула старостиха.

— Ну, хоть и больше... Хотя при твоемъ скряжничествѣ пожалуй и меньше... И зачѣмъ-же ты тратиться сюда пріѣхала? Вѣдь изъ твоего дѣла ничего не выйдетъ... Велятъ тебѣ сказать, что Анна съ мужемъ и съ дѣтьми россійская дворянка, и что тебѣ, старостихѣ Ростовской, нѣтъ до нихъ никакого дѣла.

— Нѣтъ... Я такъ не позволю! выговорила панна, опять вспыливъ.

— Да тебя объ твоемъ позволеніи и не спросятъ. А будешь шумѣть...

— Конечно, буду шумѣть.

— Вѣрю... Вижу, что будешь шумѣть... Не такой ты человѣкъ. У тебя на лицѣ шумъ написанъ... А будешь ты шумѣть—то тебя свяжутъ по рукамъ и по ногамъ, положатъ въ сапки и повезутъ обратно въ Польское королевство.

— Ну, это ты врешь, господинъ Карлъ Самойловичъ! воскликнула старостиха, вставая съ кресла.

— Ну, вотъ, увидишь!.. разсмѣялся Скавронскій.

— Больше мнѣ съ тобой толковать не о чемъ. И старостиха, обернувшись грозно къ Аннѣ, выговорила: Я уже была у нашего ясновельможнаго пана и магната—графа Сапѣги. Онъ мнѣ обѣщалъ охлопотать либо выкупъ большой, либо васъ всѣхъ въ кандалы и съ солдатами ко мнѣ отправить.

— Это кто же... Сапѣга обѣщалъ? выговорилъ Карлъ Самойловичъ.

— Да. Самъ ясновельможный панъ Сапѣга.

— Правда-ли это? Ты врешь можетъ быть...

— Убей меня Богъ, если я вру... Онъ мнѣ все дѣло справитъ.

— Увидишь ты его, пани, скоро...

— Да, увижу, черезъ четыре дня.

— Ну, такъ, пани, скажи ему отъ меня... Можешь ты аккуратно мое порученіе справить?

— Могу!.. удивилась Ростовская.

— Ну, хорошо. Скажи ему отъ меня, что графъ Карлъ Самойловичъ приказалъ графу Сапѣгѣ низко кланяться, и сказать, что онъ дуракъ. Онъ—Сапѣга, а не я...

Скавронскій сказалъ это такимъ голосомъ, что Анна, будучи все время задумчива, разсмѣялась. даже Михайло робко улыбнулся, а дѣти, стоявшія въ дверяхъ, начали хихикать.

— Ну, что-жъ! Вы же мужики были, мужики и остались, выговорила Ростовская важно и, не прощаясь, пошла изъ горницы.

Черезъ четыре дня, старостиха была снова у Сапѣги. На этотъ разъ самъ магнатъ попросилъ панну къ себѣ въ кабинетъ и объяснилъ ей, что хлопоталъ по ея дѣлу, но результатъ получился совсѣмъ неожиданный... Ей, паннѣ, приказано немедленно выѣзжать изъ Петербурга къ себѣ домой.

— Главное, пани, не дѣлай ты никакого шуму, даже не говори никому, что Михайло и Анна Ефимовскіе твои бывшіе холопы, а то будетъ тебѣ непріятность. Приключится что нибудь худое.

— Да какъ-же это такъ?!. растерялась старостиха.

— Да такъ. Даже и говорить никому не надо, за какимъ дѣломъ ты сюда пріѣхала.

— А выкупъ?

— Какой выкупъ... Пойми ты, никакой рѣчи объ этомъ и быть не можетъ... Уѣзжай поскорѣе. Мнѣ вѣрные люди сказали, что это самое лучшее будетъ.

— Кто-же тебѣ, панъ ясновельможный, сказалъ?.. И какъ могу я, какъ дура какая, уѣхать съ пустыми руками отсюда... Нѣтъ, панъ, я не такая. Я весь Петербургъ вверхъ ногами поставлю. Я до царицы дойду.

— Нѣтъ, пани, я тебѣ дружескій совѣтъ даю... Если на то пошло, то я прямо тебѣ скажу. Мнѣ сама государыня приказала тебя изъ Петербурга выпроводить безъ всякаго шума. Денегъ тебѣ ничего не дадутъ, и не потому, чтобы денегъ жалѣли... Пойми ты, деньги у русской царицы вѣстимо есть. А потому, что не хотятъ плодить разговоровъ объ выкупѣ Ефимовскихъ. Здѣсь всѣ сдѣлаютъ видъ, что ты женщина ума рѣшившаяся, что семью Ефимовскихъ принимаешь за какихъ то яко-бы бѣжавшихъ у тебя хлоповъ Якимовичей. И вотъ тебя, яко-бы безумную, свяжутъ да и засадятъ пожалуй куда-нибудь.

— Да вѣдь это разбой, ясновельможный панъ... Вѣдь это настоящій разбой!.. Отобрали у меня цѣлую семью и не хотятъ ничего заплатить. Я буду королю польскому жаловаться.

Сапѣга махнулъ рукой.

— Ну, я вижу, тебя не убѣдишь... Съ тобой говорить—все равно, что воду толочь. Ну, и ступай, жалуйся королю польскому. А то хоть императору Римской имперіи... Да кстати ужъ прихвати и св. отца—папу.

Панна хотѣла продолжать разговоръ, хотѣла убѣждать и просить Сапѣгу ходатайствовать объ ней снова, чтобы получить хотя-бы только пятьсотъ рублей, но Сапѣга только отмахивался и молчалъ.

— Ну, вотъ что, ясновельможный панъ. Двѣсти рублей! Такъ ужъ и быть! воскликнула панна. Это мое послѣднее слово.

— Ну, а мое послѣднее слово, пани старостиха: какъ вернешься въ гербергъ, укладывай свои пожитки и тихонько выѣзжай изъ Петербурга домой.

Сапѣга всталъ и началъ почти выпроваживать молившую его на всѣ лады старостиху.

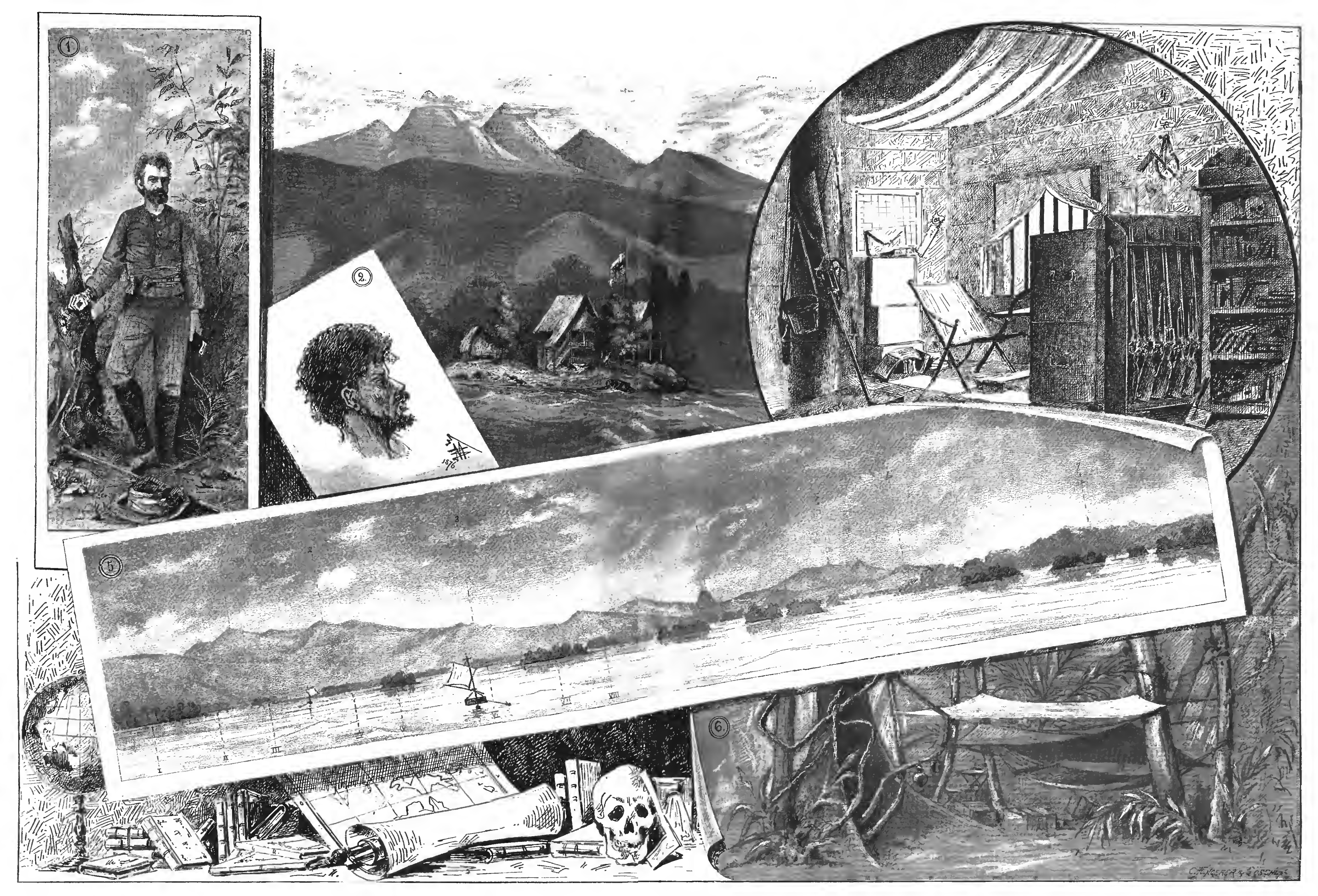
— Не досугъ мнѣ, пани. Ступай!..

Въ это время появился въ горницѣ какой-то молодой человѣкъ, и графъ Сапѣга, обернувшись къ нему, вымолвилъ довольно строго:

— Проводи панну до подъѣзда и прикажи внизу, что если панна захочетъ со мной опять видѣться, чтобы ей всегда говорили, что я уѣхалъ.

Ростовская озлобленно взглянула на магната, вну-

№ 15. 1887 НИВА 1887 377

Изъ путевыхъ альбомовъ Н. Н. Миклухо-Маклая. По наброскамъ Н. Н., рис. Θ. Беренштамъ, грав. Ангереръ.

1) Н. Н. Миклухо-Маклай въ его Ново-гвинейскомъ костюмѣ. 2) Папуасъ берега Маклая. 3) Бугарломъ. Домъ Н. Н. около деревни Бонгу (бер. Маклая). 4) Рабочій кабинетъ Н. Н. въ Бугарломѣ. 5) Мана Боро-Боро (Архипелагъ „Довольныхъ людей“) въ портѣ „Вел. Кн. Алексѣй“ (бер. Маклая). 1. Пикъ Кантъ. 2. Пикъ Шопенгауэръ. 3. Три сестры. 4. Пикъ Мещерскаго. 5. Горы Вера. 6. Пикъ Константинъ. 7. Гунтова Мана. I. О. Сегу. II. О. Тамбъ. III. О. Мираръ. IV. О. Исвай. V. О. Вонгадъ VI. Бугарломъ. VII. О. Пуя. VIII. О. Ріо. 6) Бивуакъ Н. Н. во время путешествія по Малайскому полуострову въ 1875 году.

тренно обозлилась, но промолчала и быстрой походкой двинулась черезъ всѣ комнаты

Разумѣется, въ Крюйсовомъ домѣ послѣ посѣщенія старостихи всякій день только и было рѣчи, что объ ней, объ ея намѣреніи и даже ея угрозѣ.

Карлъ Самойловичъ успѣлъ убѣдить сестру и зятя, что баба-людоѣдъ съ ума сошла, если рѣшилась угрожать имъ.

— Здѣсь, въ Петербургѣ, говорилъ онъ,—мы съ ней можемъ сдѣлать что хотимъ... Захотимъ — мы можемъ просто ее отколотить.

— Ну, вотъ!.. воскликнула Анна. Какимъ-же это образомъ?..

— Да очень просто. . Ухвати это ее Михайло, коли она пріѣдетъ, да и отдуй... или хоть выпори. Что же она сдѣлаетъ? Кому она пойдетъ жаловаться? Царицѣ доложать—такъ объ закладъ бьюсь: она только посмѣется.

— Да это ты только такъ, ради смѣха говоришь? отозвалась Анна какимъ-то страннымъ голосомъ.

— Конечно ради смѣха... Не станемъ-же мы ее нарочно заманивать къ себѣ да пороть. Да и ей надо быть о двухъ головахъ, чтобы къ намъ пріѣхать опять... За насъ царица и вся Россійская имперія станетъ.

Черезъ день или два Карлъ Самойловичъ съѣздилъ къ своей дочери-фрейлинѣ, переговорить съ ней.

Софья побывала у императрицы, вышла къ отцу и сказала, что государыня знаетъ о пріѣздѣ старостихи Ростовской, что ей докладывалъ обо всемъ графъ Сапѣга.

— Ну, что же она? спросилъ Карлусъ. Какъ она это дѣло обсудитъ?

— Этого она мнѣ не сказывала, отвѣтила Софья.

— А говорила ты ей, что старостиха грозится Анну съ мужемъ и дѣтьми взять силой и увезти къ себѣ въ кандалахъ?

— Сказывала.

— Что же царица?

— Она много смѣялась...

— Ну, вотъ! Я тоже говорю! весело воскликнулъ Карлъ Самойловичъ.

— Спросила я у государыни, опасаться-ли тетушкѣ самой, за себя и за семью?

— Ну, что-же?..

— Государыня опять, еще больше, даже до слезъ смѣялась.

— Ничего она не сказала?

— Нѣтъ сказала: „ахъ вы глупые, глупые! Какая-то старостиха пріѣхала, да васъ напугала... Да васъ не только она, а и король польскій взять у меня не можетъ“.

— Ну вотъ, ну вотъ! весело воскликнулъ снова Карлусъ. И я такъ-то думалъ.

Разумѣется, весь этотъ разговоръ съ дочерью, Скавронскій передалъ дома сестрамъ и всей семьѣ

Не только Анна, но даже Михайло Ефимовскій приободрились, смѣялись и подшучивали заглазно надъ старостихой.

— Экая въ самомъ дѣлѣ дура, говорилъ даже Михайло. Пріѣхала въ Петербургъ—насъ стращаетъ. А русскую царицу польскимъ королемъ испугать хочетъ... Этакая дура!

VII.

Графъ Ѳедоръ Самойловичъ скучалъ все болѣе и болѣе. Обстановка Крюйсова дома, казалось, тяготѣла надъ нимъ страшнымъ игомъ, онъ томился и чахъ, даже таялъ... какъ говоритъ народъ.

Дѣйствительно, прежде Дирихъ былъ, если не очень плотный и дородный мужикъ, то все таки не совсѣмъ тощій. Теперь графъ Ѳедоръ Скавронскій похудѣлъ настолько, что вся семья замѣтила это, не смотря на то, что видала его всякій день.

— Хворость какая либо петербургская привязалась къ нему! говорила Христина.

— Это отъ тоски! Ему Трину жалко, бѣдному, говорила Марья. Выписать бы ее къ нему или его отпустить повидаться съ ней. За что бѣдному этакъ терзаться. Вѣдь онъ помретъ отъ жалости своей.

— Это все отъ пьянства. Онъ скоро сопьется совсѣмъ! говорили зятья Ефимовскій и Генриховъ.

— Все это отъ глупости отъ его, говорила Анна. Дуракъ онъ! А дуракъ и дурацкими болѣзнями болѣетъ, и дурацкой смертью умираетъ.

Но Ѳедоръ Самойловичъ однажды вдругъ пересталъ пить, повеселѣлъ, немного сталъ опрятнѣе одѣваться, чаще выходилъ и выѣзжалъ изъ дому и вообще измѣнился.

Всѣ дѣти Крюйсова дома дивились, глядя на „дядю Дириха“, какъ привыкли они называть его еще въ Ригѣ и въ Стрѣльнѣ.

Одинъ Карлъ Самойловичъ, присматриваясь къ брату, задумывался и тревожился. Ему показалось, что на блѣдномъ и худомъ лицѣ бѣлобрысаго брата было какое-то особенное, будто торжественное выраженіе, а въ бѣлыхъ глазахъ что-то недоброе.

Ѳедоръ Самойловичъ, вдобавокъ, положительно избѣгалъ взгляда старшаго брата, будто боялся его. Можно было поневолѣ подумать, что у него не чисто на совѣсти.

— Что ты это? спросилъ однажды брата Карлъ Самойловичъ.

— Что? отвѣтилъ Дирихъ, глядя въ сторону.

— Повадка другая... Отскребся какъ конь... Женится что ли собрался? Зазноба завелась?

Дирихъ вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, поднялъ глаза на брата и взглядъ его бѣловатыхъ зрачковъ блеснулъ яростно и озлобленно, какъ еслибъ братъ сказалъ ему нѣчто особенно оскорбительное.

— Чего обидѣлся? Тебѣ и вправду жениться бы слѣдъ. А то этакъ хуже пропадешь.

Дирихъ мотнулъ головой, повернулся къ брату спиной и на всѣ его рѣчи о необходимости жениться и начать жить степенно „по-дворянски“ не отвѣчалъ ни слова.

Карлусъ махнулъ рукой и мысленно прибавилъ:

„Да что-жь мнѣ! Вѣкъ жили розно. Пускай дѣлаетъ что хочетъ. Не маленькій. Хоть утопися!“

Однажды въ Крюйсовъ домъ пріѣхала Софья Карловна и, повидавъ всю родню, осталась обѣдать.

Видя, что мѣсто дяди, графа Ѳедора Самойловича осталось незанято, она вспомнила объ немъ и спросила у матери.

— А что дядюшка, хвораетъ что ли?

— Нѣтъ, отозвалась мать. Онъ сидитъ у себя въ горницѣ, третій день не выходитъ, молчитъ какъ убитый и все объ чемъ то думаетъ.

— Объ чемъ ему думать! рѣзко замѣтила Анна Самойловна. Это ему дѣло не привычное. За него и прежде всегда его Трина думала...

— Не начудилъ бы онъ что нибудь! сказалъ Карлъ Самойловичъ. Боюсь я очень что братъ что-то затѣваетъ тайно Не удивилъ бы онъ насъ.

Послѣ обѣда Софья пошла къ дядѣ. Дверь его оказалась заперта изнутри. Она постучалась.

— Кто тамъ? раздался угрюмый голосъ Дириха.

Софья назвалась.. Щелкнулъ замокъ и дверь тотчасъ же отворилась.

— Ты... Иное дѣло. Входи, встрѣтилъ племянницу графъ Ѳедоръ Самойловичъ... И впустивъ дѣвушку къ себѣ, онъ снова заперъ дверь на ключъ.

— Не хочу я ихъ видѣть. Никого. Они дураки! сердито прибавилъ онъ.

Сѣвъ и усадивъ племянницу, графъ тоскливо сталъ глядѣть на нее.

— Что ты, хвораешь? спросила Софья дядю.

— Нѣтъ... Но помру и безъ хворости, если не...

Онъ не договорилъ и замолкъ.

— Отчего же ты не выходишь отсюда, не обѣдаешь?..

— Я ѣмъ хлѣбъ. Вотъ видишь... А вонъ вода въ кувшинѣ. Поѣмъ и напьюсь.

— Одного хлѣба?..

— Одного хлѣба?!.. насмѣшливо повторилъ дядя. Ахъ вы... И ты тоже... Ахъ, дураки. Да прежде что-жь вы ѣли. Все одни пряники да пироги... Или у васъ память у всѣхъ отшибло...

— Прежде. Да... Конечно—поневолѣ... Но теперь зачѣмъ же я буду одинъ хлѣбъ ѣсть! наивно сказала Софья.

— Отъ мяса жиръ у человѣка заводится, а съ жиру человѣкъ бѣсится. Вотъ твои тетки, да и отецъ съ матерью тоже—стали мясо ѣсть и стали бѣситься. А я не хочу... Ну, говори мнѣ. Что ты? Какъ живешь?

— Ничего.

— Ничего... хорошо? Ну тебѣ то можно по молодости. Привыкнешь и къ этой жизни... А я не могу... Я, Софья, уйду.

— Куда?

— Къ себѣ. Домой... Въ Литву или въ Лифлянды.

— Тебя, дядя, не пустятъ.

— Я и проситься не стану...

— Какъ же ты... Убѣжишь тайкомъ?

— Убѣгу... Что-жь... Побоюсь что ли?! Мнѣ бы только за заставу выбраться, а разъ въ полѣ—меня ни съ какими собаками не отыщутъ.

— Государыня разгнѣвается, дядя.

— Ну такъ что-жь. Гнѣвайся на здоровье.

— Если тебя поймаютъ, то могутъ запереть въ крѣпость, солгала нарочно Софья.

— Не поймаютъ... А если и поймаютъ—то сажай! Запирай! Я тогда удавлюся. Хуже будетъ.

Дядя и племянница помолчали минуту.

— Тебѣ скучно. Ты скучаешь по Тринѣ? заговорила Софья.

На глазахъ Дириха отъ этихъ словъ сразу навернулись слезы. Онъ не отвѣтилъ и махнулъ рукой.

— Попросить мнѣ государыню, чтобъ она велѣла разыскать и привезти Трину? выговорила Софья.

— Просили. Я просилъ. Прошеніе подавалъ. Сказала что все пустое. Что она меня женитъ на дворянкѣ. А это страшное дѣло.

— Отчего страшное?

— Я ее зарѣжу—эту дворянку.

— Богъ съ тобой, дядя...

— Они говорятъ: Тринѣ не годно быть здѣсь со мной, что она мнѣ чужая жена, и что дочери Трины поганыя латышки. А они сами здѣсь, дворяне и царедворцы? развѣ не живутъ съ чужими женами? Развѣ не пьянствуютъ здѣсь разныя боярыни...

— Полно. Что ты...

— Я правду говорю... Я все это знаю, отъ вѣрнаго человѣка.

И графъ Ѳедоръ Самойловичъ, оживясь, гнѣвно и озлобленно сталъ подробно разсказывать дѣвушкѣ все что зналъ объ житьѣ-бытьѣ Петербурга.

— У насъ въ Лифляндахъ на деревняхъ не живутъ такъ зазорно, какъ они, дворяне, здѣсь живутъ! горячо окончилъ свою рѣчь Дирихъ. Люди все тѣ же, Софья. во что ни выряди ихъ. Вотъ я графомъ именуюсь, былъ и Фридрихомъ, теперь Ѳедоръ... Платье и кафтаны тоже разные носилъ... А что-жъ. я пересталъ развѣ Дирихомъ быть? Ты вотъ графиня Скавронская, а не Софья Сковорощанка. Чинъ у тебя придворный, а развѣ ты другая стала? Ты была и въ Дохабенѣ барышней, и теперь все такая же. И не хуже ихъ, дочерей вельможныхъ. Ты въ деревнѣ была Яункундзе. а иная здѣсь рожденная важная старуха-княгиня—совсѣмъ, по нашему, „рагане“, чистая вѣдьма.

Побесѣдовавъ съ дядей, Софья поспѣшила домой, такъ какъ въ этотъ день ей надо было присутствовать на вечерѣ у государыни.

Изрѣдка, раза три и четыре въ мѣсяцъ, въ малыхъ апартаментахъ императрицы собирались самые близкіе ей люди, человѣкъ до пятнадцати. Въ числѣ гостей бывалъ всегда и любимецъ государыни, магнатъ Сапѣга съ сыномъ. Софьѣ не разъ поэтому случалось вступать въ разговоръ съ своимъ знакомцемъ еще по Вишкамъ. Однако эти бесѣды не клеились, такъ какъ Яункундзе изъ Дохабена, какъ тогда тамъ, равно и здѣсь, продолжала все съ той же непріязнью относиться къ молодому магнату, не вынося его гордой и надменной манеры держаться со всѣми.

На этотъ разъ Петръ Сапѣга, на вечерѣ у государыни, увидя Софью въ углу горницы, одну и задумчивую, подошелъ къ ней и сѣлъ.

— О чемъ сгрустнулась, пани графиня? участливо спросилъ онъ по-польски. Вспоминаешь родину?

Софьѣ почудился въ этомъ вопросѣ намёкъ на ея прежнее крестьянское состояніе.

— Да, родину... раздражительно отозвалась она. Вспоминаю и жалѣю объ ней. Тамъ я была счастливѣе! невольно вырвалось у дѣвушки какъ-бы на смѣхъ этому гордецу.

— Счастливѣе? удивился магнатъ. Не понимаю...

Софья не отвѣтила и наступило молчаніе.

— Помнишь-ли, графиня, заговорилъ Сапѣга задумчиво и серіозно, какъ мы съ тобой познакомились, помнишь-ли нашу бесѣду въ віасибасъ-намсѣ, все что ты говорила...

— Конечно ничего не помню... отвѣчала Софья насмѣшливо. Такой пустякъ помнить нельзя. Я даже забыла, что мы встрѣтились тогда въ Вишкахъ! солгала она.

— Не вѣрю... Право не вѣрю, что ты забыла даже про встрѣчу, не только про бесѣду. разсмѣялся добродушно молодой человѣкъ.

Софья молча пожала слегка плечами, но вспыхнула.

— Ну, а я помню все... улыбнулся Сапѣга, ласково глядя на дѣвушку, волнующуюся отъ непріязненнаго къ нему чувства, которое овладѣвало ею каждый разъ что молодой человѣкъ заводилъ съ ней разговоръ.

„Гордецъ! думалось ей всегда. Почитаетъ себя превыше всѣхъ!“

— Я помню какъ ты насмѣялась надо мной и даже оскорбительно отнеслась ко мнѣ, продолжалъ Сапѣга; я потомъ долго вспоминалъ объ этой Яункундзе и объ ея обидныхъ рѣчахъ...

— Да... Тогда въ віасибасъ-намсѣ, при разговорѣ магната съ крестьянкой, заговорила Софья. дѣйствительно нѣкто надменно, грубо, хвастливо и самонадѣянно велъ рѣчи.

— Не я же, пани графиня.

— Не я же, панъ графъ.

— Что же я тогда сказалъ такого... грубаго или дерзкаго? Вспомни, скажи...

— Вспомни самъ. Я и помнить не хочу, потому что не стоитъ.

— Я говорилъ, что если бы ты была моя крѣпостная, то я бы ни за кого тебя замужъ не выдалъ, а взялъ бы за себя... Это значитъ что ты мнѣ...

— Себѣ... А не за себя!.. оборвала его рѣчь Софья.

— Но это значитъ что ты мнѣ понравилась. А развѣ дѣвушкѣ оскорбительно слышать такое. Ты же, наоборотъ, отвѣтила мнѣ презрительно, что знаешь одного ганца, который много краше и милѣе меня...

— Мнѣ... Да... Это правда... Это не оскорбленіе, а правдивое заявленіе. Ганцъ для меня—и теперь скажу—краше и много милѣе пана графа. Это правда!

— Была правда, съ удареніемъ произнесъ Сапѣга.
— Была? Какъ была...
— Ты сказываешь: это правда. Надо сказывать: это была правда.
— Исправляй, панъ, свою рѣчь. Чужія рѣчи исправлять ужъ очень самонадѣянно. Я сказала и говорю: это правда!
— Стало быть, надо понимать, что и теперь этотъ ганцъ для тебя краше меня... Ну и всѣхъ другихъ стало быть.

Сапѣга улыбнулся, какъ бы поймавъ дѣвушку на противорѣчіи, но тотчасъ же пересталъ улыбаться, ибо увидѣлъ огненный взоръ молодой графини Скавронской, гнѣвно и презрительно устремленный на него... Такъ же, точь-въ-точь, когда-то, глянула она на него въ горницѣ постоялаго двора.

— Извини, графиня, заговорилъ онъ, но я никогда не повѣрю тебѣ, что теперь для тебя этотъ пастухъ такъ же милъ, какъ былъ, можетъ быть, тогда, въ деревнѣ, въ твоемъ прежнемъ состояніи...
— Извини, графъ, но какъ былъ этотъ пастухъ для меня краше всѣхъ, такъ и остался...
— Не говори же этого, скрывай... А то надъ тобой всѣ смѣяться станутъ, вымолвилъ Сапѣга.
— Скрываютъ только худое, а это не...
— Будутъ на твой счетъ злоязычничать.
— Я этого не испугаюсь... надменно отозвалась Софья.
— Могутъ вѣдь подумать, что ты говоришь правду.

Софья съ крайнимъ изумленіемъ поглядѣла на молодого магната.

— Даже не вѣритъ! вдругъ прошептала она и тотчасъ вспомнила невольно, что тó же самое восклицаніе вырвалось у нея когда-то на порогѣ горницы въ Вишкахъ.

Сапѣга разсмѣялся, ибо тоже вспомнилъ.

— Графиня. Неужели же въ самомъ дѣлѣ — это правда? Побожися... Вѣдь ты шутишь? спросилъ онъ.
— Не зачѣмъ божиться. Графу это не нужно и не любопытно.
— Если бы я не былъ обрученнымъ женихомъ княжны Марьи Александровны Меншиковой, то мнѣ это было бы очень любопытно и очень нужно знать, странно выговорилъ Сапѣга, не глядя на дѣвушку.
— Почему?.. удивилась Софья.
— Догадайтесь, пани графиня.
— Не стоитъ голову ломать... холодно произнесла она.
— Еслибъ я не былъ женихомъ другой, я бы сталъ, тихо выговорилъ Сапѣга, ревновать Яункундзе къ этому ганцу, потому что она мнѣ очень по сердцу.
— Полно, графъ... Пустыя рѣчи!.. Не старайся мой разумъ, хотя бы на единый мигъ, собою плѣнить, ради бездѣлья или похвальбы. Я не податлива на пустой звонъ! Да и знай, что мой разумъ, душа, сердце, все... грустно прошептала Софья, — тамъ, на родинѣ, въ Дохабенѣ..
— У простого ганца?..
— Да. У нищаго пастуха, латыша! горячо воскликнула она.
— Не сказывай этого никому, графиня... Въ скоморохи у всѣхъ попадешь! выговорилъ рѣзко Сапѣга, но какъ-то странно, будто раздражительно, будто съ волненіемъ. И тотчасъ же молодой магнатъ, быстро поднявшись, отошелъ отъ графини Скавронской, не дожидаясь отвѣта. Дѣвушка осталась одна, взволнованная и гнѣвная...

На другой же день, Софья, проволновавшись всю ночь, рѣшилась снова переговорить съ отцомъ. Но пріѣздѣ въ Крюйсовъ домъ, вся храбрость ея пропала. Она рѣшила, поболтавъ объ пустякахъ, проститься и уѣхать, но видя что отецъ въ хорошемъ расположеніи духа, Дохабенская Яункундзе не выдержала. Вдругъ, сразу и горячо стала она умолять отца сдѣлать ее счастливой, т. е. разыскать ганца Дауца Цуберку, и привезя въ столицу, просить у государыни дозволенія и согласія на ея бракъ съ „новымъ“ дворяниномъ.

— Вѣдь стали же мы считаться дворянами, да еще графами, потому что „такое“ на бумагѣ написали, а царица свое имя проставила! объяснила Софья. Вѣдь это право легче, чѣмъ многое простое, пойми, отецъ. Мнѣ было право мудренѣе заслужить прозвище Яункундзе отъ сосѣдей по деревнѣ, чѣмъ здѣсь получить прозвище графини Скавронской! наивно, но мѣтко и вѣрно сообразила Софья.

Карлъ Самойловичъ молчалъ угрюмо на всѣ доводы дочери и чѣмъ болѣе оживлялась она, поминая имя милаго ганца, чѣмъ болѣе блестѣли ея глаза и румянилось лицо, тѣмъ угрюмѣе смотрѣлъ исподлобья графъ Скавронскій.

— Хорошо. Я на сихъ дняхъ поговорю объ тебѣ съ государыней! сказалъ онъ, но отсылая дочь домой, во дворецъ, на всѣ ея вопросы не захотѣлъ ничего добавить въ объясненіе. Софья уѣхала грустная и озабоченная.

Дѣйствительно, Карлъ Самойловичъ получилъ аудіенцію у государыни и доложилъ ей, что дочь Софья очень желаетъ быть выданной замужъ.

— Она полюбила кого нибудь? спросила Екатерина.
— Да. Но этотъ человѣкъ ей не пара. Да это и пустое, сказалъ вскользь графъ Скавронскій. Вы лучше извольте сами найти достойнаго жениха.
— Непремѣнно. Отлично. На свадьбѣ попируемъ.

И государыня отъ праздности взялась горячо за дѣло. Она объявила всѣмъ приближеннымъ, что хочетъ выдать Софью за родовитаго человѣка и дастъ за ней такое приданое, отъ котораго ахнетъ вся столица.

Сначала императрица вспомнила объ предполагавшемся женихѣ своей дочери Елизаветы, на домогательства котораго она отвѣчала отказомъ. Это былъ Морицъ Саксонскій. Если не для дочери, то для „новой“ графини онъ былъ парой. Впрочемъ, вскорѣ Екатерина бросила мысль объ этомъ бракѣ, ибо ей захотѣлось, чтобы ея Яункундзе, — какъ она звала Софью — оставалась съ ней въ Петербургѣ.

„Надо выдать ее за кого либо изъ сыновей здѣшнихъ вельможъ!“ рѣшила царица и обратилась за совѣтомъ и помощью къ своему секретарю и довѣренному лицу, Макарову. Чрезъ недѣлю уже весь Петербургъ зналъ, что польской фрейлинѣ ищутъ жениха и что приданое ея хватитъ за милліонъ рублей.

Софья тоже узнала отъ отца свою роковую судьбу и захворала съ горя, а оправившись, бродила печальная.

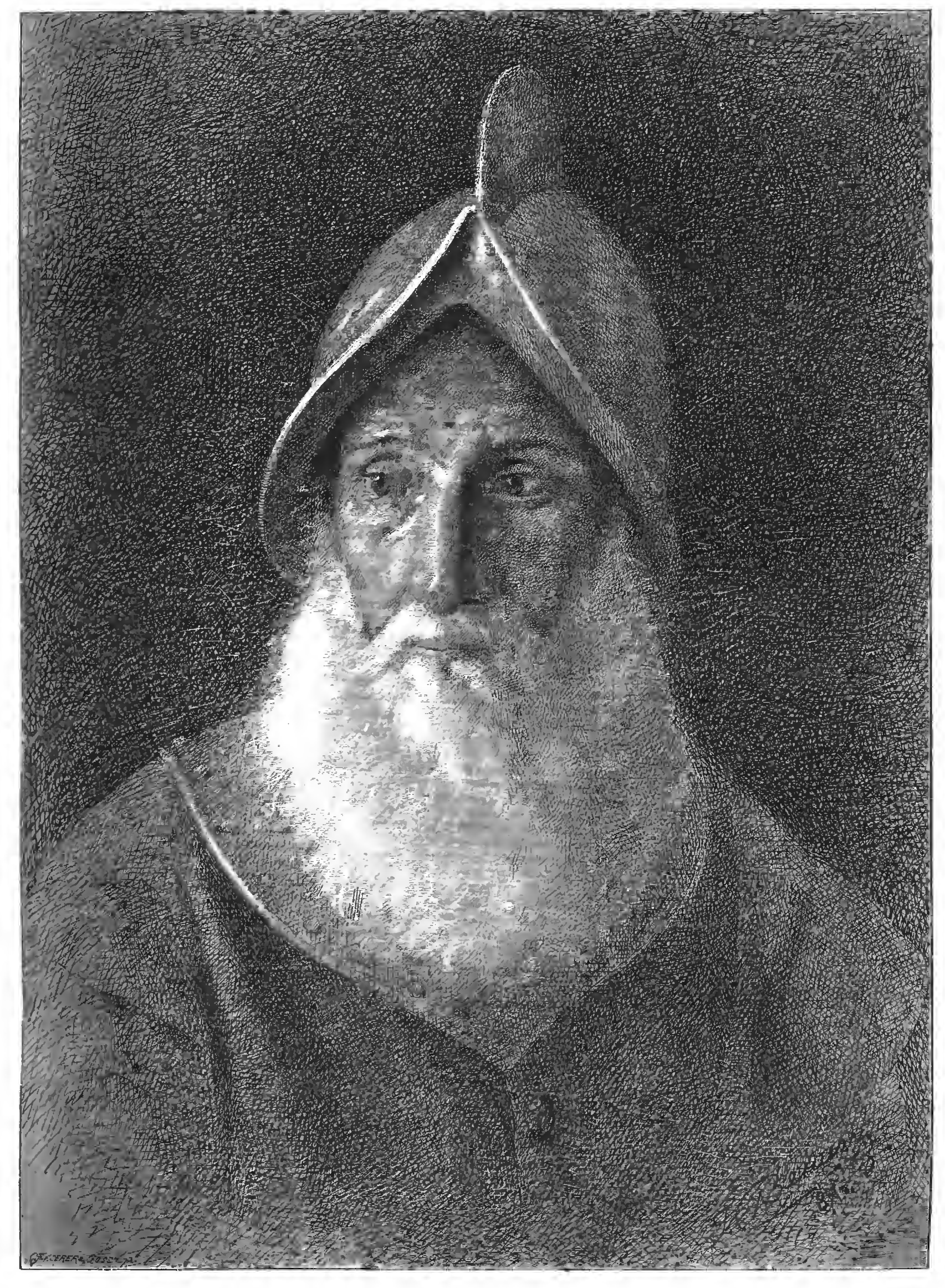
(До слѣд. №).

Бумажная тайна.

Быль изъ прошлаго. **Е. Кирилова.**

(Окончаніе).

Отъ запуганнаго, едва отвѣчающаго ребенка трудно было узнать что либо обстоятельное, хотя и изъ немногихъ словъ Васи Михаилъ Ивановичъ могъ догадаться, что положеніе его было неестественное. Какимъ образомъ помѣщичій сынъ попалъ къ бывшему дворовому человѣку на воспитаніе, зачѣмъ онъ отданъ въ приходское училище и почему дворянская опека оставила сироту безъ призора—все это вопросы, которые по совѣсти Михаилъ Ивановичъ считалъ для себя обязанностью выяснить и разъяснить. Ближайшій человѣкъ, который могъ бы помочь ему въ этомъ дѣлѣ, былъ Силантій Петровичъ, а потому, прогуливаясь разъ вечеромъ, онъ зашелъ къ нему въ лавку. Послѣ первыхъ привѣтствій и разспросовъ о торговлѣ, Михаилъ Ивановичъ, какъ бы мимоходомъ, спросилъ Силантія Петровича:
— Чей это мальчикъ у васъ?
— Сирота, ваше высокородіе, безъ отца, безъ матери остался, отвѣтилъ тотъ.

Гугенотъ. Съ карт. проф. К. В. Венига, рис. Г. К. Венигъ, грав. Ангереръ.

2

— Кто же его родители были?

— Родители-то его были, ваше высокородіе, помѣщики Падымовы. Батюшка его, Ардаліонъ Егоровичъ, былъ добрѣйшій баринъ, такихъ господъ теперь и мало. Мы съ нимъ въ походы ходили, продолжалъ разсказывать Силантій Петровичъ, подъ Тарутинымъ были, потомъ подъ Березиной, а когда начали въ Польшѣ формировать полки за границу, комплектъ уменьшили, Ардаліонъ Егоровичъ службу оставилъ, вернулся въ деревню, да въ ту пору и мнѣ отпускную изволили дать.

— Отчего же онъ въ такой бѣдности, развѣ послѣ родителей ничего не осталось? продолжалъ разспрашивать Михаилъ Ивановичъ.

— Какъ не осталось, ваше высокородіе, осталось и очень осталось, да здѣсь грѣхъ приключился. Братецъ покойнаго, Дормидонтъ Егоровичъ, изволите видѣть, нрава крутого, завистливаго,—они такимъ и въ полку были. Когда померъ Ардаліонъ Егоровичъ, онъ возьми, да начни дѣло, что де брака съ Еленою Ивановною, покойною матерью ребенка, не было. Ну, разумѣется, самъ предводитель, человѣкъ съ деньгами, а Елена Ивановна была изъ нашихъ дворовыхъ, отстоять себя не могла. Такъ-таки по судамъ и доказали, продолжалъ Силантій Петровичъ, что брака не было; а помилуйте, какъ-же такъ не было, когда вся дворня, всѣ мужики были въ церкви, когда вѣнцы накладывали, еще послѣ того смоленыя бочки жгли. Да мало того, ваше высокородіе, еще отдали подъ церковный началъ Елену Ивановну, ну та, какъ заслышала такое посрамленіе, какъ грохнулась объ полъ, такъ вскорѣ и Богу душу отдала. Дѣтей потомъ изъ господскаго дома выгнали. Васюту вотъ ко мнѣ привезли, а другой малолѣтокъ у мужика на деревнѣ остался.

— А имѣніе у кого же теперь? спросилъ Михаилъ Ивановичъ, озадаченный разсказомъ Силантія Петровича.

— Имѣніе по закону перешло къ Дормидонту Егоровичу. Теперь у нихъ, ваше высокородіе, до полуторы тысячи душъ, въ одной межѣ. Поди судись съ нимъ, онъ теперь всякаго засудитъ.

Михаилъ Ивановичъ попрощался съ Силантіемъ Петровичемъ, но все слышанное глубоко тронуло впечатлительную его натуру. Убить беззащитную женщину, оставить безъ куска хлѣба и безъ имени двухъ малолѣтнихъ дѣтей, такой поступокъ казался хуже разбойничества, явнаго дневного грабежа. „Но какъ помочь горю, какъ вывести несчастныхъ сиротъ изъ ужаснаго положенія?“ вотъ вопросъ, надъ которымъ ломалъ голову Михаилъ Ивановичъ. По всему видно было, что въ этомъ дѣлѣ принимали участіе не одни только мелкіе чиновники, но цѣлыя присутственныя мѣста могли быть скомпрометированы, начальники ихъ, а при такихъ условіяхъ Михаилъ Ивановичъ хорошо зналъ, что трудно было добиться правды.

Изъ болховскихъ помѣщиковъ у Михаила Ивановича былъ пріятель, отставной ротмистръ Петръ Николаевичъ Шеншинъ, человѣкъ прямой, честный и вполнѣ независимый, какъ имѣвшій довольно хорошее состояніе и вѣсъ въ средѣ губернской администраціи.

Зиму Петръ Николаевичъ съ семействомъ жилъ въ Орлѣ въ большомъ собственномъ домѣ, давалъ нѣсколько баловъ и принималъ у себя, что называется, весь городъ. Съ Михаиломъ Ивановичемъ они сошлись на пріятельскую ногу, будучи однополчанами конно-егерскаго полка. „Не знаетъ ли что по этому дѣлу Петръ Николаевичъ?“ подумалъ Михаилъ Ивановичъ и рѣшилъ при первой съ нимъ встрѣчѣ попытаться узнать отъ него что-нибудь. Случай подвернулся очень скоро. Черезъ недѣлю Михаилъ Ивановичъ былъ въ дворянскомъ собраніи, куда по воскресеньямъ собиралось все губернское чиновничество и всѣ жившіе въ городѣ помѣщики. Устраивались танцы, играли въ бостонъ, все это заканчивалось общимъ ужиномъ, а по отъѣздѣ дамъ дѣло оканчивалось попойками, иной разъ съ хоромъ цыганъ, съ катаньями на тройкахъ и прочими шалостями, которыми развлекало себя дворянство.

Въ этотъ разъ было открытіе сезона, а потому Михаилъ Ивановичъ навѣрное разсчитывалъ встрѣтить въ собраніи Шеншина.

Когда онъ вошелъ въ залъ, уже начался полонезъ и прежде всѣхъ ему бросился въ глаза въ четвертой парѣ молодцоватый, съ длинными усами ротмистръ, танцовавшій съ женою предсѣдателя казенной палаты. Окончился полонезъ, общество заколыхалось по залу. Около губернатора, князя Солнцева, образовался кружокъ чиновныхъ губернскихъ тузовъ, а около княгини-губернаторши увивались молодые чиновники и нѣсколько офицеровъ, вернувшихся изъ арміи въ отпускъ.

— Чѣмъ ты такъ озабоченъ? спросилъ Михаилъ Ивановичъ Петра Николаевича, встрѣтивъ его за колоннами.

— Да неудача, братъ,—хотѣлъ было въ слѣдующее воскресенье открыть у себя балъ, приглашаю княгиню, а оказывается откупщикъ предупредилъ—устраиваетъ катанье по нервопуткѣ.

— Это еще не бѣда, еще успѣемъ погулять у тебя, возразилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Да, но все-таки непріятно.

— Скажи, пожалуйста, началъ запросто Михаилъ Ивановичъ, не слыхалъ ли ты о Болховскихъ помѣщикахъ Падымовыхъ.

— Одинъ вѣдь предводитель у насъ, Дормидонтъ Егоровичъ, плутъ и сквалыга ужаснѣйшая, отвѣтилъ простодушный ротмистръ.

— Этого я знаю, возразилъ Михаилъ Ивановичъ, а другого нѣтъ?

— Другой, Ардаліонъ, умеръ. Славный былъ человѣкъ, царство ему небесное. Мы съ нимъ пріятели были, меня назначила было опека опекуномъ надъ его имуществомъ и дѣтьми, да этотъ Дормидонтъ такую каверзу подвелъ, что и вдову на смерть уложилъ да и имѣніе отобралъ.

— Какъ такъ?

— Да такъ, потому что мерзавецъ, отрубилъ ротмистръ. Всѣ документы, которые представила вдова, уничтожили, а консисторскіе—ты самъ знаешь, что за грошъ душу чорту продадутъ—такъ и брака не признали... Жалко дѣтей, продолжалъ подумавъ ротмистръ, и куда они дѣвались—самъ не знаю.

— Но вѣдь это вопіющее дѣло! Нельзя ли помочь имъ какъ нибудь?

— По правдѣ тебѣ сказать, я хотѣлъ было пристроить ихъ у себя, замѣтилъ, какъ бы конфузясь, добродушный ротмистръ, да не хотѣлось ссориться съ Дормидошкою.

— Нѣтъ, я не о томъ говорю, милѣйшій Петръ Николаевичъ, замѣтилъ Михаилъ Ивановичъ, нельзя ли дѣло поднять и вернуть дѣтямъ имя и имущество?

— Да какъ же ты это сдѣлаешь? Здѣсь, братъ, цѣлая армія мерзавцевъ, поди побѣди ихъ.

— А попробовать надо.

— Ничего не сдѣлаешь.

— Хочешь мнѣ помочь въ этомъ?

— Съ удовольствіемъ, да помощникъ-то я плохой. Ты самъ знаешь, что крючкодѣйскихъ дѣлъ я не понимаю, меня всякая судейская крыса обведетъ.

— Попытаемся, быть можетъ и одолѣемъ врага.

— Съ удовольствіемъ, подтвердилъ ротмистръ, протягивая руку.

— Если такъ, то приходи завтра въ 8 часовъ, потолкуемъ да и составимъ планъ кампаніи, заключилъ Михаилъ Ивановичъ.

Дали ритурнель, начался котильонъ.

Петръ Николаевичъ тѣмъ охотнѣе принялъ предложеніе Михаила Ивановича, что былъ заклятый врагъ Дормидонта Егоровича. Какъ во всѣхъ уѣздахъ имперіи, такъ и въ Болховскомъ существовали двѣ дворянскія партіи—одна поддерживала Падымова, другая Шеншина. Уже нѣсколько лѣтъ Петръ Николаевичъ добивался занять мѣсто предводителя, но Падымовская партія, составленная всѣми подвохами канцелярской изобрѣтательности, постоянно оказывалась сильнѣе, и храбрый ротмистръ вѣчно терпѣлъ пораженія. Теперь представлялся случай вывести врага на чистую воду, опорочить передъ дворянствомъ и затѣмъ разбить на голову крѣпко сплоченную имъ партію. Отказаться отъ такого случая Петръ Николаевичъ не желалъ и готовъ былъ помогать Михаилу Ивановичу всѣмъ, чѣмъ только былъ въ состояніи.

На другой день, долго за полночь, разсуждали пріятели, какъ начать нападеніе на непріятельскій лагерь, окопанный всевозможными неправдами, подлогами, подкупами, уничтоженіемъ документовъ и проч. Рѣшили такъ, что Петръ Николаевичъ начнетъ нападеніе на Болховскій уѣздный судъ, а Михаилъ Николаевичъ на консисторію. Борьба началась жаркая. Силы обѣихъ сторонъ, можно сказать, были равныя. Если для Михаила Ивановича и Петра Николаевича недоставало приказной опытности, за то за ними стояла правда, авторитетъ и чрезвычайныя полномочія, которыя открыты были жандармскимъ штабъ-офицерамъ отъ только что учрежденнаго Третьяго Отдѣленія собственной Его Величества канцеляріи. Съ другой стороны приказная армія сплотилась, явились новыя продѣлки и мошенничества, чтобы запрятать концы въ воду и еще болѣе запутать дѣло. Однако, всѣ козни терпѣли неудачи и несчастные сироты имѣли теперь дѣятельныхъ и энергическихъ защитниковъ.

— Что, Петръ Николаевичъ, обратился къ нему Михаилъ Ивановичъ мѣсяцъ спустя, когда онъ только что возвратился изъ Болхова, врагъ, кажется, отступать начинаетъ?

— Ты просто гогъ-магогъ, Михаилъ Ивановичъ!

— Не я, братъ, повыше.

— Какъ такъ?

— Очень просто. Когда стало несомнѣнно, что здѣсь есть подлогъ, я написалъ объ этомъ Бенкендорфу, а онъ доложилъ Государю. Вышло два указа отъ Синода и Сената; ну, начальство волей-неволей и должно было стать на нашу сторону.

— Слѣдовательно, дѣло выиграно, радостно крикнулъ Петръ Николаевичъ.

— Выиграно, но не совсѣмъ. Самый главный пунктъ для признанія законности брака остается все-таки пока темнымъ. Какъ ни говори, а на 14-мъ листѣ обыскной книги вмѣсто брака Падымовыхъ, записанъ бракъ крестьянина Петрова съ крестьянкою Емельяновою. Ну, ничего, мы и это обстоятельство постараемся выяснить, сказалъ Михаилъ Ивановичъ, приглашая пріятеля къ завтраку.

За большимъ столомъ сидѣло семейство Михаила Ивановича, а между его дѣтьми сидѣли Вася и Коля. Вася оставался все

такимъ-же молчаливымъ и запуганнымъ, а у Коли только и бѣгали глазенки, чтобы сдѣлать какую-либо шалость.

VI.

Стояло прекрасное майское утро. Солнце уже окрасило городъ въ ярко-пурпуровый цвѣтъ и успѣло уже согнать серебристую росу, насѣвшую за ночь на площадь. Было еще свѣжо отъ легкаго утренника, тянувшагося съ нижней части города, съ береговъ Оки.

Окончивъ чай и не сказавъ никому, вышелъ Михаилъ Ивановичъ изъ дому, прошелъ площадь, повернулъ въ Загребечную улицу и вышелъ на окраину города, перерѣзанную оврагами и имѣющую полное право назваться городскою трущобою. Здѣсь-то, въ этой грязи и глуши, лѣпилось нѣсколько полуразрушенныхъ избъ, принадлежащихъ самому бѣдному городскому населенію; въ этихъ-то мѣстахъ проживало обыкновенно оставшееся за штатомъ духовенство.

Около одной изъ подобныхъ развалинъ остановился Михаилъ Ивановичъ и постучалъ въ окно. Изъ избы выскочила въ тиковомъ подрясникѣ высокая, худая фигура, съ заплетенными въ косички волосами, съ всклокоченною бѣлокурою бородою и съ испуганными, полураскрытыми глазами. Это былъ бывшій пономарь села Контева, Яковъ Соколовъ.

— Отецъ Никита дома? спросилъ встревоженнаго пономаря Михаилъ Ивановичъ.

— Дома-съ, ваше высокородіе, суетливо отвѣтилъ пономарь; только батюшка нездоровъ и не выходитъ. Да онъ здѣсь въ банѣ, на дворѣ; повремените, ваше высокородіе, я узнаю, можетъ-ли онъ придти.

Поспѣшно скрывшись за калитку, черезъ десять минутъ пономарь вернулся.

— Извините, ваше высокородіе, объявилъ онъ, батюшка такъ боленъ и слабъ, что не только не въ состояніи двинуться съ мѣста, но и говорить ничего не можетъ.

— Хорошо, такъ я самъ къ нему зайду, отвѣтилъ Михаилъ Ивановичъ.

Вошедши въ калитку, онъ прошелъ черезъ запущенный и поросшій бурьяномъ дворъ, въ концѣ котораго, почти на самомъ краю оврага, стояла покосившаяся на бокъ, одною стороною на половину вросшая въ землю и съ единственнымъ маленькимъ, скривившимся окномъ, баня. Тусклыя, разбитыя и склеенныя стекла едва пропускали свѣтъ, а совершенно прокопченныя стѣны настолько увеличивали темноту, что, войдя со свѣта, едва можно было что либо видѣть. Въ той сторонѣ, откуда послышалось тяжелое кряхтѣнье, Михаилъ Ивановичъ увидалъ лежащаго на соломѣ худого, дряхлаго и больного старика-священника. При входѣ Михаила Ивановича, больной едва открылъ глаза, потомъ снова закрылъ ихъ, какъ-бы давая знать, что ему трудно разговаривать.

— Вы очень нездоровы? спросилъ Михаилъ Ивановичъ.

— Съ годъ лежу, не двигаясь, отвѣчалъ старикъ, кряхтя и почти шопотомъ.

— Мнѣ совѣстно васъ безпокоить, продолжалъ Михаилъ Ивановичъ, но дѣло, по которому я пришелъ, такъ важно, что мнѣ не хотѣлось-бы откладывать нашу бесѣду.

— Можете-ли вы меня выслушать и откровенно отвѣчать?

Старикъ молчалъ. Михаилъ Ивановичъ подумалъ, что онъ глухъ, а потому повторилъ свой вопросъ громче.

— Я слышу, отвѣчалъ священникъ болѣе твердымъ голосомъ, чего вы хотите отъ меня?

— Вы, конечно, помните, что вѣнчали маіора Падымова, началъ Михаилъ Ивановичъ. Объясните пожалуйста, какъ это могло случиться, что въ обыскной книгѣ бракъ этотъ нигдѣ не записанъ?

Такой вопросъ встревожилъ больного. Онъ завертѣлся на соломѣ, повернулся лицомъ къ стѣнѣ и проговорилъ очень скоро:

— Ничего не помню, не мучьте меня, я боленъ, я не могу говорить. Оставьте меня.

Въ голосѣ больного старика слышалось раздраженіе; но было-ли оно слѣдствіемъ досады, что его тревожатъ, или-же встрепенулась его совѣсть при напоминаніи о тяжеломъ преступленіи, рѣшить было трудно. Михаилъ Ивановичъ сдѣлалъ второе предположеніе и началъ усовѣщевать старика.

— Слушайте, батюшка, данныя уже всѣ собраны и уже доказано, что покойный Падымовъ былъ вами вѣнчанъ, такъ что упорное отрицаніе съ вашей стороны не можетъ повліять на исходъ дѣла... Дѣйствительность брака несомнѣнно будетъ признана, хотя не скрою отъ васъ, что, для облегченія правосудія, было-бы весьма важно знать, почему этотъ бракъ нигдѣ не записанъ. Вы лучше другого можете объяснить, продолжалъ настаивать Михаилъ Ивановичъ; записываніе въ книгу составляло вашу обязанность и книга находилась въ вашихъ рукахъ, когда возникло дѣло о законности брака. Вы, наконецъ, подписали и выдали вдовѣ копію съ записи, упомянувъ, что въ обыскной книгѣ бракъ записанъ на 14-мъ листѣ. Какимъ-же образомъ на этомъ листѣ вмѣсто брака Падымовыхъ оказалась крестьянская свадьба?

— Оставьте меня, умоляю васъ: оставьте, продолжалъ просить старикъ, охая и кряхтя.

— Батюшка, началъ снова Михаилъ Ивановичъ, не мнѣ слѣдуетъ вамъ напоминать, что ваши годы и болѣзненное состояніе должны наводить васъ на мысль о приближеніи времени отдать отчетъ передъ Богомъ. Если въ былое время, подъ вліяніемъ дурныхъ побужденій, вы рѣшились способствовать преступленію, то неужели, узнавъ о смерти несчастной, опозоренной матери и ограбленныхъ ея дѣтяхъ, совѣсть ваша не пробудилась и не заставила васъ съ ужасомъ взглянуть на послѣдствія вашего проступка, уничтожившаго честное семейство?

Старикъ все еще лежалъ лицомъ къ стѣнкѣ и только стоналъ. Михаилъ Ивановичъ увлекся своимъ проповѣдничествомъ и съ тѣмъ-же увлеченіемъ и жаромъ продолжалъ:

— Не можетъ быть, батюшка, чтобы подобныя мысли не смущали вашего спокойствія; не можетъ быть, чтобы въ продолжительной и тяжкой болѣзни вашей, вы не видѣли-бы посланнаго вамъ наказанія. Вспомните, у васъ самихъ есть дѣти и даже внуки—что ежели за грѣхъ вашъ на нихъ обрушится гнѣвъ Божій? Послушайте моего совѣта, не заглушайте въ себѣ пробужденія добраго чувства, пользуйтесь временемъ примириться съ совѣстью и не уносите въ могилу тайны, которая можетъ возстановить имя и права несчастныхъ сиротъ.

Слова Михаила Ивановича произвели сильное впечатлѣніе на старика, онъ началъ метаться.

— Не могу, не могу, проговорилъ онъ съ отчаяніемъ и затѣмъ глухимъ голосомъ добавилъ: я далъ клятву.

— Вы дали клятву, но неужели для раскаянія требуется болѣе мужества, чѣмъ для рѣшимости сдѣлать безчестный поступокъ? Полноте, батюшка! Вы боитесь нарушить клятву, данную вами для сокрытія преступленія, но не боитесь умереть безъ покаянія. Имѣя въ рукахъ вѣрное средство исправить сдѣланное вами зло и вы колеблетесь! Не отягчайте души своей новыми грѣхами и лучше поспѣшите чистосердечнымъ раскаяніемъ очистить свою совѣсть.

Послѣднія слова Михаила Ивановича подѣйствовали на старика потрясающимъ образомъ. Онъ нѣсколько приподнялся, перекрестился, потомъ, ухватясь обѣими руками за руку Михаила Ивановича, заливаясь слезами, произнесъ:

— Спасибо вамъ, спасибо! вы вразумили меня; виновенъ я передъ Богомъ и передъ людьми, каюсь въ этомъ тяжкомъ грѣхѣ...

Слова эти сказаны были старикомъ при полномъ душевномъ потрясеніи и сопровождались крайнимъ упадкомъ старческихъ силъ. Онъ упалъ навзничь и долго лежалъ неподвижно, съ открытыми глазами. Наконецъ, нѣсколько успокоившись, онъ снова тихо приподнялся и слабымъ, дрожащимъ голосомъ, продолжалъ:

— Бракосочетаніе, ваше высокородіе, было совершено мною, бракъ записанъ былъ въ тотъ же день въ обыскную книгу и обыскъ подписанъ поручителями. Книга хранилась въ церкви и совершенно была цѣла; но года четыре тому назадъ меня потребовали вмѣстѣ съ сыномъ Яковомъ и книгами въ консисторію и обѣщали дать лучшій приходъ, а для внучки—мужа съ священническимъ мѣстомъ, но исполненіе отложили до окончанія Падымовскаго дѣла. Кѣмъ въ консисторіи были испачканы, измочены и сгноены книги,—не могу сказать, но знаю, что все это дѣлалось подъ руководствомъ секретаря консисторіи Попова, который и взялъ съ меня клятву, чтобы я никому не открывалъ этой тайны... Вотъ все, милостивый господинъ, что я могу сказать по этому дѣлу; а если еще въ силахъ буду, готовъ повторить гласно, передъ всѣмъ народомъ...

Старикъ въ изнеможеніи опустился на солому, закрылъ глаза и тихо лежалъ. Сдѣланное имъ признаніе успокоило его. Михаилъ Ивановичъ вышелъ на цыпочкахъ изъ бани, желая дать отдыхъ больному и встревоженному старику.

На другой день признаніе отца Николая было повторено имъ въ присутствіи ассесора губернскаго правленія, полицiймейстера и уѣзднаго стряпчаго; фактъ бракосочетанія и записи въ обыскную книгу подтвержденъ былъ также пономаремъ Яковомъ въ губернскомъ правленіи, въ присутствіи губернатора.

О Падымовскомъ дѣлѣ заговорилъ весь городъ и лучшіе люди восхваляли до небесъ энергію и настойчивость Михаила Ивановича. Всѣ, кто хотя сколько нибудь слыхалъ объ этомъ дѣлѣ, спѣшили сообщить ему все слышанное, чтобы хотя чѣмъ нибудь оказать помощь въ раскрытіи вопіющей беззаконности. Однажды, уже поздно вечеромъ, деньщикъ доложилъ Михаилу Ивановичу, что его желаетъ видѣть по секрету отецъ протоіерей. Михаилъ Ивановичъ пригласилъ его къ себѣ въ кабинетъ.

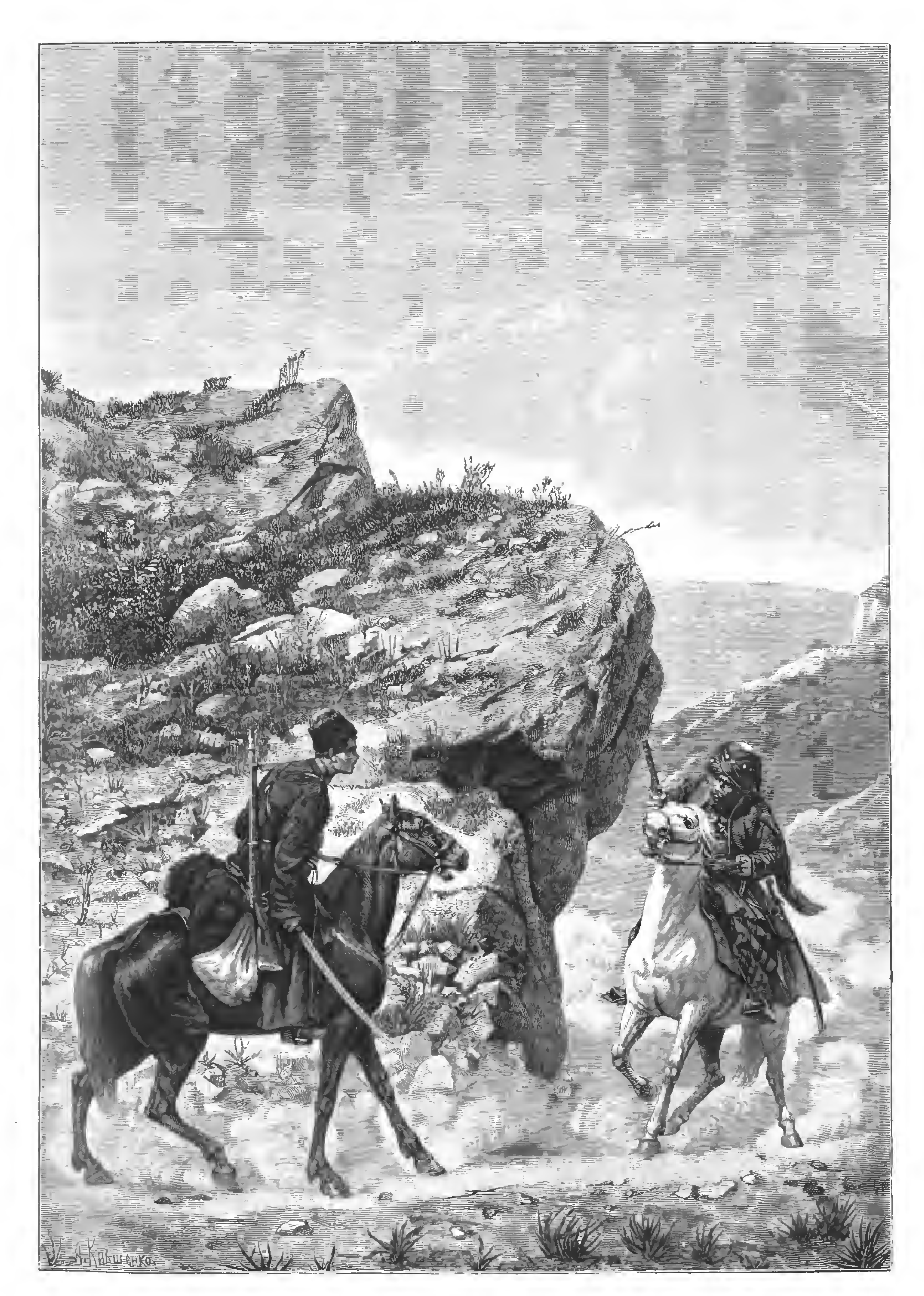
— Пришелъ къ вамъ, господинъ полковникъ, началъ протоіерей, подѣлиться кой-какими свѣдѣніями по Падымовскому дѣлу. Смущало это дѣло мою совѣсть ранѣе, смущаетъ и до-нынѣ. Вопіющая несправедливость, и ваши благія дѣянія на пользу несчастныхъ сиротъ сторицею вознаградятся на небесахъ.

Михаилъ Ивановичъ нѣсколько сконфузился такимъ вступленіемъ отца протоіерея, но былъ очень радъ получить отъ него еще новыя свѣдѣнія.

— Благодарю васъ, батюшка, и много цѣню ваше вниманіе ко мнѣ, отвѣтилъ онъ на привѣтствіе, приглашая отца протоіерея сѣсть.

— Дѣло, какъ я слышалъ, началъ, немного подождавъ, протоіерей, выяснилось и подвинулось къ концу признаніемъ отца Никиты.

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худож. Проводы въ Тихій океанъ военн. корабля „Крейсеръ“.
Съ карт. Н. Н. Гриценко, грав. М. Рашевскій.

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худож. Враги. Съ карт. академика А. Д. Кившенко, грав. М. Рашевскій.

— Да, почти окончилось, подтвердилъ Михаилъ Ивановичъ, остается только розыскать Падымовскую запись въ обыскной книгѣ.

— Въ архивѣ, полковникъ, въ архивѣ вы ее найдете, подхватилъ протоіерей. По секрету скажу вамъ и прошу оставить между нами мною сказанное, что самъ владыко заинтересованъ въ сокрытіи концовъ этого дѣла. Владыкѣ тяжело, что въ его епархіи происходятъ такія беззаконности...

— Вы говорите въ архивѣ, перебилъ протоіерея Михаилъ Ивановичъ, не желая слушать навѣты на архіерея, но я нѣсколько разъ рылся въ архивѣ и, къ сожалѣнію, ничего не могъ найти.

— Безъ указанія и найти невозможно, пояснилъ протоіерей. Дѣла этого рода лежатъ не въ ряду годовъ, а особо, слѣва на верхней полкѣ, около печки, въ пачкѣ, перевязанной бичевою. Вы когда будете требовать дѣла, то извольте сами достать эту пачку, тамъ и окажется вырванный листъ изъ обыскной книги, на которомъ записано бракосочетаніе Падымовыхъ. Чтобы отсутствіе этого листа сдѣлать незамѣтнымъ, продолжалъ пояснять отецъ протоіерей, углы всѣхъ остальныхъ листовъ, начиная съ четырнадцатаго, были отмочены и всей книгѣ данъ видъ какъ бы пострадавшей отъ продолжительнаго нахожденія въ сыромъ мѣстѣ и поврежденной крысами. Осмотрите хорошенько, полковникъ, книгу, и вы увидите, что если считать листы не по нумерамъ, выставленнымъ на углахъ первыхъ листовъ, а по скрѣпѣ, то на четырнадцатомъ листѣ книги недостаетъ двухъ слоговъ скрѣпы, и такимъ образомъ откроется, что этотъ листъ въ сущности не четырнадцатый, а пятнадцатый.

Михаилъ Ивановичъ отъ души благодарилъ отца протоіерея за сдѣланное имъ открытіе, причемъ при прощаніи далъ слово, что все имъ заявленное останется между ними. На другой день слова протоіерея подтвердились вполнѣ и въ указанномъ мѣстѣ архива найдена была связка бумагъ, между которыми оказался листъ записи брака маіора Падымова съ дѣвицею Еленою Ивановою.

Всѣ обнаруженные документы были препровождены въ Синодъ, который, окончивъ пересмотръ дѣлопроизводства консисторіи, составилъ опредѣленіе: „бракъ маіора Падымова съ Еленою Ивановою, какъ не подлежащій ни малѣйшему сомнѣнію, признать дѣйствительнымъ и прижитыхъ въ ономъ дѣтей — законнорожденными; войти въ разсмотрѣніе проступковъ духовныхъ лицъ, прикосновенныхъ къ злоупотребленіямъ, а секретаря и архиваріуса, отрѣшивъ отъ должности, отослать къ суду въ свѣтское правительство". Опредѣленіе это доложено было оберъ-прокуроромъ Святѣйшаго Синода Императору Николаю Павловичу, который на докладѣ собственноручно изволилъ написать: „Совокупно съ дѣйствіями чиновниковъ консисторіи разсмотрѣть въ судѣ и поступки самого истца, подполковника Падымова и затѣмъ, чтобы о поступкахъ виновныхъ было указомъ сената опубликовано по всей Имперіи."

Прошло два года. Въ Орлѣ происходили дворянскіе выборы, а потому обѣды и балы слѣдовали одинъ за другимъ. Около подъѣзда большого каменнаго дома на Болховской улицѣ, стояло множество экипажей. Это былъ съѣздъ Болховскихъ и другихъ уѣздовъ помѣщиковъ на обѣдъ, даваемый хозяиномъ дома, Петромъ Николаевичемъ Шеншинымъ, только что выбраннымъ предводителемъ дворянства. На почетномъ мѣстѣ, рядомъ съ губернаторомъ, сидѣлъ Михаилъ Ивановичъ. Послѣ теплыхъ и чувствительныхъ словъ, хозяинъ дома предложилъ тостъ за полковника Жемчужникова, съ такимъ успѣхомъ и энергіею окончившаго дѣло по возстановленію имени и имущества сиротъ, такимъ безчеловѣчнымъ образомъ ограбленныхъ. Въ отвѣтъ на это привѣтствіе Михаилъ Ивановичъ прочелъ сообщеніе, что, по именному Высочайшему повелѣнію, сироты малолѣтніе Падымовы опредѣляются на счетъ Государя Императора во второй кадетскій корпусъ. „Вотъ, господа, откуда идетъ источникъ правды и сила для возстановленія ея, когда она нарушена", окончилъ такими словами Михаилъ Ивановичъ. Громогласное „ура!" долго раздавалось по обѣденному залу.

Подруга Кортеца.

Очеркъ.

Молина—это имя мексиканки, пользовавшейся расположеніемъ Кортеца, завоевателя Новой Испаніи; память о ней сохранилась и по-нынѣ среди жителей тѣхъ странъ. Объ этомъ поэтическомъ образѣ новаго міра появилось недавно подробное сочиненіе Люсьена Біара, который собралъ среди индійцевъ и креоловъ богатый матеріалъ, сравнилъ его съ лѣтописями о славныхъ завоевателяхъ, почерпнулъ поучительныя поясненія въ судебныхъ актахъ инквизиціи и въ отдаленныхъ среднеамериканскихъ и мексиканскихъ лѣсахъ прослѣдилъ пути, по которымъ нѣкогда Молина шла со своимъ возлюбленнымъ рыцаремъ отъ побѣды къ побѣдѣ, отъ успѣха къ успѣху.

Въ Старомъ мірѣ донна Молина была извѣстна по среднеамериканскимъ и мексиканскимъ пѣснямъ и историческимъ преданіямъ, сохранившимся по-нынѣ въ Индіи, подъ именемъ Марины Кортецъ. Ея послѣдній біографъ доказываетъ, что Кортецъ безъ помощи ея никогда не былъ бы въ состояніи покорить такое царство для императора Карла V. Донна Марина была государственнымъ человѣкомъ, дипломатическимъ посредникомъ маленькаго войска завоевателей. Ея разумные совѣты, ея поразительное знаніе политическихъ отношеній и вліятельныхъ лицъ въ обширной странѣ, извѣстной впослѣдствіи христіанамъ подъ именемъ Мексики, дали возможность испанскому предводителю пріобрѣсть могущественныхъ военныхъ союзниковъ и повести соединенное войско противъ Монтецумы. Ея кроткій, гуманный характеръ уберегъ завоевателя отъ жестокостей, какими обыкновенно сопровождалось вторженіе жадныхъ до наживы, фанатическихъ конквистадоровъ и которыя, послѣ первыхъ завоеваній, дѣлали сомнительнымъ ихъ владычество. Она была примиряющимъ, посредствующимъ принципомъ, съумѣвшимъ помирить народы въ завоеванныхъ Кортецомъ областяхъ съ владычествомъ бѣлыхъ пришельцевъ и ввести христіанство вмѣсто прежней кровавой религіи, съ ея страшными человѣческими жертвами.

За это потомки народовъ, которымъ она покровительствовала, сохранили о ней добрую память, граничащую съ боготвореніемъ. Подъ именемъ донны Молины—на языкѣ ацтековъ *р* измѣняется въ *л*—они считаютъ добрую фею, появляющуюся ночью при лунѣ на горахъ, у ручьевъ, въ лѣсу, помогающую людямъ, утѣшающую угнетенныхъ и радующуюся счастью влюбленныхъ, проходящихъ мимо нея. Въ индійскихъ деревняхъ ежегодно въ честь ея происходятъ торжества; красивѣйшая дѣвушка надѣваетъ древній національный костюмъ, въ которомъ, какъ гласитъ преданіе, ходила подруга Кортеца. *Молина* эта торжественно ведется въ церковь, гдѣ совершается богослуженіе съ тою своеобразною обстановкою, какую принялъ католическій культъ у индійцевъ. Индійцы не знаютъ Кортеца; завоеватель, который измѣнилъ положеніе дѣлъ въ Мексикѣ, ввелъ новую культуру и новую, болѣе мягкую, вѣру, извѣстенъ имъ подъ именемъ Молинцина, т. е. возлюбленнаго Молины. Согласно мексиканскому преданію, Кортецъ—это исполнитель воли великой феи Молины, и всѣ завоеванія индійцы считаютъ рыцарскимъ подвигомъ, совершеннымъ сильнымъ воиномъ въ честь своей дамы. Испанскіе лѣтописцы разсказываютъ эту исторію нѣсколько иначе, но и по ихъ скуднымъ сообщеніямъ можно вывести ясное заключеніе, что донна Молина была добрымъ геніемъ Кортеца, ведшимъ его отъ побѣды къ побѣдѣ, отъ успѣха къ успѣху, и фактъ этотъ признанъ всѣми выдававшимися личностями, находившимися въ войскѣ завоевателя. Особенно восхваляетъ донну Молину храбрый и честный донъ Берналь Діацъ дель Кастильо, одинъ изъ адъютантовъ Кортеца и позднѣе историкъ его походовъ. Онъ также, въ качествѣ очевидца свиданія Молины съ ея мачихою и сводпымъ братомъ, подтверждаетъ достовѣрность легенды, сложившейся объ ея дѣтствѣ. Она родилась въ 1502 г., въ Пайналѣ, важномъ въ стратегическомъ и торговомъ отношеніи пограничномъ городѣ Ацтековъ, гдѣ отецъ ея былъ вассальнымъ княземъ. Вскорѣ послѣ рожденія Молины, умерла ея мать, и дѣвочка, на которую по государственнымъ и леннымъ правамъ ацтековъ переходило правленіе, получила соотвѣтствующее своему позднѣйшему призванію воспитаніе. Но въ домѣ появилась мачиха и съ нею сводный братъ. Для предоставленія послѣднему власти, принцесса тайно была увезена за предѣлы царства и продана въ рабство въ странѣ Майа, нынѣшнемъ Юкатанѣ.

* * *

О знакомствѣ Кортеца съ молодой дѣвушкой разсказываютъ слѣдующее: въ 1519 году, крейсируя возлѣ береговъ Юкатана, Кортецъ, въ одну изъ своихъ стоянокъ у берега, встрѣтилъ испанскаго діакона, жившаго десять лѣтъ среди индійцевъ и вполнѣ владѣвшаго ихъ языкомъ. Будущій завоеватель взялъ его въ качествѣ переводчика. Подвигаясь дальше къ сѣверу, до рѣки Табаско, открытой въ предшествовавшемъ году Грихальфа, онъ встрѣтилъ маленькую флотилію красивыхъ туземныхъ лодокъ. Кортецъ выслалъ къ нимъ своего переводчика, который, къ ужасу своему, не понималъ ихъ языка и увидѣлъ въ нихъ незнакомый народъ. Въ смятеніи, вызванномъ обоюднымъ непониманіемъ, поднялась одна изъ молодыхъ рабынь, которую юкатанскій вождь отдалъ испанцамъ въ услуженіе, заговорила съ находившимися въ лодкахъ на ихъ языкѣ и передавала отвѣты діакону на языкѣ Майа, а тотъ уже переводилъ ихъ Кортецу по-кастильски. Переговоры длились три часа и, благодаря такту переводчицы, окончились обоюднымъ удовольствіемъ и заключеніемъ дружественнаго союза. Во время переговоровъ невольница сообщила столько важныхъ свѣдѣній о новомъ народѣ, съ которымъ испанцы только-что вступили въ сношенія, а также объ обширныхъ побережныхъ странахъ, о царствѣ ацтековъ и сосѣднихъ государствахъ, что Кортецъ не могъ придти въ себя отъ радостнаго изумленія. Въ воображеніи его развернулась картина великихъ, славныхъ завоеваній, которыя онъ предприметъ съ этого берега для короны Испаніи. По окончаніи переговоровъ, онъ позвалъ къ себѣ

невольницу, желая разспросить ее болѣе объ ацтекахъ, и былъ очарованъ ея природной граціей, юношескою красотою и умомъ. Невольница была поручена попеченію духовнаго переводчика, который обучилъ ее испанскому языку и христіанской вѣрѣ. Она училась легко и скоро, такъ какъ любовь руководила ею. Молодая дѣвушка быстро полюбила въ то время молодого, превосходившаго красотою всѣхъ своихъ спутниковъ, Кортеца.

* * *

При крещеніи она была названа донной Мариной и съ этихъ поръ стала неразлучной спутницей и женой Кортеца до входа въ Мексику. Въ теченіе двухлѣтнихъ походовъ она была драгоманомъ при всѣхъ переговорахъ съ столицею Монтецумы, съ различными вассальными его князьями и съ городскими республиками, особенно съ союзомъ города Тласкалы, и считалась всѣми индійскими князьями и вождями alter ego своего супруга, Молинцина. Къ ней обращались ея соотечественники въ тѣхъ случаяхъ, когда нужно было умѣрить строгость новаго владычества или устранить недоразумѣнія. Ея знаніе политическихъ условій страны дало возможность испанцамъ воспользоваться ненавистью между городами и государствами, антипатіей существовавшей между строгою іерархически феодальною монархіею центральной Мексики и республиканскими городскими союзами. Дипломатически разумное пользованіе этими обстоятельствами, какъ извѣстно, подвинуло завоеваніе гораздо больше, нежели мечъ и ужасъ, который наводили выстрѣлы и вооруженные всадники. Любовь къ Кортецу и преданность христіанской вѣрѣ одинаковымъ образомъ воодушевляли молодую женщину и придавали ей силы во всѣхъ предпріятіяхъ и опасностяхъ труднаго похода. Кортецъ съ каждымъ мѣсяцемъ все болѣе къ ней привязывался и исполнялъ всѣ ея желанія. Только однажды дружба эта была нарушена, когда донна Марина хотѣла воспротивиться казни брата и наслѣдника Монтецумы, Гутемоцина. Но и это неудовольствіе улеглось когда донна Марина родила сына. Какъ жена Кортеца, она была помѣщена во дворцѣ, въ которомъ прежде жила императрица, и окружена такимъ же придворнымъ штатомъ, какой былъ при той. Все обширное царство лежало у ногъ доброй феи и гордые спутники Кортеца рыцарски поклонялись ей.

Молодая женщина стояла наверху счастья, когда внезапно она и Кортецъ были поражены странною вѣстью, что законная жена послѣдняго, донна Каталина, высадилась въ Веракруцѣ и ѣдетъ къ мужу съ цѣлью предъявить свои права. Нѣсколько лѣтъ назадъ, когда Кортецъ, подъ предводительствомъ дона Діего Веласкецъ, сражался на островѣ Кубѣ съ туземцами, онъ познакомился съ прибывшимъ изъ Гренады семействомъ сомнительнаго происхожденія и недостаточнаго образованія, по извѣстнаго среди испанскихъ офицеровъ красотою четырехъ дѣвушекъ. За одной изъ нихъ, донной Каталиной, сталъ ухаживать Кортецъ и обѣщалъ жениться. Легкомысленный рыцарь однако вскорѣ забылъ свое обѣщаніе и не пожелалъ исполнить его, когда ему объ этомъ напомнили. Но донъ Діего Веласкецъ въ свою очередь влюбился въ сестру Каталины и женился на ней. Онъ принудилъ также Кортеца сдержать обѣщаніе, и такимъ образомъ Каталина стала его женою. Кортецъ скоро однако оставилъ ее и отправился искать приключеній. Во время мексиканскихъ завоеваній, какъ онъ, такъ и его спутники, повидимому, совершенно забыли объ этомъ брачномъ эпизодѣ, и хотя донна Марина не была съ нимъ обвѣнчана по христіанскому обряду, она тѣмъ не менѣе считалась имъ и его спутниками и духовенствомъ—его женою.

Наивное дитя природы, она тѣмъ болѣе могла считать себя женою капитана, что на нее не разъ возлагалъ онъ порученія отклонить предложенія нѣкоторыхъ мѣстныхъ правителей взять ихъ дочерей въ жены или наложницы. При этомъ ей приходилось указывать на правила христіанской вѣры. Кортецъ и его спутники были страшно поражены появленіемъ донны Каталины. Удаленіе донны Марины, само по себѣ, жестокость въ отношеніи прелестной молодой женщины, могло имѣть опасныя политическія послѣдствія, такъ какъ ея сорегентство было въ глазахъ индійцевъ порукою законности правленія. Съ другой стороны, нельзя было отказаться отъ донны Каталины; въ подобныхъ дѣлахъ при испанскомъ дворѣ шутить не любили и заклятый врагъ и главный завистникъ Кортеца, его зять, донъ Діего Веласкецъ, воспользовался бы этимъ случаемъ, чтобы натравить Инквизицію на завоевателя Мексики.

Въ этомъ затруднительномъ положеніи Кортецъ обратился къ своему духовнику, прося того внушить Молинѣ мысль объ отреченіи, обѣщая за эту жертву награду на небѣ. Обманутая въ своихъ надеждахъ, молодая женщина отреклась отъ любви изъ любви къ своему герою. Она уѣхала изъ дворца, въ который вслѣдъ затѣмъ прибыла Каталина, не долго однако пользовавшаяся своимъ новымъ положеніемъ. Въ одну ночь, проведя вечеръ наединѣ съ Кортецомъ, она вдругъ внезапно скончалась, и обстоятельства, сопровождавшія смерть, подали поводъ къ толкамъ объ ея отравленіи. Враги и завистники Кортеца приписывали вину ему. Замѣчательно при этомъ, какимъ уваженіемъ пользовалась донна Молина у испанцевъ и туземцевъ: ни одинъ голосъ не поднялся въ этомъ случаѣ противъ нея. Кортецъ только съ трудомъ могъ подавить слухи и былъ сильно озабоченъ, чтобы они не достигли Испаніи и не подготовили ему дурнаго пріема при мадридскомъ дворѣ по возвращеніи. По вдругъ на югѣ вспыхнуло возстаніе; одинъ изъ подчиненныхъ завоевателя провозгласилъ свою независимость; это было первое объявленіе возстанія въ изобиловавшей ими испанско-мексиканской странѣ. Кортецъ опасался общаго возстанія туземцевъ и выступилъ во главѣ своего войска лично, съ цѣлью возстановить пошатнувшуюся власть. Во время этого похода помощь его прежней подруги стала необходимой.

* * *

Кортецъ снова обратился къ доннѣ Молинѣ, которая оставила своего сына и присоединилась къ нему. Во время этого похода они прибыли въ Паинапу, гдѣ царствовали мачиха донны Молины и ея сводный братъ, продавшіе ее въ рабство. Донъ Берналь Діацъ, бывшій очевидцемъ этого свиданія, сообщаетъ какъ молодая женщина, со свойственною ей добротою, приняла и обласкала сильно напуганныхъ ея возвращеніемъ родственниковъ. Вскорѣ затѣмъ изъ столицы пришло печальное извѣстіе, что слухи объ отравленіи донны Каталины, въ виду соединенія обоихъ возлюбленныхъ, поднялись снова и что Инквизиція серьезно занялась этимъ дѣломъ. Донъ-Гернандо Кортецъ не находилъ для донны Молины и для себя никакого другого выхода изъ-подъ страшной власти Инквизиціи какъ бракъ донны Молины съ другимъ человѣкомъ. Донъ-Жуанъ де-Жарамильо, прямой и честный гидальго, былъ до того преданъ своему начальнику, что согласился стать мужемъ его подруги. И донна Молина принесла и эту тяжелую жертву избраннику своего сердца.

Съ этихъ поръ она исчезаетъ изъ исторіи; никто не знаетъ какъ и когда она умерла. Гернандо Кортецъ вскорѣ послѣ своего неудачнаго похода на югъ отправился въ Испанію, и тамъ, для упроченія своего положенія при дворѣ, женился на племянницѣ герцога де-Беяръ. Система кроткаго правленія, введенная донною Молиною, уступила мѣсто тяжелому гнету, распространенному недальнозоркимъ правительствомъ во всѣхъ испанскихъ провинціяхъ. Вмѣсто религіи убѣжденія, какъ понимала ее Молина и проповѣдывала своимъ соотечественникамъ, наступилъ фанатизмъ временъ Филиппа; вмѣсто обновленія сравнительно высокой культуры царства Ацтековъ полезнымъ вліяніемъ европейскихъ нравовъ, новые правители повергли обширную страну въ варварство. Ацтеки и Майа убѣгали отъ притѣснителей изъ своихъ цвѣтущихъ городовъ въ первобытные лѣса. Но всѣ эти несчастія цѣлыхъ столѣтій не могли заглушить память о доброй феѣ Молинѣ, о самой великодушной и самой выдающейся женщинѣ ихъ страны, и добрая память объ ней сохранилась понынѣ.

Къ рисункамъ.

„Изъ путевыхъ альбомовъ Н. Н. Миклухо-Маклая“.

(Рис. на стр. 376 и 377, портр. на стр. 388).

Выставленная въ Имп. Акад. Наукъ этнологическая коллекція Н. Н. Миклухо-Маклая и живой интересъ, возбужденный его публичными лекціями по этнологіи меланезійцевъ—побудили насъ дать читателямъ нашимъ нѣсколько весьма характерныхъ рисунковъ, сдѣланныхъ по наброскамъ самого Н. Н., и знакомящихъ довольно полно съ тою обстановкой, въ какой живетъ и работаетъ уже столько лѣтъ для науки д-ръ Маклай.

Первыя изслѣдованія нашего неутомимаго путешественника сопровождались множествомъ трудностей и лишеній и надо было всю энергію Н. Н., чтобы преодолѣть всѣ препятствія и подчинить себѣ людей пребывающихъ по сіе время въ каменномъ вѣкѣ. Изъ множества островов, открытыхъ Н. Н. Миклухо-Маклаемъ, мы предлагаемъ нашимъ читателямъ панораму Архипелага „Довольныхъ людей“, гдѣ имъ предполагалось устроить русскую колонію. Мысль эта въ самомъ зародышѣ еще встрѣтила въ обществѣ большое сочувствіе и въ настоящее время поступило уже болѣе 2000 заявленій о желаніи колонизировать эту мѣстность.

Въ то время какъ выходятъ въ свѣтъ эти строки, Н. Н. находится на пути въ Австралію, откуда онъ думаетъ вернуться въ Россію къ іюню мѣсяцу, чтобы продолжать разработку собраннаго имъ матеріала и издать въ свѣтъ первый томъ своего обширнаго труда. Нашъ извѣстный путешественникъ, Николай Николаевичъ Миклухо-Маклай (портретъ коего помѣщенъ здѣсь на стр. 384) родился въ 1846 году, въ Новгородской губерніи, въ одномъ изъ помѣстій отца. Окончивъ курсъ въ СПбургскомъ университетѣ, онъ отправился за границу и слушалъ лекціи въ университетахъ: Гейдельбергскомъ, Лейпцигскомъ и Іенскомъ. Ник. Ник. первоначально изучалъ права, но впослѣдствіи посвятилъ себя естественнымъ наукамъ и медицинѣ. Въ 1866 г. онъ предпринялъ путешествіе на острова Мадейру, Канарскіе и Марокко. Три года спустя онъ объѣхалъ берега Чермнаго моря и Малой Азіи, а въ 1870 г. отправился въ Тихій океанъ на корветѣ „Витязь“. Посѣтивъ Бра-

зилію, Патагонію, Чили и многіе изъ Тихо-океанскихъ острововъ, онъ въ 1871 году высадился на берегъ Новой Гвинеи. Выбирая часть земного шара, которую предполагалъ онъ изслѣдовать, Миклухо-Маклай остановился на островахъ Тихаго океана и преимущественно на Новой Гвинеѣ, какъ островѣ наиболѣе извѣстномъ. Много труда и лишеній приходилось выносить русскому путешественнику, когда онъ высадился въ половинѣ сентября 1871 года на негостепріимный берегъ (впослѣдствіи названный *берегомъ Маклая*), въ сопровожденіи двухъ слугъ, и распрощался съ доставившимъ его экипажемъ. Заливъ оказался весьма углубившимся во внутрь острова и заселенъ дикарями Папуа по всему протяженію своихъ береговъ. Высадившись на берегъ, онъ избралъ для постройки хижины мысокъ, довольно отдаленный отъ сосѣднихъ деревень. Путешественникъ, съ помощью командира „Витязя“, устроился какъ возможно, помощи ждать было не откуда, приходилось разсчитывать единственно на свои силы. Отсюда Ник. Ник. повелъ свои наблюденія и изслѣдованія, часто прерываемыя самыми необходимыми условіями жизни, какъ напримѣръ поиски ежедневнаго пропитанія, и ему нерѣдко приходилось голодать, при неудачной охотѣ. Потомъ еще препятствіе—болѣзни. Туземцы оказались подозрительными и имъ очень не нравились посѣщенія ученаго. Наконецъ папуасы стали искать сближенія съ нимъ и это дало возможность Миклухо-Маклаю свободно заглянуть и изучить ихъ семейную и общественную жизнь. Въ декабрѣ 1872 г., много потрудившійся М.-М., послѣ 16-мѣсячнаго пребыванія въ Новой Гвинеѣ, былъ принятъ на клиперъ „Изумрудъ“, подъ командою капитана Кумани, посланный по приказанію Вел. Кн. Константина Николаевича на розыски за путешественникомъ. Прибывъ на о-въ Яву, онъ воспользовался тамъ гостепріимствомъ генералъ-губернатора и занялся приведеніемъ въ порядокъ своихъ наблюденій, результатомъ чего былъ рядъ статей въ Батавійскомъ журналѣ естественныхъ наукъ. Оправясь отъ выдержанныхъ испытаній, Миклухо-Маклай продолжалъ свои изысканія на Зондскихъ островахъ, а въ 1874 г. былъ уже опять въ Новой Гвинеѣ, но на юго-западномъ берегу. Въ 1877 г. онъ вернулся въ Сингапуръ, на случайно зашедшей англійской шхунѣ, оставивъ по себѣ самую лучшую память среди дикарей. Послѣ этого Миклухо-Маклаемъ былъ предпринятъ рядъ путешествій и изслѣдованій Новой Гвинеи, результатомъ чего явились рядъ антропологическихъ и другихъ, крайне интересныхъ, изысканій и собраніе громадныхъ коллекцій, недавно еще выставленныхъ въ Академіи Наукъ въ СПБургѣ.

Н. Н. Миклухо-Маклай. Съ фотогр. Клаасенъ, грав. Ю. Барановскій.

Гугенотъ. (Рис. на стр. 381).

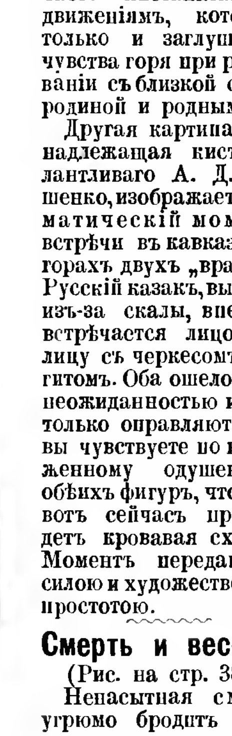
Этотъ типъ воинственнаго гугенота (реформата) французскаго, рисованный молодымъ художникомъ Г. К. Венигомъ съ картины отца его, проф. К. Б. Венига, служитъ превосходнымъ дополненіемъ къ извѣстной картинѣ проф. Гуна „Канунъ Варфоломеевской ночи“, копія съ которой помѣщена недавно, въ № 3 „Нивы“, также какъ свѣдѣнія о гугенотахъ. Именно это бурное, грозное время религіозныхъ волненій должно было выработать такой строгій, законченный типъ, какой съ такимъ мастерствомъ изображенъ здѣсь.

„Проводы въ океанъ“ и „Враги“.

(Рис. на стр. 384 и 385).

Здѣсь помѣщаемъ мы копіи двухъ прекрасныхъ картинъ весенней выставки Имп. Акад. Худож. На первой переданъ моментъ при уходѣ въ дальнее плаваніе военнаго русскаго судна (клипера). Клиперъ „Крейсеръ“ только что „далъ ходъ“, направляясь съ Кронштадтскаго рейда — къ выходу въ море, мимо гавани, форта Меньщикова и крѣпостей. Справа и слѣва оффиціально назначенные два парохода (отъ казны) для родственниковъ и знакомыхъ провожающихъ. Кромѣ того около клипера, по рейду, снуютъ шлюпки все съ тѣми же провожающими, отдающими прощальные привѣты уходящимъ.

На самомъ суднѣ, по особой командѣ, посланы люди „по вантамъ“ (веревочныя лѣстницы на мачтахъ), кричать три раза „ура“ близко подошедшему слѣва казенному пароходу съ провожающей публикой и музыкантами. Офицерство и матросы не щадятъ даже своихъ шапокъ и совсѣмъ ихъ бросаютъ въ воду; да и не однѣ шапки летятъ иногда. Все это въ экстазѣ, въ настроеніи такой необычайной минуты только и возможно, все это совершается вполнѣ безсознательно, слѣдуя, такъ сказать, чисто инстинктивнымъ движеніямъ, которыми только и заглушаются чувства горя при разставаніи съ близкой сердцу родиной и родными.

Другая картина, принадлежащая кисти талантливаго А. Д. Кившенко, изображаетъ драматическій моментъ встрѣчи въ кавказскихъ горахъ двухъ „враговъ“. Русскій казакъ, выѣзжая изъ-за скалы, внезапно встрѣчается лицомъ къ лицу съ черкесомъ-джигитомъ. Оба ошеломлены неожиданностью и пока только оправляются, но вы чувствуете по напряженному одушевленію обѣихъ фигуръ, что вотъ-вотъ сейчасъ произойдетъ кровавая схватка. Моментъ переданъ съ силою и художественною простотою.

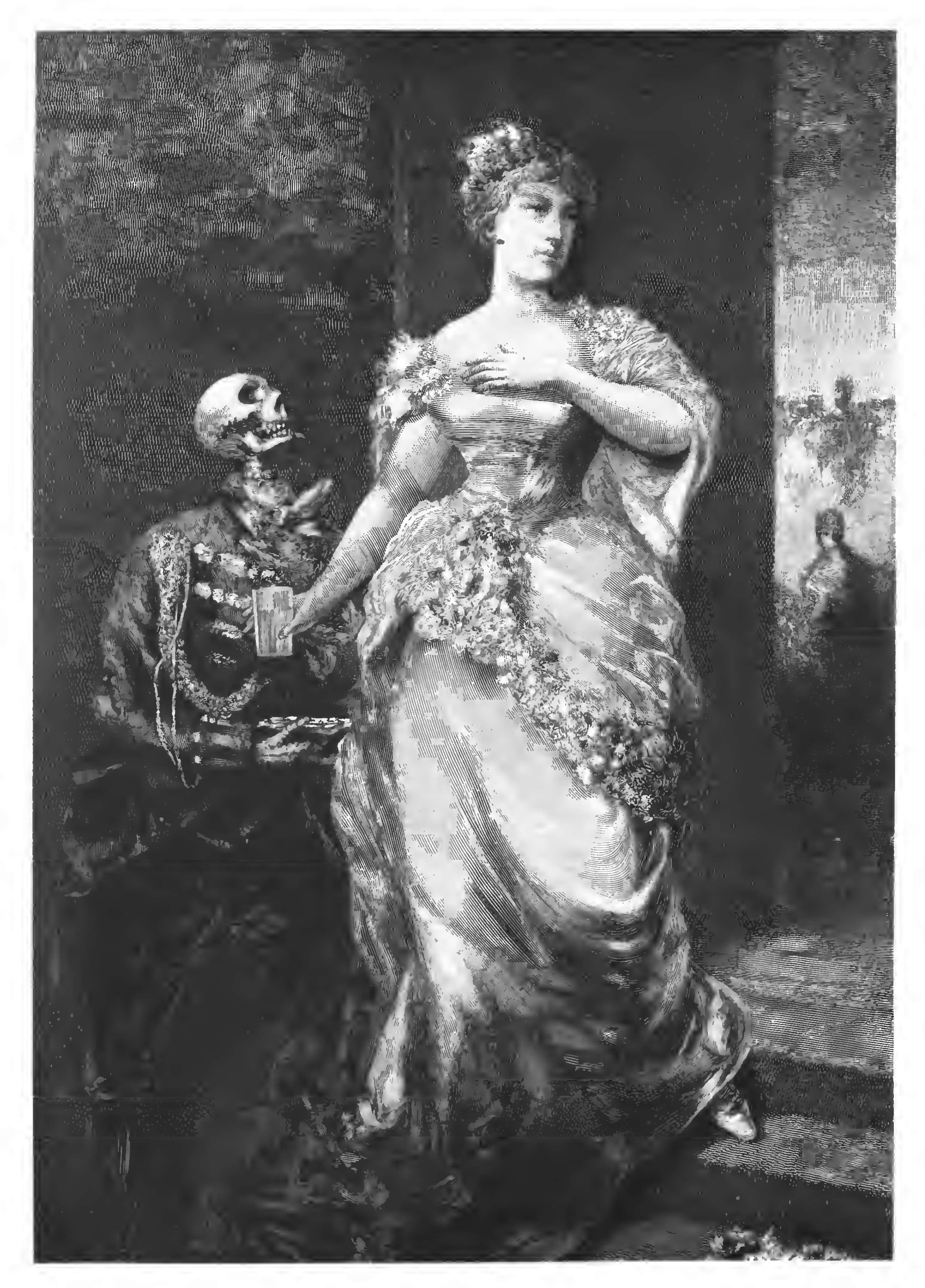
Смерть и веселье.

(Рис. на стр. 389).

Ненасытная смерть угрюмо бродитъ всюду по шумному городу. Тысячи протягиваютъ къ ней руки, призывая ее какъ избавительницу, а она не слушаетъ ихъ. Но вотъ раздаются веселые звуки вальса, въ блестяще освѣщенномъ залѣ. Не свадебный ли это праздникъ? Въ одѣяніи слуги, богато расшитомъ золотомъ, смерть прокрадывается въ шумный танцовальный залъ. Цвѣтущія лица, блескъ драгоцѣнностей, шелкъ и бархатъ, горящіе взгляды... И вотъ смерть разноситъ прохладительное питье. Царица бала идетъ и протягиваетъ безпечно руку къ холодному стакану и жадно выпиваетъ ледяную влагу. И она вернулась въ залу вся дрожа и въ изнеможеніи упала на руки жениха. Мгновенно прекращаются танцы, тушатъ свѣчи и тамъ, гдѣ только что раздавались веселые звуки, теперь мракъ и отчаяніе.

Гигантскія деревья въ Калифорніи. (Рис. на стр. 392).

Въ полдневномъ разстояніи отъ чудной долины Іоземите въ Калифорніи, въ чащѣ первобытнаго лѣса являются чудеса растительнаго міра, гигантскія Секвои, названныя американцами Мамонтовыми деревьями. Точно блестящія, коричневаго цвѣта башни, высятся эти деревья-колоссы, по объему, вышинѣ и массивности не имѣющія себѣ подобныхъ въ мірѣ. Поставленныя рядомъ съ пирамидами, вершины многихъ изъ этихъ гигантовъ дали бы тѣнь вершинамъ этихъ сооруженій. Между тѣмъ разлагающіеся въ чащѣ остатки деревьевъ свидѣтельствуютъ, что ранѣе существовали еще большія деревья. Въ рощѣ Калавера, на половину завалившись отъ собственной тяжести въ землю, лежитъ „Отецъ лѣса“, имѣющій у основанія 112 футовъ въ окружности. Вдоль ствола нужно идти двѣсти футовъ до того мѣста, гдѣ выросла первая боковая вѣтвь—также гигантъ сама по себѣ. Хотя вершина дерева давно отвалилась, но, измѣряя его, слѣдуетъ предположить, что во время полнаго развитія оно достигаетъ 450 футовъ вышины. Вблизи этого павшаго монарха стояло другое дерево, срубленное спекуляторомъ янки въ началѣ пятидесятыхъ годовъ. Пень былъ выровненъ и превращенъ въ танцовальную эстраду, на которой 32 пары могли

Смерть и веселье. Съ карт. графа Вартенслебена, грав. Геданъ.

свободно танцовать котильонъ. Тутъ долгое время находилась также типографія, гдѣ печатался еженедѣльный журналъ. Въ рощѣ Калавера стоитъ въ полномъ великолѣпіи, зеленѣя, другое мамонтовое дерево, не смотря на то, что огонь выжегъ въ его стволѣ отверстіе, въ которомъ можетъ помѣститься 16 всадниковъ. Въ рощѣ Марипоза стоятъ тоже колоссы, основаніе которыхъ имѣетъ 93 фута въ окружности. Это „Гигантъ Гризли" и „Огіо". Въ одномъ изъ нихъ имѣется, показанный на рисункѣ, туннель, чрезъ который точно чрезъ тріумфальную арку можно проѣхать въ экипажѣ, запряженномъ шестеркою лошадей. Дальнѣйшее понятіе о массивности мамонтовыхъ деревьевъ можно получить по вычисленію американскаго профессора Витнея, который нашелъ, что одно дерево въ состояніи дать 537,000 футовъ дюймовыхъ досокъ, стоимостью въ 25,000 долларовъ (50 т. руб.).

Принадлежа къ породѣ тисовыхъ хвойныхъ деревьевъ, колоссальныя Секвои названы въ ботаникѣ Sequoia gigantea. Они встрѣчаются на западномъ склонѣ Сіерры-Невады и въ настоящее время извѣстно девять рощъ, состоящихъ изъ нѣсколькихъ тысячъ такихъ экземпляровъ. Рощи Калаверская и Марипозская самыя доступныя и наиболѣе посѣщаемыя. Въ виду необыкновенно медленнаго роста Секвой, многіе путешественники даютъ этимъ колоссамъ растительнаго міра отъ 3 до 4 тысячъ лѣтъ; но это только предположеніе, которое не легко подтвердить. Однако возрастъ ихъ можно смѣло опредѣлить по меньшей мѣрѣ въ 1500 или 1800 лѣтъ.

Американское правительство, объявившее, въ 1871 г., знаменитый Іелостоунскій паркъ въ Віомингѣ неприкосновенною народною собственностью, постановило не трогать долину Іосемите и рощу Секвой, съ цѣлью сохранить ихъ въ первоначальной красотѣ для позднѣйшихъ поколѣній.

И. Н. Крамской. (Портр. на стр. 392).

Русское искусство понесло неожиданную и тяжелую утрату. 24-го сего марта скоропостижно скончался членъ Императорской академіи художествъ, извѣстный русскій художникъ-портретистъ Иванъ Николаевичъ Крамской. Покойный давно уже страдалъ порокомъ сердца. Смерть застала его за портретомъ извѣстнаго врача Раухфуса, совѣтами котораго покойный пользовался въ послѣднее время. И. Н. Крамской родился въ 1837 году, въ гор. Острогожскѣ, Воронежской губерніи. Съ дѣтства чувствуя склонность къ живописи, онъ научился ей почти самоучкой, въ качествѣ ретушера, нѣсколько лѣтъ разъѣзжая по Россіи съ однимъ странствующимъ фотографомъ, который, бывъ проѣздомъ въ Острогожскѣ, замѣтилъ искусство мальчика. Въ 1857 году онъ пріѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ поступилъ въ Императорскую академію художествъ; въ 1858 году онъ перешелъ въ натурный классъ, а въ 1861 году окончилъ классы, то есть имѣлъ всѣ серебряныя медали. Въ 1863 году онъ началъ писать картину „Походъ Олега на Царьградъ" на малую золотую медаль, но заболѣлъ и долженъ былъ уѣхать въ Москву; медаль онъ получилъ въ 1863 году за картину „Моисей изъ камня извлекаетъ воду". Въ 1869 году И. Н. Крамской получилъ званіе академика; въ 1871 году обратили на себя общее вниманіе его картины „Охотникъ на тягѣ" и „Майская ночь" по Гоголю, затѣмъ, въ 1872 году, „Христосъ въ пустынѣ". Вскорѣ онъ задумалъ большую картину „Христосъ у Пилата", надъ которою онъ нѣкоторое время прилежно работалъ. Къ сожалѣнію, она осталась неоконченною.

Лучшія произведенія И. Н. Крамскаго—портреты, писанные масляными красками и рисованные карандашемъ, акварелью и пастелью. Между первыми особенно замѣчателенъ портретъ Т. Г. Шевченко; затѣмъ, какъ выдающіяся изъ работъ И. Н. Крамскаго, извѣстны бывшіе на выставкахъ его портреты художниковъ и писателей, какъ гр. Л. Н. Толстого, Д. В. Григоровича, Ѳ. М. Достоевскаго, Г. П. Данилевскаго и для Румянцовскаго московскаго музея И. Н. Крамской нарисовалъ чернымъ карандашемъ коллекцію изъ нѣсколькихъ сотъ грудныхъ портретовъ Русскихъ Государей, государственныхъ дѣятелей, ученыхъ, поэтовъ, литераторовъ, художниковъ и др. Для своихъ сотоварищей-художниковъ покойный въ особенности памятенъ, какъ одинъ изъ основателей артели художниковъ и общества передвижныхъ выставокъ.

28 марта похоронили И. Н. Къ 10 час. утра мастерская покойнаго и вся лѣстница наполнились собравшимися отдать послѣдній долгъ усопшему. Изъ вѣнковъ обращали на себя вниманіе серебряный вѣнокъ отъ Имп. Акад. Художествъ, вѣнокъ съ надписью „отъ товарищей", „отъ товарищей-художниковъ въ Парижѣ", „отъ общ. поощр. художн.", „отъ моск. общ. любит. худож.", „отъ товарищей передв. выст." и др. Выносъ совершился на Смоленское кладбище, гдѣ въ Троицкой церкви совершилось отпѣваніе. Гробъ былъ несенъ всю дорогу на рукахъ. Тысячная толпа провожала Крамскаго въ его послѣднее жилище. Могила устроена въ семейномъ склепѣ Крамскихъ.

В. В. Самойловъ. (Портр. на стр. 393).

27 марта скончался Василій Васильевичъ Самойловъ, высокоталантливый артистъ, имя котораго извѣстно всей Россіи и и перейдетъ въ потомство въ лѣтописяхъ отечественнаго театральнаго искусства. В. В. родился въ 1813 г. Два брата Самойловы были приняты на казенный счетъ въ Горный корпусъ. Оба были выпущены офицерами горнаго вѣдомства. По волѣ Государя и своего отца, перемѣнивъ эполеты на штатское платье артиста, В. В. двадцати-двухъ лѣтъ дебютировалъ въ Петербургѣ, въ Большомъ театрѣ, въ оперѣ Мегюля „Іосифъ Прекрасный". Успѣхъ былъ полный и дебютантъ принятъ на сцену. Въ теченіе первыхъ трехъ лѣтъ имъ было исполнено 9 партій въ операхъ и 18 ролей въ водевиляхъ. Первымъ толчкомъ къ началу драматической карьеры молодого артиста было исполненіе имъ роли въ водевилѣ Кони. Самойловъ великолѣпно имитировалъ тогдашнихъ оперныхъ артистовъ и своимъ искусствомъ поразилъ публику. Успѣхъ былъ громадный и большинство ролей Дюра, вскорѣ умершаго, перешло къ Самойлову. Слава Самойлова началась собственно съ пьесы „Театральный музыкантъ и княгиня", когда заболѣлъ Мартыновъ и главную роль музыканта передали Самойлову. Въ Александринскій театръ пріѣхалъ императоръ Николай. Самойловъ сыгралъ такъ, что императоръ сказалъ ему: „Спасибо, Самойловъ! Ты своей игрой заставилъ меня плакать, а я тебѣ этого даромъ не прощу". Самойлову былъ выданъ подарокъ изъ кабинета, а положеніе его сразу стало независимымъ и съ 1847 г. карьера его пошла ровно. Самойловъ до пятидесятыхъ годовъ игралъ больше роли мелодраматическаго характера; особенно эффектна его роль была въ драмѣ „Ришелье", которая лѣтъ 15 не сходила со сцены; въ пятидесятыхъ годахъ Самойловъ появился въ пьесахъ Тургенева „Завтракъ у предводителя" и „Провинціалка". Художественное исполненіе роли предводителя въ одной и графа—въ другой, производило фуроръ. Изъ репертуара Островскаго Самойловымъ сыграно всего пять-шесть ролей и масса ролей исполнена, выдвинута и создана имъ въ репертуарѣ. Изъ классическаго репертуара Шекспира Самойловымъ исполнены замѣчательно три роли: Гамлета, Шейлока и короля Лира, особенно послѣдняя. Самыми выдающимися ролями Самойлова, кромѣ Ришелье, слѣдуетъ считать въ русскомъ репертуарѣ роли Кречинскаго и стараго барина въ пьесѣ Пальма.

Въ 1864 г., въ день тридцатилѣтняго юбилея, Самойловъ получилъ отъ публики медальонъ—брилліантовый лавровый вѣнокъ. Этотъ знакъ Самойлову Высочайше дозволено носить на шеѣ, какъ орденъ. 16-го января 1875 года праздновался 40-лѣтній юбилей Самойлова, а въ 1885 году—пятидесятилѣтній. По послѣ 40-лѣтняго юбилея Самойловъ покинулъ казенную сцену. Успѣху Самойлова на сценѣ, помимо игры, способствовало замѣчательное искусство гримироваться и художественный вкусъ. Самойловъ былъ прекрасный художникъ. Его картины бывали на выставкахъ. Каждую сыгранную имъ роль онъ рисовалъ въ особомъ альбомѣ, котораго составилось нѣсколько томовъ. Тѣло покойнаго, согласно собственной его волѣ, было набальзамировано и положено въ металлическій гробъ. Весь день передъ смертью Самойловъ испытывалъ сильныя мученія; дыханіе его было крайне затруднительно. Онъ не говорилъ ни одного слова и только указалъ на стаканъ воды, прося дать ему пить. Сдѣлавъ глотокъ, другой, Василій Васильевичъ началъ молиться, стараясь съ трудомъ креститься. Почти до самой послѣдней минуты жизни, сидя въ креслѣ, онъ молился.

Политическое обозрѣніе.

2-го апрѣля.

Дѣла въ Афганистанѣ.—Положеніе дѣлъ въ Болгаріи и отвѣтъ графа Кальноки Стоилову.—Окончаніе министерскаго кризиса въ Италіи.—Открытія „Nord'a" о русско-германскихъ отношеніяхъ.

Въ Афганистанѣ происходятъ въ настоящее время событія, которыя невольно заставляютъ обращать на себя вниманіе европейской политики. Слѣдуетъ замѣтить, что свѣдѣнія, получаемыя въ Россіи, доставляются изъ Афганистана не черезъ посредство русскихъ агентовъ, а черезъ Персію или телеграммами изъ Бомбея на Лондонъ, поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что мы знаемъ о положеніи дѣлъ въ этой странѣ крайне не полно и достаточно поздно. До настоящаго времени намъ пока извѣстно, что Абдурахманъ-ханъ сосредоточилъ войска около Герата и вблизи русской границы, что горныя племена юго-восточнаго Афганистана, оставаясь недовольными англичанами, возстали также противъ своего кабульскаго владыки, что, наконецъ, Афганскій эмиръ играетъ двойную роль, направляя свои непріязненныя дѣйствія съ юга на англичанъ, а съ сѣвера—на русскихъ. Что изъ всего этого выйдетъ—покажетъ будущее, а пока можно сказать только одно, что собирающаяся въ Петербургѣ комиссія по проведенію афгано-русской границы, по всей вѣроятности, не прійдетъ къ какому-либо результату и вообще собраніе ея, при такихъ обстоятельствахъ, слѣдуетъ признать несвоевременнымъ.

Что касается политическихъ дѣлъ въ Европѣ, то за наступившими заграницею праздниками, они остаются какъ бы безъ измѣненій. Наиболѣе интересующій и волнующій насъ болгар-

скій вопросъ остается столь же невыясненнымъ, какъ былъ прежде. Странствующій болгарскій посланецъ Стоиловъ, повидимому, получилъ весьма мало утѣшительныхъ завѣреній отъ австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Кальноки. По крайней мѣрѣ становится извѣстнымъ, что графъ Кальноки прямо заявилъ Стоилову, что вѣнскій кабинетъ никоимъ образомъ не согласится ни на то, чтобы послѣдовало продленіе полномочій регентству, ни на то, чтобы нынѣшнее регентство собрало народное собраніе для избранія еще не предназначеннаго Европою князя Болгаріи. Понятное дѣло, что такое заявленіе министра иностранныхъ дѣлъ Австро-Венгріи принято было софійскими правителями не совсѣмъ дружелюбно, а потому въ то же время начали получаться изъ Софіи самыя несообразныя свѣдѣнія, въ родѣ того, что болгары желаютъ избрать себѣ королемъ турецкаго султана и образовать унію изъ Болгарскаго королевства и Турецкой имперіи. Съ другой стороны тотъ же отвѣтъ графа Кальноки Стоилову породилъ не менѣе сенсаціонный слухъ, что будто бы Австро-Венгрія входитъ въ соглашеніе съ Россіей и что будто бы Россія оказываетъ склонность къ уступкамъ по болгарскому вопросу, имѣя намѣреніе начать болѣе дѣятельную политику въ Средней Азіи. Закрѣпляется этотъ слухъ еще тѣмъ предположеніемъ, что выѣхавшій на-дняхъ нашъ вѣнскій посолъ князь Лобановъ-Ростовскій получилъ на этотъ счетъ самыя миролюбивыя инструкціи и вполнѣ опредѣленныя указанія. Само собою разумѣется, что все это составляетъ только желаніе вѣнскихъ дипломатическихъ кружковъ и нисколько не обозначаетъ какихъ либо измѣненій въ политикѣ петербургскаго кабинета.

Окончаніе министерскаго кризиса въ Италіи и перемѣна, послѣдовавшая въ составѣ министерства, имѣетъ гораздо большее значеніе, чѣмъ предполагали. Криспи не такой человѣкъ, чтобы играть пассивную роль въ кабинетѣ, тѣмъ болѣе, что онъ будетъ, несомнѣнно, пользоваться самымъ рѣшительнымъ вліяніемъ на Депретиса, взявшаго на себя портфель министра иностранныхъ дѣлъ. Извѣстно, что Криспи и Депретисъ — старые друзья и товарищи (Депретису 74 года, Криспи—70 лѣтъ), оба старые гарибальдійцы изъ той славной „побѣдоносной тысячи“, съ которой Гарибальди предпринялъ свой походъ въ Сицилію, служившій исходною точкою національнаго объединенія. По Криспи—другъ Франціи и врагъ Австріи, а потому онъ окажетъ значительное вліяніе на внѣшнюю политику, и такъ какъ старикъ Депретисъ раздѣляетъ его взгляды и только по старости лѣтъ подчиняется вліянію австрофила Робилана, то весьма неудивительно, что въ будущемъ тройственный союзъ Австріи, Германіи и Италіи будетъ имѣть, по крайней мѣрѣ въ отношеніи Италіи, только фиктивное значеніе.

Въ заключеніе отмѣтимъ, что брюссельская газета „Nord“, разбирая отношенія Россіи къ Германіи, самымъ рѣшительнымъ образомъ опровергаетъ нелѣпую идею о какомъ-то непримиримомъ дуализмѣ въ политикѣ петербургскаго кабинета. Газета говоритъ и удостовѣряетъ, что въ русско-германскихъ отношеніяхъ никакой перемѣны не произошло и между державами, по прежнему, господствуетъ полное согласіе и обоюдное уваженіе національныхъ интересовъ. „На подобной почвѣ отношеній, заявляетъ брюссельская газета, дружественное расположеніе сосѣднихъ имперій можетъ сохраниться неограниченное время и нѣтъ даже надобности въ формальномъ оглашеніи и укрѣпленіи этой дружбы, имѣющей за собою вѣковое существованіе.“

Туннель въ стволѣ исполинскаго дерева въ Калифорніи. Рис. Кронау, грав. Кларгольцъ.

Разныя извѣстія.

Правительственныя извѣстія.

— Состоится выпускъ новаго долгосрочнаго внутренняго займа—будетъ выпущена 5 проц. желѣзнодорожная рента на сумму 100 мил. р. кред. и публичная подписка уже объявлена.

— Табачную монополію рѣшено окончательно ввести съ 1889 г.

— Въ гор. Семипалатинскѣ открыто отдѣленіе государственнаго банка.

— Проектъ полнаго подчиненія желѣзнодорожныхъ тарифовъ правительственному надзору уже утвержденъ.

— Въ комитетѣ министровъ постановлено принять въ казну ряжско-моршанскую желѣзную дорогу. Въ замѣнъ акцій, сто за сто будутъ выданы обществу пятипроцентныя облигаціи государственнаго банка.

— Галичинскимъ поселянамъ, которые весною и осенью пріѣзжаютъ для полевыхъ работъ въ царство Польское, разрѣшенъ пріѣздъ туда, съ пропускными видами на срокъ отъ двухъ до четырехъ недѣль.

Военное и морское дѣло.

— Управл. морск. минист. ген.-ад. Шестаковъ выѣзжаетъ въ Николаевъ и Севастополь для осмотра вновь сооружаемыхъ тамъ военныхъ судовъ.

— Въ нынѣшнемъ году, во время лагерныхъ сборовъ войскъ, будутъ произведены испытанія офицерскихъ лошадей, въ гвардейской и въ армейской кавалеріи. Кромѣ обязательныхъ скачекъ, будутъ произведены также испытанія офицеровъ въ строевой ѣздѣ.

— По открытіи навигаціи состоится публичное испытаніе изобрѣтенной однимъ изъ нашихъ техниковъ Я. В. Кочеповскимъ подводной лодки.

Торговля и промышленность.

— Слухи о видахъ на Закавказье Ротшильда не прошли безслѣдно среди винодѣловъ и они рѣшили образовать въ Тифлисѣ „Товарищество кавказскаго винодѣлія“, чтобы производить оптовую покупку и продажу всѣхъ сортовъ закавказскаго вина.

— Въ Чехіи возникло желаніе завязать непосредственныя торговыя сношенія съ Россіею. Имѣется въ виду отыскать путь для сбыта чешскихъ произведеній въ Россіи и русскихъ въ Чехіи.

— Въ Баку пріѣхалъ голландецъ съ о. Явы, завязать сношенія по торговлѣ керосиномъ. Торговля съ Явою представляетъ выгоды. Населеніе Явы доходитъ въ настоящее время до 22 милліоновъ. Ввозъ американскаго керосина до 6 милліоновъ пуд. Но американскій керосинъ обходится слишкомъ дорого

Литература и наука.

— Въ Берлинѣ выйдетъ въ свѣтъ романъ графа Евгенія Саліаса „Милліонъ“, (помѣщенный въ „Нивѣ“ 1885 г., въ переводѣ Гнельса. Изданіе этого перевода предпринимаетъ книгопродавческая фирма „Вильгельми“.

— Харьковское земство дѣлаетъ изданіе сочиненій Г. Ф. Квитки-Основьяненка.

— Въ русскомъ географическомъ обществѣ возбужденъ вопросъ объ учрежденіи медали имени д-ра Юнкера, для выдачи изслѣдователямъ мало извѣстныхъ странъ.

— Появился въ печати интересный, неизданный этюдъ Генриха Гейне—описаніе февральской парижской революціи 1848 года. Статья эта, по блеску, остроумію и живости изложенія, не уступаетъ лучшимъ сатирико-политическимъ его произведеніямъ.

— Въ маѣ отправляется для изслѣдованія сѣвернаго кавказскаго хребта отъ Дагестана къ Черному морю, ботанико-геологическая экспедиція, снаряжаемая Имп. геогр. общ. Цѣль ея заключается въ выясненіи геологической способности почвы для посѣвныхъ сѣмянъ разнаго рода хлѣбовъ.

И. Н. Крамской. † 24 марта. Съ портрета писаннаго И. Е. Рѣпинымъ, грав. Ю. Барановскій.

Почтовыя извѣстія.

— Въ маѣ мѣсяцѣ нынѣшняго года въ Антверпенѣ будетъ открыта почтовая выставка, на которой будутъ выставлены предметы имѣющіе отношеніе къ почтовому дѣлу. Главное управленіе нашихъ почтъ и телеграфовъ приметъ участіе въ этой выставкѣ.

Археологія и древности.

— Въ Кіевѣ открыта раскопками стѣна древней кладки—остатокъ древняго храма XI—XII вѣка.

— Въ Маріенбургѣ принялись за раскопку городища на прибрежьи рѣчки, въ трехъ верстахъ отъ развалинъ стараго рыцарскаго замка, гдѣ находился тайникъ для производства пытки. Стѣны сохранились вполнѣ хорошо.

Театръ и музыка.

— Устройство частной оперы, проектированное А. Г. Рубинштейномъ, начинаетъ уже приходить къ практическому осуществленію. Снятъ уже Малый театръ. Руководителями музыкальной стороны дѣла предполагается поставить извѣстныхъ Петербургу музыкальныхъ дѣятелей гг. Зике и Гольдштейна. Оба они прекрасные и образованные музыканты.

— Извѣстный драматическій писатель г. Шпажинскій назначается управляющимъ театральною школою при московск. импер. театрахъ.

Изъ губерній и областей.

— Открывается въ Варшавѣ этнографическій музей. Учредители музея надѣются вскорѣ получить много интересныхъ предметовъ изъ Америки, съ Кавказа и изъ другихъ мѣстностей.

— По окончаніи разграниченія Уссурійскаго края съ Китаемъ, китайское пограничное начальство, дружелюбно принятое русскими во время производства разграниченія, возвратилось въ Хунчунъ съ самыми хорошими воспоминаніями о пріемѣ; съ тѣхъ поръ отношенія китайцевъ къ русскимъ дѣлаются болѣе дружественными.

— Открытыя не такъ давно въ окрестностяхъ Кременца обширныя залежи лигнита, извести и желѣза поступаютъ въ арендное владѣніе бельгійской компаніи.

Смѣсь.

Въ Парижѣ на Монмартрскомъ кладбищѣ открытъ памятникъ Берліоза. На торжествѣ присутствовало до трехсотъ человѣкъ. Рѣчей не было произнесено. (г.)

Общество воляпюкистовъ устраиваетъ въ Копенгагенѣ музыкальный вечеръ, на которомъ впервые будутъ исполнены пѣсни на новомъ всемірномъ языкѣ „воляпюкѣ“.

Торговецъ животными въ Гамбургѣ Гагенбекъ отправилъ недавно въ Японію на пароходѣ „Электра“ шесть оленей и девять сернъ. Японское правительство въ видѣ опыта пуститъ этихъ животныхъ въ свои лѣса. Если опытъ удастся, выписано будетъ большее количество этихъ животныхъ. (г.)

Изъ Канна сообщаютъ, что исчезнувшій 1800 лѣтъ тому назадъ теплый источникъ рѣки Пальонъ появился снова послѣ землетрясенія. (г.)

Первая международная телефонная линія въ Европѣ, это линія изъ Брюсселя въ Парижъ, съ устройствомъ которой связано любопытное какъ научное, такъ и практическое изобрѣтеніе, существенно облегчающее устройство европейской телефонной сѣти. Извѣстно, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ примѣненію телефоновъ на большихъ разстояніяхъ мѣшали два препятствія: необходимость прокладки особыхъ желѣзныхъ проволокъ, что было сопряжено съ большими расходами, и убѣжденіе въ томъ, что проволоки отъ присущей имъ магнетической силы передаютъ звукъ на большомъ разстояніи съ недостаточною чистотою. Первое препятствіе устранилось системою ванъ-Рисссельберге, употребившаго для телефоновъ желѣзныя проволоки телеграфныхъ линій и устранившаго, такимъ образомъ, необходимость въ прокладкѣ особыхъ телефонныхъ проволокъ. На основаніи системы Рисссельберге устроены телефоны во Франціи, Германіи, Бельгіи, Австріи и пр. Во время опытовъ, произведенныхъ въ ноябрѣ прошлаго года между Брюсселемъ и Парижемъ, т. е. на разстояніи 360 километровъ, оказалось, что телеграфныя проволоки не передаютъ звукъ дальше съ требуемою ясностью. Поэтому рѣшили замѣнить желѣзныя проволоки бронзовыми и нѣсколько такихъ протянули на телеграфныхъ столбахъ между Брюсселемъ и Парижемъ. Результатъ опыта оказался вполнѣ удачнымъ. Во время пробнаго разговора, въ день новаго года, министровъ Бельгіи и Франціи, не только былъ слышенъ ясно каждый звукъ, но въ Брюсселѣ можно было даже отличить голоса министра почтъ Гране и парижскаго директора телеграфовъ Фрибурга. Надъ этими же бронзовыми проволоками произведенъ еще другой опытъ, съ цѣлью убѣдиться пригодны-ли онѣ для телеграфа. Бельгійскій министръ почтъ послалъ своему парижскому товарищу длинное въ 500 словъ поздравленіе съ Новымъ годомъ, которое было передано по бронзовой проволокѣ. Спустя полчаса г. Гране получилъ уже депешу. Если хорошія свойства бронзовой проволоки окажутся несомнѣнными, то правительства Франціи и Бельгіи намѣрены замѣнить такими проволоками всѣ желѣзныя проволоки телеграфа. Несомнѣнно, что открытіе это облегчитъ устройство европейской телефонной сѣти, и теперь уже серьезно коговариваютъ о соединеніи телефономъ Брюсселя съ Кельномъ и Амстердамомъ. (р.)

В. В. Самойловъ. † 27-го марта. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Туннель въ Скалистыхъ горахъ. Предполагаютъ устроить желѣзнодорожный туннель въ Скалистыхъ горахъ, именно въ вершинѣ Грей, находящейся въ 14,441 футѣ надъ уровнемъ моря. Туннель пройдетъ подъ вершиною на высотѣ 4441 фута и будетъ тянуться на 25,000 футовъ. Онъ соединитъ долины восточной атлантической стороны съ долинами Тихоокеанскаго побережья и сократитъ разстояніе между городомъ Данверомъ въ штатѣ Колорадо и Соленоозернымъ городомъ въ Утахѣ. Такимъ образомъ желѣзная дорога отъ рѣки Миссури или отъ г. Лун до С.-Франциско сократится почти на 300 миль. Часть необходимыхъ для предпріятія подготовительныхъ работъ уже окончена. Страна отъ рѣки Миссури до Скалистыхъ горъ поднимается постепенно волнообразною преріею, достигающею наконецъ 2500 футовъ надъ уровнемъ моря. Надъ этою преріею высятся Скалистыя горы, достигающія мѣстами 11,000 футовъ вышины. Изъ 20 знаменитыхъ ущелій, 7 находятся на высотѣ 10,000 футовъ. Изъ 73 болѣе значительныхъ мѣстечекъ штата Колорадо, десять находятся на высотѣ 10,000 футовъ и одинъ даже на высотѣ 14,000 футовъ надъ уровнемъ моря. (р.)

Въ Индіи почтовое учрежденіе считается среди несвѣдущихъ туземцевъ чѣмъ-то удивительнымъ, такъ что въ нѣкоторыхъ отдаленныхъ мѣстечкахъ почтовымъ ящикамъ даже поклоняются. Одинъ индіецъ, положивъ письмо въ ящикъ, громко назвалъ мѣсто назначенія, чтобы сидящій въ ящикѣ духъ зналъ куда послать письмо. Другой туземецъ, при приближеніи къ ящику, снялъ свои башмаки, совершилъ молитву и, бросивъ письмо, положилъ передъ ящикомъ нѣсколько мѣдныхъ монетъ и также почтительно удалился какъ и пришелъ. (р.)

Сочинитель освистывающій самого себя. Генрихъ Лаубе, будучи студентомъ въ Бреславлѣ, писалъ не только театральныя рецензіи, но также и театральныя пьесы подъ псевдонимомъ: Генрихъ Лампе. Одно изъ его сочиненій „Густавъ Адольфъ", которое извѣстный артистъ Кунстъ выбралъ для своего бенефиса, не понравилось публикѣ и было освистано. Лаубе находился въ партерѣ и, чтобы отвлечь подозрѣніе въ авторствѣ, шумѣлъ немилосердно. Возлѣ Лаубе сидѣлъ исполинскаго роста мясникъ, которому, въ противоположность всѣмъ, представленіе очень понравилось, и который поэтому очень грубо приказалъ Лаубе замолчать. Хотя автору и было пріятно это приказаніе, но, какъ студентъ, онъ не могъ послушаться и продолжалъ свистѣть. Тогда мясникъ схватилъ юношу за воротникъ, поднялъ кверху и, при смѣхѣ сидѣвшихъ въ партерѣ, вынесъ на улицу. Это единственный случай удаленія изъ театра автора, недовольнаго своимъ произведеніемъ. (р.)

Газовая печь Сименса. Въ засѣданіи саксонскаго общества инженеровъ въ Дрезденѣ Фридрихъ Сименсъ сообщилъ свои наблюденія надъ изобрѣтенною имъ газовою печью. Хотя вблизи печи этой не такъ тепло какъ около камина, но она равномѣрно нагрѣваетъ комнату и воздухъ остается свѣжимъ и влажнымъ. Это происходитъ отъ исключительнаго дѣйствія печи лучеиспусканіемъ, подобно тому какъ дѣйствуетъ солнце, или непосредственно при помощи горящаго внутри пламени, или отъ отбрасыванія этого пламени стѣнками. Печь эта переносная и не зависитъ отъ устройства трубы; для отвода сгорающаго газа достаточно соединенія печи съ наружнымъ воздухомъ посредствомъ трубки. (р.)

Рѣшеніе ребуса № 15

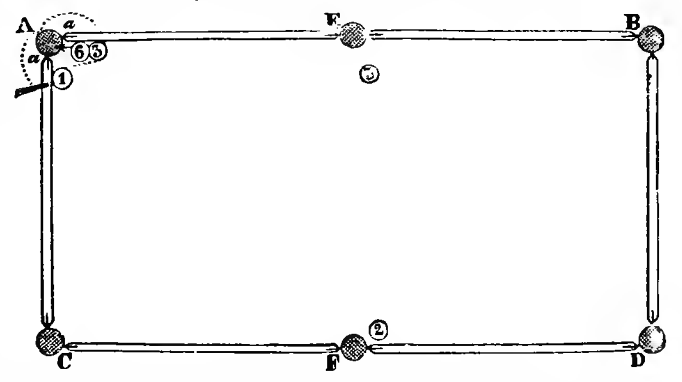
(помѣщеннаго въ № 8).

Береги одежку съ нова, но честь съ молода.

Рѣшеніе бильярдной задачи № 16

(помѣщенной въ № 8).

Игрокъ ударилъ въ правую часть краснаго шара, стоящаго рядомъ съ желтымъ. Вліяніе борта дало возможность чрезмѣрно измѣнить направленіе силы удара и желтый упалъ въ лузу А. И такъ, желтый въ уголъ 6, да карамболь 3—всего 9 очковъ, что и требовалось для окончанія партіи.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—А. Воронина, **Москва**—А. Кошелева, **Владиславово**—Ф. Я. Ужупнсь, **Воронежъ**—П. Маслова, **Золотово**—А. Лежнева, **Калуга**—С. П. Соколова, **Казань**—П. Грудина, **Козловъ**—Я. Крестова, **Н. Петергофъ**—Н. Гутчъ, **Орелъ**—Н. Ивина, **Стар. Крымъ**—Нотаріуса Зайцева.

Рѣшеніе задачи буквъ № 14 (помѣщ. въ № 6 „Нивы“).

1) Ной. 2) Чертоги. 3) Кій. 4) Янусъ. 5) Барабанъ. 6) Неправда. 7) Тузъ. 8) Байка. 9) Вій. 10) Бортъ. 11) Сѣно. 12) Блинъ. 13) Вяги. 14) Гоголь. 15) Споха. 16) Фа и 17) Н.

с
п

ъ	Б	о	р	и
у	н	о	в	ъ

а	р	а	й	с	а	Г	а	ь	я	Р
т	а	й	ъ	Б	ъ	Е	в	о	й	н
п	ѣ	г	и	н	і	й	О	П	о	л
с	ъ	Г	о	д	р	а	т	т	а	в
Б	а	х	ч	и	а	з	б	л	у	б
к	і	й	ф	о	и	к	и	г	е	н

Б	а	х	ч	и	с	а	р	а	й	с
к	і	й	ф	о	н	т	а	н	ъ	Б

р	а	т
а	з	б
и	к	и
т	а	в
л	у	б
г	е	н

ь	я	Р
о	й	н
П	о	л
а	Г	а
ъ	Е	в
і	й	О

п	ѣ	г	и	н
с	ъ	Г	о	д

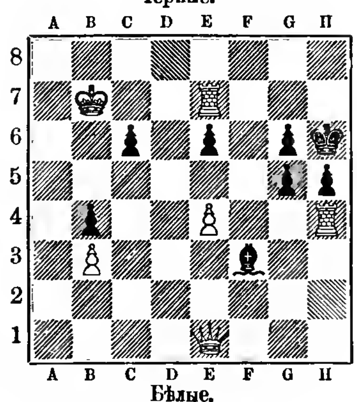
ъ	Б	о	р	и
у	н	о	в	ъ

Бахчисарайскій Фонтанъ. Братья Разбойники. Полтава. Галубъ. Евгеній Онѣгинъ. Борисъ Годуновъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.** — А. Слендзинской, Ф. Боронипа, А. Юргенсъ, В. Баласогло; **Москва** — Ивакина; **Б. Коровино** — В. К. Терскаго; **Винница** — С. Рабиновича; **Калуга** — С. Соколова; **Кіевъ** — Хвостова, В. Якубовскаго; **Ковно** — А. А. Янучкиной; **Крылатское** — С. Смирнова; **Ростовъ-на-Д.** — В. Я. Эрбергъ.

Шахматная задача № 27.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые нач. и даютъ матъ въ 4 хода.

Редакторъ **Ф. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Дозвол. цензур., СПБ. 8 апрѣля 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. — г. XVIII
№ 16 — 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 20 до 40 моди. рис.) И ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 18 апрѣля 1887 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Поль Феваль.

Недавно въ Парижѣ скончался романистъ, имя котораго много лѣтъ было извѣстно всему читающему міру—это Поль Феваль. О произведеніяхъ его Ж. Клареси говоритъ, что „это цѣлая библіотека! Цѣлый міръ воображенія и фантазіи. Въ этой массѣ томовъ собраніе необычайныхъ вымысловъ. Но иногда, бывало, Поль Феваль прерывалъ эти разсказы о похожденіяхъ и писатель возвращался къ своимъ собственнымъ воспоминаніямъ, къ своему прошлому и къ своимъ первымъ увлеченіямъ и тогда являлась простая, но сильная книга, какъ „Драма молодости“.

„Чувство, умъ, блескъ, иронія, всѣ эти качества найдутся въ его книгахъ. Если Феваль въ своихъ трагическихъ мѣстахъ напоминаетъ сильную и мрачную манеру Сулье, то юморомъ своимъ заставляетъ сравнивать его съ Диккенсомъ, съ которымъ онъ былъ друженъ.“ Онъ родился 27-го сентября 1817 г. въ Реннѣ и тутъ же получилъ образованіе. Девятнадцати лѣтъ онъ уже былъ адвокатомъ, но оставилъ это занятіе послѣ перваго же дѣла и поступилъ на службу въ банкъ. Его наклонности литературныя были причиною того, что онъ потерялъ и это мѣсто и сталъ корректоромъ, затѣмъ написалъ нѣсколько статей и три или четыре водевиля, которые помогли ему въ денежномъ отношеніи. Появившійся затѣмъ въ 1841 г. въ „Revue de Paris“ разсказъ „Клубъ тюленей“, открылъ ему доступъ во многіе журналы.

Успѣхъ романа „Бѣлый волкъ“, печатавшагося во „Франц. Курьерѣ“ въ 1843 г., привлекъ Поля Феваля на это поприще. Романъ „Лондонскія тайны,“ подъ которымъ онъ подписывался англійскимъ именемъ Троллопа, имѣлъ громадный успѣхъ: изданный впервые въ 1841 году въ одиннадцати томахъ, онъ перепечатывался болѣе 20 разъ и былъ переведенъ на многіе языки. Позднѣе Поль Феваль напечаталъ въ журналахъ „Сынъ тайны“, „Парижскія интриги“, которыя переведе-

Поль Феваль. † 2 марта. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

ны были и на русскій языкъ и имѣли вездѣ равный успѣхъ. Послѣ революціи 1848 года Феваль предпринялъ было журналъ, но вскорѣ бросилъ и сталъ снова писать романы. Между прочимъ онъ написалъ извѣстные всѣмъ романы: „Выскочки", „Желѣзный человѣкъ" и др.

Поль Феваль пользовался меньшимъ успѣхомъ въ театрѣ: кромѣ „Сына тайны", играннаго подъ рядъ сто двадцать разъ и „Тайнъ Лондона", всѣ его драматическія сочиненія, извлеченныя изъ его самыхъ популярныхъ романовъ, были далеко ниже его репутаціи какъ романиста. Въ 1855 году Феваль намѣревался отказаться отъ романовъ для исторіи. Онъ уже написалъ „Исторію тайныхъ судилищъ", предполагалъ издать „Исторію парламентаризма во Франціи", но вскорѣ вернулся къ своему прежнему роду и одновременно въ четырехъ различныхъ журналахъ началъ печатать четыре романа.

Поль Феваль похороненъ на Моннарнасскомъ кладбищѣ. За гробомъ, позади семьи, шли представители общества литераторовъ, общества драматическихъ писателей и большое число друзей покойнаго, между которыми были: Жюль Клареси, Гекторъ Мало, Гонзалесъ, Жюль Симонъ, Франсуа Коппе и др.

Въ 1859 г. вышло послѣднее полное собраніе его сочиненій. На русскій языкъ переведены многія изъ его произведеній.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

VIII.

Однажды, въ сѣрый насмурный день, одинъ изъ праздныхъ, сонныхъ лакеевъ, доложилъ Аннѣ Самойловнѣ, сидѣвшей у себя въ горницѣ, что опять пріѣхала та же „сердитая" барыня, которая уже разъ была.

— Ростовская? воскликнула Анна радостно.

— Не знаю... А та что вотъ была уже разъ... Сердитая такая. Спрашиваетъ васъ по дѣлу.

На этотъ разъ Михайло, явившійся въ комнату вслѣдъ за лакеемъ, глядѣлъ весело. Увидавъ въ окно, что старостиха опять пожаловала къ нимъ, Ефимовскій даже размѣялся и пошелъ доложить женѣ.

— Любопытно, Анна, зачѣмъ опять къ намъ лѣзетъ эта „рагане" вѣдьма? сказалъ онъ.

Анна сидѣла и молчала, очевидно она что-то обдумывала. Наконецъ, она встала и выговорила мужу строго:

— Я пойду... Мнѣ нужно. А ты выйди къ паннѣ-старостихѣ и проводи ее въ ту зеленую комнату, въ угловую, и съ ней тамъ сядь и толкуй. Толкуй о чемъ хочешь, но жди покуда я не приду.

— А ты? странно спросилъ Михайло, вдругъ съежившись.

— А что?.. Да ты никакъ опять оробѣлъ... Вотъ дуракъ-то... И вправду всю жизнь дуракомъ слылъ.

— Нѣтъ, я ничего... выговорилъ Михайло, такимъ голосомъ, который его выдавалъ.

— Да что-жъ она, прибьетъ тебя что ли!...

— Да нѣтъ... Я не про то... А ты то куда же?

— Ну, слушай, безтолковый! Я тебѣ приказываю: веди ее въ зеленую горницу и сиди тамъ покуда я не приду... Слышишь ты?

Голосъ Анны былъ такъ строгъ, что мужъ нѣсколько смутился, но уже не отъ предстоящей бесѣды наединѣ со старостихой, а отъ гнѣва жены.

— Ну, ладно... ладно. Все сдѣлаю. Ты долго проходишь?

— Долго, долго... Но сколько бы я ни проходила, ты все съ ней сиди! Хоть до завтра!.. ужъ рѣзко и грозно выговорила Анна.

Михайло отправился къ парадной лѣстницѣ и, вѣжливо встрѣтивъ старостиху, повелъ ее въ горницу, про которую говорила жена.

Старостиха выступала съ важнымъ видомъ, съ гнѣвнымъ взглядомъ, и по лицу ея можно было догадаться, что она явилась съ какимъ-то рѣшительнымъ намѣреніемъ... Вдобавокъ у нея была палка въ рукахъ и она, слегка прихрамывая, опиралась на нее. Михайло вспомнилъ, что никогда отъ роду онъ не видалъ старостиху хромающей... И онъ былъ теперь глубоко убѣжденъ, что это была одна игра, ради того, чтобы узаконить присутствіе толстой и здоровенной палки.

„А вѣдь она меня пожалуй отколотитъ, думалъ Михайло, провожая гостью. Всѣ наши на смѣхъ подымутъ. А что тутъ съ ней подѣлаешь? Долго ли ударить".

— Куда же ты меня ведешь? вымолвила старостиха.

— А вотъ, пожалуй сюда вотъ... Тамъ не такъ просторно, выговорилъ Михайло, не зная что сказать. Тамъ лучше будетъ, прибавилъ онъ, спохватившись что совралъ.

Старостиха, важно шагая, старалась слегка прихрамывать. Гордо закинувъ голову назадъ, съ величественнымъ выраженіемъ лица, медленно прослѣдовала она въ зеленую горницу, которая была на самомъ краю большого дома.

Здѣсь она усѣлась на большое кресло и, поглядѣвъ на Михайлу, спросила:

— А Анна?..

— Жена сейчасъ придетъ.

— То-то... А съ тобой дуракомъ я и говорить ни о чемъ не стану. Мнѣ ее нужно... а не тебя—оселъ!

— Она сейчасъ придетъ, повторилъ Михайло предупредительнѣе.

И робкій отъ природы человѣкъ не сѣлъ. а стоя передъ старостихой соображалъ:

„Чудное это дѣло... Диковинное!.. Вѣдь вотъ сама русская царица сказала, чтобы намъ не бояться. А я все боюсь... Такъ вотъ мнѣ и кажется, что она сейчасъ меня разложитъ и велитъ пороть".

Прошло около четверти часа въ полномъ молчаніи. Старостиха сидѣла не двигаясь и только какъ-то фыркала и отдувалась. Бурныя мысли и чувства, волновавшія ее, вырывались этимъ фырканьемъ наружу.

„Грабители, схизматики, варвары!.." повторяла про себя старостиха на всѣ лады.

Михайло перешелъ тихонько и сталъ у окошка, переминаясь съ ноги на ногу и не спуская глазъ съ панны-старостихи.

„И когда это жена придетъ?" думалъ онъ, тоскуя какъ собака, неожиданно привязанная на веревочкѣ.

Просидѣвъ еще минутъ десять, старостиха, глубоко задумавшаяся, вдругъ пришла въ себя, грозно вскинула очами и, стукнувъ палкой объ полъ, строго крикнула:

— Бѣги за женой!.. Скажи ей, что она не смѣетъ заставлять свою панну такъ долго дожидаться... Бѣги!..

Михайло только этого и ждалъ, чтобы вырваться изъ горницы. Онъ опрометью бросился по всему дому розыскивать жену, но въ прихожей онъ наскочилъ на Анну, которая шла ему навстрѣчу. Лицо ея было какое-то особенное. Михайло остановился, сталъ какъ вкопанный и, удивляясь, глядѣлъ на жену.

— Что съ тобой? спросилъ онъ.

— Ничего, отозвалась Анна.

— У тебя лицо какое-то...

— А, пошелъ ты, дуракъ!.. Гдѣ она?..

— Да тамъ, въ зеленой горницѣ.

— Ладно... Мы вотъ сейчасъ увидимъ кто... Я или она...

Но Анна не успѣла договорить... Въ ту же дверь, изъ которой явилась она, вошло четверо слугъ, дюжихъ парней, и у двоихъ изъ нихъ въ рукахъ были пучки розогъ.

— Что ты, Анна... Что ты!.. прошепталъ Михайло потерявшись.

— Цыцъ... Не твое дѣло!.. отозвалась гнѣвно жена, двигаясь далѣе.

Пройдя нѣсколько комнатъ, Ефимовская обернулась къ лакеямъ и приказала имъ запереть за собой двери на ключъ. Затѣмъ, пройдя въ слѣдующую комнату, она приказала то же самое...

Наконецъ, вступая въ угловую горницу, гдѣ сидѣла старостиха, Анна велѣла людямъ сразу войти за ней и сразу запереть дверь на ключъ.

Въ одну секунду обомлѣвшая и окаменѣвшая, какъ истуканъ, старостиха очутилась лицомъ къ лицу съ Анной и съ четырьмя молодцами, изъ рукъ которыхъ топырились на нее прутья въ связкахъ.

Михайло, воспользовавшись быстрымъ передвиженіемъ арміи жены, умышленно остался запертый съ обѣихъ сторонъ въ сосѣдней горницѣ.

Анна выступила передъ старостихой и отъ своего напускнаго гнѣва, или отъ давнишней злобы и ненависти, отъ жажды мести, выросла на цѣлую голову.

— Ну, пани... Долгъ платежомъ красенъ!.. Вы! Живо!.. обратилась она къ двумъ холопамъ, у которыхъ руки были свободны... Раздѣвайте эту „рагане".

Старостиха стремглавъ кинулась со своего кресла на молодцовъ, которые двинулись къ ней, и палка ея засвистала по воздуху. Но это былъ поступокъ для старостихи самый неосторожный. Оба молодца, выступивъ нѣсколько нерѣшительно, обозлились сразу, когда каждый получилъ нѣсколько здоровыхъ тукманокъ по головѣ. Завязалась борьба, длившаяся конечно полминуты.

При первыхъ же вопляхъ старостихи, Михайло Ефимовскій потерялъ окончательно голову; онъ чуялъ, что Анна затѣяла погибельное дѣло. Онъ сталъ звать жену и ломиться въ дверь зеленой гостиной, но понялъ, что она была заперта на ключъ. Тогда Ефимовскій бросился въ другія двери, отперъ ихъ и побѣжалъ къ Карлусу.

Черезъ минуту весь домъ всполошился. И женщины, и дѣти, и люди—всѣ были на ногахъ! Всѣ бросились къ горницѣ, гдѣ продолжала звѣремъ орать старостиха.

Карлъ Самойловичъ прежде всѣхъ сталъ стучать что есть силы въ дверь и кричать:

— Анна, отопри!..

Разумѣется, черезъ нѣсколько мгновеній старостиха была освобождена отъ своихъ палачей.

Нѣсколько людей вывели гостью изъ дому и посадили ее въ телѣжку, въ которой она пріѣхала. Панна, синебагровая или отъ злобы, или отъ испытаннаго въ первый разъ въ жизни наказанія, смотрѣла какъ обезумѣвшая.

Еслибы люди, посадившіе ее въ телѣжку, не приказали кучеру везти барыню домой, то она, казалось, не смогла бы сдѣлать это сама.

Карлъ Самойловичъ сначала сердился, бранилъ и упрекалъ Анну въ самоуправствѣ. Онъ боялся что можетъ дѣло дойти до царицы и разгнѣвать ее. Но затѣмъ, видя у всѣхъ веселыя лица и сдерживаемый смѣхъ, невольно и Карлъ Самойловичъ сталъ смѣяться.

— Нѣтъ, братъ, заговорила молчавшая Анна. Еслибы даже я наказаніе какое претерпѣла отъ царицы—то все-таки раскаяваться не буду... Пускай лучше меня сошлютъ вотъ, или запрутъ въ крѣпость! Все-таки я буду знать, что я этому людоѣду отплатила и за себя, и за мужа, и за дѣтей. Сколько разъ она, проклятая, насъ этакъ наказывала! А пуще всего мнѣ дорога отместка за дѣтей... Сколько разъ она за пустяки старшихъ дѣтей порола... А теперь на себѣ попробовала.

Не прошло десяти минутъ, не успѣла старостиха доѣхать къ себѣ домой, какъ въ Крюйсовомъ домѣ раскатистый, веселый хохотъ раздавался во всѣхъ горницахъ. Хохотали господа, хохотали дѣти, хохотали холопы.

— Ай да угостили польскую гостью!.. радовались всѣ.

— По дѣломъ этой „рагане" проклятой! говорилъ и Карлъ Самойловичъ. Но я боюсь, подастъ она жалобу государынѣ. Не нажить бы намъ бѣды.

Чрезъ два дня графу Скавронскому, нѣсколько оторопѣвшему, доложили, что къ нему пожаловалъ отъ государыни генералъ Девьеръ.

Карлъ Самойловичъ быстро вышелъ къ зятю могущественнаго князя Меншикова и понялъ тотчасъ причину посѣщенія такого лица.

Девьеръ вѣжливо, но холодно, разспросилъ все, касающееся до приключенія съ польской панной въ Крюйсовомъ домѣ.

— Я долженъ тебѣ, господинъ графъ Карлъ Самойловичъ, передать, сказалъ Девьеръ, въ случаѣ если все оное приключеніе правдиво, что ея величество симъ поступленіемъ вашимъ очень будетъ огорчена... Дворянинъ пороть холопа. Это законы статскіе одобряютъ. Но дворянинъ дворянина или дворянку пороть не долженъ. Оное дѣяніе его соблазнительно для холоповъ стать можетъ.

Девьеръ уѣхалъ, говоря что подробно доложитъ все государынѣ, а Скавронскій волновался цѣлый день и попрекалъ не менѣе смущенную Анну.

— Всего лишить могутъ! говорилъ онъ сестрѣ.

По ввечеру пріѣхала фрейлина и разсказала, что хотя не присутствовала при докладѣ Девьера, но слышала все въ растворенныя двери.

— Что же государыня?! воскликнуло въ разъ нѣсколько голосовъ.

— Государыня все качала головой! наивно вымолвила Софья. Все качала головой, но ни слова не сказала.

IX.

Однажды, вскорѣ послѣ этого приключенія, всѣ обыватели Крюйсова дома, плотно пообѣдавъ, собрались въ одну большую гостиную, чтобы съѣсть десять фунтовъ калужскаго тѣста, подареннаго имъ наканунѣ однимъ изъ питерскихъ сановниковъ.

Сановникъ этотъ былъ изъ числа тѣхъ, которые считаютъ святымъ долгомъ, актомъ великой философіи обыденнаго разума ухаживать заранѣе, во-время, за каждой личностью, которая можетъ со временемъ оказаться полезной.

Появленіе въ столицѣ членовъ „оной фамиліи" заставило многихъ петербургскихъ дворянъ заискивать у нихъ съ первыхъ же дней. „Почемъ знать!"

Коробка съ калужскимъ тѣстомъ, изъ которой вырѣзывались здоровенныя порціи на взрослыхъ и дѣтей трехъ семей—быстро опорожнилась.

— А дядѣ Дириху? произнесъ вдругъ двѣнадцатилѣтній Мартынъ Скавронскій.

— Его нѣту. Не пришелъ, такъ и по дѣломъ, отозвалась Анна. Валяется небось у себя на постели, пьяный.

— Его тамъ нѣтъ, замѣтилъ кто-то изъ сыновей Ефимовской.

— Его и ночью не было, сказалъ Антонъ Скавронскій.

— Какъ! Ночью не было?!.. отозвались нѣсколько человѣкъ за разъ.

— Да такъ. Я былъ вчера ввечеру у него въ горницѣ—его не было. Нынче, рано по-утру, опять пришелъ—все его нѣтъ, объяснилъ юноша. Я ужъ спрашивалъ всѣхъ холоповъ—говорятъ со вчерашняго дня дяди Дириха нѣтъ.

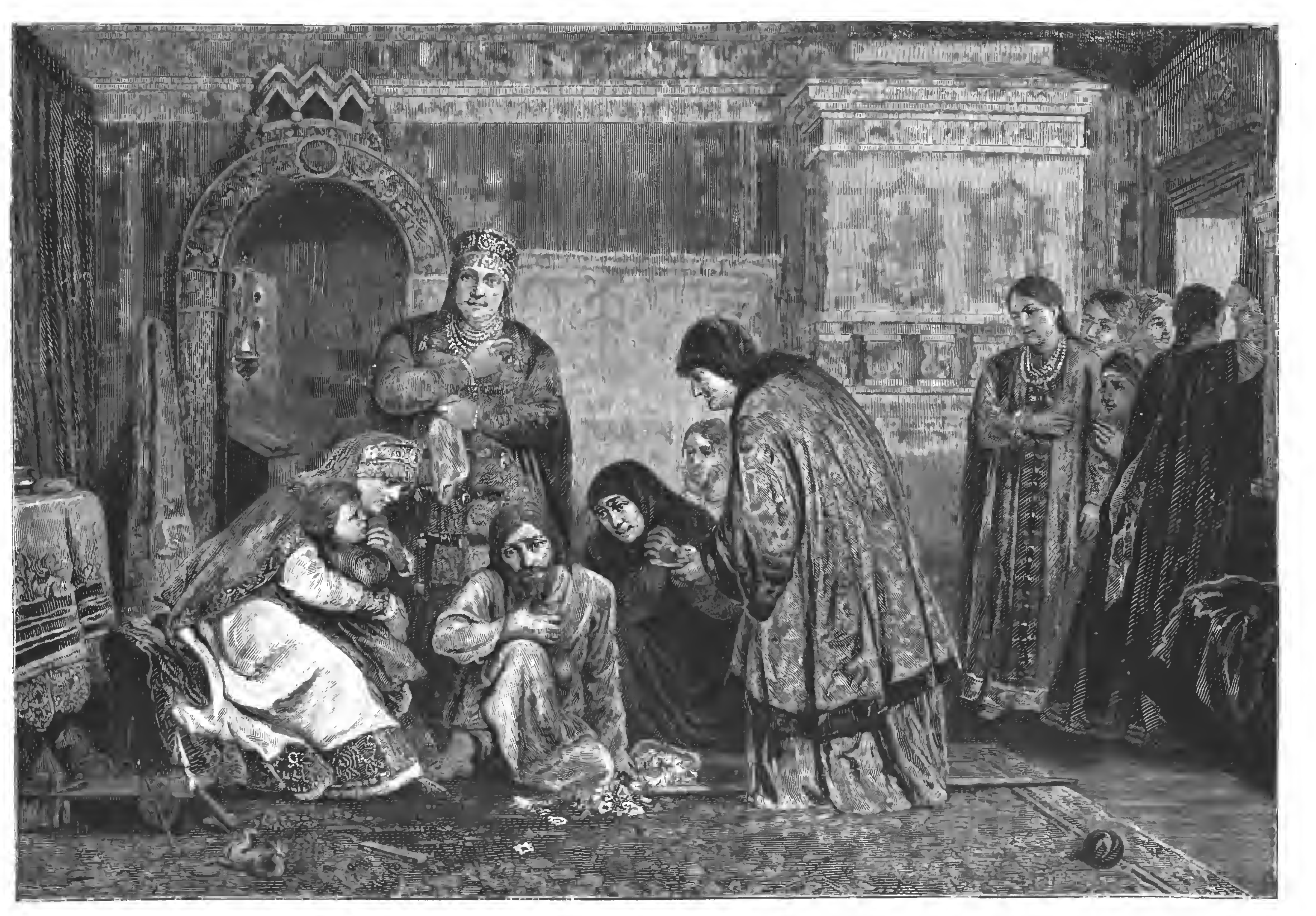
— Что ты врешь!.. воскликнулъ Карлъ Самойловичъ, нѣсколько тревожно.

— Ей Богу, отецъ!.. отозвался Антонъ.

— Что же ты мнѣ не сказалъ?.. Что ты махонькой что ли, не понимаешь что это дѣло важное.

— Да думалъ—вернется къ обѣду.

Карлусъ тотчасъ же вскочилъ и пошелъ опраши-

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. „Божій человѣкъ". Съ карт. проф. Н. А. Кошелева, грав. Ю. Барановскій.

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. „Завтракъ во время жатвы“. Съ карт. худ. В. О. Голынскаго, грав. Флюгель.

вать людей. Вслѣдъ за нимъ поднялись и другіе, и скоро опросы пошли по всѣмъ горницамъ, у всѣхъ дворовыхъ мужчинъ и женщинъ.

Оказалось то же, что говорилъ старшій Скавронскій отцу. Люди отвѣчали, что графа Ѳедора Самойловича нѣтъ со вчерашняго дня.

— Да какъ же вы всѣ молчка... Ахъ, черти! отчаянно воскликнулъ Карлусъ.

Такимъ образомъ было уже 24 часа, что Дирихъ исчезъ изъ дому и никто о немъ не хватился. Всѣ обитатели Крюйсова дома, видя чрезвычайно встревоженное лицо Карлуса, поняли сразу, что исчезновеніе ихъ полоумнаго родственника имѣетъ значеніе событія.

Разумѣется, графъ Скавронскій тотчасъ же принялъ всякія мѣры, поѣхалъ самъ и послалъ старшаго сына, а равно зятя Михайлу Ефимовскаго къ начальствующимъ лицамъ въ городѣ, чтобы заявить о случившемся.

Начальство поднялось на ноги, но болѣе или менѣе лѣниво и неохотно.

— Можетъ гдѣ нибудь въ городѣ, говорили они. Вечеромъ вернется.

На другой день, рано утромъ, все столичное начальство не только было на ногахъ, но усиленно хлопотало и озабоченно рыскало по городу.

Случилось это потому, что императрица, которой доложила обо всемъ Софья, встревожилась и приказала разыскать пропавшаго какъ можно скорѣе.

Но всѣ поиски въ столицѣ оказались тщетны. Обшарили и обыскали всѣ мышиныя норки—но нигдѣ графа Ѳедора Самойловича Скавронскаго не оказалось, никто его даже не видалъ. Онъ канулъ какъ топоръ въ воду.

— Ужъ и впрямь не утопился ли, встревожился Карлусъ.

— Хорошее бы дѣло... заявляла Анна.

— Нѣтъ, не утопился, говорила Марья Скавронская... Вѣрно вамъ говорю... Я знаю. Онъ мнѣ не разъ проговаривался... Онъ убѣжалъ, и искать его нечего... Богъ съ нимъ! Онъ здѣсь помретъ отъ тоски.

— Съ ума ты сошла! отозвался Карлусъ. Развѣ можно дозволить, чтобы графъ Скавронскій въ ямщики опять пошелъ и съ латышкой жить сталъ!.. Надо его разыскать и хоть на веревкѣ привести обратно.

— Ну, а если разыскивать, объяснила Марья, то ищите его тамъ, гдѣ Трина.

— Гдѣ Трина? Да чортъ ее знаетъ, гдѣ она теперь!

Карлусъ снова отправился по начальству, заявилъ о своемъ предположеніи, что братъ вышелъ или выѣхалъ изъ столицы и что искать его нужно на большомъ трактѣ во вновь завоеванный край.

Два курьера были тотчасъ же отправлены въ русскую Лифляндію и Эстляндію; а двухъ другихъ отправили въ Литву и въ польскую Лифляндію.

Каждому изъ посланцевъ было обѣщано по ста рублей награды за находку... А это было суммой очень большой!..

Между тѣмъ, покуда въ столицѣ хватились графа Ѳедора Скавронскаго, безпокоились и искали, самъ бѣлобрысый Дирихъ мирно двигался по большому тракту на Псковъ.

Когда добродушный графъ Ѳедоръ Самойловичъ рѣшилъ, что ему или умереть, или сдѣлаться снова прежнимъ Дирихомъ Сковоротскимъ—онъ бросилъ свою прежнюю жизнь, оставилъ пьянство и сталъ все готовить къ своему побѣгу.

Торжественность въ лицѣ и недоброе выраженіе въ глазахъ, которое замѣтилъ недавно въ братѣ Карлусъ—были послѣдствіемъ этого внутренняго рѣшенія, о которомъ Дирихъ признался Софьѣ и только вскользь намекалъ Марьѣ,—единственныя женщины, къ которымъ онъ относился сердечно.

Наканунѣ того дня, что вся семья собралась ѣсть калужское тѣсто, Дирихъ вышелъ изъ дому какъ бы для прогулки. И еслибы лакеи, сидѣвшіе въ передней, были повнимательнѣе, то замѣтили бы какъ сіяло довольствомъ лицо графа Ѳедора Самойловича.

Выйдя изъ дому, Дирихъ ничего не взялъ съ собою, только въ кафтанѣ его что-то топорщилось сбоку. Это былъ мѣшочекъ съ деньгами, золотомъ и серебромъ, которыя онъ добылъ себѣ на путешествіе.

Глуповатый человѣкъ съумѣлъ, еще за недѣлю до побѣга, достать себѣ въ Петербургѣ, у иностранца полуеврея, двѣсти рублей взаймы.

Ростовщикъ съ удовольствіемъ ссудилъ его этой суммой подъ документъ, по которому Скавронскій обязался уплатить черезъ годъ вдвое.

Прямо изъ Крюйсова дома, Дирихъ дошелъ пѣшкомъ до Подьяческой улицы, тамъ повидался съ однимъ приказнымъ и получилъ отъ него правильно написанный видъ на имя уроженца города Варшавы, шляхтича Свенцинскаго.

Сдѣлавшись сразу, хотя бы и подложнымъ, но, тѣмъ не менѣе, польскимъ подданнымъ, графъ Скавронскій—Игнатій Свенцинскій—Дирихъ Сковоротскій—отправился къ устью рѣчки Фонтанки, въ деревушку Мятеловку, гдѣ имѣли пребываніе въ то время разныя сомнительныя личности и въ томъ числѣ конокрады.

Здѣсь какой-то обыватель уже заранѣе приготовилъ для неизвѣстнаго ему бѣлоглазаго и бѣловолосаго петербургскаго жителя пару отличныхъ коней и чухонскую телѣжку на двухъ колесахъ.

Дирихъ уплатилъ за все 25 руб., сѣлъ въ телѣжку, подобралъ возжи, взмахнулъ кнутомъ и въ этотъ моментъ преобразился. Сердце задрожало въ прежнемъ ямщикѣ, очутившемся вдругъ „въ своей тарелкѣ“, вдобавокъ съ надеждой живо доскакать до тѣхъ предѣловъ, гдѣ живетъ „она“—та, о которой изнывалъ онъ болѣе года.

Сначала, на первыхъ верстахъ, гдѣ были заставы и рогатки, Игнатію Свенцинскому пришлось показать свой видъ. И вездѣ, конечно, его пропускали.

Первую станцію Дирихъ ѣхалъ порядливо и степенно, жалѣючи вновь пріобрѣтенныхъ коней. Озираясь изъ своей таратайки на поля, луга и лѣса, на развернувшуюся передъ нимъ сѣрымъ холстомъ столбовую дорогу, Дирихъ не разъ перекрестился и не разъ слезы восторга выступали у него на блѣдныхъ, осунувшихся щекахъ. Человѣкъ этотъ былъ теперь самый счастливый изъ всѣхъ людей, живущихъ на свѣтѣ.

Онъ стремительно и радостно вырвался изъ ненавистнаго ему Крюйсова дома, съ золоченой мебелью и штофными матеріями по стѣнамъ. Такъ пташки выпархиваютъ изъ золоченой клѣтки, гдѣ и корму, и воды вволю запасено, гдѣ даже есть сахаръ, воткнутый заботливой рукой, но для птицы небесной ненужный!..

Такого сахара много было въ Крюйсовомъ домѣ—но онъ не имѣлъ никакого значенія для Дириха.

Видя себя въ кафтанѣ съ позументами, на креслѣ съ золотыми ножками, у окна, гдѣ, непонятно зачѣмъ, висятъ какія-то матеріи,—якобы для того, чтобы закрываться съ улицы,—Дирихъ чувствовалъ то же, что котъ, посаженный въ воду... Можетъ быть это кому и пріятно, и нужно—да не для него.

Проѣхавъ верстъ 20 отъ Петербурга, Дирихъ сталъ соображать что за нимъ непремѣнно послѣ розысковъ будетъ погоня и что его будутъ искать конечно на этомъ трактѣ. Слѣдовательно нельзя ѣхать порядливо, какъ бывало ѣзжалъ онъ будучи ямщикомъ.

„Жаль бѣдныхъ коней, да что дѣлать! Надо гнать. Коли заморятся и надутъ, придется купить другихъ.“

Такимъ образомъ, не кормя, проѣхалъ онъ верстъ пятьдесятъ. Покормивъ лошадей на постояломъ дворѣ, часовъ черезъ пять Дирихъ погналъ дальше. Черезъ сутки, когда его хватились родственники—онъ былъ уже далеко.

А въ то утро, когда сама государыня встревожилась по докладу Софьи и приказала разыскивать исчезнувшаго графа Ѳедора Самойловича, у Дириха уже пала одна лошадь, и Игнатій Свенцинскій, разгуливая по базару въ большомъ мѣстечкѣ, верстъ за 250 отъ Петербурга, выискивалъ себѣ новаго коня.

Когда посланцы петербургскіе доскакали по его слѣдамъ до этого мѣстечка, опрашивая по дорогѣ о бѣглецѣ и давая его рѣзкія примѣты,—то въ мѣстечкѣ заявили. что видѣли такого человѣка, бѣловолосаго и бѣлоглазаго, у котораго отъ быстрой ѣзды изъ столицы, якобы курьера—палъ конь. Но имя этого курьера было извѣстно только въ трактирѣ.

Опрошенные хозяинъ и люди трактира объяснили то же самое о проѣзжемъ и прибавили, что это былъ варшавскій шляхтичъ—Свенцинскій.

Посланца это извѣстіе сбило съ толку. Онъ былъ настолько наивенъ, что не догадался о возможности перемѣны имени.

Прошло болѣе мѣсяца и въ Петербургѣ не имѣли никакихъ свѣдѣній ни объ графѣ Ѳедорѣ Самойловичѣ Скавронскомъ, ни о посланныхъ за нимъ.

Этотъ мѣсяцъ Игнатій Свенцинскій, изъ боязни быть схваченнымъ, держалъ себя осторожно, но странствовалъ изъ мѣста въ мѣсто. Будь онъ Дирихомъ Сковоротскимъ, не только графомъ Скавронскимъ, то конечно давно бы очутился въ рукахъ властей московскихъ. Всюду въ городахъ, по тайному приказанію изъ Петербурга, знали объ „розыскѣ, учиняемомъ неукоснительно, въ предметѣ персоны господина графа Скавронскаго“ всѣми начальниками и властями Литвы и обѣихъ Лифляндъ.

Странствуя то на лошади, то пѣшкомъ, изъ предосторожности, изъ одного города въ другой, Дирихъ побывалъ въ темную ночь и на той станціи, гдѣ когда-то жилъ въ ямщикахъ... Опросивъ объ Тринѣ. онъ двинулся далѣе... Но сердце его сжалось дурнымъ предчувствіемъ. Изба, гдѣ они жили когда-то такъ мирно и счастливо, предстала предъ его очами въ однѣхъ черныхъ головняхъ. Слѣды этого, хотя и давняго уже, пожарища, будто символически глянули на Дириха... Какъ огонь уничтожилъ эту избу, бывшую его гнѣздомъ, такъ можетъ быть окажется порванной и его нравственная, сердечная связь съ любимой женщиной.

Предзнаменованіе оказалось вѣрнымъ. Сгорѣвшая изба пророчески глянула въ робкую и суевѣрную душу Дириха. Но разумъ Дириха, предугадывавшій всѣ возможныя несчастныя случайности, все-таки не угадалъ, не могъ даже представить себѣ, что его ожидаетъ? Какое горе?!.. Горшее изъ всѣхъ! А между тѣмъ самое заурядное на свѣтѣ. Дирихъ боялся, что онъ нигдѣ не найдетъ дорогую Трину. Всѣ Лифляндіи и всю Литву не обыщешь какъ свой карманъ.

„Ну и ищи всю жизнь! рѣшилъ Дирихъ твердо на сердцѣ своемъ. Ищи покуда не помрешь въ пути.“

Затѣмъ Дирихъ боялся, что Трина снова сошлась со своимъ законнымъ мужемъ, такъ какъ мѣстопребываніе его въ Рижскомъ острогѣ было открыто, когда Рѣпнинъ собрался было поженить ихъ, передъ отправкой въ Россію.

„Отъ законнаго мужа какъ же сманивать! Грѣхъ. Да и не пойдетъ, ради своихъ дочерей!“ разсуждалъ Дирихъ.

Въ Ригѣ, послѣ укрывательства и разспросовъ въ продолженіе двухъ дней, Дирихъ узналъ, что мужъ Трины, знаменитый въ своемъ родѣ „зиргазаглисъ“ или конокрадъ и мошенникъ, уже наказанъ былъ кнутомъ и еле живой сосланъ куда-то за тысячи верстъ.

„Стало быть Трина свободна, почти вдова, имѣетъ право выходить замужъ!“ возрадовался Дирихъ.

Но ему тутъ же сказали, въ Ригѣ, что жена острожника очень хворала, живя въ предмѣстьи съ годъ назадъ.

„А если она умерла?“ съ леденящимъ сердце ужасомъ думалъ Дирихъ и двинулся далѣе, по указанію добрыхъ людей.

— Ищи ее, коли она тебѣ нужна, на границѣ польской. Помнится, туда посылалъ ей денегъ острожникъ, на поминъ объ себѣ, предъ кнутованіемъ, отъ котораго чаялъ подохнуть!..

Однажды, въ богатомъ мѣстечкѣ, по близости границы королевства, Дириху попалась на глаза дѣвчонка лѣтъ тринадцати, и онъ вскрикнулъ. Это была младшая дочь Трины.

Дѣвочка узнала и обрадовалась прежнему своему названому отцу. Она объяснила, что отдана матерью здѣсь въ услуженіе, а что сама Трина живетъ въ тридцати верстахъ, въ латышской деревушкѣ—„Ліалсъмежсъ“, среди дремучаго лѣса. Самое названіе деревушки „большой лѣсъ“ говорило это.

Дирихъ тотчасъ, ради эффекта, купилъ пару лошадей, телѣжку и чрезъ три часа уже не ѣхалъ. а скакалъ, опрашивая всѣхъ встрѣчныхъ какъ попасть въ Ліалсъмежсъ.

— Да вонъ онъ! отвѣчали ему наконецъ. А поселокъ въ верстѣ отъ опушки.

Дѣйствительно, по всему горизонту протянулся темносиней полосой большой лѣсъ.

Скоро Дирихъ остановилъ запыхавшихся и взмыленныхъ коней предъ бѣдной лачугой. Поселяне, показавшіеся дикими даже Дириху, обступили удивительнаго и важнаго пріѣзжаго, который можетъ загонять такихъ дорогихъ зиргсовъ.

— Трина! Трина! восклицалъ пріѣзжій, соскочивъ съ телѣжки...

На порогѣ явилась пожилая и некрасивая женщина и громко ахнула. Это была Трина. Но за ней тотчасъ же появился огромный молодой мужикъ, чуть не великанъ.

— Здравствуй! Добро пожаловать! радостно сказала Трина, глядя на коней. А вотъ мой мужъ.

Дирихъ былъ нравственно убитъ однимъ этимъ словомъ.

Дѣйствительно, законно овдовѣвшая Трина уже успѣла снова выдти замужъ, да къ тому-же, какъ оказалось тотчасъ, боготворила своего молодого великана-мужа.

Обо всемъ передумалъ тосковавшій Дирихъ, все предвидѣлъ, всего боялся, но „подобное“ ни разу за цѣлый годъ не пришло ему на умъ.

X.

Во дни Екатерины I былъ въ Петербургѣ одинъ человѣкъ, положеніе котораго было безъисходное, мудреное и тяжелое. Онъ былъ на той высотѣ общественной и государственной іерархической лѣстницы, на которой трудно было даже держаться... Ступить выше не было уже возможности! При малѣйшемъ невольномъ движеніи отъ чуждаго толчка онъ могъ только спуститься ниже. Взоры всей Россіи были устремлены на него, а вмѣстѣ съ тѣмъ, всеобщее негодованіе и всеобщая ненависть избрали его мишенью.

Дворъ и сенатъ, столбовое дворянство Петербурга и Москвы, все духовенство и весь простой народъ, отъ столицы до крайнихъ предѣловъ великой имперіи—всѣ равно злобствовали на этого человѣка, проклиная его и обвиняя во всевозможныхъ преступленіяхъ.

Человѣкъ этотъ былъ полновластный вельможа, временщикъ, князь Ижорскій.

Когда-то, лѣтъ 30 тому назадъ, пытливый и зоркій глазъ Великаго Петра вывелъ изъ темной толпы молодого парня, мастера на всѣ руки, веселаго собесѣдника и остраго шутника. Молодецъ этотъ былъ сыномъ конюха потѣшнаго Преображенскаго войска—Данилы Меншикова.

Такъ какъ весь людъ, состоявшій въ то время въ потѣшномъ войскѣ молодого царя, перебивался съ тру-

домъ, не имѣя порядочнаго жалованья, то каждый старался зашибить деньгу посторонним занятіемъ.

Такимъ образомъ сынъ конюха, мастеръ на всѣ руки, принимался за всякаго рода обороты и, наконецъ, нашелъ, что самое выгодное—продавать среди потѣшнаго войска пироги и калачи,

Пришлось конечно съ этимъ товаромъ входить въ сношенія съ важными боярами и скоро всѣ знали „Алексашку - пирожника". Послѣ бояръ пришелъ и чередъ царю покушать пирожковъ Алексашкиныхъ; но за то скоро послѣ этого. малый, бросивъ свой лотокъ, попалъ уже въ число служителей молодого государя. Всѣ полюбили его, а вскорѣ стали особенно покровительствовать ему два сильныхъ у царя человѣка, иностранцы—Гордонъ и Лефòртъ.

Спустя нѣсколько лѣтъ, послѣ первой кампаніи, неудачной и неумѣлой, противъ шведовъ, но въ которой офицеръ Алексашка отличился нѣсколько разъ—онъ былъ уже въ чинѣ капитана.

Однажды весною, лейтенантъ Петръ Михайловъ,—т. е.. самъ великій царь, взявшій себѣ это прозвище и доблестно выслуживавшій этотъ чинъ,—съ нѣсколькими людьми, въ томъ числѣ и съ капитаномъ Александромъ Меншиковымъ, пустился странствовать по дебрямъ безлюднаго края. Онъ внимательно изучалъ устье широкой рѣки, полной островов, болотъ, прибрежной травы, осоки и всякихъ трясинъ, растянувшихся на далекое пространство кругомъ караульнаго шведскаго поста Ніеншанца.

Однажды въ сумерки немногочисленная русская команда увидѣла нѣчто среди широкой рѣки и невольно оробѣла. Это были два военныхъ корабля, и слѣдовательно—шведы.

Только двое молодыхъ командировъ: лейтенантъ Михайловъ и капитанъ Меншиковъ не оробѣли, а, напротивъ, задумали дерзкую до ребячества затѣю... Сразиться съ этими кораблями, и что Богъ дастъ.

Въ эту же ночь Богъ послалъ невѣроятное приключеніе въ исторіи морскихъ сраженій. Самъ герой царь, отписывая грамоту въ Москву къ боярамъ и думнымъ людямъ, назвалъ это морское дѣло *„никогда бываемою викторіею"*.

Маленькая кучка удальцовъ. окруживъ оба корабля на шлюпкахъ, привела шведовъ въ состояніе паники. ибо они считали себя среди этихъ дебрей въ полной безопасности. Это былъ такой закоулокъ міра, гдѣ и рыбаковъ видали изрѣдка. А тутъ вдругъ, среди темной ночи, гудятъ голоса русскихъ, гудятъ выстрѣлы... Шведы сдались непріятелю и были всѣ перебиты.

День этотъ навсегда остался достопамятнымъ, дорогимъ, святымъ воспоминаніемъ въ сердцѣ Царя Петра. Ни къ какому своему великому дѣянію впослѣдствіи не относился дѣятель-великанъ съ тѣмъ-же теплымъ чувствомъ, съ тою-же чуть не юношескою восторженностью, съ какими мысленно обращался къ этому дню. А между тѣмъ больше всѣхъ и съ нимъ рядомъ отличился въ томъ же подвигѣ капитанъ „Алексашка". Быть можетъ, съ этого дня сердце Петра избрало Меншикова своимъ любимцемъ.

Тогда-же, здѣсь на берегу, повалили они вмѣстѣ нѣсколько деревъ, обтесали ихъ топорами и положили фундаментъ для строющейся караульной избы.

Это было 16 мая 1703 г. Эти нѣсколько бревенъ были основаніемъ порта Санктпетербурга.

Съ тѣхъ поръ прошло двадцать слишкомъ лѣтъ. Тогдашній капитанъ Меншиковъ, начавшій уже мечтать о томъ, чтобы стать пожалуй и полковникомъ, и генераломъ—теперь былъ имъ давно и уже мечталъ лишь о томъ, чтобы только удержаться на той высотѣ, которой онъ достигъ. Положеніе его было настолько высоко, имя его настолько прогремѣло въ Россіи и въ чужихъ предѣлахъ, что молва народная, зная честолюбіе прежняго пирожника, приписывала ему дальнѣйшія дерзкія мечты, жажду дальнѣйшихъ трофеевъ.

Но о чемъ же можетъ онъ мечтать? Онъ первое лицо въ имперіи, главный совѣтникъ императрицы, которая его указаніямъ слѣпо повинуется, съ которымъ она дружна уже болѣе 35-ти лѣтъ.

Молва однако нашла что̀ навязать общему врагу и нелюбимцу, въ чемъ заподозрить его, въ чемъ обвинить. Одно слово, прозвище мѣткое, злобное, клеветническое, пролетѣло по всей Россіи, изъ края въ край, и опредѣлило ясно то, чего православный людъ ожидалъ отъ этого человѣка, или же злобно клеймилъ его.

— Годуновъ!.. говорилъ и старъ и младъ, и сановникъ и простой мѣщанинъ. Быть на Руси новому Годунову, быть новому царевичу Димитрію.

Однимъ словомъ всѣ ненавистники всемогущаго честолюбца-временщика громко обвиняли его въ томъ, что, возведя на престолъ императрицу Екатерину, помимо того, кто имѣлъ неоспоримыя права наслѣдственныя, Меншиковъ не удовольствуется этимъ. Онъ отдѣлается отъ этого царственнаго отрока для того, чтобы, слѣдуя примѣру Годунова, самому сѣсть на всероссійскій престолъ.

Меншиковъ видѣлъ и чувствовалъ съ высоты, на которой онъ стоялъ, всю злобу, обращенную къ нему, читалъ въ ежедневныхъ подметныхъ письмахъ и листкахъ въ чемъ подозрѣваютъ его и въ чемъ клеймятъ всенародно.

Выйти изъ этого положенія было мудрено.

Чтобы снять съ себя клевету и подозрѣніе, оставалось одно: явно перейти на сторону молодого царевича, записаться въ его приверженцы.

Этимъ путемъ онъ прямо попадалъ, со временемъ, быть можетъ и скоро, въ роль руководителя судебъ Россійской имперіи, въ качествѣ регента за малолѣтствомъ несовершеннолѣтняго императора. Но какъ это сдѣлать? Вѣдь это дѣйствіе возбудитъ только еще горшее замѣшательство, еще пущее подозрѣніе со стороны всѣхъ сословій государства.

Достаточно было князю Меншикову отправиться однажды съ ребенкомъ - царевичемъ на охоту въ Ропшу, чтобы весь Петербургъ повторилъ грозную шутку:

— Поѣхали они...

— Куда?

— Въ Угличъ.

„Поѣхали въ Угличъ". горько повторилъ самъ про себя князь Меншиковъ... Что же дѣлать? Какъ подойти къ царевичу, стать его приверженцемъ и пѣстуномъ. заставить полюбить себя, содѣйствовать будущему воцаренію его на основаніи священныхъ правъ, помимо сводныхъ сестеръ-цесаревенъ?.. И въ то же время сдѣлать это такъ, чтобы вся Россія не заговорила: „онъ замышляетъ Угличъ!"

(До слѣд. №).

За дупелями.

Разсказъ К. Тхоржевскаго.

I.

Широко и неуютно, по-мѣщански, раскинулся приволжскій большой городъ N, почему-то до сихъ поръ, со временъ Грибоѣдова, считающійся въ столицахъ глушью, хотя ужъ давно пересталъ быть глушью, а даже совсѣмъ напротивъ... И жители его не безъ основанія считаютъ себя людьми образованными, либеральными и вообще имѣющими всѣ качества, требуемыя отъ современнаго развитого человѣка... У нихъ есть водопроводъ, желѣзная дорога, телеграфъ, театръ, библіотека, музей; улицы ихъ освѣщаются электричествомъ... виноватъ: онѣ еще

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. „Дѣвочка съ пѣтухомъ". Съ карт. худ. Х. П. Платонова, грав. Шюблеръ

освѣщаются пока керосиномъ, но это все равно, такъ какъ электричество скоро будетъ, будетъ и конка, однимъ словомъ—все.

Почти на краю этого города, неподалеку отъ казенныхъ казармъ, пріютился маленькій голубой домикъ въ три окошечка. Этотъ домикъ состоялъ всего изъ трехъ крохотныхъ комнатокъ и кухни; первая комната изображала прихожую и вслѣдствіе этого къ одной изъ стѣнъ ея была прибита желѣзная вѣшалка, на которой висѣло офицерское пальто и такъ называемая „николаевская шинель"; по одному этому уже можно было догадаться, что этотъ домикъ занятъ офицеромъ, и дѣйствительно: въ немъ квартировалъ баталіонный адъютантъ, поручикъ Воронецъ. Слѣдующая комната, въ два окна, представляла собою залу, гостиную, столовую и вообще все, что хотите. Здѣсь стояли письменный и ломберный столы, кресло и четыре стула, но и это небольшое количество дешевой и простенькой мебели наполняло всю комнату—поставить больше было бы некуда. На окнахъ висѣли кисейныя драпри, а стѣны были совершенно голы. Третья комната была три шага въ длину и два въ ширину; въ ней помѣщалась кровать и ночной столикъ; на полу лежалъ коверъ изъ волчьей шкуры, а на стѣнѣ висѣло ружье, револьверъ, двѣ шашки, кинжалъ и охотничьи принадлежности.

Поручикъ Воронецъ еще спалъ. Солнечный лучъ, проникнувъ сквозь неплотно задернутую сторку, прямо ударилъ ему въ лицо; онъ сморщился, потянулся, улегся такъ чтобы солнце его не безпокоило, и опять заснулъ; но въ эту минуту въ комнату вбѣжалъ породистый черный сеттеръ и со всего розмаха вскочилъ на кровать; поручикъ пробормоталъ въ просоньи какое-то ругательство и ловкимъ движеніемъ такъ пихнулъ собаку ногой, не вынимая ее изъ-подъ одѣяла, что бѣдняжка кубаремъ скатилась на полъ; повизжала не то отъ боли, не то отъ обиды и стала укладываться на шкурѣ волка. Поручикъ опять захрапѣлъ, но ему положительно не было суждено поспать въ это утро: не успѣлъ еще онъ вполнѣ забыться, какъ въ передней звякнулъ колокольчикъ, затѣмъ раздались торопливые шаги деньщика, дверь отворилась и до полуспящаго Воронца долетѣлъ голосъ его товарища, подпоручика Разина:

— Поѓучикъ дома?..

— Дома, почиваютъ, ваше благородіе, отвѣчалъ деньщикъ.

— Ладно!..

Тяжелые шаги раздались въ первой комнатѣ и въ спальню ввалился самъ Разинъ.

Это былъ молодой человѣкъ лѣтъ двадцати, высокій, худой, узкій, неуклюжій, что называется—долговязый; длинныя, тонкія руки съ пропорціонально развитыми кистями доказывали, что мускульный трудъ имъ хорошо знакомъ; маленькая голова на длинной шеѣ напоминала набалдашникъ на трости; лицо было некрасиво: толстыя губы, черные глаза негрскаго типа, густые, коротко подстриженные черные волосы, торчащіе „ежомъ", маленькій прямой носъ и рѣдкіе крупные зубы—все это вмѣстѣ было собрано какъ-то неладно: точно сложная машина, сооруженная самоучкой-механикомъ безъ помощи инструментовъ. Одѣтъ онъ былъ какимъ-то бродягой и, взглянувъ на него, никто бы не сказалъ что это офицеръ; на немъ были длинные сапоги, сѣрыя брюки, что-то среднее между пальто и курткой, подпоясанное широкимъ ремнемъ, и кожаный картузъ; сверхъ всего этого черезъ плечо висѣли патронташъ, ягдташъ, ножъ и два мѣшка, въ которыхъ любопытный нашелъ бы фунтовъ десять сырой баранины, хлѣбъ, соль, водку, котелокъ, сырой картофель, крупу и многое другое.

Разинъ, страстный охотникъ, былъ извѣстенъ въ полку съ двухъ сторонъ: какъ храбрецъ, что онъ доказалъ и на дѣлѣ, получивъ въ минувшую кампанію офицерскій георгіевскій крестъ, и какъ неутомимый ходокъ: навьючивъ на себя болѣе пуда всякой поклажи, онъ уходилъ съ ружьемъ въ рукахъ на десятки верстъ и охотился по недѣлямъ вдали отъ ближайшаго человѣческаго жилья. Товарищи его любили, начальство тоже и вслѣдствіе этого его самовольныя отлучки на охоту часто сходили ему съ рукъ благополучно.

Этотъ неуклюжій человѣкъ прямо подошелъ къ полуспящему Воронцу и дернулъ его за плечо:

— Вставай, бѓатъ, вставай!.. эка ты спишь!.. заговорилъ онъ громкимъ голосомъ, не выговаривая букву р.

Воронецъ опять потянулся на кровати, взглянулъ на Разина, снова зажмурилъ глаза и отвернулся къ стѣнѣ.

— Да вставай же, тебѣ говоѓятъ, посмотри какая погода!.. Ѣдемъ на охоту...

На этотъ разъ Воронецъ, считавшійся тоже охотникомъ, проснулся окончательно и сѣлъ на кровати.

Этотъ былъ, въ противоположность Разину, очень красивый блондинъ; одного взгляда на его художественно отточенные ногти и тщательно закрученные усы было достаточно, чтобы увидѣть что онъ принадлежитъ совершенно къ другому типу, нежели его товарищъ.

— Здравствуй! проговорилъ онъ, протягивая руку; тотъ крѣпко пожалъ ее и, скинувъ съ себя мѣшки, присѣлъ къ нему на кровать.

— Вставай, вставай скоѓѣе, если желаешь ѣхать!.. заторопилъ онъ его опять.

— Да куда ѣхать-то?

— Въ Гладкое...

— Какое тамъ еще Гладкое?

— Веѓстъ девяносто отсюда... Охота, бѓатъ,—чудо!.. Дупелей гакая масса, что не пеѓеѕтѓѣляешь!.. воодушевляясь и размахивая руками, отвѣчалъ Разинъ тѣмъ же громкимъ голосомъ, который былъ удобенъ въ степи и въ лѣсу, но въ комнатѣ звучалъ какъ-то странно.

— Семьдесятъ веѓстъ на паѓоходѣ, а тамъ лошадей наймемъ!..

— Это на сколько же времени мы отправимся?

— На два дня.

— Ну, значитъ я не ѣду!

— Почему? вскочилъ Разинъ съ кровати, вытянувъ руки впередъ, точно хотѣлъ схватить Воронца.

— А потому, что я ни у кого не спрашивался...

— Пустяки!.. Не хватятся—кому ты нуженъ!?

— Какъ не хватятся: баталіонный командиръ можетъ прислать, нисколько не обидѣвшись, возразилъ тотъ.

— Никто не пѓишлетъ... ѣдемъ!.. Дупелей, бѓатъ, масса!..

— Развѣ рапортъ о болѣзни подать?.. нерѣшительно проговорилъ Воронецъ, соблазняясь массой дупелей.

— Вотъ и пѓекѓасно—садись и пиши сейчасъ!..

Воронецъ всталъ, вышелъ не одѣваясь въ другую комнату, сѣлъ къ письменному столу и, обмакнувъ перо въ чернильницу, началъ выводить:

„Доношу Вашему Высокоблагородію, что заболѣвъ сего числа..." Дописавъ до этого слова, онъ вдругъ остановился и задумался.

— Нѣтъ, не поѣду! произнесъ онъ неожиданно, откладывая перо въ сторону.

— Какъ не поѣдешь?! Почему?.. подскочилъ къ нему Разинъ.

— Потому, что могутъ узнать что я вовсе не боленъ, а на охотѣ—и тогда совсѣмъ скверно будетъ... да и вообще это мальчишество... и почему ты мнѣ вчера не сказалъ, я бы отпросился и все было бы отлично.

— Да какъ это узнаютъ-то? какъ?

— Мало ли что можетъ случиться... встрѣтимъ кого нибудь...

— Ну, бѓатъ,—ты свинья!.. вполнѣ серіозно прогремѣлъ Разинъ. Пѓощай! И онъ пошелъ изъ комнаты.

— Постой, постой! кинулся вслѣдъ за нимъ Воронецъ, которому страшно хотѣлось поохотиться; онъ уже и рѣшилъ въ душѣ что поѣдетъ, но почему-то ему не хотѣлось сознаться въ этомъ даже самому себѣ.

— Ну! обернулся тотъ къ нему въ полъ-оборота.

— Ладно—я поѣду, только у меня денегъ нѣтъ...

— У меня есть.

— Хватитъ ли на обоихъ?

— Значитъ хватитъ, когда говоѓятъ... Что же, ѣдешь?..

— Ѣду, ѣду!..

— Вотъ молодчина!.. Я зналъ что ты славный паѓень! Собиѓайся скоѓѣй! а то какъ бы не опоздать: до отхода паѓохода всего полчаса осталось, закричалъ Разинъ радостнымъ голосомъ.

Черезъ десять минутъ оба пріятеля уже тряслись на извозчичьемъ тарантасѣ по направленію къ пристани. Всякій, глядя на нихъ, ни въ какомъ случаѣ не принялъ бы ихъ за товарищей—такъ они розпились по наружности: насколько Разинъ былъ одѣтъ бѣдно и неряшливо, на столько же Воронецъ былъ изященъ и щеголеватъ: на немъ была новенькая тужурка съ погонами, офицерская фуражка и красивые лакированные сапоги.

Когда молодые люди подъѣхали къ пристани, былъ уже второй свистокъ и всѣ уѣзжающіе толпились на пароходѣ; Разинъ торопливо вытащилъ кошелекъ, чтобы заплатить извозчику, и вдругъ хлопнулъ себя со всего розмаха по лбу.

— А чоѓтъ! воскликнулъ онъ во все горло.

— Что такое? тревожно спросилъ его товарищъ, привязывая собакъ на цѣпочки.

— Бумажникъ позабылъ!..

— Вотъ тебѣ и разъ!.. Что же теперь дѣлать?!.. надо возвращаться!..

— Зачѣмъ возвѓащаться?! грозно глядя на него произнесъ Разинъ, у меня здѣсь въ кошелькѣ ѓубля тѓи набеѓется, а въ Гладкомъ—упѓавляющій знакомый есть—у него достанемъ!.. Съ этими словами онъ побѣжалъ къ кассѣ, но черезъ минуту возвратился встревоженный.

— Чоѓтъ возьми—вотъ скандалъ: билеты стоятъ два съ полтиной, а у меня два соѓокъ—тѓи пвенника не хватаетъ!.. Нѣтъ ли у тебя? скороговоркой бормоталъ онъ, подбѣжавъ къ Воронцу.

— Ни копѣйки—я же тебѣ говорилъ! досадливо отрѣзалъ тотъ.

— А чоѓтъ!.. и онъ устремился на берегъ.

— Куда же ты? Постой, вмѣстѣ поѣдемъ... заторопился вслѣдъ за нимъ крайне разсерженный Воронецъ, но тотъ только крикнулъ: „жди!" и махнулъ рукой. Воронецъ, съ собаками на привязи, возвратился назадъ и сталъ въ уголокъ, проклиная, на чемъ свѣтъ стоитъ, и Разина, и себя.

Раздался третій свистокъ и мостки стали уже убирать, когда Разинъ, какъ буря, пронесся въ кассу и черезъ секунду выскочилъ оттуда съ билетами въ рукахъ.

— Идемъ! крикнулъ онъ, несясь на всѣхъ парахъ къ пароходу; Воронецъ кинулся за нимъ и они успѣли проскочить по мосткамъ.

— Гдѣ ты досталъ денегъ? спросилъ его Воронецъ шепотомъ, когда они, сложивъ въ общей каютѣ вещи, выбрались на палубу.

— Одну бутылку водки продалъ за двадцать копѣекъ!.. хладнокровно отвѣчалъ чудакъ.

— Кому? воскликнулъ Воронецъ, еле удерживаясь отъ хохота.

— А чогтъ его знаетъ кому—мѣщанину какому-то!.. сумрачно буркнулъ Разинъ и, подойдя къ борту, сталъ глядѣть какъ пѣнилась вода подъ колесомъ.

Народу на пароходѣ была масса, большинство высыпало на палубу и смотрѣло на удалявшійся городъ. Воронецъ, стоя около товарища, разглядывалъ толпу, ища глазами—нѣтъ-ли кого нибудь знакомыхъ; но лица были все чужія и онъ безучастно перебѣгалъ глазами по мелькавшимъ передъ нимъ физіономіямъ; вдругъ онъ какъ то съежился и сдѣлалъ движеніе, какъ бы желая удрать, провалиться сквозь землю,—вообще исчезнуть, скрыться: по лѣстницѣ на палубу поднимался бригадный генералъ.

— Гляди, толкнулъ онъ въ бокъ товарища и мгновенно стушевался за дымовую трубу.

— Фью, вотъ такъ скандалъ!... воскликнулъ тотъ противъ своего обыкновенія вполголоса и тоже поспѣшилъ скрыться за спасительную трубу, отъ которой такъ и палило жаромъ.

— Я тебѣ говорилъ, я тебѣ говорилъ!.. шепталъ Воронецъ, выглядывая на генерала изъ-за трубы и, въ тоже время лавируя такимъ образомъ, чтобы не быть виднымъ.

— Чего говогилъ?.. раздраженно прошипѣлъ Разинъ, тоже однако стараясь быть незамѣченнымъ.

— А что кто нибудь встрѣтится!.. Ты говорилъ: вздоръ—кто тамъ встрѣтится! А вотъ теперь видишь?!. видишь!?.

— Ну такъ что за бѣда!.. Онъ и не замѣтитъ!.. вотъ только ты напгасно въ этой тужугкѣ дугацкой! Вольно же тебѣ ѣздить на охоту въ полной пагадной фогмѣ!..

— Не такимъ же чучелой выѣзжать какъ ты!..

— Ладно, бгатъ,—а вотъ меня то не замѣтилъ бы, а тепегъ мы съ тобой навѣгное вклепаемся.

Оба молодые человѣка, сильно взволновавшіеся отъ неожиданной встрѣчи, незамѣтно для самихъ себя обратились въ школьниковъ, пойманные на запрещенной шалости; а генералъ, между тѣмъ, не подозрѣвая какое безпокойство поселилъ своимъ появленіемъ, преспокойно курилъ сигару и отъ всей души наслаждался и теплымъ благотворнымъ воздухомъ, и живописными берегами рѣки, разливавшейся уже во всю свою ширь.

Прошелъ часъ, другой, въ теченіе которыхъ нашимъ пріятелямъ удалось вполнѣ счастливо убѣгать встрѣчъ съ генераломъ; они уже привыкли къ своему осадному положенію и переносили его съ тѣмъ же хладнокровнымъ спокойствіемъ, съ какимъ обстрѣлянные люди стоятъ и распоряжаются подъ градомъ пуль. Вся непріятность заключалась только въ томъ, что приходилось все время неусыпно слѣдить за генераломъ, дабы не столкнуться съ нимъ носъ съ носомъ. Съ самаго появленія генерала на палубѣ, оба охотника только и ждали того момента, чтобы проскользнуть мимо него въ каюту 2-го класса, гдѣ у нихъ остались ружья, собаки и вещи, но этого то момента и не выдавалось: генералъ все время держался около единственнаго выхода съ верхней палубы и пройти мимо него незамѣченнымъ было положительно невозможно. Сначала они переносили это терпѣливо, несмотря на страшный жаръ отъ трубы, за которой они преимущественно держались, но подъ конецъ, когда пристань, на которой они должны были выйти, показалась ввиду, они оба заволновались.

— Надо идти! наконецъ рѣшительно проговорилъ Разинъ.

— Какъ идти!.. Вонъ онъ у самаго входа теперь стоитъ—прямо столкнемся съ нимъ! воскликнулъ Воронецъ.

— А что же дѣлать то—пагоходъ здѣсь всего какихъ нибудь 2—3 минуты стоитъ, надо заганѣе собгаться!..

— Ахъ ты, Господи, вотъ бѣда то!.. Я точно чувствовалъ, что непріятность выйдетъ изъ-за этой поѣздки—такъ мнѣ не хотѣлось ѣхать!..

— Ну, не хныкъ, пожалуйста—тегпѣть этого не могу... Идемъ!.. И онъ рѣшительно направился къ выходу. Воронецъ послѣдовалъ за нимъ.

Генералъ былъ добрѣйшій человѣкъ, что не мѣшало ему, впрочемъ, взыскивать съ офицеровъ иногда очень строго; командуя бригадой болѣе десяти лѣтъ, онъ зналъ всѣхъ своихъ офицеровъ не только въ лицо, но и по фамиліямъ, поэтому онъ сейчасъ же узналъ нашихъ пріятелей, какъ только они показались изъ своей засады; на лицѣ его невольно выразилось изумленіе при взглядѣ на костюмъ Разина; тотъ шелъ, опустя голову внизъ и стараясь сдѣлать видъ, что ничего не замѣчаетъ: въ немъ смутно таилась надежда, что его не узнаютъ. Генералъ подпустилъ его къ самому выходу и тогда уже окликнулъ его по фамиліи; тотъ поднялъ голову и, какъ будто только тутъ замѣтивъ генерала, снялъ фуражку и нѣсколько смущенно раскланялся; Воронецъ взялъ подъ козырекъ.

— Пожалуйте сюда... проговорилъ генералъ сурово, и физіономія его приняла то строгое выраженіе, которое хорошо знали всѣ его подчиненные и которое не предвѣщало ничего добраго.

Переконфузившіеся офицеры подошли; особенно неловко себя чувствовалъ Разинъ, въ статскомъ платьѣ, не зная чѣмъ слѣдуетъ замѣнить держанье подъ козырекъ: снять шапку было неловко, взять подъ козырекъ—невозможно...

— Что значитъ этотъ маскарадъ? началъ генералъ съ разстановкой и нахмуривая брови.

Часть публики, бывшей неподалеку, стала прислушиваться.

— Виноватъ, ваше пгевосходительство... я ѣду на охоту!.. смущенно, но громко выговорилъ Разинъ.

— А вы? обратился генералъ къ Воронцу.

— Я тоже, ваше превосходительство!..

— Кто же это васъ пустилъ, господа?.. Сегодня въ вашемъ полку производится пристрѣлка и всѣ офицеры должны присутствовать на стрѣльбищѣ.

Молодые люди молчали; генералъ напрасно прождалъ съ полминуты.

— Что же вы господа не отвѣчаете—я жду!.. проговорилъ онъ.

— Виноватъ, ваше пгевосходительство, мы такъ поѣхали!.. загремѣлъ, наконецъ, Разинъ; дупелей, ваше пгевосходительство, масса! добавилъ онъ.

Генералъ невольно улыбнулся и вдругъ все лицо его прояснилось: онъ вспомнилъ свою молодость, свои шалости—когда самъ былъ прапорщикомъ; къ тому же и кругомъ все было такъ хорошо, такъ тепло, ясно, свѣтло; такъ манило подальше отъ душнаго города, отъ затхлыхъ казармъ, отъ пыльнаго плаца; такъ живительно грѣло весеннее солнце, такъ легко дышалось рѣчнымъ влажнымъ воздухомъ, такъ свѣжо и зелено выглядывали берега рѣки, одѣвшіеся молодой изумрудной травой; такъ волшебно хорошо выглядѣлъ прибрежный лѣсъ, опушенный нѣжной прозрачной листвой—имъ вдругъ овладѣло благодушное настроеніе духа и онъ, неожиданно для самого себя, рѣшилъ не разстраивать молодымъ людямъ удовольствія.

Гроза миновала.

— Ну, господа, такъ и быть, проговорилъ онъ добрымъ старческимъ голосомъ, отправляйтесь, охотьтесь себѣ и знайте, что я васъ не встрѣчалъ, не видалъ и ничего не знаю!.. Поняли?

— Поняли! покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство! отвѣчали обрадованные офицеры въ одинъ голосъ; откланявшись генералу, веселые и довольные, они побѣжали внизъ за вещами.

— Вотъ такъ молодчина!.. восклицалъ Воронецъ, надѣвая на себя охотничьи принадлежности.

— Онъ славный пагень! поддакивалъ и Разинъ, навьючиваясь своими мѣшками.

Вскорѣ уже оба пріятеля, осаждаемые прыгавшими на нихъ собаками, сходили съ парохода.

— Что же мы теперь будемъ дѣлать?—ты говорилъ до Гладкаго отсюда двадцать верстъ!.. спросилъ Воронецъ, останавливаясь на конторкѣ.

— Пойдемъ пѣшкомъ: догога пгекгасная, нежаг'ко...

— Ну, ужъ нѣтъ, покорно благодарю—ни за что!.. Лучше я здѣсь останусь!..

— Экій ты, пгаво,—ну что не пгойтись!..

— Ни за что! я лучше здѣсь останусь и буду тебя ждать...

— Да чего же ты ждать то тутъ будешь—вѣдь денегъ у тебя нѣтъ!..

— Ахъ, чортъ возьми, и то правда!.. И какъ это тебя угораздило деньги позабыть?

— Ну, бгатъ, тепегъ поздно объ этомъ жалѣть!.. Стой! вдругъ воскликнулъ онъ, здѣсь живетъ нашъ бывшій капельмейстегъ—онъ намъ все устгоитъ; кстати и закусимъ у него — а то я голоденъ...

— Вотъ это дѣло! весело отвѣчалъ Воронецъ; я тоже голоденъ какъ собака. Идемъ!..

Едва они сошли на берегъ, какъ ихъ окружили человѣкъ пять мужиковъ съ предложеніями лошадей, но наши пріятели, не отвѣчая никому ни слова, молча направились къ раскинувшемуся по самому берегу громадному селу.

Пройдя нѣсколько закоулковъ, они вышли на главную улицу и очутились передъ двухъэтажнымъ деревяннымъ домомъ, на которомъ красовалась голубая вывѣска съ надписью золотыми буквами „Гостинница Бунке“.

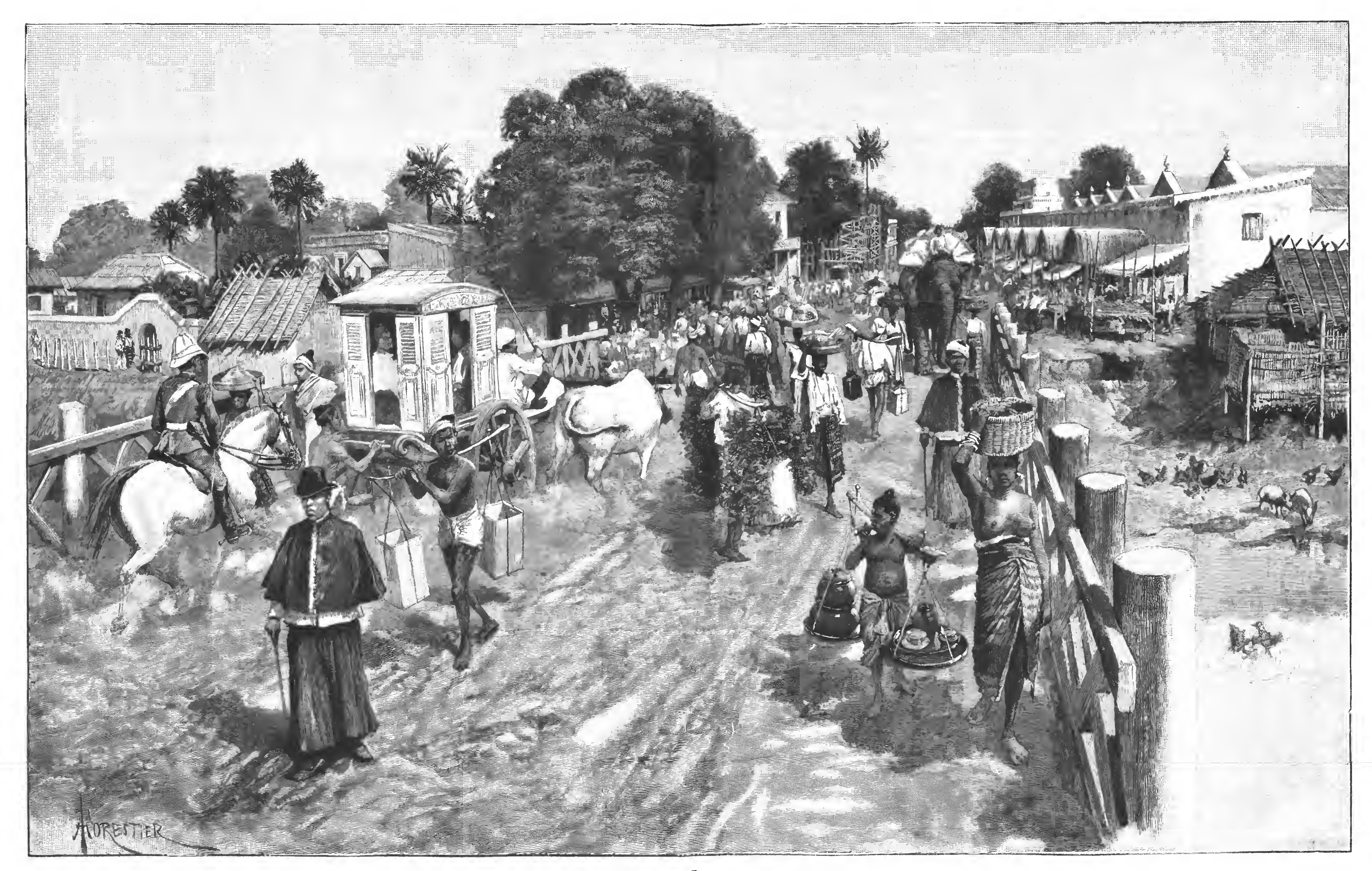
— Здѣсь! произнесъ Разинъ и, отворивъ калитку, вошелъ во дворъ; Воронецъ послѣдовалъ за нимъ.

На большомъ чистомъ дворѣ, прибранномъ съ большой аккуратностью, они наткнулись на пожилую толстую нѣмку въ ситцевомъ платьѣ, оказавшуюся самой фрау Бунке. Разинъ быстрыми шагами подошелъ къ ней, изобразивъ на своемъ лицѣ нѣчто въ родѣ любезной улыбки.

— Добгаго здоговья! проговорилъ онъ, протягивая ей руку.

— Ахъ, здравствуйте!.. отвѣчала та, тоже стараясь изобразить на своемъ лицѣ радушную улыбку, но легко было понять, что она не особенно то рада этимъ гостямъ; она отерла свою руку о фартукъ и тогда уже подала ее Разину.

— А что Геогтъ Кагловичъ дома? спрашивалъ Разинъ.

Улица въ Мандалаѣ, главн. городѣ Бирмы. Рис. Форестье, грав. Смитъ.

— Нѣтъ, онъ вчера на охоту отправлялся!.. пропѣла нѣмка.

— Экая досада!.. воскликнулъ Разинъ, а мнѣ его непгемѣнно нужно было!.. А скогό онъ вегнется?

— Нѣтъ, онъ сказалъ, что ночевать будетъ оставаться и домой приходить только завтра...

— Вотъ досада то!.. произнесъ Разинъ и вопросительно поглядѣлъ на товарища.

— Позвольте васъ познакомить, продолжалъ онъ черезъ секунду,—мой товарищъ погучикъ Вогонецъ, Амалія Ивановна Бунке...

— Очень пріятно! запѣла фрау Бунке и пожала Воронцу руку, который галантно, по-адъютантски расшаркался передъ ней.

— Ну, Амалія Ивановна, заговорилъ опять Разинъ, вы какъ хотите, а мы у васъ отдохнемъ немножко... Съ нами, знаете, маленькая непгіятность пгиключилась: мы, знаете, деньги дома позабыли!.. Вся надежда у насъ была на Геогга Каглович'а... Вы намъ позвольте у васъ отдохнуть: тепегь волей-неволей пѣшкомъ идти пгійдется!..

Радушная, любезная улыбка разомъ сбѣжала съ лица Амаліи Ивановны и она сдѣлалась серіозна, что очень смутило Воронца, но повидимому не произвело ни малѣйшаго дѣйствія на Разина.

— Что же, милости просимъ!.. промямлила она, наконецъ, съ кислой гримасой, пожалуйста будьте настолько добрый, идти за мной!..

Она направилась къ дому; молодые люди, избѣгая глядѣть другъ на друга, такъ какъ чувствовали себя не совсѣмъ ловко, послѣдовали за ней.

Амалія Ивановна ввела ихъ въ отдѣльную комнату, очень непривѣтливую, неуютную, хотя чистенькую, очевидно принадлежащую не къ помѣщенію хозяевъ, а относящуюся къ гостиницѣ; въ ней стояли двѣ кушетки, два стола, четыре стула и висѣло дешевенькое зеркало.

— Вотъ, господа, отдыхайте себѣ!.. проговорила она, разводя руками, и быстро удалилась, очевидно избѣгая дальнѣйшихъ просьбъ.

— Пгоклятая!.. воскликнулъ Разинъ, какъ только она скрылась за дверью.

— Чортова мѣшалка! согласился Воронецъ, съ досадой сбрасывая съ себя сумку и пихнувъ въ бокъ ногой, ни въ чемъ неповиннаго и крайне удивленнаго такой несправедливостью, сеттера.

— Да нѣтъ, чогтъ ее деги, она думаетъ, что я отъ нея отстану, не слушая товарища, продолжалъ Разинъ, такъ вгетъ же: не уйду пока не накогмитъ!.. И онъ, видимо рѣшившись на все, вскочилъ съ своего мѣста и вышелъ изъ номера.

Воронецъ, оставшись одинъ, опять далъ пинекъ своему сеттеру безъ всякой причины и закричалъ на него во все горло „кушъ!“ потомъ прошелся по комнатѣ, зачѣмъ то переложилъ ягдташъ съ одного мѣста на другое, наконецъ улегся на кушеткѣ, принявъ очевидно намѣреніе терпѣливо ждать энергичнаго пріятеля, хотя бы тотъ не возвращался цѣлую вѣчность; но тотъ не заставилъ себя ждать такъ долго: онъ скоро появился съ торжествующимъ видомъ, въ сопровожденіи работницы, тоже нѣмки, которая внесла за нимъ подносъ и, поставивъ его на одинъ изъ столовъ, удалилась, подозрительно оглядѣвъ комнату.

— Пгоклятая! ворчалъ Разинъ, подсаживаясь къ столу и не глядя на товарища; тотъ съ кислой миной, будто выпилъ уксуса вмѣсто водки, подошелъ къ столу и брезгливо сталъ разсматривать поданную закуску. Она была дѣйствительно не роскошна и состояла изъ копченой сухой ветчины и какого то необыкновеннаго сыра, напоминавшаго и запахомъ, и видомъ—сѣрое мыло, употребляемое для стирки бѣлья; но „голодъ не тетка“, справедливо говоритъ пословица и оба пріятеля, сильно проголодавшіеся, съ аппетитомъ принялись завтракать; хотя Воронецъ сначала сильно морщился и не переставалъ въ душѣ ругать бѣдную фрау Бунке, Разинъ тоже былъ мраченъ, но послѣ третьей рюмки лица ихъ стали проясняться—ветчина уже казалась не особенно сухой, а сыръ—вовсе не вонючимъ, когда же была роспита бутылка пива, то оба и совсѣмъ развеселились; Воронецъ, отдавъ остатки умильно посматривавшимъ собакамъ, погладилъ сеттера и, закуривъ папиросу, вдругъ залился самымъ искреннимъ, веселымъ хохотомъ; Разинъ, доѣдавшій послѣдній кусокъ ветчины, пересталъ жевать и вопросительно взглянулъ на товарища.

— Что съ тобой? спросилъ онъ.

— Мнѣ, знаешь, пришла въ голову мысль: что еслибы тотъ, кому ты продалъ водку, заподозрилъ бы, что ты укралъ ее!.. Вѣдь это очень было возможно?!.. сквозь смѣхъ выговорилъ Воронецъ.

— Возможно! согласился и Разинъ.

— И, вдругъ бы тебя повели въ часть... ты бы сталъ увѣрять, что ты офицеръ; тебѣ, разумѣется, не повѣрили бы, посадили бы въ кутузку!.. Вотъ бы исторія была!..

— А вѣдь ты пгавду говогишь—мнѣ это и въ голову не пгиходило!.. захохоталъ и Разинъ своимъ *некомнатнымъ* хохотомъ.

— А знаешь что, мнѣ почему то кажется, что путешествіе наше кончится какимъ нибудь курьезомъ!.. Ужъ такъ оно началось съ самаго выхода нашего изъ дому, къ тому и идетъ!.. Но мнѣ теперь все равно, чтобы ни случилось: я чувствую себя перешедшимъ рубиконъ и отдаюсь въ полное твое распоряженіе—дѣлай со мной, что хочешь.

— Значитъ и пѣшкомъ согласенъ идти? тревожно воскликнулъ Разинъ.

— Согласенъ!

— Душа моя! буквально заревѣлъ Разинъ и, опрокинувъ стулъ, бросился обнимать оторопѣвшаго Воронца.

— Постой! Что ты!.. отбивался тотъ, но неуклюжій человѣкъ обхватилъ уже его своими руками точно клещами и такъ сдавилъ, что Воронецъ серіозно испугался за свою жизнь, но Разинъ выпустилъ его изъ своихъ объятій какъ разъ во время, чтобы не задушить, и сталъ передъ нимъ, подперевъ руки въ боки и широко разставивъ ноги.

— Знаешь, что я тебѣ пгедложу, душа моя, заговорилъ онъ: тепегь идти жагко, давай ляжемъ отдохнуть; часа чегезъ два мы встанемъ и отпгавимся; жагъ спадетъ, а можетъ быть пгоклятая и вгетъ и Бунке явится къ этому вгемени, тогда онъ намъ дастъ лошадь и мы отлично доѣдемъ.

— Идетъ! я согласенъ! воскликнулъ Воронецъ, которому очень не хогѣлось идти 20 верстъ пѣшкомъ.

Для Разина это разстояніе было пустякомъ, но для непривыкшаго къ путешествіямъ пѣшкомъ Воронца—это было просто ужасно.

Порѣшивъ отдохнуть часокъ, другой, пріятели допили вторую бутылку пива и разлеглись на кушеткахъ. Черезъ минуту храпъ Разина наполнилъ всю комнату, а немного погодя заснулъ и охмѣлѣвшій Воронецъ.

II.

Солнце стояло уже очень низко, когда Разинъ потянулся на своей кушеткѣ, раскрылъ глаза и сталъ потягиваться, какъ вдругъ вскочилъ на ноги точно ужаленный и недоумѣвающе повелъ вокругъ себя глазами; собаки, встревоженныя его порывистымъ движеніемъ, тоже вскочили на ноги.

— Вотъ такъ пгоспали!.. воскликнулъ онъ вслухъ и бросился будить товарища; тотъ тоже вскочилъ, какъ ошпаренный, и сонными глазами, очевидно ничего еще не понимая, оглядѣлся кругомъ.

— Вставай, бгатъ, скогѣй!.. Идемъ, а то поздно будетъ!.. Видишь какъ мы заспались: солнце скогό совсѣмъ сядетъ!..

— Ахъ, чортъ возьми, и въ самомъ дѣлѣ поздно! воскликнулъ Воронецъ, очнувшись и сообразивъ, наконецъ, гдѣ онъ; идти ли ужъ намъ сегодня: не подождать ли лучше до завтра: можетъ быть Георгъ Карловичъ возвратится... Мы бы на его лошади живо добрались!..

— Нѣтъ, бгатъ, нѣтъ!.. Много вгемени пгопадетъ!.. Запоздаемъ!.. Идемъ сейчасъ.

Воронецъ вздохнулъ: очень ужъ пугала его перспектива промаршировать 20 верстъ пѣшкомъ; однако онъ сталъ облекаться въ охотничьи доспѣхи.

Молодые люди живо собрались и, распростившись съ мрачно смотрѣвшей на нихъ Амаліей Ивановной, отправились въ путь.

— Да знаешь ли ты дорогу то? спросилъ Воронецъ, подозрительно посматривая на своего товарища, который, какъ ему показалось, неувѣренно лавировалъ по переулкамъ и закоулкамъ, выбираясь изъ села.

— Конечно знаю! Что я въ Гладкомъ не былъ что ли? сердито буркнулъ Разинъ, что еще болѣе усилило подозрѣніе Воронца.

— Эй, дядя!.. окликнулъ Разинъ показавшагося на встрѣчу имъ мужика, когда они, выбравшись изъ задворковъ, вышли въ поле—это догога въ Гладкое?

Мужикъ остановился, посмотрѣлъ на спрашивавшаго, потомъ на Воронца, оглянулся назадъ, снялъ шапку, почесалъ затылокъ и опять взглянулъ на Разина.

— Въ Гладкое? протянулъ онъ наконецъ.

— Въ Гладкое, въ Гладкое! воскликнули оба пріятеля въ одинъ голосъ.

— А вы сами то откелева будете? спросилъ мужикъ, какъ будто ему это необходимо было нужно знать, чтобы указать дорогу въ Гладкое.

— Мы изъ С—ва! нетерпѣливо отвѣтилъ Воронецъ. Эта дорога въ Гладкое?

— Кто ё знаетъ.. мы не здѣшни!.. такъ же вяло протянулъ мужикъ и, оглянувшись еще разъ назадъ, пошелъ дальше.

— Дугакъ! крикнулъ ему вслѣдъ Разинъ и устремился впередъ.

— Постой! постой! можетъ быть мы не по той дорогѣ идемъ! кричалъ Воронецъ, догоняя его, но Разинъ молчалъ и, понуря голову, мчался впередъ, переставляя свои длинныя, веретенообразныя ноги чуть не черезъ сажень: догнать его дѣйствительно было трудно; Воронецъ скоро понялъ это и уже не сердитымъ, а умоляющимъ голосомъ сталъ кричать:

— Постой! Дай же себя догнать!.. Пойдемъ вмѣстѣ!..

Разинъ долго не обращалъ вниманія на эти вопли, но, наконецъ, смягчился и умѣрилъ шагъ; Воронецъ догналъ его.

— Ну, признаюсь... началъ было онъ, переводя духъ, но Разинъ, сейчасъ же надбавилъ шагу и Воронецъ опять закричалъ покорно: Постой! Постой!..

Догнавъ его, онъ уже не рѣшался выражать протеста и пошелъ рядомъ молча. Они отошли всего еще двѣ версты, а красивые сапоги Воронца начали уже жать и натирать ему ноги; но, зная по опыту чѣмъ кончится его жалоба, Воронецъ не разѣвалъ рта и молчалъ, проклиная въ душѣ всевозможныя охоты и давая себѣ честное слово никогда больше не охотиться, какой бы „массы дупелей“ ни было.

Часа черезъ полтора хода, когда стало уже совсѣмъ смеркаться, они встрѣтили бабу, торопливо, мелкими шажками трусившую по пыльной дорогѣ. Не доходя до охотниковъ шаговъ десяти, баба, не поднимая опущенныхъ въ землю взоровъ,—убавила рыси и смущенно наклонила голову.

— Что, тетка, это дог'ога въ Гладкое? загремѣлъ Разинъ, приподнимая свой картузъ, такимъ же веселымъ голосомъ какъ и обыкновенно. Этотъ веселый тонъ при такихъ печальныхъ обстоятельствахъ особенно бѣсилъ Воронца, который всю дорогу развлекалъ себя только тѣмъ, что изобрѣталъ мщеніе Разину. Плановъ у него была масса: то онъ рѣшался дойти до Гладкаго, нейти на охоту, а остаться въ домѣ священника, который рисовался въ его воображеніи образцомъ радушія и гостепріимства, то онъ хотѣлъ не произносить ни одного слова съ Разинымъ и т. п.

— Что тетка, это дог'ога въ Гладкое? повторилъ Разинъ самымъ ласковымъ голосомъ, на какой только былъ способенъ, видя, что „тетка“ остановилась и молчитъ.

— Здравствуйте!.. протянула та пѣвучимъ голосомъ, опять кланяясь.

— Здг'авствуй, здг'авствуй, голубка!.. Дог'ога въ Гладкое эта? переспросилъ Разинъ другимъ манеромъ.

Воронецъ злобно глядѣлъ то на Разина, то на „тетку“, еле переводя духъ и желая отъ души имъ обоимъ провалиться сквозь землю, главнымъ образомъ за то, что они оба были веселы и не выражали ни малѣйшаго неудовольствія: ему хотѣлось, чтобы всѣ были такъ же недовольны, такъ же злы на весь свѣтъ, какъ онъ въ эту минуту.

— Я сама изъ Гладкаго, милые—эта самая дорога и будетъ... Мы коренные Гладковскіе... Я, стало быть, сама то изъ Хуторовъ взята, а мужъ мой—онъ таперча въ солдаты взятъ — коренной Гладковскій будетъ... Еще при старыхъ господахъ, при Миколаѣ Митричѣ... затараторила баба, но наши пріятели давно уже не слушали ее и оба, обрадованные, что идутъ по настоящей дорогѣ, маршировали впередъ; наконецъ, баба замѣтила, что она одна, еще что-то пробормотала, вздохнула, набожно перекрестилась и затрусила дальше.

(До слѣд. №).

Орелъ и голубка.

(Посв. **Я. К. Гроту**).

Стихотвореніе **Я. П. Полонскаго**.

Вздымая волны, надъ заливомъ
Шла къ ночи буря,—громъ гудѣлъ...
За облака, на встрѣчу ливня,
Орелъ съ добычею летѣлъ:
Въ свое гнѣздо, не внемля грому,
Крылами разсѣкая мглу,
Онъ несъ въ когтяхъ своихъ голубку
И опустился на скалу.

* * *

За нимъ мерцали на закатѣ
Вершинъ незыблемыхъ снѣга,
Подъ нимъ клубились тучи—пѣна
Посеребряла берега.
Ручьи скакали по каменьямъ,
Орлы кричали... Никому
Не откликался онъ и слушалъ
Какъ жертва плакалась ему...

* * *

Въ его когтяхъ, дрожа и жмуряс
Она молила: „отпусти...“
И внялъ мольбамъ великодушный
Орелъ и молвилъ ей: „лети!“
И радостно своей свободы
Почуя мигъ, какъ снѣжный комъ
Съ размаху брошенный, голубка
Рванулась вдаль, мелькнувъ крыломъ,
И полетѣла;—закружилась,
Ища родныхъ ей береговъ,
И погрузилась въ водяную
Пыль между волнъ и облаковъ,
И сдѣлалась добычей бури—
Добыча мощнаго орла.....
Увы, бездушная стихія
Ея молитвъ не приняла...

* * *

Какъ мотылекъ, дождемъ прибитый.
Едва мелькая въ бурной мглѣ,
Она исчезла въ сѣрой пѣнѣ
Валовъ, несущихся къ скалѣ;
На той скалѣ, все тотъ же мощный
Орелъ державно отдыхалъ,
Порой свой клювъ точилъ, порою
Лѣниво крылья расправлялъ.

* * *

И думалъ онъ: авось подъ утро
Стихій угомонится вой,
И выпрыгнетъ на солнце серна,
И гуси взмоютъ надъ водой...
А тамъ, гдѣ конь пылитъ дорогу,
Стада потянутся въ кусты...
И мнѣ потребную добычу
Господь укажетъ съ высоты...

Къ рисункамъ.

Божій человѣкъ. (Рис. на стр. 401).

Профессоръ П. А. Кошелевъ, авторъ извѣстныхъ картинъ „Погребеніе Христа“ и „Христосъ-Отрокъ во храмѣ“, выступилъ на весенней академической выставкѣ этого года съ историческимъ жанромъ „Божій человѣкъ“. На полу въ боярскихъ хоромахъ сидитъ юродивый и бормочетъ что-то, къ чему съ умиленіемъ и вниманіемъ прислушивается весь домашній штатъ молодой боярыни. Юродивые, въ древнее время, играли значительную роль въ нашей народной жизни. Это люди по природѣ безумные и разстроенные, или принимавшіе на себя такой видъ искусственно; поведеніе ихъ отличалось странностями, обстановка жизни суровая; оборванные бѣгаютъ они вездѣ, молясь и бормоча несвязныя рѣчи, причемъ ихъ словамъ народомъ придается таинственное значеніе и ихъ иногда считали за пророковъ. Пользуясь своимъ положеніемъ, они нерѣдко говорили въ глаза рѣзкія мнѣнія великимъ князьямъ и царямъ, какъ напримѣръ говорилъ одинъ юродивый Грозному, при въѣздѣ его въ Новгородъ.

Завтракъ во время жатвы. (Рис. на стр. 401).

Очень хорошо выраженъ художникомъ Голынскимъ въ этой картинѣ томящій зной лѣтняго рабочаго полдня, когда усталые рабочіе присѣли подкрѣпиться полдникомъ послѣ своего трудового утра. Скудная трапеза кажется очень вкусною проголодавшимся, и они молчаливо ѣдятъ, изрѣдка переговариваясь о томъ, устоится ли долго хорошая погода и удастся ли убраться какъ слѣдуетъ во время.

Дѣвочка съ пѣтухомъ. (Рис. на стр. 405).

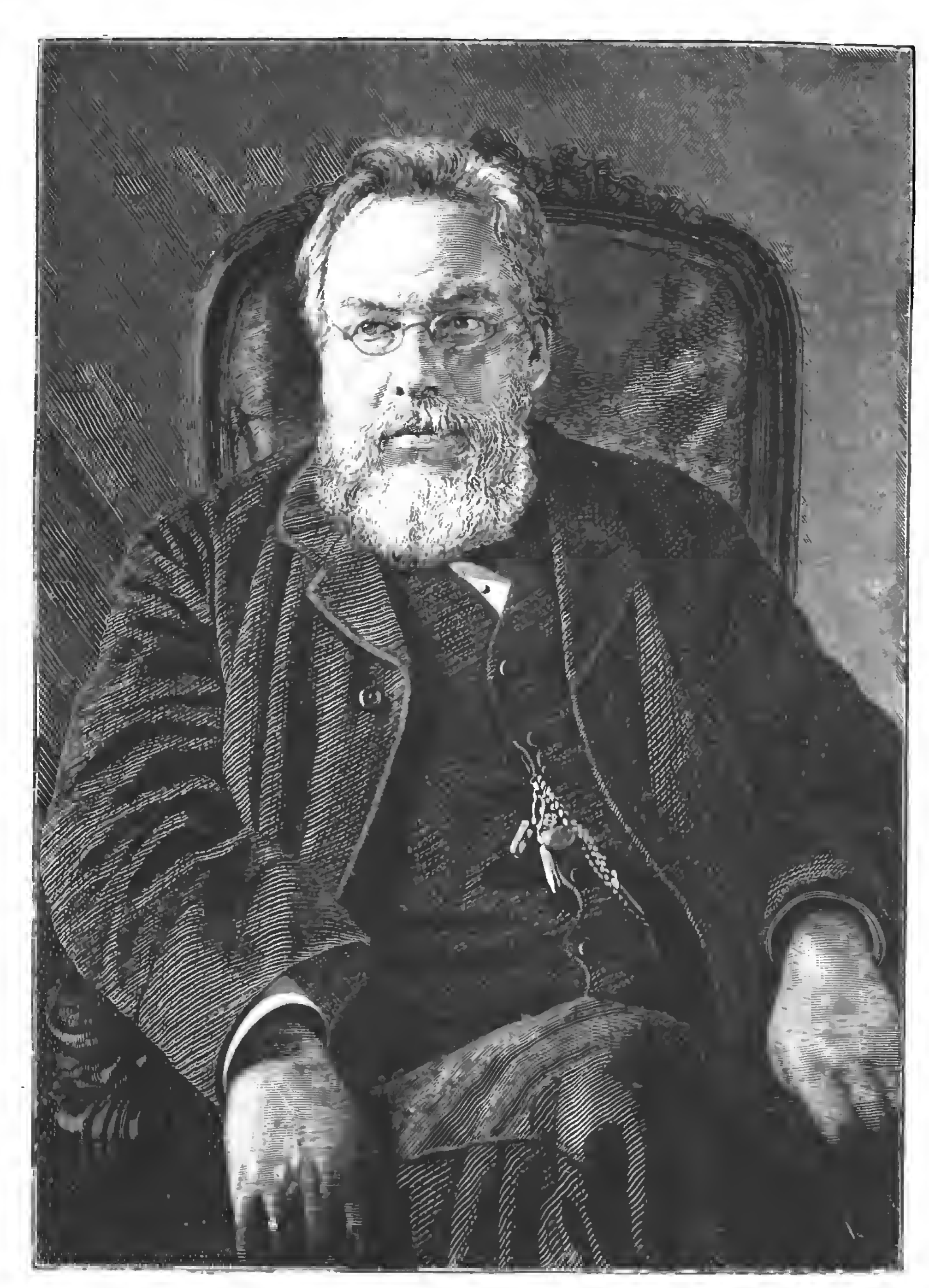
Въ „Нивѣ“ не разъ помѣщались женскія и дѣтскія головки талантливаго художника Платонова. Отличительныя ихъ черты—миловидность, симпатичность и простота выраженія, всегда удачно и живо схваченнаго художникомъ.

Мандалай, главный городъ Бирмы.

(Рис. на стр. 408 и 409).

Прошло болѣе года съ тѣхъ поръ, какъ англо-индійскими властями бирманское царство было (въ ноябрѣ 1885 г.) присоединено къ британско-индійской имперіи, но все еще въ несчастной странѣ не водворенъ порядокъ. Нѣсколько спасшихся бѣгствомъ князей династіи Аломира, родственной свергнутому и взятому въ плѣнъ англичанами царю Тибо, упорно поддерживали междоусобіе и два раза нападали на городъ Мандалай, причемъ часть его погибла въ пламени. Между тѣмъ сопротивленіе бирманцевъ теперь повидимому совсѣмъ подавлено, а съ тѣхъ поръ какъ буддистское духовенство употребило свое примиряющее вліяніе, можно думать о полномъ успокоеніи страны. Мандалай, столица Бирмы, лежитъ на лѣвомъ бе-

регу р. Иравади, въ 2-хъ миляхъ въ глубь материка. Какъ большинство индо-китайскихъ городовъ, онъ распадается на *обнесенный стѣною* городъ,—крѣпость, кремль,—гдѣ живутъ власти, солдаты и чиновники, и на городъ *наружный*, для сотенъ тысячъ частныхъ жителей. Обнесенный стѣною городъ образуетъ правильный четыреугольникъ, каменныя стѣны котораго, вышиною въ 4 саж., тянутся около 2 верстъ въ длину. Передъ стѣнами находится широкій въ 10 саж. ровъ, чрезъ который съ каждой стороны перекинуты мосты. Двѣнадцать воротъ—по трое съ каждой стороны—окрашены въ красный цвѣтъ, увѣнчаны рѣзными, въ китайскомъ стилѣ, раззолоченными башенками и соединены между собою прямыми, въ 15 саж. ширины, улицами. Центръ этой части города занимаютъ обнесенныя палисадомъ, принадлежавшія бывшему королевскому дворцу зданія, т. е. кромѣ самого дворца, правительственныя учрежденія, монетный дворъ, министерства, казначейство, арсеналъ. Царскій дворецъ съ семью рѣзными, позолоченными крышами и высокой башней, производитъ внушительное впечатлѣніе, уступающее однако впечатлѣнію, производимому находящимися позади дворца, въ паркѣ, большимъ храмомъ Будды, съ монастыремъ, въ которомъ живетъ духовенство. Наружный городъ тянется между р. Иравади и городомъ, обнесеннымъ стѣною, и имѣетъ длинныя, широкія, отчасти обсаженныя деревьями улицы, пересѣкающіяся подъ прямымъ угломъ. Кирпичные или бамбуковые домики этой части города обнесены садами. Между ними возвышаются многочисленные храмы Будды и монастыри, многоэтажныя крыши которыхъ, украшенныя позолотой и рѣзьбой, очень живописны. Улицы, какъ показанная на рисункѣ, оживлены и полны цѣлый день народомъ. Направо виденъ базаръ, большія торговыя помѣщенія, между тѣмъ какъ у наружной стѣны лавки мелкихъ торговцевъ. Глазъ европейца поражается пестротою и оживленіемъ улицъ. Рядомъ съ англійскимъ солдатомъ на хорошей лошади, плетется мѣстный, запряженный одногорбыми зебу, экипажъ, везущій бирманскихъ дамъ; рядомъ съ почтеннымъ, медленно выступающимъ китайскимъ купцомъ, бѣжитъ бирманскій разносчикъ съ своеобразными носилками на плечѣ, или идетъ простая женщина съ корзиною овощей или фруктовъ на головѣ. Зачастую показываются также люди, принадлежащіе къ дикимъ горнымъ племенамъ, и вьючные слоны важно двигаются среди толпы. По отсутствію мостовыхъ, бываетъ сильная пыль въ сухое время и грязь—въ сырое. Городъ вообще расположенъ не особенно благопріятно, такъ что англичане намѣрены перенести Мандалай на другой берегъ Иравади, что не составитъ особеннаго затрудненія при легкой постройкѣ домовъ.

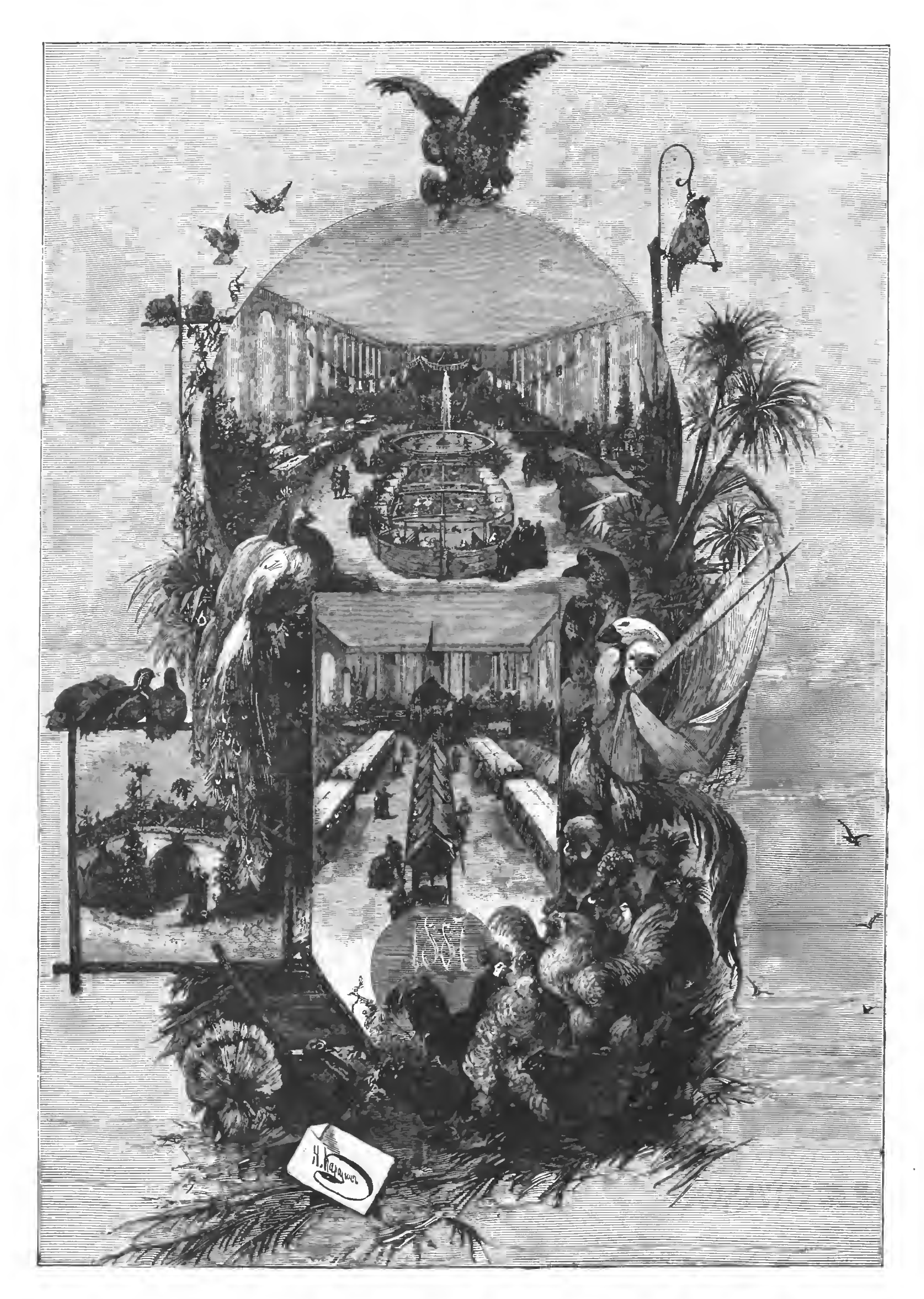

Профессоръ С. П. Боткинъ. По поводу 30-лѣтн. юбилея его врачебной дѣятельности.
Съ фотогр. Болдырева, грав. Барановскій.

Серг. Петр. Боткинъ.

(Портр. на этой стран.).

27-го апрѣля исполнится 30-лѣтіе блестящей дѣятельности нашего ученаго, пользующагося такой славой, знаменитаго клинициста Сергѣя Петровича Боткина, которымъ по справедливости можетъ гордиться Россія. С. П. Боткинъ родился въ 1832 г. въ Москвѣ, въ богатой купеческой семьѣ. Дѣдъ его, переѣхавшій изъ Пскова въ Москву, занимался чайною торговлею и фирма Боткиныхъ до сихъ поръ принадлежитъ къ числу крупнѣйшихъ и надежнѣйшихъ въ Россіи. Дѣтство, проведенное среди чисто русской обстановки, разумное воспитаніе, выработали въ Сергѣѣ Петровичѣ на всю жизнь любовь къ труду и ко всему русскому. По окончаніи курса въ пансіонѣ Эннеса, Сергѣй Петровичъ поступилъ въ Московскій университетъ. По случайности только С. П. сдѣлался докторомъ: онъ предназначалъ себя занятіямъ математикою, но такъ какъ въ годъ вступленія его въ университетъ временно закрыты были всѣ факультеты, кромѣ медицинскаго, то С. П. поступилъ на этотъ факультетъ и кончилъ успѣшно курсъ въ 1855 году. Дни молодости, проведенные въ Москвѣ, были для него благопріятны и въ томъ отношеніи, что онъ вращался въ средѣ лучшаго тогдашняго общества: Грановскаго, Бѣлинскаго и др., составлявшихъ литературный кружокъ, породившій такъ много крупнаго; съ этимъ кружкомъ въ особенности былъ близокъ братъ его, Василій Петровичъ († въ 1870 г.), авторъ „Писемъ изъ Испаніи“. По окончаніи курса, Боткинъ, по предложенію Вел. Кн. Елены Павловны, въ числѣ другихъ врачей, отправился въ Крымъ и находился въ Бахчисараѣ при лазаретѣ Пирогова. По окончаніи войны, С. П. вернулся въ Москву и вскорѣ отправился за границу, продолжать свое научное образованіе. Онъ перебывалъ въ нѣсколькихъ университетахъ и прослушалъ лекціи лучшихъ профессоровъ того времени: Вирхова, Траубе, Клода Бернара и др., сдѣлавшихъ переворотъ своими изслѣдованіями въ медицинской наукѣ. Вернувшись въ 1860 г., послѣ долгихъ трудовъ, изъ-за границы вмѣстѣ съ извѣстнымъ физіологомъ Сѣченовымъ, С. П., приглашенный въ Медико-Хирургическую Академію, былъ назначенъ адъюнктъ-профессоромъ

Первая очередная выставка Русскаго общества птицеводства въ Михайловскомъ манежѣ въ СПБ.
Ориг. рис. Н. Каразина, грав. М. Рашевскій.

въ терапевтическую клинику проф. Шипулинскаго, а черезъ годъ, по выходѣ послѣдняго, избранъ на его мѣсто ординарнымъ профессоромъ, завѣдывающимъ клиникою 4-го курса, и затѣмъ совѣщательнымъ членомъ Военно-медицинскаго комитета и Медицинскаго совѣта. Въ 1870 г. Боткинъ былъ назначенъ лейбъ-медикомъ двора Его Императорскаго Величества, сопровождалъ Императрицу въ Крымъ и весьма быстро возстановилъ здоровье Государыни. Обширная медицинская эрудиція, глубокія познанія по діагностикѣ и леченію болѣзненныхъ процессовъ, современный способъ клиническаго преподаванія и пр., скоро сдѣлали его извѣстнымъ въ качествѣ профессора и замѣчательнаго практическаго врача. Въ кабинетѣ Боткина начали самостоятельныя работы много русскихъ молодыхъ врачей, его учениковъ („Архивъ клиники внутреннихъ болѣзней"), и самая клиника, какъ разсадникъ практическихъ врачей, была преобразована во всѣхъ отношеніяхъ. Изъ учениковъ Боткина нѣсколько врачей уже получили заслуженную извѣстность, благодаря успѣшнымъ работамъ на поприщѣ ученой и практической медицинской дѣятельности. Въ настоящее время С. П. продолжаетъ профессорскую дѣятельность въ Военно-Медицинской Академіи и состоитъ дѣятельнымъ членомъ во многихъ русскихъ и иностранныхъ ученыхъ обществахъ. Благодаря его горячему содѣйствію, Георгіевская община достигла большихъ успѣховъ. Сергѣй Петровичъ занимаетъ одно изъ видныхъ мѣстъ среди нашихъ благотворителей. Онъ и жена его принимали дѣятельное участіе въ поддержаніи учащейся молодежи. Не смотря на громадную медицинскую практику, онъ не только находитъ время пользовать бѣдныхъ людей безвозмездно, но и покупаетъ даже для нихъ лекарства на свой счетъ. Ученые труды его пользуются широкою извѣстностью даже за границей и „Курсъ клиники внутреннихъ болѣзней" (СПБ. 1867) переведенъ на нѣсколько языковъ. Самостоятельныя работы С. П. можно встрѣтить во многихъ иностранныхъ журналахъ. Не смотря на то, что С. П. категорически отказывался отъ торжествъ юбилейныхъ въ честь его, ему приготовляются къ поднесенію много адресовъ, альбомовъ и пр.

Выставка птицеводства. (Рис. на стр. 413).

Прилагаемый рисунокъ Н. Н. Каразина изображаетъ общій видъ первой очередной выставки, устроенной Русскимъ обществомъ птицеводства въ зданіи Михайловскаго манежа и продолжавшейся съ 22 по 29 марта. Общество это, какъ извѣстно, учреждено съ цѣлію содѣйствія развитію и улучшенію въ Россіи птицеводства во всѣхъ его отрасляхъ, для чего устраиваетъ образцовые питомники, фермы, вольеры, депо и конторы для распространенія породистыхъ птицъ и ихъ яицъ въ Россіи, а также спеціальные музеи и библіотеки, выставки, публичные опыты и чтенія по предметамъ птицеводства и, наконецъ, снаряжаетъ экспедиціи и командируетъ спеціалистовъ для изученія полезныхъ птицъ, ихъ разведенія и торговли ими въ разныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Изъ выставленныхъ птицъ особое вниманіе обращали на себя экспонаты фермы Ея Императорскаго Величества Государыни Императрицы, дачи Александрія, бывшіе внѣ конкурса. Здѣсь можно было видѣть почти всѣ главныя породы любительскихъ куръ, какъ-то: кохинхинокъ, брама, плимутрокесъ, доркингъ и проч., а также пекинскихъ утокъ, японскихъ гусей, и дикихъ, прирученныхъ лебедей. Куриныя породы, какъ и всегда, преобладали на выставкѣ и численностью, и разнообразіемъ. Далѣе были въ значительно меньшемъ числѣ утки (черныя арабскія, тулузскія, каролинки, карликовыя и др.), гуси (китайскіе, тулузскіе, холмогорскіе, арзамасскіе), индюшки, павлины (между прочимъ пѣгіе), тетерева (прирученные) и множество самыхъ разнообразныхъ голубиныхъ породъ. Изъ пѣвчихъ и декоративныхъ птицъ преобладали мелкія тропическія и попугаи. Нѣсколько книгъ и брошюръ, да коллекція чучелъ болѣе или менѣе извѣстныхъ видовъ, составляли довольно бѣдный научный отдѣлъ выставки. Гораздо интереснѣе былъ отдѣлъ IV, гдѣ помѣщались птичники, вольеры, клѣтки и приборы для ухода за птицами, кормленія, обученія пѣнію, охраны, ловли и охоты. Наконецъ, были еще отдѣлы кормовыхъ и дезинфекціонныхъ веществъ и битой птицы, представителями коей явились 10 пулярдъ, откормленныхъ въ три недѣли.

Декоративная сторона первой очередной выставки общества не оставляла желать ничего лучшаго. Въ верхней половинѣ нашего рисунка изображена въ перспективѣ часть помѣщенія выставки съ искусственными прудками и резервуарами для водяныхъ птицъ. Ниже—другая часть того же манежа. Представители различныхъ породъ домашней птицы составляютъ общую рамку, набросанную съ обычнымъ вкусомъ и изяществомъ, отличающими кисть г. Каразина.

На голландскомъ берегу. (Рис. на стр. 416).

Высоко на гребнѣ дюнъ стоятъ жены рыбаковъ, съ малютками на рукахъ, обвѣваемыя рѣзкимъ сѣверозападнымъ вѣтромъ, дико свирѣпствовавшимъ всю ночь и обдававшимъ берегъ своею пѣною. Всѣ возносятъ горячую молитву къ Всевышнему о спасеніи дорогихъ сердцу. Но вотъ радостный крикъ. Привычному глазу жены моряка достаточно видѣть полоску паруса, чтобы узнать свою лодку. Вскорѣ берегъ пустѣетъ, и дымокъ надъ хижинами возвѣщаетъ, что хозяйки заботятся о возвращающихся хозяевахъ. Парусъ за парусомъ все приближаются; высоко отскакиваетъ пѣна отъ крутыхъ боковъ лодокъ, везущихъ добычу тяжкихъ ночныхъ трудовъ. Вотъ первая лодка уже достигла песчаной косы, въ слѣдующую минуту песокъ трещитъ подъ килемъ, парусъ отпущенъ и съ шумомъ ударяетъ о мачту. Вотъ чрезъ низкій бортъ перелѣзаетъ рыбакъ, медленно бредетъ по водѣ, неся на плечѣ якорь и готовясь погрузить его.

Тюрьмы и наказанія въ Сѣверо-Америк. Штатахъ.

(Рис. на стр. 417).

Въ пятидесяти миляхъ отъ Нью-Іорка, вверхъ по Гудзону, раскинулся на холмахъ цѣлый городокъ, окруженный воздѣланными полями. У самой рѣки высятся массивныя каменныя зданія, обставленныя съ трехъ сторонъ тоже массивными высокими стѣнами. Только съ берега зданія ничѣмъ не закрыты, такъ какъ рѣка Гудзонъ, при необычайной быстротѣ теченія и ширинѣ въ двѣ мили, сама по себѣ представляетъ весьма надежную преграду. Названіе городка—Синг-сингъ и этимъ же именемъ названы каменныя тюрьмы, свѣдѣнія о которыхъ уже были въ „Нивѣ" 1879 г. № 2. Это исправительныя тюрьмы штата Нью-Іоркъ. Собственно тюремъ двѣ: одна мужская и одна женская; между ними проходитъ знаменитая Гудзоновская желѣзная дорога, проложенная у самаго берега. Мужская тюрьма устроена на тысячу человѣкъ и всегда бываетъ наполнена; женская же на двѣсти и въ ней постоянно есть свободныя мѣста. Заключенные содержатся въ одиночныхъ, маленькихъ камерахъ, безъ оконъ, съ небольшимъ отверстіемъ въ дверяхъ для свѣта и воздуха; въ женскихъ камерахъ окна продѣланы въ стѣнѣ. Но въ камерахъ этихъ заключенные проводятъ только ночь; весь день они находятся на тяжелыхъ работахъ въ различныхъ мастерскихъ. Въ тюрьмѣ строго запрещено говорить или подавать другъ другу какіе либо знаки. Посѣтителей, осматривающихъ тюрьмы, предваряютъ предъ входомъ чтобъ они не говорили въ тѣхъ помѣщеніяхъ, гдѣ находятся заключенные. За нарушеніе постановленій и за малѣйшее подозрительное движеніе, заключенные подвергаются тяжкимъ наказаніямъ. Къ числу послѣднихъ принадлежатъ крайнее уменьшеніе порцій пищи, заключеніе въ темномъ карцерѣ, наложеніе желѣзныхъ цѣпей и, наконецъ, самое ужасное наказаніе—капельный душъ холодной воды. Боязнь послѣдняго ужаснаго наказанія усмиряетъ самыхъ непокорныхъ, и убѣжденіе, что это наказаніе неизбѣжно послѣдуетъ, приводитъ въ бѣшенство самыхъ кроткихъ. Они предпочитаютъ ему другія наказанія.

Вообще наказанія за преступленія въ республикѣ Соединенныхъ Штатовъ весьма тяжки и суровы и до нѣкоторой степени напоминаютъ средневѣковыя времена. На рисункѣ нашемъ показанъ, напр., одинъ изъ видовъ наказанія, практикуемаго въ Америкѣ, особенно въ штатахъ Делаваръ и Мериландъ. Это публичная выставка въ колодкахъ у позорнаго столба и публичное же наказаніе плетьми, давно вышедшія изъ употребленія въ Европѣ. На площади устраивается помостъ съ особымъ приспособленіемъ, какъ показано на рисункѣ, и день наказанія составляетъ поводъ сбора огромной толпы народа изъ города и окрестностей. Наверху на помостѣ двое преступниковъ выставлены къ позорному столбу, внизу же третьяго наказываютъ плетью. Всего поразительнѣе, что выставкѣ у позорнаго столба подвергаются даже юные преступники, не достигшіе десятилѣтняго возраста.

Политическое обозрѣніе.

10 апрѣля.

Афганскія дѣла.—Болгарскій вопросъ.

События въ Афганистанѣ, повидимому, двигаются ускореннымъ ходомъ, но такъ какъ до сихъ поръ еще мы не имѣемъ о нихъ никакихъ свѣдѣній кромѣ краткихъ телеграфныхъ сообщеній, то и ограничиваемся сообщеніемъ фактовъ передаваемыхъ этими депешами. Телеграммы „Агентства Рейтера" изъ Бомбея отъ 5 (17), 6 (18) и 7 (19) апрѣля гласятъ: „По послѣднимъ извѣстіямъ изъ Афганистана, южные гильзаи возмутились въ такой численности, что двинутыя противъ нихъ изъ Кандагара войска были вынуждены окопаться. По извѣстію изъ туземнаго источника, афганскій эмиръ высылаетъ войска въ составѣ одной батареи, двухъ пѣхотныхъ и двухъ кавалерійскихъ полковъ для нападенія на нѣсколько возмутившихся племенъ, которыя дали клятву бороться съ нимъ до послѣдней капли крови. По такимъ же извѣстіямъ, Парвана-ханъ, который былъ посланъ эмиромъ съ отрядомъ въ 5000 человѣкъ, чтобы отомстить за смерть Галамъ-Хайдеръ-хана, былъ разбитъ на голову племенемъ гильзаевъ подъ Нани, близъ Гусни. Дирскій ханъ возмутился, атаковалъ 4 (16) апрѣля Банжурскаго хана,

овладѣлъ двумя деревнями и отбилъ нѣсколько казно-зарядныхъ ружей".

Что касается другой злобы дня, болгарскаго вопроса, то здѣсь извѣстія обильны, но за то и противорѣчивы. По однимъ, полученнымъ изъ Вѣны, враждебное регентству движеніе охватило всю Сѣверную Болгарію и за послѣднее время будто бы до того усилились, что опасались революціоннаго взрыва даже на Пасхѣ. На то же какъ бы намекаетъ и газета „Nord" въ своей петербургской корреспонденціи, предвидящая возможность такихъ событій въ Болгаріи, которыя видоизмѣнятъ настоящее положеніе и дадутъ поводъ дипломатіи вмѣшаться въ дѣло. Между тѣмъ, послѣднія телеграммы не сообщаютъ ничего подобнаго. По извѣстіямъ „Сѣвернаго телеграфнаго агентства" изъ Софіи отъ 8 апрѣля, тамъ въ этотъ день возобновились занятія въ министерствахъ и за все время праздниковъ вѣстей о какихъ либо происшествіяхъ во внутреннихъ мѣстностяхъ не получалось; члены регентства все еще находятся въ Филиппополѣ и относительно ихъ поѣздки по восточной Румеліи ничего не рѣшено. Вѣнскія газеты почти единогласно заявляютъ, что, вслѣдствіе донесеній Стоилова, регенты окончательно извѣрились въ возможность поддержки державъ въ вопросѣ объ избраніи новаго князя. „Пештскій Ллойдъ" сообщаетъ даже, что вмѣстѣ съ этимъ вопросомъ сходитъ съ очереди и вопросъ о безотлагательномъ созывѣ великаго собранія; предполагается-де сдѣлать это лишь въ іюнѣ и даже въ іюлѣ, притомъ съ тѣмъ чтобы добиться отъ него продленія полномочій регентства на два или на три года. Послѣднее извѣстіе весьма похоже на правду, такъ какъ для шайки терроризующей Болгарію вся суть и заключается въ продленіи ея неизвѣстно отъ кого полученныхъ полномочій.

„Авантюристы—говоритъ газета „Nord",—нещадно терзающіе Болгарію, чувствуютъ теперь, что почва колеблется подъ ними и часъ ихъ крушенія приближается. Они чувствуютъ, что простятся не только съ властью, но, быть можетъ, и съ Болгаріей, и для того, чтобы не уйти заклейменными и съ пустыми вдобавокъ руками, хотятъ во что бы то ни стало наполнить болгарскія кассы, изъ которыхъ они такъ усердно черпали деньгу загребистыми пригоршнями. Управляемые ими злосчастные болгары были въ конецъ обобраны. Выжавъ изъ нихъ послѣдній сокъ подъ палками и шпицрутенами, они хотятъ теперь раздобыться деньгою за границею, и, какъ видно, весь этотъ гешефтъ въ сущности и составлялъ цѣль поѣздки Стоилова въ Вѣну. Этотъ болѣе чѣмъ чрезвычайный посланецъ, какъ слышно, обращался въ одно установленіе австро-венгерской столицы для заключенія при его посредствѣ съ банкирскими домами Лондона и Парижа легкаго займа въ 25 или 30 милліоновъ фр. Полный неуспѣхъ этой попытки не оставляетъ регентамъ Болгаріи ни малѣйшаго сомнѣнія на счетъ полнѣйшей для нихъ невозможности реализировать отъ своего имени какую либо сумму".

Тѣмъ поразительнѣе извѣстіе, переданное телеграфомъ 9 (21) апрѣля о неожиданной чести, оказанной этимъ проходимцамъ. Изъ Софіи сообщаютъ, что англійскій генеральный консулъ въ Филиппополѣ произнесъ на обѣдѣ тостъ въ честь болгарскихъ регентовъ, а также за независимость объединеннаго болгарскаго народа. Регентовъ англійскій консулъ превозносилъ за то, что они, въ угоду Европѣ, оказывали сопротивленіе „русскому колоссу". Всѣ вѣнскія газеты пространно комментируютъ рѣчь англійскаго генеральнаго консула и истолковываютъ ее въ томъ смыслѣ, что Англія поощряетъ регентство къ дальнѣйшему сопротивленію Россіи; но такою политикой Англія оказываетъ плохую услугу дѣлу европейскаго мира.

Даже Турція, несчастная загнанная Турція, понимаетъ что нельзя prendre au sérieux ces messieurs-là. По извѣстіямъ изъ Константинополя, отъ того же числа, совѣтъ министровъ постановилъ обратиться къ болгарскому регентству съ требованіемъ выйти въ отставку, чтобы можно было составить временное правительство, съ которымъ Петербургскій кабинетъ яко бы вступитъ въ непосредственныя сношенія, если при этомъ ему не придется отступиться отъ прежней своей политики.

Разныя извѣстія.

Высочайшіе рескрипты и грамоты.

— Пожалованы Высочайшими рескриптами: бриліантовые знаки ордена св. Благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго: преосвященнымъ Леонтію архіепископу Холмскому и Варшавскому и Саввѣ архіепископу Тверскому; Высочайшими грамотами: ордена св. Александра Невскаго: преосвященному Ѳеогносту, архіепископу Владимірскому и Суздальскому; св. Владиміра второй степени: преосвященнымъ Евгенію епископу Астраханскому и Енотаевскому и Варсонофію епископу Симбирскому и Сызранскому; св. Анны первой степени: преосвященнымъ Неофиту епископу Туркестанскому и Ташкентскому, викаріямъ — Полтавской епархіи Иларіону епископу Прилуцкому, Новгородской—Анастасію епископу Старорусскому, С.-Петербургской—Сергію епископу Выборгскому, Казанской—Кириллу епископу Чебоксарскому, Херсонской — Мемнону епископу Елисаветградскому, Грузинской—Виссаріону епископу Алавердскому.

Правительственныя извѣстія.

— Министръ иностранныхъ дѣлъ сообщилъ министру юстиціи, что Государь Императоръ удостоилъ 9 декабря 1886 г. Высочайшей ратификаціи заключенную 12 (24) ноября между Россіей и Англіей конвенцію о взаимной выдачѣ преступниковъ. Ратификація обмѣнена 21 января (2 февраля) 1887 г. въ Лондонѣ на таковую же англійскую.

ИМЕННОЙ ВЫСОЧАЙШІЙ УКАЗЪ

Господину Управляющему Министерствомъ Финансовъ.

Для подкрѣпленія средствъ Государственнаго Казначейства, повелѣваемъ вамъ, согласно представленію вашему, въ особомъ комитетѣ разсмотрѣнному, произвести внутренній 4% заемъ на нарицательный капиталъ въ сто милліоновъ рублей, на слѣдующихъ основаніяхъ:

1. Заемъ сей вносится въ государственную долговую книгу подъ названіемъ „4% внутренній заемъ".

2. Облигаціи сего займа выпускаются достоинствомъ въ 100, 500, 1.000, 5.000 и 10.000 рублей кредитныхъ.

3. Облигаціи могутъ быть какъ именныя, такъ и на предъявителя. Владѣльцамъ облигацій предоставляется право обращать облигаціи на предъявителя въ именныя, и наоборотъ.

4. Облигаціямъ симъ присвоивается, съ 1-го апрѣля 1887 года, ежегодный доходъ, въ размѣрѣ 4%, уплачиваемый по-полугодно, 1-го октября и 1-го апрѣля, тѣмъ-же порядкомъ, какой установленъ для уплаты процентовъ по государственнымъ 5% банковымъ билетамъ.

5. Погашеніе облигацій сего займа по нарицательной цѣнѣ производится, начиная съ 1-го апрѣля 1888 года, въ теченіе 80 лѣтъ, посредствомъ ежегодного тиража въ С.-Петербургѣ, для чего образуется особый погасительный фондъ;—и

6. Облигаціи сего займа выпускаются порядкомъ, вами установленнымъ, и на условіяхъ, вами утвержденныхъ.

— Государь Императоръ всемилостивѣйше соизволилъ на переименованіе Ясскаго уѣзда, Бессарабской губерніи, въ Бѣлецкій, съ соотвѣтственнымъ измѣненіемъ названій существующихъ въономъ учрежденій и властей.

Театръ и музыка.

— Баритонъ г. Любимовъ организовалъ русскую оперную группу съ собственнымъ хоромъ и оркестромъ, которая лѣтомъ будетъ гастролировать въ главныхъ городахъ по Волгѣ.

— А. Ф. Картавовъ снялъ на будущую зиму виленскій театръ. Труппа имъ почти уже составлена, при чемъ для оперы приглашены ученицы и ученики Д. М. Леоновой.

— Изъ новыхъ пьесъ, приготовленныхъ для постановки на частныхъ московскихъ сценахъ, наибольшія ожиданія возбуждаетъ новая феерія „Двадцатый вѣкъ", которая пойдетъ, предстоящимъ лѣтнимъ сезономъ, въ „Эрмитажѣ", въ театрѣ „Антей".

— Въ Чикаго состоялся спектакль на литовскомъ языкѣ, устроенный литовцами, уроженцами Виленской, Гродненской и Минской губ., пребывающими въ означенномъ городѣ. Играли оригинальную литовскую драму „Паткуль".

— Французскій музыкальный журналъ „Le Menestrel" дастъ въ послѣднемъ нумерѣ, въ видѣ приложенія для своихъ подписчиковъ, романсъ „Elle chantait" А. Г. Рубинштейна. Слова этого романса переведены Пьеромъ Барбье съ русскаго подлинника графини Ростопчиной.

— Филармоническая академія въ Болоньѣ готовится къ исполненію оперы флорентійскаго композитора Марко-де-Гальяно „Флора", написанной въ 1628 году.

Некрологъ.

— 8 апрѣля скончался комендантъ С.-Петербургской крѣпости, генералъ-отъ-инфантеріи, генералъ-адъютантъ Иванъ Степановичъ Ганецкій. Въ одномъ изъ ближайшихъ нумеровъ „Нивы" даны будутъ его портретъ и біографія.

— Въ Вильнѣ, 2-го апрѣля, скончался прелатъ Петръ Жилинскій (докторъ богословія), бывшій епископъ или управляющій виленскою епархіею, надѣлавшій въ свое время много шума своею поѣздкою для покаянія къ папѣ.

— 6 апрѣля баварскій министръ юстиціи Фейстле скончался отъ удара.

Наука и литература.

— Въ Парижѣ 4 (16) апрѣля открытъ астрономическій конгрессъ, президентомъ коего выбранъ русскій астрономъ Струве.

— 40-лѣтній юбилей профессорской и научной дѣятельности знаменитаго анатома В. Л. Грубера, по причинѣ болѣзненнаго состоянія юбиляра, отложенъ до Ѳоминой недѣли. 4 апрѣля его привѣтствовали лишь ближайшіе друзья и товарищи, при чемъ начальникъ Медицинской Академіи, генералъ Быковъ, поздравилъ юбиляра съ высокою Монаршею милостью: Груберу пожалованъ орденъ Бѣлаго орла и званіе почетнаго директора анатомическаго института и музея (на 3 года). Въ тотъ же день изъ провинціи получено было нѣсколько подарковъ, адресовъ и болѣе 200 телеграммъ.

— Докторъ В. В. Юнкеръ, во время нынѣшняго пребыванія своего въ Петербургѣ, сдѣлалъ въ чрезвычайномъ собраніи Русскаго Географическаго общества, 9 апрѣля, и въ залѣ Городского Кредитнаго общества, 10 апрѣля, два сообщенія о многолѣтнемъ путешествіи, предпринятомъ имъ съ цѣлью ближайшаго изслѣдованія центральной Африки.

Смѣсь.

Новѣйшее изобрѣтеніе въ области электро-техники — это электрическая дирижерская палочка, которая съ нѣкотораго времени употребляется въ оперѣ, въ Парижѣ, и дѣйствуетъ превосходно. Дирижерская палочка изобрѣтена Карпантье; она даетъ возможность дирижеру, не сходя съ мѣста, управлять частью оркестра за кулисами. Палочка состоитъ изъ двухъ аппаратовъ, одного передающаго, приводимаго въ дѣйствіе ногою дирижирующаго, и другого аппарата принимающаго, который можетъ быть переносимъ и устанавливаемъ на любомъ мѣстѣ за кулисами. Аппаратъ принимающій содержитъ дирижерскую палочку, дѣлающую движенія направо, налѣво, вверхъ, внизъ,—какія нужно дирижеру. Оба аппарата соединены тонкими проволоками; электрическая батарея доставляетъ движущую силу. Какъ сказано, аппаратъ дѣйствуетъ очень хорошо въ Парижской оперѣ, и нѣтъ сомнѣнія, что будетъ примѣненъ и въ другихъ театрахъ. (Р.)

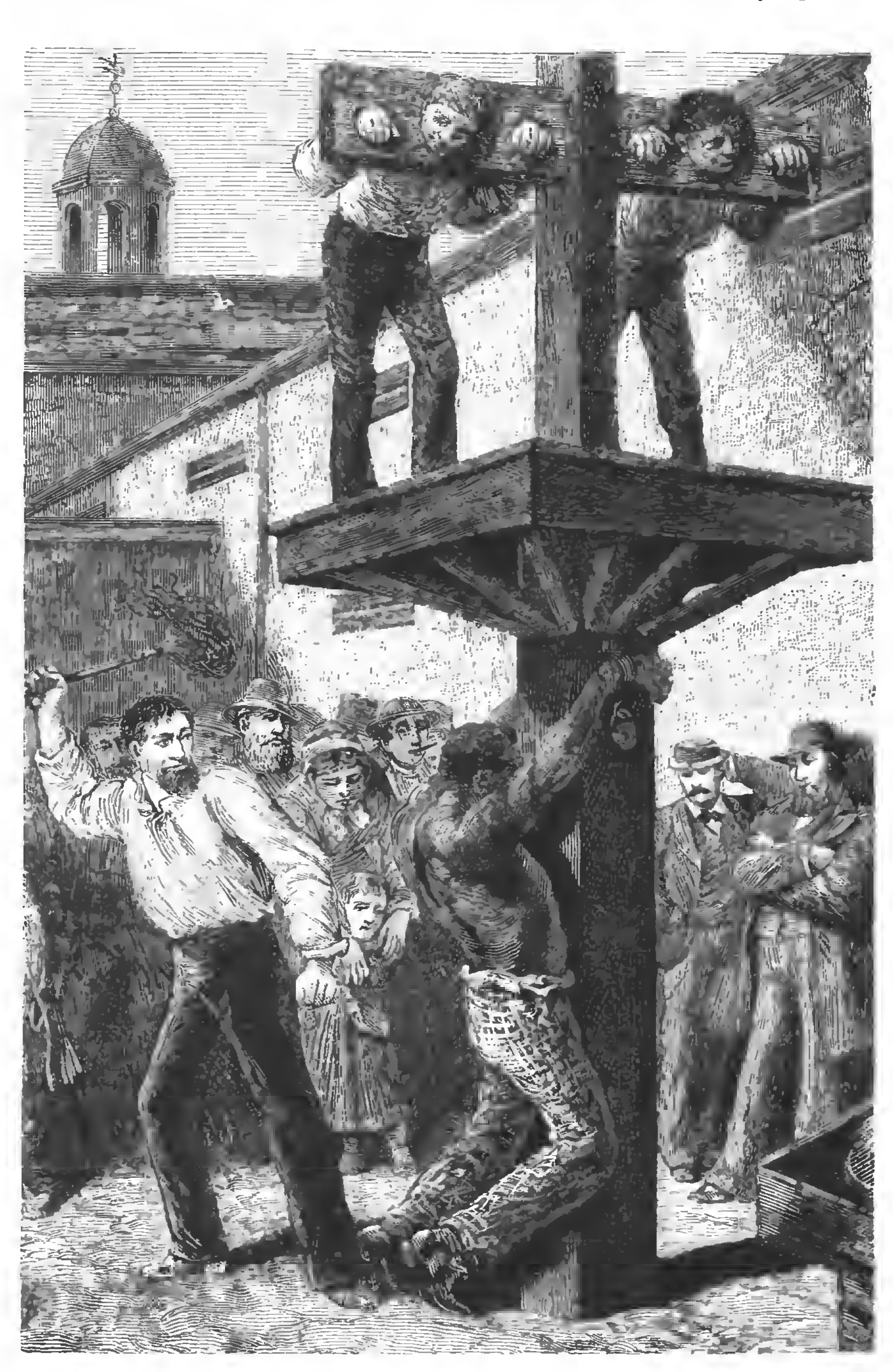
На голландскомъ берегу. Съ карт. Гробе, грав. Гейеръ и Кирмзе.

Карандашное производство Нюрнберга. Употребленіе графита на карандаши въ деревянной оправѣ упоминается впервые въ 1565 году; съ 1660 г., т. е. со времени открытія кумберландскаго графитнаго рудника въ Сѣверной Англіи, о карандашахъ упоминается чаще. Шахта эта разработывалась только въ теченіе шести недѣль въ году, съ тою цѣлью чтобы ее не истощить. Карандашное производство было введено въ Германіи, съ 1700 г. Въ настоящее время тутъ выдѣлывается бо́льшая часть карандашей, идущихъ въ другія страны. На 26 фабрикахъ 5500 рабочихъ дѣлаютъ ежегодно 250 милліоновъ карандашей, стоимостью отъ 8 до 9 милліоновъ марокъ (4 и 4½ милл. руб.). Навыкшій рабочій дѣлаетъ среднимъ числомъ 160 карандашей въ день. (Р.)

Измѣняющіеся цвѣты. Докторъ Самеледеръ открылъ въ Кордобѣ, въ Мексикѣ, цвѣтокъ, называемый научнымъ именемъ Hibiscus mutabilis. Онъ происходитъ изъ Остъ-Индіи и отличается тѣмъ что мѣняетъ свои цвѣта: утромъ цвѣтокъ бываетъ бѣлымъ, послѣ полудня краснымъ и вечеромъ синимъ; чудесный запахъ его ощущается только въ полдень. Замѣчательный цвѣтокъ этотъ водится по всему перешейку Тегуантепекъ и особенно по побережью. (Р.)

Китайцы въ Германіи. Соединенные Штаты Сѣверной Америки называютъ счастливою страною, могущею вполнѣ предаться великой миссіи мира, въ виду того, что ей не угрожаютъ завистливые, воинственные сосѣди. Между тѣмъ, великой заокеанской республикѣ грозитъ страшный врагъ, который, подъ видомъ дружбы, втерся въ государство въ качествѣ рабочихъ и сплошь занялъ страну, оказавшую ему гостепріимство. Тотъ же врагъ старается теперь повторить свою хитрую уловку въ Германіи. Двѣнадцать лѣтъ тому назадъ появленіе китайцевъ въ Берлинѣ возбудило общее любопытство. За ними бѣгали по улицамъ, ходили въ обществѣ и всюду, гдѣ они только показывались. Нынѣ же китайцы сдѣлались обычнымъ явленіемъ въ Берлинѣ. Болѣе того, они намѣрены устроить тамъ обширное прачешное и гладильное заведеніе. На первый взглядъ это можетъ показаться даже хорошо, точно также какъ казалось удобнымъ введеніе 40 лѣтъ тому назадъ первыхъ китайскихъ работниковъ въ Америкѣ. Что́ однако сталось съ тѣхъ поръ съ Америкою? Калифорнія, прекрасная, благословенная страна, съ громадными минеральными богатствами, Калифорнія, рай землевладѣльца, совершенно обнищала, и тамъ, рядомъ съ крупными промышленниками, хорошо живется только китайцу, бѣлые же работники нищаютъ. И эта перемѣна совершилась въ очень короткое время. Въ 1848 году крупные промышленники выписали первыхъ китайскихъ рабочихъ. Нынѣ же сотни тысячъ сыновъ Небесной Имперіи наводнили Соединенные Штаты, отнимаютъ у рабочихъ хлѣбъ и у страны деньги (такъ какъ со своими сбереженіями они уходятъ на родину). Является вопросъ: какимъ образомъ китайцы заняли такое положеніе? Непомѣрною выносливостью и такою же безпритязательностью. Китаецъ неутомимо работаетъ съ утра до ночи; нѣсколько ложекъ риса составляютъ все его пропитаніе, а трубка съ опіумомъ все его удовольствіе. Послѣ трудового дня онъ ложится, опьяненный опіумомъ. Ночь онъ проводитъ въ такомъ помѣщеніи, съ которымъ трудно помириться даже животному. Китайцы С.-Франциско и другихъ американскихъ городовъ живутъ сотнями въ крошечныхъ, узкихъ помѣщеніяхъ. При такомъ образѣ жизни и при совершенномъ отсутствіи потребностей, они сберегаютъ много. Китайскій работникъ—это машина въ образѣ человѣка. И машина эта вытѣснила изъ большей части Америки бѣлыхъ рабочихъ, оставила тысячи семей безъ хлѣба, повергла ихъ въ нищету. Кромѣ того, китайцы приносятъ съ собою проказу. Какъ бы ни были закалены китайскіе рабочіе, грязь, въ которой они живутъ, все же оказываетъ на нихъ вліяніе. Такимъ образомъ проказа является нераздѣльнымъ спутникомъ китайцевъ. Они занесли проказу на Сандвичевы острова, и добродушные островитяне были уничтожены заразою въ теченіе пятнадцати лѣтъ. Китайцы принесли также проказу въ Америку и причинили много горя многимъ семьямъ. Нѣтъ сомнѣнія, что китайцы, поселившись въ Германіи, занесутъ проказу также и туда. Опасенія эти не покажутся неосновательными, если принять во вниманіе, что въ Небесной Имперіи болѣе 450 милліоновъ такихъ одаренныхъ разумомъ машинъ, ждущихъ удобнаго случая, чтобы устремиться въ цивилизованный міръ. Голодъ, жажда наживы и другія причины выгоняютъ ихъ изъ отечества. Ни одинъ народъ не одаренъ такимъ духомъ сплоченія, какъ китайцы. Въ Америкѣ и Австраліи всѣми силами стараются освободиться отъ нихъ; если же въ Германіи они найдутъ благопріятную почву и радушный пріемъ, то размѣръ опасности трудно даже предвидѣть.

Въ чемъ состоитъ однако опасность? Для этого стоитъ только побывать въ китайскихъ лавкахъ въ Берлинѣ; все тамъ до поразительности дешево. Нѣмецкому промышленнику, какъ и рабочему, невозможно соперничать съ китайцемъ. Американскій рынокъ наводненъ дешевыми китайскими издѣліями, какъ напр.: башмаки, шляпы, полотна и пр.; калифорнская промышленность также убита ими. Въ этой дешевизнѣ произведеній, трудолюбіи китайцевъ и ихъ безпритязательности и кроется опасность для нѣмецкихъ рабочихъ. (Р.)

Тюрьмы и наказанія въ Сѣв.-Америк. Штатахъ. Позорный столбъ и плети.

Сотая годовщина рожденія Фраунгофера. Іосифъ Фраунгоферъ, сотая годовщина котораго праздновалась 6-го февраля этого года, былъ бѣднымъ ученикомъ у шлифовщика стекла, и въ немъ никто не могъ подозрѣвать будущаго значенія въ области открытій, пока случай не пробудилъ его дремавшія силы. На одиннадцатомъ году Іосифъ Фраунгоферъ поступилъ ученикомъ къ зеркальному фабриканту и шлифовщику въ Баварскомъ городкѣ Штраубингѣ (мѣстѣ своего рожденія) и, благодаря несчастному случаю, его постигшему, возбудилъ къ себѣ участіе гофкамеррата Утцшнейдера, который, между прочимъ, снабдилъ его учебниками по математикѣ и оптикѣ. Обстоятельство это имѣло рѣшающее значеніе на способности мальчика, которому міръ обязанъ изобрѣтеніемъ важнѣйшихъ оптическихъ инструментовъ. Фраунгоферъ не отрывался отъ своихъ книгъ, новый міръ открылся ему, и 18 дукатовъ, полученныхъ въ подарокъ отъ короля Максимиліана, онъ употребилъ на пріобрѣтеніе собственной машины для разрѣзыванія стекла и на сокращеніе времени своего ученія. Онъ началъ гравировать по металлу, но продолжать дѣло ему помѣшала война, и онъ снова поступилъ къ шлифовщику стекла, пока въ 1806 году не былъ помѣщенъ Утцшнейдеромъ, въ качествѣ оптика, въ механическое заведеніе Рейхенбаха. Онъ вычислялъ и шлифовалъ стекла для измѣрительныхъ инструментовъ этого учрежденія и послѣ перенесенія оптической мастерской въ Бенедиктбейренъ, вступилъ въ 1809-мъ году въ компанію съ Утцшнейдеромъ и Рейхенбахомъ и основалъ собственное заведеніе. Онъ изобрѣлъ полировальную машину, сферометръ и необыкновенно чувствительный циркуль и др.

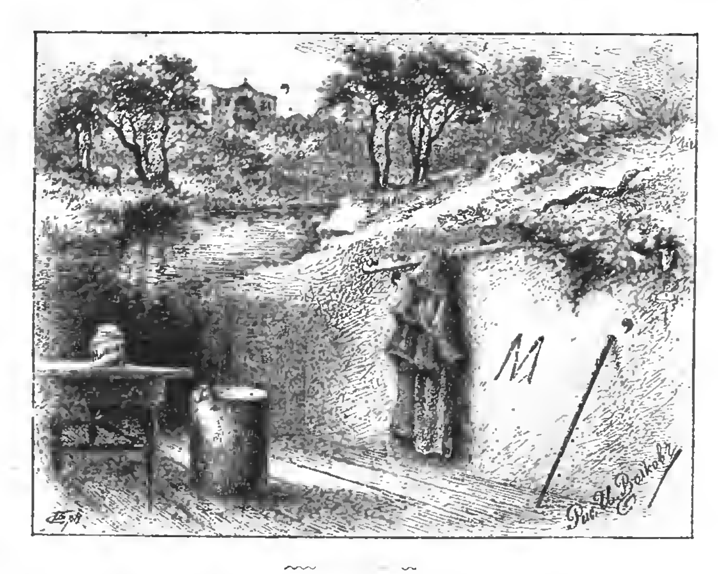
Большіе результаты достигнуты Фраунгоферомъ въ практической оптикѣ. Въ видахъ точности при выдѣлываніи ахроматическихъ объективовъ, онъ опредѣлилъ темныя линіи въ солнечномъ спектрѣ (Фраунгоферовы линіи). Изъ его многочисленныхъ изобрѣтеній упомянемъ: діоптрическій телескопъ необыкновенной конструкціи, прекрасный микроскопъ, выдвигающійся микрометрически при помощи винта, геліометръ и пр. Послѣ перенесенія въ 1819 году заведенія въ Мюнхенъ, Фраунгоферъ сталъ членомъ академіи и былъ назначенъ профессоромъ и хранителемъ физическаго кабинета въ академіи. Лучшая его работа это діоптрическій колоссъ. По окончаніи этого инструмента и приступивъ къ работѣ другого, еще большаго, онъ умеръ 7-го іюня 1826 года. Въ Мюнхенѣ ему сооруженъ памятникъ и его именемъ названа одна улица.

Сотая годовщина дня рожденія Фраунгофера была торжественно отпразднована въ Мюнхенѣ въ академіи и въ Берлинѣ въ большой залѣ ратуши. (р.)

О черномъ дроздѣ. Флора Бонатсъ сообщаетъ въ журналѣ „Другъ животныхъ" слѣдующее: „У меня былъ ручной дроздъ, котораго лѣтомъ я ежедневно ставила въ клѣткѣ на открытое окно. Однажды прилетѣлъ дикій дроздъ, оглядѣлъ своего товарища, улетѣлъ и вскорѣ вернулся, держа въ клювѣ червяка. Бѣдный плѣнникъ съ благодарностью принялъ его и съ удовольствіемъ проглотилъ. Вниманіе это продолжалось до тѣхъ поръ, пока дроздъ въ клѣткѣ не былъ увезенъ въ городъ. Восемь мѣсяцевъ дрозды не видались. Но вотъ городской дроздъ появился на лѣтней дачѣ, а чрезъ два дня прилетѣлъ его старый знакомый и кормленіе снова началось." (р.)

Въ Миланѣ, въ сентябрѣ, состоится международный конгрессъ общества сжиганія труповъ. Въ число занятій конгресса войдетъ, между прочимъ, образованіе международнаго союза обществъ для сжиганія труповъ, проектъ международнаго закона о перевозкѣ труповъ изъ одной страны въ другую, а также обсужденіе способа сжиганія и сбереженія пепла по отношенію общественной гигіены. Съ конгрессомъ будетъ связана также выставка. (г.)

Ребусъ. Задача № 28.

Рѣшеніе шашечной задачи № 18 (помѣщенной въ № 9).

Бѣлыя.	Черныя.
1) d8 — e7	b6 — d8
2) g7 — f8	c3 — g7
3) a5 — g5	d8 — f6
4) a1 — c3	a3 — b2
5) c1 — a3	f6 — e5
6) g5 — f6	e5 — d4
7) c3 — e5	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Москва**—С. К. Дмитріева, И. Воронкова, В. Г. Макарова, **Александровскъ**—И. Селезнева, **Бендеры**—М. В. Семендяева, **Калуга**—И. Балябина, **Кинешма**—И. Брызгалова, **Кіевъ**—В. Якубовскаго. Л. Шилохвастова, **Константиноградъ**—Я. Слуцкаго, **Кронштадтъ**—К. Пшіемскаго, **Молога**—М. Неустроева, **Самара**—П. М. Старостина, **Троицкое**—И. Е. Гудасева.

Рѣшен. шахматн. зад. № 19 (помѣщенной въ № 9).

Бѣлые.	Черные.
1) B7—B6	1) C7—B6
2) E7—C5	2) B6—C5
3) C6—D6++	

А.

1)	1) D5—D4
2) C6—C3	2) D4—C3
3) E7—F6 или C3—D3++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Н. Когена, А. Бѣлянова, Н. Лалона, К. Бубнова. **Москва**—А. Смирнова, М. Лунцъ. **Баускъ**—Штейнбергъ, **Бѣлостокъ**—С. Бомхилъ. М. Кузнецкаго, **Варшава**—4-го желѣзно-дор. батал., **Гольдингенъ**—Блюмъ, **Городище**—З. Аузрбахъ, **Елецъ**—Н. Хрипунова, **Казань**—С. Пекрашъ, **Калуга**—С. Соколова, **К. Подольскъ**—Н. Барщевскаго, **Кіевъ**—Ф. Карповскаго, М. Дубовикъ, **Медвѣдево**—Лейцингеръ, **Пенза**—Бихеле. **Петровѣровна**—Ю. Турской, **Сѣрадзь**—Номикосова.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 17 (помѣщ. въ № 8).

1) a	$\sqrt{a+c}=5$	a = 16 = О
2) b	$b+e+f=m^2$	b = 5 = Д
3) c	$d-n=\left(g+x+\frac{m}{2}\right)-z$	c = 9 = И
4) d	$(h+i)-j=l+b$	d = 15 = Н
5) e	$z=k-n$	e = 28 = Ъ
6) f	$g:z=e:g$	f = 3 = В
7) g	$n-m=m-x$	g = 28 = Ъ
8) h	$k=\sqrt[5]{28{,}629.151}=31$	h = 17 = П
9) i	$h-y=\sqrt[11]{2048}=2$	i = 16 = О
10) j	$a+b=l+\frac{2(k-l)}{3}$	j = 13 = Л
11) k	$f+x=c+n$	k = 31 = Ѣ
12) l	$e=z+\sqrt[3]{(y+1)}-i$	l = 15 = Н
13) m	$a+b=l+m$	m = 6 = Е
14) n	$\sqrt[4]{o}=h-d$	n = 3 = В
15) o	$m^4=\sqrt{x=2+\sqrt{3-4\sqrt{x+\sqrt{49+x^2}}}}$	o = 16 = О
16) x	$y-m=\frac{\sqrt{x}-2}{\sqrt{x+3}}=\frac{\sqrt{x+1}}{\sqrt{x+21}}$	x = 9 = И
17) y	$\sqrt[\frac{m}{2}]{c}$	y = 15 = Н
18) z	$z-(n+o+x)=o$	z = 28 = Ъ

„Одинъ въ полѣ не воинъ".

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Ф. Боронина, А. Дейхманъ, С. Неелова, До, Н. Александрова; **Москва**—Д. Жданова, Н. Михайлова, Анучкина, П. Вольфсонъ; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Брянскъ**—А. Архангельскаго; **Бѣлое**—С. Малинникова; **Весьегонскъ**—П. Сиверцова; **Динабургъ**—Н. Латышева, **Дерптъ**—Н. Лойка; **Екатеринославъ**—А. Злотопольскаго; **Калуга**—С. Розенбергъ, М. Цейтлинъ; **Кинешма**—П. Брызгалова; **Кишиневъ**—Яржембскаго; **Кіевъ**—Л. Шилохвастова; **Ковно**—М. Беркманъ; **Кронштадтъ**—К. Пшіемскаго; **Лебедянь**—И. Чурилина; **Митава**—В. Семенова; **Новомиргородъ**—В. Околовича; **Одесса**—Ормфельдъ, М. Джурковичъ; **Полтава**—Б. Левина; **Ревель**—С. Магденко; **Старое село**—Э. Калецкой; **Сѣдлецъ**—Турецкаго; **Таганрогъ**—Добровольскаго; **Тверь**—М. Плетнева, М. Владимірова; **Тифлисъ**—Шадинова, М. Казанова; **Тобольскъ**—А. Морковитина; **Тула**—Михалыча, П. Оболенскаго; **Харьковъ**—Ю. Скворцова.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли неполную подписную сумму, поторопиться высылкой слѣдуемыхъ съ нихъ денегъ по разсрочкѣ. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Редакторъ **Ѳ. Бергъ.** Издатель **А. Марксъ.**

СПЕЦІАЛЬНОСТЬ

мужскаго и дамскаго БѢЛЬЯ, готоваго и на заказъ

МАГАЗИНЪ
Джонъ Лоренцъ

Гороховая, у Краснаго моста, № 17—56.
Постоянный выборъ фуфаекъ, кальсонъ, чулокъ, носокъ, перчатокъ, подтяжекъ, платковъ, галстуховъ новѣйшихъ фасоновъ и пр. и пр. Mt. № 2541

ЦѢНЫ ДЕШЕВЫЯ БЕЗЪ ЗАПРОСА.
Прейсъ-курантъ доставляется безплатно.

ТРЕБУЮТСЯ АГЕНТЫ

Въ окрестностяхъ Петербурга, до 600 верстъ въ окружности, требуются немедленно во всѣхъ городахъ и значительныхъ мѣстностяхъ, на постоянное жалованье и значительную коммисію, прилежные **АГЕНТЫ**, знакомые съ **торговыми домами, виноторговлями, гостинницами, ресторанами** и пр. для продажи предмета ежедневнаго потребленія, имѣющаго весьма хорошій сбытъ. Предл. съ объясненіемъ настоящихъ занятій и указаніемъ на рекомендаціи просятъ адресовать подъ лит. К. Е. 24, въ почтамтъ до востребованія. Р. № 2556

КЪ НАСТУПАЮЩЕМУ СЕЗОНУ

рекомендуемъ большой выборъ

ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ И ДѢТСКОЙ ОБУВИ

всевозможныхъ сортовъ и размѣровъ какъ и

САМЫХЪ НОВЫХЪ ФАСОНОВЪ.

Продажа по выставленному фабричному прейсъ-куранту въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Невскій пр. № 54, пр. Алекс. театра.
Невскій пр., № 5, бл. Адмиралт. пл.
Невскій пр., № 110, бл. Знаменск. пл.

ВЪ МОСКВѢ:
Петровка, противъ Кузнецкаго моста.

Прейсъ-куранты вмѣстѣ съ подробнымъ руководствомъ къ снятію мѣрки высылаются магазинами по востребованію—безплатно. № 2543

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ
ТОВАРИЩ. С.-ПЕТЕРБУРГСК. МЕХАНИЧЕСК. ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

Новое изданіе А. Ф. МАРКСА, Невскій просп., № 6:

ШЕСТЬ КОМЕДІЙ

П. П. ГНѢДИЧА.

для театра, для любительскихъ и домашнихъ спектаклей.

1) **Горящія письма.** Ком. въ 1 дѣйст.
2) **На хуторѣ.** Ком. въ 3 дѣйств.
3) **Женя.** Ком. въ 1 дѣйств.
4) **На южномъ берегу Крыма.** Комед. въ 2 дѣйств.
5) **Въ цвѣтахъ.** Ком. въ 3 дѣйств.
6) **Старая сказка.** Ком. въ 4 дѣйст.

Большой томъ, въ 8-ю долю листа, заключающій въ себѣ 390 стр., напечатанный на хорошей веленевой бумагѣ и украшенной виньетками. Цѣна этому изящному изданію 2 р., съ пересылкою 2 р. 30 к.

НОВАЯ БАВАРІЯ

пивоваренный заводъ. С.-Пбургъ, Кушелево-Безбородко.

ТЕЛЕФОНЪ № 944, Р. № 2537

симъ имѣетъ честь довести до свѣдѣнія своихъ почтенныхъ частныхъ покупателей, что съ 10-го апрѣля **ящикъ баварскаго пива** стоитъ вмѣсто 2 руб. 25 коп. только **2 р. 10 к.; ящикъ пильзенскаго пива** вмѣсто 2 р. 70 к. только **2 р. 50 к.**

Съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

„ФИЛАКТЕРІЙ, ТУТОРЪ И АКОЛИТЪ"

СРЕДСТВА ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ВОЛОСЪ

провизора **Н. СИНИЦЫНА.**

Продается во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Цѣна за коробку, содержащую три предмета, составляющіе при употребленіи одно цѣлое, 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к. При требованіи трехъ коробокъ пересылка на счетъ склада. Р. № 2419 10—5

Главные склады: С.-Петербургская Химическая лабораторія Ф. Линде. Невскій пр., д. № 23; въ магазинѣ на Вас. Остр., по 6 лин., д. № 25 и въ конторѣ **Ив. Фегедингъ,** Чернышевъ пер., уг. Больш. Садовой ул. № 20; у **А. М. Рузанова,** Гост. Дворъ, 40; у **М. Ушанова,** Гост. Дворъ, 33; **СПБ. техно-химич. лабораторіи,** Гост. Дворъ; **В. П. Сердюкова,** Пассажъ; **Русск. Общ. Торг. аптек. товарами, Центр. Аптек. Депо,** Невскій, 27; магазинъ **А ла Реноме,** Невскій, № 3; **В. Березовскаго,** Алекс. линія, № 6. Описаніе способа употребленія и назначенія означенныхъ средствъ, отдѣльными брошюрами приложено при средствахъ. Брошюра, по желанію публики, выдается въ главныхъ складахъ безплатно.

Теплыя грязевыя ванны. **АРЕНСБУРГЪ** Холодное морское купанье.

ОСТРОВЪ ЭЗЕЛЬ.

Сезонъ съ 20-го мая по 15-е августа.

1) **Заведеніе „Ромасааръ"**, директоръ Д-ръ Мержеевскій.
2) **Новое Аренсбургское грязелечебное заведеніе.**
Директора: Д-ръ К. Видеманъ и Д-ръ Карстенсъ.
3) **Заведеніе Г-жи Вейзе,** директоръ Д-ръ Хартенъ.

Больныхъ принимаютъ доктора: Мержеевскій, Видеманъ, Карстенсъ, Хартенъ, Гренингъ и Омсъ.

Леченіе массажемъ (г. Витта и др.), электричествомъ и минеральными водами.

Кромѣ утвержденнаго Правительствомъ квартирнаго сбора (5% суммы уплаченной за квартиру), гг. больные никакимъ поборамъ въ продолженіе сезона не подвергаются.

Прямое сообщеніе между С.-Петербургомъ, Балтійскимъ портомъ, Гапсалемъ, Моонзундомъ, Аренсбургомъ и Ригою—чрезъ Балтійскую желѣзную дорогу и ходкій винтовой пароходъ

„КОНСТАНТИНЪ"

который будетъ совершать правильные рейсы по прошлогоднему, и въ свое время выходящимъ объявленіямъ.

Замѣчаніе. По пріѣздѣ въ Аренсбургъ, за свѣдѣніями о квартирахъ просятъ обратиться къ члену купальнаго комитета, г. аптекарю Флисъ.

Р. № 2534 Купальный комитетъ

ЗУБНОЙ ЭЛЕКСИРЪ

произведенія

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. А. № 2150 16—13

2 золотыя медали:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ **ПЬЕРРЪ БУРСО**

Домъ основанный въ 1807 г. **Сегенъ,** въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ · **SEGUIN** RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Находится во всѣхъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ, аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россіи.

ЗУБОЧИСТНЫЯ СРЕДСТВА ПЕЛЛЕТЬЕ

ОДОНТИНЪ ПЕЛЛЕТЬЕ для чистки зубовъ.

ЭЛИКСИРЪ ПЕЛЛЕТЬЕ для полосканія рта.

DENTIFRICES PELLETIER
Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit

Каждая коробка запечатана прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами. Каждый флаконъ запечатанъ прилагаемою печатью, четырьмя цвѣтами.

ПРИГОТОВЛЯЕТСЯ У Л. ФЛЕРА,
19, Rue Jacob, Paris.

У всѣхъ аптекарей и продавцевъ благовонныхъ товаровъ.

DENTIFRICES PELLETIER
Ce cachet doit être exigé comme garantie d'origine du produit.

УДОСТОЕННЫЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ ВЫСШИМИ ОТЛИЧІЯМИ

ПРЕМИРОВАННЫЕ EXTRAITS QUADRUPLES:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ GOLD-LILIE
ЛОЗЕ BOUQUET MESSALINA

служатъ и для этого зимняго сезона лучшими духами для платковъ, платьевъ и проч. Такъ какъ эти и мои другіе **Extraits quadruples** подвергаются подражанію, то прошу покорнѣйше при покупкѣ обращать вниманіе на мою полную фирму St № 2382 12—7

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,
46 Егерстрассе, БЕРЛИНЪ.

Парфюмеръ Е. В. К. Германской, придворный поставщикъ Е. И. И. В. Наслѣдной Принцессы Германск. и Прусской.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

СЛАБИТЕЛЬНЫЙ ПОРОШОКЪ РОЖЭ

4—3 **POUDRE DE ROGÉ.** Pt. № 2500

Посредствомъ **ПОРОШКА РОЖЭ** *легко приготовлять самому слабительный напитокъ. Порошокъ сохраняется и перевозится легко.*

Настоящій **ПОРОШОКЪ РОЖЭ** *продается въ флаконахъ, обернутыхъ въ бумагу оранжеваго цвѣта и имѣетъ на себѣ подпись изобрѣтателя и рядомъ изображенную печать:*

Rogé

ROGÉ
Tout flacon ne portant pas ce cachet imprimé en quatre couleurs devra être considéré comme ne sortant pas de la fabrique de l'inventeur.
PARIS

Фабрикація и опт. прод. въ Парижѣ, 19, ул. Жакобъ (Paris, 19, rue Jacob).

Двуногій волкъ. Ром. изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. Каразина. Изд. 2-е, доп. 8-ю нов. оригин. рис. автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ треб. обращ. въ контору журнала „Нива".

Дозвол. ценз., СПБ. 15 апрѣля 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

XVIII г. | № 17 | г. XVIII | 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 25 апрѣля 1887 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Бюстъ В. А. Жуковскаго.

Давнишнее предположеніе здѣшняго городскаго управленія украсить разведенный на мѣстѣ бывшей Адмиралтейской площади Александровскій садъ въ СПБ. бюстами знаменитыхъ русскихъ государственныхъ дѣятелей близится къ осуществленію. Между прочимъ, по заказу особой коммисіи при городской управѣ, извѣстнымъ скульпторомъ В. П. Крейтаномъ вылѣплена по конкурсному проекту модель памятника Вас. Андр. Жуковскому. Памятникъ, поясной бюстъ, будетъ покоиться на высокомъ мраморномъ пьедесталѣ. Онъ представляетъ Жуковскаго съ открытою головой, въ застегнутомъ на двѣ пуговицы сюртукѣ. Лицо поэта, воспроизведенное по фотографіямъ. гравюрамъ и особенно по портрету работы Вихмана, отличается замѣчательнымъ сходствомъ и тонкостью работы.

Скоро великолѣпный Александровскій скверъ въ СПБ. близъ Адмиралтейства украсится этимъ художественнымъ произведеніемъ нашего талантливаго скульптора. Городская Дума, рѣшивъ постановку бюста, уплатила художнику за работу его 1000 р., и въ настоящее время бюстъ уже отливается изъ бронзы въ извѣстной мастерской бронзовыхъ издѣлій г. Шопена. Это прекрасное напоминаніе о наставникѣ императрицы Александры Өеодоровны и воспитателѣ наслѣдника цесаревича, нынѣ въ Бозѣ почивающаго императора Александра Николаевича, достойно почтитъ и память поэта. котораго произведенія имѣли такое высокое образовательное значеніе для цѣлаго ряда поколѣній, произведенія исполненныя чистыхъ, назидательныхъ, благородныхъ и изящныхъ образовъ. Вездѣ виденъ отпечатокъ любви къ природѣ, нравственному порядку, возвышенное спокойствіе духа, вѣрованіе въ лучшія свойства человѣческаго сердца. Оставаясь всю жизнь глубокимъ патріотомъ, поэтъ изо всѣхъ иноземныхъ литературъ бралъ высокое, изящное и передавалъ на родномъ языкѣ въ извѣстныхъ всей читающей Россіи превосходныхъ переложеніяхъ, въ чудныхъ гармоническихъ стихахъ. Задумчивый, прекрасный, благородный ликъ поэта, среди пышной зелени столичнаго парка, способенъ будетъ пробудить самыя лучшія чувствованія, и мысль украсить садъ такимъ скульптурнымъ произведеніемъ нельзя не назвать весьма удачною. Мраморный пьедесталъ съ бюстомъ Жуковскаго будетъ поставленъ въ Александровскомъ паркѣ, среди той круглой цвѣточной клумбы. что у входа въ паркъ съ Невскаго, на правой рукѣ.

Бюстъ В. А. Жуковскаго. Работа акад. Крейтана, для СПБ. Александровскаго сада. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

На лицевой или передней сторонѣ пьедестала будетъ надпись: „*Василій Андреевичъ Жуковскій 1783—1852.*“

Его стиховъ плѣнительная сладость
Пройдетъ вѣковъ завистливую даль,
И, внемля имъ, вздохнетъ о славѣ младость,
Утѣшится безмолвная печаль,
И рѣзвая задумается радость.

На лѣвой:

Поэзія есть Богъ въ святыхъ мечтахъ земли.

На правой:

Бывали дни восторженныхъ видѣній;
Моя душа поэзіей цвѣла;
Ко мнѣ леталъ съ вѣстями чудный геній;
Природа вся мнѣ пѣснею была.

На задней:

„Воздвигнутъ въ 1887 году городскимъ общественнымъ управленіемъ.“

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XI.

У князя Меншикова были, конечно, приверженцы и друзья, хотя большинство ихъ обманывало его и, подъ маской пріязни и лести, завидовало ему и клеветало на него.

Единственные люди въ Россіи, относившіеся къ могущественному князю Ижорскому искренно, были большею частью иностранцы. Одинъ изъ нихъ дѣйствительно любилъ Меншикова—это былъ дипломатъ, датскій посланникъ Вестфаленъ, человѣкъ изучившій нравы страны, въ которой онъ дѣятельно преслѣдовалъ цѣли своего правительства.

Данія была въ особенныхъ отношеніяхъ къ Россіи, такъ какъ старшая цесаревна была замужемъ за Голштинскимъ принцемъ. Вестфаленъ, человѣкъ умный, надумалъ то простое средство для князя Меншикова, которое было нужно, чтобы всенародно очистить себя отъ всякихъ подозрѣній и клеветъ.

— Объявите свою дочь невѣстой великаго князя Петра! сказалъ онъ.—Тогда все распутается и уладится.

Разумѣется, Меншиковъ сначала былъ ошеломленъ предложеніемъ, но затѣмъ, послѣ нѣсколькихъ дней совѣщанія съ Вестфаленомъ, убѣдился его доводами.

— Примѣры такого рода бракосочетаній въ исторіи многочисленны, говорилъ тотъ,—конечно, ради высшихъ государственныхъ соображеній.

Князь Меншиковъ, всесторонне обдумавъ это предложеніе, долженъ былъ самъ сознаться что это было не только лучшее, но единственное для него средство спасенія.

Конечно онъ рѣшился приступить къ дѣйствіямъ неотложно, но сама судьба помогла... Слѣпая фортуна иногда, какъ будто безсмысленно, любитъ играть въ людей какъ въ игрушки, любитъ сочетать самыя разнородныя случайныя обстоятельства и изъ двухъ мелочей склеить иногда великое событіе, имѣющее историческое значеніе.

Секретарь государыни, Макаровъ, встрѣтился однажды съ княземъ Меншиковымъ, и ухмыляясь, шепнулъ ему на ухо:

— Знаешь-ли, князь, чѣмъ я на сихъ дняхъ занимался, голову себѣ ломалъ?

— А чѣмъ? угрюмо спросилъ Меншиковъ, занятый своимъ великимъ предпріятіемъ.

— Листу молодцовъ-парней составлялъ.

— Что такъ? Зачѣмъ?

— А вотъ такъ. Выбиралъ я изо всѣхъ молодцовъ россійскихъ, петербургскихъ и московскихъ, здѣсь обрѣтающихся и отсутствующихъ—полдюжины. При выборѣ руководился тѣмъ, чтобы каждый-то былъ стариннаго рода, благородной крови, съ иждивеніемъ, да чтобы былъ собою красивъ, и уменъ, и нравомъ ласковый.

— Вотъ какъ! улыбнулся князь Меншиковъ.

— Да, князь. И этакихъ то витязей, Ивановъ-царевичей, понадобилось мнѣ найти полдюжины.

— Да зачѣмъ?! спросилъ князь...—На кой прокъ?

— Государыня указала.

— На что? удивился Меншиковъ.

— Государыня указала сдѣлать оную листу изъ шести молодцовъ, богатыхъ дворянъ, знатныхъ и добронравныхъ, и поднести ей нынѣ въ полдень.

— Зачѣмъ! Господь съ тобой! Зачѣмъ?

— Догадайся, князь.

— Хоть убей, не могу..

— Мои шесть молодцовъ на выборъ—для невѣсты.

— Для кого?

— А для той самой, которую уже прочили за Маврикія, князя Саксонскаго.

— Софья Карлусовна Скавронская?

— Она самая. Государыня восхотѣла непремѣнно и неотлагательно выдать ее замужъ. И такъ какъ у оной Софьи Карлусовны, полагательно мнѣ, ни къ кому изъ придворныхъ и боярскихъ молодцовъ сердце еще не лежитъ, то государыня обѣщала ей прислать на выборъ листу. И вотъ нынѣ польская фрейлина будетъ чинить свой выборъ изъ моей полудюжины.

— Кого же ты набралъ?

Макаровъ перечислилъ нѣсколько знатныхъ русскихъ именъ, гдѣ были и Апраксины, и Трубецкіе, и Голицыны.

— Какъ же это? поразился Меншиковъ.—Вѣдь вотъ нѣкоторые изъ нихъ, я знаю, не захотятъ жениться на Софьѣ Карлусовнѣ.

— Ну, это ихъ дѣло, князь! Государыня дала любимицѣ своей крѣпкое слово, что кого Софья Карлусовна выберетъ—тотъ и будетъ ея мужемъ, хоть бы пришлось для того свѣтъ вывернуть на изнанку. Ты знаешь, что за послѣдніе дни государыня отъ хворости стала имѣть удивительныя прихоти, которыхъ за всю ея жизнь не бывало... Вынь да положь, что въ душу запало—то и подавай.

— Это правда сущая... задумчиво произнесъ Меншиковъ.

Макаровъ продолжалъ что-то говорить, но князь уже не слушалъ: онъ внутренно страшно взволновался. Новая мысль, диковинная, блеснула у него въ головѣ.

Князю Меншикову показалось, что этотъ случай, эта встрѣча съ Макаровымъ—есть какое-то указаніе свыше, велѣніе судьбы.

Задумчиво распростившись съ Макаровымъ, князь Меншиковъ тотчасъ, не теряя ни единаго мгновенья, двинулся въ ту сторону дворца, гдѣ въ двухъ горницахъ помѣщалась любимая фрейлина императрицы.

Софья Карловна была у себя, сидѣла грустная у окошка и ожидала вызова къ государынѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ потребуютъ ее къ государынѣ, и она должна будетъ выбрать себѣ мужа изъ числа нѣсколькихъ, равно ей чуждыхъ, равно неизвѣстныхъ. Съ однимъ изъ нихъ она должна на всю жизнь связать свою судьбу.

Голосъ горничной привелъ фрейлину въ себя: та что-то говорила, но графиня Софья не сразу могла по-

нять. Докладывавшая дѣвушка была смущена, оторопѣла: лицо у ней было почти испуганное.

— Князь... Самъ князь Александръ Даниловичъ, повторяла дѣвушка.

— Что?.. Гдѣ?.. отозвалась наконецъ Софья.

— Князь Александръ Даниловичъ вотъ тутъ. Онъ желаетъ тебя, боярышня, видѣть по важнѣйшему дѣлу.

Софья тоже смутилась при этомъ имени. Она избѣгала всемогущаго Меншикова, видалась съ нимъ почти ежедневно, но издали, ибо она, какъ многіе другіе, боялась его. И если въ ней было какое нибудь чувство къ этому временщику, то чувство это было скорѣе непріязненное, нежели дружелюбное. Она не любила его, сама не зная почему. Вѣроятно, общая ненависть къ вельможѣ, проникавшая повсюду, сообщилась зря, безъ повода, и душѣ молодой дѣвушки.

— Какъ же быть? шепнула она теряясь.

Въ то же самое мгновеніе на порогѣ ея горницы показался самъ князь и, ласково улыбаясь, протянулъ ей руки.

— Здравствуй, графинюшка моя! ласково произнесъ онъ.—Не дивись, что я пришелъ къ тебѣ... Нужно намъ толково побесѣдовать о важнѣющихъ дѣлахъ, отъ которыхъ зависитъ твоя судьба.

Софья настолько была смущена, что не могла даже отвѣчать. Она молча встала, поклонилась и сѣла.

Меншиковъ сѣлъ противъ нея, потрепалъ ее по щекѣ, ласка, которую онъ часто позволялъ себѣ съ дѣвицами, какъ пожилой человѣкъ и всемогущій вельможа.

XII.

— Послушай меня, Софья Карлусовна! заговорилъ князь.—Мы съ тобой до сей поры видались только издали, не сдружались и никогда ни о чемъ не бесѣдовали... Ты меня полагаешь быть такимъ человѣкомъ, что почитай не лучше самого чорта. Да и какъ же тебѣ иначе мыслить обо мнѣ, когда всѣ здѣсь—мои ненавистники... Но ты выбрось дурныя мысли: Александръ Даниловичъ страшенъ тѣмъ, кого не взлюбитъ,—тебя же я полюбилъ съ перваго дня, равно какъ и твоего отца. Слыхала ли ты когда что дурное обо мнѣ отъ государыни, которую ты любишь, или же хоть отъ своихъ родителей?

— Нѣтъ, чрезъ силу выговорила Софья.—Батюшка васъ почитаетъ. А государыня еще того болѣе...

— Ну вотъ, подумай: кому же тебѣ больше вѣрить? Роднымъ, или чужимъ людямъ и ихъ злоязычію? Признайся мнѣ теперь: можешь ли ты повѣрить, что я пришелъ къ тебѣ для добраго дѣла? Коли вѣришь, то отвѣчай мнѣ по душѣ, по правдѣ... Скажи мнѣ, ты просила царицу о томъ, чтобы она тебя выдала замужъ?

— Не я... Я не просила! быстро отозвалась Софья.

И по этой живости проницательный умъ царедворца, искушеннаго жизнью, ясно угадалъ немудреную тайну дѣвушки.

— Кто же просилъ? Не сама же она надумала? спросилъ князь.

— Отецъ просилъ.

— По твоей просьбѣ? Ты послала его?

Софья упорно молчала, опустивъ глаза на руки. Тайна ея была совсѣмъ отгадана царедворцемъ.

— И вотъ тебя теперь выдадутъ замужъ, противъ воли, за нелюбаго... вмѣсто любаго.

Молчаніе Софьи было краснорѣчивымъ отвѣтомъ.

— А желала бы ты выдти за своего любаго? наудачу выговорилъ Меншиковъ и, разумѣется, попалъ вѣрно.

— Сейчасъ бы пошла! прошептала Софья.

— Ну, такъ слушай, графинюшка. Я беру все на себя. И все уладится по твоему желанію. Скажи мнѣ первое дѣло: кто твой возлюбленный? Авось онъ холостъ, а не женатый? пошутилъ князь смѣясь.

— Вѣстимо. Нешто можно женатаго полюбить, смущаясь вымолвила Софья.

— Кто-жь онъ? Офицеръ гвардіи, придворный, нашъ питерскій или какой пріѣзжій изъ Москвы? Знатный онъ россійскій дворянинъ?

— Нѣтъ, отозвалась Софья.

— Какъ, то-ись, нѣтъ! Не русскій?

— Нѣтъ. Не русскій!

— Вона какъ! удивился князь.—Что-жь, кто либо изъ канцелярій нашихъ резидентовъ чужестранныхъ? Какой нибудь секретарь цесарскаго посла, графа Рабутина, или изъ легаціи короля французскаго? Да говори же, золотая моя.

— Нѣтъ. Онъ просто—пастухъ! робѣя и тихо вымолвила Софья.

— Что?! воскликнулъ князь.

— Пастухъ... еще тише отозвалась дѣвушка.

— Да какъ же, то-ись... пастухъ... Я не понимаю тебя. Какой такой пастухъ?

— Да вотъ что стадо пасетъ... Такихъ называютъ пастухами... По латышски: *ганцъ*. Ихъ дѣло всегда за стадомъ смотрѣть...

Князь сидѣлъ отчасти ошеломленный и совершенно не понималъ что говоритъ Софья.

— Гдѣ стадо?.. Какое стадо?.. Господь съ тобой!.. произнесъ онъ.

— Въ Дохабенѣ... Тамъ, гдѣ я родилась. Въ нашей деревнѣ!

— Въ Дохабенѣ... пастухъ? Въ Лифляндахъ?..

И вдругъ Меншиковъ невольно вскрикнулъ:

— А!.. Вотъ оно что!.. А я-то глупый не догадался... Ты, моя пташка, полюбила пастуха тамъ, у себя, полюбила еще въ крестьянскомъ состояніи будучи, и по сю пору любишь.. Ну, это иное дѣло... Ужъ не знаю въ честь ли оно тебѣ, или въ осужденіе.

Меншиковъ замолчалъ и думалъ, а затѣмъ проговорилъ:

— Нѣтъ, графинюшка, это тебѣ въ честь. Если послѣ всего что пережила, послѣ всѣхъ перемѣнъ, которыя совершились, послѣ того что изъ крестьянокъ стала ближайшей къ государынѣ фрейлиной, ты любишь все такъ же простого пастуха... Нѣтъ, это тебѣ въ честь, а не въ осужденіе... Такъ вотъ ты какая!.. Много разъ я тебя видалъ издали, а не зналъ, что ты такая... Ну, а что же, теперь ты бы за него пошла?

— Вѣстимо.

— Да какъ же это сдѣлать?.. Вѣдь это, родная моя, мудренѣе мудренаго... На это царица соизволенія не дастъ, да, поди, и твой отецъ съ матерью никогда не дадутъ своего согласія. Надо, чтобы онъ изъ крестьянъ сталъ дворяниномъ.

— Если бы государыня пожелала, то вѣдь это въ одинъ мигъ можно сдѣлать, оживляясь заговорила Софья.—Вѣдь сталъ же батюшка графомъ Скавронскимъ, даже дядя Дирихъ сталъ графомъ... А Цуберка не хуже...

— Какая Цурберка?.. Кто такая?

— Цуберка... Онъ, то-ись... Чѣмъ онъ хуже насъ! А стали же мы графами, потому что одну бумагу написали про насъ...

— Да про кого ты сказываешь?

— Да про моего любаго. Не хуже онъ...

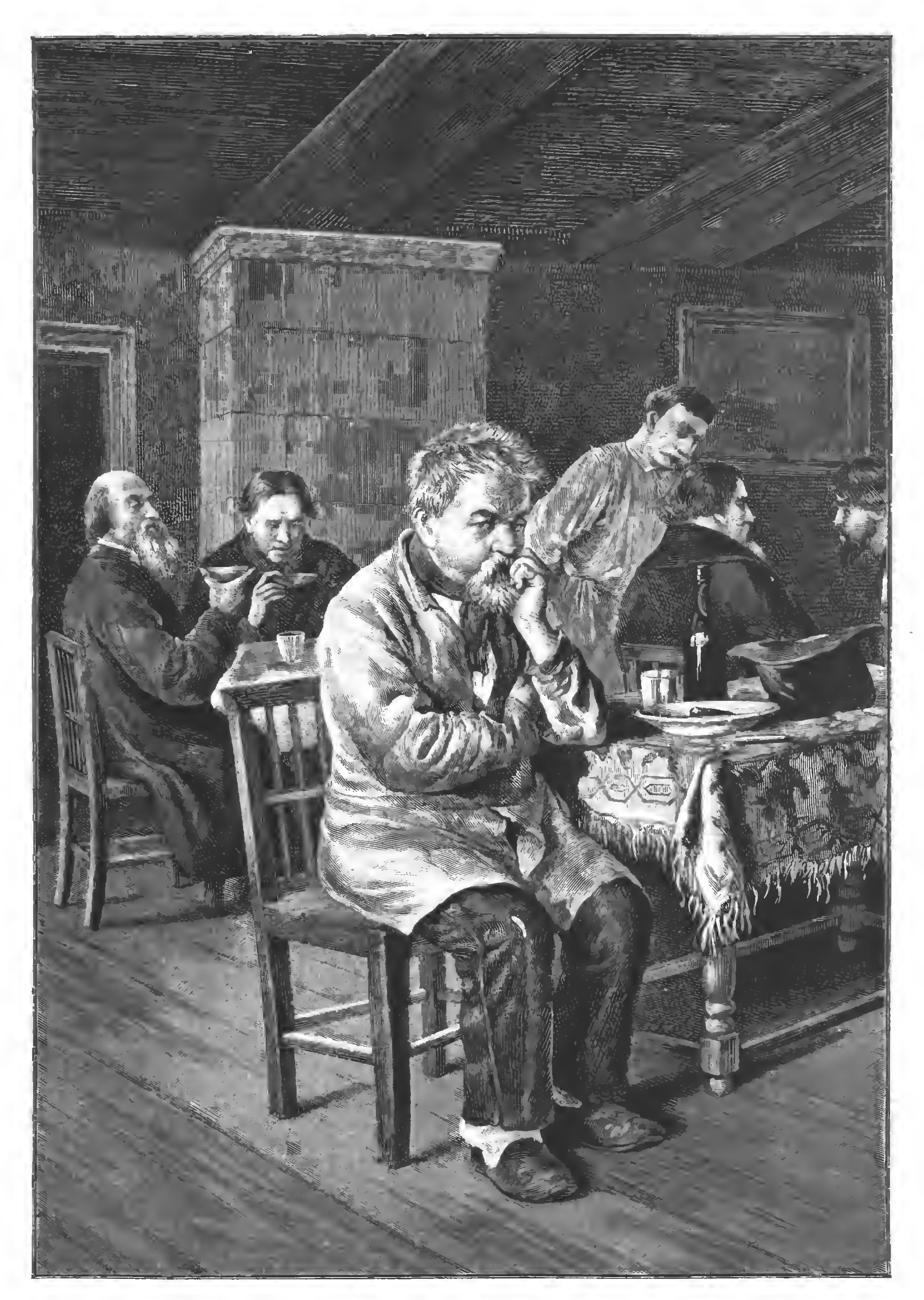
— Вѣрю, что не хуже... А я спрашиваю: она-то кто?...

— Кто? повторила тоже вопросомъ Софья.

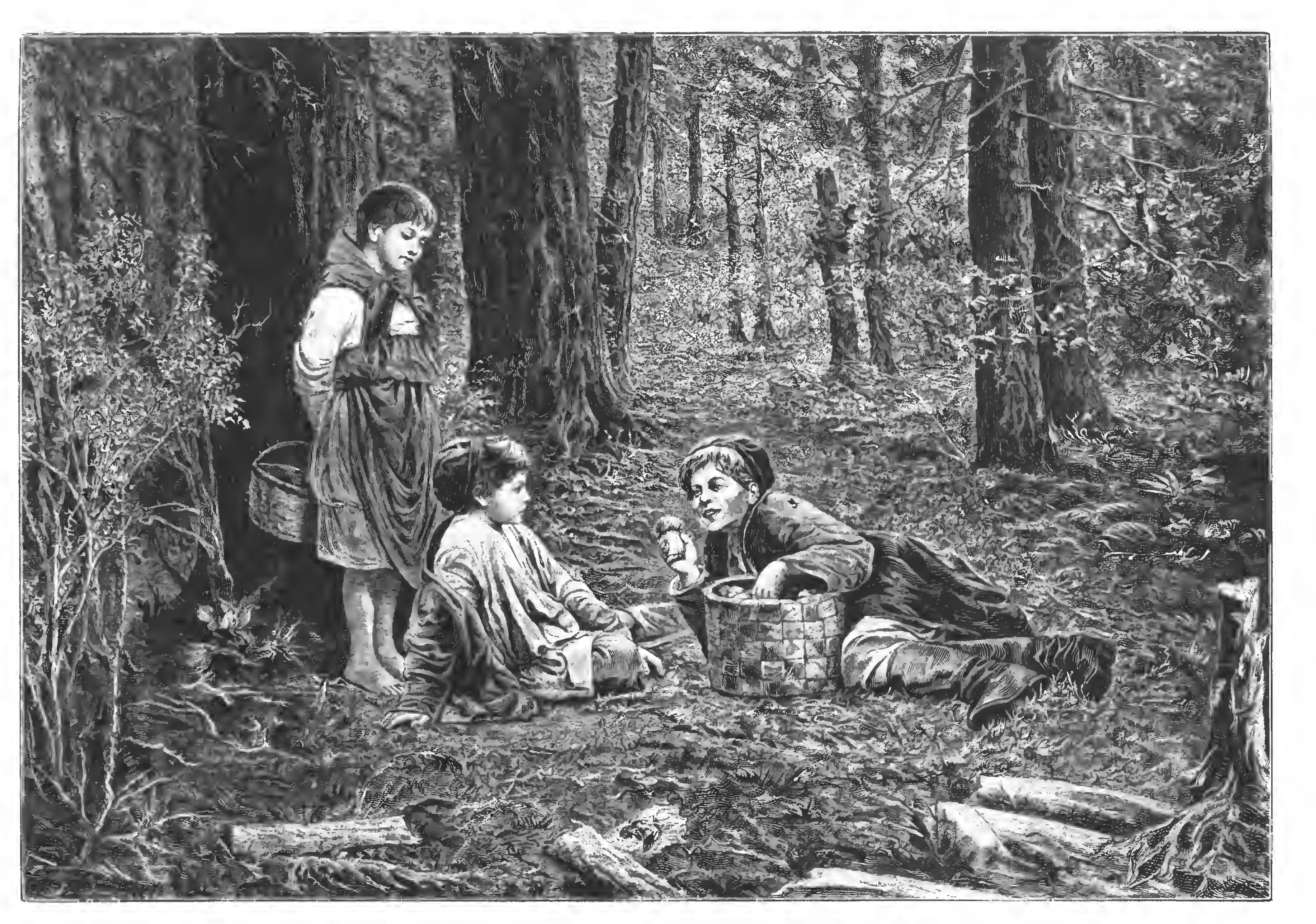
— Она, которую ты поминаешь... Пріятельница твоя, что-ли? Сейчасъ говорила: Бурцилка какая-то!

— Цуберка. Это мой женихъ и былъ. Имя его такое: Дауцъ Цуберка.

— Жениха такъ звать? Вотъ оно что... Ну что-жь, ладно! разсмѣялся князь.—Коли Цуберка, такъ и будь Цуберкой. Такъ стало быть, чтобы тебѣ съ нимъ

XV передвижная выставка въ СПБ. „Въ харчевнѣ“. Съ карт. В. Е. Маковскаго, грав. Шюблеръ.

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худож. „Вотъ такъ грибъ!“ Съ карт. В. А. Голынскаго, грав. Флюгель.

вѣнчаться, надо сильному человѣку тебѣ помочь. Хочешь ли ты меня въ помощники?

Софья молчала, но глаза ея, все лицо, покрывшееся яркимъ румянцемъ, слезы, выступившія на рѣсницахъ, движенье ея рукъ, которыя сами собой порывисто протянулись къ князю—все отвѣчало за нее.

— Ну вотъ, ладно. Такъ слушай теперь меня и не пропусти ни единаго словечка.

И князь Ижорскій, послѣ недолгой паузы, собравшись съ мыслями, заговорилъ и передалъ изумившейся дѣвушкѣ длинную и для нея путаную исторію.

Софья хорошо поняла главное. Князь потребовалъ отъ нея, чтобы она, не обмолвившись ни единымъ словомъ кому либо объ ихъ тайной бесѣдѣ и объ ихъ уговорѣ, шла къ царицѣ просить себѣ въ мужья одного молодого человѣка, котораго онъ назоветъ ей. Ей слѣдовало объяснить государынѣ, что она любитъ этого молодца и только за него одного пойдетъ съ радостью замужъ.

Дохабенская Яункундзе, хотя и была смышленая дѣвушка, однако теперь чувствовала, что совсѣмъ сбита съ толку. Сейчасъ князь обѣщалъ ей устроить ея бракъ съ милымъ Цуберкой и вмѣстѣ съ тѣмъ посылаетъ ее къ царицѣ просить себѣ въ мужья кого-то другого.

Меншиковъ сразу угадалъ ея мысли и сталъ толково объяснять ей, что онъ беретъ все на себя. Этотъ молодой изъ придворныхъ будетъ ея объявленнымъ женихомъ, хотя бы даже и обрученнымъ съ ней, но мужемъ ея никогда не будетъ. И напослѣдокъ она всетаки выйдетъ за своего Цуберку.

— Я все берусь устроить! кончилъ князь.

Софья конечно не знала, что существуютъ два слова, хотя и иностранныя, хорошо опредѣляющія то предложеніе, которое ей теперь дѣлалъ всемогущій царедворецъ. Онъ уговаривался съ ней въ томъ, чтобы вести — интригу и траму. Его хитрый планъ, въ которомъ Софья должна была интриговать и служить ему слѣпымъ орудіемъ, былъ именно то, что̀ называется трамой.

Понемногу князь съумѣлъ все разъяснить дѣвушкѣ. И какъ себя вести, и что̀ говорить, и какъ поступать относительно государыни, родителей ея, а равно и съ самимъ молодымъ человѣкомъ.

Но главное заключалось въ томъ, что князь за одну бесѣду съумѣлъ внушить дѣвушкѣ къ себѣ довѣріе и увѣренность въ успѣхѣ ихъ тайнаго уговора.

Софья понемногу оживилась, перестала бояться временщика и, соглашаясь на все, только опасалась. что не съумѣетъ разыграть свою роль съ должнымъ искусствомъ.

— Небось. Я за тебя порукой, усмѣхнулся Меншиковъ.—Коли ты въ себя мало вѣры имѣешь, такъ я за тебя не опасаюсь...

— Ну, а кто же онъ?.. Этотъ... Ну этотъ молодой бояринъ, котораго мнѣ просить у царицы? уже весело спросила Софья.

— Графъ Сапѣга! тихо сказалъ князь.

— Сапѣга!? воскликнула дѣвушка и оцѣпенѣла на мѣстѣ.

— Что съ тобой? Чего ты испугалась?..

— Сапѣга? Сапѣга? Сынъ фельдмаршала. Молодой графъ Петръ Сапѣга?.. повторяла Софья упавшимъ голосомъ.

— Да... Что̀ же съ тобой?..

Наступило молчаніе.

— Я боюсь... едва слышно проговорила Софья.

— Чего?..

— Не знаю.

— Вотъ такъ блинъ! разсмѣялся князь.—Умница дѣвушка, а говоритъ—боюсь, чего—сама не знаю... Господь съ тобой, графинюшка!

— Сапѣга! шептала Софья, забывъ про князя и будто себѣ самой.

И въ ея воображеньи ярко возстала картина свиданія и разговора ея съ Сапѣгой въ горницѣ постоялаго двора Вишекъ. Затѣмъ отъѣздъ графовъ и ея мысли, ея чувства... Ей вдругъ захотѣлось теперь все разсказать Меншикову и убѣдить его. что лучше выбрать для ихъ комедіи другого, а не Сапѣгу.

„Все разсказать?“ подумала она.—Да что̀ же—все-то?.. Вѣдь и разсказывать-то нечего... Нѣтъ, есть“... Ей всегда чудилось. и уже давно. что между ею и Сапѣгой что-то произойдетъ... Ну вотъ теперь такъ и наладилось. Между ними будетъ лицедѣйство, они поиграютъ, какъ ряженые на святкахъ, въ жениха и невѣсту.

— Ну, чего же ты задумалась, графинюшка? первый заговорилъ князь.—Не все ли тебѣ равно, кого у царицы просить въ подставные женихи, только ради отвода глазъ, ради моего важнѣющаго дѣла, коего ты не вѣдаешь. Да поняла ли ты меня? Я опасаюсь уже, что ты ничего не поняла.

— Понимаю. Знаю. Все сдѣлаю въ точности! быстро воскликнула молодая дѣвушка,—но побожися мнѣ, Александръ Данилычъ, что въ концѣ концовъ не поведутъ меня въ храмъ вѣнчать съ этимъ Сапѣгою.

— Вотъ тебѣ Господь Богъ святъ... съ чувствомъ вымолвилъ Меншиковъ.—Давно ли я говѣлъ, исповѣдывался и причастился Св. Таинъ, чтобы мнѣ лгать и даромъ крестное знаменіе на себя класть?.. Вотъ тебѣ крестъ, что будешь ты за своимъ Цуберкой.

— Ну, хорошо... Вѣрю теперь! отозвалась дѣвушка.

Софья смутно сознавала уже, что существуетъ огромный планъ у князя. Но одного только она совсѣмъ не понимала: для какой именно цѣли все это ему нужно? И съ этимъ вопросомъ обратилась она къ вставшему и уходящему князю Ижорскому.

— Зачѣмъ?.. Цѣль какая? воскликнулъ онъ.—Ну, это, родная моя. пока не твое дѣло. А послѣ сама ты поймешь и ахнешь. Поймешь что стоитъ поблагодарить мнѣ тебя за ту великую услугу, которую ты мнѣ окажешь, сама того не зная.

XIII.

Едва Меншиковъ успѣлъ выйти отъ польской фрейлины, какъ кто-то изъ придворныхъ служителей явился съ приказаніемъ отъ императрицы явиться къ ней.

Софья, смущенная и грустная за часъ передъ тѣмъ, бодро и весело двинулась въ апартаменты государыни и нашла ее въ опочивальнѣ, въ постели.

— Ну, вотъ обѣщанное, произнесла Екатерина Алексѣевна.—Подойди, поцѣлуй меня!.. Вотъ шесть человѣкъ: всѣ они знатные и родовитые дворяне россійскіе, одинъ краше другого, одинъ именитѣе другого... да и богаты всѣ. Выбирай любого, присматривайся. Завтра во дворцѣ будетъ множество народа, по случаю праздника. Высмотри всѣхъ этихъ молодцовъ и выбери изъ нихъ, который тебѣ по сердцу, и приди мнѣ скажи. Не пройдетъ и мѣсяца—будешь за нимъ замужемъ.

Роль Софьи, какъ агента хитраго вельможи, начиналась. Слѣдовало тотчасъ что нибудь сказать въ отвѣтъ государынѣ, а Софья стояла какъ потерянная, съ листомъ бумаги, который дрожалъ у нея въ рукѣ.

Государыня тихо, уже въ третій разъ, повторила:

— Ступай къ себѣ.

Но Софья не слыхала приказанія; смущеніе овладѣло всѣмъ ея существомъ и сковало ея члены.

„Надо говорить, надо просить, надо назвать“, повторялось у нея въ головѣ и на сердцѣ. Отъ страха не съумѣть исполнить приказаніе Меншикова, Софья вдругъ поблѣднѣла, даже губы ея побѣлѣли, а листъ бумаги выпалъ изъ рукъ на полъ.

— Что ты!?.. изумилась императрица.

— Я... я не могу... пролепетала Софья.

И потерянный видъ молодой дѣвушки сразу заста-

вилъ государыню догадаться—какъ она думала—и понять это смущеніе по своему. Своими вопросами Екатерина Алексѣевна облегчила дѣло и порученіе князя.

— Ты любишь кого нибудь?

— Да, отозвалась дѣвушка.

— Такъ чего же ты... Такъ бы и говорила! Господь съ тобою! Мнѣ все едино. Я даю тебѣ выбирать изъ знатныхъ молодцовъ любого, а коли есть у тебя таковой уже на примѣтѣ, такъ Господь съ тобой, вѣнчайся съ нимъ!.

— Коли ваше будетъ на то согласіе, проговорила Софья точно чужія, затверженныя слова.

— Конечно, будетъ... И не только мое согласіе, но я все сдѣлаю, все устрою...

— Побожитесь мнѣ, что вы препятствовать не будете! вдругъ, Богъ вѣсть почему, рѣшилась выговорить Софья.

— Изволь., божуся! Господь меня накажи, если я не исполню твоего сердечнаго желанія!.. Вѣдь я тебѣ счастія хочу, а не погибели! Кто бы ни былъ твой желанный—будетъ онъ твоимъ мужемъ, чего бы то ни стало... И государыня прибавила быстро и горячо: Накажи меня Господь! Хоть вотъ усугуби мою болѣзнь—если я не исполню пообѣщаннаго Кто же такой онъ?

— Графъ Сапѣга, чрезъ силу произнесла Софья, чуя что если князь Меншиковъ ее обманываетъ, то этими двумя словами она губитъ себя на-вѣки После этихъ словъ возврата нѣтъ

— Графъ Сапѣга! Петръ Сапѣга?! два раза повторила государыня.—Ты сказываешь—Сапѣга?.. Что ты!..

— Да, глухо отозвалась Софья.—Онъ самый

Государыня поднялась и, опираясь на одну руку, сѣла въ кровати. Она глядѣла изумленными глазами на дѣвушку, и лицо ея нѣсколько измѣнилось.

— Господи помилуй, произнесла она.—Что же это такое!. Я дала тебѣ страшную клятву, не спросясь за кого ты собралась замужъ. Да развѣ это возможное дѣло!..

Государыня замолчала, но продолжала, сидя въ кровати, гнѣвно смотрѣть въ лицо любимицы, а Софья, потупившись, виновато стояла передъ ней и не понимала ничего: ни оживленія, ни гнѣва государыни.

— Да знаешь ли ты, что это единственный человѣкъ во всей моей имперіи, котораго я не могу, не властна дать тебѣ въ мужья! Вѣдь Сапѣга женихъ княжны Меншиковой!

Софья вздрогнула, подняла изумленные глаза на государыню и схватила себя невольно за голову.

— Ты не знала этого? удивясь спросила государыня.

— Знала! Знала! тихо, робко пролепетала дѣвушка.—Давно слышала, да только забыла. Вотъ вамъ Господь—забыла. Да я... я теперь ничего не понимаю.

Государыня что-то спросила, но Софья не слыхала и стояла какъ пораженная. Наконецъ она увидѣла гнѣвный жестъ царицы и поняла, что ей приказываютъ выйти.

Софья безъ оглядки выбѣжала вонъ, а государыня осталась смущенная разговоромъ съ любимицей, встревоженная до-нельзя, и долго волновалась. То садилась она въ постели, то снова опускалась на подушки.

„Что дѣлать? думала она.—Просить нечего, я могу и приказать выбрать другаго. Да не въ томъ сила. Сила въ томъ, что я страшную клятву дала. Не исполни—меня Богъ накажетъ.“

И императрица рѣшила, успокоившись и все обдумавъ, не отказывать Софьѣ въ ея просьбѣ, а во что бы то ни стало отнять у дочери друга и вельможи, ея жениха, а ей найти другого.

„Надо умолить Александра Даниловича! рѣшила она.—А для его дочери найти кого нибудь не хуже магната.“

Государыня не рѣшилась посылать въ этотъ же вечеръ за княземъ Ижорскимъ, и только на утро онъ былъ вызванъ къ ней въ кабинетъ, гдѣ наединѣ произошла бесѣда, о сугубой важности которой узналось только впослѣдствіи.

Меншиковъ пробылъ съ царицей около двухъ часовъ: сначала сидѣлъ онъ угрюмый и печальный, а царица говорила краснорѣчиво, убѣдительно и даже прослезилась два раза. Затѣмъ князь заговорилъ, а царица, оторопѣвъ, молчала...

Между ними состоялся уговоръ, который долженъ былъ прогремѣть по всей Россіи, какъ ударъ грома.

То, что было наполовину рѣшено между императрицей и первымъ вельможей государства, долженствовало имѣть историческое значеніе.

Послѣ аудіенціи князь гордо прошелъ мимо толпы придворныхъ.

На улицахъ столицы, отвѣчая на поклоны прохожихъ и проѣзжихъ, хорошо знавшихъ временщика въ лицо, онъ думалъ съ радостнымъ трепетомъ на сердцѣ:

„Да!. Скоро не буду я для васъ Годуновымъ. Не будете вы и его ровнять съ царевичемъ Дмитріемъ... И все это, благодаря тому, что судьба послала въ петербургъ польскую крестьянку. Не будь ея здѣсь—ничего бы не могъ подѣлать и ты, Александръ Даниловичъ... Вотъ оно, что зоветъ молвь народная: суженымъ... И благо, коли это суженое посылается Богомъ, а не врагомъ человѣческимъ!.“

Такъ думалъ, чуть не говорилъ восторженно вслухъ князь Ижорскій... И сердце его не чуяло, что это теперешнее, якобы суженое, именно и посылается ему—сатаною!

XIV.

Черезъ два дня послѣ бесѣды князя Ижорскаго съ государыней, во дворцѣ замѣчалось особенное волненіе. Эта тревога вскорѣ передалась въ дома высшихъ сановниковъ государства, наконецъ распространилась по всему городу.

Поднявшее всѣхъ на ноги въ новой столицѣ должно было вскорѣ взволновать всю Россію.

Императрица сама объяснила своимъ двумъ дочерямъ, что ради пользъ „статскихъ дѣлъ“ и изъ любви къ отечеству, она рѣшила соединить брачными узами молодого царевича Петра съ дочерью князя Ижорскаго.

Это былъ первый громовой ударъ великой политической важности, который переживала новая столица. Впослѣдствіи самыя крупныя событія, какъ паденіе людоѣда Бирона, переворотъ лейбъ-компаніи, Іюньскіе дни и воцареніе Екатерины II—менѣе, казалось, смутили Петербургъ, нежели теперь это извѣстіе, что дочь ненавистнаго князя-пирожника станетъ русскою императрицей.

Петербургъ не зналъ мотивовъ, которые подвигнули царицу и временщика на такое рѣшеніе государственной важности.

Князь и безъ того, за малолѣтствомъ будущаго государи, долженъ быть поневолѣ во главѣ всѣхъ дѣлъ, у кормила правленія. Такъ не лучше-ли обставить дѣло такъ, чтобы этотъ несовершеннолѣтній государь былъ для него родственникомъ, дабы благоденствіе его царствованія стало благомъ и для его тестя-регента.

Государыня не скрывала отъ себя самой и отъ другихъ, что здоровье ея сильно пошатнулось, и врядъ-ли остается ей еще жить болѣе двухъ, трехъ лѣтъ. Если же судьба захочетъ, чтобы ея преемникъ замѣнилъ ее на престолѣ еще ребенкомъ, то кого-же какъ не Меншикова, всемогущаго, опытнаго и искуснаго государственнаго мужа, выбрать пѣстуномъ малолѣтняго императора, причемъ еще тѣснѣе связать ихъ родственными узами.

Когда князь Меншиковъ въ первый разъ произнесъ имя одиннадцатилѣтняго ребенка, какъ желаемаго имъ жениха для дочери, государыня смутилась и даже думала что князь шутитъ. Но затѣмъ, по разъясненіи

всего дѣла, она поняла и убѣдилась, что умнѣе и надумать было трудно, конечно изъ высшихъ государственныхъ соображеній.

Краснорѣчіе Меншикова скоро, убѣдило ее, и особенно подѣйствовало на государыню то обстоятельство, которое она въ первый разъ слышала теперь.

— Вы не знаете, сказалъ князь,—что я—Годуновъ для всего двора, для столицы, для всей имперіи, а Петра Алексѣевича уподобляютъ новому царевичу Дмитрію. И что̀ изо всей молвы народной можетъ произойти?.. Злыдни, которымъ понадобится царевичъ или царь Петръ Алексѣевичъ, совершатъ свое лихое дѣло и легко свалять это на новаго Годунова—на меня... И вся Россія повѣритъ этому. Когда-же моя дочь будетъ его супругой и императрицей, а его наслѣдникъ и будущій царь — моимъ роднымъ внукомъ, никто не посмѣетъ называть меня Годуновымъ.

Рѣшась объявить, пока еще частнымъ образомъ, о состоявшемся рѣшеніи насчетъ немедленнаго обрученія одиннадцатилѣтняго мальчика съ семнадцатилѣтнею дочерью Меншикова, государыня поневолѣ сама удивилась тому волненію, которое началось повсюду.

Прежде всего обѣ цесаревны, наученныя своими приверженцами, явились къ матери и бросились ей въ ноги, умоляя не губить отечество и поставляя ей на видъ, что она расчищаетъ путь честолюбцу-вельможѣ къ престолу.

Чѣмъ ближе будетъ онъ стоять около царя Петра Алексѣевича, тѣмъ больше опасности предстоитъ для отрока.

Послѣ цесаревенъ явились другія личности.

Черезъ день послѣ этого, когда Петербургъ уже начиналъ ликовать, что козни князя Ижорскаго разбиты и уничтожены, Меншиковъ имѣлъ новое продолжительное свиданіе съ государыней и снова вышелъ отъ нея довольный и сіяющій лицомъ, но имѣя въ карманѣ бѣлый листъ бумаги, внизу котораго стояла подпись государыни.

Надъ этой самодержавной подписью на бѣломъ листѣ, князь Ижорскій получилъ словесно право написать все, что ему заблагоразсудится.

Если бы онъ захотѣлъ, то могъ бы поставить здѣсь нѣсколько строкъ, повелѣвающихъ немедленную ссылку или заточеніе самого молодого царевича.

Между тѣмъ, во дворцѣ и въ городѣ, восторжествовавшая многолюдная партія Петра Алексѣевича еще ничего не знала и пожинала лавры своей побѣды.

Всюду, гдѣ только проходилъ князь Меншиковъ, онъ встрѣчалъ злобно-радостныя лица, вездѣ всѣ взгляды говорили ему:

„Что̀, братъ, и на тебя есть рука. Не все коту Масляница... Силенъ ты, а вотъ первый блинъ уже скушалъ.“

Нѣкоторыя лица смотрѣли на князя съ такимъ выраженіемъ, что онъ читалъ въ нихъ угрозы на будущее время.

„Это еще цвѣточки, ягодки впереди будутъ“, говорили ему злобно-краснорѣчивые взгляды.

Послѣ второй аудіенціи князя у императрицы Петербургъ снова узналъ, что государыня вторично и уже безповоротно рѣшила немедленное обрученіе княжны Меншиковой съ ребенкомъ-царевичемъ. Волненіе усилилось. Всѣ были готовы на борьбу съ временщикомъ и шли на нее радостно и смѣло.

XV.

Въ эти смутные дни одинъ изъ наиболѣе смѣлыхъ придворныхъ сановниковъ сталъ какъ бы центромъ всеобщаго движенія, недовольства и ропота. Это былъ собственный зять князя—графъ Девьеръ, португальскій выходецъ, женатый на его сестрѣ Аннѣ Даниловнѣ.

Девьеръ ненавидѣлъ Меншикова за то, что любимецъ покойнаго царя, за все прошлое царствованіе, недостаточно, по его мнѣнію, помогалъ своему зятю выйти въ люди. Девьеръ въ концѣ царствованія Петра тщетно добивался, и едва могъ только за полгода предъ тѣмъ добиться графскаго достоинства.

Съ другой стороны, Девьеръ шелъ противъ всемогущаго князя, тайно надѣясь, что, въ случаѣ упорной борьбы, князь Меншиковъ все-таки не рѣшится круто дѣйствовать съ мужемъ родной сестры.

Прошло нѣсколько дней, но волненіе не улегалось. Меншиковъ видѣлъ, что цесаревны съ ихъ приверженцами, вся многочисленная партія приверженцевъ молодого царевича, что-то предпринимаютъ, о чемъ-то дѣятельно хлопочатъ. Меншиковъ вдругъ увидѣлъ, что произошло то̀, чего онъ никакъ ожидать не могъ.

Онъ перешелъ изъ одного лагеря въ другой, въ сильнѣйшій. Но этотъ лагерь его не принялъ! Приверженцы молодого царевича отшатнулись отъ него, а лагерь цесаревенъ возненавидѣлъ его тоже и считалъ измѣнникомъ, перебѣжчикомъ. И на глазахъ одиноко стоящаго властнаго человѣка два дотолѣ враждебные лагеря подали другъ-другу руку.

Цесаревны заявили, что если когда и мечтали о престолѣ, то теперь покидаютъ всякую мысль о немъ, а удовольствуются приличнымъ приданымъ и отказываются отъ всякихъ притязаній за себя и своихъ наслѣдниковъ...

И вдругъ, въ Петербургѣ наступила рѣдкая минута—отсутствія враждебныхъ партій. Теперь всѣ и все было за молодого царя, но всѣ и все противъ Меншикова.

Жена князя, твердо вѣрившая въ счастливую звѣзду мужа, смутилась и спросила, что̀ онъ намѣренъ дѣлать.

Князь улыбнулся и отвѣчалъ:

— Не робѣй, родная моя. Я боялся за всю мою жизнь только одного человѣка, да и тотъ, Великій, нынѣ спитъ мертвымъ сномъ. А нынѣ мнѣ некого бояться и никто мнѣ не страшенъ.

— Что̀ же ты будешь дѣлать?

— Не знаю. Пускай шумятъ—чѣмъ больше, тѣмъ лучше, а я покуда буду глядѣть. Мое дѣло прицѣливаться... вотъ прицѣлюсь и выпалю!

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого разговора между Меншиковыми, государыня снова почувствовала себя особенно нехорошо. Призванные медики-иностранцы объявили, что на этотъ разъ болѣзнь принимаетъ крайне опасный видъ.

Съ каждымъ днемъ силы больной слабѣли, часто являлось безсознательное состояніе и бредъ.

Меншиковъ, конечно, постоянно бывавшій около больной, снова видѣлъ вокругъ себя то же озлобленіе, ту же ненависть. Ни единой души не встрѣчалъ онъ во дворцѣ, за исключеніемъ лишь фрейлины Скавронской, которая отнеслась бы къ нему доброжелательно. Одна Софья прямо, ласково смотрѣла въ лицо князя, и гордилась тѣмъ, что, выборомъ Сапѣги, сдѣлала его дочь невѣстой государя.

За эти же дни смуты и волненій—было объявлено объ сговорѣ Софьи съ сыномъ польскаго магната. Предполагалось совершить ихъ обрученіе, какъ только государыня будетъ въ состояніи встать съ постели.

Однако судьба судила иначе.

(До слѣд. №).

За дупелями.

Разсказъ **К. Тхоржевскаго.**

(Продолженіе).

Становилось темно, а Разинъ все *перъ* впередъ, какъ мысленно выражался Воронецъ; нѣсколько разъ дорога развѣтвлялась на два, на три пути; Разинъ, очевидно не зная настоящаго направленія, смѣло поворачивалъ направо или налѣво и продолжалъ двигаться впередъ, ни на минуту не убавляя шага; собаки и тѣ устали и, высунувъ языки, бѣжали мелкою рысцой позади своихъ хозяевъ. Наконецъ бѣдный Воронецъ совсѣмъ выбился изъ силъ: онъ былъ весь, съ ногъ до головы, по-

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худож. „Наймичка“. Съ карт. Х. П. Платонова. грав. Ю. Барановскій.

крытъ потомъ и пылью; одинъ сапогъ сбился на сторону и уже до крови натеръ ему ногу; онъ собиралъ всѣ свои духовныя и физическія силы, чтобы не отставать отъ Разина. но, наконецъ, весь запасъ того и другаго истощился, и онъ былъ принужденъ просить пощады.

- Послушай, заговорилъ онъ надломленнымъ голосомъ,—остановимся отдохнуть: я положительно дальше не могу идти.

Разинъ оглянулся на него и на минуту пріостановился.

— Что-жъ, пожалуй!.. проговорилъ онъ—тепегь вегстъ восемь осталось, пе больше!. А что, уагилея гавѣ? добавилъ онъ съ добродушной улыбкой.

Но Воронецъ не былъ расположенъ шутить онъ былъ золъ на весь свѣтъ; онъ молчалъ.

— Дойдемъ вонъ до того мѣста и остановимся!. Тамъ хогошо будетъ! протянулъ Разинъ успокоительно

Въ полуверстѣ отъ нихъ, нѣсколько въ сторонѣ отъ дороги, виднѣлась на бугоркѣ хорошенькая дубовая рощица.

Пріятели опять замаршировали.

- А ѣсть хочешь? не останавливаясь спросилъ Разинъ.

Хочу! лаконически отвѣчалъ Воронецъ.

— Ну такъ я тебя негвѣйшимъ шашлыкомъ накогмлю, ты еще такого этгодясь не ѣдалъ!.. Ну, нгибавь шагу--до нгивала недалеко!.. Газъ! Два! Газъ! Два!.. и онъ такъ полетѣлъ по дорогѣ, что Воронецъ разомъ отсталъ отъ него.

Когда онъ добрался до рощицы, то Разинъ, развѣшавъ по сучьямъ ружье, патронташи, мѣшки и сумки, разжигалъ уже костеръ, рѣзалъ баранину и вообще распоряжался какъ дома.

Воронецъ такъ и повалился подъ ближайшимъ деревомъ, не будучи въ состояніи даже снять съ себя лишнюю тяжесть. А у Разина между тѣмъ дѣло такъ и кипѣло: онъ развелъ большой огонь, наваливъ цѣлую гору сухихъ сучьевъ; пока они прогорали, отдѣлилъ кусокъ баранины и, изрѣзавъ его на мелкіе куски, нанизалъ ихъ на длинный прутъ, обчищенный отъ коры; покончивъ со всѣмъ этимъ, онъ закурилъ папироску изъ сквернаго, крѣпчайшаго табаку и подсѣлъ къ Воронцу.

Потное, загорѣлое лицо его съ большими черными глазами дышало удовольствіемъ и счастьемъ—оно было положительно красиво въ эту минуту.

— Что, бгатъ, усталъ?.. Газдѣвайся—здѣсь хогошо! Давай я тебѣ помогу.

Онъ помогъ ему разоблачиться. и такъ какъ сучья уже прогорѣли и обратились въ кучу раскаленныхъ углей, по которымъ изрѣдка пробѣгали голубые огоньки, Разинъ подковылялъ къ нимъ и, присѣвъ на корточки, принялся жарить шашлыкъ.

Какъ ни чувствовалъ себя Воронецъ разбитымъ и усталымъ, а невольно любовался и поляною, и деревьями, и даже своимъ товарищемъ, освѣщенными красноватымъ отблескомъ костра; неуклюжій Разинъ пріобрѣталъ какой-то новый оттѣнокъ въ этой обстановкѣ и казался красивымъ. Шашлыкъ шипѣлъ, жиръ капалъ съ него по временамъ на уголья и, мгновенно воспламеняясь, на секунду освѣщалъ всю поляну, потомъ опять все погружалось во мракъ и виднѣлась только фигура Разина, согнувшагося надъ угольями. Воронцу стало стыдно за свою слабость, и онъ, поднявшись съ своего мѣста, подошелъ къ товарищу.

— Давай я тебѣ помогу! сказалъ онъ.

— Сейчасъ уже все готово!.. Хлѣба нагѣжь только. вонъ онъ тамъ въ мѣшкѣ, указалъ онъ рукой, не отрываясь отъ шашлыка.

Тотъ принесъ хлѣбъ, водку и положилъ около костра; Разинъ воткнулъ прутъ въ землю, положилъ на угли сухихъ вѣтвей, чтобы было посвѣтлѣе, и пріятели принялись за ужинъ.

— Ты, бгатъ, подтянись немного—отсюда недалеко осталось—а тамъ у попа отдохнемъ—онъ мнѣ дгугъ и пгіятель стагинный! говорилъ Разинъ, отправляя въ ротъ громадные куски душистаго шашлыка.

— Да я теперь ничего... я дойду—только отдохнемъ немного...

— Немного можно—съ полчасика, а то вѣдь выспаться надо будетъ...

— Боюсь я только, что мы не по той дорогѣ идемъ! высказалъ свое опасеніе Воронецъ.

— Ну вотъ тебѣ газъ! Что я не знаю что-ли!. Пгавда, я этой догогой никогда не ходилъ—а напгавленіе-то я все-таки знаю!.. Будь спокоенъ!..

Воронецъ, выпивъ двѣ чарки, потянулся было за третьей, но Разинъ быстро схватилъ бутылку и спряталъ ее за спину.

— Э, нѣтъ, бгатъ, больше не дамъ—шалишь!.. воскликнулъ онъ.

— Что за глупости—я еще только рюмку выпью!..

— Нѣтъ, нѣтъ, ни полъ гюмки!.. тепегь ты набгался силъ, а если еще выпьешь—опять гаскиснешь...

Такъ онъ и не далъ ему водки. Воронецъ немного подулся, но подчинился своей участи.

Поужинавъ и покуривъ немного, они отправились въ дальнѣйшій путь, причемъ Воронецъ опять пришелъ въ самое мрачное настроеніе духа и опять началъ ненавидѣть Разина; мученія его еще увеличивались отъ приступовъ страшной жажды, а воды достать было негдѣ.

III.

На востокѣ ясно виднѣлась розовато-бѣлая полоска, когда наши пріятели достигли, наконецъ, Гладкаго. Они, какъ и слѣдовало ожидать, сбились съ пути и проплутали почти всю ночь: если бы не настойчивость Разина, который давалъ присаживаться товарищу небольше, какъ на пять минутъ, то такъ бы и не дошли до цѣли.

— Сейчасъ отдохнемъ маленько—и на охоту! говорилъ Разинъ, весело потирая руки, довольный, что они таки дошли во время до Гладкаго; но для Воронца вся прелесть охоты пропала.

Деревня уже проснулась: изъ большинства трубъ валилъ дымъ; ворота то и дѣло скрипѣли, и изъ нихъ выѣзжали крестьяне на своихъ лохматыхъ лошаденкахъ; около колодца было особенно оживленно—тутъ собралась цѣлая толпа бабъ, и такъ какъ черпать воду могла только одна, то остальныя, ожидая своей очереди, поставили ведра на землю и подняли такой гамъ, что за цѣлую версту ихъ было слышно.

— Ишь какъ гаскудахтались!.. не удержался, чтобы не проворчать Разинъ.

По самой срединѣ села, на бугоркѣ виднѣлась красивая бѣлая церковь съ позолоченнымъ крестомъ; влѣво отъ нея, въ густой зелени пріютился деревянный домикъ управляющаго, Александра Васильевича Мухина—со свѣжевыкрашенною зеленою крышей. Пріятели прямо направились къ нему; Воронецъ, проходя мимо колодца, принялъ, насколько былъ въ состояніи, молодцоватый видъ; бабы притихли и съ любопытствомъ смотрѣли на охотниковъ.

— Не отставай, бгатъ, не отставай—чего тамъ заглазѣлся! прикрикнулъ Разинъ на товарища, который, дѣйствительно, что-то ужъ очень внимательно разсматривалъ толпу бабъ.

— Иду, иду! отвѣчалъ тотъ и прибавилъ шагу изъ послѣднихъ силъ.

Наконецъ они добрались до домика и вошли хотя въ небольшой, но роскошный съ куртинами цвѣтовъ садъ, содержимый въ образцовомъ порядкѣ—видно было, что самъ хозяинъ ухаживалъ за нимъ. Прежде всего на пріятелей бросилась съ крыльца маленькая кудластая собаченка и начала лаять визгливымъ голосомъ; сеттера, шедшіе сзади, ощетинили шерсть и зарычали: Разинъ грозно крикнулъ на нихъ. и они, поджавъ хвосты, смолкли и только злобно поглядывали на задорную собаченку—точно хотѣли сказать: „Ну, счастливъ твой Богъ, что не велятъ, баба, а то бы мы тебѣ задали". Потомъ на крыльцѣ показалась баба въ подоткнутомъ сарафанѣ, повидимому работница, и приложивъ руку ко лбу въ видѣ козырька, тревожно смотрѣла на приближающихся охотниковъ.

— Что Александгъ Васильевичъ дома? закричалъ ей Разинъ своимъ обыкновеннымъ, громкимъ, веселымъ голосомъ--точно и не вѣсть какъ чему-то былъ радъ.

— Дома! отвѣчала баба нараспѣвъ,—а вы кто такіе будете? Изъ города?

— Изъ гогода, изъ гогода!

— Ахъ, батюшка мой, а я васъ не признала! Пожалуйте, пожалуйте!.. Александръ Васильевичъ чай кушаютъ! воскликнула баба, узнавъ Разина.

— Пожалуйте! повторила она, сторонясь отъ двери, чтобы дать пройти гостямъ.

Разинъ, какъ былъ: съ ружьемъ и мѣшками, полѣзъ мимо нея.

— Собакъ не тутъ ли привязать? шепнулъ ему Воронецъ.

— Нѣтъ, не нужно!.. Здѣсь, бгатъ, самъ хозяинъ охотникъ!.. отвѣчалъ тотъ громко, входя въ комнату; Воронецъ послѣдовалъ за нимъ не совсѣмъ рѣшительно: послѣ мадамъ Бунке и ночного блужданія—онъ недовѣрчиво сталъ относиться къ товарищу. Собаки, проскользнувъ мимо ихъ ногъ, скрылись уже въ слѣдующей комнатѣ.

Какъ разъ въ эту минуту въ дверяхъ показался низенькій, толстый, коренастый человѣкъ, съ коротко подстриженными русыми волосами; большая голова его сидѣла на такой короткой шеѣ, что ея вовсе не было видно и казалось, что голова прямо лежитъ на широкихъ, могучихъ плечахъ. Одѣтъ онъ былъ въ сѣрый пиджакъ, безъ жилета, изъ-за разстегнутыхъ бортовъ виднѣлась малороссійская вышитая рубаха. Не смотря на всю свою неуклюжую фигуру, напоминавшую медвѣдя, человѣкъ этотъ производилъ въ высшей степени симпатическое впечатлѣніе: такъ и дышало отъ всего него русскимъ добродушіемъ, прямотой, весельемъ и здоровьемъ. Бороды онъ не носилъ вовсе, а рѣденькіе усы почти не были замѣтны, такъ были они тощи, и это нѣсколько молодило его; никто не повѣрилъ бы что этому здоровяку, полному энергіи, силы и веселости, давно уже перевалило за пятьдесятъ.

— А!.. добро пожаловать, милости просимъ!.. заговорилъ степенно толстякъ, идя гостямъ на встрѣчу.

— Здгавствуйте, Александгъ Васильевичъ, годной мой!.. насилу добгались до васъ!..

Они обнялись и троекратно, по-русски, поцѣловались.

— А вотъ пріятель мой—тоже охотникъ. позвольте васъ познакомить: Александръ Васильевичъ Мухинъ, поручикъ Вороневъ!.. продолжалъ Разинъ.

Оба церемонно раскланялись и пожали другъ другу руки; Александръ Васильевичъ при этомъ даже шаркнулъ, но у него это какъ-то не вышло.

— Милости просимъ, господа!.. Милости просимъ!.. подхватилъ онъ и, нагнувшись всѣмъ корпусомъ впередъ, тяжелымъ шагомъ, подъ которымъ трещали половицы, повелъ гостей въ слѣдующую комнату—парадную.

Это была небольшая горница въ три окошка, очень свѣтленькая и веселенькая. Некрашеный полъ со старенькимъ половикомъ былъ вымытъ и выскобленъ точно новенькій, хотя повидимому онъ былъ немного развѣ моложе хозяина. На выбѣленныхъ стѣнахъ висѣли въ домодѣльныхъ рамкахъ за стекломъ дешевыя картины почти лубочнаго сорта; на окнахъ стояло нѣсколько банокъ съ фуксіей, геранью, бальзаминомъ и висѣли двѣ клѣтки со щегломъ и снѣгиремъ; въ среднемъ простѣнкѣ красовалось зеркало въ тяжелой, неуклюжей рамѣ; въ переднемъ углу, во всю вышину комнаты, стоялъ большой кіотъ, наполненный образами въ серебряныхъ и фольговыхъ ризахъ; мебель, наполнявшая эту комнату, чинно разставленная вдоль стѣнъ, старинная,—была прочна и обтянута чѣмъ-то страннымъ, похожимъ и на кожу, и на клеенку.

На овальномъ столѣ, покрытомъ бѣлою скатертью, кипѣлъ громадный, вычищенный до ослѣпительнаго блеска самоваръ.

— Милости просимъ, господа, раздѣвьтесь, присядьте, повторилъ хозяинъ и пошелъ изъ комнаты.

— Вы куда же? окликнулъ его Разинъ.

— Я сейчасъ, сейчасъ... распоряжусь только.

— Да вы не безпокойтесь, пожалуйста!..

— Помилуйте, какое же безпокойство!.. я дорогимъ гостямъ всегда радъ!.. Сейчасъ выпьемъ, закусимъ, а вы отдохнете покуда!.. послѣднія слова она уже произносилъ откуда-то издали...

— Вотъ тутъ, кажется, совсѣмъ другой разговоръ будетъ!.. проговорилъ въ полголоса Воронецъ, разоблачаясь и съ удовольствіемъ разваливаясь въ креслѣ.—Боже мой, сапоги-то мои, сапоги!.. воскликнулъ онъ вдругъ, взглянувъ на свои вчера еще изящные лакированные сапоги, обратившіеся во что-то безобразное, растоптанное, напоминающее своей формой безобразный лапоть.

— Да, бгатъ, это человѣкъ!.. подхватилъ Разинъ, не обращая вниманія на его послѣднее восклицаніе.—Ты вотъ, посмотри, какъ онъ насъ угоститъ!.. А дупелей сколько настрѣляемъ!.. Кушъ!.. прикрикнулъ онъ на собакъ, шлявшихся по комнатѣ и внимательно обнюхивавшихъ незнакомую обстановку.

— Садитесь же, господа, садитесь!.. Устали, я думаю?! заговорилъ опять появившійся хозяинъ.

— Я-то не особенно, а вотъ товарищъ—усталъ немного... Мы вѣдь отъ самыхъ Желтенькихъ пѣшкомъ къ вамъ!..

— Какъ пѣшкомъ?

— Да такъ!.. Съ нами какой казусъ случился!.. И Разинъ разсказалъ ему какъ они очутились безъ денегъ, какъ онъ продалъ бутылку водки, какъ надѣялся раздобыть денегъ у Бунке и какъ, наконецъ, они принуждены были отправляться пѣшкомъ.

Александръ Васильевичъ хохоталъ какъ сумасшедшій, вздрагивая всѣмъ своимъ грузнымъ туловищемъ.

— Охъ, батюшки, уморили!.. Ой, ой, ой—смерть моя приходитъ! Какъ, какъ нѣмка-то сказала?.. Ой, ой, ой!.. выкрикивалъ онъ черезъ силу, схватываясь за животъ.

(До слѣд. №)

Акбаръ Великій.

По Лудвигу Бюхнеру.

(Рис. на стр. 440).

Замѣчательнымъ доказательствомъ какія необычайныя противорѣчія бываютъ въ исторіи человѣчества, можетъ служить одна историческая личность. Въ то время когда въ Европѣ шли страшныя религіозныя войны, ужасы Варѳоломеевской ночи возмущали сердца и усиленно производились процессы о колдуньяхъ, преслѣдованія и сожиганія на кострахъ еретиковъ,—внутри Азіи, огромнымъ царствомъ, едва уступавшимъ великой Римской имперіи, управлялъ въ духѣ самыхъ гуманныхъ идей могучій восточный повелитель. Въ то же время онъ довелъ свои владѣнія до величія и блеска, которыхъ они никогда не достигали ни до него, ни послѣ. Повелитель этотъ былъ Тимуридъ Акбаръ, прозванный „великимъ" и „побѣдоноснымъ". Онъ царствовалъ съ 1556 по 1605 годъ надъ большею частію передней Индіи и близьлежащихъ странъ и оставилъ неизгладимые слѣды своей энергической дѣятельности. Доселѣ путешествующій по тѣмъ странамъ встрѣчаетъ эти слѣды почти на каждомъ шагу. Въ постройкахъ, преданіяхъ, пѣсняхъ, различныхъ учрежденіяхъ—повсюду отголоски славнаго царствованія обезсмертившаго себя Тимурида. Ни объ одномъ изъ царей среди индійскихъ племенъ не сохранилось такихъ живыхъ воспоминаній какъ о славномъ Акбарѣ, и преданія о немъ живутъ не только въ народныхъ пѣсняхъ, но породили цѣлую „литературу Акбара".

Акбаръ, какъ уже сказано, былъ изъ славнаго рода Тимуридовъ, члены котораго, проявлявшіе почти всѣ безъ исключенія геній и мудрость государственныхъ людей, ввели, между прочимъ, магометанство въ Индіи. Великій родоначальникъ, Тимуръ или Тамерланъ (1336—1405 г.), суровый завоеватель, отличался въ то же время высокимъ умомъ, умѣлъ относиться съ должнымъ уваженіемъ къ наукѣ и ученымъ, и тѣми же качествами отличались почти всѣ его послѣдующіе потомки. Его правнукъ, дѣдъ Акбара, Баберъ, царствовавшій въ Дели и Агрѣ († 1530 г.), былъ не только храбрый полководецъ, но и высокоученый человѣкъ и недюжинный поэтъ. Собственноручные мемуары Бабера замѣчательны. Старшій сынъ Бабера и отецъ Акбара, Гумаюнъ, унаслѣдовалъ отъ своего отца, вмѣстѣ съ высокимъ образомъ мыслей, любовь къ образованности, наукѣ и поэзіи. Вслѣдствіе частыхъ народныхъ возстаній и споровъ со своими братьями, Гумаюнъ нѣсколько разъ едва не лишался своихъ владѣній, которыя и передалъ въ самомъ жалкомъ видѣ своему сыну Акбару, родившемуся 15 октября 1542 г. Несмотря на военныя смуты того времени, Акбаръ, благодаря неусыпнымъ попеченіямъ о немъ матери, умной и богато одаренной женщины, имѣлъ очень хорошихъ учителей и воспитателей, между которыми выдавался въ особенности Миръ-Абдулъ-Латифъ. Уже на тринадцатомъ году жизни Акбаръ, которому суждено было возстановить во всемъ блескѣ древнія владѣнія своего знаменитаго предка, начиная отъ холмистой области Амура, вступилъ въ 1556 году, по смерти отца, на престолъ и началъ управлять своими обширными владѣніями сперва подъ руководствомъ регента Байрамъ-Хана, а затѣмъ и самостоятельно, по смерти Байрама, въ 1560 году.

До двадцатипятилѣтняго возраста молодой императоръ охотился и путешествовалъ, ѣздилъ на поклоненіе святымъ мѣстамъ, а государственными дѣлами завѣдывали высшіе сановники. Цѣлый рядъ внутреннихъ волненій и безпорядковъ возбудилъ вниманіе Акбара, и онъ занялся укрощеніемъ непокорныхъ феодаловъ и вступилъ въ борьбу съ вельможами. Послѣ нѣкоторыхъ усилій ему удалось сломить власть и своеволіе сановниковъ и поставить ленное дворянство въ зависимость отъ двора, какъ это совершалось въ то же время въ европейскихъ государствахъ. При этомъ Акбаръ выказывалъ личную отвагу, постоянно былъ во главѣ войска, подъ непріятельскимъ огнемъ, и предлагалъ даже, во избѣжаніе кровопролитія, рѣшать битву поединкомъ. Какъ только битва оканчивалась, мягкое, сострадательное сердце царя склонялось ко всепрощенію и забвенію; мстительность и злопамятство были совершенно чужды его высокому характеру, и онъ питалъ полнѣйшее отвращеніе къ практиковавшемуся тогда повсемѣстно на Востокѣ обычаю казнить побѣжденныхъ.

Свойственная Акбару склонность къ кротости и всепрощенію была также причиной его крайней вѣротерпимости и его гуманнаго отношенія къ покореннымъ приверженцамъ ислама индусамъ. До завоеванія Индіи магометанами, страна была раздѣлена на множество мелкихъ владѣній, изъ коихъ лишь по завоеваніи составилась единая имперія съ резиденціей въ г. Дели. Болѣе упорную борьбу Акбару приходилось вести съ индійскимъ племенемъ Раджпутами, но и тѣ, когда наконецъ ему удалось покорить ихъ, стали лучшими друзьями кроткаго Акбара.

Если Акбаръ въ продолженіе большей части своего царствованія преслѣдовалъ завоевательную политику, подчинившую мало-по-малу его власти не только богатыя страны Бенгаліи, Кабула, Гуджерата, Кашемира и т. д. и распространившую его власть надъ всей Индіей и частью прилежащихъ земель, то къ этому побуждала его не жажда завоеваній, а твердое убѣжденіе, что раздираемая вѣковою народною и религіозною враждою и политическими смутами, и изнывающая подъ гнетомъ приверженцевъ различныхъ партій и разныхъ претендентовъ, страна можетъ быть счастлива лишь при соединеніи ея въ одно цѣлое, подъ твердою рукою единаго повелителя. Къ завоеваніямъ этимъ его побуждали также постоянныя возстанія на границахъ, а равно подстрекательства улемовъ, убѣждавшихъ его смирять мечомъ происходившія вслѣдствіе вѣротерпимости царя религіозныя возстанія. Акбаръ, полководецъ и воинъ, и въ самомъ пылу боя никогда не забывалъ своей главной задачи и преслѣдовалъ цѣли мира съ неменьшимъ рвеніемъ, какъ и цѣли войны. Такъ, пока полководцы Акбара усмиряли возмущеніе въ Гуджератѣ, онъ наблюдалъ на берегу Ганга за постройкой сильной крѣпости въ Аллахабадѣ; а

Весенняя выставка въ Импер. Акад. Худож. „За прялкой“. Съ карт. И. С. Галкина, грав. Ю. Барановскій.

Литературный альбомъ. „Лугинъ и Штоссъ“. Изъ начатой повѣсти М. Ю. Лермонтова.
Ориг. рис. А. Земцова, грав. Флюгель.

подавляя религіозныя возстанія и мятежи въ горахъ Курдистана, Кабулистана и Афганистана и въ равнинахъ Пешавера, онъ успѣлъ осмотрѣть желѣзные заводы и оружейныя мастерскія страны, произведенія коихъ были лучше европейскихъ. Во время войны противъ Кабула, Акбаръ составилъ статистику призыва, и ухитрился изобрѣсти нѣчто въ родѣ митральезы и разборную переносную пушку, а также складное, состоящее изъ двухъ частей, ружье. Его арсеналы, придворныя конюшни, военныя мастерскія и корабельныя верфи находились въ образцовомъ порядкѣ. Онъ обращалъ вниманіе на разведеніе племенныхъ слоновъ, лошадей, верблюдовъ и муловъ и на приспособленіе ихъ одновременно для цѣлей военнаго и мирнаго времени. Число его боевыхъ слоновъ, игравшихъ въ то время въ войнахъ на Востокѣ самую видную роль, простиралось до пяти тысячъ, не считая тѣхъ, которыхъ должны были выставлять ленные князья.

Улучшая внутреннее управленіе страны, Акбаръ не колеблясь вводилъ самыя коренныя преобразованія. Онъ регулировалъ находившуюся въ крайне плачевномъ состояніи и сильно разорявшую народъ систему податей, отмѣнилъ массу второстепенныхъ, обременительныхъ налоговъ, сталъ налагать строгія наказанія на позволявшихъ себѣ злоупотребленія по службѣ чиновниковъ, заботился объ обезпеченности торговыхъ сношеній, улучшеніи и измѣненіи старинныхъ учрежденій и ввелъ, соотвѣтственно развившимся потребностямъ страны, новое административное дѣленіе государства на отдѣльные округа. Далѣе, онъ искоренилъ обычай уводить въ рабство часть побѣжденнаго народа и взимать налогъ съ паломниковъ. Кромѣ того, отмѣнилъ почти всѣ пошлины. Съ другой стороны, онъ заботился о прорытіи колодцевъ въ сухихъ мѣстахъ, устройствѣ пристанищъ для бѣдныхъ и странниковъ, раздачѣ милостыни неимущимъ, и вообще оказывалъ значительную поддержку всѣмъ дѣламъ человѣколюбія и благотворительности.

Промышленность и сельское хозяйство составляли также предметъ дѣятельныхъ попеченій великаго государя. Между прочимъ, онъ обратилъ особенное вниманіе на столь важное для Востока производство ковровъ, и самые опытные въ этомъ дѣлѣ путешественники не могли надивиться разнообразію узоровъ и красокъ на царскихъ фабрикахъ въ Лагорѣ, Агрѣ, Фатпурѣ, Ахмадабадѣ. Акбаръ занялся даже лично старательнымъ изученіемъ теоретической и практической стороны производства и наконецъ довелъ дѣло до того, что самыя лучшія ткани понизились въ своей цѣнѣ на 60—70 процентовъ, и матеріи, бывшія прежде доступными однимъ богатымъ людямъ, вошли, благодаря его стараніямъ, во всеобщее употребленіе.

Въ видахъ гигіеническихъ, Акбаръ организовалъ въ огромныхъ размѣрахъ торговлю льдомъ, привозившимся изъ расположенныхъ на сѣверѣ его обширнаго царства горъ въ южныя провинціи, чѣмъ доставилъ заработокъ многимъ тысячамъ людей.

Но все что́ Акбаръ сдѣлалъ въ упомянутомъ отношеніи, какъ оно ни было важно и значительно, все-таки отходитъ на задній планъ и далеко уступаетъ тому, что́ онъ дерзнулъ совершить ради вѣротерпимости.

Борьба противъ фанатизма въ дѣлахъ вѣры, ведущая свое начало съ самыхъ отдаленныхъ временъ, остается, какъ показываютъ событія послѣднихъ лѣтъ, неразрѣшенною и по настоящее время. Въ виду сего тѣмъ выше должна цѣниться заслуга человѣка, съумѣвшаго столь благополучно провести эту борьбу въ такія отдаленныя времена и при столь неблагопріятныхъ внутреннихъ и внѣшнихъ обстоятельствахъ. Въ Индіи былъ особенно развитъ и силенъ, основанный на извѣстномъ кастовомъ дѣленіи, браманизмъ, и господство браминовъ дѣлало невозможнымъ всякое сопротивленіе: предъ нимъ вынужденъ былъ отступать даже сильный буддизмъ. Будучи, въ качествѣ распространителей и толкователей священныхъ книгъ, единственными носителями знанія, брамины съумѣли извлечь пользу изъ своего положенія и пріобрѣсти огромный авторитетъ не только въ религіозныхъ, но и въ свѣтскихъ дѣлахъ. Съ необычайною мудростью съумѣли они поставить дѣло такъ, что явились сразу двѣ религіи: одна для людей просвѣщенныхъ, другая для необразованной толпы. Послѣдняя была обставлена такою массою самыхъ запутанныхъ обрядовъ и всякаго рода жертвоприношеній, что исполнять это могли только посвященные жрецы. Обстоятельство это имѣло очевидно своимъ послѣдствіемъ то, что вѣрующій, хлопотавшій о спасеніи души, долженъ былъ непремѣнно прибѣгать къ содѣйствію жрецовъ. Кто при этомъ не чувствовалъ себя достаточно удовлетвореннымъ предписываемыми обрядами, жертвоприношеніями и молитвами, могъ достигать спасенія еще путемъ внутренняго созерцанія и отвлеченія, если онъ только оказывалъ необходимое уваженіе жрецамъ и подчинялся имъ въ прочихъ дѣлахъ. При такомъ гнетѣ жрецовъ, образованный индусъ былъ весьма склоненъ предоставлять свободное теченіе своему образу мыслей и дѣлать самые смѣлые выводы, такъ что въ этомъ отношеніи въ индійскомъ обществѣ приходилось наталкиваться на самыя рѣзкія противорѣчія, выражавшіяся въ суевѣрномъ соблюденіи разныхъ обрядовъ изъ страха лишиться присвоенныхъ кастѣ привилегій и самомъ смѣломъ свободомысліи. Въ то время существовало много различныхъ религіозныхъ сектъ, имѣвшихъ каждая своего главу и свое главное божество, и какъ бы въ видѣ противовѣса послѣднимъ—шесть философскихъ системъ, одна изъ которыхъ имѣла атеистическое направленіе (ученіе Санкіи), а другая была основана на теоріи атомистической (ученіе Вайсешики). Число кастъ съ ихъ разными подраздѣленіями также постепенно увеличивалось и достигло нынѣ семидесяти наименованій.

Совершенно иное было положеніе вещей у покорившихъ Индію магометанъ, или приверженцевъ ислама, не признающихъ никакихъ кастъ и сословія жрецовъ, а напротивъ отличающихся стремленіемъ обращать другихъ въ свою вѣру. Ихъ богословами были улемы и ученые, отличавшіеся отъ массы лишь богатствомъ и извѣстнымъ значеніемъ и изъ среды которыхъ выходили учителя, судьи, чиновники и другія должностныя лица. Ихъ религіозная нетерпимость направлена была не только противъ вѣры покоренныхъ индусовъ, но и противъ собственныхъ еретиковъ или вѣроотступниковъ, между которыми отличались, такъ называемые, шиіты или хиліасты, ненавидѣвшіе строгихъ правовѣрныхъ суннитовъ. Еще болѣе свободнымъ направленіемъ отличался такъ называемый куфизмъ, сильно возстававшій противъ всякаго религіознаго принужденія и въ ученіи своемъ имѣвшій много общаго съ Буддою и Зороастромъ. Его ученіе имѣло пантеистическій характеръ и признавало существованіе одной общей всемірной души, изъ которой исходятъ отдѣльныя души. При этомъ куфизмъ проповѣдывалъ вѣротерпимость, гуманное обращеніе, презрѣніе земныхъ благъ, ничтожность религіозныхъ обрядовъ и т. п. Акбаръ самъ, хотя и былъ магометаниномъ, выказывалъ большую склонность къ этому, болѣе философскому чѣмъ религіозному, ученію. Въ дѣйствительности же Акбаръ не былъ расположенъ ни къ магометанству, ни къ браманизму и, напротивъ, вполнѣ объективно сознавалъ слабыя стороны и преимущества обѣихъ враждебныхъ другъ-другу религій, которыя онъ долженъ былъ въ интересахъ государства примирять другъ съ другомъ. Онъ призвалъ къ себѣ ученыхъ браминовъ и приказалъ имъ ознакомить его съ основами ихъ ученія, причемъ древняя индійская мудрость произвела на него несравненно болѣе сильное впечатлѣніе чѣмъ его собственная религія, хотя онъ все еще оставался далекъ отъ того, чтобъ отдать преимущество какой либо изъ двухъ.

Онъ велѣлъ построить въ г. Сикри большое зданіе съ четырьмя отдѣленіями, назначенное исключительно для философскихъ и религіозныхъ диспутовъ, причемъ самъ даже по ночамъ совѣщался и бесѣдовалъ съ учеными и философами. Съ 1575 года сюда начали стекаться, чтобы помѣрить свои силы, ученые всѣхъ странъ. Убѣдившись такимъ образомъ, какъ сильно улемы уступали въ спорахъ своимъ противникамъ, а также замѣтивъ ихъ разрозненность и узнавъ о ихъ злоупотребленіяхъ и мелкихъ происках съ цѣлью удержать свое значеніе въ глазахъ народа, Акбаръ началъ питать къ нимъ какое-то отвращеніе и сталъ все болѣе склоняться въ противоположную сторону. Въ 1578 году къ Акбару прибыли первые христіанскіе проповѣдники, и благодаря его горячему стремленію къ истинѣ и просвѣщенію, черезъ два года при дворѣ его появились, согласно его приглашенію, посланные португальцами три іезуита миссіонера. Акбаръ велъ съ ними продолжительныя бесѣды, желая ознакомиться съ сущностью христіанской религіи. Но старанія проповѣдниковъ убѣдить его креститься остались тщетными. Возможно также, и даже весьма вѣроятно, что до Акбара дошелъ слухъ объ ужасахъ инквизиціи, что́ отвратило его отъ миссіонеровъ. Однако онъ предоставилъ христіанству ту же свободу, какъ и другимъ религіямъ, возставая лишь противъ распространенія миссіонерской дѣятельности. По его мнѣнію, въ его государствѣ каждый могъ „стремиться къ спасенію по своему собственному усмотрѣнію".

Акбаръ, впрочемъ, старался выказывать извѣстную религіозность. Такъ, между прочимъ, когда въ его владѣнія привезенъ былъ паломниками изъ Мекки священный камень, сохранившій, какъ говорили, слѣдъ ноги Пророка, Акбаръ выѣхалъ на встрѣчу этой святыни со всѣми знаками глубокаго уваженія.

Весьма понятно, что все это, въ особенности же вѣротерпимость Акбара по отношенію къ покореннымъ индусамъ, изъ которыхъ многіе были въ числѣ его главнѣйшихъ совѣтниковъ, должно было вызвать сильную реакцію со стороны правовѣрныхъ магометанъ. Предстояла серьезная религіозная война, которой Акбаръ не могъ одобрять въ душѣ, и когда вспыхнуло возстаніе, онъ не отступилъ, но сломилъ его въ корнѣ, объявивъ себя верховнымъ судьей въ дѣлахъ вѣры и совмѣстивъ въ своей особѣ какъ бы власть римскихъ цезарей и папъ.

Въ 1579 году изданъ былъ указъ, въ силу котораго Акбаръ дѣлался главою не только свѣтскимъ, но и духовнымъ, и затѣмъ послѣдовали одна за другой рядъ мѣръ, окончательно сломившихъ гордо высившееся зданіе могущества улемовъ. Вожаки недовольныхъ улемовъ, отправленные въ Мекку, сдѣланы были совершенно безвредными. Множество лицъ, выказывавшихъ открытое возмущеніе и непокорность,

были лишены жизни или понесли матеріальное наказаніе; вакуфныя имущества и огромныя частныя имѣнія улемовъ были конфискованы, причемъ доходы съ нѣкоторыхъ изъ нихъ были назначены для раздачи въ пособіе бѣднымъ и неимущимъ ученымъ. Всѣ религіи были безусловно разрѣшены, и запрещенное Магометомъ вино было дозволено къ употребленію, хотя самъ Акбаръ продолжалъ вести очень воздержный образъ жизни.

Начатое Акбаромъ примиреніе моголовъ съ покоренными индусами, которыхъ глубоко презирали истинные магометане и которымъ магометанскіе законы о пошлинахъ предписывали, въ случаѣ желанія сборщика податей плюнуть имъ въ ротъ, открывать ротъ безпрепятственно, должно было конечно сильно оскорблять гордыхъ исламитовъ.

Дѣло наконецъ дошло до того, что, подстрекаемые улемами, могульскіе предводители подняли противъ Акбара, какъ вѣроотступника, серьезное возстаніе въ едва покоренныхъ имъ земляхъ Бенгаліи, причемъ побѣда оставалась довольно долго на сторонѣ мятежниковъ, и лишь послѣ трехлѣтней борьбы (1583—86) удалось Тодаръ-Малу, бывшему душою всѣхъ реформъ Акбара, сломить это возстаніе. Подобный же мятежъ, поднятый въ Кабулѣ братомъ Акбара, былъ усмиренъ послѣднимъ въ 1581—82 году.

Къ концу 1582 года престолъ и свѣтско-духовная власть Акбара уже настолько окрѣпли, что онъ свободно могъ продолжать начатое имъ дѣло реформъ. Въ 1587 году онъ рискнулъ даже издать законы, запрещавшіе моголамъ многоженство, а индусамъ—обычай обязательнаго сожиганія вдовы по смерти мужа, и напротивъ дозволилъ вдовамъ снова выходить замужъ, что́ совершенно противорѣчило установившимся у индусовъ обычаямъ и правиламъ.

Но самый главный ударъ стѣсненію въ дѣлахъ вѣры и совѣсти былъ нанесенъ Акбаромъ въ 1593 году, когда въ его обширномъ государствѣ окончательно уже водворился порядокъ, изданіемъ такъ-называемаго указа о вѣротерпимости, въ силу котораго всѣмъ его подданнымъ предоставлялась полная свобода въ дѣлахъ совѣсти и вѣры, хотя внѣшняя сторона религіи должна была попрежнему соблюдаться во всей строгости.

Давая своимъ подданнымъ всевозможныя льготы и привилегіи, Акбаръ не забывалъ однако себя, а также своихъ друзей и единомышленниковъ. Онъ основалъ особую царскую секту, прозванную Дини-Илахи, поставившую себѣ задачей борьбу съ фанатизмомъ, а также разоблаченіе дѣйствій, такъ называемыхъ, Іоговъ, колдуновъ и волхвовъ. Членовъ этой секты связывали между собой узы самой тѣсной дружбы, причемъ основное ученіе ея покоилось на пантеистическо-философской теоріи.

Къ концу своей блестящей, полной успѣховъ жизни, Акбаръ долженъ былъ казаться жителямъ Востока, склоннымъ отъ природы вѣрить во все чудесное, какимъ-то полубогомъ. Народъ въ дѣйствительности началъ мало-по-малу считать его за бога, причемъ онъ сталъ предметомъ особаго культа со стороны своихъ подданныхъ. Въ особенности дѣлали это индусы, для которыхъ онъ былъ какимъ-то благословеннымъ провидѣніемъ. Они смотрѣли на него какъ на одно изъ воплощеній божества, играющихъ столь большую роль въ ихъ религіозныхъ понятіяхъ. При этомъ конечно случалось, что льстецы и люди мечтавшіе о карьерѣ злоупотребляли этимъ, попросту признавая въ немъ воплощеннаго бога.

Каждый день утромъ, когда Акбаръ выходилъ изъ своихъ внутреннихъ покоевъ, его встрѣчала толпа льстецовъ, падавшая передъ нимъ на колѣни и начинавшая пѣть духовныя пѣсни, въ которыхъ имя Акбара прославлялось на тысячу ладовъ. Но Акбаръ старался по возможности препятствовать подобному поклоненію и издалъ приказъ, безусловно запрещавшій такъ сильно распространенное на Востокѣ паданіе на колѣни, практиковавшееся при ежедневныхъ его аудіенціяхъ.

По окончаніи пріема, Акбаръ начиналъ заниматься дѣлами управленія, выказывая при этомъ поразительную энергію и неутомимость; вечера же свои онъ посвящалъ изученію исторіи, литературы, философіи, поэзіи и т. п. Чѣмъ больше онъ погружался въ эти послѣднія занятія, тѣмъ болѣе стремился поддерживать науки и ученыхъ.

Что касается частной жизни Акбара, то онъ отличался, какъ уже сказано выше, крайнею воздержностью и умѣренностью, хотя склонность къ спиртнымъ напиткамъ была до извѣстной степени наслѣдственна въ родѣ Тимуридовъ, и ему самому пришлось потерять двухъ сыновей, погибшихъ отъ злоупотребленія спиртными напитками. Нанеся, съ одной стороны, ударъ исламу дозволеніемъ пить вино, онъ, съ другой стороны, раціональными мѣрами старался препятствовать пьянству. Самъ онъ довольствовался небольшимъ количествомъ вина, прохладительными шербетами, молокомъ и водою. Въ отношеніи питанія онъ выказывалъ большую склонность къ растительной пищѣ, въ особенности къ плодамъ, которые предпочиталъ мясу.

Такою же простотою отличался Акбаръ въ отношеніи одежды, и тщеславный блескъ дорогихъ платьевъ былъ ему настолько ненавистенъ, что онъ издалъ особыя правила, предписывавшія простоту въ одеждѣ.

Лично Акбаръ отличался большой любезностью, кротостью и привѣтливостью. Лишь изрѣдка находило на него какое-то свирѣпое настроеніе, за которымъ слѣдовало обыкновенно глубокое раскаяніе. Къ дѣтямъ своимъ онъ выказывалъ трогательную нѣжность и любовь и далъ имъ очень хорошее воспитаніе, которое не могло однако противодѣйствовать разнаго рода вреднымъ вліяніямъ, коимъ обыкновенно подвергаются слабые характеры. Его старшій сынъ, Селимъ, къ которому по смерти Акбара должна была перейти власть надъ всѣмъ его обширнымъ царствомъ, былъ совершенной противоположностью своего отца. Жестокій, распутный и суевѣрный, нетерпѣливый, склонный къ деспотизму, враждебный индусамъ и расположенный къ исламу и улемамъ, Селимъ стремился возвратиться къ прежнимъ порядкамъ.

Приказавъ однажды, какъ онъ самъ разсказываетъ въ своихъ мемуарахъ, посадить семьсотъ мятежниковъ на колъ, онъ съ крыши одного высокаго зданія слѣдилъ за муками несчастныхъ казненныхъ. Селимъ дошелъ до того, что, будучи намѣстникомъ въ Аллахабадѣ, открыто возсталъ противъ своего отца, воевавшаго въ то время противъ Декана, и намѣревался отнять у него власть (1600—1601). Заговоръ однако не удался, будучи во время обнаруженъ, а заговорщикъ получилъ прощеніе отъ своего отца. За подобную доброту Селимъ отплатилъ тѣмъ, что тайно подослалъ убійцъ, лишившихъ жизни (12 августа 1602 года) ненавистнаго ему и столь дорогого его отцу Абулъ-Фазля. Хотя дѣло это не было окончательно выяснено и преступленіе осталось безнаказаннымъ, но всѣ считали Селима виновникомъ этого звѣрскаго преступленія.

Потерявъ своихъ помощниковъ, въ лицѣ Абулъ-Фазля и Тодаръ-Мала, послѣдній изъ которыхъ умеръ уже въ 1590 году, и не имѣя достойнаго наслѣдника, такъ какъ другіе два сына, какъ уже сказано было, погибли отъ пьянства, престарѣлый Акбаръ, здоровье котораго начинало сильно разстроиваться, чувствовалъ себя, на высотѣ своей славы и успѣховъ, совершенно одинокимъ и покинутымъ. Нѣсколько разъ приходило ему въ голову лишить Селима права престолонаслѣдія и на мѣсто его сдѣлать наслѣдникомъ Хозроя. Но привести этотъ планъ въ исполненіе помѣшали какъ нерѣшительность самого царя, такъ и благополучно окончившійся для Селима, затѣянный обоими наслѣдниками, вмѣсто суда Божія, бой слоновъ, и Акбаръ, силы котораго уже окончательно упали, долженъ былъ противъ своей воли признать, что бразды правленія перейдутъ въ руки непохожаго на него и нелюбимаго имъ сына. Вскорѣ послѣ боя слоновъ Акбаръ серьезно заболѣлъ и 15 октября 1605 года скончался. Онъ умеръ во время аудіенціи въ одной изъ мраморныхъ залъ своего великолѣпнаго дворца въ Агрѣ. Тѣло его было положено въ мавзолей, который онъ еще при жизни соорудилъ себѣ около Сикандры, въ садахъ Багиштабада, неподалеку отъ Агры. Изображенная на нашемъ рисункѣ (стр. 440), эта роскошная усыпальница, заключающая въ себѣ останки человѣка, бывшаго, такъ сказать, единственнымъ въ своемъ родѣ, и сама выдѣляется среди всѣхъ мавзолеевъ Азіи, считаясь до сихъ поръ наилучшими сохранившимся и наиболѣе посѣщаемымъ памятникомъ Индіи. Принцъ Фридрихъ-Августъ Шлезвигъ-Голштинскій, посѣтившій этотъ памятникъ 28 апрѣля 1868 года, сравнилъ его съ замкомъ волшебницъ изъ „Тысячи одной ночи“. Въ устроенныхъ въ мавзолеѣ небольшихъ помѣщеніяхъ, гдѣ прежде для прославленія умершаго раздавались при восходѣ и заходѣ солнца звуки музыки и днемъ и ночью молились и читали Коранъ, живетъ теперь, въ качествѣ сторожа при памятникѣ, англійскій сержантъ, который, съ своей коротенькой трубкой-носогрѣйкой во рту и выраженіемъ самаго невозмутимаго спокойствія на лицѣ, составляетъ рѣзкій контрастъ съ возбуждаемыми этимъ великолѣпнымъ произведеніемъ искусства величественными воспоминаніями.

Ослабленная и успокоенная стараніями Акбара борьба между побѣдителями и побѣжденными, моголами и индусами, исламомъ и браманизмомъ, снова возгорѣлась съ прежнимъ ожесточеніемъ послѣ его смерти, что́ было причиной распаденія и окончательной гибели его обширнаго государства, остатки котораго перешли наконецъ въ руки европейской торговой компаніи.

Но о великомъ создателѣ погибшей монархіи, воспоминанія о которомъ пока еще слишкомъ мало оцѣнены европейскими историками, нельзя сказать ничего лучшаго, какъ повторить слова англійскаго полковника Слимана, сравнившаго Акбара съ Шекспиромъ и замѣтившаго, что онъ всегда такъ же выдѣлялся между прочими монархами, какъ Шекспиръ между писателями; или то, что́ нидерландскій авторъ прекраснаго романа „Акбаръ“ (на нѣмецкомъ языкѣ у Киллингера въ Лейпцигѣ, 1877 г.) заставляетъ, на послѣдней страницѣ, говорить о немъ благороднаго Файзи: „Бывали въ мірѣ цари, достигавшіе и большей славы, но не было еще на землѣ ни одного повелителя, который среди своего могущества и блеска оставался бы больше человѣкомъ, чѣмъ Акбаръ!“

Къ рисункамъ.

Въ харчевнѣ. (Рис. на стр. 424).

По обыкновенію весьма рельефно выдаются на нынѣшней XV передвижной выставкѣ мастерскія картины нашего жанриста В. Е. Маковскаго. Какъ хороша и выразительна при всей простотѣ своей и эта, копія съ которой здѣсь помѣщена! Кто этотъ несчастный, сидящій въ задумчивости у стола харчевни въ дырявомъ рубищѣ? Какая глубокая скорбь и печаль на его лицѣ, какъ онъ впалъ въ такое состояніе? Рядъ несчастій, быть можетъ, обрушился на его голову, и вотъ теперь, въ плохой харчевнѣ, не имѣя чѣмъ заплатить за ѣду, сидитъ онъ и думаетъ горькую думу. На него, посмѣиваясь, поглядываютъ другіе посѣтители и, быть-можетъ, пересказываютъ другъ другу исторію его разоренія и горя.

Картины Академической выставки.

(Рис. на стр. 425, 429 и 432).

Мы продолжаемъ здѣсь помѣщеніе копій съ картинъ нынѣшней весенней выставки Имп. Акад Худож. Первая (стр. 425), принадлежащая кисти В. А. Гюлынскаго, изображаетъ граціозную группу маленькихъ искателей грибовъ въ лѣсу и тотъ моментъ, когда счастливецъ, найдя большой, славный подосиновикъ, въ восторгѣ вскрикиваетъ: „Вотъ такъ грибъ!“

Другая, г. Платонова (стр. 429), „Наймичка“, т. е. работница по-малороссійски, представляетъ маленькую, быстроглазую дѣвочку, нанятую въ няньки, которая идетъ съ крошечнымъ ребенкомъ и съ корзинкою цвѣтовъ и кажется довольно надежною нянюшкой. Лица дѣвочки и малютки, углубленнаго въ созерцаніе цвѣтовъ, очень живо по обыкновенію схвачены художникомъ и очень милы, также какъ и лицо молоденькой женщины на картинѣ И. С. Галкина „За прялкой“ (стр. 432), задумчиво выполняющей эту, столь общую по русскимъ деревнямъ, женскую работу, съ ея жужжащимъ веретеномъ. за которымъ коротаютъ деревенскія женщины длинные, темные зимніе вечера.

„Лугинъ и Штоссъ“, М. Ю. Лермонтова.

(Рис. на стр. 433).

Нашъ рисунокъ изображаетъ сцену изъ превосходнаго „Отрывка изъ начатой повѣсти“ М. Ю. Лермонтова. въ которомъ мастерство и художественная простота разсказа соединяются съ глубокимъ интересомъ таинственнаго содержанія. Молодой свѣтскій человѣкъ Лугинъ тоскуетъ и ему кажется что онъ сходитъ съ ума: онъ слышитъ голосъ, который все твердитъ ему адресъ какого-то неизвѣстнаго ему дома. Онъ идетъ по этому адресу, находитъ указанную квартиру пустою и нанимаетъ ее. Около полуночи этого дня передъ нимъ является какое то видѣніе, старичекъ сѣдой и сгорбленный, и предлагаетъ Лугину играть въ штоссъ.

„Лугинъ взялъ передъ нимъ лежавшую колоду картъ и отвѣчалъ насмѣшливымъ тономъ:

„— А на что́ же мы будемъ играть? Я васъ предваряю, что душу свою на карту не поставлю! (Онъ думалъ этимъ озадачить привидѣніе). А если хотите, продолжалъ онъ.—я поставлю клюнгеръ: не думаю, чтобъ они водились въ вашемъ воздушномъ банкѣ

„Старика эта шутка ни мало не сконфузила

„— У меня въ банкѣ вотъ это! отвѣчалъ онъ, протянувъ руку

„— Это? сказалъ Лугинъ, испугавшись и кинувъ глаза налѣво. — Что́ это?

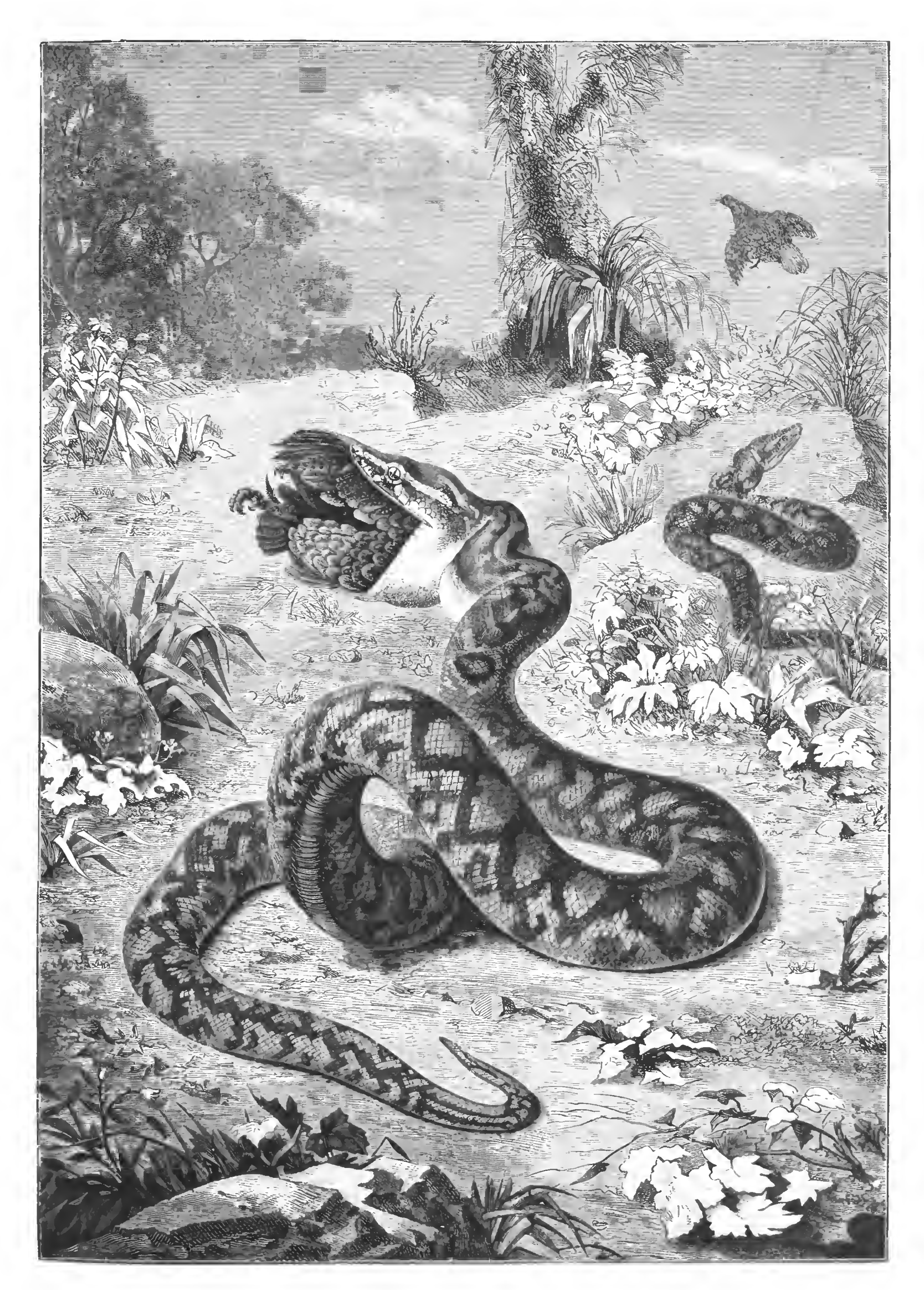
„Возлѣ него колыхалось что-то бѣлое, нѣжное и прозрачное. Онъ съ отвращеніемъ отвернулся.

„— Мечите! потомъ сказалъ онъ, оправившись, и вынувъ изъ кармана клюнгеръ, положилъ его на карту. Идетъ. темная.

„Старичекъ поклонился, стасовалъ карты, срѣзалъ и сталъ метать. Лугинъ поставилъ семерку бубенъ, и она съ оника была убита; старичекъ протянулъ руку и взялъ золотой....

„На другой день по утру Лугинъ никому о случившемся не говорилъ, просидѣлъ цѣлый день дома и съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ дожидался вечера. Когда наступила ночь, онъ всталъ съ своихъ креселъ, вышелъ въ сосѣднюю комнату, заперъ на ключъ дверь, ведущую въ переднюю, и возвратился на свое мѣсто. Онъ не долго дожидался: опять раздался шорохъ. хлопанье туфлей, кашель старика, и въ дверяхъ показалась его мертвая фигура. За нимъ подвигалась другая, но до того туманная, что Лугинъ не могъ разсмотрѣть ея формы. Старичекъ сѣлъ, какъ наканунѣ, положилъ на столъ двѣ колоды картъ, срѣзалъ одну и приготовился метать, повидимому. не ожидая отъ Лугина никакого сопротивленія. Въ его глазахъ блистала необыкновенная увѣренность, какъ будто они читали въ будущемъ...

Ильинская церковь Горно-Желтозерскаго погоста (Олонецк. губ.).
Съ аквар. Даля, рис. В. Сусловъ, грав. Гельштейнъ.

Пиѳонъ (Python Sebae) въ 1/8 натур. велич. Ориг. рис. А. Земцова, грав. М. Рашевскій.

„— Хорошо... я съ вами буду играть... я принимаю вызовъ... я не боюсь... только съ условіемъ: я долженъ знать, съ кѣмъ играю. Какъ ваша фамилія?

„Старичекъ улыбнулся.

„— Я ничего не играю, проговорилъ Лугинъ; а межъ тѣмъ дрожащая рука его вытаскивала изъ колоды очередную карту.

„— Что-съ? проговорилъ неизвѣстный, насмѣшливо улыбаясь.

„— Штоссъ?—это?.. У Лугина руки опустились, онъ испугался.

„Въ эту минуту онъ почувствовалъ возлѣ себя чье-то свѣжее ароматическое дыханіе, и слабый шорохъ, и вздохъ невольный, и легкое, огненное прикосновеніе. Странный, сладкій и вмѣстѣ болѣзненный трепетъ пробѣжалъ по его жиламъ; онъ на мгновенье обернулъ голову и тотчасъ опять устремилъ взоръ на карты“...

Эта полуфантастическая сцена и изображена нашимъ художникомъ.

Ильинская церковь (Олон. губ.). (Рис. на стр. 436).

На нашемъ сѣверѣ можно еще видѣть во всей чистотѣ типъ старорусскихъ деревянныхъ построекъ. Здѣсь нерѣдко можно встрѣтить то крестьянскую избу, по рисунку подробностей и очертанію крыши напоминающую, напримѣръ, царскій Коломенскій дворецъ, то древнюю характерную, оригинальную деревянную церковь, окруженную бревенчатою, почернѣвшею оградою своеобразнаго, давно забытаго типа. Здѣсь изображенный, прекрасный образецъ древней деревянной постройки—Ильинская церковь на Желтозерскомъ погостѣ (Олон. губ.) принадлежитъ къ такимъ любопытнымъ памятникамъ старины. Отдаленный Олонецкій край вообще отличается, какъ и Вологодскій и Архангельскій, большимъ количествомъ любопытнѣйшихъ остатковъ древней деревянной архитектуры. Этотъ рисунокъ принадлежитъ талантливому сотруднику нашему, молодому архитектору В. Суслову, который много занимался изученіемъ этого рода построекъ.

Пиѳонъ Ассала (Python Sebae). (Рис. на стр. 437).

Этотъ видъ пиѳоновъ, принадлежащій къ числу гигантскихъ змѣй, водится въ западной и средней Африкѣ. На верхней части головы идетъ темное, стрѣловидное пятно, оставляя по бокамъ только узкія бѣложелтоватыя полоски. Сѣрожелтоватый фонъ тѣла покрытъ различной формы коричневыми пятнами, болѣе темными по краямъ, а также поперечными полосками. Низъ тѣла обыкновенно сѣрожелтый. Во многихъ странахъ Гвинеи считаютъ этихъ змѣй божествомъ и поклоняются имъ въ храмахъ. По разсказу француза Маршэ, культъ змѣи имѣетъ свое преданіе. Однажды, когда войско царя Вида стояло въ боевомъ порядкѣ, изъ непріятельскаго лагеря приползла змѣя, которая была такъ ласкова, что позволила себя гладить. Верховный жрецъ взялъ ее на руки и провозгласилъ божествомъ. Негры бросились ницъ, поклониться новому богу, послѣ чего храбро устремились на враговъ и обратили ихъ въ бѣгство. Признавъ чудодѣйственную силу змѣи, сочли необходимымъ построить ей храмъ, который вскорѣ не могъ вмѣщать всѣхъ приходившихъ на поклоненіе, такъ что пришлось строить новые храмы. Змѣя стала считаться богинею войны, земледѣлія и торговли; нашлись жрецы и жрицы; ежегодно выбирались красивѣйшія дѣвушки и посвящались на служеніе богинѣ. Однако змѣя почитается не вездѣ; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ туземцы преслѣдуютъ и убиваютъ ее съ цѣлью попользоваться мясомъ.

Есть много неправдоподобныхъ разсказовъ объ образѣ жизни и величинѣ пиѳона. Говорятъ, что змѣя эта ловитъ не только козъ, овецъ и свиней, но даже леопардовъ, и достигаетъ такой величины, что можетъ проглотить буйвола. Но все это измышленія. Образъ жизни этихъ змѣй мало извѣстенъ, такъ какъ на охоту онѣ выходятъ исключительно ночью. Пиѳоны нигдѣ не встрѣчаются въ изобиліи, но и не составляютъ рѣдкости. Обыкновенно величина ихъ не превышаетъ 4—5 аршинъ. Всѣ пиѳоны, съ которыми пришлось встрѣчаться путешественникамъ днемъ, старались какъ можно скорѣе уйти. Открыть эту змѣй днемъ можно только при помощи пріученныхъ къ охотѣ лошадей или собакъ съ хорошимъ чутьемъ. Саважъ, который провелъ пять лѣтъ въ западной Африкѣ, разсказываетъ, что громадныя, около 8 аршинъ, змѣи нападали только на небольшихъ собакъ и мелкихъ антилопъ. Собакъ освобождали отъ страшныхъ объятій, убивая или закалывая змѣю. Швейнфуртъ живо разсказываетъ подобное же происшествіе. „Изъ глубокой расщелины, говоритъ онъ, скрывавшей меня и проводника, я выстрѣлилъ по маленькой, молодой антилопѣ. Я видѣлъ какъ она заковыляла по травѣ и ждалъ, что она упадетъ. Но вдругъ я услышалъ короткій жалобный голосокъ ея, и она исчезла изъ глазъ, точно провалилась. Я пробрался чрезъ траву, сталъ осматривать мѣстность и увидѣлъ наконецъ бившуюся антилопу, придавленную чѣмъ-то къ землѣ. Мнѣ казалось, точно кто набросилъ на нее пестрое сукно, но подойдя ближе я увидѣлъ большую змѣю, обвившую ее тремя кольцами“. Обыкновенно пиѳоны ловятъ некрупную дичь, особенно зайцевъ, бѣлокъ, мышей и другихъ живущихъ на землѣ грызуновъ, а также птицъ. По наблюденіямъ, произведеннымъ надъ змѣями Лондонскаго зоологическаго сада, извѣстно, что онѣ ничѣмъ не отличаются отъ азіатскихъ родственныхъ имъ змѣй. Въ январѣ 1862 г. самка пиѳона положила около сотни круглыхъ яицъ и легла на нихъ свернувшись, причемъ они отъ тяжести змѣи сплющились и склеились своею клейкою кожицею. Змѣя лежала на яицахъ до марта, сходя съ нихъ только на недолгое время. Наконецъ было замѣчено, что яица начинаютъ разлагаться, а потому они были вынуты и изслѣдованы. Въ немногихъ только оказались зародыши, остальные были наполнены жирною массою.

Суданцы, знающіе вѣроятно о безвредности пиѳоновъ, выходятъ охотиться на нихъ съ дубинкою, и ударомъ по головѣ убиваютъ змѣю. Выстрѣлъ среднею дробью также легко убиваетъ змѣй. Раненая змѣя въ состояніи однако напасть на человѣка. Швейнфуртъ, продолжая свой разсказъ, говоритъ, что, увидѣвъ змѣю на антилопѣ, онъ отошелъ на нѣсколько шаговъ и выстрѣлилъ въ нее, послѣ чего пиѳонъ мгновенно выпрямился, поднявшись съ земли выше чѣмъ на аршинъ, и съ необыкновенною быстротою бросился на Швейнфурта. Тотъ однако замѣтилъ, что задняя часть тѣла змѣи не двигалась, такъ какъ одинъ позвонокъ былъ прострѣленъ. Тогда Швейнфуртъ далъ еще нѣсколько выстрѣловъ, пока змѣя не упала.

Въ западномъ Суданѣ мясо пиѳона ѣдятъ, приправляя солью и краснымъ перцемъ. По нѣжное на видъ, какъ мясо цыпленка, оно жестко и его съ трудомъ можно разжевать. Важнѣе мяса суданцы считаютъ кожу змѣи, которую употребляютъ на различныя украшенія. Жиръ пиѳона считается нѣкоторыми племенами цѣлительнымъ.

И. С. Ганецкій. (Портр. на стр. 441).

(Некрологъ).

Какъ уже было сообщено въ № 16 „Нивы“, 8-го сего апрѣля, скончался комендантъ с.-петербургской крѣпости, членъ Военнаго Совѣта и Александровскаго комитета о раненыхъ, генералъ-адъютантъ, генералъ-отъ-инфантеріи Иванъ Степановичъ Ганецкій 1-й. И. С. Ганецкій родился въ 1810 году и происходилъ изъ дворянъ Смоленской губерніи; воспитывался въ 1-мъ кадетскомъ корпусѣ, и по окончаніи курса, въ 1828 году, поступилъ на службу прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи финляндскій полкъ. Покойный И. С. Ганецкій почти всю свою долговременную службу провелъ въ рядахъ войска и участвовалъ во всѣхъ значительнѣйшихъ военныхъ дѣйствіяхъ послѣдняго пятидесятилѣтія, начиная съ покоренія Кавказа и кончая послѣднею Турецкою войною 1877—78 годовъ. Въ 1836 г. И. С. Ганецкій, состоя подъ начальствомъ генералъ-лейтенанта Малиновскаго 1-го, участвовалъ въ движеніи отъ Ольгинскаго тетъ-де-пона, для исправленія плотинъ черезъ Аулицкія и Плоховическія болота и для препровожденія транспортовъ съ разными запасами къ Абинскому и Николаевскому укрѣпленіямъ. Въ промежутокъ времени съ мая по ноябрь того же года покойный участвовалъ въ перестрѣлкахъ, въ сопровожденіи транспортовъ и въ сооруженіи укрѣпленій на театрѣ военныхъ дѣйствій на Кавказѣ. Въ венгерскую кампанію 1849 г. И. С. Ганецкій участвовалъ въ походѣ гвардіи къ западнымъ предѣламъ Имперіи. Во время Крымской войны, въ 1854 и 1855 годахъ, покойный находился въ составѣ войскъ, охранявшихъ прибрежья С.-Петербургской и Выборгской губерній. Въ 1863 г. И. С. Ганецкій принималъ участіе въ усмиреніи польскаго мятежа. Въ Турецкой войнѣ 1877—78 годовъ И. С. Ганецкій въ одной изъ перестрѣлокъ съ непріятелемъ подъ Плевною былъ контуженъ гранатою въ голову. Въ дѣлѣ подъ Плевною 28 ноября 1877 года онъ начальствовалъ надъ русскими и румынскими войсками и одержалъ побѣду надъ непріятелемъ, имѣвшую результатомъ полное пораженіе турокъ и плѣненіе главнокомандовавшаго турецкою арміею Османа-паши. Въ генеральскихъ чинахъ покойный И. С. Ганецкій состоялъ съ 1855 г., когда онъ былъ за отличія по службѣ произведенъ въ генералъ-маіоры. Въ 1863 году онъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты, въ 1878 году—въ генералъ-отъ-инфантеріи; въ этомъ же году покойный былъ назначенъ генералъ-адъютантомъ къ Его Императорскому Величеству. Въ 1881 году И. С. Ганецкій былъ назначенъ комендантомъ с.-петербургской крѣпости и оставался въ этой должности до своей кончины.

Политическое обозрѣніе.

Инцидентъ Шнебеле. 17 апрѣля.

Среди сравнительнаго затишья, преобладавшаго въ политикѣ за всю Святую недѣлю, неожиданно грянулъ громъ. Изъ небольшаго французскаго городка Паньи-на-Мозелѣ отъ 9 (21) апрѣля, пришла слѣдующая телеграмма, встревожившая дипломатовъ и печать всей Европы: „Французскій спеціальный комиссаръ при здѣшней желѣзнодорожной станціи Шнебеле арестованъ германскою полиціей. Впредь до полученія дальнѣйшихъ извѣстій полагаютъ, что онъ сдѣлался жертвою устроенной противъ него засады. Шнебеле получилъ нѣсколько писемъ отъ германскаго полицейскаго комиссара въ Арсѣ Гауча, который предлагалъ Шнебеле пріѣхать къ нему для совѣщаній относи-

тельно пограничной службы. Вчера, въ 2 ч. пополудни, Шнебеле отправился пѣшкомъ къ Гаучу. Вдругъ два германскіе агента схватили его и отвели въ Новеанъ, откуда онъ былъ отправленъ въ Мецъ. „Metzerzeitung“ утверждаетъ, что арестованіе Шнебеле находится въ связи съ агитаціею лиги патріотовъ, но обвиненіе это лишено всякаго основанія. Какъ арестъ самъ по себѣ, такъ и обстоятельства, при которыхъ онъ состоялся, произвели въ Мецѣ и Нанси сильное впечатлѣніе“. Одновременная телеграмма изъ Парижа лишь усугубляла это впечатлѣніе: въ ней, на основаніи извѣстій изъ Нанси и Наньи, сообщались слѣдующія подробности ареста Шнебеле: „Получивъ отъ германскихъ властей приглашеніе возстановить пограничный столбъ и переступивъ нѣсколько метровъ за пограничную черту, Шнебеле былъ схваченъ германскими полицейскими агентами, одѣтыми въ сѣрыя блузы. Приказъ объ арестованіи исходитъ, будто бы, отъ мецскаго суда, который въ свою очередь дѣйствуетъ на основаніи инструкцій, полученныхъ изъ Страсбурга. Шнебеле временно заключенъ въ Мецѣ, въ тюрьму предварительнаго заключенія, гдѣ къ нему никого не допускаютъ. Прокуроръ французскаго окружнаго суда поѣхалъ изъ Нанси въ Наньи для производства слѣдствія. Разсказываютъ также, будто Шнебеле былъ арестованъ германскою полиціей на французской территоріи. Поджидая германскаго комиссара изъ Арса-на-Мозелѣ, Шнебеле перешелъ нѣсколько метровъ за пограничную черту и былъ схваченъ двумя полицейскими агентами, но повалилъ ихъ на-земь и вернулся на французскую территорію. Полицейскіе агенты схватили его вторично уже на французской территоріи и увлекли за границу, заковавъ въ ручные кандалы“.

По первой тревогѣ, германскій уполномоченный увѣдомилъ 10 апрѣля Флуранса, что германское правительство не составило еще себѣ окончательнаго сужденія относительно обстоятельствъ арестованія Шнебеле и предоставляетъ себѣ, совмѣстно съ французскимъ правительствомъ, разсмотрѣть это дѣло, но что во всякомъ случаѣ Шнебеле арестованъ по распоряженію суда. На другой день германскій уполномоченный протестовалъ у Флуранса противъ всякой мысли о вызовѣ, брошенномъ Франціи со стороны германскаго правительства. Онъ заявилъ, что слѣдствіе, производимое мецскимъ прокуроромъ, еще не закончено. Тотчасъ же, какъ оно закончится, будутъ сообщены французскому правительству результаты и указанія, на основаніи которыхъ состоялось постановленіе объ арестѣ. Уполномоченный присовокупилъ, что германское правительство желало бы получить документальное сообщеніе о французскомъ слѣдствіи. 11 апрѣля въ совѣтѣ французскихъ министровъ было рѣшено переслать чрезъ Флуранса здѣшнему германскому уполномоченному и французскому послу въ Берлинѣ, Эрбетту, донесеніе о слѣдствіи по поводу арестованія Шнебеля, чтобы сообщить это донесеніе германскому правительству.

Между тѣмъ, телеграфъ изъ Парижа сообщалъ всѣ болѣе сенсаціонныя извѣстія. Вотъ эти телеграммы: отъ 10 (22) апрѣля: „Вся здѣшняя печать, на основаніи имѣющихся у нея свѣдѣній, единодушно утверждаетъ, что Шнебеле былъ арестованъ на французской территоріи. Газетѣ „Temps“ телеграфируютъ изъ Страсбурга, что германскія власти подозрѣвали Шнебеле въ томъ, будто онъ поддерживалъ на германской территоріи сношенія сомнительнаго свойства, для доставленія французскому правительству свѣдѣній о военныхъ мѣропріятіяхъ въ окрестностяхъ Меца“. 12 (24) апрѣля: „Въ числѣ документовъ по дѣлу Шнебеле, посланныхъ въ Берлинъ, находятся два письма германскаго коммисара Гауча отъ текущаго мѣсяца, въ которыхъ тотъ предлагаетъ Шнебелю пріѣхать на свиданіе. Шнебеле былъ арестованъ именно въ то время, когда шелъ на свиданіе. Завтра г. Эрбеттъ сообщитъ означенные документы германскому правительству“. 13 (25) апрѣля: „Вчера, вечеромъ, въ Берлинъ отправлены дополнительные документы по дѣлу Шнебеле; эти документы—факсимиле двухъ писемъ германскаго пограничнаго коммисара Гауча, составляющіе формальное доказательство того, что французскій коммисаръ былъ вовлеченъ въ засаду.“

Въ ожиданіи оффиціальныхъ разъясненій, вопросъ о территоріи на которой арестованъ Шнебеле породилъ цѣлую полемику между французскими и нѣмецкими газетами. Въ „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ отъ 24-го апрѣля читаемъ: „Намъ сообщаютъ изъ самаго достовѣрнаго источника, что арестъ французскаго полицейскаго коммиссара Шнебеле послѣдовалъ на германской территоріи. Это подтверждается свидѣтельскими показаніями и не отрицается даже самимъ Шнебеле. Онъ обвиняется, какъ соучастникъ измѣнническихъ интригъ въ имперской области, которымъ содѣйствовалъ, злоупотребляя служебнымъ своимъ положеніемъ. Судебное распоряженіе объ арестѣ Шнебеля состоялось лишь въ виду убѣдительныхъ доказательствъ его виновности“. Со своей стороны „Le Nord“ говоритъ: „Необходимо выяснить, дѣйствительно-ли Шнебеле заманили за пограничную черту по дѣламъ службы, посредствомъ оффиціальнаго приглашенія со стороны германскаго коммиссара. Если арестъ произведенъ при такихъ обстоятельствахъ, то образъ дѣйствій германскихъ властей долженъ быть несомнѣнно признанъ неправильнымъ, такъ какъ личность Шнебеле стушевывалась передъ оффиціальнымъ его характеромъ и арестовать его нельзя было никоимъ образомъ“.

Между тѣмъ, ни съ той, ни съ другой стороны оффиціальныхъ разъясненій еще не послѣдовало, только 16 (28) телеграфъ принесъ извѣстіе, что „Norddeutsche Allgemeine Zeitung“ передаетъ обстоятельства дѣла Шнебеле въ томъ видѣ, какъ они были сообщены имперскимъ судебнымъ вѣдомствомъ министерству иностранныхъ дѣлъ. По этому сообщенію, противъ торговаго агента Клейна изъ Страсбурга и фабриканта Греберта изъ Шильтингейма, возбуждено предварительное судебное слѣдствіе за сообщеніе плановъ крѣпостей и измѣнническихъ извѣстій. Кромѣ того, удостовѣрены ихъ сношенія съ французскимъ полицейскимъ агентомъ Гиршгауэромъ. Были тоже адресованы письма въ Парижъ, къ начальнику развѣдочнаго бюро, Венсану. По этимъ дѣламъ Шнебеле имѣлъ свиданія и переписывался. Шнебеле былъ арестованъ по приказанію судебнаго слѣдователя состоявшимъ при немъ уголовнымъ коммиссаромъ. Доказано, что арестованіе Шнебеле произведено на германской территоріи. Шнебеле сознался, что написалъ три письма и служилъ посредникомъ въ перепискѣ, имѣющей измѣнническій характеръ. Затѣмъ дѣло получило совершенно неожиданный оборотъ. Какъ телеграфируютъ изъ Парижа отъ 17 апрѣля: Министръ иностранныхъ дѣлъ получилъ отъ посла Эрбетта по телеграфу извѣщеніе, что графъ Гербертъ Бисмаркъ увѣдомилъ его, что, согласно приказанію императора Вильгельма, послано приказаніе освободить Шнебеле.

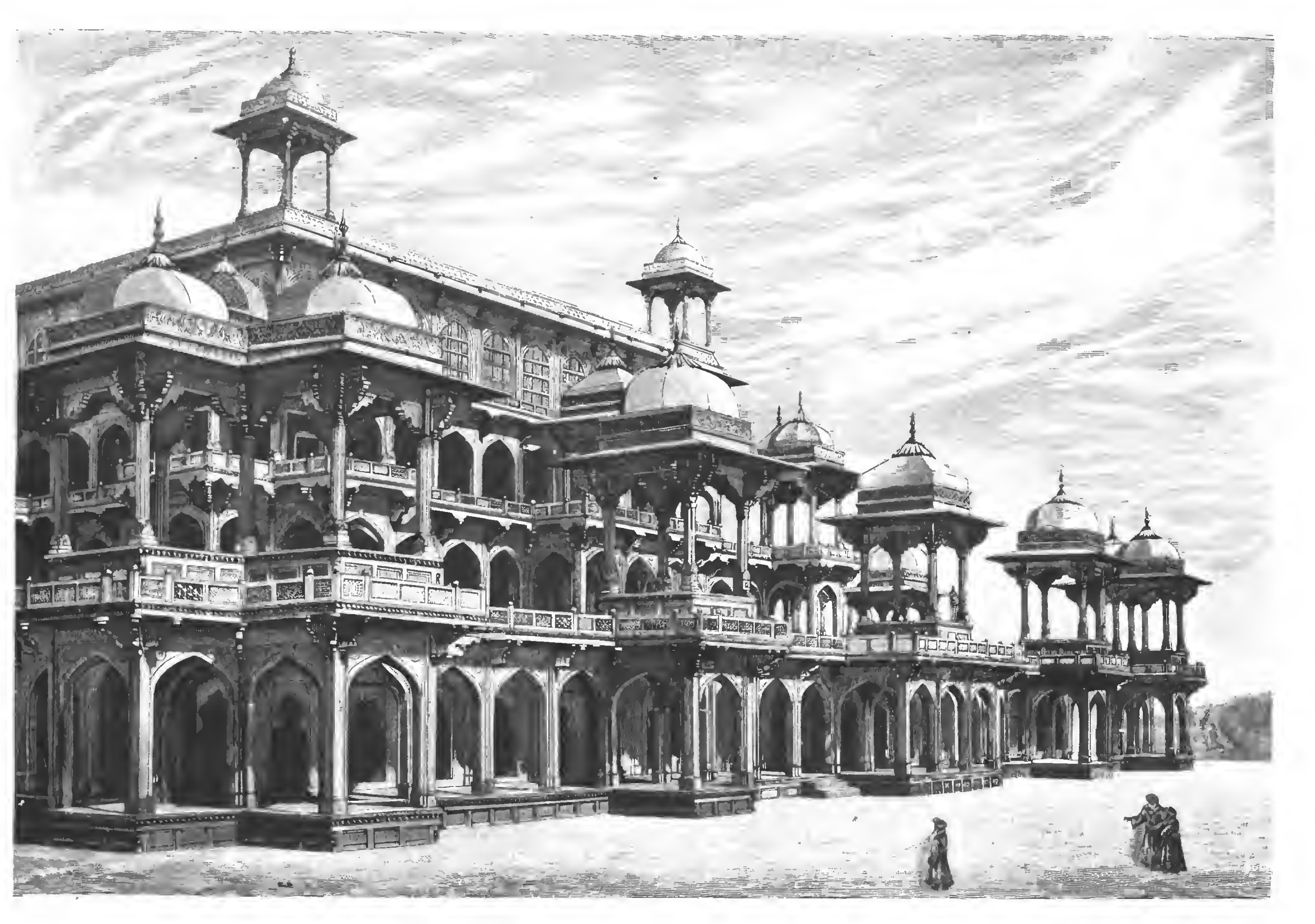
50-лѣтній юбилей Я. П. Полонскаго.

Праздникъ 10 апрѣля былъ рѣдкимъ въ наше время торжествомъ чистаго искусства. Старые и молодые писатели всевозможныхъ оттѣнковъ, представители всѣхъ родовъ художества изобразительнаго, музыканты, сценическіе артисты, представители администраціи и общества, собрались привѣтствовать маститаго юбиляра, всю жизнь свою высоко державшаго знамя истиннаго художника.

Во второмъ часу дня, на квартирѣ Якова Петровича Полонскаго, депутація отъ кружка художниковъ-любителей (кружокъ „Понедѣльниковъ“, собирающійся въ Соляномъ Городкѣ) поднесла юбиляру адресъ, рисованный Н. Н. Каразинымъ, и альбомъ иллюстрацій къ произведеніямъ чествуемаго поэта, составленный изъ 25 оригинальныхъ рисунковъ, исполненныхъ членами кружка, и номѣщающійся въ дубовомъ ящикѣ-пюпитрѣ съ выжженнымъ на крышкѣ рисункомъ работы г-жи Каразиной.

Къ шести часамъ вечера болѣе полутораста почитателей нашего поэта собрались на обѣдъ въ залу Благороднаго собранія, гдѣ въ группѣ растеній былъ поставленъ бюстъ юбиляра, работа его супруги, Ж. А. Полонской. Прибытіе юбиляра привѣтствовалъ долго несмолкавшій громъ рукоплесканій и затѣмъ съ эстрады торжественный маршъ, исполненный оркестромъ подъ управленіемъ г. Жоржа. Юбиляръ занялъ мѣсто въ середипѣ центральнаго стола, между управляющимъ министерствомъ финансовъ, т. с. Вышнеградскимъ, и Рубинштейномъ. Около нихъ сидѣли начальникъ главнаго управленія по дѣламъ печати Е. М. Ѳеоктистовъ, товарищъ государственнаго контролера Т. И. Филипповъ, сенаторъ генералъ Гедеоновъ, генералъ Кармалинъ и др. По другую сторону стола, противъ юбиляра, заняли мѣста его супруга, семейство и предсѣдатель юбилейнаго комитета, маститый сверстникъ Я. П. Полонскаго и собратъ по искусству, знаменитый поэтъ А. Н. Майковъ, который и открылъ чествованіе юбиляра сообщеніемъ ему о Монаршей милости,—пожалованіи юбиляру удвоенной по службѣ пенсіи. Это извѣстіе было встрѣчено восторженнымъ „ура“ всѣхъ присутствовавшихъ. „Гимнъ, гимнъ“! крикнули всѣ и выслушали его стоя. Первый тостъ за здоровье Государя Императора, провозглашенный А. Н. Майковымъ, снова покрыло восторженное „ура“. Были прочитаны—„адресъ отъ писателей, ученыхъ, художниковъ и музыкантовъ“, „отъ II отдѣленія Академіи Наукъ“ и „адресъ отъ общества любителей сценическаго искусства“, нѣсколько стихотворныхъ посланій юбиляру (между прочимъ, исполненныя теплаго, задушевнаго чувства стихи Майкова и стихотвореніе кн. Цертелева), писемъ и телеграммъ, въ томъ числѣ привѣтствія отъ отсутствовавшихъ—К. П. Побѣдоносцева и М. Н. Каткова. Говорили привѣтствія юбиляру П. И. Вейнбергъ, извѣстный нѣмецкій критикъ г. Брандесъ и др.; Общества любителей сценическаго искусства, литературно-драматическое и др., а также друзья и почитатели поднесли юбиляру изящные подарки, между прочимъ: серебряную группу, чернильницу и серебряное перо въ особомъ футлярѣ.

Оживленное юбилейное торжество закончилось артистическимъ вечеромъ, который открылъ А. Г. Рубинштейнъ, сыгравъ свою фантазію на русскіе мотивы и сонату Бетховена. Затѣмъ чередовались пѣніе и музыка, прерываемыя живыми картинами, изъ которыхъ особенно удалась изображавшая самого юбиляра и музу. Потомъ начались танцы, такъ какъ въ числѣ почтившихъ юбиляра было много дамъ, и долго веселилась молодежь, придавъ торжеству характеръ семейный... И въ самомъ дѣлѣ, вѣдь это была одна изъ извѣстныхъ Петербургу „пятницъ“ у Полонскихъ, перенесенная на этотъ разъ въ Благородное Собраніе.

Мавзолей Великаго Могола Акбара, бл. Сикандры, въ садахъ г. Багиштабада. Съ фотогр. грав. Флюгель.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайшею грамотой завѣдывающій придворнымъ духовенствомъ, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, протоіерей, магистръ богословія, Іоаннъ Янышевъ Всемилостивѣйше сопричисленъ къ Императорскому ордену святаго благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго.

— Русскій посолъ въ Парижѣ, баронъ Моренгеймъ, 8 (20) апрѣля вернулся изъ Каннъ къ своему посту.

— „St Petersburger Zeitung“ сообщаетъ, что управляющій министерствомъ финансовъ, тайный совѣтникъ Вышнеградскій, занятъ въ настоящее время еще нѣсколькими проектами налоговъ, какъ слышно, на роскошь.

— По словамъ газеты „Новости“, въ Государственномъ совѣтѣ поступилъ на обсужденіе второй проектъ возвышенія табачнаго акциза и установленія правилъ, на основаніи коихъ можетъ быть введена табачная монополія.

— Временно ограниченъ отпускъ фабрикамъ табачныхъ бандеролей.

Генералъ-отъ-инфантеріи Иванъ Степановичъ Ганецкій. † 8 апрѣля.
Съ фотогр. Бергамаско, грав. Ю. Барановскій.

Военное и морское дѣло.

— 31 марта, въ 3 часа пополудни, Е. И. В. В. К. генералъ-адмиралъ Алексѣй Александровичъ посѣтилъ с.-петербургскій металлическій заводъ, который въ настоящее время занятъ изготовленіемъ гидравлическихъ вращающихся башенъ-станковъ для 12-ти-дюймовыхъ орудій, длиною въ 35 калибровъ, для броненосца „Чесма“.

— 30 марта происходило въ Кронштадтѣ ежегодное состязаніе офицеровъ въ стрѣльбѣ въ цѣль на призы, выдаваемые морскимъ вѣдомствомъ. Всѣхъ офицеровъ, получившихъ право на состязаніе на призы, было 38. Стрѣльба, по сообщенію „Кроншт. Вѣстн.“, была необыкновенно удачна: изъ 38 состязавшихся 11 не сдѣлали ни одного промаха. Первый призъ получилъ лейтенантъ 7 флотскаго экипажа Ивановъ 9-й.

— Въ первой половинѣ февраля фрегатъ „Владиміръ Мономахъ“ находился въ Испаніи, въ Маниллѣ. Въ это время тамъ былъ праздникъ стрѣлковъ—народное состязаніе въ стрѣльбѣ, въ которомъ принимала участіе вся знать Маниллы и на которое, по предложенію генералъ-губернатора, былъ приглашенъ и русскій офицеръ съ фрегата, старшій артиллеристъ Захарченко. Онъ взялъ у испанцевъ всѣ призы.

— Въ текущемъ году отходъ пароходовъ общества добровольнаго флота изъ Одессы во Владивостокъ назначенъ: 1, 10 и 20 марта, 1 апрѣля, 5 іюня, 5 и 15 августа.

Промышленность и торговля.

— Въ настоящее время почти совершенно прекратился привозъ въ Россію листоваго желѣза изъ Франціи и Бельгіи. Вмѣстѣ съ тѣмъ спросъ на русское желѣзо значительно увеличился, и русскіе заводчики, какъ напр. Балашевъ, Демидовъ и др., устроили свои главныя конторы въ Ростовѣ и Царицынѣ, куда сплавляется по Волгѣ русское желѣзо, цѣною ниже бельгійскаго. Въ послѣднее время агенты русскихъ заводовъ заключили весьма выгодныя сдѣлки въ Одессѣ. Сортовое желѣзо привозится теперь въ Одессу уже не изъ Англіи и Бельгіи, какъ прежде, а изъ русскихъ привислинскихъ заводовъ.

— Настроеніе заграничныхъ хлѣбныхъ рынковъ на недѣлѣ 22—28 минувшаго марта (ст. ст.) продолжало оставаться малодѣятельнымъ. Особыхъ измѣненій въ цѣнахъ при этомъ не произошло; въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ случаяхъ усматривалось даже наибольшее повышеніе, но общій характеръ колебаній указывалъ все-таки, по сообщенію „Вѣстн. Финанс., Промышл. и Торговли“, на преобладающую наклонность къ пониженію. На русскихъ рынкахъ особыхъ перемѣнъ также не видно. Въ портахъ и на внутреннихъ хлѣботорговыхъ пунктахъ, за небольшими исключеніями, настроеніе тихое и цѣны слабыя. На волжскихъ пристаняхъ покупки заканчиваютъ.

Скульптура.

— Академику Опекушину присуждена комитетомъ 1 премія за проектъ памятника графу Муравьеву-Амурскому, который долженъ быть поставленъ въ гор. Хабаровкѣ, на берегу рѣки Амура.

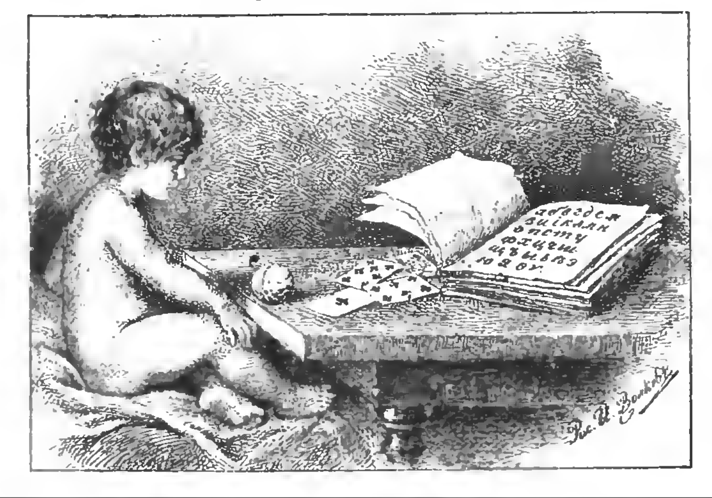
Археологія и древности.

— Въ юртѣ Владимірской, области войска Донскаго, въ курганѣ, близъ дороги, идущей отъ бывшей Клиновской станціи на пос. Тацынъ, на глубинѣ трехъ аршинъ, недавно найдена каменная статуя изъ сѣраго песчаника, вышиною въ 2 арш. 3 четв. и 2 вершка. На головѣ статуи—остроконечная шапка, на лицѣ—довольно отчетливо высѣчены глаза, носъ, уши и усы; сзади, по спинѣ идетъ заплетенная въ три ряда коса; руки соединены и держатъ что-то въ родѣ коробки или свернутаго платка; самая статуя помѣщается на четыреугольномъ пьедесталѣ, въ сидячемъ положеніи.

Финансы.

— По газетнымъ извѣстіямъ, въ теченіе трехъ дней подписки на внутренній 4% заемъ, во всей Россіи подписано въ двадцать разъ болѣе всей суммы займа.

Ребусъ. Задача № 29.

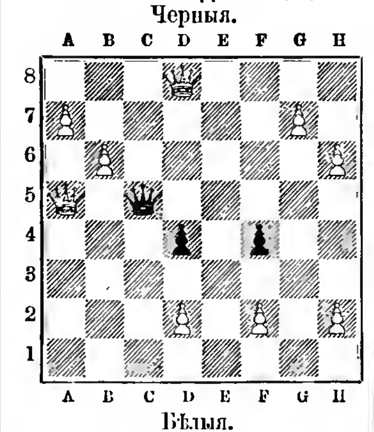
Задача № 30.

Повернуть всѣ колеса настолько, чтобы читая послѣдовательно сперва въ одномъ направленіи по буквамъ однообразно расположеннымъ, затѣмъ при томъ же условіи въ другомъ, третьемъ и четвертомъ направленіяхъ, — въ общемъ получить одну пословицу.

Шашечная задача № 31.

Черныя.

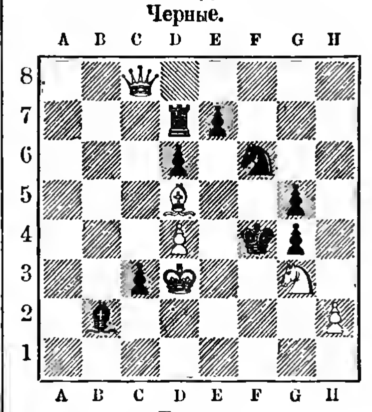

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черныхъ въ 8 ходовъ.

Шахматная задача № 32.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

ИЗДАТЕЛЬ и РЕДАКТОРЪ принимаютъ, для личныхъ объясненій, ежедневно (кромѣ праздничныхъ дней) отъ 2-хъ до 3-хъ часовъ.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску,** которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива“. № 2405

КУМЫСЪ.

Вышло изъ печати 3-е изданіе монографіи д-ра Постникова о кумысѣ, 30-лѣтняя дѣятельность по кумысо-терапіи. Брошюра служитъ руководствомъ ѣдущимъ на кумысъ, стоитъ 60 коп.—марками, у автора въ Самарѣ. Лечебный курсъ начнется съ 1-го мая, объявленіе высылается по требованію безплатно. 2—1 № 2556

Частная лечебница тайнаго совѣтника

Д-ра Эдуарда Левинштейна

MAISON DE SANTÉ

Шёнебергъ—Берлинъ, W.

подъ управленіемъ д-ра Ястровица.

1. Для больныхъ тѣлесными недугами, электротерапія, массажъ. Р. № 2491
2. Для нервно-больныхъ, съ особымъ отдѣленіемъ для морфіоманіи. 4—3
3. Для умственнаго разстройства.

Только съ этою фабрич. маркою подлинно

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2088 36—31

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Стремянная, № 4.

Можно получить въ **Нарвѣ:** въ аптек. маг. Эд. Отто; въ **Лодзи:** въ аптек. маг. А. Липинскаго и М. Лизіека; въ **Ельцѣ:** въ аптекѣ А. де-Пизо; въ **Твери:** въ аптекарскомъ маг. С. Н. Фальковскаго; въ **Везенбергѣ:** у Кансбергъ; въ **Кишиневѣ:** въ апт. маг. Бр. Каушанскихъ и Ѳ. Б. Лизянскаго; въ **Орлѣ:** въ аптек. магаз. Эд. К. Гермута; въ аптекахъ Б. Гапа и Д. Гордона.

ДЕПО ЧАСОВЪ

Ю. ЭРГАРДТЪ

СПБ. Офицерская ул., № 18. № 2528 10—2

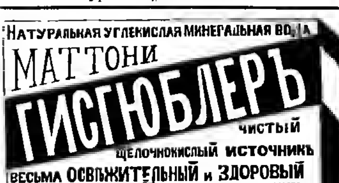
Рекомендуетъ **серебр.** анкерн. часы для призовъ отъ 14 руб.

Спеціалистъ для поправокъ хронометровъ и сложныхъ часовъ.

Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

ЧОКРАКСКОЕ

Грязе-лечебное, въ Крыму, въ 12-ти верстахъ отъ г. Керчи. Сезонъ съ 20-го мая. Курсъ леченія 3-хъ недѣльный. Подробности см. въ № 11 журнала „Нива“. № 2467 5—3

ПРОДАЮТСЯ КНИГИ:

ПРѢСНОВОДНЫЙ АКВАРІУМЪ

(устройство и содержаніе).

Н. Сорокина, съ 86 рис. М. 1887 г. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.

ИГРА ВЪ ВИНТЪ

(съ примѣрами игры и разыгрыванія). М. 1886 г. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

КЭФИРЪ

(кумысъ изъ коровьяго молока)

его составъ, физіологическое и терапевтическое значеніе и способы приготовленія и употребленія. Д-ра Н. Соболева. Ц. 40 к., съ перес. 60 к.

О сохраненіи здоровья женщины

понятія о менструаціи, беременности и гигіэна этихъ состояній. А. Соловьева, съ политипажами въ текстѣ. М. Ц. 75 к., съ перес. 1 р.

Въ книжномъ магазинѣ

А. Л. Васильева

Москва, Страстной бульваръ, д. кн. Горчакова. № 2551

Какъ не содержащая въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ, разрѣшена С.-Петербургскимъ Столичнымъ Врачебнымъ Присутствіемъ на общихъ основ. торговли.

ПОМАДА

№ 2544

для окрашиванія сѣдыхъ волосъ въ прежній ихъ цвѣтъ. Флаконъ **3 р.,** пересылка **1 р.** Гороховая ул., д. 57. Магазинъ-парикмахерская **Ивановой.**

Поступила въ продажу во всѣхъ петербургскихъ и московскихъ книжныхъ магазинахъ **новая книга А. Скабичевскаго:**

ГРАФЪ Л. ТОЛСТОЙ

КАКЪ ХУДОЖНИКЪ и МЫСЛИТЕЛЬ.

СПб. 1887 г. 234 стр. **Цѣна 1 руб. Содержаніе:** Общая характеристика литературной дѣятельности графа Л. Толстого по 1872 годъ.—Разладъ художника и мыслителя (по поводу романа „Анна Каренина“).—Мысли и замѣтки по поводу нравственно-философскихъ идей графа Л. Толстого.—Власть тьмы. Mt. № 2558

Главный складъ въ книжн. магазинѣ **Н. Карбаснинова** въ Петербургѣ (Литейная, д. 48).

ПОВѢСТИ И РАЗСКАЗЫ *Вс. Крестовскаго* (автора „Петербургскихъ Трущобъ“); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ перес. 1 р. 50 к.

Hôtel du Nord, Dresde

NOUVELLEMENT OUVERT

Rue Mosczinsky, au coin de la **Pragerstr.** près de la gare centrale.

Chambres depuis 2 Mark (bougies et service inclus), d'après tarif. Pension depuis 5 Mark.

Tous les pourboires sont supprimés.

Bon restaurant. Jardin.

P. № 2518 5 1 **L. NAHKE,** propriétaire.

EAU DE LYS DE LOHSE

Она очищаетъ лицо; бѣлая и розовая вода для бѣлокурыхъ, желтая вода для брюнетокъ.

ЛОЗЕ мыло изъ лилейнаго молока,

вслѣдствіе своей чистоты есть безспорно нѣжнѣйшее туалетное мыло. Кусокъ въ бѣлой оберткѣ **65 коп.,** съ запахомъ турецкой розы **1 р. 50 к.** лучшаго качества.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ, 46 Гегерстрассе, БЕРЛИНЪ.

Поставщикъ Е. И. В. Императрицы Германской, придворный поставщикъ Е. И. И. В. Наслѣдной Принцессы Германской Госуд. Пруссіи.

МОЖНО ИМѢТЬ ВО ВСѢХЪ ПАРФЮМЕРН. МАГАЗИНАХЪ И У ВСѢХЪ ДРОГИСТОВЪ РОССІИ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, №. 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

О-де-колонъ № 4 (Экстраитъ) по 50 к. и 1 р.

Туалетная вода спеціальная по 90 коп.

Туалетная вода Шипръ по 1 руб.

Туалетный уксусъ гигіеническій и освѣжительный по 60 коп.

Уксусъ Віолетъ де-Пармъ по 75 коп.

Туалетныя воды высшаго качества по 80 к. и 1 р. 60 к.

Иксора Бреони. Буке Императрисъ. Шампана. Жоней Клубъ. Кадзура. Опопонаксъ. Віолетъ де-Пармъ. Бѣлая Роза.

Лѣсная вода для куренія по 50 коп.

приготовленная съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.

Духи самаго высшаго качества по 1 руб.

Бѣлый Геліотропъ.—Ландышъ.—Лила бланъ.—Эссъ Буке.—Эссъ Віолетъ.

НЕЗАМѢНЯЕМЫЙ БУКЕТЪ по 2 р.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 82.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уг. Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54.

(Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“. Pt. № 2546

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. Вс. Соловьева. Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.; въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

Сокращенный тарифъ премій на 1887 г.	
Со 100 руб. застрах. цѣнности за рожь, овесъ, ячмень и пшеницу взимается:	
Въ губерніяхъ:	Коп.
Кіевской, Пензенской, Могилевской, Черниговской, Волынской	215
Тамбовской, Бессарабской, Полтавской	180
Воронежской, Подольской, Симбирской	160
Самарской, Орловской, Нижегородской	140

ОБЩЕСТВО
ВЗАИМНАГО СТРАХОВАНІЯ ПОСѢВОВЪ
ОТЪ ГРАДОБИТІЯ

(ОСНОВАННОЕ ВЪ 1877 ГОДУ).

Приглашая господъ сельскихъ хозяевъ къ застрахованію посѣвовъ, имѣетъ честь сообщить для всеобщаго свѣдѣнія слѣдующія главныя положенія изъ своего устава и правилъ страхованія.

Сокращенный тарифъ премій на 1887 г.	
Со 100 руб. застрах. цѣнности за рожь, овесъ, ячмень и пшеницу взимается:	
Въ губерніяхъ:	Коп.
Смоленской, Минской, Калужской, Курской, Саратовской, Харьковской	140
Московской, Рязанской, Владимірской, Тульской, Казанской, Тверской и въ Прибалтійскихъ губерніяхъ	120

Всѣ страхователи, независимо отъ размѣра страховой суммы, считаются членами Общества и пользуются правомъ голоса на общихъ собраніяхъ.

При первоначальномъ застрахованіи съ объявленной цѣнности посѣвовъ вносится единовременно **два процента**, или 2 коп. съ рубля, въ запасный капиталъ и, кромѣ того, премія по тарифу. Въ уплатѣ 2% членскаго взноса допускается разсрочка. Запасный капиталъ составляетъ нераздѣльную собственность всѣхъ членовъ Общества.

Убытки, причиняемые градомъ, покрываются изъ поступающихъ премій, а при недостаткѣ послѣднихъ—изъ запаснаго капитала.

Всѣ прибыли Общества составляютъ собственность членовъ-страхователей и служатъ какъ для усиленія запаснаго капитала, такъ и для удешевленія премій.

Опредѣленіе убытковъ производится при содѣйствіи самихъ страхователей чрезъ опытныхъ агрономовъ, избираемыхъ преимущественно изъ среды членовъ Общества.

Вознагражденіе за убытки, причиненные градомъ, выдается, согласно устава, въ 30-дневный срокъ со дня послѣдовавшаго соглашенія.

№ 2554

За 10-лѣтній періодъ дѣятельности Обществомъ было заключено 17.503 страхованія и выдано вознагражденій за 2.743 убытка С. 1.624.434 рубля.

Страхованіе заключается безъ всякихъ побочныхъ расходовъ для страхователей и принимается безъ осмотра засѣянныхъ полей, на основаніи объявленій, подаваемыхъ страхователями на бланкахъ Общества.

За полученіемъ бланковъ объявленій и за разъясненіемъ всѣхъ подробностей, желающіе застраховать благоволятъ обращаться въ **Правленіе Общества—Москва, Мясницкая ул., д. Куманина**, или въ агентства Общества, открытыя почти во всѣхъ городахъ.

СОКРАЩЕННЫЙ СПИСОКЪ АГЕНТСТВЪ.

ОКРУЖНЫЯ УПРАВЛЕНІЯ.

Кіевъ . . . . **В. А. Ноткинъ.**
Варшава . . . . **Э. Эпштейнъ.**
Вильна . . . . **И. К. Цетлинъ.**
Саратовъ . . . . **Л. Ф. Ганъ.**
Харьковъ . . . . **Я. Р. Розенцвейгъ.**

АГЕНТЫ ОБЩЕСТВА.

Нижній-Новгородъ . . . . . **А. В. Олигеръ.**
Казань . . . . **Е. М. Кусаковъ.**
Пенза . . . . **П. И. Никольскій.**
Тамбовъ . . . . **С. П. Попенковъ.**
Козловъ . . . . **А. И. Сѣдыхъ.**
Керенскъ . . . . **П. А. Нелидовъ.**
Орелъ . . . . **А. Н. Дружининъ.**
Нижній-Ломовъ . . . . **К. Н. Глазеръ.**
Серпейскъ . . . . **С. М Ретивой.**
Саранскъ . . . . **И. Н. Аллагуловъ.**
Торжокъ . . . . **В. О. Статкевичъ.**
Кромы . . . . **Д. Д. Александровъ.**
Смоленскъ . . . . **Эд. Швейцеръ и Смоленск. Общ. сельск. хозяйст.**
Воронежъ . . . . **И. И. Новалевскій.**
Ромны . . . . **П. И. Ивановъ.**
Шацкъ . . . . **П. П. Фирсовъ.**
Тверь . . . . **А. К. Логиновъ.**
Рыльскъ . . . . **В. Ф. Бингеръ.**
Тула . . . . **М. И. Корнильевъ.**
Рязань . . . . **В. Н. Телепневъ.**
Елецъ . . . . **Г. Г. Еремѣевъ.**
Арзамасъ . . . . **М. Я. Любимовъ.**
Кирсановъ . . . . **П. А. Ковиковъ.**
Моршанскъ . . . . **И. Д. Крушевскій.**
Мокшанъ . . . . **Ф. М. Фрейманъ.**
Чембаръ . . . . **И. С. Антюшинъ.**
Сѣвскъ . . . . **Г. А. Корсакъ-Кулаженковъ.**
Раненбургъ . . . . **И. А. Поповъ.**
Новочеркаскъ . . . . **С И. Маноцковъ.**
Бѣлевъ . . . . **И. К. Кашеваровъ.**

По весьма умѣр. цѣн. и лучш. кач.

СКРИПКИ въ 2½, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р. и дор.
СМЫЧКИ ДЛЯ НИХЪ въ 50, 75 к., 1, 1½, 2, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 15, 20, 25 р.
ФУТЛЯРЫ ДЛЯ СКРИПКИ въ 4, 5, 7, 10, 12, 15, 25 р.
СКРИПКИ и смычки ¾, ½ и ¼ величины для дѣтей по тѣмъ же цѣнамъ какъ и обыкновенные.
АЛЬТЫ и ВIОЛОНЧЕЛИ.
Гитары въ 3½, 5, 8, 10, 12, 15, 20, 25, 30, 40, 50 р. и дор. (отъ 8 руб. съ механизмомъ для струнъ).
Цитры въ 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60 р. (отъ 25 р. съ механизмомъ).
Мандолины въ 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60 р. (отъ 25 р съ механизмомъ). № 25 5
Школы для скрипки въ 1, 2½, 4 р., для гитары въ 1½ и 3 р., для цитры въ 2 р. и для мандолины въ 2 р.
Пересылка на счетъ покупателя.

Юлій Генрихъ Циммерманъ.
ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, д. 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Другихъ магазиновъ не имѣю.

НОВѢЙШЕЕ ИЗОБРѢТЕНIЕ.

СЕКРЕТНАЯ КАМЕРА

Фотографическій аппаратъ, носимый подъ платьемъ, снаружи совершенно незамѣтный, пристегивающійся къ петлѣ пальто. Даетъ ясно и отчетливо **6 снимковъ въ минуту на одной моментальной пластинкѣ.**

Можетъ оказать важныя услуги офицерамъ, тайнымъ агентамъ, учителямъ и вообще лицамъ всѣхъ сословій. Mt. № 2559

Цѣна аппарата въ изящномъ футлярѣ съ 6 моментальными пластинками, для 36-ти снимковъ, съ „Самоучителемъ" 25 рубл. съ пересылкою.

Складъ фотографическ. принадлежностей
К. И. ФРЕЛАНДТЪ
бывшій СТЕФФЕНЪ и ФРЕЛАНДТЪ.
30/16 Уголъ Невскаго проспекта и Екатерининскаго канала. 30/16

Магазинъ „КУСТАРЬ"

Торговаго Дома Л. Гудимъ-Левковичъ и Ко. (у Покровскихъ воротъ, въ Москвѣ)
Продаетъ произведенія мелкихъ ремесленниковъ и ремесленниковъ-кустарей по цѣнамъ, ими же назначаемымъ. По требованію высылаются: прейсъ-куранты безплатно и образцы конвертовъ за двѣ 7-ми коп. марки. П. № 2557

Арбатъ, ц. Спасъ-Песни, д. № 5.

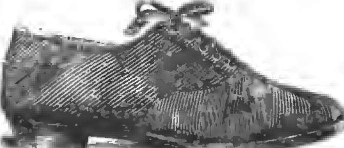

Страхованіе вдовьихъ пенсій.

Примѣръ: Мужъ 35-ти лѣтъ, желая, на случай своей преждевременной смерти, обезпечить будущность своей жены, имѣющей 28 лѣтъ отъ роду, заключаетъ страхованіе съ тѣмъ, чтобы послѣ его смерти жена получала **ежегодный доходъ въ 600 рублей**, уплачиваемый въ продолженіе всей ея жизни. За такое страхованіе слѣдуетъ платить **Страховому Обществу „РОССIЯ"** чрезъ каждые три мѣсяца 44 руб. 93 коп.

Дальнѣйшія подробности въ брошюрахъ Страховаго Общества „Россія", выдаваемыхъ и высылаемыхъ, по требованію, безплатно Правленіемъ въ **С.-Петербургѣ (Большая Морская, № 13)** и **агентствами** въ городахъ Имперіи. № 2397 6—6

КЪ НАСТУПАЮЩЕМУ СЕЗОНУ
рекомендуемъ большой выборъ
ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ И ДѢТСКОЙ ОБУВИ
всевозможныхъ сортовъ и размѣровъ какъ и
САМЫХЪ НОВЫХЪ ФАСОНОВЪ.

Продажа по выставленному фабричному прейсъ-куранту въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Невскій пр. № 54, пр. Алекс. театра.
Невскій пр., № 5, бл. Адмиралт. пл.
Невскій пр., № 110, бл. Знаменск. пл.

ВЪ МОСКВѢ:
Петровка, противъ Кузнецкаго моста.

Прейсъ-куранты вмѣстѣ съ подробнымъ руководствомъ къ снятію мѣрки высылаются магазинами по востребованію—безплатно. № 2543

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ
ТОВАРИЩ. С.-ПЕТЕРБУРГСК. МЕХАНИЧЕСК. ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

ДУББЕЛЬНЪ-МАРIЕНБАДЪ.

ВОДОЛЕЧЕБНИЦА учр. д-ромъ НОРДШТРЕМОМЪ въ 1870 г., близь Риги, на берегу Балтійскаго моря.

1) Полное водолеченіе. 2) Минеральныя ванны (хвойныя, грязевыя, Аренсбургскія и Кеммерискія, песочныя, соляныя и т. д.). 3) Морское купанье. 4) Леченіе электричествомъ. 5) Врачебная гимнастика и массажъ. 6) Діэтетическія леченія, кефиръ и минеральныя воды. Леченіе нервныхъ болѣзней (за исключеніемъ душевныхъ), малокровія, золотухи, катарра легкихъ, болѣзней желудка, печени, почекъ, накожныхъ болѣзней, паралича, ревматизма, женскихъ и дѣтскихъ болѣзней и т. д.

Главный врачъ лѣкарь
И. ФРЕНКЛЬ,
Докт. медиц. вѣнск. универс., содержатель водолечебницы въ С.-Петербургѣ.

Помѣщенія для семействъ, также отдѣльныя комнаты для больныхъ и лицъ, желающихъ пользоваться морскимъ купаньемъ. Недѣльная плата отъ 25 р. за комнату, столъ и ванны (за исключеніемъ лекарственныхъ веществъ). Вознагражденіе врача отдѣльно.

О подробностяхъ можно узнать въ С.-Петербургѣ, Михайловская площадь, № 11, въ водолечебницѣ доктора Френкля, по буднямъ отъ 2 до 4 ч., или въ Дуббельнъ-Маріенбадѣ, близь Риги, въ администраціи заведенія. Р. № 2549

Сезонъ съ 20-го Мая до 1-го Сентября.
ОТДАЮТСЯ ДАЧИ БЛИЗЪ ЛЕЧЕБНИЦЫ.

М. № 2450 5—5

ВЫШЕЛЪ 11-й ВЫПУСКЪ
САМОУЧИТЕЛЯ
ФРАНЦУЗСКАГО ЯЗЫКА ДЛЯ ВЗРОСЛЫХЪ
МЕТОДА
ТУССЕНА и ЛАНГЕНШЕЙДТА
у В. А. БЕРЕЗОВСКАГО,
С.П.Б. Колонольная, 14
и Мастер. учебн. пособій, СПБ. Троицкій 11. № 2550

ЧАЙНЫЙ МАГАЗИНЪ
Ф. А. БЕТЦЪ
Большая Морская, домъ № 21 въ С.-Петербургѣ
РЕКОМЕНДУЕТЪ
Чай черный фамильный красненькій, пріятнаго вкуса, цѣною 1 р. 80 коп. за фунтъ. При покупкѣ на 50 руб. магазинъ дѣлаетъ уступку 10%. № 2542 10—1

РЕМЕСЛЕННАЯ
годъ 3-й. ГАЗЕТА годъ 3-й.
1000 статей по **всѣмъ** ремесламъ, промысламъ и техн. образ.
1000 рисунковъ мебели, деревянныхъ, желѣзныхъ, мѣдныхъ, бронзовыхъ, серебряныхъ, золотыхъ издѣлій, драпировокъ, экипажей, мужскихъ и дамскихъ **модъ**, обуви и проч.—Изданіе **необходимое во всякомъ семействѣ, въ мастерской и въ школѣ.**
ПОДПИСНАЯ ЦѢНА: на годъ съ доставкой и пересылкой 5 р., на полгода 3 р. Контора изданія: Москва, Малая Дмитровка, домъ Алексѣева. **Рем. Газ. одобрен. Учен. Комитет. М. Н П.** № 2552

БОЛЬШОЙ ВЫБОРЪ МЕБЕЛИ
рѣзной работы № 2545
готовой и по заказу.
П. ЛОВИТОНЪ
С.-Петербургъ, Невскій проспектъ, № 60

Продолжается подписка на
ВѢСТНИКЪ ТИРАЖЕЙ
журналъ необходимый каждому капиталисту, казначейству, общественному Банку, общественному учрежденію, обладающему какими бы то ни было цѣнностями, какъ помѣщающій тиражи всѣхъ % бумагъ.—Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера.

Цѣна за годъ . . **5 р.**
для иногороднихъ 6 р., съ доставкою и пересылкою.
ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ
въ Баикирскомъ домѣ Генрихъ Блоккъ, Невскій, 86, С.-Петербургъ.
№ 2504 6—3

АМЕРИКАНСКОЕ ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧ.
ЗАВЕДЕНIЕ:
высшаго качества
Никелированіе, Серебреніе, Золоченіе и проч.

СТАРЫЯ вещи отдѣлываются какъ НОВЫЯ.

С. П. Б. Николаевск. Ул. № 1. Уг. Невск. просп.

Для отвѣтовъ просимъ выслать почтовыя Марки.

новѣйшій способъ.
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.
Торговцамъ выгодн. условія.
Заказы городск. и иногородн. исполняются скоро и тщательно!
Р. № 254

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключ. московскихъ) прейсъ-курантъ отъ шляпной фабрики Лемерсье въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ. 22 апрѣля 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. № 18 — г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 2 мая 1887 г. — Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за МАЙ 1887 г. съ 31 гравюр. и отд. листъ съ 32 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 25 рисунками вышивальныхъ работъ.

Камиллъ Фламмаріонъ.

Французскій астрономъ, портретъ котораго мы прилагаемъ на этой страницѣ, родился 13-го (25-го) февраля 1842 года, въ Монтиньи-ле-Руа (департаментъ Верхней Марны). Предназначенный родителями на духовное поприще, онъ получилъ первоначальное образованіе въ Лангрской семинаріи, а затѣмъ перешелъ въ Парижскую, но уже въ 1858 году поступилъ ученикомъ на астрономическую обсерваторію и пробылъ тамъ четыре года помощникомъ при работахъ Бюро Долготъ. Въ 1863 году онъ принялъ на себя редакцію журнала „Cosmos“, а въ 1865—научнаго отдѣла газеты „Siècle“. Около того же времени онъ сталъ читать публичныя лекціи популярной астрономіи и тѣмъ пріобрѣлъ нѣкоторую извѣстность. Въ 1868 году онъ нѣсколько разъ поднимался на аэростатахъ для изученія влажности воздуха и воздушныхъ теченій въ верхнихъ слояхъ атмосферы, а также былъ президентомъ жюри присуждавшихъ награды по научному отдѣлу морской выставки въ Гаврѣ. Нынѣ онъ весьма дѣятельный членъ многихъ обществъ распространенія естественно-научныхъ знаній; но, не смотря на то, онъ еще съ юности отличался нѣсколько мистическимъ направленіемъ и вступалъ въ сношенія даже со спиритами. Изъ сочиненій его наибольшимъ успѣхомъ и извѣстностью пользуется „Разнообразіе обитаемыхъ міровъ“ (La pluralité des mondes habités), переведенное почти на всѣ европейскіе языки. Почти такой же успѣхъ имѣли „Міры воображаемые и дѣйствительные“; затѣмъ упомянемъ: „Богъ въ природѣ“, „Чудеса неба“, „Научныя созерцанія“, „Воздушныя путешествія“, „Очерки и чтенія по астрономіи“, „Атмосфера“, „Біографія Коперника“, „Разсказы о безконечномъ“. Кромѣ того, Фламмаріонъ напечаталъ въ „Comptes Rendus“ нѣсколько статей о пятнахъ на солнцѣ и лунныхъ горахъ.

Камиллъ Фламмаріонъ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе)

Однажды въ сумерки всѣ горницы дворца были переполнены придворными, вездѣ была мертвая тишина. Доктора, выходившіе отъ больной, прямо говорили, что государыня кончается. Многіе ходили съ заплаканными глазами, но всѣ безъ исключенія, во всѣхъ горницахъ, сидѣли тихо, въ унынiи или въ задумчивости.

Въ одной изъ ближайшихъ горницъ къ опочивальнѣ около сумерекъ собралось нѣсколько важныхъ сановниковъ. Здѣсь же время отъ времени появлялись выходившія изъ опочивальни обѣ цесаревны; и наконецъ явился юный наслѣдникъ престола, и тоже сѣлъ тихонько среди большого дивана.

Въ числѣ прочихъ вельможъ находился тутъ и генералъ Девьеръ; здѣсь же былъ и молодой придворный князь Никита Трубецкой, у котораго было странное прозвище „Егоръ", извѣстное на всю столицу.

Девьеръ, натура южная, нервная, пылкая, не смотря на возрастъ, не могъ усидѣть на мѣстѣ. Его волновала опасность, въ которой находилась государыня. Какъ натура отчасти упрямая, онъ не могъ легко покинуть мысль о томъ, что одна изъ цесаревенъ могла-бы быть императрицей помимо малолѣтняго царевича, и что тогда его судьба стала-бы совершенно иною.

Девьеръ, взволнованный, нервно переходилъ отъ одного лица къ другому и тихо переговаривался.

Вышла изъ опочивальни цесаревна Елизавета, прижимая платокъ къ глазамъ; сердце Девьера дрогнуло. „Ужъ не умерла-ли", подумалось ему, и онъ нервно подбѣжалъ къ цесаревнѣ, узналъ отъ нея, что государыня въ бреду, и сталъ ее утѣшать, что нечего плакать, „зачѣмъ свое красивое личико и глазки портить, Богъ дастъ еще все обойдется счастливо".

Когда появился въ горницѣ царевичъ, Девьеръ подсѣлъ къ нему и сталъ что-то шептать ему на ухо; царевичъ слушалъ и вдругъ улыбнулся.

Всѣ видѣли бесѣду шепотомъ, всѣ видѣли эту улыбку дѣтскую, и многимъ показалось, что неприлично въ такія минуты говорить молодому царевичу такія рѣчи, отъ которыхъ онъ можетъ улыбаться. А между тѣмъ Девьеръ даже не видалъ этой улыбки.

Говорилъ онъ на ухо ребенку такія вещи, отъ которыхъ улыбнуться было можно.

Онъ говорилъ, что нечего горевать, что Богъ дастъ все будетъ счастливо, что вотъ обручатъ его съ княжной Меншиковой, будетъ занятъ онъ только своею молодою невѣстой, и всѣ его заботы будутъ въ томъ, чтобы ходить за ней да ревновать къ ней всякаго, кто подступится.

Когда вышла изъ опочивальни фрейлина государыни, графиня Скавронская, Девьеръ подошелъ къ ней, сталъ разспрашивать: каково положеніе царицы, когда послѣдній разъ приходила она въ сознаніе?—Софья Карловна едва могла отвѣчать. Она рыдала! Быть можетъ, за исключеніемъ цесаревенъ, она рыдала искреннѣе всѣхъ среди этого многолюднаго общества.

Она дѣйствительно могла потерять въ лицѣ государыни истинную благодѣтельницу, которая подала ей руку и вывела изъ крестьянокъ въ царскія приближенныя.

Такъ какъ дѣвушка не могла справиться со своими рыданіями, пошатывалась на ногахъ, то Девьеръ обхватилъ ее за талію, взялъ за руку и хотѣлъ довести до стула. Но дѣвушка съ трудомъ справилась сама, отошла и сѣла.

— Воды-бы выпить... произнесла она едва слышно.

Въ этотъ моментъ въ противоположныхъ дверяхъ появилась фигура придворнаго лакея, по имени Егора.

Девьеръ, отойдя нѣсколько шаговъ отъ фрейлины, крикнулъ:

— Егоръ! Воды стаканъ поскорѣе!

Послѣднія слова были сказаны тише, но имя прозвучало громче.

Князь Трубецкой, стоявшій лицомъ къ окошку, быстро обернулся, сдѣлалъ нѣсколько шаговъ къ тому мѣсту гдѣ послышалось его прозвище, но не зная кто сказалъ это обидное слово, сталъ гнѣвно всѣхъ оглядывать. Всѣ сидѣвшіе въ пріемной, какъ-бы по уговору, невольно фыркнули и разсмѣялись. Но тотчасъ-же вспомнивъ гдѣ они и въ какія минуты находятся во дворцѣ, всѣ тотчасъ сдѣлались серьезными.

Но скандалъ произошелъ.

До вечера чередовались здѣсь вельможи петербургскіе. Ввечеру показались симптомы, подававшіе надежды.

На утро императрица чувствовала себя уже гораздо лучше, была въ полномъ сознаніи. Черезъ сутки уже прямо объявлялось и говорилось на всѣхъ улицахъ столицы, что государыня не въ опасности и Богъ дастъ недѣли черезъ двѣ встанетъ съ постели.

Но въ то же время, когда многіе и многіе радовались, кто искренно, а кто и лукаво, выздоровленію царицы, пошла по городу вѣсть, смутившая весь придворный и боярскій кругъ.

XVI.

Графъ Головкинъ, какъ первое лицо верховнаго тайнаго совѣта, получилъ приказъ, подписанный императрицей и переданный ему изъ рукъ въ руки самимъ княземъ Меншиковымъ.

По указу этому слѣдовало дѣйствовать немедленно. А заключался онъ въ томъ, чтобы арестовать генерала графа Девьера и допросить, что происходило въ день 16 апрѣля въ горницѣ дворца, ближайшей къ опочивальнѣ, въ тѣ минуты, когда государыня была между жизнью и смертью.

„Буде господинъ генералъ-лейтенантъ Девьеръ," говорилось въ приказѣ, „будетъ упорствовать, то коммисіи, назначенной для слѣдствія надъ нимъ, не возбраняется прибѣгнуть къ пыткѣ".

Девьеръ, думавшій, что князь Меншиковъ никогда не рѣшится ничего предпринять противъ него, жестоко ошибся.

Князь, своей властью на полученномъ бѣломъ листѣ и бланкѣ государыни, отдалъ его подъ судъ.

Разумѣется, на этой пыткѣ, послѣ 25 ударовъ плетьми, Девьеръ заговорилъ такъ, какъ заговаривали и всѣ.

Онъ не только сознался во всемъ, въ чемъ его обвиняли, во всѣхъ клеветахъ на него возводимыхъ, но и назвалъ всѣхъ своихъ сообщниковъ. Этихъ сообщниковъ называла, конечно, сама коммисія, а Девьеръ подтверждалъ „не стерпя побой" мнѣніе коммисіи.

Такимъ образомъ оказалось, что существуетъ заговоръ съ какими-то тайными, неизвѣстными цѣлями. Какія цѣли заговорщиковъ, коммисіи знать было не нужно. Вина была не нужна, нужны были лишь виновные. Имена, которыя объявилъ Девьеръ, были: Толстой съ сыномъ, Бутурлинъ, Ушаковъ, Нарышкинъ, Долгорукіе и другія лица.

Всѣ эти люди были самыми главными ораторами за

послѣдніе дни, громко говорившими противъ обрученія княжны Меншиковой съ Петромъ.

Не входя въ подробности заговора, коммисія обвинила Девьера лишь въ возмутительномъ поведеніи въ тѣ минуты когда государыня была при смерти.

Его обвиняли въ пяти пунктахъ: первое, что онъ уговаривалъ цесаревну Елизавету Петровну не плакать, говоря что „не стоитъ“ свое личико портить. Второе, что предлагалъ шутя Аннѣ Петровнѣ ради печали выпить вина. Третье, говорилъ неприличныя слова на ухо великому князю и заставилъ ребенка въ такія печальныя минуты разсмѣяться. Четвертое,—забывъ всякое благоприличіе и долгъ вѣрноподданнаго, ухватилъ плачущую фрейлину графиню Скавронскую за талію и „тащилъ танцовать“, чтобы ее якобы развеселить. И пятое, чтобы заставить всѣхъ смѣяться, обозвалъ князя Никиту Юрьевича Трубецкаго извѣстнымъ на всю столицу прозвищемъ: „Егоръ“.

Разумѣется, самъ Девьеръ и всѣ его друзья знали, что оправдываться нечего. Его виновность была необходима. Многіе были свидѣтелями помощи, оказанной имъ фрейлинѣ императрицы, и нечаяннаго совпаденія того, что явившійся лакей дѣйствительно назывался Егоромъ.

На бѣду Девьера, всѣ на кого онъ ссылался въ свое оправданіе, отозвались не въ пользу обвиняемаго. Цесаревны ничего не помнили: князь же Трубецкой, человѣкъ трусливый, отозвался что убѣжденъ въ умышленномъ произнесеніи Девьеромъ его глупаго прозвища.

— Это случалось со мною не разъ, говорилъ онъ.— Часто бывало такъ: вызовутъ лакея, дѣйствительно Егора, да около меня его и позовутъ. Тоже случилось и въ оный день во дворцѣ.

Наконецъ, къ ужасу обвиняемаго и соблазну многихъ его друзей, фрейлина графиня Скавронская подтвердила, что графъ Девьеръ, обхватя ее, говорилъ ей: „Давай плясать. Чего тутъ плакать!“

Нѣкоторыя лица бросились къ фрейлинѣ, умоляя ее взять эти показанія назадъ, какъ клевету и ложь: но Дохабенская Яункундзе плакала, даже рыдая сознавалась, что это клевета и ложь,—но взять своихъ словъ изъ судной коммисіи она, по одной сокровенной причинѣ, не можетъ. Разумѣется, не могла она потому, что это былъ приказъ Меншикова. Между этимъ приказаніемъ и ея будущей судьбой, даже судьбой ея возлюбленнаго Цуберки—была тѣсная связь.

Не сразу согласилась на лжесвидѣтельство добрая дѣвушка, но князь убѣдилъ новую пріятельницу, что она не усугубитъ положенія Девьера, что дѣло его пропащее.

Судъ надъ Девьеромъ и его сообщниками произвелъ то дѣйствіе, которое было нужно для Меншикова.

Волненіе по поводу обрученія и будущаго бракосочетанія его дочери съ великимъ княземъ сразу улеглось, и все стихло и присмирѣло сразу.

— Поджали хвосты! говорилъ смѣясь князь Меншиковъ.—Какъ мало нужно, чтобы заставить всѣхъ васъ замолчать и попрятаться каждому въ свой шестокъ!

Между тѣмъ, пока судились виновные, государыня вдругъ снова почувствовала себя гораздо хуже—снова была при смерти.

На этотъ разъ доктора уже совершенно отчаивались. Та же болѣзнь, съ сильнѣйшими приступами, повторялась и видимо уносила послѣднія силы.

Наступило 6 мая, и по странной случайности, въ одинъ день произошли два событія, измѣнившія совершенно положеніе властнаго князя Ижорскаго.

Днемъ состоялся указъ: „Девьера съ сообщниками лишить чиновъ, чести и деревень данныхъ и сослать: Девьера въ Якутскъ, а другихъ въ разныя окраины имперіи“. Въ концѣ приказа было прибавлено: „Девьеру передъ ссылкой учинить наказаніе, бить кнутомъ“.

А въ девятомъ часу вечера не приходившая за нѣсколько дней въ сознаніе государыня—скончалась.

Одинъ вопросъ, одна забота, одна мысль тревожили всѣхъ: кто будетъ наслѣдникомъ, кто вступитъ на престолъ, такъ какъ воли своей покойная государыня не выражала.

Но въ ту же ночь ближайшіе сановники, ближе всѣхъ стоявшіе къ кормилу правленія, узнали, что завѣщаніе есть.

На утро 7 мая, при всеобщемъ сборѣ во дворцѣ, гдѣ присутствовала вся царская фамилія, всѣ члены верховнаго тайнаго совѣта, всѣ члены сената и синода и весь генералитетъ,—было прочитано завѣщаніе покойной императрицы, по которому ея преемникомъ назначался великій князь Петръ Алексѣевичъ.

Князь Меншиковъ сталъ наконецъ нареченнымъ тестемъ царствующаго государя, дочь его поминалась во всѣхъ храмахъ какъ обрученная невѣста царствующаго государя... А приказомъ верховнаго тайнаго совѣта были сосланы и разъѣхались по разнымъ дальнимъ трущобамъ всѣ его главные враги. Единственное, чѣмъ утѣшались тайные враги оставшіеся невредимыми, было то обстоятельство, что императору лишь одиннадцать лѣтъ.

До той минуты когда онъ можетъ сдѣлаться супругомъ Меншиковой, а она императрицей, должно пройти по крайней мѣрѣ лѣтъ шесть. А за это время еще много воды утечетъ.

Можетъ умереть и самъ Меншиковъ, а бракъ разстроится.

Въ тотъ же день, 7 мая, послѣ торжественнаго чтенія завѣщанія, было назначено генеральное поздравленіе новому императору со вступленіемъ на престолъ. А затѣмъ вельможи и сановники поголовно сдѣлали визитъ, котораго отъ нихъ никто не требовалъ, никакой законъ и никакой этикетъ. Требовали этого ихъ личная безопасность и нежеланіе со-дня-на-день раздѣлить судьбу Девьера и многихъ другихъ лицъ, еще недавно бывшихъ среди нихъ.

Всѣ отправились поздравлять „Ея Высочество“, невѣсту молодого государя императора.

XVII.

Изо всѣхъ важныхъ домовъ Петербурга былъ одинъ домъ, гдѣ кончина императрицы произвела наибольшее впечатлѣніе. Это былъ конечно Крюйсовъ домъ.

Всѣ три семьи—Скавронскихъ, Ефимовскихъ и Генриховыхъ, взрослые и дѣти, равно притихли, потерялись, оробѣли, даже порядокъ въ домѣ пошелъ другой.

Графъ Карлъ Самойловичъ былъ убѣжденъ, что имъ всѣмъ грозитъ горькая участь. Онъ передалъ свои мысли всей семьѣ.

— Слава Богу, говорилъ онъ,—если насъ возьмутъ и отошлютъ обратно въ Ригу, а затѣмъ велятъ водворить на прежнія мѣста... А то и хуже: лишатъ всего и сошлютъ куда нибудь къ Бѣлому морю, въ Соловки, или заточатъ въ крѣпость.

Разумѣется, изо всѣхъ членовъ семьи всего болѣе потерялась, была въ полномъ отчаяніи—Анна Ефимовская.

— Шутишь ты, говорила она брату.—Что съ нами будетъ, если вернутъ насъ къ старостихѣ Ростовской, послѣ того что я съ ней сдѣлала!

— Да, признавался Карлъ Самойловичъ,—твое дѣло самое пропащее, тебѣ ужъ лучше проситься въ ссылку.

— Проситься... Хорошо если послушаютъ. Разумѣется, намъ лучше въ крѣпости быть или въ монастыри постричься всѣмъ, нежели возвращаться къ старостихѣ.

Бывшая фрейлина покойной императрицы, въ день смерти своей покровительницы, переѣхала въ Крюйсовъ домъ. Она горько и искренно плакала по своей благодѣтельницѣ.

XV передвижная выставка въ СПБ. „Герои Севастополя“. Картина В. М. Максимова, грав. Ю. Барановскій.

XV передвижная выставка въ СПБ. „На бульварѣ“ (въ Москвѣ). Съ карт. В. Е. Маковскаго, грав. Шюблеръ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ она обнадеживала отца и родню, что, по ея мнѣнію, худого ничего съ ними не будетъ. Но сама она не была вполнѣ убѣждена въ томъ, что говорила.

Будетъ ли относиться къ ней попрежнему, какъ бывало, всемогущій властелинъ въ государствѣ, князь Александръ Даниловичъ? Или же теперь, когда мечты и желанія его осуществились, онъ не захочетъ и поглядѣть на нее.

Только разъ встрѣтила Софья князя Меншикова во дворцѣ, на другой день послѣ кончины царицы. Онъ странно взглянулъ на нее, сурово, гнѣвно. Или это ей такъ показалось, или, можетъ быть, озабоченный чѣмъ-то, онъ и не узналъ ее?

Но дѣло въ томъ, что князь Меншиковъ, глянувъ на дѣвушку свысока, прошелъ мимо и даже не кивнулъ головою на ея поклонъ.

Праздные люди, любящіе мѣшаться не въ свои дѣла, любящіе выдумывать и разносить всякій вздоръ, появлялись и въ Крюйсовомъ домѣ. Всѣ они одинаково увѣряли графа Карла Самойловича, что его положеніе, а равно положеніе всѣхъ его родственниковъ крайне печальное.

Для новаго царя, по ихъ словамъ, недавно привезенные въ Петербургъ члены „оной фамиліи", конечно, ничего не значатъ. Отъ нихъ постараются какъ можно скорѣе отдѣлаться. Очень дурного съ ними ничего не сдѣлаютъ, но ужъ изъ Петербурга вышлютъ непремѣнно и, по всей вѣроятности, на старыя мѣста.

Всѣ совѣтовали графу Скавронскому, а равно и его дочери, идти искать заступничества и покровительства у цесаревны Елизаветы. Но и на это была плохая надежда: цесаревна, за все время пребыванія членовъ семьи, относилась къ нимъ сдержанно, а зачастую, какъ говорили, называла ихъ часто „мужиками и мужичками".

Съ Софьей цесаревна обращалась во дворцѣ ласково, но хотя онѣ были почти одних лѣтъ, тѣмъ не менѣе дружба между ними не возникла.

Такъ прошла недѣля. Однажды, въ полдень, къ подъѣзду Крюйсова дома подкатилъ великолѣпный раззолоченый экипажъ. Обитатели, жившіе за все послѣднее время, какъ сказываетъ народъ, „на чеку", бросились къ окнамъ и, увидя кто выходитъ изъ кольмаги, сіявшей позолотой, оторопѣли и не знали—радоваться или ужасаться... Появился и вошелъ въ домъ могущественный Меншиковъ, тотъ самый человѣкъ, по слову котораго въ эти же дни отправились въ ссылку, лишенные чиновъ, чести, дворянства и имущества, многіе столбовые дворяне—Толстые, Нарышкины, Бутурлины и другіе.

Князь Ижорскій опросилъ людей и, не дожидаясь конечно внизу, сталъ подниматься въ верхній этажъ.

Все населеніе дома встрѣтило вельможу съ низкими поклонами, робѣя и трепеща. Князь холодно оглядѣлъ ихъ всѣхъ, улыбнулся, но не ласково, а скорѣе насмѣшливо.

— Ну, вы, графы и князья свѣтлѣйшіе, какъ поживаете? выговорилъ онъ и, не дождавшись отвѣта, спросилъ у Карла Самойловича гдѣ его дочь.

Всѣ бросились было за Софьей Карловной въ ея горницу, но князь остановилъ ихъ однимъ словомъ:

— Не надо. Я самъ пойду къ ней. Мнѣ ее нужно.

Князь прошелъ нѣсколько горницъ. Въ той самой, угловой зеленой комнатѣ, гдѣ когда-то Ефимовская жестоко распорядилась со старостихой Ростовской, жила теперь бывшая фрейлина. Она смутилась при видѣ князя, но, пристально глянувъ ему въ лицо, не испугалась, а, напротивъ, хорошее чувство проникло ей въ душу.

Князь заперъ за собой дверь и подошелъ къ дѣвушкѣ. Протянувъ руку, онъ погладилъ ее по гладко причесаннымъ волосамъ, улыбнулся и произнесъ:

— Ну, сядемъ, потолкуемъ, я радъ съ тобой побесѣдовать. Видишь—не забылъ. Хоть много у меня заботъ государскихъ, а вотъ не прошло недѣли какъ я къ тебѣ пріѣхалъ о твоемъ дѣлѣ бесѣдовать. Я вѣдь тебя очень полюбилъ... Знаешь ли ты это?

— Благодарствую, отозвалась Софья.—А то я теперь потеряла все.

— Ничего ты не потеряла, отозвался Меншиковъ.

— У меня была только одна покровительница—государыня. А теперь я совсѣмъ одна.

— Ну, это ты, голубушка, не такъ сказываешь и не такъ думаешь. Есть у тебя покровитель пожалуй сильнѣйшій, чѣмъ была царица. Она была все-таки женщина съ прихотями и съ причудами... Знаешь ли ты за что я тебя люблю?

— Нѣтъ, солгала Софья, потому что отлично понимала чѣмъ услужила Меншикову.

Князь поглядѣлъ на нее и угадалъ ея мысль.

— Ты думаешь, глупая, что я за то тебя люблю, что ты отняла у дочери графа Сапѣгу и помогла мнѣ у царицы выпросить другого жениха, получше... Нѣтъ, моя милая, не оттого. Ты, правда, помогла мнѣ, и не мало, но все-таки я бы и безъ тебя добился того же... Я тебя люблю за то, что ты единственный человѣкъ на весь Петербургъ, кромѣ жены моей да дочери, единственный чужой мнѣ человѣкъ на всю столицу, который не желаетъ мнѣ всякаго зла и погибели. Всѣ, кого я знаю, меня ненавидятъ. Я это вижу по глазамъ ихъ... Ты одна вотъ сейчасъ встрѣтила меня съ такимъ лицомъ, что я вотъ дамъ тебѣ въ руки ножъ, засну тутъ и буду спать спокойно, зная что ты меня не зарѣжешь. Таковаго же я ни съ кѣмъ во всей столицѣ, да, поди, даже во всей имперіи, учинить не могу, смѣлости не хватитъ... И вотъ за это я тебя и полюбилъ... Ну, давай теперь говорить о дѣлѣ. Ты все-таки невѣстой Петра Сапѣги почитаешься?

— Да. Но кажется они оба, и отецъ, и сынъ, на попятный дворъ собираются! улыбнулась Софья.

— Вѣрно! Графы мои боятся, что государь тебѣ не дастъ того приданаго, что царица дать хотѣла. Когда вы видѣлись?

— Да послѣ кончины государыни только всего одинъ разъ, да и то мелькомъ, съ великимъ спѣхомъ.

— Виду не подаешь ему, что мы съ тобою лиходѣйствуемъ и обманываемъ его?

— Нѣтъ.

— Ну, то-то же. Такъ и продолжай. Пускай онъ самъ отказывается...

— Фельдмаршалъ хотѣлъ просить самъ государя—разъяснить дѣло о приданомъ за мною.

— Пускай проситъ! Намъ какое дѣло, усмѣхнулся князь.—Послѣ-завтра я пошлю ему сказать, что твое приданое подъ сомнѣніемъ. Ты должна вѣдь получить нѣсколько вотчинъ, изъ коихъ есть конфискованныя у сосланныхъ. Слѣдовательно, надо еще многое упорядочить, перевести законно все на твое имя. Вотъ дѣла и затянутся на все лѣто. А покуда мы пошлемъ человѣка два-три достать, добыть и привезти сюда твоего возлюбленнаго. Здѣсь мы перемѣнимъ ему кличку. А та, очень ужъ мудрена, да и кажись, помнится, смѣшная какая-то. Мы выдумаемъ ему другое прозвище, въ графы конечно не произведемъ, но въ полкъ его напишемъ и сдѣлаемъ офицеромъ и дворяниномъ. Довольна ли ты будешь?

Софья, въ порывѣ восторга, бросилась къ князю, схватила его руку и поцѣловала.

— Ну, такъ вотъ все, что я хотѣлъ тебѣ сказать. Веди себя съ Сапѣгами, и съ сыномъ, и со старикомъ, осторожно, показывай видъ что ничего противъ брака сего не имѣешь, что оттягивается онъ не по твоей волѣ... Пойми, Софья Карлусовна, что это нужно для тебя самой, да къ тому же нужно и для меня. У графа

Сапѣги старика есть за пазухой такой камушекъ, который онъ можетъ достать и швырнуть въ меня. А я боюсь этого каменка. Поняла ты?

— Нѣтъ, отозвалась Софья.

— Графъ Сапѣга знаетъ одно такое дѣло, которое онъ покуда держитъ про себя. Если онъ огласитъ сіе, то мнѣ великій причинитъ ущербъ... Хоть силенъ я, а это вредительство Сапѣги мнѣ страшно. Покуда онъ будетъ молчать, ожидая, что я, твой сватъ, выхлопочу у государя для тебя, будущей его невѣстки, большущее приданое... А знай онъ, что мы съ тобой лицедѣйствуемъ, скоморошествуемъ и ихъ надуваемъ—бѣда! Какъ разъ слазаетъ онъ за пазуху и пуститъ симъ булыжникомъ въ меня... Такъ вотъ будь же съ ними обоими осторожна. Со старикомъ ласкова, а съ молодымъ, дѣлать нечего, прикидывайся его любовью.

Меншиковъ всталъ, и только тутъ Софья вспомнила о томъ, что̀ надлежало узнать у властнаго князя. На вопросъ ея опасаться ли всѣмъ имъ, родичамъ царицы, „дурного съ ними поступленія", Меншиковъ разсмѣялся:

— Ничего вамъ не будетъ... За что̀? Вы сидѣли и сидите смирно. Отецъ твой и дядя не мѣшались ни во что̀, ни въ какіе перелеты не попадали, друзей не пріобрѣли себѣ, да за то и враговъ не нажили. Васъ никто не тронетъ. Можетъ быть всѣ вы получите меньше вотчинъ и иждивенія, чѣмъ предполагала покойная царица, правда!.. Но худого вамъ ничего учинено не будетъ. А развѣ они всѣ опасаются?

— Да, отвѣчала Софья.—Они боятся, что всѣхъ возьмутъ и водворятъ на старыя мѣста, въ крѣпость къ прежнимъ помѣщикамъ—Лауренцкому, Вульфеншильду и Ростовской. А то, говорятъ, засадятъ всѣхъ въ острогъ или сошлютъ въ Соловки.

— Пустое! Пойдемъ, я имъ скажу сейчасъ, чтобы они не тревожились.

Князь вышелъ изъ горницы въ сопровожденіи Софьи. Вся семья была въ сборѣ въ большой столовой и снова съ поклонами встрѣтила князя, менѣе робѣя и трепеща, чѣмъ прежде, такъ какъ долгая бесѣда его съ дѣвушкой предсказывала нѣчто хорошее. Но ласковое лицо Меншикова снова сдѣлалось серьезнѣе и холоднѣе.

Онъ оглядѣлъ всю толпу взрослыхъ, подростковъ и дѣтей и произнесъ сухо, преимущественно обращаясь къ Карлу Самойловичу:

— Вы бросьте тревожиться. Опасаться вамъ нечего: никакой бѣды вамъ не приключится. Будетъ съ вами поступлено по совѣсти и по закону. Что̀ обѣщала вамъ покойная государыня—то и будетъ. Получите вы разныя подмосковныя и замосковныя вотчины и поѣдете въ нихъ хозяйничать и управляться со своими рабами. А вотъ Яуп-Кундзе выйдетъ замужъ за графа Сапѣгу.

И Меншиковъ, поглядѣвъ въ лицо Софьи, остался доволенъ ею. Она не смутилась при этой лжи князя, смѣло смотрѣла на всѣхъ, какъ бы подтверждая слова его.

Князь Меншиковъ уѣхалъ, а въ Крюйсовомъ домѣ снова стало весело. Анна Ефимовская, приходившая въ отчаяніе за всѣ эти дни и только не плакавшая потому, что не умѣла дѣлать этого, теперь снова начала воевать съ сестрой, съ мужемъ и дѣтьми. Но болѣе всего доставалось конечно прислугѣ.

XVIII.

Вскорѣ послѣ этого дня въ семьѣ Скавронскихъ случилось собыіе не малой важности: появился въ домѣ, привезенный изъ польской Лифляндіи бѣглецъ—Дирихъ.

Офицеръ, доставившій графа Ѳедора Самойловича Скавронскаго, передалъ его съ рукъ на руки графу Карлусу Самойловичу. Вся родня едва узнала привезеннаго бѣглеца: онъ, казалось, постарѣлъ лѣтъ на десять.

На разспросы всѣхъ, даже на просьбы брата Карлуса, даже на ласки Марьи Скавронской—Дирихъ отзывался только односложно, но ничего не говорилъ о себѣ, ничего не разсказывалъ. Гдѣ онъ былъ? Что̀ дѣлалъ? Нашелъ ли и видѣлся ли со своей Триной?—онъ ни словомъ не обмолвился.

Родня, не добившись ничего, махнула рукой. Бѣглеца снова свели въ отдѣльную комнату и стали уже теперь сторожить. Былъ отданъ строжайшій приказъ, даже всей прислугѣ, не спускать графа Ѳедора Самойловича съ глазъ. Всѣмъ дѣтямъ было тоже поручено слѣдить за дядей Дирихомъ, и если будетъ замѣчено, что онъ собирается со двора, то сейчасъ же дать знать или Карлу Самойловичу, или, за его отсутствіемъ, старшему сыну его—Антону.

Съ этого дня, графъ Ѳедоръ Самойловичъ жилъ какъ бы подъ крѣпчайшимъ карауломъ. Но какъ въ первый день, такъ и въ послѣдующіе, никто отъ него ничего не добился. Даже Марья Скавронская, которую онъ наиболѣе любилъ, напрасно приставала къ нему, разспрашивая ласково и сердечно и стараясь, изъ одного лишь участія, вызвать его на откровенную бесѣду—Ѳедоръ Самойловичъ только тихо трясъ головою и ничего не говорилъ.

Чрезъ недѣлю послѣ его возвращенія явился къ нему Карлусъ, сѣлъ подлѣ него и выговорилъ:

— Ну, братъ, я къ тебѣ по важному дѣлу. Приказаніе тебѣ вышло, коего ослушаться ты не можешь. Я знаю, ты опять не будешь отвѣчать мнѣ, будешь только мычать по-коровьи, да головой трясти!.. Но это твое дѣло. А то, что̀ тебѣ приказано, мы должны всячески стараться тебя заставить исполнить... И заставимъ! Тебѣ строжайше вышелъ приказъ—жениться.

Дирихъ, сидѣвшій, какъ всегда, немножко сгорбившись и опустивъ бѣлые глаза въ полъ, вдругъ встрепенулся и съ ужасомъ глянулъ брату въ лицо.

— Жениться!.. проговорилъ онъ.

— Ага, заговорилъ!.. усмѣхнулся Карлусъ.—Ну, вотъ, и слава Богу!.. Да, братецъ ты мой, приказъ тебѣ жениться... Мало того, великая княжна цесаревна Елизавета Петровна тебѣ уже и невѣсту выискала. Не очень она молода, да и не очень собой хороша—да тебѣ это и не нужно. За то, она старинная россійская дворянка. Дѣвица золотаго сердца и прекрасная хозяйка. Имя ей: Екатерина, стало быть тоже Трина, по отчеству Родивоновна, а по прозванію Сабурова.

— Не хочу, отозвался Дирихъ глухо.

— Хочешь ты, не хочешь, объ этомъ рѣчи не будетъ. Приказано тебѣ жениться, невѣсту нашли и будемъ мы тебя вѣнчать не нынѣ—завтра.

— Я ее зарѣжу, такъ же глухо отозвался Дирихъ.

— Тогда тебя отстегаютъ плетьми! строго произнесъ Карлъ Самойловичъ.

— И пущай!

— Да еще отрубятъ голову чрезъ палача.

— И пущай! снова отозвался Дирихъ.

Карлъ Самойловичъ началъ уговаривать брата, убѣждать, даже началъ ласкать его, гладить по плечу и по колѣну, какъ малаго ребенка. Онъ сталъ увѣрять его въ томъ, какъ вся родня его любитъ, какъ цесаревна заботится объ его счастіи. Затѣмъ, графъ Скавронскій началъ яркими красками описывать Дириху какъ онъ будетъ счастливъ, когда будетъ женатъ на россійской дворянкѣ изъ стариннаго рода.

— У невѣсты Сабуровой, говорилъ Карлусъ,—родня большая. И братья, и сестры, и всякіе родичи. Всѣ они будутъ уважать тебя, якобы старшаго. Пойдутъ у тебя дѣти, будутъ такіе же вотъ сыновья какъ у меня. Будешь ты россійскій дворянинъ—и по видимости, а не такъ вотъ. Графъ Скавронскій настоящій, съ многочисленнымъ семействомъ... Можетъ у тебя будетъ двѣнадцать сыновей и двѣнадцать дочерей, расписывалъ Карлъ Самойловичъ.

— Чортъ съ ними!.. отозвался Дирихъ.

— Съ кѣмъ?

— А съ этими твоими сыновьями и дочерьми.

— Да не съ моими... Глупый! У тебя ихъ будетъ столько.

— Не хочу... Не нужно. Я ихъ всѣхъ передушу какъ котятъ.

Карлусъ невольно усмѣхнулся.

— Ишь ты какой!.. Они еще и не родились, а онъ ихъ душить хочетъ.

— Все равно, что не родились! безсмысленно проговорилъ Дирихъ.

— Такъ какъ же съ тобой быть? спросилъ, наконецъ, Карлусъ.—Что же я скажу цесаревнѣ?.. Стало быть силкомъ мы тебя будемъ вѣнчать, свяжемъ да и повеземъ въ церковь... Вѣдь это не гоже. Вѣдь это срамъ будетъ.

— Я утоплюсь! отрѣзалъ Дирихъ

— Ну, вотъ! Утоплюсь... То всѣхъ рѣзать собирался, а теперь топиться... А ты подумай-ка. Подумай-ка обо всемъ, что я тебѣ говорилъ. Можетъ, Богъ дастъ, раздумаешь да и согласишься. И отчего бы тебѣ не жениться на невѣстѣ, которую разыскала сама цесаревна?.. Какія причины?

— А Трина?.. выговорилъ вдругъ громко и отчаяннымъ голосомъ Дирихъ.

— Трина... Заладилъ про свою Трину. Ты долженъ объ ней забыть, какъ еслибы она никогда и на свѣтѣ не жила. Да вѣдь и эта Сабурова—Катерина, стало быть Трина. Вотъ въ утѣшеніе себѣ и зови ее Триной. Оно будто все тоже и будетъ.

— Нѣтъ не тоже. То одна Трина, а это другая—Трина.

— Все одно. Зато энта мужичка, а эта дворянка. Ты вотъ подумай и мнѣ отвѣтъ дай, а я доложу цесаревнѣ.

Съ этого дня, въ продолженіе цѣлой недѣли, Карлусъ, а въ особенности Софья и ея братъ Антонъ, ежедневно уговаривали дядю, стараясь то лаской, то угрозой выманить у него согласіе.

Женитьбу эту придумала вся родня, чтобы сбыть съ рукъ своего арестанта на руки въ семью Сабуровыхъ и бракомъ этимъ пресѣчь возможность новыхъ попытокъ къ бѣгству.

Наконецъ, однажды, Марья Скавронская уговорила Ѳедора Самойловича. Цѣлый вечеръ проплакалъ онъ, какъ малый ребенокъ, затѣмъ заявилъ желаніе видѣться съ ксендзомъ. За неимѣніемъ таковаго въ городѣ, позвали въ домъ католическаго пастора, человѣка уже пожилаго и почтеннаго

Ѳедоръ Самойловичъ изъявилъ желаніе исповѣдываться и причаститься, готовясь къ женитьбѣ какъ якобы къ смерти. Ему не перечили.

Вернувшись изъ церкви, Ѳедоръ Самойловичъ заговорилъ совсѣмъ другимъ голосомъ, тихимъ и грустнымъ. Онъ объявилъ, не то шутя, не то серьезно, при чемъ губы его улыбались, а на глазахъ стояли слезы:

— Дирихъ Сковоротскій померъ! Нѣтъ его на свѣтѣ... А графъ Ѳедоръ Самойловичъ женится и зоветъ васъ къ себѣ на свадьбу.

Вся родня не знала смѣяться ли словамъ этимъ, или тревожиться. Балуется ли Ѳедоръ Самойловичъ, или разумъ у него сталъ мѣшаться. Въ дѣйствительности не было ни того, ни другого. Разумъ его просвѣтлѣлъ... И Ѳедоръ Самойловичъ не шутилъ, говоря, что Дирихъ умеръ. Онъ похоронилъ въ себѣ чувства къ любимой женщинѣ, которая измѣнила ему, бросилъ мечты снова жить съ ней. Онъ рѣшилъ, поэтому, что Дирихъ уже не существуетъ якобы на свѣтѣ, а теперь надо быть графомъ Скавронскимъ, мужемъ госпожи Сабуровой.

Скоро была справлена свадьба, на которой присутствовала многочисленная родня невѣсты. Все прошло порядливо и богато. На свадьбѣ обѣщала быть сама цесаревна Елизавета, но не явилась по нездоровью. За то было много сановниковъ и богатыхъ дворянъ.

Въ толпѣ народа, затѣснившей со всѣхъ сторонъ паперть и наполнявшей сосѣднія улицы, чтобы поглазѣть на золотыя кареты и чудныхъ коней свадебнаго поѣзда,—бѣжала молвь одна и та же по всѣмъ устамъ.

— Ну, ужъ, не позавидуешь невѣстѣ!.. Этакаго бѣлоглазаго да бѣлобрысаго въ мужья получить! говорили одни.

— Ну, ужъ, не позавидуешь жениху... Этакую дурную, да старую жену получить! говорили другіе.

— Ну, ужъ, и самъ то хорошъ! прибавлялось къ этому.

— Да и сама то тоже хороша! прибавлялось еще.

Разумѣется, молодые супруги поселились въ отдѣльномъ домѣ со своимъ штатомъ дворовыхъ. Но въ домѣ этомъ черезъ нѣсколько дней уже стало очень людно: была цѣлая куча господъ, распоряжавшихся всѣмъ имуществомъ. Все это была родня молодой супруги.

Цесаревна, выбирая невѣсту для графа Ѳедора Скавронскаго, которому предполагалось дать большія средства вотчинами и деньгами, одновременно пристроила цѣлое семейство обѣднѣвшихъ дворянъ, которому она покровительствовала.

Разумѣется, при такомъ хозяинѣ какимъ сталъ графъ Ѳедоръ Самойловичъ, могъ легко забрать власть въ руки и въ домѣ, и въ вотчинахъ всякій, кто бы ни пожелалъ. Впрочемъ, съ главнымъ членомъ семьи—графомъ, всѣ Сабуровы и ихъ прихлебатели обращались вѣжливо и ласково, величая его и дядюшкой, и дѣдушкой, и сіятельствомъ... И понемножку прежній ямщикъ Дирихъ, прежній страстный обожатель Трины, почувствовалъ себя болѣе или менѣе счастливымъ.

Эта обстановка тяготила его менѣе, нежели жизнь въ Крюйсовомъ домѣ. Имя Трины стало для него теперь символомъ чего-то давнишняго, но безвозвратно потеряннаго, какъ молодость...

„Видно такъ Богъ судилъ“! думалось графу Ѳедору Скавронскому. „Но на томъ свѣтѣ—Трина отвѣтъ дастъ за меня!“

(До слѣд. №).

За дупелями.

Разсказъ **К. Тхоржевскаго.**

(Продолженіе).

Онъ перссталъ смѣяться только тогда, когда въ комнатѣ показалась та же женщина, что встрѣтила нашихъ пріятелей на крыльцѣ; она нѣсколько принарядилась и даже надѣла башмаки; въ рукахъ у нея былъ большой поднось, уставленный бутылками и различными настойками, наливками и маленькими тарелочками съ соленою закуской. Выйдя на середину комнаты, она остановилась, низко поклонилась гостямъ и затѣмъ ужс поставила подносъ на письменный столъ, около котораго сидѣли въ креслахъ Разинъ и Воронецъ.

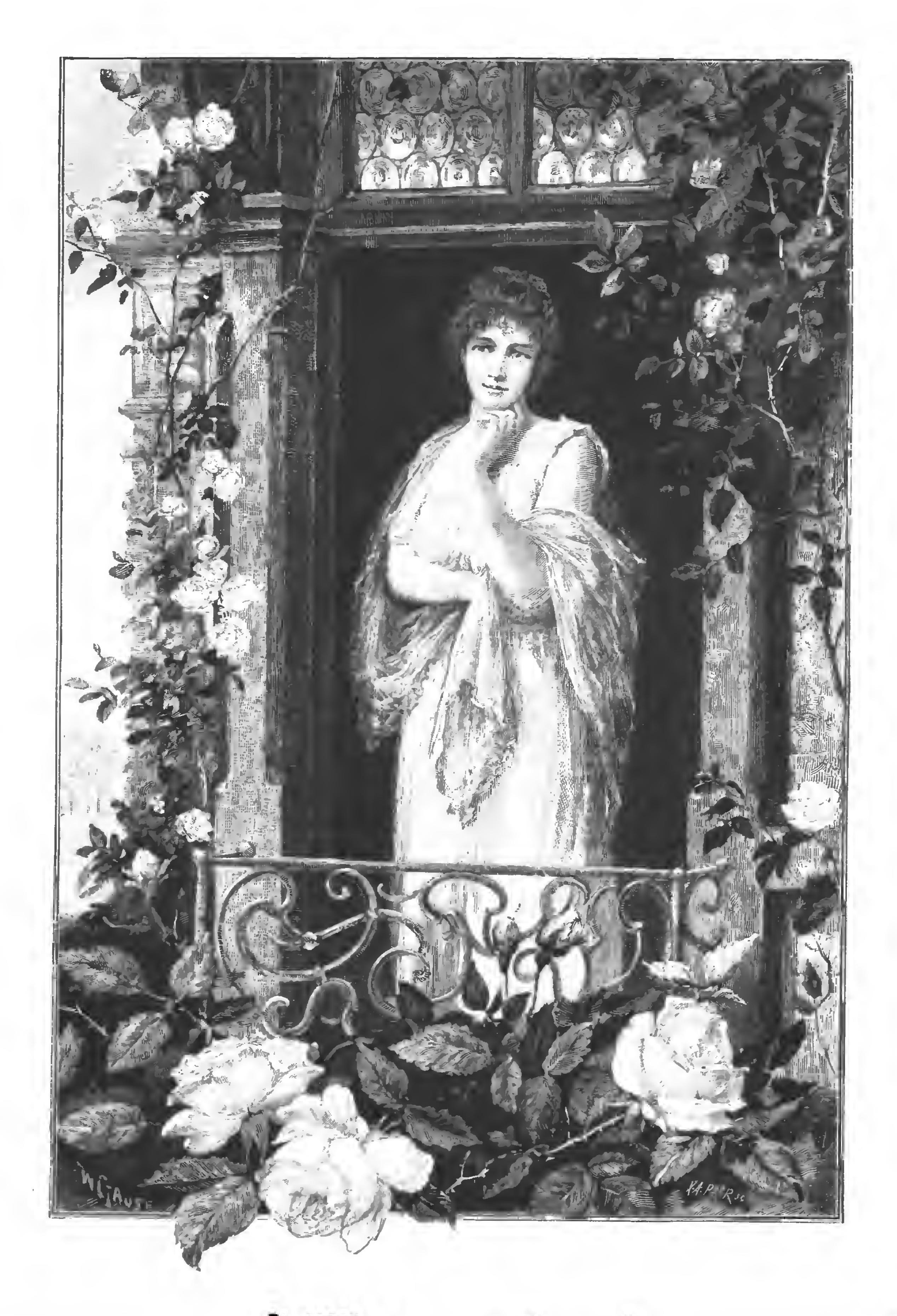
— Ну-съ, господа, что же, давайте-ка съ дорожки-то!.. проговорилъ хозяинъ, вставая съ кресла и, пересиливъ смѣхъ, взялся за бутылку съ янтарной жидкостью:—вотъ-съ, попробуйте, какъ на вашъ вкусъ придется, говорилъ онъ, наливая въ рюмки искристую, густую настойку.

— Да это аг'тамоновка?! воскликнулъ Разинъ, вглядываясь какъ лилась золотистая струйка.

— Она самая!.. вы-то се пробовали, а вотъ товарищъ-то врядъ ли гдѣ пивалъ ее... На тридцати кореньяхъ настоена! пояснилъ онъ, обращаясь къ Воронцу.—Ну-съ, за ваше здоровье!.. Съ пріѣздомъ васъ.

Выпили „артамоновки“, оказавшейся дѣйствительно какимъ-то нектаромъ, и стали закусывать.

— А гдѣ же „маевка“? воскликнулъ вдругъ Александръ Васильевичъ, обращаясь къ бабѣ, которая, отретировавшись назадъ, стояла у порога и, подпершись рукой, созерцала гостей какимъ-то *печально-ласковымъ* взоромъ, какимъ смотрятъ всегда простолюдинки на тѣхъ, кого „жалѣютъ“, т. е. на тѣхъ, кто имъ нравится, кого онѣ любятъ.—Ступай къ Марьѣ Савичнѣ.

Въ раздумьи. Рис. В. Гаузе, грав. А. Паарѣ.

продолжалъ Александръ Васильевичъ, и скажи, чтобы сейчасъ „маевки“ прислала. Это у меня, господа, настойка собственнаго изобрѣтенія, обратился онъ къ пріятелямъ,—„маевкой“ я ее назвалъ, а еще ей названіе отъ пріятелей—„весна“. Вотъ попробуете сейчасъ!..

— Да у васъ, Александг'ъ Васильевичъ, вообще настойки пг'екг'асныя!.. А вотъ вы намъ о дупеляхъ скажите... есть высыпки? заговорилъ Разинъ.

— Дупель-то есть, только все рѣденькій какой-то!.. Не дружно летитъ! задумчиво отвѣчалъ Мухинъ;—я уже вотъ сколько хожу... сами знаете, какой я охотникъ... ни на одну высыпку не напалъ... Ну да мы съ вами, Богъ дастъ, найдемъ!.. Вотъ вы отдохнете маленько—и отправимся!..

— Какой тамъ отдыхъ!.. на охотѣ отдохнемъ!.. воскликнулъ Разинъ, наливая въ рюмки „артамоновки“; Воронецъ, не чувствовавшій подъ собой ногъ, злобно на него поглядѣлъ.

Появилась „маевка“ ярко-изумруднаго цвѣта; попробовали и ее; Воронецъ развеселился; усталости какъ не бывало, и разыгравшееся воображеніе опять стало рисовать восхитительныя картины охоты за дупелями.

— А далеко до болота? спрашивалъ Воронецъ, когда всѣ трое усѣлись на линейку, запряженную парой добрыхъ, хорошо выкормленныхъ и вычищенныхъ лошадей.

— Нѣтъ, версты двѣ... больше полчаса не проѣдемъ! отвѣчалъ Александръ Васильевичъ, усаживаясь поудобнѣе.

Лошади тронули и линейка быстро покатилась по ровной, укатанной дорогѣ, рѣзкою, желтою полосой выдѣлявшейся на нѣжно-зеленомъ фонѣ луговъ, покрывшихся густою, уже высокою, молодою травой; жаворонки такъ и заливались въ воздухѣ, такъ и лилась эта чудная пѣсня—точно пѣли ее не птички, а вся земля, вся природа, радующаяся, что, наконецъ, сбросила съ себя оковы суровой зимы; необыкновенно легко и празднично становилось на сердцѣ отъ этой звонкой, нѣжной пѣсни.

Воронецъ заслушался, любуясь кучами деревьевъ, мимо которыхъ они проѣзжали; онъ забылъ всѣ вынесенныя имъ невзгоды и ушелъ въ мысляхъ куда-то далеко, далеко... А солнышко такъ пригрѣвало, такъ живителенъ былъ чистый, весенній воздухъ, напоенный влагой, такъ хорошо пѣли жаворонки... Воронецъ казался заснувшимъ, но онъ не спалъ, онъ жилъ всѣми фибрами своего организма...

Разинъ и даже Александръ Васильевичъ, который уже привыкъ ко всякимъ прелестямъ природы, какъ деревенскій житель, и вообще по наружнымъ признакамъ не былъ поэтомъ— и тѣ задумались и молчали, видимо поддавшись волшебнымъ чарамъ весны.

— Вотъ наша охота гдѣ начнется!.. указалъ Мухинъ въ сторону, первый прерывая молчаніе.

— Гдѣ? воскликнулъ Воронецъ, какъ бы пробуждаясь и всматриваясь по тому направленію, куда тотъ указывалъ.

— А вонъ, вонъ—видите, гдѣ чибисы-то вьются?!..

— Ахъ вотъ гдѣ! вижу, вижу!.. Только тамъ, кажется, никакого болота нѣтъ...

— Да это и не болото собственно... это, видите ли, просто—мокрые луга такіе... тамъ теперь всѣ ямки водой наполнились—прекрасныя мѣста для дупелей, а мѣсяца черезъ два все высохнетъ, и первосортный сѣнокосъ образуется...

— А большое это мѣсто?

— Хватитъ съ насъ—въ день-то не исходить!.. Только бы вотъ Богъ помогъ на высыпку напасть, а то будете довольны!.. Наши мѣста знаменитыя; на сто верстъ кругомъ такихъ не найдете: ко мнѣ третій годъ общество охотниковъ пристаетъ сдать имъ его на аренду сто рублей предлагаютъ, да я не отдаю: и самъ охотникъ, и пріятелей охотой угостить люблю.

Разинъ не вмѣшивался въ разговоръ—онъ судорожно сжалъ стволы своей централки, за которую заплатилъ безумную цѣну—двѣсти рублей съ чѣмъ-то, и упорно уставился въ ту сторону, гдѣ тянулись дупелиныя мѣста: другого онъ уже ничего не видѣлъ, ничего не слышалъ; онъ, какъ главнокомандующій передъ боемъ, былъ весь сосредоточенъ на одной мысли..

— Стой, стой! вотъ мочежинка! воскликнулъ вдругъ Воронецъ, увидя вправо отъ дороги блеснувшую между сочной травой воду.

— Здѣсь не стóитъ!... пошелъ дальше!.. крикнулъ Александръ Васильевичъ кучеру, сразу было осадившему лошадей:—сейчасъ до настоящаго мѣста доберемся! успокоительно добавилъ онъ, когда линейка опять тронулась.

— А вонъ кулики ходятъ—веретенники!!.. закричалъ опять черезъ минуту Воронецъ, съ волненіемъ всматриваясь, какъ цѣлая шеренга этихъ длинноногихъ птицъ важно разгуливала шагахъ въ шестидесяти отъ дороги и не обнаруживала желанія улетѣть.

— А вы что?.. стрѣлять ихъ хотите?

— Да, а что?

— Не совѣтовалъ бы я вамъ этихъ галокъ бить: они протухнутъ прежде, чѣмъ вы ихъ до города довезете... Дупель—благородная птица: она долго сохраняется, а это что?... дрянь!...

Но Воронецъ не внялъ этому: для него городского жителя—„веретенникъ“ былъ очень соблазнительной дичью.

Онъ и Разинъ спрыгнули съ линейки.

— Ты стг'ѣляй въ сидячихъ, а я въ летъ удаг'ю... шепнулъ ему тотъ, зная, что „въ летъ“ пріятель, пожалуй, и не попадетъ.

Съ трясущимися отъ волненія руками сдѣлалъ Воронецъ впередъ нѣсколько шаговъ, остановился и съ замираніемъ сердца сталъ цѣлить.

„И вдругъ—промахъ!..“ думалъ онъ тревожно.

Разинъ стоялъ на дорогѣ на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ спрыгнулъ, въ спокойной, самоувѣренной позѣ: онъ зналъ, что не промахнется по такой крупной птицѣ, какъ веретенникъ. Мухинъ, не трогаясь съ мѣста, смотрѣлъ на пріятелей со снисходительной улыбкой, съ какою смотрятъ на шалости дѣтей; онъ принадлежалъ къ тому типу охотниковъ, которые бьютъ только патентованную дичь и съ презрѣніемъ смотрятъ на разныхъ куликовъ, дроздовъ и т. п. „галокъ“, какъ они ихъ называютъ.

Грянулъ выстрѣлъ Воронца, за нимъ дублетъ Разина. Два веретенника свалились, какъ подкошенные, а третій съ перебитымъ крыломъ, подпрыгнулъ раза два, думая взлетѣть, но убѣдился, что не въ состояніи сдѣлать этого, и побѣжалъ по лугу на своихъ длинныхъ ногахъ, точно на ходуляхъ; остальные улетѣли съ меланхолическими характерными криками, похожими на стоны. Собаки со всѣхъ ногъ бросились къ добычѣ и, вѣжливо помахивая хвостами, съ видимымъ удовольствіемъ подали птицъ счастливымъ охотникамъ. Воронецъ взялъ своего веретенника и съ удовольствіемъ положилъ его въ ягдташъ, словно какую нибудь драгоцѣнность.

— Ну, садитесь, господа, ѣдемте—нечего время терять!.. солидно заговорилъ Александръ Васильевичъ, зачѣмъ-то подвигаясь къ краю линейки—точно мѣста было мало.

Воронецъ и Разинъ заняли свои мѣста; лошади тронули, и опять покатилась линейка; но теперь уже Александръ Васильевичъ началъ обнаруживать безпокойство: онъ то и дѣло заглядывалъ то справа, то слѣва и точно обнюхивалъ воздухъ какъ хорошая лягавая собака.

— Стой! воскликнулъ онъ, наконецъ, и едва лошади остановились, соскочилъ съ линейки и потянулся.—Вотъ и пріѣхали!.. произнесъ онъ,—тутъ настоящія мѣста начинаются!.. Я вотъ пойду прямо, а вы, одинъ правѣе меня, другой—лѣвѣе, да такъ и ровняйтесь, чтобы отъ меня шагахъ во ста идти!.. Пойдемте!..

Охотники разошлись. Воронцу досталось идти вдоль узенькой ложбины, наполненной водой и обросшей густою травой. Онъ шелъ и какъ будто священнодѣйствовалъ: наслаждаясь каждымъ шагомъ по новой травѣ, наслаждаясь ожиданіемъ взлета дупеля,—движеніями своей собаки, усердно, съ дѣловымъ видомъ и въ видимо возбужденномъ состояніи обнюхивающей каждую кочку, каждый кустикъ травы. Не прошли они и двадцати шаговъ, какъ собака приподняла уши, метнулась вправо, метнулась влѣво и замерла въ красивой, обворожительной стойкѣ.

— Пиль!.. нервно крикнулъ Воронецъ.

Дупель вырвался съ трескомъ. Бацъ!.. Бацъ!.. „ударилъ“ Воронецъ, рефлективнымъ движеніемъ нажавъ курки. Дупель даже полета не измѣнилъ и также плавно несся прямо на Мухина. тотъ неуклюже приложился изъ своей двустволки: мелькнулъ дымокъ, грянулъ выстрѣлъ; дупель какъ бы замеръ на мгновеніе въ воздухѣ и затѣмъ, перекувырнувшись, шлепнулся на землю.

— Боже мой, за что́ же!?.. прошепталъ Воронецъ въ отчаяніи.

Сеттеръ вопросительно и какъ-то обиженно смотрѣлъ на него.

„Ну, больше горячиться не буду!.. Только бы вылетѣлъ опять такъ же хорошо, какъ и этотъ!.. Да, нѣтъ, гдѣ же такъ вылетѣть!.. Это вѣдь на рѣдкость!.. да и самъ Александръ Васильевичъ говорилъ, что ихъ еще мало; можетъ быть я больше и не найду ни одного!.. Ахъ я, дуракъ, разиня!..“ мучился Воронецъ, заряжая ружье.

Въ эту минуту раздался выстрѣлъ со стороны Разина. Воронецъ оглянулся и видѣлъ какъ тотъ нагибался къ собакѣ, принимая птицу.

— И тотъ убилъ! одинъ я, дуракъ, пропуделялъ!.. чуть не вслухъ укорялъ себя Воронецъ.—Ну, шершъ, Ледька, шершъ!.. нервно и досадливо крикнулъ онъ на собаку—точно она была въ чемъ нибудь виновата. Ледька вильнула хвостомъ и опять заискала. Не прошло и минуты какъ она вдругъ круто поворотила въ сторону; на секунду пріостановилась, „потянула“ и замерла... Не успѣлъ Воронецъ крикнуть ей: „пиль!“, какъ дупель, не выдержавъ стойки, сорвался съ мѣста. Бацъ! Бацъ!.. и опять дупель улетѣлъ, не потерявъ ни одного перышка.

Бѣдный Воронецъ чуть не заплакалъ.

— Что́ же это, Господи?!.. съ отчаяніемъ прошепталъ онъ, глядя какъ птица улетала все дальше и дальше.—Дробь крупна, должно быть... я всегда ихъ 11-мъ номеромъ стрѣляю, а теперь у меня всѣ патроны заряжены 9-мъ... А все Разинъ виноватъ—никогда приготовиться не дастъ,—такъ съ бухты-барахты!.. Ну, шершъ, Лединька, шершъ!.. Еще поправимся—Богъ дастъ!.. Шершъ, миленькая!..

Собака вскорѣ снова замерла на стойкѣ; дупель взорвался превосходно, и Воронецъ опять пропуделялъ.

— Это чортъ знаетъ что такое!.. вскричалъ онъ въ отчаяніи, стукнувъ прикладомъ о землю: и стыдно-то ему было, и досада разбирала, и ничѣмъ не могъ онъ объяснить себѣ промаховъ: прицѣливался спокойно, стрѣлялъ „въ мѣру“, а между тѣмъ промахъ слѣдовалъ за промахомъ.—Положительно не понимаю, бормоталъ онъ, безучастно слѣдуя за собакой, на которую ему совѣстно было смотрѣть: ему казалось, что, оглядывавшаяся по временамъ, Леди смотритъ на него съ презрѣніемъ... Онъ не ошибался: собаки бываютъ къ промахамъ очень обидчивы,— и зачастую отлично выдрессированная собака перестаетъ слушаться охотника, къ которому потеряла довѣріе.

Друзья наши напали на „высыпку“; дупелей дѣйствительно было точно насыпано; выстрѣлы гремѣли ежеминутно. Воронецъ стрѣлялъ такъ много, что самъ потерялъ счетъ, а ни одинъ еще дупель не былъ убитъ; наконецъ, выстрѣливъ по вырвавшемуся шагахъ въ пятидесяти дупелю, онъ увидѣлъ, какъ тотъ „затрепеталъ“, пошелъ книзу и свалился шагов за двѣсти отъ него. Забывъ все, Воронецъ, не спуская глазъ съ того мѣста, гдѣ упала птица, кинулся къ нему; долго онъ искалъ, понукая собаку, пока дупель былъ найденъ и очутился въ ягдташѣ.

— Гонъ! Гонъ! послышался слѣва отъ Воронца голосъ Александра Васильевича.

— Гонъ! Гонъ!.. отозвался Воронецъ.

— Гонъ! Гонъ! донеслось со стороны Разина.

— Идите сюда!.. Пора и закусить!.. кричалъ Мухинъ.

Съ тяжестью въ сердцѣ Воронецъ направился къ нему. Сегодняшній день для него пропалъ!..

Александръ Васильевичъ сидѣлъ на бугоркѣ подъ единственнымъ деревцомъ на нѣсколько верстъ въ окружности; онъ снялъ съ себя сумку и на разостланной салфеткѣ разложилъ закуску и отвинчивалъ крышку фляжки, наполненной „маевкой“.

Александръ Васильевичъ убилъ четырнадцать штукъ, Разинъ— восемнадцать; оба веселы и довольны.

— Я тебѣ говог'илъ, что дупелей -масса!.. кричалъ Разинъ еще издали... Ну что, много убилъ?..

— Одного.. сердито отвѣчалъ тотъ, не глядя на него и испытывая въ высшей степени непріятное чувство.

— Ну вотъ одного! . быть не можетъ?!. подхватилъ Мухинъ въ полной увѣренности, что тотъ шутитъ.

— Ей Богу—одного!..

— Полноте, что вы говорите! . Я думаю, видѣлъ какъ вы палили!.. Ну нечего, нечего церемониться—показывайте-ка вашу добычу!..

— Вотъ, смотрите!.. подставилъ Воронецъ свой ягдташъ,— и этого-то нечаянно убилъ!.

— Батюшки, и вправду одного только! . Да чтожь это такое значитъ?

— Гог'ячка онъ... Г'азгог'ячился и давай пуделять.. Я его знаю...

— Вовсе не отъ этого!.. обратился къ нему Воронецъ съ сердцемъ,—что я въ первый разъ что-ли?!.. Слава Богу—охотился!.. И отъ тебя не отставалъ, а случалось. что и обстрѣливалъ!..

— Да ты не сег'дись, пожалуйста!. Я вовсе не хотѣлъ сказать, что ты стг'ѣлять не умѣешь Пг'осто погог'ячился... это со всякимъ бываетъ... какъ г'аза тг'и пг'омазалъ —такъ и пойдешь садить мимо!..

— А вы, Викторъ Петровичъ, что сдѣлали? обратился толстякъ къ Разину, желая замять поскорѣе непріятный разговоръ.

— Да я съ Божьей помощью десятка полтог'а наколотилъ!.. Славная высыпка!.. Давно такой не запомню! отвѣчалъ онъ, вѣшая на сучокъ ружье и присаживаясь къ закускѣ.

— Ну, и слава Богу!.. Вотъ давайте-ка выпьемъ для твердости руки.

— И чортъ его знаетъ отчего я такъ распуделялся!.. говорилъ Воронецъ, не обращаясь собственно ни къ кому,—просто самъ не понимаю!.. Дробь что-ли крупна, или заряды невѣрны?!.

— А вы вотъ выпейте-ка, подкрѣпитесь хорошенько—дѣло-то и поправится, а то вѣдь вы какъ устали-то—вѣдь всю ночь на ногахъ провели—легко сказать!..

— А въ самомъ дѣлѣ. можетъ это я отъ утомленія?!..

— Конечно такъ!.. выпейте-ка—силы-то и прибавится!.. Это вотъ все ничего, а вы вотъ послушайте-ка какой со мной случай былъ... Поѣхалъ я, знаете, прошлую осень за вальдшнепами верстъ за пятьдесятъ отсюда; набилъ патроновъ, все это,— только бы ѣхать, а тутъ по дѣлу мужики пришли—землю снимать; ну я все-таки отправился—думаю: тамъ на хуторѣ переночую, а чѣмъ свѣтъ и на охоту. Отлично-съ: пріѣхалъ, знаете, напился чаю, закусилъ и завалился спать; рано утромъ всталъ и скорѣй въ лѣсъ. Вальдшнеповъ—просто, какъ говорится, насыпано!.. Такъ и рвутся со всѣхъ сторонъ: фрръ! фрръ!.. я даже растерялся, знаете... Давай палить. Что за диво—промахъ за промахомъ!.. Я, признаться, чуть не заплакалъ... ума не приложу — что бы это значило — просто въ потъ меня ударило!.. Выстрѣловъ тридцать далъ — хоть бы одно перо вышибъ!.. Такъ и пошелъ назадъ—ни одного не взялъ!.. Такъ что же бы вы думали?.. У этого у хуторянина сынъ мальчишка былъ, лѣтъ десяти: онъ у меня изъ патроновъ всю дробь и повытаскалъ!.. Да-съ!.. Стало быть выходитъ это я холостыми патронами садилъ... Ха-ха-ха!.. это уже я послѣ узналъ, когда патроны оставшіеся провѣрять сталъ.. Вынулъ пыжъ изъ одного,—хвать—дроби нѣтъ; въ другомъ тоже!.. Сталъ добираться что это значитъ... Сперва самого хозяина заподозрилъ. Тотъ даже обидѣлся: „что, говоритъ, вы, Александръ Васильевичъ, помилуйте—развѣ я это могу!..“ Стали добираться, искать: у мальчишки у его всю дробь и нашли!.. Сейчасъ его, само собой, драть... Ну да вѣдь этимъ горю не поможешь: выдрать-то выдрали, а охота у меня все-таки пропала—и охота рѣдкостная!.. Вечеромъ-же на это самое мѣсто пошелъ: пять штукъ выгналъ—только и всего!.. Такъ вотъ-съ какія исторіи бываютъ, а это вы не иначе „мазали“ какъ по той причинѣ, что устали очень... Вотъ теперь подкрѣпитесь— какъ по маслу пойдетъ!.. И Александръ Васильевичъ поднесъ ему полную чарку своей „весны“.

Поболтали, закусили охотники, выкурили по папиросѣ и опять отправились истреблять дупелей.

Воронцу положительно не везло: какъ онъ ни старался быть хладнокровнымъ, какъ ни старательно цѣлился, отпуская птицу „въ мѣру“—рѣдкій дупель падалъ. большинство отдѣлывались счастливо; но дупелей было такъ много, что къ закату солнца и его ягдташъ былъ почти полонъ.

Становилось свѣжо, ярко-красная заря разгоралась все ярче; надъ болотомъ поднимался туманъ, скрипучій рѣзкій крикъ коростеля звучнѣе отдавался въ воздухѣ; пигалицы перестали кружиться надъ головами и разлетѣлись по сторонамъ. Охотники наши, утомленные и отягченные дорогою добычей, но веселые и оживленные, добирались до тарантаса; Воронецъ хотя и шелъ съ несовсѣмъ спокойной совѣстью, тѣмъ не менѣе былъ доволенъ, ощущая на плечѣ значительную тяжесть ягдташа: но утомленіе сказывалось: онъ еле переставлялъ ноги и испыталъ невыразимое наслажденіе, усѣвшись, наконецъ, въ линейку. Застоявшіеся кони, нетерпѣливо топтавшіеся и фыркавшие пока разсаживались охотники, дружно подхватили и бойкой рысью понеслись по дорогѣ.

Время близилось къ сумеркамъ. когда показалось Гладкое. Передъ домомъ Александра Васильевича стояла шикарная вѣнская коляска, запряженная тройкой кровныхъ вороныхъ лошадей

— Что это, никакъ около васъ экипажъ какой-то стоитъ?!.. воскликнулъ Воронецъ, замѣтивъ коляску.

— Это Мальковыхъ лошади... озабоченно проговорилъ Мухинъ всматриваясь въ лошадей,—и коляска ихъ... Только кто-бъ это былъ: самъ или барыня его?

— Мальковыхъ?!.. такъ и привскочилъ съ мѣста Воронецъ,— это не Георгія ли Николаевича?..

— Его самаго!..

— Да развѣ ихъ имѣніе здѣсь? все съ бо̀льшимъ интересомъ вопрошалъ поручикъ.

— Съ нашимъ граничитъ... ближайшій сосѣдъ нашему-то князю... Усадьба ихъ въ двадцати пяти верстахъ отъ насъ... Они вотъ постоянно къ намъ и заѣзжаютъ отдохнуть... вродѣ станціи... какъ разъ отъ Желтенькихъ полдороги будетъ... До Желтенькихъ на пароходѣ, а оттуда—на лошади.

— А у нихъ дочь Елизавета Георгіевна есть?..

— Какже, какже!.. Красавица-барышня... и умница!.. а ужъ добрая—просто ангелъ!..

— Да что тебѣ-то? ты развѣ ихъ знаешь?.. грубо спросилъ Разинъ, недовольный, что у Александра Васильевича гости, которые помѣшаютъ отдыху.

— Еще бы не знать!.. воскликнулъ Воронецъ оживленно;—т. е., видишь я съ барышней знакомъ... въ клубѣ нашемъ она бывала... А родителямъ ея я не представленъ; она выѣзжала со своей теткой, а родители почему-то не бывали... Это такая красавица, я тебѣ скажу!.. А какъ мила, граціозна!..

— Барышня—первый сортъ, что и говорить! подтвердилъ и Александръ Васильевичъ.—Кто пріѣхалъ? крикнулъ онъ кучеру, такъ какъ въ эту минуту линейка ихъ подкатила къ садику.

— Барыня съ барышней, Александръ Васильевичъ, отвѣчалъ тотъ, снимая шляпу, утыканную по-русски павлиными перьями.

— Вотъ такъ штука!.. какже это я имъ покажусь въ такомъ видѣ!.. чуть не съ отчаяніемъ промолвилъ Воронецъ, оглядывая сапоги, испачканные по колѣни въ грязи.

— Ничего не значитъ—съ охоты—что подѣлаешь! Не въ мундирѣ же вамъ быть... Онѣ извинятъ!..

— Я не пойду!.. Я прямо къ вамъ на сѣновалъ — спать! буркнулъ Разинъ. и не слушая никакихъ просьбъ и увѣреній Мухина, рѣшительными шагами пошелъ черезъ садъ и скрылся за деревьями...

— Ну, а вы-то не убѣжите отъ барынь?.. обратился Мухинъ къ Воронцу.

— Нѣтъ, нѣтъ—зачѣмъ же бѣгать!.. Только вотъ вы мнѣ позвольте гдѣ нибудь пообчиститься немножко!...

— Вотъ молодчина!.. а то я, признаться сказать, не люблю съ барынями возиться!.. Совсѣмъ, знаете, не умѣю это съ ними... Ну, посудите сами—о чемъ я съ ними говорить буду?!. Сидятъ себѣ: трю-тю-тю, трю-лю-лю... просто бѣда съ ними!..

— А вотъ и Александръ Васильевичъ возвратился!.. раздался вдругъ женскій голосъ изъ окна „парадной“ комнаты!..

Крѣпость Баязетъ. Ориг. рис. проф. Лагоріо, грав. М. Рашевскій.

Мельница въ Голосѣевской пустыни (Кіевской губ.). Ориг. рис. К. Крыжицкаго, грав. К. Ольшевскій.

— Здравствуйте, Марья Николаевна!.. Сколько лѣтъ, сколько зимъ! отвѣчалъ Мухинъ, кланяясь по направленію къ окну и прибавляя шагу...

— Какъ я рада васъ видѣть!.. я объ васъ соскучилась!.. продолжала Марья Николаевна.

— Александръ Васильевичъ, Александръ Васильевичъ!.. зазвенѣлъ въ то же время молодой дѣвичій голосокъ, и почти въ ту же минуту на крыльцо выскочила прелестная блондинка, одѣтая въ изящное лѣтнее платье, и побѣжала на встрѣчу подходившимъ.

— А, милая барышня!.. ручку пожалуйте!.. отвѣчалъ Мухинъ какимъ-то особеннымъ голосомъ, стараясь для чего-то изо всѣхъ силъ смягчить его насколько могъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Правая и лѣвая сторона тѣла.

Очеркъ.

Одному французскому доктору, Каэтану Делоне, состоявшему при походномъ госпиталѣ во Франко-Прусскую войну 1870—1871 гг., пришлось замѣтить, что у солдатъ, отморозившихъ себѣ ноги,—лѣвыя нижнія оконечности всегда оказывались пострадавшими сильнѣе, чѣмъ правыя, хотя, очевидно, и тѣ, и другія находились при этомъ въ условіяхъ совершенно одинаковыхъ. Отсюда слѣдовало заключить, что правая нога и вообще правая сторона, сравнительно съ лѣвою, представляютъ большее сопротивленіе холоду. Съ цѣлью повѣрки подобнаго заключенія, г. Делоне произвелъ самостоятельно и собралъ рядъ весьма любопытныхъ наблюденій (изложенныхъ въ научномъ сборникѣ за 1885 годъ—Revues Scientifiques—выходившемъ подъ редакціею недавно умершаго въ Тонкинѣ французскаго ученаго Поля Бера):

Явленія питанія представляются болѣе развитыми въ правой сторонѣ, чѣмъ въ лѣвой. Правая обладаетъ болѣе богатою артеріальною и венозною системами, и получаетъ, слѣдовательно, большее количество крови. Сильнѣе всего бьется пульсъ въ правой сторонѣ. Въ правой берцовой артеріи содержится больше сахару (Клодъ Бернаръ), и мочевины больше въ венозной крови правой стороны, нежели лѣвой (Ивонъ). Неудивительно, поэтому, что температура, какъ результатъ явленій питанія, дѣйствительно, выше въ правой сторонѣ, нежели въ лѣвой.

Также точно, всякаго рода выдѣленія обильнѣе въ правой сторонѣ, и напримѣръ въ правой груди женщины молока и количественно больше, и само оно богаче твердыми веществами.

Съ точки зрѣнія анатомической, правая сторона тяжелѣе лѣвой. Правая сторона грудной полости объемистѣе лѣвой. Желудокъ и тазъ представляются болѣе развитыми въ правой сторонѣ. Кости правой половины тѣла вѣсятъ больше, нежели кости лѣвой (Люка), и первыя богаче минеральными веществами, именно углекислою известью, по изслѣдованіямъ Мильнъ-Эдвардса. Кисть и пальцы правой руки больше, нежели лѣвой.

Точно также мускулы правой стороны сильнѣе лѣвой. Такъ что давленіе, производимое правою рукою, какъ это всѣмъ извѣстно, сильнѣе (именно на одну треть или одну четверть) давленія лѣвой руки. Гимнастика, направленная къ одинаковому развитію обѣихъ сторонъ тѣла, не только не возстановляетъ равенства между правою и лѣвою сторонами, какъ можно было бы ожидать, но, напротивъ, даетъ еще большее преимущество правой сторонѣ передъ лѣвою.

Различіе между правою и лѣвою сторонами распространяется и на ноги. Правою ногою пользуются предпочтительно передъ лѣвою для того чтобы толкнуть дверь, ударить, взойти въ экипажъ, и пр. У многихъ правая нога бываетъ даже длиннѣе лѣвой, вслѣдствіе чего лѣвая половина панталонъ волочится по землѣ и сильнѣе грязнится.

То же относительно чувствъ. Прицѣливаемся мы правымъ глазомъ и правый же глазъ обыкновенно вооружаемъ оптическими инструментами,—моноклемъ, телескопомъ, микроскопомъ.

Физіологическія различія между правою и лѣвою сторонами даютъ и соотвѣтствующія различія патологическаго свойства. Правая сторона легче подвергается заболѣваніямъ въ родѣ подагры, воспаленій и пр., и наоборотъ, сильнѣе и чаще всего поражаютъ лѣвую сторону болѣзни, происходящія отъ недостатка питанія: анемія, блѣдная немочь, чахотка. Г. Делоне нашелъ даже, что болѣзни, поражающія сильнѣйшую (правую) сторону, вмѣстѣ съ тѣмъ наичаще встрѣчаются среди расъ сильныхъ, больше у мужскаго пола, нежели у женскаго, чаще у людей крѣпкаго тѣлосложенія. И наоборотъ, заболѣванія слабѣйшей (лѣвой) стороны наичаще наблюдаются у расъ слабыхъ, въ возрастѣ нѣжномъ или соединенномъ съ упадкомъ силъ, младенчествѣ и старости, при тѣлосложеніяхъ слабыхъ.

Человѣкъ не родится съ одинаково развитыми правою и лѣвою руками, равнорукимъ, какъ обыкновенно полагаютъ. Ребенокъ бываетъ „лѣвшою" прежде нежели сдѣлается „правшою". Стоитъ только посѣтить воспитательные дома, гдѣ есть дѣти до трехъ лѣтъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. Не трудно бываетъ замѣтить тотчасъ же, что самыя маленькія дѣти дѣйствуютъ лѣвою рукою предпочтительно передъ правою. Тѣ, которыя постарше, стараются уже быть правшами, но еще для многихъ дѣйствій они остаются лѣвшами. Большинство начинаетъ ходить, подниматься и перешагивать съ лѣвой ноги, кладетъ лѣвую ногу на правую. И далѣе, такъ какъ нервы скрещиваются, проходя въ мозговыя полушарія, нервы правой стороны оканчиваются въ лѣвомъ полушаріи и нервы лѣвой—въ правомъ, то, слѣдовательно, правое полушаріе у дѣтей должно имѣть преимущество передъ лѣвымъ. Дѣйствительно, г. Делоне нашелъ, что правое полушаріе у дѣтей тяжелѣе лѣваго. Съ другой стороны, г. Понсе опредѣлилъ, что при рожденіи тяжесть скелета обѣихъ верхнихъ оконечностей почти одинакова.

По всей вѣроятности—предполагаетъ г. Делоне—большее развитіе лѣвой стороны у дѣтей имѣетъ атавистическое происхожденіе, т. е. представляется возвращеніемъ къ типу предковъ. Дѣйствительно, каменныя орудія, находимыя нынѣ и относящіяся къ каменному вѣку, оказываются подержанными больше съ той или другой стороны, смотря по тому, кто ими пользовался, „правша" или „лѣвша". Въ нѣкоторыхъ коллекціяхъ насчитывается тѣхъ и другихъ инструментовъ, наиболѣе подержанныхъ съ правой и съ лѣвой стороны, одинаковое количество. Слѣдовательно, во времена, относительно недавнія, „лѣвшей", составляющихъ нынѣ самое незначительное меньшинство, было столько же, сколько и „правшей". А во времена, болѣе отдаленныя, „лѣвшей", весьма вѣроятно, было и больше, чѣмъ „правшей". Ребенокъ становится „правшой", въ теченіе своего возраста, постепенно, силою органическаго предрасположенія. Изъ дѣтей до десятилѣтняго возраста многія еще бываютъ „лѣвшами". Наибольшее развитіе правая сторона сравнительно съ лѣвою обнаруживаетъ въ зрѣломъ возрастѣ. Такимъ образомъ г. Понсе, взвѣшивавшій правую и лѣвую половину скелета людей разнаго возраста, нашелъ, что наибольшее различіе между ними наблюдается именно въ среднемъ возрастѣ.

Вообще, можно сказать, что лѣвая сторона играетъ служебную роль относительно правой. Рабочіе носятъ тяжести предпочтительно на лѣвомъ плечѣ. Въ разнообразныхъ занятіяхъ лѣвая рука—работаетъ, правая—управляетъ. Лѣвая рука выполняетъ грубыя работы подъ управленіемъ правой, которая, наоборотъ,—беретъ на себя задачи, требующія одновременно и силы, и ловкости. Правая рука пишетъ, чертитъ, рисуетъ, шьетъ, дѣйствуетъ молотомъ, ружьемъ, шпагой и т. п. Во всѣхъ же этихъ случаяхъ лѣвая рука является помощницей—поддерживаетъ бумагу или полотно, ложу ружья и т. п. Иногда правая рука дѣйствуетъ и одна,—бросая, напримѣръ, камень, копье, мячъ.

Однако, лѣвая рука не всегда оказывается предназначенною для работъ грубыхъ или незначительныхъ. И она можетъ выполнять движенія весьма сложныя,—напримѣръ, у музыкантовъ. Но она никогда не достигаетъ ловкости, отличающей правую руку. Такимъ образомъ, въ игрѣ на фортепьяно она служитъ большею частью для аккомпанированія и выполняетъ партіи, менѣе трудныя.

Лѣвая сторона точно также играетъ служебную роль въ обыкновенныхъ житейскихъ дѣлахъ. Человѣкъ стоитъ обыкновенно такъ, что тяжесть тѣла его опирается на лѣвую ногу. И первый же шагъ дѣлаетъ онъ съ правой ноги. Во время прыганья точку опоры отыскиваютъ въ лѣвой ногѣ. Осѣдлывая лошадь, ставятъ въ стремя лѣвую ногу и, опираясь на нее, заносятъ правую ногу на лошадь.

Всѣ обыкновенно обнаруживаютъ стремленіе уклоняться всегда вправо. Это особенно замѣтно, когда люди размѣщаются въ залѣ, входятъ наверхъ по двойной лѣстницѣ, прогуливаются по тротуару или пассажу. Въ правую же сторону человѣкъ легче всего поворачиваетъ голову и разсматриваетъ предметы болѣе правымъ, нежели лѣвымъ глазомъ. Этимъ объясняется, между прочимъ, то, что музеи осматриваются обыкновенно начиная съ правой стороны. По той же причинѣ художники размѣщаютъ главнѣйшія сцены своихъ картинъ вправо отъ зрителя. И точно также, европейскія женщины и мужчины помѣщаютъ свои украшенія или знаки отличія съ лѣвой стороны груди или прически, т. е. вправо же отъ зрителя, такъ виднѣе.

Касаясь сравненія обоихъ мозговыхъ полушарій, слѣдуетъ замѣтить, что изслѣдователи, взвѣшивавшіе ихъ, не принимая во вниманіе ни возраста, ни пола, ни занятій, приходили къ противорѣчивымъ результатамъ. На самомъ же дѣлѣ, у людей высшаго порядка лѣвое полушаріе вѣситъ больше праваго, въ которомъ оканчиваются нервы слабѣйшей лѣвой стороны, и наоборотъ. Топинаръ нашелъ, что лѣвая лобная доля тяжелѣе правой, а Рокъ, что мозговыя извилины многочисленнѣе и глубже въ лѣвой половинѣ мозга, нежели въ правой. Высшія способности сокрыты главнымъ образомъ или исключительно въ лѣвомъ полушаріи. Это положительно выяснено относительно членораздѣльной рѣчи. Опыты г. Поля Бера показываютъ,

что лѣвая половина лба теплѣе правой, и разница въ температурахъ между ними особенно усиливается во время рѣчи. По наблюденіямъ Флери, когда лѣвое полушаріе подвергается параличу—въ 9 случаяхъ изъ 10 чувствительность оказывается неповрежденною, движеніе ослабляется и способность къ рѣчи исчезаетъ. Наоборотъ, когда параличъ поражаетъ правое полушаріе — чувствительность бываетъ сильно притупленною, но больной не теряетъ способности говорить.

Надо полагать, что правая половина мозга играетъ относительно лѣвой роль секретаря, архивариуса—словомъ роль служебную. Замѣчено, что у больныхъ, потерявшихъ память, но сохранившихъ высшія способности, мозговыя поврежденія находятся въ правой сторонѣ: у больныхъ-же, потерявшихъ разумъ, но сохранившихъ память—наоборотъ, въ лѣвой. Отсюда, правая сторона обладаетъ памятью въ большей мѣрѣ, нежели лѣвая и, весьма вѣроятно, снабжаетъ словами, числами, воспоминаніями, картинами—эту послѣднюю, когда ей необходимо бываетъ выразить свою мысль словами. По наблюденіямъ г. Делоне также сны, являющіеся тогда, когда человѣкъ спитъ на правомъ боку, бываютъ обыкновенно безсмысленны, чувственны, подвижны, касаются крайне отдаленныхъ воспоминаній, и—наоборотъ, когда спятъ на лѣвой сторонѣ.

Вообще, у человѣка высшей расы развитіе идетъ отъ преобладанія правой стороны мозга къ преобладанію лѣвой,—до извѣстнаго преклоннаго возраста, съ котораго начинается медленное обратное движеніе. Въ этомъ возрастѣ обѣ половины мозга вѣсятъ уже одинаково. У стариковъ-же, впавшихъ уже въ старческое слабоуміе, по изслѣдованіямъ Кричтона Брауна, правое полушаріе тяжелѣе лѣваго. Такимъ образомъ, въ домахъ сумасшедшихъ, больные, одержимые старческимъ слабоуміемъ, гуляютъ обыкновенно по двору такъ, что стѣна находится отъ нихъ въ лѣвой сторонѣ.

По женщины менѣе „правши", чѣмъ мужчины. „Лѣвши" встрѣчаются среди женщинъ чаще. На балахъ дамы съ одинаковой легкостью вертятся и направо, и налѣво. Наоборотъ, кавалеры повертываются налѣво не безъ затрудненій. Женщины часто ходятъ по лѣвой сторонѣ пассажа и по той-же сторонѣ двойной лѣстницы. Съ анатомической точки зрѣнія, правыя оконечности бываютъ у мужчины и сильнѣе, и тяжелѣе лѣвыхъ, тогда какъ у женщины оконечности и правой, и лѣвой стороны бываютъ почти совершенно одинаковы, и по силѣ, и по вѣсу.

Большинство идіотовъ кладетъ лѣвыя оконечности на правыя и вертится на мѣстѣ обыкновенно влѣво. Кричтонъ Браунъ нашелъ, что правое полушаріе у нихъ тяжелѣе лѣваго. Ломброзо относительно преступниковъ также выяснилъ преобладающее развитіе праваго полушарія.

Что касается расъ, то низшія изъ нихъ относительно многихъ движеній представляются „лѣвшами". Лѣвши осѣдлываютъ лошадей такъ, что голова животнаго находится отъ нихъ вправо. Также осѣдлываютъ лошадей краснокожіе и бросаютъ лассо большею частью лѣвой рукой. Китайцы, кохинхинцы, японцы кладутъ лѣвыя оконечности на правыя.

Землетрясеніе на берегахъ Генуэзскаго залива 11 (23) февраля 1887 г.

Изъ замѣтокъ очевидца, **Максима Елена.**

(Рис. на стр. 464 и 465).

Послѣднее землетрясеніе на побережьи Генуэзскаго залива хотя и не можетъ быть сравниваемо съ ужасными катастрофами, опустошавшими въ историческія времена области по преимуществу вулканическія, тѣмъ не менѣе оставило страшные послѣ себя слѣды. Обширный поясъ донынѣ возмущается частыми подземными ударами: весь берегъ залива, цвѣтущая и плодородная Ривьера покрыта развалинами; мѣстечки Діано, Онелья почти совершенно разрушены; сильно повреждены Савоне, Альбенга, Алассіо, Порто-Мавриціо, Таджа, Буссана; погибло около 1000 человѣкъ, 30,000 человѣкъ остались безъ крова, 50 милліоновъ убытка, вотъ страшные итоги землетрясенія 11 (23) февраля.

Благодаря многочисленнымъ авторамъ писавшимъ о землетрясеніяхъ, каждый знаетъ, что колебанію почвы предшествуетъ обыкновенно подземный гулъ, страшный предвѣстникъ надвигающагося бѣдствія. Гулъ этотъ сравниваютъ съ раскатами грома или со звономъ оружія. „То это глухой грохотъ, пишетъ одинъ изъ наиболѣе свѣдущихъ въ этомъ дѣлѣ авторовъ, то это громкій скрежетъ, звонъ или шумъ *)". Опредѣленіе это, вѣрное въ принципѣ, передаетъ однако очень неудовлетворительно страшный грохотъ, поражавшій на нѣсколько секундъ слухъ свидѣтелей подобнаго явленія. Шумъ, предшествовавшій первому значительному удару 23 февраля, съ достаточною точностью можетъ уподобиться движенію по рельсамъ громаднаго поѣзда, пущеннаго съ необычайною быстротою. Дѣйствительно, это движеніе вагоновъ, но вагоновъ гигантскихъ, нагруженныхъ горами грохочущаго желѣза, или грозная аттака конницы великановъ, потрясающихъ въ воздухѣ колоссальнымъ оружіемъ, подъ топотъ ихъ гигантскихъ коней. Первое сравненіе, установленное мною между подземнымъ шумомъ и ходомъ поѣзда, настолько вѣрно, что я не искалъ бы въ первую минуту другого объясненія первому удару 23 февраля въ Чепджо, въ 6 ч. 23 минуты утра, во время прохода именно подъ моими окнами поѣзда изъ Савоне въ Туринъ, еслибы шумъ этотъ не возросъ мгновенно до страшныхъ размѣровъ явленія предшествующаго землетрясенію.

Большею частью колебаніе почвы появляется одновременно съ подземнымъ шумомъ: въ другихъ случаяхъ колебаніе, напротивъ, ощущается послѣ шума; иногда же, впрочемъ очень рѣдко, шумъ слѣдуетъ за сотрясеніемъ, вмѣсто того чтобы предшествовать ему. Послѣднее бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, когда шумъ распространяется за предѣлы колебаній. Во время землетрясенія 11 (23) февраля шумъ предшествовалъ удару, и было возможно замѣтить постепенное возрастаніе и затиханіе подземнаго раската, прежде чѣмъ всѣ были оглушены стукомъ дверей и мебели, пляшущей на колеблющемся полу.

Развалины, оставленныя землетрясеніемъ 11 (23) февраля, даютъ возможность хотя приблизительно опредѣлить свойство колебаній почвы составлявшихъ его. Ощущеніе, испытанное во время подземныхъ ударовъ какъ максимальнаго, такъ и повторявшихся до конца мѣсяца, указывало на колебанія почвы въ вертикальномъ направленіи (суккуссію), перемѣшанныя съ колебаніями горизонтальными или волнообразными. Теперь, спустя двѣ недѣли послѣ начала землетрясенія, колебанія кажутся болѣе волнообразными, что, впрочемъ, вполнѣ соотвѣтствуетъ періоду затиханія, въ который вступило землетрясеніе. Многочисленныя трещины, насчитываемыя сотнями на фасадѣ самыхъ прочныхъ зданій, напр., въ Савоне, указываютъ на преобладаніе вертикальнаго колебанія въ тѣхъ мѣстахъ, которыя вынесли максимумъ напряженія подземныхъ силъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ произошло смѣщеніе части зданій въ вертикальномъ направленіи, смѣщеніе видимое простымъ глазомъ. Есть также многочисленные слѣды сильныхъ горизонтальныхъ колебаній, выразившіеся въ паденіи стѣнъ и разныхъ предметовъ, при общемъ направленіи движенія съ сѣверо-востока на юго-западъ. Одинъ изъ слѣдовъ, замѣчательныхъ по своему однообразію, прорѣзаетъ діагонально по всей длинѣ улицы подоконники или перекладины дверей и долженъ быть приписанъ вертикальному колебанію, которое ощущалось неравномѣрно въ различныхъ пунктахъ группы сооруженій, связанныхъ между собою. Тоже можно сказать и о трещинахъ вертикальныхъ, сверху внизъ, которыхъ края на карнизѣ представляютъ замѣтную разницу въ уровнѣ и которыя чаще всего появляются у линіи соприкосновенія двухъ сосѣднихъ зданій (фиг. 1).

Кромѣ движеній волнообразныхъ и вертикальныхъ, ученые указываютъ, не утверждая безусловно, еще третью категорію движеній коловратныхъ или круговыхъ, дѣйствовавшихъ на почву наподобіе подземнаго смерча. Признаки кругового движенія видны въ смѣщеніи предметовъ вокругъ какой нибудь оси, какъ напр. было съ классическимъ обелискомъ монастыря Санъ-Брюно, о чемъ упомянуто въ вышеназванной книгѣ Фукса: „Предъ монастыремъ Санъ-Брюно, въ городѣ Санъ-Стефано, находились два четыреугольные обелиска. Во время землетрясенія 1782 г. обелиски эти не были разрушены, но различныя части, составлявшія ихъ, были смѣщены такимъ образомъ, что они, казалось, повернулись вокругъ своихъ осей: края и углы верхней части выдавались надъ сторонами части нижней". Во время землетрясенія на Майоркѣ въ 1851 г., нижняя часть башни сдвинулась на 60 градусовъ въ горизонтальномъ направленіи, тогда какъ верхняя часть сохранила свое первоначальное положеніе.

Землетрясеніе на побережьи Генуэзскаго залива являетъ многочисленные примѣры подобныхъ смѣщеній. Чаще всего мнѣ попадались круговыя смѣщенія вазъ, украшеній и статуэтокъ, на площадкахъ предъ входами въ виллы. Самый замѣчательный признакъ такого смѣщенія оставилъ стоящій на фасадѣ собора въ Савоне, мраморный крестъ, въ 4—5 метр. выш. (6—7½ аршинъ). Крестъ этотъ, недавно поставленный, повернулся на своей оси на 25—30 градусовъ, какъ показано на рисункѣ (фиг. 2). Другой примѣръ однороднаго смѣщенія былъ въ Савоне, въ трубѣ металлургической компаніи Тарди и Бенекъ (фиг. 3). Двѣ трубы завода, одна въ 25 и другая въ 38 метровъ вышины (около 35 и 54 аршинъ), поставленныя на крѣпкихъ фундаментахъ, были точно скручены подземнымъ движеніемъ. Это свертывающее движеніе, происходитъ ли оно отъ движенія коловратнаго, или отъ совмѣстнаго дѣйствія горизонтальныхъ и вертикальныхъ движеній, явно замѣтно по направленію продольныхъ трещинъ и по смѣщенію верха трубы.

Все сказанное о внѣшнихъ проявленіяхъ подземныхъ движеній даетъ возможность предположить, что въ день землетрясенія 23 февраля, движенія, наблюдавшіяся отдѣльно при другихъ случаяхъ, дѣйствовали одновременно. Кромѣ приведенныхъ примѣровъ, о томъ несомнѣнно и страшно свидѣтельствуютъ развалины разрушенныхъ городовъ Онельи и Діано, и

*) Е. Фуксъ, Вулканы и землетрясенія. (Научная международная библіотека).

тотъ безпорядокъ, въ какомъ развалины нагромождены. Рисунокъ, помѣщенный подъ № 4, воспроизведенъ по фотографіи, снятой на другой день бѣдствія и доставленной г-мъ Шарлономъ, инженеромъ при рудникахъ. На рисункѣ показана часть набережной (*марина*) въ Діано. страшно поврежденная; уцѣлѣвшія стѣны показываютъ сквозь свои обвалы внутренность зданій, зачастую совершенно опустошенныхъ.

Послѣднее сдѣланное мною наблюденіе касается распредѣленія опустошеній, причиненныхъ землетрясеніемъ, по отношенію къ свойствамъ почвы. Если зданія расположены на почвѣ устойчивой, такимъ образомъ, что образуютъ съ нею одно цѣлое, поврежденія будутъ сравнительно меньшія, нежели въ томъ случаѣ, если зданія выстроены на почвѣ песчаной или глинистой. Извѣстенъ опытъ со смычкомъ и стеклянною пластинкой, дающій такъ-называемыя Хладніевы фигуры. Заставляя, при помощи смычка, колебаться пластинку, мы получимъ лишь звуковыя волны; но покрывъ ее пескомъ, при первомъ прикосновеніи смычка, мы замѣтимъ, что песокъ начинаетъ прыгать по пластинкѣ. Переходя къ этого опыта къ фактамъ, оказывается, что Генуя, построенная на скалѣ и отстоящая недалеко отъ Савоне (въ 43 километрахъ), совершенно не пострадала; зданія же Савоне, выстроенныя отчасти на песчаномъ берегу, были до такой степени повреждены, что второй ударъ угрожалъ имъ страшной опасностью. Всѣ разрушенныя или поврежденныя мѣстечки Альбенга, Діано, Онелья, стоятъ на песчаномъ берегу или на наносной почвѣ. Я самъ замѣчаю теперь, что домъ мой, въ которомъ оказалось лишь нѣсколько трещинъ, въ дѣйствительности гораздо менѣе прочен чѣмъ прежде; желѣзнодорожные поѣзды, проходящіе подъ моими окнами, сообщаютъ ему гораздо сильнѣйшее сотрясеніе, чѣмъ то, къ которому я привыкъ прежде. По всей вѣроятности, ударъ 23 февраля отдѣлилъ домъ отъ глины, на которой онъ выстроенъ. Явленіе вибраціи, поясненное вышеупомянутымъ физическимъ опытомъ, въ большихъ размѣрахъ повторилось на песчаномъ побережьи. Многіе рабочіе, занятые въ моментъ катастрофы на берегу моря, разсказывали мнѣ, что песокъ *дымилъ*; но то что они принимали за дымъ, было не что иное какъ вибрирующее движеніе и подпрыгиваніе песку.

Желая сообщить только видѣнныя мною внѣшнія проявленія, я не стану говорить объ общихъ причинахъ, предшествовавшихъ появленію и развитію землетрясенія 11 (23) февраля, или, вѣрнѣе, о предположеніяхъ относительно этихъ причинъ, о связи ихъ съ подземными ударами, которые наблюдались 19 и 20 февраля на Этнѣ. Однако мнѣ трудно умолчать о недавно высказанномъ предположеніи, которое, ставя центръ подземныхъ движеній вблизи разрушенныхъ мѣстностей, приписываетъ землетрясенію 23 февраля вулканическое происхожденіе. Въ недалекомъ разстояніи отъ Санъ-Ремо, позади мѣстечка д'Оспедалетти, на востокъ отъ Бордигеры, среди оливковыхъ деревьевъ высится Монте-Неро, Черная гора, съ которою связано своеобразное сказаніе. Согласно этому преданію, въ давнія времена, изъ скважинъ Монте-Неро поднимался дымъ; отсюда возникло народное повѣрье, что гора служила мѣстомъ сборища вѣдьмъ, справлявшихъ шабашъ. Хотя преданіе это забыто теперь даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ оно возникло, однако крестьяне не проходятъ мимо „проклятой горы“ не перекрестившись. У подножія горы, въ разстояніи часа ходьбы отъ моря, на востокъ отъ Бордигеры, виденъ сѣрнистый источникъ. По странному совпаденію, сосѣдняя деревня называется Помпеяна. Заслуживающіе довѣрія очевидцы утверждаютъ, что зачастую слышали глухой шумъ, какъ будто выходившій изъ Монте-Неро. Одинъ изъ свидѣтелей говоритъ, что, находясь въ 1885 г. въ Діано-Марина, онъ ясно слышалъ въ направленіи горы три удара. Дѣйствительно, Монте-Неро находится на юго-западѣ отъ Діано. и какъ извѣстно, направленіе ударовъ 23 февраля было съ сѣверо-востока на юго-западъ. Если вѣрить этимъ наблюденіямъ, то Монте-Неро можно считать готовящимся вулканомъ, или же,— хотя и нѣтъ никакихъ наружныхъ признаковъ,— вулканомъ потухшимъ съ давнихъ временъ, что можетъ выяснить или, вѣрнѣе, позволитъ предположить существованіе сообщенія между всколыхнутою почвою и подземными глубинами.

Испытавшая недавно несчастіе область была часто посѣщаема землетрясеніями съ самаго начала столѣтія, въ 1818, 1831 и 1832 годахъ, и подвижность ея странно противорѣчитъ спокойствію другой части Ривьеры, названной *восточною*, отъ Генуи до Специи. Особенно въ 1818 году, также 23 февраля, сильный ударъ взволновалъ побережье и разрушилъ отчасти Діано-Кастелле, мѣстечко построенное на горѣ, повыше Діано-Марина. Удары продолжались цѣлый мѣсяцъ послѣ перваго появленія.

Нубіецъ. Рис. В. Гентцъ, грав. Брендамуръ.

Къ замѣткамъ г. Максима Елена о землетрясеніи 23 февраля въ Италіи, присоединяемъ письмо Эмиля Экгорста изъ Ментоны отъ 6 марта: „Посылаю вамъ фотографію изъ моей коллекціи любителя (фиг. 5); на ней изображена внутренность спальни третьяго этажа гостинницы Дорс въ Ментонѣ. Въ кровати, раздавленной обрушившейся стѣною, лежала дѣвочка, которая, соскочивъ при первомъ движеніи, была только слегка ранена; спустя мгновеніе она была бы неминуемо убита. Живя долго въ Чили, въ Южной Америкѣ, гдѣ землетрясенія очень часты, я испытывалъ уже такіе продолжительные и сильные удары, какіе были 23 февраля, но никогда не видѣлъ такихъ разрушительныхъ результатовъ. Три четверти домовъ Ментоны серьезно повреждены, многіе придется совершенно снести. Это объясняется способомъ постройки въ этой странѣ: твердые известковые камни, а иногда булыжникъ, соединенные известью, образуютъ стѣны, распадающіяся при землетрясеніи.

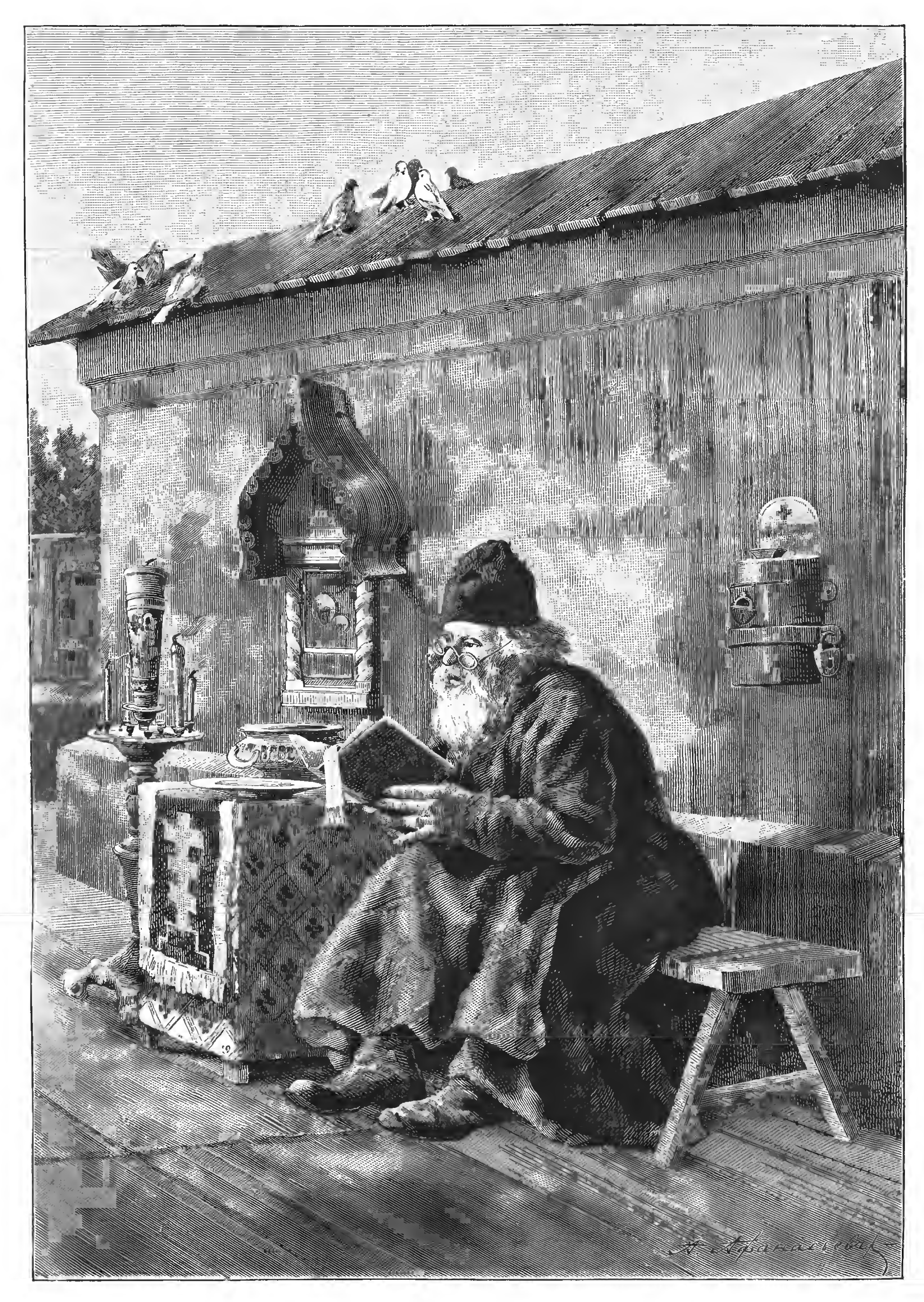
Изъ числа другихъ корреспондентовъ назовемъ г. Эрнеста Одье, сообщающаго, что землетрясеніе чувствовалось въ Ст. Андре, въ Роянѣ: г. Отто въ Ниццѣ, подтверждающаго новые удары 11 марта: инженера Вотерена, дѣлавшаго наблюденія въ Монте-Карло.

Въ заключеніе назовемъ г. Берто, библіотекаря въ школѣ часоводства, сообщившаго объ интересныхъ наблюденіяхъ Баквиля, часовщика въ Парижѣ. Послѣдній замѣтилъ, что маятникъ регулятора началъ произвольно колебаться, именно 23 февраля между 6 ч. и 10 ч. 40 мин. утра. Вѣроятно, землетрясеніе хватало до самаго Парижа.

Къ рисункамъ.

Герои Севастополя. (Рис. на стр. 448).

Вотъ они передъ нами, уже немногіе представители той славной эпохи, когда, быть-можетъ безпримѣрно въ исторіи, мѣсяцъ службы считался за годъ... Съ каждымъ годомъ рѣдѣетъ ихъ семья, но все же не настолько чтобъ не случалось имъ по-

У ограды монастыря. Ориг. рис. А. Афанасьева, грав. Ю. Шюблеръ.

рой собраться вдвоемъ-втроемъ и вспомнить старину. Много утекло воды, всѣ они уволены „въ чистую", обросли волосами и бородой, одинъ только старый рубака остался вѣренъ своимъ усамъ, „гусара украшающимъ", но и тотъ — увы! — никогда уже не подниметъ сабли, съ которой бывало бросался и на пѣхотное каре, и на артиллерію, и на своего брата кавалериста, какъ начальство прикажетъ; вмѣсто мощной десницы осталось лишь пожизненное воспоминаніе о ней въ пустомъ рукавѣ инвалида... О чемъ бесѣдуютъ эти георгіевскіе кавалеры? О чемъ же какъ не о томъ славномъ прошломъ, которое живетъ въ сердцахъ ихъ и даже окружаетъ во внѣшней обстановкѣ. Вотъ на стѣнѣ, у иконъ, въ переднемъ углу, знакомый образъ „отца солдатъ", императора-рыцаря, который грозно и честно держалъ имя Россіи въ совѣтахъ Европы; вотъ картины его и ихъ боевой жизни... Вспоминая ихъ, старикъ-инвалидъ до того увлекся, что въ пылу разсказа взялъ даже на перевѣсъ свой костыль, наглядно доказывая тѣмъ что онъ еще „въ силахъ завинтить свой" севастопольскій „штыкъ"... Севастополь—сколько сказано въ этихъ немногихъ звукахъ русскому сердцу!.. Нахимовъ, Корниловъ, Лазаревъ, Черноморскій флотъ, Малаховъ курганъ и славная одиннадцатимѣсячная оборона земляныхъ твердынь, ежедневно осыпавшихся подъ губительными снарядами непріятельскихъ орудій и еженощно возстановляемыхъ руками русскаго солдатика...

Нельзя не сказать спасибо художнику, выбирающему такія темы въ наше забывчивое время.

На бульварѣ (въ Москвѣ).

(Рис. на стр. 449).

Съ тѣхъ поръ какъ бульвары, изъ мѣстъ прогулки болѣе или менѣе чистаго люда и дѣтей по преимуществу, обратились въ проходныя улицы обсаженныя жиденькими деревцами, куда по вечерамъ не всѣмъ удобно и заглядывать,—какихъ только типовъ городскаго населенія, до самыхъ его подонковъ, не встрѣтишь на садовыхъ диванчикахъ, разставленныхъ по бокамъ бульварной тропинки. Вотъ два такіе типа, мастерски схваченные нашимъ талантливымъ жанристомъ. Оба они не изъ счастливцевъ міра, но пареньку, повидимому, живется легче, онъ даже слегка подгулялъ и беззаботно напѣваетъ что-то подъ гармонику; другое дѣло — его сосѣдка: во всей ея согбенной, чѣмъ-то удрученной фигурѣ чувствуется какое-то горе, какая-то забота, быть-можетъ олицетворяемая тѣмъ самымъ крошечнымъ существомъ что покоится у нея на рукахъ; но и на нее очевидно подѣйствовало беззаботное веселье сосѣда, и она задумчиво прислушивается къ его пѣсни... Что это—брачная чета, прикурнувшая отдохнуть на пути домой, или случайно соединенные мѣстечкомъ для отдыха сосѣди, которымъ нѣтъ дѣла другъ для друга—„сошлись и разойдутся вновь?.."

Раздумье. (Рис. на стр. 453).

Весна въ природѣ и весна жизни со всѣми ея грезами, навѣваемыми безоблачнымъ небомъ, ароматомъ розъ и пѣніемъ соловья въ сосѣдней рощѣ—таково содержаніе изящнаго рисунка В. Гаузе, который требовалъ бы стиховъ, а не прозаическихъ поясненій, еслибъ нуждался въ комментаріяхъ.

Баязетъ. (Рис. на стр. 456).

Баязетъ или Баязидъ, городъ въ азіатско-турецкомъ вилайетѣ Эрзерумъ, близь русской и персидской границъ, на большой дорогѣ въ Тавризъ, верстахъ въ двадцати съ небольшимъ къ Ю.В. отъ Арарата, выстроенъ амфитеатромъ на предгоріи Аладага. Въ послѣднее время городъ значительно обѣднѣлъ и пришелъ въ упадокъ, въ немъ едва насчитывается полторы тысячи жителей, большею частію курдовъ, но съ нимъ связаны славныя для русскаго оружія воспоминанія. Вслѣдствіе своего положенія, благодаря которому Баязетъ, при помощи своей цитадели, какъ бы держитъ въ своихъ рукахъ главный путь изъ Арменіи въ персидскую провинцію Адзербейджанъ, городъ часто становился театромъ военныхъ дѣйствій. Въ концѣ августа 1828 года онъ сдался на капитуляцію русскимъ войскамъ, которыя затѣмъ въ іюнѣ 1829 года отразили ванскаго пашу, потерпѣвшаго при этомъ значительный уронъ. 19 іюля 1854 года русскія войска, подъ командой Врангеля, форсировавъ Араратскіе горные проходы и разбивъ Селимъ-пашу у Чинглильскихъ высотъ (Карабулахъ), взяли Баязетъ и затѣмъ, покидая городъ, разрушили его крѣпостные верки. 17 апрѣля 1877 года русскія войска безъ боя заняли Баязетъ, но оставленный въ немъ русскій гарнизонъ вскорѣ долженъ былъ очистить городъ, укрѣпился въ цитадели и со 2 іюня геройски выдерживалъ осаду со стороны турокъ, подвергаясь неслыханнымъ лишеніямъ, пока генералъ Тергукасовъ не освободилъ его 28 іюня, выведя изъ цитадели и присоединивъ къ своему отряду. Вторично городъ былъ занятъ русскими войсками 17 октября 1877 года. По Санъ-Стефанскому миру Баязетъ долженъ былъ отойти къ Россіи, но Берлинскій конгрессъ 1 іюля 1878 года оставилъ его за Турціей.

Мельница въ Голосѣевской пустыни, Кіевской губ.

(Рис. на стр. 457).

Набросанный съ натуры пейзажъ г. Крыжицкаго типиченъ для всей Малороссіи; гдѣ только есть возможность запрудить рѣчку или проточный ставокъ (прудъ), непремѣнно строится водяная мельница со своей характеристичною и нехитрою обстановкой. Въ случаѣ прорыва плотины, что весьма нерѣдко при сооруженіи ея кое-какъ и наскоро, накопленная вода затопляетъ мѣстность ниже мельницы, превращая ее въ превосходное бекасиное, а по мѣрѣ высыханія и дупелиное болото—истинное раздолье охотникамъ.

Нубіецъ. (Рис. на стр. 460).

Нубійцы, африканское племя между Египтомъ и Абиссиніей отъ Ассуана до Хартума, впервые упоминаемое у Эратосѳена, образовали съ VII по XIV столѣтіе цвѣтущее христіанское государство, но подвергаясь нападеніямъ арабовъ, постепенно вынуждены были признать ихъ господство и принять исламъ. Нынѣ Нубія составляетъ часть владѣній хедива египетскаго. Сами себя нубійцы называютъ Берâбра и населяютъ преимущественно область двухъ послѣднихъ нильскихъ пороговъ. Они средняго роста, темнокоричневаго цвѣта, со слегка курчавыми волосами, красивою осанкой, и часто, особенно мужчины, представляютъ почти европейскій овалъ лица. Они трудолюбивы, воздержны, правдивы, честны, и въ Египтѣ весьма охотно берутся въ услуженіе. Мужчины выстригаютъ себѣ волосы на головѣ за исключеніемъ одного пучка на затылкѣ; у женщинъ и дѣвушекъ шевелюра, обильно напитанная рициновымъ масломъ, ниспадаетъ множествомъ тонкихъ косъ на плечи и спину. Замужнія женщины ходятъ въ широкихъ шароварахъ и синихъ платкахъ, которыми покрываются съ головы на подобіе плаща. Мужчины носятъ рубашку или длинное полотнище холста, которымъ обвертываютъ себѣ бедра. Нубійцы очень любятъ музыку и танцы, занимаются земледѣліемъ и скотоводствомъ, жилища ихъ—небольшіе четвероугольные домики съ плоскою крышей, выстроенные изъ высушенной на солнцѣ глины или кирпичей изъ ила. Домашняя утварь крайне проста. Главная пища—сорго и его мука, изъ которой они приготовляютъ и пиво.

У ограды монастыря. (Рис. на стр. 461).

Одинъ изъ тѣхъ тихихъ уголковъ созерцательной жизни внѣ міра, какихъ много на Святой Руси. Полное затишье въ окружающей природѣ, до такой степени, что восковыя свѣчи горятъ почти неколеблющимся пламенемъ на вольномъ воздухѣ; безмятежное спокойствіе старца инока, пережившаго всѣ земныя бури и углубленнаго въ слово Божіе, единственный источникъ полнаго душевнаго мира; живые символы этой голубиной кротости и чистоты надъ головой его,—все это съ художественною чуткостью соединено г. Афанасьевымъ въ прилагаемомъ рисункѣ.

Лудвигъ Уландъ. (Рис. на стр. 464).

(По поводу сотой годовщины дня его рожденія).

Знаменитый поэтъ и знатокъ литературы, котораго сотую годовщину на-дняхъ чествовала Германія, извѣстный въ Россіи по художественнымъ переводамъ Жуковскаго и другихъ русскихъ поэтовъ, родился 26 апрѣля (н. с.) 1787 года въ Тюбингенѣ, гдѣ и окончилъ гимназическій и университетскій курсы, изучивъ преимущественно права и средневѣковую литературу, а именно нѣмецкую и французскую поэзію. Уже во время студенчества началъ онъ печатать свои стихотворенія подъ псевдонимомъ Фолькера въ газетахъ и альманахахъ. Возвратясь въ 1810 г. изъ поѣздки въ Парижъ, онъ, весьма впрочемъ неохотно, занялся адвокатурой въ Штутгартѣ. Патріотическое чувство его было возбуждено событіями войны за освобожденіе Германіи отъ Наполеона, и онъ восторженно привѣтствовалъ ихъ изданіемъ перваго собранія своихъ произведеній. Главную особенность его поэтическаго дарованія составляетъ живое проникновеніе красотами природы. Природа была для него символомъ духовнаго міра, онъ придавалъ ей жизнь и черты собственнаго духа и, подобно истинному живописцу, рисуя словомъ ландшафты, отражалъ въ нихъ, какъ зеркалѣ, свое поэтическое настроеніе. Что касается человѣческихъ образовъ, оживлявшихъ его поэтическіе пейзажи, то онъ любилъ, отрѣшаясь отъ современности, облекать ихъ въ средневѣковыя формы, оставаясь вѣрнымъ вѣчно-юной поэтической правдѣ. Такова большая часть его *Пѣсенъ* и *Балладъ*. Пока стихотворенія его сначала медленно, а затѣмъ все быстрѣе распространялись въ публикѣ, Уландъ попыталъ свои силы въ области драмы, но его *Эрнстъ герцогъ Швабскій* и *Лудвигъ Баварскій* имѣли не особенный успѣхъ на сценѣ, не смотря на ихъ поэтическія красоты. Съ 1816 г. политическая борьба и научныя изслѣдованія начали отвлекать поэта отъ творчества. Уландъ былъ въ это время депутатомъ въ сословной палатѣ и писалъ свое сочиненіе о Вальтерѣ фонъ-Фогельвейде, которое доставило ему въ 1829 году каѳедру нѣмецкой литературы въ тюбингенскомъ университетѣ. Профессорская дѣятельность его была блестяща, но уже въ 1832 г., когда правительство хотѣло закрыть ему двери сословной палаты, онъ отказался отъ профессуры и продолжалъ оставаться депутатомъ, занимаясь въ то же время учеными трудами. Совершенно обезпеченный въ матеріальномъ

отношеніи, благодаря счастливому браку съ Эмиліей Фишеръ („незнакомкой" его стихотвореній), онъ въ 1839 году сложилъ съ себя и депутатскія полномочія и только 1848 годъ вызвалъ его изъ добровольнаго уединенія въ національное собраніе. Въ 1850 году онъ окончательно вернулся въ Тюбингенъ и занялся окончаніемъ своихъ научныхъ работъ по исторіи литературы, каковы: *Миѳъ о Торѣ* и *Древнія верхне- и нижненѣмецкія народныя пѣсни*. Постоянно отказываясь отъ всякихъ почестей, уважаемый всѣми партіями за крайнюю простоту жизни и безупречное прямодушіе, Уландъ сохранилъ бодрость и силы до глубокой старости и умеръ въ 1862 году. Въ 1873 г. родной городъ поставилъ ему статую.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 10 апрѣля въ Аничковскомъ дворцѣ имѣла счастіе представляться Ихъ Величествамъ депутація отъ московскаго дворянства, состоящая изъ губ. предводителя графа Шереметева и уѣзд. предводителей: Бахметева, Шлиппе и Ахлестышева, удостоившихся представить Его Величеству икону св. Алексія митрополита московскаго, работы фабриканта Овчинникова. Государь Императоръ изволилъ принять икону, причемъ въ милостивыхъ выраженіяхъ выразилъ свою благодарность московскому дворянству.

— 17 апрѣля въ Петропавловскомъ соборѣ, послѣ заупокойной литургіи совершена панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату повелѣно постановить: Въ отношеніи управленія столицею на градоначальника распространяются узаконенія о правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности губернаторовъ, съ соблюденіемъ притомъ слѣдующихъ особыхъ правилъ: Въ качествѣ главнаго и непосредственнаго начальника столичной полиціи, градоначальникъ подчиняется министру внутреннихъ дѣлъ. Въ составъ управленія градоначальника входитъ отдѣленіе по охраненію общественной безопасности и порядка въ столицѣ, образуемое на основаніи особыхъ правилъ. Отдѣленіе по охраненію общественной безопасности и порядка дѣйствуетъ на основаніи инструкціи, утверждаемой, по представленію градоначальника, министромъ внутреннихъ дѣлъ. Для занятія должностей въ отдѣленіи могутъ быть командируемы въ распоряженіе градоначальника офицеры отдѣльнаго корпуса жандармовъ.

Финансы.

— Подписка въ государственномъ банкѣ и въ его конторахъ и отдѣленіяхъ на 4% внутренній заемъ на 100.000.000 рублей кредитныхъ нарицательнаго капитала, состоявшаяся въ теченіе 14-го, 15-го и 16-го апрѣля сего года, дала слѣдующіе результаты:

	Число подписчиковъ.		Рубли.
а) Въ Государствен. банкѣ.	5.638	на	1.431.401.700
и б) Въ 90 конторахъ и отдѣленіяхъ банка	16.331	на	541.262.200
Всего. .	21.969	на	1.972.663.900

По распредѣленіи суммы займа (100 мил. руб.), Государственный банкъ довелъ до свѣдѣнія подписчиковъ, что тѣ изъ нихъ, которые подписались на суммы до 1.000 рублей включительно, будутъ удовлетворены сполна; подписавшіеся на суммы болѣе 1.000 руб. до 10.000 руб. включительно — получатъ облигаціи 4% внутренняго займа на 1.000 руб. и сверхъ того 10% остальной части подписанной ими суммы; подписчики же на суммы болѣе 10.000 р. получатъ облигацій 4% внутренняго займа на тысячу рублей, затѣмъ 10% съ слѣдующихъ 9.000 руб. и 4% съ остальной части подписанной ими суммы.

— По 1-е апрѣля 1887 года въ совѣтѣ Государственнаго дворянскаго земельнаго банка разрѣшено 3.381 дѣло о ссудахъ, на сумму 104.105.700 рублей.

Военное и морское дѣло.

— По сообщеніямъ *Русскаго Инвалида*, въ Высочайшемъ Государя Императора присутствіи состоялись церковные парады: 13-го апрѣля, въ Петербургѣ, въ манежѣ Инженернаго замка, л.-гв. гренадерскому полку и л.-гв. уральскому казачьему эскадрону—по случаю ихъ праздниковъ. 17 апрѣля, въ Царскомъ Селѣ, стрѣлковымъ батальонамъ: л.-гв. 1-му Его Величества и 2-му, а также л.-гв. 6-й донской казачьей Его Величества батареѣ гвардейской конно-артиллерійской бригады, по случаю ихъ праздниковъ, а вслѣдъ за парадомъ—смотръ вольноопредѣляющимся и молодымъ солдатамъ гвардейскихъ частей, расположенныхъ въ Царскомъ Селѣ, Павловскѣ и Гатчинѣ. Молодые солдаты отличались прекраснымъ видомъ, выправкою и обмундированіемъ. Послѣ смотра состоялся Высочайшій завтракъ, къ которому были приглашены служащіе и числящіеся въ частяхъ, участвовавшихъ въ парадѣ.

— Изъ статистическихъ свѣдѣній о русской арміи за 1885 годъ, помѣщаемыхъ въ *Русскомъ Инвалидѣ*, видно, что общая численность запасныхъ нижнихъ чиновъ представляется въ слѣдующемъ видѣ: къ 1-му января 1885 г. состояло въ запасѣ нижнихъ чиновъ 1.516.914 чел. Въ теченіе года: прибыло 177.862 ч., убыло 93.961 ч. Затѣмъ къ 1-му января 1886 года числилось въ запасѣ 1.600.815 ч.

Торговля.

— Недѣля 4-го—11-го апрѣля (ст. ст.) на западно-европейскихъ хлѣбныхъ рынкахъ прошла относительно благопріятно: явился спросъ и подъ его вліяніемъ выработалось болѣе стойкое настроеніе, а въ цѣнахъ стало замѣтно, хотя и слабо выраженное, стремленіе къ повышенію. Однако, по словамъ „Вѣстн. Финанс., Промышл. и Торговли", для желательнаго оживленія торговли отмѣченнаго улучшенія еще слишкомъ недостаточно.

— Цѣны на закавказскую пшеницу и ячмень все подымаются, вслѣдствіе закупокъ всего наличнаго хлѣба агентами большей частью иностранныхъ компаній.

— Хлѣбный привозъ на елецкій рынокъ (Орловской губерніи), по случаю вскрытія рѣкъ и испортившагося пути, въ концѣ минувшаго марта почти окончательно прекратился, подобно тому какъ вездѣ въ средней черноземной полосѣ Россіи держится прежняя бездѣятельность. Получивъ въ концѣ февраля и началѣ марта цѣлый рядъ тяжелыхъ убытковъ, экспортеры совсѣмъ пріостановили высылку хлѣба къ портамъ Балтійскаго моря. Поэтому происходили только сдѣлки для внутреннихъ сѣверныхъ городовъ.

— Окончившаяся недавно сборная ярмарка въ гор. Самарѣ, по количеству проданныхъ на ней товаровъ и незначительному съѣзду покупателей, должна быть отнесена къ числу далеко не бойкихъ.

Искусства изобразительныя.

— Избранная СПБ. общ. архитекторовъ коммисія, въ предсѣдательствѣ І. С. Китнера, произнесла, 27 марта, приговоръ о 27 проектахъ памятника Императору Николаю I для Кіева. Первымъ по достоинству признанъ ею проектъ, оказавшійся принадлежащимъ академику скульптуры М. А. Чижову, которому и присуждена высшая премія въ 700 р.

— Въ залахъ Имп. общ. поощренія художествъ въ СПБ. открыта выставка произведеній итальянскаго скульптора Энрико Брага и преподавателя лѣпленія въ рисовальной школѣ общества А. П. Адамсона.

Театръ и музыка.

— Въ Москвѣ, 21 апрѣля состоялось первое представленіе оперы г. Кашперова „Тарасъ Бульба". Театръ былъ полонъ, исполнителей вызывали по нѣскольку разъ, автора оперы вызывали послѣ каждаго акта, ему было поднесено нѣсколько вѣнковъ.

— Комедія Д. В. Аверкіева *Съ огнемъ не играй*, напечатанная нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ журналѣ *Нива*, пріобрѣтена дирекціею имп. театровъ и въ непродолжительномъ времени будетъ представлена на сценѣ Александринскаго театра съ г-жою Ильинской въ главной роли.

Наука.

— Въ мартовскомъ засѣданіи Новороссійс. общ. естествоиспытателей, проф. Новороссійскаго университета И. М. Видгальмомъ была представлена богатая коллекція остатковъ различныхъ допотопныхъ животныхъ, собранныхъ отчасти лично имъ самимъ, отчасти нѣкоторыми землевладѣльцами въ окрестностяхъ Одессы и др. мѣстностяхъ Херсонской губ. Въ коллекціи есть остатки 14 мамонтовъ, четырехъ мастодонтовъ, трехъ носороговъ, девяти допотопныхъ быковъ, трехъ лошадей, четырехъ оленей, нѣсколькихъ тюленей, цетотеріума (китообразное млекопитающее), и много позвонковъ пещернаго медвѣдя.

Дѣла церкви.

— 18 апрѣля состоялось годичное собраніе Православнаго Палестинскаго общества во дворцѣ Е. И. В. Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго. Собраніе открылось въ 2 часа дня молебствіемъ въ дворцовой церкви Его Высочества, въ которой, какъ извѣстно, воспроизведена въ точныхъ размѣрахъ пещера Св. Гроба Господня. Молебствіе совершалъ высокопреосвященный Іоанникій, митрополитъ Московскій. На молебствіи присутствовали: И. Имп. Выс. Великій Князь Сергѣй Александровичъ и Великая Княгиня Елисавета Ѳеодоровна. По окончаніи молебствія, Августѣйшія Особы со всѣми присутствующими перешли въ большую залу дворца, гдѣ секретаремъ общества М. П. Степановымъ былъ прочитанъ отчетъ о пятилѣтней дѣятельности общества.

— Съ первыхъ чиселъ мая въ городѣ Кіевѣ предполагается приступить къ сооруженію пристроекъ къ Лукьяновской св. Ѳеодоровской церкви, въ которыхъ будутъ воспроизведены въ точныхъ копіяхъ: пещера св. гроба Господня и пещерный храмъ св. Климента, папы Римскаго, Инкерманскаго мученика. Къ осени постройка будетъ окончена вчернѣ, полная же отдѣлка предполагается ко дню празднованія 900-лѣтія христіанства въ Кіевѣ.

Изобрѣтенія и открытія.

— Старшій врачъ сухумскаго отдѣла Ковальскій нашелъ въ Цебельдѣ на небольшомъ другъ отъ друга разстояніи четыре источника минеральныхъ водъ: желѣзистый, углекислый, солено-щелочный и сѣрный. Углекислый источникъ—настоящій Нарзанъ. При разработкѣ эти источники могутъ быть второю группой кавказскихъ минеральныхъ водъ.

— Въ пяти верстахъ отъ Асхабада также открыты источники минеральныхъ водъ, неуступающіе по качеству, какъ свидѣтельствуютъ врачи, лучшимъ кавказскимъ водамъ.

Политическое обозрѣніе.

24 апрѣля.

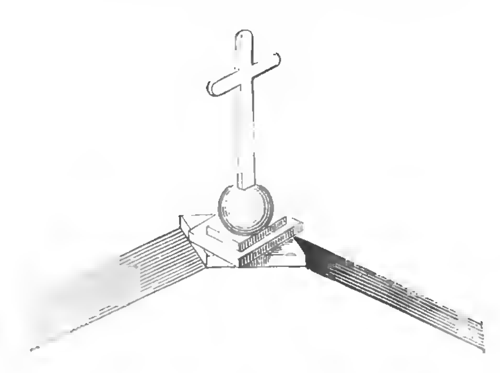
Балканскій полуостровъ.—Германскія и австрійскія разоблаченія.—Афганскія дѣла.

Пока европейская печать была поглощена инцидентомъ Шнебеле, событія на Балканскомъ полуостровѣ и въ сосѣдствѣ пошли нѣсколько ускореннымъ шагомъ. Въ Сербіи пало министерство, и король Миланъ обратился къ гг. Пирочанцу и Гумичу

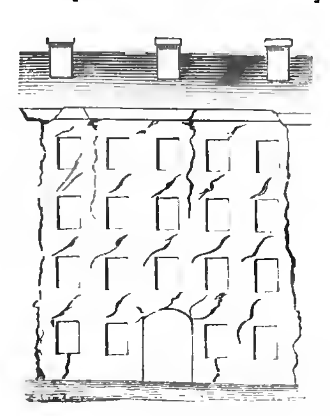
съ предложеніемъ составить новый кабинетъ, но оба они отказались: дѣлаются попытки образовать коалиціонное (т. е. состоящее изъ членовъ разныхъ партій), такъ какъ повидимому нѣтъ болѣе возможности составить его изъ однихъ напредняковъ, доведшихъ Сербію до нынѣшняго положенія. Газетѣ *Presse* телеграфируютъ изъ Бѣлграда, что министерскій кризисъ разрѣшится на будущей недѣлѣ. Между тѣмъ въ самой семьѣ короля возникли нѣкоторыя несогласія: королева Наталія желаетъ отправиться на лѣто непремѣнно въ Крымъ и взять съ собой наслѣднаго принца. Король же и министры настаиваютъ на томъ, чтобы наслѣдникъ престола остался въ Бѣлградѣ. Въ Канеѣ, на островѣ Критѣ вспыхнули кровавыя столкновенія между мусульманскимъ и христіанскимъ населеніемъ. Турецкое правительство, впрочемъ, заявляетъ, что случай, подавшій поводъ къ слухамъ о возникновеніи безпорядковъ на островѣ сводится къ слѣдующему: мусульманинъ изъ деревни Алихане, близъ Канеи, былъ убитъ выстрѣломъ изъ ружья. Во время переноски убитаго, нѣкоторые изъ его единовѣрцевъ начали стрѣлять и ранили двухъ христіанъ. Мѣстныя власти арестовали троихъ христіанъ, подозрѣваемыхъ въ убійствѣ мусульманина, арестованы также и мусульмане, ранившіе христіанъ. Ночью, въ деревнѣ Дарасу, тоже близъ Канеи, произошла ссора, окончившаяся дракой, въ которой одинъ человѣкъ былъ убитъ и трое ранено. Благодаря мѣрамъ, принятымъ мѣстными властями, спокойствіе и порядокъ тамъ возстановлены. На сербо-албанской границѣ возобновились кровопролитныя стычки между арнаутами и сербскою пограничною стражей; турецкій военный министръ предписалъ командующему войсками въ Македоніи, Реджебъ-пашѣ, немедленно отправиться въ Приштину и сосредоточить тамъ пѣхотную дивизію. Подобныя же инструкціи даны командующимъ въ Янинѣ и Скутари. Что касается Болгаріи, то, кажется, съ пресловутымъ регентствомъ весьма не благополучно: софійскій корреспондентъ *Мюнхенской всеобщей газеты*, доселѣ отличавшійся достаточнымъ безпристрастіемъ, сообщаетъ отъ 24 (12) апрѣля, что пребываніе регентовъ въ столицѣ Восточной Румеліи было далеко не изъ пріятныхъ: ихъ буквально осаждали устными и письменными просьбами положить какъ можно скорѣе конецъ нынѣшнему кризису, который гибельно отражается на благосостояніи страны. Стамбуловъ и Муткуровъ ѣздятъ не иначе какъ въ сопровожденіи по крайней мѣрѣ двухъ или трехъ ротъ солдатъ. Первый, впрочемъ, не унываетъ. По словамъ филиппопольскаго корреспондента *Московскихъ Вѣдомостей*, онъ задумываетъ или фактически принять настоящую княжескую власть въ Болгаріи, не стѣсняясь болѣе ничѣмъ, не созывая даже и Великаго Народнаго Собранія, или же созвать оное только pro forma. Повидимому, первый регентъ Болгаріи боится прибѣгнуть къ созыву собранія, потому что Радославовъ можетъ воспользоваться большинствомъ представителей, а можетъ быть и офицерами, и обратить въ ничто планы Стамбулова, домогающагося диктатуры. Съ другой стороны, вѣнскія газеты сообщаютъ изъ Софіи, что Радосла-

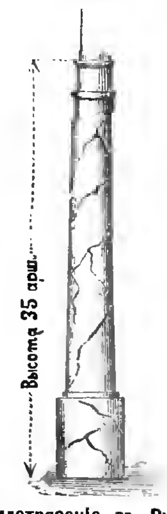
Лудвигъ Уландъ (по случаю сотой годовщины его рожденія). Грав. Шюблеръ.

2) Землетрясеніе въ Ривьерѣ. Сдвигъ креста вокругъ своей оси на соборѣ въ Савоне.

1) Землетрясеніе въ Ривьерѣ. Трещины въ фасадѣ дома въ Савоне.

3) Землетрясеніе въ Ривьерѣ. Трещины и сдвигъ верхней части фабричной трубы въ Савоне.

5) Землетрясеніе въ Ривьерѣ. Странное положеніе обломковъ дома въ Ментонѣ.

вовъ, по личнымъ причинамъ, намѣренъ выйти въ отставку, и что Стоиловъ и Начевичъ также предполагаютъ предоставить свои портфели въ распоряженіе регентства. Не начало ли это конца?

Между тѣмъ, въ области политической печати возникла совершенно неожиданная полемика между высоко-оффиціозными органами князя Бисмарка и графа Андраши. Дѣло въ томъ, что *Сѣверо-Германская Всеобщая Газета* (главный органъ имперскаго канцлера) напечатала на-дняхъ нѣкоторыя разоблаченія касательно занятія Босніи и Герцеговины австрійцами. Если вѣрить этимъ сообщеніямъ, русская дипломатія будто бы сама напросилась на Берлинскій конгрессъ и еще ранѣе того, безъ вѣдома Германіи, вошла съ Австріей въ отдѣльное соглашеніе, по которому уступила послѣдней вышеназванныя области. Соглашеніе это состоялось-де въ 1876 году, т. е. за годъ до Русско-Турецкой войны, и въ слѣдующемъ, будучи оформлено, получило силу международнаго договора. Со своей стороны, графъ Андраши, опровергающій это разоблаченіе въ *Пештскомъ Ллойдѣ*, утверждаетъ, что не Россія, а сама Австрія требовала созванія Берлинскаго конгресса, слѣдовательно съ цѣлью урѣзать для Россіи результаты ея побѣдъ; но состоялось ли соглашеніе относительно Босніи и Герцоговины, объ этомъ органъ графа Андраши умалчиваетъ.

По извѣстіямъ изъ Афганистана, полученнымъ чрезъ туземцевъ, шинварское племя разбило близъ Джеллалабада войска, высланныя противъ него эмиромъ. Ходятъ упорные слухи о томъ, что инсургенты овладѣли Келатъ-и-Гильзаемъ и Гѣзни и угрожаютъ Кандагару. Кандагарскій губернаторъ настоятельно требуетъ присылки ему подкрѣпленій. Слышно, будто между войсками эмира и возставшими племенами была на-дняхъ еще битва, какъ увѣряютъ, близъ Маруфа. Войска потеряли одними убитыми 400 человѣкъ, въ томъ числѣ убитъ полковникъ Искандеръ-ханъ. Инсургенты понесли также значительный уронъ. Гератскій губернаторъ снова требуетъ присылки подкрѣпленій. Газета *Calcutta Englishman* подтверждаетъ извѣстіе о побѣдѣ, одержанной шинварскимъ племенемъ, занявшимъ теперь Хайберскій проходъ и сосѣднюю съ нимъ нагорную страну. Уронъ, понесенный инсургентами въ послѣднихъ битвахъ, значительно преувеличивается индійскими газетами. Въ дѣйствительности нападенія гильзаевъ на войска эмира были всюду болѣе или менѣе успѣшны. Изъ Кабула выведены почти всѣ войска.

4) Землетрясеніе въ Ривьерѣ 11 февраля. Развалины города Діано-Марина, близъ Генуи.

Смѣсь.

Картинная галлерея герцога Мальборо въ Бленгеймѣ недавно распродавалась. Въ числѣ картинъ находилась одна изъ Мадоннъ Рафаэля, затѣмъ портретъ Форнарины Себастьяно дель Піомба, далѣе большая картина Ванъ-Дейка, изображающая Карла I на конѣ, и болѣе двѣнадцати прекрасныхъ большихъ картинъ Рубенса, къ которому основатель галлереи, первый герцогъ Мальборо, питалъ особое пристрастіе. Бельгійскіе города и германскій императоръ наперерывъ выказывали благодарность герцогу и дарили ему прекрасныя произведенія его любимаго художника. Герцогъ выставилъ коллекцію въ чудномъ дворцѣ, окруженномъ паркомъ, который постоянно былъ открытъ для публики. Уже болѣе десяти лѣтъ тому назадъ предположено было продать эту коллекцію. Настоящій владѣлецъ постарался сбыть ее какъ можно выгоднѣе. Лондонская національная галлерея купила помянутыя картины Рафаэля и Ванъ-Дейка, заплативъ 860,000 рублей. Альфонсъ Ротшильдъ, пожелавшій пріобрѣсть прекрасную картину Рубенса „Елена Фурманъ“, долженъ былъ взять также попорченный семейный портретъ Рубенса, за что заплатилъ около 550,000 руб. Эдмундъ Ротшильдъ, за прекрасную картину Рубенса „Геспериды“ (нимфы) заплатилъ болѣе 250,000 руб. За эту же цѣну баронъ Гиршъ въ Парижѣ пріобрѣлъ портретъ семьи Букингама работы Ванъ-Дейка, но долженъ былъ взять также картину Рубенса „Лотъ и его дочери“, которую герцогъ не надѣялся продать отдѣльно. Портретъ ребенка. работы Рейнольдса, достался любителю англичанину за 150,000 руб. Немного болѣе заплатила берлинская галлерея за выборъ 4 картинъ: „Андромеды“ и „Вакханаліи“ Рубенса, „Форнарины“ Себастіано дель Піомба и картины Ванъ-Клифа. Такимъ образомъ за двѣнадцать картинъ владѣлецъ ихъ выручилъ около 2¼ милліоновъ рублей. Тѣмъ не менѣе аукціонная продажа остальной коллекціи не можетъ быть названа удачною. Около 350 картинъ, въ томъ числѣ болѣе 12 Рубенса, столько же Ванъ-Дейка, 120 небольшихъ картинокъ Давида Теньера пошли за 500,000 руб. При томъ нѣсколько самыхъ дорогихъ картинъ, стоющихъ почти половину этой суммы, были оставлены самимъ владѣльцемъ за собою, такъ какъ за нихъ не давали наименьшей назначенной имъ цѣны. Неудача аукціона завѣсила отъ многихъ причинъ: отъ дурного положенія землевладѣльцевъ и промышленности въ Англіи, затѣмъ отъ вольной продажи картинъ до аукціона и наконецъ отъ самаго размѣра картинъ, большинство которыхъ можетъ помѣститься только въ публичныхъ музеяхъ. Многіе важнѣйшіе музеи не участвовали на аукціонѣ, какъ напр. Брюссельская галлерея, купившая въ это время поддѣльнаго Рембрандта за 100,000 франковъ. (р.)

Домъ Конфуція. Одинъ изъ самыхъ древнихъ литературныхъ и художественныхъ музеевъ погибъ недавно отъ пожара. Это домъ Конфуція, находившійся въ провинціи Шанъ-Тунгъ близъ города Ло. Въ теченіе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ домъ этотъ переходилъ по наслѣдству къ старшему въ родѣ потомку великаго философа, причемъ владѣльцы тщательно оберегали доставшіяся имъ отъ предковъ вещи. Какъ домъ, такъ и всѣ сокровища сдѣлались жертвою пламени, и китайцы смотрятъ на это какъ на кару за грѣхи, посланную богами. (м.)

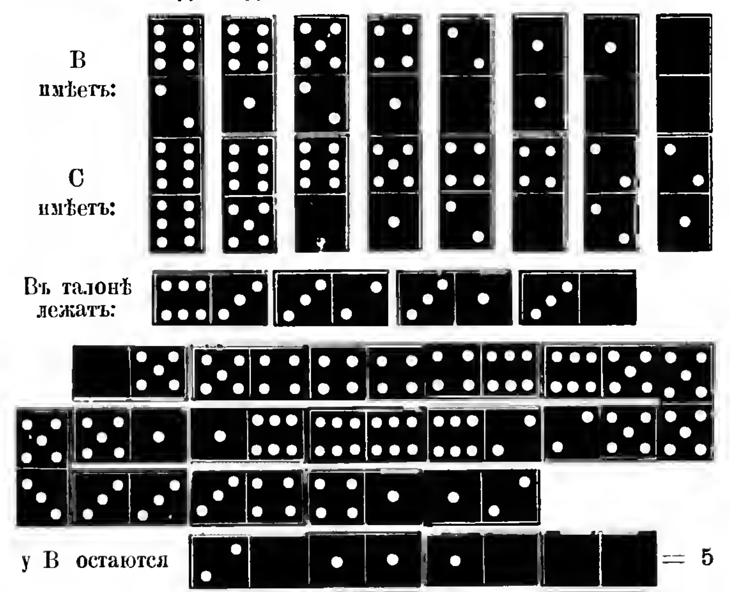
Молнія и деревья. Бельгійскій статистикъ высчиталъ, что дубъ чаще всего разбивается молніей и менѣе всего отъ нея страдаютъ буки. Онъ ставитъ деревья въ слѣдующемъ порядкѣ: дубъ, тополь, сосна, ель, береза, букъ и грабина. На основаніи этого, человѣкъ, застигнутый бурею въ лѣсу, долженъ избѣгать останавливаться подъ дубами и избирать убѣжищемъ преимущественно буки, хотя лучше всего, даже рискуя промокнуть до нитки, избѣгать совершенно деревьевъ. (г.)

Абдуррахманъ-ханъ, афганистанскій эмиръ, намѣренъ весною проѣхать по своей странѣ съ цѣлью проинспектировать свои войска. Часть гарема будетъ сопровождать эмира, для чего англійскій шталмейстеръ обучаетъ верховой ѣздѣ его женъ, для которыхъ заказаны костюмы въ Калькутѣ. Нѣкоторые принцы, министры и сановники, которые поѣдутъ съ эмиромъ, также обучаютъ своихъ женъ верховой ѣздѣ. (г.)

Величина походнаго шага европейскихъ войскъ. Длина русскаго шага составляетъ 71 сантиметръ (1 аршинъ); во Франціи, Австріи, Италіи, Бельгіи, Швеціи и Швейцаріи, шагъ совершенно одинаковъ, именно 75 сантиметровъ, тогда какъ въ Германіи назначено 80 сантиметровъ. Число проходимыхъ въ минуту шаговъ составляетъ въ Россіи 115, въ Германіи 112, въ Бельгіи 110, въ Италіи 120, въ Австріи отъ 115 до 118 и во Франціи отъ 112 до 116. (г.)

Когда Наполеонъ I, послѣ пораженія въ 1812 г., вернулся въ Парижъ, вѣтренные парижане утѣшали себя разными остротами. Такъ, разсказывалось, будто бы Наполеонъ, освѣдомляясь у своего садовника о цвѣтахъ зимняго сада, получилъ въ отвѣтъ: „Mes gr nadiers sont gelés, mes lauriers fletries, il ne nous reste que des pensées et des soucis“. Что въ переводѣ обозначаетъ: „Мои гранаты (гренадеры) померзли, мои лавры завяли, намъ остаются только незабудки (думы) и ноготки (печали).“ Нельзя добродушнѣе шутить надъ великимъ народнымъ бѣдствіемъ. (г.)

Рѣшеніе задачи домино № 20 (помѣщенной въ № 10).

у С „ =20

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Ф. Данилова, С. Грибова, Д. Николаева, **Бѣлостокъ**—С Бомхина, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Вилькоміръ**—Х. Абрамсона, Ю. Гефена, **Клинцы**—А. Махоткина, **Луганскъ**—П. Холодилина, **Маріуполь**—Д. Ерберъ, Л. Фрейманъ.

Рѣшеніе ребуса № 21 (помѣщен. въ № 11).

„Злой плачетъ отъ зависти, а добрый—отъ жалости и отъ радости“.

Рѣшеніе задачи игры въ винтъ № 22 (помѣщен. въ № 12).

А и В сдѣлаютъ малый шлемъ. Х, очевидно, выйдетъ съ туза бубенъ и, затѣмъ, маленькой бубны, которую В возьметъ дамой, проведетъ 2 раза козыря и. наконецъ, выйдетъ съ пикъ, въ надеждѣ отыграть короля; Y, понятно, первую пику пропуститъ и А возьметъ ее бланковой дамой; остальныя всѣ взятки возьмутъ А и В, такъ что Х и Y получатъ всего одну взятку на туза бубенъ.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—П. Рязанцепа, М. Егорнова, Лури, Зимайлова и Солодягина; **Москва**—А. Масленникова; **Александрополь**—В. А.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІЙ И. С. АКСАКОВА.

7 томовъ: 1) Славянскій вопросъ; 2) Славянофильство и западничество; 3) Польскій вопросъ и еврейскій; 4) Свобода слова; Церковный вопросъ; 5) Государственный и земскій вопросъ; 6) Прибалтійскій вопросъ; 7) Общеевропейская политика. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., перес. 50 к.

Біографія Ѳ. И. Тютчева (съ портр.). Ц. 1 р., перес. 25 к. Сборникъ стихотвореній И. С. Аксакова (съ портр. авт.). Ц. 1 р. 50 к., перес. 25 к. Продаются въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени“ въ Петерб., Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 2566 2—1

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, №. 21.

Рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

Глицериновое молоко 75 коп. Ирисовое молоко 1 р. 25 коп.

Молоко Дермофиль 2 р. 25 к.

ВОДА ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 р. 50 к.

Кольдъ-Кремъ самаго высшаго качества 60 к.

Глицериновый Кремъ 50 коп. | Кремъ Дермофиль 80 коп.

КРЕМЪ ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 р.

Пудра Велютинъ 60 коп. | Пудра де Нинонъ 75 коп.

ПУДРА ДЕРМОФИЛЬ 1 р.

приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.

КРЕМЪ КАМЕЛІА, бѣлый, розовый и рашель 1 рубль.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уг. Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54.

(Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

Pt. № 2560

СЛАБИТЕЛЬНЫЙ ПОРОШОКЪ РОЖЭ

4—4 **POUDRE DE ROGÉ.** Pt. № 2500

Посредствомъ ПОРОШКА РОЖЭ *легко приготовлять самому слабительный напитокъ. Порошокъ сохраняется и перевозится легко.*

Настоящій ПОРОШОКЪ РОЖЭ *продается въ флаконахъ, обернутыхъ въ бумагу оранжеваго цвѣта и имѣетъ на себѣ подпись изобрѣтателя и рядомъ изображенную печать:*

Фабрикація и опт. прод. въ Парижѣ, 19, ул. Жакобъ (Paris, 19, rue Jacob).

УДОСТОЕННЫЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ ВЫСШИМИ ОТЛИЧІЯМИ

ПРЕМИРОВАННЫЕ EXTRAITS QUADRUPLES:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN

ЛОЗЕ GOLD-LILIE

ЛОЗЕ BOUQUET MESSALINA

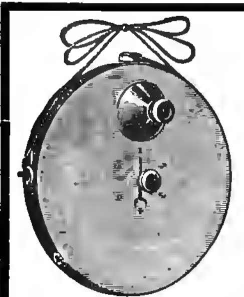
служатъ и для этого зимняго сезона лучшими духами для платковъ, платьевъ и проч. Такъ какъ эти и мои другіе **Extraits quadruples** подвергаются подражанію, то прошу покорнѣйше при покупкѣ обращать вниманіе на мою полную фирму St № 2382 12—8

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,

46 Егерстрассе, БЕРЛИНЪ.

Парфюмеръ Е. В. К. Германской, придворный поставщикъ Е. К. И. В. Наслѣдной Принцессы Германск. и Прусской.

Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Фотографическая секретная камера.

Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ, съ перес. **25 р.** Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту.

Носится незамѣтно подъ сюртукомъ. Весьма удобна. Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается безплатно. Наша книжка „Самоучитель фотографіи“ вышла изъ печати, цѣна 1 р. 50 к. съ пер.

Солидные аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ объективомъ, начиная съ 35 р. Всѣ принадлежности начиная съ 15 р. Большой выборъ всѣхъ предметовъ касающихся фотографіи.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°
С.ПЕТЕРБУРГЪ МАЛ.КОНЮШЕННАЯ 8

Съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

„ФИЛАКТЕРІЙ, ТУТОРЪ И АКОЛИТЪ“

СРЕДСТВА ДЛЯ СОХРАНЕНІЯ И ВОЗСТАНОВЛЕНІЯ ВОЛОСЪ

провизора **И. СИНИЦЫНА.**

Продается во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Цѣна за коробку, содержащую три предмета, составляющіе при употребленіи одно цѣлое, 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к. При требованіи трехъ коробокъ пересылка на счетъ склада. Р. № 2419 10—6

Главные склады: С.-Петербургская Химическая лабораторія Ф. Линде, Невскій пр., д. № 23; въ магазинѣ на Вас. Остр., по 6 лин., д. № 25 и въ конторѣ **Ив. Федингъ,** Чернышевъ пер., уг. Больш. Садовой ул. № 20; **у А. М. Рузанова,** Гост. Дворъ, 40; у **М. Ушанова,** Гост. Дворъ, 33; **СПБ. техно-химич. лабораторіи,** Гост. Дворъ; **В. П. Сердюкова,** Пассажъ; **Русск. Общ. Торг. аптек. товарами, Центр. Аптек. Депо,** Невскій, 27; магазинъ **А ла Реноме,** Невскій, № 3; **В. Березовскаго,** Алекс. линія, № 6. Описаніе способа употребленія и назначенія означенныхъ средствъ, отдѣльными брошюрами приложено при средствахъ. Брошюра, по желанію публики, выдается въ главныхъ складахъ безплатно.

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ ЛАНДЕКЪ

Сезонъ: 1 мая до октября. Р. № 2568 **въ Прусской Силезіи.** 3—1

Станціи жел. дор. Глацъ, Камепцъ, Пачкау. Испытанныя въ теченіе столѣтій **сѣрнонатристыя теплыя воды** отъ 23½° R., особенно рекомендуются при **женскихъ и нервныхъ болѣзняхъ. Воды для питья, ванны, бассейны, минеральныя грязи, внутреннія, внѣшнія души, Аппенцельское заведеніе для сывороточнаго леченія, римскія бани,** всѣ другія **минеральныя воды.** 1400′ надъ уровнемъ моря, защищенная горами на сѣверѣ и востокѣ, мѣстность для **климатическаго леченія.** Превосходная, обширная **прогулка по лѣсу** близъ заведенія водъ. Бываютъ болѣе **6,000** лицъ. Концерты, театръ ежедневно. Собранія еженедѣльно. Правленіе водъ. **Бирке** бургомистръ.

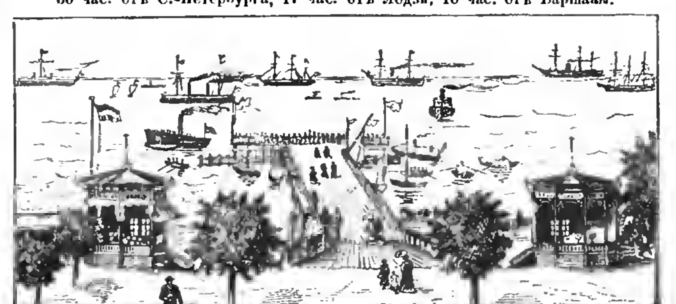
Ландекъ устроенъ по методѣ проф. Эртель (Швеннингера) также для леченія почвою.

ЦОПОТЪ (ZOPPOT).

Морскія купанья на Балтійскомъ морѣ.

Сезонъ съ 3-го (15-го) іюня до 1-го октября.

Станція Померанской ж. д. Съ Данцигомъ ежедневно 24 поѣзда ½ часовой ѣзды. 30 час. отъ С.-Петербурга, 17 час. отъ Лодзи, 16 час. отъ Варшавы.

Мѣстность прелестная. Лѣса. Волны покойныя. Грунтъ безопасный. Тѣнистые парки и прогулки на берегу моря. Морское купаніе. Теплыя морскія, солодовыя, желѣзистыя и др. ванны. Ключевая вода. Газоосвѣщеніе. Лѣтній театръ. Концерты утромъ и вечеромъ. Собранія и пр. Въ 1886 г. было 5284 пріѣзжихъ. Программы и объясненія сообщаетъ **Дирекція купаній.** Р. № 2567

МЕБЕЛЬНЫЙ АЛЬБОМЪ (166 изящн. рис.) **2 р. 50 к.** (перес. 25 коп.).

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ

СЛОВАРЬ

практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни всякому.

Д-РА Л. Н. СИМОНОВА.

Вышелъ 9-й выпускъ (въ объемѣ почти двухъ выпусковъ, 142 рис.).

МЫЛО—ОБЕЗЬЯНЫ.

Ст. по практическ. ботаникѣ подъ ред. проф. **А. Н. Бекетова,** юридическія—подъ ред. проф. **А. Хр. Гольмстена;** ст. химико-техническія просмотрѣны проф. **Д. И. Менделѣевымъ.** Ст. **наемъ имуществъ съ образцомъ** подробн. **АРЕНДНАГО ДОГОВОРА** подъ ред. **сенатора Гражд. Касс. Деп. Н. Г. Принтца.**

Въ предыдущихъ выпускахъ: **Подробное ученіе о лошади,** подъ ред. **И. К. Мердера, Машины сельско-хозяйственныя В. В. Черняева, Мебельный альбомъ** (166 изящн. рис.); въ 10-мъ и послѣдующихъ будутъ: ст. **Обрѣзаніе и формованіе деревъ, Огородъ, Прививка, Парники, Сады** и пр. Директора Ботан. сада въ С.-Пбргѣ **Э. Л. Регеля.** № 2569

ЦѢНА всего **Словаря** по **ПОДПИСКѢ 10 р.** (пересылка 1 р. 50 к.): въ С.-Петербургѣ—у издателя (Милліонная, 28, кв. 12). **СКЛАДЫ:** въ Москвѣ. Цѣна **1-го тома** (8 выпуск., съ приложеніемъ Мебельнаго Альбома) 6 руб. (пересылка 75 коп.).

Подписка въ разсрочку у издателя (условія высылаются за марку въ 7 к.); у него же можетъ быть полученъ **пробный листъ** за 15 коп. (съ пересылкою 20 коп.

7-ми-струнныя въ 3½, 5, 8, 10, 15, 20, 25, 30, 40, 50, 60, 75, 85, 100 р. (отъ 8 руб. съ механизмомъ для струнъ).

6-ти-струнныя въ 8, 10, 15, 20, 30, 40, 50, 75, 100 руб.

11-струнныя въ 20, 30, 50 р.

Самоучитель для гитары по 1½ и 3 р.

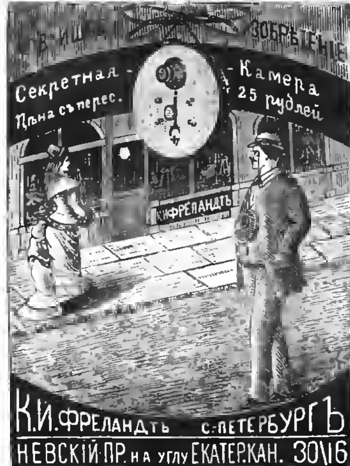
МАНДОЛИНЫ

въ 10, 15, 20, 30, 40, 50, 60, 75, 100 р.
Самоучитель для мандолины въ 2 р.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

Юлій Генрихъ ЦИММЕРМАНЪ

ГЛАВНОЕ ДЕПО
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морская, № 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.
Другихъ магазиновъ не имѣю.

Mt. … 2572 5—1

КУМЫСЪ.

Вышло изъ печати 3-е изданіе монографіи д-ра Постникова о кумысѣ, 30-лѣтняя дѣятельность по кумысо-терапіи. Брошюра служитъ руководствомъ ѣдущимъ на кумысъ, стоитъ 60 коп.—марками, у автора въ Самарѣ. Лечебный курсъ начнется съ 1-го мая, объявленіе высылается по требованію безплатно.
2—2 № 2556

Только съ этою фабрич. маркою подлинно

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2088 36—32

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Уваковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Стремянная, № 4.

Можно получить **въ Кіевѣ**: въ Южно-Русск. Общ. Торг. Апт. Тов.; въ апт. маг. И. Неезе, В. Трцинскаго и въ аптекѣ Г. Зейделя; **въ Тифлисѣ**: въ Кавк. Общ. Торг. Апт. Тов.; **въ Перми**: въ аптекѣ Кестера; **въ Новгородѣ**: въ апт. маг. Домашевича; **въ Екатеринославѣ**: въ апт. Сартиссона; **въ Рязани**: въ апт. маг. Вагнера; Шемаева и Девятова; И. В. Кузнецова; **въ Витебскѣ**: въ аптекѣ Яскольда; **въ Дерптѣ**: въ маг. И. Р. Шрамма; **въ Курскѣ**: въ апт. маг. Свирчевскаго; **въ Псковѣ**: въ апт. маг. И. де-Барани.

Поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

состоящій изъ **25-ти большихъ**, прекрасно отлитографированныхъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **около 300** разнообразныхъ рисунковъ для выпиливанія изъ дерева.

Цѣна въ изящной оберткѣ 1 р., съ пересылкой **1 р. 30 к.** Съ требованіями обращаться въ Главн. Контору журнала **„Нива"**, СПБ., Невскій пр., д. 6.

Выпуская въ свѣтъ настоящій „Альбомъ", издатель имѣлъ въ виду удовлетворить желанія весьма многихъ своихъ подписчиковъ, неоднократно заявлявшихъ о желаніи имѣть хорошіе рисунки для выпиливанія, тѣмъ болѣе что до настоящаго времени ничего подобнаго, за такую дешевую цѣну, издано не было.

ЛИПЕЦКІЯ МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ.
(желѣзисто-щелочныя).

Городское Управленіе имѣетъ честь извѣстить, что лѣчебный сезонъ 1887 года будетъ открытъ 15 мая и продолжится по 1 сентября.

Липецкая минеральная вода, по химическому анализу, произведенному проф. Сабанѣевымъ въ 1885 г., относится къ группѣ „желѣзисто-щелочныхъ водъ" и примѣняется въ слѣдующихъ болѣзняхъ:

1. Въ малокровіи и хлорозѣ.
2. При лѣченіи болѣзней органовъ половой сферы женщинъ.
3. При разнообразныхъ страданіяхъ нервной системы (Neurasthenia et Neuroticismus), въ основѣ которыхъ лежатъ малокровіе и упадокъ питанія.
4. При нѣкоторыхъ заболѣваніяхъ легкихъ и плевры.
5. При ревматическихъ и подагрическихъ пораженіяхъ мышцъ, сухожилій, суставовъ, надкостницы и костей.
6. При параличахъ и сведеніяхъ ревматическаго и истерическаго происхожденія.
7. При лѣченіи хроническихъ катарровъ желудочно-кишечнаго канала и различныхъ формъ диспепсій.
8. При болѣзняхъ общаго питанія: золотуха, англійская болѣзнь и др.

Не подлежатъ лѣченію на Липецкой бальнеологической станціи больные съ тѣми формами легочныхъ страданій, которыя наклонны къ частымъ ожесточеніямъ и кровоизліяніямъ, а также страдающіе эмфиземою и субъекты, имѣющіе параличи центральнаго происхожденія, больные съ пороками сердца въ періодѣ разстройства компенсаціи и съ аневризмами.

Липецкая желѣзистая вода назначается и для внутренняго и наружнаго употребленія, въ видѣ ваннъ, изъ которыхъ наиболѣе употребительны желѣзисто-соленыя, хвойныя, хвойно-желѣзисто-соленыя, и особенно изъ желѣзистаго торфа, на подобіе франценсбадскихъ и др.

На Липецкомъ курортѣ больные пользуются также гидропатическимъ лѣченіемъ; привозными натуральными, какъ отечественными, такъ и заграничными минеральными водами; кобыльимъ кумысомъ, молокомъ, сывороткою, электричествомъ и гимнастикою. Директоромъ-Врачемъ минеральныхъ водъ отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ состоитъ докторъ медицины Иванъ Петровичъ Соболевъ. Врачебная помощь организуется, какъ изъ мѣстныхъ, такъ и на сезонъ пріѣзжающихъ врачей-спеціалистовъ, по разнымъ отраслямъ медицинской науки. Городскимъ Управленіемъ приглашаются, на время сезона, извѣстные гинекологи-профессора Университетовъ.

Заведеніе Липецкихъ минеральныхъ водъ имѣетъ гостинницу, ресторанъ и курзалъ, въ которомъ помѣщаются библіотека и читальня, съ получаемыми газетами и журналами. Въ курзалѣ бываютъ два раза въ недѣлю танцовальные вечера; пріѣзжающими артистами устраиваются концерты и нерѣдко любителями даются спектакли. Въ продолженіе всего лѣчебнаго сезона, ежедневно, утромъ и вечеромъ, оркестръ бальной музыки играетъ въ городскихъ садахъ. Липецкъ находится въ Тамбовской губерніи, при Орловско-Грязской желѣзной дорогѣ; расположенъ въ мѣстности возвышенной и живописной, окруженной сосновыми лѣсами, и отличается чистымъ здоровымъ воздухомъ и ровнымъ континентальнымъ климатомъ, вслѣдствіе чего Липецкъ представляетъ всѣ благопріятныя условія для лѣчебнаго и дачнаго мѣстопребыванія. № 2562

ПРОИЗВЕДЕНІЯ

БЕНЕДИКТИНОВЪ

Аббатства Суллакъ (деп. Жиронды).

НАСТОЯТЕЛЬ ДОМЪ МАГЕЛОННЪ.

С.-Петербургскимъ столичнымъ врачебнымъ присутствіемъ разрѣшенъ ввозъ изъ-за границы, какъ не содержащаго въ составѣ своемъ вредныхъ здоровью веществъ. А. № 2150 16—14

2 золотыя медали:
Брюссель 1880—Лондонъ 1884 гг.
ВЫСШІЯ НАГРАДЫ.

Изобрѣтеніе въ **1373 г.** настоятелемъ ПЬЕРРЪ БУРСО

Домъ основанный въ 1807 г. **Сегенъ**, въ Бордо, ул. Гюгери, 3.

ГЕНЕРАЛЬН. АГЕНТЪ SEGUIN RUE HUGUERIE 3 BORDEAUX.

Находится во всѣхъ хорошихъ парфюмерныхъ магазинахъ, аптекахъ и москательныхъ торговляхъ Россіи.

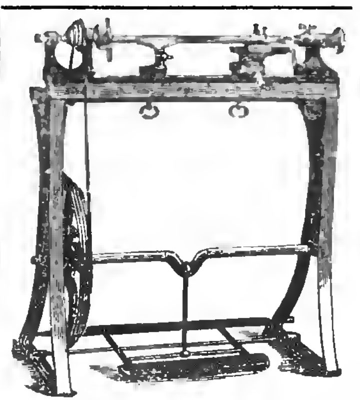

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,
СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ**, приводовъ, **вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, **сѣялокъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ**, механическихъ **зерносушилокъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика**, сѣнокосилки, жнеи, и снопосвязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеновъ. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 1830 22

Иллюстрированные каталоги безплатно.

РУССКАГО ИЗДѢЛІЯ

усовершенствованные токарные станки для обработки дерева и металла, не уступающіе всѣмъ заграничнымъ, между тѣмъ болѣе какъ въ два раза дешевле. Имѣются готовые и на заказъ въ механическомъ заведеніи

Д. СКАВРОНСКАГО.

Любительскіе станки, совершенно металлическіе, отъ 50 р., съ супортомъ отъ 65 р. Басейная, д. 10, въ СПБ. Прейсъ-куранты безплатно. № 2563

Продолжается подписка на

ВѢСТНИКЪ ТИРАЖЕЙ

журналъ необходимый каждому капиталисту, казначейству, общественному Банку, общественному учрежденію, обладающему какими бы то ни было цѣнностями, какъ помѣщающій тиражи всѣхъ % бумагъ.—Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера.

Цѣна за годъ . . **5 р.**

для иногородныхъ 6 р., съ доставкою и пересылкою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блоккъ, Невскій, 86, С.-Петербургъ.
№ 2504 6—4

При этомъ № прилагается для гг. иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской Конторы Ф. А. Клима въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ. 29 апрѣля 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. № 19

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 9 мая 1887 г. Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Вечеръ въ деревнѣ. Съ карт. Блумфильда, грав. Вильямъ.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Продолженіе).

XIX.

Такъ прошло болѣе мѣсяца со смерти царицы. Былъ ужъ конецъ іюня, а въ Крюйсовомъ домѣ не было ничего новаго. Всѣ обитатели жили въ ожиданіи дальнѣйшей своей судьбы. Болѣе всѣхъ конечно волновалась Лункундзе.

Наконецъ, однажды, къ ея великой радости, за ней пріѣхала карета отъ князя Меншикова: онъ просилъ ее къ себѣ.

Софья быстро собралась и еще быстрѣе покатила по зеленѣющему берегу широкой Невы. Въ концѣ Галерной улицы, она оставила экипажъ, прошла пѣшкомъ, пересѣла въ лодку, ее ожидавшую, и быстро переѣхала Неву.

На берегу Васильевскаго Острова ее ждалъ другой экипажъ, который помчалъ ее далѣе, во дворецъ князя, гдѣ уже съ кончины царицы имѣлъ пребываніе и самъ младенецъ-императоръ.

Князь Меншиковъ уже давно озаботился, чтобы его царственный птенецъ былъ ближе къ нему, подъ его ежечаснымъ, неусыпнымъ надзоромъ. Здѣсь же жилъ приставленный къ нему учителемъ и опекуномъ хитроумный нѣмецъ Остерманъ. Сюда, во дворецъ князя Меншикова, долженъ былъ являться всякій, желающій представиться молодому государю.

Меншиковъ принялъ Софью Карловну такъ же ласково, какъ и прежде, но сразу долженъ былъ опечалить свою любимицу.

— Плохи твои дѣла, Софья Карлусовна, сказалъ онъ.—Вернулись мои молодцы изъ твоей деревушки, изъ твоихъ краевъ, и никакого Цуберки... такъ ли сказалъ я?..

— Такъ! воскликнула Софья.

— Ну, никакого Цуберки не нашли. Молодцы эти не глупые, поняли, что порученіе мое важное, и желая получить награду, перешарили весь край. Они разузнавали все что̀ могли, разспросили всѣхъ, кто имъ ни попадался, и помѣщиковъ, и ксендзовъ. И вотъ узнали они, что любезный твой, послѣ твоего отъѣзда изъ Риги въ Петербургъ, содержался у Репнина въ острогѣ, потомъ былъ выпущенъ на свободу и вернулся въ твою деревушку... Какъ ты зовешь ее?

— Дохабенъ.

— Ну, да. Такъ оно и стоитъ въ донесеніи. Вернулся онъ въ Дохабенъ, опять принялся за свое дѣло, пасть стадо, а затѣмъ, съ полгода тому назадъ, а кто говоритъ не болѣе какъ мѣсяца съ два, распрощался онъ со всѣми, и исчезъ. Одни сказываютъ, что ушелъ въ Польшу, другіе увѣряютъ, что будто въ нѣмецкія земли, да кто говоритъ... Только ты не пугайся!.. Говорятъ, что будто погрозился онъ покончить съ собою—удавиться, альбы утопиться.

Софья измѣнилась въ лицѣ.

— Вотъ ты и перепугалась, а напрасно. Этому я не вѣрю, не вѣрю. Да и есть у меня другія вѣсти изъ иного мѣста, что твой возлюбленный болтается около Риги. Можетъ надѣется тебя тамъ увидѣть. Но ты вотъ теперь о чемъ посуди. Что-жъ намъ дѣлать? Надо вѣдь ждать, надо опять искать... Стало быть надо попрежнему тянуть и обманывать стараго Сапѣгу. А ужъ какъ будетъ невтерпежъ ему—тогда мы съ нимъ просто покончимъ, по хохлацкому обычаю: пошлемъ ему арбузъ. Цѣлый возъ арбузовъ!

И Меншиковъ началъ смѣяться, но Софья сидѣла задумчивая и печальная.

— Развеселися, графинюшка. Рано ли, поздно ли, обѣщаю тебѣ устроить все такъ же хорошо, какъ ты помогла мнѣ устроить мои дѣла... Ну, покуда, прощай! На сихъ дняхъ пошлю я опять съ полдюжины гонцовъ въ Литву и Польшу. А какъ они вернутся, такъ опять за тобой пришлю. А съ Сапѣгами ты старайся видаться рѣже.

— Да я и такъ менѣе раза въ недѣлю видаю ихъ, отозвалась Софья.

— Ну, вотъ... Иной разъ, когда пріѣдетъ кто изъ нихъ къ вамъ, то скажися хворой, въ постели, а когда придется повидаться—то веди себя такъ: не шатко, не валко, не ласково, не сердито... Мнѣ молъ все равно, что̀ ни будь. Нечего теперь намъ съ ними очень опасливо обходиться. Старикъ мнѣ больше уже не страшенъ; камешекъ свой, про который я тебѣ сказывалъ, онъ изъ-за пазухи уже вынималъ, имъ въ меня цѣлился. Да не утерпѣлъ старый, ужъ выпустилъ изъ рукъ, не попалъ въ голову, какъ мѣтилъ, и промахнулся мимо. Я старику простить этого не могу. Поэтому мы съ тобою еще нѣкоторое время съ нимъ будемъ постарому въ женихи и невѣсты играть, а потомъ и плюнемъ на него... Ну, вотъ и все. Прощай!

Послѣ этого посѣщенія князя, Софья снова прожила болѣе мѣсяца въ Крюйсовомъ домѣ, но за все время не болѣе двухъ разъ видѣлась со своимъ нареченнымъ женихомъ. Сапѣги дѣйствовали тоже какъ-то двусмысленно...

Молодой графъ, болѣе чѣмъ когда-либо, не нравился Софьѣ Карловнѣ. И прежде онъ отталкивалъ невѣсту своимъ пренебрежительнымъ, высокомѣрнымъ отношеніемъ къ ней. Теперь же онъ рѣзко и не стѣсняясь ни мало, смѣялся насчетъ своей странной судьбы, что ему, магнату, приходится жениться на простой крестьянкѣ.

Во второе свое посѣщеніе молодой Сапѣга, пріѣхавъ съ отцомъ провести весь вечеръ у своей невѣсты, подалъ поводъ къ размолвкѣ. Вслѣдствіе одного неумѣстнаго и колкаго отзыва молодого графа о покойной императрицѣ, Софья не выдержала и отвѣтила рѣзко:

— Можно быть крестьяниномъ съ благороднымъ сердцемъ и можно быть знатнымъ магнатомъ съ холопскими чувствами!

Сапѣги, отецъ и сынъ, оскорбились, холодно простились тотчасъ же съ юной графиней и съ ея отцомъ и уѣхали, видимо взволнованные.

Они будто почуяли, что Софья Карловна желаетъ прервать всякія отношенія съ ними, не только выходить замужъ... Карлъ Самойловичъ, не знавшій, конечно, объ уговорѣ дочери съ княземъ Меншиковымъ, сталъ журить дочь за суровое обращеніе съ женихомъ. Но она махнула рукой, ничего не сказала и, видимо довольная, ушла къ себѣ.

Вскорѣ послѣ этого въ Крюйсовъ домъ пришло извѣстіе, которое подняло на ноги весь городъ. Но во всемъ городѣ радовались и веселились, а въ Крюйсовомъ домѣ опечалились при этомъ извѣстіи. Что касается до Софьи, то она измѣнилась въ лицѣ и даже заплакала. Пришло извѣстіе, что князь Меншиковъ опасно боленъ у себя въ Ораніенбаумѣ и самъ пишетъ молодому царю, что собирается умирать.

„Что̀ же будетъ со мною?“ невольно подумала Софья.

Но затѣмъ вскорѣ пришло извѣстіе, что князь снова поправился, снова здоровъ. Софья обрадовалась и уже собиралась вмѣстѣ съ отцомъ ѣхать въ Ораніенбаумъ навѣстить своего покровителя, когда черезъ

день или два снова страшная, невѣроятная вѣсть пришла въ Крюйсовъ домъ, вѣсть, поразившая Софью еще болѣе, нежели поразило бы ее извѣстіе о смерти князя Меншикова.

Скавронскіе узнали такъ же, какъ узналъ весь городъ, что всемогущій князь въ опалѣ. Ему запрещено выѣзжать изъ Ораніенбаума въ Петербургъ, запрещено являться предъ ясныя очи молодого государя.

За время болѣзни князя враги его не дремали, и выздоровѣвшій временщикъ былъ уже опальнымъ вельможей. Скоро молва народная уже разжаловала его въ простые дворяне.

— Какой же онъ вельможа? говорили повсюду.

Вскорѣ затѣмъ появилось на устахъ у всѣхъ слово: „пирожникъ“, затѣмъ слово: „Алексашка“.

Черезъ нѣсколько дней послѣ того въ Петербургѣ, а затѣмъ и во всей Россіи узнали, что ненавистный всѣмъ князь Александръ Даниловичъ Меншиковъ отданъ подъ судъ за многія преступленія и ссылается въ городъ Раненбургъ, который недавно онъ выстроилъ.

Софья, одна на всю столицу, а быть можетъ и на всю Россію, горько плакала. Въ ея слезахъ были слезы о князѣ, но были слезы и объ себѣ, о своей судьбѣ.

Въ первыхъ числахъ сентября, князь Меншиковъ съ женою и дочерью, „рушенною невѣстой“, и съ ближайшими родственниками, съ нѣсколькими холопами—выѣхалъ изъ Петербурга подъ конвоемъ конной стражи.

Но едва доѣхалъ онъ до Раненбурга, какъ, лишенный уже всего, что̀ пріобрѣлъ онъ за всю свою жизнь, отъ титула до имущества, въ простомъ мужицкомъ зипунѣ отправился далѣе. На Волгѣ, подъ Казанью, онъ овдовѣлъ и, схоронивъ жену, не на кладбищѣ, по христіански, а зарывъ ее просто на берегу матушки-Волги, около Усолья, отправился далѣе въ Березовъ. Здѣсь онъ остался до дня своей кончины, давая своей жизнію примѣръ современникамъ и потомству, что бѣдствія, принимаемыя христіаниномъ какъ кара Господня, облагораживаютъ и возвышаютъ природу человѣческую.

Жизнь бывшаго всемогущаго временщика въ Березовѣ была не жизнію ссыльнаго, а подвижничествомъ.

XX.

Паденіе Меншикова въ Крюйсовомъ домѣ не произвело никакого впечатлѣнія, такъ какъ у его обитателей явилась новая покровительница, ласково съ ними обращавшаяся и обѣщавшая имъ исполненіе всего, что̀ желала сдѣлать покойная государыня. Это была цесаревна Елизавета Петровна, которая съ паденіемъ князя Меншикова стала первымъ лицомъ въ государствѣ, какъ обожаемая молодымъ государемъ тетушка.

Но если Скавронскіе, Генриховы и Ефимовскіе были довольны и счастливы, то Софья Карловна, казалось, выплакала всѣ свои слезы. И чего ждала она съ ужасомъ и трепетомъ—то и случилось.

Однажды явилась покровительница цесаревна и спросила у нея почему оттягивается ея свадьба съ ея „возлюбленнымъ“. Цесаревна, не зная причинъ, почему это дѣло затягивается, обѣщала дѣвушкѣ похлопотать, чтобы поскорѣе все устроилось.

У Софьи не хватило духу проронить ни единаго слова. Она была слишкомъ поражена такимъ оборотомъ дѣла... „Возлюбленный?! Онъ? Сапѣга!!“

Чрезъ два дня она была вызвана къ цесаревнѣ и та объяснила дѣвушкѣ, что за ней закрѣпляются разныя вотчины, во исполненіе воли покойной государыни, до двухъ милліоновъ рублей стоимостью, и потому свадьба ея можетъ быть назначена безотлагательно.

Софья стояла какъ истуканъ, не благодарила и молчала. И то тяжкое горе, которое сказывалось въ ней и игомъ лежало у ней на сердцѣ, было принято цесаревной и объяснено ею, какъ неразвитіе или грубоватость натуры этой графини-крестьянки.

Вскорѣ послѣ этой бесѣды съ цесаревной, рѣшившей безповоротно участь и судьбу дохабенской Лупкупдзе, молодая дѣвушка, съ невѣроятнымъ усиліемъ подавлявшая въ себѣ свое горе—не справилась съ нимъ. Горе побѣдило, и Софья въ бреду слегла въ постель. Иностранецъ-медикъ, призванный перепуганнымъ отцомъ дѣвушки, объявилъ болѣзнь опасною, назвавъ ее „инфламаціей головы“, а въ то же время знахарка, найденная графиней Марьей Ивановной, объяснила, что у молодой графинюшки „огневица“.

Весь Крюйсовъ домъ, опечаленный болѣзнію любимицы, притихъ. Всѣ наперерывъ ухаживали за больною. Молодыя силы скоро сказались, и Софья чрезъ недѣлю уже не металась и не бредила, какъ въ первые дни. Черезъ три недѣли она была на ногахъ, среди обрадованной родни.

Но тогда-то и началась смута въ Крюйсовомъ домѣ. Болѣе всѣхъ былъ встревоженъ графъ Карлъ Самойловичъ.

Дочь объявила и объяснила ему все... Теперь, когда князь Меншиковъ былъ уже въ ссылкѣ, можно было выдать всю тайну, разсказать про ихъ интригу и заговоръ.

Софья подробно передала отцу свой уговоръ съ павшимъ временщикомъ и прибавила, что ни за что̀ не пойдетъ за человѣка, котораго не любитъ и который, вдобавокъ, относится къ ней съ нескрываемымъ презрѣніемъ.

— Ему мое приданое нужно! сказала Софья.—А я ему не нужна. Я буду несчастна съ нимъ всю жизнь. А главное... Я хочу знать: что и гдѣ Цуберка?

Карлъ Самойловичъ сдался на этотъ разъ и сталъ на сторону дочери.

— Что-жь, что мужикъ и пастухъ. А мы то кто же такіе?.. мысленно сознавался теперь прежній буфетчикъ Карлусъ.

Началась борьба, въ которой приняла участіе и цесаревна. Разумѣется, болѣе всѣхъ негодовалъ обманутый графъ Сапѣга-отецъ, взволновался и даже сталъ грозить. Онъ близко принималъ къ сердцу дѣло о бракѣ Софьи съ его сыномъ, именно ради состоянія. Но дѣвушка боролась упорно. До тѣхъ поръ не давала она своего согласія, пока не привезли къ ней изъ Дохабена того самого мацитайса или ксендза, который хорошо зналъ Цуберку чуть не съ дѣтства и долженъ былъ когда-то вѣнчать его съ Софьей.

Ксендзъ подтвердилъ первоначальную вѣсть, полученную еще Меншиковымъ. Къ этому онъ прибавилъ, быть-можетъ по наущенію Сапѣги, что дохабенскій ганцъ не только считался утонившимся, но что нѣкоторые изъ дохабенскихъ крестьянъ видѣли трупъ утопленника.

И Софья подъ этимъ ударомъ еще разъ и еще горячѣе поплакала о судьбѣ своего бывшаго жениха.

Между тѣмъ, старый магнатъ объяснилъ Карлу Самойловичу, что если его дочь согласится выдти за его сына, то завѣщаніе покойной императрицы насчетъ приданаго ея любимицы будетъ исполнено въ точности. Если же она выйдетъ за другого кого, то цесаревна, недовольная упрямствомъ дѣвушки, отступится отъ Скавронскихъ. Дѣйствительно, цесаревна заявила, что если Софья пожелаетъ выдти за иного русскаго дворянина, то она предоставляетъ самимъ Скавронскимъ хлопотать у государя Петра Алексѣевича объ исполненіи воли покойной царицы. Разумѣется, отецъ и мать Скавронскіе принялись приставать ежедневно къ дочери, уговаривать и упрашивать ее, чтобы она дала свое согласіе.

Софья Карловна, похоронивъ въ сердцѣ Цуберку, стала приглядываться иными глазами къ молодому поляку и скоро по неволѣ должна была сознаться, что онъ былъ женихъ самый завидный во всемъ Петербургѣ. Онъ былъ молодъ, красивъ, уменъ, и теперь

Князь Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій разрываетъ грамоту пословъ Ляпунова о призваніи на царство (1609 г.).
Ориг. рис. Н. Лоренца, грав. Ю. Барановскій.

сталъ вдругъ чрезвычайно нѣженъ и добръ къ ней. Вдобавокъ, онъ былъ одной съ нею религіи, и родной языкъ его, былъ роднымъ языкомъ молодой дѣвушки, которую даже прозвали, при появленіи въ Петербургѣ, „польской фрейлиной“.

„Если ужъ не за Цуберку,“ рѣшила, наконецъ, Софья, „то все равно за кого... Видно онъ мой суженый! Ужъ лучше за поляка выдти, чтобы жить не здѣсь, а на родимой сторонѣ“.

И вскорѣ, къ радости всей родни, была отпразднована пышная свадьба. „Яункундзе“ у себя на родинѣ, „первая“ фрейлина въ Россіи—стала польскою графиней Сапѣгой.

Всѣ придворные, вся знать и, разумѣется, вся родня невѣсты—были на свадьбѣ. Послѣ вѣнчанія въ католической церкви, любопытнаго для многихъ дворянъ-гостей, былъ парадный обѣдъ во дворцѣ. Не смотря однако на всѣ старанія посаженной матери, цесаревны, торжественности за свадебнымъ столомъ не было никакой.

Юный государь настолько въ этотъ день расшалился, что его не могли даже заставить сѣсть за общій столъ. Онъ объявилъ, что будетъ обѣдать въ сосѣдней горницѣ съ четырьмя фрейлинами, къ которымъ относился особенно благосклонно. Многіе опасались, что за обѣдомъ будетъ себя держать невоздержно дядя невѣсты, графъ Ѳедоръ Самойловичъ. Къ нему приставили и около него даже посадили довѣреннаго человѣка, чтобы кормить его, но пить не давать. Вышло, однако же, совершенно иное: Прежній Дирихъ, никогда не бывавшій въ придворномъ обществѣ и очутившійся теперь почти впервые на торжественномъ обѣдѣ, среди блестящихъ сановниковъ, настолько былъ смущенъ, что не только пить, но и ѣсть не могъ.

Послѣ вѣнца молодые супруги поселились временно въ одномъ изъ лучшихъ домовъ Петербурга, но отъѣздъ ихъ въ Литву и Польшу былъ рѣшенъ еще до свадьбы.

Вскорѣ послѣ этого, „вслѣдствіе соблазнительнаго поведенія нѣкоторыхъ членовъ Скавронской фамиліи“, т. е. шалостей въ городѣ юнаго Антона Карловича, и „вслѣдствіе безпокойства и возбужденія толковъ и пересудовъ въ столицѣ“—всѣ обыватели Крюйсова дома были, по приказанію государя, препровождены на жительство въ Москву.

Шалость Антона была лишь пустымъ предлогомъ удалить Скавронскихъ, Генриховыхъ и Ефимовскихъ отъ двора.

Московское дворянство встрѣтило новыхъ гостей холодно. Въ Петербургѣ многіе по собственной волѣ являлись на поклонъ въ Крюйсовъ домъ и искали ихъ знакомства. Здѣсь же, въ Первопрестольной, не смотря на приказаніе изъ Петербурга войти въ сношенія и обращаться благосклонно и дружелюбно съ „оной фамиліей“, москвичи не подались. Немногіе лишь баре сдѣлали графамъ Скавронскимъ по одному визиту, по одному разу позвали ихъ къ себѣ и затѣмъ перестали съ ними знаться, объясняясь просто:

— Не повадливо!.. Совсѣмъ мужики!.. Наши собственные холопы надъ нами смѣяться станутъ.

Здѣсь, въ Москвѣ, всѣ три семейства были введены во владѣніе своими многочисленными вотчинами, пожалованными имъ по завѣщанію Екатерины Алексѣевны.

Среди первой же зимы всѣ три семьи настолько переругались между собою, что даже разъѣхались и поселились въ разныхъ домахъ. Съ весною всѣ они переѣхали въ лучшія вотчины, каждый въ свою. Но такъ какъ всѣ три семейства не были правильно раздѣлены, нѣкоторыя вотчины, а въ особенности большія, были пожалованы имъ въ общее владѣніе, то, разумѣется, начались дрязги, ссоры, препирательства, и кончилось тѣмъ, что, на глазахъ московскихъ дворянъ, началась цѣлая война.

Совѣтники молодого государя, до которыхъ доходили вѣсти о соблазнительномъ поведеніи „оной фамиліи“, собирались именемъ государя принять строгія мѣры, но каждый разъ цесаревна являлась ихъ защитницей. Вскорѣ сама судьба явилась ихъ карателемъ.

XXI.

Мгновенный, сказочный переходъ изъ крестьянъ въ дворяне, изъ простыхъ хлоповъ и рабочихъ въ сановники—не могъ обойтись даромъ. Эта метаморфоза принесла свои плоды. Праздная жизнь, тоска за неимѣніемъ какого либо занятія, невоздержность во всемъ томъ, что было всю жизнь запретнымъ плодомъ—сдѣлали свое дѣло.

Жизнь въ Москвѣ и подмосковныхъ вотчинахъ для старшихъ членовъ бывшей „оной фамиліи“ продолжалась не долго.

Живя въ Петербургѣ, въ Крюйсовомъ домѣ почти безвыходно, почти никого не принимая, безъ какого либо занятія, въ бездѣятельности, всѣ проводили жизнь сравнительно хорошо. Изрѣдка лишь бывали ссоры между Ефимовскою и остальными членами семьи изъ-за порядковъ въ домѣ и изъ-за хозяйства.

Теперь, въ Москвѣ, жизнь пошла шире: Крюйсовъ домъ былъ нѣчто въ родѣ тюрьмы, а здѣсь они всѣ очутились на свободѣ. Главною причиной перемѣны ихъ положенія было то простое обстоятельство, что въ Крюйсовомъ домѣ у нихъ было только дюжины три прислуги—теперь же всѣ они стали помѣщиками, властителями надъ сотнями крѣпостныхъ душъ. Они стали воистину господами, у нихъ явились свои рабы.

Въ качествѣ московскихъ обывателей, дворянъ и помѣщиковъ, они входили теперь въ соприкосновеніе съ людьми различныхъ сословій. Слѣдовательно, у нихъ заводилось и наконецъ завелось большое знакомство.

Старинное дворянство московское сторонилось отъ нихъ, или, какъ говорили: „чуралось“ новоиспеченныхъ иноземныхъ дворянъ, что вдругъ попали, по манію царицы, „изъ грязи да въ князи“. За то другія сословія, ниже ихъ стоящія по общественной іерархіи, но выше ихъ по относительному образованію, въ томъ числѣ многіе купцы, духовныя лица, московскіе богатые мѣщане—преимущественно знакомились и водились теперь съ новыми дворянами. Выскочкамъ въ люди было менѣе стѣснительно съ ними, чѣмъ съ гордыми московскими дворянами.

Здѣсь, въ Москвѣ, на этой свободѣ и уже въ роли помѣщиковъ-рабовладѣльцевъ, личныя качества и недостатки, вообще характеры членовъ трехъ семей—сказались ярче.

Проживъ зиму въ Москвѣ, ранней весною всѣ они разъѣхались по разнымъ вотчинамъ. Одинъ графъ Карлъ Самойловичъ оставался въ Москвѣ и хлопоталъ черезъ цесаревну Елизавету Петровну о томъ, чтобы получить въ подарокъ домъ въ Москвѣ, такъ какъ ему было обидно и зазорно жить въ „наемной фатерѣ“, а не въ своемъ собственномъ домѣ, въ видѣ боярскихъ палатъ.

Генриховы уѣхали въ большую вотчину, полученную ими въ Рязанской провинціи. Христина здѣсь перестала звать мужа ласкательнымъ прозвищемъ Янко. Такъ какъ настоящее двойное имя его, данное при крещеніи, было Симонъ-Іоаннъ, то Генриховъ сталъ для жены и для всѣхъ: Семенъ Ивановичъ. И здѣсь вскорѣ Христина и Семенъ Генриховы, дѣльные люди и дѣятельные хозяева, стали служить примѣромъ всѣмъ сосѣднимъ землевладѣльцамъ.

Все, что попадало къ нимъ въ руки—и семьи крестьянъ, и деревушки, и всякія угодья—все тотчасъ же принимало другой видъ и приходило въ цвѣтущее состояніе. Нечего и говорить о томъ, что рабы Генриховыхъ, при ласковомъ и добродушномъ обращеніи, стали обожать своихъ господъ.

Христина Самойловна и Семенъ Ивановичъ хорошо помнили какъ не злой, но скупой и требовательный панъ Вульфеншильдъ морилъ ихъ непосильною работой, требуя больше того, что самая усердная семья работниковъ могла сдѣлать. Теперь новые помѣщики и господа Генриховы не отягощали своихъ рабовъ ни барщиной, ни оброкомъ.

Старшіе сыновья Карла Самойловича, графъ Антонъ Карлусовичъ и Мартынъ Карлусовичъ, отправленные отцомъ для занятія хозяйствомъ, конечно ничего не дѣлали, проводили время во всякихъ забавахъ и удовольствіяхъ; дружились со своими сверстниками, сыновьями помѣщиковъ, кутили и буянили.

Скоро, благодаря обоимъ графчикамъ, имя графовъ Скавронскихъ стало синонимомъ добрыхъ, но буйныхъ молодцовъ. Во всей ихъ округѣ, гдѣ они жили, около Коломны, въ большомъ, богатомъ селѣ Горы, часто говорилось про кого нибудь:

— Экой сорви-голова! Не хуже Скавронскаго графчика.

Молодые люди могли бы кончить очень дурно, такъ какъ были безо всякаго призора. Мать была слишкомъ добрая, слабовольная женщина, отецъ совершенно облѣнился еще въ Крюйсовомъ домѣ, теперь же, казалось, сдѣлался еще тяжелѣе на подъемъ. Занимало его лишь одно поваренное искусство, стряпня всякихъ кушаній и всякихъ сластей. Онъ ухитрялся покушать до шести разъ въ сутки.

Графъ Ѳедоръ Самойловичъ, съ женою своей Екатериной Родивоновной и съ многочисленной толпою бѣдныхъ родственниковъ Сабуровыхъ, жилъ въ большомъ селѣ подъ самой Москвой. Дѣтей у него еще не было, да и ожидать ихъ было нельзя.

Все управленіе своими рабами онъ передалъ въ руки двухъ братьевъ жены, двухъ лихихъ молодцовъ, которые распоряжались всѣмъ какъ хотѣли.

Единственно, чего не допускалъ прежній Дирихъ, добрый и сердечный человѣкъ, было жестокое обращеніе съ рабами. Всегда тихій, и даже печально тихій, графъ Ѳедоръ Самойловичъ оживлялся, пылилъ и возвышалъ голосъ, когда дѣло касалось обиды или притѣсненія кого либо изъ его новыхъ крѣпостныхъ.

Скоро Сабуровы подчинились этому. Они не обижали никого изъ крѣпостныхъ графа словомъ или дѣломъ, но за то изводили ихъ поборами, отнимая все, что было можно отнять, даже у бѣднѣйшаго изъ крестьянъ. На это холопы жаловаться барину-графу не ходили. Поэтому Сабуровскій способъ управленія вотчинами не могъ дойти до свѣдѣнія Ѳедора Самойловича.

Семья Ефимовскихъ точно также стала барствовать и управляться съ рабами, но эти новые господа были уже совершенно иными, чѣмъ Генриховы и Скавронскіе.

Крутая нравомъ и даже отчасти злая, Анна еще недавно была одно время любимицей старостихи Ростовской, именно потому, что помѣщица увидѣла въ ней достойную себѣ наперсницу, женщину крутую и любящую повелѣвать. И если эта Анна тогда жестоко обращалась съ хлопами старостихи, то теперь, конечно, ея властолюбію и всякому самодурству было широкое поле.

Барыня Ефимовская вскорѣ стала тоже служить примѣромъ для сосѣдей, какъ и барыня Генрихова; но разница была огромная. Барыню Ефимовскую часто обзывали свои и чужіе „бабой людоѣдомъ“.

Христина Генрихова знала по себѣ каково быть холопкой, и это ее постоянно сдерживало по отношенію къ ея крестьянамъ. Анна Ефимовская тоже знала по себѣ каково быть крѣпостною, но у ней при этомъ являлось совершенно иное чувство. Казалось, что она на своихъ новыхъ подданныхъ вымещаетъ свои прежнія кровныя обиды, нанесенныя ей помѣщицей-старостихой.

Разные дикіе поступки Анны Самойловны были настолько громки, настолько нашумѣли, что дѣло дошло до слуха Елизаветы Петровны.

Къ Ефимовскимъ было прислано довѣренное лицо изъ Петербурга, съ приказаніемъ цесаревны вести себя кротче и тише, иначе Аннѣ грозили, что она будетъ подлежать гнѣву самого государя и строгому отвѣту. Но Анна не унялась, и случай подлежать отвѣту представился въ то же лѣто.

Всѣ имѣнія и вотчины, со всѣми угодьями, которые были закрѣплены за Скавронскими, были даны имъ въ общее владѣніе. Скавронскіе, оба брата, не были правильно и законно раздѣлены съ сестрами Генриховой и Ефимовской.

Случилось такъ, что двѣ вотчины, доставшіяся Ефимовскимъ и графу Ѳедору Самойловичу, были смежны въ одной Можайской провинціи.

Отсюда, съ первыхъ же дней весны, начались пререканія, недоразумѣнія и ссоры между сыновьями Анны и зятьями Скавронскаго. Понемногу началась настоящая усобица; страсти съ обѣихъ сторонъ разгоралисъ все болѣе. Сначала все ограничивалось личными спорами и бранью, потомъ обѣ стороны перенесли препирательства на бумагу, стали подавать прошенія въ Нижній и въ Верхній земскіе суды, нанимали подьячихъ и ходатаевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ они начали писать жалобныя посланія, жалуясь другъ на друга нѣкоторымъ вельможамъ петербургскимъ, прося ходатайствовать у покровительницы, цесаревны Елизаветы.

Наконецъ, среди лѣта усобица и мелкія стычки перешли уже въ побоища...

Крестьяне деревень и селъ этихъ вотчинъ, сбитые съ толку, уже не знали кому повиноваться. Сабуровы требовали съ нихъ послѣдніе гроши, говоря что они законные рабы господина графа Скавронскаго; Ефимовскіе являлись и требовали повиновенія, налагали наказаніе, говоря, что они настоящіе господа.

Нѣсколько разъ случалось, что и тѣ, и другіе, собравъ крестьянъ, числомъ до сотни и болѣе, шли другъ на друга. Происходила стычка жестокая и кровопролитная, гдѣ нибудь въ лѣсу, на лугахъ, чаще всего на сельскихъ работахъ, на сѣнокосѣ.

Вся эта война завершилось наконецъ маленькимъ событіемъ, слухъ о которомъ дошелъ до Петербурга, и на происшествіе обратила особенное вниманіе цесаревна.

XXII.

Дѣло случилось просто... Ѳедоръ Самойловичъ, проживъ довольно неудобно зиму въ Москвѣ, рѣшилъ, на собственной своей землѣ, большомъ пустырѣ около Никитскихъ воротъ, выстроить себѣ хорошія барскія палаты. Такъ какъ въ Можайской вотчинѣ былъ у него хорошій строевой лѣсъ, то управители-зятья взялись ретиво за дѣло, обѣщая добродушному, всегда на все согласному шурину, что къ зимѣ будетъ у него въ Москвѣ чуть не дворецъ изъ собственнаго лѣса.

Вскорѣ въ Можайской округѣ застучали сотни топоровъ, легъ на землю великолѣпный заповѣдный боръ и какъ-бы сползъ затѣмъ въ сосѣднюю рѣчку. Большіе, многочисленные плоты, на которые съ завистью глядѣли сосѣди, направились караваномъ по рѣкѣ, чтобы, перейдя въ Москву-рѣку, прибыть въ первопрестольную столицу.

Ни Сабуровы, ни графъ Ѳедоръ Самойловичъ, конечно, не могли предчувствовать, что будетъ...

Извѣщенная обо всемъ Анна Ефимовская, жившая въ это время съ сыновьями въ совершенно другомъ мѣстѣ, явилась въ Можайскую вотчину и удостовѣрилась лично, что большой лѣсъ дѣйствительно рубился и сплавлялся въ Москву. Анна Самойловна тотчасъ-же заявила мѣстнымъ властямъ, что самозванные распорядители, господа Сабуровы, неизвѣстно по какому праву, срубили лѣсъ ей принадлежащій.

Она грозила судомъ, пыткой, чуть не ссылкой въ Сибирь не только Сабуровыхъ, но и своего родного брата; но не получивъ никакой помощи отъ властей, Анна Самойловна рѣшилась дѣйствовать сама.

Она собрала до полутораста человѣкъ крестьянъ, вооружила свое самодѣльное войско чѣмъ попало: вилами, топорами, косами, и во главѣ его, вмѣстѣ съ адъютантами-сыновьями, двинулась къ Москвѣ. Здѣсь армія эта содержалась, конечно, на ея счетъ и стояла лагеремъ за Воробьевыми горами, въ теченіе нѣсколькихъ дней.

Полководецъ, т. е. Анна Самойловна, выжидалъ, чтобы большая часть каравана плотовъ пришла на мѣсто.

Московскія власти, увѣдомленныя о какомъ-то нашествіи, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ когда-то стоялъ съ полчищемъ самъ Крымскій ханъ, пожегшій Москву, отправили развѣдчиковъ. Узнавъ, что это извѣстная уже своимъ нравомъ барыня Анна Самойловна Ефимовская чудитъ и дуритъ, власти махнули рукой. „Все-жъ таки она извѣстная особа" и связываться съ ней было непріятно, такъ какъ ей покровительствуетъ цесаревна, любимица молодого царя.

Братья Сабуровы были молодцы не промахъ; у нихъ были свои вѣрные люди, которые донесли имъ о появленіи барыни Анны Самойловны въ первый же день, когда она еще жаловалась Можайскимъ властямъ.

Узнавъ о походѣ и засадѣ Ефимовской, Сабуровы доложили обо всемъ Ѳедору Самойловичу и просили его позволенія дѣйствовать и не уступать.

Сначала добрый Дирихъ хотѣлъ бросить дѣло, отступиться отъ плотовъ лѣса, но затѣмъ зятья съумѣли разжечь въ немъ самолюбіе и гнѣвъ, насколько онъ былъ способенъ на него.

Ѳедоръ Самойловичъ махнулъ рукой и сказалъ:

— Дѣлайте какъ хотите! Но я приду поглядѣть.

Лихіе молодцы тотчасъ сдѣлали то же, что и Анна Самойловна.

Узнавъ, что Анна собрала полтораста человѣкъ крестьянъ, они собрали двѣ сотни! Точно также вооружили и они своихъ — всякимъ оружіемъ, обыкновенно предназначаемымъ не для сраженій съ людьми, а для сраженій съ травой, землей и лѣсомъ.

И въ тѣ дни, когда армія Ефимовской стояла лагеремъ и скрывалась за Воробьевыми горами, армія Сабуровыхъ появилась подъ Москвой и, добывъ нѣсколько лодокъ, переплыла рѣку подъ самымъ Дѣвичьимъ монастыремъ. Страшно смутились и перепугались на-смерть многія благодушныя монахини и схимницы въ этомъ монастырѣ, гдѣ находилась въ эти дни сама бабка царствующаго государя, постриженная еще Петромъ, царица Евдокія Ѳеодоровна.

Весь Дѣвичій монастырь твердо вѣрилъ, что это новое нашествіе монголовъ, поляковъ или крымцевъ.

Армія Сабуровыхъ давно переплыла Москву-рѣку и уже скрылась въ мелколѣсьѣ, покрывавшемъ берегъ около Крымскаго брода, а въ Дѣвичьемъ монастырѣ все еще продолжали лазать на стѣны, ожидая увидѣть великое зарево и пожарище всей Москвы.

Снова были предупреждены власти московскія, что въ Дѣвичьей рощѣ появилось тоже многолюдство съ господами Сабуровыми, что при нихъ находится ихъ шуринъ графъ Скавронскій, и что они затѣваютъ тоже что-то „изрядное и невѣдомое".

Власти повѣрили, на основаніи прежнихъ слуховъ о житьѣ-бытьѣ сосѣдей Сабуровыхъ и Ефимовскихъ, что дѣйствительно готовится нѣчто „изрядное", но рѣшеніе послѣдовало то же самое. „Оставить ихъ. Пускай дѣлаютъ, что хотятъ. Вѣдь они не противъ города, а другъ на дружку. Ну и пускай расправляются между собою".

Черезъ день послѣ появленія арміи, которая стала бивуакомъ въ Дѣвичьей рощѣ, появилась на противоположномъ берегу Москвы-рѣки тоже армія.

Вся рѣка между ними была почти загромождена плотами, пришедшими изъ Можайской вотчины.

Казалось бы, стратегическія движенія обѣихъ армій судьба направила такъ, что все могло обойтись мирно. Такъ думалъ графъ Ѳедоръ Самойловичъ, пріѣхавшій изъ города съ молодой свояченицей, чтобы поглазѣть, что будетъ у сестры и зятьевъ, изъ-за плотовъ.

— Маху дали, говорили братья Сабуровы.—Не надо было чрезъ рѣку переправляться, надо было къ нимъ въ тылъ идти.

— Маху дали, говорила Анна Самойловна.—Надо было не сидѣть за Воробьевыми горами, а идти къ этимъ чертямъ наперерѣзъ и ихъ не въ городѣ, а въ полѣ расколотить.

Когда армія Сабуровыхъ, сложивъ свое оружіе, принялась за работу, т. е., начала разбирать плоты и таскать лѣсъ на берегъ, на противоположномъ берегу Москвы-рѣки появилась армія Ефимовской, блестя на солнцѣ своимъ оружіемъ.

Злоба душила Анну—но что-же было дѣлать! Она послала вплавь нѣсколькихъ гонцовъ къ непріятелю, съ приказаніемъ не трогать ея лѣса. Гонцовъ связали, съ прибаутками положили на берегъ и подъ командой Сабуровыхъ продолжали работу.

Графъ Ѳедоръ Самойловичъ вмѣстѣ съ молодой свояченицей отошелъ немного въ сторону, сѣлъ на курганчикѣ и, благодушно улыбаясь, поглядывалъ то на свою армію, работающую лихо въ рѣкѣ и на берегу, то на непріятеля, грозно стоящаго на противоположной сторонѣ.

— Ахъ, уже эта сестра! Анна Самойловна! говорилъ онъ свояченицѣ.—Бѣдовая баба... Всегда была бѣдовая, а теперь съ жиру сбѣсилась. Вѣдь знаетъ, что лѣсъ мой, а шумитъ. Мнѣ вотъ всего моего иждивенія ни на что не нужно, побросалъ бы я все тотчасъ же и убѣжалъ-бы безъ оглядки. И былъ бы счастливъ, да Бога благодарилъ... А ей все мало! Подари ей цесаревна всѣ свои вотчины, подари ей хоть полъ-Россіи— все ей будетъ мало. Все ея завидущее око будетъ коситься на сосѣднее добро.

(Оконч. въ слѣд. №).

За дупелями.

Разсказъ **К. Тхоржевскаго.**

(Окончаніе).

Она протянула ему руку и тотъ почти съ благоговѣніемъ поцѣловалъ ее; дѣвушка только тутъ замѣтила безмолвно стоявшаго Воронца, не узнала его въ темнотѣ и немного смутилась.

— Имѣю честь кланяться, Елизавета Георгіевна!.. почтительно раскланялся тотъ.

— Ахъ, это вы, Владиміръ Сергѣевичъ!.. воскликнула та весело, узнавъ его по голосу,—Боже мой, вотъ неожиданная то встрѣча!.. Какъ вы сюда попали?.. продолжала она, протягивая ему руку.

— На охоту пріѣхалъ...

— А намъ Марья Савична говорила, что офицеры охотиться пріѣхали, а кто—не сказала!.. Одного-то назвала, я забыла какъ,—незнакомая фамилія какая-то; а другой, говоритъ, у насъ еще въ первый разъ—я и сама, говоритъ, его не знаю... А это оказываетесь вы!.. перебивъ Воронца, болтала Елизавета Георгіевна, взглядывая то на одного, то на другого.

— Что же мы тутъ стоимъ—пойдемте въ комнаты!.. заговорилъ Мухинъ выдѣлывая руками пригласительные жесты по направленію къ дому.

— Пойдемте, пойдемте, я васъ сейчасъ мамѣ представлю!.. подхватила Елизавета Георгіевна, обращаясь къ Воронцу.

— Очень благодаренъ, Елизавета Георгіевна, я такъ давно уже желалъ представиться... но я, право, не знаю... я въ такомъ костюмѣ... и прямо съ болота!..

— Ха-ха-ха!.. вотъ уморительный-то—прямо изъ болота!.. Точно дѣдушка водяной—изъ болота является!.. Ничего, ничего, успокойтесь: мама невзыскательна, она очень добрая, очень!.. добавила она уже серіозно.

Женскій портретъ. Картина Ганса Макарта, грав. Іерике.

— Мама, мама!.. кричала она через секунду, вбѣгая въ „парадную“ комнату, гдѣ за тѣмъ же самоваромъ сидѣли жена Мухина и дама среднихъ лѣтъ въ дорожномъ костюмѣ,—мама, позволь тебѣ представить Владиміра Сергѣевича!.. онъ прямо изъ болота!.. и она, схвативъ нѣсколько смущенно Воронца за рукавъ, тащила его къ матери.

— Очень рада познакомиться съ вами: я много о васъ слышала отъ моей сестры, съ которой Лиза выѣзжала эту зиму и съ которой вы кажется старые знакомые!.. любезно проговорила Марья Николаевна, протягивая молодому человѣку руку.

— Я тоже давно искалъ чести быть вамъ представленнымъ, раскланялся тотъ,—но ужъ никакъ не ожидалъ, чтобы это произошло при такой обстановкѣ!.. и онъ комически развелъ руками, указывая на свой костюмъ и грязные сапоги.—Бога ради, прошу меня простить!.. онъ низко наклонилъ голову одновременно передъ ней и передъ хозяйкой.

— А вы, батюшка, снимайте скорѣе ваши доспѣхи да садитесь чай пить. Я думаю съ охоты-то заморились!.. обратилась къ нему Марья Савична.—Охъ, ужъ эти охоты, просто бѣда съ ними, продолжала она, относясь больше къ Марьѣ Николаевнѣ. Не повѣрите, какъ прилетятъ эти *„вальшнеки“*, такъ я моего Александра Васильевича по цѣлымъ недѣлямъ не вижу.

— Мама, мама, сколько у него птичекъ!.. вскричала вдругъ Лиза, вынимая у Воронца изъ ягдташа дупеля.

— Ахъ, какая ты шалунья, Лиза!.. строго замѣтила Марья Николаевна,—когда ты исправишься... прибавила она уже полушутливо.

Лиза надула губки, положила дупеля на столъ и, усѣвшись въ кресло, скромно сложила по-институтски ручки и потупила глазки; но черезъ секунду же вскочила и съ хохотомъ бросилась къ матери.

— Мама, мама, не сердись, не сердись!.. кричала она, обнимая ее и цѣлуя. Марья Николаевна дѣлала видъ, что старается оттолкнуть ее, а глаза ея такъ и горѣли нѣжностью и любовью къ дочери.

Въ эту минуту въ комнату вошелъ Александръ Васильевичъ, успѣвшій уже привести себя въ порядокъ: на немъ даже черный галстукъ былъ надѣтъ; Воронецъ выскользнулъ изъ комнаты, чтобы тоже нѣсколько оправиться.

Георгій Николаевичъ Мальковъ былъ однимъ изъ богатѣйшихъ помѣщиковъ N—ской губерніи и принадлежалъ къ старинной дворянской фамиліи, которой въ описываемое время онъ былъ единственнымъ представителемъ. Въ молодости онъ служилъ въ кавалергардахъ, но, дойдя до чина штабъ-ротмистра, вышелъ въ отставку, женился по любви на бѣдной дворянкѣ и поселился въ своемъ богатѣйшемъ имѣніи—Малькахъ. Кутила, бреттёръ и страстный игрокъ въ карты, онъ точно вмѣстѣ съ мундиромъ снялъ съ себя и всѣ эти страсти буйной молодости и сдѣлался образцовымъ помѣщикомъ, хозяйство котораго велось великолѣпно. Въ то время, какъ почти всѣ окрестные помѣщики закладывали свои помѣстья, разорялись, продавали ихъ, онъ не былъ долженъ никому ни копѣйки и прекрасно велъ свои дѣла всѣмъ на удивленіе. Завистниковъ и враговъ за глаза, разумѣется, у него было много, но онъ не обращалъ на нихъ вниманія и держался всторонѣ, устраняя себя, насколько могъ, отъ земскихъ и вообще всякихъ общественныхъ дѣлъ; однако нелюдимомъ онъ не былъ и у него часто собиралось общество избранныхъ имъ людей.

Марья Николаевна, обожавшая своего мужа и искренно увѣренная, что онъ образецъ силы воли и ума, была очень умная и добрая женщина, умѣвшая понять свое положеніе, и какъ бы дополняла своего мужа. Чего недоставало въ одномъ, то было въ другомъ; уважая и искренно любя другъ друга, они представляли собой идеалъ брачнаго союза, гдѣ жена была истинною помощницей мужа.

Лиза, единственный ребенокъ за всю супружескую жизнь Мальковыхъ, была всей цѣлью ихъ жизни. Когда она была выпущена изъ института и изъ милаго ребенка обратилась въ прелестную дѣвушку, они рѣшили, что позволятъ ей выйти за всякаго кого она полюбитъ, если избранникъ ея хоть мало-мальски будетъ порядочнымъ и честнымъ человѣкомъ; но до сихъ поръ сердце ея, по крайней мѣрѣ такъ думали родители, оставалось спокойнымъ.

Такъ думала и сама Лиза, веселый и беззаботный ребенокъ, совсѣмъ еще не думавшій о женихахъ. Изо всѣхъ, встрѣчавшихся ей эту зиму мужчинъ, на нее болѣе всѣхъ произвелъ впечатлѣніе Воронецъ; хотя она этого и не сознавала, но невольно отдавала ему предпочтеніе въ сравненіи съ другими кавалерами. Встрѣчаясь съ нимъ внѣ дома, въ клубѣ и въ домахъ своихъ знакомыхъ, она настолько была съ нимъ знакома, что не могла не замѣтить его видимаго увлеченія ею: его ухаживаніе, его влюбленные взоры были слишкомъ краснорѣчивы, чтобъ она могла хоть минутку сомнѣваться въ томъ, что она ему нравится. Онъ же хоть и видѣлъ ея вниманіе къ себѣ, видѣлъ что и онъ ей нравится, но на окончательный шагъ не могъ рѣшиться, боясь отказа со стороны ея богатыхъ родителей. Такъ они и разстались: онъ, мучимый сомнѣніями въ ея взаимности, она съ мыслью о немъ, какъ о миломъ, но нерѣшительномъ человѣкѣ. Красота молодой дѣвушки произвела сильное впечатлѣніе на Владиміра Сергѣевича, и мысли его постоянно были заняты ею, а Лиза, часто вспоминая своихъ знакомыхъ, вспоминала и о немъ, при чемъ образъ Воронца какъ-то ярче и дольше другихъ занималъ мѣсто въ ея беззаботной головкѣ. Ихъ неожиданная встрѣча вызвала въ обоихъ пріятное удивленіе, причемъ сердечко Лизы забилось не такъ спокойно, какъ прежде.

Одѣвшись и оправившись, онъ снова сошелъ внизъ. Всѣ, кромѣ Лизы, сидѣли около стола за чаемъ.

Воронецъ взялъ поданный ему хозяйкой стаканъ чаю и присѣлъ къ компаніи. Его тянуло въ садъ, откуда доносился звонкій голосокъ прелестной шалуньи, напѣвавшій веселую пѣсенку; но уйти было неловко, и онъ глоталъ свой чай, придумывая приличный предлогъ и невпопадъ отвѣчая на вопросы собесѣдниковъ. Его освободила сама Лиза, заглянувшая въ окошко.

— Владиміръ Сергѣевичъ, крикнула она,—да будетъ вамъ чай пить, идите-ка лучше сюда, посмотрите какая тутъ прелесть!

— Сейчасъ! радостно отозвался Воронецъ и, поблагодаривъ хозяйку, почти бѣгомъ вышелъ на балконъ.

Весенній вечеръ тихо спускался на землю; угасающіе лучи солнца, словно лаская, обливали своимъ золотистымъ свѣтомъ верхушки деревьевъ и молодую дѣвушку, стоявшую на дорожкѣ противъ террасы; лучъ солнца игралъ на ея бѣлокурыхъ косахъ, въ которыхъ кокетливо были вдѣты цвѣты, золотилъ ея легкое бѣлое платье, щедро украшенное цвѣтами, и вся она золотилась и горѣла въ этомъ прощальномъ солнечномъ сіяніи, похожая на прелестную фею роскошной весны. Въ рукахъ ея было нѣсколько розъ, изъ которыхъ она связывала букетъ.

— Стойте! крикнула она завидѣвъ Владиміра Сергѣевича, и отбѣжавъ еще нѣсколько шаговъ отъ террасы, продолжала:

— Видите этотъ букетъ? и она показала ему розы;—ну, догоняйте меня; если догоните до бесѣдки, букетъ будетъ вашъ! и еще не кончивъ, она стрѣлой пустилась по аллеѣ. Бесѣдка виднѣлась въ серединѣ сада, совершенно потонувшая въ его зелени.

Воронецъ бросился за молодой дѣвушкой, и оба скрылись въ поворотѣ аллеи.

Лиза неслась впередъ, и бесѣдка была уже въ двухъ шагахъ, когда Воронецъ, настигнувъ дѣвушку, схватилъ ее за руку. Она пробовала было вырваться, но онъ держалъ крѣпко.

— Нѣтъ... давайте цвѣты... они мои, говорилъ запыхавшійся Владиміръ Сергѣичъ, выпуская дѣвушку; она, тяжело дыша, опустилась на ступени бесѣдки и, улыбаясь, молча протянула ему цвѣты.

Онъ взялъ цвѣты и, задержавъ ея руку, приникъ къ ней губами. Она еще болѣе покраснѣла, но не вырвала руки и все улыбаясь смотрѣла въ его разгорѣвшееся, красивое лицо.

— Лиза, милая! вдругъ неудержимымъ порывомъ произнесъ Воронецъ, опускаясь рядомъ съ ней на ступеньки, и не успѣла она вскрикнуть, какъ сильныя руки обняли ея стройную талію, а горячіе поцѣлуи заглушили крикъ изумленія и неожиданности, готовый сорваться съ ея губъ.

— Да какъ вы смѣете... что это такое... ошеломленная пыталась она его оттолкнуть, но голосъ ея былъ не строгъ, а усилія очень слабы.

— Лиза, дорогая, такъ ты любишь меня? проговорилъ онъ наконецъ, съ любовью заглядывая въ ея влажные и блестящіе голубые глазки.

— Нѣтъ, я васъ не люблю... какъ вы смѣли поступить такъ со мной!.. лукаво взглядывая на него и стараясь сдвинуть бровки, говорила Лиза, снова вырываясь отъ него.

— Лиза, голубчикъ, скажи! шепталъ онъ настойчиво, снова покрывая ее поцѣлуями.

— Да не смѣйте... цѣловать, дерзкій, не люблю я васъ! смѣялась она.

— Лиза, Лиза! Домой! раздалось въ это время со стороны дома.

— Ну пустите! испуганно рванулась она,—а то мама придетъ!

— Не пущу, пока не скажешь! крѣпко сжалъ онъ ея руки.

— Лиза, Лиза! Домой! все ближе раздавалось.

— Ахъ, противный... ну люблю, пустите! вырвалась она.

— И будешь моей женой? все не выпуская ее изъ объятій, допрашивалъ онъ.

— Да, да, и женой, пустите ради Бога... ахъ!

Онъ страстно прижалъ свои губы къ ея рукамъ и прошепталъ:

— На-дняхъ жди...

Но она, не дослушавъ, вырвалась и бросилась бѣжать навстрѣчу матери.

Воронецъ остался на мѣстѣ какъ очарованный и нѣсколько секундъ не шевелился—точно окаменѣлый; онъ можетъ быть долго просидѣлъ бы такъ, какъ вдругъ кусты зашуршали и оттуда вылѣзъ Разинъ...

— Вотъ такъ дупель!.. проговорилъ онъ, останавливаясь противъ ошалѣвшаго пріятеля.—И чудное дѣло, продолжалъ онъ какъ бы самъ съ собой,—на болотѣ, что не выстг'ѣлъ, то и иг'омахъ, а тутъ нг'ямо на повалъ!..

Воронецъ, наконецъ, опомнился и, вскочивъ со своего мѣ-

ста, бросился душить друга въ объятіяхъ; тотъ крѣпко обнялъ его.

— Поздг'авляю, бг'атъ, отъ души поздг'авляю! съ чувствомъ произнесъ чудакъ.

. . . .

Сладко спалось въ эту ночь и Лизѣ, и Воронцу.

Лиза видѣла какую-то лѣсную поляну, усыпанную дивными цвѣтами, по которой она гуляла вдвоемъ—съ Владиміромъ Сергѣевичемъ.

IV.

Въ канцеляріи N скаго полка царствовала глубокая тишина, только скрипъ перьевъ, да шуршанье бумаги слышалось въ воздухѣ; строевыя занятія еще не окончились, и офицеры не приходили сюда за всевозможными справками. Писаря, нагнувъ головы, усердно занимались своимъ дѣломъ; въ казначейской комнатѣ щелкали счеты; завѣдующій хозяйствомъ диктовалъ дѣлопроизводителю какія-то цифры, все крупныя, но оканчивающіяся неизмѣнно половинками и четвертями копѣекъ.

Командиръ полка, очень еще не старый человѣкъ, удобно умѣстившись въ креслѣ, читалъ газету; въ сосѣдней комнатѣ полковой адъютантъ распечатывалъ пакеты, вынималъ бумаги, быстро пробѣгалъ ихъ и дѣлалъ на поляхъ какія-то замѣтки.

Командиръ дочиталъ газету, зѣвнулъ, закурилъ папиросу и вдругъ что-то вспомнилъ.

— Валерьянъ Семеновичъ! крикнулъ онъ.

Адъютантъ поспѣшно вскочилъ и пошелъ на зовъ.

— Что же вы справлялись куда исчезъ Воронецъ? встрѣтилъ его тотъ.

— Такъ точно, господинъ полковникъ...

— Гдѣ же онъ?..

— Деньщикъ сказалъ, что третьяго еще дня на охоту уѣхалъ...

— На охоту?!.. Значитъ и Разинъ съ нимъ?

— Не могу знать, господинъ полковникъ!

— Пошлите сейчасъ же узнать, и какъ они явятся, немедленно обоихъ ко мнѣ!..

— Слушаю-съ!

Адъютантъ ушелъ и принялся опять за распечатываніе пакетовъ, а полковникъ сталъ прочитывать и подписывать лежавшія передъ нимъ бумаги.

Послѣ одиннадцати часовъ канцелярія начала наполняться офицерами, преимущественно ротными командирами, явившимися сюда за различными справками: одинъ осаждалъ квартермистра провіантомъ, другой спорилъ съ завѣдующимъ хозяйствомъ, показывая ему какую-то бумажку, испещренную цифрами.

— Да что вы мнѣ говорите, горячился завѣдующій хозяйствомъ, маленькій толстый маіоръ,—у васъ по запискѣ къ первому числу состояло 853 р. 34¼ копѣекъ, изъ ящика вынуто...

— Позвольте, господинъ маіоръ, перебивалъ его тотъ,—въ этомъ-то и вся ошибка: къ 1-му числу у меня состояло 853 р. 33½ копѣйки; затѣмъ, на первую половину...

Въ казначейской комнатѣ народу толпилось больше всего; здѣсь были не одни ротные командиры, между ними виднѣлись и субалтернъ-офицеры, пришедшіе „перехватить" у казначея „до жалованья пятишенку или трешенку".

Казначей, хотя и молодой, но суроваго вида офицеръ, съ озабоченнымъ лицомъ, вываливъ на столъ цѣлую кучу старыхъ, испачканныхъ кредитокъ, сосредоточенно считалъ ихъ и складывалъ въ столъ по пачкамъ.

— Что, можно получить письма? обратился къ нему сѣденькій, худенькій капитанъ.

— Подождите немножко, сейчасъ!.. отвѣчалъ тотъ, не глядя на него, и въ тотъ же тонъ продолжалъ считать:—тридцать-пять, тридцать-шесть...

— Антонъ Семеновичъ, подошелъ къ нему молоденькій поручикъ, въ старомъ потертомъ сюртукѣ,—одолжи до жалованья десять рубликовъ.

— Подождите, пожалуйста, господа!.. дайте одно дѣло кончить! раздражительно оборвалъ казначей,—семьдесятъ-два, семьдесятъ-три...

— А, Воронецъ, откуда?..

— Ты, говорятъ, безъ вѣсти пропалъ!..

— Адъютантъ говорилъ, что тебя хотятъ показать бѣжавшимъ, раздались вдругъ восклицанія.

— Здравствуй, здравствуй!.. здоровался тотъ на всѣ стороны, пожимая протягивавшіяся къ нему руки.—Неужели командиръ полка въ самомъ дѣлѣ знаетъ что меня не было, господа?..

— Узналъ!.. ступай скорѣе—являйся!

— Ахъ, чортъ возьми, вотъ досада-то!..

— А Разинъ съ тобой былъ?

— Со мной!..

— Его тоже спрашивали.

— Иди же скорѣй къ командиру!..

— А что командиръ, здорово озлился?.. спросилъ Воронецъ, обращаясь ко всѣмъ.

— Кто его знаетъ...

— А ты иди, иди скорѣй!..

Воронецъ машинально окинулъ взоромъ свой сюртукъ—всѣ ли пуговицы застегнуты, поправилъ портупею и направился въ адъютантскую комнату.

— Здравствуй, Валерьянъ Семеновичъ! подошелъ онъ къ адъютанту.

— А это ты!.. поднялъ тотъ голову,— здравствуй, братъ!.. Гдѣ это ты пропадалъ?

— На охотѣ былъ.

— Ну, братъ, тебя зачѣмъ-то еще третьяго дня командиръ требовалъ, сказали что ты изъ города уѣхалъ, велѣлъ какъ явишься, сейчасъ къ нему... Постой здѣсь, я сейчасъ доложу... И онъ вышелъ изъ комнаты.

„А, чортъ возьми!.. вотъ досада-то", думалъ Воронецъ, оставшись одинъ и нервно подергивая усы.

— Иди!.. Зоветъ! появился черезъ минуту Валерьянъ Семеновичъ.

— А что онъ сегодня сердитый?.. шепотомъ спросилъ Воронецъ.

— Увидишь! Иди!

Воронецъ вошелъ въ командирскую комнату и, остановившись у двери, отвѣсилъ почтительный поклонъ.

— Вы гдѣ это были, поручикъ? строго началъ командиръ.

— На охотѣ, господинъ полковникъ...

— У кого же вы спрашивались?..

— Виноватъ, господинъ полковникъ, ни у кого не спрашивался...

— Какъ же это вы смѣете самовольно отлучаться?.. Что вы, первый день на службѣ, что-ли?.. Солдатъ за это наказываютъ! Вы—офицеръ, должны подавать примѣръ подчиненнымъ, а вы что дѣлаете?..

— Виноватъ, господинъ полковникъ...

— Что вамъ трудно было спроситься?..

— Господинъ полковникъ, это какъ-то такъ случилось, что я и не успѣлъ.. началъ было тотъ.

— Это мнѣ все равно-съ!.. Я этого терпѣть не могу!.. Извольте отправиться подъ арестъ.

— Слушаю-съ, господинъ полковникъ!..

— А Разинъ съ вами былъ?

— Точно такъ.

— А онъ у кого спрашивался?

— Не могу знать...

— Поѣзжайте сейчасъ и привезите его сюда!.. Ступайте!

— Слушаю-съ!.. Воронецъ повернулся и пошелъ изъ комнаты.

— Ну что? что?.. обступили его офицеры.

— Послѣ, послѣ, господа!.. Сейчасъ некогда... за Разинымъ послалъ! и онъ, проталкиваясь сквозь толпу, спѣшилъ къ выходу. Въ передней онъ столкнулся съ Разинымъ.

— Слава Богу, а я тебя искать ѣхалъ: командиръ за тобой послалъ, велѣлъ привезти, пойдемъ!..

— Что, г'угается?..

— Ругается!..

— Здог'ово?..

— Порядочно таки!..

— Значитъ подъ аг'естъ!.. спокойно заключилъ Разинъ, не торопясь снялъ пальто, провелъ рукой по своимъ коротко подстриженнымъ волосамъ и пошелъ за Воронцомъ, здороваясь съ попадавшимися на дорогѣ товарищами.

— Вы у кого спрашивались? встрѣтилъ командиръ Разина, когда оба пріятеля вошли въ его комнату.

— Виноватъ, господинъ полковникъ, спокойно пробасилъ тотъ.

— Нѣтъ, ужъ это мнѣ надоѣло... Въ который это вы разъ?!

— Виноватъ, господинъ полковникъ...

— Да почему вы не спросились ни у кого?

— Не пустили бы, господинъ полковникъ, а дупелей множество...

— Ну вотъ теперь и будете съ вашимъ пріятелемъ подъ арестомъ дупелей стрѣлять!..

— Слушаю-съ!..

— Что же, вамъ это слаще такъ-то?..

— Тепег'ь дупеля пг'олетѣли, господинъ полковникъ, отвѣчалъ тотъ серьезно.

Командиръ не выдержалъ и улыбнулся; въ душѣ онъ былъ добрѣйшій человѣкъ и самъ страстный охотникъ.

— Просто бѣда съ вами, господа, заговорилъ онъ другимъ тономъ.—Чудаки вы какіе-то!.. И жаль мнѣ васъ подъ арестъ сажать, а дѣлать нечего!..

— Не извольте безпокоиться, господинъ полковникъ, это ничего не значитъ!.. успокоилъ его Разинъ.—Мы не въ пг'етензіи.

— Ну это мнѣ все равно—въ претензіи вы или не въ претензіи... А вы лучше мнѣ такъ, по душѣ скажите—не лучше ли было бы спроситься?

— Никакъ нѣтъ, господинъ полковникъ, хуже!..

— Почему хуже?

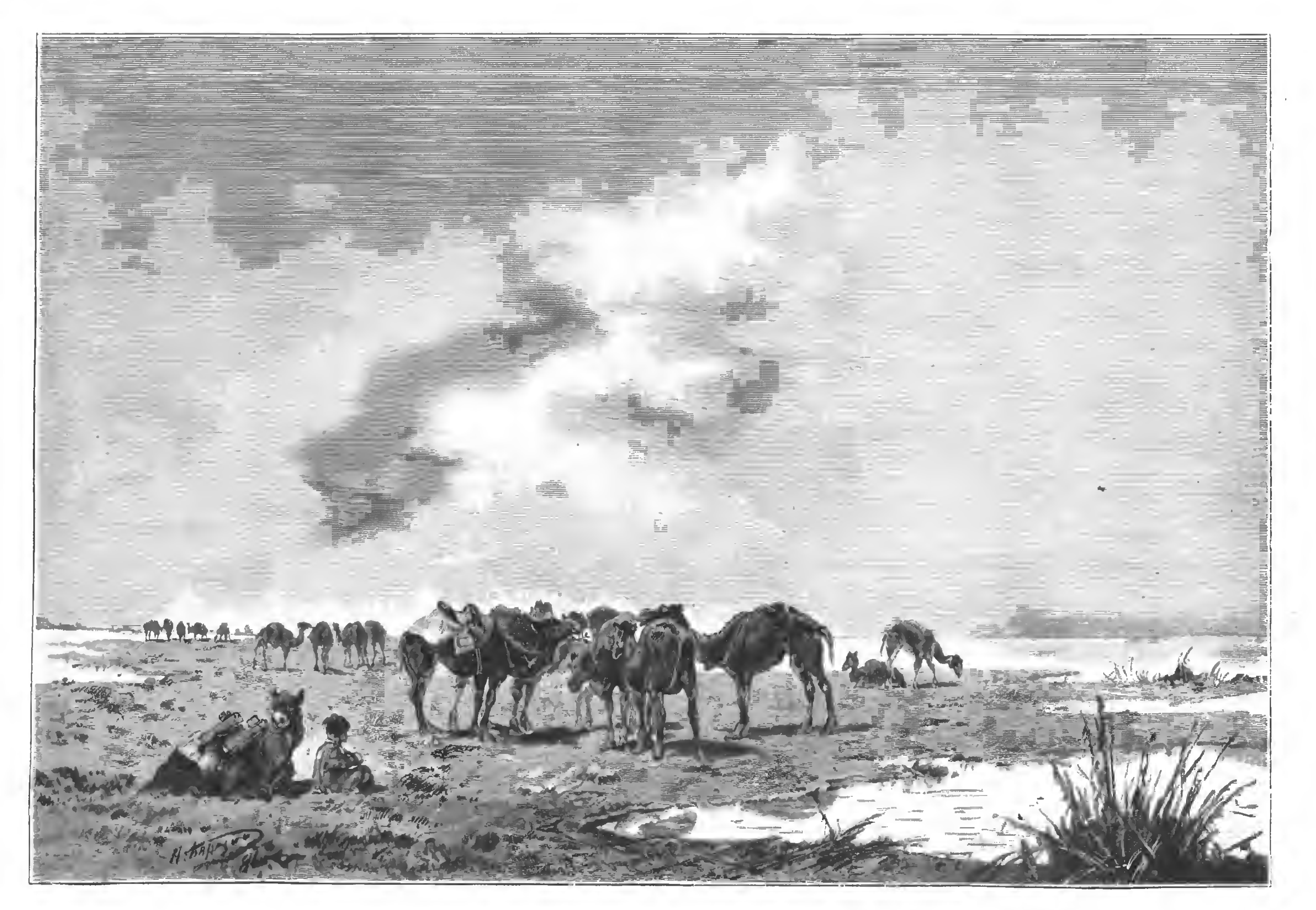
— Потому что—не пустили бы на тг'и дня и тогда ужъ уѣхать было бы нельзя, а дупелей—куча...

— Да что, въ самомъ дѣлѣ дупелей было много?.. спросилъ неожиданно командиръ.

— Множество, господинъ полковникъ!..

— Экая досада, что я не могъ поѣхать!.. вполнѣ искренно воскликнулъ онъ. Это не былъ уже строгій начальникъ—это былъ такой же страстный охотникъ какъ и Разинъ.

— Очень жаль, господинъ полковникъ, дупелей была—бездна!.. Насъ на паг'оходѣ его пг'евосходительство бг'игадный генег'алъ и тотъ, благодаг'я тому...

На берегахъ Арала. Ориг. рис. Н. Каразина, грав. Ю. Барановскій.

XV передвижная выставка въ СПБ. „Охотники“. Карт. В. Е. Маковскаго, грав. Ю. Барановскій.

— Васъ бригадный встрѣтилъ? перебилъ его командиръ.
— Такъ точно!..
— И что же, онъ зналъ, что вы самовольно отлучились?
— Такъ точно!..
— Что же онъ?
— Онъ сказалъ, что „онъ ничего не знаетъ, насъ не встрѣчалъ“ и пожелалъ намъ успѣшной охоты.
— Ну это дѣло его, а я васъ все-таки подъ арестъ посажу!..
— Слушаю, господинъ полковникъ, мы не въ пг'етензіи, особенно Вог'онецъ, я думаю...
— А что?...
— Да онъ вамъ самъ доложитъ... Такого дупеля убилъ, полковникъ!..
— Убилъ дупеля?!.. Что такое?.. Ничего не понимаю!.. дѣйствительно непонимая произнесъ командиръ.
Воронецъ, до сихъ поръ молчавшій, выступилъ впередъ.
— Господинъ полковникъ, у меня къ вамъ большая просьба... выговорилъ онъ такимъ тономъ, какимъ сыновья обращаются къ отцу въ серьезныхъ обстоятельствахъ. Одного этого тона было бы достаточно для посторонняго наблюдателя, чтобы понять какія отношенія существовали въ N-скомъ полку между командиромъ и офицерами.
— Говорите!.. сказалъ командиръ, сдѣлавшись опять серьезнымъ.
— Господинъ полковникъ, позвольте мнѣ жениться!..
— На комъ?..
— На Елизаветѣ Георгіевнѣ Мальковой, она...
— Это Георгія Николаевича дочь?.. перебилъ его тотъ.
— Такъ точно!..
— Съ большимъ удовольствіемъ!..
— Только, господинъ полковникъ... нѣсколько смутясь заговорилъ Воронецъ.
— Что только?..
— Я, видите, господинъ полковникъ, съ Елизаветой Георгіевной объяснился и она дала мнѣ слово...
— Ну-съ!..
— А родителямъ ея я еще ничего не говорилъ...
— Ну-съ!..
— Матушкѣ ея я представленъ, а съ отцомъ вовсе незнакомъ, и боюсь что родители ея, пожалуй, не согласятся на нашъ бракъ... Такъ я васъ хотѣлъ просить, господинъ полковникъ... Вы вѣдь знакомы съ Георгіемъ Николаевичемъ?
— Не только знакомъ, а даже пріятель... Мы съ нимъ вмѣстѣ въ Пажескомъ корпусѣ воспитывались!.. оживился командиръ;—вмѣстѣ и выпущены были... Такъ чего же вы отъ меня хотите? перебилъ онъ самого себя.
— Господинъ полковникъ, родного отца у меня нѣтъ... я васъ хотѣлъ просить... съѣздите къ Георгію Николаевичу, господинъ полковникъ, попросите у него руки Елизаветы Георгіевны.
— Это вы хотите, чтобы я сватомъ у васъ ѣхалъ?
— Такъ точно, господинъ полковникъ.
— Ха-ха-ха!.. Ну, батюшка, удружилъ!.. Нечего сказать!.. Вотъ никогда не ожидалъ-то, что придется сватовствомъ заниматься!.. Это потѣха!.. Ха-ха-ха!..
— Господинъ полковникъ...
— Да ладно, ладно, я поѣхать поѣду—только выйдетъ ли изъ этого что нибудь, не знаю... Ну, да мы объ этомъ послѣ поговоримъ, а теперь отправляйтесь подъ арестъ...
— На сколько пг'икажете, господинъ полковникъ? заговорилъ опять Разинъ.
— На двое сутокъ!
— Слушаю-съ, господинъ полковникъ.
Молодые люди раскланялись и вышли отъ командира.
— Ну, что? встрѣтилъ ихъ адъютантъ.
— На двое сутокъ!.. лаконически отрѣзалъ Разинъ.
— И чудакъ ты, Разинъ!.. Георгіевскій кавалеръ, поручикъ, а подъ арестомъ больше прапорщиковъ сидишь! сочувственно замѣтилъ адъютантъ.
— Ну, молчи!.. Молодъ еще г'азсуждать!.. пиши записку объ аг'естованіи... полушутя, полусерьезно отвѣтилъ Разинъ.
Адъютантъ покачалъ головой и заскрипѣлъ перомъ, а пріятели, въ ожиданіи бумаги, закурили папиросы.

Черезъ день по выходѣ изъ-подъ ареста, Воронецъ получилъ отъ командира записку слѣдующаго содержанія:
„Завтра я ѣду по вашему дѣлу къ Малькову. Не хотите ли ѣхать со мной? Я васъ самъ представлю старику и тамъ же, можетъ быть, съ Божьей помощью, все и устроимъ. Если хотите ѣхать, то будьте на конторкѣ „Кавказъ и Меркурій“ къ 8-ми часамъ утра. Пароходъ отходитъ въ половинѣ девятаго.
Вашъ Королевъ.“
Прочтя эту записку, Воронецъ чуть колесомъ не пошелъ по комнатѣ отъ радости и, самъ не зная зачѣмъ, далъ ординарцу, принесшему записку, рубль, а потомъ сейчасъ же принялся укладываться въ дорогу.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ была свадьба Воронца и Елизаветы Георгіевны.
Разинъ, бывшій шаферомъ у своего пріятеля, на что, впрочемъ, согласился только послѣ долгихъ упрашиваній, поздравилъ его послѣ вѣнца словами:
— Съ полемъ!.. какъ поздравляютъ охотники убившаго дичь.

Къ рисункамъ.

Вечеръ въ деревнѣ. (Рис. на стр. 469).

Тихій деревенскій уголокъ надъ прудомъ или рѣчкой съ развѣсистыми вѣтлами и вязами по берегамъ, въ косыхъ лучахъ заходящаго солнца и вечернихъ тѣняхъ, съ удивительно переданною даже въ гравюрѣ прозрачностью воздуха и тѣмъ рѣзкимъ освѣщеніемъ заката, которое, будучи на самомъ дѣлѣ слабѣе полуденнаго, кажется еще усиленнымъ сравнительно съ нимъ, подобно тому какъ послѣдняя вспышка потухающей лампы всегда производитъ болѣе сильное впечатлѣніе на глазъ...

Князь М. В. Скопинъ-Шуйскій. (Рис. на стр. 472 и 473).

Если смута при первомъ самозванцѣ вызвала въ Московскомъ государствѣ всестороннюю шатость умовъ и порядковъ въ размѣрахъ дотолѣ невиданныхъ на Руси, то въ царствованіе Шуйскаго, съ появленіемъ второго Лжедимитрія, для всего государства, по свидѣтельству лѣтописцевъ, наступило омраченіе бѣсовское, произведенное духомъ лжи, охватившимъ всѣ сословія. Боярская крамола, какъ извѣстно, не была рѣдкостью и при Грозномъ; но тѣ люди по крайней мѣрѣ сознательно и твердо шли къ своей цѣли, бѣжали безвозвратно за литовскій рубежъ или гибли на мѣстахъ въ почти открытой борьбѣ съ Іоанномъ. При Шуйскомъ дѣла замутились до того, что люди часто сами не знали за кого и противъ кого они идутъ и съ невѣроятною легкостью переходили изъ одного лагеря въ другой. Такъ, напримѣръ, знаменитый рязанскій дворянинъ Прокофій Ляпуновъ и воевода Сунбуловъ, поднявъ противъ Шуйскаго возстаніе въ Рязани, объявили себя за Димитрія (самозванца), но когда рязанскіе и тульскіе дворяне и дѣти боярскіе съ дружиной Ляпунова дошли до Москвы, причемъ имъ пришлось соединиться со стоявшими въ селѣ Коломенскомъ ватагами Болотникова, дѣло разомъ приняло другой оборотъ. Болотниковъ былъ холопъ князя Телятевскаго, получившій какъ-то свободу и заброшенный судьбой въ Венецію, откуда въ описываемое время пробирался чрезъ Польшу на родину. Сойдясь въ Путивлѣ съ княземъ Шаховскимъ, бывшимъ въ открытомъ возстаніи противъ Шуйскаго, холопъ Болотниковъ тотчасъ нашелъ возможность собрать себѣ сильную шайку изъ *своихъ*: подъ знамена его стали стекаться разбойники, воры нашедшіе пристанище въ Украйнѣ, бѣглые холопи и крестьяне, казаки, посадскіе люди, стрѣльцы, которые стали хватать воеводъ по городамъ и сажать въ тюрьмы, грабить господъ, разорять ихъ дома и проч. Подъ Москвой Болотниковъ еще яснѣе обнаружилъ характеръ своего возстанія: въ столицѣ появились отъ него грамоты съ воззваніями къ черни: „велятъ боярскимъ холопамъ побить своихъ бояръ, женъ ихъ, вотчины и помѣстья имъ сулятъ, шпынямъ и безъименникамъ ворамъ велятъ гостей и торговыхъ людей побивать, имѣнье ихъ грабить, призываютъ ихъ воровъ къ себѣ, хотятъ имъ давать боярство, воеводство, окольничество и дьячество“. Рязанскіе и тульскіе дворяне дружины Ляпунова, увидѣвъ съ кѣмъ у нихъ общее дѣло, рѣшились снова служить Шуйскому. Первыми явились съ повинною въ Москву Ляпуновъ и Сунбуловъ, и Ляпуновъ получилъ санъ думнаго дворянина. Но вскорѣ затѣмъ, вернувшись въ Рязань въ новомъ санѣ, онъ, какъ увидимъ ниже, вновь повелъ интригу противъ Шуйскаго...

Посреди такой шатости были, конечно, и люди твердые, разумѣвшіе что она-то составляетъ главное зло, которое, если дать ему развиться, неминуемо приведетъ Россію къ погибели; что единственное спасеніе государства въ торжествѣ законной власти и единовластіи законнаго государя. Самыми видными представителями такихъ людей были патріархъ Гермогенъ и царскій племянникъ Скопинъ-Шуйскій: ихъ нельзя было ничѣмъ ни запугать, ни подкупить. Въ то время какъ Гермогенъ былъ уже старцемъ, знаменитому воеводѣ было не болѣе 24 лѣтъ. Въ одинъ годъ онъ пріобрѣлъ славу, которую многіе полководцы снискивали подвигами жизни многолѣтней. Онъ разбилъ Болотникова на голову подъ Москвой, заставилъ бѣжать въ Калугу и вскорѣ сталъ любимцемъ всего народа. „Замутившееся, расшатавшееся въ своихъ основахъ общество русское страдало отъ отсутствія точки опоры“, пишетъ нашъ историкъ, С. М. Соловьевъ, „страдало отъ отсутствія человѣка, къ которому можно было бы привязаться, около котораго можно было бы сосредоточиться: такимъ человѣкомъ явился наконецъ князь Скопинъ. По свидѣтельству современниковъ, это былъ красивый молодой человѣкъ, обнаруживавшій свѣтлый умъ, зрѣлость сужденія не по лѣтамъ, въ дѣлѣ ратномъ искусный, храбрый и осторожный вмѣстѣ, ловкій въ обхожденіи съ иностранцами, изъ которыхъ состояла значительная часть его войскъ“. И вотъ къ этому любимцу народному, держащему въ рукахъ своихъ единственную

силу того смутнаго времени—войско, на пути князя къ Москвѣ, являются послы Ляпунова изъ Рязани съ высшимъ соблазномъ какой возможенъ для смертнаго: они предлагаютъ ему престолъ, отъ имени Ляпунова поздравляютъ его царемъ и подаютъ грамоту, наполненную укорительными рѣчами противъ царя Василія. Искушеніе велико: еще въ древней удѣльной Руси племянники привыкли садиться на великокняжескій столъ помимо дядей. Какъ же поступаетъ молодой полководецъ? Не колеблясь ни минуты, онъ разрываетъ грамоту и велитъ схватить присланныхъ, осмѣлившихся предстать его яснымъ очамъ съ такимъ чернымъ дѣломъ. Правда, вскорѣ затѣмъ, всегда великодушный, онъ отослалъ ихъ назадъ въ Рязань, не донося въ Москву, но подвигъ остается подвигомъ, и это торжество правды въ душѣ сравнительно юноши, стоитъ мученической кончины старца Гермогена, котораго поляки не могли выпудить къ измѣнѣ лютыми пытками.

„Женскій портретъ", Ганса Макарта.

(Рис. на стр. 477).

Еще одинъ изъ ряда портретовъ, которые прославили художника, недавно навѣки сошедшаго съ житейской сцены. Оставляя въ сторонѣ роскошь и оригинальность колорита, котораго не можетъ передать гравюра, замѣтимъ, что и на этомъ портретѣ бросается въ глаза главная особенность блестящаго дарованія Макарта—смѣлость и мастерство, благодаря которымъ онъ, при отсутствіи академической строгости рисунка, побѣдоносно справлялся съ самыми трудными положеніями тѣла въ поворотахъ и ракурсахъ. Вся фигура молодой женщины какъ бы съ причудливой намѣренностью составлена изъ техническихъ трудностей и тѣмъ не менѣе въ общемъ производитъ впечатлѣніе гармоничное и полное своеобразной прелести. Дѣло въ томъ, что можетъ-быть никто лучше Макарта не понималъ великой тайны искусства—художественной недоконченности: тамъ недоговорить, здѣсь прикрыть чѣмъ нибудь, напримѣръ пелеринкой въ нашемъ портретѣ, тутъ бросить эффектное пятно свѣта, а кое-гдѣ совсѣмъ затереть, затушевать,—и тщательно выписать лишь то, на чемъ невольно останавливается взглядъ зрителя, какъ въ данномъ случаѣ лицо красавицы.

На берегахъ Арала. (Рис. на стр. 480).

Рисунокъ Н. Н. Каразина, изучившаго русскія среднеазіатскія владѣнія на мѣстѣ—въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ боевой жизни и мирныхъ экспедицій съ научными и художественными цѣлями, изображаетъ величайшее послѣ Каспійскаго соляное озеро въ свѣтѣ, такъ-называемое Аральское море и безотрадную природу береговъ его. Почти безграничный просторъ этой песчано-солончаковой равнины, мѣстами слегка волнистой, благодаря грядамъ бархановъ, т. е. гребнямъ наносимаго вѣтромъ песку, лишь изрѣдка оживляется клочками скудной растительности, доставляющей пищу развѣ невзыскательному желудку „корабля пустыни", да караванами самихъ верблюдовъ, ведомыхъ такимъ же выносливымъ сыномъ степей, апатичнымъ киргизомъ. Все здѣсь какъ-то одноцвѣтно, подъ общій тонъ степи, начиная съ крупнѣйшаго представителя мѣстной фауны, верблюда, и до мельчайшихъ ящерицъ и степныхъ кузнечиковъ, которыхъ трудно даже отличить отъ буро-желтоватой почвы, хотя они мѣстами такъ и кишатъ на ней. И эти невзрачные представители жизни существуютъ лишь благодаря двумъ громаднымъ потокамъ прѣсной воды, двумъ великимъ воднымъ артеріямъ Средней Азіи, рѣкамъ Сыръ- и Аму-Дарьѣ, питающимъ множествомъ арыковъ (водоотводныхъ канавъ) всю окрестную страну и самый Аралъ, который, впрочемъ, не смотря на то, постепенно мелѣетъ, вѣроятно вслѣдствіе перевѣса испареній надъ притокомъ воды изъ атмосферы и помянутыхъ двухъ рѣкъ; обмелѣй эти рѣки, пересохни онѣ—всякая жизнь прекратится и берега Арала станутъ безжизненнымъ уголкомъ какъ бы вымершей планеты.

„Охотники", В. Е. Маковскаго. (Рис. на стр. 481).

Содержаніе новой картины нашего жанриста понятно каждому охотнику съ перваго взгляда. Пояснимъ его людямъ чуждымъ этой благородной страсти. Трое стрѣлковъ, прибывъ на мѣсто своихъ подвиговъ, остановились, какъ водится, у знакомаго мужичка, и въ ожиданіи самовара, сидятъ за столомъ, на которомъ собрана незатѣйливая закуска; „въ деревнѣ что за разносолъ": десятокъ яичекъ да черствая колбаса—и того не во всякомъ поселкѣ достанешь. Двое пожилыхъ охотниковъ повидимому люди зажиточные: у нихъ и ружья новѣйшаго устройства съ центральнымъ боемъ, то есть заряжающіяся съ казны, и сапоги щегольскіе, настоящіе болотные. Третій — должно быть егерь-промышленникъ или какой-нибудь подгородный мѣщанинъ, „балующій этимъ дѣломъ" по праздникамъ. Его снаряженіе, патроны и дробовникъ, указываютъ на то, что онъ, вѣроятно по недостатку средствъ, а можетъ быть и по упорному недовѣрію къ новѣйшимъ усовершенствованіямъ, придерживается еще ветхозавѣтныхъ шомпольныхъ ружей, да и тѣ у него бывали повидимому сомнительнаго качества. По крайней мѣрѣ подвязанная щека свидѣтельствуетъ, что ему крѣпко и не разъ доставалось по скулѣ вслѣдствіе „отдачи" при выстрѣлѣ изъ его самопала. [На охотѣ легко сближаются всякихъ чиновъ люди: онъ уже временно завладѣлъ патентованнымъ ружьемъ одного изъ новыхъ знакомыхъ, откинулъ ложу и съ глубокимъ скептицизмомъ провѣряетъ сверловку стволовъ. Между тѣмъ охотникъ почтенныхъ лѣтъ, зачесывающій свои сѣдины съ висковъ на голое темя, но тѣмъ не менѣе сохранившій весь юношескій пылъ для охотничьяго краснаго словца, разсказываетъ о какомъ-то невѣроятно-удачномъ выстрѣлѣ, которымъ онъ положилъ на мѣстѣ что-то въ родѣ утки, зайца и медвѣдя разомъ и, замѣчая недовѣрчивую улыбку собесѣдника, ссылается, въ подтвержденіе своихъ словъ, на хозяина. Этотъ послѣдній, „одно изъ славныхъ русскихъ лицъ", человѣкъ умный и бывалый, понимая господъ насквозь и до тонкости, очевидно обдумываетъ свой отвѣтъ, чтобы не уронить себя ни передъ тѣмъ, ни передъ другимъ изъ гостей, и въ напряженной работѣ мысли взялся даже руками за лавку, какъ бы отыскивая точку опоры...

Крошка-мать. (Рис. на стр. 484).

Кому не случалось наблюдать, какъ рано пробуждается въ женщинѣ инстинктивное сознаніе важнѣйшей цѣли ея бытія! Частью изъ подражательности, частью по врожденной любви къ дѣлу, самыя крохотныя дѣвочки начинаютъ уже нянчиться съ меньшими братишками, съ котятами, съ куклами, а за неимѣніемъ ихъ съ какимъ-нибудь самодѣльнымъ подобіемъ. Картина профессора Л. Кнауса представляетъ одну изъ такихъ будущихъ матерей-воспитательницъ. Бѣдняжка, у которой не было и самой дешевой куклы, набрела на корзину съ овощами, выбрала крупную картофелину—это будетъ голова, обернула ее какими-то лохмотьями, перевязала въ узелъ—вотъ и весь ребенокъ, есть кого теперь убаюкивать, ласкать и лелѣять... Потребность удовлетворена.

„Станціонный смотритель", Пушкина. (Рис. на стр. 485).

Да, это она, читатель, знакомая вамъ повѣсть, въ своей великой простотѣ посильная лишь великому поэту. Герой ея—бѣдный старикъ, станціонный смотритель, но у него было безцѣнное сокровище: четырнадцатилѣтняя красавица-дочь. И она любила отца, но пришла пора, дѣвочка стала дѣвушкой, полюбила иначе и бѣжала съ проѣзжимъ гусаромъ. Старикъ не вынесъ горя, запилъ и умеръ... Чего проще? Но разсказать этого художественнаго произведенія своими словами нельзя—это все равно что пытаться дать понятіе объ ароматѣ розы тому, кто никогда его не вдыхалъ... Выписываемъ лишь послѣднія, заключительныя строки, относящіяся къ нашему рисунку:

„— Отчего-жъ онъ умеръ? спросилъ я пивоварову жену.

„— Спился, батюшка, отвѣчала она.

„— А гдѣ его похоронили?...

„— За околицей подлѣ покойной хозяйки его.

„— Нельзя ли довести меня до его могилы?

„— Почему же нельзя? Эй, Ванька! полно тебѣ съ кошкою возиться. Проводи-ка барина на кладбище, да укажи ему смотрителеву могилу.

„При сихъ словахъ, оборванный мальчикъ, рыжій и кривой, выбѣжалъ ко мнѣ и тотчасъ повелъ меня за околицу.

„— Зналъ ты покойника? спросилъ я его дорогой.

„— Какъ не знать! Онъ выучилъ меня дудочки вырѣзывать. Бывало (царство ему небесное!) идетъ изъ кабака, а мы за нимъ: „Дѣдушка, дѣдушка! орѣшковъ!" а онъ насъ орѣшками и надѣляетъ. Все, бывало, съ нами возится.

„— А проѣзжіе вспоминаютъ ли его?

„— Да нынѣ мало проѣзжихъ; развѣ засѣдатель завернетъ, да тому не до мертвыхъ. Вотъ лѣтомъ проѣзжала барыня, такъ та спрашивала о старомъ смотрителѣ и ходила къ нему на могилу.

„— Какая барыня? спросилъ я съ любопытствомъ.

„— Прекрасная барышня, отвѣчалъ мальчишка:—ѣхала она въ каретѣ въ шесть лошадей, съ тремя маленькими барчатами и съ кормилицей и съ черной моською, и какъ ей сказали, что старый смотритель умеръ, такъ она заплакала и сказала дѣтямъ: „сидите смирно, а я схожу на кладбище". А я было вызвался довести ее. А барыня сказала: „Я сама дорогу знаю". И дала мнѣ пятакъ серебромъ... такая добрая барыня.

„Мы пришли на кладбище, голое мѣсто ничѣмъ не огражденное, усѣянное деревянными крестами, не осѣненными ни единымъ деревцомъ. Отъ роду не видалъ я такого печальнаго кладбища.

„— Вотъ могила стараго смотрителя, сказалъ мнѣ мальчикъ, вспрыгнувъ на груду песку, въ которую врытъ былъ черный крестъ съ мѣднымъ образомъ.

„— И барыня приходила сюда? спросилъ я.

„— Приходила отвѣчалъ Ванька:—я смотрѣлъ на нее издали. Она легла здѣсь и лежала долго. А тамъ барыня пошла въ село и призвала попа, дала ему денегъ и поѣхала, а мнѣ дала пятакъ серебромъ... Славная барыня!"

Читатель, конечно, знаетъ что это и была Дуня, смотрителева дочка, пріѣхавшая посѣтить отцовскую могилу и принести ей дань раскаянія.

Докторъ Эмиль Голубъ. (Портр. и рис. на стр. 488).

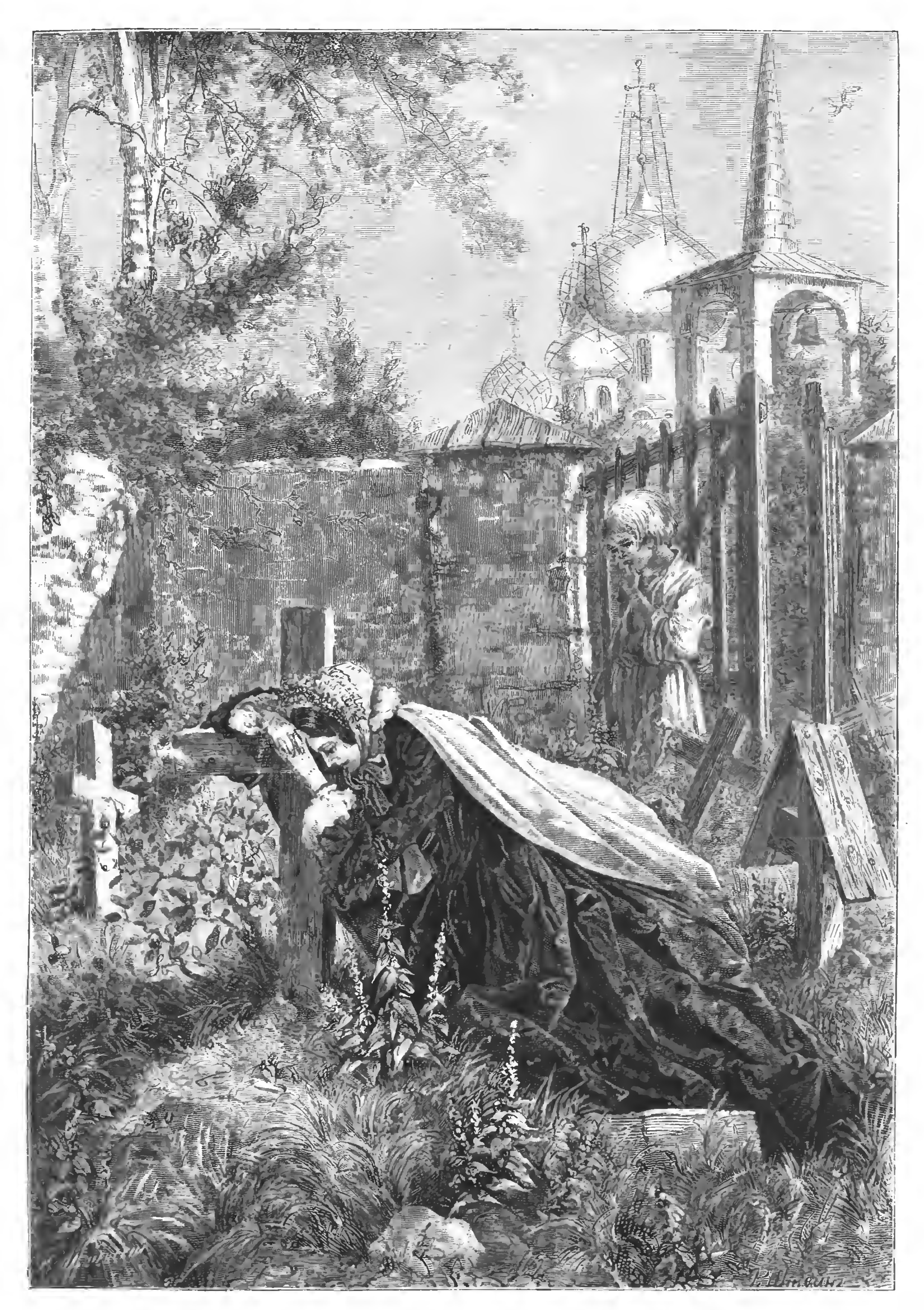
Недавно разнеслась вѣсть объ убіеніи д-ра Голуба съ молодою женою и спутниками, во время его путешествія съ цѣлью изслѣдованій Южной Африки. До сихъ поръ, впрочемъ, извѣстіе это еще не подтвердилось, но въ случаѣ вѣрности оно тѣмъ печальнѣе, что на этотъ разъ погибъ далеко не опытный, начинающій изслѣдователь: Голубъ уже совершилъ одну экспедицію и хорошо зналъ Африку. Съ дѣтскихъ лѣтъ его влекло въ отдаленные края Божьяго міра, и любовь къ естествознанію была у него, такъ сказать, въ крови. Сынъ окружнаго врача въ Голицѣ, Э. Голубъ, родившійся въ 1847 г., посвятилъ себя также медицинѣ. Въ 1866 г. онъ поступилъ въ Пражскій университетъ и въ 1872 г. получилъ ученую степень. Въ маѣ того же года онъ могъ осуществить давнишнее свое желаніе путешествовать и отправился въ Капскую колонію у мыса Доброй Надежды. Здѣсь, благодаря поддержкѣ купца Михелиса и австрійскаго консула Адлера, онъ получилъ мѣсто врача въ Дютойтспенѣ, что въ Алмазныхъ поляхъ. Все, что онъ заработывалъ медицинскою практикою, онъ сберегъ для своихъ научныхъ изслѣдованій. Въ теченіе трехъ поѣздокъ, изъ которыхъ одна продолжалась 21 мѣсяцъ, онъ посѣтилъ землю Бечуановъ, Трансваальскую республику и государство Марутсе-Мамбунда, на среднемъ теченіи Замбези, гдѣ собралъ необычайно богатый антропологическій матеріалъ и, послѣ семилѣтняго отсутствія, вернулся на родину. Привезенныя имъ сокровища были выставлены въ зданіи всемірной выставки въ Пратерѣ, въ Вѣнѣ и возбудили общее вниманіе; результаты своей научной экспедиціи онъ излагалъ въ публичныхъ лекціяхъ весьма популярнымъ языкомъ. Вообще, д-ръ Голубъ обладаетъ даромъ слова, что доказываетъ и его большое сочиненіе о путешествіи, и мелкія статьи, появлявшіяся въ журналахъ. Доходъ отъ его выставки и отъ лекцій предназначался для новаго путешествія; сумма, пожертвованная германскимъ императоромъ, дала возможность д-ру Голубу, недавно передъ тѣмъ женившемуся, снова уѣхать въ ноябрѣ 1883 г. въ Капскую колонію. Лучше обезпеченный средствами и взявъ на этотъ разъ шесть человѣкъ прислуги, онъ надѣялся на богатую научную добычу. Но надеждамъ этимъ, быть можетъ, не суждено осуществиться. Во всякомъ случаѣ д-ру Голубу, положившему на разрѣшеніе великихъ задачъ всѣ свои силы и достигшему уже многаго, будетъ отведено почетное мѣсто въ исторіи науки.

Въ заключеніе этой краткой характеристики путешественника, которая, будемъ надѣяться, не станетъ его некрологомъ, помѣщаемъ эскизы, сдѣланные его рукою. Они вводятъ насъ въ государство Марутсе-Мамбунда, находящееся на сѣверъ отъ Замбези. Жители этой страны, Мазупіи, стоятъ относительно на высокой степени развитія, о чемъ свидѣтельствуютъ воздѣланныя поля и почитаніе мѣстъ погребенія. Въ противоположность своимъ южнымъ сосѣдямъ, Кафрамъ и Бечуанамъ, у Мазупіевъ существуетъ культъ умершихъ. Рога антилопъ и верхніе позвонки крупныхъ млекопитающихъ украшаютъ могилы покойниковъ, какъ доказательство охотничьихъ подвиговъ. Гораздо богаче надгробные памятники выдающихся личностей, вождей. Могилы ихъ украшаются драгоцѣнными клыками слоновъ. Голубъ встрѣчалъ колоссальные клыки, вѣсомъ въ 1½ пуда. Многіе подверглись уже разрушительному дѣйствію времени, но никто не рѣшается ихъ тронуть, даже иностранцы, если только они желаютъ жить съ туземцами въ мирѣ. Въ послѣднее время гробницы въ Марутсе не украшаются болѣе слоновыми клыками какъ вслѣдствіе огромнаго спроса на этотъ матеріалъ въ торговлѣ, такъ и потому что король Мазупіевъ, Сепопо, объявилъ слоновую кость своею регаліей. Противоположность Мазупіямъ составляютъ жители Коранны, самой печальной страны въ южной Африкѣ. Коранны—вѣтвь племени готентотовъ; они отличаются безпримѣрною нечистоплотностью, лѣнью и злостью. Полукруглыя хижины ихъ на склонѣ горы или вблизи рѣкъ имѣютъ не болѣе двухъ аршинъ вышины и около пяти аршинъ въ окружности. Коранны работаютъ только ради возможности купить водки; скотоводство у нихъ находится въ самомъ плачевномъ положеніи. Гораздо лучше Макубы; у нихъ, а также у ихъ двухъ вождей, изъ которыхъ одинъ идолопоклонникъ, а другой ревностный миссіонеръ христіанства, д-ръ Голубъ неоднократно находилъ дружественный пріемъ и помощь.

Крошка-мать. Съ карт. проф. Л. Кнауса, грав. Кнезингъ.

Добываніе нефти. (Рис. на стр. 489).

Быть-можетъ не многимъ изъ читателей „Нивы“ извѣстно, что у насъ въ Россіи буреніе артезіанскихъ колодцевъ при добываніи нефти, единственный способъ добраться до болѣе или менѣе глубоко залегающихъ нефтяныхъ резервуаровъ, предпріятіе обходящееся нерѣдко въ десятки тысячъ рублей, производится чисто на удачу. Такъ, напримѣръ, въ знаменитомъ нефтяномъ урочищѣ Балаханахъ, соединенномъ желѣзной дорогой съ городомъ Баку, еще недавно можно было видѣть колодезь въ 300 метровъ глубины, буреніе котораго стоило 30,000 рублей, потребовало цѣлаго года работы, и не вознаградилось ни каплей нефти. Есть ли хоть какія нибудь данныя относительно выбора мѣстъ для буренія, есть ли какіе нибудь признаки вѣроятной глубины, на которой можно надѣяться встрѣтить нефтеносный

Литературный альбомъ. „Станціонный смотритель". Повѣсть Пушкина. Ориг. рис. Штейна, грав. Ольшевскій.

слой? Нѣтъ. Все дѣло случая, правилъ нѣтъ никакихъ, роются на первомъ попавшемся на глаза мѣстѣ. Въ теченіе двадцати лѣтъ не велось ни одного журнала развѣдокъ, какъ это дѣлается повсюду заграницей; а между тѣмъ только этимъ путемъ и можно отдать себѣ хотя приблизительный отчетъ въ расположеніи слоевъ и избѣжать безполезныхъ затратъ. Но, за неимѣніемъ свидѣтельствъ опыта, указаній практики, не можетъ ли хоть теоретическая наука направить работы съ большею экономіей? Ни въ какомъ случаѣ. Какъ нѣтъ никакихъ точныхъ свѣдѣній о происхожденіи нефти, такъ точно и данныя касательно распредѣленія ея мѣсторожденій въ различныхъ геологическихъ ярусахъ, чрезвычайно неполны и сбивчивы. Единственный фактъ, вполнѣ установленный наукой—тотъ что нельзя подземные резервуары нефти представлять себѣ въ видѣ болѣе или менѣе обширныхъ горизонтальныхъ поверхностей на подобіе озеръ, какія образуетъ подземная вода, добываемая водяными артезіанскими колодцами. Нефтяные колодцы, будучи прорыты въ нѣсколькихъ метрахъ одинъ отъ другого, даютъ совершенно различные результаты. Одно буреніе можетъ встрѣтить на незначительной глубинѣ обширный резервуаръ нефти, остальныя не принесутъ ничего кромѣ чистой потери денегъ, или колодцы нужно будетъ углублять вдвое и втрое болѣе, сравнительно съ первымъ, пока доберутся до нефти. Не то встрѣчается и такое явленіе: у васъ, положимъ, отлично дѣйствующій и дающій много нефти колодезь; сосѣдъ вашъ въ свою очередь производитъ буреніе новаго колодца почти рядомъ съ вашимъ—и вдругъ вашъ колодезь перестаетъ дѣйствовать: вы не получаете ни капли нефти. Въ чемъ же дѣло?

Всѣ эти аномаліи довольно хорошо объясняются, если допустимъ, что нефть залегаетъ въ резервуарахъ неправильной формы и безпорядочно расположенныхъ по различнымъ ярусамъ подпочвы, какъ показано на прилагаемомъ чертежѣ (стр. 490). На чертежѣ нашемъ представлены 4 сквозныя башни изъ лѣса наподобіе клѣтокъ или фабричныхъ трубъ, называемыя „вышками". Каждая изъ вышекъ построена надъ артезіанскимъ колодцемъ, буреніе котораго производится по американской системѣ, посредствомъ каната на блокѣ, съ тяжелымъ буравомъ на нижнемъ концѣ веревки, причемъ буравъ поднимается и падаетъ какъ баба при битьѣ свай, посредствомъ паровой машины. Буравъ артезіанскаго колодца можетъ наткнуться на резервуаръ или пройти мимо него, какъ видно на чертежѣ подъ первою вышкой слѣва. Если буравъ наткнулся на резервуаръ, то происходитъ одно изъ двухъ: или по трубѣ колодца вырываются наружу бурные потоки подземныхъ газовъ, а затѣмъ устанавливается равновѣсіе между подземнымъ и атмосферическими давленіями, все успокоивается, и для того чтобы добыть нефть надо ее выкачивать насосами; или на поверхность земли вырываются по трубѣ не газы, а самая нефть, смѣшанная съ соленою водой и пескомъ, которая бьетъ фонтаномъ на вышкѣ, нерѣдко на значительную высоту и съ такою силой, что вырываетъ самый буравъ, поднимаетъ его на воздухъ и сноситъ верхушку вышки. Фонтаны эти достигаютъ 90 метровъ высоты и слѣдовательно превосходятъ знаменитый исландскій гейзеръ.

Какимъ образомъ объяснить эти явленія? Предполагаютъ, что въ нефтяныхъ резервуарахъ находится не одна нефть, но также соленая вода и газы. Въ резервуарѣ ниже всего залегаетъ вода, на ней плаваетъ нефть, надъ послѣднею скопляются сильно сжатые газы, какъ показано на чертежѣ. Смотря по тому, въ какую точку резервуара—въ газы, въ нефть или въ воду—проникнетъ буравъ, по трубѣ поднимаются или газы, какъ на второй вышкѣ слѣва, или подъ давленіемъ ихъ фонтанъ чистой нефти, какъ на третьей вышкѣ, или нефть съ водой и пескомъ, какъ на четвертой вышкѣ.

Вотъ отъ какихъ случайностей до сихъ поръ зависитъ обогащеніе или разореніе предпринимателя.

Екатеринославъ. (Рис. на стр. 489).

Празднующій нынѣ сотую годовщину своего основанія, Екатеринославъ — одно изъ созданій знаменитаго баловня счастія, могущественнаго князя Потемкина. Великолѣпный князь Тавриды въ своихъ грандіозныхъ, широкихъ планахъ предназначалъ его для самой блестящей, цвѣтущей будущности и отводилъ ему первое мѣсто среди другихъ городовъ вновь созданной Новороссіи. Сообразно плану Потемкина, Екатеринославъ былъ основанъ въ 1786 году на правомъ нагорномъ берегу Днѣпра, на томъ самомъ мѣстѣ, на которомъ въ XVII столѣтіи стояло польское укрѣпленіе Кодакъ, построенное въ 1635 году французскимъ инженеромъ Бопланомъ и впослѣдствіи разрушенное казаками, выстроившими здѣсь свои поселенія: Старый и Новый Кайдаки и Половицу. Эта, въ высшей степени живописная мѣстность очень понравилась князю Потемкину, и онъ предполагалъ основать здѣсь свое постоянное мѣстопребываніе; для этой цѣли онъ началъ здѣсь постройку великолѣпнаго дворца, на возвышенномъ берегу Днѣпра, съ котораго видны на нѣсколько верстъ его теченіе и большая половина города, какъ на ладони. Посреди же прелестнаго острова, въ сосѣдствѣ со своимъ домомъ, Потемкинъ хотѣлъ возвести зданіе университета, гдѣ бы преподавались науки и изящныя художества, самый же островъ соединить съ берегомъ посредствомъ красиваго висячаго моста. Кромѣ университета Потемкинъ намѣренъ былъ построить въ Екатеринославѣ грандіозныхъ размѣровъ соборъ и снабдить его драгоцѣнными иконами и утварью, собранными со всей Россіи. Этотъ соборъ былъ торжественно заложенъ въ присутствіи самой императрицы и императора Іосифа II, ея спутника въ путешествіи по Тавридѣ. Въ то же время для населенія города Потемкинъ со всей Россіи приглашалъ въ Екатеринославъ купцовъ и мѣщанъ, предоставляя имъ различныя льготы и преимущества и щедро снабжая ихъ деньгами и строительнымъ матеріаломъ.

Внезапная смерть Потемкина разрушила всѣ его великолѣпные планы, и Екатеринославъ надолго остался недостроеннымъ, малолюднымъ городомъ. Самое имя Екатеринослава было измѣнено при Павлѣ I въ Новороссійскъ и только въ 1802 году было возстановлено, причемъ городъ былъ возведенъ на степень губернскаго.

Нынѣшній Екатеринославъ довольно посредственный губернскій городъ, не отличающійся ни многолюдствомъ, ни обширностью: въ немъ считается нынѣ около 45,000 жителей и простирается онъ вмѣстѣ съ предмѣстіемъ Новымъ Майданомъ въ длину по Днѣпру на семь, а въ ширину на двѣ версты. Главная улица города—красивый Екатеринославскій проспектъ, идущій параллельно Днѣпру. Здѣсь широкое шоссе посрединѣ, съ двумя рядами аллей по бокамъ. Всѣ лучшія городскія зданія сосредоточиваются на этомъ проспектѣ или на прилегающихъ къ нему улицахъ; въ другихъ же частяхъ города далеко хуже. Преображенскій каѳедральный соборъ построенъ въ 1835 году на обширной, возвышенной площади, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предполагалъ построить соборъ Потемкинъ, но въ гораздо меньшихъ размѣрахъ. На правой сторонѣ собора, около самой ограды, возвышается памятникъ изъ простаго камня, окруженный желѣзною рѣшоткой. Онъ поставленъ въ 1787 году на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла карета императрицы во время ея присутствія на закладкѣ собора. Тутъ же предъ соборомъ возвышается величественный памятникъ монархинѣ-основательницѣ города, открытый 8 сентября 1846 года. Екатерина изображена стоящею, въ порфирѣ; лѣвою рукой она указываетъ на завоеванный ею край, а правою опирается на небольшой аналой, на которомъ лежитъ развернутая книга изданныхъ ею законовъ. На лицевой сторонѣ памятника надпись: „Императрицѣ Екатеринѣ II отъ благодарнаго дворянства Екатеринославской губерніи въ 1846 году".

Въ недалекомъ разстояніи отъ собора стоитъ бывшій дворецъ князя Потемкина; въ царствованіе Николая Павловича онъ поступилъ во владѣніе Екатеринославскаго дворянства и въ немъ были произведены, незначительныя впрочемъ, измѣненія и передѣлки для помѣщенія дворянскаго собранія. Около дома раскинутъ обширный тѣнистый садъ, замѣчательный по своему живописному мѣстоположенію, на возвышенности, надъ самымъ Днѣпромъ. Существуетъ преданіе, что во времена Потемкина, въ этомъ саду, со всѣхъ странъ свѣта были собраны очень цѣнные и рѣдкіе цвѣты и растенія. Другимъ своимъ обширнымъ общественнымъ садомъ Екатеринославъ обязанъ казаку Глобѣ—страстному охотнику до садоводства. Онъ скончался еще при Потемкинѣ и погребенъ въ своемъ саду, гдѣ до сихъ поръ колоссальный каменный столбъ возвышается надъ его могилой.

Политическое обозрѣніе.

1 мая.

Газетная буря въ Европѣ.—Сербскій кризисъ.—Болгарія.

Разоблаченія *Сѣв.-Герм. Вс. Газеты* относительно Босніи и Герцеговины породили все-европейскую газетную полемику, въ которой наиболѣе видное участіе принялъ самъ поименованный органъ князя Бисмарка, возражая сначала *Пештс. Ллойду*, а затѣмъ и русскимъ газетамъ (*Новое Время*, *Свѣтъ*, *СПБ. Вѣдомости* и *Новости*). Особенно всполошились венгерскія газеты, полагавшія, что разоблаченія *Сѣв.-Герм. Вс. Газ.* имѣли цѣлью повредить графу Андраши, и борьба перешла съ газетныхъ столбцовъ въ парламентъ, гдѣ депутатъ Ираньи внесъ запросъ о томъ, на какихъ условіяхъ состоялась оккупація Босніи и Герцеговины, причемъ мотивировалъ свою интерпелляцію тѣмъ, что разоблаченія князя Бисмарка прямо противорѣчатъ объясненіямъ, которыя представило парламенту венгерское правительство въ семидесятыхъ годахъ. Телеграфъ до сихъ поръ еще не принесъ никакихъ свѣдѣній о дальнѣйшемъ ходѣ дѣла по этому запросу. Между тѣмъ *Сѣв.-Герм. Всеобщая Газета*, въ дальнѣйшей полемикѣ слагая съ Германіи всякую отвѣтственность за Берлинскій конгрессъ на Россію и Австрію, а всѣ неудачи первой на князя Горчакова, обмолвилась заявленіемъ, еще болѣе смутившимъ Габсбургскую монархію, а именно, канцлерскій органъ намекнулъ, что для германской политики совершенно безразлична судьба Босніи и Герцеговины, а также Сербіи и даже многихъ составныхъ частей Габсбургской имперіи. Понятно, какое впечатлѣніе должны были про-

извести это слова въ союзной Австро-Венгріи, гдѣ думали, что дѣйствія австро-германскаго союза распространяются и на обезпеченіе австрійскаго вліянія въ балканскихъ областяхъ и государствахъ, а „теперь"—говоритъ вѣнская *N. Fr. Presse*—какъ разъ въ то время когда Россія прилагаетъ всѣ усилія для того, чтобы вытѣснить австрійское вліяніе изъ Сербіи, *Сѣв.-Герм. Вс. Газ.* отдаетъ на произволъ всѣмъ и каждому занятыя австрійцами Боснію и Герцеговину и тѣмъ самымъ поощряетъ революціонные элементы, окружающіе эти области со всѣхъ сторонъ. Заключенъ ли былъ въ 1876 г. договоръ или нѣтъ, это имѣетъ нынѣ только историческій интересъ, но полномочіе полученное Австро-Венгріей отъ Берлинскаго конгресса, составляетъ часть международнаго европейскаго права, и таковою, казалось бы, должна была считать его наша союзница Германія". Со своей стороны, бельгійская газета *Le Nord*, всегда хорошо освѣдомленная о русскихъ дѣлахъ, выступая противъ заявленія *Сѣв.-Герм. Вс. Газ.*, будто бы неблагопріятные для Россіи результаты Берлинскаго конгресса, объясняются ошибками русскихъ дипломатовъ, находитъ, что отвѣтственность за эти результаты падаетъ преимущественно на князя Бисмарка, который вообще относился въ 1878 году къ Россіи далеко не доброжелательно; сверхъ того Россіи-де приходилось бороться вообще противъ всей европейской дипломатіи, находившейся въ то время подъ вліяніемъ шарлатанизма лорда Биконсфильда. Нерасположеніе же князя Бисмарка къ Россіи, по словамъ *Nord*, объясняется исключительно политикой Россіи, которая въ 1875 году не допустила Германію раздавить Францію. Вслѣдствіе-де этого, Россіи очень трудно было добиться чего либо въ Берлинѣ и даже къ представителямъ Сербіи, Румыніи, Черногоріи и Греціи германскій канцлеръ относился гораздо дружелюбнѣе, нежели къ русскимъ уполномоченнымъ. Статья *Nord* оканчивается словами: „Въ 1878 году князь Бисмаркъ упустилъ великолѣпный случай пріобрѣсти сочувствіе русскаго народа".

Наконецъ, С. С. Татищевъ, бывшій въ составѣ русскаго посольства въ Вѣнѣ и принимавшій личное участіе въ дѣлахъ которыхъ касается полемика *Сѣв. Герм. Вс. Газеты*, разъясняетъ въ *Моск. Вѣд.* все дѣло съ нашей русской точки зрѣнія: „Въ статьяхъ берлинскаго оффиціоза", пишетъ онъ, „равно какъ и въ комментаріяхъ къ нимъ его кельнскаго собрата, что ни слово, то ложь, что ни выводъ, то дерзкій обманъ, злонамѣренное искаженіе истины. Кому же, какъ не Бисмарку, принадлежитъ первая мысль о распространеніи сферы австрійской мощи на Востокѣ? Не онъ ли, тотчасъ послѣ разгрома 1866 г., уполномочилъ баварскаго дипломата графа Тауфкирхена предложить Вѣнскому двору содѣйствіе свое къ пріобрѣтенію „компенсацій" въ балканскихъ земляхъ за тѣсное сближеніе съ Германіей и возобновленіе съ нею прежнихъ союзническихъ отношеній? Любопытнѣе всего, что, обѣщая Австріи отстаивать противъ Россіи политику ея на Востокѣ, онъ въ то же время обнадеживалъ ее приступленіемъ самой Россіи къ союзу обѣихъ имперій. И приступленіе это—я едва не сказалъ преступленіе—взаправду совершилось въ Берлинѣ въ сентябрѣ 1872 г. Цѣлью тройственнаго соглашенія провозглашено было исключительно поддержаніе въ Европѣ мира и монархическаго порядка. Но смѣю увѣрить *Сѣв. Герм. Вс. Газету*, что ни тогда, ни въ послѣдующіе три, даже четыре года, ни изъ Берлина, ни изъ Вѣны намъ и не намекали на какія либо австрійскія вожделѣнія на Востокѣ."

Когда константинопольская конференція не удалась и явилась для Россіи перспектива войны съ Турціей, тогда Россія, по словамъ г. Татищева, дѣйствительно вошла въ переговоры съ Австро-Венгріей. „Я не нарушу ни долга присяги, ни профессіональной дипломатической скромности, пишетъ г. Татищевъ, если засвидѣтельствую, что состоявшееся въ началѣ 1877 года соглашеніе между Петербургомъ и Вѣной во многомъ и весьма существенномъ разнится отъ условій перечисленныхъ въ статьяхъ *Сѣв.-Герм. Вс. Газеты*. Если бы соглашенію этому было суждено достигнуть полнаго осуществленія, то можно смѣло ручаться, что Балканскій полуостровъ не представлялъ бы нынѣ печальнаго зрѣлища кровавыхъ смутъ, раздора и подчиненія чужеземнымъ и иновѣрнымъ вліяніямъ, а значеніе Россіи посреди его населеній на-вѣки утвердилось бы на основаніяхъ широкихъ и незыблемыхъ. Какъ бы то ни было, но это, *состоявшееся безъ соучастія и вѣдома Германіи*, австро-русское соглашеніе быть можетъ именно потому и не было никогда приведено въ исполненіе. Вскорѣ послѣ свиданія князя Бисмарка съ графомъ Андраши, происходившаго въ Зальцбургѣ въ сентябрѣ 1877 г., тотчасъ послѣ нашихъ неудачъ подъ Плевной, Вѣнскій дворъ началъ обнаруживать стремленіе освободиться отъ принятыхъ на себя предъ нами обязательствъ, а по подписаніи предварительныхъ условій нашего мира съ Турціей и вовсе отрекся отъ нихъ. Въ промежутокъ времени между Санъ-Стефанскимъ договоромъ и собраніемъ конгресса въ Берлинѣ, возобновились переговоры Петербурга съ Вѣной, но привели они лишь къ отрицательному результату. Уѣзжая на конгрессъ, графъ Андраши ограничился тѣмъ, что выразилъ нашему послу сожалѣніе, что между нимъ и нами не успѣло состояться „предварительное соглашеніе".

Князь Бисмаркъ, по словамъ г. Татищева, ничего не сдѣлалъ для улаженія австро-русскихъ несогласій: „На просьбы наши повліять въ примирительномъ смыслѣ на вѣнскій дворъ, онъ насмѣшливо отвѣчалъ послу нашему въ Берлинѣ: „„Отчего бы вамъ не дать зарваться Австріи, если уже ей этого такъ хочется, въ западной части Балканскаго полуострова"". Извѣстенъ дальнѣйшій способъ исполненія имъ на конгрессѣ обязанностей „„честнаго маклера"". Чтобъ ясно увидать, въ чью пользу обратилось его посредничество, достаточно и гласныхъ постановленій Берлинскаго трактата, не говоря уже о тайныхъ протоколахъ, служащихъ ему дополненіемъ. Такъ ли поступила Россія относительно Пруссіи въ 1864 г., въ 1866, въ 1870—71 г.?" Статья г. Татищева оканчивается предостереженіемъ: „Опасность еще не миновала. Статьи *Сѣверо-Германской Всеобщей Газеты*, послужившія исходною точкой нашихъ разъясненій, доказываютъ, что сосѣди наши не скоро примирятся съ положеніемъ, созданнымъ Россіей ея уклоненіемъ отъ стѣснительныхъ связей. Быть можетъ, намъ снова станутъ указывать на возобновленіе расторгнутаго союза какъ на единственное средство обезпечить миръ Европы. Но тогда, наученные опытомъ, мы въ правѣ будемъ назойливымъ искателямъ дружбы и единенія съ нами отвѣтить словами величайшаго изъ ораторовъ древняго Рима: Pacem nolo, quia infida!" Что касается статьи графа Андраши въ *Пештскомъ Ллойдѣ*, то *Моск. Вѣд.* считаютъ ее простымъ привѣскомъ къ статьямъ бисмарковскаго оффиціоза „для вящшаго одураченія русскаго общественнаго мнѣнія". Соумышленникъ Бисмарка въ 1877—1878 гг. и теперь старается-де помочь ему.

Сербскій министерскій кризисъ затягивается. По свѣдѣніямъ *Полит. Корресп.* изъ Бѣлграда, извѣстіе будто король Миланъ поручилъ составленіе новаго кабинета Ристичу ни на чемъ не основано: въ теченіе кризиса Ристичъ даже не былъ ни разу приглашенъ во дворецъ. Отъѣздъ королевы Наталіи съ наслѣднымъ принцемъ въ Крымъ,—дѣло рѣшеное, она отправится 30 апрѣля (12 мая) подъ именемъ графини Таковой въ Ялту, проведетъ тамъ недѣль шесть-семь и затѣмъ будетъ продолжать курсъ леченія на сербскихъ минеральныхъ водахъ въ Аранделовацѣ.

Что касается положенія болгарскихъ дѣлъ, то въ оффиціальной газетѣ болгарскаго регентства пишутъ, отъ 26-го апрѣля: „Слѣдуетъ признаться, что народныя силы истощены, что страна дѣйствительно утомлена и что невозможно заключить заемъ, который далъ бы регентству возможность выдерживать борьбу". Этотъ минорный тонъ объясняется тѣмъ, что кассы регентства пусты, а въ Тырновѣ, по слухамъ, готовится что-то въ родѣ серіознаго возстанія. Телеграфъ отъ 29 апрѣля принесъ извѣстіе, что въ самомъ непродолжительномъ времени будутъ произведены выборы въ малое народное собраніе.

Разныя извѣстія.

Военное и морское дѣло.

— Изъ отчета о строевыхъ лошадяхъ гвардейской и армейской кавалеріи видно, что къ 1-му ноября 1886 г. состояло въ частяхъ дѣйствующей и запасной кавалеріи строевыхъ лошадей — 52.792 и казенно-офицерскихъ—1.530, а всего 54.322.

— Строившійся во Франціи на Луарской верфи и спущенный на-дняхъ крейсеръ *Адмиралъ Корниловъ* имѣетъ слѣдующія измѣренія: длина 350 футъ и ширина 48½ футовъ. Машины крейсера свыше 8.200 индикаторныхъ силъ. Контрактная скорость 19 узловъ. По словамъ французскихъ газетъ, спускъ *Адмирала Корнилова* происходилъ при чрезвычайно торжественной обстановкѣ.

— Въ Кронштадтѣ, 24 апрѣля, на большомъ рейдѣ, близь батареи Константинъ, потерпѣло крушеніе итальянское судно *Navigatore*, шедшее въ Кронштадтъ изъ Чарлстоуна, съ грузомъ хлопка. 27 апрѣля спасательный пароходъ *Удача* началъ отгрузку хлопка съ *Navigatore*. Въ тотъ же день отведенъ и установленъ на своемъ мѣстѣ лондонскій плавучій маякъ. Снятъ ставшій на лондонской отмели норвежскій бригъ *Мьольнеръ*.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Кораблестроеніе и торговое мореходство среди эсто-латышскаго крестьянскаго населенія прибалтійскихъ губерній, развиваясь съ каждымъ годомъ, приняло за послѣднее время весьма крупные размѣры. На Перновскомъ взморьѣ, въ теченіе минувшей зимы, мѣстными крестьянами построены двѣ трехмачтовыя шкуны дальняго океанскаго плаванія. Кромѣ того, продолжается постройка двухъ меньшихъ судовъ, а съ будущей осени приступятъ къ постройкѣ еще одного большого корабля дальняго плаванія. Строители готовыхъ уже судовъ—эстонцы съ острова Эзеля, откуда берется и необходимый для построекъ корабельный дубовый лѣсъ. Въ Курляндіи, на Виндавѣ, мѣстными крестьянами-латышами нынѣ построена красивая трехмачтовая шкуна *Поллуксъ*, поднимающая не менѣе 700 тоннъ груза. Наконецъ, латышское мореходное общество *Аустра* нынѣ окончило постройку своего девятаго судна дальняго океанскаго плаванія. Это судно строилось на Рижскомъ взморьѣ, на рѣкѣ Болдеръ-Аа. Каждое изъ вышеприведенныхъ судовъ обошлось около 30,000 руб.

— Одно изъ старѣйшихъ обществъ въ Мо-

скве—Россійское общество любителей садоводства, состоящее подъ Августѣйшимъ покровительствомъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, 12 іюля текущаго года предполагаетъ праздновать пятидесятилѣтіе школы садоводства, основанной обществомъ въ 1837 г., и со времени своего основанія, находящейся на землѣ дачи Студенецъ.

— Съ 21 апрѣля, въ варшавскомъ музеѣ пчеловодства начались практическія лѣтнія занятія, которыя будутъ продолжаться безпрерывно въ теченіе всего лѣта; занятія распредѣлены слѣдующимъ образомъ: по воскресеньямъ, средамъ и пятницамъ будетъ преподаваться пчеловодство, по вторникамъ, четвергамъ и субботамъ—садоводство, а по понедѣльникамъ—шелководство.

Торговля.

— Настроеніе международной хлѣбной торговли на недѣлѣ 12—18 апрѣля (ст. ст.) отличалось повсемѣстно большою твердостью, при усилившихся оборотахъ и устойчивыхъ цѣнахъ. Главнымъ поводомъ къ этому улучшенію, первые признаки котораго замѣчались уже ранѣе, послужилъ, по словамъ *Вѣстн. Финанс., Промышл. и Торговли*, дѣятельно выступившій въ послѣднее время спросъ, преимущественно для потребленія. Это благопріятное для хлѣботорговаго дѣла условіе было поддержано еще извѣстіями о сокращеніи въ текущемъ году посѣвовъ пшеницы въ Америкѣ и Остъ-Индіи и о крупномъ уменьшеніи видимаго запаса въ Америкѣ. На русскихъ рынкахъ настроеніе твердое и цѣны въ повышеніи, хотя особаго развитія оборотовъ не видно.

— Изъ Харькова, отъ 25 апрѣля сообщаютъ, что на проводской ярмаркѣ торгуютъ удовлетворительно бумажными мануфактурными товарами. Суконный товаръ идетъ слабо. Платежи поступаютъ исправно. Ярмарка вообще денежная.

— Пріостановившійся было вывозъ сахара изъ Баку въ Персію возобновился. Повѣренный Александровскаго товарищества отправилъ партію рафинаду и песку 1 сорта 13,786 п. другими лицами отправлено до 6000 пудовъ.

Народное просвѣщеніе.

— Въ Самаркандѣ открыты курсы туземнаго языка для служащихъ. Это серьезное и въ высшей степени полезное дѣло поручено г. Калю, окончившему курсъ въ СПБ. университетѣ по факультету восточныхъ языковъ.

— 15 марта, въ Ташкентѣ открыта первая въ Туркестанскомъ краѣ церковно-приходская школа.

— Студентъ II курса казанскаго ветеринарнаго института Владиміръ Никольскій, за нанесеніе оскорбленія дѣйствіемъ одному изъ профессоровъ сего института, отданъ на исправленіе въ одинъ изъ дисциплинарныхъ батальоновъ военнаго вѣдомства, срокомъ на два года.

Театръ и музыка.

— 25 апрѣля, въ Москвѣ, въ большой залѣ россійскаго благороднаго собранія, праздновалось двадцатипятилѣтіе артистической дѣятельности народнаго пѣвца Д. А. Агренева-Славянскаго.

— Сенъ-Сансъ далъ въ Москвѣ два концерта. Успѣхъ его былъ очень большой.

— Г. Лентовскому удалось пригласить на нѣсколько гастролей на сцену своего театра *Антей* г-жу Дель-Эра, для которой балетмейстеромъ приглашенъ г. Ганзенъ.

Литература и наука.

— Министръ внутреннихъ дѣлъ опредѣлилъ: пріостановить изданіе *Сибирской газеты* на восемь мѣсяцевъ.

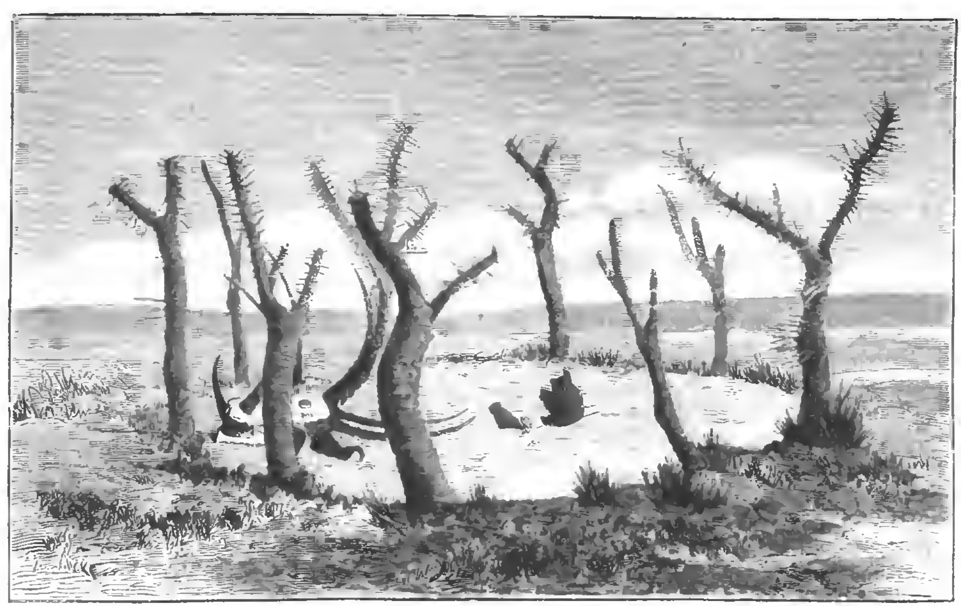
— 21 апрѣля, въ засѣданіи Имп. общества любителей древней письменности, Е. Ф. Шмурло сдѣлалъ сообщеніе о литературно-научныхъ работахъ Кіевскаго митрополита Евгенія въ періодъ 1789 — 1800 гг., останавливаясь преимущественно на его неизданныхъ трудахъ.

— По почину Имп. русскаго географическаго общества, рѣшено устроить нѣсколько метеорологическихъ станцій въ мѣстечкѣ Коростышевѣ, Кіевской губерніи, Радомысльскаго уѣзда, и его окрестностяхъ.

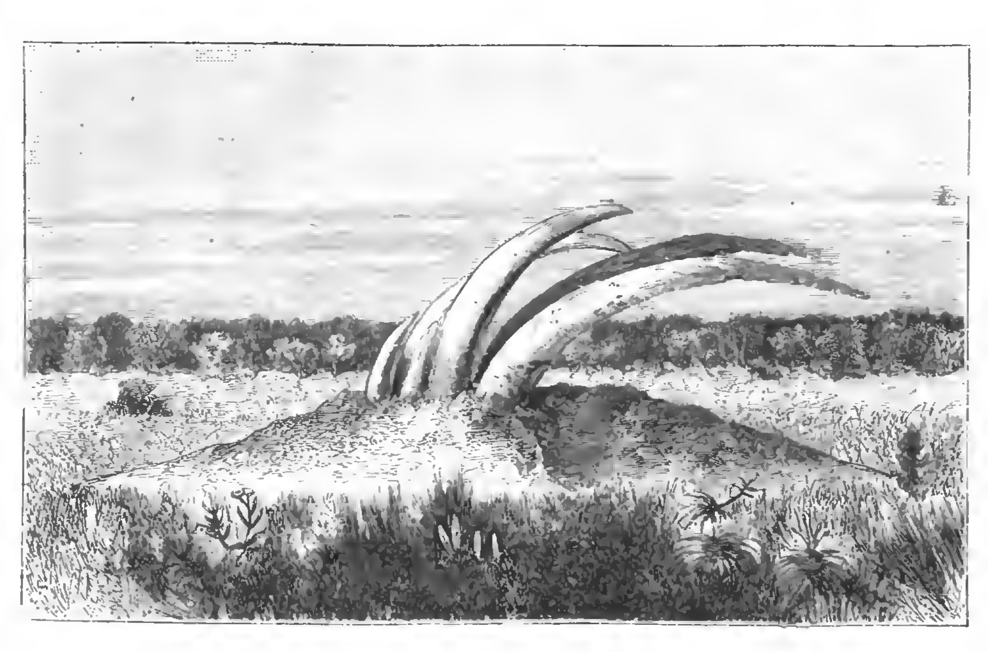
— Графиня П. С. Уварова увѣдомила Имп. академію наукъ: 1) что, съ согласія всѣхъ наслѣдниковъ графа А. С.

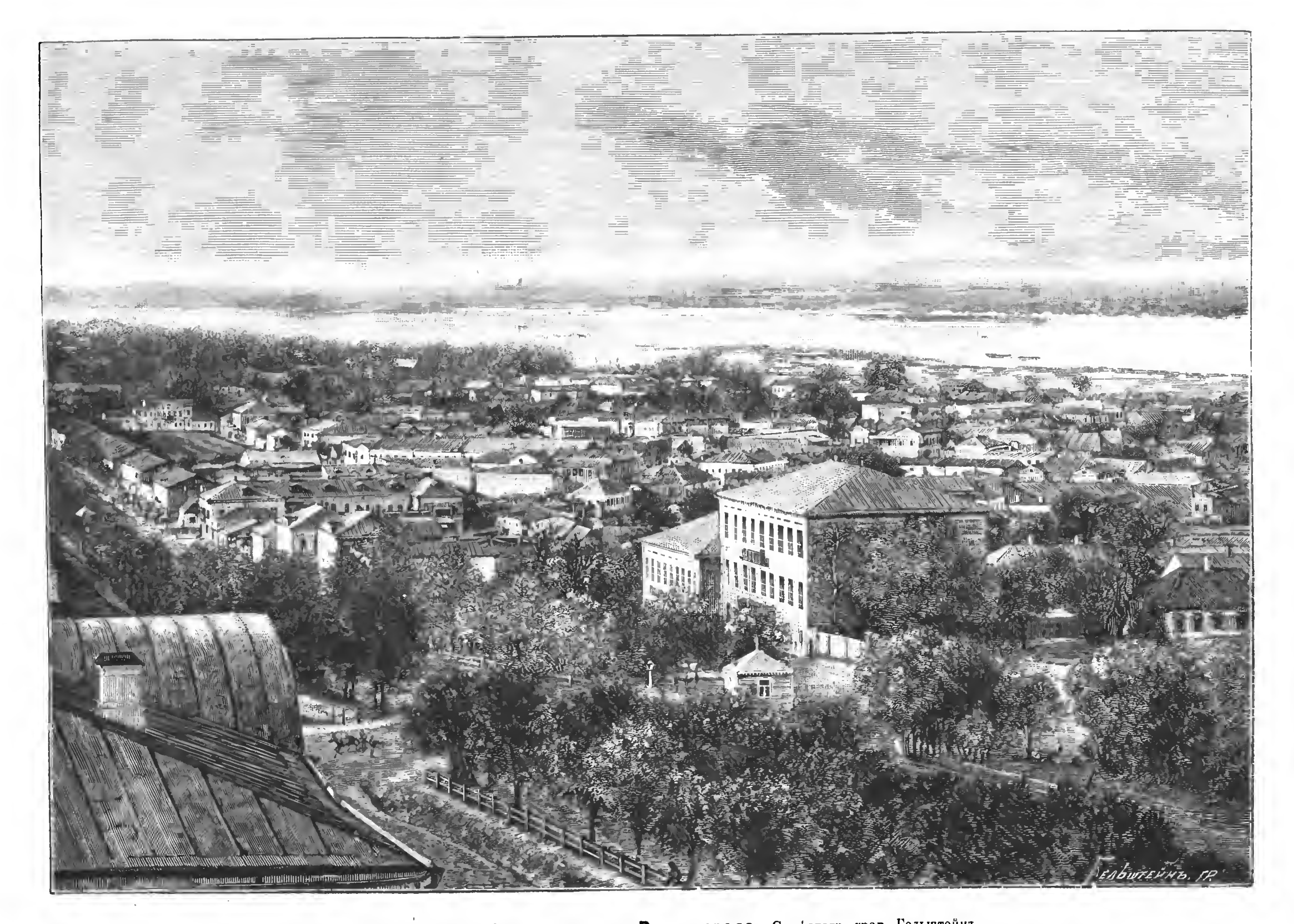
Путешественникъ докторъ Голубъ. Съ фотогр. грав. Шюблеръ.

По Африкѣ. Могила дикаря изъ племени Мазупіевъ. По рис. д-ра Голуба, грав. Шюблеръ.

По Африкѣ. Могила вождя Мазупіевъ. По рис. д-ра Голуба, грав. Шюблеръ.

Столѣтній юбилей Екатеринослава. Видъ города. Съ фотогр. грав. Гельштейнъ.

Уварова, взносы въ академію на выдачу уваровскихъ наградъ — будутъ снова производиться на прежнемъ основаніи, начиная съ 25-го сентября 1887 года; 2) что объ измѣненіяхъ въ положеніи объ этихъ наградахъ будетъ сообщено академіи, какъ только эти измѣненія будутъ разработаны, и 3) что впредь до того соисканіе помянутыхъ наградъ должно производиться на основаніи нынѣ существующихъ правилъ.

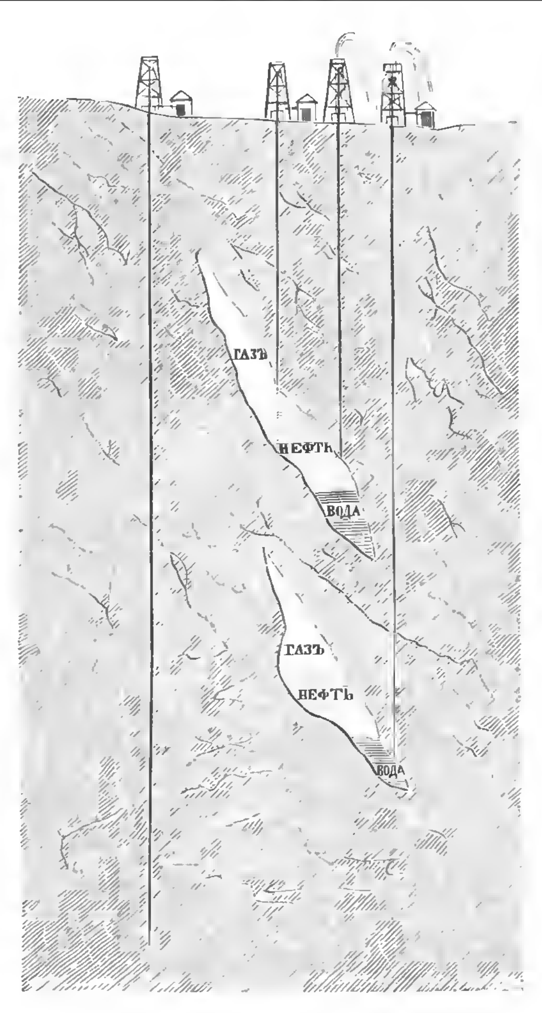
Спортъ.

— Дирекція скакового общества въ Варшавѣ получила разрѣшеніе устраивать ежегодно выставки спорта, коннозаводства и птицеводства, впредь по 1893 годъ включительно.

— Лѣтомъ текущаго года открывается рѣчной Яхтъ-клубъ въ Кіевѣ. Во главѣ этого дѣла стоятъ: управляющій обществомъ пароходства по Днѣпру А. Ф. Лишневскій, проф. А. Х. Ринекъ, директоръ газоваго завода Н. С. Соханскій, графъ Коновницынъ и др.

Некрологъ.

— 18 апрѣля скончался генералъ-отъ-инфантеріи, членъ военнаго совѣта Владиміръ Николаевичъ Назимовъ. Покойный прослужилъ по военному вѣдомству болѣе 60 лѣтъ, участвовалъ во многихъ военныхъ дѣйствіяхъ и занималъ высокія мѣста по военной администраціи.

Добываніе нефти. Развѣдки нефтяныхъ колодцевъ и резервуаровъ. Грав. Флюгель.

Смѣсь.

Самый большой брилліантъ. Самый большой въ мірѣ брилліантъ принадлежитъ въ настоящее время цеху ювелировъ въ Лондонѣ. Камень этотъ былъ найденъ въ южной Африкѣ и до своей шлифовки вѣсилъ четыреста каратовъ. Одинъ изъ осколковъ означеннаго брилліанта, отломившійся при его обработкѣ и вѣсящій 19 каратовъ, пріобрѣтенъ португальскимъ королемъ за 200 тысячъ франковъ. (м.)

Городъ шарманщиковъ. Когда-то оглашавшія своими заунывными звуками улицы нашей столицы, въ особенности же дачныя мѣста, шарманки, окончательно вывелись изъ употребленія. Гонимые изъ Россіи, музыкальные ящики эти нашли радушный пріютъ во многихъ городахъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Въ особенности отличается этимъ Нью-Іоркъ, гдѣ общество шарманщиковъ, состоящее уже изъ 890 членовъ, составляетъ отдѣльную корпорацію и организовано на подобіе промышленнаго предпріятія. Весь городъ разбитъ на мелкіе участки, въ которыхъ дѣйствуютъ отдѣльные шарманщики, причемъ, въ случаѣ смерти одного изъ нихъ или возвращенія на родину въ Италію, участокъ его продается съ торговъ и вырученныя отъ продажи деньги идутъ на пополненіе фонда общества. Замѣчательно также то обстоятельство, что шарманщики стараются приноровиться ко вкусамъ обывателей своего околотка, такъ въ центрѣ города играются классическія произведенія и оперныя аріи, а на окраинахъ болѣе легкія и популярныя вещи. Каждый шарманщикъ заработываетъ ежедневно отъ 3—4 долларовъ. (м.)

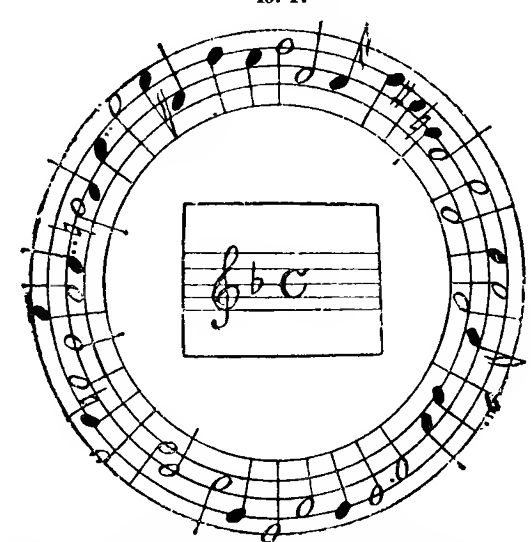
Часы феноменъ. Однимъ изъ часовщиковъ въ Шварцвальдѣ сдѣланы недавно замѣчательные часы, далеко оставляющіе за собой по оригинальности конструкціи все появлявшееся до сихъ поръ въ этомъ родѣ. Часы эти имѣютъ 3½ арш. вышины и 2¼ ширины. Кромѣ секундъ, минутъ и четвертей часа, они показываютъ дни, недѣли, мѣсяцы, времена года, обыкновенные и високосные года до 99999 года христіанской эры, а также фазы луны и главнѣйшія астрономическія явленія. Множество окружающихъ циферблатъ самодвижущихся фигуръ изображаютъ человѣческую жизнь, исторію религіи и древней миѳологіи. Шестьдесятъ статуэтокъ обозначаютъ 60 минутъ часа, а смерть изображена въ видѣ пляшущаго скелета, какъ на картинѣ извѣстнаго нѣмецкаго художника Гольбейна „Пляска смерти“. Кромѣ того, отдѣльныя фигуры обозначаютъ 7 возрастовъ человѣческой жизни, 12 апостоловъ и 12 знаковъ зодіака. Ночью, каждый часъ, изъ циферблата выскакиваетъ музыкантъ и трубитъ часы, днемъ же это исполняетъ автоматическій пѣтухъ. Эмальированныя подвижныя картины изображаютъ 7 дней творенія міра. Нѣсколько разъ въ сутки маленькая фигура, изображающая пономаря, звонитъ въ колокола. (м.)

Стрѣляющія и борющіяся рыбы. Знатные сіамцы держатъ въ своихъ прудахъ самые разнообразные виды рыбъ, изъ которыхъ самыя замѣчательныя хельмоны или стрѣляющія рыбы. Онѣ обладаютъ способностью овладѣвать добычею, выбрасывая на нее ртомъ каплю воды. Ихъ кормятъ сажая муравьевъ на растенія въ прудѣ. Рыбы выходятъ на поверхность, съ поразительною вѣрностью брызжутъ каплю изо рта на насѣкомое и ловятъ застрѣленное такимъ образомъ насѣкомое въ ту минуту, когда оно падаетъ въ воду. Другая замѣчательная рыба, доставляющая сіамцамъ много развлеченія, это рыба-борецъ. Двѣ спущенныя такія рыбы немедленно устремляются другъ на друга съ поднятыми плавниками. Во время борьбы онѣ постоянно мѣняютъ цвѣта и отъ сѣраго доходятъ до краснаго и голубого. Для возбужденія желанія побороться нѣтъ даже надобности спускать рыбъ вмѣстѣ. Достаточно придвинуть близко стеклянныя банки, въ которыхъ онѣ находятся. Если подносить зеркало къ банкѣ, рыба также начинаетъ сердиться, увидя свое изображеніе, отъ безуспѣшности своихъ нападокъ приходитъ все въ большее раздраженіе и начинаетъ сверкать прекрасными цвѣтами, желая превзойти окраскою свою мнимую соперницу.

Счастливый игрокъ. Наканунѣ землетрясенія, живущій теперь на югѣ Франціи наслѣдникъ англійскаго престола, пріѣхалъ въ Монако и шутя попыталъ свое счастье въ Trente et quarante. Успѣхъ оказался такой, что принцъ рѣшилъ выигранную сумму поставить въ рулетку, но и тутъ счастіе ему благопріятствовало и вскорѣ онъ выигралъ 6000 фунтовъ стерлинговъ (60,000 р.). Въ прошломъ году, когда принцъ гостилъ у графа Тасилона Фестикса, онъ также былъ счастливъ въ игрѣ. Будущій правитель Англіи выигралъ въ клубѣ въ одну ночь четверть милліона гульденовъ и объявилъ своему партнеру, что послѣ возвращенія съ охоты дастъ ему отыграться. По появившись чрезъ двѣ недѣли въ клубѣ, онъ снова выигралъ 80,000 гульденовъ.

Музыкальная задача № 33.

Ю. Г.

Отъ одного изъ помѣщенныхъ въ этомъ кругѣ До требуется отсчитывать по равному числу нотъ и выписывать послѣднюю изъ нихъ, считая слѣва направо, до тѣхъ поръ, пока весь кругъ окончательно не будетъ высчитанъ. Первое До составляетъ начало, и счетъ начинается со слѣдующей ноты. Отсчитанныя ноты выписываются по порядку и составляютъ извѣстную мелодію. Какъ называется эта мелодія, черезъ сколько нотъ высчитывается и какимъ До начинается?

NB. Разъ считанная нота впослѣдствіи уже не считается.

Алгебраическая задача № 34.

Если замѣнить буквы фамиліи одного композитора по порядку числами, обозначающими мѣста буквъ въ азбукѣ, то получится, что:

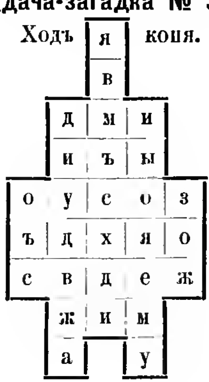
1) Половина второго числа на 2 больше перваго.

2) Разность между четвертымъ и вторымъ числами вдвое больше послѣдняго числа.

3) Шестая часть второго числа равна седьмой части четвертаго числа.
4) Сумма третьяго и послѣдняго чиселъ на 1 меньше пятаго числа.
5) Сумма послѣдняго и второго чиселъ на 1 меньше четвертаго числа.
6) Разность между четвертымъ и первымъ числами на 1 больше третьяго числа.

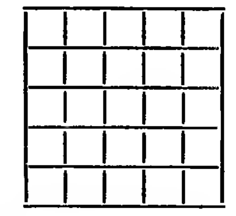
Задача-загадка № 35.

Ходъ коня.

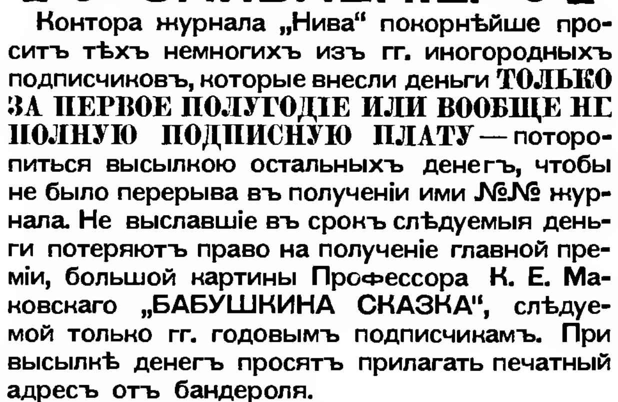
Задача № 36.

Слѣдующая фигура, составленная изъ 60 палочекъ, вмѣщаетъ въ себѣ 25 квадратовъ. Требуется отнять 36 палочекъ такъ, чтобы осталось всего 2 квадрата.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги **ТОЛЬКО ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ ИЛИ ВООБЩЕ НЕ ПОЛНУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** — поторопиться высылкою остальныхъ денегъ, чтобы не было перерыва въ полученіи ими №№ журнала. Не выславшіе въ срокъ слѣдуемыя деньги потеряютъ право на полученіе главной преміи, большой картины Профессора К. Е. Маковскаго „БАБУШКИНА СКАЗКА“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ ДОМА и на ДАЧѢ

РЕКОМЕНДУЮ

патентованный

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

На немъ можно играть посредствомъ верченія ручкой, какъ на шарманкѣ, весьма много различныхъ пьесъ. Аристонъ-органъ отличается отъ другихъ аристоновъ болѣе пріятнымъ тономъ (строй его ниже) и изящной отдѣлкой.

Цѣна аристона-органъ съ 10-ю пьесами **28 руб.**, добавочныя пьесы по **60 коп.** за каждую. На пересылку аристонв-органъ прошу приложить за 45 фунтовъ.

Каталогъ пьесъ безплатно.

Аристоны-органы, не имѣющіе клейма моей фирмы—не настоящіе патентованные. Нотные листы продаются у меня также только настоящіе патентованные.

Кромѣ того новѣйшій сортъ

ГЕРОФОНА

съ приспособленіемъ для FORTE и PIANO, мягкаго тона, очень красивой отдѣлки. Цѣна герофону такой конструкціи съ 10-ю пьесами **35 руб.**, добавочныя пьесы по **60 коп.** На пересылку прошу приложить за 50 фунт. Каталогъ пьесъ для герофона—безплатно.

2—1 № 2574

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ и НОТЪ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, д. 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

Другихъ магазиновъ не имѣю.

Продолжается подписка на

ВѢСТНИКЪ ТИРАЖЕЙ

журналъ необходимый каждому капиталисту, казначейству, общественному Банку, общественному учрежденію, обладающему какими бы то ни было цѣнностями, какъ помѣщающій тиражи всѣхъ % бумагъ.—Каждый новый подписчикъ получаетъ всѣ уже вышедшіе номера.

Цѣна за годъ . . **5 р.**

для иногородныхъ 6 р., съ доставкою и пересылкою.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ Банкирскомъ домѣ Генрихъ Блоккъ, Невскій, 86, С.-Петербургъ.

№ 2504 6—5

НАТУРАЛЬНАЯ УГЛЕКИСЛАЯ МИНЕРАЛЬНАЯ ВОДА

МАТТОНИ ГИСГЮБЛЕРЪ

ЧИСТЫЙ ЩЕЛОЧНОКИСЛЫЙ ИСТОЧНИКЪ

ВЕСЬМА ОСВѢЖИТЕЛЬНЫЙ и ЗДОРОВЫЙ

СТОЛОВЫЙ=НАПИТОКЪ

ИСПЫТАННЫЙ ДЛЯ ГОРЛОВЫХЪ и БРЮШНЫХЪ—БОЛѢЗНЕЙ.

6,000000 (МИЛЛІОН) БУТЫЛ. ГОДОВОЙ ВЫВОЗЪ.

НАИЛУЧШІЙ УСОВЕРШ. ВѢТРЯНОЙ

ДВИГАТЕЛЬ „ЭКЛИПСЪ“

для водоснабженія дачъ, имѣній, желѣзно-дор. ст. и орошен.

Прейсъ-куранты высылаются безплатно.

Ж. БЛОКЪ.

СПб. В. Морская, 21.
Москва. Кузнецкій мостъ, д. Голицына.

Р. № 2578 9—1

М. № 2587 7—1

Hôtel du Nord, Dresde

NOUVELLEMENT OUVERT

Rue Mosczinsky, au coin de la Pragerstr. pres de la gare centrale.

Chambres depuis 2 Mark (bougies et service inclus), d'après tarif. Pension depuis 5 Mark.

Tous les pourboires sont supprimés.

Bon restaurant. Jardin.

P. № 2548 5—2 **L. NAHKE**, propriétaire.

ВЫШЛА ВЪ СВѢТЪ **ПЕРВАЯ ТЕТРАДЬ**

МЫСЛИ И ЗАМѢТКИ ПОЖИЛАГО САТИРА.

ИЗДАНІЕ ВЫХОДИТЪ ТЕТРАДЯМИ

(въ каждой не менѣе **32-хъ** страницъ и **15-ти** рисунковъ-каррикатуръ).

О ВЫХОДѢ ВЪ СВѢТЪ КАЖДОЙ ТЕТРАДИ ПУБЛИКУЕТСЯ ВЪ ГАЗЕТАХЪ.

Цѣна за тетрадь **30 к.** За пересылку прилагается **7**-копѣечная марка на экземпляръ. При выпискѣ болѣе 10 экземпляровъ за пересылку не взимается.

Изданіе продается въ Конторѣ Н. Печковской (Москва, Петровскія линіи) и во всѣхъ лучшихъ магазинахъ столичныхъ и провинціальныхъ.

ГЛАВНЫЙ СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ—въ Москвѣ: Никольская, домъ брат. Чижовыхъ, въ магазинѣ И. Н. Кушнерева и Ко. Тутъ же принимаются и объявленія.

Плата за объявленія 25 коп. за строчку петита въ одну колонку.

ИНОГОРОДНЫЕ АДРЕСУЮТЪ СВОИ ТРЕБОВАНІЯ и ТЕЛЕГРАММЫ:

Москва, Типографія И. Н. Кушнерева и Ко.—**Телефонъ № 261.**

Книгопродавцамъ дѣлается уступка. П. № 2581

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

РЕКОМЕНДУЮТСЯ ВЪ ОСОБЕННОСТИ НИЖЕСЛѢДУЮЩІЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ:

МЫЛО ГЛИЦЕРИНОВОЕ и МЫЛО ПРОЗРАЧНОЕ

МЫЛО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 45 к.

Миндальное. — Ирисовое. — Сюкъ де Летю. — Крымская фіалка.

МЫЛО САМАГО ВЫСШАГО КАЧЕСТВА по 65 к.

Шипръ.	Эссъ Буке.	Кадзура.
Швшивка.	Иксора.	Жокей Клубъ.
Геліотропъ.	Буке Императрисъ.	

МЫЛА АНТИ-ЭПИДЕМИЧЕСКІЯ

приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ:

Въ С.-Петербургѣ: 1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уг. Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54.
(Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ“.

Pt. № 2577

КЪ НАСТУПАЮЩЕМУ СЕЗОНУ

рекомендуемъ большой выборъ

ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ И ДѢТСКОЙ ОБУВИ

всевозможныхъ сортовъ и размѣровъ какъ и

САМЫХЪ НОВЫХЪ ФАСОНОВЪ.

Продажа по выставленному фабричному прейсъ-куранту въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Невскій пр. № 54, пр. Алекс. театра.
Невскій пр., № 5, бл. Адмиралт. пл.
Невскій пр., № 110, бл. Знаменск. пл.

ВЪ МОСКВѢ:
Петровка, против. Кузнецкаго моста.

Прейсъ-куранты вмѣстѣ съ подробнымъ руководствомъ къ сниманію мѣрки высылаются магазинами по востребованію—безплатно. № 2543 (1)

ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ

ТОВАРИЩ. С.-ПЕТЕРБУРГСК. МЕХАНИЧЕСК. ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

ПАРОВАЯ ФАБРИКА

В. П. ФРАНКЕ,

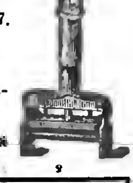
М. № 2334 **МОСКВА.** 10—5

Контора: Маросейка, д. Кайсарова.

Краски, **Лаки**, **Олифы** — для маляровъ, художниковъ, типо-литографій.

АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ **ТОЛЬ И ЛАКЪ.**

ФАБРИКИ ШТЕМПЕЛЕЙ Г. М. ЛЕВИНСОНА.

Одесса, Ришельевская, 17.

Москва, Тверская, 26.

Каталоги безплатны.

Агенты приглашаются.

Только съ этою фабрич. маркою подлинно

Huste-Nicht

Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ“.

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2088 36—33

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Ауриха Стремянная, № 4.

Можно получить въ **Москвѣ**: у Карла Ив. Феррейнъ; Роб. Кёлеръ и Ко.; Н. Мартейсенъ; Эмиль Керстанъ; А. Брунсъ; Л. Борхардтъ; Штокманъ и Леманъ; Оскаръ Гетлингъ; Лютеръ и Гиршфельдъ; В. К. Бесбардисъ, Петръ Р. Эманъ и Ко; въ **Новочеркаскѣ**: въ антек. маг. Ф. Фертига и А. Часовникова; въ **Вильнѣ**: въ аптек. маг. Н. В. Сегаль; Ц. Хроницкаго; Н. Груженскаго и Андржейковича; въ **Воронежѣ**: въ аптек. маг. Л. Мюфке; въ **Астрахани**: въ аптек. маг. А. Керна и въ апт. Ясецкаго; въ **Керчѣ** въ аптек. маг. К. Гана.

№ 4711 О-де-Колонъ

зеленый съ золотомъ ярлыкъ, самое лучшее производство этого рода.

№ 4711 СОСНОВЫЕ ДУХИ

превосходное средство для очищенія комнатнаго воздуха; для комнатъ больныхъ.

Р. № 2584 2—1

№ 4711 ХРУСТАЛЬНОЕ МЫЛО

съ запахомъ: розы, ландыша, резеды и О-де-колонъ, съ ручательствомъ за богатое содержаніе глицерина; превосходитъ всѣ товары конкурренціи. Постоянно возрастающій спросъ на эти издѣлія служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ превосходнаго качества.

Гл. складъ: Ал. Тисъ и Ко, Пушкинская, 4, СПБ. Продажа въ большинствѣ значит. парфюм. и аптекарск. магаз. въ Россіи.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 16 мая 1887 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Г. П. Данилевскій.

На-дняхъ поступили въ продажу сочиненія Григорія Петровича Данилевскаго, въ новомъ (пятомъ) дополненномъ изданіи М. М. Стасюлевича, украшенномъ портретомъ автора со стали Брокгауза въ Лейпцигѣ. Шесть большихъ томовъ (около 500 стр. каждый), стоющихъ всего 8 руб., заключаютъ: I и II—романы историческіе; III, IV и V—романы бытовые, и VI — переводъ двухъ драмъ Шекспира и отрывки изслѣдованій объ украинской старинѣ.

Заимствуемъ нѣсколько словъ изъ предисловія къ этому изданію, написаннаго самимъ авторомъ и характеризующаго литературную дѣятельность нашего заслуженнаго и любимаго читающею публикой беллетриста.

Освободительная пора пятидесятыхъ годовъ дала автору возможность посвятить свои первые романы разсказамъ о судьбѣ русскихъ крѣпостныхъ людей. Первый бытовой романъ „Бѣглые въ Новороссіи“ начатъ былъ за два года до освобожденія

Г. П. Данилевскій. Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

крестьянъ и оконченъ во время работъ автора въ качествѣ депутата въ одномъ изъ южно-русскихъ губернскихъ комитетовъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Это картины нынѣ уже далекаго прошлаго, эпохи предшествовавшей реформѣ, исторія заселенія новыхъ мѣстъ пришельцами непомнящими родства и лѣтопись тѣхъ затрудненій, съ какими приходилось бороться переселенцамъ. Второй романъ „Воля“ („Бѣглые воротились“) посвященъ періоду, непосредственно слѣдовавшему за отмѣной крѣпостнаго права: третій и четвертый „Новыя мѣста“ и „Девятый валъ“—картинамъ послѣ-реформеннаго, вновь строившагося, провинціальнаго общества.

Изображенные авторомъ типы бѣглыхъ крестьянъ срисованы съ дѣйствительности. Во время его командировокъ, для „Морского Сборника“ къ Донскимъ гирламъ и къ Азовскому морю, ему удалось не только видѣть, но и наблюдать такихъ людей, подолгу живя съ ними. Ихъ и другихъ

героевъ бытового романа авторъ наблюдалъ въ жизни съ тѣмъ же вниманіемъ, какъ изучалъ въ историческихъ документахъ и преданіяхъ прошлаго вѣка внутреннія черты историческихъ характеровъ Мировича, Разумовскихъ, Орловыхъ, Потемкина, Перовскаго и др.

Помѣщенные въ послѣднемъ томѣ этого изданія переводы двухъ драмъ Шекспира—„Ричардъ III" и „Цимбеллинъ" вновь просмотрѣны и исправлены авторомъ. Здѣсь же помѣщены отрывки изъ изданія „Украинская старина" и не бывшіе въ четвертомъ изданіи сочиненій автора. романъ „Сожженная Москва", „Поѣздка въ Ясную Поляну", „Воспоминанія о Гоголѣ" и др.

Г. П. Данилевскій родился 14 апрѣля 1829 года въ селѣ Даниловкѣ, Изюмскаго уѣзда, Харьковской губерніи, воспитывался въ Московскомъ дворянскомъ институтѣ, бывшемъ университетскомъ пансіонѣ, а затѣмъ въ 1850 году окончилъ курсъ въ СПБ. университетѣ со степенью кандидата по камеральному отдѣленію юридическаго факультета. Еще будучи студентомъ, въ 1848 году онъ получилъ серебряную медаль за сочиненіе (на конкурсѣ отъ филологическаго факультета) „о Пушкинѣ и Крыловѣ". Съ 1850 по 1857 годъ, служа въ Министерствѣ народнаго просвѣщенія чиновникомъ особыхъ порученій, Г. П. посѣтилъ Финляндію, Крымъ, работалъ въ архивахъ монастырей въ Малороссіи и наконецъ былъ командированъ на югъ Россіи съ цѣлью описанія прибрежьевъ Азовскаго моря, Дона и Днѣпра. Всѣ эти поѣздки, какъ и послѣдовавшія за ними по выходѣ въ отставку въ 1857 году путешествія за границу, въ Привислинскія губерніи, сѣверо- и юго-западные края Россіи, на Поволжье, дали богатый матеріалъ будущему романисту. Въ 1869 году Г. П. былъ назначенъ помощникомъ главнаго редактора газеты „Правительственный Вѣстникъ", а съ 1881 года состоитъ главнымъ ея редакторомъ.

Яун-Кундзе.

Историческій романъ, въ двухъ частяхъ,

Графа Е. А. Саліаса.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

(Окончаніе)

Около часа продолжалась работа крестьянъ Скавронскаго. Люди Анны Самойловны ухитрились поймать нѣсколько плотовъ, ближайшихъ къ ихъ берегу, и стали тащить ихъ. Но Анна Самойловна не могла этимъ удовольствоваться. Гнѣвъ душилъ ее.

„Какъ смѣетъ этотъ дуракъ Дирихъ распоряжаться ея лѣсомъ!.. Да и дѣло не въ лѣсѣ. Чортъ съ нимъ! Тутъ всего на сто рублей или на двѣсти. Цѣна лѣсу алтынъ! Дѣло въ его непокорности, въ его неуваженіи, къ ея сестринымъ правамъ помѣщичьимъ. Бросить развѣ лѣсъ, а отправиться самой въ Петербургъ—жаловаться цесаревнѣ. Оно будетъ вѣрнѣе, да и хуже для брата!"

Быть можетъ, мирно-бы кончилось все, если-бъ не явился вдругъ услужливый человѣчекъ и не доложилъ Аннѣ Самойловнѣ:

— Туточки, неподалечку мѣсто низменное, прозвище ему въ Москвѣ: Крымскій бродъ. Тутъ теперча курица пѣшкомъ перейдетъ, а не то что человѣкъ.

— Гдѣ!?. воскликнула Анна.

— Да вотъ... туточки.

Дѣйствительно, оказалось, что обѣ арміи стояли неподалеку отъ мелководнаго мѣста Москвы-рѣки, гдѣ въ иное лѣто можно было переправляться идя по горло въ водѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ люди Анны Самойловны бросили свою работу, снова взялись за оружіе и двинулись впередъ.

Въ полуверстѣ разстоянія,—какъ если бы въ самомъ дѣлѣ этой толпой командовалъ настоящій полководецъ—полторы сотни людей Ефимовской быстро раздѣлились на половину, и дружно бросились въ воду. И лихо былъ перейденъ тотъ самый бродъ, черезъ который, за двѣсти лѣтъ передъ тѣмъ, точно такъ же перешелъ, страшный для Москвы непріятель, Крымскій ханъ.

Графъ Ѳедоръ Самойловичъ, а равно и Сабуровы, видѣли маневръ непріятеля. бросили работу, схватились за сложенное оружіе и стали рядами. чтобы защищать лѣсъ...

Чрезъ мгновеніе, здѣсь, въ верстѣ отъ черты города и отъ заставы московской, произошло страшное побоище. Топоры, вилы, лопаты и дубины—все пошло въ ходъ. Сражающіеся съ первыхъ же мгновеній забыли за что они сражаются... Тутъ было не до лѣсу. не до господъ, не до ихъ ссоръ и дрязгъ. Первые же раненые, первые крики умирающихъ, первая кровь остервенила и обезсмыслила сражавшихся. Не прошло получаса. какъ берегъ Москвы-рѣки усѣялся полу-сотней убитыхъ и тяжело раненыхъ. До сотни человѣкъ легко раненыхъ расползлось кругомъ. Многіе потрусливѣе бросились въ рѣку вплавь. другіе бродомъ. Берега и рѣка окрасилась кровью людской, какъ въ оны дни. при битвахъ москвичей съ крымцами.

Армія наступающая, хотя малочисленнѣе, дѣйствовала по командѣ, если не искуснаго, то озлобленнаго предводителя—барыни Анны Самойловны. Люди графа Скавронскаго подались тотчасъ отъ перваго же натиска и вскорѣ побѣжали, оставляя непріятелю въ добычу все сокровище, въ сто рублей цѣною, т. е. весь лѣсъ на берегу и въ плотахъ.

Одинъ изъ братьевъ Сабуровыхъ исчезъ, другой попался въ плѣнъ. спасая сестренку, а затѣмъ. черезъ нѣсколько времени. былъ отыскавъ бѣжавшій и скрывавшійся въ кустахъ близъ Дѣвичьяго монастыря самъ графъ Ѳедоръ Самойловичъ. Всѣ они были приведены предъ ясныя очи побѣдителя. какъ нѣкогда семейство Дарія къ ногамъ Александра Македонскаго... И Анна Самойловна поступила такъ же великодушно, какъ и герой македонскій, хотя руководилась совершенно другими соображеніями. Она удовольствовалась однимъ удовлетвореніемъ своего самолюбія, полученіемъ лѣса и приличнымъ правоученіемъ, т. е. разбранивъ, отпустила всѣхъ на свободу.

Графъ Ѳедоръ Самойловичъ былъ внѣ себя отъ всего происшедшаго, отъ всего имъ видѣннаго, т. е. мертвецовъ. раненыхъ и пролитой крови. Взволнованный, онъ не нашелъ даже своего экипажа и пустился пѣшкомъ, на рысяхъ, въ городъ, сопутствуемый свояченицей и зятемъ.

По счастью. Никитская и домъ, который онъ теперь нанималъ. были недалеко. Черезъ часъ Скавронскій былъ уже дома и разсказывалъ женѣ и домашнимъ о томъ пораженіи, какое претерпѣлъ на берегу Москвы-рѣки.

Новый Александръ Македонскій распорядился, между тѣмъ. чтобы скорѣе таскать лѣсъ на берегъ и затѣмъ тотчасъ же продать его какому нибудь московскому купцу. Что касается мертвыхъ тѣлъ, на берегу, а равно и мертвецовъ плывшихъ по Москвѣ-рѣкѣ. мимо изумленныхъ обывателей—то это до барыни Ефимовской не касалось. Это было, по ея мнѣнію, дѣломъ полиціи—убирать павшихъ въ сраженіи.

— Да и мудрено, столько народу похоронить! рѣшила она.

Разумѣется. это происшествіе дошло до Петербурга, и съ этого дня цесаревна Елизавета Петровна гораздо строже прибрала всѣхъ къ рукамъ, а въ особенности Ефимовскую.

Прежде всего Аннѣ Самойловнѣ было приказано ѣхать въ вотчину и не только не въѣзжать въ первопрестольную столицу впредь до разрѣшенія, но даже не приближаться къ ней.

Затѣмъ. вскорѣ послѣ этого. графа Ѳедора Самойло-

вича и Анну Самойловну законнымъ образомъ раздѣлили, устранивъ главный поводъ ихъ борьбы, т. е. смежность ихъ вотчинъ.

Долго вспоминали москвичи объ этомъ побоищѣ, и Крымскій бродъ чуть не сталъ „Ефимовскимъ бродомъ“.

XXIII.

Дальнѣйшая судьба „оной фамиліи“ самая простая, но и поучительно странная, фатальная...

Къ концу первой же зимы жизни въ Москвѣ, графъ Карлъ Самойловичъ такъ растолстѣлъ, облѣнился, отупѣлъ, что переходилъ только отъ стола къ постели. И здѣсь, однажды, весною, нашли только что плотно покушавшаго графа уже отошедшимъ въ другой міръ. А велѣніемъ роковой судьбы въ томъ же году овдовѣли и обѣ сестры, одна за другою.

Лѣтомъ умеръ Михайло Ефимовскій, „дюже поученный“ своей женою, какъ говорили злые языки. Къ осени умеръ тихій и единственный ведшій себя прилично—Семенъ Ивановичъ Генриховъ.

Но на этомъ коса смерти не остановилась. Слѣдующей зимой заболѣла опасно Христина и на Ѳоминой недѣлѣ была уже на томъ свѣтѣ. Вслѣдъ за ней, почти тотчасъ, въ іюнѣ мѣсяцѣ, скончался и графъ Ѳедоръ Самойловичъ Скавронскій, жившій въ своемъ домѣ на Никитской и служившій соблазномъ всей Москвы.

Его смерти никто не удивился, а всѣ ее ждали. Прежній ямщикъ Дирихъ сталъ снова пить безъ просыпу. За послѣдній годъ, его еще никто никогда не видалъ трезвымъ. Онъ напивался мертво пьянымъ, падалъ гдѣ выпивалъ и, проснувшись, пробродивши съ часъ времени, снова напивался и снова спалъ безъ просыпу.

Кого нибудь изъ близкихъ, кто бы могъ остановить Дириха лаской или усовѣщеваніемъ—не было. Жену онъ возненавидѣлъ и, конечно, не слушался ея. И жизнь его за послѣднее время была настолько переполнена всякаго рода срамными поступками, что когда графа Ѳедора Самойловича отпѣвали и хоронили въ оградѣ церкви Вознесенія на Никитской, то никто не явился на его похороны. Бывшая въ то время въ Москвѣ цесаревна тоже не пріѣхала: ужъ слишкомъ прославилъ себя прежній Дирихъ.

А между тѣмъ, кто же былъ виновенъ во всемъ! Часто, въ минуты трезвости, графъ Ѳедоръ Самойловичъ горько жаловался, говоря, что будь съ нимъ его Трина, онъ никогда бы до такого забвенія всего не дошелъ.

Смерть, скосивъ сразу почти все поколѣніе старшихъ членовъ семьи и оставивъ въ живыхъ только на время одну сумазбродную Анну, перешла вскорѣ и на слѣдующее поколѣніе.

Черезъ полтора года послѣ графа Ѳедора Самойловича умеръ отъ разгульной жизни молодой, всего только двадцатилѣтній, графъ Антонъ Карловичъ; вслѣдъ за нимъ, спустя немного, умеръ его младшій братъ Иванъ Карловичъ.

Когда, въ 1730 году, вступила на престолъ императрица Анна, то изъ всѣхъ членовъ „оной фамиліи“, *три года* спустя послѣ ея появленія въ Петербургѣ, оставался только одинъ представитель, юный графъ Мартынъ Карловичъ.

Со вступленіемъ на престолъ „дщерь Петрова“ вспомнила и о семьѣ. Сыновья Христины и Анны были возведены ею въ графское достоинство. Потомкамъ графовъ Генриховыхъ и графовъ Ефимовскихъ суждено было судьбой продолжать свои роды и существовать на свѣтѣ.

Что же касается до „Цара бралисъ“, то родъ его угасъ еще въ лицѣ третьяго своего представителя. Внукъ Карлуса изъ Вишекъ, графъ Павелъ Мартыновичъ Скавронскій, дипломатъ и посланникъ въ Италіи, женатый на родной племянницѣ знаменитаго князя Таврическаго, не имѣлъ сыновей и умеръ незадолго до кончины Великой Екатерины.

Потомства отъ него въ Россіи—даже и въ женскомъ колѣнѣ—не осталось. Одна изъ дочерей его и одна внучка вышли замужъ за чужеземцовъ и сдѣлались обѣ русскими прабабками двухъ аристократическихъ фамилій Англіи и Франціи—лордовъ Гауденъ и графовъ Де-Моринъ.

XXIV.

Прямыми представителями рода „Цара бралиса“, въ предѣлахъ не Россіи а Польши, остались одни потомки графа Петра Сапѣги и Софьи Яун-Кундзе, *первой* фрейлины *первой* императрицы.

Графиня Софья Карловна Сапѣга прожила долго и безмятежно, хотя первые дни ея замужней жизни не обѣщали мирной и счастливой доли на землѣ.

Обвѣнчавшись съ молодымъ красавцемъ-магнатомъ почти поневолѣ, понуждаемая цесаревной Елизаветой,—Софья очутилась въ положеніи, которое предчувствовала заранѣе.

Сапѣги, и свекоръ, и мужъ, отнеслись къ ней вѣжливо-надменно, какъ истые аристократы. Старикъ-фельдмаршалъ прямо говорилъ, что женилъ сына на крестьянкѣ-полулатышкѣ изъ-за ея полуторамилліоннаго приданаго. Петръ Сапѣга, повиновавшійся во всемъ своему отцу, не скрывалъ отъ жены, что женился на ней поневолѣ.

Софья тоскливо приняла на себя новыя обязанности замужней женщины и невѣстки не какъ „таланъ“, посланный ей Провидѣніемъ, а какъ лихую долю, какъ мудреное, если не тяжкое, иго. Послѣдствіемъ—были отношенія не любовныя, а тоскливо приличныя и холодно вѣжливыя.

И съ перваго же дня замужества дохабенская Яун-Кундзе еще беззавѣтнѣе, горячѣе, всей огненной натурой своей, стала обожать дорогой, но уже смутно рисующійся въ ея головѣ образъ своего ганца. Софья все-таки не знала навѣрное: живъ или умеръ ея Дауцъ Цуберка, ибо не хотѣла и какъ бы не могла вѣрить вѣстямъ объ ужасной судьбѣ его.

Теперь образъ этого простодушнаго и краснаго пастуха, съ дѣтства обожавшаго ее, ея „браутганца“ или жениха—съ которымъ ее разлучили за день до вѣнчанія—ожилъ въ сердцѣ графини Сапѣги и повелѣвалъ надъ ней еще полновластнѣе чѣмъ когда-то надъ поселянкой Яун-Кундзе и затѣмъ надъ фрейлиной Скавронской.

Графъ Петръ Сапѣга это зналъ, по догадкамъ, внутренно подсмѣивался надъ привязанностью жены къ деревенскому ганцу-латышу, но относился къ этому явленію равнодушно. Кого бы постылая жена ни любила—не все ли равно!

Софья безропотно, покорно, съ тайными вздохами и старательно скрываемыми слезами, переносила свою участь и обращалась со свекромъ почтительно, а съ мужемъ—дружески, привѣтливо, но сдержанно...

На счастье обоихъ, молодой Сапѣга никого еще не любилъ когда женился. Сердце его не испытало еще никакого чувства до встрѣчи съ теперешней женой. И по капризу судьбы, или по тайному закону природы, молодой мужъ, независимо отъ воли своей, незамѣтно, понемногу, началъ привязываться къ красавицѣ и умницѣ-женѣ, нѣжной и страстной во всемъ, ко всему и ко всѣмъ—кромѣ него.

Чрезъ три мѣсяца послѣ свадьбы и жизни въ Петербургѣ, когда Софья уже страстно обожала обликъ своего Цуберки—Петръ Сапѣга страстно обожалъ жену.

Софья только удивлялась перемѣнѣ въ мужѣ, она даже не догадывалась или не допускала и мысли объ иномъ чувствѣ, кромѣ простой дружбы. Она готова была назвать эту новую нѣжность къ ней мужа—притворствомъ и игрой.

Бой быковъ. Съ карт. А. П. Моро, грав. А. Бодъ

Поводъ былъ у него! Старикъ магнатъ вмѣстѣ съ сыномъ собирались покинуть Россію. Ѣхать на родину и поэтому нужно было продать, конечно съ согласія Софьи, всѣ ея вотчины, чтобы капитализовать состояніе.

Скоро молодой Сапѣга уже мучился какъ истый влюбленный отъ холодной привѣтливости обожаемой женщины. Его чувство—была „первая любовь", искренняя и пылкая, къ тому же къ собственной женѣ... А она не вѣрила этому, не могла и не хотѣла вѣрить. Прежнее высокомѣріе его и надменность будто закрыли ему навсегда доступъ въ ея сердце. Къ тому же, ей какъ бы приходилось сказать теперь мысленно:

„Поздно! Я снова люблю, и сильнѣе, чѣмъ когда либо, того, кто съ дѣтства обожалъ меня, былъ моимъ женихомъ."

Однако, вслѣдствіе перемѣны обращенія съ ней мужа, графиня понемногу сильнѣе привязалась къ нему, но какъ къ близкому другу или милому брату.

Сапѣга затаилъ въ себѣ свое разгоравшееся чувство, отчасти грустилъ, но надѣялся и думалъ:

„Завоюю я тебя все-таки! Заставлю любить себя!.. Потому что твое чувство къ деревенскому гайцу—самообманъ!.."

Бесѣдъ объ ихъ отношеніяхъ они избѣгали и только разъ Сапѣга рѣшилъ объясниться съ женой, но это объясненье чуть не стало роковымъ для обоихъ. Оно заронило въ голову Софьи безсмысленный планъ и пагубное намѣреніе.

— Что же мнѣ дѣлать, если я по старому люблю того, кого всегда любила, съ первыхъ лѣтъ жизни, тихо и грустно объяснила Софья, какъ бы винясь въ невольной винѣ и независящемъ отъ нея проступкѣ.— Если тебѣ это оскорбительно, тебя гнѣвитъ, дозволь мнѣ постричься въ монашество, а самъ выбери дѣвушку достойную тебя и женись вновь. Состояніе мое, конечно, оставь себѣ. Мнѣ въ монастырской кельѣ нужно будетъ столько же, сколько нужно нищенкѣ: кусокъ хлѣба и ковшъ воды.

Графъ Сапѣга не отвѣтилъ на это ни слова, крѣпко обнялъ и поцѣловалъ жену, но быстро, безъ оглядки, выбѣжалъ изъ горницы...

„Обрадовался возможности отдѣлаться отъ меня!" подумала Софья тоскливо.

Но тотчасъ, почувствовавъ что-то щекочущее на щекахъ, она провела рукой по лицу своему и удивилась: оно было мокро... отъ слезъ. Но это были не ея слезы.

„Что же это такое?" подумала она.

XXV.

Между тѣмъ сборы въ путь шли дѣятельно и наконецъ настунилъ день отъѣзда въ королевство, которое для „польской фрейлины" какъ здѣсь прозвали когда-то Софью, было не чуждо. Она безъ сожалѣнія покидала Петербургъ и Россію, куда уже не суждено ей было вновь вернуться.

Фельдмаршалъ Сапѣга, желавшій побывать въ Голштиніи, уѣхалъ впередъ и моремъ, а графъ Петръ съ женой двинулся, недѣлю спустя, на своихъ лошадяхъ, въ дорожной великолѣпной каретѣ.

Уже верстъ за сто отъ Петербурга, графъ смутилъ жену вопросомъ.

— Можно взять два пути... Одинъ изъ нихъ идетъ черезъ твои края и Вишки. Какъ ты пожелаешь, моя дорогая?..

Софья знала, что Вишки на пути ихъ, и была увѣрена, что мужъ постарается миновать ея родину.

— Я не знаю... Все равно... отозвалась она взволновавшись...

— Тебѣ все равно?

— Да.

— Зачѣмъ же, милая моя, лгать? Тебѣ не можетъ быть это безразлично.

— Да вѣдь „его" нѣтъ тамъ. Онъ на томъ свѣтѣ, или пропадаетъ безъ вѣсти! искренно и горячо воскликнула Яун-Кундзе.

— Нѣтъ. Я увѣренъ что все это вздоръ!.. значительно произнесъ Сапѣга.—Онъ, твой пріятель, по всей вѣроятности, живъ и невредимъ.

Послѣ паузы въ нѣсколько секундъ, Софья произнесла глухо и потупляясь:

— Нѣтъ. Не хочу.

— Ѣхать на Вишки?

— Не хочу. Не надо. Надо мимо...

— Хорошо. Будь по твоему, отозвался графъ.

Прошло нѣсколько дней однообразнаго пути по доламъ и лѣсамъ, по селамъ и мѣстечкамъ, и наконецъ латышское сплошное населеніе, появившееся кругомъ нихъ, говорило графинѣ Сапѣгѣ, что она уже въ тѣхъ предѣлахъ, гдѣ родилась и гдѣ была когда-то счастлива... Счастливѣе!

Однажды, на одномъ ночлегѣ, до ея слуха коснулось знакомое названіе.

— Покорми лошадей въ Юрровомъ борѣ! сказалъ кто-то

„Гдѣ же мы ѣдемъ!" подумала Софья и встревожилась. Оказалось, что графиня Сапѣга не ошиблась.

Они ѣхали чрезъ родныя мѣста и на другой день, въ сумерки, должны были остановиться для ночлега въ томъ самомъ „віаснбасъ намсъ", гдѣ служилъ когда-то Карлусъ.

— Мы ѣдемъ на Вишки? рѣшилась она сказать мужу.

— Да, отозвался Сапѣга коротко и сухо.

— Зачѣмъ же?

— Не все ли равно.

— Нѣтъ. Не все равно. Мнѣ это не „все равно"! Зачѣмъ же тогда... дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ произнесла графиня.

Сапѣга не отвѣтилъ ни слова, но затѣмъ, чрезъ нѣсколько минутъ, вымолвилъ, какъ бы въ объясненье чего-то:

— Пріѣдемъ къ вечеру, ночуемъ въ гостиницѣ, а рано утромъ выѣдемъ. Что-жь тутъ...

Графиня только подавила тяжелый вздохъ.

Она думала:

„Да, конечно... Только проѣдемъ. Но я увижу дорогія мѣста и это только растравитъ мнѣ сердечную боль..."

Чрезъ мгновеніе молодая женщина видимо волновалась.

„А если онъ живъ?! Если онъ случайно очутится въ Вишкахъ? Онъ всегда хотѣлъ наняться пастухомъ въ Вишки. Послѣ нашей свадьбы мы тотчасъ должны были перейти туда."

„Если онъ живъ, то непремѣнно въ Вишкахъ", рѣшила наконецъ Софья, и сердце замерло въ ней.

Когда чрезъ сутки карета графа Сапѣги катилась по живописной мѣстности, графиня пытливо выглядывала въ окно и вдругъ яркій румянецъ покрылъ ея лицо. Она не удержалась и показала мужу...

— Вотъ!.. Я знаю... Это Красный Холмъ... Это Сарканъ Калнэсъ! Такъ зовутъ! Я здѣсь бывала. Отсюда двѣнадцать верстъ до Вишекъ...

Сапѣга промолчалъ.

Графиня не произнесла болѣе ни единаго слова, но вся какъ бы ушла въ зрѣніе и не спускала глазъ съ окрестности. Все кругомъ становилось ей знакомѣе и знакомѣе...

— Акменсъ! Мой камень! вскрикнула она вдругъ.

Задумчивый Сапѣга невольно вздрогнулъ, но промолчалъ опять.

— Я на этомъ камнѣ часто Яун-Кундзе исполняла въ игрѣ... произнесла Софья тихо, и сердце ея стало какъ то странно стучать и замирать... „Сейчасъ Виш-

ки! Сейчасъ Вишки! Сейчасъ Вишки!" будто отстукивало оно въ ней и сжималось томительно.

За ровнымъ полемъ показалось жилье... Сѣренькіе домики... Церковь... Вправо—лѣсъ...

— По этому лѣсу дорога въ Дохабенъ! произнесла графиня громко, но она уже не замѣчала что говоритъ вслухъ. Она не владѣла собой.

Чрезъ полчаса церковь и сѣрые домики, разбросанные среди ровной мѣстности, были уже подъ глазами путниковъ, направо и налѣво отъ нихъ, ибо карета въѣзжала въ мѣстечко.

Графиня, волновавшаяся все болѣе, вдругъ порывомъ двинулась и высунулась въ открытое окошко кареты... За четверть версты, въ полѣ, подымалась столбомъ пыль и, застилая яркое, заходящее солнце, распласталась по горизонту сѣро-краснымъ облакомъ, съ золотыми краями и какъ бы съ заревомъ въ выси. Дохабенская Яун-Кундзе, какъ и всякая деревенская жительница, сразу поняла что̀ это за облако. Въ деревняхъ, ввечеру, его ожидаютъ и выходятъ навстрѣчу ему подростки, мальчишки, дѣвчонки, а гдѣ ихъ нѣтъ—и взрослые. Къ нему выходятъ радостно, привѣтливо, какъ бы съ любовью.

Это облако подымается стадомъ, возвращающимся съ пастбища на ночлегъ домой.

Графиня уже различала вдали весь скотъ: ясно и отчетливо доносилось до ея уха мычанье, блѣянье и вся дикая, но милая музыка этихъ любимцевъ крестьянскихъ, въ которыхъ половина всего достоянія и благосостоянія деревни.

„Но если онъ нанялся въ Вишкахъ?!"

Графиня Сапѣга всей силой воли напрягала свое зрѣніе... Подъ этимъ сѣро-краснымъ, будто зловѣще сіяющимъ облакомъ, шевелилась, приближаясь, сплошная масса. Но понемногу Яун-Кундзе могла уже различить коровъ, овецъ, телятъ и свиней. Масса эта движется прямо, дорогой, лишь кой-гдѣ телята отбиваются въ сторону...

Но вдругъ большой быкъ вылетѣлъ на рысяхъ вонъ изъ стада на сторону... За нимъ метнулась фигура... Человѣческая фигура! Это настухъ съ кнутомъ... Пастухъ широкоплечъ, высокаго роста!.. Онъ на бѣгу двинулъ едва замѣтно рукой и около него, на красноватомъ горизонтѣ, мелькнула какъ бы длинная змѣя—кнутъ. Раздался сухой, четкій ударъ... Три раза развилась эта змѣя и три звонкихъ удара двинули стадо еще быстрѣе. Но въ этой высокой фигурѣ пастуха, въ движеньи его руки, привычно дѣйствующей кнутовищемъ, и въ этихъ сухихъ звукахъ удара кнута,—сказалось что-то особенное для дохабенской Яун-Кундзе, потому что графиня Сапѣга тихо ахнула и, лишившись чувствъ, опрокинулась въ глубь кареты...

— Софья! Софья! воскликнулъ графъ въ перепугѣ и, высунувшись, онъ отчаянно крикнулъ кучеру:—Пошелъ! Скорѣе!

XXVI.

Графиня быстро очнулась отъ легкаго обморока.

Когда карета подкатила къ постоялому двору, носившему громкое названіе „віасибасъ памсъ", бывавшая когда-то часто въ этомъ домѣ Яун-Кундзе, уже сознательно осматривалась и узнала домъ.

Она тоскливо улыбнулась.

— Какъ ты себя чувствуешь? дрогнувшимъ отъ волненія голосомъ, уже въ третій разъ спрашивалъ графъ.

— Ничего... лучше!.. Это такъ!.. Это въ первый разъ въ жизни... и въ послѣдній...

— Да! Я надѣюсь крѣпко, что въ послѣдній! вдругъ гнѣвно вырвалось у Сапѣги. И въ голосѣ его прозвучало что-то особенное... То была будто угроза. Но не женѣ, а кому-то или чему-то другому! Обмолвка о какомъ-то намѣреніи, до нея будто не касающемся.

Графиня вошла въ домъ, озираясь грустно. Все было то же, такъ же, повсюду: и горницы, и стѣны, и обстановка... Но все это стало гораздо бѣднѣе, грязнѣе, невзрачнѣе, и странно... все стало—меньше, уже, тѣснѣе. Всюду было когда-то хорошо и красиво, а стало теперь скверно, почти омерзительно...

Графиня дивилась и вздыхала...

„Вѣроятно хозяинъ другой... Все запустилъ..." подумала она, но вдругъ ахнула. Предъ ней появился бывшій хозяинъ ея отца...

Онъ былъ тогда важный и почтенный, зажиточный человѣкъ, котораго она отчасти боялась, котораго отецъ ея уважалъ и тоже побаивался. А теперь это какой-то мужикъ, грязновато одѣтый.

Онъ съ низкими поклонами, подобострастно встрѣтилъ знатныхъ проѣзжихъ и самъ провелъ въ лучшую большую горницу.

Чрезъ мгновенье молодая женщина осталась одна въ горницѣ и озиралась съ тѣмъ же удивленьемъ на лицѣ и въ глазахъ. Лучи заходящаго солнца золотили стѣну этой комнаты, и ея сѣроватость, неприглядность и убожество еще рѣзче бросались въ глаза графини Сапѣги.

Она поникла головой, опустила глаза и глубоко, даже тяжело задумалась, будто вопрошая себя о чемъ-то, будто рѣшая загадку, внезапно поставленную ей окружающимъ.

А графъ, въ эти минуты, былъ уже далеко. Онъ быстро шелъ пѣшкомъ по улицѣ и шагалъ такъ рѣшительно, двигаясь на самый край мѣстечка, какъ еслибы у него было самое важное и неотложное дѣло.

Съ минуты пріѣзда путешественниковъ прошло уже болѣе получаса, а никто не появлялся въ горницѣ гдѣ была графиня... Люди не хлопотали и не сновали какъ всегда бывало на привалахъ. Никто ничего не выносилъ изъ кареты и изъ фургона, слѣдовавшаго за ней; ничего не готовилось для ужина и для ночлега... Все въ горницахъ и на улицѣ было тихо... И было все такъ, по строгому приказу самого графа.

Два раза приходила въ себя графиня и, полусознательно осмотрѣвшись, удивлялась и затишью, и отсутствію не только людей, но даже мужа.

Наконецъ, вдругъ скрипнула дверь. Графиня подняла глаза, и невольно вскрикнула, двинулась, но осталась на стулѣ, какъ бы окаменѣвъ въ испугѣ... На ея глазахъ, будто втолкнутый насильно, влетѣлъ въ дверь и тотчасъ снова попятился къ ней, широкоплечій, высокій и лохматый мужикъ, въ засаленой посконной рубахѣ и въ короткихъ штанахъ съ рваными краями на голыхъ загрязненныхъ ногахъ. Рубаха безъ пояса висѣла балахономъ, а растегнутый воротъ обнажалъ грязно-сизую грудь. Въ рукѣ его былъ длинный собранный въ пукъ пастушій кнутъ... Онъ молча и растерянно сталъ предъ ней, весь въ лучахъ золотящаго горницу солнца. Изъ-за этихъ яркихъ лучей, изъ-за пыли, грязи, а равно изъ-за взлохмаченной бороды глянуло на Софью что-то знакомое... Наконецъ, она пригладѣлась и снова вскрикнула, но иначе и тише. Будто отъ легкой боли или отъ роковой вѣсти!

— Что̀ же это? едва слышно произнесли ея губы.

Мужикъ стоялъ истуканомъ и удивленно таращилъ глаза на важную барыню... Онъ не понималъ и боялся, какую затѣю съ нимъ замыслилъ сердитый баринъ, приведшій его и втолкнувшій сюда безъ всякихъ объясненій.

Графиня вдругъ, въ силу неуловимаго чувства, опустила глаза въ полъ, какъ опускаетъ ихъ женщина лишь отъ стыда, а лицо ея запылало румянцемъ. Опущенный взоръ невольно приковался теперь къ босымъ ступнямъ пришельца.

Пальцы этихъ здоровенныхъ ступней, залѣпленные слоемъ грязи, растопырились на полу, а большіе пальцы, оттопырясь отъ остальныхъ, какъ-то торчали впередъ...

— Цуберка? Вѣдь это ты? произнесла наконецъ графиня по-латышски.

— Цуберка... Я... Что укажешь Лель-Матэ? Барыня? произнесъ ганцъ.

— Ты не узнаешь меня? прибавила она дрогнувшимъ голосомъ.

Ганцъ приглядѣлся, разинулъ ротъ, охнулъ протяжно и, улыбнувшись вдругъ широкой глуповатой улыбкой, поднялъ отъ смущенія руку и началъ чесать свою лохматую голову.

— А я гляжу... гляжу... заговорилъ онъ фыркнувъ.— Вотъ, думаю, похоже. Очень похоже!.. Точно будто лѣшій балуется, глаза отводитъ... А оно и вправду— Софья Сковорощанка...

Цуберка разсмѣялся на всю горницу, и отъ этого смѣха лицо графини вспыхнуло еще болѣе, а въ глазахъ стали слезы...

— Ты что дѣлаешь? ганцемъ? чрезъ силу произнесла она, почти не зная что говоритъ.

— Ганцемъ въ Вишкахъ...

Наступило молчаніе.

— А ты что̀ дѣлаешь? Ты Лель-Матэ стала?

— Давно я не видала... Давно... проговорила графиня глухо, какъ бы сама себѣ.

— Да, съ тѣхъ поръ, что меня въ Рижскій ціатумсъ стащили москали и розгами все вотъ...

„Что̀ же это такое?“ повторяла мысленно графиня. „Что̀ же это? Это не мой Цуберка. Это не онъ! Или это онъ же, но не тотъ, котораго я... въ сердцѣ... Да что̀ же это? Это колдовство!..“

Она тихо откачнулась, прислонилась къ спинкѣ стула и вдругъ крупныя слезы полились по ея лицу... Она закрылась платкомъ и тихо заплакала...

— Ты не плачь... Тогда больно было... А теперь ничего.. Прошло! Я и думать забылъ...

Графиня вдругъ порывисто поднялась и подошла къ ганцу. Доставъ изъ кармана вязаный кошелекъ съ десяткомъ червонцевъ, она стала на шагъ отъ него.

— Эйтъ постъ! Уходи вонъ! глухо произнесла она, протягивая руку съ деньгами.

— Это мнѣ?..

— Бери.. Ступай Диесъ артевимъ! Богъ съ тобой!..

— А „онъ“ не заругаетъ? Не побьетъ?.. взволнованно колебался Цуберка брать кошелекъ.

— Бери... Женися скорѣе и..

— Ладно. За меня Хевуска замужъ хочетъ...

— Эйтъ постъ. Эйтъ постъ! повторила тихо графиня, отвернувшись въ сторону.

Ганцъ сжалъ кошелекъ въ своемъ громадномъ кулакѣ и отчасти растерянно двинулся къ дверямъ.

— Богъ съ тобой! шепнула Софья по-русски ему вслѣдъ.

Мужикъ пролѣзъ въ двери, а молодая женщина осталась среди горницы, стояла недвижно и все смотрѣла на эту затворившуюся дверь...

Ей почудилось, что въ груди ея будто оторвалось что-то, камнемъ упало на сердце и придавило его.

Солнце исчезло за краемъ земли, яркая позолота сошла со стѣнъ горницы и все потемнѣло сразу... И какъ здѣсь кругомъ стало вдругъ темно, такъ же темно сдѣлалось будто и на душѣ молодой женщины. Будто кто-то умеръ вдругъ! Или что-то умерло для нея, умерло въ ней...

Но гдѣ же Цуберка? Гдѣ ея милый, обожаемый Цуберка, образъ котораго носила она въ сердцѣ своемъ? Здѣсь сейчасъ былъ не онъ. Такъ гдѣ же онъ? Неужели его не было никогда? Да что̀ же это? Это колдовство!

Графиня трепетно, дрожащей рукой перекрестилась три раза и стала пугливо озираться въ темной горницѣ...

— Что̀ же мнѣ дѣлать? шепнула она вслухъ.

Дверь отворилась, въ горницу вошелъ графъ и, тихо приблизясь, молча остановился предъ женой. Софья вздрогнула, потомъ опустила голову, потупилась и стояла.

Графъ подошелъ ближе, но молчалъ...

Наконецъ Софья тихо двинулась къ нему и, не поднимая головы, съ опущенными руками, какъ бы не смѣя тронуть его, медленно прислонилась этой поникнутой головой къ нему на грудь... Графъ порывисто обнялъ жену и, страстно цѣлуя, вымолвилъ:

— Полюбишь ты меня теперь?

— Да. Да... Такъ же, какъ любила его... Его! Не этого! Прости меня. Я не виновата! Это колдовство... Пойдемъ въ церковь... Пойдемъ молиться. Я боюсь...

— Не бойся, дорогая... Я тебѣ поясню колдовство! Я угадалъ вѣрно... Ты любила не ганца Цуберку, а свою картинку, портретъ, не похожій на него, который нарисовали въ твоемъ сердцѣ—разлука и мечты...

КОНЕЦЪ.

Въ пансіонѣ.

Разсказъ **Н. Морскаго (Лебедева).**

I.

Заговоръ.

— Кто будетъ у насъ сегодня дежурнымъ, mesdames? задала вопросъ М-lle Секундова, воспитанница старшаго класса N—скаго благороднаго института, обращаясь къ своимъ подругамъ и торопливо оканчивая утренній туалетъ, прилаживая передникъ,—какую приправу къ постной гадости дадутъ намъ?

Былъ Крещенскій сочельникъ, въ который институтокъ кормили постнымъ, что̀ постоянно приводило въ сквернѣйшее расположеніе духа дѣвицу Секундову, отличавшуюся хорошимъ аппетитомъ, мускулистымъ тѣлосложеніемъ и значительною физическою силою. Блѣдная, лимфатическая дѣвица Вексъ, гибкая какъ лоза, уже одѣтая, приглаживала маленькимъ гребешечкомъ съ зеркальцемъ чуть не въ десятый разъ свои жидкіе бѣлокурые волосы. Рѣзкіе пріемы М-lle Секундовой всегда шокировали благопристойность дѣвицы германскаго происхожденія:

— Какъ вы выражаетесь, Секундова! отозвалась дѣвица Вексъ съ миной строгой гувернантки и съ большою точностью внушила:—дежурною воспитательницею мы имѣемъ на сегодня М-lle Эспинасъ.

Взбѣшенная тономъ дѣвицы Вексъ, Секундова вышла изъ себя:

— Цирлихъ вы манирлихъ, госпожа Колбаса, приблизилась она къ тонкой и чахлой дѣвицѣ Вексъ своимъ плотнымъ и здоровеннымъ тѣлосложеніемъ, какъ бы намѣреваясь сокрушить въ прахъ подругу, гнѣвно выворачивая на нее глаза, для пущаго ужаса ея, скрежеща зубами и поднося къ ея носу кулакъ,—это видите?

И видя испугъ дѣвицы Вексъ, отъ страха даже уронившей на полъ свой драгоцѣнный гребешокъ, забывшей его поднять и тщательно обдуть, вдругъ добродушно разсмѣялась и заговорила съ доступною ей мягкостью:

— Ахъ, Вексъ, почему вы въ самомъ дѣлѣ не колбаса? Ужъ съѣла-же бы я васъ, матушка!

И задумавшись, спросила все еще не оправившуюся отъ испуга подругу:

— Послушайте, Вексъ, неужели вамъ не скучно такъ жить? Въ классѣ вы сидите—не шелохнетесь; тетрадочки у васъ всѣ въ порядкѣ; всегда вы все знаете. Конфектъ вамъ привезутъ— вы по одной въ день ѣдите, а не всѣ заразъ, какъ мы грѣшныя... Всѣ вами довольны, поведеніе у васъ отличное... Ахъ, Вексъ, такъ скучно жить!..

Вексъ, видя, что гнѣвъ Секундовой прошелъ, прежде всего подняла съ полу уроненную гребенку, тщательно обдула ее со всѣхъ сторонъ, вытерла зеркальце носовымъ платкомъ, и окончивъ все это, рѣшилась возразить обладающей такою физическою силой подругѣ, сославшись на авторитеты:

— Я поступаю, Секундова, такъ, какъ желаютъ, чтобы мы всѣ поступали и М-me Перфилова, и М-lle Эспинасъ, и фрейлейнъ Мейеръ.

— Ахъ, Вексъ, воскликнула съ негодованіемъ Секундова,— вотъ въ томъ-то и бѣда, что вы поступаете именно такъ, какъ желаютъ эти дамы!

И мечтательно прибавивъ:

— Жизнь, Вексъ, заключается въ оппозиціи и протестѣ, формуловала противоположный образъ дѣйствій:

— Послушаніе на мой взглядъ — это смерть. Подите сюда, моя милочка.

Послѣднія слова относились къ проходящей по дортуару

Весенняя выставка Академіи Художествъ въ СПБ. „Изолина“, флорентійская цвѣточница.

Карт. Д. А. Бенкендорфа, грав. Ю. Шюблеръ.

миніатюрной дѣвочкѣ, лѣтъ двѣнадцати, по фамиліи Поярковой. Пояркова подобно многимъ изъ ея подругъ, тоже побаивалась Секундовой, стащившей у нея однажды присланный ей изъ родительскаго дома пирогъ, и теперь приблизилась на ласковый зовъ съ нѣкоторой робостью, будучи убѣждена, что Секундова таитъ подъ личиной привѣтливости коварство. Она не знала, что многое измѣнилось, что Секундова никогда болѣе не украдетъ у нея пирога, никогда не окажетъ ей впредь какой нибудь несправедливости. Она не могла предугадать, что дѣвица Секундова, подобно другимъ своимъ подругамъ наполнявшая свое институтское существованіе съ одной стороны помыслами о питаніи, усиливаемыми скудостью стола, съ другой съиздавна усвоеннымъ институтками всѣхъ институтовъ обычаемъ „обожать“ того или другого мужчину, — измѣнила на-дняхъ избранному ея пылкимъ сердцемъ Протоклитову, измѣнила, прельстившись недавно окончившимъ военную гимназію двадцати-лѣтнимъ братомъ Поярковой, Адріаномъ. Она увидѣла этого Адріана, когда онъ пріѣхалъ къ сестрѣ въ офицерскомъ мундирѣ съ иголочки и сидѣлъ въ пріемной, краснѣя отъ стрѣлявшихъ въ него многочисленныхъ дѣвическихъ глазъ... Мигомъ, при видѣ этого юнаго воина, учитель со всклоченной бородкой выскочилъ изъ головы M-lle Секундовой и она всѣми силами своей дѣвической души, всѣми своими помыслами и мечтаніями отдалась новому избраннику сердца. „Во что-бы то ни стало, онъ будетъ мой!“ рѣшила она, и въ слѣдующее посѣщеніе Адріаномъ Поярковымъ института, катая въ сосѣдней комнатѣ мячъ, такъ бросила его, что онъ укатился въ залъ, гдѣ обыкновенно принимались посѣтители и прямо подкатился къ ногамъ юнаго воина. Не слушая голоса дежурной воспитательницы, фрейлейнъ Мейеръ, останавливавшей смѣлую и находчивую дѣвицу, Секундова опрометью влетѣла въ залъ, гдѣ сидѣлъ Поярковъ и видя свой мячъ лежащимъ у его сапога, приблизилась къ нему, чтобы поднять его. Адріанъ предупредилъ и, поднявъ мячъ, съ любезною улыбкой подалъ его скромно опустившей глазки дѣвицѣ. Ихъ руки дотронулись другъ друга, и моментально покраснѣвшій Поярковъ почувствовалъ, какъ его ладони коснулась сложенная бумажка... Дѣвица съ опущенными глазками присѣла воину и скромно удалилась къ фрейлейнъ Мейеръ... Всё это случилось какъ разъ наканунѣ Крещенскаго сочельника, въ который дѣвица Секундова такъ ласково подозвала къ себѣ миніатюрную Пояркову, и въ томъ же любезномъ тонѣ продолжила слѣдующую бесѣду:

— Здравствуйте, милочка. Хорошо спали?

— Merci; ничего-съ.

— Здоровы?

— Благодарю васъ, Секундова. Я здорова.

— Послушайте, милочка, обняла Секундова Пояркову,—я хочу просить у васъ небольшой услуги.

— Что̀ вамъ угодно, Секундова?

— Видите... Сегодня дежурною воспитательницею будетъ M-elle Эспинасъ...

— Знаю.

— Вамъ извѣстно, она строга и зорко слѣдитъ въ особенности за мной?..

— Да.

— Между тѣмъ, дорогая моя, сегодня отъ часу до двухъ мнѣ крайне необходимо, чтобы M-elle Эспинасъ отвела отъ меня свои взоры...

— Отвела отъ васъ взоры, — какъ-бы уясняя себѣ смыслъ фразы, повторила Пояркова, въ недоумѣніи смотря на Секундову и не понимая чѣмъ она можетъ быть полезна въ этомъ случаѣ... Секундова не замедлила пояснить что̀ собственно требуется отъ Поярковой.

— Я устрою, милочка, что всѣ наши окружатъ M-elle Эспинасъ, упросятъ ее разсказать какую нибудь исторійку, она такъ любитъ ихъ разсказывать... Наши станутъ со всѣхъ сторонъ, и такимъ образомъ глаза M-elle Эспинасъ будутъ помимо ея воли отведены отъ меня...

— Чѣмъ же я въ этомъ случаѣ могу быть полезна вамъ, Секундова?

— Сейчасъ... Вексъ, вы кажется слушаете насъ?

И пославъ M-elle Вексъ строгій взглядъ, Секундова отвела Пояркову въ сторону.

— Видите, отважно посвятила она дѣвочку въ тайны своего сердца,—я не хочу скрывать отъ васъ—я люблю вашего брата...

Миніатюрная Пояркова въ молчаніи уставила свои сѣренькіе глазки на Секундову, которая съ нѣсколько преждевременною увѣренностью продолжала начатую откровенность:

— И по всей вѣроятности буду современемъ вашей сестрой, Пояркова... Вы ничего не имѣете противъ этого?

Быть-можетъ вспомнивъ объ украденномъ будущей своей сестрицей пирогѣ, Пояркова отвѣтила не тотчасъ и съ нѣкоторой нерѣшительностью въ тонѣ, хотя все-таки утвердительно:

— Ничего-съ.

— Въ такомъ случаѣ вы мнѣ поможете, дружочекъ... Когда M-elle Эспинасъ начнетъ разсказывать свою исторію, когда всѣ окружатъ ее, вы, милочка, пользуясь своимъ малымъ ростомъ, возьмите иглу съ ниткой и, ползая по полу, сшейте платья всѣхъ нашихъ одно съ другимъ, а главное хорошенько пришейте ко всѣмъ остальнымъ платье M-elle Эспинасъ, такъ что когда ей придется подняться съ мѣста—наши потащутъ ее въ разныя стороны..

Пояркова потупилась:

— Но меня накажутъ за это, Секундова!

Находчивая Секундова щелкнула ее дружественно по носу:

— Глупенькая!.. Когда сошьете всѣхъ, пришейте и себя къ кому нибудь... Тогда на васъ не подумаютъ... Помните, что все это вы сдѣлаете не для одной меня, но и для вашего брата...

II.

Благонравіе.

Одна за другой институтки выходили изъ дортуара на площадку лѣстницы, гдѣ фрейлейнъ Мейеръ, низенькая съ горбомъ старушка, въ черномъ тюлевомъ чепцѣ, собираясь домой, передавала свое дежурство M-elle Эспинасъ, высокой старухѣ съ лицомъ цвѣта лежалаго лимона, съ длиннымъ носомъ и необыкновенно высокимъ лбомъ. Институтки разсыпались группами по площадкѣ, бесѣдуя другъ съ другомъ; нѣкоторыя присѣли на подоконники; всѣ привѣтствовали воспитательницъ.

— Bonjour, M-elle Эспинасъ.

— Guten Tag, Fräulein Мейеръ.

Уходящая воспитательница ослабила бразды своего надзора, новая еще не приняла ихъ въ свои руки. То были минуты нѣкотораго междуцарствія, когда надзоръ ослабѣваетъ... M-elle Эспинасъ и фрейлейнъ Мейеръ говорили о постороннихъ вещахъ; Секундова шепталась съ пансіонерками, перебѣгая отъ группы къ группѣ и подготовляя заговоръ... Часы пробили девять и швейцаръ ударилъ въ колокольчикъ, призывая къ утренней молитвѣ и чаю.

Тогда фрейлейнъ Мейеръ поспѣшила домой; шумъ разговоровъ смолкъ: M-elle Эспинасъ входила въ отправленіе своихъ обязанностей. Прежде всего почтенная дѣвица предупредила воспитанницъ:

— Silence, mesdames!

Потомъ вынула очки въ серебряной оправѣ, не торопясь протерла ихъ, надѣла и, немного откинувъ назадъ голову, оглядѣла наставническимъ взглядомъ притихшую, но тѣмъ не менѣе слегка волновавшуюся толпу.

— Я сказала: молчаніе, mesdames, повторила она на французскомъ діалектѣ, и еще разъ пристальнымъ взглядомъ удостовѣрясь что институтки не только смолкли, но даже окаменѣли, разрѣшила имъ спуститься въ рекреаціонный залъ:— filez, mesdames, filez.

И пропустила мимо себя потянувшуюся парами вереницу воспитанницъ, строго вглядываясь въ каждую изъ нихъ. За послѣдней парой, въ которой шла, скромно опустивъ глазки, M-elle Секундова, строгая наставница послѣдовала и сама, неуставая повторять совершенно излишнее:

— Silence, mesdames, silence!..

Такимъ образомъ въ чинномъ спокойствіи вошли въ рекреаціонный залъ. M-elle Эспинасъ не сразу установила воспитанницъ: неизвѣстно съ какой цѣлью громко считая „разъ, два“, она провела ихъ длинной фалангой, то ускоряя, то замедляя своимъ счетомъ шагъ ихъ,—раза три взадъ и впередъ по залу, затѣмъ приказала имъ всѣмъ остановиться, повернула ихъ къ образамъ и, ставъ передъ ними, вызвала со строгостью:

— M-elle Секундова!

Скромная молодая особа съ опущенными глазками вышла изъ многочисленной толпы и стала посереди зала. Еще болѣе закинувъ голову назадъ, M-elle Эспинасъ скомандовала:

— La prière!

Тогда Секундова, не задумываясь, приступила къ молитвѣ, необыкновенно бойко начавъ чтеніе. Никогда она не знала ни одной молитвы, и у тѣхъ изъ воспитательницъ или наставниковъ, которые хорошо знали по-русски, подвергалась за это частымъ наказаніямъ. Но разъ молитва читалась при наставникахъ не особенно свѣдущихъ въ русскомъ языкѣ—Секундова исполняла роль чтицы блистательно. Такъ прочла она и теперь, совершенно непринужденно слагая измышляемыя ею молитвенныя слова.

И, окончивъ чтеніе, богомольная дѣвица преклонила даже колѣна. А затѣмъ, скромно поникнувъ благочестивою головкой, заняла оставленное ею въ ряду мѣсто. M-elle Эспинасъ сочла полезнымъ тѣмъ не менѣе внушить нѣчто Секундовой:

— Секундова! провозгласила она,—въ Библіи говорится: кто отклоняетъ ухо свое отъ слушанія закона, того и молитва не доходитъ. Молитва важна, Секундова, но одною молитвой не спасетесь... Прежде всего, Секундова, надо быть послушною...

Секундова присѣла.

— Помните, Секундова, что пишетъ Жанъ-Жакъ Руссо?... „Послушаніе, говоритъ онъ, есть одно изъ качествъ, въ которомъ женщины нуждаются всю свою жизнь“... Запомните это, Секундова!..

Секундова присѣла вторично, изъявивъ тѣмъ что запомнитъ слова женевскаго философа. Тогда M-elle Эспинасъ, наградивъ слушательницу строгимъ взглядомъ, позволила наконецъ воспитанницамъ направиться въ столовую, гдѣ ожидалъ ихъ чай.

Всѣ усѣлись по мѣстамъ и захлебали неопредѣленнаго цвѣта жидкость, прикусывая хлѣбомъ. Всѣ эти дѣвицы, покинувъ пансіонъ, будутъ благовоспитанно кушать на званыхъ обѣдахъ и

дома въ присутствіи гостей. Но пока имъ нечего заботиться объ изящномъ проглатываніи, о неторопливости насыщенія. И вотъ онѣ спѣшатъ выпивать свои порціи, глотаютъ съ необычайной быстротою куски, чавкаютъ, просятъ вторыхъ порцій, подъ столомъ покупаютъ другъ у друга булки, даже обгрызки таковыхъ. Аппетитъ ихъ, въ виду неудовлетворенія обычнымъ пансіонскимъ питаніемъ, проявляется съ необычайною силою. Сидящая во главѣ стола M-elle Эспинасъ напоминаетъ имъ о приличіи:

— Mesdames, умѣрьте свой аппетитъ.

Ее слушаютъ мало, и многія изъ запасливыхъ дѣвицъ, въ числѣ которыхъ находится и M-elle Секундова, продолжаютъ еще жевать долго спустя по окончаніи утренняго чая, когда все общество группируется въ рекреаціонномъ залѣ, занимаясь кто чѣмъ желаетъ, вслѣдствіе праздничной свободы. M-elle Эспинасъ садится на предназначенное для дежурной воспитательницы кресло, вынимаетъ изъ кармана шерстяной красный чулокъ и начинаетъ вязать его на спицахъ, ухитряясь въ то же самое время продолжать свой надзоръ за ввѣренными ея попеченіямъ воспитанницами. M-elle Векъ присаживается около нея и, призвавъ маленькую пансіонерку, услужливо разматываетъ съ нею для уважаемой воспитательницы мотокъ шерсти. Остальныя воспитанницы занимаются кто чѣмъ попало: однѣ готовятъ уроки, другія работаютъ, третьи не дѣлаютъ ничего. M-elle Секундова ловитъ летающую моль.

Строгая наставница, надѣвъ на спицы опущенныя петли и сдѣлавъ рядъ, окидываетъ залъ взглядомъ:

— M-elle Өедорова!

Миловидная блондинка съ голубыми глазками, скромно приближается къ наставницѣ и приосѣдаетъ.

— Что прикажете, M-elle Эспинасъ?

Оставивъ на время чулокъ, M-elle Эспинасъ не сразу даетъ опредѣленный и ясный отвѣтъ, подходя къ таковому нѣсколько издали:

— M-me Бобо, наша общая начальница, какъ вамъ отлично извѣстно, вознаграждаетъ насколько можетъ труды воспитателей и воспитательницъ ввѣреннаго ея попеченіямъ заведенія...

— Да-съ.

— Тѣмъ не менѣе, M-elle Өедорова, дозволяется добровольная, такъ сказать, любезность въ отношеніи насъ со стороны родителей, ввѣряющихъ намъ воспитаніе своихъ дочерей... Слыхали?

— Слышала-съ.

— Вчера инспекторъ классовъ, г. Дагенэ, сообщилъ фрейлейнъ Мейеръ, что ваша матушка, столь просвѣщенная русская коммерсантка, приглашала его къ себѣ, передъ тѣмъ какъ помѣстить васъ съ сестрой въ институтъ, приглашала для предварительнаго испытанія вашихъ познаній. Господинъ Дагенэ исполнилъ просьбу вашей многоуважаемой матушки.

Она смотрѣла проницательно на стоящую передъ нею воспитанницу, невольно опустившую глаза.

— Вы поступили въ пансіонъ, отчеканила она,—и надняхъ ваша матушка отблагодарила господина Дагенэ.

Изъ толпы возвысился чей-то молодой голосъ:

— Но вѣдь это взятка, M-elle Эспинасъ? Брать взятки не хорошо.

— Я не вижу чтобы это была взятка, строго внушила наставница,—это—любезность. Педагоги признали возможною такого рода любезность, какъ мѣру благодарности со стороны родителей за ихъ труды. Извѣстный своею строгостью, директоръ мужскаго училища Райтеръ принимаетъ любезности отовсѣхъ. Но это отнюдь не взятки, M-elle, это совершенно другая вещь..

И обратившись къ Өедоровой прибавила:

— Вы можете передать, M-elle, вашей многоуважаемой матушкѣ, что мы, воспитательницы, прилагаемъ всевозможныя старанія и попеченія къ вамъ... а не одинъ господинъ Дагенэ... Вы свободны, M-elle, болѣе ничего не имѣю вамъ сказать...

III.

Новая Розина.

M-elle Эспинасъ снова было принялась за чулокъ, какъ вдругъ густая толпа воспитанницъ окружила ее со всѣхъ сторонъ, прося о чемъ-то. Она отложила свое вязанье и, строго смотря на молодыя просящія лица, не имѣя возможности за шумомъ разомъ говорящихъ голосовъ разслышать о чемъ именно ее просятъ, мановеніемъ руки утишила толпу:

— Что за шумъ, mesdames!..

Тогда шумъ смолкъ и дѣвица Бервуа объявила за всѣхъ:

— M-elle Эспинасъ, васъ просятъ разсказать одну изъ тѣхъ прелестныхъ исторій, какія вы намъ разсказывали.

По лицу M-elle Эспинасъ пробѣжалъ лучъ удовольствія.

— Но для этого не надо кричать, mesdames...

— Мы будемъ стоять тихо, мы не шевельнемся, M-elle, раздалось со всѣхъ сторонъ.

— Но вы все еще кричите, mesdames?..

— Молчимъ!.. Недвижимы!..

Дѣйствительно, воцарилась тишина, и M-elle Эспинасъ могла видѣть, какъ, сжавшись въ плотную стѣну, окружили ее со всѣхъ сторонъ воспитанницы, готовыя слушать интересную исторійку. Тогда, почесавъ спицею въ волосахъ, M-elle Эспинасъ начала:

— Исторія моя, mesdames, носитъ заглавіе: „Неблагоразумное желаніе“...

— Неблагоразумное желаніе, mesdames, это вѣроятно восхитительно! всплеснула руками дѣвица Бервуа.

— Очаровательно!.. Прелестно!.. раздалось со всѣхъ сторонъ. M-elle Эспинасъ остановила порывъ:

— Taisez vous, mesdames... Что за шумъ?

И когда всѣ успокоились, начала свое „Неблагоразумное желаніе“.

— Въ одномъ городѣ, mesdames, жили мужъ и жена, Адольфъ и Адольфина. Были они столь бѣдны, что весь костюмъ Адольфины состоялъ изъ юбки и кофты. Однажды, скитаясь въ лѣсу и отыскивая плоды и ягоды для своего пропитанія, Адольфъ и Адольфина встрѣтили старушку еще болѣе бѣдную, судя по костюму, нежели они. Старушка, mesdames, не имѣла на себѣ ничего!

— Ахъ! послышался возгласъ, вызванный ужасомъ положенія старушки.

— Да, ничего, mesdames, возобновила съ особенно трогательнымъ чувствомъ разсказъ M-elle Эспинасъ.—Сердца Адольфа и Адольфины прониклись жалостью и, не долго думая, Адольфина уступила ей одно изъ полотнищъ своего платья, набросивъ старушкѣ на плечи. Старушка поблагодарила молодую чету съ самою искреннею теплотой...

При самомъ началѣ исторіи, дѣвица Секундова, вскочивъ на подоконникъ, смѣло отворила форточку, выходящую на одну изъ малолюдныхъ улицъ и высунулась въ нее по поясъ... На противоположной сторонѣ никого не было: шелъ мелкій снѣжокъ и тротуары подморозило. Секундова оглянулась назадъ: ея возвышающаяся на подоконникѣ фигура не могла быть видимой M-elle Эспинасъ, плотно заставленной со всѣхъ сторонъ пансіонерками... Успокоенная этимъ, Секундова вторично высунулась въ форточку... „Ахъ, какъ онъ точенъ!..“

Дѣйствительно, изъ-за угла какого-то переулка въ это время появился молодой офицеръ, волоча саблю и слегка потряхивая головой. Секундова видѣла его бѣлокурые усики, надѣтое имъ для пущей важности синее пенснэ. Съ ловкостью военнаго онъ отдалъ ей честь... Она дѣлала ему знаки, и вдругъ, къ крайнему своему смущенію, онъ увидѣлъ быстро спускаемую ею со втораго этажа веревочку, на концѣ которой было что-то привязано. Оглянувшись по сторонамъ и вѣроятно никого не увидя, онъ опрометью перебѣжалъ улицу и снялъ съ веревки спущенный ему сверточекъ, послѣ чего Секундова, не поднимая веревки, на время притворила форточку и стала наблюдать за Поярковымъ черезъ стекло.

M-elle Эспинасъ продолжала исторію... Секундова видѣла, какъ ея обожатель развернулъ сверточекъ, разсыпавъ при этомъ заключающіяся въ немъ мѣдныя деньги, подобралъ эти послѣднія, прочелъ записку и, сдѣлавъ предмету своей страсти знакъ одѣтою въ бѣлую перчатку рукою, спустился въ ближайшую мелочную лавочку. Въ самомъ дѣлѣ, Поярковъ, воспылавъ рыцарскою угодливостью къ своей дамѣ, спѣшилъ исполнить ея порученіе.

„M-r Поярковъ, писалось въ запискѣ, если вы меня дѣйствительно любите, то будьте такъ добры, купите въ ближайшей мелочной побольше колбасы (вареной не берите), чернаго и бѣлаго хлѣба, тоже побольше, и баварскаго квасу. Сегодня постный день, и мы умираемъ съ голоду. Прилагаю 35 копѣекъ: если мало—добавьте изъ своихъ денегъ, отдамъ при первой возможности. Преданная вамъ навѣки Елизавета Секундова.

„P. S. Я слышала отъ вашей сестры, что у васъ превосходно пекутъ пироги“.

Поярковъ вышелъ изъ лавочки, накупивъ огромный свертокъ различной дряни и наскоро написавъ слѣдующій отвѣтъ:

„Mademoiselle!

„Хотя съ одной стороны вы почтили меня вашимъ лестнымъ вниманіемъ, но съ другой, какъ бы отчасти погасили въ себѣ то пламя, которымъ горѣло ваше сердце, встрѣчая въ моемъ пылкій отвѣтъ. Неужели вы разлюбили меня?.. Пироги нечего наша прислужница Кира дѣйствительно замѣчательно и я попрошу маменьку послать завтра пирогъ сестрѣ, побольше, чтобы и вы могли попробовать таковаго. Преданный вамъ навѣки Адріанъ Поярковъ.

„P. S. Не могу ли я воскликнуть вслѣдъ за Архимедомъ: эврика! ибо я *нашелъ васъ?!*“

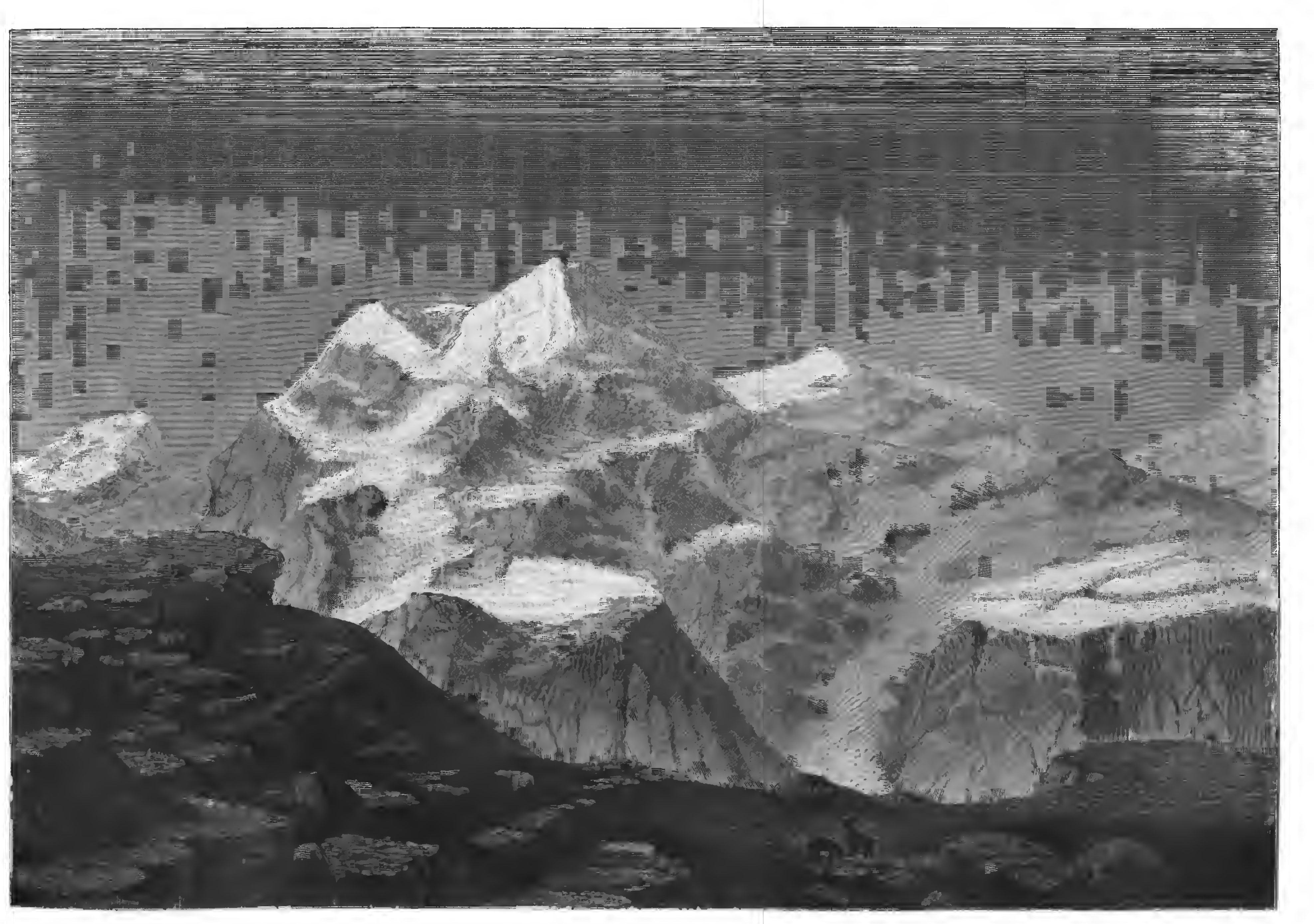
Тѣмъ временемъ M-elle Эспинасъ подходила къ самому интересному мѣсту разсказа:

— Они развели огонь, повѣствовала она,—и сѣли у очага, поджаривая на угольяхъ собранные ими каштаны. „Ахъ, сказала задумчиво Адольфина, если бы у насъ была колбаса!..“ И только что бѣдная женщина, mesdames, произнесла эти слова, какъ на самую средину очага, съ потолка, свалилась громадная колбаса... Ахъ!

Послѣдній возгласъ былъ вызванъ необычайнымъ шумомъ, сотрясеніемъ рамъ и паденіемъ чего-то тяжелаго на полъ... Адріанъ Поярковъ слишкомъ поусердствовалъ... Когда спущенная веревка поднялась и привязанный къ ней свертокъ дошелъ до отверстія форточки, то оказалось, что послѣднее не

Весенняя выставка Академіи Художествъ въ СПБ. „Ромео и Джульетта“. Карт. проф. К. Б. Венига, грав. Ю. Шюблеръ.

Весенняя выставка Академіи Художествъ въ СПБ. „Изъ области вѣчныхъ снѣговъ“ (на Кавказѣ).
Карт. академика А. Ѳ. Петерса. грав. М. Рашевскій.

пропускало перваго, и свертокъ завязъ, заткнувъ собою форточку... Напрасно Секундова тащила его, онъ подавался впередъ туго... Въ отчаяніи Секундова напрягла всѣ свои силы и рванула свертокъ. Мгновенно уступивъ на этотъ разъ тянущей его силѣ, свертокъ съ грохотомъ влетѣлъ въ комнату и несдержанный рукою Секундовой, шлепнулся въ залѣ на полъ недалеку отъ окна. Послышался звонъ разбитыхъ бутылокъ и, предательски віясь на полу, потекла струя баварскаго квасу...

M-elle Эспинасъ встала съ своего мѣста, молчаливая и серьезная. Нѣмымъ жестомъ она раздвинула толпу... Тогда произошло нѣчто непонятное и странное... Институтки хотѣли разступиться, но не могли; сама M-elle Эспинасъ тащила за собою кресла, тогда какъ раздвигающіяся передъ нею воспитанницы, увлекали ее вмѣстѣ съ кресломъ впередъ... Юбки M-elle Эспинасъ растопырились во всѣ стороны, точно приподнятыя на обширномъ кринолинѣ, но возмущенная воспитательница не замѣчала этого. Съ зловѣщимъ огонькомъ въ глазахъ она смотрѣла куда-то впередъ, удаляя мѣшающихъ ей видѣть воспитанницъ:

— Посторонитесь, mesdames, назадъ!

Тогда институтки отпрянули назадъ, совершенно оттянувъ за собою платье M-elle Эспинасъ, и такъ какъ эта почтенная дама, не взирая на всѣ затрудненія, стремилась впередъ, то вся группа, съ наставницей во главѣ и съ пришитымъ къ ней хвостомъ воспитанницъ, являла весьма комичное зрѣлище. Суматоха и гвалтъ были невообразимые...

Секундова тѣмъ временемъ не потерялась. Ставъ надъ сверткомъ и толкая его ногой по вьющейся струйкѣ квасу, направляющейся въ сосѣднюю комнату, находчивая особа стирала сверткомъ струю, толкая послѣдній въ то же самое время изъ залы. Все это она сдѣлала съ милой непринужденностью и чрезвычайной быстротой, размахивая руками въ воздухѣ, точно ловя въ немъ что-нибудь улетающее отъ нея. Когда M-elle Эспинасъ наконецъ освободила закрываемое ей воспитанницами пространство, позволяющее ей видѣть что дѣлается въ залѣ и узрѣла M-elle Секундову странно размахивающую руками, послѣдняя энергичнымъ толчкомъ ноги спровадила могущій служить уликой свертокъ, прикрываемый ея юбкой, въ сосѣднюю комнату и освободившись отъ таковаго непринужденно понеслась по залѣ въ погоню за чѣмъ-то улетающимъ, кромѣ ея никому другому невидимымъ. Ее остановилъ строгій голосъ воспитательницы:

— M-elle Секундова, что вы дѣлаете?

Пойманная врасплохъ, хотя все это было ею предусмотрѣно, Секундова быстро повернулась на голосъ и сконфуженно остановилась передъ воспитательницей:

— Я ловила моль, M-elle Эспинасъ.

И всплеснувъ руками въ ужасѣ и негодованіи при видѣ сшитыхъ съ воспитательницей подругъ, воскликнула, бросаясь освобождать M-elle Эспинасъ:

— Боже мой! что за глупая шутка!..

Она отпарывала наставницу, крѣпко-на-крѣпко пришитую толстыми нитками къ тремъ институткамъ, и наконецъ освободивъ ее, бросилась ей на шею съ нѣжностью, цѣлуя ея все еще серьезное и строгое лицо, а затѣмъ, обращаясь къ подругамъ, съ пылкимъ негодованіемъ вскричала:

— Mesdames! признавайтесь, кто сдѣлалъ это?

Всѣ молчали. Секундова пронизывающимъ взглядомъ осматривала подругъ, точно по лицамъ ихъ стараясь угадать виновную. Вдругъ ея проницательные глаза остановились на скромномъ лицѣ M-elle Вексъ, и она воскликнула, трагически указывая на послѣднюю жестомъ руки:

— Вексъ, ваше смущеніе выдастъ васъ. Это сдѣлали вы!...

Постели въ старину и теперь.

Очеркъ.

Каждая часть нашей одежды, каждый ничтожный предметъ домашняго хозяйства имѣютъ свою исторію, представляющую болѣе или менѣе богатый матеріалъ для изученія быта и степени развитія народа въ ту или другую эпоху его существованія. Такъ и наши постели прошли множество ступеней совершенствованія, прежде чѣмъ достигли своего теперешняго вида, соединяющаго въ себѣ удобство, изящество и комфортъ.

Какъ извѣстно, кровати существовали уже въ глубокой древности. Самое древнее свѣдѣніе о нихъ встрѣчается у Моисея (5-ая книга, 3, 11), который упоминаетъ, между прочимъ, о желѣзной кровати базанскаго царя „Ога", имѣвшей 9 арш. въ длину и 4 въ ширину. Настоящею же родиной этой мебели считается Египетъ, гдѣ въ каждомъ домѣ было по нѣскольку кроватей, сдѣланныхъ изъ дерева, желѣза, бронзы и даже серебра, смотря по средствамъ хозяевъ. Кровать покрывалась жесткимъ тюфякомъ изъ грубой матеріи съ пружинами изъ тростника или пальмовыхъ вѣтокъ, послужившими образцомъ для теперешнихъ матрацовъ со стальными пружинами; подушкой служилъ гладко обструганный кусокъ дерева съ углубленіемъ въ серединѣ для головы, а самая кровать стояла на небольшомъ пьедесталѣ и начинала качаться отъ малѣйшаго движенія спящаго.

Такое приспособленіе было придумано дѣятельными египтянами для того, чтобы не спать слишкомъ долго и не терять напрасно драгоцѣннаго времени; такого же мнѣнія придерживался, впослѣдствіи, и герцогъ Веллингтонъ, говорившій, что, разъ проснувшись, необходимо тотчасъ же вставать и не стараться заснуть вновь. Ветхо-завѣтные евреи спали на жесткихъ тюфякахъ, служившихъ днемъ диванами и сшитыхъ изъ овечьихъ и козьихъ шкуръ, набитыхъ шерстью или соломой. Сохранилось преданіе о кровати царя Соломона, поражавшей своимъ великолѣпіемъ. Она была сдѣлана искусными мастерами изъ ливанскаго кедра и обита кругомъ золотомъ и серебромъ. Вмѣсто твердаго и неудобнаго матраца, на ней лежало нѣсколько мягкихъ перинъ; подушки были набиты перьями, а одѣяло, сшитое изъ шерстяной матеріи пурпуроваго цвѣта и привезенное изъ города Тира, возбуждало всеобщее удивленіе.

Въ эпоху наибольшаго процвѣтанія Греціи, суровые греки, не признававшіе никакого комфорта, не имѣли понятія объ мягкой, удобной постели. Они спали на узенькой деревянной кровати, у которой настилку замѣняли нѣсколько кожаныхъ ремней, прикрѣпленныхъ крестъ-на-крестъ, а подушку — одинъ или два деревянные валика. Такое спартанское ложе, конечно, не располагало ко сну, а потому греки вставали очень рано и спѣшили приняться за дѣло, чтобы размять свои члены, наболѣвшіе за ночь. Появленіе настоящихъ кроватей съ мягкими тюфяками и подушками совпадаетъ съ началомъ упадка Греціи. Сдѣланная изъ розоваго или черпаго дерева и украшенная изящною рѣзьбой и богатой инкрустаціей, съ шелковыми тюфяками и одѣялами, кровать стоила большихъ денегъ и переходила вмѣстѣ съ другими драгоцѣнностями изъ рода въ родъ.

Римляне, подражавшіе во всемъ грекамъ, также стали пріобрѣтать себѣ роскошныя кровати и даже перещеголяли, въ этомъ отношеніи, своихъ учителей. Вообще, римскія кровати поражаютъ своею необыкновенною вышиной и изяществомъ отдѣлки. Артистическая рѣзьба, покрывавшая ихъ сверху до низу, исполнялась по рисункамъ художниковъ и состояла, большею частью, изъ гирляндъ разныхъ растеній: винограда, лавра, плюща и другихъ.

Древніе германцы, описанные въ сочиненіяхъ Тацита, спали просто на кучахъ песку и сухихъ листьевъ, покрытыхъ звѣриными шкурами, и только много вѣковъ спустя, научились спать съ нѣкоторымъ комфортомъ. Во времена Карла Великаго, у всѣхъ знатныхъ германцевъ были уже не только кровати, но и пуховики, и теплыя одѣяла, такъ что только крестьяне и прислуга продолжали еще спать на соломѣ. Въ XIII и XIV вѣкахъ, одна или двѣ кровати составляли необходимую принадлежность каждаго зажиточнаго дома, и чѣмъ богаче было семейство, тѣмъ выше и массивнѣе дѣлались кровати. Иногда постель достигала такихъ громадныхъ размѣровъ, что въ ней легко помѣщались 6—8 человѣкъ и, кромѣ того, всѣ любимыя собаки и кошки. Если хозяинъ дома хотѣлъ оказать гостю особенное вниманіе, то онъ укладывалъ его спать рядомъ съ собою, и отказаться отъ такой чести считалось величайшею погрѣшностью противъ этикета. Спинки и ножки кровати украшались грубой рѣзьбой, изображавшей разныхъ животныхъ, а боковыя стѣнки обертывались кускомъ матеріи какого-нибудь яркаго цвѣта. На постели находилась цѣлая коллекція перинъ разной величины, въ бѣлоснѣжныхъ чахлахъ; одѣяломъ служила пушистая звѣриная шкура, подшитая сукномъ, а на подушку надѣвалась клѣтчатая шелковая наволочка съ золотыми позументами и такими же кистями. Передняя спинка образовала съ самой кроватью тупой уголъ, такъ что лежащій на ней находился скорѣй въ сидячемъ, чѣмъ въ лежачемъ положеніи. Возлѣ кровати стояли одинъ или два низенькіе диванчика, на которыхъ одѣвались и раздѣвались, а потомъ тутъ же садился слуга или служанка, для развлеченія господъ, страдавшихъ безсонницей. Нѣсколько позднѣе, явилась мода на низкія кровати съ миніатюрными ножками и широкими стѣнками, имѣющія форму продолговатаго ящика. Но эта мода продолжалась не долго, и старинныя высокія кровати, съ цѣлой горой подушекъ и перинъ, сохранившіяся еще до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ глухихъ уголкахъ Германіи, опять вытѣснили новое изобрѣтеніе. Подушки имѣли сначала видъ туго набитыхъ валиковъ; потомъ имъ стали придавать формы: круглую, овальную и, наконецъ, остановились на четыреугольной, какъ на самой удобной. Въ концѣ XVII вѣка, стали употреблять вмѣсто одѣялъ тоненькія пуховыя перины, и эта мода пришлась такъ по вкусу во многихъ сѣверныхъ странахъ, что сохранилась и до сихъ поръ, несмотря на сильныя нападки современныхъ врачей, признавшихъ такія одѣяла въ высшей степени анти-гигіеничными. Въ средніе вѣка, кровати, служившія въ то же время и диванами, считались однимъ изъ наиболѣе драгоцѣнныхъ предметовъ домашней утвари и помѣщались потому не въ заднихъ комнатахъ, а гдѣ-нибудь на виду, чтобы всѣ гости могли ими любоваться. Поэты воспѣвали удобныя, мягкія постели въ напыщенныхъ одахъ, а

писатели посвящали имъ цѣлыя страницы своихъ сочиненій.

Въ XIX вѣкѣ, кровати все продолжаютъ совершенствоваться. Сначала появились мягкіе, волосяные тюфяки, вполнѣ замѣняющіе вредныя для здоровья пуховыя перины, затѣмъ были изобрѣтены эластичные матрацы на пружинахъ. Массивныя, деревянныя кровати почти совсѣмъ вышли изъ употребленія и ихъ замѣнили желѣзными, несравненно болѣе легкими; лѣтъ 20 тому назадъ появились еще болѣе усовершенствованныя, такъ-называемыя походныя кровати, моментально складывающіяся и вполнѣ удобныя для перевозки съ мѣста на мѣсто, а въ послѣднее время придумана еще болѣе оригинальная, раздвижная мебель, служащая днемъ—изящнымъ кресломъ, а ночью—замѣняющая постель. Въ Голландіи, какъ и вообще во многихъ сѣверныхъ странахъ, кромѣ Англіи, до сихъ поръ въ большомъ ходу перины и кровати съ балдахинами, составляющія тамъ необходимое условіе комфорта. Поэтому путешествующіе голландцы вѣчно бранятъ гостиницы съ жесткими матрацами и тоненькими одѣялами, и только утопая въ своихъ пуховикахъ, за тяжелыми занавѣсками, не пропускающими воздуха и свѣта, чувствуютъ себя вполнѣ привольно.

Французы, со свойственнымъ имъ вкусомъ, умѣютъ убирать свои кровати такъ красиво, что ими, положительно, можно залюбоваться. Во Франціи, гдѣ живутъ исключительно уличною, бульварною жизнью, принято вообще довольствоваться миніатюрными, скромными квартирками, такъ что часто одна, много двѣ комнаты служатъ и спальней, и кабинетомъ, и столовой, и пріемной. Зато все помѣщеніе убирается, по возможности, роскошно и кровать служитъ однимъ изъ его лучшихъ украшеній. Непремѣнно деревянная (желѣзная кровать считается недостаточно элегантною), низкая и широкая, съ валиками вмѣсто спинокъ, она вся обтягивается простеганнымъ атласомъ, кашемиромъ или, по крайней мѣрѣ, кретономъ какого-нибудь яркаго цвѣта. Большое, непремѣнно атласное, одѣяло покрываетъ всю постель, а другое, маленькое, назначается спеціально для согрѣванія ногъ. Постельное бѣлье изъ батиста или тонкаго полотна богато убирается кружевами, лентами и вышивками, а днемъ на постель накладывается широкое покрывало, гармонирующее съ обивкой мебели въ комнатѣ и превращающее ее въ оттоманку. Иногда постель окружаютъ мягкія, шелковыя занавѣски, граціозно драпированныя и не имѣющія ничего общаго съ неуклюжими голландскими балдахинами, а иногда такую драпировку замѣняютъ легкія, изящныя ширмы, украшенныя живописью или вышивкой. Такая постель такъ же необходима элегантному французу, какъ пушистый коверъ во всю комнату, мягкая мебель, пылающій каминъ, картины на стѣнахъ, жардиньерки съ цвѣтами и бронзовыя и фарфоровыя бездѣлушками на этажеркахъ. Безо всѣхъ этихъ вещей онъ чувствуетъ себя какъ бы не дома, и потому такую блестящую, кокетливую обстановку можно найти въ каждой мало-мальски зажиточной семьѣ.

Нельзя не упомянуть также объ итальянскихъ кроватяхъ, закутанныхъ въ бѣлоснѣжныя кисейныя занавѣски, съ легкими шелковыми одѣялами и освѣжающими, эластичными матрацами изъ маисовыхъ листьевъ, вполнѣ соотвѣтствующихъ жаркому климату Италіи.

Въ Германіи и Англіи многіе послѣдователи профессора Егера не только носятъ исключительно шерстяную одежду, но и завели себѣ постели съ шерстяными тюфяками, наволочками и одѣялами. Такъ какъ шерсть крайне дурной проводникъ тепла, то спящій на такой постели имѣетъ возможность оставлять въ теплыя ночи форточки открытыми, не рискуя простудиться,—а ужъ давно доказано, что полезнѣе спать на свѣжемъ воздухѣ, чѣмъ въ душной комнатѣ, гдѣ воздухъ не возобновляется въ теченіе нѣсколькихъ часовъ.

Въ Россіи, въ глубокой древности, была, перешедшая вмѣстѣ съ другими обычаями изъ Византіи, мода на великолѣпныя, богато убранныя постели съ шелковыми перинами, пуховыми подушками и парчевыми штофными одѣялами, подбитыми соболемъ, горностаемъ, песцомъ и другими цѣнными мѣхами. Все это передавалось изъ рода въ родъ, наравнѣ съ другими драгоцѣнностями, а въ великокняжескихъ теремахъ существовали даже особыя, такъ-называемыя, постельныя боярыни, на обязанности которыхъ лежала уборка и храненіе постелей съ ихъ принадлежностями. Великіе князья, извѣстные своими славными подвигами и проводившіе полъ-жизни на конѣ (напр. Святославъ, Владиміръ Мономахъ, Андрей Боголюбскій), очень любили, вернувшись домой и попарившись въ банѣ, отдохнуть на мягкой, покойной постели.

Французскій физіологъ Боваръ утверждаетъ, что человѣкъ мыслитъ и соображаетъ лучше всего въ горизонтальномъ положеніи, т. е. лежа, вытянувшись во весь ростъ, и чѣмъ больше времени онъ работаетъ въ постели, тѣмъ лучше дѣйствуетъ его мозгъ; въ доказательство своей теоріи, онъ приводитъ многихъ великихъ людей разныхъ временъ, которые всѣ любили долго оставаться въ постели. Такъ, знаменитый инженеръ прошлаго столѣтія Бриндлей (1716—1772) непремѣнно ложился, когда ему предстояло рѣшать какую-нибудь сложную задачу. Великій государственный человѣкъ Англіи—лордъ Мельборнъ (1779—1848), имѣлъ обыкновеніе обсуждать всѣ важныя дѣла лежа въ кровати. Россини сочинилъ въ постели свои лучшія оперы, а поэтъ Томсонъ (1700 — 1748) — свои лучшія произведенія, между прочимъ, прекрасное стихотвореніе „Времена года“. Генрихъ Гейне очень неохотно разставался съ кроватью и написалъ, не выходя изъ спальни, свои лучшія вещи. Въ эти дни, весь полъ кругомъ кровати покрывался мелко исписанными клочками бумаги, которые прислуга потомъ тщательно подбирала и прибирала въ портфель поэта. Чѣмъ больше человѣку приходится работать умомъ, тѣмъ больше и сна требуетъ его организмъ. Вальтеръ-Скоттъ (1771—1832), написавшій такую массу романовъ въ сравнительно короткій промежутокъ времени, спалъ не менѣе 10-ти часовъ въ сутки. Англійскій король Георгъ III, человѣкъ съ желѣзнымъ здоровьемъ, не мало поработавшій на своемъ вѣку, всегда говорилъ, что философу нужно спать, по крайней мѣрѣ, 9 часовъ, а дураку за глаза довольно и 7 часовъ. Наполеонъ I, герцогъ Веллингтонъ и Пальмерстонъ очень любили поспать и отличались способностью заснуть когда угодно и гдѣ угодно. Благотворное вліяніе сна на организмъ легко замѣтить и въ будничной жизни, среди обыкновенныхъ, не геніальныхъ людей. Хорошо выспавшійся человѣкъ встаетъ въ отличномъ расположеніи духа и исполняетъ свои ежедневныя обязанности скорѣе и добросовѣстнѣе, чѣмъ человѣкъ почему либо не подкрѣпившій свои силы сномъ. Также и дѣти, спящія достаточное количество часовъ въ сутки, на видъ всегда здоровѣе и отвѣчаютъ уроки лучше просиживающихъ ночи за книгами. Замѣчательно также, что люди не имѣющіе серьезныхъ занятій и ведущіе пустую, свѣтскую жизнь, не утруждающую ихъ мозгъ, обыкновенно страдаютъ безсонницей и, вообще, не чувствуютъ потребности къ продолжительному сну. Въ заключеніе упомянемъ объ оригинальномъ факультетѣ, учрежденномъ при женской Академіи въ Синсиннати, во главѣ котораго стоитъ женщина-профессоръ, обучающая барышенъ искусству принимать граціозныя позы во время сна.

Американцы замѣчаютъ вполнѣ основательно, что, такъ какъ человѣкъ проводитъ во снѣ, приблизительно, полъ-жизни, то ему должны быть предоставлены на это время всевозможныя удобства; поэтому американскія спальни и кровати—послѣднее слово комфорта и гигіены. Большіе поклонники всего изящнаго, красиваго и отъ природы очень эксцентричные, американцы и американки стараются показываться даже своимъ домашнимъ, по возможности, въ привлекательномъ видѣ. Слѣдствіемъ этого и явилась потребность въ вышеупомянутыхъ курсахъ, гдѣ барышни пресерьезно учатся граціозно спать, кокетливо одѣваться и причесываться на ночь, не храпѣть и не гримасничать во время сна. Отсюда, ужъ одинъ шагъ до обычая—принимать утреннія визиты въ постели, какъ это дѣлали знатныя дамы въ блестящую эпоху Людовиковъ XIV и XV.

Къ рисункамъ.

Бой быковъ. (Рис. на стр. 496 и 497).

Это кровавое и отвратительное зрѣлище, къ стыду цивилизаціи, до сихъ поръ составляетъ любимую народную потѣху въ Испаніи. Заключается оно, какъ извѣстно, въ томъ, что выпущеннаго на арену быка дразнятъ сначала всадники *(пикадоры)* уколами своихъ пикъ, затѣмъ пѣшіе *капеадоры* (махающіе краснымъ плащемъ передъ глазами разъяреннаго животнаго) и *бандерильеры*, вооруженные коротюкими стрѣлами, вонзающимися лишь въ кожу, и наконецъ, выступаетъ *эспада*, вооруженный шпагой, которою онъ и долженъ поразить быка на смерть, непремѣнно лицомъ къ лицу и черезъ рога, то есть въ тотъ моментъ, когда быкъ наклонитъ голову чтобы боднуть. Собственно только эспада и подвергается опасности. Пѣшіе борцы всегда имѣютъ возможность набросить быку на голову свой плащъ и удрать отъ него, перескочивъ за барьеръ арены. У пикадоровъ же чаще всего страдаютъ лошади, которыхъ быкъ бьетъ рогами обыкновенно въ животъ, выпуская такимъ образомъ внутренности. Чѣмъ больше убито лошадей, тѣмъ живѣе восторги толпы. Встарину, когда въ боѣ быковъ участвовало еще дворянство, пикадоры выѣзжали на кровныхъ андалузскихъ коняхъ, которые, при мастерскомъ управленіи ими, почти всегда увертывались отъ удара страшныхъ роговъ, и смертные случаи составляли рѣдкость. Теперь же для этой цѣли употребляются клячи, отслужившія всякую службу и годныя лишь на живодерню. Рисунокъ нашъ изображаетъ именно тотъ моментъ боя, когда быкъ, поваливъ одну клячу, взбрался на нее и наноситъ смертельный ударъ другому россинанту.

„Изолина“, флорентійская цвѣточница.

(Рис. на стр. 501).

Во всѣхъ большихъ городахъ Италіи, на каждомъ шагу встрѣ-

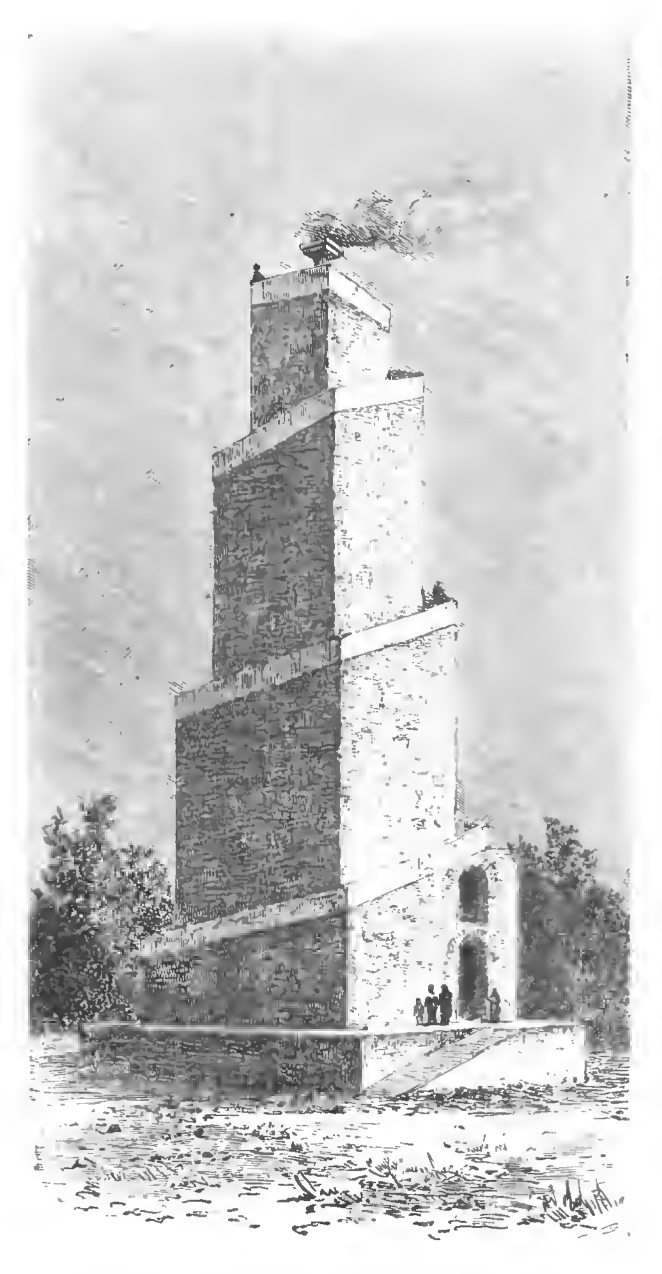
чаются женщины и молодыя дѣвушки съ корзинами цвѣтовъ и букстовъ, предлагающія ихъ прохожимъ; „fiori! fiori! volete, signore?“ раздаются ихъ звонкіе голоса, и каждый выходящій изъ дому на улицу спѣшитъ пріобрѣсть за грошевую цѣну если не букетъ, то хоть одинъ цвѣтокъ въ бутоньерку. Картина Д. Бенкендорфа изображаетъ молодую флорентинку съ ея товаромъ, который пользуется такимъ громаднымъ спросомъ въ странѣ вѣчныхъ улыбокъ природы.

Ромео и Джульетта. (Рис. на стр. 504).

Одноименная драма Шекспира, геніальное воплощеніе первой любви на зарѣ жизни, со всѣми ея грезами, восторгами, ошибками и нерѣдко трагическимъ концомъ, въ двухъ прелестныхъ, вѣчно юныхъ образахъ Ромео и Джульетты, разъединяемыхъ наслѣдственною враждою между домами Монтекки и Капулетти, къ которымъ они принадлежатъ,—слишкомъ извѣстна чтобъ излагать ея содержаніе, которое и не поддается краткой замѣткѣ. Картина К. Б. Венига представляетъ послѣдній актъ драмы, когда несчастные любовники, разлученные въ жизни сцѣпленіемъ различныхъ обстоятельствъ и перипетій драмы, неразрывно соединяются на лонѣ смерти. Джульетта какъ бы уснула на груди Ромео, принявшаго ее въ свои объятія. Оригиналъ картины поражаетъ мастерствомъ въ распоряженіи красками при трактовкѣ живописнаго положенія и при писаніи цвѣтныхъ одеждъ.

Атешъ-Га въ Фирузабадѣ. Развалины башни.

Атешъ-Га въ Фирузабадѣ. Реставрированный видъ.

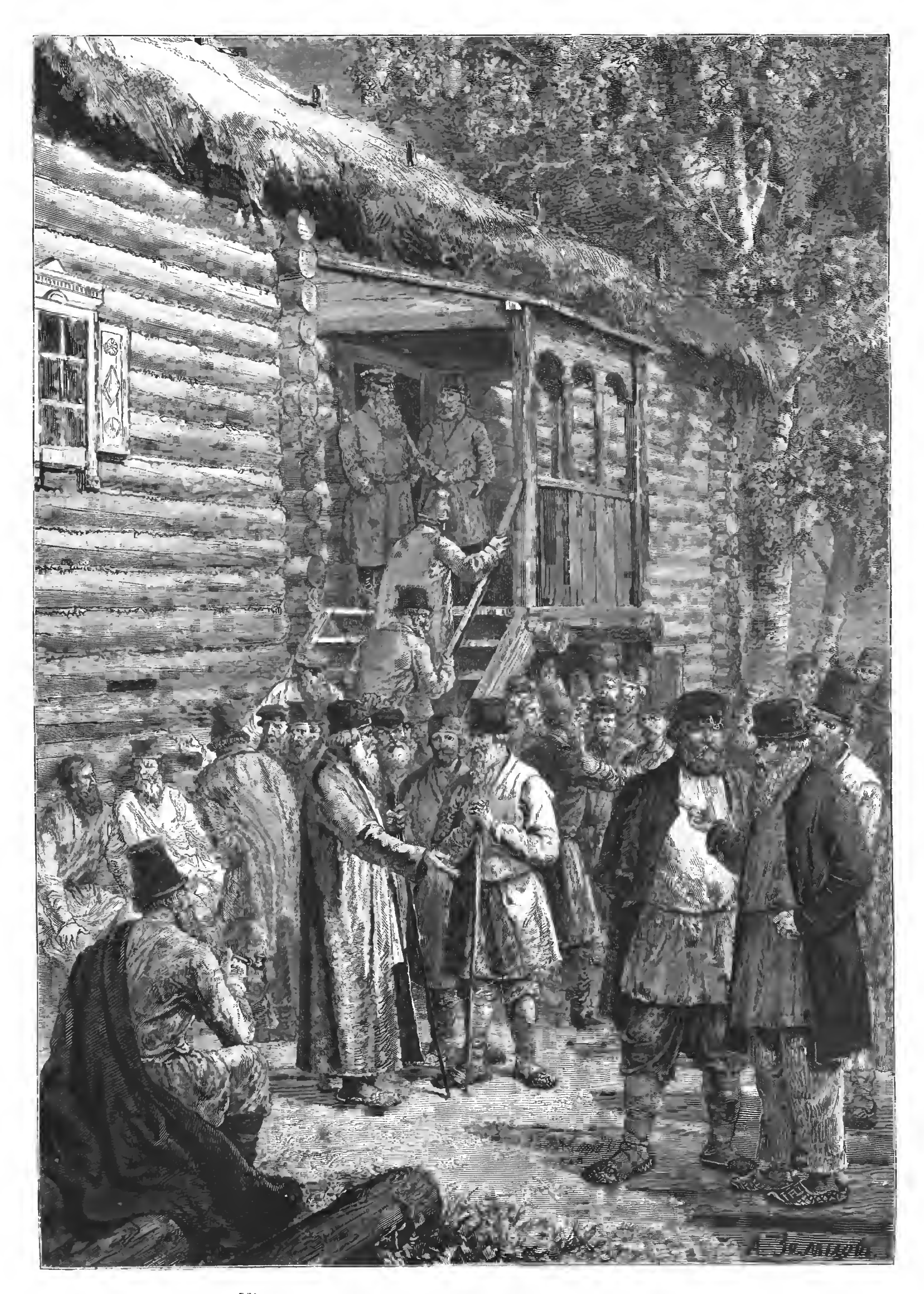
Изъ области вѣчныхъ снѣговъ. (Рис. на стр. 505).

Кавказскій хребетъ, своими исполинскими размѣрами значительно превосходящій Альпы средней Европы, не говоря уже объ Апеннинахъ, Пиренеяхъ и т. п., вѣчно будетъ служить неисчерпаемымъ источникомъ вдохновенія пейзажистовъ. Картина академика А. О. Петерса изображаетъ одинъ изъ уголковъ главнаго хребта залегающихъ выше снѣговой линіи, которая въ Кавказскихъ горахъ доходитъ до вдвое большей высоты чѣмъ на Альпахъ. На первомъ планѣ изображенъ обрывъ не столь высокой горы, поросшій мохомъ по каменному грунту и кое-гдѣ освѣщенный солнцемъ; на немъ пасутся два тура (кавказскіе горные козлы). Второй планъ отстоитъ отъ перваго можетъ-быть на нѣсколько десятковъ верстъ,—трудно опредѣлить разстояніе, такъ какъ перспектива въ горахъ чрезвычайно обманчива; онъ весь залитъ солнцемъ и голубоватыми тѣнями по серебристому снѣгу. Тамъ вѣчное царство снѣговъ и ледниковъ, питающихъ всѣ значительныя рѣки Кавказа; тамъ исчезаетъ уже всякая органическая жизнь, какъ животная, такъ и растительная. Величавая пустынность мѣстности, лишь усугубляемая одинокими фигурами туровъ, и прозрачность горнаго воздуха превосходно переданы въ картинѣ г. Петерса.

Фирузабадскій атеш-га. (Рис. на этой стр.).

Атеш-га—общее названіе неугасимыхъ огней и сооруженій для нихъ у огнепоклонниковъ гебровъ или парсовъ. Въ Россіи такіе огни находятся въ двухъ мѣстахъ на Апшеронскомъ полуостровѣ, Бакинской губерніи и уѣзда: такъ-называемые *Большіе огни* при деревнѣ Сураханѣ и *Малые*—въ пяти верстахъ отъ грязнаго вулкана Іокмала. Явленіе это состоитъ въ томъ, что струя углеводороднаго газа выходитъ изъ раковистаго известняка, богатаго нефтью, и въ соприкосновеніи съ воздухомъ горитъ яркимъ, свѣтлымъ пламенемъ. Еще недавно при Большихъ огняхъ существовалъ огнепоклонническій монастырь, основанный индусами, изъ которыхъ въ 1860 году еще живы были три человѣка.

Что касается изображеннаго на нашемъ рисункѣ фирузабад-

Мірская сходка. Ориг. рис. А. Земцова, грав. Ю. Шюблеръ.

скаго атеш-га, фотографированнаго на мѣстѣ, въ Фирузабадѣ (Персія), извѣстною путешественницей по Востоку, г-жею Дьёляфуа, то онъ представляетъ нынѣ развалины платформы, на которой возвышаются остатки башни, въ 26 метровъ высоты, съ видимыми слѣдами наружной лѣстницы, которая вела до самой верхушки. Ступени обрушились, платформа пострадала отъ землетрясеній и вывѣтриванія, но общее расположеніе частей зданія сохранилось настолько, что позволило мужу путешественницы реставрировать его на второмъ рисункѣ.

Если вѣрить мѣстнымъ преданіямъ, сохраненнымъ у Истахари, персидскаго путешественника X вѣка, фирузабадская башня есть не что иное какъ атешъ-га, посвященное Джуру и сооруженное Ардширомъ Бабеханомъ, основателемъ династіи Сассанидовъ.

Поклоненіе огню, какъ таинственной силѣ (первобытной стихіи, жизненному началу), непосредственно или какъ символу этой силы, встрѣчается въ исторіи человѣчества съ древнѣйшихъ временъ: священное пламя бога Агни у индусовъ, греческо-римскій культъ богини домашняго очага (Гестіи или Весты) съ его весталками, которыя должны были, подъ страхомъ смерти, хранить и поддерживать священный огонь на алтарѣ, и наконецъ атешъ-га парсовъ или гебровъ, послѣдователей Зороастра, которые донынѣ пользуются для своихъ неугасимыхъ огней преимущественно газами выходящими изъ земли, особенно нефтяными. Фирузабадскій атешъ-га, по всему вѣроятію, былъ построенъ именно надъ такою струей газа, которая, проходя по всему зданію, горѣла на его вершинѣ, какъ показано на реставрированномъ рисункѣ № 2.

Мірская сходка. (Рис. на стр. 509).

Кому неизвѣстенъ нашъ сельскій міръ, это юридическое лицо у русскихъ крестьянъ, имѣющее свою собственность, права и обязанности? Шуменъ и безтолковъ онъ бываетъ подъчасъ на своихъ сходкахъ, благодаря горлодерамъ и міроѣдамъ, но и правда на немъ нерѣдко беретъ свое, благодаря „почтеннымъ старичкамъ“ и чисто-русской смѣси добродушія со здравымъ смысломъ. Оригинальный рисунокъ А. Земцова весьма живо передаетъ различные типы, встрѣчающіеся на мірской сходкѣ при обсужденіи общихъ дѣлъ: тутъ и запоечивые ораторы, и люди разсудительные, и такіе у которыхъ своего пары въ головѣ нѣтъ, и равнодушные ко всему, и надо-всѣмъ этимъ, какъ символъ власти, обособившейся отъ подначальныхъ, внушительно возвышается на ступеняхъ крыльца фигура старосты въ картузѣ.

Кумысолечебное заведеніе близъ Кисловодска.

(Рис. на стр. 512).

Кисловодскъ, какъ извѣстно, расположенъ въ одной изъ балокъ (глубокихъ овраговъ) такъ называемаго Пятигорья; окружающія его горы имѣютъ видъ террасъ или пирамидъ, коихъ склоны мѣстами покрыты роскошною луговою растительностью, представляющею превосходное пастбище для конскихъ табуновъ. Въ такой-то мѣстности и устроено кумысолечебное заведеніе, изображенное на рисункѣ баронессы Врангель. Мы видимъ здѣсь обыкновенный загонъ для дойныхъ кобылицъ дающихъ цѣлебный напитокъ, пользующійся всемірною славой подъ названіемъ кумыса, и всю нехитрую утварь, необходимую для его приготовленія. Заведеніе это служитъ прекраснымъ дополненіемъ къ знаменитымъ кисловодскимъ минеральнымъ водамъ.

Физика безъ аппаратовъ.

Проводимость теплоты металлами.

(Рис. на стр. 513).

Возьмите мѣдный или какой нибудь другой металлическій шарикъ около двухъ вершковъ въ поперечникѣ и покройте тонкою кисеею или батистовымъ платкомъ. Положите затѣмъ на шарикъ горящій уголь (фиг. 1), дуйте на него, чтобы онъ не потухалъ, и кисея или батистъ не прогорятъ и не будутъ повреждены. Это потому, что металлъ, какъ хорошій проводникъ тепла и обладая притомъ способностью быстро нагрѣваться, поглощаетъ всю теплоту изъ горящаго угля и платокъ все время имѣетъ болѣе низкую температуру, чѣмъ та, которая нужна чтобы онъ прогорѣлъ.

Опытъ этотъ можетъ быть произведенъ другимъ образомъ. Батистовымъ платкомъ покрываютъ металлическій газовый рожокъ, открываютъ газъ, зажигаютъ и онъ горитъ, не повреждая платка (фиг. 2). Чтобы опытъ вполнѣ удался, нужно плотно натянуть платокъ на рожкѣ, чтобы не было складокъ, и завязать его металлическою проволокою, какъ показано на рисункѣ.

Библіографія.

Самоучитель французскаго языка для взрослыхъ. Метода *Туссэна и Лангеншейдта.* Обработалъ для русскихъ *А. Рѣдкинъ.* Въ ряду пособій къ изученію иностранныхъ языковъ безъ помощи учителя, руководства Туссэна и Лангеншейдта занимаютъ одно изъ почетнѣйшихъ мѣстъ; достоинства ихъ давно уже признаны за-границею какъ спеціальною критикой, такъ и публикой. Благодаря своему долголѣтнему преподавательскому опыту, названные авторы создали для изученія англійскаго и французскаго языковъ такія руководства, которыя по праву считаются составленными безукоризненно. Не ограничиваясь теоретическою стороною дѣла, авторы позаботились придать занятіямъ такой характеръ, чтобы учащійся могъ овладѣть изучаемымъ языкомъ также и *практически.* Для этого какъ во французскомъ, такъ и въ англійскомъ учебникахъ наиболѣе мѣста отведено практикѣ. Каждое иностранное слово, каждая фраза сопровождаются показаніемъ ихъ произношенія; при этомъ авторы непремѣнно требуютъ, чтобы каждое слово было читаемо не иначе какъ *вслухъ.* При неуклонномъ исполненіи этого требованія, учащійся довольно скоро освоивается съ чужеземными звуками; даваемый-же авторами обильный лексическій матеріалъ дѣлаетъ остальное, снабжая учащагося необходимымъ запасомъ словъ. — Попытка г. Рѣдкина приспособить французскій учебникъ Туссэна и Лангеншейдта къ потребностямъ Русскихъ, не владѣющихъ нѣмецкимъ языкомъ, по которому составленъ подлинникъ, заслуживаетъ полнаго сочувствія. Приспособленіе это сдѣлано добросовѣстно и толково, а потому обработка г. Рѣдкина можетъ сослужить полезную службу всякому, кто хочетъ основательно изучить французскій языкъ или пополнить свои свѣдѣнія по этой части. Всего вышло уже 11 выпусковъ. Подписная цѣна на I курсъ 6 р., съ перес. 7 руб. Подписка принимается въ СПБ. мастерской учебныхъ пособій и въ книжн. складѣ В. А. Березовскаго въ СПБ.

Политическое обозрѣніе.

8 мая.

Министерскій кризисъ и пробная мобилизація во Франціи.—Англійская колоніальная конференція.—Прибытіе королевы Сербской въ Россію.

Посреди всевозможныхъ „разоблаченій“, составлявшихъ какъ бы лозунгъ истекшей недѣли, во Франціи подготовлялся и наконецъ разразился министерскій кризисъ. Внесенный кабинетомъ въ палату депутатовъ бюджетный проектъ былъ, какъ извѣстно, переданъ ею въ „комиссію тридцати-трехъ“, которая, находя, что въ настоящее время Франціи прежде всего необходимы строжайшая экономія, сокращеніе расходовъ, какъ можно большія сбереженія, за полною невозможностью новыхъ налоговъ, заявила что бюджетъ кажется ей слишкомъ высокимъ и что поэтому она его не приметъ. Глава министерства, г. Гобле, считающій въ числѣ своихъ противниковъ и радикаловъ, добивающихся замѣны его пресловутымъ Клемансо, и консерватисвовъ, которые надѣются что кабинетъ послѣдняго скоро привелъ бы Францію къ полному крушенію республики, и оппортунистовъ, считающихъ г. Гобле просто недостойнымъ стоять въ челѣ правительства великой державы, не могъ даже добиться отъ комиссіи чтобъ она точнѣе изложила свои требованія. Въ такомъ видѣ бюджетный вопросъ изъ комиссіи поступилъ на обсужденіе въ палату депутатовъ. Всѣмъ становилось очевидно, что бюджетный вопросъ былъ лишь предлогомъ для низверженія министерства, и положеніе палаты было тѣмъ затруднительнѣе, что она сама выбрала изъ своей среды эту „комиссію тридцати трехъ“, которая теперь выражала свое недовѣріе кабинету, ничѣмъ его опредѣленно не мотивируя. Стараясь избѣгнуть кризиса, депутатъ Делафоржъ во время преній предложилъ переходъ къ очереднымъ дѣламъ съ заявленіемъ довѣрія къ патріотизму правительства и комиссіи, съ новымъ настояніемъ на необходимости сбереженій и съ выраженіемъ надежды на то что соглашеніемъ правительства съ комиссіей удастся возстановить равновѣсіе въ бюджетѣ. Не смотря на то, что какъ показываетъ результатъ баллотировки этого предложенія, голоса раздѣлились почти поровну *за* и *противъ* предложенія, на сторонѣ противниковъ министерства оказалось лишнихъ 18 голосовъ, которыми предложеніе и было отвергнуто. Въ составъ антиправительственнаго большинства, вошло 164 члена правой, 86 оппортунистовъ и 25 членовъ крайней лѣвой. Г. Гобле, заявивъ, что дальнѣйшій ходъ преній не интересуетъ правительство, вмѣстѣ со всѣми министрами вышелъ изъ залы засѣданій. По уходѣ ихъ, палата уже сравнительно громаднымъ большинствомъ 312 голосовъ противъ 143 приняла вышеприведенную резолюцію комиссіи. Въ тотъ же вечеръ 5 (17) мая, Г. Гобле вручилъ президенту республики прошеніе кабинета объ отставкѣ, и вскорѣ затѣмъ разнесся слухъ что президентомъ будущаго министерства считается г. Фрейсинэ. Со своей стороны, газеты „несговорчивыхъ“ просятъ Клемансо занять этотъ постъ, а оппортунистскія возстаютъ противъ вступленія генерала Буланже въ новый кабинетъ.

Что касается Буланже, то его проектъ примѣрной мобилизаціи одного изъ французскихъ армейскихъ корпусовъ на что потребуется крупный расходъ въ 4 милліона франковъ, серіоз-

но встревожилъ нѣмецкую печать. Берлинская *Крестовая газета*, напр., находитъ, что эта мобилизація есть опасный опытъ угрожающій европейскому миру. „Болѣзненная раздражительность французской партіи *возмездія* (реванша) въ союзѣ съ искателемъ приключеній, стоящимъ у кормила правленія,“ пишетъ эта газета, „въ виду возможности двинуть мобилизованный корпусъ на германскую границу въ теченіе нѣсколькихъ дней — не можетъ не возбуждать тревоги, тѣмъ болѣе что трудно будетъ контролировать, какихъ размѣровъ достигнутъ вооруженія Франціи“; тѣ же опасенія раздѣляетъ и берлинская *Post*.

По случаю безпрестанно возобновляющихся слуховъ о заключеніи русско-французскаго союза, бельгійская газета *Le Nord* заявляетъ, что Россія преслѣдуетъ лишь одну цѣль— всеобщій миръ, для чего и считаетъ прежде всего необходимымъ сохранять полную свободу дѣйствій, которая, по словамъ газеты, не заключаетъ въ себѣ ни угрозы, ни поощренія другимъ державамъ, но каждая изъ нихъ можетъ извлечь отсюда пользу для себя.

Въ Лондонѣ около трехъ недѣль засѣдала англійская колоніальная конференція, имѣвшая цѣлью добиться соглашенія между правительствомъ метрополіи и англійскими колоніями въ видахъ обоюдной защиты неприкосновенности владѣній такъ-называемой Британской имперіи. По извѣстіямъ *Berlin. Tagebl.*, австралійскіе уполномоченные выразили свое недовольство британскою политикою по вопросу о Ново-Гебридскихъ островахъ. Что же касается положительныхъ результатовъ конференціи, то важнѣйшимъ изъ нихъ является рѣшеніе создать собственно австралійскій флотъ, который долженъ будетъ подкрѣплять морскія силы Англіи. Флотъ этотъ будетъ построенъ и снаряженъ на средства Британскаго правительства, причемъ однако Австралія обязуется вносить въ теченіе десяти лѣтъ по 122,000 фунтовъ стерлинговъ на это дѣло. Такое же соглашеніе было еще ранѣе заключено съ Канадой. Кромѣ того, австралійскія колоніи обязались-де возвести въ 1888 году нѣсколько фортовъ, а именно: укрѣпить заливъ короля Георга и Принцесъ-Рояль-Гарборъ въ Южной Австраліи и Тёрсдей-Эйландъ въ Торресовомъ проливѣ. Затѣмъ въ Австраліи будетъ сформированъ артиллерійскій корпусъ.

5-го мая королева Сербская съ наслѣдникомъ прибыла въ 9 час. утра изъ Яссъ въ Одессу. На вокзалѣ встрѣтили королеву командующій войсками, градоначальникъ, городской голова и прибывшій изъ Петербурга посланникъ Груичъ. Королева остановилась въ „Петербургской гостиницѣ“. *Моск. Вѣд.* выражаютъ надежду, что королева Наталія, прибывъ на родину, возстановитъ не только свои физическія силы, но и чувства любви и преданности къ своему бывшему отечеству, которыя внушитъ и своему сыну.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, съ Н. Н. В., Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и В. К. Николаемъ Александровичемъ и В. К. Георгіемъ Александровичемъ, 3 мая, изволили выѣхать на югъ Россіи и 5 числа благополучно прибыли въ Новочеркасскъ. Для встрѣчи Августѣйшихъ Путешественниковъ на станціи желѣзной дороги былъ выстроенъ почетный караулъ отъ мѣстной команды и собрались весь генералитетъ и всѣ власти. В. К. Николай Николаевичъ Старшій находился во главѣ встрѣчавшихъ. Въ соборѣ встрѣчали высокопреосвященный Платонъ, митрополитъ кіевскій, и епархіальные архіереи съ духовенствомъ.

— Е. И. В. Великая Княгиня Марія Павловна, съ Августѣйшими Дѣтьми В. К. Борисомъ Владиміровичемъ и В. К. Еленою Владиміровною, прибыли изъ-за границы, 1 мая, съ общимъ поѣздомъ варшавской желѣзной дороги.

— 1 мая, съ курьерскимъ поѣздомъ николаевской дороги прибылъ на станцію Химки Е. И. В. В. К. Сергѣй Александровичъ съ Супругою В. К. Елисаветою Ѳеодоровною, и въ экипажѣ прослѣдовалъ въ село Ильинское.

Правительственныя распоряженія.

— Послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ измѣненіи правилъ составленія списковъ присяжныхъ засѣдателей.

Военное и морское дѣло.

— 30 апрѣля, въ собраніи офицеровъ генеральнаго штаба войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа состоялось сообщеніе генералъ-маіора Куропаткина — „Ружейный огонь, на основаніи опыта русско-турецкой войны 1877—1878 гг.“. Это сообщеніе удостоили Своимъ присутствіемъ И. И. В. В. К. Владиміръ Александровичъ и Михаилъ Николаевичъ.

— 30 апрѣля фрегатъ „Дмитрій Донской“, корветъ „Рында“ и клиперъ „Наѣздникъ“— вышли изъ Гонгъ-Конга въ Нагасаки.

Дѣла церкви.

— Государь Императоръ, 24 апрѣля, Высочайше соизволилъ утвердить всеподданнѣйшій докладъ Св. Синода: 1) объ учрежденіи въ предѣлахъ С.-Петербургской и Московской епархій епископскихъ каѳедръ третьихъ викаріевъ, съ именованіемъ третьяго викарія С.-Петербургской епархіи епископомъ нарвскимъ, а третьяго викарія Московской епархіи—епископомъ волоколамскимъ.

— Въ нынѣшнемъ году въ іюнѣ исполнится 60 лѣтъ служенія митрополита кіевскаго и галицкаго Платона и двадцатипятилѣтіе служенія въ санѣ архіерея архіепископовъ: полтавскаго и переяславскаго Іоанна, иркутскаго и нерчинскаго Веніамина и тверскаго и кашинскаго Саввы.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Тюлений промыселъ на Каспійскомъ морѣ въ минувшемъ году былъ не совсѣмъ удаченъ. Изъ 150 кусовыхъ, вышедшихъ изъ Форта Александровскаго на промыселъ въ море, только нѣсколько вернулись съ полнымъ грузомъ.

— По свѣдѣніямъ отъ 3 мая, въ губерніяхъ Екатеринославской, Харьковской, Полтавской и части Курской въ теченіе двухъ дней шелъ обложной дождь, очень благотворно повліявшій на поля; всходы вездѣ прекрасные, трава обѣщаетъ обильный сѣнокосъ.

— Холодная погода, стоявшая нынѣшнею весною на Кавказѣ, отразилась, между прочимъ, на посѣвѣ хлопка въ Эриванской губерніи, который въ первой половинѣ минувшаго апрѣля еще нигдѣ не начинался.

— По свѣдѣніямъ изъ Ташкента, бывшій въ ночь на 4 мая морозъ сильно повредилъ табачные и кукурузные всходы; листья винограда завяли, всходы хлопка пострадали.

Торговля.

— Въ теченіе недѣли 19—25 апрѣля (ст. ст.) твердое настроеніе сдѣлало дальнѣйшіе успѣхи, являясь рѣшительно преобладающимъ на заграничныхъ хлѣбныхъ рынкахъ, соотвѣтственно чему и цѣны повсемѣстно обнаружили болѣе или менѣе опредѣленное стремленіе къ повышенію. Русскіе внутренніе и портовые балтійскіе рынки работали тихо; зимнія заготовки на волжскихъ пристаняхъ оказываются, въ сложности, ниже заготовокъ предшествовавшихъ лѣтъ. Въ южныхъ портахъ на отчетной недѣлѣ было оживленно, благодаря усиленному требованію на пшеницу и кукурузу для Франціи и на рожь для Германіи. Сахарные рынки, какъ русскіе, такъ и заграничные—слабѣе.

— На первыхъ судахъ, прибывшихъ изъ-за границы въ Кронштадтскій портъ, привезены слѣдующіе товары: хлопка 22.760 кипъ; сельдей 14.784 боченка; каменнаго угля— 27.613 тоннъ или 1.656.780 пудовъ и коксу 5.200 тоннъ (312.000 пудовъ).

Сооруженія.

— Въ Кіевѣ, въ усадьбѣ Э. А. Коллена, на углу Жилянской и Тарасовской улицъ, производится буреніе артезіанскаго колодца; глубина скважины доведена до 124 футовъ, а ея основаніе на 30 ф. ниже средняго уровня водъ Днѣпра. Неизвѣстно, увѣнчается ли буреніе успѣхомъ, но во всякомъ случаѣ оно дастъ важные научные и практическіе выводы по вопросу о почвенныхъ водахъ города.

Искусства изобразительныя.

— 28 апрѣля закрылась въ Москвѣ XV передвижная выставка картинъ. За 24 дня на ней перебывало до 30.000 посѣтителей,— втрое больше, чѣмъ на каждой изъ предъидущихъ выставокъ. Многія картины были проданы.

— Академія Художествъ положила присоединить свою первую передвижную выставку, окончившуюся въ Харьковѣ, къ научно-промышленной выставкѣ, которая должна открыться этимъ лѣтомъ въ Екатеринбургѣ.

— Совѣтъ императорской Академіи Художествъ пріобрѣлъ 15 картинъ изъ числа находившихся на академической выставкѣ, скульптурную группу Лаверецкаго, 2 акварели и много архитектурныхъ чертежей и рисунковъ. Всего куплено: картинъ, писанныхъ масляными красками, и акварелей на 14.500 руб., скульптурное произведеніе за 2.800 руб. и архитектурныхъ рисунковъ на 2.700 руб.,— въ общей сложности на 20.000 руб.

Наука.

— 28 апрѣля въ засѣданіи отдѣленія этнографіи Географическаго Общества членъ-сотрудникъ Г. Н. Потанинъ сдѣлалъ интересное сообщеніе о составѣ и обычаяхъ народонаселенія китайской провинціи Амдо, посѣщенной имъ во время его послѣдняго путешествія.

— 29 апрѣля въ собраніи соединенныхъ отдѣленій географіи математической и физической, М. А. Рыкачевъ сдѣлалъ сообщеніе о распредѣленіи атмосфернаго давленія и вѣтровъ на Каспійскомъ морѣ.

— Магистръ философіи Имп. Александровскаго Гельсингфорсскаго университета, Яльмаръ Базиліе намѣревается отправиться нынѣшнимъ лѣтомъ, между прочимъ, въ Олонецкую губернію, на средства Финно-Угрійскаго Общества, для филологическихъ изслѣдованій мѣстныхъ нарѣчій.

Пути сообщенія.

— На дняхъ отправляется въ Закаспійскій край особая, Высочайше утвержденная коммиссія, на которую оффиціально возложено принять въ казну и сдать въ эксплуатацію Закаспійскую желѣзную дорогу, вплоть до Чарджуя (на Аму-Дарьѣ).

— Въ Саратовѣ 30 апрѣля открыта конно-желѣзная дорога.

Изъ губерній и областей.

— 22 апрѣля, въ $3\frac{3}{4}$ часа дня, надъ гор. Варшавою разразилась сильная гроза, съ чрезвычайно крупнымъ градомъ. Отдѣльныя градины доходили до величины куринаго яйца и даже болѣе. Въ городѣ выбито до полумилліона стеколъ, вслѣдствіе чего во всѣ ближайшіе города края Имперіи и за границу были разосланы телеграммы о немедленномъ доставленіи въ Варшаву стеколъ. Въ Лазенковскомъ паркѣ, въ Саксонскомъ и Красинскомъ садахъ, въ скверахъ и по всѣхъ частныхъ садахъ сучья деревьевъ поломаны, а только что распустившіеся листья сбиты. Начиная отъ Скерневицъ, до станціи Воломина, Петербурго-Варшавской желѣзной дороги, буря причинила громадные убытки помѣщикамъ и крестьянамъ: градъ побилъ почти

Кумысолечебное заведеніе близъ Кисловодска, въ горахъ около форта.
Ориг. рис. баронессы Е. Врангель, грав. К. Ольшевскій.

всѣ всходы на этомъ пространствѣ, во многихъ усадьбахъ и деревняхъ снесены крыши, попорчены строенія. Старожилы не запомнятъ такой ужасной атмосферической катастрофы.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ 25 и 26 апрѣля также была буря. Крупныхъ несчастій пока не было, но мелкихъ судовъ потоплено много. Перевозъ чрезъ Волгу прерванъ. На луговой сторонѣ, противъ города, выбросило на берегъ небольшой буксирный пароходъ.

— Въ ночь на 14 апрѣля въ с. Хандой. Ахалкалакскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, четверо вооруженныхъ разбойниковъ напали на домъ мѣстнаго жителя Тараса Аветисова, причемъ поранили какъ самого хозяина, такъ и его работника, и отняли 130 рублей. Во время этого нападенія, потерпѣвшіе, защищаясь отъ грабителей, смертельно ранили двухъ изъ нихъ, послѣ чего другіе двое заперлись въ ближайшемъ саманникѣ. Къ мѣсту происшествія былъ командированъ полицейскій чиновникъ, съ командою всадниковъ земской стражи, который и задержалъ разбойниковъ.

— Въ Тифлисъ прибылъ изъ Тегерана двоюродный братъ шаха, принцъ Услнъ-Султанъ, ѣдущій чрезвычайнымъ посланникомъ въ Лондонъ.

Городскія извѣстія.

— Петербургскій почтамтъ установилъ особый контроль исправной доставки адресатамъ корреспонденціи. Для этой цѣли, при разборкѣ получаемой въ почтамтѣ корреспонденціи, письма нѣкоторыхъ адресатовъ записываются въ особую книгу и доставляются по назначенію, а затѣмъ, черезъ нѣсколько дней, къ этимъ адресатамъ является на домъ почтовый чиновникъ съ особою вѣдомостью и справляется получены ли ими тогда-то и оттуда-то, адресованныя на ихъ имена простыя письма. Въ исправномъ полученіи корреспонденціи адресаты расписываются въ вѣдомости. Контроль производится и въ отдѣлені.хъ почтамта по распоряженію почтъ-директора.

Смѣсь.

Обширнѣйшій въ мірѣ ломбардъ—это Mont de Piété въ Парижѣ. Благотворительное учрежденіе это взяло образцомъ итальянскіе ломбарды, т. е. общественныя мѣста, гдѣ бѣдный людъ, за небольшіе проценты, получалъ деньги подъ залогъ вещей. Заведенія эти были учреждены съ цѣлью обезпечить бѣдняковъ отъ обиранія ихъ ростовщиками. Начало подобныхъ учрежденій относится ко времени Папы Пія II (1464—71); первый такой домъ былъ основанъ въ Перузіи. Подобныя же учрежденія были введены въ теченіе XV и XVI столѣтій во всѣхъ итальянскихъ городахъ. Названіе свое Mont de Piété (гора милосердія) ведетъ отъ холма въ Парижѣ, гдѣ впервые былъ построенъ такой домъ. Фонарь служитъ обыкновенно вывѣскою такого дома. Въ Парижѣ фонарь былъ вывѣшенъ въ 1778 г. Теперь дѣла ломбарда такъ обширны, что управленіе имѣетъ три главныхъ и двадцать второстепенныхъ отдѣленій въ Парижѣ. Согласно даннымъ отчета, въ одинъ годъ было принято 1.431,575 залоговъ, на сумму 10.363,000 рублей. Въ томъ же году получено прибыли 15%. Только 6% залоговъ были выкуплены. Наибольшее стеченіе народа бываетъ по субботамъ, а также предъ Новымъ Годомъ и Пасхою. (г.)

Физика безъ аппаратовъ. Фиг. I. Раскаленный уголь, положенный на батистовый платокъ, обернутый вокругъ шара. Платокъ не загорается.

Физика безъ аппаратовъ. Фиг. II. Газовый рожокъ, обернутый батистовымъ платкомъ. Пламя проходитъ черезъ батистъ, не зажигая его.

Фильдъ и Гуммель. Въ 1823 году, совершая артистическую поѣздку по Европѣ, извѣстный музыкантъ Гуммель прибылъ изъ Петербурга, гдѣ его игра на фортепіано возбуждала всеобщій восторгъ,—въ Москву. Тамъ въ это время проживалъ другой знаменитый музыкантъ, Фильдъ. Оба виртуоза никогда не видались прежде, хотя по имени хорошо знали другъ друга. Однажды утромъ Гуммель, одѣтый по своему обыкновенію весьма просто, отправился къ Фильду, который жилъ въ небольшой наемной квартирѣ. Онъ засталъ Фильда въ халатѣ и съ трубкой въ зубахъ, дающимъ урокъ одному изъ своихъ учениковъ.

— Я желаю видѣть господина Фильда, сказалъ Гуммель.

— Къ вашимъ услугамъ, отвѣчалъ Фильдъ;—чѣмъ могу быть полезенъ?

— Я желалъ имѣть удовольствіе познакомиться съ вами. Я самъ большой любитель музыки. Но вы заняты; пожалуйста не стѣсняйтесь, я могу подождать.

Фильдъ безъ дальнѣйшей церемоніи указалъ гостю стулъ и спросилъ только, не мѣшаетъ-ли ему табачный дымъ.

— Нисколько, отвѣчалъ Гуммель:—я самъ курю.

Присутствіе посторонняго стѣсняло ученика. Онъ вскорѣ откланялся. Тогда завязался разговоръ. „Каковы собственно ваши занятія въ Москвѣ?“ Гуммель отвѣчалъ, что онъ прибылъ по торговымъ дѣламъ, но, какъ большой любитель музыки, наслышавшись о необыкновенномъ талантѣ г-на Фильда, не хотѣлъ оставить Москвы, не насладившись его игрой.

Фильдъ сѣлъ за фортепіано, желая доставить удовольствіе своему гостю, и хотя былъ не высокаго мнѣнія о его пониманіи музыки, онъ тѣмъ не менѣе сталъ импровизировать одно изъ своихъ „capricio“, которыя всегда исполнялъ такъ увлекательно. Гуммель горячо благодарилъ его за любезность, увѣряя, что никогда не слышалъ такой блестящей и отчетливой игры на фортепьяно.

Фильдъ отвѣтилъ насмѣшливымъ тономъ:—Такъ какъ вы сами—большой любитель музыки, то и вы должны сыграть мнѣ что-нибудь.

Гуммель сначала отговаривался, утверждая, что послѣ слышаннаго онъ едва-ли дерзнетъ сѣсть за фортепіано.

— Это ничего не значитъ! Любитель музыки всегда знаетъ что-нибудь наизусть.

И Фильдъ уже смѣялся внутренно надъ тѣмъ, что ему придется услышать. Между тѣмъ Гуммель началъ тотъ самый мотивъ, который былъ только что сыгранъ Фильдомъ, и варьировалъ его съ такою художественною импровизаціей, что Фильдъ чуть не окаменѣлъ отъ удивленія. Еще немного, и онъ выронилъ свою трубку, отеръ выступившія на глаза слезы, взялъ Гуммеля сзади за голову, крѣпко поцѣловалъ его и воскликнулъ растроганнымъ голосомъ:

— Вы—Гуммель!.. Одинъ Гуммель въ цѣломъ свѣтѣ можетъ такъ импровизировать!

Гуммель съ трудомъ освободился изъ объятій своего почитателя. Такимъ образомъ познакомились между собою эти два необыкновенные человѣка. Нѣсколько дней спустя Гуммель давалъ концертъ; Фильдъ обѣщалъ написать къ этому случаю пьесу для

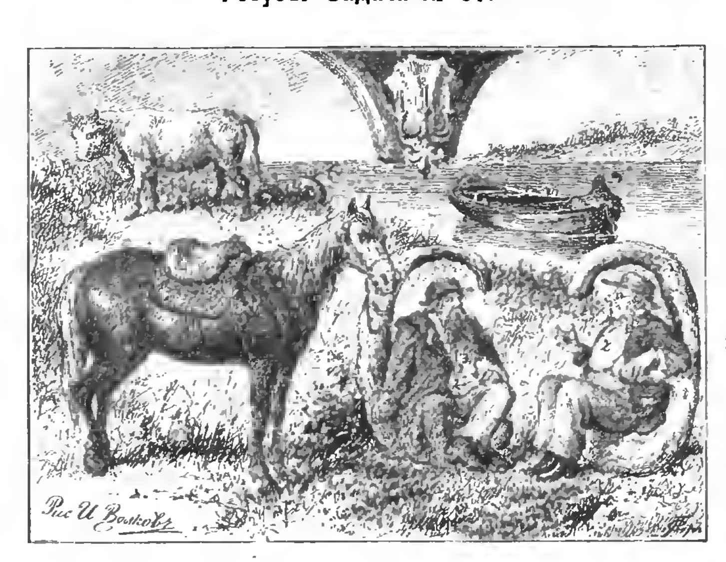
двухъ фортеніано, и въ назначенный день оба музыканта исполнили ее съ такимъ успѣхомъ, какого Москвѣ еще не приходилось видѣть. (с.)

Строеніе лунной поверхности. Относительно строенія лунной поверхности сдѣланы недавно американскимъ ученымъ С. П. Лангleемъ интересныя гипотезы, которыя бросаютъ новый свѣтъ на этотъ до сихъ поръ малоизслѣдованный вопросъ космографіи. Его объясненія непонятыхъ доселѣ образованій лунной поверхности основываются на гипотезѣ постепеннаго полнаго обледенѣнія. Во время огненно-жидкаго состоянія луны, атмосфера ея состояла главнымъ образомъ изъ водяныхъ паровъ. Охлажденіе луны, какъ тѣла сравнительно малой величины, подвигалось быстро впередъ. Когда охлажденіе достигло той степени, что водяные пары могли осаждаться, образовались моря, и окружающая водяные пары газовая оболочка стала быстро увеличиваться въ объемѣ, черезъ что охлажденіе все болѣе и болѣе ускорялось. Вслѣдствіе этого луна безпрепятственно лучеиспускала теплоту въ міровое пространство, и поверхность ея въ скоромъ времени начала замерзать. Постепенно замерзли и моря; осталось лишь раскаленное ядро внутри луннаго шара. Внѣшнее давленіе приводило въ соединеніе съ этимъ ядромъ заключавшуюся еще въ обледенѣлой корѣ воду, чрезъ что образовывались горячіе водяные пары высокаго давленія, которые искали себѣ выхода. Тамъ, гдѣ ледяная кора оказывала имъ наименьшее сопротивленіе, возникали тысячи отверстій, изъ которыхъ кратерообразно выбрасывались вода и пары. Мѣстами же кора лопалась, давая большія и длинныя трещины. На основаніи такихъ гипотезъ, американскому изслѣдователю удалось найти объясненіе для всѣхъ въ высшей степени замѣчательныхъ явленій, которыя наблюдаются на лунной поверхности, а именно: равномѣрнаго освѣщенія всѣхъ плоскостей, краевъ и середины луны, горъ, вершинъ и долинъ. Особенно яркія свѣтовыя пятна, видимыя простымъ глазомъ, по его теоріи,—не моря и океаны, какъ до сихъ поръ думали, а просто—свѣтъ, отражаемый особенно гладкими ледяными поверхностями. Тѣмъ же путемъ, Ланглей предлагаетъ гипотезы для объясненія правильно-кругообразной формы плоскихъ возвышенностей, кольцеобразныхъ горъ и конусообразныхъ кратеровъ,—равно какъ и строенія морскихъ береговъ, заливовъ и отмелей. Наконецъ теорія эта удовлетворительно разрѣшаетъ вопросъ объ отсутствіи измѣненій на лунѣ. (с.)

Bucking. Въ американскихъ газетахъ сообщаютъ, что г. Груффъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ техниковъ въ Вашингтонѣ, изобрѣлъ небольшой инструментъ, которому онъ далъ названіе bucking. Этотъ инструментъ имѣетъ очень удобную форму и легко помѣщается во рту. Если сквозь него пропускать голосъ, то послѣдній получаетъ необыкновенно пріятный, мягкій звукъ, независимо отъ свойствъ самаго голоса. Дальнѣйшее усовершенствованіе, къ которому стремится изобрѣтатель bucking'а, заключается въ томъ, чтобы при помощи его достигать постановки голоса октавой выше, благодаря чему число теноровъ получитъ вѣроятно значительное приращеніе изъ рядовъ баритоновъ. (с.)

Женское царство на островѣ Явѣ. На островѣ Явѣ, между городами Самарангомъ и Батавіей лежитъ небольшое государство — королевство Бантамъ,—которое какъ относительно формы правленія, такъ и нравовъ и обычаевъ его жителей далеко оставляетъ за собой самыя смѣлыя мечты американскихъ поборниковъ женской эмансипаціи. Хотя Бантамъ платитъ дань Нидерландамъ, но составляетъ независимое государство, которое, не смотря на незначительность въ политическомъ отношеніи, счастливо, богато и съ незапамятныхъ временъ управляется женщинами. Властелинъ этого королевства—мужчина, но всѣ остальные члены управленія принадлежатъ къ прекрасному полу, и самъ король находится въ зависимости отъ совѣта, состоящаго изъ трехъ женщинъ. Высшія власти страны, главная администрація, придворная прислуга, офицеры и солдаты—всѣ безъ исключенія женщины. Мужчины занимаются только земледѣліемъ и торговлей. Собственный конвой монарха состоитъ изъ отряда амазонокъ, которыя ѣздятъ по-мужски и такъ-же ловко владѣютъ длинной, острой пикой, какъ и огнестрѣльнымъ оружіемъ, изъ котораго съ величайшей мѣткостью стрѣляютъ на полномъ скаку. Престолъ переходитъ обыкновенно къ старшему сыну; но, если король умираетъ не оставивъ мужскаго потомства, собирается совѣтъ изо ста выбранныхъ съ этой цѣлью амазонокъ и назначаетъ наслѣдникомъ престола одного изъ ихъ сыновей. Избранный провозглашается затѣмъ законнымъ властителемъ. Главный городъ этого удивительнаго маленькаго государства лежитъ въ одной изъ живописнѣйшихъ мѣстностей острова Явы, въ плодоносной долинѣ, и охраняется двумя хорошо вооруженными фортами. (с.)

Ребусъ. Задача № 37.

Рѣшеніе ребуса № 26 (помѣщен. въ № 14).

„Око бѣжитъ далеко, но мысль—еще далѣе“.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги **ТОЛЬКО ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ ИЛИ ВООБЩЕ НЕ ПОЛНУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** — поторопиться высылкою остальныхъ денегъ, чтобы не было перерыва въ полученіи ими №№ журнала. Не выславшіе въ срокъ слѣдуемыя деньги потеряютъ право на полученіе главной преміи, большой картины Профессора К. Е. Маковскаго **„БАБУШКИНА СКАЗКА“**, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Рѣшеніе шашечн. задачи № 23 (помѣщенной въ № 13).

Бѣлыя.	Черныя.
1) B 6 — C 7	1) D 8 — B 6
2) F 2 — G 3	2) H 2 — F 4
3) D 2 — E 3	3) F 4 — D 2
4) E 1 — F 4	4) F 6 — A 1
5) H 4 — G 5	если черныя
то бѣлыя	5) A 1 — G 7

6) F 4 — D 2 и выигрываютъ 8-мъ ходомъ,
если черныя 5) H 8 — G 7 или A 1 — B 2 C 3 — D 4
то бѣлыя:
6) F 4 — H 2 и выигрываютъ 8-мъ ходомъ; если же черныя 5) A 1 — E 5 — F 6, то бѣлыя бьютъ и выигрыв. не дальше 10-го хода.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—С. Грибова; **М. Биржи**—Гальберштадтъ, **Калуга**—С. Н. Соколова.

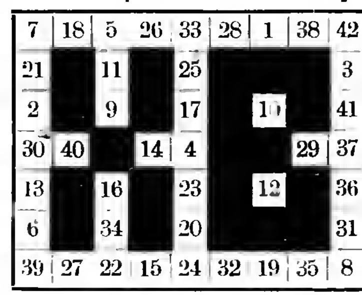
Рѣшен. шахматн. зад. № 24 (помѣщенной въ № 13).

Бѣлые.	Черные.
1) F 4—F 2	1) D 1—B 1
2) H 4—D 4+	2) D 5—D 4
3) F 2—D 2++	
A.	
1)	1) D 5—C 5+
2) F 2—D 2+	Куда угодно.
3) B 3—B 4++	
B.	
1)	1) H 1—E 4
2) F 2—D 2+	Куда угодно.
3) H 1—E 4++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Н. Ляпина, **Бѣлостокъ**—С. Бомхиль, **Казань**—С. Некрашъ, **Могилевъ**—М. Могилевскаго, **Тверь**—А. Бетулина, **Харьковъ**—А. Зингеръ, **Черниговъ**—Д. Ласкарева.

Рѣшеніе пасхальной задачи № 25 (помѣщ. въ № 14).

„Христосъ Воскресе! наши многоуважаемые читатели“.

7	18	5	26	33	28	1	38	42
21		11		25				3
2		9		17		10		41
30	40		14	4			29	37
13		16		23		12		36
6		34		20				31
39	27	22	15	24	32	19	35	8

1) Жито
2) Сохи
3) Ракета
4) Щенъ
5) Море
6) Гумно
7) Весла
8) И
9) Счеты.
10) Сваи

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПБ.**—Е. Алексѣева, Б. Р...е, К. Бѣляевой; **Москва**—С. Зазванова, Н. Томилина, Н. Емельянова; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Дивенская**—С. Магнусъ; **Кинешма**—И. Брызгалова; **Кіевъ**—Л. Шилохвастова; **Кронштадтъ**—Ишіемскаго; **Лебедянь**—Н. Чурилина; **Орелъ**—В. Толстикова; **Судогда**—С. Ролубева.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
86, Невскій.
№ 2604 3—1

Фонтаны, статуи, вазы, орлы, медали, буквы, вывѣски, памятники.
ЦИНКО-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ
Г. ПОЛЬ и К°.
въ Москвѣ,
Петровскія торговыя линіи.
Прейсъ-куранты высыл. за 2 7-ми к. марк. Р. №2583 2—2

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ
имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ **черную краску**, которою печатается иллюстрированный журналъ **„Нива"**. №2405

Нефтяная земля и **лѣсъ** до 2000 десятинъ, близь Тифлиса, продаются дешево. А. Ф. Шталь, Тифлисъ. № 2594

ПОЖАРНЫЯ
ТРУБЫ
и
НАСОСЫ
ВСѢХЪ РАЗМѢРОВЪ.
отъ
9 р. 50 к.
Всѣ принадлежности.
Ж. БЛОКЪ.
СПБ., Б. Морская, 21.
Москва, Кузнецкій м., д. Голицына.
Р. № 2561 9—2

Только съ этою фабрич. маркою подлинно
Huste-Nicht
Gerichtl. geschützt
„НЕ КАШЛЯЙ".
Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2088 36—34

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи въ **С.-Петербургѣ** у В. Аурихa Стремянная, **№ 4.**
Можно получить **въ Ригѣ:** у Адольфа Веттериха; Альфреда Бушъ; А. и В. Веттериха; **въ Нижнемъ - Новгородѣ:** въ аптек. магаз. Ив. Ремлера, Г. Зуль, **въ Херсони:** въ аптек. магаз. А. Ф. Миллера и Гехтъ и Баумгольца; **въ Пензѣ:** въ магаз. К. Е. Бартмера и въ аптекѣ Гольца; **въ Варшавѣ:** въ аптек. магаз. Люд. Списъ и Сына; **въ Вяткѣ:** въ аптекѣ А. Майка; **въ Самарѣ:** въ сарепт. магаз. Христензена; **въ Елизаветградѣ:** въ апт. Гольденберга и въ маг. наслѣдн. Третера.

Патентованная оцинкованная стальная колючая проволока для изгородей.

Наилучшая ограда для пастбищъ, выгоновъ, фруктовыхъ садовъ и огородовъ.

Съ рѣдкими колючками на катушкахъ по 240 и 120 саж., 16 коп. саж.
„ частыми „ „ „ 222 и 110 саж., 17½ коп. саж.
Скобки для прикрѣпленія проволоки за тысячу 7 рублей.
Рычагъ для натягиванія проволоки „ „ 8 рублей. Р. № 2600

К. ВАХТЕРЪ и К°. Спб., Почтамтская, 13.

САРПИНКА
2—1 **САРАТОВСКАЯ** № 2596
Ручнаго ткачества поступила въ продажу въ большомъ выборѣ въ Мануфактурныхъ Магазинахъ К. А. Андреева въ Саратовѣ.
Желающимъ по требованію высылаются прейсъ-куранты съ образцами безплатно.

№ 12-й каталога антикварныхъ книгъ, брошюръ и журнальныхъ статей, вышелъ и высылается желающимъ за одну 7-коп. марку. Книжная торговля **В. И. Клочкова. СПБ.** Литейный пр. № 55. № 26 3

ДРЕВНОСТИ,
какъ-то: севрскій фарфоръ, мебель съ украшеніемъ изъ бронзы или фарфора; бронзовые канделябры и настѣнники; группы и фигуры изъ мрамора, бронзы и слоновой кости; серебряные бокалы, кубки и кружки; золотыя эмальированныя табакерки; гобелены; старинныя шелковыя и бархатныя матеріи и вообще всякаго рода древности изящной работы покупаю по любительской цѣнѣ.
Людвигъ Бекъ.
Москва, Тверская, домъ князя Мещерскаго, ходъ изъ Дегтярнаго переулка.
Лица, которыя мнѣ рекомендуютъ подобныя вещи, получаютъ 10% отъ сдѣланной покупки. Р. № 2590

АМЕРИКАНСКОЕ ГАЛЬВАНОПЛАСТИЧ.
ЗАВЕДЕНІЕ:
высшаго качества
НИКЕЛИРОВАНІЕ, СЕРЕБРЕНІЕ, ЗОЛОЧЕНІЕ И ПРОЧ.
СТАРЫЯ ВЕЩИ ОТДѢЛЫВАЮТСЯ КАКЪ НОВЫЯ.
С. П. Б. Николаевск. ул. № 1. уг. Невск. проспект.
Для отвѣтовъ просимъ выслать почтовыя марки.
НОВѢЙШІЙ СПОСОБЪ.
ЦѢНЫ УМѢРЕННЫЯ.
Торговцамъ выгодн. условія.
Заказы городск. и иногородн. исполняются скоро и тщательно!

Коронный источникъ
(Kronen-Quelle)
въ Оберзальцбруннѣ въ Силезіи

Примѣняется во врачебной практикѣ: при страданіяхъ *почекъ* и *пузыря*, *мочевомъ пескѣ и камняхъ*, при *подагрѣ* и *ревматизмѣ суставовъ*, при *катарральныхъ* пораженіяхъ *зѣва, гортани и легкихъ;* наконецъ при *катаррахъ желудка* и *кишекъ.*

Воду Короннаго источника можно получать во всѣхъ аптекахъ и аптечныхъ складахъ. Брошюры о способѣ употребленія высылаются, по требованію, безплатно изъ слѣдующихъ пунктовъ:

Г. Варшава	**Аптека Доктора Т. фонъ Гейнрихъ.**
„ „	**„ Г. Кухаржевскаго. Аптека К. Лильпопа.**
„ Кіевъ	**Южно-Русское Общество торговли аптекарскими товарами.**
„ Москва	**Карлъ Феррейнъ.**
„ Одесса	**Ю. Лемме и Ко.**
„ С.-Петербургъ	**Штоль и Шмитъ.**
„ Рига	**І. А. Швейнфуртъ 1818.**
„ Харьковъ	**Русское Общество торговли аптекарскими товарами.**

„Коронный источникъ", Kronenquelle, просимъ не смѣшивать съ такъ-называемымъ „Schlesischer Obersalzbrunnen". Р. № 2601 4—1

ФИРМА „ЦЕРКОВНЫЙ-ЗОДЧІЙ"
Исполняетъ заказы по живописи, иконописи, столярнымъ и рѣзнымъ работамъ, а также заказы на одежды, облаченія и церковную утварь.
Подробный прейсъ-курантъ высылается безплатно.
СЪ ЗАКАЗАМИ ПО ВСѢМЪ ПРЕДМЕТАМЪ УКРАШЕНІЯ ХРАМОВЪ просятъ обращаться въ С.-Петербургъ, Литейный пр., домъ № 51, въ контору „Церковный-Зодчій". № 2595

КЪ НАСТУПАЮЩЕМУ СЕЗОНУ
рекомендуемъ большой выборъ
ДАМСКОЙ, МУЖСКОЙ И ДѢТСКОЙ ОБУВИ
всевозможныхъ сортовъ и размѣровъ какъ и
САМЫХЪ НОВЫХЪ ФАСОНОВЪ:

Продажа по выставленному фабричному прейсъ-куранту въ нашихъ собственныхъ магазинахъ:
ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
Невскій пр. № 54, пр. Алекс. театра.
Невскій пр., № 5, бл. Адмиралт. пл.
Невскій пр., № 110 бл. Знаменск. пл.
ВЪ МОСКВѢ:
Петровка, противъ Кузнецкаго моста.
Прейсъ-куранты вмѣстѣ съ подробнымъ руководствомъ къ снятію мѣрки высылаются магазинами по востребованію—безплатно. № 2543 (5)
ВЫСОЧАЙШЕ УТВЕРЖДЕННОЕ
ТОВАРИЩ. С.-ПЕТЕРБУРГСК. МЕХАНИЧЕСК. ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ СОЧИНЕНІИ И. С. АКСАКОВА.
7 томовъ: 1) Славянскій вопросъ; 2) Славянофильство и западничество; 3) Польскій вопросъ и еврейскій; 4) Свобода слова; Церковный вопросъ; 5) Государственный и земскій вопросъ; 6) Прибалтійскій вопросъ; 7) Общеевропейская политика. Цѣна каждому тому 1 р. 50 к., перес. 50 к.
Біографія Ѳ. И. Тютчева (съ портр.). Ц. 1 р., перес. 25 к. Сборникъ стихотвореній И. С. Аксакова (съ портр. авт.). Ц. 1 р. 50 к., перес. 25 к. Продаются въ книжныхъ магазинахъ „Новаго Времени" въ Петерб., Москвѣ, Одессѣ, Харьковѣ и на станціяхъ желѣзныхъ дорогъ. № 2566 2—2

ПРИНИМАЮТСЯ порученія на продажу имѣній. Имѣется большой выборъ продающихся имѣній, дачъ, домовъ и пр. Харьковъ, близь Биржи, **Константинову.** № 2592

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ И ОРУДІЙ
ВЪ ТУЛѢ.
Строитъ всѣ машины, необходимыя въ сельскомъ хозяйствѣ: бороны, плуги, сѣялки рядовыя и разбросныя, косилки и жатвенныя машины; молотилки, вѣялки-сортировки и конные приводы. Цѣны крайне дешевыя, до 30% дешевле заграничныхъ, по качеству же машины не уступаютъ иностраннымъ. Запасныя части ко всѣмъ машинамъ имѣются въ готовности по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ № 2445 10—6
Иллюстрированные прейсъ-куранты-каталоги высылаются по требованію безплатно.

УДОСТОЕННЫЕ НА МЕЖДУНАРОДНЫХЪ ВЫСТАВКАХЪ ВЫСШИМИ ОТЛИЧІЯМИ
ПРЕМИРОВАННЫЕ EXTRAITS QUADRUPLES:

ЛОЗЕ MAIGLÖCKCHEN
ЛОЗЕ GOLD-LILIE
ЛОЗЕ BOUQUET MESSALINA

служатъ и для этого зимняго сезона лучшими духами для платковъ, платьевъ и проч. Такъ какъ эти и мои другіе **Extraits quadruples** подвергаются подражанію, то прошу покорнѣйше при покупкѣ обращать вниманіе на мою полную фирму St № 2382 12—9
ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,
46 Егерстрассе, БЕРЛИНЪ.
Парфюмеръ Е. В. К. Германской, придворный поставщикъ Е. К. И. В. Наслѣдной Принцессы Германск. и Прусской.
Имѣть можно во всѣхъ парфюмерныхъ магазинахъ и у всѣхъ дрогистовъ Россіи.

Дозвол. цензур., СПБ. 13 мая 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. № 21

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 23 мая 1887 г

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Необычайный визитъ. Съ карт. англ. художн. Кольдери, грав. М. Рашевскій.

Необычайный визитъ.

Англійскіе художники всегда мастерски воспроизводили сценки изъ жизни животныхъ. На прилагаемомъ снимкѣ съ картины Кольдери изображены два щенка, которые, наигравшись и навозившись другъ съ другомъ, совсѣмъ было собрались на покой, и одинъ изъ нихъ успѣлъ уже сладко задремать, какъ вдругъ—не въ пору гость хуже татарина—раздалось никогда не слыханное громкое жужжанье, и громадный жукъ-олень, какъ бомба шлепнувъ на земь, поползъ прямо къ изумленному хозяину, а тотъ—посмотрите ему въ мордочку—и заинтересованъ въ высшей степени, и перепуганъ, и вообще не знаетъ какъ себя держать предъ незванымъ посѣтителемъ, намѣреніямъ котораго очевидно не довѣряетъ...

Мой „собратъ“.

Разсказъ **Всеволода Крестовскаго.**

I.

Я только что возвратился домой съ военнаго поля, усталый, потный, запыленный, послѣ горячаго бригаднаго ученья, и едва успѣлъ умыться да переодѣться по домашнему, въ надеждѣ побаловать себя, пока до обѣда, часъ-другой полнымъ отдыхомъ, какъ вдругъ—въ прихожей звонокъ. Денщикъ отворилъ дверь и—слышу—ведетъ тамъ съ кѣмъ-то переговоры: „баринъ-де устамши и раздѣмшись и никого не принимаютъ“. Но неизвѣстный голосъ проситъ все-таки доложить,—можетъ быть примутъ, очень-де нужно.

— Да мнѣ что-жь, я доложу, пожалуй, а только не принимаютъ.

И вслѣдъ за этимъ „Личарда вѣрный мой“ появляется у меня въ комнатѣ. Вплотную притворивъ за собою дверь, подходитъ онъ ко мнѣ на цыпочкахъ неуклюже осторожною походкой и объявляетъ нѣсколько таинственно пониженнымъ голосомъ:

— Ваше благородіе, еврейчикъ тамъ какой-то васъ спрашиваетъ, цывильный.

А на языкѣ нашихъ солдатъ служащихъ въ Западномъ краѣ и въ Польшѣ „цывильный“ значитъ то же чтó въ великорусскихъ губерніяхъ, на ихъ же языкѣ, „вольный“, то-есть человѣкъ одѣтый въ партикулярное платье или „вольную одёжу“ общеевропейскаго, иначе „нѣмецкаго“ покроя.

— Какой тамъ еврейчикъ!.. Чего ему?

— Не могу знать... Второй разъ уже приходитъ; говоритъ—очень нужно видѣть ваше благородіе.

— Да кто такой онъ? Фамилію спроси и узнай за какимъ дѣломъ.

— Фамилью-то онъ сказывалъ, только я запамятовалъ.

— А ты спроси еще разъ и не запамятывай.

Вышелъ мой „Личарда“ за дверь и пропалъ минутъ на пять, а затѣмъ входитъ опять и подаетъ мнѣ исписанный карандашемъ клочекъ бумажки, на которомъ я прочелъ слѣдующее:

„Борухъ Мошковичъ Клецкеръ-Цитронъ убѣдительно желаетъ представиться Всеволоду Владиміровичу господину Крестовскому, чтобы имѣть случай лично выразить своего почтенія“.

„Чудно что-то, думаю себѣ:—съ какой это стати какому-то Клецкеръ-Цитрону занадобилось вдругъ выражать мнѣ свое почтеніе?“

— Такъ какъ прикажете, ваше благородіе?.. Очень ужъ проситъ...

— Ну, чортъ съ нимъ, впусти, пожалуй.

Черезъ минуту въ кабинетъ довольно развязно вошелъ молодой человѣкъ въ сѣромъ пиджакѣ, съ сильно всклокоченной, какъ пакля курчавой шевелюрой и слегка пробивающеюся бородкой; лицо красивое съ сильно выраженнымъ семитическимъ типомъ; во всей наружности сказывается нѣкоторая претензія не то на артистичность, не то на нигилистическую кашлатость.

— Позвольте вамъ издѣлать маленькаго рекомендація,—вашъ собратъ... Фамилья моя вамъ уже звѣстна, а ваша мнѣ и тѣмъ больше, началъ онъ съ нѣсколько форсированною развязностью, словно желая внутренно подбодрить самого себя, и раскланявшись, первый, хотя и не вполнѣ увѣренно, протянулъ мнѣ руку.

Я отвѣтилъ вѣжливымъ прикосновеніемъ къ его пальцамъ, насколько требовала того обязанность хозяина, и указалъ на стулъ.

— Вашъ собратъ по оружію, такъ сказать! пояснилъ онъ съ улыбкой и новымъ легкимъ полупоклономъ, сѣвъ на указанное мѣсто.

Такое поясненіе нѣсколько озадачило меня.

— То-есть, какъ это по оружію? Вы намѣреваетесь опредѣлиться въ нашъ полкъ? спросилъ я.

— Ой, нѣтъ! какъ бы защищаясь, поднялъ онъ къ лицу свои ладони:—Зачѣмъ увъ полкъ!.. Я выхожу собратъ вашъ не по сабля, а по другому вашему оружію,—я собратъ по перо... Я тоже литератъ...

— Ахъ, вотъ оно чтó!.. Очень пріятно.

— М-да-а, я довольно много пишу... корреспондую на газэты по разнымъ заціальнымъ и вообще современнымъ вопросамъ.

— И гдѣ же вы пишете, въ какихъ газетахъ?

— На разныя газэты... иногда тоже и въ *Голосъ*... но больше въ наши еврейскіе органы. Вотъ, кстатю, позвольте васъ познакомить...

И съ этимъ словомъ, разстегнувъ свой пиджакъ, онъ полѣзъ въ боковой карманъ и вытащилъ оттуда свернутую пачку разныхъ еженедѣльныхъ русско-еврейскихъ листковъ, между которыми находилось и два-три нумера большой русской газеты.

— Вамъ, конечно, звѣстны эти органы? сказалъ онъ, подавая мнѣ пачку:—Какъ просвѣщенный человѣкъ и самъ писшатель, ви, конечно, не можете не знать ихъ, по ихъ живое отношенье къ современностю!.. Н-ну, тутъ и мово имя естъ... Я, впрочемъ, каждаго мово спитатьё изъ краснымъ карандашомъ нарочно для васъ отмѣчалъ... Пожалуста, пробѣгайте какъ нибудь и скажите мнѣ вашего мнѣнью.

Я началъ было отнѣкиваться, ссылаясь на недосугъ, но гость мой отъ этого не смутился ни мало.

— О, я понимаю, я же и самъ занятой человѣкъ, поспѣшилъ онъ заявить въ оправданіе себѣ:—я даже очень довольно хорошо понимаю, что время—деньги, н-нó... какъ-нибудь... когда-нибудь... когда вамъ завсѣмъ нечего будетъ издѣлать... перелистайте пожалуста... Можетъ быть вамъ понравятся нѣкотораго мисшлю...

И онъ рѣшительно положилъ на мой столъ свою пачку.

Разсчитывая сократить это свиданіе до вòзможнаго минимума, я рѣшился наконецъ прямо спросить, чтó же собственно угодно ему отъ меня въ данную минуту.

— Спобственно, ничего не вгодно, проговорилъ онъ пожимая плечами и состроивъ себѣ вновь развязно пріятную, или какъ говорятъ наши евреи, „дэликатную“ улыбку.—Но, какъ мы изъ вами люди одного профэссія, продолжалъ Клецкеръ:—то было бы очень пріятно имѣть общій обмѣнъ мисшлю, какъ собратъ изъ собратомъ... Напримѣръ, чтó вы скажете о прегрессъ нашего времю?

При такомъ неожиданномъ вопросѣ, я невольно уставился на него недоумѣвающими глазами.

— Ну, да, продолжалъ онъ:—какія ваши мисшлю на счетъ этого предмэтъ?—Я, напримѣръ, думаю, что жалѣзнаго дороги и телеграфи очень много спшасобствовали къ развитію цивилизація и прегрессъ нашего времю. Га?.. Какъ ви находите мово мисшлю?.. Я полагаю даже, что не дурно бы обработать ее па особаго передоваго спитатьё. Га?.. Чтó ви скажсте?

— Что-жь, почему и не обработать, коли есть охота, проговорилъ я лишь бы что́ нибудь отвѣтить.

— Нѣтъ, но самая мисшлю,—какъ ви ее находите? Вамъ нравится?.. Га?.. Скажите откровенно. нравится вамъ?

— Да чему же тутъ нравиться или не нравиться! Это вѣдь даже и не мысль, а... „чортъ знаетъ что́“, хотѣлъ было я прибавить, да ужь такъ. поудержался изъ деликатности: все же гость вѣдь.

— Ну, да! подхватилъ онъ:—это не мисшлю, это аксшiома; такъ; но вѣдь и аксшiома естъ тоже мисшлю... га?.. Не правда-ли?.. Ви загласны изъ этимъ?

Я только молча и безразлично кивнулъ головою.

— А, ви загласны?.. Мнѣ очень прiятно, что ви загласны. Вообще, прiятно когда два умнiи люди загласны между собою. Ну, а что́ ви думаете тоже на нашъ вѣкъ?

— Какъ это на нашъ вѣкъ?.. Я. извините, не понимаю вашего вопроса, замѣтилъ я, снова вскинувъ на него неудомѣвающiй взоръ.

— Ну, то-естъ, вообще на счетъ нашъ девятнастый вѣкъ, пояснилъ Клецкеръ-Цитронъ.

— Все-таки не понимаю, проговорилъ я, дѣлая надъ собою нѣкоторое усилiе чтобы не улыбнуться.

— Ой, ну какъ-же-жъ такъ, помилуйте!.. Я, напримѣръ, я говору сшмѣло. что изъ увсѣхъ вѣковъ я поклонникъ одного только девятнастаго, затово что это *нашъ* вѣкъ,—вѣкъ господства осшвободительныхъ идэй и правовiй парадокъ. А вотъ тоже, кстатю, хотѣлъ я спросить васъ па счетъ цивилизацiя... Какъ ви думаете. увъ чемъ собственно застоитъ цивилизацiя и прегрессъ нашего времю?—Надо вамъ сказать, я очень много думалъ изъ этого предмэтъ и прiйшелъ на этого счетъ къ тому виводу, что главнаго дѣлу увъ ассоцiацiяхъ, непремѣнно увъ ассоцiацiяхъ!.. Ви спро́сите, зачиво такъ?—Отвѣчаю: затово что степень развитiя ассоцiацiй естъ показатель степеню цивилизацiи народа. Это аксшiома. И я полагаю, что положительнаго прiобрѣтенью цивилизацiи девятнастаго вѣку это естъ проникшее увъ народнiи массы зазнанiе идэй равноправностю и сшвятаго права на трудъ.. А четвертаго засловiе во Францiя, то-естъ мисшлящiй и рабочiи пролетарiатъ, какъ передовое засловiе, и барба труда изъ капиталомъ, н-ну. и вообще посштупательнаго развитiю зацiальныхъ знанiй и сштремленьювъ,—увсе это въ совокупностю и естъ найвисшее виражению прегрессъ нашего вѣка... Га?.. Какъ ви находите этого мисшлю?.. Сшправедливо я понимаю этого дѣлу?

„Э, да ты, думаю себѣ, презанятный!.. Я такихъ еще промежь вашего брата не видывалъ“.

— Что́ же тутъ хорошаго, говорю ему,—если результатъ всего этого прогресса выразился въ голодномъ пролетарiатѣ? Я думаю, ваши соплеменники должны быть на этотъ счетъ другаго мнѣнiя.

— Н-ну. мои сшоплименники! махнулъ онъ рукою, пренебрежительно выдвинувъ нижнюю губу.—Мои сшоплименники—это, къ сожалѣнiю, пока еще очень отсталые, дикiе люди... это повальнiй обсшкурантызмъ, мои сшоплименники, темнаго царству... Мы, люди прегресса и пера, ми должны будить ихъ. заставлять ихъ мисшлить, шевелить изъ мозгами... Нашъ девизъ долженъ быть „сшмѣло увперёдъ!—Одъ мрака къ сшвѣту!“ Но скажите мнѣ, какъ ви понимаете задачи цивилизацiя?—Я полагаю такъ: цивилизацiя должна сштремиться къ демократизацiя... га?.. Не такъ ли?

— Къ демократизацiи чего? спросилъ я.

— Увсшево́! развелъ онъ руками со всеобъемлющимъ жестомъ:—увсшево! И общества, и навуки, и сшкусства, и капитала,—увсшево́! Безъ этого она не мисшли́ма. Теперь будемъ говорить на сшкусство. Я тоже и на этого счетъ много думалъ и читалъ и имѣю свово собственнаго мисшлю. Фотографiя, напримѣръ. Что́ ви думаете на фотографiя?—Я думаю, что фотографiя, на ряду изъ паромъ и зъ электричествомъ, естъ одно изъ величайшихъ изобрѣтеньювъ нашего девятнастаго вѣку, это—продуктъ его практыческаго хгенiя. Почему я такъ думаю?—Я думаю такъ потому, что фотографiя демократизуетъ и даже отмѣняетъ функцiи сшкусства. Чтобы имѣть свово логическаго оправданю, сшкусство должно отнынѣ обратиться къ служебнымъ. строго утылитарнымъ цѣлямъ. Напримѣръ: полезно учиться рисованiю или вредно?—Конечно, полезно. если ви думаете примѣнить вашего знанья къ общеполезному дѣлу, хочете занять мѣсто—ну, скажемъ.—композытора узорныхъ рисунковъ для ситценабивныхъ фабриковъ, или что нибудь увъ такомъ родѣ; но вжасно вредно, если мы будемъ заниматься изъ живопись. чтобы воспроизводить фантазiи средневѣковаго мисштицизма, или служить изъ наша кисть на украшенье салоновъ богачей и аристократовъ. Вообще, сшкусство, это естъ напрасниво трата времю. когда фотографiя можетъ издѣлать вамъ того же самаго увъ одинъ мументъ, и еще гораздо лучше, вѣрнѣе.—На что́ тутъ сшкусство!?. Пфэ!.. Ви знакоми изъ Лассаль?

— Съ кѣмъ? переспросилъ я, не вслушавшись сразу въ этотъ неожиданный вопросъ.

— Изъ Лассаль, изъ нашимъ великимъ Лассаль?.. Я очень уважаю Лассаль, но я иду дальше чѣмъ Лассаль, я хочу ходить дальше, потому—гдѣ же иначе прегрессъ? Надо, чтобъ увсегда былъ безостановочный прегрессъ, такъ сказать, прегрессирующiй прегрессъ,—таковы запросы жизню. Какъ ви находите этого мисшлю? Не правда-ли, хорошаго, свѣжаго мисшлю?.. га?

Мнѣ было забавно и, до извѣстной степени, даже любопытно глядѣть на этого жидка новѣйшей формацiи и слушать всѣ эти его „мисшлю“ и „аксшiомы“, изрекаемыя съ апломбомъ гимназиста отчетливо отвѣчающаго урокъ, въ увѣренности что онъ знаетъ „предметъ“ и достоинъ аттестата зрѣлости. Поэтому я только молча поддакивалъ ему время отъ времени то кивкомъ головы, то слегка благосклонною улыбкой, не мѣшая высказываться. Поощряемый такою благосклонностiю, мой жидокъ становился все смѣлѣй и смѣлѣй, что́ называется, забиралъ форсу. Ему видимо хотѣлось выложить предо мною всего себя, всю свою „интеллигентную суть“, и онъ торопился сдѣлать это скорѣе, наговорить какъ можно больше, поразить меня блескомъ этой своей „интеллигентности“, щегольнуть своими „передовыми мыслями“, и я видѣлъ какъ самому ему это прiятно, какъ увлекается онъ самимъ собою, самодовольно любуется своими фразами, смакуетъ ихъ, словно шабашовый *цымисъ*.

— Въ областю палытыческой экономiи я, конечно, иду на сштороны фритридеровъ, продолжалъ между тѣмъ Клецкеръ:—потому что въ наше время какой же порадочный и развитой человѣкъ можетъ быть иныхъ убѣжденьювъ!.. Возьмемъ, напримѣръ, вопросъ о контрабанда. Ми содержимъ на граница цѣлаго вбйска, ми увсячески преслѣдуемъ контрабандысты, сштрѣляемъ увъ нихъ, арестуемъ, ссылаемъ на Сибиръ. Зачэмъ?! Скажите пожалуста, зачэмъ?!. га?.. Вѣдь это изъ одной стороны обходится государству очень дорого, а изъ другой—напрасно раздражаетъ народъ противъ правительсштво. Откройте граница, и ви изразу уничтожите контрабанда. Это такъ просто!—Не будетъ никакой интерэсъ контрабандо́вать и незачѣмъ будетъ тратить такихъ деньговъ на пограничная стража. А въ тоже время сшвобода конкуренцiю будетъ сшпасобствовать къ развитiю вашей внутренней производительностю. Не такъ ли?.. Я даже вдивляюсь, какъ это наше правительсштво не можетъ понять такого простово мисшлю! Это даже довольно сштранно и сшмѣшно!..

— А вы сами не занимаетесь контрабандой? вдругъ огорошилъ я его неожиданнымъ вопросомъ.

Гулливеръ у великановъ. Съ карт. Эмиля Адана, грав. Бренд'амуръ.

Мой жидокъ даже оторопѣлъ отъ такого оборота бесѣды.

— Я-а?! Сохрани Богхъ!.. Никогда не занимаюсь! стремительно откинулся онъ на спинку стула, поднявъ къ лицу ладони:—Боже меня збавъ!.. Зачэмъ?!.

— Очень жаль, продолжалъ я съ самымъ невиннымъ видомъ:—а то я было думалъ, нельзя ли чрезъ васъ порядочныхъ сигаръ доставать...

— Агхъ, это завсѣмъ другаго дѣла! предупредительно сорвался онъ съ мѣста:—Ежели ви хочете, это можно... У меня есть одинъ таково пріятель... По знакомству, зачэмъ нѣтъ?! Это будетъ только маленькаго дружескаго увслугу, не такъ ли?

Я поблагодарилъ его и отказался подъ предлогомъ, что у меня есть пока еще достаточный запасъ фейковскихъ сигаръ изъ Петербурга, а спросилъ-де я только такъ, на всякій случай.

— Пожалуста не сштѣсняйтесь, отвѣчалъ еврейчикъ дружески-поощрительнымъ тономъ:—когда только захочете,—скажите; это увсегда можно, такіе пустяки... Помилуйте, очень радъ вслужить собрату... И вообще, я нахожу, продолжалъ онъ, вновь принимая свой докторально-гимназическій тонъ:—увсѣ эти барьеры и цензура одинаково вредятъ какъ увъ дѣлѣ мисшлю, такъ и увъ дѣлѣ торговля. При истинно правовомъ парадкѣ общественнаго сштрою, то и другое должно быть абсшалютно сшвободно. Что ви скажете противъ такого мисшлю?

— Скажу, что готовъ бы и долѣе слушать ваши прекрасныя мысли, но, къ сожалѣнію, очень усталъ послѣ ученья, а потому—извините...

И съ этими словами я поднялся съ мѣста, давая тѣмъ понять, что аудіенція кончена.

— Агхъ, пожалуста, не сштѣсняйтесь! предупредительно вскочилъ онъ со стула и взялся за свою мягкую войлочную шляпу:—Я только желалъ познакомиться изъ вами, зарекомендовать себя какъ собратъ къ собрату... Надѣюсь, на будущаго время ви позволите иногда заходить къ вамъ для обмѣна мисшлю?

— Если вамъ это угодно, пожалъ я плечами.

— О, мнѣ очень, очень даже увгодно! быстро подхватилъ Клецкеръ.—Но скажите откровенно, какъ ви находите моихъ взглядовъ?.. Конечно, какъ развитой и современный человѣкъ, ви не можете не раздѣлять ихъ и не зачувствовать...

— И не раздѣляю, и не сочувствую, сказалъ я совершенно ровнымъ и спокойнымъ тономъ.

Этотъ отвѣтъ ошарашилъ его еще больше, чѣмъ вопросъ о занятіяхъ контрабандой.

— Какъ такъ?! Но ви же не претестовали! Ви меня не оппонировали! Ви же заглашались изъ моимъ мнѣньюмъ?! Зачѣмъ же тогда ви не возражали? На моя критика зачѣмъ не давали антыкритика?

— Затѣмъ что это безполезно: вѣдь мы не переубѣдимъ другъ друга, да и надобности переубѣждать васъ я не вижу.

— Ну-ну, зачиво же такъ!.. Напротивъ, мнѣ даже очень пріятно, что ви не загласны изо мною. Это даже, знаете, очень хорошо, когда два умніи люди не загласны на мнѣнью и на вэжгляды. Конверсаціонъ ихъ и легкаво полемика, не виходя за предѣловъ приличью и взаимнаго вваженью, хотя бы и при легкой пикантностію, очень бываютъ завлекательны... И потому я даже радъ... Ви мнѣ позволяете иногда заходить къ вамъ и встраивать изъ вами маленькаго дебаты на литературніи тэмы и на заціологичны мотиви?

Я счелъ нужнымъ уклониться и отвѣчалъ, что этого ему не обѣщаю.

— Но зачиво же? зачиво, скажите! пробормоталъ онъ, уже начиная нѣсколько смущаться въ виду такого отпора.

— „Затово“ что у меня нѣтъ на это времени, пояснилъ я.

— И-ну, однако... какъ-нибудь... когда-нибудь, когда ви захочете... Зъ однимъ словомъ, и я, и мово идэи заувсегда къ вашимъ увслугамъ, для честный союзъ или для честнаго битву,—это какъ вамъ будетъ увгодно. Во всякомъ случаю, прибавилъ онъ откланиваясь:—мнѣ очень пріятно познакомиться изъ такимъ звѣстнымъ собратомъ.

Я отвѣчалъ, что и мнѣ точно такъ же.

— Фамилья моя Клецкеръ-Цитронъ.

— Этого я не позабуду.

— Ну, увъ такомъ случаю, до сшвиданью вамъ.

И протянувъ другъ другу руку, мы на этомъ разстались.

II.

До сего времени мнѣ ни разу еще не доводилось встрѣчаться съ еврейскимъ „литератомъ“ подобнаго пошиба. Я знавалъ очень почтенныхъ раввиновъ, ученыхъ талмудистовъ, людей съ большимъ философскимъ, экзегетическимъ и историческимъ образованіемъ, бесѣда съ которыми всегда была исполнена для меня высокаго и поучительнаго интереса, въ особенности когда она касалась историческихъ судебъ народа Израильскаго и его всемірной роли, всемірнаго, такъ сказать, призванія „во человѣцехъ“ во вся времена и вѣки; но тѣ „шейне-морейне“ прежде всего были люди „старозаконные“, вѣрные своимъ завѣтамъ даже до послѣднихъ мелочей не только обряда, но и костюма,—люди, къ которымъ вы, стоя на совершенно различныхъ и часто враждебныхъ почвахъ, все же не можете не чувствовать извѣстнаго уваженія, какъ къ достойнымъ и убѣжденнымъ носителямъ своихъ вѣрованій, упованій и стремленій. Но Клецкеръ-Цитронъ, что это такое?—жидовскій Хлестаковъ или душа-Тряпичкинъ, или то и другое вмѣстѣ?—Во всякомъ случаѣ, это уже фруктъ позднѣйшей „цыбулизаціи“ еврейства, нами же взрощенный и выхоленный, благодаря нашимъ собственнымъ школамъ и газетной „прессѣ“, на которой онъ видимо воспитался.

О томъ чтобы у Клецкера были какія-либо серьезныя знанія, конечно, не могло быть и подозрѣнія. Онъ просто понахватался кое-какихъ верхушекъ, частію въ школѣ, а больше изъ газетъ. Онъ усвоилъ себѣ нѣсколько бойкихъ журнальныхъ фразъ и носится съ ними, какъ котъ съ саломъ. Эти фразы, которыя онъ даже произноситъ по-русски правильнѣе чѣмъ все остальное, замѣняютъ ему, при помощи наглой самоувѣренности, всякое знаніе, и этого въ наше время совершенно достаточно чтобы быть „литератомъ“. Я увѣренъ даже, что есть какая-нибудь газета, а можетъ и не одна, гдѣ Клецкеръ считается „выдающеюся силой“, въ каковомъ качествѣ имя его, вѣроятно, фигурируетъ въ спискѣ „нашихъ извѣстныхъ и уважаемыхъ сотрудниковъ“.

Но какъ онъ пишетъ, этотъ Клецкеръ, вотъ что любопытно! Неужели такъ, какъ говоритъ?—А говоритъ онъ не только съ акцентомъ, но и типичнѣйшимъ русско-жидовскимъ жаргономъ, въ особенности когда, увлекшись, заторопится и перейдетъ въ скороговорку.

Я развернулъ оставленную имъ пачку газетныхъ листковъ и сталъ проглядывать всѣ эти его „сштатьё“, отмѣченныя краснымъ карандашемъ. Къ удивленію, оказалось, что пишетъ Клецкеръ гораздо правильнѣе чѣмъ говоритъ. По нѣкоторымъ оборотамъ рѣчи, по пристрастію къ иностраннымъ мудренымъ словечкамъ и вообще по складу фразъ и мыслей вы чувствуете, что пишетъ это несомнѣнно еврей; но языкъ,—по крайней мѣрѣ, въ корректурномъ отношеніи,—достаточно правиленъ, видна въ немъ даже извѣстнаго рода наторѣлая газетная бойкость, причемъ зачастую хлесткость фразы прикрываетъ собою пошлую плоскость мысли или совершенно пустопорожнія общія мѣста, въ родѣ того, что „электричество и паръ способствуютъ развитію цивилизаціи нашего вѣка“.

У Клецкеръ-Цитрона, какъ и у каждаго, подобнаго ему, еврейскаго „литерата“, есть пристрастіе къ извѣстнымъ, излюбленнымъ ими словечкамъ и фразамъ, по которымъ вы всегда и почти безошибочно можете узнать, что статья писана евреемъ. Это совершенно такъ же, какъ если ко мнѣ приносятъ по городской почтѣ письмо, гдѣ на конвертѣ въ углу прописано слово „*здѣсь*“,—я хоть какое угодно пари готовъ держать, что въ девяти случаяхъ изъ десяти письмо навѣрное отъ еврея.

Подобные „литераты“ очень любятъ употреблять выраженія въ родѣ *мыслимо* и *немыслимо, немыслимое дѣло, всецѣло, цѣлесообразно, правомѣрно, самопомощь, солидарность, правовой порядокъ, стимулъ* и т. п. Еврейскій „литератъ“, замѣтьте, никогда не „удостовѣряетъ“ или не „установляетъ“, а всегда „*констатируетъ*“ фактъ: никогда не „проходитъ безъ вниманія“, но всегда „*игнорируетъ*“ замѣчанія своего противника, и никогда не „отправляетъ“ свои корреспондентскія или иныя обязанности, но непремѣнно „*функціонируетъ*“ въ ихъ „сферѣ“. Или, напримѣръ, описывая какое нибудь происшествіе, онъ никогда не скажетъ просто: у насъ въ городѣ случилось то-то,—нѣтъ, „литератъ“ всегда начнетъ непремѣнно такъ: „Въ нашемъ богоспасаемомъ городѣ („богоспасаемость“ тутъ, конечно, для усугубленія ироніи) такого-то числа *имѣлъ мѣсто фактъ*“ и т. д., при чемъ смотря по качеству самаго факта, ему предшествуетъ эпитетъ *утѣшительный* или *возмутительный*. Но это типичное „*имѣлъ мѣсто*“—такъ и знайте: писано евреемъ: оно—спеціально жидовское газетное выраженіе. Всѣ эти специфическіе признаки присутствовали и въ статьяхъ Клецкеръ-Цитрона: самыя же статьи были только болѣе размазаннымъ повтореніемъ „мисшлювъ“, выражаемыхъ имъ въ разговорѣ.

Съ этого раза повадился мой собратъ ко мнѣ захаживать. Хотя вслѣдъ за первымъ его посѣщеніемъ я сказалъ денщику, что онъ можетъ не пускать ко мнѣ больше этого „цывильнаго“ жидка, тѣмъ не менѣе цывильный жидокъ нѣсколько разъ, что̀ называется, фуксомъ оказывался вдругъ у меня въ кабинетѣ. Случалось это либо по оплошности и недосмотру моего „Личарды“, либо въ его отсутствіе, когда онъ отлучится, бывало, за чѣмъ нибудь въ лавочку, оставивъ дверь не запертою. Тутъ-то мой собратъ какъ разъ и пожалуетъ, да еще присноровитъ свой приходъ по большей части тогда, когда у меня сидитъ кто-нибудь изъ знакомыхъ.

Придетъ, бывало, напыхтитъ папироской и каждый разъ оставитъ по себѣ, вмѣстѣ со специфическимъ своимъ цыбулько-чернушковымъ запахомъ, еще и нѣсколько специфическихъ „аксіомовъ“. Между прочимъ, замѣтилъ я въ немъ большую слабость къ фигуральнымъ книжнымъ выраженіямъ. Говоря, напримѣръ, о книгопечатаніи, онъ не называлъ его просто книгопечатаніемъ, а всегда не иначе какъ „великимъ изобрѣтеніемъ Іоганна Гуттенберга“; или упоминая о прочтеніи имъ какой-либо статьи Писарева, объявлялъ, что онъ „бесѣдовалъ сегодня изъ гасшпадинъ Писаревъ“, причемъ, какъ бы въ скобкахъ, вскользь замѣчалъ, что онъ „вообще любитъ бесѣдовать изъ гасшпадинъ Писаревъ даже больше какъ изъ гасшпадинъ Чернышевскій,—это, знаете, сшвѣтлаго головка!“ А то еще, возражая противъ какихъ либо мнѣній противнаго ему теченія, замѣчалъ съ пренебрежительной миной, что „такъ думаютъ только на Ситрастномъ бульвару“. Въ разговорахъ „на палытнка“, у Клецкеръ-Цитрона непремѣнно фигурировали „палытическій горизонтъ“ и „палытическій барометръ“, „черныя точки“ и „европейскій концертъ“; Гладстонъ въ его рѣчахъ являлся не иначе какъ „великимъ мидлозіанскимъ старцемъ“, а д'Израэли—„нашимъ великимъ Дизи“; Луи-Наполеонъ съ пренеореженіемъ именовался „разгаданнымъ сфинксомъ“, причемъ семитическій языкъ его нерѣдко заплетался и вмѣсто сфинкса выговаривалъ „свинства“. Бисмаркъ, конечно, всегда уже подразумѣвался подъ „желѣзнымъ канцлеромъ“, и только одинъ Гамбетта не пользовался опущеніемъ собственнаго имени, по зато оно произносилось не иначе какъ въ предшествіи громкаго эпитета „нашъ непримиримый Гамбетта“.

Что̀ до науки и моднаго въ то время вопроса о классическомъ и реальномъ образованіи, то мой собратъ безапелляціонно порѣшилъ себѣ, что вообще наука можетъ быть только прикладная, что внѣ реальной, практически житейской почвы она ненужная роскошь, что изо всѣхъ „науковъ“ онъ уважаетъ только физіологію и соціологію, хотя это уваженіе отнюдь не побуждало его пріобрѣсти себѣ съ той и другой болѣе основательное знакомство.

— А что̀ до классическаго наука, прибавлялъ онъ:— то это нарумьяненная старуха изъ Ситрастнòво бульварь... Пфэ!.. Кому она нужна!.. Отъ настоящаго наука, пояснялъ Клецкеръ:—ми, молодого поколѣнью, ми требуемъ, чтобы она могла „на *проклятые* вопросы дать отвѣты намъ прамые“, какъ сказалъ безсмертный нашъ Гейне увъ переводѣ мученикъ Михайловъ.

Съ поэзіей „собратъ“ мой церемонился еще менѣе чѣмъ съ наукой. По его опредѣленію, „поэзія это есть старческаго прихоть пресыщенныхъ сибаритовъ и баръ“.

— Здоровый организмъ, доказывалъ онъ докторальнымъ тономъ:—не нуждается увъ поэзія: его поэзія—осмысленный трудъ, а послѣ такого трудъ—добрый стаканъ вина, добраго щигарке, умнаго, дѣльнаго бесѣда изъ харошимъ пріятель, н-ну, и пожалуй изъ хорошаво женщина, ежели кто любитъ.—больше не нужно!

А то иногда, бывало, придетъ и сидитъ—сидитъ-себѣ молча, только прислушивается что̀ говорятъ другіе, а самъ лишь потѣетъ да пыхтитъ папироской, но вдругъ возьметъ да и выпалитъ неожиданно чѣмъ нибудь въ родѣ такого „мисшлю“:

— А знаете, позытывизмъ Огюста Конта есть посшлѣдняго сшлова науки увъ наше времю!.. Агхъ, это сшвѣтлаво головка!

Или ни къ селу, ни къ городу откроетъ вдругъ такую Америку:

— Нѣтъ, что̀ ви себѣ думаете! Эмансшипація женщинъ—это, кто бы что̀ ни говорилъ,—одна изъ великихъ задачовъ девьятнастаго вѣку!

И всѣ такія Америки открывалъ онъ всегда съ самымъ многозначительнымъ, глубокомысленнымъ видомъ и изрекалъ всѣ свои „аксшомы“ не иначе какъ вполнѣ самоувѣреннымъ, безапеляціонномъ тономъ.

Наконецъ, все это мнѣ ужасно надоѣло и я приказалъ денщику никогда и ни подъ какимъ предлогомъ не пускать ко мнѣ больше моего „собрата“.

Послѣ этого, сдѣлавъ нѣсколько неудачныхъ попытокъ нанести мнѣ новый визитъ, собратъ, кажется, догадался въ чемъ дѣло, но—къ удивленію—это отнюдь не охладило его исканій моего знакомства, даже ни мало не задѣло его самолюбія, а только заставило изыскивать новые способы уловлять меня для „обмѣна“ со мною своими „мисшлями“. И чѣмъ только я ему дался, почему не кого иного, а именно меня избралъ онъ оселкомъ для изощренія своихъ „мисшлювъ“,—этого я и до сихъ поръ не понимаю.

Сталъ онъ, напримѣръ, прогуливаться мимо оконъ моей квартиры, поджидая моего возвращенія домой, чтобы при семъ благопріятномъ случаѣ, поздоровавшись, попросить самымъ любезнымъ образомъ позволенія зайти на минутку,—и конечно, неделикатно же сказать ему на это, ни съ того, ни съ сего,—„нѣтъ, убирайтесь, молъ, къ чорту, вы мнѣ надоѣли“,—ну и смалодушничаешь предъ самимъ собою, и вмѣсто „чор-

та" скажешь „сдѣлайте одолженіе". Или вдругъ увяжется онъ за мною на улицѣ, либо въ общественномъ саду подсядетъ ко мнѣ на скамейку и пойдетъ, и пойдетъ выкладывать передо мною все что „додумалъ себѣ" за послѣднее время.

Однажды ѣду я на извощикѣ, тороплюсь по дѣлу, а онъ идетъ навстрѣчу и вдругъ, завидѣвъ меня, кидается наперерѣзъ, махая и крича моему возницѣ: „Ситой! ситой!.. На минутка ситой!"

Извощикъ остановился.

— Зжвините пожалуста, дорогой собратъ, что я такъ безцеремонно! съ обычной своею любезностью обратился онъ ко мнѣ, приподымая шляпу:—но мнѣ на одного только мументникъ! на самаго маленькаго минутка!.. И я вамъ даже скажу, что это особлино счастливый случай, который посылаетъ мнѣ встрѣча изъ вами... Агхъ, какъ я радъ и какъ мнѣ нужно васъ видѣть! Вы не новѣрите...

— Что же вамъ угодно? нетерпѣливо спросилъ я, не скрывая своей досады.

— Агхъ, я имѣю сообщить вамъ самаго свѣжаго новостю. Зайчасъ только прочиталъ безобразный пашквиль на молодово поколѣнью, гдѣ—вообразите себѣ—авторъ имѣетъ дерзость доказувать, что люди называющіе себя изъ молодымъ поколѣньюмъ, вовсе вже не такъ молоды за своими годами. Каково!?.. га?.. Я хочу на это отвѣчать!.. Я хочу издѣлать передовово ситатьё, гдѣ буду доказувать, что молодово поколѣнью увсегда будетъ молодо, не смотря на лѣта, пока мисилю и ситремленью его будутъ молоды и свѣжи. Тамъ же, кстатю, есть безсмисленнаво порицанью великой французской революція: я и на это хочу доказать имъ, просто, хотя бы зъ медицыньской точки зрѣнью, что революція была не болѣе какъ маленькаво кровонусканью для оздоровленья большаго арганизму... Га?.. Что ви мнѣ скажете? заключилъ онъ торжествующимъ тономъ:—какъ ви находите обоихъ этихъ мисилювъ?

— Нахожу ечень глупыми, брякнулъ я въ упоръ моему „собрату".

— Зачиво такъ?!? изумился онъ, ошарашенный этимъ прямымъ и нарочито грубымъ отвѣтомъ.

— „Затово" что онѣ глупы, и только... Извощикъ пошелъ!

Бѣдный Клецкеръ такъ и остался по серединѣ улицы, съ разинутымъ отъ изумленія ртомъ и растопыренными руками.

„Ну, думаю, теперь уже кончено!.. Больше ты ко мнѣ не пристанешь. Надо полагать, отнынѣ уже навсегда я отъ тебя обезпеченъ".

Но увы!—не тутъ-то было!.. Спустя нѣсколько дней, при первой же встрѣчѣ на прогулкѣ, Клецкеръ-Цитронъ, какъ ни въ чемъ не бывало, подлетаетъ ко мнѣ, съ обычной своею развязностью:

— Здравствуйте вамъ!.. Какъ я радъ нашему встрѣчу!.. Увъ послѣдняго разу ви, кажется, были немножко не въ дугхѣ... Н-ну, это бываетъ!—Не всегда же человѣкъ можетъ быть увъ однаковымъ дугхѣ, это я понимаю. А знаете, продолжалъ онъ, увязавшись идти рядомъ со мною:—я все-таки написалъ и вже отправилъ того передоваго ситатьё и увѣренъ, когда ви прочитаете его въ печатю, ви увидите, что оно вовсю не такъ глупо. Я вамъ принесу его.

— Ну, это напрасно, я вѣдь все равно читать не стану, отрѣзалъ я ему съ грубой откровенностью.

Клецкеръ быстро вскинулъ на меня бѣгло пытливый взглядъ и тотчасъ же предупредительно приподнялъ свою шляпу

— Ну, зжвините, я вижу, ви опьять не въ дугхѣ... Лучше до другой разъ... Не хочу мѣшать вамъ, торопливо пробормоталъ онъ съ типично-еврейскою „деликатною" манерой и быстро отретировался.

Нѣтъ, какъ видно, ничѣмъ его не проберешь,—не отстаетъ, проклятый! Просто, хоть на улицу не выходи. Товарищи уже стали дружески потѣшаться надъ моимъ комическимъ горемъ. „Ну, что, говорятъ,—какъ поживаетъ *собратъ*? Изловилъ тебя сегодня или нѣтъ еще?" Или въ публичномъ саду: „Всеволодъ, уходи, говорятъ, скорѣй! Прячься! Собратъ идетъ!"—Ахъ ты, чортъ возьми!.. Вамъ хорошо, говорю, потѣшаться, а побыли бы на моемъ мѣстѣ, когда отъ него ни крестомъ, ни пестомъ не отбояришься!

— Да прогони его просто къ чорту.

— Гналъ, не дѣйствуетъ...

— А ты его хлыстомъ бы попробовалъ?

— Вотъ тоже!.. Изъ-за какого-нибудь, съ позволенія сказать, „собрата" исторію съ начальствомъ себѣ нажживать!

— Ага, „пэ любишь?"—Ну, и терпи!.. Значитъ, онъ тебѣ еще не настолько въ зубахъ навязъ.

Такая исторія тянулась около года. Не зная какъ мнѣ быть съ неотвязнымъ и вѣчно любезнымъ „собратомъ", я уже и въ самомъ дѣлѣ начиналъ подумывать—не прибѣгнуть ли наконецъ ко хлысту, этой ultima ratio всякаго внушенія; но тутъ, по счастью, выручилъ меня совсѣмъ особенный случай.

III.

Около этого времени вскорѣ случился въ Одессѣ первый, такъ называемый, еврейскій погромъ; затѣмъ кое-гдѣ послѣдовали еще подобныя же вспышки. Пыль, поднятая выпущеннымъ изъ жидовскихъ „бебеховъ" пухомъ, достигла и до нашихъ палестинъ, гдѣ это непріятное событіе произвело на евреевъ сильное, ошеломляющее впечатлѣніе. И въ самомъ дѣлѣ, въ то время когда они пребывали въ сладкой и крѣпкой увѣренности, что ничто и никогда не въ состояніи помѣшать имъ ни въ спаиваньи народа по корчмамъ скверною водкой, ни ихъ царству кулаческой скупки и перекупки на еженедѣльныхъ базарахъ, ни стачкамъ и своего рода бойкотованью противъ христіанскихъ торговцевъ, ни жестокому ростовщичеству и прочимъ разнообразнымъ, ловкимъ и темнымъ гешефтамъ,—вдругъ Одесская чернь преподноситъ имъ такой неожиданный сюрпризъ, нѣчто въ родѣ перваго предостереженія. О, надо было видѣть, какъ переполошился весь нашъ израильскій клоповникъ!.. Всѣ эти Шлёмки, Гершки, Борухи, Мовши и Срули до самаго ребъ-Цыбулера и негоціанта Бецалела включительно, подымали на своихъ сходкахъ въ бетъ-гамидрашѣ и іешиботѣ *) великій „галласъ" по поводу одесскаго „рейваха". Понятно, что всѣ они негодовали, но негодованіе это проявлялось различно: сегодня въ мажорномъ, завтра въ минорномъ тонѣ. Они то нагло храхорились и храбрились, то вдругъ падали духомъ и притихали, начиная видимо трусить и взывать къ полиціи о защитѣ, сами не зная еще противъ кого и чего, а такъ, „на увсшякаво случай"; то вдругъ опять начинали подымать носъ и тонъ и даже сами, первые, задирали при удобномъ случаѣ кое-кого изъ христіанскихъ торговокъ и ребятишекъ. По всему было видно, что Израиль злится и кипятится, но не знаетъ еще какъ ему быть, какъ держаться въ подобныхъ экстраординарныхъ обстоятельствахъ. Впрочемъ, внутренняя трусость и опасеніе возможности погрома преобладали въ еврейскомъ большинствѣ, не смотря на все его храхоренье, да и храхорились-то, вѣроятно, потому что трусили. Видно, нашъ Израиль чувствовалъ-таки за собою не малую толику всякихъ прегрѣшеній, за которыя въ правѣ былъ ожидать себѣ нелегальнаго возмездія. Вообще, нервы израильскіе были натянуты и самъ онъ оставался на чеку, чутко прислушиваясь къ газетнымъ откликамъ и принюхиваясь къ окружающей атмосферѣ, слов-

*) *Бетъ-гамидрашъ*—общественный молитвенный домъ, *іешиботъ*—талмудическое училище.

Весна идетъ! Рис. Н. Веле, грав. Паарь.

но бы нѣкій гласъ вдругъ прогремѣлъ ему свыше: „*Шма, Исроэль!*“—внемли и берегися!

Въ эту-то пору встрѣчается однажды со мною въ общественномъ саду мой Клецкеръ-Цитронъ.

— Га?!. Каково?!. Кто бъ этого могъ подумать! съ онику обратился онъ ко мнѣ, въ тонѣ горькаго негодованія и упрека.

— Это вы на счетъ выпусканія пуху? отозвался я.

— М-да!.. на счетъ пугху, продолжалъ онъ еще съ большею горечью:—Тутъ не пугхъ, зжвините, и не увъ пугху дѣло, а скажите мнѣ, гдѣ это мы живьемъ? Гдѣ? Увъ какая сштрана?.. Это называется цивилизованная сштрана! европейскаво государство!.. Га?.. Гдѣ же тутъ власть? гдѣ палыція?.. И что себѣ думаетъ правительсштво!? Гдѣ это правительсштво?.. Тутъ надо было строжайшаго мѣру! Что съ того что солдаты въ Одесса стали напотомъ сѣчь мужиковъ изъ розгами на площадю! Развѣ это наказанью!.. Тутъ не розги,—тутъ надо было сштрѣлять, а затѣмъ сичасъ же десятый человѣкъ расштрѣлять или повѣсить, чтобъ увсѣмъ сштрахъ былъ! А то что таково розги! Дѣтскаво забави!.. Пфэ!

— Ого-го, какимъ вы тономъ запѣли, какъ дѣло-то собственной шкуры коснулось! проговорилъ я ему съ удивленіемъ:—Но васъ ли это я слышу, мой либеральный собратъ?!. Какія такія это слова вдругъ, „власть“, „полиція“, „стрѣлять“?!. А какъ же „правовый-то порядокъ“?

— Что-жь такого правовій парадокъ! Причемъ тутъ правовій парадокъ? Правовій парадокъ самъ но себѣ, а это само по себѣ, забормоталъ опѣшенный еврейчикъ.

— Вотъ то-то „причемъ“!.. Какъ же это безъ суда то десятаго вѣшать?

— А такъ, что это бунтовщики!.. Это открытый бунтъ! Отсюда не далеко и до общій пожаръ...

— Совершенно справедливо, согласился я:—но что-жь, вѣдь это вамъ на руку? Вѣдь, по вашему, революція не болѣе какъ „маленькаво кровопусканью“ для общаго оздоровленія,—ну, и радуйтесь: это вамъ маленькій образчикъ того, чѣмъ можетъ быть у насъ революція. Довольны?

— Н-но!.. Какая-жъ это революція! Это—пасшкудство!.. Развѣ революція такая бываетъ? Развѣ она дѣлается изъ такимъ маперомъ?.. Пфэ!.. Зжвините, это не революція, а это дикій, татарскій, сшвирѣпый бунтъ какого-то звѣрскаго сшволочу противъ мирныхъ и честныхъ гражданъ.

— А вамъ что-жь, хотѣлось бы, чтобъ эта сволочь пошла грабить богатыхъ христіанъ и награбленное сносила бы къ вашимъ кабатчикамъ и закладчикамъ? Тогда, поди-ка, это было бы „настоящаво дѣлу“, какъ слѣдуетъ?

— Агхъ!.. Ну, вотъ видите, вы увсе шутки шутите, а тутъ заувсѣмъ не до шутковъ! съ горькою укоризной замѣтилъ онъ, покачавъ головою:—Тутъ мало ли чего можетъ случиться... Одесскій инцидентъ, на мово взглядъ, очень опасный сшимптомъ... Примѣръ, знаете, заразителенъ и можетъ распространиться очень далеко...

— Даже и до нашего, какъ вы называете его, „богоспасаемаго“ города, вставилъ я слово, ради осязательнаго пополненія его недоговоренной, но очевидно безпокоящей его мысли.

— А почему бы нѣтъ? подхватилъ онъ съ живостію, которая разомъ показала мнѣ, что я не ошибся:—Почему и не такъ?.. Развѣ нашъ городъ чѣмъ засштрахованъ?!

— Вотъ то-то что ничѣмъ... И знаете, что я вамъ скажу, мой любезный собратъ, вѣско замѣтилъ я, напуская вдругъ на себя многозначительный, таинственный тонъ:—я бы совѣтовалъ вамъ лучше держать языкъ за зубами... А то вы больно ужъ громко... Вообще, будьте потише, а коли можно, то и подальше отсюда... Уѣзжайте-ка лучше совсѣмъ, хотя бы и на время; право!..

— А что таково? быстро спросилъ онъ дрогнувшимъ и вдругъ упавшимъ голосомъ:—развѣ есть что?

— Да ужъ я вамъ говорю по дружбѣ, убирайтесь отсюда, пока есть еще время... Лучше загодя, коли хотите быть цѣлымъ...

(До слѣд. №).

У придворнаго парикмахера.

Разсказъ **В. Аппельта.**

I.

Въ бѣдной, почти подъ самою крышею, комнаткѣ предмѣстья Вѣны, майскимъ утромъ 1785 года, сидѣла миловидная дѣвушка у окна, и склонивъ головку на руку, крѣпко задумалась. Голубые глаза ея наполнились слезами; въ послѣднее время она испытала много горя и нужды, отнявшихъ у нея всю надежду на лучшее, одушевлявшую ее прежде и заставлявшую легко переносить многія невзгоды.

Три года назадъ, отецъ ея, участвовавшій во многихъ битвахъ, вслѣдствіе тяжелыхъ ранъ принужденъ былъ временно отдохнуть. Получая жалованье капитана, приходилось жить очень скромно; музыка составляла единственное развлеченіе отца и дочери, которая играла на фортепіано съ большимъ чувствомъ и выраженіемъ. Мать Августы, прекрасная музыкантша, была учительницей своей дочери.

Такъ отецъ и дочь вели мирную жизнь, которая скрашивалась взаимною нѣжною любовью. Но вотъ, тому три мѣсяца, капитанъ Бергенъ по слабости здоровья былъ уволенъ отъ службы съ обѣщаніемъ пенсіи впослѣдствіи, такъ какъ ея нельзя было назначить немедленно при положеніи дѣлъ того времени, а каждый истинный патріотъ долженъ былъ приносить государству жертву.

Старый солдатъ былъ внѣ себя отъ горя и негодованія. Неужели, сражаясь на войнѣ, онъ недостаточно жертвовалъ собою государству? Онъ никогда не жаловался на полученныя имъ раны, сдѣлавшія его неспособнымъ не только къ военной службѣ, но и ко всякому частному занятію; но неужели же онъ долженъ теперь нищенствовать? Государь не могъ желать, чтобы честный солдатъ умиралъ съ голоду. Вѣроятно удержаніе пенсіона не касалось лицъ, которыя только имъ и живутъ. Однако повсюду, куда онъ ни обращался, онъ встрѣчалъ только соболѣзнованіе и выраженіе надеждъ на лучшіе дни въ будущемъ.

Когда же, наконецъ, онъ сталъ слишкомъ настоятельнымъ, предъ нимъ начали запирать двери и нигдѣ не принимали. Императоръ Іосифъ II, который, по мнѣнію стараго служаки, не могъ не оказать ему справедливости, находился въ отсутствіи и вернулся въ Вѣну только наканунѣ.

Какими ужасными показались имъ послѣдніе мѣсяцы! Не имѣя никакихъ сбереженій, они жили только тѣмъ, что зарабатывала Августа. Но уроки музыки и прилежное сидѣнье за вышиваніемъ все же не давали достаточно средствъ и приходилось продавать многое, что составляло воспоминаніе о лучшихъ дняхъ. Въ довершеніе несчастія, отецъ заболѣлъ, и Августа, вмѣсто того чтобы работать, обратилась въ сидѣлку больного. И вотъ лучшія вещи и платье были проданы одно за другимъ. Наконецъ, той же участи подверглось и фортепіано Августы, доставшееся ей отъ матери.

Но отецъ, слава Богу, поправился и вотъ уже часъ какъ онъ ушелъ въ дворцовую канцелярію, чтобы испросить частную аудіенцію у государя. Какъ она страдала, собирая его и видя его въ заштопанномъ и поношенномъ мундирѣ; лучшее его платье пришлось продать. Она заплакала отъ боли, замѣтивъ, что мысль явиться въ такомъ видѣ предъ придворными заставила его покраснѣть отъ стыда. Увидя его чрезъ окно, идущаго съ поникшей головой, она чувствовала, что выходъ этотъ самый тяжелый въ его жизни.

Съ разнообразными чувствами ожидала она возвращенія отца. Поплакавъ вволю, она успокоилась и въ сердце ея закралась надежда на лучшее. Невозможно, чтобы императоръ Іосифъ, о которомъ она слышала такъ много хорошаго, не оказалъ справедливости ея отцу. Тогда снова начнется хорошая жизнь и быть можетъ исполнится даже ея завѣтная мечта. Не смотря на то, что богатые родители Леопольда, котораго она любила со всей нѣжностью первой любви, не желали брака съ бѣдной дѣвушкой и выбрали для него богатую невѣсту, онъ тѣмъ не менѣе отвѣчалъ ей взаимностью и сказалъ, уѣзжая недавно по дѣламъ: „Тебѣ я останусь вѣренъ, ты одна только можешь составить мое счастье! Крѣпче желѣзныхъ цѣпей приковали меня къ тебѣ твои свѣтлыя кудри“.

Въ первый разъ онъ назвалъ ее „ты“ и заключилъ въ объятія.

Объ этомъ думала теперь дѣвушка и невольно улыбалась.

Вдругъ, тяжелые мужскіе шаги на лѣстницѣ вывели ее изъ задумчивости, дверь открылась и въ комнату вошелъ отецъ. Лицо его было блѣдно и Августа видѣла, что онъ не имѣлъ и сегодня успѣха. Несмѣло она спросила его, чтó ему сказали и какъ онъ себя чувствуетъ.

— Ничего, мое дорогое дитя, дальній путь меня утомилъ, я еще слабъ послѣ болѣзни.

Августа подошла къ нему, ласково обняла его и сказала:

— Не обманывай меня, батюшка, тебя вѣрно обидѣли, ты возвратился печальнѣе, нежели ушелъ. Довѣрь мнѣ свое горе, чтобы я видѣла, что ты меня любишь попрежнему.

Тяжелый вздохъ вырвался изъ груди стараго воина, онъ подошелъ къ окну и повернулся спиною къ дочери. Беззвучнымъ голосомъ, тяжело дыша, онъ началъ:

— Когда я пришелъ въ придворную канцелярію, меня пристально осмотрѣлъ дежурный камергеръ и спросилъ, немного конфузясь: одинъ ли только у меня мундиръ, который надѣть на мнѣ. „Это платье моего императора!“ могъ я отвѣтить съ трудомъ. Онъ же продолжалъ: „Потому именно оно и должно быть такимъ, чтобы государь его не стыдился!“ Затѣмъ онъ сталъ говорить, что понимаетъ затруднительныя обстоятельства заслуженныхъ офицеровъ, но все же долженъ мнѣ посовѣтовать пріобрѣсть лучшій мундиръ, такъ какъ въ настоящемъ онъ не можетъ испросить для меня аудіенціи. Почти лишившись разсудка отъ стыда и боли, я выбѣжалъ вонъ. На лѣстницѣ я столкнулся съ разодѣтымъ придворнымъ, который своимъ надушеннымъ платкомъ провелъ по тому мѣсту платья, до котораго я дотронулся, точно я его запачкалъ, и смѣривъ меня презрительно глазами, быстро пробѣжалъ мимо меня. Потрясенный всѣмъ пережитымъ, я былъ даже неспособенъ наказать дерзкаго. Такъ былъ униженъ твой отецъ, ставящій честь на первый планъ въ жизни.

— Бѣдный батюшка! вотъ все чтó могла произнести взволнованная дѣвушка. Блѣдная, съ сверкающими глазами, стояла она минуту неподвижно, затѣмъ обняла отца и осыпала его самыми нѣжными названіями.

— Милый и дорогой батюшка, не въ платьѣ достоинство человѣка. Раны, полученныя тобою на службѣ отечеству, украшаютъ тебя болѣе, нежели золото и бриліанты, которыми гордятся знатные. Любовь и преданность твоей дочери облегчатъ твое огорченіе.

Отецъ посмотрѣлъ въ увлажненные глазки своей дочери, глаза его также наполнились слезами, которыя скатывались все быстрѣе по его худымъ щекамъ.

— Сегодняшнее униженіе я охотно забуду, твоя любовь вознаграждаетъ меня за него. Но откуда мнѣ взять новый мундиръ, чтобы явиться къ государю, который одинъ можетъ спасти насъ? Я чувствую что умру отъ горя, если еще разъ подвергнусь насмѣшкѣ.

Снова краска стыда и гнѣва залила его лицо. Онъ молча вышелъ изъ комнаты и шаги его замерли на лѣстницѣ.

Какъ тяжело отозвались въ ея сердцѣ его послѣднія слова. Но какъ помочь горю? Все было продано. оставались только голыя стѣны. Она провела рукой по лбу, точно хотѣла стереть страданіе. Вдругъ рука ея остановилась на волосахъ, она распустила косы и бѣлокурыя кудри покрыли ее всю точно плащемъ.

Глубокая блѣдность разлилась по ея лицу, въ то время какъ глаза засверкали въ благородномъ порывѣ.

„У васъ настоящее золото на головѣ“, сказалъ ей однажды придворный парикмахеръ, когда она когда-то зашла за покупкой, „я готовъ дать за вашу косу двадцать дукатовъ“. Эти слова пришли ей теперь на умъ.

„Никто не долженъ смѣяться надъ моимъ добрымъ, честнымъ отцомъ“, подумала она. „Онъ долженъ явиться въ новомъ мундирѣ къ государю и не отворачиваться отъ стыда, проходя мимо прежнихъ знакомыхъ. Двадцати дукатовъ вполнѣ достаточно, еще останется немного денегъ.“

Она быстро схватила со стола ножницы и обрѣзала волосы у самой головы.

„Крѣпче нежели желѣзными цѣпями ты приковала меня своими бѣлокурыми локонами“, сказалъ ей Леопольдъ, разставаясь. У нея сжалось сердце, но только на одну минуту. Ножницы продолжали дѣйствовать и вскорѣ она увидѣла себя въ зеркалѣ совсѣмъ преобразившеюся. Но она не чувствовала раскаянія, напротивъ, блаженная улыбка освѣтила ея черты. Она завернула волосы и собралась къ придворному парикмахеру.

II.

Торопливо направлялась она къ центру города, гдѣ находился магазинъ парикмахера. Тутъ бывала вся высшая аристократія и даже нерѣдко заходилъ императоръ Іосифъ II.

Вблизи магазина на нее напала боязнь, что парикмахеръ не исполнитъ обѣщанія и не купитъ волосъ; но она быстро отбросила эту мысль. такъ какъ знала что на хорошіе волосы всегда бываетъ спросъ. Тѣмъ не менѣе она нерѣшительно вошла въ магазинъ.

Украшенная высокими зеркалами, прекрасно убранная комната походила болѣе на княжескій парадный покой. Отъ этого блеска Августа еще болѣе смутилась; она казалась вдвойнѣ несчастною посреди этой роскоши и едва слышно произнесла свое привѣтствіе. Поднявъ глаза по направленію, откуда ей отвѣтили, она, къ своему удивленію, увидѣла, вмѣсто знакомаго, всегда изящно одѣтаго парикмахера, совершенно незнакомаго человѣка, въ простомъ сѣромъ сюртукѣ. Дрожащимъ отъ волненія голосомъ она спросила нельзя ли видѣть парикмахера по очень важному дѣлу и, желая поскорѣе прійти къ цѣли, спросила затѣмъ у присутствовавшаго, не завѣдуетъ ли онъ также магазиномъ.

По лицу статнаго мужчины пробѣжала улыбка, и онъ отвѣтилъ:

— Да, я управляющій парикмахера, его нѣтъ дома, и я готовъ исполнить ваше желаніе.

— Но мое предложеніе такъ странно, что я предпочла бы сдѣлать его лично ему, сказала она въ замѣшательствѣ.

— Довѣрьтесь мнѣ, такъ какъ я имѣю право вести всѣ дѣла.

Мнимый представитель парикмахера, видя нерѣшительность Августы, началъ ее сердечно убѣждать, и въ словахъ его было столько доброты, что это возбудило довѣріе дѣвушки и она не стала скрывать болѣе цѣли своего прихода.

Вынимая волосы, она сказала, что парикмахеръ предлагалъ за нихъ двадцать дукатовъ.

Лицо посторонняго господина омрачилось, и онъ спросилъ:

— Это вѣроятно волосы умершей сестры или матери, и за деньги вы продаете дорогую память?

Краснѣя отвѣтила она, что это ея собственные волосы, только что обрѣзанные.

По лицу господина не прояснилось и онъ началъ съ упрековъ:

— И такъ вы лишаете себя лучшаго украшенія, которымъ природа такъ щедро васъ наградила, желая обмѣнять его на наряды; неужели тщеславіе побудило васъ къ этому?

Тщеславіе побудило ее къ этому! Она готова была громко закричать отъ несправедливыхъ упрековъ, слезы брызнули у нея изъ глазъ и она закрыла лицо руками.

Видя искреннее горе дѣвушки, спрашивавшій испугался дѣйствія своихъ словъ. Онъ дружески отвелъ руки отъ ея лица, посадилъ на диванъ и самъ сѣлъ рядомъ съ ней и сталъ разспрашивать. Голосъ его звучалъ такъ нѣжно, что дѣвушка не могла устоять, чтобы не излить свое горе предъ постороннимъ. Она ничего не умолчала, разсказала даже о своей любви къ сыну богатаго фабриканта и о томъ, какъ Леопольдъ огорчится тѣмъ, что она обрѣзала свои волосы.

Когда она стала говорить какъ отца ея уволили отъ службы по болѣзни, какъ лишили его пенсіи, тогда лицо сидящаго возлѣ нея покрылось краской, и онъ воскликнулъ:

— Не того хотѣлъ императоръ, и законъ касался не достойныхъ, заслуженныхъ и бѣдныхъ, но богатыхъ мотовъ.

И когда затѣмъ она сказала, какъ старому солдату отказали въ аудіенціи у императора, потому только, что у него былъ поношенный мундиръ, и какъ придворный думалъ что замаранъ случайнымъ прикосновеніемъ къ нему, тогда сидѣвшій вскочилъ и возмущенный вскричалъ:

— Не честнаго офицера, продавшаго хорошее платье по нуждѣ, позоритъ плохой мундиръ, но государство и императора, если это дѣлается безъ его вѣдома. Но государь конечно этого не подозрѣваетъ, мое милое дитя, и загладитъ тяжелую несправедливость.

Съ испугомъ, но съ возраставшимъ удивленіемъ, смотрѣла дѣвушка на стоявшаго, который показался ей теперь въ особомъ свѣтѣ. Но онъ вскорѣ спохватился и, садясь снова, просилъ продолжать разсказъ.

И вотъ она дошла до горя и отчаянія, до того что обрѣзала волосы, чтобы имѣть возможность доставить ему новый мундиръ.

Слушавшій всталъ, поднялъ ее также и быстро стащилъ у нея съ головы платокъ. И вотъ онъ увидѣлъ прелестную дѣвушку, съ коротко остриженными волосами и яркимъ румянцемъ на лицѣ.

Онъ невольно былъ тронутъ.

— Свѣтлые локоны, безъ сомнѣнія, васъ очень украшали, сказалъ онъ,—но вы пожертвовали чуднымъ украшеніемъ для отца. Вотъ вамъ пока деньги за волосы, настоящаго вознагражденія пока я предложить не могу. Возвращайтесь спокойно домой, отецъ вашъ будетъ удовлетворенъ, въ этомъ я вамъ ручаюсь.

Онъ подалъ ей кошелекъ съ золотомъ, который ей почти страшно было взять. Не въ силахъ выразить свою благодарность словами, она быстро поднесла его руку къ губамъ, молча поцѣловала. въ то время какъ слезы радости бѣжали по ея щекамъ, и торопливо ушла.

Онъ долго стоялъ неподвижно, разсматривая въ задумчивости слезу на своей рукѣ.

Вдругъ отворилась боковая дверь и вошелъ придворный парикмахеръ. Низко кланяясь, онъ обратился къ стоявшему въ комнатѣ:

— Простите, ваше величество, что я долго заставилъ себя ждать, но въ цѣломъ моемъ запасѣ мнѣ едва удалось найти косу подходящую къ потерянной вами.

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. въ СПБ. „Безъ доклада“. Съ карт. Шварре, грав. Ю. Шюблеръ.

XV передвижная выставка въ СПБ. „Стрѣлецъ“. Съ карт. проф. М. П. Клодта, грав. К. Ольшевскій.

III.

На другой день капитанъ Бергенъ быстрыми шагами направлялся ко дворцу. Ему не приходилось испрашивать аудіенціи; еще наканунѣ онъ получилъ собственноручное письмо императора, которымъ капитанъ приглашался на слѣдующій день во дворецъ.

Это было хорошимъ признакомъ, и Августа, не снимавшая платка подъ предлогомъ головной боли, благословляла въ душѣ парикмахерскаго управляющаго, вліянію котораго приписывала полученіе отцомъ аудіенціи. Того однако она не знала, что собственноручное письмо императора было послано также отцу Леопольда.

Она въ первый разъ солгала своему отцу, сказавъ что деньги на мундиръ получила впередъ за свои уроки музыки и за заказанную ей вышивку. У нея не достало рѣшимости сказать правду отцу: она боялась его разсердить и испортить все его удовольствіе.

И такъ капитанъ Бергенъ гордо шелъ на аудіенцію. Не смотря на тяжкія раны, это былъ еще видный мужчина съ честнымъ лицомъ, на которомъ теперь отражалась надежда.

Но вотъ онъ и во дворцѣ. Его встрѣчаетъ тотъ же камергеръ что и вчера и вѣжливо извиняется за случившееся недоразумѣніе. Переступивъ порогъ кабинета, капитанъ увидѣлъ государя посреди комнаты. Императоръ съ улыбкою подалъ руку, которую растроганный капитанъ поднесъ къ губамъ.

— Съ вами поступили несправедливо, началъ императоръ,—и причинили вамъ много горя. Мнѣ нужно исправить зло, сдѣланное по неразумію моихъ подданныхъ. Не заслуженнымъ и нуждающимся офицерамъ слѣдуетъ уменьшать пенсію, но живущимъ въ роскоши и служившимъ только ради красиваго мундира. Я могу вознаградить васъ за это, но не могу загладить доставленныхъ вамъ огорченій, почему государь вашъ проситъ васъ не сердиться на него.

— Ваше величество! воскликнулъ глубоко взволнованный капитанъ.

Императоръ Іосифъ продолжалъ, положивъ руку на его плечо:

— Вы всегда были честнымъ офицеромъ и храбро сражались за отечество, но не получили должнаго вознагражденія. Поэтому я произвожу васъ въ маіоры и въ этомъ чинѣ и съ полнымъ содержаніемъ вы можете оставаться въ отставкѣ. За вашу же доказанную храбрость примите отъ меня это.

Съ этими словами императоръ взялъ со стола ящикъ, вынулъ оттуда звѣзду и прикрѣпилъ на мундиръ капитана, который въ волненіи воскликнулъ: „Столько милостей, ваше величество, столько милостей!“ Растроганный, онъ хотѣлъ броситься къ ногамъ императора, но тотъ удержалъ его.

Послѣ того монархъ взялъ со стола свертокъ и взволнованнымъ голосомъ сказалъ:

— Вы вознаграждены за службу, но самое драгоцѣнное что я могу вамъ дать—это вотъ этотъ знакъ чистой дѣтской любви!

Капитанъ вопросительно смотрѣлъ на государя, не понимая значенія его словъ.

Тогда императоръ разсказалъ вчерашнее съ нимъ приключеніе у парикмахера и какъ, притворившись управляющимъ его, онъ вывѣдалъ у дѣвушки всю исторію.

Онъ подалъ отцу волосы его дочери. Глубоко взволнованный и потрясенный, капитанъ схватилъ ихъ, прижалъ къ устамъ и прошепталъ:

— О, милое мое дитя, ты пожертвовала для меня своими локонами, своимъ лучшимъ украшеніемъ! Простите меня, ваше величество, но сердце мое слишкомъ полно радостью.

Императоръ взялъ его за руку и сказалъ:

— Вы богатый человѣкъ, маіоръ, вы обладаете драгоцѣннымъ сокровищемъ въ сердцѣ вашей дочери!

Въ это время Августа сидѣла дома, все еще не развязывая головы. Она была спокойна и вполнѣ счастлива. Вынимая постоянно маленькое письмецо, она не переставала читать его.

„Я только что вернулся, значилось тамъ, и посылаю тебѣ тысячу привѣтствій. Образъ твой носилъ я съ собою въ сердцѣ, и по возвращеніи онъ является мнѣ еще прекраснѣе. Милая, благородная, честная моя дѣвочка, я едва сознаю себя достойнымъ тебя“.

Она не понимала что хотѣлъ выразить этимъ Леопольдъ, но одно она знала хорошо, что любитъ его теперь еще болѣе нежели прежде. Она также вѣрила, что онъ не разлюбитъ ее изъза короткихъ волосъ.

Мечтая такъ съ закрытыми глазами, она почувствовала какъ кто-то стягиваетъ у нея съ головы платокъ. Предъ нею стоялъ отецъ.

— Августа, дорогое дитя мое, не желая подвергать насмѣшкамъ твоего бѣднаго отца, ты пожертвовала своими роскошными волосами. Я счастливъ твоею любовью!

Затѣмъ, разсказавъ ей про аудіенцію у императора, онъ весело закончилъ:

— А знаешь, кому ты повѣрила свое горе вчера у парикмахера? Это былъ самъ императоръ, Іосифъ II, котораго ты такъ хотѣла видѣть.

Дѣвушка вскочила въ испугѣ, но въ это время постучали въ дверь и въ комнатѣ появились старики Ролены, родители Леопольда.

Узнавъ отъ императора все случившееся, они пришли къ офицеру просить руки его дочери для своего сына; брака этого желалъ также монархъ, что и выразилъ въ письмѣ.

— Дорогое дитя, обратился старикъ Роленъ къ дѣвушкѣ,—вы обладаете сокровищемъ выше всѣхъ драгоцѣнностей земли. Что вы сдѣлали для отца — мы узнали отъ императора. Я и моя жена будемъ вполнѣ счастливы, если вы согласитесь быть нашей дочерью.

Въ это время дверь быстро распахнулась, и съ радостнымъ крикомъ въ комнату вбѣжалъ молодой человѣкъ. Онъ бросился къ Августѣ, заключилъ ее въ объятія и, подымая ея обстриженную головку, ласково заглядывалъ въ глаза.

— Августа, воскликнулъ онъ,—когда я разставался съ тобою, ты была прекрасна со своими свѣтлыми локонами, но принесши ихъ въ жертву дѣтской любви, ты сдѣлалась еще красивѣе. И если это возможно, уваженіе мое къ тебѣ превосходитъ даже мою любовь, сердечная, дорогая моя дѣвочка!

Лучи солнца, проникнувшіе въ маленькую комнатку, озарили счастливаго жениха и невѣсту, которыхъ благословляли родители.

Профессоръ Рудольфъ Фальбъ и его теорія землетрясеній.

(Портретъ на стр. 536).

Австрійскій ученый, основатель новой теоріи землетрясеній,градущая европейская извѣстность, Рудольфъ Фальбъ родился въ апрѣлѣ 1838 года. Небогатые родители предназначали его въ духовенство, и онъ дѣйствительно сталъ было католическимъ священникомъ, но наука неудержимо влекла его къ себѣ и побуждала служить Богу инымъ образомъ, а именно изслѣдуя и разъясняя людямъ чудеса Его творенія. Фальбъ сложилъ съ себя духовное званіе и поступилъ преподавателемъ естественныхъ наукъ въ Грацскую коммерческую академію, а затѣмъ получилъ мѣсто воспитателя въ одномъ графскомъ домѣ, гдѣ заслуги его были оцѣнены въ такой степени, что, по окончаніи его занятій, ему назначили пенсію. Это было въ 1869 году, и только съ этихъ поръ тридцатилѣтній ученый могъ посвятить всѣ свои силы наукѣ. Онъ вскорѣ обнародовалъ свою „теорію землетрясеній и вулканическихъ изверженій“, основалъ популярно-астрономическую газету *Сиріусъ* и лично изслѣдовалъ вулканическія явленія, повсюду гдѣ представлялся удобный случай. Какъ относительно многихъ явленій природы, такъ и по отношенію къ разрушительной силѣ землетрясеній, Америка оставляетъ далеко позади себя Старый Свѣтъ. Туда-то отправился молодой изслѣдователь и провелъ три года (1877—1880) въ Новомъ Свѣтѣ, предаваясь наблюденіямъ. Вернувшись въ Европу и проведя цѣлый годъ въ строжайшемъ уединеніи на родинѣ, онъ выступилъ съ главнымъ своимъ научнымъ трудомъ *Перевороты во вселенной*, въ которомъ утвердилъ свою теорію землетрясеній на болѣе прочныхъ основахъ.

Два слова объ этой теоріи.

Измѣренія температуры въ рудничныхъ шахтахъ показываютъ, что она возрастаетъ по мѣрѣ углубленія къ центру земли, ядро которой, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, должно имѣть нѣсколько тысячъ градусовъ тепла по термометру Цельсія и находится въ расплавленномъ, огненножидкомъ состояніи.

Земная поверхность есть толстая, отвердѣвшая кора, образовавшаяся вокругъ этого огненножидкаго ядра вслѣдствіе того что она обращается вокругъ солнца въ холодномъ пространствѣ, имѣющемъ температуру—270 градусовъ, т. е. 270 градусовъ мороза. Огненножидкое ядро земли постоянно кипитъ и развиваетъ пары, которые часто находятъ себѣ исходъ, пробиваясь на поверхность земли по кратерамъ вулкановъ (огнедышащихъ горъ). Но не повсюду находятъ они такой выходъ. Часто сплошная твердая кора земли оказываетъ напору паровъ мощное сопротивленіе, и тогда раскаленные газы неистово бушуютъ, земная кора колеблется подъ ихъ напоромъ и содрогается какъ щитъ подъ ударами копій. Это-то и называется землетрясеніемъ.

Но почему же скопляются газы именно на данномъ мѣстѣ земной коры при землетрясеніи?

Потому что ихъ привлекаетъ сюда сила притяженія. Небесныя тѣла взаимно притягиваютъ другъ друга: солнце—землю, земля—луну, и наоборотъ. Всѣ части земли стремятся къ лунѣ, которая притягиваетъ ихъ на своемъ пути. Но твердыя части земной коры не могутъ поддаться этому притяженію, такъ какъ онѣ неразрывно спаяны другъ съ другомъ силою сцѣпленія, тогда какъ подвижныя волны моря уступаютъ этому магнетическому дѣйствію. Такимъ образомъ луна, обращаясь вокругъ земли, тянетъ за собою по земной поверхности громадную океаническую волну. Это и есть причина извѣстныхъ явленій прилива и отлива.

Но и сквозь твердую земную кору дѣйствуетъ притягатель-

ная сила луны на огненножидкое земное ядро, подобно тому какъ магнитъ притягиваетъ желѣзо, не смотря на то что между ними помѣщенъ болѣе или менѣе тонкій слой какого нибудь посторонняго вещества. Итакъ раскаленная струя газовъ подъ земною поверхностью слѣдуетъ за движеніемъ луны и вырывается на поверхность въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ позволяютъ это отверстія вулкановъ—кратеры. Когда солнце и луна находятся на одной линіи съ землей, какъ во время солнечныхъ затмѣній, то притяженія обоихъ небесныхъ тѣлъ слагаются воедино, и раскаленная струя газовъ устремляется отъ ядра съ удвоенною силою противъ земной коры, которая, не выдерживая напора, колеблется, содрогается—земля трясется.

Такимъ образомъ, по Фальбу, вычисленіе времени наступленія землетрясеній равнозначуще вычисленію затмѣній.

Вѣрна ли эта теорія? Вычисленія Фальба и его предсказанія землетрясеній 27 и 31 августа 1886 года въ Греціи, слишкомъ скоро, къ несчастію, подтвердившіяся, а также предсказанныя имъ за нѣсколько недѣль страшныя катастрофы въ Ривьерѣ и южной Франціи, служатъ достаточнымъ свидѣтельствомъ въ пользу ея. Въ самомъ дѣлѣ, заглянемъ въ астрономическій календарь: каково было положеніе свѣтилъ въ эти злополучные дни? 29 августа 1886 года: новолуніе, солнечное затмѣніе, положеніе луны относительно земли—два дня предъ экваторіальнымъ положеніемъ первой; 22—23 февраля 1887 года: новолуніе, солнечное затмѣніе, два дня до вступленія луны на экваторъ. Аналогія, а въ этомъ случаѣ и причина явленія очевидно заключается въ эклиптическомъ новолуніи и близости луны къ экватору, а также и въ совокупномъ притяженіи солнцемъ и луною подземныхъ газовъ. Конечно, какъ всякая теорія, она не имѣетъ недостатка въ противникахъ; но правы ли они въ своихъ нападкахъ—рѣшитъ болѣе или менѣе близкое будущее.

Къ рисункамъ.

Гулливеръ у великановъ. (Рис. на стр. 520 и 521).

„Путешествія Гулливера"—знаменитѣйшее изъ произведеній англійскаго сатирика Джонатана Свифта, ирландца по происхожденію (р. 1667 въ Дублинѣ, † 1745). Въ свое время оно имѣло успѣхъ необычайный и было переведено на всѣ европейскіе языки. Эта сатира на человѣческія глупость и слабости вообще и на политическій и общественный строй тогдашней Англіи въ особенности, написанная самымъ простымъ языкомъ, въ формѣ путешествія по невѣдомымъ странамъ карликовъ, великановъ и т. п., причемъ съ величайшею серьезностью и значительною долей правдоподобія излагаются самыя невѣроятныя приключенія, рисующія иносказательно будничную жизнь англичанъ.

Прежде всего Гулливеръ очутился въ странѣ лилипутовъ, крошечныхъ людей, съ мизинецъ величиной, настоящихъ мальчиковъ-съ-пальчикъ, которые тѣмъ не менѣе взяли его въ плѣнъ, заставъ его спящимъ на берегу ихъ владѣній и съ изумительнымъ терпѣніемъ успѣвъ забить вокругъ него тысячи свай, къ которымъ и привязали его конечности канатиками, не толще суровыхъ нитокъ, но въ такомъ громадномъ количествѣ, что онъ рѣшительно не могъ пошевельнуться. Потомъ, помощью разныхъ машинъ, они подвели подъ его громадное тѣло платформу на колесахъ и цѣлымъ стадомъ своихъ быковъ перевезли его въ столицу, гдѣ и заключили въ нарочно построенную башню. Велико было изумленіе народа лилипутовъ при видѣ карманныхъ часовъ Гулливера, его червонцевъ, табакерки, пистолетовъ и прочихъ вещей, которыя были у него отобраны и описаны въ государственномъ актѣ осмотра и дознанія. Но мало-по-малу, присмотрѣвшись къ чудовищу и убѣдясь что человѣкъ-гора, какъ его прозвали, не питаетъ никакихъ враждебныхъ замысловъ, они заключили съ нимъ формальный письменный союзный договоръ, по которому Гулливеръ обязался помогать имъ своею титанической силой, и освободили его такъ-сказать на слово. Интересна была первая его прогулка по столицѣ, гдѣ онъ запросто шагалъ чрезъ самыя высокія зданія, стараясь только не растоптать ни одного изъ гражданъ. Вскорѣ онъ оказалъ и первую услугу лилипутамъ, которые вели войну съ сосѣднимъ, такимъ же крошечнымъ народомъ, а именно перешелъ вбродъ море, отдѣлявшее страну лилипутовъ отъ государства ихъ враговъ, связалъ весь непріятельскій флотъ корабль съ кораблемъ на веревочку и привелъ его на буксирѣ въ лилипутскую гавань. Но нѣтъ такихъ благодѣяній, которыя бы не забывались. Избалованные услугами Гулливера, лилипуты зазнались, стали тяготиться доставленіемъ того страшнаго количества пищи, которое онъ истреблялъ, глотая ихъ быковъ какъ орѣхи или жареныхъ воробьевъ, и наконецъ обвинили его въ государственной измѣнѣ, когда онъ, при большомъ пожарѣ въ столицѣ, торопясь оказать имъ помощь, залилъ огонь чрезвычайно простымъ, но не совсѣмъ вѣжливымъ способомъ. И вотъ Гулливеръ попадаетъ въ страну бробдигнаговъ—гигантовъ, передъ которыми онъ самъ такой же муравей какими были передъ нимъ лилипуты. Бробдигнаги конечно не боятся Гулливера, его принимаютъ ко двору какъ величайшую рѣдкость, но тутъ ему самому приходится плохо. Онъ принужденъ, напримѣръ, отбиваться шпагой отъ бробдигнагскихъ осъ, которыя оказываются крупнѣе барана, и выносить разныя тому подобныя злоключенія. Картина Эмиля Адана, извѣстнаго французскаго художника, изображаетъ Гулливера маневрирующаго на своей лодочкѣ по бассейну въ дворцовыхъ садахъ короля бробдигнаговъ предъ его величествомъ и роскошно разодѣтыми придворными, которые всѣ, отъ мала до велика, съ напряженнымъ любопытствомъ слѣдятъ за невиданнымъ чудомъ,—человѣкомъ-муравьемъ въ его скорлупкѣ.

Мы коснулись лишь внѣшней стороны *Путешествій Гулливера*; что же касается глубины остроумія, которымъ блещетъ вся сатира отъ начала и до конца, то достаточно напомнить, что компетентный въ этомъ отношеніи Вольтеръ называлъ автора ея, Свифта, „англійскимъ Рабеле", а Рабеле, какъ извѣстно, былъ величайшимъ изъ французскихъ сатириковъ.

Весна идетъ! (Рис. на стр. 525).

Только-что народившаяся весна, олицетворяемая крылатымъ малюткой, открываетъ свои благотворныя дѣйствія народнымъ обычаемъ, издревле пріурочиваемымъ ко дню Благовѣщенія, какъ бы говоря устами нашего великаго поэта:

......свято наблюдаю
Родной обычай старины:
На волю птичку выпускаю
При свѣтломъ праздникѣ весны.

(Пушкинъ. *Птичка*).

Безъ доклада. (Рис. на стр. 528).

Хорошенькій жанръ г-жи Шпарре не требуетъ поясненій: изображенная ею изящная, граціозно-веселая молодая женщина смѣло можетъ всюду являться безъ доклада, не рискуя быть непріятною гостьей.

Стрѣлецъ. (Рис. на стр. 529).

Картина профессора М. П. Клодта изображаетъ одного изъ представителей пѣшаго и коннаго войска Московскихъ государей, составлявшаго въ теченіе полутора вѣковъ до Петровской реформы единственную сколько нибудь регулярную армію древней Руси. Учрежденіе стрѣльцовъ относятъ къ 1550 году; они получали отъ казны землю и домъ, денежное жалованье и продовольствіе, а при отправленіи на войну—подводы. Оружіе ихъ состояло изъ мушкета (ружья), бердыша съ лезвіемъ въ видѣ широкаго полумѣсяца и сабли съ боку. Одежда отличалась богатствомъ и роскошью того времени. Изображенный на картинѣ стрѣлецъ очевидно караулитъ какое-то казенное зданіе, съ замкомъ за казенной печатью.

Г-жа Рекамье. (Портр. на стр. 532).

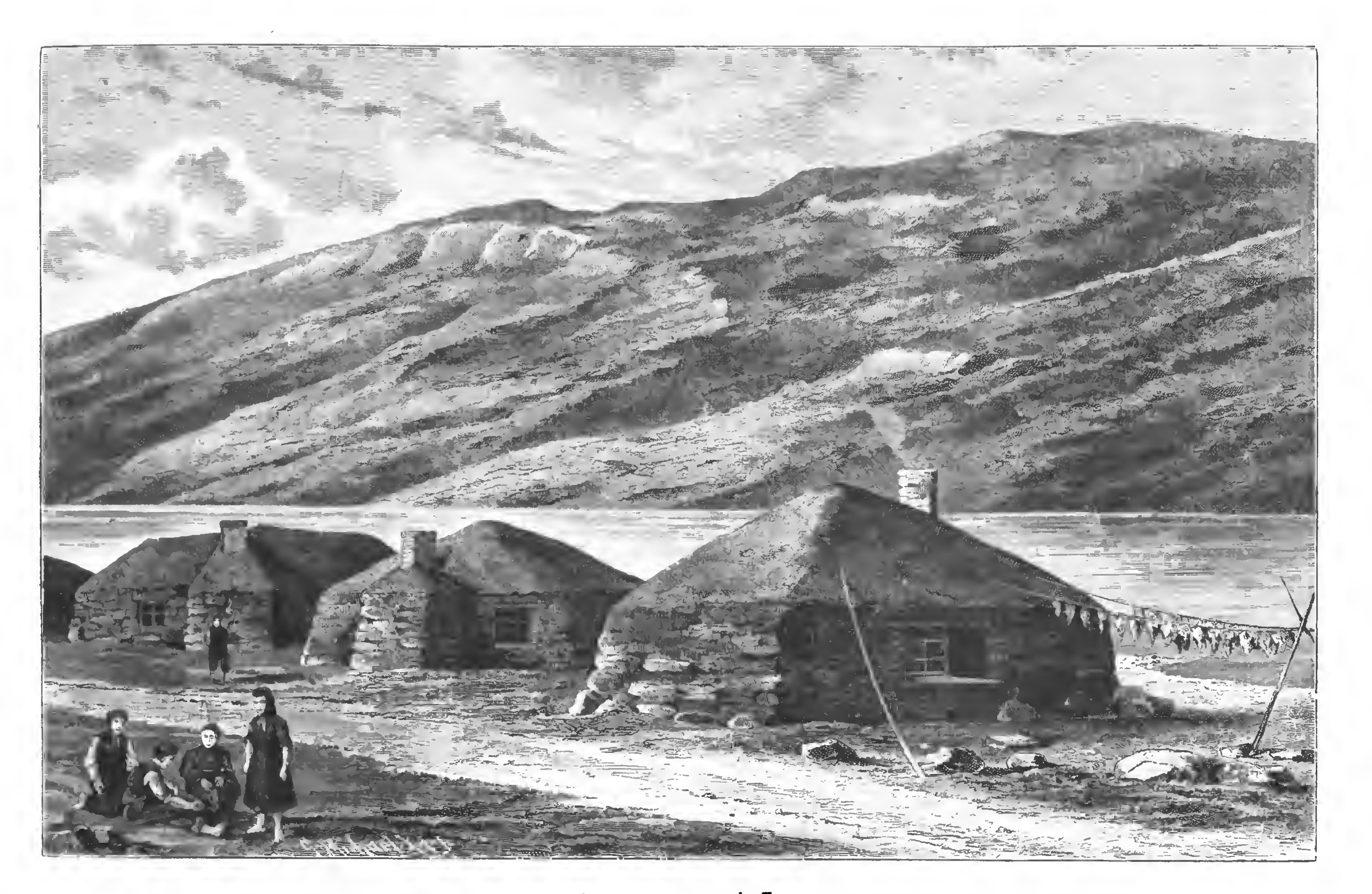
Одна изъ замѣчательныхъ женщинъ Франціи конца прошлаго и первой половины текущаго столѣтія, Жанна-Франциска-Юлія-Аделаида Рекамье, рожденная Бернаръ, родилась въ 1777 году въ Ліонѣ, гдѣ отецъ ея, Жанъ-Бернаръ, былъ банкиромъ. Онъ и его жена отличались красотою; кромѣ того г-жа Бернаръ обладала живымъ умомъ и дѣловыми способностями. Познакомившись съ министромъ Калонномъ, она устроила мужу хорошее мѣсто въ Парижѣ, куда они и переѣхали, оставивъ маленькую Жюльетту воспитываться у тетки въ Вилафраншѣ. Г-жа Рекамье съ удовольствіемъ вспоминаетъ свое дѣтство: „Живости первыхъ впечатлѣній дѣтства, говоритъ она, я обязана тѣмъ, что сохранила мою вѣру и религіозное чувство, посреди разнородныхъ убѣжденій, между которыми жила". У тетки Жюльетта пробыла нѣсколько мѣсяцевъ и затѣмъ была помѣщена въ монастырь въ окрестностяхъ Ліона. Дальнѣйшее воспитаніе ея продолжалось дома подъ надзоромъ матери въ Парижѣ. Богатая и тщеславная мать Жюльетты жила открыто и принимала у себя лучшее общество, въ томъ числѣ многихъ литераторовъ. Жюльетта познакомилась съ Лагарпомъ, Лемонте и Барреромъ, который во время революціи оказалъ не одну услугу ихъ семейству. Изъ числа претендентовъ на руку 15-тилѣтней Жюльетты, выборъ ея палъ на банкира Рекамье, пріобрѣтшаго огромное богатство. Лучшаго руководителя, не смотря на громадную разницу въ лѣтахъ, трудно было бы выбрать Жюльеттѣ. Отношенія г-на Рекамье къ женѣ своей остались на-вѣки отношеніями отца къ дочери. Свадьба совершилась 24 апрѣля 1793 года, въ самый разгаръ террора. Въ это время всѣ отношенія, связи были порваны, каждый только и думалъ, какъ бы заставить позабыть о себѣ. Терроръ миновалъ и настала эпоха Директоріи, эпоха несбузданнаго разгула, но домъ г-жи Рекамье служилъ пристанищемъ только для людей ума, таланта, и то для немногихъ. Въ это время красота ея пышно развилась, ей было 18 лѣтъ, и вотъ какъ описываютъ ея наружность: античныя формы, при гибкомъ и стройномъ станѣ, маленькій розовый ротикъ, зубы какъ жемчугъ, каштановые волосы, вьющіеся отъ природы, цвѣтъ лица ослѣпительный; оно привлекало къ себѣ выраженіемъ безконечной добро-

ты. Съ перваго вступленія въ свѣтъ, г-жа Рекамье обратила на себя общее вниманіе не только красотою, но и своею скромностью. Въ 1799 г. г-жа Рекамье вышла изъ своей затворнической жизни и познакомилась съ обществомъ Директоріи. Къ этому же времени относится и знакомство ея съ г-жею Сталь, имѣвшей громадное вліяніе на ея развитіе и послѣдующую жизнь. Г-жа Рекамье начала вести свѣтскую жизнь и была центромъ многочисленнаго, разнообразнаго общества. Она принимала и старую аристократію, и людей новаго времени и, что всего замѣчательнѣе, въ домѣ Рекамье они уживались другъ съ другомъ. Въ особенности она подружилась съ Монморанси и Лагарпомъ. Въ 1802 году на нее обрушилось первое несчастіе: отецъ ея, занимавшій мѣсто почтъ-директора, былъ арестованъ и заключенъ въ тюрьму, и хотя, благодаря содѣйствію друзей, въ особенности Бернадота, онъ былъ прощенъ, но лишился мѣста. Вскорѣ Наполеонъ началъ преслѣдовать людей мѣшавшихъ его честолюбивымъ замысламъ. Первою жертвою была г-жа Сталь, которой консулъ въ 1803 г. приказалъ выѣхать изъ Франціи. Геній Наполеона, не терпѣвшаго вообще такъ-называемыхъ философовъ-энциклопедистовъ XVIII вѣка и начала XIX, которыхъ онъ заклеймилъ кличкой *идеологовъ* (попросту праздныхъ болтуновъ), какъ бы предвидѣлъ ту бездну золъ, въ которую вовлечетъ Францію этотъ духъ легкомысленнаго отрицанія всѣхъ нравственныхъ и общественныхъ основъ, порожденный поверхностнымъ отношеніемъ къ наукѣ или, вѣрнѣе, призраку науки; еще менѣе способенъ былъ первый консулъ, какъ серіозный ученый (онъ былъ членомъ французской академіи по отдѣленію механики и прикладной математики) увлекаться претензіями тогдашнихъ *синихъ чулковъ*, тѣхъ quasi-ученыхъ дамъ, которыя, забывая высокое назначеніе женщины, играли въ науку, политику и оппозицію Извѣстенъ его отвѣтъ г-жѣ Сталь, которая, ожидая комплиментовъ на свой счетъ, спросила у него: какая женщина, по его мнѣнію, заслуживаетъ наибольшаго уваженія,—„та, у которой больше дѣтей, сударыня“, холодно проговорилъ Наполеонъ, разумѣя, что единственное призваніе женщины, указанное ей самой природой, заключается въ физическомъ и нравственномъ воспитаніи грядущихъ поколѣній. На г-жу Рекамье, собиравшую у себя всѣхъ вліятельныхъ людей, также онъ сталъ смотрѣть искоса и громко заявлялъ, что будетъ считать личнымъ врагомъ всякаго иностранца, который будетъ посѣщать салонъ г-жи Рекамье. Не смотря на это, всѣ принцы крови, бывшіе въ Парижѣ, продолжали добиваться ея знакомства. Г-жа Рекамье очень тонко воспользовалась этой опалой при дворѣ и обратила ее въ свою пользу. Лучшіе художники воспроизводили ея черты. Портретъ, сдѣланный извѣстнымъ Жераромъ, привлекалъ въ его мастерскую цѣлую толпу. Знаменитый въ то время Давидъ пытался также написать портретъ г-жи Рекамье, но не докончилъ его. Скульпторъ Канова сдѣлалъ ея бюстъ изъ мрамора. Провозгласившій себя императоромъ, Наполеонъ еще сильнѣе сталъ преслѣдовать своихъ враговъ. Многіе погибли на эшафотѣ. Полиньякъ и др. были заключены въ крѣпость, Моро отправился въ изгнаніе. Г-жѣ Рекамье чрезъ министра полиціи Фуше дано было предостереженіе и ей предложили быть статсъ-дамой, но она отказалась. Вскорѣ Рекамье обанкрутился; Наполеонъ, настроенный враждебно, отказался поддержать его, и онъ окончательно разорился; но общество болѣе чѣмъ когда нибудь стучалось въ двери г-жи Рекамье, что еще болѣе вооружило Наполеона, и въ 1811 г. онъ изгналъ ее изъ Парижа. Потери, которыя она понесла, дѣлали это изгнаніе еще болѣе тягостнымъ. Въ полнѣйшемъ одиночествѣ провела она нѣсколько мѣсяцевъ въ провинціальномъ городишкѣ. Но послѣ паденія Наполеона, салонъ ея занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ Парижѣ, въ ея обществѣ появляются такіе авторитеты, какъ Камиль Журданъ, Шатобріанъ, мадамъ Сталь, Байронъ и др.; многія изъ русскихъ крупныхъ именъ встрѣчаются въ ея гостиныхъ. Каждый входилъ къ ней какъ въ святилище. Понемногу кругъ ея, не переставая быть свѣтскимъ, принялъ оттѣнокъ литературный. Частная жизнь ея была полна волненій и тревоги. Близкая дружба съ Шатобріаномъ также внесла не мало непріятностей въ ея жизнь. Г-жа Рекамье не долго пережила Шатобріана. Она умерла 11 мая 1849 г., на 72 году жизни. Не смотря на старость, черты лица ея сохранили остатки красоты. Послѣ ея смерти закрылся послѣдній салонъ, образовавшійся при Директоріи.

Г-жа Рекамье. Съ современ. портр. грав. М. Веберъ.

Землянки въ Гаммерфестѣ. (Рис. на стр. 533).

Гаммерфестъ, самый сѣверный городъ въ Европѣ и даже во всемъ свѣтѣ, если не считать нѣкоторыхъ незначительныхъ мѣстечекъ Сибири, находится на западномъ берегу острова Квалэ, между 70° и 71° сѣверной широты, въ норвежскомъ округѣ Финмаркенъ. Первоначально онъ былъ торговою факторіей, которая лишь съ 1787 г мало-по-малу развилась до степени города и нынѣ насчитываетъ уже 2200 жителей. Городъ расположенъ на южномъ берегу почти совершенно круглой бухты, на выдающемся въ нее мыскѣ, и какъ бы прислоняется къ длинному, совершенно обнаженному горному хребту, который придаетъ городу весьма мрачный видъ. Здѣсь главное средоточіе торговли съ Россіей и рынокъ для рыбныхъ ловель западнаго Финмархена, а также для китобойнаго и тюленьяго промысловъ у береговъ Шпицбергена. Гаммерфестъ довольно чистенькій городокъ, хотя въ немъ повсюду воняетъ рыбьимъ жиромъ; есть главная улица, пролегающая вокругъ гавани, и

Землянки въ Гаммерфестѣ, самомъ сѣверномъ городѣ Европы. Рис. Г. Нильсонъ, грав. Г. Михайловъ.

нѣсколько меньшихъ, какъ бы впадающихъ въ первую. Вдоль гавани стоятъ магазины и большія таможенныя зданія. Въ самомъ городѣ есть нѣсколько купеческихъ домовъ съ красивыми лавками, прочіе же невелики, выстроены изъ дерева съ дерновыми крышами. При нѣкоторыхъ домахъ есть садики съ кустарникомъ и деревьями, но за этимъ исключеніемъ, во всей окрестности не видать ни одного дерева. Весь лѣсъ какъ строевой, такъ и идущій на топливо—привозный, почему люди незажиточные строятъ себѣ дома наподобіе землянокъ, но не выкапывая ихъ, а возводя стѣны изъ земли съ дикимъ камнемъ. На нашемъ рисункѣ изображены эти бѣдныя жилища, напоминающія хижины лопарей, которыя также встрѣчаются въ Гаммерфестѣ. На возвышенности за городомъ стоитъ красивая деревянная церковь съ прилегающимъ къ ней кладбищемъ и домикомъ пастора. На концѣ мыса Фугльнаса возвышается меридіанальный столбъ въ память русско-скандинавскихъ градусныхъ измѣреній, произведенныхъ съ 1816 по 1852 годъ. Съ возвышенности восточнѣе меридіанальнаго столба виденъ горизонтъ Ледовитаго океана и полуночное солнце. Съ 13 мая до 29 іюля солнце день и ночь не сходитъ съ горизонта; жители въ это время любятъ прогуливаться въ полночь, и рѣдко кто ложится спать ранѣе часа пополуночи. За то съ 21 ноября по 21 января солнце совершенно исчезаетъ, и настаетъ двухмѣсячная ночь. Всего въ пяти миляхъ отъ Гаммерфеста лежитъ Нордкапъ (Сѣверный мысъ), самый крайній пунктъ на сѣверѣ Европы.

Лученіе рыбы у береговъ Флориды. (Рис. на стр. 536).

Отдѣляющій воды Мексиканскаго залива отъ атлантическихъ, огромный полуостровъ Флорида, самый южный изъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, населенъ въ полномъ смыслѣ слова нашими антиподами. Тѣмъ поразительнѣе тождественность пріемовъ русскихъ и мексиканскихъ, при такомъ своеобразномъ и зависящемъ отъ мѣстныхъ условій промыслѣ, какъ лученіе рыбы. Этотъ способъ ловли, какъ извѣстно, состоитъ въ томъ, что на носу лодки разводится огонь (въ Россіи на желѣзной рѣшеткѣ горятъ дрова, въ Америкѣ на высокой подставкѣ пылаетъ пламя какого-нибудь смолистаго вещества), освѣщающій воду на значительную глубину, со всею спящею въ ней рыбою, которую и бьютъ трезубцемъ такъ-называемой остроги, стараясь попасть рыбѣ въ позвоночный столбъ. Затѣмъ рыба вытягивается на зубцахъ остроги. Изображенный на прилагаемомъ рисункѣ морской видъ освѣщается еще электрическимъ свѣтомъ маяка.

Наружное украшеніе оконъ, по мысли Ѳ. Герстнера.

(Рис. на стр. 537).

Извѣстный Петербургскій садовый декораторъ, Ѳ. Герстнеръ, заведеніе котораго помѣщается на Невскомъ проспектѣ, № 5, недавно получилъ на международной выставкѣ садоводства въ Дрезденѣ большую серебряную медаль за два присланные имъ букета: одинъ изъ розъ, другой изъ этюрій. Эти букеты были взяты имъ съ собою въ багажный вагонъ, 23-го апрѣля прибыли въ Дрезденъ, а 24-го числа послѣдовала экспертиза, давшая помянутый результатъ. Такъ-какъ букеты столь дальней доставки не входили въ программу выставки, то необходимо было предварительно снестись съ ея комитетомъ, который, по заявленію г. Герстнера, и включилъ въ программу отдѣлъ: „долго сохраняющихся и пересыльныхъ букетовъ“. Произведенія г. Герстнера прибыли въ Дрезденъ превосходно сохранившимися и въ день открытія выставки, 25 апрѣля, явились достойными представителями Петербурга.

Букеты, какъ извѣстно, не единственная спеціальность г. Герстнера. Онъ замѣчательный садовый декораторъ, и ему между прочимъ принадлежитъ мысль о наружномъ украшеніи оконъ цвѣтами въ вазонахъ. На прилагаемомъ рисункѣ ясно видно расположеніе этой декораціи, въ составъ которой могутъ входить какъ цвѣтущія, такъ и пестролистныя растенія, хвойныя, висячія, вьющіяся пальмы, папоротники и т. п.

Политическое обозрѣніе.

16-го мая.

Отвѣтъ Тиссы на запросъ Ирапьи.—Французскій министерскій кризисъ.

Долго жданный отвѣтъ главы мадьярскаго министерства на запросъ депутата Ираньи касательно соглашенія съ Россіей насчетъ Босніи и Герцеговины, послѣдовалъ наконецъ 9 мая въ засѣданіи Палаты представителей Венгерскаго сейма. Г. Тисса заявилъ, что наканунѣ русско-турецкой войны политикой Австро-Венгріи руководило желаніе улучшить быть турецкихъ христіанъ мирнымъ путемъ, сохранивъ неприкосновенность Оттоманской Имперіи. Когда же Россія собиралась объявить войну Турціи, Австро-Венгрія, въ виду необходимости принять какое-либо рѣшеніе, избрала нейтралитетъ, не желая ни воевать съ дружественною Турціей, ни противодѣйствовать справедливымъ притязаніямъ балканскихъ христіанъ. Но ради охраненія жизненныхъ интересовъ Австріи отъ всякихъ случайностей и нежелательныхъ перемѣнъ вслѣдствіе войны, было-де приступлено къ тѣмъ переговорамъ, на которые сослался интерпеллянтъ (г. Ираньи). При этомъ Австро-Венгріи, отнюдь не думавшей предоставлять Россіи свободу дѣйствій на Востокѣ, надо было заблаговременно занять надлежащее положеніе на случай возможныхъ случайностей, и съ одной стороны, точно опредѣлить, въ какихъ случаяхъ Австро-Венгрія вынуждена будетъ отказаться отъ нейтралитета, а съ другой ясно высказаться, на какія территоріальныя измѣненія она не дастъ своего согласія. Въ теченіе этихъ переговоровъ было-де прямо заявлено, что Австро-Венгрія отнюдь не желаетъ присоединять Боснію и Герцеговину и только въ случаѣ неспособности Оттоманскаго правительства водворить порядокъ въ этихъ областяхъ, должна будетъ занять эти провинціи, дабы не пускать туда никого другого. Результатомъ этихъ переговоровъ и было соглашеніе съ Россіей, которое, по заключеніи онаго, было сообщено и Германіи. Въ немъ-де и рѣчи нѣтъ о раздѣлѣ Турціи между Австро-Венгріей и Россіей, а также о какомъ-либо совмѣстномъ дѣйствіи съ послѣдней: единственная цѣль его—обезпеченіе австрійскихъ интересовъ отъ всякихъ случайностей. Затѣмъ послѣдовалъ Санъ-Стефанскій миръ, противъ котораго, какъ несоотвѣтствовавшаго соглашенію, Австро-Венгрія возражала, и при такой обстановкѣ состоялся Берлинскій конгрессъ, уполномочившій Австро-Венгрію занять помянутыя двѣ области. „Поэтому, сказалъ г. Тисса, вовсе нѣтъ противорѣчія въ томъ, что мы по поводу оккупаціи ссылались на Берлинскій конгрессъ: мы произвели ее не на основаніи соглашенія съ Россіей, а по уполномочію конгресса. Судить же о различныхъ фазахъ этого дѣла можно будетъ лишь по документальномъ разъясненіи подробностей, что въ настоящее время невозможно.“ Возражая депутату Ираньи, осуждавшему восточную политику Австріи, г. Тисса сказалъ: „Протоколы Берлинскаго конгресса подтверждаютъ, что русскій делегатъ между прочимъ и устно поддерживалъ британское предложеніе о передачѣ австрійцамъ оккупаціоннаго полномочія.“ Палата, посреди громкихъ знаковъ одобренія съ правой, приняла къ свѣдѣнію отвѣтъ перваго министра.

Президенту французской республики досталась на долю нелегкая задача: примирить разнообразныя партіи и ихъ фракціи хотя настолько, чтобы можно было организовать сколько нибудь прочный кабинетъ. Главнымъ камнемъ преткновенія является генералъ Буланже, котораго оппортунисты, съ г. Ферри и другими германофилами во главѣ, отнюдь не желаютъ видѣть въ составѣ новаго министерства, дабы не раздражать Германію. Съ другой стороны, Рошфоръ и другіе требуютъ шумныхъ демонстрацій въ пользу Буланже и грозятъ безпорядками въ случаѣ его недопущенія въ кабинетъ; за него же ходатайствуютъ муниципальные совѣты многихъ городовъ, въ томъ числѣ Ліона, Реймса и др. Фрейсине, которому Греви поручилъ составить новый кабинетъ, отлично понялъ положеніе, въ которое его поставили радикалы и особенно Клемансо, заявившій, между прочимъ, что пора коалиціонныхъ министерствъ безвозвратно миновала и что теперь кабинетъ долженъ быть или чисто оппортунистскимъ, или чисто радикальнымъ. А потому, прибывъ 8 мая въ Елисейскій дворецъ, заявилъ Греви, что при настоящихъ условіяхъ онъ не видитъ возможности сформировать достаточно прочный кабинетъ и вслѣдствіе сего считаетъ своимъ долгомъ отклонить порученіе президента.

Затѣмъ прошла молва, будто Греви намѣренъ поручить составленіе кабинета Девесу, въ числѣ кандидатовъ въ будущіе премьеры называли и Рувье, который 10 мая даже совѣщался со многими политическими дѣятелями, въ томъ числѣ и съ г. Фрейсине. Но большинство серіозныхъ газетъ считали возможнымъ лишь министерство этого послѣдняго и выражали надежду, что онъ возьметъ свой отказъ обратно. Дѣйствительно, переговоры Рувье привели лишь къ тому, что и онъ точно такъ же отклонилъ порученіе президента, заявивъ ему только что есть возможность составить такой кабинетъ, въ которомъ республиканскія силы собрались бы подъ руководствомъ кого либо изъ бывалыхъ уже составителей министерства. Съ этою цѣлью Рувье, вмѣстѣ съ Флоке, ѣздили уговаривать Фрейсине, но повидимому безуспѣшно. 12 мая Греви призвалъ къ себѣ Флоке и передалъ ему, что въ виду крушенія всѣхъ предшедшихъ попытокъ, онъ взываетъ къ его преданности и проситъ взять на себя составленіе кабинета. Флоке потребовалъ на размышленіе 24 часа, но не достигнувъ соглашенія съ оппортунистами, которые настаивали на недопущеніи Буланже, въ свою очередь отказался отъ порученія, выразивъ однако надежду что испробованныя дотолѣ комбинаціи не оставлены окончательно. Наконецъ, вечеромъ 13 мая, Греви пригласилъ къ себѣ г. Фрейсине посовѣтоваться о положеніи дѣлъ и послѣдній согласился было сформировать кабинетъ, но затѣмъ снова отказался, и за дѣло снова взялся Рувье. Таково послѣднее извѣстіе, принесенное телеграфомъ.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— *Правительств. Вѣстникъ* сообщаетъ, что Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, по прибытіи 5 мая въ Новочеркасскъ, изволили послѣ благодарственнаго молебствія въ соборѣ прослѣдовать къ Атаманскому дому и милостиво принять хлѣбъ-соль отъ депутацій дворянства, обществъ и сословій, въ томъ числѣ и калмыцкаго народа. Въ Атаманскомъ домѣ Ихъ Величества заняли аппартаменты верхняго этажа. 6 мая Новочеркасскъ проснулся очень рано и тысячи народа направились къ собору. Къ 8 часамъ въ областномъ правленіи собрались чины казачьяго войска и началось церемоніальное шествіе донскихъ чиновъ съ регаліями войска Донскаго. Фактъ принятія Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ Атаманомъ регалій совершился необыкновенно торжественно. По закладкѣ зданія для Маріинскаго донскаго института, въ 2 часа 25 м., Ихъ Величества вмѣстѣ съ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и В. К. Георгіемъ Александровичемъ и Николаемъ Николаевичемъ Старшимъ прослѣдовали въ зданіе женской Маріинской гимназіи. 6 мая Ихъ Величества посѣтили военно-ремесленную школу; 7 мая новочеркасскую учительскую семинарію и Донскую духовную семинарію; 7 мая юнкерское училище и институтъ. Вечеромъ Ихъ Величества уѣхали послѣ обѣда, даннаго для дворянъ и начальниковъ частей. Радость Донцовъ, осчастливленныхъ этимъ посѣщеніемъ, безмѣрна, и память объ этихъ дняхъ навсегда сохранится на Дону.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно постановить: Въ 10 губ. Царства Польскаго, въ губ.: Бессарабской, Виленской, Витебской, Волынской, Гродненской, Кіевской, Ковенской, Курляндской, Лифляндской, Минской и Подольской — иностранные подданные не могутъ впредь пріобрѣтать какими бы то ни было способами и на какомъ бы то ни было изъ допускаемыхъ общими и мѣстными законами основаніи, внѣ портовыхъ и другихъ городскихъ поселеній, права собственности на недвижимыя имущества, а равно права владѣнія и пользованія недвижимыми имуществами, отдѣльнаго отъ права собственности вообще, въ частности же вытекающаго изъ договора найма и аренды.

Въ губ. Царства Польскаго иностраннымъ подданнымъ воспрещается также завѣдывать недвижимыми имуществами, расположенными внѣ городскихъ поселеній, въ качествѣ повѣренныхъ или управляющихъ (распорядителей).

Сила и дѣйствіе постановленій предшедшихъ статей распространяется въ равной мѣрѣ на общества, торговыя и промышленныя компаніи и товарищества, образованныя на основаніи иностранныхъ законовъ, хотя бы и получившія разрѣшеніе дѣйствовать въ предѣлахъ Россіи.

Всякаго рода сдѣлки, совершенныя въ нарушеніе или въ обходъ настоящаго указа— признаются недѣйствительными.

— Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ отпускать изъ суммъ Капитула Орденовъ въ распоряженіе Александровскаго комитета о раненыхъ, сверхъ 90 т. рублей — еще 30 т. руб. ежегодно, съ тѣмъ чтобы они расходовались исключительно на пенсіи самимъ кавалерамъ.

Финансы.

— Съ 1 января по 1 марта государственныхъ доходовъ въ счетъ росписи поступило 119.968,179 руб., болѣе чѣмъ въ соотвѣтствующемъ періодѣ прошлаго года на 18.644,677 р. или на 18,4%. Съ присоединеніемъ же доходовъ льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ, общій итогъ доходовъ за два мѣсяца 1887 года опредѣляется въ 134.773,800 руб. противъ 114.738,653 руб. въ 1886 году или болѣе на 20.035,147 руб.

Торговля.

— На хлѣбныхъ рынкахъ твердое настроеніе еще поддерживается, но нѣкоторые отдѣльные признаки уже указываютъ на возможность новаго ослабленія въ ближайшемъ будущемъ. Колебанія особенно были замѣтны на недѣлѣ 26 апрѣля — 2 мая (ст. ст.) на американскихъ рынкахъ. Прочіе рынки удерживаютъ настроеніе и цѣны достаточно твердыми, чему способствуетъ продолжающійся спросъ на наличный товаръ, при умѣренномъ предложеніи въ главныхъ странахъ потребленія.

— Къ Бухарѣ и Самарканду свозятся огромныя партіи среднеазіатскихъ товаровъ, предназначенныхъ къ отправленію по закаспійской желѣзной дорогѣ на нижегородскую ярмарку. Урожай азіатскаго хлопка ожидается необычайный.

Музыка.

— Съ іюня въ г. Кіевѣ открываются лѣтніе курсы пѣнія для учителей и учительницъ министерскихъ и церковно-приходскихъ школъ кіевскаго учебнаго округа; къ этому времени въ Кіевъ пріѣдутъ, по особому выбору, 50 лицъ изъ учительскаго персонала.

Наука и литература.

— Казанскій университетъ, въ виду ученыхъ заслугъ С. С. Татищева, много потрудившагося на пользу русской исторической науки своимъ изслѣдованіемъ по исторіи русской дипломатіи въ XIX вѣкѣ, во вниманіе къ его изслѣдованію: *Внѣшняя политика Императора Николая Перваго*, удостоилъ его степени доктора международнаго права.

— 11 мая въ общемъ собраніи Имп. Рус. Археологическаго общества В. В. Сусловъ сдѣлалъ сообщеніе „о деревянныхъ церквахъ Сѣвернаго края“, иллюстрировавъ свой докладъ богатою коллекціею фотографическихъ и акварельныхъ снимковъ и карандашныхъ рисунковъ.

— 8 мая въ засѣданіи Имп. общества любителей древней письменности П. В. Владиміровъ сообщилъ нѣсколько новыхъ данныхъ для біографіи доктора Франциска Скорины, издателя первыхъ русскихъ книгъ въ Прагѣ (1517—19 годовъ) и въ Вильнѣ (1525 года).

— И. Р. Географическое Общество снаряжаетъ въ текущемъ году нѣсколько ученыхъ экспедицій и поѣздокъ, а именно: А. И. Вильницкаго на Новую Землю, для наблюденія надъ качаніемъ маятника и гидрографическаго обслѣдованія Хайпудырской губы; В. Д. Аленицына на озера Троицко-Челябинскаго района для зоо-географическихъ изслѣдованій; Ю. А. Листова въ Крымъ, для географическаго изслѣдованія пещеръ-ледниковъ: Н. И. Кузнецова для гео-ботаническихъ изслѣдованій на сѣверномъ Уралѣ, и А. А. Макерова для физ.-геогр. и оро-геологич. изслѣдованій горной системы между хребтами Саянскимъ и Танну-ола, а также верховьевъ Енисея и окрестностей озера Косогола.

Изъ губерній и областей.

— Газетѣ *Кавказъ* пишутъ изъ Пятигорска, что партія злоумышленниковъ изъ горцевъ-абрековъ, ограбившая въ прошломъ году близъ станціи „Минеральныя воды“ почту и церковь въ селеніи Надеждинскомъ, Ставропольской губерніи, открыта и уничтожена, вмѣстѣ съ ея предводителемъ.

— 10-го мая при сильномъ вѣтрѣ вспыхнулъ пожаръ въ гор. Петровскѣ. Огонь сразу охватилъ нѣсколько построекъ, городъ запылалъ въ восьми мѣстахъ; сгорѣло нѣсколько сотъ домовъ, преимущественно бѣднѣйшихъ жителей.

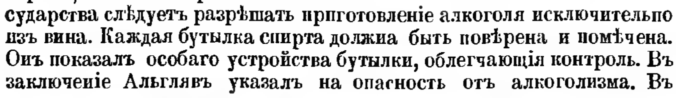
— Въ Радомской и Люблинской губерніяхъ, въ лѣсахъ близъ Радома и Холма, появились горностаи. На горностаевъ была устроена облава мѣстными охотниками, причемъ убито нѣсколько экземпляровъ этихъ рѣдкихъ, въ настоящее время, животныхъ въ предѣлахъ Привислянскаго края.

Смѣсь.

Усмиреніе волнъ посредствомъ масла. Въ послѣднее время нерѣдко приходилось слышать о попыткахъ успокаивать взволнованную поверхность моря, при помощи налитого вокругъ корабля масла. Опыты эти вездѣ увѣнчивались успѣхомъ, и главное затрудненіе заключалось лишь въ необходимости возить на кораблѣ черезчуръ большое количество масла, на случай, если придется долгое время бороться съ бурей. Въ настоящее время „Compagnie Générale Transatlantique“ нашла средство достигать самыхъ лучшихъ результатовъ при весьма малой тратѣ масла. А именно: извѣстное количество мѣшковъ съ продѣланными въ нихъ небольшими отверстіями наполнялось пропитанною масломъ паклею, и мѣшки эти, привязанные веревками, кидались въ море, сбоку или сзади корабля, на разстояніи 15-ти отъ него метровъ. Масло постепенно освобождалось изъ пакли и каплями выступало изъ отверстій мѣшковъ на поверхность моря, чѣмъ, не смотря на незначительное количество масла—достигалось желаемое дѣйствіе. Капитанъ трансатлантическаго корабля „Dragut“ извѣщаетъ, что онъ съ полнымъ успѣхомъ употреблялъ это средство во время страшной бури, застигшей его близъ острова Уайта. „Я приказалъ“, пишетъ онъ въ своемъ отчетѣ, „набить восемь парусинныхъ мѣшковъ паклей, пропитанной смазочнымъ оливковымъ масломъ. На каждый мѣшокъ употреблено три килограмма пакли и десять килограммовъ масла. Когда пакля достаточно пропиталась масломъ, я велѣлъ проколоть въ мѣшкахъ небольшія отверстія: затѣмъ остановилъ корабль и повѣсилъ мѣшки, на разстояніи около пяти метровъ одинъ отъ другого, съ подвѣтренной стороны корабля. Масло быстро распространилось по водѣ и волны стали утихать, подходя къ кораблю на разстояніе пятнадцати метровъ. Благодаря такому приспособленію, которое мнѣ ни разу не пришлось возобновлять, я оставался въ продолженіе трехъ часовъ, съ 8 до 11 утра, вполнѣ защищеннымъ отъ бури“. „Трансатлантическая компанія“ намѣрена продолжать свои опыты и если дальнѣйшіе окажутся столь же удачными—мѣшки съ паклей, пропитанной масломъ, будутъ признаны однимъ изъ необходимыхъ предметовъ снаряженія судна. Въ особенности для судовъ, плавающихъ въ моряхъ, гдѣ господствуютъ тайфуны,—примѣненіе такихъ „укротителей волнъ“ будетъ мѣрой чрезвычайной важности. (с.).

Англійская полиція. Одинъ путешественникъ разсказываетъ слѣдующую интересную черту лондонской жизни. Онъ вошелъ однажды въ омнибусъ, который уже готовился тронуться въ путь. Въ эту минуту какой-то господинъ отворилъ дверцы и, окинувъ взглядомъ сидѣвшихъ пассажировъ, совершенно спокойно обратился къ кучеру: „Погоди, не отъѣзжай; въ каретѣ сидятъ два мошенника!“ И съ этими словами захлопнулъ дверцы. Карета стояла и ждала. Пассажиры съ удивленіемъ смотрѣли другъ на друга. Наконецъ какой то почтенный пожилой господинъ всталъ съ мѣста и проговорилъ: „Я не могу сидѣть съ карманными ворами; при мнѣ слишкомъ много денегъ“, вышелъ изъ кареты. Вслѣдъ за нимъ поднялся очень элегантно одѣтый молодой человѣкъ. „Я пойду за этимъ господиномъ, проговорилъ онъ;—его могутъ обокрасть на улицѣ“. Не успѣлъ молодой человѣкъ оставить карету, какъ сыщикъ—первый изъ названныхъ—крикнулъ кучеру: „Теперь ступай; воры ушли!“ (с.)

Пьяныя животныя. Извѣстный французскій ученый, Эмиль Альглявъ, читалъ недавно во французскомъ научномъ обществѣ докладъ объ алкоголизмѣ. Онъ констатировалъ, что ежегодно во Франціи потребляется 1.872,000 гектолитровъ спирта, причемъ только 25,000 гектолитровъ приготовляются изъ вина. Остальное количество дѣлается изъ риса, свеклы, кукурузы и мелласа. Между тѣмъ эти сорты алкоголя производятъ несравненно худшее вліяніе на человѣческій организмъ, нежели спиртъ выдѣлываемый изъ вина. Для подтвержденія своихъ словъ, Альглявъ показалъ слушателямъ пару одинаково развитыхъ морскихъ свинокъ, которымъ далъ одинаковый пріемъ алкоголя. Одна изъ свинокъ, хотя и пьяная, была весела и даже не шаталась. Другая лежала неподвижно на столѣ, точно съ нею приключился ударъ. Подобный же опытъ Альглявъ продѣлалъ надъ двумя собаками. Та, которая пила спиртъ изъ вина, хотя пошатывалась, но была бодра и въ ней не произошло никакихъ замѣтныхъ перемѣнъ. Напротивъ, другая собака была въ судорогахъ, лежала на спинѣ съ поднятыми кверху ногами и жалобно визжала. Потомъ она вскочила и хотѣла кусать. На основаніи этихъ опытовъ Альглявъ говоритъ, что въ интересахъ самаго го-

сударства слѣдуетъ разрѣшать приготовленіе алкоголя исключительно изъ вина. Каждая бутылка спирта должна быть повѣрена и помѣчена. Онъ показалъ особаго устройства бутылки, облегчающія контроль. Въ заключеніе Альглявъ указалъ на опасность отъ алкоголизма. Въ Швейцаріи на 100 сумасшедшихъ 40 человѣкъ бываютъ жертвами алкоголя. Во Франціи половина преступленій совершается пьяными. И противъ такой страшной общественной болѣзни еще не найдено дѣйствительнаго средства! Въ Голландіи уменьшено число водочныхъ лавокъ, но это еще увеличиваетъ зло. Рабочій, не имѣя возможности пойти въ погребъ, напивается дома. Общества воздержанія не достигаютъ цѣли, и хотя являются лица, желающія поступить въ такія общества, но для такихъ именно лицъ не требуется никакихъ обществъ воздержанія. Единственный способъ уменьшить зло, это уменьшить степень отравы, т. е. разрѣшить продажу алкоголя приготовляемаго только изъ вина. (р.)

Рудольфъ Фальбъ. Съ фот. грав. Ю. Шюблеръ.

Протестъ противъ сооруженія Вавилонской башни. Наиболѣе выдающіеся парижскіе писатели и художники подали главному инженеру всемірной выставки 1889 г., г-ну Альфану, протестъ противъ сооруженія на Марсовомъ полѣ башни Эйфеля въ 300 метровъ вышины. Во имя французскаго изящнаго вкуса, во имя искусства и исторіи, они протестуютъ противъ сооруженія башни, которую общественное мнѣніе назвало уже Вавилонскою. Парижъ, говорится въ протестѣ, это городъ не имѣющій себѣ подобныхъ въ мірѣ, и башня Эйфеля, отъ которой отказалась даже спекулятивная Америка, будетъ для него позоромъ. Смѣшное это строеніе, точно громадная черная фабричная труба, будетъ высится надъ цѣлымъ Парижемъ, и своею массою задавитъ не столь громадные памятники зодчества,

Лученіе рыбы во Флоридѣ.

Нотръ-Дамъ, Луврь, соборъ инвалидовъ, тріумфальную арку и пр. Въ теченіе 20 лѣтъ она будетъ бросать на городъ свою тѣнь, точно длинное черное чернильное пятно. Поэтому подписавшіеся подъ протестомъ просятъ г. Альфана защитить городъ отъ вандализма ловкихъ промышленниковъ и помѣшать постройкѣ башни Эйфеля. Въ числѣ первыхъ лицъ подписавшихся подъ протестомъ значатся имена Мейсонье, Гуно, Шарля Гарнье, Роберта Флери, Сарду, Пальерона, Жерома, Бонна, Бугеро. Въ виду опубликованія этого протеста въ газетахъ, министръ торговли Локруа, послалъ г. Альфану письмо, въ которомъ, называя преувеличенными эстетическія размышленія писателей и художниковъ, замѣчаетъ, что протестъ сдѣланъ слишкомъ поздно; постройка башни рѣшена уже годъ назадъ и поэтому слѣдовало протестовать во время. Кромѣ того министръ торговли отмѣчаетъ, что подобными объявленіями вредятъ предпріятію выставки за границею. Въ заключеніе онъ совѣтуетъ г. Альфану сохранить протестъ и выставить его подъ витриною въ числѣ рѣдкостей въ 1889 году. (р.)

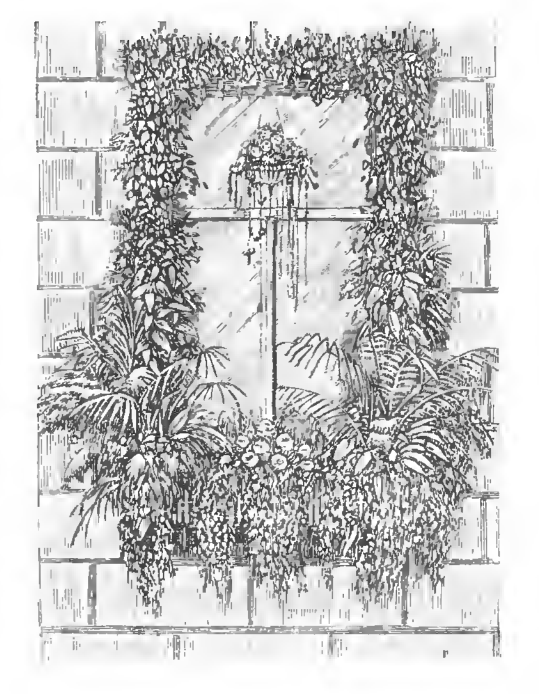
Предсказаніе астролога. По убіеніи Валленштейна въ Эгерѣ въ 1634 году, старый астрологъ могущественнаго полководца, Іоаннъ Баптистъ Сени, прибылъ въ замокъ Требницъ къ родственнику его Максимиліану Вальдштейну, страстному охотнику, къ которому постоянно съѣзжались друзья съ цѣлью поохотиться. Однажды вечеромъ, послѣ сильныхъ возліяній, собравшіеся гости стали шутить надъ предсказаніями астролога. Сени долго выносилъ насмѣшки, наконецъ всталъ и серьезно сказалъ присутствовавшимъ: „Даръ предсказанія не обманъ, но только глаза не омраченные страстями могутъ читать написанное въ звѣздахъ. Неотвратимая судьба людей начертана тамъ издавна.“

Серьезная рѣчь старика не могла не оказать дѣйствія на гостей; многіе изъ нихъ задумались. Только молодой Вюрбенъ не обратилъ на нее вниманія и вскричалъ: „Если ты непремѣнно хочешь считаться лжепророкомъ, то скажи мнѣ какъ я умру?“ Остальные гости присоединились также къ Вюрбену. Сени не оставалось ничего какъ составить гороскопъ. Въ сопровожденіи слуги онъ отправился на башню замка. Тутъ онъ сталъ смотрѣть на звѣзды и, наконецъ, вернулся къ ожидавшимъ его внизу.

— Ну что скажешь? спросилъ Вюрбенъ. Но взглядъ старика не обѣщалъ ничего утѣшительнаго.

— Знайте, что вамъ остается жить не полные три года, и какъ это ни кажется мнѣ самому странно, вы умрете здѣсь, въ Моравіи, отъ льва.

Громкій смѣхъ присутствовавшихъ встрѣтилъ произнесенныя торжественно слова астролога, который, не обращая вниманія на шутки и насмѣшки, молча удалился изъ залы.

Наружное украшеніе оконъ. По мысли Ѳ. Герстнера.
Грав. Шюблеръ.

Молодой Вюрбенъ вскорѣ забылъ предсказаніе Сени, точно также и остальные не думали объ немъ. Но вотъ наступилъ 1637 г., и теперь только Вальдштейнъ сообщилъ о предсказаніи отцу Вюрбена. Старый баронъ былъ человѣкъ съ предразсудками и такъ обезпокоился извѣстіемъ, что не только запретилъ сыну охотиться въ этомъ году, но даже не выпускалъ его изъ замка. По возможности старались усладить заключеніе молодого человѣка, и никто лучше не успѣвалъ въ этомъ, какъ его родственница, Берта Вальдштейнъ. Молодой человѣкъ давно зналъ эту дѣвушку, неоднократно ѣздилъ съ нею верхомъ и удивлялся ея ловкости. Теперь она часто сопровождала своего отца къ Вюрбенамъ и проводила у нихъ по нѣскольку часовъ. Въ пріятномъ обществѣ молодой человѣкъ забывалъ объ охотѣ. Уже 1637 г. близился къ концу. За два мѣсяца до дня рожденія молодого Вюрбена онъ былъ разбуженъ утромъ звуками охотничьихъ роговъ. Подойдя къ окну, онъ увидѣлъ верхомъ Берту, въ сопровожденіи незнакомаго ему молодого красавца. Весело разговаривая съ незнакомцемъ, Берта промчалась даже не взглянувъ на окна Вюрбена. Послѣднимъ овладѣла ревность. Прохаживаясь въ безпокойствѣ по комнатѣ, онъ взглянулъ на гербовый щитъ на стѣнѣ, подъ которымъ висѣлъ портретъ графа Максимиліана Вальдштейна. На четырехугольномъ щитѣ были поставлены одинъ противъ другого четыре льва. Увидя ихъ, молодой человѣкъ разозлился и, въ порывѣ гнѣва, со словами: „Проклятыя животныя!“ ударилъ кулакомъ по одному изъ львовъ. Но гнѣвъ его не остался безъ наказанія: онъ поранилъ себѣ руку гвоздемъ въ стѣнѣ, на что не обратилъ вниманія. Вечеромъ пріѣхала Берта и привезла незнакомца, оказавшагося ея братомъ. Вюрбенъ устыдился своей ревности. На другой день онъ почувствовалъ въ рукѣ сильную боль, постоянно возраставшую. Призванъ былъ сельскій врачъ, но рана не поддавалась леченію, воспаленіе усиливалось, и чрезъ нѣсколько дней Вюрбенъ скончался. Такъ исполнилось предсказаніе Сени. (р.).

Содержаніе соли въ морской водѣ. Относительное содержаніе соли въ морской водѣ, во всѣхъ моряхъ земнаго шара, строго говоря,—одинаково. Но содержаніе это при извѣстныхъ условіяхъ можетъ увеличиваться, какъ напр. въ Средиземномъ и Красномъ моряхъ, гдѣ испареніе превышаетъ притокъ прѣсной воды, и уменьшаться при противоположномъ отношеніи, какъ напр. въ Азовскомъ, Балтійскомъ, Черномъ и въ моряхъ полярныхъ странъ. Слѣдующая таблица даетъ сравнительное содержаніе соли въ одной тоннѣ (20 центнеровъ) морской воды въ различныхъ моряхъ.

Каспійское море	11	ф. соли на тонну
Черное море	26	„ „ „ „
Балтійское море	28	„ „ „ „
Ламаншъ	72	„ „ „ „
Атлантическій океанъ . . .	81	„ „ „ „
Средиземное море.	85	„ „ „ „
Красное море	93	„ „ „ „
Мертвое море	187	„ „ „ „

(с.)

Король Бельгіи назначилъ недавно 25,000 франковъ за лучшее сочиненіе о споспѣшествованіи преподаванію географіи. Назначенная международная комиссія присудила премію Антону Стоберу, профессору гимназіи въ Аугсбургѣ. Предсѣдателемъ комиссіи былъ генералъ лейтенантъ Ліагръ, бывшій военный министръ Бельгіи, секретарь Королевской бельгійской академіи наукъ. Остальные члены были: Г. Ле-Бонъ изъ французскаго, и полковникъ Чичаговъ изъ русскаго посольства, сэръ-Траверсъ Гвисъ, членъ Англійскаго географическаго общества, Валера, испанскій повѣренный въ дѣлахъ въ Брюсселѣ, профессоръ ванъ-Бенеденъ въ Лувенѣ и генералъ-маіоръ Вувермансъ, предсѣдатель Королевскаго географическаго общества въ Антверпенѣ. (р.)

Сарра Бернаръ и ея друзья—неутомимы въ изобрѣтеніи новыхъ рекламъ старѣющей кокеткѣ и далеко неразборчивы въ средствахъ, которыми желаютъ привлечь къ ней общее вниманіе. Послѣдняя изъ рекламъ заключается въ слѣдующемъ извѣстіи, напечатанномъ въ парижскихъ газетахъ: „Нѣсколько дней тому назадъ прибылъ изъ Гаванны большой ящикъ, адресованный настоятелю главной церкви въ Парижѣ. Когда ящикъ открыли, въ немъ нашли великолѣпно вышитую по золоту пелену съ изображеніемъ на ней кающейся грѣшницы. Голова кающейся представляетъ весьма удачно схваченныя черты Сарры Бернаръ. Въ приложенномъ письмѣ Сарра Бернаръ сама признаетъ себя отправительницей этой посылки. Вотъ что она пишетъ въ этомъ курьезномъ документѣ: „Вдали отъ бѣшеной суеты на берегахъ Сены я нахожу свободные часы, въ которые съ отвращеніемъ размышляю о своей прошлой жизни. Прошу васъ, досточтимый отецъ, вѣрить прилагаемому изображенію. Я представляю собою въ настоящее время кающуюся грѣшницу, которая сидитъ у подножья грубо вырубленныхъ изъ дерева священныхъ изображеній и рветъ на себѣ волосы, вспоминая о своемъ грѣховномъ прошломъ“. (с.)

Вооруженный миръ. Какія суммы поглощаетъ ежегодно вооруженный миръ Европы и насколько возрасли эти суммы съ 1856 г., объ этомъ даютъ понятія слѣдующія оффиціальныя свѣдѣнія, заимствованныя изъ дипломатическаго статистическаго календаря за 1884 г. На флотъ и армію израсходовано:

	Въ 1856 г. Франки *).	Въ 1884 г. Франки.	Увеличеніе расхода съ 1856 по 1884 г. Франки.
Въ Россіи	389,580,000	921,860,176	532,280,176
„ Германіи	249,975,000	599,576,830	349,601,830
„ Великобританіи . .	494,350,000	875,281,375	380,931,375
„ Франціи	478,668,729	880,127,055	401,458,326
„ Австріи.	246,875,000	294,740,161	47,865,161
„ Италіи	132,477,651	261,749,516	129,301,865
„ Испаніи	104,132,505	168,704,735	64,572,230
„ Португаліи . . .	22,757,892	36,595,735	13,837,843
„ Швеціи и Норвегіи	16,635,620	31,757,688	15,122,068
„ Бельгіи	37,545,287	44,331,000	6,785,713
„ Голландіи	23,983,189	66,436,474	42,453,285
„ Даніи	16,362,560	22,725,000	11,362,500
„ Греціи	6,404,088	24,494,287	18,090,199
„ Турціи	154,792,897	288,700,000	133,907,103
„ государствахъ, находившихся прежде подъ владычествомъ Турціи	1,550,000	47,925,000	46,375,000
„ Швейцаріи . . .	8,875,500	14,776,297	5,900,797

Во всей Европѣ расходы на армію и флотъ съ 1856 до 1884 г.

*) 1 франкъ = 40 коп.

возрасли съ 2.379.935,858 франковъ до 4.579.781,329 фр., т. е. на 2.199.845,471 франкъ. Принимая во вниманіе увеличеніе расходовъ послѣ 1884 года, можно сказать, что Европа расходуетъ теперь на армію и флотъ вдвое болѣе, чѣмъ расходовала 30 лѣтъ тому назадъ.

На военныя цѣли расходуется въ Европѣ ежегодно почти 17.000 милліоновъ франковъ, около 6,800 милліоновъ рублей. При невозможности покрыть эти громадныя суммы налогами, дѣлаютъ долги, которые также чрезвычайно возрасли.

Въ 1884 году они составляли:		Увеличеніе съ 1856 г.
Въ Россіи	15,150,000,000	11,995,707,552
„ Германіи	7,876,000,000	4,957,687,500
„ Великобританіи	19,824,719,125	442,094,125
„ Франціи	24,831,250,000	17,708,750,000
„ Австріи	12,467,506,855	3,473,219,330
„ Италіи	11,314,625,000	6,693,875,000
„ Испаніи	13,256,250,000	7,953,750,000
„ Португаліи	2,083,125,000	1,072,525,000
„ Швеціи и Норвегіи	295,990,571	134,390,571
„ Бельгіи	1,959,000,000	1,327,750,000
„ Голландіи	2.018,547,022	826,436,192
„ Даніи	285,824,000	45,999,000
„ Греціи	505,000,000	321,937,500
„ Турціи	6,312,300,000	5,322,900,000
„ государствахъ, находившихся прежде подъ владычествомъ Турціи	530,250,000	524,462,500
„ Швейцаріи	35,350,000	31,562,500

Долги всѣхъ европейскихъ государствъ составляли въ 1884 г. 118,745,737,573 франка, т. е. около 48,000 милліоновъ рублей и за послѣднія 30 лѣтъ увеличились на 55,833,046,770 франковъ, т. е. около 22,500 милліоновъ рублей. Въ настоящее же время долги европейскихъ государствъ превосходятъ 50,000 милліоновъ рублей и увеличеніе ихъ съ 1856 г. составляетъ около 25,000 милліоновъ рублей. И все же военные расходы и долги возрастаютъ съ каждымъ годомъ. (р.)

О вліяніи краснаго цвѣта на травоядныхъ животныхъ. Причина, говоритъ одинъ извѣстный физіологъ, почему красный цвѣтъ приводитъ въ возбужденіе быковъ и другихъ одной съ ними породы животныхъ, лежитъ въ томъ обстоятельствѣ, что красное есть дополнительный цвѣтъ зеленаго; а такъ какъ глаза быка большую часть дня направлены на зеленую поверхность луговъ, то каждый красный предметъ сильнѣйшимъ образомъ поражаетъ его зрительные нервы. Нѣтъ сомнѣнія, что вліяніе краснаго цвѣта должно быть одинаково на всѣхъ травоядныхъ животныхъ, но такъ какъ быкъ раздражительнѣе другихъ травоядныхъ, то при видѣ краснаго цвѣта онъ приходитъ въ наиболѣе гнѣвное состояніе. (с.)

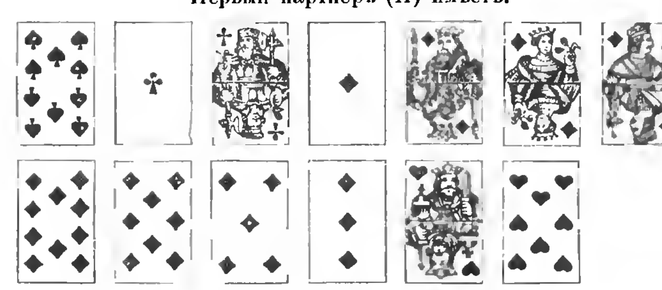
При испанскомъ дворѣ былъ данъ дѣтскій балъ. На приглашеніяхъ хозяиномъ значился король Альфонсъ XIII. Сестры короля, маленькія инфанты, принимали гостей. Бальнымъ туалетомъ короля было платьице изъ старыхъ настоящихъ испанскихъ кружевъ и шарфъ изъ испанскихъ національныхъ цвѣтовъ. Ордена, которыми обладаетъ король, были надѣты на шеѣ на цѣпочкѣ. Король, могущій уже хорошо ходить, встрѣчалъ гостей у входа въ дѣтскіе покои и вручалъ имъ атласныя украшенныя картинками книжечки, въ которыхъ напечатанъ порядокъ танцевъ. Предъ баломъ ежедневно происходили репетиціи, но маленькій король долго не соглашался отдавать хорошенькія вещицы и хотѣлъ всѣ ихъ сохранить себѣ. (р.)

Ребусъ. Задача № 38.

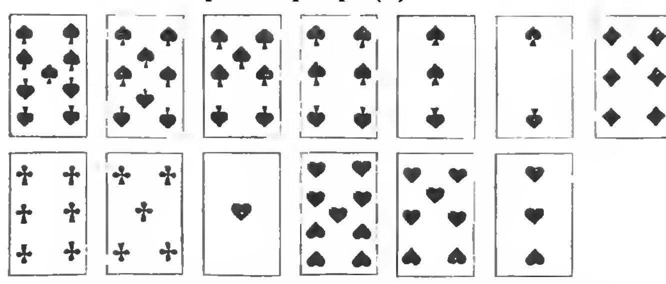

Задача игры въ винтъ № 39.

Первый партнеръ (А) имѣетъ:

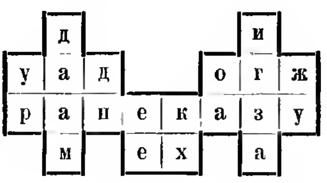

Третій партнеръ (В) имѣетъ:

А и В договорились и назначили пять бубенъ, но при розыгрышѣ сдѣлали большой шлемъ.—Какъ были расположены карты у противниковъ и какъ велась игра?

Задача буквъ № 40.

Разрѣзать эту фигуру на 4 части. Сложить полученныя части въ новую (крестообразную) фигуру такъ, чтобы въ ней данныя буквы сложились въ одну пословицу.

Шашечная задача № 41.

П. Ржепишевскаго.

Черныя.

Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ черныхъ въ 8 ходовъ.

Шахматная задача № 42.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель А. Марксъ. Редакторъ В. Клюшниковъ.

При этомъ № прилагается для гг. иногородн. подписчиковъ (за исключ. московскихъ) объявленіе отъ книжнаго магазина С. И. Леухина въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ. 20 мая 1887 г. **Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6.** Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. | № 22

ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

г. XVIII | 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 моди. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 30 мая 1887 г.

Цѣна этого № 15 к., съ верес. 20 к.

Весною. Съ карт. М. Михаэля, грав. Гейсръ.

Весною.

Цвѣты, не рѣдко напоминающіе мотыльковъ своею пестрою окраской, и бабочки, эти какъ бы порхающіе цвѣты—искони считаются вѣстниками полнаго обновленія природы послѣ могильнаго, зимняго сна, ея воскресенія къ новой жизни: пригрѣло весеннимъ солнышкомъ опушку лѣса, и схороненныя на зиму сѣмена выглянули изъ земли пышными благоухающими вѣнчиками, а крошечные гробики гусеницъ, такъ-называемыя куколки, разсѣлись и выпустили заключенныхъ тамъ мотыльковъ, которые кружатся въ воздухѣ, празднуя свой возвратъ къ свѣту и теплу бытія и тѣша дѣтскій взоръ... Вотъ мотивъ прелестной картинки Макса Михаэля.

Мой „собратъ".

Разсказъ **Всеволода Крестовскаго.**

(Продолженіе).

Мой жидокъ совсѣмъ оторопѣлъ, но продолжалъ еще вопросительно смотрѣть на меня недовѣрчивымъ взглядомъ, видимо желая уяснить себѣ—говорю ли я правду, или вышучиваю его. Я, между тѣмъ, продолжалъ хранить невозмутимо серьезный видъ, и это начинало на него дѣйствовать сокрушающимъ образомъ.

— Но вѣдь мы же имѣемъ вашъ полкъ, вы наши натуральни защитники? попытался онъ было представить мнѣ робкое возраженіе, и въ голосѣ его дрогнула вдругъ чувствительная нотка, какъ будто его сейчасъ уже сѣчь собираются.

Я ему со вздохомъ замѣтилъ, что такъ-то оно такъ, но... полкъ-де не собранъ еще съ зимнихъ квартиръ, эскадроны разбросаны, иные и за сто верстъ, по деревнямъ, гдѣ идутъ теперь эскадронные кампаменты, и что если даже и вызовутъ ихъ по тревогѣ, то все же на это нужно время: пока пошлютъ эстафеты, пока что,—телеграфа-то вѣдь нѣтъ туда,—да пока-то еще эскадроны прибудутъ, пуху можетъ быть выпущено не мало.

— Но... кто же собственно будетъ выпускать его? раздумчиво и уже съ невольнымъ оттѣнкомъ внутренно мятущейся тоски спросилъ Клецкеръ.

— Мало ли кто!.. А желѣзнодорожныхъ рабочихъ вы забыли?—Поди-ка, давно уже точатъ на васъ зубы. А подгородные крестьяне?.. Вотъ, погодите, съѣдутся въ воскресенье на базаръ, напьются въ вашихъ же корчмахъ и пойдутъ, а къ нимъ и городская чернь пристанетъ... На это охотники всегда найдутся.

Клецкеръ потупилъ голову и погрузился въ грустно-тревожное размышленіе. Повидимому, онъ начиналъ убѣждаться въ несомнѣнной осуществимости моего предположенія.

— Ну, и скажите откровенно, на это, значитъ, есть у васъ положительнаго свѣдѣнію? тихо и вкрадчиво спросилъ онъ послѣ минуты раздумья.

— Больше вамъ ничего не скажу, проговорилъ я значительнымъ тономъ, подымаясь съ мѣста.—Могу только повторить мой добрый совѣтъ, а тамъ какъ знаете; хотите—вѣрьте, хотите—нѣтъ, это уже ваше дѣло. Прощайте.

Окончательно убѣжденный, Клецкеръ, по обыкновенію, порывисто сорвался съ мѣста и выразительно, съ чувствомъ пожалъ мнѣ руку.

— Благодару вамъ... очень, очень благодару... за всей души... Теперъ я знаю что̀ надо.

И онъ быстрыми шагами направился по аллеѣ къ выходу.

Зачѣмъ собственно вздумалось мнѣ его мистифировать, въ этомъ я и самъ себѣ не могу дать точнаго отчета. Просто, блажь такая пришла,—капризъ, минутная шалость. Сначала, подмѣтивъ, что жидокъ мой нѣсколько трусить въ душѣ и какъ будто ждетъ, чтобы я успокоительнымъ словомъ разсѣялъ его опасенія, что у насъ-де ничего такого случиться не можетъ,—мнѣ пришло на мысль посмотрѣть какой эффектъ произведетъ на него, если вмѣсто ожидаемаго имъ утѣшенія, услышитъ онъ вдругъ отъ меня подтвержденіе основательности своихъ страховъ, да еще усугубленное внушительнымъ предостереженіемъ быть вообще осторожнѣй. А тамъ, какъ увидѣлъ, что эффектъ достигается даже легче и больше, чѣмъ можно было предполагать, я уже не хотѣлъ выводить его изъ заблужденія. Мнѣ это даже стало доставлять нѣкоторое злорадно-веселое удовольствіе:—ну-ка, поди, молъ, похарахорься теперь, мой либеральный жидочекъ!

Но что̀ изъ этого вышло и чѣмъ все разыгралось,—признаюсь, такого „пассажа" я и ожидать не могъ.

IV.

Разговоръ этотъ происходилъ у насъ въ пятницу, часа за полтора до начала еврейскаго шабаша. На слѣдующій день, когда уже шабашъ „зайшолъ", какъ говорятъ евреи,—среди нашего Израиля обнаружилось нѣчто особенное...

Обыкновенно, „заходъ" или окончаніе шабаша въ день субботній, совпадающее съ захожденіемъ солнца, знаменуется тѣмъ, что часу въ восьмомъ вечера, если погода хорошая, все, болѣе или менѣе зажиточное, еврейское населеніе высыпаетъ изъ домовъ на улицу,—„на шпацеръ". Тутъ даже дряхлые, подслѣповатые старики съ воспаленными, красными вѣками, и древнія чалмоносныя старухи-бо̀беле, въ парчевыхъ нагрудникахъ и жемчужныхъ монистахъ, выползаютъ посидѣть на порогахъ и лѣсенкахъ своихъ обиталищъ, окруженныя разными домочадцами, внуками, а то и правнуками. Всѣ солидные „шейне-морейне", то-есть благорожденные и талмудически образованные евреи, облекаются въ свои ластиковые, или атласные, или суконные длиннополые сюртуки, изъ задняго кармана коихъ непремѣнно торчитъ кончикъ фулароваго платка, на голову надѣваютъ поверхъ ермулки пуховый цилиндръ, всегда нѣсколько сбивающійся на затылокъ, въ руки берутъ дождевой зонтикъ или трость, не для того чтобы опираться, а только слегка поигрывать ею, ибо берется она спеціально „на собакъ", и наконецъ, кто куритъ—вставляетъ себѣ въ зубы „запаленаго щигарке", послѣ чего добропорядочный „морейне" уже совершенно снаряженъ для надлежащаго шабашоваго „шпацера", можетъ и людей посмотрѣть, и себя показать, и не безъ достоинства любезно встрѣтиться и потолковать на прогулкѣ съ подобными себѣ „шейне-морейнами" о томъ, о семъ, а больше всего, „что̀ на палытика слишно и ка̀къ на берлинська биржа". Всѣ ихъ достопочтенныя „мадамы"—и молодыя и пожилыя—тоже наряжаются въ новые парики и расфуфыренныя шелковыя платья, накинувъ на плечи французскую шаль въ турецкомъ вкусѣ и, нерѣдко, застегнувъ ее какою нибудь сверкающею брошью. На головѣ у „мадамъ" блондовый чепчикъ съ яркими развѣвающимися лентами, въ ушахъ непремѣнно болтаются старинныя брильянтовыя серьги, съ шеи низко спускается тонкая золотая цѣпочка отъ „дамскихъ" часовъ, а въ рукахъ, отягченныхъ браслетами и кольцами, всегда при этомъ торчитъ „парасольке"; хотя, казалось бы, въ виду наступившаго вечера, въ немъ не настоитъ ни малѣйшей надобности, но ужь такъ водится, что ни одна „хорошаво еврейскаво мадамъ" не выйдетъ на вечерній „шпацеръ" безъ парасоля.

И вотъ, въ такомъ-то нарядномъ, праздничномъ видѣ, вся fine-fleur нашего Израиля, съ весны и до осени, каждый субботній вечеръ наполняетъ собою главную городскую улицу и общественный садъ, бульваръ и со-

борную площадь, медлительно прогуливаясь взадъ и впередъ самымъ солиднымъ образомъ. Гуляютъ обыкновенно цѣлыми семьями, и даже соединившись по двѣ, по три семьи разомъ. Впереди идутъ „благороднаво еврейскаво барышню, красивенькаво дѣвицу“, въ болѣе легкихъ платьицахъ и съ ничѣмъ непокрытыми головами. Идутъ онѣ обыкновенно „цырлихъ-манирлихъ“, нѣсколько жеманясь и схватившись подъ руки по три, по четыре подруги, а то и больше. Первою темой ихъ разговоровъ являются мечты и предположенія о томъ какъ онѣ поѣдутъ „на консерваторія“ или „на аккушерскаво курсы“ и какъ сами себѣ будутъ „зарабатывать“. Это первый признакъ „образованной“, то-есть побывавшей въ гимназіи еврейской дѣвицы. Около такихъ „барышень“ всегда увиваются молодые жидки-гимназисты и „цывильные“ еврейчики въ пиджакахъ и „ружòвыхъ карватѐлькахъ“ (cravate rouge) и непремѣнно „изъ тростѐчкемъ“, сколько для шику, столько же и на собакъ,—потому что, извѣстно, весь Израиль „вжасно какъ боится собаковъ“. Иные изъ этихъ молодыхъ людей простираютъ свою элегантность даже до того, что начесываютъ себѣ на лобъ „капули“, причемъ непремѣнно обзаводятся новомодными шляпами-котелками и до опухоли стягиваютъ свои непривычныя, потныя руки варшавскими „ружòвыми ренкавичкàми“ (gants-chien). Всѣ они очень усердно, какъ настоящіе „элѐганты“, ухаживаютъ за своими „барышнями“, которыя скромно, изподтишка стрѣляютъ на этихъ „хиншесъ кавалиренъ“ глазами, а при случаѣ продѣлываютъ съ ними и очень выразительныя „фигли-мигли“. Въ это же время маленькіе „шмаркате“ Срулики, Ицеки и Гершеньки—одни въ бархатныхъ „испанскихъ“ костюмчикахъ и беретахъ, другіе просто въ ермулкахъ и лансердыкахъ съ высунувшимся сзади концомъ рубашенки—либо рѣзво играютъ между собою въ пятнашки, то и дѣло, шмыгая, тычась и путаясь подъ ногами у взрослыхъ, либо волочатся съ перевальцемъ за своею „мàмуле“, уцѣпясь всею пятерней за ея атласную юбку. Такія семейныя шествія обыкновенно замыкаются почтенною родительскою парой: солидный „тàтуле“, понуро выгнувъ напередъ свою шею и заложивъ за спину руки, вооруженныя свернутымъ зонтомъ, задумчиво смотритъ вдаль и, вѣроятно, высчитываетъ въ это время въ умѣ свои будущіе барыши и „пурценты“, либо обдумываетъ новыя „шпикуляціи“ и „гешефты“; а „мàмуле“, вся въ брильянтахъ, плыветъ рядомъ съ нимъ какъ пава и, самодовольно оглядывая свое шуршащее платье со спущеннымъ до пятъ концомъ шали, наблюдаетъ однимъ глазкомъ какой эффектъ производитъ ея парадное появленіе на постороннихъ.

Весь этотъ еврейскій шабашовый „шпацеръ“ обыкновенно составляетъ весьма пеструю и оживленную картину; но на сей разъ, противъ обыкновенія, улицы и садъ нашего города были пусты, словно бы минувшій „шаббòсъ“ еще и не думалъ „зайдти“ въ лоно вѣчности. Привыкнувъ въ этотъ урочный часъ видѣть весь нашъ израильскій міръ in corpore на прогулкѣ, мы были очень удивлены его отсутствіемъ и не понимали, что̀ могло бы это значить. Только гораздо позднѣе, уже часу въ десятомъ вечера, стали появляться кое-гдѣ на углахъ и перекресткахъ небольшія кучки евреевъ, человѣка въ три-четыре, и было замѣтно, что они какъ-то тревожно, таинственно и торопливо переговариваются между собою о чемъ-то, каждый разъ быстро перемигиваясь и прерывая разговоръ при прохожденіи мимо нихъ офицера или вообще христіанина, а затѣмъ, переговоривъ между собою, расходились по домамъ съ неспокойнымъ или удрученнымъ видомъ. Очевидно, или случилось между ними что-то особенное, или чего-то они ожидали, къ чему-то готовились.

На слѣдующее утро воскреснаго дня, отправляясь въ городской соборъ, мы еще болѣе были удивлены страннымъ, непривычнымъ въ такіе дни видомъ нашего города,—точно бы вчерашній шабашъ все еще продолжается. Во всѣ дни, кромѣ субботы, евреи обыкновенно придаютъ главное оживленіе и главную физіономію всему городу: извозчики, носильщики, факторы и комиссіонеры, разносные торговцы и торговки, лавки и ремесленныя заведенія,—все это у насъ почти сплошь еврейское, все это живетъ какою-то лихорадочно нервною жизнью, юрко снуетъ и мечется по улицамъ, на всякомъ шагу тычется намъ въ глаза, предлагаетъ свой товаръ или свои услуги и повсюду заявляетъ о себѣ своимъ семитическимъ гвалтомъ и „галласомъ“, равно какъ и своимъ специфическимъ запахомъ чернушки, цыбульки и селедки. А сегодня вдругъ всѣ лавки и магазины еврейскіе наглухо заперты, оконныя ставни въ еврейскихъ домахъ закрыты и прихвачены желѣзными болтами, ворота тоже на запорѣ, и на улицахъ—рѣшительно ни одной души еврейской!

Ѣдетъ въ соборъ губернаторъ въ коляскѣ и видитъ—все вокругъ пусто, хоть шаромъ покати. Бравый полицеймейстеръ выскочилъ къ нему навстрѣчу, на паперть; двое квартальныхъ въ ту же минуту стремительно бросились поддерживать его превосходительство подъ локоть при сходѣ съ подножки. Генералъ благосклонно кивнулъ имъ головой и обращается къ полицеймейстеру:

— Что̀ это сегодня, праздникъ какой у евреевъ?

— Не могу знать, ваше превосходительство... Кажись, никакого.

— Отчего же всѣ лавки ихъ заперты?

„Ба!.. И въ самомъ дѣлѣ, отчего онѣ заперты?“ мысленно задалъ самому себѣ вопросъ полицеймейстеръ и вопросительно переглянулся съ квартальными.

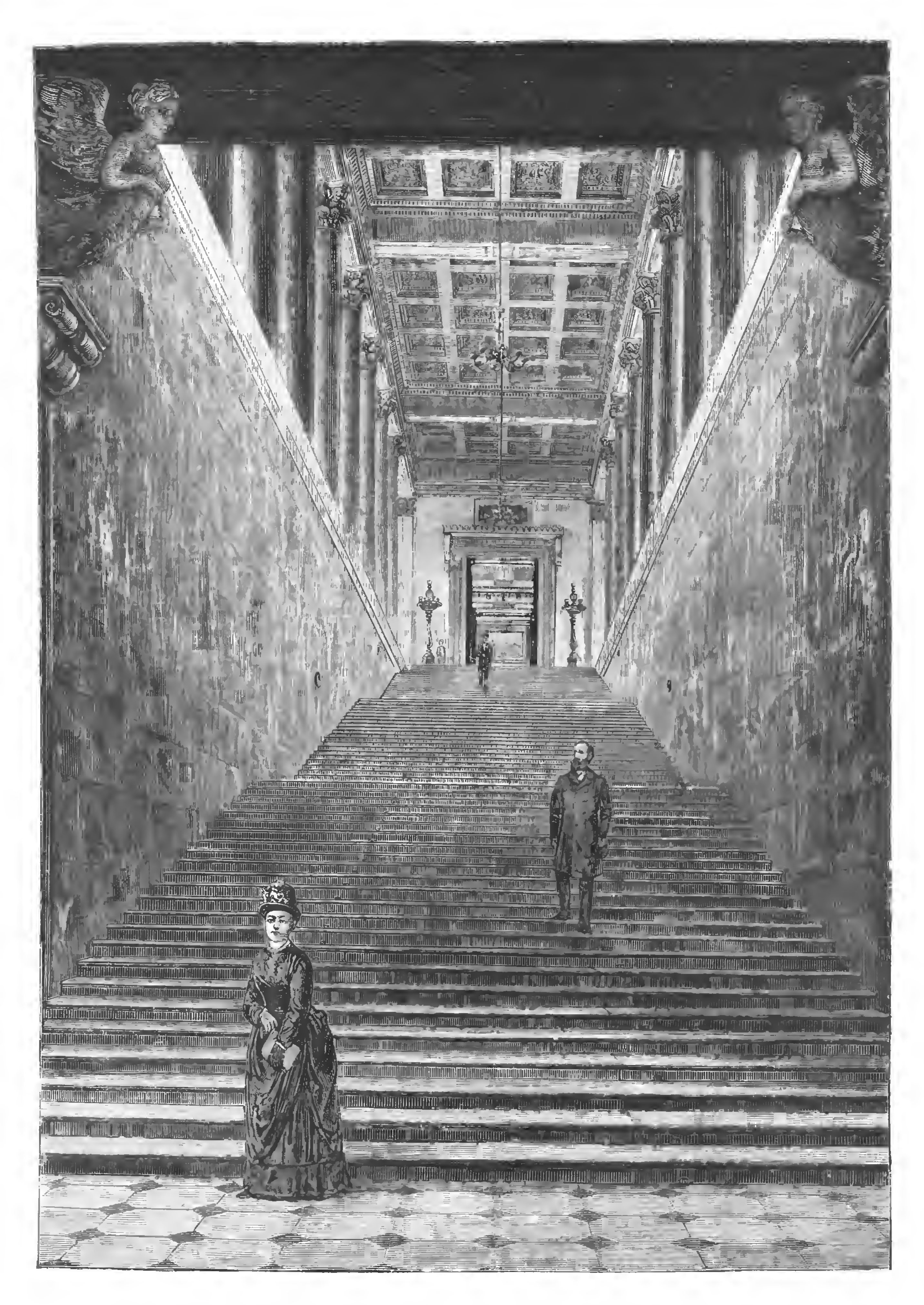
Тѣ, въ свою очередь, только могли изобразить на лицахъ почтительное недоумѣніе.

— Кажись, не должно бы быть праздника, ваше превосходительство, а впрочемъ, кто ихъ знаетъ, можетъ и есть какой...

— Узнайте, пожалуйста, въ чемъ дѣло.

Полицеймейстеръ форменно взмахнулъ рукой подъ козырекъ, прищелкнулъ шпорами и живо полетѣлъ на своей лихой парѣ въ пристяжку прямо въ бакалейный магазинъ купца Бецалела, куда всѣ мы, грѣшнымъ дѣломъ, и полицеймейстеръ въ томъ числѣ, конечно, захаживали бывало полакомиться въ особой задней комнатѣ свѣжими устрицами, уральскимъ балыкомъ, зернистою икрой и доброю варшавскою „венгржиной“.

— Вотъ штука-то! въ тотъ же вечеръ разсказывалъ въ клубѣ полицеймейстеръ:—представьте себѣ, пріѣзжаю къ Бецалелу,—все на запорѣ. Стучусь въ магазинъ, стучусь въ ворота,—не отпираютъ. Давай колотить въ ставни, даже руку себѣ (чтобъ имъ пусто было!) ссадилъ,—ни-гугу, ну, то-есть буквально ни звука, словно вымеръ весь домъ. Зову, кричу,—не отзываются. Я, по сосѣдству, къ Цыбулеру,—та же исторія. Я насупротивъ, къ Луріи, къ Файбишу, къ Липнику,—вездѣ то же самое. „Что̀ за чортъ!“ думаю,—„сквозь землю они провалились, что-ли!“ Кликнулъ съ угла стойковаго.—„Махай, говорю, къ Бецалелу черезъ заборъ!“—Тотъ перемахнулъ. Слышу, стучится, зоветъ тамъ со двора, кричитъ... Жду пять минутъ, жду десять,—наконецъ-то рожа его показалась изъ-за забора.—„Ну, что?“—„Не отзываются, ваше высокоблагородіе, притаились, и въ окна даже не видать“.—Что̀ тутъ дѣлать! Неужто самому черезъ заборъ лѣзть?—„Пожалуйте, говоритъ, ваше высокоблагородіе, черезъ проулокъ; тамъ со двора на проулокъ калитка выходитъ, я отворю“.—Слава те Господи, думаю, наконецъ-то добьюсь какого-нибудь толку!.. Вхожу въ калитку (бревномъ изнутри подперта была), на дворѣ пусто; заглянулъ въ окна—не видать никого. Принялись мы въ четыре кулака стучаться,—не беретъ и это. Хоть

Императорскій Эрмитажъ. Главная лѣстница. Съ фотогр. Демчинскаго, грав. М. Рашевскій.

Императорскій Эрмитажъ. Залъ итальянской школы. Съ фотогр. Демчинскаго, грав. Ю. Шюблеръ

взламывай дверь, да и только! Просто въ отчаяніе пришелъ... „Нечего дѣлать, бѣги, говорю, скорѣй за понятыми“, а самъ отошелъ отъ крылечка во дворъ, сождать пока приведутъ понятыхъ, да хорошо, что случайно взглянулъ вверхъ. Смотрю,—анъ тамъ изъ слуховаго окна выглядываетъ рожица молодого Бецалела, весь блѣдный такой, перепуганный.—„Ты что тамъ, говорю, чего на чердакъ забрался? Отецъ гдѣ?“—„Издѣсъ“, говоритъ. „Мы увсѣ тутъ заховались.“—„Это зачѣмъ?!“—„Бо мы ждемъ, говоритъ, когда пухъ выпускать будутъ; сегодня назначено пухъ выпускать“.—„Кто назначилъ? Какой пухъ?“—„Не знаемъ, говоритъ, вамъ лучше знать.“—„Ничего не понимаю! Давай отца сюда!“—Еле-еле уломалъ старика спуститься внизъ, на объясненіе. Что-жь бы вы думали?!—Оказалось, пустилъ кто-то между евреями слухъ, будто сегодня, по примѣру Одессы, предстоитъ имъ разгромъ, и они сговорились сообща запереть и забаррикадировать изнутри всѣ ворота и двери и „заховаться“, кто на чердакъ, кто въ подвалъ или въ погребъ. Вы не повѣрите просто, чего стоило мнѣ убѣдить старика, что все это вздоръ и чтобы онъ открылъ свою бакалею.—„Пускай и вздоръ, говоритъ, а открыть не можно, затого что мы, всѣ здѣшніе рóши (старшины), положили сообща закрыть весь гандель, и безъ новаго постановленія въ бесъ-динѣ никто не смѣетъ отперечь свою лавку; надо сперва собрать на совѣтъ всѣхъ рóшей, иначе нельзя“. Упросилъ я его, наконецъ, отправиться вмѣстѣ со мною къ этимъ рошамъ, да къ штатному раввину,—увѣрить ихъ, что я ручаюсь чѣмъ угодно, что никакихъ безпорядковъ въ городѣ нѣтъ и не будетъ. Можете представить себѣ удовольствіе этого путешествія по забаррикадированнымъ дворамъ, гдѣ въ каждомъ повторялась подобная же исторія разыскиванія хозяевъ по чердакамъ да по пивницамъ. Хорошо еще, что со мною Бецалелъ былъ, а то и толку бы никакого не добиться. Еле-еле урезонили, такъ что только къ тремъ часамъ дня наконецъ-то открылось нѣсколько лавокъ, а прочія, вмѣстѣ съ кабаками и корчмами, едва къ пяти часамъ пооткрывались, и благодаря этому, между прочимъ, базаръ сегодня былъ совершенно трезвый, развѣ что вотъ къ вечеру поспѣшатъ наверстать и напьются.

Но хотя и открыли евреи лавки, однако же и въ этотъ, и въ нѣсколько послѣдующихъ дней все еще оставались на чеку: какъ бы не поднялось чего, и только когда уже окончательно убѣдились, что страхи ихъ совершенно напрасны, предъ ними, естественно, всталъ вопросъ—кто первый выпустилъ слухъ?—Вѣдь подумайте, въ самомъ дѣлѣ, прекратить чуть не на цѣлый день, да еще въ базарный день, да еще въ христіанскій праздникъ, всю еврейскую торговлю, всѣ дѣла и занятія, закрыть на нѣсколько часовъ свои кабаки,—чего это стоитъ! Какой это убытокъ для еврейскаго кармана! Во сколько тысячъ оцѣнить его!

— „Ой-вай! гевалтъ!“ завопилъ, ухватясь за пейсы, весь огорченный Израиль, пеняя на свое собственное легковѣріе и изнывая за потерянные ни за что, ни про что воскресные барыши и „пурценты“. Кто же выпустилъ слухъ? Кто этотъ врагъ, этотъ извергъ, не пощадившій еврейскаго „гандла“ и кармана? Откуда вышла вся эта „кенська гисторія?“ Кто всему „рейваху“ этому первая причина?

Ко властямъ они не обращались, но пошло у нихъ на этотъ счетъ свое собственное негласное разслѣдованіе, стали рóши по ниткѣ разматывать весь клубокъ и наконецъ добрались, что виноватъ во всемъ никто другой, какъ этотъ „шлимезальникъ, шарлатанъ Клецкеръ-Цитронъ, чортовъ литѣратъ,—хай ёму некъ!“ Привлекли они его за „фалшиве имоціе“ къ суду рошей и порѣшили, какъ во истину „шарлатана“ и „баалъ-беса“, выслать на родину, въ какое-то глухое жидовское мѣстечко на Полѣсьи, затонувшее въ Пинскихъ болотахъ.

Такъ я избавился наконецъ отъ своего надоѣдливаго „собрата“.

V.

Прошло лѣтъ пять. Я былъ въ Петербургѣ, и заѣзжаю разъ къ Дюссо позавтракать. Въ общей столовой комнатѣ, что выходитъ на уголъ Морской и Кирпичнаго переулка, за однимъ изъ столовъ сидѣло нѣсколько молодыхъ офицеровъ и между ними, на диванѣ, какой-то „штатскій“. Компанія блестящихъ представителей военной jeunesse dorée уже окончила свой завтракъ, но продолжала еще пить. На столѣ одна „бѣлоголовая“ смѣняла другую, въ стаканахъ искрилось шампанское. Молодые люди подливали своему штатскому собесѣднику и вообще какъ-то ухаживали за нимъ, что называется, ублажали его всячески, а онъ принималъ все это не безъ достоинства, какъ нѣчто достодолжное. Нѣкоторые изъ молодыхъ людей были съ нимъ даже „на ты“. Но не смотря на всѣ ублажанья и пріятельски безцеремонный тонъ ихъ бесѣды, все же чувствовалось, что въ душѣ они его какъ будто презираютъ, а онъ или не чувствовалъ этого, или показывалъ видъ, что не чувствуетъ, и третировалъ своихъ „друзей“ даже нѣсколько свысока, какъ ami-cochon сознающій что въ немъ нуждаются. Лицо этого господина показалось мнѣ нѣсколько знакомымъ, точно я его гдѣ-то и когда-то видѣлъ. Лѣтъ ему подъ тридцать, типъ семитическій: модная прическа съ „капулемъ“ и англійскимъ проборомъ черезъ всю голову до затылка; подбритыя бакенбарды, въ видѣ двухъ коротенькихъ колбасокъ, спускались только до конца уха, а далѣе синѣли гладко выбритыя щеки; усы вытянутые въ струнку съ помощью венгерской помады и тщательно культивированная „луишка“ на подбородкѣ придавали ему видъ южнаго иностранца—не то итальянца, не то француза. Выхоленное, лоснящееся лицо съ начинающимъ образовываться кадыкомъ носило на себѣ печать того самодовольно самоувѣреннаго выраженія, которое такъ свойственно жидовскимъ банкирамъ, меценатамъ и вообще евреямъ чувствующимъ подъ собою „фортуну“, а носъ. все время осѣдланный золотымъ пенсне, еще усиливалъ это выраженіе до степени невыразимаго нахальства. Одѣтъ этотъ господинъ былъ въ модную жакетку, но жилетъ его, по которому округло ложилась на обѣ стороны массивная золотая цѣпочка со множествомъ брелоковъ и жетоновъ, былъ сдѣланъ изъ какой-то невозможно „шикарной“ и дорогой мохнатой матеріи, какихъ порядочные люди никогда не носятъ; золотая булавка, въ видѣ орлиной лапы держащей крупную жемчужину, закалывала его дорогой, но пестрый галстукъ, какого тоже не увидите на человѣкѣ умѣющемъ одѣваться. На припухлыхъ пальцахъ несовсѣмъ-то чистоплотныхъ рукъ его сверкали драгоцѣнные перстни, а туго накрахмаленные рукавчики, которые этотъ господинъ то и дѣло вытягивалъ наружу, были застегнуты золотыми запонками, чуть не въ цѣлковый каждая, съ какимъ-то рельефнымъ шифромъ подъ благородною короной. Онъ курилъ благовонную регалію, изрѣдка прихлебывая изъ стакана, и благосклонно, но разсѣянно слушалъ разговоры своихъ сотольниковъ, поглядывая на нихъ сквозь пенсне прищуреннымъ масленымъ взглядомъ и ввертывая иногда какой-либо вопросъ или замѣчаніе, причемъ особенно старался налегать на мѣстоименіе „ты“ во всѣхъ надежахъ его, когда обращался къ тѣмъ, кто допустилъ себя до чести состоять съ нимъ на брудершафтѣ.

Между этими офицерами оказался одинъ мой знакомый. Замѣтивъ другъ друга, мы размѣнялись привѣтливымъ кивкомъ головы, а затѣмъ, спустя нѣсколько времени, онъ перешелъ ко мнѣ на другой конецъ комнаты и присѣлъ за мой столикъ.

— Скажите, пожалуйста, кто этотъ штатскій съ ва-

ни? спросилъ я его послѣ нѣсколькихъ фразъ пустопорожняго разговора.

— Какъ, развѣ вы его не знаете? слегка удивился мой знакомый.

— Лицо какъ будто знакомое, но хоть убей, не могу припомнить.

— О, его всѣ знаютъ... Онъ тоже пописываетъ въ газетахъ, по театральной части. Это нѣкто баронъ Клецкеръ фонъ-Цитронъ.

— Ба!.. Мой „собратъ!" невольно сорвалось у меня съ языка.—Знаю я его, какъ же!

При этомъ восклицаніи, взглянувъ въ сторону Клецкера, я замѣтилъ, какъ тревожно скользнулъ по мнѣ на мгновенье его взглядъ и чуть-чуть подернулся въ щекѣ у губнаго угла какой-то особенный, семитическій нервъ; но онъ тотчасъ же овладѣлъ собою, принявъ попрежнему равнодушный, какъ бы ничего не замѣчающій, хотя и не столь уже самоувѣренный видъ.

Да, такъ вотъ это кто!—Узнаю теперь. Только какая же разница между тѣмъ Клецкеромъ, какого я знавалъ когда-то, и этою расфранченною, нахальною персоною! Какая метаморфоза!

— Но скажите, съ какихъ же это поръ сдѣлался онъ барономъ? спросилъ я.

— Этого ужь не знаю, пожалъ плечами мой офицерикъ.—Говоритъ, что австрійскій баронъ, а мнѣ сдается—просто жидюга.

— „Зъ насшихъ", „зъ насшихъ", это вы не ошиблись, подтвердилъ я.—Только объясните, Бога ради, какими судьбами Клецкеръ-Цитронъ, и вдругъ въ такой компаніи? Что̀ это значитъ?

— Э, батюшка,—нужный человѣкъ. Потому и ухаживаемъ за этою свиньею, прикармливаемъ, тихо и какъ бы оправдываясь говорилъ молодой офицеръ, причемъ даже совѣстливо опустилъ свои глазки.—Онъ на всѣ руки мастеръ.

— Денегъ, что ли, достаетъ?

— Да, и денегъ... Правда, подъ архижидовскіе проценты и подъ двойные векселя, но... все же снабдитъ офицера въ нужную минуту, выручитъ... А это, знаете, весьма важно. У него тамъ и на биржѣ, и между всѣми этими негласными ростовщиками большія связи. Ну, и потомъ на счетъ актрисокъ тоже...

— На счетъ „актрисокъ"?.. А тутъ-то что̀ же?

— Да все что̀ хотите... Знакомитъ съ ними нашего брата, устраиваетъ ихъ... Онъ вѣдь тамъ и у Берга, и въ Буффѣ совсѣмъ свой человѣкъ,—пишетъ, говорю вамъ.

— Душа-Тряпичкинъ, значитъ?

— Да, и онѣ всѣ даже очень его боятся, потому чуть что̀ не по немъ, сейчасъ же въ газетахъ отхлещетъ. Сила!

При этомъ словѣ, мнѣ даже какъ-то гадко стало. Подумаешь, въ самомъ дѣлѣ, какія нынче „силы" пошли, и что̀ теперь „силой" называется!..

— Да вы что̀ думаете, продолжалъ между тѣмъ офицерикъ:—онъ даже репутацію создаетъ этимъ актрисамъ.

— Ну, и конечно, получаетъ съ нихъ за это? спросилъ я.

— О, еще бы!.. И съ нихъ, и съ друзей ихъ тоже.

— Какъ! Даже и съ друзей?!

— Непремѣнно. Да вотъ, хоть бы князь Лѣсоѣцкій, пояснилъ мой собесѣдникъ примѣромъ:—пристала къ нему Дюмонъ, что пресса, молъ, совсѣмъ не занимается ею, обходитъ молчаніемъ,—а и чѣмъ заниматься-то!—ни голосенка, ни дарованьишка!.. Ну, заплатилъ ему Желторѣцкій пятьсотъ рублей, и съ тѣхъ поръ попала Дюмонша чуть не въ первоклассные таланты, цѣлыя три газеты каждый день трубятъ о ней, публика читаетъ и хлопаетъ, поклонники букеты подносятъ.—ну, и сдѣлала себѣ карьеру дѣвица.

Только и могъ я головой покачать отъ удивленія.—Клецкеръ-Цитронъ вдругъ „общественное мнѣніе" дѣлаетъ!

— Онъ все что̀ хотите, продолжалъ офицерикъ:—и мѣста выхлопатываетъ (за деньги, конечно), и сводитъ дѣльцовъ и разводитъ, и адвокатствуетъ, при случаѣ; даже въ консисторіи по бракоразводнымъ дѣламъ что-то такое орудуетъ,—ей-Богу!

— Въ качествѣ „достовѣрнаго лжесвидѣтеля?" спросилъ я.

— Да ужь тамъ какъ придется... Но нѣтъ, знаете, перебилъ самого себя мой собесѣдникъ:—кто что̀ ни говори, а баронъ этотъ, въ самомъ дѣлѣ, сила и, во всякомъ случаѣ, человѣкъ очень нужный и въ крутую, и въ веселую минуту.

— И признайтесь, вы-таки у него въ лапахъ? позволилъ я себѣ дружески спросить молодаго человѣка.

— М-м... то-есть, какъ вамъ сказать, слегка замялся онъ:—не то чтобы ужь совсѣмъ въ лапахъ, но... три векселя переписалъ уже... проценты на проценты, конечно... Впрочемъ, это пока еще не разоритъ меня, надѣюсь. А вотъ бѣдный Охапинъ, продолжалъ офицеръ, понизивъ голосъ и искоса вскинувъ взглядъ въ сторону Клецкера:—тотъ совсѣмъ попался: прогорѣлъ дочиста и службу долженъ былъ изъ-за этого оставить. А вѣдь какой блестящій офицеръ-то былъ, помните?.. Ужь онъ даже хотѣлъ было вытянуть за это барона хлыстомъ по физіономіи, но баронъ клянется и божится, что самъ онъ тутъ ни причемъ, деньги, молъ, не его, а чужія, а онъ только посредникомъ былъ, желая оказать дружескую услугу... Чортъ его разберетъ, — можетъ и правъ.

— Я слышу, съ нимъ нѣкоторые даже „на ты", замѣтилъ я.

— Что̀ дѣлать! вздохнулъ офицеръ, пожавъ плечами:—знаете пословицу „нужда скачетъ", а этотъ прохвостъ тѣмъ и пользуется. Меня, впрочемъ, Богъ еще миловалъ отъ такой чести, поспѣшилъ онъ прибавить съ презрительно гадливою усмѣшкой.

Въ это время компанія блестящей молодежи, допивъ послѣдніе стаканы, поднялась съ мѣстъ и взялась за фуражки. Всталъ и „австрійскій баронъ", поглаживая по жилету свой небольшой пока еще сальникъ и потягиваясь въ поясницѣ. Мнѣ показалось, будто онъ въ нѣкоторомъ затрудненіи—поклониться мнѣ или не кланяться. А проходить надо было мимо. Надѣвъ еще въ комнатѣ чуть не на самыя брови свою соболью „боярскую" шапку, онъ видимо старался продолжить на ходу разговоръ „на ты" съ однимъ изъ офицеровъ и, проходя мимо нашего стола, дружески небрежно и какъ бы вскользь кивнулъ моему знакомому головой, соединивъ это движеніе съ чѣмъ-то въ родѣ турецкаго *селяма* или воздушнаго поцѣлуя ручкой, а затѣмъ тотчасъ же отвернулся нѣсколько въ сторону и сдѣлалъ видъ будто вовсе меня не знаетъ и даже не замѣчаетъ, какъ совершенно посторонняго человѣка. Въ окно я видѣлъ, какъ, запахнувшись въ богатую ильковую шубу, онъ сѣлъ на поджидавшаго его лихача и помчался куда-то вдоль по Морской улицѣ.

VI.

Съ тѣхъ поръ я нѣсколько разъ встрѣчалъ его то въ Буффѣ, то въ театрѣ Берга, всегда съ золотымъ пенснѐ на нахально вздернутомъ носу, всегда съ самоувѣреннымъ апломбомъ стоящаго въ антрактѣ у барьера и громко, съ семитическою страстностью и жестикуляціей изрекающаго предъ кѣмъ-либо изъ знакомыхъ свои критическія замѣчанія, сопровождая ихъ либо презрительною, либо авторитетно поощрительною миной. Онъ видимо старался въ такія минуты изображать собою „изящнаго критика" и ломался въ не-

брежныхъ позахъ, чтобы обратить на себя вниманіе публики,—„это, молъ, нашъ извѣстный литераторъ такой-то“. Во время же самаго представленія, развалясь на сколько возможно въ своемъ креслѣ, Клецкеръ то и дѣло перемигивался съ кое-какими актрисками на сценѣ, или посылалъ дружескіе кивки въ бенуарныя ложи дамамъ полусвѣта, послѣ чего непремѣнно взмахивалъ вокругъ бѣглымъ взглядомъ, чтобы убѣдиться—видятъ ли это посторонніе, замѣчаютъ ли съ какими знаменитостями и въ какихъ короткихъ состоитъ онъ отношеніяхъ. Въ этомъ, повидимому, состояло высшее его самолюбіе. Вообще, „австрійскій баронъ“ среди каскадно-опереточнаго міра тщился показать себя совсѣмъ „своимъ“ человѣкомъ, театральнымъ завсегдатаемъ, которому всѣ и вся знакомы какъ свои пять пальцевъ, и даже пріѣлись, прискучили. А въ слѣдующемъ антрактѣ, съ необычайнымъ самодовольствіемъ и юркостью пробирался онъ то за кулисы, то въ отдѣльную комнатку буфета, доступную лишь для немногихъ „избранныхъ“, то разсыпался въ любезностяхъ предъ полицеймейстеромъ въ полковничьихъ эполетахъ, либо предъ какимъ нибудь биржевымъ тузомъ-банкиромъ, то лебезилъ предъ извѣстнымъ сѣдовласымъ редакторомъ-издателемъ большой либеральной газеты, или тащилъ съ собою какого нибудь бѣлогубаго богатенькаго юнца въ бенуаръ, представлять его той или другой дамѣ полусвѣта, или же, ухвативъ подъ руку кого либо изъ своихъ блестящихъ военныхъ кліентовъ (нужды нѣтъ, что тотъ морщится и старается высвободиться), пробирался съ нимъ „покурить“, расточая по пути пріятельскія фразы, болѣе чѣмъ нужно уснащенныя мѣстоименіемъ „*ты*“, дабы вся окружающая публика могла слышать и видѣть, что вотъ, молъ, съ кѣмъ онъ „за панибрата“.

Что до меня, то въ этой фазѣ своего развитія, Клецкеръ оставался со мною въ роли незнакомаго знакомца. Не знаю, былъ ли то съ его стороны нѣкоторый зубъ противъ меня за мистификацію насчетъ выпусканія пуха, или же опасеніе, чтобы чрезъ меня не всплыло какъ нибудь наружу предъ новыми пріятелями и кліентами его прошлое, столь мало гармонирующее съ титуломъ австрійскаго барона и нынѣшнимъ „блестящимъ“ положеніемъ прежняго провинціальнаго жидка-„литерата“,—только Клецкеръ, даже встрѣчаясь, что называется, носъ къ носу, не замѣчалъ меня болѣе.

Порой, когда онъ попадался мнѣ на глаза, интересовало меня—какимъ образомъ совершился въ немъ процессъ этого превращенія изъ „литерата“ съ запахомъ цыбульки и чернушки въ нынѣшняго „барона“ и „сотрудника“ столичныхъ газетъ, „дѣлающаго“, въ нѣкоторомъ родѣ, „общественное мнѣніе“, щеголяющаго въ мохнатыхъ жилетахъ съ брелоками и покровительствующаго столь разнообразными способами своимъ кліентамъ и кліенткамъ?

Вопросъ этотъ былъ разрѣшенъ для меня совершенно случайнымъ образомъ, благодаря тому же „Буффу“, гдѣ Клецкеръ слылъ такою авторитетною „силой“.

Однажды, въ антрактѣ выхожу я въ курительную комнату, какъ вдругъ предо мной откуда ни возьмись—Мовша Элькесъ, „первилегированный пратыкулярный и военный портной“, обшивавшій все наше полковое офицерство.

— Мовша!? Ты какими судьбами?

Оказалось, только что вчера пріѣхалъ закупать новыя офицерскія вещи, сукна и прикладъ и привезъ мнѣ поклоны „одъ увсшѣ насши гасшпида ахвицпры“, а сегодня съ однимъ своимъ „тутѣйшимъ“ пріятелемъ попалъ „на Буффъ“,—„бо я жъ его никогда еще не нюхалъ“. И вотъ, въ то время какъ передавалъ онъ мнѣ разныя полковыя наши новости, замѣтилъ я, что къ буфету подошелъ съ папироской въ зубахъ и руки въ карманы—Клецкеръ.

— Мовша, узнаёшь ты эту фигуру? обратилъ я на него вниманіе Элькеса.

— Котораво? От-тотъ куцый? Изъ пансно̀мъ на посу?

— Онъ самый. Какъ ты думаешь, кто это?

— Н-ну?

— Нашъ Клецкеръ-Цитронъ, мой „собратъ“, литèратъ,—помнишь?

— Сшабратъ?! воскликнулъ Мовша, издали выпучивъ на него глаза, полные недоумѣнія.—Пфссс!.. От-то̀ каково реформа!..

— Да, братъ, реформа. Нынче онъ уже не Клецкеръ, а *баронъ* Клецкеръ, и не просто Цитронъ, а *фонъ*-Цитронъ, австрійскій баронъ,—понимаешь?—и большими дѣлами тутъ ворочаетъ.

— Ой, аброхъ цу міиръ!.. баро-онъ?!.. Этово сшволачъ—баронъ?.. Н-ну, тогда я вже маркизъ вихожу, когда онъ баронъ... И хто-жъ ему таково патента давалъ?

— Давалъ-то онъ самъ себѣ, положимъ. А вотъ, не объяснишь ли ты мнѣ, что съ нимъ было послѣ того, какъ ваши рѳши сослали его на Полѣсье, и какими судьбами очутился онъ затѣмъ въ Петербургѣ?

Оказалось, однако, что Мовша этого не знаетъ, хотя и слылъ онъ у насъ всевѣдущимъ и даже „полковою газетой“ назывался.

— Но я этово взна̀ю, напримѣнно взнаю... Я адъ насшихъ, адъ тутѣйшихъ буду спытать... О, я этово такъ не подару! рѣшилъ онъ самымъ увѣреннымъ тономъ, задѣтый за живое метаморфозою Клецкера и въ особенности его баронствомъ.

Дней пять спустя, является Мовша ко мнѣ проститься и узнать не будетъ ли какихъ порученій въ полкъ, и вдругъ объявляетъ съ торжествующимъ видомъ:

— А я взналъ!.. На счетъ Клецкеръ... Увсшё взналъ!.. Ну, и я вамъ скажу, это зухъ!.. Уи, каково зухъ! *).

При этомъ онъ даже четыре раза подъ-рядъ языкомъ прищмокнулъ и, прищуривъ глазъ, помоталъ головою.

Изъ разсказа Мовши и я узналъ, что по водвореніи Клецкера на Полѣсьи, отецъ его, занимавшійся „изъ кумерціумъ“ и державшій въ своемъ мѣстечкѣ лавку съ „паньскимъ“ и лодзинскимъ товаромъ, вскорѣ умеръ, и Клецкеръ сталъ „ликвидо̀вать“ его дѣла, причемъ удалось ему сдѣлать очень выгодный „гешефтъ“, убѣдивъ одного изъ лодзинскихъ фабрикантовъ, кредитовавшаго его отцу товаръ, принять въ уплату по векселямъ покойнаго полтину за рубль; затѣмъ продалъ въ мѣстечкѣ отцовскій домъ и лавку, такъ что въ очистку, за всѣми расходами и хлопотами, у него оказалось „въ заработкѣ“ семь тысячъ рублей.—„А вы знаете, для начала дѣлу это увъ нашемъ биту харосшаво деньги!“—И вотъ, съ этими-то хорошими деньгами пустился онъ „за счастьемъ“ въ Петербургъ, гдѣ его „онкель“—родной по матери дядюшка, нѣкій Хаимъ Юделіовичъ,—держалъ въ Александровскомъ рынкѣ „своя ляфка“. Этотъ „о̀нкельхенъ“ на первое время, пока Клецкеръ не осмотрѣлся еще на новомъ мѣстѣ, пріютилъ у себя и семью его,—мать и „двохъ сестрицовъ“, привезенныхъ имъ съ собою. Затѣмъ, осмотрѣвшись, Клецкеръ нашелъ, что самое лучшее, на чемъ можно „зарабатывать“ въ Петербургѣ, это—открыть гласную кассу ссудъ, и „съ бо̀жаго милостю“ онъ открылъ ее на имя матери, посадивъ за конторку у барьера одну изъ „сестрицовъ“, подъ непосредственнымъ своимъ наблюденіемъ, пока та не пріучится къ дѣлу. Въ этомъ случаѣ мудрые совѣты дядюшки, „старожитнаго“ и опытнаго петербургскаго еврея, помогли ему не только преодолѣть всѣ полицейскія формальности на счетъ безпрепятственнаго проживанія въ столицѣ и учрежде-

*) *Зухъ* у евреевъ—полубранное, полуласкательное слово, равнозначущее нашимъ: ловкачъ, молодецъ, донъ-жуанъ, пройдоха.

Малютка дуется. Ориг. рис. для „Нивы“ П. Ѳ. Лоренца, грав. Ю. Барановскій.

нія кассы, но указали еще и мѣсто, гдѣ, по разнымъ „шпицыяльнымъ“ соображеніямъ, выгоднѣе всего было бы открыть ее. Словомъ, опытный дядюшка направилъ все дѣло такъ, чтобы оно было „и по закону, и коло закону“. И дѣла кассы пошли весьма недурно, и чѣмъ дальше, тѣмъ все лучше и лучше. И „мàмуле“, и „сòрере“ вошли во вкусъ этого дѣла и „заработывали“ прекрасно. Клецкеръ оперился, завелъ себѣ дорогія вещи (изъ просроченныхъ, конечно), нашилъ шикарныхъ костюмовъ и нашелъ, что для расширенія своего поприща ему надо имѣть отдѣльную отъ семьи квартиру, гдѣ на дверяхъ не торчала бы жестяная доска съ надписью „гласная касса“ и гдѣ онъ могъ бы „принимать“ у себя, „какъ благородный человѣкъ“, людей порядочныхъ.

(По слѣд. №).

Прорицатель.

Историческій разсказъ **Н. Кирилова.**

I.

Въ день сорока мучениковъ, 4 марта 1798 года, въ Митавѣ, городѣ отличавшемся, послѣ бироновскихъ временъ, особенною тишиною и спокойствіемъ, замѣтна была суетливость и что-то необычайное. Еще съ ранняго утра бургомистръ города, старичекъ небольшаго роста, съ добродушнымъ лицомъ и веселою улыбкою оповѣщалъ горожанъ о приготовленіи къ торжественной встрѣчѣ высокаго гостя. Уже съ вечера небольшіе, но красивые снаружи и удобные внутри, городскіе домики были украшены гербами, искусственными гирляндами и флагами. Съ десяти часовъ утра начали собираться ремесленныя корпораціи, одѣтыя въ длинные парадные кафтаны съ позументами, каждая имѣя цеховой значокъ впереди. Постороннему наблюдателю легко было замѣтить на простодушныхъ лицахъ митавскихъ бюргеровъ озабоченность, смѣшанную съ самодовольствомъ. Войска, составлявшія мѣстный гарнизонъ, и баталіоны, прибывшіе изъ Риги, уже давно разставлены были шпалерами по улицамъ вплоть до такъ-называемаго Бироновскаго зáмка. Двѣ артиллерійскія роты съ зажженными на-готовѣ фитилями блестѣли изъ-за верковъ мѣстной крѣпости и ожидали только приказанія, чтобы перекатными выстрѣлами достойно салютовать въѣзжающихъ въ городъ.

Яркое солнце поднялось высоко, освѣщая снѣговую равнину пригородной поляны, со стороны которой ожидался парадный кортежъ. Къ полудню со всѣхъ сторонъ послышались военныя команды, звонъ оружія, а также глухой шумъ собравшейся толпы, состоявшей изъ нѣмецкихъ обывателей, изъ жителей польскаго происхожденія, въ кунтушахъ, съ длинными усами, наконецъ изъ евреевъ въ лапсердакахъ, съ пейсами и въ бархатныхъ ермолкахъ. Въ скоромъ времени прибылъ курляндскій губернаторъ, саженнаго роста молодцоватый генералъ, баронъ Дризенъ. Онъ быстро обошелъ войска, поздоровался съ городскими властями, и приказавъ выслать двухъ казаковъ на мостъ для наблюденія, торопливо сѣлъ съ адъютантомъ въ коляску и отправился въ зáмокъ.

Высокое четырехугольное угрюмое зданіе со стрѣльчатыми окнами, съ угловыми башнями и подъемными мостами было нѣкогда дворцомъ владѣтельныхъ герцоговъ Курляндіи и Семигаліи, изъ которыхъ Эрнстъ Іоганъ Биронъ, бывшій игралищемъ столькихъ прихотей судьбы, знаменитый регентъ Россійской Имперіи, отказавшись, какъ извѣстно, отъ своихъ владѣтельныхъ правъ въ пользу сына, Петра, оставилъ этотъ зáмокъ и навсегда покинулъ Курляндію. Но и молодой владѣлецъ недолго жилъ въ замкѣ. Не уживишись съ курляндскимъ сеймомъ, онъ долженъ былъ оставить свои владѣнія, а съ его выѣздомъ зáмокъ окончательно былъ заброшенъ и запущенъ. Послѣ присоединенія Курляндіи къ Россіи, мѣстное начальство хотѣло передѣлать его въ казармы для войскъ. Но почему-то не исполнило своего намѣренія. Зáмокъ сталъ приходить въ разрушеніе.

Два мѣсяца тому назадъ баронъ Дризенъ получилъ отъ императора Павла именное повелѣніе реставрировать дворецъ какъ можно скорѣе. Работа закипѣла. Очистили дворъ, поставили мосты, поправили штукатурку, и насколько было возможно, зáмокъ привели въ порядокъ. Судя по выписанной изъ Риги дорогой мебели, по той заботливости съ какою относился губернаторъ къ этой работѣ, можно было догадаться, что зáмокъ предназначается для помѣщенія весьма высокопоставленныхъ особъ.

Еще недѣлю тому назадъ митавцы удивлены были въѣздомъ въ городъ на десяти обывательскихъ подводахъ отряда солдатъ, человѣкъ въ тридцать, одѣтыхъ въ синія епанчи, въ мѣховыхъ шапкахъ и вооруженныхъ длинными палашами и мушкетами. Отрядъ прибылъ съ Волыни. Его тотчасъ же расположили въ зáмкѣ, гдѣ онъ занялъ задній дворъ.

Кого ожидали—въ городѣ никто не зналъ. Строгій, привыкшій къ исполнительности еще въ арміи Фридриха Великаго, баронъ Дризенъ никому не проговорился о содержаніи инструкціи, полученной имъ отъ императора.

Баронъ и адъютантъ быстро вошли въ зáмокъ. Внутренніе караулы занималъ пріѣзжій отрядъ, наружный—двѣ роты егерскаго полка. Баронъ провѣрилъ посты, осмотрѣлъ внутренніе покои, сдѣлалъ кое-какія распоряженія. Въ пріемной залѣ его встрѣтили только что прибывшіе изъ свиты Французскаго короля Людовика XVIII, молодой, красивой наружности маркизъ де-Сурди и высокій, со строгимъ лицомъ, уже пожилыхъ лѣтъ, аббатъ Фирмахъ. Послѣ первыхъ привѣтствій, маркизъ объяснилъ губернатору, что они высланы за часъ до выѣзда короля, чтобы приготовить ему первоначальныя удобства въ помѣщеніи, и что рады случаю первыми привѣтствовать уполномоченнаго великимъ государемъ, оказавшимъ благосклонное гостепріимство королю французовъ.

— Весьма радъ, что на мою долю выпало такое полномочіе, отвѣтилъ баронъ.—Отъ души буду стараться, чтобы его величеству были доставлены всѣ удобства, какія находятся въ моемъ распоряженіи.

— Великому государю, ваше превосходительство, замѣтилъ аббатъ,—только и свойственны такіе великіе порывы души. Да послужатъ скромныя наши молитвы благодарностью за оказанныя государемъ милости.

Барону понравились слова умнаго доминиканца, онъ дружески протянулъ ему руку и въ отвѣтъ на его любезность спросилъ: не можетъ ли теперь чѣмъ нибудь служить его величеству.

— Мнѣ прежде другихъ, какъ шталмейстеру двора, приходится обращаться къ милостямъ императора и любезному вниманію вашего превосходительства, отвѣтилъ маркизъ де-Сурди.—Великодушныя щедроты государя императора предупреждаютъ самую поспѣшную благодарность со стороны короля. Упоминать о состояніи королевской казны, во владѣніяхъ могущественнѣйшаго монарха, безъ сомнѣнія, нѣтъ надобности, замѣтилъ онъ слегка сконфуженно.

— На этотъ счетъ могу сообщить вамъ, маркизъ, серьезно отвѣтилъ баронъ,—что государь императоръ изволилъ выдать ордеръ на имя министра финансовъ, барона Васильева, объ отпускѣ его величеству королю французовъ по 200,000 рублей въ годъ; 20,000 имѣются уже здѣсь въ казначействѣ.

— О, это свыше всякой предупредительности! радостно воскликнулъ маркизъ, крѣпко сжимая руку генерала.—Король будетъ растроганъ до слезъ такимъ высокимъ вниманіемъ императора.

Дали знать о приближеніи королевскаго кортежа, баронъ наскоро простился и, уже сидя въ экипажѣ, какъ бы разсуждая самъ съ собою, замѣтилъ адъютанту:

— Не успѣли въѣхать, уже о деньгахъ просятъ. Государь принялъ на свое иждивеніе цѣлый корпусъ оборванцевъ принца Конде, помѣстилъ ихъ на Волыни, а благодарность какая? Только служатъ дурнымъ примѣромъ для нашей арміи. Принцу купили домъ у графа Чернышева, подарили дачу на Петергофской дорогѣ, а онъ все еще ищетъ, проситъ и всѣмъ даетъ знать что онъ Бурбонъ. Князь Горчаковъ мнѣ то же разсказывалъ про этого принца.

Адъютантъ молча прослушалъ замѣчанія барона, не смѣя дѣлать своихъ замѣчаній.

Кортежъ изъ шести экипажей приближался къ городу; нѣмецкія кареты, поставленныя на полозья, быстро мчались по заледенѣвшему снѣгу. За первою каретой, въ которой сидѣли: Французскій король безъ королевства Людовикъ XVIII, его близкій приближенный графъ д'Аваре и адъютантъ императора Павла, графъ Петръ Андреевичъ Шуваловъ,—скакалъ взводъ литовскихъ уланъ.

Небольшого роста, полный, съ одутловатою физіономіей и съ характернымъ бурбонскимъ фамильнымъ носомъ, король безучастно смотрѣлъ изъ окна, не обращая вниманія на мѣткія замѣчанія молодого и остроумнаго графа Шувалова. Строгая надменность и черствость проглядывали въ чертахъ короля. Большіе впалые глаза его не искрились одушевленіемъ и теплотой, а обдавали холодомъ и полнымъ безучастіемъ къ окружавшему. Презрительная улыбка не сходила со спокойнаго и усталаго лица. Король страдалъ подагрою, а потому минуты добродушнаго расположенія духа были у него рѣдки. Онъ одѣтъ былъ въ бархатномъ, обшитомъ дорогимъ мѣхомъ, кафтанѣ, въ шляпѣ съ страусовыми перьями, ноги завернуты были мѣховымъ одѣяломъ.

Раздалась военная команда, съ крѣпости грянулъ салютъ. У въѣзда въ городъ встрѣтилъ короля губернаторъ, освѣдомившійся о его здоровьѣ, на чтò король въ свою очередь спросилъ о здоровьѣ „брата своего“, Всероссійскаго императора. Городъ, по обычаю, поднесъ королю хлѣбъ-соль. Кортежъ двинулся далѣе, сопровождаемый криками „ура!“ Полки по очереди отдавали честь, преклоняя знамена; король раскланивался на обѣ стороны.

Бироновскій за́мокъ снова оживился. Забѣгали шталмейстеры, камеръ-юнкеры, разставлены были на посты тѣлохранители, мало-по-малу установился дворцовый этикетъ. Король занялъ отведенные ему покои, а баронъ Дризенъ и графъ Шуваловъ остались въ пріемной, ожидая дальнѣйшихъ приказаній.

— Удачно ли съѣздили, графъ? спросилъ баронъ, отводя его къ окну.

— Какъ вамъ сказать?—скорѣе неудачно, чѣмъ удачно, отвѣтилъ, улыбаясь, графъ Шуваловъ.—Король, его причуды, требовательность—все это было странно, ваше превосходительство.

— Вамъ-то что же было до его причудъ и требовательности?

— Его пришлось провожать съ королевскою пышностью и съ дворцовымъ этикетомъ, а у него не было на это денегъ, да и по дорогѣ его всюду старались выпроваживать поскорѣе, такъ какъ первый консулъ зорко слѣдитъ за его похожденіями.

— Впрочемъ, хорошо что предупредили, замѣтилъ Дризенъ.—Французская колонія у меня не разгуляется: въ этомъ за́мкѣ какіе хочешь порядки заводи, а въ городѣ скоро и забудутъ о королевской резиденціи.

Подошедшій камеръ-юнкеръ сообщилъ что король сильно усталъ съ дороги и что только завтра будутъ распредѣлены часы аудіенцій. Баронъ пригласилъ графа Шувалова до возвращенія въ Петербургъ остановиться у него, и они тотчасъ же выѣхали изъ за́мка.

Королевскій дворецъ началъ жить своею особою дворцовою жизнью. Городскія власти не касались его; а горожане, кромѣ двухъ поставщиковъ-евреевъ, не имѣли никакихъ къ нему отношеній. По временамъ посылались отъ короля къ императору Павлу курьеры, нерѣдко пріѣзжали въ за́мокъ какія-то знатныя персоны или выѣзжали изъ него за границу и въ Петербургъ; но съ чѣмъ посылались курьеры, кто были эти знатныя лица—никто не зналъ. Между тѣмъ, по городу ходили иногда самые разнообразные и даже странные слухи. Въ особенности возбудилъ много толковъ среди добродушныхъ нѣмокъ и любопытныхъ полекъ пріѣздъ изъ Австріи одной принцессы высокаго роста, худой, со строгимъ лицомъ и въ монашеской одеждѣ. Разсказывали, что принцесса заняла два верхніе покоя въ башнѣ, никого къ себѣ не принимаетъ, и будто по ночамъ въ этой башнѣ нерѣдко можно было замѣтить какія-то странныя тѣни.

Какъ бы то ни было, если пріѣздъ короля Людовика XVIII, его семьи и племянницы, дочери несчастнаго короля Людовика XVI, Маріи, не оживилъ городской жизни, то, во всякомъ случаѣ, породилъ бездну толковъ, предположеній и догадокъ, доставивъ неисчерпаемый источникъ для разговоровъ въ семейныхъ кружкахъ митавскаго общества.

II.

Стояла сильная стужа. Въ годъ восшествія на престолъ императора Павла Петровича, морозы начались еще съ конца ноября, а въ декабрѣ доходили до двадцати-пяти и тридцати градусовъ. Все покрыто было густымъ инеемъ, а матово-красное солнце едва освѣщало заледенѣвшій воздухъ короткаго зимняго петербургскаго дня.

Еще не просвѣчивала утренняя заря 12 декабря 1796 года, какъ у подъѣзда къ дому вновь назначеннаго генералъ-прокурора, князя Александра Борисовича Куракина, стояла нагоговѣ ямская тройка для конвоира. Покрытыя инеемъ лошади отъ холода не стояли на мѣстѣ, и окутанный тулупомъ ямщикъ уже нѣсколько разъ проѣзжалъ ихъ по набережной Мойки, пытливо посматривая на свѣтившіеся въ окнахъ княжескаго дома огоньки. Наконецъ двери параднаго крыльца растворились. Изъ нихъ вышелъ капитанъ лейбъ-гвардіи Семеновскаго полка Измайловъ, въ сопровожденіи сержанта. Ямщикъ лихо подкатилъ къ крыльцу, принялъ сѣдоковъ, и тройка бойкою рысью понеслась по набережной, потомъ, спустившись на Неву, скрылась во мглѣ тумана, густо стоявшаго надъ рѣкой.

До Шлиссельбурга дорога шла по льду, по Невѣ, и была хороша: ни ухаба, ни раската, какъ по зеркалу катила кибитка, безъ остановки и задержки. Въ Большихъ Петрушкахъ, около церкви, стояла почтовая станція Кексгольмскаго тракта. Кибитка мигомъ взлетѣла на изволокъ берега рѣки, и ямщикъ быстро осадилъ передъ крыльцомъ станціи.

Начинало свѣтать, морозъ становился еще злѣе. Поднятые съ полатей ямщики, торопясь поскорѣе заготовить „курьерскую по именному указу", шумѣли и галдѣли на весь дворъ. Наконецъ все было готово, путники снова сѣли въ обледенѣлую кибитку, и новая тройка еще быстрѣе помчала ихъ къ Шлиссельбургу.

— Отворяй ворота, ворона! крикнулъ сержантъ стоявшему у будки солдату, едва выглядывавшему изъ окутаннаго его тулупа, когда тройка, миновавъ городъ, остановилась прямо передъ крѣпостными воротами.

— Да вы кто такіе будете? спросилъ мѣшковатый солдатъ.

— Ну это не твоего ума дѣло. Отворяй, сказываютъ тебѣ, скорѣе! повторилъ свой приказъ сержантъ.

— Нельзя, не велѣно; позову, вотъ, капрала.

Едва передвигая въ широчайшихъ кеньгахъ ноги, солдатъ дернулъ за веревку, протянутую съ крѣпостной стѣны, и звонъ сторожеваго колокола разнесся по охолодѣлому воздуху.

Прошло добрыхъ полчаса, пока впустили въ крѣпость кибитку и пока капитанъ Измайловъ могъ войти въ квартиру только что произведеннаго въ бригадиры коменданта Колюбякина.

— Съ чѣмъ Богъ принесъ? спросилъ комендантъ, старикъ небольшаго роста, худой, съ сѣдыми волосами, когда вошелъ въ горницу Измайловъ.

— По дѣлу, милостивецъ мой, по дѣлу прямо отъ генералъ-прокурора. Дайте немного обогрѣться, сейчасъ и бумаги доставлю, отвѣтилъ капитанъ, потирая руки и переступая съ ноги на ногу.

— Обогрѣйтесь, обогрѣйтесь, милости просимъ, заговорилъ комендантъ, приглашая садиться.—Сейчасъ обѣдъ подадутъ, чаю... Ершовъ! крикнулъ бригадиръ дневальному.—Обѣдъ и самоваръ въ мигъ!.. слышь!.. Такъ изволите говорить: отъ генералъ-прокурора князя Куракина? немного подождавъ, переспросилъ комендантъ.

— Отъ него. Да дѣло пустяшное, за 22-мъ нумеромъ, отвѣтилъ Измайловъ, садясь на диванъ, немного обогрѣвшись.

— За 22-мъ? повторилъ какъ-бы про себя комендантъ.—Что-же? У меня все въ исправности, у меня хоть сейчасъ извольте получать, проговорилъ точный и аккуратный бригадиръ.

Измайловъ передалъ предписаніе князя Куракина, черезъ нѣсколько минутъ принесли изъ комендантскаго управленія дѣло по каземату № 22-й, и пока принималъ онъ по описи бумаги и документы, тщательно пересматривая каждую страницу и осматривая печати, былъ уже накрытъ столъ.

— Вы сейчасъ-же и обратно? спросилъ комендантъ, когда гость хорошо поѣлъ и принялся за стаканъ чаю.

— Я уже послалъ за лошадьми, отвѣтилъ Измайловъ, смотря на часы.

— Ахъ, да, вскрикнулъ комендантъ вставая съ мѣста.—Нужно-же приготовить теплую одежду для арестанта... Знаете, капитанъ, замѣтилъ онъ на-ухо Измайлову,—арестантъ какой-то чудной... Такихъ у меня не бывало. Все молится, смотритъ на васъ такъ, что поневолѣ глаза опустишь. Видно, блаженный! заключилъ онъ, выходя въ управленіе распорядиться на счетъ платья.

Измайловъ не обратилъ особеннаго вниманія на его слова. Домъ коменданта стоитъ посерединѣ крѣпости, окнами выходя на верки, обращенные къ устью Невы. Подъ верками расположенъ рядъ казематовъ, амбразуры которыхъ были на уровнѣ воды, а входы запирались одностворчатыми тяжелыми желѣзными дверьми. Здѣсь-же расположены были люди постояннаго караула.

Измайловъ, въ сопровожденіи коменданта и двухъ часовыхъ, пошелъ въ казематъ № 22-й. Слабый свѣтъ заходящаго зимняго солнца едва проникалъ въ амбразуры и только слегка освѣщалъ разосланную въ углу казсмата солому и стоявшую подлѣ нея человѣческую фигуру.

Это былъ человѣкъ лѣтъ сорока, высокій, худой, слегка сутуловатый. Длинные черные волосы безпорядочными прядями вились на его плечи и придавали ему видъ отшельника. Блѣдное, худое лицо, съ остроконечнымъ носомъ и тонкими губами, окаймлялось густою продолговатою бородою. Изъ-подъ нависшихъ черныхъ бровей узника выглядывали большіе темно-каріе глаза, полные внутренняго огня и поражавшіе проницательностью. Узникъ производилъ сильное но не отталкивающее впечатлѣніе и скорѣе могъ возбуждать уваженіе нежели сожалѣніе.

Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, на босу ногу. Продолжительное одиночное заключеніе довело его до одичалости, глаза блуждали. Когда вошли въ казематъ, онъ пристально посмотрѣлъ на всѣхъ и довольно твердымъ голосомъ проговорилъ:

— Егда отверзите темницу узнику, наче собираетъ плоды въ жизнь вѣчную.

Измайловъ растерялся, но комендантъ выручилъ молодого офицера.

— Арестантъ Василій Васильевъ! громко началъ онъ.—По высочайшему государя императора Павла Петровича повелѣнію, немедленно одѣвайся въ теплую одежду и отправишься съ г. капитаномъ въ Петербургъ.

Заключенный пристально посмотрѣлъ на коменданта, на Измайлова, потомъ тихо вынулъ изъ-за пазухи небольшой образокъ и началъ истово молиться. Окончивъ молитву и поцѣловавъ образокъ и привѣшенную рядомъ съ нимъ ладонку, онъ сталъ на колѣни и отвѣсилъ всѣмъ земные поклоны, прося простить ему его беззаконія.

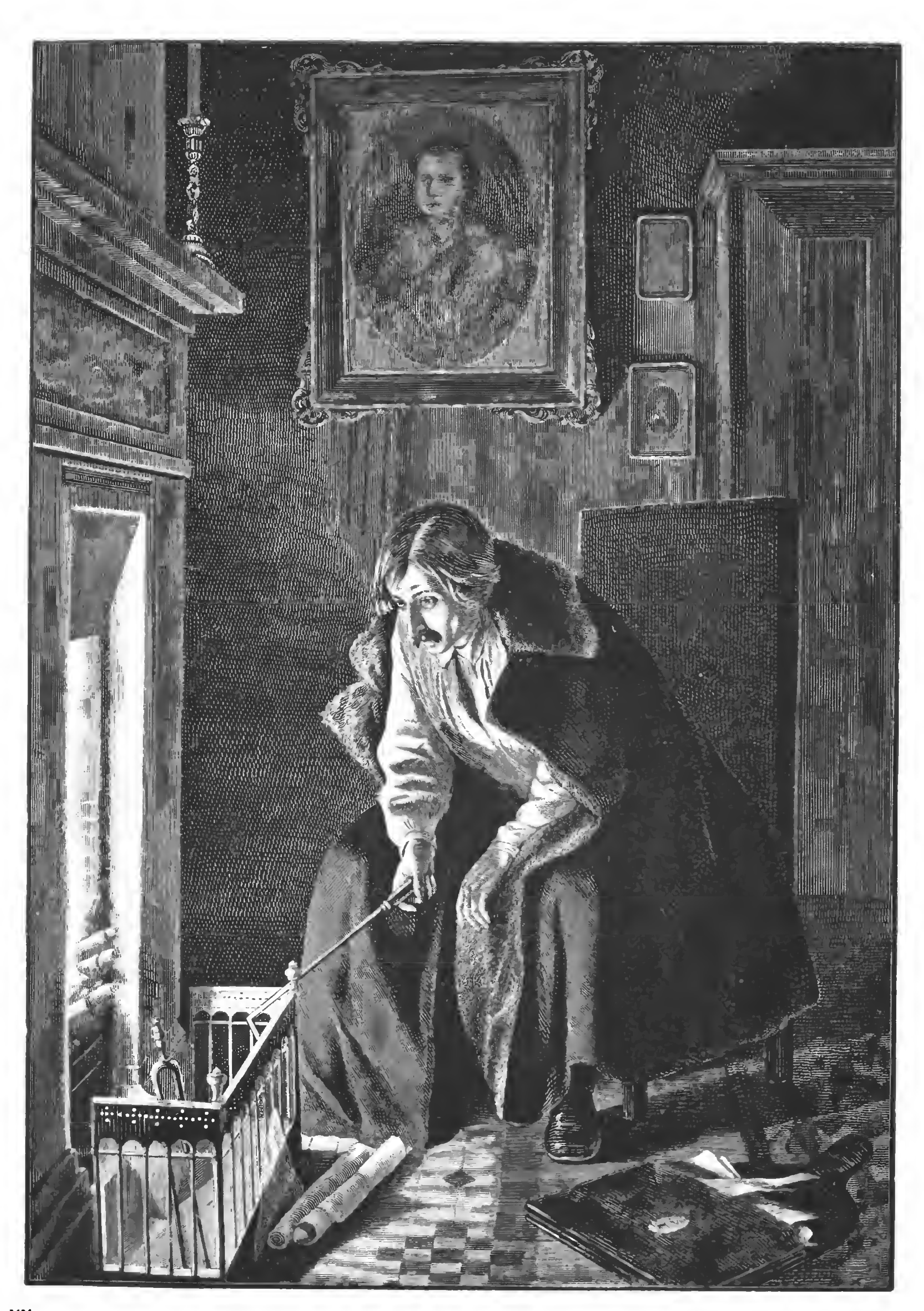
Нѣсколько минутъ стоялъ узникъ на колѣняхъ, задумчиво смотря въ узкія окна, освѣщенный краснымъ лучемъ солнца, скрывавшагося за ледяною равниной рѣки. Глубоко задумчивый взглядъ, рѣзкій, четко отдѣлявшійся на свѣтѣ замерзшаго окна, профиль, костюмъ и вся обстановка производили странное впечатлѣніе. Вдругъ узникъ какъ будто-бы вспомнилъ что-то и оставаясь на колѣняхъ, поднялъ глаза и руку кверху и тихо проговорилъ:

— Боже праведный! Твоими устами глаголалъ, яко благовидецъ, что царствовать сѣверная царица будетъ свыше трехъ десятъ годовъ. Свершилось сказаніе сіе. О, Господи! Упокой новопреставленную рабу твою, царицу Екатерину!

Онъ снова началъ молиться и молился долго. Присутствую-

Въ виноградникѣ. Рис. Г. Зибенъ, грав. Паарь.

XV передвижная выставка въ СПБ. Конецъ „Мертвыхъ Душъ“. Съ карт. академика М. П. Клодта, грав. Ю. Шюблеръ.

щіе не мѣшали ему и сами изрѣдка клали крестное знаменіе...

Черезъ часъ новая ямская тройка катила кибитку обратно по направленію къ столицѣ. Начало темнѣть, полозья невыносимо скрипѣли, изъ-за тумана выглядывала луна.

Измайловъ былъ человѣкъ набожный и религіозный, загадочная личность узника его заинтересовала. По артикулу ему нельзя было разговаривать съ арестантомъ, но любопытство взяло верхъ.

— Какъ ты попалъ въ крѣпость? спросилъ онъ вполголоса своего спутника, не желая, чтобы разговоръ ихъ слышали ямщикъ и сидящій на козлахъ сержантъ.

Сидѣвшій до того времени молча въ углу кибитки арестантъ посмотрѣлъ на Измайлова и въ свою очередь тихо спросилъ его:

— Ты развѣ слѣдователь, господинъ?

— Нѣтъ, я не слѣдователь, мягко отвѣтилъ Измайловъ;—но ты мнѣ понравился, ты такъ молишься Богу; твоя молитва должна быть доходна ко Господу.

— Не говори такъ, серьезно возразилъ арестантъ.—Чья молитва угодна Господу Богу—неизвѣстно.

— Ты вѣрно изъ духовныхъ?

— Вѣрно, господинъ: былъ прежде смиренный монахъ Авель.

— За что-же тебя арестовали, отецъ Авель? продолжалъ спрашивать Измайловъ.

— Господь да проститъ человѣческому невѣрію и неразумію, проговорилъ смиренно Авель.—Слушай сыне.

Авель немного подождалъ, какъ-бы собираясь съ памятью, потомъ глубоко вздохнулъ и началъ:

— Тебѣ нечего говорить, что иные живутъ житейскимъ житіемъ, а иные мыслью и сердцемъ о Богѣ. Съ раннихъ лѣтъ оставилъ я отческій домъ и пошелъ въ пустыню. Много я странствовалъ, былъ въ лѣсахъ Чернораменскихъ, за Волгою, въ Сибири, былъ на Валаамѣ и въ Соловкахъ, въ Кіевѣ и Царьградѣ. Много видѣлъ я храмовъ Господнихъ, благочестія и подвижничества. Во едино время, я долго молился въ Керенгской пустыни и вотъ послѣ заутрени вижу видѣніе и слышу гласъ: „иди и возвѣсти царицѣ всю истину, еже азъ тебѣ заповѣдую. Возвѣсти ей, что царствовать она будетъ свыше тридцати годовъ. По семъ же иди и рцы смѣло царю и сынамъ его отрокамъ, что подъ ними будетъ покорена вся земля, послѣ того какъ Первопрестольная будетъ сожжена врагомъ нечестія“.

Монахъ задумался, потомъ продолжалъ:

— О семъ написалъ я тетради, и тетради эти были вѣдомы усопшей императрицѣ. Слуги царицины не вняли гласу свыше... Совѣтникъ Макаровъ держалъ меня въ кандалахъ, а генералъ-прокуроръ графъ Самойловъ біе меня трижды по ланитамъ, но я стоялъ передъ нимъ весь въ благости и весь въ божественныхъ дѣйствахъ... Потомъ заточили меня въ темницу...

Авель говорилъ все это ровнымъ, тихимъ голосомъ, тономъ вѣры и убѣжденія, какъ-бы пророчествуя. Измайловъ дрожалъ отъ страха. Слышанное имъ, касающееся высочайшихъ особъ, поразило его какъ громомъ, такъ какъ говорить и слышать о такихъ предметахъ въ то время было не безопасно.

Онъ не зналъ на что рѣшиться: сдѣлать-ли слова монаха извѣстными генералъ-прокурору, или сохранить ихъ въ тайнѣ. Хорошо, если сержантъ не слыхалъ разговора; а если слыхалъ? Два пункта: крѣпость, Сибирь—все это быстро пронеслось въ головѣ Измайлова, онъ внутренно упрекалъ себя за неумѣстное любопытство.

— Послушай, отецъ Авель, все, что говорилъ ты, я не слыхалъ и ничего объ этомъ не знаю, проговорилъ Измайловъ, нагнувшись, почти шопотомъ.

— Не бойся, сыне, отвѣтилъ монахъ, взявъ за руку Измайлова.—Памятуй, что ни единъ волосъ не спадетъ съ головы твоей безъ Божьяго изволенія. Вѣрь, что сказанное вѣдомо станетъ всей землѣ и вся земля вознесетъ молитвы къ Богу.

Измайловъ не отвѣчалъ болѣе Авелю. На полпути перемѣнили лошадей, а часовъ въ 9 вечера кибитка быстро въѣхала во дворъ Куракинскаго дома и остановилась около парадняго крыльца, гдѣ уже давно поджидалъ ее старый княжескій камердинеръ.

— Замерзли, баринъ, замѣтилъ камердинеръ, снимая шубу съ Измайлова.

— Жестокій морозъ, отвѣтилъ онъ разсѣянно.

— Тулупъ-то ты положь здѣсь, а валенки сыми, приказывалъ камердинеръ арестанту, смотря на него съ сожалѣніемъ.

Они потянулись длиннымъ корридоромъ и вошли въ небольшую комнату, тускло освѣщенную сальнымъ огаркомъ. Два курьера при входѣ офицера вытянулись въ струнку.

— Сейчасъ доложу объ васъ князю, сказалъ камердинеръ и скрылся въ боковую дверь.

Минутъ черезъ десять позвали Измайлова. Генералъ-прокуроръ озабоченно ходилъ по кабинету.

— Ахъ да, вы пріѣхали, привезли арестанта, какъ бы вспомнилъ князь, слегка бросивъ взглядъ на Измайлова.

— Прикажете ввести его?

— Нѣтъ, не надобно. Кондукты захватили?

Измайловъ подалъ князю пакетъ.

— Онъ въ арестантской одеждѣ? спросилъ князь.

— Въ арестантской, ваше сіятельство.

— Такъ вотъ что. У подъѣзда мои сани, потрудитесь сейчасъ съѣздить въ Александро-Невскую Лавру и привезти оттуда одежду послушника по росту арестанта. Обратитесь отъ моего имени къ настоятелю Амвросію, онъ тотчасъ исполнитъ ваше требованіе.

Измайловъ уѣхалъ, князь позвонилъ и отдалъ приказаніе, чтобы арестанта умыли, вычесали, а если онъ голоденъ, чтобы накормили.

„Странное желаніе, разсуждалъ самъ съ собой князь Куракинъ, оставшись одинъ.—Приказалъ, чтобы никто не былъ,—никто не зналъ объ этомъ... Удивительно...“

(До слѣд. №).

Алмазы и другіе драгоцѣнные камни.

Очеркъ.

По необыкновенной красотѣ, твердости и рѣдкости, алмазы цѣнятся выше всѣхъ прочихъ драгоцѣнныхъ камней. Алмазъ есть не что иное какъ кристаллизованный углеродъ, такъ что два, повидимому, совершенно различныя вещества—брилліантъ и уголь—въ сущности одно и то же, что извѣстно уже съ давнихъ временъ. Поводомъ къ такому заключенію было слѣдующее обстоятельство: когда, однажды, задумали сплавить вмѣстѣ нѣсколько маленькихъ алмазовъ, то они моментально исчезли; по изслѣдованіи оказалось, что они сгорѣли, т. е. соединились съ кислородомъ и образовали угольную кислоту, точно такую же, какая получается при сожженіи обыкновеннаго угля. Если жечь алмазъ въ закрытомъ сосудѣ, не содержащемъ въ себѣ воздуха, то онъ нисколько не измѣняется, въ кислородѣ же сгораетъ безъ остатка, образуя только углекислоту; то же самое произойдетъ, если алмазъ подвергнуть дѣйствію зажигательнаго стекла. Всѣ эти опыты прямо доказываютъ, что алмазъ есть чистѣйшій углеродъ. Много было попытокъ получить алмазъ изъ угля искусственнымъ образомъ, но всѣ онѣ не удавались, потому что до сихъ поръ не извѣстны условія, при которыхъ кристаллизуется уголь и образуется алмазъ. Впрочемъ, послѣднее время, алмазы стали поддѣлывать довольно искусно изъ стразъ. Стразами называется богатое свинцомъ стекло съ примѣсью мышьяка, которое, будучи отшлифовано, получаетъ игру цвѣтовъ и продается за алмазъ. Точно также поддѣлываютъ и прочіе драгоцѣнные камни, окрашивая стразы въ цвѣтъ того камня, который хотятъ имѣть. Алмазъ въ природѣ встрѣчается исключительно въ видѣ кристалловъ и зеренъ. Кристаллы алмаза принадлежатъ къ правильной, кристаллической системѣ (октаэдръ, гранатоэдръ, лейцитоэдръ, тетраэдръ, и другіе), но вслѣдствіе значительной выпуклости на плоскостяхъ, они часто принимаютъ болѣе или менѣе шаровидную форму. Алмазъ, получившій у грековъ за свою необыкновенную твердость названіе „адаманта“ (непобѣдимый), тверже всѣхъ тѣлъ и ни однимъ изъ нихъ чертится не можетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ такъ хрупокъ, что его легко раздробить на части.

Удѣльный вѣсъ его отъ $3^1/_2$ до 4-хъ. Онъ бываетъ, большею частью, безцвѣтный, но иногда встрѣчаются камни желтые, розовые, синіе, зеленые и даже черные (карбонаты). Алмазъ, будучи совершенно прозраченъ, отличается сильной игрой цвѣтовъ, для усиленія которой алмазъ гранятъ на фабрикахъ собственнымъ его порошкомъ. Извѣстнѣйшія такія фабрики находятся въ Амстердамѣ, Ріо-Жанейро, Лондонѣ и Парижѣ. При граненіи, алмазамъ даютъ 4 формы искусственныхъ граней: въ видѣ таблицъ (Tafelstein), октаэдровъ, розъ (сверху камень заостряется, а снизу имѣетъ широкую плоскость) и брилліантовъ. Послѣдняя грань, имѣющая верхнюю коронку сильно притупленную, для того чтобы сквозь нее можно было видѣть нижнюю, пирамидальную оконечность—самая красивая и придумана во Франціи въ царствованіе Людовика XII. Цѣнность алмазовъ зависитъ отъ чистоты (воды), величины камня и формы грани. Вѣсъ алмазовъ измѣряется каратами, равняющимися $3^1/_2$ гранамъ аптекарскаго вѣса, или 4,6 долямъ. Цѣна возрастаетъ въ квадратахъ вѣса, напр. если нешлифованный алмазъ въ одинъ каратъ вѣса стоитъ около 15 руб., то два карата будутъ стоить 60 р., три карата—135 р. Точно также оцѣниваютъ и граненые алмазы, но только въ этомъ случаѣ цѣнность гораздо выше сама по себѣ и еще увеличивается отъ формы грани. Такъ, алмазъ, ограненный въ видѣ таблицы въ 1 каратъ вѣса, стоитъ 20 и 25 рублей; въ видѣ октаэдра—30 руб.; въ видѣ розетты или розы—40 р.; а брилліантъ—50 руб. Крупные брилліанты называются солитерами. Древнѣйшее мѣсторожденіе алмазовъ—Восточная Индія, именно долины рѣкъ Индостана; изъ нихъ самыя богатыя—Роальконда, Голконда, Бунделькундъ, Гейдерабадъ и нѣкоторыя другія.

Въ Бразиліи, алмазы открыты въ 1782 году и находятся въ долинахъ рѣкъ, или вросшими въ горную породу—итаколумитъ. Въ 1829 году открыто было нѣсколько алмазовъ въ Уральскихъ

горахъ, въ Бисерскомъ заводѣ княгини Бутера, въ Кресто-Воздвиженской золотой розсыпи, по рѣчкѣ Полуденной. Впослѣдствіи было найдено еще 4 алмаза въ Кушвѣ, 2 близъ Екатеринбурга и 1 въ Успенскихъ пріискахъ близъ Верхне-Уральска. Добыча алмазовъ производится посредствомъ промывки, а самое мѣстонахожденіе ихъ называется каскаліо.

Въ старину алмазы считались произведеніями плутонической дѣятельности; новѣйшіе же геологи полагаютъ, что алмазы—продукты нептунической дѣятельности и произошли отъ долговременнаго разложенія растительныхъ веществъ.

Изъ другихъ драгоцѣнныхъ и полудрагоцѣнныхъ камней, непосредственно слѣдующихъ за алмазомъ, болѣе извѣстны: рубинъ, сафиръ, изумрудъ, аметистъ, опалъ, гранатъ, бирюза и топазъ.

Рубинъ или яхонтъ, одна изъ разновидностей корунда,—прозрачный камень ярко-краснаго или карминно-розоваго цвѣта, встрѣчается въ видѣ кристалловъ и зеренъ разной величины. Лучшіе рубины добываются въ пескѣ рѣкъ о-ва Цейлона, Индіи и Китая. Европейскіе рубины, находимые въ Саксоніи, Чехіи, Оверни и за Рейномъ, гораздо хуже азіатскихъ. Въ Россіи, рубины попадаются только въ Оренбургской губ.

Другая разновидность корунда—сафиръ, извѣстный еще въ глубокой древности, есть не что иное какъ окристаллизованная и окрашенная желѣзомъ глина; онъ бываетъ василькового или темно-голубаго цвѣта, иногда съ бѣловатымъ отливомъ, и добывается въ видѣ прозрачныхъ зеренъ и кристалловъ въ Индіи. Китаѣ и у насъ, въ Уральскихъ горахъ, близь Міясска.

Изумрудъ или смарагдъ, одинъ изъ видовъ берилла, отличается прекраснымъ, зеленымъ цвѣтомъ, встрѣчается, большею частью, въ прозрачныхъ кристаллахъ, но иногда бываетъ и непрозраченъ и въ такомъ случаѣ цѣнится много дешевле; хорошій камень въ 1 каратъ вѣсомъ стоитъ 12—13 рублей. Лучшіе изумруды добываются въ глинистой почвѣ долины рѣки Чики въ Перу; затѣмъ, встрѣчаются еще очень недурные экземпляры въ Аравіи, Зальцбургѣ и у насъ, въ Уральскихъ горахъ. Такъ въ 1831 году, на берегу рѣчки Токовой близъ Екатеринбурга, былъ найденъ великолѣпный кристаллъ изумруда въ 8 дюймовъ длины и 5 дюймовъ толщины. Особенное уваженіе питаютъ къ нему жители Востока, гдѣ носить перстень съ изумрудомъ имѣетъ право только государь и нѣкоторые его любимцы.

Аметистъ—полудрагоцѣнный камень изъ породы кварцевъ, лучисто-шестоватаго сложенія, встрѣчается разныхъ оттѣнковъ, начиная отъ бѣлаго и кончая темно-фіолетовымъ. Аметисты добываются въ Бразиліи, Швейцаріи и Уральскихъ горахъ близъ Мурзинска. Выше другихъ цѣнится вполнѣ прозрачный аметистъ ярко-фіолетоваго цвѣта. Къ этой же породѣ причисляются всѣмъ извѣстные: горный хрусталь, кошачій глазъ, агатъ, хризолитъ и сердоликъ.

Опалъ, составляющій особый родъ воднаго кремнозема, встрѣчается обыкновенно не въ формѣ кристалловъ, но въ гроздообразномъ, сплошномъ и вкрапленномъ видахъ. Онъ бываетъ всѣхъ цвѣтовъ и имѣетъ массу разновидностей. Болѣе другихъ извѣстны: обыкновенный опалъ—молочнаго цвѣта съ нѣжнымъ розоватымъ оттѣнкомъ, и гидрофанъ, замѣчательный тѣмъ, что, будучи погруженъ въ воду, дѣлается прозрачнымъ и болѣе блестящимъ. Лучшіе опалы находятся въ Мексикѣ и Венгріи.

Гранатъ или венисa находится въ природѣ въ видѣ 12-тигранныхъ кристалловъ—гранатоэдровъ, а также въ зернахъ и въ сплошной массѣ. Они бываютъ различныхъ цвѣтовъ и различной прозрачности, почему и раздѣляются на нѣсколько сортовъ, которые всѣ причисляются къ драгоцѣннымъ камнямъ. Гранаты добываются во многихъ мѣстахъ, между прочимъ, въ Сибири, въ Чехіи и въ Уральскихъ горахъ. Самые распространенные гранаты—темно-вишневаго цвѣта, а самые дорогіе и рѣдкіе—ярко-краснаго. Есть еще совершенно черные гранаты—очень оригинальные и извѣстные подъ именемъ „меланитовъ".

Бирюза или калантъ добывается, обыкновенно, въ видѣ матовыхъ, непрозрачныхъ кусковъ и зеренъ небесно-голубаго или зеленоватаго цвѣта. Лучшая бирюза, имѣющая въ діаметрѣ отъ 3 до 7 линій, цѣнится въ 200 и 300 рублей. Лучшій сортъ ея находится въ Персіи, затѣмъ въ Киргизскихъ степяхъ, въ Оренбургской губерніи и во Франціи. Въ продажѣ часто попадается поддѣльная бирюза изъ окрашенной кости или мамонтовыхъ зубовъ; ее можно отличить по слѣдующимъ признакамъ: она тусклѣе, мягче и легче настоящей, въ кислотахъ растворяется и даже отъ крѣпкаго уксуса нѣсколько измѣняетъ цвѣтъ, будучи приближена къ пламени свѣчи издаетъ запахъ жженой кости, отъ употребленія теряетъ блескъ, линяетъ и даже стирается. Бирюза же сдѣланная изъ сплавовъ стекла отличается отъ настоящей своимъ неестественнымъ, стальнымъ блескомъ.

Топазъ извѣстенъ съ самой глубокой древности: о немъ упоминается еще въ ветхо-завѣтныхъ книгахъ подъ названіемъ „таршиша" (по еврейски) и въ нѣкоторыхъ славянскихъ рукописяхъ подъ названіемъ „топазія". Онъ относится къ числу дорогихъ камней и бываетъ разныхъ цвѣтовъ: желтый, розоватый, зеленоватый, дымчатый и совершенно безцвѣтный, но всегда прозрачный; самый лучшій изъ нихъ—безцвѣтный, извѣстенъ подъ названіемъ „тяжеловѣсовъ" и добывается въ видѣ крупныхъ, отдѣльныхъ кристалловъ, имѣющихъ форму пирамидки. Въ 1859 году, въ Нерчинскомъ округѣ былъ найденъ величайшій изо всѣхъ кристалловъ топаза, имѣющій $4^1/_2$ вершка высоты и $3^3/_4$ вершка наибольшей толщины, вѣсящій 25 ф. 8 з. и оцѣненный въ 1500 р. Этотъ топазъ (винно-желтаго цвѣта) поднесенъ владѣльцемъ его, купцомъ Бутинымъ, покойному государю Александру Николаевичу и хранится въ музеумѣ Горнаго Института. Топазы обладаютъ свойствомъ дѣлаться при нагрѣваніи полярно-электрическими. Они добываются: на Уралѣ, въ Сибири, въ Англіи, Саксоніи и Бразиліи. Каратъ хорошихъ тяжеловѣсовъ или розовыхъ топазовъ стоитъ отъ 9 до 12 рублей.

Алмазы и вообще драгоцѣнные камни играли въ теченіе многихъ вѣковъ видную роль въ исторіи народовъ и часто бывали незамѣтными причинами крупныхъ событій и переворотовъ. Особенно сильнымъ пристрастіемъ къ нимъ отличались женщины и даже мужчины XVII и XVIII вѣковъ, и нигдѣ страсть ко всему роскошному и драгоцѣнному не достигала такихъ чудовищныхъ размѣровъ, какъ въ Испаніи и во Франціи. Во времена Филиппа II, черноокія испанскія красавицы появлялись на придворныхъ празднествахъ сплошь осыпанныя драгоцѣнными камнями, такъ что глазамъ становилось больно смотрѣть на весь этотъ блескъ. Платье, сшитое изъ матеріи, затканное золотомъ и серебромъ, все унизывалось бриліантами, рубинами, смарагдами, сафирами и другими камнями, разбросанными въ живописномъ безпорядкѣ, а голова убиралась шпильками, изображающими бабочекъ, жуковъ, мухъ и птичекъ, также сдѣланныхъ изъ бриліантовъ и разноцвѣтныхъ камней. Шею, грудь и руки покрывали соотвѣтствующее ожерелье, браслеты и кольца. Массивныя серьги съ подвѣшенными къ нимъ миніатюрными часиками и колокольчиками спускались у нѣкоторыхъ щеголихъ ниже таліи, такъ что оставалось только изумляться крѣпости ихъ ушей, выдерживающихъ такую тяжесть. Въ числѣ драгоцѣнностей королевы находилось кольцо съ алмазомъ, извѣстнымъ всей Европѣ, а на одномъ парадномъ пріемѣ она появилась въ шляпкѣ, украшенной великолѣпнымъ алмазомъ, величиною съ маленькую грушу. Герцогъ Лерма, всемогущій министръ Филиппа II, былъ самъ большой любитель и знатокъ брилліантовъ и не стѣсняясь принималъ таковые въ подарокъ отъ разныхъ лицъ. Такая же баснословная роскошь господствовала и въ церквахъ: алмазы, жемчуги и рубины такъ и сверкали на алтарѣ, священныхъ сосудахъ и одеждахъ духовенства и, переливаясь сотнями радужныхъ огней, представляли чудесную картину, переносившую молящихся въ какое-то волшебное царство и привлекавшую въ испанскіе храмы массы любопытныхъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Императорскій Эрмитажъ. (Рис. на стр. 544 и 545).

Императрицѣ Екатеринѣ II нужно было убѣжище, гдѣ бы она могла отдыхать отъ заботъ. Съ этою цѣлью рядомъ съ дворцомъ воздвигнуто было новое зданіе—Эрмитажъ. Онъ былъ любимымъ пріютомъ Екатерины II въ часы досуга. Основаніемъ Эрмитажной галлереи послужили художественныя произведенія, находившіяся въ разныхъ дворцахъ, преимущественно картины голландской и фламандской школы, но еще въ царствованіе Екатерины II Эрмитажъ пополнился замѣчательно: въ него поступили нѣсколько коллекцій, славившихся во всей Европѣ, какъ напримѣръ, лорда Вальполя. Основательница Эрмитажа не щадила средствъ на его развитіе и украшеніе. При Императорѣ Александрѣ Благословенномъ Эрмитажъ чрезвычайно обогатился, но апогея своего достигъ въ царствованіе Императора Николая Павловича. Не довольствуясь новыми великолѣпными пріобрѣтеніями для Эрмитажа, Императоръ Николай возъимѣлъ мысль посвятить эти залы исключительно искусству. До сихъ поръ все тѣснилось въ безпорядкѣ. Для новыхъ предметовъ недоставало простора. Государь вызвалъ изъ Мюнхена знаменитаго въ то время баварскаго архитектора Лео фонъ-Кленце, который и составилъ чертежи. Въ 1840 году заложено было новое зданіе, на развалинахъ такъ-называемаго Шепелевскаго дома. Зданіе это, огромныхъ размѣровъ, заняло пространство отъ Невы до Милліонной улицы. Постройка была произведена архитекторомъ Ефимовымъ и окончена въ 1850 г. Подъѣздъ украшаютъ каріатиды изъ сердобольскаго гранита, работы академика Теребенева. Въ залахъ нижняго этажа собраны древности, гравюры, скульптурныя произведенія и пр. Великолѣпная бѣлаго мрамора лѣстница, украшенная колоннами и отличающаяся замѣчательнымъ изяществомъ стиля, ведетъ въ верхній этажъ. Въ первыхъ залахъ верхняго этажа помѣщены картины итальянской и испанской школъ. Поднявшись по лѣстницѣ и перейдя галлерею, посѣтитель входитъ въ залъ, изображенный на нашемъ рисункѣ. Здѣсь помѣщаются большія картины итальянскихъ школъ.

Залъ поражаетъ зрителя громадностью цѣлаго, соотвѣтственностью частей и красотою своихъ украшенiй. Картины расположены весьма удобно и свѣтъ ровно распредѣляется на нихъ.

Малютка дуется... (Рис. на стр. 549).

Она только-что получила выговоръ или отказъ за какую нибудь просьбу... Дѣтское сердце отходчиво, но пока уляжется, пока обида пройдетъ, малютка дуется... И этотъ мимическiй моментъ чрезвычайно вѣрно схваченъ молодымъ русскимъ художникомъ Лоренцомъ.

Въ винограднике. (Рис. на стр. 552).

Обычай приносить часть перваго сбора произведенiй земли въ жертву Божеству ведется съ древнѣйшихъ временъ библейской исторiи и съ классической почвы Грецiи и Рима переходитъ въ современную Европу. Вотъ передъ нами уголокъ виноградника въ Угорской Руси, занимающей 12 комитатовъ Венгрiи и производящей превосходныя вина, извѣстныя подъ общимъ названiемъ венгерскихъ. Знаменитѣйшее изъ нихъ, токайское распадается на 5 сортовъ, изъ которыхъ одинъ даже называется русскимъ словомъ *самородный* (Ssamarodny). Старый винодѣлъ вышелъ съ дочкой въ свой „вертоградъ уединенный" и, набожно снявъ шапку, слѣдитъ за тѣмъ какъ его любимица украшаетъ икону Богоматери вѣнкомъ изъ виноградныхъ лозъ.

Конецъ „Мертвыхъ Душъ". (Рис. на стр. 553).

Въ развитiи каждаго писателя, какъ и въ развитiи цѣлаго общества, неизбѣжно бываютъ моменты сомнѣнiй и отрицанiя, которые, однако, по самымъ свойствамъ своимъ, могутъ быть лишь преходящею ступенью, ведущею къ высшему мiросозерцанiю. Только зрѣлый талантъ ясно сознаетъ необходимость положительныхъ идеаловъ для искусства, положительныхъ типовъ для своихъ произведенiй, и только зрѣлое общество можетъ оцѣнить писателя, стремящагося воплотить эти идеалы въ своихъ произведенiяхъ. Талантъ, волей или неволей сбившiйся на путь отрицанiя и упорно на немъ коснѣющiй, роковымъ образомъ осужденъ тѣмъ самымъ на безплодiе и смерть. Потому-то мы и видимъ какъ наиболѣе крупные изъ европейскихъ писателей, въ молодыхъ лѣтахъ придерживавшiеся отрицательнаго направленiя, въ зрѣломъ возрастѣ обращаются къ положительнымъ идеаламъ и типамъ. Въ Гоголѣ этотъ поворотъ совершился почти подъ конецъ его творческой дѣятельности, безвременно пресѣченной тяжкимъ недугомъ. Какъ бы предчувствуя близкую кончину, великiй писатель глубоко скорбѣлъ о томъ, что его произведенiя, запечатлѣнныя духомъ отрицанiя, могутъ принести болѣе вреда чѣмъ пользы незрѣлымъ умамъ. Въ самомъ дѣлѣ, гораздо легче, видя себя мало-мальски непохожимъ на Плюшкина или Ноздрева, возгордиться и считать себя ужъ по этому одному совершенствомъ, нежели поставить себѣ цѣлью постепенное приближенiе къ какому нибудь высокому, положительному типу, напр. шекспировскихъ или гетевскихъ героевъ. Какъ извѣстно, въ третьей и послѣдней части „Мертвыхъ Душъ" Гоголь именно хотѣлъ приступить къ изображенiю русскихъ положительныхъ типовъ и подготовлялся къ этому подвигу, черпая свое вдохновенiе въ единственномъ источникѣ высшихъ идеаловъ для писателя послѣ-классической эпохи — въ духѣ христiанскаго вѣроученiя и въ Св. Писанiи. Это религiозное настроенiе и духовное смиренiе великаго писателя, которымъ проникнуты его послѣднiя произведенiя: „переписка съ друзьями" и „авторская исповѣдь", вызвали противъ него цѣлую бурю въ тогдашней „западнической" интеллигенцiи, наиболѣе яркимъ представителемъ которой въ эпоху умственнаго броженiя сороковыхъ годовъ былъ такъ легко увлекавшiйся Бѣлинскiй. Гоголь въ этой фазѣ своего развитiя былъ совершенно не понятъ нашимъ критикомъ, который въ жару полемики приписалъ ему даже своекорыстныя цѣли, а за нимъ и массою читающей публики. Но дни великаго писателя были уже сочтены, и силы его слабѣли, задуманный трудъ не подвигался или подвигался весьма медленно, и вдругъ Россiя узнала что ей не суждено прочесть его. Передъ смертью Гоголь сжегъ третью часть „Мертвыхъ Душъ". Долго думали что это было сдѣлано имъ умышленно, въ сознанiи своего безсилiя исполнить задуманное; новѣйшiя розысканiя указываютъ что рукопись попала въ огонь по ошибкѣ, вмѣсто черновой, которую Гоголь будто бы хотѣлъ уничтожить. Какъ бы то ни было, но картина М. П. Клодта изображаетъ именно тотъ печальный моментъ, который лишилъ насъ возможности узнать конецъ „Мертвыхъ Душъ".

Гейе.

Охотникъ. Ориг. рис. М. Зиновьева, грав. Гейе.

Охотникъ. (Рис. на этой стр.).

На рисункѣ г. Зиновьева изображенъ одинъ изъ видовъ охоты, наиболѣе распространенныхъ подъ Петербургомъ — стрѣльба съ подъѣзда на лодкѣ. Какъ извѣстно, взморье Финскаго залива покрыто частыми зарослями камыша, который образуетъ то сплошныя полосы у берега, то островки по отмелямъ въ болѣе или менѣе далекомъ разстоянiи отъ твердой земли. Здѣсь привольное житье дикимъ уткамъ всевозможныхъ породъ, а также турухтанамъ и другимъ куликамъ, бѣгающимъ по песчанымъ окраинамъ такихъ заросшихъ отмелей. Дичь незавидная для настоящаго охотника, но столичный житель, „вос-

Парусная ящерица (Histiurus amboinensis). Ориг. рис. Земцова, грав. М. Рашевскій.

кресный егерь", дорожитъ и ею и съ напряженіемъ вглядывается въ густую щетину камышей, держа ружье наготовѣ...

Парусная ящерица. (Рис. на стр. 557).

Такъ-называемыя парусныя ящерицы (Histiurus) отличаются чешуйчатымъ гребнемъ, который тянется по спинѣ вдоль всей средней линіи тѣла и значительно возвышаясь на корневой части хвоста, представляетъ нѣкоторое подобіе распущеннаго паруса, поддерживаемаго остистыми отростками позвонковъ. Типичнымъ представителемъ этого рода считается изображенная на нашемъ рисункѣ амбоинская парусная ящерица (Histiurus amboinensis), весьма крупное (3—4 фута длины) пресмыкающееся коричневаго цвѣта, переходящаго на головѣ и шеѣ въ зеленоватый. Оно водится на одномъ изъ Молуккскихъ острововъ, Амбоинѣ, отъ котораго и получило свое видовое названіе. Голландскій ученый Ф. Валентинъ, въ началѣ прошлаго столѣтія (1701 г.) давшій первое полное описаніе Нидерландскихъ владѣній въ Азіи, сообщилъ и нѣкоторыя свѣдѣнія объ этой ящерицѣ. Она держится постоянно на деревьяхъ и въ кустарникѣ по берегамъ рѣкъ; питается, кромѣ ягодъ и сѣмянъ, водяными растеніями, червями, тысяченожками. Будучи вспугнуто кѣмъ-либо, животное бросается въ воду и тамъ прячется подъ камни; тѣмъ не менѣе его легко поймать сѣткой или просто рукою, такъ какъ ящерица эта очень глупа, робка и совершенно незлобива. Туземцы наперерывъ охотятся за нею, ради ея бѣлаго мяса, имѣющаго вкусъ дичи.

Окаменѣлый лѣсъ. (Рис. на стр. 560).

Каждому, вѣроятно, приходилось видѣть куски окаменѣлаго дерева, котораго такъ много попадается по берегамъ русскихъ рѣкъ, или даже цѣлые стволы ископаемыхъ деревьевъ въ музеяхъ, но сплошной окаменѣлый лѣсъ—это нѣчто выходящее изъ ряда и могущее показаться преувеличеніемъ самому просвѣщенному уму. Тѣмъ не менѣе такое чудо природы существуетъ. Такъ-называемый „Іеллостонскій національный паркъ", замѣчательный въ геологическомъ отношеніи и только въ 1870 г. открытый округъ сѣверо-американской территоріи Уайомингъ, съ залегающимъ въ центрѣ его озеромъ Іеллостонъ, изъ котораго вытекаетъ рѣка того же имени, наполненъ горячими источниками, гейзерами (значительнѣйшій изъ нихъ выбрасываетъ водяной столбъ или, вѣрнѣе, снопъ, на высоту 30 саженъ) и грязевыми вулканами. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ представляетъ во многихъ мѣстахъ замѣчательныя обнаженія геологическихъ формацій, составляющихъ его подпочву. Разрѣзъ одного изъ такихъ обрывовъ, въ которомъ ясно видны послѣдовательныя наслоенія въ различныя эпохи, изображенъ на нашемъ чертежѣ; здѣсь не одинъ окаменѣлый лѣсъ, а цѣлые ряды ископаемыхъ лѣсовъ одни надъ другими, со стоящими и поваленными стволами такъ-называемыхъ допотопныхъ деревьевъ. На вершинѣ же утеса, покрытой нынѣшнимъ растительнымъ слоемъ почвы, видны современныя намъ хвойныя деревья. Въ 1872 г. 1 марта (н. с.) актомъ конгресса Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, весь этотъ округъ, подъ названіемъ „національнаго парка", былъ объявленъ неприкосновеннымъ, дабы онъ могъ навсегда сохраниться въ своемъ нынѣшнемъ видѣ и служить исключительно для научныхъ изслѣдованій.

Какимъ образомъ происходитъ и въ чемъ состоитъ это окаменѣніе дерева? Не вдаваясь въ научныя частности, можно сказать вообще, что окаменѣніе есть превращеніе органическихъ частей растенія въ минеральныя съ сохраненіемъ ихъ первоначальной формы. Лежащее въ нѣдрахъ земли дерево пропитывается водою съ растворенными въ ней минеральными веществами; болѣе нѣжныя, рыхлыя части внутреннихъ тканей растенія разрушаются, уносятся водой и промежутки заполняются осаждающимся изъ раствора минеральнымъ веществомъ; болѣе твердыя части тканей, какъ, напримѣръ, нѣкоторые сосуды коры и древесины, иглы, колючки только пропитываются растворомъ, и такимъ образомъ въ теченіе многихъ лѣтъ дерево, сохраняя свою форму, становится настоящимъ камнемъ, какъ по твердости, такъ и по вѣсу. Другой видъ окаменѣнія растеній есть ихъ обугливаніе, превращеніе въ такъ-называемый каменный уголь, которое тѣмъ совершеннѣе, чѣмъ древнѣе остатки растеній, то есть, чѣмъ долѣе пролежали они въ землѣ, подвергаясь этому процессу. Наконецъ, случается, что на растеніе осаждается кора минеральныхъ веществъ, облекающая его какъ бы футляромъ, что наичаще случается въ минеральныхъ источникахъ, напр. у насъ на Кавказѣ, откуда привозятъ вѣтки съ листьями или кисти винограда, покрытыя вполнѣ сохраняющею ихъ форму корою.

Патентованная потайная фотографическая камера Штирна. (Рис. на стр. 560).

Прелестный маленькій аппаратъ, которому суждено еще болѣе распространить между любителями искусство фотографіи. Пусть представятъ себѣ изящный никкелированный кружокъ въ палецъ толщиною, надъ которымъ, въ видѣ пуговицы, возвышается крошечный объективъ. Кружокъ этотъ, на шнуркѣ, носится на шеѣ подъ пальто, жилетомъ или сюртукомъ такимъ образомъ, что объективъ продѣвается въ петлю, какъ обыкновенная безобидная пуговица. Внутри никкелированнаго кружка помѣщается въ высшей степени чувствительная къ свѣту желатинная пластинка. Если желаютъ снять какое либо лицо, группу или видъ — стекло годится для всякаго фокуса, — достаточно дернуть за прикрѣпленный снизу къ кружку шнурокъ—и моментальная фотографія готова. Въ центрѣ кружка имѣется стрѣлка-указатель съ шестью нумерами. Ее переставляютъ на слѣдующій нумеръ, и аппаратъ приготовленъ для новаго снимка. Каждая пластинка даетъ возможность сдѣлать шесть снимковъ, такъ что съ каждой прогулки, съ каждой экскурсіи можно принести 6 различныхъ фотографій. Дома негативы развертываются, и воспроизводится желаемое число оттисковъ. Снимки выходятъ вполнѣ отчетливо: въ быстро ѣдущемъ экипажѣ можно уловить каждую спицу колеса и полную рысь лошади. Подобныя изображенія, снятыя неожиданно и въ любой моментъ бьющей ключемъ жизни, сохраняютъ всю прелесть непосредственности. Практическое же значеніе ихъ понятно само по себѣ. Сотрудникъ иллюстрированнаго журнала, участникъ увеселительной поѣздки, сыщикъ, военный, морякъ, техникъ, всякій желающій запечатлѣть что нибудь бросившееся въ глаза — можетъ съ успѣхомъ пользоваться названною потайною камерой. Къ аппарату прикладывается подробное указаніе для пользованія имъ. Съ шестью сухими пластинками — каждая на шесть снимковъ — аппаратъ стоитъ 30 р. Въ Петербургѣ его можно получить въ складѣ фотографическихъ принадлежностей Бруно Зенгера и К° (Малая Конюшенная, 8).

Что касается внутренняго устройства камеры, то оно ясно видно на прилагаемыхъ чертежахъ.

Закрытая камера (фиг. 1) представляетъ дискъ около 150 миллиметровъ въ діаметрѣ и 20 миллиметровъ толщины, обернутый ремнемъ, дабы предотвратить прониканіе свѣтовыхъ лучей въ щели. На ремнѣ въ точкахъ *a* и *b* (фиг. 2) прикрѣпленъ шнурокъ, надѣваемый фотографомъ на шею для того чтобы аппаратъ удобно висѣлъ на груди. Внизу сквозь ремень въ точкѣ *c* проходитъ ушко, къ которому также прикрѣпленъ шнурокъ; если потянуть за этотъ послѣдній, то внутри камеры подвигается дискъ *m* (фиг. 3) и такимъ образомъ на мигъ освѣщается одно мѣстечко свѣто-чувствительной пластинки. Задняя сторона камеры совершенно гладкая; на передней же сторонѣ (фиг. 2), въ центрѣ ея находится пуговка *p* и вращающаяся вмѣстѣ съ нею стрѣлка *z*. Послѣдняя указываетъ на циферблатѣ: который по счету дискъ фотографической пластинки находится предъ объективомъ аппарата. Прямо надъ пуговкой *p* возвышается навинченная воронкообразная подставка, снабженная въ верхней своей части при *o* линзами для уменьшенія или увеличиванія снимаемыхъ предметовъ. Этой верхней части приданъ видъ пуговицы, дабы можно было носить аппаратъ спрятаннымъ подъ сюртукомъ или жилетомъ, причемъ одинъ лишь объективъ выставляется наружу въ одну изъ петель сюртука или жилета и совершенно незамѣтенъ благодаря своей пуговицеобразной формѣ. Позади крышки аппарата находятся два диска *m* и *n*, изъ коихъ первый подвиженъ, второй же укрѣпленъ неподвижно. Неподвижный дискъ снабженъ наверху, какъ разъ позади линзовой воронки *o*, круглымъ вырѣзомъ *h*, опредѣляющимъ величину изображенія, ибо какъ разъ позади его вставляется чувствительная къ свѣту пластинка. Дискъ *m* служитъ для того чтобы фотографическая пластинка освѣщалась сквозь отверстіе *h* лишь въ теченіе весьма короткаго времени, для чего и снабженъ тремя прорѣзами g^1, g^2 и g^3 (фиг. 3). Кромѣ того на дискѣ *m* навинчена коробочка *k*, содержащая пружину, а ближе къ краю диска прикрѣплены въ равныхъ разстояніяхъ зацѣпки *l*, изъ которыхъ одна постоянно прилегаетъ къ пружинѣ съ крючкомъ *f*. Пружина въ коробочкѣ *k* заводится снаружи посредствомъ вращенія пуговки *p*, сидящей на втулкѣ *i*. Если затѣмъ потянуть шнурокъ у *c*, то крючекъ *f* освобождаетъ одну изъ зацѣпокъ *l*, и дискъ поворачивается на 1/3 круга, такъ какъ его снова останавливаетъ слѣдующая зацѣпка *l* у крючка *f*. При такомъ поворотѣ каждый разъ одинъ изъ прорѣзовъ *g* проходитъ предъ отверстіемъ *h*, такъ что оно обнажается на короткое время, тогда какъ все остальное время оно прикрыто дискомъ *m*. Въ неподвижномъ дискѣ *n* (фиг. 4) помѣщенъ концентрично всей камерѣ дискъ *s*, который предназначенъ съ одной стороны для того чтобы треніемъ увлекать за собою фотографическую пластинку, а съ другой стороны для того, чтобы, благодаря зубцамъ своей окружности, играть роль запорнаго колеса для пружины въ коробочкѣ *k* и служитъ кружкомъ для уравненія хода фотографической пластинки; *d* есть защелка придавливаемая пружиной *e* къ диску *s*. Этотъ простой механизмъ дѣйствуетъ въ нѣкоторомъ смыслѣ самостоятельно, причемъ нужно только, распустивъ ремень и открывъ заднюю крышку аппарата, вложить въ него чувствительную пластинку, запереть аппаратъ и повѣсить его себѣ на грудь указаннымъ способомъ. Для снимка съ любого предмета достаточно стать противъ него и потянуть за нижній шнурокъ, а потомъ передвинуть стрѣлку на 60°, послѣ чего тотчасъ можно дѣлать другой снимокъ.

Древній мостъ на Тейнѣ въ Ньюкаслѣ.

(Рис. на стр. 561).

Приходило ли на мысль читателямъ, что завѣтная мечта Гоголевскаго Манилова — построить черезъ рѣку мостъ, а на мосту каменные дома и лавки съ товарами, давнымъ-давно осуществлена — и гдѣ же? въ странѣ практичнѣйшихъ въ мірѣ людей, въ туманномъ Альбіонѣ. Въ древнемъ Ньюкаслѣ, главномъ городѣ англійскаго графства Нортумберландъ, искони считавшемся столицей Сѣвера и окруженномъ почти неисчерпаемыми каменноугольными копями, гдѣ на-дняхъ герцогъ Кембриджскій открылъ королевину юбилейную горно-инженерно-промышленную выставку,—еще въ половинѣ XIII столѣтія построенъ былъ черезъ рѣку Тейнъ мостъ, на которомъ находились три башни, дома, лавки, и такъ-называемый „синій камень“, составлявшій границу между графствами Нортумберландъ и Дургамъ. Одна изъ башенъ, такъ-называемая *Воротная*, находилась на южномъ (Дургамскомъ) концѣ моста, ближе къ серединѣ стояла *Тюремная*, а на ньюкасльской сторонѣ—*Магазинная*. Воротная башня была снабжена подъемнымъ мостикомъ. Все это предназначалось для обороны въ случаѣ ночного нападенія враговъ съ того или другого берега. Но врагъ оказался таковъ, что съ нимъ ничего нельзя было подѣлать: наводненія въ ноябрѣ 1771 года снесли и разрушили часть моста.

На помянутой юбилейной выставкѣ, въ паркѣ окружающемъ ея павильоны, залегаетъ небольшое озеро, и на немъ-то, подъ руководствомъ инженера Миссента, выстроена была изображенная на нашемъ рисункѣ громадная модель этого древняго моста, причемъ длина и высота его взяты были лишь на $^1/_3$ менѣе натуральной величины, а ширина оставлена настоящая, какъ была въ XIII вѣкѣ. Ближайшій къ выставкѣ конецъ моста есть Дургамскій, противоположный ему (на рисункѣ—справа)—Ньюкасльскій.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Ихъ И. В. В. К. Владиміръ Александровичъ и В. К. Марія Павловна, съ Августѣйшими Дѣтьми, 16 мая изволили переѣхать въ Царское Село.

Военное и морское дѣло.

— Св. Синодъ опредѣленіемъ 15/25 апрѣля 1887 г. разрѣшилъ допускать къ испытаніямъ на полученіе льготныхъ по воинской повинности свидѣтельствъ въ экзаменаціонныхъ комиссіяхъ, образуемыхъ по духовному вѣдомству, всѣхъ воспитанниковъ церковно-приходскихъ школъ, безъ различія исповѣданій.

— Въ Севастополѣ 20 мая спущенъ броненосецъ „Синопъ“.

— Въ Кронштадтѣ начали кампанію: 14 мая, учебный минный отрядъ, а 19 мая суда отряда морского училища.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Слѣдованіе рыбопромышленниковъ на Мурманскій берегъ въ настоящемъ году началось 5 февраля. По всему Мурманскому прибрежью рыбы до сихъ поръ еще не было; поэтому большая часть русскихъ рыбопромышленниковъ, направившихся первоначально въ восточныя становища Мурманскаго берега, перебираются оттуда на западную сторону.

— Недавно въ м. Шепетовкѣ, Волынской губерніи, австрійскимъ купцомъ Ферберомъ устроенъ заводъ для приготовленія яицъ въ прокъ.

— Въ тифлисскомъ ботаническомъ саду устроена опытная выкормка шелковичныхъ червей.

— Въ Купянскомъ уѣздѣ Харьковской губ. появилась на поляхъ гессенская муха, успѣвшая нанести значительный вредъ.

— До 15 мая харьковскою уѣздною управою выдано преміи за истребленныхъ овражковъ, по 1 коп. за каждое животное, 600 руб. (60,000 овражковъ).

— Въ Курской губерніи, славящейся своими садами, въ текущемъ году желающихъ арендовать ихъ мало, вслѣдствіе того, что въ предшествующіе годы арендаторы садовъ потерпѣли убытки.

Торговля.

— Положеніе *международной* хлѣбной торговли до послѣдняго времени все еще можетъ быть названо благопріятнымъ, особенно по сравненію съ вялостью, господствовавшею на рынкахъ нѣсколько недѣль тому назадъ. Отдѣльные случаи ослабленія въ настроеніи и цѣнахъ, имѣвшіе мѣсто и на недѣлѣ 2—9 мая (ст. ст.), не успѣли повліять въ смыслѣ общаго ухудшенія. *Русскіе* рынки на отчетной недѣлѣ обнаружили, вообще, тихое настроеніе, при слабыхъ оборотахъ и цѣнахъ, что отчасти объясняется повышеніемъ курса, затруднившимъ согласованіе цѣнъ мѣстныхъ съ предлагаемыми изъ-за границы.

— Каховская шерстяная ярмарка прошла въ нынѣшнемъ году не совсѣмъ удовлетворительно. Шерсть продавалась отъ 8 р. 50 к. до 10 руб. пудъ.

— Съ 1 января по 1 мая текущаго года вывезено чрезъ одесскій портъ въ другіе порты Чернаго и Азовскаго морей всякихъ товаровъ въ количествѣ 3.242,868 пудовъ. Болѣе всего вывезено каменнаго угля, а именно 192,277 пуд.; затѣмъ идутъ желѣзныя и стальныя издѣлія, которыхъ выпущено 151,556 пуд.

Наука и литература.

— Министръ Внутреннихъ Дѣлъ опредѣлилъ: воспретить розничную продажу нумеровъ газеты *Современныя Извѣстія*.

— 13 мая, въ послѣднемъ общемъ собраніи членовъ Географическаго общества, А. Бунге сдѣлалъ сообщеніе объ экспедиціи на Ново-Сибирскіе острова.

— 15 мая, въ годовомъ собраніи Имп. общества любителей древней письменности, принятъ былъ принесенный въ даръ обществу отъ графа С. Д. Шереметева—портретъ А. А. Шлецера, принадлежавшій М. П. Погодину.

— Харьковскій университетъ въ послѣдніе годы обогатился весьма цѣнными пріобрѣтеніями. Кромѣ архива бывшей Малороссійской коллегіи, перевезеннаго изъ гор. Чернигова, и бывшихъ харьковскаго и новгородъ-сѣверскаго намѣстническихъ правленій, число дѣлъ которыхъ, въ общей сложности, составляетъ около 40,000 нумеровъ, въ библіотеку университета пожертвованы — отъ А. М. Матушинскаго, г-жи Сомовой и князя Кочубея—книги, эстампы и картины.

— Семействомъ недавно скончавшагося профессора университета св. Владиміра Э. Э. Мирама на-дняхъ передана въ университетскую библіотеку довольно обширная библіотека покойнаго ученаго, состоящая по преимуществу изъ спеціальныхъ медицинскихъ сочиненій.

Изъ губерній и областей.

— Для награжденія экспонентовъ сибирско-уральской выставки Министерство Финансовъ назначило 10 малыхъ золотыхъ, 20 большихъ и 40 малыхъ серебряныхъ и 170 бронзовыхъ медалей.

— Въ Костромѣ 18 мая произошелъ пожаръ, уничтожившій зданіе консисторіи, оба женскихъ монастыря и болѣе 200 зданій. Дума постановила отвести погорѣльцамъ два зданія казармъ, закупила чернаго и бѣлаго хлѣба для выдачи погорѣльцамъ.

— Въ Нижнемъ-Новгородѣ 20 мая, ночью, взорвало паровикъ на буксирномъ пароходѣ „Современный“ купца Глазунова; ранено шесть человѣкъ.

— На Днѣпрѣ, близъ Кіева, затонулъ небольшой буксирный пароходъ „Полтава“, принадлежащій маіору Дончакову.

— 9 мая, въ селѣ Порѣчьѣ, Ростовскаго уѣзда, Ярославской губ., сгорѣли 210 домовъ, изъ коихъ 52 маленькихъ, волостное правленіе, училище, гостиный дворъ, много товара, трактиры, цикорный заводъ, мостъ и проч. Были человѣческія жертвы.

— 15 мая чрезъ Асхабадъ проѣхалъ въ Константинополь и Мекку братъ Хана Хивинскаго. Предполагавшееся путешествіе Хана въ Европу и Россію отложено до будущаго года.

— Партія злоумышленниковъ, ограбившая въ прошломъ году, близъ станціи „Минеральныя воды“, Пятигорскаго уѣзда, почту, въ селѣ Надеждинскомъ—церковь, и на р. Баксанѣ, близъ Нальчика,—крестьянина Разуваева—30-го апрѣля открыта и уничтожена начальникомъ Пятигорскаго округа г. Стопчанскимъ съ 20 казаками, верстахъ въ сорока отъ Пятигорска, въ балкѣ р. Золки. Два залпа казаковъ и учащенные отдѣльные выстрѣлы уничтожили всю шайку абрековъ, съ ея предводителемъ, кабардинцемъ Мамышемъ.

Городскія извѣстія.

— *Indépendance Roumaine* сообщаетъ изъ Петербурга отъ 13 (25) мая, что князь Эмануилъ Богориди, племянникъ Алеко-паши, проживающій въ Петербургѣ, посѣтилъ недавно министра иностранныхъ дѣлъ. Газета прибавляетъ, что Эмануилъ Богориди считается однимъ изъ кандидатовъ на болгарскій престолъ.

— Товарищъ министра внутреннихъ дѣлъ, завѣдывающій полиціей, отдалъ приказъ по полиціи о безусловномъ воспрещеніи продажи и вообще употребленіи пива и всякаго рода крѣпкихъ напитковъ во время концертовъ, танцовальныхъ вечеровъ и другихъ публичныхъ собраній, устраиваемыхъ въ пользу неимущихъ учащихся.

— 20 мая, въ день рожденія покойнаго Михаила Ивановича Глинки, послѣ панихиды по немъ, на Тихвинскомъ кладбищѣ Александро-Невской лавры, въ 2 часа дня, послѣдовало освященіе новой рѣшетки къ памятнику геніальнаго композитора.

Политическое обозрѣніе.

22-го мая.

Новое министерство во Франціи.—Событія въ Константинополѣ и турецкій циркуляръ.—Гоненія русскихъ въ Австріи.—Афганистанъ.

Министерскій кризисъ во Франціи миновалъ. Оппортунисты одержали побѣду, и новое министерство окончательно сформировалось въ слѣдующемъ составѣ: Рувье—президентъ совѣта министровъ и министръ финансовъ, почтъ и телеграфовъ, Фальеръ—министръ внутреннихъ дѣлъ, Флурансъ—министръ иностранныхъ дѣлъ, Спюллеръ—министръ народнаго просвѣщенія, Мазо—министръ юстиціи, Ферронъ—военный министръ, Барбье—морской министръ, Дотремъ—министръ торговли, Барбъ—министръ земледѣлія, Гередіа—министръ общественныхъ работъ. Органы умѣренныхъ республиканцевъ и монархистовъ отзываются доброжелательно о новомъ кабинетѣ, радикальные же проявляютъ прямо враждебныя чувства.

Въ министерской деклараціи между прочимъ сказано: „Ка-

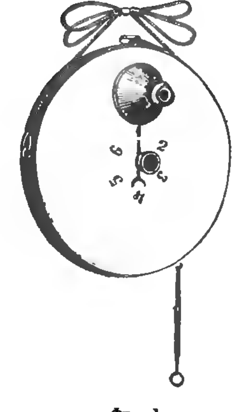
бинетъ будетъ стремиться къ осуществленію внутреннихъ реформъ и особенно реформъ, касающихся бюджета. Онъ будетъ держаться твердой, достойной, осмотрительной внѣшней политики и не отступитъ отъ принятыхъ уже рѣшеній относительно обсужденія военныхъ законопроектовъ. Работы по устройству выставки будутъ дѣятельно продолжаться". Далѣе декларація заявляетъ, что кабинетъ выйдетъ въ отставку, если окажется, что онъ не располагаетъ большинствомъ голосовъ республиканскихъ фракцій.

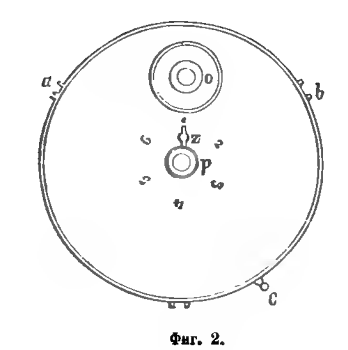
Новый военный министръ Ферронъ, въ приказѣ по арміи, заявляетъ, что онъ разсчитываетъ на безусловную преданность всѣхъ военнослужащихъ и увѣренъ, что различные роды оружія будутъ и впредь твердо идти по пути къ усовершенствованію. „Арміи окружающихъ Францію государствъ"—говоритъ далѣе военный министръ—„становятся съ каждымъ днемъ сильнѣе, какъ численностью, такъ и обученіемъ. При такихъ условіяхъ оставаться неподвижными значило бы то же, что идти назадъ и нанести чувствительный вредъ отечественнымъ интересамъ. Подобно моему предшественнику, я буду неутомимо стремиться къ реформамъ въ нашей арміи и каждый день мой будетъ посвященъ увеличенію ратной силы, предназначенной для защиты Франціи и республики".

Со своей стороны, генералъ Буланже издалъ дневной приказъ, въ которомъ выражаетъ благодарность своимъ сотрудникамъ по дѣлу усовершенствованія обороны страны, совѣтуетъ имъ пребывать вѣрными законамъ и конституціи и заявляетъ, что онъ первый дастъ примѣръ этой двойной, военной и республиканской, дисциплины.

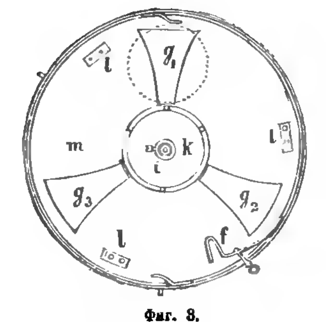
Окаменѣлый лѣсъ въ Національномъ паркѣ Іеллостона (территорія Уайомингъ въ Сѣв.-Амер. штатахъ).

На-дняхъ газеты принесли извѣстія объ открытомъ будто бы заговорѣ противъ султана, но относительно подробностей этого событія пока еще мало свѣдѣній. Константинопольскимъ газетамъ строго было запрещено говорить о нихъ и цензура не пропускала ни одной телеграммы съ такими извѣстіями въ иностранныя газеты. По свѣдѣніямъ *Times*, виновникомъ заговора былъ нѣкій шейхъ Абулъ-Худа, считающійся великимъ ученымъ и астрологомъ. Съ 1880 г. по 1883 г. онъ пользовался громаднымъ вліяніемъ на

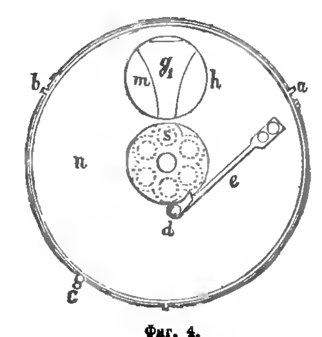

Фиг. 1.

Фиг. 2.

Фиг. 3.

Фиг. 4.

Патентованная потайная фотографическая камера Штирна. Фиг. 1, наружный видъ; фиг. 2—4, внутреннее устройство.

Абдулъ-Гамида, но затѣмъ вліяніе Абулъ-Худы стало ослабѣвать; о немъ почти забыли и вотъ теперь Абулъ-Худа и устроилъ-де при содѣйствіи нѣкоторыхъ придворныхъ чиновъ заговоръ, имѣвшій цѣлью возвести на престолъ племянника султана Салахъ-Эддина, сына низложеннаго султана Мурада. Вслѣдъ за ссылкою Абулъ-Худы приняты были въ Ильдызъ-Кіоскѣ мѣры предосторожности и произведены многочисленные аресты, какъ во дворцѣ, такъ и въ городѣ. По послѣднимъ извѣстіямъ, сосланы тоже до двадцати гаремныхъ дамъ и отправлены въ ссылку въ Анатолію и Аравію много гражданскихъ и военныхъ сановниковъ. Большинство газетъ полагаетъ, что весь этотъ заговоръ—комедія, устроенная не безъ участія англійскаго посла въ Константинополѣ; только англійскія газеты, валя съ больной головы на здоровую, по обыкновенію приписываютъ все дѣло „русской интригѣ".

Между тѣмъ, пока совершались эти событія, Порта разослала циркулярную ноту къ европейскимъ кабинетамъ касательно болгарскаго вопроса, по поводу коей *Journal de St.-Pétersbourg* говоритъ: „Циркуляръ обращаетъ вниманіе дружественныхъ державъ на необходимость обмѣна мнѣній между ними, съ цѣлью найти такое рѣшеніе вопроса, которое устранило бы существующія затрудненія, причемъ Порта надѣется достигнуть рѣшенія этого вопроса, представивъ на усмотрѣніе болгарскаго народа двухъ кандидатовъ на княжескій престолъ и тѣмъ удовлетворивъ постоянныя требованія, съ которыми обращается къ Портѣ по этому поводу болгарское временное правительство. Намъ неизвѣстно, какой пріемъ встрѣтитъ у кабинетовъ этотъ циркуляръ и какой успѣхъ обѣщаютъ себѣ отъ него на золотомъ Рогѣ. Что же касается Россіи, то намъ кажется что извѣстный всѣмъ ея категорическій отказъ не входить ни въ какія сношенія съ засѣдающимъ въ настоящее время въ Софіи регентствомъ, не можетъ быть измѣненъ упомянутымъ циркуляромъ".

Какъ бы въ подтвержденіе этого мнѣнія, газетѣ *Politische Correspondenz* телеграфируютъ изъ Константинополя, что Порта получила уже отвѣты всѣхъ державъ на ея послѣднюю циркулярную ноту по болгарскому вопросу. Всѣ эти отвѣты сводятся-де къ тому, что державы склонны приступить къ предложенному въ нотѣ обмѣну мнѣній относительно средствъ къ ускоренію разрѣшенія болгарскаго вопроса, но Россія заявила, что она держится первоначальной своей точки зрѣнія, а потому не можетъ принимать участія въ обмѣнѣ мнѣній до тѣхъ поръ, пока будутъ оставаться нынѣшніе болгарскіе правители.

Не мало надѣлало шуму намѣреніе папы разрѣшить богослуженіе на славянскомъ языкѣ для славянъ-католиковъ, пуще всего встревожившее Австрію. Хотя папа, какъ извѣщаетъ телеграфъ, ограничился такимъ разрѣшеніемъ лишь для черногорцевъ, но это мало успокаиваетъ Габсбургскую монархію. Съ другой стороны, гоненія въ Австріи противъ русскихъ принимаютъ все болѣе и болѣе грозный видъ. Въ Самборскомъ судѣ разбирается возмутительный процессъ, начатый польско-австрійскими іезуитами противъ галицко-русскаго патріота Ѳ. К. Бѣлецкаго. Въ Станиславовскомъ судѣ начался процессъ противъ тринадцати крестьянъ изъ селъ Грушки, Пужникъ, Кулиназъ и Гриновецъ, обвиняемыхъ въ томъ же „москалефильствѣ" по 65 ст. австр. угол. зак. за „злонамѣренное нарушеніе публичнаго спокойствія". Аресты продолжаются съ неимовѣрною дерзостью. Въ Самборѣ заточенъ въ тюрьму одинъ крестьянинъ изъ села Воля, у котораго нашли портретъ Императора Всероссійскаго. Это послужило поводомъ къ обвиненію несчастнаго крестьянина въ „московской пропагандѣ". Кромѣ того на-дняхъ арестованы нѣсколько крестьянъ изъ мѣстечка Надворны и народный учитель Иванъ Козьминскій изъ Долины.

Въ Афганистанѣ возстаніе гильзаевъ усиливается. По полученному 18 мая извѣстію изъ Герата, гильзаи нанесли 4 мая жестокое пораженіе тысячному отряду регулярныхъ войскъ эмира, при чемъ взяли пять орудій, весь обозъ и обезглавили попавшаго къ нимъ въ плѣнъ командира отряда. Пограничныя населенія Герата и его провинціи въ сильномъ броженіи и готовы присоединиться къ гильзаямъ.

Петербургскій корреспондентъ *Le Nord* подтверждаетъ, что смѣшанная афганская коммисія распалась. Англійскіе делегаты отказались отъ продолженія переговоровъ. Это не значитъ, однако, чтобъ всѣ переговоры между Россіей и Англіей по афганскимъ дѣламъ были отнынѣ прерваны: переговоры будуть вестись непосредственно между Лондономъ и Петербургомъ.

Смѣсь.

Лейбъ-кучеръ Наполеона I. Въ исторіи извѣстны три лейбъ-кучера: Илья, императора Александра I; Янъ Горнъ, Наполеона I, и Пфуидисъ, Фридриха Великаго. Янъ Горнъ родился въ Флиссингенѣ, въ Голландіи, жилъ сначала въ Амстердамѣ и пріѣхалъ въ Парижъ съ маршаломъ Брюномъ. Тутъ онъ служилъ обыкновеннымъ конюхомъ. Его любовь къ порядку и честность выдвинули его, и онъ поступилъ кучеромъ къ маршалу Нею. Послѣдній рекомендовалъ его Наполеону, который былъ очень доволенъ новымъ лейбъ-кучеромъ и назначилъ ему хорошее содержаніе. Янъ Горнъ оказался достойнымъ вниманія императора. Когда Наполеонъ былъ изгнанъ на Эльбу, Горну не разрѣшили послѣдовать за нимъ. Поэтому онъ поступилъ на скромное мѣсто въ Парижѣ, пока Людовикъ XVIII не назначилъ ему 500 франковъ въ годъ. Горнъ былъ благодаренъ за это, но говорилъ своимъ друзьямъ: „Король очень милостивъ, но онъ не можетъ купить моего сердца, принадлежащаго старому господину". По возвращеніи Наполеона въ 1815 г. съ Эльбы, Янъ Горнъ былъ въ числѣ первыхъ привѣтствовавшихъ его. Онъ покрылъ слезами и поцѣлуями руку своего господина и предложилъ себя въ услуженіе. Во время битвы подъ Ватерлоо, Янъ Горнъ увозилъ императора съ поля сраженія, не обращая вниманія на свистящія пули и преслѣдованіе непріятеля. Онъ старался спасти Наполеона. Наконецъ, когда тотъ выпрыгнулъ изъ экипажа и незамѣтно скрылся, честный слуга упалъ въ изнеможеніи: онъ получилъ шестнадцать ранъ. Люди фельдмаршала Блюхера, къ которому онъ попалъ въ плѣнъ, унесли его замертво съ поля битвы. Однако, благодаря старательному уходу, онъ выздоровѣлъ и, послѣ ампутаціи обѣихъ рукъ, жилъ въ Лондонѣ (р.).

Глубина озеръ въ Швейцаріи. Въ Швейцаріи произведены точныя измѣренія глубины озеръ, которая составляетъ:

въ Женевскомъ озерѣ . . .	330	метровъ (1 м. = 1 арш. 6 верш.).
„ Бріенцкомъ озерѣ . .	261	„
„ Боденскомъ озерѣ . .	255	„
„ Тунскомъ озерѣ . . .	217	„
„ Озерѣ четырехъ кантоновъ	214	„
„ Цугскомъ озерѣ . . .	198	„
„ Валленскомъ озерѣ . .	151	„
„ Семпахскомъ озерѣ . .	87	„
„ Бпллерскомъ озерѣ . .	78	„
„ Грейфенскомъ озерѣ .	34	„

Въ Боденскомъ и Женевскомъ озерахъ, при устьяхъ Рейна и Роны, оказалось длинное, глубоко залегающее рѣчное ложе, образовавшееся, вѣроятно, отъ движенія подъ озерною водою болѣе тяжелыхъ рѣчныхъ водъ. (р.)

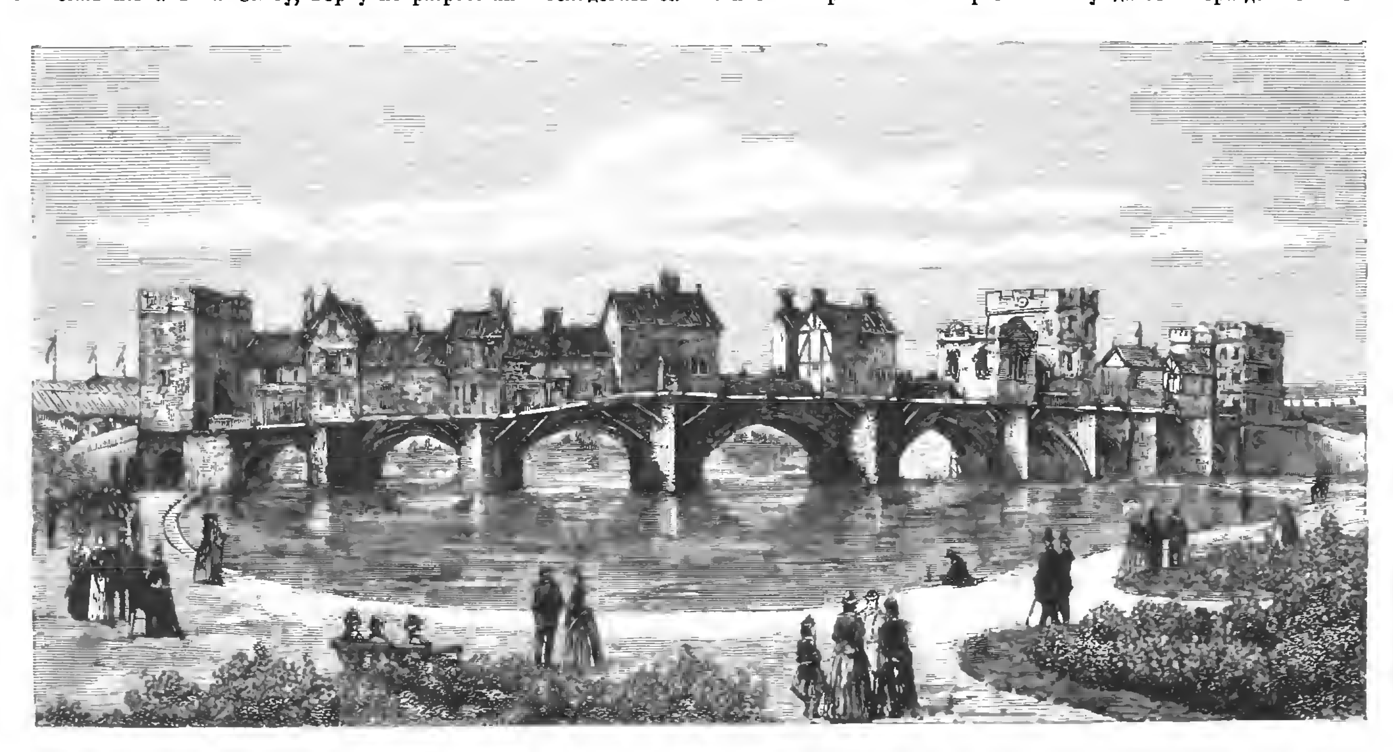
Способность людей переносить холодъ и средства противъ отмораживанія. Степень холода, которую въ состояніи вынести человѣкъ, бываетъ весьма разнообразна и находится въ зависимости отъ многихъ причинъ. Здоровый человѣкъ, находящійся въ полномъ цвѣтѣ силъ и привыкшій къ холоду, свободно переноситъ температуру въ 40 градусовъ ниже нуля. Но есть много причинъ, которыя ослабляютъ эту выносливость, какъ-то: алкоголизмъ, слабость, дурное питаніе, продолжительныя лишенія, упадокъ духа и нѣк. др.

Способность переносить холодъ находится въ прямой зависимости отъ возраста. Такъ ребенокъ нуждается гораздо больше въ теплотѣ, чѣмъ взрослый человѣкъ или старикъ, и достаточно вынести грудного младенца раздѣтымъ на нѣсколько минутъ на дворъ, даже при температурѣ выше нуля, чтобы умертвить его. Скорѣе всего конечно чувствуютъ холодъ части тѣла дальше всего отстоящія отъ центра кровообращенія, т. е. отъ сердца, или тѣ, обширная поверхность которыхъ заставляетъ ихъ скорѣе другихъ терять пріобрѣтенную теплоту, какъ-то: уши, носъ, щеки, руки и ноги. По мѣрѣ того какъ вліяніе холода становится сильнѣе, кожа темнѣетъ, покрывается язвами, причемъ наружные покровы на отмороженномъ мѣстѣ дѣлаются жесткими и нечувствительными. Послѣднимъ обстоятельствомъ начали пользоваться за послѣднее время въ медицинѣ при небольшихъ операціяхъ, такъ напр. въ случаѣ необходимости разрѣзать нарывъ, больное мѣсто охлаждаютъ съ помощью эфира, дѣлая его такимъ образомъ на время нечувствительнымъ. Если нужно снять вросшій на пальцѣ второй ноготь, палецъ погружаютъ въ смѣсь морской соли и толченаго льда, отчего онъ также временно дѣлается безчувственнымъ.

При температурѣ ниже нуля кровь начинаетъ твердѣть, сосуды закрываются, кровообращенье останавливается и начинается гангрена; кожа дѣлается синеватою, темнѣетъ и теряетъ свою упругость. Часто также гангрена является слѣдствіемъ рѣзкаго перехода отъ большого холода къ сильной жарѣ, въ виду чего никогда не слѣдуетъ приближать къ огню окоченѣвшіе члены. Послѣдствіемъ продолжительнаго претерпѣванія холода бываетъ иногда цынга, свирѣпствующая какъ эпидемія въ холодныхъ странахъ.

Отъ холода ослабляется также дѣйствіе органовъ чувствъ, причемъ больше всего низкая температура вліяетъ на зрѣніе и слухъ. Не слѣдуетъ однако смѣшивать съ ослабленіемъ зрѣнія воспаленіе глазъ, очень часто случающееся у жителей полярныхъ странъ отъ вѣчнаго созерцанія бѣлыхъ снѣговыхъ массъ.

При продолжительномъ дѣйствіи сильнаго холода повреждаются не только отдѣльные члены, но и весь организмъ. Человѣкъ какъ бы цѣпенѣетъ, движенія его дѣлаются очень затруднительными, а

Древній мостъ на Тейнѣ въ Ньюкаслѣ (въ Англіи). Грав. Шюблеръ.

иногда даже невозможными; умъ слабѣетъ, становится трудно говорить, и весь человѣкъ впадаетъ въ какой-то идіотизмъ. Кровообращеніе сильно замедляется, чувствуется непреодолимое желаніе заснуть, и горе тому, кто вздумаетъ прилечь хоть на нѣсколько минутъ: онъ засыпаетъ, чтобы никогда уже болѣе не проснуться. Во время бѣгства французской арміи изъ Россіи въ 1812 г. многіе солдаты умоляли своихъ товарищей остановиться хоть на нѣсколько минутъ, чтобы дать вздремнуть имъ; нѣкоторые же, шатаясь какъ пьяные, падали мертвыми на землю. Извѣстный путешественникъ Соландеръ, будучи окруженъ льдинами у сѣверныхъ береговъ Ньюфаундленда, то и дѣло твердилъ своимъ товарищамъ: „кто сядетъ—заснетъ, а кто заснетъ—уже болѣе не проснется"; на другой же день онъ самъ умолялъ своихъ спутниковъ позволить ему хоть немножко прилечь.

Иногда передъ смертью начинаетъ идти изъ носа кровь и появляются приступы эпилепсіи и каталепсіи (столбняка). Опыты надъ животными показали, что индивидуумъ умираетъ, когда температура его, дѣлаясь ниже нормальной, понижается до 20°.

При приведеніи въ чувство замерзшаго, отнюдь не слѣдуетъ прибѣгать къ спиртнымъ напиткамъ, необходимо, напротивъ, движеніе и растираніе, причемъ отмороженные члены слѣдуетъ растирать жирными веществами, а затѣмъ обтереть смѣсью мелкой горчицы съ миндальнымъ масломъ; въ случаѣ же появленія на нихъ язвъ, слѣдуетъ произвести втираніе изъ спуска съ опіумомъ или глицерина съ лауданумомъ.

Вообще, оживляя отмороженныя части тѣла, отнюдь не слѣдуетъ возстановлять въ нихъ слишкомъ скоро кровообращеніе, и первоначально должно растирать ихъ снѣгомъ или холодной водой, а затѣмъ теплой фланелью. Когда же человѣкъ находится уже въ состояніи оцѣпенѣнія и его клонитъ къ предсмертному сну, то его слѣдуетъ заставить двигаться, растирать снѣгомъ, сѣчь, и давъ въ самой маленькой дозѣ чего-нибудь подкрѣпительнаго, зарыть на время въ снѣгъ или посадить въ холодную ванну, которую затѣмъ постепенно нагрѣвать. Отнюдь же не слѣдуетъ, повторяемъ еще разъ, возбуждать теплоту съ помощію огня и спиртныхъ напитковъ. (м.)

О гипнотизмѣ. Въ залѣ Hôtel de Rome, въ Берлинѣ, происходилъ недавно интересный сеансъ гипнотизера г. Тео Бѣллерта. Опыты его превзошли оригинальностью большинство извѣстныхъ раньше въ этой области и сильно заинтересовали присутствовавшихъ. Г-нъ Бѣллертъ представилъ сначала въ сжатомъ изложеніи исторію гипнотизма или, какъ онъ выразился, магнитизма, къ которому, по его словамъ, должны быть отнесены явленія гипнотизма. Онъ упомянулъ о Месмерѣ и Ганзенѣ, оцѣнивъ по достоинству ихъ значеніе и добытые ими результаты, и въ заключеніе выразилъ надежду, что наука, а въ особенности медицина, которая въ послѣднее время внимательнѣе стала относиться къ гипнотизму, признаетъ рано или поздно и оцѣнитъ тѣ практическіе результаты, къ которымъ онъ можетъ привести.

Затѣмъ г. Бѣллертъ произвелъ рядъ опытовъ, которые должны были служить подтвержденіемъ сказаннаго. Выбравъ изъ небольшого числа отдавшихъ себя въ его распоряженіе зрителей, годныхъ въ медіумы, онъ привелъ ихъ въ гипнотическое состояніе, заставивъ нѣкоторое время пристально смотрѣть на маленькое стеклянное призматическое тѣло. Быстрота, съ которой ему удалось усыпить гипнотизируемыхъ, была поразительна; моментально вызываемое полное онѣмѣніе всего тѣла или отдѣльныхъ частей возбуждало общее удивленіе зрителей. Но наиболѣе интересными были опыты, производившіе полное каталептическое состояніе и анэстезію, при которой загипнотизированные субъекты становились, напр., совершенно нечувствительными къ уколамъ булавки въ ухо, щеки, носъ и т. д.

Чтобы доказать полное онѣмѣніе тѣла г. Бѣллертъ клалъ приведенныхъ въ каталептическое состояніе на верхній край спинки двухъ стульевъ, такъ что они почти висѣли въ воздухѣ; затѣмъ, положивъ одного изъ нихъ головой и ногами на сидѣнія двухъ стульевъ, стоящихъ на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого, экспериментаторъ даже ходилъ по нимъ, держа за руку служившаго ему ассистентомъ молодого врача.

Горячее одобреніе было наградой интересныхъ опытовъ. Но оно достигло высшаго предѣла, когда г. Бѣллертъ сдѣлалъ попытку усыпить тѣхъ же субъектовъ посредствомъ телефона, т. е. на значительномъ разстояніи, одними звуками голоса, безъ всякаго съ ними соприкосновенія. Опытъ удался блистательно. Г. Бѣллертъ удалился изъ залы и сталъ говорить по телефону изъ другой комнаты, обращаясь къ гипнотизируемымъ, которые, по указанію помянутаго молодого врача, находились вблизи слушательнаго аппарата. При такихъ условіяхъ ему удалось погрузить, смотря по большей или меньшей воспріимчивости медіумовъ, однихъ въ простой, другихъ въ каталептическій сонъ.

Высказанное г. Бѣллертомъ мнѣніе, что въ недалекомъ будущемъ докторъ получитъ возможность усыплять по телефону страдающаго безсонницей паціента, послѣ этого опыта перестало казаться шуткой. Предположивъ, что опыты были произведены вполнѣ добросовѣстно, въ чемъ, въ виду ихъ поразительныхъ результатовъ, извинительны были нѣкоторыя сомнѣнія со стороны зрителей, надо признать, что опыты Бѣллерта заслуживаютъ величайшаго вниманія и должны возбудить, въ особенности въ медицинскихъ кружкахъ, глубокій интересъ. (с.).

Наивысшая метеорологическая станція находится на Зонблинкѣ, на высотѣ 3100 метровъ, т. е. она на 633 метра выше станціи на Сентисѣ. Произведенныя на ней наблюденія дали слѣдующіе результаты. Вообще періоды высокаго давленія были тамъ теплыми періодами, и низкаго давленія—напротивъ, періодами холода. Средняя температура въ октябрѣ была—3,4°, въ ноябрѣ—9,3° и въ декабрѣ—13,3°. Въ послѣднемъ мѣсяцѣ термометръ не поднимался выше—6,8° и падалъ до—22°. Характеристично для высокой станціи, что максимумъ солнечнаго сіянія приходился предъ полуднемъ, уменьшеніе начиналось въ полдень и затѣмъ вторичное слабое увеличеніе поздно послѣ обѣда, между тѣмъ какъ въ долинахъ максимумъ солнечнаго сіянія приходится на полдень и послѣ полудня. Далѣе, на высотахъ чаще чѣмъ въ долинахъ бываютъ совершенно насмурные и совершенно свѣтлые дни. Вслѣдствіе частыхъ бурь, особенно въ ноябрѣ, телефонное сообщеніе часто прерывалось. Приближеніе тучъ сопровождалось всегда трескомъ и шумомъ въ телефонѣ, затруднявшими разговоръ. Подобныя же явленія наблюдались и на Сентисѣ. (р.)

Отличительный признакъ текущаго 1887 года. Настоящій годъ замѣчателенъ по необыкновенному числу выпадающихъ на него юбилеевъ, начавшихся съ перваго же дня. Такъ 1 января исполнилось 80 лѣтъ со дня вступленія императора Вильгельма въ ряды германской арміи, а 20 іюня, какъ извѣстно, предстоитъ празднованіе 50-ти-лѣтняго юбилея царствованія англійской королевы. Этотъ день будетъ чествоваться также почти во всемъ магометанскомъ мірѣ какъ сотая годовщина смерти шейха Ибн-абдулъ-Вахаба, основателя весьма распространенной секты вахабитовъ.

Кромѣ того, въ текущемъ году исполнится трехсотлѣтія дней смерти: англійскаго теолога Джона Фокса, автора „Мартиролога", и двухъ историческихъ лицъ, извѣстныхъ по своей печальной и исполненной драматическаго ужаса судьбѣ—несчастной Маріи Стюартъ, казненной по приказанію англійской королевы Елизаветы 8 февраля 1587 года, и прелестной Біанки Капелло герцогини Тосканской, отравленной ея врагами 20 октября того же года. Предстоятъ также нѣсколько двухсотлѣтнихъ годовщинъ: 15 мая 1687 г. умеръ, на 87-мъ году своей жизни, испанскій Шекспиръ, поэтъ Кальдеронъ, и въ томъ же году скончался англійскій поэтъ Муръ. (м.)

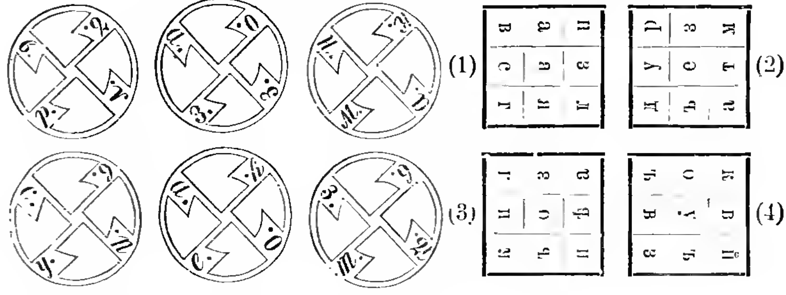
Образованіе глетчеровъ на лунѣ. Американецъ Джонъ Эриксонъ высказалъ недавно новое мнѣніе объ образованіяхъ ледниковъ на лунѣ. При помощи большихъ телескоповъ, тамъ видны своеобразныя горы, названныя кольцеобразными горами, круглыми валами, кратерами и пр. Наука говоритъ, что онѣ возникли отъ прежняго дѣйствія вулканическихъ силъ. Однако, въ виду того что предположеніе это не объясняетъ достаточно всѣхъ явленій, начали приходить къ другимъ заключеніямъ. На основаніи собственныхъ и другихъ изслѣдованій, давшихъ значительно разнящіеся отъ прежнихъ результаты, Джонъ Эриксонъ полагаетъ, что температура луны находится гораздо ниже точки замерзанія и даже при самыхъ сильныхъ солнечныхъ лучахъ достигаетъ только—120° Ц. Поэтому онъ думаетъ, что уподобляющіяся горамъ массы на поверхности луны суть неподвижные глетчеры, которые отъ дѣйствія постоянныхъ холодовъ сдѣлались такими твердыми какъ гранитныя горы. Кольцеобразная форма образованій объясняется соединеннымъ дѣйствіемъ воды и поверхности луны, лишенной теплой атмосферы и подверженной вліянію сильныхъ холодовъ. По объему лунныхъ горъ Эриксонъ высчиталъ, что луна, до образованія на ней глетчеровъ, была покрыта въ той же мѣрѣ водою, какъ наша земля въ настоящее время. (р.)

Горные жители Чили считаются сильнѣйшими людьми въ свѣтѣ. Они питаются главнымъ образомъ чечевицей, самой дешевою и, относительно своего вѣса, самой питательною пищей. (с.)

Китайцы въ Санъ-Франциско совершенно монополизировали нѣкоторыя ремесла. Каждый фунтъ продающейся въ городѣ ирландской свинины проходитъ чрезъ ихъ руки, и они нерѣдко предъявляютъ тяжелые денежные иски къ тѣмъ изъ владѣльцевъ свиней, которые желаютъ продать ихъ прямо мясникамъ изъ бѣлыхъ. Фактически они уже забрали въ свои руки все прачешное ремесло въ Калифорніи, почти все сигарное производство и есть признаки, что то же самое будетъ съ башмачнымъ, метельнымъ, портняжнымъ, швейнымъ мастерствомъ, и т. д. Уже теперь половина всей ремесленной работы въ Санъ-Франциско производится китайцами. (с.)

Долголѣтіе черепахи. Изо всѣхъ животныхъ земного шара наибольшей долговѣчностью отличается черепаха, и обстоятельство это находится въ зависимости отъ чрезвычайно медленнаго ея роста. Черепаха проявляетъ весьма слабую чувствительность; дѣятельность ея спиннаго мозга значительно превышаетъ дѣятельность головного. Поэтому она можетъ долгое время переносить поврежденіе даже высшихъ органовъ, жить цѣлыя недѣли безъ головного мозга, голодать по мѣсяцамъ, однимъ словомъ выражаетъ весьма малую жизнедѣятельность. Утверждаютъ, что первыя яйца она несетъ на 11-мъ году, между тѣмъ какъ голубь уже высиживаетъ птенцовъ до истеченія года. Англійскіе епископы постоянно держали черепахъ въ своихъ садахъ, гдѣ возрастъ ихъ подвергался регулярному наблюденію. Такъ въ 1628 году была привезена черепаха въ епископскій дворецъ въ Фульгамѣ, гдѣ она прожила до 1753 года. Въ недавнее сравнительно время окончила свое существованіе черепаха въ епископскомъ дворцѣ въ Петерборо, гдѣ она находилась свыше 220-ти лѣтъ. Въ библіотекѣ Ламбетскаго дворца хранится щитокъ черепахи, которая была привезена туда въ 1623 году и прожила до 1730 года. (с.)

Рѣшеніе задачи № 30 (помѣщенной въ № 17).

(1) (2) (3) (4)

„Назвался груздемъ, такъ и полѣзай въ кузовъ“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Ф. Михель, Говардъ, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Кинешма**—Н. Брызгалова, **Кіевъ**—Л. Шилохвастова.

Рѣшеніе ребуса № 28 (помѣщеннаго въ № 16).

„Да, чужая душа то—потемки!“

Рѣшеніе шашечной задачи № 31 (помѣщенной въ № 17).

Бѣлыя.	Черныя.
1) h 2 на g 3	f 4 на h 2
2) a 7 — b 8	c 5 — a 7
3) b 8 — e 5	d 4 — h 8
4) d 8 — c 7	a 7 — g 1
5) h 6 — g 7	h 8 — f 6
6) c 7 — e 5	f 6 — d 4
7) d 2 — e 3	d 4 — f 2
8) a 5 — e 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—К. Пралина, С. Гребова, Н. Святогина, А. Бѣланова; **Москва**—Анучкины, Т. Воронкова, М. Забѣлина, С. Дмитріева; **Александровскъ**—Н. Селезнева; **Бѣжица**—Смирнова; **Елисаветградъ**—Д. Лагунова, **Егорьевскъ**—Н. Бубнова; **Калуга**—С. Соколова, **Кинешма**—Н. Брызгалова; **Молога** Неустроева; **Н. Серпуховъ**—В. Дукина; **Одесса**—Н. Якушева; **Ростовъ Д**—Теръ-Абраміанъ; **Самара**—Н. Старостина; **Спасское**—Топошева, **Торжокъ**—Н. Козьминыхъ.

Рѣшеніе шахмат. задачи № 27 (помѣщенной въ № 15).

Бѣлые.	Черные.
1) E 1 — F 2	E 6 — E 5
2) F 2 — F 1	C 6 — C 5
3) H 4 — H 5 +	Куда угодно.
4) Ф A 6 или F 8 или H 3 + +	

Рѣшеніе ребуса № 29 (помѣщеннаго въ № 17).

„На грѣхъ мастера нѣтъ“.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги **ТОЛЬКО ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ ИЛИ ВООБЩЕ НЕ ПОЛНУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ**—потороплться высылкою остальныхъ денегъ, чтобы не было перерыва въ полученіи ими №№ журнала. Не выславшіе въ срокъ слѣдуемыя деньги потеряютъ право на полученіе главной преміи, большой картины Профессора К. Е. Маковскаго „БАБУШКИНА СКАЗКА“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

СКРИПКИ

Альты, Віолончели, Контрабасы, Гитары, Мандолины, Цитры и всѣ другіе музыкальные инструменты хорошаго качества по умѣреннымъ цѣнамъ, рекомендуетъ

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО № 2618 МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, № 36 и 42. Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.

Другихъ магазиновъ не имѣю.

ЛЕЙПИГСЪ и ГЮЗИГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,
СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ**, приводовъ, **вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, **сѣялокъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ**, механическихъ **зерносушилокъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Ман-Кормика**, сѣнокосилки жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—твреловчныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ. и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр Бутеноп. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 1830 24

Иллюстрированные каталоги безплатно.

„АНТИПИРЪ".

ПРИГЛАШАЮТЪ ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ НОВЫХЪ ОГНЕГАСИТЕЛЬНЫХЪ ПАТРОНОВЪ

„АНТИПИРЪ"

АГЕНТОВЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ НА ВЫГОДН. УСЛОВІЯХЪ. Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, въ контору **Товарищ. БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.** Вас. Остр., 1 линія, 10.

„АНТИПИРЪ".

П. № 2621

ДЛЯ ДАМЪ

НОВОСТИ: Воздушный турнюръ наполняющійся воздухомъ 2 руб. Машинки для завивки волосъ холоднымъ и быстрымъ способомъ 1 руб. за 6 штукъ. Щипцы для завивки волосъ, нагрѣвающіеся на одной спичкѣ 1 руб. Шпильки для волосъ некрашенныя, не зацѣпляющія 75 коп. за сотню. Рѣзцы для снятія выкроекъ 75 к. Цѣны обозначены съ пересылкой. **И. Глазуновъ** на Рождественкѣ, въ Москвѣ.

№ 4711
О-де-Колонъ

зеленый съ золотомъ ярлыкъ, самое лучшее производство этого рода.

№ 4711
СОСНОВЫЕ ДУХИ

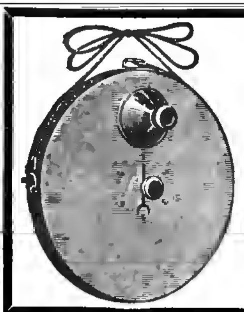
превосходное средство для очищенія комнатнаго воздуха; для комнатъ больныхъ.

Р. № 2584 **№ 4711** 2—2

ХРУСТАЛЬНОЕ МЫЛО

съ запахомъ: розы, ландыша, резеды и О-де-колона, съ ручательствомъ за богатое содержаніе глицерина; превосходитъ всѣ товары конкурренціи. Постоянно возрастающій спросъ на эти издѣлія служитъ лучшимъ доказательствомъ ихъ превосходнаго качества.

Гл. складъ: Ал. Тисъ и К°, Пушкинская, 4, СПБ. Продажа въ большинствѣ значит. парфюм. и аптекарск. магаз. въ Россіи.

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКРЕТНАЯ КАМЕРА ШТИРНА.

Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ, съ перес. **25 р.** Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту. Носится незамѣтно подъ сюртукомъ. Весьма удобна. Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Единственная продажа для всей Россіи.

Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается безплатно. Наша книжка „Самоучитель фотографіи" вышла изъ печати, цѣна 1 р. 50 к. съ пер.

Солидные аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ объективомъ, начиная съ 35 р. Всѣ принадлежности начиная съ 15 р. Большой выборъ вещей предметовъ, касающихся фотографіи.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°
С.ПЕТЕРБУРГЪ МАЛ.КОНЮШЕННАЯ 8

Поступило въ продажу новое изданіе А. Ф. МАРКСА:

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

состоящій изъ **25-ти большихъ**, прекрасно отлитографированныхъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **около 300** разнообразныхъ рисунковъ для выпиливанія изъ дерева.

Цѣна въ изящной обертке **1 р.**, съ пересылкой **1 р. 30 к.** Съ требованіями обращаться въ Главн. Контору журнала „Нива", СПБ., Невскій пр., д. 6.

Выпуская въ свѣтъ настоящій „Альбомъ", издатель имѣлъ въ виду удовлетворить желанія весьма многихъ своихъ подписчиковъ, неоднократно заявлявшихъ о желаніи имѣть хорошіе рисунки для выпиливанія, тѣмъ болѣе что до настоящаго времени ничего подобнаго, за такую дешевую цѣну, издано не было.

МИНЕРАЛЬНЫЯ ВОДЫ

Сезонъ: 1 мая до октября. **ЛАНДЕКЪ** Р. № 2568 **въ Прусской Силезіи.** 3—2

Станціи жел. дор. Глацъ, Каменцъ, Пачкау. Испытанныя въ теченіе столѣтій **сѣрнонатристыя теплыя воды** отъ $23\frac{1}{2}°$ R., особенно рекомендуются при **женскихъ и нервныхъ болѣзняхъ. Воды для питья, ванны, бассейны, минеральныя грязи, внутреннія, внѣшнія души, Аппенцельское заведеніе для сывороточнаго леченія, римскія бани,** всѣ другія **минеральныя воды.** 1400′ надъ уровнемъ моря, защищенная горами на сѣверѣ и востокѣ, мѣстность для **климатическаго леченія.** Превосходная, обширная **прогулка по лѣсу** близъ заведенія водъ. Бываютъ болѣе **6,000** лицъ. Концерты, театръ ежедневно. Собранія еженедѣльно. Правленіе водъ. **Бирке** бургомистръ.

Ландекъ устроенъ по методѣ проф. Эртель (Швеннингера) также для леченія почвою.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА, ВЪ СПБ—гѣ.

ДВУНОГІЙ ВОЛКЪ,

романъ изъ жизни Туркестанскаго края **Н. Н. КАРАЗИНА. Изд. 2-е,** дополн. 8-ю новыми оригинальн. рисунк. автора. **Цѣна 2 руб.,** съ перес. **2 р. 50 к.;** въ роскошн. коленк. пер. **2 р. 75 к.,** съ перес. **3 р. 25 к.** Съ требов. прос. обращ. въ **Контору** журнала **„Нива"** (СПБ., Невскій, д. 6).

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ

Измайловскій проспектъ, № 21.

рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

Глицериновое молоко 75 коп. **Ирисовое молоко** 1 р. 25 коп.

Молоко Дермофиль 2 р. 25 к.

ВОДА ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 р. 50 к.

Кольдъ-Кремъ самаго высшаго качества 60 к.

Глицериновый Кремъ 50 коп. | **Кремъ Дермофиль** 80 коп.

КРЕМЪ ДЕ ЛИСЪ ДЕ НИНОНЪ 1 р.

Пудра Велютинъ 60 коп. | **Пудра де Нинонъ** 75 коп.

ПУДРА ДЕРМОФИЛЬ 1 р.

приготовленныя съ разрѣшенія С.-Петерб. Врачебнаго Управленія.

КРЕМЪ КАМЕЛІА, бѣлый, розовый и рашель 1 рубль.

ХИМИЧЕСКАЯ С.ПЕТЕРБУРГСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.

2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.

3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ. П. № 2617

Для развлеченія дома и на дачѣ рекомендую ручной органъ

ГЕРОФОНЪ

съ мягкимъ тономъ, прочный, съ 10-ю пьесами по выбору. **Цѣна 30 р.** Пьесы отдѣльно по **50 к.** Оптомъ для торговцевъ дешевле. Мt. № 2619

Каталогъ пьесъ безплатно.

ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ
Дм. Ал. АЛЕКСАНДРОВА
Невскій пр., № 53, въ С.-Петербургѣ.

Только съ этою фабрич. маркою подлинно

Huste-Nicht

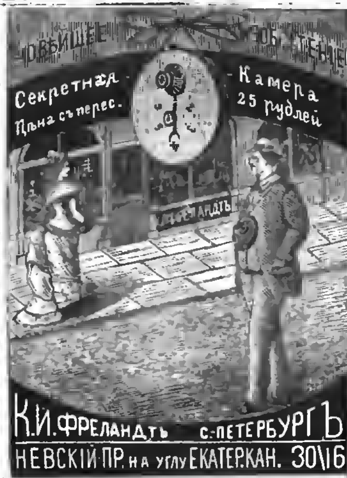
Gerichtl. geschützt

„НЕ КАШЛЯЙ".

Медо-Травяной Мальцъ-Экстрактъ и Конфекты **Л. Г. ПИТШЪ и Комп. въ Бреславлѣ***). № 2088 36—36

*) Цѣна: за бутылку 1 руб. 25 коп. и 2 руб. 40 коп., конфекты 30 и 50 коп. Упаковка и пересылка считаются особо. Главный складъ для Россіи **въ С.-Петербургѣ** у В. Ауриха, Стремянная, **№ 4.**

Можно получить **въ С.-Петербургѣ:** въ Русск. Общест. Торг. аптек. тов.; въ аптекарск. складахъ: 1) Невскій 27; 2) Невскій 47; 3) уголъ Литейн. и Мал. Итальянской; Рульковіусъ и Гольмъ; Г. Клосъ и К°, В. Липпе и А. Энглундъ; **въ Харьковѣ:** въ Русскомъ Общ. Торг. аптекарскими товарами; **въ Таганрогѣ:** въ аптек. маг. Штриммера и П. Поллакъ; **въ Баку:** въ Кавказск. Общ. Торг. апт. тов.; **въ Казани:** въ аптекѣ Ф. Грахе; **въ Николаевѣ:** въ апт. маг. Б. Вимутъ, Д. Лоевскаго и К°, и Зеленгеръ и К°.

Фотографическій аппаратъ, носимый подъ платьемъ, снаружи совершенно незамѣтный, пристегивающійся къ петлѣ пальто. Даетъ ясно и отчетливо

6 снимковъ въ минуту на одной моментальной пластинкѣ.

Можетъ оказать важныя услуги офицерамъ, тайнымъ агентамъ, учителямъ и вообще лицамъ всѣхъ сословій. Цѣна аппарата въ изящномъ футлярѣ съ 6 моментальными пластинками, для 36-ти снимковъ, съ „Самоучителемъ" 25 рубл. съ пересылкою.

Каталогъ безплатно. Мt. № 2598 3—3

При этомъ № прилагается для гг. иногороднихъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской Конторы Ф. А. Клима въ СПБ.

Дозвол. цензур., СПБ. 27 мая 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

НИВА

ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЪ ЛИТЕРАТУРЫ ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ.

XVIII г. | № 23 | г. XVIII | 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 6 іюня 1887 г.

Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

При семъ № прилагаются „ПАРИЖСКІЯ МОДЫ“ за ІЮНЬ 1887 г. съ 35 гравюр. и отд. листъ съ 30 чертеж. выкр. въ натур. велич. и 12 рисунками рукодѣльныхъ работъ.

Н. И. Кокшаровъ.

Николай Ивановичъ *Кокшаровъ*, членъ Горнаго Совѣта, Горнаго Ученаго Комитета и Присутствія Геологическаго Комитета, и директоръ Императорскаго СПБ. Минералогическаго Общества, родился 23 ноября (5 декабря) 1818 года въ Томской губерніи, близъ крѣпости Усть-Каменогорской, на хуторѣ своего дѣда, князя *С. Д. Эристова*. Отецъ его, изъ дворянъ, былъ горнымъ инженеромъ, а мать—рожденная княжна *Г. С. Эристова*. Въ 1830 году поступилъ онъ въ Горный Институтъ, гдѣ и окончилъ полный курсъ ученія. Произведенъ въ прапорщики горныхъ инженеровъ 6 іюня 1837 года. По выходѣ изъ Горнаго Института, въ 1840 г., въ чинѣ поручика, назначенъ на службу въ уральскіе горные заводы. Лѣтомъ 1840 и 1841 годовъ состоялъ при извѣстной геологической экспедиціи по Россіи и Уралу ученыхъ, гг. *Мурчисона*, *де-Вернёля* и графа *Кейзерлинга* и участвовалъ въ составленіи геологической карты, публикованной помянутыми учеными. Время съ 1842 по 1845 годъ провелъ онъ за границею, во Франціи, Англіи и Германіи, для усовершенствованія своихъ познаній по минералогіи, геологіи и палеонтологіи. Въ 1847 году, въ теченіи цѣлаго курса, замѣнялъ онъ отсутствовавшаго профессора минералогіи *Э. К. Гофмана*, въ С.-Петербургскомъ Университетѣ. Онъ читалъ также долгое время лекціи минералогіи, геологіи и физической географіи во многихъ учебныхъ заведеніяхъ: Горномъ Институтѣ, Земледѣльческомъ Институтѣ (бывшемъ Лѣсномъ корпусѣ), Институтѣ Путей Сообщенія Александра I, Константиновскомъ училищѣ, Пажескомъ корпусѣ, 1-мъ Кадетскомъ корпусѣ, Земледѣльческой Школѣ и другихъ. Съ 1849 по 1852 г. служилъ смотрителемъ Главной Физической Обсерваторіи и, въ отсутствіе ея директора, покойнаго академика *А. Я. Купфера*, часто занималъ мѣсто этого послѣдняго. Въ 1855 г. *Н. И. Кок-*

Академикъ Н. И. Кокшаровъ (по поводу 50-лѣтняго юбилея).
Съ фотогр. Деньера, грав. Ю. Барановскій.

шаровъ былъ избранъ адъюнктомъ Императорской С.-Петербургской Академіи Наукъ, въ 1858 г.—экстраординарнымъ и въ 1866 г.—ординарнымъ академикомъ. Императорское СПБ. Минералогическое Общество избрало его своимъ директоромъ 12 марта 1865 г. Во время геологическаго путешествія Его Императорскаго Высочества Князя Николая Максимиліановича *Романовскаго*, герцога *Лейхтенбергскаго* по Тульской губерніи и Уралу, въ 1865 и 1866 г., *Н. И. Кокшаровъ* состоялъ при его особѣ. Въ генералъ-маіоры Корпуса Горныхъ Инженеровъ произведенъ 27 марта 1866 г. и въ тайные совѣтники 28 марта 1882 г. Директоромъ Горнаго Института назначенъ 3 ноября 1872 г. и въ этой должности оставался до 25 августа 1881 года.

За исключеніемъ трудовъ по обязанностямъ службы, полувѣковая дѣятельность *Н. И. Кокшарова* была посвящена наукамъ, преимущественно минералогіи. Имъ изслѣдовано было много отечественныхъ и иностранныхъ минераловъ, описанія которыхъ напечатаны имъ въ разныхъ ученыхъ журналахъ и изданіяхъ Академіи Наукъ и Минералогическаго Общества. Капитальнымъ его трудомъ, начатымъ въ 1853 году, считается книга *Матеріалы для минералогіи Россіи* (*Materialien zur Mineralogie Russlands*). По настоящее время вышло пять томовъ на русскомъ и девять томовъ на нѣмецкомъ языкѣ, съ 93 таблицами атласа, всѣ кристаллографическія фигуры котораго проектированы самимъ авторомъ. Сочиненіе это получило всесвѣтную извѣстность, и авторъ его былъ избранъ въ члены многихъ отечественныхъ и иностранныхъ академій, университетовъ и ученыхъ обществъ. Н. И. Кокшаровъ состоитъ почетнымъ членомъ Императорскихъ Университетовъ: С.-Петербургскаго, Московскаго, Кіевскаго и Казанскаго, докторомъ минералогіи и геогнозіи Университета св. Владиміра въ Кіевѣ, почетнымъ членомъ Императорской СПБ. Медико-Хирургической Академіи, Нью-Іоркской Академіи Наукъ, Иностраннымъ Соучастникомъ (Associé etranger) Королевской Римской Академіи Наукъ (Accademia dei Lincei), членомъ-корреспондентомъ Академій Наукъ: Парижской, Туринской, Баварской въ Мюнхенѣ, Датской въ Копенгагенѣ, Геттингенской (также и почетнымъ членомъ), Филадельфійской и Германской Леопольдо-Каролинской, почетнымъ членомъ Обществъ Естествоиспытателей: С.-Петербургскаго, Московскаго, Кіевскаго, Харьковскаго, Уральскаго, Рижскаго, С.-Петербургскаго Минералогическаго, С.-Петербургскаго Фармацевтическаго, Парижскаго Минералогическаго, Лондонскаго Геологическаго, Вольнаго Нѣмецкаго во Франкфуртѣ-на-Майнѣ (въ домѣ гдѣ родился Гёте), Оберъ-Гессенскаго, Стейермаркскаго и Прагскаго *Lotos*, членомъ-корреспондентомъ Геологическаго Института въ Вѣнѣ и Обществъ Натуралистовъ Бельгійскаго и Фрейбургскаго, дѣйствительнымъ членомъ Императорскихъ Обществъ: Русскаго Географическаго, С.-Петербургскаго Вольно-Экономическаго, Московскаго Испытателей Природы и Московскаго Любителей Естествознанія, Антропологіи и Этнографіи.

Мой „собратъ".

Разсказъ **Всеволода Крестовскаго.**

(Продолженіе).

Таковы были свѣдѣнія, сообщенныя мнѣ Мовшей. Дальнѣйшее, что я знаю на счетъ моего „собрата", мнѣ доводилось въ разное время, частію урывками, частію въ цѣльныхъ разсказахъ, слышать отъ кое-кого изъ его кліентовъ и нѣкоторыхъ литераторовъ, такъ что съ теченіемъ времени изо всѣхъ этихъ отрывочныхъ чертъ и разсказовъ у меня сложилось о Клецкерѣ довольно цѣльное представленіе, какъ объ одномъ изъ знаменательныхъ общественныхъ типовъ нашей эпохи. Прежде, во дни нашей молодости, въ русской литературѣ такихъ еще не было.

Къ тому времени, какъ возчувствовалась Клецкеромъ потребность обзавестись отдѣльною приличною квартирой, онъ уже возвратился мало-по-малу къ излюбленнымъ своимъ занятіямъ „литературой". Начавъ съ репортерства о разбирательствахъ у мировыхъ судей, затѣмъ переходя къ отчетамъ о сенсаціонныхъ процессахъ, собраніяхъ акціонерныхъ обществъ и думскихъ засѣданіяхъ, Клецкеръ дошелъ до игривыхъ театральныхъ рецензій о Буффахъ, Бергахъ, Ростахъ и Демидронахъ, и остановился на этой спеціальности, какъ на приносящей наибольшій „заработокъ", не столько, впрочемъ, въ прямомъ, сколько въ разныхъ косвенныхъ и побочныхъ смыслахъ. Благодаря своей прирожденной пронырливости и юркости, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ „опыта" въ маленькой „прессѣ", онъ успѣлъ даже примазаться въ качествѣ театральнаго хроникера къ „Либеральной Простынѣ", одной изъ распространеннѣйшихъ въ то время газетъ, и вдругъ сталъ „дѣлать общественное мнѣніе". Имя его уже дѣйствительно начало кое-когда и кое-гдѣ фигурировать въ перечняхъ „нашихъ уважаемыхъ сотрудниковъ", при объявленіяхъ о подпискѣ. По большей части, это случалось во вновь возникающихъ уличныхъ газеткахъ, карикатурныхъ журналахъ, игриваго свойства иллюстраціяхъ и тому подобныхъ эфемеридахъ, тѣмъ не менѣе Клецкеръ уже имѣлъ основанія считать себя литературною „извѣстностью", и въ особенности былъ гордъ своимъ сотрудничествомъ въ „Либеральной Простынѣ", считая, что это очень хорошо „позируетъ" его „на литературномъ рынкѣ". Понятно, что при такомъ положеніи, ему понадобилась обстановка уже не гласной кассы, а нѣчто „подымай выше", нѣчто „шикарное" и даже „артистическое".

Атмосфера Буффа и Берга создала ему, какъ „рецензенту", закулисное знакомство съ „актрисками", а черезъ „актрисокъ" познакомился онъ и съ ихъ блестящими поклонниками. Этого только и было ему нужно. Кругъ его дѣйствій сразу значительно поднялся и расширился, и съ этого-то времени у него появились и благородныя короны на запонкахъ, и „фонъ", и баронскій титулъ на визитныхъ карточкахъ, и самъ онъ изъ Боруха Мошковича преобразился вдругъ въ Бориса Моисеевича, а затѣмъ вскорѣ даже въ Бориса Михайловича, дабы этотъ „Моисеевичъ" не наводилъ подозрѣній на счетъ его іерусалимскаго происхожденія. Словно верхнимъ чутьемъ какимъ-то угадывалъ онъ, кто изъ „талантовъ" и „поклонниковъ" въ данную минуту нуждался въ деньгахъ, и необычайно ловко умѣлъ всегда во-время подвернуться со своими услугами. Главное искусство его состояло въ томъ, чтобы незамѣтно и ловко навести разговоръ на самую суть, то-есть вызвать *ее* или *его* на откровенное признаніе, что деньги, молъ, нужны до зарѣзу, а достать ихъ негдѣ,— и тутъ-то вотъ Клецкеръ и предлагалъ свою пріятельскую готовность „поискать" и „постараться" добыть нужную сумму „у одного такого человѣчка",—есть, молъ, такой, хоть и трудно уломать его, больно неподатливъ, но почему не попытаться?—Авось!

Онъ никогда не ссужалъ отъ своего собственнаго лица (таково было его коренное правило), а всегда являлся только въ качествѣ доброхотнаго и, главное, „безкорыстнаго" посредника между нуждающимся и этимъ миѳическимъ „однимъ человѣчкомъ". Но деньги никогда не давались легко, потому что „человѣчекъ" требовалъ двойные векселя—одинъ за долгъ, другой „въ обезпеченіе, на всякій случай", да кромѣ того еще надежное поручительство и непремѣнно проценты впередъ за три мѣсяца, и не менѣе какъ по десяти процентовъ въ мѣсяцъ. О, какъ ругательски ругалъ за это Клецкеръ предъ своими кліентами этого „человѣчка", какъ возмущался его неумолимымъ безсердечіемъ!—даже „жидомъ" обзывалъ его, произнося это бранное слово съ глубокимъ презрѣніемъ, но... что-жь дѣлать, если проклятый „человѣчекъ" не поддается, а деньги просто чертовски нужны! И вотъ пишутся двойные векселя, со включеніемъ въ сумму долга и всей суммы процентовъ впередъ... Приходитъ срокъ, но если уплатить нечѣмъ, „человѣчекъ" не стѣсняетъ; онъ охотно согласенъ и переписать векселя на тѣхъ же условіяхъ, съ прибавкою только процентовъ на проценты и со включеніемъ новыхъ процентовъ на всю вновь образовавшуюся сумму, еще на слѣдующіе три мѣсяца. Векселя эти писались всегда на имя Хаима Юделіови-

ча. но оставались, разумѣется, въ бумажникѣ Клецкера, который обыкновенно былъ столь любезенъ, что самъ же привозилъ кліенту и деньги, не допуская его до непосредственныхъ сношеній съ какимъ-то „грязнымъ жидомъ“,—что, молъ, вамъ за охота мараться!

Вскорѣ слава Клецкера, какъ человѣка, чрезъ котораго можно доставать деньги, разрослась весьма широко среди золотой и позолоченной молодежи Петербурга, такъ что многіе стали даже искать его знакомства. Никогда не давалъ онъ въ долгъ одинмъ только литераторамъ и даже тщательно скрывалъ отъ нихъ этотъ родъ своихъ занятій. Въ кругъ его кліентели входили и „актриски“, и балерины, и дамы полусвѣта, и лицеисты съ правовѣдами старшихъ курсовъ, и маменькины сынки изъ недорослей, и купеческіе саврасы, которыхъ тятенька содержитъ въ уздѣ до своей смерти, чаемой ими какъ манна небесная. Но главный и самый изобильный контингентъ доставляла ему среда блестящей военной молодежи; съ нею болѣе всего любилъ Клецкеръ вести дѣла и обработывать свои гешефты, находя, что „связи“ съ такою молодежью лучше всего „позирують“ его въ обществѣ. При томъ же онъ рѣшался брать на себя такія хлопоты не иначе какъ „по дружбѣ“, изъ добраго расположенія, побуждаемый единственно желаніемъ „выручить“ хорошаго человѣка и добраго пріятеля въ крутую минуту, за что, разумѣется, считалъ себя въ правѣ требовать отъ него и наглядныхъ доказательствъ пріятельства. Отсюда-то и пошли у него эти *амикошонныя* отношенія „на ты“ и кормленія на счетъ кліентовъ у Дюссо и Бореля. Говоря о такихъ „пріятеляхъ“ заглазно и повѣствуя о своихъ кутежахъ и похожденіяхъ съ ними, онъ, для вящщаго доказательства своей интимности въ этомъ кругѣ, нерѣдко называлъ ихъ sans façon Сашка такой-то, Петька такой-то, князь Гри-Гри, графъ Коко и т. п. Газетные „сотрудники“, загородно-садовые актеры и биржевые „зайцы“, предъ которыми онъ за кружкой пива у Лейнера или Доминика чаще всего разсыпалъ цвѣты подобныхъ повѣствованій, преисполнялись чувствомъ зависти и нѣкотораго почтенія къ его „связямъ и знакомствамъ“ и самого его полунасмѣшливо, полульстиво называли „аристократомъ“, что впрочемъ не мѣшало имъ же за глаза называть его и большою свиньей.

Вслѣдъ за молодежью, вскорѣ стали обращаться „по секрету“ къ его услугамъ и болѣе солидные люди, изъ „хорошо поставленныхъ“ въ обществѣ и по службѣ. И вотъ съ этого-то времени на китайскомъ блюдѣ въ гостиной Клецкера стали появляться визитныя карточки разныхъ военныхъ и штатскихъ генераловъ, оберъ-секретарей, прокуроровъ и адвокатовъ, предсѣдателей и „членовъ“, директоровъ разныхъ департаментовъ, канцелярій и т. п. Хотя дѣла съ людьми этого сорта требовали прежде всего величайшей скромности и Клецкеръ никогда никому даже намекомъ не проговаривался объ нихъ, но... визитныя карточки ихъ на блюдѣ—это была маленькая дань собственному тщеславію, отъ которой онъ никакъ не могъ воздержаться, тѣмъ болѣе, что кто же знаетъ по какимъ дѣламъ они къ нему пріѣзжаютъ?—Можетъ быть и просто ради одного пріятнаго знакомства, какъ съ „извѣстнымъ нашимъ литераторомъ“. Съ этого времени Клецкеръ сталъ принимать на себя и секретныя хлопоты по доставленію мѣстъ искателямъ и обдѣлыванію дѣлъ и дѣлишекъ въ разныхъ казенныхъ и общественныхъ учрежденіяхъ. Были слухи, что онъ и по части желѣзнодорожныхъ концессій что-то такое орудуетъ, но съ какимъ успѣхомъ,—этого уже не знаю.

Сужая деньги, Клецкеръ дѣлалъ это съ большимъ разборомъ. Тутъ все принималось у него въ разсчетъ,—имя, положеніе, мѣсто, состояніе кліента или родителей и степень риска. Давалъ онъ взаймы только „надежнымъ“, или „нужнымъ“ людямъ, и въ отношеніи послѣднихъ условія его были самыя льготныя: не болѣе двухъ процентовъ въ мѣсяцъ, подъ одинъ вексель и безо всякаго поручительства. Если же просилъ его объ „услугѣ“ кто либо изъ „ненадежныхъ“ или „менѣе надежныхъ“, то хотя Клецкеръ и брался за хлопоты съ изъявленіемъ величайшей готовности, но... въ такихъ случаяхъ всегда оказывалось, что этотъ таинственный „одинъ человѣчекъ“, у котораго раки зимуютъ, какъ на зло, либо уѣхалъ по дѣламъ изъ Петербурга и неизвѣстно когда вернется, либо требуетъ самаго вѣрнаго поручителя, и коль скоро таковой находился, деньги являлись тотчасъ же. Гешефты этого рода требовали постояннаго негласнаго наблюденія за финансовымъ балансомъ кліентовъ: чуть у кого дѣла пошатнулись, значитъ, отсрочивать дольше нельзя, надо протестовать и предъявлять ко взысканію. А взыскателемъ отъ имени Хаима Юделіовича неизмѣнно являлся одинъ и тотъ же адвокатъ Пиковеръ („зъ нашихъ“), повидимому, не имѣвшій съ Клецкеромъ никакихъ отношеній, кромѣ шапочнаго знакомства. Наблюденіе за кліентами, сверхъ того, какое могъ имѣть самъ Клецкеръ лично, основываясь на городскихъ слухахъ, толкахъ пріятелей и на своихъ связяхъ съ міромъ маклеровъ и нотаріусовъ, обусловливалось еще и обширнымъ подпольнымъ знакомствомъ съ лакеями, кучерами, швейцарами и портными его кліентовъ. Въ этомъ отношеніи большія услуги оказывали ему двое или трое своихъ собственныхъ „сыскныхъ агентовъ“ изъ „способныхъ“ еврейчиковъ, которымъ онъ платилъ за это особое жалованье. Прежде чѣмъ рѣшиться дать въ первый разъ взаймы малоизвѣстному человѣку, о немъ наводились посредствомъ этихъ агентовъ самыя подробныя и обстоятельныя справки. У Клецкера была даже особая записная книжка, гдѣ каждому изъ его свѣтскихъ кліентовъ посвящался особый листокъ, на коемъ въ бѣглыхъ, но точныхъ замѣткахъ обозначались сумма долговъ, сроки векселей, средства къ жизни, родъ занятій и проч. Съ теченіемъ времени подобныя свѣдѣнія о каждомъ изъ попавшихъ въ эту своего рода „книгу живота“ своевременно пополнялись все новыми и новыми данными въ сторону повышенія или пониженія финансоваго, амурнаго, общественнаго или служебнаго баланса. Въ этихъ замѣткахъ преобладалъ лаконическій стиль биржевыхъ бюллетеней,—напримѣръ, въ такомъ родѣ: „Со службой—крѣпко. Предвидится повышеніе. Кредитъ у Бореля надаетъ. По дѣлу о наслѣдствѣ—тихо. Получилъ назначеніе. Спросъ подымается. Объявленъ женихомъ дочери купца такого-то, приданаго столько-то. Можно кредитовать еще на такую-то сумму“, и т. п.

Между тѣмъ и дѣла гласной кассы, содержимой якобы маменькой, шли своимъ чередомъ, и шли весьма недурно; но Клецкеръ, занятый своими „высшими“ оборотами, сдалъ ее уже окончательно на попеченіе опытной сестрицы, а самъ получалъ только „дивиденды“. Свою младшую сестрицу, ради ея красоты, онъ убѣдилъ идти въ консерваторію—„для отшлифовки“, и затѣмъ пристроилъ ее хористкою въ Буффъ, гдѣ самъ же доставилъ ей интересное знакомство съ однимъ очень крупнымъ фабрикантомъ. Словомъ, дѣла Клецкера шли пока блистательно, и Мовша Элькесъ, со своей точки зрѣнія, былъ совершенно правъ, говоря мнѣ о немъ:—„Што ви хочете, тольке это голова!.. Уй, каково голова!—Минииштръ адъ финанцы!—То вже вѣрново слово!“

VII.

Война 1877 года была объявлена. Наши войска перешли границу и вступили въ предѣлы Румыніи, направляясь къ Дунаю. Въ маѣ мѣсяцѣ главная квартира находилась въ Плоештахъ. Я въ то время занималъ довольно тѣсноватый нумеръ въ гостиницѣ *Молдавія*, во дворѣ которой находился концертный са-

Лѣтомъ. Картина Гавенита, грав. Бонгъ.

дикъ, нѣчто въ родѣ варшавскаго „огрудка" съ какой-нибудь Фреты или Длугой улицы. А въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ нимъ былъ другой, подобный же садикъ при *Бомарской* гостиницѣ, благодаря чему несчастнымъ постояльцамъ этихъ двухъ убѣжищъ, называвшихъ себя „отелями", не только работать, какъ мнѣ, но и жить было почти невозможно, такъ какъ съ пяти часовъ дня и до четырехъ утра въ обоихъ садикахъ безъ умолку раздавались барабаны и пронзительные взвизги цыганской музыки, „наяривавшей" всевозможные „чардаши", „садаромы" и оффенбаховскіе мотивы.

Однажды, часовъ около двухъ пополудни, въ самую жару, кто-то постучался въ незапертую дверь моего нумера. Не отрываясь отъ письменной работы, я крикнулъ „входите!" и—представьте себѣ мое удивленіе, когда, повернувшись къ вошедшему, увидѣлъ вдругъ предъ собою Клецкеръ-Цитрона.

Да, это несомнѣнно былъ Клецкеръ-Цитронъ, съ тѣмъ же золотымъ пенсне на носу, но уже не въ „шикарномъ" костюмѣ, а просто въ легкомъ коломянковомъ пиджачкѣ и такихъ же панталонахъ, даже не первой свѣжести. Не понимая что сей сонъ значитъ, я молча уставился на него вопросительнымъ взглядомъ, отъ котораго, впрочемъ, онъ ни мало не смутился и съ обычною своею развязностью подошелъ ко мнѣ, изображая всею своею физіономіей одну расплывающуюся „пріятнѣйшую" улыбку.

— Мы такъ давно не видались, что позвольте немножко напомипать вамъ себя. Узнаете? заговорилъ онъ, глядя мнѣ въ лицо масляно улыбающимися глазами.

— Узнаю, отвѣтилъ я суховато сдержаннымъ тономъ и, не приглашая садиться, спросилъ что ему угодно.

— Агхъ, помилуйте, мнѣ такъ хотѣлось возобновить стараво знакомства, изъ которымъ я сохранилъ столько самыхъ пріятныхъ воспоминаньювъ, затрещалъ онъ своею порывисто стремительною скороговоркой, какъ бы торопясь выложить предо мною все сразу —Я вѣдь только-только что въ сейчасъ узналъ, что вы издѣсъ и, конечно, съ первымъ же долгомъ поспѣшилъ прилетѣть къ вамъ и засвидѣтельствовать... Я такъ радъ, такъ радъ... вы не повѣрите, какъ я радъ васъ видѣть!.. Фу, какъ жарко, однако!.. Позвольте мнѣ присѣсть на минутка...

И обмахиваясь носовымъ платкомъ, онъ въ истомѣ отъ утомленія опустился подлѣ меня въ свободное кресло и сталъ какъ-то пытливо засматривать мнѣ въ глаза ласково улыбающимся взглядомъ.

— Да, вотъ гдѣ Богхъ привелъ свидѣться... Сколько лѣтъ, однако, мы изъ вами не встрѣчались!.. вздохнулъ онъ, качая головою и не сводя съ меня все того же взгляда.

— Да не особенно давно, замѣтилъ я на это:—въ Петербургѣ я встрѣчалъ васъ довольно часто.

— Увъ Петербургу?! воскликнулъ Клецкеръ, притворясь очень удивленнымъ. — Неужели?!. Но позволте, когда же и гдѣ?.. И можетъ ли быть, чтобы я никогда васъ не замѣтилъ?

— Стало быть, не находили этого нужнымъ, усмѣхнулся я, пожавъ плечами.

Клецкеръ такъ и рванулся всѣмъ корпусомъ впередъ, словно шиломъ его въ спину кольнули.

— Я?!? Не находилъ нужнымъ!.. Фуи, что это вы!.. Какая недостойная мисшлю!—Я, который всегда такъ гордился знакомствомъ изъ вами... Нѣтъ, пожалуста, не думайте такъ... Это не вѣрно, завсѣмъ не вѣрно, божусь вамъ. Впрочемъ, я страшно близорукъ, сталъ онъ оправдываться, подыскивая подходящія объясненія:—даже и пансшне плохо помогаетъ... Можетъ быть, какъ-нибудь по разсѣянности... и тѣмъ больше, что вы, какъ вижу, носите теперъ завсѣмъ другая форма, съ другово полка, а я былъ увѣрепъ, что вы все тамъ же, попрежнему служите увъ нашемъ краю, и никакъ даже не воображалъ васъ увъ Петербургу...

— Да мнѣ это все равно, можете и не оправдываться, я на васъ не въ претензіи, безразлично и какъ бы вскользь замѣтилъ я Клецкеру.

— Но когда такъ, то позволте же дружески попенять и вамъ увъ свой чередъ, заговорилъ онъ ласково укоризненнымъ и заискивающимъ тономъ:—отчего же вы прамо не остановили меня по первому áбцугхъ, какъ только встрѣтили? — Вамъ стоило бы только крикнуть: „Клецкеръ! Старый дружище!"—и я увесь былъ бы къ вашимъ услугамъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, что я не нуждался въ вашихъ спеціальныхъ услугахъ.

Клецкеръ сторожко вскинулъ вверхъ голову и нѣсколько смѣшался.

— То-есть, какъ это... увъ какихъ сшпеціальныхъ? пробормоталъ онъ, съ видомъ недоумѣнія.

— Да въ такихъ, какія вы оказывали нѣкоторымъ моимъ знакомымъ.

И для примѣра, а также съ цѣлью дать ему понять, что многое изъ его негласной дѣятельности мнѣ хорошо извѣстно, я назвалъ ему двѣ-три фамиліи лицъ, о которыхъ навѣрное зналъ, что они пользовались его содѣйствіемъ и по части займовъ, и по другимъ частямъ, и успѣли уже жестоко поплатиться за это состояніемъ и служебною карьерой.

— Агхъ! Неужели и вы этому тоже вѣрите?! весь вспыхнувъ, какъ бы отъ благороднаго негодованія, всплеснулъ Клецкеръ руками и укоризненно закачалъ головою.—Вѣдь это-жъ увсе клевета!.. Подлая клевета на меня!.. О, я знаю, продолжалъ онъ, впадая въ тонъ горькой ироніи:—я знаю, это замѣсто благодарностю за мои безкорыстніи услуги, за то что я выручалъ людей изъ нетля, самъ рискуя изъ своимъ карманомъ, меня же еще ростовщикомъ обславили!.. То такая правда на свѣтѣ!.. Но даю вамъ честнаво слова, какъ порадочный человѣкъ, что это ложь!.. Возмутительная ложь! воскликнулъ онъ въ заключеніе съ напускнымъ паѳосомъ. — Напротивъ, я былъ слишкомъ идеалистъ, слишкомъ довѣрчивъ къ людямъ, и даже много, очень много потералъ черезъ это!

— Вы? Какими судьбами? удивился я непритворнымъ образомъ.

— А такими, что многіе уѣхали теперъ на война,—кто на Кавказъ, кто сюда,—а сами не заплатили а-ни одна копейка! И я долженъ былъ платить за нихъ по поручительству. Это одно. А другово въ томъ, что я самъ увлекся больше чѣмъ нужно изъ биржевая игра,—время, знаете, такое горачее... н-ну, зарвался и прогорѣлъ! Увесь прогорѣлъ, какъ видите... Маленькій капиталецъ, какой былъ отъ отца, увесь тамъ и угхнулъ... Что дѣлать, азартъ!.. Н-ну, и долженъ былъ бросать увсе и ѣхать увъ дѣйствующая армія,—развѣ безъ того я бы поѣхалъ?!

— Въ качествѣ чего же, спросилъ я:—изволили вы сюда пожаловать?

— А такъ... корресвондентомъ отъ нѣкоторыхъ органовъ... и между прочимъ, отъ „Голосъ".

— То-есть, какъ же это? съ недоумѣніемъ замѣтилъ я:—сколько мнѣ извѣстно, здѣсь уже есть корреспондентъ „Голоса", и даже не одинъ.

Собесѣдникъ мой нѣсколько замялся, но только на одно мгновенье.

— М-м-даа... но я... видите ли... Я—вторымъ корреспондентомъ, собственно... Такой газетѣ, согласитесь, нужно нѣсколько корреспондентовъ: одинъ издѣсъ, другой тамъ, на правій флангъ, па лѣвій флангъ, увъ тылъ, увпередъ,—вездѣ надо! Чѣмъ больше, тѣмъ лучше,—не такъ ли?.. га?.. Но тутъ, представьте, вышла маленькаво непріятность! какъ бы вспомнивъ кстати, заговорилъ онъ вдругъ снисходительно-небрежнымъ и

нѣсколько насмѣшливымъ тономъ.—Увсе это нашъ нелѣпій формализмъ и, главное, совсѣмъ даже глупо!.. Вчера, началъ Клецкеръ свой разсказъ:—являюсь я увъ штабъ представиться и просить о выдачѣ мнѣ корреспондентскій знакъ *), а отъ меня вдругъ потребовали, чтобы я наперодъ представилъ имъ удостовѣренье отъ редакціи, и напримѣнно на редакціонному бланку. что я дѣйствительно командированъ отъ „Голосъ“ за корреспондента... Я бы, конечно, кабы только захотѣлъ, могъ бы представить имъ бланковъ хоть отъ дюжина редакцій, но я такъ торопился, что не успѣлъ захватить ихъ изъ Петербургу... И при томъ, никакъ не предполагалъ, что это можетъ понадобиться... Скажите на милость, какія увсе закоручки, какія стѣсненія!!.. И зачэмъ!?

Я возразилъ ему, что это отнюдь не стѣсненіе, а мѣра весьма благоразумная, такъ какъ подъ видомъ корреспондентовъ мало ли какая сволочь можетъ пробираться въ районъ военныхъ дѣйствій,—былъ же недавно случай, что одинъ жидо-полякъ, назвавшійся корреспондентомъ и навѣсившій на себя даже всякихъ орденовъ, забрался тайкомъ, въ отсутствіи начальника штаба арміи, въ его кабинетъ, гдѣ его и накрыли надъ секретными планами; подъ видомъ корреспондента оказался очень дерзкій шпіонъ.

— Да, да, и представьте себѣ, съ живостью подхватилъ вдругъ Клецкеръ, съ ироническою усмѣшкой:—меня, кажется, тоже принимаютъ за что-то въ родѣ чего-то... Вотъ глупость-то!.. Сегодня вдругъ получаю изъ жандармомъ (такъ важно!) приглашенье явиться увъ комендантскаво управленью, и зачѣмъ бы вы думали? Оказывается, ни больше, ни меньше, какъ къ допросу... Н-да-съ. къ допросу! Зачѣмъ пріѣхалъ, по какой надобностю и какъ долго намѣренъ оставаться? Только я совсѣмъ даже не спугался, а объясняю, что я корреспондентъ на такія-то и такія газеты, и что я не зналъ, что тутъ нужны какія-то еще особіи удостовѣренья отъ редакцій, но что я уже телеграфировалъ увъ Петербургъ насчетъ высылка удостовѣреньювъ, и вотъ, жду теперъ когда прійшлютъ. А мнѣ они вдругъ объявляютъ, чтобы я за лучше всего обождалъ это увъ Россія... Назадъ вдругъ возвращаться! Каково вамъ этово покажется!.. га?.. Или назадъ, или, представьте, говорятъ, отъ каково-нибудь звѣстнаго намъ лица благонадежнаво поручительства, что вы дѣйствительно то лицо, за котораго себя выдаете. Вотъ положенье-то!.. Но тутъ я, къ счастью, вспомнилъ про васъ и—звините вже, но такъ прамо и заявилъ, что вы очень даже хорошо меня знаете. Н-ну, и мнѣ сказали, что если вы меня удостовѣраете, то этого будетъ совершенно достаточно. Какова исторія?!. га?..

— Исторія самая естественная, сказалъ я въ отвѣтъ на его возгласъ, очевидно, приглашавшій меня къ выраженію сочувствія:—Какъ же вы хотите чтобы вамъ вѣрили, не зная кто вы и что вы!.. Тѣмъ болѣе, что ни одна редакція не отправляетъ своихъ корреспондентовъ безъ формальныхъ удостовѣреній.

*) Для русскихъ и иностранныхъ корреспондентовъ, допущенныхъ въ армію, былъ установленъ, по волѣ Его Высочества главнокомандующаго, особый корреспондентскій знакъ на лѣвомъ рукавѣ, въ видѣ круглой бляхи изъ листовой мѣди, съ выбитымъ на ней орломъ, нумеромъ, надписью „*корреспондентъ*“ и съ печатью полеваго комендантскаго управленія арміи. Вскорѣ, впрочемъ, этотъ знакъ былъ замѣненъ трехцвѣтною (государственныхъ цвѣтовъ: чернаго, желтаго и бѣлаго) нарукавною повязкою на красномъ суконномъ подбоѣ, съ вышитымъ серебрянымъ орломъ, надписью „*корреспондентъ*“ и нумеромъ, подъ коимъ корреспондентъ занесенъ въ общій списокъ. Каждая повязка необходимо снабжалась, какъ съ наружной, такъ и со внутренней стороны, мастичною печатью полеваго штаба или полеваго комендантскаго управленія, безъ чего повязка не имѣла значенія. Кромѣ того, каждый корреспондентъ былъ обязанъ всегда имѣть при себѣ свой фотографическій портретъ, снабженный на оборотной сторонѣ письменнымъ удостовѣреніемъ его личности, за печатью полеваго комендантскаго управленія арміи.

— М-м-да, можетъ быть, процѣдилъ сквозь зубы Клецкеръ, какъ бы нехотя соглашаясь со мною. — Но увсе-таки непріятно!.. И вотъ, потому-то у меня до васъ теперъ величайшаво просьбу.

При этихъ словахъ, не вставая съ кресла, онъ сдѣлалъ видъ, будто съ полной покорностію кланяется мнѣ въ поясъ и тотчасъ же принялъ масляно-ласковый, заискивающій тонъ.

— Не откажите, Богха ради, удостовѣрьте имъ что̀ тамъ требуется, и пусть они отстануть!.. Вѣдь это одна только формальность, и для васъ оно, я увѣренъ, совершенній пустякъ, а для меня, между тѣмъ, увъ вышемъ степеню важно, вы понимаете... Сдѣлайте таково одолженья, прошу васъ!

Я возразилъ, что пускай и важно, тѣмъ не менѣе я не нахожу возможнымъ брать на себя подобнаго рода поручительство, потому что, во-первыхъ, въ моихъ глазахъ оно вовсе не пустякъ, а во-вторыхъ—съ какой стати путаться мнѣ въ совершенно постороннее дѣло!

— Но вѣдь я васъ прошу о дружеской услугѣ, какъ собратъ собрата... Это—дѣло, такъ сказать, увзаимной солидарностю между литераторами, принялся убѣждать меня Клецкеръ:—я и обращаюсь къ вамъ именно какъ къ человѣку пера и слова, и повѣрьте, увъ свой черодъ постараюсь отслужить вамъ съ чѣмъ можно... Это будетъ не больше, какъ увзаимный абмѣнъ услугъ.

На это я посовѣтовалъ ему обратиться къ тѣмъ, отъ кого онъ въ правѣ ожидать такого обмэна.

— Но къ кому же?!. Скажите, Богха ради, къ кому?.. И что̀ наконецъ подумаютъ увъ комендантскомъ управленью, когда я вже сказалъ имъ, что именно вы можете за меня ручаться?.. Это виходитъ, что я солгалъ... Подумайте, каково мово положенью! Какъ я глаза покажу!..

— Ну, объ этомъ вамъ самимъ слѣдовало подумать раньше.

Огорченный Клецлеръ, скрививъ на̀ сторону свою нижнюю губу, тоскливо повелъ вокругъ себя взглядомъ.

— Но что̀ же теперъ издѣлать?!. И гдѣ я найду поручитель?!. Посовѣтуйте, Богха ради, какъ мнѣ быть,—я просто голова тераю!

— Очень просто: телеграфируйте еще разъ въ „Голосъ“ и просите редакцію удостовѣрить ваше порученіе телеграммой на имя коменданта: отвѣтъ дольше завтрашняго дня, вѣроятно, не затянется.

Клецкеръ впалъ въ нѣкоторое раздумье.

— Хм... Вы думаете телеграммой... А если они не отвѣтятъ?

— Тогда, значитъ, вы не корреспондентъ „Голоса“.

— Богхъ мой!.. Вотъ положеніе! вскочилъ онъ въ волненіи съ мѣста, нервно похрустывая стиснутыми пальцами и, послѣ новаго легкаго раздумья, снова принялся меня упрашивать:

— Ну, хорошо... Если вы не загласны ручаться, то хоть заявите имъ, что вы точно меня знаете,—вѣдь это же правда!.. Ну, умоляю васъ!.. Ну, что̀ вамъ стоитъ!..

— Положимъ не стоитъ ничего; но такое заявленіе безъ поручительства не принесетъ вамъ никакой пользы.

— Вы думаете?.. Хм!.. Что̀ жъ тогда дѣлать?.. Богхъ мой, что̀ дѣлать мнѣ!.. Вѣдь это вжасно!.. И никто не хочетъ войти въ положеніе!.. А я такъ надѣялся на васъ, такъ разсчитывалъ на вашево благороднаго великодушія, и вотъ!..

— Вы были бы правы, улыбнулся я на эту выходку:—если бы обратились съ такой укоризной къ своимъ извѣстнымъ „пріятелямъ“,—вѣдь есть же здѣсь такіе,—къ нимъ и ступайте.

— О, мои пріятели! съ горькой усмѣшкой мотнулъ онъ головою:—Мои пріятели, звините,—тфу!.. Когда Клецкеръ былъ имъ нужный, былъ онъ и пріятель, а

теперъ эти пріятели первые будутъ аплодыровать, когда Клецкера со сшкандаломъ выйшлютъ *heraus nach Haus* по этапу... Они увъ ложка воды рады бы втопить меня... Пріятели!.. Хороши пріятели!

Повторивъ еще разъ, что ничего не могу для него сдѣлать, я безъ дальнѣйшихъ церемоній попросилъ его оставить меня, сославшись на недосугъ и спѣшную работу. Клецкеръ, со своей стороны, повторилъ съ кислою улыбкой увѣренья, что во всякомъ случаѣ радъ встрѣчѣ со мною, надѣется встрѣчаться и впредь, если только останется въ дѣйствующей арміи, и затѣмъ удалился не солоно похлебавши.

Дня три спустя, встрѣчаю его вечеромъ въ садикѣ *Молдавія*. Подходитъ онъ къ столику, за которымъ я сидѣлъ съ двумя знакомыми офицерами, и любезно раскланивается со мною. На лицѣ сіяющая улыбка.

— А, вы еще здѣсь? не безъ удивленія отнесся я къ нему, отвѣчая на привѣтствіе.

— Издѣсь, какъ видите, и остаюсь увъ армія, заявилъ онъ съ выраженіемъ полнаго внутренняго удовлетворенія и даже какъ бы нѣкотораго торжества надо мною: что, молъ, и безъ тебя обошелся!

— Получили, значитъ, удостовѣреніе отъ „Голоса"? спросилъ я.

— Н-нѣтъ... Это пустово дѣло, слегка поморщился Клецкеръ, состроивъ пренебрежительную мину.—Я вже раздумалъ быть корреспондентомъ... Такъ, развѣ, когда при случаю, а постоянно не стòитъ. Я, знаете, пристроился гораздо обстоятельнѣе, прибавилъ онъ многозначительнымъ тономъ, видимо желая и торопясь похвастать предо мною новымъ своимъ положеніемъ:— то есть, во всѣхъ отношеньяхъ, скажу вамъ, и лучше, и вигоднѣйше!

— А именно? полюбопытствовалъ я.

— А именно, вотъ что! съ самодовольною улыбкой показалъ онъ на свою кокарду.

Я только теперь не безъ удивленія замѣтилъ, что на немъ, вмѣсто котелка, надѣта бѣлая офицерская фуражка.

— Это что же значитъ? спрашиваю его.

— Это?.. Форма такая. Вѣдь я же поступилъ на служба.

— Вы?!? невольно выпалилъ я удивленнымъ вопросомъ:—Куда это?

— Увъ компанія Грегеръ, Горвицъ и Коганъ, не безъ достоинства заявилъ Клецкеръ съ легкимъ полупоклономъ.

— Вотъ оно что!.. Ну, это гешефтъ хорошій, похвалилъ я:—и тутъ вы какъ разъ на своемъ мѣстѣ будете.

— Н-да, слава Богху... Все обошлось съ найлучшимъ манеромъ. Удостовѣреніе обо мнѣ выдалъ за своимъ подписомъ самъ гасппадинъ Грегеръ и, кстатю, предложилъ мѣсто агéнта увъ „Товарищество". Я и радъ, мнѣ больше ничего не нужно. Эй, кельнеръ! Псс-псс! мигнулъ онъ вдругъ проходившему мимо толстенькому нѣмцу-буфетчику: — Bitte!.. Eine Flasche Schampagnier-Wein!

И съ этими словами, подвинувъ къ себѣ свободный стулъ, Клецкеръ безо всякаго приглашенія присѣлъ за нашъ столикъ. При видѣт акой безцеремонности, товарищи мои переглянулись и поморщились.

— Это мѣсто занято, поспѣшилъ я сухо предупредить его.

— Агхъ, pardon! Увъ такомъ случаю я прикажу подать другово стула.

— Вы лучше сдѣлаете, если перейдете на другой столикъ.

— Зачэмъ?.. Вѣдь мы же будемъ пить шампанскаво... Я хочу выпить изъ вами и зъ вашими пріятелями.—Познакомьте, пожалуста...

— Благодарю, поспѣшилъ я отказаться, оставляя безъ вниманія просьбу о знакомствѣ:—я не пью и мои пріятели тоже.

— Н-но!.. Можно ль этому быть!.. Мы теперъ на военномъ положенью—sans façon! Увсѣ, знаете, друзья и товарищи, всѣ собраты и борцы за одна идэя, за братья-славьяне, за сшвабода! Надо выпить, чортъ возьми! Необходимо надо!.. За наша побѣда!

Въ это время улыбающійся кельнеръ, собственноручно, въ видѣ особой чести, принесъ на подносѣ уже оббитую и подрѣзанную бутылку шампанскаго и четыре стакана. Оба мои товарища и я, не желая заводить исторію, въ ту же минуту поднялись съ мѣстъ и, сдѣлавъ молчаливый полупоклонъ Клецкеру, разомъ покинули нашъ столикъ. Мой „собратъ" передъ кельнеромъ, а кельнеръ передъ „собратомъ" такъ и остались въ позѣ олицетворенныхъ фигуръ взаимнаго недоразумѣнія, не зная что-жь имъ теперь дѣлать съ этою раскупоренною бутылкой.

Послѣ этого, я только одинъ разъ встрѣтилъ Клецкера въ Плоештахъ, и то издали. Онъ былъ одѣтъ въ двубортный китель, какіе носятъ гражданскіе чиновники военнаго вѣдомства, но конечно безъ погонъ и безъ свѣтлыхъ пуговицъ: на головѣ все та же бѣлая офицерская фуражка съ кокардой, на ногахъ высокіе сапоги съ настежными шпорами, черезъ плечо, на узенькомъ ремешкѣ, черкесская шашка, а изъ-за голенища торчитъ конецъ казачьей нагайки. Такую „форму" носили тогда многіе „гасппида агэнты" пресловутаго „Товарищества". Они сами себѣ сочинили ее,—„затово что ми теперъ на военному положенью и чтобы часомъ хто по ошибка не далъ намъ увъ морда".

VIII.

Война уже близилась къ концу. Въ послѣднихъ числахъ декабря наши войска съ боемъ перешли за Балканы и быстро, усиленными переходами, стягивались съ разныхъ сторонъ къ Адріанополю. Въ этомъ концентрическомъ наступленіи, Троянскій отрядъ, въ которомъ находился и я, составлялъ промежуточное звено между отрядами генераловъ Гурко и Скобелева 2-го и двигался, по переправѣ черезъ Марицу у Іени-Магале (близь Чирпани), на города Хаскіой, Германлы и Мустафа-Паша-Кёпри-су.

Въ теченіе всей кампаніи я велъ свой дневникъ, стараясь, по возможности ежедневно, подъ самымъ свѣжимъ впечатлѣніемъ, на-скоро, карандашемъ заносить въ него все видѣнное и слышанное, все достойное почему либо вниманія,—и вотъ что, между прочимъ, было записано въ моей карманной книжкѣ подъ 12-мъ числомъ января 1878 года:

„Съ разсвѣтомъ отрядъ нашъ выступилъ изъ Хаскіоя. На этомъ переходѣ начались такія картины ужасовъ и разоренія, предъ которыми блѣднѣетъ все доселѣ видѣнное нами въ этомъ родѣ.

„Уже съ 9-го января начали попадаться на дорогѣ человѣческіе трупы, преимущественно стариковъ, женщинъ и дѣтей: все это, какъ наиболѣе дряхлое, слабое и больное, покидалось турецкими бѣглецами на жертву морозу. На протяженіи всего пути, словно отдѣльные острова или оазисы смерти, встрѣчались слѣва и справа остатки ночлежныхъ биваковъ турецкаго населенія, гдѣ валялось всяческое тряпье, домашняя утварь, мѣшки съ просыпанною кукурузой и фасолью, но нигдѣ не замѣчалось ни малѣйшихъ слѣдовъ костра: окрестности были совершенно безлѣсны, безкустарны, и потому бѣглецамъ неоткуда было достать топлива. На бивачныхъ мѣстахъ человѣческія тѣла попадались цѣлыми группами и рядомъ съ ними валялось множество дохлаго и околѣвающаго скота, по большей части, съ отмороженными ногами. Все турецкое населеніе, не только мѣстное, румелійское, но и перекочевавшее сюда еще лѣтомъ изъ Болгаріи, пораженное теперь величайшею паникой, поголовно, цѣлыми ордами и караванами, бѣжало въ трепетѣ къ югу, само не зная куда, при одномъ лишь слухѣ о приближеніи Русскихъ. При

Выст. въ Имп. Акад. Худож. въ СПБ. „Искушеніе". Сцена изъ древней жизни.
Карт. проф. Г. Семирадскаго, грав. Ю. Барановскій.

этомъ, во время бѣгства, турки цѣлыми сотнями и тысячами замерзали по ночамъ на поляхъ, мёрли отъ болѣзней, мёрли отъ голода, отъ изнеможенія, и хотя претерпѣвали всяческія лишенія, тѣмъ не менѣе бросали все обременяющее, лишь бы не замедлить своего бѣгства: бросали не только пожитки, лишнюю одежду и необходимые запасы продовольствія, но даже матери выбрасывали на дорогу полузамерзшихъ, не успѣвшихъ еще умереть грудныхъ младенцевъ: родители покидали на произволъ судьбы, на холодныхъ полевыхъ ночевкахъ, и болѣе взрослыхъ, но все же безпомощныхъ своихъ дѣтей, которыхъ потомъ не мало подобрали и спасли отъ смерти наши солдаты. Вдали, тамъ и сямъ курились пожарища сожигаемыхъ бѣглецами турецкихъ и болгарскихъ селеній. Въ воздухѣ носились стаи воронъ, отовсюду слетавшихся къ мѣстамъ покрытымъ мертвечиной, и бездомныя, одичалыя собаки понуро пробирались сторонкой по полямъ туда же. Но все это ничто, въ сравненіи съ тѣмъ, что представилось намъ 12-го января. Вся дорога отъ Хаскіоя до Германлы на протяженіи тридцати-пяти верстъ, явилась однимъ сплошнымъ позорищемъ смерти, крови и слѣдовъ безчеловѣчныхъ истязаній. Все шоссе было сплошь завалено разметанными пожитками, разнымъ отребьемъ, рухлядью, съѣстными припасами, обломками возовъ и трупами. Куда-было ни кинешь взоръ,—повсюду кровь, повсюду масса падали и трупы, трупы, трупы человѣческіе, со страшными, зіяющими ранами... Ѣдешь по шоссе—и нѣтъ возможности выбирать себѣ дорогу между трупами и отребьемъ: она вся, буквально *вся* была завалена ими, и конское копыто поневолѣ, не разбирая, ступаетъ куда попало, по чему-то мягкому, рыхлому, склизкому... Лучше и не глядѣть подъ ноги! По сторонамъ дороги то же самое. Вездѣ и повсюду—полверсты направо и полверсты налѣво—непрерывнымъ рядомъ тянулись эти слѣды крови, смерти и разрушенія. Дѣтскихъ и младенческихъ труповъ было множество. Мертвые турки и болгары валялись рядомъ, нерѣдко впившись одинъ въ другого ногтями и зубами: какъ были въ моментъ предсмертной борьбы, такъ и застыли. Здѣсь уже меньше было замерзшихъ, но за то множество убитыхъ, какъ болгаръ, такъ и турокъ, Множество домашняго скота бродило около дороги: тутъ можно было бы собрать цѣлыя стада буйволовъ, быковъ, коровъ, осликовъ, лошаковъ, козъ и барановъ: но еще бо́льшая масса ихъ успѣла уже переколѣть отъ голода и стужи, и валялась въ быстрыхъ, журчащихъ ручьяхъ и въ придорожныхъ канавкахъ. 12-го января настала вдругъ оттепель, и трупы оттаяли. Струящаяся вода съ шумомъ обмывала всю эту падаль, увлекая своимъ теченіемъ трупы дѣтей, козлятъ и барашковъ, какъ болѣе легкіе. Каждый шагъ на этомъ шоссе свидѣтельствовалъ, что здѣсь недавно происходило лютое, нещадное побоище *). То была дорога крови и смерти. Картины, одна другой ужаснѣе, одна другой безобразнѣе, отвратительнѣе, шли намъ на встрѣчу всѣ 35 верстъ подъ-рядъ, и некуда было отъ нихъ укрыться, неначемъ отдохнуть глазу. Всѣ мы, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ нашего пути, испытывали нудное чувство тошноты; невольно мутило при видѣ всей этой мертвечины.

(Оконч. въ слѣд. №).

Прорицатель.

Историческій разсказъ Н. Кирилова.

(Продолженіе).

III.

Императоръ Павелъ Петровичъ тогда только что поселился въ неотстроенномъ еще Михайловскомъ дворцѣ. Онъ занялъ апартаменты нижняго этажа, выходящіе окнами на Фонтанку и на Караванную. Главный караулъ расположенъ былъ у входа съ Караванной площади, добавочный стоялъ со стороны Лѣтняго сада. Въ за́мкѣ верхняго этажа ежедневно производились лѣпныя работы итальянскими мастерами, и государь нерѣдко заглядывалъ туда, интересуясь каждымъ новымъ орнаментомъ. Послѣ Гатчинскаго, болѣе всѣхъ другихъ дворцовъ императоръ любилъ Михайловскій дворецъ. „Вотъ мое тихое убѣжище“, говорилъ онъ часто своему преда́нному слугѣ и приближенному Кутайсову.

Въ этотъ день былъ большой парадъ и разводъ. Распущенная и изнѣженная во времена Екатерины гвардія, не привыкшая къ военнымъ экзерциціямъ въ такіе холода каковъ былъ 12-го декабря, вызвала во впечатлительномъ государѣ гнѣвъ и дурное расположеніе духа. Многіе были разжалованы, другіе отдѣлались только гауптвахтой. Государь ранѣе обыкновеннаго ушелъ въ кабинетъ и отдалъ приказаніе Кутайсову, чтобъ къ нему никого не впускать.

— Гдѣ тетрадь, что далъ я тебѣ намедни? спросилъ государь Кутайсова.

— На столѣ у вашего величества, отвѣтилъ онъ.

Государь заперъ за собой дверь. Лежавшій у входа на подушкахъ любимый шпицъ императора кинулся было ласкаться, но замѣтивъ строгій видъ государя, тихо вернулся на свое мѣсто.

Императоръ долго стоялъ у окна. Слабый свѣтъ фонарей едва мерцалъ въ морозномъ воздухѣ, а по выровненному снѣгу плацъ-парада разстилался блѣдно-палевый свѣтъ луны.

— Распущено все! тихо проговорилъ государь.—Безвѣріе и вольнодумство, вѣрности долгу и государю трудно теперь искать въ подданныхъ... Не понравилась дисциплина, строгость, и явились крамольники.

Государь нахмурилъ брови и началъ быстро ходить по кабинету.

Подойдя къ столу, онъ взялъ въ руки небольшую тетрадь толстой синей бумаги, исписанную полууставомъ, и началъ ее перелистывать; сѣлъ за столъ и углубился въ чтеніе. По временамъ онъ дѣлалъ отмѣтки на поляхъ, нерѣдко вздыхалъ, а иногда осѣнялъ себя крестнымъ знаменіемъ.

Прошло болѣе часу. Золотые съ амурами куранты, стоявшіе на мраморномъ каминѣ, уже пробили десять часовъ, а государь все еще не отрывался отъ заинтересовавшей его тетради.

„Это слова свыше, это слова истины!“ проговорилъ онъ, окончивъ чтеніе и грустно смотря на большой, висѣвшій какъ разъ противъ письменнаго стола портретъ своего отца. На лицѣ его уже не видно было болѣе гнѣва; изъ голубыхъ глазъ его, на которые навернулись слезы, свѣтило теплое, задушевное чувство...

„Сказаніе сбылось: сколько предначертано, столько и процарствовала“, замѣтилъ про себя государь, вставая съ кресла и собираясь ходить по кабинету, но изъ боковой двери показался Кутайсовъ. Неожиданность встревожила государя, краска гнѣва выступила на лицо.

— Ты зачѣмъ здѣсь? строго спросилъ онъ вошедшаго.

— Князь Куракинъ привезъ монаха, по именному вашего величества приказанію, отвѣтилъ робко Кутайсовъ.

— Ахъ да, да!.. воскликнулъ государь, приложивъ руку ко лбу и отойдя къ окну.—Это правда... я велѣлъ его позвать къ себѣ, хочу съ нимъ говорить... Введи его сюда, а Куракину скажи, чтобы ѣхалъ домой, слабымъ, растроганнымъ голосомъ приказалъ государь.

Въ ту же боковую дверь вошелъ Шлиссельбургскій узникъ, въ костюмѣ послушника, съ широкимъ кожанымъ поясомъ. Высокій ростъ, худое суровое лицо и темно-каріе выразительные глаза еще болѣе выдѣлялись отъ монашеской одежды и придавали вошедшему видъ подвижника первыхъ временъ христіан-

*) Оно, дѣйствительно, такъ и было. Въ ночь на 8 января 20,000 повозокъ бѣглецовъ, растянувшихся на протяженіи болѣе сорока верстъ, слѣдовали къ Адріанополю, подъ прикрытіемъ нѣсколькихъ батальоновъ изъ разбитой арміи Сулеймана, коихъ авангардъ наткнулся у деревни Девралы на отрядъ полковника Панютина и первый открылъ по немъ огонь. Нашъ гранатный огонь и аттака обоихъ фланговъ заставили турокъ бѣжать. Обозы, слѣдовавшіе позади батальоновъ въ двѣ и въ три повозки рядомъ, пришли въ крайнее замѣшательство: бывшіе впереди, подъ гранатнымъ огнемъ, поспѣшили повернуть назадъ, тогда какъ задніе, ничего еще не зная о случившемся, продолжали двигаться впередъ; такимъ образомъ между тѣми и другими произошло столкновеніе. Напирали съ обѣихъ сторонъ—одни по невѣдѣнію, другіе стараясь поскорѣе выбраться изъ-подъ выстрѣловъ. Дорогу загромоздили такъ, что ни взадъ, ни впередъ нельзя уже было двинутся. Темная ночь и общая паника сдѣлали то, что въ этой кашѣ пошли взаимная перепалка между своими и взаимное избіеніе, къ которому присоединился еще грабежъ черкесовъ и баши-бузуковъ; остальное докончили болгары. Жестокое побоище на протяженіи всей дороги длилось цѣлую ночь.

ства. Онъ палъ на колѣни и твердымъ металлическимъ голосомъ проговорилъ:

— Кладу земной поклонъ передъ тобой, великій царь многихъ народовъ, передъ всесильнымъ защитникомъ вѣры христіанской и благочестія.

— Встань! приказалъ государь, пристально смотря на него. Его поразилъ строгій видъ и смѣлые, выразительные глаза Авеля. Это былъ не смиренный монахъ, подавленный величіемъ монарха, это былъ строгій проповѣдникъ съ непоколебимою энергіей.

Авель всталъ. Глаза государя встрѣтились съ его взглядомъ.

— Я прочелъ твою тетрадь, она меня заинтересовала, сказалъ императоръ неровнымъ голосомъ.

— Что написано въ ней, государь, не мои слова, а слова небесныхъ книгъ, видѣнныхъ мною въ пустынѣ. Вѣрь, великій государь, что видѣлъ, то и писалъ, и нѣтъ тамъ лжи, а одна истина.

Императоръ, сложивъ руки и облокотившись о столъ, опустя голову, долго думалъ.

— Не понялъ я, вдругъ началъ онъ, — одного мѣста, гдѣ говорится о покойной императрицѣ, аки-бы на нею сынъ возстанетъ. Что это означаетъ? Я не преступалъ принятой мною присяги.

— Возстаніе есть двоякое: иное дѣломъ, а иное словомъ и мыслею. Не возставая на тронъ, ты возставалъ противъ покойной родительницы твоей мыслею, не соглясуясь съ ея велѣніями; словомъ—возражая ея хотѣніямъ; а нынѣ, во власть облеченный, ты возстаешь дѣломъ, снискивая себѣ полноту пути славы и чести.

— Правду, правду говоришь, нервно отвѣтилъ государь и глубоко вздохнулъ.—Что началъ и не докончилъ мой отецъ, то я исполню.

Государь задумчиво сталъ ходить по кабинету, потомъ сталъ у окошка и слабый свѣтъ луны озарилъ его грустное лицо.

— Послушай, началъ онъ тихо, смотря на него блуждающими глазами;—не можешь-ли сказать мнѣ: сколько я процарствую?

— Великій государь! во власти-ли человѣка знать о будущемъ?.. ровнымъ, спокойнымъ голосомъ отвѣтилъ Авель.—Отъ жизни царей, продолжалъ онъ,—зависятъ судьбы царствъ и народовъ. Въ Библіи и Апокалипсисѣ много писано о нашихъ князьяхъ, но уразумѣть писанное можно только по Божьему изволенію. Не знаю, государь, могу-ли отвѣтить на твой вопросъ, какъ указано будетъ свыше...

— Иди за мной, перебилъ его государь.

Государь отодвинулъ ширмы обитыя дорогимъ гобеленомъ и ввелъ Авеля въ свою опочивальню. Шпицъ началъ было рычать, но государь остановилъ его рукою.

Въ углу стоялъ кіотъ полный дорогихъ образовъ, передъ кіотомъ стоялъ аналой и теплилась лампада. Государь вынулъ изъ шкапа Библію и Апокалипсисъ и положилъ на аналой.

— Вотъ книги Священнаго Писанія, молись и отвѣть мнѣ на мой вопросъ, сказалъ онъ, отойдя въ сторону и набожно смотря на монаха.

Авель началъ класть земные поклоны, долго молился, потомъ развернулъ одну книгу, другую, что-то перечитывалъ, затѣмъ еще долго молился, обратился къ государю и началъ тихимъ, но внушительнымъ голосомъ:

— Будешь-ты царствовать не долго, но крѣпкою десницею будешь держать на Руси власть царскую, началъ онъ.— Тебѣ поклонятся иноземные монархи: иныхъ ты облагодѣтельствуешь; иные, потерявъ тронъ, снова возсядутъ на немъ во всемъ блескѣ и сіяніи.

Проговоривъ это, Авель бросился въ ноги къ государю и цѣлуя ихъ началъ просить:

— Прости меня, государь, прости недостойнаго раба твоего, что осмѣлился раскрыть предъ очами твоими книгу живота и судебъ. Не моими скверными устами говорить такія предвѣщанія, не мнѣ-бы окаянному браться за такое дѣло.

— Встань, встань, едва проговорилъ императоръ.—Я самъ хотѣлъ этого, ты только исполнилъ мою волю... Да будетъ святая воля Его! сказалъ немного погодя государь, глубоко вздохнувъ и набожно перекрестившись. Государь вернулся съ Авелемъ въ кабинетъ и отъ волненія и усталости сѣлъ въ кресло и задумался. Передъ нимъ начали рисоваться картины прошлаго—мелькнули смиренный образъ государыни Маріи Ѳеодоровны и величественная фигура покойной матери; поочередно приходили на память сподвижники Екатерины, еще оставшіеся на государственныхъ постахъ. Государь былъ растроганъ и разстроенъ. Облокотясь на руки, онъ началъ тихо плакать, и горячія слезы одна за другою закапали на лежавшую передъ нимъ тетрадь. Стоявшій у стола Авель опустился на колѣни, цѣлуя полы государева кафтана.

— Молись за меня, проговорилъ государь порывистымъ голосомъ,—молись неустанно, чтобы Господь-Богъ укрѣпилъ мой правъ, осѣнилъ мой разумъ предвидѣніемъ. Не о себѣ сердце болитъ, а о судьбѣ великаго народа, за который, видитъ Богъ, душу готовъ положить, проговорилъ государь восторженно, вставая съ кресла и отирая глаза платкомъ.

Спустя нѣсколько времени государь успокоился: Авель, стоя въ углу кабинета, ожидалъ приказаній.

— Ну, благодарю тебя, сказалъ государь.—Не имѣешь-ли нужды въ чемъ?

— Щедроты твои велики, государь; прикажи избавить меня отъ темницъ и стражей, въ которыя заточенъ я при покойной императрицѣ отъ Соймонова, тихо проговорилъ Авель.

— Вѣдь тебя освободили. Можетъ быть еще что желаешь?

— Осмѣлюсь еще просить: разрѣши вернуть мнѣ мой монашескій чинъ, котораго лишили меня въ Костромѣ, просилъ Авель, въ земь поклонившись государю.

— Хорошо, хорошо, отвѣтилъ государь и, написавъ наскоро записку, дернулъ за сонетку, послѣ чего вошелъ Кутайсовъ.

— Отвези его къ генералъ-прокурору и отдай ему эту записку, приказалъ государь.

Въ запискѣ было написано:

„Князь Александръ Борисовичъ.—Всемилостивѣйше повелѣваемъ содержащагося въ Шлиссельбургской крѣпости крестьянина Васильева освободить и отослать, по желанію его, для постриженія въ монахи, къ Гавріилу митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому. Павелъ“.

Ходившіе у оконъ часовые видѣли въ кабинетѣ государя свѣтъ до самаго утра. Дежурные и ординарцы, собравшіеся во дворцѣ въ 7 часовъ, были удивлены, что государь еще не выходилъ изъ своихъ покоевъ. Всѣ шептались, высказывали свои догадки, но никто не зналъ настоящей причины, исключая князя Куракина и Кутайсова.

Въ девять часовъ былъ позванъ къ государю генералъ-прокуроръ и черезъ него былъ переданъ указъ сенату о замѣнѣ лицъ занимавшихъ дворцовые и высшіе государственные посты. Въ связи съ обнародованными перемѣнами, по городу стали ходить слухи о какомъ-то монахѣ, прорицателѣ, о пребываніи его въ Александро-Невскомъ монастырѣ. Слухи эти еще болѣе увеличились, когда стало извѣстно, что былъ посланъ отъ генералъ-прокурора коллежскій ассесоръ Крюковъ въ лавру, освѣдомиться, не терпитъ-ли Авель какой-нибудь нужды и всѣмъ-ли доволенъ.

IV.

Прошло три года строгаго царствованія. Раздражительность государя становилась сильнѣе, а вмѣстѣ съ нею развивалась мнительность и подозрительность противъ своихъ приближенныхъ. Государь ни съ кѣмъ не хотѣлъ говорить, ни о себѣ, ни о дѣлахъ. Малѣйшій намекъ по этому поводу приводилъ его въ негодованіе: онъ отдавалъ только приказанія и требовалъ безусловнаго исполненія.

Не смотря на тяжелыя черты характера, государь имѣлъ свѣтлый умъ и хорошо умѣлъ цѣнить и узнавать людей: Давъ, напримѣръ, бездомному королю Французовъ роскошный пріютъ въ Митавѣ, поддерживая съ нимъ самыя ласковыя отношенія. тѣмъ не менѣе онъ оцѣнивалъ короля по достоинству. Въ рескриптѣ Суворову, посланному въ Италію, государь прямо высказался, что „король Французовъ есть человѣкъ ученый, скрытный и хотя приготовленный на все, но великій охотникъ царствовать. не бывъ еще на престолѣ“.

Оцѣнка весьма мѣткая, тѣмъ болѣе, что императоръ поддерживалъ пріязненныя отношенія и открылъ широкое гостепріимство Людовику XVIII только во имя принципа, но не какъ человѣку, котораго онъ считалъ далеко ниже своего предназначенія. Не возбудили лишнихъ симпатій къ королю неудачный походъ въ Италію и вѣроломный обманъ Австріи. Это только раздражало государя. А такъ какъ въ то время событія шли быстрѣе мысли, и раздавленная Наполеономъ Австрія получила справедливое возмездіе, то это сдѣлало только то, что въ глазахъ императора Павла самодержавный военный геній Наполеона затмилъ жалкій образъ бездомнаго и притязательнаго короля изъ Бурбоновъ.

Въ пріемной залѣ Михайловскаго дворца ожидало выхода государя нѣсколько генераловъ, высшихъ сановниковъ, а также аббатъ Фирмонъ, посланный Людовикомъ XVIII изъ Митавы, для поднесенія государю стариннаго французскаго ордена *Святаго Духа*. Умное и выразительное лицо аббата, отличавшагося строгою жизнью и пріобрѣтшаго себѣ всеобщее уваженіе своими христіанскими добродѣтелями, своимъ независимымъ, слегка надменнымъ выраженіемъ, указывало на ирландское происхожденіе придворнаго духовника. Онъ стоялъ въ сторонѣ отъ присутствующихъ, скромно уступая мѣста ближайшія къ дверямъ, откуда ожидали государя, генералитету и сановникамъ.

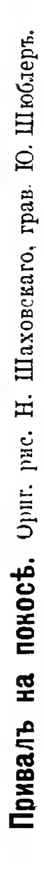
Вышедшій изъ кабинета государя генералъ-адъютантъ графъ Кутайсовъ объявилъ присутствующимъ, что государь принимать сегодня не будетъ, но подойдя къ аббату тихо прибавилъ, что его величеству угодно поговорить съ нимъ наединѣ.

Залы скоро опустѣли. Чрезъ нѣсколько минутъ аббата пригласили въ кабинетъ, гдѣ онъ, ставъ на колѣни, поднесъ государю императору орденъ *Святаго Духа*, сказавъ при этомъ соотвѣтственное привѣтствіе. Государь былъ очень доволенъ.

— Отъ души радъ имѣть этотъ орденъ, сказалъ онъ, принимая его.—Это одинъ изъ древнѣйшихъ орденовъ Франціи и съ девизомъ непоколебимости французскаго трона?

— Точно такъ, отвѣтилъ аббатъ, низко поклонившись и держа руку около сердца въ знакъ признательности за поддержку императоромъ этого девиза.

XV Передвижная выставка въ СПБ. „Пушкинъ у Гоголя“. Карт. акад. М. П. Клодта, грав. Ю. Барановскій.

Привалъ на покосѣ. Ориг. рис. Н. Шаховскаго, грав. Ю. Шюблеръ.

— Но событія идутъ быстрѣе нашихъ предположеній, да и помимо нашей власти, замѣтилъ государь, слегка вздохнувъ.

— Царь царствующихъ одарилъ своихъ помазанниковъ божественнымъ правомъ, не сокрушимымъ ни превратностями жизни, ни суровыми уроками слѣпаго случая, нашелся доминиканецъ.

— Это правда ваша, отецъ, троны непоколебимы, хотя династіи мѣняются, сказалъ государь, намекая на послѣднія французскія событія. Но желая перемѣнить разговоръ, государь быстро спросилъ аббата:—Вы, кажется, напутствовали несчастнаго короля Людовика XVI?

— Да, ваше величество, скромно отвѣтилъ аббатъ,—мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ величайшаго человѣческаго безумія, я сопровождалъ короля-мученика на эшафотъ, мнѣ пришлось сказать ему послѣднее напутственное слово: „Сынъ Людовика Святаго! Восходи на небеса!“

— Разскажите мнѣ поподробнѣе про это событіе, попросилъ государь.

Краснорѣчивый аббатъ охотно исполнилъ просьбу государя, онъ въ потрясающихъ картинахъ представилъ ему бушующую революцію, заточеніе королевской семьи, кровожадный судъ надъ королемъ и наконецъ возмутительную сцену отвратительно-безумнаго пролитія королевской крови.

Государь все время слушалъ аббата, задумчиво смотря на портретъ отца своего. Онъ нѣсколько разъ переспрашивалъ то о томъ, то о другомъ эпизодѣ этой драмы, такъ что аббату въ четвертый разъ приходилось разсказывать о послѣднихъ минутахъ злополучнаго короля Франціи.

Но государь скоро пришелъ въ себя и также неожиданно быстро перевелъ разговоръ на политику. Онъ говорилъ долго, горячо, и аббату пришлось только удивляться тонкой проницательности императора.

На прощаніи государь сказалъ аббату:

— Выберите себѣ, отецъ, изъ моихъ орденовъ любой, какой вамъ нравится.

Это былъ новый ударъ доминиканцу.

— Государь, отвѣчалъ аббатъ,—мой духовный санъ не дозволяетъ мнѣ носить никакихъ знаковъ отличія, кромѣ присвоенныхъ священнослужителямъ. Умоляю ваше величество не отнести этотъ отказъ въ дурную сторону.

Въ отвѣтъ на это государь вручилъ аббату золотую табакерку со своимъ портретомъ, окаймленнымъ рядомъ крупныхъ брилліантовъ, затѣмъ, положивъ руку на эфесъ своей шпаги, съ выраженіемъ горести и негодованія проговорилъ:

— Эта шпага предназначалась служить возстановленію короля Французскаго на престолъ, съ котораго онъ низведенъ мятежемъ; но мнѣ измѣнили мои союзники, и я долженъ только думать объ отмщеніи за себя.

Аббатъ замѣтно поблѣднѣлъ, и отдавъ глубокій поклонъ, удалился, а государь сѣлъ къ рабочему столу и углубился въ чтеніе. Передъ нимъ лежали двѣ записки, доставленныя изъ коллегіи иностранныхъ дѣлъ и написанныя по приказанію государя, одна—Н. П. Панинымъ, другая—Ѳ. И. Растопчинымъ. Записка Панина не понравилась государю потому, что авторъ предлагалъ созвать европейскій конгрессъ, на которомъ онъ участвовалъ-бы отъ лица императора. Государь швырнулъ записку и здѣсь же написалъ повелѣніе о переводѣ графа въ Сенатъ. Записка Растопчина, напротивъ, заинтересовала государя; онъ долго читалъ ее, дѣлалъ помѣтки, а мѣсто характеризующее положеніе Франціи, прочелъ нѣсколько разъ. Больше всего понравились государю строки, гдѣ Растопчинъ указывалъ на желаніе Наполеона сблизиться съ императоромъ.

— Мастерски писано! громко проговорилъ государь, вставъ съ кресла.—„Дружба съ Бонапартомъ? а что-же дѣлать съ королемъ?“ спрашивалъ себя государь. „Что дѣлать съ негодными людьми“, рѣшилъ онъ, „короли потерявшіе тронъ, съ оружіемъ въ рукахъ возвращаютъ его себѣ, а не скитаются бездомниками, заводя повсюду интриги“.

Государь начиналъ гнѣваться, сталъ быстро ходить по кабинету, какъ-бы соображая что-то.

„Я понимаю теперь, что значатъ эти частыя поѣздки его уполномоченнаго къ Строганову, Нарышкину“, продолжалъ разсуждать государь. „Графу Кареману и его королю я не нравлюсь: имъ все мало, они ожидаютъ большаго... Монахъ говорилъ: возвеличится, займетъ свой тронъ... Не пройдя-ли черезъ мой тронъ?.. Нѣтъ, этого не будетъ, ты хитеръ, безчеловѣченъ, неблагодаренъ, ты ищешь поддержки у моихъ враговъ, въ то время когда мнѣ стоитъ только протянуть руку твоему могучему врагу и ты погибъ... Чего поблѣднѣлъ аббатъ, чего онъ испугался?.. Опять вѣрно интриги...“

Государь сильно позвонилъ: вошелъ графъ Кутайсовъ.

— Скажи, чтобы графъ Кареманъ выѣхалъ изъ Петербурга въ 24 часа... Слышишь?!. повторилъ грозно государь, когда Кутайсовъ высказалъ было недоумѣніе.

На другой день государь повелѣлъ, чтобы пакеты, адресованные графу Кареману, доставлялись ему. Дня черезъ три ему доставили королевскій пакетъ, въ которомъ онъ вычиталъ слѣдующія строки, писанныя рукою короля: „прослѣдите агентовъ Бонанарта, которые, говорятъ, имѣютъ вліяніе на императора. Поддерживайте связи и старайтесь знать все, что дѣлается при дворѣ. До меня доходятъ нехорошіе слухи...“

Гнѣву государя не было предѣла. Онъ велѣлъ позвать къ себѣ курьера и тотчасъ-же написалъ курляндскому военному коменданту, графу Ферзену, слѣдующее повелѣніе:

„Генералъ,—Проживающему въ Митавѣ графу де-Лилю, именующему себя королемъ Французовъ, повелѣно немедленно, въ двадцать четыре часа, оставить предѣлы моей имперіи. Исполненіе моего повелѣнія оставляю на вашей отвѣтственности.

Павелъ“.

Въ эту ночь государь спалъ очень дурно. Онъ видѣлъ во снѣ монаха, который показывалъ ему съ одной стороны высокій золотой тронъ, на которомъ возсѣдалъ Людовикъ XVIII, и съ другой—бархатный балдахинъ и золотой гробъ. Проснувшись съ головною болью, съ трудомъ избавившись отъ тяжелаго сна, государь, едва передвигая ноги, дошелъ до кабинета и позвалъ къ себѣ Кутайсова.

— Съѣзди, любезный графъ, обратился къ нему ласково государь,—въ Александро-Невскую лавру, и распроси наединѣ монаха Авеля: не нужно-ли ему чего, доволенъ-ли онъ всѣмъ? Съѣзди поскорѣе и пріѣзжай, дай мнѣ знать.

Кутайсовъ уѣхалъ. Государь, сидя въ креслѣ, тихо задремалъ. Прошло добрыхъ два часа, началась смѣна карауловъ, ко дворцу уже начинали съѣзжаться, а государь все еще спалъ. Наконецъ Кутайсовъ вернулся и осторожно вошелъ въ кабинетъ.

— А! это ты, Кутайсовъ, испугалъ меня...

— Исполнилъ приказаніе Вашего Величества, доложилъ Кутайсовъ.—Монахъ Авель всѣмъ доволенъ и имѣетъ одну только просьбу къ Вашему Величеству—отпустить его въ Іерусалимъ, поклониться Гробу Господню.

Государь задумался.

— Скажи чтобъ отпустили и пошли ему отъ меня сто золотыхъ на дорогу. Да напиши покуда благодарность настоятелю за исполненіе моихъ приказаній.

Сдѣлавъ такое распоряженіе, императоръ ушелъ въ опочивальню, для приготовленія къ утреннимъ пріемамъ.

(Оконч. въ слѣд. №).

Алмазы и другіе драгоцѣнные камни.

Очеркъ.

(Окончаніе).

Во Франціи, страстнымъ любителемъ брилліантовъ былъ Людовикъ XIV; по его желанію, актеры и актрисы играли на придворныхъ спектакляхъ не иначе какъ въ костюмахъ убранныхъ настоящими камнями, а на одномъ праздникѣ, устроенномъ въ честь персидскаго посланника, король былъ въ бархатномъ камзолѣ, расшитомъ золотомъ и брилліантами, на сумму 12½ милліоновъ франковъ. Костюмъ этотъ поражалъ своимъ великолѣпіемъ, но былъ такъ тяжелъ, что король едва могъ досидѣть въ немъ до конца. Достигнувъ совершеннолѣтія, Людовикъ поручилъ Кольберу пріобрѣсти большую шкатулку, наполненную множествомъ разныхъ драгоцѣнностей, въ видѣ перстней, запонокъ, браслетовъ, табакерокъ и другихъ вещицъ, назначенныхъ для подарковъ придворнымъ любимцамъ и любимицамъ. Жены и дочери зажиточныхъ буржуа соперничали съ аристократками и часто даже превосходили послѣднихъ цѣнностью своихъ парюръ; такъ, у одной разбогатѣвшей прачки были брилліанты, ничѣмъ не уступавшіе брилліантамъ королевы. Самая лучшая коллекція драгоцѣнностей находилась въ то время у г-жи де-Монтеспанъ, очень охотно принимавшей цѣнные подарки. Видное мѣсто въ этой коллекціи занимали два золотые кубка, осыпанные брилліантами и смарагдами, стоившіе 10.000 франковъ и поднесенные красавицѣ братомъ короля, и мебель съ алмазами, подаренная Людовикомъ для ея будуара и салона въ замкѣ „Диронъ“. Другая фаворитка—дѣвица Лавальеръ, окончившая свою жизнь въ монастырѣ, явилась на обрядъ постриженія въ роскошнѣйшихъ брилліантахъ, а нѣкоторые богачи уносили съ собой свои драгоцѣнности даже въ могилу. Въ 1715 году, когда разстроенные финансы потребовали значительныхъ сокращеній въ бюджетѣ, самъ король рѣшился экономничать и истратилъ на драгоцѣнности всего только 369.776 ливровъ. Въ эпоху регентства Филиппа Орлеанскаго, былъ пріобрѣтенъ для малолѣтняго Людовика XV за 2½ милліона франковъ знаменитый солитеръ, извѣстный впослѣдствіи подъ названіемъ „регента“. Этотъ камень, украденный въ Голкондѣ однимъ англичаниномъ, былъ по очереди предлагаемъ всѣмъ европейскимъ монархамъ, но никто, кромѣ Филиппа, не рѣшился на такую колоссальную затрату. Въ XVIII вѣкѣ, богатѣйшее собраніе драгоцѣнностей

сосредоточивалось у виконтессы Дюбарри. Всѣ эти драгоцѣнности, оцѣненныя въ 2 милліона ливровъ, хранились въ Люсьенскомъ замкѣ, въ роскошномъ шкапу изъ севрскаго фарфора, который самъ стоилъ 80.000 ливровъ. Тутъ было 140 крупныхъ алмазовъ, 300 большихъ жемчужинъ, 700 брилліантовъ — чистѣйшей воды, 3 исполинскіе рубина, 7 изумрудовъ, всевозможныя колье, браслеты, серьги, кольца, цѣпочки, изящныя золотыя и эмалевыя нарюры, рѣдкіе камеи, кораллы и янтари, артистической работы вещицы изъ серебра, слоновой кости и перламутра, однимъ словомъ—масса разныхъ драгоцѣнностей. По счетамъ парижскихъ ювелировъ видно, что съ 1768 по 1774 годъ, виконтесса накупила у нихъ разныхъ вещей на 2 милліона ливровъ. Впослѣдствіи часть этой коллекціи пошла на уплату долговъ Дюбарри, а часть была похищена прислугой изъ знаменитаго шкафа, но тотчасъ же найдена въ Лондонѣ и почти цѣликомъ возвращена владѣлицѣ. Во время террора, виконтесса погибла на эшафотѣ жертвой санъ-кюлотовъ, смотрѣвшихъ съ завистью на ея богатство. Королева Марія-Антуанетта была также страстною любительницей драгоцѣнностей; не смотря на постоянныя увѣщанія своей матери, императрицы австрійской, Маріи Терезіи, она, до послѣднихъ дней своего царствованія, тратила громадныя суммы на покупку новыхъ брилліантовъ.

Во времена Директоріи, введенная въ моду простота костюма оттѣснила драгоцѣнности на второй планъ, но все-таки женщины не могли разстаться со своими украшеніями и стали, по примѣру дикихъ, носить кольца и браслеты на пальцахъ ногъ и кругомъ колѣнъ, въ видѣ подвязокъ. Супруга Наполеона I, императрица Жозефина также очень щеголяла своими драгоцѣнностями и являлась на каждомъ балѣ въ новой парюрѣ. У нея были великолѣпные алмазы, сафиры и изумруды, и въ числѣ другихъ цѣнныхъ вещей тончайшая вуаль изъ настоящаго кружева, вся унизанная жемчугомъ и стоившая милліонъ франковъ.

Въ настоящее время самымъ большимъ алмазомъ въ свѣтѣ считается принадлежащій императору Бразильскому: онъ величиною съ куриное яйцо, не ограненъ и вѣситъ 1680 каратовъ, т. е. 80½ золотниковъ; но по мнѣнію Моне, это не алмазъ, а топазъ. Второй по величинѣ алмазъ находится на островѣ Борнео, у раджи Маттанскаго, вѣситъ 367 каратовъ. Третій алмазъ,—собственность королевы Викторіи, извѣстенъ подъ именемъ „Коэ-нуръ" (горы свѣта). До 1850-го года, онъ принадлежалъ Великому Моголу и вѣсилъ 279 каратовъ. Теперь, отъ огранения, онъ сталъ много меньше, но за то гораздо красивѣе и цѣннѣе. Сообразуясь съ обыкновеннымъ прейсъ-курантомъ, онъ долженъ стоить не менѣе 12-ти милліоновъ рублей.

Четвертый алмазъ находится у нашего Государя, онъ вѣситъ 195 каратовъ, ограненъ въ видѣ ромбовъ, величиною съ орѣхъ и вставленъ въ скипетръ. Онъ былъ купленъ въ 1772 году императрицею Екатериною II у армянина Лазаря за 450,000 рублей серебромъ и 4000 руб. сер. пожизненной пенсіи.

Пятый алмазъ, извѣстный подъ именемъ великаго князя Тосканскаго, находится у императора Австрійскаго, вѣситъ 139 каратовъ и ограненъ въ видѣ двойной розы, съ нѣсколько желтоватымъ оттѣнкомъ.

Шестой алмазъ—императора французовъ, въ 137 каратовъ, очень красивъ и отличается замѣчательно чистою водой; онъ называется „регентомъ" или „Питтомъ", потому что, какъ упомянуто выше, былъ купленъ регентомъ Филиппомъ Орлеанскимъ у англичанина Питта. До шлифовки, продолжавшейся два года, онъ вѣсилъ 410 каратовъ. У Наполеона онъ былъ вдѣланъ въ шпагу и, разсказываютъ, что, послѣ сраженія при Ватерлоо, онъ вмѣстѣ съ другими вещами, находившимися въ походной каретѣ императора, достался пруссакамъ и хранится съ тѣхъ поръ въ Берлинскомъ Эрмитажѣ. Всѣ перечисленные алмазы—Остъ-Индскіе. Изъ Бразильскихъ самый большой алмазъ „Южная звѣзда"; онъ найденъ въ 1853 году и вѣситъ 254 карата. Кромѣ него извѣстны еще два неограненные алмаза: первый, въ 120 каратовъ, принадлежитъ Португальской королевѣ, второй, въ 49 каратовъ, — собственность паши Египетскаго.

Послѣ императорскихъ алмазовъ, первое мѣсто занимаетъ алмазъ „Санси"—покойнаго Демидова князя Санъ-Донато, купленный въ Парижѣ за 500,000 франковъ.

Въ заключеніе, остается сказать нѣсколько словъ о жемчугѣ, занимающемъ такое видное мѣсто въ ювелирномъ производствѣ и, по изяществу и цѣнности, нисколько не уступающемъ драгоцѣннымъ камнямъ.

Какъ извѣстно, жемчугъ есть не что иное, какъ болѣзненное отдѣленіе изъ моллюска угле-кислой извести, осаждающейся на перламутрѣ раковины въ видѣ отдѣльныхъ капель. Жемчужницы водятся около о-ва Цейлона, около Панамскаго перешейка, въ Красномъ морѣ и въ нѣкоторыхъ рѣкахъ Россіи, а самый лучшій жемчугъ добывается въ Персидскомъ заливѣ. Ловля жемчужницъ очень выгодный промыселъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и очень опасный. Опытный водолазъ съ мѣшкомъ и желѣзнымъ скребкомъ опускается на дно отъ 30-ти до 50-ти разъ въ день и, если попадетъ на хорошее мѣсто, собираетъ въ день нѣсколько тысячъ раковинъ. Но часто случается, что, спускаясь на одной веревкѣ безъ колокола, становится самъ жертвой хищной акулы, или же захлебывается, не успѣвъ быть вынутымъ изъ воды. Выловленныя раковины раскладываются на солнцѣ и, по прошествіи нѣкотораго времени, когда животное уже умерло и мясо его сгнило, отдѣляютъ жемчугъ и чистятъ его растертымъ перламутромъ. Самая богатая ловля жемчуга производится у береговъ Панамскаго перешейка, гдѣ ее ведутъ правильно и въ строгомъ порядкѣ. Для полнаго развитія раковины требуется не менѣе 10-ти лѣтъ, поэтому и Панамскій берегъ раздѣленъ на 10 частей для очередной ловли. Жемчугъ въ большомъ количествѣ и лучшаго качества заключается въ раковинахъ—„перловкахъ". Величина жемчуга бываетъ различна: отъ маленькой песчинки и до грецкаго орѣха; цвѣтъ также различный: синевато-бѣлый, розовый, желтый, бурый и даже черный. Цѣнность его зависитъ отъ величины, формы и цвѣта; самымъ дорогимъ считается синевато-бѣлый. Онъ продается, какъ и алмазы, каратами, и цѣнность его увеличивается съ квадратомъ вѣса. Крупныя жемчужины, которыхъ цѣнность достигаетъ иногда очень высокой цифры, называются „парагонами". Существуетъ преданіе, что египетская царица Клеопатра выпила за здоровье Антонія растворъ парагоны, которая стоила бы нашими деньги 1½ милліона руб. сер. Вообще, въ древнія времена, преимущественно въ Римѣ, богачи проглатывали такимъ образомъ и въ видѣ лекарства жемчужины значительной цѣнности.

Поддѣльный жемчугъ, извѣстный подъ названіемъ „бургиньоновъ", состоитъ изъ тонкаго, стекляннаго шарика, покрытаго внутри слоемъ жемчужной эссенціи, придающей стеклу видъ настоящаго жемчуга, и слоемъ воска—для прочности. Эссенція выдѣляется изъ слизи, покрывающей чешуи рыбъ изъ породы „Leucharis", водящейся, между прочимъ, въ Рейнѣ и Боденскомъ озерѣ.

Въ средніе вѣка, люди полные суевѣрія и разныхъ предразсудковъ серьезно вѣрили въ существованіе разныхъ таинственныхъ силъ и, между прочимъ, были глубоко убѣждены, что каждый камень оказываетъ извѣстное вліяніе на носящаго его. Такъ, бирюза приносила счастье въ любви, а аметисты—богатство, хризолитъ служилъ талисманомъ отъ сумасшествія, сафиръ предохранялъ отъ укушенія животныхъ и излечивалъ меланхолію, изумрудъ поддерживалъ бодрость и хорошее расположеніе духа, алмазъ защищалъ отъ всевозможныхъ опасностей, какъ на войнѣ, такъ и въ мирное время, и отгонялъ нечистую силу, рубинъ доставлялъ славу и почести, гранатъ служилъ символомъ вѣрности и преданности, агатъ—храбрости, сердоликъ—дружбы, опалъ предохранялъ отъ болѣзней. Жемчугъ же безусловно считался приносящимъ несчастье: въ доказательство чего приводился примѣръ Маріи Стюартъ и Маріи Антуанеты, постоянно носившихъ жемчугъ. Кромѣ того, каждому мѣсяцу соотвѣтствовалъ извѣстный камень: январю—гранатъ, февралю — агатъ, марту — аметистъ, апрѣлю—изумрудъ, маю—алмазъ, іюню—топазъ, іюлю—рубинъ, августу—сердоликъ, сентябрю—хризолитъ, октябрю — сафиръ, ноябрю—опалъ, декабрю—бирюза. Одинъ философъ замѣтилъ очень остроумно, что „путь къ сердцу женщину усѣянъ драгоцѣнными камнями!" Да и въ самомъ дѣлѣ, нельзя ли объяснить вліяніемъ какой-нибудь таинственной силы непреодолимое влеченіе особъ прекраснаго пола къ блестящимъ каменьямъ, оказывающимъ всегда и вездѣ, на женщинъ всѣхъ странъ и всѣхъ возрастовъ, такое магическое, непобѣдимое дѣйствіе!

Къ рисункамъ.

Лѣтомъ. (Рис. на стр. 568 и 569).

Крошка переживаетъ первое свое лѣто на лонѣ природы, куда до сихъ поръ лишь изрѣдка выносили его на рукахъ. Тележка и кукла, любимыя игрушки въ теченіе скучной зимы—теперь въ пренебреженіи. Кругомъ столько новаго, никогда невиданнаго въ такой близи!.. Это что такое летитъ—легкое какъ пухъ, нарядное какъ цвѣтокъ—птичка?.. нѣтъ, не птичка... И малютка въ восторгѣ тянется схватить мотылька, который кружится надъ цвѣтами, переливаясь радужными красками и не дается въ руки, какъ бы говоря ему:

Дитя кудрявое, любимый нѣжно сынъ
Неувядающаго мая,
Позволь мнѣ жизнію упиться день одинъ,
На солнцѣ радостномъ играя...

Старшіе братишка и сестренка съ нескрываемымъ удовольствіемъ и любовью слѣдятъ за первыми впечатлѣніями...

Немногимъ доступно такое глубокое пониманіе дѣтской души, какимъ дышетъ произведеніе англійскаго художника Гуго Гевенита.

Искушеніе. (Рис. на стр. 573).

Г. Семирадскій, въ промежуткахъ между крупными историческими картинами, охотно обращается къ небольшимъ идилліямъ изъ древне-римской жизни. Одно изъ такихъ граціозныхъ произведеній украшало минувшую выставку въ Академіи Художествъ. Это молодая римлянка со своей собачкой, пробиравшаяся горною тропинкой, быть можетъ, по склонамъ горъ острова Капри... Красавица шла себѣ своей дорогой, беззаботно напѣвая и весьма довольная своей долей, какъ вдругъ на поворотѣ надъ обрывомъ ей мелькнулъ въ глаза голубой клочекъ моря и раззолоченая галера, съ цѣлымъ обществомъ молодыхъ патриціевъ и танцовщицъ... Въ праздничныхъ бѣлыхъ и пурпурныхъ тогахъ и туникахъ, облитые полуденнымъ солнцемъ, увѣнчанные цвѣтами, среди звуковъ музыки, утопая въ роскоши и чувственной нѣгѣ, вотъ они, эти счастливцы земли, несутся предъ нею какимъ-то дивнымъ сномъ изъ сказочнаго міра... И вдругъ, одинъ изъ юношей, помахивая вѣнкомъ, зоветъ ее присоединиться къ веселому кружку... Она такъ молода, такъ ослѣпительно хороша, прелестная дочь Юга!.. Развѣ она не могла бы въ свою очередь быть одною изъ тѣхъ властительницъ, предъ которыми преклоняются всѣ возрасты, вся знать столицы міра?.. Стòитъ захотѣть и пойти на встрѣчу своему счастію... Искушеніе велико, чѣмъ-то оно разрѣшится?.. Художникъ, съ тонкимъ артистическимъ чутьемъ, обходитъ этотъ вопросъ безъ опредѣленнаго отвѣта, оставляя возможнымъ торжество добродѣтели въ душѣ молодой красавицы, которая, къ тому же, быть-можетъ еще и христіанка...

Пушкинъ у Гоголя. (Рис. на стр. 576).

Великій поэтъ-стихотворецъ, какъ извѣстно, первый призналъ великаго поэта-прозаика, если можно такъ выразиться, и достойно оцѣнилъ его геній. Вотъ что писалъ Пушкинъ тотчасъ по выходѣ въ свѣтъ втораго изданія *Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки*: „Какъ изумились мы русской книгѣ, которая заставляла насъ смѣяться, мы, не смѣявшіеся со времень Фонъ-Визина! Онъ (авторъ) съ тѣхъ поръ непрестанно развивался и совершенствовался. Онъ издалъ *Арабески*, гдѣ находится его *Невскій проспектъ*, самое полное изъ его произведеній. Вслѣдъ за тѣмъ явился *Миргородъ*, гдѣ съ жадностью всѣ прочли *Старосвѣтскихъ помѣщиковъ*, эту шутливую, трогательную идиллію, которая заставляетъ васъ смѣяться сквозь слезы грусти и умиленія..." И Гоголь, со своей стороны, безмѣрно дорожилъ этимъ расположеніемъ къ нему и мнѣніями Пушкина, который часто давалъ совѣты сравнительно начинавшему писателю. Извѣстно, что темы двухъ величайшихъ произведеній Гоголя,— *Мертвыхъ душъ* и *Ревизора*—даны ему Пушкинымъ, который не имѣлъ времени, а можетъ быть и охоты, лично заняться ихъ обработкою. Оба поэта, принадлежавшіе къ одному литературному кружку, по временамъ посѣщали другъ-друга. Картина академика М. П. Клодта изображаетъ одну изъ тѣхъ минутъ, когда Пушкинъ, зайдя къ Гоголю и заслушавшись его чтенія, не можетъ сдержать своего смѣха, придающаго своеобразный и доселѣ неизвѣстный публикѣ складъ африканскимъ чертамъ поэта, между тѣмъ какъ обликъ Гоголя остается неподвижно спокойнымъ, какъ всегда бывало во время его высоко-художественнаго чтенія своихъ произведеній...

На покосѣ. (Рис. на стр. 577).

Конченъ страдный день сѣнокоса, скошенная на утренней зорькѣ трава нѣсколько разъ въ теченіе жаркихъ часовъ переворушена граблями, просохла подъ палящимъ зноемъ и сгребена въ копны. У косцовъ еще болятъ плечи и спина отъ размаховъ косы, дѣвушки и молодухи ногъ подъ собой не слышатъ отъ усталости, но русскому человѣку трудъ не въ диковину и, по пословицѣ, съ пѣсней еще лучше спорится... Чуть зашло солнышко и повѣяло прохладой, едва успѣли бабы постарше развести огонь и заварить кулешу на ужинъ чтобъ накормить дѣтей, ужъ раздаются звуки гармоники въ рукахъ одного косца, и молодуха, не выдержавъ, помахиваетъ платочкомъ, приплясывая въ тактъ. Есть чѣмъ и повеселить себя труженикамъ: всю зиму копили и берегли они къ этой порѣ завѣтную ветчинку, а ужъ винца и Богъ велѣлъ припасти на тяжелую работу. Старый дѣдъ и тотъ выползъ изъ-подъ своего шалашика полюбоваться на многочисленную семью. Ночь все надвигается, звучно жуетъ сивка свой кормъ въ телѣгѣ, подъ навѣсомъ вѣтвей, вдали по лугамъ кричатъ перепела и подергиваетъ коростель, миръ и благодать разливаются въ тихомъ воздухѣ, напоенномъ благоуханіями свѣжаго сѣна, кротко выглядываетъ мѣсяцъ изъ-за опушки лѣса, обдавая серебромъ отаву, а пѣсни такъ и несутся по всему пространству покоса, словно всѣ окрестные луга поютъ и радуются...

„Бѣдному семьянину—жена вдова, четверо дѣтей, круглыя сироты"...
Уличные типы. И. С. Панова, грав. Ю. Барановскій.

„Бѣдному семьянину!.."

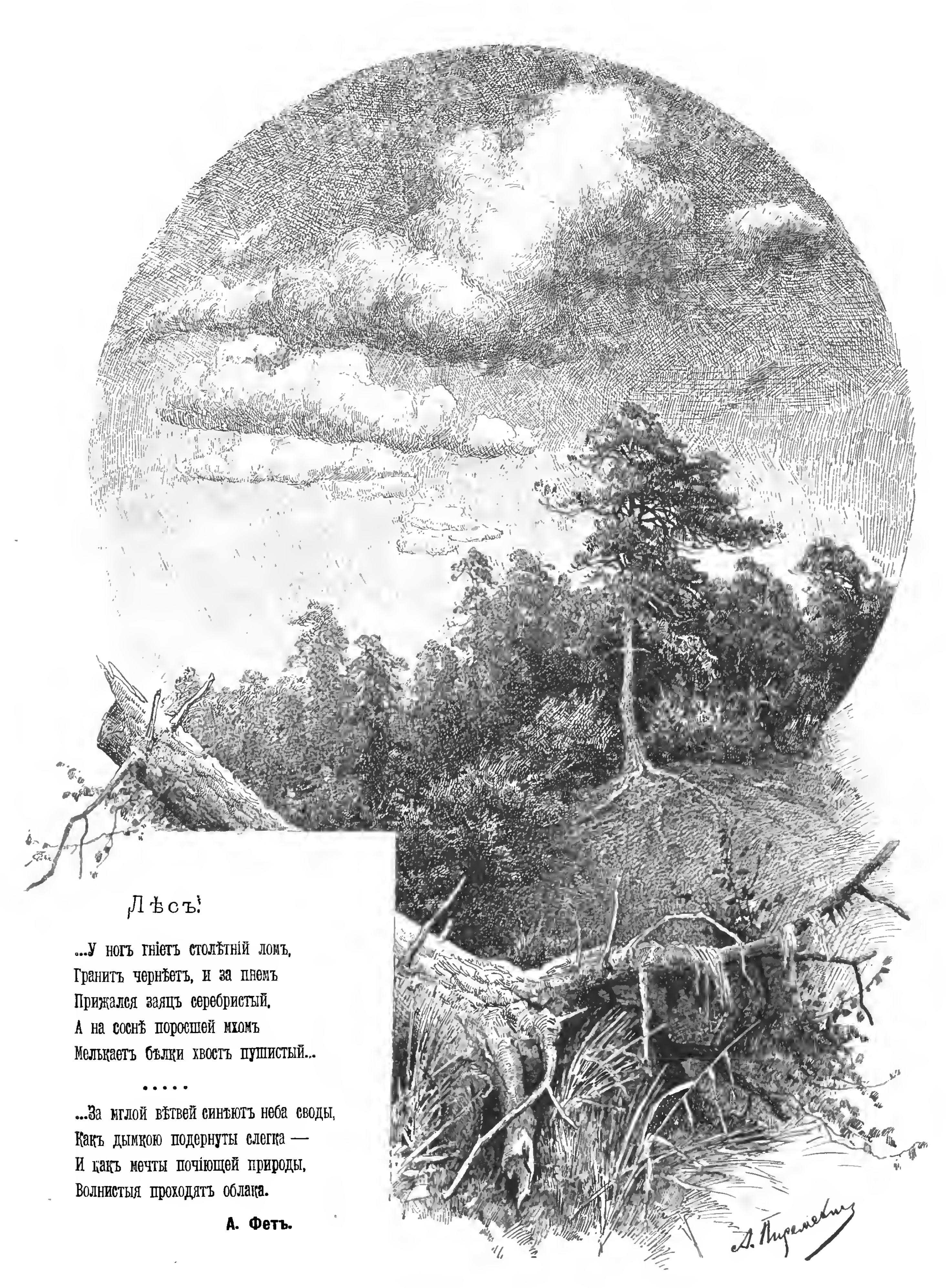
(Рис. на этой стр.).

Покойный И. С. Пановъ отличался большимъ юморомъ и необыкновенно живо воспроизводилъ уличные типы, поражавшіе эту сторону его художественной натуры. Одной подписи, помѣщенной подъ рисункомъ на этой стр., достаточно для полной характеристики изображеннаго на немъ молодца, какими теперь все болѣе и болѣе начинаютъ кишѣть улицы большихъ городовъ. Еще недавно въ Москвѣ такой попрошайка оказался собственникомъ нѣсколькихъ желѣзныхъ лавокъ, предпочитавшимъ однако торговлѣ занятіе своего рода нумизматикой, т. е. собираніемъ монетъ—по улицамъ, при чемъ ежедневный доходъ его, по собственному признанію, доходилъ до 7 рублей.

Гора „Св. Креста". (Рис. на стр. 584 и 585).

Это одинъ изъ самыхъ выдающихся пиковъ такъ-называемаго Скалистаго хребта (Rocky Mountains), служащаго водораздѣломъ рѣкъ Сѣверной Америки. Гора возвышается въ 150 миляхъ къ западу отъ города Денвера, въ штатѣ Колорадо. Названіе дано ей первыми испанскими миссіонерами, вслѣдствіе замѣчательнаго явленія, представляемаго ея вершиною, на которой двѣ широкія трещины или разсѣлины въ нѣсколько сотъ футовъ длины, пересѣкаются подъ прямымъ угломъ, образуя подобіе Св. Креста. Зимою вся вершина горы покрыта снѣгомъ, но лѣтомъ, когда снѣга таютъ и образующіяся воды стекаютъ внизъ по склонамъ горы, образуя горныя рѣчки и водопады, подобные изображеннымъ на картинѣ Морана,—снѣгъ въ глубокихъ трещинахъ креста, какъ бы выдолбленнаго въ горѣ рукою титана-ваятеля, остается во всей неприкосновенности и, благодаря своей бѣлизнѣ, отдѣляясь отъ темныхъ склоновъ горы, видѣнъ на громадномъ разстояніи. Кто можетъ сказать утвердительно что въ этомъ явленіи нѣтъ символическаго значенія, что лишь случайность поставила этотъ священный знакъ на челѣ Горы Св. Креста, почти въ центрѣ великаго матрика Сѣверной Америки?

Большой рисунокъ представляетъ общій видъ окрестностей горы съ ея вершиною на заднемъ планѣ; на маломъ рисункѣ яснѣе видно подобіе Св. Креста.

Лѣсъ.

...У ногъ гніетъ столѣтній ломъ,
Гранитъ чернѣетъ, и за пнемъ
Прижался заяцъ серебристый,
А на соснѣ поросшей мхомъ
Мелькаетъ бѣлки хвостъ пушистый...

.....

...За мглой вѣтвей синѣютъ неба своды,
Какъ дымкою подернуты слегка —
И какъ мечты почіющей природы,
Волнистыя проходятъ облака.

А. Фетъ.

„Лѣсъ“. Ориг. рис. А. Писемскаго, грав. Ангереръ.

Политическое обозрѣніе.

30-го мая.

Англо-турецкая конвенція насчетъ Египта.—Закладка новаго канала между Балтійскимъ и Нѣмецкимъ морями.—Болгарскія неурядицы.—Сербскія дѣла.—Общіе виды на миръ.

Миссія сэръ-Друммонда Вольфа, чрезвычайнаго коммисара по египетскимъ дѣламъ, окончилась заключеніемъ съ Турціей конвенціи, по которой Англія обязалась черезъ три года вывести свои войска изъ Египта. Условіе это, впрочемъ, сопровождается такими оговорками, которыя дѣлаютъ его чисто фиктивнымъ; такъ, напр., въ случаѣ безпорядковъ внутри страны или опасности извнѣ, англичане могутъ отсрочить эвакуацію на неопредѣленное время. Дальнѣйшими пунктами конвенціи британцамъ предоставляется право укрѣплять выходы и побережья Суэцкаго канала и ставить англійскихъ офицеровъ во главѣ гарнизоновъ. Такимъ образомъ конвенція фактически отдаетъ Египетъ англичанамъ и создаетъ гибралтары по концамъ Краснаго моря, запирая европейскимъ эскадрамъ путь въ Индію и вообще на дальній Востокъ, по произволу коварнаго Альбіона. Понятно, что такая конвенція не могла не возбудить возраженій со стороны нѣкоторыхъ великихъ державъ. Первою отозвалась французская печать, находившая что договоръ этотъ, подобно Санъ-Стефанскому, долженъ быть представленъ на судъ Европы и потребуетъ созыва международнаго конгресса. По извѣстіямъ французскихъ газетъ, французскій посолъ въ Лондонѣ, г. Ваддингтонъ, уже сдѣлалъ британскому премьеру, лорду Солсбери, конфиденціальныя представленія касательно приведенной нами оговорки въ конвенціи. Со своей стороны и Россія, восточныя окраины коей въ случаѣ войны остались бы беззащитными противъ англійскаго флота, по словамъ лондонской телеграммы въ *Journal des Débats*, будто бы увѣдомила Британское правительство, что она не можетъ одобрить англо-турецкой конвенціи. То же подтверждаетъ и газета *Nord*, заявляя, съ одной стороны, что никакое Французское правительство не одобритъ договора, равносильнаго отреченію Европы отъ египетскихъ дѣлъ, а съ другой, что и Россія никогда не утвердитъ подобной конвенціи, такъ какъ съ самаго возникновенія Египетскаго вопроса считала его общеевропейскимъ. Наконецъ и нашъ *Journal de St.-Pétersbourg* передаетъ, хотя и какъ чужое мнѣніе, что между державами не послѣдуетъ соглашенія по поводу акта, навязаннаго Турецкому правительству англійскими уполномоченными. Между тѣмъ въ самой Турціи повидимому очень довольны заключенною сдѣлкой. Газетѣ *Paris* даже телеграфировали изъ Константинополя, что вслѣдъ за конвенціей будетъ заключенъ секретный договоръ насчетъ наступательнаго и оборонительнаго союза между обѣими державами, причемъ Англія гарантируетъ Турціи ея азіатскія владѣнія, а Порта, въ случаѣ какой либо войны противъ Индіи, обяжется предоставить свои войска въ распоряженіе Великобританіи.

Между тѣмъ какъ англичане напрягли всѣ усилія чтобы запереть Суэцкій каналъ на югѣ Европы, на сѣверѣ ея маститый императоръ Германіи положилъ начало новому водному пути изъ Балтійскаго моря въ Нѣмецкое—закладкой канала, имѣющаго соединить ихъ по кратчайшему для Германіи разстоянію. Императоръ прибылъ въ Гольтенау утромъ 3-го іюня. Статсъ-секретарь Беттихеръ, замѣнявшій въ этотъ разъ германскаго канцлера, прочелъ формальный протоколъ объ открытіи работъ по постройкѣ новаго канала. Президентъ имперскаго парламента поднесъ затѣмъ императору заступъ, а графъ Лерхенфельдъ-Кеферинъ—молотокъ. Его величество провелъ заступомъ три борозды и затѣмъ трижды ударилъ молоткомъ по камню. Послѣ того придворный пасторъ произнесъ подобающую случаю рѣчь и хоръ пѣвчихъ пропѣлъ „Аллилуія“ Генделя. Его величество вернулся въ Киль и, не смотря на поднявшійся свѣжій вѣтеръ, произвелъ смотръ флоту, построившемуся полукругомъ противъ Гольтенау, въ Виккерской бухтѣ. Послѣ полудня былъ сервированъ обѣдъ въ замкѣ Бельвю. Его величество провозгласилъ тостъ за окончаніе канала и возблагодарилъ Господа Бога, сподобившаго его, на закатѣ дней, положить начало столь важному и благотворному для Германіи дѣлу. Въ четыре часа его величество выѣхалъ обратно въ Берлинъ.

Здоровье престарѣлаго монарха однако пострадало отъ этой поѣздки: онъ простудился. Впрочемъ, послѣднія телеграммы сообщаютъ, что воспаленіе глазъ уменьшается. 28 мая императоръ принималъ наслѣднаго принца. Что касается этого послѣдняго, по мнѣнію нѣкоторыхъ врачей страдающаго наслѣдственною болѣзнью Гогенцоллерновъ—ракомъ (у принца въ горлѣ), то медицинскій осмотръ наслѣднаго принца профессоромъ Макензи далъ весьма удовлетворительные результаты.

Шайкѣ, захватившей власть въ Болгаріи, повидимому, посчастливилось, наконецъ, заключить заемъ, при содѣйствіи пресловутаго „Ленденбанка“, разорившаго уже Сербію. Условія займа еще не подписаны, но по всѣмъ признакамъ, дѣло сладится. Тѣмъ не менѣе, по частнымъ сообщеніямъ изъ Софіи, между болгарскими правителями господствуютъ разногласія: радикальные министры стремятся вытѣснить консервативныхъ, особенно Начевича и Стоилова. Недавно арестованъ военный министръ Николаевъ будто-бы за то, что онъ вступилъ въ сношенія съ русскими агентами. *Neue Freie Presse* передаетъ изъ достовѣрнаго источника, что великое народное собраніе будетъ созвано въ іюнѣ мѣсяцѣ и—заблаговременно уже—англійскій посолъ въ Константинополѣ, г. Уайтъ, сильно агитируетъ въ пользу вторичнаго избранія принца Александра Баттенбергскаго въ Болгарскіе князья. Но духовенство, по словамъ вѣнскаго корреспондента газеты *Indép. Belge*, вступило въ открытую борьбу съ регентствомъ. Послѣднее приказало, чтобы имя князя Александра Баттенбергскаго поминалось въ церковныхъ молитвахъ; духовныя же власти безусловно отказались отъ исполненія подобнаго приказанія, на основаніи каноническихъ правилъ православной церкви, дозволяющихъ поминать въ молитвахъ лишь Государя Императора и Царствующій Домъ.

Въ Сербіи, напротивъ, повидимому происходитъ благопріятный Россіи оборотъ. Въ *Neue Freie Presse* появился отчетъ о чествованіи русскаго посланника въ Бѣлградѣ, г. Персіани, по случаю долголѣтней его службы въ Сербіи. Въ королевскомъ конакѣ данъ былъ торжественный обѣдъ въ честь г. Персіани, при самой роскошной обстановкѣ. Король Миланъ произнесъ первый тостъ за здоровье „своего личнаго добраго друга“. На обѣдѣ присутствовалъ Ристичъ; король Миланъ оказалъ ему особенное вниманіе. Австрійскій посланникъ имѣлъ очень продолжительный разговоръ съ г. Ристичемъ. Въ русское посольство въ теченіе цѣлаго дня являлись бѣлградскіе граждане съ поздравленіями, поздравительныя письма и телеграммы получены со всѣхъ концовъ Сербіи. Нѣкоторыя французскія газеты имѣютъ свѣдѣніе, что министерскій кризисъ въ Бѣлградѣ закончится въ непродолжительномъ времени сформированіемъ новаго кабинета съ Ристичемъ во главѣ.

Что же касается общаго положенія Европы, то изъ Берлина, Вѣны и Лондона въ большей части газетъ идутъ вѣсти и слухи самаго миролюбиваго свойства, при чемъ починъ въ распространеніи ихъ принадлежитъ берлинской печати. Мѣстный придворный органъ, *Крестовая газета*, сообщаетъ, что холодныя отношенія между Петербургомъ и Берлиномъ измѣняются къ лучшему, и даже высказываетъ надежду на новое свиданіе трехъ императоровъ. То же подтверждаетъ *Кельнская газета*, передавая въ видѣ слуха, будто бы настоящая поѣздка русскаго посла въ Берлинѣ, графа Шувалова, находится въ нѣкоторой связи съ проектомъ съѣзда трехъ императоровъ.

Разныя извѣстія.

Правительственныя распоряженія.

— Высочайше повелѣно: СПб. адресную экспедицію упразднить по истеченіи одного года со дня распубликованія о семъ.

— Высочайше повелѣно постановить, что нотаріусы опредѣляются и увольняются старшимъ предсѣдателемъ судебной палаты, по представленіямъ предсѣдателя окружнаго суда. Увольненію отъ должности безъ прошенія нотаріусы подлежатъ не иначе, какъ по суду, или въ порядкѣ, указанномъ въ ст. 591 положенія о нотаріальной части.

— Высочайше повелѣно предоставить Управляющему Министерствомъ Финансовъ: окончательно утвердить, отъ имени Имп. Правительства, контрактъ, заключенный Обществомъ взаимнаго поземельнаго кредита съ банкирскими домами: бр. Ротшильдъ въ Парижѣ, А. М. Ротшильдъ съ сыновьями во Франкфуртѣ-на-Майнѣ и С. Блейхредеръ въ Берлинѣ, о конверсіи металлическихъ закладныхъ листовъ общества въ $4^1/_2$% таковые же листы, погашаемые въ теченіе 56 лѣтъ уплатою нарицательнаго по нимъ капитала.

— Высочайше повелѣно: акцизъ за предъявляемый съ 1 августа 1886 года къ вывозу за границу сахаръ возвращать въ размѣрѣ 85 коп. съ пуда.

— Измѣнена пошлина на каменный уголь и коксъ, а также на хмель и хмелевой экстрактъ.

Военное и морское дѣло.

— 24 мая, въ день праздника Св. Троицы, въ Красное Село, въ исходѣ одиннадцатаго часа, прибыли изъ Гатчины Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица, на полковой праздникъ лейбъ-гвардіи измайловскаго полка. Офицеры полка поднесли Государынѣ Императрицѣ зонтикъ-букетъ. У зонтика—бѣлая слоновой кости ручка, а верхъ сплошной изъ розъ на металлической сѣткѣ, подбитой снизу пунцовымъ атласомъ. На ручкѣ бантъ изъ бѣлыхъ лентъ, на которыхъ золотомъ вышиты день праздника и мундирное шитье полка.

— Въ ознаменованіе достославнаго участія морскихъ чиновъ въ оборонѣ Севастополя, Всемилостивѣйше пожалованы въ 1855 году чинамъ черноморскихъ экипажей на кивера надписи отличій, сохранявшіяся до измѣненія въ 1875 году формы головныхъ уборовъ. Дабы возстановить память объ этихъ отличіяхъ, Государь Императоръ Всемилостивѣйше повелѣть соизволилъ: взамѣнъ дарованныхъ надписей—присвоить нижнимъ чинамъ черноморскихъ экипажей на головные ихъ уборы георгіевскія ленты.

— Спущенный на воду 20 мая въ Севастополѣ, стальной двухвинтовый броненосный корабль *Синопъ* начатъ постройкой 27 апрѣля 1884 года. Полная длина *Синопа* съ тараномъ равняется 339 фут. 6 дюйм., наибольшая ширина съ обшивкою 69 фут., а углубленіе съ килемъ—26 фут. 5 дюйм. Постройка корпуса корабля производилась въ Севастопольскомъ адмиралтействѣ Русск. Общ. пароходства и торговли. Стале-желѣзная броня изготовляется на заводѣ Каммель и Комп. въ Шеффильдѣ. На постройку корпуса корабля употреблено стали, изготовленной на Брянскомъ заводѣ, до 170.863 пуд. Паровыхъ механизмовъ для корабля сдѣлано два, на заводѣ Непира въ Англіи; они должны развивать 12.600 индикаторныхъ силъ. Строитель корабля отъ Русск. Общ.—корабельный инженеръ, младшій судостроитель Арцеуловъ.

— Пароходъ добровольнаго флота „Кострома“, съ 236 арестантами, слѣдовавшими въ постъ Александровскъ на Сахалинѣ, 16 мая наскочилъ на подводный рифъ у мыса Спранусн. Трюмъ и машины быстро наполнились водой, пароходъ колотило въ дно; откачивать было невозможно. Пассажиры, женщины и дѣти, свезенные на берегъ на двухъ шлюпкахъ, всѣ спасены и здоровы. Пароходъ спасти будетъ возможность при благопріятной погодѣ.

— 21 мая, во время разрядки гранатъ во дворѣ лабораторіи кіевской крѣпостной артиллеріи, произошелъ взрывъ девятифунтовой гранаты. Одинъ канониръ убитъ и двое изувѣчено.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Морской рыбный промыселъ на Мурманскомъ берегу начался въ нынѣшнемъ году со второй половины апрѣля. Въ первые выѣзды въ море рыбопромышленники привозили на каждой шнякѣ отъ 50 до 80 пуд. рыбы, а затѣмъ промыселъ еще улучшился и вылавливали даже отъ 100 до 120 пуд. на шняку. Пароходами китобойнаго товарищества въ Ертикахъ убито 34 кита. Промыселъ семги въ Кольской губѣ только что начался и ея уловъ еще малъ.

— Въ Шандровскомъ имѣніи А. А. Ганъ, Павлоградскаго уѣзд., Екатеринославской губ., существуетъ третій годъ заведенная А. В. Долгово-Сабуровымъ плантація хмеля. Осенью прошлаго года происходилъ первый сборъ хмеля съ растеній, достигшихъ двухлѣтняго возраста, причемъ съ 7.000 кустовъ было снято 71½ пудъ хмеля въ сухомъ видѣ.

— Произрастаніе озимей и травъ идетъ хорошо въ губ.: Воронежской, Курской, Ломжинской, Плоцкой, Полтавской, Сѣдлецкой, Харьковской, отчасти Саратовской (мѣстами только удовлетворительно) и Екатеринославской (мѣстами туго); удовлетворительно въ губ.: Варшавской, Виленской, Волынской, Ковенской, Костромской, Подольской, Радомской, Тверской, Тамбовской и Херсонской.

Торговля.

— Съ 1 по 15 мая въ Одессѣ было продано всего 111 тыс. четв. зерноваго хлѣба. Такое затишье въ хлѣбной торговлѣ объясняется незначительною доставкой сюда зерноваго хлѣба съ Днѣпра и Днѣстра.

— 6 мая въ Баку послѣдовало оффиціальное открытіе Николаевской ярмарки, названной такъ въ честь Его Императорскаго Высочества Наслѣдника Цесаревича. Мѣстные жители, по словамъ газеты *Кавказъ*, высказываютъ увѣренность, что на этой ярмаркѣ будутъ собираться всѣ произведенія Закавказья, Персіи и Закаспійской области съ одной стороны, а съ другой русскія изъ центральныхъ областей.

— Торговое значеніе Закаспійской дороги усиливается. Станція Мервъ завалена среднеазіятскими товарами; особенно много хлопка. Центральное положеніе Мерва побуждаетъ торговцевъ ходатайствовать объ учрежденіи въ этомъ городѣ ярмарки для обмѣна товаровъ, по примѣру Ирбитской.

Наука.

— Къ 50-лѣтнему юбилею тайнаго совѣтника академика Миддендорфа, имѣющему быть 4 іюня, въ Петербургѣ, по словамъ *СПБ. Вѣд.*, прибыли делегаты многихъ иностранныхъ ученыхъ обществъ для принесенія поздравленій. На страницахъ *Нивы* будетъ своевременно помѣщенъ портретъ юбиляра.

— 26 мая, по словамъ *Новостей*, изъ Петербурга къ Петрозаводску отплыла на пароходѣ научная экспедиція для зоологическихъ изслѣдованій на Бѣломъ морѣ, снаряженная СПБ. обществомъ естествоиспытателей, подъ руководствомъ С. М. Герценштейна, къ которому прикомандированы студенты СПБ. университета Семевскій и Ященко.

Пути сообщенія.

— По всѣмъ приладожскимъ каналамъ учреждена очередная тяга судовъ лошадьми для безостановочнаго слѣдованія судовъ и дешевизны провоза. При благопріятной погодѣ суда приходятъ со Свири на Неву на четвертыя сутки, гонки—на двадцать вторыя.

Изъ губерній и областей.

— 22 апрѣля въ Курляндской и значительной части Ковенской губерній свирѣпствовалъ небывалый ураганъ, который причинилъ весьма чувствительный убытокъ мѣстнымъ жителямъ, особенно на границѣ помянутыхъ двухъ губерній, гдѣ ураганъ не только вырывалъ изъ земли деревья и разносилъ хозяйственныя постройки, но и былъ причиною гибели нѣсколькихъ людей.

— 24 мая въ Омскѣ была сильная буря, длившаяся минутъ 15. Наиболѣе поврежденій причинено въ крѣпости, какъ передовомъ пунктѣ, гдѣ снесло крыши со зданій инженернаго управленія, дома воинскаго начальника и двухъ казармъ, а на церкви сорвало желѣзную обшивку крыши, поломало и согнуло кресты. О несчастіяхъ съ людьми получено пока только одно свѣдѣніе: поразило крестьянина сброшенною крышей.

— Военной губернаторъ Семирѣченской области телеграфируетъ изъ Вѣрнаго, отъ 28 мая: „Сегодня, въ исходѣ пятаго часа утра произошло здѣсь сильнѣйшее землетрясеніе, которое разрушило и повредило много зданій, въ томъ числѣ губернаторскій домъ, гимназію, госпиталь, церкви. По первымъ свѣдѣніямъ, на-скоро собраннымъ, погибло 120 человѣкъ, большею частью дѣтей. Генералъ Фриде, его супруга и дѣти получили раны. На гауптвахтѣ погибло 15 арестантовъ, а 125 ушиблено и поранено. Большая часть зданій разрушена или значительно повреждена. Городъ болѣе не существуетъ. Жители выбрались въ окрестности. Вызваны войска для охраны. Требуется немедленная помощь лишившимся крова и пищи. Сотрясеніе почвы продолжается.“ Телеграмма изъ Ташкента гласитъ: „Станица Кескеленъ, въ 24 верстахъ отъ Вѣрнаго, тоже разрушена до основанія. По дорогѣ къ ней и далѣе образовались провалы и трещины въ аршинъ ширины. Почтовый трактъ разрушенъ. По слухамъ, пострадалъ также городъ Пишпекъ. Землетрясеніе въ Вѣрномъ продолжается“.

— Въ Тифлисъ прибылъ родной братъ Хивинскаго хана Рахимъ-Кули-Ханъ, ѣдущій на богомолье въ Мекку.

— Въ Асхабадъ 25 мая пріѣхалъ изъ Мерва, въ качествѣ туриста, двоюродный братъ шаха, принцъ Ралсъ, которому генералъ Комаровъ и полковникъ Алихановъ оказали любезный пріемъ. Принцъ уѣзжаетъ черезъ Асхабадъ въ Хорасанъ, гдѣ получаетъ высокое назначеніе.

Смѣсь.

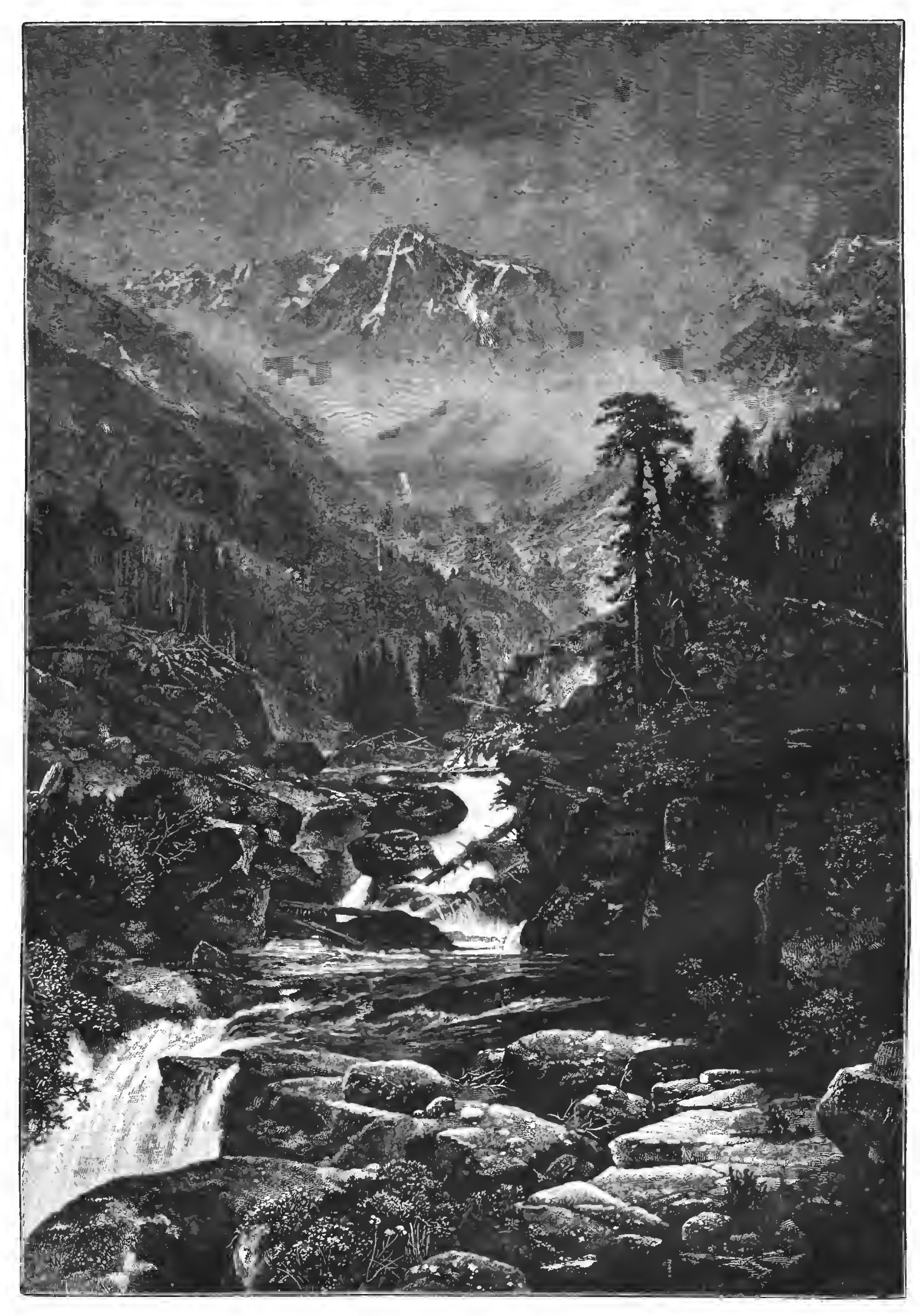
Русскіе садовники въ Дрезденѣ на международной выставкѣ садоводства. Нашъ извѣстный розоводъ В. К. Фрейндлихъ, въ Царскомъ Селѣ, намѣревался послать на упомянутую выставку 300 своихъ розъ и получилъ согласіе Главнаго Общества Россійскихъ желѣзныхъ дорогъ, доставить эти розы на скорыхъ поѣздахъ по 1/12 коп. за пудо-версту. Положительный отказъ въ такой же льготѣ со стороны Восточной ж. д. въ Пруссіи вынудилъ В. К. Фрейндлиха ограничиться высылкою 18 экземпляровъ новыхъ розъ 1885 и 1886 годовъ: посылка всѣхъ 300 розъ вышла бы черезчуръ накладна. Эти 18 розъ взялъ Ѳ. В. Герстнеръ вмѣстѣ со своими букетами (см. № 21 *Нивы*) съ собой въ Дрезденъ, куда онѣ прибыли заблаговременно и выставились въ отличномъ видѣ, хотя нѣкоторыя изъ нихъ уже красовались цѣлые 3 дня въ Петербургѣ, на выставкѣ Имп. Русск. Общ. садоводства.

Такъ какъ изо всей Россіи Ѳ. В. Герстнеръ и В. К. Фрейндлихъ одни участвовали и притомъ замѣчательными предметами, то экспонаты ихъ имѣли въ Дрезденѣ заслуженный успѣхъ. Даже его величество король саксонскій Альбертъ, удостоилъ группу розъ В. К. Фрейндлиха особымъ и довольно продолжительнымъ вниманіемъ. Эксперты же присудили розамъ, между которыми находились: *William Francis Bennett* (5000 долларовъ роза), *Madame Nath. de Rothschild, Madame Tixier, Her Majesty, Hans Makart, Souvenir de Victor Hugo* и пр.—почетный призъ, замѣняющій золотую медаль, прусскую государственную большую серебряную медаль.

Зонтики. Многіе древніе народы, между прочимъ, египтяне, ассирійцы, персы, употребляли зонтики; изобрѣтеніе же этой принадлежности туалета приписывается китайцамъ. Греки и римляне не любили зонтиковъ, не согласовавшихся съ покроемъ ихъ одежды. Шелъ ли дождь, или свѣтило солнце, аѳинскіе и римскіе вельможи пользовались только носилками съ покрышкой. Обычай употреблять носилки распространился во многія страны и онѣ вполнѣ замѣняли зонтикъ. Въ первый разъ зонтики появились въ Англіи и Франціи въ XVI и XVII столѣтіяхъ, а въ XVIII вѣкѣ зонтикъ уже сталъ предметомъ роскоши: но что это былъ за зонтикъ! Развернутый онъ имѣлъ 3½ метра въ окружности и вѣсилъ, по крайней мѣрѣ, 4 фунта. А что стоилъ тогда зонтикъ! Отъ 45 до 60 ливровъ. Такой гигантъ дѣлался изъ кожи, клеенки, изъ шелковой матеріи, пропитанной масломъ, или изъ лакированной бумаги. При такихъ условіяхъ, понятно, что только немногіе счастливцы могли позволить себѣ роскошь пріобрѣсти зонтикъ. Даже въ зажиточныхъ семьяхъ имѣлся одинъ экземпляръ на всѣхъ, да и тотъ переходилъ какъ драгоцѣнность изъ рода въ родъ. Съ конца прошлаго столѣтія, размѣры зонтика понемногу уменьшаются; на покрышку его начинаютъ брать болѣе легкія и красивыя ткани: гродетуръ, гроденапль, тафту—розовую, голубую, желтую, ярко-зеленую, красную, узорчатую и гладкую съ пестрыми коймами. Античная, неудобная палка значительно сокращена и загнута у ручки. Пройдя разныя фазы развитія, зонтикъ пріобрѣлъ въ 20-хъ годахъ нашего вѣка—нѣкоторую элегантность и продолжаетъ совершенствоваться до нашихъ дней. Въ 1830 году, зонтикъ сталъ популяренъ въ Парижѣ подъ названіемъ *le rippfard*. Вѣсъ его уменьшился наполовину и вмѣсто 45 ливровъ его стали продавать за 8, 7 и даже 5 франковъ. Въ настоящее время, этотъ полезный предметъ распространенъ повсемѣстно и приготовляется на фабрикахъ въ громадномъ количествѣ самыхъ разнообразныхъ экземпляровъ, начиная съ изящнаго, миніатюрнаго зонтика съ ручкой изъ слоновой кости, обтянутаго атласомъ и покрытаго настоящими кружевами, и кончая неуклюжимъ, семейнымъ зонтикомъ изъ розоваго или синяго коленкора, доступнаго по своей низкой цѣнѣ и послѣднему бѣдняку.

Недѣля увеселеній при дворѣ Людовика XIV. 7-го мая 1664 года весь блестящій дворъ Людовика XIV собрался въ Вер-

салѣ для необыкновеннаго праздника. Поэмы Аріоста воспламенили всѣ сердца, и соотечественнику великаго итальянца было поручено руководить торжествомъ, продолжавшимся нѣсколько дней, подъ названіемъ: „забавы заколдованнаго острова". Идею для этого скачекъ привѣтствія въ стихахъ: солнца, 4-хъ возрастовъ, временъ года и часовъ. При наступленіи сумерекъ, геніи, окружавшіе колесницу солнца, накрыли столы въ боскетахъ; Панъ и Діана помогали имъ; оркестръ музыки, скрытый въ кустахъ жимолости и си-

„Гора Св. Креста" (въ Колорадо). Съ карт. Т. Морана, грав. Девисъ.

празднества далъ герцогъ Сентъ-Эньенъ, а Вигарини привелъ ее въ исполненіе. Каждый придворный имѣлъ въ немъ свою особую роль; большинство изображало героевъ изъ „Орландо" Аріоста. Въ первый день была большая карусель: Людовикъ, одѣтый въ костюмъ Рожера, весь осыпанный брилліантами, принималъ до начала рени, заигралъ торжественный маршъ и король повелъ къ обѣденному столу г-жу Лавальеръ.

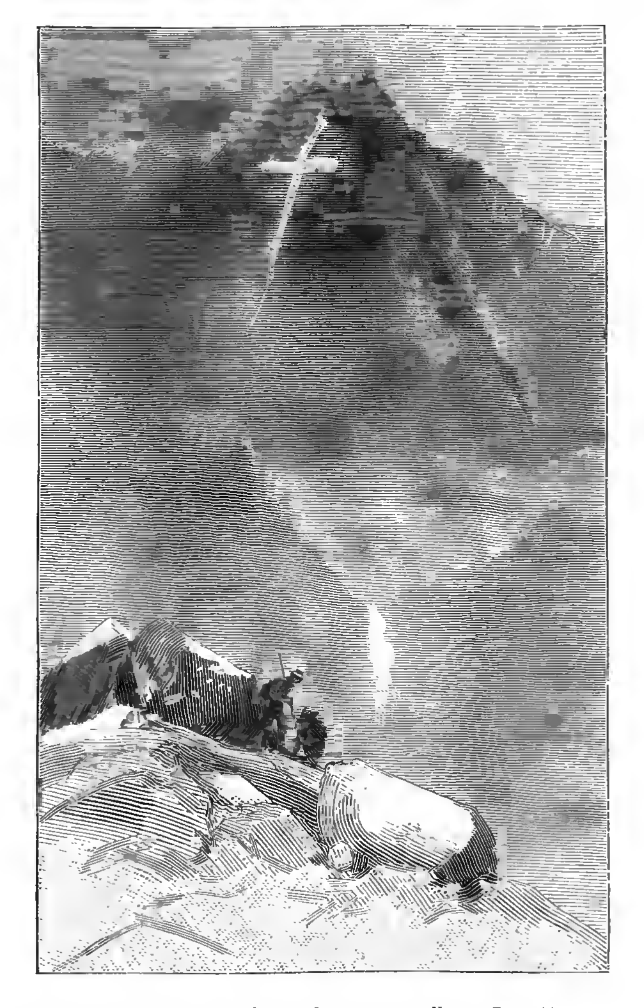
На второй день приблизились къ озеру, на которомъ былъ выстроенъ большой дворецъ; стѣны изъ зелени закрывали каждый разъ обстановку празднествъ слѣдующаго дня и разрушались ночью.

Въ этотъ день смотрѣли новую комедію придворнаго актера Мольера: „Принцесса Элидская", въ которой онъ самъ исполнялъ комическую роль и дѣлалъ тонкіе намеки на короля и дѣвицу Лавальеръ. Третій день провели на берегу озера, а вечеромъ былъ сожженъ изъ плавучаго замка роскошный фейерверкъ, закончившійся крушеніемъ всего зданія. На слѣдующій день былъ назначенъ турниръ, на которомъ сама королева давала призъ—бриліантовую розу. Сначала король остался побѣдителемъ, но онъ назначилъ второй призъ, доставшійся маркизу де-Коаленъ. Въ воскресенье утромъ, дворъ отдыхалъ: болталъ, занимался музыкой, говорилъ каламбуры и остроты и держалъ пари; затѣмъ король со свитой посѣтилъ звѣринецъ, а вечеромъ смотрѣлъ балетъ и другую комедію Мольера, въ которой актеръ проводилъ, между прочимъ, мысль, данную ему самимъ королемъ. Въ понедѣльникъ была устроена лоттерея для увеселенія дамъ; вечеромъ, давали первые три акта знаменитаго „Тартюфа", только что оконченные Мольеромъ. Не смотря на смѣлость замысла, они имѣли громадный успѣхъ, но все-таки король запретилъ представлять „Тартюфа" публично, для избѣжанія излишняго соблазна. Наконецъ, во вторникъ утромъ была опять устроена карусель, а вечеромъ великолѣпный балъ съ танцами и тонкимъ ужиномъ. Король и его любимецъ Мольеръ были главными героями празднества. Вся масса придворныхъ получала готовое помѣщеніе и содержаніе.

Такова была недѣля увеселеній при пышномъ Версальскомъ дворѣ.

Изъ жизни растеній. Знаменитый естествоиспытатель Дарвинъ сообщаетъ въ сочиненіи „Движеніе растеній" свои замѣчательныя наблюденія надъ способностью растеній къ движенію. Пока молодо и зелено, всякое растеніе имѣетъ способность наклоняться и сгибаться по различнымъ направленіямъ. Корень, во время роста, выказываетъ силу подобную вбиваемому клину. Опытъ надъ простымъ бобомъ объясняетъ намъ возможность произростанія деревьевъ на скалахъ, не имѣющихъ почвы. Если помѣстить между двумя деревяшками, сдавленными пружиной—корень боба, то онъ раздвинетъ ихъ черезъ 3—4 дня такъ далеко, какъ сдѣлала бы это 8-ми-фунтовая тяжесть. Оконечность корешка обладаетъ замѣчательной чувствительностью: онъ не только отклоняется отъ соприкосновенія и пораненія, но отличаетъ даже толстую бумагу отъ тонкой. Если приставить къ оконечности корешка съ одной стороны толстую, а съ другой—тонкую бумагу, то кончикъ непремѣнно отклонится отъ первой и направится ко второй. Если же корень придавливается чѣмъ-нибудь выше кончика, то придавленная часть не передаетъ раздраженіе отдаленнымъ частямъ, а начинаетъ сгибаться. Если кончикъ корешка чувствуетъ съ одной стороны большую сырость чѣмъ съ другой, то передаетъ это раздраженіе верхней, граничащей части, которая и склоняется къ источнику сырости. Если свѣтъ раздражаетъ оконечность корешка, то прилегающія части отклоняются отъ свѣта. Особенно замѣчательны движенія растеній при наступленіи темноты; не только листья, но даже части листьевъ двигаются. Они сгибаются то внизъ, то наверхъ, то направо, то налѣво; иногда они даже скручиваются. Ясно, что цѣль всѣхъ этихъ движеній—защитить болѣе нѣжныя частицы ткани отъ вліянія прохладнаго вечерняго и ночного воздуха.

Уходъ за канарейками. Канарейки имѣютъ очень нѣжное сложеніе и потому очень чувствительны къ хорошему и дурному уходу. Имъ необходимо достаточное количество воздуха и свѣта, но палящіе лучи полуденнаго солнца безусловно вредны. Когда холодно, не слѣдуетъ выставлять канареекъ на воздухъ, а зимой, во время сильныхъ морозовъ, нельзя держать ихъ въ нетопленой комнатѣ. Сквозной вѣтеръ—ужасное зло для канареекъ, особенно, когда онѣ линяютъ. Клѣтка должна быть просторная, металлическая, потому что ее легче чистить и въ ней не заводятся насѣкомыя. Проволочныя рѣшетки, за которыя часто хватаются птицы, не слѣдуетъ окрашивать, такъ какъ отъ краски птицы часто околѣваютъ. Канарейка очень любитъ купаться; поэтому, въ клѣткѣ необходимо держать глубокую чашку съ чистой водой. Вопросъ о пищѣ также имѣетъ важное значеніе, такъ какъ отъ нея главнымъ образомъ зависитъ здоровье канареекъ. Не слѣдуетъ кормить ихъ сахаромъ и сластями: ихъ натура требуетъ простой пищи. Всего здоровѣе смѣсь изъ сѣмянъ полевой рѣпы, канареечнаго и конопляннаго сѣмени; при этомъ, иногда, немного зелени: салату, шпинату, или кудрявой капусты; кусочекъ морской пѣнки доставляетъ необходимую для птицы известь. При хорошемъ уходѣ, канарейки почти не хворають. Чаще всего, у нихъ встрѣчается простуда съ хрипотой въ горлѣ; противъ этого помогаетъ кусочекъ сладкаго дерева, положенный въ воду для питья. При разстройствѣ желудка, слѣдуетъ класть въ воду ржавый гвоздь, не давать птицѣ нѣкоторое время зелени и бросить на полъ клѣтки немного извести. Противъ недостатка аппетита, выпаденія перьевъ и слабости рекомендуется водяной крессъ. Судороги являются вслѣдствіе слишкомъ обильной пищи и излечиваются простою діэтой. При дурномъ уходѣ, у канареекъ заводятся насѣкомыя; это можно предупредить, подмѣшивая въ песокъ на днѣ клѣтки анисовое сѣмя.

Мѣсто на горѣ съ подобіемъ Св. Креста. Грав. Ю. Шюблеръ.

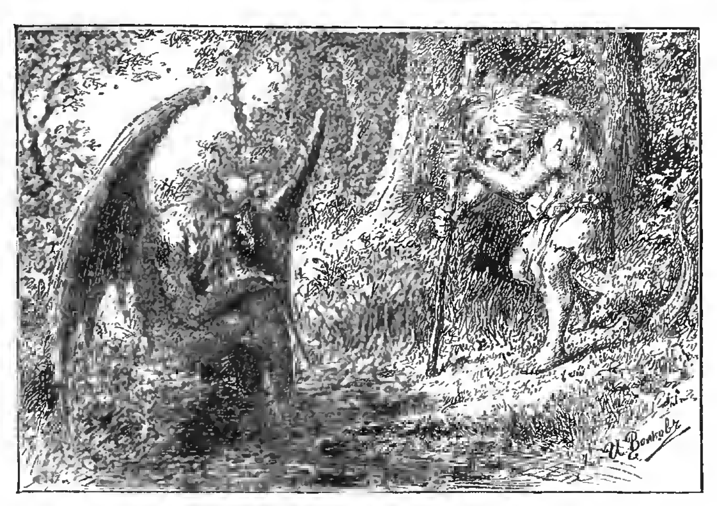
Китайскій обѣдъ. Помимо странности блюдъ, количество ихъ дѣлаетъ китайскій обѣдъ крайне мучительнымъ для европейца, такъ какъ считается чрезвычайно невѣжливымъ отказаться отъ какого-нибудь блюда, и хозяева безпрестанно суютъ въ ротъ гостя разные лакомые кусочки со своихъ тарелокъ. На парадномъ обѣдѣ, однихъ суповъ подаютъ до 30-ти перемѣнъ. Къ счастью, ѣдятъ очень скоро, иначе пришлось бы сидѣть за обѣденнымъ столомъ безъ конца. Говядина—единственное мясо, котораго не берутъ въ ротъ китайцы, вслѣдствіе закона Конфуція, запретившаго употреблять въ пищу такое полезное животное какъ быкъ. Вообще, китайская кухня включаетъ самыя странныя блюда, напр. морскую траву, куколки шелковичнаго червя, птичьи гнѣзда, трепанговъ и т. п. деликатесы. Между прочимъ, лакомымъ блюдомъ считаются „пьяные крабы". За нѣсколько часовъ до обѣда, живыхъ крабовъ сажаютъ въ фарфоровую миску, наполненную виномъ. Подавъ блюдо, снимаютъ крышку, крабы выскакиваютъ изъ миски и начинаютъ прыгать по столу. Ловкимъ движеніемъ китаецъ подхватываетъ крабовъ палочками служащими ему ножемъ и вилкой, и ѣстъ ихъ живыми. Сласти, фрукты и чай, поданный въ крошечныхъ, изящныхъ чашечкахъ, разрисованныхъ яркими красками, составляютъ entremets между существенными блюдами обѣда, который всегда заканчивается супомъ. Мѣстныя водки—бѣлыя изъ риса и красныя изъ разныхъ плодовъ, очень спиртуозны и сильно дѣйствуютъ на нервы. Столъ никогда не покрывается скатертью. Салфетки замѣняютъ четыреугольные куски тонкой бумаги.

Родословная въ Китаѣ. У насъ считается рѣдкостью, если кто-либо знакомъ съ біографіей своего дѣда. Въ Китаѣ—иное: тамъ всѣ сословія знакомы съ генеалогіей своего семейства. Въ каждомъ домѣ ведется родословная книга, въ которую записывается все достопримѣчательное о каждомъ членѣ семейства. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай, что взаимная дружба заключается при свидѣтеляхъ. Приносятъ родословныя хроники обѣихъ семей и мысленно заключаютъ произвольный бракъ двухъ уже умершихъ членовъ, такъ что для живущаго поколѣнія образуется идеальное родство двухъ семействъ, чѣмъ закрѣпляется ихъ дружественный союзъ.

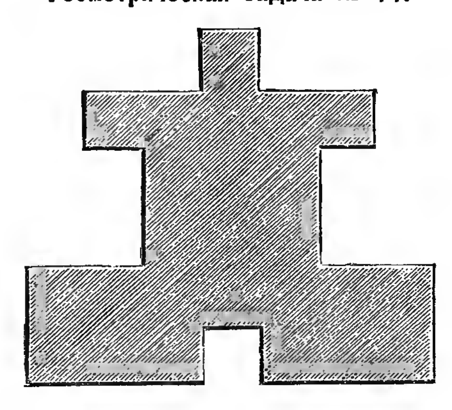
Металлическія перья. Хотя первый опытъ замѣны гусиныхъ перьевъ металлическими относится обыкновенно къ началу XIX столѣтія, но исторически дознано, что Константинопольскіе патріархи уже въ VI и VII вѣкахъ употребляли серебряныя перья. Далѣе, изъ письма Фонтеня къ сестрѣ Елисаветѣ (Агнесѣ Феронъ) видно, что въ нѣкоторыхъ школахъ дѣти писали мѣдными перьями. Наконецъ, въ 1750 году, одинъ парижскій работникъ Арну занимался фабрикаціей перьевъ. Первый опытъ приготовленія перьевъ изъ стали былъ сдѣланъ въ 1803 году американцемъ Уайзомъ, но не имѣлъ успѣха; затѣмъ, въ теченіе 30 лѣтъ, многіе фабриканты выдѣлывали разные сорта перьевъ, но все неудачно, и только въ концѣ 30 годовъ Джемсомъ Перри было изготовлено въ Лондонѣ стальное перо, удобное по формѣ и качеству для употребленія, но еще далеко не дошедшее до теперешняго совершенства. Въ на-

стоящее время, во Франціи, въ Германіи и въ особенности въ Англіи выдѣлываютъ громадное количество перьевъ. Въ Бирмингамѣ — множество фабрикъ, принадлежащихъ милліонерамъ-владѣльцамъ, на которыхъ ежедневно работаетъ до 2500 женщинъ. Главная часть работы—ручная и состоитъ въ слѣдующемъ: стальнымъ пластинкамъ, опредѣленной величины и толщины, придается, посредствомъ небольшаго ручнаго винтоваго пресса, плоская форма пера. Подобная же машинка исполняетъ разрѣзы и отверстія въ перѣ. Хорошая работница приготовляетъ въ день до 200 такихъ пластинокъ. Затѣмъ, пластинки слегка накаляютъ, ставятъ на каждой фабричное клеймо и придаютъ имъ необходимые выгибы. Но на этомъ работа не оканчивается: раньше чѣмъ поступить въ продажу, перо еще закаляется, полируется и заостряется. Спросъ на стальныя перья очень великъ; такъ напр., уже въ 1858 году сбытъ англійскихъ перьевъ равнялся 1630 милліонамъ, а французскихъ—около 400 милліонамъ. Лѣтъ 40 тому назадъ, въ средней Германіи существовало оригинальное мнѣніе о стальныхъ перьяхъ, которыми сначала писали только франкфуртскіе купцы въ своихъ конторахъ. „Стальное перо—говорили нѣмцы—перо купца; гусиное-же—перо ученаго, а такъ какъ въ наше время ученый стоитъ выше купца, то и стальное перо не въ силахъ вытѣснить гусиное. Когда же бóльшее значеніе будутъ имѣть купцы и фабриканты, тогда всѣ начнутъ писать стальными перьями“. Такое предположеніе подтвердилось блестящимъ образомъ: XIX вѣкъ — вѣкъ капитала и наживы, ознаменовался также торжествомъ стальныхъ перьевъ. Неудобныя гусиныя перья сохранились только въ нѣкоторыхъ школахъ и присутственныхъ мѣстахъ нашихъ далекихъ окраинъ и въ степныхъ захолустьяхъ, да еще у иныхъ приверженцевъ добраго стараго времени, скептически относящихся ко всему новому. Впрочемъ, не далѣе какъ 13 лѣтъ тому назадъ, Бисмаркъ подписалъ мирный договоръ съ Франціей не стальнымъ, а—гусинымъ перомъ.

Ребусъ. Задача № 43.

Геометрическая задача № 44.

Раздѣлить эту фигуру прямыми линіями на 5 частей, которыя сложить такъ, чтобы изъ нихъ составился квадратъ.

Шашечная задача № 45.

Н. Суходаева.

Черныя.

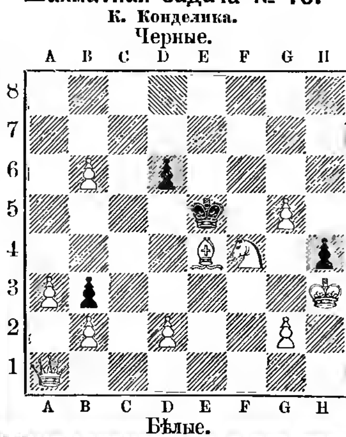
Бѣлыя.

Бѣлыя начинаютъ и запираютъ дамку черныхъ въ 10 ходовъ.

Шахматная задача № 46.

К. Конделика.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Быть можетъ, многимъ нашимъ читателямъ, любителямъ шахматной игры, интересно будетъ знать положеніе партій, которыя въ настоящее время одновременно ведутся по телеграфу между Лондономъ и С.-Петербургомъ. Этотъ матчъ имѣетъ слѣдующія главныя условія: обѣ стороны ставятъ по 40 фунт. стерл. (болѣе 400 руб.). Побѣдителемъ будетъ считаться та изъ сторонъ которая выиграетъ обѣ партіи, или-же одну партію, а другую сдѣлаетъ ничьею. Ходы, какъ уже сказано, одновременно въ обѣихъ партіяхъ сообщаются по телеграфу. Каждый ходъ долженъ быть сдѣланъ не болѣе какъ въ 5 дней. Первый ходъ посланъ 8 ноября 1886. Обѣ стороны избрали хранителемъ ставокъ и посредникомъ барона И. Колиша въ Вѣнѣ. Съ нашей стороны партіями руководитъ комитетъ, составленный изъ лучшихъ игроковъ Общества любителей шахматной игры, съ М. И. Чигоринымъ во главѣ.

Въ настоящее время партіи стоятъ такъ:

Гамбитъ Эванса.

	Петербургъ. Бѣлые.	Лондонъ. Черные.
1.	e 2—e 4	e 7—e 5
2.	К g 1—f 3	К b 8—c 6
3.	С f 1—c 4	С f 8—c 5
4.	b 2—b 4	С c 5 : b 4
5.	c 2—c 3	С b 4—c 5
6.	0—0	d 7—d 6
7.	d 2—d 4	e 5 : d 4
8.	c 3 : d 4	С c 5—b 6
9.	К b 1—c 3	С c 8—g 4
10.	С c 4—b 5	Кр e 8—f 8
11.	С c 1—e 3	К g 8—e 7
12.	a 2—a 4	a 7—a 5
13.	С b 5—c 4	Ф d 8—c 8
14.	Л a 1—c 1	К c 6—b 4
15.	d 4—d 5	Ф c 8—d 8
16.	С e 3 : b 6	c 7 : b 6
17.	h 2—h 3	С g 4 : f 3
18.	Ф d 1 : f 3	Л a 8—c 8
19.	К c 3—b 5	Л c 8—c 5
20.	e 4—e 5	К e 7—c 8
21.	Л f 1—e 1	h 7—h 5
22.	e 5 : d 6	К c 8 : d 6
23.	К b 5 : d 6	Ф d 8 : d 6
24.	Л e 1—e 6	Ф d 6 : d 7
25.	d 5—d 6	Л c 5 : c 4
26.	Л c 1 : c 4	Ф d 7 : e 6
27.	Ф f 3 : b 7	g 7—g 6
28.	Л c 4—c 8+	Кр f 8—g 7
29.	d 6—d 7	К b 4—c 6
30.	Ф b 7 : c 6	Ф e 6 : c 6
31.	Л c 8 : c 6	Л h 8—d 8
32.	Л c 6—d 6	Кр g 7—f 8
33.	Кр g 1—f 1	

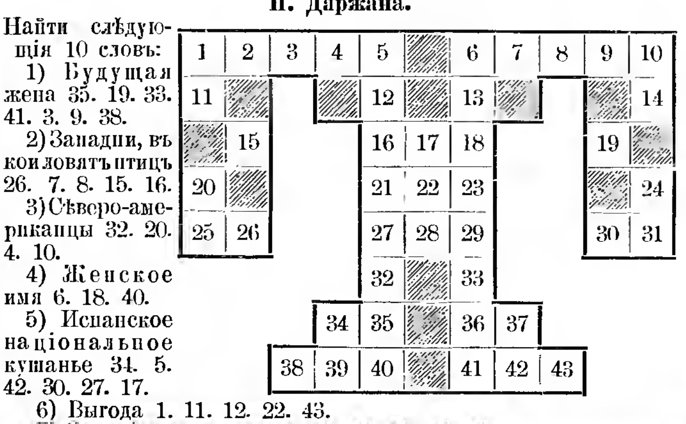
Неправильное начало.

	Лондонъ. Бѣлые.	Петербургъ. Черные.
1.	К g 1—f 3	d 7—d 5
2.	d 2—d 4	С c 8—g 4
3.	К f 3—e 5	С g 4—h 5
4.	g 2—g 4	С h 5—g 6
5.	h 2—h 4	c 7—c 6
6.	С c 1—f 4	f 7—f 6
7.	К e 5 : g 6	h 7 : g 6
8.	Ф d 1—d 3	g 6—g 5
9.	С f 4—g 3	К b 8—c 6
10.	Ф d 3—g 6+	Кр e 8—d 7
11.	c 2—c 3	Ф d 8—e 8
12.	Ф g 6—d 3	К g 8—e 7
13.	С f 1—g 2	g 5 : h 4
14.	Л h 1 : h 4	Л h 8 : h 4
15.	С g 3 : h 4	Ф e 8—g 6
16	Ф d 3 : g 6	К e 7 : g 6
17.	С h 4—g 3	С f 8—d 6
18	С g 3 : d 6	Кр d 7 : d 6
19.	e 2—e 3	Л a 8—h 8
20.	Кр e 1—f 1	e 6—e 5
21.	К b 1—d 2	Л h 8—h 4
22.	f 2—f 3	e 5 : d 4
23	e 3 : d 4	К c 6—b 4
24.	Кр f 1—f 2	b 7—b 6
25.	b 2—b 3	Л h 4—h 8
26.	a 2—a 3	К b 4—d 3+
27.	Кр f 2—e 2	Л h 8—h 2
28.	Кр e 2 : d 3	Л h 2 : g 2
29.	Л a 1—h 1	c 7—c 5
30.	Л h 1—h 7	c 5 : d 4
31.	e 3—d 4	К g 6—f 4+
32.	Кр d 3—c 3	К f 4—e 6

Послѣдніе ходы посланы въ Лондонъ 27 мая.

Задача буквъ № 47.

П. Даржана.

Найти слѣдующія 10 словъ:

1) Будущая жена 35. 19. 33. 41. 3. 9. 38.

2) Западни, въ кои ловятъ птицъ 26. 7. 8. 15. 16.

3) Сѣверо-американцы 32. 20. 4. 10.

4) Женское имя 6. 18. 40.

5) Испанское національное кушанье 34. 5. 42. 30. 27. 17.

6) Выгода 1. 11. 12. 22. 43.

7) Занавѣски на окнахъ 39. 24. 31. 14. 21.

8) Части рукъ 23. 28. 37. 25. 29.

9) Союзъ 36. 13.
10) Гласная буква 2.

Буквы найденныхъ словъ помѣстить въ помѣщенной здѣсь фигурѣ на мѣстахъ цифръ, указанныхъ противъ каждаго искомаго слова. Затѣмъ, данную фигуру, наполненную буквами, разрѣзать на 10 частей, которыя должны быть соединены въ одинъ прямоугольникъ, но такъ чтобы можно было прочесть названія четырехъ произведеній извѣстнаго русскаго писателя.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскія расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

СОДЕРЖАНІЕ: **Н. И. Коншаровъ** (съ портр.).—**Мой „собратъ".** Разсказъ **Всеволода Крестовскаго.** (Продолженіе).—**Прорицатель.** Историческій разсказъ **Н. Кирилова.** (Продолженіе).—**Алмазы и другіе драгоцѣнные камни.** Очеркъ. (Окончаніе).—Къ рисункамъ: **Лѣтомъ** (съ рис.).—**Искушеніе** (съ рис.).—**Пушнинъ у Гоголя** (съ рис.).—**На покосѣ** (съ рис.).—**„Бѣдному семьянину!.."** (съ рис.).—**Лѣсъ** (съ рис.).—**Гора „Св. Креста"** (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Разныя извѣстія.—Смѣсь.—Задачи.—Объявленія.—**При этомъ № прилагаются „Парижскія Моды" за Іюнь 1887 г. съ 35 грав. и отдѣльный листъ съ 30 черт. выкроекъ въ натур. величину и 12 рис. рукодѣльныхъ работъ.**

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ДЛЯ ПОЛКОВЪ.

ИНСТРУМЕНТЫ ДЛЯ ПѢСЕННИКОВЪ:

Бунчуки въ 25, 35, 50 р. Тарелки въ 4, 5, 10 р. Треугольники въ 1, 2, 3 р. Бубны въ 4, 7, 10 р. Ложки въ 3, 4, 10 р. Кастаньеты въ 2 р. Кларнеты въ тонѣ Ц въ 6, 8, 10 р. и дор. Мюзеты (рожки) въ 3, 8, 10 р. Солдатскіе формевные барабаны въ 15 р. Барабанныя флейты въ 5 р. Сигнальные рожки въ тонѣ Ц или Д въ 5 р. Сигнальныя трубы въ тонѣ Десъ или Эсъ въ 7 руб. № 2626

А также всѣ инструменты для музыкантскаго хора, хорошаго качества и по умѣреннымъ цѣнамъ.

РЕКОМЕНДУЕТЪ

Юлій Генрихъ Циммерманъ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Больш. Морская, 36 и 42.
Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.
Другихъ магазиновъ не имѣю.

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ" 1886 ГОДА,

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. С. Тургенева,** разсказъ графа **Л. Н. Толстаго,** романы графа **Е. А. Саліаса, Вс. Соловьева** и **Н. К. Лебедева (Морскаго),** поэму **А. Н. Майкова,** разсказы и повѣсти **Всев. В. Крестовскаго, Я. П. Полонскаго, К. Тхоржевскаго, П. П. Гнѣдича, А. Я. Максимова, П. Петрова, В. П. Желиховской, Н. В. Успенскаго, Захеръ-Мазоха, К. Бороздина, Ар. Эвальда, Е. Кириллова** и разн. др., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч., кромѣ того нѣсколько художественныхъ, печатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„ГАДАНЬЕ".

(Парижскія Моды со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы" „Моды" прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован. . . . . **4** р. Въ каленк. перепл. **5** р. **50** к.
Съ пересылкою . . . **6** „ Съ пересылкою. . **7** „ **50** „

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива", СПБ., Невскій пр., № 6.

ЛЕННИНГСЪ и ГЮЗИНГЪ

имѣютъ честь сообщить, что они доставляютъ черную краску, которою печатается иллюстрированный журналъ „Нива". № 2405

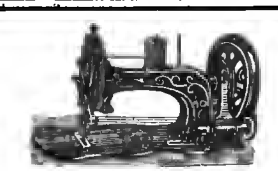
ДЕПО ЧАСОВЪ

Ю. ЭРГАРДТЪ

СПБ. Офицерская ул., № 18. 10—5 № 2528
Рекомендуетъ серебр. анкерн. часы отъ 14 р.
Спеціалистъ для поправокъ хронометровъ и сложныхъ часовъ.
Иллюстр. прейсъ-курантъ безплатно.

Поступила въ продажу книга:
ОГНЕВАЯ СУШКА ФРУКТОВЪ и ОВОЩЕЙ.
Сост. В. В. ЧЕРНЯЕВЪ.
Въ 12½ печ. лист., съ 105 рис. Ц. 1 р. 75 к., съ пер. 2 р. Складъ изд.: СПБ., Вознесенскій мостъ, д. 23—81, кв. 34.

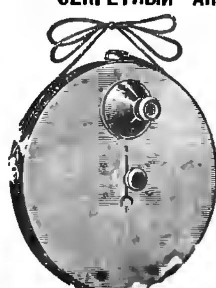

Прейсъ-курантъ и пробныя работы высылаетъ безплатно Р. № 2585 3—2

А. ШТЕЙНЪ

Большая Морская, д. № 26, С.-Петербургъ.
Складъ швейныхъ и вязальныхъ машинъ.

ФОТОГРАФИЧЕСКІЙ СЕКРЕТНЫЙ АППАРАТЪ,

помѣщенный подъ сюртукомъ или жилетомъ, снимаетъ даже движущіеся предметы на какомъ угодно разстояніи. Не мѣняя пластинку, послѣдовательно, могутъ быть произведены 6 момент. снимковъ; необходимъ каждому. Цѣна аппарата съ пласт. на 30 сним. съ перес. 25 р. Полные фотогр. аппараты для съемокъ въ кабин. величину начиная съ 30 руб. Всѣ принадлежности начиная съ 20 руб. Большой выборъ всѣхъ предметовъ для фотографіи. П. № 2624

СКЛАДЪ ФОТОГР. ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ
АДОЛЬФЪ РЕЙНЕ,
Москва, Кузнецкій м., д. Третьяковыхъ.

Hôtel du Nord, Dresde NOUVELLEMENT OUVERT Rue Mosczinsky, au coin de la Pragerstr. près de la gare centrale.

Chambres depuis 2 Mark (bougies et service inclus), d'apréa tarif. Pension depuis 5 Mark.

Tous les pourboires sont supprimés.

Bon restaurant. Jardin.
P. № 2548 5—4 **L. NAHKE,** propriétaire.

ЧАЙНЫЙ МАГАЗИНЪ Ф. А. БЕТЦЪ

Большая Морская, домъ № 21
№ 2542 въ С.-Петербургѣ 10—8
РЕКОМЕНДУЕТЪ
Чай черный „Рубинъ" очень пріятнаго вкуса и нѣжнаго аромата, цѣною 2 р. 20 к. за фунтъ. При покупкѣ на 50 р. магазинъ дѣлаетъ уступку 10%.

РУССКО-АМЕРИКАНСКАЯ БАГЕТНАЯ И РАМОЧНАЯ ФАБРИКА
Ч. ГОФМАНА, СПБ., Больш. Дворянская ул., д. 26.

Имѣетъ большой выборъ багета самыхъ новѣйшихъ американскихъ рисунковъ. Складъ готовыхъ рамъ, а также принимаются заказы отъ самыхъ дешевыхъ—до самой изящной работы. Торговцамъ дѣлается уступка. Складъ и пріемъ частныхъ заказовъ, Невскій пр. № 11, бель-этажъ, между Большой и Малой Морской. № 1820 16

ПАРОВАЯ ФАБРИКА
В. П. ФРАНКЕ,
М. № 2334 **МОСКВА.** 10—6
Контора: Маросейка, д. Кайсарова.
Краски, Лаки, Олифы — для маляровъ, художниковъ, типо-литографій.
АСФАЛЬТОВЫЙ КРОВЕЛЬНЫЙ ТОЛЬ И ЛАКЪ.

С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ
ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ
Измайловскій проспектъ, № 21.
рекомендуются въ особенности нижеслѣдующія произведенія:

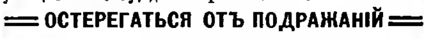
ЗУБНЫЕ ЭЛЕКСИРЫ И ПОРОШКИ

приготовленные съ разрѣшенія С.-Петербургскаго Врачебнаго Управленія.

Зубная Глицериновая паста по 75 к.
Порошокъ Корайль и съ хиною по 75 к.
САЛИЦИЛОВЫЯ ПРОИЗВЕДЕНІЯ.

ЕДИНСТВЕННЫЕ МАГАЗИНЫ ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:
1) Невскій проспектъ, домъ Католической церкви, № 32.
2) Невскій проспектъ, у Аничкова моста, № 66.
3) Уголъ Вознесенскаго и Казанской, д. Шредера, № 18—54. (Розничная и оптовая продажа).

Въ Москвѣ: 1) На Кузнецкомъ мосту, домъ Третьяковыхъ.

ОСТЕРЕГАТЬСЯ ОТЪ ПОДРАЖАНІЙ

къ которымъ прибѣгаютъ нѣкоторые фабриканты, принявшіе названія фирмъ, близко подходящихъ къ фирмѣ С.-Петербургской Химической Лабораторіи, и копирующіе наружный видъ произведеній ея.

При покупкѣ обращать вниманіе на фабричную марку, при семъ обозначенную, и требовать точность фирмы:

„С.-ПЕТЕРБУРГСКАЯ ХИМИЧЕСКАЯ ЛАБОРАТОРІЯ".
Pt. № 2625

АНТИПИРЪ

новый улучшенный, огнегасительный и огнеупорный
ПАТРОНЪ.

НАДЕЖНОЕ и быстро дѣйствующее средство для тушенія пожаровъ внутри зданій.

Рекомендуется для дачъ, квартиръ, фабрикъ, судовъ, пароходовъ, магазиновъ и проч.

Цѣна за 1 дюж. 12 р. 50 к., иногородн. съ доставкою 15 рублей.

Ищутъ въ провинціи агентовъ на выгодныхъ условіяхъ. № 2605 5—2

ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ.
С.-Петербургъ, В. О. 1 л., 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской Конторы Г. Блокъ въ СПБ.

Дозвол. ценз. СПБ. 3 іюня 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подьяч., д. 1.

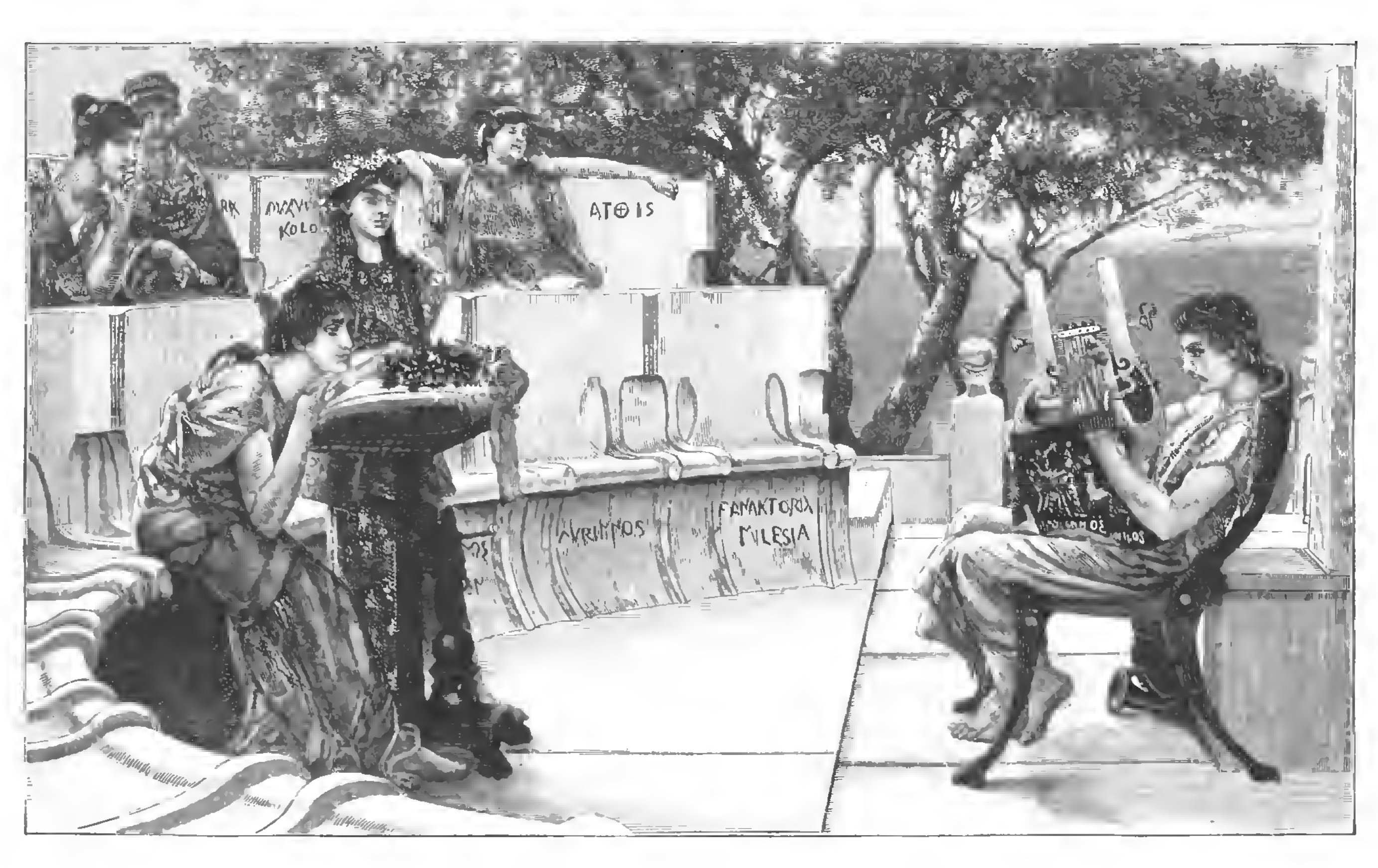

XVIII г. — № 24 — г. XVIII — 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 13 іюня 1887 г.

Цѣна этого № 20 к., съ перес. 25 к.

Сафо. Карт. Альма-Тадемы, грав. Ю. Шюблеръ.

1

Сафо.

Лауренсъ Альма-Тадема, знаменитый современный жанристъ, родившійся 8 января (н. с.) 1836 года въ Дронрипѣ (Фрисландія), воспитывался въ лейварденской гимназіи, гдѣ въ особенности изучалъ классиковъ, и послѣ кратковременнаго пребыванія въ Амстердамѣ и Гагѣ, посвятилъ себя живописи въ Антверпенской академіи, подъ руководствомъ Генриха Лея, архаическое направленіе котораго имѣло рѣшительное вліяніе на молодого художника. Первою самостоятельною работою Альма-Тадемы явился въ 1861 году историческій жанръ: *Воспитаніе сыновей Клотильды*, изъ эпохи Меровинговъ во Франціи; успѣхъ этой картины обусловилъ между прочимъ и то, что художникъ и впослѣдствіи часто бралъ для своихъ картинъ темы изъ исторіи Франковъ, обнаруживая при этомъ глубокое знаніе археологическихъ подробностей. Такою же эрудиціей блещутъ его жанры изъ египетской, греческой и римской древности. Рядъ этихъ послѣднихъ начался въ 1863 году картиной: *Какъ проводили время въ Египтѣ 3000 лѣтъ тому назадъ*. Эти картины преимущественно поражаютъ необыкновенно точнымъ и виртуознымъ воспроизведеніемъ тканей мрамора, бронзъ, мозаикъ и античной утвари. Подобно старымъ голландскимъ мастерамъ, Ванъ-Эйку и другимъ, Альма-Тадема любитъ яркіе, свѣтлые тоны и равномѣрный свѣтъ, почти безъ тѣней. Тонамъ воздуха онъ также не придаетъ большаго значенія, довольствуясь простою передачей локальныхъ, вслѣдствіе чего въ картинахъ его иногда не удается перспектива. Въ 1870 году Альма-Тадема переселился изъ Брюсселя въ Лондонъ, гдѣ и натурализовался. Съ этихъ поръ онъ почти исключительно предался древнеримскому жанру, въ которомъ достигъ блестящаго совершенства, особенно въ небольшихъ картинкахъ. Однимъ изъ послѣднихъ его произведеній была переданная на нашемъ рисункѣ *Сафо*, лесбійская поэтесса, слушающая игру на лирѣ, по всей вѣроятности своего возлюбленнаго Фаона, съ которымъ преданіе (впрочемъ, болѣе чѣмъ сомнительное) связываетъ ея трагическую кончину. Сафо родилась на островѣ Лесбосѣ въ Митиленахъ или Эрезосѣ и жила между 628—568 годами до Р. Х. По неизвѣстнымъ причинамъ она должна была бѣжать изъ отечества и удалилась въ Сицилію. Неизвѣстно какъ долго пробыла она тамъ. Древніе восхищались силою и пламенною страстью ея стиховъ и прозвали ее *десятою музой*. Ей приписываютъ изобрѣтеніе размѣровъ: сафическаго малаго и большого. Изъ произведеній ея до насъ дошли лишь небольшие отрывки. Болѣе извѣстенъ ея гимнъ Афродитѣ. Въ Сиракузахъ и Византіи ей были воздвигнуты статуи, а въ Митиленахъ портретъ ея чеканился на монетахъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она была предметомъ злыхъ клеветъ и даже выводилась на сценѣ аттической комедіи въ самомъ непривлекательномъ видѣ, какъ женщина въ высшей степени безнравственная. Историческія данныя не подтверждаютъ этихъ обвиненій, которыхъ, къ слову сказать, не избѣгъ самъ Сократъ въ комедіяхъ Аристофана. Напротивъ, Алкей, лично знавшій Сафо, называетъ ее „святою". Въ теченіе нѣкотораго времени она была замужемъ за богатымъ уроженцемъ острова Андроса и стала матерью „милой, подобной золотому цвѣтку" Клеиды. Овдовѣвъ, она провела позднѣйшіе годы своей жизни въ Митиленахъ, окруженная толпою молодыхъ подругъ, которыя учились у нея поэзіи. Это и было вѣроятно причиной распространенія помянутыхъ клеветъ. Что касается легенды о ея самоубійствѣ, будто бы вслѣдствіе безнадежной любви къ молодому греку Фаону, который не отвѣчалъ на ея страсть и тѣмъ заставилъ ее броситься въ море съ Левкадійскаго утеса,—то новѣйшіе изслѣдователи согласны между собою въ томъ, что здѣсь рѣчь идетъ о другой Сафо, хотя также лесбіянкѣ, но вовсе не знаменитой поэтессѣ.

Мой „собратъ".

Разсказъ **Всеволода Крестовскаго.**

(Окончаніе).

„На этой ужасной дорогѣ изрѣдка попадались еще кое-гдѣ и живые люди, изуродованные, поморожденные, недобитые или уцѣлѣвшіе отъ побоища. Всѣ они были погружены въ апатію безнадежнаго отчаянія и фаталистически равнодушно ожидали смерти... Домашняго скота, сравнительно съ людьми, уцѣлѣло великое множество, но и онъ также находился „въ ожиданіи смерти" и припадалъ къ отравленнымъ падалью канавкамъ и ручьямъ, чтобъ утолить жажду, или уныло пощипывалъ сухую травку, торчавшую изъ-подъ снѣга.

„Нашелся однако охотникъ поживиться и этою скотинкой.

„Настигаемъ мы по дорогѣ гуртъ, который гнали съ хворостинами въ рукахъ три-четыре солдата 10-го стрѣлковаго батальона.

— „Что̀ это за гуртъ вы гоните? спросилъ одинъ изъ старшихъ офицеровъ.

— „Батальонный, ваше высокоблагородіе, отвѣчалъ одинъ изъ солдатиковъ.

— „Да неужто-жь у насъ въ батальонѣ столько скота? Тутъ и на дивизію хватитъ!

— „Никакъ нѣтъ, ваше высокоблагородіе, тутъ батальоннаго скота самая малость, двѣнадцать головъ всего, а все прочее—это, значитъ, кампанскій.

— „Какой такой кампанскій?

— „А вонъ, изволите видѣть, агѐнтъ рыщетъ по полю: это все евойный.

„Мы обратили взглядъ въ томъ направленіи, куда указывалъ солдатъ, и увидѣли, что по полю на поджаромъ конькѣ дѣйствительно рыщетъ „гаспидинъ агэнтъ" знаменитой компаніи Грегера, съ нагайкой въ рукахъ и загоняетъ въ свой гуртъ наиболѣе надежную скотину.

— „Онъ намъ приказалъ гнать, ваше высокоблагородіе, продолжалъ солдатикъ:—сказываетъ, быдто отъ начальства приказано. Вамъ, говоритъ, все равно гнать-то, за одно уже, что мой, что батальонный, а я вамъ, говоритъ, за то по хра̀нку на брата дамъ.

— „Да куда же онъ гонитъ такую гибель? спросилъ я.

— „Сказываетъ, въ Адрипонопь на поставку. Однако-жь онъ его и въ вольныя руки сбываетъ. Утресь, этта, какъ изъ городу выходить, такъ онъ грекамъ тамъ, что-ли, аль другимъ какимъ восемь штукъ продалъ: съ кого по желтицѣ *) взялъ, а съ кого и по двѣ.

„Не дурной „гешефтъ" выдумалъ!

„Какъ разъ въ это время „гаспидинъ агэнтъ" самолично пригналъ въ гуртъ еще одного новаго сѣраго бычка и, влѣпивъ своему коньку здоровую нагайку, тотчасъ же поскакалъ опять въ поле за новою добычей. На этотъ разъ едва ли онъ меня замѣтилъ, но я узналъ его.

„Это былъ Клецкеръ-Цитронъ".

IX.

Война окончилась и начался томительный Санъ-Стефанскій періодъ, когда русскія войска цѣлые пять мѣсяцевъ въ бездѣйствіи стояли на открытыхъ позиціяхъ въ виду Константинополя и безполезно умирали отъ сыпнаго и пятнистаго тифа. Дѣло шло къ Берлинскому конгрессу; англійскіе броненосцы, выходя порою изъ Измидской бухты, разгуливали по Мраморному морю и останавливались на нѣкоторое время въ боевомъ порядкѣ въ виду Санъ-Стефано, точно съ цѣлью подразнить насъ или попугать своею готовностію къ бою. Тяжело и скверно какъ-то было на душѣ у всѣхъ, кто переживалъ этотъ періодъ тамъ, на мѣстѣ, и молчаливая злоба съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе забиралась въ каждое сердце, отъ сознанія, что послѣ всѣхъ жертвъ побѣдоносной войны, мы вдругъ очутились въ глупой роли подсудимыхъ, не смѣя взять свой послѣдній и главный лавръ въ Царьградѣ, который самъ дался въ руки. Объ этомъ избѣгали даже говорить (очень ужь обидно и срамно̀ какъ-то было!), но за то вся накипѣвшая злоба и горечь, въ видѣ отвлеченія, зачастую изливалась въ офицерскихъ кружкахъ на интендантскіе порядки, на нѣкоторыхъ штабныхъ генераловъ польскаго происхожденія и, въ особенности,

*) Болгары, а по ихъ примѣру и наши солдаты, *желтицами* называли полуимперіалы и двадцатифранковики.

на гнусную дѣятельность агентовъ Грегера, Горвица и Когана. Иные старались ни о чемъ такомъ не думать и топить свою тоску и скуку въ попойкахъ, въ перотскихъ рулеткахъ и тому подобномъ; но порою даже и въ этомъ невольно прорывалась у нихъ наружу щемящая боль сдавленнаго внутри себя оскорбленія. Солдаты терпѣли безропотно, но глядѣли угрюмо.

Завелась было въ Санъ-Стефано плохенькая италіанская опера, но тамъ, въ балаганѣ, построенномъ на мѣстѣ бывшихъ коновязей великокняжескаго обоза, стояла по вечерамъ ужасающая духота и жестоко пахло впитавшимися въ почву міазмами конюшни. Поэтому единственнымъ мѣстомъ, гдѣ послѣ душно-жаркаго дня возможно было подышать свѣжимъ вечернимъ воздухомъ и повидаться съ людьми, оставался садикъ „Конкордіи“,—кафе-шантана и ресторана, который нарочно, ради русскихъ, перекочевалъ сюда изъ Перы съ нѣсколькими жидо-французскими героинями шансонетки и вѣнскимъ „Damen-Orchester'омъ“, въ составѣ коего разныя швабскія дѣвицы играли на тромбонахъ, скрипицахъ и барабанахъ. Въ этомъ садикѣ, за тѣсно составленными столиками, встрѣчалось между собою все санстефанское и наѣзжее съ позицій офицерство, врачи, чиновники штаба и разныхъ управленій, моряки съ судовъ „Русскаго Общества“, всевозможные наѣзжіе прожектеры и аферисты, репортеры константинопольскихъ газетъ, иностранные корреспонденты и „гасшпда агэнты“ Грегеровскаго „Товарищества“.

Однажды, усталый и голодный, возвращаясь съ лѣваго фланга, часовъ около семи вечера, я сдалъ свою лошадь сопровождавшему меня казаку, приказавъ вести ее домой, а самъ зашелъ поѣсть чего-нибудь въ „Конкордію“ и расположился тамъ за однимъ изъ болѣе уединенныхъ столиковъ, по сосѣдству съ открытою галерейкой около буфета, которая обыкновенно служила столовою. Но теперь отдѣльные столики были составлены тамъ въ одинъ общій столъ, за которымъ кончала свой обѣдъ довольно большая компанія. „Музыкально-вокальный вечеръ“ еще не начинался, и потому публики, за исключеніемъ обѣдавшей компаніи, въ саду почти не было. До меня ясно долеталъ съ галерейки смѣшанный говоръ оживленныхъ голосовъ, среди котораго порою раздавались какіе-то тосты, сопровождаемые чоканьемъ бокаловъ и возгласами „ура!“ и „браво!“ Повидимому, кого-то за что-то чествовали. Мой столикъ въ углу приходился такъ, что мнѣ была видна почти вся галерейка. Тамъ сидѣло человѣкъ двадцать какихъ-то партикулярныхъ господъ и между ними два интендантскіе подполковника да двое или трое сивыхъ, а то и совсѣмъ сѣдыхъ оберъ-офицеровъ, изъ тѣхъ, что послѣ многихъ лѣтъ отставки возжелали вдругъ послужить отечеству на поприщѣ завѣдующихъ транспортными эшелонами? Говоръ застольниковъ становился все оживленнѣе, какъ всегда бываетъ въ концѣ холостаго обѣда. Вдругъ раздалось звяканье ножами о стаканы и тарелки, вмѣстѣ съ легкимъ шиканьемъ, приглашавшимъ всѣхъ ко вниманію. Кто-то собирался говорить спичъ, и вотъ, на томъ концѣ стола поднялась чья-то штатская фигура, и среди наступившей тишины раздался вдругъ оффиціально-торжественный возгласъ: „Гасшпада товарищи!“ Вглядываюсь, ба! да это Клецкеръ-Цитронъ!..

Я не могъ разслышать всей его рѣчи въ полной послѣдовательности, но общій смыслъ ея былъ тотъ, что ораторъ „отдавалъ справедливость“ образцовой дѣятельности „Товарищества“, говорилъ о признаніи его заслугъ, о томъ что ихъ наконецъ оцѣнили, и восхвалялъ даже самоотверженные подвиги „агэнтовъ“, которымъ много-де нужно было патріотизма и гражданскаго мужества, чтобы среди невзгодъ военнаго времени неуклонно довести до конца свою „работу“ на пользу русской арміи, не смотря на предубѣжденіе и ропотъ этой самой арміи, на антагонизмъ и вообще недоброжелательство къ „Товариществу“ частныхъ начальниковъ, не смотря даже на весь шумъ, брань и возмутительныя клевѣты поднятыя противъ „Товарищества“ недостойною русскою „прессой“.—„Сколько разовъ, сшполняя свой долгъ, говорилъ Клецкеръ:—ми мужественно подвергали себя опасностю, рисковали даже изъ нашей жизнью, доставляя къ войскамъ запасы подъ свивстомъ гранатовъ... Положимъ, никто изъ насъ, слава Богху, не убитъ и не раненъ; но ми могли бы быть и ранены, и убиты, а это всше одно, я полагаю. Самоотверженіе наше отъ этого нисколько не меньше, и исторія признаетъ наши заслуги и скажетъ, что увъ эта война ми играли очень важная роль. И я увѣренъ, что если дастъ Богхъ новую войну, ми и въ новой войнѣ изъ новымъ рвеніемъ изъ полной готовностю явимся на высотѣ свово призванью. Пускай тенденціозная пресса сажаетъ насъ теперъ на сшкамья подсудимыхъ! Чтó жъ, ми очень даже рады тому... Ми желаемъ суда, но, къ сожалѣнью, никаково суда не будетъ. Да, гасшпада! Какъ счестніи люди, ми можемъ сшмѣло сказать, что ми желаемъ суда, затово чтобы выйдти съ залы засѣданью изъ гордо поднятой головою!“

Громкія „браво!“ „ура!“ и рукоплесканія покрыли окончаніе рѣчи Клецкера, и всѣ растроганные „товарищи“ потянулись къ нему чокаться и цѣловаться. Это изъявленіе общей признательности послужило и финаломъ ихъ пиршества, тѣмъ болѣе, что дамскій оркестръ на эстрадѣ въ эту минуту грянулъ какой-то каскадно-тріумфальный маршъ, въ знакъ начала „музыкально-вокальнаго“ вечера.

Одни изъ „товарищей“ оставались еще на галерейкѣ, другіе сошли освѣжиться въ садъ. Въ числѣ послѣднихъ былъ и Клецкеръ, видимо упоенный своимъ ораторскимъ успѣхомъ. Судя по костюму и брелокамъ, дѣла его очень поправились, и вся фигура дышала тѣмъ самодовольствомъ и самоувѣренностію, какія отличали его въ счастливые дни петербургской жизни. Онъ замѣтилъ меня и, вѣроятно, подъ размягчающимъ душу и располагающимъ къ сообщительности дѣйствіемъ шампанскаго, направился вдругъ ко мнѣ съ распростертыми, якобы отъ удивленія, руками и даже съ радостною улыбкой.

— А!.. Кого я вижу, кого я вижу!.. Те, те, те, кого я вижу! восклицалъ онъ, приближаясь ко мнѣ.—И гдѣ жъ это вы пронадали, что я за вся кампанія а-ни разу еще не встрѣчался изъ вами?!. Здравствуйте! Какъ я радъ васъ видѣть!

И онъ покусился было заключить меня въ свои объятія (вѣроятно, чтобы показать „товарищамъ“ свою пріятельскую близость со мною), но я вовремя успѣлъ уклониться отъ такихъ неумѣстныхъ изъявленій клецкеровской пріязни, хотя для этого пришлось протянуть ему руку, чтобы тѣмъ самымъ удержать его на достодолжной дистанціи.

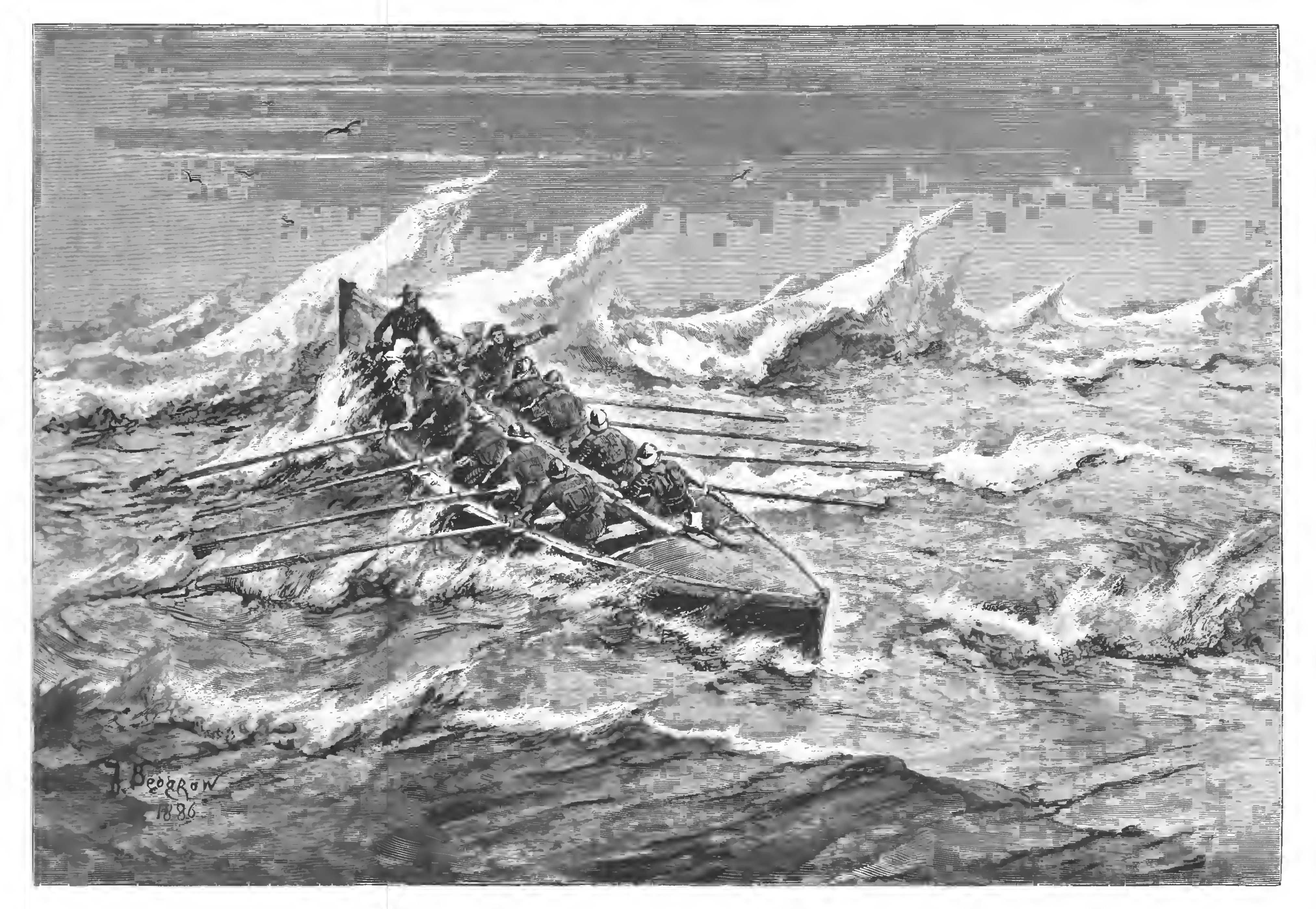
— А ми сегодню нашъ маленькій семейный фестивалъ сшправляемъ, началъ онъ, видимо желая хоть поболтать со мной на глазахъ у „товарищей“, если ужъ обпять не удалося.—Собрались, какъ видите, увсе насши, компанскіе... и я даже маленькаго спичу сказалъ имъ,—такъ, легкаво импровизацья,—ви можетъ слійшали?

— Какъ же, слышалъ, подтвердилъ я:—вы настолько громко говорили, что нельзя было не слышать.

— Ага!.. Ну, и какъ вамъ понравилось? Какъ находите ви осшновная моя мисшлю?.. га?.. Не правда ли, очень сшмѣлая мисшлю?

— Очень, согласился я:—въ особенности для агента вашего „Товарищества“

— Да!.. „Изъ гордо поднятой головою!“ декламатор-

Спасательная лодка. Ориг. рис. для „Нивы“ А. Беггрова, грав. М. Рашевскій.

Ночной совѣтъ въ домѣ Шуйскаго на 17 мая 1606 г. Ориг. рис. для „Нивы“ А. Земцова, грав. Флюгель.

ски и съ соотвѣтственнымъ жестомъ повторилъ Клецкеръ заключительную фразу своего спича.

— Скажите, пожалуйста, спросилъ я:—въ честь кого же вы все это справляете?

— А, это, видите, маленькій товарищескій обѣдъ по подписка увъ честь насшихъ новихъ кавалеровъ.

— Кавалеровъ? повторилъ я:—то-есть, что̀ это значитъ „кавалеровъ“?

— А развѣ-жъ вы не слйшали?.. Какъ же!. Нѣкоторые зъ насшихъ агентовъ получили ардена увъ награду.

— Ордена?! изумился я:—возможно ли это?!

— Ну, и какъ же-жъ не возможно, когда я вамъ говору... По ходатайству гасшпадина Грегеръ... Маленькихъ Сштаниславовъ и Анновъ получили, и даже зъ мачами.

Я только могъ пожать плечьми и въ душѣ остался при убѣжденіи, что Клецкеръ вретъ.

— А я и самъ получу тоже, похвалился онъ не то съ гордостью, не то съ легкой ироніей.—Я вже представленъ отъ насшихъ принципаловъ къ маленькій Сштаниславчикъ... Положимъ, хоть я и не особенный поклонникъ арденовъ, но... пускай болтается! Главное, пріятно, что заслуги цѣнятъ.

— Ужь не за то-ль это вамъ, спросилъ я:—что вы такъ храбро чужую скотину въ свой гуртъ загоняли?

— Какая сшкатина? озадачился Клецкеръ:—увъ какой гуртъ?

— А въ тотъ, который вы гнали въ Адріанополь на поставку.

— Агхъ, вотъ оно й-што! воскликнулъ онъ и расхохотался дѣланнымъ смѣхомъ.—Вы увсе шутите... Счастливый, право, характеръ,: увсегда естъ шутка въ запасу... Но только я вамъ скажу: какая-жъ то чужая сшкатина? То были вольніи бики, пригульные, они сами йшли, а я только сшполнялъ насша инструкція, сшоблюдая интэресы „Товарищества“... Однако, я заболтался изъ вами, а меня ждутъ, пробормоталъ онъ вслѣдъ за тѣмъ и, приподнявъ съ поклономъ свою бѣлую англійскую каску, торопливо отошелъ отъ моего столика. Очевидно, напоминаніе о чужой скотинѣ пришлось ему не по нутру, и онъ уже больше не подходилъ ко мнѣ въ этотъ вечеръ.

X.

Съ тѣхъ поръ я совершенно потерялъ Клецкера изъ виду. Впрочемъ, это и не мудрено, такъ какъ послѣ Балканскаго полуострова мнѣ пришлось побывать и на крайнемъ Востокѣ, и въ глубинѣ Центральной Азіи, а среди всѣхъ этихъ странствованій прошло почти пять лѣтъ жизни. Что̀ дѣлалъ онъ, чѣмъ занимался за все это время, я не знаю, да признаться, и не интересовался этимъ. Но вотъ, съ переходомъ моимъ опять въ Петербургъ, на болѣе осѣдлое положеніе, возвратясь однажды домой съ утренней прогулки, нахожу у себя на письменномъ столѣ визитную карточку, на которой прочелъ я слѣдующее:

Борисъ Михайловичъ
КЛЕЦКЕРОВЪ.
Редакторъ-издатель газето-журнала „Общедоступный Ломбардъ“.
Невскій проспектъ, № 00.

„Неужели мой „собратъ“? думаю себѣ:—любопытно, чортъ возьми, посмотрѣть на него въ роли издателя, да еще и редактора! Только зачѣмъ же измѣнилъ онъ и сократилъ себѣ фамилію? Ужь не для того-ль, чтобъ казаться болѣе русскимъ?“

— Когда приходилъ этотъ господинъ? спрашиваю у человѣка.

— А какъ только вы ушли, почти что вслѣдъ. Спросилъ когда будете дома и сказалъ, что черезъ часъ заѣдетъ. Очень, говоритъ, нужно по дѣлу.

— Ну, ладно, прими его, когда пріѣдетъ.

Полчаса спустя, Клецкеръ уже сидѣлъ въ моемъ кабинетѣ.

Я нашелъ въ немъ большую перемѣну. Подбритыхъ бакъ и лупшки уже не существовало, а вмѣсто нихъ облегала его лицо густая борода чисто литературнаго характера; исчезли и „капуль“, и англійскій проборъ на затылкѣ, замѣнясь длинными пасмами не совсѣмъ-то, кажись, опрятныхъ волосъ, лежавшихъ сзади на воротникѣ его солиднаго редингота. Вообще, весь костюмъ его не билъ уже, какъ прежде, на эффектъ мохнатыми жилетками, но отличался солиднымъ достоинствомъ, точно за это время онъ выучился одѣваться нѣсколько проще и приличнѣе. Даже пенсне замѣнилось золотыми очками. Словомъ, вся наружность Клецкера приняла какой-то кабинетно-литературный пошибъ съ умѣренно-либеральнымъ запахомъ.

— Я затѣялъ очень большово дѣла, началъ онъ солидно-дѣловымъ тономъ, послѣ первыхъ привѣтствій и легкаго воспоминанія о войнѣ и военно-походной жизни, которую онъ такъ-де полюбилъ, что всегда вспоминаетъ съ особеннымъ удовольствіемъ.

Я замѣтилъ ему, что по его визитной карточкѣ догадываюсь, какое именно это дѣло.

— Такъ, Ви не ошиблись, подтвердилъ онъ, слегка склопяя голову, съ улыбкой повидимому скромною, но сквозь которую невольно проскальзывало чувство самодовольнаго достоинства.—Я затѣялъ свово собственнаго литературнаго органа, который служилъ бы проводникомъ идэй и взжглядовъ того кружка мислящихъ людей, во главѣ котораго я йтѣю честь стоять увъ настоящаво времю, и вотъ по этому поводъ, узнавъ, что ви теперь увъ Петербургу, заѣхалъ по старому знакомству поговорить и посовѣтоваться изъ вами.

Клецкеръ старался говорить очень отчетливо, неторопливо, серьезно, какъ бы взвѣшивая каждое свое слово, и съ послѣднею фразой, вынувъ изъ бокового кармана перегнутую пачку какихъ-то бумагъ, отдѣлилъ отъ нея одинъ листокъ исписанный гектографическимъ способомъ.

— Это проэктъ программы и объявленія о моемъ журналѣ, пояснилъ онъ, передавая мнѣ листокъ.—можете оставить его себѣ, ежели угодно... Зъ вашего позволенью, ми прочитаемъ его и обсудимъ, тогда вы будете видѣть что̀ это тако̀во. Но предварительно я хочу сказать нѣсколько сшловъ. Какъ увидите, я становлю литературнаво дѣло на совершенно новая, небывалая еще почва: на такая почва, чтобы никакая конкуренція изо мной не была бы возможна. Для этого я зачинилъ, могу сказать, колоссальная программа, которая охватываетъ собой увсѣ стороны человѣческой жизню. Это не будетъ собственно ни газета, ни журналъ, но соединитъ увъ себя и тово и другово; поэтому я и называю мой будущій органъ „газето-журналомъ“. Не правда ли, удачное совокупленье?.. га?.. Названье ему я придумалъ и заманчивое, и практычное: „Общедоступный Ломбардъ“,—то-есть, ломбардъ, конечно, увъ смисшлѣ склада, сокровищницы, съ которой каждый можетъ брать что̀ ему вгодно, на собственный вкусъ. Поэтому я полагалъ бы квалифицировать его въ объявленью какъ органъ космополитыческій, универсальній и энциклопедыческій, или же палытико-литературно-популярно-научный и съ клишами, то-есть иллюстриро̀ванный. Клишовъ у насъ удивительно много, мы издѣлали громадный запасъ ихъ увъ Европа, съ „Daheim“, „Gartenlaube“, „Graphic“ и съ прочихъ. Но вы не думайте, что на томъ и конецъ,—нѣтъ, ми заставимъ перо литератора и карандашъ художника совмѣстно служить нашему цѣлю изъ оригинальнымъ композыціумъ, и повѣрте,—то я вже говору вамъ, какъ счестный человѣкъ,—неизмѣримая бездна будетъ отдѣлять мой „Ломбардъ“ отъ увсѣхъ достальныхъ изданьювъ. Для этого ми вже располагаемъ огромнымъ составомъ

рабочихъ силъ, что для другихъ журналовъ было бы немисшлимо. Увъ портфелю редакціи ми вже заручились громаднымъ количествомъ литературнаго матэрьялу и имѣемъ поэтому возможность предлагать для нашъ подписчикъ только лучшее изъ увсего что раждаетъ наша и вообще всемірная литература, и это одно вже составляетъ неимовѣрно богатаво чтенья, такъ что единственный упрокъ, котораво ми надѣемся заслужить отъ читатель, будетъ развѣ увъ томъ, что ми даемъ ему вже слишкомъ много!.. И я думаю, что нашъ органъ вдовлетворитъ увсѣмъ, поэтому онъ по справедливостю можетъ быть названъ „газетою для всѣхъ и обо всемъ“. Какъ ви находите этово мисшлю?.. га?.. Я думаю включить всего этого въ моя программа. Вы одобраете?.. Ну, гхарашо, теперь приступимъ къ проэкту.

И взявъ гектографированный листокъ, Клецкеръ откашлялся, поправилъ очки и началъ своимъ семитическимъ акцентомъ читать слѣдующее:

„*Общедоступній Ломбардъ*“

„Газето-журналъ палытическо-общественный и хадожественный, со множествомъ разнообразныхъ приложеній и премій. Цѣна 7 рублей въ годъ съ пересылкой и доставкой по почтѣ.“

„Исповѣданіе редакціи подписчику: Безспорно, „Общедоступній Ломбардъ“ представитъ собою самый полный, всеобъемлющій иллюстрированный газето-журналъ увъ Россіи (увъ чемъ легко будетъ убѣдиться при сравненіи его съ другими), со множествомъ изъячныхъ гравьюръ и великолѣпныхъ иллюстрацій, не смотра на чрезвычайно низкую подписную цѣну (7 рублей съ доставкой и пересылкой!!!). Издатель, не останавливаясь предъ большими денежными затратами, сдѣлаетъ всевозможныя улучшенія въ журналѣ и льготы для подписчиковъ (разсрочка и т. п.). „Общедоступній Ломбардъ“—первый иллюстрированный журналъ увъ Россіи, восполняетъ собою многіе и многіе пробѣлы въ нашей журналистикѣ и имѣетъ строго опредѣленное направленіе. Всѣ сштатьи и рисунки въ немъ будутъ виражать одну мисшль, одну идэю, преслѣдовать одну цѣль—счестную, зарьёзную, гуманитарную. „Ломбардъ“, по своему духу и направленію,—поборникъ гуманизма, самодѣятельностю и прегресса. Онъ будетъ пробуждать и поддерживать только счестныя мисшли и здоровіи чувства: онъ останется неизмѣнно вѣренъ своему направленію и сохранитъ увъ себѣ всѣ традыціи и дорогіе завѣты свѣтлыхъ головъ, лучшихъ дѣятелей зъ молодово поколѣнью литературной эпохи 60-хъ годовъ. „Общедоступній Ломбардъ“ можетъ вполнѣ замѣнить какъ дорогія газеты и журналы, такъ равно и крайне однообразные иллюстрированные журнальцы, отъ которыхъ сшраведливо сторонится зарьёзный читатель. „Ломбардъ“ будетъ служить зеркаломъ для всѣхъ выдающихся явленій жизни обоихъ полушарій, рисуя современный палытическій горизонтъ, передавая всѣ злоби дня, отражая всѣ движенія мисшлю, являясь, однимъ словомъ, калейдоскопомъ, увъ которомъ будутъ проходить картыны палытической, общественной, хадожественной и прочихъ сферъ жизни. Предлагаемъ вниманію читателя перечень отдѣловъ „Ломбарда“, охватывающихъ рѣшительно всѣ стороны человѣческой дѣятельностю и мисшлю.“

На этомъ мѣстѣ Клецкеръ пріостановилъ свое чтеніе и обратился ко мнѣ:

— Тутъ, ви понимаетю, главное, надо сбѣжать общепринятый шаблонъ и чтобы не было сухостю; тутъ нужна *игра*, подчеркнулъ онъ послѣднее слово, многозначительно поднявъ кверху палецъ и прищуривъ глазъ съ чисто-еврейскою экспрессивностію:—ви понимаетю,—игра брильянта, такъ сказать, нѣкотораво бойкость и даже хлесткость. Напримѣръ, вездѣ припята рубрика „Палытическое Обозрѣніе“.—н-ну, это и шаблонно, и сухо. Надо какъ-нибудь не такъ, надо это выразить бойче, игристѣе... Поэтому, замѣсто „Палытическаво Обозрѣнью“, ми назовемъ „Палытическій Горизонтъ“,—га?.. Вѣдь превосходно!.. Или, напримѣръ, мы не скажемъ музыкальное тамъ, или театральное обозрѣніе, а скажемъ „Изъ міра звуковъ“, „Въ театрѣ и за кулисами“,—понимаете, это зайчасъ же даетъ нѣкоторыя блестки, красивая игра, подымаетъ интересъ читателя къ рубрикѣ... О, это очень важнаво дѣло!.. Точно также, я полагаю, замѣсто „Военное и Морское дѣло“, отчего не сказать хотя бы „Средства человѣческаго самоистребленія?“—Напримѣнно такъ! За тово что это и хлестко, и въ то же время обрисуетъ зъ однимъ штрихомъ, увъ легкомъ намекѣ, гуманитарную культурность нашего органа. Теперь будемъ продолжать.

Онъ снова поправилъ сползавшія очки и взялся за программу.

— И такъ, перечень отдѣловъ „Ломбарда“: 1) *Палытическій юризонтъ*. 2) *Злоби дня*, то-есть бесѣды о выдающихся явленіяхъ и язвахъ нашей внутренней жизни и мисшли па лету, по поводу вопросовъ изъ областю ненормальныхъ явленій.—Это замѣсто „Внутренняго Обозрѣнія“, пояснилъ Клецкеръ.—2) *Среди нашихъ собратовъ*. (Это замѣсто пошлая рубрика „наша печать“ или „среди газетъ и журналовъ“). 4) *Электрическая почта*, то-есть телеграммы, которыя мы будемъ печатать не иначе какъ прамо зъ аппарата. 5) *Между прочимъ* и *Мимоходомъ*,—летучаво замѣтки изъ нашихъ сшпеціальныхъ репортеровъ. 6) *Столица и Провинція*—постоянныя звѣстія изъ жизни какъ нашей приневской столицы, такъ и зъ нашихъ гиберній, увъ передача постоянныхъ собственныхъ корреспондентовъ. 7) *Царство биржи* и 8) *Царство Өемиды*,—отдѣлы не требующіе поясненій. 9) *О томъ, о семъ*,—сюда войдутъ интэреснаво сообщенью зъ обоихъ полушарій. 10) *Въ театрѣ и за кулисами*,—послѣдняя рубрика обѣщаетъ быть очень пикантною. 11) *Изъ міра звуковъ* или *Живая Струна*, съ приложеніемъ танцовъ, маршей, любимѣйшихъ шансонетокъ и проч. 12) *Справочная Контора*—самый полный, обширный, всесторонній и всеобъемлющій отдѣлъ, устраняющій для читателя необходимость обращаться къ существующимъ учрежденіямъ этого рода. 13) *Купите и продайте*—извѣстія обо всѣхъ интересныхъ аукціонахъ и дешевыхъ распродажахъ. Отдѣлъ необычайно важный для всѣхъ желающихъ экономично и выгодно воспользоваться случаями спроса и предложенія. 14) *Гостиная и кухня*, то есть заграничи моды, хорошій тонъ и вкусный столъ,—рекомендуемъ сшпеціально вниманію хозяекъ. 14) *Нашъ почтальонъ*.—отдѣлъ, который, кромѣ всегда остроумныхъ отвѣтовъ редакціи, мы любезно предоставляемъ для анонимно-интимной переписки обоего пола частныхъ лицъ между собою, равно какъ для частной анонимной полемики и для рекламы. 16) *Популярная аудиторія*—сштатьи по всѣмъ областямъ и родамъ человѣческаго знанія, философіи, богословіи, естествознанія, соціологіи и проч. Увъ этомъ отдѣлѣ сштатьи даже самаго научнаго содержанія будутъ крайне общедоступны и популярны, и не иначе какъ па строго-реальной основѣ. 17) *Критическій скальпель* или *Прокрустово ложе*,—отзывы обо всѣхъ выдающихся произведеніяхъ литературы и сшкуства зъ нашей независимой точки зрѣнью. 18) *Литературный рынокъ* (замѣсто „изъячной словесностю“). Въ литературномъ рынкѣ „Общедоступнаго Ломбарда“ примутъ живѣйшее и ближайшее участіе всѣ наши извѣстнѣйшіе и высокоуважаемые литераторы, романисты, беллетристы, народные разскащики, поэты и драматурги. 19) *И смѣхъ, и грѣхъ*,—сшпеціальная рубрика нашего фальетона, гдѣ желчный юморъ будетъ идти рука объ руку изъ задорнымъ и пикантнымъ сшмѣхомъ. Издѣсъ будутъ помѣщаться легкія сценки, юмористыка, картынки зъ на-

тура-декольте, стихотворенія грустной, обличительной и сатирической музы, бичующая сатира и „видимый міру смѣхъ сквозь незриміи сиіозы". 20) Независимо отъ увсего этого, въ „Общедоступномъ Ломбардѣ" будутъ помѣщаться портреты лицъ, составляющихъ интэресъ дня: государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, писателей, артистовъ, равно какъ и знаменитыхъ преступниковъ. (NB. Къ первому нумеру будутъ приложены портреты главнаго редактора и постоянныхъ членовъ-сотрудниковъ редакціи „Общедоступнаго Ломбарда"). При всемъ этомъ, подписная цѣна на нашъ органъ (7 рублей съ пересылкой и доставкой) настолько мала, что „Ломбардъ", представляющій собою солидное общественно-палытическое и литературно-научное изданіе, положительно доступенъ каждому лицу, къ какому бы засловію оно ни принадлежало, на какой бы низкой или высокой степени развітія ни стояло и чѣмъ бы ни занималось. Къ тому же, еще украшенное превосходными иллюстраціями, оно по праву должно пользоваться особымъ вниманіемъ почтеннѣйшей публики, такъ какъ все изъячное всегда и всѣмъ интэресно и пріятно".

— Вы кончили? спросилъ я.

— Нѣтъ, еще маленькій артыклъ на счетъ приложеньевъ и премій... Зайчасъ конецъ, торопливо предупредилъ Клецкеръ и сталъ читать далѣе:

„Безплатніи преміи „Общедоступнаго Ломбарда": двѣнадцать компактныхъ томовъ избранныхъ романовъ и повѣстей, которые въ отдѣльной продажѣ будутъ стоить не менѣе 12 рублей и, сверхъ того, кромѣ огромнаго количества хадожественныхъ картинъ, гравьюръ и плановъ, будетъ дано еще три большихъ, роскошныхъ картины въ изъячныхъ рамахъ, хадожественно выполненныхъ зъ масляными красками и стоющихъ не менѣе 15 рублей каждая, которыя могутъ служить роскошнымъ украшеніемъ любой гостиной нашего многоуважаемаго подписчика. Считаемъ долгомъ обратить вниманіе всѣхъ, что единственно только наша редакція не разсылаетъ одну и ту же картину всѣмъ подписчикамъ, а желая удовлетворить по возможностю разнообразнымъ вкусамъ, предлагаетъ на выборъ три картины. Желающіе получить ихъ не измятыми и не затерянными на почтѣ, доплачиваютъ еще 1 р. 50 к. деньгами. Чтобы дать читателю хотя слабое понятіе о томъ, что̀ это будетъ, предлагаемъ описаніе одной изъ нашихъ премій, „*Дщерь Іудеи*". Полуобнаженная красавица стоитъ увъ привлекательной позѣ на фонѣ небесной дали, среди роскошнаго пейзажа Палестины. Распущенные черные волосы, обрамляющіе невыразимо-красивое лицо Дщери, спадаютъ по ея упругимъ плечамъ, извиваясь по пышной и знойной груди. Энергія каждой складки лица, огненные глаза, страстныя губы, золотые браслеты и ослѣпительно драгоцѣнныя ожерелья,—все это придаетъ стройной фигурѣ Дщери чарующее обаяніе. Мы смѣло можемъ сказать, что эта чудная картина далеко оставляетъ за собою всѣ произведенія новѣйшаго скусства, равно какъ и всѣ до сихъ поръ существующія преміи иллюстрированныхъ журналовъ, и что она удовлетворитъ и превзойдетъ самыя смѣлыя желанья и ожиданья подписчика. Но не желая однако идти вслѣдъ за вульгарными изданіями, которыя даютъ на премію однѣ только картины, редакція „Общедоступнаго Ломбарда" предлагаетъ своимъ подписчикамъ, въ видѣ премій, также и вещи, прекрасныя и полезныя, которыя могутъ служить лучшими подарками, какъ для дитю, такъ и для взрослаго. Всѣ эти вещи пріобрѣтены нашею конторой отъ лучшихъ фабрикъ увъ громадномъ количествѣ. Чтобы дать о нихъ понятіе, перечисляемъ только нѣкоторыя. Напримѣръ: часы карманные, американскіе, съ вѣрнѣйшимъ ходомъ, часы кабинетные, столовые, изъячной французской работы, театральные бинокли, подзорныя трубки, очки, пенсне, микроскопы, стереоскопы съ обширнымъ выборомъ разнообразныхъ и пикантныхъ сюжетовъ, музыкальныя машинки, Самоучитель танцовъ и французскаго языка, портмоне и портсигары, дамскіе вѣера, нессесеры, баулы, роскошные альбомы, парижскіе духи и перчатки, бандажи и подтяжки, универсальныя средства отъ мозолей и зубной боли, порошокъ отъ увсѣхъ насѣкомыхъ, мыло отъ угрей и загару и проч., и проч., и проч. Газета, дающая за семь рублей въ годъ столько разнообразнаго матерьяла для чтенія и такія преміи, какъ ни одно изданіе въ мірѣ, не нуждается въ рекламѣ. Двери редакціи всегда открыты каждому, независимо ни отъ его засловія, ни отъ національностю. Подписавшіеся на 10 экземпляровъ, получаютъ 11-й безплатно. Просимъ почтеннѣйшую публику подписываться заранѣе и скорѣе, такъ какъ при постоянно увеличивающемся числѣ подписчиковъ, редакція не можетъ опредѣлить необходимое количество экземпляровъ".

— Конецъ! съ самодовольнымъ торжествомъ воскликнулъ Клецкеръ, передавая мнѣ листокъ програмы.— Н-ну, и что̀ ви на это скажете?

— Хм... Скажу, что дѣйствительно, вы низводите литературное дѣло на небывалую еще почву.

— Ага!.. Ви понимаете теперъ, что мы внѣ конкуренція! Мы должны убить, и мы убьемъ всѣхъ безъ исключенія журналовъ: тутъ борба невозможна! Средства у насъ обезпечены... и громадны!

— Охотно вѣрю, сказалъ я:—но для довершенія удара, я посовѣтовалъ бы вамъ еще одно. Отчего бы, напримѣръ, въ видахъ предоставленія своимъ подписчикамъ дешеваго кредита, не открыть вамъ при редакціи и гласную кассу ссудъ?—Такъ бы и на вывѣскѣ написать аршинными буквами: „Гласная касса ссудъ Общедоступнаго Ломбарда".

Клецкеръ не могъ, конечно, не понять, что я бросаю ему эти слова въ насмѣшку, и я хорошо замѣтилъ, какъ непріятно передернулся у него въ лицѣ особый семитическій нервъ, точно бы его что̀ ужалило; но въ то же мгновенье онъ очень хорошо совладалъ съ собою и повернулъ дѣло въ самую неожиданную для меня сторону.

— А что ви думаете, вѣдь это идэя! къ удивленію моему, воскликнулъ онъ, уставясь на меня сквозь очки нагло смѣющимися глазами.—На гуманныхъ основаніяхъ, конечно, это было бы возможно, и объ этомъ стоитъ подумать...

— Непремѣнно! продолжалъ я:—такъ и въ объявленіяхъ пропишите, что, молъ, подписчики ваши, въ видѣ особой еще преміи, будутъ пользоваться наивысшею ссудой за наименьшій процентъ, подъ ручные залоги, и разными льготами при перезакладѣ, да и мало ли что̀ тамъ можно еще придумать! Вѣдь вы на это мастеръ!

— Благодару вамъ! Это увъ самомъ дѣлѣ хорошаво мислю, говорилъ онъ, сохраняя все тотъ же нагло-смѣющійся взглядъ и полное, хотя быть можетъ притворное, хладнокровіе:—„Mont-de-piété" для недостаточныхъ подписчиковъ, и именно вотъ, какъ вы выразились, увъ видахъ предоставленія имъ дешовій кредитъ. О, это дѣло можетъ пойдти!.. Очень гуманная идэя!.. Хочете идти увъ доля? предложилъ онъ съ замѣтнымъ ехидствомъ.

— То-есть, ка̀къ это?.. Съ вами въ долю по гласной кассѣ?

— Ну, да, изо мной; отчего нѣтъ?

— Благодарю покорно. Я великодушно дарю вамъ эту идею—можете воспользоваться.

— Хм!.. Жалъ, что не хочете, медлительно говорилъ онъ, не сводя съ меня свой, какъ бы издѣвающійся надо мною, взглядъ.—Жалъ... очень жалъ... хорошихъ барышовъ могли бы заработать, больше чѣмъ на ии-

Молодая швейцарка изъ кантона Бернъ. Рис. Ф. Рейсъ, грав Бренд'Амуръ.

санью... Но, впрочемъ, оставимъ этихъ шутковъ! слегка и небрежно отмахнулся онъ рукой, переходя опять на прежній дѣловой тонъ.—Позвольте лучше познакомить васъ изъ составомъ нашихъ сотрудниковъ.

И отдѣливъ отъ пачки другой листокъ, онъ подалъ его мнѣ для просмотра. Тамъ, въ алфавитномъ порядкѣ, слѣдовалъ безконечный винигретъ литературныхъ именъ, псевдонимовъ и иниціаловъ, извѣстныхъ и неизвѣстныхъ, среди которыхъ главнѣйшимъ образомъ фигурировала цѣлая синагога новѣйшихъ еврейскихъ стихотворцевъ, беллетристовъ, публицистовъ, критиковъ, репортеровъ и вообще газетныхъ сотрудниковъ „зъ пасшихъ".

Вскользь пробѣжавъ глазами по этому списку, я, къ удивленію, въ надлежащемъ мѣстѣ алфавита наткнулся и на свое собственное имя.

— Это съ какой же стати вы меня-то вклеили сюда?

— А такъ... для счету, ухмыльнулся онъ, подернувъ плечами.

— Да кто-жь вамъ далъ на это право?

— Ну, вотъ, за правомъ-то я и прійшолъ... Вѣдь это-жъ еще не напечатано, это только проэктъ, и мнѣ все равно, можно и вычеркать, если вамъ не вгодно.. Но ви не думайтю, поспѣшилъ онъ прибавить:—у меня вѣдь *всѣ* писать будутъ, рѣшительно всѣ, даже самые первые наши писатели... Заплачу́, и будутъ... Нѣкоторые вже обѣщали. Это, знаете, тако̀во дѣло, что были бы деньги, а писатели будутъ, хотя собственно беллетристикѣ нашъ органъ и не придастъ особеннаго значенія. И-ну, а что́ до васъ, продолжалъ Клецкеръ, подымаясь съ мѣста:—то это я, звините, по старой памяти... Хотя мы изъ вами, кажется, и расходимся въ нѣкоторыхъ убѣжденьяхъ, но это собственно ничего бы! Увъ такомъ универсальномъ органу, какъ нашъ, между прочимъ нашлось бы мѣстечко и для людей не совсѣмъ-то единомисшленныхъ изъ нами (ми на этово счетъ довольно толерантны), только, конечно, безъ противныхъ намъ тенденчій, а такъ, на индиферентная почва... Можетъ и вы намъ напишите какая-нибудь маленькая вещицка?—Я заплатилъ бы... Желаете, могу даже впередъ дать подъ росписка.

И съ этими словами онъ уже полѣзъ было въ боковой карманъ за бумажникомъ, чтобы и деньгами похвастаться, и меня соблазнить кстати.

Я поблагодарилъ Клецкера и попросилъ его не считать меня въ числѣ своихъ сотрудниковъ.

— Но почему же? почему? удивленно развелъ онъ руками:—Вѣдь я же зайчасъ на столъ вамъ и деньги предлагаю... Какъ старый знакомый и все же, такъ сказать, собратъ, я надѣялѣся даже издѣлать вамъ этимъ пріятнаво вдовольствія... Кумпанія зъ пишущей братьи подобрана у насъ, кажется, хорошая и съ нею печататься никому не стыдно. Не понимаю, почему вы не хочете!?

— Вамъ это желательно знать? спросилъ я.—Извольте, только ужь не взыщите, коли скажу почему. Потому что я думаю: если круглый невѣжда, безграмотный выскочка и жидъ-закладчикъ, какъ вы, можетъ безпрепятственно быть допущенъ въ редакторы литературно-политическаго журнала, то идти къ нему въ сотрудники—это уже была бы послѣдняя степень надежія литературной нравственности. Прощайте и не смѣйте больше никогда ко мнѣ являться.

Клецкеръ первно ухмыльнулся своею жидовскою улыбкой, видимо пытаясь выразить въ ней свое равнодушное презрѣніе къ моимъ словамъ, пожалъ еще разъ плечами и пробормотавъ сквозь зубы: „Какъ вамъ увгодно", повернулся ко мнѣ спиной и вышелъ изъ кабинета.

Съ тѣхъ поръ я не видалъ уже Клецкеръ-Цитрона. Слыхалъ только, что распустивъ по Россіи въ громадномъ количествѣ свои объявленія, отпечатанныя цвѣтными красками и украшенныя разными „клишами" (cliché), онъ собралъ весьма порядочную подписку, сумма которой, весьма почтенная сама по себѣ, была все-таки далеко не достаточна, чтобы выполнить предъ подписчикомъ все, что̀ наобѣщала ему широковѣщательная программа.

Но Клецкеръ вышелъ изъ этого положенія самымъ побѣдоносным образомъ.

Выпустивъ первые три-четыре нумера „Общедоступнаго Ломбарда" съ сильнымъ жидо-либеральнымъ „душкомъ", онъ въ послѣднемъ изъ нихъ нарочно тиснулъ нѣсколько такихъ невозможныхъ „ситатьёвъ" и „клишовъ", за которыя „Ломбардъ", даже безъ предварительныхъ „предостереженій", былъ тотчасъ же закрытъ, и притомъ окончательно.

Этого Клецкеръ только и добивался!

Прикарманивъ всю остальную подписную сумму, онъ благополучно выѣхалъ съ нею за границу, изображая изъ себя „политическаго мученика" —„жертву административнаго произвола". Понятно, что въ качествѣ таковой „жертвы", онъ счелъ себя совершенно свободнымъ отъ всякихъ разсчетовъ съ подписчиками: я-де затратилъ на дѣло все, до копейки, меня вдругъ прихлопнули, и теперь я банкротъ! Но развѣ можно не „сбанкрутовать" въ этой варварской и деспотической странѣ?! Развѣ можно въ ней дѣлать какое нибудь „честное" дѣло!?.. Расплатиться мнѣ теперь нечѣмъ,—я ограбленъ, формально ограбленъ, а потому—laiben Sie wuhl, maine schaine-laine Abonnenten! Пеняйте на ваше правительство!

И такъ, Клецкеръ-Цитронъ исчезъ пока съ нашего горизонта. На долго ли?—не знаю; но не думаю, чтобы звѣзда его закатилась навсегда. Напротивъ, мнѣ кажется, что онъ только „пережидаетъ", когда успѣютъ его хорошенько позабыть, и затѣмъ опять появится у насъ въ какомъ нибудь новомъ видѣ, быть можетъ, подъ новою фамиліей и непремѣнно въ новомъ блескѣ. Карьера его не кончена,—онъ еще полонъ силъ, надеждъ, энергіи и охоты „зарабатывать" широко и много. Онъ неунывающій сынъ своего племени, которое твердо вѣруетъ, что будущее принадлежитъ ему. Очень возможно, что мы увидимъ его или на скамьѣ подсудимыхъ, или въ роскошномъ палаццо, во главѣ какого нибудь большого, дутаго финансоваго предпріятія, за которое на него посыпятся всяческія блага... И увы!—сдается мнѣ, что послѣднее ничуть не невѣроятнѣе перваго. Впрочемъ, это уже будетъ, въ нѣкоторомъ родѣ, апоѳеозъ Клецкеръ-Цитрона, а пока—онъ доволенъ за границею и ролью „политической жертвы".

КОНЕЦЪ.

Прорицатель.

Историческій разсказъ **Н. Кирилова.**

(Окончаніе).

V.

Верстахъ въ 80-ти отъ Митавы, около мѣстечка Фрауэнбурга, стояла небольшая мыза, принадлежавшая когда-то курляндскому барону фонъ-Гаге, а лѣтъ десять тому назадъ купленная за весьма дорогую цѣну какимъ-то русскимъ крестьяниномъ. Баронъ жилъ въ своемъ митавскомъ имѣніи и почти никогда не заѣзжалъ на мызу. Внезапное появленіе на ней приземистаго сѣдоватаго старика, съ двумя рослыми сыновьями, ихъ женами и работникомъ, пріѣхавшихъ на четырехъ подводахъ, со всѣмъ домашнимъ скарбомъ, изъ самаго центра Россіи, переполошило все мѣстечко и въ особенности евреевъ, уже много разъ имѣвшихъ на мызѣ кое-какія дѣла и маленькія аренды. Однако, не прошло и года, какъ къ мѣстнымъ поселенцамъ всѣ окрестные жители вполнѣ привыкли и, благодаря скромной жизни, а также видимаго ихъ достатка, начали относиться къ нимъ даже съ нѣкоторымъ уваженіемъ. На гла-

захъ у всѣхъ, вмѣсто полуразвалившагося мызнаго дома, вскорѣ была просторная изба, обнесенная высокимъ заборомъ съ тесовыми двустворчатыми воротами; на запущенномъ огородѣ къ веснѣ явились тщательно приготовленныя гряды, небольшой сѣнокосъ далъ прекрасное сѣно, наконецъ и поле было обработано у поселенцевъ не хуже чѣмъ у окрестныхъ мызниковъ. Все что нужно было для мызы—лѣсъ, доски, инструменты, рогатый скотъ и проч., новые поселенцы покупали на наличныя деньги, расплачиваясь или Екатерининскими серебряными крестовиками, или голландскими ефимками самаго послѣдняго чекана. По мѣстечку начали говорить о несмѣтныхъ богатствахъ старика, тѣмъ болѣе что въ домъ къ нему никто не входилъ и обстановки жизни его никто не зналъ, кромѣ изрѣдка заходившихъ къ нему разнаго рода странниковъ и странницъ.

Въ день Өеодосія Великаго, 11 января 1801 года, постучалъ въ ворота мирнаго дома странникъ, занесенный весь снѣгомъ; пока на дворѣ лаяла собака и пока на лай ея выходила баба изъ избы, странникъ прижался къ верѣѣ, защищаясь отъ рѣзавшей его лицо метели.

— Кто такіе будете? послышался голосъ за воротами.

— Свой, матушка, свой, отвѣтилъ странникъ.—Отецъ Иванъ живъ-здоровъ?

— Благодаримъ Господа, проговорила та, вынимая засовъ и впуская пришельца.

Отецъ Иванъ встрѣтилъ вошедшаго съ распростертыми объятіями.

— Здравствуй, благочестивецъ ты мой, какъ тебя Богъ милуетъ? проговорилъ онъ лобызаясь, послѣ того какъ гость сдѣлалъ нѣсколько поклоновъ передъ божницей, уставленной старинными, почернѣвшими образами, со строгими ликами Святыхъ.

— По милости Божіей и молитвами Пресвятой Богородицы, живемъ-здравствуемъ, отвѣтилъ странникъ, сымая нагольный тулупъ и отряхая съ ногъ снѣгъ.

Это былъ Авель, только что прибывшій изъ Петербурга съ однимъ курляндскимъ старовѣромъ-скитникомъ, которыхъ въ то время было много въ той мѣстности.

— Слыхалъ я о твоемъ злосчастіи, началъ отецъ Иванъ, когда они сѣли за самоваръ въ свѣтелкѣ и начали дружную бесѣду.

— Было, всего было, отвѣтилъ Авель, склонивъ голову.

— И заточенъ былъ? спросилъ отецъ Иванъ.

— Былъ и въ темницахъ, въ оковахъ, началъ Авель, задумчиво смотря на старика.—Біенъ былъ и изнуряемъ голодомъ, былъ и въ царскихъ палатахъ, въ великолѣпныхъ чертогахъ и видѣлъ въ нихъ дивное-предивное, а наипаче видѣлъ и обрѣлъ въ пустынныхъ мѣстахъ великая и тайная, всему роду полезная.

Отецъ Иванъ съ благоговѣніемъ слушалъ Авеля, за стѣной слышны были глубокіе вздохи молодыхъ, сверчокъ заунывно разводилъ свою однообразную музыку, а на дворѣ завывала метель.

— И царя-батюшку видѣлъ, благочестивецъ ты мой? спросилъ отецъ Иванъ, послѣ нѣкотораго молчанія.

— Удостоился и этого я, многогрѣшный, отвѣтилъ Авель.—Удостоился сказать ему слово истины и одаренъ имъ многими и многими щедротами.

— Это Богъ посылаетъ тебѣ за твои праведности.

— Онъ, всемогущій, испытуетъ насъ, отецъ.

— Правду ты говоришь, отвѣтилъ отецъ Иванъ.—Сказываютъ, царь и на насъ грѣшныхъ излилъ свои благостыни, робко спросилъ старикъ, съ благоговѣніемъ смотря на Авеля.

— Въ Писаніи заповѣдано, отецъ, началъ немного помолчавъ Авель,—что всѣ лживыя вѣры истребятся, тогда будетъ единая вѣра и единъ Пастырь на всей землѣ. Такъ бо есть писано въ Священномъ Писаніи, такъ бо и мною слышанъ былъ гласъ, яко боговидцу Моисею-пророку.

Авель замолчалъ, а затѣмъ снова послышались глубокіе вздохи.

— Говорили люди, что будто бы и указъ подписанъ отъ митрополита Платона, составленный о водвореніи на Руси осьмиконечнаго креста и трехперстнаго знаменія? снова робко спросилъ отецъ Иванъ.

— Также, что предсказано, то и сбылось, что намѣчено, то сбудется, задумчиво отвѣтилъ Авель.

Благочестивые разговоры старообрядческаго начетчика отца Ивана и прорицателя-скитальца Авеля, пріобрѣтшаго себѣ уваженіе и среди раскольниковъ, продолжались до ужина. Одна изъ молодаекъ принялa самоваръ, накрыла столъ чистою скатертью, принесла миску съ рыбой, другую съ огурцами, на деревянной тарелкѣ сотоваго меда, поставила графинъ красной ратафіи и затѣмъ, поклонившись въ поясъ гостю, тихо проговорила: „отвѣдайте, милостивецъ“.

Отецъ Иванъ и гость хотѣли было совершить предтрапезную молитву, какъ вдругъ у воротъ послышался сильный стукъ. Собесѣдники, подъ давленіемъ страха и неожиданности, опустились на свои мѣста и молчали.

Ходившая отворять ворота молодайка сообщила отцу, что какой-то еврей изъ мѣстечка проситъ повидаться по важному дѣлу.

— Развѣ не знаешь, что въ домъ не принимаю иновѣрныхъ, отвѣтилъ старикъ, хотя спокойно, но сердито.

Авель посмотрѣлъ на отца Ивана.

— Не дѣло говоришь, отецъ. Въ Писаніи сказано: „опредѣлися въ еврейскій родъ и научи ихъ познанію Христа-Бога“, проговорилъ онъ внушительно.

— Впусти, приказалъ старикъ, нехотя безпрекословно слушая прорицателя.

Въ свѣтлицу вошелъ высокаго роста еврей, съ умными бѣгающими глазами, уже пожилыхъ лѣтъ, съ сѣдою бородою.

— Я къ вамъ имѣю дѣло, почтенный старецъ, началъ онъ вкрадчиво, обращаясь къ отцу Ивану.

— Дѣлъ у меня нѣтъ никакихъ, окромя дома, гдѣ мы сами справляемся, отвѣтилъ тихо отецъ Иванъ, опустя голову и не смотря на еврея.

— Дѣло не мое, а королевское, замѣтилъ не смущаясь еврей.

Авель поднялъ свои каріе глаза и пристально посмотрѣлъ на него. Отецъ Иванъ оставался невозмутимымъ, съ опущенной головой.

— Къ королевскимъ дѣламъ мы непричастны, также тихо и спокойно проговорилъ онъ.

Ловкій еврей догадался, что его слова произвели нѣкоторое впечатлѣніе, а потому продолжалъ болѣе рѣшительно:

— Послушайте, благочестивый старецъ, что я вамъ скажу. Государь сказалъ королю Французовъ чтобы уѣхать изъ Митавы. Король ночевалъ у барона фонъ-Гаге, но такъ какъ по такому случаю денегъ у короля не оказалось, а у барона тоже ихъ не случилось, то баронъ указалъ на васъ, почтенный старецъ, зная, что вы ему за мызу заплатили ефимками.

— Денегъ у меня нѣтъ, а что скопилъ годами, то все въ моемъ домѣ, почти сердито перебилъ еврея отецъ Иванъ.

— Нѣтъ, послушайте, что я вамъ скажу, продолжалъ настаивать еврей.—Королевская принцесса продаетъ брилліанты! Любой амстердамскій еврей дастъ за нихъ сто тысячъ гульденовъ. Королю нужны деньги, принцесса проситъ всего только двадцать. Совѣтую купить ихъ, почтенный старецъ.

— Намъ такія драгоцѣнности не къ мѣсту, отвѣтилъ старикъ.

— Какъ не къ мѣсту? возразилъ настойчивый еврей.—Ефимки хранить труднѣе, чѣмъ эту вещь.

Авель пристально смотрѣлъ на еврея, и въ головѣ его путались образы императора Павла и Французскаго короля; напротивъ, отца Ивана занимали другого рода мысли.

Въ практической его головѣ тотчасъ-же рѣшено было о выгодности дѣла. Король дорого не продастъ брилліанты, а обману быть здѣсь не можетъ. Притомъ дѣйствительно, какъ говоритъ еврей, брилліанты легче прятать и сохранять, чѣмъ сундуки съ ефимками.

— Дѣло это быть можетъ и очень хорошее, да денегъ-то у меня нѣтъ, началъ онъ уже болѣе податливымъ тономъ.

— Не свои, такъ можетъ быть чужія есть, подхватилъ еврей, видя, что старикъ подается.—Брилліанты все равно что деньги. Черезъ мѣсяцъ я вамъ ихъ продамъ, въ барышахъ останетесь, еще меня поблагодарите.

— Обманывать не хочу, сказалъ отецъ Иванъ,—деньги у меня есть, но общественныя, я за нихъ отвѣтъ долженъ дать...

— Дѣло вѣрное, старикъ, быстро перебилъ его еврей, видя, что дѣло сладилось.—Изъ рукъ короля примете драгоцѣнности, обману здѣсь не можетъ быть.

И предстоящая выгода, и желаніе посмотрѣть на короля, совсѣмъ смутили отца Ивана.

— А ты какъ думаешь, благочестивецъ: помочь иноземному королю? обратился онъ къ Авелю.

— Помогай нуждающемуся, внушительно но безучастно проговорилъ Авель, продолжая смотрѣть на еврея и думая объ обращеніи всего еврейскаго рода.

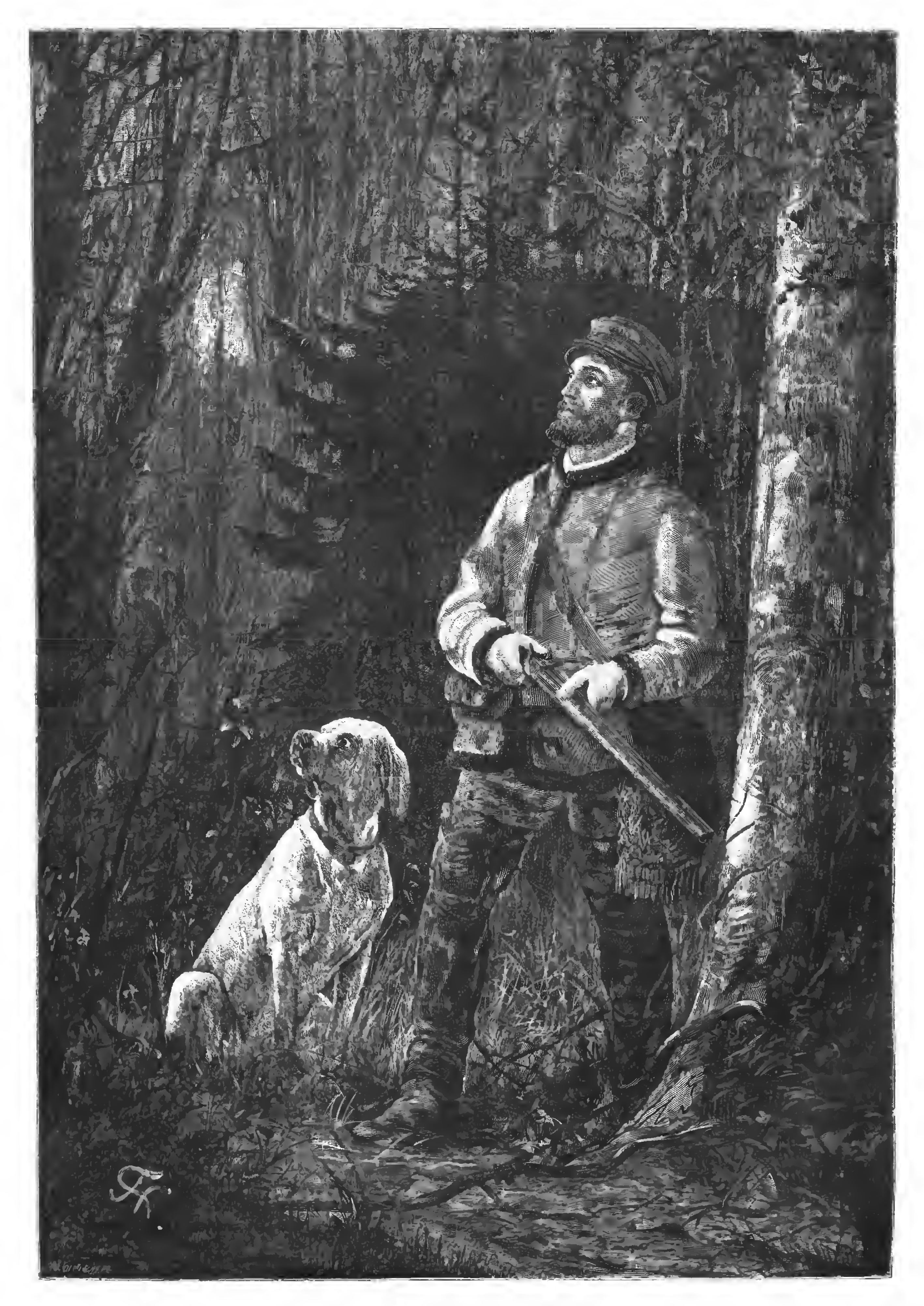
Черезъ часъ отецъ Иванъ вмѣстѣ съ сыномъ и въ сопровожденіи еврея выѣхали въ Фрауэнбургъ, а Авель, усталый съ дороги, поужинавъ, заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Между тѣмъ, пока еврей ѣздилъ на мызу убѣждать отца Ивана, къ станціонному дому мѣстечка подъѣхала карета и возокъ, изъ которыхъ вышли усталый, болѣзненный король, худая, блѣдная какъ смерть, его племянница Марія-Тереза и молчаливый графъ д'Аваре, вѣчный спутникъ короля. Въ этомъ грязномъ, наполовину занятомъ корчмою, станціонномъ домѣ, король уже не встрѣтилъ такого пріема, какимъ пользовался три года тому назадъ въѣзжая въ Митаву. Одинаково услужливый для всѣхъ корчмарь-еврей могъ предложить въ распоряженіе короля и его племянницы только двѣ небольшія комнаты, которыя занимало его семейство. Потомку Людовика Святаго пришлось пройти грязную корчму, въ которой толпилось до пятидесяти человѣкъ мѣстныхъ крестьянъ, беззаботно распивавшихъ водку. Принцесса, поддерживаемая графомъ, едва могла добраться до отведенныхъ комнатъ; понуря голову и опираясь на палку, за ними слѣдовалъ король.

Въ первой комнатѣ сервированъ былъ самый невзыскательный ужинъ. Король ѣлъ молча, принцесса Марія-Тереза задумчиво сидѣла на твердомъ, грязномъ жидовскомъ диванѣ, усталая, убитая. Изъ сосѣдней комнаты доносились пѣсни пья-

Первая любовь. По рис. И. Р. Веле, грав. Паарь.

На тягѣ. Ориг. рис. Н. Горбунова, грав. Ю. Шюблеръ.

ныхъ крестьянъ и проникалъ удушливый запахъ табаку и водки.

— Я удивляюсь вашей силѣ воли, проговорилъ король, стараясь сдѣлать пріятную улыбку на своемъ неподвижно холодномъ лицѣ.

— Если Богъ посылаетъ испытаніе, нужно переносить его съ терпѣніемъ, ваше величество, отвѣтила Марія-Тереза, поправляя локонъ, упавшій ей на плечо.

— У васъ неисчерпаемый источникъ энергіи, продолжалъ король.

— Увѣряю васъ, государь, что даже въ этомъ ужасномъ положеніи, у меня нѣтъ колебаній между сомнѣніемъ и надеждой. Я глубоко вѣрю въ права нашей несчастной фамиліи, не взирая ни на какія превратности судьбы.

— Вы великая женщина, вамъ можетъ позавидовать каждый мужчина...

— Но, ваше величество, перебила его Марія-Тереза, начиная раздражаться его пустыми похвалами;—нужно думать, какъ продать мои бриллiанты.

— Нѣтъ, этого я не допущу, возразилъ король съ нѣкоторою аффектаціею.

— Недопустить этого нельзя, ваше величество, возразила твердо принцесса, намъ не на что ѣхать далѣе...

Король ничего не отвѣчалъ, глубоко дышалъ и нервно постукивалъ ножемъ о стоявшій передъ нимъ серебряный стаканъ.

— Надежды не всегда вознаграждаютъ потери въ настоящемъ, замѣтилъ онъ сквозь зубы.

— Ваше величество! энергически и строго начала Марія-Тереза, вставъ съ дивана.—У ногъ вашихъ, какъ у короля Франціи, я жертвую всѣмъ и всѣмъ во имя великаго принципа нашей фамиліи, и вѣрьте, при такихъ условіяхъ не задумаюсь о вознагражденіи въ будущемъ...

— Извини меня, моя дорогая, произнесъ съ нѣкоторымъ чувствомъ король,—я не хотѣлъ тебя оскорбить, но ты видишь сама—я убитъ, разстроенъ...

Въ комнату вошелъ графъ д'Аваре въ сопровожденіи еврея и отца Ивана. Графъ подошелъ къ принцессѣ и на ухо передалъ ей о заключенной сдѣлкѣ, на что принцесса утвердительно кивнула головой. Король презрительно посмотрѣлъ на еврея и старика и спросилъ:

— Развѣ все кончено?

— Да, ваше величество, вѣдь это необходимо, проговорила она, едва сдерживая слезы, и вынула затѣмъ изъ своей походной шкатулки три фермуара, положила ихъ на столъ, а сама ушла за перегородку, въ отведенную ей маленькую комнату.

Графъ д'Аваре пересчиталъ привезенные отцомъ Иваномъ ефимки, затѣмъ раскрылъ три фермуара, при чемъ даже при слабомъ свѣтѣ двухъ сальныхъ свѣчей фамильные Французскаго королевскаго дома бриллiанты заблистали ослѣпительнымъ блескомъ. Старикъ Иванъ хладнокровно положилъ ихъ въ тотъ же кожаный мѣшокъ, въ которомъ принесъ ефимки, и уже поздно ночью вернулся къ себѣ на мызу съ драгоцѣнною ношею...

Слабый свѣтъ холоднаго январскаго дня пробивался въ грязнозеленыя окна станціоннаго дома. Король сидѣлъ за кофе, изъ сосѣдней комнатки вышла блѣдная, еле передвигая ноги, принцесса.

— Я цѣлую ночь не спала, проговорила она слабымъ голосомъ, поздоровавшись съ королемъ.—Мнѣ казалось, что мы попали въ вертепъ разбойниковъ. За стѣной цѣлую ночь слышался шумъ, разговоръ, шопотъ...

— Пейте кофе, онъ укрѣпляетъ нервы, замѣтилъ король съ участіемъ.

Въ это время въ комнату незамѣтно вошелъ странникъ и, оперись на посохъ, началъ пристально смотрѣть на короля и на принцессу.

— Ахъ! вскрикнула Марія-Тереза и упала на кресло въ обморокъ.

— Не бойся, дщерь, началъ странникъ, сверкая блуждающими, пронзительными глазами.—Я пришелъ вамъ сказать истину, дондеже пославшій меня есть со мною. Ты царь великаго народа; еще двѣ седьмицы, не зазеленѣютъ луга и поля, какъ ты возсядешь на своемъ тронѣ и заблистаешь царственнымъ величіемъ. Униженъ и оскорбленъ ты; но братъ, оскорбляющій тебя, умретъ во прахѣ своемъ! почти прокричалъ странникъ.

Въ комнату набилась толпа. Вбѣжавшій графъ д'Аваре началъ хлопотать, чтобы привести принцессу въ чувство: король безучастно смотрѣлъ на собравшуюся толпу, не понимая столь дорогихъ для него предвѣщательныхъ словъ.

Черезъ нѣсколько времени все успокоилось. Марія-Тереза пришла въ себя, комнату короля очистили отъ народа.

— Что говорилъ этотъ человѣкъ? слабымъ голосомъ спросила принцесса.

Графъ д'Аваре постарался разузнать смыслъ сказаннаго и передалъ слова странника королю и принцессѣ. Король мрачно улыбнулся, а принцесса, поставивъ предъ собой Распятіе, долго молилась.

Черезъ часъ небольшой королевскій кортежъ скрылся за лѣсомъ, окружающимъ Фрауэнбургъ.

Неожиданно появившійся странникъ былъ Авель, спѣшившій въ Москву для передачи старообрядческому обществу посылку отъ отца Ивана, заключавшуюся въ книгахъ, иконахъ, рукописяхъ, полученныхъ имъ контрабандою отъ русскихъ сектантовъ. Въ комнату короля Авель попалъ нечаянно; но высказанное имъ прорицаніе было услышано двумя тайными агентами, посланными отъ генералъ-прокурора слѣдить за выѣздомъ короля.

Въ этотъ же день Авеля, въ сопровожденіи двухъ жандармовъ, везли на курьерской тройкѣ въ С.-Петербургъ, а по докладу о немъ императору Павлу, была положена такая резолюція: „Посадить безпутнаго монаха въ Петропавловскую крѣпость".

Черезъ два мѣсяца, т. е. 11 марта 1801 года императоръ Павелъ скончался. Черезъ четырнадцать лѣтъ Людовикъ XVIII торжественно въѣхалъ въ Парижъ королемъ Франціи. По восшествіи на престолъ Александра Павловича, Авеля освободили и объ его прорицательствѣ было извѣстно во всѣхъ концахъ Россіи. Авельскіе листки до сихъ поръ хранятся въ народѣ какъ талисманъ и драгоцѣнность. Бриллiанты принцессы Маріи-Терезы, впослѣдствіи герцогини Ангулемской, говорятъ, но настоящее время сохранены въ одномъ богатомъ старообрядческомъ семействѣ въ Москвѣ.

Лѣто.

(Іюньская мелодія).

Вотъ пришло стопою смѣлой
Лѣто золотое:
Жизнь какъ будто занѣмѣла
Въ царственномъ покоѣ...
По Руси, святой отчизнѣ,
На широкихъ нивахъ —
Столько блеску, столько жизни
Въ яркихъ переливахъ!
Сѣлъ грядущая отрада —
Жатва дорогая,
Ты созрѣй, засухъ и града
До конца не зная! —
Чтобы всюду людямъ хлѣба
На-зиму хватило,
И за трудъ суровый Небо
Ихъ благословило,
Чтобъ, въ вѣнкахъ колосьевъ, жницы
Съ поля воротились,
Чтобъ отъ ржи и отъ пшеницы
Закрома ломились!

С. Бердяевъ.

Къ рисункамъ.

Спасательная лодка. (Рис. на стр. 592).

Спасательныя станціи для подаванія помощи при кораблекрушеніяхъ распространены теперь по берегамъ всей Европы. Лодки употребляемыя на станціяхъ суть особенно приспособленныя морскія суда, легко двигающіяся на веслахъ, для того чтобы преодолѣвать волненіе, но точно также хорошо ходящія и подъ парусомъ. Въ верхней части лодки помѣщаются ящики наполненные воздухомъ, а балластъ кладется какъ можно ниже въ киль лодки. Вслѣдствіе такого устройства лодка, даже наполненная людьми, не погружается въ воду настолько чтобы затруднять греблю веслами, и будучи накренена, сама собой принимаетъ отвѣсное положеніе. Онѣ построены весьма прочно изъ канелированнаго листового желѣза или изъ краснаго дерева, но не смотря на то легки и удобо-переносимы. Дно лодки, приблизительно на $^1/_3$ ея глубины, составляетъ ящикъ наполненный воздухомъ и сквозь него проходятъ вертикальныя трубки, снабженныя клапанами, открывающимися внизъ, но не вверхъ, такъ что вода волны хлестнувшей на палубу быстро стекаетъ съ нея. Наиболѣе употребительны десятивесельныя лодки, но есть и въ 8 веселъ, какъ изображенная на рисункѣ г. Бегрова; длина лодки обыкновенно 10 метровъ, ширина $2^1/_2$ метра и глубина въ центрѣ 2 метра. Лодка, вполнѣ снаряженная, стоитъ обыкновенно на повозкѣ въ сараѣ при станціи. Какъ только поданъ сигналъ кораблекрушенія, матросы спѣшатъ къ повозкѣ, запрягаютъ лошадей или запрягаются сами и везутъ лодку къ мѣсту катастрофы, выискивая удобное мѣстечко на берегу для спуска лодки, садятся въ нее,

привязавъ себя одинъ къ другому, чтобы не быть сброшеннымъ въ море, и выжидаютъ благопріятный моментъ отлива волны, которая и выносить лодку въ море; затѣмъ идетъ гребля на веслахъ и наконецъ наступаетъ самый опасный моментъ—приближенія къ бѣдствующему судну, о которое лодка легко можетъ разбиться, если не управлять ею съ надлежащею ловкостью. Рисунокъ г. Беггрова изображаетъ такую лодку на полномъ ходу отъ гибнущаго судна со спасенными пассажирами, то взбирающеюся на гребни водяныхъ горъ, то спускающеюся въ долины по склонамъ волнъ.

Ночной совѣтъ въ домѣ Шуйскаго.

(Рис. на стр. 593).

Князь Василій Шуйскій, какъ извѣстно, первый пытался обличить самозванство Лжедимитрія предъ народомъ Русскимъ. Дальновидный государственный умъ опытнаго царедворца не дозволялъ князю сдѣлать это въ тѣ минуты народнаго увлеченія, когда Гаврила Пушкинъ и Плещеевъ читали на Лобномъ мѣстѣ Лжедимитріеву грамоту и толпы стремились въ Кремль низвергать Ѳеодора Годунова. Быть можетъ Шуйскій не чуждъ былъ при этомъ и разсчета положить конецъ чуждой Русскимъ, пришлой изъ татаръ, случайной династіи Бориса и такимъ образомъ открыть себѣ, прирожденному русскому князю, Рюриковичу, путь къ престолу. Но какъ только съ Годуновыми было покончено, и торжественно въѣхавшій въ Москву 20 іюня 1605 года Лжедимитрій съ горстью поляковъ остался въ Москвѣ, Шуйскій объявилъ торговому человѣку Ѳедору Коневу и какому-то Костѣ-лекарю, что новый царь—самозванецъ, и поручилъ имъ тайно разглашать объ этомъ въ народѣ. Басмановъ провѣдалъ объ этихъ слухахъ и донесъ царю. 23 іюня, на четвертый день по въѣздѣ самозванца въ Москву, Шуйскій былъ схваченъ, и Лжедимитрій отдалъ дѣло на судъ собору, на которомъ, кромѣ духовенства и членовъ думы, были и простые люди, приверженцы самозванца и противники Шуйскаго. Соборъ приговорилъ князя къ смертной казни, и 25 іюня Шуйскій былъ уже приведенъ къ плахѣ и простился съ народомъ, мужественно и торжественно заявивъ что умираетъ за правду, за вѣру и за народъ христіанскій, какъ вдругъ прискакалъ гонецъ съ объявленіемъ помилованія. Шуйскаго, вмѣстѣ съ двумя братьями, только сослали въ Галицкіе пригороды и отобрали было имѣніе въ казну, но прежде чѣмъ они достигли мѣста ссылки, ихъ вернули въ Москву и возвратили имъ и имѣніе, и боярство.

Эта нерѣшительность, вмѣстѣ съ самонадѣянностью и легкомысліемъ самозванца, погубили его. Менѣе чѣмъ въ годъ Лжедимитрій успѣлъ оскорбить религіозныя чувства Русскаго народа, своею свадьбою съ католичкой и разными нововшествами. Но если и были причины къ неудовольствію, то неудовольствіе это отнюдь не было сильно и всеобще; попрежнему любовь большинства къ самозванцу продолжала обнаруживаться.

Видя это расположеніе большинства московскихъ жителей, не нарушаемое даже противными старинѣ поступками Лжедимитрія; наученный страшнымъ опытомъ что нельзя подвинуть народа однимъ распущеніемъ слуха о самозванствѣ, Шуйскій прибѣгъ къ другому средству, къ составленію заговора, во главѣ котораго вмѣстѣ съ нимъ стали князья Василій Васильевичъ Голицынъ и Иванъ Семеновичъ Куракинъ. Условившись со знатными, Шуйскій сталъ подбирать другихъ изъ народа и успѣлъ привлечь на свою сторону восемнадцати-тысячный отрядъ Новгородскаго и Псковскаго войска, стоявшій подъ Москвой и назначенный къ походу въ Крымъ. Ночью собрались къ князю Василію бояре, купцы, сотники и пятидесятники изъ полковъ. Шуйскій объявилъ имъ о страшной опасности, которая грозитъ Москвѣ отъ Лжедимитрія, преданнаго полякамъ; прямо открылся имъ что самозванца признали истиннымъ Димитріемъ только для того, чтобъ освободиться отъ Годунова. „Если мы, говорилъ князь, заранѣе о себѣ не промыслимъ, то еще хуже будетъ. Я для спасенія православной вѣры готовъ на все, лишь бы вы помогли мнѣ усердно". И они помогли доблестному князю. Нѣсколько дней спустя послѣ этого ночного совѣта, въ ночь на 17 мая 1606 года, вошелъ въ Москву отрядъ войска, привлеченнаго на сторону заговорщиковъ, которые заняли всѣ двѣнадцать воротъ и не пускали уже никого ни въ Кремль, ни изъ Кремля. Нѣмцевъ-тѣлохранителей бояре распустили именемъ царскимъ, такъ что при дворцѣ осталось только 30 алебардщиковъ. Поляки ничего не знали объ этихъ распоряженіяхъ и спали спокойно. Около 4 часовъ утра ударили въ колоколъ на Ильинкѣ, у Ильи Пророка, и разомъ заговорили всѣ колокола московскіе. Толпы народа хлынули на Красную площадь, гдѣ уже сидѣли на коняхъ бояре и дворяне, числомъ до двухсотъ, въ полномъ вооруженіи. Шуйскій, не дожидаясь пока много народа соберется на площадь, въ сопровожденіи однихъ приближенныхъ заговорщиковъ, въѣхалъ въ Кремль чрезъ Фроловскія (Спасскія) ворота, держа въ одной рукѣ крестъ, въ другой мечъ. Подъѣхавъ къ Успенскому собору, онъ сошелъ съ коня, приложился къ образу Владимірской Божіей Матери и сказалъ окружавшимъ: „во имя Божіе идите на злаго еретика".

Такъ погибъ самозванецъ.

Молодая швейцарка. (Рис. на стр. 597).

Какъ у насъ, на необозримыхъ равнинахъ нашего отечества, такъ и въ сплошь гористой Швейцаріи, подъ нивелирующимъ вліяніемъ современной общественной жизни, все болѣе и болѣе исчезаетъ прежде повсемѣстно распространенный народный костюмъ; даже среди поселянъ и пастуховъ по уединеннымъ горнымъ пастбищамъ вмѣстѣ со старинными обычаями исчезаютъ и старинные наряды. Правда, городъ Бернъ со своимъ кантономъ (уѣздомъ) болѣе другихъ сохранили свой первобытный характеръ, но и здѣсь не каждому туристу посчастливится во время своихъ странствій встрѣтить такую щеголиху, которую мы видимъ на рисункѣ Ф. Рейса. Своеобразно-характерный чепецъ, подвязанный широкими лентами у подбородка, отнюдь не портитъ миловидности красиваго, типичнаго лица. Бѣлая сорочка съ кружевнымъ воротничкомъ и широкими сборчатыми рукавами; поверхъ ея корсетъ, поддерживаемый проймами на плечахъ; широкая короткая юпка и башмаки дополняютъ живописный костюмъ бернскихъ поселянокъ, довольно часто еще встрѣчаемый по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ гдѣ-нибудь въ сторонѣ отъ большихъ дорогъ, но конечно не на избитомъ пути туриста.

Первая любовь. (Рис. на стр. 600).

Замѣчательны часто наблюдаемыя особенныя пристрастія дѣтей къ самой безобразной изъ своихъ игрушекъ, нерѣдко уже сломанной и уцѣлѣвшей лишь наполовину, къ этимъ безногимъ и даже безголовымъ лошадкамъ и кукламъ... Вотъ передъ нами дѣвчурка съ такимъ любимцемъ—щелкуномъ для орѣховъ, у котораго уже выломана его всесокрушавшая нижняя челюсть и оторвана лѣвая рука... Тѣмъ не менѣе малютка нянчитъ его съ такою любовью, какую, выросши, не скоро подаритъ и первому красавцу.

На тягѣ. (Рис. на стр. 601).

Съ половины апрѣля начинаются вечерніе перелеты вальдшнеповъ, такъ-называемая *тяга* и охота на нея. Предъ заходомъ солнца охотникъ отправляется на опушку лѣса, поросшую мелкимъ поросникомъ, или на лѣсную поляну съ ручейкомъ, становится подъ дерево и ждетъ пролета, который начинается большею частью когда нѣсколько стемнѣетъ. „Тянутъ" одни самцы, чутко прислушиваясь къ зову самокъ, которыя остаются на землѣ. Самая тяга бываетъ различна: третьяго дня вальдшнепы тянули низко и медленно, вчера низко и быстро, сегодня очень высоко и безъ крика, завтра они являются такъ поздно что ихъ почти нельзя стрѣлять, а послѣ-завтра появляются тотчасъ послѣ заката солнца. Иногда два вальдшнепа-самца слетаются и борются на воздухѣ въ забавномъ поединкѣ, толчась на мѣстѣ и стараясь ударить одинъ другого длиннымъ клювомъ какъ шпагой. Порой они въ самомъ дѣлѣ схватываются и мѣшаютъ другъ другу летѣть; случается даже что три сцѣпятся въ клубокъ, и падая на-земь запутываются въ густыхъ вѣтвяхъ. Это необыкновенно рѣдкій но и добычный выстрѣлъ для охотника — можно убить всю тройку. Перелеты вальдшнеповъ можно сравнить съ токованіемъ тетеревовъ. Главная прелесть охоты на тягѣ—нѣкоторая азартность ея: полетятъ ли вальдшнепы именно мимо стоянки стрѣлка, въ мѣру ли, ловко ли и проч.,—не говоря уже о наслажденіи весеннимъ вечеромъ въ лѣсу, со всею его поэтическою обстановкою, которую такъ живо передаетъ рисунокъ г. Горбунова.

А. Ѳ. Миддендорфъ. (Портр. на стр. 604).

Маститый нашъ естествоиспытатель и врачъ, Александръ Ѳеодоровичъ Миддендорфъ, въ нынѣшнемъ году празднуетъ юбилей своей полувѣковой дѣятельности на поприщѣ науки. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ онъ получилъ первую ученую степень и съ той поры успѣлъ обогатить русскую науку весьма цѣнными вкладами, не переставая служить ей, съ полнымъ самоотверженіемъ и той любовью, которою отличаются всѣ истинные труженики науки. Миддендорфъ не былъ кабинетнымъ ученымъ, въ узкомъ значеніи этого слова, и сдѣлалъ весьма не мало на почвѣ практической дѣятельности. Въ качествѣ члена, а затѣмъ и президента Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, онъ достаточно потрудился для сельскаго хозяйства и много помогъ своими работами правительству, въ его заботахъ объ улучшеніи русскаго коннозаводства. Свои теоретическія познанія онъ прекрасно съумѣлъ приложить къ дѣлу, доказавъ это на своемъ лифляндскомъ помѣстьѣ, въ которомъ порядокъ веденія хозяйства вполнѣ образцовый. Какъ ученый путешественникъ, давшій намъ обстоятельное изслѣдованіе Сибири и ея сокровищъ, онъ также заслуживаетъ отъ общества не малую долю признательности.

Сынъ лифляндскаго, довольно состоятельнаго помѣщика, Александръ Ѳеодоровичъ фонъ-Миддендорфъ родился въ С.-Петербургѣ, 8 августа 1815 г., въ нѣмецкой семьѣ лютеранскаго исповѣданія. Первоначальное воспитаніе, на которое родители А. Ѳ. обращали особенное вниманіе, онъ получилъ дома и, прекрасно подготовленный, поступилъ затѣмъ въ третью С.-Петербургскую гимназію, а оттуда въ Педагогическій институтъ.

По окончаніи курса въ послѣднемъ заведеніи, А. Ѳ. нѣкоторое время долженъ былъ прослужить въ Департаментѣ мануфактуръ и торговли, послѣ чего, въ 1832 г., поступилъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ былъ однимъ изъ первыхъ студентовъ медицинскаго факультета и обратилъ на себя вниманіе довольно многосторонними занятіями по естественнымъ наукамъ. Въ 1837 году, послѣ блестящей защиты диссертаціи („Quaedam de bronchorum polypis, morbi casu observato illustrata") въ Дерптскомъ университетѣ, онъ былъ удостоенъ степени доктора медицины. Но не медицинская наука и сопряженная съ нею практическая дѣятельность интересовали двадцатидвухлѣтняго юношу; онъ всецѣло посвятилъ себя изученію естествовѣдѣнія и съ этой цѣлью, въ томъ же 1837 г., отправился за границу, гдѣ года два слишкомъ усердно занимался любимымъ предметомъ, слушая университетскія лекціи въ Берлинѣ, Эрлангенѣ, Вѣнѣ и Бреслау. Почти тотчасъ по возвращеніи изъ своей заграничной поѣздки, А. Ѳ. былъ опредѣленъ адъюнктомъ въ университетъ св. Владиміра въ Кіевѣ, гдѣ получилъ каѳедру зоологіи. Но профессорская дѣятельность его была прервана на слѣдующій же годъ; ему предложили участвовать въ ученой экспедиціи К. М. Бэра въ Лапландію, и онъ съ живостью принялъ это предложеніе, позволявшее ему осуществить до нѣкоторой степени его давнишнія мечты о путешествіи съ научною цѣлью. Во время этой экспедиціи Миддендорфъ дѣятельно занимался собираніемъ матеріаловъ для географическаго распредѣленія птицъ, водящихся въ Лапландскомъ краю, и вмѣстѣ съ тѣмъ производилъ геогностическо-геологическія изслѣдованія той же мѣстности, указавъ на ея интересныя особенности въ своемъ трудѣ, изданномъ въ 1840 году, вмѣстѣ съ другимъ сочиненіемъ по орнитологіи, написаннымъ на нѣмецкомъ языкѣ. Въ 1841 г. А. Ѳ. былъ утвержденъ экстра-ординарнымъ профессоромъ университета св. Владиміра по каѳедрѣ зоологіи; онъ читалъ студентамъ второго отдѣленія такъ-называемаго въ то время „философскаго" факультета лекціи этнографіи, общей зоологіи и зоогнозіи позвоночныхъ и студентамъ медицинскаго факультета лекціи нѣкоторыхъ частей зоологіи. Однако и на этотъ разъ А. Ѳ. пришлось вскорѣ прекратить профессорскую дѣятельность, которая уже не возобновлялась. По порученію Академіи Наукъ, онъ долженъ былъ снарядить ученую экспедицію для изслѣдованія Сибири, состоявшуюся въ 1843—1844 годахъ. Эта новая экспедиція дала ему возможность примѣнить къ дѣлу свои большія познанія; вернувшись изъ экспедиціи, онъ тотчасъ, со свойственнымъ ему рвеніемъ, принялся за разработку привезенныхъ имъ коллекцій и подѣлился съ ученымъ міромъ результатами своей сибирской экскурсіи въ нѣсколькихъ статьяхъ, появившихся въ академическихъ органахъ. Труды Миддендорфа обратили на себя вниманіе Академіи Наукъ, и онъ былъ избранъ въ ея члены, а въ 1855 году, когда умеръ ея непремѣнный секретарь академикъ П. Н. Фусъ, академія предоставила мѣсто послѣдняго Миддендорфу. Должность непремѣннаго секретаря и сопряженныя съ нею обязанности чисто административнаго свойства заставили А. О. на время оставить свои научныя занятія, но все-таки, въ теченіе двухъ лѣтъ, пока онъ оставался секретаремъ, онъ напечаталъ два сочиненія въ „Запискахъ Академіи" объ экономіи теплоты у нѣкоторыхъ животныхъ водящихся въ Россіи и объ азепинтезахъ Россіи. Въ этотъ же періодъ времени, по порученію правительства ближе ознакомить какъ кавалеристовъ, такъ и артиллеристовъ съ гиппологіей, А. Ѳ. написалъ нѣсколько статей по этой спеціальности. Между тѣмъ сибирская экспедиція весьма вредно повліяла на здоровье А. Ѳ., онъ сталъ чувствовать себя хуже и хуже, такъ что въ 1857 принужденъ былъ сложить съ себя званіе непремѣннаго секретаря и по Высочайшему соизволенію воспользоваться правомъ жить въ Лифляндіи, въ тоже время оставаясь членомъ академіи. Онъ попеременно жилъ то въ Лифляндскомъ своемъ помѣстьѣ, то въ Петербургѣ, гдѣ черезъ годъ, а именно 3 апрѣля 1859 года, онъ былъ избранъ президентомъ Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, членомъ котораго состоялъ ранѣе. О дѣятельности его на пользу Экономическаго общества подробно говоритъ покойный А. И. Ходневъ въ своей „Исторіи Вольно-Экономич. Общества". Болѣзнь А. Ѳ., не позволявшая ему долго оставаться въ Петербургѣ, заставила его отказаться и отъ званія президента названнаго общества въ октябрѣ 1860 года. Черезъ пять лѣтъ, совершенно покидая столицу, А. Ѳ. вышелъ изъ состава академіи, не желая преграждать путь въ академію молодымъ ученымъ, и причислился къ Департаменту государственнаго коннозаводства. Во время пребыванія въ Лифляндіи, близь Дерпта, Миддендорфъ былъ избранъ предсѣдателемъ сельско-хозяйственнаго общества. Въ 1867 и 1869 гг. А. Ѳ. имѣлъ счастіе сопровождать сперва Государя Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича, а потомъ великаго князя Владиміра Александровича въ ихъ путешествіяхъ по Россіи. Такая же честь выпала ему и въ 1870 г., когда онъ снова сопровождалъ великаго князя Владиміра Александровича въ его поѣздку къ Бѣлому морю, на Новую Землю и прочія мѣста крайняго Сѣвера. И изъ этихъ путешествій нашъ ученый умѣлъ извлечь научную пользу: онъ изслѣдовалъ направленіе *Гольфстрема* и убѣдился, что теченіе это заходитъ за Новую Землю, о чемъ и напечаталъ въ 1871 г. въ „Географическихъ Извѣстіяхъ" Петерманна.

Академикъ Александръ Ѳедоровичъ Миддендорфъ. (По поводу пятидесятой годовщины докторскаго званія). Съ фотогр. грав. Ю. Барановскій.

Кромѣ своего большаго труда „Путешествіе на сѣверъ и востокъ Сибири", изданнаго и на русскомъ языкѣ, Миддендорфъ написалъ: „О зайцахъ", „Естественная исторія медвѣдя бураго", „О сибирскихъ мамонтахъ", „О задачахъ иппологіи въ отношеніи къ потребностямъ кавалеріи", „Мнѣніе по вопросу объ опредѣленіи чистопородности Орловской лошади", „О слѣдахъ лабиринтодоновъ", „Гольфстремъ на востокъ отъ Нордкапа", „Бараба", „О способахъ улучшенія нашего скотоводства" (лекціи читанныя Миддендорфомъ въ 1872 г. въ музеѣ Минист. Государств. Имущ.), „Вѣнская международная выставка лошадей" и много статей въ ученыхъ русскихъ и иностранныхъ изданіяхъ. Послѣднимъ трудомъ А. Ѳ. былъ отчетъ объ экспедиціи предпринятой имъ для изслѣдованія сельскохозяйственныхъ условій русскаго Туркестана. Въ настоящее время А. Ѳ. семьдесятъ два года; онъ имѣетъ чинъ тайнаго совѣтника и состоитъ почетнымъ членомъ Имп. Акад. Наукъ, С.-Петерб. университета и проч. ученыхъ учрежденій и членомъ Ветеринарн. Комитета Министерства Внутр. Дѣлъ. Оглядываясь назадъ, на пройденный имъ въ теченіе 50 лѣтъ путь, А. Ѳ. Миддендорфъ можетъ смѣло сказать, что не зарылъ своего таланта въ землю и что имя его останется навсегда въ русской наукѣ.

Королева Викторія. (Портр. на стр. 608).

Празднующая на-дняхъ 50-лѣтній юбилей своего царствованія королева Великобританіи и Ирландіи, императрица Индійская, считается, какъ извѣстно, въ числѣ старѣйшихъ монарховъ всего міра. Викторія-Александрина, единственная дочь умершаго въ 1820 году герцога Кентскаго (четвертый сынъ короля Георга III) и принцессы Луизы-Викторіи Саксенъ-Кобургской, бывшей въ первомъ бракѣ за наслѣднымъ принцемъ

Видъ Атаманскаго дома въ Новочеркасскѣ. Съ фотогр. Болдырева, грав. Ю. Шюблеръ.

Лейнингенскимъ, родилась 24 (12) мая 1819 года. По смерти отца, бывшаго наслѣдникомъ своего бездѣтнаго брата, англійскаго короля Вильгельма IV, принцесса Викторія получила права на Британскій престолъ. Она воспитывалась подъ руководствомъ принцессы Нортумберландской и пріобрѣла особенно замѣчательныя познанія въ музыкѣ и ботаникѣ. По смерти дяди, Вильгельма IV, 20 (8) іюня 1837 года, она вступила на престолъ. Коронованіе съ большою пышностью и великолѣпіемъ совершено было 28 (16) іюня 1838 года. 10 февраля 1840 года молодая королева сочеталась бракомъ съ принцемъ Альбертомъ-Саксенъ-Кобургъ-Готскимъ. Отъ этого брака произошли: 1) принцесса Викторія, родившаяся 21 ноября 1840 года, съ 1858 года супруга наслѣднаго принца Прусскаго; 2) Альбертъ Эдуардъ, принцъ Вельскій, род. 9 ноября 1841 г., съ 1863 г. женатый на принцессѣ Александрѣ Датской; 2) принцесса Алиса, род. 25 апрѣля 1843, съ 1862 замужемъ за принцемъ Лудвигомъ Гессенскимъ († 14 декабря 1878 г.); 4) принцъ Альфредъ, герцогъ Эдинбургскій, род. 6 августа 1844, адмиралъ королевскаго флота, съ 1874 супругъ Е. И. В. Великой Княгини Маріи Александровны; 5) принцесса Елена, род. 25 мая 1846, съ 1866 замужемъ за принцемъ Христіаномъ-Шлезвигъ-Гольштейнъ-Зондербургъ-Аугустенбургскимъ; 6) принцесса Луиза, род. 18 марта 1848, съ 1871 г. замужемъ за маркизомъ Лорномъ, старшимъ сыномъ герцога Аргайль; 7) принцъ Артуръ, герцогъ Коннаутскій, род. 1 мая 1850, съ марта 1879 женатый на принцессѣ Луизѣ-Маргаритѣ, дочери принца Фридриха-Карла Прусскаго; 8) принцъ Леопольдъ, герцогъ Альбани, род. 7 апрѣля 1853, † 28 марта 1884; 9) принцесса Беатриса, род. 14 апрѣля 1857, съ 1885 замужемъ за принцемъ Генрихомъ Баттенбергскимъ. 14 декабря 1861 королева утратила своего нѣжно-любимаго супруга, скончавшагося на рукахъ ея, и трауръ по немъ до сихъ поръ составляетъ нѣчто въ родѣ культа у вѣнчанной вдовы, удаляющаго ее если не отъ государственныхъ дѣлъ, то по крайней мѣрѣ отъ требованій свѣтскаго этикета и общественныхъ сборищъ. Память о своемъ супругѣ королева увѣковѣчила изданіемъ книгъ: *Ранніе годы принца-супруга* (1867) и *Листки изъ дневника нашей жизни въ Шотландіи* (1868 и 1884). 28 апрѣля 1876 года, на основаніи проведеннаго графомъ Биконсфильдомъ парламентскаго акта, королева приняла титулъ императрицы Индійской, торжественно провозглашенный 1 января 1877 года въ Дели вице-королемъ Индіи. Въ теченіе долгаго своего царствованія, королева оставалась какъ бы внѣ борьбы партій, уступая въ надлежащее время голосу народа, но сохраняя свое достоинство и величіе.

Къ торжеству юбилея 20 (8) іюня готовится между прочимъ роскошная иллюминація Лондонскаго парка и на холмѣ Примрозъ на 21 іюня, съ фейерверкомъ заказаннымъ извѣстному пиротехнику, цѣною въ 6000 фунтовъ стерлинговъ. Морскіе и военные чины во всѣхъ портахъ и городахъ какъ метрополіи, такъ и колоній, получили приказаніе произвести въ день юбилея салютъ пятьюдесятью выстрѣлами, соотвѣтственно числу лѣтъ царствованія. На Спитгедскомъ рейдѣ будетъ смотръ флота и морскіе маневры, на которые разослано болѣе 4000 оффиціальныхъ приглашеній. Въ числѣ подарковъ подносимыхъ королевѣ будетъ и вдовій чепецъ, присланный молодою вдовою, королевой Христиной Испанскою. Онъ сшитъ изъ драгоцѣнныхъ испанскихъ кружевъ съ вышивнымъ вуалемъ ниспадающемъ до полу; чело украшаетъ унизанная жемчугомъ діадема, собственноручная работа королевы Христины. Все это сдѣлано по древне-испанской модели, которую королева заимствовала въ картинной галлереѣ своего дворца съ портрета королевской вдовы, умершей много сотъ лѣтъ тому назадъ. Принцесса Беатриса подноситъ своей матери миніатюрный портретъ принца Альберта въ медальонѣ изъ выдолбленнаго и раскрывающагося соверена. Есть и трогательные по своей наивности подарки: такъ, напр., мелочные торговцы Гокстона (Восточный округъ Лондона) подведутъ королевѣ превосходно выдрессированнаго осла, такъ какъ они слышали, что она въ послѣднее время часто выѣзжаетъ въ коляскѣ на ослахъ.

Донскіе казачата въ Новочеркасскѣ.

(Рис. на стр. 605, 607 и 608).

Какъ извѣстно по исторіи, Донъ—родоначальникъ нынѣшнихъ казачьихъ войскъ, если не считать Днѣпровскихъ казаковъ, нѣсколько ранѣе начавшихъ свое существованіе.

Привольныя Донскія степи и постоянные военные походы—въ старое былое время, выработали въ казакѣ такую храбрость

чины во всѣхъ портахъ и городахъ какъ метрополіи, такъ и колоній, получили приказаніе произвести въ день юбилея салютъ пятьюдесятью выстрѣлами, соотвѣтственно числу лѣтъ царствованія. На Спитгедскомъ рейдѣ будетъ смотръ флота и морскіе маневры, на которые разослано болѣе 4000 оффиціальныхъ приглашеній. Въ числѣ подарковъ подносимыхъ королевѣ будетъ и вдовій чепецъ, присланный молодою вдовою, королевой Христиной Испанскою. Онъ сшитъ изъ драгоцѣнныхъ испанскихъ кружевъ съ вышивнымъ вуалемъ ниспадающемъ до полу; чело украшаетъ унизанная жемчугомъ діадема, собственноручная работа королевы Христины. Все это сдѣлано по древне-испанской модели, которую королева заимствовала въ картинной галлереѣ своего дворца съ портрета королевской вдовы, умершей много сотъ лѣтъ тому назадъ. Принцесса Беатриса подноситъ своей матери миніатюрный портретъ принца Альберта въ медальонѣ изъ выдолбленнаго и раскрывающагося соверена. Есть и трогательные по своей наивности подарки: такъ, напр., мелочные торговцы Гокстона (Восточный округъ Лондона) подведутъ королевѣ превосходно выдрессированнаго осла, такъ какъ они слышали, что она въ послѣднее время часто выѣзжаетъ въ коляскѣ на ослахъ.

Вѣсть эту казаки встрѣтили съ восторженною радостію и крестясь говорили: „Богъ посылаетъ къ намъ батюшку Царя."

Мы уже сообщали читателямъ подробности встрѣчи Ихъ Императорскихъ Величествъ. Заимствуемъ изъ *Правительственнаго Вѣстника* описаніе Атаманскаго дома, въ коемъ изволили останавливаться Ихъ Императорскія Величества съ Государемъ Наслѣдникомъ Цесаревичемъ.

Атаманскій домъ, въ которомъ живетъ наказной атаманъ войска—двухъ-этажное зданіе съ балкономъ, съ широкими окнами. Передъ нимъ на площадкѣ скверъ, въ которомъ лицомъ къ Платовскому бульвару стоитъ памятникъ „признательныхъ", какъ сказано въ его надписи—„Донцовъ своему атаману, графу Платову". Заднимъ фасадомъ Атаманскій домъ примыкаетъ къ городскому саду, отдѣляясь отъ него невысокимъ заборомъ, огибающимъ небольшой садъ, съ бесѣдкою на холмикѣ и съ фонтаномъ посрединѣ цвѣтниковъ. Ихъ Величества заняли аппартаменты верхняго этажа, въ который ведетъ изъ вестибюля лѣстница, сплошь уставленная растеніями и обрамленная внизу бордюромъ изъ цвѣтовъ. Вверху дверь направо въ небольшую домовую церковь; налѣво—въ пріемную Бѣлую залу, украшенную развѣшанными по стѣнамъ 34-мя портретами донскихъ атамановъ и нѣкоторыхъ войсковыхъ старшинъ. Прямо съ лѣстницы—входъ во внутреннія комнаты Ихъ Величествъ. У Государя Императора и Государыни Императрицы по двѣ комнаты. Обивка мебели—кожаная шагреневая въ кабинетѣ, и ея отдѣлка въ пріемной, гостиной и другихъ комнатахъ, соотвѣтствуютъ отличительнымъ цвѣтамъ войска Донского. Въ нижнемъ этажѣ заняли помѣщеніе, тоже въ двѣ комнаты, Ихъ Высочества Наслѣдникъ Цесаревичъ и великій князь Георгій Александровичъ. Въ отдѣлкѣ кабинета у Наслѣдника Цесаревича преобладающій цвѣтъ атаманскій, синій. Недалеко отъ письменнаго стола у стѣны находится постаментъ для атаманской булавы. Стѣны кабинета украшены тремя картинами мѣстнаго художника Дубовскаго, изобразившаго степь въ полномъ цвѣту и другіе виды изъ мѣстной природы. Въ другихъ комнатахъ были отведены помѣщенія для нѣкоторыхъ лицъ свиты.

Къ 1 мая, близъ Новочеркасска—на полугорьѣ, были уже разбиты палатки, кибитки и шатры, прибывшихъ туда для встрѣчи Государя, 2-хъ полковъ дѣтей-казачатъ и одного полка малолѣтокъ (малолѣтними называются казаки принявшіе присягу 19 лѣтъ—на вѣрную службу—Царю и отечеству).

Малолѣтки-казаки и казачата пріѣхали съ разныхъ концовъ обширнаго Дона, не только со своими отцами, но и съ дѣдами, прадѣдами и даже матерями.

Лагерь этихъ воиновъ, по ихъ разнообразію палатокъ и различію возраста, а также и племени, такъ какъ здѣсь были и калмыки, напоминалъ скорѣе прежнія станицы казаковъ, нежели обыкновенный лагерный сборъ.

Участіе дѣтей-казачатъ въ встрѣчѣ Государя и на Высочайшемъ смотру войскъ, въ полной казачьей формѣ, на конѣ, — событіе еще небывалое.

Въ этомъ лагерѣ было много и сверхштатныхъ мальчиковъ-казачатъ, пріѣхавшихъ по доброй волѣ со своими отцами и дѣдами посмотрѣть на Батюшку-Царя и Матушку-Царицу, а также и молодого Атамана—Наслѣдника-Цесаревича.

Непопавшіе въ строй мальчики смотрѣли съ большой завистью на своихъ собратьевъ-счастливцевъ, пока инструктора-урядники и офицеры обучали ихъ пѣшему и конному фронту.

Да и дѣйствительно, нельзя было не позавидовать имъ... Посмотрите, какими они молодцами стоятъ во фронтѣ, въ своихъ казацкихъ мундирчикахъ, опоясанныхъ синимъ кушакомъ, съ ремнемъ черезъ плечо, на которомъ прицѣплена плетка-нагайка, и съ какимъ достоинствомъ военнаго человѣка, эти карапузики-казачата, выставивъ грудь впередъ, стоятъ позади своихъ учителей-офицеровъ, собирающихся отдать приказанія: „Сѣдлайте коней и стройтесь во фронтъ, а завтра въ 8 часовъ утра быть готовыми для Высочайшаго смотра".

Заимствуемъ изъ *Правительственнаго Вѣстника* описаніе этого смотра.

7-го мая происходилъ Высочайшій смотръ казачьимъ частямъ, которыя построились въ линію у Краснокутской рощи, противъ кадетскаго корпуса. Въ строю находились: юнкерское училище, 12-й донской полкъ, полкъ малолѣтнихъ, еще не отбывавшихъ казачьей службы, два полка подростковъ, мальчиковъ отъ 12-ти до 14-ти лѣтъ, и одна батарея артиллеріи изъ льготныхъ казаковъ. Особенность бывшаго парада, новинка, [illegible]

Участіе дѣтей-казачатъ въ встрѣчѣ Государя и на Высочайшемъ смотру войскъ, въ полной казачьей формѣ, на конѣ, — событіе еще небывалое.

Въ этомъ лагерѣ было много и сверхштатныхъ мальчиковъ-казачатъ, пріѣхавшихъ по доброй волѣ со своими отцами и дѣдами посмотрѣть на Батюшку-Царя и Матушку-Царицу, а также и молодого Атамана—Наслѣдника-Цесаревича.

Непопавшіе въ строй мальчики смотрѣли съ большой завистью на своихъ собратьевъ-счастливцевъ, пока инструктора-урядники и офицеры обучали ихъ пѣшему и конному фронту.

Да и дѣйствительно, нельзя было не позавидовать имъ... Посмотрите, какими они молодцами стоятъ во фронтѣ, въ своихъ казацкихъ мундирчикахъ, опоясанныхъ синимъ кушакомъ, съ ремнемъ черезъ плечо, на которомъ прицѣплена плетка-нагайка, и съ какимъ достоинствомъ военнаго человѣка, эти карапузики-казачата, выставивъ грудь впередъ, стоятъ позади своихъ учителей-офицеровъ, собирающихся отдать приказанія: „Сѣдлайте коней и стройтесь во фронтъ, а завтра въ 8 часовъ утра быть готовыми для Высочайшаго смотра".

Заимствуемъ изъ *Правительственнаго Вѣстника* описаніе этого смотра.

динѣ—красный атласный квадратъ, на которомъ съ одной стороны вышиты золотомъ вензелевыя буквы А. М. И. 4 Н. И.; надъ ними надпись: „Боже, Царя храни“, а съ другой стороны—крестъ и подъ нимъ надпись: „Силою Твоею да возвеселится Царь“. Государь Императоръ благодарилъ всѣ войска. Каждая сотня дѣтей возвращалась, проходя мимо Ихъ Величествъ съ пѣсенниками впереди.

Первыми проходили казачата во главѣ своего бригаднаго командира. Они шли очень красиво и стройно. Впереди полка за командиромъ ѣхали: 11-лѣтній мальчикъ—Давыдовъ—съ голубымъ знаменемъ (вышитымъ матерями), и два ассистента, одинъ изъ нихъ сынъ командира—Денисовъ. Слѣдующіе проходили тѣмъ-же порядкомъ во главѣ офицеровъ и урядниковъ-инструкторовъ.

Государь милостиво улыбаясь говорилъ: „Спасибо, дѣтки; спасибо, казачата“. Восторженные и стройные дѣтскіе голоса слышались изъ фронта казачатъ: „рады стараться, Ваше Императорское Величество!“ Когда коляска Государя остановилась у кибитки хурула, казачата, по командѣ офицеровъ и урядниковъ „маршъ-маршъ“, пустили коней во весь карьеръ по слѣдамъ Государя и джигитуя кто какъ могъ. Нужно было видѣть удаль этихъ маленькихъ джигитовъ; нѣкоторые изъ нихъ прекрасно соскакивали съ коня на всемъ карьерѣ и опять снова вскакивали — держась лѣвой рукой за гриву коня; а доставать землю съ коня—это считается обыкновеннымъ дѣломъ.

Публика, смотря на эту картину, пришла въ такой восторгъ, что у нѣкоторыхъ невольно вырвалось: „Браво, браво, ребятишки! Ай-да отважные Донцы“.

Послѣ всего этого дѣтямъ участвовавшимъ на Высочайшемъ смотру было выдано на каждаго мальчика, жалованныхъ Государемъ Императоромъ, по одному серебряному рублю — съ портретомъ Государя — чеканки 1887 г.

Нужно было видѣть радость этихъ казачатъ, ихъ отцовъ, дѣдовъ и прадѣдовъ, и отрадное впечатлѣніе произведенное на нихъ этимъ событіемъ. Рубль дареный Государемъ и все видѣнное будетъ передаваться изъ рода въ родъ.

Политическое обозрѣніе.

5 іюня.

Новое министерство въ Сербіи.—Англо-турецкая конвенція.—Афганистанъ.

Столь долго и такъ томительно ожидавшійся всѣми патріотами въ Сербіи поворотъ на почву національной политики, повидимому, совершился наконецъ. Ходившіе въ послѣднее время слухи о министерскомъ кризисѣ въ Бѣлградѣ разрѣшились паденіемъ австрофильскаго кабинета „напредняковъ“ съ пресловутымъ Гарашаниномъ во главѣ. 30 мая (11 іюня) Гарашанинъ отъ лица всего кабинета подалъ королю Милану прошеніе объ отставкѣ, которая и была принята. Попытка составить министерство, въ которомъ Богичевичу, вызванному королемъ изъ Вѣны, предполагалось дать портфель иностранныхъ дѣлъ, Кристичу — внутреннихъ, а Протичу — военнаго министерства, — не удалась. Король послѣ того совѣщался еще съ нѣсколькими лицами, въ томъ числѣ и съ представителями консервативной группы; но такъ какъ переговоры съ ними ни къ чему не привели, то король вынужденъ былъ обратиться къ единственному человѣку способному вывести Сербію изъ теперешняго ея бѣдственнаго положенія, а именно къ Іовану Ристичу,—тому самому Ристичу, который подвергся опалѣ вмѣстѣ съ митрополитомъ Михаиломъ за протестъ противъ униженія Сербіи чуть не вассальными отношеніями къ Австріи и котораго „напредняки“ выставляли чуть не измѣнникомъ отечеству за то что онъ проповѣдывалъ необходимость для Сербіи дружескихъ отношеній къ Россіи. Ристичъ, со своей стороны, соглашался вступить въ министерство лишь на извѣстныхъ условіяхъ. Наконецъ, 1 (13) іюня опубликованъ былъ королевскій указъ, которымъ члены прежняго кабинета увольняются въ отставку и назначается новый кабинетъ въ слѣдующемъ составѣ: Ристичъ—президентъ совѣта и министръ иностранныхъ дѣлъ; Милойковичъ—министръ внутреннихъ дѣлъ; Васильевичъ—министръ народнаго просвѣщенія; Авакумовичъ—министръ юстиціи; Милосадлевичъ—министръ сельскаго хозяйства; Вуичъ — министръ финансовъ; Велиміровичъ — министръ общественныхъ работъ. Впредь до назначенія новаго военнаго министра управленіе военнымъ министерствомъ временно поручено генералу Богичевичу.

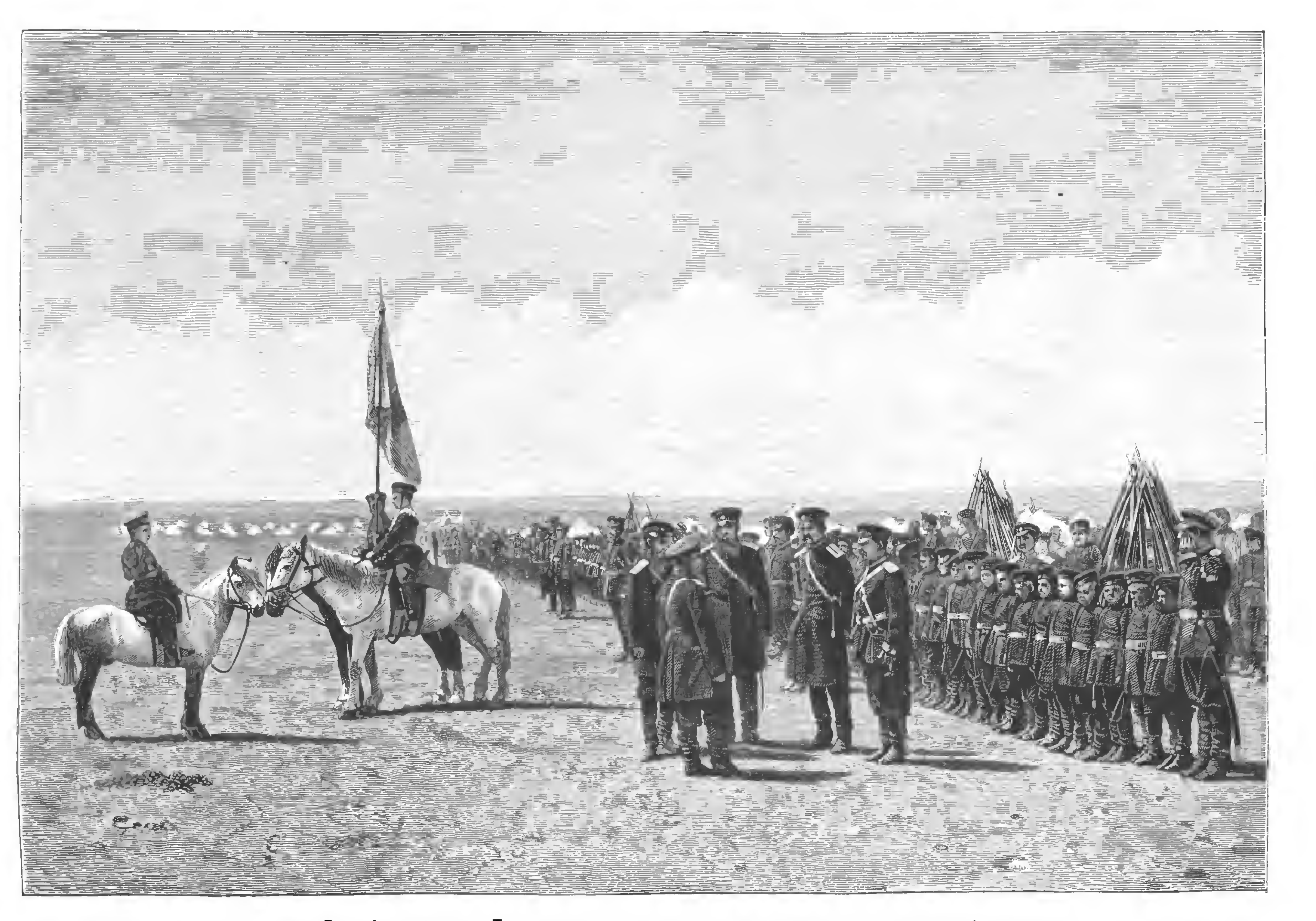
Донскіе казачата. Ассистентъ Денисовъ (мальчикъ 10-ти лѣтъ).
Съ фотогр. Болдырева, грав. Ю. Барановскій.

Програма новаго министерства сводится преимущественно къ слѣдующему: пересмотръ конституціи, поддержаніе лучшихъ отношеній со всѣми иностранными государствами, сбереженіе въ расходахъ и добросовѣстное исполненіе государствомъ принятыхъ на себя обязательствъ.

По извѣстіямъ газетъ изъ Бѣлграда, новый сербскій кабинетъ характеризуется какъ коалиція правительства съ либералами, радикалами и преданнымъ династіи военнымъ элементомъ. Новые сербскіе министры представлялись королю и затѣмъ вступили въ отправленіе своихъ обязанностей. Населеніе Бѣлграда и вся Сербія восторженно привѣтствовали новое министерство. Всюду устраивались оваціи въ честь Ристича; вмѣстѣ съ сербскимъ національнымъ гимномъ постоянно исполнялся русскій гимнъ. Дома въ Бѣлградѣ украсились флагами.

Вслѣдствіе неумѣстныхъ въ данномъ случаѣ контръ-демонстрацій австрофиловъ, въ Бѣлградѣ произошелъ прискорбный скандалъ. Толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ отправилась къ дому Гарашанина и выбила всѣ стекла въ окнахъ. Раздавались крики: „Помни Сливницу!“ „Долой Гарашанина!“ „Подлый австріецъ!“ Гарашанинъ совершенно потерялъ хладнокровіе и сталъ стрѣлять въ толпу изъ револьвера; одного студента бывшій министръ тяжело ранилъ. Вмѣшалась полиція и холостыми выстрѣлами разогнала бушевавшую толпу.

Что касается англо-турецкой конвенціи, то по свѣдѣніямъ *Политич. корреспонденціи* султанъ очень недоволенъ этимъ договоромъ и отложилъ его ратификацію по всей вѣроятности въ очень долгій ящикъ. Впрочемъ, достовѣрнаго извѣстія объ этомъ до сихъ поръ еще нѣтъ. Въ придворныхъ кругахъ и среди улемовъ господствуетъ мнѣніе, что это соглашеніе съ Англіей унижаетъ Турцію какъ первую и самую сильную мусульманскую державу. Отказъ султана ставятъ также въ связь съ возраженіями Франціи, которая не можетъ допустить, чтобы Египетъ могъ быть занятъ англичанами подъ первымъ предлогомъ, т. е. по произволу. Англійскія же газеты по обыкновенію приписываютъ неудачу „интригамъ“ русскаго посла въ Константинополѣ, а

Донскіе казачата. Передъ смотромъ. Съ фотогр. Болдырева, грав. Ю. Барановскій.

также и французскаго. Противодѣйствіе Россіи косвенно подтверждаетъ и нашъ *Journal de St.-Pétersbourg*, допускающій предположеніе, что не одна лишь Франція не одобряетъ конвенціи. Какъ бы то ни было, но египетскій вопросъ начинаетъ занимать первое мѣсто въ заграничной печати и все чаще приводится въ связь съ событіями въ Афганистанѣ, гдѣ будто-бы Россія намѣрена произвести диверсію противъ Англіи за ея болгарскую и египетскую политику.

Между тѣмъ положеніе Афганскаго эмира, судя по телеграммамъ изъ Бомбея и Мерва, становится съ каждымъ днемъ все болѣе критическимъ. Хотя слухъ о томъ, что эмиръ вынужденъ былъ покинуть даже Кабулъ, и не оправдался, тѣмъ не менѣе несомнѣнно, что возстаніе Гильзаевъ отнюдь не утихаетъ, а напротивъ распространяется. Число недовольныхъ возросло настолько, что Бухарскій эмиръ разрѣшилъ принимать афганцевъ въ свои войска. Съ другой стороны, оффиціозное англійское „Агентство Рейтера" сообщило телеграммою изъ Бомбея, что афганцами и бухарцами ведется теперь дѣятельная интрига съ цѣлью уговорить Абдулъ-Меликъ-Тюрю, брата бухарскаго эмира, къ возвращенію изъ Аллахабада въ Бухару. Газета *Свѣтъ* находить, что англичане желаютъ связать намъ руки политическими затрудненіями въ Бухарѣ, пока сами они будутъ обдѣлывать свои дѣла въ Афганистанѣ, въ направленіи Кандагара и Герата, а также желаютъ сдѣлать контрвольтъ противъ приписываемаго ими Россіи замысла поддержать Эюбъ-хана (бывшаго правителя гератскаго) въ его притязаніяхъ на кабульскій эмиратъ. Въ отместку за Эюбъ-хана они де показываютъ намъ маріонетку Абдулъ-Меликъ-Тюри. Газета находитъ всѣ эти усилія безполезными.

Смѣсь.

Древне-арабскія изреченія. Трудовой потъ на лбу — привлекательнѣе ослѣпительной красоты лица. — Лучше тебѣ пріобрѣтать уваженіе къ себѣ, хотя бы твоя кружка и осталась безъ капли воды, чѣмъ обладать цѣлымъ моремъ и обезчестить себя.—Бѣдность и безпомощное одиночество не унижаютъ человѣка, если благочестіе и наука его возвышаютъ; богатство и семья не возвысятъ человѣка, если его унижаютъ криводушіе и невѣжество.—Тотъ кто не обдумываетъ своихъ словъ—проводитъ дни въ ломаніи рукъ съ отчаянія, а ночи безъ сна, поворачиваясь съ боку на бокъ, страдая за свои неумѣренныя рѣчи и неосторожные поступки. Если бы языкъ былъ невольникомъ—сердце было бы укрыто отъ многихъ горестей.

Мыльные пузыри. Предлагаемъ любителямъ слѣдующій рецептъ приготовленія смѣси для мыльныхъ пузырей: На легкомъ огнѣ распускаютъ 1 часть марсельскаго мыла (въ составъ котораго входитъ оливковое масло) въ 40 частяхъ дистиллированной воды; когда жидкость остынетъ, ее фильтруютъ и на каждыя 3 части смѣси прибавляютъ 1 часть глицерина; по прошествіи сутокъ, жидкость снова фильтруютъ и прибавляютъ еще часть глицерина. Мыльные пузыри изъ этой смѣси могутъ продержаться, не лопнувъ, не только нѣсколько часовъ, но даже нѣсколько дней.

О варкѣ яицъ. Испареніе бѣлка есть причина, по которой свѣжія яйца требуютъ болѣе продолжительной варки, чѣмъ менѣе свѣжія. Распространенное мнѣніе, что для полученія ровной степени мягкости яицъ необходимо одинаковое время варки—совершенно не вѣрно; наибольшую важность имѣютъ въ этомъ случаѣ одинаково какъ свѣжесть, такъ и температура яицъ. Необходимое для варки время зависитъ также отъ числа яицъ и отъ количества воды, въ которую опускаютъ яйца. Шесть свѣжихъ яицъ, пролежавшія въ теченіе двухъ часовъ въ температурѣ 15° Ц., будучи положены въ кипятокъ въ размѣрѣ трехъ бутылокъ, готовы въ смятку черезъ 3½ минуты. То же число яицъ, того же сорта, но пролежавшія раньше въ прохладной температурѣ только 4°, требуютъ для достиженія той же степени мягкости уже не 3½, а цѣлыхъ 5 минутъ. Поэтому, желая руководиться временемъ, слѣдуетъ считать не съ того времени, какъ яйца опущены въ воду, но съ той секунды, какъ вода снова закипаетъ, принимая, конечно, при этомъ въ соображеніе степень свѣжести яицъ.

Королева Викторія. По поводу пятидесятилѣтія ея царствованія.
Съ фотогр. грав. Девисъ.

Львиная проповѣдь. Согласно обычаю, установленному 255 лѣтъ тому назадъ, въ Лондонѣ, въ церкви святой Екатерины, ежегодно читается такъ-называемая „львиная проповѣдь", въ память чудеснаго спасенія извѣстнаго Джона Гейера. Этотъ почтенный лондонскій гражданинъ находился въ 1629 году по дѣламъ своей фирмы въ Аравійской пустынѣ. Случайно отдѣлившись отъ каравана, онъ встрѣтился лицомъ къ лицу съ громаднымъ львомъ. Не имѣя возможности защищаться, несчастный упалъ на колѣни и горячо молилъ Бога о спасеніи. Левъ свирѣпо глядѣлъ на молящагося, но пристально всмотрѣвшись въ свою жертву, повернулъ назадъ и скоро исчезъ изъ виду. Окончивъ молитву, купецъ, избавленный чудомъ отъ ужасной смерти, далъ торжественную клятву навѣки установить память о своемъ чудесномъ спасеніи. Возвратившись въ Англію, онъ немедленно внесъ въ ратушу извѣстную сумму денегъ, процентами съ которой и теперь оплачивается „львиная проповѣдь". Ее слушаетъ масса народа и въ церкви всегда присутствуетъ кто-нибудь изъ потомковъ Джона Гейера.

Эксцентричность американскихъ дѣвицъ положительно не знаетъ предѣловъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ одна очень богатая Нью-Іоркская дѣвица вышла замужъ за бывшаго вожака феніевъ, „ирландскаго Бланки" Михаила Дэвита. Слѣдуя ея примѣру, одна изъ гражданокъ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ возъимѣла оригинальное желаніе сочетаться узами гименея съ однимъ изъ приговоренныхъ недавно судомъ въ Чикаго къ смертной казни анархистовъ, нѣкимъ мистеромъ Списомъ. Имя оригиналки этой Нина Ванъ-Зандтъ, хотя она не имѣетъ ничего общаго съ извѣстною пѣвицей, носящей то же имя. Но такъ какъ мѣстныя власти не дозволили совершить обрядъ бракосочетанія въ стѣнахъ тюрьмы, то вмѣсто жениха съ г-жею Ванъ-Зандтъ, по порученію и довѣренности послѣдняго, обвѣнчался братъ его, произнесшій предъ алтаремъ традиціонное „да". Въ настоящее время г-жа Ванъ-Зандтъ героиня дня въ Сѣверной Америкѣ. (м.).

Кулинарная выставка. Въ Лейпцигскомъ Хрустальномъ дворцѣ устроена была недавно, въ теченіе нѣсколькихъ дней, кулинарная выставка, на которой главную роль играли продукты, входящіе въ составъ пищи простонародья и солдатъ. Весьма видное мѣсто было отведено также консервамъ. Въ видѣ опыта на этой выставкѣ готовился каждый день совершенно простой обѣдъ на тысячу человѣкъ, который могли безвозмездно пробовать всѣ посѣтители выставки.

Послѣднее слово фотографіи. Нѣкій любитель-фотографъ изъ г. Пешта ухитрился сдѣлать фотографическій снимокъ съ пули, выпущенной изъ ружья системы Верндля и пролетающей пространство въ 440 метровъ въ секунду. На снимкѣ пуля вышла какъ бы окруженная слоемъ сгущеннаго воздуха, имѣющимъ гиперболическую форму. (м.).

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ, по полученіи перваго извѣстія о бѣдствіи постигшемъ гор. Вѣрный и окрестныя мѣстности, Высочайше повелѣть изволилъ: отпустить изъ Собственныхъ средствъ Его Величества 25.000 рублей. Означенныя деньги переведены, по телеграммѣ, въ распоряженіе семирѣченскаго военнаго губернатора.

— На принесенныя командующимъ войсками финляндскаго военнаго округа всеподданнѣйшія поздравленія по случаю годовщины Священнаго Коронованія Ихъ Императорскихъ Величествъ, генералъ-адъютантъ графъ Гейденъ имѣлъ счастіе получить отъ Его Императорскаго Величества телеграмму слѣдующаго содержанія:

„Прошу передать мою искреннюю благодарность финляндскому сенату, университету, военнымъ и гражданскимъ чинамъ и жителямъ края за принесенное поздравленіе и благодарю сердечно васъ“.

„АЛЕКСАНДРЪ“.

Распоряженія правительства.

— Со введеніемъ въ дѣйствіе Высочайше утвержденнаго въ 19-й день мая 1887 года мнѣнія Государственнаго Совѣта о возвышеніи размѣра простаго гербоваго сбора и цѣнъ актовой гербовой бумаги, всѣ казначейства и другія мѣста, въ коихъ производится продажа гербовыхъ бумаги и марокъ, обязаны выпускать въ продажу гербовую простую и актовую бумагу не иначе, какъ по вновь установленнымъ цѣнамъ, а именно: простую гербовую бумагу по 80 к. за листъ и актовую — по цѣнамъ, указаннымъ во II статьѣ мнѣнія Государственнаго Совѣта.

— 14 апрѣля 1887 г. Высочайше утвержденъ проектъ положенія о подъѣздныхъ путяхъ къ желѣзнымъ дорогамъ.

— Признано необходимымъ, на основаніи Высочайше утвержденнаго 17 марта 1887 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, нынѣ же ввести правила о наймѣ рабочихъ на золотые промыслы въ Сибири въ дѣйствіе въ уѣздахъ Оренбургской губерніи: Орскомъ, Верхнеуральскомъ, Троицкомъ и Челябинскомъ, и въ уѣздахъ Пермской губерніи: Пермскомъ, Кунгурскомъ, Екатеринбургскомъ, Верхотурскомъ и Чердынскомъ.

Военное и морское дѣло.

— 31 мая, въ Петергофѣ, на Дворцовой площадкѣ, въ Высочайшемъ присутствіи происходилъ церковный парадъ расположеннымъ въ Петергофѣ полкамъ кавалеріи — лейбъ-гвардіи уланскому и конно-гренадерскому.

— По приказанію Великаго Князя Главнокомандующаго, для лицъ, не имѣвшихъ возможности принимать участіе въ военныхъ бесѣдахъ, издано два выпуска подъ заглавіемъ: *„Военныя бесѣды, исполненныя въ штабѣ войскъ гвардіи и петербургскаго военнаго округа въ 1885—1887 гг.“*.

— 28 мая, во время стрѣльбы на кіевскомъ учебномъ артиллерійскомъ полигонѣ, за Днѣпромъ, при зарядкѣ одного изъ артиллерійскихъ орудій, произошелъ разрывъ 24-фунтовой бомбы, осколками которой убитъ наповалъ фейерверкеръ 4 роты кіевской крѣпостной артиллеріи и ранены два канонира.

— Спущенная 28 мая на воду канонерская лодка „Запорожецъ“ начата постройкою 1 февраля 1886 года, казенными средствами изъ стали брянскаго завода. Лодка будетъ вооружена: двумя 8-дюймовыми и однимъ 6-дюймовымъ дальнобойными орудіями на станкахъ Вавассера, 6 скорострѣльными и двумя минными пушками. Паровые механизмы въ 1,500 индикаторныхъ силъ изготовлены въ Англіи, на заводѣ Непира.

— Въ Кронштадтъ, 31 мая, пришелъ изъ кругосвѣтнаго плаванія клиперъ „Джигитъ“.

Промышленность и сельское хозяйство.

— Въ Панкисскомъ ущельи, Тіонетскаго уѣзда, Тифлисской губерніи, близъ сел. Биркіани, недавно открылось первое лѣсопильное заведеніе, принадлежащее кн. Р. А. Челокаеву.

— Въ Изюмскомъ уѣздѣ, Харьковской губ., производится весьма успѣшно истребленіе овражковъ сѣрнистымъ углеродомъ.

Торговля.

— На недѣлѣ 16—23 минувшаго мая (ст. ст.) особыхъ перемѣнъ въ положеніи международной хлѣбной торговли не произошло, настроеніе оставалось достаточно твердымъ и цѣны поддерживались. Небольшому ослабленію подверглись сѣверо-американскіе рынки, на которыхъ пшеница слегка понизилась; это обстоятельство объясняется вновь усилившимися подвозами хлѣба съ мѣстъ производства къ складочнымъ пунктамъ, превысившими экспортное требованіе. На русскихъ рынкахъ отчетная недѣля отмѣчена новымъ пониженіемъ цѣнъ, вызваннымъ по преимуществу слабымъ качествомъ хлѣба, какъ результатомъ дождливой его уборки.

— Въ Харьковѣ, 31 мая, произошло оффиціальное открытіе Троицкой ярмарки. Подвозъ шерсти идетъ усиленно; по разсчетамъ, будетъ доставлено свыше 400,000 пудовъ. Цѣны ожидаются крѣпкія.

— Въ Баку, 1 іюня, ярмарочный флагъ спущенъ и ярмарка закрылась. Пріѣзжихъ торговцевъ было 18, товаровъ привезено на 111,700 руб., продано на 51,250 руб.

Искусства изобразительныя.

— Въ Одессѣ, 31 мая, открытъ памятникъ Императору Александру Второму, сооруженный на средства мѣстныхъ крестьянъ.

— Въ СПБ., 4 іюня, въ Александровскомъ городскомъ саду открытъ бронзовый портретный бюстъ поэта В. А. Жуковскаго (см. рисунокъ въ № 17 „Нивы“). Бюстъ отлитъ, по модели классваго художника-скульптора Крейтана, на бронзово-литейномъ заводѣ А. Морана.

Театръ.

— 26 мая состоялась торжественная закладка зданія городскаго театра въ городѣ Самарѣ, на площади близъ Струковскаго сада. Театръ строится по проекту архитектора Чичагова, вмѣстимостью на 1,300 человѣкъ зрителей.

Наука.

— Въ Москвѣ, 30 мая, происходила закладка втораго корпуса Политехническаго музея на Лубянской площади.

— Кіевское общество естествоиспытателей командировало, для научныхъ изслѣдованій нынѣшнимъ лѣтомъ: проф. П. Я. Армашевскаго—въ Галицію, для геологическихъ изслѣдованій, В. К. Совинскаго — для изученія фауны безпозвоночныхъ Кіевской губерніи, А. Д. Карицкаго—для изученія третичныхъ отложеній Каневскаго и Радомысльскаго уѣздовъ и С. П. Торскаго—для изученія вредныхъ насѣкомыхъ Полтавской губерніи.

Изъ губерній и областей.

— Изъ города Вѣрнаго получены слѣдующія телеграммы: отъ 29 мая. „Прошло двое сутокъ послѣ страшной катастрофы, постигшей Вѣрный, а подземные толчки все продолжаются. Первыя полсутки были раза три весьма сильные удары, отъ которыхъ продолжали падать стѣны полуразрушенныхъ домовъ. По собраннымъ свѣдѣніямъ, землетрясеніе охватило районъ въ тысячу верстъ. Убитыхъ съ каждымъ днемъ обнаруживается все больше. Въ окрестностяхъ, хуторахъ и ущельяхъ вездѣ находятъ убитыхъ.“

— *Военному министру отъ степнаго генералъ-губернатора.* „Къ востоку отъ Вѣрнаго, въ казачьемъ поселкѣ Любовномъ и въ селеніи Узунагачѣ землетрясеніемъ разрушило или сильно повредило каменныя зданія; далѣе, по Токмакскому тракту свѣдѣній нѣтъ, ибо телеграфъ поврежденъ и проѣздъ, вслѣдствіе топей и трещинъ въ измѣненныхъ мѣстахъ—крайне затрудненъ даже для верховыхъ. По Копальскому тракту пострадалъ выселокъ Карасуйскій; Илійскъ — слабѣе; Копалъ—еще слабѣе, безъ поврежденій; въ Джаркентѣ,—также; въ казачьихъ селеніяхъ, на востокъ отъ Вѣрнаго: Софійскомъ, Надеждинскомъ, въ крестьянскихъ: Михайловскомъ, Зайцевскомъ, Маловодномъ, всѣ Вѣрненскаго уѣзда—повреждены кирпичныя зданія; болѣе пострадало Маловодное. Людей, погибшихъ въ означенныхъ селеніяхъ, кажется,—нѣтъ, кромѣ одного въ Любовномъ; въ горахъ много обваловъ, трещинъ; погибло много людей и скота у киргизовъ. Въ Вѣрномъ сотрясенія почвы продолжаются непрерывно“.

Отъ 31 мая. „Вчера хоронили 106 покойниковъ православныхъ и въ татарской слободкѣ 8 татаръ; сколько погибло сартовъ и дунганъ—еще неизвѣстно. Раненыхъ много. Всѣ печи разрушены. Привезенный печеный хлѣбъ раздаютъ бѣднякамъ даромъ. Изъ Копала сообщили, что тамъ тоже были сильные удары, но безъ вредныхъ послѣдствій“.

Отъ 1 іюня. „Постоянные толчки стали рѣдки и очень слабы. 1 іюня, въ 3 часа, былъ чувствительный ударъ. Погода ясная. Никто еще не рѣшается войти въ строенія; остаются въ садахъ, на площадяхъ, въ шатрахъ и юртахъ. Лавки гостинаго двора не упали, лишь галлерея кругомъ обрушилась до основанія. Товары мануфактурные, желѣзо и чай цѣлы. Домовладѣльцы окончательно разорены.“

— „Сотрясенія почвы значительно ослабѣли. Воинскія зданія къ обитанію негодны. Всѣ офицеры и чины управленія остались безъ крова; имущество погибло. Городъ къ зимѣ обстроиться не можетъ. Губернаторъ и его помощникъ объѣзжаютъ городъ и успокоиваютъ населеніе. Для пріюта доставляются юрты; продовольствіе по возможности обезпечивается.“

— „Построено уже много печей для приготовленія хлѣба. Изъ станицъ и селеній подвозятъ много печенаго хлѣба, отъ всякой платы за него отказываются.“

Отъ 3 іюня. „Изъ селеній по направленію къ Ташкенту отъ Вѣрнаго доставлены точныя свѣдѣнія. Первая и вторая станціи Кескелентъ и Узунагачъ подверглись всѣмъ ужасамъ землетрясенія. Въ Кескелентѣ церковь и большая часть домовъ, какъ деревянные, уцѣлѣли; печи и трубы всѣ рухнули, каменныя строенія пали. Въ Узунагачѣ дома и церковь (кирпичные) рухнули. Изувѣченныхъ въ Узунагачѣ трое, убитыхъ нѣтъ. На Аксѣ, въ 15 верстахъ отъ Вѣрнаго, вся земля въ страшныхъ трещинахъ, изъ коихъ вылетала высокими струями вода. На насѣкахъ и въ хуторахъ по Аксѣ убито русскихъ 32, киргизовъ много, но сколько—еще неизвѣстно. Изъ Кульджи сообщаютъ, что землетрясеніе чувствовалось въ долинѣ Или.“

— Изъ Омска отъ 30 мая телеграфируютъ: „Землетрясеніемъ разрушены или сильно повреждены кирпичныя зданія въ Джаркентѣ, а также во многихъ казачьихъ и крестьянскихъ селеніяхъ къ востоку отъ Вѣрнаго; несчастій съ людьми въ этихъ селеніяхъ не было. Проѣздъ, вслѣдствіе топей и трещинъ, крайне затрудненъ. Въ горахъ много обваловъ и трещинъ; у киргизовъ погибло много скота.“

— Изъ Ташкента отъ 31 мая (на основаніи частной телеграммы, отъ 30-го мая, изъ Вѣрнаго) сообщаютъ, что уцѣлѣвшія отъ перваго землетрясенія зданія разрушены послѣднимъ землетрясеніемъ. Въ провалахъ и трещинахъ показалась вода. Города болѣе не существуетъ. Убитыхъ насчитываютъ уже 800 человѣкъ. Жители въ паникѣ бѣгутъ куда попало. Въ горахъ образовались обвалы. Раскопки продолжаются.

— На верховьяхъ Аму-Дарьи англичане приступили къ постройкѣ трехъ мелкосидящихъ военныхъ судовъ, вооружаемыхъ стальными нарѣзными орудіями малаго калибра.

Фирма Бутцъ изъ Петербурга спѣшно собираетъ въ Чарджуѣ двѣ желѣзныя баржи и два парохода, предназначаемыхъ для перевозки строительныхъ матеріаловъ самаркандскаго участка Закаспійской желѣзной дороги и для рекогносцировокъ по Аму-Дарьѣ.

Рѣшеніе музыкальной задачи № 33 (помѣщенной въ № 19).

1) Мелодія называется „Боже Царя Храни“.
2) Высчитывается, черезъ семь нотъ, восьмая.
3) Начинается отъ Do (²/₄), находящагося противъ третьей линейки нотной системы, помѣщенной въ центрѣ круга данной задачи.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—М. Ливенъ, Г. К...о, А. Лелпиова, А. Васильева, Петрово-Соловово, М. Ощоблина, И. Борисова; **Москва**—А. Васильева, П. Федорова; **Бахчисарай**—Б. Прикъ, **Бендеры**—П. Фальковича, **Богдановка**—Н. Стропина, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Владиславово**—Ф. Ужуппесъ, **Горн**—Заруба, Тещенко, **Екатеринбургъ**—Е. Иванова, **Казань**—Ф. Негредусъ, В. Сумцова, **Каменская**—И. Высочина, **Касимовъ**—С. Кипарисова, **Кинешма**—П. Брызгалова, **Кириловъ**—М. Альвіанскаго, **Кіевъ**—А. Каневцова, **Курскъ**—А. Пашкова, **Луганскъ**—С. Алексѣева, **Н. Уральскъ**—Кондралина, **Николаевъ**—Матяшева, **Одесса**—Д. Кокленъ, **Опочка**—П. Терентьева, **Осташковъ**—А. Челищева, **Павловскъ**—Дибайловой, **Парголово**—С. Голицинскаго, **Плоцкъ**—П. Бордиговскаго, **Ростовъ Ярос.**—С. Рябинина, **Севастополь**—Г. Лехарева, **Симбирскъ**—Б. Осмоловскаго, **Сѣдлецъ**—А. Лебедева, **Таганрогъ**—А. Макарова, П. Бояррова, **Харьковъ**—Е. Мензенкампфъ, А. Субботина, **Ярославль**—Свящ. П. Розова, **Штутгардъ** (Германія)—П. Дьпковскаго.

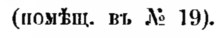
Рѣшеніе алгебраической задачи № 34 (помѣщ. въ № 19).

1) a; $\frac{b}{2}-2=a$; $a=4=$ г	4) d; $c+f+1=e$; $d=14=$ н
2) b; $d-b=2f$; $b=12=$ л	5) e; $f+b+1=d$; $e=11=$ к
3) c; $\frac{b}{6}=\frac{d}{7}$; $c=9=$ и	6) f; $d-a=c+1$; $f=1=$ а

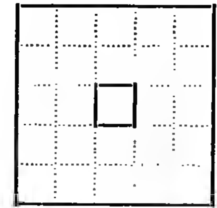
Глинка.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—П. Плотникова, Б. Осмоловскаго, В. Викашъ, С. Поспѣева, П. Шнейдера, Ф. Боронина, Постникова, К. Лапшина, Н. Стронскаго, М. Будагова, Н. Мундель, Е. Варакуго, В. Козинцова, В. Піотровича, В. Сизова, М. Крейнина, А. Иванова, В. Муринова, В. Рубцова, А. Сидорова, П. Люхина, М. Гесеневича, А. Салонова, П. Генри ъ; **Москва**—№ 21,468, Анучкина; **Вильна**—М. Сегаль; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Влоцлавскъ**—Г. Чашанскаго; **Воронежъ**—А. Смирнова, Л. Турбиной, Ю. Павлова, И. Маслова; **Гомель**—В. Московенко; **Гродно**—Сырейщикова; **Екатеринбургъ**—П. Клинскихъ; **Екатеринославъ**—Овчинникова; **Злотополь**—С. Заксъ; **Ив.-Вознесенскъ**—Авокашу; **Казань**—Тихова; **Кинешма**—П. Брызгалова; **Кіевъ**—Л. Шилохвастова, В. Кудленко и Баранова; **Кронштадтъ**—К. Пшіемскаго; **Кѣльцы**—Поморцева; **Лебедянь**—В. Чурилина; **Медвѣдево**—М. Лейцингеръ; **Медвѣдь**—Долли; **Минскъ**—Земель, Г. Теркина; **Муромъ**—П. Александрова; **Николаевъ**—Е. Брайкевича, К. Прокофьева, Натанзона, С. Максимова; **Новомиргородъ**—В. Околовича; **Новоминскъ**—П. Гольфандъ; **Одессы**—Д. Кравченко, М. Абезгузъ, Д. Добропольскаго, А. Погорѣльскаго; **Орелъ**—М. Григоровой; **Прилуки**—Пфейферъ; **Пучежъ**—А. Политковскаго; **Радомъ**—Ольги; **Ревель**—С. Магденко; **Рогачевъ**—Заевкина,—**Самара**—Вахромова; **Саратовъ**—Харитонова; **Симферополь**—Л. Гусикова, П. Никольскаго, Л. Лусунова, Н. Гринбергъ, А. Смирнова; **Смоленскъ**—Д. Д. О; **Старое с.**—Р. Колецкой; **Таганрогъ**—Ельяшевича; **Тверь**—М. Плетнева; **Тула**—А. Сапунова, А. Михалыча, В. Бестужева-Рюмина; **Харьковъ**—В. Фарафонова; **Царское Село**—Бордоносъ; **Чердынь**—Э. Нежданова; **Черниговъ**—П. Лазарева; **Якоялевское**—А. Ратькова; **Ярославль**—К. Мозгина; **Тырново** (Болгарія)—Ченгеліева.

Рѣшеніе задачи № 36

(помѣщ. въ № 19).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—П. Александрова, Я. Ребовалова, Д. Тархова, Д. Киселева, Ф. Михель, Ф. Боронина; **Москва**—Т. Воронкова, П. Благолева, Ф. Пучкова, П. Крутова, Анучкина, В. Брилліантова, С. Калабашкина; **Астрахань**—М. Шлепина, **Бердянскъ**—П. Шаркова; **Б. Коровино**—В. К. Терскаго; **Варшава**—А. Паумова; **Великое**—А. Локалова; **Гатчино**—Федорова. **Екатеринославъ**—Максимаджи; **Ив.-Вознесенскъ**—А. Шишкарева; **Калуга**—С. П. Соколова; **Кіевъ**—Марковскаго; **Кострома**—Колодкина; **Кукарка**—П. Стрижева; **Одесса**—Вассербергъ; **Сергіево**—К. Зайцева; **Тверь**—П. Мамкина; **Черкизово** А. Рещикова; **Харьковъ**—А. Карагеоргія.

Рѣшеніе шахматн. зад. № 32

(помѣщенной въ № 17).

Бѣлые.	Черные.
1) C 8—G 8	1) F6—G8
2) D5—E 4	2) G8—F6
3) G 3—E 2 ++	

A.

1)	1) E 7—E 5
2) G 3—E 2 +	2) F4—F5
3) D 5—E 6 ++	

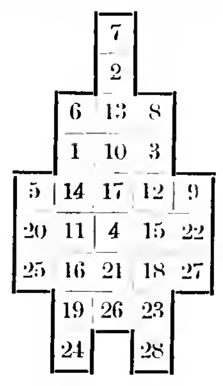
B.

1)	1) F 6—D 5
2) G 8—D 5	Куда угодно.
3) D 5—E 4 ++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Бѣлостокъ**—С. Бомхиль, **Кіевъ**—М. Дубовикъ; **Ленчица**—А. Фомина; **Медвѣдево**—Лейцингеръ; **Симферополь**—Д. Черкесъ; **Тверь**—А. Бетулина, **Харьковъ**—А. Зингеръ.

Рѣшеніе задачи-загадки № 35

(помѣщенной въ № 19).

„И выходя изъ дому, я все-жъ дома сижу“. (Улитка).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Б. Коровино** В. К. Терскаго, П. Казимірова; **Кинешма**—П. Брызгалова; **Клинцы**—А. Дрозпина, **Тверь**—П. Мамкина, **Черниговъ**—П. Лазарева.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. **иногородныхъ** подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

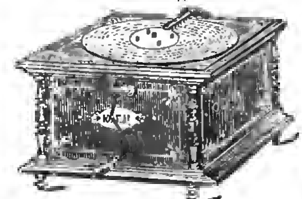
ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги **ТОЛЬКО ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ ИЛИ ВООБЩЕ НЕ ПОЛНУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ**—поторопиться высылкою остальныхъ денегъ, чтобы не было перерыва въ полученіи ими №№ журнала. Не выславшіе въ срокъ слѣдуемыя деньги потеряютъ право на полученіе главной преміи, большой картины Профессора К. Е. Маковскаго „БАБУШКИНА СКАЗКА“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ДЛЯ РАЗВЛЕЧЕНІЯ ДОМА и на ДАЧѢ

РЕКОМЕНДУЮ

патентованный

АРИСТОНЪ-ОРГАНЪ

Цѣна съ 10-ю пьесами 28 руб., добавочныя пьесы по 60 коп. за каждую. На пересылку аристона-органъ прошу приложить за 45 фунтовъ. **Каталогъ пьесъ безплатно.**

Кромѣ того новѣйшій сортъ

ГЕРОФОНА

съ приспособленіемъ для FORTE и PIANO, мягкаго тона, очень красивой отдѣлки. Цѣна герофону такой конструкціи съ 10-ю пьесами 35 руб., добавочныя пьесы по 60 коп. На пересылку прошу приложить за 50 фунт. **Каталогъ пьесъ для герофона, а также иллюстрированный прейсъ-курантъ всѣмъ инструментамъ—безплатно.**

☛ **Аристоны-органы, не имѣющіе клейма моей фирмы—не настоящіе патентованные. Герофоны и нотные листы для вышесказанныхъ инструментовъ продаются у меня также только настоящіе патентованные.** № 2632

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

ГЛАВНОЕ ДЕПО МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.

С.-Петербургъ, Больш. Морская, д. 36 и 42. Москва, Кузнецкій мостъ, д. Торлецкаго.

☛ **Другихъ магазиновъ не имѣю.**

!! За 30 к. !!

Mt. № 2633

почтовыми марками, высылаются фокусныя карты съ объясненіями и прейсъ-курантомъ. СПБ., Обуховскій пр., д. № 7, кв. № 33. Торговцамъ выгодная уступка. Мастерская игръ **МЕЛАМЕДА.**

АМЕРИКАНКА,

полезный всякому хозяйству снарядъ для стирки, въ обыкновенной комнатной водѣ, бѣлья. Расходуя весьма мало мыла и сохраняя отлично бѣлье, стирка доступна даже малолѣткамъ. Приглашаются агенты. Цѣна снаряда съ пересылкою по почтѣ 5 р., въ Сибирь—8 руб. При каждомъ снарядѣ прилагается наставленіе. Адресъ: **Веніамину Ильичу Шлемензону, въ Одессу.**

ИЗЪ ОТЗЫВОВЪ.

Полученный аппаратъ „Американка" оказался вполнѣ оправдавшимъ свое назначеніе; на стирку идетъ менѣе мыла, стирка производится комнатной водой, сберегая топливо, требуетъ половинное количество человѣческой силы и вѣроятно вполнѣ подъ силу малолѣтнимъ, стираетъ чисто, словомъ вполнѣ пригоденъ.

Податн. инспекторъ 8-го уч. Калужск. г. Смирновъ. г. Козмодемьянскъ, 24 апр. 1886 г. № 2631

Подлинн. отзывъ хранится при дѣлахъ редакціи газеты „Сынъ".

Фабричное клеймо на снарядѣ:

„В. ШЛЕМЕНЗОНЪ".

ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ" 1886 ГОДА.

заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и 700 художественно-выполненныхъ гравюръ, разсказъ **И. С. Тургенева**, разсказъ графа **Л. Н. Толстаго**, романы графа **Е. А. Саліаса, Вс. Соловьева** и **Н. К. Лебедева (Морскаго)**, поэму **А. Н. Майкова**, разсказы и повѣсти **Всев. В. Крестовскаго, Я. П. Полонскаго, К. Тхоржевскаго, П. П. Гнѣдича, А. Я. Максимова, П. Петрова, В. П. Желиховской, Н. В. Успенскаго, Захеръ-Мазоха, К. Бороздина, Ар. Эвальда, Е. Кириллова** и разн. др., а также много статей популярно-научнаго содержанія по естествознанію, зоологіи, гигіенѣ, астрономіи и проч. и проч., кромѣ того нѣсколько художественныхъ, напечатанныхъ красками, приложеній и большая олеографическая картина **К. Е. Маковскаго:**

„ГАДАНЬЕ".

(Парижскія Моды со множеств. рис. рукод. и выпиловочн. работъ. Къ переплет. экз. „Нивы" „Моды" прилагаются въ отдѣльномъ томѣ).

ЦѢНА ЭТОМУ БОЛЬШОМУ ТОМУ со всѣми безплатными приложеніями:

Брошюрован.	**4** р.	Въ каленк. перепл.	**5** р. **50** к.
Съ пересылкою	**6** „	Съ пересылкою.	**7** „ **50** „

Съ требованіями обращаться въ контору журнала „Нива", СПБ., Невскій пр., № 6.

Поступили въ продажу вторично изданныя **Ф. Павленковымъ**, подъ редакціей **А. Скабичевскаго,**

СОЧИНЕНІЯ ПУШКИНА

ВЪ ОДНОМЪ ТОМѢ

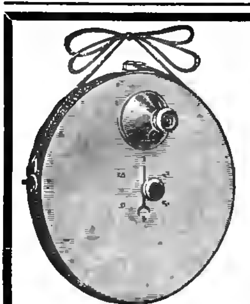
полное собраніе съ портретомъ поэта и его жены, сценой дуэли Пушкина (по картинѣ Наумова), біографическимъ очеркомъ А. Скабичевскаго: „Ал. Серг. Пушкинъ", вновь найденными стихотвореніями и **500 письмами Пушкина.** Франц. письма всѣ переведены по-русски. **Цѣна 1 р. 50 к.**

Тоже изданіе, но иллюстрированное 44 гравюрами—**2 р. 50 к.** Желающіе имѣть „Сочиненія Пушкина" на **лучшей** бумагѣ прибавляютъ къ этимъ цѣнамъ **по 50 к.** За переплеты (кто желаетъ) прибавляется: за шагреневый—**40 к.**; за каленкоровый съ золотомъ—**1 р.** Пересылка оплачивается по разстоянію: безъ переплета—за 3 ф., съ переплетомъ—за 4 фунта.

„Сочиненія Пушкина", изданныя **Ф. Павленковымъ**, продаются во всѣхъ книжныхъ магазинахъ (С.-Петербургъ—у Вольфа, Фену, Попова, Березовскаго, Мартынова, Битепажа, Стасюлевича, и пр. Въ Москвѣ—у Салаева, Мамонтова, Тихомировой и пр. Въ Одессѣ—у Распопова. Въ Кіевѣ—у Оглоблина, Розова и пр. Въ Харьковѣ—у Полуевтова. Въ Казани—у Дубровина. Въ Саратовѣ—у Духовникова.—Кромѣ того во всѣхъ магазинахъ „Новаго Времени" и Карбасникова—въ столицахъ и провинціи).

Главный складъ всѣхъ изданій **Ф. Павленкова** (болѣе 150)—въ С.-Петербургѣ, въ книжномъ магазинѣ П. Луковникова (Лештуковъ пер., д. 2), гдѣ книгопродавцамъ дѣлается обычная уступка: петербургскимъ 20%, иногороднымъ 25%.

Къ издателю за книгами не обращаться. Mt. № 2354

ФОТОГРАФИЧЕСКАЯ СЕКРЕТНАЯ КАМЕРА ШТИРНА.

Цѣна съ пластинками на 36 снимковъ, съ перес. 25 р. Шесть моментальныхъ снимковъ въ одну минуту. Носится незамѣтно подъ сюртукомъ. Весьма удобна. Хорошіе результаты. Пробные снимки: 50 к.

Единственная продажа для всей Россіи.

Краткое печатное наставленіе къ фотографированію прилагается безплатно. Наша книжка „Самоучитель фотографіи" вышла изъ печати, цѣна 1 р. 50 к. съ пер.

Солидные аппараты для съемокъ изображеній въ кабинетную величину, съ хорошимъ объективомъ, начиная съ 35 р. Всѣ принадлежности начиная съ 15 р. Большой выборъ всѣхъ предметовъ касающихся фотографіи.

СКЛАДЪ ФОТОГРАФИЧЕСКИХЪ ПРИНАДЛЕЖНОСТЕЙ **БРУНО ЗЕНГЕРЪ и К°** С.ПЕТЕРБУРГЪ МАЛ. КОНЮШЕННАЯ 8

Коронный источникъ (Kronen-Quelle) въ Оберзальцбруннѣ въ Силезіи

Примѣняется во врачебной практикѣ. при страданіяхъ *почекъ* и *пузыря*, *мочевомъ пескѣ и камняхъ*, при *подагрѣ* и *ревматизмѣ суставовъ*, при *катарральныхъ* пораженіяхъ *зѣва, гортани и легкихъ*; наконецъ при *катаррахъ желудка* и *кишекъ*.

Воду Коронпаго источника можно получать во всѣхъ аптекахъ и аптечныхъ складахъ. Брошюры о способѣ употребленія высылаются, по требованію, безплатно изъ слѣдующихъ пунктовъ:

Г. Варшава	**Аптека Доктора Т. фонъ Гейнрихъ.**
„ „	**„ Г. Кухаржевскаго. Аптека К. Ляльпопа.**
„ Кіевъ	**Южно-Русское Общество торговли аптекарскими товарами.**
„ Москва	**Карлъ Феррейнъ.**
„ Одесса	**Ю. Лемме и Ко.**
„ С.-Петербургъ	**Штоль и Шмитъ.**
„ Рига	**І. А. Швейнфуртъ 1818.**
„ Харьковъ	**Русское Общество торговли аптекарскими товарами.**

„Коронный источникъ", Kronenquelle, просимъ не смѣшивать съ такъ-называемымъ „Schlesischer Obersalzbrunnen". Р. № 2601 4—3

Двуногій волкъ. Ром. изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. Каразина. Изд. 2-е, доп. 8-ю нов. ориг. рис. автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ треб. обращ. въ контору журнала „Нива".

Полная опера для пѣнія

ГУГЕНОТЫ,

съ русскимъ и итальянскимъ текстами. П. № 2630

Муз. **МЕЙЕРБЕРА.**

Цѣна 6 руб.

Москва, у П. Юргенсона,

10, Неглинный пр., 10.

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,

СТРОИТЕЛИ

извѣстныхъ премированныхъ конныхъ молотилокъ, приводовъ, вѣялокъ, сортировокъ, плуговъ, боронъ, сѣялокъ, непрерывно дѣйствующихъ сѣнныхъ прессовъ, механическихъ зерносушилокъ, предлагаютъ отъ лучшихъ заграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеворта**—паровыя молотилки съ локомобилями, **Мак-Кормика**, сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грабли Тигеръ, и запасныя части ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москвѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутеновъ. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 1830 25

Иллюстрированные каталоги безплатно.

При этомъ № прилагаются 2 объявленія: 1) для гг. городскихъ и иногороднихъ подписчиковъ отъ Банкирской Конторы Ф. А. Клима въ СПБ. 2) для гг. иногороднихъ подписчиковъ (за исключеніемъ Московскихъ) отъ чайнаго магазина К. Е. Кисилева въ Москвѣ.

Дозвол. цензур., СПБ. 10 іюня 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 20 іюня 1887 г.

Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Лѣтній день. Карт. Блумера, грав. Денист.

Патмосъ.

Повѣсть **В. И. Немировича-Данченко.**

I.

Въ кельѣ у отца Палладія.

Молодой послушникъ, худой и юркій, съ быстрыми и хитрыми глазками, съ жидкою бородкою, поминутно вздрагивавшею отъ нервныхъ движеній губъ, подергивавшихся по временамъ непріятною судорогою, уже караулилъ на лѣстницѣ. Внизу было показались двѣ дамы въ какихъ-то необыкновенныхъ платьяхъ, зеленыхъ съ желтыми разводами, и въ шляпкахъ напоминавшихъ огороды. Такія встрѣчаются еще въ глуши нашихъ хлѣбородныхъ губерній... Послушникъ замахалъ на посѣтительницъ обѣими руками.

— Голубчикъ, братъ Іоаннъ! молились тѣ снизу.

— Сказано вамъ, нельзя. Придетъ, чаю отопьетъ— ну тогда и доложу. Искушеніе съ вами, право.

— Намъ бы только келійку его посмотрѣть и ушли бы...

— И келійку увидите. А то пусти ихъ теперь... Экія неистовыя! Отца Палладія нѣтъ, а я ихъ пущу. Придетъ старецъ и вдругъ экое зрѣлище—женскъ полъ. Ей Богу, право, какія вы невѣроятныя! Христомъ Богомъ прошу васъ уйти въ садъ пока. Ну, что хорошаго—теперь богобоязненный старецъ съ самыми превозвышенными мыслями, и вотъ вы передъ нимъ...

— Да что же мы-то! обидчиво проговорила старшая.

— А то самое. Къ иноку идете, а лимонныя платья надѣли. Нешто въ лимонныхъ платьяхъ къ инокамъ ходятъ? Къ инокамъ благообразно надо.

И онъ замахалъ на нихъ сверху обѣими руками.

— Такъ мы пока въ саду... вздохнула первая.

— И чудесно. Чего право...

Дамы ушли. Послушникъ перекрестился, юркнулъ въ келію, раздулъ самоваръ, поправилъ надъ диваномъ портретъ митрополита Платона, поставилъ на мѣдный пятакъ „монашку“, зажегъ ее и опять выскочилъ на лѣстницу. Внизу послышались шаги—Іоаннъ сбѣжалъ туда и принялъ подъ-руку грузнаго старика-монаха, видимо страдавшаго одышкой.

— Духорадостно-ли отслужили?

И послушникъ сжалъ губы сердечкомъ.

— Слава Богу—пять молебновъ отчиталъ—вотъ какъ. Ужъ и лѣстница у насъ!

— Охъ, крута, искушеніе, лѣсенка-то! Вотъ какъ крута. А отцу-то Гермогену, шепотомъ и оглядываясь заговорилъ онъ,—отцу-то Гермогену лѣсенку поправлять будутъ.

Толстый монахъ остановился уже передъ дверями своей кельи.

— Тебѣ это какая ворона на хвостѣ принесла?

— Самъ слышалъ. Сегодня отецъ игуменъ приказали... Я сейчасъ, простите, отецъ Палладій,—и онъ метнулся ему въ ноги,—ужъ простите, я сейчасъ же ото всего усердія моего и подумалъ: отцу Гермогену поправляютъ, а...

— Ну молчи, Гермогенъ инокъ достойный.

— Оно точно, монахъ святой, хотя лукавый-то округъ инока во-какъ ходитъ.

И послушника опять всего задергало.

— Ты вотъ что, братъ Іоаннъ, ради Христа прошу тебя, какъ и неоднократно просилъ: не скули ты у меня, не волнуйся непристойными мыслями. Мнѣ отъ нихъ ничего, а тебя они какъ бересту на огнѣ коробятъ. Брось, говорю.

Іоаннъ молча поцѣловалъ ему руку.

— Господь съ тобой. Сними-ко съ меня мантію. Самому и рукой шевельнуть трудно. Старъ становлюсь.

— Ужъ что и говорить, то-есть такъ трудитесь, такъ трудитесь! Искушеніе и смотрѣть-то на васъ. Хотя отецъ Гермогенъ и говоритъ...

— Опять ты? строго остановилъ его Палладій и покраснѣлъ даже.

— Не могу умолчать, взвизгнулъ вдругъ послушникъ.—Не могу умолчать!

— Да о чемъ ты умолчать не можешь?

— Ревнуя о правдѣ! Вчера онъ, отецъ Гермогенъ, при казначеѣ говоритъ: „что это отецъ Палладій повадился въ городъ къ купцу Севастѣеву ходить?..“

— Ну, а казначей что? остановился вдругъ Палладій.

— Казначей при семъ безмолвствовалъ.

— Укоризненно безмолвствовалъ?

— Нѣтъ, болѣе съ хитроумными помыслами.

— Хорошо, ступай.

Іоаннъ поцѣловалъ руку старику и пошелъ было къ дверямъ, да вдругъ вспомнилъ что-то.

— Тамъ внизу двѣ богомолицы ждутъ уже часъ.

— Чего имъ?

— Отъ словесъ вкусить желаютъ. Извѣстно, къ вашему утѣшенію—всякій какъ пчела къ цвѣтку летитъ. У другого коварство, а у васъ изъ устъ спасительный глаголъ.

— Ну, завелъ!

— Въ лимонныхъ платьяхъ, дамы значительныя, съ воздыханіемъ закончилъ послушникъ.

— Проси.

Послушникъ сбѣжалъ въ садъ; дамы, сжавъ губки, молча сидѣли на скамейкѣ, не смѣя произнести ни слова.

— Ступайте наверхъ. Отецъ Палладій благословилъ васъ посѣтить его.

— Слава Богу. Ужъ мы думали, недостойны. Позвольте благодарить васъ...

И одна протянула къ послушнику бумажку. Тотъ, къ крайней обидѣ ея, отстранилъ руку въ желтой перчаткѣ.

— Хотите ежели дары воздать—опустите въ кружку, у насъ для сего кружка при выходѣ. А мы, слава Богу, и отъ обители сыты. Имущества же монаху не полагается.

И онъ смиренно опустилъ глаза внизъ.

Дамы сконфузились и начали извиняться.

— Другіе прочіе принимаютъ. Мы думали, вамъ надо. Монаху взять не откуда.

— Объ инокѣ Богъ заботится! Авось не помремъ. А вамъ грѣшно соблазнять. Вы о томъ подумайте, кому въ семъ случаѣ служите—діаволу и кознямъ его.

Отецъ Палладій благообразно сидѣлъ за столомъ, какъ разъ подъ портретомъ митрополита Платона, когда къ нему вошли посѣтительницы. Дамы какъ вошли сейчасъ же и рты разинули. Точно въ туманѣ какомъ-то чмокнули руку монаха, ткнулись объ уголъ подвернувшагося не кстати стола и опустились въ первыя попавшіяся имъ растопыренныя кресла краснаго дерева.

— Наслышаны... начала было одна.

— Насчетъ чего это? спросилъ ихъ монахъ.

— Утѣшеніе въ скорбяхъ, батюшка, подаете и назиданіе относительное какъ жить подобаетъ.

Палладій усмѣхнулся.

— За этимъ-то и идти ко мнѣ незачѣмъ было. О жизни въ Евангеліи найдете сколько вамъ угодно, и выражено все это тамъ лучше, а относительно скорбей... то вѣдь ваши скорби земныя, скоропроходящія. Если жизнь сія—минута предъ вѣчностію, то кую часть минуты займетъ скорбь ваша? сочтите! Думайте о вѣчныхъ скорбяхъ, о страстяхъ Христовыхъ и тотчасъ же боль отъ скорбей вашихъ умалится.

Дамскіе рты раскрылись еще шире. Іоаннъ вошелъ съ подносомъ, на которомъ были орѣхи, рожки и мар-

рю: отецъ твой боленъ... Мой отецъ, говоритъ, боленъ не бываетъ. Мой отецъ—Отецъ Небесный, иного же не пріемлю.

— А не послать его нельзя. Благодѣтелемъ нашимъ былъ. Еще недавно округъ собора рѣшетку новую поставилъ. Поди разсердится еще. Скажетъ, мы сына научили.

— Неправедно будетъ. Сколько разъ я Александра училъ: хотя и живешь ты въ монастырѣ, а отца своего почитай.

— Ну? Чтò же онъ-то?

— Строптивъ! Вамъ бы, отче святой, позвать его къ себѣ и убѣдить.

— Одно остается. Не хотѣлось бы потому, что если онъ станетъ упорствовать, долженъ я буду наказать его. А онъ пожалуй возьметъ да въ другую обитель и толкнется. Вѣдь не монахъ еще—такъ живетъ. Ѳилоѳея, схимника нашего, очень онъ уважаетъ—послать бы его, Александра-то, къ Ѳилоѳею.

— Нужно бы ему дать знать на островъ его.

— Чего лучше. прикажи своему послушнику Іоанну, пускай возьметъ лодку. Вотъ въ письмѣ ко мнѣ—и ему, Александру, отъ отца есть. Пускай свезетъ, а оттуда его захватитъ. Ну, прости, отче. Мнѣ еще дѣла-то много сегодня.

И игуменъ благословилъ монаха.

Отецъ Палладій, широко размахивая руками, шелъ къ себѣ по монастырскому саду. Липы были въ цвѣту. Пчелы роились надъ ними. Красный макъ огоньками вспыхивалъ въ травѣ. Желтыя кисти акацій струили по вѣтру свое тонкое благоуханіе. Вдали искрилось подъ солнцемъ въ золотыхъ бликахъ озеро—и на немъ одинокая сѣрая скала рѣзко обрисовывалась, вся въ трещинахъ и развалинахъ. „Чтò-то теперь нашъ Александръ дѣлаетъ?" воззрился туда монахъ. „Какъ бы онъ и совсѣмъ въ міръ не ушелъ, разъ оставивъ обитель? Дѣло его молодое—искушеній-то кругомъ сколько будетъ. Отецъ умретъ—большія тысячи ему достанутся, а тутъ плясавицы да бѣсорадостницы. Положимъ, онъ духомъ твердъ, но и прелесть мірская сильна! Платье краткое надѣнетъ—чтò хорошаго..."

И вдругъ отецъ Палладій омрачился: прямо навстрѣчу ему шелъ худой и длинный монахъ, весь точно складывавшійся въ своей потертой рясѣ. Жидкая сѣдая бородка его торчала какъ-то въ сторону. Палладій подошелъ къ нему.

— Благослови, отецъ Гермогенъ.

— Недостоинъ... Благослови ты меня.

— Гдѣ же мнѣ благословлять, когда я, по слову твоему, недостойный монахъ есмь. Нехорошо, очень нехорошо! Не по-братски!.. Я понимаю чего тебѣ надо. Очень уже завидно тебѣ, что мнѣ духоводительство надъ Александромъ поручено, такъ не моя вина въ томъ. Проси отца игумена чтобы отдали тебѣ бремя сіе. Но только не клевещи...

Отецъ Гермогенъ сдѣлалъ удивленное лицо и еще пуще задергалъ бородкой.

— Это все тебѣ ящеръ твой переноситъ...

— Не ящеръ, а братъ о Господѣ.

— Лжесвидѣтельствуетъ онъ, вотъ чтò! Только моихъ словъ и было, что хотя ты купца Севастѣева и посѣщаешь, но обители нашей отъ сего ни тепло, ни холодно. Слава тебѣ Господи—семь лабазовъ у него.

— Ну?

— Могъ бы мучки послать.

— Я не для сего бываю у него. Не мое дѣло вымогать дары. Я о душѣ его тружданюсь.

— Ну, чтò душа... А вотъ казначей точно говоритъ, что муки-то у насъ, тово, нынѣ, не ахъ чтобы очень преизбыточественно!

— Не малодушествуй... Нынь какъ на тебя злые помыслы-то возстали, хотѣлъ я было жаловаться на тебя отцу-настоятелю, да старость твою пожалѣлъ.

— Прости, если обидѣлъ.

И Гермогенъ коснулся земли рукою.

— Богъ проститъ... Меня прости! успокоился отецъ Палладій.—Не приличествуетъ намъ, іеромонахамъ, ссору между собою заводить. Какое назиданіе будетъ для братіи? Мы съ тобою аки свѣтильники возженные для нихъ...

И они отдали другъ другу уставной поклонъ.

У дверей къ своей лѣстницѣ отецъ Палладій увидѣлъ все тѣхъ же дамъ.

— Благослови насъ. отче, еще разъ побезпокоить тебя. Хотѣлось бы намъ пустыню вашу посмотрѣть да сказываютъ: туда не пускаютъ.

— Женскій полъ, точно, отметаемъ, улыбнулся онъ.

— Почему же это?

— По уставу. Дабы не возстала на затворниковъ брань естественная.

— Мы бы на минуточку, смутились дамы.

— Невозможно и не просите, а объ родственникѣ вашемъ сообщу вамъ сегодня же. потому отецъ-настоятель сейчасъ же велѣлъ послать за нимъ.

— Его-то повидать мы можемъ?

— Не воспрещено. Подите на пристань, подождите тамъ. Іоаннъ его привезетъ сейчасъ.

И отецъ Палладій поднялся къ себѣ наверхъ.

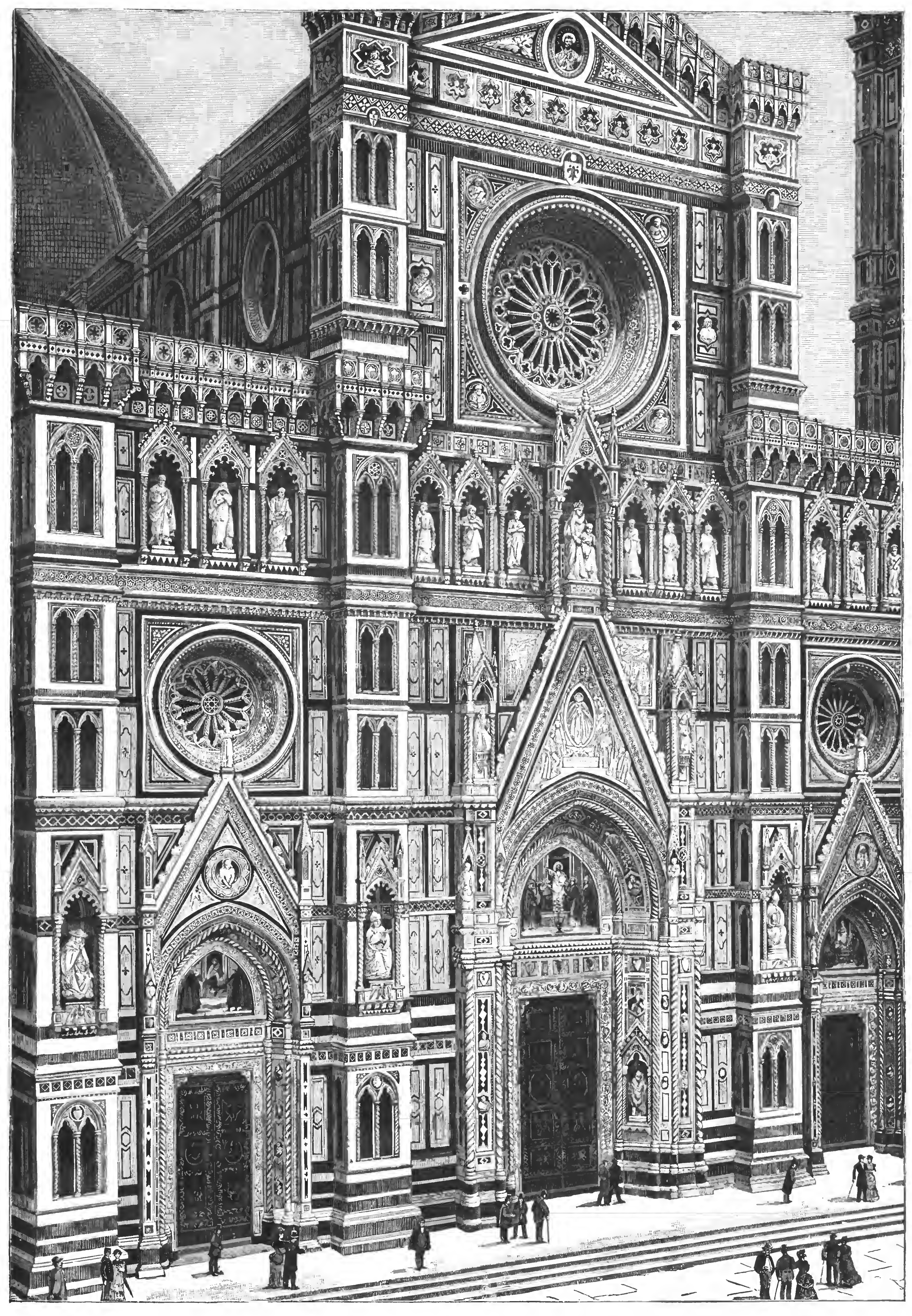
II.

Одинъ на утесѣ.

Сѣрыя волны неутомимо бьются о сѣрыя скалы.

Монастырь—посреди озера на большомъ островѣ. Кругомъ отдѣльные утесы. Камень, вода да небо. Изрѣдка чахлая зелень, что прячется въ щели да трещины, словно испугавшись буйнаго вѣтра, гуляющаго кругомъ на просторѣ. Вотъ и все. Туча набѣжитъ—изорвется о скалы и холодными слезами прольется по ихъ откосамъ. Другая подтянется медленно по сумрачному небу и давай громить гранитныя твердыни яркими молніями. На одну минуту проснутся утесы, негодующимъ гуломъ отвѣтятъ на вызовъ и снова замрутъ, кутаясь въ свои густые туманы. И опять только сѣрыя волны бьются о сѣрыя скалы, словно допрашиваясь у нихъ чего онѣ задумались, когда и онѣ скажутъ свое могучее слово затаившемуся кругомъ простору.

Братъ Александръ медленно подъѣзжалъ къ своему Патмосу. Свиридовъ еще не былъ „Іоанномъ", но разъ монахи назвали его дикія скалы Патмосомъ, пусть такъ и останутся онѣ. Хмурое лицо блѣднаго и некраснаго юноши производило сразу не совсѣмъ пріятное впечатлѣніе. Рѣзкія черты, раннія морщины на лбу и вокругъ глазъ, сухія безкровныя губы, вѣчно сдвинутыя брови. Только глаза, и вдумчивые и печальные въ одно и то же время, большіе, черные, глубоко лежавшіе въ своихъ темныхъ впадинахъ, въ иныя минуты казались въ полномъ смыслѣ слова прекрасными. Жарко ему стало въ лодкѣ—пришлось грести противъ вѣтра и противъ волнъ. Онъ сбросилъ черную и пыльную скуфью, старую, изорванную, съ клочьями ваты торчавшими изъ прорѣхъ, и густые, волнистые волосы разсыпались на его узкія и нѣсколько сдвинутыя впередъ плечи. Впалая грудь, сутуловатая спина и тонкая, вся въ синихъ жилкахъ, шея—не обнаруживали особенно здоровой натуры. Женскія, маленькія руки едва справлялись съ громадными веслами монастырскихъ лодокъ. Доѣхавъ до половины разстоянія, Свиридовъ передохнулъ. Крупныя капли пота выступали на лбу. Чтобы легче упираться ногами о перебойку лодки, онъ сбросилъ съ нихъ сапоги. Лодку стало относить назадъ—надо было опять грести. Сидѣлъ онъ лицомъ къ своему острову и дѣйствовать веслами въ этомъ положеніи было гораздо труднѣе. Но видъ этихъ рѣзко очерченныхъ и изорванныхъ утесовъ возбуждалъ его энер-

Новый фасадъ собора Санта-Марія дель-Фіоре во Флоренціи. Рис. Артуръ Роа, грав. Тревесъ.

меладъ на тарелкѣ, окруженной стаканами съ чаемъ. Подавалъ онъ безмолвно и при этомъ низко кланялся.

— Скорби свои побѣждать надлежитъ!

— Вотъ именно, всполохнулась одна изъ лимонныхъ дамъ и даже покраснѣла,—какъ ихъ побѣждать-то...

— Подвизайтесь въ простотѣ сердца и исполняйте свои обязанности по мѣрѣ силъ.

Монахъ говорилъ медленно, видимо уставъ на службѣ.

— Три врага у человѣка суть: міръ, плоть и дьяволъ. Совладайте съ ними и стяжаете плоды Духа Святаго: любовь, радость и долготерпѣніе.

— А если мужъ — пьяница? какимъ-то надтреснутымъ голосомъ выкрикнула одна.

— Это зависитъ: купецъ онъ или чиновникъ. Чиновнику говорите о начальствѣ, купцу о Богѣ, и оба страхъ возымѣютъ! Чиновника выгонятъ — останется онъ безъ куска хлѣба, а купца тоже не помилуютъ. Господь праведенъ. Онъ прежде будущаго вѣка въ нашей совѣсти воздастъ каждому по дѣламъ его. А главное, если можете, претерпите—кротостью обезоружите всякаго.

— Хорошо это, батюшка, у кого совѣсть есть, а вѣдь иной какой Иродъ-то еще удастся, ничѣмъ ты его не проймешь!

— Уповайте, смятенію не поддавайтесь, а живите благорасположенно, и въ случаѣ непріятности, претерпѣвъ оную—помыслите что Господь самъ въ земной жизни покаралъ васъ за грѣхъ нѣкій, значитъ въ будущей-то грѣхъ этотъ съ васъ снятъ и за вами не числится. Если будемъ мы желать токмо радостей, то пріобрѣтемъ себѣ порокъ.

— Ахъ, Господи, что же я-то окаянная! вспомнила она и полѣзла въ карманъ за чѣмъ-то.—Вѣдь письмо къ вамъ привезла я, отецъ Палладій, да и забыла совсѣмъ, медоточивыя уста у васъ — заслушалась я, грѣшная!..

Монахъ взялъ письмо.

— Отъ кого-бы это?

— Отъ елабужскаго купца Свиридова. Свойственникъ онъ намъ будетъ.

— Знаю-знаю. Сынокъ-то еще у насъ подвизается. Младъ, но духомъ дерзостенъ для ради Бога! Живетъ въ покорности и чистотѣ помысловъ. Хорошій юноша... Братъ Іоаннъ, сбѣгай-ко ты, узнай ушелъ къ себѣ на свой островъ молодой Свиридовъ, либо еще въ обители. Если здѣсь—позови. Скажи письмо отъ родителя имѣю.

Іоаннъ бросился мигомъ къ двери.

— То-есть это такой будетъ монахъ, что мы всѣ предъ нимъ преклонимся. Живетъ на скалѣ—посреди озера, яко Іоаннъ на Патмосѣ, и притомъ одинъ,—это въ семнадцать-то лѣтъ, а?

— Подлинно чудо, батюшка.

— При семъ въ безмолвномъ подвигѣ.

— Какъ-съ?

— Говорю въ безмолвномъ подвигѣ. Созерцаетъ и молчитъ, таинству будущаго вѣка пріобщаясь, Св. Исаакъ Сирскій называетъ молчаніе таинствомъ будущаго вѣка.

— Позвольте, то есть какже это, Сашенька-то нашъ молчитъ все?

— Все молчитъ. Спросишь его—отвѣтствуетъ, а самъ все въ созерцаніи, все въ созерцаніи. Дана ему крѣпость духа необыкновенная. У другого въ эти годы—помраченіе разума. Прелесть бѣсовская дѣйствуетъ.

— То-то онъ насъ не принялъ...

— Да, это точно, дамовъ онъ не любитъ. Сколько любопытствовали, но онъ—нѣтъ! Даже и къ инокинямъ онъ сталъ не интересантенъ. Одна приходила тутъ, съ родству ему—монахиня Фотинія—и ее не принялъ.

— Тетка намъ она будетъ.

— Братъ Александръ къ себѣ на лодочкѣ уже уѣхалъ! доложилъ вернувшійся послушникъ.

— Видите, и на трапезу нашу не остался, все одинъ, все одинъ. Пріѣдетъ—возьметъ книгъ душеполезныхъ, хлѣба, и опять къ себѣ на скалу. Тамъ у него келія маленькая.

— Ладону, масла и свѣчъ онъ взялъ и уѣхалъ, продолжалъ послушникъ.

— До слѣдующаго воскресенья, значитъ.

— Какъ же быть-то, отецъ Палладій? Родитель-то ихній боленъ, пишетъ что передъ смертью желаетъ съ сынкомъ повидаться, и вотъ сестрѣ моей препоручено доставить его въ Елабугу... Проститься значитъ. Крѣпокъ былъ старикъ, но теперь совсѣмъ сгорѣлъ.

— Не поѣдетъ онъ къ нему.

— Какъ не поѣдетъ?

— Такъ. Ему ужъ и братъ писалъ, настоятель призывалъ его къ себѣ, а онъ. Александръ-то, развернулъ ему отъ Матѳія, да и показываетъ: *Иже любитъ отца или матерь свою паче Мене,—нѣсть Меня достоинъ. И иже не пріиметъ креста своего, и въ слѣдъ Мене грядетъ, нѣсть Меня достоинъ*! А жаль, жаль родителя-то. Первый для иноковъ человѣкъ былъ. Чуть что—отъ него и помощь, и заступленіе. И благотворилъ же онъ. Ну, такому и умирать легко. Потому, сказано—*доброхотна бо дателя любитъ Богъ*... А гдѣ сіе сказано? обратился отецъ Палладій къ одной изъ дамъ.

Та вся заволновалась и покраснѣла.

— Вотъ оно-о... Огороды на головѣ носите, сады Семирамидины на шляпкахъ воздвигаете—а посланія къ Коринфянамъ не читали. А вы возьмите, тамъ много для себя найдете душеполезнаго. Романцы поди читать любите?

— Охъ, грѣшна я, отецъ Палладій! грѣшна.

— Ну вотъ и я въ семинаріи-то романцы читалъ...

— Нельзя намъ безъ романовъ-то.

— Почему это.

— Потому, у насъ мужья какіе, сами знаете. Пьяные да звѣроподобные. Ну, возьмемъ романъ, почитаемъ—поплачемъ, оно и отойдетъ.

— А вы обратитесь къ инымъ, обильнѣйшимъ источникамъ слезъ, плачьте ежедневно о грѣхахъ своихъ неутѣшительнымъ плачемъ, и сами увидите...

Но окончить Палладію не удалось—за нимъ прибѣжалъ служка, кинулся ему въ ноги, поцѣловалъ руку.

— Отецъ игуменъ зоветъ васъ... Пожалуйте.

— Ужъ извините, благородныя госпожи, сами видите—старшій требуетъ.

Дамы поднялись.

— Брату Іоанну оставьте вашъ адресокъ-то. я вамъ сообщу что послѣдуетъ по письму сему; какое ему то-есть будетъ разрѣшеніе.

Отецъ Палладій облачился опять въ мантію, принялъ клобукъ изъ рукъ послушника и направился къ настоятелю. Внизу на лѣстницѣ его догналъ Іоаннъ съ посохомъ.

— Объ отцѣ Гермогенѣ пуще всего не забудьте! шепнулъ онъ на ухо Палладію.

— Тебѣ-то что за горе?

— Обидно.

— Ну, иди, иди... Да вселится миръ въ душу твою—ишь и безъ того тебя всего поводитъ!

У отца-настоятеля было письмо въ рукахъ, когда вошелъ къ нему Палладій.

— Садись, садись... Вотъ отъ Свиридова вѣсточку получилъ. Скорбная вѣсточка-то. Умираетъ, пишетъ.

— И мнѣ сегодня двѣ богомолицы привезли таковую же. Старикъ проситъ сына ему послать. Проститься хочетъ.

— Точно мнѣ то же пишетъ. Братъ Александръ подъ твоимъ духовнымъ руководствомъ состоитъ... Вѣдь не поѣдетъ?

— Нѣтъ. Онъ по Евангелію все. Разъ я ему гово-

гію. Онъ не спускалъ съ нихъ взгляда и по мѣрѣ того какъ они росли, лицо его прояснялось, морщины разглаживались, сухія и сжатыя тонкія губы сложились въ такую добрую улыбку, какой нельзя было бы и предположить у него, а глаза стали мягче и лучезарнѣе.

— Наше царство, шепталъ онъ про себя.—Богъ да я—только и есть насъ двое здѣсь. И миръ съ нами! Птица развѣ залетитъ порой, да что ей дѣлать, покричитъ-покричитъ на меня да на камень, и прочь сейчасъ. Точно всѣ прочіе умерли, я одинъ остался... На нѣсколько часовъ уѣдешь въ обитель и то жутко, назадъ тянетъ... Какъ жаждущій елень на источники водные, иду къ тебѣ... Пустыня моя благодатная, молитвенная... „Богъ мое прибѣжище и сила!“ запѣлъ онъ сильнымъ и красивымъ баритономъ. Странно было даже, какъ эта чахлая грудь могла рождать такіе густые и могучіе звуки.

А скалы все росли и росли... Ясно видно уже какъ взмываются и лижутъ ихъ черныя подножія вспѣненныя волны. Вскипется бѣлымъ гребнемъ, всплеснетъ на выступы камня и падаетъ внизъ обезсиленная. А на смѣну ея уже набѣгаетъ новая волна. Гряда за грядою несутся онѣ въ зіяющую пасть широкаго грота и пропадаютъ въ его сумракѣ, только слышно оттуда какой-то грохотъ и шумъ, точно и тамъ продолжается ни на мгновеніе не смолкающій вѣчный бой между водою и камнемъ... Утесы все выше и выше. Словно руины какихъ-то стѣнъ и башенъ на высотѣ. То выступятъ круглою массой, даже черныя щели бойницъ видны, только что зубцы пообвалились; то тянутся длинными зигзагами неровнаго кряжа, будто стояла здѣсь когда-то сползавшая внизъ къ самой водѣ стѣна и рухнула отъ времени. И внизу скалы сложились будто стѣны. Ишь какъ ровно легли ихъ массы, какъ правильно раскололи ихъ поперекъ черныя трещины! Какіе гиганты могли сложить такія чудовищныя сооруженія? Кое-гдѣ точно цементъ вывалился и зіяетъ тамъ темное тѣло треснувшаго утеса. А наверху на нихъ цѣлый хаосъ дикаго камня. Серебряныя пятна лишаевъ на немъ, изрѣдка былинка какая-нибудь, да и ту вѣтеръ треплетъ во всѣ стороны. А вѣтеръ должно быть силенъ здѣсь. Вонъ какъ высоко тянется кайма отъ прибоя волнъ въ бурю. Кажется, вотъ-вотъ доплеснетъ до самыхъ вершинъ, до тѣхъ сумрачныхъ и острыхъ выступовъ камня, о которые рвутся быстро бѣгущія на югъ, къ солнцу и свѣту, темныя тучи.

Чѣмъ ближе къ берегу, тѣмъ сильнѣе колыхали лодку, отбѣгавшія въ безсильной ярости отъ каменныхъ стѣнъ, волны разшумѣвшагося сегодня озера. Теперь ужъ Свиридовъ съ трудомъ справлялся съ ними. Нужно было взять влѣво, чтобы попасть въ узкій входъ между двумя мысами. За нимъ небольшое пространство совершенно покойной воды, заключенной между гранитными отвѣсами. Лѣстница выточена въ нихъ—снизу вверхъ. А тамъ дорожка—къ его одинокой келье...

„Живъ Богъ, жива душа моя!“ И отшельникъ изо всей силы старался дальше забрать веслами воду и, до боли опираясь ногами въ перебойку, двинуть лодку впередъ. Слава Богу, удалось ему. Откатившаяся отъ мыса волна, опять соединясь съ другими набѣгавшими, приподняла тяжелую лодку и даже подкинула ее такъ, что она прямо попала въ проливъ. Тутъ тоже надо было смотрѣть зорко. Изъ-подъ воды торчали мокрые камни; бѣлые всплески, шипѣвшіе на водѣ, говорили о другихъ, находившихся подъ волнами. Въ одномъ мѣстѣ входъ съузился такъ, что Свиридову пришлось живо сложить весла и уже руками опираясь о влажный гранитъ двигаться впередъ. Сзади набѣжала волна, весело перебросилась чрезъ корму и обдала его холодными брызгами. Стѣны здѣсь были низкія—вѣтру не мѣшали. Онъ нежданно налетѣлъ справа, сорвалъ гребень спокойно катившейся другой волны и бросилъ его прямо въ лицо молодому гребцу. Но отсюда было уже очень недалеко. Свиридовъ еще поработалъ съ минуту—и лодка его спокойно, почти нечувствительно скользнула въ неподвижную среди своихъ стѣнъ воду... Все дно этой внутренней бухты было завалено каменьями, упавшими сверху. Влага, совершенно чистая, позволяла видѣть и длинныя волнистыя борозды водорослей, и медлительно передвигавшихся мимо рыбъ, и замутившаго было несчаное дно рака. Водоросли легко колыхались отъ ударовъ веселъ, гнавшихъ легкія борозды по водѣ. Внизу точно вздрагивали отъ этого темные камни... Еще минута и гребецъ сильнымъ ударомъ вдвинулъ носъ лодки въ береговой песокъ, чистый, насквозь пропитанный водой, выдѣлявшейся подъ тяжестью его шаговъ. Тутъ ужъ не было вѣтру—только издали съ озера доносились отголоски волнъ.

Свиридовъ вынулъ изъ лодки мѣшокъ, взялъ свои сапоги на плечи—и, перенеся все это на сухое мѣсто, втащилъ лодку ближе къ себѣ, такъ что острый киль ея совсѣмъ врѣзался въ землю.

— Теперь прочно будетъ.

На сухомъ мѣстѣ обулся. Близко слышался говоръ ключа, сверху просочившагося сквозь каменную жилку; чистая какъ кристаллъ влага тонкою струйкою падала внизъ. Молодой человѣкъ напился и вымылся. Потомъ сталъ на колѣни и перекрестясь поцѣловалъ землю.

— Слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ!

Внизу стоялъ кувшинъ, утромъ еще оставленный имъ. Онъ поднесъ его къ ключу; съ звонкимъ шумомъ вода быстро наполнила его. Бросивъ мѣшокъ на спину и едва удерживая кувшинъ въ рукахъ, онъ сталъ подниматься по выбитой въ скалѣ лѣстницѣ. Изъ-подъ ногъ шурша осыпалися камни. На полу-пути жарко стало ему, потому что солнце било прямо сюда своими слѣпящими лучами. Свиридовъ, отливъ воды изъ кувшина, намочилъ стѣнки его, чтобы сохранить ее холодной, потомъ и самъ сѣлъ около—вздохнуть. Попробовалъ камень—жгло. Видимо накалился. Дышать было тяжело. Отъ скалъ несло сухимъ зноемъ. Вдали теперь было видно все озеро. Сѣрая, когда на нее смотришь вблизи, вода отсюда казалась нѣжно-голубою подъ бѣлесоватыми сѣверными небесами. Волнъ нельзя было различить на ней—но движеніе чувствовалось, точно складками все оно разстилалась подъ влюбленнымъ взглядомъ молодого отшельника. Берега его острова падали вправо и влѣво темными массами, или изубренными выступами. Лиловыя тѣни ложились на скалы. Желтыми пятнами отражались на нихъ лучи. Гуще и синѣе казалась вода подъ утесами. Бѣлая кайма прибоя блестѣла точно серебряная. А тамъ вдали, полувоздушный, будто на мгновеніе прильнувшій къ водѣ, мягко рисуется весь сизый главный островъ. Вотъ-вотъ дунетъ вѣтромъ и отнесетъ его въ сторону съ бѣлыми мачтами его колоколенъ, съ бѣлыми стѣнами и едва замѣтными яблонями сада... Еще дальше—не то тучи, не то берега... Просвѣты между ними, точно сквозь нихъ въ безконечность ложится этотъ движущійся просторъ. Въ одномъ изъ просвѣтовъ солнце горитъ. Взглядъ не выдерживаетъ. Больно смотрѣть туда.

— Хороша моя пустыня! Лучше ея нѣтъ... словно самъ съ собою шепталъ отшельникъ, вставая и опять забрасывая мѣшокъ за спину.

Ступенекъ сто еще сдѣлалъ и прямо уперся во входъ своей кельи.

Келья была такъ же оригинальна, какъ и ея обитатель.

До него жилъ здѣсь схимникъ, одиноко умершій зимою, когда за непогодами и вьюгами изъ монастыря нельзя было навѣдаться на этотъ озерный Патмосъ. Недѣли черезъ двѣ пріѣхали сюда иноки и нашли его—

лежащимъ въ самодѣльномъ гробу, во всей своей схимѣ, со сложенными на-крестъ руками. Глаза покойника были широко открыты и смотрѣли на солнце, лившее свои лучи прямо въ ничѣмъ не заваленный входъ. Свиридовъ поселился здѣсь же. Это была просто-напросто пещера въ скалѣ, глубокая и мрачная. Пообсѣкли для него ея зіявшее отверстіе и сдѣлали двери—вотъ и все. Надъ нимъ, когда онъ сидѣлъ или лежалъ здѣсь, висѣли черныя глыбы скалъ, съ боковъ выступали онѣ такими же рѣзкими очертаніями и углами, точно хотѣли сдвинуться и раздавить юношу. Прежде—въ одной изъ боковыхъ скважинъ сочился ключъ, поившій схимника, но когда погасла его жизнь—изсякъ и ключъ. Монахи увидѣли въ этомъ чудо—чудо видѣлъ въ этомъ и юноша. Онъ вѣрилъ что въ день когда подвигъ его станетъ наконецъ угоденъ Небу—ключъ опять забьетъ изъ совсѣмъ высохшей щели и своимъ немолчнымъ дѣтскимъ лепетомъ оживитъ мертвое молчаніе его кельи. Иной разъ и теперь — камень покрывался влажными пятнами. Свиридову казалось, что скала плачетъ, когда онъ читалъ ей о страданіяхъ Искупителя. Простая деревенская икона Богородицы съ Младенцемъ на рукахъ стояла въ естественной нишѣ противу дверей. Передъ образомъ теплилась лампада, робко выхватывая изъ мрака наивное письмо самоучки-монаха. „Что разсуждать-то", говорилъ простодушный инокъ. „Красивое-то письмо отвлекаетъ мысль, не уйдешь въ молитву-то когда вещественную прелесть созерцаешь." Трепетное сіяніе лампады тутъ и замирало, оно не смѣло касаться угловъ, гдѣ, подъ массами гранита, казалось, еще витали священные и мирные помыслы схимника, не выходившаго двадцать лѣтъ съ этого одинокаго острова. Мысль его жила здѣсь—и она краснорѣчиво говорила душѣ юнаго отшельника о ничтожествѣ міра, объ обманчивой прелести жизни. Здѣсь все было пропитано презрѣніемъ къ ней... Тьма еще болѣе содѣйствовала этому. Когда измученный молитвою Свиридовъ ложился лицомъ кверху на гладкій камень, стѣны пещеры раздвигались и уходили куда-то далеко-далеко. Грядущіе грады въ безконечномъ величіи раскидывались въ пространствѣ. Тихо мигавшая лампадка тоже пропадала куда-то и сюда, въ этотъ мракъ, широко лилися ослѣпительные лучи иного, не здѣшняго свѣта. Носились свѣтлые призраки, голубыя, сквознымъ сіяніемъ проникнутыя, крылья вѣяли въ воздухѣ, переполненномъ ароматами райскихъ цвѣтовъ; чьи-то кроткія, чудныя очи бросали на него взоры полные всепрощающей любви; откуда-то издали, изъ недосягаемой вышины простирались надъ нимъ благословлявшія руки; ухо ловило звуки, рождавшіеся въ благоговѣйной тишинѣ, и словно легкій шелестъ молодой и нѣжной весенней листвы, подъ незамѣтнымъ дыханіемъ зефира, слышались юношѣ невѣдомо какъ приносившіеся глаголы: *„аще кто Мнѣ служитъ, Мнѣ да последуетъ и гдѣ же есмь Азъ—ту и слуга Мой будетъ; и аще кто Мнѣ служитъ, почтитъ его отецъ Мой"*. Весь въ холодѣ разомъ охватившаго его экстаза, юноша бросался опять къ кроткому лику Богородицы — и опять робко свѣтила ему тусклая лампада, и опять тьма изо всѣхъ угловъ слушала его рыданіе и молитвы. Когда молодыя руки требовали работы, когда вѣчное созерцаніе замирало въ немъ — онъ бралъ заступъ и подъ громадною черною глыбой рылъ себѣ яму. Въ ней, въ этой могилѣ, онъ мечталъ умереть такъ же тихо и незамѣтно, какъ и жилъ онъ здѣсь. Эта пещера была его міромъ, онъ останется принадлежащимъ ему и тогда, когда вѣчный духъ, сбросивъ жалкія лохмотья истощеннаго тѣла, унесется въ звѣздную даль, туда откуда къ нему прилетаютъ лазуревыя крылья и доносятся божественные завѣты.

Свиридовъ прочелъ краткую молитву и затѣмъ сталъ разбираться. Вынулъ изъ мѣшка большую бутылку съ деревяннымъ масломъ, долилъ лампадку. Выложилъ пучекъ тоненькихъ свѣчъ желтаго воска, распространившаго здѣсь пріятный ароматъ липовыхъ цвѣтовъ; нѣсколько сухихъ просфоръ поставилъ налѣво въ выбоину; туда же отнесъ цѣльный хлѣбъ, на которомъ монахъ-пекарь сдѣлалъ значокъ мѣломъ. На хлѣбъ бросилъ какую-то сухую рыбу. Порылся еще—пачку книгъ взялъ. Вотъ творенія св. Исаака Сирскаго, вотъ величавая, какъ звукъ колокола уходящій подъ небеса, рѣчь Іоанна Дамаскина; вотъ давно забытыя свѣтомъ путешествія по святымъ мѣстамъ Муравьева. На недѣлю достаточно. Есть чѣмъ наполнить досугъ между молитвами!

Кувшинъ съ водою Свиридовъ поставилъ въ уголъ— и тѣмъ закончилъ свою хлопотню. Скуфью свою повѣсилъ на гвоздь, забитый въ каменную щель, сбросилъ подрясникъ—и остался въ рубахѣ. Жарко ему было, и онъ вышелъ въ дверь. Далекій просторъ безмолвнаго озера, спокойные силуэты его острововъ и береговъ, прохлада уже смѣнявшая полуденный зной и плывшая на него черная точка птицы, повиснувшей въ замѣтно поголубѣвшихъ небесахъ, точно въ воздухѣ мелькавшій парусъ рыболова, навели его опять на привычныя созерцанія... Въ монастырѣ ударили въ колоколъ. Медлительно и важно поплыли густые, полные звуки. „Металлъ и тотъ свидѣтельствуетъ славу Господа!"... блеснуло у него въ головѣ. Бѣлое, все проникнутое свѣтомъ, круглое пышное облако поднялось на горизонтѣ. Голубыя тѣни легли между его клубами.

— Какъ хорошо! тихо проговорилъ юноша и оглянулся. Ему показалось, что все притаилось точно, и небо, и вода, и скалы — притаились и ждутъ. Чего ждутъ? Солнце стало спускаться... Словно звѣзда горитъ куполъ далекаго храма... Его самого не видно, а только искра эта дрожитъ въ воздухѣ. „Если человѣкъ образъ и подобіе Божіе, то природа—тѣнь отъ свѣтоноснаго царства Его. И насколько Богъ выше и прекраснѣе этого подобія, настолько же царство Его чудеснѣе и безконечнѣе тѣни своей"; старая мысль навернулась ему на умъ! Вблизи послышался трепетъ крыльевъ. Весело пронеслась мимо ласточка, около самаго лица Свиридова. Отшельникъ даже замѣтилъ ея маленькую любопытную головку съ черными булавочными шариками глазъ. Еще мгновеніе—и она уже не видна была, и опять посреди безмолвнаго простора притаившагося острова синѣли однѣ волны, да облака все больше и больше надувались, какъ парусъ выроставшій на краю неба и двигавшійся ему навстрѣчу.

Опять поди грозу несетъ? Заглядѣлся туда Свиридовъ и невольно оглянулся на свои скалы. Онѣ такими громадами подымались надъ поверхностью воды, что всякая туча, гдѣ бы она здѣсь ни показалась, не могла миновать ихъ. Утесы точно притягивали къ себѣ туманы и непогоды. Буря гремѣла отсюда, какъ будто бы именно тутъ былъ ея престолъ. Она одѣвала вершины ихъ молніями, и каменная келья юноши казалась тогда заключенною въ самое сердце торжествующаго свою побѣду надъ тишиною и свѣтомъ, рождающагося изъ мглы и уходящаго въ нее же грома. Иногда удары его потрясали нависшія надъ отшельникомъ гранитныя глыбы. Когда Свиридову чудилось, что тысячи чьихъ-то рукъ колеблютъ основы первозданныхъ скалъ, стучатся въ его ветхія двери, неистовымъ дыханіемъ сквозь ихъ щели какіе-то враждебные духи стараются задуть робкую лампадку озаряющую черты Пресвятой Дѣвы; когда злобный хохотъ съ конца въ конецъ проносился въ тучѣ, будто сама туча смѣялась надъ его замиравшею молитвой—юноша вскакивалъ съ камня, вытертаго его колѣнями, и полный вдохновенія, съ Евангеліемъ въ рукахъ, выходилъ изъ кельи. Вѣтеръ рвалъ его прочь со скалы, буря словно прутьями хлестала его дождемъ. густая мгла

Васильки, Ориг. рис. Венига, грав. Ангерерь.

хотѣла задушить его, перехватывая дыханіе, раскаты грома заглушали его голосъ... И когда, оглушенный, избитый о скалы, брошенный бѣшенымъ порывомъ вихря навзничь—юноша видѣлъ огнистую струю молніи врывавшейся въ этотъ хаосъ, онъ опять вскакивалъ въ священномъ восторгѣ.

— Пламенные мечи ангеловъ!.. Пламенные мечи ангеловъ!..

Ему казалось, что изъ недосягаемой высоты безчисленные ангелы слетаются сюда поразить князя власти воздушныя. И гроза, истощенная и обезсиленная, смирялась. Разрѣшившіяся дождевыя тучи медленно сползали прочь, громъ замиралъ, только внизу вспѣненное озеро билось о скалы, еще потрясая ихъ гранитные стержни, да неугомонившійся вѣтеръ гналъ куда-то со свѣту его крутыя волны.

„Воскресъ Господь и расточились врази его!“ пѣлъ юноша и простирался ницъ передъ иконой. Невредимымъ возвращался онъ изъ самыхъ нѣдръ грозы. Такъ жилъ онъ здѣсь въ мірѣ созерцанія, уходя въ него до того, что скоро мірская жизнь отошла отъ него и стала чѣмъ-то чужимъ, далекимъ, фантастическимъ. Зимою особенно жутко чувствовалось отшельнику. Дни были коротки. Свѣтъ скудный и тусклый побѣждала густая, влажная тьма. Тучи низко ползли по непроглядному небу... И часто, когда юноша просыпался ночью, ему слышалось, что его келью отовсюду обступили враждебные духи. Гулъ ихъ голосовъ носился надъ пещерою, чьи-то могучія руки пробовали сорвать его двери—но онъ никогда не забывалъ перекрестить ихъ и крестъ хранилъ отшельника. Часто духи, рождавшіеся въ высотѣ или врывавшіеся въ нее—застигали его когда онъ одиноко обходилъ свой островъ. Они вились тогда вокругъ юноши, шептали ему, выли, съ дикимъ визгомъ отлетали прочь, чтобы тотчасъ же ринуться на него и растоптать его подъ собою. Вѣтеръ, взметывая снѣгъ, вмѣстѣ съ нимъ подымалъ какіе-то бѣлые призраки. Призраки росли и росли, а полы ихъ длинныхъ савановъ, бѣлыхъ какъ и они, еще тянулись по землѣ. Призраки съ болѣзненными стонами кидались ему подъ ноги, хлестали его по лицу своими влажными рукавами, и когда онъ останавливался, поминая имъ имя Всемогущаго, они падали кругомъ безсильными снѣговыми хлопьями. До сихъ поръ онъ выходилъ побѣдителемъ. И ему казалось, что подвигъ его дѣлается уже угоденъ Богу, что онъ уже невидимо присутствуетъ въ немъ, что вѣра его наконецъ достигла того предѣла, когда она если не движетъ еще горами, то повелѣваетъ бурей... И хорошо, и дивно хорошо ему было въ этомъ мірѣ, и не тянуло его никуда. Настолько не тянуло, что когда онъ разъ въ недѣлю пріѣзжалъ въ монастырь, ему все тамъ казалось и чуждо, и пусто, и дико; назиданія его духовнаго наставника отца Палладія, которыя онъ выслушивалъ со смиреніемъ, были блѣдны и тусклы въ сравненіи съ тѣмъ что̀ говорили ему голоса его гранитнаго острова. Любопытство и похвалы монаховъ одинаково раздражали его—точно въ нихъ онъ искалъ удовлетворенія жажды духовной, внутренно палившей его своимъ огнемъ. Новости, передававшіяся ему такими же послушниками, поселяли смущеніе въ душѣ его, низвергали его съ вершинъ въ низменный, жалкій и будничный міръ. И онъ торопился скорѣе уйти къ себѣ на свою скалу, скорѣе распроститься со всѣми, опустивъ глаза дослушивалъ пересуды и назиданія, чтобы не обидѣть никого, и только сѣвъ въ лодку и оттолкнувшись весломъ отъ каменной пристани монастыря, вздыхалъ съ облегченіемъ. Какъ туманъ застилавшій дали, весь этотъ міръ отходилъ отъ него прочь, и по мѣрѣ того какъ передъ нимъ росли дикіе утесы его острова, душа его опять раскрывалась молитвѣ и вдохновенію — цвѣткомъ, распускающимъ свои благоуханные лепестки навстрѣчу теплымъ и ласковымъ лучамъ солнца.

(До слѣд. №).

Странныя письма.

(Отъ воскресшихъ родителей).

Разсказъ **К. Бороздина.**

I.

Во времена Воронцовскія, въ самомъ началѣ пятидесятыхъ годовъ, когда война съ кавказскими горцами была еще во всемъ разгарѣ, въ крѣпости Воздвиженской, штабъ-квартирѣ Куринскаго полка, основанной въ 1844 г., общимъ любимцемъ былъ маіоръ Петръ Васильевичъ Кононко. Лѣтъ двадцать слишкомъ тому назадъ поступилъ онъ юношей въ этотъ полкъ, долго тянулъ юнкерскую лямку, проваливаясь на офицерскихъ экзаменахъ въ Таганрогѣ, добился наконецъ прапорщика, послѣ чего сталъ довольно быстро подвигаться дальше въ оберъ-офицерскихъ чинахъ, командовалъ ротой, совершалъ съ нею чудеса храбрости, достигъ до маіора и тутъ застрялъ. Давно уже сидѣлъ въ этомъ чинѣ Кононко, но это ровно никого не безпокоило; самъ онъ не былъ снѣдаемъ червячкомъ честолюбія, а сослуживцамъ его рѣшительно было все равно, въ какомъ бы онъ чинѣ ни состоялъ: всѣ они, отъ солдата до полковаго командира, знали отлично, что сдѣлай Петра Васильевича хоть фельдмаршаломъ, онъ ни на іоту не измѣнится и останется все тѣмъ же невозмутимымъ, единственнымъ въ своемъ родѣ.

Уроженецъ Полтавской губерніи, съ отъѣздомъ оттуда, порвалъ онъ съ нею всѣ связи. Матушка его скончалась въ пору самаго ранняго его дѣтства; съ отцомъ разстался онъ лѣтъ шестнадцати и вскорѣ послѣ отъѣзда его изъ дому тотъ умеръ; дядя, братъ матери, продалъ, по желанію племянника, отцовскій хуторъ съ пасѣкой, выслалъ три-четыре тысячи, а затѣмъ, лѣтъ пять спустя, и самъ умеръ, оставивъ свой хуторъ побочному потомству. Такимъ образомъ у Петра Васильевича все покончилось съ Полтавой, онъ давнымъ-давно уже предалъ ее полному забвенію, а на Кавказѣ составился у него совершенно новый, собственный мірокъ, полный самаго живаго для него интереса.

Тутъ, въ первой порѣ юности, когда горячо еще кипѣла его кровь, въ дѣлахъ съ горцами надо было завоевать ему добрую репутацію между равными себѣ нижними чинами, а это легко не давалось, требовалась, что̀ называется, работа на чистоту, безъ обмана. Лежать ли въ передовой цѣпи, въ секретѣ, проходить ли подъ градомъ непріятельскихъ пуль или же стоять вкопаннымъ (поклоны и присѣданья не полагались), бросаться ли на штурмъ завала—всю эту нелегкую школу онъ прошелъ въ совершенствѣ.

Когда на оберъ-офицерскихъ эполетахъ его уже сидѣли четыре звѣздочки, Лизанькѣ, дочери подполковника Власенко, исполнилось 18 лѣтъ. Вдова-подполковница, съ небольшимъ пенсіономъ, осталась жить въ домѣ покойнаго мужа, и, ради его памяти, ей помогалъ весь полкъ. Лизанька была дочерью полка, она родилась въ немъ, всѣ носили ее на рукахъ, баловали, холили, и въ восемнадцать лѣтъ изъ нея вышла прелестная блондиночка, миніатюрная, веселая, живая и остроумная. Петръ Васильевичъ былъ вхожъ къ подполковницѣ, Лизанька не на шутку зацѣпила его бирюзовыми глазками. Довольно долго пробовалъ онъ отдѣлаться отъ ихъ очарованія и кончилъ тѣмъ, что, получивъ роту, женился.

Прошли три года самаго счастливаго супружества. Жили вмѣстѣ съ тещей, въ ея домѣ; она была женщина кроткая, ладила съ невзыскательнымъ зятемъ. Но на четвертый годъ, когда все обѣщало еще большее въ этомъ уголкѣ счастье, съ прибавленіемъ семейства, Лизанька не перенесла первыхъ родовъ, и ея не стало. Ребенокъ родился хилый, протянулъ нѣсколько дней и тоже скончался, а къ этимъ двумъ могиламъ, года черезъ два, вдовецъ присоединилъ и могилу тещи.

Этотъ эпизодъ въ жизни Петра Васильевича навсегда оставилъ слѣдъ въ простой, безхитростной душѣ его. Онъ не сдѣлался ни мизантропомъ, ни разочарованнымъ, ни озлобленнымъ, но какъ-то совершенно спокойно ушелъ въ самого себя, еще усерднѣе отдался службѣ, еще внимательнѣе сталъ къ другимъ. Все это совершилось безо всякихъ аффектацій, тихо, просто, и случилось какъ-то такъ, что въ штабъ-квартирѣ черезъ нѣкоторое время Кононко всѣмъ сдѣлался необходимъ, въ особенности когда произвели его въ маіоры и у него оказалось много досуга.

Домикъ Петра Васильевича (перешедшій отъ тещи), очень просторный для одинокаго, обставленъ былъ полнымъ хозяйствомъ. Два денщика—Гаврилюкъ, лѣтъ пятнадцать неотлучно находившійся при немъ, и Прохоровъ, взятый уже въ чинѣ

маіора, были вѣрными его помощниками. Собственно хозяиномъ всего былъ Гаврилюкъ: маіора онъ зналъ насквозь, изучилъ всѣ его мельчайшія привычки, вслѣдствіе чего думалъ даже за него, и зналъ что̀ надо было дѣлать; великолѣпно стряпалъ, и въ особенности родныя свои галушки и вареники; по время отъ времени, раза два-три въ годъ, сильно урѣзывалъ и въ эти моменты дѣлался необыкновенно буенъ, что̀ тотчасъ же пресѣкалось отправленіемъ его въ роту къ фельдфебелю. Тамъ слѣдовало исцѣленіе и, дня черезъ три, онъ опять входилъ въ свои обязанности, съ бо̀льшимъ еще усердіемъ.

Главная спеціальность Прохорова состояла въ уходѣ за верховыми лошадьми, которыхъ имѣлось двѣ: кабардинецъ „Темрюкъ" и чеченецъ „Булатъ", при нихъ состоялъ и бородатый козелъ „Мишка". Команда эта понимала каждое слово Прохорова: онъ съ ней разговаривалъ какъ съ людьми и питалъ къ ней такую дружбу, что однажды, когда маіоръ чуть было не склонился на предложеніе одного офицера уступить ему Булата, на обмѣнъ другой лошади съ хорошею придачею, Прохоровъ рыдалъ и валялся въ ногахъ, чтобы того не отдавали. Маіоръ сначала разсердился, прогналъ его, но когда увидалъ, что тотъ прощается съ Булатомъ и причитаетъ какъ баба, ужасно расхохотался и приказалъ оставить лошадь, сказавъ при этомъ все-таки Прохорову „дурака". Кромѣ этой команды у того же денщика была и другая, изъ куръ, утокъ, индѣекъ и индюковъ, послѣднихъ онъ особенно любилъ, не смотря на то, что они доставляли ему страшно много хлопотъ и возни своимъ частымъ исчезновеніемъ. Каждый Божій день рыскалъ онъ по штабъ-квартирѣ, отыскивая бѣглецовъ. и непремѣнно гдѣ нибудь, а больше всего на дворѣ у докторши или полкового священника, гдѣ водилась такая же птица, ловилъ ихъ и тащилъ во-свояси.

По самымъ оригинальнымъ субъектомъ въ этомъ царствѣ животныхъ являлся огромный сѣрый котъ Васька, извѣстный во всей штабъ-квартирѣ мародеръ. Прожорливый и до крайности вороватый, онъ не давалъ спуску ничему, что̀ плохо лежало, и разгуливалъ по Воздвиженской, какъ по своему владѣнію; увидавъ въ окошко какой-нибудь кухни курицу или кусокъ мяса, совсѣмъ уже готовые для жаркого, онъ стягивалъ ихъ съ быстротою молніи и исчезалъ. Всѣ повара знали его и, поймавъ съ поличнымъ, варварски расправлялись. Оба уха давно уже были у него оторваны, а кто-то, очень уже свирѣпый, отхватилъ ему большимъ поварскимъ ножомъ хвостъ, и въ этомъ облегченномъ видѣ и со своими крайне плутовскими глазами, Васька имѣлъ самую уморительную физіономію. Послѣ постигшихъ его ампутацій, онъ возвращался на исцѣленіе домой, гдѣ Прохоровъ на досугѣ училъ его служить на заднихъ лапахъ, прыгать черезъ палку, ловить на огромной высотѣ куски мяса и т. п. Васька былъ его клоуномъ.

Около домика маіора красовался садикъ, разведенный еще его тещей, а за нимъ тянулся огородъ, на которомъ, среди всевозможныхъ овощей, виднѣлись подсолнечники и причудливыя тыквы. Садикомъ и огородомъ занимались всѣ сообща, не выключая и самого маіора, любившаго подчасъ рыться въ землѣ.

Обставленный такъ домовито, маіоръ былъ радушнымъ хозяиномъ и очень любилъ потчивать гостей своими наливками изъ облѣпихи, ежевики и вишневыхъ косточекъ. Ихъ научила его изготовлять покойная теща. Подъ навѣсомъ, въ садикѣ, Гаврилюкъ ставилъ обыкновенно на столъ огромное блюдо съ варениками или галушками, два-три застольника быстро ихъ уписывали, затѣмъ появлялось нѣсколько другихъ перемѣнъ того же блюда и за каждой слѣдовали наливки. Послѣ такого присѣста всѣ расходились по домамъ на боковую и высыпались на славу.

Маіоръ не былъ и домосѣдомъ, часто посѣщалъ знакомыхъ, больше же всего любилъ дамское общество: оно было для него необходимымъ элементомъ. Никого не удивляло, когда, проходя мимо дома докторши, видѣли въ окно маіора, сидящаго противъ нея съ моткомъ нитокъ, которыя та разматывала, или поливающаго цвѣты на террасѣ у молодой жены баталіоннаго командира. Дочку попадьи, двѣнадцатилѣтнюю Соню, онъ училъ ариѳметикѣ; всѣ знакомыя ему дѣти считали его своимъ лучшимъ другомъ, а Катерина Васильевна, жена полкового командира, не могла жить безъ маіора и заваливала его массой всякаго рода порученій. Съ ней приходилось ему ѣздить по лавкамъ, таскать за нею узелки, лечить ея попугая отъ какого-то нароста на языкѣ, копировать черезъ восковую бумагу узоры, словомъ исполнять тысячу разныхъ разностей, которыя Катерина Васильевна придумывала ежечасно, по необыкновенной подвижности своего характера.

И глядя на Петра Васильевича, при усердномъ исполненіи имъ такихъ разнообразныхъ функцій, измышляемыхъ дамскою прихотью, никому и въ голову не могло придти, что въ немъ кроется тотъ самый закаленный кавказскій герой-солдатъ, которому всякій черкесскій завалъ былъ нипочемъ, и что Петръ Васильевичъ, какъ левъ, не одинъ разъ врѣзывался со своею ротою въ самую средину непріятельскаго скопища и косилъ его направо и налѣво.

Барыни особенно любили маіора за то, что онъ сору изъ избы не выносилъ: ему можно было говорить все, все рѣшительно и отводить съ нимъ душу; самъ онъ говорилъ мало, никогда не дѣлалъ вопросовъ, ничего не выпытывалъ. Наружность его была очень обыкновенная: сухощавый, средняго роста, съ небольшой лысиной, съ длинными, висящими внизъ усами и добрыми карими глазами. Съ трубкой не разставался онъ никогда, и на пуговицѣ его сюртука висѣлъ небольшой чубучокъ съ кисетомъ, даже когда шелъ онъ и въ гости. Дамы давно уже простили ему эту вольность.

Полковой командиръ высоко цѣнилъ Петра Васильевича, считая его однимъ изъ первыхъ кандидатовъ на батальонъ, и давалъ ему время отъ времени порученія, требующія большого довѣрія. Такъ, еще годъ тому назадъ, случилась въ полку исторія весьма щекотливаго свойства, въ которой полковникъ обратился къ безгласному содѣйствію маіора и не ошибся въ томъ. Прапорщикъ П. сдѣлалъ доносъ на своего ротнаго командира въ томъ, что тотъ растратилъ артельную сумму, рублей четыреста. Ротный командиръ былъ прекрасный, въ полномъ смыслѣ боевой офицеръ, да, къ сожалѣнію, велъ игру; губить такого человѣка было все-таки нельзя, и полковникъ, прежде чѣмъ отдать приказъ о ревизіи у него ротныхъ суммъ, призвалъ Петра Васильевича, вручилъ ему четыреста рублей и просилъ, подъ величайшимъ секретомъ, передать капитану отъ своего имени. Такимъ образомъ, честь боевого офицера была спасена, никто никогда не узналъ, что у него дѣйствительно недоставало артельной солдатской суммы, а также и способа ея возмѣщенія; маіоръ конечно не выдалъ тайны.

Повторяемъ, Петръ Васильевичъ былъ общимъ любимцемъ. Самъ же маіоръ ближе всего сошелся съ прибывшимъ два года тому назадъ въ Воздвиженскую, разжалованнымъ за дуэль Александромъ Ивановичемъ Полигоновымъ. Этотъ человѣкъ крѣпко полюбился маіору удивительною выдержкою, съ которою переносилъ свое несчастье. Исторія дуэли двухъ гвардейскихъ ротмистровъ, эскадронныхъ командировъ, находившихся на лучшемъ счету у великаго князя Михаила Павловича и лично извѣстныхъ государю. огласилась тогда громко и проникла далеко за предѣлы столичные; оба были разжалованы въ рядовые, а изъ нихъ, Полигоновъ, въ Куринскій полкъ. Причиной дуэли было столкновеніе служебное, ни одинъ не захотѣлъ уступить другому, дошло до крупнаго объясненія, сказаны были другъ другу лишнія слова. Полигоновъ, тяжело раненый, пролежалъ мѣсяца три и, оправившись, уѣхалъ рядовымъ въ Воздвиженскую, а прибывъ сюда рано утромъ, пошелъ съ пакетомъ прямо къ полковому командиру.

Вѣстовой, чистившій полковничье платье, увидавъ передъ собою такого же рядового, какъ и онъ самъ, объявилъ ему, что полковникъ еще спитъ, надо ждать.

— А ты вотъ что, любезный, сказалъ онъ Полигонову,—положи-ка пакетъ на столъ, да почисти сапоги.

Полигоновъ безъ возраженія исполнилъ желаніе вѣстового и принялся за сапогъ.

— Э, братъ, да ты мастеръ чистить! замѣтилъ вѣстовой,—постой-ка, я тебѣ принесу еще!

И притащилъ цѣлый ворохъ.

Всѣ ихъ перечистилъ Александръ Ивановичъ, когда послышался звонокъ проснувшагося полковника; вѣстовой пошелъ его одѣвать и захватилъ съ собою пакетъ, принесенный рядовымъ. Велико было удивленіе солдата, когда онъ увидѣлъ, что полковникъ, прочитавъ бумагу, сильно заторопился, одѣлся мигомъ, приказалъ позвать рядового въ кабинетъ, а когда тотъ вошелъ и отрапортовалъ о себѣ, схватилъ его за обѣ руки, усадилъ противъ себя на кресло и велѣлъ подавать чай.

— Вишь ты, какую птицу заставилъ я сапоги-то чистить, пробормоталъ про себя солдатикъ,—а чиститъ важно!

Разжалованные за дуэли большею частію пользовались общимъ сочувствіемъ на Кавказѣ и отъ нихъ самихъ зависѣло поставить себя такъ, чтобы положеніе ихъ не замедлило улучшаться. Александръ Ивановичъ просилъ полкового командира, не дѣлая для него никакихъ послабленій въ службѣ, не лишать его лишь случая къ отличію. Случай не замедлилъ представиться въ теченіе перваго же года, и Полигоновъ, побывавъ въ дѣлахъ съ горцами, пріобрѣлъ уваженіе полка.

Пользуясь разрѣшеніемъ жить въ отдѣльномъ домикѣ, человѣкъ состоятельный, онъ нарочно обставился совсѣмъ скромно, чтобы никого не шокировать, тратился только на книги и газеты, которыхъ выписывалъ много, и всѣмъ, кто только просилъ его, давалъ ихъ съ охотою. Знакомства его всѣ искали. Дамы очень имъ интересовались. Вѣжливый и любезный, онъ однако дальше этого сближенія ни съ кѣмъ не шелъ и только спустя нѣкоторое время, когда осмотрѣлся, исключеніе сдѣлалъ для маіора. Этотъ простой человѣкъ очень ему понравился.

Рѣдкій день послѣ служебныхъ занятій они не заходили другъ къ другу. Каждый изъ нихъ интересовался міромъ другого, совершенно ему незнакомымъ. Кавказъ и война съ горцами интересовали Полигонова; Петербургъ и вообще Россія—Копопку. Выѣхать съ Кавказа маіору казалось немыслимымъ, такъ было тогда это мудрено, и тѣмъ охотнѣе слушалъ онъ Александра Ивановича и читалъ его книжки; читалъ не спѣша, медленно, не все сразу понималъ, требовалъ разъясненій и былъ чрезвычайно доволенъ, что петербургскому его пріятелю понравились его галушки и наливки. Не зная самъ

Побережье Нарвской губы. Съ карт. Мещерскаго, грав. М. Рашевскій.

Весенняя выставка въ Имп. Акад. Худ. Бой подъ Зарабулакомъ. Съ карт. Н. Каразина, грав. Флюгель.

себѣ цѣны, маіоръ чувствовалъ надъ собою превосходство Александра Ивановича во всемъ, что касалось дѣлъ житейскихъ; а тотъ понималъ вполнѣ всю прелесть наивности стараго кавказца, простого сердцемъ, какъ дитя, и представляющаго собою страшную силу въ строю, въ дѣлѣ съ непріятелемъ. Тамъ Конопко дѣйствительно являлся мастеромъ первой руки, не придавая ни малѣйшаго тому значенія за предѣлами боевой сферы.

Впрочемъ, рисоваться никому и въ голову не приходило въ такомъ тѣсномъ кружкѣ, какъ Воздвиженская крѣпость, гдѣ всѣ знали другъ друга, какъ свои пять пальцевъ; тутъ никого и ничѣмъ нельзя было удивить по части боевого дѣла, составлявшаго, такъ сказать, стихію штабъ-квартирной жизни. Въ этой жизни все было свое собственное, исключительное: рѣчь въ ней не выходила изъ круга мѣстныхъ интересовъ и постоянно шла о горцахъ, о прошлыхъ и будущихъ экспедиціяхъ, о производствѣ и о начальствѣ. Какъ въ какой нибудь монастырь, сюда рѣдко вторгались извнѣ явленія ему не сродныя, не имѣющія ничего съ нимъ общаго, нарушавшія заурядное теченіе его жизни.

И вотъ, какъ нарочно, съ такимъ типичнымъ дѣтищемъ Воздвиженской, каковымъ былъ маіоръ Конопко, разыгралась прекурьезная исторія, именно вслѣдствіе совершенно случайнаго вторженія сюда одного изъ такихъ внѣшнихъ явленій.

II.

Однажды, когда вѣстовой, красный какъ ракъ, поставилъ передъ маіоромъ и Александромъ Ивановичемъ дымящееся блюдо вареников, полѣзъ онъ затѣмъ въ карманъ и вытащилъ оттуда письмо маіору.

— Кажу, принесъ сейчасъ штабный писарь, прибавилъ Гаврилюкъ,—почта пришла.

Маіоръ ни съ кѣмъ въ мірѣ не находился въ перепискѣ и потому письмо чрезвычайно его удивило; прежде чѣмъ его распечатывать, онъ оглядѣлъ его со всѣхъ сторонъ. Адресъ гласилъ явственно: „Его В—ію Петру Васильевичу Конопко, на Кавказъ, въ крѣпость Воздвиженскую, штабъ-квартиру Куринскаго полка, г. маіору“.

На печати значились двѣ вензелевыя буквы В. К., сбоку штемпель „Ромны“.

Маіоръ пожалъ плечами, распечаталъ и сталъ читать. Почеркъ оказался чрезвычайно неразборчивымъ, съ одной стороны крупный, а съ другой мелкій. Долго, долго онъ читалъ, ничего не понялъ и снова сталъ перечитывать.

— Да, что это вы такъ углубились, Петръ Васильевичъ, вареники совсѣмъ простыли, сказалъ Александръ Ивановичъ.

— Какіе тутъ вареники, я объ нихъ и позабылъ; чортъ знаетъ что я получилъ... понять не могу; да вотъ на-те прочитайте, вы скорѣе меня разберете!..

Полигоновъ взялъ и началъ читать громко:

„Стыдно тебѣ, братецъ Петръ Васильевичъ, поступать такъ съ отцомъ и матерью, и не упроси меня твоя мать, я ни за что бы не взялся за перо, чтобы писать къ человѣку, у котораго нѣтъ никакихъ чувствъ и потеряна совѣсть. Вчера исполнилось ровно шесть мѣсяцевъ, что ты, уѣхавъ отсюда, писалъ къ намъ изъ города Георгіевска, а послѣ того ты предалъ насъ забвенію. Грѣшно, братецъ, и, повторяю, махнулъ бы на тебя рукой, если бы не твоя мать. Посмотрѣлъ бы ты, какъ она извелась, еле душа въ тѣлѣ, ночи не спитъ, все тоскуетъ по недостойномъ своемъ чадѣ, коего подъ сердцемъ выносила. Безсовѣстный! Чтобъ узнать, гдѣ ты находишься, написалъ я въ Тифлисъ, наудачу, господину начальнику штаба и, получивъ оттуда черезъ два мѣсяца твой адресъ, по немъ и пишу къ тебѣ. Опомнись, Петръ Васильевичъ, пощади мать-то свою, напиши къ ней тотчасъ же, а то убьешь ее. Отецъ твой Василій Конопко“.

Остальная часть письма была мелкаго почерка и съ трудомъ разбиралась.

„Милый дружокъ мой „Петрусь“, значилось тамъ, „что съ тобою, мое серденько, отпиши поскорѣе. За что ты на насъ сердишься, неужели все за эту вѣтрогонку: она давно ужъ тебя позабыла и только морочила, ей не ты былъ нуженъ, а твои карбованцы. Не могъ же отецъ благословить тебя на такой бракъ. Видѣли ее на послѣдней ярмаркѣ съ какимъ-то гусаромъ, а матушка ея все за ней таскается,—говорятъ, уже обручены. Выкинь ты эту соблазнительницу изъ головы, не хотѣла выходить за тебя прежде чѣмъ отецъ тебя не выдѣлитъ, не можетъ-де жить съ нами, стариками, подъ одной крышей. Ей-ей, не ты былъ ей нуженъ, а твои карбованцы. Прости меня, душа моя, что говорю тебѣ правду; отецъ крутъ, да вѣдь онъ тебѣ отецъ и, любя тебя, не согласился на твое несчастіе. Въ письмѣ изъ Георгіевска ты говоришь, что дорога страшная, ѣхалъ ты одинъ, да опять же, кто же мѣшалъ тебѣ взять съ собою любого изъ дворовыхъ, сколько я о томъ тебя просила, отецъ тоже говорилъ—не послушался. Охъ! Петрусь, Петрусь, какой ты у меня нравный, когда ты угомонишься; въ ноябрѣ исполнится тебѣ двадцать девять лѣтъ. Прости, серденько, свою глупую мать, ты вѣдь у ней вся жизнь“.

— А ваши родители живы? спросилъ Александръ Ивановичъ.

— Да матушки я и не помню: скончалась, когда мнѣ было всего четыре года, а батюшка—лѣтъ двадцать тому назадъ!

— Стало быть у васъ на Кавказѣ есть двойникъ по имени, отчеству и фамиліи; писано письмо къ нему и заслано къ вамъ по ошибкѣ.

— Какъ же исправить ошибку?

— Очень просто. На конвертѣ значится штемпель „Ромны“, туда и посылайте обратно, объяснивъ въ своей записочкѣ, что адресъ не вѣренъ и надо просить у штаба новой справки.

— Такъ-то такъ, да бѣда въ томъ, что писать я не мастеръ.

— Этому горю я помогу, Петръ Васильевичъ, сказалъ смѣясь Полигоновъ,—напишу: вѣдь ни моего, ни вашего почерка они не знаютъ, а потому все равно кто-бы ни писалъ.

Маіоръ пожалъ руку пріятелю и затѣмъ принялись они за вареники.

На другой день посланъ былъ изъ крѣпости Воздвиженской страховой пакетъ въ городъ „Ромны“, въ немъ вложено письмо, засланное по ошибкѣ, и при немъ записка.

Продѣлавъ это, маіоръ даже усталъ, дѣло было совсѣмъ ему непривычное и, покончивъ его, онъ полагалъ, что корреспонденція съ Ромнами навсегда прекратится; но онъ заблуждался.

Ровно черезъ недѣлю Гаврилюкъ подалъ ему другое письмо, штемпель былъ тотъ-же, только другой почеркъ адреса.

Дѣло происходило еще довольно рано утромъ, у маіора никого не было, съ письмомъ не распечатаннымъ побѣжалъ онъ къ Александру Ивановичу. Тотъ со свѣтомъ ушелъ по дрова со взводомъ и долженъ былъ вернуться только вечеромъ. Маіоръ вернулся домой не въ духѣ, и не смотря на то, что вѣстовой отъ Катерины Васильевны приходилъ его звать (соблазнъ былъ большой: онъ зналъ, что сегодня полковница варитъ варенье), приказалъ ей сказать, что занятъ сегодня весь день службой и придетъ завтра. Цѣлый день сидѣлъ дома, ходилъ смотрѣть лошадей, гулялъ.

Промыкался маіоръ цѣлый день, послѣ обѣда таки вохрапнулъ, но, проснувшись, наткнулся на первую же мысль о письмѣ, лежащемъ возлѣ него на столикѣ.

„Вотъ угораздило ихъ одолѣвать меня этими посланіями“, подумалъ онъ и почувствовалъ себя снова не въ своей тарелкѣ.

Когда уже совсѣмъ смерклось, пришелъ наконецъ Александръ Ивановичъ; Петръ Васильевичъ молча показалъ ему новое письмо.

— Опять? Вотъ потѣха! А вы ждали меня, даже не распечатали. Ну, давайте читать, только прикажите подать чаю и тамъ чего нибудь еще, я очень голоденъ.

Маіоръ распорядился, а пока ставили самоваръ, принялись за чтеніе. Письмо начиналось женскимъ, очень отчетливымъ почеркомъ.

„Дорогой Piегге, я дала слово мамá къ тебѣ писать и спѣшу его исполнить. Она такъ о тебѣ грустить, что я за нее боюсь, въ послѣднее время совсѣмъ посѣдѣла, все молится и гадаетъ на картахъ. Ради Бога, Piегге, кончи это свое надуванье,—увѣряю тебя, что ты неправъ, а правы старики. Она не стоитъ тебя, я сама ее видѣла въ ротондѣ съ гусаромъ Несецкимъ, у котораго буквально повисла на рукѣ. Всѣ говорятъ, что было уже обрученіе и свадьбу сыграютъ послѣ Филиповокъ. А если она тебя любитъ, можно ли было ставить такое глупое условіе: „выдѣлись отъ отца и тогда я твоя“. При твоемъ умѣ и ты не понялъ ее! Какъ вы всѣ мужчины просты (не сердись на меня) и совсѣмъ теряетесь съ кокеткой, а она страшная кокетка. Да одинъ разъ какъ все между вами было уже покончено, не понимаю, зачѣмъ ты опять начинаешь о ней думать и писать. Письмо твое изъ Георгіевска все наполнено ею и упреками старикамъ, будто-бы разстроившимъ твое счастье. Бога ради, Piегге, напиши къ нимъ поласковѣе. Отецъ крѣпится и показываетъ видъ, что тебя знать не хочетъ, а самъ совершенно осунулся. Долго думали, какъ узнать твой адресъ на Кавказѣ, научилъ докторъ—онъ вѣдь тамъ служилъ—да большого труда стоило заставить папу писать туда. Сестра твоя Маруся“.

Затѣмъ слѣдовалъ мужской почеркъ:

„Ты что это, Петруха, продѣлываешь, изволишь будировать и проявился ты въ крѣпости какой-то Воздвиженской? Никогда о такой не слыхалъ. Чудакъ просто и больше ничего. А посмотрѣлъ бы ты съ какимъ мы полемъ вернулись вчерашній день: Яхненко, Лаптевъ и я. Восемнадцать русаковъ, двѣ лисицы, да Терентій на одно ружье взялъ восемь тетеревовъ. И отъ сихъ прекрасныхъ мѣстъ забрался ты на гибельный Кавказъ, и вдобавокъ шесть мѣсяцевъ ни гу-гу. Хорошъ, нечего сказать! Да плюнь ты, братецъ, на всю эту чепуху, какого рожна нужно тебѣ тамъ, въ этой невѣдомой крѣпости; выходи въ отставку и скорѣе пріѣзжай сюда. Ужъ очень жаль мнѣ глядѣть на Татьяну Осдоровну, совсѣмъ извелась бѣдная старуха, пощади ее. Вы съ Васильемъ Андреевичемъ сшитесь больше всего изъ амбиціи, а она бѣдная все на себѣ выноситъ. Непремѣнно-же пиши, Петруха! Крѣпко тебя обнимаю. Сердечно любящій тебя Михаилъ Гречко.“

Покончивъ чтеніе, Александръ Ивановичъ замѣтилъ на лицѣ маіора особенно грустное выраженіе.

— Что же тутъ долго думать, Петръ Васильевичъ? сказалъ онъ,—надо то же сдѣлать, что и съ первымъ письмомъ, т. е. завтра же отослать тѣмъ же порядкомъ г-ну Гречко.

— Все это такъ, Александръ Ивановичъ, и конечно пошло, но меня ужасно смущаетъ одно: зачѣмъ, спрашивается, посвящаюсь я волей-неволей въ такіе семейные секреты, которыхъ никто изъ пишущихъ и не думалъ мнѣ сообщать. Мое-то положеніе выходитъ ужасно непріятнымъ и глупымъ. Откуда, право, такая напасть! Ну, ихъ!

Выходило, дѣйствительно, что-то странное; но и на этотъ разъ Полигоновъ успокоилъ маіора увѣреніемъ, что это письмо послѣднее, и за нимъ все покончится. При помощи наливки изъ вишневыхъ косточекъ ему удалось наконецъ разговорить хозяина и заставить его посмѣяться надъ всею этою непрошенною корреспонденціею, а на другой день новое страховое письмо въ Ромны пошло своимъ порядкомъ.

Но финалъ былъ еще не близокъ и оказался довольно неожиданнымъ.

въ слѣд. №).

Къ рисункамъ.

Лѣтній день. (Рис. на стр. 613).

По полю, полю чистому
По бархатнымъ лужкамъ,
Течетъ струится рѣченька
Къ безвѣстнымъ бережкамъ.
Взойдетъ гроза, пройдетъ гроза—
Всегда свѣтла она.
Отъ бури лишь поморщится,
Не зная что́ волна.
И рощи, и дубравушки
По бережку растутъ;
Кусты цвѣтовъ лазоревыхъ,
Любуясь въ ней цвѣтутъ.
А рѣчка извивается,
По травушкѣ скользитъ,
То въ ямкѣ потеряется,
То снова заблеститъ.

Н. Цыгановъ.

Это прелестное стихотвореніе нынѣ почти забытаго поэта двадцатыхъ годовъ какъ нельзя лучше передастъ обстановку прилагаемаго пейзажа.

Освященіе соборнаго фасада во Флоренціи.

(Рис. на стр. 616 и 617).

Красавица-Флоренція провела май нынѣшняго года посреди непрерывныхъ празднествъ, почти напоминавшихъ эпоху флорентійскаго блеска, когда цвѣтущая столица Медичей была средоточіемъ духовной жизни и возрожденія искусствъ въ XV вѣкѣ. Главнымъ поводомъ этихъ празднествъ, начавшихся уже 4 мая (н. с.) были назначенное на 12 мая торжественное освященіе только что оконченнаго соборнаго фасада, а на 11 мая празднованіе пятисотой годовщины дня рожденія Донателло, великаго флорентійскаго скульптора и литейщика, память котораго чествовали открытіемъ его бюста и выставки, названной по его имени. Рядъ празднествъ состоялъ изъ турнировъ, конгрессовъ, выставокъ, исторической процессіи, скачекъ, стрѣльбы на призы, гребныхъ гонокъ на рѣкѣ Арно, баловъ, концертовъ, фейерверковъ и тому подобныхъ увеселеній всякаго рода, закончившихся лишь 19 (7) мая.

Окончаніе фасада громадной соборной церкви Санта-Маріа-дель-Фіоре было въ теченіе столѣтій завѣтнымъ желаніемъ не только Флоренціи, но и всей Италіи, почему послѣдняя и приняла восторженное участіе въ его освященіи. Великолѣпный соборъ этотъ представляетъ не только несравненный памятникъ искусства, но и свидѣтельство о быломъ величіи и славѣ Флоренціи. Планъ этого зданія былъ составленъ въ 1294 году, когда Флорентійскій сенатъ рѣшилъ: на мѣстѣ обветшалаго храма Св. Репараты воздвигнуть величественный соборъ съ богатыми украшеніями. Въ томъ же году послѣдовала закладка зданія, и постройки начались подъ руководствомъ и по проектамъ флорентійскаго зодчаго Арнольфо ди-Камбіо. Колоссальный двойной куполъ возведенъ былъ полтора вѣка спустя архитекторомъ Франческо Брунеллески, а принадлежащая къ собору, но отдѣльно отъ него стоящая четвероугольная колокольня (il campanile), одно изъ красивѣйшихъ зданій города, въ 84 метра высоты, начата въ 1334 году самимъ Джотто, по смерти же его окончена его послѣдователями Гадди и Фіораванте (1387). Джотто хотѣлъ также, вмѣсто прежняго составленнаго архитекторомъ Камбіо фасада, казавшагося ему слишкомъ простымъ и недостаточно соотвѣтственнымъ величію собора, воздвигнуть новый, который и былъ возведенъ до самыхъ порталовъ включительно, но въ 1588 снова былъ сломанъ неоконченнымъ, такъ какъ, съ одной стороны, еще не сговорились на счетъ его исполненія, а съ другой стороны, въ тѣ смутныя времена было не до того.

Лишь новѣйшее время, при политическихъ переворотахъ въ Италіи и порожденной ими національной гордости, дало возможность приступить къ окончательному осуществленію проекта, составленнаго гражданами Флоренціи эпохи Возрожденія. Въ 1860 году король Викторъ Эммануилъ заложилъ первый камень новаго фасада, но не смотря на конкурсныя приглашенія о присылкѣ проектовъ, долго не могли придти къ соглашенію, выбирая наиболѣе подходящій стиль, пока наконецъ остановились на проектѣ флорентійскаго архитектора де-Фабриса. Де-Фабрисъ не дожилъ однако до завершенія своего дѣла; по смерти его, въ 1883 году, постройку довелъ до конца архитекторъ Луиджи дель-Моро.

Торжественному освященію 12 мая благопріятствовалъ ясный весенній денекъ. Всѣ зданія на площади вокругъ собора были разукрашены флагами и цвѣточными гирляндами; дамы и молодыя дѣвушки толпились на всѣхъ балконахъ и у оконъ. Съ самаго ранняго утра окрестныя улицы, ведущія къ собору, наполнились толпами зрителей, за двойными и тройными шпалерами войскъ. На предназначенномъ для приглашенныхъ мѣстѣ предъ соборомъ, прислоненная къ баптистеріи (крещальной часовнѣ) Св. Іоанна, возвышалась украшенная цвѣтами трибуна, на которой въ центрѣ были поставлены три позолоченныя кресла подъ бархатнымъ балдахиномъ для королевской фамиліи. Ровно въ 10 часовъ звуки королевскаго гимна возвѣстили о прибытіи ихъ величествъ, короля и королевы Италіянскихъ, съ наслѣднымъ принцемъ, а также двора, дипломатическаго корпуса и блестящаго общества иностранныхъ гостей. Весь этотъ кортежъ занялъ мѣста на трибунѣ, посреди восторженныхъ кликовъ и рукоплесканій толпы. Обмѣнявшись нѣсколькими словами съ бургомистромъ, маркизомъ Торриджани, королева съ улыбкой прижала электрическую пуговку поданнаго ей маркизомъ футляра, и завѣса, скрывавшая фасадъ собора, начала, при громѣ пушекъ, звонѣ колоколовъ, звукахъ музыки и радостныхъ кликахъ толпы, медленно падать, между тѣмъ какъ изъ верхнихъ оконъ колокольни, по направленію четырехъ странъ свѣта, полетѣли сотни почтовыхъ голубей, дабы повѣстить всей Италіи о завершеніи великолѣпнаго произведенія искусства. Впечатлѣніе произведенное соборомъ было выше всякаго описанія. Прежде всего открылся фронтонъ, вѣнчающій среднюю часть главнаго храма, затѣмъ показалась украшенная цвѣтными камнями оконная розетка средняго яруса и бѣло-красный фризъ съ изваяніями двѣнадцати апостоловъ; далѣе балдахинная ниша, въ которой помѣщается Мадонна съ божественнымъ Младенцемъ и золотымъ цвѣткомъ въ рукѣ; наконецъ и всѣ три портала, высокіе фронтоны коихъ украшены мозаичными образами. На главномъ порталѣ видны гербы домовъ Савойскаго и Лотарингскаго, а также и Папскаго престола, помѣщенные рядомъ. Когда фасадъ открылся во всемъ своемъ величіи, толпа привѣтствовала его восторженными кликами, которые замолкли тогда только, когда архіепископъ, окруженный священниками и діаконами, несшими обвитый пальмами серебряный крестъ, появился подъ главнымъ порталомъ и приступилъ къ освященію фасада. Онъ троекратно прошелъ взадъ и впередъ предъ фасадомъ собора, окропляя его Св. водою. Послѣ полудня въ соборѣ, освѣщенномъ тысячами свѣчей, происходило торжественное молебствіе, при которомъ присутствовала и королевская фамилія.

На нашемъ рисункѣ изображена и часть знаменитой колокольни (*campanile*), видимая справа за фасадомъ.

Васильки. (Рис. на стр. 621).

Стала наливаться рожь, позолотились ея колосья и по низу въ частой сѣти стеблей всюду выглядываютъ ярко-синіе вѣнчики любимыхъ горожанами цвѣтковъ... Крестьянскія дѣвочки спѣшатъ набирать ихъ, неумѣло вяжутъ въ самодѣльные букетцы и затѣмъ по всѣмъ дорогамъ на дачи, а иногда и на улицахъ столицы предлагаютъ желающимъ: „Васильки, васильки, купите, баринъ, васильковъ!“ Оригинальный рисунокъ Венига, переданный facsimile г. Ангеромъ, изображаетъ одну изъ этихъ маленькихъ продавщицъ, бѣлокурое дитя Сѣвера, съ золотистыми какъ колосъ волнами волосъ, съ синими какъ василекъ глазами...

Побережье Нарвской губы. (Рис. на стр. 624).

Нарвская губа, часть Финскаго залива на рубежѣ губерній Эстляндской и Петербургской, посрединѣ имѣетъ глубину до 25 саженъ, но у береговъ, какъ и весь Финскій заливъ на южной сторонѣ, благодаря множеству отмелей, такъ маловодна, что даже коровы рѣшаются въ жаркій день забираться довольно далеко отъ берега. У самаго устья впадающей въ нее рѣки Наровы образовалась песчаная отмель или баръ, до шестисотъ саженъ ширины, а глубиною въ 7—9 футовъ. Здѣсь же начинается береговое возвышеніе Финскаго залива до Балтійскаго порта. Хвойные лѣса сосенъ и елей живописно обрамляютъ бѣловатое зеркало водъ, придавая задумчивую прелесть скудному сѣверному пейзажу, превосходно передаваемому въ мастерскомъ рисункѣ г. Мещерскаго.

Бой подъ Зарабулакомъ. (Рис. на стр. 625).

Какъ извѣстно, большая часть отечественныхъ войнъ, напр.

кампаніи 1812 и слѣдующихъ годовъ противъ Наполеона, Крымская и другія, увѣковѣчены рядами картинъ, наполняющихъ многія залы Зимняго и другихъ дворцовъ. Лишь эпизоды завоеванія Туркестана до сихъ поръ не вошли въ эту историческую галлерею. Въ послѣднее время Государю Императору благоугодно было, въ воспоминаніе цѣлаго ряда доблестныхъ подвиговъ нашихъ туркестанскихъ войскъ, поручить художнику Н. Н. Каразину (сотруднику нашему) исполненіе цѣлаго ряда колоссальныхъ картинъ, какъ бы живописной исторіи завоеванія Туркестана. Картина „Бой подъ Зарабулакомъ"— это первое произведеніе художника изъ этой серіи. Въ мастерской Каразина уже близки къ окончанію еще двѣ картины: „Самаркандъ" и „Бой подъ Махромомъ".

Читатели „Нивы" слишкомъ хорошо знакомы съ блестящимъ талантомъ нашего сотрудника для того чтобы намъ нужно было распространяться о достоинствахъ какъ прилагаемой картины, такъ и тѣхъ, которыя еще не вышли изъ его мастерскихъ. Поэтому переходимъ прямо къ содержанію послѣдняго его произведенія, занимавшаго одно изъ первыхъ мѣстъ на минувшей весенней выставкѣ въ Императорской Академіи Художествъ.

1868 года 2 іюня, нашъ небольшой отрядъ, подъ начальствомъ генералъ-адъютанта Константина Петровича Кауфмана І-го, тогдашняго генералъ-губернатора Туркестанскаго края, атаковалъ сильную позицію бухарцевъ, предводимыхъ лично самимъ эмиромъ — и разбилъ непріятельскую армію на голову. Побѣда наша была болѣе чѣмъ полная. Армія врага была буквально уничтожена и остатки ея разсѣяны по голодной степи, гдѣ нашли смерть отъ недостатка воды и пищи.

Отрядъ нашъ состоялъ всего изъ 17-ти ротъ, при соотвѣтствующей артиллеріи и 7 сотняхъ казаковъ.

Этимъ боемъ былъ оконченъ такъ-называемый Заравшанскій походъ, ознаменованный многими боевыми эпизодами, а главное— знаменитою восьмидневною защитой Самаркандской цитадели, гдѣ всего 600 человѣкъ русскаго гарнизона были атакованы и осаждены болѣе чѣмъ сорока тысячами возставшихъ китайкипчаковъ и войсками горныхъ бековъ—Китаба и Шегрисябза.

Результатомъ Зарабулакскаго боя былъ почетный миръ съ Бухарой, по которому мы стали обладателями богатой Заравшанской области, съ городами Самаркандомъ и Катты-Курганомъ—и все Бухарское ханство признало свою зависимость отъ Россіи навѣки.

Моментъ боя, изображенный въ картинѣ, выбранъ тотъ, когда, ровно въ полдень, пятый батальонъ туркестанцевъ, подъ начальствомъ маіора Гриппенберга и капитановъ Каразина и Степанова, атакуетъ въ штыки центръ бухарской позиціи—холмы, защищаемые гвардіею эмира и лучшими его регулярными войсками. Картина представляетъ начало паники, охватившей бухарскую пѣхоту, начало безпорядочнаго, рокового бѣгства. Непріятельская кавалерія пыталась было обойти атакующихъ и ударить имъ въ тылъ, но залпъ одной изъ ротъ и во-время появившаяся на второмъ холмѣ артиллерія парализовали эту попытку.

Маленькій бездѣльникъ. (Рис. на этой стр.).

Веселыя игры котятъ, ихъ забавные прыжки и граціозныя позы составляютъ неисчерпаемый источникъ наслажденія любителей, дѣтей и художниковъ. Чуть у маленькихъ Васинекъ или Машинекъ открылись глазенки, котята ужь выползаютъ изъ своего укромнаго уголка и любопытно всматриваются во все двигающееся, шевелящееся, катящееся или прыгающее; не прошло нѣсколько дней, они уже сами гонятся за интригующимъ ихъ предметомъ и ловятъ его—это первое пробужденіе инстинкта охоты за мышами. Любимою игрушкой въ этомъ раннемъ возрастѣ котятамъ служитъ подвижной хвостъ матери, а потомъ и собственный, пока они не убѣдятся, что кусать его не совсѣмъ выгодно. Но вотъ котенокъ подростаетъ, игры принимаютъ уже не столь безобидный характеръ: онъ добирается до рабочей корзинки съ чулкомъ—клубокъ шерсти покатился по полу и въ тотъ же мигъ попалъ въ лапы шалуна... Время призвать его къ порядку!..

Маленькій бездѣльникъ. Съ карт. Ю. Адама, грав. Шпехтъ.

Малороссійскія сцены. (Рис. на стр. 629).

Въ небольшомъ рисункѣ художникъ даетъ намъ полную картину сельскаго быта Малороссіи. Вотъ передъ нами пашутъ плугомъ на волахъ (соха неизвѣстна на Украйнѣ); одинъ изъ пахарей выпрягъ воловъ, утомленныхъ полдневнымъ зноемъ, и самъ присѣлъ подкрѣпить свои силы добрымъ *шматкомъ* (ломтикомъ) хлѣба съ саломъ; вдали другой еще ведетъ свою борозду, понукая своихъ круторогихъ помощниковъ. Вотъ *дивчина* и *молодиця* въ плахтахъ и *намистяхъ* (ожерельяхъ) отдыхаютъ въ тѣни густаго вишенника; первая изъ нихъ, быть-можетъ завидная невѣста на хуторѣ, кокетливо убрала себѣ голову душистыми *васильками* (не нашими васильками) и другими цвѣтами, въ ожиданіи головнаго убора замужнихъ жен-

Малороссійскія сцены. Ориг. рис. Юмудскаго, грав. Ольшевскій.

щинъ. Вотъ и самый хуторокъ причудливо раскинулся по-надъ *ставомъ* (прудомъ) или рѣчкой съ осѣненными темною зеленью пирамидальныхъ *тополей* берегами и гуляющей по нимъ *дѣтворой* (дѣтьми). Вотъ двѣ домовитыя хозяйки, занятыя каждая своимъ дѣломъ, одна возлѣ *хаты*, другая на пруду за полосканьемъ бѣлья... Наконецъ, въ центрѣ картины—сельскій или уѣздно-городской базаръ (что почти одно и то же) въ полномъ разгарѣ его, нельзя сказать кипучей дѣятельности, а скорѣе лѣниво отбываемой повинности, со стереотипною (все рѣже встрѣчаемою въ дѣйствительности) фигурой слѣпаго *кобзаря* (пѣвца) на первомъ планѣ, ведомаго дѣвочкою-подросткомъ... И надо всѣмъ этимъ ясное небо Украйны.

Землетрясеніе въ городѣ Вѣрномъ. (Рис. на стр. 632).

„Городъ Вѣрный болѣе не существуетъ", такъ извѣщаетъ насъ телеграмма степнаго генералъ-губернатора о послѣдствіи страшнаго землетрясенія, которому подвергся городъ 28 мая, въ 5 ч. утра. Страшные подземные удары, продолжавшіеся съ перерывами до 1 іюня, разрушили всѣ каменныя зданія, подъ развалинами которыхъ погибло, какъ полагаютъ, до 120 челов. Такимъ образомъ отъ города, основаннаго 19 лѣтъ тому назадъ у подошвы вѣчно-снѣговыхъ горъ Ала-Тау, на голой степи, но въ плодородной мѣстности, съ прекраснымъ и здоровымъ климатомъ, остались однѣ груды камней. Этотъ городъ, строившійся съ самаго начала по плану, съ прямыми, широкими, взаимно перпендикулярными улицами, съ двумя рядами тополей по обѣимъ сторонамъ (что было обязательно для домовладѣльцевъ), былъ однимъ изъ лучшихъ, если не первымъ, изъ городовъ Средней Азіи. Въ эти 19 лѣтъ Вѣрный росъ не по годамъ, а по днямъ: уже на первыхъ порахъ здѣсь основалъ свое мѣстопребываніе епископъ, а въ 1876 году были открыты мужская и женская гимназіи, стала развиваться промышленность и въ послѣднее время считалось до 24 заводовъ, какъ-то: лѣсопильные, пивные, винокуренные, спичечные, кожевенные, мыловаренные, кирпичные и т. п. Особенное вниманіе обратилъ степной генералъ-губернаторъ, Г. А. Колпаковскій, на облѣсеніе края, для чего развелъ садъ въ 30,000 деревьевъ фруктовыхъ; при садѣ устроилъ училище садоводства на 25 человѣкъ, разрѣшилъ снабжать землевладѣльцевъ фруктовыми деревьями. Заботы его увѣнчались тѣмъ, что въ городѣ стало изобиліе фруктовъ, при баснословной дешевизнѣ какъ этихъ послѣднихъ, такъ и вообще съѣстныхъ припасовъ. И вотъ этотъ-то городъ, тонувшій въ зелени садовъ, съ 18,000 жителей (не считая войскъ), изъ которыхъ по меньшей мѣрѣ было ²/₃ русскихъ, сталъ жертвою землетрясенія; каменныя зданія всѣ разрушены (до 1800), осталось лишь незначительное число деревянныхъ.

Приложенные виды даютъ понятіе о городѣ Вѣрномъ. Густая аллея тополей представляетъ одну изъ улицъ города (прототипъ остальныхъ), именно—Проспектъ генерала Колпаковскаго. Здѣсь, по лѣвую сторону, въ самомъ началѣ аллеи, въ просвѣтѣ между стволами пирамидальныхъ, серебристыхъ тополей, отчасти видны лавки гостинаго двора; нѣсколько далѣе вы видите три широкихъ просвѣта съ обѣихъ сторонъ—это идутъ улицы, какъ уже сказано, перпендикулярныя къ проспекту. По правую сторону проспекта идетъ такой же гостиный рядъ, который однако не виденъ за деревьями. Затѣмъ, вдали, по правую же сторону, виденъ уголъ зданія гимназіи, фасадъ которой представленъ на другомъ рисункѣ. Еще далѣе, въ концѣ этой аллеи, которая простирается до самыхъ горъ, отстоящихъ отъ города на 2—3 версты, видны и самыя горы, весьма величественныя, съ вѣчными снѣгами. При подошвѣ ихъ растутъ къ дикомъ видѣ яблоки, шептала, малина, ежевика и другія ягоды, а наверху горъ—огромныя ели.

Второй видъ, какъ уже сказано, представляетъ гимназію и губернаторскій домъ, фасадъ которыхъ выходитъ на улицу перпендикулярную къ проспекту. Первыя три зданія, соединенныя между собою стеклянными галлереями, принадлежатъ гимназіи (уголъ которой виденъ и на проспектѣ). Губернаторскій же домъ лежитъ по лѣвую сторону проспекта и его на проспектѣ не видно. Предъ гимназіей и губернаторскимъ домомъ раскинуты сады, которыхъ не видать на рисункахъ, потому что фотографическіе снимки были сдѣланы 3 года назадъ, еще въ то время, когда копали только ямы. Въ настоящее время эти сады, по всей вѣроятности, очень тѣнисты, ибо деревья были сажены вершка 1½—2 въ діаметрѣ, и деревья тамъ растутъ быстро.

Пожаръ Комической Оперы въ Парижѣ.

(Рис. на стр. 633).

Сгорѣвшій недавно театръ Комической Оперы, построенный въ 1780 году для итальянской драматической труппы, горѣлъ уже разъ, въ 1838 году; но тогда пожаръ случился не во время представленія, а потому погибъ только директоръ труппы, г. Северини, и то по своей оплошности. Потерявъ голову, онъ бросился въ окно на улицу и при паденіи сломалъ себѣ спинной хребетъ; остальные артисты, жившіе въ театрѣ, успѣли выйти, не подвергаясь никакой опасности. Зала театра была возобновлена въ 1840 году, но при этомъ не было принято никакихъ новыхъ мѣръ для безопасности отъ пожара. Театръ, какъ и раньше, примыкалъ заднею стороной сцены къ частному строенію, что мѣшало устройству въ достаточномъ числѣ выходовъ для театральнаго персонала.

За двѣ недѣли до несчастія, въ палатѣ депутатовъ поднятъ былъ вопросъ о неудовлетворительномъ состояніи театра Комической Оперы въ пожарномъ отношеніи. Было рѣшено купить частный домъ, примыкавшій къ театру и безотлагательно принять мѣры къ устройству новыхъ выходовъ; но событія предупредили эту мѣру...

25 мая, около девяти часовъ вечера, во время представленія *Миньоны*, среди дуэта Мергилье съ г. Сулакруа, на сцену упало нѣсколько искръ, отъ загорѣвшейся декораціи; но артисты поспѣшили успокоить взволновавшуюся публику. Опасность казалась не велика, и публика балкона и партера успѣла разойтись спокойно, даже получивъ обратно свое верхнее платье.

Между тѣмъ, куски горѣвшей декораціи продолжали летѣть на сцену и когда тамъ же обрушилась люстра, среди публики и участвующихъ началась паника. Сильнѣйшей степени она достигла въ верхнихъ ярусахъ, гдѣ публика тѣснилась и давила другъ друга въ узкихъ корридорахъ. Артисты, фигуранты, танцовщицы, въ театральныхъ костюмахъ и полуодѣтые, бѣжали изъ театра, тѣснясь у выходовъ; другіе толпились у оконъ и на балконахъ, моля о помощи. Изъ толпы на улицѣ успокоивали ихъ, прося подождать, такъ какъ сейчасъ-де принесутъ лѣстницы. Г-нъ Гильо, начальникъ полицейской части, собравъ горсть храбрецовъ, проникъ въ фойе и ложи артистовъ, вынося оттуда лишившихся чувствъ и полузадохшихся танцовщицъ и фигурантовъ.

Въ 9 ч. 20 м. являются пожарные съ ручнымъ насосомъ и лѣстницами; толпа у театра встрѣчаетъ ихъ аплодисментами. Начинается вытаскиваніе изъ оконъ и балконовъ одного за другимъ, потерявшихъ послѣднюю надежду на спасеніе, зрителей. Одинъ изъ несчастныхъ, не дождавшись лѣстницы, перелѣзаетъ черезъ перила балкона и бросается на площадь. Другой, повидимому рабочій, срывается съ карниза, за который онъ цѣплялся, и также разбивается о мостовую.

Струя воды изъ пожарныхъ насосовъ достигаетъ только до середины фасада. На площади ставятъ лѣстницы, и пожарные, взобравшись на нихъ, поливаютъ крышу, откуда вырывается столбъ пламени.

Въ 9 ч. 35 м. раздается сигнальный рожокъ, призывающій пожарныхъ и полицейскихъ покинуть залу. Опасность слишкомъ велика.

Пожарные выбѣгаютъ со всѣхъ сторонъ, вынося безчувственныя и полуобуглившіяся тѣла зрителей. Надо было присутствовать на пожарѣ, чтобы видѣть всю неустрашимость и безграничное самоотверженіе парижскихъ пожарныхъ.

Вскорѣ прибыли войска и оцѣпили площадь, сдерживая напоръ толпы, стремившейся изо всѣхъ примыкающихъ улицъ къ мѣсту пожара. На площади остались только городскія власти, полиція и репортеры нѣкоторыхъ газетъ. Боялись взрыва газа; но въ 10 часовъ вечера было объявлено, что опасность съ этой стороны миновала, такъ какъ притокъ газа къ театральнымъ трубамъ былъ прекращенъ. Къ 10½ часамъ зрѣлище принимаетъ характеръ грандіозной феэріи. Крыша, со страшнымъ грохотомъ, обрушивается внутрь залы. Огромный столбъ пламени вырывается изъ оконъ верхнихъ ярусовъ театра. Это загорѣлись театральные склады. Розовые, зеленые и голубые огни примѣшиваются къ пламени, точно бенгальскіе огни вокругъ главной картины фейерверка. Площадь Боэльдье представляетъ огромную грязную лужу, по которой, по щиколку въ водѣ, снуютъ пожарные.

Въ 11 часовъ раздается новый страшный трескъ—обваливается остальная часть крыши. Струя воды, выбрасываемая насосами, отскакиваетъ отъ оконъ террасы, будучи не въ силахъ пробить ихъ, и обливаетъ стоящихъ внизу пожарныхъ и зрителей.

— Бейте окна каменьями! кричатъ со всѣхъ сторонъ.

По окнамъ даютъ нѣсколько выстрѣловъ изъ револьвера, но безъ результата. Наконецъ пожарные разбиваютъ ихъ каменьями. Сквозь разбитыя окна террасы виднѣется внутренность залы, стѣны которой лижетъ пламя, начавшее уже терять свою силу.

Первый актъ пожара оконченъ.

Дымъ становится рѣже и слышится удушливый запахъ обгорѣвшаго человѣческаго тѣла. Глухой шумъ обваливающихся частей зданій смѣшивается съ крикомъ и говоромъ толпы. Въ часъ ночи префектъ полиціи, со своимъ помощникомъ и нѣкоторыми другими лицами, проникаетъ въ обгорѣвшее зданіе, въ надеждѣ спасти еще нѣсколько жертвъ пламени. Но ихъ попытка безполезна. Спасти кого бы то ни было уже не было возможности.

Только на слѣдующій день можно было судить о размѣрахъ бѣдствія. Вся внутренность театра обгорѣла, но стѣны сохранились, не смотря на силу огня. Къ счастью, удалось отстоять близъ стоящіе дома. Площадь представляла зловѣщій видъ: куски одежды, женскія шляпки, обуглившіяся балки и т. д. Носилки съ трупами, закрытыми холстомъ съ синими и бѣлыми полосами, мелькаютъ на площади, окруженныя полиціею и публикой, которая старается разсмотрѣть какъ-нибудь лица несчастныхъ.

Пожарные продолжаютъ вытаскивать обгорѣлые трупы, кото-

рые относятся на полицейскіе посты. Большинство труповъ—женщины, большею частью тучныя, которымъ труднѣе было спастись. Мужчины, какъ и женщины, также преимущественно тучнаго сложенія. Нѣкоторыя тѣла обуглились до полной неузнаваемости. Одну изъ танцовщицъ узнали только по сохранившемуся кусочку трико съ вышитымъ на немъ именемъ; другихъ—по браслетамъ и драгоцѣнностямъ. Трупы, признанные родственниками, завертываютъ въ саванъ, кладутъ въ гробъ, на которомъ надписываютъ имя, возрастъ и мѣсто жительства и, по желанію родственниковъ, относятъ или на квартиру, или въ госпиталь Hôtel-Dieu.

Прилагаемый рисунокъ представляетъ видъ развалинъ на другой день послѣ пожара. Трудную работу представляло вытаскиваніе въ возможной цѣлости обугленныхъ и обезображенныхъ труповъ.

Черезъ нѣсколько дней удалось очистить верхнія галлереи. Масса тряпья, валяющагося на пожарищѣ, служитъ приманкою тряпичникамъ. На мѣстѣ сцены не осталось ничего; все сдѣлалось жертвою пламени. Къ зданію перестали подпускать публику, изъ опасенія обваловъ. Въ первый день раскопокъ было отрыто до 80 жертвъ пламени, но число погибшихъ предполагается гораздо больше.

Статистика доказываетъ, что каждый театръ долженъ горѣть по крайней мѣрѣ одинъ разъ въ 100 лѣтъ. Никакіе желѣзные занавѣсы, никакія предохранительныя лампы не служатъ гарантіей отъ безопасности.

Надо найти другія мѣры. Отчего, напр., театральная архитектура не допускаетъ оконъ въ зрительныхъ залахъ? Отчего корридоры не освѣщены большими, широкими окнами, выходящими на обширные балконы? Отчего балконы эти не окружаютъ все зданіе театра? Отчего двери изъ ложъ и во всѣхъ выходахъ открываются внутрь, а не вдвигаются въ стѣну? Отчего не уничтожатъ рампу, которая только вредитъ сценическому эффекту и въ случаѣ пожара служитъ непреодолимой преградой между залой и сценой? Отчего?.. Оттого, что черезъ мѣсяцъ никто больше не будетъ помнить о происшедшемъ несчастіи; оттого что рутина возьметъ свое и на мѣстѣ сгорѣвшаго театра воздвигнутъ новый, съ тѣми же самыми недостатками, благодаря которымъ, за двѣ недѣли до новаго бѣдствія, можно будетъ предвидѣть его возможность...

Политическое обозрѣніе.

13 іюня.

Германія и Австро-Венгрія.—Сербія.—Болгарія.

Въ политической жизни Европы за истекшую недѣлю господствовало сравнительное затишье. 6 (18) іюня окончилась сессія Германскаго рейхстага, который въ этомъ послѣднемъ засѣданіи принялъ всѣ законопроекты стоявшіе на очереди. Затѣмъ министръ Беттихеръ прочелъ императорское посланіе, въ которомъ рейхстагу отъ имени императора Вильгельма высказана признательность за труды и постановленія, благодаря коимъ имперскія вооруженныя силы и государственные финансы пріобрѣли прочность и мощь, необходимыя для дальнѣйшаго развитія того что̀ было сдѣлано императоромъ. Что касается самого маститаго главы Германіи, то врачи выразили надежду что онъ выздоровѣетъ скорѣе чѣмъ можно было ожидать. Полагаютъ, что, оправясь, императоръ поѣдетъ на воды въ Эмсъ и затѣмъ въ Гаштейнъ для обычнаго свиданія съ императоромъ Австрійскимъ.

Въ Австро-Венгріи заканчивались выборы въ венгерскій и хорватскій сеймъ, при чемъ какъ въ томъ, такъ и въ другомъ правительственная партія провела громадное большинство своихъ кандидатовъ.

Обѣ центрально-европейскія великія державы встрѣтили назначеніе Ристича главою сербскаго кабинета довольно спокойно, но Германія повидимому даже благосклонно, тогда какъ Австрія съ плохо скрываемою досадою. Новому министерству предстоитъ трудная задача дѣйствовать такъ, чтобы, не давая поводовъ къ открытому неудовольствію въ Вѣнѣ, парализовать вліяніе австрофиловъ и окончательно закрыть имъ доступъ ко власти. Въ національной поддержкѣ глава новаго кабинета не имѣетъ недостатка. Со всѣхъ концовъ страны посылаются Ристичу поздравительныя телеграммы и получаются извѣстія объ устраиваемыхъ по случаю сформированія новаго кабинета празднествахъ. Бѣлградскимъ горожанамъ, впрочемъ, полиція запретила устроить иллюминацію и факельное шествіе.

Въ Болгаріи народное недовольство все ростетъ, и положеніе регентовъ, тщетно напрягающихъ свои усилія къ успокоенію умовъ, становится со дня на день все ненадежнѣе, тѣмъ болѣе что раздоры въ средѣ самозваннаго „правительства“ теперь уже не тайна и признаны даже оффиціальнымъ его органомъ *Независимая Болгарія*. Военный министръ Николаевъ настаиваетъ на необходимости немедленнаго соглашенія съ Россіей, его поддерживаетъ Радославовъ, а Стамбуловъ и Начевичъ упорно противодѣйствуютъ имъ. Недавно появилось во всѣхъ болгарскихъ газетахъ смѣхотворное правительственное сообщеніе, что регенты никакихъ уступокъ Россіи дѣлать не намѣрены; а между тѣмъ, сами они, по извѣстіямъ изъ Филиппополя, вновь обращались къ экзарху, прося его взять на себя посредничество между „регентствомъ“ и Россіей. Экзархъ, конечно, устранился отъ этого комическаго посредничества. Въ такомъ отчаянномъ положеніи шайка проходимцевъ, присвоившая себѣ названіе „регентства“, хватается за созывъ великаго народнаго собранія, которое изберетъ или князя, или просто „регента“. Этой комбинаціи, по всѣмъ вѣроятіямъ, придется также потерпѣть крушеніе, благодаря интригамъ Англіи, въ интересахъ которой какъ можно долѣе поддерживать неопредѣленное положеніе Болгаріи, дабы добиться тамъ смутъ въ видѣ диверсіи, которая отвлечетъ вниманіе Россіи отъ афганскихъ и египетскихъ дѣлъ.

Но Англіи, повидимому, не везетъ въ послѣднее время. Съ одной стороны, дѣло съ Египетскою конвенціей все еще затягивается. Хотя послѣдняя и ратификована султаномъ, если вѣрить газетнымъ извѣстіямъ, но приходится еще ждать праде (указа) санкціонирующаго обмѣнъ ратификацій. Между тѣмъ, французскій посолъ въ Константинополѣ, графъ Монтебелло, успѣлъ въ такой мѣрѣ повліять на Абдулъ-Гамида, что султанъ сталъ опасаться, какъ бы ратификація не вызвала дворцовой революціи, и объявилъ что никакъ не можетъ издать праде въ теченіе праздниковъ Байрама, которые наступили какъ нельзя болѣе кстати. А затѣмъ... кому же не извѣстна ловкость турецкой дипломатіи въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло идетъ о томъ, чтобы затянуть невыгодную сдѣлку! Съ другой стороны, дѣла въ Афганистанѣ принимаютъ до такой степени неблагопріятный для Британіи оборотъ, что, какъ телеграфируютъ газетѣ *Times*, престижъ ставленника Англіи, эмира Абдурахманъ-хана окончательно потерянъ, и паденіе его неизбѣжно, если Англія не подастъ ему помощи. „Во всемъ Афганистанѣ“, гласитъ телеграмма, „преобладаетъ предчувствіе, что Россія наступаетъ на Гератъ и Бадакшанъ, и что занятіе русскими Керки есть лишь подготовительная мѣра и потому всѣхъ удивляетъ равнодушіе Британскаго правительства“. Какъ бы въ отвѣтъ на это Лагорская *Civil and Military Gazette* сообщаетъ слухъ, будто вслѣдствіе полученныхъ изъ Лондона телеграммъ, отдано приказаніе двинуть войска на афганскую границу, окончить постройку желѣзной дороги до Кандагара и продлить Пешаверскую линію до Джемруда. Но вслѣдъ затѣмъ изъ Симлы „Агентству Рейтера“ телеграфируютъ отъ 5 (17) іюня: „Сообщенное сегодня въ *Civil and Militarg Gazette* извѣстіе объ отправкѣ британскихъ войскъ на границу и проч., лишено всякаго основанія.“ Съ другой стороны, *Сѣверному Телеграфному Агентству* телеграфируютъ изъ Асхабада, 7-го іюня, вечеромъ: Служащіе въ регулярныхъ войскахъ гильзаи почти всѣ дезертировали. Англичане сильно укрѣпили окопечный пунктъ кветской дороги Гуллистанъ-Керезъ, по случаю попытки инсургентовъ сдѣлать нападеніе и разрушить дорогу. Эти неудачи, равно какъ ирландскія неурядицы, которыя едва ли будутъ покончены прошедшимъ на-дняхъ въ парламентѣ ирландскимъ биллемъ, нѣсколько омрачаютъ торжество пятидесятой годовщины царствованія королевы Викторіи.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— Государь Императоръ, 4 іюня, Всемилостивѣйше соизволилъ на открытіе повсемѣстной въ Имперіи подписки въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ Семирѣченской области.

— Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, съ Супругой и Августѣйшими Дѣтьми, изволили препроводить къ начальнику главнаго штаба 5.000 руб. въ пользу пострадавшихъ отъ землетрясенія въ городѣ Вѣрномъ.

— Е. И. В. Великій Князь Сергій Александровичъ назначенъ кавалеромъ ордена Бани большого креста.

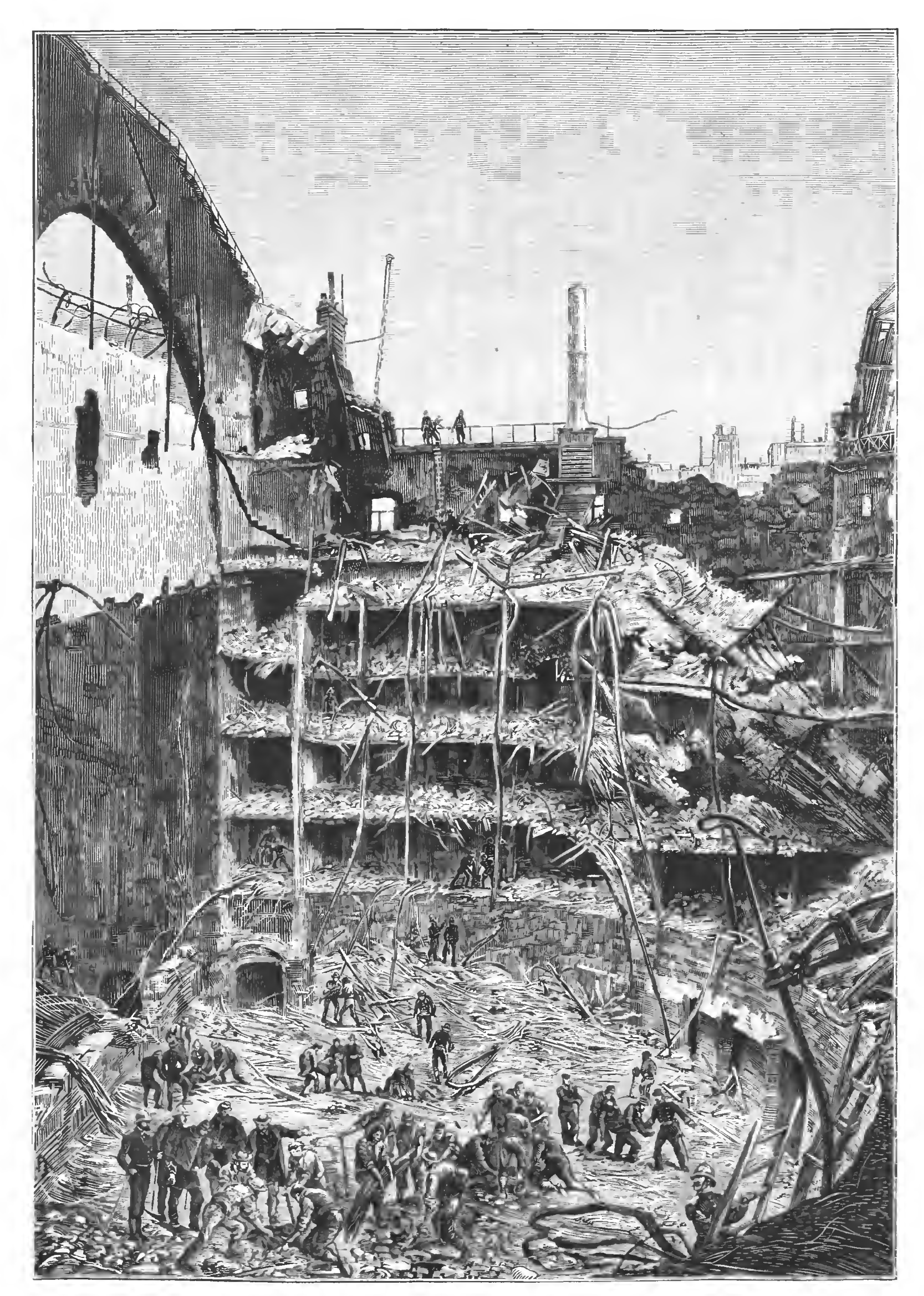
— Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Николаевичъ, съ Августѣйшимъ Сыномъ В. К. Сергіемъ Михаиловичемъ, 5 іюня, изволилъ выѣхать въ г. Екатеринбургъ.

Правительственныя распоряженія.

— По указу Его Императорскаго Величества, Святѣйшій Правительствующій Синодъ, имѣвъ сужденіе о тяжкомъ бѣдствіи, постигшемъ жителей гор. Вѣрнаго и многихъ селеній Семирѣченской области отъ землетрясенія, опредѣлилъ: поручить печатными указами епархіальнымъ преосвященнымъ, синодальнымъ конторамъ—московской и грузино-имеретинской, управляющему гвардейскимъ духовенствомъ, главному священнику арміи и флотовъ, и завѣдывающему придворнымъ духовенствомъ, духовнику Ихъ Императорскихъ Величествъ: 1) сдѣлать безотлагательное распоряженіе о производствѣ во всѣхъ церквахъ Имперіи въ первые два дня, по полученіи настоящаго указа, воскресные или праздничные дни, кружечнаго сбора въ пользу бѣдствующихъ жителей гор. Вѣрнаго и селеній Семирѣченской области, вмѣнивъ при

Виды города Вѣрнаго до землетрясенія. Проспектъ генерала Колпаковскаго. Съ фотогр. грав. М. Рашевскiй.

Виды города Вѣрнаго до землетрясенія. Женская гимназія и губернаторскій домъ. Съ фотогр. грав. М. Рашевскій

Разрѣзъ зданія Комической оперы въ Парижѣ послѣ пожара. По рис. J. J, грав. Ю. Шюблеръ.

семъ духовенству въ непремѣнную обязанность, чтобы оно, предъ самымъ сборомъ, объяснило прихожанамъ, въ выразительныхъ словахъ, причину и назначеніе сбора, и 2) предложить причтамъ и церковнымъ старостамъ оказать, по ихъ личному усмотрѣнію и по соображеніи съ церковными средствами, возможное пособіе бѣдствующимъ и изъ церковныхъ суммъ.

Военное и морское дѣло.

— Въ видахъ приданія похоронамъ нижнихъ чиновъ большей торжественности, Его Императорское Высочество Главнокомандующій войсками, одобривъ соображенія особой коммисіи, между прочимъ, приказалъ: Предназначенные къ отводу для военныхъ кладбищъ, согласно послѣдовавшему уже соглашенію штаба округа съ С.-Петербургскимъ городскимъ головою, земельные участки, распредѣлить между всѣми отдѣльными частями, какъ гвардейскими, такъ и армейскими, въ Петербургѣ расположенными, а въ прочихъ городахъ округа примѣнять предположенія коммисіи, сообразно мѣстнымъ условіямъ—по непосредственному распоряженію начальниковъ гарнизоновъ и по соглашенію ихъ съ подлежащими гражданскими властями.

— Изъ Владивостока, отъ 7 іюня, сообщаютъ, что потерпѣвшій крушеніе пароходъ „Кострома“ лежитъ на лѣвомъ боку; мачты сломаны, трюмы и машины залиты по палубу водой. Водолазы нашли трещины по правому и лѣвому бортамъ. Пароходъ вошелъ въ грунтъ на три фута, трещины имѣютъ видъ разрывовъ. По мнѣнію свѣдущихъ людей, спасеніе парохода невозможно.

Промышленность и сельское хозяйство.

— 2 іюня, сгорѣла до тла Дитятковская писчебумажная фабрика въ Радомысльскомъ уѣздѣ, Кіевской губ. Зданіе застраховано въ 400 тысячъ рублей. Оборотъ равнялся 390 тысячамъ рублей; рабочихъ было 300 человѣкъ. Сгорѣли всѣ склады и пять человѣкъ рабочихъ.

— Въ производствѣ сахара въ текущемъ году произошло нѣкоторое сокращеніе. Въ 1886 году было взвѣшено и учтено сахарнаго песку 23.965,417 пуд., рафинада 3.845,155 пуд., а въ текущемъ году песку 21.437,668 пуд., рафинада 3.939,179 п.

Изъ губерній и областей.

— По телеграммѣ изъ Вѣрнаго, въ Каракулѣ 28 мая тоже было землетрясеніе, но безъ тяжкихъ послѣдствій. Удары продолжались 18 минутъ. Дома дали трещины. Въ Вѣрномъ ночь и утро 3 іюня прошли спокойно; сотрясенія почвы продолжались, населеніе терпитъ отъ недостатка крова, для устраненія чего подвозятся юрты. Почью на 4 іюня былъ сильный ударъ съ подземнымъ гуломъ. Части тронутыхъ стѣнъ рушились. Легкіе удары изрѣдка продолжаются. 4 іюня было четыре сильныхъ подземныхъ удара, земля колебалась и все дрожало. На Аксѣ и ниже города земля вся въ трещинахъ. На берегу Иссыкъ-Куля въ с. Сазановкѣ полуразрушена церковь. Сотрясенія почвы продолжались еще 7 и 8 іюня; западнѣе Каракуля землетрясеніе было сильнѣе, чѣмъ въ Каракулѣ, и замѣчалось 28, 29 и 30 мая у Чолковъ-Атовъ; берегъ озера Иссыкъ-куля небольшой узкой полосой осѣлъ фута на три; въ Сазановкѣ-Уталѣ стѣны домовъ потрескались и для жилья опасны. Сазановскія церковь и школы дали большія трещины.

По собраннымъ, но не вполнѣ точнымъ свѣдѣніямъ, особенно о киргизахъ, число погибшихъ отъ землетрясенія опредѣляется: въ городѣ Вѣрномъ 120, пригородной станицѣ Алматинской 10, въ горахъ и окрестностяхъ Вѣрнаго 66. Всего погибло 206 чел., въ томъ числѣ 107 дѣтей; задавлено обвалами въ горахъ киргизовъ взрослыхъ 17 и дѣтей 15. Опасно раненыхъ немного.

Каменныхъ зданій въ городѣ числилось 1.799; въ пригородной станицѣ 139; всѣ разрушены. Деревянныхъ зданій въ пригородной станицѣ 839; всѣ уцѣлѣли и съ нѣкоторой ремонтировкой будутъ годны для жилья пятитысячнаго казачьяго населенія, не считая войскъ; городское же населеніе, около 18 тысячъ душъ, не считая войскъ—пока безъ жилища.

— Кяхтинскій купецъ Зыковъ, имѣющій склады чая въ Вѣрномъ, пожертвовалъ для пострадавшихъ отъ землетрясенія 2,000 руб. Дума постановила просить объ отмѣнѣ налога съ домовъ, такъ какъ ни одного цѣннаго дома въ городѣ не осталось.

Смѣсь.

По поводу 50-лѣтняго юбилея королевы Викторіи приводимъ изъ „Кельнской газеты“ слѣдующія воспоминанія изъ ея жизни. Трудно дать болѣе мѣткую характеристику, чѣмъ та, которая сдѣлана была кормилицей принца Артура о королевѣ Викторіи: „Королева добрая женщина; она годится и въ королевы, и въ жены рабочаго“. Дѣйствительно Викторія—домовитая хозяйка, вступившая на тронъ, королева за прялкой. Эти оба свойства соединяются въ ней въ равной мѣрѣ. Въ болѣе патріархальное время и при болѣе узкой дѣятельности она фактически олицетворила бы въ себѣ соединеніе женщины и государыни; но какъ конституціонная монархиня XIX вѣка, она поражаетъ болѣе величіемъ, чѣмъ сердечностью. Однако въ воспоминаніи потомства величіе государыни должно будетъ поблѣднѣть передъ образомъ женщины. Все, что обнародовано о ней и ею самой, окружаетъ личность королевы Викторіи тысячью симпатичныхъ чертъ; тамъ-же гдѣ она прикладываетъ руку къ государственной машинѣ, при постоянной борьбѣ англійскихъ партій между собой, остаются только слабые слѣды. Какъ народъ, такъ и многочисленные біографы разсказываютъ исключительно о томъ, какъ она росла, какъ стала королевой, какъ любила и страдала.

Уже самое восшествіе на престолъ Викторіи составляетъ главу изъ трогательнаго общечеловѣческаго романа. До 12 лѣтъ она не подозрѣвала о готовящемся для нея высокомъ назначеніи. Хотя намѣреніе сообщить ей о немъ осторожно, чтобы не испугать дѣвочку и не возбудить въ ней тщеславія, стоило матери и воспитательницѣ баронессѣ Лехценъ не малыхъ заботъ, но результатъ оказался вполнѣ благопріятнымъ. Воспитательница воспользовалась для этого уроками по англійской исторіи. Когда Викторія ознакомилась съ генеалогіей царствующаго дома, у нея самъ собой возникъ вопросъ:

— Если король, мой дядя, умретъ, кто будетъ его наслѣдникомъ?

— Герцогъ Кларенсъ, отвѣчала баронесса уклончиво.

— Да, я знаю, возразила будущая королева,—но кто слѣдуетъ за нимъ?

— У васъ есть нѣсколько дядей, принцесса, замѣтила воспитательница.

Викторія поднялась съ мѣста, вспыхнула и, указывая на генеалогическую таблицу, замѣтила серьезнымъ тономъ:

— Совершенно вѣрно, но за дядей Кларенсомъ слѣдуетъ мой отецъ и, мнѣ кажется, изъ того, что я сейчасъ прочла, что въ случаѣ смерти его и нынѣшняго короля, я должна быть королевой Англіи.

— Мы всегда надѣялись, объяснила баронесса Лехценъ,—что ваша дорогая тетушка, герцогиня Кларенсъ, будетъ еще имѣть дѣтей; если же, по волѣ Всевышняго, этого не будетъ и если король и герцогъ Кларенсъ скончаются, то, по законамъ нашей страны, дѣйствительно вы должны быть ихъ наслѣдницей. Дай Богъ вамъ царствовать на благо страны и быть украшеніемъ трона!

Принцесса на минуту задумалась и поднявъ указательный палецъ проговорила:

— Я постараюсь быть хорошею! Теперь я понимаю, почему вы заставляли меня такъ много учиться—даже по-латыни. Она протянула воспитательницѣ руку и повторила:—Я буду хорошею...

Обрученіе и замужество составляютъ вторую главу жизни королевы Викторіи. Потребность опереться на болѣе сильную руку мужчины была весьма понятна, и настоянія ея многочисленныхъ поклонниковъ, принадлежавшихъ ко всѣмъ слоямъ общества, еще болѣе усиливали это стремленіе. Одинъ молодой шотландецъ изъ Абердина буквально осаждалъ Виндзоръ въ надеждѣ быть ея избранникомъ. Другой становился противъ нея въ церкви и посылалъ ей воздушные поцѣлуи. Третій, человѣкъ съ положеніемъ и состояніемъ, долгое время домогался ея любви. Онъ внесъ свое имя въ списокъ посѣтителей замка, переряженный рабочимъ пололъ траву вмѣстѣ съ садовникомъ передъ ея окнами и слѣдовалъ за нею на прогулкахъ въ своемъ тильбюри. Къ этому надо прибавить безчисленное множество писемъ, которыя кишѣли предложеніями. Когда же и лордъ Мельборнъ, уже въ интересахъ государственныхъ, сталъ говорить ей о необходимости замужества, то у нея созрѣлъ планъ самостоятельно выбрать себѣ мужа и самой сдѣлать ему предложеніе, какъ и подобаетъ государынѣ и повелительницѣ. Выборъ ея палъ на принца Альберта Саксенъ-Кобургскаго. Онъ былъ ея двоюроднымъ братомъ, уже раньше состоялъ съ ней въ перепискѣ, посѣтилъ ее по окончаніи курса наукъ и съумѣлъ вызвать у ней признаніе, въ письмѣ ея къ дядѣ Леопольду бельгійскому, что онъ: „поразительно хорошъ собою, любезенъ, безъискуствененъ, однимъ словомъ, увлекателенъ!“ Такимъ образомъ ледъ между ними давно уже былъ сломанъ, когда королева предложила ему свою руку.

— Нравится ли тебѣ Англія? было первымъ вопросомъ Викторіи. Она повторила вопросъ второй и третій разъ и на его горячій утвердительный отвѣтъ прибавила:—Отъ тебя зависитъ, чтобы она была твоимъ отечествомъ!

Принцъ Альбертъ, впрочемъ, самъ описывалъ это сватовство своей бабкѣ въ Готѣ слѣдующимъ образомъ:

„Королева позвала меня къ себѣ и наединѣ объявила съ искреннимъ чувствомъ, что я—избранникъ ея сердца; что я сдѣлаю ее счастливой, если принесу жертву, раздѣливъ съ нею ея судьбу, такъ какъ она видитъ въ этомъ жертву и сомнѣвается лишь—достойна ли она меня. Откровенность Викторіи очаровала меня и я былъ совершенно увлеченъ.“

Къ сожалѣнію, ихъ семейное счастье было внезапно разбито. Альбертъ умеръ на 43 году и оставилъ Викторію вдовою 42 лѣтъ. Онъ погибъ жертвою вѣрности своему долгу. При осмотрѣ новой военной академіи въ Сандгёрстѣ онъ простудился, но тѣмъ не менѣе не прервалъ своихъ занятій, вслѣдствіе чего заболѣлъ тифозною горячкой. Заботливо просиживала Викторія ночи у постели больного.

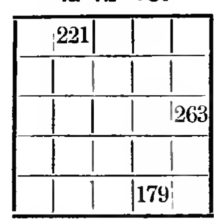
— Моя маленькая женка! шепталъ больной. Когда же онъ переставалъ узнавать ее, она говорила ему по-нѣмецки: „Es ist deine kleine Frau!“

Когда въ полночь колоколъ на церкви св. Петра возвѣстилъ столицѣ кончину принца Альберта, общая печаль была не менѣе сильна, какъ еслибы скончался настоящій отецъ государства. Отчаянія же королевы невозможно описать. Ломая руки, ходила она цѣлыми днями взадъ и впередъ по комнатѣ, восклицая:

— У меня уже нѣтъ болѣе никого, кто бы называлъ меня Викторіей!

Со смертью мужа начинается третій періодъ жизни королевы—періодъ траура, который окончится только съ ея смертью, хотя острое чувство горя и уступило мѣсто тихой печали. По временамъ воображеніе ея было наполнено мыслями о смерти. Она чувствовала себя одинокою, и когда тѣ, кого она знала и любила, одинъ за другимъ сходили въ могилу, чувство одиночества все возрастало. Изъ государственныхъ людей и политиковъ, окружавшихъ королеву Викторію при ея восшествіи на престолъ, остался только Гладстонъ. (с.)

Магическій квадратъ. Задача № 48.

Нижеслѣдующія числа размѣстить въ свободныя клѣтки такъ, чтобы сумма чиселъ въ каждомъ горизонтальномъ и вертикальномъ столбцахъ, а также въ діагоналяхъ равнялась бы **1000**.

116, 123, 130, 137, 144, 151, 158, 165, 172, 186, 193, 200, 207, 214, 228, 235, 242, 249, 256, 270, 277, 284.

Магическій треугольникъ. Задача № 49.

Задача точекъ № 50.

Соединить точки прямыми линіями такъ, чтобы линіи эти составили буквы фамиліи извѣстнаго писателя.

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива“ покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, которые внесли деньги **ТОЛЬКО ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ ИЛИ ВООБЩЕ НЕ ПОЛНУЮ ПОДПИСНУЮ ПЛАТУ** — поторопиться высылкою остальныхъ денегъ, чтобы не было перерыва въ полученіи ими №№ журнала. Не выславшіе въ срокъ слѣдуемыя деньги потеряютъ право на полученіе главной преміи, большой картины Профессора К. Е. Маковскаго „БАБУШКИНА СКАЗКА“, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива“ проситъ своихъ гг. иногородныхъ подписчиковъ, при перемѣнѣ адреса, присылать прежній печатный адресъ и прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы. Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ**. Редакторъ **В. Клюшниковъ**.

Фонтаны, статуи, вазы, орлы, медали, буквы, вывѣски, памятники.

ЦИНКО-ЛИТЕЙНЫЙ ЗАВОДЪ

Г. ПОЛЬ и К°.

въ Москвѣ, Петровскія торговыя линіи. Прейсъ-куранты высыл. за 2 7-ми к. марки. Р. № 2647 4—1

АНТИПИРЪ

новый улучшенный, огнегасительный и огнеупорный

ПАТРОНЪ.

НАДЕЖНОЕ и быстро дѣйствующее средство для тушенія пожаровъ внутри зданій.

Рекомендуется для дачъ, квартиръ, фабрикъ, судовъ, пароходовъ, магазиновъ и проч.

Цѣна за 1 дюж. 12 р. 50 к., иногородн. съ доставкою 15 рублей.

Ищутъ въ провинціи агентовъ на выгодныхъ условіяхъ. № 2605 5—8

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ И УРЛАУБЪ.

С.-Петербургъ, В. О. 1 л., 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Изданіе А. Ф. МАРКСА:

АЛЬБОМЪ
РИСУНКОВЪ ДЛЯ ВЫПИЛИВАНІЯ
(АЖУРНЫХЪ РАБОТЪ),

состоящій изъ **25-ти большихъ**, прекрасно отлитографированныхъ листовъ, заключающихъ въ себѣ **около 300** разнообразныхъ рисунковъ для выпиливанія изъ дерева.

Цѣна въ изящной обертке **1 р.**, съ пересылкой **1 р. 30 к.** Съ требованіями обращаться въ Главн. Контору журнала **„Нива"**, СПБ., Невскій пр., д. 6.

Выпуская въ свѣтъ настоящій „Альбомъ", издатель имѣлъ въ виду удовлетворить желанія весьма многихъ своихъ подписчиковъ, неоднократно заявлявшихъ о желаніи имѣть хорошіе рисунки для выпиливанія, тѣмъ болѣе что до настоящаго времени ничего подобнаго, за такую дешевую цѣну, издано не было.

НИЖЕГОРОДСКАЯ ЯРМАРКА.

УТВЕРЖДЕННОЕ

ТОВАРИЩЕСТВО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО МЕХАНИЧЕСКАГО ПРОИЗВОДСТВА ОБУВИ,

которое до сихъ поръ содержало только слѣдующіе магазины для розничной продажи въ С.-Петербургѣ: Невскій пр., № 54.
Невскій пр., № 5. № 2644 8—1
Невскій пр., № 110.
въ Москвѣ: Петровка, противъ Кузнецкаго моста, домъ Хомяковыхъ,

НЫНѢ ОТКРОЕТЪ ВЪ ПЕРВЫЙ РАЗЪ ВЪ ЭТОМЪ ГОДУ

изъ Нижегородской Ярмаркѣ, въ Козловомъ ряду, подъ лит. Д и Э

Розничную и Оптовую Продажу по Фабричнымъ Цѣнамъ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
П. ЕФИМОВЪ и К°.

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 51.

Покупаетъ и продаетъ по биржевому курсу % бумаги, золото, серебро и иностранныя монеты.

Выдаетъ ссуды въ наивысшемъ размѣрѣ подъ залогъ % бумагъ, а также выкупаетъ заложенныя въ банкахъ и частныхъ конторахъ % бумаги и увеличиваетъ ссуды подъ нихъ.

Исполняетъ биржевыя порученія по покупкѣ и продажѣ % бумагъ.

Принимаетъ вклады на срокъ и до востребованія.

Платитъ:

По текущ. счету	4% г.
„ вкладамъ на срокъ 3 м.	4%
„ „ „ „ 6 м.	4 1/2%
„ „ „ „ 12 м.	5%

Принимаетъ переводы и аккредитивы на русскіе и иностранные города, а также инкассо векселей.

Оплачиваетъ срочные купоны и получаетъ новые купонные и дивидендные листы.

Страхуетъ выигрышные билеты по 60 коп. за билетъ, кромѣ 10 коп. гербоваго сбора. 2—1 № 2637

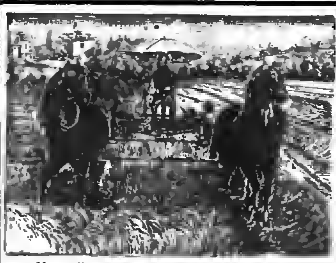
Взимаетъ:

По ссудамъ „on call" . . . . . 7% г.
„ „ на срокъ отъ 4—7% г. и 1/4% ежем. коммиссіи.
По покупкѣ и продажѣ % бумагъ и бирж. порученіямъ 1/8% (съ иногор. 1/4%).

Двуногій волкъ. Ром. изъ жизни Туркестанскаго края Н. Н. Каразина. Изд. 2-е, доп. 8-ю иов. ориг. рис. автора. Ц. 2 р., съ перес. 2 р. 50 к., въ роскошн. коленк. перепл. 2 р. 75 к., съ перес. 3 р. 25 к. Съ треб. обращ. въ контору журнала „Нива".

Новѣйшая американская косилка „ЭВРИКА"

2 лош. и 1 рабочимъ производитъ работу, на которую требуются при другихъ косилкахъ—2 косилки, 4 лошади и двое рабочихъ, дѣлая при этомъ сѣноворошилку излишней.

Косилки Клипперъ, Букей, Пальмкранца, **жнеи** Адріансъ Платта и Тріумфъ Джонстона, **конныя грабли** тигръ, **молотилки**, ручныя, 1, 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ конныя и паровыя, **мельницы** тріумфъ и горизонтальныя французскія, **плуги** Бисселя, Фискарса, Сакка, Бермана и друг., **бороны** Валькура, Дисколия, „Каламазу", пружинныя, „Акмэ" и пр.

Большой выборъ насосовъ и пожарныхъ трубъ лучшихъ системъ.

ТОВАРИЩЕСТВО

БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,

С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 лин. № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Иллюстр. каталогъ высылается за 7 коп. марку. № 2638 4—1

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ

ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,

86, Невскій.

№ 2645 4—1

КОММИССІОНЕРСТВО

РАБОТНИКЪ

предлагаетъ:

сѣнокосилки новѣйшихъ системъ, а также жатвенныя и снопоуязальныя машины по уменьшеннымъ цѣнамъ; конныя грабли „Тигръ"; новыя комбинированныя грабли-ворошилки. № 2650

Машины для огневой сушки плодовъ по американской системѣ отъ 30 до 170 руб. Большой выборъ американскихъ машинокъ для чистки и рѣзки плодовъ и овощей.

При этомъ № прилагается для гг. городскихъ и иногородныхъ подписчиковъ объявленіе отъ Банкирской Конторы А. Зингеръ и К° въ СПБ.

Дозвол. ценз., СПБ. 17 іюня 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.

XVIII г. № 26 — ПОЛИТИКИ И СОВРЕМЕННОЙ ЖИЗНИ. — г. XVIII 1887

ВЫХОДИТЪ ЕЖЕНЕДѢЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНІЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ" (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.).

Выданъ 27 іюня 1887 г. — Цѣна этого № 15 к., съ перес. 20 к.

Выставка въ Екатеринбургѣ. Виды города. Женская гимназія Съ фотогр. Метенкова, грав. М. Рашевскій.

Екатеринбургская выставка.

(Отъ нашего корреспондента).

(Рис. на стр. 637, 640, 641 и 652).

Мысль объ открытіи въ Екатеринбургѣ выставки „для ознакомленія публики съ результатами научныхъ изслѣдованій, съ продуктами промышленности Сибири и Урала и для устройства собственнаго помѣщенія для музея Уральскаго общества любителей естествознанія“ принадлежитъ этому обществу и возникла еще въ 1884 году, но чуть не осталась однимъ предположеніемъ, и только въ прошломъ году, благодаря горячему участію нынѣшняго начальника Пермской губерніи, г. Лукошкова, пришла къ осуществленію. Вмѣстѣ съ утвержденіемъ устава выставки, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ отпускѣ суммы на расходы по устройству и стало поступать много пожертвованій отъ частныхъ лицъ и земства. Выставка помѣстится отчасти въ колоссальныхъ зданіяхъ бывшаго монетнаго двора, отчасти въ спеціально для нея устраиваемыхъ. Первоначально предполагалось всего 8 отдѣловъ выставки: три научные, горнозаводскій, фабричный, кустарный, сельско-хозяйственный и ввозный, въ настоящее время рѣшено добавить: художественный (по случаю направленія въ Екатеринбургъ выставки картинъ отъ Имп. Акад. Худож. изъ СПБ.), учебный и спеціально-сибирскій. Экспонентовъ уже теперь насчитывается болѣе 1.500; многіе отдѣлы переполнены. Выставка замѣтно заинтересовала русскія и заграничныя ученыя общества; предполагаютъ даже собрать во время выставки международный конгрессъ антропологовъ, на чемъ особенно настаиваетъ профессоръ Тулузскаго университета Картальякъ, командируемый на выставку французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія. Многіе европейскіе ученые собираются посѣтить выставку, какъ видно изъ отчетовъ комитета. Ко времени открытія выставки ожидается пріѣздъ Е. И. В. Великаго Князя Михаила Николаевича, благоволившаго принять званіе почетнаго президента выставки.

Въ ожиданіи этого открытія, нѣсколько словъ о самомъ городѣ. Какъ извѣстно, Екатеринбургъ, уѣздный городъ Пермской губерніи, основанный Петромъ I въ 1723 году, въ видѣ оборонительнаго укрѣпленія къ желѣзодѣлательному заводу, нынѣ имѣетъ важное значеніе для всего Урала, будучи центральнымъ пунктомъ среди массы окружающихъ его горныхъ заводовъ, золотыхъ пріисковъ, мѣдныхъ и др. рудниковъ, фабрикъ и т. д. Въ 1763 году чрезъ Екатеринбургъ проложенъ Сибирскій трактъ. Нынѣ, въ городѣ, расположенномъ на рѣкѣ Иссти, прегражденной здѣсь плотиною и образующей обширный заводскій прудъ, соединяются двѣ желѣзныя дороги: Уральская и Тюменьская, находится главное управленіе горною частью на Уралѣ (съ 1860 года) и лабораторія для переплавки всего уральскаго золота. Кромѣ того, имѣются: Имп. гранильная фабрика, окружной судъ, 4 банка, 8 среднихъ учебныхъ заведеній (въ томъ числѣ женская гимназія), обсерваторія, помянутый музей Уральскаго общества любителей естествознанія, 3 газеты, 2 клуба, 2 театра, много благотворительныхъ и др. обществъ, напр. кружокъ велосипедистовъ. Жителей въ Екатеринбургѣ, по календарнымъ свѣдѣніямъ, считается 25,000; на самомъ же дѣлѣ теперь ихъ болѣе 40,000. Въ городѣ заведены электрическое освѣщеніе и телефоны. Электричествомъ уже три года освѣщаются клубъ, театръ, Уральское училище, управленіе Тюменьской желѣзной дороги и нѣкоторыя частныя зданія; въ принципѣ рѣшено уже устроить въ скоромъ времени электрическое освѣщеніе улицъ. Телефонами связаны мѣстныя городскія и полицейскія управленія, нѣкоторыя частныя зданія и учрежденія. Словомъ, Екатеринбургъ, какъ по наружному виду, такъ и въ промышленномъ и торговомъ отношеніяхъ, не уступаетъ многимъ губернскимъ городамъ. Изъ казенныхъ заводовъ въ городѣ былъ помянутый мѣдный монетный дворъ, съ 1877 года переведенный въ Петербургъ. Гранильная фабрика, составляющая собственность Его Императорскаго Величества, выдѣлываетъ изъ твердыхъ горныхъ уральскихъ породъ (яшма, порфиръ и др.) вазы, чаши, канделябры и др. вещи, по рисункамъ, высылаемымъ изъ Кабинета Двора. Главные предметы обширной торговли города: скотъ, закупаемый въ Оренбургской губ. и у киргизовъ; хлѣбъ изъ Камышловскаго, Шадринскаго уѣздовъ и Оренбургской губерніи; желѣзо съ мѣстныхъ заводовъ; мѣстныя произведенія фабрикъ; шерстяныя и шелковыя матеріи, бакалейные и колоніальные товары, привозимые съ ярмарокъ Нижегородской и Ирбитской, а частію изъ Москвы и Петербурга. Нѣкоторые купцы занимаются золотопромышленностью.

Общій видъ на стр. 640 и 641, изображаетъ панораму сѣверной и восточной части Екатеринбурга, которую надобно представлять себѣ такъ, что къ рис. 1 справа примыкаетъ рис. 2, составляющій продолженіе перваго. Посрединѣ рис. 1 видна запруда рѣки Иссети.

Патмосъ.

Повѣсть **В. И. Немировича-Данченко.**

(Продолженіе).

Да и въ самомъ дѣлѣ за что ему было любить этотъ міръ? Часто въ безсонныя ночи или въ долгіе зимніе вечера, когда умирающій день боролся съ тьмою, когда холодный туманъ поднимался изъ щелей сѣраго камня, а молодой отшельникъ сидѣлъ у желѣзной печи вдѣланной въ его пещеру и неотступно смотрѣлъ въ огонь, у него въ памяти проходило все его прошлое, все чѣмъ его встрѣтилъ, что̀ ему далъ міръ. Дрова разгорались, съ свистомъ и шипѣніемъ рвалось яркое пламя въ трубу, груды осыпавшихся внизъ углей казались совсѣмъ побѣлѣвшими, сквозь трескавшуюся кору тонкими струйками вырывался ѣдкій дымъ—и Свиридову представлялось, что этихъ двухъ лѣтъ какъ будто не бывало, что онъ сидитъ въ домѣ у отца, прислушиваясь не подходитъ-ли откуда нибудь суровый и всегда мрачный старикъ. А покажется — сынъ встаетъ и вытянувшись опускаетъ глаза внизъ: „что баклуши-то бьешь—пошелъ-бы въ лабазы да присмотрѣлъ“... И никогда ни одного ласковаго слова! Съ дѣтства шло такъ. Было ихъ двое: старшій братъ, красивый и здоровый мальчикъ—шустрый и бойкій, любимецъ отца, вѣчно съ нимъ; младшій Александръ—больной, медлительный, всегда задумывавшійся, чуждый всему этому міру грошовыхъ разсчетовъ, скопидомства, лавочнаго барыша, наживы. Пробовалъ его отецъ посылать въ лавки—одинъ изъ приказчиковъ пачнетъ ему разсказывать про божественное, а другіе въ это время воруютъ. Били его чѣмъ ни попало. У отца рука была тяжелая. Не думаетъ бывало, куда и чѣмъ. Палка—такъ палкой. Весь въ слезахъ, едва волоча ноги, уйдетъ онъ въ садъ — оттуда его тоже гонятъ: „ишь чего приволокся... Отцу сказывать стапешь потомъ что̀ тутъ дѣется... Ступай, ступай“... Уйдетъ оттуда мальчикъ—отца нѣтъ, мачиха на него зашипитъ какъ, змѣя. Пока старая нянька была жива—она обоймётъ его и разскажетъ что надо терпѣть, потому что и Христосъ терпѣлъ. „Богъ былъ, а какъ Ему копьемъ-то бокъ прободали. Въ ноги да руки гвозди вбили на крестѣ. Только Онъ, милый, головку свѣсилъ—да и умеръ такъ, и всѣхъ простилъ, ни на комъ зла не вспомнилъ“.

— Хорошо это всѣхъ простить! задумчиво соображалъ мальчикъ.

— Чего лучше! Ужъ и какъ хорошо-то!.. И у тебя душенька чиста—да и съ другихъ съимешь зло содѣянное.

Заболѣлъ какъ-то Саша—и одного оставили его лежать на вышкѣ. Случались дни—бывало кричитъ-кричитъ онъ, никто ему и ѣсть не принесетъ. Мачихѣ не до него, отецъ въ лавкахъ, братъ въ школѣ, а нянька, одна любившая болѣзненнаго и некрасиваго ребенка, въ могилѣ. Его и въ школу не посылали. Чего еще, слабъ, не выживетъ! Не стоитъ. А онъ какъ хилая трава подъ заборомъ тянулся, да тянулся. Одинъ изъ приказчиковъ сжалился, читать его выучилъ; а тамъ лѣтомъ братъ съ нимъ занялся, сталъ писать Саша. На книги набросился съ жадностью и много новаго, много хорошаго сказали ему онѣ. У отца были все больше божественныя, и ребенокъ зачитывался какъ мучили когда-то христіанъ, сколько они терпѣли гоненій... Въ концѣ концовъ, жить и страдать стало для ребенка синонимами. Подвернулись другія книги—они

санія обителей и пустынь. Житія отшельниковъ, затворниковъ, молчальниковъ. Вотъ гдѣ миръ, вотъ гдѣ спокойствіе, вотъ гдѣ радость въ Богѣ и для Бога!.. И молодой Свиридовъ съ еще большею жаждою накинулся на нихъ. А тутъ какъ разъ его отецъ на годъ въ монастырь отправилъ. Подрядъ онъ сдавалъ. Пріемщики оказывались строгіе—а дѣло-то выполнено было со всякими прорухами. Тутъ недохватка—тамъ недостаетъ. Старикъ и далъ обѣтъ, если сойдетъ благополучно, послать сына въ озерный монастырь. Такъ и случилось, и только попавъ сюда—ребенокъ дѣйствительно убѣдился, что въ монастыряхъ рай. Братія знала, что отецъ у него благодѣтель обители, недавно онъ еще имъ лѣстницу къ водѣ выстроилъ каменную, бани тоже, денегъ далъ. За Сашей стали ухаживать. Мальчикъ былъ тихій, богобоязненный. На каждую непривычную дома ласку самъ шелъ, сначала недовѣрчиво и дичась, какъ загнанный и забитый щенокъ, а потомъ охотно подставлялъ голову подъ гладившую ее руку. Читать ему никто не мѣшалъ. Отецъ бывало за книгой найдетъ—книгой его по лбу, а тутъ, напротивъ, хвалятъ его за это. Встрѣтился какъ-то ему схимникъ, прибывшій со скалы своей причаститься. Мальчикъ испугался было изможденнаго, дрожавшаго на своихъ слабыхъ ногахъ, закутаннаго въ черное затворника, да во-время разсмотрѣлъ какіе глаза у него ласковые и добрые, самъ подошелъ къ нему. Заскорузлая, почти изсохшая рука поднялась и благословила подростка. Отпросился онъ на недѣлю къ схимнику, тотъ его водилъ по своей скалѣ и много дивнаго разсказалъ ему.

И дивный смыслъ пріобрѣтали на голой скалѣ этой всѣ явленія природы по толкованіямъ старца. Буря являлась не слѣпою силою и вѣтеръ не спроста накидывался на каменную келью; и воздухъ, и земля, и воды были полны чудесъ, впервые раскрывшихся мальчику

Рыдая, онъ поѣхалъ отсюда домой. Первое время обращались съ нимъ по-человѣчески, а тамъ вдругъ вздумалось отцу посадить его въ лабазъ. Въ уѣздѣ былъ голодъ. Худые, изможденные мужики бродили по улицамъ выпрашивая подаяніе. Александръ и давай ихъ одѣлять отцовскою мукою. Приказчики сначала молчали, а потомъ, когда прослышавшая объ этой щедрости толпа едва державшагося на ногахъ люда привалила къ воротамъ амбара, и хозяйскій сынъ, ничто же сумняшася, сталъ всѣмъ имъ насыпать мѣшки дорогою крупчаткою, мукой всякой—отцу послали сообщить объ этомъ, и старикъ какъ ястребъ налетѣлъ на сына. Началась опять знакомая бойня. И чѣмъ больше его мучили, чѣмъ болѣе онъ слышалъ брани да попрековъ, тѣмъ ярче, привлекательнѣе вставали въ его памяти сѣрыя скалы далекаго монастыря, его ласковые иноки, тишина невозмутимая, жизнь безтревожная. Тѣмъ неотступнѣе мечталъ онъ о счастливомъ днѣ, когда ему удастся, наконецъ, навсегда уйти отъ этого злого, мучительнаго, противнаго ему міра. Брата, единственнаго человѣка любившаго его—здѣсь не было. Отецъ отправилъ его въ Питеръ, въ коммерческое училище. Разъ Александръ выбралъ время, когда отецъ смотрѣлъ не такъ хмуро, и повалился ему въ ноги.

— Чего тебѣ?

— Отпустите меня совсѣмъ, батюшка.

— Очумѣлъ, что-ли? Куда это собрался?

— Въ монастырь хочу.

— Отдеру я тебя какъ попову козу. Да на недоуздкѣ въ конюшнѣ поставлю. Вотъ тебѣ и будетъ монастырь. Довольно годъ бездѣльничалъ. Пора дурь-то выбить да за дѣло приматься.

— Не отпустите охотой—я своей волей уйду.

— Уйдешь?

— Уйду... Потому нѣтъ моей силы больше, въ домѣ я вамъ не помощникъ.

И началась опять безобразная сцена. Только поправился—ушелъ дѣйствительно, да недалеко. Нагнали, связали его веревками и привезли къ отцу. Что̀ тутъ было—при воспоминаніи объ этомъ Свиридовъ и теперь вздрагиваетъ, и теперь по его лицу льются слезы, и теперь, удерживая рыданія, онъ повторяетъ, глядя въ огонь ярко разгорѣвшейся печи:

— За что̀, за что̀?.. Что̀ я сдѣлалъ вамъ?

Еще годъ протянулся такъ. Свиридовъ сталъ кровью кашлять. Наконецъ не выдержалъ и написалъ письмо отчаянное, полное мольбы, признаній и жалобъ къ схимнику. Схимникъ былъ человѣкъ вліятельный и сильный. Со своей скалы—онъ зорко видѣлъ что̀ дѣлалось кругомъ и не въ одно созерцаніе уходилъ пытливый умъ старца. Его слушался и мѣстный архіерей. Затворникъ отправилъ ему слезами пропитанное посланіе юноши и отъ себя приписалъ нѣсколько строкъ. Этого оказалось довольно. Преосвященный былъ человѣкъ энергичный: онъ пріѣхалъ къ Свиридову лично... Старикъ было его приглашать къ столу началъ, благословенія попросилъ.

— Не хочу у убійцъ вкушать... И благословенія таковымъ дать не могу.

— За что̀ это, ваше преосвященство? опѣшилъ купецъ.

— Что̀ ты съ сыномъ-то сдѣлалъ? Умираетъ онъ у тебя! Я къ нему пріѣхалъ, утѣшить страдальца, а не къ тебѣ. Къ тебѣ—для обличенія, а къ нему—для утѣшенія! Веди меня. Въ какой вертепъ ты его заключилъ?

Свиридовъ повелъ его на чердакъ.

— Что же у тебя въ хоромахъ для больного сына-то лучше угла не нашлось? Видѣть не хочу тебя, уйди съ глазъ моихъ! Въ слѣдующее же воскресеніе во всѣхъ храмахъ прикажу проповѣдь читать о жестокомъ отцѣ, съ указаніемъ.

Архіерей пришелъ къ юношѣ, остался съ нимъ съ глазу на глазъ болѣе двухъ часовъ. Выходя, онъ точно и не замѣтилъ караулившаго его Свиридова. Сѣлъ къ себѣ въ карету и уѣхалъ не простясь съ хозяиномъ дома. Старика проняло. Сына перенесли внизъ и объявили ему, что ужъ если есть у него такое усердіе, чтобы въ обитель, то отецъ ему не препятствуетъ. Это совсѣмъ оживило юношу. Онъ сталъ быстро поправляться и мѣсяца черезъ два уѣхалъ. А тамъ вскорѣ умеръ схимникъ покровительствовавшій ему, и юноша упросилъ настоятеля отпустить его на скалу.

— Гордыня въ тебѣ. Рано еще подвиговъ желать-то!

— Хочу въ одиночествѣ мыслей потрудиться, упорствовалъ юноша.

— Не выдержишь и будетъ сіе душевредно, ибо начнетъ братія укорять тебя за легкомысліе.

— Со смиреніемъ перенесу.

Ему отказали, но юноша самъ уѣхалъ на скалу и поселился въ пещерѣ, гдѣ жилъ схимникъ. Поискали, поискали его по монастырю—нѣтъ. Бросились на *Патмосъ*, какъ назывался этотъ одинокій утесъ, и увидѣли брата Александра совсѣмъ уже устроившагося тамъ. Такъ его и оставили въ покоѣ. Духовный наставникъ его, отецъ Палладій, хотѣлъ было воспрепятствовать этому, да ранѣе по обыкновенію своему обратился къ указанію Евангелія. Раскрывъ его наудачу, онъ прочелъ въ дѣяніяхъ апостольскихъ: *Потребовалъ темничный стражъ огня, вбѣжалъ въ темницу и въ трепетѣ припалъ къ Павлу и Силѣ.* Слово *темница* имъ сочтено было за одобреніе свыше мѣста избраннаго себѣ его духовнымъ сыномъ. Какъ это ни странно, молодой отшельникъ тутъ, среди нерушимаго уединенія въ сырой и холодной пещерѣ, среди ежечасныхъ лишеній, сталъ очень быстро поправляться. Весь міръ заключился для него здѣсь и никуда больше не тянуло юношу. Отецъ, случалось, писалъ ему: юноша отвѣчалъ рѣдко. Что̀ общаго было между ними? Ровно ничего. Сынъ давно

Выставка въ Екатеринбургѣ. Виды города. Сѣверная и восточная часть города Екатеринбурга. Съ фотогр. Метенкова, грав. М. Рашевскій.

Выставка въ Екатеринбургѣ. Виды города. Сѣверная и восточная часть города Екатеринбурга. Съ фотогр. Метенкова, грав. М. Рашевскій.

простилъ старику и, какъ истинный отшельникъ, считалъ своимъ отцомъ—Царя Небеснаго. Мачиха пріѣзжала, настоятель позвалъ отшельника. Онъ пришелъ и все время просидѣлъ опустивъ глаза внизъ и не отвѣчая ни слова.

— Противна мнѣ въ тебѣ жестокость твоя! укорялъ его потомъ отецъ Палладій.

Юноша молча поклонился ему въ ноги и уныло па свою скалу.

Въ ту же ночь онъ до утра лежалъ передъ иконою Богородицы, рыдая и моля простить ему „неотходчивость сердца". Слишкомъ, дѣйствительно, страстная натура была у молодого затворника, чтобы все прошлое улеглось въ немъ навсегда. Уставная кротость не давалась ему. И не даромъ отецъ Палладій иногда говорилъ ему:

— Побѣди себя! Смотри какъ бы огонь, что палитъ твоя внутренняя, не пожралъ бы сокровищъ души твоей. Ждутъ, я вижу, тебя испытанія великія, и не совсѣмъ ты кончилъ съ міромъ. Ибо „связанъ еще съ нимъ тотъ, кто всѣ его обиды простилъ, но не забылъ оныя!" Это Дамаскинъ говоритъ.

Иногда Александру казалось это предсказаніемъ, и онъ съ вершины скалы своей съ ужасомъ смотрѣлъ на этотъ синѣвшій вдалекѣ міръ, съ которымъ у него были еще не всѣ порваны связи.

III.

Утесъ живетъ.

Вѣчно одинъ, лицомъ къ лицу со скалами, водами и тучами—Свиридовъ сталъ одухотворять ихъ. Онъ въ бездушной, повинующейся якобы лишь законамъ движенія, стихіи, началъ распознавать скрытую жизнь. Это пришло уже впослѣдствіи, когда отъ постояннаго уединенія слухъ юноши пріучился схватывать каждый загадочный звукъ и слѣдить за нимъ, когда неотступныя созерцанія довели глаза до того, что имъ начинала казаться каменная грудь утеса медленно дышащею, облака—протягивавшими одно къ другому свои влажныя объятія. Уйдя отъ дѣйствительной жизни, отшельникъ весь погрузился въ другую. Полной тишины, гдѣ бы жила одна молитва, гдѣ бы являлся только Богъ, среди каменной неподвижности пустыни, все-таки кругомъ не было. Въ безсонныя ночи, когда юноша выходилъ устремить взоръ свой въ бездонную звѣздную бездну, старался прочесть что-то въ постоянныхъ и неизмѣнныхъ сочетаніяхъ свѣтилъ, точно хранившихъ тайну природы; когда ему начинало казаться, что тамъ еще далѣе за ними намѣчиваются смутныя какъ туманныя пятна, или какъ неопредѣленный, стелющійся надъ рѣкою паръ, очертанія чего-то еще болѣе великаго и глубокаго, наполняющаго безконечность,—рядомъ случалось рождался звукъ. Пѣвучій, тонкій, вздрагивавшій. Ему отвѣчалъ другой, третій... Слухъ юноши напрягался. Минуту спустя казалось, что въ пространствѣ протянуты какія-то серебряныя струны, что все кругомъ переполнено ими, что струны эти полны трепета и смысла. Чье-то слово бѣжитъ по нимъ одною широкою волною. Звуки слагаются въ стройныя сочетанія, льются торжественно, ростутъ. Тысячи ночныхъ голосовъ, созданныхъ молчаніемъ дремлющей природы, сливаются, одинъ за другимъ вступаютъ въ хоръ. Теперь ужъ каждый атомъ воздуха поетъ. Свиридовъ замеръ совсѣмъ, онъ слушаетъ, и чудится ему, что земля, воды и небо повѣдаютъ Славу Божію... Гимнъ обвиваетъ его кругомъ, какъ дымъ горящее дерево; гимнъ вторгается въ его похолодѣвшее тѣло и бѣжитъ по его нервамъ, шевелитъ волосы на головѣ юноши и разомъ смолкаетъ. Вѣтеръ, спавшій въ ущельѣ, проснулся, разбудилъ прильнувшую къ скаламъ морскую волну и засвисталъ гдѣ-то. Онъ точно задулъ этотъ гимнъ, ворвавшись враждебнымъ диссонансомъ въ его широко лившіеся звуки. Юноша такъ и называлъ ихъ молитвою природы, созерцающей Бога. Вмѣсто нихъ теперь слышутся ему голоса міра дѣйствительнаго. Разбуженная волна опять допрашивается о чемъ-то у утесовъ, и не получая отвѣта, накидывается на нихъ, взмыливаясь отъ бѣшенства; снизу вверхъ по скаламъ, точно дѣлая дозоръ, подымается вѣтеръ, и добравшись до ихъ вершинъ, смиряется подъ звѣздною бездной. Ночь тиха, ночь тепла—онъ опять свертывается въ ущельѣ, затягиваясь туманомъ, волна тоже тише и тише, наконецъ и ей надоѣло, и въ послѣдній разъ лизнувъ влажныя ноги холоднаго камня, она засыпаетъ подъ ними съ тихимъ ропотомъ соннаго ребенка. Свиридовъ не уходилъ домой. Его, выросшаго въ душныхъ комнатахъ, знавшаго до сихъ поръ только природу палисадника да жалкой герани, прикованной къ засиженному мухами стеклу, зачаровала эта ширь и эта даль. Теперь даже молитва замолкла въ отшельникѣ, онъ весь ушелъ въ безмолвіе созерцанія, въ это внутреннее молчаніе, когда человѣкъ дѣлается сосудомъ загадочныхъ впечатлѣній. Ни звука. Однѣ звѣзды мерцаютъ въ необъятной вышинѣ. Вонъ одна сорвалась съ мѣста и покатилась. Золотая дорога на мгновеніе блеснула въ его широко раскрытыхъ глазахъ. Звѣзда погасла. И опять только смигиваютъ незримыя слезы свои прикованныя къ небесной тверди свѣтила. Чу!.. опять пронесся звукъ въ пустынѣ. Глубокій и глухой... „Утесъ вздохнулъ со сна", соображаетъ юноша; другой повторилъ то же... Третій гдѣ-то уже далеко-далеко. И въ темнотѣ отшельнику кажется, что каменная площадь подъ нимъ медленно подымается и опускается... Дышетъ!.. Затекутъ ноги—Свиридовъ пройдется дальше. Станетъ у одного гранитнаго выступа и приникнетъ къ нему чуткимъ ухомъ. Спачала ничего не слышно. А потомъ, какъ въ пространствѣ передъ напряженнымъ взглядомъ выступаютъ очерки дальнихъ предметовъ, такъ и изъ нѣдра скалы долетаютъ къ возбужденному слуху загадочные звуки. Загадочные для всѣхъ кромѣ него. Онъ давно разобралъ и различилъ ихъ—это вотъ воды, запертыя въ камень, жалуются и плачутъ въ своей холодной и мрачной темницѣ. Солнца, тепла и простора надо имъ. Гранитная пустыня была полна такихъ звуковъ и жалобъ. Вонъ нѣкій духъ, попавшій тоже въ нѣдра нежданно сдвинувшагося камня. Ему тоже нуженъ свѣтъ, нужна свобода... А тамъ и болѣе опредѣленный стонъ. Чья-то душа мучится, кто-то одухотворенный заключенъ здѣсь на долгіе вѣки, пока по такому же полному звѣздъ небу не полетитъ ангелъ Суда Божьяго и надъ безпечнымъ міромъ не пронесутся грозные звуки послѣдней трубы. И разсядутся тогда камни и освобожденныя воды прольются въ бездны и изъ гранитныхъ темницъ заключенные туда духи—вырвутся очищенные страданіемъ и раскаяніемъ, чтобы слиться въ общемъ источникѣ свѣта и правды.

Глубоко потрясенный ночными созерцаніями, уходилъ къ себѣ домой Свиридовъ.

И не было такого угла кругомъ, гдѣ-бы жизнь, отъ которой бѣжалъ онъ, не лилась широкими волнами, не трепетала всѣми своими невидимыми пульсами.

Были и у отшельника свои огорченія. Отъ нихъ не уйдешь никуда. Нѣтъ такой пустыни, гдѣ-бы рядомъ съ свѣтлыми лучами не ложилась тѣнь. И въ монастыряхъ зависть бѣсовская омрачаетъ души. И у Свиридова были свои враги, хоть онъ и ушелъ въ царство камня и воды отъ нихъ. Едва-ли не главнымъ между ними являлся тотъ-же послушникъ Іоаннъ, прислуживавшій духовному руководителю молодого пустынника—отцу Палладію. Еще бы!.. въ такіе ранніе годы Александръ сталъ уже на высокую степень монашеской іерархіи, сдѣлался чуть не затворникомъ, занялъ келью схимника, памятью о которомъ гордилась вся обитель. Совершенно было достаточно, чтобы даже

хорошаго человѣка, но тоже ревнующаго о подвигѣ, заставить заподозрить чистоту намѣреній въ своемъ болѣе счастливомъ сопернинѣ. И братъ Іоаннъ столь заботился о душѣ Свиридова, что отцу Палладію стали даже несносны его представленія.

— Да чего ты изводишься? Ну, завидно тебѣ, уйди самъ въ пустыню, запрись.

— И не пойду, потому что не могу понести сего.

— Чего же тебѣ надо?

— У брата Александра душа чистая, но увлекается гордыней. Выспренне мнитъ о себѣ. Въ послѣдній разъ мимо іеромонаховъ прошелъ во храмѣ и точно не видѣлъ ихъ.

— Потому онъ въ забвени былъ. Послѣ прощенія просилъ.

— Не вѣрю я забвенію сему. Не настоящее оно, забвеніе это, болѣе умышленное—дабы всѣ видѣли сколь онъ одержимъ молитвеннымъ восторгомъ. Онъ у себя тамъ въ затворѣ-то зачѣмъ по недѣлямъ сидитъ, почему на службы наши не является? Дабы всѣ мыслили, что онъ весь въ Бога ушелъ. Ему въ послѣдній разъ казначей нашъ,—инокъ-то вѣдь болѣе достойный, сорокъ лѣтъ въ обители, а не два,—говоритъ: „побойся ты Бога, братъ Александръ", а онъ ему: „я, отвѣчаетъ, Бога не боюсь а люблю Его".

— Что же, это онъ правильно, у Іоанна сказано: *въ любви нѣсть страха, но совершенная любовь вонъ изгонять страхъ.*

— Не по сему онъ, а по гордынѣ своей сатанинской. На-вотъ, для меня-то и Богъ другой совсѣмъ чѣмъ для другихъ.

Отецъ Палладій слушалъ, слушалъ и невольно поддаваться сталъ. А тутъ еще Іоаннъ то и дѣло шепчетъ: „надо испытать терпѣніе юноши сего. Надо заставить его смириться. Пусть и не право перенесетъ обиду, она будетъ въ пользу ему. Въ уничиженіи спасеніе найдетъ. Что за монахъ не претерпѣвшій гоненія?"

— Польза-то, польза. Это точно. Только боленъ онъ.

— Здѣсь въ монастырѣ лучше оправится. Пища-то у насъ поздоровѣй хлѣба да воды.

Посовѣтовался Палладій кое съ кѣмъ—всѣ то же говорятъ. Занесся-де юноша, Богъ знаетъ куда. Пусть свою немощь познаетъ. Такъ и рѣшили—вызвали Александра въ монастырь. Добродушный руководитель его даже строгимъ прикинулся.

— Не добро тебѣ быти единому. Я за тебя, за твою душу отвѣтствую. Не однимъ своимъ умомъ, а соборне заключили мы что надо тебѣ оставить уединеніе и жить съ братіей, работать какъ и всѣ.

Свиридовъ поблѣднѣлъ.

— Потомъ когда-нибудь, постарѣешь, въ смиреніи иноческомъ утвердишься—ну, ступай... А теперь рано еще въ затворъ замыкаться, да святымъ себя воображать. Отъ воображенія и грѣхи наши всѣ!

Свиридовъ только поклонился.

— Коли думаешь неправъ я—какъ испытаніе перенеси это, не искушай себя противленіемъ. Подумай такъ, что наложилъ я на тебя эпитемію и надо ее исполнить духорадостно, какъ должное, а не омрачаться. Помнишь когда иноки неправедно бичевали Симеона, что онъ пѣлъ: „слава Тебѣ Господи, слава Тебѣ!"

Рѣшеніе было безповоротное. Александру отвели келью въ монастырѣ, помѣстили его вмѣстѣ съ другимъ послушникомъ. Этотъ былъ тоже изъ купеческихъ дѣтей и пошелъ въ обитель по собственному желанію, но не могъ сразу совлечь съ себя мірскаго человѣка. Разсказывая юношѣ о бѣсовскихъ прелестяхъ міра, пѣлъ пѣсни неподобныя, въ родѣ „ты для меня душа и сила", и другія.

— Зачѣмъ ты въ монахи пошелъ? укорялъ его Александръ.

— Другъ ты мой, піаный бѣсъ одолѣлъ меня вотъ какъ. Тутъ вѣдь строго. Водку развѣ во снѣ увидишь, а тамъ, какъ утро—я ужъ пьянъ. Зеленые стали ходить передо мной. Сатану на носу ловилъ! Такое-ли страхованіе было! До чего дошелъ, замѣсто пріятеля, съ козломъ пилъ. Ну, вижу, гибель моя, я и ушелъ сюда. Тутъ воскресъ. И исцѣлился. Пятый годъ водки ни-ни. А если у меня теноръ—такъ по твоему какъ, пропадать ему?

— Пой духовныя пѣсни. Бога славослови.

— И пою на клиросѣ, даже отъ епископа одобряемъ былъ, и неоднократно. Но въ духовномъ пѣніи есть полетъ, а трепетанія нѣтъ. Въ духовномъ пѣніи душа ликуетъ либо скорбитъ, но невра молчитъ. А человѣку также и невра дана, дабы и ей было свое удовлетвореніе. Въ духовномъ пѣніи воздыханіе есть—по трель отсутствуетъ.

Не прошло недѣли какъ братъ Александръ сталъ на себя непохожъ.

Опять вернулся прежній кашель, взглядъ сталъ какой-то блуждающій.

— Что тебѣ тяжко? допрашивался у него заботливый Палладій.—Жребій тяготитъ тебя, общежитіе наше несносно?

— Нѣтъ... Слава Богу! отрицалъ юноша, уже усвоившій себѣ монашескую логику, по которой чѣмъ хуже, тѣмъ лучше. Чѣмъ тяжелѣе подвигъ, тѣмъ онъ угоднѣе Богу.

„Нѣтъ", а между тѣмъ самъ цѣлые часы, свободные отъ службы, проводитъ на берегу, неотступно глядя на свои каменныя скалы. Румяный отблескъ заката на ихъ вершинахъ, синія и лиловыя тѣни, черные влажные обрывы въ озеро—тянутъ къ себѣ, приковываютъ его душу... Сколько разъ его заставала братія въ забвеніи; заглядится на едва замѣтную отсюда пещеру, или засмотрится на облако окутавшее гранитные утесы, а по лицу такъ и текутъ слезы. Хотѣлъ было отпустить его назадъ отецъ Палладій, да другіе монахи воспрепятствовали этому.

— Погоди еще. Стерпится—слюбится. Тогда-то его и надо на скалу послать, когда ему общежитіе по душѣ будетъ а уединеніе станетъ ненавистно, тогда-то и иди—заслуживай у Бога!

И пожалуй бы долго такъ продолжалось да разъ все тотъ же братъ Іоаннъ, весь передергиваемый судорогами, вбѣжалъ къ отцу Палладію въ келью и бросился ему въ ноги съ плачемъ.

— Что ты?

— Прости меня... Злодѣй я... Ожесточенный злодѣй я... Искушеніе одолѣло меня.

— Богъ проститъ, говори толкомъ въ чемъ дѣло-то?

— Я-то сколь противу брата Александра говорилъ... Отпусти его на скалу.

— Съ ума вы сошли всѣ. что-ли?

Но оказалось, что пробудившаяся совѣсть не даромъ громко заговорила въ послушникѣ. Онъ убѣдилъ отца Палладія пойти за собою и показалъ ему юношу, сидѣвшаго на берегу противъ своего острова. Все его лицо было заплакано. Глаза ничего не видѣли кромѣ далекой, уединенной кельи.

— Съ утра онъ такъ-то. Какъ солнце взошло ушелъ сюда. Пятый разъ я прохожу мимо. И все это мои козни да навѣты! исповѣдывался послушникъ.

Послушника, разумѣется, простили, а Александру было объявлено, что онъ можетъ, если хочетъ, ѣхать къ себѣ на утесъ.

Свиридовъ какъ сумасшедшій бросился въ келью къ тенору. Тотъ, оказалось, лежа, распѣвалъ „Не шей ты мнѣ, матушка, красный сарафанъ", но услышавъ, что его товарищъ уходитъ, прослезился и незамѣтно для Александра втиснулъ къ нему въ котомку „Полный русскій пѣсенникъ" и „Живую струну". Іоаннъ ждалъ его во дворѣ, и когда молодой послушникъ показался тамъ,

онъ повалился передъ нимъ на землю и сталъ просить прощенія, ловя его ноги. Напрасно Свиридовъ хотѣлъ поднять его.

— Не стою я... Червь я доточный. Гіена смрадная.

Между этими страстными натурами не было чувствъ въ половину. Клеветать такъ клеветать, каяться такъ до кровавыхъ слезъ, до боли. Наконецъ отшельнику удалось поставить его на ноги. Онъ поцѣловалъ Іоанна ото всей души.

— Помни, братъ Александръ,—теперь я тебѣ другъ до смерти. Всякое дыханіе мое для тебя... Все, что надо тебѣ, о чемъ ты самъ и не помыслишь, я уже упомню!.. Будь спокоенъ.

Александръ, сѣвъ въ лодку и отчаливъ отъ берега, отъ души простилъ Іоанна.

Передъ нимъ выростали его скалы, его солнце горѣло на нихъ, его волны бились въ ихъ влажные отвѣсы...

И въ ту же ночь, когда онъ въ блаженномъ созерцаніи стоялъ одинъ подъ звѣздною твердью небесъ, когда въ немъ еще порою вставали сомнѣнія, угоденъ ли его подвигъ, не гордыня ли заставляетъ его бѣжать отъ людей, уходить на темныя скалы, случилось нѣчто убѣдившее его, что дорога его истинная, что иной ему и не надо. Всѣ впечатлѣнія здѣсь по необходимости перевивались съ воспоминаніями о первомъ насельникѣ этого острова, схимникѣ, покровительствовавшемъ юношѣ, когда онъ еще ребенкомъ былъ присланъ сюда замаливать отцовскіе грѣхи. Не было тутъ камня, щели, гдѣ бы онъ ни видѣлъ подвижника или молившимся, или плакавшимъ объ отвлеченномъ „грѣхѣ міра сего?.." Поневолѣ и теперь ему вспомнился схимникъ, пришла на память его согбенная фигура. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ впередъ. Келья осталась далеко, ее не было видно уже за выступами голаго камня. Передъ Александромъ протянулась темная щель. Утесъ тутъ раскололся на-двое и по дну змѣилась тропинка, заваленная мелкимъ щебнемъ, мокрымъ потому, что подъ нимъ сочился ручей, вскорѣ опять пропадавшій въ землю. Александръ, дойдя до тропинки, задумался надъ нею и сѣлъ. Луна всплыла уже. Густою теменью легли ея тѣни. Каждая скала точно раздвоилась. Отдаленный шумъ озера звучнѣе раздавался въ молчаніи точно о чемъ-то замечтавшейся ночи. Вдругъ отшельникъ вздрогнулъ и поднялъ глаза кверху. На вышку утеса падало лунное сіяніе, точно обливало оно серебромъ изорванную поверхность гранита. И вотъ, между этимъ сіяніемъ и скалою стало что-то, проступило темное пятно, проступило и не пропало, а сосредоточивается, опредѣляется все болѣе и болѣе. Острое наверху, точно черный капюшонъ на головѣ. Черныя складки платья ложатся внизъ. Рука отъ этого призрака протянулась и благословляетъ юношу. Весь вырисовался теперь, и видитъ Свиридовъ его какъ будто рядомъ... Что это? словно вѣтромъ сдвинуло край головнаго покрова и выглянуло изможденное лицо... Знакомое и милое отшельнику, добрый взглядъ ушедшихъ въ безчисленныя морщины глазъ, до такой степени ясныхъ, будто призракъ стоитъ тутъ же лицомъ къ лицу. Упалъ Свиридовъ прямо на влажные камни ручья... И слышитъ надъ собою шелестъ и тихій звукъ шаговъ, и будто полы черной схимы шуршатъ по откосу скалы... Ближе... Тихое вѣяніе надъ лежавшимъ, словно дыханіе наклонившагося къ нему, и едва-едва слышимыя какъ отдаленные взмахи крыльевъ слова: „мужайся, дѣло твое велико предъ Богомъ..." Кто-то коснулся его. Свиридовъ вскочилъ—но ни вблизи, ни вдали уже ничего и никого не было, только серебряный столбъ луннаго свѣта падаетъ на вершину утеса, да едва-едва булькаетъ вода, просочившаяся подъ камнями...

И снова для юноши началась обычная жизнь. Снова стали дышать камни, рождаться и умирать среди безмолвія таинственные звуки. Опять по цѣлымъ часамъ онъ, затаясь, слушалъ какъ на случайно поднявшейся изъ сухой щели былинѣ едва различаемымъ шелестомъ бесѣдуютъ между собою чахлые и нѣжные листья,—какъ запертый въ горныя нѣдра ключъ жалуется на свою гранитную темницу, какъ просыпается и опять засыпаетъ вѣтеръ, и какъ внизу озерная волна все такъ-же какъ и прежде мучительно и неотступно о чемъ-то допрашивается у берега.

(До слѣд. №).

Странныя письма.

(Отъ воскресшихъ родителей).

Разсказъ **К. Бороздина**.

(Продолженіе).

III.

Недѣли двѣ спустя батальонъ, въ которомъ были оба пріятеля, маіоръ и рядовой, выступилъ въ походъ. Экспедиція имѣла цѣлью рубку чеченскихъ лѣсовъ; дѣло было тяжелое, усложненное безпрестанными перестрѣлками и стычками съ горцами. То появлялись они мелкими партіями, то наѣзжали массою, невидимою въ чащѣ лѣса, вызывать ихъ оттуда и расправиться съ ними не всегда удавалось и они наносили большой уронъ въ людяхъ. Войска дѣлали свое дѣло, ихъ ничто не останавливало въ прорубкѣ широкихъ просѣкъ, и куринцы по обыкновенію блистательно поддерживали давно уже составленную ими боевую репутацію. Мы не станемъ вдаваться въ описаніе подробностей этой экспедиціи и скажемъ только, что въ Куринскомъ батальонѣ была за это время не малая убыль: батальоннаго командира ранили, мѣсто его заступилъ маіоръ Конопко; убитъ былъ ротный командиръ, всѣ его жалѣли, да и было за что, прекраснѣйшій человѣкъ былъ капитанъ. Въ него угодило двѣ пули: одна въ колѣно, другая въ грудь.

Когда подняли его, чтобы отнести на перевязочный пунктъ, онъ сильно страдалъ, но былъ еще въ сознаніи, и первыми словами его одному изъ товарищей-офицеровъ была шутка:

„Зарвался, братъ, за банкъ, вмѣсто одной схватилъ двѣ раны... да ничего... знаю, что выживу... все вздоръ... пари не проиграю."

Бѣдный капитанъ въ тотъ же день къ вечеру скончался.

Александръ Ивановичъ получилъ унтеръ-офицера и представленъ былъ къ Георгію

Въ январѣ, т. е. на четвертый мѣсяцъ экспедиціи, изъ Воздвиженской пришелъ свѣжій батальонъ на смѣну потрудившагося, и тотъ направился обратно въ штабъ-квартиру на отдыхъ.

Вернулись, наконецъ, къ своимъ пенатамъ. Батальонъ велъ нашъ маіоръ; навстрѣчу, за версту, выѣхалъ къ нему самъ полковой командиръ съ большою свитою офицеровъ, какъ водится, поздоровались, люди прокричали „ура". По лицамъ и по одеждѣ видно было, что поработали; лица были закопченыя, а платье въ лохмотьяхъ, но за то глаза такіе, что ихъ не передашь никакимъ перомъ, никакою кистью.

Полковой командиръ скомандовалъ „пѣсенникамъ впередъ" и съ ними вступилъ на форштадтъ крѣпости, гдѣ батальонъ встрѣтила прекрасная половина рода человѣческаго, съ зонтиками и безъ зонтиковъ.

На утро былъ пріемъ офицеровъ у полкового командира; тотъ оставилъ всѣхъ завтракать и разговоръ долго шелъ о сдѣланномъ походѣ. Катерина Васильевна по обыкновенію очаровывала всѣхъ своею любезностью и очень была довольна возвращеніемъ своего маіора, которому тутъ же успѣла разсказать бездну вещей по дамской части, имъ двоимъ только интересныхъ, и на другой же день навалила Петру Васильевичу множество порученій.

Завтракъ покончился, всѣ стали расходиться и Петръ Васильевичъ былъ уже въ передней, какъ его догналъ тамъ полковой адъютантъ.

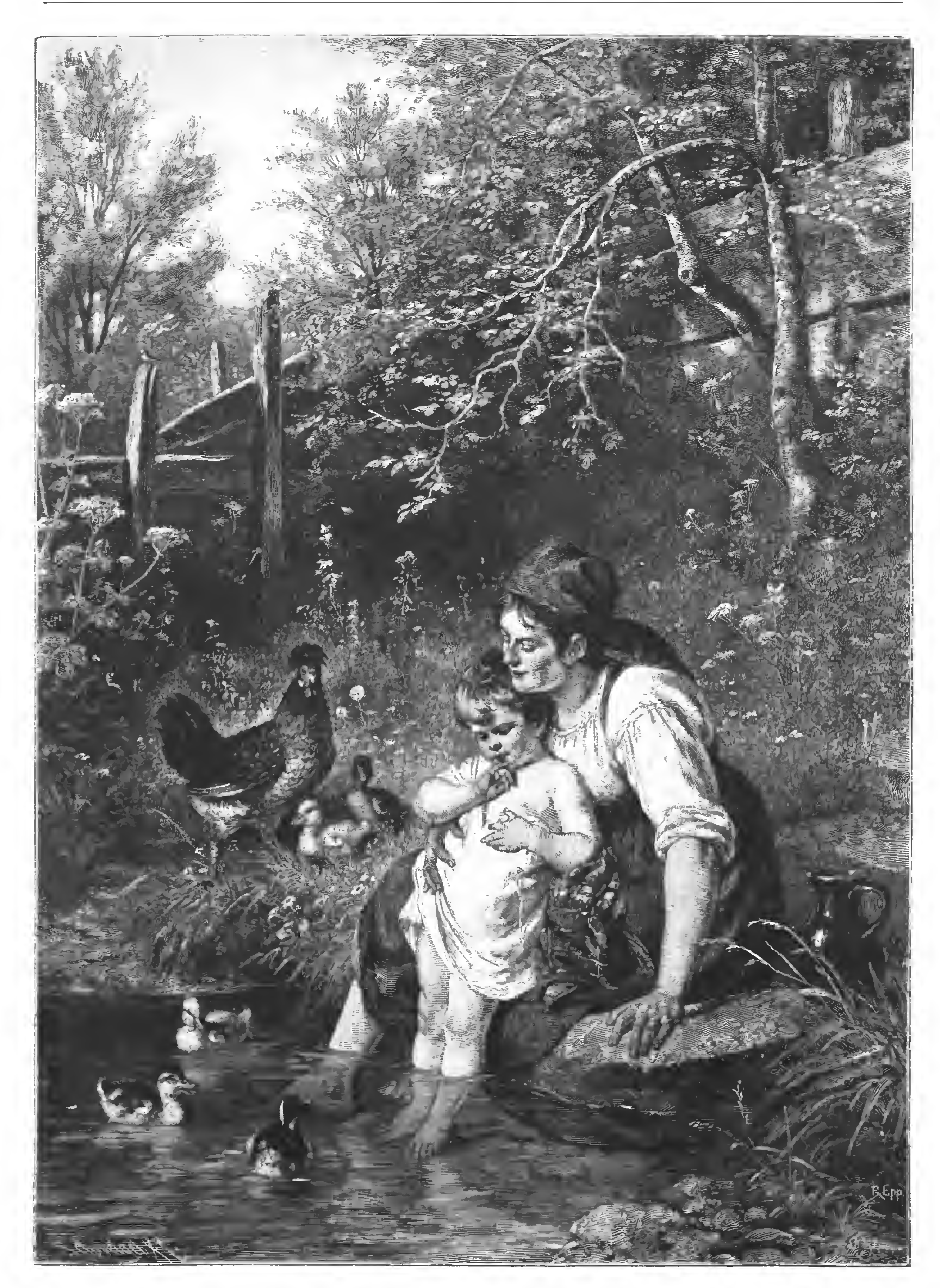
— А я имѣю передать вамъ письмо, маіоръ, сказалъ онъ ему,—нарочно захватилъ его съ собою, оно лежало у меня въ канцеляріи недѣли уже двѣ.

И онъ вручилъ письмо маіору.

Петръ Васильевичъ взглянулъ и его судорожно передернуло: знакомая рука и опять штемпель „Ромны".

Сунулъ онъ письмо въ задній карманъ и какъ ошпаренный поплелся домой.

„Вотъ напасть-то, прости Господи, чего хотятъ они отъ меня? Не пишутъ-ли опять своихъ секретовъ? Тфу!" маіоръ даже плюнулъ.

На берегу ручья. Съ карт. Р. Эппа, грав. Швейгель.

У себя засталъ онъ нѣсколько сослуживцевъ, въ числѣ ихъ и Александра Ивановича. Отведя его въ сторону, показалъ ему конвертъ и между ними произошелъ слѣдующій діалогъ вполголоса.

— Опять?

— Какъ видите. Возьмите пожалуйста, спрячьте, оно меня жжетъ. Послѣ, когда разойдутся, прочитаемъ, а теперь вовсе не желаю кого либо посвящать въ эту исторію.

Подана была закуска, кахетинское, наливки, портеръ; разговоръ все болѣе и болѣе оживлялся и гости засидѣлись до глубокой ночи, а когда разошлись и пріятели остались вдвоемъ, распечаталось и письмо.

„Господинъ маіоръ (начиналось оно совсѣмъ уже оффиціально), по порученію супруги моей Татьяны Ѳедоровны, а Вашей матери, я послѣдній разъ пишу къ Вамъ, приглашая Васъ именемъ Вашей родительницы прекратить недостойные честнаго человѣка поступки Ваши. Знайте же, что по полученіи Вашего страхового письма, написаннаго неизвѣстнымъ намъ почеркомъ, я немедленно повторилъ просьбу свою въ штабъ отдѣльнаго Кавказскаго корпуса о высылкѣ мнѣ точной справки мѣстонахожденія сына моего, маіора Петра Васильевича Кононко, оговариваясь при этомъ. что служащій въ крѣпости Воздвиженской маіоръ, тождественный по имени, отчеству и фамиліи съ моимъ сыномъ, не есть мой сынъ, а потому настоящій сынъ мой долженъ находиться въ другомъ пунктѣ расположенія кавказскихъ войскъ, а гдѣ именно, о томъ я и прошу доставить мнѣ самовѣрнѣйшую справку. И вотъ-съ на эту просьбу получилъ я изъ штаба отвѣтъ, при семъ въ копіи прилагаемый, а изъ него явствуетъ во 1-хъ, что никакого другого маіора Кононко кромѣ Васъ на Кавказѣ не обрѣтается и во 2-хъ, что все это ничего болѣе, какъ Ваши продѣлки. Вы рѣшились во что бы то ни стало терзать Вашихъ родителей и заставляете ихъ отыскивать на Кавказѣ Вашего двойника, лицо небывалое. Что касается до меня лично, то скажу Вамъ, что я давно уже пересталъ считать Васъ за своего сына; но, къ несчастію моему, сдѣлать того же жена моя, а Ваша мать, не въ состояніи, это выше силъ ея, и ради слезной ея просьбы пишу къ Вамъ. Неужели Вы думаете, что я не найду управы на Ваше явное неуваженіе къ родительской власти? Берегитесь! матушка Ваша черезчуръ мнѣ драгоцѣнна, за нее я съумѣю съ Вами расправиться и ни передъ чѣмъ не остановлюсь, если Вы въ этотъ разъ, съ полученіемъ моего письма, не отзоветесь тотчасъ же, какъ слѣдуетъ сыну, провинившемуся передъ своею матерью. Василій Кононко."

Въ приложеніи къ письму находилась и копія со справки изъ штаба, дѣйствительно гласившая, что кромѣ служащаго въ крѣпости Воздвиженской маіора Куринскаго полка Петра Васильевича Кононко, другого штабъ-офицера того же чина, имени, отчества и фамиліи, въ числѣ состоящихъ на службѣ въ отдѣльномъ Кавказскомъ корпусѣ, не находится.

По этой новой справкѣ выходило, что старикъ, пишущій такое сердитое письмо, былъ логически правъ. Сынъ его поѣхалъ служить на Кавказъ; не получая отъ него извѣстій, онъ наводитъ о немъ справку въ штабѣ, оттуда указываютъ на Воздвиженскую; онъ пишетъ туда и получаетъ письмо свое обратно съ извѣстнымъ объясненіемъ. Снова запрашиваетъ штабъ и получаетъ самое категорическое подтвержденіе первой справки. „Другого маіора Кононко, кромѣ служащаго въ Воздвиженской, на Кавказѣ нѣтъ". Такое разногласіе съ отвѣтомъ, полученнымъ имъ отъ самого маіора изъ Воздвиженской, разъясняется имъ по-своему. Сынъ недоволенъ на родителей, въ особенности на отца, за разстроенную его свадьбу, вымещаетъ свою злобу мистификаціей самаго сквернаго свойства и придумалъ направлять ихъ съ корреспонденціей къ несуществующему своему двойнику. Придя къ этому заключенію, старикъ разражается грознымъ посланіемъ.

Но для маіора вся эта исторія давно уже перестала быть смѣшною. Чрезвычайно странное стеченіе обстоятельствъ связало съ нимъ семейную драму, происходящую въ далекомъ отъ Воздвиженской уголкѣ, совершенно ему чуждомъ, о которомъ ему никогда до того и не снилось. По какому-то фатальному недоразумѣнію дѣйствующія лица этой драмы зацѣпили его, нарушили его покой, онъ не можетъ отчураться и отдѣлаться отъ непрошенныхъ ихъ конфиденцій и незаслуженныхъ упрековъ. Къ довершенію всего, какой-то Василій Андреевичъ Кононко и супруга его Татьяна Ѳедоровна насильно хотятъ быть его родителями.

Долго думали маіоръ и Александръ Ивановичъ, какъ отвѣтить на этотъ разъ, и наконецъ Полигоновъ пришелъ къ слѣдующему заключенію.

Ясно, что люди эти твердо убѣждены, что маіоръ ихъ сынъ и они ничего теперь болѣе не добиваются, какъ получить отъ него письмо, именно такое, какъ имъ нужно, т. е. онъ долженъ имъ писать: „милые родители, простите меня, я виноватъ передъ вами и т. д." Всякія же другія объясненія они сочтутъ за новое вранье и маіоръ будетъ имѣть удовольствіе получить отъ нихъ не одно еще письмо, въ родѣ предшедшихъ. А потому ничего не остается, какъ опять отослать въ Ромны и настоящее письмо съ такою запиской. Тутъ Александръ Ивановичъ принялся за ея редакцію и минутъ черезъ десять прочиталъ:

„Маіоръ Петръ Васильевичъ Кононко очень сожалѣетъ, что новая справка, полученная Васильемъ Андреевичемъ Кононко изъ штаба, не выяснила ему дѣйствительнаго мѣстонахожденія сына его на Кавказѣ и вызвала на новое, крайне раздражительное письмо, ничѣмъ незаслуженное. Маіоръ Петръ Васильевичъ Кононко, не зная рѣшительно ничего болѣе, кромѣ того что получаемыя имъ письма изъ г. Роменъ, присылаются къ нему вслѣдствіе недоразумѣнія, разъяснять которое считаетъ для себя совершенно излишнимъ, возвращаетъ и на этотъ разъ обратно полученное имъ (отъ такого-то числа) письмо, присовокупляя, что затѣмъ всѣ послѣдующія письма, оттуда же полученныя, будутъ имъ уничтожатся и останутся безъ отвѣта".

— Какъ вы думаете, Петръ Васильевичъ, слѣдуетъ ли писать иначе?

— Да я ничего не думаю, Александръ Ивановичъ, могу-ли я придумать что-нибудь лучше васъ.

— Ну, такъ съ Богомъ и посылайте!

И письмо на другой же день пошло въ страховомъ пакетѣ. Маіоръ не сомнѣвался на этотъ разъ, что все покончилось. Оставятъ же его наконецъ въ покоѣ, узнавъ, что, не читая, онъ будетъ сжигать письма. Тѣмъ не менѣе, по крайней мѣрѣ въ теченіе цѣлой недѣли, за этой послѣдней отпиской, онъ положительно былъ не въ своей тарелкѣ. Уму и опытности Александра Ивановича онъ безусловно вѣрилъ, но его самого смущалъ что-то ужъ черезчуръ сухой тонъ отвѣта; какъ его ни терзали всѣ эти господа своими конфиденціями и руготней, но вдумавшись въ суть дѣла, онъ не могъ не скорбѣть за родителей, страдающихъ, какъ видно, не на шутку отъ загадочнаго исчезновенія ихъ сына. „А какая же долженъ быть дрянь этотъ сынъ!" говорилъ самъ съ собою маіоръ, „мучить такъ бѣдныхъ стариковъ"... Подобныя мысли неотвязно приходили ему въ голову въ теченіе нѣсколькихъ дней, наконецъ жизнь неприкѣтно стала втягивать его въ себя и онъ попрежнему отдался дѣламъ служебнымъ, хозяйственнымъ и дамскимъ.

Прошло уже три мѣсяца со дня возвращенія изъ экспедиціи, приближалась Пасха, къ тому времени ожидались награды, а въ числѣ представленныхъ къ ордену былъ и маіоръ, не совсѣмъ къ тому равнодушный.

(Оконч. въ слѣд. №).

О происхожденіи чиселъ и цифръ.

Т. Вальтера.

I.

При томъ высокомъ значеніи, которое имѣетъ математика во всей умственной жизни человѣчества,—не безъинтересно будетъ прослѣдить возникновеніе нынѣ столь общедоступныхъ понятій о числахъ и величинахъ у различныхъ народовъ. Намъ придется для этого спуститься во мракъ тѣхъ временъ, когда люди, находясь въ состояніи младенчества, едва готовились къ воспринятію культуры. Во всякомъ случаѣ, происхожденіе понятія о числахъ несомнѣнно должно быть отнесено къ самому раннему періоду умственнаго развитія человѣчества, такъ какъ въ наше время нѣтъ ни одного народа, настолько дикаго и лишеннаго культуры, чтобы ему не было присуще понятіе о счетѣ.

Прежде чѣмъ явилось отвлеченное понятіе о числахъ, въ древнѣйшія времена, какъ и теперь у дикихъ народовъ, былъ уже способъ счисленія по пальцамъ. Для основныхъ представленій о числахъ создались затѣмъ въ языкѣ имена числительныя, происхожденіе которыхъ, по единогласно высказанному сужденію всѣхъ филологовъ, должно быть отнесено къ самой низшей ступени развитія языка. Фактъ этотъ считается настолько несомнѣннымъ, что на сходствѣ именъ числительныхъ у двухъ народовъ основываютъ сужденіе о племенномъ ихъ родствѣ Нагляднымъ подтвержденіемъ такого заключенія служитъ сходство именъ числительныхъ въ языкахъ санскритскомъ, зендскомъ, персидскомъ, греческомъ, латинскомъ, кельтскомъ, германскомъ и славянскомъ, общее происхожденіе которыхъ отъ индо-европейскаго или арійскаго корня несомнѣнно доказано. Имена числительныя и въ этимологическомъ отношеніи не допускаютъ производства отъ другихъ корней. Они служатъ таинственной нитью, которая связуетъ языки народовъ, раздѣленныхъ уже въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій.

Что же касается составленія указанныхъ выше словъ, то, очевидно, не было возможности создать для каждаго отдѣльнаго числа особое наименованіе. Съ удивительнымъ инстинктомъ народы воспользовались готовою схемой пальцевъ на рукахъ и ногахъ, чтобы облегчить себѣ какъ самый актъ счисленія, такъ и выраженіе его словами. А именно, пересчитавъ десять пальцевъ, они дѣлали остановку для отдыха и отмѣчали первый десятокъ или чертой на пескѣ, или (какъ негры дѣлаютъ и до сихъ поръ) откладывая въ сторону маисовое зернышко, или камешекъ (отсюда calcul, calculer отъ слова calculus—камешекъ). Подобныя замѣтки повторяли всякій разъ пересчитавъ де-

сять пальцевъ и такимъ образомъ безъ затрудненія доходили до большихъ сравнительно чиселъ. Для этихъ откладываемыхъ на пальцахъ количествъ и были созданы особыя слова. Послѣднее число въ ряду такъ-называемыхъ единицъ служило *основнымъ числомъ*, на которомъ систематически строились всѣ остальныя числительныя имена. Такъ напр., при самомъ актѣ счисленія, по достиженіи основного числа, вновь принимались считать сначала,—пока опять не доходили до него; въ изустномъ-же счисленіи, числа, слѣдующія за основнымъ, составлялись такимъ образомъ, что имѣющіяся уже названія единицъ такъ или иначе связывались съ нимъ грамматически.

Попробуемъ уяснить себѣ систематическое образованіе именъ числительныхъ, для чего прослѣдимъ подобное образованіе словъ на русскомъ языкѣ *). Основнымъ числомъ служитъ десять; система наша—десятичная. Отдѣльныя наименованія имѣются у насъ для одного, двухъ, трехъ, четырехъ, пяти, шести, семи, восьми, девяти и десяти. Начиная съ десяти, идутъ составныя числа, т. е. не имѣющія отдѣльнаго наименованія, а составленныя изъ основнаго (десяти) и одного изъ остальныхъ девяти. такъ напримѣръ: один-на-дцать (*дцать*—десять), двѣ-на-дцать, три-на-дцать и т. д. до девятнадцати включительно, затѣмъ двадцать (два раза десять), двадцать одинъ и т. д. до двадцати девяти, три раза десять—тридцать, и т. д.; четыре раза десять—особое слово: *сорокъ*; затѣмъ пятьдесять, шестьдесятъ, и т. д. до десяти разъ десять, для котораго имѣется уже особое слово *сто*. Далѣе къ ста прикладываются поочередно всѣ предыдущія числа до второй сотни—двѣсти, которую получаемъ, принимая сто за новую единицу, отчего являются всѣ послѣдующія числа: триста, четыреста и т. д. до десяти сотъ; для послѣдняго составилось снова особое слово *тысяча*. Въ болѣе отдаленное время не существовало понятія выше *тысячи*; слова же *милліонъ, билліонъ* и т. д.—сравнительно новаго происхожденія. Названіе *милліонъ* взято изъ итальянскаго, гдѣ оно первоначально обозначало извѣстную сумму денегъ (десять бочонковъ золота); какъ отвлеченное числительное понятіе, оно вошло въ общее употребленіе лишь въ XVIII вѣкѣ. Слова *билліонъ, трилліонъ* появились только вначалѣ XVII столѣтія. Милліардъ (тысяча милліоновъ), который, по Бальцеру, уже встрѣчается во французскихъ книгахъ XVI вѣка, только въ настоящемъ столѣтіи вошелъ во Франціи во всеобщее употребленіе, а со времени французской контрибуціи получилъ право гражданства и въ Германіи.

Если будемъ доискиваться основного принципа, который служилъ различнымъ народамъ для основанія счисленія, то мы тотчасъ замѣтимъ весьма характерный фактъ, что почти у всѣхъ народовъ основнымъ числомъ служило десять, что является несомнѣннымъ признакомъ веденія счета по пальцамъ. Рядомъ съ десятью въ качествѣ основныхъ чиселъ встрѣчаются нерѣдко *пять* и *двадцать*. *Десятичное* счисленіе принято у всѣхъ культурныхъ народовъ, между тѣмъ какъ у народностей нецивилизованныхъ не менѣе часто встрѣчается *пятичная* система съ основнымъ числомъ пять, происхожденіе которой надо приписать обычаю считать по пальцамъ одной руки. Такъ напр., въ пятичной системѣ названіе 6 составляется изъ 5 и 1, 7 изъ 5 и 2, 8 изъ 5 и 3, 9 изъ 5 и 4; далѣе слѣдовало бы сказать 5 и 5, но для 10 вездѣ имѣется самостоятельное наименованіе, такъ что здѣсь пятичная система снова переходитъ въ десятичную.

Болѣе высокое значеніе и бóльшую послѣдовательность въ составленіи именъ числительныхъ представляетъ система *вигезимальная* (двадцатичная), имѣющая основнымъ числомъ 20 и происшедшая отъ обыкновенія считать пальцы не только на рукахъ, но и на ногахъ. Хотя обычай этотъ, повидимому, показываетъ, что изобрѣтатели его обходились безъ обуви, однако *вигезимальная* система распространена и между болѣе культурными народами. Она встрѣчается и въ настоящее время у нѣкоторыхъ африканскихъ и полинезійскихъ племенъ, а также у когда-то высококультурныхъ ацтековъ въ Мексикѣ и у индійцевъ племени майя, живущихъ на полуостровѣ Юкатанѣ, на Мексиканскомъ заливѣ. На этихъ языкахъ числа отъ 1 до 19 составляются десятично или пятично, напр.: 18=15+3, на языкѣ ацтековъ caxtulli-om-ey. Для 20 существуетъ отдѣльное слово, отъ котораго дальше считается: 20+1, 20+2, и т. д.; 30 выражается посредствомъ 20+10, 31 посредствомъ 20+11, 39 посредствомъ 20+19, 40 посредствомъ 2 раза 20, 50—2 раза 20 и еще 10 и т. д., 399 выражается посредствомъ 19 разъ 20 плюсъ 19. Для четырехсотъ, т. е., 20 разъ 20, 8000=20 разъ 20 разъ 20, 160000=20 разъ 20 разъ 20 разъ 20, имѣютъ ацтеки и индійцы майя отдѣльныя числительныя слова, точно также какъ народы, употребляющіе десятичную систему, имѣютъ таковыя для 10 разъ 10, 10 разъ 10 разъ 10 и т. д. Въ языкахъ кавказскаго и кельтскаго племени существуютъ также признаки вигезимальнаго счисленія. Изъ кельтскаго, на которомъ и теперь еще говорятъ въ Восточной Бретани, этотъ способъ счисленія перешелъ и во французскій языкъ. По-французски, начиная отъ 60, считаютъ, какъ извѣстно, soixante-dix = 70, soixante-onze=71, soixante-douze=72, quatre-vingts=80, quatre-vingt-dix=90, quatre-vingt-onze=91 и т. д. Во французскомъ языкѣ встрѣчаются до сихъ поръ еще six-vingts=120, sept-vingts=140, huit-vingts = 160, quinze-vingts=300. Это есть не что иное, какъ вигезимальный способъ счисленія. Также и въ другихъ языкахъ съ десятичной системой проглядываетъ иногда вигезимальная. Напримѣръ, въ датскомъ языкѣ 50, 70, 90 выражаются: полъ-третьяго раза двадцать, полъ-четвертаго раза двадцать, полъ-пятаго раза двадцать. Для образованія именъ числительныхъ служатъ иногда и другія исходные пункты: у басковъ, напр., 50 выражается словомъ полъ-ета, по-нижне-бретански 18 будетъ 3 раза 6 (triouc'h), по-валлійски—2 раза 9 (deu-naw=deux-neuf). О новозеландцахъ сообщаютъ, что они „составили уродливую, хотя послѣдовательную систему, въ основаніе которой положили число 11". *)

Выше было уже замѣчено, что образованіе крупныхъ чиселъ у большинства народовъ происходило только по мѣрѣ возникновенія въ нихъ потребности. Въ болѣе древнія времена при десятичномъ счисленіи едва достигали тысячи. Это подтверждается тѣмъ фактомъ, что въ то время какъ число 100 во всѣхъ индо-европейскихъ языкахъ этимологически сходно между собою, для тысячи сходство это совершенно отсутствуетъ. Поэтому можно вывести заключеніе, что наименованія для тысячи возникли въ то время, когда отдѣльныя вѣтви индо-европейскаго корня вступили уже въ самостоятельную жизнь. Болѣе высокое наименованіе, чѣмъ тысяча, имѣли въ древности весьма немногіе народы, въ томъ числѣ греки—μυριοι=10,000, причемъ однако слѣдуетъ замѣтить, что это же слово по другому произношенію μυριοι обозначало просто неопредѣленно-большое количество. Послѣдовательнаго образованія наименованій большихъ чиселъ нигдѣ, за немногимъ исключеніемъ, не существовало. Такъ напр., по-нѣмецки, до введенія въ XVIII вѣкѣ слова милліонъ, не составилось выше тысячи другаго наименованія, какъ и въ настоящее время для ступеней 10000.... 100000.... таковаго не существуетъ. Понятно, что до введенія слова милліонъ, чтеніе большихъ чиселъ представляло не малое затрудненіе. Въ видѣ примѣра укажемъ на число 86 789 325 178, которое Адамъ Ризе, пресловутый учитель ариѳметики (1535), выговаривалъ такимъ образомъ:

„Восемьдесятъ шесть тысячъ разъ тысяча тысячъ, семьсотъ разъ тысяча тысячъ, восемьдесятъ девять разъ тысяча тысячъ, триста двадцать пять тысячъ сто семьдесятъ восемь".

Только одинъ народъ, родственный намъ по племени,- индійскіе арійцы береговъ Ганга, которымъ мы обязаны нашею цифровою системой, по особой одаренности къ счисленію и необычайной склонности къ безграничному,—создалъ отдѣльныя наименованія для высшихъ ступеней десятичной системы. Въ то время, когда ни однимъ народомъ еще не было сдѣлано значительныхъ успѣховъ въ области образованія чиселъ, индусы имѣли уже особыя наименованія для 17-й ступени, что означаетъ число съ 17-ю нулями, которое мы въ настоящее время называемъ сто тысячъ билліоновъ. Въ священныхъ книгахъ Ведъ, въ національномъ эпосѣ *Магабарата* уже встрѣчаются числа упомянутой ступени, между тѣмъ какъ въ позднѣйшихъ произведеніяхъ санскритской литературы, какъ напр. въ *Рамаянѣ*, отдѣльныя наименованія доходятъ до 40-ой ступени, т. е. до десяти тысячъ секстильоновъ. Еще далѣе браминовъ пошли въ своемъ исчисленіи буддисты; у послѣднихъ существуютъ числа 54-ой ступени. Какъ простъ, сравнительно съ этою безгранично деспотическою фантазіей Востока, Гомеръ, когда онъ заставляетъ своего раненаго мѣднаго Арея ревѣть, *какъ десять тысячъ человѣкъ*, или, когда хромому художнику Гефесту нуженъ цѣлый день, чтобы упасть съ высотъ Олимпа на землю! Ни у какого другого народа въ свѣтѣ не встрѣчается подобной склонности къ образованію безгранично большихъ чиселъ, какъ у послѣдователей Брамы и Будды въ древнѣйшія времена.

Такимъ образомъ наиболѣе отвлеченное изъ всѣхъ понятій—понятіе о числахъ—развилось вездѣ съ удивительнымъ единомысліемъ по конкретной схемѣ пальцевъ, а человѣческій языкъ, съ не менѣе замѣчательнымъ единствомъ, создалъ выраженія для этихъ понятій. Десятичное счисленіе, болѣе чѣмъ всякое другое проявленіе творческой силы человѣческаго разума, является общечеловѣческимъ, исключающимъ всякое индивидуальное различіе, созданіемъ, и всѣ дальнѣйшія изслѣдованія могутъ служить лишь подтвержденіемъ и дополненіемъ этого великаго и всеобъемлющаго принципа. Напротивъ того, при *дѣленіяхъ*, употреблявшихся въ древнѣйшее время для монетъ, мѣръ и вѣсовъ, служили основаніемъ совсѣмъ другіе принципы, чѣмъ при образованіи цѣлыхъ чиселъ. И дѣйствительно, если при группировкѣ цѣлыхъ чиселъ являлась возможность пользоваться готовымъ аппаратомъ пальцевъ, то для дѣленія приходилось создавать группировку единицъ безъ подобной механической помощи. Въ высшей степени интересенъ фактъ, что нигдѣ, на всемъ земномъ шарѣ, десятичное дѣленіе не считалось удобнымъ, и вездѣ старались пользоваться группировкой по три, четыре или по двѣнадцати. Можно предположить почти съ достовѣрностью, что, еслибы не существовало готоваго счета по пальцамъ, и самое счисленіе, вѣроятно, развилось бы на тѣхъ же принципахъ, какъ дѣленіе. Не подлежитъ сомнѣнію, что группировка по три, четыре или двѣнадцати—такъ-называемая дуодецимальная—должна быть разсматриваема, какъ наиболѣе свойственная человѣческому уму, между тѣмъ какъ десятичная соотвѣтствуетъ только нашему тѣлу. Вѣдь не даромъ сохранились до нашихъ дней старинныя четверичныя, дуодеци-

*) Въ оригиналѣ у Вальтера конечно рѣчь идетъ о нѣмецкомъ языкѣ.

*) Hankel's Gesch. d. Math.

Какъ славно здѣсь! Съ акварели И. Р. Веле, грав. Пааръ.

Военный совѣтъ въ XVII вѣкѣ. Карт. Е. Шарлемона, грав. Паарт

мальныя и сексагезимальныя (шестидесятичныя) дѣленія для мѣръ, вѣсовъ и монетъ, и если таковыя въ послѣднее время часто замѣняются десятичными, то это вызывается гораздо болѣе теоретическимъ стремленіемъ къ полному единству мѣры и числа, чѣмъ существующей въ народѣ потребностью. Общеизвѣстенъ фактъ, съ какимъ трудомъ простой, конкретно мыслящій умъ привыкаетъ къ новымъ десятичнымъ дѣленіямъ, и какъ упорно держатся—и, вѣроятно, еще долго будутъ держаться старыя, естественныя дѣленія.

Съ дѣленіемъ мѣръ тѣснѣйшимъ образомъ связано образованіе дробей, которыя въ древности выражались прямо конкретными единицами мѣры, какъ и теперь видно изъ римскихъ дробей (1=AS, 1/12=Uncia, 1/48=Sicilicus и т. д.). Сообразно съ этимъ, у всѣхъ болѣе древнихъ народовъ встрѣчаются дроби только со знаменателями 2, 3, 4, 6, 12, 60 и т. д., и рѣдко со знаменателями 5, 10, 100. Такъ напримѣръ, египтяне, какъ видно изъ ихъ гіероглифическихъ надписей и демотическихъ письменъ, дѣлятъ всегда на 2, 4, 8, 16, 32 части; греки дѣлятъ подобно египтянамъ; римское же счисленіе—всегда дуодецимально.

Но замѣчательнѣе всего употреблявшееся у древнихъ вавилонянъ и ассиріянъ дѣленіе всѣхъ мѣръ на 60 частей и происшедшее отсюда образованіе дробей со знаменателемъ 60. Это сексагезимальное вавилонское дѣленіе весьма послѣдовательно введено извѣстнымъ александрійскимъ астрономомъ Клавдіемъ Птоломеемъ (II в. послѣ Р. Х.) въ астрономическія вычисленія. Каждое цѣлое (градусъ) дѣлилось на 60 минутъ (minuta prima), каждая минута на 60 секундъ (minuta secunda), каждая секунда на 60 терцій (minuta tertia) и т. д.

Благодаря Птоломею, сексагезимальное счисленіе вошло въ исключительное употребленіе у арабовъ, которые у Птоломея почерпали главнымъ образомъ свои астрономическія и математическія познанія, а черезъ арабовъ—этихъ смѣлыхъ завоевателей также и въ области мысли—распространилось по всему Западу. Только въ XVI и XVII столѣтіяхъ сексагезимальныя дроби стали постепенно вытѣсняться десятичными. Старое вавилонское наслѣдіе сохранилось до нашихъ дней лишь въ измѣреніи времени (часъ, минута, секунда), а также въ измѣреніи дугъ и угловъ (градусъ, минута, секунда).

II.

Прослѣдивъ образованіе наименованій, которыя создали себѣ живые языки для обозначенія понятій о числѣ, разсмотримъ теперь развитіе тѣхъ незначительныхъ знаковъ, начертаніемъ которыхъ человѣческій умъ старался спасти эти понятія отъ забвенія, т. е. развитіе цифръ.

Происхожденіе цифръ такъ же темно, какъ и происхожденіе самыхъ письменъ. Предшествовали ли буквенному письму гіероглифы или первое создалось независимо отъ послѣднихъ,—остается нерѣшеннымъ, а потому колеблятся и мнѣнія относительно возникновенія цифръ. Еслибы первое предположеніе было доказано, то цифры можно было бы разсматривать какъ остатки древнѣйшаго гіероглифическаго письма, перешедшіе, какъ реликвіи, въ письмо буквенное. Въ противномъ случаѣ въ цифрахъ надо видѣть или тоже буквы,—и именно начальныя буквы именъ числительныхъ,—или надо совсѣмъ отказаться отъ подобнаго предположенія и тогда цифры явятся чуждыми пришельцами въ буквенномъ письмѣ, происхожденіе которыхъ остается покрыто мракомъ. Въ такомъ случаѣ ихъ придется разсматривать не какъ *имена* числительныя, а какъ символы для выраженія числовыхъ *понятій*. Такъ или иначе, цифры должны были развиваться соотвѣтственнымъ образомъ и по тѣмъ же законамъ, какъ имена числительныя, что и доказывается употребленіемъ во всѣхъ цифровыхъ системахъ основнаго числа 10 въ видѣ базиса для послѣдующаго развитія. Дальнѣйшее соотвѣтствіе между системой цифръ и именами числительными заключается въ томъ, что особые знаки вводились для тѣхъ именно чиселъ, для выраженія которыхъ языкъ уже выработалъ отдѣльныя слова. Такимъ образомъ встрѣчаются спеціальные знаки для чиселъ отъ 1 до 9 и далѣе для 10, 100 и 1000. Точно также какъ въ языкѣ, всѣ остальныя числа образуются посредствомъ грамматическаго соединенія съ основнымъ числомъ, такъ и въ письменахъ составныя числа изображаются при помощи присоединенія одной простой цифры къ другой. Но между тѣмъ какъ имена числительныя почти вездѣ составляются и соединяются по одному и тому же принципу, составленіе цифръ у различныхъ народовъ происходитъ самыми разнообразными способами, причемъ только одинъ законъ вездѣ остается безъ измѣненія, а именно, что высшія наименованія всегда пишутся раньше, а низшія за ними. Это правило до такой степени дѣйствуетъ безъ исключенія, что народы пишущіе справа налѣво (евреи, финикіяне, арабы), пишутъ высшія наименованія справа, а низшія лѣвѣе, точно такъ же какъ пишущіе столбцами сверху внизъ, китайцы помѣщаютъ большія цифры наверху, а меньшія внизу.

Старѣйшій и простѣйшій способъ изображать числа состоялъ просто изъ ряда параллельныхъ, горизонтальныхъ или вертикальныхъ черточекъ. Можно указать на цѣлую группу народовъ древности, у которыхъ способъ начертанія цифръ образовался этимъ путемъ. Ясно, что подобный способъ изображенія, уже въ интересахъ наглядности, ни въ какомъ случаѣ не могъ идти далѣе первыхъ 9-ти цифръ, причемъ для болѣе крупныхъ чиселъ ставились особые знаки. Такъ какъ поставленныя рядомъ черточки и другіе знаки должны были складываться между собою, то подобная система носитъ названіе слагательной или аддиціональной.

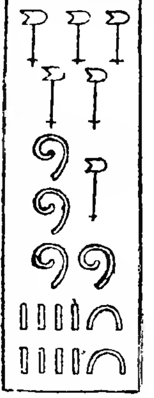
Старѣйшимъ и почтеннѣйшимъ памятникомъ аддиціональной системы служатъ тѣ таинственныя письмена, которыя, съ развалинъ Ѳивъ и Мемфиса, открываютъ намъ далекій міръ,—*египетскіе гіероглифы*. Единица изображается здѣсь вертикально поставленнымъ узкимъ прямоугольникомъ, десять—подковой, сто — спиралью или (смотря по направленію письма), тысяча — цвѣткомъ лотоса, какъ символомъ плодородія, въ слѣдующихъ различныхъ формахъ:

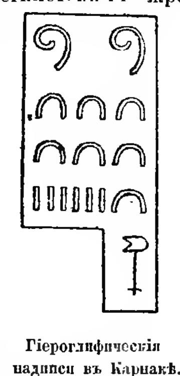
десять тысячъ обозначалось изображеніемъ пальца или

Чтобы написать неопредѣленно большое число, употребляли иногда изображеніе хвостастой амфибіи, головастика (египетск. Hofen). Для выраженія особенно большихъ чиселъ служилъ иногда стоящій на колѣнахъ человѣкъ съ поднятыми къ небу руками. Пять обозначалось въ гіероглифическихъ надписяхъ, въ Розеттѣ, пятиконечной звѣздой, что въ слѣдующемъ соединеніи: обозначаетъ пять солнцъ, т. е. пять дней.

Нагляднымъ объясненіемъ этого могутъ служить приведенныя ниже гіероглифическія надписи изъ Карнака.

На ряду съ гіероглифами употреблялось египетскими жрецами сокращенное курсивное письмо, такъ-называемое *гіератическое*, которое велось всегда справа налѣво. Цифры въ этомъ письмѣ существенно отличаются отъ гіероглифическихъ, и кромѣ того, самая форма ихъ весьма разнообразна. Характеристично въ этомъ письмѣ то, что оно имѣло своеобразные, необъясненные доселѣ знаки для чиселъ 20, 30, 40, 50, 60, 70, 80, 90, между тѣмъ какъ въ гіероглифическихъ цифрахъ эти числа обозначаются рядомъ фигуръ, изображающихъ 10.

Гіероглифическія надписи въ Карнакѣ.

Наиболѣе употребительныя гіератическія цифры суть слѣдующія:

1 2 3 4 5 6 7 8

9 10 20 30 40 50 60 70

80 90 100 1000 10000

Примѣромъ болѣе крупныхъ чиселъ въ гіератическихъ письменахъ можетъ служить число 87987, которое слѣдуетъ читать справа налѣво

что означаетъ 80000 + 4000 + 3000 + 600 + 300 + 80+7.

Для изображенія дней мѣсяца, отъ 1 до 30, существовали въ гіератическомъ письмѣ особыя цифры, изъ которыхъ особенно интересны первыя четыре по своему поразительному сходству съ нашими, а именно:

1 2 3 4

Гіератическій шрифтъ подвергся въ VII вѣкѣ до Р. Х., для употребленія въ гражданской жизни, дальнѣйшему упрощенію. Въ этомъ новомъ видѣ онъ извѣстенъ подъ названіемъ демотическаго письма, цифры котораго еще нѣсколько удобнѣе въ начертаніи чѣмъ гіератическія.

Теперь обратимся къ цифрамъ *клинообразнаго* письма—того загадочнаго письма Вавилона и Ассиріи, слѣдъ котораго казался навсегда потеряннымъ, пока найденная лѣтъ 30 тому назадъ въ Бегистунѣ (близь Гамадана), въ Персіи, надпись не бросила новаго свѣта на одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ древней культуры.

Клинообразныя цифры, которыхъ въ бегистунской надписи найдено довольно большое количество, имѣютъ слѣдующую форму.

Клинообразныя цифры.	Значеніе.	Клинообразныя цифры.	Значеніе.
	1		30
	2		40
	3		50
	4		
	5		60
	6		70
	7		80
	8		90
	9		100
	10		200
			1000
	20		2000

Относительно употребленія клинообразныхъ цифръ слѣдуетъ замѣтить, что постановка цифръ рядомъ должна разсматриваться здѣсь частью какъ умноженіе, частью какъ сложеніе. Число разлагается на разряды: единицы, десятки, сотни, тысячи, и число сотенъ и тысячъ выражается не повтореніемъ одного и того же знака, какъ въ гіероглифахъ, а особымъ поставленнымъ впереди ихъ факторомъ. Такъ какъ далѣе тысячи въ клинообразныхъ письменахъ не существуетъ отдѣльныхъ знаковъ, то въ большихъ числахъ такой способъ изображенія становится мало нагляднымъ. Судить о сказанномъ можно по слѣдующимъ примѣрамъ, взятымъ изъ надписи въ Бегистунѣ:

10 4 — 14
20 6 — 26
5 100 40 6 — 546
1 1000 5 100 50 9 — 1559
2 1000 20 4 — 2024
4 1000 2 100 3 — 4203
5 1000 1 100 80 2 — 5182
1 100 1000 40 3 1000 6 100 70 8 — 143678

Финикіяне и сосѣдніе имъ пальмирцы имѣли также цифровую систему, основанную на принципѣ сложенія. Единицы обозначались у финикіянъ вертикальными черточками, какъ въ гіероглифахъ |, десять посредствомъ —, двадцать посредствомъ N, сто посредствомъ ⊢. Чтобы выразить нѣсколько сотенъ, передъ знакомъ ⊢ ставилось число ихъ въ видѣ множителя. Направленіе письма было справа налѣво. Напр. число 495:

II III — NNNN ⊢ I III

5 + 10 + 80 + 100 разъ 4

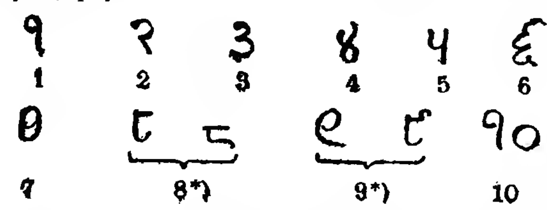
На болѣе древнихъ греческихъ надписяхъ (около V столѣтія до Р. Х.) встрѣчаются цифры, поставленныя аддиціонально рядомъ, которыя, очевидно, представляютъ начальныя буквы соотвѣтственныхъ именъ числительныхъ. Цифры эти суть:

Около V столѣтія до Р. Х. греки оставили такой способъ изображенія, чтобы перейти къ начертанію чиселъ буквами своего алфавита; за ними послѣдовали евреи, а впослѣдствіи сирійцы и копты, которые до тѣхъ поръ также пользовались системой построенной на вышеназванныхъ принципахъ. Только римляне, цифры которыхъ мы не приводимъ здѣсь какъ общеизвѣстныя, остались вѣрны аддиціональной системѣ начертанія и распространили ее далеко за предѣлы своего государства. Изображеніе чиселъ посредствомъ буквъ алфавита, которое должно было казаться древнимъ народамъ необыкновенно удобнымъ, такъ какъ оно, дѣйствительно, вводило сравнительно лучшій и болѣе легкій способъ начертанія, — распространено было греками по всему пространству Восточной римской имперіи и сохранило свое значеніе до тѣхъ поръ, пока, около тысячелѣтія спустя, его не вытѣснила индо-арабская система.

Санскритскія цифры индійцевъ, къ которымъ мы теперь перейдемъ, представляютъ для насъ особый интересъ, такъ какъ онѣ послужили прототипомъ теперешнихъ нашихъ цифръ. Принципъ индійской цифровой системы, какъ извѣстно, основанъ на значеніи *мѣста*, занимаемаго цифрами. Цифры пишутся просто одна возлѣ другой: ихъ мѣсто въ ряду, иначе сказать, ихъ порядковый нумеръ, считаемый справа налѣво, даетъ разрядъ—начиная съ десяти—на который данная цифра должна быть помножена. Здѣсь также высшій разрядъ ставится впереди низшаго. Но такъ какъ въ этой системѣ цифра не можетъ перемѣнить своего мѣста, не получивъ въ то же время другого значенія, то отсутствіе какого-либо разряда должно быть обозначено особымъ знакомъ. Съ этой цѣлью индійцами изобрѣтенъ нуль. „Мысль“, говоритъ Ганкель,—„обозначить отсутствіе значущей цифры особымъ знакомъ, должна быть причтена къ числу идей, составляющихъ эпоху въ жизни человѣчества, которыя, какъ откровенія свыше, даются только немногимъ великимъ умамъ“, и „если какое либо изобрѣтеніе“, говоритъ Брокгаусъ, „носитъ истинно индійскій характеръ, такъ это то, которое сумѣло придать значеніе *ничему* и посредствомъ *небытія* завершить и дополнить существующее?“ Эта система была изобрѣтена около III вѣка послѣ Р. Х. браминами и вошла въ письменное употребленіе въ VII вѣкѣ по Р. Х. Какой великій переворотъ въ искусствѣ счисленія произвело введеніе индійской системы, можно понять только, сдѣлавъ попытку произвести простѣйшія ариѳметическія дѣйствія надъ римскими цифрами или надъ греческими буквами.

Индійскія цифры носятъ названіе *деванагари* и имѣютъ слѣдующую форму:

Въ то время, какъ удивительная способность къ счисленію сродныхъ намъ по корню обитателей береговъ Ганга создала совершеннѣйшую изъ всѣхъ цифровыхъ системъ, появился на границѣ

трехъ частей свѣта замѣчательный арабскій народъ, который былъ призванъ принять сокровища индійской и эллинской культуры и внести ихъ, въ своемъ завоевательномъ шествіи, въ самое сердце Европы. Первой добычей арабовъ изъ сокровищницы браминской учености была основанная на значеніи мѣста система цифръ, которую они познали въ 772 году, вмѣстѣ съ индійскою астрономіей и, въ началѣ 2-го тысячелѣтія, перенесли въ Европу, гдѣ она извѣстна до сихъ поръ подъ именемъ арабской. Форма ея слѣдующая:

1 2 3 4*) 5*)

6 7 8 9 0

При большомъ протяженіи арабскаго государства, простиравшагося отъ границъ Индіи до „Геркулесовыхъ столповъ“, понятно, что языкъ и письмена въ западныхъ провинціяхъ, подъ вліяніемъ мѣстныхъ условій, развивались иначе, чѣмъ въ восточныхъ. Такимъ образомъ возникла въ Испаніи и Сѣверной Африкѣ особая форма арабскаго письма — *магребская* (Магребъ — Западъ), а также особая форма цифръ — *гобарская*. Гобаръ означаетъ пыль, и, дѣйствительно, въ прежнее время цифры часто чертились на пыли или пескѣ. Онѣ имѣютъ слѣдующую форму:

1 2 3 4 5 6 7 8 9 0

Въ этихъ гобарскихъ цифрахъ западныхъ арабовъ, которыя и у нихъ самихъ впослѣдствіи вышли изъ употребленія, мы находимъ настоящіе первообразы нашихъ теперешнихъ цифръ. Ближе всего къ нашимъ подходятъ введенныя Гербертомъ, замѣчательнымъ учителемъ Оттона III, цифры, извѣстныя подъ названіемъ *„apices“* и предназначенныя для счисленія на такъ-называемой *абакъ*, abacus — дощечка для счета (abak — пыль). Способъ же, которымъ изъ „apices“ выработались современныя намъ цифры, можетъ быть усмотрѣнъ лучше всего изъ сопоставленія приведенныхъ ниже образцовъ письма, взятыхъ изъ средневѣковыхъ рукописей:

I. Половины XI вѣка.

II. Начала XII вѣка.

III. XIII вѣка, до 1271 года.

IV. XIV вѣка, послѣ 1376 года.

V. XV вѣка, отъ 1427—60 годовъ.

VI. XVI вѣка (Дюреръ, Нюренбергъ, 1525).

Выставка въ Екатеринбургѣ. Виды города. Вокзалъ Уральской горнозаводской желѣзной дороги. Съ фотогр. Метенкова, грав. Ольшевскій.

Рогатая жаба (Ceratophrys Bojei). Ориг. рис. А. Земцова, грав. М. Рашевскій.

Къ рисункамъ.

На берегу ручья. (Рис. на стр. 645).

Очаровательная лѣтняя идиллія въ тихомъ сельскомъ уголкѣ! На сценѣ—двѣ матери. Одна сама привела своего ребенка на берегъ ручья чтобы выкупать его; у другой такъ-сказать пріемныя дѣти самовольно ушли во враждебную ей, но родную имъ стихію. Бѣдная курица, обманутая хозяйкой и высидѣвшая утиныя яйца, видимо сконфужена и даже не знаетъ какъ и понимать стрясшуюся надъ ней бѣду. Что касается молодой крестьянки, она уговариваетъ своего малютку не бояться воды и брать примѣръ съ утятъ, которыми онъ невольно любуется...

Какъ славно здѣсь! (Рис. на стр. 648).

Сіяетъ солнце, воды блещутъ,
На всемъ улыбка, жизнь во всемъ,
Деревья радостно трепещутъ,
Купаясь въ небѣ голубомъ.

* * *

Поютъ деревья, блещутъ воды,
Любовью воздухъ растворенъ,
И міръ, цвѣтущій міръ природы,
Избыткомъ жизни упоенъ...

. . . . . .

Весь день въ бездѣйствіи глубокомъ,
Весенній теплый воздухъ пить,
На небѣ чистомъ и высокомъ
Порою облака слѣдить;

* * *

Бродить безъ дѣла и безъ цѣли
И, ненарокомъ, на лету,
Набресть на свѣжій духъ синели
Или на свѣтлую мечту!..

Ѳ. Тютчевъ.

Военный совѣтъ. (Рис. на стр. 649).

Во Франціи наиболѣе крупнымъ представителемъ такъ-называемаго историческаго жанра является сравнительно молодой художникъ Шарлемонъ, котораго французы ставятъ на ряду съ Мессонье. Прилагаемая картина его изображаетъ военный совѣтъ во время Тридцатилѣтней войны. Одинъ изъ имперскихъ военачальниковъ глубоко задумался надъ картою театра войны. Другой разспрашиваетъ молодаго ротмистра, только-что прибывшаго изъ передоваго отряда, гдѣ уже завязалась жаркая схватка со шведами. Участвующіе въ совѣтѣ, а также и алебардщикъ, постановленный на стражѣ у входа, съ нескрываемымъ интересомъ слушаютъ разсказъ очевидца. Въ костюмахъ и обстановкѣ соблюдена величайшая археологическая точность. Особенно поражаетъ сочетаніе кружевныхъ фрезъ, бархата и атласа съ военною простотой кожаныхъ колетовъ и желѣзныхъ латъ, шляпъ съ дорогими перьями и грубыхъ ботфортъ,—сочетаніе, составлявшее характерную черту обмундировки того времени.

Рогатая жаба (Ceratophrys Bojei). (Рис. на стр. 653).

Рогатыя жабы или, вѣрнѣе, лягушки съ жабьею внѣшностью, отличаются особыми наростами по обѣимъ сторонамъ глазъ, наростами которые суть не что иное какъ удлиненныя и заостренныя вѣки. Изображенный на нашемъ рисункѣ въ натуральную величину видъ *Ceratophrys Bojei*, водится въ Бразиліи, Парагваѣ и Гвіанѣ; держится въ темныхъ и сырыхъ первобытныхъ лѣсахъ, особенно по болотамъ, но прыгаетъ повсюду, даже и въ сухихъ катинговыхъ дубравахъ. У взрослой рогатой жабы пасть и глотка достигаютъ такихъ размѣровъ, что животное можетъ проглотить даже цыпленка; мышей же, лягушекъ, улитокъ и тому подобную мелочь эти жабы истребляютъ во множествѣ. Громкій голосъ ихъ напоминаетъ однозвучное карканье. Бразиліанцы терпѣть не могутъ этой жабы, какъ и вообще всѣхъ лягушекъ, но туземцы испанской Гвіаны, повидимому, обоготворяютъ ее; по крайней мѣрѣ они часто держатъ ее въ неволѣ подъ горшками, какъ предсказателя погоды или, вѣрнѣе, творца погоды, просятъ у нея дождя или вёдра и сѣкутъ бѣднягу, если желаніе ихъ не исполняется.

Шведскій катокъ въ Вейсензэ близь Берлина.

(Рис. на стр. 656).

Въ одномъ изъ подгородныхъ берлинскихъ увеселительныхъ садовъ, а именно въ селеніи Вейсензэ, на разстояніи 4 верстъ отъ столицы, между прочими забавами устроенъ въ послѣднее время такъ-называемый шведскій катокъ. Какъ видно на прилагаемомъ рисункѣ, катокъ состоитъ изъ двухъ расположенныхъ между башнями, волнообразныхъ покатостей. Желающій имъ воспользоваться, всходитъ на башню и скатывается отсюда съ быстротой стрѣлы въ небольшой телѣжкѣ по рельсамъ къ другой башнѣ; тамъ его подымаютъ на машинѣ во второй этажъ, откуда онъ возвращается по второму пути, въ первую башню. Есть такіе любители, особенно дамы, что по цѣлому часу и болѣе катаются безъ перерыва.

В. П. Буренинъ. (Портр. на стр. 657).

Въ іюнѣ текущаго года исполнилось двадцать пять лѣтъ литературной дѣятельности поэта-переводчика, юмориста и критика, Виктора Петровича Буренина. Его оригинальныя стихотворенія, число которыхъ весьма невелико, нерѣдко носятъ на себѣ печать истиннаго таланта и проникнуты неподдѣльнымъ чувствомъ, а переводы изъ англійскихъ и французскихъ поэтовъ всегда отличались необыкновенною близостью съ подлинникомъ и художественною передачей формы и духа. Но еще болѣе Буренинъ извѣстенъ какъ поэтъ-юмористъ; его пародіи, шутки, стихотворныя каррикатуры—полны веселости, остроумія, бойкости и задора; онъ умѣетъ подмѣтить смѣшныя стороны, ошибки, и въ большинствѣ случаевъ удачно вышучиваетъ то, „что кажется смѣшно", нерѣдко и переходя границы дозволительнаго шаржа. Владѣя прекрасно стихомъ, обладая несомнѣннымъ юморомъ, Буренинъ невольно вызываетъ смѣхъ у читателя... даже и тогда, когда читатель бываетъ далеко не на сторонѣ талантливаго юмориста. Не меньшимъ успѣхомъ пользуются и его прозаическіе шуточные очерки и пародіи разныхъ беллетристическихъ произведеній, въ особенности псевдонатуралистической школы, представителей которой Буренинъ неутомимо преслѣдуетъ самыми ѣдкими и увы! вполнѣ заслуженными насмѣшками. Было бы крайне несправедливо обойти молчаніемъ также и критическую дѣятельность Буренина. Между другими статьями, ему принадлежатъ большіе критическіе этюды: „Литературная дѣятельность Тургенева" и „О Гоголѣ", въ которыхъ авторъ обнаружилъ прекрасное литературное образованіе, много вкуса и художественнаго чутья. Какъ эстетическій критикъ, Буренинъ всегда стоитъ на сторонѣ истинно-художественнаго творчества и неумолимо ополчается на все фальшивое, тенденціозное; онъ весьма остроумно, а порою и очень зло вышучиваетъ и опошленную гражданскую скорбь, и шаблонное либеральничанье писателей, къ какому бы лагерю они ни принадлежали. Бывали случаи, когда онъ увлекался духомъ кружка, впадалъ въ ошибки, но въ общемъ онъ всегда оставался поклонникомъ всего прекраснаго и истинной поэзіи.

В. П. Буренинъ родился въ Москвѣ, 22-го февраля 1841 г., въ большой семьѣ Петра Петровича Буренина, имѣвшаго званіе свободнаго художника и происходившаго изъ крестьянъ. Мать нашего писателя была рожденная Соболева и приходилась близкою родственницей И. А. Ковылину, игравшему немаловажную роль среди московскихъ раскольниковъ. Петръ Петровичъ былъ ученикомъ знаменитаго архитектора Бове и академика архитектуры Быковскаго, построилъ болѣе двадцати церквей и пользовался широкою извѣстностью въ Москвѣ, имѣя обширный кругъ знакомства. Онъ былъ отличнымъ семьяниномъ и, имѣя много дѣтей, старался дать своимъ сыновьямъ такое образованіе, которое обезпечивало бы имъ болѣе или менѣе безбѣдное существованіе. Викторъ Петровичъ, на двѣнадцатомъ году, поступилъ въ Московское Архитектурное училище, гдѣ занимался очень усердно и былъ однимъ изъ первыхъ учениковъ. Въ старшихъ классахъ (отдѣленіяхъ) В. П., помимо спеціальныхъ предметовъ, дѣлалъ большіе успѣхи и въ словесности, которую читалъ здѣсь Дубенскій, написавшій между прочимъ изслѣдованіе *Слова о Полку Игоревѣ*. В. П. уже въ этихъ классахъ началъ писать стихи для рукописнаго журнала, издававшагося въ училищѣ. Къ этому же времени относится знакомство его съ Павломъ Михайловичемъ Леонтьевымъ, профессоромъ Московскаго университета и со-издателемъ *Русскаго Вѣстника*. Павелъ Михайловичъ старался поддержать влеченіе къ литературѣ въ даровитомъ юношѣ, руководилъ его чтеніемъ и вообще принялъ въ немъ живое участіе, которымъ, къ сожалѣнію, не долго пришлось пользоваться Буренину. Окончивъ курсъ въ училищѣ около 1859 года, В. П. почти тотчасъ же сталъ прилагать къ дѣлу свои спеціальныя познанія. Въ Москвѣ онъ завѣдывалъ постройкой дома г-жи Пущиной, а ранѣе построилъ церковь въ сельцѣ Александровскомъ, имѣніи Нарышкиной, находящемся въ Калужской губерніи. Г-жа Нарышкина ввела молодого архитектора въ свой кругъ, гдѣ онъ познакомился, между прочимъ, и съ нѣкоторыми писателями. Затѣмъ, когда Буренинъ жилъ въ деревнѣ Марьино, Бронницкаго уѣзда, Московской губерніи, онъ познакомился съ извѣстнымъ поэтомъ сороковыхъ годовъ С. Ѳ. Дуровымъ, подъ вліяніемъ котораго и началъ переводить Барбье. Въ это время В. П. уже сталъ печататься и помѣстилъ нѣсколько юмористическихъ стихотвореній въ *Искрѣ*, *Зритель*, *Развлеченіи*, и одно лирическое въ *Днѣ* Аксакова, который былъ хорошо знакомъ съ В. П. и цѣнилъ его поэтическій талантъ. Это было въ 1862 году и тогда-же Буренинъ отправился за границу, гдѣ пробылъ мѣсяца четыре. Въ 1863 году В. П. переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ занимался своей профессіей, находясь при клиникѣ баронета Вилліе, въ качествѣ помощника архитектора Соколова, не оставляя въ то же время и литературныхъ занятій. Дѣятельное сотрудничество въ *Искрѣ*, въ которой онъ писалъ подъ псевдонимомъ *Владиміра Монументова*, доставило ему много литератур-

ныхъ знакомствъ и открыло доступъ въ разные журналы. Переводы изъ Барбье, Томаса Гуда, изъ Байрона и друг., доставили ему славу даровитаго переводчика, а юмористическія пьесы его, шаловливыя и граціозныя поэмы, сдѣлали имя его еще болѣе популярнымъ. Съ 1868 г., онъ напечаталъ нѣсколько образцовыхъ переводовъ такихъ крупныхъ вещей, какъ *Грѣшница*, поэма Альфреда де-Виньи, *Неронъ*, трагедія Гуцкова, *Дочь воздуха*, трагедія Кальдерона, и *Ролла*, поэма Альфреда де-Мюссе, и нѣсколько мелкихъ пьесъ изъ Байрона, Гюго, Аріосто, Мериднеа, Леонарди, а также три былины *Чурило Пленковичъ*, *Ссора Ильи Муромца съ княземъ Владиміромъ* и *Микула Селяниновичъ*. Въ 1870—71 годахъ были напечатаны его *Военно-поэтическіе отголоски*, осмѣивавшіе преимущественно милитаризмъ побѣдителей и вызвавшіе положительную сенсацію въ обществѣ. Съ конца семидесятыхъ годовъ Викторъ Петровичъ Буренинъ сталъ ревностнымъ сотрудникомъ, а немного позже и однимъ изъ членовъ редакціи газеты *Новое Время*.

Марлиттъ.

(Некрологъ). (Портр. на стр. 657).

Подписчикамъ первыхъ лѣтъ *Нивы* знакомъ симпатичный талантъ знаменитой романистки Евгеніи Йонъ, всю жизнь свою скромно таившей настоящее имя подъ псевдонимомъ *Марлиттъ*. Никогда еще всемірная слава и полная безъизвѣстность не соединялись до такой степени въ одномъ лицѣ. Покойная была идеаломъ писательницы для семейнаго чтенія; любой романъ ея можно было безъ опасенія дать въ руки самой молодой дѣвушкѣ. Она и сама осталась въ дѣвицахъ до кончины, со всѣми радужными мечтами о Божьемъ мірѣ и людяхъ, которыхъ не переставала описывать въ розовомъ цвѣтѣ блаженнаго невѣдѣнія дѣйствительной жизни, и въ 62 года точно такъ же стремилась къ чистѣйшимъ идеаламъ, какъ и въ шестнадцать лѣтъ.

Евгенія Йонъ родилась въ Арнштадтѣ (въ Тюрингіи) 5 декабря (н. с.) 1825 года. Отецъ ея былъ сначала купцомъ, но впослѣдствіи посвятилъ себя исключительно живописи и сталъ довольно замѣчательнымъ художникомъ. Евгенія хотѣла также служить искусству и выбрала драматическое. Рѣдко случалось кому либо выступать на сцену при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ. Владѣтельная княгиня Шварцбургъ-Зондерсгаузенская очень полюбила молодую дѣвушку и взяла ее къ себѣ какъ бы въ пріемныя дочери. Такъ какъ у Евгеніи оказывался прекрасный голосъ, ее предназначали для оперы. Княгиня послала ее на три года въ Вѣну, гдѣ она пользовалась уроками превосходнаго учителя пѣнія. Какъ затѣмъ робкая молодая дѣвушка попала въ Лейпцигъ, съ какимъ мучительнымъ страхомъ выступила она впервые предъ публикой въ одной изъ Моцартовскихъ оперъ, все это весьма интересно разсказано у Эрнста Паске, тогдашняго режиссера при Лейпцигскомъ городскомъ театрѣ. Пребываніе Евгеніи Йонъ на сценѣ было весьма кратковременно, какъ благодаря ея непобѣдимой застѣнчивости, такъ и вслѣдствіе того что къ этому присоединилась болѣзнь органовъ слуха, при которой оперная карьера стала невозможною. Евгенія вернулась къ своей благодѣтельницѣ, княгинѣ Шварцбургъ-Зондерсгаузенской, при которой и состояла до начала шестидесятыхъ годовъ чтицею. Въ 1862 году Евгенія переселилась къ брату въ родной Арнштадтъ, гдѣ и прожила до самой смерти въ тихомъ семейномъ уголкѣ.

Въ 1865 году она рѣшилась послать въ журналъ *Gartenlaube* первое свое литературное произведеніе, повѣсть *Двѣнадцать Апостоловъ*, которая имѣла громадный успѣхъ, и имя *Марлиттъ* стало знаменито. Вскорѣ романы *Тайна старой дѣвы* и *Имперская графиня Гизела* сдѣлали Марлиттъ кумиромъ подписчицъ *Gartenlaube*. Не мало содѣйствовало ея славѣ и то полное уединеніе, въ которомъ она жила въ безвѣстной глуши, скрываясь какъ добрая фея и разсылая оттуда свои дары изумленному свѣту. Юныя головы зачитывались ея произведеніями.

Когда впервые появился на страницахъ *Gartenlaube* портретъ милой старушки въ сѣдыхъ локонахъ, съ нѣкоторыми біографическими свѣдѣніями о доброй тетушкѣ Марлиттъ, разсказчицѣ изъ Тюрингіи—это было событіемъ въ дамскомъ обществѣ. Но съ тѣхъ поръ разказчица стала постепенно замолкать въ гамѣ новѣйшаго реалистическаго направленія литературы, и наконецъ совсѣмъ замолкла. 22 (10) іюня 1887 года она тихо угасла въ своемъ родномъ уголкѣ, почти забытая современными читателями.

Разныя извѣстія.

Придворныя извѣстія.

— 13 іюня сербскій посланникъ, полковникъ Савва Груичъ имѣлъ честь вручить Его Величеству Государю Императору въ Петергофскомъ дворцѣ свои отзывныя грамоты.

Распоряженія Правительства.

— Именнымъ Высочайшимъ указомъ Правительствующему Сенату, 2 іюня 1887 г. повелѣно: призвать въ 1887 году, съ соблюденіемъ предписаннаго общимъ уставомъ о воинской повинности порядка: 1) во всѣхъ мѣстностяхъ Имперіи, на которыя простирается дѣйствіе сего устава, для пополненія арміи и флота 235,000 чел., полагая въ этомъ числѣ и тѣхъ, которыми представлены будутъ, въ предстоящій призывъ, освобождающія отъ военной службы зачетныя рекрутскія квитанціи прежняго времени, и 2) съ туземнаго населенія Терской и Кубанской областей и Закавказья—2400 чел. для пополненія особо формируемыхъ на Кавказѣ военныхъ частей.

— Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ 17 мая 1887 года, утвержденъ уставъ общества потребителей для рабочихъ и мѣщанъ гор. Томашова, Петроковской губерніи.

— Разрѣшено потомственной дворянкѣ Е. В. Штейнъ, тит. сов. Е. Г. Белингу и великобританскому подданному В. В. Макъ-Киббину учредить товарищество на паяхъ, подъ наименованіемъ: „Промышленно-торговое товарищество С.-Петербургской художественной печатни“.

— Въ виду совершеннаго разстройства дѣлъ росс. общества взаимнаго страхованія отъ падежа животныхъ, уставъ коего былъ утвержденъ 30 іюня 1882 года, означенное общество закрыто и ликвидація дѣлъ онаго предоставлена самому обществу, согласно съ его уставомъ.

Финансы.

— Съ присоединеніемъ государственныхъ доходовъ льготнаго срока и въ счетъ будущихъ смѣтъ, общій итогъ государственныхъ доходовъ за время съ 1 января по 1 апрѣля 1887 г. опредѣляется въ 187.192,173 руб., противъ 163.546,127 р. въ 1886 г., или въ настоящемъ году болѣе на 23.646,046 руб.

— По 1 іюня 1887 года въ совѣтъ Государственнаго дворянскаго земельнаго банка представлено отдѣленіями банка 4,067 дѣлъ о ссудахъ. Разсмотрѣно совѣтомъ 3,894 дѣла и остается разрѣшенныхъ 3,763 дѣла о ссудахъ, на сумму 114.877,700 рублей.

Военное и морское дѣло.

— Государь Императоръ, разрѣшивъ военному министру отправиться на нѣкоторое время на Кавказъ и во внутреннія губерніи Россіи, Высочайше повелѣть соизволилъ: исполненіе на это время обязанностей военнаго министра возложить на начальника главнаго штаба, генералъ-адъютанта Обручева.

— 11 іюня, Ихъ Императорскія Величества Государь Императоръ и Государыня Императрица осчастливили Своимъ посѣщеніемъ находящуюся въ кронштадтской гавани канонерскую лодку „Манджуръ“.

— 7 іюня, въ Одессѣ происходило торжественное открытіе и освященіе вновь отстроеннаго Инвалиднаго дома, сооруженнаго одесскимъ городскимъ обществомъ въ память 25-тилѣтія Царствованія въ Бозѣ почивающаго Императора Александра II и предназначеннаго для отставныхъ престарѣлыхъ чиновъ военнаго вѣдомства.

— 12 іюня, произведена закладка фундаментовъ передовой исторической штабъ-квартиры, первой въ Карской области—Сарамышѣ.

Промышленность и сельское хозяйство.

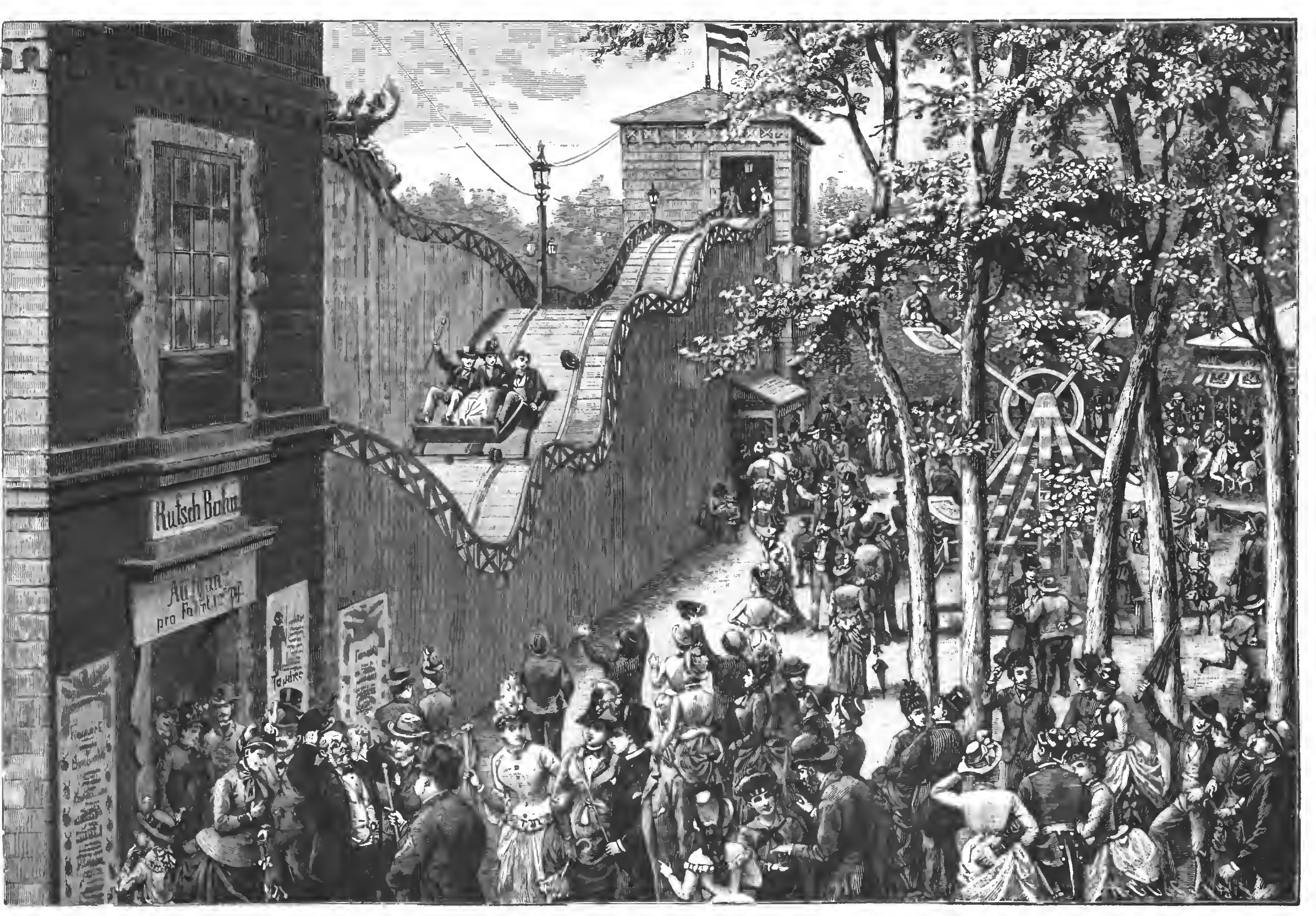
— Высочайше разрѣшено прусскому подданному А. П. фонъ-Богену и д. с. с. В. М. Бѣлозерскому учредить товарищество на паяхъ, подъ наименованіемъ: товарищество „богенскаго русскаго торфяннаго брикета *новое топливо*,“ на основаніи устава, удостоеннаго Высочайшаго разсмотрѣнія и утвержденія, въ Гатчинѣ, 10 мая сего года.

— 8 іюня, въ 5 часовъ по-полудни, во время грозы, разразился надъ селомъ Жуки (въ 10 верстахъ отъ Полтавы) страшный смерчъ, которымъ раскидано около тридцати крестьянскихъ хатъ, снесены съ помѣщичьяго дома князя Кочубея башня, бо́льшая часть желѣзной крыши и еще нѣсколько крышъ, изломаны и повреждены мѣстами потолки и стѣны. Смерчъ ломалъ и вырывалъ съ корнями деревья толщиною въ полъаршина, унося нѣкоторыя изъ нихъ саженъ за пять. Съ луга было унесено почти безслѣдно около 300 копенъ сѣна. Во время смерча, время отъ времени падали куски льда величиною съ куриное яйцо. Скотъ, застигнутый въ полѣ, падалъ на землю. Попавшійся на пути смерча хлѣбъ прикатанъ какъ каткомъ, полосою саженъ въ 20 въ ширину.

Торговля.

— Выдающимся въ хлѣбной торговлѣ событіемъ на недѣлѣ 31 мая—6 іюня (ст. ст.) является крупная неудача, понесенная спекуляціею на повышеніе въ *Америкѣ*, рѣзко уронившая цѣны и повлекшая за собою несостоятельность многихъ болѣе слабыхъ фирмъ. Паника на американскихъ хлѣбныхъ биржахъ, главнымъ образомъ въ Чикаго, отразилась на этотъ разъ и въ Европѣ: почти всѣ западно-европейскіе рынки отмѣчаютъ пониженіе цѣнъ, при сократившихся оборотахъ, тѣмъ болѣе, что, какъ выше упомянуто, предстоящій урожай обѣщаетъ хорошіе результаты. Нѣсколько живѣе проходила торговля только въ Германіи. *Настроеніе русскихъ хлѣбныхъ рынковъ* попрежнему очень слабо и продавцы вынуждены соглашаться на дальнѣйшее пониженіе цѣнъ, вмѣсто обычнаго весенняго повышенія.

— Съ другой стороны, въ русской внѣшней торговлѣ въ текущемъ году замѣчается сильное увеличеніе отпуска хлѣба. Объ этомъ свидѣтельствуютъ помѣщенныя въ *Вѣстникѣ Финансовъ* данныя о вывозѣ хлѣба чрезъ главнѣйшія таможни за время съ 1 января по 11 мая текущаго года, сравнительно съ соотвѣтствующимъ періодомъ прошлаго. Если подвести итогъ по всѣмъ таможнямъ, то окажется, что въ настоящемъ году вывозъ достигъ уже 8.768,942 четв., тогда какъ въ прошломъ году составлялъ всего 4.421,260 четв. Больше всего вывезено хлѣба чрезъ Одессу, затѣмъ Либаву, за которыми слѣдуютъ въ нисходящемъ порядкѣ: Севастополь, Ревель, Рига, Николаевъ, Бердянскъ, Граево, Млава,

Шведскій катокъ въ Вейсензэ близъ Берлина. По рис. В. Буша, грав. А. Клосъ.

Петербургъ, Сосновицы, Гадзивиловъ, Волочискъ, и др.

— Высочайше повелѣно: 1) допустить, временно, пропускъ товаровъ слѣдующихъ изъ Чарджуя чрезъ Узунъ-Ада, для дальнѣйшаго направленія ихъ въ таможни астраханскую и бакинскую, на тѣхъ же основаніяхъ, какъ это разрѣшено для товаровъ идущихъ чрезъ Красноводскъ и другіе пункты Мангишлакскаго полуострова.

Народное просвѣщеніе.

— Высочайше повелѣно: 1) Начиная съ будущаго 1887—88 учебнаго года, вводить преподаваніе учебныхъ предметовъ на русскомъ языкѣ во всѣхъ мужскихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ Дерптскаго учебнаго округа съ нѣмецкимъ преподавательскимъ языкомъ, въ коихъ или служащіе, или учащіеся пользуются правами и преимуществами предоставленными правительственнымъ учебнымъ заведеніямъ;—и 2) Установленіе порядка приведенія этой мѣры въ исполненіе и срока, въ теченіи котораго она можетъ быть осуществлена, предоставить усмотрѣнію Министерства Народнаго Просвѣщенія.

— Въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія ежегодно получались отъ попечителей учебныхъ округовъ свѣдѣнія о невозможности, за неимѣніемъ вакансій, принимать дѣтей съ лучшей домашней подготовкой въ первый и слѣдующіе низшіе классы гимназій и прогимназій, потому что таковые переполняются учениками, переходящими послѣдовательно изъ приготовительныхъ классовъ. Такимъ образомъ, дѣти, лучше подготовленныя, нерѣдко были лишены возможности поступать въ гимназіи и прогимназіи, такъ какъ ученики приготовительныхъ классовъ, въ числѣ коихъ были и посредственные и слабые—занимали всѣ вакансіи. Посему нынѣ Министерствомъ сдѣлано распоряженіе о прекращеніи, съ начала 1887/8 учебнаго года, пріема въ приготовительные классы мужскихъ гимназій и прогимназій.

— Подольское дворянство пожертвовало 4,000 рублей на учрежденіе при мѣстной женской гимназіи стипендіи имени Императрицы Екатерины II.

— Умершій въ Харьковѣ, въ мартѣ текущаго года, поручикъ А. А. Кирѣевъ завѣщалъ слѣдующія крупныя пожертвованія: 1) Московскому университету, на стипендіи—15,000 руб.; 2) новочеркаскому реальному училищу—15,000 руб.; 3) народнымъ школамъ міусскаго округа—10,000 руб.; 4) Харьковскому университету, на пособіе нуждающимся студентамъ казачьяго сословія — 10,000 р.; 5) харьковскому музыкальному училищу — 5,000 р.; 6) московской консерваторіи—5,000 р.; 7) въ Императорскую академію наукъ—10,000 рублей, на выдачу изъ процентовъ преміи за лучшее драматическое произведеніе въ рукописи или напечатанное и игранное.

В. П. Буренинъ. (По поводу двадцатипятилѣтія литературной дѣятельности). Съ фотогр. Шапиро, грав. Ю. Барановскій.

Евгенія Йонъ (Марлиттъ). Съ фотогр. грав. Ю. Шюблеръ.

Некрологъ.

— Старика Шрейнцера не стало! Кого изъ тѣхъ, кто близко знакомъ съ жизнью нашей Академіи Художествъ, кто занимался въ ней и посѣщалъ ея выставки и музеи—не поразятъ и не тронутъ эти слова? Почти 30 лѣтъ принадлежалъ Карлъ Матвѣевичъ къ персоналу служащихъ въ Академіи Художествъ. Съ 1859 до 1873 года онъ былъ инспекторомъ, послѣдніе же 14 лѣтъ консерваторомъ музеевъ и организаторомъ выставокъ. Въ послѣдней дѣятельности онъ наиболѣе былъ извѣстенъ публикѣ. Всегда любезный, одинаково свободно и элегантно объясняющійся порусски, по-французски и по-нѣмецки, онъ всегда былъ готовъ дать всякому желаемыя свѣдѣнія.

„Обратитесь къ Карлу Матвѣевичу!" сдѣлалось общеизвѣстною фразой въ стѣнахъ Академіи. Дежурства во время большихъ весеннихъ выставокъ составляли далеко не легкую обязанность, а между тѣмъ мы видѣли, не далѣе какъ въ прошломъ году, какъ добросовѣстно Карлъ Матвѣевичъ, 70-лѣтній старецъ, исполнялъ эту обязанность въ продолженіе пяти недѣль, изо-дня-въ-день, съ 10 часовъ утра до 4 час. пополудни, неизмѣнно сохраняя при этомъ свою любезность относительно всякаго. Таковымъ знала его наша публика въ продолженіе 15 лѣтъ. Менѣе извѣстенъ массѣ публики былъ К. М. Шрейнцеръ какъ далеко недюжинный художникъ. Онъ окончилъ Академію 1850 г. и въ 1858 г. получилъ званіе академика. Его спеціальностью были жанръ и портреты, причемъ онъ отдавалъ предпочтеніе акварельной живописи передъ масляной.

Шрейнцеръ родился въ 1815 году, если не ошибаемся, въ Вѣнѣ и умеръ въ С.-Петербургѣ отъ рака въ горлѣ. Онъ похороненъ на Волковомъ, на римско-католическомъ кладбищѣ. Миръ праху твоему, честный дѣятель!..

Политическое обозрѣніе.

19 іюня.

Болгарія и Сербія.—Англо-Турецкая конвенція.—Императоръ Вильгельмъ.—Генералъ Ферронъ.—Афганистанъ.

Кажется, самозваные „регенты“ Болгаріи рѣшились на послѣдній шахматный ходъ. Корреспондентъ *Моск. Вѣд.*, всегда располагающій вѣрными свѣдѣніями о положеніи, телеграфируетъ отъ 13 іюня: „Извѣстія изъ Тырнова единогласно подтверждаютъ, что болгарскіе регенты подадутъ въ отставку и предоставятъ собранію совершить сближеніе съ Россіей. Они приняли подобное рѣшеніе вслѣдствіе враждебнаго положенія занятаго по отношенію къ нимъ Радославовымъ и Николаевымъ, а также и вслѣдствіе сообщеній сдѣланныхъ Стоиловымъ по его возвращеніи изъ Вѣны. Радославовъ и Николаевъ объѣхали недавно нѣсколько округовъ, въ томъ числѣ Виддинъ и Ломпаланку, уговаривая населеніе не уступать и провозгласить правительство состоящее изъ нихъ. Съ другой стороны, майоръ Петровъ, Стоиловъ и Начевичъ хотятъ провозгласить другое правительство, съ Мантовымъ въ качествѣ министра внутреннихъ дѣлъ и Гешовымъ—министра финансовъ“.

Со своей стороны, болгарская газета *Свобода* загадочно говоритъ, что собраніе созывается для выбора князя, но что будутъ обсуждаться и другіе вопросы. Изъ Софіи телеграфируютъ въ берлинскія газеты, что рѣшеніе предложить собранію выборы новаго князя принято потому что найденъ кандидатъ имѣющій большіе шансы быть утвержденнымъ всѣми великими державами. Очевидно, что регенты хотятъ повторить разъ уже сыгранную комедію и не болѣе какъ въ видѣ антирусской выходки или попытки возбудить снова болгарскій вопросъ со стороны западно-европейскихъ кабинетовъ, такъ какъ имъ хорошо должно быть извѣстно, что Россія не станетъ имѣть никакого дѣла съ шайкою проходимцевъ, присвоившей себѣ титулъ правителей Болгаріи. Послѣднія телеграфныя извѣстія гласятъ, что этимъ новымъ кандидатомъ, выставляемымъ „регентами“, будетъ принцъ Кобургскій.

Между тѣмъ разладъ между „регентствомъ“ и министерствомъ достигъ крайней степени, и, по словамъ константинопольскаго корреспондента *Neues Wiener Tagblatt*: „регентъ Муткуровъ, какъ жертва этихъ несогласій, уже нѣсколько дней содержится подъ домашнимъ арестомъ въ Филиппополѣ. Какъ только въ Софіи обнаружился разладъ между регентствомъ и министерствомъ, Муткуровъ былъ посланъ въ Филиппополь съ порученіемъ склонить мѣстныя войска на пронунціаменто противъ военнаго министра. Онъ успѣлъ было завербовать на свою сторону филиппопольскаго коменданта Савова, но при этомъ упустилъ изъ вида слѣдующее: Муткуровъ забылъ что онъ состоитъ всего въ чинѣ подполковника, между тѣмъ какъ военный министръ Николаевъ — полковникъ и является такимъ образомъ начальникомъ Муткурова. Слѣдствіемъ всего этого было заарестованіе Муткурова по приказу Николаева. Все что я сообщаю, утверждаетъ корреспондентъ, не подлежитъ никакому сомнѣнію, и не слѣдуетъ вѣрить никакимъ опроверженіямъ, которыя вѣроятно будутъ разсылаемы изъ Софіи“.

Между тѣмъ король Миланъ Сербскій, оставивъ въ Бѣлградѣ намѣстникомъ г. Ристича, отправился яко бы для поправленія здоровья въ Вѣну, гдѣ въ честь ему устраиваются парадные обѣды во дворцѣ, а графъ Кальноки обмѣнивается съ нимъ аудіенціями длящимися по нѣсколько часовъ. Оказывается, что цѣль этой поѣздки объяснить австрійскому правительству причины побудившія короля обратиться къ г. Ристичу. Положеніе этого послѣдняго также вынуждаетъ его щадить самолюбіе Австріи, такъ какъ въ противномъ случаѣ могутъ возникнуть затрудненія и неблагопріятная реакція. Еще зорче слѣдятъ за нимъ мадьяры, если вѣрить будапештскому корреспонденту *Times*, который сообщаетъ, что въ столицѣ Венгріи гораздо болѣе чѣмъ въ Вѣнѣ говорятъ объ успѣхѣ достигнутомъ Россіей чрезъ возвращеніе ко власти Ристича. Г. Ристичъ де панславистъ и сторонникъ великой сербской идеи. Его мнѣніе таково что австрійцамъ „нечего дѣлать“ въ Босніи и Герцеговинѣ, и графу Кальноки будетъ не такъ легко при новомъ сербскомъ премьерѣ какъ при бывшемъ. По свѣдѣніямъ собственнаго корреспондента *Моск. Вѣд.*, гг. Ристичъ и Персіани получили уже множество прошеній о разрывѣ со швабами и о сближеніи съ Россіей, и въ Сербіи съ нетерпѣніемъ ожидаютъ возвращенія королевы Наталіи, митрополита Михаила и министра Груича. Ожидаютъ, что этотъ поворотъ политики въ Сербіи отразится и на Болгаріи въ смыслѣ благопріятномъ Россіи и по всей вѣроятности ускоритъ развязку болгарскаго кризиса.

Англія потерпѣла повидимому рѣшительное фіаско съ египетскою конвенціей, ратификація коей опять откладывается султаномъ, если вѣрить телеграммамъ, со дня на день, по всѣмъ вѣроятіямъ въ очень долгій ящикъ. Даже въ англійскихъ либеральныхъ газетахъ эту конвенцію называютъ „глупымъ и опаснымъ договоромъ“, навязаннымъ Англіи „идіотскою политикой“ сэръ-Друммонда Вольфа, которая-де возбудила противъ Англіи двѣ дружественныя державы и парализовала ея вліяніе въ Египтѣ.

Здоровье престарѣлаго императора Вильгельма повидимому окончательно поправилось, но тѣмъ не менѣе со всѣхъ сторонъ рѣшительно опровергаютъ толки о какомъ либо свиданіи даже между двумя императорами.

Во Франціи всѣ предлагаемыя генераломъ Ферропомъ мѣры и въ военной коммисіи, и въ палатѣ не встрѣчаютъ никакого противодѣйствія. Новый военный министръ оказывается очень немногословнымъ, но на дѣлѣ гораздо болѣе чѣмъ Буланже „ядовитымъ“ для Германіи лицомъ. За нѣсколько дней своего управленія военнымъ министерствомъ, онъ чуть не каждый день предлагаетъ безъ шума весьма серьезныя мѣры: увеличивается пѣхота, кавалерія, артиллерія; вся армія ставится на боевое положеніе.

На Востокѣ, въ Афганистанѣ, событія идутъ все скорѣе и скорѣе. Послѣ сраженія между войсками эмира и гильзаями, въ которомъ побѣду приписываютъ то тѣмъ, то другимъ, смотря по источникамъ свѣдѣній, изъ Бомбея, отъ 17 іюня, получена телеграмма, что Нуръ-Мохамедъ-ханъ переправился черезъ рѣку Джадранъ; городъ Гардезъ сдался ему безъ боя, послѣ чего Нуръ-Мохамедъ двинулся на Газни и имѣлъ уже двѣ стычки съ войсками эмира, которыя потеряли при этомъ 180 человѣкъ убитыми. Теперь Нуръ-Мохамедъ осаждаетъ Газни.

Смѣсь.

О температурѣ воды въ аквaріумахъ. Обновляя воду въ аквaріумѣ, слѣдуетъ избѣгать слишкомъ рѣзкой и внезапной перемѣны температуры, потому что это часто можетъ сдѣлаться причиной смерти рыбъ. Молодыя рыбки околѣваютъ уже при разницѣ температуры воды въ 6°. Поэтому рекомендуется подливать въ новую воду немного теплой, чтобы уравнять температуру старой и новой воды, или же, вынувъ рыбъ съ небольшимъ количествомъ воды, въ которой онѣ находились, отставить ихъ въ сторону, пока свѣжая вода не приметъ температуры комнатной.

Рѣшеніе ребуса № 37 (помѣщеннаго въ № 20).

„Волга добрая лошадь: все свезетъ“.

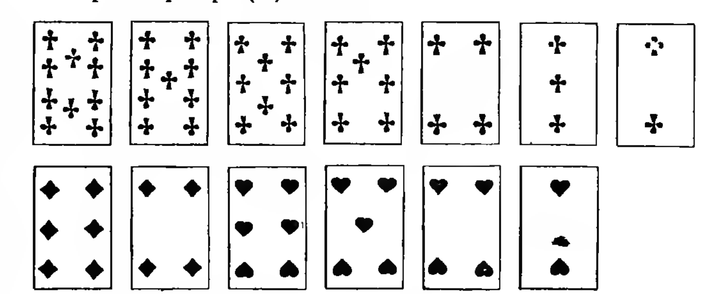
Рѣшеніе ребуса № 38 (помѣщеннаго въ № 21).

„Рыбамъ вода, птицамъ воздухъ, но человѣку вся земля“.

Рѣшеніе задачи игры въ винтъ № 39

(помѣщенной въ № 21).

Второй партнеръ (X) имѣлъ:

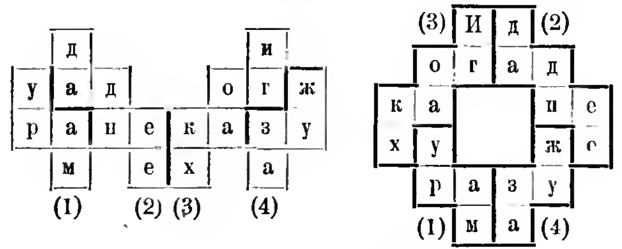

Четвертый партнеръ (У)—остальныя.

X вышелъ въ трефу, *А* заручился на туза и, откозырявъ 7 разъ, по сносамъ игроковъ догадался о расположеніи картъ и, въ расчетѣ, что у него отыграется десятка пикъ или валетъ трефъ, козырнулъ еще; *У* снесъ короля трефъ. Тогда *А*, отходивъ валета трефъ, на котораго *У* снесъ десятку червей, и короля червей (т. к. зналъ туза у своего партнера), вышелъ съ восьмерки червей; *В* покрылъ ее тузомъ и отходилъ отыгранную девятку червей (13-ю взятку).

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—Л. Корнотовскаго, **Теріоки**—Шраубергъ, **Юрбургъ**—В. Плахинскаго.

Рѣшеніе задачи буквъ № 40 (помѣщенной въ № 21).

„И догадка—не хуже разума“.

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—Л. Губина, Ф. Михеля, **Б. Коровино**—В. К. Терскаго, **Кіевъ**—Л. Е. Шилохвастова, **Козловъ**—И. П. Мигкова, **Кронштадтъ**—К. П. Пшіемскаго, О. И. Андерсонъ, **Кукарка**—Н. П. Стрижева, **Льговъ**—М. Г. Ефремова, **Маслово**—Никольскаго, **Медвѣдево**—Лейцингеръ, **Путятино**—М. А. Назарова.

Рѣшеніе шашечн. задачи № 41 (помѣщенной въ № 21).

Бѣлыя.	Черныя.
1) e 7 — f 6	f 8 — c 1
2) f 2 — b 6	a 7 — c 5
3) h 6 — g 7	e 1 — h 4
4) g 1 — f 2	h 4 — e 1
5) a 5 — b 4	c 5 — a 3
6) f 6 — b 2	h 8 — h 4
7) b 8 — g 3	h 4 — f 2
8) h 2 — g 1	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **СПб.**—М. Балашова, С. Грибова; **Москва**—Анучкина; **Александровскъ**—П. А. Селезнеаа; **Бѣлозерскъ**—М. Бабаеаа; **Егорьевскъ**—И. В. Бубнова; **Калуга**—С. П. Соколова; **Кіевъ**—Л. Е Шилохвастова; **Кронштадтъ**—К. П. Пшіемскаго; **Лаптево**—С. Боброва; **Медвѣдево** — Лейцингеръ; **Сергіево**—Тараpаева.

Рѣшеніе шахматной задачи № 42 (помѣщ. въ № 21).

Бѣлые.	Черные.
1) h 4 — h 8	1) g 5 — h 7
2) c 2 — c 3	конь куда
3) h 8 — a 8	угодно.
или h 2++	
1)	1) g 5 — f 7
2) h 8 — h 2	куда угодно.
3) c 2 — c 3	
или c 4++	
1)	1) g 5 — e 4
2) d 3 — e 4	или e 6
или f 5 — e 6	конь куда
3) h 8 — a 8++	угодно.
1)	1) g 5 — h 3
2) h 8 — g 8	или f 3
или d 1 — f 3	куда угодно.
3) g 8 — a 8++	

Вѣрныя рѣшенія этой задачи присланы отъ гг.: **Спб.**—К. Пралина; **Бѣлостокъ**—М. А. Вейнрейхъ, С. Бомхиль; **Калуга**—С. П. Соколова; **Кіевъ**—Л. Е. Шилохвастова; **Медвѣдево**—Лейцингеръ; **Руссены**—К. Каневскаго; **Тверь**—Бетулина.

О ПЕРЕМѢНѢ АДРЕСА.

Контора журнала „Нива" проситъ своихъ гг. **иногородныхъ подписчиковъ**, при перемѣнѣ адреса присылать прежній печатный адресъ и **прилагать 28 коп. почтовыми марками на типографскіе расходы.** Гг.-же городскіе подписчики благоволятъ представлять подписные билеты.

Издатель **А. Марксъ.** Редакторъ **В. Клюшниковъ.**

ЗАЯВЛЕНІЕ.

Контора журнала „Нива" покорнѣйше проситъ тѣхъ немногихъ изъ гг. иногородныхъ и городскихъ подписчиковъ, которые внесли деньги **ТОЛЬКО ЗА ПЕРВОЕ ПОЛУГОДІЕ**—поторопиться уплатою остальныхъ денегъ, иначе „Нива" съ слѣдующаго № 27 будетъ имъ остановлена и они потеряютъ право на полученіе главной преміи, большой картины Профессора К. Е. Маковскаго **„БАБУШКИНА СКАЗКА"**, слѣдуемой только гг. годовымъ подписчикамъ. При высылкѣ денегъ просятъ прилагать печатный адресъ отъ бандероля.

КАЖДЫЙ

можетъ посредствомъ верченія ручкой играть нв патентованномъ, усовершенствованномъ

АРИСТОНѢ-ОРГАНѢ.

Цѣна его съ 10-ю пъесвми по выбору **28 р.**, добавочныл пьесы ио **60 к.**; нв пересылку прошу ириложить за 45 ф. Катвлогъ пьесъ безплатно. **На асякомъ патентованномъ усовершенствованномъ аристонѣ-органѣ имѣется нлеймо съ моей фирмой. Нотные листы продаются у меня также только настоящіе патентованные.** № 2653

ЮЛІЙ ГЕНРИХЪ ЦИММЕРМАНЪ.

главное депо
МУЗЫКАЛЬНЫХЪ ИНСТРУМЕНТОВЪ И НОТЪ.
С.-Петербургъ, Б. Морсквя, д. 36 и 42.
Москва, Кузнецкій м., д. Торлецкаго.
Другихъ магазиноаъ не имѣю.

ЦЕНТРАЛЬНО-РОССІЙСКОЕ ТОВАРИЩЕСТВО
ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКИХЪ МАШИНЪ И ОРУДІЙ
ВЪ ТУЛѢ.

Строитъ всѣ машины, необходимыя въ сельскомъ хозяйствѣ: бороны, плуги, сѣялки рядовыл и разбросныя, косилки и жатвенныя машины; молотилки, вѣялки-сортировки и конные приводы. Цѣны крайне дешевыя, до 30% дешевле загрвничныхъ, по качеству же машины не уступаютъ иностраннымъ. Запасныя части ко всѣмъ машвнвмъ имѣются аъ готовности по самымъ умѣреннымъ цѣнамъ. № 2445 10—9

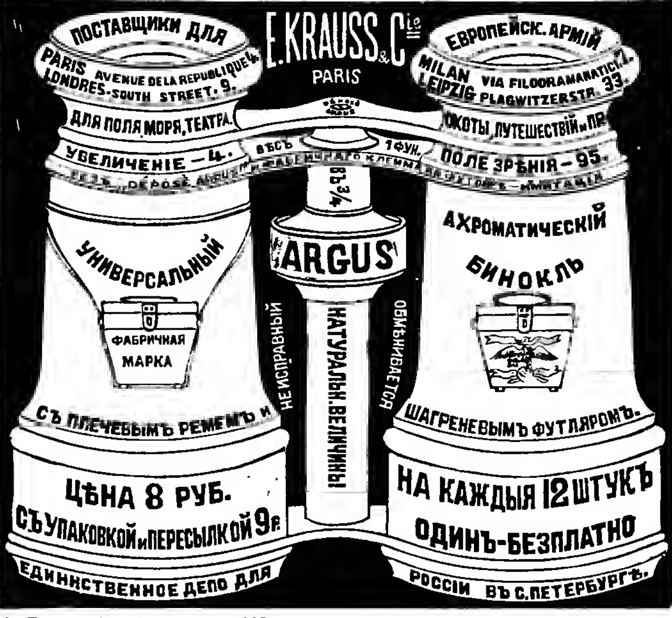
Иллюстрированные прейсъ-куранты-кваталоги высылаются по требоввнію безплатво.

ШОКОЛАДЪ ТОВАРИЩЕСТВА А. И. АБРИКОСОВА СЫНОВЕЙ ВЪ МОСКВѢ

Р. 2635 3—3

продается во всѣхъ городахъ РОССІИ

ФАБРИКА БИНОКЛЕЙ

С. Лугинскій, 11-го марта 1887 г.

Г-ну Представителю фирмы **Е. Краусъ и К°.**

Высланный вами бинокль „Argus" вполнѣ удовлетворяетъ мои ожиданія, зв что Вамъ очевь благодаренъ. За прволоженные ири семъ 15 руб. ирошу выслать и т. д.

В. Ружицкій.

Адресъ: Г-ну Представителю фирмы
Е. КРАУСЪ и К°.
С.-Петербургъ, Шпалерная, 26. № 2654

ЭМИЛЬ ЛИПГАРТЪ и К°,
СТРОИТЕЛИ

азвѣстиыхъ **премированныхъ конныхъ молотилокъ**, приводовъ, **вѣялокъ**, сортировокъ, **плуговъ**, боронъ, **сѣялокъ**, непрерывно дѣйствующихъ **сѣнныхъ прессовъ**, механическихъ **зерносушилонъ**, предлагаютъ отъ лучшихъ ваграничныхъ заводовъ: **Клейтона и Шутлеаорта**—пвровыв молотилки съ локомобвлями, **Мак-Кормика**, сѣнокосилки, жнеи, и сноповязалки, **Стодардта**—тарелочныя бороны Рандаля и конныя грвбли Тигеръ, и **запасныя части** ко всѣмъ машинамъ.

Фабрика и Главная контора **въ Москаѣ**, Мясницкая улица, собств. домъ, бывш. Бр. Бутенопъ. Отдѣленіе **въ Харьковѣ**, Рыбная улица. № 1830 26

Иллюстрированные квталоги безплатно.

Новѣйшая американская косилка
„ЭВРИКА"

2 лош. и 1 рабочимъ производитъ рвботу, на которую требуются при другихъ косилквхъ—2 косилки, 4 лошвди и двое рабочихъ, дѣлая при втомъ сѣноворошилку излишней.

Косилки Клинеръ, Букей, Пвльмкранца, **жнеи** Адріансъ Платта и Тріумфъ Джонстона, **конныя грабли** тигръ, **молотилки**, ручныя, 1, 2-хъ, 3-хъ и 4-хъ конныя и паровыя, **мельницы** тріумфъ и горизонтальныя фрвнцузскія, **плуги** Бисселя, Фискврса, Сакка, Бермвна и друг., **бороны** Ввльбура, Дисколия, „Калвмазу", пружинныя, „Акмэ" и пр.

Большой выборъ насосовъ и пожарныхъ трубъ лучшихъ системъ.

ТОВАРИЩЕСТВО
БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ,
С.-Петербургъ, Вас. Остр., 1 лин. № 10.
Москва, Мясницкая, д. Сытова.

Иллюстр. каталогъ высылается за 7 коп. марку. № 2638 4—2

„АНТИПИРЪ".

ПРИГЛАШАЮТЪ
ДЛЯ РАСПРОСТРАНЕНІЯ НОВЫХЪ
ОГНЕГАСИТЕЛЬНЫХЪ ПАТРОНОВЪ
„АНТИПИРЪ"
АГЕНТОВЪ ВЪ ПРОВИНЦІИ НА ВЫГОДН. УСЛОВІЯХЪ Обращаться письменно въ С.-Петербургъ, въ контору Товарищ. БУРКГАРДТЪ и УРЛАУБЪ.
Вас. Остр., 1 линія, 10.

„АНТИПИРЪ".

ДРЕВНОСТИ,

какъ-то: севрскій фарфоръ, мебель съ украшеніемъ изъ бронзы или фарфора; бронзовые кавделябры и настѣнники; группы и фигуры изъ мраморв, бронзы и слоновой кости; серебряные бокалы, кубки в кружки; золотыя эмальированныя табакерки; гобелены; старинныя шелковыя и бврхатныя матеріи и вообще всякаго рода древности изящной работы покупаю но любительской цѣнѣ.

Людвигъ Бекъ.

Москва, Тверская, домъ князя Мещерскаго, ходъ изъ Дегтярнаго переулка.

Лица, которыя мнѣ рекомендуютъ подобныя вещи, получаютъ 10% отъ сдѣланной покупки. Р. № 2651 2—1

Съ разрѣшенія Медицинскаго Совѣта Министерства Внутреннихъ Дѣлъ

„ФИЛАКТЕРІЙ, ТУТОРЪ И АКОЛИТЪ"

СРЕДСТВА ДЛЯ УКРѢПЛЕНІЯ ВОЛОСЪ
провизора **Н. СИНИЦЫНА.**

Продается во всѣхъ значительныхъ аптекарскихъ и косметическихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.

Цѣна за коробку, содержащую три предмета, составляющіе при употребленіи одно цѣлое, 3 р. 25 к., съ перес. 3 р. 75 к. При требованіи трехъ коробокъ пересылка нв счетъ склада. Р. № 2419 10—10

Главные склады: С.-Петербургская Химическая лабораторія Ф. Линде, Невскій пр., д. № 23; въ магазинѣ нв Вас. Остр., по 6 лин., д. № 25 и въ конторѣ **Ив. Федингъ**, Чернышевъ пер., уг. Больш. Садовой ул. № 20; у **А. М. Рузанова**, Гост. Дворъ, 40; у **М. Ушакова**, Гост. Дворъ, 33; **СПБ. техно-химич. лабораторіи**, Гост. Дворъ; **В. П. Сердюнова**, Пассажъ; **О. Роосъ**, Владимірск., 7; **Русск. Общ. Торг. аптек. товарами, Центр. Аптек. Депо**, Невскій, 27; магазинъ **А ла Реноме**, Невскій, № 3; **В. Березовскаго**, Алекс. линія, № 6. Описаніе способа употребленія и назначенія означенныхъ средствъ, отдѣльными брошюрами приложено при средствахъ.

Брошюра, по желанію публики, выдается въ главныхъ складахъ безплатно.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
ГЕНРИХЪ БЛОККЪ,
86, Невскій.
№ 2645 4—2

ДЛЯ
ДАМЪ

Новости: Воздушный турнюръ, наполняющійся воздухомъ, очень удобный и легкій, величина можетъ быть, по желанію, увеличена и уменьшена. Цѣна 2 руб. **Щипцы** для завивки волосъ, нагрѣвающіеся на одной спичкѣ, 1 руб. Цѣны обозначены съ пересылкой. П. № 2656

И. ГЛАЗУНОВЪ,
на Рождественкѣ, въ Москвѣ.

БАНКИРСКІЙ ДОМЪ
П. ЕФИМОВЪ и К°.

въ С.-Петербургѣ, Невскій пр., д. № 51.

Покупаетъ и продаетъ по биржевому курсу % бумаги, золото, серебро и иностранныя монеты.

Выдаетъ ссуды въ наивысшемъ размѣрѣ подъ залогъ % бумагъ, а также выкупаетъ заложенныя въ банкахъ и частныхъ конторахъ % бумаги и увеличиваетъ ссуды подъ нихъ.

Исполняетъ биржевыя порученія по покупкѣ и продажѣ % бумагъ.

Принимаетъ вклады на срокъ и до востребованія.

Платитъ:

По текущ. счету	4% г.
„ вкладамъ на срокъ 3 м. . . .	4%
„ „ „ „ 6 м. . . .	4½%
„ „ „ „ 12 м. . . .	5%

Принимаетъ переводы и аккредитивы на русскіе и иностранные города, а также инкассо векселей.

Оплачиваетъ срочные купоны и получаетъ новые купонные и дивидендные листы.

Страхуетъ выигрышные билеты по 60 коп. за билетъ, кромѣ 10 коп. гербоваго сбора. 2—2 № 2637

Взимаетъ:

По ссудамъ „on call" . . . . . 7% г.
„ „ на срокъ отъ 4—7% г. и ¼% ежем. коммиссіи.
По покупкѣ и продажѣ % бумагъ и бирж. порученіямъ ⅛% (съ иногор. ¼%).

МИКРОСКОПЫ ФИРМЫ ВЕХТЕРА для домашняго употребленія и для экскурсіи любителямъ природы особенно удобенъ: **Карманный микроскопъ Вехтера** (увел. 2500 × въ квадр.)

(Одобренъ лучшими журналами (см. „Нива" 1885—№ 46, 1886—№ 18).

Цѣна въ изящн. футлярѣ съ хорошею лупою, 3-мя препаратами, 3-мя предм. стеклышками для наблюденія плотныхъ и жидкихъ тѣлъ и съ наставленіемъ—съ перес. **во всѣ мѣста Россіи 4 руб.** № 2652 2—1

1 коллекц. 50 микроскоп. препаратовъ изъ животнаго и растит. царства, въ изящн. ящикѣ, съ поясият. текстомъ **8 руб.**

Получать можно чрезъ представателя фирмы Вехтера **Ф. ШЕЕРЪ — МОСКВА, Больш. Никитская, д. Батюшкова.**

Въ печати находится „Наставленіе къ приготовленію микроскопич. препаратовъ".

ЦАРЬ-ДѢВИЦА. Романъ-хроника XVII в., въ 3-хъ ч. **Вс. Соловьева.** Ц. 2 р., съ пер. 2 р. 50 к.: въ кол. пер. 2 р. 75 к., съ пер. 3 р. 25 к.

ПОВѢСТИ и РАЗСКАЗЫ *Всеволода Крестовскаго* (автора „Петерб. Трущобъ"); 3-е изданіе. Ц. 1 р. 25 к., съ пер. 1 р. 50 к.

Дозвол. ценз., СПБ. 24 іюня 1887 г. Изданіе А. Ф. Маркса, СПБ., Невскій, 6. Тип. А. Ф. Маркса, Ср. Подъяч., д. 1.